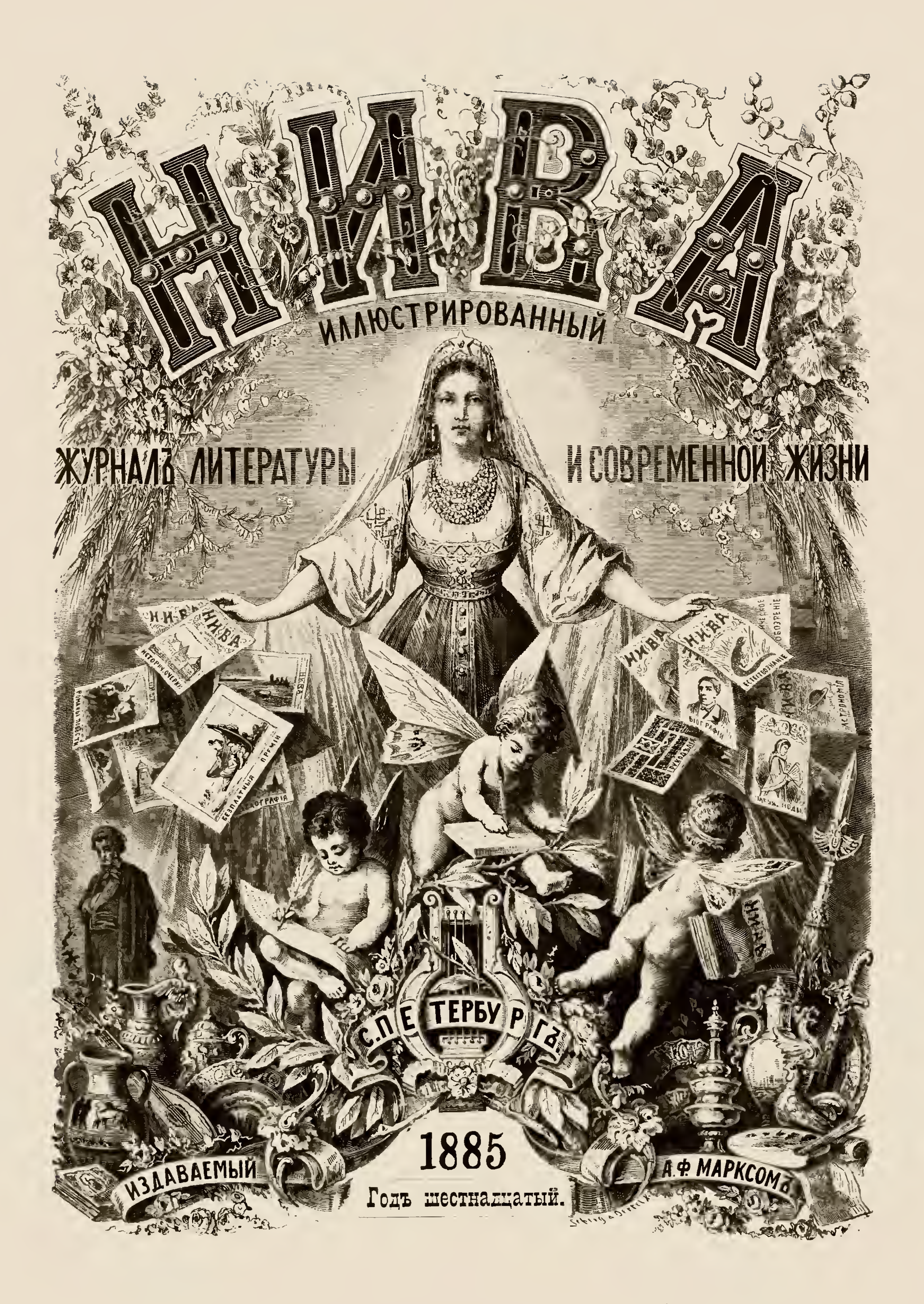

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1885
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ шестнадцатый.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1885 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки и пр.

II. Біографіи и характеристики.

III. Историко-археологическіе очерки.

IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

V. Естествознаніе.

VI. Наука, новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Архитектура и скульптура.

VIII. Современность.

IX. Литературный альбомъ.

X. Живопись.

XVI годъ | № 1 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XVI | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 5 Января 1885 г. Цѣна этого № „Нивы" 25 к., съ перес. 30 к.

СТАТЬИ, замѣтки, рисунки и стихи для „Нивы" должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора, а также съ обозначеніемъ условій гонорара. Безплатными считаются тѣ статьи, на которыхъ условія не обозначены.

Статьи по почтѣ не возвращаются. Большія статьи сохраняются три мѣсяца до востребованія; мелкія же, признанныя неудобными къ печати, уничтожаются.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЮ, требованія, жалобы, перемѣны адресовъ, рѣшенія задачъ, ребусовъ и проч., и проч. просимъ адресовать прямо въ контору редакціи „Нивы" (А. Ф. Марксу), Большая Морская, домъ № 9, въ С.-Петербургѣ.

КЛИШЕ съ оригинальныхъ гравюръ „Нивы" можно во всякое время заказать въ конторѣ редакціи. Желающіе пріобрѣсти таковыя могутъ получить совершенно новое гальвано по 30 коп. за квадратный дюймъ.

При этомъ № прилагается для подписч. „Нивы" первая безплатная премія—стѣнной календарь на 1885 г., печатанный 2 красками.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ЯНВАРЬ 1885 г., съ 29 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 29 выкройками въ натуральную величину и 19 рисунками малороссійскихъ узоровъ, печатанныхъ двумя красками.

Первый урокъ катанья на конькахъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Ра[illegible]скій

Первый урокъ на companyонькахъ.

Какъ только ледъ плотной массой покроетъ въ Петербургѣ каналы и широкую Неву, такъ тотчасъ начинаютъ строить во всѣхъ концахъ города катки, освѣщаютъ ихъ по вечерамъ фонариками и шкаликами; несутся съ катковъ звуки военной музыки, слышенъ веселый говоръ и тротуары у чугунныхъ рѣшотокъ кругомъ облѣплены толпами глазѣющаго на катающихся народа. Любимое увеселеніе молодежи открывается шумно и весело. Множество юношей, дѣвушекъ и подростковъ несутся, ловко скользя по гладкому, чистому, исчерченному желѣзомъ коньковъ, льду. Мальчики въ однихъ сюртукахъ, разгорѣвшись отъ бѣгу, носятся по одному, попарно, по трое, выписываютъ искусные вензеля. Видны и молодыя парочки, скользящія вмѣстѣ. При наденіи столько веселья, смѣху и шуму! Иногда устраиваютъ цѣлые балы на льду, и тогда катки освѣщаются электрическимъ свѣтомъ и разноцвѣтными огнями, что чрезвычайно красиво на этой блестящей, снѣжной, чистой равнинѣ. Разноцвѣтные красивые костюмы, оживленныя юныя лица — все это представляетъ красивую, пеструю полуфантастическую картину. На нашемъ рисункѣ—первые робкіе, нерѣшительные шаги по этому истинно „скользкому пути". Старшій братъ начинающаго, уже опытный, въ одномъ сюртукѣ, смѣло идетъ, а толстенькій карапузъ-мальчикъ, съ такимъ смущеннымъ и робкимъ видомъ, криво ставитъ еще непривычныя ноги, разставивъ руки въ своемъ толстомъ тяжеломъ пальто и держится за сторожа и за мать, которая заботливо дѣлаетъ ему внушеніе быть осторожнѣе.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

Прологъ.

— Nadine, вамъ письмо!

Это произнесла полная, приземистая классная дама, появившаяся въ дверяхъ общей залы института.

— Тамъ еще какой то военный хочетъ васъ видѣть. Онъ и письмо это привезъ. Поправьте вашу косынку, приведите въ порядокъ прическу, прочтите прежде, что вамъ пишутъ, и можете выйти въ пріемную.

„Nadine" вспыхнула до ушей, широко раскрыла свои и безъ того замѣчательно большіе, сѣрые глаза, словно испугалась чего то, робко протянула за письмомъ свою пухлую ручку и, принявъ толстый пакетъ съ темнобурою печатью и съ четко, крупно выведеннымъ адресомъ, хотѣла было, по институтской привычкѣ, спрятать его подъ передникъ.

— Прочтите же! не заставляйте себя ждать! подтвердила классная дама.—Mesdames, не мѣшайте Горкиной, обратилась она къ другимъ институткамъ.

Пять или шесть „mesdames", такихъ же юныхъ, только что окончившихъ курсъ, взялись подъ руки и отошли отъ своей подруги, а Надя, тутъ же посреди зала, надорвала конвертъ и принялась за чтеніе.

Ея глаза оживлялись все болѣе и болѣе, бѣлая косынка на груди заколыхалась живѣе и выше... Машинально она подвигалась къ сторонѣ оконъ, ближе къ свѣту и, коснувшись колѣномъ дубоваго диванчика, сѣла, опустила руку съ письмомъ, наскоро отерла слезу другою, свободною, и тотчасъ же снова принялась за чтеніе, жадно впиваясь глазами въ каждую строчку, въ каждое слово.

— Не надо волноваться! — Это и наивно и вредно! внушительно замѣтила классная дама и направилась къ своему креслу, гдѣ лежалъ ея мѣшокъ съ какою то начатою вязальною работою.

Надя читала... Подруги ея заговорили шепотомъ, держась въ сторонѣ. Въ залѣ стало совсѣмъ тихо... Только издали, изъ классныхъ комнатъ доносился монотонный голосъ учителя, да повременамъ слышалась дробная топотня маленькихъ ножекъ, пробѣгавшихъ украдкою по коврамъ длинныхъ полутемныхъ коридоровъ.

Надя читала... А въ открытыя высокія окна, словно на штурмъ, лѣзли зеленыя вѣтви старыхъ липъ институтскаго сада, широкими волнами врывался теплый весенній воздухъ. — и будто изъ инаго, полнаго невѣдомой жизни, волшебно-таинственнаго міра—неслись чарующіе звуки:—пѣніе птицъ, грохотъ колесъ, плескъ прибоя, свистки пароходовъ, обрывки то заунывной, то бойко-разгульной пѣсни, глухой гулъ базарной площади, протяжный, мирный звонъ монастырскаго колокола... И всѣ эти звуки глубоко проникали въ душу читавшей дѣвушки, рисуя передъ ея глазами чудныя картины этого инаго міра; и картины эти сливались воедино со смысломъ словъ и строкъ письма; онѣ безконечною лентою вились и сплетались со строками, разстилая передъ Надей чудную панораму, пополняющую писаное слово живою иллюстраціею.

Глухія рыданія неожиданно, разомъ, огласили пыльные своды институтской залы, но въ этихъ рыданіяхъ не слышалось горя... Это были слезы счастья, слезы перехода изъ одной жизни въ другую, слезы цѣлой массы сразу нахлынувшихъ, неопредѣленныхъ предчувствій....

Поднявшаяся было въ залѣ суматоха по этому случаю, требованіе воды и спирту, сочувственные „ахи" и „охи"... все это улеглось очень скоро. Роковое письмо перешло въ руки классной дамы, а все еще всхлипывающую, сквозь слезы уже смѣющуюся Надю окружили ея подруги, тоже взволнованныя, сгорающія любопытствомъ, предлагающія ей всевозможныя успокоительныя услуги.

„Милое мое, горячо любимое, родное дитятко, Надюшенька!"

Читала въ свою очередь классная дама, сдвинувъ брови и придавъ своему лоснящемуся лицу самое сосредоточенное выраженіе.

„Въ нашу глухую сторону — почта хоть и не скоро доходитъ, да все таки доходитъ же. И, вотъ, спустя два мѣсяца, я получилъ твое письмецо, несказанно меня порадовавшее и утѣшившее.—Эхъ кабы матушка твоя жива была, да мы бы вмѣстѣ это письмо читали, то то бы ей радость была!... Не привелъ Господь!.. Его на то Святая Воля! Благодареніе Всевышнему,— ты выдержала молодцомъ свой послѣдній, выпускной экзаменъ и теперь вольный казакъ! Прочелъ я и отмѣточки, къ сему твоему письму приложенныя, и очень уже особенно порадовало меня, что по Закону Божью и по русской словесности у тебя по пятку, да еще съ крестами. Это самое главное! По математикѣ у тебя слабѣе—да это не бѣда! Было-бы что считать, послѣ, въ жизни своей еще научишься. За музыку тоже спасибо! Оно, знаешь-ты, очень пріятно, когда, вечеркомъ, зимою, на фортепьянѣ... Я даже приторговалъ здѣсь, въ Ташкентѣ, одинъ инструментикъ, не дорого, и не такъ, чтобы уже очень подержанный. Языки, особенно французскій, это тоже очень хорошо! У насъ многія дамы изъ высшаго начальства и сама губернаторша, любятъ, когда сойдутся гдѣ, перекинуться на семь діалектѣ, при прочей публикѣ; вслучаѣ чего и ты у меня передъ ними лицемъ въ грязь не ударишь... Да это все потомъ увидимъ, а вотъ теперь перейдемъ къ главному.

„Осталась ты у меня, Надюха, послѣ твоей покойной матушки и моей супруги Марьи Дементьевны, малолѣт-

кою по девятому году. Милостью начальства и щедротами хозяина моего, Михайлы Алексѣевича, свезъ я тебя въ институтъ и помѣстилъ на все казенное содержаніе, да съ тѣхъ самыхъ поръ и не видѣлись мы съ тобою болѣе, только письмами перекидывались. Шутка ли! Вѣдь безъ малаго три тысячи верстъ разстоянія насъ раздѣляло. Семь лѣтъ прошло, и въ эти семь лѣтъ много воды утекло... Многое перемѣнилось! Помню я тебя ребенкомъ, милымъ, ласковымъ, послушнымъ, а по письмамъ твоимъ вижу, что ты теперь еще лучше стала... Умница ты моя драгоцѣнная!... То-то думаю, какая ты теперь у меня изъ себя красавица... Была вѣдь ты ребенкомъ только мастью въ меня, а лицемъ, глазами особенно, вся въ покойницу маменьку. Пріѣдешь, погоди, у нашихъ здѣшнихъ молодцовъ какъ глаза разгорятся!... Пишешь ты, что трудиться хочешь, мѣстовъ искать въ гувернантки, или тамъ въ учительницы какія... не надо — брось! Своихъ можетъ быть крошекъ учить будешь... довольно съ тебя этого, имъ вотъ и передашь всѣ свои знанія... Да ты не стыдись, голубушка, не краснѣй, читая мои простыя слова — я вѣдь и за три тысячи верстъ сердцемъ своимъ тебя какъ глазами вижу. Извѣстно — дѣло житейское!

„Люди же, не знаю какъ у васъ, а въ нашей сторонѣ есть отличные! ребята отмѣнные! Укажу котораго, — бери смѣло, если сердце у тебя отзовется... Жду не дождусь такой себѣ подъ старость радости... Сторона же у насъ превосходная! Вѣришь ли? Осетрина свѣжая по шести копѣекъ, икра зернистая по гривенику, фазановъ пара пятнадцать копѣекъ, а винограду, персиковъ, фруктовъ разныхъ, такъ даромъ бери и кушай — сколько душа потребуетъ...

„Домъ я себѣ здѣсь, въ „Глухомъ фортѣ“ отстроилъ хорошій; при домѣ и главная контора нашего торговаго агентства — шесть комнатъ, конюшня о четырехъ стойлахъ, коровникъ, ледникъ первый въ фортѣ, садъ на восьми безъ малаго танапахъ (такая мѣра есть) и какой садъ! Тѣни-то, тѣни сколько! И купальня въ немъ устроена съ палаткою.

„По вечерамъ у насъ музыка батальонная на барбетѣ играетъ, господа офицеры собираются, изъ жителей, кто почище, флотскіе тоже, когда пароходы снизу подходятъ... Помнишь ты Ивана Акимовича? высокаго такого, толстаго... Онъ еще тебѣ куклы все шилъ изъ цвѣтнаго сукна?... Онъ живъ! Въ полковники теперь вышелъ, и у насъ артиллерійскимъ складомъ завѣдуетъ... Два года тому назадъ сынъ его изъ кадетскаго корпуса пріѣхалъ, ротою въ здѣшнемъ батальонѣ командуетъ. Отличный молодой человѣкъ, красавецъ писаный, только усовъ еще и признака не имѣется, а все таки покручиваетъ пальцами по голой губѣ. Забавно!

„Мы часто вмѣстѣ ѣздимъ на затоны рыбу ловить, самоваръ беремъ съ собою. — сазаны больше аршина попадаются. Иванъ Акимовичъ мнѣ говоритъ какъ-то: „Скоро ли, говоритъ, эта красоточка наша пріѣдетъ?“ а самъ это искоса на сына поглядываетъ, да меня въ бокъ локтемъ толкаетъ... Чудакъ право!.. Ну, да тамъ, впрочемъ, все сама увидишь.

„Батюшка нашъ, отецъ Павелъ, все тотъ-же, что и тогда, помнишь, молебенъ служилъ напутственный, просфору тебѣ далъ большую? Много новыхъ понаѣхало въ нашъ край, много старыхъ перемерло: многое вообще перемѣнилось. Дѣлишки мои тоже поправились; будетъ съ чѣмъ коротать остатокъ жизни, да и тебѣ останется. Ты вѣдь у меня теперь не безприданница! Тысячъ десять тебѣ наличными припасъ, не считая дома и всякаго прочаго. Душою рвался самъ къ тебѣ, да дѣла не позволили. Хозяинъ у насъ новый объявился, сдача дѣлъ и суммъ, время горячее! Все на моихъ плечахъ: и по красному товару, и по питейному. И вотъ надумалъ я послать за тобою Силантія Иванова, потому на этого человѣка у меня какъ на самого себя полное упованіе. Онъ тебя привезетъ сюда бережно и сохранно какъ царицу индіанскую. Тарантасъ велѣлъ купить новый, покойный, съ фордекомъ и на прогоны денегъ не жалѣть, а пароходомъ по Волгѣ-матушкѣ вплоть до Самары поѣдешь, такъ наказъ мой Силантію, чтобы въ первомъ классѣ особую каюту взялъ и зорко-бы поглядывалъ, — дабы кто тебя, не только дѣломъ или словомъ, взглядомъ-бы какимъ пустымъ не обидѣлъ-бы.

„Дорога предстоитъ тебѣ дальняя, да ты не торопись, ночью не ѣзди, а пережидай на станціяхъ, спи покойно, не утомляй себя напрасно. Изъ Ташкента вышлешь съ письмомъ парочнаго, мы тебѣ здѣсь торжественную встрѣчу устроимъ.

„Силантію Иванову предписано передъ выѣздомъ молебенъ отслужить съ водосвятіемъ въ вашей-же институтской церкви и пакетъ вручить вашему батюшкѣ, со вложеніемъ; таковой-же пакетъ и ея высокопревосходительству начальницѣ вашей, съ благодарностью; не побрезгуетъ пусть, отъ чистоты признательности отцовскаго сердца. Окромя этихъ двухъ пакетовъ, Силантію дано на дорогу пятьсотъ рублей, да и сотню особенно, въ твои собственныя руки... Можетъ что купить понадобится, или задолжала кому въ институтѣ — плати и покупай, не стѣсняйся.

„Третьяго дня у насъ саранча пролетѣла, чуть только нашего сада не задѣла... Туча-тучею! даже темно середь полудня стало. Шелобовъ капитанъ, волкъ его заѣшь! Молодчина! Седьмаго тигра одинъ на одинъ ухлопалъ и, вѣришь-ли? — пить пересталъ... уже второй годъ, послѣ болѣзни своей и видѣній разныхъ. Отслужилъ молебенъ, девять дней отговѣлъ, исповѣдывался, святыхъ таинъ принять сподобился и бросилъ... Узнать нельзя что за человѣкъ сталъ: здоровый, могучій, богатырь-богатыремъ, только натурою сталъ словно не такъ веселъ какъ прежде, — степеннѣе.

„Теперь у насъ въ степи покойнѣе стало, а то было начали пошаливать азіаты. Наши въ отрядъ отсюда ходили, мѣсяца три въ походѣ пробыли. Водилъ маіоръ Грузиковъ (это изъ новыхъ), а я спиртъ и аптечный товаръ поставлялъ; аттестатъ благодарственный получилъ отъ самого генералъ-губернатора.

„Здоровьемъ я отмѣнно хорошъ, хоть и посѣдѣлъ сильно, только о тебѣ, ангелѣ моемъ утѣшителѣ, все скучаю... Ну, да ужъ не долго осталось! Получилъ твое письмо послѣднее, Силантія отправилъ, и въ домѣ у меня веселѣе стало, чувствуется будто ты уже здѣсь. То по комнатамъ, то въ саду — все твой голосокъ звонкій слышится. А за чай сажусь, такъ ужъ нарочно налью себѣ стаканъ, да и сяду въ сторонѣ, и кажется мнѣ, что ты изъ за самовара выглядываешь, спрашиваешь: „А не налить ли тебѣ, папочка, еще стаканчикъ горяченькаго...“ Я это сейчасъ говорю: „Налей, душенька“, — самъ обойду стороной, да и самъ же налью себѣ... Мыслью это о тебѣ словно ребенокъ брежу... Хе-хе... вотъ оно мнѣ старику какое счастье сказочное подваливаетъ!

„Вчера Павлуша приходилъ (это сынокъ Ивана Акимыча), принесъ лозу виноградную, изъ Бухары ему особенную привезли. Самъ и посадилъ ее передъ твоими окошками. Говоритъ будто гроздь розовая будетъ и жасминомъ пахнуть... Да, чуть не забылъ! Днемъ въ дорогѣ будетъ жарко, а ночи пойдутъ холодныя, такъ ты на ночь ножки хорошенько мѣхомъ окутывай. Я тебѣ съ Силантіемъ, сего ради, выслалъ одѣяло бѣлое изъ тибетскихъ козъ... Не забудь-же!

„На сырье, на арбузы, дыни и что подобное сразу не накидывайся. Да, впрочемъ, во всемъ слушайся Силантія, я его настрочилъ какъ слѣдуетъ, да и самъ онъ старикъ разсудительный и бывалый.

„Еще разъ заочно благословляю тебя, крѣпко прижимаю къ своему родительскому сердцу и жду не до-

Новый Годъ! Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзицъ.

жду́сь твоего пріѣзда—моя родная, ненаглядная голубка-Надюшенька.

Твой, горячо любящій тебя отецъ,
Федоръ Горкинъ.

„P. S. Платьевъ себѣ много не надѣлывай, потому тащить ихъ такую дорогу не стоитъ, да и здѣсь у насъ разныхъ матерій сколько хочешь! И дешевле, и не въ примѣръ добротнѣе. А ложки серебряныя, что я съ тобой въ институтъ далъ, не оставляй; заплати деньгами лучше, хоть вдвое что слѣдуетъ, потому на ложкахъ этихъ вензеля твоей покойной матушки, а моей супруги, Маріи Дементьевны. Царство ей Небесное! Еще разъ до свиданья и еще разъ заочно благословляю тебя и крѣпко цѣлую...“

„И я тоже... Въ пріятномъ ожиданіи,

Иванъ Акимовъ, сынъ Глухаревъ, подполковникъ и кавалеръ.“

„Позвольте и мнѣ приписать, хотя и не имѣю чести Васъ знать лично, но съ позволенія Вашего батюшки, что, вполнѣ сочувствуя радости Вашего родителя, присоединяю и свои искреннія пожеланія счастливой и скорой дороги.

Павелъ Глухаревъ, подпоручикъ.“

Quelle drôle manière d'écrire! пожавъ плечами улыбнулась классная дама, дочитавъ все письмо до конца очень внимательно, и отправилась съ нимъ въ комнаты директрисы. Проходя черезъ пріемную, она съ такимъ же вниманіемъ осмотрѣла съ ногъ до головы высокаго старика, въ длинномъ солдатскомъ, отставномъ сюртукѣ, сидѣвшаго на кончикѣ стула, у самой двери.

Шелестъ дамскаго платья заставилъ стараго инвалида вскочить и вытянуться по военному, въ струнку.

— Ахъ! это вы за дѣвицею Надеждою Горкиной? полюбопытствовала дама.

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Силантій?..

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ же такъ громко!.. Надя Горкина сейчасъ выйдетъ...

— Слушаю-съ, ваше высокопревосходительство!..

Титулы эти видимо понравились дамѣ; она снисходительно улыбнулась и прошла мимо, а старый служивый все еще не рѣшался присѣсть, не совсѣмъ ловко чувствуя себя въ этой, непривычной для него, обстановкѣ пріемнаго институтскаго зала.

I.

— И такъ, Поль, вотъ, гдѣ судьба привела намъ увидѣться!

— Да, Анатоль! Я радъ отъ души! Здѣсь вѣдь просто одичать можно! Словомъ перекинуться не съ кѣмъ...

— Да, послѣ петербургской жизни тебѣ, я думаю, трудновато. Два года, кажется, какъ ты здѣсь, въ „ссылкѣ“?

— Почти два. Проклятый Шефель, помнишь? представилъ таки въ штабъ мои векселя. Поднялась цѣлая исторія... Еслибы не тетушка и кузина Мэдъ,—хоть въ отставку подавай... Кое что уплатили, кое гдѣ пообѣщали... кое кого въ шею,—а меня сюда! Хоть бы въ казаки,—еще ничего-бы, а то въ этотъ проклятый батальонъ, въ эту трущобу и на неопредѣленное время.

— Какъ неопредѣленное?!

— Очень просто... „Для поправленія дѣлъ.“ А какъ ты ихъ тутъ поправишь, когда и роты не даютъ. Багриневъ хлопочетъ о переводѣ меня въ оренбургское войско... Тамъ получу сотню; но вѣдь это все такіе пустяки... Впрочемъ, я думаю все это скоро уладитъ... Ну а ты какъ сюда попалъ?..

— Я командированъ сюда въ распоряженіе генералъ-губернатора. Тамъ у насъ довольно снопо... Я даже не ожидалъ—нашихъ много, и живется не дурно... Впереди все-таки карьера!.. Теперь, вотъ, поручили это слѣдствіе—Ренсгардтъ говорилъ мнѣ передъ отъѣздомъ что ты здѣсь. Я выхожу отъ губернатора, а онъ дежурнымъ былъ въ этотъ день, и говоритъ мнѣ:—Знаешь,—тамъ ты встрѣтишь стараго знакомаго!—Кого! спрашиваю.—Поля Криницына!.. Я очень обрадовался и...

— А мнѣ сообщилъ комендантъ, что назначенъ Грунинъ. Я думаю: ужъ не тотъ ли? Бѣгу сюда—и прямо въ твои объятія.

— Fatalité!..

— Fatalité!..

Такъ разговаривали два молодыхъ человѣка, сидя у стола, въ комнатѣ довольно большой и свѣтлой, но болѣе чѣмъ скромно обставленной. Стѣны этой комнаты были на чисто оштукатурены алебастромъ, потолокъ въ натяжку подбитъ—тоже выкрашеннымъ известкою холстомъ, полъ новый, досчатый, некрашеный. Вдоль стѣнъ стояло нѣсколько вѣнскихъ легкихъ стульевъ, мягкій диванъ, обитый ковромъ и ярко-цвѣтнымъ канаусомъ, большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мѣсто засѣданія молодыхъ людей, и солидно сколоченный шкафъ, съ стеклянными дверцами, съ полками, уставленными фарфоровыми вещицами, пакетиками въ синей бумагѣ и разною мелочью. На стѣнахъ висѣли въ самодѣльныхъ рамкахъ двѣ раскрашенныя литографіи, изображающія морскія сраженія, карта туркестанскаго края съ помѣтками и, почернѣвшій отъ пыли, портретъ женщины, въ платкѣ на головѣ и въ клѣтчатомъ платьѣ. Другой портретъ, фотографическій, стоялъ на столѣ,—но этотъ портретъ изображалъ молодую дѣвушку въ институтскомъ костюмѣ.

Передъ Анатолемъ, собесѣдникомъ въ штатскомъ платьѣ, лежалъ на столѣ большой кожаный портфель съ мѣдными застежками и оковками ремней, а передъ другимъ собесѣдникомъ, Полемъ, въ бѣломъ офицерскомъ кителѣ, лежала фотографическая карточка той же дѣвушки, которую онъ только что передъ этимъ разсматривалъ, повидимому очень внимательно, да и теперь искоса поглядывалъ на нее приговаривая:

— Mais, parole d'honneur! Преинтересная мордочка!..

Встрѣча этихъ двухъ молодыхъ людей произошла въ „Глухомъ фортѣ“, въ домѣ Федора Петровича Горкина, отставнаго штурманскаго офицера и главнаго торговаго агента фирмы „Хмуровъ и Компанія“. Изъ оконъ комнаты виднѣлась широкая пыльная площадь форштата, за нею рядъ жиденькихъ тополей, за ними плоскія крыши базарныхъ сакель съ закопченными, приземистыми трубами, дальше серебристая лента рѣки, съ потонувшими въ знойномъ туманѣ очертаніями противуположнаго, поросшаго камышами берега. На площади—человѣкъ восемь казаковъ, въ сѣрыхъ рубахахъ и желтыхъ кожаныхъ шароварахъ, держали въ поводу своихъ осѣдланныхъ лошадей; ближе къ крыльцу стоялъ распряженный тарантасъ, въ глубинѣ котораго копошилась фигура деньщика, выгружавшаго разныя дорожныя вещи. Пестрая группа туземцевъ сидѣла на корточкахъ, въ тѣни глинобитнаго забора, другая группа русскихъ женщинъ и мужчинъ, обитателей форта, держалась ближе, почти у самыхъ оконъ, а ребятишки, такъ тѣ, цѣпляясь за подоконники, пытались заглянуть внутрь:—Что, молъ, тамъ дѣлается?.. Хотя ихъ и отгонялъ, грозя нагайкою, казакъ-урядникъ, ожидавшій „начальство“ у послѣдней ступеньки крыльца.

На всѣхъ лицахъ ясно выражалось тревожное любопытство и ожиданіе. Очевидно было, что произошло нѣчто необыкновенное, разомъ нарушившее ихъ однообразное, сѣрое проживаніе въ Глухомъ фортѣ.

По боковой улицѣ, ведущей къ воротамъ форта, окруженная облакомъ пыли, быстро приближалась конная

группа, мелькали бѣлыя офицерскія фуражки и доносился сдержанный храпъ горячившихся лошадей.

— Его высокоблагородіе, господинъ комендантъ! доложилъ урядникъ, заглядывая въ дверь, и скомандовалъ выстроившимся казакамъ:

— Смирно!

Поль и Анатоль встали и взялись за фуражки.

Первый успѣлъ сунуть карточку институтки въ карманъ и вытянулся въ струнку; второй, сохраняя небрежную, независимую позу, ограничился только тѣмъ, что вынулъ изо-рта окурокъ сигары.

— А въ саду стоятъ часовые?.. Поставить, поставить, непремѣнно поставить! Вездѣ насовать часовыхъ!.. Мало ли что!.. Печати печатями, а дѣло дѣломъ... Прапорщикъ Ползунковъ!.. Позвать прапорщика Ползункова!.. раздавался на крыльцѣ комендантскій голосъ.— А гдѣ господинъ, пріѣзжій слѣдователь?..

И на порогѣ появился маленькій старичекъ, совсѣмъ лысый, съ коротко подстриженными, сѣдыми усами, съ ярко-красными щеками и носомъ, и съ самыми добродушными, заплывшими жиромъ глазами.

— А, очень пріятно! обратился онъ къ штатскому.— Скоренько пожаловали. Это хорошо! Анатолій Робертовичъ Грунинъ? если не ошибаюсь—очень радъ!.. Полковникъ Огурчиковъ, здѣшній комендантъ!.. Пріятно познакомиться... Господа!.. Позвольте васъ познакомить съ моими офицерами!.. Господа офицеры!.. Иванъ Тимофѣевичъ, Павелъ Ивановичъ, Иванъ Кузмичъ... Вотъ слѣдователь! Грунинъ, коллежскій совѣтникъ, Анатолій Робертовичъ. Такъ за дѣло—за дѣло съ!.. Время терять нельзя! Прапорщикъ Ползунковъ, распорядились на счетъ лошади господину слѣдователю?

— Готово, полковникъ!

— Такъ ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе... Господи благослови!.. лошадь! Урядникъ! Возьми портфель у господина слѣдователя...

— Я полагаю, началъ было слѣдователь,—что прежде надо сдѣлать осмотръ на мѣстѣ... то есть, я хочу сказать,—здѣсь... Снять нѣкоторыя предварительныя показанія съ домашнихъ...

— Это не уйдетъ, батюшка, не уйдетъ... Домъ то у меня еще до свѣта опечатанъ, часовые разставлены... Вы изволите видѣть какая жара... страсть!.. Дали то мнѣ знать вчера, въ восьмомъ часу вечера,—я команду туда услалъ, для неприкосновенности, да нарочнаго въ городъ... Вы изволили въ которомъ часу выѣхать?..

— Въ половинѣ восьмаго, утромъ...

— А теперь уже безъ четверти три по полудни-съ... Такъ-то! Тутъ позамѣшкаемъ,—темно станетъ... скакать то верстъ четырнадцать.. Тамъ до утра отложить придется... Потомъ и къ тѣлу не подступишься... Вѣрно я говорю, господинъ докторъ?..

— Вѣрно, вѣрно! отозвался докторъ, съ трудомъ взбираясь на казачью лошадь.

— А развѣ нельзя доѣхать туда въ экипажѣ?.. замялся Анатолій Робертовичъ, подозрительно поглядывая на корнаухаго, рыжаго жеребчика, не особенно ласково косившагося умнымъ глазомъ:—какого это молъ ему сѣдока аллахъ посылаетъ?..

— Не проберемся въ тарантасѣ... За гнилымъ ставомъ вязко будетъ на колесахъ то, отвѣчалъ кто то изъ толпы...

— Садитесь!..

— Сѣли!..

Всадники, потѣсняясь немного въ воротахъ, выбрались на просторъ. Два казака впереди разогнали съ дороги пѣшій людъ. Облако сплошной пыли скоро затянуло кавалькаду, и опять въ этомъ облакѣ замелькали бѣлыя шапки и разномастые хвосты галопирующихъ лошадей.

Впереди, легко покачиваясь въ сѣдлѣ, дробною иноходью ѣхалъ комендантъ, за хвостомъ его лошади подскакивалъ казакъ съ полковничьей шинелью черезъ сѣдло и едва сдерживалъ горячаго карабаира щеголеватый адъютантъ Ползунковъ. Сторонкою, отъ пыли подальше, рысилъ докторъ, распустивъ поводья и пытаясь свернуть себѣ папироску... Непривыкшій къ верховой ѣздѣ, пріѣзжій слѣдователь поминутно терялъ стремя и прихватывалъ за переднюю луку сѣдла, бокъ о бокъ съ нимъ фыркалъ и широко раздувалъ ноздри вороной жеребецъ Криницына... Остальные офицеры отстали значительно: „что молъ за охота глотать пыль изъ подъ начальства,—поспѣемъ!..“ Встрѣчные по пути конные киргизы и сарты почтительно сворачивали съ дороги, торопливо соскакивали съ лошадей и низко кланялись, сложивъ руки на животѣ... Вдали, у переправы черезъ рѣку, гдѣ надъ потемнѣвшею сплошною щеткою камышей развѣвался полосатый флагъ и кудрявымъ столбомъ поднимался дымъ сторожеваго костра, толпилось уже нѣсколько конныхъ, ранѣе прибывшихъ, и даже бѣлѣлъ холщевой верхъ чьего то тарантасика...

— Никому не позволю, никому!.. ворчалъ комендантъ,—что за балаганъ! нечего тамъ смотрѣть... Ишь наѣхало сколько! Все равно никому не позволю!..

Кавалькада остановилась у переправы.

— Я былъ *тамъ*, сейчасъ только что вернулся, подъѣхалъ къ коменданту высокій, сутуловатый, пожилой офицеръ, съ длинными сѣдыми усами.—Иванъ Тимофѣевичъ съ Павлушей тамъ остались, а я вотъ за вами...

Это былъ капитанъ Шелобовъ.

— Ежели мы, продолжалъ онъ,— поднимемся еще верстъ пятокъ повыше, тамъ теперь обмелѣло, по брюхо коню, больше не будетъ, да и коса песчаная выходитъ... Много короче будетъ, чѣмъ по дорогѣ. Гнилой затонъ-то въ сторонѣ пріидется,—объѣзжать не надо...

— Обмелѣло?

— Только что по брюхо...

— Въ бродъ, такъ въ бродъ... согласился комендантъ.—Господа, гайда за мною... Что же, и въ бродъ можно!.. Мадамъ, бонжуръ-съ!.. сдѣлалъ онъ ручкою двумъ дамамъ, тревожно выглядывающимъ изъ подъ зонта тарантаса.

— Полковникъ, полковникъ!.. Семенъ Семеновичъ!.. запищали дамы и даже платками замахали.

Но комендантъ сдѣлалъ видъ что не слышитъ, и вся кавалькада снова тронулась въ путь, растянувшись по узкой, кочковатой береговой тропинкѣ, межь сплошными стѣнами непролазно-спутаннаго камыша..

— Mon chère! обратился Криницынъ къ своему другу, слегка коснувшись ручкою хлыста его локтя.

— Tiens! отозвался тотъ.

Они заговорили по французски.

— Я хочу... ты позволишь мнѣ сдѣлать тебѣ маленькое замѣчаніе?.. По нашей старой дружбѣ...

— О, сдѣлай одолженіе!

— Ты назначенъ сюда слѣдователемъ, спеціально къ этому дѣлу. Ну, такъ я тебѣ скажу: Держись независимѣй... Ты здѣсь главное лицо...

— О, я понимаю это... Я отдаю отчетъ только своему прямому начальству... Мои полномочія... мои спеціальныя знанія...

— То-то... А уже на тебя сразу насѣлъ этотъ толстый шутъ, нашъ комендантъ... Ты уступилъ сразу... А я бы на твоемъ мѣстѣ, не стѣсняясь, замѣтилъ бы ему, что, молъ, не ваше дѣло!..

— То есть почему же?.. Я самъ нашелъ нужнымъ... время дѣйствительно жаркое... чрезмѣрное разложеніе трупа...

— Который и до завтрева могъ бы преспокойно лежать тамъ очень покойно, а ты бы не трессся на этой клячѣ, по этой мерзѣйшей дорогѣ,—и они врутъ, что нельзя доѣхать въ экипажѣ,—просто горячку порятъ, и тебя заставляютъ.. C'est drôle!..

— Ты правъ, mon chère... Видишь я соглашаю

ты правъ... Однако это сѣдло мнѣ ужасно третъ лѣвую ногу... И куда они дѣйствительно ломятъ, очертя голову!..

— Сюда! послышался голосъ капитана Шелобова.

Онъ ѣхалъ впереди, указывая дорогу, и, махнувъ рукою, уже повернулъ къ рѣкѣ и началъ осторожно спускаться съ осыпающагося подъ конскими ногами глинистаго берега...

— Какъ это все глупо... ворчалъ Криницынъ... Вся эта суматоха, эта масса непрошенныхъ помощниковъ, сующихъ свой носъ... По моему, это все только мѣшаетъ правильному и покойному ходу слѣдствія... Подбирай, mon chère, ноги выше, подбери поводъ—споткнется конь,—выкупаешься...

— Да, что еслибъ Бланшъ и Бека увидали меня въ этомъ положеніи!?. кисло улыбнулся Грунинъ...

Выбравшіяся на песчаную косу лошади стали встряхиваться... рыжій жеребчикъ обнаружилъ было желаніе поваляться, и навѣрное привелъ бы это желаніе въ исполненіе, еслибы Криницынъ ударомъ хлыста по его жирному крупу, не привелъ бы его въ повиновеніе...

Переправа совершилась вполнѣ благополучно.

— Теперь уже недалеко, господа, недалеко! кричалъ комендантъ...—Ну, съ Богомъ... Наддай ребята!.. Прапорщикъ Ползунковъ!.. а кажется я свой портсигаръ то тю-тю!.. Нѣтъ, здѣсь... Урядникъ—огниво!..

И снова густыя чащи камыша замелькали по сторонамъ, и то и дѣло, чуть не изъ подъ ногъ всадниковъ, поднимались шумные взлеты перепуганныхъ фазаньихъ выводковъ!..

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ А. Я. Максимова.

I.

Хребетъ Сихотэ-Алинъ.

По берегу Японскаго моря, вдоль всего Уссурійскаго края, на протяженіи двухъ тысячъ слишкомъ верстъ, тянется мрачная, таинственная, совершенно неизслѣдованная цѣпь холмовъ, средняя высота которыхъ, надъ уровнемъ моря, не превышаетъ трехъ тысячъ футъ. Это—хребетъ Сихотэ-Алинъ, въ буквальномъ переводѣ „Темныя горы“. Хребетъ Сихотэ-Алинъ идетъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Къ сѣверу онъ доходитъ до устья рѣки Амура—этой гигантской столбовой дороги Восточной Сибири, а къ югу простирается, въ томъ же направленіи, до самаго залива Петра Великаго, на берегахъ котораго расположенъ нашъ аванпостъ на Тихомъ океанѣ—портъ Владивостокъ. Подойдя къ заливу Петра Великаго, хребетъ Сихотэ-Алинъ измѣняетъ свое направленіе и поворачиваетъ сначала къ сѣверо-западу, затѣмъ къ западу и, наконецъ, обогнувъ заливъ, идетъ въ первоначальномъ направленіи — къ юго-западу, къ корейскимъ пограничнымъ горамъ и сливается съ другимъ хребтомъ—Шанъ-Алинъ, или съ „Бѣлыми горами“. Хребетъ Сихотэ-Алинъ еще не изслѣдованъ въ достаточной степени, хотя попытокъ къ такому изслѣдованію было не мало. Издали хребетъ напоминаетъ взволнованное и внезапно окаменѣвшее море. Вы видите передъ собой только массу горныхъ вершинъ, громоздящихся одна на другую и очертаніемъ своимъ очень схожихъ съ очертаніемъ морскихъ валовъ. По мѣрѣ приближенія къ этому окаменѣвшему морю, однообразіе картинъ постепенно исчезаетъ; вершины холмовъ принимаютъ болѣе опредѣленную форму и рѣзко очерчиваются на лазуревомъ небѣ. Передъ вами уже не застывшее море, утомляющее взоръ мертвымъ однообразіемъ, а дивная панорама отдѣльно стоящихъ, величественныхъ вершинъ самой разнообразной величины, очертаній и формы, вершинъ, увѣнчанныхъ мохнатыми шапками гигантскихъ кедровъ, ильмовъ, лиственницы, пихты, сосны и ели. Скаты холмовъ одѣты въ темную зелень вѣковыхъ дубовъ, поражающихъ взоры царственнымъ величіемъ и мощью. У подошвы ихъ тѣснятся роскошный грабъ, пальмовидные диморфанты, черная и бѣлая березы, орѣхъ, кленъ, липа, черешня. Подлѣсокъ, состоящій изъ леспедецы, таволги, акаціи, боярки, дикаго, душистаго жасмина, черемухи, барбариса, крушины, образуетъ непроходимую поросль, пройти которую возможно только съ топоромъ въ рукѣ. Цѣпкій виноградъ затѣйливо вьется среди этой необъятной массы разнообразныхъ деревьевъ, заполняя своею яркою зеленью каждый незанятый уголокъ. То стелется онъ по тучной, вѣчно сырой землѣ въ видѣ мягкаго, пышнаго ковра, то смѣло взбирается на ближайшія деревья и свѣшивается съ нихъ изящными гирляндами и фантастическими кружевами.

Хребетъ Сихотэ-Алинъ тянется непрерывной грядой отъ великаго Амура и вплоть до Корейскаго полуострова, идя все время параллельно берегу, и въ то же время все болѣе удаляясь отъ рѣки Уссури, теченіе которой главнымъ образомъ направлено отъ юга къ сѣверу. Боковые отроги хребта подбѣгаютъ къ самому Японскому морю и спускаются въ воду скалистыми, причудливыми обрывами и утесами, поражающими взоръ дикою красотою. Со дна морскаго вздымаются къ небу, на три тысячи футъ надъ поверхностью моря, то отвѣсныя, выглаженныя бурунами скалы, то фантастическіе, базальтовые гроты и замки съ башнями, воротами и гигантскими сводами, то какія то волшебныя зданія самой причудливой, замысловатой архитектуры... Изрѣдка, эти боковые отроги хребта Сихотэ-Алинъ ниспадаютъ къ морю пологими, песчаными мысами—любимое мѣстопребываніе безчисленныхъ стай самыхъ разнообразныхъ морскихъ птицъ. Отъ восхода и до захода солнца, множество чаекъ и морскихъ куликовъ вьются надъ этими несчаными отмелями, собирая ракушки, выброшенныя услужливымъ приливомъ, и оглашая воздухъ рѣзкими, громкими криками. Нескончаемыя вереницы утокъ, гусей и лебедей перелетаютъ съ одного мыса на другой. Въ воздухѣ слышится отъ взмаховъ десятковъ тысячъ крыльевъ какой то непрерывный шумъ и свистъ, словно въ верхнихъ слояхъ атмосферы возникла, кипитъ какая то борьба, какая то странная жизнь. Трубные звуки лебедей смѣшиваются съ рѣзкими, гортанными криками гусей, кряканьемъ утокъ, свистомъ куликовъ и плачемъ чаекъ. Надъ всѣмъ этимъ шумливымъ птичьимъ царствомъ, высоко въ синемъ небѣ, рѣютъ копчики, орлы и морскіе орланы, высматривающіе зоркими глазами жертву среди этого воздушнаго населенія. Въ глубинѣ небольшихъ бухтъ и заливовъ важно выступаютъ по песчаному берегу длинноногія цапли, журавли и граціозныя фламинго... Кипучая жизнь, поражающая своею дикою беззаботностью!.. А въ глубокихъ надяхъ и ущельяхъ таинственнаго Сихотэ-Алинъ, царствуетъ какое то подавляющее, гнетущее душу молчаніе. Словно ни одно существо не оживляетъ эти лѣсныя трущобы, словно подъ непроницаемыми сводами лѣсовъ нѣтъ никакой жизни... Не слышно даже щебетанья и пѣнія птицъ. Столѣтнія деревья, опутанныя вьющимися растеніями, угрюмо смотрятъ кругомъ и печально покачиваютъ своими, теряющимися въ выси, вершинами. Всюду раскинулся мрачный, дѣвственный лѣсъ, нетронутый еще рукой человѣка... Всюду могильная тишина!.. Между тѣмъ, въ этомъ безмолвномъ лѣсу кипитъ необъятная жизнь, но жизнь скрытная, пугливая, осторожная и вмѣстѣ жестокая, преисполненная кровавыхъ эпизодовъ, дикая и своеобразная... Тысячи козъ, изюбровъ, оленей, косуль и антилопъ боязливо таятся отъ хищниковъ, начиная съ бенгальскаго тигра, кровожаднаго барса и свирѣпой рыси, и кончая черныммъ медвѣдемъ и внушающимъ инородцамъ какой то суевѣрный ужасъ краснымъ волкомъ... Все это царство хранитъ упорное молчаніе. Одни опасаются привлечь своимъ крикомъ опасное вниманіе хищниковъ; а эти стараются сдержать свое рычаніе, чтобы не спугнуть добычи. Если и раздается изрѣдка въ этой заросли какой либо крикъ, то либо отчаянный стонъ жертвы, либо кровожадное урчаніе какого нибудь хищника, надъ попавшимъ въ его лапы оленемъ, изюбромъ, или косулей... Но изнеможенная въ неравной борьбѣ жертва смолкаетъ, и опять таинственная, подавляющая тишина, словно эти нескончаемые лѣса, эти мрачныя ущелья, овраги и пади—жилища безгласныхъ тѣней!..

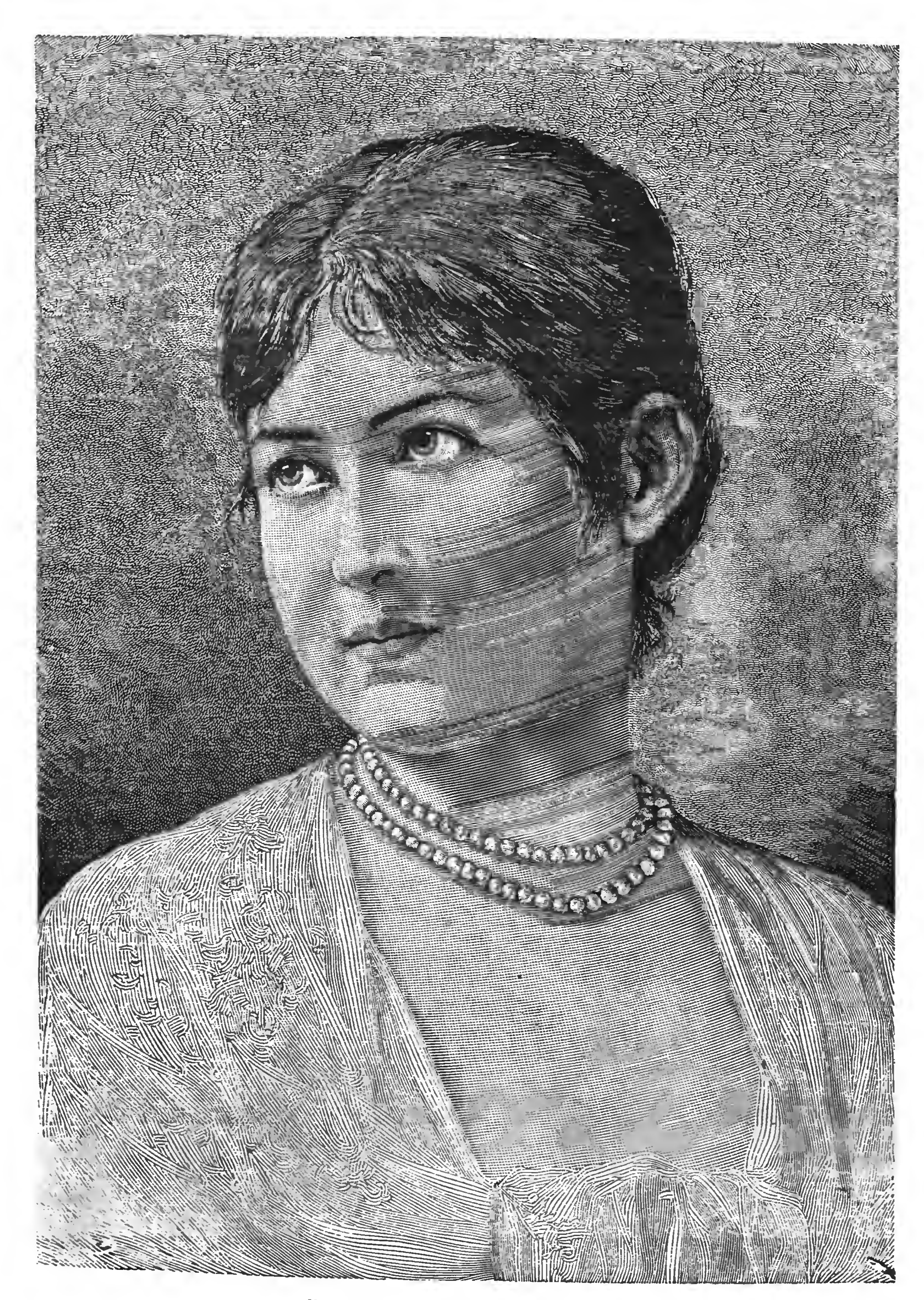
II.

Чудодѣйственный корень.

Хребетъ Сихотэ-Алинъ обладаетъ неистощимыми сокровищами. Минеральныя богатства его баснословны: въ любомъ мѣстѣ стоитъ только взрыть лопатой землю. Золото разсыпано всюду щедрой рукой природы. Въ болѣе доступныхъ мѣстахъ, золото уже добывалось нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ китайцами, добывается и теперь, безъ всякаго стѣсненія со стороны мѣстной администраціи... Да и возможно ли это необходимое стѣсненіе, когда о существованіи большинства пріисковъ и золотоносныхъ ручьевъ извѣстно только немногимъ, какой нибудь горсти китайскихъ авантюристовъ, когда эти золотосодержащіе пласты разбросаны въ мѣстахъ, совершенно незнакомыхъ, не изслѣдованныхъ, лишенныхъ какихъ либо путей сообщенія, кромѣ таинственнаго лабиринта звѣриныхъ тропъ...

Но хребетъ Сихотэ-Алинъ привлекаетъ китайскихъ авантюристовъ не столько своимъ золотомъ, какъ небольшимъ, чудо-

*) Слово „жень-шень“ въ буквальномъ переводѣ значитъ „человѣкоподобный корень“. Названіе это дано китайцами цѣлебному растенію, вслѣдствіе того, что корни его часто своею формою очень напоминаютъ фигуру человѣка. Эти корни цѣнятся особенно высоко и сохраняются какъ талисманъ.



Красавица. Ориг. рис. И. Веле, грав. Паар.

дѣйственнымъ корнемъ жень-шень, или человѣкоподобнымъ корнемъ *), исцѣляющимъ, по мнѣнію китайцевъ, отъ всѣхъ болѣзней, особенно же отъ истощенія силъ и чахотки. Растеніе это, принадлежащее къ семейству аралій, встрѣчается въ дикомъ состояніи въ глубокихъ, тѣнистыхъ лѣсныхъ падяхъ Сихотэ-Алина. Цѣнится оно на вѣсъ золота. Жень-шень служитъ предметомъ постоянныхъ, упорныхъ исканій. Отважные китайскіе авантюристы смѣло углубляются въ самыя заповѣдныя мѣста Сихотэ-Алинъ, гдѣ ведутъ жизнь, полную возможныхъ лишеній и опасностей. Корень жень-шень не любитъ солнечнаго свѣта. Онъ попадается исключительно въ глубокихъ, дикихъ ущельяхъ. среди дѣвственной заросли, въ которой обитаетъ вѣчный мракъ и безмолвіе. Солнечные лучи никогда не проникаютъ въ эту таинственную трущобу. Сырая, тучная почва здѣсь никогда не просыхаетъ. Жирный черноземъ вѣчно прикрытъ толстымъ, мягкимъ ковромъ гніющихъ листьевъ. Свирѣные палевобурые медвѣди бѣгутъ, въ жаркое время года, въ эти постоянно прохладныя убѣжища и зарываются отъ жары въ влажный коверъ опавшихъ листьевъ. Бенгальскій тигръ бродитъ около этихъ заповѣдныхъ мѣстъ, привлекаемый косулей, изюбромъ и антилопой. Въ вершинахъ широковѣтвистыхъ ильмовъ, кедровъ и грабовъ таится кровожадный барсъ. Рядомъ съ этимъ хищникомъ высматриваютъ добычу: рысь и дикая кошка. Стаи красныхъ волковъ бродитъ по тайгѣ и трусливо прислушиваются къ каждому подозрительному шороху или крику. Они опасаются встрѣчи съ болѣе сильными хищниками и терпѣливо высматриваютъ жертву. Нѣтъ ея—они подбираютъ остатки кровавыхъ трапезъ бенгальскаго тигра, барса или медвѣдя. При случаѣ они рвутъ на части даже своихъ, болѣе отощавшихъ, больныхъ, израненныхъ, собратовъ, и наполняютъ пустые желудки ихъ жесткимъ, сухимъ, жилистымъ мясомъ... Страшно человѣку среди этихъ хищниковъ. Онъ беззащитенъ. Враги вокругъ него и надъ нимъ, ловкіе, безпощадные. Жизнь человѣка въ тайгѣ хребта Сихотэ-Алинъ подвержена тысячѣ смертельныхъ опасностей. Тѣмъ не менѣе, желаніе добыть чудодѣйственный корень жень-шень привлекаетъ въ эти трущобы много китайскихъ авантюристовъ. Они рискуютъ жизнью ради небольшаго узловатаго корешка, не болѣе полудюйма въ поперечникѣ, которому предразсудокъ придаетъ большое значеніе въ человѣческой жизни, придаетъ неотразимыя свойства возстановлять разрушенные организмы и возвращать имъ молодость и силу. Стоимость жень-шеня доходитъ до баснословныхъ суммъ. Это — своего рода драгоцѣнный камень, алмазъ дальняго востока, добываніе котораго окупается человѣческими жизнями. Счастливцы, нашедшіе жень-шень, часто обогащаются *). Къ сожалѣнію, такихъ счастливцевъ очень мало, въ виду рѣдкости корня. Случается, что цѣлая партія добывателей жень-шеня тщетно отыскиваетъ его въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и возвращается домой съ пустыми руками, потерявъ въ тайгѣ нѣсколькихъ товарищей.

III.

Искатели жень-шеня.

Вечерѣло. Почти тропическая жара смѣнилась прохладой вечерняго воздуха. Солнце уже скрылось за окружающими холмами и причудливо золотитъ ихъ мохнатыя, темныя вершины. По извилистой, едва замѣтной звѣревой тропѣ спускаются въ глубокую падь двое. По нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ можно опредѣлить, что эти люди принадлежатъ къ числу отважныхъ китайскихъ авантюристовъ—неутомимыхъ искателей чудодѣйственнаго корня жень-шень. Авантюристы пробираются по заросли гуськомъ, съ трудомъ прокладывая себѣ путь среди спутавшагося виноградника, лещины и боярки. Яркіе лучи заходящаго солнца теряются гдѣ то въ выси, въ вершинахъ столѣтнихъ деревьевъ. Подъ непроницаемымъ сводомъ густой листвы, царствуетъ таинственный полумракъ... Впереди, съ топоромъ въ правой рукѣ, идетъ рослый, плечистый, пожилой китаецъ, и ловкими взмахами топора перерубаетъ сплетшіяся вѣтви подлѣска. За спиной у него, на простой веревочной перевязи, виситъ тяжелое фитильное ружье съ легкими деревянными сошками. За широкимъ поясомъ, изъ сыромятной кожи, у праваго бедра, заткнутъ большой кривой ножъ. Скуластое, изрытое оспой, лицо дышетъ свирѣпой отвагой. Поперегъ лѣвой его щеки идетъ длинный, едва зажившій, кроваво-красный шрамъ. Одинъ конецъ шрама теряется гдѣ то за ухомъ, подъ грязными космами густыхъ волосъ, другой—сливается съ лѣвымъ угломъ сухихъ, тонкихъ губъ, едва прикрытыхъ рѣдкими, торчащими усами. Шрамъ этотъ, если смотрѣть на авантюриста съ лѣвой стороны въ профиль, придаетъ выраженію его угрюмаго, безбородаго лица, звѣрскій, отталкивающій видъ. Въ данномъ случаѣ кажется, что на здоровыхъ плечахъ китайца сидитъ голова какого то чудовища съ ужасною, доходящею до затылка, пастью. Густые волосы авантюриста висятъ изъ подъ войлочной, круглой шапочки короткими, безобразными космами, посѣрѣвшими отъ пыли. Отсутствіе косы, лучшаго украшенія и предмета гордости каждаго подданнаго богдыхана, доказываетъ, что рослый, пожилой китаецъ никто другой какъ лоху, бѣглый каторжникъ, сосланный за преступленія въ сѣверныя области Манчжуріи и бѣжавшій оттуда въ русскіе предѣлы...

Въ нѣсколькихъ шагахъ позади лоху осторожно слѣдуетъ молодой, коренастый парень, по типу лица скорѣе манчжуръ, чѣмъ китаецъ. Онъ несетъ на широкихъ плечахъ, повидимому, недавно убитую косулю, изъ окровавленнаго бока которой, капля за каплей, сочится на тропинку алая кровь. Длинная, выхоленная коса, аккуратно подобранная подъ войлочную шапочку, доказываетъ, что молодой парень еще ничѣмъ не привлекъ на себя вниманія китайскихъ чиновниковъ. Лицо его дышетъ добродушіемъ, столь свойственнымъ физически-одареннымъ, могучимъ натурамъ, не сознающимъ своей силы и крѣпости. Парень глядитъ атлетомъ, достойнымъ потомкомъ отважныхъ завоевателей Китайской имперіи. Все вооруженіе его состоитъ только изъ одного криваго ножа, висящаго за спиной на поясѣ, въ кожаныхъ ножнахъ. Этимъ ножемъ Ли-фу (такъ зовутъ парня) еще недавно крошилъ дома, въ фаньцзѣ, лишь лукъ и чеснокъ, а теперь онъ ему служитъ единственной защитой, если не считать собственныхъ, крѣпкихъ, упругихъ, словно стальныхъ, мускуловъ, противъ хищниковъ тайги.

Ли-фу попалъ въ тайгу совершенно случайно. До двадцатилѣтняго возраста онъ мирно жилъ въ фаньцзѣ своего отца, на берегу озера Ханка, занимался хлѣбопашествомъ и рыбной ловлей. Жизнь его текла спокойно, безъ тревогъ и волненій. Судьбой своей онъ былъ доволенъ, особенно, когда въ фаньцзу сосѣда Фу-чана пріѣхала погостить изъ Нингуту его племянница, хорошенькая Ляй. Познакомился онъ съ дѣвушкой, полюбилъ ее. Ли-фу еще не видѣлъ другихъ женщинъ кромѣ матери. Прошло нѣсколько времени. Ляй не замедлила отвѣтить полною взаимностью, и молодые люди рѣшили пожениться. Ли-фу, съ родителями, просили у Фу-чана руки его племянницы. Фу-чанъ заупрямился и запросилъ у Ли-фу такой выкупъ, что у молодаго человѣка опустились руки и пропала надежда на успѣхъ. Ли-фу затосковалъ. Его охватила безумная страсть разбогатѣть во что бы то ни стало, какими-бы то ни было средствами, чтобы только представить требуемый Фу-чаномъ выкупъ въ десять тель (двадцать серебряныхъ рублей). Долго придумывалъ онъ, какъ добыть необходимую сумму, но ничего выдумать не могъ. Десять тель были для него, не видавшаго даже мелкой серебряной монеты, такой баснословной суммой, что добыть ее казалось ему положительно невозможнымъ. Случай открылъ ему глаза и натолкнулъ его на исходъ изъ затруднительнаго положенія. Однажды, въ фаньцзу отца зашла партія бродягъ, пробирающихся за рѣку Уссури, въ русскіе предѣлы. Первый разъ въ жизни Ли-фу услыхалъ разсказы о баснословныхъ богатствахъ таинственнаго хребта Сихотэ-Алина, повѣствованія о чудодѣйственной силѣ корня жень-шень, оцѣниваемаго на вѣсъ золота. По уходѣ партіи, у Ли-фу явилась, послѣ непродолжительнаго раздумья, смѣлая мысль присоединиться къ партіи и попытать счастья. Счастливый исходъ задуманнаго предпріятія могъ ему дать возможность связать свою жизнь съ любимой имъ Ляй, и эта надежда рѣшила все. Не говоря ни слова отцу и матери, не предупредивъ даже дѣвушку, Ли-фу захватилъ съ собой единственное оружіе, бывшее въ фаньцзѣ отца, а именно ножъ, и бросился по слѣдамъ ушедшей наканунѣ партіи искателей жень-шеня. Цѣлую недѣлю бродилъ онъ по тайгѣ впроголодь, пока не нагналъ знакомыхъ бродягъ, успѣвшихъ уже перебраться на другой берегъ Уссури. Авантюристы, въ числѣ восьми человѣкъ, большею частью бѣглые преступники, приняли Ли-фу. Они хорошо замѣтили его атлетическую фигуру, и справедливо предположили, что Ли-фу можетъ быть, въ ихъ тяжеломъ путешествіи, хорошимъ вьючнымъ, и при томъ даровымъ, животнымъ. Дѣйствительно, онъ оправдалъ ихъ надежды вполнѣ. Нагруженный провизіей и вещами, Ли-фу терпѣливо, мужественно и безропотно несъ на своей широкой спинѣ ношу, съ восхода солнца и до самаго захода, лелѣя себя надеждой лишь добраться до пресловутаго хребта Сихотэ-Алина... Цѣлыхъ двѣ недѣли брели авантюристы по едва проходимой тайгѣ, пока достигли наконецъ таинственной пади, въ которую спускались Ли-фу и его товарищъ Хунъ-Линъ. Послѣдній былъ посланъ старшиной партіи, какъ очередной, на охоту за необходимой пищей. Въ помощь ему, какъ вьючное животное, дали безотвѣтнаго, покорнаго Ли-фу. Убивъ косулю, Ли-фу взвалилъ ее цѣликомъ на широкія плечи и поспѣшилъ съ товарищемъ къ становищу, къ голоднымъ, нетерпѣливо ожидавшимъ возвращенія охотника бродягамъ. Привычныя ноги охотниковъ, обутыя въ родъ лаптей изъ сыромятной кожи, безшумно ступали по извилистой тропѣ, затѣйливо сбѣгавшей съ куполоподобной вершины холма въ глубокую, сырую падь. Хунъ-Линъ ловко очищалъ топоромъ дорогу для своего товарища, обремененнаго ношей. Солнце зашло совсѣмъ, когда охотники вышли на небольшую прогалину, среди которой пылалъ яркій костеръ. Вокругъ сидѣли искатели жень-шеня и поджидали съ охоты товарищей. Внезапное появленіе Хунъ-Лина и Ли-фу около костра не произвело замѣтнаго впечатлѣнія. Продолжая апатично сосать миніатюрныя трубочки, набитыя вмѣсто табаку высушенными и мелко искрошенными листьями растенія дальда-мо, они даже не шелохнулись. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ рѣшался важный вопросъ: удастся-ли утолить свой голодъ или опять придется уснуть, по вчерашнему, голодными. Суровыя, угрюмыя лица искателей жень-шеня, ярко

*) Каждый фунтъ дико-растущаго корня жень-шень стоитъ болѣе двухъ тысячъ серебряныхъ рублей. Стоимость же корней, имѣющихъ близкое сходство съ человѣческой фигурой, доходитъ до баснословныхъ суммъ.

освѣщенныя пламенемъ костра, походили скорѣе на маски, чѣмъ на лица живыхъ людей, такъ они были безстрастны и безжизненны. Хунъ-Лянъ, подойдя къ костру, быстро присѣлъ на корточки, подхватилъ на грубую ладонь раскаленный уголь и молча закурилъ трубку, вытащенную изъ длиннаго, кожаннаго мѣшечка, висѣвшаго на поясѣ, спереди. Затѣмъ, ни къ кому особенно не обращаясь, онъ лаконически пробормоталъ:

— Подстрѣлилъ...

— Вотъ! такъ же лаконически проговорилъ Ли-фу, сбрасывая съ плечъ, чуть не прямо въ костеръ, тушу косули. Обтеревъ затѣмъ съ лица потъ рукавомъ сальнаго халата, онъ также подсѣлъ къ огню на корточки и немедленно, ожесточенно запыхтѣлъ трубкой.

IV.

Искатели.

Одинъ изъ бродягъ молча поднялся, вытряхнулъ изъ трубки пепелъ и лѣниво подошелъ къ косулѣ, небрежно брошенной Ли-фу на траву. Это былъ выборный старшина партіи, сѣдой китаецъ Лонхоу, опытный, отважный бродяга, испытавшій на своемъ вѣку много передрягъ, включительно до потери косы за какое-то серьезное преступленіе. Лонхоу былъ страстный искатель корня жень-шень. Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ, съ наступленіемъ каждой весны, онъ уходилъ въ таинственныя трущобы Сихотэ-Алина за розысками и почти всегда возвращался съ хорошей добычей. Лонхоу славился среди товарищей, какъ замѣчательный знатокъ тайги и ея тайнъ. Наружные признаки мѣстонахожденія жень-шеня были извѣстны ему до мельчайшихъ подробностей. Онъ отлично зналъ, при какихъ внѣшнихъ условіяхъ растетъ онъ, въ какихъ именно мѣстахъ можно найти его и какъ сохранить въ немъ всѣ его свойства. Лонхоу отличался кромѣ того неутомимостью, энергіей и смѣлостью, доходившею иногда до безумной отваги. Жизнью своею онъ недорожилъ и готовъ былъ жертвовать ею на каждомъ шагу. Опасности выработали въ немъ какое-то презрѣніе къ жизни. Нѣсколько разъ жизнь Лонхоу висѣла на волоскѣ. Все его тѣло было испещрено рубцами отъ давно заживших ранъ. Лицо отважнаго искателя жень-шеня поуродовано было до неузнаваемости. Безъ лѣваго уха, съ разорванной, такъ называемой, заячьей губой, съ вырваннымъ правымъ глазомъ, Лонхоу былъ страшенъ. Эти увѣчья онъ получилъ много лѣтъ тому назадъ, при встрѣчѣ съ громаднымъ черным медвѣдемъ, переломившимъ у Лонхоу кромѣ того одно ребро. Къ счастью, во время поспѣли товарищи и освободили его изъ объятій разсвирѣпѣвшаго звѣря... Всѣ передряги нисколько не умѣрили въ Лонхоу страсти къ розыскамъ жень-шеня. Напротивъ, онъ приступалъ къ этимъ розыскамъ каждый годъ съ большею все энергіею и настойчивостью, словно желая вознаградить себя, хоть матерьяльно, за полученныя увѣчья.

Лонхоу, продолжая хранить угрюмое молчаніе, вытащилъ ножъ и быстро, ловко отрѣзалъ отъ туши нѣсколько кусковъ.

— Эй, вы!... Вотъ! крикнулъ онъ товарищамъ, бросая каждому изъ нихъ, словно собакамъ подачку, по большому ломтю мяса. Оставшіяся части косули онъ бережно подвѣсилъ на сукъ ближайшаго развѣсистаго пробковаго дерева.

Черезъ минуту отъ костра потянуло апетитнымъ запахомъ жаренаго мяса. Каждый стряпалъ для себя. Закусивъ прѣснымъ жаренымъ мясомъ, бродяги повеселѣли. На ихъ лицахъ появилась улыбка удовлетвореннаго апетита. Закурили трубки, разговорились. Одинъ изъ собесѣдниковъ затянулъ даже тоненькимъ, рѣжущимъ ухо, фальцетомъ какую-то безконечную пѣсню безъ словъ. Нѣкоторые, болѣе уставшіе, растянулись на сырой травѣ и предались сладкому сну. Въ вечернемъ воздухѣ стояла сырость; выпала обильная роса. Хунъ-Лянъ не замедлилъ натянуть на себя еще сырую шкуру убитой косули и черезъ минуту храпѣлъ на всю прогалину, не обращая вниманія на говоръ товарищей и заунывную пѣсню. Прошло болѣе часу. Неутомимый пѣвецъ, достаточно излившій свою тоску въ длинной пѣснѣ, смолкъ и растянулся на травѣ рядомъ съ угомонившимися наконецъ товарищами. Уснули всѣ... Не спалъ только очередной стражъ становища — Ли-фу. Онъ долженъ былъ бодрствовать цѣлую ночь и поддерживать огонь костра, чтобы звѣри не пришли на прогалину. Ли-фу сидѣлъ на корточкахъ возлѣ огромной, заготовленной съ вечера, кучи хвороста и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ ярко пылавшій огонь. Костеръ бросалъ вокругъ красноватый отблескъ, фантастически освѣщая густо нависшую листву заросли и угрюмыя, истощенныя лица уставшихъ бродягъ, разметавшихся на сырой травѣ въ разнообразныхъ позахъ. Какое странное разнообразіе! Страсть къ наживѣ собрала на небольшомъ клочкѣ земли, въ таинственной глуши мрачнаго хребта, партію отважныхъ, презирающихъ опасность и смерть, искателей, принадлежащихъ къ самымъ низменнымъ подонкамъ Китая. Вотъ лежитъ, знакомый намъ китаецъ Хунъ-Лянъ — бѣглый каторжникъ. Рядомъ съ нимъ широко размєтался на травѣ бывшій солдатъ — манчжуръ Сео-кви, едва прикрытый рванымъ балахономъ изъ синей дабы (бумажной матеріи) и лохмотьями широкихъ штановъ, схваченныхъ у лодыжекъ сыромятными ремешками. Истертыя ноги его обуты въ чарки *), заполненные священной травой ула-цао **). Въ ногахъ Сео-кви, у самаго почти костра, лежитъ выборный старшина партіи, знакомый уже читателямъ китаецъ Лонхоу. Рядомъ съ нимъ спитъ его родственникъ Цы-Лай — когда-то богатый купецъ, а теперь бѣдный, загнанный бродяга. Лѣтъ пять тому назадъ Цы-Лай велъ обширную торговлю морской капустой (особый видъ морской водоросли Fucus) и трепангами (морскими червями Holoturia). Онъ владѣлъ большимъ капиталомъ, имѣлъ до сотни джонокъ и болѣе пятисотъ человѣкъ совершенно закабаленныхъ промышленниковъ. Дѣла Цы-Лая шли отлично: онъ богатѣлъ; но его разорили разныя рискованныя предпріятія.

Дѣла его были окончательно разстроены. Онъ сталъ если не бѣднякомъ, то едва зажиточнымъ подданнымъ богдыхана. Богатства его словно не бывало: все перешло въ руки кредиторовъ. Цы-Лаю оставалось заняться дѣломъ, какимъ придется. Въ это время подвернулся его дальній родственникъ Лонхоу, предложившій ему присоединиться къ партіи искателей жень-шеня. Надежда разбогатѣть вновь, надежда, не покидающая китайца въ самую тяжелую минуту жизни, рѣшила вопросъ въ положительномъ смыслѣ, и Цы-Лай сталъ авантюристомъ...

Остальные четверо принадлежали къ самымъ низменнымъ поддонкамъ Китая. Ихъ отталкивающія лица носили на себѣ неизгладимые слѣды клеймъ, наложенныхъ на нихъ за тяжкія преступленія. Это были почти звѣри. Одни спаслись отъ смертной казни ловкимъ бѣгствомъ, другіе успѣли откупить свою позорную жизнь, благодаря нѣсколькимъ телямъ, сохранившимся въ ихъ карманахъ послѣ оргій.

Всѣ четверо были безъ косъ. Ихъ гладко остриженныя головы показывали, что они только что избѣжали рукъ правосудія и прямо изъ тюрьмы или ссылки попали въ тайгу хребта Сихотэ-Алинъ. Если-бы сбросить съ нихъ ихъ рубища, состоящія только изъ кофтъ и штановъ, сшитыхъ изъ синей дабы, то на спинахъ ихъ можно было-бы разсмотрѣть рѣзкіе слѣды бамбуковыхъ ударовъ. Особенно испещрена была спина гигантскаго роста китайца Хо, раскинувшагося рядомъ съ Хунъ-Ляномъ. Это былъ извѣстный хунхузъ, недавно наводившій своею жестокостью паническій страхъ на жителей окрестностей города Нингуту. Его руки были обагрены кровью многихъ безвинныхъ жертвъ. Онъ убивалъ не изъ корысти, а просто ужъ изъ любви къ убійству, изъ одной жажды крови. Хо подвергалъ свои жертвы страшнымъ мученіямъ. Онъ забавлялся ихъ страданіями, наслаждался зрѣлищемъ ихъ предсмертныхъ корчъ. Нѣсколько разъ онъ попадалъ въ руки манчжурскихъ властей, но каждый разъ успѣвалъ откупиться и опять продолжалъ свои грабежи, мстя тѣмъ, кто былъ причиной его задержки. Но онъ достигъ уже апогея своей жестокости.

Порѣшили положить конецъ дальнѣйшимъ неистовствамъ Хо, рѣшили схватить его и навсегда лишить возможности совершать преступленіе. Хо былъ дѣйствительно схваченъ чуть-ли не въ пятый разъ. Обѣщанія хорошаго выкупа не помогли, и разбойникъ подвергся жестокой, вполнѣ заслуженной, карѣ: ему отрубили по локоть правую руку, отрѣзали уши и косу и сослали въ отдаленнѣйшую часть Манчжуріи. Преступникъ бѣжалъ изъ мѣста ссылки при первомъ случаѣ. Лишенный возможности заняться прежнимъ ремесломъ, онъ присоединился къ партіи искателей жень-шеня. Его звѣрская натура искала исхода въ страшныхъ опасностяхъ и лишеніяхъ. Въ безпросвѣтной тайгѣ, среди хищныхъ звѣрей, Хо былъ въ своей сферѣ...

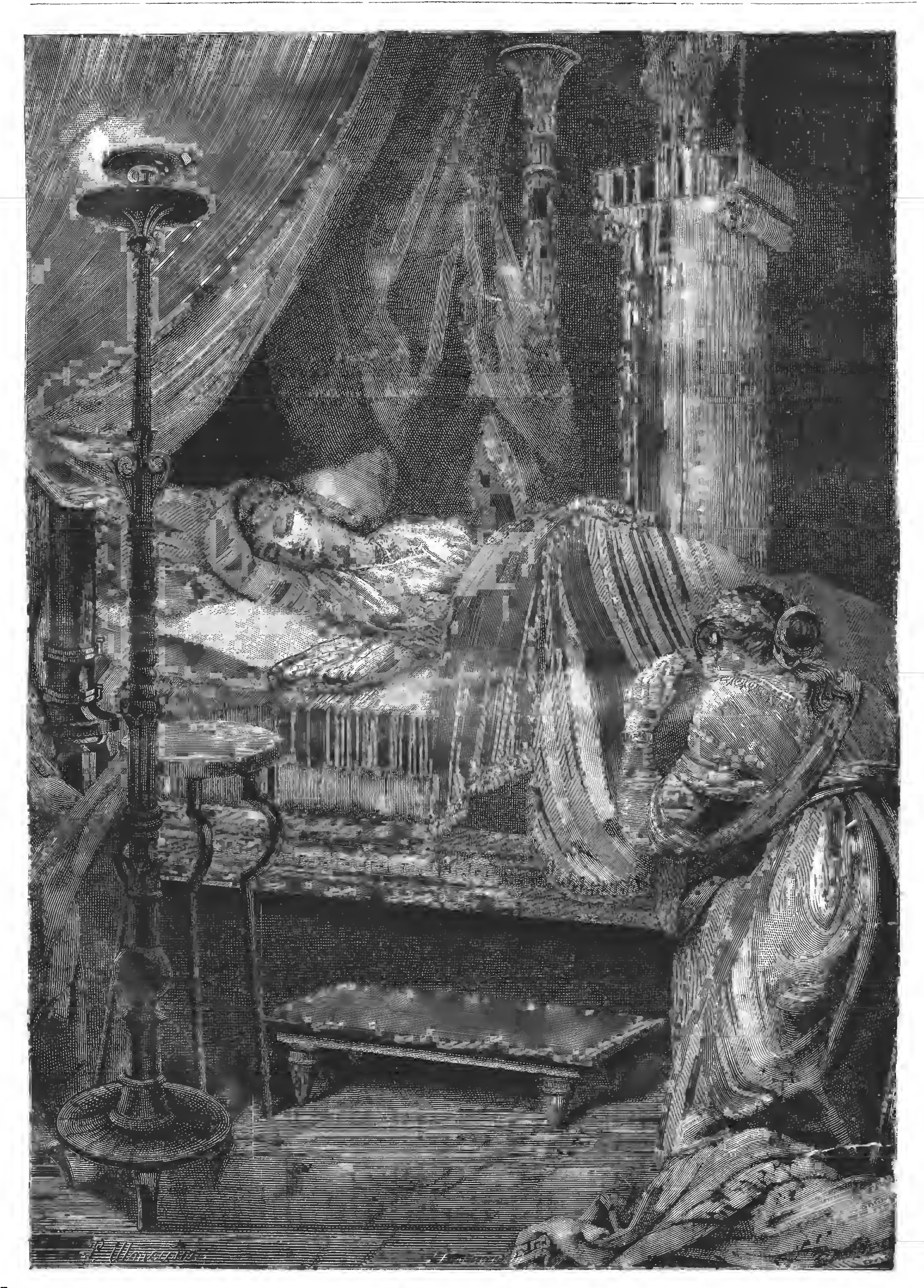
Остальные трое лоху (бѣглыхъ) были достойными товарищами Хо. Принадлежа къ числу отъявленныхъ негодяевъ, они носили на своихъ лицахъ клейма, наложенныя за разныя преступленія. Кто они были, откуда, какое совершили преступленіе — никто въ партіи не зналъ, да и не интересовался знать. Согласно давно установившемуся обычаю, никто изъ бродягъ не вправѣ распрашивать товарищей о прежней жизни. Всѣ они, составивъ партію, сплотились въ одну артель съ выборнымъ старшиной во главѣ, чтобы имѣть возможность дать надлежащій отпоръ звѣрямъ и другимъ искателямъ.

Опытный, посѣдѣвшій въ тайгѣ, Лонхоу, избранный старшиной партіи, пользовался, согласно установившемуся обычаю, громадною, почти безграничною властью, могъ произносить надъ признавшими эту власть хоть смертный приговоръ за дѣйствія противъ безопасности партіи и ея членовъ. Это былъ своего рода неограниченный владыка, которому партія оказывала полное подчиненіе; всякое нарушеніе такого подчиненія могло повлечь за собой жестокое взысканіе, безъапелляціонно налагаемое старшиной. Старшина сохраняетъ свою власть только до тѣхъ поръ, пока большинство партіи на его сторонѣ. Разъ этого большинства нѣтъ, онъ можетъ быть смѣщенъ во всякое время и на его мѣсто выбранъ другой. Мало того, смѣненный старшина можетъ быть суждепъ за прежніе свои проступки противъ партіи и понести жестокое наказаніе. Очевидно, что Лонхоу, при такихъ „щекотливыхъ" условіяхъ, долженъ былъ вести свое дѣло съ большимъ тактомъ, чтобы не возбу-

*) Чарки — башмаки изъ сыромятной кожи.

**) Трава ула-цао принадлежитъ къ роду ситовниковъ. Манчжуры считаютъ ее въ числѣ трехъ благъ (соболя, жень-шеня и травы ула), дарованныхъ небомъ ихъ родинѣ.

Литературный альбомъ. „Дочь египетскаго царя“. Романъ В. Эберса. „Бартія и Сафо“ (гл. XIII, ч. I).
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. И. Голевинскій.



Литературный альбомъ. „Дочь египетскаго царя". Романъ В. Эберса. „Родопа у ложа спящей Сафо" (гл. XIII, ч. I).
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. И. Голевинскій.

ить противъ себя неудовольствіе авантюристовъ. Впрочемъ, послѣдніе чувствовали превосходство Лонхоу надъ собой, чтобы рѣшиться на что-нибудь противъ него. Искатели жень-шеня хорошо понимали, что брось онъ ихъ въ неизвѣстной тайгѣ, то скоро отъ нихъ остались-бы только окровавленные трупы. Лонхоу обладалъ желѣзнымъ характеромъ и умѣлъ поддерживать въ партіи должный порядокъ и необходимую дисциплину. Несмотря на небольшой ростъ и какъ бы узковатую грудь, онъ обладалъ стальными мускулами, съ которыми не въ состояніи были соперничать даже крѣпкіе мускулы гиганта Хо. Въ этой силѣ и заключалась тайна его власти надъ такою партіей.

V.

Ночное нападеніе.

Время подходило уже къ полночи. Ли-фу продолжалъ сидѣть передъ костромъ и изрѣдка подбрасывалъ въ него охапки хвороста. Пламя костра какъ будто на секунду замирало и затѣмъ еще съ большею силою вскидывалось кверху, сыпля искры на окружающую листву и сырую траву. Вокругъ царствовала тишина, нарушаемая только отчетливымъ трескомъ пылавшаго хвороста. Тишина эта дѣйствовала на Ли-фу снотворно. Напрасно онъ старался побороть одолѣвшую его дремоту. Сильно уставшій за день, Ли-фу наконецъ не выдержалъ и задремалъ, облокотившись на груду приготовленнаго хвороста...

Прошло болѣе часу. Костеръ едва тлѣлъ. Ли-фу продолжалъ дремать, убаюкиваемый невозмутимой тишиной. Но слухъ его сталъ еще напряженнѣе, словно первная дѣятельность организма сосредоточилась въ головѣ. Вдругъ сны его разомъ прервались... По чащѣ пронеслось протяжное, словно кошачье, мяуканье и замерло гдѣ-то вблизи. Въ одно мгновеніе Ли-фу былъ на ногахъ, дрожащій, трепещущій. Съ безмолвнымъ ужасомъ уставилъ онъ свои расширенные зрачки въ то мѣсто чащи, гдѣ инстинктивно чувствовалъ присутствіе страшнаго врага, и... оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Кровь застыла у него въ жилахъ... Волоса встали дыбомъ... Сердце перестало биться... Хотѣлъ было онъ крикнуть, чтобы разбудить спокойно спавшихъ товарищей, но крикъ замеръ въ груди: изъ спертаго горла вылетѣло только какое-то едва слышное, мучительное хрипѣніе. Ли-фу охватило странное, гипнотическое состояніе... Онъ не могъ пошевельнуться, не въ силахъ былъ отвести глазъ отъ упорно направленныхъ на него горящихъ, словно раскаленные уголья, зрачковъ. Едва мерцающій костеръ бросалъ на окружающую листву колеблющійся полусвѣтъ... Вглядѣвшись попристальнѣе, Ли-фу съ ужасомъ разсмотрѣлъ высунутую изъ чащи, громадную, круглую голову самаго страшнаго, жестокаго и безпощаднаго врага отважныхъ авантюристовъ—бенгальскаго тигра... Хищникъ, казалось, находился въ недоумѣніи: сорвать-ли висящую надъ его головой, уже обвѣтрившуюся тушу косули, подвѣшенную Лонхоу на нижнюю вѣтвь пробковаго дерева, или напиться горячей крови этихъ, безпечно размѣстившихся на прогалинѣ людей. Одно, повидимому, смущало тигра — это упорно направленные на него глаза оцѣпенѣвшаго Ли-фу. Хищникъ смотрѣлъ въ эти глаза, полные безумнаго ужаса, словно очарованный. Казалось, этотъ упорный человѣческій взоръ отнималъ у него рѣшимость сдѣлать послѣдній прыжокъ. Тигръ былъ страшенъ въ своей дикой неподвижности. То онъ судорожно выпускалъ длинные когти, то опять вбиралъ ихъ. Густая, желтая шерсть стояла дыбомъ и словно искрилась. Изъ широкой груди вылетало какое-то едва слышное клокотанье. Кроваво-красныя ноздри были широко раздуты, трепетали. Прошло нѣсколько страшныхъ, мучительныхъ для Ли-фу мгновеній... Хищникъ неслышно пригнулся къ травѣ и судорожно началъ взрывать передними лапами сырую землю, не спуская съ Ли-фу горящихъ глазъ. Длинный его хвостъ извивался словно змѣя и трепеталъ... Повидимому, голодный тигръ рѣшился на послѣдній прыжокъ... Ли-фу съ невыразимымъ ужасомъ ждалъ своего послѣдняго часа, не имѣя силъ крикнуть, не имѣя силъ пошевельнуться... Но вотъ хищникъ отвелъ отъ него свои горящіе глаза и перевелъ ихъ на одного изъ близъ лежащихъ. Прошло еще одно мучительное мгновеніе... Вдругъ тигръ сдѣлалъ страшный прыжокъ, словно внезапно развернулась подъ нимъ гигантская стальная пружина. Послышались какой-то хрястъ, короткій, хриплый стонъ и урчаніе. Хищникъ, пригнувши свою круглую голову почти къ самой землѣ, пилъ горячую кровь, фонтаномъ бившуюся изъ перекушеннаго затылка жертвы...

Въ этотъ только страшный моментъ Ли-фу вышелъ изъ оцѣпенѣнія. Изъ спертаго его горла вылетѣлъ раздирающій душу, пронзительный крикъ: „ламаза!.. ламаза!..“ (тигръ). И онъ, словно подрубленное дерево, свалился на тлѣющіеся уголья костра.

Этотъ раздирающій крикъ произвелъ подавляющее дѣйствіе. Бродяги съ безумнымъ ужасомъ вскочили на ноги, не понимая, что случилось и кто причина такого вопля. Произошла сумятица: одни хватались за ножи, готовясь разить невидимаго, неожиданно явившагося врага; другіе искали ружья и спѣшили запалить потухшіе фитили; третьи со страхомъ всматривались въ окружающую чащу, стараясь пронизать таинственный мракъ. Растерялись почти всѣ. Кто-то даже на удачу выстрѣлилъ: пуля расщепила сукъ какого-то дерева, около самой головы Хунъ-Ляна... Не растерялся только одинъ Лонхоу. Быстро сообразивъ въ чемъ дѣло, онъ бросился къ едва тлѣвшемуся костру. Оттащить за ноги на сырую траву безчувственнаго, обожженнаго Ли-фу—было для него дѣломъ одной секунды. Схвативъ затѣмъ огромную охапку сухаго хвороста, Лонхоу бросилъ ее на уголья и началъ раздувать. Черезъ нѣсколько секундъ хворостъ затрещалъ и повалилъ бѣлый дымъ. Разгорѣвшееся пламя коснулось сухаго дерева, и прогалина разомъ освѣтилась колеблющимся свѣтомъ ярко запылавшаго костра. Бродяги вздохнули съ облегченіемъ: свѣтъ возвратилъ имъ самообладаніе. Они съ любопытствомъ осмотрѣлись: на прогалинѣ никого не было. Только въ одномъ мѣстѣ трава была сильно примята и обильно смочена свѣжею кровью... Каждый изъ авантюристовъ, словно сговорившись, молча оглядѣлся и пересчиталъ своихъ товарищей: одного не хватало... Было девять — стало восемь... Не хватало лоху Пан-хи... Всѣмъ сдѣлалась ясна причина отчаяннаго крика Ли-фу. Было очевидно, что тигръ, воспользовавшись наступившимъ мракомъ, выхватилъ съ прогалины одну жертву и скрылся съ нею въ темной заросли. Никто не рѣшился преслѣдовать хищника. Каждый хорошо сознавалъ, что Пан-хи уже покончилъ съ жизнью счеты, и преслѣдовать было-бы безцѣльно.

Ли-фу, упавъ на тлѣвшіеся еще уголья костра, получилъ довольно серьезные ожоги груди и лица. Въ первыя минуты общаго переполоха никто изъ товарищей не обратилъ на него вниманія. Каждый, пересчитывая оставшихся въ живыхъ, хотя и вводилъ въ общій счетъ обезпамятѣвшаго Ли-фу, не обратилъ вниманія на то, что онъ нуждается въ помощи. Никто не замѣтилъ, что на плечахъ несчастнаго Ли-фу еще тлѣется халатъ...

Но вотъ паника начала проходить. Разсудокъ постепенно вступалъ въ свои права, и каждый сознавалъ, что опасность для остальныхъ уже миновала... Между тѣмъ жгучая боль заставила Ли-фу придти въ себя. Съ хриплымъ стономъ вскочилъ онъ на ноги и съ какимъ-то остервенѣніемъ сорвалъ съ своихъ обожженныхъ плечъ тлѣвшуюся одежду. Товарищи отнеслись къ его страданіямъ безучастно. Они были не таковы, чтобы обратить на это вниманіе. Вмѣсто словъ участья и сожалѣнія, посыпались насмѣшки и ругань. Каждый словно хотѣлъ излить свой гнѣвъ надъ Ли-фу за только что испытанный страхъ. Бродяги набросились на несчастнаго, какъ на виновника ночнаго переполоха.

— Сонная собака!.. Песій выродокъ! взвизгивалъ Хо съ пѣной у рта, неистово размахивая своею единственною рукою.

— Чтобъ тебѣ захлебнуться тигровою желчью, подавиться оленьимъ рогомъ!.. выкрикивалъ Хунъ-Лянъ злобныя пожеланія.

Остальные искатели жень-шеня не отставали и сыпали самою площадною руганью. Одинъ только Лонхоу сохранялъ полное самообладаніе и съ участіемъ посматривалъ на Ли-фу, опалѣвшаго отъ этого крика.

— Эй, вы, шакалы, полно выть! проговорилъ онъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія этимъ крикомъ.—Дайте Ли-фу хоть очнуться!.. Развѣ не видите, что онъ уже наказанъ... Смотрите, рожа у него, словно опаленная кабанья морда!..

Но тѣ не унимались.

— Молчите, собаки! съ бѣшенствомъ крикнулъ Лонхоу, грозно насупивъ свои сѣдыя брови. Единственный глазъ его заблисталъ словно раскаленный уголь. — Ложитесь спать!.. Ты, Хунъ-Лянъ, сторожи становище до утра... Не жалѣй хвороста!.. А то какъ разъ ламаза опять придетъ...

Тогда всѣ разомъ смолкли. Они хорошо знали, что Лонхоу шутить не любитъ и всегда требуетъ безпрекословнаго повиновенія. Хунъ-Лянъ угрюмо отошелъ отъ Ли-фу и тотчасъ-же приступилъ къ обязанности ночнаго сторожа, бросивъ въ костеръ огромную охапку хвороста... Постепенно, бродяги улеглись, и черезъ полчаса на прогалинѣ вновь наступила полная тишина, нарушаемая только трескомъ ярко пылавшаго хвороста.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи **А. Брикнера.** *)

Въ 1655 г. венеціанская республика послала въ Россію дипломатическаго агента духовнаго званія, Альберто Вимина, съ цѣлью склонить царя Алексѣя Михайловича къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Но царь Алексѣй былъ занятъ въ то время войною съ Польшею, а также можно было ожидать разрыва Россіи со Швеціею, вотъ почему восточный вопросъ и чужія политическія дѣла не могли заинтересовать русское правительство.

Между тѣмъ появленіе Вимины въ Россіи было исходнымъ пунктомъ дипломатическихъ сношеній между царемъ и Венеціанской республикой. Вслѣдъ затѣмъ въ Венеціи появляется нѣсколько московскихъ пословъ. Венеція считалась въ то время сильной державой. Извѣстно, что въ 1698 г. Петръ Великій намѣревался посѣтить знаменитую республику и ознакомиться съ ея верфями, арсеналомъ, эскадрой и промышленными учрежденіями.

*) Aus a. Z. und L. Heft 2 — 3.

Какъ мало въ Москвѣ знали о западной Европѣ, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что по прибытіи въ Россію Вимины, его спрашивали откуда онъ, кто царствуетъ въ Венеціи, съ какими государствами она находится въ сношеніяхъ и проч.; желали занять у Венеціи деньги, которыя были нужны для веденія войны съ Польшей и Швеціей. Съ такимъ именно порученіемъ русское посольство отправилось въ Венецію.

Теперь изъ Москвы въ Венецію можно проѣхать въ четверо сутокъ. Въ XVII столѣтіи для этой цѣли требовалось столько же мѣсяцевъ. Несогласія съ Польшей принудили путешественниковъ сдѣлать большой объѣздъ. Дорога шла изъ Москвы въ Архангельскъ, а оттуда моремъ, вокругъ всей Европы, чрезъ Гибралтарскій проливъ въ Ливорно.

О дипломатическихъ пріемахъ или политической опытности у русскихъ пословъ того времени говорить трудно. Иностранными дѣлами въ Москвѣ завѣдывали высшіе бояре; о западно-европейскихъ отношеніяхъ не имѣли точнаго понятія. Точно также не знали западно-европейскихъ языковъ и русскіе послы говорили съ князьями и государственными людьми западной Европы чрезъ переводчиковъ. И только въ тѣхъ случаяхъ, когда иностранцы, по порученію Московскаго правительства, являлись въ западную Европу въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ,—переговоры могли вестись лично.

Во главѣ посольства, отправившагося въ Венецію въ 1656 г., находился переяславскій воевода Чемодановъ; помощникомъ его былъ Посниковъ. Свита ихъ состояла изъ 33 лицъ.

Послѣ приготовленій къ путешествію, занявшихъ нѣсколько недѣль весною 1656 г., въ началѣ іюля посольство выѣхало изъ Москвы. Взято было много вещей, но денегъ было мало. Послы везли съ собою 100 пудовъ ревеню и значительную партію соболиныхъ мѣховъ, что предполагалось продавать за границей. Дипломатическое посольство это походило болѣе на торговый восточный караванъ и двигалось весьма медленно.

Какъ проѣхать въ Венецію — русскіе узнавали отъ иностранныхъ купцовъ и шкиперовъ, жившихъ въ Москвѣ и въ Архангельскѣ. Должны были положиться на голландскихъ капитановъ корабля; наймомъ судовъ, ходившихъ между Ливорно и Архангельскомъ, занимались также иностранцы.

Свита была такъ велика, что въ Архангельскѣ нужно было нанять два корабля. Только въ сентябрѣ можно было пуститься въ долгій путь; въ такое позднее время путь былъ очень затруднителенъ и опасенъ. Отъ Архангельска до Ливорно (около 7000 верстъ) ѣхали три мѣсяца, нигдѣ не выходя на берегъ. Приходилось испытывать бури. Въ своемъ донесеніи о путешествіи Чемодановъ упоминаетъ о страшной бурѣ у берега Ирландіи (въ концѣ октября): волны заливали палубу, окна въ нѣкоторыхъ каютахъ были выбиты, такъ что въ трюмъ набралось воды на цѣлый аршинъ; оказавшуюся течь пришлось задѣлать парусомъ и цѣлую ночь выкачивать воду ведрами и котлами.

Избѣгнувъ съ трудомъ одной опасности, у береговъ Португаліи и Испаніи они встрѣтили новую. Экипажъ и пассажиры обоихъ голландскихъ кораблей ожидали каждую минуту нападенія пиратовъ; все было приготовлено для встрѣчи непріятеля; отъ встрѣчныхъ шкиперовъ получались извѣстія, что между Ливорно и Гибралтаромъ особенно много морскихъ разбойниковъ, такъ что въ этомъ мѣстѣ нужна величайшая осмотрительность. Не успѣли путешественники миновать Гибралтаръ, какъ вдругъ увидѣли три разбойничьихъ корабля, которые, спрятавшись за скалу у Испанскаго городка Мотриль, поджидали ихъ и пустились за ними въ погоню. Уже они были близко, но замѣтивъ на корабляхъ русскихъ все приготовленнымъ къ бою, повернули назадъ и скоро исчезли изъ виду. Наши путешественники возблагодарили Творца за спасеніе; шкипера, опасаясь дальнѣйшихъ преслѣдованій, измѣнили курсъ, лавировали нѣкоторое время, подошли сперва къ берегу Корсики и затѣмъ уже въ Ливорно.

Всѣ эти приключенія упомянуты въ дневникѣ, который послы вели съ цѣлью представленія своему правительству по возвращеніи на родину. На обязанности пословъ лежало ознакомленіе съ разстояніями отъ различныхъ мѣстъ, которыя они миновали, и собираніе прочихъ свѣдѣній. Такимъ образомъ Чемодановъ старался до нѣкоторой степени узнать страны, вблизи которыхъ ему приходилось плыть. По географическимъ замѣткамъ въ дневникѣ можно судить, что всѣ имена и числа были для нихъ вполнѣ новы. О сѣверномъ берегѣ Норвегіи они писали, что это „страна датскаго короля“; островъ Фароеръ названъ „Фиръ“; Исландія—„Ледянымъ островомъ“; Шотландскіе острова — „Гитланъ“; далѣе Чемодановъ помѣчаетъ „что испанская страна соприкасается съ французскою“ и что всѣ эти страны, во время проѣзда, оставались по лѣвую руку. Измѣненіе названій иногда таково, что нельзя догадаться о какомъ именно городѣ или мѣстѣ идетъ рѣчь.

Съ путешествіемъ Чемоданова изъ Москвы, чрезъ Архангельскъ, въ Ливорно, мы знакомы только по дневнику самихъ пословъ. О пребываніи же ихъ въ Ливорно есть документы и во флорентинскомъ архивѣ.

Появленіе русскаго посольства въ Италіи возбудило большое любопытство *). Въ то время уже существовали кое-какія торговыя отношенія между Ливорно и Архангельскомъ. Главнымъ предметомъ, доставляемымъ Россіей въ Италію, была икра. Въ спискѣ товаровъ, прибывшихъ на кораблѣ изъ Архангельска въ Ливорно въ 1659 г., значится 241 бочка икры и, въ числѣ другихъ предметовъ, нѣсколько тысячъ пудовъ воску. Въ Ливорно жили купцы, поддерживавшіе правильныя сношенія съ Архангельскомъ и могшіе сообщить флорентинскому правительству нѣкоторыя свѣдѣнія о московскомъ государствѣ; но еще никогда на тосканской землѣ не была русская нога. Только между Римомъ и царемъ, и то какъ случай исключительный, существовали нѣкоторыя дипломатическія сношенія. Впечатлѣніе, произведенное Чемодановымъ и его свитой, было новое, поражающее.

О пріемѣ русскихъ въ Ливорно многое записано въ дневникѣ Чемоданова. Всѣ корабли, стоявшіе въ ливорнскомъ рейдѣ, а также суда, на которыхъ прибыли русскіе, салютовали другъ другу выстрѣлами изъ мортиръ. Чемодановъ уплатилъ шкиперамъ 17 рублей за порохъ, израсходованный на салюты въ дорогѣ. На 78 выстрѣловъ потребовалось 234 фунта пороха.

Губернаторъ Ливорно, Антоніо Серристори, послалъ тотчасъ офицера на корабли, освѣдомиться о прибывшихъ; но выгрузкѣ русскихъ товаровъ, къ нимъ была приставлена стража. Остававшіеся все время на корабляхъ послы были торжественно привѣтствуемы чиновникомъ по порученію губернатора. Прибыли также врачи, съ цѣлью удостовѣриться, что экипажи и пассажиры здоровы и нѣтъ опасности заразиться отъ нихъ какою либо болѣзнью. На кораблѣ пили здоровье царя Алексѣя и великаго герцога Фердинанда. Затѣмъ появился губернаторъ, распрашивалъ о политическомъ положеніи московскаго государства, о польско-русской войнѣ и проч. Только на четвертый день по прибытіи въ ливорнскій рейдъ, русскіе сошли на берегъ. Купецъ Карлъ Лонгланъ, имѣвшій торговыя сношенія съ Архангельскомъ, выслалъ пять разукрашенныхъ лодокъ, отвезшихъ путешественниковъ съ корабля на берегъ. Тутъ стояло семь экипажей. Послы были одѣты въ богатыя платья. Громадная толпа народа собралась посмотрѣть на ихъ шествіе. Описанію торжественнаго пріема, — послы остановились въ домѣ Карла Лонгланъ, — празднествъ и тостовъ отведено большое мѣсто въ дневникѣ. Повидимому, наши послы желали ознакомить свое правительство особенно съ тѣми почестями, которыхъ удостоились въ Ливорно.

Когда они выразили желаніе посѣтить находящуюся въ Ливорно церковь, въ ихъ распоряженіе было предоставлено нѣсколько экипажей. Всякій разъ какъ они появлялись на улицахъ, ихъ встрѣчала масса народа. Венеціанскій агентъ, находившійся въ Ливорно, сдѣлалъ имъ визитъ. Оказалось необходимымъ взять переводчика, обязанности котораго сталъ исполнять нѣмецъ Іоганъ Саксъ.

Впродолженіи мѣсячнаго пребыванія въ Ливорно, русскіе старались ознакомиться съ общимъ положеніемъ дѣлъ. Со времени отъѣзда они не имѣли никакихъ извѣстій съ родины. Теперь они узнали уже здѣсь о нѣкоторыхъ событіяхъ, происшедшихъ за это время. Въ расходной книгѣ Чемоданова помѣчено, что за изготовленіе выписокъ изъ газетъ уплачено имъ собольими шкурками стоимостью въ 3½ рубля. Въ разговорахъ русскихъ съ Лонглапомъ упоминалось объ отношеніяхъ Франціи къ Испаніи. О дальнѣйшемъ путешествіи въ Венецію послы вели переговоры съ ливорнскими властями и венеціанскимъ агентомъ.

Въ отчетахъ своимъ правительствамъ венеціанскихъ и тосканскихъ чиновниковъ, находившихся въ Ливорно одновременно съ русскими путешественниками, есть свѣдѣнія о нашихъ послахъ. Такъ напр., венеціанскій агентъ Армано писалъ, что русскіе не хотѣли выйти на берегъ до тѣхъ поръ, пока въ честь ихъ не было произведено извѣстное число выстрѣловъ. Губернатору Ливорно не понравилась настойчивость, съ какою русскіе послы требовали выполненія внѣшностей этикета. Ему былъ также непріятенъ подарокъ Чемоданова, состоявшій изъ собольихъ шкурокъ посредственной доброты. Громадное количество товаровъ, привезенныхъ дипломатами, возбуждало удивленіе. Серристори пишетъ, что послы хотѣли купить у еврея Мозеса Франка драгоцѣнныя каменья, но предлагали только половину стоимости, и покупка не состоялась; продавая же привезенные товары, они запрашивали чрезмѣрныя цѣны, на 30 процентовъ болѣе противъ существовавшихъ въ городѣ цѣнъ.

Послы производили впечатлѣніе людей простыхъ, необразованныхъ. Итальянцы удивлялись, что ни въ Чемодановѣ, ни въ Посниковѣ не было ничего „знатнаго“, что они были скупы и мелочны, обращались дурно съ прислугой и почти требовали, чтобы ихъ повсюду угощали.

Любопытно, что Серристори подробно описываетъ наружность и манеры русскихъ: „Чемоданову около 60, а Посникову около 40 лѣтъ; они говорятъ только по русски; хвалятъ итальянскую кухню и вина; имъ подарили нѣсколько боченковъ вина; пьютъ и ѣдятъ они умѣренно, но у себя въ комнатахъ все время употребляютъ много водки. Въ помѣщеніи пословъ часто играютъ на какихъ то инструментахъ, поютъ и танцуютъ; они упрямы и недовѣрчивы, имѣютъ вѣроятно много денегъ, любятъ хвастать богатствами своего царя, держатъ себя гордо и надмен-

*) Въ „Annali di Livorno“ Джіузеппе Виволи, о прибытіи рускихъ пословъ упоминается какъ о важномъ событіи.

но". Нѣкоторыя привычки русскихъ казались итальянцамъ ужасными. Такъ напр., Серристори пишетъ: „Они нечистоплотны, спятъ одѣтыми на полу, и послы покрываются такими же одѣялами что и слуги". Губернаторъ приказалъ сдѣлать портретъ Чемоданова и послалъ его во Флоренцію съ замѣчаніемъ: „Верхняя половина тѣла потому кажется такъ длинна, что поясъ повязанъ очень низко (тогда носили очень короткія таліи); жемчугъ на воротникѣ широкой одежды не настоящій".

Хотя русскіе не отвѣтили на визитъ Серристори, извиняясь, что они не получили по этому предмету никакихъ инструкцій отъ своего государя, тѣмъ не менѣе губернаторъ предположилъ пригласить ихъ на балъ; „они любятъ веселиться", замѣчаетъ онъ, и проситъ поэтому указаній, какъ ему поступить?

Спустя нѣсколько дней, русскіе дипломаты появились на балу, данномъ губернаторомъ; они были очень богато одѣты; ранѣе чѣмъ отправиться на балъ, нужно было исполнить относительно ихъ разныя формальности; подавалась водка; при одѣваніи парадпаго платья послы постоянно крестились; затѣмъ они помолились передъ своими образами; на балу все время сидѣли неподвижно на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ, не принимали участія въ танцахъ, пили и внимательно осматривали дамъ. Вернувшись къ себѣ, они много разговаривали о красотѣ и любезности дамъ.

На вопросъ—курятъ ли и нюхаютъ ли табакъ въ Россіи, они отвѣчали, что царь ихъ человѣкъ набожный, и поэтому строго запретилъ употребленіе этого зелья. До сихъ поръ носъ былъ единственное исключительное, чѣмъ люди не грѣшили; но дьяволъ, говорили они, выдумалъ табакъ, чтобы люди грѣшили и носомъ, и мудрый государь, въ предупрежденіе своихъ подданныхъ отъ совершенія грѣха, запретилъ имъ нюхать табакъ. „Что за ханжество!" восклицаетъ итальянскій повѣствователь того распущеннаго времени, когда всякая строгость такого рода должна была казаться крайней нелѣпостью.

Уѣзжая въ Венецію, послы хотѣли взять съ собою привезенные ими и не потребленные еще припасы, соленую рыбу, муку, солонину, медъ и другіе напитки, и даже пустыя бочки, на что понадобились четыре лодки. Они шутя говорили, что большой багажъ доказываетъ важность путешествующихъ. Узнавъ же, что отъ границы венеціанской республики до Венеціи только день пути, они были очень возмущены, что съ нихъ хотѣли взять плату за лодки, и упомянули, что Альберто Вимина, бывши въ Россіи, долженъ былъ проѣхать тысячу миль, и все это время жилъ на счетъ царя.

Своими причудами русскіе дипломаты поражали итальянцевъ, которымъ конечно не могли нравиться обычаи и привычки русскихъ. „Въ праздники, говорится въ одномъ изъ ливорнскихъ документовъ, послы не выходятъ, а сидятъ весь день дома, напѣваютъ духовныя пѣсни и играютъ въ шашки. Лонгланъ, говорится тамъ же, съ приближеніемъ времени отъѣзда пословъ, запасается разными благовонными эссенціями, чтобы окуривать комнаты, въ которыхъ жили русскіе; предполагаютъ, что онѣ подвергнутся строгому карантину; послѣ трехчасоваго пребыванія русскихъ пословъ въ домѣ губернатора, они оставили послѣ себя сильный запахъ рыбы. Тамъ, гдѣ они жили долго, запахъ этотъ конечно не скоро пройдетъ".

Въ другомъ мѣстѣ сообщается, что поѣздка за городъ на виноградники доставила посламъ много удовольствія; они были восхищены, такъ какъ на родинѣ не видѣли ничего подобнаго. Старшій посолъ былъ очень веселъ и много говорилъ о прекрасномъ полѣ. Увидѣвъ разъ на улицѣ нѣсколькихъ дамъ въ экипажѣ, онъ спросилъ объ имени одной изъ нихъ, поразившей его красотою. Узнавъ, что это жена доктора, онъ, по возвращеніи домой, началъ жаловаться на боль въ рукѣ; когда же ему предложили послать за докторомъ, онъ отвѣтилъ, что пойдетъ къ нему самъ. Болѣзнь была только предлогомъ увидѣть красивую жену этого доктора. Только съ трудомъ удалось отговорить его отъ такого намѣренія. Посолъ Чемодановъ вошелъ въ лавку подъ предлогомъ покупки, но въ дѣйствительности чтобы полюбоваться красивою женою купца, которую онъ видѣлъ на улицѣ и которая ему понравилась. Рядомъ однако съ этими фривольностями—набожность; у пословъ постоянно происходили богослуженія, читались молитвы съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Во время молитвы за Царя, всѣ не только становились на колѣни, но кланялись земно.

Широкое богатое платье русскихъ возбуждало общее вниманіе, на улицахъ ихъ всегда провожала толпа народа. Трунили надъ карманами москвичей, которые были такъ глубоки, что, вынимая что либо изъ нихъ, приходилось гнуться; смѣялись надъ тѣмъ, что русскіе носятъ платки въ шапкахъ.

(До слѣд. №).

Смиренный, Ермоген Патриархъ

Высокопр. Гермогенъ, второй Патріархъ Всероссійскій (1606—1612 г.).
Рисовалъ и грав. А. Нейманъ.

Литературный альбомъ. „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ". Баллада А. С. Пушкина. Ориг. рис. И. Каменева, грав. Флюгель.

Къ рисункамъ

„Берегись! Новый Годъ ѣдетъ“!

(Рис. на стр. 4 и 5).

Какъ бѣшено-быстро несется на этой лихой тройкѣ только что народившійся Новый Годъ! Не успѣешь оглянуться какъ онъ уже наступитъ; время летитъ и начинается годъ съ его пестрыми днями, то веселыми, то грустными, то шумными и яркими, то тихими и грустно-однообразными. Принесетъ-ли онъ съ собою счастье, радости и надежды кто знаетъ! Только быстро и неудержимо катится его колесница, храпя несутся горячіе кони и раздается лихой крикъ: „Берегись! Берегись старый, отошедшій отъ насъ Годъ! Новый Годъ ѣдетъ.“

Надъ головой его горитъ однако яркая звѣзда надежды и солнце радости, надъ нимъ несется голубь съ вѣтвью мира, кругомъ него рѣютъ геніи веселья, обилія, любви, счастья, весны и радости! И пусть они наполнятъ Новый Годъ каждаго изъ насъ, пусть не повторяются горести и несчастья минувшаго и будетъ съ чѣмъ каждаго изъ насъ поздравить — съ Новымъ Годомъ!!

Красавица.

(Рис. на стр. 9).

Мы уже говорили о собраніи рисунковъ красивыхъ женскихъ головокъ, рисунковъ, принадлежащихъ карандашу талантливаго И. Веле. И настоящій рисунокъ, какъ видятъ читатели, отличается тѣмъ же изяществомъ и тщательностью отдѣлки и такъ же превосходно выполненъ извѣстнымъ граверомъ Пааромъ, какъ и предъидущіе.

„Дочь египетскаго царя“. Ром. Эберса.

(Рис. на стр. 12 и 13).

Выходъ въ свѣтъ, лѣтъ десять тому назадъ, романа германскаго писателя В. Эберса „Дочь египетскаго царя“, былъ замѣчательнымъ явленіемъ въ литературномъ мірѣ. Романъ изъ древней жизни, событія происходившія за 500 лѣтъ до Р. Хр.,— нужно было имѣть большой художественный талантъ, чтобы выступить съ такой темой и имѣть такой огромный успѣхъ: романъ выдержалъ по нѣскольку изданій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ, и читался и у насъ съ большимъ интересомъ. И дѣйствительно, внутреннія достоинства романа такъ велики, что оправдываютъ такое вниманіе. Оставаясь глубоко вѣрнымъ изысканіямъ и свѣдѣніямъ о древнемъ мірѣ, авторъ съумѣлъ нарисовать такую его чудную картину, полную жизни и интереса, что съ напряженнымъ любопытствомъ перевертываешь страницу за страницей до конца. И воскресаетъ передъ вами этотъ міръ, съ его будничной обстановкой, въ его торжественныхъ церемоніяхъ и дѣйствіяхъ...

Изъ русскихъ художниковъ плѣнился грандіозными образами этого художественнаго произведенія молодой художникъ, сотрудникъ нашъ, г. Штейнъ, и здѣсь мы представляемъ два прекрасныхъ рисунка, относящихся къ одному изъ поэтичнѣйшихъ эпизодовъ романа—любви Бартіи и Сафо. Бартія, молодой царевичъ, младшій братъ могучаго владыки Персіи, Камбиза, пріѣхавшій съ посольствомъ въ Египетъ, во время вечерней прогулки, нечаянно встрѣчаетъ въ саду молоденькую, прелестную Сафо, внучку знатной египтянки Родопы. Платье Сафо зацѣпило за кусты шиповника. Юноша помогаетъ ей распутаться. Сафо останавливается, пораженная иностраннымъ костюмомъ и красотою царевича. Такимъ представляла она себѣ златокудраго Аполлона. Царевичъ мгновенно схватилъ дѣвушку за руку.

— Пусти меня! просила Сафо полусерьезно, полушутливо, подымая свои темные глаза на юношу.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ,—я оторвалъ тебя отъ розоваго куста и буду держать пока ты не отдашь мнѣ розу, что въ твоихъ волосахъ.

— Прошу тебя, пусти меня!

— Но теперь ты должна сказать какъ тебя зовутъ? Сафо? Не родственница-ли ты той, что слагаетъ такія чудныя пѣсни?...

Разговоръ идетъ граціозно и оживленно. Глубокое чувство, которое вспыхнуло съ первой-же встрѣчи въ молодыхъ людяхъ, приноситъ имъ столько счастія. Бартія не предчувствуетъ еще грядущаго горя и бѣды!

Когда почтенная Родопа, бабушка прелестной Сафо, въ этотъ вечеръ по обыкновенью подошла къ ложу своей внучки, то нашла ее уже спящею, но не прежнимъ дѣтскимъ, спокойнымъ сномъ. Губы Сафо шевелились и она глубоко и печально вздыхала какъ будто ее мучили безпокойныя грёзы... Сафо погружена была въ эти сладостныя грезы, а Родопа не смыкала глазъ всю ночь и задумчиво хмурилась въ глубокой тревогѣ объ участи своей милой внучки. Тутъ, бодрствующею засталъ ее великолѣпный разсвѣтъ яснаго восходящаго дня...

Первый рисунокъ нашего художника изображаетъ именно свиданіе Бартіи и Сафо, а второй - Родопу у ложа ея внучки, Сафо.

Содержаніе романа полно интереса и разсказъ ведется съ неослабѣвающимъ оживленіемъ. Прелестная дочь царя Амазиса, основателя XVII династіи, покорителя Кипра, отправляется въ Персію, гдѣ дѣлается женою могущественнаго Камбиза, сына Кира, впослѣдствіи завоевателя Египта. Съ перваго взгляда на царя, выѣхавшаго за городъ на встрѣчу своей невѣстѣ, Нитетисъ поражена его видомъ и величіемъ и въ душѣ ея загорается глубокое чувство къ ея будущему царственному супругу. Жизнь ея, въ замужествѣ за грознымъ повелителемъ Персіи, начинается счастливо; въ семьѣ царя отъ слѣпой матери его Касанданы и его красавицы-сестры Атоссы она пользуется родственною любовью и ласками, но семейное счастье это отравляетъ ревнивая подозрительность своенравнаго и вспыльчиваго Камбиза. Царю кажется, что младшій братъ его, Бартія, начинаетъ питать не братскія чувства къ царицѣ Нитетисъ и ему доносятъ, что Бартія даже ходилъ на свиданіе въ царскіе сады. Раздраженный Камбизъ велитъ заключить брата и его друзей въ тюрьму и по разборѣ дѣла предать смерти, когда все недоразумѣніе счастливо разъясняетъ умный и знатный аѳинянинъ Ѳанесъ, прибывшій ко двору Камбиза. Бартію и друзей его освобождаютъ, но бѣдная царица Нитетисъ, огорченная тѣмъ, что такъ глубоко любимый ею мужъ могъ повѣрить хоть на минуту ея виновности, принимаетъ сокъ ядовитаго растенія и умираетъ. Съ прекращеніемъ ея благотворнаго вліянія на Камбиза, характеръ его, вспыльчивый и жестокій, дѣлается невыносимымъ. Начинается счастливая война съ Египтомъ, но по возвращеніи изъ похода царь дѣлается все мрачнѣе, впадаетъ въ тоску, заболѣваетъ и наконецъ мѣшается въ разсудкѣ и умираетъ. Послѣ смерти Камбиза жрецы, подъ именемъ убитаго брата его Бартіи, возводятъ на престолъ узурпатора Гаумату.

Гермогенъ, патріархъ всероссійскій.

(Портр. на стр. 16).

Среди великихъ святителей русской земли, ознаменовавшихъ себя незабвенными заслугами церкви и отечеству въ годины самыхъ страшныхъ народныхъ бѣдствій и испытаній, особенно выдѣляется на фонѣ историческаго прошлаго, величественный образъ патріарха Гермогена. Въ эпоху самую мрачную и ужасную, въ эпоху общаго шатанія и разложенія всякаго государственнаго и нравственнаго порядка, онъ являлся, по выраженію самихъ современниковъ, неколебимымъ столпомъ церкви и отечества, у ногъ котораго разбились прахомъ всѣ козни и замыслы враговъ нашей вѣры и національности. Служеніе церкви Гермогенъ началъ еще въ царствованіе Іоанна Грознаго — сначала въ санѣ архимандрита и настоятеля Спасо-Преображенскаго монастыря въ городѣ Казани, а потомъ въ 1583 г. казанскимъ архипастыремъ. Но вотъ пришли тяжелыя времена для нашего отечества. На престолѣ русскихъ царей сидѣлъ самозванецъ, орудіе папизма, и православію грозила серьезная опасность. Льстивый грекъ, лжепатріархъ Игнатій, былъ плохимъ защитникомъ церкви; онъ во всемъ угождалъ самозванцу и исполнялъ всѣ его желанія. Такъ, онъ безпрекословно соглашался, чтобы дочь сандомірскаго воеводы, будущая жена самозванца и царица московская, исполняла бы лишь для вида нѣкоторые обряды восточнаго православія. Другіе пастыри церкви тоже молчали изъ страха или угодливости, но митрополитъ казанскій не убоялся царскаго гнѣва и вмѣстѣ съ Іосифомъ, епископомъ коломенскимъ, рѣшительно отвергалъ всякія уступки въ пользу папства, настоятельно требуя, чтобы царица торжественно приняла православіе. Узнавъ объ этомъ, самозванецъ воспылалъ гнѣвомъ противъ Гермогена, немедленно выслалъ его изъ столицы, велѣлъ заключить его въ казанскій монастырь, и даже грозилъ лишить сана. Но вскорѣ послѣ этого самозванецъ погибъ; лжепатріархъ Игнатій былъ свергнутъ съ патріаршаго престола и вмѣсто него былъ единогласно избранъ Гермогенъ. По воцареніи Шуйскаго, Гермогенъ всѣми силами старался поддержать шатающійся тронъ новаго царя и много разъ мятежники расходились по его убѣжденію; но все-таки онъ былъ не въ силахъ охранять порядокъ, когда противъ Шуйскаго, кромѣ бояръ, возстала и чернь, возмущенная голодомъ и смертью своего любимца князя Скопина-Шуйскаго, въ отравленіи котораго подозрѣвали самого Шуйскаго. Кромѣ того, въ то же время появилось разомъ нѣсколько самозванцевъ; повсюду замѣчалась полная анархія и безначаліе. Города и области не слушали болѣе Москвы, не хотѣли знать распоряженій думы боярской, и такимъ образомъ силы государства раздробились и вступили во взаимную борьбу. Страна сѣверная поддержала тушинскаго царька; астраханская была гнѣздомъ разныхъ мелкихъ самозванцевъ, сѣверо-западная искала помощи у шведовъ и т. д. Народное единство было нарушено. „Горы могилъ, по выраженію лѣтописца, воздымались на русской землѣ, терзаемой убійствами и грабежами собственныхъ сыновъ ея, и уже не свѣтомъ луны, а пожарами освѣщались ночи“. Внѣшніе враги тоже не дремали. Король польскій, Сигизмундъ III, переступилъ съ войскомъ черезъ русскую границу

въ то время, какъ его военачальники Рожинскій, Сапѣга, Лисовскій ратовали за самозванца. Вопреки прежнимъ договорамъ, Сигизмундъ завладѣлъ Смоленскомъ и всею юго-западною Русью. Наконецъ сама Москва подпала подъ власть ляховъ и послѣдніе сдѣлались въ ней полными хозяевами. Сильная партія бояръ была на сторонѣ поляковъ и прочила въ цари польскаго королевича Владислава. Гермогенъ же настаивалъ на выборѣ царя чисто русскаго и православнаго, и указывалъ на юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына ростовскаго митрополита. Боярамъ, предлагавшимъ Владислава, онъ отвѣчалъ, что согласенъ на выборъ лишь въ томъ случаѣ, если королевичъ приметъ православіе. Между тѣмъ, народъ русскій, благодаря грознымъ грамотамъ патріарха, началъ мало-по-малу оправляться отъ своей апатіи, и съ разныхъ сторонъ потянулись дружины для освобожденія Москвы отъ ляховъ. Гермогенъ всѣми силами поддерживалъ это народное движеніе и, убѣдившись въ вѣроломствѣ Сигизмунда, открыто разрѣшилъ народъ отъ присяги Владиславу. Во вторникъ на страстной седьмицѣ, въ Москвѣ вспыхнулъ мятежъ. Среди пожара и общаго смятенія Гермогенъ былъ сведенъ съ патріаршаго престола и заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь маститый іерархъ томился въ тѣсной и мрачной кельѣ, оберегаемой стражей изъ пятидесяти стрѣльцовъ. Но и въ темницѣ Гермогенъ все еще казался опаснымъ полякамъ и ихъ партіи. Часто приходилъ къ нему Гонсѣвскій съ боярами, чтобы просить его какъ милости—не велѣть народнымъ дружинамъ приближаться къ Москвѣ. Но старецъ былъ непреклоненъ. „Не велю, отвѣчалъ онъ—если увижу ляховъ выходящими изъ столицы; велю, если не будетъ сего, и всѣхъ благословляю умереть за вѣру православную“. Тогда патріарху стали грозить смертью, но онъ безстрашно отвѣчалъ указывая на небо: „Единаго боюсь, Живущаго тамъ“. Враги начали морить узника голодомъ и святой старецъ, будучи не въ силахъ долго выносить страшныхъ мукъ и лишеній, тихо скончался въ своей темницѣ 17-го февраля 1612 года.

Литер. альбомъ. „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“.

(Рис. на стр. 17).

Удачный и эффектный рисунокъ молодаго художника къ знаменитой балладѣ А. С. Пушкина, переноситъ насъ во времена Вѣщаго (т. е. мудраго) Олега, прибившаго щитъ свой на вратахъ Царь-града, въ глубокій мракъ древности, столь чудно возстающій передъ нами въ стихахъ поэта.

Баллада взята изъ извѣстнаго преданія объ Олегѣ. Князь ѣдетъ къ лѣсу.

Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ,
Князь медленно ѣдетъ на борзомъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ трудахъ и гаданьяхъ проведшій свой вѣкъ.
И къ мудрому старцу подъѣхалъ Олегъ.

— Скажи, спрашиваетъ князь, что сбудется со мною, близка ли моя смерть, или еще долго мнѣ жить; въ бою ли я сложу свою голову? И вдругъ кудесникъ дѣлаетъ ему странное, неожиданное предсказаніе. Указывая ему на его любимаго коня, на которомъ сидитъ князь, онъ говоритъ: „примешь ты смерть отъ коня своего!“

Въ раздумьи и тревогѣ пріѣхавъ домой, гладитъ и треплетъ князь любимаго коня и велитъ его беречь, холить, но не сѣдлать впредь для себя никогда. Вторая часть баллады чудесно открывается княжимъ пиромъ, на которомъ князь говоритъ о своемъ любимомъ конѣ. Онъ съ презрѣніемъ вспоминаетъ о предсказаніи старика. „Мой конь и понынѣ носилъ бы меня, презрѣть бы его предсказанье“. И слышитъ князь, что конь его палъ; и князь съ дружиной ѣдутъ взглянуть на останки своего благороднаго друга. Князь трогательно прощается съ его прахомъ.

Спи другъ одинокій—
Твой старый хозяинъ тебя пережилъ
На тризнѣ уже недалекой...

Но тутъ вдругъ изъ черепа коня выползаетъ, віясь, змѣя.
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь:
Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя,
Мнѣ смертію кость угрожала!!..

Такимъ образомъ, ужасно исполнилось предсказаніе волхва. Баллада, по блеску стиха, прелести и силѣ образовъ, принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ нашей поэзіи и чудные стихи повторяешь всегда съ новымъ наслажденіемъ...

Гарпія и ревуны.

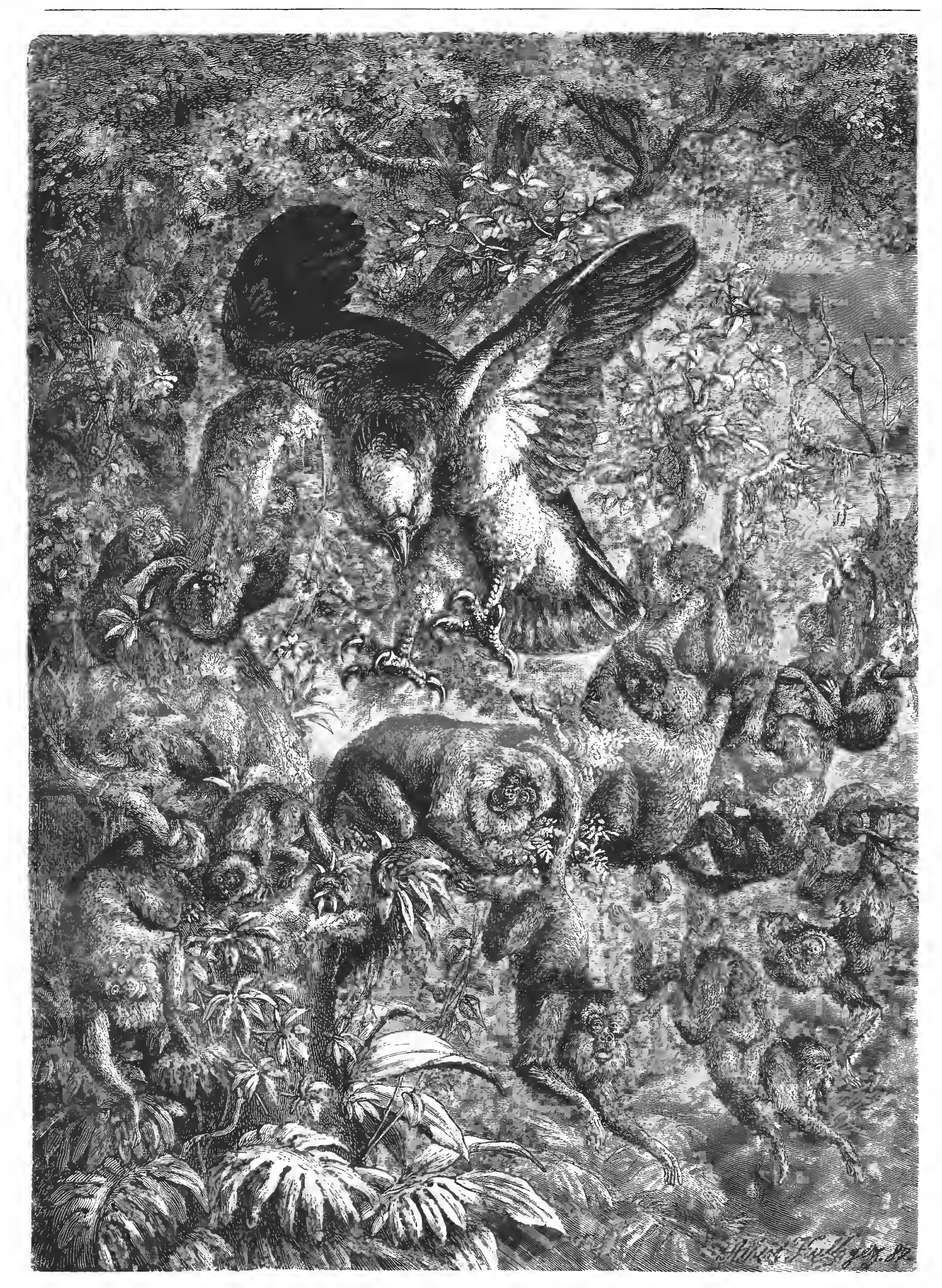
(Рис. на стр. 20).

Между многочисленными породами орловъ южной Америки, гарпія величиной и силой напоминаетъ орла, а видомъ коршуна. Голова у гарпіи большая, съ выразительными, смѣлыми, сверкающими глазами, дикое выраженіе которыхъ увеличивается пучкомъ перьевъ, которыя приподымаются на шеѣ; клювъ и когти птицы очень сильны и опредѣляютъ характеръ ея какъ одной изъ опаснѣйшихъ хищныхъ птицъ. Длина ея достигаетъ $1\frac{1}{2}$ аршина, длина крыла $\frac{3}{4}$ и хвоста $\frac{1}{2}$ арш.; но попадаются и большіе экземпляры. Густыя перья очень мягки; голова и шея сѣрыя, спина, крылья, хвостъ и верхъ груди свинцово-черные, нижняя часть груди бѣлая, а ноги пестрыя, черныя съ бѣлымъ. Гарпія живетъ въ сырыхъ, богатыхъ водою лѣсахъ Южной Америки и преимущественно возлѣ береговъ рѣкъ; она встрѣчается всюду въ большихъ лѣсахъ, но въ ограниченномъ количествѣ, вѣроятно потому, что перья ея служатъ дорогимъ украшеніемъ индійцевъ и она дѣятельно ими преслѣдуется. Съ дерева гарпіи подымаются короткимъ, отрывистымъ, но быстрымъ движеніемъ вертикально вверхъ, кружатся тамъ нѣсколько минутъ, и завидя добычу, стрѣлою опускаются на нее. Гарпія не пренебрегаетъ ни однимъ позвоночнымъ животнымъ, которое ей подъ силу. Она охотится на птицъ, но особенно любитъ тихоходовъ и обезьянъ. Гарпія принадлежитъ къ величайшимъ врагамъ ревуновъ, этихъ своеобразныхъ обезьянокъ новаго міра, съ утолщеннымъ, въ видѣ зоба, горломъ, издающихъ особые жалобные звуки, отчего они и получили свое названіе. Тѣло ихъ гибко, голова съ выдающеюся мордочкой, шерсть густа и на подбородкѣ удлинена въ видѣ бороды, хвостъ очень длиненъ и силенъ. Ревуны, какъ и всѣ обезьяны Новаго Свѣта, живутъ преимущественно на деревьяхъ цѣлыми стаями. На стр. 20 изображена стая этихъ добродушныхъ обезьянъ, предающихся веселымъ играмъ. Но вдругъ надъ листвой проносится тѣнь и съ быстротою молніи на нихъ набрасывается гарпія. Въ слѣдующую минуту она вцѣпляется своими сильными когтями въ беззащитную обезьянку и съ жадностью разрываетъ ее на части, въ то время какъ остальныя обезьяны въ страхѣ разбѣгаются.

Кольца Сатурна.

(Рис. на стр. 21).

Сатурнъ—это безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшая звѣзда нашей планетной системы, какъ по двумъ кольцамъ ее окружающимъ, такъ и по сопутствующимъ ей восьми лунамъ. Сатурнъ—вторая по величинѣ планета нашей системы; среднее разстояніе его отъ солнца составляетъ около 190 милліоновъ географическихъ миль; разстояніе отъ земли колеблется между 159 и 222 милліонами географическихъ миль, почему онъ кажется намъ то больше, то меньше. Путь его вокругъ солнца составляетъ около 1200 милліоновъ миль и онъ совершаетъ его въ теченіи 29 лѣтъ и 167 дней. Поверхность его въ 90,8 разъ превосходитъ поверхность земли, объемъ въ 865 разъ, а масса въ 101 разъ, такъ какъ средняя плотность его составляетъ только 0,112 плотности земли, или 0,64 плотности воды и $\frac{1}{3529}$ плотности солнца. При громадномъ отдаленіи отъ солнца, онъ получаетъ мало тепла, именно среднимъ числомъ $\frac{1}{91}$ часть количества тепла, получаемаго нашей землей отъ солнца. Не смотря на это, онъ издаетъ сильный свѣтъ, и свѣтъ колецъ гораздо ярче самой планеты. Замѣчательныя кольца Сатурна расположены надъ экваторомъ планеты, на одной плоскости, одно надъ другимъ. Въ настоящее время, по сообщенію астрономовъ, кольца Сатурна представляются наиболѣе широкими, благодаря тому углу, какой путь его образуетъ съ угломъ земли. Смотря въ большой телескопъ, между кольцами замѣчается черная, серпообразная щель, происходящая отъ громадной въ 390 миль, широкой полосы, раздѣляющей кольца на двѣ концентрическія части: сѣрое—внѣшнее, и болѣе свѣтлое—внутреннее кольцо. Послѣднее темнѣетъ по мѣрѣ приближенія къ ядру и на самомъ внутреннемъ краѣ переходитъ въ фіолетовый туманъ, который зовется туманнымъ или темнымъ кольцомъ. Лучше всего кольца Сатурна видны подъ $37\frac{1}{2}$ градусами сѣверной или южной широты и только въ лѣтнія ночи. Но часть свѣтящагося кольца всегда отѣнена Сатурномъ. Наблюдатель съ Сатурна, но находящійся не на самомъ экваторѣ, а ближе къ полюсамъ, видитъ вечеромъ (фиг. 1) только западную, утромъ (фиг. 2) только восточную часть кольца, а ночью тѣнь Сатурна, проходящую по кольцамъ съ востока на западъ. Во время начала лѣта, въ полночь 21 іюня, средняя часть колецъ кажется точно вынутой (фиг. 3), а во время равноденствія въ полночь, кольца кажутся свѣтящимися, наклонившимися другъ къ другу рогами, раздѣленными широкимъ темнымъ пространствомъ (фиг. 4). Каждое мѣсто на Сатурнѣ, стоящее предъ кольцами, посѣщается солнечными затмѣніями, продолжающимися мѣсяцы и даже годы. Такимъ образомъ кольца не способствуютъ освѣщенію дней и ночей Сатурна, но скрадываютъ большую часть солнечнаго свѣта съ поверхности его. На помѣщенномъ рисункѣ показаны только три луны Сатурна изъ восьми, открытыхъ съ 1656 по 1849 г., и зовущихся Мимасъ, Енселадъ, Тетисъ, Діона, Реа, Титанъ, Гиперіонъ и Япетъ. Но по всей вѣроятности возлѣ Сатурна существуютъ еще другія луны между Діоной и Титаномъ, и между Гиперіономъ и Япетомъ; но свѣтъ ихъ такъ слабъ, что онѣ могутъ быть разсмотрѣны только въ необыкновенно сильные телескопы.



Гарпія и обезьяны-ревуны. Ориг. рис. А. Куля, грав. Эртель.

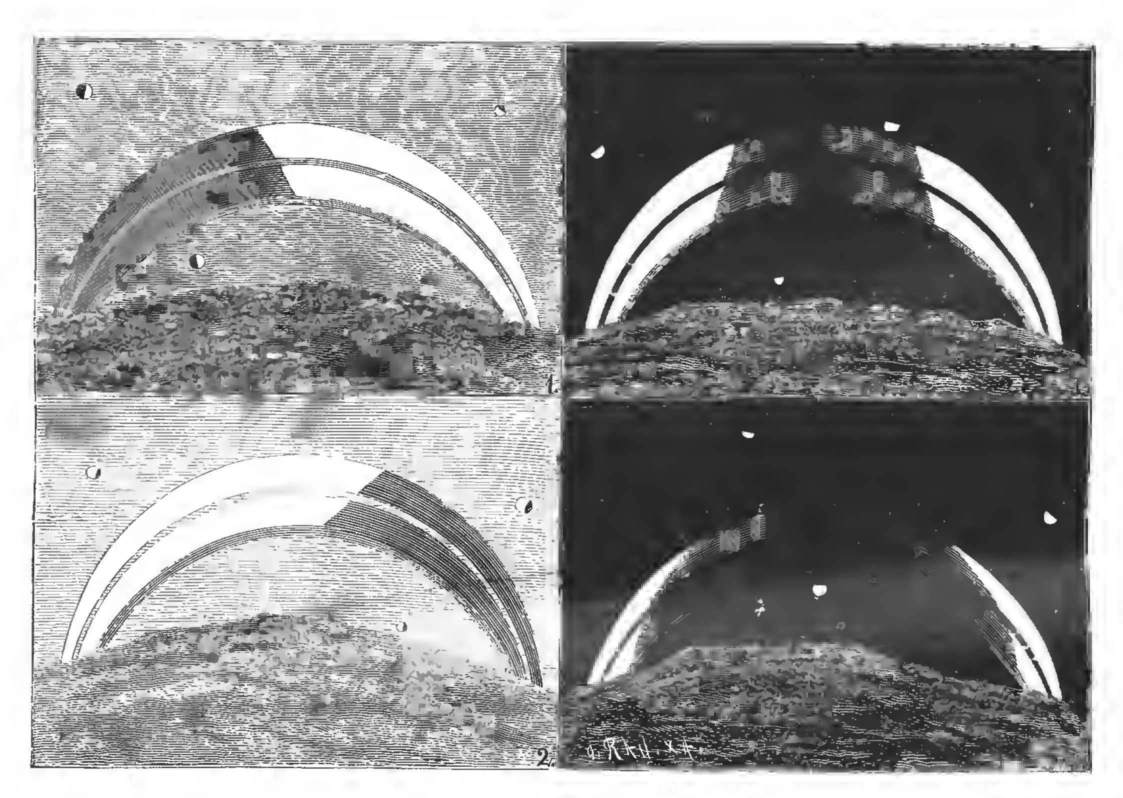
Политическое обозрѣніе.

Германія.—Англія.—Франція и Китай.—Италія.—Турція.

Наступившій новый годъ засталъ неразрѣшенными много политическихъ вопросовъ, которые могутъ имѣть очень важное значеніе и моментъ разрѣшенія которыхъ ожидается съ нескрываемой тревогой. Такъ въ Германіи Брауншвейгскій вопросъ не перестаетъ занимать общественное мнѣніе и теперь даже въ печати открыто высказываются мнѣнія, что по брауншвейгской конституціи, право герцога Кумберландскаго на наслѣдство брауншвейгскаго престала не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, но что рѣшеніе этого политическаго вопроса всецѣло зависитъ отъ императора и союзныхъ государей. По общему мнѣнію, брауншвейгцы безпрекословно подчинятся всякому рѣшенію, основанному на политическихъ соображеніяхъ, тогда какъ всякія старанія, клонящіяся къ доказательству того, что герцогъ Кумберландскій не имѣетъ законныхъ правъ на брауншвейгскій престолъ, никого не убѣдятъ, а скорѣе приведутъ въ смущеніе.

Въ Англіи тоже есть много причинъ для опасеній и тревоги. Въ лондонскихъ политическихъ кружкахъ полагаютъ, что новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ не откажетъ Англіи въ удовлетвореніи ея вполнѣ законныхъ требованій. Вѣсти, приходящія въ Лондонъ изъ страны боэровъ, тоже не очень утѣшительны для британскаго правительства. Трансваальскіе боэры, какъ слышно, готовятся къ серьезному столкновенію съ Англіей и толпами покидаютъ Трансвааль съ цѣлью защитить своихъ соотечественниковъ, не смотря на всѣ старанія президента Крюгера остановить ихъ воинственные порывы. Въ лондонскихъ политическихъ сферахъ подозрѣваютъ, что боэрамъ оказываетъ поддержку Германія и выражаютъ опасеніе, что, при такомъ условіи, экспедиція сера Чарльса Варрена можетъ обратиться въ настоящую войну съ самыми тяжелыми послѣдствіями.

Во Франціи еще не предвидится и конца тонкинскому вопросу. Дѣлаются необходимыя новыя затраты и жертвы. Такъ теперь требуется подкрѣпленій для Тонкина въ 15,000 человѣкъ и для Формозы въ 10,000. По извѣстіямъ англійскихъ корреспондентовъ, война, вмѣсто того чтобъ ослабить Китай, укрѣпляетъ его. Благодаря телеграфнымъ сообщеніямъ, устроеннымъ между Пекиномъ и провинціями, централизація имперіи сдѣлала большіе успѣхи. Туземной печати удалось распространить среди китайскаго населенія патріотическія чувства, раздѣляемыя даже китайцами въ Гонгъ-Конгѣ, Сингапурѣ и Санъ-Франциско. Войска мало по малу пріучаются къ продолжающейся войнѣ. Доказательствомъ достигнутыхъ успѣховъ могутъ служить смѣлыя контръ-предложенія, заявленныя Китаемъ Франціи. Въ Келунгѣ между французскими войсками свирѣпствуетъ весьма злокачественная эпидемія. Что же касается блокады, то она недѣйствительна. Китайскіе крейсеры продолжаютъ безпрепятственно высаживать войска и сообщеніе съ берегомъ Китая не прекращается. Такимъ образомъ успѣхи французскаго оружія принесли до сихъ поръ лишь весьма сомнительные результаты.



Кольца Сатурна, видимыя съ Сатурна. Ориг. рис. В. Лингенфельдера.
1) Вечеромъ. 2) Утромъ. 3) 21 Іюня въ полночь. 4) 21 Марта и 21 Сентября въ полночь.

Суданская экспедиція подвигается медленно и съ большими потерями. Такъ изъ Корти телеграфируютъ, что изъ шестнадцати баркасовъ, на которыхъ отрядъ выѣхалъ изъ Гамайя, девять потерпѣли крушеніе. Прочіе баркасы тоже сильно пострадали и требуютъ починки. Находившіеся въ баркасахъ люди были безъ сапогъ, а нѣкоторые даже безъ верхняго платья, которое сбросили съ себя дорогою въ ежеминутномъ ожиданіи крушенія. Въ Каирѣ между тѣмъ продолжаютъ утверждать, что генералъ Гордонъ давнымъ давно погибъ и Хартумъ находится во власти мятежниковъ. Кромѣ того, многіе опасаются, чтобы суданскіе инсургенты не заманили англичанъ въ какую нибудь западню и не отрѣзали бы имъ отступленіе. Хартумъ совершенно обложенъ и нѣтъ никакой возможности узнать о настоящемъ положеніи тамъ дѣлъ. О первоначальномъ предположеніи выручить генерала Гордона къ празднику Рождества не можетъ быть и рѣчи. Англійскому вспомогательному корпусу предстоитъ еще пройти слишкомъ двѣсти пятьдесятъ верстъ голою степью, такъ что ранѣе первыхъ чиселъ марта онъ не достигнетъ своей цѣли. Послѣ всего этого неудивительно, что прежняя увѣренность въ несомнѣнный успѣхъ нильской экспедиціи генерала Вольселея сильно пошатнулась. Недавнія покушенія феніевъ, а въ особенности взрывъ адской машины подъ лондонскимъ мостомъ и на Виндзорской станціи, снова возбудили общую тревогу и понудили англійское правительство опять обратиться къ вашингтонскому кабинету съ представленіями касательно чрезмѣрной терпимости американскихъ властей къ феніямъ, готовящимъ на ихъ территоріи посягательства противъ Англіи. Министерству Клевеленда британское правительство даже думаетъ предложить изданіе закона, въ силу котораго виновники динамитныхъ покушеній подвергались бы строгимъ наказаніямъ. Въ

Изъ Рима сообщаютъ, что Папа Левъ XIII, принимая 24 декабря поздравленія кардиналовъ по случаю наступающихъ рождественскихъ праздниковъ, произнесъ въ отвѣтъ на привѣтствіе старѣйшаго изъ кардиналовъ моньсиньора Саккони, длинную рѣчь, въ которой преимущественно распространился о приниженномъ положеніи римской церкви и о „невыносимыхъ“ мукахъ, претерпѣваемыхъ Папою подъ гнетомъ чужеземнаго правительства. „Нынѣшнее положеніе дѣлъ—сказалъ въ заключеніе Папа—противно достоинству и независимости архипастырскаго престола; оно посягаетъ на свободу Папы въ области его верховныхъ правъ. Современные порядки проявляютъ свои несообразности при всевозможныхъ случаяхъ, давая намъ чувствовать гнетъ иноземнаго давленія, усилигающагося съ каждымъ днемъ и доказывающаго до полной очевидности, что ка-

толическій міръ не можетъ выносить подобнаго порядка вещей, а тѣмъ болѣе относиться къ нему равнодушно.

Подробности неистовствъ, совершаемыхъ мусульманскими шайками, съ цѣлью систематическаго истребленія болгарскаго населенія Македоніи, оказываются нисколько не преувеличенными. Консульскія донесенія вполнѣ подтверждаютъ факты, сообщаемые бельгійскимъ публицистомъ Лавелэ. По сообщенію изъ Варны, всѣ посольства великихъ державъ послали уже своихъ представителей въ Македонію для производства слѣдствія о неистовствахъ турокъ. По всѣмъ извѣстіямъ изъ Македоніи, эта страна представляется въ полномъ анархическомъ состояніи и разбойничество свирѣпствуетъ во всей провинціи, благодаря отсутствію или безсилію власти, способной поддержать порядокъ.

Вообще новый годъ начался для Европы не съ особенно чистымъ и яснымъ политическимъ горизонтомъ и нельзя не сознаться, что этотъ облачный горизонтъ пожалуй не напрасно внушаетъ какъ правительствамъ, такъ и дипломатамъ довольно серьезныя и мрачныя опасенія.

Библіографія.

Записная книга на 1885 г. СПБ. Изд. К. Риккера. Мы неоднократно въ прошлые годы указывали на это изящное изданіе Риккера, вышедшее нынѣ съ прибавленіемъ двухъ картъ Европейской и Азіатской Россіи, печатанныхъ красками. Въ этой записной книгѣ, кромѣ календарей христіанскихъ исповѣданій, еврейскаго и магометанскаго, есть всѣ необходимыя подручныя свѣдѣнія: вѣсы и мѣры, таблицы вычисленія курсовъ и т. д. Форматъ книги удобенъ для ношенія въ карманѣ и видъ она имѣетъ очень красивый.

Рисунки углемъ И. И. Шишкина. Изд. А. Беггрова. СПБ. 1885 г. 1 серія. Это великолѣпное изданіе большихъ рисунковъ углемъ нашего знаменитаго пейзажиста Шишкина, воспроизведенныхъ способомъ фототипіи, стоитъ указанія. Помимо превосходнаго исполненія факсимиле этихъ рисунковъ, неуступающихъ Каламовскимъ, самое изданіе сдѣлано весьма тщательно и цѣна его очень недорога. Тетрадь 1 выпуска съ 12 рисунками въ папкѣ стоитъ всего 13 руб., 75 коп. за укладку альбома и за пересылку за 20 фунт. Цѣна же каждаго отдѣльнаго рисунка на прекрасной бристольской бумагѣ 1 р. 20 к. Есть рисунки замѣчательно исполненные, какъ „Гурзуфъ“, „На обрывѣ“, „Оттепель“, „У ручья“ и друг.

Смѣсь.

Вліяніе электрическаго свѣта на птицъ. Городъ Эвансвиль въ штатѣ Индіана освѣщается электрическими лампами и солнцами, помѣщенными на 13-ти высокихъ башняхъ, спеціально выстроенныхъ для этой цѣли. Яркіе голубые лучи, распространяющіе ослѣпительный свѣтъ миль на 8—10 въ окружности и придающіе мѣстности какой-то фантастическій колоритъ, всполошили все пернатое населеніе сосѣднихъ лѣсовъ. Каждый вечеръ, цѣлыя стаи малиновокъ, синицъ, дроздовъ, овсянокъ, варакушекъ, снѣгирей и другихъ птичекъ летятъ изъ лѣса по направленію лучей и начинаютъ съ громкимъ крикомъ и щебетаніемъ кружиться около огня. Такая смѣлость имѣетъ конечно очень печальныя послѣдствія для бѣдняжекъ: однѣ не выдерживаютъ ослѣпительнаго свѣта и высокой температуры и замертво падаютъ на землю; другія погибаютъ отъ прикосновенія къ электрическимъ проволокамъ и, сравнительно, только очень немногія остаются цѣлы и невредимы. Каждое утро, окрестные жители находятъ кругомъ башенъ массу околѣвшихъ птичекъ, а, кромѣ того, сколько такихъ жертвъ попадаетъ въ водосточныя трубы и достается котамъ, которыхъ всегда собирается очень много около башенъ по ночамъ. Одинъ любитель птицъ, наблюдавшій это явленіе въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вычислилъ, что въ Эвансвилѣ ежедневно погибаютъ, такимъ образомъ, около тысячи разныхъ птицъ. Замѣчательно, что въ холодную, ясную погоду, птицы прилетаютъ въ гораздо меньшемъ количествѣ; въ дождливыя же и теплыя ночи ихъ собирается видимо невидимо около башенъ. Только воробьи относятся вполнѣ равнодушно къ новинкѣ и не раздѣляютъ паники, охватившей ихъ собратьевъ. Живя постоянно вблизи человѣческаго жилья, они уже давно привыкли къ его хитрымъ выдумкамъ и спокойно спятъ въ своихъ гнѣздахъ, не смущаясь непривычнымъ, яркимъ свѣтомъ. Такое же магическое вліяніе оказываютъ на морскихъ птицъ маяки, расположенные по морскому прибрежью.

Императоръ Вильгельмъ и васильки. Скромный василекъ, какъ извѣстно, любимый цвѣтокъ императора Германскаго. Ни одинъ праздникъ, ни одно торжество не проходитъ, чтобы императору не были поднесены въ томъ или другомъ видѣ васильки; даже самое названіе „Kornblume“ измѣнено послѣдніе года въ „Kaiserblume“. Причина предпочтенія, оказываемаго императоромъ этому полевому цвѣтку, заключается въ воспоминаніи о слѣдующемъ эпизодѣ изъ его жизни: Незадолго передъ Фридландской битвой (въ 1807 году) королевѣ Луизѣ снова пришлось покинуть Кенигсбергъ и искать убѣжища въ Мемелѣ. Дорогой, въ каретѣ въ которой она ѣхала со своими старшими сыновьями: принцемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ и принцемъ Вильгельмомъ, сломалось колесо. Непріятность эта случилась на большой дорогѣ, вдали отъ всякаго жилья, и, пока карету приводили въ порядокъ, высокіе путешественники присѣли на краю канавы, отдѣлявшей шоссе отъ поля. Маленькіе принцы, усталые и голодные, просили мать дать имъ чего нибудь поѣсть, — въ особенности жаловался на голодъ принцъ Вильгельмъ — слабый и больной ребенокъ. Королева, не имѣя съ собой рѣшительно ничего съѣстнаго, не знала какъ помочь горю. Чтобы чѣмъ-нибудь развлечь дѣтей, она встала и пошла въ поле собирать васильки, приглашая и принцевъ послѣдовать ея примѣру. Набравъ большой букетъ цвѣтовъ, они снова сѣли около дороги и занялись плетеніемъ вѣнка. Грустныя мысли о судьбѣ отечества, короля и дѣтей волновали королеву Луизу и маленькій принцъ Вильгельмъ первый замѣтилъ слезы матери, падавшія крупными каплями на лежавшіе у ней на колѣняхъ васильки; сейчасъ же, разными дѣтскими ласками и просьбами, онъ сталъ утѣшать мать и она, улыбаясь сквозь слезы, украсила ему голову вѣнкомъ изъ васильковъ. Эта трогательная сцена запечатлѣлась навсегда въ памяти принца, и до сихъ поръ, при видѣ васильковъ, престарѣлому императору въ каждомъ цвѣткѣ представляется слеза его обожаемой матери. Но не только васильки, а синій цвѣтъ вообще всегда пріятно дѣйствуетъ на его зрѣніе, и между дамами прусскаго двора давно вошло въ обычай, въ дни рожденія и другіе семейные праздники являться во дворецъ въ синихъ платьяхъ.

Предпочтеніе, оказываемое синему цвѣту, составляетъ вообще отличительную черту прусскаго королевскаго семейства; такъ напр. извѣстно, что это былъ любимый цвѣтъ короля Фридриха II и покойной императрицы Александры Ѳедоровны.

Прививаніе желтой горячки. Въ 1880 году докторъ Фрейеръ, профессоръ біологіи при медицинскомъ факультетѣ въ Ріо-Жанейро, сдѣлалъ интересное открытіе, что кровь больныхъ, зараженныхъ желтой горячкой, наполнена микробами, проходящими разныя степени развитія и заключенными въ черную, чешуйчатую оболочку, содержащую сильный ядъ. Занимаясь въ теченіе 4-хъ лѣтъ изученіемъ развитія и свойствъ этихъ микробовъ, профессоръ Фрейеръ сдѣлалъ недавно надъ собой первый опытъ прививанія ихъ здоровымъ людямъ; вслѣдъ за этимъ, были произведены еще 400 опытовъ, окончившіеся также удачно. Прививаніе дало слѣдующіе результаты: желтая горячка, привитая искусственнымъ образомъ, обнаруживается въ самой легкой формѣ; больной чувствуетъ головную боль, ломъ въ глазахъ, незначительный ознобъ и жалуется на отсутствіе аппетита и общую слабость; дня черезъ два всѣ эти симптомы исчезаютъ и паціентъ чувствуетъ себя въ силахъ встать съ постели. Во время послѣдней эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Ріо-Жанейро и его окрестностяхъ, масса народа умирала отъ желтой горячки; лица же, согласившіяся подвергнуться искусственному прививанію, оставались совершенно здоровы, несмотря на страшную заразу. Въ числѣ послѣднихъ было, между прочимъ, нѣсколько моряковъ съ европейскихъ кораблей, стоящихъ на Ріо-Жанейрскомъ рейдѣ. Тоже самое наблюдалось и надъ животными: не привитые кролики, оставленные на нѣсколько часовъ въ лабораторіи, пропитанной ядовитыми міазмами, умирали въ страшныхъ мученіяхъ. Напротивъ, привитыя животныя дышали зараженнымъ воздухомъ безъ малѣйшаго вреда. Такимъ образомъ, доктору Фрейеру остается только пожелать дальнѣйшаго успѣха для борьбы съ ужасной болѣзнью, уносящей ежегодно множество жертвъ всѣхъ возрастовъ и называемой, очень мѣтко, бичемъ населенія Южной Америки.

Снарядъ для произведенія искусственнаго дождя. Недавно одинъ американецъ изобрѣлъ снарядъ для произведенія дождя. Этотъ приборъ, отличающійся крайне простымъ устройствомъ, состоитъ изъ шара, наполненнаго нѣкоторымъ количествомъ динамита и соединеннаго съ электрической батареей, посредствомъ длинной электрической нити. Искра, передаваемая нитью, взрываетъ динамитъ и слѣдствіемъ взрыва непремѣнно долженъ быть дождь, такъ какъ большая часть воды, заключающаяся въ облакѣ, будетъ съ силой двинута внизъ и должна, по закону инерціи, упасть на землю.

Правила хорошаго тона въ XV вѣкѣ. Въ одномъ изъ монастырей южной Франціи найдена, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вполнѣ сохранившаяся рукопись съ собраніемъ правилъ вѣжливости и хорошаго тона, принятыхъ обществомъ XV вѣка. Извлекаемъ изъ этой книжки кое какія интересныя свѣдѣнія, касающіяся этикета, соблюдаемаго благовоспитанными людьми во время обѣда:

Если ты приглашенъ на обѣдъ къ приличному столу, то являйся не иначе какъ съ чистыми руками и коротко остриженными ногтями; волосы натри душистымъ масломъ и причеши, а платье тщательно вычисти.

Супъ надо ѣсть ложкой, а не пить прямо съ тарелки.

Не бери кость въ руки и не высасывай изъ нея мозгъ, потому что обгладывать кости прилично только собакѣ.

Отнюдь не намазывай масло на хлѣбъ пальцами: для этого есть ножи.

Если захочешь пить, то поднимай кубокъ обѣими руками: одной

рукой держатъ свой стаканъ только кучера да сапожники, у которыхъ другая рука всегда занята; въ то время какъ пьешь, не кашляй, не чихай, не хохочи и глотай вино безъ шума и безъ гримасъ, какъ бы худо оно ни было; когда хозяинъ подниметъ свой кубокъ, перестань ѣсть и выпей за его здоровье; не опускай носъ въ стаканъ.

Не бери кушанье у твоихъ сосѣдей, а довольствуйся тѣмъ, что лежитъ на твоей собственной тарелкѣ.

Съ яблоковъ срѣзай кожу, начиная съ верхушки, а у груши, напротивъ, срѣжь сперва кожу около вѣтки; очистивъ яблоко, разрѣжь его на двѣ части: одну половину оставь себѣ, а другую раздѣли пополамъ и предложи своимъ сосѣдямъ съ правой и лѣвой стороны.

Какъ бы вкусно ни было кушанье, не клади остатковъ въ карманъ, и т. п.

Изъ нравовъ зулусовъ. Свадебные обычаи зулусовъ совершенно своеобразны. Молодыя дѣвушки продаются родителями просто за извѣстное количество скота. Если бракъ бездѣтенъ, то мужъ вправѣ потребовать обратно отъ родителей жены заплаченное количество скота. Родительское сердце всего болѣе радуется рожденію дочери, продажей которой предвидится возможность выручить, часто даже съ избыткомъ, деньги, отданныя когда-то за жену. Вся полевая работа лежитъ на женщинахъ; мужчины занимаются только доеніемъ коровъ, такъ какъ женскому полу, подъ страхомъ смертной казни, запрещено касаться коровъ. Хижины, для каждой жены особая, выстроены изъ камыша, глины и соломы; дымъ выходитъ черезъ дверь, а огонь разводится посреди избы. Зулусы вѣрятъ въ переселеніе душъ послѣ смерти и почитаютъ змѣй, какъ мѣсто пребыванія душъ умершихъ.

Знаки препинанія. Обыкновеніе отдѣлять точками не цѣлыя предложенія, а отдѣльныя слова—существовало еще въ глубокой древности. Въ семи знаменитыхъ таблицахъ, найденныхъ при раскопкахъ въ Губбіо, въ 1444 году, и принадлежащихъ, по мнѣнію ученыхъ, къ эпохѣ I-й Пунической войны, всѣ слова, написанныя этрусской азбукой, отдѣляются одно отъ другаго 2-мя точками. Другая греческая рукопись, относящаяся къ V столѣтію до Р. Х., также вся испещрена точками, поставленными послѣ каждаго слова въ числѣ трехъ, въ вертикальномъ направленіи. Въ другихъ надписяхъ тѣ же точки повторяются въ видѣ горизонтальныхъ и кривыхъ линій, въ видѣ треугольниковъ, ромбовъ, трапецій и квадратовъ, а въ концѣ предложеній и главъ встрѣчаются и болѣе сложныя фигуры: круги, сердца, цвѣты, птицы, головки и т. д. Въ письмѣ древнихъ датчанъ каждая фраза начинается вычурной буквой Н, а оканчивается изображеніемъ полной луны съ нарисованной на ней физіономіей.

Введеніе въ письмо настоящихъ знаковъ препинанія приписывается Аристофану Византійскому, жившему въ III столѣтіи до Р. Х.; этотъ ученый, тщательно изучавшій грамматику, началъ первый отдѣлять предложенія точками, поставленными на верху, внизу, или сбоку слова и мѣнявшими значеніе, сообразно занимаемому мѣсту. Впослѣдствіи, начали постепенно замѣнять точки — запятой, точкой съ запятой, двоеточіемъ, а точка сохранилась только въ концѣ предложенія. Правильная разстановка знаковъ препинанія была долгое время камнемъ преткновенія для писателей и переписчиковъ; поэтому, существовали особые спеціалисты,—нѣчто въ родѣ теперешнихъ корректоровъ, которымъ авторы поручали просматривать свои сочиненія передъ выходомъ ихъ въ свѣтъ. У нѣкоторыхъ народовъ, напр. у грековъ, знаки препинанія замѣняло дѣленіе на строчки; каждая строчка заключала въ себѣ оконченное предложеніе и называлась „стихосъ“; такимъ образомъ написаны сочиненія Демосѳена, Цицерона и святаго Іеронима. Нѣкоторые писатели не ставили знаковъ препинанія, чтобы не портить внѣшній видъ своихъ рукописей, мастерски переписанныхъ искусною рукою переписчика-монаха; въ такомъ случаѣ, послѣ каждаго предложенія оставляли пустой промежутокъ, а первое слово слѣдующаго предложенія начинали съ большой буквы.

Вопросительный, восклицательный и соединительный знаки (тире), скобки и ковычки появились нѣсколько позднѣе остальныхъ знаковъ. Вообще, до XVII вѣка употребленіе знаковъ препинанія было не обязательно и только около этого времени начинаютъ появляться болѣе точныя правила ихъ употребленія, такъ что даже въ первыхъ печатныхъ книгахъ рѣдко встрѣчается правильная разстановка знаковъ препинанія.

Нѣжный супругъ. Когда знатоки пробуютъ разные сорта винъ въ Бордо, они употребляютъ самыя оригинальныя выраженія. Такъ напр., когда вино не одобряется, они говорятъ: вино это „строптиво“, „жестко“, „бездушно“, „безгласно“, „несимпатично“, „непривлекательно“ и т. д. Если же, напротивъ, вино имъ нравится, они говорятъ: „богатое“, „величественное“, „гордое“, „вкрадчивое“, „заманчивое“, „полное страсти“ и т. п.

На вопросъ, какія же выраженія употребляютъ эти господа въ разговорахъ съ женщинами, жена одного изъ нихъ дала слѣдующій отвѣтъ: „когда мой мужъ желаетъ выразиться особенно нѣжно, онъ называетъ меня лафитомъ № 2!...“

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

Рѣшеніе рождественской задачи № 51.

(Помѣщенной въ № 52 „Нивы“ за 1884 г.).

Поздравляемъ нашихъ многоуважаемыхъ подписчиковъ съ праздникомъ и надѣемся встрѣтиться въ будущемъ году.

1) Гвадалквивиръ.
2) Посохъ.
3) Тяжъ.
4) Дума.
5) Прессъ.
6) Яхта.
7) Мункачъ.
8) Мѣдоѣды.
9) Миньо.
10) Миссъ.
11) Шопинъ.
12) Щупъ.
13) Горбатовъ.
14) Девизъ.
15) Меня.
16) Уѣздъ.

Рѣшеніе задачи № 45.

(Помѣщенной въ № 48 „Нивы“ 1884 г.).

(Суммы отъ сложенія чиселъ большаго квадрата по всѣмъ направленіямъ равны 65).

$3^{+15}_{с}$	$16^{+4}_{у}$	$9^{-4}_{д}$	$22^{+7}_{ь}$	$15^{-13}_{б}$
$20^{-19}_{а}$	$8^{+3}_{к}$	$21^{-6}_{о}$	$14^{-1}_{м}$	$2^{+18}_{у}$
$7^{+6}_{м}$	$25^{-24}_{а}$	$13^{+6}_{т}$	$1^{+28}_{ь}$	$19^{-18}_{у}$
$24^{-13}_{к}$	$12^{+3}_{о}$	$5^{+8}_{м}$	$18^{+2}_{у}$	$6^{+7}_{м}$
$11^{-10}_{а}$	$4^{+20}_{ч}$	$17^{-8}_{и}$	$10^{+12}_{х}$	$23^{-22}_{а}$

„Судьба—кому мать, а кому—мачиха“.

Рѣшеніе задачи № 49.

(Помѣщен. въ № 52 „Нивы“ за 1884 г.).

Въ каждомъ горизонтальномъ и вертикальномъ столбцахъ, а также и въ діагональныхъ суммы чиселъ одинаковы и равны 1695.

8	121	24	137	40	153	56	169	72	185	88	201	104	217	120
135	23	136	39	152	55	168	71	184	87	200	103	216	119	7
22	150	38	151	54	167	70	183	86	199	102	215	118	6	134
149	37	165	53	166	69	182	85	198	101	214	117	5	133	21
36	164	52	180	68	181	84	197	100	213	116	4	132	20	148
163	51	179	67	195	83	196	99	212	115	3	131	19	147	35
50	178	66	194	82	210	98	211	114	2	130	18	146	34	162
177	65	193	81	209	97	225	113	1	129	17	145	33	161	49
64	192	80	208	96	224	112	15	128	16	144	32	160	48	176
191	79	207	95	223	111	14	127	30	143	31	159	47	175	63
78	206	94	222	110	13	126	29	142	45	158	46	174	62	190
205	93	221	109	12	125	28	141	44	157	60	173	61	189	77
92	220	108	11	124	27	140	43	156	59	172	75	188	76	204
219	107	10	123	26	139	42	155	58	171	74	187	90	203	91
106	9	122	25	138	41	154	57	170	73	186	89	202	105	218

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

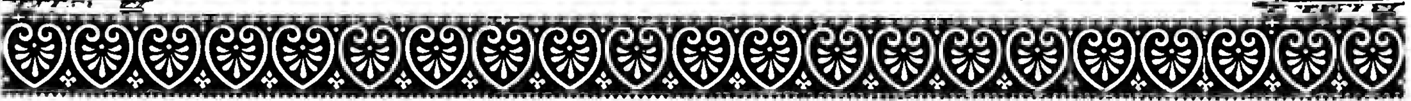
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“ Большая Морская, № 9.



„Русская Мысль“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

книгами отъ 25 до 35 листовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1885 ГОДЪ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ):

Годъ: въ Москвѣ и Петербургѣ: безъ доставки . . . . . 15 руб.
„ „ „ „ „ съ доставкою . . . . . 16 „
„ съ пересылкой въ другія мѣста Россіи . . . . . 17 „
„ за границу . . . . . 19 „

Шесть мѣсяцевъ—половина годовой платы.

Одна книга—1 руб. 25 коп., съ пересылкой 1 руб. 50 коп.

Лицамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается разсрочка: при подпискѣ безъ доставки—5 руб., съ доставкою—6 руб., съ пересылкою—7 руб., за границу—9 руб. и по 5 рублей къ апрѣлю и къ іюню. Болѣе льготныя разсрочки допускаются по особому соглашенію.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій, 21.

Въ отдѣленіяхъ конторы:

Въ Москвѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, при конторѣ объявленій Н. Н. Печковской.

Въ Петербургѣ, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°.

Гг. иногороднихъ просятъ высылать деньги исключительно въ контору (Москва, Леонтьевскій, 21).

Контора журнала открыта ежедневно (кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней) отъ 11 до 4 часовъ.

Лица, подписывающіяся на „Русскую Мысль“, могутъ чрезъ ея контору подписываться на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты и пріобрѣтать находящіяся въ продажѣ русскія и иностранныя книги, а также ноты, причемъ пересылку книгъ и нотъ контора журнала принимаетъ на свой счетъ.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.** Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Оставшіеся экземпляры прежнихъ лѣтъ продаются по 8 рублей годъ, съ пересылкой—10 руб. Отдѣльныя книги—по 1 рублю, съ пересылкой 1 р. 25 к. Н. № 3804 2—1

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЙ РУССКО-Уральскій копировальный прессъ за 3 р. 20 к.

Смотрите въ №№ 41 и 43-мъ „Нива“ 84 г.

НОВОСТЬ! Самодѣйствующій металлическій пульверизаторъ, прочнѣе до сихъ поръ имѣющихся, незамѣнимъ какъ пульверизаторъ и курильница для комнатъ, дѣтскихъ и больничныхъ покоевъ, отъ 1 руб. и дороже, по изящности. Пересылка почтою за 3 фунта. Каталогъ русско-уральской химической фабрики по требованію высылается. **И. Ф. ГАГАРИНЪ.** Екатеринбургъ. № 3772 3—3

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ. Б. Морская, № 9.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА,

автора романовъ: **„Сергѣй Горбатовъ“, „Вольтерьянецъ“, „Старый домъ“, „Изгнанникъ“** и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

I. Старыя были. II. Святочные разсказы. III. Кавказскія легенды. IV. Очерки и воспоминанія.

Изящное изданіе, напечатанное на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшеніями и виньетками въ началѣ и въ концѣ каждой главы. Большой томъ, 473 страницы. СПб. 1884 г. **Цѣна 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 р.;** въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ **3 р. 50 к., съ пересылкой 4 руб.**

Съ требованіями обращаться въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, СПБургъ, Б. Морская, домъ № 9 и въ отдѣленіе конторы „Нивы“ въ **Москвѣ,** д. Петровскихъ торговыхъ линій, **къ Н. Н. Печковской.**

„Разсказы и очерки“ эти, какъ и прочія произведенія В. Соловьева, также можно пріобрѣсти у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЭЛЕОПАТЪ провизора КИНУНЕНА

безспорно самый лучшій препаратъ изъ всѣхъ косметич. средствъ для оживленія роста и корней волосъ, пользующійся дѣйствительно вездѣ заслуженною славою, для рощенія волосъ и превосходное средство противъ перхоти на головѣ, почему и прекращаетъ и выпаденіе волосъ. Элеопатъ Кинунена находится къ услугамъ публики во всѣхъ большихъ Аптекарскихъ и Косметическихъ магазинахъ. Цѣна флакону въ С.-Петербургѣ, содержащій 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекарск. или Косметическій магазинъ. но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб. № 3790

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—провизора Кинунена.

☛ О СОДЕРЖАНІИ ☚

журнала „НИВА“ на 1885 годъ.

Программа и характеръ „Нивы“,—кромѣ усовершенствованій и улучшеній—остаются въ 1885 году тѣ же, какъ и въ предъидущія **пятнадцать лѣтъ.**

Изъ литературнаго отдѣла журнала „НИВА“ поименуемъ здѣсь только главнѣйшія произведенія, назначенныя для помѣщенія въ нынѣшнемъ году:

Графа Е. А. САЛІАСА „МИЛЛІОНЪ“. Романъ изъ современной жизни.

Я. П. ПОЛОНСКАГО „ИСКУШЕНІЕ“. Повѣсть.

Н. Н. КАРАЗИНА „ГОЛОСЪ КРОВИ“. Романъ изъ жизни русскихъ въ средне-азіатскихъ окраинахъ.

В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО „ПАТМОСЪ“. Весьма интересная повѣсть въ двухъ частяхъ, изъ жизни нашихъ монастырей.

П. Петрова (автора „Багровой пыли“) **„РАДОВАНСКАЯ ТАЙНА“.** Большая повѣсть изъ жизни южно-славянскаго міра.

А. Максимова „ЗА ДРАГОЦѢННЫМЪ КОРНЕМЪ“. Разсказъ изъ жизни поселенцевъ уссурійскаго края.

Н. Морскаго (Лебедева) **„СѢРЫЙ ДЕНЬ“.** Повѣсть изъ современной жизни.

В. Желиховской „КУКЛА“. Повѣсть изъ современной жизни.

Веригина „ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО“. Повѣсть. (Имя автора—псевдонимъ одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей-сотрудниковъ).

Н. Кирилова (автора „Полковникъ изъ Золотоноши“) три историч. разск.: **„ПРОРИЦАТЕЛЬ“, „ДУЭЛЬ“** и **„ФАЛЬШИВЫЙ АЛМАЗЪ“.**

Н. Успенскаго три разсказа **„НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА“, „ИВАНОВСКАЯ ЯРМАРКА“** и **„ОРИГИНАЛЪ“.**

☛ Кромѣ того наши постоянные сотрудники-писатели, любимые публикою, **В. Д. ГРИГОРОВИЧЪ, Н. Д. АХШАРУМОВЪ, ВС. СОЛОВЬЕВЪ, К. К. СЛУЧЕВСКІЙ** и многіе другіе, нынѣ пишутъ новыя произведенія для „Нивы“. ☚

Рядомъ съ этимъ литературнымъ матеріаломъ у насъ имѣется уже масса **научныхъ статей по всѣмъ отраслямъ науки, въ популярномъ изложеніи—авторовъ,** пользующихся извѣстностью; не менѣе того, какъ читатели видятъ, мы заботимся о **художественной сторонѣ** изданія, давая превосходно исполненные **рисунки** и **гравюры** лучшихъ граверовъ и художниковъ.

Какъ **ПРЕМІЮ** на **1885** г. мы дадимъ (кромѣ печат. двумя красками **„СТѢННАГО КАЛЕНДАРЯ“** на **1885** г., приложеннаго при этомъ №) очень большую картину:

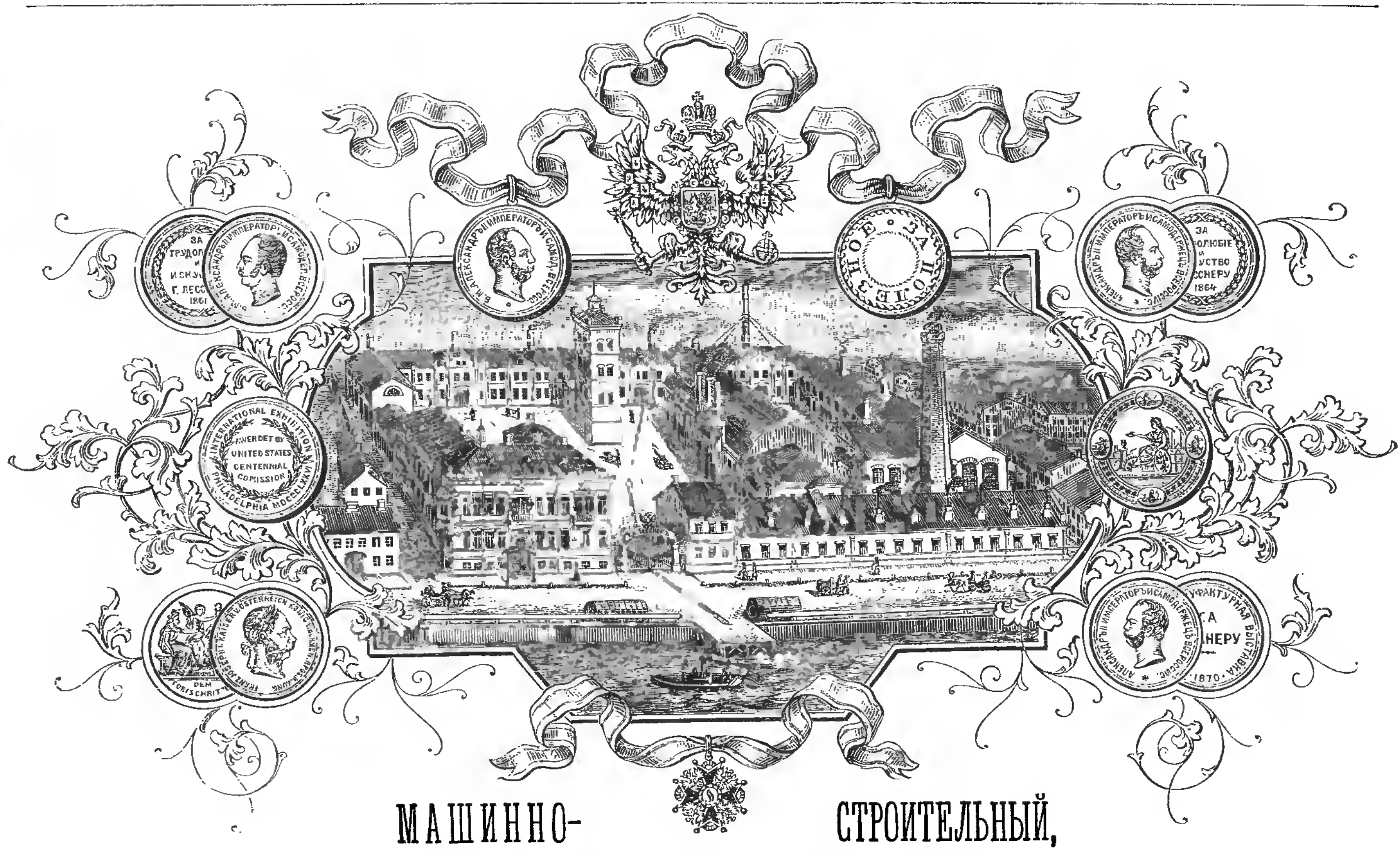
„ВѢНКИ“.

нашего знаменитаго художника **В. И. ЯКОБІЯ,** профессора Императорской Академіи Художествъ. Поэтическій народный обычай, бросая вѣнки на Духовъ День въ воду, гадать по нимъ дѣвушкамъ о своей судьбѣ,—далъ тему талантливому художнику. Пять прелестныхъ молодыхъ дѣвушекъ, въ роскошныхъ сарафанахъ, ѣдутъ на лодкѣ въ тѣнистой глуши, въ камышахъ тихой лѣсной рѣчки. Яркіе лучи и сіяніе голубаго неба сквозь густую листву, блескъ и переливы шелка, отраженіе въ водѣ, даль рѣчки, все это исполнено съ блескомъ и совершенствомъ техники.

Въ главной конторѣ редакціи „Нивы“ выставленъ одинъ изъ первыхъ оттисковъ картины „ВѢНКИ“, рядомъ съ оригиналомъ, для того чтобы публика сама могла судить объ исполненіи этой, 30-ю красками печатанной картины. Такія же копіи выставлены въ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, главныхъ городовъ Россіи и во всѣхъ конторахъ для пріема подписки.

Подписная цѣна за годовое изданіе „Нивы“ показана на 1-ой страницѣ.

Всѣ требованія адресовать въ главную контору редакціи „Нивы“, въ СПБургѣ, Большая Морская, № 9.



МАШИННО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ,

ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

АДРЕСЪ ДЛЯ ТЕЛЕГРАММЪ: ЛЕССНЕРЪ, С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Г. А. ЛЕССНЕРА

Телефонъ 430.

С.-Петербургъ, Выборгская сторона, по Набережной Большой Невки, № 3, **изготовляетъ слѣдующіе предметы:**

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ И КОТЛЫ, разной величины и конструкцій. **Паровыя машины испытываются безусловно всѣ, передъ отправкою, дѣйствительною работою парами.** Вспомогательныя машины разнаго рода. Оборудованіе мастерскихъ, станки для обточки паровозныхъ и вагонныхъ колесъ, токарные, долбежные, сверлильные и прочіе станки и приводы. Оборудованіе станцій водоснабженія, резервуары, насосы, путевые и стѣнные гидравлическіе краны, водопроводныя трубы и проч. Стрѣлки съ крестовинами, красные и зеленые диски. Поворотные круги. Подвижныя телѣжки. Подъемные краны, козлы, домкраты для паровозовъ и вагоновъ. Паровые молоты и ножницы. Горны и вентиляторы. Всякаго рода отливки чугунныя, мѣдныя и изъ фосфористой бронзы. Арматуры котловъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

въ 1885 году.

Богословско-философскій журналъ „Вѣра и Разумъ“ будетъ издаваемъ въ слѣдующомъ году по прежней программѣ и будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ:

1) **Отдѣлъ церковный,** въ который будетъ входить все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторіи Церкви, обозрѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2) **Отдѣлъ философскій.** Въ него будутъ входить отдѣльныя изслѣдованія изъ области психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3) **„Листокъ для Харьковской епархіи“,** въ которомъ будутъ помѣщаемы свѣдѣнія, составляющія обыкновенно такъ называемый оффиціальный отдѣлъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и извѣстія, относящіяся къ внутренней жизни обще-церковной и собственно Харьковской епархіи.

При началѣ изданія журнала въ 1884 году предположено было выпускать по 24 книжки въ годъ, или по двѣ книжки въ мѣсяцъ по **шести** и болѣе листовъ въ каждой книжкѣ; но сочувствіе къ новому изданію образованной публики дало редакціи возможность выпускать въ свѣтъ книжки по **девяти** и болѣе листовъ. Въ такомъ же объемѣ книжки журнала будутъ выходить и въ 1885 году по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей въ годъ за 24 книжки съ пересылкою. Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Харьковскомъ Архіерейскомъ домѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова. № 3679 3—2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.: для подписч. „НИВЫ“ 1885 г. 75 к., съ перес. 1 р.

Съ разрѣшенія СПБ. и вѣнскаго медицинскихъ департаментовъ.

ПОМАДА ПРОТИВЪ СѢДЫХЪ ВОЛОСЪ.

Продается только въ нижеслѣдующихъ единственныхъ для Россіи агентурныхъ складахъ:

Въ С.-Петербургѣ: у г-жи Э. Кристманъ, Невскій пр., д. Католической церкви, кв. № 52.

Въ Москвѣ: у Х. Я. Фербера, Варварка, д. Герике. № 3792 1—1

Эта помада самая извѣстная во всей Германіи и Россіи, какъ лучшее средство противъ сѣдѣнія и выпаденія волосъ. Даже совершенно сѣдые получаютъ черезъ короткое время свой первоначальный цвѣтъ, а также устраняется образованіе перхоти. Цѣна за банку 2 руб. Менѣе двухъ банокъ не высылается. За пересылку 1 р. отъ 2 до 5 банокъ.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ТОРГОВАГО ДОМА

Н. В. ЭЙМАНЪ и К°

9. Бутырки, Вятская улица, въ **Москвѣ, 9.**

Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растеній, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растеній, **съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними,** высылается по требованію безплатно. St. № 3795 4—1

ARGOSY

BRACES.

Совершенно эластичны, не содержащія въ себѣ резины и не препятствующія никакому движенію человѣческаго тѣла. Единственныя подтяжки, которыми невозможно оторвать пуговицъ. № 3700

Фабрикантъ имѣетъ русскій патентъ за № 6308-мъ, и предупреждаетъ каждаго, что при нарушіи его, имъ тотчасъ будутъ приняты мѣры къ сохраненію своихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фабрикантъ немедленно будутъ привлечены къ отвѣтственности, какъ нарушители выданнаго ему патента.

Самыя лучшія подтяжки свѣта.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВО ВСѢХЪ ГАЛАНТЕРЕЙНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕДИНСТВЕННАЯ АГЕНТУРА ДЛЯ ОПТОВОЙ ПРОДАЖИ

Argosi braces y Zollvereins-Niederlage 38 Wilhelm Strasse

ВЪ ГАМБУРГѢ.

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ И СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ.

Состоящій подъ Высочайшимъ Покровительствомъ **Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны** и одобренный всѣми Учеными Комитетами, будетъ издаваться **въ 1885 году** по программѣ прежнихъ лѣтъ, съ приложеніями, преміей и наградами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Оба отдѣла (24 кн.) 10 р., съ перес. 11 р. Каждый отдѣлъ порознь (12 кн.) 5 р., съ пер. 5 р. 50 к. № 3764 3—3

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ редакціи журнала „СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“, С.-Петербургъ: Пушкинская ул., д. № 14, кв. № 9. Редакторъ-Издательница **С. Кашпирева.**

DEUTSCHE ILLUSTRIRTE ZEITUNG

главный редакторъ: **Эмиль Доминикъ.**

Самый обширный, дешевый и прекрасный семейный журналъ

рекомендуемъ для начинающагося **НОВАГО ГОДА**

пробный абонементъ

на 3 мѣсяца по 2 марки 50 пф. за большое изданіе съ 13-ю номерами, выходящими еженедѣльно, отъ $2^1/_2$ до 3 листовъ каждый. „Нѣмецкій иллюстрированный журналъ пріобрѣлъ уже четыре мѣсяца по выходѣ

45,000 ПОДПИСЧИКОВЪ.

Р № 3806 2—1

Этимъ блестящимъ успѣхомъ онъ обязанъ прежде всего **богатой иллюстраціи**, которою онъ далеко—**по единодушному мнѣнію публики**—превосходитъ всѣ другіе иллюстрированные журналы Германіи. За интересный текстъ ручается сотрудничество первыхъ авторовъ Германіи, какъ-то: **Вильг. Іенсенъ, Рих. Фоссъ, Эмиль Эргардъ, Азгустъ Ниманъ, Э. Энштейнъ, Викторъ Блютгенъ** и проч.

ОБЪЯВЛЕНІЯ по 75 пфен. за строку находятъ успѣшное распространеніе. Пріемъ объявленій: **у Рудольфа Моссе, Берлинъ S. W.**

ПОДПИСКА во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и почтовыхъ конторахъ
Пробные №№ у всѣхъ книгопродавцевъ **безплатно**

НОТЫ

НОВОСТИ

Попурри изъ оперетты „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“, аранжир. для форт. Н. Артемьевымъ. . . . . . . 1 р. 50 к.
„Вѣчно съ тобой“, вальсъ для форт. Роб. Кнтцера. . . . 1 „ — „
„Папагено“, полька. . . . — 60 „
„Русскій Военный маршъ“ . — 75 „
„Почта въ лѣсу“, для корнетъ-а-пистонъ . . . . . . — 75 „

Кромѣ того въ большомъ выборѣ новости для пѣнія и всѣхъ инструментовъ всѣхъ здѣшнихъ и заграничныхъ издателей рекомендуетъ:

Юлій Генрихъ Циммерманъ
НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ
С.-Петербургъ, Болш. Морская, № 42.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Каталоги безплатно. Р. № 3800 2—1

Поступила въ продажу новость!

9.000.000 Р. С.

Новѣйшая, поразительная смѣхотворная шутка, наглядно изображающая операціи и финалъ

СКОПИНСКАГО БАНКА.

Цѣна **50** коп., пересылка за **1** фунтъ.

Необходимые для забавленія дѣтей, а также взрослыхъ гостей и полезные

ПОДАРКИ.

Новѣйшіе антиспиритическіе опыты и забавные фокусы и шутки, какъ-то:

9.000.000. Цѣна 50 коп.

Минутная фотографія, 35 коп. Смѣкалка 50 коп. Замѣчательное портмонэ. Ц. 35 и т. д. Эти забавы и еще 7, итого 10 смѣхотворныхъ фокусовъ стоятъ вмѣстѣ 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 р. За 20 фокусовъ 3 р. За 30 фокусовъ 5 р. съ пер. Адресъ: Выставка новыхъ изобрѣтеній, Невскій пр. № 4. СПВ. Тутъ-же продается необход. для дѣтей и взрослыхъ:

ОПТИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ для **рисованія** безъ умѣнія. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

38. ТРОИЦКІЙ ПЕР. 38.

Отдѣленіе: Знаменская 32.

Прейсъ-курантъ
Троицкаго заведенія искусственныхъ минер. водъ съ доставкою.
Сифоны (сельтерской) по 10 к.
25 бут. (или сод. воды) за 1 р. 13 „
25 бут. лимонаду шипуч. 1 р. 75 „
25 „ фрукт. и ягод. водъ. 2 р. 50 „
25 „ виши (Vichy) 2 р. 50 „
25 „ пирофосф. жел. воды 1 р. 25 „

Воды приготовл. подъ наблюденіемъ магистра фармаціи. Р. № 3797 1—1

Залогъ за сифонъ по 1 р., за бут. по 2 коп.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (въ СПВ. и Москвѣ), Мартынова, Стасюлевича, Панафидина, Попова, Тузова, Бортневскаго (въ Петербургѣ) и Оглоблина (въ Кіевѣ) продается **новая книга:**

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РЕБУСА.

Колосова и Озеркова. 10 печатн. лист. съ 25 рис. въ текстѣ и 12 ребусами въ приложеніи. Ц. 75 коп. № 3801 2—1

Складъ изданія въ СПВ., Манежный пер. № 7, у С. Д. Лермонтова. Иногородные, обращаясь въ складъ, за пересылку не платятъ.

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, Д. ПѢГОВА.

Честь имѣетъ увѣдомить гг. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ изъ печати на 1885 годъ полный **Прейсъ-Курантъ** на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Цвѣточныя, Древесныя и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ пальмъ и проч. растеніямъ, который по требованію выдается и высылаются чрезъ почту безплатно. № 3649 10—7

ОБЪ ИЗДАНІИ „ТРУДОВЪ“

Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества ВЪ 1885 ГОДУ.

„ТРУДЫ“ И. В. Э. Общества въ 1885 году будутъ издаваться по прежней программѣ, которая состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: **I. Сельское хозяйство,** куда отнесенъ и отдѣлъ „Пчеловодства“, статьи котораго будутъ помѣщаться въ видѣ особой рубрики, подъ заглавіемъ **„Пчеловодство“. II. Техническія производства,** тѣсно связанныя съ сельскимъ хозяйствомъ. **III. Политическая экономія и статистика. IV. Библіографическое обозрѣніе. V. Сельско-хозяйственное обозрѣніе. VI. Корреспонденція Общества.** Кромѣ того, съ 1885 г. вводится въ „Труды“ особая рубрика: **Вопросы и отвѣты.** Въ концѣ каждой книжки помѣщаются **„Объявленія“** о продажѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, сѣмянъ, растеній, книгъ и т. п.

„ТРУДЫ“ И. В. Э. Общества будутъ выходить разъ въ мѣсяцъ книжками, каждая отъ семи до восьми печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе **„Трудовъ“** остается прежняя: безъ пересылки **3 р. 50 к.,** съ пересылкою по почтѣ во внутрь Имперіи, а равно и съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ, **4 рубля.** № 3796

Подписка на **„Труды“** на 1885 годъ принимается въ С.-Петербургѣ (на углу 4-й роты Измайловскаго полка и Забалканскаго проспекта) въ домѣ В. Э. Общества и въ географическомъ магазинѣ А. А. Ильина, въ домѣ Главнаго Штаба, на Адмиралтейской площади. Иногородные благоволятъ адресоваться въ С.-Петербургъ, въ домъ И. В. Э. Общества. Редакторъ **А. СОВѢТОВЪ.**

1885. Третій годъ изданія. 1885.

СПЕЦІАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ“

съ приложеніемъ газеты

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“.

„Вѣстникъ“ выходитъ въ свѣтъ 6 разъ въ годъ, т. е. однажды въ 2 мѣсяца, книгами отъ 6 до 8 печ. лист.; **„Художественныя Новости“** — 24 раза въ годъ, т. е. 1 и 15 чиселъ кажд. мѣсяца, въ объемѣ $^1/_2$—$1^1/_2$ печ. листовъ. **Къ „Вѣстнику“,** независимо отъ политипажей въ текстѣ, прилагаются гравюры на мѣди и стали, фотогравюры, фототипіи и пр. Такихъ эстамповъ полагается въ годъ не менѣе 25-ти.

Программа обоихъ изданій и составъ сотрудниковъ остаются тѣже самые, что и въ 1884 г. № 3648 10—7

Подписная цѣна на **„Вѣстникъ“,** вмѣстѣ съ **„Художественными Новостями“,**— безъ доставки 10 руб. въ годъ, съ дост. въ СПВ. и съ пересылк. внутри Имперіи 12 руб., съ перес. заграницу 15 рублей.

Въ видѣ безплатной **преміи** подписчики получатъ въ концѣ года **Альбомъ снимковъ больш. формата съ рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.**

Подписка принимается въ Редакціи (Вас. Остр.., здан. Академіи художествъ, отъ 10 ч. утра до 4 ч. попол.). и у всѣхъ извѣстн. книгопродавцевъ столицы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ Редакцію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на **1885** годъ
на большую ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

„РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ Москвѣ:		Съ пересылкою въ города:	
На 12 мѣс. 8 р. 50 к.	На 6 мѣс. 4 р. 50 к.	На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 6 мѣс. 5 р. — к.
„ 11 „ 8 „ — „	„ 5 „ 3 „ 90 „	„ 11 „ 8 „ 50 „	„ 5 „ 4 „ 60 „
„ 10 „ 7 „ 50 „	„ 4 „ 3 „ 25 „	„ 10 „ 8 „ — „	„ 4 „ 3 „ 70 „
„ 9 „ 8 „ 75 „	„ 3 „ 2 „ 50 „	„ 9 „ 7 „ 40 „	„ 3 „ 2 „ 75 „
„ 8 „ 8 „ — „	„ 2 „ 1 „ 90 „	„ 8 „ 8 „ 70 „	„ 2 „ 2 „ — „
„ 7 „ 5 „ 25 „	„ 1 „ 1 „ — „	„ 7 „ 5 „ 90 „	„ 1 „ 1 „ 10 „

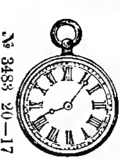
За границу: 12 м. 18 руб., на 6 м. 10 руб., на 3 м. 5 руб. 50 коп., на 1 м. 2 руб. 20 к.

Подписка принимается въ конторѣ изданія: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина; въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, С.-Петербурга и другихъ городовъ, и въ Парижѣ—*Rue Clément, 4, Adam* и въ коммиссіонерной конторѣ *Agence Slave. Place de l'Opéra, № 4-й.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться преимущественно въ контору изданія „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“.

№ 3697. 4—4 Редакторъ-Издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библіотеки



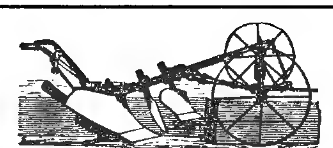
№ 3483 20—17

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Прейсъ-куранты по востреб.



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

строители

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутисворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Маккормина,** сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Иллюстрированные каталоги безплатно. Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, быш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. № 3789 3—1

СѢМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ ИВ. ИВ. СИМА.

14. Караванная 14.

Прейсъ-курантъ на 1885 годъ высылается безплатно. № 3794 3—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной)

предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

(для иногородныхъ по **50** коп.; страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы,** безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочною платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3805

Гг. иногородные при покупкѣ выигрыш. бил. съ разсрочкой платежей уплачиваютъ въ задатокъ 20 руб.

Дозволено цензурою. СПБ. 2 января 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ | годъ XVI

№ 2 | 1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 12 Января 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на 1885 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ въ „НИВѢ“ принимаются за строку нонпарейль (⅓ шир. стран.) въ Глав. Кон. Ред. по 60 к.—Загран.: для Франціи у Agence Havas по 2 fr. 40 c.; для Австр., Герман. и Швейц. у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 4 р.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . . 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ контору объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торгов. линія. 5 р.

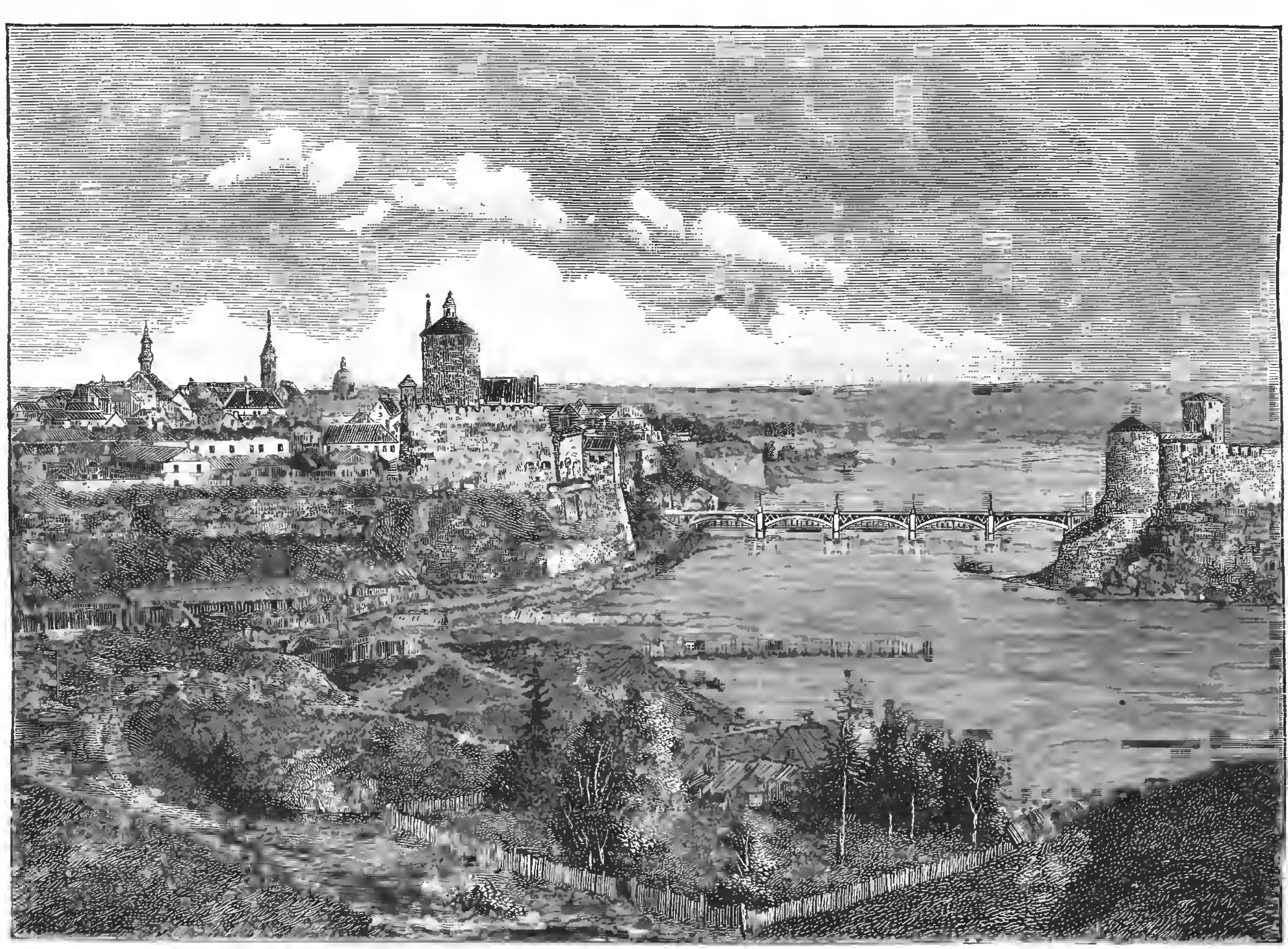
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ 4 р.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА Б. МОРСКОЙ, ВЪ Д. №. 9

ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО (КРОМѢ ВОСКРЕСНЫХЪ И ПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ) ОТЪ 10 ч. УТРА ДО 8 ч. ВЕЧЕРА.



Общій видъ г. Нарвы (Ямбургскаго уѣзда, СПб. губ.). По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Нарва.

Посѣщеніе Нарвы, лежащей всего въ 150 верстахъ отъ нашей сѣверной столицы, не лишено интереса; во-первыхъ, здѣсь можно полюбоваться величественными водопадами, которые, по мнѣнію многихъ туристовъ, гораздо живописнѣе нежели водопады Кюменьскій и даже Иматра; во-вторыхъ, здѣсь сохранилось много древностей временъ ливонскаго рыцарства, которыя могутъ привлечь вниманіе путешественника. Замокъ, соборъ, ратуша—все это памятники старины, и гуляя по узкимъ улицамъ стараго города, можно легко вообразить себѣ, что находишься не на берегахъ тихой Наровы, а гдѣ нибудь на Рейнѣ, во внутренности какого нибудь средневѣковаго замка. Исторія Нарвы также очень интересна, это исторія постоянной борьбы ливонцевъ, шведовъ и русскихъ за обладаніе этимъ небольшимъ, но выгоднымъ клочкомъ земли.

Въ нѣмецкихъ хроникахъ основаніе Нарвы приписываютъ датчанамъ, овладѣвшимъ эстонскимъ берегомъ при королѣ Вольдемарѣ II въ 1223 году, и начавшимъ вводить здѣсь католичество, по внушенію папы Инокентія III. Первоначальный городъ находился на правомъ берегу рѣки Наровы, а въ 1249 г. построенъ былъ другой, на лѣвомъ берегу, названный русскими Ругодивомъ. Съ 1347 по 1558 г. городъ этотъ находился во владѣніи нѣмецкаго ордена; послѣ онъ принадлежалъ Россіи до 1581 года, когда шведы завладѣли всѣми русскими крѣпостями въ Ингерманландіи. Въ 1595 году городъ былъ взятъ русскими штурмомъ, но по столбовскому договору снова перешелъ къ шведамъ, владѣвшимъ имъ до 1704 года, когда Нарва была взята Петромъ Великимъ.

Въ городъ, обнесенный круглымъ валомъ съ семью бастіонами, ведутъ трое воротъ: съ сѣвера -Императорскія, перестроенныя въ 1857 году, съ востока—Водяныя, черезъ которыя пролегаетъ дорога въ Петербургъ, и съ запада—Петровскія, черезъ которыя идетъ новый ревельскій путь. Есть еще четвертыя ворота такъ называемыя—Темныя, очень широкія—они ведутъ отъ бастіона „Викторія" къ дворцу Петра Великаго. Съ внѣшней стороны Нарва отличается живописностью, а внутри опрятностью. Городъ весьма невеликъ—въ немъ теперь тысячъ 10 жителей—и раздѣляется на новый, или земляной, и старый, въ которомъ многія зданія существуютъ около 500 лѣтъ. Постройки наиболѣе замѣчательныя: это соборъ Преображенія Господня, нѣмецкая кирка, дворецъ Петра Великаго, ратуша и замокъ Ланго-Германъ (Вышгородъ). Зданіе собора построено между XV и XVI вѣкомъ; стрѣльчатый сводъ его поддерживается тонкими колоннами, а узкія, продолговатыя окна дополняютъ характеръ архитектуры древняго германскаго стиля. Домъ Петра Великаго—одно изъ самыхъ интересныхъ городскихъ зданій. Зданіе городской ратуши, съ его чернымъ шпицомъ, построено въ 1675 году, и вообще очень интересно, какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по внутреннему старинному убранству. Германскій замокъ съ высокою башнею Ланго-Германъ стоитъ въ чертѣ крѣпостныхъ укрѣпленій, на отдѣльной возвышенности. Самая интересная часть замка—башня, расположена въ шесть ярусовъ и имѣетъ кой гдѣ по сторонамъ узенькіе просвѣты и глубокія темныя ниши. На бельведеръ, покрытый теперь крышей и защищенный отъ вѣтра стеклянными рамами, ведетъ 60 каменныхъ и 183 деревянныхъ ступени. Видъ съ башни на самый городъ и его окрестности, а также на безконечное море—восхитительный. Напротивъ замка, на другомъ, правомъ берегу Наровы лежитъ Иванъ-Городъ, форштадтъ, который соединяется съ лѣвымъ берегомъ красивымъ каменнымъ мостомъ, имѣющимъ до 50 саженъ длины. Въ Иванъ-Городѣ сохранилась до сихъ поръ церковь Успенія, построенная еще при основаніи здѣсь русскаго поселенія въ 1492 году и представляющая собою очень интересный архитектурный памятникъ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

II.

Узкая тропинка раздвоилась, обходя громадный кустъ камыша: этотъ кустъ былъ сильно примятъ; длинные, надломленные стебли загораживали лѣвый обходъ и изъ-за нихъ виднѣлась какая то неопредѣленная масса, прикрытая рогожами. Шагахъ въ трехъ отъ нея стоялъ казакъ, съ саблею наголо. Еще нѣсколько казаковъ сидѣли всторонѣ, шагахъ въ сорока, около небольшаго костра, полупотухшаго, гдѣ на таганѣ кипѣлъ походный котелокъ... Лошади этихъ казаковъ, осѣдланныя, но стреноженныя, паслись неподалеку, неистово отмахиваясь хвостами отъ докучливыхъ комаровъ и слѣпней. По правой тропинкѣ, заложивъ красныя, сильныя руки за спину, не выпуская изъ зубовъ коротенькой трубки, взадъ и впередъ прохаживался старый офицеръ, по своей колоссальной фигурѣ очень похожій на Шелобова, видимо погруженный въ глубокую думу... Дѣло подходило къ вечеру, но солнце еще припекало порядочно; только съ рѣки, да со стороны широкихъ, сверкавшихъ сквозь густой камышъ, водныхъ затоновъ, доносился легкій вѣтерокъ, предвѣщающій вечернюю свѣжесть...

Топотъ копытъ приближающейся кавалькады заставилъ богатыря выйти изъ своего раздумья. Онъ остановился, поглядѣлъ изъ подъ руки вдаль по дорогѣ, вынулъ изъ зубовъ свою, давно уже потухшую, трубку и небрежно сунулъ ее въ карманъ широкихъ кожаныхъ шароваръ.

— А Павлушки то все еще нѣтъ! произнесъ онъ, обращаясь должно быть къ самому себѣ. И куда это онъ запропастился?

Кавалькада сильно растянулась по дорогѣ; за комендантскимъ иноходцемъ трудно было угнаться. Больше всѣхъ отсталъ губернаторскій слѣдователь, а съ нимъ и Павелъ Петровичъ Криницынъ.

Когда наши друзья подъѣхали, уже всѣ спѣшились и молча окружили лежащую подъ рогожею массу... Криницынъ слышалъ, какъ Иванъ Тимофѣевичъ, тотъ, кто прогуливался въ ожиданіи кавалькады, говорилъ:

— Вотъ тутъ, господа, не топчитесь... осторожнѣй... Тутъ есть слѣдочки, которые весьма желательно было бы сохранить.

— Господи! да здѣсь кажется всѣ записались въ слѣдственные волонтеры!.. пожавъ плечами, вполголоса обратился Криницынъ къ Грунину.

А тотъ, измученный быстрою, непривычною ѣздою, едва переступалъ своими затекшими ногами, отирая потъ съ своего, преждевременно полысѣвшаго лба тонкимъ, надушенымъ батистомъ.

— Не теряя времени, приступимъ! пригласилъ комендантъ.

Група офицеровъ подалась назадъ. Всѣ молчали, не отрывая глазъ отъ рогожъ... Часовой казакъ стоялъ какъ столбъ, вытянувшись въ струнку, не смѣя даже согнать комаровъ, усѣвшихся на его носъ и калмыцкія, выпуклыя скулы.

— Мой портфель!.. Разстегни его па...жалуста... Спасибо братецъ...

Грунинъ вытащилъ изъ портфеля чистый листъ съ помѣченнымъ заголовкомъ и номеромъ, отвинтилъ крышку дорожной черпильницы и приготовился было писать.

— У меня все уже приготовлено... Вотъ... первое постановленіе: осмотръ тѣла на мѣстѣ...

— Сними рогожи! скомандовалъ комендантъ... Однако того! уже попахивать начинаетъ... Я говорилъ поторапливаться надо!

Слѣдователь приблизился къ трупу.

— Я бы обратилъ вниманіе ваше, господинъ слѣдователь, на черезчуръ уже покойное положеніе трупа... глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе горя, началъ Иванъ Тимофѣевичъ...

Грунинъ поднялъ глаза и тотчасъ же встрѣтился съ полунасмѣшливымъ взглядомъ Криницина и съ его характернымъ движеніемъ плечъ.

— Я бы прежде всего попросилъ, господа, не вмѣшиваться въ мои прямыя обязанности, сухо отвѣчалъ онъ, не обращаясь лично къ вопрошавшему, а такъ вообще.—Криницынъ, не будете ли такъ добры записывать, что я буду диктовать...

— Нѣтъ, сухо отвѣтилъ Павелъ Петровичъ.

— Позвольте мнѣ-съ! подскочилъ адъютантъ Ползунковъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

— По прибытіи на мѣсто происшествія, диктовалъ Грунинъ, тѣло было найдено въ лежачемъ положеніи, лицомъ внизъ, затылкомъ кверху, руки вытянуты вдоль тѣла, съ открытыми ладонями, ноги также... головою обращено къ сѣверо-востоку.

— Прямо на югъ, вдоль дороги, замѣтилъ Шелобовъ.

— Благодарю васъ! въ свою очередь пожавъ по криницынски плечами, кивнулъ головою слѣдователь...

— Къ югу... записалъ Ползунковъ... Я къ „югу“ записалъ—господинъ слѣдователь!

— Merci!.. пишите дальше: тѣло одѣто въ суконное пальто, такіе же панталоны, на ногахъ высокіе сапоги—безъ шпоръ, черезъ плечо сумка кожаная, замокъ которой... посмотрите, пожалуйста—замокъ отпертъ, или нѣтъ?..

— Замокъ безъ ключа,—просто защелкнутъ... нагнулся къ тѣлу одинъ изъ сопровождавшихъ офицеровъ—сумка пустая...

— Такъ и запишите. Я думаю теперь все!.. Докторъ, что вы скажете о ранѣ?..

— Рана видимо смертельная—нагнулся и докторъ—затылочная кость раздроблена совсѣмъ, вонъ и мозгъ виденъ... Вотъ послѣ вскрытія я и дамъ вамъ свое заключеніе... не тутъ же вскрывать, на дорогѣ...

— Хорошо... Ахъ да... Господинъ Ползунковъ, если не ошибаюсь—потрудитесь еще записать... Тамъ есть графа: „осмотръ мѣстности“... нашли-съ?

— Нашелъ-съ!..

— Мѣстность ровная, поросшая кустарниками и высокой травой...

— Камышемъ! подсказалъ опять кто-то.

— Камышемъ... въ четырнадцати верстахъ отъ форта Глухаго, по дорогѣ... Куда ведетъ эта дорога, господа?

— Въ Алаевскіе аулы!

— Такъ и запишите... Вблизи берега рѣки... въ двѣнадцати шагахъ отъ казачьяго поста...

— Позвольте-съ, позвольте-съ, вмѣшался тутъ самъ комендантъ, этого поста здѣсь не существуетъ вовсе; это спеціально къ тѣлу командировалъ я... Поднимутъ тѣло, сейчасъ телѣга пріѣдетъ, и постъ снимутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ну, такъ не пишите... Теперь, значитъ, все!.. Что же, господа, неужели же мы назадъ опять верхомъ поѣдемъ?

— А то какже? отозвался докторъ.

— Что, батенька, заморились—хе-хе... по штатскому то положенію! подшутилъ комендантъ—ну, да ничего; мы то назадъ полегоньку, шажкомъ поѣдемъ. Оно даже пріятно по вечерней прохладѣ, кончили-съ?

— Полагаю, что больше здѣсь нечего дѣлать... Казакъ, подай портфель!

— Нѣтъ уже позвольте! Подошелъ тутъ Иванъ Акимовичъ... не все-съ! Вы хоть и обидѣлись на мое вмѣшательство... Позвольте представиться: подполковникъ Глухаревъ!—Прошу не упустить: главное то вы проморгать изволили... Тѣло-то гдѣ лежитъ?.. здѣсь!—такъ. А убитъ-то этотъ человѣкъ гдѣ-съ?.. Здѣсь, скажете?—Нѣтъ-съ. Вонъ оно гдѣ! шаговъ пятьдесятъ отсюда, и съ того мѣста его, за воротникъ, ничкомъ сюда приволокли. Вотъ онъ и слѣдъ, точно метлою мели... видите-съ?!

Грунинъ опѣшилъ немного... Криницынъ закусилъ губы,—словно ему досадно и больно стало за своего товарища и друга...

— Я вашему показанію, господинъ подполковникъ, охотно дамъ мѣсто въ журналѣ слѣдствія, хотя самъ и не признаю особенной важности выясняемаго вами факта...

— Чего важнѣе... Тамъ вонъ... Эхъ господа, ну что вы топчетесь, право!.. Павелъ Петровичъ!—ну чего вы тамъ разгарцовались!.. Всѣ слѣды сбили... Тамъ, господинъ слѣдователь, отпечатки копытъ двухъ лошадей ясно были обозначены, тамъ и кровавая лужа — до сихъ поръ немного замѣтна... Тамъ-съ *это все* произошло... это вѣрно!..

— По моему, батюшка, все это надо теперь же замѣтить и занести въ протоколъ, вставилъ свое мнѣніе и комендантъ...

— Мы вотъ здѣсь съ утра все роемся, заговорилъ Шелобовъ—я, вотъ, Иванъ Тимофѣевичъ и Павлуша... А гдѣ онъ?

— Онъ въ аулъ погналъ, тамъ... справляется... Реветъ мальчуганъ... Жалко ему покойника!... Поскакалъ, говоритъ: живъ не буду, а розыщу...

Криницынъ опять сошелъ съ коня, кинулъ поводья казаку и приблизился къ Грунину...

— Я тебѣ говорилъ, началъ онъ по-французски, ты съ этою ордою помощниковъ, незванныхъ и непрошенныхъ, только съ толку собьешься...

— О, не безпокойся, улыбнулся его пріятель... Обстоятельство, сообщенное полковникомъ Глухаревымъ, мною принято къ свѣдѣнію. Вы, господинъ комендантъ, распорядитесь выслать мнѣ сегодня же ночью всѣхъ, кого я найду нужнымъ вызвать къ допросу. И васъ, господа, всѣхъ желающихъ и имѣющихъ показать что либо, прошу тоже...

Грохотъ приближающихся колесъ отвлекъ на минуту общее вниманіе. Это прибыли за тѣломъ. Казаки подняли трупъ и бережно уложили его на дно телѣги. Докторъ снялъ съ себя шинель и прикрылъ покойника.

— Съ Богомъ!.. осторожно на толчкахъ!.. Эхъ Федя... Федя... Недождался ты своей радости...

Иванъ Акимычъ совсѣмъ вплотную сдвинулъ свои косматыя брови и сталъ набивать трубочку... Шелобовъ пустилъ своего косматаго, карнаухаго маштака идти по волѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ за телѣгою... Офицеры сѣли на лошадей и сгруппировались около коменданта... Грунинъ и Криницынъ опять отдѣлились отъ общей группы...

— Что же я могу сдѣлать, господа, вполголоса, словно оправдываясь, говорилъ комендантъ... Дѣло находятъ экстреннымъ—нашимъ не довѣряютъ—прислали спеціалиста... что же я могу сдѣлать... Вмѣшаться... на меня же послѣ свалятъ... Вотъ, молъ, Огурчиковъ превысилъ власть... все дѣло испортилъ...

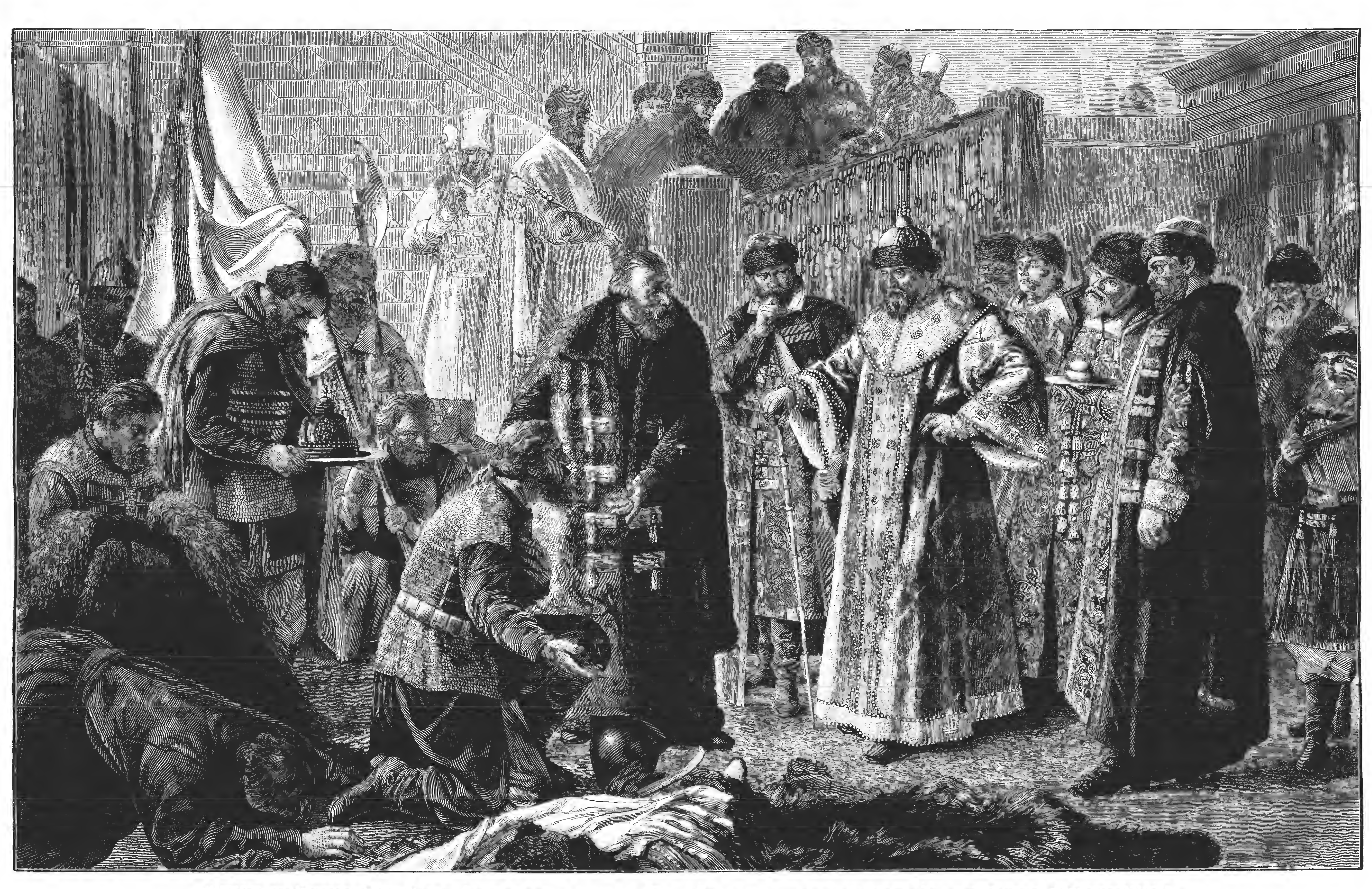
— Такъ-то такъ... только дѣло это совсѣмъ не чисто выходитъ... Тутъ, братъ, не простой разбой... тутъ...

— Не наше дѣло!.. Вотъ что тутъ... Однако поздновато... Гайда!

— Я тебѣ скажу... говорилъ въ свою очередь Криницынъ—скажу другое... Я очень, очень даже радъ, что тебя прислали, но только напрасно ты предполагаешь, что преступленіе, или просто несчастный этотъ случай представляетъ собою что нибудь особенное... Просто убили и ограбили, а можетъ быть и грабить-то было нечего... Здѣсь, вѣдь, это дѣло самое обыкновенное,—это не Петергофъ, не Красное Село... И тамъ случается... здѣсь вѣдь глубокая Азія!.. шайки разбойничьи бродятъ на каждомъ шагу... населеніе неспокойное, къ намъ настроенное враждебно.

— Часто здѣсь это случается?

— О, сплошь да рядомъ. Да вотъ хоть третьяго дня!.. Поѣхалъ я прогонять немного моего Абрека... О-го-го... Дури!.. Недалеко отсюда, вонъ тамъ,—Криницынъ показалъ кончикомъ хлыста,—встрѣчаю я че-



Выставка въ Императ. Акад. Худож. Большая золотая медаль. „Иванъ Грозный принимаетъ посольство Ермака“. Картина С. Растворовскаго.

По фотогр. Якобія. грав. М. Рашевскій.

тырехъ оборванцевъ, всѣ конные, рожи воровскія,—конечно, я былъ хорошо вооруженъ, за плечами карабинъ, ну они посмотрѣли, послѣдили за мною и отстали, а могло случиться и иначе... Мы вѣдь не въ Петергофѣ...

— Я тоже начинаю приходить къ убѣжденію, что простое убійство... и ничего больше... подумавъ глубокомысленно, рѣшилъ судебный слѣдователь.

— И оружіе допотопное. Ты замѣтилъ? — просто ударъ дубиною или батикомъ, такое оружіе у нихъ есть, въ родѣ булавы...

— О какъ же, это я хорошо замѣтилъ... знаешь... это даже на меня непріятно подѣйствовало. Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь, эта черная, зіяющая рана... круглая лысина... вздернутый воротникъ пальто... Бррр... и потомъ этотъ запахъ... Что ты?

— Холодно въ одномъ кителѣ. Съ рѣки пронизываетъ насквозь сырость...

— А помнишь, у Фелисьена... на бережку?..

Но Криницынъ ничего не отвѣчалъ на это напоминаніе и сосредоточенно смотрѣлъ впередъ, словно слѣдилъ за движеніями тонкихъ, строго очерченныхъ, кровныхъ ушей своего аргамака...

Стало темнѣть... въ густомъ туманѣ, поднявшемся надъ рѣкою, замелькали красные огоньки строеній Глухаго форта... Безчисленные рои комаровъ стояли въ воздухѣ звенящимъ туманомъ, кони рвались и горячились, чуя конюшню... И чуть слышно доносились удары убогаго, надтреснутаго колокола фортовой церкви, гдѣ отецъ Павелъ собирался служить панихиду „по убіенномъ рабѣ Божіемъ Ѳеодорѣ...“

III.

Должно быть и на Павла Петровича видъ трупа подѣйствовалъ очень скверно. Всю дорогу онъ ѣхалъ молча, не отвѣчая даже на разныя общія воспоминанія, которыми засыпалъ его петербургскій другъ.

„Сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто... Брррр... И потомъ этотъ запахъ...“ не выходили у него изъ головы...

Вороной аргамакъ его шелъ крупнымъ шагомъ, звучно пережевывая тонкія удила; Грунинъ, на своемъ малорословъ жеребчикѣ, отставалъ поминутно...

— Ты, Поль, пожалуйста, говоритъ онъ,—меня не оставляй... у меня и ночуй, въ этомъ домѣ... Поможешь по дружески... потолкуемъ на досугѣ...

— Нѣтъ не прійду! разслышалъ наконецъ Криницынъ.—Еще и про меня, пожалуй, скажутъ, что я „*превысилъ власть... руководилъ, такъ сказать,—слѣдствіемъ... имѣлъ вліяніе...*“

— Какъ тебѣ не стыдно!.. Удивительно тоже, важное дѣло, таинственная запутанность,—самое обыкновенное происшествіе, простой подорожный разбой... Мы вѣдь не въ Петергофѣ!..

Криницынъ не могъ не улыбнуться.

— Ну тамъ увидимъ! произнесъ онъ и наддалъ ходу. Грунинъ зарысилъ тоже, стараясь не отставать.

Эту ночь большая часть обитателей Глухаго форта провела безъ сна.

Исторія значительно осложнилась. Отъ фирмы „Хмуровъ и Компанія“ пріѣхали два уполномоченныхъ — для разбора книгъ и счетовъ убитаго Горкина. При ихъ участіи, слѣдователь и комендантъ часа два возились, вскрывая печати и провѣряя дѣла покойнаго; кромѣ того, желающими давать показанія — явились чуть не всѣ офицеры форта... Всѣ писали эти показанія сами, подписывали ихъ и подкладывали въ распоряженіе слѣдователя. Грунинъ волновался больше всѣхъ, онъ благодарилъ направо и налѣво, и только крайнее утомленіе заставило его, и то утромъ, когда солнце уже довольно высоко поднялось надъ горизонтомъ, прекратить работу... и, поблагодаривъ еще разъ всѣхъ вообще и каждаго порознь, онъ просилъ „*не оставить его и впредь, по сему дѣлу, своимъ полезнымъ содѣйствіемъ для раскрытія этого таинственнаго и загадочнаго происшествія...*“

Одинъ только Криницынъ не принималъ никакого участія въ общей тревогѣ; онъ всю ночь не выходилъ изъ своей квартиры, и только поздно, часу въ одиннадцатомъ утра, щегольски одѣтый во все бѣлое, отправился посѣтить своего петербургскаго друга...

Грунинъ только что успѣлъ заснуть, но разбудить велѣлъ себя не позже какъ черезъ два часа, и во всякомъ случаѣ, ежели что понадобится, то сію минуту. Его деньщикъ приготовилъ дорожный нессесеръ для умыванья, вѣстовой казакъ—возился надъ самоваромъ. Часовые все еще стояли у дверей и противъ каждаго угла дома, гдѣ, между прочимъ, въ комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, самой красивой и уютной изо всѣхъ, защищенной отъ свѣта и мухъ сплошными войлочными ставнями, храпѣли, что называется во всю,— оба уполномоченные фирмы „Хмуровъ и Компанія“. На садовой верандѣ стоялъ длинный столъ, заставленный остатками ужина, присланнаго комендантомъ, и уныло торчали до дна опорожненныя бутылки... Полуголый туземецъ, смуглый, точно отлитый изъ бронзы, мелъ дорожки сада, ревниво поглядывая на большую кость отъ телятины, усѣянную мухами... Тамъ вѣдь было еще очень много хорошаго, чтобы весьма годилось для удовлетворенія его утренняго апетита, но этотъ солдатъ, что стоитъ на углу—онъ тоже хорошо видитъ и остатокъ мяса, и его, Ахметку, и уже крикнулъ разъ: „Ну мети, мети!.. чего по сторонамъ зѣваешь... Ишь поднялъ пыли—азіятъ! Нѣтъ того, чтобы водою полить, перво-на-перво...“

— Баринъ всталъ? освѣдомился Павелъ Петровичъ у деньщика.

— Полчаса, не болѣе, какъ почивать прилегли. Прикажете разбудить?

— Не надо... Я зайду послѣ, рѣшилъ, подумавъ немного, Криницынъ и медленно направился къ базарной площадкѣ.

Едва онъ успѣлъ отойти нѣсколько шаговъ, какъ тотъ-же деньщикъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Ваше благородіе! Пожалуйте! Анатолій Робертовичъ васъ просятъ!

— А! обернулся Криницынъ и также медленно вошелъ на крыльцо.

Грунинъ сидѣлъ на складной походной кровати; лицо его было совсѣмъ желто отъ безсонной ночи, глаза заспанные, и онъ ихъ тщательно промывалъ, намоченнымъ въ холодной водѣ, полотенцемъ.

— Я слышалъ твой голосъ, говорилъ онъ... Очень радъ, очень радъ! Что же ты не заходилъ ночью? У меня всѣ были, ужинали... Садись, пожалуста. Станиславъ, чаю!.. Мнѣ есть съ тобою чѣмъ подѣлиться... Дѣло важное, крайне сложное... Пахнетъ карьерою... и какою карьерою! Станиславъ! уйди вонъ и дѣлай свое дѣло! чего торчишь! Садись-же, Поль. Чаю хочешь?! Мнѣ ужасно интересно знать, что ты скажешь!.. Я всегда дорожилъ твоимъ мнѣніемъ... Да, садись-же!.. Помнишь, мы съ тобою вчера рѣшили, что это просто разбой и ничего больше... Помнишь?..

— А теперь что же оказалось? пожалъ плечами Павелъ Петровичъ. Экстраординарное происшествіе, хитро-задуманная кровавая драма и ты, хитроумный Лекокъ, напалъ па вѣрные слѣды. Въ твоихъ рукахъ руководящая нить... Такъ что-ли?.. Кто-же таинственные злодѣи?

— Именно, именно такъ... Ты смѣешься? а мнѣ не до смѣха. Нервы мои возбуждены. Я провелъ ночь безъ сна, въ самой лихорадочной работѣ, и вѣришь-ли, ни-

сколько не хочу спать... Ну да садись и я тебѣ все разскажу по порядку...

Станиславъ подалъ чай на серебряномъ подносѣ и два разрѣзанныхъ граната вмѣсто лимона и обнаружилъ было намѣреніе приводить постель въ порядокъ.

— Ступай вонъ! остановилъ его неумѣстное рвеніе Анатолій Робертовичъ.

— Видишь-ли, другъ мой, оказывается вотъ что: началъ онъ свой разсказъ о событіяхъ тревожной, первой слѣдственной ночи.

Во время своего разсказа, очень длиннаго и весьма послѣдовательнаго, онъ поминутно справлялся съ листками показаній, аккуратно уже сшитыми вмѣстѣ и перенумерованными.

— Вопервыхъ оказывается, что Федоръ Петровичъ Горкинъ поѣхалъ съ цѣлью посѣтить всѣ передовые форты лѣваго фланга, гдѣ есть отдѣленія его фирмы. Тамъ онъ намѣревался сдѣлать нѣчто вродѣ частной ревизіи, передъ главною, общею, и, между прочимъ, долженъ былъ раздать значительную сумму денегъ, восемьдесятъ двѣ тысячи, триста семьдесятъ два рубля, сорокъ четыре копѣйки, каковую сумму и взялъ съ собою...

— Какъ это глупо!

— Что глупо, что?

— Брать съ собою большія деньги и одному рыскать по степи... конечно, я думаю, больше чѣмъ глупо, замѣтилъ Криницынъ.

— Нѣтъ... зачѣмъ одному... оправдывалъ дѣйствіе убитаго Грунинъ. — Онъ имѣлъ основанія... онъ... Я, впрочемъ, это потомъ... Все по порядку... Въ доказательство сего — есть точныя показанія,—господа уполномоченные фирмы „Хмуровъ и Компанія“ и справки по книгамъ. Проводить его долженъ былъ Шелобовъ, капитанъ Шелобовъ. Вотъ его личное показаніе! Онъ долженъ былъ встрѣтить его въ Алаевскомъ аулѣ, это верстъ двадцать далѣе мѣста происшествія, и за тѣмъ уже сопровождать его дальше. Онъ его не дождался и поѣхалъ на встрѣчу... Онъ же первый и нашелъ тѣло...

— Ничего нѣтъ пока необыкновеннаго! пожалъ плечами Криницынъ, не дотрогиваясь до своего, уже остывшаго стакана.

— Слушай дальше: Шелобовъ поскакалъ стремглавъ въ фортъ и далъ знать коменданту, а самъ, съ другими офицерами, немедленно вернулся къ мѣсту. Здѣсь они нашли слѣдующее: вотъ показаніе полковника Глухарева и его сына! Конскій слѣдъ (лошади убитаго) велъ отъ переправы и былъ очень хорошо виденъ; за версту до мѣста катастрофы къ этому слѣду присоединился еще слѣдъ коня, тоже кованнаго русскими подковами, обыкновенными, и этотъ слѣдъ сопровождалъ первый до того пункта, гдѣ лежало тѣло; то есть не совсѣмъ до того, а немного ближе. Затѣмъ этотъ второй слѣдъ отдѣлился и направился... Вотъ тутъ дѣло затемняется... Надо тебѣ замѣтить, что преступленіе было совершено, случайно конечно, на такомъ пунктѣ, гдѣ недавно прошелъ табунъ и всѣ слѣды перепутались... Но все-таки, много дальше, у самаго берега, тоже найденъ слѣдъ кованный, два или три отпечатка, тождественный съ тѣмъ, что сопровождалъ убитаго... Соображаешь?!..

Криницынъ слушалъ разсказъ своего друга очень внимательно, но еще внимательнѣе разсматривалъ чеканенный узоръ на ручкѣ подстаканника.

— Слѣдъ этотъ велъ къ берегу,—значитъ всадникъ, предположимъ убійца, хотѣлъ переправиться на ту, то есть на эту нашу сторону, то есть вернуться въ фортъ... Кажется ясно?..

— Ясно!.. отвѣчалъ Криницынъ.

— Но на этой сторонѣ до сихъ поръ еще продолженія этого слѣда не найдено.—Искали, но не нашли.

— Чего-же яснѣе, улыбнулся Павелъ Петровичъ...

— Слѣдъ-же лошади убитаго все-таки былъ опять найденъ, продолжалъ Грунинъ,—и велъ въ степь, гдѣ вскорѣ и найдена была сама лошадь Горкина, съ сбитымъ сѣдломъ, мирно пасущаяся... Эту лошадь нашелъ и привелъ сюда Глухаревъ-сынъ. Что-же изъ этого выходитъ?

— По моему пока ничего...

— Нѣтъ, не ничего! Общія показанія говорятъ, что если покойный Горкинъ былъ убитъ туземными разбойниками, съ цѣлью грабежа, то, во всякомъ случаѣ, хорошая лошадь составляетъ для таковыхъ большую цѣнность и они бы ее не бросили, а увели бы съ собою. Это и комендантъ и всѣ говорятъ... Непремѣнно увели бы съ собою!

— Очень можетъ быть! Ну, дальше!

— Дальше вотъ что: выходитъ теперь, что убійца одинъ изъ здѣшнихъ. Одинъ изъ тѣхъ, кто могъ знать— какую большую сумму имѣлъ при себѣ убитый,—и желаніе овладѣть этою суммою, было главнѣйшимъ мотивомъ преступленія. Такъ или нѣтъ?

— Такъ, само собою разумѣется, согласился Павелъ Петровичъ...

— Всѣ офицеры почему то, особенно этотъ Глухаревъ съ сыномъ и Шелобовъ, крайне, до страстности, заинтересованы открытіемъ убійцы. Они предложили мнѣ, между прочимъ, произвести повальный обыскъ во всемъ Глухомъ фортѣ—это меня удивило сначала,—но, но зрѣлому размышленію...

— Какъ, и въ офицерскихъ квартирахъ? удивился Криницынъ.

— Да у всѣхъ вообще. — Даже комендантъ говоритъ:—Я, господа, ничего противъ этого не имѣю. Начинайте, для примѣра, съ моего дома. Онъ даже хочетъ настаивать на этомъ...

— Что за дичь!.. что за нравы! пожалъ плечами Криницынъ... И ты произведешь этотъ „повальный“, какъ ты выразился, обыскъ.

— Надо произвести. — О, Боже мой! — еслибы мнѣ удалось найти какой нибудь гвоздь, какую нибудь подозрительную пуговицу... Вѣдь ты понимаешь — это карьера! — Это дойдетъ въ Петербургъ. Мое имя, — понимаешь ты—мое имя, связанное съ открытіемъ этого запутаннаго, кроваваго дѣла! и обо мнѣ заговорятъ, обо мнѣ напишутъ...

— Напишутъ какъ о „гороховомъ шутѣ“—pardon за выраженіе,—и, повѣрь мнѣ, ты дашь пищу самымъ острымъ насмѣшкамъ, общему глумленію — и только...

Грунинъ взглянулъ на своего друга глазами полными недоумѣнія—рѣзкій выводъ Криницына, высказанный холоднымъ, сухимъ тономъ, такъ мало соотвѣтствовалъ его собственному выводу. Прежній авторитетъ Павла Петровича, царившаго въ Петербургѣ въ кружкахъ, такъ называемой, золотой молодежи — оказалъ и здѣсь свое вліяніе... Недоумѣніе во взглядѣ Анатолія Робертовича стало уже принимать другой характеръ,—молчаливой мольбы не разрушать его иллюзій, на столько уже созрѣвшихъ, на столько приблизившихся къ дѣйствительности...

— Почему же! протянулъ онъ, тоскливо поглядывая на нити свидѣтельскихъ показаній.

— По весьма простой причинѣ. Слушай же и ты меня. Но прежде пойми въ свою очередь, что если я высказываю свое мнѣніе, то только: вопервыхъ, изъ дружбы къ тебѣ; а во вторыхъ, — изъ принципа: я не хочу чтобы порядочные люди изъ нашего круга разыгрывали здѣсь шутовъ, pardon, передъ этими полудикарями. А ты самъ именно подставляешь свою голову подъ шутовской колпакъ.

— Я очень тебѣ благодаренъ...

Грунинъ прикоснулся своею рукою къ перчаткѣ Павла Петровича.

— Слѣды русскихъ подковъ, присоединившіеся къ слѣдамъ лошади Горкина, ничего не доказываютъ, потому что на всѣхъ здѣшнихъ базарахъ русскія подковы продаются тысячами туземцамъ, и нашимъ и чужимъ, одинаково; что эти слѣды потомъ вели къ рѣкѣ,—положимъ, что это была лошадь убійцы, это доказываетъ только то, что и лошади убійцы, также какъ и лошади всякаго мирнаго гражданина, потребенъ водопой—и ничего болѣе. Этихъ слѣдовъ не отыскали на этомъ берегу, что же мудренаго, что продолженія ихъ не нашли и на томъ... Ты уже вообразилъ, что здѣсь все индійцы куперовскіе, слѣдоискатели, которые, съ чутьемъ лягавой собаки, могутъ добраться по намекамъ до цѣли розыска... Смѣшно!... Лошадь убитаго, якобы оставленная разбойниками,—это уже совсѣмъ туманно Всякая лошадь можетъ вырваться и поскакать домой... за нею можетъ быть и гонялись, но пріими во вниманіе рискъ подобной погони. Вѣдь разбойники могли очень легко наткнуться на погоню, въ свою очередь высланную за ними, и, конечно, были настолько благоразумны, что пожертвовали конемъ, которому и цѣна базарная вся полсотни. Тебѣ совѣтуютъ... какъ это можно совѣтовать спеціально уполномоченному слѣдователю!.. Тебѣ совѣтуютъ произвести повальный обыскъ—обыскъ этотъ сдѣлать не трудно—но смотри!.. Обыскъ не принесетъ, конечно, никакихъ результатовъ, я въ этомъ глубоко увѣренъ!—Не будетъ же убійца, въ самомъ дѣлѣ,—еслибы это и былъ кто нибудь изъ здѣшнихъ, хранить у себя окровавленныхъ уликъ, или, тѣмъ болѣе, крупной суммы... Сколько ты сказалъ?

— Восемьдесятъ слишкомъ тысячъ...

— Ну, такъ вотъ видишь ли?—Не будутъ же хранить эту, довольно порядочную, не соотвѣтствующую офицерскому карману, сумму у себя въ чемоданахъ... а, между прочимъ, я еще не знаю какъ высшее начальство, особенно военное, посмотритъ на этотъ, позорящій офицерскій мундиръ, обыскъ, хотя бы и нашлись господа офицеры, добровольно соглашающіеся на подобное посрамленіе...

— Но если въ виду этого, если, такъ сказать, будетъ что нибудь обнаружено...

— Да развѣ я тебя стѣсняю... я говорю только—что самъ думаю, я откровенно, по праву нашей старой дружбы, высказываю тебѣ свое мнѣніе... и только... пожалуста не думай, что я могу тебя учить—какъ производятъ слѣдствіе. Ты кончилъ правовѣдѣніе,—ты спеціалистъ; я въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ,—я кавалеристъ... Пожалуста не думай... Я слишкомъ далекъ отъ какого нибудь вмѣшательства въ твое дѣло...

— Ну вотъ ты уже и обидѣлся! это не хорошо, это не потоварищески!.. успокаивалъ его Грунинъ.—Я всегда готовъ ,охотно тебя слушать. Твой практическій умъ стоитъ спеціальности... Я самъ начинаю думать...

— То-то—самъ,—Криницынъ улыбнулся... А главное я тебѣ доскажу вотъ что: въ погонѣ за таинственнымъ Фрадьяволо ты потратишь даромъ дѣло—представишь по начальству тысячу листовъ всевозможной чуши, а главное будетъ упущено. Донося просто, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ, о побѣгѣ барантачей—ты этимъ донесеніемъ вызовешь мѣры, а за эти мѣры всѣ мирные жители нашего околодка скажутъ тебѣ большое спасибо. Усилятъ здѣсь кавалерію — выставятъ посты, построятъ можетъ быть укрѣпленіе, обезпечивающее вѣсь путь на лѣвый флангъ, до сихъ поръ совершенно открытый доступу всевозможной бродячей сволочи.—Вѣдь мы здѣсь не въ окрестностяхъ Петербурга, повторяю тебѣ еще разъ—и тогда, повѣрь мнѣ, всякіе Горкины, не съ восемью десятью тысячами въ карманѣ, а хоть съ мильонами, могутъ кататься по степи, сколько имъ угодно... Такъ то...

Криницынъ замолчалъ и тутъ только вспомнилъ о своемъ остывшемъ чаѣ, прихлебывая изъ стакана большими глотками.

Грунинъ помолчалъ нѣсколько минутъ тоже.

— Ахъ да, кстати, тутъ есть въ одномъ показаніи и о тебѣ нѣсколько словъ—вотъ я сейчасъ найду...

— Въ самомъ дѣлѣ — что же такое, именно? это интересно!

— Вотъ! Молодой Глухаревъ показываетъ, что видѣлъ тебя въ день выѣзда Горкина на томъ берегу—и что ты вернулся довольно поздно, ночью...

— Вотъ какъ!! Это очень важно!.. Дай-ка мнѣ пожалуста листъ бумаги—я нахожу нужнымъ тоже дать показаніе, для пополненія слѣдствія.

— Я хотѣлъ тебя просить объ этомъ... понимаешь? формальность... Мнѣ вѣдь могутъ замѣтить: почему я не опросилъ тебя, особенно, въ виду показанія молодаго Глухарева?

Криницынъ уже сидѣлъ и, покраснѣвъ до ушей, не то улыбаясь, не то закусивъ свои тонкія, нервныя губы, бойко водилъ перомъ по листу форменной, обрѣзной бумаги...

— Я кончилъ. Хочешь прочту? тряхнулъ онъ головою—и взглянулъ прямо въ глаза своему другу.

— Сдѣлай одолженіе!

„Сего числа, въ три часа пополудни, — я велѣлъ осѣдлать своего воронаго жеребца, шести лѣтъ, росту три вершка, лѣвая задняя бѣлоножка“... началъ читать Криницынъ.

— Ты вѣчно шутишь... Ну какъ тебѣ, право, не стыдно. Къ чему эти подробности.

— Нисколько не шучу, сухо отвѣчалъ Криницынъ. Въ серьозномъ слѣдственномъ дѣлѣ никакая мельчайшая подробность не можетъ быть лишняя. Я продолжаю: ...кличка „Абрекъ“—дабы размять его хорошенько, такъ какъ вышеописанная лошадь чрезмѣрно застоялась... Я переправился на ту сторону въ бродъ и, постоянно мѣняя аллюры, ѣздилъ до половины одиннадцатаго вечера, послѣ чего, пилъ чай, у татарина Гайкулы, что содержитъ косую переправу, а въ часъ почти былъ уже дома, приказавъ своему денщику, Семену Гладкову, разсѣдлать лошадь и выводить ее хорошенько. Кромѣ того я долженъ присовокупить, что, по словамъ Ивана Гладкаго, солдатка Лукерья, ночевавшая на сѣновалѣ, всю ночь видѣла во снѣ окровавленнаго пѣтуха и говорила, что это не къ добру. Что-же касается до свѣдѣнія по дѣлу смерти господина Горкина, то ничего особеннаго показать не могу, ибо, находясь на томъ берегу, ничего не слышалъ и не видѣлъ подозрительнаго.

— Но зачѣмъ же ты сюда приплелъ эту солдатку Лукерью и пѣтуха—это странно! Къ чему это школьничество? жаловался Грунинъ.

— Какъ къ чему? Я нахожу, что это также точно важно и серьезно, какъ и всѣ эти показанія, ткнулъ Криницынъ пальцемъ въ бумаги.—Не могу же я умолчать о такомъ фактѣ... Вѣдь ты, пожалуй, притянешь всѣхъ насъ къ присягѣ?..

— Этого требуетъ формальность...

— Ну вотъ, видишь-ли?.. Что это, опять къ тебѣ—слѣдственные волонтеры...

Въ окнахъ мелькнули тѣни лошадей и у крыльца раздался конскій топотъ.

— Это Шелобовъ, выглянулъ Грунинъ. — Онъ условился ѣхать вмѣстѣ со мною и съ другими офицерами провѣрить лично ихъ показанія относительно слѣдовъ.—Ты поѣдешь съ нами?

— Нѣтъ, уволь! По такой жарѣ я не охотникъ до прогулокъ... Вечеркомъ, если хочешь... До свиданья!—Приходи послѣ обѣда ко мнѣ—я тебя буду ждать съ холоднымъ крюшономъ съ гранатами. Это у насъ, въ глухомъ фортѣ, водится.

Въ дверяхъ Павелъ Петровичъ встрѣтился съ Шелобовымъ и адъютантомъ Ползунковымъ. Криницынъ по-

Литературный альбомъ. „Войнаровскій". Поэма К. Ѳ. Рылѣева. Съ картины В. В. Савича, по фотогр. грав. Флюгель.

чти незамѣтно раскланялся съ своими товарищами по батальону,—прикоснувшись къ козырьку фуражки. Оба вошедшіе посмотрѣли ему только вслѣдъ, а потомъ переглянулись между собою...

— Я къ вашимъ услугамъ, господа! Не прикажете-ли прежде чаю? въ качествѣ любезнаго хозяина привѣтствовалъ офицеровъ Анатолій Робертовичъ...

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Продолженіе).

VI.

Смерть Цы-Лая и Хунъ-Ляна.

Раннимъ утромъ, искатели жень-шеня, позавтракавъ косулей, разбрелись по ближайшимъ падямъ на поиски чудодѣйственнаго корня, разбившись предварительно на три отдѣльныя партіи. Въ составъ первой партіи вошли: Лонхоу, Ли-фу и лоху Куенъ-Лу; въ составъ второй—Хунъ-Лянъ, бѣглый солдатъ манчжуръ Сео-кви и лоху Ки-сэ; третью партію составили остальные авантюристы: Хо и бывшій купецъ Цы-Лай. Разбивка на партіи произошла полюбовно. При этомъ только хлопотали о томъ, чтобы въ каждой отдѣльной партіи было непремѣнно по ружью. Этимъ дорогимъ оружіемъ обладали трое: Лонхоу, Цы-Лай и Хунъ-Лянъ, ставшіе во главѣ каждой партіи. Остальные авантюристы были вооружены только холоднымъ оружіемъ, состоявшимъ изъ небольшихъ топоровъ и кривыхъ ножей. Партіи разошлись по разнымъ падямъ съ тѣмъ, чтобы къ вечеру собраться опять на прогалинѣ, служившей для авантюристовъ ночнымъ убѣжищемъ уже въ теченіи двухъ недѣль слишкомъ. Эти дни прошли въ совершенно безплодныхъ поискахъ за корнемъ жень-шень. Еще ни одному искателю не удалось наткнуться на дорогое растеніе, несмотря на ежедневные, самые тщательные поиски, начинавшіеся обыкновенно съ восходомъ солнца и прекращавшіеся съ закатомъ. Искатели углублялись въ самыя таинственныя, недоступныя, повидимому, мѣста сосѣднихъ падей, но все безуспѣшно. Судя по нѣкоторымъ примѣрамъ, уже всюду побывали другіе искатели жень-шеня, по многимъ даннымъ болѣе счастливые. Лонхоу положительно недоумѣвалъ, кто-бы могъ предупредить его. Онъ начиналъ ожесточаться противъ неизвѣстныхъ искателей. Ему казалось, что они похищали его собственность. Лонхоу приходилъ въ бѣшенство при видѣ каждаго высохшаго листика жень-шеня, при видѣ свѣже взрытаго, тучнаго чернозема, въ которомъ еще недавно пріобрѣталъ свою чудодѣйственную силу драгоцѣнный корень... Лонхоу наконецъ надоѣло бродить по чужимъ слѣдамъ, и онъ рѣшился углубиться, послѣ осмотра другихъ знакомыхъ падей, дальше въ хребты, въ мѣста, въ которыхъ не бывалъ еще, по его мнѣнію, никто.

День прошелъ въ поискахъ. Передъ заходомъ солнца они начали возвращаться на знакомую прогалину, голодные и измученные шатаньемъ по заросли. Первыми прибыли Хунъ-Лянъ, Сео-кви и Ки-сэ, въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Безплодные поиски произвели на нихъ подавляющее дѣйствіе. Поджидая товарищей, они развели яркій костеръ и вздумали утолить свой голодъ остатками косули. Голодъ ворочалъ ихъ внутренности. Съ ранняго утра они положительно ничего не ѣли, кромѣ двухъ, трехъ случайно попавшихся корешковъ сараны и звѣробоя.

Хунъ-Лянъ принялъ на себя роль распорядителя и пошелъ къ знакомому пробковому дереву, съ цѣлью отрѣзать отъ туши нѣсколько кусковъ сочнаго мяса... Сео-кви и Ки-сэ, не теряя дорогаго времени, таскали къ костру охапки хвороста: готовили необходимый запасъ топлива на ночь. Они носили хворостъ большими охапками и съ выдающимся усердіемъ. Имъ ужъ очень было памятно непрошенное посѣщеніе прогалины тигромъ, вызвавшее страшный ночной переполохъ и стоившее одной жизни... Хунъ-Лянъ, между тѣмъ, подойдя къ пробковому дереву, на которое была подвѣшена утромъ туша косули, остановился въ недоумѣніи. Косуля пропала; съ сука-же, на которомъ она висѣла, качался только небольшой обрывокъ веревки. Разомъ потерянная надежда утолить страшный голодъ вырвала изъ его груди хриплый, бѣшеный крикъ. Сео-Кви и Ки-сэ немедленно прибѣжали на этотъ крикъ съ испуганными, недоумѣвающими лицами. Увидѣвъ Хунъ-Ляна, стоящаго съ разинутымъ ртомъ передъ деревомъ, они пришли еще въ большее недоумѣніе, напрасно стараясь объяснить себѣ причину бѣшенаго восклицанія товарища.

— Мясо украли! вывелъ ихъ Хунъ-Лянъ изъ недоумѣнія, печально возвращаясь къ костру и поспѣшно, съ какимъ то ожесточеніемъ закуривая трубку—словно табачнымъ дымомъ хотѣлъ онъ утолить страшный голодъ.

— Кто укралъ? пробормоталъ Ки-сэ, внимательно разсматривая висящій съ сука обрывокъ веревки, точно этотъ обрывокъ долженъ былъ дать ему необходимый отвѣтъ на вопросъ.

— Шайтанъ его знаетъ! сердито проворчалъ Хунъ-Лянъ и еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ запыхтѣлъ своей трубкой.— Теперь поздно и на охоту идти—ужъ темнѣть стало, добавилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

У Сео-кви и Ки-сэ даже руки опустились отъ печальной перспективы голоданья. Грустно присѣли они къ костру и также закурили свои трубочки... Прошло около получасу сосредоточеннаго, угрюмаго молчанія. Кругомъ тишина... Но вотъ послышались твердые, смѣлые шаги и шелесть раздвигаемой листвы.

— Товарищи идутъ! пробормоталъ Хунъ-Лянъ, не двигаясь съ мѣста.

Дѣйствительно, не болѣе какъ черезъ минуту вышелъ на прогалину Лонхоу и вслѣдъ за нимъ Ли-фу и Куенъ-Лу. Судя по ихъ угрюмымъ лицамъ, истекшій день не принесъ имъ никакихъ радостей и поиски за корнемъ жень-шень не увѣнчались никакимъ успѣхомъ.

— Украли мясо! встрѣтилъ Хунъ-Лянъ товарищей печальнымъ извѣщеніемъ о пропажѣ мяса. Лонхоу даже передернуло отъ этого лаконическаго извѣщенія; онъ былъ страшно голоденъ.

— Кто укралъ? спросилъ онъ, быстро подходя къ знакомому пробковому дереву.

Ламаза, либо пау... *) Дочиста обобралъ, даже костей не оставилъ!.. Чтобы эта косуля утробу ему разорвала!.. разсердился Хунъ-Лянъ.

— Ни ламаза, ни пау не украли наше мясо, а какой нибудь разбойникъ, проговорилъ Лонхоу послѣ внимательнаго осмотра мѣстности.

Это предположеніе произвело на всѣхъ авантюристовъ неожиданное впечатлѣніе. Насколько апатично отнеслись они къ предположенію, что мясо украдено какимъ нибудь хищникомъ, настолько горячо приняли къ сердцу мнѣніе стараго бродяги, что похитителемъ оказался человѣкъ. Они разсвирѣпѣли отъ одной мысли, что кража мяса произведена кѣмъ то. Они не могли переварить этого факта, требующаго, по законамъ тайги, жестокаго возмездія. Кипятиться въ томъ случаѣ, если причиной ихъ голода оказался какой нибудь хищникъ, лишнее: хищника не поймаешь, а тѣмъ болѣе, украденнаго не вернешь. Но разъ похитителемъ оказался человѣкъ, то въ рукахъ авантюристовъ много шансовъ розыскать его и наказать по законамъ тайги. Ихъ всѣхъ охватила самая неудержимая злоба. Каждый, забывъ голодъ, усталость и позднее время, наперерывъ предлагалъ Лонхоу свои услуги, чтобы выслѣдить вора.

— Полно вамъ, воръ уже далеко, началъ успокаивать Лонхоу расходившіяся страсти товарищей.— Онъ укралъ наше мясо можетъ утромъ, а теперь уже скоро восемь часовъ... Да и какъ вы его найдете ночью?!. Того и смотри, сами ламазѣ либо пау на зубы попадетесь...

Напоминаніе о тигрѣ и барсѣ имѣло дѣйствіе. Ограничились только руганью, по адресу неизвѣстнаго похитителя.

— Гдѣ то Цы-Лай и Хо?.. Что ихъ такъ долго нѣтъ?.. Вонъ и солнце уже зашло, перебилъ Лонхоу эту ругань.

Чувство любопытства заставило бродягъ насторожиться. Еще не случалось, чтобы кто нибудь возвращался съ поисковъ за корнемъ жень-шень послѣ солнечнаго заката. Обыкновенно, всѣ отдѣльныя партіи всегда спѣшили къ сборному пункту еще далеко до захода солнца, изъ боязни, чтобы ночь не застала ихъ въ какой нибудь трущобѣ, гдѣ легко попасть на зубы хищника. Очевидно, продолжительное отсутствіе Цы-Лая и Хо имѣло серьезныя причины. Вопросъ Лонхоу о запоздавшихъ товарищахъ заставилъ перемѣнить тему разговора и перейти на причины ихъ отсутствія. Одинъ увѣрялъ, что Цы-Лай и Хо просто забрели слишкомъ далеко отъ стана и остались ночевать въ другомъ подходящемъ мѣстѣ. Другой старался убѣдить, что авантюристы сдѣлались жертвой звѣря. Третій дѣлалъ вѣроятное предположеніе, что Цы-Лай и Хо перерѣзались изъ зависти, наткнувшись на драгоцѣнный корень жень-шень. Утверждали иные, что оба просто повстрѣчали другую партію искателей корня и присоединились къ ней. Наконецъ, Хунъ-Лянъ пришелъ къ убѣжденію, что Цы-Лай и Хо возвращаются на прогалину и будутъ, если не сейчасъ, то къ полночи, тѣмъ болѣе, что оба люди уже опытные, бывалые, чтобы не страшиться брести тайгой даже въ глубокую ночь...

Въ разгаръ спора раздался трескъ съ силою раздвигаемыхъ вѣтвей заросли и передъ опѣшившими авантюристами неожиданно появился окровавленный Хо. Только потому всѣ и признали въ выскочившемъ изъ чащи человѣкѣ отсутствующаго товарища, что у него вмѣсто двухъ рукъ была только одна—лѣвая, въ которой блестѣлъ большой окровавленный ножъ. Что касается до лица, то его нельзя было разсмотрѣть, такъ какъ его не было. Былъ какой то безобразный, окровавленный комокъ мяса съ двумя лихорадочно блестѣвшими глазами. Хо дышалъ прерывисто, тяжело. Его грудь судорожно поднималась

*) Ламаза—тигръ; пау—барсъ.

и опускалась. Повидимому, онъ бѣжалъ долго и большое разстояніе. Разорванное платье висѣло на его исцарапанномъ тѣлѣ безобразными клочьями. Всѣ обступили Хо съ недоумѣвающими лицами.

Хо немного успокоился, отдышался и началъ говорить, но какъ говорить! Изъ его груди вылетало какое то хриплое, невнятное бормотанье. Авантюристы напрасно напрягали слухъ: первое время они не могли разобрать ничего. Отсутствіе у Хо губъ, щекъ и носа не позволяло говорить ясно. По вотъ постепенно Хо началъ привыкать владѣть однимъ языкомъ, и рѣчь его сдѣлалось нѣсколько явственнѣе...

— Пошли мы въ ту падь, которая лежитъ отсюда на солнечный закатъ, началъ Хо свой разсказъ. — Исходили мы ее и вдоль и поперегъ—нѣтъ жень-шеня... Досадно стало Цы-Лаю, что даромъ цѣлое утро потеряли... „Пойдемъ, Хо, черезъ хребетъ да заглянемъ—нѣтъ ли тамъ другой пади“, говоритъ онъ мнѣ. „Пойдемъ“, согласился я. Время было уже за полдень... Перевалили мы черезъ хребетъ и спустились въ падь... Пошли звѣровой тропой... Цы-Лай шелъ впереди... Вдругъ я увидѣлъ, что на нижней вѣтви кедра притаился огромный пау... Вижу, что звѣрь хочетъ прыгнуть на Цы-Лая... Я и крикнулъ ему: „берегись, пау на деревѣ!..“ Цы-Лай остановился, быстро положилъ ружье на сошки и началъ прицѣливаться въ звѣря... Тотъ только съежился и началъ передними лапами сдирать съ дерева кору... Цы-Лай выстрѣлилъ и промахнулся: пуля оторвала у пау только ухо... Звѣрь разсвирѣпѣлъ, прыгнулъ и смялъ подъ собой Цы-Лая... Тотъ только захрипѣлъ... Подбѣжалъ я... Пау оставилъ Цы-Лая и бросился на меня. Положилъ на мои плечи переднія лапы и началъ грызть лицо... Я ударилъ пау ножемъ въ брюхо... Ударилъ еще разъ... Звѣрь погрызъ лицо, свалился и издохъ... Подошелъ я къ Цы-Лаю, а у него уже голова насторону своротчена, затылокъ прогрызанъ... Въ ту пору сдѣлалось уже темно... Солнце зашло... Вдругъ слышу, недалеко кто то урчитъ. Ну, думаю, ламаза, видно, кровь почуялъ и ко мнѣ подбирается... Стало мнѣ страшно... Я бросился бѣжать!..

— А ружье Цы-Лая гдѣ? спросилъ Лонхоу.

— До ружья ли было тутъ! пробормоталъ Хо.—Тамъ осталось!..

— Неужто и порохъ, и пули бросилъ? задалъ вопросъ манчжуръ Сео-кви.

— Все тамъ оставилъ!.. Такъ мнѣ страшно вдругъ сдѣлалось, что только и думалъ о томъ, какъ бы ноги свои унести, сознался Хо.

— Не хорошо, не хорошо, укоризненно проговорилъ Лонхоу,—каждая крупинка пороха дорога... Онъ на исходѣ, а безъ него голодомъ придется умереть...

— Разбойничать не трусилъ, а тутъ пау испугался... Ему бы бабьи штаны носить!.. обратился Хунъ-Лянъ къ сосѣду.

Эти обидныя слова долетѣли до уха Хо.

— Молчи, подлая собака! крикнулъ онъ, затрясшись отъ бѣшенства.—Молчи, или я вырву твой поганый языкъ и брошу его воронамъ!..

— Однорукій чортъ!.. Черепаха! огрызнулся Хунъ-Лянъ, окинувъ Хо презрительнымъ взглядомъ.—Мало, видно, было тебѣ, что манчжуры искалѣчили тебя: дался звѣрю калѣчить... Оставалось только, чтобы онъ твои подлые глаза выцарапалъ... Бабьи штаны тебѣ...

Хунъ-Лянъ не успѣлъ докончить. Хо взвизгнулъ какимъ то неестественнымъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Звѣремъ прыгнулъ онъ на своего обидчика и глубоко вонзилъ ему въ горло свой широкій ножъ... Хунъ-Лянъ захрипѣлъ и свалился на траву, корчась въ предсмертной агоніи... Всѣ положительно ошалѣли и растерялись. Нападеніе было такъ быстро, неожиданно, что никто не могъ отстранить смертельный ударъ. Но первые моменты общаго оцѣпенѣнія миновали. Авантюристы толпой бросились на обезумѣвшаго Хо, продолжавшаго наносить удары ножемъ уже мертвому Хунъ-Ляну, обезоружили его и послѣ упорнаго сопротивленія крѣпко связали. Хо сопротивлялся только до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ себя окончательно побѣжденнымъ. Увидѣвъ свое безсиліе разорвать веревки, онъ подчинился, утихъ и даже закрылъ глаза. Хо зналъ страшныя послѣдствія убійства и спокойно ждалъ рѣшенія своей участи. Ему былъ извѣстенъ законъ тайги: око за око, зубъ за зубъ! Онъ рѣшился ждать смерти съ фатализмомъ, столь свойственнымъ сынамъ Поднебесной имперіи...

VII.

Судъ и казнь.

Связавъ Хо и бросивъ его на сырую траву, всѣ усѣлись вокругъ костра и молча закурили свои трубки. Курили съ важнымъ, сосредоточеннымъ видомъ, готовясь къ совершенію важнаго дѣла. Старшина партіи, Лонхоу, усѣлся на почетное мѣсто, на сырую еще шкуру убитой наканунѣ косули. Остальные заняли мѣста въ почтительномъ отъ него разстояніи... Предстояло оригинальное судбище—своего рода судъ Линча. Жизнь Хо въ рукахъ пяти его товарищей. Они могли отнять эту жизнь, предавъ Хо мучительной смерти... Прошло нѣсколько минутъ глубокаго молчанія. Лонхоу кончилъ курить, вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и спряталъ ее въ длинный, узкій кожаный мѣшочекъ, висѣвшій у него на поясѣ.

— Хо сдѣлалъ худое дѣло и долженъ быть убитъ, обратился старшина къ товарищамъ.—Всѣ вы видѣли, какъ Хо Хунъ-Ляна ударилъ ножемъ?

— Видѣли! глухо отвѣтили искатели жень-шеня.

— Хо можно простить или нѣтъ? задалъ Лонхоу второй вопросъ.

— Нѣтъ! жестко проговорили Куенъ-Лу, Сео-кви и Ки-сэ.

— Хо можно бы и простить, рѣшился замѣтить Ли-фу.

Взоры всѣхъ обратились на послѣдняго недоумѣвающе.

— Хо надо бы простить! горячо повторилъ неожиданный защитникъ болѣе твердымъ голосомъ.—Хунъ-Лянъ самъ вызвалъ его, раззадорилъ, а онъ вѣдь только что вырвался изъ когтей пау...

— Молчи ты, Ли-фу! строго, важно остановилъ старшина защитника убійцы. — Еще молодъ... Тебѣ неизвѣстно какъ въ тайгѣ дѣлаютъ... Всякое такое дѣло наказываютъ. Если Хунъ-Лянъ обидѣлъ Хо, ему надо бы было ко мнѣ идти съ жалобой, я и разсудилъ бы, кто больше виноватъ... Теперь же другое. Ты, Ли-фу, тоже не защищай такого, какъ Хо, онъ убилъ товарища, а долженъ былъ дружно съ нимъ идти.

Ли-фу замолчалъ. Ему было жалко Хо, но онъ не смѣлъ больше сказать ничего.

— Куенъ-Лу, какъ думаешь, что дѣлать?

— Смерть! глухо буркнулъ Куенъ-Лу.

— Смерть!.. Смерть!.. повторили Сео-кви и Ки-сэ одинъ послѣ другаго.

Ли-фу молчалъ, низко опустивъ голову.

— Что скажешь ты, Ли-фу? спросилъ старшина.

Ли-фу продолжалъ молчать, не рѣшаясь.

— Я слышалъ теперь васъ всѣхъ, продолжалъ Лонхоу твердымъ голосомъ, недопускающимъ возраженія.—Да, Хо что заслужилъ, то и получитъ—онъ будетъ зарытъ въ землю!..

Ли-фу вздрогнулъ, услыхавъ приговоръ. Остальные молча наклонили головы въ знакъ согласія, находя все вполнѣ справедливымъ и согласнымъ съ законами тайги. Такъ твердо устанавливается власть у китайскаго выборнаго старшины!..

Прошло нѣсколько секундъ тягостнаго молчанія.

— Ки-сэ и Сео-кви! обратился наконецъ Лонхоу.—Ступайте, развяжите Хо ноги и приведите его.

— Хо, ты убилъ товарища, обратился Лонхоу къ нему.—Ты будешь зарытъ завтра живой... Приготовься!..

Хо выслушалъ это съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Онъ зналъ все заранѣе. Въ теченіи своей долгой, бродяжнической жизни ему не разъ случалось видѣть исполненіе такой казни *), и даже самому налагать ее, когда онъ самъ былъ старшиной. Онъ сознавалъ, что наказаніе заслужено и считалъ сопротивленіе безполезнымъ.

— Свяжите и караульте его до утра, сказалъ Лонхоу.

Хо связали такъ же быстро, какъ развязали, и положили вблизи костра, на видномъ мѣстѣ. Ки-сэ и Сео-кви расположились около убійцы.

Ночь прошла спокойно. Хо лежалъ словно мертвый, не подавая никакого признака жизни. Онъ не спалъ, а находился въ тяжеломъ полусонномъ состояніи, бывающемъ иногда у людей, томящихся ожиданіемъ скорой, неумолимой смерти... Лонхоу поднялся съ разсвѣтомъ и занялся приготовленіями къ казни. Онъ нарвалъ по близости головки дикаго мака, растеръ ихъ и приготовилъ одуряющій напитокъ. Остальные вырыли ножами, на краю прогалины, глубокую яму—преждевременную могилу убійцы. Рядомъ съ этой ямой вырыли другую—для убитаго Хунъ-Ляна...

Какъ только всѣ приготовленія были окончены, Лонхоу приказалъ развязать Хо (убійца долженъ быть зарытъ въ землю несвязаннымъ). Развязанный Хо съ трудомъ поднялся на затекшія за ночь ноги и, поддерживаемый, подошелъ, шатаясь, къ приготовленной могилѣ. Взглянувъ въ нее, онъ невольно вздрогнулъ и отвернулся. Хо не боялся смерти, но его ужасалъ способъ. Лонхоу молча подошелъ къ убійцѣ и, подавая ему чашку съ приготовленнымъ одуряющимъ напиткомъ, сурово проговорилъ:

— Пей!

Хо отлично зналъ, что именно старшина предлагаетъ ему выпить, хорошо зналъ, что онъ будетъ немедленно зарытъ въ приготовленную могилу, какъ только одурѣетъ и свалится съ ногъ. Но и въ голову не пришло ему оказать какое либо сопротивленіе. Молча, безпрекословно принялъ онъ отъ Лонхоу чашку, твердой рукой поднесъ ее ко рту и выпилъ все содержимое залпомъ... Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго ожиданія. Всѣ ждали дѣйствія напитка. Къ общему удивленію, Хо продолжалъ стоять твердо, не теряя сознанія. Призракъ близкой смерти гналъ хмѣль изъ головы... Лонхоу быстро приготовилъ новый напитокъ, въ большей пропорціи.

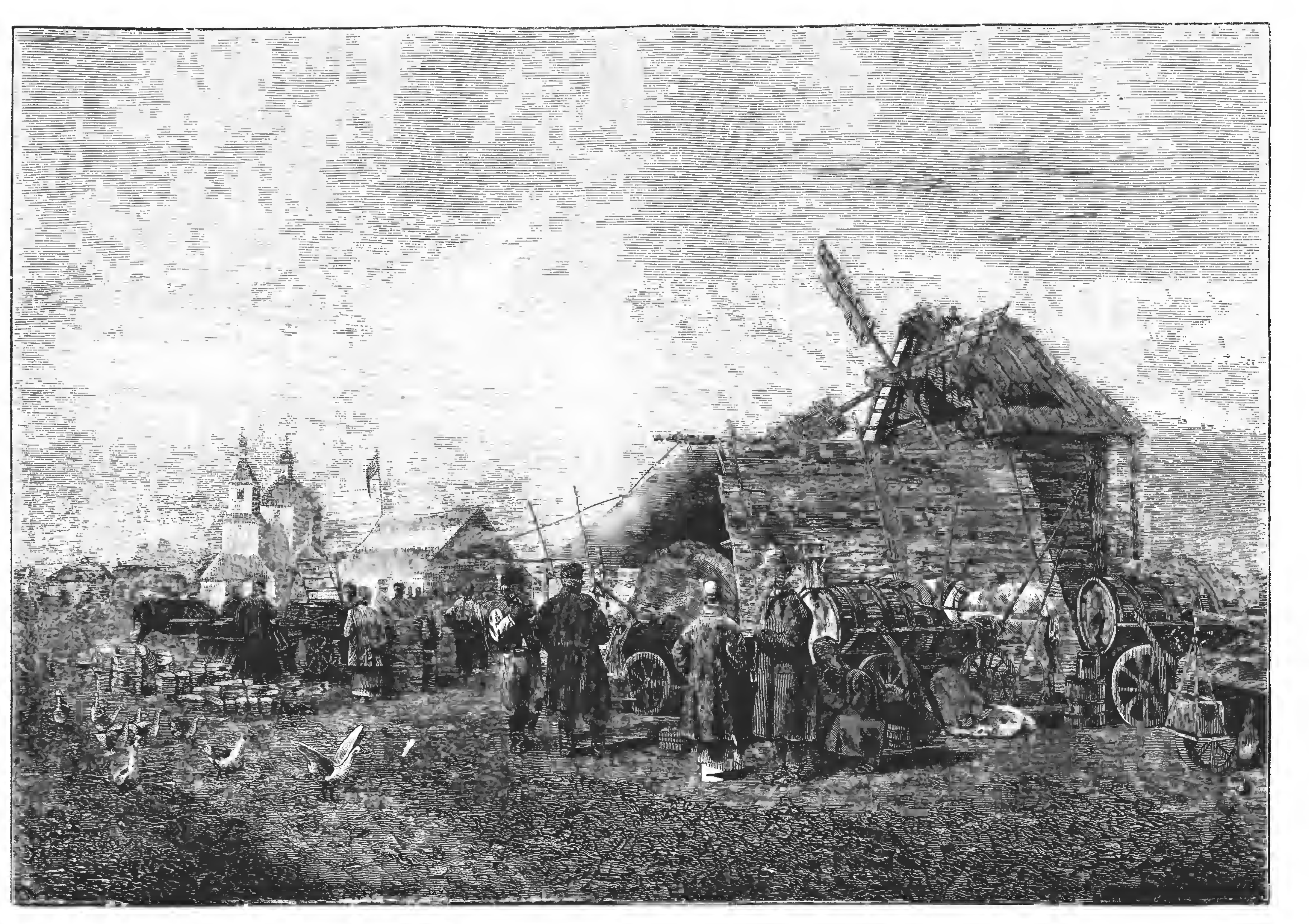
— Пей! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, подавая Хо чашку съ этимъ напиткомъ.

Хо безпрекословно выпилъ и это.

— Пей еще! повторилъ Лонхоу, подавая уже третью чашку.

Хо выпилъ и эту, сохраняя полное сознаніе.

*) Зарываніе живаго преступника въ землю—особый видъ смертной казни, практикующійся среди китайскихъ выходцевъ. Автору извѣстны два, вполнѣ достовѣрныхъ случая присужденія убійцъ къ этой казни старшинами.



Ярмарка въ малороссійскомъ городкѣ (Прилуки, Полтавск. губ.).
Картина Н. Е. Маковскаго, на деревѣ рисовалъ самъ авторъ, грав. Флюгель.

Левъ идетъ! Съ картины Карла Верласа, грав. М. Веберъ.

Еслибы человѣкъ, находящійся въ нормальномъ состояніи духа, выпилъ хотя бы полъ-чашки этого напитка, онъ неминуемо потерялъ бы сознаніе черезъ четверть часа. Между тѣмъ, Хо выпилъ его подрядъ три чашки, и это все-таки не произвело на убійцу замѣтнаго дѣйствія. Очевидно, что нервная система приговореннаго къ смерти пришла въ страшное напряженіе, и онъ продолжалъ стоять на ногахъ такъ же твердо, сохраняя полное сознаніе... Это ужасное опаиваніе произвело на всѣхъ тяжелое впечатлѣніе. Всѣ видѣли, что Хо невольно, безсознательно борется съ охватывающимъ его одуреніемъ, что предстоящая смерть довела его организмъ до нечеловѣческаго напряженія.

— Пей еще! повторилъ Лонхоу дрогнувшимъ голосомъ.

На его лбу уже стали выступать капли холоднаго пота. Неожиданно затянувшаяся казнь произвела и на него тяжелый, нравственный гнетъ.

Хо выпилъ послѣдовательно еще двѣ чашки... Прошло еще нѣсколько минутъ въ высшей степени тягостнаго ожиданія... И вдругъ Хо началъ что то болтать, энергично размахивая своею единственною рукою.

Хо быстро дурѣлъ. Постепенно, ноги убійцы начали отказываться служить ему и подгибались подъ тяжестью туловища... Прошла еще минута. Хо вдругъ грузно опустился на траву, что-то бормоча себѣ подъ носъ.

— Кладите въ яму!

Подняли обезпамятѣвшаго убійцу и осторожно опустили его на сырое дно глубокой могилы. Хо продолжалъ что-то бормотать, но, повидимому, уже ничего не сознавалъ. Глаза его были мутны и наполовину прикрыты сразу ослабѣвшими, низко опущенными вѣками.

— Зарывайте живѣй! крикнулъ Лонхоу какимъ-то неестественнымъ голосомъ.

Комья сырой земли посыпались на Хо. Въ этотъ страшный моментъ къ убійцѣ словно вернулся проблескъ мучительнаго сознанія. Приговоренный видимо силился приподняться, но не могъ... Ротъ его широко раскрылся съ выраженіемъ неотразимаго, безпредѣльнаго ужаса. Изъ груди вырвался нечеловѣческій крикъ, хриплый, отчаянный, леденящій кровь... Комья сырой земли продолжали между тѣмъ сыпаться въ могилу, глухо ударяясь объ трепещущее тѣло. Работали лихорадочно, дрожа, стараясь не смотрѣть въ страшную яму, избѣгая взгляда широко раскрытыхъ глазъ приговореннаго, слово молящихъ о пощадѣ. Черезъ нѣсколько секундъ Хо опять впалъ въ тупое состояніе и не показывалъ проблесковъ сознанія... Могила быстро заполнялась... Вдругъ рыхло насыпанная земля приподнялась горой и тотчасъ же осѣла... Это было послѣднее, страшное, можетъ быть даже сознательное усиліе Хо избавиться отъ мучительной смерти... Тогда начали сыпать землю съ удвоенною энергіею, словно спѣша прекратить жизнь преступника какъ можно скорѣй.

Но вотъ яма уже заполнена. Плотно умяли землю и съ облегченнымъ вздохомъ отерли со лбовъ крупныя капли выступившаго пота... Свершивъ это ужасное дѣло, даже словно повеселѣли, словно съ плечъ ихъ свалился тяжелый камень. Только одинъ Ли-фу продолжалъ оставаться въ мрачномъ, сосредоточенномъ состояніи. Страшное погребеніе живаго товарища произвело на него такое подавляющее впечатлѣніе, что онъ твердо рѣшился отстать отъ партіи такихъ людей. Онъ даже забылъ свое страстное желаніе разбогатѣть и думалъ только, какъ бы вернуться поскорѣй подъ кровлю отцовской фальцзы. Ли-фу и не подозрѣвалъ, какъ далеко еще это, онъ и не предполагалъ, что увидитъ домъ только послѣ цѣлаго ряда приключеній.

VIII.

Останки Цы-Лая.

Рядомъ съ Хо авантюристы зарыли убитаго Хунъ-Ляна, положивъ на его могилу нѣсколько большихъ камней, чтобы хищные звѣри не тревожили праха. Окончивъ работу, бродяги усѣлись къ костру для совѣщанія. Закурили, по обыкновенію, трубки, храня, подъ давленіемъ только что пережитыхъ впечатлѣній, угрюмое, сосредоточенное молчаніе. Долгое время никто не рѣшался его нарушить. Терпѣливо ждали слова опытнаго вожака-старшины Лонхоу... Наконецъ онъ заговорилъ, но заговорилъ тихо, степенно, словно опасаясь потревожить прахъ заживо-погребеннаго убійцы и Хунъ-Ляна.

— Исходили мы всѣ пади, и все даромъ, началъ Лонхоу. Насъ обошли другіе искатели... Пора пойти дальше... Времени впереди еще много... Теперь только восьмой *) мѣсяцъ года... Раньше десятаго мѣсяца домой не стоитъ уходить.

*) Съ 2357 года до Р. Х., по приказанію императора Яо, китайскіе астрономы Си и Хо согласовали лунный годъ изъ 354 дней, бывшій тогда въ употребленіи въ Китаѣ, съ солнечнымъ годомъ. Такъ какъ лунный годъ былъ короче солнечнаго на одиннадцать дней, то такого соглашенія достигли, прибавляя, по мѣрѣ накопленія этой одиннадцати-дневной разницы, тринадцатый мѣсяцъ къ двѣнадцати мѣсяцамъ луннаго года. Эта система лѣтосчисленія употребляется въ Китаѣ по настоящее время. Такимъ образомъ китайцы прибавляютъ тринадцатый мѣсяцъ семь разъ въ теченіи 19-ти-лѣтняго періода, такъ что изъ 19 лѣтъ у нихъ бываетъ 12 лѣтъ въ 12 мѣсяцевъ и 7 лѣтъ въ 13 мѣсяцевъ. Каждый мѣсяцъ начинается у нихъ новолуніемъ. Новолуніе, предшествующее вступленію солнца въ знакъ Водолея, т. е. случающееся въ январѣ или февралѣ, служитъ началомъ года. Первый мѣсяцъ, по китайской номенклатурѣ, носитъ названіе Чженъ-Юе, а послѣдній — Ла-Юе. Прочіе мѣсяца не имѣютъ собственныхъ названій, а считаются по порядку: 2-ой, 3 ій, 4-ый и т. д. Восьмой мѣсяцъ соотвѣтствуетъ нашему августу.

Ли-фу вздрогнулъ. Впереди еще два мѣсяца такихъ впечатлѣній и лишеній, два мѣсяца! Два мѣсяца!.. Одному божественному Фо извѣстно, что можетъ случиться въ эти мѣсяца... Удастся-ли вернуться живымъ въ фальцзу отца, къ дорогой Ляй!? Ли-фу готовъ былъ уйти домой сейчасъ, какъ можно скорѣй бросить ненавистную партію, да страшно... Дороги не знаетъ, легко можетъ заблудиться и тамъ либо голодъ, либо хищные звѣри... „Возможно-ли идти домой одному, безоружному, по незнакомой чащѣ, въ которой тысячи извилистыхъ звѣровыхъ тропъ образуютъ такой лабиринтъ, выбраться изъ котораго можетъ только очень опытный. Конечно нѣтъ, думалъ Ли-фу, невозможно... Надо ждать случая... Не встрѣтятся-ли другіе искатели идущіе домой, или просто охотники?.. Гдѣ ихъ встрѣтить!? Встрѣча эта невозможна въ тайгѣ, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ жилаго мѣста...“ Ли-фу грустно поникъ головой подъ давленіемъ этихъ соображеній.

— Поведу я васъ дальше, въ полуночную сторону, продолжалъ Лонхоу, послѣ короткаго перерыва, тѣмъ же степеннымъ, тихимъ голосомъ. Поведу въ мѣста, гдѣ навѣрное не бывалъ еще ни одинъ человѣкъ. Тамъ найдемъ корень, найдемъ навѣрное... Тамъ скрылся онъ отъ жадныхъ взоровъ людей... Кто идетъ со мной — скажите; кто боится и хочетъ вернуться домой—пускай уходитъ. Я не держу... Только думаю, что никто изъ васъ не найдетъ самъ дороги къ Уссури... Зашли то мы очень далеко... Что-жъ, идете что-ли со мной?..

— Идемъ, идемъ!.. Веди насъ, куда знаешь, угрюмо пробормотали Кусенъ-Лу, Сео-кви и Ки-сэ. Одинъ только Ли-фу продолжалъ молчать, сосредоточенно всматриваясь въ яркое пламя костра. И чудится ему въ этомъ пламени грустное личико хорошенькой Ляй; стоитъ она и словно манитъ его къ себѣ, ласково манитъ... „Эхъ, кабы домой скорѣй!“ пронизала его острая, болѣзненная мысль.

— А ты, Ли-фу, не желаешь съ нами идти? обратился старшина къ задумавшемуся Ли-фу. Не хочешь — никто тебя не держитъ. Ступай себѣ домой... Только дойдешь-ли?..

Ли-фу вздрогнулъ. „Правда, не дойду!“ мелькнуло у него въ головѣ. Заѣдятъ звѣри и кости разнесутъ по Сихотэ-Алиню...

— Ну, что-жь, Ли-фу, идешь съ нами или нѣтъ? повторилъ Лонхоу свой вопросъ.

— Куда-же мнѣ идти, какъ не съ вами! глухо проговорилъ Ли-фу.

— И хорошо дѣлаешь, что идешь... Отсюда пойдемъ мы въ эту падь, въ которой пау разорвалъ Цы-Лая, продолжалъ Лонхоу. Надо вѣдь ружье брошенное найти... Тамъ и порохъ долженъ быть и пули. Все это намъ понадобится: и того, и другаго у насъ мало... Ты, Сео-кви, обратился старшина къ бѣглому солдату, возьми ружье Хунъ-Ляна и вмѣстѣ съ Ки-сэ отправляйся за дичью. Ѣсть то всѣмъ хочется, я думаю, очень: вѣдь со вчерашняго утра не ѣли. Я съ Ли-фу и Кусенъ-Лу пойду въ ту падь, гдѣ загрызенъ Цы-Лай... Ты знаешь ее... Сойдемся вечеромъ. Ну, гайда, Сео-кви, гайда!.. Нечего времени терять...

Сео-кви и Ки-сэ молча поднялись, и черезъ минуту скрылись въ чащѣ.

— Ну, гайда и мы теперь!.. Кусенъ-Лу, возьми топоръ Хунъ-Ляна, проговорилъ Лонхоу подымаясь.

— Эхъ, ружье-бы Цы-Лая разыскать, да порохъ — очень нужны намъ, задумчиво добавилъ онъ, забрасывая за спину свой тяжелый фитильный самопалъ. Ружье это тебѣ бы отдалъ! обратился старшина къ Ли-фу. Послѣдній даже вздрогнулъ отъ этого обѣщанія. Давно уже жаждалъ онъ имѣть хорошее ружье, да не хватало средствъ завести его; онъ даже нѣсколько повеселѣлъ отъ обѣщаннаго дорогаго подарка.

— Настоящимъ тогда охотникомъ буду, думалъ онъ съ радостнымъ трепетомъ, бодро шагая по извилистой тропѣ... Право настоящимъ охотникомъ буду... Дичи-то сколько набью, панты *) добуду, богатымъ сдѣлаюсь, на Ляй женюсь! мечталъ Ли-фу, слѣдуя за Лонхоу...

Солнце уже стало склоняться къ западу, когда искатели жень-шеня, имѣя во главѣ Лонхоу, спустились въ зловѣщую падь, ставшую могилой несчастнаго Цы-Лая. Лонхоу подвигался впередъ съ большою осторожностью, зорко всматриваясь въ благоухающую листву и окидывая быстрымъ, проницательнымъ взоромъ вершины величественныхъ кедровъ, ильмовъ и сосенъ. Опытный бродяга съ минуты на минуту ожидалъ увидѣть барса или тигра, притаившихся гдѣ нибудь въ чащѣ. Вставивъ зажженный фитиль въ курокъ ружья, онъ каждую секунду готовъ былъ встрѣтить ихъ мѣткой пулей. Лонхоу хорошо зналъ, что эта мрачная падь служитъ логовищемъ для хищныхъ звѣрей. И въ прежніе годы его шатанія по тайгѣ, въ этой именно пади искатели жень-шеня подвергались нападеніямъ, и многіе сдѣлались жертвой нападеній. Лонхоу шелъ, держа ружье наготовѣ. Спутники его пробирались извилистой тропой съ неменьшими предосторожностями. Ли-фу сжималъ въ правой рукѣ свое единственное оружіе—ножъ. Кусенъ-Лу каждую секунду былъ готовъ нанести смертельный ударъ топоромъ, перешедшимъ къ нему въ наслѣдство послѣ убитаго

*) Панты—молодые оленьи рога. Цѣнятся очень дорого, отъ 100 до 150 серебряныхъ рублей за пару. Изъ роговъ этихъ китайцы приготовляютъ укрѣпляющее организмъ лекарство.

Хунъ-Яяна. Узкая, звѣровая тропа затѣйливо вилась подъ душистымъ сводомъ разнообразной древесной растительности, низко склонившей свои вѣтви къ сырой землѣ. Нерѣдко приходилось ползти чуть ли не на четверенькахъ—такъ низокъ былъ этотъ роскошный сводъ, сотканный искусными руками природы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ приходилось расчищать себѣ дорогу ножами и топорами. Ноги путались въ цѣпкомъ виноградѣ, прикрывавшемъ землю какъ узорчатый, роскошный коверъ. Несмотря на ясный день, ярко блестѣвшее въ голубомъ небѣ солнце, въ тайгѣ царствовала полутьма и тишина, производившая подавляющее впечатлѣніе.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи **А. Брикнера**.

(Продолженіе).

Всѣ удивлялись тому, что посламъ не нравились омары и устрицы, но за то они охотно ѣли рыбу. О любви русскихъ къ музыкѣ пишутъ слѣдующее: „Второй посолъ говоритъ, что у него хорошій голосъ, и принимаетъ на себя роль дирижера во время пѣнія, что случается довольно часто; но ихъ пѣсни хуже кошачьей музыки". Такъ должно было конечно казаться итальянцамъ съ ихъ изнѣженными, сладкими мотивами. Въ одномъ изъ сообщеній значится: „Восемь или десять человѣкъ изъ свиты больны отъ ударовъ палкою, которыми собственноручно надѣлилъ ихъ Чемодановъ за пьянство". О скупости русскихъ говорятъ слѣдующее: „На этихъ дняхъ послы отправились въ ванну; такъ какъ ее не топили нѣсколько дней, то потребовалось много дровъ; цѣлый вечеръ русскихъ развлекали музыкой, принесли разныя благовонныя эссенціи и оказывали имъ всевозможныя услуги; напяты были для того особыя лица; за все это послы заплатили только двѣ маленькія монетки. Одинъ кардиналъ пожелалъ имѣть небольшую русскую монетку, какъ нумизматическую рѣдкость, и съ него взяли за нее деньги. Если посламъ дарили припасы, то они ѣли прежде тѣ, которые скорѣе могли испортиться. Остатки привезенныхъ припасовъ они не хотѣли, какъ всѣ, оставлять на кораблѣ, а свезли на берегъ и приказали ихъ беречь. Но такъ какъ было неудобно везти все съ собою дальше, то, желая выручить деньги, они продали 60 окороковъ, чѣмъ навлекли неудовольствіе мясниковъ, желавшихъ получить выкупъ за право убоя, и потребовалось много, чтобы успокоить ихъ. Присутствуя въ обществѣ, гдѣ играли музыканты, на приглашеніе одного духовнаго лица уплатить имъ что нибудь, Чемодановъ извинился и сказалъ что не имѣетъ при себѣ денегъ; собесѣдникъ высказалъ, что не вѣритъ этому, тогда Чемодановъ въ доказательство вынулъ два венгерскихъ цехина; собесѣдникъ поспѣшно взялъ ихъ и передалъ музыкантамъ, не смотря на протестъ посла, который вслѣдствіе этого цѣлый вечеръ былъ не въ духѣ. Деньги, которыя приходилось давать „на водку", послы обыкновенно давали собственноручно. Возвращаясь въ послѣднее воскресенье изъ церкви, они не дали кучерамъ денегъ, а позвали ихъ въ комнату и угостили водкой изъ золотаго бокала... Два капуцинскихъ монаха просили пословъ дать имъ немного ревеню; русскіе размышляли объ этомъ до самаго вечера и наконецъ дали полъ-унціи, говоря, что въ сущности монахамъ не нужно лекарства. Въ торговыхъ дѣлахъ послы вели себя невозможно; будь это обыкновенные люди, они бы дорого за это поплатились. Они купили у Мозеса Франка на 300 цехиновъ драгоцѣнностей и велѣли купцу пріити къ нимъ за деньгами. Когда же тотъ явился, то они возвратили ему вещи, отговариваясь неимѣніемъ денегъ. Когда же Франкъ настаивалъ на томъ, чтобы они удержали вещи, они пригрозили вытолкать его за дверь. Послѣ долгаго спора Франкъ согласился принять въ уплату извѣстное количество ревеню по очень высокой цѣнѣ. Петру Авахъ, покупавшему у нихъ мѣха, они не показывали ихъ до заключенія торга.—Хотя въ домѣ Лонглана ихъ снабжали всѣмъ необходимымъ, они все же посылали на кухню слугъ брать еще хлѣбъ, который ѣли у себя въ комнатахъ съ икрою. Слуги подражали господамъ и также брали. Уѣзжая изъ Ливорно, послы не заплатили ничего лицамъ имъ прислуживавшимъ. Г-ну Карлу Лонглану они дали восемь соболиныхъ шкурокъ, но худшаго сорта; одна служанка получила ничего не стоящій кошачій мѣхъ."

Въ ливорнскихъ сообщеніяхъ неоднократно встрѣчаются насмѣшливыя замѣчанія о невоспитанности русскихъ. „За столомъ, говорится между прочимъ, они не стѣсняются грызть кости, держа ихъ руками, и класть ихъ обратно на блюдо. Дома за столъ садятся только знатные, причемъ не употребляютъ ни вилки, ни ножа; все берется руками. Странно видѣть, какъ они стараются подражать намъ, если кто либо обѣдаетъ у нихъ, и пробуютъ ѣсть вилкой; они берутъ съ блюда кусокъ рукою, насаживаютъ на вилку и подносятъ ко рту". Предъ выѣздомъ пословъ изъ Ливорно во Флоренцію, Антоніо Серристори между прочимъ писалъ великому герцогу. „Чрезъ лицъ знакомыхъ съ послами, я осторожно старался дать имъ понять, чтобы они по возможности чище себя держали; что касается прислуги, то этому помочь нельзя, такъ какъ прислугѣ не покупается платья для перемѣны. Но и господа, не смотря на частое хожденіе въ ванну, вовсе не такъ чисты, чтобы ихъ можно было посадить въ парадную карету..."

Наши послы думали, что великій герцогъ Фердинандъ напишетъ имъ и постоянно освѣдомлялись не получено ли отъ него письма. Съ любопытствомъ послы осматривали каждое каменное зданіе, такъ какъ въ Россіи тогда постройка была преимущественно деревянная; итальянцамъ казалось страннымъ, что русскіе не носили другаго оружія кромѣ сабель, да и тѣ оставляли постоянно дома, но зато всюду брали съ собою образа (?) Итальянцевъ потѣшало удивленіе пословъ, увидѣвшихъ въ домѣ Джіузеппе Армано шесть дамъ за азартной игрою, ставившихъ большія суммы, что конечно могло удивить ихъ, привыкшихъ къ совсѣмъ иному. Замѣчанія о „нецѣлесообразности" русскаго платья занимаютъ въ сообщеніяхъ значительное мѣсто.

Теперь разскажемъ о пребываніи пословъ во Флоренціи.

Тосканское правительство не имѣло никакого основанія торжественно принимать русскихъ пословъ. Въ Москвѣ не знали ничего о Флоренціи и великомъ герцогѣ Фердинандѣ; Чемодановъ и Посниковъ случайно появились въ Ливорно по пути въ Венецію; у нихъ не было никакихъ дѣловыхъ порученій во Флоренцію; великій герцогъ не имѣлъ никакихъ обязательствъ относительно русскаго государства. Купцы, проживающіе на тосканской землѣ, были болѣе, чѣмъ ихъ правительство, заинтересованы русскимъ посольствомъ. Представители правительства полагали достаточнымъ оказать русскимъ лишь извѣстное вниманіе. Англійскій купецъ Карлъ Лонгланъ, покупавшій въ Россіи икру на большія суммы, въ собственныхъ интересахъ помѣстилъ русскихъ у себя въ домѣ, прекрасно угощалъ ихъ и нѣсколько недѣль они у него жили. Между тѣмъ послы надѣялись, что правительство Флоренціи предложитъ имъ свои корабли, экипажи и лошадей. Однако имъ пришлось ѣхать далѣе на свой счетъ.

Изъ оффиціальнаго дневника русскихъ пословъ мы узнаемъ объ ихъ намѣреніи оставить въ Ливорно свои большіе запасы ревеню. Лонгланъ былъ уполномоченъ продать эти товары. Но собольи мѣха, или „сокровища принадлежащія царю и патріарху", какъ они названы въ дневникѣ, были увезены во Флоренцію водою. Для этой цѣли были наняты суда. Серристори не безъ основанія писалъ великому герцогу, что багажъ русскихъ путешественниковъ покажется ему очень страннымъ. Одинъ изъ свиты сопровождалъ тюки съ мѣхами. Для путешественниковъ же, при посредствѣ нанятаго переводчика Ганса Сакса, было подряжено четыре экипажа для поѣздки въ Пизу. Въ сообщеніи изъ Ливорно, говорится, что послы охотно пробудутъ подольше въ Пизѣ, такъ какъ тамъ у нихъ будетъ даровая квартира у торговца русскою икрою, но не имѣя тѣхъ же удобствъ между Пизою и Флоренціею, они врядъ ли гдѣ нибудь остановятся.

Дѣйствительно, купецъ въ Пизѣ, имя котораго измѣнено до неузнаваемости въ дневникѣ, но который названъ другомъ Лонглана, встрѣтилъ путешественниковъ торжественно: онъ выслалъ для нихъ нѣсколько экипажей, запряженныхъ четвернями лошадей. Въ дневникѣ говорится, что при въѣздѣ, въ честь пословъ на городскихъ валахъ палили изъ орудій; народъ стоялъ толпами на улицахъ и кланялся путешественникамъ. За обѣдомъ пили здоровье царя Алексѣя и наслѣдника русскаго престола, а послы предложили тостъ за великаго герцога. Затѣмъ разговаривали объ отношеніяхъ Россіи къ Турціи, при чемъ русскіе восхваляли геройство донскихъ казаковъ въ битвѣ съ турками. Въ небольшомъ документѣ, хранящемся въ архивѣ Флоренціи, сказано, что русскіе за позднимъ прибытіемъ въ Пизу и вслѣдствіе дурной погоды не могли осмотрѣть достопримѣчательностей города. Объ этомъ не упоминается въ дневникѣ. Вѣроятно русскіе мало оцѣнили великолѣпіе Пизанскихъ зданій. Соборъ, безподобное „Campo santo" и наклонная башня могли возбудить въ нихъ скорѣе религіозный, чѣмъ архитектурный интересъ.

Ѣзда изъ Пизы во Флоренцію, продолжалась полтора дня, такъ что дипломатамъ все же пришлось остановиться на ночь въ гостинницѣ. Обѣдали они въ Эмполи, и этотъ городъ названъ въ дневникѣ „Неаполемъ".

Не доѣзжая Флоренціи послы встрѣтили парадныя кареты, запряженныя мулами, которыя выслалъ для нихъ великій герцогъ. Въ дневникѣ упоминается о бархатныхъ сидѣньяхъ и красивой упряжи; часть дороги нужно было проѣхать верхомъ на мулахъ. Возлѣ города прибывшихъ встрѣтилъ братъ великаго герцога, Леопольдъ (названный въ дневникѣ Діапольдомъ); при пушечныхъ выстрѣлахъ и съ музыкою, такъ пишутъ послы, состоялся ихъ торжественный въѣздъ во Флоренцію, при чемъ оказалось, что Леопольдъ отказывался занять въ экипажѣ переднее мѣсто.

У воротъ дворца Питти, гдѣ для пословъ было приготовлено

помѣщеніе, ихъ встрѣтилъ великій герцогъ Фердинандъ и проводилъ ихъ до назначенныхъ имъ покоевъ.

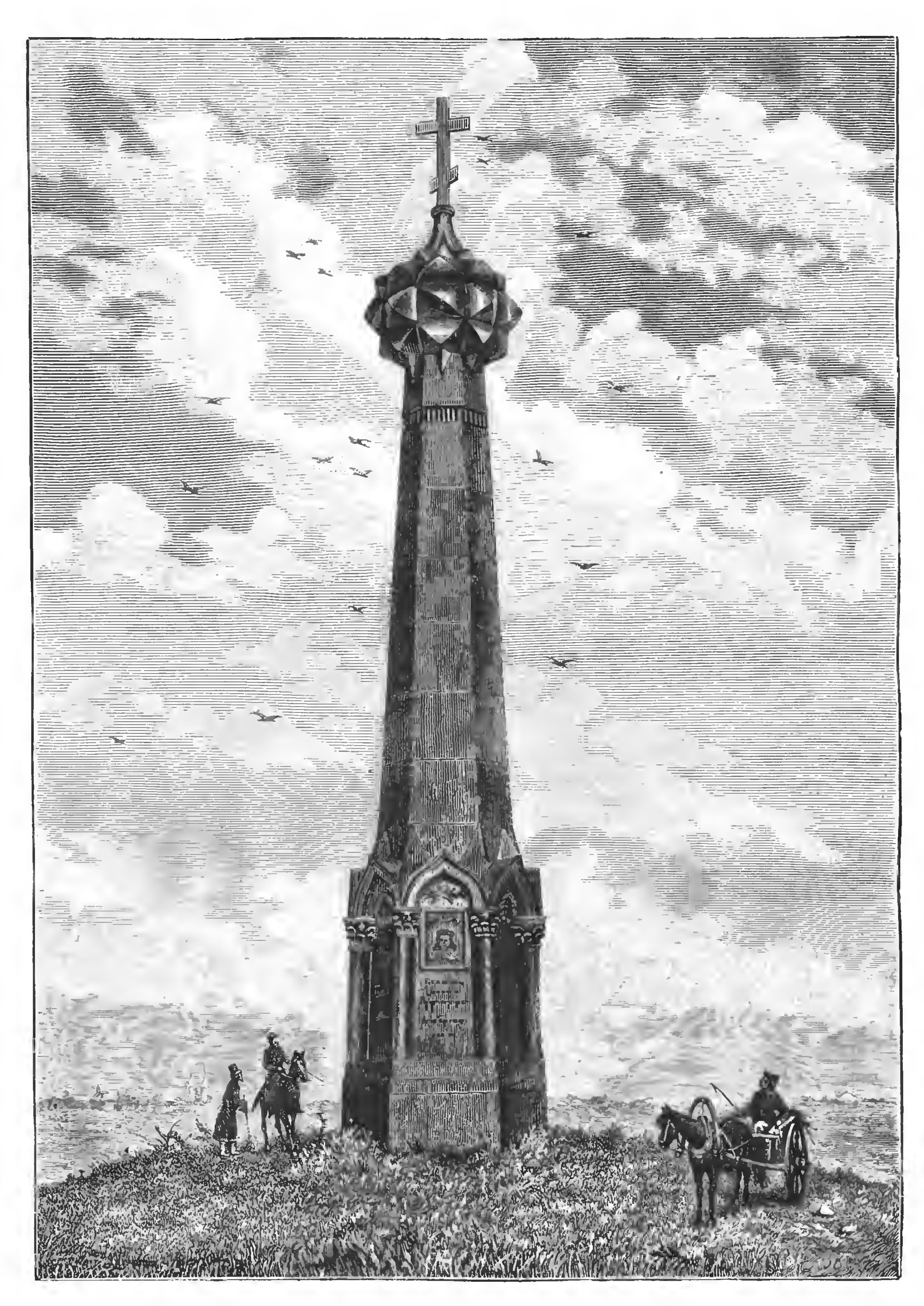
Въ Ливорно, у входа въ гавань, путешественники видѣли статую Фердинанда I, работы Джіованни Бандини, съ четырьмя варварійцами въ цѣпяхъ по угламъ. Въ дневникѣ подробно описано это художественное произведеніе и сдѣлана помѣтка, что великій герцогъ выѣзжалъ въ море, побѣдилъ пиратовъ и взялъ ихъ въ плѣнъ. Такой геройскій поступокъ внушилъ тѣмъ большее уваженіе русскимъ, что недавно имъ самимъ угрожала опасность отъ турецкихъ морскихъ разбойниковъ. Русскіе, услышавъ разсказъ объ этомъ подвигѣ отъ Карла Лонглана, воскликнули: „Вотъ это истинный князь!"

При томъ значеніи, какое восточный вопросъ имѣлъ въ то время для Россіи, для русскихъ было важно войти въ непосредственныя сношенія съ воинами, отважившимися побороть страшныхъ турокъ. Путешественники встрѣтили великаго герцога съ глубокимъ почтеніемъ. Въ свой первый приходъ къ великому герцогу, Чемодановъ и Посниковъ пали ницъ и поцѣловали у него полу.

А. Н. Ковако. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Въ Ливорно многое поразило русскихъ. Предъ ними открылся новый міръ: итальянская культура произвела на нихъ впечатлѣніе. Изъ дневника видно, что путешественники были въ состояніи удивляться и цѣнить вполнѣ для нихъ новые предметы. И хотя подробнѣе всего описаны церковная утварь и образа, что соотвѣтствовало исключительно духовному образованію русскихъ того времени, тѣмъ не менѣе упоминается и о многихъ другихъ вещахъ. Такъ, напр., они восхищались укрѣпленіями города и гаванью, массою находившихся въ рейдѣ кораблей, большимъ военнымъ кораблемъ, размѣры котораго русскими опредѣлены въ 400 футовъ длины и 70 вышины. Имъ разсказывали, что на кораблѣ этомъ помѣщается 200 пушекъ и 500 матросовъ и что онъ предназначенъ для борьбы противъ „турецкихъ разбойниковъ". Любознательность русскихъ дошла до того, что они спросили сколько времени существуетъ Ливорно. Не безъ основанія писали изъ Ливорно во Флоренцію, что русскіе „выказываютъ величайшее любопытство". Они внимательно осматривали рвы, которыми окружена крѣпость; наведенные на рвахъ цѣпные мосты, которые такъ широки, „что двѣ повозки могутъ разъѣхаться"; возведенные всюду крѣпкіе каменные садовые заборы, проведенныя цистерны; упомянуто также о прудѣ для рыбъ. По пути во Флоренцію путешественники заходили гулять въ чудный садъ: тамъ росли не только дубы, но также лимонныя и финиковыя деревья въ плодахъ, виноградъ и пр. Все это производило на нихъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что это было въ январѣ и въ отечествѣ ихъ была въ то время глубокая зима. Въ Ливорно они

Утконосъ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.



Памятникъ на Бородинскомъ полѣ (Моск. губ., Можайск. уѣзда). Рис. И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

увидѣли нѣчто необыкновенное; они пишутъ: „птица, называемая страусъ, большая, съ ногами какъ у коровы, ѣстъ желѣзо, камни и кости, въ полтора раза выше человѣка; у ней растрепанныя перья, сѣрыя; нѣмцы (т. е. вообще иностранцы) носятъ эти перья на шляпахъ“.

Послы почти совсѣмъ не видѣли Пизы. Въ дневникѣ они пишутъ, что это большой городъ съ многими жителями. Флоренція должна была имъ очень понравиться, такъ какъ ихъ тамъ хорошо приняли. Оригинально замѣчаніе пословъ, будто бы великій герцогъ „уступилъ имъ собственное помѣщеніе“ (!), а самъ поселился въ другихъ комнатахъ. Послы описываютъ великолѣпіе своихъ комнатъ, богатые съ золотомъ обои и гобэлены съ библейскими сценами; вышина и величина комнатъ поразила русскихъ; они въ первый разъ видѣли портьеры изъ такой тяжелой матеріи.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Посольство Ермака передъ Іоанномъ Грознымъ.

(Рис. на стр. 32 и 33).

Послѣдніе годы царствованія Грознаго Царя—были печальные, мрачные годы. Иванъ Васильевичъ, страдая тяжкими тѣлесными недугами, кромѣ того чувствовалъ страшныя нравственныя муки. Неудача ливонской войны глубоко уязвила его самолюбіе, а несчастная кончина старшаго сына поразила его жестокимъ ударомъ. Москва какъ бы замерла и давно не было слышно въ ней шумныхъ ликованій, и вотъ вдругъ, неожиданно, вся Москва, по желанію царя, вновь приняла праздничный видъ, какъ бы въ старые, счастливые годы. Этимъ неожиданнымъ праздникомъ для Москвы было появленіе въ столицѣ пословъ изъ дальней Сибири, отъ Ермака, съ предложеніемъ царю новаго сибирскаго царства. До этого времени о Сибири знали очень мало; знали, что тамъ происходитъ постоянная внутренняя борьба между князьками; что тамъ живетъ народъ буйный и безпокойный, плохо подчиняющійся чужой власти и лишь изрѣдка присылавшій дань Москвѣ. Ермакъ былъ тоже лицо почти неизвѣстное; волжскій казакъ, находившійся въ опалѣ у царя за грабежи на Волгѣ, служившій потомъ у Строгановыхъ и пустившійся по ихъ указанію завоевывать новое царство. Теперь же Ермакъ сталъ героемъ дня. Онъ оповѣстилъ Строгановыхъ о своихъ необычайныхъ успѣхахъ и, сознавая важность ихъ для Россіи, а также невозможность держаться на краю свѣта съ одной небольшой дружиной, уже прямо отъ себя послалъ въ Москву посольство — Ивана Кольцо съ товарищами, челомъ бить царю Сибирью. При этомъ Ермакъ и остальные его соратники писали Грозному, „что они царство сибирское взяли, хана Кучума побѣдили и въ бѣгство обратили; многихъ татаръ, остяковъ и вогуличей покорили его царскаго величества державѣ и привели ихъ къ шети, т. е. присягѣ, чтобы быть имъ подъ его царскаго величества рукою до вѣка, покамѣстъ продлитъ Богъ вселенной стояти, а ясакъ имъ давать государю на вся лѣта безпереводно“. Въ заключеніе челобитчики молили объ отпущеніи и забвеніи ихъ старыхъ винъ, просили о присылкѣ въ Сибирь царскихъ воеводъ и войска. Кромѣ того при челобитной прилагался и первый сибирскій гостинецъ: 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ.

Царь привѣтно и милостиво встрѣтилъ пословъ. Неожиданная вѣсть облетѣла всю Москву и имя Ермака было у всѣхъ на устахъ. Въ отношеніи послѣдняго и его пословъ, царь не поскупился на милости и ласки; онъ пожаловалъ храбраго Кольцо съ его спутниками къ своей рукѣ, называлъ добрыми витязями, одѣлялъ деньгами, сукнами и камками и повелѣлъ написать Ермаку похвальную грамоту, въ которой именовалъ его не просто атаманомъ, а княземъ сибирскимъ; назначилъ завоевателю въ даръ два дорогихъ панцыря, серебряный ковшъ и шубу съ своего плеча, приказывалъ роздать сибирскимъ казакамъ знатную сумму денегъ и каждому по сукну. Строгановы тоже не были забыты; ихъ царь одарилъ двумя городками на Волгѣ — Солью большою и Солью малою. Кромѣ того на помощь Ермаку, Іоаннъ Васильевичъ посылалъ своего воеводу князя Болховскаго со стольникомъ Глуховымъ и пятью стами стрѣльцовъ. Извѣщая объ этомъ Ермака, царь наказывалъ о скорѣйшемъ доставленіи въ Москву Маметкула, взятаго въ плѣнъ.

Вообще казацкое посольство какъ бы оживило царя, какъ бы воскресило въ немъ прежнюю энергію и силы; Москва тоже не могла наглядѣться на казаковъ и наслушаться ихъ удивительныхъ разсказовъ. Посольство, погулявъ вволю въ Бѣлокаменной, оставило ее въ началѣ 1583 года, а къ 1-му марту прибыло въ Искеръ. Несчастная судьба не дозволила Ермаку довести до конца свое великое предпріятіе. Попавъ въ засаду, онъ, чтобъ спастись, бросился въ Иртышъ, думая достигнуть вплавь другаго берега; но тяжелый панцырь — даръ царя, погубилъ его и, увлекаемый имъ, онъ на вѣки исчезъ въ волнахъ...

Картина молодаго художника С. Растворовскаго, за которую онъ получилъ большую золотую медаль, изображаетъ первый моментъ представленія посольства Ермака царю. С. Растворовскій родился 1858 г. въ Ломжинской губ., въ Академію поступилъ въ 1878 г. и получилъ уже пять серебряныхъ медалей. Затѣмъ за программу „Ахиллъ у тѣла Патрокла“ еще серебряную медаль и за послѣднюю картину, какъ мы выше сказали - большую золотую.

Литерат. албомъ „Войнаровскій“. Поэма Рылѣева.

(Рис. на стр. 37).

Поэма „Войнаровскій“, одно изъ наиболѣе удачныхъ произведеній Рылѣева, идеализируетъ интересную историческую личность племянника Мазепы и его единомышленника въ измѣнѣ Петру. При этомъ поэтъ не особенно стѣсняется исторической правдой. Мазепа, по исторіи, хитрый и пронырливый человѣкъ, достигшій власти вѣроломствомъ и доносами, конечно думалъ болѣе о цѣляхъ собственнаго честолюбія, нежели о благѣ своей родины. Андрей Войнаровскій былъ сынъ сестры Мазепы. Бездѣтный гетманъ, замѣтивъ дарованія мальчика, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію языкамъ и наукамъ. Въ измѣнѣ Петру, Войнаровскій принималъ самое дѣятельное участіе; онъ хитрилъ вмѣстѣ съ гетманомъ; ѣздилъ къ Меньшикову съ извѣстіемъ объ тяжкой болѣзни своего покровителя, а между тѣмъ собиралъ полки. 23-го октября 1708 года, Мазепа писалъ къ графу Головкину, что онъ не можетъ даже ворочаться безъ помощи своихъ слугъ, лишенъ сна и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29-го, явившись въ Горкахъ съ 5,000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ въ знакъ подданства и вѣрности. Послѣ несчастной для Мазепы полтавской битвы, Войнаровскій раздѣлялъ изгнаніе послѣдняго и по кончинѣ гетмана похоронилъ его въ Бендерахъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди большое количество денегъ и драгоцѣнностей, Войнаровскій покинулъ Турцію и сталъ роскошно жить въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и Гамбургѣ. Въ 1716 году онъ былъ схваченъ въ Гамбургѣ по требованію россійскаго резидента, привезенъ въ Россію и представленъ государю въ день имянинъ императрицы, которая своимъ заступничествомъ спасла его отъ казни. Войнаровскій со всѣмъ семействомъ былъ сосланъ въ Якутскъ, гдѣ и окончилъ жизнь свою. Извѣстный ученый путешественникъ Миллеръ, въ бытность свою въ Якутскѣ въ 1737 году, видѣлъ Войнаровскаго, но уже, по его словамъ, совершенно одичавшаго и почти позабывшаго какъ иностранные языки, такъ и свѣтское обхожденіе. Рылѣевъ въ своей поэмѣ представляетъ Войнаровскаго живымъ и бодрымъ старикомъ, еще энергичнымъ и горячимъ патріотомъ; въ Якутскѣ онъ встрѣчаетъ на охотѣ Миллера, дружится съ нимъ и разсказываетъ ему печальную повѣсть своей жизни. Онъ говоритъ какъ онъ предался Мазепѣ, сдѣлался его послушнымъ орудіемъ изъ любви къ родинѣ.

Мазепѣ предался я слѣпо;
И другъ отчизны, другъ добра,
Я поклялся враждой свирѣпой
Противъ Великаго Петра.

Потомъ повѣствуетъ онъ о несчастной Полтавской битвѣ, гдѣ такъ жестоко разбита была надежда какъ его, такъ и Мазепы.

Полтавскій громъ загрохоталъ...
Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпый
Противъ Петра не устоялъ!
Разбитъ, впервые онъ бѣжалъ;
Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

Печальная повѣсть Войнаровскаго заканчивается изображеніемъ тѣхъ мукъ и страданій, которыя ему привелось перенести въ ссылкѣ, жалкой жизни среди пустынь и лѣсовъ по смерти его дорогой жены, драгоцѣнный прахъ которой онъ зарылъ около своей юрты. Миллеръ съ чувствомъ выслушалъ исповѣдь своего новаго друга и рѣшился всѣми силами помочь его освобожденію. Старанія его увѣнчались успѣхомъ; Войнаровскій былъ прощенъ, и съ этою радостною вѣстью Миллеръ поспѣшилъ къ изгнаннику. Вотъ онъ прибѣгаетъ въ его жалкую юрту, но она пуста. Гдѣ-же Войнаровскій? Миллеръ продолжаетъ свои поиски, и наконецъ видитъ на могильномъ холмѣ, гдѣ погребена жена изгнанника, подобіе человѣческой фигуры. Онъ спѣшитъ туда и ему представляется страшное зрѣлище, и его то взялъ темой для себя художникъ въ картинѣ, копію которой мы здѣсь помѣстили.

„Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣньи роковомъ.
Въ глазахъ недвижный хладъ кончины,

Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло".

Ярмарка въ малороссійскомъ городкѣ.

(Рис. на стр. 40).

Конечно, въ маленькихъ городкахъ юга ярмарки съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ уже потеряли тотъ характеръ, какой былъ прежде и такъ ярко описанъ у Гоголя въ „Сорочинской ярмаркѣ": „Народъ на площади и по тѣснымъ улицамъ кричитъ, гогочетъ, гремитъ!.. Шумъ, брань, мычанье, ржанье, ревъ— все сливается въ одинъ нестройный гулъ. Возы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники—все ярко, пестро, нестройно мечется кучами, снуетъ передъ глазами. Ломится возъ, звенитъ желѣзо. гремятъ сбрасываемыя доски и закружившаяся голова недоумѣваетъ куда обратиться. Хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ". Теперь ярмарки эти имѣютъ гораздо болѣе скромный характеръ, но все еще мирный и патріархальный,—на нихъ все печать лѣниваго широкаго юга. На своемъ тонко и мѣтко исполненномъ рисункѣ на деревѣ, извѣстный художникъ нашъ Н. Е. Маковскій прекрасно схватилъ типичныя черты ярмарки маленькаго южно-русскаго городка, со всѣми ея отличительными особенностями.

Левъ идетъ!

(Рис. на стр. 41).

Граціозная картина талантливаго художника изображаетъ комическую и милую сценку. Шалунъ-мальчуганъ, забравшись подъ львиную шкуру, ползетъ по полу и рычитъ, подиявъ на своей головѣ голову чучелы, и пугаетъ свою маленькую сестренку, которая въ страхѣ. съ крикомъ „левъ идетъ!" кидается къ своей матери. Она не соображаетъ, что у льва не можетъ быть такого тоненькаго голоска и даже не замѣчаетъ, что и голосокъ то ей знакомый. Потомъ шалуну конечно достанется за такую забаву... Картинка очень живо и мило изображаетъ эту сцену.

А. Н. Ковако.

(Портр. на стр. 44).

26 ноября прошлаго года минуло 25 лѣтъ какъ А. Н. Ковако скромно подвизается на поприщѣ гальванопластики и по различнымъ отраслямъ техники. Оставивъ военную службу, вслѣдствіе полученныхъ ранъ и контузій, онъ всецѣло посвятилъ себя труду, увѣнчавшему его почетною извѣстностію. Онъ первый, съ разрѣшенія Правительства, открылъ въ нашемъ отечествѣ школу гальванопластики, въ которой, за два послѣднихъ года, обучалось у него практической гальванопластикѣ 118 человѣкъ, изъ нихъ было: 6 японцевъ, 2 болгара, 1 черногорецъ и 1 баварецъ. Работы А. Н. Ковако на различныхъ выставкахъ обращали на себя вниманіе и удостоились почетныхъ наградъ отъ Царствующихъ Особъ. Изъ послѣднихъ его изобрѣтеній обращаютъ на себя вниманіе: электросвѣтовая острога; рогатина на медвѣдя, съ разрывной пулей; водолазный гидро-фото-телеграфъ и абсолютно безопасный фонарь, для пороховыхъ погребовъ и пиротехническихъ лабораторій.

Родился онъ въ Афинахъ въ 1826 г., воспитывался тамъ же. Началъ службу въ Нассаускомъ уланскомъ полку. Въ Венгерскую войну 1849 года, въ дѣлѣ подъ Германштатомъ, былъ раненъ и за оказанное отличіе переведенъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Въ 1854 году переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; формировалъ тогда же греческую дружину и командовалъ ею, въ дѣлѣ подъ Кюрукъ-дара. Въ 1855 году имѣлъ блестящее кавалерійское дѣло подъ Карсомъ, съ 22 на 23 августа, именуемое ночнымъ побоищемъ. Въ 1857 году 1-го августа, въ Дагестанѣ, на Ибрагимъ-дада, участвовалъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ; былъ при штурмѣ Гуниба и взятіи Шамиля. Въ 1860 году, въ Абхазіи. былъ въ дѣлѣ подъ Псху и Цебельдой, за оказанное отличіе произведенъ въ маіоры и Высочайше пожалованъ ему бриллiантовый перстень. Состоялъ адъютантомъ при двухъ военныхъ генералъ-губернаторахъ: князѣ Эристовѣ и Колюбакинѣ. Командовалъ 7-мъ сводным стрѣлковымъ батальономъ, а за тѣмъ уѣхалъ въ Африку по наслѣдственному дѣлу, откуда вернувшись, переведенъ былъ въ Нарвскій гусарскій полкъ, изъ котораго вышелъ въ отставку съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ.

Дѣятельность А. Н. Ковако, за все время, выразилась въ 64-хъ изобрѣтеніяхъ, по остроумію и разнообразію своему заслуживающихъ быть упомянутыми: въ 1859 году—дальномѣръ, ручная граната; 1860—метательный станокъ гидроэлеваторъ; 1861—спасительный поясъ, кавалерійскій карабинъ; 1863—накладныя цапфы, концентрированные газовые фонари и т. д.

Утконосъ.

(Рис. на стр. 41).

Среди многочисленныхъ видовъ млекопитающихъ животныхъ, ни одно не возбуждало столько интереса и удивленія въ изслѣдователяхъ и не было такой загадкой для анатомовъ, какъ странное созданіе Утконосъ (Ornithorhynchus), изображеніе котораго помѣщено на стр. 44. Его можно назвать водянымъ кротомъ съ утинымъ носомъ; этой поразительной примѣтѣ, соединенію органовъ птичьяго характера съ организмомъ млекопитающаго, животное обязано своимъ названіемъ. Не удивительно, что первые экземпляры его, привезенные въ Европу въ концѣ прошлаго столѣтія, благодаря своему необыкновенному виду и разнымъ слухамъ, распространеннымъ австралійскими поселенцами объ животномъ, подали естествоиспытателямъ поводъ къ оживленнымъ спорамъ, во время которыхъ долго не могли рѣшить, принадлежитъ ли животное къ существамъ несущимъ яйца, или же къ существамъ рождающимся живыми; млекопитающее это животное или нѣтъ? Утверждали даже иные, что животное это искусственное произведеніе какого нибудь шутника, потѣшающагося надъ ученымъ міромъ.

Между тѣмъ точныя анатомическія изслѣдованія доказали, что не только страннымъ устройствомъ челюстей, но и строеніемъ скелета и внутренними органами оно существенно отличается отъ прочихъ млекопитающихъ. Нынѣшняя зоологія причисляетъ утконоса и родственнаго ему муравьеѣда (Echidna) къ особому отдѣлу млекопитающихъ и видитъ въ нихъ послѣдніе остатки давно существовавшей группы животныхъ, соединявшей въ себѣ признаки млекопитающихъ. птицъ и пресмыкающихся. Самая поразительная часть тѣла этихъ животныхъ — челюсти, образующія настоящій утиный клювъ, съ замѣною зубовъ, обыкновенной принадлежности животныхъ, двумя парами роговыхъ пластинокъ, находящихся въ особыхъ впадинкахъ нижней челюсти. Своимъ образомъ жизни утконосъ напоминаетъ отчасти крота и отчасти выдру и бобра. Низкое туловище покрыто густой, блестящей, красновато-коричневой шерстью, принимающею на животѣ серебристо-сѣрый оттѣнокъ. Окраска измѣняется съ возрастомъ и поломъ; попадаются совершенно свѣтлые экземпляры. Голова сильно сжата, мордочка кончается роговымъ клювомъ, въ передней части котораго, обтянутой очень чувствительной кожицей, находятся ноздри; у своего основанія, около волосъ, клювъ образуетъ вѣнцеобразный рубецъ изъ кожи. Верхняя челюсть больше нижней и захватываетъ ее своими краями. Маленькіе, живые глазки довольно высоко сдвинуты на макушку и имѣютъ, кромѣ наружныхъ вѣкъ, еще третье внутреннее вѣко, какъ это часто встрѣчается у позвоночныхъ животныхъ различныхъ классовъ. Уши, лишенныя наружной раковины, представляютъ узкія отверстія, закрывающіяся клапанами. Очень короткія ноги имѣютъ по пяти пальцевъ и снабжены плавательной перепонкой, которая на переднихъ ногахъ выходитъ далеко за пальцы, а на заднихъ оставляетъ ихъ свободными. Боброобразный, плоскій, короткій хвостъ покрытъ грубою щетиною, торчащею кверху. Животныя достигаютъ свыше $^{3}/_{4}$ аршина длины. Самцы больше самокъ и обладаютъ на заднихъ ногахъ шпорами, соединяющимися у основанія съ железами. Предположеніе, что шпоры эти составляютъ ядовитое оружіе защиты, до настоящаго времени не подтвердилось.

Стоячія и проточныя воды Новаго Валлиса и Вандименовой земли единственное мѣсто, гдѣ водятся утконосы. Тамъ, на берегу тихихъ, покрытыхъ богатою водною растительностью прудовъ и рѣкъ, они ведутъ жизнь настоящаго земноводнаго животнаго и питаются, какъ и ныряющія птицы, роясь въ илѣ и отыскивая червей, водяныхъ насѣкомыхъ и другихъ маленькихъ обитателей дна. Ныряютъ и плаваютъ они очень хорошо, а своей пугливостью и осторожностью указываютъ на прекрасное развитіе органовъ чувствъ. При малѣйшемъ шорохѣ или движеніи слѣдущаго за ними охотника, животныя исчезаютъ съ поверхности и только послѣ долгаго времени появляются снова, но уже въ другомъ мѣстѣ. Туземцы охотятся за ними ради ихъ мяса и убиваютъ ихъ дротиками. Поселенцы стрѣляютъ въ нихъ и достаютъ съ помощью собакъ.

Гнѣздо утконоса находится обыкновенно на крутомъ береговомъ откосѣ и имѣетъ два выхода: одинъ наружу и другой подъ водою. Собственно гнѣздо лежитъ въ концѣ поднимающагося (длиною обыкновенно въ 10 футовъ, а иногда достигающаго и 45 футовъ) подземнаго хода и выстилается сухою травою.

Любопытнѣйшія подробности о размноженіи утконоса сообщены лишь *недавно* однимъ англійскимъ естествоиспытателемъ. По его наблюденіямъ, животное это несетъ яйца. Тутъ рѣчь идетъ однако не о твердомъ яйцѣ съ скорлупою и желткомъ, какія несутъ птицы и въ которыхъ зародышъ развивается внѣ тѣла матери; въ яйцѣ утконоса зародышъ уже существуетъ, но въ самой первой степени развитія; онъ появляется на свѣтъ окруженный яичной оболочкой и дальнѣйшій ростъ его, какъ и сумчатыхъ животныхъ, происходитъ при помощи вскармливанія молокомъ. Такимъ образомъ это любопытнѣйшій примѣръ яйцеживородящаго млекопитающаго; такіе же случаи наблюдались у другихъ группъ животныхъ, напримѣръ у нѣкоторыхъ змѣй. Это низшая форма живаго рожденія, за которой непосредственно слѣдуютъ животныя сумчатыя, составляющія уже переходъ къ высшимъ млекопитающимъ.

До настоящаго времени не найдено еще ископаемыхъ животныхъ, родственныхъ утконосу, которыя составляли бы переходную ступень къ высшимъ млекопитающимъ.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

(Рис. на стр. 45).

Нечего и говорить какое громадное значеніе имѣла бородинская битва въ отечественную войну 1812 года, въ дѣлѣ освобожденія нашего отечества отъ нашествія иноплеменниковъ. Здѣсь, на этихъ поляхъ, затмилось счастіе Наполеона, и здѣсь же въ первый разъ онъ усумнился въ постоянствѣ своей военной славы. Но это высоко историческое мѣсто и обширная могила доблестныхъ воиновъ долго оставалась безъ всякаго памятника, который былъ воздвигнутъ здѣсь и открыть лишь 26-го августа 1839 года. Памятникъ этотъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, можетъ служить краткою лѣтописью всей бородинской битвы. Онъ вылитъ изъ чугуна; средняя часть его имѣетъ форму усѣченной восьмиугольной пирамиды, оканчивающейся чешуйчатою главою съ крестомъ. Вышина памятника 91 футъ. На первой грани, обращенной къ западу, откуда наступалъ непріятель, видѣнъ вверху подъ стекломъ нерукотворный образъ Спасителя съ подписью крупными славянскими буквами „Въ немъ спасеніе“, а ниже: „Бородинское сраженіе 26-го августа 1812 г.“ На первой грани справа отъ образа находятся надписи: „Кутузовъ. Барклай де-Толли. Багратіонъ“, а подъ чертою: „Русскихъ было въ строю: пѣхоты — 85,000 человѣкъ, конницы—18,000, казаковъ—7,000, ополченія — 10,000, орудій—640“. На второй грани опять видны надписи: „Умершіе за отечество полководцы: Багратіонъ, Тучковъ 1, Тучковъ 4, графъ Кутайсовъ. Всѣмъ прочимъ слава“. На третьей грани: „Властолюбіе неограниченное изумило Европу“, „Успокоилось посреди пустынь океана“, „Москва занята непріятелемъ 2-го сентября 1812 года“, „Вступили въ Парижъ 19-го апрѣля 1814 г.“. На средней грани перечислены тѣ націи, войска которыхъ сражались на поляхъ Бородина: „Франція, Италія, Неаполь, Австрія, Саксонія, Виртембергъ, Пруссія, Голландія, Испанія, Португалія, Польша, Швейцарія и Германскій союзъ; всего 20 языкъ вывели въ строй: пѣхоты—145,000, конницы—40,000, орудій — 1000.“ Внизу подъ чертою: „Открытъ 26-го августа 1839 года“.

Слѣва отъ образа тоже видны надписи; такъ, на первой грани: „Благодарное отечество положившимъ животъ на полѣ чести“, потомъ подъ чертою: „Русскихъ убито: генераловъ—3, воиновъ—15,000; ранено: генераловъ—12, воиновъ—30,000“. На второй грани: „Европа оплакиваетъ паденіе храбрыхъ своихъ сыновъ на поляхъ бородинскихъ“. Подъ чертою: „Непріятелей убито: генераловъ—9, воиновъ—20,000; ранено: генераловъ—30, воиновъ—40,000.

Съ восточной стороны, возлѣ самаго памятника, покоится тѣло генерала отъ инфантеріи князя Петра Ивановича Багратіона. На могилѣ видна гранитная плита съ надписью золотыми буквами: „Раненъ въ сраженіи подъ Бородинымъ 26 августа 1812 года. Скончался отъ ранъ 12 сентября 1812 года, на 47 году отъ рожденія“. Передъ открытіемъ памятника, тѣло Багратіона было перевезено сюда изъ села Симы, Юрьевскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ доблестный генералъ скончался и былъ погребенъ.

У памятника ежегодно, 26-го августа, совершается благодарственный молебенъ Спасителю Богу. Въ этотъ день все можайское духовенство собирается въ церковь села Бородина и съ хоругвями и иконами идетъ къ памятнику, а послѣ молебна въ Спасо-Бородинскій монастырь, которому положила начало вдова генерала Тучкова, потерявшая мужа въ бородинскомъ сраженіи. При входѣ въ монастырь встрѣчаетъ процессію архимандритъ съ іеромонахами и игуменья со всѣмъ хоромъ сестеръ; потомъ бываетъ обѣдня и панихида по убитымъ на поляхъ Бородина. Для посѣтителей въ монастырѣ устроена небольшая, но очень чистая и хорошо меблированная гостиница. По спиральной лѣстницѣ, сдѣланной внутри храма, можно подняться на террасу собора, откуда видна вся мѣстность бородинской битвы. Вдали верстъ за десять виденъ Колоцкій монастырь, откуда послѣ сраженія при немъ, по большой смоленской дорогѣ шелъ къ Бородину непріятель; ближе, на возвышеніи, видно селеніе Валуево, откуда Наполеонъ обозрѣвалъ бородинскую позицію. Съ террасы храма виденъ также какъ на ладони и Шевардинъ курганъ, обросшій теперь березами. Между Семеновскомъ и Бородинымъ возвышается бородинскій памятникъ; отъ него во всѣ стороны идетъ покатость; тутъ была знаменитая батарея Раевскаго, которая составляла центръ нашей позиціи. Для желающихъ ознакомиться на самомъ мѣстѣ съ планами и описаніемъ битвы, стоитъ лишь обратиться къ почтеннымъ гвардейскимъ инвалидамъ, живущимъ въ караульномъ домѣ около памятника, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи какъ планы сраженія, такъ и его подробное описаніе Михайловскаго-Данилевскаго.

Скромное село Можайскаго уѣзда, подвигами нашихъ войскъ, осталось вѣчно-памятнымъ каждому русскому.

Появленіе первой струи артезіанскаго колодца во дворѣ бань Воронина въ СПБ.
По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Артезіанскій колодецъ въ С.-Петербургѣ.

(Рис. на стр. 48).

Нашъ знаменитый геологъ Гельмерсенъ въ 1861 году исходатайствовалъ средства на буровыя работы перваго артезіанскаго колодца въ С.-Петербургѣ, который и теперь находится при зданіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ на Рижскомъ проспектѣ. Многіе ученые тогда не соглашались съ идеей Гельмерсена, но все-таки приступлено было къ работамъ и колодецъ сообща былъ просверленъ подъ руководствомъ профессоровъ Никольскаго и Романовскаго на глубинѣ 658 футъ. Колодецъ давалъ уже на глубинѣ 517 футъ громадное количество воды (250,000 ведеръ въ сутки). Буровыя работы сверхъ 517 футъ совершены были исключительно съ научною цѣлью. Спустя болѣе 20 лѣтъ, идея Гельмерсена вновь приведена была въ исполненіе Г. К. Гротомъ, который пробуравилъ артезіанскій колодецъ на стеариновомъ заводѣ М. Жукова, на Лиговкѣ, въ С.-Петербургѣ. Работа была окончена въ 1884 году на глубинѣ 621 футъ, причемъ количество добываемой воды доходило до ведра въ секунду, т. е. 3,600 ведеръ въ часъ. Того-же года, 21-го мая, Г. К. Гротъ предпринялъ буровыя работы втораго артезіанскаго колодца въ баняхъ М. С. Воронина. Этотъ колодецъ въ настоящее время тоже готовъ и вода бьетъ изъ него фонтаномъ въ 5,000 ведеръ кристалло-чистой струи. Фонтанъ и снабжаетъ всю баню водою. Появленіе первой сильной струи колодца и изображено на нашемъ рисункѣ. Доброкачественность воды въ послѣднихъ артезіанскихъ колодцахъ такова-же, какъ и въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, разница только въ температурѣ. У Жукова 10,8, а у Воронина даже 11,75 Реомюра. Про эту воду нашъ извѣстный химикъ Струве пишетъ: „Вода эта чиста какъ кристаллъ, имѣетъ слегка солоноватый вкусъ и болѣе всего походитъ на сельтерскую воду, которая нѣкоторое время стояла на открытомъ воздухѣ и потеряла вслѣдствіе этого большую часть углеродной кислоты. Поэтому мы ее не можемъ рекомендовать какъ воду для питья, но тѣмъ не менѣе многіе живущіе по близости артезіанскаго колодца употребляли ее безъ вредныхъ для здоровья послѣдствій. Еслибы даже со временемъ оказалось, что артезіанскую воду въ хозяйствѣ употреблять нельзя, тѣмъ не менѣе добываніе такого количества бьющей фонтаномъ воды, заслуживаетъ всеобщаго вниманія.“ Мы представляемъ здѣсь изображеніе артезіанскаго колодца въ баняхъ М. С. Воронина (Фонарный переулокъ). Въ послѣднее время много писали о пользѣ артезіанской воды, какъ въ гигіеническомъ (такъ какъ вода эта, по сдѣланному анализу, вполнѣ равняется по свойствамъ съ крейцнахской), такъ и въ экономическомъ отношеніи. Особенно въ степныхъ и тѣхъ губерніяхъ, гдѣ нуждаются въ чистой водѣ, артезіанскій колодецъ оказываетъ громадную пользу.

Производство стекла.

Очеркъ.

Въ виду давности существованія производства стекла, не удивительно, что до насъ дошли смутныя свѣдѣнія объ изобрѣтеніи его. Плиній старшій говоритъ въ 36-й книгѣ своей естественной исторіи: „Финикійскій корабль, нагруженный нитромъ (подъ этимъ именемъ вѣроятно подразумѣвается сода, хотя теперь такъ называютъ селитру), былъ загнанъ бурей къ берегу устья рѣки Белусъ (начало ея въ Галилеѣ въ горѣ Кармель); экипажъ для варки себѣ пищи, за неимѣніемъ камней, устроилъ очагъ изъ кусковъ нитра и къ великому удивленію нашелъ потомъ въ пескѣ красивую прозрачную расплавленную массу“.

Поэтому песокъ Белуса долгое время считался лучшимъ для приготовленія стекла и составлялъ предметъ вывозной торговли. На мѣстѣ его нахожденія было устроено нѣсколько стеклянныхъ заводовъ. Между тѣмъ разсказъ Плинія не можетъ считаться достовѣрнымъ, такъ какъ степень тепла, необходимая для приготовленія пищи, недостаточно сильна для полученія стеклянной массы; не подлежитъ однако сомнѣнію, что открытіе первыхъ стеклянныхъ слитковъ обязано случаю и что начало стекляннаго производства слѣдуетъ искать на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, такъ какъ жившіе здѣсь народы—египтяне, финикіяне и пр. издавна занимались выжиганіемъ горшковъ и обработкой металловъ, а высокая степень жара, требующаяся при этой работѣ, могла уже потому привести къ открытію стекла, что необходимые для этого матеріалы песокъ и натръ находились всегда подъ рукою; послѣдній составляетъ естественный, часто встрѣчающійся продуктъ тѣхъ странъ. Гіероглифы на скарабеяхъ*) и жемчужинахъ доказываютъ, что по всей вѣроятности стекло приготовлялось въ Египтѣ за 1600 лѣтъ до Р. Х. Изображенія въ Бени-Гасанъ состоятъ изъ стеклянныхъ пузырей, окруженныхъ гіероглифами, которые свидѣтельствуютъ, что рисунки эти были сдѣланы до выхода израильтянъ изъ Египта. Стеклянныя фабрики Сидона, начало образованія которыхъ также неизвѣстно, оставили много прекрасныхъ продуктовъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ также говорится о стеклѣ, именно въ изрѣченіяхъ Соломона и Іова. Именемъ „сехухитъ“ Аристотель (384 до 322 г. до Р. Х.) называетъ стекло, стараясь пояснить его прозрачность. Римлянамъ еще за 200 лѣтъ до Р. Х. были извѣстны стеклянные товары, но первая стеклянная фабрика, дѣлавшая однако только плохіе стаканы, была построена при императорѣ Неронѣ (54—68 г. послѣ Р. Х.). Хорошіе стаканы были въ то время такъ дороги, что Неронъ за пару тонкихъ стеклянныхъ чашекъ заплатилъ 1500 рублей на теперешнія деньги. Въ 210 году послѣ Р. Х. въ Римѣ было уже такъ много стеклянныхъ фабрикъ, что имъ отвели отдѣльный кварталъ. Вблизи цирка Фламинія находилась фабрика (officina vitraria), изготовлявшая уже настолько крѣпкіе стаканы, что въ нихъ можно было наливать горячую воду.

О томъ, что у Римлянъ были оконныя стекла, свидѣтельствуютъ круглыя стеклянныя пластинки, найденныя при раскопкахъ Помпеи. Стекла эти повидимому литыя, но не обрѣзныя. При первыхъ императорахъ окна въ парадныхъ комнатахъ, садахъ, галлереяхъ и носильныхъ креслахъ дѣлались изъ прозрачнаго камня (lapis specularis). Камень этотъ, который добывался въ Испаніи, позднѣе на Кипрѣ, Кападокіи, Сициліи и въ Африкѣ, можно было раздѣлять на тонкіе листы, которые, по словамъ Плинія и Сенеки, не превышали пяти футовъ длины. По сообщенію Тертулліана, повидимому, для оконъ употребляли также бумагу, полотно и рогъ.

*) Драгоцѣнные рѣзные камни, имѣющіе на выпуклой сторонѣ форму жука.

Отъ римлянъ стеклянному производству выучились галлы; въ Британію оно дошло уже позднѣе. Все время пока необходимый для производства стекла матерьялъ былъ дорогъ, самый способъ приготовленія его составлялъ величайшую тайну, такъ что работникамъ въ Венеціи, которая въ средніе вѣка отличалась превосходными издѣліями изъ стекла, было запрещено, подъ страхомъ смерти, обучать этому искусству иностранцевъ. Во Франціи въ концѣ XVII столѣтія стекляннымъ производствомъ было разрѣшено заниматься только настоящимъ дворянамъ (gentils hommes verriers). Конечно съ развитіемъ стеклянныхъ фабрикъ, секретъ приготовленія стекла сдѣлался общимъ достояніемъ.

Хотя, какъ сказано выше, оконныя стекла были извѣстны уже до Рождества Христова, но въ большемъ количествѣ они были употреблены только въ половинѣ 5 столѣтія въ церкви св. Софіи въ Константинополѣ. Въ 674 году ими была снабжена церковь и монастырь въ Вермутѣ въ Дургамѣ. Первое упоминаніе объ оконныхъ стеклахъ (vitrea specularia) встрѣчается у Іеронима; но въ то еще время они были такъ дороги, что считались величайшей роскошью. Въ 1573 году герцогъ Нортумберландскій, уѣзжая изъ своего дворца Альнвикъ-Кастль, велѣлъ повынимать изъ оконъ стекла, чтобы они не пострадали отъ дурной погоды. Вѣроятно стекла эти были изготовлены венеціанскими фабрикантами. Мало по малу стеклянное производство распространилось и стекла въ окнахъ перестали быть достояніемъ лишь богатыхъ людей. Въ Англіи фабрикація оконныхъ стеколъ началась въ 1558 году, а въ 1673 тамъ уже изготовлялись стекла для экипажей и зеркальныя. Затѣмъ французы также начали дѣлать стекла и въ особенности старались превзойти венеціанцевъ въ фабрикаціи зеркалъ. Изъ Венеціи стеклянное производство перешло также въ Богемію. Изъ Европы стекло въ то же время перешло и къ намъ, въ Москву.

Первыя оконныя стекла, вывозимыя изъ Италіи, представляли маленькія, круглыя пластинки; постоянное ихъ употребленіе въ церквахъ и дворцахъ началось въ XII и XIII вѣкѣ. Вначалѣ стекла эти были свѣтло-зеленыя, послѣ желтыя, голубыя, фіолетовыя и красныя, изъ чего образовалось такъ называемое круглое (дутое стекло въ листахъ—luna) и полукруглое стекло (demi-luna).

Стекло это отличается сильнымъ блескомъ. Посрединѣ круглыя пластинки имѣютъ возвышеніе, черезъ которое ничего ясно не видно;—это мѣсто, куда вставляется трубка для выдуванія, оно довольно толсто, а потому вырѣзается, причемъ получаются два полукруга, которые могутъ быть раздѣлены на листы.

Къ концу XVIII вѣка листовое стекло стало входить въ употребленіе въ Германіи. Въ это же время началось приготовленіе зеркалъ изъ оконныхъ стеколъ; для этой цѣли однако приготовлялись болѣе толстые листы, которые полировались съ обѣихъ сторонъ. Работа эта была отдѣлена отъ фабрикаціи стекла и преимущественно находилась въ рукахъ евреевъ. Зеркала двухъ различныхъ величинъ дѣлались въ Нюрнбергѣ и появлялись въ торговлѣ подъ названіемъ *„евреевъ“* и *„полуевреевъ“*.

Фабрикаціей стекла занялись также и въ Бельгіи и тутъ она быстро развилась. Въ 1856 году вблизи Шарлеруа находилось 100 фабрикъ, теперь же тамъ 200, т. е. почти столько, сколько ихъ имѣется во всей остальной Европѣ. Благодаря своему удобному положенію, Бельгія по всему міру разсылаетъ свои оконныя стекла; даже такія страны какъ Англія, Германія и Франція, имѣющія свои стеклянныя фабрики, вывозятъ стекло

изъ Бельгіи. Оконное стекло приготовляется кромѣ того въ Швейцаріи, Норвегіи, Швеціи, Испаніи, Португаліи и Италіи, но все-же въ Бельгіи въ большемъ количествѣ. Самые большіе стеклянные листы дѣлаются въ Англіи.

До 1860 года обыкновенно употреблялись печи съ 6—10 тиглями. Сименса газовыя печи, не смотря на неоднократныя попытки примѣнить ихъ, были введены только въ 1868 году. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ начали усиленно пользоваться печами Ботьюса. Что касается величины печей, то нѣмецкія, французскія и бельгійскія печи имѣютъ отъ 6—10 тиглей, каждый отъ 1 до $1^1/_4$ метровъ вышины, при такой-же ширинѣ; англійскія печи имѣютъ тоже число тиглей, но вышиною въ $1^1/_2$ метра, при такомъ-же діаметрѣ.

Во многихъ странахъ дерево слишкомъ дорогой матеріалъ для топки, такъ что его замѣняютъ углемъ. Въ Бельгіи находится лучшій уголь, нежели въ Германіи, такъ какъ въ немъ содержится небольшое количество сѣры. Въ Германіи же употребляютъ *барабаны*, которые нагрѣваются независимо отъ стекляной печи, и въ которыхъ полуготовое стекло нагрѣвается въ сильномъ пламени.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Бельгіи изобрѣтена новая охлаждающая печь, въ которой охлажденіе идетъ гораздо быстрѣе. Съ давнихъ поръ для зеркалъ литое стекло предпочиталось дутому. Послѣднее всегда бываетъ зеленовато, тогда какъ первое почти безцвѣтно и превосходно отражаетъ. Благодаря употребленію большихъ капиталовъ, фабрикація литаго стекла сдѣлала значительные успѣхи. Тридцать лѣтъ тому назадъ отлитый въ Россіи листъ стекла, величиною около 4 квадратныхъ аршинъ, подаренный королю прусскому, возбуждалъ въ Берлинѣ всеобщее вниманіе. Въ 1862 году на выставкѣ въ Лондонѣ находились уже листы стекла въ четыре раза больше упомянутаго. Къ концу пятидесятыхъ годовъ въ Сундерландѣ у Гартлея и К° начали впервые приготовлять цвѣтное, такъ называемое, церковное стекло. Обѣ стороны его дѣлаются шероховатыми и неровными, такъ что падающій на стекло свѣтъ разсѣевается. Стекло это употребляется тамъ, гдѣ желаютъ получить слабое, нѣжное освѣщеніе—въ церквахъ, капеллахъ и проч. Съ 1862 года подобное стекло приготовляется въ Вестфаліи, а съ 1864 и во Франціи.

Стеклянная мозаика, процвѣтающая преимущественно въ Римѣ, Венеціи и въ С.-Петербургѣ, сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи. *Растворимое стекло* есть соединеніе кремнезема съ щелочами (натромъ и каліемъ). *Жидкое* (фуксовое) *стекло* или *стеклянная полива*. Оно употребляется для связыванія и пропитыванія различныхъ предметовъ. Знаменитыя фрески Каульбаха въ новомъ берлинскомъ музеѣ воспроизведены съ помощью растворимаго стекла. Россія производитъ ежегодно стекла и хрусталя на сумму въ 7 милл. руб. приблизительно. Въ 1866 г. въ Россіи существовало 273 стеклянныхъ завода разнаго рода, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Владимірской, Рязанской, С.-Петербургской, Лифляндской, Орловской, Смоленской, Казанской и Вятской. Главный предметъ русскаго стеклодѣлія составляютъ предметы первой необходимости: посуда, бутылки, штофы, стаканы, оконныя стекла и разные предметы для хозяйства. Свинцовый хрусталь выдѣлывается исключительно только на императорскомъ стеклянномъ заводѣ въ С.-Петербургѣ. Зеркала и зеркальныя стекла въ Россіи выдѣлываются въ губерніяхъ: Лифляндской, Рязанской, Петербургской и Варшавской.

Зеркальное производство вообще находится у насъ въ плохомъ состояніи. Завода для изготовленія бисера и стекляруса у насъ теперь нѣтъ, между тѣмъ какъ сто лѣтъ тому назадъ подобные заводы въ Россіи существовали.

Политическое обозрѣніе.

Франція.—Германія.—Бельгія.—Англія.—Египетъ.

Новый годъ ознаменовался во Франціи важною перемѣною въ составѣ ея министерства, а именно отставкою военнаго министра генерала Кампенона и замѣною его генераломъ Левалемъ. По убѣжденію парижскихъ газетъ, отставка эта произошла вслѣдствіе упорнаго сопротивленія прежняго министра отправкѣ въ Тонкинъ новыхъ войскъ и болѣе энергическому веденію военныхъ дѣйствій на китайско-тонкинской границѣ. Вступленіе во власть генерала Леваля газеты привѣтствуютъ какъ счастливое предзнаменованіе для французскаго оружія. По ихъ словамъ, новый министръ стоитъ прежде всего за немедленную отправку новыхъ подкрѣпленій, съ помощью которыхъ можетъ быть довершено занятіе Тонкина. По тѣмъ же газетнымъ свѣдѣніямъ, новый военный министръ возьметъ назадъ крайне непопулярный во Франціи законопроектъ его предмѣстника относительно комплектованія французской арміи. Внѣ парламента никто не сочувствовалъ этому проекту, а печать единогласно высказывала надежду, что сенатъ не допустить „превращенія французской арміи въ нестройное скопище вооруженныхъ гражданъ", но пока генералъ Кампенонъ былъ министромъ, всякое противодѣйствіе его проекту комплектованія войскъ было бы равносильно столкновенію съ министерствомъ и могло бы повлечь за собою кабинетный кризисъ. Послѣ военнаго министра предстоитъ отставка морскаго. Адмиралъ Пейронъ въ свою очередь выходитъ изъ состава министровъ. Предлогомъ къ своей отставкѣ, онъ ставитъ присоединеніе управленія колоній къ вѣдомству министерства торговли, но въ дѣйствительности онъ не желаетъ долѣе оставаться во главѣ флота, который, исполнивъ самыя трудныя обязанности на востокѣ, теперь отодвигается на второй планъ, уступая мѣсто сухопутной арміи. Тонкинскій отрядъ увѣнчалъ недавно себя новыми лаврами. Генералъ Негріе сообщаетъ, что разбилъ на голову шеститысячный китайскій отрядъ къ востоку отъ Чу. Китайцы покинули всѣ свои позиціи, оставивъ двѣ батареи, ружья и цѣлый обозный паркъ.

На принесенныя магистратомъ поздравленія съ Новымъ годомъ, императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ благодарственнымъ рескриптомъ, въ которомъ сказано: „Я особенно радъ, что мои усилія объ упроченіи мира путемъ личнаго свиданія съ государями обѣихъ сосѣднихъ великихъ державъ сопровождались счастливымъ успѣхомъ. Въ прочности внѣшняго мира заключается въ то же время и залогъ благополучнаго развитія внутреннихъ дѣлъ".

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій коммисія конференціи по дѣламъ Конго выработала текстъ декларацiи о торговлѣ невольниками въ области Конго. Этимъ документомъ, державы, пользующіяся верховными правами или вліяніемъ въ бассейнѣ Конго, обязываются не допускать тамъ ни торга невольниками, ни провоза ихъ, къ какой бы расѣ они не принадлежали. Этотъ проектъ декларацiи уже принятъ конференціей. Затѣмъ конференція занялась обсужденіемъ третьяго пункта программы, касающагося формальностей, соблюденіе которыхъ необходимо для того, чтобы новыя пріобрѣтенія на африканскомъ берегу могли считаться дѣйствительными.

Бельгія уже вступила съ державами въ переговоры съ цѣлью возведенія Конго въ королевство. Ея планъ заключается въ томъ, чтобы создать между ней и новымъ государствомъ, во главѣ котораго будетъ поставленъ вице-король, союзъ подобный тому, какой существуетъ между Швеціею и Норвегіею.

Въ Англіи динамитчики не прекращаютъ свои преступные подвиги. О новомъ динамитномъ покушеніи, произведенномъ на лондонской подземной желѣзной дорогѣ, между Гоуеръ-Стритомъ и Кингсъ-Кроссомъ, теперь извѣстно, что взрывъ динамита, положеннаго на полотно желѣзной дороги, произошелъ въ тотъ самый моментъ, когда поѣзды, шедшіе по противоположнымъ направленіямъ, разъѣхались. Взрывомъ было пробито въ стѣнѣ широкое отверстіе; всѣ стекла въ обоихъ поѣздахъ разлетѣлись въ дребезги; фонари потухли по всей линіи, но изъ пассажировъ никто серьозно не пострадалъ. Черезъ полчаса движеніе было уже возстановлено. Розыски полиціи не привели еще къ обнаруженію виновныхъ въ этомъ покушеніи.

Изъ Александріи сообщаютъ, что египетское правительство не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ администраціи до послѣднихъ чиселъ марта, а затѣмъ въ его распоряженіи не останется никакихъ средствъ, въ виду чего газета „Times" напоминаетъ государственнымъ людямъ Англіи, что рѣшеніе египетскихъ дѣлъ болѣе не терпитъ отлагательства.

Библіографія.

Родъ Шереметевыхъ. Соч. А. П. Барсукова. СПБ. 1885 г. Т. IV. Чѣмъ далѣе подвигается этотъ превосходный трудъ, заслужившій уже въ компетентной средѣ почетную извѣстность, тѣмъ болѣе, разумѣется, имѣетъ авторъ, приближаясь къ позднѣйшему времени, матеріаловъ для своихъ изслѣдованій и тѣмъ разсказъ становится подробнѣе и любопытнѣе. Мы уже указывали при выходѣ первыхъ трехъ томовъ на художественность изложенія и мастерство, съ какимъ авторъ, не уклоняясь отъ своей строго опредѣленной задачи, умѣетъ нѣсколькими характерными эпизодами возстановить черты эпохи, освѣтить мѣтко и ярко мимоходомъ то или другое историческое лицо, соприкасавшееся такъ или иначе съ дѣятелями рода Шереметевыхъ. Настоящій томъ, въ которомъ авторъ почти исключительно пользовался лишь не изданными, новыми матеріалами, отличается тѣми же солидными достоинствами исторической точности и серьозности и вмѣстѣ художественности изложенія.

Этюды В. Ѳ. Корша. Съ біографіей автора. Томъ первый. Изданіе Д. А. Коршъ. Спб. 1885. Ц. 3 р.

Этотъ, только что изданный, томъ представляетъ собраніе журнальныхъ статей историческаго и литературнаго содержанія, написанныхъ въ разное время покойнымъ В. Ѳ. Коршемъ. Въ вышедшій теперь первый томъ „Этюдовъ" вошли статьи о Лассалѣ, Мирабо, Вольтерѣ, „Судьбы прусской монархіи отъ Фридриха Великаго до іенскаго погрома", „Восточная война

въ 50-хъ годахъ", „Ремесленные союзы въ Англіи". Небольшой біографическій очеркъ знакомитъ насъ съ личностью и дѣятельностью автора „Этюдовъ".

Иллюстрированный каталогъ В. Грачева. СПБ. 1885 г. Восемь уже лѣтъ издаетъ фирма Грачева, существующая болѣе ста лѣтъ, свои каталоги, и каталоги послѣднихъ лѣтъ отличаются особенною роскошью изданія и прекрасными рисунками, но которымъ покупателю очень удобно судить то ли это растеніе, какое онъ желаетъ имѣть, чтобы не произошло ошибки. При каждомъ названіи есть еще и латинское; на пакетахъ сѣмянъ также печатаются латинскія названія, что позволяетъ соблюдать особую точность при исполненіи требованій.

Смѣсь.

Интересное вычисленіе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ ученый разсчиталъ, что число жившихъ до тѣхъ поръ на землѣ людей простиралось до 46,627,843,275,075,845 человѣкъ, т. е. приходилось 134,622,976 челов. на каждую квадратную милю, или 5 человѣкъ на каждый квадратный футъ. На пространствѣ, едва вмѣщающемъ 10 могилъ, погребено 1283 лица. Каждая могила содержала въ себѣ 128 труповъ, и поэтому, если предположить равномѣрное распредѣленіе населенія, то оказывается, что для погребенія мертвыхъ земля должна была быть взрыта 128 разъ.

Земляника и клубника. По сладости и аромату это однѣ изъ наиболѣе любимыхъ и освѣжающихъ ягодъ, которыя, при умѣренномъ употребленіи, удобоваримы и очень здоровы для полнокровныхъ и желчныхъ особъ. Земляника, содержащая, при своеобразномъ ароматѣ, лимонную кислоту, издавна славилась своими цѣлебными свойствами. Дѣйствительно, доказано опытомъ, что продолжительное употребленіе этихъ ягодъ, даетъ поразительные результаты при ревматизмѣ и подагрѣ, что, между прочимъ, испыталъ на себѣ знаменитый естествоиспытатель Линнé. Также очень полезно при каменной болѣзни пить вино, настоенное земляничнымъ сокомъ вмѣстѣ съ косточками. Однако, у нѣкоторыхъ особъ отъ употребленія земляники обнаруживается рожевидное воспаленіе кожи; вообще, лица, страдающія неправильнымъ пищевареніемъ, должны воздерживаться отъ неумѣреннаго употребленія этой ягоды. Врачи находятъ, что съ молокомъ земляника менѣе удобоварима, чѣмъ съ сахаромъ и виномъ. Изъ раздавленной въ водѣ земляники получается пріятный, успокоительный и освѣжающій напитокъ, съ успѣхомъ употребляемый при лихорадкахъ.

Хрустальный тронъ. Въ Бирмингамѣ, по заказу одного изъ индійскихъ государей, сдѣланъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, замѣчательный стеклянный тронъ. Всѣхъ граней на этомъ тронѣ 324; работа чрезвычайно тонка и изящна; верхнія украшенія, сдѣланныя отдѣльно, освѣщаются 2 висячими электрическими лампами, мягкій, голубоватый свѣтъ которыхъ производитъ громадный эффектъ, дробясь и переливаясь въ безчисленныхъ граняхъ. По отзыву спеціалистовъ, эта работа превосходитъ всѣ сдѣланныя до сихъ поръ издѣлія изъ граненаго стекла.

Предостереженіе родителямъ. Извѣстно, что разноцвѣтные гуттаперчевые воздушные шары, продаваемые на улицахъ, наполняются водороднымъ газомъ, добываемымъ обыкновенно изъ цинка и сѣрной кислоты. Какъ цинкъ, такъ и сѣрная кислота, встрѣчающіеся въ продажѣ, всегда заключаютъ въ себѣ бóльшее или меньшее количество мышьяка. Водородъ, получаемый изъ этихъ веществъ, имѣетъ, такимъ образомъ, постоянно примѣсь мышьяка, жертвой котораго очень часто дѣлаются люди, занимающіеся въ запертой комнатѣ наполненіемъ гуттаперчевыхъ шаровъ. Вдыханіе ядовитаго газа, заключающагося въ этихъ шарахъ, легко можетъ отравить дѣтей.

Простой способъ не ошибиться при выборѣ черной шелковой матеріи. При покупкѣ дорогихъ черныхъ шелковыхъ матерій всегда затрудняются выборомъ, не зная, которая будетъ дольше держаться и сохранять хорошій видъ. Сообщаемъ простой способъ, къ которому, въ подобныхъ случаяхъ, прибѣгаютъ француженки, умѣющія хорошо распознавать шелковыя матеріи. Хотя онъ извѣстенъ и у насъ въ Россіи, но приводимъ его здѣсь для тѣхъ, кто съ нимъ незнакомъ. Покупая муаръ (moire), фай, атласъ, слѣдуетъ сдѣлать поперекъ образчика складку, проведя по ней ногтемъ, и затѣмъ расправлять образчикъ, держа его съ двухъ концовъ и слегка растягивая. Если линія складки пропадаетъ—знакъ, что матерія отличная; если же, напротивъ, рубчикъ, не смотря на попытки разгладить его, не исчезнетъ, то матерія не хороша. При покупкѣ черныхъ матерій, надо также выбирать цвѣтъ съ синеватымъ отливомъ; матерія съ коричневатымъ отливомъ не производитъ такого красиваго впечатлѣнія, какъ первая.

Картофель. Людовикъ XVI далъ однажды въ Тріанонѣ парадный обѣдъ, menu котораго состояло главнымъ образомъ изъ картофеля, а обѣденный столъ былъ роскошно убранъ только цвѣтами этого растенія. Тѣ же простенькіе цвѣты красовались въ волосахъ и на платьѣ королевы Маріи Антуанеты. Король желалъ такимъ вниманіемъ особенно почтить открытіе, которое оказалось благодѣяніемъ для человѣчества.

Стрѣльба въ цѣль и стрѣлки. Стрѣльба въ цѣль не составляетъ единственно спорта, забавы или упражненія, во время котораго можно выказать ловкость, но, какъ извѣстно, главную роль она играетъ во время войны. Дѣйствительно, въ сраженіяхъ послѣдняго времени рукопашныя схватки все болѣе выводятся и сражающіеся начинаютъ прибѣгать къ „обмѣну снарядовъ", т. е. къ борьбѣ ружьемъ или пушками. Во время войны стараются достигнуть одновременно и результата матеріальнаго, состоящаго въ возможно большемъ уничтоженіи противниковъ, и результата психологическаго, состоящаго въ устраненіи непріятеля и приданіи бодрости своимъ людямъ. Стрѣльба въ цѣль и военное оружіе могутъ быть разсматриваемы съ этой двойной точки зрѣнія. Для примѣра возьмемъ пушку. Число убитыхъ и раненыхъ гранатой или осколками бываетъ сравнительно не велико, между тѣмъ свистъ осколковъ, шумъ производимый при разрывѣ, видъ раненыхъ и убитыхъ однимъ снарядомъ устрашаютъ людей и производятъ на нихъ удручающее впечатлѣніе. На другомъ же концѣ линіи описываемой снарядомъ, т. е. у пушки, впечатлѣніе обратно противоположное. Пушка ободряетъ сражающихся; пѣхота чувствуетъ себя подъ защитой ея и по треску снаряда разсчитываетъ опустошенія въ непріятельскихъ рядахъ. Если баталіонъ пѣхоты слабѣетъ, достаточно выдвинуть одну или двѣ пушки, чтобы онъ почувствовалъ себя въ безопасности.

Тоже самое и съ ружьемъ. Извѣстно, что для того чтобы попасть въ одного человѣка, приходится сдѣлать много выстрѣловъ. Маршалъ Саксъ говорилъ, что уничтоженіе человѣка во время сраженія требовало столько свинца, сколько вѣситъ его тѣло. Кассанди, отнесшійся къ вопросу какъ математикъ, нашелъ, что вѣсъ потраченнаго въ сраженіи свинца превосходитъ вѣсъ убитыхъ. Тѣже вычисленія дѣлались и въ позднѣйшее время. Такъ, по даннымъ г. Шенеля, оказывается, что въ битвѣ подъ Сольферино австрійцы сдѣлали 8.400.000 ружейныхъ выстрѣловъ; въ непріятельскихъ же рядахъ было убито 2000 и ранено 10000; такимъ образомъ на каждаго раненаго пришлось 700 и на каждаго убитаго 4200 выстрѣловъ. Во время франко-прусской войны, нѣмцы израсходовали 30 милліоновъ патроновъ и сдѣлали 362000 пушечныхъ выстрѣла; число раненыхъ и убитыхъ французовъ простиралось до 35000. Вычитая приблизительно число убитыхъ гранатами, для убіенія одного человѣка потребовалось отъ 1200 до 1300 ружейныхъ выстрѣловъ. Это доказываетъ уже большую точность новѣйшихъ игольчатыхъ ружей въ сравненіи съ австрійскими, хотя число потраченныхъ пуль еще очень громадно относительно достигнутаго результата. Происходитъ же это отъ того, что солдаты стрѣляютъ безъ прицѣла, стараясь только стрѣлять какъ можно чаще, почему пули проходятъ надъ головами непріятелей, такъ какъ всегда замѣчается склонность цѣлить гораздо выше. Склонность эта замѣчена издавна. Палка сержанта французской гвардіи служила прежде для пониженія ружей стрѣляющихъ съ цѣлью понизить среднюю черту для стрѣльбы. Во время войны 1870—71 г. прусскіе офицеры своими саблями наклоняли дула ружей стрѣляющихъ солдатъ.

Стрѣльба въ разсыпную гораздо дѣйствительнѣе. Стрѣлки, предоставленные самимъ себѣ и притомъ защищенные окопами, рвами, камнями и проч., лучше цѣлятъ; но число потраченныхъ даромъ пуль все еще значительно. Между французскими офицерами образовалось цѣлое общество, предлагающее замѣнить большіе баталіоны маленькими отрядами ловкихъ стрѣлковъ, привычныхъ къ ходьбѣ и выносливыхъ. На войнѣ солдатъ оцѣнивается по тому результату, который онъ даетъ. Генералъ Леваль предлагаетъ смѣшанную систему: образованіе вольныхъ отрядовъ, составленныхъ изъ избранныхъ въ войскѣ людей. Отряды эти, идя впереди арміи, тревожили бы непріятельское войско и могли бы наносить ему значительный вредъ. Во время франко-прусской войны вольные стрѣлки доказали, что можетъ сдѣлать хорошій прицѣлъ, выносливость и смѣлость.

Въ заключеніе скажемъ о психологическомъ дѣйствіи стрѣльбы изъ ружей. Свистъ пули кажется гораздо ближе, чѣмъ въ дѣйствительности. „Пули свистѣли возлѣ ушей" разсказываютъ солдаты. Свистъ этотъ производитъ непріятное впечатлѣніе даже на самыхъ храбрыхъ, и ощущеніе это можетъ быть охарактеризовано: „холодъ по спинѣ"; оно можетъ быть очень сильно и, постоянно повторяемое, можетъ произвести удручающее впечатлѣніе на людей не увлеченныхъ еще битвой. Такъ напр., полковникъ Куропаткинъ разсказываетъ, что во время послѣдней русско-турецкой войны, турки, лучше вооруженные нежели русскіе, осыпали градомъ пуль русскія колонны, которыя двигались сжатыми рядами и должны были стрѣлять не ранѣе какъ на 900 шаговъ. Когда истощеніе силъ и потрясеніе нервовъ принуждали солдатъ остановиться въ пути, они ложились не въ мѣстности болѣе удобной, но тамъ гдѣ ихъ застигала слабость. Отряды располагались одни въ 100, другіе въ 40 шагахъ отъ непріятеля, въ мѣстности совершенно открытой, въ то время какъ впереди или назади у нихъ были прекрасныя защищенныя мѣста.

Случается также, что резервы, расположенные за холмомъ, не видящіе что дѣлается у непріятеля, вмѣсто того чтобы отдыхать, ѣсть и спать, съ цѣлью быть свѣжими когда ихъ потребуютъ въ бой, такъ раздражаются доносящимися выстрѣлами и свистомъ пуль, что лишаются аппетита и сна и являются въ бой совершенно обезсиленными и упавшими духомъ. Такой случай наблюдался въ войну 1870—71 г, а именно подъ Ст. Прива у пруссаковъ и подъ Седаномъ у французовъ.

О китайскихъ дѣтяхъ. Какъ только въ китайскомъ семействѣ родится ребенокъ, родители спѣшатъ обрить ему волосы, чтобы коса выросла гуще и длиннѣе; когда волосы опять подростутъ, ихъ выбриваютъ вторично, за исключеніемъ одного пучка на макушкѣ и двухъ—на вискахъ, и такую прическу маленькій китаецъ носитъ лѣтъ 6—7, т. е. до тѣхъ поръ, пока ему не начнутъ заплетать косу какъ взрослому человѣку. Когда ребенку исполнится мѣсяцъ, ему даютъ первое, такъ называемое, молочное имя и въ честь такого событія въ домѣ устраивается праздникъ съ гастрономическимъ обѣдомъ. При поступленіи въ школу, молочное имя замѣняется школьнымъ прозвищемъ, означающимъ въ переводѣ „испачканный чернилами“, „будущій ученый“, „лѣнивецъ“, или что нибудь другое въ такомъ же родѣ. Свою школьную кличку китаецъ сохраняетъ до женитьбы, когда ему даютъ третье и послѣднее имя. Лѣтомъ китайскія дѣти, безъ различія общественнаго положенія, проводятъ цѣлые дни на воздухѣ боcикомъ и въ однѣхъ рубашонкахъ, а зимой большею частью сидятъ дома и выпускаются на улицу не иначе, какъ закутанныя съ головы до ногъ въ безчисленное множество кофточекъ и платочковъ.

Китаянки очень нѣжныя и хорошія матери. Жены мандариновъ усердно занимаются воспитаніемъ своего потомства, а бѣдныя женщины, принужденныя зарабатывать трудомъ кусокъ хлѣба, отправляясь на работу, всегда берутъ съ собой своихъ ребятишекъ, пока они не подростутъ настолько, чтобы обходиться безъ присмотра. Бѣдныя семейства, живущія постоянно на водѣ въ лодкахъ, надѣваютъ маленькимъ дѣтямъ плавательные пузыри, чтобы они какъ нибудь не утонули. Мальчикамъ живется въ Китаѣ вообще лучше чѣмъ дѣвочкамъ: рожденіе мальчика—радостное событіе, и его съ первыхъ же дней жизни начинаютъ баловать, развивать и учить уму разуму. Къ дѣвочкамъ относятся равнодушнѣе. Въ бѣдныхъ семействахъ крошечныя дѣвочки, едва умѣющія ходить, уже помогаютъ матери хозяйничать и нянчить маленькихъ ребятъ. Дѣти богдыхана воспитываются очень строго. Мальчики встаютъ въ 3 часа утра и цѣлый день проводятъ въ занятіяхъ, распредѣленныхъ по извѣстной программѣ. Каждый принцъ долженъ знать китайскій и монгольскій языки, китайскую литературу, исторію своей страны, кое что изъ математики и, въ особенности, сводъ китайскихъ законовъ. Въ преподаватели избираются лучшіе профессора, получающіе титулъ „Чи-фу“. Придворный этикетъ требуетъ, чтобы такой „Чи-фу“, при входѣ въ классъ своего воспитанника, непремѣнно привѣтствовалъ его стоя, а маленькій принцъ обязанъ въ свою очередь отвѣсить воспитателю почтительный поклонъ. Во время уроковъ, въ классѣ присутствуютъ 8 мальчиковъ одного возраста съ принцемъ, исполняющихъ странную обязанность: они должны выслушивать похвалы и замѣчанія, относящіяся къ принцу, такъ какъ самъ учитель лишенъ права непосредственно обращаться къ своему высокопоставленному воспитаннику. Между лекціями, вмѣсто отдыха, принцъ занимается гимнастикой, или прогуливается со свитой по великолѣпнымъ, тѣнистымъ садамъ, окружающимъ всѣ дворцы китайскаго императора. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ подаются всегда въ одно и то же время и состоятъ изъ очень ограниченнаго числа простыхъ блюдъ, чтобы принцы научились довольствоваться простымъ, здоровымъ столомъ, безо всякихъ лишнихъ затѣй. Лакомства и вино исключены изъ будничнаго menu и разрѣшаются только въ большіе праздники.

Гигантскій пароходъ Грэтъ-Кастернъ нанятъ на годъ, съ цѣлью доставки его въ концѣ ноября въ Нью-Орлеанъ, гдѣ, впродолженіи мѣстной всемірной выставки въ будущемъ году, онъ будетъ служить плавучей гостиницей.

Почтамтъ въ бочкѣ. Самое простое въ мірѣ почтовое отдѣленіе уже нѣсколько лѣтъ существуетъ въ Магеллановомъ проливѣ, между берегомъ Южной Америки и Огненною землею. Оно состоитъ изъ небольшой бочки, укрѣпленной на цѣпи на выдающемся мысѣ вблизи Терра-дель Фуэго. Каждый изъ проходящихъ кораблей высылаетъ лодку, которая вскрываетъ бочку, вынимаетъ оттуда письма и кладетъ свои. Это самостоятельный почтамтъ, находящійся подъ покровительствомъ всѣхъ народовъ, и не было еще случая какого либо злоупотребленія довѣріемъ.

РЕБУСЪ. Задача № 1.

Задача буквъ № 2.

Найти слѣдующія 16 словъ:

1) Часть ноги 8. 40. 3. 77. 17. 89.
2) Нота 61. 79.
3) Огородное растеніе 12. 39. 14. 27. 49. 54.
4) Мѣра времени 46. 16. 30. 72.
5) Мѣсто заключенія пари на ипподромахъ 81. 76. 50. 64 2. 21. 71. 43. 7. 56. 23. 45.
6) Произведеніе скульптора 33. 42. 18. 55. 29. 85.
7) Священнослужитель 38. 58. 70. 15. 60. 10. 25.
8) Рыболовныя принадлежности 69. 13. 86. 52.
9) Вредное насѣкомое 44. 51. 75. 68.
10) Принадлежность верховой ѣзды 80. 48. 73. 57. 62.
11) Хищное животное 28. 11. 47. 36. 74. 25. 41.
12 Вещь для прогулки 67. 31. 82. 88. 53. 35.
13) Священный предметъ въ рядахъ войскъ 1. 34. 9. 63. 20.
14) Предметъ добычи охотниковъ 65. 37. 4. 87.
15) Запретительный голосъ на сеймахъ 83. 6. 22. 32.
16) Танецъ 19. 5. 84. 24. 78. 59. 66.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, при чемъ долженъ получиться отрывокъ одного извѣстнаго стихотворенія.

			1	2	3			
		4	5	6	7	8		
9	10	11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24	25	26
27	28	29	30	31	32	33	34	35
36	37	38	39	40	41	42	43	44
45	46	47	48	49	50	51	52	53
54	55	56	57	58	59	60	61	62
63	64	65	66	67	68	69	70	71
72	73	74	75	76	77	78	79	80
81	82	83	84	85	86	87	88	89

1-й заемъ 1861 года.

40-й тиражъ 2-го января 1885 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер	№ бил.	Сумма.
256	14	500	2369	7	500	4493	28	500	7529	25	500	10162	25	500	12434	2	500	14393	16	500	17373	30	500
317	4	500	2385	8	75000	4498	30	500	7642	15	500	10196	25	500	12548	16	500	15018	26	500	17432	20	500
398	11	500	2390	35	500	4607	15	5000	7683	25	500	10209	20	500	12552	14	500	15087	40	500	17440	24	500
538	37	1000	2456	2	1000	4656	39	500	7806	35	500	10281	50	500	12617	20	1000	15182	44	500	17447	31	500
599	16	500	2483	1	500	4807	14	500	7850	14	500	10423	6	500	12679	5	500	15225	23	500	17559	28	500
809	30	500	2557	20	500	4871	19	500	7959	16	500	10545	16	500	12793	31	500	15238	2	500	17600	36	500
843	22	500	2659	13	500	4823	2	1000	7974	8	500	10583	18	500	12806	36	500	15247	11	1000	17637	50	500
898	45	1000	2738	29	500	5104	25	500	8066	33	500	10589	35	500	12818	46	500	15367	31	1000	17744	34	500
900	14	500	2758	11	500	5118	22	500	8170	46	500	10670	38	500	12859	46	500	15375	2	500	17817	19	500
910	32	500	2806	8	500	5143	2	500	8190	47	500	10871	31	500	12876	22	500	15394	8	500	18037	19	10000
931	17	500	2810	3	25000	5296	22	500	8213	22	1000	10907	17	500	12879	14	500	15469	12	500	18062	7	5000
1035	16	500	2829	28	500	5400	47	500	8248	36	500	11045	36	500	12919	26	500	15549	28	500	18149	40	500
1102	27	500	2883	7	500	5496	5	500	8326	16	8000	11119	40	500	12962	35	500	15549	30	500	18217	20	500
1214	37	500	2895	13	500	5552	42	500	8354	23	500	11151	2	500	12964	6	500	15806	40	500	18250	12	500
1210	26	500	2975	22	500	5780	40	500	8393	33	500	11220	15	500	13004	11	500	15853	5	500	18263	46	1000
1225	30	500	2985	12	500	5873	37	500	8419	45	500	11232	26	500	13014	22	500	15959	8	1000	18403	36	500
1235	36	500	2985	43	500	6000	16	500	8420	33	500	11248	15	500	13022	30	500	16026	23	500	18493	7	500
1256	24	5000	3054	15	500	6245	9	500	8488	8	500	11291	15	500	13188	39	500	16114	42	500	18519	45	500
1453	48	500	3065	16	500	6312	31	500	8492	29	1000	11331	19	500	13280	22	500	16165	31	500	18525	19	500
1482	28	500	3213	35	8000	6380	7	500	8503	1	500	11369	11	500	13510	27	5000	16365	36	500	18553	35	500
1623	5	500	3324	32	500	6411	43	500	8505	28	500	11406	33	5000	13511	44	500	16394	32	200000	18815	32	500
1692	34	500	3458	46	500	6445	20	500	8563	49	500	11437	16	500	13608	43	500	16397	13	500	18843	47	500
1698	19	500	3542	41	500	6550	26	500	8598	11	500	11514	11	500	13634	21	10000	16423	14	500	19004	12	500
1730	6	500	3599	26	500	6598	38	500	8638	14	500	11609	6	500	13706	20	500	16463	25	1000	19029	22	500
1741	11	500	3656	5	500	6637	30	500	8697	27	500	11762	40	500	13811	2	8000	16574	4	10000	19174	32	500
1796	31	500	3675	35	500	6652	14	500	8965	45	500	11829	35	500	14151	33	500	16591	5	500	19341	27	500
1809	31	500	3783	8	500	6657	32	1000	9221	23	500	11861	48	500	14211	26	500	16694	2	500	19458	27	500
1908	40	500	3801	49	500	6662	22	500	9363	19	500	11931	2	500	14236	3	500	16737	1	500	19662	6	500
1951	23	500	3995	40	500	6684	27	500	9385	28	500	11942	15	500	14390	10	500	16737	8	500	19690	21	500
1964	36	500	4014	49	500	6797	37	500	9501	33	500	11956	30	500	14420	22	5000	16807	22	500	19764	25	500
1981	10	500	4089	46	500	6830	35	500	9530	46	500	12087	24	500	14572	1	8000	16835	45	500	19862	42	1000
1998	36	1000	4118	36	500	6875	39	500	9668	16	500	12163	50	500	14572	22	500	16849	31	500	19877	8	500
2003	13	500	4143	46	8000	6891	41	1000	9720	14	500	12242	45	500	14602	17	500	16863	10	500	17915	47	500
2043	36	500	4222	16	500	6933	17	500	9882	38	500	12263	31	500	14824	11	500	16999	20	500	17919	37	1000
2070	42	500	4316	6	500	6946	14	500	9943	42	1000	12278	26	500	14864	4	500	17054	16	500	17954	1	500
2088	44	500	4390	50	500	6946	32	5000	10054	31	500	12309	16	500	14926	48	500	17218	45	500	17969	5	500
2124	14	500	4428	36	500	7069	47	500	10121	28	500	12362	50	5000	14971	6	1000	17304	47	500	17998	17	500
2234	49	500	4460	5	500	7145	9	40000	10145	21	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

1, 160, 558, 846, 1074, 1104, 1247, 1995, 2887, 3148, 3188, 3216, 3466, 3736, 3996, 4098, 4411, 4572, 4585, 5482, 5907, 5912, 5947, 6232, 7639, 7734, 7772, 7858, 8818, 8534, 8715, 8732, 8773, 8788, 8974, 9946, 10068. 11332, 11412, 11880, 12052, 12163, 12196, 12464, 13421, 13510, 13652, 13914, 13926, 14225, 14353, 14579, 14625, 14643, 14939, 15050, 15585, 15591, 15637, 15992, 16118, 16153, 16287, 16471, 16498, 16514, 16838, 16835, 17071, 17391, 17484, 18277, 18517. 18561, 19224, 19314, 19761, 19825.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА
ВОЗЗВАНІЕ.

Близъ Храма Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ принадлежитъ Россіи мѣсто, которое до послѣдняго времени оставалось пустыремъ, покрытымъ вѣковымъ мусоромъ.

Православное Палестинское общество, по мысли и предложенію своего Августѣйшаго Предсѣдателя Государя Великаго Князя Сергія Александровича, предприняло, на пожертвованныя Его Императорскимъ Высочествомъ средства, раскопки на этомъ мѣстѣ, съ двоякою цѣлью: разъяснить планъ воздвигнутыхъ Равноапостольнымъ Императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Господа нашего Іисуса Христа и отысканіемъ направленія старой городской стѣны Іерусалима—подтвердить подлинность чествуемой всѣмъ христіанскимъ міромъ пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Богочеловѣку.

Совершенныя Обществомъ раскопки увѣнчались, по благословенію Свыше, успѣхомъ, превзошедшимъ надежды и ожиданія. По очищеніи мѣста до природной скалы отъ лежавшаго на немъ слоя вѣковаго мусора, найдены остатки древнихъ городскихъ стѣнъ Іерусалима и порогъ воротъ, ведшихъ за городъ во время земной жизни Спасителя. Такъ какъ ворота сіи ближайшія къ Голгоѳѣ, то съ несомнѣнною достовѣрностью можно сказать, что через нихъ проходила конечная часть Крестнаго пути, по которому Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ веденъ на вольную страсть.

Въ настоящее время, когда Промыслу Божію угодно было открыть для чествованія христолюбивыхъ поклонниковъ стезю, по которой шествовалъ Спаситель на Крестную смерть за грѣхи рода человѣческаго, на Православномъ Палестинскомъ Обществѣ лежитъ священная обязанность защитить сіе мѣсто особымъ сооруженіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ.

Въ виду этой цѣли Православное Палестинское Общество приглашаетъ всѣхъ благочестивыхъ православныхъ людей, которымъ дороги мѣста, освященныя земною жизнью и страданіями Христа Спасителя, придти Обществу на помощь своими пожертвованіями, да вновь не запустѣетъ мѣсто свято.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ Совѣтъ Православнаго Палестинскаго Общества: чрезъ мѣстное Епархіальное Начальство; или прямо въ Совѣтъ Общества **С.-Петербургѣ**: черезъ Контору Двора Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Собственный Его Высочества дворецъ, и на имя Казначея Общества Сергѣя Дмитріевича Лермонтова, Манежный переулокъ, 7.

Жертвователи могутъ пересылать свои приношенія и черезъ Уполномоченныхъ Общества:

въ Москвѣ—Священника Гавріила Григорьевича Стрѣтенскаго, Большая Никитская, въ домѣ церкви Малаго Вознесенія, и Андрея Николаевича Лѣнивова, Пятницкой части, Лужниковскій пер., въ своемъ домѣ;
въ Троице-Сергіевой Лаврѣ—о. Агапита, въ Новой гостинницѣ;
въ Кіевѣ—Протоіерея Илью Тихоновича Экземплярскаго, Фундуклеевская улица, въ Коллегіи Галагана, Протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева, въ домѣ Софійскаго Собора, и о. Іеромонаха Александра, въ Лаврской гостинницѣ;
въ Одессѣ—Протоіерея Александра Николаевича Кудрявцева, въ Университетѣ, и Михаила Ивановича Осипова, Воронцовскій пер., въ домѣ Бодаревскаго;
въ Воронежѣ—Ризничаго Митрофаніева монастыря о. Іеромонаха Платона;
въ Перми—Дмитрія Дмитріевича Смышляева;
въ Казани—Николая Васильевича Саврасова, Черноозерская улица, въ домѣ Куракиныхъ;
въ Полоцкѣ—Петра Михайловича Казначеева и
въ Читѣ—Ивана Васильевича Махова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

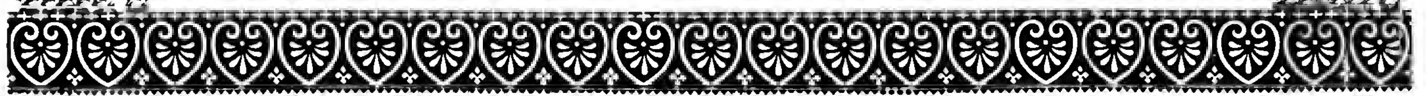
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

☛ **Для подписчиковъ „НИВЫ" на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:** ☚

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА" Большая Морская, № 9.



ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

наилучшихъ парижск. фабрикантовъ и также своей фабрикаціи по 18 руб., 25 руб., 30 р., 40 руб., 50 руб., 60 р., 75 руб., 90 р. и 100 р. Школы для корнета по 1 руб. 50 коп., 4 руб и 5 руб.

Альтгорны, баритоны, басы, вальторны, трубы, тромбоны, сигнальные рожки.

Флейты

самой лучшей французской и вѣнской работы по 3 руб., 5 р., 7 р., 10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб., 50 р., 60 р. и дороже.

Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.

Пикколофлейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 15 руб.

КЛАРНЕТЫ

отъ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р.

Школа для кларнета 4 руб.

Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.

Новый каталогъ **нотъ** для всѣхъ духовыхъ инструментовъ безплатно.

За пересылку прошу прилагать приблизительно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

Главное депо

музыкальныхъ инструментовъ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3720 2—2

СѢМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ

ИВ. ИВ. СИМА.

14. Караванная 14.

Прейсъ-курантъ на 1885 годъ высылается безплатно. № 3794 3—2

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (въ СПБ. и Москвѣ), Мартынова, Стасюлевича, Панафидина, Попова, Тузова, Бортневскаго (въ Петербургѣ) и Оглоблина (въ Кіевѣ) продается **новая книга:**

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ РЕБУСА.

Колосова и Озеркова. 10 печатн. лист. съ 25 рис. въ текстѣ и 12 ребусами въ приложеніи. Ц. 75 коп. № 3801 2—2

Складъ изданія въ СПБ., Манежный пер. № 7, у С. Д. Лермонтова. Иногородные, обращаясь въ складъ, за пересылку не платятъ.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

☛ Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра"; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ**, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3814 3—1

Открыта подписка на 1885 годъ на журналъ

ГОДЪ V. **„ОСКОЛКИ"** V ГОДЪ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный иллюстрированный юмористическій журналъ „Осколки", вступая въ **пятый** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1885 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1884 году.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимали участіе:

К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, И. Д. Бѣловъ, В. А. Гиляровскій, И. Ф. Горбуновъ, И. Грэнъ (псевдонимъ), **А. Ф. Ивановъ** (Классикъ), **Н. С. Лѣсковъ, С. В. Максимовъ, В. О. Михневичъ** (Коломенскій Кандидъ), **В. И. Немировичъ-Данченко, Л. И. Пальминъ, С. Н. Терпигоревъ** (Сергѣй Атава), **Д. Д. Тогольскій** (Дядя Митяй), **Л. Н. Трефолевъ, А. Т. Трофимовъ, Ф. В. Черниговецъ, Ан. П. Чеховъ** (А. Чехонте) и др.

Рисунки были исполнены художниками:

Н. А. Богдановымъ, М. М. Далькевичемъ, А. И. Лебедевымъ, А. Левитановъ, М. М. Лилинымъ, М. Е. Малышевымъ, В. И. Порфирьевымъ, Н. П. Чеховымъ, С. И. Эрберомъ и др.

Журналъ „Осколки" издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій на лучшей бумагѣ и даетъ еженедѣльно четыре страницы юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ раскрашенныхъ, такъ и черныхъ, и четыре страницы текста убористой печати. Ежегодное изданіе составляютъ 52 нумера и заключаетъ въ себѣ около 600 рисунковъ и свыше 1,200 беллетристическихъ статей.

Въ текстѣ помѣщаются юмористическія обозрѣнія петербургской, московской и провинціальной жизни, разсказы, сценки, очерки, пародіи, анекдоты, сатирическія и юмористическія стихотворенія, шарады, ребусы, загадки и проч.

Журналъ „Осколки" старается, въ предѣлахъ возможности, отзываться въ легкой, сжатой формѣ на вопросы дня и явленія нашей общественной жизни, помѣщая на первой страницѣ сатирическія иллюстраціи текущихъ явленій и время отъ времени въ каррикатурномъ видѣ портреты лицъ, имѣющихъ интересъ минуты.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

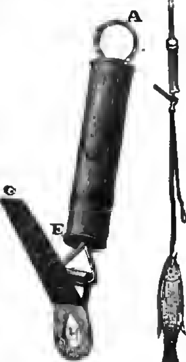
На годъ безъ пересылки . . . 6 р.	На 6 мѣс. съ пересылк. и дост. 4 р.
„ „ съ пересылк. и доставк. 7 „	Отдѣльный № 20 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи, Николаевская ул., д. № 10; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Л. Васильева, Страстной бульваръ, д. графа Мусина-Пушкина.

Допускается разсрочка подписныхъ денегъ черезъ гг. казначеевъ и по личному соглашенію съ конторою редакціи.

№ 3643 4—4 **Редакторы-Издатели Н. ЛЕЙКИНЪ и Р. ГОЛИКЕ.**

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ **ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,**



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копѣечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1188 1—1

„АМЕРИКАНКА",

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной комнатной водѣ, бѣлья. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русскаго Страх. Общества, В. Шлемензону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

М. Г. Веніаминъ Ильичъ! Снарядъ Вашъ „Американку" я получилъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, но только теперь, вполнѣ убѣдившись въ практической примѣнимости этого снаряда, приношу Вамъ искреннюю благодарность, съ обѣщаніемъ распространять свѣдѣнія о его пригодности для стирки бѣлья, между моими знакомыми. Снарядъ мною выписанъ для домашняго обихода, но, нужно сказать, что онъ принесетъ еще большую пользу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ стирка бѣлья производится въ громадныхъ размѣрахъ. Потребляя чрезвычайно мало воды и мыла (экономическая сторона снаряда), стирка на немъ дѣйствительно доступна малолѣткамъ. Примите и проч. учитель городскаго училища Дмитрій Суворовъ. Москва, 3 марта 1885 г. — Адресъ мой: Москва, Покровка, близь землянаго вала, домъ Жданова, Дмитрію Өеодоровичу Суворову. № 1187

(Подлинныя письма хранятся при дѣлахъ Редакціи Тавр. Губ. Вѣдом.).

Фабричное клеймо на снарядѣ:

„В. ШЛЕМЕНЗОНЪ — Симферополь".

Дозволено цензурою. СПБ. 9 января 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПбургѣ

XVI годъ — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XVI

№ 3 — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 19 Января 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Общій видъ гор. Хабаровки на р. Уссури (Амурской области). По фотогр. грав. М. Рашевскій. 1

Хабаровка на р. Уссури.

Хабаровка, носящая имя извѣстнаго въ исторіи перваго покорителя Амура—Хабарова, прославившагося своею неустрашимостью и удалью, пользуется въ Приморской Области репутаціей живописнаго уголка, приводящаго въ восхищеніе посѣщающихъ ее туристовъ. Это дѣйствительно одинъ изъ самыхъ южныхъ пунктовъ на Амурѣ, обладающій теплымъ, благодѣтельнымъ климатомъ и красивою, разнообразною растительностью. Поселеніе расположено на трехъ значительныхъ возвышенностяхъ, раздѣленныхъ глубокими оврагами, и кромѣ того раскинулось по высокому берегу рѣки Уссури, которая соединяетъ здѣсь свои воды съ Амуромъ. До 1864 года Хабаровка служила почти исключительно цѣлямъ военной колонизаціи. Стараніями и усиліями военныхъ чиновъ 3-го сибирскаго батальона, здѣсь возникли въ 1858 году первыя постройки церкви, казармъ, офицерскихъ и даже частныхъ домовъ. Поселеніе разросталось быстро, тѣмъ болѣе, что оно дѣйствительно представляло живописный, уютный уголокъ, такъ какъ отъ самаго Благовѣщенска, за исключеніемъ Хингана, видна одна голая степь, поросшая мелкимъ кустарникомъ. Теперь Хабаровка не можетъ похвастаться особенно богатою растительностью, такъ какъ вся береговая роща уже вырублена поселенцами; уцѣлѣлъ лишь довольно густой природный садикъ на утесѣ, откуда представляется одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ Амура.

При первомъ заселеніи Хабаровки вообще не соблюдалось никакого плана. Жители селились гдѣ хотѣли и строили какъ умѣли свои незатѣйливыя постройки. При переименованіи селенія въ 1880 году въ областной городъ, обращается конечно уже болѣе вниманія на правильную распланировку домовъ и улицъ, но все-таки въ отношеніи условій городскаго благоустройства Хабаровку все еще можно разсматривать какъ военный постъ области. Но Хабаровка несомнѣнно имѣетъ прочную будущность, такъ какъ находится на соединеніи двухъ главныхъ путей Приморской Области, и при томъ въ мѣстности по климату въ высшей степени удобной для заселенія. Кромѣ того и торговля въ Хабаровкѣ развита болѣе, чѣмъ гдѣ либо внутри края.

Пароходное сообщеніе между Благовѣщенскомъ, Хабаровкой и Владивостокомъ тоже централизуется въ Хабаровкѣ, такъ какъ здѣсь происходитъ встрѣча пароходовъ и обмѣнъ ими пассажировъ. Пароходство по Амуру и Уссури производится теперь средствами особаго товарищества, которое имѣетъ 13 пароходовъ. Хабаровка служитъ центромъ торговли соболями, а также передаточнымъ пунктомъ для проѣзжающихъ съ Амура въ казачьи станицы по Уссури и въ южно-уссурійскій край. Соболи пріобрѣтаются иногда и пріѣзжими китайскими купцами у туземцевъ—гольдовъ и орочонъ. Въ настоящее время въ Хабаровкѣ считается не менѣе 2,500 жителей. Городъ расположенъ на двухъ террасахъ высокой береговой скалы, при чемъ верхнія и нижнія части соединяются въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревянными лѣстницами. Видъ города вообще красивъ, тѣмъ болѣе, что дома окружены садиками; между прочимъ, здѣсь устроенъ садикъ, гдѣ собраны образцы уссурійской флоры. Въ городѣ имѣется православная церковь и Алексѣевское начальное училище для дѣтей обоего пола, устроенное въ память посѣщенія Хабаровки государемъ в. кн. Алексѣемъ Александровичемъ. Въ двухъ же механическихъ заведеніяхъ съ лѣсопильной и литейной мастерскими общества амурскаго пароходства, занято постоянно отъ 30 до 50 лицъ и производится работа на сумму до 100,000 рублей.

Видъ Хабаровки, представленный на нашемъ рисункѣ, изображаетъ улицу, идущую подъ гору къ китайской пристани. На лѣвой сторонѣ видны двухэтажные дома, выстроенные назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, купцами Плюснинымъ и Чардымовымъ. У пристани видны китайскія джонки довольно оригинальной постройки, на которыхъ китайцы сплавляютъ по рѣкѣ Сунгури и Амуру въ Хабаровку и въ другія мѣста разные жизненные продукты. Далѣе на правой сторонѣ виденъ разливъ рѣки Уссури, впадающей въ рѣку Амуръ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

IV.

Природа наградила Павла Петровича Криницына красивою внѣшностью, не отказала при этомъ и въ умѣ, и даже не дюжинномъ. Онъ выступилъ на праздникъ жизни... но... сорвалось...

„Оскудѣніе“ отозвалось на немъ скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ... Онъ былъ выброшенъ за бортъ... пришлось-бы тонуть, еслибы судьба, въ видѣ тетушки княгини и кузины Мэдъ, не усадила его на необитаемомъ островѣ, въ ожиданіи другаго корабля, въ ожиданіи какой нибудь счастливой случайности, имѣющей дать ему возможность снова взобраться на палубу корабля жизни и занять свое мѣсто въ каютѣ.

Этотъ необитаемый островъ оказался „Глухимъ фортомъ“.

Волею-неволею пришлось примириться съ обстоятельствами, пришлось оставить на время „праздникъ жизни“ и поскучать въ одиночествѣ, подъискивая себѣ утѣшительныя иллюзіи...

Здѣсь, напримѣръ, можно отличаться на боевомъ полѣ: военная карьера вѣдь не прервана, она продолжается непрерывно и, конечно, представляетъ болѣе шансовъ на полученіе какого ни на есть вѣнка героя... а тѣмъ временемъ, скандалъ, поднятый кредиторами, постепенно уляжется... Вѣдь этому скандалу тетушка и кузина не дали разгорѣться во всю силу, ну и пусть онъ пока тлѣетъ, до прибытія пожарной команды... Время лечитъ все, время даже пассивно вліяетъ на уплату долговъ... и, кто его знаетъ, что можетъ впредь случиться... Здѣсь, болѣе или менѣе защищенный, не жалкими земляными валами Глухаго форта, а десятками тысячъ верстъ, отдѣляющими этотъ фортъ отъ Петербурга, и годовыми сроками какой бы то ни было переписки, — здѣсь онъ можетъ „отсидѣться“.

Тяжело это отсиживаніе, невыносимо томительно дѣйствовало оно на душу Павла Петровича — и главная тягота заключалась въ томъ, что оно безсрочно... Кто знаетъ! Случайность — и оно прекратится завтра. Случайность—и оно затянется на долгіе и долгіе годы.

Совершенно иныя, чуждыя условія о потребности жизни Глухаго форта захватили врасплохъ Криницына... Онъ бы могъ примириться съ этими условіями, могъ бы ужиться съ новымъ кругомъ, съ новымъ положеніемъ вещей, но онъ смотрѣлъ на все это, какъ на нѣчто временное, вовсе ему не обязательное, и не ударилъ пальцемъ о палецъ ради сближенія. Къ нему не пошли на встрѣчу и установился постепенно родъ какой-то враждебности въ отношеніяхъ съ нимъ новыхъ товарищей.

На поклонъ одного изъ товарищей, онъ отвѣтилъ сухимъ, форменнымъ прикладываніемъ руки къ козырьку фуражки,—это вызвало смѣхъ; и онъ подглядѣлъ разъ какъ прапорщикъ Ползунковъ, мальчишка, сынъ писаря, передразнивалъ его граціозное движеніе. Одному изъ офицеровъ онъ сказалъ: „M-sieur такой-то“, тотъ даже обидѣлся и замѣтилъ, что онъ не мусье, а своему государю капитанъ и крещенъ Фадѣемъ, а по отцу Николаевичемъ... „Не могу же я называть ихъ, какъ они привыкли между собою: Ванька, Федька, Сашонокъ и пр.,“ писалъ Криницынъ кузинѣ Мэдъ, комично разсказывая этотъ случай, ради характеристики той ужасной трущобы, куда его закинула судьба. „Представь себѣ, описывалъ онъ ей свое житье-бытье. Вчера былъ батальонный праздникъ и здѣшніе офицеры дѣлали другъ другу визиты, это было презабавно: одинъ изъ офицеровъ зашелъ къ другому, выпили вмѣстѣ водки, закусили, утерлись рукавомъ—они не имѣютъ привычки употреблять для этого дѣла сал-

фетки,—и отправились, уже вдвоемъ, къ третьему—продѣлали тоже самое тамъ, и, уже втроемъ, потащились къ четвертому... Такъ росла цѣлая гурьба, и эта гурьба шаталась чуть не до вечера по улицамъ... Это смѣшно! Я принялъ, на всякій случай, мѣры: велѣлъ сказать, что меня нѣтъ дома; но, славу Богу, они забыли о существованіи моей квартиры...“

— Ко мнѣ прошу пирожка отвѣдать, Павелъ Петровичъ, любезно пригласилъ его разъ фортовой батюшка, отецъ Павелъ.

Криницынъ пошелъ.

У отца Павла въ домѣ жила прехорошенькая племянница, ходила въ ситцевомъ платьѣ и въ косыночкѣ, прислуживала за столомъ и вѣчно улыбалась, показывая при этомъ свои ровные, бѣлые зубки. Офицеры форта ее очень любили, вѣчно баловали; старики гладили по головкѣ и называли птенчикомъ; молодежь посмѣивалась...

Криницынъ, на котораго разъ Груня пристально заглядѣлась, поймалъ этотъ взглядъ и позволилъ себѣ шутку, по его мнѣнію очень остроумную и ни сколько не оскорбительную... Но Груня, должно быть, не съумѣла понять и оцѣнить этого вниманія... Глазенки ея вспыхнули, и она, не безъ язвительности, произнесла:

— Вы, Павелъ Петровичъ, полагаете, что надъ нами, деревенскими дурами, такъ уже и можно надсмѣхаться?.. Извините! напротивъ того... Мы тоже очень понимаемъ, что слѣдуетъ...

И Криницынъ тогда же замѣтилъ, что этотъ неожиданный отпоръ нашелъ себѣ общее сочувствіе и даже вызвалъ шумное одобреніе со стороны присутствующихъ.

— Молодецъ Груняха! во все горло гаркнулъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ старики засѣли, послѣ завтрака, за партію „по маленькой.“

Это все-таки опять мелочи, но вѣдь эти мелочи— вся жизнь въ Глухомъ фортѣ, здѣсь какъ то умѣютъ обходиться безъ крупныхъ событій... И съ каждымъ днемъ жизнь въ этомъ фортѣ становилась для Криницына невыносимѣй и невыносимѣй.

А тутъ, какъ на обиду, мирное положеніе особенно затянулось долго. На азіатскомъ горизонтѣ было ясно, и грома пушекъ, окончательно, не предвидѣлось...

— О, Господи! томился Павелъ Петровичъ.—Когдаже прійдетъ эта счастливая минута, когда мнѣ можно будетъ вырваться отсюда снова на свѣтъ Божій...

Онъ не былъ виноватъ въ томъ, что этотъ *свѣтъ Божій* рисовался для него такъ ограниченно.

Цѣлые дни проводилъ онъ одиноко въ своей квартирѣ... появляясь только оффиціально на своемъ мѣстѣ. Онъ приготовилъ и перечитывалъ массу французскихъ романовъ, которые ему высылала, по временамъ, кузина Мэдъ. Она также высылала ему „Journal Amusant“, номера котораго Криницынъ хранилъ особенно, даже саморучно подшивалъ ихъ по порядку. Когда спадалъ денной жаръ, онъ по нѣскольку часовъ прогуливался верхомъ на своемъ „Абрекѣ“ — и успѣлъ уже очень хорошо изучить всѣ тропинки мѣстности, лежащей во кругъ Глухаго форта... Пробираясь въ густыхъ камышахъ, молодцовато сидя въ своемъ щегольскомъ сѣдлѣ, опершись рукою о ложу карабина, онъ мечталъ даже о разныхъ приключеніяхъ, и всегда приходилъ къ одному: „что еслибы кузина Мэдъ, или кто нибудь изъ *нашихъ* увидѣлъ его въ этомъ интересномъ видѣ...“ Но въ окрестностяхъ Глухаго форта было, какъ нарочно, все покойно. Полувооруженные, жалкіе бандиты не показывали болѣе своего носа...

Криницынъ часто писалъ въ Петербургъ своимъ друзьямъ обоего пола. Письма къ хорошенькой кузинѣ Мэдъ были особенно подробны и длинны, какъ и ея отвѣты... И, надо сказать, что именно эти отвѣты наиболѣе болѣзненно разрывали сердце Павла Петровича. Кузина Мэдъ краснорѣчиво описывала ему всѣ прелести свѣтской жизни, она пересыпала ихъ эпизодами хроники свѣта, она разжигала его любопытство, усиливая до нельзя его страстное желаніе поскорѣе вернуться.

Портретъ кузины Мэдъ, красивой брюнетки, съ роскошно развитымъ бюстомъ и чудными округленными плечами,—стоялъ на самомъ видномъ мѣстѣ стола, а по вечерамъ переносился даже на ночной столикъ.

Глаза этого портрета лукаво щурились и словно говорили... и Криницыну, при каждомъ пристальномъ взглядѣ на изображеніе своей красавицы, слышался нѣсколько глухой, гармоническій, проникающій въ душу контральто:

— Когда-же ты появишься вновь на нашемъ горизонтѣ—мой романическій герой... „иль на щитѣ,—иль со щитомъ?..

И Павелъ Петровичъ повторялъ за этимъ голосомъ послѣднюю фразу, а такъ какъ онъ былъ человѣкъ умный и романтизмомъ не особенно увлекающійся, то добавлялъ онъ себѣ:

— Во всякомъ случаѣ „не на щитѣ“, ибо со щитомъ гораздо пріятнѣе.

V.

Теперь вернемся къ слѣдственному дѣлу.

Опытный спеціалистъ, Анатолій Робертовичъ Грунинъ, провелъ весь день въ розыскахъ и изслѣдованіи *слѣдовъ*, въ обществѣ капитана Шелобова, старика Глухарева, его сына Павлуши и еще нѣсколькихъ офицеровъ. Въ его головѣ снова воцарилась мысль объ экстраординарномъ событіи, онъ даже заявилъ объ этомъ громогласно своимъ спутникамъ, увѣряя ихъ, что для него сразу, съ перваго взгляда на трупъ, было ясно все; что онъ, не колеблясь, отрицаетъ всякую возможность приписывать настоящій, прискорбный случай простому разбою; при этомъ онъ привелъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ хроники интересныхъ уголовныхъ процессовъ, сему дѣлу соотвѣтствующихъ... Говорилъ безъ умолку, вплоть до заставы Глухаго форта и, при разставаніи, снова горячо благодарилъ господъ офицеровъ за оказанное ему сочувствіе и энергичное содѣйствіе.

Господа офицеры настаивали на повальномъ обыскѣ— и Грунинъ рѣшился наконецъ на этотъ рѣзкій, весьма щекотливый шагъ, на всякій только случай послалъ гонца къ высшему начальству, прося тамъ о разрѣшеніи этого обыска. Джигита-туземца онъ отправилъ съ письмомъ секретно, ни слова не сказавъ объ этомъ даже Павлу Петровичу, и очень былъ удивленъ полученнымъ изъ города отвѣтомъ.—Удивленъ, огорченъ и сконфуженъ.

Ему писали:

„Все, что найдетъ онъ необходимымъ для раскрытія истины, отъ него, какъ отъ спеціальнаго слѣдователя, зависитъ лично. Напоминали, что самъ онъ лично долженъ во всемъ согласоваться съ законами, конечно, ему, какъ спеціалисту, хорошо извѣстными... и тому подобное...

Даже покраснѣлъ до ушей Анатолій Робертовичъ, читая полученную бумагу, и вопросъ о повальномъ обыскѣ былъ имъ порѣшенъ теперь уже безповоротно.

— И такъ... не безъ язвительности началъ было Павелъ Петровичъ, случайно накрывшій своего друга, какъ разъ въ ту минуту, когда онъ давалъ „на чай“ вернувшемуся джигиту.

— Конечно! горячо прервалъ его Грунинъ.—Разъ я нашелъ это необходимымъ, я не долженъ останавливаться передъ какими-то нелѣпыми предразсудками... И къ чему тутъ „честь мундира“, что за глупая фраза!—Нашли улики,—ты воръ—и снимай съ себя этотъ мундиръ; не нашли ничего,—носи его на здоровье... Наконецъ, столько примѣровъ... Вотъ тебѣ недавній, и очень подходящій... Въ окрестностяхъ Мадрита...

Пѣвецъ. Съ картины Конти грав. Кнезингъ.

Но Павлу Петровичу, впрочемъ, некогда было слушать о томъ, что недавно случилось въ окрестностяхъ Мадрита,—онъ прервалъ разсказъ въ самомъ началѣ легкимъ пожатіемъ руки и словами: „Pardon, mon ami", и, не спѣша, зашагалъ по улицѣ, придерживаясь тѣневой стороны, сбивая кончикомъ хлыста головки густо выросшихъ у глинянаго забора—крапивы и репейника.

По постановленію Грунина—квартиры коменданта и фортоваго священника были освобождены отъ обыска. Но комендантъ воспротивился этой льготѣ, объяснивъ, что обыскъ, именно, долженъ начаться съ его квартиры и съ самою нарочитою строгостью „*для примѣра прочимъ*". Отецъ же Павелъ заявилъ просто, что онъ сего изъятія не допуститъ по христіанскому смиренію, ибо Единъ Богъ безъ грѣха!

Дѣлать было нечего. Начали обыскъ съ комендантскаго помѣщенія.

Всѣ жители форта, военные и невоенные, равно какъ и туземцы, обязаны были въ данный день и часъ оставить свои жилища и выйти на площадь, на „эспланаду", какъ здѣсь привыкли выражаться. Ко всѣмъ жилымъ и нежилымъ помѣщеніямъ поставлены были парные часовые съ строгимъ наказомъ никого не впускать „до приказанія".

Обыскъ долженъ былъ производить, конечно, самъ слѣдователь съ помощниками: двумя депутатами отъ военнаго сословія и двумя отъ мирныхъ обывателей. Грунинъ самъ выбралъ себѣ первыхъ двухъ: Криницына и Шелобова, но Павелъ Петровичъ наотрѣзъ отказался отъ такой чести и его мѣсто заступилъ молодой Глухаревъ.

Обыскъ производился довольно поверхностно и быстро: входили въ квартиру, отпирали замки, гдѣ только таковые находились, наскоро осматривали, за тѣмъ заносили въ протоколъ, что, молъ, все обстоитъ благополучно и ничего подозрительнаго не найдено, и снимали часовыхъ... Добрались такимъ образомъ до квартиры Криницына.

Здѣсь именно мирный, нѣсколько скучный своимъ однообразіемъ характеръ обыска измѣнился. Неизвѣстно почему — квартира эта овладѣла общимъ интересомъ. Всѣ обитатели Глухаго форта столпились сюда, занявъ пестрыми группами плоскія крыши сосѣднихъ, осмотрѣнныхъ уже строеній. Капитанъ Шелобовъ перекрестился, переступилъ порогъ этой квартиры, глаза молодаго Глухарева горѣли лихорадочнымъ огнемъ и его лицо было блѣдно отъ волненія, отецъ Павелъ глубоко вздохнулъ, смиренно склонивъ на бокъ свою гладко расчесанную голову; депутаты отъ мирныхъ гражданъ, татаринъ-маркитантъ Шафиръ и отставной горнистъ, Мойша Лудсль, засучили рукава и попросили лопаточки... Батальонныя дамы смолкли, а до сей минуты онѣ щебетали какъ скворцы надъ мельницею... Комендантъ, полковникъ Огурчиковъ, почему-то рѣшился, не смотря на жару, застегнуться на всѣ пуговицы... Гробовое молчаніе царило въ группѣ столпившихся въ кучу офицеровъ.

Криницынъ не могъ не замѣтить всего этого и стоялъ поодаль, блѣдный какъ полотно, судорожно стиснувъ въ своихъ зубахъ мундштукъ папиросы...

Только Грунинъ должно быть ничего не замѣчалъ и весело крикнулъ своему другу:

— Ну вотъ, Поль, мы и къ тебѣ съ визитомъ!

Онъ даже вспомнилъ о крюшонѣ съ гранатами, едва только замѣтилъ, черезъ отворенную настежь дверь, предназначенную для такого прохладительнаго дѣла, сверкающую на столѣ посуду.

Тутъ сказалось общее недоброжелательство къ Криницыну. Чуть не цѣлый часъ копались депутаты въ его квартирѣ. Молодой Глухаревъ весь вывалялся въ пыли, лазя подъ кровать и заглядывая подъ шкафы и прочую мебель. Шелобовъ внимательно осматривалъ помѣщеніе и движеніемъ глазъ указывалъ маркитанту и эксъ-горнисту, гдѣ надо „приналечь съ особымъ рвеніемъ." Грунинъ любовался портретомъ кузины Мэдъ, и даже потянулъ его изъ рамки, любопытствуя, нѣтъ-ли чего написаннаго тамъ, сзади. Смотрѣли ковры и подъ ними, перерыли и перещупали всѣ ящики, обратили должное вниманіе на чердакъ и полы, въ одномъ мѣстѣ даже половицы были приподняты, ощупали и вскрыли подушки постели и сѣделъ, заглянули въ конюшню, въ чуланъ къ денщику... и, въ концѣ концовъ, съ видомъ полнаго недоумѣнія, подписались подъ протоколомъ того же невиннаго содержанія.

У большинства присутствующихъ словно отлегло на душѣ. Сдержанное молчаніе разрѣшилось оживленнымъ говоромъ. Отецъ Павелъ сотворилъ крестное знаменіе и привѣтливо кивнулъ головою въ сторону, гдѣ стоялъ Криницынъ: „поздравляю, молъ, и душевно радуюсь!" Комендантъ повеселѣлъ—и не только что разстегнулся снова, но даже потянулъ съ потной шеи, досадно лезущій подъ самыя уши, форменный галстухъ и сунулъ его въ карманъ; только дамы форта какъ будто бы остались недовольны результатами осмотра, за исключеніемъ одной Групи, громогласно произнесшей:

— Ну, Слава Тебѣ, Владычица Небесная!

Казалось, все шло къ общему благополучію, но тутъ случилось одно обстоятельство, совершенно неожиданное, сразу нарушившее общее благодушное настроеніе.

— Наплюй и брось ты это дѣло! шепнулъ Шелобовъ молодому Глухареву, все время не спускавшему глазъ съ Криницына...

— Нѣтъ, я этого такъ не оставлю! задорно огрызнулся Павлуша, и прежде чѣмъ кто нибудь могъ помѣшать ему въ этомъ, подскочилъ вплотную къ Павлу Петровичу.

— А позвольте-съ узнать, по какому случаю у васъ на столѣ оказался этотъ предметъ?

Молодой человѣкъ держалъ въ своей рукѣ карточку Пади, вертя ее чуть не передъ самымъ носомъ Криницына.

Тотъ отодвинулся немного, видимо озадаченный такою неожиданною атакою, и удивленными глазами смотрѣлъ на разгорячившагося мальчика.

— Изволили вы когда нибудь знать эту особу?.. И по какому праву овладѣли ея портретомъ, на которомъ даже написано, что онъ принадлежитъ не вамъ, а покойному отцу ея, Федору Петровичу?

Криницынъ тутъ только понялъ въ чемъ дѣло. Онъ чуть было не расхохотался — и, играя хлыстомъ, снисходительно, свысока глядя на противника, произнесъ:

— Ну, это, молодой человѣкъ, положимъ не ваше дѣло! и я вамъ отчета давать не намѣренъ...

Онъ хотѣлъ было продолжать, что особы этой онъ совсѣмъ не знаетъ, что эта карточка на его столѣ простая, невинная случайность, что если особа извѣстна лично Павлушѣ и онъ почему либо интересуется ею, то можетъ сохранить карточку у себя... Онъ даже хотѣлъ закончить свою тираду легкимъ замѣчаніемъ и совѣтомъ впредь не горячиться такъ, ибо и пылкое заступничество подобнаго рода можетъ слегка компрометировать ту, за которую непрошенно заступаются... Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ, можетъ быть, и порисоваться немного, но сдѣлалъ послѣ первыхъ словъ маленькую паузу, а этой паузы было совершенно достаточно, чтобы молодой Глухаревъ, вспылившій до невозможности, успѣлъ громогласно произнести:

— Хлыщъ! Петербургскій фазанъ!

Какъ разъ въ это критическое мгновеніе въ дѣло успѣлъ вмѣшаться полковникъ Огурчиковъ.

Онъ слышалъ все, сообразилъ, пробрался къ ссорящимся и во все горло крикнулъ:

— Молчать!.. Господинъ адъютантъ, прапорщикъ

Ползунковъ! Посадить подъ арестъ Павлуш... Тьфу ты Господи! подпоручика Глухарева, за неумѣстное выраженіе... во фронтѣ... то бишь—въ публичномъ мѣстѣ... въ присутствіи начальства... сію минуту!..

— Я говорилъ тебѣ, укоризненно замѣтилъ провинившемуся Шелобовъ.

— Посиди, братъ, остынь! неодобрительно покачалъ головою самъ Иванъ Акимовичъ и направился къ Криницыну.

— Вы уже, батюшка, Павелъ Петровичъ не взыщите съ сына... Молодъ, горячъ... Вы вѣдь многаго здѣсь не знаете...

— Вашъ сынъ носитъ мундиръ и можетъ отвѣчать самъ за себя, холодно замѣтилъ Криницынъ и прошелъ къ себѣ въ калитку, отсалютовавъ двумя пальцами господамъ офицерамъ.

До ушей побагровѣлъ старикъ Глухаревъ за свое извиненіе и съ минуту стоялъ передъ захлопнутою передъ его носомъ калиткою, потупивъ сѣдую, усатую голову, уставивъ осоловѣлые глаза на концы тяжелыхъ, запыленныхъ сапоговъ.

— Пойдемъ Ваня къ отцу Павлу на поросенка! позвалъ его Шелобовъ, потянувъ за рукавъ кителя.

VI.

Верстахъ въ шести отъ Глухаго форта, не на той зарѣчной, степной сторонѣ, гдѣ на сотни верстъ разстилалась голодная пустыня, безъ признака какого нибудь жилья, а на этой, подъ кручею когда то матераго берега, въ тѣни развѣсистыхъ вѣковыхъ карагачей и тутовыхъ деревьевъ—уютно раскинулся кишлакъ Бешь-арыкъ.

До прибытія русскихъ, значитъ и до возведенія Глухаго форта, этотъ кишлакъ игралъ видную роль: здѣсь была постоянная стоянка всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Бухару и оттуда; здѣсь все кипѣло жизнью: длинный крытый базаръ пестрѣлъ туземными товарами... Теперь стало не то. Караваны пошли стороною, на новую, русскую, конечно болѣе скорую и удобную переправу, и Бешь-арыкъ на двѣ трети опустѣлъ, обезлюдѣлъ и стихъ.

Только въ центральной его части, выдвинувшейся къ самой дорогѣ, сохранились еще слѣды прежней жизни. Здѣсь—маленькая площадь перекрестка все еще, особенно подъ вечеръ, кипѣла народомъ; здѣсь сгруппировались нѣсколько лавочекъ со сбруею, зеленымъ чаемъ, кунжутнымъ масломъ, тертымъ табакомъ, дешевымъ краснымъ товаромъ и прочими потребностями скромной туземной жизни; здѣсь-же самое видное мѣсто занималъ чай-хане (постоялый дворъ съ продажею чая роспивочно) купца Миробая, лица очень вліятельнаго во всей окружной мѣстности, человѣка со средствами, владѣльца четырехъ женъ и двухъ красивыхъ батчей, мальчиковъ-прислужниковъ при наливаніи и разноскѣ чая.

Никто изъ туземцевъ не позволялъ себѣ проѣхать мимо, не остановившись хотя на нѣсколько минутъ подъ гостепріимнымъ, тѣнистымъ и прохладнымъ навѣсомъ чай-хане,—посидѣть на чистыхъ циновкахъ, глотнуть плоскую чашечку ароматнаго „кокчая“, затянуться дымомъ кальяна и перекинуться словомъ, другимъ съ достопочтеннымъ, уважаемымъ Миробаемъ... А у этого самаго Миробая всегда можно было узнать всѣ новости дня: отъ мелкихъ событій до высшей политики включительно... Вѣдь съ Миробаемъ самъ генералъ-губернаторъ знакомъ,—и двухъ лѣтъ не прошло какъ, проѣздомъ въ степь, самъ генералъ останавливался у Миробая.—колесо соскочило въ коляскѣ,—чай пилъ, говорилъ ему ласковыя слова, халатъ приказалъ дать, зеленый съ голубыми полосами и, даже,—это уже всѣ видѣли,—прощаясь, хлопнулъ его по плечу и сказалъ: „якши!..“ А „якши“ значитъ: хорошо,—то есть, самъ генералъ-губернаторъ очень Миробаемъ доволенъ и вѣроятно напишетъ, если не написалъ уже, о немъ самому Акъ-падишаху.

Сюда, въ Бешь-арыкъ, навѣдывались и русскіе офицеры изъ Глухаго форта, и всегда тоже останавливались у Миробая, но чаще всѣхъ пріѣзжалъ на своемъ Абрекѣ тюра (начальникъ) Криницынъ; привозилъ леденцы Алибею и Мамуну, батчамъ-прислужникамъ, и здоровался съ Миробаемъ всегда за руку, какъ равный съ равнымъ.

Купецъ Миробай очень дорожилъ вниманіемъ къ нему русскихъ вообще—и дружбою офицеровъ въ особенности... Онъ сознавалъ, что это, вопервыхъ, усиливаетъ къ нему почетъ его земляковъ, а во вторыхъ... Мало-ли что можетъ случиться во вторыхъ? Вотъ, напримѣръ, русскіе строго на строго запретили торговлю опіумомъ, особенно раскурочную, а могутъ же, не смотря на почетъ и вліяніе Миробая, найтись какіе нибудь нехорошіе люди, завидующіе его положенію, и шепнуть гдѣ слѣдуетъ о существованіи якобы на заднемъ дворѣ чай-хане спеціальныхъ помѣщеній для кукнаръ-базовъ, то есть для курильщиковъ опіума—„ганаши“. Притоны же подобные хотя и опасны для содержателей, но за то соблазнительно прибыльные.

Миробай былъ очень хорошій человѣкъ,—и во снѣ и на яву бредилъ о той счастливой минутѣ, когда, долженъ же онъ, въ поощреніе прочимъ, получить отъ начальства большую медаль на красной лентѣ, съ желтыми полосочками по краямъ.

И онъ былъ глубоко увѣренъ, что медаль эту рано или поздно, а непремѣнно получитъ.

Вечерѣло... Крутизна обрыва покрыла уже сплошною тѣнью кишлакъ Бешь-арыкъ; карагачи и базарные навѣсы усилили эту тѣнь и Миробай распорядился повѣсить на косой жерди большой бумажный фонарь, когда по мощеной крупнымъ камнемъ улицѣ, звонко щелкнули подковы коня и красноватый свѣтъ фонаря упалъ на бѣлый китель Павла Петровича.

Криницынъ имѣлъ привычку каждый день проѣзжать своего коня, а дорога къ Бешь-арыку была одна изъ самыхъ пріятныхъ для вечернихъ прогулокъ.

— Аманъ Тюра! привѣтствовалъ его Миробай, тяжело поднимаясь съ мѣста.

Алибей и Мамунъ бросились къ лошади, одинъ къ поводьямъ, другой къ стремени, и тоже весело привѣтствовали пріѣзжаго, помогая ему слѣзть, и уже поглядывали искрящимися глазками на оттопыренныя кобуры сѣдла, гдѣ, по обыкновенію, всегда находились предназначенныя для нихъ сласти.

Павелъ Петровичъ едва отвѣтилъ на привѣтствіе. Онъ имѣлъ видъ почему то крайне усталый, и тотчасъ же растянулся на циновкахъ, подтянувъ себѣ подъ голову шелковую подушку валикомъ.

— Чаю хочешь, Тюра? Кальянъ... пилавъ только что сварили...

Алибей, босоногій, въ одной только длинной, красной рубахѣ, подпоясанной золотымъ шнуркомъ, граціозно сталъ передъ Криницынымъ на одно колѣно, предлагая дымящійся кальянъ.

— Ну, какъ здоровье могучаго, достоуважаемаго коменданта, полковника Огурчикова? заговорилъ хозяинъ, очевидно этикета ради, и не дождавшись отвѣта, добавилъ самъ же:

— Должно быть очень хорошо... что ему дѣлается... Аллахъ ко всѣмъ многомилостивъ... Ты самъ вотъ, Тюра, здоровъ ли?..

Миробай пристально поглядѣлъ въ лицо Криницына, тотъ отвернулся...

— Я-то здоровъ... а вотъ что...

Офицеръ приподнялся на локоть и внимательно сталъ всматриваться въ темноту опустѣлаго къ ночи базара.

— Алибей! крикнулъ догадливый хозяинъ,—ты са-

дись на лошадь господина, а ты, Мамунъ, потихоньку води ее за поводъ... Видите какъ она вспотѣла! Да не здѣсь водите, по камнямъ, а туда ступайте, дорога мягкая... Ну, живо!

Павелъ Петровичъ улыбнулся... Мальчики мигомъ поняли своего патрона и тоже размѣнялись лукавыми улыбками.

— Такъ вотъ оно какъ все вышло... н-да! произнесъ Миробай, глубоко вздохнувъ, когда голоса батчей и щелканья подковъ, постепенно удаляясь, стихли гдѣ то за поворотомъ.

— Такъ! пожалъ плечами Криницынъ.

Помолчали съ минуту.

— Этотъ большой чиновникъ, что отъ самого генералъ-губернатора пріѣхалъ, прервалъ молчаніе Миробай,—вѣдь онъ тебѣ другъ будетъ, самый близкій человѣкъ, вотъ!

Татаринъ показалъ для большей выразительности два пальца, сжатые вплотную.

— Да, ты почему же знаешь?

— Миробай все знаетъ... Миробай все долженъ знать... У Миробая вездѣ глаза и вездѣ уши...

— Знаю!.. Криницынъ гадливо отодвинулся отъ этого остроносаго старика, сидѣвшаго передъ нимъ на корточкахъ.

Опять помолчали немного, словно выжидая другъ друга.

— Большой дуракъ! произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Есть у насъ хорошая пословица: „дуракъ другъ хуже умнаго врага“, согласился Миробай, очевидно не принявшій на свой счетъ слова гостя.

Тихо было вокругъ, но собесѣдники говорили еще тише, и любопытный Мамунъ, оставивъ своего товарища при дѣлѣ, какъ ни подобрался близко, положительно не могъ разслышать ни одного слова, кромѣ послѣдней фразы русскаго:

— Однако, поздно! Пора уже и ѣхать!

Батча, какъ кошка, беззвучно прыгая съ камня на камень, пустился за лошадью, и черезъ минуту, подъ сводами базара, снова защелкали подковы Абрека, послышалось его сдержанное ржаніе и звонкіе голоса мальчиковъ, усердно сосавшихъ привезенные имъ леденцы.

— Есть у меня къ тебѣ большая просьба, говорилъ Миробай, самъ уже помогая Криницыну сѣсть на сѣдло.

— Ну, что такое? говори, не стѣсняйся!

— А вотъ что: твой другъ, о которомъ мы съ тобой говорили... Вѣдь онъ отъ самого генералъ-губернатора пріѣхалъ?

— Отъ самого...

— Генералъ значитъ позвалъ его и сказалъ: „Ну, ты поѣзжай!..“ такъ что ли?

— Должно быть что такъ.

— Генералъ, значитъ, говоритъ съ нимъ, и онъ говоритъ съ генераломъ?

— Говоритъ!

— Такъ ты скажи ему, твоему другу, чтобы онъ напомнилъ обо мнѣ генералу, о Миробаѣ значитъ... Если Шарикѣ, рыжей собакѣ, дали медаль за то только, что онъ проныра и лисица, такъ мнѣ, Миробаю... Вѣдь ты понимаешь?

— Понимаю и скажу! коротко отвѣтилъ Криницынъ и тронулъ Абрека концомъ нагайки.

Нервный конь вздрогнулъ и поднялся на дыбы.

— Прощай Тюра! Помни всегда, что Аллахъ многомилостивъ! крикнулъ хозяинъ вслѣдъ гостю.

— Прощай! послышалось уже далеко по выѣздѣ изъ кишлака.

— Единъ Богъ, единъ!.. и все въ Его власти... Ну, тушите огонь и пора спать! распорядился хозяинъ.

И въ кишлакѣ Бешь-арыкъ, черезъ нѣсколько минутъ, стихло все окончательно.

Дорога къ Глухому форту выдѣлялась въ темнотѣ чуть замѣтною лентою, сплошныя стѣны камыша по сторонамъ словно перешептывались между собою... Абрекъ шелъ ходкою переступью, строго поводя своими острыми ушами... и скоро впереди показались темныя, приземистыя массы строеній форта и заискрились огоньки въ окнахъ, ближайшихъ къ окраинамъ домиковъ.

Проѣзжая мимо дома Горкина, Павелъ Петровичъ замѣтилъ въ окнѣ фигуру своего друга, уныло сидящую передъ столомъ, сплошь заваленнымъ листами исписанной бумаги.

Здѣсь онъ слѣзъ съ коня, отправилъ его съ вѣстовымъ казакомъ къ себѣ домой, а самъ поднялся на крыльцо.

— Ахъ, это ты?! Я очень-очень радъ!.. оживился Анатолій Робертовичъ, протягивая своему пріятелю обѣ руки.—Я даже посылалъ за тобою, но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ и куда—неизвѣстно... Очень, очень радъ! Садись!.. Вотъ кресло... Хочешь чаю!.. Впрочемъ, мы сейчасъ будемъ ужинать...

— Ну, какъ твои дальнѣйшіе подвиги на пути открытій? Поймалъ? нашелъ, накрылъ, засадилъ?.. а?.. Ну, подѣлись же со мною твоими радостями... Разсказывай!

Павелъ Петровичъ проговорилъ свою тираду веселымъ голосомъ, одобрительно хлопнулъ по плечу Грунина, подмигнулъ ему на бумажную гору и, сибаритомъ, не усѣлся, а скорѣе улегся, въ большое складное кресло, затрещавшее слегка отъ его довольно вѣской, хотя и стройной фигуры.

— Ахъ, оставь это глупое дѣло! досадливо махнулъ рукою Анатолій Робертовичъ. Оно мнѣ положительно начинаетъ надоѣдать...

— Неужели?!

Криницынъ сдѣлалъ комически удивленный видъ.

— А что же блестящіе результаты обыска?.. Я тебя положительно не понимаю!.. Вѣдь не даромъ же ты поднялъ всю эту глупую и грязную кутерьму... Весь этотъ пошлый балаганъ, въ которомъ ты игралъ роль первенствующую... роясь въ грязномъ бѣльѣ, въ навозныхъ кучахъ, выпуская на волю крысъ, мирно обитавшихъ въ подпольяхъ... Не даромъ же... Ну, кто же убійца?..

Тутъ только замѣтилъ Грунинъ, что его другъ вовсе не такъ весело настроенъ, какъ могло показаться съ перваго взгляда... Тонкія, сухія губы Павла Петровича характерно сжались, глаза горѣли недобрымъ блескомъ.

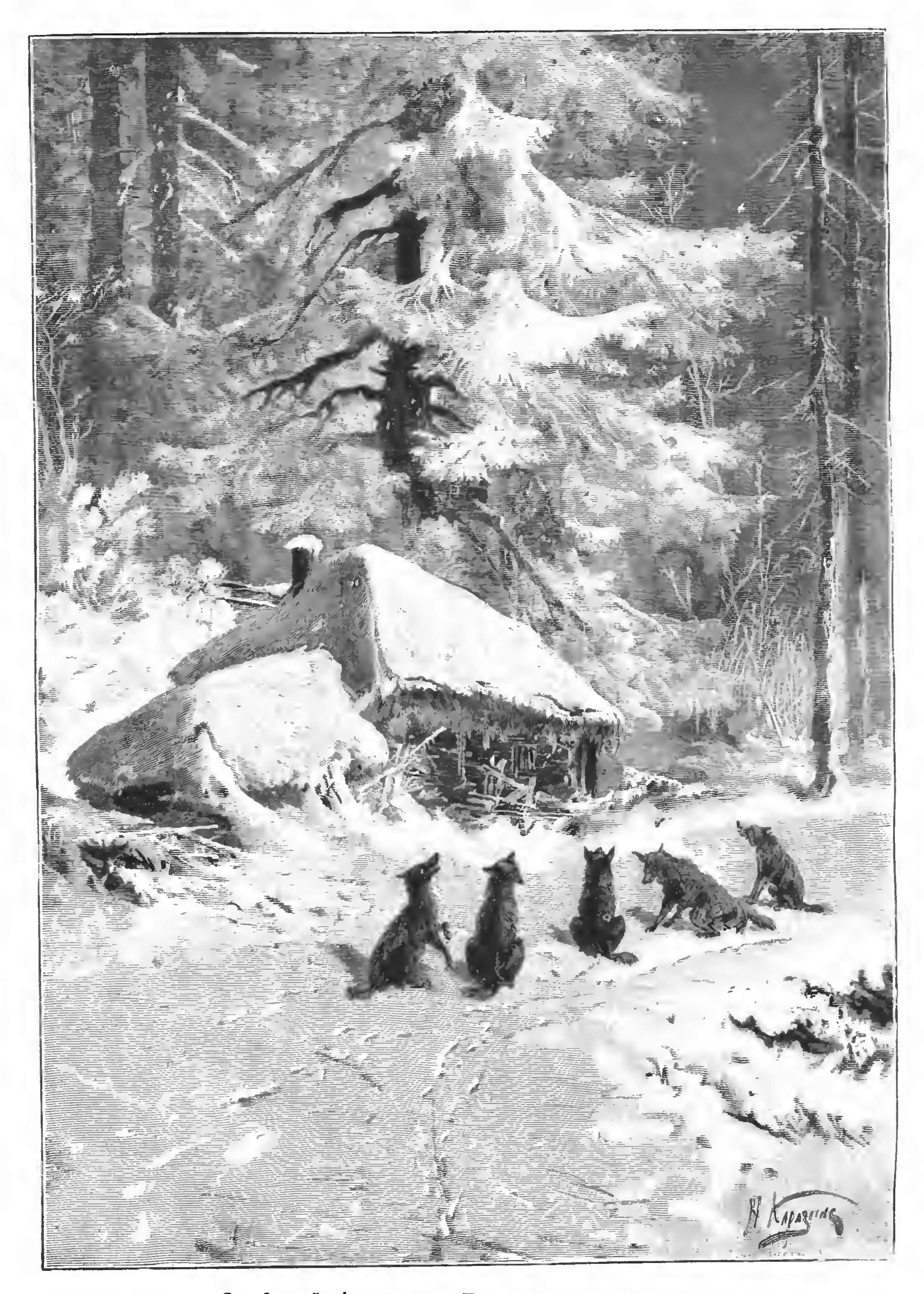
— Что съ тобою? заботливо произнесъ онъ. Ты такъ взволнованъ... Охота, право, вспоминать тебѣ обо всѣхъ этихъ, дѣйствительно глупыхъ и нелѣпыхъ, но необходимыхъ формальностяхъ...

— Формальностяхъ! повторилъ сквозь зубы Павелъ Петровичъ.—Ну, хорошо... Чѣмъ же ты меня будешь подчивать... что у тебя къ ужину?..

— Не знаю! это комендантъ распорядился... Онъ звалъ меня къ себѣ, но, право, неловко какъ то... я сослался на усиленныя работы и отказался... Человѣкъ!.. что тамъ есть? сервировать здѣсь, вотъ на томъ столѣ!.. да распорядились бы, чтобы ставни что ли поставили—шторъ нѣтъ... такое право неудобство!...

Пока „сервировали“ ужинъ: блюдо заливной осетрины мѣстнаго лова, жареныхъ фазановъ, дымящіеся пельмени и прочіе продукты комендантской кухни—Анатолій Робертовичъ изливался въ откровенностяхъ передъ своимъ пріятелемъ.

„Онъ, видите ли, откровенно сожалѣетъ, что поддался вліянію нелѣпыхъ бредней здѣшнихъ идіотовъ, осложнившихъ этимъ такое простое и ясное дѣло. Вѣдь обыскъ не привелъ ни къ какимъ желательнымъ ре-



Серебряный лѣсъ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

зультатамъ; ничего не было найдено подозрительнаго, за что хоть бы уцѣпиться можно было... что основанія, на которыхъ можно было дать дѣлу такое странное и щекотливое направленіе, крайне шатки, и онъ охотно бы вычеркнулъ изъ слѣдственнаго дѣла всю эту часть, но, къ сожалѣнію, это положительно теперь уже невозможно... Сознался, наконецъ, господинъ спеціальный слѣдователь, что все это его затрудняетъ на столько, что онъ не знаетъ какъ свести концы съ концами и выйти, болѣе или менѣе, съ честью изъ положенія, дѣйствительно имѣющаго немного комическій характеръ..."

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Продолженіе).

Болѣе получасу авантюристы пробирались по узкой тропѣ безъ всякихъ приключеній. Но вотъ тропинка сдѣлала нѣсколько затѣйливыхъ извилинъ и расширилась въ видѣ небольшой полянки. Черезъ полянку бѣжалъ быстрый, нѣжно рокотавшій ручей. Вокругъ высились гигантскія деревья. Нѣкоторые изъ широко-вѣтвистыхъ ильмовъ склонились надъ ручьемъ и мочили свои пышныя вѣтви въ его студеной, прозрачной, словно кристалъ, водѣ. Роскошными вершинами ильмы эти уперлись въ непроницаемую стѣну могучихъ, стройныхъ кедровъ. Если-бы не эта случайная, воздвигнутая природой, опора, то ильмы давно бы свалились на сырую землю и придавили-бы своими тяжелыми стволами сотни молодыхъ деревьевъ, образовавшихъ почти непроницаемый подлѣсокъ... На полянѣ было сравнительно свѣтло. Нѣсколько солнечныхъ лучей проникали въ этотъ прелестный уголокъ мрачной тайги и весело играли въ водѣ горнаго ручейка...

Лонхоу, выйдя изъ подъ свода заросли на окраину полянки, невольно остановился, такъ поразила его открывшаяся передъ нимъ страшная картина. На самомъ берегу ручья были разбросаны останки человѣческаго тѣла: голова, оторванная отъ туловища, вся изгрызанная, нѣсколько обглоданныхъ реберъ, голень, и какіе-то обгрызки костей и обрывки кожи. Это были останки несчастнаго Цы-Лая. Нѣсколько въ сторонѣ валялись кости, повидимому, барса. Не было сомнѣнія, что прошлою ночью тутъ хозяйничали красные волки. Привлеченные запахомъ свѣжей крови, они довершили здѣсь страшную трапезу и съѣли барса, пораженнаго въ свою очередь сильной рукой Хунъ-Ляна. Сочная трава, еще недавно прикрывавшая поляну пышнымъ ярко-зеленымъ ковромъ, была залита кровью и сильно примята.

Съ тяжелымъ чувствомъ вступили на мѣсто, обагренное кровью товарища. Лонхоу, окинувъ поляну своимъ зоркимъ глазомъ, тотчасъ-же разглядѣлъ, среди обглоданныхъ костей, ружье несчастнаго Цы-Лая—цѣль настоящаго прихода въ зловѣщую падь.

— Эй, Ли-фу! крикнулъ Лонхоу. Полно тебѣ глаза пучить... Вонъ подарочекъ мой лежитъ... Бери!

Ли-фу не заставилъ упрашивать себя. Онъ быстро поднялъ ружье и внимательно, любовно осмотрѣлъ его: оно оказалось въ полной исправности. Не хватало только пороху и пуль.

— Ружье тутъ, и рогъ съ порохомъ гдѣ нибудь поблизости валяется... подумалъ Ли-фу и внимательно началъ рыться въ густой, примятой травѣ.

Лонхоу и Куенъ-Лу уже искали завѣтный рогъ съ неменьшимъ тщаніемъ. Порохъ былъ теперь для нихъ такъ-же дорогъ, какъ и чудодѣйственный корень жень-шень. Долгое время поиски не увѣнчивались никакимъ успѣхомъ. Рогъ съ порохомъ и мѣшочекъ съ пулями словно провалились сквозь землю... Но вотъ, случайно, послѣ долгихъ, безплодныхъ поисковъ, Ли-фу взглянулъ на протекавшій у его ногъ прозрачный, горный ручей, и изъ груди его вырвался радостный крикъ. На несчаномъ днѣ ручья онъ увидѣлъ предметы долгихъ общихъ поисковъ—рогъ съ порохомъ и мѣшочекъ съ пулями, связанные сыромятнымъ ремнемъ. Съ понятнымъ волненіемъ Ли-фу вытащилъ изъ воды пороховницу и трепетными руками выдернулъ ея деревянную пробку. Лонхоу, заинтересованный еще больше Ли-фу, лихорадочно вырвалъ изъ его рукъ вскрытый рогъ и осторожно сталъ сыпать изъ него на раскрытую ладонь порохъ. Послѣдній оказался едва сырымъ и годнымъ къ употребленію послѣ незначительной просушки. Плотно забитая пробка предохранила порохъ отъ порчи. Блестящій результатъ изслѣдованія привелъ Лонхоу въ восторгъ.

— Вотъ тебѣ и снадобье къ ружью, весело проговорилъ онъ, передавая Ли-фу рогъ съ порохомъ и ласково похлопывая его по плечу широкою ладонью. Смотри, только попусту не трать—понадобится намъ очень... Настоящій ты теперь охотникъ!.. Молодецъ, хоть куда!.. добавилъ старшина, весело улыбаясь...

IX.

Красные волки.

Солнце еще не зашло, когда вся партія собралась въ указанномъ Лонхоу мѣстѣ. Это былъ уголокъ земнаго рая, заброшенный въ глухую, мрачную падь. Небольшая лужайка, покрытая мягкимъ ковромъ ярко-зеленой сочной травы, была окружена, словно роскошнымъ, сплошнымъ, благоухающимъ вѣнкомъ, пышными кустами черемухи и жасмина, распространявшими вокругъ густой, раздражающій, опьяняющій ароматъ. Надъ черемухой и жасминомъ вздымали къ нему свои гордыя вершины величественные ильмы и пальмовидные диморфанты, образуя вокругъ лужайки второй сплошной вѣнокъ, еще роскошнѣе перваго. Черезъ лужайку затѣйливо вился горный, золотоносный ручеекъ, катившій свои прозрачныя, студеныя воды по ложу, усыпанному мелкимъ, снѣжной бѣлизны, пескомъ, среди котораго соблазнительно блестѣли крупинки золота. Расположились на самомъ берегу ручья, развели костеръ и занялись приготовленіемъ ужина. Слегка поджаренное на угольяхъ, сочное мясо косули, убитой Сео-кви, приправленное найденной поблизости черемшой *). Голодные, не ѣвшіе въ теченіи полутора сутокъ, они съ жадностью пожирали куски мяса, запивая ихъ холодной, прозрачной водой. Ѣли молча. Отъ небольшой косули остались только ребра, голова и начисто обглоданныя кости. Съѣли все, что можно было съѣсть, не думая о завтрашнемъ днѣ...

Плотно поужинавъ, измученные дневной ходьбой, всѣ уснули. Солнце давно уже зашло. У костра остался сидѣть только очередной стражъ—Куенъ-Лу. Помня послѣдствія сонливости Ли-фу, Куенъ-Лу упорно противился охватывавшей его дремотѣ. Сидя передъ ярко пылавшимъ костромъ на корточкахъ, онъ, вполголоса, визгливо тянулъ безконечную пѣсню—импровизацію.

— Куенъ-Лу храбрый, отважный и смѣлый! визгливо импровизировалъ Куенъ-Лу, щедро подбрасывая въ костеръ большую охапку хвороста и подозрительно всматриваясь въ темную листву окружающей чащи. Храбрѣе Куенъ-Лу нѣтъ человѣка во всей Манчжуріи... Куенъ-Лу никого не боится... Онъ пошелъ въ тайгу искать драгоцѣнный корень жень-шень, найдетъ его много, много, продастъ, сдѣлается богатымъ и женится... Дѣвушки очень любятъ Куенъ-Лу за его храбрость и смѣл...

Куенъ-Лу вдругъ поперхнулся на полусловѣ, вздрогнулъ и чутко насторожился. Въ чащѣ слышался какой-то шорохъ, словно кто-то подкрадывался къ лужайкѣ осторожными шагами. На лбу храбраго Куенъ-Лу выступили крупныя капли холоднаго пота. По всему его тѣлу пробѣжала неотразимая, лихорадочная дрожь. Расширенные зрачки его глазъ пугливо скользили по темной листвѣ заросли, стараясь разглядѣть виновника подозрительнаго шороха... Но вотъ шорохъ сдѣлался совершенно явственнымъ, и вдругъ изъ чащи выпорхнули до полдюжины летучихъ мышей и съ легкимъ пискомъ закружились надъ головой очумѣвшаго отъ страха Куенъ-Лу, чуть не задѣвая его концами своихъ длинныхъ крыльевъ.

— Тьфу, проклятые!.. Испугали!.. проворчалъ трепещущимъ голосомъ Куенъ-Лу, отгоняя летучихъ мышей и подбрасывая въ костеръ новую охапку хвороста.

Летучія мыши покружились еще и скрылись въ чащѣ, испуганныя энергичнымъ маханіемъ снятымъ халатомъ.

— Куенъ-Лу никого не боится, затянулъ опять свою безконечную импровизацію храбрый авантюристъ, оправившись немного отъ испуга. Для Куенъ-Лу нестрашенъ пау (барсъ)!.. Онъ не боится! Чересунь (рысь) бѣжитъ отъ Куенъ-Лу, поджавши хвостъ... Ма-тоза (медвѣдь) прячется отъ него въ своей берлогѣ... Куенъ-Лу храбрый!.. Ему не страшенъ не только ламаза (тигръ), но даже и злой цай-лангза (красный волкъ). Пускай придетъ пау—Куенъ-Лу убьетъ его!.. Пускай придетъ самъ ламаза — Куенъ-Лу и его убьетъ... Онъ и цай-лангза убьетъ, если тому вздумается явиться сюда... Куенъ-Лу много побилъ разныхъ звѣрей, побьетъ и еще столько-же...

Вдругъ по чащѣ пронесся едва слышный, протяжный вой и замеръ гдѣ то вдали. Куенъ-Лу разомъ смолкъ и сталъ жадно вслушиваться въ наступившую опять таинственную тишину. Онъ замеръ въ тяжеломъ, пугливомъ ожиданіи. Сердце Куенъ-Лу билось сильно, такъ сильно, словно хотѣло вырваться изъ груди. Кругомъ господствовало подавляющее безмолвіе, среди котораго отчетливо ему слышалось учащенное біеніе сердца... Но вотъ по чащѣ пронесся опять такой же вой, гораздо ближе... Къ этому вою присоединился новый вой, и затянулся дуэтъ... Постепенно начали присоединяться все новые и новые голоса... Куенъ-Лу затрясла лихорадка отъ этого страшнаго

*) Черемша—дикій чеснокъ, любимая приправа кушанья.

концерта. Нижняя челюсть его отвисла и затрепетала. Зубъ не попадалъ на зубъ. Куенъ-Лу хотѣлъ было позвать, разбудить товарищей, но ужасъ сдавилъ ему горло, изъ котораго, вмѣсто призывнаго крика, вылетѣло только какое то хрипѣніе. Онъ положительно оцѣпенѣлъ отъ страха. Вой между тѣмъ становился все явственнѣе и слышнѣе. Было очевидно, что цѣлая стая приближалась къ становищу. Хищники эти были никто иные, какъ возбуждающіе суевѣрный ужасъ, неуязвимые, злые духи тайги—красные волки... Обезумѣвшій отъ страха Куенъ-Лу повалился на траву и судорожно пополз къ Лонхоу, крѣпко спавшему въ шагахъ пяти отъ костра.

— Лонхоу, Лонхоу! хрипло звалъ Куенъ-Лу, тыкая старшину въ бокъ дрожащей рукой.—Эй, Лонхоу!.. Вставай!.. Цай-лангза!

Старшина только мычалъ что то во снѣ, но не просыпался.

— Лонхоу!.. Лонхоу!.. продолжалъ хрипѣть перетрусившій бродяга, слыша позади себя все приближавшійся вой. — Вставай, шайтанъ тебя съѣшь!.. Цай-лангза!.. съ отчаяніемъ прохрипѣлъ Куенъ-Лу и вдругъ съ какимъ то, неожиданно прилившимъ остервенѣніемъ укусилъ Лонхоу въ плечо.

Старшина проснулся отъ боли и въ мгновеніе ока вскочилъ на ноги.

— Что!?. Что такое!? крикнулъ онъ, еще не отдавая себѣ отчета въ томъ, что случилось и какой звѣрь укусилъ ему такъ больно плечо.

— Молчи, молчи!.. Цай-лангза!.. проговорилъ Куенъ-Лу хриплымъ шепотомъ, боясь подняться на ноги и продолжая лежать на сырой травѣ.

Лонхоу вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и чутко насторожилъ свои привычныя уши. Страшный, леденящій кровь концертъ раздавался явственно. Не было никакого сомнѣнія, что въ чащѣ дѣйствительно выли красные волки, возбуждающіе во всѣхъ туземцахъ суевѣрный ужасъ... Лонхоу, отважный, смѣло встрѣчавшійся одинъ на одинъ даже съ тигромъ, затрепеталъ при одномъ звукѣ волчьяго воя...

— Надо разбудить!.. Буди живо!.. прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ, охваченный суевѣрнымъ ужасомъ...

Не прошло и минуты, какъ всѣ были уже на ногахъ и столпились у ярко пылавшаго костра, съ трепетомъ прислушиваясь къ отвратительному вою красныхъ волковъ. Всѣхъ трясла лихорадка. Одинъ только Ли-фу сохранилъ сравнительное спокойствіе и недоумѣвалъ, чего могъ испугаться такой человѣкъ, какимъ онъ привыкъ считать Лонхоу. Ли-фу слышалъ волчій вой и не предполагалъ, чтобы этотъ именно вой могъ произвести на всѣхъ такое подавляющее впечатлѣніе. Ли-фу былъ еще неопытенъ и имѣлъ о легендарныхъ красныхъ волкахъ смутное понятіе...

Всѣ хранили тяжелое молчаніе. Между тѣмъ, вой приближался и разомъ смолкъ. Тихо. Каждый чувствовалъ, что волки пробираются гдѣ то поблизости и смолкли, почуявъ присутствіе людей. Прошло нѣсколько минутъ тревожнаго, напряженнаго ожиданія. Въ заросли слышался осторожный шорохъ, все ближе и ближе... Вдругъ шорохъ смолкъ. Очевидно, волки остановились. Со страхомъ обратили всѣ свои взоры на темную листву подлѣска... Всюду горѣли зловѣщіе, зеленоватые огоньки. Большое пламя костра остановило красныхъ волковъ на рубежѣ лужайки. Они не рѣшались войти въ ярко освѣщенный кругъ и пугливо таились въ темной заросли. Но волки словно сознавали свою неприкосновенность и производимый ими на людей суевѣрный страхъ. Нѣкоторые стали показываться даже на лужайкѣ и, приподнявъ свои острыя морды, усиленно втягивали расширенными ноздрями ночной воздухъ; Ли-фу не стерпѣлъ. Онъ осторожно опустилъ свое ружье на сошки и сталъ наводить его въ голову ближайшаго хищника. Лонхоу замѣтилъ это движеніе Ли-фу и быстро остановилъ его за руку.

— Не стрѣляй!.. Бѣду наживешь!.. прошепталъ онъ съ ужасомъ.—Не трогай—они сами уйдутъ!..

Ли-фу съ недоумѣніемъ приподнялъ свою, уже подведенную къ прикладу ружья голову.

— Дуракъ, совсѣмъ дуракъ! продолжалъ Лонхоу шептать дрожащимъ голосомъ.—Вѣдь это не звѣри, это злые духи... Не убьешь, а только насъ всѣхъ загубишь...

Суевѣрный Ли-фу затрепеталъ отъ словъ старшины. Въ его сердце сталъ закрадываться тоже невольный, неотразимый страхъ. Ему вспомнились былые разсказы отца и матери о злыхъ духахъ тайги, принимающихъ на себя видъ волковъ, красныхъ какъ огонь. Мать разсказывала ему, что волки эти рыскаютъ только по самымъ затаеннымъ трущобамъ тайги, и горе тому, кто попадетъ имъ на глаза и не съумѣетъ умилостивить ихъ достойной жертвой и приношеніемъ. Еще большее горе тому, кто осмѣлится выстрѣлить по красному волку. Красный волкъ разомъ превратится въ многоглаваго дракона, который спалитъ смѣльчака и пожретъ... Жутко стало Ли-фу отъ этихъ воспоминаній. Съ ужасомъ вперилъ онъ расширенные зрачки въ темную листву, съ трепетомъ ожидая, чѣмъ кончится нашествіе злыхъ духовъ тайги. Зловѣщіе, зеленоватые огоньки, между тѣмъ, то исчезали, то загорались вновь. Всѣ продолжали хранить трепетное молчаніе. Сбились въ кучку у самаго костра, такъ что языки пламени едва не лизали ихъ. Словно оцѣпенѣли, боялись пошевельнуться съ мѣста. Только Лонхоу энергично подбрасывалъ въ костеръ охапки хвороста, помня, что злые духи тайги боятся только огня.

Прошло болѣе получасу такого ожиданія. Волки ушли... Протяжный вой слышался гдѣ то вдали, постепенно замирая и замирая... И опять наступила тишина. Всѣ вздохнули съ облегченіемъ, словно съ плечъ свалилась каменная гора. Постепенно вернулось самообладаніе. Заговорили. Прежде шепотомъ, точно боясь быть услышанными злыми духами, затѣмъ посмѣлѣе, и рѣчь полилась оживленная, бойкая. Тэмой разговора были красные волки—эти страшные охранители завѣтныхъ богатствъ тайги. Никто не хотѣлъ спать. Сонъ бѣжалъ отъ глазъ встревоженныхъ, суевѣрныхъ бродягъ. Рѣшили дождаться разсвѣта въ бесѣдѣ.

— Слава Небу!.. Злые духи возвратились въ свои логовища, проговорилъ Лонхоу, набивая свою трубку.—Они видятъ, что мы истинные рабы Сына Неба, и теперь допустятъ насъ воспользоваться нѣсколькими штуками корня... Навѣрное женьшень гдѣ нибудь по близости, добавилъ старшина съ глубокою увѣренностью.

— Ты почему думаешь? спросилъ Куенъ-Лу встрепенувшись.

— Всегда такъ! таинственно и тихо отвѣчалъ старшина. Вотъ сколько уже лѣтъ хожу я за корнемъ, и всегда красные волки приходятъ передъ тѣмъ, какъ я находилъ его... Они и водятся только тамъ, гдѣ этотъ корень растетъ... Имъ такъ повелѣно...

— Кто же повелѣлъ? полюбопытствовалъ Сео-кви.

— Кто!?. Повелѣлъ божественный Фо (Будда)... Ты, видно, не знаешь, какъ Фо даровалъ Манчжуріи три блага міра: жень-жень, соболя и траву ула *), и какъ онъ пожелалъ охранить одно изъ самыхъ драгоцѣннѣйшихъ благъ, корень женьшень, отъ людей, не принадлежащихъ къ подданымъ его Сына?..

— Нѣтъ, не знаю, сознался Сео-кви.

— Да и мы не знаемъ... Не слыхали!.. проговорили остальные.—Разскажи, пожалуйста!..

— Отчего не разсказать -разскажу, согласился Лонхоу.—Времени до восхода солнца много—все равно не спится... Слушайте!..

Придвинулись къ Лонхоу и приготовились внимательно слушать. Это разсказъ о щедрости Неба и о хранителяхъ сокровищъ тайги—красныхъ волкахъ, очень распространенный между китайцами, который мы, разумѣется, передадимъ своими словами...

X.

Три блага Неба: жень-шень, соболь и трава ула-цао.

— Давно, очень давно тому назадъ, разсказывалъ Лонхоу,—когда царствовалъ въ Китаѣ добрый, умный богдыханъ Янъ-ди **), научившій подданныхъ своихъ сѣять хлѣбъ, здѣсь, по рѣкѣ Уссури и на берегу моря, стояли большіе, многолюдные города и сильныя крѣпости... Бывалъ, вѣроятно, кто нибудь изъ васъ въ долинѣ рѣки Сучанъ, такъ тотъ вѣрно видѣлъ развалины этихъ городовъ и крѣпостей, обратился разсказчикъ къ внимательно слушавшимъ товарищамъ.

— На Сучанѣ не удалось побывать, а вотъ года три тому назадъ проходилъ я по долинѣ Сандуху (притокъ Уссури), такъ видѣлъ тамъ развалины большихъ крѣпостей, проговорилъ словоохотливый Сео-кви.

— На рѣкѣ Фудзи (притокъ Сандуху) тоже такихъ развалинъ не мало, добавилъ Куенъ-Лу.—Страсть какія крѣпости большія были: стѣны словно изъ цѣлой горы вытесаны... Рвы передъ стѣнами глубокіе-преглубокіе!..

— Отецъ мой разсказывалъ мнѣ, вмѣшался Ли-фу, — что за озеромъ Ханка, тамъ, гдѣ поселились недавно руссы, есть очень старинный городъ манчжуровъ... Около этого города стоитъ громадная каменная черепаха ***), словно гора цѣлая... Отецъ не знаетъ только, откуда такая махина привезена?..

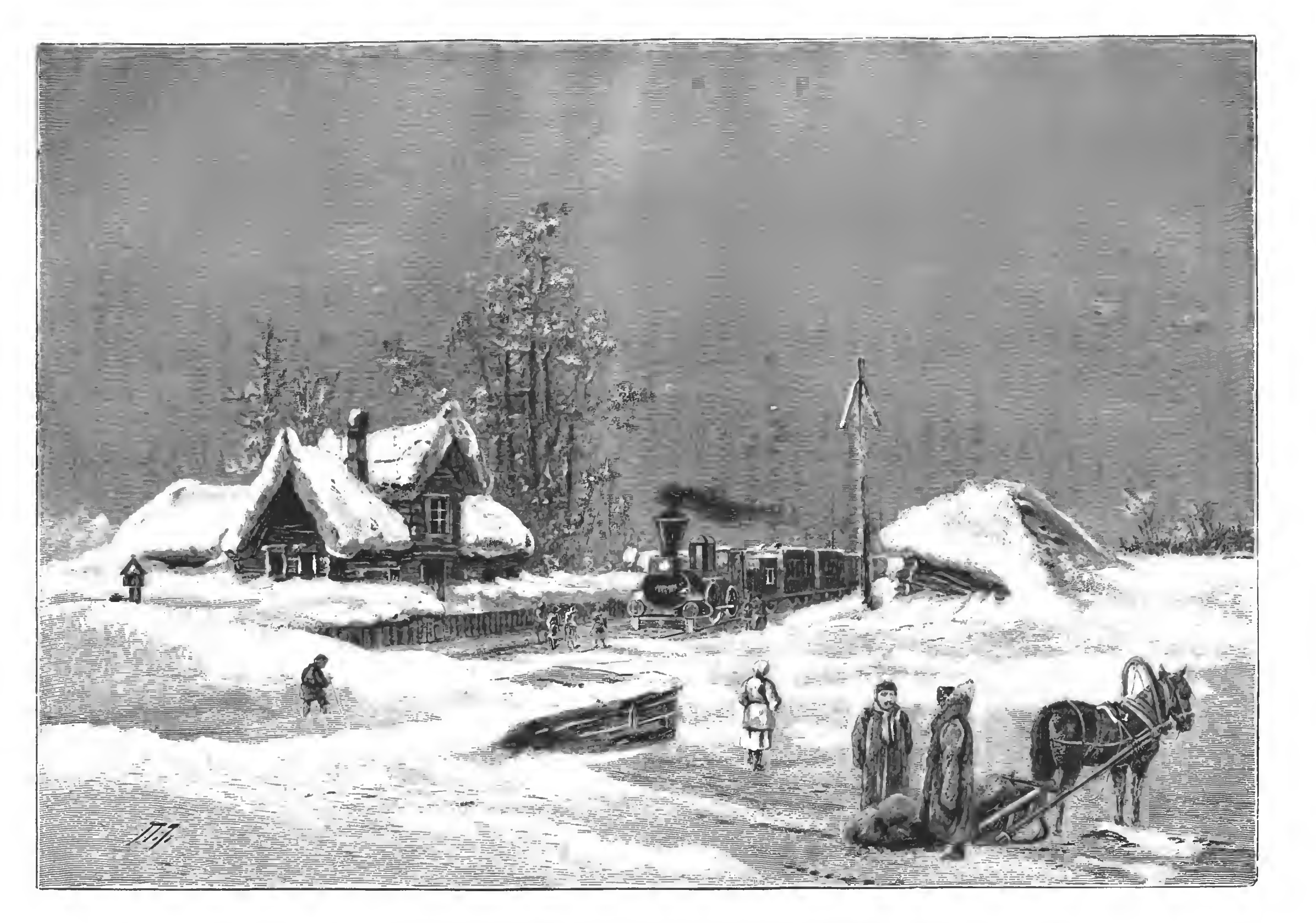
— Эта черепаха съ неба свалилась—такъ старики въ Нингуту мнѣ разсказывали, замѣтилъ Куенъ-Лу таинственно.

— Не съ неба она свалилась, авторитетно перебилъ Лонхоу, а самъ божественный Фо принесъ ее на своихъ плечахъ изъ сердца Китая и поставилъ ее въ странѣ жень-шеня, соболя и травы ула... Принесъ Фо и сказалъ: „пока стоитъ здѣсь эта черепаха, до тѣхъ поръ земля эта будетъ принадлежать Сыну Неба. Только тотъ завладѣетъ страной жень-шеня, дорогаго соболя и ула-цао, кто сможетъ сбросить черепаху въ море...“ Съ

*) Трава ула-цао принадлежитъ къ роду ситовниковъ. Сухую траву эту китайцы накладываютъ зимою, для мягкости и теплоты, въ свои башмаки. Она вполнѣ замѣняетъ теплые носки.

**) Императоръ Янъ-ди царствовалъ за 2700 лѣтъ до Р. Х. Этотъ императоръ—одинъ изъ легендарныхъ героевъ Китая, и при томъ „мирныхъ“, свершившій цѣлый рядъ подвиговъ гражданскихъ и общегосударственныхъ. Янъ-ди научилъ своихъ подданныхъ сѣять хлѣбъ. Имя его упоминается во многихъ китайскихъ легендахъ. Народъ, вслѣдствіе весьма естественнаго уваженія памяти императора-хлѣбопашца, а также вслѣдствіе своего каприза и невѣжества, относитъ многіе послѣдующіе факты изъ китайской исторіи и народной жизни къ эпохѣ императора Янъ-ди.

***) Въ полуверстѣ отъ селенія Никольскаго, расположеннаго между озеромъ Ханка и рѣкою Суйфунъ, дѣйствительно лежитъ, на небольшомъ бугоркѣ, высѣченное изъ красноватаго гранита грубое изображеніе черепахи, имѣющее десять футовъ въ длину, шесть въ ширину и три въ толщину. Рядомъ съ нею валяется каменная плита, сдѣланная изъ мрамора и имѣющая около восьми футъ въ длину. Судя по углубленію въ спинѣ черепахи, плита эта была когда-то вставлена сверху. Черепаха и плита сдѣланы изъ камня, не встрѣчающагося въ ближайшихъ частяхъ Суйфуна. Очевидно, что онѣ привезены издалека.



Остановка на 24 часа. Ориг. рис. П. П. Гнѣдича. грав. М. Рашевскій

Желѣзно-дорожная станція въ Екатеринославлѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

тѣхъ поръ наши богдыханы и владѣютъ этимъ краемъ. Стоитъ черепаха божественнаго Фо тысячу тысячь лѣтъ, стоитъ, и никто не могъ еще сдвинуть ее съ мѣста, а тѣмъ болѣе сбросить въ море... Простоитъ она еще столько-же лѣтъ, такъ какъ не родится другаго богатыря, подобнаго Фо...

— А какъ-же, руссы вонъ пришли, города строятъ?.. рѣшился замѣтить Ли-фу.—Значитъ они краемъ теперь владѣютъ?..

— Дуракъ ты, Ли-фу, дуракъ! презрительно проговорилъ Лопхоу.—Руссы пришли потому, что самъ богдыханъ, по милосердію своему, пустилъ ихъ... Руссы народъ бѣдный, земли своей у нихъ мало—не хватаетъ... Они и обратились къ нашему богдыхану съ мольбой дать имъ немного земли. Сынъ Неба, по благости своей, уступилъ имъ на время клочекъ своей земли и сказалъ: „живите—земли у меня пустой много... Только, смотрите, живите смирно, а то вонъ погоню!..“ Руссы — гости... Краемъ все-таки владѣетъ богдыханъ. Самъ знаешь, что наши власти ежегодно разъѣзжаютъ по краю и подати въ пользу богдыхана собираютъ...

— Правда, прошепталъ убѣжденный Ли-фу.

— А подати руссы платятъ? полюбопытствовалъ Ки-сэ.

— Конечно платятъ!.. Разъ вздумали было не платить, такъ богдыханъ послалъ хунхузовъ (разбойниковъ) сжечь у нихъ нѣсколько городовъ, и они опять покорились, проговорилъ Лопхоу.—Вѣроятно, вы помните это?..

— Я былъ маленькій, когда хунхузы города руссовъ разграбили, а все помню, отвѣтилъ Ли-фу. — Хунхузы мимо нашей фанцзы домой возвращались... Цѣлые табуны лошадей въ Манчжурію гнали, и всѣ лошади были нагружены разными дорогими вещами руссовъ...

— Богдыханъ—сила! съ гордостью замѣтилъ Ссокви. — Противъ него никто упорствовать не можетъ.

— Сила потому, что народовъ подвластныхъ у него много, добавилъ Лопхоу.—Сынъ Неба почти всѣмъ міромъ владѣетъ... Только по добротѣ своей онъ оставилъ по крохотному клочку земли руссамъ, франкамъ и рыжимъ дьяволамъ (англичанамъ).. Захочетъ богдыханъ, и послѣднюю землю отъ нихъ отберетъ!..

— Слава нашему богдыхану, слава! прошептали бродяги, подавленные величіемъ и безконечною добротою своего владыки—Сына Неба.

Прошло нѣсколько минутъ торжественнаго молчанія. Всѣ размышляли о величіи богдыхана и ничтожествѣ другихъ народовъ.

— Что-же, Лопхоу, продолжай, рѣшился напомнить любопытный Ссокви, прерывая торжественное, глубокомысленное размышленіе товарищей.

Лопхоу не торопясь набилъ свою трубку высушенной травой дальда-мо, закурилъ и окинулъ товарищей проницательнымъ взоромъ, словно провѣряя: съ достаточнымъ-ли вниманіемъ будутъ они слушать его сказаніе.

— Слушайте!... Такъ вотъ, очень давно тому назадъ, продолжалъ разсказчикъ,—долины Уссури, Дауби-хэ, Сучана и Суйфуна были очень заселены. Вездѣ были больніе города и сильныя крѣпости. Въ одномъ изъ этихъ городовъ жилъ богатый, благочестивый мужъ. Звали его Ула-Джанъ. Это былъ человѣкъ добрый, ласковый и мудрый. Счастье его жизни заключалось въ томъ, что онъ помогалъ бѣднымъ, ухаживалъ за больными. И сталъ онъ за это угоденъ божественному Фо. Благодаря покровительству Фо, Ула-Джанъ имѣлъ успѣхъ во всѣхъ начинаніяхъ. Онъ богатѣлъ со дня на день, и наконецъ богатства его превысили сокровища даже самого Сына Неба, мудраго владыки Янъ-ди. Ула-Джанъ былъ очень старъ, но, не смотря на свои сто слишкомъ лѣтъ, былъ бодръ и силенъ, какъ сорокалѣтній. Въ томъ-же городѣ жилъ другой богачъ, Дзянгъ-Лунъ, человѣкъ жестокій, злой и высокомѣрный. Онъ мало того, что не помогалъ бѣднымъ, но даже отнималъ у нихъ, при случаѣ, послѣднее, что они имѣли. И сталъ онъ вдругъ Дзянгъ-Лунъ завидовать Ула-Джану. Неисчислимыя богатства послѣдняго отняли его покой, лишили сна и апетита. Цѣлыми днями и ночами все думалъ Дзянгъ-Лунъ, какъ бы завладѣть богатствомъ Ула-Джана и загубить его счастливую жизнь... Думалъ, думалъ и наконецъ додумался до страшнаго преступленія... Изъязвилъ онъ себѣ ноги, одѣлся въ рубища и пошелъ на костыляхъ, словно убогій нищій, въ фанцзу Ула-Джана. Послѣдній, не подозрѣвая умысла, встрѣтилъ Дзянгъ-Луна съ ласкою, одѣлъ его, накормилъ, далъ чудодѣйственнаго лекарства излечить раны на ногахъ и подарилъ еще денегъ. Дзянгъ-Луну только того и нужно было. Пока онъ ѣлъ, пока добрый Ула-Джанъ перевязывалъ его раны, онъ высмотрѣлъ, гдѣ что лежитъ, гдѣ хранитъ его врагъ свои богатства, какъ пробраться ночью въ его фанцзу... Дзянгъ-Лунъ рѣшился убить Ула-Джана и завладѣть всѣми его драгоцѣнностями. Въ первую-же ночь, злодѣй пробрался въ фанцзу Ула-Джана и поразилъ его, спящаго, ножемъ въ самое сердце... Ула-Джанъ только вздохнулъ и умеръ, умеръ спокойно, точно ждалъ смерти. Дзянгъ-Лунъ бросился къ сундукамъ убитаго. Раскрылъ одинъ, глубоко запустилъ въ него окровавленную руку и съ ужасомъ выдернулъ ее обратно: сундукъ полонъ змѣями... Раскрылъ Дзянгъ-Лунъ другой сундукъ и отшатнулся: вмѣсто серебра, сидѣло въ сундукѣ страшное чудовище... Охваченный ужасомъ, убійца бросился изъ фанцзы, какъ вдругъ фанцза озарилась яркимъ свѣтомъ и передъ изумленными взорами Дзянгъ-Луна явился самъ божественный Фо... Испуганный убійца упалъ ницъ и затрепеталъ. „Неблагодарный, жестокій Дзянгъ-Лунъ, загремѣлъ Фо, ты совершилъ страшное преступленіе!.. Ты убилъ того, кто только что оказалъ тебѣ милосердіе, обласкалъ тебя, накормилъ, одѣлъ и излечилъ... Ты, гнусный человѣкъ, хотѣлъ завладѣть его богатствами, но я превратилъ его сокровища въ гадовъ... Дзянгъ-Лунъ, ты заслуживаешь страшной кары!.. Знай, что все богатство Ула-Джана заключалось и заключается въ немъ самомъ... Повелѣваю тебѣ взять трупъ этого святаго и на своихъ плечахъ снести его въ хребетъ Сихотэ-Алинъ. Зарой этотъ драгоцѣнный прахъ въ недоступной для человѣка пади... Я сдѣлаю, что память о добромъ, великодушномъ Ула-Джанѣ не умретъ, пока будетъ стоять міръ; не умретъ и память о твоемъ гнусномъ злодѣйствѣ!.. Какъ только зароешь Ула-Джана, ты распадешься на тысячу кусковъ, и каждый кусокъ твоего тѣла превратится въ волка съ красною шерстью, чтобы каждый видѣлъ на тебѣ кровь убитаго тобою святаго... И будешь ты сторожить сокровища, которыя я создамъ изъ праха Ула-Джана, и будешь сторожить тысячи тысячь лѣтъ!.. Ступай, исполни мою волю!..“ Свѣтъ потухъ, и Фо скрылся... Дзянгъ-Лунъ, понуждаемый невѣдомой силой, взвалилъ на свои плечи трупъ Ула-Джана и побрелъ по указанію божественнаго Фо. Онъ шелъ долго, неустанно и наконецъ достигъ хребта Сихотэ-Алинъ. Тутъ только проявилась благодать божественнаго Фо... Рана на нетлѣнномъ тѣлѣ Ула-Джана внезапно раскрылась и изъ нея, капля за каплей, засочилась благоуханная кровь. Каждая капля этой крови уходила глубоко въ землю, и черезъ минуту въ томъ мѣстѣ выросталъ чудодѣйственный корень жень-шень. Долго бродилъ убійца съ трупомъ на плечѣ по хребту Сихотэ-Алинъ, отыскивая недоступную для человѣка падь, а кровь продолжала все сочиться и превращаться въ жень-шень. Много разъ Дзянгъ-Лунъ отдыхалъ, бережно слагая трупъ на землю, и тотчасъ-же кругомъ и на томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ трупъ, выростала трава ула — второе благо, дарованное божественнымъ Фо для бѣдныхъ людей, въ память благочестиваго Ула-Джана... Дзянгъ-Лунъ наконецъ розыскалъ глухую падь, недоступную для простаго смертнаго, и зарылъ въ ней трупъ Ула-Джана... Какъ только убійца кончилъ свою работу, онъ въ тотъ-же моментъ распался на тысячу кусковъ, превратившихся въ тысячу-же красныхъ волковъ... Падь Ула-Джана превратилась вдругъ въ роскошный садъ съ неистощимымъ запасомъ чудодѣйственнаго жень-шеня... Каждая мышь, каждая крыса, случайно перебѣжавшія черезъ эту чудную падь, превращались въ дорогихъ соболей — третье благо божественнаго Фо... Съ тѣхъ только поръ соболи и появились: раньше не было ихъ... По волѣ Фо, красные волки будутъ жить, пока не изсякнетъ послѣдній корень жень-шень. Ихъ ровно тысяча... Они не умираютъ и не плодятся. Никто изъ людей не смѣетъ покуситься на ихъ жизнь. Каждый, кто выстрѣлитъ въ краснаго волка, дѣлается жертвой этого страшнаго духа тайги. Они пожираютъ каждаго невѣрнаго Сына Неба, осмѣлившагося похитить лучшее благо Неба — корень жень-шень. По волѣ божественнаго Фо, этимъ чудодѣйственнымъ корнемъ могутъ пользоваться только бѣдные сыны нашей земли. Жень-шень исцѣляетъ всякія болѣзни и немощи, какъ нѣкогда исцѣлялъ ихъ благочестивый мужъ Ула-Джанъ...

Лопхоу замолчалъ. Слушатели продолжали хранить торжественное молчаніе.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи **А. Брикнера.**

(Продолженіе).

Вскорѣ по прибытіи во Флоренцію, пословъ повели чрезъ состоящій изъ залъ и галлерей мостъ Арно въ Уффичи. Здѣсь они осматривали казначейство, монетныя мастерскія и оружейную. Они пишутъ, что видѣли магнитъ, поднимавшій 1½ пуда желѣза; особенно понравились русскимъ драгоцѣнные камни, парадная посуда и мозаиковые столы. Далѣе они пишутъ: „Въ верхнихъ покояхъ находятся два большихъ, прекрасной работы шара; на нихъ написаны всѣ государства и всѣ планеты и небесныя божества; шары эти можно поворачивать въ разныя стороны“. Въ то время въ Россіи еще не видѣли глобусовъ.—Далѣе пословъ повели въ арсеналъ, литейную, конюшни, гдѣ лошади показывали разные фокусы: были такія, которыя танцовали, кланялись, становились на колѣни. „Все по командѣ“, пишутъ русскіе съ наивнымъ удивленіемъ дѣтей, попавшихъ въ первый разъ въ циркъ. — Они подробно описываютъ чучело крокодила, висѣвшее надъ дверью въ одной изъ комнатъ. Чудное расположеніе сада Боболи произвело на нихъ глубокое впечатлѣніе. Въ Россіи до временъ Петра Великаго ничего не было подобнаго.

Роскошь, удобство и комфортъ были мало извѣстны русскимъ.

Во Флоренціи все говорило о значительныхъ матеріальныхъ средствахъ. Не будучи въ состояніи оцѣнить по достоинству произведенія искусства,—хотя они говорятъ о „каменныхъ людяхъ и животныхъ“,—они сознавали, что культура эта выше русской. О чудныхъ церквахъ Флоренціи, Чемодановъ не упоминаетъ въ своемъ дневникѣ, хотя въ то время постройка знаменитой „Capella dei principi“ подвинулась уже далеко и туристы съ удовольствіемъ ее осматривали. Русскіе повидимому не посѣтили собора и не всходили на колокольню.

Тосканское правительство было очень любезно къ русскимъ дипломатамъ. Маркизу Корсини было поручено развлекать ихъ во время пребыванія во Флоренціи; въ ливорнскомъ гарнизонѣ нашелся сержантъ знавшій по русски (?), который служилъ переводчикомъ. Спустя три дня послѣ пріѣзда, при дворѣ данъ былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ великій герцогъ съ супругою, принцъ Леопольдъ и различные сановники. Всѣ замѣтили, что послы почти ничего не ѣли. Переводчикъ объяснилъ, что это знакъ глубокаго уваженія къ высокому хозяину. И когда великій герцогъ предложилъ Чемоданову кушать, тотъ всталъ, снялъ шапку и скушалъ немного. Фердинандъ приказалъ тогда снести кушанья въ комнаты пословъ, гдѣ они уже пообѣдали основательно.

Разсказываютъ о постоянныхъ заботахъ Чемоданова объ этикетѣ. Каждую минуту онъ боялся нарушенія этикета и постоянно спрашивалъ какъ принимались послы другихъ державъ. Когда Посниковъ велѣлъ нанять карету, чтобы съѣздить принять ванну, Чемодановъ разсердился на него, говоря, что неосторожными поступками можно уронить достоинство пословъ.

Одинъ поэтъ написалъ въ честь Чемоданова сонетъ, не упомянувъ вовсе о Посниковѣ. Посниковъ такъ этимъ оскорбился, что началъ ссору съ Чемодановымъ. Маркизъ Корсини старался успокоить дипломатовъ и сказалъ, что въ честь втораго посла будетъ также написанъ сонетъ. Дѣйствительно, такъ и случилось, но это снова подало поводъ къ неудовольствію, такъ какъ второй сонетъ былъ написанъ на болѣе красивой бумагѣ. Но вообще Чемодановъ велъ себя осторожно, пристойно и съ достоинствомъ, такъ что предшествовавшая о немъ и свитѣ его молва, очевидно была преувеличена.

Во Флоренціи русскихъ пословъ навѣстилъ венеціанскій резидентъ, выразившій имъ удовольствіе по поводу предстоящей ихъ поѣздки въ Венецію; онъ сообщилъ имъ, что ведетъ уже переговоры съ церковной областью для устраненія задержекъ на ихъ пути, такъ какъ карантинныя мѣры тамъ очень строги. Сынъ великаго герцога, Козимо, также посѣтилъ пословъ, при чемъ они очень удивились, что онъ, сѣвъ самъ, пригласилъ ихъ также садиться. Козимо спрашивалъ ихъ о пройденномъ ими пути моремъ и о томъ получали ли они газеты и письма изъ Россіи, на что послы отвѣчали отрицательно. Въ то время въ Россіи не было еще газетъ, а введеніе почтоваго сообщенія между Москвою и западомъ относится къ позднѣйшему времени. Когда затѣмъ великій герцогъ на аудіенціи спросилъ пословъ находится ли государь ихъ въ Москвѣ, они отвѣчали, что во время отъѣзда ихъ царь собирался на войну и имъ неизвѣстно гдѣ онъ теперь.

Великій герцогъ при свиданіи выразилъ свое удовольствіе видѣть пословъ, говоря, что онъ удостоился милости царя, что доказываетъ прибытіе ихъ во Флоренцію. Приведеніе этихъ словъ Фердинанда, которыхъ тотъ не могъ сказать, очевидно — лишь подтверждаетъ желаніе пословъ представить въ наилучшемъ свѣтѣ своему правительству успѣхъ ихъ поѣздки заграницу. Авторъ прекраснаго сочиненія о политическихъ отношеніяхъ Россіи, Котошихинъ, занимавшій въ Москвѣ должность въ отдѣленіи иностранныхъ дѣлъ, пишетъ: „Въ докладахъ пословъ переговоры изображаются не всегда такъ, какъ они велись въ дѣйствительности, а такъ, какъ это послу кажется болѣе выгоднымъ, чтобы заслужить благорасположеніе царя, такъ какъ авторы докладовъ увѣрены въ томъ, что царь ни въ какомъ случаѣ не можетъ навести справки“.

Во время разговора съ великимъ герцогомъ и сыномъ его, который также упоминалъ о „милости“ царя Алексѣя, рѣчь коснулась военной силы русскихъ. Чемодановъ говорилъ о необыкновенной массѣ солдатъ, бывшихъ въ распоряженіи царя; онъ называлъ различныя части войскъ, стрѣльцовъ, казаковъ и пр., хвалилъ быстроту ихъ коней и остроту мечей и сказалъ, что противъ нихъ не устоитъ ни одно войско. Приводя не безъ самодовольства свое описаніе, послы прибавляютъ: „А сынъ великаго герцога сказалъ: дѣйствительно мы слышали, что ни одно войско не устояло еще противъ войскъ царя,—онъ всюду побѣждаетъ“. Нельзя и думать, чтобы Козимо говорилъ что нибудь подобное.

О переговорахъ собственно дѣловыхъ съ флорентинскимъ правительствомъ не могло быть и рѣчи во время пребыванія пословъ въ столицѣ Фердинанда. Русскіе дипломаты не имѣли для такихъ переговоровъ никакихъ инструкцій, а безъ нихъ ничего нельзя было предпринять, такъ какъ представители Московскаго государства должны были всегда дѣйствовать лишь по прямымъ предписаніямъ и не могли ничего сдѣлать самостоятельно. Попытку великой герцогини купить у нихъ собольи мѣха, они отклонили, подаривъ ей и сыну Фердинанду шкурки. Великій герцогъ желалъ завязать торговыя сношенія съ Россіей и высказалъ это посламъ. Чемодановъ и Посниковъ ограничились обѣщаніемъ доложить своему государю о желаніи великаго герцога.

Послы остались довольны пріемомъ, а также подарками великаго герцога. Имъ подарили четыре куска дорогой золотой парчи, два мушкета и два другихъ ружья, чѣмъ они были особенно довольны: имъ очень понравилась охота на маленькихъ птичекъ въ саду Боболи; далѣе нѣсколько коробокъ съ благовоніями и лекарствами изъ лабораторіи великаго герцога и нѣсколько хрустальныхъ кружекъ. Ихъ же подарки состояли изъ связокъ собольихъ шкурокъ. Великій герцогъ получилъ 40, супруга его 10 и одну богатую чернобурую лисицу; маркизъ Корсини—4 штуки соболей и еще одно лицо 2 штуки. Въ упомянутомъ документѣ во Флорентинскомъ архивѣ значится: „Болѣе никто ничего не получилъ. Послы говорили, что на дорогу взяли всего только 1400 цехиновъ“.

Изъ Флоренціи писали, что русскіе послы въ разговорѣ съ резидентомъ венеціанской республики старались склонить его уплатить расходы по путешествію ихъ во Флоренцію.

Власти флорентинской республики имѣли не мало хлопотъ съ своими гостями. Въ актахъ подробно значатся имена путешественниковъ, при чемъ не всегда легко было записывать трудно произносимыя имена русскихъ. Нужно было также запомнить подробно полный царскій титулъ. Русскіе считали очень важнымъ словесно и на письмѣ не пропускать ни одного изъ наименованій длиннаго титула.

Въ день отъѣзда пословъ, 1-го января стараго стиля (11-го января н. с.), великій герцогъ провожалъ ихъ до воротъ дворца; принцъ Леопольдъ сопровождалъ ихъ со свитою въ 64 экипажахъ, а маркизъ Корсини ѣхалъ съ ними до Тресіано.

На пути отъ Флоренціи чрезъ Апеннины русскіе испытали много новыхъ впечатлѣній. Проѣзжая чрезъ Болонью они были поражены каменными домами и шлюзами. О Феррарѣ также поставлена замѣтка въ дневникѣ; опредѣлена величина города и ширина рвовъ его окружавшихъ. По пути въ Венецію русскіе дипломаты узнали, что дожъ Моленъ, правившій Венеціей съ 1645 по 1655 г., къ которому именно они были посланы царемъ, уже давно умеръ, что послѣ того было три дожа, и изъ нихъ послѣдній, Вальеро, находится теперь во главѣ правленія.

На границѣ венеціанской области послы, по порученію мѣстнаго правительства, были встрѣчены Альбертомъ Вимина, бывшимъ незадолго передъ тѣмъ въ Россіи. Узнавъ о прибытіи русскаго посольства въ Ливорно, подняли вопросъ о церемоніалѣ пріема необычныхъ гостей. Правительство республики полагало, что при положеніи въ то время восточнаго вопроса ближайшія сношенія съ московскимъ государствомъ могутъ быть выгодны. Рѣшено было отнестись къ русскимъ посламъ съ особымъ вниманіемъ.

Въ Венеціи русскіе послы оставались съ 11 января до 1 марта стараго стиля, т. е. около семи недѣль. Царица морей произвела на пословъ глубокое впечатлѣніе. Уже при въѣздѣ они удивлялись множеству гондолъ, устройство которыхъ и описано ими въ дневникѣ. „Въ Венеціи, говорятъ они далѣе, по всѣмъ улицамъ вода, и суда останавливаются у дверей“. Прекрасные, отведенные имъ покои описываются также подробно. Изъ достопримѣчательностей города посламъ болѣе всего понравились мощи и разныя святыни, которыя они видѣли во дворцѣ дожей и въ церквахъ. Послы обратили вниманіе на отсутствіе въ Венеціи городской стѣны и укрѣпленій, восхищались мостомъ Ріальто. Въ дневникѣ упоминается также и о другихъ мостахъ и о стеклянной фабрикѣ Мурано. Впрочемъ послы многаго не видѣли въ Венеціи, такъ какъ были стѣснены этикетомъ; большую часть времени они проводили въ своихъ покояхъ. Сюда имъ подавали обѣдъ; ежедневно за столомъ они провозглашали тосты за здоровье царя и царевича, а также дожа Венеціи Вальеро.

На второй день послѣ прибытія русскихъ въ Венецію къ нимъ явилась депутація отъ жившихъ здѣсь грековъ. Въ то время греки начали надѣяться на освобожденіе ихъ Россіей. Греческіе монахи нерѣдко появлялись въ Москвѣ. Константинополь все еще считался духовной метрополіею Россіи. Всякій разъ при появленіи въ послѣдующія десятилѣтія русскихъ пословъ въ Венеціи, у нихъ завязывались сношенія съ греческими эмигрантами. У русскихъ и грековъ были общіе политическіе и духовные интересы.

Греки, явившіеся къ дипломатамъ, выразили свою радость по поводу того, что удостоились видѣть пословъ „великаго царя“, своихъ единовѣрцевъ.

Они пригласили русскихъ присутствовать при богослуженіи. Русскіе посѣтили греческую церковь чрезъ двѣ недѣли. Они были отвезены греческой депутаціей въ прекрасныхъ гондолахъ. Служба была торжественная, и въ проповѣди, о царѣ Алексѣѣ говорилось какъ о покровителѣ восточной церкви, защитникѣ и утѣшеніи христіанъ, побѣдителѣ невѣрныхъ. Проповѣдникъ выразилъ надежду, что царь побѣдитъ всѣхъ враговъ Христовыхъ и, какъ второй Константинъ, освободитъ грековъ отъ рабства. Въ тотъ же день къ посламъ явилось нѣсколько греческихъ священниковъ и купцовъ и разговаривали о восточныхъ дѣлахъ. Греки старались русскихъ задобрить. Пословъ навѣстилъ и греческій митрополитъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Пѣвецъ.

(Рис. на стр. 60 и 61).

Прелестная картина Конти переноситъ насъ въ Италію временъ возрожденія, въ роскошный дворецъ Медичисовъ. Какое то полное кипѣніе жизни, изящество, процвѣтаніе искусствъ—жизнь тогда словно била черезъ край. Это изящество, этотъ чудный разцвѣтъ искусствъ видны во всемъ, печать ихъ лежитъ на великолѣпной обстановкѣ, на красивыхъ пышныхъ одеждахъ придворныхъ дамъ, изображенныхъ на картинѣ. Сцена полна оживленія и яркости. Молодой красавецъ-щеголь, пѣвецъ-художникъ, мастеръ пѣть и играть, и очевидно весьма нравящійся обществу молодыхъ дамъ, его слушающихъ, распѣваетъ, насмѣшливо прищуривъ свои большіе красивые глаза, какую нибудь, вѣроятно веселую, комическую пѣсенку. Каждая изъ прелестныхъ дамъ маленькаго общества по своему выражаетъ свое удовольствіе и восхищеніе мастерствомъ и остроуміемъ красиваго пѣвца. Кипитъ и искрится эта шумная, веселая, легкая нравами, но изящная и богатая жизнь. Подъ гербомъ Медичисовъ на каминѣ поставленъ годъ A. D. MDCLVII, т. е. 1657 г. по Р. Х. Мы печатаемъ теперь любопытную статью о пребываніи нашихъ пословъ этого времени въ Италіи, статью, которую могутъ читатели видѣть и въ предъидущихъ номерахъ. И въ разгарѣ такой то жизни изъ нашего далекаго отечества, съ его, тогда столь замкнутою семейною и строгою жизнью, очутились наши бояре. Понятно, какъ они должны были казаться странны и дики среди такого роскошнаго, изящнаго карнавала, и какъ имъ все должно было казаться распущеннымъ и оскорбляющимъ ихъ понятія. Все это очень любопытно и ярко выражено въ упомянутой статьѣ.

Серебряный лѣсъ.

(Рис. на стр. 65).

Будто окутанные бѣлымъ мѣхомъ стоятъ могучіе „вѣковики", въ богатое, осыпанное алмазами серебряное кружево нарядилась молодая, попизовая поросль,—и недвижно застыла каждая вѣточка, скованная льдистою корою. Глубокіе, невылазные сугробы снѣга сплошь завалили поляны и скаты лѣсныхъ овраговъ, груды проросшаго мхомъ бурелома, размытыя осеннею водою, корневыя ямы... Полный мѣсяцъ высоко поднялся надъ лѣсомъ, льетъ сверху потоки яснаго свѣта, и голубыя, легкія тѣни по снѣгу стелятся причудливо. Торжественная тишина кругомъ, полная чарующей таинственности.

Замело денными мятелями всѣ тропы, всѣ лазы звѣриные, замело давно и узенькій слѣдокъ санный, что тонкою змѣйкою вился по прогалинамъ, вплоть до избенки промысловой, и избенка эта давнымъ давно брошена человѣкомъ, насквозь крещенскими морозами проморожена; горою навалило на крышу снѣгу, на трубу нахлобучило праздно торчащую бѣлую шапку, замело, сравняло изгороди, затянуло инеемъ оконца, заколоченныя наглухо досками... Чу!... легкій трескъ слышится межь кустами... Быстрая тѣнь мелькнула и скрылась... Снова трескъ, снова тѣнь... злые зеленоватые огоньки межь стволами загорѣлись въ морозной мглѣ...

Вереницей, насторожив чуткія уши, пробирается волчья стая... возрились бродяги въ жилье брошенное, вражій духъ почуяли, полукругомъ, облавою, передъ окнами усаживаются, переглядываются межь собою... Вотъ одинъ, матерой, поднялъ кверху острое рыло, защурилъ глаза—застонала по лѣсу, далеко понеслась его унылая пѣсня. Вотъ другой зубами прищелкнулъ, лапу поднялъ, подтянулъ въ ладъ запѣвалѣ... вотъ присталъ и третій: стали подтягивать и прочіе... воютъ-новоютъ, да и стихнутъ, отдохнутъ и снова за свою музыку принимаются... И въ такую минуту затишья, ни откуда не слышно отзыва на эти волчьи жалобы. Молчитъ серебряный лѣсъ, холодный мѣсяцъ брыжжетъ лучами драгоцѣнныхъ камней, легкими голубыми тѣнями расписываетъ снѣжные сугробы...

Остановка на 24 часа.

(Рис. на стр. 68).

Одно изъ обычныхъ явленій въ средней и южной полосѣ Россіи—снѣговыя мятели, задерживающія поѣздъ по суткамъ и болѣе на промежуточныхъ станціяхъ. Комизмъ такой задержки, даже и для празднаго путешественника, обращается въ трагическій эпизодъ, при отсутствіи буфета и какихъ бы то ни было съѣстныхъ припасовъ на жалкомъ степномъ полустанкѣ. Мы уже не говоримъ о тѣхъ, кто спѣшитъ по торговымъ, или семейнымъ дѣламъ, на курьерскомъ поѣздѣ, и вдругъ принужденъ терять драгоцѣнное время въ безцѣльной остановкѣ, конца которой иногда нельзя съ точностью предвидѣть, такъ какъ расчистка пути зависитъ отъ массы условій, и ужъ никакъ не отъ воли и желанія пассажировъ. Всякій, кто бывалъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, ясно ихъ припомнитъ при взглядѣ на прилагаемый рисунокъ. Такіе снѣжные заносы и остановки не рѣдкость и на степныхъ американскихъ желѣзныхъ дорогахъ.

К. А. Варламовъ.

К. А. Варламовъ. Артистъ Импер. СПБ. театровъ. По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Константинъ Александровичъ Варламовъ — артистъ русской драматической труппы, принадлежитъ къ числу любимцевъ публики, выходъ которыхъ на сцену всегда сопровождается аплодисментами. Не смотря на то, что К. А. занимаетъ амплуа комическихъ стариковъ уже въ теченіи десяти лѣтъ на петербургской казенной сценѣ—онъ сравнительно еще молодой человѣкъ: ему всего 34 года. Онъ родился въ 1850 году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти его отца — извѣстнаго композитора, автора многочисленныхъ романсовъ, имѣвшихъ нѣкогда огромный успѣхъ. Смерть его была трагическая,—онъ умеръ ударомъ за карточнымъ столомъ. Такая катастрофа не могла не отозваться на здоровьи матери Константина Александровича,—и поэтому родившійся ребенокъ былъ настолько хилъ и нервенъ, что на дальнѣйшее его существованіе никто не разсчитывалъ: съ нимъ дѣлались припадки при внезапномъ свѣтѣ, стукѣ и пр. Такъ тянулось дѣло до семи лѣтъ, когда мальчикъ заболѣлъ натуральною оспой, отозвавшейся на мозгъ и остановившей всякое ученіе и занятія на нѣсколько лѣтъ. Тяжелыя семейныя обстоятельства, полное отсутствіе средствъ, послѣ роскошной обстановки при жизни покойнаго Варламова, еще болѣе осложнялись болѣзнью юноши. Но сценическій талантъ, таившійся въ немъ, сказался на двухъ-трехъ любительскихъ спектакляхъ, игранныхъ на Черной рѣчкѣ, и мальчикъ на семнадцатомъ году рѣшительно почувствовалъ призваніе къ сценѣ.

Первой ареной его дѣятельности былъ Кронштадтскій театръ, управляемый въ то время А. М. Читау. Завязавъ кой-какія театральныя отношенія, К. А. началъ играть въ труппахъ Гаппапорта и Вильде, за ничтожное вознагражденіе, а порою и совсѣмъ безплатно, получая иногда, въ видѣ награды, по сорока рублей за сезонъ. Первые шаги его были неудачны: ему, по молодости лѣтъ, конечно давали роли jeune premier, въ которыхъ онъ былъ очень плохъ. Наконецъ, когда однажды въ Вильнѣ ему удалось сыграть комическую роль, онъ попалъ на свое настоящее амплуа и получилъ извѣстность.

1875 годъ застаетъ его въ Нижнемъ-Новгородѣ, получающимъ уже около шести тысячъ жалованья. Случайный пріѣздъ въ Пе-

Литературный альбомъ. „Антонъ Горемыка". Повѣсть Д. В. Григоровича. Ориг. рис. А. Земнова, грав. Ю. Барановскій.

тербургъ, случайная сыгранная роль въ клубѣ—сдѣлали то, что онъ нарушилъ контрактъ и, заплативъ въ Нижегородскому антрепренеру неустойку въ нѣсколько тысячъ, поступилъ на казенную сцену. Признавая въ немъ только комика-буффъ, начальство запрягло его почти исключительно на водевиль, и только смерть Виноградова, отъ котораго перешла къ нему большая часть ролей, выдвинула его на первый планъ. За послѣднее десятилѣтіе К. А. сыгралъ огромное количество ролей въ пьесахъ всевозможныхъ авторовъ. Онъ освободился за это время отъ тѣхъ рѣзкостей и подчеркиваньи, съ которыми 24-хъ-лѣтній молодой человѣкъ, упоенный своими успѣхами, явился съ провинціальныхъ сценъ на столичную. Развиваясь и совершенствуясь съ каждымъ годомъ, онъ, не смотря не бездну новыхъ ролей въ каждомъ сезонѣ, возвышался порою до чрезвычайно тонкаго созданія типовъ. Перечислить всѣ сыгранныя имъ роли не было бы никакой возможности. Скажемъ только, что Варламовъ превосходенъ не только въ жанровомъ, но и въ классическомъ репертуарѣ комедій: стоитъ вспомнить роли: Клюквы („Много шуму"—Шекспира), Горича („Горе отъ ума"), Землянники и Осипа („Ревизоръ"), Сганареля („Донъ-Жуанъ"), Большинцова („Мѣсяцъ въ деревнѣ") и пр.

8-го мая настоящаго года будетъ ровно 10 лѣтъ его службы на Александровскомъ театрѣ, и вѣроятно объ этомъ вспомнятъ почитатели его таланта.

Станція ж. д. въ Екатеринославлѣ.

(Рис. на стр. 69).

На нашемъ рисункѣ изображено красивое зданіе Екатеринославскаго вокзала Екатерининской ж. д. Открытіе дороги состоялось 18 мая прошлаго года. Главное назначеніе этой дороги — соединить восточную и западную части Екатеринославской губ., приблизивъ къ ней восточную часть Донецкаго бассейна. Харьково-Николаевская и Юго-Зап. ж. д. сближаютъ Екатеринославль и съ Царствомъ-Польскимъ. Все это обѣщаетъ многое въ будущемъ. Министръ путей сообщенія, прибывъ за два дня до открытія, осмотрѣлъ западную и восточную части дороги, желѣзнодорожныя сооруженія и дѣйствительно прекрасныя мастерскія, бывшія въ полномъ ходу. Пятница 18 мая была днемъ открытія дороги. Вокзалъ съ вечера украсился флагами и гирляндами зелени. Совершено было молебствіе преосвященнымъ въ сослуженіи всего городскаго духовенства, въ присутствіи властей и массы народа, какъ изображено на нашемъ рисункѣ. По провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и строителямъ дороги, на вышкѣ вокзала взвился флагъ, поднятый самимъ министромъ. Торжество имѣло весьма внушительный характеръ.

Лит. альб. „Антонъ Горемыка", Григоровича.

(Рис. на стр. 73).

Несомнѣнно, главнымъ образомъ извѣстность имени нашего писателя Д. В. Григоровича дали его повѣсти изъ народной жизни, которыя раньше еще повѣстей изъ того же быта Тургенева, уже имѣли и распространенность, и значеніе. Изъ этихъ же повѣстей „Антонъ Горемыка" и до сихъ поръ пользуется заслуженною и обширною славою. Даже и теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, прошедшихъ съ перваго ея появленія, послѣ уже большой обработки другими крестьянскаго быта, повѣсть читается съ живымъ и неослабѣвающимъ интересомъ и поражаетъ вѣрностью и мѣткостью сценъ и описаній. Сцены относятся къ минувшему времени крѣпостнаго права. „Антонъ Горемыка"— простая и полная глубокаго трагизма повѣсть жизни злополучнаго и неудачливаго крестьянина, на котораго, по роковому стеченію обстоятельствъ, какъ на Макаровъ, по пословицѣ, всѣ шишки валятся. Онъ не всегда былъ бѣденъ и приниженъ. Но все вдругъ пошло на несчастье. Недородъ, да коровы пали, то да другое, да управляющій на него взъѣлся и требуетъ подушныя, и чтобы заплатить ихъ, Антонъ ѣдетъ въ городъ продавать на копной ярмаркѣ послѣднее свое достояніе—свою лошадку. Но и ту у него крадутъ на базарѣ. Въ горѣ и въ ужасѣ, холодною осеннею ночью бѣжитъ бѣднякъ зря, расспрашивая объ лошади кого попало, и розыскивая ее, попадаетъ въ свое же село ночью и встрѣчается съ знакомой старухой-нищей, которой до того у себя не разъ давалъ пріютъ. Въ безуміи отчаянія вспомнивъ, что про старуху ходятъ слухи, будто у нея скоплены деньги, онъ требуетъ, чтобы она ему помогла. Эта ночная сцена и изображена нашимъ художникомъ.

— Помоги, коли хочешь спасти душу христіанскую отъ грѣха! Дай денегъ!

— Христосъ съ тобой! Какія у меня деньги!

— У тебя есть—всѣ сказываютъ.

— Что съ тобой дѣлать, завопила старуха — вишь ты какой страшный... аль руку на себя поднять хочешь—деньги у меня въ березничкѣ зарыты...

И она ведетъ Антона въ лѣсъ. Вмѣсто помощи, она заводитъ его въ воровской притонъ, гдѣ его ловятъ вмѣстѣ со старухой и ворами, ея сообщниками, и такъ какъ одинъ изъ воровъ братъ Антона, давно было пропавшій безъ вѣсти, то Антонъ не хочетъ на него донести и потому самъ попадаетъ въ тюрьму и ссылку. Вообще, повѣсть производитъ самое тяжкое, гнетущее впечатлѣніе, которое искупается лишь художественностью изложенія.

Ночныя ласточки или козодои.

(Рис. на стр. 76).

Ночныя птицы, боящіяся дневнаго свѣта и проводящія всю жизнь въ самой непроглядной глубинѣ лѣса, вообще пользуются въ народныхъ воззрѣніяхъ на природу дурной славой. Народъ ихъ считаетъ пособниками злыхъ духовъ и относится къ нимъ съ боязнью и отвращеніемъ. Та же участь ласточки и ночныхъ ласточекъ или козодоевъ. Крестьяне смотрятъ на этихъ безвредныхъ животныхъ неблагопріятно и совершенно увѣрены, что ихъ широкій ротъ служитъ имъ не для чего другаго, какъ для доенія козъ.

Въ сущности всѣ козодои приносятъ человѣку только пользу громаднымъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ и никогда не причиняютъ вреда, заслуживая вслѣдствіе этого полной защиты и покровительства, тѣмъ болѣе что днемъ это самыя жалкія птицы. Въ это время онѣ спятъ большею частью на землѣ, совершенно закрывъ глаза, такъ что лишь тонкій слухъ извѣщаетъ его о приближающейся опасности. При этомъ онъ смотритъ, подобно совамъ, черезъ полуоткрытыя вѣки, стараясь уяснить себѣ опасность, и затѣмъ тотчасъ же улетаетъ, или же еще плотнѣе прижимается къ землѣ или къ суку, полагаясь на сходство своихъ перьевъ съ землею, или съ корою дерева. Если случается, что онъ порхаетъ днемъ, то какъ то вяло и невѣрно, напоминая собою какой то легкій предметъ, уносимый вѣтромъ, который того и гляди упадетъ на землю. Напротивъ того, ночью у козодоя совершенно другой полетъ: тогда онъ летитъ на охоту быстрымъ, скользящимъ полетомъ надъ рѣдко-лѣсистыми мѣстностями или надъ равнинами, то плавая по воздуху, то быстро бросаясь въ сторону скорыми ударами крыльевъ, чтобы догнать и проглотить ночную бабочку или жука. Такая охота продолжается всю ночь, если только она не слишкомъ темная и бурная. По своему уму ночныя ласточки стоятъ несомнѣнно ниже дневныхъ ласточекъ. При ихъ малой понятливости, замѣчательно ихъ смѣлое и глупое любопытство. Ночью всякое необычное явленіе привлекаетъ ихъ вниманіе. Такъ, въ пустынныхъ лѣсахъ козодой сопровождаетъ почти постоянно запоздавшаго путника и, кружась вокругъ него, сопровождаетъ его часто цѣлую четверть часа. Воспитываніе въ неволѣ выпутыхъ изъ гнѣздъ козодоевъ представляетъ большія трудности и возможно лишь при томъ условіи, если ихъ кормить только ночными бабочками и жуками и держа въ теплѣ, удалять отъ солнечнаго свѣта. Особенно страшное впечатлѣніе производятъ американскіе козодои, пугающіе своими страшными ночными криками. Звуки эти дѣйствительно мрачны и страшны и, будучи похожи на стоны и вопли, производятъ угнетающее впечатлѣніе и считаются у индійцевъ какъ-бы предвѣстіемъ вѣрной смерти.

Мервскій житель.

(Рис. на стр. 77).

Въ апрѣлѣ прошедшаго года состоявшееся присоединеніе къ Россіи Мервскаго оазиса видоизмѣняетъ наше современное положеніе въ Средней Азіи. Выше Петро-Александровска мы не имѣли по Аму-Дарьѣ надежной пристани на верхнемъ протяженіи громадной Средне-Азіатской рѣки, текущей, по выходѣ изъ отроговъ Гималая, по пустыннымъ равнинамъ бухарскихъ, туркменскихъ и хивинскихъ степей, по которымъ лишь изрѣдка проходили караваны да рыскалъ за добычею неукротимый мервецъ. Это полуразбойничье, воинственное племя теперь подчинилось вполнѣ власти Россіи. Лица мервцевъ имѣютъ суровое и непривѣтливое выраженіе. Одежда ихъ—обычная одежда средне-азіатскихъ кочевниковъ, въ коей они, на своихъ горячихъ степныхъ коняхъ, пробѣгаютъ необъятныя пустыни. Типъ такого мервца, изъ новыхъ подданныхъ Россіи, и изобразилъ нашъ художникъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Франція.—Египетъ.—Италія.

Недавно въ засѣданіи германскаго имперскаго парламента происходили очень оживленныя пренія — при обсужденіи кредита въ 150,000 марокъ, затребованнаго правительствомъ на расходы по изслѣдованію центральной Африки. Предсѣдатель центра Виндгорстъ при этомъ заявилъ, что онъ сочувствуетъ колоніальной политикѣ князя Бисмарка, но въ тоже время считаетъ непремѣнно предусмотрительную бережливость въ государственных расходахъ непремѣннымъ условіемъ благотворной финансовой политики, особенно въ такое время, когда непомѣрныя тягот

налоговъ удручаютъ низшіе классы населенія. На этомъ основаніи Виндгорстъ выразилъ желаніе, чтобы правительство обстоятельно разъяснило парламенту цѣли своихъ колоніальныхъ предпріятій. Князь Бисмаркъ возразилъ на это, что онъ не можетъ указать на всѣ тѣ пункты, которые, по его разсчетамъ, должны сдѣлаться впослѣдствіи нѣмецкими колоніями, такъ какъ другія націи, не могущія благопріятно относиться къ успѣхамъ нѣмецкаго колонизаціоннаго движенія, не упустили-бы случая опередить Германію на этомъ пути. Что же касается до стремленія германской имперіи къ расширенію своихъ колоніальныхъ владѣній, то, по словамъ канцлера, оно встрѣтило во всѣхъ классахъ населенія столь сочувственный отголосокъ, что всѣ данныя должны клониться теперь къ тому, чтобы побудить парламентъ высказаться въ пользу асигнованія требуемаго правительствомъ расхода. „Если, сказалъ въ заключеніе канцлеръ,—рейхсратъ не пожелаетъ содѣйствовать успѣху предпріятій, направленныхъ къ открытію новыхъ путей для нашихъ торговыхъ сношеній съ африканскими народами, то колоніальное движеніе должно будетъ остановиться, такъ какъ оно можетъ имѣть успѣхъ лишь при содѣйствіи единодушнаго и вполнѣ національнаго порыва.“

Конференція по западно-африканскимъ дѣламъ приняла въ своемъ засѣданіи 7-го января проектъ деклараціи относительно торговли неграми, составленный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Такъ какъ въ силу принциповъ международнаго права, признанныхъ ниже подписавшимися державами, торгъ невольниками воспрещенъ, и всякія операціи какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, имѣющія цѣлью содѣйствовать торговлѣ рабами, должны считаться противузаконными, то государства, пользующіяся властью или вліяніемъ въ предѣлахъ территорій, составляющихъ въ совокупности бассейнъ рѣки Конго, симъ заявляютъ, что означенныя территоріи не могутъ быть обращены въ мѣстности пригодныя для учрежденія на нихъ невольничьихъ рынковъ или для провоза по нимъ предназначенныхъ для продажи рабовъ какой бы то ни было расы. Каждая изъ договаривающихся державъ симъ обязуется принять мѣры для прекращенія этой торговли разумными существами, и для наказанія тѣхъ, которые занимаются столь постыднымъ промысломъ“.

По сообщенію изъ Парижа, новый французскій военный министръ рѣшился укомплектовать дѣйствующія въ Тонкинѣ войска волонтерами, взятыми изъ числа нижнихъ чиновъ, прослужившихъ въ строю не менѣе года; пробѣлы же, которые явятся вслѣдствіе этого въ рядахъ арміи, восполнить молодыми людьми, зачисленными прямо въ запасъ. Проектируемыя генераломъ Левалемъ мѣры, если только онѣ дѣйствительно состоятся, послужатъ подтвержденіемъ сказанной имъ недавно въ палатѣ депутатовъ рѣчи, въ которой новый французскій военный министръ проявилъ себя сторонникомъ рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій не только въ Тонкинѣ, но и вообще противъ Китая. „Французская армія, сказалъ онъ при этомъ, не можетъ же вѣчно пребывать „въ созерцаніи восточной границы“ и охранять выходъ изъ вогезскихъ проходовъ; это значило бы просто гипнотизировать армію“. Опасеній, что Германія можетъ воспользоваться случаемъ для нападенія на Францію, онъ, повидимому, не раздѣляетъ и въ то же время даетъ понять, что мысли о реваншѣ слѣдуетъ оставить пока въ сторонѣ. По свѣдѣніямъ изъ Каира, генералъ Гордонъ извѣстилъ штабъ генерала Вольселея, что онъ и его войска по прежнему бодрствуютъ въ ожиданіи скорой помощи и что правильное продовольствіе Хартума совершается безъ всякихъ препятствій. Въ другой корреспонденціи изъ Каира, нынѣшнее положеніе Египта выставляется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Анархія и разбойничество свирѣпствуютъ по всей долинѣ Нила, какъ будто эта злосчастная страна вовсе не находится подъ защитою и охраною цивилизованнаго правительства.

Изъ Рима сообщаютъ, что итальянское правительство поручило начальнику отправляющейся въ Ассабъ военной экспедиціи, полковнику Салетта, принять мѣры къ обезпеченію безопасности новой итальянской колоніи на восточномъ побережьи Африки и изслѣдовать земли, прилегающія къ ассабской бухтѣ. Это распоряженіе совершенно противурѣчитъ конвенціи, заключенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Англіей и Италіей, по которой, какъ отправка военной экспедиціи въ Ассабъ, равно и постройка на этомъ пунктѣ какихъ бы то ни было укрѣпленій, были признаны несовмѣстными съ требованіями британскихъ интересовъ. Въ итальянскихъ политическихъ кружкахъ прямо усматриваютъ въ предстоящемъ отплытіи экспедиціи доказательство, что помянутая конвенція подверглась въ настоящее время существеннымъ измѣненіямъ съ согласія обѣихъ сторонъ.

Смѣсь.

Несгораемое вещество. Къ замѣчательнѣйшимъ несгораемымъ минераламъ принадлежитъ давно извѣстный асбестъ, не имѣвшій до сихъ поръ никакого практическаго употребленія вслѣдствіе своей дороговизны. Недавно открыты большія залежи его въ Канадѣ возлѣ квебекской центральной желѣзной дороги; залежи эти такъ громадны, что можно разсчитывать, что своеобразный этотъ матеріалъ найдетъ значительное примѣненіе. Слово асбестъ, взятое съ греческаго, означаетъ несгораемый, неисчезающій, что опредѣляетъ главныя свойства асбеста. Предполагаютъ, что асбестъ происходитъ отъ разложенія другихъ каменныхъ породъ, но до сихъ поръ еще не объяснено какія особыя силы природы и химическіе процессы способствуютъ его образованію. Полагаютъ, что онъ происходитъ отъ бленды, серпентина и слюды, между слоями которыхъ онъ находится. Необдѣланный асбестъ состоитъ изъ многочисленныхъ волосообразныхъ кристалловъ, которые соединяются между собою въ видѣ мягкой ткани или образуютъ болѣе твердую массу съ прямыми или искривленными волокнами, такъ что по своему строенію онъ имѣетъ нѣсколько названій. Самымъ лучшимъ и самымъ пригоднымъ считается такъ называемый горный ленъ, который преимущественно попадается въ Сѣверной Америкѣ. По мѣсту нахожденія асбестъ называется еще бальтиморитъ, бостонитъ или канадскія волокна. Цвѣтъ его бываетъ оливково-зеленый, желтовато-зеленый, зеленовато-бѣлый и серебристо-бѣлый. Асбестъ, найденный въ Сѣверной Америкѣ, имѣетъ видъ зеленовато-бѣлыхъ, твердыхъ камней съ налившей на нихъ волокнистой массой, тонкой и блестящей какъ шелкъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи камней оказывается, что вся масса состоитъ изъ безчисленныхъ, плотно прилегающихъ другъ къ другу нитей, легко отдѣляющихся и образующихъ сырой асбестовый шелкъ, нити котораго такъ тонки, что кажутся снятыми съ кокона, и безъ всякой другой примѣси могутъ быть прямо употреблены для приготовленія нитокъ, шнурковъ и тканей. Благодаря тому, что асбестъ не подверженъ дѣйствію огня, греки и римляне употребляли его на одежды мертвецовъ съ цѣлью сохранить отдѣльно отъ древеснаго пепла пепелъ труповъ. У императора Карла V была асбестовая скатерть, которую онъ для забавы гостей бросалъ послѣ обѣда въ каминъ и такимъ образомъ чистилъ ее. Въ настоящее время изъ асбеста приготовляютъ несгораемые документы, завѣщанія, векселя и пр.; такая бумага имѣетъ еще то преимущество, что можетъ быть нѣсколько разъ написана и снова вычищена. Далѣе дѣлаютъ декораціи, обои, чехлы, занавѣси, матеріи для обивки мебели и канаты и веревки для кораблей. Точно также асбестовый картонъ употребляется для обивки деревянныхъ стѣнъ и крышъ и въ пороховыхъ магазинахъ и на корабляхъ. Какъ дурной проводникъ тепла, асбестъ примѣняется при электрическомъ освѣщеніи и въ лабораторіяхъ, для обшивки паровыхъ трубъ, внутренней обивки хлѣбныхъ печей (съ цѣлью задержанія тепла). Носятъ асбестовыя перчатки, въ Пиренеяхъ — шляпы и шапки, а на Комо — средней толщины кружева. Въ жаркихъ странахъ, подъ крыши кладутъ слой асбеста или картонъ изъ него для защиты домовъ отъ жары. Такъ какъ на асбестъ не дѣйствуютъ кислоты, то онъ употребляется для ихъ фильтрированія и для закрыванія бутылокъ съ кислотами До настоящаго времени меньше всего пользовались его капилярностью (способностью всасывать жидкости), хотя послѣдняя была извѣстна уже въ древности; Гомеръ упоминаетъ о золотой лампѣ Минервы, фитиль которой былъ сдѣланъ изъ каристійскаго льна (асбеста). Недавно Гедике получилъ патентъ на новомодную лампу Минервы съ асбестовымъ фитилемъ, имѣющую то преимущество, что во время горѣнія она безъ всякой опасности можетъ быть наполнена, наклонена и даже опрокинута.

Періодическія кометы нашей солнечной системы распредѣляются по времени своего кругообращенія, слѣдующимъ образомъ: 1) кометы Энке, проходящія свой путь въ $3^3/_4$ года; 2) группа состоящая изъ 8 кометъ, проходящихъ свой путь въ теченіи 5—8 лѣтъ; къ нимъ принадлежатъ между прочимъ двѣ новыя кометы, первая открытая 16 іюля 1884 года Барнаромъ въ Тенесси и 17 сентября того же года Вольфомъ въ Гейдельбергѣ; каждая изъ нихъ совершаетъ путь вокругъ солнца въ теченіи 6—7 лѣтъ; 3) кометы Тутле, путь которыхъ длится отъ 13 до 14 лѣтъ, и 4) кометы употребляющія 70 лѣтъ на обходъ вокругъ солнца. Двѣ изъ послѣднихъ, открытыя Галлейемъ и Понсъ-Брукомъ, вполнѣ извѣстны; третья, открытая Ольберсомъ въ 1815 году, вернется къ солнцу въ 1886 или 1887 г. Кометы еще съ большимъ временемъ кругообращенія представляютъ мало практической важности. И тѣ немногія перечисленныя выше кометы требуютъ массу времени для вычисленій, особенно капризная комета Энке, которая посѣтитъ насъ снова чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и будетъ предметомъ новыхъ изслѣдованій.

Какъ работаютъ американцы? На вопросъ этотъ отвѣтилъ французъ по имени Лурделе, изъ сообщенія котораго заимствуемъ нѣкоторыя данныя. Въ Европѣ и особенно во Франціи даже торговый обмѣнъ писемъ изобилуетъ ненужными длиннотами и затягивается переговорами. Иначе дѣйствуетъ янки. Утромъ онъ распечатываетъ свои письма въ присутствіи стенографа, которому тутъ же диктуетъ отвѣтъ. Даже небольшіе торговцы сознали, что этимъ путемъ они сберегаютъ много времени, т. е. денегъ. Стенографъ, отпущенный своимъ хозяиномъ, переписываетъ письмо, но не путемъ обыкновеннымъ, а помощью машины. Между тѣмъ хозяинъ садится къ своему письменному столу и разговариваетъ со служащими или управляющимъ по телефону, который устроенъ тутъ же, у стола, а не въ другомъ мѣстѣ комнаты, чѣмъ избѣгается ненужная ходьба къ аппарату и отъ него. Г. Лурделе посѣтилъ въ Нью-Іоркѣ чинов-

ника по выдачѣ патентовъ. Чиновникъ, не вставая съ мѣста, разговаривалъ не только со всѣмъ Нью-Iоркомъ по телефону, но при помощи телеграфнаго общества, которому передавалъ депеши по телефону,—со всѣмъ свѣтомъ. Желая подать телеграмму, мы должны отправляться на станцію или же посылать туда человѣка, за которымъ

Козодой на охотѣ. Ориг. рис. Н. Н. Карѣевскаго, грав. Ангереръ.

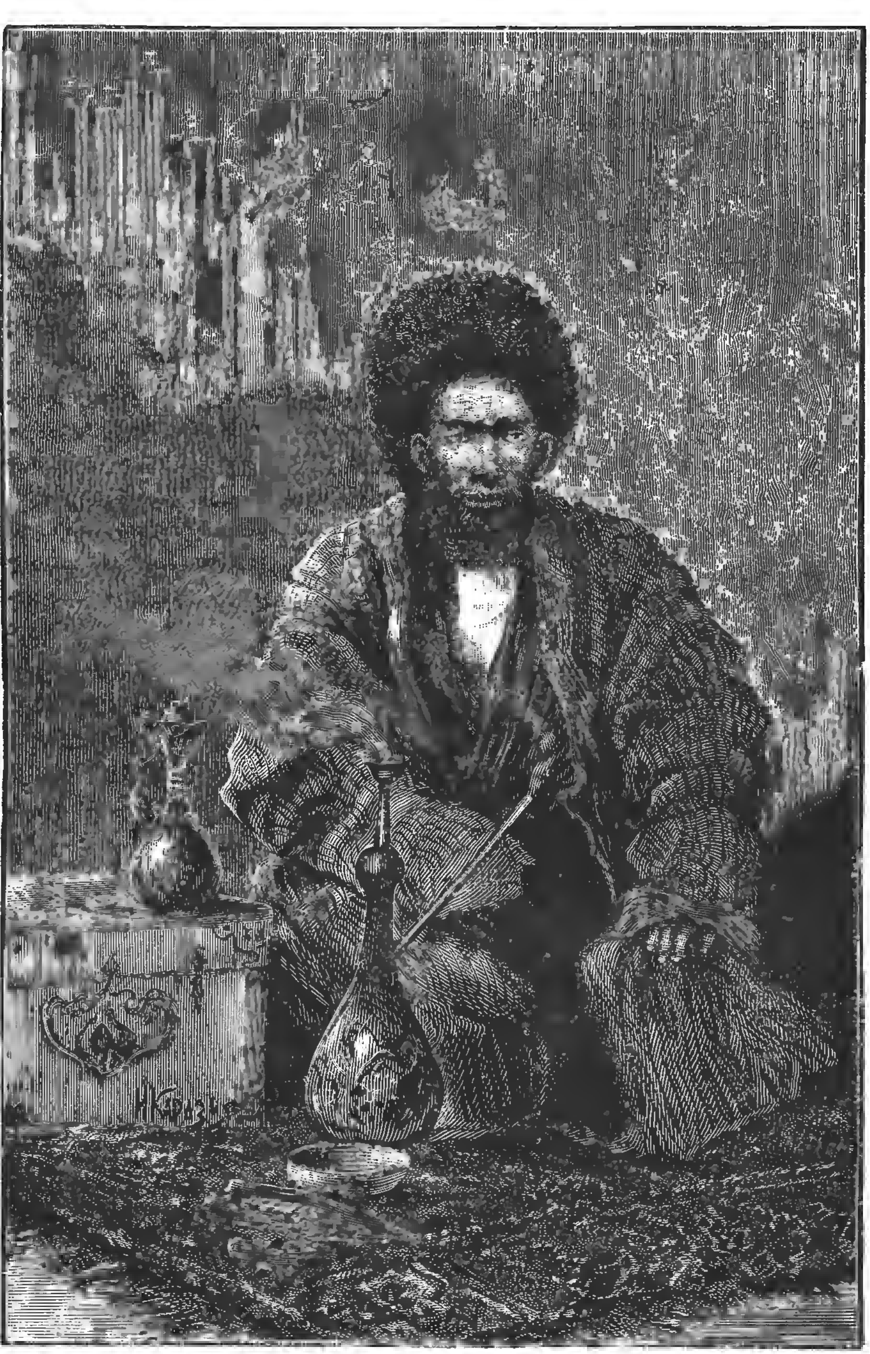
опять таки приходится идти на уголъ улицы, гдѣ его можетъ и не оказаться. Въ Нью-Iоркѣ купецъ прямо телеграфируетъ въ ближайшую контору разсыльныхъ, и спустя нѣсколько минутъ къ нему является мальчикъ, который за 70 коп. въ часъ исполняетъ его порученія.

Телефонъ нигдѣ не распространенъ въ Европѣ до такой степени какъ въ Цюрихѣ. Тамъ всѣ классы общества до сапожниковъ, портныхъ, пекарей, мясниковъ, мелочныхъ торговцевъ, извощиковъ и пр. сознали его необходимость. Всѣ доктора безъ исключенія пользуются телефонами и также всѣ зажиточные дома. Въ каждомъ такомъ скромномъ торговомъ домѣ находятся станціи, о чемъ узнается по вывѣскѣ. Сюда можетъ заходить каждый и за небольшую плату пользоваться телефономъ. Если больной живетъ далеко отъ доктора, то послѣдній призываетъ родныхъ его къ ближайшей станціи и по-

даетъ совѣты. Станціи принимаютъ также порученія къ живущимъ вблизи больнымъ, въ томъ случаѣ, если переговоры съ докторомъ почему либо не могли состояться.

Новое предпріятіе. Подъ руководствомъ живущаго въ Берлинѣ американца составилось товарищество, пріобрѣвшее патентъ отъ Бирдфиль-Голли къ Нью-Іоркѣ и задавшееся цѣлью доставлять по дешевой цѣнѣ паръ на фабрики и въ дома. Подобное общество дѣйствуетъ уже нѣсколько лѣтъ съ большимъ успѣхомъ во многихъ городахъ Америки. Тамъ каждый фабрикантъ, или владѣлецъ дома съ паровымъ отопленіемъ можетъ потребовать изъ центральной станціи нужное количество пара, который доставляется по трубамъ. Новое берлинское общество беретъ образцомъ Нью-Іоркскую паровую компанію, которая работаетъ также по патенту Голли. Предполагаютъ построить пяти-этажный домъ съ 90 котлами, по 250 лошадиныхъ силъ на котелъ. Общая производительная сила этой станціи (въ будущемъ предполагаютъ устроить ихъ нѣсколько) будетъ равняться 16000 лошадиныхъ силъ, требующихъ ежедневно отъ 600 до 700 тоннъ угля. Тяга будетъ устроена при помощи двухъ выносныхъ трубъ по 217 футовъ вышины. Отъ центральной станціи трубы будутъ расходиться по всему городу на протяженіи 40 нѣмецкихъ миль. — Въ Нью-Іоркѣ находится десять центральныхъ станцій, снабжающихъ ежедневно паромъ отъ 400 до 500 потребителей, которые расходуютъ 4000 лошадиныхъ силъ. Первая закладка проводовъ въ Берлинѣ будетъ сдѣлана вблизи улицы Коперника въ части города Луизенштадтъ, гдѣ расположено множество маленькихъ фабрикъ. Капиталъ для предпріятія уже обезпеченъ, ожидаютъ только полученія концессіи, послѣ чего немедленно будетъ приступлено къ постройкѣ.

Кокосовая пальма. Въ тропической Америкѣ гавань св. Андрея, въ Караибскомъ морѣ, считается главнымъ мѣстомъ торговли кокосовыми орѣхами, которые доставляются сюда съ сѣвера и со многихъ вестиндскихъ острововъ. По островъ св. Андрея считается центромъ этого производства и весь занятъ воздѣлываніемъ кокосовой пальмы. Орѣхи составляютъ единственное достояніе островитянъ. Листва кокосовой пальмы необыкновенно красива; она напоминаетъ гигантскіе папоротники съ темнозелеными, заостренными, сильно блестящими листьями, помѣщенными на высокомъ стволѣ. Молодое растеніе похоже на нѣжный папоротникъ; выростая оно превращается въ колоссальный папоротникъ. Тогда нѣкоторые листья дѣлаются желтыми, коричневыми, красноватыми и отпадаютъ; между уцѣлѣвшими листьями и землею остается голый стволъ. Дерево не приноситъ плодовъ ранѣе достиженія 20 футовъ вышины, что бываетъ не ранѣе 7—10 лѣтъ. Первый сборъ орѣховъ происходитъ между 15 и 20 годами; пальма въ полномъ развитіи даетъ ежегодно 80, 100 и болѣе орѣховъ. Кокосовый орѣхъ прививается съ необыкновенною скоростію. Орѣхъ гонится теченіемъ къ тропическому берегу; дождь разлагаетъ волокнистую оболочку его; вѣтеръ закапываетъ его въ песокъ, а на слѣдующій годъ появляется пальма на тощей почвѣ. Деревья эти защищаютъ берегъ отъ разрушенія моря; корни ихъ, разростаясь, сплетаются въ такую крѣпкую сѣть, которая не поддается дѣйствію волнъ. Совершенно другой видъ, чѣмъ въ окнахъ магазиновъ, имѣетъ орѣхъ, выходящій изъ рукъ природы. Онъ бываетъ покрытъ въ три дюйма толщины оболочкой, волокнистой съ внутренней стороны, и гладкой, свѣтлозеленой кожей. Наружная оболочка снимается или деревяннымъ ножомъ или раскалывается о мечь, воткнутый въ колоду и затѣмъ изъ нея вынимается орѣхъ. Изъ волоконъ оболочки приготовляются маты и веревки; они не подвержены внѣшнему вліянію и судохозяева тропическихъ странъ преимущественно употребляютъ снасти изъ кокосовыхъ волоконъ. Кокосовый орѣхъ имѣетъ много примѣненій; какъ предметъ питанія онъ имѣетъ самое незначительное значеніе. Зерно орѣха, размягченное въ водѣ, даетъ подъ прессомъ много масла, очень пріятнаго на вкусъ въ свѣжемъ состояніи, но которое очень скоро горкнетъ отъ дѣйствія воздуха. Масло получается также при вываркѣ и тогда похоже на стеаринъ, который идетъ для приготовленія свѣчей и мыла; такое мыло даетъ пѣну въ соленой водѣ. Смѣшанное со смолою масло даетъ превосходный матеріалъ для конопаченія кораблей. Масло въ значителномъ количествѣ употребляется на кухнѣ туземцевъ, а по праздникамъ оно замѣняетъ для нихъ наши духи. Масса, изъ которой выжимается масло, хотя и вкусна, но очень трудно переваривается, благодаря тому, что очень жирна. Неспѣлый, зеленый кокосовый орѣхъ содержитъ только молочную жидкость, которая постепенно преобразовывается въ ядро; если орѣхъ переспѣетъ на деревѣ, то въ немъ остается только водянистое молоко, скоро окисляющееся, почему орѣхъ теряетъ свою цѣнность. Изъ листьевъ кокосовой пальмы въ тропическихъ странахъ дѣлаютъ крыши. Кромѣ того изъ нихъ дѣлаютъ маты, коробки, корзины и пр. Волокна, смоченныя и выставленныя на солнце до тѣхъ поръ пока не покраснѣютъ, употребляются затѣмъ на грубую ткань. Само дерево очень твердо и идетъ на орнаментальныя работы. Волокнистая сердцевина старыхъ деревьевъ идетъ также на снасти. Наружная орѣховая скорлупа даетъ прекрасное топливо. Ни одна часть дорогаго дерева не пропадаетъ безъ пользы.



Новыя владѣнія Россіи въ Средней Азіи. Житель Мервскаго оазиса.
Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

Жертвами хищныхъ звѣрей, по статистическимъ правительственнымъ даннымъ, въ 1883 году сдѣлалось въ Индіи 22905 человѣкъ, на 710 человѣкъ больше противъ 1882 года. Изъ этихъ смертныхъ случаевъ 20067 произошло отъ укушеній змѣй, 985 человѣкъ сдѣлались жертвами тигровъ, 287—волковъ и 217—леопардовъ. Изъ рогатаго скота пропало 47478 штукъ, т. е. на 771 штуку болѣе чѣмъ въ 1882 г. Замѣчательно, что большинство смертныхъ случаевъ людей приходится на укушеніе змѣй, въ то время какъ такимъ образомъ погибло только 1644 головы скота. Почти три четверти смертныхъ случаевъ приходится на Бенгалію и на сѣверозападныя провинціи. Въ теченіи года было убито 19980 хищныхъ звѣрей, за что выдано вознагражденія болѣе 15000 фунтовъ стерлинговъ (1 ф. ст.=10 р.).

Снисходительная полиція. Какъ мягко относились къ пьянымъ въ средніе вѣка, извѣстно изъ параграфа городскихъ постановленій Бергена въ Норвегіи, изданныхъ въ 1276 году. Тамъ сказано: „Если стража встрѣтитъ пьяныхъ мущинъ или женщинъ сбившихся съ дороги, то ихъ слѣдуетъ вывести на настоящій путь. Если пьяный помнитъ свой домъ, слѣдуетъ отвести его туда, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть отведенъ къ ближайшему хозяину, гдѣ и оставленъ до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ куда ему нужно идти. Каждый указавшій ложную дорогу пьяному, платитъ марку серебромъ штрафа (около 12 рублей)."

Докторъ Ленденфельдъ, занимавшійся изслѣдованіемъ губокъ на Австралійскомъ берегу, открылъ нервную систему у этого низшаго класса животныхъ. Открытіе это важно потому, что до настоящаго времени сомнѣвались въ животной природѣ губокъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

СѢМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ

ИВ. ИВ. СИМА.

14. Караванная 14.

Прейсъ-курантъ на 1885 годъ высылается безплатно. № 3794 3—3

СВѢЖІЯ СѢМЕНА

огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и прочія предлагаетъ

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ

А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Больш. Конюшенная, д. № 1.

Подробный прейсъ-курантъ разсылается по требованію. № 3820 3—1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія: какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора **Пинесъ и К°.**

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.

Съ пересылкой 2 кор. **1 р. 20 к., 4** кор. **2** р., **6** кор. **2** р. **50** к.

Главный складъ для Россіи **Л. Власовъ** СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.

„Мозолинъ“ только провизора **И. Пинесъ и К°.** № 3831 10—1

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполнетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

(для иногороднихъ по **50** коп.; страховая квитанція высылается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ

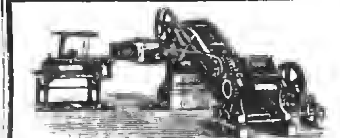
I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3805

Гг. иногородные при покупкѣ выигрыш. бил. съ разсрочкой платежей уплачиваютъ въ задатокъ 20 руб.



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,

ручныя, конныя и паровыя;

машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ

Людвигъ Ѳеодоровичъ Шликизенъ,

инженеръ. Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.

Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.

№ 3769 10—5

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

ХИМИЧЕСКАЯ С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Туалетная вода цвѣточная

(О ДЕ КОЛОНЪ ЦВѢТОЧНЫЙ)

РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ

САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ № 32. Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.

№ 3825

ВОЛНА **ГОДЪ II.**

БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Роскошное еженедѣльное изданіе при участіи извѣстныхъ русскихъ художниковъ и литераторовъ.

Историческіе и бытовые романы съ рисунками, множество повѣстей и разсказовъ, стихотворенія, поэмы, анекдоты, каламбуры, справочный листокъ, корреспонденціи, фельетонъ, разнообразный отдѣлъ смѣси, **четыре сезон. парижскихъ модъ съ картинами и альбомъ цвѣтныхъ узоровъ 20 листовъ**

Въ каждомъ номерѣ отъ 20 до 30 стр. убористаго текста и художественныхъ картинъ, исполненныхъ красками, въ форматѣ большихъ иллюстрацій на **веленевой бумагѣ**, картины историческаго содержанія, бытовыя сцены изъ русской жизни и рисунки на злобы дня, 300 оригинальныхъ рисунковъ, въ краскахъ.

Годовая премія **большая богато отпечатанная масляными красками на холстѣ картина профессора А. К. Саврасова**

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ“.

Двѣнадцать большихъ оригинальныхъ художественныхъ картинъ, въ краскахъ (русскіе историческіе и бытовые сюжеты); подписавшимся до 1-го января, высылается безплатно обрывной календарь цѣною въ 1 рубль.

Подписная цѣна: на 1 м.—1 р., на 6 м.—5 р., на годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. **Подписка принимается во всѣхъ библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи**

Гг. иногородные высылаютъ на имя редакціи: уголъ Леонтьевскаго и Никитской, д. Корфъ. Редакція „Волна“. П. № 3826 2—1

ВЫКРОЙКИ ДЕМОРЕСТЪ

ОСЕНЬ и ЗИМА 1884-1885 г.

отъ 15 копѣекъ до 80 коп.

Журналъ Деморестъ изъ Парижа въ 600 модныхъ гравюръ, съ пересылкою 1 р. 10 к.

И. ВАКОНЬ.

Гороховая д. № 9, кв. № 8, въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. №3817 2—1

ИЗД. А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

НАВОЖДЕНІЕ.

Романъ ВС. СОЛОВЬЕВА.

Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Лѣсной Журналъ 1885 г.

(15-й годъ изданія).

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ЛѢСНАГО ОБЩЕСТВА.

Ред. проф. Лѣснаго Института Шафрановъ (С.-Петербургъ, Лѣсной Институтъ). Подписка по **четыре** руб. въ годъ, съ пересылкой и доставкой, принимается въ редакціи и книжныхъ магазинахъ. № 3823 1—1

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ **только** наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18—3

Симъ честь имѣю извѣстить Васъ, что я предоставилъ господину

Августу НАУМАНУ

въ С.-Петербургѣ, Казанская улица, № 42, сбытъ произведеній моей

БИЧЕВОЙ ФАБРИКИ

и всепокорнѣйше прошу обращаться къ нему со всѣми запросами и заказами.

С.-Петербургъ, Январь, 1885 г.

Г. Г. ХЕЛЕМСКІЙ.

На основаніи выше приведеннаго объявленія, честь имѣю сообщить, что при моемъ складѣ писчей бумаги, по

КАЗАНСКОЙ УЛИЦѢ, Д. № 42,

противъ Новаго переулка,

будетъ имѣться постоянный запасъ всѣхъ употребительныхъ сортовъ

СѢРЫХЪ И ЦВѢТНЫХЪ ВЯЗОКЪ

какъ для оптовой, такъ и для розничной продажи.

Образцы и прейсъ-куранты можно получать безвозмездно. Р. № 3824 2—1

АВГУСТЪ НАУМАНЪ.

Казанская ул., № 42, прот. Новаго переулка.

ARGOSY

BRACES.

Совершенно эластичны, не содержащія въ себѣ резины и не препятствующія никакому движенію человѣческаго тѣла. Единственныя подтяжки, которыми невозможно оторвать пуговицъ. № 3700

Фабрикантъ имѣетъ русскій патентъ за № 6308-мъ, и предупреждаетъ каждаго, что при нарушеніи его, имъ тотчасъ будутъ приняты мѣры къ сохраненію своихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фабрикантъ немедленно будутъ привлечены къ отвѣтственности, какъ нарушители даннаго ему патента.

Самыя лучшія подтяжки свѣта.

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ВО ВСѢХЪ ГАЛАНТЕРЕЙНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕДИНСТВЕННАЯ АГЕНТУРА ДЛЯ ОПТОВОЙ ПРОДАЖИ

Argosi braces y Zollvereins-Niederlage 38 Wilhelm Strasse ВЪ ГАМБУРГѢ.

1885. Третій годъ изданія. 1885.

СПЕЦІАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЖУРНАЛА:

„ВѢСТНИКЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ГАЗЕТЫ

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ“.

„Вѣстникъ“ выходитъ въ свѣтъ 6 разъ въ годъ, т. е. однажды въ 2 мѣсяца, книгами отъ 6 до 8 печ. лист.; **„Художественныя Новости“** — 24 раза въ годъ, т. е. 1 и 15 числъ кажд. мѣсяца, въ объемѣ ½—1½ печ. листовъ. **Къ „Вѣстнику“**, независимо отъ политипажей въ текстѣ, прилагаются гравюры на мѣди и стали, фотогравюры, фототипіи и пр. Такихъ эстамповъ полагается въ годъ не менѣе 25-ти.

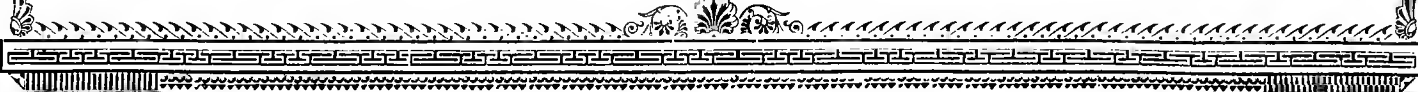
Программа обоихъ изданій и составъ сотрудниковъ остаются тѣже самые, что и въ 1884 г. № 3648 10—9

Подписная цѣна на **„Вѣстникъ“**, вмѣстѣ съ **„Художественными Новостями“**,— безъ доставки 10 руб. въ годъ, съ дост. въ СПБ. и съ пересылк. внутри Имперіи 12 руб., съ перес. заграницу 15 рублей.

Въ видѣ безплатной **преміи** подписчики получатъ въ концѣ года **Альбомъ снимковъ больш. формата съ рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.**

Подписка принимается въ Редакціи (Вас. Остр., здан. Академіи художествъ, отъ 10 ч. утра до 4 ч. попол.), и у всѣхъ извѣстн. книгопродавцевъ столицы. Гг. иногородные благоволятъ обращаться для подписки преимущественно въ Редакцію.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.: для подписч. „НИВЫ“ 1885 г. 75 к., съ перес. 1 р.



ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

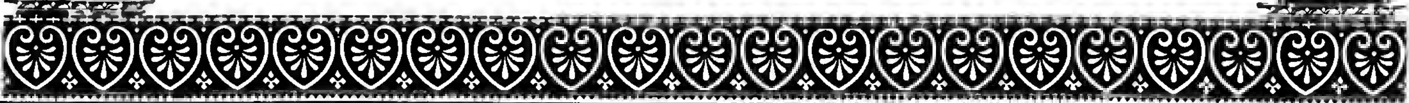
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ЗА ПОЛНОЕ ИЗДАНІЕ:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „НИВЫ“ на 1885 г., подписавшихся на Исторію Искусствъ до 31-го Января 1885 г., дѣлается слѣдующая уступка:

брошюр. за 5 р., съ перес. 6 р.; въ каленк. перепл. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“ Большая Морская, № 9.



ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ В. БЕССЕЛЯ и К°.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Репертуаръ фортепіанныхъ піесъ Профессора **К. Лютша**, принятый въ С.-Петербургской Консерваторіи, 150 нумеровъ, распредѣленныхъ по степенямъ трудности, цѣною отъ 25 коп. до 1 руб. каждый.

Даммъ, Г. Лучшая фортепіанная школа (съ русскимъ текстомъ). Цѣна 2 р. 50 к.

Лабертъ и Штаркъ. Вторая часть извѣстной фортепіанной школы. Цѣна 4 руб.

Гусслеръ, Л. Учебникъ гармоніи (переводъ Бернгардта). Цѣна 1 руб. 50 коп.

Спасская, А. Элементарная теорія музыки съ задачами. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Саккетти, Л. Очеркъ исторіи музыки. Ц. 3 р.

За пересылку прилагается особо. Требованія гг. иногородныхъ исполняются немедленно. № 3827

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, **Невскій пр., № 8**, подъ лит. В. Р. № 3328

АРТЮРЪ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ БѢЛЬЯ.

С.-Петербургъ, Невскій 23.

Полное приданое отъ 350 руб. до 10,000 руб.

Приданое Руб. 350.

19 рубашекъ, 12 кофтъ, 12 панталонъ, 18 п. чулокъ, 30 платковъ, 12 простынь, 12 наволочекъ, 6 скатертей, 36 салфетокъ, 36 полотенецъ, 4 юбки, 6 воротниковъ и 6 п. манжетъ; все бѣлье стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на 875 Руб.

Разница въ достоинствѣ, качествѣ и количествѣ, всего 33 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на Руб. 2225.

Разница въ достоинствѣ, качествѣ и количествѣ, всего 63 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою. 5—4

Заказы могутъ быть приготовленными отъ 3 до 6-ти недѣль. № 3778

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1884 ГОДА,

заключающій въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“**, большой романъ графа **Е. А. Саліаса — „Въ старой Москвѣ“**, разсказъ **Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“** и изъ воспоминаній того-же автора — **„И. С. Тургеневъ у себя“**, повѣсть **Д. В. Григоровича — „Недолгое счастіе“**, разсказы **Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщики“** и **„Привольная жизнь“**, разсказъ **П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“**, разсказы **А. Я. Максимова — „Жертва злому духу“** и **„На соболей“**, повѣсть **П. Петрова — „Багровая пыль“** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ **К. Е. Маковскаго „ГУСЛЯРЪ“.**

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован. . . 4 р. Въ каленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . 6 „ Съ пересылкою . . 7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская, №9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской. д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ**, Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3814 3—2

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

ТОРГОВАГО ДОМА

Н. В. ЭЙМАНЪ и К°

9. Бутырки. Вятская улица, въ **Москвѣ**, 9.

Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растеній, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растеній, **съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними**, высылается по требованію безплатно. St. № 3795 4—3

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

строители

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Иллюстрированные каталоги безплатно. Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленія **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 3789 3—3

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что **не** почернѣютъ!

Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница

въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКІЯ
въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя
въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

СѢМЕННОЕ ДЕПО

КОММИСІОНЕРА РАЗНЫХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА

Н. В. ЛИСИЦЫНА

въ Москвѣ на Петровкѣ, д. Пенскаго.

Имѣю честь увѣдомить гг. сельскихъ хозяевъ и любителей садоводства, что иллюстрированный прейсъ-курантъ сѣменамъ экономическимъ, огороднымъ и цвѣточнымъ на 1885 г. вышелъ изъ печати; желающіе могутъ получить безплатно съ приложеніемъ на пересылку 7 коп. почтовыми марками.

Контора объявл. **В. Просина**- Москва.

№ 3819 1—1 **Н. Лисицынъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 16 января 1885 г. **Тип. А. Ф. Маркса.** Ср. Подьяческая ул., д. № 1. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.**

№ 4 — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 26 Января 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Е. А. Баратынскій.

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій родился 19-го февраля 1800 года, Тамбовской губ., Кирсановскаго уѣзда, въ помѣстьи отца своего генералъ-лейтенанта Баратынскаго. Первымъ дядькой его былъ итальянецъ, къ которому относится извѣстное посланіе „Къ дядькѣ итальянцу“, написанное поэтомъ незадолго передъ кончиной въ Неаполѣ. Затѣмъ 15-ти-лѣтній Баратынскій отданъ былъ въ Пажескій корпусъ, но исключенъ за шалости и зачисленъ рядовымъ въ лейбъ Егерскій полкъ, затѣмъ унтеръ-офицеромъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, стоявшій тогда въ Кюмени. Суровая природа Финляндіи наложила на него печать и имѣла вліяніе на его поэзію, что отразилось на первыхъ его стихахъ, напр. въ „Финляндіи“ и особенно въ первой поэмѣ его „Эда“ посвященной описаніямъ этого края и нравовъ его обитателей. Въ 1825 г. Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры, но вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку и женился. Еще прежде, въ бытность свою въ Петербургѣ, Е. А. близко сошелся съ Дельвигомъ, Плетневымъ, Жуковскимъ и Пушкинымъ. По переѣздѣ въ Москву, онъ сошелся съ Д. В. Давыдовымъ и кн. П. А. Вяземскимъ. Въ 1827 г. издалъ поэтъ первое собраніе своихъ стиховъ, въ 1835 г. второе, а въ 1842 г. добавленіе къ нимъ подъ названіемъ „Сумерки“. Въ 1843 г. Е. А. предпринялъ путешествіе заграницу. Проживъ зиму въ Парижѣ, онъ отправился черезъ Марсель въ Неаполь, гдѣ и умеръ весною 1844 года 29-го іюня. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и похоронено въ Александро-Невской Лаврѣ, близъ гробницъ Гнѣдича и Крылова. Третье и послѣднее изданіе сочиненій Е. А. Баратынскаго сдѣлано его семействомъ въ Москвѣ въ 1869 году и есть единственное полное собраніе его сочиненій.

Е. А. Баратынскій былъ несомнѣнно однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей поэтическаго круга,

Е. А. Баратынскій. Рис. и грав. А. Нейманъ

составившагося около Пушкина. Это былъ искренній и сердечный поэтъ. Современники высоко цѣнили его поэтическое дарованіе, многіе находили, что произведенія его часто не уступаютъ въ достоинствѣ Пушкинскимъ. „Цыганка" его имѣла въ свое время большой успѣхъ. Среди его произведеній несомнѣнно есть такія, которыя навсегда останутся памятны въ русской литературѣ. Его „Истина", „Римъ", „Весна", „Родина", въ особенности превосходное стихотвореніе „На смерть Гёте", пользуются самою широкою и заслуженною извѣстностью. Кто съ дѣтства не затвердилъ эти чудесные стихи!

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна
И съ нимъ говорила морская волна.
Погасъ. Но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта,
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта....

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

(Продолженіе).

Грунинъ все это высказывалъ на французскомъ языкѣ, въ виду суетливаго присутствія въ комнатѣ деньщика и вѣстоваго казака, накрывавшихъ столъ, и закончилъ наконецъ приказаніемъ прислугѣ убираться вонъ и не входить болѣе, безъ зова.

Подвинулись къ столу. Грунинъ налилъ водки... Криницынъ ужинать отказался наотрѣзъ и закурилъ сигару, извинившись при этомъ передъ хозяиномъ, и вполнѣ увѣренный, что ароматъ табачнаго дыма не повліяетъ дурно на его апетитъ...

За ужиномъ разговоръ шелъ больше насчетъ пріятныхъ воспоминаній о Петербургѣ и объ общихъ знакомыхъ. Вспоминалось и школьное житье-бытье, когда онъ, Грунинъ, еще носилъ мундирчикъ правовѣда, а Криницынъ уже щелкалъ шпорами и замѣчательно ловко и изящно дирижировалъ кадрилью на балѣ у князя П.

Павелъ Петровичъ говорилъ, впрочемъ, очень мало, больше слушалъ и даже не улыбнулся ни разу, и на вопросъ своего друга:

— Такъ какъ же, mon cher, — ты такъ и намѣренъ застрять здѣсь, въ этой трущобѣ, или думаешь, наконецъ, вернуться на свѣтъ Божій? Когда же это сбудется?

Отвѣчалъ коротко и ясно:

— Теперь скоро!

— И такъ, выпьемъ же, мой дорогой Поль, за твое воскресеніе...

Анатолій Робертовичъ потянулся за бутылкой портвейна, стоявшей передъ Криницынымъ, и тутъ только замѣтилъ, что она совсѣмъ пуста.

— Однако мнѣ спать хочется! лѣниво потянулся Павелъ Петровичъ... Я не хочу идти домой... Я лягу здѣсь, на этомъ диванѣ, и...

— Ахъ, я очень, очень радъ, перебилъ его Грунинъ, вскочивши со стула... Я распоряжусь сейчасъ. Эй, человѣкъ!..

— Ничего не надо. Тамъ подушка есть... Пожалуйста оставь людей въ покоѣ... Вели только убрать все это...

Криницынъ брезгливо покосился на объѣдки ужина и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Пришли люди, оба изрядно заспанные, убрали столъ, разоблачили Грунина и уложили его въ постель. Вытянулся и Криницынъ на диванѣ, не раздѣваясь, не снимая даже сапогъ.

— Ты кажется здѣсь совсѣмъ отвыкъ отъ комфорта, отъ своихъ европейскихъ привычекъ?.. замѣтилъ Анатолій Робертовичъ.

Криницынъ не отвѣчалъ.

— Ты уже заснулъ?.. А я, знаешь, не могу. Я непремѣнно долженъ перебрать въ головѣ всѣ впечатлѣнія дня, анализировать ихъ, привести въ систему, — и потомъ уже...

Криницынъ неожиданно поднялся съ дивана, подошелъ къ столу и потушилъ свѣчи...

— Ты это, конечно, можешь все продѣлать въ потемкахъ, сказалъ онъ, снова ложась на диванъ...

Странна показалась Грунину эта рѣзкая выходка, но особенно озадачило его то, что онъ не узналъ теперь голоса своего друга... Послѣднюю фразу произнесъ будто кто-то другой, посторонній...

Грунинъ объяснилъ это, про себя конечно, опорожненной бутылкою портвейна — и сталъ „анализировать..."

Прошло такимъ образомъ полчаса, можетъ быть и больше немного... Анализъ Грунина сталъ принимать формы туманныя, расползающіяся, — уже онъ даже и похрапывать началъ, потянувъ себѣ на ухо байковое одѣяло...

— А знаешь, я тебѣ сообщу нѣчто, крайне для тебя интересное!.. громко произнесъ Криницынъ, прервавъ дремоту Грунина.

— А... что такое—что случилось?.. что ты сказалъ?!

— А вотъ услышишь... сейчасъ... Ты бы очень хотѣлъ самымъ блистательнымъ образомъ закончить твое слѣдствіе... найти убійцу, арестовать его — распутать, такъ сказать, всѣ нити и дать правосудію полное торжество!.. А! хотѣлъ бы?.. Говори откровенно!..

Анатолій Робертовичъ торопливо принялся чиркать спичкою...

— Не надо! остановилъ его Криницынъ, — для ясности дѣла, темнота въ комнатѣ не мѣшаетъ... Не надо же!..

Сильнѣйшее раздраженіе слышалось въ голосѣ Криницына... Анатолій Робертовичъ начиналъ трусить... и машинально щупалъ стѣну около кровати, словно отыскивая, на всякій случай, электрическую пуговку, но въ Глухомъ фортѣ не дошли еще до такихъ удобствъ.

— Я тебѣ скажу просто и коротко... продолжалъ Криницынъ. Федора Горкина убилъ и ограбилъ я... Ну, а теперь, покойной ночи!..

Павелъ Петровичъ повернулся къ стѣнѣ лицомъ и замолчалъ.

Не смотря на запрещеніе, Анатолій Робертовичъ все-таки справился со спичками, и слабый свѣтъ загорающейся свѣчи освѣтилъ комнату.

— Поль, ради Бога! Поль... такъ вѣдь не шутятъ... Объяснись же пожалуйста... ну, что за глупости... Ну подумай только... Поль!..

Онъ растерялся и струсилъ и... почти повѣрилъ — повѣрилъ и обрадовался... Да, это пріятное, чуть развивающееся подъ давленіемъ волненія и страха чувство, робко дрогнувшее въ его сердцѣ, было началомъ радости... Ему даже отчетливо припомнился подходящій случай въ окрестностяхъ Мадрита...

— Объяснись же Поль... повторялъ онъ почти машинально.

— Изволь, объяснюсь! Слушай внимательно!

Криницынъ говорилъ, не мѣняя позы, и Грунинъ видѣлъ только его затылокъ и бѣлый китель, гладко обтягивающій широкую спину и стройную талію.

— Послушай, мой милый, неужели ты ничего не замѣтилъ особеннаго во время слѣдствія, а главное во время *твоего* обыска?..

Павелъ Петровичъ подчеркнулъ слово „твоего“.

— Ты видѣлъ ясно, что всѣ и все — подозрѣваютъ въ убійствѣ Горкина меня одного... У меня рылись какъ на призъ, у меня перевернули вверхъ дномъ все, въ полной увѣренности найти наконецъ явныя улики... На меня смотрѣли какъ на убійцу и вора... и—дурррраки!.. какія они глупыя и пошлыя состроили рожи, когда остались съ носомъ! Но вѣдь это они—идіоты, полудикари! а ты — психологъ, тонкій изслѣдователь человѣческой души... Ты-то какъ же прозѣвалъ все, во время *своего дружескаго визита*?

Криницынъ опять craналегъ на послѣднемъ словѣ.

— Да, конечно, я замѣтилъ что то странное: я, впрочемъ, не придалъ этому обстоятельству никакого значенія... оправдывался Грунинъ. Я только констатировалъ фактъ, что тебя здѣсь не особенно долюбливаютъ... Я понимаю это...

— Не долюбливаютъ... Нѣтъ, это мало... Меня здѣсь ненавидятъ... Мнѣ тяжело здѣсь... Мнѣ здѣсь невыносимо!.. И я тебѣ скажу откровенно... Я здѣсь дѣйствительно способенъ былъ бы кого нибудь убить и ограбить, чтобы только имѣть возможность вырваться изъ этой тюрьмы, изъ этой пыточной ямы...

— Mon pauvre ami... О, я тебя теперь понимаю... Но къ чему же такъ волноваться?.. Вѣдь ты же самъ говоришь, что это все скоро кончится...

— Скоро!.. Могло бы затянуться на вѣки!.. еслибы не Горкинскія деньги.

— Ты опять начинаешь шутить, тоскливо оглядывался Грунинъ.

— Шучу, конечно... А ты уже и обрадовался. Вотъ какъ, молъ, легко стяжать себѣ лавры, а тамъ и карьеру... Нѣтъ, погоди немного... Это не такъ легко, какъ тебѣ кажется... Я еще въ дѣтствѣ читалъ одну испанскую сказку... Ты, кстати, такъ любишь эпизоды въ окрестностяхъ Мадрита; впрочемъ, это было немного дальше... въ Пиринеяхъ... Горы такія есть, большія, граничатъ съ Франціей... Такъ тамъ одинъ пастухъ все гонялся за золотою мухой... Прыгалъ за нею по скаламъ, рискуя головою на каждомъ шагу, ловилъ долго и, наконецъ, поймалъ... но уже больше не гонялся... Золотая муха насквозь прожгла его руку... и улетѣла... Ты, мой другъ, когда станешь ловить, надѣвай, на всякій случай, перчатку потолще...

Замолчалъ Криницынъ... Молчалъ и Анатолій Робертовичъ.

— Меня оскорбляли на каждомъ шагу, снова заговорилъ Павелъ Петровичъ,—и не давали повода придраться къ оскорбленію... Наконецъ меня оскорбили явно... это было при тебѣ... Я радъ, я очень этому радъ... Глупая вспышка поросенка, жалкаго мальчишки, не стоющаго моего щелчка, даетъ мнѣ выходъ—я на немъ сорву все, за всѣхъ. Я пошлю ему вызовъ... Ты вѣдь, конечно, не откажешься быть моимъ секундантомъ...

Грунинъ поблѣднѣлъ какъ полотно и въ душѣ своей проклялъ ту минуту, когда такъ радушно подхватилъ рѣшеніе своего друга провести ночь подъ однимъ съ нимъ кровомъ...

— Объ этомъ надо говорить серьезно, началъ онъ.— Ты вѣдь знаешь, что мое оффиціальное положеніе, какъ слѣдователя, какъ лица обязаннаго не только чтить и исполнять законы государства, но...

— Успокойся... Тебя не приглашу... Да мнѣ секундантовъ и не нужно. Развѣ здѣсь дуэль мыслима!.. Мой вызовъ покажутъ просто коменданту, а затѣмъ... А все таки я пошлю... Не потому пошлю... чтобы меня дѣйствительно мучила эта глупая выходка мальчишки, скорѣе смѣшная, чѣмъ оскорбительная, а такъ... это мнѣ пригодится впослѣдствіи... Однако все-таки... Кто-же по твоему убилъ Федора Горкина?..

Тутъ уже въ свою очередь Анатолій Робертовичъ принялъ тонъ успокоительный и даже нѣсколько поучительный, и очень былъ доволенъ, что Криницынъ, самъ Поль Криницынъ, его, повидимому, внимательно и даже почтительно выслушиваетъ.

— Видишь, другъ мой... Я всегда предпочитаю или чистое шампанское, или самое простое, домашнее вино, но терпѣть не могу всѣ эти елисѣевскія фабрикаціи.

Онъ показалъ рукою на то мѣсто, гдѣ за ужиномъ стояла пустая бутылка.

— Эта гадкая спиртная смѣсь прескверно вліяетъ на голову и нервы... Ты усталъ, ты былъ обиженъ, ты имѣлъ всѣ данныя быть нервно разстроеннымъ, и вотъ это вино подѣйствовало на тебя очень дурно... Я тебѣ совѣтую выпить стаканъ холодной воды, освѣжить лобъ и виски одеколономъ и постараться заснуть хоть часа на два, по возможности... О, Поль, мой дорогой, я понимаю твои чувства, я глубоко тебя понимаю и отъ души сочувствую...

— Да ты меня, дѣйствительно, хорошо понимаешь. Merçi... и покойной ночи!..

— Bonne nuit! Поль! Теперь ты позволишь мнѣ снова погасить свѣчи?

Анатолій Робертовичъ не замѣтилъ ироніи, которая сквозила въ каждомъ звукѣ послѣдней фразы своего друга.

VII.

А на другой день свершилось событіе, тоже взволновавшее населеніе форта, и особенно обрадовавшее господина спеціальнаго слѣдователя. У комендантскаго крыльца вываживали высокую старую лошадь Миробая, а самъ онъ, окруженный офицерами, энергично разсказывалъ что то, должно быть крайне интересное, присѣдалъ къ землѣ, хваталъ себя за горло, боролся точно съ кѣмъ то невидимымъ и вообще, со страстностью, свойственною азіатской натурѣ, жестикулировалъ отчаянно. Батча Алибей, пріѣхавшій вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, тоже давалъ объясненія по своему, тоже неистово размахивалъ руками, успѣвая при этомъ, съ дѣтскимъ любопытствомъ, обѣгать глазами все диковинное, невиданное имъ убранство русскаго дома.

Такъ какъ дѣло касалось именно волнующаго всѣхъ, въ данную минуту, слѣдствія по убійству Федора Горкина, то Анатолій Робертовичъ находился тутъ же съ своимъ портфелемъ и очень удивлялся, что въ числѣ присутствующихъ нѣтъ его друга, Павла Петровича.

Черезъ часъ, когда все поуспокоилось и показанія новыхъ свидѣтелей по дѣлу были формально занесены въ протоколъ и подписаны, припечатаны даже восковою, треугольною тамгою Миробая, Анатолій Робертовичъ прямо направился къ квартирѣ Криницына и, узнавъ, что онъ дома, чуть не бросился къ нему въ объятія.

— Представь себѣ, мой дорогой, какъ все это просто разъяснилось! началъ онъ.—Ты былъ правъ!.. Тысячу разъ говорю: ты былъ правъ, и тутъ моему слѣдствію конецъ... Улики запечатаны и сданы пока на храненіе коменданту. И какъ все это просто разъяснилось... Да вотъ, я тебѣ все разскажу по порядку...

— Очень радъ! Въ чемъ же дѣло?

— Сейчасъ увидишь... Здѣсь, то есть близко отсюда, на старой караванной дорогѣ, есть кишлакъ, какъ они называютъ... Бе...бе...бе... Грунинъ поспѣшилъ справиться съ листомъ протокола.

— Бешь-арыкъ! помогъ ему Криницынъ.

— Да, ты знаешь? Очень радъ... Въ этотъ „Бешь-арыкъ“ сегодня ночью пріѣхали два бухарца, верхомъ оба, и одинъ изъ нихъ вздумалъ,—вѣдь вотъ наивный дикарь!—вздумалъ мѣнять русскую сторублевую бумажку. Молодецъ хозяинъ...

Масляница въ большомъ селѣ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

— Миробай, помогъ и тутъ Павелъ Петровичъ.

— Да, Миробай, ты и его знаешь?.. Вотъ этотъ Миробай заподозрилъ пріѣзжихъ молодцевъ, тайно велѣлъ своимъ слугамъ осмотрѣть ихъ багажъ и, представь себѣ, въ переметной сумкѣ одного изъ нихъ, найдены были явныя улики участія этихъ двухъ бухарцевъ въ убійствѣ Горкина... Я конечно связалъ всѣ эти факты въ одну нить, и разсказалъ всѣмъ полную картину всего дѣла... Послушай! Федоръ Горкинъ ѣхалъ одинъ по дорогѣ и везъ съ собою большую сумму денегъ, въ составъ этой суммы, какъ показали повѣренные фирмы „Хмуровъ и Компанія“, входила пачка сторублевыхъ билетовъ, съ указаніемъ крайнихъ номеровъ, такъ какъ пачка была прямо изъ казначейства, новая и даже не распечатанная. Ты обрати особенное вниманіе на это характерное обстоятельство... Дальше: прежде чѣмъ капитанъ Шелобовъ успѣлъ присоединиться къ путешественнику, на него напала шайка бандитовъ, барантачей, какъ они здѣсь называются, и, конечно, убила его и ограбила... Затѣмъ они поскакали дальше, тамъ въ степь, что ли, ну, къ себѣ домой, и подѣлили добычу. Слушай же: двое изъ этихъ молодцовъ, родомъ изъ Нураты, это въ Бухарскихъ уже предѣлахъ, явились сюда, пріѣхали, идіоты, какъ ни въ чемъ не бывало, въ Бешь-арыкъ, остановились у Миробая кормить лошадей... Не написано же въ самомъ дѣлѣ у нихъ на лбу, что они воры и разбойники, а не мирные путешественники! И вотъ одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ за пазухи сторублевую бумажку, съ цѣлью размѣнять оную... Миробай, совершенно справедливо заподозрилъ, принялъ мѣры и что же: въ сумкѣ одного изъ бухарцевъ найденъ былъ портсигаръ серебряный, всѣми признанный за принадлежащій покойному. Бумажка же, оставшаяся въ рукахъ Миробая, тоже оказалась съ номеромъ, соотвѣтствующимъ номерамъ, указаннымъ представителями фирмы „Хмуровъ и Компанія...“ И ты видишь самъ теперь, что все дѣло стало ясно какъ день... и я...

— А бухарцы эти гдѣ? полюбопытствовалъ Павелъ Петровичъ.—Я тебѣ, прежде всего, другъ мой, совѣтую подвергнуть ихъ самому строгому допросу... знаешь, попытать даже не грѣхъ въ такомъ случаѣ, и затѣмъ, согласно ихъ указаній, можно будетъ дать возможность, дипломатическимъ путемъ, добиться отъ бухарскаго эмира выдачи остальныхъ соучастниковъ преступленія... Я тебѣ это отъ души совѣтую...

— Да бухарцевъ этихъ нѣтъ!..

— Какъ нѣтъ?!.

— Ну, посуди самъ, гдѣ же можно было старику съ двумя мальчиками справиться съ двумя здоровыми молодцами... Бѣдному Миробаю они разорвали халатъ и чуть-чуть не перерѣзали горло... Едва только замѣтили эти молодцы, что ихъ хотятъ накрыть, какъ вскочили на коней и исчезли, оставивъ въ нашихъ рукахъ неопровержимыя улики...

— Ты послушай, какъ горячо говорилъ обо всемъ этомъ этотъ Миробай... Я ничего не понялъ, но переводчики и офицеры мнѣ объясняли, какъ онъ жалѣлъ, даже плакалъ отъ досады, что не удалось ему живьемъ захватить хоть одного изъ разбойниковъ... Онъ, знаешь, просилъ меня замолвить объ немъ словцо генералъ-губернатору... Я ему обѣщалъ медаль... Я помѣщу о немъ въ своемъ докладѣ, и онъ получитъ награду навѣрное!..

— Ты не повѣришь, мой другъ, какъ я душевно радъ, что все это такъ хорошо кончилось и разъяснилось...

И Грунинъ, утомленный горячимъ разсказомъ, опустился на складной стулъ и заявилъ хозяину, что теперь не грѣхъ выпить чего нибудь холодненькаго.

VIII.

Такимъ образомъ, благополучно и округленно закончилось слѣдственное дѣло по убійству Федора Горкина. Всѣ подозрѣнія, въ какихъ бы формахъ они ни проявлялись, мало-по-малу разсѣялись какъ дымъ, и въ Глухомъ фортѣ осталось только, въ видѣ исключенія, весьма немного скептиковъ, сомнительно покачивающихъ головою, при воспоминаніяхъ о подвигѣ „плута Миробайки...“

Грунинъ уѣхалъ дня черезъ два, увезя съ собою многолистную чистенькую тетрадь и всѣ „неопровержимыя доказательства“, и на сцену выступило новое дѣло „объ оскорбленіи, нанесенномъ подпоручикомъ Глухаревымъ капитану Криницыну въ публичномъ мѣстѣ, и о послѣдствіяхъ онаго“.

Собственно говоря, никакого дѣла здѣсь и не послѣдовало, такъ бы все сгладилось и разошлось. Тѣмъ болѣе, что и виновникъ оскорбленія, Павлуша, „поостывъ немного“, охотно согласился съ доводами Шелобова, своего отца, а отчасти даже самого коменданта, убѣждавшими его, для порядка и по справедливости, подойти, при случаѣ, въ присутствіи, конечно, тоже публики, къ оскорбленному и извиниться въ своей неумѣстной запальчивости. Но вышелъ казусъ, котораго офицеры Глухаго форта никакъ уже не ожидали.

Деньщикъ Криницына принесъ письмо подпоручику Глухареву отъ своего барина и, не заставъ Павлуши дома, оставилъ его на столѣ.

Вернувшись, Павлуша прочелъ это письмо, и показалъ своему отцу, тотъ Шелобову, тотъ кому то еще, и, черезъ часъ, уже весь Глухой фортъ, съ комендантомъ включительно, зналъ наизустъ содержаніе криницынскаго посланія.

А въ посланіи этомъ значилось слѣдующее:

„Милостивый Государь, господинъ Глухаревъ!

„Въ извѣстный вамъ день, вы, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и чуть не всего общества форта, позволили себѣ, относительно меня, выходку, глубоко меня оскорбившую...

„Ваша дерзость не должна и не можетъ остаться безъ результатовъ. Ваши лѣта и ваше воспитаніе значительно извиняли бы васъ; въ данномъ случаѣ, и я могъ бы ограничиться только тѣмъ, что выдралъ бы васъ, какъ мальчишку, за уши; но вашъ мундиръ заставляетъ меня смотрѣть на васъ, какъ равный на равнаго, а потому, если вамъ знакомы хотя самыя элементарныя понятія о чести и благородствѣ, то вы должны были ждать, и вѣроятно ни сколько не удивитесь, получивъ мой вызовъ.

„Хотя я, также какъ и вы, милостивый государь, заинтересованъ выборомъ съ моей стороны секундантовъ, но, къ сожалѣнію, не могу разсчитывать, въ этомъ случаѣ, на кого либо изъ моихъ товарищей по мундиру... Вы конечно поймете сами почему... Я предоставляю вамъ право этого выбора, вполнѣ подчиняясь всѣмъ условіямъ дуэли, которыя мнѣ вашими секундантами будутъ предложены. Надѣюсь, милостивый государь, что вы не станете откладывать дѣло чести въ долгій ящикъ и не вынудите меня этимъ къ необходимости напомнить вамъ вашу обязанность болѣе энергичнымъ и, можетъ быть, не совсѣмъ пріятнымъ для васъ образомъ.

Павелъ Криницынъ“.

Понятно, что получивъ такое письмо, готовность извиниться разомъ оставила Павлушу. Вся молодежь форта навязывалась къ нему въ секунданты. Старики запротестовали и не позволили никому носа совать въ это дѣло. Порѣшено было собрать всѣхъ офицеровъ къ коменданту, на нейтральную, такъ сказать, почву, вызвать Криницына туда же, и потолковать сообща, составить, такъ сказать, нѣчто въ родѣ, закономъ дозволеннаго и установленнаго, офицерскаго суда, а если что, то и настоящій судъ по формѣ...

— Ты, братецъ, виноватъ, говорилъ старикъ Глухаревъ сыну,—значитъ и молчи... притихни и жди своего рѣшенія... что твое будетъ, то при тебѣ и останется;

что на его долю выпадетъ, то съ нимъ и будетъ... такъ то!

„А не продержать ли мнѣ Павлушу еще хоть недѣльку подъ арестомъ? думалъ комендантъ,—все какъ то, пока что, спокойнѣе будетъ!"

Но, къ счастію Павлуши, эта идея полковника Огурчикова не приняла исполнительнаго характера.

Изъ дамъ форта только одна Анастасія Львовна Голубцова, дѣвица акушерскаго званія, была того мнѣнія, что „дуэль... ахъ! это такъ интересно!" Всѣ остальныя барыни были мнѣнія противуположнаго, и просили коменданта приставить даже къ обоимъ противникамъ, на всякій случай, по караульному... „Мало ли что можетъ случиться, особенно среди ночи!" Задала работу дамскимъ языкамъ эта дуэль! Только одна Груня молчала, и предпочла, если уже высказывать свое мнѣніе, то высказать его обѣимъ сторонамъ, лично.

Случайно, будто бы, встрѣтившись съ Криницынымъ, когда тотъ возвращался съ обѣденной прогулки, она укоризненно посмотрѣла на него и произнесла:

— Грѣхъ вамъ, большой грѣхъ будетъ... Вѣрьте мнѣ, Павелъ Петровичъ!

А послѣ того, прямо пошла къ Павлушѣ, и тому уже отпѣла въ иномъ тонѣ:

— И кто васъ любить послѣ того будетъ!.. Помните!.. Вы меня, послѣ такихъ дѣловъ, не только Груней, Аграфеной Васильевной называть не смѣйте. Глазъ не показывайте... Слышите!..

И это двойное обращеніе доброй дѣвушки произвело почти одинаковое примиряющее дѣйствіе.

Павелъ Петровичъ вполнѣ почему то былъ убѣжденъ, что ему не придется огорчать Груню, онъ подумалъ только, глядя на ея, опущенныя скромно, длинныя рѣсницы и стройный профиль, что „не дурно бы этотъ полевой цвѣтокъ пересадить въ лучшую, культурную почву". Павлуша, чуть не со слезами, принялся увѣрять ее, что все, хотя и его вина, но теперь уже зависитъ не отъ него, а какъ порѣшатъ старшіе, что, во всякомъ случаѣ, если и порѣшатъ чтобы стрѣляться, онъ выпалитъ въ сторону.

Однимъ словомъ, въ воздухѣ, окружающемъ Глухой фортъ, пока еще кровью не пахло, и все предвѣщало, что скопившаяся грозовая туча разсѣется сама собою.

День офицерскаго собранія былъ уже назначенъ, и всѣ этого дня ожидали съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ.

Въ тотъ же день Криницынъ получилъ петербургскую почту и съ нею письмо отъ кузины Мэдъ. Письмо весьма для него пріятное. Въ числѣ близкихъ знакомыхъ Павла Петровича, въ его петербургскомъ кружкѣ былъ нѣкто Тальцинъ, разжирѣлый толстякъ, циникъ и обжора, но человѣкъ пользующійся большимъ авторитетомъ по законамъ охраны чести и свѣтской порядочности. Криницынъ, зарвавшись, проигралъ ему около тридцати тысячъ и, конечно, отдать не могъ даже сотой части этой суммы; онъ далъ ему честное слово уплатить этотъ долгъ черезъ два года, не предчувствуя, конечно, никакой возможности сдержать это слово.

Долгъ по картамъ—долгъ чести. Это посерьезнѣе будетъ какого нибудь вексельнаго долга, и неакуратность, въ подобномъ случаѣ, никогда не прощается. Больше всего тяготилъ Криницына этотъ роковой долгъ; и вотъ, кузина Мэдъ, весело и радостно увѣдомляетъ его о смерти Тальцина, внезапно скончавшагося отъ удара, въ ресторанѣ Дюссо, послѣ ужина. Кузина Мэдъ даже вырѣзку изъ газеты, въ черной рамкѣ, съ приглашеніемъ на панихиды и выносъ усопшаго, приложила къ письму, и добавила при этомъ: „Вы видите, monsieur Paul, что фортуна начинаетъ, видимо, склоняться въ вашу сторону..." Она увѣдомляла его и о томъ, что его векселя сильно падаютъ, что кредиторы отчаяваются получить хотя что нибудь, что еслибы теперь всего какихъ нибудь тысячъ пятьдесятъ, даже менѣе, наличными,—и всѣ бы эти векселя можно купить очень удобно. Однимъ словомъ, кузина Мэдъ сообщала ему, на шести страницахъ мелкаго, убористаго письма, столько пріятнаго, что Павелъ Петровичъ и самъ могъ смѣло согласиться съ своей хорошенькой покровительницей, что госпожа фортуна дѣйствительно начинаетъ оборачиваться къ нему своимъ прихотливымъ и капризнымъ личикомъ.

IX

Офицерскій судъ, съ тѣхъ поръ какъ былъ установленъ законами, въ первый разъ примѣнялся на дѣлѣ въ нашемъ батальонѣ.

Въ назначенный день, съ восьми часовъ утра, въ большой, сараеобразной пріемной залѣ комендантскаго дома, стали собираться господа штабъ- и оберъ-офицеры; всѣ были при оружіи, даже въ перчаткахъ, и, входя въ залъ, молча раскланивались съ полковникомъ, хозяиномъ дома, и присаживались, также молча, гдѣ кому было удобнѣе... Самъ Огурчиковъ, красный отъ галстука и застегнутаго воротника кителя, ходилъ по залѣ взволнованный и все посматривалъ на свою большую золотую луковицу... Иванъ Акимовичъ, какъ старшій послѣ Огурчикова и отецъ одного изъ подсудимыхъ, игралъ роль выдающуюся,—и сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; адъютантъ Ползунковъ, легко позванивая шпорами и потупивъ глаза, постоянно входилъ и выходилъ изъ залы, придерживая рукою саблю, чтобы не такъ звякала... Капитанъ Шелобовъ запоздалъ немного. Его массивная фигура какъ то робко съежилась, переступая порогъ двери.

— Иди сюда! шепнулъ ему Иванъ Тимофѣевичъ, указывая стулъ рядомъ.

— Началось? также шепотомъ спросилъ тотъ... А Павлушка?

— Его комендантъ въ кабинетѣ посадилъ... тамъ ждетъ...

— Однако, господа, что же это?.. Криницына нѣтъ еще!.. Ползунковъ! Вы въ которомъ часу въ повѣсткахъ обозначали?

— Въ десять часовъ, какъ вы изволили приказать! подскочилъ адъютантъ.

— Въ десять... Что же это онъ запаздываетъ!.. это изъ рукъ вонъ!.. это...

— Еще только девять безъ четверти! отозвался одинъ изъ офицеровъ.

— Это почему?!.. чортъ возьми... однако мы, господа, рановато собрались... чайку, пока, что-ли!..

Комендантъ засуетился, по привычкѣ отыскивая глазами своего адъютанта...

— Не время, Сеня, послѣ! шепнулъ ему Глухаревъ-отецъ... Что-жъ, подождемъ!.. Эге!.. Вонъ и нашъ схимникъ изволитъ жаловать!..

Всѣ глаза обратились къ дверямъ. Тамъ показалась странная фигура въ офицерскомъ костюмѣ... Лицо у этой фигуры было расплывшееся до нельзя, сѣдыя бакенбарды торчали щетками по сторонамъ, усы лѣзли впередъ, вродѣ щетины у моржа, сплошная лысина оканчивалась сзади широкимъ, багровымъ, двойнымъ затылкомъ... Это былъ одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ батальона, дослуживающій только сроки пенсіи... Онъ страдалъ запоемъ, каждый мѣсяцъ, что у него занимало ровно половину времени... Много послужилъ старикъ на своемъ вѣку, много потеръ лямокъ,—и ему прощали эту слабость—и службою не безпокоили... Въ послѣднее время онъ уже начиналъ заговариваться немного и появлялся въ кружкѣ офицеровъ очень рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ... За мѣсяцъ до батальоннаго праздника „батько Максимъ", какъ его всѣ называли, не пилъ вовсе... Онъ глубоко и свято чтилъ этотъ день и весь мѣсяцъ проводилъ обыкно-

венно за клейкою бумажныхъ, разноцвѣтныхъ фонариковъ, для приданія торжеству особаго блеска...

Тяжело перевалилъ батько Максимъ черезъ довольно высокій порогъ, волоча лѣвую „пошаливающую“ ногу, мутными глазами окинулъ собраніе, приложилъ руку ко лбу, хотя былъ безъ шапки... проговорилъ:

— Здравія желаю... не опоздалъ?

— Садись, другъ, коли причалилъ... Вотъ сюда, на диванчикъ! пригласилъ Огурчиковъ.

Молодежь захихикала втихомолку...

— Мерсисъ парфетеманъ... прохрипѣлъ новоприбывшій, усаживаясь и недоставая до пола своими короткими ножками... усѣлся, крякнулъ и добавилъ одобрительно:

— Комса, бонъ!..

Офицеры захохотали теперь уже громко.

— А вотъ и Павелъ Петровичъ идутъ-съ!.. вбѣжалъ Ползунковъ.

Все сразу примолкло...

Вошелъ Криницынъ, по обыкновенію щегольски и строго по формѣ одѣтый, граціозно поклонился на обѣ стороны и видя, что всѣ сидятъ, сталъ тоже искать себѣ мѣста глазами...

— Встать! довольно громко произнесъ Глухаревъ-старикъ.

Всѣ встали.

— Гм... гм! откашлялся комендантъ... И такъ, господа!.. приступимъ...

— Пирогъ пора ставить въ печь, или погодить прикажете, ваше высокоблагородіе? неожиданно совершенно, изъ противуположныхъ дверей появился комендантскій денщикъ Фома, онъ же и поваръ, съ засученными до плечъ, перепачканными тѣстомъ, мускулистыми руками.

— Тс!... тс!.. замахалъ на него адъютантъ Ползунковъ.

— Пирогъ!.. озадачился комендантъ... Пошелъ вонъ, каналья!.. экая бестія!.. Ползунковъ... скажи ему, голубчикъ, что пора... Итакъ, господа...

— Сочиненіе господина Криницына... сетъ летръ криминалъ,—прочесть предварительно можно?.. прохрипѣлъ „батько Максимъ“.

Комендантъ досадливо передернулъ плечами...

— Павелъ Петровичъ! рѣшилъ онъ идти на прямикъ къ цѣли... Вы изволили написать это письмо, адресованное подпоручику Глухареву?

Огурчиковъ протянулъ руку съ письмомъ.

— Оно мною подписано, — значитъ, я! отвѣчалъ Криницынъ.

— Гм... гм... господинъ капитанъ—вѣдь за подобное письмо я бы могъ васъ немедленно арестовать!

Огурчиковъ, очевидно, хотѣлъ произвести большой эффектъ такимъ энергичнымъ вступленіемъ.

— Это ваше дѣло, господинъ полковникъ! спокойно и почтительно отвѣчалъ Криницынъ.

Комендантъ взглянулъ на группу офицеровъ съ видомъ полнаго недоумѣнія.

— Эхъ, Павелъ Петровичъ, Павелъ Петровичъ, какой вы нраво!.. Мы здѣсь собрались, снова обратился онъ къ Криницыну... по душѣ, по семейному, такъ сказать, дѣлу... Свои обязанности я, смѣю вамъ доложить, понимаю хорошо! Но желательно кончить дѣло миромъ... по семейному... такъ то-съ... Васъ офицеръ обидѣлъ, товарищъ, такъ сказать, вашъ... Прекрасно-съ!.. я его арестовалъ... онъ былъ виноватъ,—это всѣ раздѣляютъ... Онъ даже вотъ извиниться хотѣлъ, да вы сами помѣшали съ вашимъ вызовомъ... такъ-съ!.. Вы, вотъ, сами тамъ употребили выраженія неподходящія... „Мальчишкой“ его обозвали,—на счетъ тоже ушей... негодится... Предположимъ, что мы дуэль допустимъ, и онъ васъ, того-съ,—подстрѣлитъ... Вы же были первые обижены, вы же головою поплатились... а молодому человѣку вся карьера испорчена... Убьете вы его,— положимъ такъ, такъ вѣдь, батенька мой, у насъ смертная казнь только за измѣну противу престола и отечества полагается, а не за бранныя слова... кара то, выходитъ, проступку сильно не соотвѣтствующая... сообразили-съ?.. Такъ вотъ, принимая все это во вниманіе, не угодно-ли будетъ вамъ взять свое письмецо назадъ, и дѣлу конецъ!.. Такъ, господа, что ли?

Въ группѣ офицеровъ послышался глухой ропотъ. Огурчиковъ понялъ, что его мнѣнія и доводы если и раздѣляются, то не совсѣмъ.

— Вамъ не угодно ли? Иванъ Акимычъ! ну-ко ты! отстранился комендантъ.

— Я отецъ, мнѣ говорить нечего, уклонился старикъ Глухаревъ.

Выдвинулся Шелобовъ.

— Вашего вызова, Павелъ Петровичъ, Павлушѣ мы принять не дозволили... Вы такъ и знайте... и прошу не объяснять отказъ трусостью. Офицеръ этотъ не трусъ, это я вамъ заявляю и заявятъ всѣ. Мы его храбрость уже довольно видѣли, вашей еще пока не приходилось... Не нравится вамъ у насъ... Ну вотъ не сошлись просто, чего тамъ разбирать причины, что и почему,—такъ вѣдь офицерская служба у насъ не подневольная: хочешь здѣсь служи, хочешь въ другомъ мѣстѣ... А мы васъ задерживать не намѣрены...

— Вѣрно!

— Такъ!

— Вотъ это, что надо!.. Шелобовъ вѣрно сказалъ, прямо! послышались въ разныхъ мѣстахъ офицерскіе голоса.

Криницынъ чувствовалъ какъ кровь бросилась ему въ голову. Онъ, конечно, понялъ сразу, что его выгонятъ, онъ вовсе не того добивался, онъ хотѣлъ оставить самъ этотъ батальонъ, но оставить съ честью, съ нѣкоторымъ даже блескомъ для него, а тутъ говорятъ прямо: „убирайся, молъ, вонъ!“

— Прежде всего, господинъ полковникъ, началъ онъ, сдерживаясь по возможности.—Позвольте мнѣ спросить васъ... гдѣ я присутствую въ данную минуту?

— У меня, батенька, у меня, поторопился выяснить вопросъ комендантъ.

— Я это знаю. Я хочу также знать, это мое право, что это: судъ, законно примѣненный ко мнѣ, или обыкновенное совѣщаніе?..

— Мы вѣдь хотѣли просто, сообща!.. къ чему тутъ судъ? просто, по семейному...

— А хоть бы и судъ! рѣзко прервалъ Огурчикова капитанъ Шелобовъ.

— А, это другое дѣло!.. обратился уже лично къ нему Павелъ Петровичъ.—Тогда мнѣ говорить нечего. Факты на лицо, не угодно ли вести все дѣло по формѣ и по закону... Я болѣе ничего говорить не намѣренъ. Только, господинъ комендантъ, позвольте мнѣ предварительно вручить вамъ эту бумагу...

И онъ вынулъ изъ за борта тщательно сложенный листъ бумаги и передалъ его полковнику Огурчикову.

— Что это такое?.. озадачился тотъ, принимая документъ и, по привычкѣ, передавая его адъютанту.

— Прошеніе мое объ отпускѣ на одиннадцать мѣсяцевъ для хлопотъ по переводу моему въ другое оружіе...

— Ну, вотъ и слава Богу!.. вздохнулъ по наивности комендантъ. — Давно бы такъ, Павелъ Петровичъ... Вѣрьте вы мнѣ, что я ничего, вотъ рѣшительно таки нисколько, не имѣю противъ васъ. Съ офицерами вы не сошлись, ну что за бѣда!.. Вы человѣкъ съ связями, съ протекціей... Вы всегда хорошо пристроитесь... Вотъ развѣ должишки ваши, извините пожалуйста, васъ сюда бросили,—дастъ Богъ съ долгами справитесь...

— Мои долги касаются только меня одного! холодно замѣтилъ ему Криницынъ.

За монастырской стѣной. Съ картины А. Корзухина, по фотогр. Якобія, грав. Ю. Барановскій.

— Понимаю-съ!..

— Семенъ Семенычъ, дернулъ его за рукавъ адъютантъ Ползунковъ,—извольте прочесть это прошеніе...

— Это почему?.. Хорошо... что же тамъ такое?..

Огурчиковъ принялся читать про себя, присвистнулъ почему то и передалъ бумагу Глухареву, строго взглянувъ на Криницына, Иванъ Акимычъ тоже прочелъ, тоже поглядѣлъ на автора—и передалъ документъ Шелобову, Шелобовъ, прочтя, не взглянулъ на Павла Петровича, а просто плюнулъ и передалъ прошеніе дальше. Такимъ образомъ, акуратно сложенный листъ обошелъ все собраніе и попалъ, наконецъ, въ руки батьки Максима. Тотъ читалъ долго, и вдругъ безпокойно завозился на диванѣ, обнаруживая намѣреніе подняться, сладилъ таки со своими ослабѣвшими членами и выступилъ на средину зала.

Этой энергіи со стороны „схимника“ не ожидалъ никто, и въ залѣ воцарилась мертвая тишина.

— Пишете вы, господинъ капитанъ, началъ тотъ, стараясь какъ можно отчетливѣе произносить слова,—что, получивъ оскорбленіе отъ офицера, послали ему вызовъ и получили въ отвѣтъ полный отказъ, поддержанный прочими, а посему, не считая возможнымъ продолжать службу въ такомъ обществѣ, гдѣ существуютъ такія странныя, чтобы не сказать болѣе, понятія о чести вообще, и чести мундира въ особенности, предпочитаете оставить сей батальонъ, для чего, и прочее и прочее. Такъ вы пишете... вотъ тутъ, на этомъ листѣ бумаги?

— Да! произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Вамъ нужно уѣхать... Вы хотите, такъ сказать, предупредить вашъ выгонъ. Пардонъ-съ за экспресьонъ... и хотите выйти козыремъ шевальеромъ санъ-пёръ пи репрошъ... и на батальонъ, на нашъ славный, четвертый номеръ, наложить позорное пятно,—жаме-съ, атанде-съ и сильвупле-съ!..

— Батя Максимъ, ты куда? попытался было остановить схимника полковникъ Огурчиковъ.

— Сюда! захрипѣлъ тотъ пронизывая Криницына своими, вдругъ ожившими, сверкающими глазами.

— Я старъ! возвысилъ онъ голосъ, крича уже теперь на весь залъ.—Я слабъ! Лѣвая рука у меня уже вовсе не поднимается, въ правой полное „мэнъ-дрраже“, но „экскюзе!..“ Вашъ вызовъ принимаю я! Стрѣляться съ вами, милостивый государрь, буду я! Но, извините, не формы ради, безъ шутокъ, безъ балагана!.. Черезъ платокъ!—и хоть сію минуту!

Старый ветеранъ захрипѣлъ, двинулся впередъ всѣмъ корпусомъ и покачнулся. Его поддержали.

— Господа! это нельзя! Это уже изъ рукъ вонъ... ни на что не похоже... Въ моемъ присутствіи!.. засуетился полковникъ Огурчиковъ, тщетно пытаясь принять внушительный, начальствующій тонъ.

— Я принимаю вашъ вызовъ, чуть слышно произнесъ Павелъ Петровичъ.

— Принимаете-съ?!. Нѣтъ, этого мало! Атанде-съ! снова началъ батько Максимъ.

И снова въ залѣ все стихло.

— Вѣрою и правдою прослужилъ я Царю и Отечеству, какъ могъ, и сколько моихъ силъ хватило!.. Теперь меня, пьяную собаку, держатъ изъ милости... Спасибо!.. Но никто меня ни въ чемъ безчестномъ упрекнуть не могъ никогда и не можетъ... Богъ это видитъ, и люди знаютъ!.. Потрудитесь же и вы, милостивый государь, здѣсь, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ, передъ лицомъ сего знамени... вонъ оно стоитъ въ углу, подъ образами... передъ лицомъ Святаго Николы, Угодника Божія... глядите повыше!.. дать мнѣ честное слово, что рука ваша ни къ какому безчестному дѣлу не касалась, что на рукѣ вашей нѣтъ и не было никакого позорнаго дѣянія... И тогда только вы можете имѣть честь сказать: принимаете-ли, или нѣтъ, предложенный мною поединокъ... Ну-съ!.. я жду!

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Продолженіе).

Чудный разсказъ старшины произвелъ на слушателей неотразимое впечатлѣніе. Въ ихъ воображеніи рисовалась волшебная падь Ула-Джана съ ея неистощимыми сокровищами чудодѣйственнаго жень-шеня. И доброе чувство посѣтило извращенныя души ихъ и очерствѣлыя сердца.

— А гдѣ-же эта падь? встрепенулся вдругъ манчжуръ Сеокви послѣ продолжительнаго молчанія. Онъ былъ очарованъ слышаннымъ разсказомъ.

— Еслибы я зналъ мѣсто, гдѣ она, давно ужь побывалъ-бы въ ней, задумчиво проговорилъ Лонхоу.—Хорошо-бы розыскать ее!.. Тамъ растутъ тысячи тысячъ лучшихъ корней жень-шеня... Но не найти ее никому изъ насъ, добавилъ старшина.—Этого не хочетъ самъ божественный Фо... Наступитъ время, когда падь будетъ розыскана однимъ простымъ человѣкомъ, и онъ сдѣлается такимъ же богачемъ, какимъ былъ Ула-Джанъ...

— Ты знаешь, Лонхоу, кому предопредѣлено Небомъ розыскать чудную падь Ула-Джана? спросилъ Сеокви.

— Старики разсказывали мнѣ, когда я былъ еще маленькимъ, отвѣтилъ Лонхоу,—что чудная долина Ула-Джана будетъ найдена, рано или поздно, однимъ бѣднымъ манчжуромъ изъ города Гиринь.

Суевѣрный Сеокви вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Кровь ударила ему въ голову.

— Ты говоришь: манчжуромъ изъ города Гиринь? переспросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да, манчжуромъ изъ города Гиринь, подтвердилъ старшина.—А ты чего такъ глаза на меня пучишь? подозрительно добавилъ онъ.—Ужь не манчжуръ-ли ты самъ!?..

Всѣ обратили свои взоры на взволнованнаго бѣглаго солдата. Они смотрѣли на него съ недоброжелательствомъ. Извѣстно, что китайцы чувствуютъ къ своимъ поработителямъ-манчжурамъ ненависть.

— Какой я манчжуръ!? обидѣлся оправившійся Сеокви.—Такой-же какъ и вы всѣ... Вотъ дураки-то!.. За манчжура меня вдругъ вздумали принять...

— Если ты китаецъ, а не собака-манчжуръ, то слава Небу, проговорилъ Лонхоу.—Если-же ты дѣйствительно манчжуръ, то что-жь дѣлать... Разъ попалъ въ артель—ты товарищъ, и никто не можетъ посягнуть на тебя... Да, никто! добавилъ старшина, обводя присутствующихъ твердымъ взглядомъ.

Скажи, Лонхоу, почему-же божественный Фо предопредѣлилъ именно манчжуру найти эту падь, а не китайцу? полюбопытствовалъ Ки-сэ, сбитый съ толку предпочтеніемъ, оказаннымъ Фо собакѣ-манчжуру передъ истинными рабами Сына Неба.

— Старики утверждаютъ, что Ула-Джанъ былъ самъ манчжуръ и притомъ родомъ изъ города Гиринь, отвѣтилъ Лонхоу.—Многіе манчжуры силились розыскать прахъ Ула-Джана, но не могли найти его: все погибали въ тайгѣ и только немногіе возвратились на родину, послѣ страшныхъ страданій... Божественный Фо предопредѣлилъ, какъ говорили мнѣ старики, что чудную падь найдетъ только тотъ манчжуръ изъ города Гиринь, который поймаетъ живьемъ страшнаго краснаго волка и выколетъ ему оба глаза... Тогда волкъ самъ укажетъ дорогу въ падь...

— А пробовалъ кто нибудь поймать краснаго волка? спросилъ Сеокви, жадно слушавшій старшину.

— Многіе пробовали, да не давался онъ въ руки... Только схватитъ кто звѣря, тотъ разомъ превращался въ страшное чудовище и пожиралъ смѣльчака... Всѣ погибали!.. Никто не возвратился, чтобы хоть похвастать, что держалъ въ рукахъ краснаго волка.

Лонхоу замолчалъ и задумался.

— Ну, гайда въ дорогу! Солнце уже взошло!.. крикнулъ онъ послѣ короткаго раздумья, бодро вскакивая на ноги.—Гайда!.. Жень-шень тутъ гдѣ нибудь, по близости!.. Это вѣрно!.. Не даромъ ночью показались красные волки...

XI.

Новая опасность.

Разсказъ Лонхоу произвелъ на суевѣрнаго, жаднаго Сеокви подавляющее впечатлѣніе. Послѣднія слова старшины гвоздемъ

засѣли въ его головѣ. Слѣдуя по извилистой тропѣ за товарищами, Сеокви перебиралъ въ умѣ только что слышанное, подтасовывалъ факты и пришелъ наконецъ къ нелѣпому убѣжденію, что онъ именно, манчжуръ изъ города Гиринь, избранникъ божественнаго Фо, что ему именно предопредѣлено отыскать падь Ула-Джана и завладѣть находящимися въ ней неистощимыми богатствами. Постепенно, Сеокви охватило жгучее, страстное желаніе попытать счастье... Жадность помрачила его разсудокъ. Суевѣріе поддерживало въ немъ нелѣпое рѣшеніе. Ему казалось, что для него именно возможно то, что для другихъ оказалось невозможностью.

„Нечего терять время, думалъ Сеокви, бодро шагая по узкой звѣровой тропинкѣ. Сегодня-же ночью отдѣлюсь отъ партіи и пойду искать предопредѣленнаго мнѣ счастья... Ружье у меня есть... Правда, мало пороху, но это дѣло поправимое: порохъ есть у Ли-фу и Лонхоу — могу воспользоваться имъ... Одно страшно!.. Надо поймать краснаго волка... Ой, ой, какъ страшно!“...

Сеокви даже поблѣднѣлъ отъ этой ужасной мысли. Волосы зашевелились у него на головѣ. Впрочемъ страхъ его былъ мимолетный. Жгучая жадность разогнала страхъ при одной мысли о неистощимыхъ богатствахъ чудной пади Ула-Джана.

„Что-жъ дѣлать, если такъ надо, продолжалъ думать манчжуръ. Попробую поймать!.. Умирать вѣдь одинъ разъ... А можетъ быть самъ божественный Фо поможетъ мнѣ въ моемъ предпріятіи... Вѣдь я-же манчжуръ изъ города Гиринь, а никто иной... Лонхоу вѣдь говорилъ, что именно манчжуру изъ города Гиринь предопредѣлено розыскать драгоцѣнный прахъ Ула-Джана... А Лонхоу все знаетъ... Онъ много прожилъ на свѣтѣ, посѣдѣлъ въ тайгѣ... Не брешетъ-же онъ, какъ собака!..“

Искатели жень-шеня между тѣмъ осторожно подвигались за своимъ опытнымъ вожакомъ Лонхоу. Послѣдній, повидимому, имѣлъ строго опредѣленную цѣль. Онъ хорошо зналъ, куда ведетъ товарищей. Всѣ окружающія примѣты доказывали, что скоро онъ вступитъ въ глухую падь—мѣсто произростанія чудодѣйственнаго корня. Дѣйствительно, чѣмъ дальше шли звѣровой тропой, тѣмъ заросль становилась гуще и гуще. Въ чащѣ стояла сильная сырость и прохлада. Повидимому, солнечные лучи никогда не проникали сюда. Почва влажная, мягкая, тундровая. Лонхоу чутьемъ угадывалъ, что наконецъ то онъ добрался до завѣтнаго мѣста. Послѣ нѣсколькихъ извилистыхъ поворотовъ, тропа раздвоилась. Лонхоу пріостановился.

— Надо разойтись! проворчалъ онъ товарищамъ. Ты Ки-сэ, Сеокви и Куенъ-Лу ступайте вправо, а я съ Ли-фу пойду влѣво... Ищите хорошенько: тутъ долженъ быть жень-шень!.. Вечеромъ сойдемся на той-же лужайкѣ, на которой провели послѣднюю ночь...

Авантюристы молча разошлись по указанію старшины. Начались энергичные поиски чудодѣйственнаго корня. Бродяги сошли съ тропинокъ, смѣло углубились въ заросль и разбрелись въ разныя стороны, чтобы не мѣшать другъ другу. Имъ приходилось продираться черезъ едва проницаемую, благоухающую стѣну сплетшагося виноградника, жимолости, рябины, акаціи, жасмина, черемухи и лещины. Индѣ они ползли на четвереонькахъ, индѣ имъ приходилось работать ножами и топорами, чтобы расчистить себѣ хоть какую нибудь лазейку. При этомъ они разбирали дрожащими отъ волненія и жадности руками пышный коверъ травы, зорко высматривая—не мелькнетъ-ли гдѣ хорошо знакомый листъ чудодѣйственнаго корня... Прошло нѣсколько часовъ. Мрачная тайга словно похоронила въ своихъ непролазныхъ трущобахъ отважныхъ искателей... Не было слышно ни возгласа, ни даже шороха. Каждый старался хранить самое осторожное молчаніе, чтобы не привлечь на себя опаснаго вниманія какого нибудь звѣря. Каждый ползалъ по мягкой травѣ и сырой почвѣ, едва переводя дыханіе, стараясь безшумно раздвигать или перерубать цѣпкій виноградъ и хлесткія вѣтви другихъ ползучихъ растеній. Голодные, всѣ забыли даже объ ѣдѣ. Жадность превозмогла апетитъ, поглотила всѣ ихъ впечатлѣнія, направила ихъ въ одну точку. Мысли ихъ сосредоточились исключительно на одномъ: какъ бы найти драгоцѣнный корень? Первымъ счастливцемъ оказался Ки-сэ. Среди густой травы онъ увидѣлъ знакомый листъ жень-шеня и затрепеталъ отъ радости. Ки-сэ осторожно началъ разрывать руками рыхлый, сочный черноземъ, чтобы не испортить, не помять, не исцарапать драгоцѣннаго, весьма нѣжнаго корня. Вотъ открылась верхняя часть корня. Это было растеніе толстое, толще большаго пальца, многолѣтнее, большой цѣны. Руки Ки-сэ дрожали отъ весьма понятнаго волненія. Онъ разгребалъ разсыпчатый черноземъ съ большою осторожностью, хорошо зная, что неосторожное обращеніе съ корнемъ можетъ повліять на его качества и понизить стоимость... Вдругъ по чащѣ пронесся болѣзненный, раздирающій душу, пронзительный крикъ и сразу оборвался на хрипломъ стонѣ, заглушенномъ рычаніемъ... Не было сомнѣнія, что одинъ изъ авантюристовъ подвергся нападенію тигра. Ки-сэ только вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, словно его пронизала электрическая искра. Онъ даже не оглянулся. Глаза его продолжали упорно глядѣть на корень. Онъ только на секунду пріостановился разгребать черноземъ, словно не слыхалъ этого ужаснаго крика и предсмертнаго хрипѣнія товарища. Ему, повидимому, не было никакого дѣла до того, что въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ него кровожадный тигръ пожиралъ еще трепещущій трупъ несчастнаго, оплошавшаго Куенъ-Лу. „Только-бы меня ламаза не тронулъ!“ промелькнуло въ головѣ у Ки-сэ, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ вырывать корень. Только руки его дрожали нѣсколько сильнѣе и по тѣлу пробѣгала неудержимая дрожь... Другіе искатели отнеслись къ раздирающему, предсмертному крику Куенъ-Лу такъ-же безучастно. Всѣ слышали этотъ крикъ, но никто не пошевельнулся, чтобы оказать несчастному помощь. Каждый думалъ только о собственной безопасности, жалѣлъ только своей шкуры, не рѣшаясь рисковать жизнью изъ за другаго. Каждаго посѣтила та-же эгоистическая, черствая мысль: „слава Небу, что попался въ лапы ламазы другой, а не я!“... Между тѣмъ звѣрь, напившись теплой крови, брелъ по заросли, облизывая языкомъ окровавленныя губы... Вдругъ его чуткое обоняніе почувствовало близкое присутствіе другаго человѣка. Онъ сталъ осторожно пробираться къ обезумѣвшему отъ жадности Ки-се. Послѣдній такъ былъ занятъ вырываніемъ корня, что ничего не слыхалъ, словно виталъ въ какомъ то особенномъ мірѣ... Но вотъ корень вырытъ... Ки-сэ съ радостною улыбкою сталъ разсматривать свое сокровище, мысленно прикидывая, сколько телей удастся ему получить за этотъ рѣдкостный корень. Экземпляръ жень-шеня былъ дѣйствительно замѣчательный. Корень имѣлъ большое сходство съ человѣческой фигурой, чѣмъ вполнѣ оправдывалъ свое характеристическое названіе „человѣкоподобный корень“ *). Восторгъ Ки-сэ не имѣлъ границъ. „Сто телей (двѣсти серебряныхъ рублей) навѣрное получу!“ думалъ онъ, тщательно осматривая узловатый корень со всѣхъ сторонъ. „Сто телей!.. Богатымъ сдѣлаюсь... Торговать начну... Большую лавку заведу со всякимъ товаромъ... Купцомъ **) всѣ величать станутъ!.. Женюсь... Пильмени ***) ѣсть буду!..“ Ки-сэ едва не пустился въ плясъ отъ веселой перспективы предстоящей жизни и предстоящаго почета... Вдругъ онъ мгновенно оцѣпенѣлъ, словно превратился въ каменный столбъ... Глаза его расширились и съ дикимъ ужасомъ уставились въ одну точку... Въ двухъ шагахъ отъ него торчала изъ густой заросли громадная голова тигра. Глаза ея горѣли зловѣщимъ огнемъ. Съ нижней губы капала на темную зелень листвы подлѣска еще свѣжая кровь... Нѣсколько секундъ звѣрь и человѣкъ упорно глядѣли другъ другу въ глаза. Ки-сэ окончательно ошалѣлъ отъ этого страшнаго, близкаго сосѣдства кровожаднаго хищника. Вмѣсто того, чтобы приготовиться къ защитѣ, Ки-сэ сталъ засовывать за пазуху только что вырытый корень жень-шень, словно онъ опасался лишь одного, что тигръ отниметъ у него найденное сокровище. Безмолвная, странная борьба взоровъ тянулась не долго... Сытый звѣрь не вынесъ безумнаго, сосредоточеннаго взгляда человѣка, медленно отвернулъ окровавленную морду и скрылся въ чащѣ. Ки-сэ вздохнулъ съ облегченіемъ и поспѣшилъ выйти изъ густой заросли на тропинку, на которой онъ считалъ себя въ большей безопасности...

XII.

Бѣгство Сеокви.

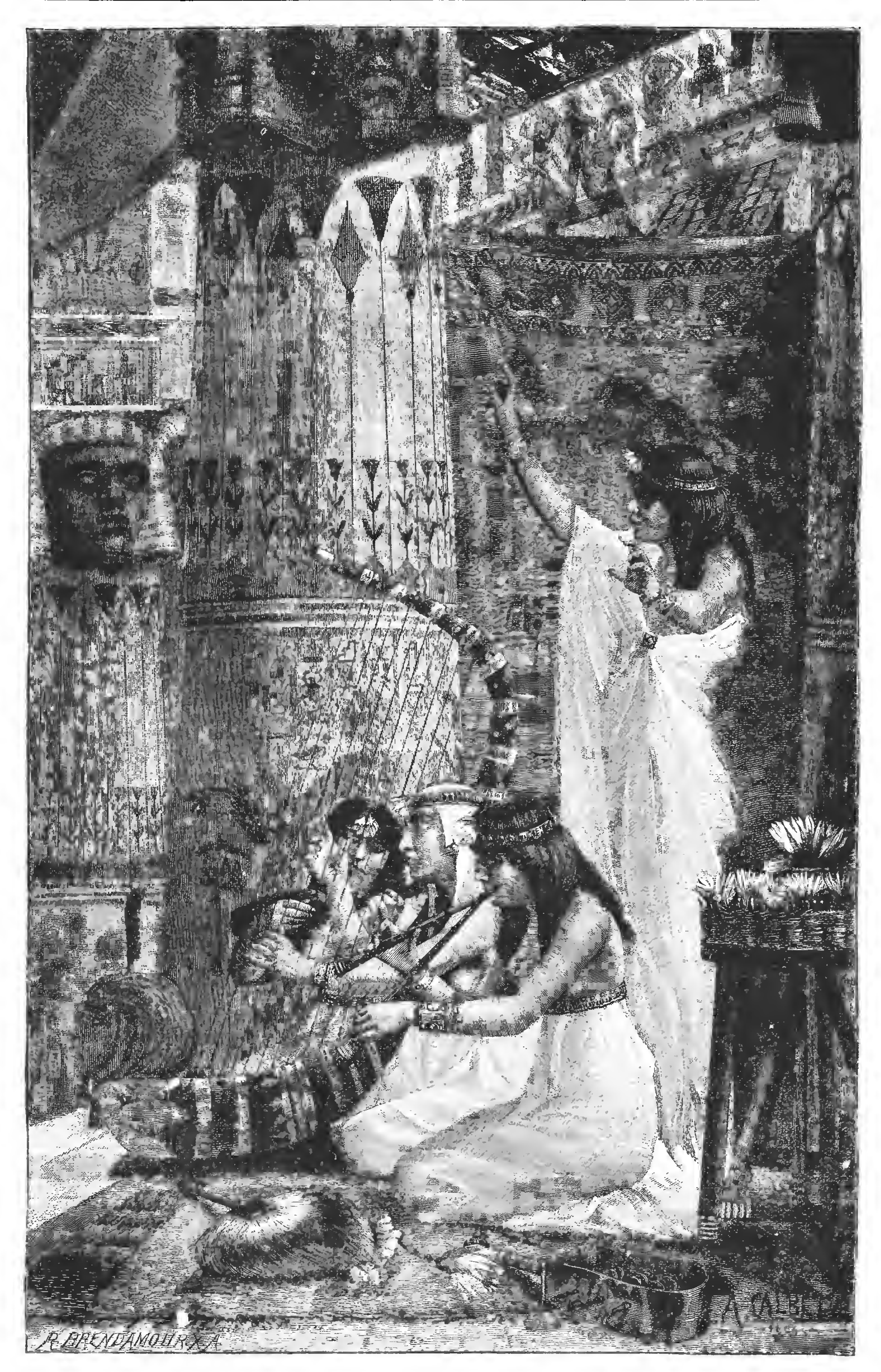
Къ закату солнца на знакомой лужайкѣ собрались только четверо искателей: пятый, именно Куенъ-Лу, не возвратился. Всѣ хорошо знали причину и никому, повидимому, не было никакого дѣла, при какихъ обстоятельствахъ свершилась страшная катастрофа. Куенъ-Лу словно и не существовало. Никто и не вспомнилъ о немъ, не упомянулъ даже его имени. Никто не высказалъ слова сожалѣнія по поводу смерти товарища. Каждый былъ поглощенъ исключительно личнымъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что для многихъ день закончился въ высшей степени удачно. Удача сгладила тяжелое впечатлѣніе, вызванное смертью Куенъ-Лу. Всѣ были, за исключеніемъ манчжура Сеокви, въ лучшемъ настроеніи духа. Особенно былъ доволенъ истекшимъ днемъ старшина Лонхоу: ему удалось найти три прекрасныхъ корня жень-шень и вдобавокъ подстрѣлить жирнаго изюбра, случайно подвернувшагося на возвратномъ пути. Переднюю часть и ребра громаднаго звѣря Лонхоу бросилъ въ тайгѣ, какъ необходимое приношеніе краснымъ волкамъ, допустившимъ авантюристовъ завладѣть частью сокровищъ, ввѣренныхъ ихъ попеченію и охранѣ божественнымъ Фо. Заднюю часть изюбра старшина притащилъ къ становищу, для пропитанія. Ки-сэ и Ли-фу, нашедшіе по одному корню, возвратились на лужайку въ лучшемъ расположеніи духа. Только одинъ Сеокви вернулся угрюмымъ, мрачнымъ, сосредоточеннымъ. Это дурное настроеніе манчжура товарищи объяснили тѣмъ, что поиски его оказались положительно безуспѣшными: Сеокви вернулся съ пустыми руками. Между тѣмъ причина этого мрачнаго расположенія духа бѣглаго солдата была совершенно иная. Онъ пробродилъ по тайгѣ, въ теченіи многихъ часовъ, подъ гнетомъ охватившей его безумной мысли, страстнаго, жгу-

*) Слово жень-шень въ буквальномъ переводѣ означаетъ „человѣкоподобный корень“.

**) Сдѣлаться купцомъ—это высшее желаніе каждаго почти китайца. Сыны Поднебесной имперіи—жиды крайняго востока. Жадные до денегъ, они, имѣя въ карманѣ лишь нѣсколько телей, уже пускаются во всевозможные обороты, продавая, покупая и мѣняя. При этомъ они всегда величаютъ себя купцами, хотя ежегодные обороты нѣкоторыхъ подобныхъ „купцовъ“ едва доходятъ до полсотни телей.

***) Пильмени—любимое кушанье китайцевъ средняго и низшаго классовъ. Приготовляются изъ совершенно прѣснаго, крутаго тѣста. Начинка—свинина, жиръ и лукъ.

Литературный альбомъ. „Морская царевна“, М. Ю. Лермонтова. Ориг. рис. Н. Лоренца, грав. Ю. Барановскій.



Въ древнемъ Египтѣ. Пѣніе въ храмѣ съ акомпаниментомъ арфы. Съ картины А. Кальбе, грав. Бренд'амуръ

чаго желанія: какъ-бы розыскать чудную долину Ула-Джана? Мысль эта давила его словно кошмаръ, въ теченіи цѣлаго дня. Сеокви шатался по тайгѣ безъ опредѣленной цѣли, слишкомъ увлеченный посторонней идеей, сосредоточенный на ней съ какою-то болѣзненною настойчивостью. Отсюда и понятно, отчего онъ возвратился съ пустыми руками въ то время, когда всѣ товарищи вернулись съ болѣе или менѣе богатой добычей. За день, Сеокви измучился физически и морально. Онъ вернулся позже всѣхъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и остальные успѣли поужинать. Товарищи встрѣтили Сеокви любопытными разспросами о причинѣ поздняго возвращенія, но манчжуръ угрюмо отмалчивался. Искатели были въ веселомъ, разговорчивомъ настроеніи духа. Богатая добыча сдѣлала ихъ болтливыми.

— Неужели ничего не нашелъ? спросилъ наконецъ Лонхоу.

— Ничего! угрюмо отвѣтилъ манчжуръ.

Взглянувъ на веселыя лица товарищей, онъ догадался, что день у нихъ закончился болѣе удачно, и его вдругъ охватила какая то злоба и зависть.

— Э...эхъ, Сеокви!?. Какъ-же это такъ?.. Вонъ, мальчишка Ли-фу даже нашелъ корешокъ, а ты, опытный, вернулся ни съ чѣмъ!.. Мѣсто, вѣдь, богатое... съ укоромъ проговорилъ старшина.

Досадно ему на манчжура, что тотъ вернулся съ пустыми руками. Самолюбіе опытнаго вожака требовало, чтобы всѣ члены партіи были одинаково счастливы въ поискахъ жень-шеня, въ мѣстѣ, имъ указанномъ.

— Онъ, видно, больше отъ хищниковъ таился, чѣмъ жень-шень искалъ!.. Сеокви, вѣроятно, думалъ, что жень-шень на деревѣ здѣсь растетъ,—шелъ по тайгѣ, да кверху глядѣлъ!.. Куда ему корня искать, онъ даже ламаза просмотрѣлъ, вѣдь тотъ мимо него шелъ, да на Куенъ-Лу наткнулся!.. начали подсмѣиваться развеселившіеся искатели жень-шеня.

Сеокви передернуло отъ насмѣшекъ, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ угрюмо отмалчиваться, сосредоточенный на своей безумной мысли.

— Возьми, отрѣжь себѣ хоть изубрины... Поѣшь!.. предложилъ Лонхоу.

— Не хочу!.. неохотно отвѣтилъ Сеокви, присаживаясь къ костру и закуривая трубку.

— Ой, ой, ѣсть онъ не хочетъ!?. удивился Ки-сэ... Не поѣлъ ли ты тамъ, въ пади?

— Ишь онъ какой, моей свѣжинки попробовать не хочетъ, обидѣлся Лонхоу. — Вѣрно онъ дохлятины какой нибудь нажрался!..

— А спать ты хочешь? насмѣшливо спросилъ старшина, послѣ короткаго молчанія.

— И спать не хочу!.. сердито проворчалъ Сеокви, попыхивая трубкой.

— За это спасибо, товарищъ! повеселѣлъ Лонхоу. Мы всѣ страшно какъ измучились, спать намъ хочется до смерти... Такъ вотъ мы соснемъ, а ты ужъ уважь насъ, покарауль не въ очередь, да посмотри за костромъ.

Предложеніе старшины такъ обрадовало Сеокви, что онъ едва не потерялъ необходимаго самообладанія и не высказалъ слишкомъ ясно своего особеннаго удовольствія. Его только что тяготила неотвязчивая мысль, какъ бы выполнить въ предстоявшую ночь задуманное имъ намѣреніе, и вдругъ самъ Лонхоу просто разрѣшилъ его затрудненіе.

— Хорошо! пробормоталъ Сеокви тѣмъ же ворчливымъ тономъ, сохраняя на лицѣ прежнее угрюмое выраженіе.

Не прошло и получасу, какъ сильно уставшіе искатели жень-шеня уснули мертвымъ сномъ, нисколько не подозрѣвая, что Сеокви рѣшился воспользоваться ихъ довѣріемъ и совершить тяжкое преступленіе противъ всѣхъ товарищей, преступленіе, не имѣвшее мѣста въ тайгѣ, неслыханное и возмутительное. Авантюристы объяснили угрюмое настроеніе манчжура просто случайной неудачей и улеглись спать вполнѣ спокойно... Прошло часа два. Сеокви продолжалъ неподвижно сидѣть передъ костромъ и смотрѣть въ яркое пламя. Повидимому, въ немъ происходила страшная, упорная нравственная борьба. По суровому лицу его пробѣгала судорога. Всѣ нервы его находились въ сверхъестественномъ напряженіи... Но вотъ Сеокви, повидимому, на что то рѣшился. Энергично тряхнувъ головой, онъ осторожно приподнялся и пытливо взглянулъ на крѣпко спящихъ товарищей. Ноги у него дрожали. Глаза горѣли лихорадочнымъ, недобрымъ огнемъ. Едва дыша, онъ сдѣлалъ нѣсколько неровныхъ, безшумныхъ шаговъ по направленію къ Лонхоу и остановился въ нерѣшительности. Лихорадочный взоръ его былъ упорно направленъ на безпечно спящаго старшину. Но вотъ, Сеокви осторожно вытащилъ свой ножъ и сдѣлалъ еще два шага, не спуская глазъ съ Лонхоу. Пламя костра бросало на широкое лезвее ножа красный, зловѣщій отблескъ, освѣщая, въ то же время, мертвенно-блѣдное лицо манчжура, имѣвшее какое то неподвижное, словно застывшее, окаменѣвшее выраженіе. Безшумно, словно привидѣніе, опустился Сеокви передъ старшиной на колѣни и осторожно протянулъ лѣвую руку къ рогу съ порохомъ, не сводя глазъ со спокойнаго лица Лонхоу... Прошло нѣсколько секундъ... Сеокви словно окаменѣлъ... Ему казалось, что старшина проснется и поймаетъ его на мѣстѣ преступленія. Онъ боялся даже пошевельнуться, боялся даже дышать. Ему чудилось, что дыханіе его вылетало изъ груди съ шумомъ вѣтра, вырывающагося изъ пещеры. Артеріи его стучали въ вискахъ, какъ кузнечные молоты... Но вотъ манчжуръ осторожно потянулъ къ себѣ пороховницу: она точно приросла къ землѣ... Онъ потянулъ сильнѣе, что то скрипнуло, но рогъ съ порохомъ не подвинулся даже на одну линію. Этотъ ничтожный, едва слышный скрипъ произвелъ на напряженные нервы манчжура страшное впечатлѣніе. Ему чудилось, что ужасный крикъ, словно разъяренной, пороховницы, потрясъ всѣ окружающія деревья, вызвалъ къ жизни каждый стебель травы, каждую былинку. Одно мгновеніе онъ считалъ себя погибшимъ... Ему казалось, что всѣ потрясенные этимъ страшнымъ скрипомъ, сію минуту вскочатъ на ноги, и онъ падетъ подъ ихъ ударами. Онъ остолбенѣлъ на одномъ мѣстѣ, боясь шелохнуться и затаивъ дыханіе. Руки его сильно дрожали. Со лба катились на траву крупныя капли холоднаго пота... Прошло нѣсколько секундъ мучительнаго выжиданія. Манчжуръ напрягъ слухъ. Тихо. Никто изъ товарищей даже не пошевельнулся. Первая опасность миновала; но внутри Сеокви сердце било шумную тревогу. Вдругъ манчжура охватила какая то дикая рѣшительность. Онъ считалъ отступленіе невозможнымъ, хотя бы пришлось погибнуть. Его охватила мысль: какъ бы скорѣе покончить задуманное дѣло. Смѣло, съ нервнымъ нетерпѣніемъ, онъ потянулъ за рогъ еще сильнѣе. Лонхоу сдѣлалъ во снѣ нетерпѣливое движеніе и сползъ съ пороховницы... Манчжуръ поднялъ ножъ и поднесъ его къ горлу старшины... Еще одно движеніе и Сеокви нанесъ бы смертельный ударъ. Но Лонхоу только повернулся на другой бокъ и захрапѣлъ еще сильнѣе прежняго. Сеокви съ облегченіемъ перевелъ духъ, осторожно перерѣзалъ ремни, на которыхъ висѣла пороховница, и поднялся... Съ тѣми же предосторожностями срѣзалъ онъ рогъ съ порохомъ у Ли-фу...

Время подходило къ полуночи. До разсвѣта оставалось не болѣе шести часовъ. Мѣшкать было нельзя. Сеокви, забравъ свое ружье и три рога съ порохомъ, осторожно углубился въ чащу. Темень въ заросли была непроницаемая. Манчжуръ сдѣлалъ по тропѣ нѣсколько десятковъ шаговъ, постоянно останавливаясь и прислушиваясь: нѣтъ ли погони? Нѣтъ!.. Вотъ треснулъ подъ его ногами подвернувшійся сухой сучокъ. Сеокви остановился словно вкопанный и сталъ чутко вслушиваться въ окружающую таинственную тишину. Нервы его приходили все въ большее и большее напряженіе... Вдругъ манчжура охватилъ панически ужасъ. Ему почудилось, что за нимъ гонятся, и онъ бросился бѣжать. Вѣтви хлестали по его лицу, рвали рубища, царапали тѣло. На каждомъ почти шагу онъ спотыкался, падалъ, стремительно подымался и бѣжалъ дальше, самъ не зная куда. Его толкалъ впередъ паническій ужасъ. Онъ бѣжалъ, не чувствуя устали. Начало разсвѣтать. Непроницаемый мракъ разсѣялся, и въ чащѣ разлился пріятный, ласкающій полусвѣтъ... Сеокви продолжалъ бѣжать. На его окровавленномъ тѣлѣ висѣли клочья халата. Лицо было исцарапано, ноги избиты и покрыты ранами... Но вотъ, тропа сдѣлала неожиданный поворотъ влѣво, и стала извиваться по крутому склону. Сеокви, безъ устали бѣжавшій по ровному мѣсту, былъ не въ силахъ идти дальше и въ полномъ изнеможеніи повалился на траву, у подошвы холма...

XIII.

Преслѣдованіе Сеокви.

Уставшіе искатели, никѣмъ не потревоженные, крѣпко проспали до разсвѣта. Первымъ поднялся Лонхоу. Потухшій костеръ и отсутствіе Сеокви озадачили его. Онъ недоумѣвалъ, гдѣ манчжуръ, куда дѣвался. „Неужели и Сеокви какой нибудь звѣрь сцапалъ ночью!“ При одной этой мысли, кровь застыла у него въ жилахъ.

— Эй, вставайте! громко крикнулъ старшина.—Новая бѣда!

Искатели вскочили и съ недоумѣніемъ уставили сонные глаза на суровое, блѣдное лицо Лонхоу.

— Что!?. Что случилось!?. спросилъ Ки-сэ коснѣющимъ отъ страха языкомъ.

— Сеокви пропалъ! лаконически объявилъ старшина, внимательно осматривая лужайку.

Нигдѣ не было видно рѣшительно никакихъ слѣдовъ борьбы. Ни одна капля крови не орошала пышный коверъ зелени. Лонхоу вернулся къ товарищамъ, опѣшившимъ отъ неожиданнаго извѣстія, и проворчалъ съ недоумѣніемъ:

— Шайтанъ его съѣшь!.. Куда онъ дѣвался?.. Ужъ не сбѣжалъ ли!?...

Внезапная, тревожная мысль озарила вдругъ старшину. Кровь отхлынула къ сердцу. На лбу его выступили крупныя капли холоднаго пота. Лонхоу быстро запустилъ руку за пазуху и вытащилъ берестянку *) съ найденными наканунѣ корнями жень-шеня.

— Нѣтъ, цѣлы! пробормоталъ онъ съ облегченнымъ вздохомъ, теряясь въ догадкахъ относительно неожиданнаго отсутствія манчжура.

---

*) Обыкновенно, найденные корни жень-шеня бережно укладываютъ въ особыя берестянки, которыя заполняются черноземомъ. Послѣдній мѣняется черезъ извѣстный промежутокъ времени. Необходимо для сохраненія чрезвычайно нѣжнаго корня, чтобы черноземъ въ берестянкахъ былъ постоянно свѣжій и влажный.

— Гей, вы! крикнулъ Лонхоу товарищамъ.—Цѣлъ-ли вашъ жень-шень? Не укралъ ли его Сеокви?

— Цѣлъ! проговорили искатели жень-шеня, внимательно осматривая вынутыя изъ за пазухи берестянки.

— Шайтанъ его дери!.. Прободай олень ему бокъ!.. Рога съ порохомъ у меня нѣтъ! крикнулъ Ли-фу, тщетно ощупывая кожаный поясъ, на которомъ висѣли, вмѣсто пороховницы, только обрѣзанные ремешки.

Лонхоу машинально поднесъ руки къ своему поясу.

— Поганая собака! Подлый разбойникъ! заревѣлъ онъ дикимъ, визгливымъ голосомъ. На губахъ его показалась пѣна. Глаза налились кровью. Его внезапно охватила дикая злоба.

— Чтобъ его красные волки разорвали!.. Мерзавецъ!.. Негодяй!.. продолжалъ Лонхоу сыпать руганью, неистово теребя щетинистые, сѣдые волоса.

— Укралъ, собака, укралъ! вылъ онъ отчаяннымъ голосомъ.— Бѣжалъ, каналья, какъ подлый трусъ!.. Попадись онъ только въ мои руки: съ живаго шкуру сдеру, медленнымъ огнемъ спалю, всѣ волосы по волоску повыдергаю!.. кричалъ Лонхоу, грозя кулаками окружающей заросли.

— Полно попусту выть... Сеокви недалеко ушелъ—можно догнать его, предложилъ Ки-сэ, немного оправившійся отъ испуга.

— Да, можно догнать! согласился разомъ успокоившійся старшина.—Да, товарищи, мы должны догнать подлаго манчжура... Онъ захватилъ съ собой весь порохъ... Вѣдь пропадемъ въ тайгѣ безъ пороха. Если не съ голоду пропадемъ, то звѣрь съѣстъ... Мы должны поймать манчжура! Поѣшьте немного, и гайда въ погоню!..

Искатели наскоро позавтракали, захватили съ собой остатки мяса и немедленно отправились въ погоню. Лонхоу, послѣ короткаго, но тщательнаго осмотра мѣстности, опредѣлилъ точное направленіе, по которому бѣжалъ манчжуръ. Опытный глазъ не обманулъ его. Не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ по извилистой тропѣ, какъ замѣтилъ на цѣпкой вѣткѣ колючей азаліи клочокъ халата.

— По этой тропѣ бѣжалъ, собака! проговорилъ Лонхоу, кивнувъ товарищамъ на клочокъ синей дабы. Гайда!.. Гайда!..

И старшина быстро зашагалъ впередъ. Чѣмъ дальше шли искатели жень-шеня, тѣмъ все болѣе и болѣе убѣждались, что они идутъ по слѣдамъ исчезнувшаго Сеокви. То на одной, то на другой вѣткѣ висѣли клочья одежды безумно бѣжавшаго манчжура... Наступилъ полдень... Авантюристы продолжали быстро подвигаться впередъ по затѣйливо извивавшейся звѣровой тропѣ. Потъ катилъ съ нихъ, отъ поспѣшной погони, крупными каплями, но они не чувствовали еще усталости. Жажда мести укрѣпляла ихъ силы. Вотъ, на одномъ изъ крутыхъ поворотовъ, Лонхоу быстро нагнулся и поднялъ какую-то вещь, очевидно принадлежащую Сеокви.

— Трубку потерялъ! лаконически сообщилъ онъ товарищамъ, бодро слѣдовавшимъ по его пятамъ. Трубку старшина спряталъ въ карманъ. Пройдя нѣсколько сотъ шаговъ, Лонхоу приподнялъ на ходу еще что то.

— Кисетъ и огниво, отрапортовалъ онъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ, засунувъ то и другое въ свой широкій карманъ.

Авантюристы зашагали по тропѣ съ бо́льшею энергіею. Потерянныя вещи доказывали, что бѣгство Сеокви было поспѣшное. Необходимо было торопиться. Манчжуръ имѣлъ впереди часовъ пять времени. Слѣдовало наверстать потерянное время во что бы то ни стало... Ужь солнце начало склоняться къ западу, когда искатели жень-шеня достигли того мѣста, на которомъ упалъ на траву измученный Сеокви. Опытный глазъ Лонхоу тотчасъ же сдѣлалъ необходимую оріентировку.

— Здѣсь онъ лежалъ! проговорилъ старшина, указывая товарищамъ на сильно примятую траву. На хребетъ, собака, полѣзъ!..

Стали съ трудомъ подниматься по крутому склону. Мягкій, сырой черноземъ смѣнился твердой почвой, состоящей изъ песчаника и известковаго камня. Вся тропа была усѣяна множествомъ мелкихъ, острыхъ камней. Подъемъ былъ чрезвычайно трудный. Ловкій, неутомимый Лонхоу взбирался на хребетъ съ юношеской ловкостью. Стальные мускулы его работали съ энергіею и, казалось, не чувствовали усталости. Что же касается до менѣе привычныхъ и выносливыхъ Ки-сэ и Ли-фу, то они замѣтно стали приставать, часто спотыкались, отдувались и пыхтѣли, точно паровыя машины.

(До слѣд. №).

Русскіе послы XVII в. въ Италіи (1656—1657 гг.).

Изъ статьи **А. Брикнера.**

(Окончаніе).

Во время пребыванія русскихъ въ Венеціи ихъ посѣтилъ также секретарь резидента герцога Мантуанскаго и привѣтствовалъ отъ его имени. Французскій резидентъ сдѣлалъ имъ также визитъ, на который они однако не отвѣтили, что вызвало неудовольствіе. На упрекъ Вимины въ несоблюденіи этикета, послы отвѣчали, что они не получали по этому предмету инструкцій. Они удовольствовались тѣмъ, что послали переводчика Топоровскаго къ французскому дипломату освѣдомиться о его здоровьѣ. Затѣмъ ихъ посѣтилъ резидентъ герцога Пармскаго. Папскій нунцій не нашелъ нужнымъ ѣздить съ визитомъ къ русскимъ посламъ, но по приказанію папы спросилъ ихъ чрезъ Альберта Вимину, будутъ ли они въ Римѣ. Послы отвѣтили, что, не имѣя порученій къ папѣ, не намѣрены быть въ Римѣ.

Переговоры пословъ съ венеціанскимъ правительствомъ въ сущности ничѣмъ не кончились. Вскорѣ по прибытіи пословъ въ Венецію, имъ объявили, что дожъ нездоровъ и не можетъ принять пословъ, а потому имъ придется имѣть дѣло съ верховнымъ совѣтомъ, гдѣ высшій сановникъ республики будетъ представителемъ дожа. Послы рѣшительно воспротивились. „Насъ послали къ дожу, говорили они, и мы собственноручно должны вручить ему грамоту царя. Только послѣ аудіенціи у дожа мы можемъ войти въ переговоры съ государственными чинами“. Въ разговорѣ Вимина упомянулъ, что власть дожа ограничена, что въ сущности онъ ничего не дѣлаетъ безъ согласія совѣта. Но такая форма правленія вовсе не согласовалась съ монархическими понятіями пословъ и они отвѣчали, что въ такомъ случаѣ государственныя бумаги должны бы были подписываться не дожемъ, а сенаторами и членами совѣта.

Пришлось уступить посламъ. Имъ пришлось ожидать выздоровленія дожа. Вимина спросилъ пословъ о цѣли ихъ миссіи и содержаніи данныхъ имъ инструкцій. Послы съ негодованіемъ отвѣчали, что они не могутъ этого разсказывать ранѣе аудіенціи. Когда же Вимина настаивалъ на необходимости заранѣе знать сущность дѣла, русскіе стали упрекать венеціанскаго посла въ желаніи подвести ихъ и высказали, что онъ говоритъ такія вещи, которыя позорятъ славное венеціанское государство.

Наконецъ назначенъ былъ день аудіенціи. Заранѣе послы справлялись будутъ ли имъ оказаны слѣдуемыя почести. Они успокоились только послѣ завѣренія Вимины, что пріемъ будетъ такой, какого не удостоивались еще послы ни одного государства.

Аудіенція происходила 22 января (1 февраля). Альберто Вимина, съ тридцатью человѣками блестящей свиты, повезъ пословъ въ богато украшенныхъ гондолахъ. Прибывъ ко дворцу дожа, послы выразили неудовольствіе, что дожъ не встрѣтилъ ихъ внизу лѣстницы; имъ отвѣтили, что это невозможно. Послы однако не переставали выражать неудовольствіе и сказали, что представители царя удостоиваются такой чести даже у султана и шаха персидкаго.

Въ залѣ аудіенцій дожъ и члены совѣта встрѣтили пословъ въ обыкновенной одеждѣ, хотя первоначально предполагалось принять русскихъ въ парадныхъ платьяхъ.

Чемодановъ говорилъ по русски. Рѣчь его переводилась на латинскій языкъ. Длинный титулъ царя обратилъ на себя вниманіе. Дожъ отвѣчалъ по итальянски, затѣмъ слова его переводились на латинскій и уже затѣмъ на русскій языкъ. Посниковъ, названный въ итальянскихъ актахъ „секретаремъ“, передалъ дожу письмо, причемъ упомянулъ о пребываніи Вимины въ Россіи въ 1655 г. и о готовности государя дозволить подданнымъ венеціанской республики вести торговлю въ Россіи. Чтеніе письма Алексѣя было отложено, ибо его нужно было еще сначала перевести. Затѣмъ послы поднесли дожу въ подарокъ соболи мѣха. Въ заключеніе аудіенціи дожъ обѣщалъ приготовить отвѣтъ.

Въ русскихъ и итальянскихъ документахъ говорится, что на пути слѣдованія пословъ изъ дворца дожа къ ихъ помѣщенію, собралась громадная толпа народа. Зрѣлище, какое представляли послы и ихъ многочисленная свита, всѣ одѣтые въ пестрыя роскошныя платья, было такъ необычайно, что даже знатные вельможи, въ маскахъ, выѣзжали посмотрѣть на шествіе.

Вторая аудіенція происходила 26 января (5 февраля). Послы говорили объ отношеніяхъ Москвы къ Польшѣ, объ успѣхахъ русскихъ войскъ, объ осадѣ многихъ польскихъ городовъ и попыткахъ князя Фердинанда возстановить миръ между Россіей и Польшей. Затѣмъ перешли къ турецкимъ дѣламъ, упомянувъ, что царь, занятый теперь польскою войною, не можетъ участвовать въ дѣйствіяхъ противъ Порты, но по окончаніи войны готовъ заключить союзъ противъ враговъ христіанства. Дожъ выразилъ желаніе, чтобы его своевременно увѣдомили когда окончится польская война.

Третья аудіенція была назначена на 30 января. До сихъ поръ въ Венеціи была собственно неизвѣстна цѣль пріѣзда русскихъ пословъ. Между тѣмъ, начали догадываться, что они будутъ просить денегъ для продолженія войны съ Польшею. Наканунѣ аудіенціи у пословъ былъ Вимина, съ цѣлью узнать въ чемъ состоятъ ихъ порученія; при этомъ онъ выразилъ, что если они будутъ просить денегъ, то это произведетъ впечатлѣніе неблагопріятное. Послы спросили откуда онъ взялъ, что они хотятъ просить денегъ? Тотъ отвѣтилъ, что это его собственное предположеніе. Между тѣмъ Чемодановъ и Посниковъ

рѣшительно отказались сказать что либо опредѣленное предъ аудіенціей. Во время же аудіенціи 30 января послы говорили объ отношеніяхъ Россіи къ Швеціи, жаловались на дѣйствія короля Густава и подробно разсказали о разрывѣ Польши со Швеціею. Въ заключеніе они все же просили у венеціанскаго правительства денегъ. Конечно, незнакомый языкъ затруднялъ переговоры. Посламъ сказали, что отвѣтъ они получатъ послѣ, когда все изложенное ими будетъ переведено. Спустя дня два Вимина снова былъ у пословъ и спросилъ ихъ получатъ ли они субсидію для веденія войны съ Турціей. Вопросомъ этимъ послы возмутились и отвѣчали, что царь не изъ-за денегъ станетъ воевать съ турками, а съ цѣлью освобожденія христіанъ отъ ига. Въ заключеніе Чемодановъ и Посниковъ спросили Вимину, самъ ли онъ додумался до такого вопроса или же сдѣлалъ его по порученію венеціанской республики. Послѣ нѣкотораго раздумья Вимина отвѣчалъ, что онъ спрашиваетъ отъ себя.

Въ аудіенціи 6/16 февраля посламъ прочли проэктъ отвѣта дожа царю. Въ отвѣтѣ значилось, что дожъ съ участіемъ выслушалъ извѣстіе о несогласіяхъ Россіи съ одной и Польши и Швеціи съ другой стороны; что онъ особенно доволенъ готовностью царя начать войну съ турками. Время къ этому самое подходящее, такъ какъ Турція занята войною съ Венеціей. Относительно же главнаго пункта послѣдовалъ рѣшительный отказъ; республика, писалъ дожъ, уже 13 лѣтъ ведетъ войну съ Турціей и потому не въ состояніи ссудить московское правительство деньгами.

Послѣ того происходило еще два, три засѣданія, въ которыхъ дожъ, подъ предлогомъ болѣзни, уже не принималъ участія. 20 февраля (2 марта) Вимина привезъ посламъ отвѣтъ дожа съ замѣчаніемъ, что послѣдній боленъ и не можетъ принять ихъ въ прощальной аудіенціи. Послы не согласились принять отвѣтъ иначе какъ изъ рукъ дожа. Не смотря на разныя представленія и на объясненія имъ, что, по правиламъ республики, отвѣтныя письма не передаются въ торжественныхъ аудіенціяхъ, послы настояли таки на своемъ. 23-го февраля (5 марта) происходила прощальная аудіенція. Послы благодарили дожа за сказанный пріемъ. Дожъ выразилъ еще разъ надежду, что русскій государь поможетъ венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ турокъ Передавая отвѣтъ, дожъ сказалъ, что отвѣты другимъ государствамъ печатаются серебряною печатью, на отвѣтѣ же царю Алексѣю находится печать золотая.

1/11 марта послы уѣхали изъ Венеціи. Накануне отъѣзда Чемодановъ написалъ герцогу тосканскому письмо, хранящееся въ архивѣ Флоренціи. Оно написано по-латыни, подпись же поставлена рукою Чемоданова по-русски; въ письмѣ онъ благодаритъ за пріемъ и рекомендуетъ переводчика Іогана Сакса, желавшаго поступить на службу къ герцогу. Къ письму приложенъ былъ горностаевый мѣхъ для великаго герцога и такой же для брата его Леопольда.

Появленіе русскихъ пословъ въ Италіи возбудило живой интересъ во всѣхъ пунктахъ Апеннинскаго полуострова. Надѣялись, что царь окажется полезнымъ союзникомъ въ войнѣ противъ турокъ и отъ нападенія русскихъ войскъ съ востока на татаръ и турокъ ожидали большихъ послѣдствій.

Въ общемъ же появленіе русскихъ пословъ въ Италіи не лишено было политическаго значенія. Непосредственно по ихъ отъѣздѣ изъ Венеціи, въ газетахъ появились сообщенія объ успѣшномъ и многообѣщающемъ союзѣ съ московскимъ государствомъ: разсказывали, что царь *немедленно* (?) вышлетъ противъ Порты армію въ 100,000 человѣкъ и т. п.

Путешествіе русскихъ пословъ изъ Венеціи въ Москву продолжалось отъ начала марта до конца августа, т. е. *около полугода!* Дорога шла первоначально чрезъ Тревизу и Бассано въ Тріентъ. На границѣ венеціанской области произошла задержка и споръ, такъ какъ послы не желали уплатить обычной пошлины. Епископъ Тріентскій приготовилъ русскимъ торжественный пріемъ: онъ выслалъ экипажи и верховыхъ лошадей; въ городѣ же было отведено прекрасное помѣщеніе, гдѣ путешествующихъ угощали по княжески. Отъ Тріента до Боцено путь пролегалъ по Эчу и Эйзаху въ лодкахъ, затѣмъ снова пришлось пересѣсть въ экипажи. За недостаткомъ средствъ для найма повозокъ для всего посольства, большая часть свиты шла пѣшкомъ, почему переводчикъ бѣжалъ и его не могли отыскать. Въ Инсбрукѣ, гдѣ послы были также любезно приняты намѣстникомъ, они узнали нѣкоторыя новости о своемъ государѣ, именно что царь Алексѣй находится на польской границѣ, что онъ заключилъ миръ со шведами и пр. Въ Инсбрукѣ въ честь пословъ хотѣли устроить разныя увеселенія, но русскіе объяснили, что по ихъ календарю теперь Страстная недѣля и они не могутъ принимать участія въ увеселеніяхъ.

Въ дневникѣ упоминается объ разныхъ недолгихъ остановкахъ въ Динкельсбюлѣ, Мергентгеймѣ, Мильтенбергѣ, Зелигенштадтѣ и Франкфуртѣ.

Въ концѣ апрѣля русскіе прибыли въ Амстердамъ, и этотъ городъ подробно описанъ въ дневникѣ. Каналы и деревья, которыми обсажены берега ихъ, множество каменныхъ мостовъ, обширныя гавани съ безчисленными кораблями—возбудили вниманіе русскихъ. Въ Амстердамѣ повторилось то же, что было въ Ливорно. Купцы, имѣвшіе сношенія съ Архангельскомъ, изъ своихъ видовъ, считали нужнымъ хорошо принять русскихъ дипломатовъ. Голландскій негоціантъ, бывавшій въ Россіи, выѣхалъ имъ на встрѣчу и между прочимъ спросилъ не имѣютъ ли они письма къ генеральнымъ штатамъ. Послы отвѣчали отрицательно и замѣтили, что они только случайно пріѣхали въ Нидерланды, съ цѣлью отправиться отсюда моремъ въ Архангельскъ; прямая дорога въ Москву сухимъ путемъ была закрыта въ виду польско-русской войны.

Русскіе дипломаты обратились къ голландскимъ купцамъ съ просьбой нанять для нихъ корабли въ Архангельскъ, такъ какъ они сами неопытны въ этомъ дѣлѣ. Купцы озаботились помѣщеніемъ и пріемомъ пословъ. За обѣдомъ, какъ описано въ дневникѣ, пили тостъ за процвѣтаніе голландскихъ штатовъ. Вскорѣ былъ нанятъ корабль въ Архангельскъ за 110 рублей. Еще разъ данъ былъ въ честь пословъ обѣдъ. Затѣмъ было вручено имъ письмо отъ генеральныхъ штатовъ къ царю и 4 мая путешественники сѣли на корабль; 25 іюня они достигли устья Двины. Послѣ *пятнадцатимѣсячнаго* отсутствія Чемодановъ и Посниковъ прибыли наконецъ въ Москву

Протоіерей А. Е. Маловъ. Съ фотогр. грав. Барановскій.

Къ рисункамъ.

Масляница въ большомъ селѣ.

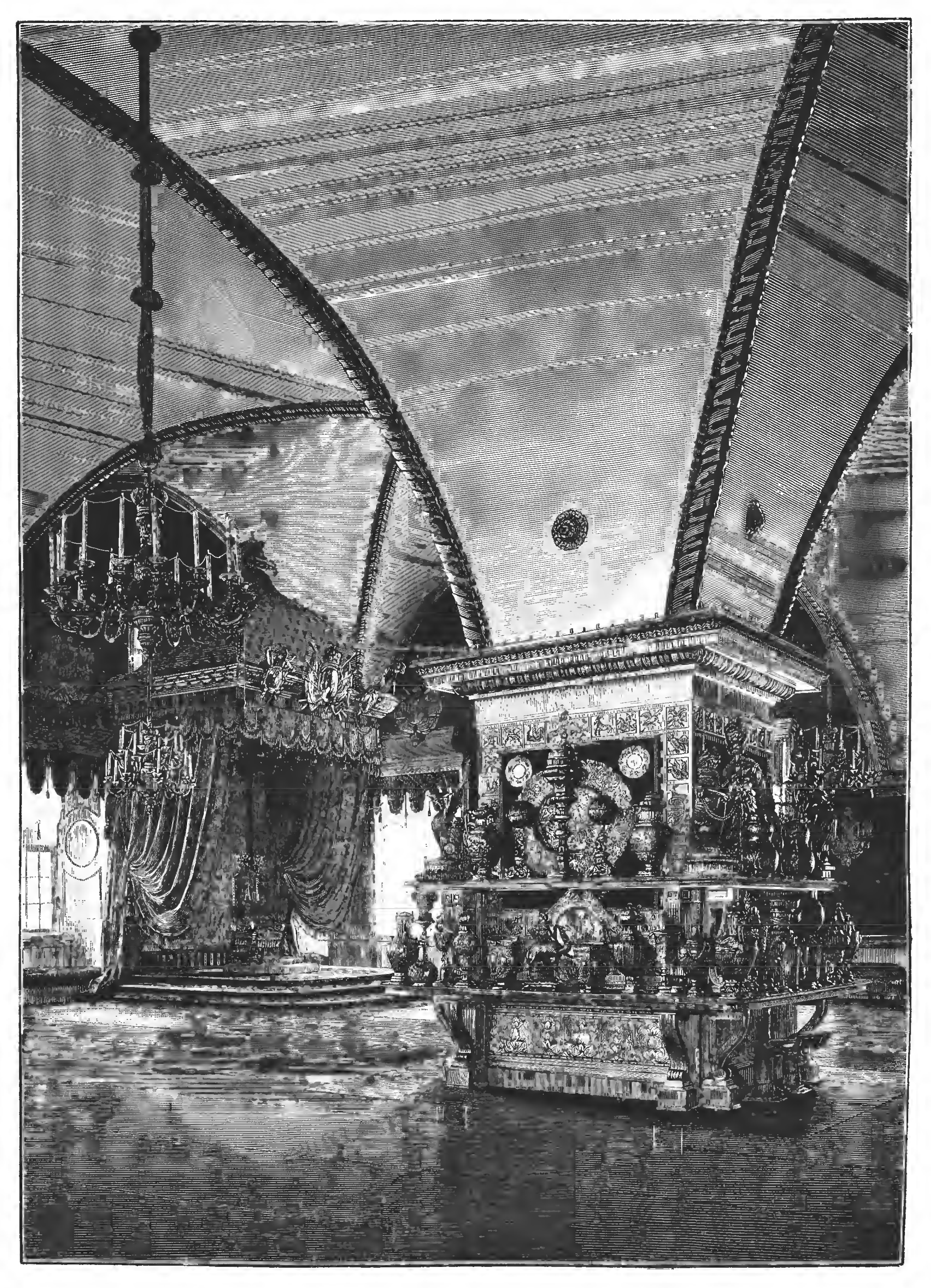
(Рис. на стр. 81 и 85).

Замѣчательно мѣтко художникъ схватилъ впечатлѣніе картины сельской улицы въ лунный, свѣтлый вечеръ въ веселые дни масляницы. Огоньками загорѣлись ярко окошки, пѣснями, смѣхомъ, крикомъ и треньканьемъ гармоникъ наполнена вся улица, слышится свѣжій смѣхъ дѣвушекъ и подростковъ, пискъ дѣтей, катающихся на ледышкахъ, перезвонъ бубенчиковъ саней, мчащихся гусемъ по узкимъ зимнимъ дорогамъ. Разгулъ во всю ширь, всѣ стараются повеселиться вдосталь послѣ трудовыхъ дней, забыться и распахнуться. Въ большое село къ богатымъ свойкамъ и родственникамъ наѣхали гости изъ другихъ деревень и пустынныхъ поселковъ, дымятся блины, звенятъ стаканчики, не прерывается говоръ... И будетъ это веселье тянуться безъ перерыву до перваго удара полуночнаго понедѣльничнаго колокола, возвѣщающаго начало строгаго и долгаго Великаго поста, когда каждый добрый христіанинъ потружается въ себя, одумывается, очищается отъ дурныхъ дѣлъ и мыслей и спокойнѣе проводитъ время.

За монастырской стѣной.

(Рис. на стр. 89).

На вѣки отказавшись отъ всего мірскаго, подвизается въ молитвѣ и строгой жизни молодая отшельница, выполняя обѣтъ, данный ею Богу. Скромно опущены ея большіе глаза, когда проходитъ она среди рядовъ своихъ духовныхъ сестеръ, становясь на мѣсто. Горяча ея молитва, въ которой проситъ она забвенія минувшему горю, которое и заставило ее идти въ монастырь; молитъ она всякаго счастія оставленнымъ ею въ міру близкимъ и роднымъ, прощаетъ врагамъ своимъ... Но вотъ по-



Грановитая Палата во дворцѣ Московскаго Кремля. Съ фотогр. М. Панова, грав. Флюгель.

лучила она письмо и молодая кровь заговорила, глаза блестятъ, тонкій румянецъ проступаетъ на щекахъ и передъ нею носятся грезы минувшаго и заставляютъ такъ сильно биться сердце. Прекрасная картина г. Корзухина производитъ истинно художественное впечатлѣніе и отличается присущею ему типичностью.

Лит. альб. „Морская царевна", Лермонтова.

(Рис. на стр. 92).

Стихотворенію нашего поэта „Морская царевна" очень посчастливилось. Эту тему разработывали скульпторы на конкурсъ для городскаго фонтана, эта же тема задана въ прошломъ году Академіей ученикамъ. Одну изъ наиболѣе удачныхъ обработокъ представляетъ рисунокъ молодаго художника г. Лоренца, здѣсь помѣщаемый. Это извѣстное стихотвореніе Лермонтова, начинающееся:

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: царевичъ взгляни на меня!
Слышитъ царевичъ: я царская дочь!

Тоскливый юный голосъ изъ глубины морской молитъ о любви и страсти, и изъ взбушевавшихъ внезапно и закипѣвшихъ волнъ выплываетъ красавица-царевна. Царевичъ съ удивленіемъ наклоняется и приглядывается къ этой опасной красотѣ, прислушивается къ этому чудному, вкрадчивому голосу, погубившему не одного неосторожнаго и заманившему въ мертвую, холодную пучину...

Духовное пѣніе въ древнемъ Египтѣ.

(Рис. на стр. 93).

Помѣщенная на стр. 93 картина А. Кальбе знакомитъ насъ съ положеніемъ музыкальнаго дѣла въ древнемъ Египтѣ, о чемъ до сихъ поръ имѣется еще мало научныхъ данныхъ. На картинѣ изображенъ родъ церковнаго концерта, какіе часто могли происходить на папертяхъ храмовъ. Артистки украшены цвѣтами лотоса въ честь бога Озириса, который считался древними египтянами изобрѣтателемъ и покровителемъ музыки и которому посвящена была „роза Нила". Разумѣется, трудно судить, могла ли равняться въ техническомъ и музыкальномъ отношеніи разукрашенная арфа артистки маленькаго оркестра съ арфами нашего времени, и достаточно ли звучны узкая лютня на правой сторонѣ и лишенная клапановъ флейта на лѣвой. Но въ то время не были такъ требовательны въ музыкальномъ отношеніи: о хроматической гаммѣ не имѣли никакого понятія. Молодыя виртуозки кажется очень увлечены своею музыкою, которая безъ сомнѣнія нравилась также и публикѣ. Молодая женщина, въ красивой позѣ стоящая позади группы музыкантшъ, поетъ или говоритъ нѣчто въ родѣ рапсодической интермедіи, имѣющей цѣлью усилить эффектъ музыки.

А. Е. Маловъ.

(Порт. на стр. 96).

Одинъ изъ участниковъ завоеванія Туркестанскаго края, первый православный протоіерей Средней Азіи, старожилъ г. Ташкента, маститый нынѣ старецъ, А. Е. Маловъ состоитъ настоятелемъ Іосифо-Георгіевской церкви въ Ташкентѣ и благочиннымъ церквей этого города.

Прилагая портретъ уважаемаго піонера-священника, около 30 лѣтъ живущаго въ стѣнахъ и краѣ, трудами и энергіей котораго воздвигнулось въ послѣднемъ болѣе 20 церквей, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя біографическія подробности объ этомъ представителѣ нашей православной церкви на дальнихъ окраинахъ, въ центрѣ Ислама.

А. Е. Маловъ родился въ 1815 году въ г. Бугульмѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ одной изъ церквей этого города.

Образованіе свое Андрей Евграфовичъ получилъ въ Оренбургской духовной семинаріи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 году. Въ слѣдующемъ 1839 году онъ былъ рукоположенъ въ санъ священника епископомъ Іоанникіемъ и назначенъ въ село Бережные-Челны Уфимской губерніи, откуда въ 1840 году былъ переведенъ въ с. Матвѣевку Мензелинскаго уѣзда, а въ 1849 г. переведенъ въ Мензелинскій соборъ и назначенъ благочиннымъ церквей этого уѣзда. Но скромная дѣятельность священника уѣзднаго городка не могла удовлетворить Андрея Евграфовича, душа котораго стремилась къ болѣе широкой дѣятельности. Вотъ почему А. Е. скоро откликнулся съ полной готовностью на приглашеніе занять мѣсто священника въ фортѣ Перовскомъ, куда онъ и былъ переведенъ въ 1856 году.

Съ этого времени и начинается походная дѣятельность о. Андрея и жизнь, полная разнаго рода лишеній и приключеній, сопряженныхъ съ опасностями. Разсказы о. Андрея объ этой жизни представляютъ живой интересъ, характерно обрисовываютъ то прошлое время, когда горсть храбрецовъ дѣлала славныя дѣла, прославила русское имя и высоко его поставила среди всего населенія Средней Азіи. Разсказы его отличаются простотой, искренностію и глубокимъ интересомъ.

Андрей Евграфовичъ участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ. Онъ имѣетъ всѣ духовныя награды и слѣдующіе ордена и кресты: Св. Анны 1 ст., Св. Владиміра 3 и 4 ст., 2 медали за Кокандскій и Хивинскій походы, бронзовый крестъ въ память войны, золотой наперстный крестъ на георгіевской лентѣ и, наконецъ, 19-го августа 1882 года, въ день имянинъ о. Андрея, ташкентское городское общество, въ знакъ уваженія къ духовной дѣятельности маститаго мужа, поднесло ему крестъ, осыпанный брилліантами.

Въ санѣ протоіерея А. Е. съ 19 октября 1869 года.

Грановитая Палата въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ.

(Рис. на стр. 97).

Московскій кремлевскій дворецъ, построенный по плану предначертанному императоромъ Николаемъ, во время пребыванія его въ Москвѣ въ 1838 году, теперь представляетъ собою одно изъ грандіознѣйшихъ зданій нашей первопрестольной столицы. Особенно поразительно его внутреннее убранство, соединяющее въ себѣ роскошь съ необычнымъ вкусомъ и высоко-художественнымъ выполненіемъ всѣхъ архитектурныхъ деталей.

Грановитая палата заложена при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III. Изъ описанія палатъ, составленнаго 1672 г., видно, что стѣны были покрыты священными изображеніями и раззолочены. Эта великолѣпная палата служила аудіенцъ-залой. Олеарій, бывшій въ 1634 году посломъ отъ голштинскаго герцога, говоритъ, что „сія аудіенцъ-зала была квадратная, со сводами: стѣны и полы покрыты коврами: своды золоченые, расписаны священными изображеніями. Кресло Великаго Князя возвышалось на три ступени у стѣны противъ входа". Мейерберъ, въ 1661 году бывшій въ Москвѣ, говоритъ, что посреди палаты огромный столбъ служилъ подпорою всей палатѣ, расходясь въ стороны сводами: полы устланы богатыми коврами; на скамьяхъ, также покрытыхъ великолѣпными коврами, сидѣли многіе бояре, окольничіе и думные дворяне. Между двухъ оконъ, у стѣны, стоялъ богатѣйшій серебряный вызолоченый царскій престолъ.

Древняя живопись послѣ пожара 1701 года не была возобновлена и вся палата отдѣлана заново; нынѣ обита краснымъ бархатомъ, усѣяннымъ золотыми орлами. Палата имѣетъ 19 оконъ и 10 саженъ въ квадратѣ.

Наряды и украшенія древней русской женщины.

(Рис. на стр. 100).

Древняя русская женщина любила блеснуть богатствомъ своихъ украшеній и древне-русскія красавицы очень хорошо понимали тотъ эффектъ, который производитъ разныя подвѣски изъ золота, камней при хорошенькомъ личикѣ. Идеальная и мечтательная красота и скромная простота наряда не пользовались сочувствіемъ у нашихъ предковъ; отъ молодой женщины требовались красота здоровья, свѣжесть; лицо бѣлое съ алыми щеками и черными бровями и весь костюмъ тогдашней красавицы долженъ былъ быть принаровленъ къ этому господствовавшему вкусу. Цвѣтъ одеждъ выбирался преимущественно яркій, а дорогіе мѣха, золотыя ткани, самоцвѣтные камни придавали еще болѣе блеска щегольскому наряду русской богатой боярыни XVI или XVII вѣка. Обычный головной уборъ замужней женщины—золотая кика, украшалась жемчугомъ въ такомъ количествѣ, что жемчужныя нити окаймляли бѣлое лице со всѣхъ сторонъ; лобъ украшала жемчужная поднизь; стороны — щекъ жемчужныя нити рясы: шея красилась жемчужнымъ стоячимъ ожерельемъ или же жемчужною нитью, которая называлась перломъ. Камни и золото считались необходимымъ условіемъ каждаго нарядн̆аго убора и у богатыхъ женщинъ такъ называемая *ларечная кузня*, т. е. запасъ всевозможныхъ золотыхъ украшеній достигалъ иногда очень большихъ размѣровъ и высокой цѣнности. Онъ заключался кромѣ нѣкоторыхъ головныхъ принадлежностей въ нарядахъ шеи (монисто, цѣпочка, ожерелье 3, 18, 12), въ нарядѣ ушей (серьги 10, 13 и 14) и рукъ (жуковины, обручи, запястье, зарукавья 7, 8 и 9). Монисто было ожерелье исключительно золотое, то есть состоящее изъ золотыхъ подвѣсокъ, у которыхъ на снуркѣ висѣли небольшія иконы, панагіи, кресты, иногда съ частицами мощей, раздѣленные золотыми пронизками и бусами. Ожерелье отъ слова горло, жерло, обозначало шейный нарядъ или уборъ, состоявшій собственно изъ атласнаго низаннаго жемчугомъ стоячаго воротника. Напереди такое ожерелье застегивалось богатыми пуговицами и, закрывая высоко шею и грудь, въ полной мѣрѣ отвѣчало требованіямъ стариннаго идеала — не раскрывать обольщеній женской красоты. Самая древняя форма серегъ состояла изъ кольца вдѣваемаго въ ухо; къ кольцу прикрѣплялась висячая булавка или *спень* съ надѣтымъ на него дорогимъ камнемъ. Конецъ спеня, остававшійся ниже камня, украшался кромѣ того двумя большими жемчужными зернами. Взамѣнъ зеренъ ставились часто или золотые бубенчики-бусы дутые или каточки-бусы литые. Щеголихи носили преимущественно длинныя серьги, украшая ихъ самыми разнообразными привѣсками. Обручи, запястья и зарукавья у

древней русской женщины соотвѣтствовали нынѣшнимъ браслетамъ. Впрочемъ они не могли быть въ большомъ употребленіи, такъ какъ руки нашихъ старинныхъ красавицъ почти никогда не обнажались и этимъ именно объясняется то обстоятельство, что вообще браслеты встрѣчаются въ коллекціяхъ женскихъ древне-русскихъ украшеній очень рѣдко.

По дошедшимъ до насъ образцамъ, мы знаемъ впрочемъ, что они состояли изъ цѣпочки болѣе или менѣе широкой или собственно изъ нѣсколькихъ звенъ, соединенныхъ цѣпочками или петельками.

Гребни и поясныя пряжки, которые тоже представлены въ образцахъ на нашемъ рисункѣ (рис. 4 и 16), хотя и не принадлежатъ собственно къ туалетнымъ украшеніямъ, но тѣмъ не менѣе заслуживаютъ вниманія, такъ какъ наши предки не относились къ нимъ такъ индифферентно, какъ мы къ нимъ относимся въ наше время. Гребни XVI и XVII столѣтія были настоящими произведеніями искусства. Они вырѣзывались изъ слоновой кости или кости рыбья зуба и рѣдко бывали гладкіе; большая часть ихъ украшалась рѣзьбою или на поверхности или насквозь, отчего и назывались прорѣзными. На концахъ гребней вырѣзывали птичьи или змѣиныя головки или просто рожки. Работою гребней славилась исключительно Холмогорская сторона, откуда привозили мастеровъ даже въ царскій дворецъ, такъ какъ хорошій рѣзчикъ изъ кости былъ въ то время большою рѣдкостью. Что же касается поясныхъ пряжекъ (16), то, мало значительныя сами по себѣ, онѣ, какъ принадлежность пояса, имѣли большое значеніе въ жизни древне-русской женщины. Вспомнимъ только, что поясъ на сорочкахъ носился въ старину какъ символъ цѣломудрія и благочестія. Появиться какимъ либо образомъ въ сорочкѣ распоясавшись, считалось большимъ грѣхомъ и даже преступленіемъ. Это служило вѣрнымъ признакомъ нравственной распущенности. Распоясанными носились однѣ верхнія одежды и тоже съ нравственной цѣлью, чтобы не обнаружить ни одною складкою контуровъ тѣла и изображать собою какую то безформенную фигуру, что часто вводило въ заблужденіе иностранцевъ, наивно думавшихъ, что всѣ русскія женщины безъ исключенія обладаютъ тѣлесною плотностью и даже толщиною.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Франція.—Турція.—Корея.

Шествіе въ Хартумъ Вольселея быстрыми шагами приближается къ тому моменту своего усложненія, который можетъ быть названъ критическимъ и отъ развязки котораго будетъ зависѣть участь экспедиціи. Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что англійскій полководецъ обладаетъ всѣми личными качествами, ручающимися за успѣхъ его предпріятія, и хотя всѣ его приготовленія были сдѣланы съ большою предусмотрительностью, но все таки ему придется встрѣтить непредусмотрѣнныя обстоятельства. Такъ уже теперь ему приходится бороться съ своенравностью и непослушаніемъ египетскихъ вспомогательныхъ войскъ, составляющихъ эскортъ, сопровождающій по Нилу провіантскіе транспорты, и исключительно потребляющихъ на свои нужды почти весь взятый англичанами продовольственный запасъ. По извѣстіямъ изъ Хартума, Гордонъ недавно потерпѣлъ чувствительное пораженіе. Махди, по всѣмъ даннымъ, поставилъ себѣ цѣлью взять въ плѣнъ хартумскій гарнизонъ до прибытія англійской экспедиціи. Одновременно съ развязкою военныхъ событій въ Суданѣ, должно послѣдовать и дипломатическое рѣшеніе египетской задачи. Оттѣсненная порта въ свою очередь начинаетъ серьезно вмѣшиваться въ дѣло Египта и турецкій агентъ Гассанъ-Феми-паша отправился въ Лондонъ черезъ Берлинъ и Парижъ, какъ видно съ цѣлью окончательно разузнать, что, въ сущности, хотятъ сдѣлать изъ Египта. По послѣднимъ извѣстіямъ, у Абуклейскихъ колодцевъ произошло первое сраженіе британскихъ войскъ съ частью вооруженныхъ силъ суданскаго лжепророка. Генералъ Стюартъ, съ незначительнымъ отрядомъ въ 1200 человѣкъ, двинувшись степью по направленію къ Метамне, наткнулся на скопище мятежниковъ, численностью въ десять тысячъ человѣкъ. Англичане по принятому обыкновенію построились въ каре, но мятежники стремительнымъ натискомъ прорвали его и былъ моментъ, что положеніе регулярныхъ британскихъ войскъ сдѣлалось даже критическимъ. Только убійственный огонь англійской пѣхоты, которой удалось сомкнуть ряды, заставилъ мятежниковъ отступить и Абуклейскіе колодцы оставить во власти англичанъ. Впрочемъ побѣда, какъ видно, не была полная и рѣшительная, такъ какъ движеніе отряда на Метамне должно было пріостановиться на нѣсколько часовъ. Самый успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною. Полковникъ Бурнаби убитъ; лордъ С. Винсентъ тяжело раненъ; много офицеровъ и нижнихъ чиновъ убито и ранено. Войска Махди, какъ говорятъ, потеряли до 1200 человѣкъ, но одинъ уже прорывъ англійскихъ линій свидѣтельствуетъ о храбрости и стремительности мятежниковъ. Генералъ Стюартъ, какъ сообщаетъ депеша, пошелъ далѣе по направленію къ Шанди, такъ что нужно ожидать новыхъ сраженій.

Во Франціи дѣятельность новаго военнаго министра генерала Леваля начинаетъ уже проявляться въ предѣлахъ ввѣренной ему власти. Въ парламентскихъ кружкахъ уже поговариваютъ о предстоящемъ представленіи военнымъ министромъ проекта закона о мобилизаціи въ маломъ размѣрѣ. Этотъ проектъ очевидно имѣетъ цѣлью создать постоянный кадръ свободныхъ отъ гарнизонной службы войскъ для употребленія ихъ при дальнихъ экспедиціяхъ вмѣсто колоніальной арміи, объ организаціи которой теперь перестали толковать. Для пополненія же дѣйствующихъ въ Тонкинѣ батальоновъ предназначаются охотники изъ различныхъ частей французской арміи, вмѣсто которыхъ убыли въ войскахъ пополняются состоящими въ распоряженіи министра безсрочно-отпускными.

Въ преемники морскаго министра адмирала Пейрона прочатъ адмирала Клуэ, уже исправлявшаго однажды обязанности морскаго министра. Недавняя неудача Курбэ нѣсколько преувеличена англійскими телеграммами. Курбэ телеграфировалъ, что отрядъ легкой африканской пѣхоты неосторожно попытался взять сильно укрѣпленные верки къ югу отъ Келунга. Французы потеряли 19 человѣкъ убитыми, 12 тяжело ранеными и 14 легко ранеными. Стычка происходила до прибытія подкрѣпленій, которыя послѣ благополучнаго переѣзда высажены на берегъ въ хорошемъ санитарномъ состояніи.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что султанъ приказалъ снарядить экспедицію изъ 6000 человѣкъ для занятія Суакима. Расходы на эту экспедицію будутъ гарантированы доходами нѣкоторыхъ территорій побережья Краснаго моря, принадлежащихъ Египту. Дворцовая клерикальная партія не одобряетъ этой экспедиціи.

По извѣстіямъ изъ Кореи, Китай и Японія рѣшили предоставить улаженіе ихъ спора, относительно Кореи, третейскому суду изъ представителей Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ. Японскій министръ иностранныхъ дѣлъ и чрезвычайный посолъ въ Кореѣ былъ принятъ въ аудіенціи корейскимъ королемъ, изъявившимъ готовность дать японскому правительству полное удовлетвореніе. Переговоры были начаты и черезъ день уже было достигнуто соглашеніе, удовлетворившее обѣ стороны. Такимъ образомъ согласіе между Китаемъ и Японіею было возстановлено.

Библіографія.

Akropolisbilder. Aquarelle von K. Werner. 1884. G. Seitz artist. Anstalt.

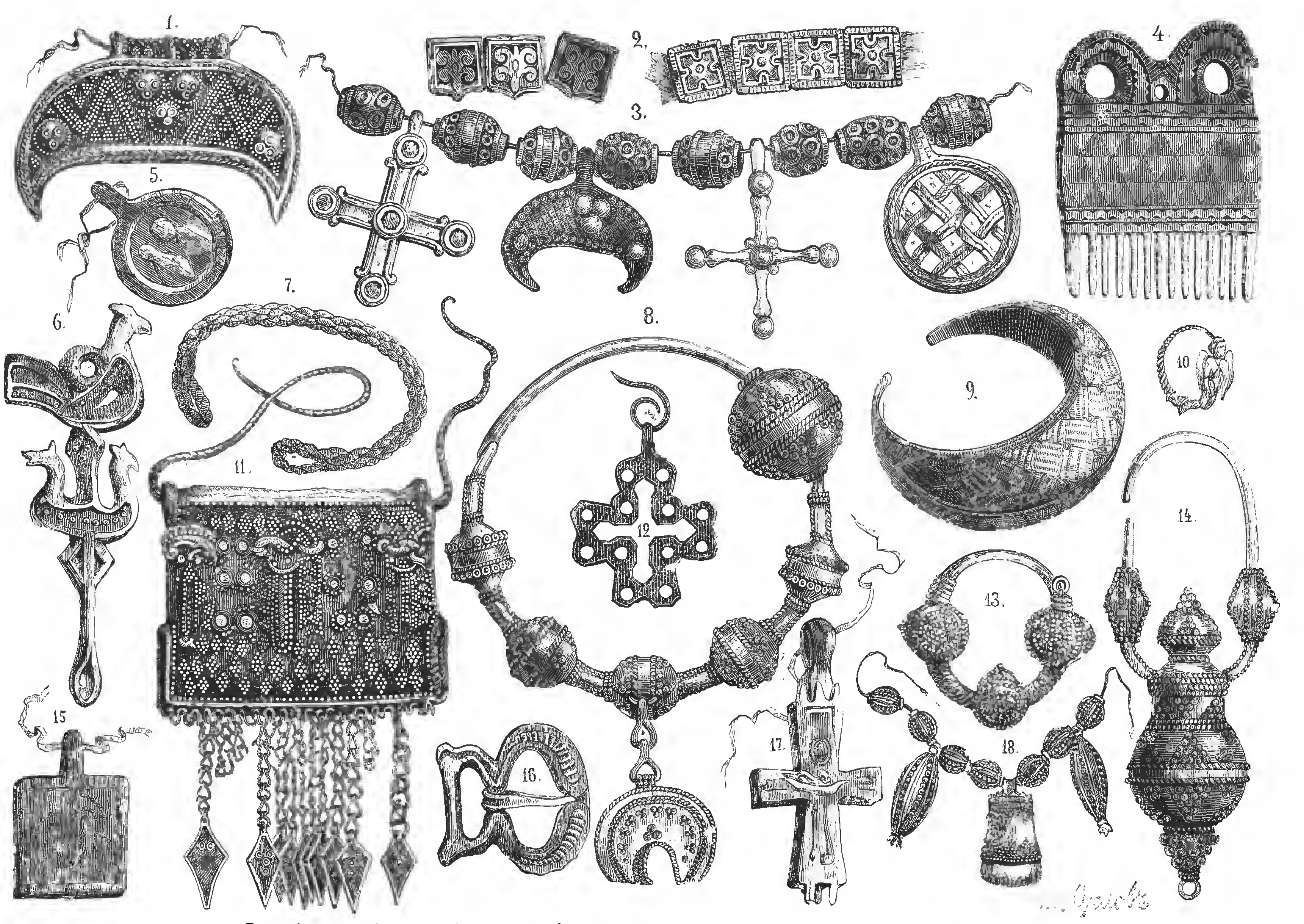
Blumenbilder von Bertha Reinhardt. 1884. G. Seitz artist. Anstalt.

Не можемъ не остановить вниманія читателей на этихъ двухъ превосходныхъ изданіяхъ г. Зейца. Первое возстановляетъ передъ нами въ превосходныхъ рисункахъ Вернера развалины древнихъ Аѳинъ, то что прежде всего торопится видѣть любознательный туристъ—эти остатки чудесной цвѣтущей жизни. Все это сдѣлано съ величайшей любовью и точностью и воспроизведено въ иллюминованныхъ рисункахъ, съ полнымъ совершенствомъ техники. Древняя столица Аттики сохраняетъ еще столько великихъ остатковъ, что при видѣ ихъ воображеніе ясно переноситъ васъ въ цвѣтущій періодъ греческой славы и искусства. Такіе рисунки дѣлаютъ честь какъ художнику, такъ и издателю.

Что касается другаго изданія Зейца, здѣсь помянутаго, то міръ цвѣтовъ воспроизведенъ въ немъ съ такою живостью и вѣрностью, во всемъ блескѣ красокъ и жизни, что помимо того, что такое изданіе прекрасное украшеніе стола всякой гостиной, но можетъ служить и какъ прекрасное руководство для художниковъ, особенно занимающихся прикладнымъ рисованіемъ.

Очеркъ исторіи ребуса. Колосова и Озеркова. СПБ. 1885 г. Книжка эта заключаетъ въ себѣ исторію ребуса, начиная съ египетскихъ іероглифовъ и кончая современными русскими журналами, и снабжена многими рисунками, изъ которыхъ наиболѣе интересны французскіе ребусы XVI в. Задача авторовъ позволила имъ также сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о клинописи, китайской азбукѣ, фигурномъ письмѣ дикихъ и т. п. Вообще, любители ребуса найдутъ въ этой книжкѣ не мало любопытныхъ фактовъ, относящихся до излюбленной ими забавы.

Систематическій курсъ русской грамматики. Ю. Трачевской. СПБ. 1885 г. Правописаніе должно основываться на словообразованіи. Чтобы сдѣлать какъ можно доступнѣе для учениковъ систематическое изученіе словообразованія, авторъ руководства старался указывать правила образованія, согласованія и управленія словъ и предложеній кратко и точно. Съ этой стороны нельзя не признать нѣкотораго значенія и полезности за названнымъ учебникомъ.



Русскія древнія женскія украшенія. Ориг. рис. съ натуры И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

1) Подвѣски. 2) Пояса. 3 и 18) Ожерелья съ подвѣсками. 4) Гребень. 5 и 15) Шейные образки. 12 и 17) Шейный крестикъ. 7, 8 и 9) Браслеты. 10, 13 и 14) Серьги. 6) Коноушка. 11) Кармашекъ. 16) Поясная пряжка.

Смѣсь.

От Палестинскаго Общества. Телеграмма изъ Іерусалима уже сдѣлала извѣстнымъ, что представитель Православнаго Палестинскаго Общества получилъ благословеніе Патріарха Іерусалимскаго Никодима на дѣятельность Общества въ Святой Землѣ. Теперь намъ доставлены слѣдующія подробности объ этомъ.

20 Декабря прошлаго года членъ совѣта общества В. Н. Хитрово, въ сопровожденіи русскаго генеральнаго консула, представился Патріарху Никодиму, окруженному всѣмъ священнымъ синодомъ, въ торжественной аудіенціи, и произнесъ такую рѣчь: „Его императорскому высочеству, государю великому князю Сергію Александровичу, августѣйшему предсѣдателю православнаго палестинскаго общества, благоугодно было поручить мнѣ вручить вамъ это письмо. Счастливымъ себя почитаю, что выборъ его императорскаго высочества палъ на меня, такъ какъ это доставило мнѣ случай выразить личныя чувства моего уваженія и сыновней преданности къ престолу Св. Іакова. Смѣю надѣяться, что милостивое благорасположеніе ко мнѣ облегчить мнѣ исполненіе возложеннаго на меня порученія". Въ отвѣтъ на это патріархъ выразилъ благодарность его императорскому высочеству, затѣмъ, представивъ г. Хитрово членовъ синода, прочиталъ письмо его высочества по русски про себя, громко перевелъ его по гречески и высказалъ отъ души благословеніе православному палестинскому обществу и грядущимъ трудамъ его на пользу церкви, сначала по русски, потомъ по гречески, на что весь синодъ трижды пропѣлъ „аминь".

Статистика желѣзнодорожныхъ несчастій. Передаемъ нѣкоторыя, интересныя статистическія данныя, за время послѣднихъ 7 лѣтъ, съ 1873 г., несчастныхъ желѣзнодорожныхъ случаевъ. Самый большой процентъ ихъ приходится на долю желѣзнодорожныхъ служащихъ, преимущественно низшихъ. Изъ всего числа, за 7 лѣтъ, проѣхавшихъ пассажировъ 208.717,602, цифра убитыхъ составляетъ 203, раненыхъ 602. Между тѣмъ за тоже число лѣтъ, число убитыхъ служащихъ равняется 1,287, а раненыхъ, 2,587. Рабочихъ убито за тотъ-же періодъ времени 495, раненыхъ 1.394. Всего за послѣднія семь лѣтъ, считая въ томъ числѣ случаи постороннихъ несчастій, какъ-то самоубійствъ и случайныхъ увѣчій лицъ находящихся на станціяхъ, убитыхъ 3,005 человѣкъ, раненыхъ 5,427!

Это хоть порядочному сраженію впору... Несчастія весьма многочисленны и на европейскихъ и на американскихъ дорогахъ.

Дорогія жертвы. Въ Китаѣ приносятъ въ жертву богамъ цѣлые куски шелковой матеріи, на которыхъ иногда бываютъ написаны цѣлыя священныя изрѣченія. Ежегодно въ однихъ храмахъ Конфуція сжигается около 30,000 аршинъ разныхъ шелковыхъ матерій. Императорскій Дворъ въ Пекинѣ также издаетъ свои эдикты не иначе, какъ на роскошной шелковой матеріи, императорскаго желтаго цвѣта; на такой же матеріи рисуются и вѣрительныя грамоты китайскихъ посланниковъ при европейскихъ дворахъ.

Михаилъ Мортъ и рыцари. Въ средніе вѣка особенно цѣнилась физическая сила, которая могла сразу возвысить человѣка, примѣромъ чему служитъ Михаилъ Мортъ, бывшій мясникъ въ Крейцнахѣ и крѣпостной графа Шпоргейма. Геркулесовская фигура юноши обратила на себя вниманіе графа, принявшаго его къ себѣ на службу и сдѣлавшаго впослѣдствіи своимъ щитоносцемъ. Когда графъ женился на наслѣдницѣ дома Сэнъ, онъ взялъ Морта на свадьбу. Послѣ торжества, происходившаго въ крѣпости Сэнъ, семь изъ ближайшихъ друзей графа остались погостить у него нѣкоторое время. Однажды вечеромъ, засидѣвшись дольше обыкновеннаго, они начали похваляться своими военными подвигами и турнирами. Хозяинъ сказалъ со смѣхомъ: „Что вы хвастаете вашей силой, я увѣренъ, что никто изъ васъ не справится съ моимъ щитоносцемъ; готовъ держать какое угодно пари, что всѣхъ васъ онъ запрячетъ въ мѣшокъ". Рыцари промолчали, но затѣмъ графъ Изенбургъ, славившійся своей силою, замѣтилъ, почему бы имъ дѣйствительно не побороться со щитоносцемъ? Остальные согласились и рѣшено было испытать силу, не прибѣгая къ оружію, послѣ чего графъ велѣлъ позвать Морта. Когда появилась громадная фигура щитоносца, рыцари переглянулись между собою и кажется охотно отказались бы отъ пари, но было уже поздно. И Михаилъ Мортъ также задумался, когда графъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло. „Господинъ, сказалъ онъ, я вамъ принадлежу и долженъ слушаться вашихъ приказаній, но я думаю, что мнѣ не сдобровать: если я осилю рыцаря, меня заставятъ въ томъ раскаяться". — „Если ты выиграешь пари, отвѣтилъ графъ, то ручаюсь тебѣ моимъ рыцарскимъ словомъ, что съ той минуты ты будешь свободнымъ человѣкомъ, а господа поклянутся, что не станутъ дѣлать тебѣ вреда". Рыцари обѣщали и скрѣпили слово пожатіемъ руки. Послѣ этого принесли семь мѣшковъ. Графъ Изенбургъ снялъ мечъ и верхнее платье и приступилъ къ борьбѣ. Не смотря на его силу, онъ все же былъ побѣжденъ, и не успѣлъ опомниться какъ ему былъ наброшенъ на голову мѣшокъ. Такая же участь постигла втораго и третьяго рыцарей, послѣ чего остальные отказались вступить в борьбу съ такимъ щитоносцемъ. Они объявили, что графъ Шпоргеймъ выигралъ пари и заплатили Морту по золотому гульдену. Тотъ вѣжливо поблагодарилъ и, ставъ на одно колѣно, просилъ прощенія у побѣжденныхъ, говоря, что онъ долженъ былъ слушаться приказанія своего господина. Съ этихъ поръ начинается возвышеніе Михаила Морта. Онъ сопутствовалъ графу во всѣхъ сраженіяхъ, пріобрѣлъ богатство и почести и умеръ въ сраженіи подъ Шпрендлингенъ, послѣ того какъ спасъ графа отъ нападенія непріятелей.

Уколъ спинныхъ плавниковъ нѣкоторыхъ морскихъ драконовъ причиняетъ—о чемъ зналъ уже Аристотель—сильную боль и гнойное воспаленіе пораненнаго мѣста. Новѣйшія изслѣдованія открыли, что у основанія колючекъ плавника находится кожаный мѣшечекъ, въ которомъ содержится ядъ, выдѣляемый особою ядовитою железою, который выливается въ рану чрезъ два канала, лежащіе по бокамъ колючки. Неизвѣстно еще, употребляютъ ли рыбы ядовитую колючку какъ оружіе нападенія или защиты и какое преимущество даетъ имъ этотъ органъ, сходный съ зубами ядовитыхъ змѣй.

Памятникъ Вашингтона оконченъ 6 минувшаго декабря въ столицѣ Соединенныхъ Штатовъ. Церемонія была коротка, такъ какъ собственно открытіе памятника отложено до 22 февраля, дня рожденія Вашингтона. Постройка памятника, какъ извѣстно, начата 36 лѣтъ тому назадъ и некрасивый памятникъ свидѣтельствуетъ, что въ 1848 году, когда проэктировался монументъ, въ Соединенныхъ Штатахъ не было хорошихъ архитекторовъ. Но тѣмъ не менѣе, не отличаясь художественнымъ достоинствомъ, памятникъ Вашингтона—высочайшая постройка въ мірѣ: вышина его равняется 550 футамъ.

Тайна укротителей звѣрей остается среди занимающихся укрощеніемъ. По насколько извѣстно, взглядъ человѣка играетъ важную роль при укрощеніи. Безстрашнѣе всѣхъ живущій еще Генрихъ Мартэнъ. Онъ умѣлъ приручать звѣрей, не употребляя ни кнута, ни какого другаго оружія. Первый разъ когда Мартэнъ вошелъ къ большому тигру, онъ обратилъ вниманіе животнаго на ту сторону клѣтки, съ которой онъ хотѣлъ войти. Животное не тронулось. Спустя двѣ недѣли, во второй разъ онъ оставался въ клѣткѣ полчаса, въ третій $^3/_4$ часа, а въ четвертый—животное дрожа легло на полъ.—Гораздо труднѣе было справиться съ гіеной. Обернувъ руки и ноги веревками, защитивъ голову платками, Мартэнъ вошелъ къ гіенѣ и подставилъ ей свою руку. Пока гіена кусала, онъ, не смотря на боль, пристально смотрѣлъ въ глаза животному; показалась кровь, но онъ не дрогнулъ. На слѣдующій день онъ подставилъ животному ногу; зубы гіены впивались въ веревки. но Мартэнъ не отрывалъ своего взгляда отъ сѣрыхъ глазъ гіены. Животное устало, начало ползать и обнюхивать ноги своего хозяина, который сказалъ: „Теперь она превратилась въ собаку".

Въ Бельгіи телеграфное вѣдомство пользуется услугами конно-желѣзныхъ дорогъ, для разсылки особаго рода телеграммъ. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: На переднихъ площадкахъ вагоновъ прикрѣпленъ ящикъ, на крышкѣ котораго значится слово—„телеграммы"; дно его открывается при помощи ключа и ящикъ такимъ путемъ опоражнивается. Расходъ на устройство этихъ ящиковъ телеграфное вѣдомство приняло на себя. Посыльные, разносящіе телеграммы, пользуются даровымъ проѣздомъ въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ. Въ ящики можно опускать только оплаченныя телеграммы, которыя представляютъ собой ничто иное, какъ обыкновенныя, запечатанныя въ конвертахъ письма. Этого рода срочныя письма обложены небольшимъ сборомъ и кромѣ дешевизны представляютъ еще то удобство, сравнительно съ обыкновенными телеграммами, что содержаніе ихъ остается въ тайнѣ. Новыя телеграммы, благодаря этимъ выгодамъ, получаютъ большое распространеніе. Доставка телеграммъ по адресамъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ мѣстахъ остановокъ вагоновъ находится одинъ или два чиновника и нѣсколько разсыльныхъ. Какъ только вагонъ останавливается, чиновникъ открываетъ ящикъ и вынимаетъ всю корреспонденцію, которая адресована въ районъ его станціи, а остальную кладетъ обратно. Затѣмъ телеграммы, вынутыя изъ ящиковъ, немедленно отправляются съ разсыльными по назначенію. Публикѣ очень нравится этотъ новый способъ разсылки срочныхъ городскихъ писемъ и въ Брюсселѣ на нѣкоторыхъ станціяхъ вынимается въ одинъ разъ до 80 конвертовъ. Это нововведеніе получило уже примѣненіе въ Неаполѣ, Туринѣ и другихъ городахъ.

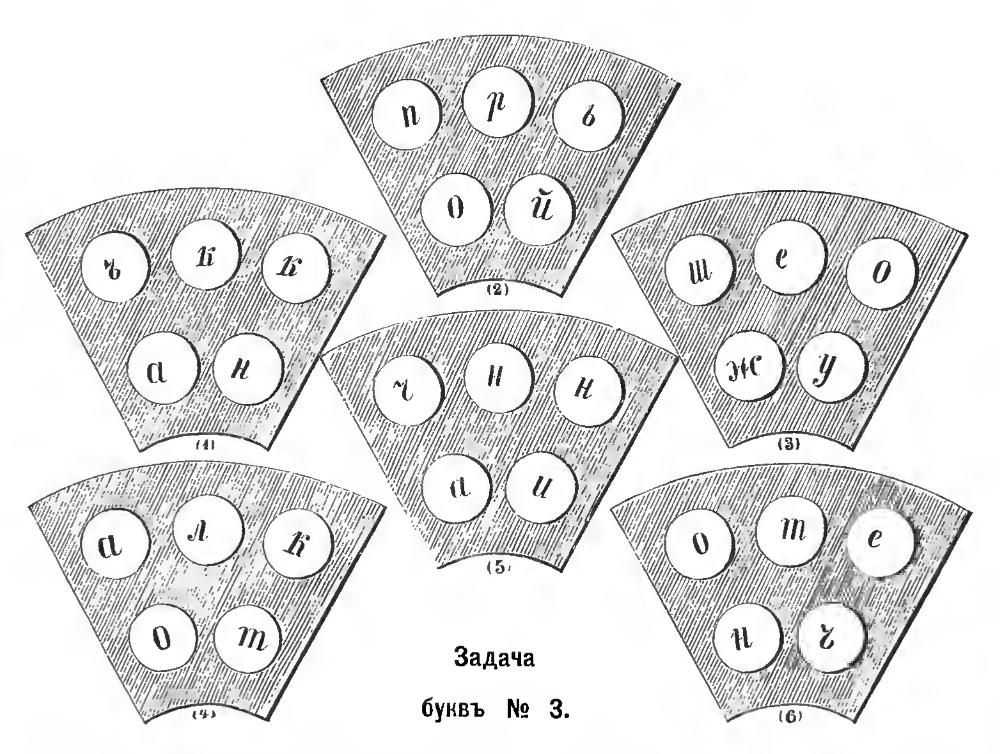
Телефонная труба. Американское это изобрѣтеніе пользуется громаднымъ успѣхомъ; оно устраняетъ неудобство подслушиванія постороннимъ лицомъ разговоровъ по телефону; труба даетъ возможность разговаривать шепотомъ. Инструментъ этотъ собираетъ звуковыя волны, которыя теперь разсѣеваются и потому точная передача ихъ невозможна. Благодаря этому изобрѣтенію, не представляется болѣе трудности говорить на далекихъ разстояніяхъ; точно также дурная погода не можетъ вліять на передачу депешъ по телефону. Инструментъ сдѣланъ изъ твердаго каучука и вѣшается на цинковомъ крючкѣ вблизи телефона. Изобрѣтатель г. Листеръ продалъ право на изготовленіе трубъ штатамъ Пенсильваніи, Массачузету, Роде и всѣмъ штатамъ западнѣе Миссиссипи, а находящаяся въ Арконѣ (городъ на сѣверо-востокѣ штата Огіо, съ 11000 населенія и громадными фабриками земледѣльческихъ машинъ и мельницъ) фабрика изготовляетъ уже теперь отъ 200 до 300 трубъ въ недѣлю; въ тоже время ведутся переговоры объ устройствѣ такой же фабрики въ Нью-Іоркѣ. При существованіи въ Соединенныхъ штатахъ 400000 телефоновъ, изобрѣтеніе это становится очень важнымъ, ибо улучшаетъ дѣятельность телефоновъ.

Какъ пѣвцы поддерживаютъ свой голосъ—для многихъ не безъинтересно. Стаканъ воды, служащій оратору для освѣженія горла, не удовлетворяетъ оперныхъ пѣвцовъ, которые, для приданія голосу силы во время пѣнія, прибѣгаютъ къ различнымъ сред-

ствамъ. Такъ напримѣръ: теноръ Вахтель проглатываетъ желтокъ яйца, сбитый съ сахаромъ. Нимаиъ выпиваетъ бокалъ шампанскаго, Тихачекъ пилъ теплое бордо съ корицей, сахаромъ и лимоннымъ сокомъ. Нахбаръ грызетъ конфекты; по цѣлесообразнѣе всѣхъ поступаетъ парижскій баритонъ Форъ; въ дни когда онъ поетъ, онъ лежитъ въ постели, не куритъ и не разговариваетъ. Точно также поступаютъ и пѣвицы. Генріетта Зонтагъ ѣла въ антрактахъ сардинки, Аделина Патти пьетъ содовую воду, а Христина Нильсонъ— пиво.

Жители на Чилійскомъ берегу обладаютъ своеобразнымъ барометромъ; это чешуя крабба, необыкновенно чувствительная къ перемѣнамъ погоды. Въ сухое время она почти бѣла, при насмурной погодѣ покрывается маленькими красными точками и краснѣетъ совершенно во время дождя. Точность этихъ показаній подтверждена членами бельгійской миссіи, которая была послана въ Чили для наблюденій за прохожденіемъ Венеры.

Продолжительность жизни зависитъ отъ болѣе или менѣе здоровыхъ условій, которыми обусловливается дѣятельность людей. Самымъ здоровымъ занятіемъ, ведущимъ къ долголѣтію, считается садоводство. При умственномъ трудѣ духовенство живетъ дольше, а доктора наименѣе. Изъ послѣднихъ едва одна треть достигаетъ 60 лѣтъ. Что касается собственно міра ученыхъ, то по статистическимъ вычисленіямъ естествоиспытатели живутъ среднимъ числомъ 75, философы 70, юристы 69, педагоги 66 лѣтъ. Актеры и виртуозы не достигаютъ глубокой старости. Послѣдніе чаще всего умираютъ отъ нервнаго разстройства. Это происходитъ отъ того, что музыка дѣйствуетъ чрезъ ухо на мозгъ головной и спинной. Замѣчательно, что 26% пивоваровъ и 23% хлѣбопековъ умираютъ отъ истощенія силъ.



Задача буквъ № 3.

Перемѣнить мѣста буквъ въ каждой изъ данныхъ частей такъ, чтобы сложивъ изъ этихъ частей кольцо, можно было прочитать въ немъ одну русскую пословицу.

Шахматная задача № 4.

Черные.

	A	B	C	D	E	F	G	H
8								♖
7					♝	♘		
6								
5			♟		♟		♗	
4			♙					
3			♘	♗		♝		♙
2								
1					♚		♔	

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

СВѢЖІЯ СѢМЕНА

огородныя, цвѣточныя, хлѣбныя, травяныя и прочія предлагаетъ

СѢМЕННАЯ ТОРГОВЛЯ
А. УШАКОВА

въ С.-Петербургѣ, Больш. Конюшенная, д. №1. Подробный прейсъ-курантъ разсылается по требованію. № 3820 3—2

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница **въ С.-Петербургѣ.** № 3812

МУЖСКІЯ
въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя
въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп.** въ Бреславлѣ*).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3840 10-1

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха; Б. Морск. 17.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной),

предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

(для иногородныхъ по **50** коп.; страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.**

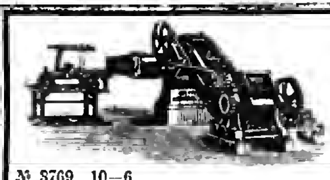
ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

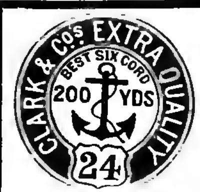
ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3805

Гг. иногородные при покупкѣ выигрыш. бил. съ разсрочкой платежей уплачиваютъ въ задатокъ 20 руб.



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ
Людвигъ Ѳеодоровичъ Шликэйзенъ,
инженеръ. Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Наставленія планов для печей устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.
№ 3769 10—6



Швейная бумага **самая лучшая** для машинной и ручной работы. **Кларкъ и Ко.**

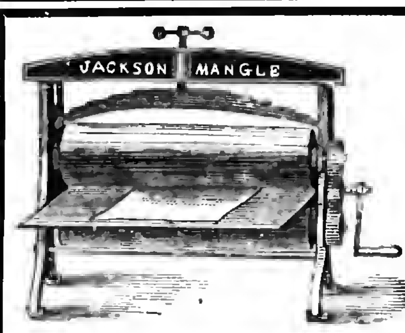
Тамбурная бумага **высшаго достоинства.** **Кларкъ и Ко.**

Безъ „**Якоря**" не настоящая! К. № 3854 25—1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
ТОРГОВАГО ДОМА
Н. В. ЭЙМАНЪ и Ко

9. Бутырки. Вятская улица, въ **Москвѣ,** 9.

Полный иллюстрированный каталогъ тропическихъ растеній, розъ, камелій, азалій, лавровыхъ деревьевъ и другихъ растеній, **съ подробнымъ наставленіемъ къ уходу за ними,** высылается по требованію безплатно. St. № 3795 4—4



СКЛАДЪ
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХЪ
РУЧНЫХЪ КАТКОВЪ
ДЛЯ БѢЛЬЯ.
Цѣна 30 руб.
Контора „ДЕВИСЪ"
Васильевскій Островъ 8-я линія, д. Шиллера, № 27.
С.-П-бургъ. Mt. № 3852

ARGOSY

Совершенно эластичны, не содержащія въ себѣ резины и не препятствующія никакому движенію человѣческаго тѣла. Единственныя подтяжки, которыми невозможно оторвать пуговицъ.

Фабрикантъ имѣетъ русскій патентъ за № 6308-мъ и предупреждаетъ каждаго, что при нарушеніи его, имъ **тотчасъ** будутъ приняты мѣры къ сохраненію своихъ правъ. Какъ продавецъ, такъ и фабрикантъ немедленно будутъ привлечены къ отвѣтственности, какъ нарушители выданнаго ему патента.

НЕ ОБЪЯВЛЯЮЩІЙ ОБЪЯВИТЕЛЬ ARGOSI BRACES.

Можно получать во всѣхъ галантерейныхъ магазинахъ.

BRACES

Engros-Verkauf: Zollvereins-Niederlage, 38 Wilhelmstr., Hamburg. № 3833

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ!

Издѣлія, пользующіяся извѣстнымъ реноме, преимущественно поддѣлываются. Слѣдовательно и на эликсиръ для волосъ Вильяма Лассона нашлись уже многіе подражатели, которые рекомендуютъ публикѣ средства для укрѣпленія волосъ,—частью подъ другими названіями, частью даже подходящія подъ него внѣшнею оболочкою и публикуютъ въ газетахъ разныя рекламы—часто съ благодарственными письмами не существующихъ особъ. Къ сожалѣнію, многія лица, страдающія выпаденіемъ волосъ, прельщаясь дешевизною этихъ поддѣльныхъ издѣлій, покупаютъ ихъ, и убѣждаются уже потомъ, что деньги за нихъ просто брошены, такъ какъ эти средства никакаго дѣйствія не оказываютъ.

Эликсиръ Вильяма Лассона, напротивъ, скоро сдѣлался извѣстнымъ не только въ Германіи и остальной Европѣ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, и даже медицинскіе авторитеты, встрѣтившіе его сперва съ нѣкоторою антипатіею, не могли не признавать въ послѣднее время благотворное его вліяніе на ращеніе волосъ. № 3847

Превосходство и хорошее дѣйствіе эликсира подтверждается и тѣмъ фактомъ, что дамы высшаго круга и преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя на придворныхъ празднествахъ послѣднихъ лѣтъ вызвали всеобщій восторгъ не только своею красотою, но главное своими великолѣпными волосами, уже въ теченіи многихъ лѣтъ употребляютъ эликсиръ для волосъ Вильяма Лассона для укрѣпленія и сохраненія этого драгоцѣннаго украшенія.

Фирма „ВИЛЬЯМЪ ЛАССОНЪ",

вслѣдствіе многочисленныхъ просьбъ, устроила склады этого эликсира во всѣхъ значительныхъ городахъ: цѣна въ Россіи 3 р. 50 коп. за флаконъ; продажа въ Петербургѣ: у Роосъ, Владимірская, № 7 и въ Гостиномъ дворѣ, у Г. Кошкина, № 19; М. Ушакова, № 33; А. Рузанова, № 40, В. Царикова и Комп., № 78 и А. Бетца, Перинная линія, № 20.

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благодѣтельно вслѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 3739 17—3

ГРАНИТЪ

лучшихъ сортовъ, обдѣланный и не обдѣланный, доставляется до СПБурга во всякое время года

Вильманстрандскою каменоломнею 4—1 № 3843

Э. ВИКБЕРГА.

Адресъ: **Финляндія, г.** Вильманстрандъ, а для **СПБурга,** Кирочная ул., № 46, кв. 14.

---

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ розыграна
ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ
XXXIV ЛОТЕРЕЯ
Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.
Выигрышей **500** на сумму **25000** руб.
Первый выигрышъ брилл. серебр. вещами
№ 3839 **10000** руб. 10—1
Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва, Собачья площадь, д. Карепина.

Новость! Постоянное леченіе воздухомъ и ночью!
R. № 3848 3—1

(Всемірный патентъ)
Аппаратъ для вдыханія свѣжаго воздуха

ЮЛІЯ ВОЛЬФА

предоставляетъ днемъ и ночью

постоянное, облегченное **дыханіе** посредствомъ носа, исключительно чистаго свѣжаго (или умѣреннаго) воздуха, въ комнатѣ при закрытыхъ окнахъ, не мѣшающій при чтеніи, писаніи, питьѣ, во снѣ, при гимнастикѣ и пр.: предохранительный и врачебный аппаратъ для **больныхъ** и выздоравливающихъ почти всякаго рода, средство для укрѣпленія тѣла и освѣженія крови для **здоровыхъ,** для продленія жизни стариковъ и инвалидовъ! Вопросъ вентиляціи упрощенъ: вмѣсто вентиляціи **комнатъ** непосредственная **невольная** вентиляція легкихъ посредствомъ свѣжаго воздуха! Аппаратъ устроенъ совершенно безъ **резины** и можетъ употребляться до 5 метровъ разстоянія отъ окна! Изобрѣтатель лечился съ **1864** года ежегодно въ **Эмсѣ, Меранѣ, Фалькенштейнѣ, Ривьерѣ!**

Фабрика издѣлій для сохран. здоровья. Гросъ-Герау. (Велик. Кн. Гессенъ.)

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

„РОДИНА".

Самая полная и изящная изъ дешевыхъ еженедѣльныхъ газетъ. Цѣна съ преміей за годъ 4 р.; полгода 2 р.; 3 мѣсяца 1 рубль съ пересылкою и доставкою. Адресъ: СПБ. Пушкинская ул. № 10. № 3845

Редакторъ-издатель **И. Н. Пономаревъ.**

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ,

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес.
Продажа оптомъ и въ розницу.
И. ВАКОНЬ
№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.
№ 3832 2—1

SUITE № 3.
СОЧИНЕНІЕ ДЛЯ ОРКЕСТРА

П. ЧАЙКОВСКАГО.

Исполненная съ большимъ успѣхомъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ концертахъ Императ. Русск. Муз. Общ. въ январѣ 1885 г. Партитура цѣна 9 руб. Голоса 16 руб. 70 коп.; въ четыре руки печатается и выйдетъ въ концѣ с. м. П. № 3837 1—1

МОСКВА
У П. ЮРГЕНСОНА.
Неглинный пр. 10.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА

Спасско-Казанскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Татьяна Васильевна Макарова, живущая по Ново-Адмиралтейской Набережной д. № 2, ежедневно отъ 5 до 7 час. принимаетъ пожертвованія **вещами, старыми коврами, и деньгами** въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. № 3808 4—2

Симъ честь имѣю извѣстить Васъ, что я предоставилъ господину

Августу НАУМАНУ

въ С.-Петербургѣ, Казанская улица, № 42, сбытъ произведеній моей

БИЧЕВОЙ ФАБРИКИ

и всепокорнѣйше прошу обращаться къ нему со всѣми запросами и заказами.

С.-Петербургъ. Январь, 1885 г.

Г. Г. ХЕЛЛИСКІЙ.

На основаніи выше приведеннаго объявленія, честь имѣю сообщить, что при моемъ складѣ писчей бумаги, по

КАЗАНСКОЙ УЛИЦѢ, Д. № 42,

противъ Новаго переулка, будетъ имѣться постоянный запасъ всѣхъ употребительныхъ сортовъ

СѢРЫХЪ И ЦВѢТНЫХЪ ВЯЗОКЪ

какъ для оптовой, такъ и для розничной продажи.

Образцы и прейсъ-куранты можно получать безвозмездно. Р. № 3824 2—2

АВГУСТЪ НАУМАНЪ.

Казанская ул., № 42, прот. Новаго переулка.

АРТЮРЪ.

ПРИДВОРНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ БѢЛЬЯ.

С.-Петербургъ, Невскій 23.

Полное приданое отъ 350 руб. до 10,000 руб.

Приданое Руб. 350.

19 рубашекъ, 12 кофтъ, 12 панталонъ, 18 п. чулокъ, 30 платковъ, 12 простынь, 12 наволочекъ, 6 скатертей, 36 салфетокъ, 36 полотенецъ, 4 юбки, 6 воротниковъ и 6 п. манжетъ; все бѣлье стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на 875 Руб.

Разница въ достоинствѣ, качествѣ и количествѣ, всего 33 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою.

Приданое на Руб. 2225.

Разница въ достоинствѣ, качествѣ и количествѣ, всего 63 дюжины, все стирано, мѣчено и съ пересылкою. 5—5

Заказы могутъ быть приготовленными отъ 3 до 6-ти недѣль. № 3778

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію.

ВЫШЛА И РОЗДАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО
покупателямъ магазиновъ

М. КОНРАДИ

Новая книга:

МОНОГРАФІЯ КАКАО И ШОКОЛАДА.

Содержаніе. Историческій очеркъ какао.—Сырые продукты.—Выдѣлка какао и шоколада.—Анализы.—Отзывъ ученыхъ.

М. КОНРАДИ.

1) Невскій пр., 36; 2) Невскій пр., 20; 3) Вас. Остр., 6 лин., д. 5. Мт. № 3853

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПРИМѢСИ

развѣшанный въ фунты, полуфунты и четверти, на цѣны отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 60 к. за фунтъ предлагаетъ въ громадномъ выборѣ вновь открытый магазинъ

КОММИССІОНЕРОВЪ СИБИРИ
ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ".

Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.

Продажа оптомъ и въ розницу. Торговцамъ дѣлается соотвѣтствующая скидка. Пересылка почтой по Европейской Россіи, не менѣе 5 ф., принимается Торговымъ Домомъ на свой счетъ. Требованія иногороднихъ исполняются немедленно. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. П. № 3665. 5—4

Вышли №№ 1 и 2 для старшихъ и № 1 для младшихъ
ЖУРНАЛА

„ИГРУШЕЧКА".

Содержаніе №№ для старшихъ: I. У богатыхъ и у бѣдныхъ. Переписка куколъ. Съ двумя картинками. **Дмитрія Гирса.** II. Тетя Маша. Разсказъ въ стихахъ. Съ двумя картинками. **А. К. Михайлова (Шеллеръ).** III. Въ волшебномъ царствѣ. **Н. Северина.** IV. Въ деревнѣ. Стих. **Е. Пономарева.** V. Веніаминъ Франклинъ. Съ двумя картинками. **М. Кудашевой.** VI. Новый свѣтъ. **W. W.** VII. Недоразумѣніе. Разсказъ Болеслава Пруса.

Содержаніе № I. для младшаго возраста: I. Какъ родится новый годъ. Скалка. Съ тремя картинами. **А. Сахаровой.** II. Съ новымъ годомъ (стихи) съ картинкой. С. Л III. Бука. Съ картинкой. **В. Родобыльской.** IV. Моряки. Эскизъ съ натуры. Съ картинкой. **Нина.** V. Муркинъ Сочельникъ. **С. Лаврентьевой.** VI. Въ царствѣ солнца. Сказка **W. W.** VII. Лѣто въ деревнѣ. Съ картинкой. **Татьяны Пассекъ.** VIII. Музыкальная кошка. Съ картиною кошки въ нотахъ. **Е. Г—ръ.**

Подписка принимается:—Бассейная, д. 21, кв. 8. Цѣна на оба возраста 6 р.; для старшихъ 5 р., для младшихъ 2 р. въ годъ.

Игрушечка для старшихъ за 1884 годъ два тома въ роскошномъ переплетѣ 6 р., для младшихъ въ такомъ же переплетѣ 2 р. Рождественскій № для маленькихъ дѣтей три почтовыя иногороднымъ марки. № 3842

КРЕМЪ СИМОНЪ

CRÈME SIMON HYGIÈNE ET BEAUTÉ

рекомендуется знаменитѣйшими докторами Парижа и употребляется всѣми дамами высшаго парижскаго общества. Это безподобное средство въ **ОДНУ НОЧЬ** уничтожаетъ угри, красноту кожи, превосходно дѣйствуетъ противъ обвѣтриванія кожи на губахъ и на рукахъ и вообще прекрасное средство противъ всякой порчи кожи. **Кремъ Симонъ** придаетъ кожѣ молочную бѣлизну, укрѣпляетъ ее и дѣлаетъ благоухающею.

Пудра Симонъ и мыло Кремъ Симонъ обладаютъ тѣми же превосходными свойствами и какъ бы дополняютъ прекрасный по своимъ качествамъ Кремъ Симонъ.

Депо въ СПБ—гѣ: въ СПБ. Химической Лабораторіи, у Рузанова, Копнина, Ушакова, Штоля и Шмидта, Техно-Химической Лабораторіи, Флейшъ, Саблукова, Парикова, и въ магазинѣ à la Renommée. L. № 3844 2—1

ФАБРИКА В. П. ГАНИЕМАНЪ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Контора и складъ на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., д. № 15—45.

ОГНЕУПОРНЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ,

приготовленный изъ лучшихъ шведскихъ матеріаловъ посредствомъ американскихъ аппаратовъ.

	Длиною:			Шириною:					Р.	К.
Экстра патентъ	19½ арш.	×	1 арш.	6½ верш.	=	27½ кв. арш.	цѣна		5	—
Патентъ	19½ „	×	1 „	6½ „	=	27½ „	„	„	4	—
I сортъ.	22 „	×	1 „	4 „	=	27 „	„	„	3	25
I сортъ.	22 „	×	1 „	— „	=	22 „	„	„	2	75
II сортъ	27 „	×	1 „	— „	=	27 „	„	„	3	—

Асфальт. толевыя полосы для колпаковъ длиною 22 аршина, шириною 2 верш. „ — 50
Асфальтов. кровельный лакъ, въ бочкахъ вѣсомъ около 15 пудовъ, за бочку „ 12 —
Асфальт. составъ противъ сырости, въ бочкахъ вѣс. около 15 пуд., за бочку „ 15 —

Асфальтовый изолиръ—картонъ для обивки сырыхъ стѣнъ.

I сортъ длиною 27 арш. × шириною 1 арш. = 27 кв. арш., цѣна 3 р.

Настоящій шведскій двойной картонъ для обивки стѣнъ и подъ коврами,
пропитанный химическимъ составомъ, недопускающій разведенія насѣкомыхъ.

	Длиною:			Шириною:					Р.	К.
Экстра патентъ	100 арш.	×	1 арш.	6½ верш.	=	141 кв. арш.,	цѣна		16	—
Экстра патентъ	100 „	×	1 „	4 „	=	125 „	„	„	12	—
Экстра патентъ	100 „	×	1 „	— „	=	100 „	„	„	6	—
Патентъ	27 „	×	2 „	— „	=	54 „	„	„	3	—
Патентъ	27½ „	×	1 „	8 „	=	41 „	„	„	2	50
I сортъ	27 „	×	1 „	— „	=	27 „	„	„	1	50
II сортъ	27 „	×	1 „	— „	=	27 „	„	„	1	—
III сортъ.	27 „	×	1 „	— „	=	27 „	„	„	—	80

Образцы и прейсъ-куранты высылаются безплатно. Зданія, крытыя толемъ, принимаются на страхъ по одной и той же преміи, какъ и крытыя желѣзомъ. Р. № 3850

КАТАЛОГЪ

Прекрасное сочиненіе 300 страницъ.

СѢМЯНЪ и РАСТЕНІЙ
ШМИДТА

съ описаніемъ лучшихъ цвѣтовъ и овощей и съ обозначеніемъ крайнихъ цѣнъ для сѣмянъ и отростковъ.

Съ раскраш. картинъ, болѣе 400 политип.

Указатель для любителей цвѣтовъ и садовъ,
какъ разводить цвѣты и овощи легко и выгодно, съ распредѣленіемъ работъ на каждый мѣсяцъ.

ПЕРЕСЫЛКА БЕЗПЛАТНО И ФРАНКО

I. К. ШМИДТЪ. Сѣмянная торговля, Эрфуртъ.

Прелестный подарокъ для любителей цвѣтовъ, особенно для дамъ:

Цвѣточныя папки Шмидта,

содержащія 12 лучшихъ сортовъ цвѣточныхъ сѣмянъ, каждый сортъ въ изящной оберткѣ, изображающей цвѣтокъ, въ хромолитографіи, съ объясненіемъ культуры на нѣмецк., англ. и франц. языкахъ. 1 рубль съ перес., 4 папки 3½ руб. съ перес., 12 наилучшихъ сортовъ 1½ руб. съ перес., 4 папки 5 руб. съ пересылкою.

Сортименты овощей Шмидта.

25 лучшихъ сортовъ овощныхъ сѣмянъ въ 25 мѣшечкахъ съ изображеніемъ овощей въ краскахъ, съ объясненіемъ культуры, въ изящныхъ жестянкахъ 2 рубля, 3 жестянки 5 руб. съ перес. до границы.

Такой сортиментъ овощей—весьма практичный подарокъ хозяйкамъ.

АДРЕСЪ ТЕЛЕГРАММЪ: Blumenschmidt, Erfurt. Р. № 3838 1—1

Пломбированіе. **ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.** Операціи.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Р. А. БАРСЪ.

Москва, Газетный пер., д. Фульда. 3665

Леченіе болѣзней зубовъ.

„АМЕРИКАНКА",

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной водѣ. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русск. Страх. Общества, В. Шлемензону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ ДЕВЯТЫЙ.

М. Г. Г-нъ Шлемензонъ! Лѣтомъ я выписалъ отъ Васъ одинъ снарядъ „Американка", который оказалъ свои точныя услуги и желая распространить эту полезную вещь, я обращаюсь опять къ Вамъ, М. Г., объясните, какъ бы я могъ поскорѣе получить отъ Васъ 12 штукъ „Американокъ" черезъ какую либо контору транспортовъ и т. д. Остаюсь съ уваженіемъ къ Вамъ Ф. К. Штумпъ. Адресъ: Москва, Кожевники, фабрика Товарищества ситценабивной мануфактуры Э. И. Цинделя, механику Федору Кондратьевичу Штумпу. Москва, 13 ноября 1884 г. № 3836

2-е изданіе Вспомогательныхъ таблицъ при вычисленіи процентовъ по векселямъ и разнымъ процентнымъ бумагамъ съ присовокупленіемъ теоріи вычисленія процентовъ и проч. **В. Семигова.** Предлагаемыя таблицы содержатъ въ себѣ готовые вычисленные проценты отъ ¼ % до 9½ % на всякую сумму и за всѣ дни отъ 1 дня до 9 мѣсяцевъ такимъ способомъ, что неимѣющій понятія о теоріи вычисленія процентовъ, можетъ ихъ вычислить моментально. Кромѣ того, желающіе могутъ легко усвоить теорію вычисленія процентовъ, а также ознакомиться съ учетомъ и правилами вычисленія сроковъ по векселямъ, которые приложены. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к., на веленевой бум. и въ роскошн. пер. 3 руб., съ пер. 3 р. 50 к. Выписывающіе не менѣе 12 экз. за перес. не платятъ. Требованія просятъ адресовать съ приложеніемъ денегъ автору: С.-Петербургъ, Волжско-Камскій Банкъ, а также и въ книжные магазины. № 3841

ХОЗЯЙКА.

ПРАКТИЧЕСКАЯ КАРМАННАЯ КНИЖКА
НЕОБХОДИМАЯ ВЪ КАЖДОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ;

служащая для записки бѣлья и содержащая 30 лучшихъ рецептовъ, крайне полезныхъ въ домашнемъ быту. (Средство узнавать достоинство молока, с. для вывода ржавчины изъ бѣлья, с. мыть фланель, с. для чистки шерстяныхъ, шелковъ. тканей, бархата. Сообщеніе глянца бѣлью. Стирка сктца. Чистка кружевъ и пр.). Цѣна 15 к., съ пересылк. 25 к. (почт марк.). Изданіе **Э. Г. Дезлера,** С.-Петербургъ, Красн. мостъ. № 3834

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія: какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ"

провизора Пинесъ и К°.

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.

Съ пересылкой 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор. 2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.

Главный складъ для Россіи **Л. Власовъ** СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27. „Мозолинъ" только провизора И. Пинесъ и К°. № 3831 10—2

№ 3536 12—5

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В Р. № 3328

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ часоваго магазина Б. Альтшвагера въ СПБ.

Дозволено цензурою. СПБ. 23 января 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 5 — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 Февраля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1885 г., съ 35 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками выпильныхъ работъ по дереву.

Графъ А. С. Уваровъ.

Русская археологическая наука понесла глубокую и даже можно сказать незамѣнимую потерю, съ недавной кончиной предсѣдателя московскаго археологическаго общества, графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, который на поприщѣ служенія археологіи являлся постоянно необыкновенно искуснымъ организаторомъ ученыхъ силъ и распространителемъ историко-археологическихъ свѣдѣній почти на пространствѣ всей Россіи. Ему почти исключительно обязана русская археологическая наука учрежденіемъ ученыхъ археологическихъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ, устройствомъ археологическихъ съѣздовъ, основаніемъ Императорскаго историческаго музея и кромѣ того его многочисленные и разнообразные личные ученые труды послужили богатымъ вкладомъ для нашей не особенно плодовитой отечественной археологической литературы.

Графъ А. С. Уваровъ. † 29 декабря 1884 г. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Графъ Алексѣй Сергѣевичъ родился въ 1828 году и былъ единственнымъ сыномъ извѣстнаго въ исторіи нашего просвѣщенія С. С. Уварова. Высшее образованіе А. С. получилъ въ петербургскомъ университетѣ и съ молодости еще увлекся археологіей. Окончивъ университетскій курсъ, онъ слушалъ лекціи въ Берлинскомъ и другихъ иностранныхъ университетахъ, а въ 1845 году поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ и въ 1848 г. отправленъ курьеромъ въ Неаполь во время революціи. Впрочемъ дипломатическая служба графа Уварова продолжалась недолго; въ 1850 году онъ ее оставилъ и поступилъ къ графу Перовскому въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь въ 1851 году онъ участвовалъ въ особой Высочайше учрежденной коммиссіи по изготовленію проекта объ эстляндскихъ крестьянахъ. Въ 1853 году онъ былъ причисленъ къ кабинету Его Величества, а въ 1854 году Высочайшимъ приказомъ по государ-

ственному ополченію былъ опредѣленъ капитаномъ въ „дружину", состоявшую изъ его можайскихъ крестьянъ. Въ 1856 году графъ А. С. Уваровъ былъ назначенъ помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, а въ 1858 году ему было Высочайше повелѣно состоять членомъ коммиссіи для постройки въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, по искусственной части, съ оставленіемъ въ должности помощника попечителя. Кромѣ того съ 1865 по 1871 годъ онъ служилъ по выборамъ два трехлѣтія предводителемъ можайскаго дворянства. Такова была довольно скромная служебная карьера покойнаго, но за то его ученая дѣятельность пользовалась давно громкою извѣстностью и имя его, какъ знаменитаго археолога, стало уже съ 50-хъ годовъ извѣстнымъ не только у насъ, но и на западѣ. Эту извѣстность главнымъ образомъ доставилъ ему трудъ „Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря", но вскорѣ послѣ его появленія графъ Уваровъ выказалъ свои громадныя познанія не въ одной только области древне-русскихъ памятниковъ и обратилъ на себя вниманіе какъ изслѣдователь искусства древне-христіанскаго и византійскаго. Кромѣ того, нужно признать, что графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ могущественнымъ дѣятелемъ въ области своихъ изслѣдованій уже потому, что располагалъ средствами недоступными для другихъ. Въ его подмосковномъ имѣніи Порѣчьѣ почти весь господскій домъ занятъ коллекціями древностей; въ бельэтажѣ помѣщается историко-археологическій музей, а третій этажъ вмѣщаетъ въ себѣ огромную библіотеку отборныхъ сочиненій историко-археологическаго содержанія.

Всѣ свои раскопки, изслѣдованіе древностей на мѣстѣ, изданіе ученыхъ трудовъ и покупки научныхъ предметовъ графъ дѣлалъ на свои средства и можно утвердительно сказать, что ни одно наше ученое учрежденіе не располагаетъ тѣми матеріалами по вещественнымъ памятникамъ русской древности, какіе остались въ кабинетѣ графа, въ которомъ описанія, переписки, рисунки, фотографіи въ совершенномъ порядкѣ разсортированы по картонажамъ съ названіями всѣхъ губерній. Серьезная, научная работа поглощала все время покойнаго. Кромѣ множества отдѣльныхъ изслѣдованій, онъ задумалъ познакомить ученый міръ съ богатымъ запасомъ своихъ свѣдѣній въ отдѣльномъ большомъ трудѣ, озаглавленномъ „Археологія Россіи". Онъ успѣлъ закончить лишь изложеніе начальнаго періода до-исторической древности, который въ наукѣ носитъ названіе „каменнаго вѣка", но и эта часть труда можетъ служить полнымъ курсомъ каменнаго періода въ Россіи, въ которомъ приведены въ строгую систему всѣ свѣдѣнія объ этомъ періодѣ, археологическія, геологическія и палеонтологическія. Наконецъ, въ лѣтописяхъ русской исторіографіи навсегда останется памятнымъ содѣйствіе, оказанное щедротами графа А. С. разработкѣ русской и славянской исторіи. Покойный, какъ извѣстно, выдавалъ ежегодно по 3000 рублей Академіи наукъ, въ память своего отца, на присужденіе Уваровскихъ премій за лучшія изслѣдованія по отечественной исторіи и древностямъ. Неудивительно послѣ всего вышесказаннаго, что кончина графа А. С. въ Москвѣ, 29 декабря прошлаго года, встрѣчена была съ глубокою скорбью всѣмъ русскимъ просвѣщеннымъ міромъ. Нечего и говорить какое грустное впечатлѣніе произвела она въ Москвѣ, которая была ближайшей свидѣтельницей неутомимой научной дѣятельности покойнаго. На погребеніе графа, 2 января, можно сказать смѣло, собралась вся московская интеллигенція и проводы тѣла вышли самые торжественные. Ко времени выноса покойнаго въ университетскую церковь, въ домъ его прибыли депутаціи съ вѣнками отъ различныхъ ученыхъ обществъ и другихъ учрежденій. По окончаніи отпѣванія въ церкви, процессія спустилась на набережную Москвы-рѣки и остановилась противъ дома археологическаго общества, который былъ задрапированъ траурными флагами. Все время, до самаго Новодѣвичьяго монастыря, гробъ былъ несенъ на рукахъ. При погребеніи находились депутаціи отъ пятнадцати различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій. Ученыя общества, находящіяся въ Москвѣ, рѣшили устроить въ сороковой день соединенное засѣданіе, посвященное исключительно памяти графа А. С. Уварова.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

X.

Дѣло приняло такой оборотъ, котораго Павелъ Петровичъ никакъ не могъ ожидать и предвидѣть...

Нападеніе было сдѣлано врасплохъ, Криницынъ чувствовалъ уже на себѣ не одни, пронизывающіе его душу, глаза батьки Максима—всѣ не спускали съ него глазъ. Каждый фибръ его лица былъ предметомъ сосредоточеннаго, пытливаго, лихорадочнаго наблюденія. Силы ему стали измѣнять. Энергія, а съ нею и находчивость таяли съ каждымъ мгновеніемъ...

Бѣлѣе стѣны стоялъ онъ посреди залы... Дальше и дальше отходилъ отъ него шумъ голосовъ... Ему казалось, что онъ тонетъ, мышцы свело судорогою... Бороться съ волнами нельзя... Зеленою пеленою застилаетъ вода его глаза, заливаетъ уши... Вязкая тина, цѣпкія, ползучія водоросли путаютъ ноги, тянутъ книзу... И тамъ, гдѣ то на днѣ, глубоко зарывшись въ песокъ, торчитъ и странно свѣтится старческій затылокъ... сѣдые волосы, запекшаяся кровь и грязь... эта черная, зіяющая рана, круглая лысина, вздернутый воротникъ пальто...

„Что это?!. обморокъ... глупая до пошлости слабость!.. Не можетъ быть!.. Я этого не хочу... не могу... я стою на ногахъ. Да, на ногахъ!.." какъ молнія промелькнуло въ головѣ Павла Петровича...

На него уже теперь никто не смотрѣлъ... это уже не глаза... нѣтъ, это все спины, все затылки... Объ немъ не думаютъ, его забыли... Ему стало легко... Смолкъ, Божьимъ гнѣвомъ, укоромъ гремѣвшій, голосъ... Вонъ чья то безобразная голова, неестественно откинулась назадъ, видны только отекшее, багровое горло, щетинистый, сѣдой, небритый подбородокъ, разорванный воротъ кителя... Нѣсколько рукъ поддержало эту голову, и на Криницына снова уставились глаза, уже теперь оловянные, безжизненные....

— Воды!.. спирту .. доктора!.. шепчутъ со всѣхъ сторонъ. Почему же шепчутъ, почему не требуютъ громко? Вотъ понесли... должно быть тяжело!.. задѣли въ дверяхъ... Кажется уронили?.. Что то безжизненное стукнуло о порогъ... нѣтъ... вотъ его ноги, въ разорванныхъ сапогахъ, съ скривившимися каблуками,—эти ноги высоко, почти въ уровень съ плечами Шелобова...

— Сюда, сюда, на диванъ! слышится уже изъ другой комнаты голосъ коменданта.

— Надѣюсь, что и *это*... Криницынъ сдѣлалъ головою указательное движеніе,—мнѣ поставятъ въ вину, также.

Но онъ ни къ кому собственно не обратился съ этимъ саркастическимъ замѣчаніемъ, и никто не слышалъ его, должно быть,—никто ничего не отвѣтилъ...

Павелъ Петровичъ вышелъ изъ залы, спустился съ крыльца комендантскаго дома, и съ наслажденіемъ вздохнулъ воздухомъ, пропитаннымъ острымъ запахомъ молодыхъ тополей и свѣжаго сѣна.

Прошло нѣсколько дней, и вся исторія офицерскаго суда съ ея причинами мало по малу стушевалась и почти забылась.

Мирно и уныло загудѣлъ надтреснутый колоколъ батальонной церкви, также какъ и въ день привоза тѣла Горкина; также стройно вытянулся развернутымъ фронтомъ батальонъ, на церковной площадкѣ, также собрались офицеры и прочіе обитатели форта, также у каждаго въ рукахъ затеплились тоненькія восковыя свѣчки, также зарокотали барабаны... также точно заколыхался парчевой гробъ, несомый на рукахъ товарищами и друзьями покойнаго...

Павелъ Петровичъ настоялъ на своемъ. Онъ не взялъ назадъ своего компрометирующаго батальонъ прошенія. Дѣлать нечего: пришлось его бумагѣ дать ходъ, съ приложеніемъ особаго протокола, объясняющаго событіе съ другой стороны, протокола подписаннаго всѣми офицерами.

Теперь онъ уже былъ здѣсь мало того, что чужимъ человѣкомъ, но и чѣмъ то въ родѣ отверженнаго, ненавистнаго всему окружающему. Онъ уже и не салютовалъ офицерамъ, при случайныхъ встрѣчахъ, онъ не избѣгалъ этихъ встрѣчъ, держалъ себя гордо, съ достоинствомъ; ему даже, будто, удовольствіе доставляло нарочно, замѣтивъ группу офицеровъ, пройти мимо нихъ своею красивою легкою походкою, или шагомъ проѣхать на своемъ Абрекѣ, будто не замѣчая своихъ враговъ, хотя и чувствуя на себѣ провожающіе его, пристальные, недружелюбные взгляды.

Павелъ Петровичъ только, на всякій случай, всегда держалъ въ карманѣ револьверъ-бульдогъ... и чувствовалъ себя какъ то покойнѣе, когда его рука касалась круглой, полированной ручки этого оружія...

Выѣхать изъ Глухаго форта онъ не могъ, безъ ожидаемаго разрѣшенія отпуска изъ штаба; оставить фортъ, по домашнему, сказавшись только батальонному командиру, какъ обыкновенно, хотя и противузаконно, продѣлывали всѣ офицеры, когда кому что надо было въ городѣ, онъ тоже не могъ... ибо это было все таки противузаконно, и давало поводъ подвергнуть его крупнымъ непріятностямъ...

И такъ Павелъ Петровичъ сидѣлъ въ фортѣ и ждалъ, ждалъ, но неволѣ, терпѣливо... Только, чуть не ежедневно, писалъ Грунину и другимъ *своимъ*, прося ихъ по возможности повліять на ускореніе его дѣла, сократить срокъ его нравственной пытки.

Комендантъ успѣлъ уже, вслѣдствіе донесенія Анатолія Робертовича, получить отъ высшаго начальства легкую нахлобучку, за недостаточную, якобы, бдительность по охранѣ ввѣреннаго ему района, и всю ночь просидѣлъ съ Ползунковымъ, за сочиненіемъ документа оправдательнаго характера.

Подошелъ тутъ день Петра и Павла. Фортовой священникъ справлялъ свое тезоименитство и служилъ обѣдню съ особою торжественностью. Онъ сказалъ глубоко прочувствованную проповѣдь—примирительнаго содержанія, упомянулъ, что всѣ люди братья, а тѣмъ болѣе, крещенные во имя одного и того же апостола, святаго проповѣдника ученія о любви и смиреніи. Отецъ Павелъ даже просфору послалъ на домъ къ Криницыну при запискѣ, гдѣ сказано было, что онъ вполнѣ понимаетъ причины, почему не видѣлъ своего соименника во храмѣ Божіемъ, въ радостный для него день, и что, если господину Криницыну угодно будетъ, то отецъ Павелъ отслужитъ у него молебенъ на дому.

Криницынъ былъ даже тронутъ этимъ вниманіемъ, но предложеніе отца Павла отстранилъ, выславъ съ денщикомъ пяти-рублевку для пріобщенія таковой суммы къ церковному сбору...

— Холодный и гордый человѣкъ! покачалъ головою отецъ Павелъ, отстраняя лѣвою рукою широкій рукавъ шелковой рясы и благословляя правою — яства и питія, предназначенныя для собравшихся къ нему съ поздравленіемъ офицеровъ и почетныхъ обитателей форта.

Иванъ Акимовичъ, въ качествѣ душеприкащика покойнаго Горкина, уѣхалъ въ городъ, устраивать дѣла по наслѣдству, и уже успѣлъ написать сыну и Шелобову о томъ, что дѣла эти идутъ какъ нельзя лучше и что вѣроятно ему скоро можно будетъ вернуться; тѣмъ болѣе, что имъ сообща надо потолковать объ одномъ вопросѣ, крайне щекотливомъ и весьма не легко разрѣшаемомъ. У Павлуши болѣзненно и радостно при этомъ щемило сердце, Шелобовъ хмурился и обкусывалъ концы своихъ длинныхъ усовъ... Отецъ Павелъ, посвященный отчасти въ суть дѣла, тяжело вздыхалъ и указывалъ на обязанности каждаго христіанина смиряться передъ рукою Всевышняго. „Дѣвица акушерскаго званія“ имѣла привычку вести аккуратно свой дневникъ, и уже вывела причудливымъ почеркомъ заглавіе: „печальное возвращеніе“, предполагая вскорости занести подъ нимъ всѣ подробности. Груня втихомолку плакала по ночамъ, а днемъ вышивала подушку, на голубомъ фонѣ вѣнокъ изъ красныхъ цвѣтовъ, въ серединѣ вензель П. Г., а подъ нимъ надпись: „на память отъ вѣчнаго друга...“ У всѣхъ прочихъ дамъ форта чаще и чаще заиграло на языкѣ новое имя, завладѣвая понемногу всѣми темами задушевныхъ разговоровъ.

И это имя было „Надя“.

Иванъ Акимовичъ вернулся наконецъ изъ города и тотчасъ же услалъ сына отыскивать Шелобова, да забѣжать и къ отцу Павлу попросить ихъ „на чашечку и на рюмочку“.

Отецъ Павелъ явился немедленно, Шелобова же прождали порядочно. Тотъ былъ на охотѣ, еще со вчерашняго утра и вернулся только подъ вечеръ, прямо, не заходя домой, во всемъ охотничьемъ нарядѣ, съ тяжелою связкою степныхъ куропатокъ на поясѣ...

— Вотъ и ужинъ для всей честной компаніи! произнесъ онъ, входя... Облобызался съ хозяиномъ дома, поздоровался съ остальными гостями и пошелъ на кухню. мыть руки...

Тяжело пыхтя, внесъ деньщикъ самоваръ, высвистывающій на всѣ лады; Павлуша сталъ перемывать стаканы и устанавливать графинчики. Зажгли свѣчи, такъ какъ уже совершенно стемнѣло, и вся компанія дружно принялась за чаепитіе.

— Благополучно покончили дѣла, Иванъ Акимовичъ? спросилъ отецъ Павелъ, отирая о скатерть донышко стакана, такъ какъ имѣлъ обыкновеніе пить чай съ блюдечка.

— И не ожидалъ! отвѣчалъ Глухаревъ-отецъ. — Да я, вотъ, все попорядку...

— Папаша этихъ скаредовъ — вотъ какъ! отозвался Павлуша... Онъ ихъ со всѣхъ сторонъ обошелъ...

— Ну ужъ и скаредовъ!—люди хорошіе... тоже душу и сердце имѣютъ, poскромничалъ „папаша“.—Вѣдь покойникъ то Горкинъ, какъ имъ служилъ! Вѣдь онъ, можно сказать, не одну сотню тысячъ сберегъ имъ и удвоилъ... Вотъ напримѣръ: поставилъ я имъ на видъ...

— Постой, Ваня, ты хотѣлъ попорядку!.. остановилъ его Шелобовъ.

— Ладно!.. Отецъ Павелъ, подливай отсюда, вонъ изъ того пузатенькова... Такъ вотъ, пріѣзжаю я къ нимъ... Такъ и такъ говорю—по такому дѣлу... Бумаги всѣ со мною: опись, завѣщаніе и прочее... книги всѣ у нихъ уже вытребованы были отъ слѣдователя. Говорятъ, сами не могутъ—ждутъ Михаила Алексѣевича. Ладно! когда, молъ. пріѣдетъ? Завтра, либо послѣ-завтра, непремѣнно... Подождемъ... Пошелъ это я въ баню... славныя бани выстроилъ шельма Егорка, лучше чѣмъ въ Оренбургѣ: особыя ванны, полока таловые и даже вѣники березовые. изъ горъ ему сарты особенно привозятъ...

— Это за Чимкентской заставою? полюбопытствовалъ отецъ Павелъ.

— Тутъ, сейчасъ-же на выѣздѣ, на рѣкѣ... Остановился я у Прохорова, поужиналъ послѣ бани, спать легъ—не спится!.. Все у меня это дѣло изъ головы не выходитъ! На другой день, закупилъ все что надо. въ клубѣ обѣдалъ... тамъ же пульку составили, по полкопѣйки: Перепелкинъ, Круторѣзовъ, Грифель и я...

— Грифель?.. Грифеля знаю! разгладилъ бороду батюшка.—Онъ еще при мнѣ старшимъ писаремъ состоялъ при покойномъ Безакѣ.. помню!

— Теперь, братъ, его и рукою не достанешь!.. статскаго совѣтника ждетъ къ новому году... Далеко мѣтитъ... Ну-съ и скука, я вамъ доложу, въ городѣ, страшнѣйшая!.. опять же все въ застегнутомъ положеніи... все по формѣ.. Большія тамъ пошли теперь на этотъ счетъ строгости...

— Пріѣхалъ Хмуровъ что-ли? нетерпѣливо махнулъ рукою Шелобовъ.

Дуэль Пушкина съ Дантесомъ-Геккерен

Съ картины Наумова, по фотогр. грав. Ю. Барановскiй.

— Пріѣхалъ! Какъ сказали, вышло вѣрно. Пріѣхалъ. я, мнѣ знать сейчасъ дали... Я къ нему... Такъ и такъ, говорю... объясняю все дѣло подробно. „Знаю, говоритъ, почтеннѣйшій Иванъ Акимовичъ, знаю! и все дѣло мною уже рѣшено. Я Федоромъ Петровичемъ болѣе чѣмъ былъ доволенъ, что уже говорить: не только правая рука моя былъ, еще меня училъ многому... Грѣхъ пополамъ!..“ То есть, какъ это, думаю, пополамъ? восемьдесятъ тысячъ, это значитъ будетъ сорокъ. Да если и домишко и все продать, бумажонки какія собрать и деньги, что въ банкѣ, я вѣдь ничего не таилъ,— такъ дай Богъ, чтобы на пятнадцать тысячъ набралось!.. Гдѣ же остальные добыть?.. Опять же дѣвушка нищею, бездомною сиротою должна остаться! Соображаю это, да и говорю Хмурову: Не тяжело-ли сиротскимъ плечамъ будетъ?.. Вы бы Бога то вспомнили!.. А онъ: „Да я, говоритъ, Его и не забываю. Я ей отца вернуть не могу, ей тоже моихъ денегъ вернуть не откуда,—вотъ и грѣхъ пополамъ! Вотъ я въ какихъ смыслахъ...“ Повеселѣлъ я! Ну, говорю, Михайла Васильевичъ. руку!.. Поцѣловались... Только я, постой думаю, Иванъ Акимовъ сынъ—держись! не за свое дѣло хлопочешь, не поддавайся!.. — Не худо бы, Михайло Васильевичъ, документъ по сему поводу, мало ли что можетъ послѣ выйти?! Дѣло не мое, дѣло святое, сиротское. Надю то оберечь не кому!.. Тутъ онъ всталъ сейчасъ, сказалъ: „И это понимаю“, подошелъ къ конторкѣ и принялся писать. Написалъ, подаетъ. „На, говоритъ, читай—такъ-ли будетъ?“ на ты со мною перешелъ. Я ему тоже: „Давай братъ, Миша, прочту!..“ И читаю:

„Глубоко цѣня вѣрную и долгую службу нашей фирмѣ покойнаго отставнаго маіора, Федора Петровича Горкина, и соболѣзнуя отъ души его тяжкой кончинѣ, послѣдовавшей ради службы фирмы, я, главный представитель сей фирмы, Михайло Васильевъ сынъ, Хмуровъ, симъ заявляю: Всѣ счеты съ покойнымъ фирма считаетъ правильно законченными и никакихъ претензій къ имуществу и всему, что останется въ пользу наслѣдниковъ Горкина, не предъявляетъ и впредь предъявлять не имѣетъ. Въ чемъ и дается сіе удостовѣреніе, съ приложеніемъ торговой печати фирмы, моей именной и за моею собственноручною подписью.“

— Вотъ и бумага эта! Павлуша, достань тамъ изъ сумки; синею бумагою обернута и шнуркомъ перевязана. Эта самая!.. Давай сюда!

Удостовѣреніе Михайлы Хмурова обошло всѣхъ присутствующихъ.

— Благословляю десницу, писавшую сіе! провозгласилъ отецъ Павелъ по прочтеніи и осѣнилъ листъ крестнымъ знаменіемъ.

— Душа-человѣкъ! хлопнулъ по листу Шелобовъ.

— Позвольте, папаша, я опять заверну!.. сунулся Павлуша...

— Заверни Павлуша, согласился Иванъ Акимовичъ,— да шторку опусти на окнѣ, а то акушерка уже два раза заглядывала... Экія эти бабы любопытныя!..

Тутъ принесли ужинъ и всѣ приступили „къ первой“, послѣ которой, говорятъ обыкновенно, „не закусываютъ...“ Иванъ Акимовичъ выждалъ, когда апетитъ гостей удовлетворился, и приступилъ, не медля, къ главной цѣли „сего почтеннаго собранія“.

— Извольте видѣть, государи мои. началъ онъ очень торжественно.—Не безъизвѣстно вамъ, что послѣднее письмо покойнаго къ его дочери. писанное нами, отчасти даже, сообща, по разсчету моему, только что должно прибыть на мѣсто назначенія. Теперь Силантій уже тамъ: въ сборахъ и прочемъ пройдетъ, положимъ, еще недѣля, а затѣмъ Надя выѣдетъ сюда. Какъ вы это полагаете?..

Шелобовъ крякнулъ. потеръ лобъ и уставился глазами въ уголъ. гдѣ его должно быть очень занималъ яркій блескъ на ручкѣ отдушника. Отецъ Павелъ смахнулъ что-то съ глаза рукавомъ... Павлуша вышелъ въ другую комнату... Отецъ его прислушался, кивнулъ головою по направленію двери и произнесъ, словно про себя: „ишь! опять разрюмился!..“

— Такъ какъ-же вы это, господа, полагаете? повторилъ онъ свой роковой вопросъ.

— Предупредить надо, деликатно и со всею предосторожностью, понизивъ голосъ, заговорилъ отецъ Павелъ. — Дѣвица воспитанія нѣжнаго, можно сказать — возвышеннаго; здоровье въ этихъ заведеніяхъ не Богъ вѣсть какъ укрѣпляется, паче того въ разстройство приходитъ... Сразу нельзя... печальныя могутъ быть тому послѣдствія...

— Знаю, что нельзя... произнесъ Иванъ Акимовичъ. Въ томъ то и дѣло—„предупредить...“ Да какъ?

— Письменно! тряхнулъ головою батюшка.

Шелобовъ промолчалъ и тутъ.

— Я, папаша, уже составилъ черновую, появился молодой Глухаревъ.—Такъ, можетъ. хорошо будетъ!..

— Составили и чудесно! Не прочтете-ли! обрадовался отецъ Павелъ.

— Читай! сказалъ Иванъ Акимовичъ.

„Многоуважаемая Надежда Петровна! началъ чтеніе молодой Глухаревъ. Повѣрьте, что въ лицѣ моемъ...— я отъ вашего имени пишу, папаша,—повѣрьте, что въ лицѣ не только моемъ, но и всѣхъ насъ, вы найдете себѣ такихъ же родныхъ, горячо любящихъ васъ отцевъ, что...“

Голосъ Павлуши задрожалъ, послышалось легкое всхлипыванье.

— Постой, постой! перебилъ его Иванъ Акимовичъ. Это ты уже сразу! это ты просто обухомъ по лбу!.. этакъ, братецъ, нельзя!..

— Негодится! согласился и отецъ Павелъ.

Шелобовъ упорно молчалъ, по прежнему созерцая отдушникъ.

— Совѣтовалъ бы я написать слѣдующее, и написать въ тонѣ религіозномъ, ибо Вѣра — прибѣжище страждущихъ и болящихъ душею...

Отецъ Павелъ тряхнулъ головою, обтеръ ротъ салфеткою и откашлялся.

— Совѣтую, продолжалъ онъ писать такъ: „Господу Богу угодно было призвать вашего родителя въ мѣсто идѣже нѣтъ печалей и воздыханія. Пути Господни неисповѣдимы...“

— А это развѣ не прямо, какъ обухомъ по лбу, какъ папаша? остановилъ оратора Павлуша, обиженный немного проваломъ своего проекта...

— Тоже, какъ будто, предупрежденія маловато, согласился съ сыномъ хозяинъ дома.

— Это я конецъ письма проектирую, постарался вывернуться отецъ Павелъ.

— Кончить-то мы и сами съумѣемъ! А вотъ начало трудно... Эхъ ты, Господи, и чему то насъ учили смолоду? Шелобовъ, ты что же молчишь, слова не скажешь?!

Шелобовъ очнулся и вышелъ изъ своего созерцательнаго положенія.

— По моему, началъ онъ, — надо просто написать, что отецъ ея посланъ въ очень дальнюю и продолжительную командировку... Затѣмъ, ну, поддѣлать что-ли почеркъ и написать будто бы отъ него, изъ этой командировки, хоть изъ самой Бухары... Объяснить ей. что отецъ поручилъ намъ встрѣтить ее и устроить какъ слѣдуетъ, пока онъ вернется... А тамъ, мало по малу... только...

Тигровый охотникъ вдругъ перемѣнилъ тонъ. подошелъ къ столу, уперся въ него руками и продолжалъ:

— Только такъ. какъ я говорю,— дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ!..

— Что такое? озадачился Иванъ Акимычъ.

— А такъ, потому что и глупо и подло!.. Я вотъ одиннадцать лѣтъ изъ батальона ни шагу... Я хочу въ отпускъ... Тебѣ вѣдь ѣхать самому нельзя, не слѣдуетъ!.. Сообрази почему!.. Павлушкѣ, ни подъ какимъ предлогомъ... поѣду я... возьму отпускъ и поѣду.

— Куда же ты поѣдешь? Въ Ташкентъ?..

— Нѣтъ дальше! Прямо вотъ по дорогѣ поѣду и буду ѣхать, пока не встрѣчу. Съ нею и вернусь вмѣстѣ... Живой человѣкъ, живое слово. Небось, не испорчу дѣла!.. Тамъ оно, на мѣстѣ, виднѣе будетъ: а вы здѣсь сидите и ждите... Вотъ, что надо сдѣлать, по моему!..

— Мысль превосходная! восхитился отецъ Павелъ.

— А мнѣ нельзя ѣхать вмѣстѣ? супулся молодой Глухаревъ.

— Ни-ни! въ одинъ голосъ замѣтили всѣ трое.—Ни подъ какимъ предлогомъ!

— Ну, батько, значитъ, рѣшено! Служи завтра напутственный!.. Завтра же скажу Ползункову, чтобы писалъ отпускъ. На двадцать на восемь дней,—этого будетъ достаточно... Опоздаю ежели немного, ты, Ваня, скажешь Огурчикову, чтобы сквозь пальцы проглядѣлъ. Небось, не подведу его подъ отвѣтственность...

Этимъ Шелобовскимъ рѣшеніемъ окончилось засѣданіе въ домѣ старика Глухарева и затруднительный вопросъ былъ разрѣшенъ къ общему удовольствію.

XI.

По ровной, степной дорогѣ Орско-Казалинскаго тракта катился укладистый тарантасъ, запряженный тройкою косматыхъ, большеголовыхъ киргизскихъ лошадей. Киргизъ-ямщикъ, несмотря на страшную іюльскую жару, въ тяжеломъ, подбитомъ бараньимъ мѣхомъ малахаѣ на головѣ, и въ верблюжьемъ халатѣ, лѣниво обмахивалъ кнутомъ оводовъ и слѣпней, назойливо облѣпившихъ костлявыя конскія спины; рядомъ съ нимъ, облокотившись о высокую спинку козелъ, дремалъ намъ знакомый уже Силантій, усердно поклевывая носомъ; въ откинутые для прохлады фартуки фордека видна была, тоже спящая, Надя, полуутонувшая въ мягкихъ подушкахъ, покрытыхъ ситцевыми наволочками; мирно колыхались надъ ея головою, подвѣшанные на ремешкѣ, шляпныя картонки, въ ногахъ серебрился уголъ кованнаго погребца; вездѣ, гдѣ только можно было что нибудь сунуть, торчали разныя дорожныя принадлежности, „крайне необходимыя“ по словамъ стараго, бывалаго служиваго. За тарантасомъ, на подкладныхъ дрогахъ, покоился, прикованный цѣпями и весь оплетенный веревками, громадный сундукъ, плотно обернутый рогожами, поверхъ сундука еще какой то ящикъ, сверхъ всего, еще мягкая, высоко приподнятая укладка, и все это, вмѣстѣ съ парусиннымъ верхомъ экипажа, густо было напудрено тонкою, солонцеватою степною пылью...

Маловыѣзженныя лошади давно уже отскакали свои первыя, горячія версты,—обыкновенная привычка степныхъ коней,—давно успокоились, остыли, и шли ровною, покойною рысью... Кругомъ безконечно разстилалась выжженная солнцемъ равнина, изрѣдка только, тамъ и сямъ пересѣкаемая неглубокими, каменистыми балками. Поднятая колесами и ногами лошадей пыль почти неподвижно стояла въ воздухѣ, знойная мгла дрожащимъ туманомъ заволакивала горизонтъ, и въ этой мглѣ, то будто близко, въ нѣсколькихъ шагахъ, то гдѣ то далеко-далеко, сверкали водныя поверхности, ложныя озера степныхъ, полуденныхъ миражей...

Тихо было въ пустынѣ и глухой звонокъ разбитаго колокольчика слышался далеко, тревожа табунчики сайгаковъ, молніями исчезавшіе изъ глазъ, при первомъ подозрительномъ звукѣ; только маленькія, сѣрыя черепахи безбоязненно ползали по всѣмъ направленіямъ, да зоркія ящерки стрѣлою шмыгали тамъ и сямъ, гоняясь другъ за другомъ, или же кейфовали, неподвижно, разинувъ пасть, лежали на самомъ припекѣ, съ наслажденіемъ подставляя почти отвѣснымъ солнечнымъ лучамъ свою чешуйчатую спинку...

Ни одного мотылька надъ жалкими остатками выгорѣвшей растительности; ни одной птицы въ раскаленномъ воздушномъ пространствѣ!

Роскошная, полная жизни, зеленая степь, съ своими дымящимися аулами, съ безчисленными табунами коней и верблюдовъ, съ атарами густорунныхъ овецъ, съ бойкими косоглазыми всадниками, носящимися по зеленымъ равнинамъ съ гикомъ и свистомъ, съ звонкими голосами чумазыхъ ребятишекъ, съ цѣлыми стаями собакъ, несущихся съ лаемъ навстрѣчу проѣзжему экипажу, съ щебечущими мелкими пташками и съ орлами, плавно парящими на синемъ фонѣ лѣтняго неба... Эта чудная, такъ понравившаяся Надѣ, степь далеко осталась сзади... Давно уже кругомъ пошли унылые солончаки, полное безлюдье, а дальше мертвые пески, горячіе, сыпучіе, безо всякаго признака растительности... и такъ далеко еще, вплоть до новой водной артеріи, до новой полосы осѣдлости, до глинистыхъ, поросшихъ густымъ камышомъ береговъ рѣки „Сыра“.

Колесо набѣжало на камень, звякнуло и тряхнуло тарантасъ; вдрогнулъ Силантій, сонно поглядѣлъ по сторонамъ, вытянулъ изъ кармана тавлинку съ табакомъ и принялся набивать свой багровый носъ... Полѣзъ въ эту тавлинку и ямщикъ-киргизъ, глубоко засунувъ туда свои черные какъ сажа пальцы; тотъ уже не къ носу понесъ, тотъ прямо въ ротъ, за щеку, сплюнувъ сквозь зубы предварительно...

— Какъ жарко! послышался въ глубинѣ тарантаса томный голосокъ и легкое позѣвываніе...

— Испить не желательно ли, барышня? встрепенулся старикъ, привставъ и, перегнувшись, заглядывая въ экипажъ...

— Дай, голубчикъ!.. Да скоро ли это мы пріѣдемъ!.. какая тоска!.. Господи!

— Скоро! усмѣхнулся Силантій. — Нѣтъ, матушка, Надежда Федоровна, еще очень не скоро... Повремените... А вотъ испить у меня запасено... Я еще съ Джаловлей захватилъ три пары бутылочекъ, тамъ вода скусная, хорошая! не то что здѣсь пойдетъ, соленая... Посогрѣлась маленько, ничего! Я вотъ сейчасъ одну откупорю... Пожалуйте!.. Стаканчикъ тамъ, барышня, въ лѣвомъ карманѣ... повыше маленько... вотъ тутъ! Пожалуйте, я оботру его... Ну, да и пылища же анафемская!.. Ей Богу! Прости Господи...

— Скоро станція? полюбопытствовала путешественница, глотая мутную, теплую воду.

— Скоро!.. Вонъ за тѣмъ пригоркомъ еще пригорокъ будетъ, тамъ логомъ пойдетъ дорога... опять лѣвѣе мазарка видна будетъ, а тамъ на спускѣ, а тамъ сейчасъ... отъ мазарокъ уже видна будетъ... Теперь недалеко!

— Станцый „джакымъ“ (близко)! подтвердилъ и ямщикъ, мало-мало понявшій смыслъ объясненія Силантія.

— Гайда! Погоняй, чумазый! внушительно замѣтилъ ему тотъ.—И что за народъ, право!.. Чуть замѣтилъ, что задремалъ пассажиръ, сейчасъ и самъ спать, а лошади шагомъ идутъ... только бы все изъ подъ кнута; нѣтъ чтобы постараться... Погоняй!..

И тройка пошла живѣй, колокольчикъ залязгалъ усиленно, пристяжныя, взмахивая спутанными гривами, даже подскакивать стали.

— Тебѣ тамъ жарко... Садись сюда, ко мнѣ... здѣсь все-таки тѣнь, произнесла Надя, напившись и пряча стаканъ на свое мѣсто.

— Да я, матушка, видѣлъ, что вы дремать начали... Думаю, поразоспитесь, пораскинетесь... все просторнѣе будетъ... Вотъ и перебрался сюда. Намъ что, мы народъ привычный!.. Мы вотъ въ шестьдесятъ пятомъ году...

— А это что видно?.. Тамъ?..

Надя показала рукою.

— Это вотъ опи самыя мазарки и есть! Могилы такія, святыхъ ихнихъ, что ли! Вотъ теперь и станція скоро... На той станціи урядникъ Бородинъ, за станціоннаго, землякъ мой; у него самоваръ есть... корову тоже держитъ, молочкомъ попотчуетъ. А ты, знай свое дѣло, пошевеливай!.. Теперь, барышня, дня на два еще этакой то каторжной дороги будетъ, а послѣ опять пойдетъ хорошая сторона... Тамъ уже, чѣмъ дальше, то лучше... Мы, гляди, къ самому винограду поспѣемъ...

При словѣ „виноградъ“ дѣвушка даже повеселѣла. Отъ наблюдательнаго глаза опытнаго спутника не скрылось такое обстоятельство. Онъ тоже улыбнулся и продолжалъ:

— Тамъ, барышня милая, чего-чего нѣтъ! Сады какіе, тѣни сколько! Птицы райскія и чаи китайскіе... Такъ то! хе! хе!.. Вотъ потерпите... къ вечеру много прохладнѣе будетъ... Теперь у насъ ночи мѣсячныя, свѣтлыя... Мы всю ночь проѣдемъ... Вы себѣ спите покойно, не сумлѣвайтесь... я постерегу...

Старикъ словно оборвалъ свою фразу. Смолкъ и отвернулся... Надя пытливо поглядѣла ему въ затылокъ.

— Все отъ Господа! все отъ Него! вздохнулъ Силантій и продолжалъ:

— Въ пути, что во храмѣ.. да! Безъ креста и молитвы ни-ни!.. Потому, какъ Онъ ежели захочетъ,— уважитъ... Благодареніе и слава Ему, Всемилостивому!.. Нѣтъ коли,—на все Его Святая воля!.. Такъ то, матушка, Надежда Федоровна... Такъ то!..

— А гдѣ ты леденцы спряталъ?..

— Ледяцы! конфетики то эти?! Они тамъ, въ синемъ мѣшкѣ... Гдѣ сахаръ и чай, тамъ и они. Я ихъ нарочно въ погребецъ не запиралъ, чтобъ подъ руками были...

Киргизъ-ямщикъ замахалъ рукавами и особенно оживился, гикнувъ пронзительно на усталыхъ лошадей и пройдясь по всѣмъ тремъ спинамъ ременнымъ кнутомъ. Тройка подхватила вся вскачь... Впереди, на косогорѣ, на желто-сѣромъ фонѣ солончака, ярко забѣлѣлась на солнцѣ приземистая мазанка съ двумя подслѣповатыми окнами и растворенною дверью посрединѣ... Сзади къ мазанкѣ примыкалъ камышевый загонъ и полурастрепанный навѣсъ; недалеко чернѣлъ срубъ колодца... Табунчикъ коней бродилъ по близости... У крыльца стоялъ тарантасъ, съ приподнятыми кверху оглоблями... Изъ подъ крыши, изъ отверстія, замѣнявшаго трубу, валилъ густой столбъ чернаго дыма.

Это и была давно жданная станція.

XII.

Услышавъ грохотъ приближающагося экипажа, какой то проѣзжій офицеръ показался на порогѣ станціи и, прикрывшись рукою отъ солнца, сталъ пристально всматриваться.

— А вѣдь это нашъ, барышня! Обрадовался Силантій, обращаясь къ Надѣ.—Такъ и есть! Его благородіе капитанъ Шелобовъ!.. Они самые?!.

— Василій Ивановичъ?!.

— Такъ точно... Вонъ и „барантачъ“ ихъ выскочилъ... Ишь ты, шельмецъ! должно узналъ меня... Ишь какъ на встрѣчу задуваетъ!.. Экко умный песъ!...

Большая сѣрая, косматая собака очутилась уже у самаго тарантаса, прыгая съ привѣтливымъ лаемъ и взвизгиваніемъ...

— Ого-го!.. Охъ ты „барантачъ“, и впрямь „барантачъ...“ Ахъ ты, бестія!..

— Здорово Силантій! крикнулъ Шелобовъ, тоже двинувшись на встрѣчу.—Везешь?!.

— Везу!..

Тарантасъ остановился. Надя выглянула оттуда, и ея глаза смотрѣли на Василія Ивановича скорѣе испуганно, чѣмъ радостно. Сердце билось усиленно... Вопросъ словно замеръ на устахъ...

— Отецъ?!. начала было она и остановилась.

— Слава Богу, все хорошо... То бишь, что я сказалъ... Я не знаю... должно быть хорошо... Я вѣдь самъ вотъ давно не былъ, теперь возвращаюсь... Вотъ и отлично!.. значитъ теперь вмѣстѣ и поѣдемъ... Вы какъ здоровы, Надежда Федоровна?..

Шелобовъ растерялся. Онъ не ожидалъ, что уже будто бы такъ сразу и придется приниматься за дипломатію.

— А я полагалъ, что вы отъ насъ, значитъ, въ Россію, ѣдете? вставилъ свое замѣчаніе Силантій. Я гляжу, что тарантасикъ вашъ туда оглоблями стоитъ...

— Да я... я, то есть, изъ отпуска... я теперь вмѣстѣ... гм...

Силантій разомъ смолкъ, потупился, зашелъ за тарантасъ и долго копался тамъ, провѣряя крѣпко ли кладь привязана, не разслабло ли что... А киргизъ отпрегъ уже одну пристяжную, тоже пріостановился и на старика смотритъ: чего это, молъ, онъ стоитъ и ничего не дѣлаетъ? стоитъ, не то плачетъ, не то соринку изъ глаза вытираетъ... да все крестится, словно своему Богу молится...

— Какая же вы большая стали, какая хорошая! говорилъ Шелобовъ, помогая Надѣ вылѣзть изъ экипажа. Встрѣтилъ бы гдѣ и не узналъ бы, Надежда Федоровна, ей Богу-съ!

— „Надежда Федоровна!“ укоритедьно улыбнулась дѣвушка,—а *Надя* бы васъ всегда узнала... Вы постарѣли, почти сѣдой стали, а все бы узнала... Стыдно!

— Да вѣдь въ мои лѣта десятокъ годовъ ничего, совсѣмъ мѣняться нельзя, а вѣдь вы, Над... ну хоть Надя, будь по вашему... Вы вѣдь ребеночкомъ отъ насъ вывезены, а теперь—ишь ты... Урядникъ!.. Самоваръ, живѣе!

Вошли въ горницу, на-бѣло оштукатуренную, довольно просторную саклю, вдоль стѣнъ которой, вмѣсто мебели, были сдѣланы глинобитные прилавки, покрытые дешевыми киргизскими коврами. На стѣнахъ висѣли росписанія, почтовыя правила, разсчетный прогонный листокъ и портретъ генерала въ штатской формѣ, со звѣздою и взбитымъ кокомъ на головѣ; все это въ рамкахъ, за разбитыми, запыленными стеклами. Чуть не четверть всей комнаты занимала громадная русская печь съ лежанкою, полъ былъ кирпичный, смазанный глиною, засоренный окурками папиросъ, скорлупою отъ яицъ и разными объѣдками дорожныхъ припасовъ; на грязномъ столѣ стояла коробка отъ сардинъ съ крупною сѣрою солью, лежали мѣшокъ съ сухарями, свертки бумажные съ сахаромъ и чаемъ, — остатокъ колбасы... Урядникъ Бородинъ, оставивъ самоваръ на попеченіе одного изъ ямщиковъ, приводилъ въ порядокъ чайный приборъ, вытирая стаканъ полою своей армячинной рубахи... Барантачъ, вернувшійся со встрѣчи, вытянулся, высунувъ языкъ, на одномъ изъ прилавковъ, стеречь бурку и чемоданчикъ своего хозяина.

— А ты позаботься чтобы лошадей сейчасъ, въ оба тарантаса, живо! распорядился Шелобовъ, обращаясь къ станціонному.

— Вы какъ-же, ваше благородіе?.. удивился тотъ.

— А такъ-же... я назадъ ѣду! шепнулъ капитанъ урядпику на ухо.

— Слушаю-съ! также шепотомъ отвѣчалъ тотъ, и вышелъ.

— Явился и Силантій, убѣдившійся должно быть, что все привязано крѣпко, и снова выдержалъ на себѣ испытывающій, пристальный взглядъ Нади.

— Вы, Надя, вотъ что... обратился Василій Ивановичъ къ дѣвушкѣ.—Вамъ можетъ быть что поправиться надо? Мы съ Силантіемъ выйдемъ пока,— тамъ позовете... Пойдемъ, старина!..

— Сейчасъ! вотъ только полотенчико достану, да

Прогулка. Съ картины Ф. Боденмюллера, грав. Эрике.

воды свѣжей нацѣжу въ умывальникъ... Я мигомъ управлюсь... Вотъ и вода готовая припасена... Ходить не зачѣмъ...

Управился Силантій, а Шелобовъ его на дворѣ подождалъ. Притворила Надя дверь, на крючекъ защелкнула, а сама къ окну. Стекла пыльныя, мухами засиженныя... ей на свѣтъ видно почти все, а ее никто не видитъ... Только, жаль, говорятъ очень тихо. Поговорятъ, да сюда посмотрятъ, поговорятъ опять и опять обернутся...

Присѣла Надя на прилавокъ, опустила руки и задумалась... Тяжелое предчувствіе давно уже стало закрадываться въ ея сердце... Уже дня три замѣтила она, что ея старый спутникъ сильно измѣнился. То все былъ такой веселый, разговорчивый, даже пѣсни ей пѣлъ, солдатскія, своимъ старческимъ, разбитымъ голосомъ, а вдругъ, не то: послѣ того какъ фортъ Иргизъ проѣхали, совсѣмъ измѣнился старикъ: если и улыбнется, если и начнетъ разсказывать про что нибудь веселое, то, видимо, насильно, нехотя, какъ то дѣланно,—и не веселитъ это ее, Надю, пуще прежняго разстроиваетъ, болѣзненно растравляетъ ея мучительное предчувствіе чего то недобраго, роковаго!.. И дорога опять, эта длинная утомительная дорога! Прежде, бывало, сотни верстъ мелькали незамѣтно, дни за днями, словно часы пролетали, а теперь словно черепаха ползетъ время, безъ конца тянется эта сѣрая, пыльная лента... Тяжко!..

(До слѣд. №).

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ **А. Я. Максимова**.

(Продолженіе).

Часъ слишкомъ поднимались авантюристы по крутому склону холма, пока достигли его куполообразной вершины, покрытой, словно мохнатой шапкой, хвойными деревьями. Величественные кедры, пышныя сосны и мохнатыя ели образовали роскошный, смѣшанный лѣсъ дикой красоты. Всюду виднѣлись гигантскія глыбы камня, обвитыя узорчатымъ, прелестнымъ ковромъ разныхъ ползучихъ растеній, лишаевъ и мховъ. На вершинѣ холма, полумракъ, господствовавшій въ пади, смѣнился мягкимъ свѣтомъ. Солнечные лучи свободно проникали черезъ сѣтчатый сводъ пышныхъ вершинъ и причудливо золотили свѣтло-коричневыя выпушки роговика и блестящія, голубовато-сѣрыя обнаженія перлита, пронизаннаго множествомъ, фантастически расположенныхъ, бѣлыхъ нитей и прожилокъ кварца... Лонхоу, взобравшись на холмъ, пріостановился перевести духъ и опредѣлить дальнѣйшее направленіе бѣглеца. Задача была далеко не изъ легкихъ. Съ вершины холма извивались внизъ, въ разныя пади, до десятка тропъ, которыя, въ свою очередь, развѣтвлялись на десятки новыхъ тропинокъ, образуя цѣлый лабиринтъ. Болѣе часу Лонхоу ходилъ по куполообразной вершинѣ, спускался то по одной, то по другой тропинкѣ, но нигдѣ не находилъ даже малѣйшаго слѣда Сеокви. Послѣдній словно сквозь землю провалился. Неутомимый старшина уже возвращался къ отдыхавшимъ подъ развѣсистымъ кедромъ товарищамъ, потерявъ всякую надежду напасть на слѣдъ манчжура, какъ вдругъ взоръ его упалъ на какой-то блестящій предметъ, едва виднѣвшійся среди густой травы. Это оказался ножъ, принадлежавшій Сеокви и, очевидно, утерянный имъ во время поспѣшнаго бѣгства. Ножъ лежалъ около тропы, затѣйливо извивавшейся съ вершины холма въ узкую, мрачную падь, обставленную со всѣхъ сторонъ крутыми горами.

— Гайда, сюда! крикнулъ Лонхоу товарищамъ.

— Собака-манчжуръ въ эту падь сбѣжалъ, угрюмо пробормоталъ онъ, быстро сходя по каменистой тропинкѣ.

У подошвы холма наткнулись на потухшій костеръ. Лонхоу быстро подошелъ къ послѣднему и ощупалъ рукой золу.

— Теплая еще! проговорилъ онъ радостно. Былъ здѣсь не болѣе какъ часа два тому. Ну, теперь не зѣвайте!.. Надо захватить его врасплохъ. Помните, у него пороху и пуль вдосталь, а у насъ только по одному заряду въ ружьяхъ. Онъ перестрѣляетъ насъ, какъ косуль, коли увидитъ, что погоня близко...

Искатели жень-шеня стали подвигаться впередъ хотя и съ прежнею быстротою, но со всевозможными предосторожностями. Каждую минуту они ожидали увидѣть какіе либо признаки близкаго присутствія бѣглеца, но признаковъ не было. Этой тропой проходилъ ли какой нибудь человѣкъ? Вся истоптанная слѣдами звѣрей, она вилась по дну глубокой, мрачной пади. Искателямъ постоянно приходилось перелѣзать черезъ огромныя поваленныя деревья, полусгнившіе стволы которыхъ были покрыты фантастическимъ ковромъ изъ мху и лишаевъ. Посреди пади протекалъ небольшой горный ручей, катящій прозрачныя вбды по каменистому дну. Перешли ручей и очутились въ едва проницаемой чащѣ лещины, переплетенной разнообразными вьющимися растеніями. Чѣмъ дальше шли искатели, тѣмъ заросль становилась все гуще и гуще. Съ трудомъ они пробирались впередъ, путаясь въ цѣпкихъ вѣтвяхъ вьющихся растеній. Дорогу расчищали топорами и ножами. Пройдя съ сотню шаговъ, Лонхоу остановился и угрюмо проговорилъ:

— Манчжуръ надулъ насъ... Онъ не здѣсь проходилъ. По этой тропѣ и косуля не пройдетъ.

— Не поднялся-ли Сеокви по той-же тропѣ, по которой спустился въ падь? рѣшился замѣтить Ки-сэ.

Лонхоу даже затрясся отъ этого возможнаго предположенія. Его душила злоба. Онъ понялъ, что манчжуръ уже внѣ всякаго преслѣдованія, если только онъ дѣйствительно поднялся опять на холмъ и спустился по другой тропѣ въ совершенно противуположную падь. Развѣ возможно розыскать человѣка среди лабиринта тайги, среди непролазной чащи? Только счастливый случай могъ бы натолкнуть на потерянный слѣдъ бѣглеца. Между тѣмъ отыскать Сеокви и отнять отъ него крайне необходимый порохъ—была задача, отъ разрѣшенія которой зависѣло дальнѣйшее благополучіе искателей.

— Надо вернуться къ костру! прохрипѣлъ Лонхоу. Собака-манчжуръ надулъ насъ!... Поздно теперь искать его: солнце уже на закатѣ....

— Завтра увидимъ, что дѣлать, добавилъ онъ, быстро шагая въ обратный путь. Придется домой спѣшить, если не розыщемъ разбойника. До Уссури идти полъ-мѣсяца, а дичину бить нечѣмъ... Хищный звѣрь нападетъ, намъ нечѣмъ отбиться отъ него... Плохо, совсѣмъ плохо!... Корнями придется питаться, отъ звѣрей ножами и топорами отбиваться... Поганая собака!... крикнулъ Лонхоу хриплымъ голосомъ, грозя кулакомъ отсутствующему Сеокви...

XIV.

За краснымъ волкомъ.

Прошло два дня. Солнце уже скрылось за холмами и золотило ихъ мохнатыя вершины. Въ чащѣ становилось все темнѣе и темнѣе. По одной изъ тропинокъ глубокой пади, расположенной въ двадцати верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы оставили трехъ авантюристовъ, пробирался изможденный, страшно исхудавшій Сеокви. Глаза его, глубоко ушедшіе въ орбиты, горѣли лихорадочнымъ, зловѣщимъ огнемъ. Манчжуръ походилъ на сумасшедшаго. Волоса его были взбиты, стояли торчкомъ отъ множества посторонныхъ предметовъ, сваляившихся съ ними: тутъ былъ репейникъ, какіе то высохшіе листья, кусочки сучьевъ и т. п. Повидимому, Сеокви, въ эти истекшіе два дня, не разбиралъ, гдѣ ложился спать, валялся гдѣ попало, не заботясь подложить подъ голову хотя-бы охапку травы. Исцарапанное, сильно исхудавшее тѣло его поражало взоръ. На немъ висѣли какіе-то грязные клочья синей дабы. На избитыхъ, распухшихъ ногахъ виднѣлись обрывки сыромятной кожи, изъ которой нѣкогда были сдѣланы чарки. Сеокви пробирался черезъ заросль медленно, словно съ какою-то нерѣшительностью. Между тѣмъ дорога была ему хорошо знакома. Въ теченіи двухъ послѣднихъ дней онъ не ходилъ по другой тропѣ, какъ только по этой, истоптанной разнымъ звѣремъ. Манчжуръ шелъ, низко опустивъ всклокоченную голову. Онъ пытливо всматривался въ мелкіе волчьи слѣды, виднѣвшіеся изрѣдка среди множества другихъ звѣриныхъ слѣдовъ. Время отъ времени съ устъ Сеокви срывались отрывочныя фразы и восклицанія. Повидимому, его давила какая-то назойливая мысль. Онъ находился подъ гнетомъ неотвязчивыхъ соображеній.

— Опять волчій слѣдъ! бормоталъ Сеокви, медленно шагая по тропинкѣ. Вотъ опять!.. Красные волки ходятъ здѣсь... Я знаю—ходятъ... Двѣ ямы вырылъ я на тропѣ, а волкъ все не попадается... Третьи сутки жду!.. Все напрасно... Плутокъ шельма!.. Все обходитъ, обходитъ... Сегодня опять неудача!.. Въ одну яму попала выдра, а въ другую лисица... Убилъ ихъ и выбросилъ... Только пастилку испортили... Новую пришлось дѣлать... Подожду до завтра, а тамъ перейду въ другую падь...

Такимъ образомъ разговаривая самъ съ собой, Сеокви вышелъ на небольшую прогалину и угрюмо усѣлся около давно потухшаго костра. Мѣсто это было ему хорошо знакомо. Здѣсь онъ провелъ уже двѣ ночи и собирался провести третью и послѣднюю...

— Ѣсть хочется! пробормоталъ манчжуръ послѣ короткаго раздумья и обвелъ вокругъ себя глазами, словно ища пищи.

— Опять забылъ подстрѣлить... Косуля почти рядомъ стояла, а упустилъ, продолжалъ бормотать Сеокви, уставивъ свои ли-

хорадочно горящіе глаза на потухшіе уголья костра. Ѣсть хочется до смерти!.. Развѣ опять корешковъ поискать!..

Манчжуръ какъ то нехотя поднялся, вошелъ въ заросль, порылся въ густой травѣ съ полчаса, и возвратился на прогалину съ двумя корешками звѣробоя.

— Хоть что нибудь пожевать, прошепталъ Сеокви, жуя сладкій корень.

— Разведи-ко, Сеокви, теперь костеръ, да ложись спать, посовѣтовалъ самъ себѣ манчжуръ. Одиночество пріучило его разговаривать съ самимъ собой, высказывать вслухъ свои мысли...

Черезъ нѣсколько минутъ, на прогалинѣ запылалъ яркій костеръ. Прошло еще нѣсколько времени, и Сеокви уснулъ, положивъ рядомъ заряженное ружье. Въ послѣднее время послѣ его бѣгства, въ немъ произошла замѣчательная метаморфоза. Счастливо избѣгнувъ преслѣдованія обкраденныхъ товарищей, онъ всецѣло отдался поглотившей его мысли розыскать завѣтную падь Ула-Джана. Слова Лонхоу запали въ его сердце и мозгъ слишкомъ глубоко, чтобы возможно было ихъ выцарапать. Долгое время онъ бродилъ изъ пади въ падь, все ища случая поймать живьемъ краснаго волка. Суевѣріе парализовало разсудокъ. Манчжуру казалось, что разъ удается поймать волка, разъ удается исполнить все, что сказалъ Лонхоу, и чудная падь Ула-Джана будетъ найдена. Неотвязчивая мысль эта поглотила всѣ остальныя мысли, давила его словно кошмаръ. Онъ забывалъ ѣсть. Спалъ плохо. Его тревожили горячечныя видѣнія. Онъ страшно истощалъ и исхудалъ. Въ изможденной фигурѣ, съ глубоко впавшими глазами, съ заострившимся носомъ и ввалившимися щеками, съ трудомъ можно было признать здороваго, мускулистаго бѣглаго солдата. Его пожиралъ внутренній огонь—неутолимая жажда баснословной наживы. Онъ цѣлыми часами мечталъ только о томъ, какъ бы розыскать падь Ула-Джана и завладѣть ея запасами чудодѣйственнаго корня. Прежняго страха въ немъ словно не было. Онъ пересталъ бояться одиночества въ дикой тайгѣ, переполненной звѣрями. Онъ относился какъ то апатично къ возможности быть растерзаннымъ. Каждый вечеръ онъ спокойно засыпалъ возлѣ разведеннаго костра. Обыкновенно, костеръ потухалъ уже къ полночи, но Сеокви продолжалъ спать, нисколько не опасаясь нападенія. Счастливый случай сохранялъ его жизнь. Еще ни разу, со времени своего бѣгства изъ партіи, манчжуръ не подвергался опасности. Ему почему то даже стало казаться, что это нападеніе невозможно, что самъ божественный Фо охраняетъ своего избранника-манчжура изъ города Гиринъ. Разъ рѣшившись поймать живьемъ краснаго волка, онъ сталъ чувствовать къ послѣднему значительно меньшій суевѣрный страхъ. Прежде всего Сеокви розыскалъ тропу, по которой, по его предположенію, бродятъ красные волки. Затѣмъ онъ вырылъ на этой тропѣ двѣ звѣровыя ямы и прикрылъ ихъ тонкой настилкой, сдѣланной изъ сучьевъ. Два дня подрядъ онъ осматривалъ ямы. Вмѣсто волковъ попадались въ нихъ: то лисица, то выдра, то россомаха. Разъ даже попалъ въ яму трусливый маленькій тибетскій медвѣдь, котораго Сеокви нашелъ поутру уже мертвымъ. Оказалось, что медвѣдь провалился въ яму, въ которой уже сидѣла лисица, причемъ, повидимому, страшно испугался, какъ паденія, такъ и неожиданнаго товарищества.

Сеокви проснулся съ восходомъ солнца и тотчасъ же побрелъ на знакомую тропу. Черезъ полчаса быстрой, лихорадочной ходьбы по заросли, манчжуръ подошелъ къ ближайшей звѣровой ямѣ. Сердце его сильно билось отъ тревожнаго ожиданія успѣха въ своемъ замыслѣ. Онъ съ трепетомъ замѣтилъ, что настилка была пробита. Очевидно, въ ямѣ сидѣлъ звѣрь. Сеокви осторожно подошелъ, заглянулъ и съ ужасомъ отшатнулся. Изъ темной глубины ямы глядѣли на него два горящихъ, словно раскаленные уголья, глаза. Не было никакого сомнѣнія: эти пронизывающіе, ужасные глаза принадлежали свирѣпому духу тайги—красному волку... Удача устрашила Сеокви. Онъ не зналъ, что теперь дѣлать, какъ совершить вторую, самую главную половину, задуманнаго имъ, смѣлаго замысла... Прошло болѣе получасу. Манчжуръ продолжалъ стоять въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ звѣровой ямы, не рѣшаясь даже вторично взглянуть на пойманнаго хищника. Огненные глаза устрашали его, отнимали то первное мужество, которое охватило все его существо, подъ давленіемъ мысли завладѣть богатствами пади Ула-Джана? Сеокви чувствовалъ, что у него пропадаетъ рѣшимость захватить живьемъ краснаго волка и выколоть ему глаза, какъ указывалъ Лонхоу. Самомнѣніе исчезло. Ему вдругъ начало казаться, что онъ, отуманенный безумною алчностью, рѣшился на невозможное. Напрасно подогрѣвалъ онъ свое мужество фаталистическимъ предположеніемъ, что самъ божественный Фо окажетъ ему содѣйствіе. Напрасно распалялъ онъ болѣзненно настроенное воображеніе картиной нахожденія чудной пади. Ничто не помогало. Сеокви боялся пошевельнуться. Суевѣрный страхъ постепенно прокрадывался въ душу и все болѣе и болѣе наполнялъ трепещущееся сердце... Наконецъ онъ не выдержалъ невыносимой пытки и, охваченный ужасомъ, бросился бѣжать отъ ямы. Только на прогалинѣ Сеокви пришелъ въ себя... Онъ остановился и въ изнеможеніи опустился на траву, передъ потухшимъ костромъ. Онъ дрожалъ, какъ испуганный звѣрь, ищущій убѣжища. Со лба его падали на траву крупныя капли холоднаго пота... Онъ сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, словно вросшій въ землю, прислушиваясь къ окружающей тишинѣ... Прошелъ длинный день... Наступила ночь. Сеокви продолжалъ сидѣть у костра, не двигаясь и не показывая даже признака жизни. Онъ былъ похожъ на каменное изваяніе. На его блѣдномъ, изможденномъ лицѣ словно застыло выраженіе ужаса... Между тѣмъ голодный волкъ, соскучившись сидѣть въ темной, сырой ямѣ, вдругъ завылъ. Вой гулко раздался въ ночной тиши. Кровь застыла въ жилахъ Сеокви. Ему почудилось, что вой этотъ все разростается, разростается и наконецъ разросся до чудовищныхъ, ужасающихъ размѣровъ. Ему казалось, что вся чаща наполнилась этимъ адскимъ воемъ, что тайга вдругъ ожила и затрепетала отъ ужаснаго крика злаго духа... Сеокви, охваченный ужасомъ, забылъ развести костеръ, онъ былъ окруженъ мракомъ. Взоръ его тонулъ въ непроницаемой мглѣ... Вдругъ эта мгла какъ будто бы нѣсколько разсѣялась. Тамъ и здѣсь загорѣлись зловѣщіе огоньки и запрыгали въ какой то неистовой пляскѣ, прорѣзая мракъ рѣзкими, свѣтлыми молніями. Волоса на головѣ Сеокви встали дыбомъ. Ему чудилось, что вокругъ него носятся злые духи и протягиваютъ къ нему свои огненныя лапы... Нервы манчжура, пришедшіе въ неестественное напряженіе, не выдержали... Сеокви, охваченный ужасомъ, стремительно поднялся и бросился опять бѣжать, самъ не зная куда, оглашая ночной воздухъ дикими криками. Ему казалось, что за нимъ несется цѣлый сонмъ злыхъ духовъ, что окружающія деревья потрясаютъ своими мохнатыми вершинами, словно грозя бѣглецу, словно желая преградить ему дорогу... Манчжуръ бѣжалъ по тропѣ ощупью, инстинктивно угадывая каждую ея извилину. Онъ бѣжалъ долго, пока хватило силъ. Но вотъ ноги Сеокви внезапно подкосились, словно невидимая сила сломила несчастнаго манчжура, и онъ, изможденный, исцарапанный, упалъ безъ чувствъ въ самую чащу заросли...

XV.

Погоня.

Лонхоу, потерявъ слѣдъ Сеокви, рѣшился возвратиться къ подошвѣ холма, переночевать тамъ и съ утра приступить къ новымъ поискамъ. Онъ понималъ, что отъ результата этихъ поисковъ зависитъ благополучіе всей партіи и потому рѣшилъ отказаться отъ преслѣдованія коварнаго манчжура только при полной невозможности найти его слѣды...

Ночь прошла благополучно. Съ разсвѣтомъ поднялись съ сырой травы и, даже не позавтракавъ, стали взбираться на холмъ, по той же самой тропѣ, по которой спустились наканунѣ въ падь. Лонхоу былъ убѣжденъ, что Сеокви поднялся на вершину холма по той же тропинкѣ, по которой спустился къ подошвѣ, и затѣмъ сошелъ по другой тропѣ. Необходимо было только розыскать, куда именно. Подымаясь по крутому скату, онъ зорко старался разглядѣть, среди звѣриныхъ слѣдовъ, слѣдъ манчжура. Ли-фу и Ки-сэ энергично помогали старшинѣ въ его трудныхъ розыскахъ. Поднявшись на холмъ, разошлись по тропѣ, затѣйливо извивавшейся по самой его вершинѣ: Лонхоу пошелъ вправо, Ки-сэ и Ли-фу повернули влѣво... Поиски шли безуспѣшно въ теченіи цѣлыхъ десяти часовъ. Сходили по всѣмъ тропамъ, заглядывали въ каждую щель,—напрасно: Сеокви словно провалился. Ночь заставила пріостановить поиски. Измученные, страшно проголодавшіеся, собрались подъ тѣнь широковѣтвистаго кедра, поужинали кое-какими кореньями и завалились спать... Слѣдующіе два дня прошли такъ же. Лонхоу началъ отчаяваться.

— Если завтра не разыщемъ, надо домой, сказалъ онъ своимъ товарищамъ наканунѣ послѣдняго дня поисковъ. — Не до зимы же искать его!.. Мы и такъ изголодались, на однихъ кореньяхъ...

Съ утра слѣдующаго дня энергично продолжались поиски и случайно увѣнчались успѣхомъ. Спустившись по едва замѣтной тропѣ въ узкую темную падь и пройдя по дну ея нѣсколько сотъ шаговъ, Лонхоу, шедшій по обыкновенію впереди, замѣтилъ торчащія изъ заросли чьи то босыя ноги, пятками вверхъ. Очевидно, что неизвѣстный человѣкъ лежалъ лицомъ внизъ. Туловища не было видно. Оно исчезало въ непроницаемой чащѣ. Старшина подбѣжалъ къ неподвижно лежащему человѣку. Онъ не сомнѣвался, что видитъ передъ собой ноги Сеокви, заставившаго провести товарищей столько мучительныхъ дней.

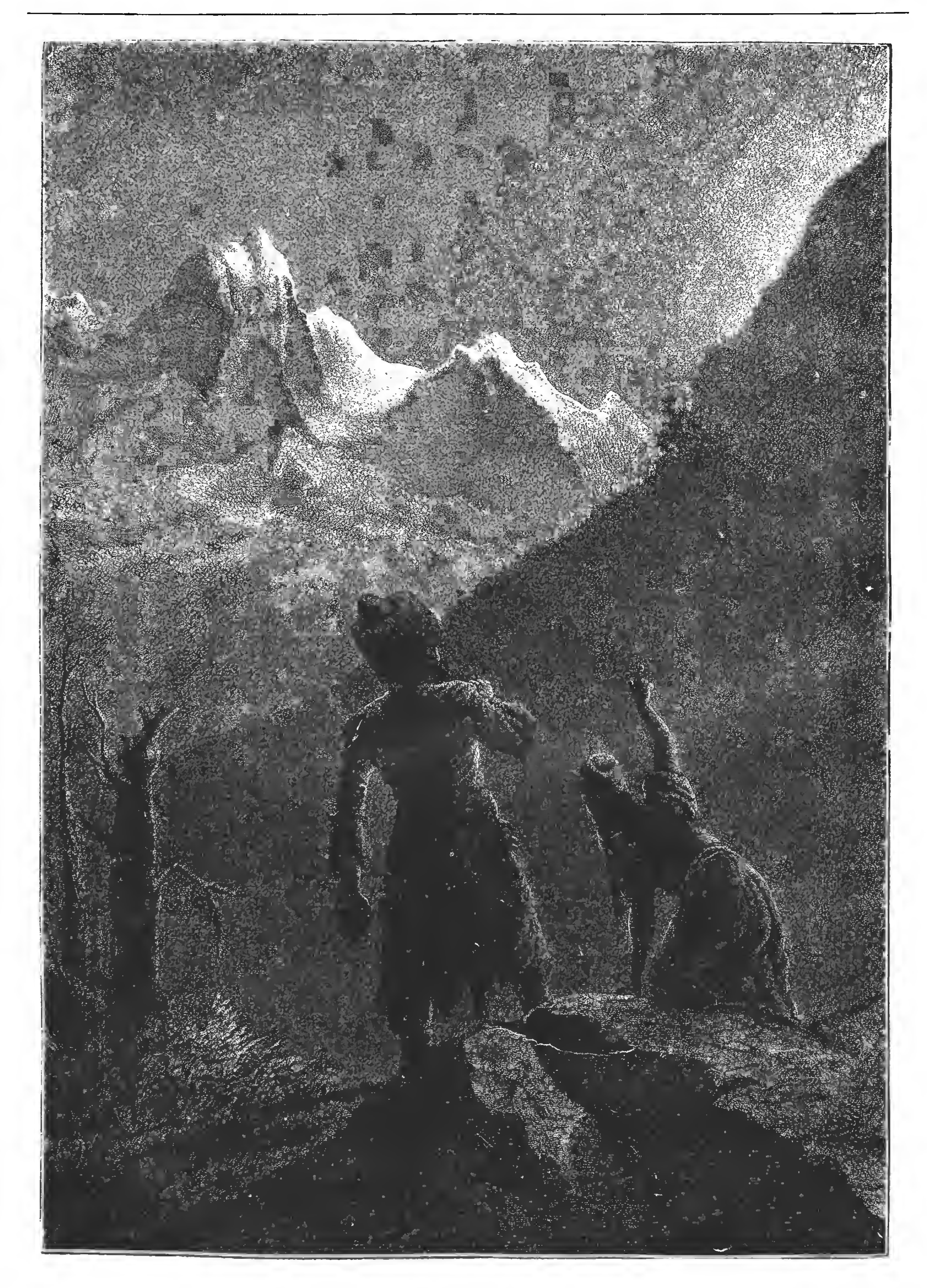
— Гайда, гайда!.. Сеокви!.. крикнулъ Лонхоу товарищамъ.

— Гдѣ онъ!?. Гдѣ!?. съ недоумѣніемъ спросили Ки-сэ и Ли-фу, спѣша вслѣдъ за старшиной.

— Вотъ онъ, дохлая собака, лежитъ! проговорилъ запыхавшійся Лонхоу, злобно ткнувъ прикладомъ ружья въ торчащія изъ заросли голыя ноги. Это было какое то безобразное подобіе человѣческихъ ногъ. Ли-фу съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ состраданіемъ, смотрѣлъ на страшно опухшія, окровавленныя оконечности. рѣзко выдѣлявшіяся среди яркой зелени.

— Гей, тащите его на тропу! распорядился Лонхоу.

Ки-сэ и Ли-фу ухватились за торчащія ноги и осторожно потянули къ себѣ... Ни съ мѣста... Они потянули сильнѣе... Что-то хрустнуло, но туловище нисколько не подалось изъ заросли, словно оно вросло въ землю...



Литературный альбомъ. „Кавказскій плѣнникъ“. Поэма А. С. Пушкина. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Письмо къ жениху. Съ картины В. Моэса, грав. Веберъ.

— Ишь, дохлая собака! Онъ, вѣроятно, зубами передъ смертью за что нибудь зацѣпился... Тащи сильнѣй!!. злобно крикнулъ Лонхоу и самъ ухватился за ноги.

Авантюристы напрягли всѣ силы и безпощадно рванули за окровавленныя оконечности... Опять ни съ мѣста!.. Послышался какой то подозрительный хрястъ и трескъ. Хрустнула ли это подвернувшаяся сухая вѣтка подлѣска, или что другое—трудно было разобрать... Искатели жень-шеня хотѣли было рвануть еще разъ, но вдругъ остановились и съ ужасомъ выпустили изъ рукъ ноги. Кровь застыла въ ихъ жилахъ... Волоса встали дыбомъ. На лбу выступили крупныя капли холоднаго пота. Что ихъ такъ испугало?.. Они вдругъ почувствовали, что ноги Сеокви словно ожили и конвульсивно затрепетали. Изъ чащи долетѣлъ до ихъ слуха едва слышный, мучительный стонъ... Они безпощадно тянули за ноги живаго человѣка!..

— Онъ живъ! прошепталъ поблѣднѣвшій Лонхоу. — Какой шайтанъ держитъ его тамъ!?

Сеокви конвульсивно, едва замѣтно, подергивалъ ногами. Лонхоу, не говоря ни слова, быстро очистилъ топоромъ себѣ проходъ въ чащу и скрылся въ ней. Ли-фу и Ки-сэ остались на тропинкѣ въ безмолвномъ ожиданіи. Черезъ минуту Лонхоу вернулся съ блѣднымъ, разстроеннымъ лицомъ.

— Пойдемте!.. Онъ издохъ!.. пробормоталъ старшина товарищамъ и быстро, первно зашагалъ дальше по тропѣ.

— Кто его тамъ держалъ? полюбопытствовалъ Ки-сэ.

— Собакѣ собачья смерть!.. Самъ божественный Фо наказалъ Сеокви за преступленіе противъ товарищей, пробормоталъ Лонхоу дрожащимъ голосомъ.

Загадочныя слова только подзадорили любопытство.

— Ты видѣлъ его? спросилъ онъ.

— Видѣлъ! отрывисто отвѣтилъ Лонхоу.

— Отчего онъ подохъ?.. Вѣдь живъ былъ, какъ тащили его за ноги?.. приставалъ Ки-сэ.

— Да, живъ! Собакѣ собачья смерть!..

— Онъ, видно, бѣжалъ и упалъ, продолжалъ тихо Лонхоу. Упалъ онъ лицомъ внизъ... Угодилъ прямо на острый пень!.. Пень его держалъ, а мы все тащили!.. Онъ и подохъ!.. Едва голову ему не оторвали... Ну, да собакѣ собачья смерть!.. черство и злобно добавилъ онъ, и быстро зашагалъ по тропѣ.

Съ безмолвнымъ ужасомъ шли другіе за своимъ вожакомъ. Страшная смерть товарища произвела на нихъ удручающее впечатлѣніе...

Лонхоу подвигался впередъ уже не ощупью. Онъ хорошо сообразилъ, съ которой стороны бѣжалъ несчастный Сеокви. То тамъ, то здѣсь висѣли на кустахъ обрывки бумажной матеріи, ясно указывавшіе направленіе безумнаго бѣга манчжура. Лонхоу шелъ увѣренно. Онъ былъ теперь убѣжденъ, что, подвигаясь впередъ по той же тропѣ, онъ достигнетъ наконецъ исходнаго пункта бѣжавшаго Сеокви... Дѣйствительно, къ вечеру авантюристы вышли на прогалину, на ту самую, на которой провелъ двое сутокъ Сеокви, помѣшавшійся на отыскапіи легендарной пади Ула-Джанъ. Зоркій глазъ Лонхоу тотчасъ же разсмотрѣлъ брошенное манчжуромъ ружье. Рядомъ лежала пороховница — предметъ такихъ долгихъ, страстныхъ поисковъ. Старшина стремительно поднялъ рогъ и, дрожащими отъ нетерпѣнія руками, вскрылъ его.

— Полный! крикнулъ онъ радостнымъ голосомъ. Сеокви пересыпалъ весь порохъ въ свой рогъ, а нашъ бросилъ гдѣ-то... Ну, теперь гайда!.. Теперь мы и сыты будемъ и отъ звѣрей отобьемся... Гей, Ки-сэ!.. бери ружье!.. Теперь всѣ съ ружьями— не пропадемъ... Пороху хватитъ... Теперь поздно, а то бы и дичины на ужинъ набили... Ничего, ночку еще поголодаемъ, корешки пожуемъ, а тамъ—привольное житье! Завтра опять искать корень... Эй, Ли-фу, Ки-сэ, продолжалъ Лонхоу. Отъ неожиданной радости, старшина сдѣлался болтливъ.—Эй, вы тамъ!.. Полно вамъ пучить глаза. Живо собирайте побольше хворосту, разводите костеръ. Тутъ проночуемъ, а тамъ гайда за жень-шенемъ... Наберемъ его по сотнѣ штукъ!..

Повеселѣвшіе авантюристы быстро исполнили приказаніе старшины. Черезъ нѣсколько минутъ, на полянкѣ горѣлъ яркій костеръ.

Удача подѣйствовала на искателей. Они повеселѣли, забыли недавнія невзгоды, сдѣлались разговорчивыми. До поздней ночи болтали о томъ, о семъ, строили воздушные замки и мечтали о будущемъ. Начали было даже пѣть. Угомонились только поздно ночью...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Землетрясеніе въ Испаніи.

Очеркъ.

Ужасающія извѣстія, получаемыя изъ Испаніи, вызываютъ страшныя воспоминанія о геологической исторіи нашего земнаго шара. Ни разу со времени Лиссабонскаго несчастія въ въ 1755 г., Калабрійскаго въ 1784 и Перуанскаго и Калифорнійскаго въ 1868 г., не было еще такой потрясающей катастрофы; матеріальныя потери громадны и человѣческія жертвы очень многочисленны. Первые удары послышались 25 декабря возлѣ Мадрита и передались дальше; они усилились къ 29 декабрю и продолжаются еще и теперь въ нѣкоторыхъ частяхъ Андалузіи, но уже въ болѣе слабой степени. Во многихъ мѣстахъ насчитывалось до 45 послѣдовательныхъ ударовъ; обыкновенно они продолжаются только незначительную часть секунды; и въ этотъ разъ въ отдѣльности они были также коротки, но въ общемъ продолжались 4 минуты и болѣе. И что очень рѣдко, они достигали даже вершинъ горъ; такъ сотрясеніе ощущалось на горѣ Капелеира, вышиною въ 2300 метровъ, вблизи Сіерры-Невады; нѣсколько городовъ и селъ, расположенныхъ на южномъ склонѣ горы, именно между Сіеррой-Невадой и берегомъ, были разрушены. Зачастую ударамъ предшествовалъ страшный шумъ на подобіе того, какой бываетъ при проѣздѣ скораго поѣзда въ тоннелѣ.

Дѣйствіе землетрясенія въ Испаніи то же, что и въ другихъ мѣстностяхъ: рушатся зданія, проваливается земля, образуются трещины, внезапно появляются горячіе ключи, развержаются пропасти и снова смыкаются, проглотивъ дома—повсюду происходитъ хаосъ и запустѣніе. Такъ въ Персіанѣ раскрылась земля на нѣсколько километровъ, въ окрестностяхъ Малаги скатился почти въ долину построенный на склонѣ горы домъ; въ Альгамѣ изъ 1757 домовъ разрушено 1462, въ общемъ во всей провинціи рухнуло болѣе 2500 домовъ. До настоящаго времени общія убытки опредѣляются въ 30 милліоновъ, не включая сюда скотъ и хлѣбъ въ зернѣ; мертвые насчитываются тысячами; болѣе 25000 человѣкъ живутъ въ палаткахъ подъ открытымъ небомъ. Но печальная статистика еще не закончена!

Во всякомъ случаѣ землетрясеніе въ Лиссабонѣ въ 1755 г. было еще ужаснѣе; въ теченіи 6 минутъ погибло около 60000 человѣкъ и колебанія протянулись на непомѣрное пространство; они ощущались въ открытомъ морѣ, на Альпахъ, въ Англіи, Сициліи, Алжирѣ, на Антильскихъ островахъ и въ Канадѣ. И это продолжалось весь декабрь. Неизвѣстно сколько времени продолжится послѣднее Испанское землетрясеніе, такъ какъ Калабрійское 1784 года продолжалось болѣе 3½ лѣтъ; въ первый годъ насчитали 959 сотрясеній. Страны, въ которыхъ разъ ощущается землетрясеніе, постоянно бываютъ ему подвержены, какъ напр. Гроссгерау между Дармштадтомъ и Мангеймомъ. Въ ноябрѣ 1588 и 1785 гг. тамъ слышны были сильные удары; послѣ почти столѣтняго покоя земля заколыхалась снова въ январѣ 1869 г., а къ концу года насчитывалось 600 колебаній, которыя постоянно повторялись до 1873 г. Однимъ словомъ, гдѣ землетрясеніе ощущалось разъ, оно будетъ постоянно повторяться.

Землетрясенію, повергшему теперь Испанію въ трауръ, предшествовали 27-го ноября сильныя сотрясенія на юго-востокѣ Франціи, но всей долинѣ Дюрасъ до Марсели, Тулона, Канна и Ниццы, и въ Италіи и Швейцаріи. 25 и 26 декабря произошли первыя колебанія почвы въ Андалузіи. Упомянемъ при случаѣ главнѣйшія землетрясенія этого столѣтія. Во время землетрясенія въ области Миссисипи въ 1811—12 г. произошли такіе провалы, которые образовали озера въ 150 километровъ въ діаметрѣ; вся мѣстность возлѣ Новаго Мадрита понизилась и весь городъ очутился на нѣсколько метровъ ниже прежняго уровня. Землетрясеніе 1819 г. въ Кутчѣ погребло деревню и фортъ Синдра на берегу Инда, исчезъ цѣлый кантонъ въ 520 километровъ и на мѣстѣ его образовалось озеро. Въ 1828 году землетрясеніе, начиная съ Чили, заняло пространство въ 9000 километровъ. 30 января 1836 г. феноменъ появился въ Борзо, вблизи Беллуно и перешелъ Альпы; въ томъ же году землетрясеніе ощущалось въ прибрежныхъ странахъ Средиземнаго моря до Сиріи и Малой Азіи; въ 1840 г. обрушилось нѣсколько горъ во Французской Юрѣ, между прочимъ гора Сернапи. Въ 1855 г. былъ потрясенъ цѣлый кантонъ Валлисъ, много ручьевъ выступило изъ береговъ около Виспо и температура горячихъ источниковъ Луэшъ поднялась на 7 градусовъ, какъ только землетрясеніе коснулось долины Роны. Въ февралѣ 1865 г. вдругъ исчезъ одинъ изъ Мальдивскихъ острововъ; 25 октября того же года провалился кусокъ земли возлѣ Вендесвилля, на Цюрихскомъ озерѣ. Въ 1867 г. опустилась часть деревни Фиріоло на Лаго-Маджіоре. Въ 1868 г. исчезли большія пространства земли въ Перу со всѣми деревнями; въ Калифорніи происходило то же самое, въ Санъ-Франциско опустилось нѣсколько улицъ, дома деревни Пелла очутились въ озерѣ Орта; въ 1869 г. почувствовались удары въ городѣ Онла въ Малой Азіи, жители убѣжали въ горы и видѣли какъ городъ въ нѣсколько минутъ исчезъ въ огромной развершейся пропасти. Въ 1871 г. былъ разрушенъ Баттангъ въ Китаѣ, а на мѣстѣ города Орландо въ Сѣверной Америкѣ появилось озеро. Въ 1873 г. сильное землетрясеніе посѣтило Сардинію и ощущалось по ту сторону Альповъ до Мюнхена, Аугсбурга и Берна. По вычисленіямъ профессора Фукса въ Гейдельбергѣ, съ 1865 по 1873 г. было 1184 землетрясеній на 517 различныхъ пунктахъ.

Безъ сомнѣнія, землетрясенію подвержены болѣе всего вулканическія страны, особенно гористыя; но ни одна страна не

можетъ считаться вполнѣ обезпеченной отъ него. Составъ почвы играетъ при этомъ большую роль. Если скалы плотны и тверды, землетрясеніе распространяется далеко; въ рыхлыхъ массахъ оно скоро устаетъ. Разорванныя скалы ослабляютъ движеніе, цѣпи горъ образуютъ защиту и обыкновенно удерживаютъ его. Но землетрясенія не всегда бываютъ вулканическаго происхожденія. Они могутъ случаться отъ внутреннихъ передвиженій или внутреннихъ химическихъ процессовъ, отъ прониканія воды вглубь, отъ обваловъ подземныхъ пещеръ, отъ внезапныхъ измѣненій температуры—нельзя перечислить всѣхъ возможныхъ причинъ. Вода, повидимому, играетъ большую роль при землетрясеніяхъ, какъ и при изверженіяхъ вулкановъ; въ послѣднихъ вода, проникая въ раскаленный очагъ лавы, образуетъ сильные пары. Землетрясенія, происходящія отъ подземныхъ переворотовъ, бываютъ совершенно случайны, однако подверженныя имъ страны большею частью или вулканическія или гористыя, или расположены вблизи моря.

Пиренеи также родственны послѣднимъ. Кромѣ того геологически онѣ еще очень юны, онѣ образовались гораздо позже Альповъ,—достаточная причина, чтобы, не смотря на ихъ неподвижность, относиться къ нимъ съ недовѣріемъ, такъ какъ, по всей вѣроятности, наслоеніе ихъ еще не кончено и нельзя знать исчезла ли уже та сила, которая выгнала ихъ вверхъ. Во всякомъ случаѣ уже 120 лѣтъ онѣ не подавали признака жизни, но что значатъ 120 лѣтъ противъ геологическихъ вѣковъ? Большія настоящія потрясенія внушаютъ мало довѣрія.

Землетрясеніе послѣднихъ дней захватило два пояса, отдѣленныхъ довольно широкой полосой третичной земли. Первый, менѣе всего потерпѣвшій, обнимаетъ сѣверъ Севильи, Жанъ и далѣе, и идетъ отъ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ до Валенсіи; второй, южный, пострадавшій наиболѣе, захватываетъ Гранаду, Малагу, Альгаму и проч. Въ обоихъ этихъ поясахъ почва растрескалась, точно также треснули всѣ вторичныя и третичныя скалы, въ которыхъ отдается всякое внутреннее движеніе. Если продолжить мысленно эту большую линію до сѣверо-запада, то она прорѣжетъ Балеарскіе острова, которые въ недавнее еще геологически время были подъ водою и только въ новѣйшую эпоху приподняты подземными силами. Такимъ образомъ на всей этой линіи недавно происходили перевороты, могущіе повториться и которые въ дѣйствительности повторились. Въ Пиренеяхъ не образовалось вулкана какъ предполагали; за подобный приняли воду и изверженіе ила, но рудники не пострадали отъ сотрясенія, чего не бываетъ никогда при землетрясеніяхъ съ недавнимъ прошлымъ.

Наука не въ состояніи еще объяснить настоящія причины землетрясеній; все сводится еще къ однимъ предположеніямъ, внутреннее строеніе земли еще неизвѣстно.

Зная очень мало о происхожденіи землетрясенія, естественно, что мы не можемъ опредѣлить времени его наступленія. Одно только извѣстно, что оно чаще бываетъ во время полнолунія, чаще вблизи земли, чѣмъ вдали, и преимущественно наступаетъ тогда, когда луна стоитъ близко меридіана. Далѣе, чаще всего землетрясенія случаются зимою, во время поворота солнца. Если центръ земли дѣйствительно жидокъ, то луна производитъ въ немъ тѣже приливы и отливы какъ въ океанѣ. Эти подземные приливы приносятъ всѣ вулканическія изверженія и сотрясенія къ земной корѣ, которая, вслѣдствіе своей эластичности, можетъ нѣкоторое время выносить вліяніе луны на подземный океанъ. И дѣйствительно, при изверженіи Везувія въ 1855 г. наблюдались настоящіе вулканическіе приливы и отливы съ ихъ ежедневнымъ постояннымъ замедленіемъ. Этимъ самымъ доказывается уже жидкое состояніе центра земли. Точно также землетрясеніе во Франціи 27-го ноября и въ Испаніи 25-го декабря произошло оба раза во время полнолунія.

Однако зависимость землетрясеній и вулканическихъ явленій отъ положенія солнца, луны и планетъ составляетъ до сихъ поръ одну гипотезу. Древніе ученые, Аристотель и Плиній, вѣрили въ существованіе отношенія между землетрясеніемъ и нѣкоторыми атмосферическими явленіями, что имѣетъ основаніе; такъ, сильное паденіе барометра зачастую служитъ предвѣстникомъ землетрясенія или бури. Но это можетъ быть также случайностью, такъ какъ исключенія изъ этого правила бываютъ часты, однако сильное давленіе можетъ вліять на подземныя силы, точно также какъ барометрическія давленія вліяютъ на подниманіе и опусканіе моря. При 84 землетрясеніяхъ въ Швейцаріи дулъ сильный вѣтеръ, и теперь землетрясенію въ Андалузіи предшествовало сильное паденіе барометра.

Дождливые года также обильны землетрясеніями, такъ Лиссабонское 1755 года случилось послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ дождя, точно также и Калабрійское землетрясеніе 1851 года въ Швейцаріи, Тиролѣ и Италіи и наконецъ осенью 1884 г. въ юго-восточной Испаніи. Поэтому жители Молуккскихъ острововъ и другихъ, подверженныхъ землетрясеніямъ, съ наступленіемъ дождливаго времени переселяются изъ домовъ въ легкія палатки.

Въ общемъ нужно сказать, что познанія наши о движеніи земной коры очень ограниченны; было бы желательно, чтобы серьезныя и подробныя изученія дали возможность сдѣлать что либо для защиты мѣстностей, посѣщаемыхъ землетрясеніями, и ознакомили насъ ближе съ исторіей земли.

Къ рисункамъ.

„Дуэль Пушкина“. Карт. Наумова.

(Рис. на стр. 108 и 109).

Съ начала января выставлена въ музеѣ Общества поощренія художествъ картина Наумова „Дуэль Пушкина“, копія которой помѣщена въ этомъ номерѣ. Первая картина художника „У Бѣлинскаго“, отличавшаяся тенденціозностью, не была выставлена публично, а потому о ней здѣсь говорить не будемъ. Много удачнѣе разработанъ данный сюжетъ въ настоящей картинѣ, отличающейся уже значительными техническими достоинствами. Пейзажная часть картины исполнена очень хорошо. Извѣстно, что несчастная дуэль эта состоялась зимою 27 января 1837 г. при 15° морозу, въ 5 ч. пополудни. Обнаженный лѣсокъ, иней деревьевъ, даль, все это прочувствовано и изображено тщательно и вѣрно. Что касается самаго мѣста дуэли, то въ „Нивѣ“ 1880 г. помѣщена подробная статья и рисунокъ, вполнѣ установившія гдѣ было настоящее мѣсто дуэли. Художнику, рисовавшему видъ этого мѣста, сдѣлалъ любопытныя и вполнѣ заслуживающія довѣрія указанія арендаторъ дачи на Черной Рѣчкѣ № 5, Мякишевъ. Съ двадцатыхъ еще годовъ сперва отецъ Мякишева, а нынѣ его сыновья арендуютъ земли такъ называемой Комендантской дачи въ этомъ мѣстѣ. Отецъ настоящаго арендатора Дмитрій былъ современникъ Пушкина и жилъ всего въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ роковаго мѣста. Сынъ разсказываетъ со словъ отца слѣдующее: Было дѣло это въ январѣ мѣсяцѣ. Прибѣжалъ къ старому Мякишеву впопыхахъ дворникъ Комендантской дачи Матвѣй и сказалъ, что за гумномъ какіе то господа стрѣлялись. Старикъ выбѣжалъ на улицу и увидѣлъ, что какого-то господина вели двое подъ руки, посадили въ сани и повезли въ городъ. Сейчасъ же онъ по слѣдамъ—такъ какъ по снѣгу были слѣды—пошелъ на то мѣсто за гумномъ, гдѣ стрѣлялись, на дорожкѣ, которая шла черезъ огородъ, возлѣ березы, отъ которой остался теперь только пень. Дорожка къ мѣсту поединка шла круто и вести по ней раненаго было бы для него очень мучительно и долго, то повели его прямо, какъ видно по слѣдамъ и крови, цѣликомъ къ дорогѣ, куда подъѣхали сани, изгородь же которая была здѣсь—чтобы пройти, разобрали. Секундантами были: у Пушкина—полковникъ Данзасъ, у Дантеса—виконтъ д' Аршіакъ. Дантесъ выстрѣлилъ первый и Пушкинъ упалъ, затѣмъ приподнявшись немного и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ въ свою очередь и Дантесъ также упалъ. Замѣтивъ кровь на груди Дантеса, Пушкинъ бросилъ пистолетъ въ сторону. Поэтъ былъ раненъ смертельно. Пуля раздробила кость верхней части ноги и глубоко вошла въ животъ. Его усадили въ карету и увезли домой на Фонтанку, гдѣ нынѣ на стѣнѣ мраморная доска съ надписью: „Здѣсь жилъ Пушкинъ“. Камердинеръ бережно понесъ его по лѣстницѣ. „Грустно тебѣ нести меня?“ тихо спросилъ Пушкинъ. Его раздѣли и уложили въ кабинетѣ. Агонія продолжалась 45 часовъ; на третій день поэтъ скончался, около 3 час. пополудни 29 января.

На картинѣ г. Наумова, очевидно внимательно воспользовавшагося всѣми указаніями, сцена дуэли представлена въ такомъ видѣ: къ лѣску вправо направляется противникъ Пушкина Дантесъ, уже покинувшій мѣсто поединка; лица его не видно, хотя, судя по положенію фигуры, онъ задумчиво идетъ понуря голову. Посрединѣ стоятъ сани, запряженныя парою рыжихъ лошадей. Къ санямъ, держа подъ мышки, ведутъ раненаго поэта секунданты—Данзасъ въ формѣ сапернаго полковника и виконтъ д' Аршіакъ въ шубѣ. Влѣво раскидана шинель, обагренная кровью, дальше шляпа Пушкина; путь отъ шинели до группы запятнанъ кровью. Лицо раненаго поэта, — средоточіе картины, изображено въ профиль. Пушкинъ, въ одномъ сюртукѣ, сосредоточенно глядитъ вслѣдъ противнику. Извѣстно, что Дантесъ-Гекеренъ былъ высланъ по Высочайшему повелѣнію изъ Россіи. Въ ночь на 28-е докторъ Арендтъ привезъ Пушкину собственноручную записку Государя: „Если Богъ не приведетъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ прощенье и совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся—я беру ихъ на свои руки“. „Скажите Государю, произнесъ поэтъ, что жалѣю о потерѣ жизни потому, что не могу изъявить своей благодарности, что я былъ бы весь его“.

Прогулка.

(Рис. на стр. 113).

Прекрасная картинка Боденмюллера переноситъ насъ къ эпохѣ среднихъ вѣковъ въ окрестности стариннаго угрюмаго замка. Въ то время какъ его владѣлецъ, такъ часто бывавшій въ отсутствіи, закованный въ желѣзо, на сильномъ конѣ своемъ ѣдетъ, быть можетъ въ блестящемъ обществѣ другихъ рыцарей,

готовясь къ трудному бою; въ это время его дамы, обреченныя на долгое ожиданіе и уединенную жизнь, развлекаютъ себя прогулками по окрестностямъ среди густыхъ хлѣбныхъ полей, мечтая о будущемъ, вспоминая прошлое. Ихъ высокія, стройныя породистыя фигуры, правильныя лица указываютъ на высокое ихъ происхожденіе, а красивый средне-вѣковый костюмъ выгодно оттѣняетъ ихъ красоту. У насъ не разъ помѣщались рисунки талантливаго Боденмюллера и предлагаемый рисунокъ одинъ изъ лучшихъ.

Письмо къ жениху.

(Рис. на стр. 117).

Эта миловидная молодая особа кажется поставлена въ значительное затрудненіе какъ и что писать въ такомъ щекотливомъ письмѣ. Въ ея рабочей семьѣ, среди ея близкихъ, не очень то развита охота къ перепискѣ, въ употребленіи разѣ дѣловая переписка. „Ну какъ я ему буду писать?“ въ смущеніи, краснѣя, говоритъ дѣвушка. Въ чашку съ чернилами опускаетъ съ любопытствомъ пальчикъ ея младшая сестренка а старушка-бабушка, улыбаясь надъ смущеніемъ внучки, тоже участвуетъ своими совѣтами въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Все это выражено весьма жизненно и правдиво въ талантливомъ рисункѣ художника.

Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы.

Въ германской культурной исторіи было три примѣра общей дѣятельности братьевъ. Это Александръ и Вильгельмъ Гумбольдты, затѣмъ Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели — отцы романтической школы, и наконецъ, Яковъ и Вильгельмъ Гриммы — основатели нѣмецкой филологіи. Первымъ ихъ выдающимся произведеніемъ, расположившимъ въ ихъ пользу сердца всей націи, были „Сказки“, которыя они издали сообща; затѣмъ каждый изъ нихъ избралъ себѣ поприще, сообразное своему характеру, но къ концу жизни они еще разъ соединились для общаго труда по изданію знаменитаго Словаря.

Гриммы болѣе чѣмъ другіе ученые доказываютъ, что научное направленіе вытекаетъ изъ личныхъ наклонностей и это именно дѣлаетъ ихъ ближе, доступнѣе. Оба обладаютъ склонностью къ поэзіи и ко всему отечественному; они откровенно сознаются въ приверженности ко всему родному. На родинѣ они желаютъ жить и умереть и чувствуютъ связь со своими соотечественниками даже въ недостаткахъ и слабостяхъ. Въ своемъ именно отечествѣ они сдѣлали лучшія пріобрѣтенія для своего большаго произведенія. Въ окрестностяхъ Ганау, гдѣ они родились — Яковъ 4 января 1785, а Вильгельмъ 24 февраля 1786 года — они собирали свои сказки, и гессенская крестьянка „фрау Фимэнинъ“ изъ деревни Нидерцверенъ возлѣ Касселя была ихъ самой усердной разсказчицей.

Въ Германіи давно были извѣстны сказки, но это были сказки волшебныя, по образцу французскихъ, затѣмъ были собранія въ родѣ изданныхъ Музеусомъ, которыя однако не достигали дѣйствія, благодаря неумѣнію посмѣяться. Но сказка въ ея настоящей формѣ, безъ всякихъ добавленій, сказка, какая сложилась въ народѣ, впервые издана была братьями Гриммъ. Предъ нѣмцами снова воскресли „Красная шапочка“ и „Снѣгурочка“, „Золушка“ и „Мальчикъ съ пальчикъ“ и пр. Еслибы братья Гриммъ не вложили ничего болѣе кромѣ этихъ сказокъ въ нѣмецкую литературу, то и тогда они все же заняли бы въ ней почетное мѣсто.

Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы. По фотогр. грав. Флюгель.

Геттингенскій университетъ предложилъ Якову профессуру и должность библіотекаря; Вильгельмъ долженъ былъ занять мѣсто помощника библіотекаря, а впослѣдствіи стать профессоромъ. Оба согласились на эти предложенія и просили курфюрста уволить ихъ отъ службы. Курфюрстъ охотно согласился на ихъ увольненіе, не предчувствуя будущей славы своихъ подданныхъ.

Такимъ образомъ къ новому 1830 году они переселились въ Геттингенъ.

20 іюня 1837 г. умеръ король англійскій Вильгельмъ IV. Въ Великобританіи ему наслѣдовала королева Викторія, а ганноверскій престолъ, на который не могла вступить женщина, достался Эрнсту Августу. Спустя три мѣсяца послѣ восшествія на престолъ, онъ распустилъ палату.

Въ это то время въ письмѣ на имя университетскаго кураторства профессора объяснили, что они считаютъ себя связанными данною присягою и не могутъ признавать правоспособною другую палату. Письмо это было подписано семью профессорами, которые подъ именемъ „Геттингенской семерки“ сдѣлались извѣстны по всей Германіи. Въ числѣ ихъ были и Гриммы.

Яковъ Гриммъ какъ природный гессенецъ снова поселился здѣсь, позднѣе пріѣхалъ также Вильгельмъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, при вступленіи на престолъ Фридриха Вильгельма IV, они были призваны въ Берлинъ, гдѣ оставались до самой смерти. Происшедшія при увольненіи профессоровъ событія Яковъ Гриммъ изложилъ въ брошюрѣ, которая вышла въ Базелѣ.

Знаменитые ученые получили затѣмъ всемірную извѣстность. Яковъ былъ творцомъ нѣмецкой филологіи, важнѣйшіе его труды: Нѣмецкая грамматика“, „Германская миѳологія“, „Исторія

Станцiя пневматической почты (старой системы) въ Вѣнѣ. Рис. Ф. Коларцъ, грав. Рау

Станцiя пневматической почты (новой системы) въ Вѣнѣ. Рис. Ф. Коларцъ, грав. Рау.

германскихъ языковъ", „Дѣтскія и народныя сказки" (изданныя имъ вмѣстѣ съ братомъ). Умеръ онъ въ 1863 году. Братъ его Вильгельмъ-Карлъ занимался поэзіей среднихъ вѣковъ, издалъ нѣмецкія легенды „Древне-германскіе лѣса" и пр. Умеръ въ 1859 г. Въ Ганау имъ предположено поставить памятникъ.

Литер. альб. „Кавказскій плѣнникъ," Пушкина.

(Рис. на стр. 116).

Роскошная природа Кавказа и Крыма впервые отразилась со всѣми своими красотами въ высокопоэтичныхъ описаніяхъ Пушкина и въ нихъ поэтъ уже въ раннихъ своихъ произведеніяхъ достигъ замѣчательнаго совершенства. Такъ „Кавказскій плѣнникъ", при своемъ появленіи, возбудилъ восторгъ публики, главнымъ образомъ, чудными картинами кавказской горной природы; критика упрекала поэта въ нѣкоторыхъ недостаткахъ содержанія поэмы, по тѣмъ не менѣе „Кавказскій плѣнникъ" читался на расхватъ, хотя самъ поэтъ не былъ доволенъ вполнѣ своимъ произведеніемъ.

Предъ плѣннымъ русскимъ офицеромъ является юная черкешенка съ нѣжнымъ привѣтомъ; она, полная довѣрія и привязанности, ходитъ ежедневно въ уединенную саклю плѣннаго; ухаживаетъ за его ранами, утѣшаетъ его надеждою свободы и привязывается къ нему глубоко и искренно. Плѣнникъ сознаетъ, что онъ любимъ, но усталый отъ жизни, холодно относится къ ласкамъ и нѣжнымъ признаніямъ дѣвушки. Такъ идутъ годы; черкешенка уже давно не посѣщаетъ плѣнника; онъ равнодушно переноситъ свой плѣнъ, простившись съ надеждой когда нибудь вернуться на родину. Но вотъ, разъ, неожиданно, передъ русскимъ снова является дѣвушка, вооруженная пилой и кинжаломъ. Она пришла освободить плѣнника.

На плѣнника возведши взоръ,
„Бѣги, сказала дѣва горъ;
„Нигдѣ черкесъ тебя не встрѣтитъ;
„Спѣши не трать ночныхъ часовъ;
„Возьми кинжалъ; твоихъ слѣдовъ
„Никто во мракѣ не замѣтитъ..."

Эта сцена и изображена нашимъ художникомъ.

На дикій брегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ—брега яснѣли,
Но нѣтъ черкешенки младой
Ни у бреговъ, ни подъ горой...
Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ...

Пневматическая почта въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 121).

Пневматическою почтою называютъ вполнѣ новое приспособленіе для передачи по подземнымъ трубамъ, при помощи давленія воздуха, писемъ и пакетовъ. За основаніе принято тоже правило, которымъ руководствовались въ 1834—1848 гг. при устройствѣ атмосферической желѣзной дороги; тамъ вагоны приводились въ движеніе при помощи разрѣженнаго воздуха. Если изъ трубы, по которой движется плотный поршень, выкачать съ одной стороны воздухъ, то поршень, вслѣдствіе давленія воздуха съ противоположной стороны, будетъ двигаться въ сторону, гдѣ воздухъ рѣже; то же самое происходитъ если накачивать въ трубу сжатый воздухъ, который также будетъ гнать поршень. Между обыкновенными рельсами провели трубу, въ которой находился герметически закрываемый эластическимъ кожанымъ клапаномъ разрѣзъ, и въ немъ двигался поршень; при помощи двигавшейся въ разрѣзѣ рукоятки, съ немедленно закрывающимся клапаномъ, поршень соединялся съ находящимся на верху вагономъ. На эту атмосферическую дорогу возлагались большія надежды, впрочемъ неосуществившіяся, такъ какъ было трудно имѣть вполнѣ герметическую заслонку для трубъ, и принципъ этотъ примѣнили къ пневматической передачѣ писемъ. Въ соединительную между станціями трубу вводятъ герметическій поршень, въ видѣ металлической пробки, въ которой находится пересылаемая корреспонденція. Такое устройство было примѣнено впервые въ Лондонѣ; въ 1874 г. въ Парижѣ, а въ 1875 году пневматическую почту ввели въ Вѣнѣ. Въ настоящее время подземною сѣтью этой почты исчерчена вся Вѣна; всѣ кварталы имѣютъ свои станціи, дѣятельность которыхъ постоянно возрастаетъ. Труба выходитъ изъ центральной станціи и, пройдя извѣстное число станцій, снова возвращается къ центральной станціи; соединительныя и боковыя вѣтви особыми механизмами прикрѣпляются къ главному проводу. Мѣдныя, кованыя трубы уложены на глубинѣ 1¾ аршина подъ тротуарами. Пересылаемая по нимъ корреспонденція вкладывается въ металлическія коробки, и въ концѣ каждаго поѣзда, который составляется иногда изъ 20 коробокъ, вводится еще плотная втулка, которая не пропускаетъ воздухъ, гонящій поѣздъ. Сгущенный и разрѣженный воздухъ, необходимый для пневматическихъ почтовыхъ поѣздовъ, даютъ насосы, приводимые въ дѣйствіе паровыми машинами. Затѣмъ доставленный насосами воздухъ помѣщается въ особые пріемники (внизу на лѣвой сторонѣ рисунка 2), которые соединены особыми кранами, съ приспособленіями для впуска воздуха и передачи его въ трубы. Вѣнскія станціи имѣютъ часть аппаратовъ старой системы (рис. 1) и часть аппаратовъ новой системы, такъ называемые аппараты съ кранами для перемѣны воздуха (рис. 2); послѣдніе могутъ посылать корреспонденціи при помощи сжатаго воздуха и при помощи разрѣженнаго. Если для передачи нуженъ сжатый воздухъ, то открывается клапанъ, соединяющій пріемники съ трубами, и сжатый воздухъ, попадая въ нихъ, гонитъ съ страшною быстротою коробки. При передачѣ помощью разрѣженнаго воздуха, напротивъ, съ трубами соединяется безвоздушный пріемникъ (пространство, откуда выкачанъ воздухъ), затѣмъ, вслѣдъ за поѣздомъ, въ трубу впускается атмосферическій воздухъ, который, въ силу своего стремленія, сильно расширяется въ безвоздушномъ пространствѣ, гонитъ поѣздъ съ быстротою впередъ. Отдѣльныя станціи соединены телеграфомъ съ главной станціей и между собою и каждый разъ извѣщаютъ заранѣе о прибытіи поѣзда. Поѣзды писемъ отправляются каждыя четверть часа во всѣ части города.

Эпомофоръ уродливый, летучая мышь.

(Рис. на стр. 124).

Среди рукокрылыхъ животныхъ самое уродливое—это Эпомофоръ, принадлежащій къ семьѣ большихъ летучихъ мышей, живущихъ въ экваторіальной Африкѣ; физіономія его дѣйствительно замѣчательна по некрасивости. Голова этихъ животныхъ очень велика сравнительно съ тѣломъ и удлинняется на подобіе головы лошадиной; она оканчивается толстымъ рыльцемъ, снабженнымъ иногда прибавленіями изъ кожи, которыя дѣлаютъ его еще болѣе широкимъ и выраженіе его еще болѣе страннымъ. Хвостъ обыкновенно короткій, но зачастую его вовсе не бываетъ, за то крылья такъ велики, что могутъ покрыть все тѣло какъ плащемъ. Перепонка на крыльяхъ почти совершенно гладкая, черноватая, между тѣмъ какъ большая часть шеи и головы покрыта короткою коричневою шерстью, впадающею въ красноватый, желтоватый или сѣроватый цвѣтъ, переходящій въ болѣе свѣтлый оттѣнокъ на животѣ. У основанія острыхъ ушей находятся пучки довольно длинной бѣлой шерсти, а на плечахъ, именно у самцовъ, по пучку жесткой шерсти вродѣ эполетъ. Пучки шерсти покрываютъ железы особаго устройства.

Эпомофоръ уродливый живетъ въ Гамбіи, на берегу Стараго Калабара, въ Габонѣ и Конго и достигаетъ значительной величины. Экземпляръ, послужившій образцомъ для нашего рисунка, вполнѣ развитый самецъ, привезенный съ береговъ Огоуэ. Длина его тѣла около 6 вершковъ; ширина распростертыхъ крыльевъ равняется аршину, а голова занимаетъ треть длины животнаго. Спереди рыльца летучая эта мышь имѣетъ широкія кожаныя складки, идущія отъ угла рта къ ноздрямъ. Нижняя губа имѣетъ выемку, сквозь которую видны клыки и плоскій закругленный языкъ. Носъ раздвоенный, глаза цвѣта головы, шея толстая, съ сильными мускулами, для держанія такой громадной головы; хвоста нѣтъ. Другіе самцы, вывезенные изъ Конго, одинаковы съ описаннымъ, между тѣмъ какъ самки той же мѣстности или Габона имѣютъ менѣе отталкивающій видъ; наросты кожи вокругъ рта у нихъ меньше. Хотя нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни эпомофоровъ, но есть основаніе предположить, что они питаются плодами, преимущественно винными ягодами; они хорошо летаютъ, преимущественно почью, ловко взбираются на деревья и спятъ большую часть дня, свѣсившись головою внизъ и закрывшись крыльями.

Башня въ 300 метровъ вышины.

(Рис. на стр. 125).

На послѣдней парижской выставкѣ въ 1878 г. особое вниманіе возбуждалъ воздушный шаръ на привязи Жиффара. Для предстоящей выставки въ 1889 г. задуманъ проектъ гигантской башни въ 300 метровъ вышины (1 метръ = 1 арш. 6½ вершк.). О смѣлости этого предпріятія получится понятіе, если вспомнить, что вышина башни почти вдвое превзойдетъ вышину Кельнскаго собора (159 м.). Такая башня поистинѣ будетъ высочайшей постройкой въ мірѣ. Для большей наглядности, на помѣщенномъ на стр. 125 рисункѣ, возлѣ проектированной постройки показана вышина величественнаго зданія французской столицы Собора Богоматери (Notre Dame de Paris—66 метровъ) и Кельнскаго собора—159 метровъ. Всю башню предполагается сдѣлать изъ рѣшетчатаго желѣза. Возводимыя до настоящаго времени башни, вѣрнѣе столбы (напримѣръ при большихъ американскихъ віадукахъ), достигали наибольшее 60 метр. вышины. Если допустить даже, что при нынѣшнемъ положеніи инженернаго искусства, желѣзныя постройки въ 80 и 100 метровъ высоты не переступаютъ еще границъ безопасности, тѣмъ не менѣе при высотѣ въ 300 метровъ представляются почти непреодолимыя трудности, которыя приблизительно одноначащи съ проектомъ

устройства пролетовъ моста на разстояніи 300 метровъ. Понятно, что при такихъ необыкновенныхъ размѣрахъ пришлось бы отступить отъ практикуемыхъ строительныхъ законовъ. Французскій инженеръ Жиффель, выработавшій проектъ въ сообществѣ съ инженерами Нучьс и Кехлиномъ и архитекторомъ Совестромъ, намѣренъ построить башню на четырехъ рѣшетчатыхъ пилястрахъ, которые будутъ образовывать углы пирамиды; такимъ образомъ вся постройка будетъ выведена на четырехъ отдѣльныхъ башняхъ, размѣры которыхъ немногимъ будутъ превосходить возводимыя по настоящее время постройки. Каждый изъ четырехъ угловыхъ пилястровъ будетъ имѣть у основанія 15 метровъ по сторонѣ, на вершинѣ же только 5 метровъ. Разстояніе пилястровъ другъ отъ друга составитъ 100 метровъ; они соединятся въ высшемъ пунктѣ зданія и образуютъ площадку въ 10 метровъ по боковой сторонѣ. Прочный каменный фундаментъ послужитъ опорой для желѣзныхъ пилястровъ. Въ различныхъ этажахъ послѣдніе будутъ скрѣплены горизонтальными соединеніями, которыя будутъ поддерживать полы большихъ залъ. Такъ въ первомъ этажѣ, отстоящемъ на 70 метровъ отъ земли, будетъ находиться залъ площадью въ 5,000 кв. метровъ, т. е. 71 метръ длины и столько же ширины. Какъ показано на рисункѣ, пирамиды будутъ прорѣзаны большими сводчатыми отверстіями, которыя, при ширинѣ въ 70 метровъ, сообщатъ постройкѣ монументальный видъ. Вершина башни увѣнчается стекляннымъ куполомъ, куда будутъ взбираться по четыремъ лѣстницамъ, предположеннымъ въ угловыхъ пилястрахъ.

Въ 1875 году, когда начались приготовленія къ Филадельфійской выставкѣ, американцы намѣревались также построить изъ желѣзныхъ трубъ башню въ 1,000 англійскихъ футовъ, т. е. около 300 метровъ вышины. Необыкновенныя трудности выполненія постройки заставили американцевъ отказаться отъ такого предпріятія; поэтому является сомнительнымъ, удастся ли и французамъ разрѣшить эту задачу, сомнительнымъ тѣмъ болѣе, что къ трудностямъ техническимъ присоединяется еще относительно короткое время для предстоящей постройки.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Англія и Египетъ.—Франція.—Италія.

Въ германскій парламентъ недавно поступили жалобы побѣжденнаго на притѣсненія побѣдителя. Съ одной стороны единственный датскій депутатъ Юнгренъ развивалъ и защищалъ предложеніе, требующее употребленія датскаго языка въ администраціи и судахъ Шлезвига, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ населеніе не говоритъ по-нѣмецки. Парламентъ просто на просто отвергнулъ предложеніе. Съ другой стороны эльзасскій депутатъ Каблэ стоялъ за отмѣну чрезвычайныхъ полномочій намѣстника и выставилъ безполезность многихъ мѣръ, которыя онъ считаетъ стѣснительными. Министръ Путткамеръ энергически оспаривалъ предложеніе страссбургскаго депутата, выставивъ на видъ анти-германскую агитацію, которую не перестаютъ поддерживать и развивать сами эльзасскіе депутаты въ рейхстагѣ. „Враждебная Германіи агитація, сказалъ онъ при этомъ, препятствуетъ населенію имперской области усвоиться съ новыми условіями. Если даже членъ рейхстага Дольфусъ высказываетъ въ открытомъ письмѣ „къ милымъ парижскимъ согражданамъ“ свое сочувствіе Франціи, то правительство никакъ не можетъ отказаться отъ репрессивныхъ мѣръ“.

Революціонная партія въ Лондонѣ снова проявила себя рядомъ преступныхъ покушеній, посредствомъ динамита, противъ двухъ наизамѣчательныхъ историческихъ зданій англійской столицы—Вестминстерскаго дворца, гдѣ засѣдаетъ парламентъ, и лондонскаго Тоуэра. Въ Вестминстерскомъ дворцѣ одинъ изъ взрывовъ произошелъ въ подвалѣ Вестминстеръ-Голля, а другой въ залахъ засѣданій близь кресла спикера. Взрывъ потрясъ всю залу, разрушилъ портики и разбилъ окна. Второй взрывъ—въ залѣ засѣданій—произошелъ нѣсколькими минутами позже перваго. Зала, гдѣ подаютъ голоса либералы, совершенно разрушена, а зала консерваторовъ почти въ развалинахъ. Галлерея пэровъ взорвана; вся зала засѣданій представляетъ печальный видъ и загромождена разбитыми скамьями и зеркалами. Третій взрывъ, послѣдовавшій нѣсколькими секундами позже, произошелъ во второмъ этажѣ Бѣлой Башни въ складѣ оружія. Всѣ три этажа зданія разрушены. Пріемная зала и часовня Св. Іоанна въ развалинахъ. Много погибло старинныхъ военныхъ доспѣховъ, утрата которыхъ не вознаградима. Число раненыхъ довольно велико, но большая часть получили легкія раны. Слѣдствіе, произведенное на мѣстахъ взрывовъ, еще не дало удовлетворительныхъ результатовъ, которые могли бы привести къ открытію виновныхъ. Волненіе въ Лондонѣ весьма сильное и большинство лондонскихъ газетъ занято вопросомъ о томъ, какимъ образомъ организовать надзоръ за общественными зданіями и какіе избрать пути, чтобы полиція могла предупреждать осуществленіе динамитчиками ихъ преступныхъ намѣреній.

Судьба египетской экспедиціи тоже доставляетъ немало тревогъ какъ англійскому обществу, такъ и англійской прессѣ, и чѣмъ болѣе узнается подробностей о происходившемъ сраженіи при Абуклейскихъ колодцахъ, тѣмъ больше смятеніе овладѣваетъ обществомъ, порождая въ немъ опасеніе за дальнѣйшую судьбу британской арміи въ Суданѣ. Особенное сожалѣніе вызвала въ Лондонѣ смерть полковника Бурнаби, считавшагося однимъ изъ лучшихъ англійскихъ офицеровъ. Теперь изъ Судана идутъ вовсе не благопріятныя вѣсти. Генералъ Стюартъ, не взирая на значительный уронъ, понесенный при Абуклейскихъ колодцахъ, побѣдоносно провелъ его черезъ все степное пространство, отдѣлявшее его колонну, на другой день битвы, отъ лѣваго берега Нила. Соотвѣтствуетъ ли однако достигнутый результатъ тѣмъ тяжелымъ жертвамъ, цѣною которыхъ онъ былъ купленъ? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣтить утвердительно, такъ какъ съ лѣваго берега Нила англичанамъ представлялась возможность войти въ сообщеніе съ Гордономъ. Англичанамъ, послѣ ряда ожесточенныхъ схватокъ, наконецъ удалось утвердиться въ мѣстечкѣ Губатѣ, считающемся предмѣстьемъ Метамне и Шенди. Самый же городъ Метамне, по всѣмъ признакамъ, находится во власти суданцевъ. Недавно получено извѣстіе весьма важное. Совершилось! Въ послѣднемъ донесеніи генерала Уольслея, сказано, что Хартумъ палъ 26-го января, и, прибывшій туда 28-го января, Вильсонъ нашелъ, что городъ уже занятъ непріятелемъ, вслѣдствіе чего вынужденъ былъ отступить. Далѣе сообщается, что на возвратномъ пути, выше Шаблукскихъ пороговъ, пароходъ Вильсона, обстрѣливаемый съ обоихъ береговъ, потерпѣлъ крушеніе и Вильсонъ вмѣстѣ съ войсками высадился на островъ. Для спасенія ихъ отправленъ пароходъ. О судьбѣ Гордона ничего неизвѣстно.

Сообщенное „Агентствомъ Рейтера“ извѣстіе о пораженіи, понесенномъ французскими войсками при неудачной аттакѣ одного изъ фортовъ Келунга, оказалось преувеличеннымъ. Полученныя отъ адмирала Курбэ оффиціальныя депеши опровергаютъ сообщенія англійскихъ телеграммъ, но не настолько, чтобы вполнѣ ослабить произведенное ими тяжелое впечатлѣніе. Генералъ Негріэ находится теперь съ своимъ незначительнымъ отрядомъ въ восемнадцати миляхъ отъ Лангъ-Сона и ожидаетъ окончательной организаціи транспортной службы, чтобы двинуться впередъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ отъ адмирала Курбэ изъ Келунга, французская колонна, въ составѣ 1500 человѣкъ, взяла приступомъ нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленій, командовавшихъ надъ доступомъ въ Келунгъ.

Изъ Турина сообщаютъ, что между Англіею и Италіею состоялся договоръ, на основаніи котораго итальянцамъ предоставляется занять африканское побережье Краснаго моря, между Массовою и Обокомъ. Если представится необходимость въ занятіи Триполиса, то Англія поможетъ Италіи осуществить его. Кромѣ того, британское правительство будетъ благопріятствовать основанію итальянской колоніи на западномъ берегу Африки. Взамѣнъ этихъ условій, Италія обязалась съ своей стороны нравственно поддерживать Англію въ ея требованіяхъ и домогательствахъ въ египетскомъ вопросѣ.

Смѣсь.

Еще о графѣ А. С. Уваровѣ. Въ этомъ номерѣ помѣщенъ портретъ нашего почтеннаго археолога и здѣсь мы сообщимъ о покойномъ еще нѣкоторыя подробности. Сынъ министра Народнаго Просвѣщенія, по матери потомокъ графовъ Разумовскихъ, Алексѣй Сергѣевичъ получилъ высокое образованіе; пренебрегая открывавшеюся ему блестящею дипломатическою или административною карьерой, уже съ тридцатилѣтняго возраста всего себя онъ посвятилъ русской исторической наукѣ, и во всеоружіи принялся за розысканія и собираніе новыхъ матеріаловъ для бытовой исторіи Россіи. Его изслѣдованія въ этой области открыли новыя, невѣдомыя до тѣхъ поръ эпохи, его наблюденія были такъ замѣчательны, выводы такъ новы, что труды его по русской археологіи будутъ всегда образцовыми; о русской археологіи нельзя вести рѣчь не упоминая имени графа Уварова.

Кромѣ множества отдѣльныхъ изслѣдованій, графъ Алексѣй Сергѣевичъ задумалъ изложить богатый запасъ своихъ свѣдѣній въ большомъ систематическомъ трудѣ, озаглавленномъ *Археологія Россіи*. Онъ закончилъ только первые два тома, *Каменный періодъ*: болѣзнь и смерть застигли его въ трудахъ надъ слѣдующими выпусками,—утрата для науки. Графъ началъ свой первый томъ археологіи обращеніемъ къ своей супругѣ, графинѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ. Графиня, рожденная княжна Щербатова, участвовала во всѣхъ его путешествіяхъ и постоянно содѣйствовала супругу въ его

научныхъ изысканіяхъ. Она была его неутомимою и способною сотрудницей. При оваціяхъ графу въ кругахъ ученыхъ, заслуженно чествовалась и графиня. Графъ Алексѣй Сергѣевичъ былъ остороженъ съ новыми знакомыми, но кому вѣрилъ, съ тѣми былъ очень общителенъ. Когда онъ хотѣлъ расположить къ себѣ человѣка, привлекательность его обращенія была обаятельна. На долю покойнаго графа выпало рѣдкое счастіе: онъ нашелъ въ подругѣ жизни живое участіе въ трудахъ своихъ. Во время перваго археологическаго съѣзда (въ Москвѣ) всѣ собирались по вечерамъ въ домъ графа Уварова, вокругъ достойной супруги его, графини Прасковьи Сергѣевны. И въ Кіевѣ и Казани она была средоточіемъ для всѣхъ, какъ пріѣзжихъ, такъ и мѣстныхъ археологовъ, всѣхъ оживляла, всѣхъ одушевляла на трудъ.

Женщины-изобрѣтательницы. Значительная часть техническихъ изобрѣтеній, на которыя выданы патенты Соединенными Штатами, сдѣланы были женщинами. Вотъ перечень главнѣйшихъ изъ нихъ. Прядильная машина, улучшенная женщиной; ткацкой станокъ, который работаетъ втрое скорѣе, чѣмъ обыкновенный; спасительный снарядъ во время пожаровъ; рукоятка для винтоваго парохода; аппаратъ для взвѣшиванія шерсти,—изобрѣтеніе весьма важное при фабрикаціи шерстяныхъ издѣлій; удобопереносимый резервуаръ для воды при тушеніи пожаровъ; примѣненіе петроліума какъ топлива на пароходахъ; способъ отапливанія вагоновъ безъ помощи огня; масляпистый войлокъ для ослабленія тренія; пишущая машина; сигнальный аппаратъ на морѣ; телескопъ для обозрѣнія морской глубины; машина для складыванія бумажныхъ пакетовъ; аппаратъ для уничтоженія дыма и т. д. Затѣмъ женщинами же было сдѣлано множество улучшеній въ швейныхъ машинахъ. Такъ напр. приспособленіе для шитья парусовъ и толстыхъ суконъ; аппаратъ для вставливанія иглы въ то время, когда машина находится въ ходу; примѣненіе швейной машины для шитья кожи и т. д. Послѣднее изобрѣтеніе было сдѣлано женщиною, которая впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занималась изготовленіемъ сѣделъ. Телескопъ для обозрѣнія морской глубины, изобрѣтенный г жею Мате и усовершенствованный ея дочерью, представляетъ собой весьма важное изобрѣтеніе въ корабельной техникѣ, такъ какъ даетъ возможность, не вводя пароходъ въ докъ, раз-

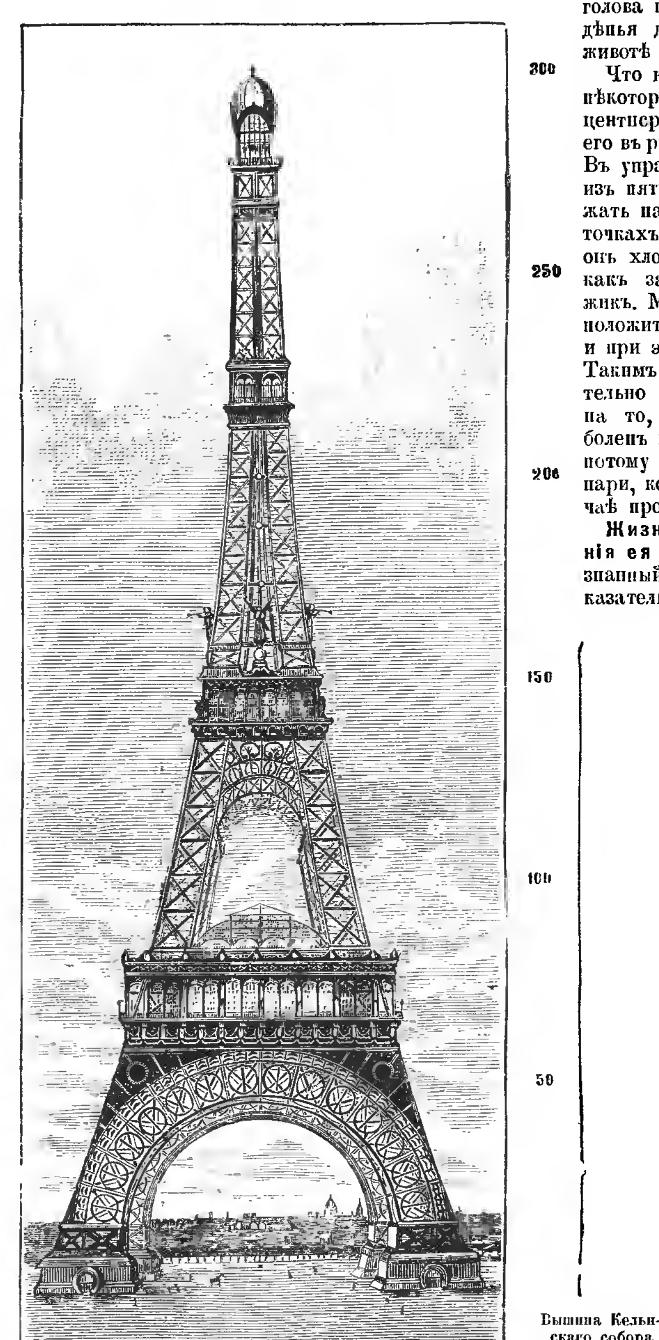
Голова летучей мыши Эпомофора.

Эпомофоръ уродливый (летучая мышь). Рис. А. Клементъ. грав. Артигъ.

смотрѣть скрытыя подъ водою поврежденія. Этотъ перечень изобрѣтеній можетъ служить новымъ доказательствомъ равенства интеллектуальныхъ силъ мужчины и женщины.

Глядя на мухъ въ жаркій лѣтній день, многимъ вѣроятно приходилъ въ голову вопросъ: какимъ образомъ мухи держатся и ходятъ по стѣнамъ, потолку и. т. п.? Раньше многіе натуралисты полагали, что лопастеобразныя ножки насѣкомыхъ присасываются къ поверхностямъ и такимъ образомъ позволяютъ имъ удерживаться въ сказанныхъ положеніяхъ. Другіе ученые, напр. англичанинъ Блаквалъ, опровергаютъ это предположеніе на томъ основаніи, что муха, будучи помѣщена подъ колоколъ воздушнаго насоса, продолжаетъ также свободно ползать по стеклу, между тѣмъ какъ законы присасыванія, конечно, не могутъ имѣть мѣста въ безвоздушномъ пространствѣ. Въ настоящее время извѣстный естествоиспытатель Девисъ доказалъ, что мухи могутъ ходить по отвѣснымъ плоскостямъ вслѣдствіе отдѣленія отъ лапокъ липкой, скоро отвердѣвающей жидкости, которая какъ бы приклеиваетъ насѣкомое къ поверхностямъ. Онъ пришелъ къ этому заключенію путемъ слѣдующаго остроумнаго опыта. Муха была приклеена спинкою и крылышками къ кусочку бумаги, а подъ нею было укрѣплено при помощи пробковыхъ пластинокъ стекло на такой высотѣ, что муха могла доставать до нея лапками. Препарированное такимъ образомъ насѣкомое было помѣщено подъ микроскопъ. Муха, лежа ножками вверхъ, дала возможность сдѣлать слѣдующее наблюденіе: на лопастяхъ лапокъ можно было разглядѣть тонкіе волоски, изъ которыхъ выдѣлялась свѣтлая жидкость, когда муха ставила лапки на стекло; затѣмъ, если лапка отнималась, то на поверхности стекла оставались слѣды липкаго вещества, расположенные въ томъ же порядкѣ, какъ и волоски на лопастяхъ. Это липкое вещество, отдѣляющееся изъ накожныхъ железъ лопастей ножекъ, и позволяетъ насѣкомымъ держаться на отвѣсныхъ поверхностяхъ и даже ходить ногами вверхъ.

Испытаніе физической силы. Во время обѣда въ одной изъ гостинницъ Познани зашелъ однажды разговоръ о колекціяхъ оружія и доспѣховъ и объ атлетическомъ сложеніи и силѣ древнихъ рыцарей. Говорили о томъ, что въ настоящее время подобную силу и атлетическое сложеніе можно встрѣтить только между лицами рабочаго класса, гдѣ не перевелись еще мощные, сильные субъекты. Одинъ изъ офицеровъ сидѣвшихъ за столомъ доказывалъ, что помощью гимнастическихъ упражненій, верховой ѣзды, фехтованія и плаванія можно достигнуть такого развитія силы, которое превзойдетъ развитіе мускуловъ различнаго рода рабочихъ, каковы напримѣръ: носильщики, кузнецы, мѣдники, рабочіе пивоваренныхъ заводовъ и т. п. Офицеру горячо возражали и предлагали ие пожелаетъ ли онъ, всегда занимающійся физическими упражненіями, помѣряться въ силѣ съ нѣкоторыми изъ городскихъ рабочихъ. Тотъ согласился состязаться на пари и предложилъ своимъ противникамъ подыскивать ему соперниковъ въ теченіи цѣлаго года. Пари было принято. Противники разсылали людей во всѣ части города, въ особенности на фабрики, въ амбары и пивоваренные заводы и розыскивали соперниковъ офицеру. Было найдено 20 атлетовъ, изъ которыхъ затѣмъ выбрали пять человѣкъ; это были: амбарный носильщикъ, кузнечный подмастерье, рестораторъ, мясникъ и рабочій съ пивоваренного завода; всѣ они были шестифутоваго роста, съ широкими плечами и сильно развитыми мускулами. Рѣзкую противоположность имъ представляла стройная, высокая фигура офицера, ихъ противника. Во время состязанія офицеръ продѣлалъ десять упражненій для пальцевъ, рукъ и ногъ, которыя должны были повторить его соперники. И что же оказалось, что только въ самыхъ легчайшихъ упражненіяхъ атлеты не уступали офицеру. Самыми интересными упражненіями, которыя не могли продѣлать всѣ пять противниковъ, были слѣдующія: 1) нужно было вскарабкаться на шестъ съ тяжелыми, въ 1½ центнера (центнеръ=3 п. 5 ф.) вѣсомъ, гирями на ногахъ; 2) подбросить вверхъ, почти до потолка, одною рукою гирю въ ½ центнера и поймать ее опять таки одною же рукою; 3) поднять одною рукою 10—12 разъ цѣлый центнеръ, при чемъ рука не должна опускаться ниже горизонтальнаго положенія и оставаться такъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ; 4) лежа въ горизонтальномъ положеніи, такъ чтобы только голова и пятки ногъ опирались на сидѣнья двухъ стульевъ, удержать на животѣ гири извѣстной тяжести.



Башня въ 300 метр. (422½ арш.) вышины, проэктированная для Парижской выставки 1889 г.

Что касается упражненія № 3, то нѣкоторымъ удалось поднять цѣлый центнеръ, но никто не могъ удержать его въ рукѣ, вытянутой горизонтально. Въ упражненіи № 4 самому сильному изъ пяти соперниковъ удалось удержать на тѣлѣ, опиравшемся въ двухъ точкахъ, около 250 фунтовъ, послѣ чего онъ хлопнулся на полъ и изогнулся какъ защелкнувшій перочинный ножикъ. Между тѣмъ офицеръ позволилъ положить себѣ на тѣло 300 фунтовъ и при этомъ даже не пошевельнулся. Такимъ образомъ офицеръ блистательно одержалъ побѣду, не смотря на то, что онъ передъ этимъ былъ боленъ и явился на состязаніе лишь потому только, что наступилъ срокъ пари, которое онъ въ противномъ случаѣ проигрывалъ.

Жизнь головы послѣ отдѣленія ея отъ туловища — фактъ признанный наукою. Поразительнымъ доказательствомъ этому служитъ случай въ Бреславлѣ 25-го февраля 1803 г. Д-ръ Вендтъ испросилъ разрѣшеніе произвести нѣкоторые опыты надъ головою казненнаго разбойника Троэра. Къ опытамъ онъ приступилъ немедленно послѣ казни. Онъ приложилъ цинковую пластинку гальваническаго аппарата къ переднимъ мускуламъ шеи, разсѣченнымъ мечомъ палача: вслѣдъ затѣмъ произошли сильныя сокращенія мускульныхъ волоконъ. Затѣмъ д-ръ прикоснулся пластинкой къ разсѣченному спинному мозгу и въ лицѣ казненнаго появилось выраженіе страданія. Д-ръ поднесъ палецъ къ глазамъ, которые быстро закрылись, точно желали избѣжать грозившей опасности. Голову поставили противъ солнца и глаза тоже мгновенно закрылись. Испытавъ зрѣніе, стали испытывать слухъ. Докторъ два раза крикнулъ въ ухо казненнаго: „Троэръ", и послѣ каждаго раза голова открывала глаза, обращала ихъ въ сторону, откуда раздавался голосъ и шевелила губами, точно желала говорить. Когда послѣ того стали вкладывать въ ротъ палецъ, голова такъ сильно сжала зубы, что причинила боль. Только спустя 2 минуты и 40 секундъ, голова закрыла глаза на вѣки.

Конецъ міра. Послѣ многихъ милліоновъ лѣтъ, на землѣ наступитъ тоже состояніе, въ какомъ находится теперь луна, только одна сторона которой освѣщается и согрѣвается, въ то время какъ на другой царствуютъ мракъ и холодъ. При такомъ состояніи прекратится существованіе такихъ организмовъ, какъ люди. Точно также наступитъ время, когда солнце перестанетъ грѣть и свѣтить. Профессоръ Гельмгольцъ высчиталъ, что это произойдетъ по истеченіи 17 милліоновъ лѣтъ. Отдѣльныя міровыя тѣла будутъ еще продолжать свое движеніе одно къ другому, пока, наконецъ, въ силу закона, на которомъ основанъ ихъ бѣгъ, они приблизятся другъ къ другу и столкнутся. Земля наша, подобно прочимъ планетамъ, столкнется съ солнцемъ. Изъ этого процесса разовьется новая теплота и новый свѣтъ, и круговой бѣгъ нашей планетной системы можетъ начаться снова.

Снисходительная полиція. Какъ мягко относились къ пьянымъ

въ средніе вѣка, извѣстно изъ параграфа городскихъ постановленій Бергена въ Норвегіи, изданныхъ въ 1276 году. Тамъ сказано: „Если стража встрѣтитъ пьяныхъ мущинъ или женщинъ сбившихся съ дороги, то ихъ слѣдуетъ вывести на настоящій путь. Если пьяный помнитъ свой домъ, слѣдуетъ отвести его туда, въ противномъ случаѣ онъ долженъ быть отведенъ къ ближайшему хозяину, гдѣ и оставленъ до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ куда ему нужно идти. Каждый указавшій ложную дорогу пьяному, платитъ марку серебромъ штрафа (около 12 рублей).“

Докторъ Ленденфельдъ, занимавшійся изслѣдованіемъ губокъ на Австралійскомъ берегу, открылъ вервную систему у этого низшаго класса животныхъ. Открытіе это важно потому, что до настоящаго времени сомнѣвались въ животной природѣ губокъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 2 (помѣщ. въ № 2 „Нивы“).

				с	л	у				
			ч	а	е	т	с			
1) Ступня.	я	н	е	р	ѣ	д	к	о	н	9) Моль.
2) До.	а	м	ъ	и	т	р	у	д	ъ	10) Сѣдло.
3) Рѣдисъ.	и	м	у	д	р	о	с	т	ь	11) Медвѣдь.
4) Года.	в	и	д	ѣ	т	ь	т	а	м	12) Трость.
5) Тотализаторъ	ъ	г	д	ѣ	с	т	о	и	т	13) Стягъ.
6) Статуя.	ъ	т	о	л	ь	к	о	д	о	14) Дичь.
7) Дьяконъ.	г	а	д	а	т	ь	с	я	з	15) Вето.
8) Сѣти.	а	д	ѣ	л	о	п	р	о	с	16) Мазурка.
	т	о	в	з	я	т	ь	с	я	

„Случается нерѣдко намъ
И трудъ, и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться
За дѣло просто взяться“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Федорова, Клопова, Перловскаго, Мальмгренъ, Іон И...ой, Анненкова, Пцннгсонъ, Лабутиной, Ошевскаго, Савельева, Держинскаго, Лыгина, Фрейбергъ, Бржинскаго, Сибирика, Смирнова, Убаревыхъ, Барминскаго, Титова, Дунаевскаго, Чадовой, Т—ва, Гейнцъ, Боронина, Крупышева, Эйкаръ, Подгурской, Катушкиной, Василевской, Геддъ, Еланской, Кмочкина, Ремизова, Хомякова, Аблецовой, Мудьюгина, Пыхачевыхъ, Куликовой; **Москва**—Денисова, Федорова, Васильева, Якобъ, Лодыгина, Шибанова, Петрова-Сабычева, Ильина, Трубецкаго, Тальфгеръ, Филатьева, Бохмачевскаго, Перекалина, Релина, Федченко, Константиновой; **Бѣла**—Тейсъ; **Варшава**—Шведеръ, **Вильно**—Ремлена; **Воронежъ**—Бруннеръ; **Динабургъ**—Хруцкаго; **Кіевъ**—Ковешникова, Шихвастова; **Кронштадтъ**—Баркана, Яронсонъ; **Нарва**—Моренпильдъ; **Ниж.-Новгородъ**—Дуплова, **Новочеркаскъ**—Гудендорфъ; **Новгородъ**—Закржевской; Букащинская. **Ораніенбаумъ**—Храбро-Василевскаго; **Петергофъ**—Евдокимовой, Каковиной; **Полтава**—Котовой; **Рязань**—Громова; **Самара**—Умнова; **Серпуходъ**—Кулонева; **Сколенъ**—Капланъ; **Тверь**—Пиданова; **Тула**—Нейландъ, Михалычъ; **Холмъ**—Добрянская, **Царское Село**—Головань.

РЕБУСЪ. Задача № 5.

СОДЕРЖАНІЕ: **Графъ А. С. Уваровъ** (съ портр.).—**Голосъ крови.** (Драма глухаго форта). **Н. Н. Каразина. Часть II.** (Продолженіе).—**За драгоцѣннымъ корнемъ.** (Изъ жизни китайскихъ искателей женшеня). Разсказъ **А. Я. Максимова.** (Продолженіе). —**Землетрясеніе въ Испаніи.** Очеркъ.—**„Дуэль Пушкина“. Карт. Наумова** (съ рис.).—**Прогулка** (съ рис.).—**Письмо къ жениху** (съ рис.).—**Братья Яковъ и Вильгельмъ Гриммы** (съ портр.).—**Литер. альбомъ „Кавказскій плѣнникъ“, Пушкина** (съ рис.).—**Пневматическая почта въ Вѣнѣ** (съ 2 рис.). **Эпомофоръ уродливый, летучая мышь** (съ 2 рис.).—**Башня въ 300 метр. вышины** (съ рис.). Политическое обозрѣніе.—Смѣсь. Рѣшеніе задачи.—Ребусъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1885 г., съ 35 рисунками и отдѣльнымъ листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 23 рисунками выпильныхъ работъ по дереву.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ розыграна
ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ
XXXIV ЛОТЕРЕЯ
Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.
Выигрышей **600** на сумму **25000** руб.
Первый выигрышъ брил. серебр. вещами
№ 3839 **10000** руб. 10—2

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва. Собачья площадь, д. Карепина.

СѢМЕННОЕ ДЕПО
ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ
МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, Д. ПѢГОВА.

Честь имѣетъ увѣдомить гг. покупателей, что въ декабрѣ мѣсяцѣ выйдетъ изъ печати на 1885 годъ полный **Прейсъ-Курантъ** на сѣмена: Сельско-хозяйственныя, Огородныя, Фруктовыя, Цвѣточныя, Древесныя и проч. Садовые инструменты лучшихъ здѣшнихъ и заграничныхъ фабрикъ, громадный выборъ пальмъ и проч. растеніямъ, который по требованію выдается и высылается чрезъ почту безплатно. № 3649 10—9

№ 9. СПЕЦІАЛЬНОСТЬ № 9.

для ПОРТНИХЪ и ПОРТНЫХЪ.
МАНЕКЕНЫ изъ ПАРИЖА.
Манекены для корсетовъ.
Манекены для бѣлья.
Манекены для плащковъ.
Манекены для мужчинъ.
Манекены полудлинные, для дамъ.
И. Ваконь.
№ 9. Гороховая № **9.** кв. № 8. № **9,** въ бель-этажѣ, въ С.-Петербургѣ. Прейсъ-куранты посылаются безплатно. № 3816 2—2

Новость! Постоянное леченіе воздухомъ
R. № 3848 **и ночью!** 3—2

(Всемірный патентъ)
Аппаратъ для вдыханія свѣжаго воздуха
ЮЛІЯ ВОЛЬФА
предоставляетъ днемъ и ночью

постоянное, облегченное дыханіе посредствомъ носа, исключительно чистаго свѣжаго (или **умѣреннаго**) воздуха, въ комнатѣ при закрытыхъ окнахъ, не мѣшающій при чтеніи, писаніи, питьѣ, во снѣ, при гимнастикѣ и пр.: предохранительный и врачебный аппаратъ для **больныхъ** и выздоравливающихъ почти всякаго рода, **средство для укрѣпленія** тѣла и освѣженія крови для **здоровыхъ**, для продленія жизни стариковъ и инвалидовъ! Вопросъ вентиляціи упрощенъ: вмѣсто вентиляціи **комнатъ** непосредственная **невольная** вентиляція легкихъ посредствомъ свѣжаго **воздуха!** Аппаратъ устроенъ совершенно безъ **резины** и **можетъ** употребляться до **5 метровъ разстоянія отъ окна!** Изобрѣтатель лечился съ **1864 года** ежегодно въ **Эмсѣ, Меранѣ, Фалькенштейнѣ, Ривьерѣ!**

Фабрика издѣлій для сохран. здоровья. Гросъ-Герау. (**Велик. Кн. Гессенъ.**)

РЕЗУЛЬТАТЪ
О РЕБУСАХЪ, ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ
ЖИВОПИСНОМЪ ОБИХОДНОМЪ КАЛЕНДАРѢ
на 1885 годъ

и за вѣрныя рѣшенія которыхъ предназначена премія, состоящая въ **роскошныхъ изданіяхъ или картинахъ, цѣною въ сложности до 100 руб. сер.,** будетъ объявленъ въ томъ же календарѣ на 1886 г.

До указаннаго въ „Живописномъ Обиходномъ Календарѣ“ срока (1 мая) никакіе отвѣты на вопросы относительно вѣрности рѣшеній, или раздачи преміи не могутъ быть даны. № 3865

Крестьянскіе выборы и самоуправленіе.

Книжка эта хотя и назначена для крестьянъ и ихъ выборныхъ лицъ, но она **интересна и для всякаго образованнаго челов.** Продается у **Стеф. Яковл. Михайлова**, С.-Петербургъ, Обводн. каналъ № 8; цѣна вмѣсто прежн. 20-ти—14 коп. съ перес.; на 2 р. и болѣе уступки 10%, мелочь 7 к. мар., на деньги менѣе рубля, и на марки мен. 2 книж. не высылается. № 3856

НОВОТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ,

въ Москвѣ, на Ильинкѣ, противъ биржи и Гостинаго Двора, въ домѣ Троицкой лавры. Болѣе 100 нумеровъ для пріѣзжающихъ со всѣми удобствами, съ постельнымъ бѣльемъ, въ сутки отъ 75 коп. и дороже, ванна, парикмахерская, разсыльные для разныхъ порученій и для отправки товаровъ. Тутъ же особое отдѣленіе для квартирантовъ помѣсячно и въ годъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и дороже. II. № 3860 3—1

ФАБРИКА В. П. ГАННЕМАНЪ, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Контора и складъ на Вознесенскомъ пр., уголъ Казанской ул., д. № 15—45.

ОГНЕУПОРНЫЙ АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ,

приготовленный изъ лучшихъ шведскихъ матеріаловъ посредствомъ американскихъ аппаратовъ.

																Р.	К.
Экстра патентъ	длин.	19½	арш.	×	шир.	1	арш.	6½	верш.	=	27½	кв.	арш.	цѣна		5	—
Патентъ	„	19½	„	×	„	1	„	6½	„	=	27½	„	„	„		4	—
I сортъ.	„	22	„	×	„	1	„	4	„	=	27	„	„	„		3	25
I сортъ.	„	22	„	×	„	1	„	—	„	=	22	„	„	„		2	75
II сортъ	„	27	„	×	„	1	„	—	„	=	27	„	„	„		3	—
Асфальт. толевыя полосы для колпаковъ длиною 22 аршина, шириною 2 верш															„	—	50
Асфальтов. кровельный лакъ, въ бочкахъ вѣсомъ около 15 пудовъ, за бочку															„	12	—
Асфальт. составъ противъ сырости, въ бочкахъ вѣс. около 15 пуд., за бочку															„	15	—

Асфальтовый изолиръ—картонъ для обивки сырыхъ стѣнъ.

I сортъ длиною 27 арш. × шириною 1 арш. = 27 кв. арш., цѣна 3 р.

Настоящій шведскій двойной картонъ для обивки стѣнъ и подъ коврами,
пропитанный химическимъ составомъ, недопускающій разведенія насѣкомыхъ.

															Р.	К.
Экстра патентъ	длин.	100	арш.	×	шир.	1	арш.	6½	верш.	=	141	кв.	арш.,	цѣна	16	—
Экстра патентъ	„	100	„	×	„	1	„	4	„	=	125	„	„	„	12	—
Экстра патентъ	„	100	„	×	„	1	„	—	„	=	100	„	„	„	6	—
Патентъ	„	27	„	×	„	2	„	—	„	=	54	„	„	„	3	—
Патентъ	„	27½	„	×	„	1	„	8	„	=	41	„	„	„	2	50
I сортъ	„	27	„	×	„	1	„	—	„	=	27	„	„	„	1	50
II сортъ	„	27	„	×	„	1	„	—	„	=	27	„	„	„	1	—
III сортъ. . . .	„	27	„	×	„	1	„	—	„	=	27	„	„	„	—	80

Образцы и прейсъ-куранты высылаются безплатно. Зданія, крытыя толемъ, принимаются на страхъ по одной и **той же** преміи, какъ и крытыя желѣзомъ. Р. № 3878

НОВАЯ КНИГА.

Плаваніе по морямъ и океану. Путешествіе въ Южную Америку. Описаніе бурь, переѣзда черезъ экваторъ и южно-американскихъ степей и поселеній нѣмцевъ-колонистовъ, переселившихся изъ Россіи въ Южную Америку. **А. Умиссы. 1885 г.** Цѣна съ пересылкою **1 руб.** За 5 экземпляровъ **уступка** 20%.

Складъ книги **у автора.** Адресовать на ст. Ю. З. Ж. Д. Новоукраинку, **Антону Ивановичу Умиссѣ.** № 3862

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн контору объявленій, **Невскій** пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).**

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра** до **чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ **официальное** благодарственное письмо отъ № 3840 10—2

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ **въ С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

ТИРАЖЪ 1-го МАРТА.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу ½% коммиссіи (т. е. 27 коп. съ билета).

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка. всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Для срочныхъ ежемѣсячныхъ взносовъ допускается 30 льготныхъ дней.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Р. № 3872 3—3

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногороднихъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно.

Банкирская контора Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія: какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора **Пинесъ и К°.**

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка **35** коп.

Съ пересылкой 2 кор. **1** р. **20** к., **4** кор. **2** р., **6** кор. **2** р. **50** к.

Главный складъ для Россіи **Л. Власовъ** СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.

„**Мозолинъ**“ только провизора **И. Пинесъ и К°.** № 3831 10—3

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ,** Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница **въ С.-Петербургѣ.** № 3812

МУЖСКІЯ
въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя
въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ
въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

НОВОСТИ
(только что полученныя изъ-за границы).
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОДАРКИ.
ЗА 25 РУБ.
высылаются съ первою почт. слѣдующ.
ТРИ ВЕЩИ:

1) **ЭЛЕКТРИЧЕСКІЙ ДВИГАТЕЛЬ** (полная модель), дѣйствующій, съ батареей и всѣми принадлежностями (послѣднее изобрѣтеніе). № 3859

2) **ЛОКОМОТИВЪ,** дѣйствующій паромъ, вполнѣ безопасный для комнатъ.

3) **ЗООТРОПЪ** съ картинами. Физическій приборъ, въ которомъ фигуры въ картинахъ кажутся движущимися.

Отдѣльно высылаются: Электрическій двигатель и локомотивъ по 12 руб., зоотропъ за 7 р. За пересылку въ Азіатск. Россію и на Кавказъ прибавляется 10%.

Требованія адресуются: *въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки“ (Покровка, д. Кредитнаго Общества).*

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756 17—3

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 Февраля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Людовикъ Галеви.

При избраніи 4-го декабря прошлаго года во французской академіи новыхъ академиковъ на мѣсто умершихъ, кресло покойнаго Ераста Гассонвиля занялъ извѣстный писатель Людовикъ Галеви, весьма популярный во Франціи, какъ своими романами, такъ и драматическими произведеніями.

Галеви родился въ Парижѣ въ 1834 году и приходится племянникомъ знаменитому композитору—автору „Жидовки“; по выходѣ изъ коллегіи онъ посвятилъ себя всецѣло службѣ и послѣдовательно занималъ разныя государственныя должности: сначала секретаря при министерствѣ, потомъ въ бюро управленія Алжира и колоній, и наконецъ редактора законодательнаго корпуса. Но страсть къ литературѣ увлекала его и среди серьозныхъ государственныхъ дѣлъ, и нѣсколько пьесъ его имѣли большой успѣхъ на Парижскихъ сценахъ. Онъ тогда же началъ трудиться самостоятельно для сцены. Нѣкоторыя изъ его пьесъ имѣли большой успѣхъ и у насъ въ Петербургѣ на французской сценѣ. Въ нихъ много драматизма, есть и французская веселость, и живость. Въ 1869 году явилось одно изъ удачнѣйшихъ произведеній Галеви „Фру-фру“, комедія въ пяти актахъ, имѣвшая громадный успѣхъ. Такой же успѣхъ имѣли и его новыя комедіи, явившіяся въ 1871 году на сценѣ Палерояльскаго театра. Какъ романистъ, Галеви тоже пользуется заслуженной репутаціей; его романъ „Аббатъ Константинъ“ пользуется популярностью во Франціи и читается на расхватъ. Кромѣ этого романа, Галеви написалъ еще романы „Крикетъ“ и „Бѣлая корона“. Послѣдній весьма несложенъ, простъ по замыслу, но тѣмъ не менѣе производитъ сильное впечатлѣніе. Какъ журналистъ, Галеви работалъ въ изданіи „Парижская жизнь“, гдѣ помѣщались его остроумные очерки и шаржи. Лучшій изъ нихъ—это „Госпожа и господинъ Карди-

Людовикъ Галеви, писатель. По фотогр. грав. Флюгель.

палъ". Кромѣ того, въ газетѣ „Temps" онъ напечаталъ рядъ статей политическаго содержанія. Эти очерки, написанные несомнѣнно живо и художественно, Галеви потомъ соединилъ вмѣстѣ и далъ имъ общее названіе. Императорское правительство очень благоволило къ Галеви, и уже въ 1864 году сдѣлало его кавалеромъ ордена почетнаго легіона—знака отличія, высоко цѣнимаго во Франціи. Двери академіи открылись для Галеви тоже очень радушно и, по словамъ французскихъ газетъ, заслуги его были признаны безъ возраженій ученымъ собраніемъ, и избраніе обошлось безъ всякаго протеста, при одобреніи его друзей и многочисленныхъ почитателей.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

На крылечкѣ Шелобовъ и Силантій тихо и печально разговаривали.

— Да, братъ! покачалъ головою Шелобовъ.

— Это точно! потупился Силантій.

— И вотъ, братецъ мой, какъ снѣгъ на голову, все это обрушилось!

— Божья воля!..

— Нѣтъ, ты посуди!.. Добро-бы померъ, отъ болѣзни что-ли какой, отъ старости... А то... Шелобовъ покосился на окно, взглянулъ туда же и Силантій...

— Въ Иргизѣ я слышу... Такъ и обмеръ... Куда уже вѣсть зашла!.. Сказывали, изъ за капитала польстились!..

— Теперь я вотъ затѣмъ и выѣхалъ навстрѣчу... чтобы, знаешь, не сразу...

— Это на что же лучше!.. Вѣрите ли, Василій Ивановичъ, я за эти три дня просто измучился! Какъ это разговоръ пойдетъ промежъ насъ, такъ и бѣда! Не знаю какъ и языкомъ ворочать... Все слова разныя придумываю, и все неладно выходитъ... Самъ вижу, что неладно... Я уже и по нихъ это замѣтилъ...

— Что ты?

— Сами увидите... извѣстно дѣло, кровь говоритъ... не чужой кто,—отецъ родной! вотъ она, кровь эта, и сказывается...

Звякнула задвижка, встрепенулись бесѣдующіе... Вошли. Стоитъ Надя у стола, къ нимъ спиною, умывальникъ не тронутъ, полотенце такъ и лежитъ, свернутое, на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ его Силантій положилъ.

Шелобовъ и старикъ переглянулись молча между собою.

— Торопи самоваръ поскорѣе! Да скажи: что-же молъ лошадей не закладываютъ?! засуетился капитанъ.—Ну, Надя, устали таки вы, я думаю, порядкомъ!..

— Устала! проговорила дѣвушка...

— Ну теперь уже недалеко... То бишь оно очень далеко, слишкомъ полторы тысячи верстъ... Да я такъ вотъ радъ, что вы нагнали... эко случай то какой, счастливый!.. Теперь вмѣстѣ, такъ двумя тарантасами, караваномъ значитъ, и покатимъ! чудесно!

— Вмѣстѣ! повторила Надя, почти машинально.—Я очень рада...

— Тутъ вотъ скоро верблюжьи станціи пойдутъ. Знаете, пески этакіе страшенные! лошадямъ не свезти, такъ верблюдовъ запрягаютъ... забавно! Тамъ, я думаю, вы, у себя въ институтѣ, на верблюдахъ не ѣздили?!.. А потомъ все отлично пойдетъ... Недѣли въ двѣ докатимъ, скорѣе можетъ быть даже. А вотъ и самоваръ тащутъ! Посторонитесь немного!.. Ставь сюда на столъ!.. да, позвольте, я самъ заварю, что вамъ, право, безпокоиться.

— Заварите, Василій Ивановичъ...

— Силантій!.. Или, нѣтъ! Онъ тамъ киргизятъ учитъ тарантасъ подмазывать... Силантій! покончишь, иди чай пить!.. нечего прохлаждаться!... Пожалуйте!.. Сахаръ сами положите, по вкусу!

Тронулись дальше.

Тарантасъ Нади впереди. Шелобовскій сзади. Дорога съ каждымъ шагомъ становилась хуже. Уже начались пересыпи, песчаные заносы, грядами пересѣкающіе твердо утрамбованный колесами путь; полузамученныя почтовыя клячи шли почти шагомъ, трогая рысцею изрѣдка, развѣ гдѣ дѣло шло подъ горку. Солнце перешло за полдень и жара, казалось, еще болѣе усилилась. Силантій снова усѣлся на козлы передняго тарантаса, но дорогою перебрался къ Шелобову.

Онъ понималъ необходимость, что называется, снѣться какъ слѣдуетъ, и вотъ, ради этой именно цѣли, онъ, сначала, соскочивъ съ козелъ, пріостановился, а затѣмъ пошелъ рядомъ съ Шелобовскою повозкою, придерживаясь рукою за облучекъ.

— Потолковать надо бы какъ слѣдуетъ! началъ онъ, первый.

— Толкуй не толкуй, а дѣло дрянь! замѣтилъ Шелобовъ, надымивъ полный тарантасъ своими кручеными папиросами.

— Вотъ теперь, по моему, если сказать все прямо, повиниться-бы, да и камень съ души... Что же, вѣдь, воля Божія!.. рано-ли—поздно-ли, узнать должна. Что-жъ и себя, да и ее, голубушку, томить... Вы, думаете, ей легко тоже? Я такъ полагаю, что коли ежели запала у ней на сердце эта самая предчувственность, то ужь шабашъ... Либо уже прямо надо обманомъ брать, либо все на чистоту... А то ни то, ни се... Пытка—одно слово!

— Пытка! согласился Василій Ивановичъ.—Это вѣрно!.. Легче бы, кажется палецъ за пальцемъ тупымъ ножемъ рѣзать... Хочешь папироску?

— Покорнѣйше благодаримъ! Мы другимъ манеромъ употребляемъ... Моего не прикажете-ли?

Вытянулъ Силантій тавлинку, зарядился... Стали оба въ молчанку играть; минутъ десять забавлялись такимъ образомъ. Не замѣтили какъ Надя выглянула назадъ изъ тарантаса и снова спряталась. Пошли кони рысцею, привскочилъ старикъ на подножку, присѣлъ на облучекъ.

— Ты, вотъ, говоришь, повиниться надо, все разсказать, какъ слѣдуетъ!.. А что изъ этого выйти можетъ, а? Ты какъ объ этомъ думаешь? прервалъ тяжелое молчаніе Василій Ивановичъ.

— Это уже какъ Богу угодно... Большая, можно сказать, печаль...

— Печаль! То-то... А что ежели, да съ такого горя бѣда какая приключится! Обморокъ—что!.. Это еще поправимо! А вотъ если что хуже!.. Бываетъ разрывъ сердца, ударъ—и готово! Да оборони Богъ!.. Болѣзнь ежели даже, не приведи Господи... Здѣсь, въ степи, въ пескахъ этихъ! Ни аптеки, ни доктора... Что мы съ тобою дѣлать станемъ?..

— Это точно!..

— Опять, вѣдь, что грѣха таить! Намъ вотъ съ тобою тяжело, мы и думаемъ, что намъ тогда полегче станетъ, изъ за того больше хлопочемъ... Нѣтъ, не ладно!

— Зачѣмъ изъ за себя!.. Перетерпимъ!.. потупился старый инвалидъ.

— Нѣтъ уже врать, такъ врать до конца. Все, молъ, благополучно, ничего худаго не слыхать, да и не слыш-

но было... Поберегать только, чтобы стороною не узнала... Ну, да вдвоемъ это не трудно... А тамъ, какъ пріѣдемъ,—или близко подъѣзжать станемъ, тамъ уже видно будетъ, какъ и что... Тамъ посмотримъ!

— Что же! И это можно! согласился Силантій.— Отчего не такъ!

Порѣшили на томъ, чтобы „врать" до конца.

Такъ бы оно, можетъ быть, и вышло, еслибы это твердое рѣшеніе, въ эту же ночь, не разрушила сама Надя.

XIII.

Проѣхали и эту станцію, проѣхали и другую. Добрались, наконецъ, до верблюжьихъ перегоновъ.

Горбатые, неуклюжіе „корабли пустыни" сначала очень занимали юную путешественницу... Она припоминала, въ дѣтствѣ еще, странныя формы этихъ животныхъ, но теперь отвыкла и сначала побаивалась ихъ, а главное ихъ отвратительнаго, болѣзненнаго рева. Медленно двигался поѣздъ посреди горъ сыпучаго, накаленнаго песка; изнуренные верблюды останавливались чуть не на каждомъ шагу, доводя до отчаянія неистовавшихъ, усердія ради, возницъ... Шелобовъ и Силантій почти все время шли пѣшкомъ, помогая ямщикамъ одолѣвать препятствія, хватались за колеса, подпихивали сзади; кнуты, нагайки... все, чѣмъ можно было нанести ударъ, вволю гуляло по ребрамъ несчастныхъ „кораблей"... И, все таки, только послѣ заката солнца, дотянулись, наконецъ, до станціи Акъ-Джулпасъ, и то остановились въ виду, не доѣзжая, такъ какъ передъ самыми, полузанесенными пескомъ кибитками и и мазанкою станціоннаго дома, поднималась сплошная сыпучая гора, окончательно непреодолимая для измученныхъ верблюдовъ.

— Что это тамъ? спросила Надя, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ кровавымъ блескомъ, отражая вечернее зарево, свѣтилась узкая полоса воды...

— Это море, отвѣчалъ Шелобовъ.—Аральское называется, по нашему просто Аралъ. Оно сюда концомъ подходитъ... Теперь уже и Сыръ-Дарья недалеко... Станцій—полдюжины, больше не осталось...

— Рыбы что въ этомъ морѣ—страсть! замѣтилъ Силантій.

— Сомы въ пять аршинъ попадаются... Осетровъ, такъ это сколько угодно.

— Лебеди тоже, эти долгошейные... Цапли, эво какія! а крылья у нихъ какъ кумачъ красныя... Краснокрылыми такъ и называютъ...

— Въ прошломъ году тюленей видѣли... Одного зашибли.

— А бабы-птицы! знаете, этакъ въ родѣ гуся, только много погрузнѣе и подъ носомъ снизу будто мѣшокъ подвѣшенъ... онѣ въ него рыбу собираютъ, про запасъ...

Но не особенно должно быть занимали Надю эти зоологическія подробности. Задумчиво, облокотившись на руку, смотрѣла она, какъ гасло понемногу красное зарево, какъ темнѣе и темнѣе становились силуэты песчаныхъ горъ, какъ плавно рѣяли надъ водою какіе то пернатые хищники, или неподвижно сидѣли на отмеляхъ, подстерегая добычу...

Здѣсь, въ это время, невыносимый дневной жаръ быстро смѣняется рѣзкимъ холодомъ ночи. Порѣшили путешественники, чтобы дождаться до разсвѣта на томъ же мѣстѣ, потребовать со станціи свѣжихъ верблюдовъ, и затѣмъ уже, продолжать дальнѣйшій путь.

Силантій съ Шелобовымъ пошли собирать прошлогодній бурьянъ по берегу и сухой пометъ по дорогѣ для костра; киргизы выпрягли верблюдовъ и погнали ихъ къ станціи, Надя осталась одна въ тарантасѣ и вдругъ зарыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку... Только голосъ Шелобова, да красный свѣтъ зажженнаго костра вывели ее изъ этого положенія. Оправившись на сколько можно было, Надя вышла изъ экипажа и стала прогуливаться по берегу... Силантій завозился съ закусками и чаемъ. Шелобовъ досталъ изъ чехла ружье и пошелъ за Надею, — ему хотѣлось позабавить хоть чѣмъ нибудь дѣвочку...

— Дай, думаю, подстрѣлю орла... Красиво глядѣть какъ онъ оттуда, сверху, турманомъ, да прямо въ воду...

— Не надо, не надо! замахала Надя руками, едва завидѣла смертоносное оружіе... Зачѣмъ убивать... Не надо!..

У Шелобова руки опустились.

Напились чаю. Силантій приготовилъ въ тарантасѣ постель для Нади, застегнулъ ее снаружи фартуками, Шелобовъ улегся у себя, старикъ-инвалидъ предпочелъ запросто „на песочкѣ", подостлавъ подъ себя, спеціально для сего предназначенную, кошемку. Заснули.

Луна, громадная такая, шафранно-желтая, поднялась надъ песчаными курганами, мало по малу заливая все своимъ фосфорическимъ свѣтомъ. Настала мертвая тишина, положительно не прерываемая ни единымъ звукомъ.

Заснула печальная пустыня.

— Ваше благородіе! А ваше благородіе!.. заглянулъ Силантій въ тарантасъ Шелобова.

— А, что такое?! выглянулъ тотъ изъ подъ шинели и приподнялся на локоть.

— Встаньте-ка, да послушайте!..

Силантій говорилъ шепотомъ. Василій Ивановичъ въ одно мгновеніе былъ на ногахъ.

— Тихонько, ваше благородіе... Подойдите сюда, да послушайте сами. Я уже давно прислушивался, думалъ пройдетъ, а тутъ еще хуже пошло. Васъ вотъ разбудилъ... Подойдемъ поближе.

Спутники осторожно подошли къ тарантасу Нади и стали вслушиваться.

Бѣдную дѣвушку должно быть мучилъ во снѣ тяжелый кошмаръ. Она металась и глухо стонала. Эти стоны мало-по-малу перешли въ истерическія рыданія и вдругъ завершились громкимъ, полнымъ ужаса крикомъ.

Шелобовъ рванулъ закрывавшіе фордекъ фартуки такъ, что всѣ ремни и пряжки отлетѣли въ стороны... Силантій растерялся и принялся унимать барантача, неистово почему то завывшаго...

— Надя... Надичка!.. что съ вами? заботливо спросилъ Василій Ивановичъ.

— Да цыцъ ты, проклятый!.. Барышня... голубушка... да, помилуй Богъ! что такое приключилось?..

— Надя... проснитесь же!

— Сонъ... ужасный... страшный сонъ! простонала дѣвушка и смолкла.

Опять переглянулись спутники; на этотъ разъ очень уже выразительно.

Прождали минуты три... послышалось ровное, спокойное дыханіе спящей.

— Вы, ваше благородіе, идите почивать себѣ, съ Богомъ, я постерегу. Вотъ тутъ посижу на откидочкѣ...

Старикъ присѣлъ на подножку тарантаса.

Шелобовъ постоялъ, постоялъ, обошелъ съ другой стороны и тоже присѣлъ на другую подножку... Луна поднялась высоко... На востокѣ, за грядою песчаныхъ бархановъ, показались блѣдные признаки предразсвѣтной зари...

— Когда именно умеръ отецъ?.. Въ какой день? раздался голосъ Нади надъ самымъ ухомъ Шелобова.

Тотъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и обернулся...

Ярко освѣщенная луною голова дѣвушки была почти около самаго его лица, ея глаза смотрѣли прямо ему въ глаза... И въ этомъ дѣтскомъ, кроткомъ взглядѣ такъ и читалось:

Въ римскомъ циркѣ. Въ споліаріи, послѣ боя гладіаторовъ. Съ картины Жуана Луны, грав. Кезебергъ и Эртель.

— Говорите правду... потому что я все понимаю, все знаю... Я горячо благодарна за то чувство ваше, которое заставляло васъ скрывать отъ меня ужасную истину... Теперь это безполезно. Теперь, когда я знаю все, лгать больше незачѣмъ... Говорите!

— Семнадцатаго, въ пятницу, проговорилъ Шелобовъ.

— Въ Иргизѣ мнѣ сказывали: одиннадцатаго, добавилъ Силантій...

— Его убили? продолжала Надя...

— Да!..

— Убили, матушка!.. злодѣи на капиталъ польстились... Убили кровопійцы окаянные!!. зарыдалъ старый инвалидъ, сразу давшій волю своему, долго сдерживаемому горю...

— Надя, вы откуда же это знаете? спросилъ озадаченный Шелобовъ.

— Сонъ, страшный сонъ... Я во снѣ видѣла все... все... Я видѣла кровь... много крови... и тамъ мой отецъ...

Снова истерическія рыданія прервали голосъ дѣвушки, снова заметались около нея не приспособившіеся къ такимъ дѣламъ спутники.

— Не выдержалъ, старина, проврался... Эхъ ты! укоризненно замѣтилъ Шелобовъ.

— Да вѣдь вы первые, Василій Ивановичъ!.. Я послѣ, оправдывался тотъ.

Оба огорчились. Въ глаза другъ другу смотрѣть не хотѣли.

До самаго восхода солнца продолжался припадокъ Нади. Молодая натура, да и усталость, взяли верхъ надъ горемъ, и она незамѣтно заснула.

Привели тѣмъ временемъ свѣжихъ верблюдовъ, говорили шепотомъ, грозными взглядами и внушительными жестами успокоивая безцеремонную болтовню киргизовъ-ямщиковъ. Не могли только унять отвратительнаго рева верблюдовъ, недовольныхъ, надо полагать, ихъ предстоящею работою (впрочемъ и эти звуки не въ силахъ были прервать глубокій, словно заколдованный, сонъ дѣвушки). Покончили съ запряжкою—и тронулись дальше...

XIV.

Время лечитъ все. Дорога, со всѣмъ разнообразіемъ своихъ впечатлѣній, усиливаетъ цѣлительныя свойства времени.

„Предчувственность“, какъ выражался старикъ Силантій, сама собою подготовила дѣвушку къ роковому удару. Нѣжная, инстинктивно доходящая до самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ заботливость этихъ, сопровождавшихъ ее, съ вида такихъ суровыхъ, воякъ, сдѣлала свое дѣло.

Надя не чувствовала себя одинокою—чужою.

Она понимала и вѣрила, что ее любятъ. Она не спрашивала „за что?“ Она по дѣтски, довѣрчиво отдала себя въ полное распоряженіе этихъ людей, привязалась къ нимъ всею душою—и сознаніе себя круглою сиротою, одинокою съ первыхъ ступеней наступающей жизни, ни разу не приходило ей въ голову.

Ей не давали задумываться... Ея вниманіе постоянно отвлекалось отъ роковаго вопроса.

Ея будущее рисовали передъ нею въ розовыхъ краскахъ,—и эта длинная, утомительная дорога, казалась ей легка, и даже отрадна, уже потому, что съ каждымъ шагомъ приближала ее къ чему-то такому, гдѣ ее ждетъ—любовь, тепло роднаго гнѣзда, все чѣмъ, обыкновенно, дорога родина, дороги нѣдра семьи.

Кровавыя, тяжелыя подробности убійства ея отца, эпизоды слѣдственнаго дѣла, всѣ ненужныя, растравляющія только раны сердца мелочи, все это было сглажено и обойдено, а между тѣмъ любовь и уваженіе къ покойному, проглядывающія въ каждомъ словѣ о немъ ея спутниковъ, живо рисовали передъ глазами Нади его образъ, только образъ этотъ теперь какъ будто бы раздваивался, воплощаясь въ другія, живыя формы.

Заглянетъ-ли, бывало, Силантій къ ней въ тарантасъ, заботливо поправитъ подушку, поприкроетъ колѣни... Добрымъ такимъ, мягкимъ огонькомъ заискрятся, въ тѣни угрюмыхъ, сѣдыхъ бровей, его глаза,—отецъ! Шелобовъ-ли подойдетъ, возьмется рукою за грядку повозки, идетъ рядомъ, а то на облучекъ подсядетъ, все что видитъ она новаго, чуднаго, объясняетъ ей толково и просто, точно ребенку чудныя сказки разсказываетъ,—отецъ!.. И тамъ, дома, все такіе-же... Тамъ Надю ждутъ будто дочку любимую... Тамъ такъ грустятъ ея грустью, болѣютъ ея болью, радуются ея радостью.

Ея счастіе—ихъ счастіе, ея горе—ихъ горе... Тамъ вѣдь все „отцы...“

Шелобовъ и самъ не сознавалъ, какъ это онъ успѣлъ подготовить и развить въ Надѣ это чувство.

А тутъ Силантій говоритъ: „на все, молъ, воля Божія!“ сказалъ запросто, но глубоко вѣруя въ сказанное. И цѣликомъ передалъ въ сердце дѣвушки эту святую вѣру,—вѣру успокоительную, все исцѣляющую.

Василій Ивановичъ разсказывалъ Надѣ о Глухомъ фортѣ, о томъ какъ они это мѣсто у бухарскаго эмира штыками добывали, какъ строились и укрѣплялись, какую на томъ самомъ мѣстѣ благодать обрѣли... разсказывалъ объ Иванѣ Акимовичѣ, напоминая Надѣ ея годы дѣтства, говорилъ объ Огурчиковѣ, такіе все смѣшные анекдоты разсказывалъ, объ отцѣ Павлѣ и его семьѣ, о Грунѣ, общей любимицѣ, говорилъ о Павлушѣ... Въ послѣднемъ случаѣ его разсказъ особенно оживлялся... Шелобовъ очень любилъ этого молодаго человѣка, за его простоту и скромность, за дѣтскую искренность и чистоту его сердца...

— Красная дѣвица, да и все тутъ! говорилъ онъ.— А какой молодецъ! Храбрости и силы непомѣрной... сказалъ ежели что, такъ уже никакихъ векселей тамъ либо удостовѣреній не надо... Вѣрно!.. Росту высокаго, стройный, лицомъ красавецъ писаный... На конѣ посмотрѣть, совсѣмъ картина!.. Да что тутъ говорить. Весь въ отца, какимъ тотъ былъ смолоду, а лицомъ въ мать... Извѣстная была красавица!

Случалось, что Силантій, вполнѣ раздѣлявшій въ такихъ случаяхъ мнѣніе Шелобова, улучивъ минутку удобную, подмигивалъ Василію Ивановичу, шепча:

— Вотъ бы намъ, ваше благородіе, сосватать такую парочку!

— Очень просто! соглашался и Шелобовъ.—Полагаю, что это имъ обоимъ такъ на роду написано... Поживемъ—увидимъ!..

Бывало и такъ, что Василій Ивановичъ, отойдя куда нибудь подальше, задумается, потрясетъ головою своею гладко остриженною, потянетъ за сѣдой усъ, вздохнетъ и про себя скажетъ:

— Эхъ ты, Вася, Вася, сѣдой чортъ... Еслибы тебѣ, этакъ, годковъ безъ пятка тридцать съ костей—можетъ быть и самъ бы ты охотно пристроился!..

Засмѣется и пойдетъ стороною, по терновымъ зарослямъ, подстрѣлить фазанятъ пару, пока тарантасы шагомъ въ гору выберутся...

Разъ какъ то въ переднемъ тарантасѣ кони пристали. Въ тотъ годъ проѣздъ былъ усиленный. Новый губернаторъ штаты мѣнялъ. Старые уѣзжали, новые ѣхали на открывшіяся мѣста... Какъ ни выносливы степные кони, а и тѣ сдались, изъ силъ выбились,—и ночевать на полдорогѣ проѣзжимъ случалось частенько. Станція эта была одна изъ самыхъ тяжелыхъ,—по урочищу Кара-Кузякъ, въ объѣздъ розливовъ Сыръ-Дарьи. Топкій, мѣстами совершенно распустившійся, солончакъ задавалъ усиленную работу лошадямъ; экипажи глубоко врѣзывались своими колесами, тащились шагомъ, да и то слава Богу, что тащились.

Солнце еще не сѣло, когда стала тройка въ тарантасѣ Нади, ямщикъ распрегъ лошадей и поѣхалъ на нихъ на станцію, за свѣжими; вернуться засвѣтло не могъ; а въ этихъ мѣстахъ ночью ѣздить опасно. Тутъ, по сторонамъ дороги, безконечно растянулись густыя поросли камыша, джиды и терновника, любимыя мѣста для тигровъ,—и киргизъ, пробирающійся съ тройкою по такой дорогѣ, легко могъ бы сдѣлаться добычею четвероногаго хищника. Вотъ почему ямщикъ и могъ вернуться къ оставленнымъ экипажамъ только на слѣдующій день, утромъ.

Нашему поѣзду пришлось провести ночь подъ открытымъ небомъ, бивуакомъ, что, конечно, нисколько не смущало Шелобова, давно уже привыкшаго и освоившагося съ подобными обстоятельствами.

Сѣло солнце, густой туманъ затянулъ чащу,—стемнѣло быстро. Силантій огонекъ развелъ, чай варить собрался... Пока Шелобовъ постель устраивалъ, Надя на козлы забралась, тамъ ей веселѣе казалось... и все прислушивалась къ странному, грубоватому, немного дѣтскому плачу—то и дѣло раздававшемуся по сторонамъ, то будто далеко гдѣ то, то совсѣмъ уже близко... Шелобовъ объяснилъ ей, что это чекалки развылись, потому съѣстное чуютъ—„подлецъ звѣрь, вродѣ собаки—совсѣмъ безопасный, трусливый, только надоѣдливый до страсти...“ Но тутъ шакалій вой смолкъ разомъ и воцарилась мертвая тишина. Въ сторонѣ, должно быть далеко отсюда, кто то вздохнулъ, протяжно такъ, будто со сна потянулся и прикрылъ рукою зѣвоту... Черезъ нѣсколько минутъ вздохъ этотъ повторился слышнѣе, ближе и закончился глухимъ рокотаніемъ, словно громъ прогремѣлъ въ отдаленіи...

— Что это? спросила испуганно Надя.

— Это тигръ поднялся... *Круги* свои начинаетъ дѣлать, удовлетворилъ ея любопытство Шелобовъ.

— Тигръ, машинально повторила Надя, струсила и поблѣднѣла.

— Тигра эта самая, пояснилъ Силантій—звѣрь лютый... стра-а-а-шенный!.. Разъ вотъ одного такого Василій Ивановичъ ухлопалъ, вѣрите-ли?! безъ малаго четыре аршина, хвоста не считая...

Страхъ дѣвушки усиливался.

— А что если *онъ* сюда придетъ? сказала она—и уже слѣзла съ козелъ.

— Что же, милости просимъ! произнесъ въ отвѣтъ Шелобовъ.

И сказалъ это такимъ покойнымъ, увѣреннымъ голосомъ, что весь страхъ Нади исчезъ въ одну минуту... И тигръ показался ей такимъ же безопаснымъ и мирнымъ, какъ тѣ косматыя, жирныя овцы, что встрѣчались ей дорогою цѣлыми атарами...

— А Павлуша?..

Надя произнесла это уменьшительное имя нечаянно и очень сконфузилась.

— А Павелъ Ивановичъ, поправилась она—онъ тоже охотится на тигровъ?

— Пашка-то?!. Да онъ у меня первый сподручный!.. Одного то его я еще не пускаю: горячится малость, осторожности и сноровки настоящей нѣтъ, разсказывалъ Шелобовъ,—а со мною все ходитъ. Лучшаго товарища не найти! Паша у меня и изъ воли не выйдетъ, и уже не продастъ, это точно... Вотъ разъ, въ прошломъ году было,—сидѣли мы въ „лабазѣ“; тигръ подошелъ было хорошо, да за падаль закрылся, мнѣ только верхъ головы да уши его видны... Выжидалъ я—выжидалъ, выстрѣлилъ, должно быть задѣлъ не на смерть... Тотъ какъ взвился, да прямо на меня... Не успѣлъ я и за револьверъ взяться, а онъ уже тутъ, подлѣ... Павлуша прямо къ нему, открытымъ то мѣстомъ... подошелъ это покойно, приложился, ружье словно въ станкѣ зажато, не дрогнетъ... бацъ!.. и готово!..

— Я ему говорю: ты, братъ, этого другой разъ не дѣлай! а онъ мнѣ:

— Что же мнѣ, ждать когда онъ тебя калѣчить станетъ?.. Молодецъ!.. Мужчина!..

Не поняла Надя изъ этого разсказа многаго: что, молъ, за штука такая лабазъ? почему выходить оттуда не надо... поняла только, что Павлуша совсѣмъ герой, сказочный богатырь какой-то, наивный и безстрашный... ей даже снился онъ въ эту ночь: „густые камыши, полная луна свѣтитъ на темно-синемъ, усыпанномъ яркими звѣздами небѣ... а вотъ и онъ стоитъ, сжимая въ рукахъ оружіе. Стройный красавецъ, залитый съ ногъ до головы серебрянымъ свѣтомъ, а кругомъ все сверкающіе глаза тигровъ и глаза эти, горящіе ненавистью и гнѣвомъ, тухнутъ при встрѣчѣ съ покойнымъ, величественнымъ взглядомъ героя... Страшныя чудовища униженно ползутъ къ его ногамъ, какъ жалкіе рабы пресмыкаются у ногъ царя-властелина...“

Сонъ ли это—на яву ли грезы представляются... Вонъ и Силантій сидитъ у огня на корточкахъ, чернымъ, сгорбленнымъ силуэтомъ рисуется его фигура... Вонъ и Шелобовъ отошелъ въ сторонѣ и вслушивается, лошади жуютъ что то и фыркаютъ, хвостами отмахиваются... Нѣтъ, на яву... откуда же Павлуша взялся?.. Вотъ онъ опять стоитъ словно въ ореолѣ свѣта... И этотъ Павлуша ее, Надю, очень любитъ... Вѣдь онъ *тамъ*; а *тамъ* всѣ ее любятъ, и она всѣхъ ихъ любитъ, очень, очень любитъ, а его, Павлушу, почему то больше... не то чтобы больше, а какъ то иначе... И хотѣлось бы ей скорѣе и скорѣе идти къ нему навстрѣчу... такъ бы и полетѣла!.. А тутъ полная неподвижность: камыши, костеръ, все,—не мелькаетъ передъ глазами, неподвижно стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, не вѣетъ вѣтромъ навстрѣчу... И чего же они стоятъ?.. Чего же мы стоимъ?.. Что же мы не ѣдемъ?..

Должно быть громче остальнаго раздались послѣднія слова Надиныхъ грезъ...

— Лошадей нѣтъ, матушка,—оттого и стоимъ, пояснилъ Силантій—на одной тройкѣ двухъ тарантасовъ не увезешь, на себѣ не потащишь... Вотъ свѣтать станетъ, подъѣдетъ ямщикъ, тогда и тронемся...

XV.

Дорога подходила къ концу...

Остались сзади безлюдныя мѣста... Нашъ поѣздъ вошелъ уже въ предѣлы сплошной осѣдлости. Замелькали маленькіе кишлаки по сторонамъ со своими приземистыми саклями, потонувшими въ сочныхъ массахъ зелени, потянулись обработанные участки земли, глинобитныя изгороди, журчащіе арыки, маленькіе, квадратные прудики, словно зеркала, оправленныя въ зеленыя рамы; золотистыя поля дозрѣвающаго риса, меланхолически шелестящія чащи джугары и кукурузы, говоръ рабочаго народа, пестрыя группы, тамъ и сямъ копошащіяся на плантаціяхъ—скрипъ высокихъ арбяныхъ колесъ, люди въ цвѣтныхъ халатахъ и большихъ бѣлыхъ чалмахъ, то ѣдущіе навстрѣчу, то обгоняющіе поѣздъ, то молчаливо и пытливо поглядывающіе на проѣзжихъ, сидя въ тѣни базарныхъ навѣсовъ... Надю все это занимало очень... все это такъ было ново для нея!.. Проѣхали уже нѣсколько большихъ азіатскихъ городовъ, ходили въ Азретѣ смотрѣть старую, знаменитую мечеть, помнившую еще славныя времена Тимура. Вдали на горизонтѣ росла и росла голубая гряда горъ, покрытыхъ вѣчнымъ льдомъ и снѣгами...

— Теперь уже близко!.. говорилъ, потирая руки, Василій Ивановичъ...

— Совсѣмъ рукою подать! поддакивалъ Силантій... Еще съ пятокъ деньковъ потрясемся, а тамъ и дома будемъ.

— Близко! вторила имъ машинально Надя...

И бойко, дружно гремѣли колеса тарантасовъ по прекрасной, утрамбованной какъ шоссе — культурной дорогѣ.

Словно безконечное зеленое море, развернулись передъ ихъ глазами сады долины Ташкента съ его живописными дачами, съ бѣлѣющимися куполами православныхъ церквей... чаще и чаще замелькали русскія фигуры, заслышалась русская рѣчь...

— Ну, ей-же—ей, словно въ нашей орловской губерніи! замѣчалъ Силантій... Ну-ты, шапка крученая... пошевеливай!..

Изъ Ташкента Шелобовъ покатилъ впередъ, убѣдивъ Надю отдохнуть день въ этомъ городѣ, оправиться какъ слѣдуетъ... Самому ему уже очень хотѣлось поскорѣе предупредить друзей, дать имъ время приготовить все въ домѣ къ встрѣчѣ своей любимицы-сиротки.

На другой же день, вслѣдъ за Шелобовымъ, выѣхала и Надя. Силантій, не смотря на жару, надѣлъ почему-то свой новый суконный сюртукъ съ краснымъ воротникомъ, новую шапку съ лакированнымъ козыремъ и кокардою и, сидя на козлахъ, подбоченился особенно ухарски... Лошадей гнали шибко, почти что вскачь... „На водку, молъ, получишь достаточно". Съ разгона вкатилъ тарантасъ въ узкую улицу кишлака Бешь-арыкъ, добрались до базара, а тутъ и стали...

Дорога была загорожена двумя, случайно зацѣпившимися колесами, арбами, навьюченный кипами хлопка верблюдъ упрямо легъ на самомъ проѣздѣ и никакъ не хотѣлъ подняться... Цвѣтные халаты возились около, пытаясь расчистить дорогу, Силантій, съ высоты козелъ, покрикивалъ на нихъ, совсѣмъ по генеральски...

Надя высунулась изъ экипажа, смотрѣла на все съ крайнимъ любопытствомъ, и вдругъ видитъ: въ тѣсномъ, боковомъ переулкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ солнечный лучъ, пробившись въ отверстіе навѣса, образовалъ яркую полосу, стоитъ чудный вороной конь... Уши насторожены, глаза горятъ, нервныя ноздри широко раздуваются, легкое копыто звучно бьетъ камень мостовой; двое красивыхъ мальчиковъ съ трудомъ держатъ этого коня подъ уздцы, а около стоитъ офицеръ, высокій и стройный какъ тополь... Бѣлый китель на немъ, словно латы, облегаетъ его широкія плеча и тонкую, какъ въ корсетѣ, талію... Онъ стоитъ сюда спиною, разговариваетъ со старикомъ въ золотистомъ халатѣ и въ пестрой чалмѣ; тотъ стоитъ передъ нимъ, согнувшись подобострастно, какъ рабъ передъ властелиномъ... Вотъ этотъ офицеръ на коня садится... Кто стремя подаетъ, кто подъ руки подсаживаетъ... вотъ сѣлъ, сюда лицомъ повернулся... на Надю прямо, въ упоръ смотритъ...

— Это онъ, Павлуша! промелькнуло въ головкѣ Нади... Красавецъ!.. дѣйствительно красавецъ!..

Большие темные глаза, матовая блѣдность лица, чудный, словно рѣзцомъ изваянный профиль... Меланхолически грустное выраженіе лица и холодная гордость... Царское величіе и презрѣніе ко всему этому мелкому, что такъ приниженно копошится подъ его ногами...

— Конечно, это Павлуша... то есть нѣтъ... Павлуша—это мелко! зачѣмъ такъ!.. Поль—это лучше... Мой Поль!..

И захотѣлось Надѣ крикнуть ему:

— Поль... вѣдь это я, твоя Надя!.. ты вѣдь меня никогда не видалъ, но ты меня знаешь. Я тебя тоже не видѣла,—но знаю... больше чѣмъ знаю! я полюбила тебя... да, полюбила...

Яркая краска бросилась въ лицо дѣвушки, она не выдержала пристальнаго взгляда красавца и откинулась въ глубину экипажа...

— Нѣтъ, послѣ! сама себѣ уяснила Надя это стыдливое движеніе...

А тутъ, расцѣпили арбы, подняли упрямаго верблюда, очистили дорогу, и тройка коней рванулась впередъ, вынося путешественницу изъ подъ сводовъ кишлака Бешь-арыкъ, снова на залитую солнцемъ, пыльную дорогу...

Шагомъ ѣхалъ сзади встрѣчный красавецъ, ничего конечно не подозрѣвающій...

— Однако какіе перлы стали залетать въ эту глушь! замѣтилъ онъ про себя... и какъ она похожа... На кого это она похожа?..

Криницынъ задумался и припомнилъ злополучную карточку, надѣлавшую такъ много шуму по всему Глухому форту, фатально отразившуюся и на немъ самомъ...

Онъ вспомнилъ и судорожно осадилъ коня... Ему непріятно было видѣть удаляющійся тарантасъ... Такой запыленный, широко раздвинувшійся... Чернымъ пятномъ какой то чемоданъ посреди... все сѣро, словно сѣдина на плѣшивомъ затылкѣ. .

Попятился Абрекъ и мотнулъ головою... онъ не привыкъ, чтобы его такъ рѣзко осаживали...

Тише и тише замиралъ почтовый колокольчикъ... совсѣмъ смолкъ... Тронулся шагомъ впередъ Павелъ Петровичъ. И еслибы Надя могла бы видѣть лицо его въ эту минуту, то, можетъ быть, оно ей и не такъ бы понравилось сразу.

(До слѣд. №)

За драгоцѣннымъ корнемъ.

(Изъ жизни китайскихъ таежниковъ).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Окончаніе).

XVI.

Гроза.

Прошло нѣсколько недѣль. Сентябрь подходилъ къ концу. Лонхоу, Ки-сэ и Ли-фу возвращались уже домой послѣ необыкновенно счастливаго шатанія по тайгѣ. Истекшіе дни прошли благополучно. Были, правда, встрѣчи съ звѣрями, но оканчивались въ пользу искателей. Вооруженные ружьями, они успѣвали давать всегда своевременный отпоръ. Предъидущіе случаи пріучили ихъ къ бдительности и осторожности. Ни разу больше звѣрю не удавалось застигнуть ихъ врасплохъ. Тигръ, два барса и свирѣпый палево-бурый медвѣдь сдѣлались жертвой своей смѣлости. Первый вздумалъ было аттаковать бродягъ въ одну изъ темныхъ ночей, но наткнулся на мѣткую пулю Лонхоу, бдительно сторожившаго становище. Такимъ образомъ, къ десятку корней жень-шеня старшина присоединилъ еще дорогую тигровую желчь — одно изъ извѣстнѣйшихъ китайскихъ лекарствъ противъ многихъ болѣзней. Отъ дерзкихъ барсовъ они отдѣлались не такъ счастливо. Звѣри самецъ и самка,— аттаковали одновременно, когда путники пробирались узкой, извилистой тропой, изъ одной пади въ другую. Нападеніе было сдѣлано далеко не врасплохъ: искатели еще издали разсмотрѣли хищниковъ, притаившихся въ густой листвѣ пробковаго дерева; звѣри успѣли все-таки, хотя и передъ смертью, нанести вредъ. Дѣло было такъ: завидѣвъ барсовъ, путники остановились шагахъ въ пятнадцати отъ дерева и приготовили ружья. Звѣри выжидали, люди не спѣшили. Лонхоу выбралъ себѣ самца, предоставивъ самку товарищамъ... Раздался почти одновременный залпъ... Самецъ высоко подскочилъ и грохнулся на тропу. Пуля поразила его наповалъ. Самка, тяжело раненая, успѣла сдѣлать гигантскій прыжокъ, насѣла на Ки-сэ и смяла подъ собой. Произошла короткая, отчаянная борьба. Звѣрь и человѣкъ, сплетшись въ безобразную массу, катались по окровавленной тропѣ. Вмѣшаться въ эту отчаянную борьбу не было возможности. Можно было легко нанести, въ этой суматохѣ, ударъ человѣку. Шансы были и на сторонѣ Ки-сэ. Движенія тяжело раненаго звѣря не были достаточно сильны и ловки... Черезъ минуту борьба кончилась. Звѣрь корчился въ предсмертныхъ судорогахъ. Ки-сэ отдѣлался довольно счастливо. Кисть лѣвой руки была ободрана: Ки-сэ, засунувъ лѣвую руку въ пасть хищника, нанесъ ему правой, вооруженной ножемъ, смертельный ударъ въ животъ. Кромѣ ободранной кисти, нѣ-

Да! Рисунокъ 1. Эдвардса, грав. Клингихтъ.

сколько глубокихъ царапинъ бороздило лицо и плечи авантюриста: слѣды страшныхъ когтей.

Въ обратный путь искатели жень-шеня шли напрямикъ. Уже четверо сутокъ переваливали они съ одного кряжа хребта Сихотэ-Алинь на другой, держась постоянно одного направленія — на закатъ солнца. Прямой путь хотя былъ значительно короче прежняго, но въ то же время представлялъ большія трудности и иногда трудныя преграды. Только такіе привычные, мускулистые и отважные люди, какими были Лопхоу, Ки-сэ и Ли-фу, могли совершать переходы по мѣстности, напоминавшей хаотически-бурное море, разомъ застывшее, словно по мановенію волшебнаго жезла. Особенно тяжелы были подъемы по каменистымъ, горнымъ скатамъ, сплошь заросшимъ разнообразнымъ колючимъ кустарникамъ. Въ данномъ случаѣ нерѣдко приходилось расчищать дорогу топорами и ножами, подвигаться очень медленно. Солнце заходило. Авантюристы бодро шагали по тропѣ, вьющейся по дну узкой пади и сплошь покрытой, словно мягкимъ ковромъ, массой опавшихъ листьевъ. Осень уже вступила въ свои права.

Многія лиственныя деревья и кусты уже сбросили свои лѣтнія одежды. Тайга потеряла часть своей таинственности. Глазъ проникалъ въ чащу разнообразной растительности, свободнѣе скользя то по фантастически сплетшимся вьющимся растеніямъ, то по стволамъ величественныхъ ильмовъ и грабовъ, до самыхъ ихъ вершинъ, теперь оголенныхъ. Солнечные лучи свободно проникали въ чащу; на пожелтѣвшей, высохшей травѣ ложились фантастическія тѣни. Сквозь сѣтку сплетшихся вѣтвей виднѣлась, ласкающая взоръ, лазурь яснаго неба, мало гармонировавшая съ пожелтѣвшей и покраснѣвшей листвой, еще сохранившейся на нѣкоторыхъ деревьяхъ и кустарникахъ...

Бесшумно ступали путники по мягкой тропѣ, спѣша добраться, къ наступленію сумерокъ, до болѣе удобнаго мѣста ночевки. Лопхоу, по обыкновенію, шелъ впереди. У каждаго искателя висѣло за спиной по большому куску косули, наканунѣ убитой и распластованной. Держали ружья на готовѣ. Зажженные фитили были обернуты вокругъ лѣвыхъ рукъ... Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, тропа начала постепенно возвышаться и наконецъ уперлась въ подошву крутаго холма. Лопхоу остановился, молча сбросилъ съ плеча ношу, и, присѣвъ на корточки, приступилъ торжественно къ набивкѣ трубки высушенными листьями растенія дальда-мо.

— Здѣсь ночевать будемъ! процѣдилъ онъ сквозь зубы тономъ, недопускающимъ возраженій.

Ки-сэ и Ли-фу безпрекословно присѣли рядомъ со старшиной и закурили миніатюрныя трубки. Молча покуривъ, каждый принялся за свое дѣло: одинъ принесъ цѣлую охапку хворосту, другой развелъ яркій костеръ, а третій напластовалъ нѣсколько кусковъ косули. Сѣли ужинать. Между тѣмъ наступила темная, холодная сентябрская ночь. Едва прикрытые лохмотьями, авантюристы жались къ костру, стараясь обогрѣть полузакоченѣвшее тѣло. Въ воздухѣ стояла необычайная, пронизывающая сырость. Надъ мрачной тайгой опрокинулось темное, глубокое небо, усыпанное безчисленнымъ множествомъ блестящихъ звѣздъ. Пожелтѣвшая листва словно замерла подъ обаяніемъ этихъ милліоновъ яркихъ огней, точно закоченѣла въ сыромъ ночномъ воздухѣ, полномъ невозмутимой, таинственной тишины...

Путники еще не кончили своего ужина, какъ вдругъ гдѣ-то въ выси пронесся сильный вихрь и сердито закачалъ вершинами деревьевъ. Тайга словно тяжело вздохнула и проснулась. Послышался какой-то неопредѣленный, сердитый рокотъ, подобный отдаленному рокоту разбушевавшагося моря. Листва затрепетала и, сорванная пронесшимся вихремъ, дождемъ посыпалась на сырую почву. Блестящія, привѣтливо горѣвшія звѣзды исчезли. Темное небо какъ-бы опустилось, словно придавивъ собой тайгу. Казалось, оно опускалось, съ каждой минутой, все ниже и ниже, становилось темнѣе и темнѣе... Пронесся новый вихрь, уже по самому дну пади, и заколыхалъ яркое пламя костра. Опавшіе листья закрутились, словно ожили, и черезъ нѣсколько секундъ опять недвижно легли на толстый, пышный ковръ лиственнаго навоза.

— Гроза будетъ, проворчалъ Лопхоу и сердито подбросилъ въ костеръ большую охапку хворосту.

Прошло нѣсколько минутъ. Тишина. Темное небо освѣтилось отблескомъ отдаленной молніи. Гдѣ-то, вдали, загрохоталъ громъ, подобный отдаленному залпу изъ орудій. Нѣсколько крупныхъ капель дождя упали въ костеръ и зашипѣли на раскаленныхъ угольяхъ. Постепенно, дождевыя капли начали падать все чаще и чаще... Блеснула яркая молнія и раздался оглушительный ударъ грома. Эхо повторило его въ падяхъ. Казалось, тысячи гигантскихъ колесницъ загрохотали по гулкой, каменистой дорогѣ... Прошло нѣсколько секундъ невозмутимой, подавляющей тишины... Вдругъ небеса точно разверзлись... Цѣлые снопы яркой молніи прорѣзывали ночную тьму и озаряли чащу волшебнымъ свѣтомъ. Ударъ грома слѣдовалъ за ударомъ, одинъ оглушительнѣе другаго. Дождь все усиливался, и наконецъ надъ тайгой разразился тропическій ливень... Костеръ мгновенно потухъ. Путниковъ окружилъ мракъ, прорѣзываемый только непрерывной молніей... Вотъ молнія ударила въ вершину ближайшаго гигантскаго ильма. Оглушительный трескъ. Молнія расколола толстый стволъ столѣтняго ильма до корня. Дерево запылало, но, залитое ливнемъ, тотчасъ же и потухло... Стихійный хаосъ, не поддающійся описанію. Небеса словно раскалились отъ непрерывныхъ сноповъ молніи и освѣщали тайгу фантастическимъ заревомъ. Казалось, со всѣхъ окружающихъ холмовъ раздавались частые залпы тысячъ орудій... Слышался бурливый, грозный рокотъ водъ. Съ вершинъ холмовъ ниспадали въ пади сотни бушующихъ ручьевъ, каскадовъ и водопадовъ. Ничтожные горные ручейки, едва замѣтные въ обыкновенное время, вздулись и превратились въ бурливыя рѣки. Катили они свои мутныя, пѣнистыя воды по дну узкихъ падей, разметываясь все шире, размывая себѣ ложе въ мягкомъ грунтѣ долинъ. Громадные камни уносились бурными потоками, какъ мелкая галька. Столѣтнія деревья вырывались съ корнемъ, расщепливались на куски и кружились въ образовавшихся водоворотахъ, образуя то тамъ, то здѣсь заносы и плотины. Сердито ревётъ потокъ у этихъ неожиданно создавшихся преградъ, вздувается, гремящимъ водопадомъ переливается черезъ древесныя громады и несется дальше, сокрушая на своемъ пути все встрѣчное...

XVII.

Ночныя бѣдствія.

Стихійный хаосъ произвелъ на путниковъ подавляющее дѣйствіе. Правда, Лопхоу ждалъ грозы, но не въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ. Гроза была рѣдкостная даже для такого бывалаго, стараго бродяги. Положеніе путниковъ въ высшей степени непріятно: сверху тропическій ливень, внизу рокотали мелкіе ручьи, несшіе свои мутныя воды въ главную рѣку, прорѣзавшую дно узкой пади. Опытный Лопхоу скоро увидѣлъ, что оставаться въ пади болѣе чѣмъ рискованно. Онъ хорошо видѣлъ, что узкая падь будетъ залита. Главный потокъ быстро вздувался, разметываясь все шире. Бѣшеный рокотъ его уже слышался невдалекѣ. Опасность незримо приближалась и грозила катастрофой. Необходимо было принять рѣшительныя мѣры.

— Надо идти на холмъ... Тутъ насъ затопитъ! крикнулъ Лопхоу, стараясь перекричать вой стихій.

Ки-сэ и Ли-фу продолжали угрюмо молчать, плотно прижавшись къ толстому стволу кедра. Они не слыхали старшины. Громъ и бурный рокотъ водъ заглушали его слова.

— Эй, вы!.. Вода вамъ уши что ли залила!?.. разсердился Лопхоу, приблизившись къ товарищамъ въ упоръ.

— Что надо? нехотя спросилъ Ки-сэ закоченѣвшими губами.

— Говорю вамъ: надо лѣзть на холмъ!.. Не зѣвай!.. Тутъ насъ зальетъ!.. крикнулъ во все горло старшина.

Мѣшкать было нельзя. Рокотъ разсвирѣпѣвшаго потока слышался явственно даже среди трескотни грома. Ки-сэ и Ли-фу нехотя отошли отъ дерева и замѣсили босыми ногами сильно размокшій наземъ, слѣдуя за старшиной. Подвигались впередъ ощупью, постоянно спотыкаясь и наталкиваясь на стволы деревьевъ. Въ тайгѣ царствовалъ мракъ. Только изрѣдка, на мгновеніе, мракъ разсѣивался, и тайга обдавалась волшебнымъ, рѣжущимъ глаза свѣтомъ яркой молніи... Начали подниматься по каменистому скату холма. Сверху лились мутные потоки дождевой воды. Подъемъ былъ затруднительный и опасный. Ноги скользили. Пришлось ползти на четверенькахъ; вода лилась словно силясь сбросить ихъ въ страшную падь. Каждый вершокъ крутаго ската брали съ бою, послѣ большихъ усилій. Цѣпляясь за кусты, медленно ползли все выше и выше. Добрались наконецъ до половины ската, остановились передохнуть. Руки и ноги страшно ныли. Лопхоу по себѣ чувствовалъ, что товарищамъ не добраться до вершины холма при этихъ условіяхъ, и онъ рѣшился пережидать непогоду на скатѣ, несмотря на рискъ такого положенія. Тропа, вьющаяся по крутому скату, превратилась въ бурный, горный ручей. По обѣ стороны тропы вздымалась чаща, проникнуть въ которую не было возможности. Поневолѣ приходилось ползти по ложу неожиданно образовавшагося ручья и здѣсь пережидать непогоду. Ухватившись за ближайшіе стволы подлѣска, путники закоченѣли. Холодныя, мутныя брызги обдавали ихъ съ ногъ до головы. Ихъ трясла лихорадка; зубъ на зубъ не попадалъ; но стоически выдерживали они физическія и нравственныя пытки... Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ. Гроза прекратилась; погода стихла и небо прояснилось. Бурливый рокотъ водъ началъ постепенно замолкать. Яркіе лучи восходящаго солнца озолотили сырыя, мохнатыя вершины холмовъ и скользнули по каменистымъ скатамъ въ мрачныя пади. Закоченѣвшіе вздохнули съ облегченіемъ. Теплое, ясное утро возвратило имъ мужество и энергію. Прежде всего они осмотрѣли свои богатства. Дорогіе корни жень-шеня оказались цѣлы, за пазухой. Что касается до пузырей съ тигровой желчью, то дорогая желчь смѣшалась съ мутной водой горнаго ручья. Лопхоу чуть не плакалъ отъ этой потери: лекарственная желчь была очень нужна имъ для излеченія изъязвленій ногъ, полученныхъ во время безпорядочнаго, ночнаго подъема...

Съ трудомъ поднялись они на вершину холма и расположились на открытомъ мѣстѣ, щедро обдаваемомъ теплыми солнечными лучами. Солнце обсушило и согрѣло закоченѣвшихъ за ночь авантюристовъ; развести огонь не представлялось воз-

можности. Лонхоу даже не могъ высѣчь огня, чтобы закурить трубку. Трутъ, бережно хранимый въ кожаномъ мѣшечкѣ, намокъ и ждалъ просушки... Наложивъ затѣмъ на израненныя колѣна какія-то цѣлебныя травы, найденныя по близости опытнымъ Лонхоу, искатели рѣшились уснуть. Безсонная, мучительно проведенная ночь истомила ихъ и они заснули мертвымъ сномъ, какъ только растянулись на еще сырой, осенней травѣ...

XVIII.

Далѣе.

— Мы-то заспались, проговорилъ Лонхоу. Хорошо, что Чанъчунгъ разбудилъ насъ, а то, пожалуй, наступила-бы ночь и кто нибудь пришелъ бы поопаснѣе.

— Да я самъ такъ голоденъ, что любаго, кажется, звѣря зубами-бы изорвалъ, замѣтилъ Ли-фу.

— А ты думаешь — я сытъ?.. Страшно ѣсть хочется добавилъ Ки-сэ.

— Ружья есть, пойдемте въ любую падь и подстрѣлимъ дичинку... Вѣдь дичь кишитъ кругомъ! замѣтилъ Лонхоу.

— Кого убьешь-то изъ такихъ ружей, проговорилъ Ли-фу, грустно осматривая свое подмокшее ружье. Лонхоу и Ки-сэ также внимательно осмотрѣли свои тяжелые самопалы. Послѣдніе оказались въ самомъ плачевномъ видѣ. Порохъ превратился въ жидкую кашицу. Повидимому, вода проникла до самыхъ зарядовъ, не только съ казенной части ружей, но и со стороны стволовъ. Стволы были переполнены водой.

— Надо разрядить! распорядился Лонхоу.

Ружья были разряжены и вычищены. Лонхоу взялся за единственный рогъ съ порохомъ, висѣвшій у него на поясѣ, чтобы отсыпать всѣмъ заряды,—и невольно вздрогнулъ. Необычайная тяжесть рога поразила его. Съ трепетомъ открылъ онъ свою сокровищницу, изъ за которой авантюристы уже вынесли столько нравственныхъ и физическихъ мукъ, и лихорадочная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Въ пороховницѣ былъ не порохъ, а какая то жидкая, черная масса. Очевидно, что рогъ получилъ, въ прошлую ночь, поврежденіе, и вода просочилась внутрь его.

— Подмокъ! лаконически пробормоталъ Лонхоу глухимъ, подавленнымъ голосомъ.

Ли-фу и Ки-сэ опечалились отъ этого зловѣщаго сообщенія. Сгибнешь теперь въ тайгѣ! Они не такъ опасались голода, какъ звѣря. Умереть отъ голодной смерти не боялись—можно найти въ тайгѣ корней и ягодъ,—все таки поддержишь себя! Но мучительна смерть въ зубахъ какого нибудь хищника. Путь былъ не близокъ. Предстояло пробыть въ тайгѣ не менѣе двухъ недѣль, пока удастся добраться до жилаго мѣста, гдѣ возможно добыть небольшой запасъ пороха.

Хотя подмочка пороха и поразила отважнаго Лонхоу, но онъ не упалъ духомъ. Ему приходилось бывать и не въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не разъ, и положеніе не казалось ему безвыходнымъ. Не даромъ же онъ бродилъ въ тайгѣ столько лѣтъ.

— Не унывать!.. Добредемъ!.. Божественный Фо оградитъ насъ, проговорилъ Лонхоу, вытряхивая изъ рога черную грязь.

— Отдохнемъ до утра, а завтра дальше, добавилъ онъ подумавъ.

XIX.

Дома.

Подвигаясь далѣе, путники достигли спасительнаго ручья и бросились купаться въ его прозрачныя, холодныя воды. Кругомъ горѣлъ лѣсъ, кипѣли разнообразныя животныя: одни нерѣшительно топтались въ ручьѣ, другія неудержимо неслись дальше... Между тѣмъ огонь, приблизясь къ неожиданному препятствію, бѣшено закрутился, словно охваченный гнѣвомъ, и сталъ жадно пожирать сухой кустарникъ, густо окаймлявшій оба берега ручья. Нѣсколько разъ пламя силилось перебросится на другую сторону, но напрасно. Ручей былъ широкъ и былъ вполнѣ надежной защитой отъ разъяренной стихіи.

— Благодареніе божественному Фо! проговорилъ Лонхоу, вылѣзая на другой берегъ ручья и слѣдя опытнымъ взглядомъ за лѣснымъ пожаромъ, принявшимъ другое направленіе. Теперь мы будемъ живы!..

Между тѣмъ разсвѣло. Прежде всего подумали объ ѣдѣ. Предположеніе Лонхоу оправдалось. Едва успѣли они вступить на еще горячее пепелище лѣснаго пожара, какъ наткнулись на тушу изюбра. Звѣрь оказался совсѣмъ зажареннымъ. Плотно позавтракавъ свѣжимъ мясомъ и отрѣзавъ въ дорогу по изрядному куску, путники двинулись въ дальнѣйшій путь... И это испытаніе оказалось послѣднимъ... На другой день, искатели благополучно вышли изъ такъ называемой тайги и уже торной тропой стали пробираться къ Уссури. Всѣ опасности остались позади. Шагали бодро, избѣгая встрѣчъ съ уссурійскими казаками-охотниками, любящими при случаѣ поохотиться и на горбача (бродягу). Черезъ четыре дня, Ли-фу уже подходилъ къ родной фаньцзѣ. Изъ за дубовой рощи виднѣлась островерхая соломенная крыша, позлащенная лучами заходящаго солнца.

— Ну, прощай, другъ! проговорилъ Лонхоу останавливаясь и протягивая товарищу широкую, мозолистую руку.

— Зайди въ фаньцзу, отдохни немного! упрашивалъ Ли-фу.

— Живетъ тутъ близко старый товарищъ: къ нему пойду, сурово отказался старшина отъ приглашенія. Прощай, прощай!.. Захочешь будущую весну пойти, такъ зайду за тобой...

Довольно съ меня!.. Нѣтъ! Больше не пойду въ тайгу...

— Какъ знаешь!.. Твоя воля!.. Прощай же!.. пробормоталъ Лонхоу и, рѣзко повернувшись, зашагалъ отъ Ли-фу.

Пройдя шаговъ двадцать, старшина обернулся и крикнулъ:

— Зайти что ли за тобой будущую весну?..

Ли-фу отрицательно замоталъ головой и скрылся за дубовой рощей. Онъ спѣшилъ повидаться съ престарѣлыми родителями, узнать о своей Ляй.

— Славный мальчишка! угрюмо прошепталъ Лонхоу и грустно побрелъ дальше...

Ли-фу вошелъ въ фаньцзу въ то время, когда старики садились за ужинъ. Неожиданное появленіе сына всполошило стариковъ до такой степени, что они не знали, что дѣлать. Они просто очумѣли отъ радости. Еще бы!.. Явился наконецъ тотъ, кого они считали давно погибшимъ, явился сынъ, по которомъ старики уже отпраздновали тризну, раннюю смерть котораго мать оплакивала многія безсонныя ночи... Словомъ, воскресъ мертвый!..

— Осторожнѣе, ама, осторожнѣе, предупредилъ Ли-фу мать, стараясь освободиться изъ ея объятій и придерживая руками драгоцѣнную берестянку.

— Что у тебя тамъ? спросилъ отецъ.

— Жень-шень... Нашелъ въ тайгѣ... Затѣмъ и ушелъ... Все время въ тайгѣ пробылъ... Хочу на Ляй жениться, проговорилъ Ли-фу.

— Добро, сынокъ, добро, одобрилъ отецъ. Женись, а мы внучатъ нянчить будемъ.

— Постой, я за Ляй сбѣгаю, предложила мать. Вотъ-то обрадуется, бѣдная!.. Скучала она, все тебя ждала, да и теперь ждетъ... Не вѣрила она, что ты умеръ... Все время говорила: „живъ онъ, живъ!..“

— Полно, старуха!.. Бѣги за Ляй скорѣй!.. перебилъ старикъ.

— Бѣгу, бѣгу! прошамкала мать и поспѣшно скрылась за рѣшетчатыми дверьми фаньцзы.

Прошло болѣе часу. Старый Куанъ-Кеба (отецъ Ли-фу) уже успѣлъ подробно разсмотрѣть найденный сыномъ цѣлебный корень и оцѣнить его въ сто двадцать телей (240 рублей!..) Шутка ли: сто двадцать телей!.. Цѣлое богатство!.. Куанъ-Кеба и во снѣ не видѣлъ такой суммы. И эту массу денегъ добылъ его мальчишка въ одно лѣто...

„Вотъ молодчина!.. Куанъ-Кеба взглянулъ на своего задумавшагося сына съ какимъ то уваженіемъ. Какой онъ мальчишка, думалъ старикъ,—настоящій богатырь... Возмужалъ то какъ!.. Узнать трудно...“

Дѣйствительно Ли-Фу былъ неузнаваемъ. Пяти-мѣсячное пребываніе въ тайгѣ наложило на него рѣзкую печать. Это былъ уже не прежній, свѣжій юноша, краснощекій, полный и скромный, а угрюмый путникъ съ сильно обвѣтрившимся, загорѣлымъ лицомъ, дышущимъ энергіей и мужествомъ. Это былъ настоящій охотникъ, отважный искатель корня.

Старикъ такъ засмотрѣлся на сына, что даже не замѣтилъ, какъ отворилась дверь фаньцзы и какъ впорхнула въ нее веселая, нетерпѣливо ожидаемая Ляй. Черезъ секунду, она была уже въ крѣпкихъ объятіяхъ Ли-фу.

— Корень жень-шень нашелъ... Сто двадцать телей стоитъ... Выкуплю тебя теперь, успѣлъ шепнуть Ли-фу своей возлюбленной.

— Знаю, знаю!.. Мать говорила.. Дядя идетъ сюда... Пусти!.. проговорила Ляй и ловко вывернулась изъ объятій.

Дверь отворилась, и въ фаньцзу важно вошелъ, въ сопровожденіи матери Ли-фу, дядя Ляй—Фу-чанъ. Послѣдній уже зналъ о найденномъ Ли-фу сокровищѣ и желалъ взглянуть на корень собственными глазами.

— Здравствуй, Ли-фу, здравствуй! благосклонно проговорилъ Фу-чанъ. Ну-ка, покажи!

Осторожно вытащилъ Ли-фу изъ берестянки драгоцѣнный корень и показалъ присутствующимъ.

— Менѣе ста тель не бери, авторитетно оцѣнилъ корень Фу-чанъ. Молодчина ты!.. Какъ ты думаешь, Ляй?..

Ляй потупилась и закраснѣлась. Она была согласна съ дядей.

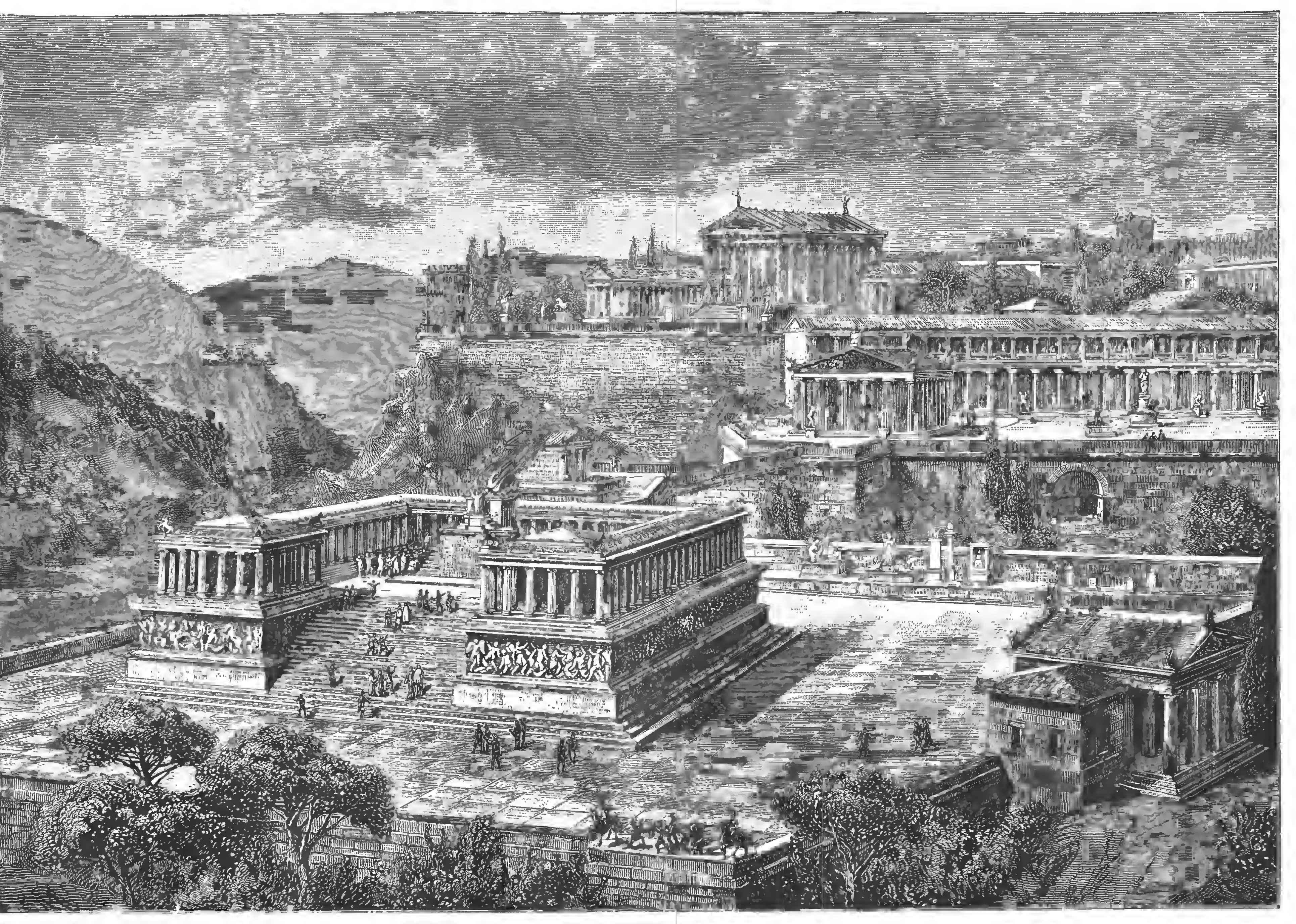
— Ну, прощай Куанъ-Кеба, прощай старуха, прощай Ли-фу, проговорилъ Фу-чанъ, послѣ короткаго молчанія. Пойдемъ Ляй домой!..

И Фу-чанъ направился, въ сопровожденіи племянницы, вонъ изъ фаньцзы. На порогѣ онъ пріостановился и какъ то вскользь проговорилъ:

— Куанъ-Кеба, пусть сынъ твой шлетъ сватовъ... Теперь я не прочь отдать Ляй за него...

Черезъ недѣлю, Ляй уже перебралась въ фаньцзу Куанъ-Кеба, какъ законная жена Ли-фу, который внесъ за нее Фу-чану двадцать телей... На остальные сто телей (найденный корень удалось продать за 120 телей) Ли-фу сдѣлался купцомъ...

КОНЕЦЪ.



Храмы и общественныя зданія гор. Пергама и его исполинскій жертвенникъ, во второмъ вѣкѣ до Р. Хр. Видъ реставрированъ проф. Фр. Тиршемъ. Рис. и грав. М. Рашовскій.

Запорожская сѣчь. Казаки въ лѣсу слушаютъ кобзаря. Ориг. рис. Н. Зиновьева. грав. Флюгель.

Самопомощь и страхованіе жизни.

Очеркъ **В. Г. Лаврентьева.**

По значительности развитія, которое послѣднее время повсемѣстно принимаетъ дѣло страхованія жизни, объему дѣятельности, представленному законодательствомъ страховымъ учрежденіямъ, извѣстной пользѣ, которую приноситъ дѣло страхованія жизни,—не безъинтересно остановиться на разсмотрѣніи этого дѣла.

Первые и самые отдаленные слѣды дѣла страхованія мы находимъ еще въ половинѣ II вѣка, когда римскимъ префектомъ Ульпіаномъ было составлено нѣчто подобное таблицѣ смертности, которая, какъ и всѣ послѣдующія, лежатъ въ основѣ дѣла страхованія жизни. Столь развитыя въ то время погребальныя кассы, куда всѣ участники вносили извѣстную плату для погребенія, какъ самихъ себя, такъ и своихъ родственниковъ, подало идею пр. Ульпіану позаботиться и о живыхъ, или о ихъ наслѣдникахъ, но, не смотря на это, ни въ римской, ни въ греческой исторіи мы не находимъ ясныхъ признаковъ существованія обществъ страхованія жизни, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это дѣло теперь.

Нѣчто болѣе опредѣленное встрѣчается лишь въ половинѣ XI столѣтія (1066 г.) у славянъ подъ именемъ артелей, дружинъ и братчинъ и затѣмъ позднѣе, въ 1330 г., у германцевъ подъ именемъ цеховъ и гильдій, причемъ страхованіе, какъ въ тѣхъ, тахъ и другихъ, касалось уже не только необходимыхъ суммъ на погребеніе, но вообще, участники артели, дружины или цеха, помогали своимъ соучастникамъ и въ другихъ случаяхъ.

Почти одновременно были учреждены и „Страхованія для путешествующихъ“, или страхованія на случай плѣна, для предоставленія выкупа. Но послѣдній родъ страхованія, не смотря на всю раціональность основной идеи, вскорѣ принялъ вполнѣ азартный характеръ, причемъ уже стали играть на жизнь, или вѣрнѣе на смерть, извѣстныхъ личностей, что повлекло за собою цѣлый рядъ запретительныхъ указовъ подлежащихъ правительствъ.

Идя далѣе, мы находимъ въ XVII вѣкѣ вполнѣ выработанную систему страхованія, извѣстную, и отчасти примѣняемую и до сего времени, подъ именемъ „Тонтинъ“. Нѣкто Лоренцо Тонти, извѣстный итальянскій врачъ, жившій въ Парижѣ, предложилъ въ то время не лишенную интереса, комбинацію, основанную на томъ, что значительное количество лицъ, соединившись вмѣстѣ, условливались вносить извѣстную сумму, причемъ проценты на общій капиталъ, въ концѣ каждаго года, раздѣлялись по ровну между всѣми членами кружка, части же, приходящіяся на долю выбывающихъ за смертію, дѣлились между оставшимися въ живыхъ членами.

Развившаяся въ Италіи азартная игра въ рулетку, перенесенная затѣмъ въ Англію, Францію и Германію, побудила лучшіе и серьезнѣйшіе умы ученыхъ математиковъ того времени приложить свои старанія къ открытію какого либо закона, могущаго гарантировать выигрышъ.

Такъ, математикъ Ферма и мыслитель Паскаль положили начало теоріи вѣроятности, которая, какъ основной законъ, уже самостоятельно, не касаясь первоначальной цѣли, заинтересовала непосредственно и другихъ дѣятелей на поприщѣ математики. Такъ, одному изъ нихъ, голландскому ученому математику де-Виту, плодами чуть ли не всей своей жизни, удалось составить извѣстныя таблицы рожденія и смертности, которыя и были примѣнены впервые къ страхованію рентъ и капиталовъ.

Болѣе регулированныя таблицы смертности были выведены затѣмъ математикомъ Вильямомъ Петти изъ его замѣчательнаго труда „О политической арифметикѣ“, изданной въ 1662 году. За ними слѣдовали труды Джона Граунта и наконецъ нѣмецкаго ученаго Гаспара Неймана, издавшаго въ 1692 г. свой замѣчательный трудъ „Данныя о смертности и относительной къ послѣдней пополнительности человѣчества“. Труды Гаспара Неймана были обработаны извѣстнымъ англичаниномъ, математикомъ Халлей, работы котораго побудили уже въ 1698 году основаніе въ Лондонѣ общества „Для обезпеченія вдовъ и для выплаты имъ пенсіи“. Вскорѣ затѣмъ были основаны существовавшія и до нынѣ общества страхованія „Perpetual Assurance“ и „Royal Exchange“.

Въ половинѣ XVIII столѣтія законы о смертности получили новый толчекъ благодаря трудамъ извѣстнаго голландскаго ученаго В. Керсебума и П. Струика, изъ которыхъ послѣдній обратилъ серьозное вниманіе на различіе смертности между мужчинами и женщинами. Вслѣдъ за ними появились таблицы нѣмецкаго ученаго Зюсмильха, извлеченныя изъ его же замѣчательнаго труда „Die götliche Ordnung in der Veränderung des menschlichen Geschlechtes“ *) и которыя, обновленныя профессоромъ Бауманомъ, пріобрѣли себѣ полное право гражданства среди всѣхъ обществъ страхованія жизни.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти труды, во Франціи мы встрѣчаемъ сочиненіе Deparcieux (1746 г.) „О человѣческой долговѣчности“, англичане же Симсонъ и Додсонъ разработали уже тарифы для примѣненія къ страхованію капиталовъ и доходовъ. На основаніи ихъ было составлено въ Лондонѣ общество „The Equitable Society for the Assurance of Life and Survivorships“. *)
Послѣ тонтинъ, о которыхъ мы уже говорили, вопросъ объ открытіи во Франціи обществъ, спеціально и строго занимающихся страхованіемъ жизни, былъ поднятъ лишь въ 1818 году и уже въ слѣдующемъ году указомъ Сената было разрѣшено открытіе общества „La Compagnie Génerale des Assurances sur la vie“.

Первымъ серьезнымъ и вполнѣ независимымъ учредителемъ общества страхованія жизни въ Германіи можетъ быть названъ Эрнестъ Арнольди, которому, благодаря тому уваженію которымъ онъ пользовался въ странѣ, удалось основать „Нѣмецкій національный банкъ для страхованія жизни“, или „Готарскій банкъ“, дѣла котораго, съ самаго его основанія въ 1828 году, пошли вполнѣ твердо. Почти одновременно, т. е. къ 1830 году, относится учрежденіе перваго общества страхованія жизни въ Новомъ Свѣтѣ, а пять лѣтъ спустя, въ 1835 году, т. е. почти полвѣка тому назадъ и учрежденіе перваго страховаго общества для рентъ и капиталовъ въ Россіи, гдѣ дѣло страхованія жизни съ тѣхъ поръ, хотя отчасти и тихими, но тѣмъ не менѣе твердыми шагами шло впередъ до настоящаго времени, когда уже существуютъ четыре большія общества.

Доведя наши краткіе очерки до періода, когда дѣло это вообще повсюду вступило на твердую почву, мы считаемъ возможнымъ сказать нѣсколько словъ о страхованіи жизни какъ о „самопомощи“ со стороны страхующихся и какъ о точной математической наукѣ, которой съ своей стороны пользуются страхующіе, т. е. страховыя общества. Любовь къ семейству, заботы о его благосостояніи, не только при жизни главы дома, но даже и послѣ его смерти, и благоразумная экономія — вотъ два главные нравственные двигателя, могущіе служить, какъ оба вмѣстѣ, такъ и каждое самостоятельно, лучшимъ залогомъ тому, что съ каждымъ лишнимъ годомъ и соразмѣрно тому, какъ свѣдѣнія о дѣлѣ страхованія, въ общемъ и частностяхъ, будутъ проникать въ наше общество, дѣло это будетъ развиваться все болѣе и болѣе.

Если работа, а черезъ ея посредство и пріобрѣтеніе не встрѣчали-бы на пути своемъ какихъ либо пресѣченій и вообще помѣхи, было бы собственно достаточно пріобрѣтать лишь настолько, сколько необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ часто, работа эта, поддерживающая насъ и дорогихъ намъ существъ, прерывается помимо воли человѣка и даже противъ всякаго его желанія, причемъ перерывы эти влекутъ за собою даже полную потерю способности къ производительности. Поэтому каждый нравственный и развитой человѣкъ, вполнѣ понимая и предвидя неоспоримую возможность наступленія и въ его жизни подобныхъ моментовъ, старается, благодаря двумъ уже упомянутымъ качествамъ, присущимъ человѣчеству — прилежанію и экономіи, пріобрѣтать болѣе чѣмъ слѣдуетъ и, соразмѣряя и умѣряя свои расходы, заботиться о будущемъ. Допустимъ, что сила любви къ вашимъ близкимъ настолько сильна въ васъ, что дѣйствительно рѣшившись откладывать извѣстную экономію—вы откладываете ее,—вы даете воспитаніе вашимъ дѣтямъ, чтобы и въ нихъ елико возможно болѣе развить тотъ живой капиталъ, который представляетъ собою каждый человѣкъ могущій работать. Но можете ли вы ручаться, что послѣ первой или второй положенной вами экономіи, какая нибудь неожиданная несчастная случайность не заставитъ васъ покинуть этотъ свѣтъ? Помогутъ ли вашей женѣ ваши незначительныя сбереженія? Довольно ли будетъ вашей женѣ этихъ денегъ, чтобы дать возможность окончить воспитаніе вашихъ дѣтей, поставить ихъ на ноги, и прожить это время безъ сильной нужды,— имѣть кровъ, пищу и не быть поставленной въ необходимость заработывать въ потѣ лица скудныя средства къ пропитанію. Загляните на чердаки и подвалы большихъ городовъ и вы увидите какъ они переполнены бѣдными семьями, видавшими лучшіе годы, пользовавшимися комфортомъ и жившими въ довольствѣ. Вспомните,—развѣ вы сами не наталкивались на примѣры, гдѣ семейства честнаго труженика изъ относительнаго благосостоянія сразу впадали въ самую крайнюю нужду и нищету, вслѣдствіе внезапной смерти главы дома? Но смерть не всегда приходитъ внезапно, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ она является какъ бы заключительнымъ актомъ физическихъ страданій. Но однихъ ли физическихъ? Не много ли страшнѣе для больнаго отца, вполнѣ сознающаго, что ему не поправиться, чувства и опасенія за свою семью!?

Вотъ, для отвращенія вообще случайностей, идущихъ въ разрѣзъ съ построенными нами планами, когда ни сила воли, ни самое сильное желаніе единичной личности не можетъ найти никакого выхода, является къ намъ на помощь уже упоминаемая нами ассоціаціонная самопомощь. Если для одного человѣка, самолично, для составленія какого либо болѣе значительнаго капита-

*) „Божественные законы о непрерывности обновленія человѣчества“.

*) «Equitable» — „Общество страхованія жизни и пожизненныхъ доходовъ“.

ла, при ежегодной сравнительно незначительной экономіи, необходимо много лѣтъ жизни и правильной работы,—благодаря ассоціаціонной самономощи, выражающейся въ настоящемъ случаѣ въ обществѣ страхованія жизни, со всѣми подраздѣленіями и комбинаціями,—невозможное является вполнѣ возможнымъ, и возможнымъ не только по теоріи, но, какъ мы увидимъ ниже, и на практикѣ, какъ основанное на строгомъ математическомъ исчисленіи, на законахъ и изслѣдованіяхъ, признанныхъ всѣмъ ученымъ міромъ и неоспоримость которыхъ можетъ быть доказана каждому, хотя бы и не посвященному спеціально въ математическія науки. По правиламъ, принятымъ всѣми страховыми обществами, основываясь на тарифахъ, выработанныхъ для каждаго года человѣческой жизни, за извѣстную сумму, платимую ежегодно, каждый можетъ, какъ говорятъ „застраховать" извѣстный капиталъ, который выдается его семейству, или кому онъ пожелаетъ, послѣ его смерти. Внесъ ли онъ только одногодичный взносъ или даже двѣнадцатую часть его, т. е. мѣсячный, вносилъ ли онъ приходящуюся сумму цѣлыми десятками лѣтъ, во всякомъ случаѣ, когда бы ни постигла его смерть, тотчасъ же, вся застрахованная сумма будетъ выдана наслѣдникамъ его, или лицу, по его назначенію, *полностью*.

Что касается до довѣрія къ обществамъ страхованія жизни, то лучшими доказательствами могутъ служить тѣ обстоятельства, что впродолженіи всего времени существованія обществъ страхованія жизни, у насъ, за исключеніемъ Америки, не бывало еще случая, чтобы въ средѣ ихъ встрѣчалось не только банкротство, но и временное денежное затрудненіе. Даже въ самыя бѣдственныя времена, какъ то бывало во время повальныхъ эпидемій, общества эти, съ самой похвальной и завидной акуратностью, безъ малѣйшаго замедленія, выплачивали по своимъ контрактамъ и обязательствамъ.

Такъ, въ 1848 году, когда вопросъ о страхованіи жизни, у насъ въ Россіи, только что еще прививался, и потому дѣятельность общества еще не могла такъ рельефно выдѣляться, во Франціи, не смотря на то, что всѣ лучшія денежныя бумаги и государственныя ренты упали чуть ли не на 50%, значительное же число кредитныхъ учрежденій и правительственныхъ сберегательныхъ кассъ было закрыто, страховыя общества—безъ задержанія, не только выплачивали приходящіяся имъ громадныя суммы по страхованію на случай смерти своихъ кліентовъ, но даже безапеляціонно предоставляли всѣмъ пайщикамъ право получать ссуду подъ ихъ полисы, въ вышесказанномъ количествѣ, чѣмъ, въ то время, почти одновременно начало пользоваться большинство застрахованныхъ.

Насъ могутъ спросить, чему можно приписать подобное явленіе—отвѣтимъ тому,—что въ то время какъ всѣ банковыя операціи основаны, при всѣхъ видимыхъ гарантіяхъ, на вѣрѣ при учетѣ и главное биржевыхъ оборотахъ,—дѣло страхованія жизни покоится на наукѣ и ученыхъ изысканіяхъ, предусматривающихъ комбинаціи и случайности, въ основѣ же всего дѣла лежатъ таблицы смертности, провѣренныя наблюденіями.

Рамки нашего очерка не даютъ намъ возможности распространяться о значеніи и о сущности теоріи вѣроятности, поэтому мы беремъ на себя смѣлость, даже отклоняя пока эту науку, просто на основаніи обыкновенныхъ арифметическихъ задачъ, извѣстныхъ подъ наименованіемъ „правило сложныхъ процентовъ" и „тройнаго правила", доказать нашимъ читателямъ, почему за какія нибудь сотни рублей, вносимыхъ лицами въ общество страхованія жизни ежегодно, послѣднія, безъ малѣйшаго ущерба для себя, въ состояніи уплачивать цѣлыя тысячи при смерти застрахованнаго. Такъ соображалъ ли когда нибудь нашъ читатель, что изъ 1000 рожденныхъ до 20-го года доживаютъ только 491 человѣкъ, къ сорокъ пятому же году остается въ живыхъ только 339 человѣкъ?

Извѣстно ли нашимъ читателямъ, что 1000 рублей, которые страховое общество должно будетъ отдать застрахованному черезъ 20 лѣтъ, со дня заключенія контракта, представляетъ обществу, въ моментъ подписанія условія, капиталъ не въ 1000 р., а только сумму въ 376 р. 90 к.?

Извѣстно ли имъ, что внося 100 р. ежегодно, впродолженіи 20 лѣтъ, они будутъ имѣть уже не 2000 р., а 3471 р. 93 к. Совершенно ли ясно имъ, что желая получить хотя бы по 100 р. ежегоднаго дохода впродолженіи 20 лѣтъ, необходимо имѣть лишь 1246 р. 23 к. основнаго капитала, а не 2000 руб., какъ могло бы казаться, откинувъ ежегодные проценты. Присоединивъ къ этимъ даннымъ, являющимся простымъ арифметическимъ произведеніемъ, добытыя наукой таблицы смертности, мы можемъ придти къ убѣжденію, что расчетъ страховыхъ обществъ совершенно ясенъ, и въ дѣятельности ихъ все понятно, все расчитано и правильно. Способность же этихъ обществъ для скопленія капитала, долженствующаго быть выплаченнымъ застрахованному, имѣетъ на своей сторонѣ положительно всѣ преимущества передъ тою же способностью, присущею каждой единичной личности. Въ дѣйствительности для каждаго единичнаго индивидуума нѣтъ положительной возможности опредѣлить свою собственную долговѣчность, почему въ немъ никогда не можетъ быть и увѣренности, что онъ успѣетъ скопить нужную для обезпеченія его семьи сумму. Для страховаго же общества эта увѣренность существуетъ положительно, потому что оно имѣетъ дѣло не съ одною только личностью, а съ тысячами и десятками тысячъ, причемъ, кромѣ того, общество, работая не съ однимъ, а тысячами, имѣетъ постоянную возможность высчитать, что столько то и столько то лицъ, по среднему выводу, должны прожить столько то и столько то лѣтъ, мѣсяцевъ и даже дней. Поэтому то для таблицъ смертности нѣтъ извѣстнаго лица, нѣтъ единичнаго индивидуума, для нихъ всѣ равны, и разница существуетъ лишь въ годахъ ихъ рожденія.

Разсматривая затѣмъ всѣ комбинаціи, которыя предлагаютъ намъ общества страхованія жизни, мы видимъ слѣдующее. Первая и самая простая комбинація заключается въ страхованіи извѣстнаго капитала на случай смерти. Этотъ родъ страхованія построенъ такимъ образомъ, что имъ могутъ пользоваться всѣ, какъ люди со средствами, такъ и весьма небогатые, чтобы застраховать на случай смерти, своимъ близкимъ, соотвѣтствующую ихъ средствамъ сумму. Напримѣръ, экономія въ 30 или 33 к. въ день сравнительно ничтожна; а между тѣмъ, съ этой экономіей человѣкъ, даже очень небогатый, можетъ оставить своему семейству 5000 р. Сколько времени необходимо чтобы изъ этихъ 30—33 к. въ день, при личной экономіи, составить 5000 р. Простой расчетъ покажетъ намъ что около 45 лѣтъ. Проживетъ ли столько отецъ семейства, имѣющій 30 лѣтъ отъ роду?—Если даже и проживетъ,—хватитъ ли у него терпѣнія и выдержки, ежедневно, ежемѣсячно, ежегодно и цѣлыми десятками лѣтъ откладывать, копить и не тратить скопленныхъ денегъ.

Все вышеприведенное касалось страхованія „на жизнь", т. е. выплаты застрахованной суммы по смерти застрахованнаго въ пользу его наслѣдниковъ, но предположимъ, что кто нибудь, проникнувшійся идеей пользы страхованія кромѣ обезпеченія своихъ близкихъ, послѣ своей смерти, пожелаетъ и лично самъ воспользоваться плодами своихъ сбереженій при достиженіи имъ извѣстнаго возраста, когда онъ захотѣлъ бы отдохнуть отъ трудовъ въ пріятномъ „dolce far niente",—онъ можетъ удовлетворить и этому желанію, заключивъ смѣшанное страхованіе, по которому застрахованная сумма будетъ ему выдана, или лично самому, при достиженіи имъ назначенныхъ лѣтъ, или его наслѣдникамъ—тотчасъ послѣ его смерти, если таковая послѣдовала ранѣе опредѣленнаго срока.

Разсматривая слѣдующую затѣмъ группу страхованій—спеціально „на доживтіе", мы видимъ, что таковое даетъ родителямъ возможность застраховать извѣстныя суммы для своихъ дѣтей въ видѣ приданаго. Въ нашъ меркантильный, сухой вѣкъ, мы встрѣчаемъ сотни примѣровъ, гдѣ прекрасно воспитанныя дѣвушки изъ хорошихъ семействъ потому только не выходятъ замужъ, что у нихъ нѣтъ приданаго, соотвѣтствующаго настоящимъ потребностямъ.

При страхованіи на воспитаніе дѣтей отецъ можетъ за какіе нибудь 44 руб. въ годъ застраховать своему сыну по 300 руб. въ годъ для прохожденія университета, т. е. съ 19 до 24 лѣтъ, или за 155 руб. ежегодно тѣже 300 руб. въ годъ для школьнаго періода отъ 10 до 19-ти-лѣтняго возраста.

Вдовья пенсія особенно удобна для сыновей заботящихся о престарѣлыхъ матеряхъ своихъ или мужей желающихъ на случай своей смерти оставить женамъ не капиталъ, а ежегодный доходъ. Такъ всего, приблизительно, за 60 р. въ годъ сынъ можетъ оставить своей шестидесятилѣтней матери пожизненный доходъ въ 600 р. Тридцатипятилѣтній мужъ же, внося 150 р. въ годъ, можетъ предоставить своей 25-ти-лѣтней женѣ 500 руб. ежегодно, съ момента когда она останется вдовою.

До какой степени сознаютъ наши европейскіе сосѣди пользу страхованія — самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя. Въ Англіи въ настоящее время дѣйствуютъ 107 обществъ страхованія жизни, причемъ ими застраховано болѣе чѣмъ на 4.400.000.000 рублей полисовъ; въ Германіи существуетъ 38 обществъ застраховавшихъ капиталовъ болѣе чѣмъ на 1.261.890,000 рублей; во Франціи оперируютъ 23 общества, застраховавшихъ на 1.104.068,210 руб.; въ Австріи 24 общества, заключившихъ контрактовъ на 649.401,600 р.; на остальныя страны Европы приходятся около 400.000,000 р.; въ Америкѣ же общая сумма простирается до 3.589.000,000 р. У насъ въ Россіи дѣло это, въ виду весьма малаго еще распространенія свѣдѣній по вопросу о страхованіи жизни и незнакомства ни съ сущностью, ни частностями комбинацій, идетъ довольно туго, хотя за послѣднее время и замѣчается весьма сильное оживленіе, свидѣтельствующее о живомъ интересѣ къ этому вопросу. На дѣйствующія у насъ 4 общества приходится страхованій въ общей суммѣ всего около 88.652,654 руб.

Можно надѣяться, что и у насъ, благодаря усиленной дѣятельности нашихъ обществъ, распространенію свѣдѣній о сущности и задачахъ ихъ — чему мы готовы служить постоянно—равно какъ и обращенію вниманія на вопросы о страхованіи жизни со стороны самой административной власти, въ Россіи дѣло это пойдетъ впередъ быстрыми шагами и русское общество, подобно народамъ западно-европейскихъ государствъ, проникнется идеею пользы страхованія и вступитъ на тотъ серьезный путь „*самопомощи*", который, обезпечивая, какъ насъ самихъ, такъ и намъ близкихъ, отъ возможности нищеты, нужды и разоренія, даетъ намъ спокойствіе и сознаніе, что мы не пренебрегли тѣми средствами, которыя предоставляетъ намъ цивилизація, указываетъ любовь и разумъ, совѣтуютъ экономисты и разрѣшаетъ и освящаетъ законъ.

Къ рисункамъ.

Споліарій въ древне-римскомъ циркѣ.

(Рис. на стр. 132 и 133).

На послѣдней художественной выставкѣ въ Мадридѣ, наиболѣе глубокое впечатлѣніе произвела дѣйствительно талантливо-написанная картина Жуана Луна, удостоенная высшей преміи. Художникъ представилъ въ ней мрачную сцену: ужасный эпилогъ гладіаторскаго боя въ римскомъ циркѣ; представленіе кончилось и сцену очищаютъ отъ загромождающихъ ее труповъ, перетаскивая ихъ крючьями въ такъ называемый Spoliarium, мрачное и печальное помѣщеніе, гдѣ несчастные бойцы находятъ конецъ въ объятіяхъ смерти, покой и свободу. Здѣсь, въ общей кучѣ изуродованныхъ, истерзанныхъ тѣлъ, можно видѣть бойцовъ самыхъ разнообразныхъ національностей: и галловъ, и самнитовъ, и татуированныхъ дикихъ британцевъ, и бѣлокурыхъ сыновъ Рейна и Дуная, и смуглыхъ мавровъ, и даже негровъ изъ внутренней Африки. Но въ этой мертвецкой цирка встрѣчалось много труповъ и природныхъ римлянъ, попадавшихъ въ гладіаторы за преступленія или по собственному желанію и впослѣдствіи также христіанскихъ мучениковъ. Сюда, подъ мрачные своды, освѣщаемые лишь факелами, являлись друзья и родственники погибшихъ и брали ихъ останки для честнаго погребенія. Уборка убитыхъ съ амфитеатра часто происходила и въ антрактахъ представленія; напоенная кровью земля очищалась лопатами и черные рабы посыпали ее свѣжимъ пескомъ. Побѣдители потрясали передъ зрителями своими пальмовыми вѣтвями; люди же, въ маскахъ подземнаго бога Меркурія, подбирали падшихъ; другіе, въ маскахъ Харона пробовали раскаленнымъ желѣзомъ не представляется ли кто мертвымъ, чтобы получить незаслуженную свободу. Мертвые выносились черезъ ворота богини смерти въ споліарій; тамъ же добивали тѣхъ, у кого оставались еще какіе нибудь признаки жизни. И не смотря на страшное, рискованное ремесло, въ римскіе гладіаторы поступали люди совершенно свободные, которые дрались на аренѣ изъ любви къ искусству. Даже женщины, и довольно знатныя, иногда увлекались славой публичнаго бойца и являлись передъ публикой въ костюмѣ гладіатора. Счастливые бойцы могли разсчитывать на хорошее вознагражденіе; кромѣ того они пользовались чрезвычайною популярностью; ихъ воспѣвали поэты, ими интересовались красивѣйшія и знатнѣйшія женщины; ихъ изображеніе красовалось повсюду, во всѣхъ лавкахъ, на кубкахъ и блюдахъ, и на стеклянныхъ сосудахъ. Въ гладіаторскихъ школахъ, гдѣ они посвящались въ тайны своего искусства, ихъ содержали отлично, такъ какъ само правительство заботилось объ ихъ тѣлесномъ благосостояніи. Знаменитые хирурги лечили ихъ раны; врачи наблюдали за правильностью соблюденія предписанной имъ діеты. Иногда они наживали громадныя состоянія и удалялись на покой въ какую нибудь собственную виллу, чтобы пользоваться здѣсь желаннымъ миромъ и довольствомъ. Но конечно не таковъ былъ конецъ большинства гладіаторовъ. Жизнь ихъ часто зависѣла отъ каприза кровожадной римской публики, которая требовала отъ бойца, какъ первое условіе, презрѣніе къ смерти. Римскіе бойцы, павшіе на аренѣ, иногда умоляли о дарованіи имъ жизни, подымая вверхъ палецъ; маханье платкомъ со стороны зрителей было знакомъ, что гладіатору даруется жизнь, а переворачиваніе большаго пальца внизъ, означало смертный приговоръ. Жизнь, впрочемъ, щадилась рѣдко, такъ какъ римская публика считала для себя оскорбленіемъ, когда гладіаторъ умиралъ неохотно. Тогда раздавался общій крикъ: „Зачѣмъ онъ такъ боится меча? Зачѣмъ онъ такъ лѣниво умираетъ?“ Тогда наносился послѣдній ударъ и еще теплый, трепещущій трупъ тащили въ споліарій.

Н. С. Соханская-Кохановская. † 13 декабря 1884 г.
По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Да!

(Рис. на стр. 137).

Костюмы начала нашего вѣка. Молодая, влюбленная парочка гуляетъ по только что расчищенной отъ снѣгу дорожкѣ парка, въ свѣжемъ, морозномъ воздухѣ, посреди деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, и хотя зима обложила все кругомъ своимъ бѣлымъ саваномъ, въ юныхъ сердцахъ разцвѣтаютъ всѣ цвѣты весны, звучатъ всѣ ея чудные голоса, блестятъ всѣ ея пестрыя, милыя грезы и думы. Прогулка эта рѣшительна. Долго сдерживаемая страсть юноши наконецъ вспыхнула яркимъ пламенемъ и развилась съ силою, которой онъ самъ дивится. Юноша рѣшился наконецъ сдѣлать предложеніе. И сколько тревоги, смущенія, неувѣренности и страданія на этомъ молодомъ лицѣ! Но дѣвушка, разцвѣтая прелестной, полной любви и нѣжности улыбкой, говорить великое „да!“ И какъ мѣтко выражена художникомъ эта маленькая драма, кончающаяся такъ счастливо, эта, какъ говоритъ Гейне, „Старая исторія, которая вѣчно нова!“

Храмъ Юпитера и Минервы въ Пергамѣ.

(Рис. на стр. 140).

Недавнія раскопки въ Пергамѣ вызвали на свѣтъ цѣлый рядъ самыхъ удивительныхъ остатковъ зданій и произведеній искусства образцы такой пластики, передъ которой меркнетъ вся удивительная скульптура Эллады. Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ясно открывается передъ нами чудный міръ древняго греческаго искусства, идеалы котораго стояли на такой недосягаемой высотѣ. Прилагаемый рисунокъ—приблизительная реставрація профессора Тирша—яснѣе словъ говоритъ объ этомъ періодѣ дивнаго процвѣтанія пластики и архитектуры.

Пергамъ—одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Мизіи въ Малой Азіи. Въ эпоху полнаго разцвѣта родосской школы здѣсь развился самостоятельный, полный удивительной силы отпрыскъ греческаго искусства. Побѣды пергамцевъ надъ галлами воодушевили художниковъ, и они взялись за изображенія эпизодовъ изъ битвъ. Кому не извѣстны превосходныя статуи умирающаго галла, и галла, умертвившаго свою жену, и убивающаго себя, во избѣжаніе плѣна?

Въ недавнее время, во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, берлинскій музей обогатился неоцѣнимыми сокровищами, найденными въ Пергамѣ: огромнымъ горельефомъ, изображающимъ гиганто-махію—борьбу боговъ съ титанами. Теперь изученіе этихъ памятниковъ занимаетъ болѣе всего міръ ученыхъ и художниковъ. Въ хаотическихъ обломкахъ мрамора разбираться не легко, и только постепенно выяснилось взаимодѣйствіе фигуръ Зевса, Аѳины, Геи и прочихъ участниковъ битвы. Окончательнаго вывода пергамскіе изслѣдователи еще не дали, но несомнѣнно установлено одно положеніе, во второмъ вѣкѣ до Рождества Христова, въ періодъ паденія эллинскаго искусства, въ Пергамѣ царила школа, не только съ честью продолжавшая дѣло Праксителей и Фидіевъ, но и внесшая въ исторію искусствъ совершенно самобытные, удивительные элементы; изучать пергамскую школу художникамъ настолько-же необходимо, какъ изучать Ліонардо, Анджело и Рафаэля.

Дивный горельефъ, о которомъ было упомянуто выше, опоясывалъ со всѣхъ сторонъ величественный храмъ, посвященный двумъ покровителямъ Пергама — Юпитеру и Минервѣ, изображенный на переднемъ планѣ нашего рисунка. Построенный въ первой половинѣ втораго вѣка до Р. Х., онъ много потерпѣлъ отъ непогодъ и землетрясеній. Во времена владычества византійцевъ, часть Пергама была обращена въ крѣпость, и нѣкоторые рельефы замурованы. Толстый слой известковаго цемента, залившій ихъ, значительно помогъ тому, что они сохранились до нашихъ дней какъ бы въ футлярѣ. Тѣ обломки, что

Литературный альбомъ. „Чудная картина“. Стих. А. А. Фета. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

нашлись рядомъ, въ грудахъ мусора, конечно подверглись болѣе значительной порчѣ. По многимъ архитектоническимъ подробностямъ нѣмецкіе археологи (особенно Рихардъ Бонъ) съумѣли возстановить предполагаемое зданіе храмовъ,—и конечно весьма близко къ дѣйствительности. Знаменитый храмъ имѣлъ, какъ видно на рисункѣ, видъ четырехугольника; высота каждой стороны его доходила до семидесяти метровъ. Массивный фундаментъ, въ пять метровъ вышины, окаймленный карнизомъ, имѣлъ подножіемъ себѣ три ступени. Посерединѣ храма помѣщалась обширная платформа, съ жертвенникомъ, и изящной іонической колоннадой вокругъ. Входъ въ храмъ былъ съ южной стороны и открывался широкой лѣстницей. Такъ какъ главнѣйшее назначеніе этого храма—было приношеніе жертвъ Юпитеру и Минервѣ, то и называется онъ у археологовъ *Пергамскимъ жертвенникомъ*, въ отличіе отъ прочихъ зданій Пергама. Названіе это по преимуществу основано на словахъ ритора Ампелія, который, описывая чудеса всѣхъ странъ свѣта, между прочимъ говоритъ, что въ Пергамѣ есть жертвенникъ шестидесяти футовъ въ вышину, съ колоссальными горельефами, изображающими битву боговъ. Мраморы, найденные Гуманомъ, подтвердили свѣдѣніе ритора Ампелія. На карнизахъ фундамента были найдены надписи, подтверждающіе сюжетъ: на верхнемъ карнизѣ означены имена боговъ, а на нижнемъ—гигантовъ. Горельефы эти опоясывали храмъ сплошь, и тамъ гдѣ лѣстница прорывала фасадъ, они завертывались на углахъ и шли по бокамъ лѣстницы. Лучше всего уцѣлѣли двѣ главныя группы гиганто-махіи: центромъ одной служитъ Юпитеръ, а другой—Минерва.

Въ рукахъ у бога боговъ эгида; ею онъ поразилъ двухъ титановъ. Третьяго гиганта, обладающаго вмѣсто ногъ змѣями, поражаетъ орелъ Зевса, и ему на помощь спѣшитъ и самъ Кроніонъ. Въ группѣ Минервы обращаетъ на себя вниманіе фигура юноши-титана, который палъ къ ногамъ богини, сдавленный кольцами священной змѣи. Фигура эта общимъ движеніемъ чрезвычайно напоминаетъ классическую статую Лаокоона. И та рука, которая, по мнѣнію археологовъ, вытянута у Лаокоона неправильно кверху, что не соотвѣтствуетъ общему ритму движенія, здѣсь, дѣйствительно, закидывается за голову. Связь этого титана съ Лаокоономъ несомнѣнная. Превосходна экспрессія Геи-Земли, матери Гигантовъ. Ея заплаканное лицо смѣло можетъ конкурировать съ знаменитымъ выраженіемъ скорби на лицѣ Ніобеи.

Въ заключеніе, напомнимъ читателямъ восторженный отзывъ нашего писателя И. С. Тургенева, видѣвшаго пергамскіе обломки въ берлинскомъ музеѣ:

„...Всѣ эти, то лучезарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружіе, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, стройныхъ до музыки,—всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныя движенія членовъ, это торжество злобы и отчаянія, и веселіе божественное, и божественная жестокость — все это небо и вся эта земля — это міръ, цѣлый міръ, передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и благоговѣнія пробѣгаетъ по жиламъ..."

Кто особенно интересуется знаменитыми древностями Пергама, тѣ найдутъ подробности о нихъ въ имѣющей въ скоромъ времени выйти въ свѣтъ „Исторіи искусствъ" П. П. Гнѣдича.

Кобзарь въ Запорожской Сѣчи.

(Рис. на стр. 141).

Среди безконечныхъ гирлъ Днѣпра, среди его глубокихъ лимановъ, корчей и пороговъ могъ свободно плавать лишь одинъ опытный пловецъ, и среди его безчисленныхъ острововъ, топкихъ болотъ и непроглядныхъ камышей могъ не потеряться только тотъ, кто знаетъ Днѣпръ и его долину. Но эта дикость, эта неприступность Днѣпра и привлекали низовыхъ запорожскихъ казаковъ. Здѣсь, за неприступными порогами, среди безчисленныхъ острововъ, непроходимыхъ камышей, вѣковыхъ лѣсовъ; здѣсь, въ безплодныхъ и знойныхъ поляхъ и дикихъ степяхъ удальцы находили себѣ надежное убѣжище для свободнаго и привольнаго житья. „Сѣчь—мати, а великъ лугъ—батько!" говорили они. Сюда не могла достигать ни рука вельможнаго пана, ни власть короннаго гетмана, ни даже универсалъ самого короля Рѣчи Посполитой. Здѣсь молодцы не боялись ни набѣговъ татаръ, ни наѣздовъ турокъ. Живя въ своихъ трущобахъ совершенно особенною, замкнутою жизнью, коротая вѣкъ въ „лыцарскихъ подвигахъ", не зная семейной жизни, запорожецъ все таки оставался по прежнему сыномъ нѣжной своей матери—тихой, поэтической Украйны, и приходя въ Сѣчь не могъ отречься отъ своей старой, мирной жизни, гдѣ нибудь въ глухомъ селѣ, когда еще былъ нарубкомъ и любилъ какую нибудь черноглазую Оксану. Любовно и ласково встрѣчалъ онъ каждаго пришлеца съ Украйны, но особенно дорогими гостями были для запорожца бандуристы и лирники, которые своими пѣснями снова возбуждали въ его суровой душѣ нѣжныя, давно забытыя чувства. И вотъ пришлый бандуристъ пѣлъ безродному лыцарю „думу о казацкой жизни".

„Дай же Боже, щобъ казаки пили и гуляли
И казацькой славы не теряли!
Хочь казакъ помре-поляже—
Его слава на вѣкъ не пропаде,
На многіи літа,
До конца вику!"

Пѣлъ кобзарь казаку еще думу „О вдовѣ и ея сыновьяхъ", гдѣ въ трогательномъ разсказѣ передана горькая судьба сыновей, не почитавшихъ своей матери, или пѣлъ о молодецкой смерти юнаго Коновченко—и эти задушевныя пѣсни бродячаго пѣвца слушались съ невыразимымъ наслажденіемъ суровыми обитателями Запорожья. Одна изъ подобныхъ сценъ, когда бандуристъ поетъ въ лѣсу запорожцамъ, жадно схватывающимъ каждый звукъ родной пѣсни, и представлена нашимъ художникомъ.

Н. С. Соханская-Кохановская.

(Портр. на стр. 144).

Недавно (13 декабря) скончалась одна изъ лучшихъ нашихъ писательницъ на хуторѣ Макаровкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., Надежда Степановна Соханская, извѣстная въ нашей литературѣ подъ псевдонимомъ „Кохановская".

Писательница эта не даромъ сама себя назвала „поэтомъ отходящаго быта". Въ ея повѣстяхъ съ яркостью и силою изображался старорусскій провинціальный міръ дореформенной эпохи. Типы и сцены этого міра въ ея повѣстяхъ часто отличаются замѣчательнымъ мастерствомъ изображенія. Талантъ ея былъ своеобразный и сильный. Весь вѣкъ свой прожила она въ своей глуши, въ своихъ милыхъ степяхъ, и умѣла вложить чувство искренней любви къ нимъ въ свои произведенія. Глубоко прочувствованныя картины природы дышатъ у нея истинной поэзіей. Литературную карьеру свою начала она повѣстью „Послѣ обѣда въ гостяхъ", тогда же обратившею на себя общее вниманіе истинныхъ цѣнителей искусства. Затѣмъ „Галлерея портретовъ" еще болѣе усилила ея извѣстность. „Гайка", „Старина", „Рой Ѳеодосій Савичъ на спокоѣ"—все это чудное изображеніе положительныхъ сторонъ стараго житья, патріархальнаго быта старыхъ селъ и усадебъ. Въ 1863 г. вышло собраніе сочиненій Н. С. Кохановской. Позднѣе она уже только изрѣдка дарила публику небольшими произведеніями, и немногія ея вещи, появлявшіяся съ тѣхъ поръ, носили болѣе публицистическій характеръ. Смерть такой писательницы представляетъ замѣтную потерю для русской литературы.

Взрывъ храма въ Якобштадтѣ.

(Рис. на стр. 148).

16-го января, въ 5½ часовъ пополудни, жители городка Якобштадта, Курляндской губерніи, были встревожены оглушительнымъ взрывомъ, который былъ слышенъ и въ расположенномъ по другую сторону Двины мѣстечкѣ Крейцбургѣ. Взрывъ произошелъ въ недавно возобновленномъ заботами состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Прибалтійскаго братства церкви Св. Духа, древнѣйшемъ православномъ храмѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, которой освященъ митрополитомъ Платономъ въ прошломъ октябрѣ. Взрывъ былъ произведенъ надъ однимъ изъ боковыхъ куполовъ. Сила взрыва была такъ велика, что значительная часть церковной крыши была раскрыта, съ купола сорваны покровы и все это разметано по сторонамъ на значительномъ пространствѣ, такъ что обломки дерева, совершенно разбитаго, находили на разстояніи 20 и 30 саженей отъ церкви. Въ сосѣднихъ домахъ отъ сотрясенія полопались стекла. Во время взрыва въ церкви никого не было. Прибѣжавшіе на взрывъ увидѣли передъ собой обезображенный куполъ и крышу; вскорѣ затѣмъ показалось пламя, и вырвавшись почти изо всѣхъ пяти куполовъ одновременно, охватило деревянную церковь съ такою быстротой и силой, что невозможно было и помышлять о спасеніи храма. Съ трудомъ, лишь благодаря необычайному усердію и самоотверженности мѣстнаго священника, удалось спасти главнѣйшіе образа, ризницу и утварь; всѣ предметы пришлось буквально вырывать изъ огня. Священникъ вынесъ, рискуя жизнью, большой образъ Св. Духа уже въ то время, когда весь храмъ стоялъ въ огнѣ. Спасена также икона, принесенная въ даръ храму Августѣйшею Покровительницею Братства, Государынею Императрицею. Къ счастію вѣтеръ дулъ на рѣку, на берегу которой стоитъ храмъ, иначе огонь распространился бы далѣе; громадныя искры перелетали чрезъ Двину и падали въ мѣстечкѣ Крейцбургѣ. Къ 8 часамъ вечера на мѣстѣ величественнаго сооруженія оставались лишь догоравшіе остатки стѣнъ и груды пепла. Взрывъ произведенъ взрывчатымъ веществомъ, притомъ же дѣйствующимъ очень сильно и быстро. Птицы, сидѣвшія на храмѣ, не успѣли улетѣть и ихъ обезображенные, но не обгорѣлые трупы найдены на нѣкоторомъ разстояніи отъ церкви. Нашли что взрывъ произведенъ динамитомъ.

Кѣмъ и съ какою преступною цѣлью совершено это варварское злодѣяніе, покажетъ слѣдствіе. Трудно понять, чего хотѣли достигнуть злоумышленники, такъ какъ они не могли думать, что ихъ злодѣяніе навсегда сотретъ этотъ храмъ съ лица

земли. тѣмъ болѣе что церковь была застрахована. Прискорбное происшествіе это произвело удручающее впечатлѣніе на населеніе какъ Якобштадта, такъ и сосѣдней Риги.

Обсерваціонный постъ въ Тріестѣ.

(Рис. на стр. 149).

Во время послѣдней Австро-Итальянской войны 1866 года, австрійское правительство сильно заботилось о предохраненіи своихъ портовъ отъ нападенія итальянскаго флота. Съ этой цѣлью во многихъ мѣстахъ были заложены торпеды и всѣмъ комендантамъ гаваней была вмѣнена въ обязанность величайшая осторожность. На стр. 149 изображено очень интересное учрежденіе— обсерваціонный или зажигательный постъ военнаго телеграфа. Торпеды расположены на нѣсколькихъ концентрическихъ, довольно близко отстоящихъ другъ отъ друга, линіяхъ; онѣ погружены довольно глубоко и присутствіе ихъ ничѣмъ не обнаруживается на водѣ. Металлическая проволока соединяетъ каждую изъ нихъ съ наблюдательнымъ постомъ, расположеннымъ на возвышенномъ мѣстѣ на берегу, съ цѣлью удобнаго обозрѣнія гавани. Комната для наблюденій довольно обширна, но темна. Въ стѣнѣ находится линза, обращенная на гавань. Свѣтовые наружные лучи попадаютъ въ нее, преломляются и идутъ въ призму, которая направляетъ ихъ на матовое стекло, положенное горизонтально на столъ, занимающій середину комнаты. По извѣстнымъ законамъ оптики, точное изображеніе всей гавани получается на стеклѣ. Черныя точки на стеклѣ показываютъ мѣсто закладки каждой торпеды и обозначены нумерами. отмѣченными на клавишахъ. Достаточно нажать одну изъ клавишей, чтобы соединить соотвѣтствующую торпеду съ электрической баттареей и произвести взрывъ. Дежурный не сводитъ глазъ съ картины, отражаемой на стеклѣ. При приближеніи непріятельскаго корабля къ точкѣ, обозначающей торпеду, онъ нажимаетъ клавишу—и корабль въ одинъ мигъ взлетаетъ на воздухъ. Торпеды закладываются довольно глубоко, чтобы корабли гавани могли безопасно плавать. Такая же точно закладка торпедъ принята большинствомъ европейскихъ державъ и на слѣдуемыхъ мѣстахъ устроены такіе же наблюдательные посты.

Двойныя изображенія.

(Рис. на стр. 149).

Рисовальщики и художники прибѣгали иногда къ оптическимъ иллюзіямъ для сообщенія картинамъ неожиданнаго эффекта, именно „двойнымъ" изображеніямъ. Между старинными эстампами попадаются картинки, изображающія какія нибудь лица, если смотрѣть на нихъ прямо, и совершенно иное, если перевернуть картину низомъ вверхъ. Въ Страсбургскомъ музеѣ находилась картина одного извѣстнаго художника. нарисовавшаго четыре времени года въ видѣ четырехъ головъ, составленныхъ изъ плодовъ. Издали головы имѣли нормальный видъ, но по мѣрѣ приближенія къ картинѣ можно было замѣтить, что всѣ части ихъ составлены изъ вишенъ, яблокъ, винограда и пр. Этотъ способъ писанія картинъ входитъ повидимому снова въ моду. Итальянскій художникъ Гальени нарисовалъ недавно картину, которая, если смотрѣть издали, кажется страшной, мертвой головою, а вблизи оказывается изображеніемъ двухъ прелестныхъ малютокъ, съ собачкой между ними, играющихъ въ куклы.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Швейцарія.

„Хартумъ въ рукахъ Махди; Гордонъ убитъ". Вотъ та ужасная истина, которая теперь подтверждается оффиціально и разносится по всему міру. Многіе въ Лондонѣ сначала отнеслись скептически къ этому извѣстію, но этому скептицизму былъ вскорѣ положенъ конецъ разосланнымъ изъ военнаго министерства откровеннымъ сообщеніемъ о неудачахъ, постигшихъ англійскую армію въ Суданѣ. Въ общемъ извѣстіе произвело сильно удручающее впечатлѣніе. Газеты въ одинъ голосъ требуютъ чрезвычайныхъ, энергическихъ мѣръ. „Вся страна поднимется, говорятъ онѣ, при извѣстіи объ успѣхѣ Махди, и если мы не желаемъ, чтобы всѣ наши войска въ Суданѣ потерпѣли бы такую же участь, какъ генералъ Гордонъ, мы должны двинуть на выручку нашу полную силу. Англія не смѣетъ бѣжать передъ восточнымъ врагомъ. Что же дѣлать? Наша политика ясна какъ день. Мы должны прежде всего и важнѣе всего укрѣпить наши гарнизоны повсюду, включая Индію. И между тѣмъ, не теряя минуты, спѣшить на выручку нашимъ войскамъ въ Суданѣ. Каждый нервъ долженъ быть натянутъ, чтобы доказать, что несчастіе только укрѣпило нашу рѣшимость держать высоко англійское знамя предъ лицомъ каждаго врага". Такъ говорятъ газеты и конечно само правительство сознаетъ, что моментъ дѣйствительно критическій, требующій отъ него громадной энергіи и рѣшимости. Плѣненіе и смерть Гордона, имя котораго произносилось съ уваженіемъ всѣми арабами, и личныя добродѣтели котораго высоко цѣнились какъ Махди, такъ и его приверженцами, можетъ пошатнуть вѣру въ могущество Англіи сильнѣе, чѣмъ всѣ тѣ невзгоды, которыя были испытаны въ Суданѣ англійскимъ вмѣшательствомъ, начиная съ разгромовъ арміи Гикса-паши и Беккера. Въ телеграммѣ лорда Вольселя говорилось, что о судьбѣ Гордона ходили самые разнообразные слухи; между прочимъ, передавали, что Гордонъ заперся съ нѣсколькими греками въ хартумской церкви. Племя шукріевъ перешло на сторону Махди и такимъ образомъ населеніе обоихъ береговъ Нила оказывается враждебнымъ англичанамъ. По слухамъ, ворота Хартума были измѣннически открыты мятежникомъ Тарача-пашею. Хартумъ палъ 26-го января и прибывшій туда 28 января полковникъ Вильсонъ, найдя что городъ уже занятъ непріятелемъ, вынужденъ былъ отступить. На возвратномъ пути, выше Шаблукскихъ пороговъ, пароходъ Вильсона, обстрѣливаемый съ обоихъ береговъ, потерпѣлъ крушеніе и Вильсонъ вмѣстѣ съ войсками высадился на маленькомъ нильскомъ островѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, Вильсонъ и его спутники теперь спасены пароходами лорда Бирзфорса, и Вильсонъ уже прибылъ въ Корти для доклада лорду Вольселею о произведенной имъ рекогносцировкѣ подъ Хартумомъ. На пути, близъ Губата, пароходы подверглись нападенію мятежниковъ, но отбили ихъ.

Заговоръ динамитчиковъ и ихъ адскій планъ сожженія Лондона, посредствомъ одновременныхъ поджоговъ въ разныхъ кварталахъ города, мало-по-малу разоблачается. Такъ, по увѣренію одной изъ лондонскихъ телеграммъ, англійское правительство получило секретное сообщеніе, какъ объ общемъ планѣ заговора, такъ и о примѣтахъ его главныхъ дѣятелей. Въ этомъ же планѣ перечислены казенныя и общественныя зданія, которыя должны быть взорваны и вокругъ которыхъ теперь усилена охрана. Кромѣ того, Джемсъ Джильбертъ Кеппингамъ, арестованный въ лондонскомъ Тоуэрѣ, во время троекратнаго динамитнаго взрыва, оказывается то самое лицо, которое, десять лѣтъ тому назадъ, образовало въ Санъ-Луи школу динамитчиковъ, съ цѣлью навербовать сотню молодыхъ людей, чтобы разрушить всѣ публичныя зданія въ Лондонѣ.

Швейцарія, наконецъ, въ свою очередь, увидѣла себя въ необходимости принять предосторожности противъ анархистовъ, которые въ отплату за гостепріимство, хотятъ отплатить ей динамитнымъ заговоромъ. Такъ, по словамъ бернской газеты „Bund", швейцарскими властями уже приняты чрезвычайныя мѣры для охраны входовъ въ зданіе союзнаго совѣта. Та же бернская газета сообщаетъ, что эти предосторожности были приняты швейцарскими властями не вслѣдствіе какихъ либо угрожающихъ писемъ, сводящихся въ большинствѣ случаевъ къ простымъ мистификаціямъ, а на основаніи важныхъ, доставленныхъ со стороны, разоблаченій. По точнымъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время въ Швейцаріи находится отъ тысячи до двухъ тысячъ анархистовъ, и эта многочисленная шайка безпокойныхъ людей легко можетъ нарушить мирную жизнь кореннаго населенія швейцарскаго союза. если только къ ихъ удаленію не будутъ приняты своевременно мѣры.

Библіографія.

„Родина". Сборникъ для класснаго чтенія. Сост. А. Радонежскій. Изд. 10-е. Спб. 1885 г. Довольно сказать, что книга эта выходитъ десятымъ изданіемъ, чтобы видѣть, что это обстоятельство устраняетъ надобность какой бы то ни было похвалы ей и рекомендаціи: публика сама оцѣнила ее по достоинству. Сборникъ раздѣленъ на три части. Тутъ и статьи, и стихи, и очерки историческихъ лицъ и мѣстностей—все составлено умно и обдуманно. Вышедшее десятое изданіе кромѣ того дополнено нѣсколькими новыми прекрасными статьями.

Каталогъ газетъ, изд. эксп. объявл. Рудольфа Моссе. Лейпцигъ. 1885 г. Этотъ каталогъ составляетъ превосходную, вполнѣ наглядную справочную книгу для помѣщающихъ объявленія. Каталогъ увеличенъ интереснымъ прибавленіемъ: въ немъ помѣщены *уменьшенныя фотографически первыя страницы различныхъ изданій.* Это удачное нововведеніе даетъ возможность ознакомиться съ видомъ той газеты, гдѣ хотятъ помѣщать объявленія. Кромѣ того масса свѣдѣній о книгахъ. Этотъ каталогъ газетъ можно считать весьма важнымъ статистическимъ изданіемъ.

Блюмнеръ. Художественныя ремесла въ древности. 1 отдѣлъ. Античныя искусства въ различныхъ отрасляхъ. 1885 г. Лейпцигъ. Изданіе это, снабженное 130 превосходно исполненными рисунками, даетъ полное представленіе о различныхъ отрасляхъ художественныхъ ремеслъ въ древности. Значительное мѣсто отведено греческимъ ремесламъ, затѣмъ идутъ работы египтянъ. ассирійцевъ, финикіянъ, этрусковъ и римлянъ. Книга эта можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всякаго учащагося художественнымъ ремесламъ или самостоятельно уже работающаго.

Смѣсь.

Дѣйствіе музыки на кровообращеніе. Недавно по этому предмету были произведены опыты, которые дали слѣдующіе результаты: Музыка дѣйствуетъ на кровообращеніе какъ людей, такъ и животныхъ; давленіе крови увеличивается и затѣмъ понижается сообразно тому какъ дѣйствуютъ на слухъ колебанія тона, что повидимому зависитъ отъ раздраженія верхней части спиннаго мозга. Вліяніе музыкальныхъ звуковъ на животныхъ обнаруживается ускореннымъ сердцебіеніемъ. Измѣненія въ кровообращеніи совпадаютъ съ измѣненіемъ дыханія, а послѣднія зависятъ отъ характера музыки. Это отчасти подтверждаетъ теорію Шомета о музыкѣ. Въ своемъ сочиненіи „Музыка какъ средство для здоровья", онъ говоритъ, что она дотоговляетъ на тѣло, что можно сказать, что музыка пронизываетъ всѣ части его подобно тому, какъ электрическій токъ.

Китовое мясо. Норвежскій спекулянтъ пытается ввести китовое мясо въ употребленіе въ пищу. Оно, по его увѣренію, не только питательно, но и вкусно; многіе китоловы употребляютъ его въ пищу, однако громадное количество мяса выбрасывается. Приготовленное надлежащимъ образомъ, оно могло бы служить предметомъ потребленія. Упомянутый спекулянтъ заключилъ условія съ капитанами китоловныхъ судовъ и двумя фабриками, приготовляющими мясо впрокъ и далъ недавно обѣдъ изъ кита. Онъ утверждаетъ, что китовое мясо можетъ быть приготовлено двѣнадцатью различными способами, что оно необыкновенно вкусно и здорово. Нѣкоторыя части животнаго вкусомъ напоминаютъ говядину, однѣ такъ бѣлы и нѣжны какъ цыплята, а изъ другихъ можно приготовлять супъ въ родѣ черепаховаго.

Первыя газовыя трубы. Въ наше время, когда электрическій свѣтъ обращаетъ на себя общее вниманіе, не лишне будетъ вспомнить о первомъ введеніи газа. Объ изобрѣтателѣ его Вильямѣ Мурдокѣ разсказываютъ много анекдотовъ. Кто не видѣлъ его изобрѣтенія, тотъ не хотѣлъ придавать ему вѣры, и даже умные и образованные люди не мало потѣшались надъ новымъ открытіемъ. Какъ можетъ свѣтъ горѣть безъ фитиля? спрашивалъ одинъ членъ парламента, когда рѣчь зашла о газѣ. Сэръ Гумфри Дэви, изобрѣвшій впослѣдствіи электрическую свѣтовую дугу, смѣялся надъ предложеніемъ освѣщать улицы газомъ и спрашивалъ одного изъ предпринимателей, не думаетъ ли онъ воспользоваться церковью Св. Павла въ Лондонѣ какъ газометромъ. Вальтеръ Скоттъ также трунилъ надъ предложеніемъ освѣщать Лондонъ *дымомъ*, но вскорѣ затѣмъ былъ очень доволенъ, что могъ этимъ же дымомъ освѣтить свой домъ въ Абботсфордѣ и придать ему уютность въ зимніе вечера. Когда газовое освѣщеніе было впервые введено въ палатѣ депутатовъ, архитекторъ думалъ, что газъ, пылая, проходитъ по трубамъ и настаивалъ, чтобы, для безопасности стѣнъ, газовыя трубы прокладывались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Можно было видѣть какъ члены палаты въ перчаткахъ осторожно прикасались къ трубамъ и удивлялись, что онѣ не горячи. Въ 1810 году былъ освѣщенъ новымъ способомъ одинъ магазинъ въ Лондонѣ, и знатной дамѣ, зашедшей въ него, такъ понравилось это освѣщеніе, что она пожелала купить висѣвшую на потолкѣ лампу и увезти ее въ каретѣ домой.

Взрывъ въ Якобштадтѣ. Видъ Свято-Духовскаго храма въ Якобштадтѣ до взрыва.
Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

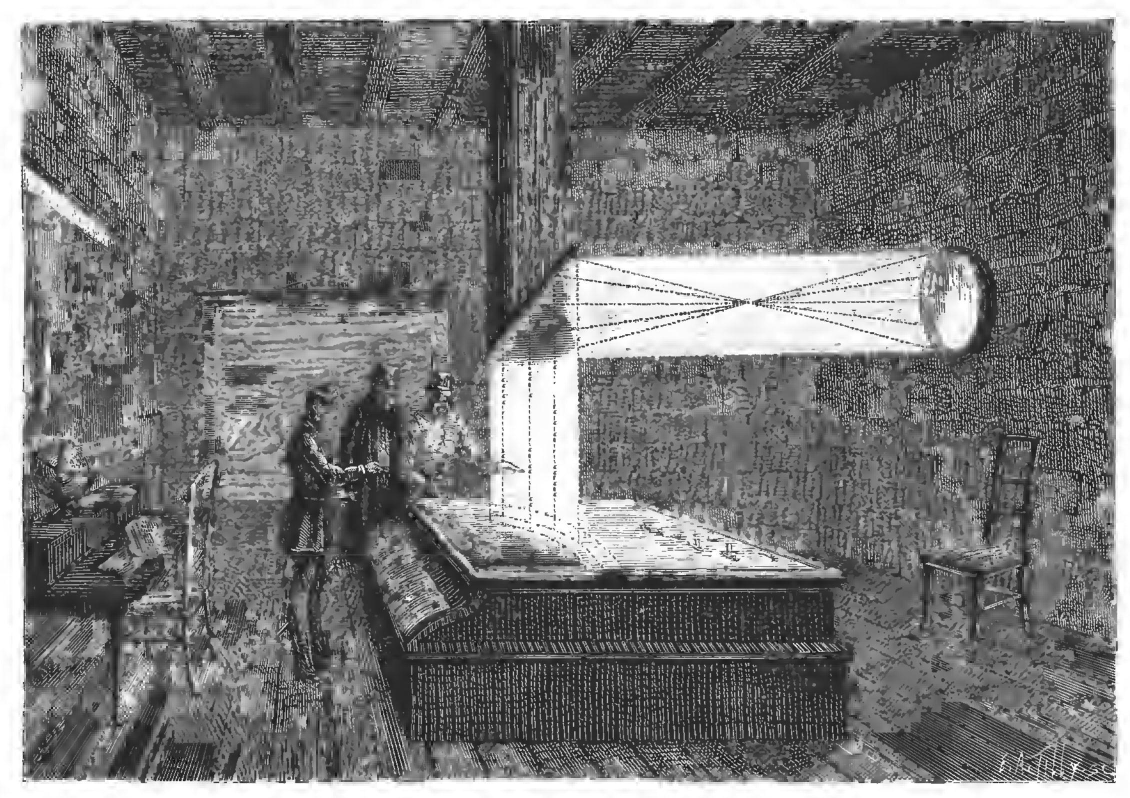
Букеты Макарта, составленные изъ высушенныхъ растеній, цвѣтныхъ метелокъ, травъ и стебельковъ перемѣшанныхъ съ листьями пальмъ, вошли теперь въ моду и нравятся очень многимъ. Не будемъ говорить о красотѣ такихъ букетовъ, но коснемся ихъ гигіеническаго значенія. Въ этомъ отношеніи ихъ можно причислить къ предметамъ, которые легче всего принимаютъ пыль, а такъ какъ пыль это разсадникъ всѣхъ болѣзней, то букеты Макарта можно считать копилками пыли. Букеты эти не выносятъ ни провѣтриванія, ни встряхиванія, такъ какъ теряютъ форму. Кромѣ того около нихъ нужно осторожно ходить съ огнемъ. Сухія растенія вспыхиваютъ очень быстро и вслѣдствіе этого могутъ быть причиною несчастія.

Вавилонская башня въ Парижѣ. Инженеръ Бурдэ, строившіе зданія для послѣдней парижской всемірной выставки, пояснялъ недавно свой проектъ 300 метровой вышины башни съ фонаремъ парижскому обществу архитекторовъ. Рисунокъ этого проекта и описаніе было уже въ 5 № „Нивы" этого года. Фонарь, который будетъ помѣщенъ на самомъ верху ея, будетъ стоять на площадкѣ въ 17 квадратныхъ километровъ; сила свѣта его будетъ равняться 2 милліонамъ горѣлокъ Карселя. Если башня будетъ устроена на площади инвалидовъ, то фонарь станетъ освѣщать весь Парижъ, Булонскій лѣсъ, Нейли и Левалоа до самой Сены. При выполненіи проекта изъ гранита расходы по постройкѣ составятъ 3.120.000 франковъ, при возведеніи же башни изъ желѣза они достигнутъ 14.920.000 франковъ. Интересно, возможно ли будетъ выполненіе такого грандіознаго проекта.

Рой метеоритовъ между Меркуріемъ и солнцемъ. Для объясненія движеній Меркурія, Ле-Верріе призналъ существованіе между нимъ и солнцемъ массы метеоритовъ. Новый разборъ прохожденій Меркурія, предпринятый Ньюкомбомъ, который однако не открылъ ничего новаго, подтвердилъ результаты, полученные Ле-Верріе. Попытки, предпринимаемыя съ цѣлью открытія меркуріальныхъ планетъ, не привели ни къ какимъ удовлетворительнымъ результатамъ. Недавно астрономъ Баушингеръ занимался новыми изслѣдованіями. Дѣйствительно для объясненія неправильностей въ движеніи Меркурія необходимо допустить существованіе между нимъ и солнцемъ планетныхъ массъ. Разстояніе этой массы отъ Меркурія зависитъ отъ ея величины, и наоборотъ. Дѣйствіе массы Юпитера, въ случаѣ нахожденія этой величайшей планеты на поверхности солнца, было бы также сильно, какъ дѣйствіе массы въ 1,280 разъ меньшей, но находящейся на половинѣ разстоянія Меркурія отъ солнца, между тѣмъ какъ масса на $^1/_4$ этого разстоянія, дѣйствіемъ равнялась бы Меркурію. Можно представить себѣ эти массы состоящими изъ такихъ крошечныхъ тѣлъ, которыя до настоящаго времени уходили отъ наблюденія астрономовъ.

Торпеды. занявшія уже важную роль во флотѣ, изготовляются преимущественно берлинскимъ машиностроительнымъ акціонернымъ обществомъ, владѣющимъ въ Кильской гавани мѣстомъ для стрѣльбы, гдѣ именно былъ открытъ способъ предохранять торпеды отъ ржавчины и тѣмъ дѣлать ихъ пригоднымъ для войны оружіемъ. Прежде стальные эти снаряды послѣ употребленія нужно было всякій разъ просушивать, промывать нефтью, смазывать масломъ, послѣ чего слѣдовала сборка отдѣльныхъ частей и малѣйшая неточность дѣлала оружіе непригоднымъ къ употребленію. Теперь торпеды изготовляются изъ рода бронзы, которая подвергается испытанію подъ водою въ теченіи 7 мѣсяцевъ. Торпеды состоятъ изъ 4-хъ частей. Впереди находится заостренная головка съ фитилемъ и зарядомъ, затѣмъ слѣдуетъ секретная часть съ тѣмъ остроумнымъ приспособленіемъ, помощью котораго мина удерживается подъ водою и регулируется ея ходъ; въ третьей части помѣщаются запасы для движущей силы; въ этомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ фосфорной бронзы и величиною въ нѣсколько миллиметровъ, можно сжать 90 атмосферъ воздуха; наконецъ въ четвертой части находится машина съ тремя цилиндрами, регулирующая силу движенія и переносящая ее на два винта въ задней части. Чрезъ заднюю часть съ вертикальнымъ и горизонтальнымъ веслами двухъ винтовъ, двигающихся въ противо-

Двойное изображеніе. Черепъ и дѣти. Рис. Гальени, грав. Тилли.



Тріестъ. Обсерваціонный постъ для наблюденія надъ судами и торпедами гавани. Рис. и грав. Тилли.

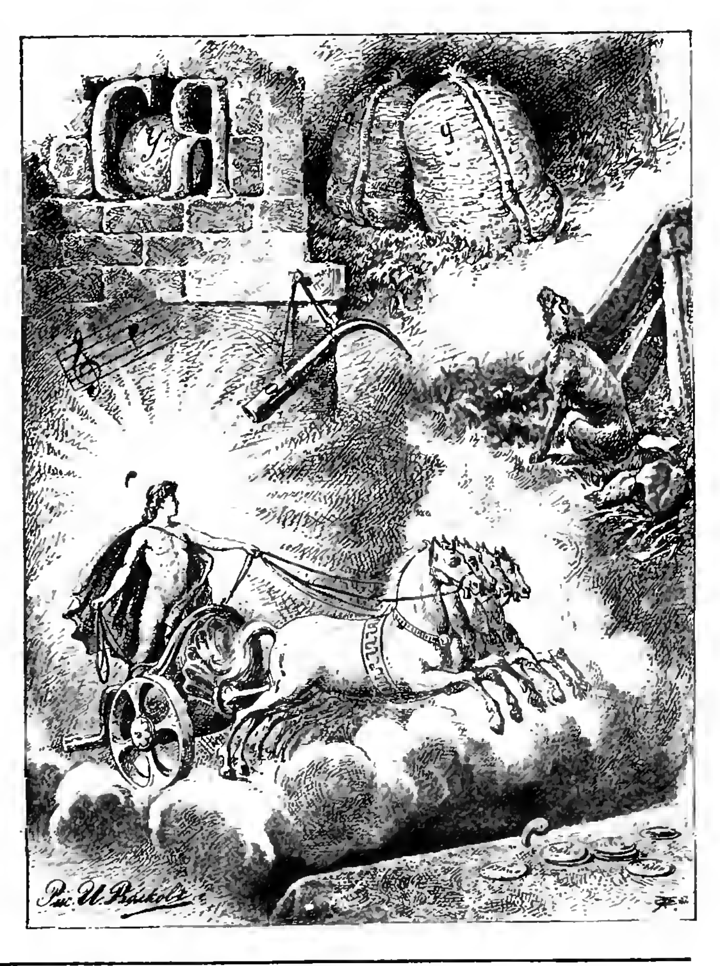
положиомъ направленіи, и чрезъ счетные аппараты, проходитъ полый цилиндръ, пропускающій воздухъ. Каждая торпеда испытывается при 130 атмосферахъ, но имѣя 90 атмосферъ, она проходитъ въ часъ 24 морскія мили и можетъ пройти 1000 миль. Торпеда ставится обыкновенно на глубинѣ 3 метровъ, съ цѣлью повредить остовъ корабля.

Изъ Кореи. Три чиновника Британскаго консульства въ Іокагамѣ сдѣлали недавно сообщеніе о Кореѣ, которое проливаетъ совершенно новый свѣтъ на эту страну. Они пишутъ, между прочимъ, что въ горахъ Кореи нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія драгоцѣнныхъ металловъ и что жители страны не носятъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ украшеній. Такимъ образомъ пущенный слухъ о богатыхъ рудникахъ оказывается неосновательнымъ и придуманъ былъ вѣроятно для того, чтобы возбудить большій интересъ къ этой новой странѣ.

Жители Кореи живутъ въ большой нуждѣ. Налоги такъ велики, что простолюдины по необходимости должны довольствоваться очень малымъ. Рисъ составляетъ главный предметъ питанія корейца; другіе продукты они употребляютъ почти всегда въ испорченномъ видѣ. Живутъ корейцы въ бѣдныхъ, грязныхъ хижинахъ; торговля въ странѣ ограничивается продажею дровъ и самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ. Зеулъ, главный городъ Кореи, не имѣетъ ни цырулень, ни купаленъ и никакихъ увеселительныхъ мѣстъ. На главныхъ улицахъ лежитъ непролазная грязь, водосточныхъ каналовъ нѣтъ, а о мостовыхъ здѣсь не имѣютъ и понятія. Дома въ Зеулѣ низкіе, въ одинъ этажъ, самой незатѣйливой архитектуры и третья часть изъ нихъ находится въ полуразрушенномъ состояніи. Большія пространства земли, которыя въ Японіи были бы тщательно обработываемы, здѣсь остаются нетронутыми и покрыты безчисленными кладбищами. Изъ Кореи триста лѣтъ тому назадъ Японія получала самыхъ искусныхъ ремесленниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ множество архитектурныхъ развалинъ древняго историческаго періода. Корея представляетъ собой наглядную иллюстрацію матеріальнаго и нравственнаго паденія страны, находившейся въ теченіи долгаго, непрерывнаго времени въ изолированномъ положеніи, подъ гнетомъ завоевателей.

Фотографическая карта неба. Жиль, астрономъ капштадтской обсерваторіи въ южной Африкѣ, по порученію англійскаго адмиралтейства, занятъ въ настоящее время изготовленіемъ карты южнаго неба, включая звѣзды девятой величины. Задачу эту профессоръ Жиль хочетъ разрѣшить при помощи фотографическаго телескопа, при посредствѣ котораго онъ постепенно будетъ снимать отдѣльныя части неба. Послѣ соединенія отдѣльныхъ пластинокъ, онъ надѣется получить точную картину звѣздныхъ группъ. Громадную эту работу профессоръ предпринимаетъ въ сообществѣ только одного помощника. Точно такой же трудъ былъ предпринятъ боннскимъ астрономомъ Аргеландеромъ съ 1852 до 1859 г., причемъ дѣло касалось снятія карты съ сѣверной части неба. Аргеландеръ имѣлъ двѣнадцать помощниковъ, съ которыми онъ наблюдалъ около 300000 звѣздъ до девятой величины. Не смотря на значительное число помощниковъ, потребовалось болѣе семи лѣтъ для классификаціи всѣхъ звѣздъ. Теперь быть можетъ потребуется половина этого времени для полученія точной карты южнаго неба. До сихъ поръ были изслѣдованы только самыя незначительныя отдѣльныя части южнаго неба.

РЕБУСЪ. Задача № 6.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы" проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

НОВАЯ КНИГА:

ПРИЧИНЫ

ПЛОДОРОДІЯ НАШЕЙ ПОЧВЫ И ИХЪ СВЯЗЬ

СЪ МЕТОДАМИ ЕЯ ВОЗДѢЛЫВАНЬЯ.

Общедоступная лекція

И. ЯРОВАГО.

Съ пер. 1 р. Складъ изданія у автора: Царицинъ, Саратовск. губ., уг. Царицинской и Пушкинской ул. д. Сонолова, Ивану Александровичу ЯРОВОМУ. № 3882.

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ только наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18 4

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга: № 3879 1—1

„НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ".

Разсказы и очерки изъ жизни въ Уссурійскомъ краѣ.

А. Я. МАКСИМОВА.

Цѣна 2 руб. Для подписчиковъ журнала „Нива" 1 р. 25 коп. съ пересылкой. Съ требованіями обращаться къ автору: въ г. Кронштадтъ, Красная ул., домъ Буннера.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА

Спасско-Казанскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Татьяна Васильевна Макарова, живущая по Ново-Адмиралтейской Набережной д. № 2, ежедневно отъ 5 до 7 час. принимаетъ пожертвованія вещами, старыми и новыми, и деньгами въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. № 3808 4—3

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

Huste-Nicht

Gericht geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).

Признанъ за лучшее средство противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная съ простаго катарра до чахотки и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3840 10—2 Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

Въ магазинахъ „Новаго Времени" и у др. книгопродавцевъ продается:

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ РЕБУСА.

Колосова и Озеркова. 10 печати. лист. съ 25 рис. въ текстѣ и 12 ребусами въ приложеніи. Ц. 75 коп. № 3881 1—1

Складъ въ СПБ., Манежный пер., № 7, у С. Д. Лермонтова. Иногородные, обращаясь въ складъ, могутъ присылать, вмѣсто денегъ, почтовыя марки.

28 и 29 МАРТА 1885 года будетъ розыграна ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ

XXXIV ЛОТЕРЕЯ

Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

Выигрышей 500 на сумму 25000 руб.
Первый выигрышъ брил. серебр. вещами № 3839 10000 руб. 10 3

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва, Собачья площадь, д. Каренина.

ВМѢСТО 4—3 РУБ.

ПРОДАЕТСЯ ПОВАРЕННАЯ КНИГА

Подарокъ молод. хозяйкамъ.

Сост. Елена Малоховецъ.

Изданіе 9-е, исправленное и дополненное; цѣна въ сафьяновомъ переплетѣ 3 р. 25 к., за пересылку прилагаютъ 50 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ В. В. Лепехина. С.-Петербургъ, зданіе Городской думы, № 5, входъ съ Думской ул. № 3880 1—1

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 3857 6—2

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

ГРАНИТЪ

лучшихъ сортовъ, обдѣланный и не обдѣланный, доставляется до СПБурга во всякое время года

Вильманстрандскою каменоломнею № 3843 4—2

Э. ВИКБЕРГА.

Адресъ: Финляндія, г. Вильманстрандъ, а для СПБурга, Кирочная ул., № 46, кв. 14.

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. Р. Р. № 3328

ВОЛНА ГОДЪ II.

БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Роскошное еженедѣльное изданіе при участіи извѣстныхъ русскихъ художниковъ и литераторовъ.

Историческіе и бытовые романы съ рисунками, множество повѣстей и разсказовъ, стихотворенія, поэмы, анекдоты, каламбуры, справочный листокъ, корреспонденціи, фельетоны, разнообразный отдѣлъ смѣси, **четыре сезона парижскихъ модъ съ картинками и альбомъ цвѣтныхъ узоровъ 20 листовъ.**

Въ каждомъ номерѣ отъ 20 до 30 стр. убористаго текста и художественныхъ картинъ, исполненныхъ красками, въ форматѣ большихъ иллюстрацій на **веленевой бумагѣ**, картины историческаго содержанія, бытовыя сцены изъ русской жизни и рисунки на злобы дня, 300 оригинальныхъ рисунковъ, въ краскахъ.

Годовая премія **большая богато отпечатанная масляными красками на холстѣ картина профессора А. К. Саврасова**

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ".

Двѣнадцать большихъ оригинальныхъ художественныхъ картинъ, въ краскахъ (русскіе историческіе и бытовые сюжеты); подписавшимся до 1-го января, высылается безплатно отрывной календарь цѣною въ 1 рубль.

Подписная цѣна: на 1 м.—1 р., на 6 м.—5 р., на годъ—8 р. съ доставкою и пересылкою. **Подписка принимается** во всѣхъ **библіотекахъ и книжныхъ магазинахъ Россіи**.

Гг. иногородные высылаютъ на имя редакціи: уголъ Леонтьевскаго и Никитской, д. Корфъ, Редакція „Волна". Н. № 3826 2—2

ТИРАЖЪ 1-го МАРТА.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу $^1/_8$% коммиссіи (т. е. 27 коп. съ билета).

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Для срочныхъ постоянныхъ взносовъ допускается 30 льготныхъ дней.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Р. № 3872 3—2

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногороднихъ-порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно.

Банкирская контора

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

Весьма важно для РОССІИ!

Ф. К. ГЕЙНЕМАНЪ. Придворн. поставщикъ. Эрфуртъ.

Горохъ „Предвѣстникъ" (Vorbote) до сихъ поръ самый ранній для огородовъ и полей, 1 марка за фунтъ, почтовая посылка франко 10 марокъ. Рекомендую свой каталогъ, единственный въ своемъ родѣ, содержащій въ 150 страницахъ новѣйшіе и лучшіе сорта сѣмянъ и растеній, сотни иллюстрацій, указанія культуры, росписаніе работъ. Р. № 3889 1 1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія: какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ"

провизора Пинесъ и К°

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.

Съ пересылкой 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор. 2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.

Главный складъ для Россіи Л. Власовъ СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.

„Мозолинъ" только провизора И. Пинесъ и К°. № 3841 10 4

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКІЯ въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

R. № 3886

Новость! Постоянное леченіе воздухомъ и ночью! R. № 3848 3—3

(Всемірный патентъ) Аппаратъ для вдыханія свѣжаго воздуха

ЮЛІЯ ВОЛЬФА

предоставляетъ днемъ и ночью постоянное, облегченное дыханіе посредствомъ носа, исключительно чистаго свѣжаго (или умѣреннаго) воздуха, въ комнатѣ при закрытыхъ окнахъ, не мѣшающій при чтеніи, писаніи, питьѣ, во снѣ, при гимнастикѣ и пр.: предохранительный и врачебный аппаратъ для больныхъ и выздоравливающихъ почти всякаго рода, средство для укрѣпленія тѣла и освѣженія крови для здоровыхъ, для продленія жизни стариковъ и инвалидовъ! Вопросъ вентиляціи упрощенъ: вмѣсто вентиляціи комнатъ непосредственная невольная вентиляція легкихъ посредствомъ свѣжаго воздуха! Аппаратъ устроенъ совершенно безъ резины и можетъ употребляться до 5 метровъ разстоянія отъ окна! Изобрѣтатель лечился съ 1864 года ежегодно въ Эмсѣ, Меранѣ, Фалькенштейнѣ, Ривьерѣ!

Фабрика издѣлій для сохран. здоровья. Гросъ-Герау. (Велик. Гер. Гессенъ.)

ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина. *второе изданіе,* съ 39 рис. автора, большой томъ in 8 — всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к. Подписчики „Нивы" за перес. не платятъ.

ФИСГАРМОНІИ

нвилучшнхъ парижскихъ фабрикъ, по фабричнымъ цѣнамъ.

4 окт.	1 игра,			дубоваго дерева	90	р.
4 „	1 „			пвлисвндр. дер.	100	„
5 „	1 „	1 рег.		дуб. дер.	120	„
5 „	1 „	1 „		палис. дер.	130	„
5 „	1 „	3 „		дуб. дер	140	„
5 „	1 „	3 „		палис. дер.	150	„
5 „	1½ „	7 „	„	„	175	„
5 „	2½ „	11 „	„	„	250	„
5 „	4½ „	18 „	„	„	400	„

Школы для фисгармоніи по 1 р. 20 к. и 4 р.

Гармонифлюты

въ 45 р., 60 р., 75 р., 90 р. и 140 р.

Складныя желѣзныв подстановки для гармонифлютъ 10 р.

Школы для гармонифлють по 75 к и 1 р.

Гармонифлютъ съ органомъ

съ однимъ валомъ, играющимъ 6 пьесъ, 250 р., отдѣльные валы по 30 р и

Фисгармоніи съ органомъ

съ однимъ валомъ, играющимъ 7 пьесъ 300 р., отдѣльные валы по 35 р

АМЕРИКАНСКІЯ ФИСГАРМОНІИ

превосходнаго тона и особенио удобны для духовной музыки и для пѣнія, роскошной и солидной работы, въ 225 р., 300 р., 400 р., 500 р., 600 р., 700 р., 900 р.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

малые ручные по 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р., 3 р. 50 к., 7 р.

Малые заводные, играющіе 2 пьесы 5 руб.

Малые заводи игр. 4 пьесы 9 и 10 р.

Мвлые зааоди. игр. 6 пьесъ 14 и 16 р.

Больш. заводные играющіе

4 пьесы по 20 р., 25 р., 30 р.

6 пьесъ по 28 р., 35 р., 40 р.

8 пьесъ по 40 р., 50 р., 55 р.

12 пьесъ по 69 р.

8 пьесъ съ цитрою 60 р., 65 р., 75 р., и дороже до 150 р.

12 пьесъ съ цитрою 75 р., 90 р.

6 пьесъ съ видимми барабаномъ и колокольчиками 100 р.

8 пьесъ съ видимми барабаномъ и колокольчиками 135 р.

8 пьесъ съ видимми барабаномъ, колокольчиками и цитрою 150 р.

12 пьесъ съ видимми барабаномъ, колокольчиками и цитрою 200 и 225 р.

Піанино съ валами,

на которомъ можно играть какъ обыкновенно на клавіатурѣ или посредствомъ ручки.

Цѣна съ 2 валами, играющими 16 піесъ, 800 руб.

КОНЦЕРТИНО

нѣмецкія по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р. Свмоучитель 75 к. 3 тетради нотъ по 1 р.

Англійскія концертино

по 28 р., 35 р., 45 р., 55 р., 70 р., 100 р., 125 р., 140 р., 200 р. Самоучитель 3 р. Ноты по 60 к., 1 р. 20 к. тетрадь.

Бандоніоны

по 25 р., 35 р., 40 р., 50 р. Свмоучитель 1 р. Разн. ноты.

ГАРМОНІИ.

Самый легкій аиструментъ для игры. На ней можно въ скоромъ времени по слуху или по самоучителямъ играть танцы, мелодіи, пѣсни.

Въ 1 рядъ клапвновъ 2¾ р., 3½ р. 4½ р., 5½ р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 15 р., 20 р., 24 руб.

2 ряда клапвновъ 9 р., 14 р., 15 р., 16 р., 20 р., 24 р., 30 р.

Въ 3 рада клапановъ 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р.

Самоучитель Соколова 1 р.

6 тетрадей нотъ съ танцами, операми, романсами по 75 к.

И всѣ другіе инструменты рекомендуетъ въ громвдномъ выборѣ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Заказы исполняются немедленно и аккуратно.

За пересылку прошу приложить приблизительно.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.

Р. № 3878 1—1

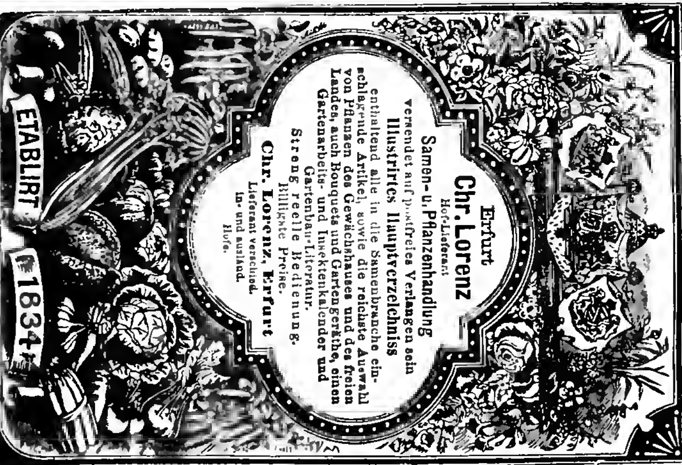
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

заключающій въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ **Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“**, большой романъ графа **Е. А. Саліаса — „Въ старой Москвѣ“**, разсказъ **Я. П. Полонскаго — „Вадимъ Голетаевъ“** и изъ воспоминаній того-же автора — **„И. С. Тургеневъ у себя“**, повѣсть **Д. В. Григоровича — „Недолгое счастіе“**, разсказы **Н. В. Успенскаго „Новые помѣщики“** и **„Привольная жизнь“**, разсказъ **П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“**, разсказы **А. Я. Максимова — „Жертва злому духу“** и **„На соболей“**, повѣсть **П. Петрова — „Багровая пыль“** и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ **Н. Е. Маковскаго „ГУСЛЯРЪ“**.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован.	4 р.	Въ каленк. переп.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	6 „	Съ пересылкою	7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ. въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская. №9; въ Москвѣ — въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, д. Петровскихъ Торговыхъ линій.



R. № 3885

ВЯЗКА

СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.

Р. № 3884 4—1

Образцы и прейсъ-куранты безвозмездно **въ складѣ писчей бумаги**

„АВГУСТА НАУМАНЪ“.

Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

Отъ Совѣта Общества любителей церковнаго пѣнія въ Москвѣ.

Совѣтъ Общества, имѣя въ виду возстановленіе въ богослужебной практикѣ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ переложеніяхъ этихъ напѣвовъ для хора.

1) Для переложеній Общество предлагаетъ по преимуществу мелодіи **ЗНАМЕННАГО БОЛЬШАГО РОСПѢВА** изъ Октоиха и ирмологія синодальныхъ изданій, а также и изъ полнаго обихода пѣснопѣній того же Знаменнаго роспѣва

2) Желательна такая обработка древнихъ пѣснопѣній, чтобы они могли быть употребляемы въ богослуженіи, но не исключаются сочиненія концертныя, содержащія разработку тѣхъ же мелодій.

3) Основная мелодія можетъ находиться въ любомъ изъ голосовъ; количество голосовъ предоставляется усмотрѣнію авторовъ, причемъ желательно, чтобы сопровождающіе голоса приближались по характеру къ самой мелодіи.

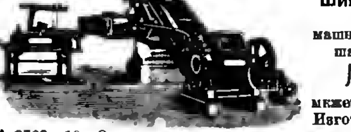
4) За лучшія сочиненія Общество предполагаетъ выдавать **ПРЕМІИ** въ размѣрѣ отъ 50 до 300 руб., сообразно съ достоинствомъ и объемомъ представленныхъ произведеній.

5) Срокъ представленія сочиненій на премію назначается не позже 15-го марта сего 1885 года; выдача же премій не позже 1-го января будущаго 1886 года.

6) Сочиненія высылаются на имя Предсѣдателя Общества, Преосвященнѣйшаго Мисаила, Епископа Можайскаго, въ Москвѣ, подъ девизомъ, съ приложеніемъ запечатаннаго конверта, подъ тѣмъ же девизомъ, заключающаго въ себѣ имя, отечество и фамилію автора.

№ 3864 3—2

7) Общество не беретъ на себя обратную пересылку представленныхъ сочиненій.



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,

ручныя, конныя и паровыя;

машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ

Людвигъ Өеодоровичъ Шликэйзенъ,

инженеръ. Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.

№ 3769 10—8

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ

оптовой и розничной продажи

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ЧАСОВЪ

изъ никелированнаго никеля

ВЪ МАГАЗИНАХЪ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., домъ № 23;

въ Москвѣ: уголъ Кузнецкаго моста и Рождественки, домъ Торлецкаго.

Анкерные, заводящіеся безъ ключа, открытые, больш. или средн. размѣра 14 руб

Такіе же малаго размѣра	15	„
Закрытые больш. или средн. размѣра	16	„
Такіе же малаго размѣра	17	„

ПРИ ТРЕБОВАНІЯХЪ:

отъ 6	до 12	часовъ уступка	5%
„ 13	„ 24	„ „	10%
„ 25	„ 72	„ „	15%
свыше	„	„ „	20%

Упаковка и пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно.

№ 3868 2—1

И. И. ДАУГУЛЯ

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, питомникъ и сѣмянная торговля, существ. съ 1822 г. въ г. Дерптѣ

Лѣтніе, многолѣтніе и именно новѣйшіе и красивѣйшіе цвѣты. Огородныя, цвѣточныя и экономическія сѣмена, фруктовыя дерева и ягодные кустарники, грушовые и оранжерейные розаны, декоративныя дерева и кустарники для парковъ, растенія исполинской спаржи и клубникъ, цвѣточн. луковицы, георгины и проч.

Прейсъ-куранты высылаются желающимъ безплатно.

№ 3883

ОЦИНКОВАННОЕ ЛИСТОВОЕ ЖЕЛѢЗО.

Самый дешевый, лучшій и красивый матеріалъ для кровельныхъ работъ, превосходящій всѣ другіе. Продажа въ конторѣ завода: В. О. 12 линія д. № 15. **АРТЮРЪ дю РІЕТЦЪ.**

Р. № 3876 4—2

Первая частная женская профессіональная школа

А. И. КОРОБОВОЙ.

Съ 1-го сего февраля переходитъ въ новое помѣщеніе: по 1-й ротѣ Измайловскаго полка д. № 18.

№ 3887

Школа принимаетъ заказы на дамскія и дѣтскія платья и исполняетъ ихъ быстро и аккуратно по новѣйшимъ фасонамъ.

Цѣна **дамскаго** платья отъ 1 руб. 50 коп. до 7 руб., **дѣтскаго** отъ 50 коп. до 3-хъ рублей.

Пріемъ ученицъ продолжается.

НЕ МОГУТЪ СПОРИТЬ

никакіе кремы, ни притиранія для женскаго лица — съ достоинствами мамонтоваго мыла. Натуральная бѣлизна, свѣжесть, прозрачность являются послѣ употребленія этого мыла, буквально замѣняющаго собою всѣ косметики. Цѣна 60 к.

МОКРАЯ ПУДРА

не ссыпается съ лица; употребленная разъ въ сутки, оставляетъ на лицѣ натуральную бѣлизну до слѣдующаго дня и уничтожаетъ загаръ. **Цѣна 2 р.**, перес. 50 к. Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ: въ С.-Петербургской химической лабораторіи и у Рубанова; въ Москвѣ: Бунсъ, Кузнецкій мостъ; у Теодоръ, на Кузнецкомъ мосту; въ Харьковѣ, — аптека Груздева и у Юфуда Айвазы; въ Одессѣ, у Гельдера; въ Вильнѣ, у Гружевскаго; въ Варшавѣ, въ магазинахъ Добржанскаго, куда и просятъ обращаться иногородныхъ.

BALSAM COLORADO

Doctor'a Jeffersohn'a.

Прекращаетъ выпаденіе волосъ, укрѣпляетъ ихъ корни, перхоть исчезаетъ въ одинъ разъ, волосамъ придаетъ прекрасный ростъ, блескъ и мягкость, уничтожаетъ сѣдину постепенно или въ одну ночь, по желанію потребителя.

Цѣна 4 р., перес. 1 р., *въ тѣхъ же магазинахъ.*

№ 3868 5—2

Дозволено цензурою. СПБ. 6 февраля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 7 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 Февраля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Прага. Видъ Малой Стороны. Рис. Кула, грав. Злето.

Малая Сторона въ Прагѣ.

У насъ была уже подробная статья съ рядомъ рисунковъ (1883 года № 8), изображающихъ живописную, богатую своими историческими воспоминаніями и памятниками, Прагу. Какъ исторія, такъ и топографія Праги уже достаточно извѣстны читателямъ нашего журнала,—мы не разъ уже касались этихъ предметовъ въ статьяхъ, посвященныхъ столицѣ Чехіи; теперь же мы ограничимся лишь краткой замѣткой о мѣстности, изображенной на нашемъ рисункѣ—а именно о Малой Сторонѣ Праги.

Малая Сторона Праги лежитъ на лѣвомъ берегу Влтавы, вмѣстѣ съ Градчиномъ и предмѣстьемъ Смиховымъ. Характеръ этой части города совершенно своеобразный; она отличается широкими прямыми улицами, обиліемъ барскихъ, роскошныхъ домовъ и особенной тишиной, составляющей рѣзкій контрастъ съ шумомъ и толкотней тѣсныхъ и кривыхъ улицъ стараго города. Дворцы и храмы представляютъ здѣсь особенно замѣчательные памятники. Главный соборный храмъ во имя Св. Николая—зданіе строго готической архитектуры, украшенное внутри многими цѣнными произведеніями чешскихъ и итальянскихъ художниковъ. Малая Сторона можетъ гордиться еще нѣсколькими другими церквами и монастырями, обладающими разными рѣдкостями искусства. Среди дворцовъ вельможъ особенно выдаются: палаццо графа Туна, построенный въ итальянскомъ вкусѣ, Валенштейна, величественные дворцы князя Фюрстенберга, Колаврата, Лихтенштейна, Постица, Хоринскаго и другихъ знаменитыхъ родовъ, изъ которыхъ уже многіе утратили и свою старую славу, и богатство. Къ Малой Сторонѣ причисляется также и островъ весь застроенный домами и лишь узкимъ рукавомъ Влтавы отдѣленный отъ берега. На главной площади Малой Стороны красуется памятникъ фельдмаршала графа Радецкаго, родомъ чеха. Памятникъ былъ поставленъ въ 1858 году на общественный счетъ; фигура суроваго воина, работы Макса, въ высшей степени величественна и эффектна, а пьедесталъ очень красиво обставленъ группами солдатъ разнаго рода оружія. На Стефанской площади пирамида во имя св. Троицы, воздвигнутая въ 1715 году, въ память мора, опустошавшаго въ 1713 году Прагу. Кромѣ того, на Мальтійской площади статуя св. Іоанна Крестителя съ тремя ангелами, поставленная іоанитскимъ орденомъ въ началѣ прошлаго столѣтія.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XVI.

Домъ покойнаго Федора Петровича Горкина принялъ торжественно праздничный видъ.

На всѣхъ дверяхъ повѣшены были ярко цвѣтныя ситцевыя драпировки, шторы на окнахъ сверкали своею безукоризненною бѣлизною, свѣжо покрашенные, только что просохшіе полы, слегка попахивали масляною краскою; на всѣхъ подоконникахъ стояли букеты цвѣтовъ; потолки выбѣлены заново и каждая паутинка была тщательно убрана. Спальня Нади выглядывала просто игрушкою и благоухала... Нога утопала тамъ въ мягкихъ, туземныхъ коврахъ, прикрытыхъ на проходахъ узкими холщевыми дорожками.

Садъ подчищенъ и выметенъ; гдѣ только глинобитная стѣнка поразмылась и обвалилась, вездѣ выведена заново. На клумбахъ и грядкахъ пестрѣли цвѣты, самаркандскія розы и гвоздики. Дворникъ-сартъ получилъ приказъ надѣть чистую рубаху, и не забыть, что ему, спеціально для даннаго торжества, подаренъ красный полушелковый халатъ и десять аршинъ кисеи на чалму. Глухаревскіе деньщики ходили на цыпочкахъ, поскрипывая густо наваксенными сапогами.

Въ переднемъ углу залы, подъ образами, стоялъ столъ, покрытый скатертью, на немъ хлѣбъ и соль, на фарфоровомъ блюдѣ, двѣ восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ, а посрединѣ образа Богородицы, мучениковъ Федора и Надежды. Въ сторонѣ, на особомъ столикѣ, лежало полотенце съ шитыми концами и тоненькія восковыя-же свѣчки, особенно, въ бумажномъ сверткѣ.

Отецъ Павелъ, въ новой шелковой расѣ, прохаживался по залѣ, расправляя волосы. Иванъ Акимычъ подфабрился и ходилъ козыремъ, Шелобовъ, уже оправившійся съ дороги, по разсѣянности, пришелъ въ томъже засаленномъ кителѣ, но ему замѣтили эту разсѣянность и онъ поспѣшилъ переодѣться...

Дѣвица-акушерка два раза уже подсылала Ползункова узнать: не пріѣхала-ли? Груня, сама шившая драпировки и убиравшая спальню Нади, почему-то не пришла на „встрѣчу"... Кажется, не раздѣляла общаго, праздничнаго настроенія духа.

Совѣтъ друзей порѣшилъ встрѣтить *наслѣдницу* на порогѣ, затѣмъ отслужить панихиду по усопшемъ, потомъ торжественный, благодарственный молебенъ, по случаю благополучнаго пріѣзда, а тамъ уже видно будетъ, что дальше?

Батюшка настоялъ на панихидѣ, Шелобовъ рѣшилъ, что можно. Ему лучше было знать; онъ исполнилъ затруднительную миссію блистательно.

Народъ сталъ уже собираться у крыльца.

— Что же, пускай и они посмотрятъ... Всѣмъ, значитъ, любопытно и радостно! допустилъ это Иванъ Акимычъ.

— Жаль, что Павлуши нѣтъ! говорилъ Василій Ивановичъ.

— Да, и надо же было такъ случиться!.. Совсѣмъ уже не кстати! Пришла очередь, третьяго дня съ „*оказіей*" ушелъ; дня черезъ два, раньше не вернется, сожалѣлъ Иванъ Акимовичъ.

— Прискорбно, но это отъ него не уйдетъ! резонировалъ отецъ Павелъ.—Въ которомъ часу ожидать разсчитываете?

— Да теперь вотъ половина пятаго! съ каждою минутою можетъ подъѣхать... Мнѣ все звонокъ слышится...

Шелобовъ, походилъ, походилъ по залѣ, вышелъ на крыльцо и присѣлъ на ступенькѣ.

Дамы рѣшили, что, во всякомъ случаѣ, Надя обязана первая всѣмъ сдѣлать визиты, и чтобы имъ впередъ не забѣгать ни въ какомъ случаѣ.

— Ѣдутъ-съ! вбѣжалъ деньщикъ.

Всѣ встрепенулись. Иванъ Акимовичъ взялъ со стола блюдо съ хлѣбомъ и вышелъ въ сѣни.

Тревога на этотъ разъ оказалась фальшивою: ѣхала фурштадтская тройка, только что отвезшая по назначенію батальоннаго фельдшера.

— Ѣдутъ-съ, ѣдутъ-съ! снова раздались тревожные голоса и на этотъ разъ, дѣйствительно, въ облакѣ бѣлой пыли, замахали головы пристяжныхъ, замелькала зеленая дуга и подъ нею сѣдые бакенбарды и красный воротникъ стараго инвалида.

— Пожалуйте! первый, по праву, подступилъ къ остановившемуся тарантасу Шелобовъ и на рукахъ вынесъ оттуда Надю, бережно опустилъ ее на площадку крыльца.

— Ишь ты, и впрямь краля какая! послышалось въ толпѣ.

— Съ пріѣздомъ—Надюша... съ пріѣздомъ милая... Началъ было свою роль Иванъ Акимовичъ, передалъ на скоро блюдо съ хлѣбомъ кому то изъ постороннихъ, обнялъ дѣвушку и вдругъ зарыдалъ какъ ребенокъ.

И Надя растерялась и заплакала и съ увлеченіемъ поцѣловала мозолистую руку Глухарева.

Тутъ уже и отецъ Павелъ расчувствовался, благословилъ пріѣзжую обѣими руками и заморгалъ глазами.

— Въ комнаты, въ комнаты! засуетился Шелобовъ.— Ну, что, старина, довезъ благополучно!

— Какъ видите, ваше благородіе—къ сдачѣ готовъ, въ полномъ порядкѣ... Какъ-бы теперь Федоръ Петровичъ порадовались. Царство ему Небесное!

Послѣднія слова онъ произнесъ очень тихо, чтобы Надя, не ровенъ часъ, не услыхала, но та все-таки слышала—и прошептала:

— Бѣдный папа!

Всѣ уже ушли въ комнаты, но двери остались гостепріимно раскрытыми настежь.

— Пріѣхала-съ! стремительно влетѣлъ Ползунковъ въ квартиру дѣвицы-акушерки.

Облачился отецъ Павелъ и началъ служеніе.

Всю панихиду Надя стояла на колѣняхъ и тихо плакала. Горе ея улеглось и приняло ровный, спокойный характеръ... Она молилась горячо, внимательно вслушиваясь въ слова евангелія, и разъ только покосилась въ сторону, словно отыскивала кого то глазами...

Иванъ Акимовичъ стоялъ посреди залы, скрестивъ на груди руки, и подтягивалъ причетнику; Шелобовъ прижался въ самый уголъ и, казалось, ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія панихиды... На него непріятно дѣйствовалъ видъ черной траурной рясы, такъ мало гармонирующей съ веселой обстановкой „дня пріѣзда“.

Силантій стоялъ въ сѣняхъ, вздыхалъ и трясъ своею полусѣлою головою—и тоже подтягивалъ причетнику, стараясь поймать втору.

Отобрали свѣчи, пропѣли послѣднюю „вѣчную память“—отецъ Павелъ поспѣшилъ переоблачиться. На этотъ разъ свѣтло-зеленая съ золотыми галунами ряса весело заблистала на его плечахъ и всѣ вздохнули свободнѣе.

Приложились ко кресту. Батюшка пошелъ по комнатамъ съ кропиломъ въ рукѣ, Шелобовъ несъ чашку съ водою, Иванъ Акимовичъ повелъ Надю подъ руку.

Какъ хорошо, какъ уютно, свѣтло показалось Надѣ ея новое гнѣздо. Она даже вскрикнула радостно, увидѣвъ свою спаленку, и еще разъ бросилась цѣловать Ивана Акимовича.

— Это все Павлуша хлопоталъ, улыбнулся старикъ Глухаревъ.

— А гдѣ же онъ? сорвалось таки съ языка у Нади.

— Въ оказію ушелъ... Вотъ некстати совсѣмъ!.. Вернется, впрочемъ, скоро.

— Что такое оказія?

— А это, знаете-ли, тутъ вѣдь нельзя зря... Тутъ осторожность наблюдать требуется, дальше, по степи. Ежели транспортъ соберется,—ему сейчасъ прикрытіе назначутъ. Вотъ Павлуша и ушелъ съ отрядомъ.

— Верхомъ?

— Верхомъ! Не пѣшкомъ-же идти такую даль.

Иванъ Акимовичъ не проникъ въ тайну этого вопроса.

— Онъ, я думаю, скоро вернется, замѣтилъ Шелобовъ. Обидно будетъ, что безъ него встрѣтили.

— А я его видѣла! хотѣла было сказать Надя, но удержалась. Ей пришло въ голову, что какъ можетъ быть это смѣшно и интересно, когда тотъ пріѣдетъ, его будутъ ей представлять, а она лукаво улыбнется и скажетъ: „мы уже знакомы немного“.—Какъ? гдѣ?.. сейчасъ вопросы пойдутъ, а онъ догадается и покраснѣетъ; ему будетъ стыдно сознаться, что онъ видѣлъ и не догадался, не подъѣхалъ, не заговорилъ... Какъ это будетъ забавно, какъ это будетъ забавно!.. Вѣдь это онъ тогда то именно и ѣхалъ верхомъ въ эту противную оказію. И зачѣмъ я его не позвала?..

Все это быстро промелькнуло въ головкѣ Нади... Передъ нею распахнулась широкая дверь прямо въ садъ. Масса зелени хлынула ей навстрѣчу, согрѣтый воздухъ теплою волною ворвался въ спальню, разнося ароматъ цвѣтовъ. Фигура въ бѣлой чалмѣ и пестромъ халатѣ двинулась къ ней навстрѣчу, съ блюдомъ винограда и персиковъ. Надя попятилась было назадъ, но потомъ протянула ручку и стала кушать...

— А вотъ это и не слѣдуетъ передъ обѣдомъ! замѣтилъ Иванъ Акимовичъ. — Да что же тамъ, не готово что ли? Отецъ Павелъ, ты разоблачайся, да съ нами.

— Весьма благовременно! согласился охотно фортовой батюшка.

На садовой террасѣ загромыхали посудою, и оттуда потянуло жаренымъ.

Всѣ вышли въ садъ, Надя осталась одна въ своей спальнѣ. Надо-же было ей переодѣться и хоть руки помыть, съ дороги. Солдатка Анисья, договоренная Глухаревымъ къ Надѣ въ горничныя, юркая и расторопная бабенка, тоже явилась къ ея услугамъ, съ пирогомъ и поздравленіемъ, новоселья ради.

XVII.

Обѣдъ начался довольно натянуто. Дѣло въ томъ, что у каждаго присутствовавшаго на языкѣ такъ и вертѣлось имя покойнаго хозяина. Не будь на лицо Нади, разговоръ естественно вертѣлся бы на воспоминаніяхъ о Федорѣ Петровичѣ... Покойный незримо присутствовалъ въ средѣ своихъ друзей, какъ бы воплотившись въ красивыя формы своей дочери, теперешней хозяйки. А между тѣмъ каждый считалъ своимъ долгомъ отнюдь „не проврапться“, то есть ни единымъ словомъ не намекнуть на то великое горе, которое переживала Надя.

Всѣ радовались глядя на ея спокойно-веселое, беззаботное личико и боялись нагнать на него неосторожнымъ словомъ печальную сѣрую тучку.

Разсчитывая на слезы, на острый припадокъ горя, отецъ Павелъ приготовилъ было цѣлую проповѣдь, но пока въ этой проповѣди надобности не было и онъ все молчалъ, не отвѣчая даже впопадъ на вопросы, ибо въ это время придумывалъ другую застольную рѣчь и подбиралъ подходящіе тексты.

Шелобовъ молчалъ и ѣлъ, методически запивая яства превосходнымъ квасомъ.

Надя требовала, чтобы Силантій тоже сидѣлъ за столомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, заявивши, „что молъ“ это будетъ совсѣмъ уже „не порядокъ“.

Иванъ Акимовичъ, когда на столъ поставили дымящееся блюдо „плова“, чуть-чуть не проговорился...

— Вотъ эту штуку особенно любилъ пок.... началъ было онъ, покраснѣлъ до ушей и оборвался...

— Бѣдный папа! снова повторила Надя. Какъ бы онъ былъ радъ, какъ бы онъ былъ счастливъ... Гдѣ его мѣсто было обыкновенно?

Дѣвушка произнесла это спокойно, хотя и съ чувствомъ. И тотчасъ же всѣ присутствующіе вздохнули полною грудью.

— А вотъ, Наденька,—тутъ вотъ, гдѣ ты сама сидишь... То бишь, виноватъ, гдѣ вы сидите... отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ.

— Гдѣ *вы* сидите!.. подчеркнула Надя и засмѣялась...

— Привычка-съ! оправдывался тотъ. — Вѣдь вотъ помню еще когда крестили... Росла на глазахъ, да на моихъ рукахъ... Все бывало: Ну-ко ты, Надюшокъ-катышокъ!.. Была ты, то есть, вы,—тьфу, ты! такая кругленькая, наливная... Пузырь пузыремъ...

— А тамъ забыли, прервала его Надя, разлюбили... Уѣхалъ катышокъ, а пріѣхала—дѣвица Надежда Федоровна... Такъ что-ли!!.. Стыдно!

Она укоризненно посмотрѣла прямо въ глаза Глухареву, лукаво улыбнулась и протянула къ нему обѣ ручки.

Древнiе теремные покои во дворцѣ московскаго кремля. Престольная палата.

По фотогр. М. Панова, грав. М. Рашевскiй.

— Дочурка ты моя! вскочилъ съ мѣста старикъ.

Лицо Нади, при этомъ словѣ, засіяло широкою, счастливою улыбкою, слезы хлынули изъ ея глазъ буквально въ два ручья, она вскочила, также порывисто, опрокинула стулъ своимъ движеніемъ и бросилась на шею Глухарева.

И слышали присутствующіе слова: „дочка моя, дочка родная, безцѣнная...“ Слышали и другой голосъ, шепотомъ, тихо, словно въ забвеніи, лепетавшій: „Папа, папочка...“

И не вѣяло грустью отъ этихъ слезъ, ничего печальнаго въ нихъ не слышалось...

А все таки, ни самъ Глухаревъ, никто изъ собесѣдниковъ не поняли истиннаго значенія порыва Нади. Объяснить его себѣ объяснили, да не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ.

— Пророческія напменованія! произнесъ торжественно отецъ Павелъ.

— Дай-то Господи! перекрестился стоящій поодаль Силантій.

Шелобовъ наложилъ себѣ еще полную тарелку и неистово трясъ перечницу, по разсѣянности.

— Радуетъ меня, началъ батюшка, когда все успокоилось и заняло свои мѣста. Радуетъ меня весьма, что въ вашемъ заведеніи священное писаніе преподавалось правильно и неукоснительно. Кто законоучитель былъ-съ?

— Батюшка нашъ! отвѣчала Надя.

— Имя онаго, имя-съ, позвольте узнать, сего настыря достойнаго?..

— Отецъ Александръ.

— Такъ-съ! Доброе сѣмя сѣялось на добрую почву... Духъ кротости и смиренія передъ волею Всевышняго внѣдренъ въ мѣрѣ достаточной. Одобряю!

Подали фрукты въ корзинѣ и поставили передъ приборомъ Нади.

Иванъ Акимовичъ самъ раскупорилъ бутылку шампанскаго, вина, здѣсь рѣдкаго и дорогаго, и сталъ разливать.

— Торжество! провозгласилъ отецъ Павелъ.—Съ пріѣздомъ!

Всѣ стали чокаться.

Глухаревъ шепнулъ что то Надѣ, та засмѣялась и переспросила.

— Такъ?

— Такъ!

— Вынимай на-тропъ! скомандовала она своимъ звонкимъ голоскомъ.

Всѣ расхохотались и взялись за портъ-сигары.

— Совсѣмъ по нашему! заливался отъ души Иванъ Акимовичъ.—Молодецъ, новая хозяюшка!

— Однако, господа! курить и чай пить пожалуйте въ садъ. Тамъ расчудеснѣе будетъ.

Всѣ подошли къ ручкѣ „новой хозяйки“ и стали спускаться со ступенекъ террасы, направляясь къ прудику, гдѣ въ тѣни развѣсистаго карагача, золотомъ сверкалъ дымящійся самоваръ и садовникъ Гайкула разливалъ зеленый чай въ плоскія китайскія чашечки.

XVIII.

Прошло нѣсколько дней.

Надя успѣла уже сдѣлать всѣ нужные визиты. Глухой фортъ не великъ, разстоянія, раздѣлявшія одну квартиру отъ другой, очень коротки и Надя исполнила, требуемые этикетомъ, обязанности пѣшкомъ, подъ руку съ Иваномъ Акимовичемъ.

Вездѣ ее встрѣтили крайне радушно, со всѣми признаками искренности. Новая обитательница Глухаго форта вернулась довольная и счастливая.

Но больше всѣхъ понравилась ей Груня. Та поцѣловала ее какъ то особенно тепло, пожелавъ покоя и счастья, такимъ дружескимъ, проникающимъ въ душу голосомъ, что Надя чуть ей на шею не бросилась.

Въ полчаса обѣ дѣвушки сдружились, словно много лѣтъ росли вмѣстѣ. Только всѣ, кто знали Груню раньше, не могли понять почему это ихъ веселая, живая, простодушная любимица на этотъ разъ какъ будто бы пріуныла, печально такъ смотрѣла своими кроткими глазами, не улыбнулась ни разу, и ходила словно въ воду опущенная.

Иванъ Акимычъ составилъ штатъ новопріѣзжей очень удачно. Главнымъ лицомъ, на обязанности котораго было блюсти весь домъ и отчасти руководить молодою хозяйкою, былъ, конечно, Силантій: это было его неотъемлемое право. Персоналъ женской прислуги олицетворяла солдатка Анисья. Гайкула садовникъ, онъ же и дворникъ, онъ же и поваръ, ибо превосходно приготовлялъ всѣ азіатскія блюда и понималъ уже русскіе вкусы, особенно подъ руководствомъ стараго инвалида, ретиво вступившаго въ отправленіе обязанностей мажордома.

Внѣшняя жизнь Нади стала сразу въ правильныя рамки. Осталось только позаботиться объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, но тутъ уже Надя съ перваго дня засыпана была самыми разнообразными предложеніями въ этомъ родѣ.

Старый Глухаревъ заходилъ къ ней по десяти разъ въ день, справлялся все ли въ порядкѣ, совѣщался съ Силантіемъ о самыхъ пустыхъ мелочахъ; Гайкула изъ кожи лѣзъ, стараясь чтобы и его усердіе не осталось незамѣченнымъ; Анисью нѣсколько разъ зазывала къ себѣ, попить кофейку, дѣвица-акушерка и даже ни за что, ни про что подарила ей рублевую бумажку; Шелобова вызвали въ Аулы, верстъ за пятьдесятъ отсюда, такъ какъ тамъ появилась тигровая чета и стала пошаливать; Павлуша все еще находился въ оказіи, и его поджидали съ часу на часъ.

Однимъ словомъ, все шло превосходно!

— Онъ меня любитъ, онъ меня полюбилъ, не видя и не зная меня, и я его люблю, мечтала она, оставаясь одна, ложась въ свою уютную постельку.

И она дѣйствительно его любила. Молодое, неиспорченное сердце дѣвушки не требуетъ большой подготовки къ восприняттю этого чувства. Она полюбила Павлушу такимъ, какимъ его описывалъ Шелобовъ, такимъ, какимъ она представляла его изъ писемъ своего покойнаго отца. Она его теперь видѣла, и къ покойному, теплому, отрадному чувству примѣшалась жгучая страстность, охватившая все ея юное существо; и Надя безотчетно, довѣрчиво отдалась этой страстности... Вѣдь этого всѣ хотятъ: и *онъ* хочетъ, и она ждетъ не дождется.... „противная, злая, эта глупая оказія!“

И вотъ передъ ея глазами загорается во мракѣ ночи свѣтлое пятно. Это пятно ростетъ, принимаетъ формы... Милыя, дорогія сердцу формы!.. Вотъ *онъ* стоитъ, верхомъ на чудномъ конѣ, весь залитый золотымъ солнцемъ, и на нее смотритъ, и руки къ ней протягиваетъ... Лицо его блѣдно какъ мраморъ, глаза горятъ, его уста шепчутъ слова... никто ихъ не слышитъ, а Надя понимаетъ ихъ смыслъ... Онъ говоритъ: „ну, иди же ко мнѣ, не бойся!.. Я тебя давно жду!.. мое сердце давно тобою одною живетъ и бьется!..“ И она рванулась къ нему, хочетъ идти, хочетъ броситься въ его объятія, повиснуть у него на шеѣ, спрятать лицо на его богатырскую грудь и замереть...

А тутъ ее держатъ невидимыя, злыя руки. Ручей зашумѣлъ и рванулся, загораживая дорогу... Сердито бьютъ волны о камни, дробятся и стонутъ—выше и выше брызжетъ бѣшеная пѣна,—шире разливается недобрый ручей... дальше и дальше отходитъ дорогой образъ.

— Иди-же! чуть слышно доносится призывный голосъ... Какъ ножемъ рѣжетъ сердце Нади этотъ страдальческій звукъ.

— Иду—замираетъ въ ея горлѣ... И она рвется снова и снова въ ужасѣ отступаетъ назадъ...

Воды ручья краснѣютъ, въ воздухѣ пахнетъ кровью... это уже не вода—это... это...

— Барышня, а барышня! будитъ ее осторожно Анисья... Вы бы на правый бочекъ легли!.. не хорошо такъ то вотъ, на спинкѣ...

Проснулась Надя и испуганно протираетъ глазки... и снова засыпаетъ, и снова видитъ воронаго коня и залитаго солнцемъ своего рыцаря... Только теперь онъ уже не молитъ ее ни о чемъ, онъ стоитъ гордо, пропуская мимо стройные полки... Трубятъ трубы, грохочутъ барабаны, словно стальная нива волнуются штыки... Удалая пѣснь несется по вѣтру... и все тише и тише... дальше и дальше...

Опять проснулась Надя... уже свѣтло, солнце высоко, шторы подняты и окно отворено настежь... Анисья свѣжую воду льетъ въ умывальникъ, говоритъ: „съ добрымъ утромъ, барышня!..“ а вдали и на яву замираетъ грохотъ барабана, стихаетъ залихватская пѣсня... только подголосокъ тонкій сюда по вѣтру доносится.

— Имѣемъ честь проздравить! привѣтствуетъ ее Силантій, какъ только Надя показалась полуодѣтая на садовой террасѣ.

— Съ чѣмъ?

— Подпоручикъ Глухаревъ, ихъ благородіе Павелъ Ивановичъ изволили вернуться... перестрѣлочка у нихъ была, только легонькая,—нашихъ, слава Богу, никого не зацѣпило.

Заходило, заметалось въ груди Нади ея молодое сердце, она даже руками схватилась и почувствовала какъ горячая краска бросилась ей въ лицо.

— Сегодня пожалуютъ! замѣтилъ Силантій ея смущеніе и ухмыльнулся.

— Сегодня! повторила Надя и, какъ птичка, порхнула назадъ, въ свою уютную спальню.

XIX.

— Пріѣхала? говорилъ Павлуша, энергично умываясь, плеская водою на всю комнату... Экая досада, право! Папаша, сегодня и съ визитомъ можно?..

— Отчего же нѣтъ! отвѣчалъ Иванъ Акимовичъ... Вотъ позавтракаемъ, да и пойдемъ. Ты пріуберись хорошенько, сапоги надѣнь новые, лаковые.

— Я, папаша, мундиръ надѣну и рубашку крахмальную, съ запонками!..

— И мундиръ надѣнь—отчего не надѣть! соглашался папаша... Пускай видитъ, что у тебя уже Анна есть съ мечами... это хорошо!..

— Фадѣевъ! мундиръ почисти хорошенько!.. Экая, право, досада!..

Шелобовъ забѣжалъ. Онъ тоже сегодня только вернулся.

— Ну, говоритъ, Пашка, твое счастье—смотри не забудь: меня шаферомъ!

— Первымъ дѣломъ! поторопился согласиться Павлуша.

— Такъ вотъ сейчасъ! Нѣтъ, я съ невѣстиной стороны буду, а ты себѣ другихъ подбирай. Огурчикова позови съ Ползунковымъ, они холостые оба. Да, братъ, Ваня, раскошеливайся...

Шелобовъ хлопнулъ Глухарева-отца по плечу, тотъ даже на стулѣ покачнулся.

— За мною, говоритъ, дѣло не станетъ! только пошли Господи!

— Эхъ! вѣдь дернула меня нелегкая на прошлой недѣлѣ на голо остричься! щетина щетиною торчитъ, и помада не беретъ!.. соболѣзновалъ Павлуша, разсматривая себя въ маленькое, походное зеркальце.

— Хорошъ и такъ будешь!.. А перчатки чистыя есть...

— Перчатки?.. Ахъ да! Фадѣевъ! есть чистыя перчатки?

— Есть одна пара, только два пальца прорвамшись!.. Да я сейчасъ, ваше благородіе, цѣлыя помою, пока завтракать станете, попросохнутъ живо.

— Мой скорѣе!

— Послушай Вася, ты скажи откровенно, будь другъ!.. Про меня что она говорила?.. то бишь, обо мнѣ какой разговоръ былъ между вами?..

— Какой разговоръ! усмѣхнулся Шелобовъ,—никакого разговора о тебѣ не было...

— Стоитъ тоже о всякихъ пустякахъ разговаривать, подшучивалъ и Иванъ Акимовичъ.

И его глаза мягко, любовно такъ глядѣли на смущеніе сына.

— Говорилъ я ей, разсказывалъ Шелобовъ. Вотъ у насъ есть богатырь-остолопъ, росту девять вершковъ, безъ малаго. Вы, говорю, Наденька, такихъ и въ кунсткамерѣ не видѣли.

— Ну что за глупыя шутки!

— Ничего не шутки... Ну-ну, не пѣтушись!.. Небось, не продали тебя!.. Такъ это все дѣло подготовили, что хоть сейчасъ иди и кайся! А тамъ и къ отцу Павлу на законный передѣлъ. Батько-то нашъ уже на фурштатскій дворъ бѣгалъ, колесныя втулки подбиралъ, на вѣнцы чтобы годились...

— Ишь ты что придумалъ... Ха-ха-ха! заливался Иванъ Акимовичъ... колесныя втулки!..

— Букетъ бы надо! остановился въ раздумьи Павлуша...

— Это зачѣмъ? Что же ты и впрямь сразу съ предложеніемъ?.. Погоди еще, для приличія, немного, поприсмотрись къ ней, къ себѣ дай поприсмотрѣться тоже... экій прыткій!..

— Шарфъ новый прикажете, ваше благородіе? сунулся въ дверь деньщикъ Фадѣевъ.

— Натурально новый! накинулся на него Павлуша... Да давайте-же, право, скорѣе завтракать... съ двухъ часовъ почи все шли степью, проголодался какъ волкъ... Всего одинъ стаканъ чаю вылокалъ на привалѣ... Вода соленая, мутитъ съ такой, натощакъ-то!

Позавтракали наскоро, но плотно. Любовь нисколько не испортила богатырскій апетитъ Павлуши, вызванный усиленнымъ почнымъ переходомъ.

— Ты одинъ пойдешь? спросилъ Иванъ Акимовичъ сына, когда тотъ пристегивалъ свою гремящую саблю...

— Одному-то какъ будто неловко!.. отвѣчалъ тотъ, не попадая на крючекъ.

— То то, я самъ думаю... одному не того! Я пойду съ тобою и представлю какъ слѣдуетъ быть, по всей формѣ. Шелобовъ, пойдешь?

— Иди, Василій Ивановичъ, пригласилъ и Павлуша.

— Мнѣ зачѣмъ?.. Я вотъ жду киргизовъ, они звѣря должны привезти скоро... Попался мнѣ здоровенный подъ пулю... Самка, да еще съ дѣтенышами... Еле справился!.. Вотъ я за скорнякомъ послалъ, сейчасъ ее раздѣлаемъ, и вамъ свадебный презентъ,—коверъ къ постели чудесный выйдетъ!

— Спасибо, братъ! пожалъ Шелобовскую руку Иванъ Акимовичъ.

— Ишь ты вѣдь какой, укорительно замѣтилъ Павлуша, самъ, уѣзжая, не велѣлъ мнѣ ходить одному, а теперь не могъ меня подождать денекъ... не годится!..

— Хватитъ и на тебя! засмѣялся Василій Ивановичъ... Только, братъ, тебѣ скоро хвостъ пришпилятъ... скажутъ: нѣтъ, монъ ами, ходи щелкай перепеловъ, а туда не суйся, гдѣ, того гляди, самому свернутъ шею... Это для насъ, безотвѣтныхъ бобылей, забава, не вашему брату, женатому!.. Ну, прощай! желаю тебѣ успѣха и полнаго счастья!.. труби „къ атакѣ!“

Вышли изъ дому Глухаревы оба и направились по пыльной улицѣ; прошли мимо воротъ дома отца Павла. Груня стояла въ калиткѣ и смотрѣла на Павлушу изъ подъ руки... Солнце уже очень ярко свѣтило.

— Ишь ты какимъ франтомъ разодѣлся! замѣтила она и плечами передернула.

— Здравствуй Груничка, протянулъ ей руку молодой Глухаревъ... но его протянутая рука такъ и осталась на воздухѣ.

— Здравствуйте-съ, съ визитомъ изволите-съ?.. желаю успѣха-съ! отвѣтила дѣвушка, подчеркивая слова, налегая особенно на окончанія...

— Груничка, что-жь ты сердишься... я право...

— Я вамъ не Груничка, отвернулась та и порывисто добавила:

— Ну, чего же ты остановился и глаза пялишь?!. Видишь, отецъ дожидается! иди къ своей невѣстѣ!..

— Я, Груничка, снова замялся Павлуша... махнулъ рукой и побѣжалъ догонять „папашу“.

А Груня зашла за уголъ, оперлась руками на заборъ, опустила на нихъ свою головку и ея плечи стали судорожно вздрагивать...

— Груня! Груняха! не дури! послышался съ крыльца голосъ отца Павла.

— Есть чего дурить то! отозвалась его племянница, слегка вздрогнувъ отъ неожиданности, и порывисто, слишкомъ уже энергично, принялась снимать бѣлье, просыхавшее на растянутыхъ черезъ дворъ веревкахъ.

XX.

— Надя! Наденька! А вотъ и гости къ тебѣ пришли! громко доложилъ самъ о себѣ Иванъ Акимовичъ.

Надя слышала изъ спальни его голосъ, поняла конечно, какіе такіе гости, заглянула мимоходомъ въ зеркало, зардѣлась и вышла въ залъ, потупивъ глазки.

Павлуша остолбенѣлъ. Его скромная фантазія не могла представить ему образъ дѣвушки такимъ, какой онъ видѣлъ теперь, передъ собою. У него, что называется, духъ захватило... Онъ только кланяться началъ, а языкъ словно связало чѣмъ то крѣпко-накрѣпко... Дорогою онъ все вступительную фразу сочинялъ, такъ это хорошо и складно выходило, а теперь вотъ забылъ... сказалъ: „Имѣю честь...“ и только... и остановился.

Подняла и Надя свои длинныя рѣсницы, взглянула и даже назадъ попятилась.

— Не этотъ же? невольно подумала она. Тотъ сейчасъ войдетъ...

И она пытливо посмотрѣла на дверь.

— Вотъ, позволь представить тебѣ, голубка моя, моего первенца, двинулся къ ней Иванъ Акимовичъ. Прошу любить и жаловать...

И разбилъ этими словами слабую надежду молодой хозяйки.

— Да что съ тобою? продолжалъ онъ заботливо. Ты вѣрно ночь провела худо?.. блѣдная какая... здорова ли, моя милая?..

— Здорова! произнесла Надя и поперхнулась.

А Павлуша стоитъ и молчитъ, глазами какъ то особенно помаргиваетъ.

Въ своемъ новомъ мундирѣ, съ таліей не на мѣстѣ, съ узкими, коротковатыми рукавами, онъ, надо сказать, представлялъ собою фигуру не особенно привлекательную. Сапогъ должно быть жалъ ногу до боли, перчатки, не натянутыя вплотную, образовали на концахъ пальцевъ скрученные сосочки... воротникъ сжималъ горло чуть не до удушья, вызывая на лицѣ неестественный румянецъ, даже кожа на головѣ покраснѣла, сквозь щетину гладко остриженныхъ волосъ...

Эта фигура была такъ мало похожа на то, что видѣла Надя тамъ, въ Бешь-Арыкѣ, она совсѣмъ уже не соотвѣтствовала тому образу, который рисовался ей въ ея грезахъ, который неразрывно сросся съ ея молодымъ, первымъ порывомъ сладкаго чувства...

— Не тотъ! промелькнуло какъ молнія въ ея головѣ.

— Вотъ познакомьтесь хорошенько, улыбался Иванъ Акимовичъ, подводя, правильнѣе подталкивая Павлушу, поближе къ Надѣ. Онъ у меня немного того, диковатъ, а парень добрый! ты съ нимъ не церемонься, пообтеши его хорошенько, пополируй...

— Я съ удовольствіемъ... началъ было и Павлуша.

— Что это, какъ будто не метено еще въ саду?.. взглянулъ Глухаревъ-отецъ въ окошко... Я вотъ, сейчасъ, пойду обзоръ сдѣлать. Да ты, Надюша, не стѣсняйся, ты его хорошенько!.. хе, хе!..

Иванъ Акимовичъ еще разъ подтолкнулъ Павлушу впередъ и вышелъ.

— Садитесь! прошептала Надя, и вдругъ, поступила уже совсѣмъ по институтски, она не ушла даже, а просто убѣжала изъ залы, вскочила въ спальню, захлопнула за собою дверь, даже задвижку защелкнула, сѣла на стулъ, испуганно посмотрѣла кругомъ и заплакала...

А Павлуша воспользовался тѣмъ временемъ и сталъ запихивать за воротникъ свой, вылѣзшій кверху, галстухъ, усиленно мотая головою и вытягивая вспотѣвшую шею.

— Что же вы?.. А гдѣ Надя? озадачился немного Иванъ Акимовичъ входя снова въ залъ.

— Не знаю, папаша! Надичка-съ сейчасъ были и ушли-съ... должно быть что поправиться надо, отвѣчалъ смущенный Павлуша.

— Эхъ ты!.. Молодежь, молодежь! развелъ руками отецъ-Глухаревъ. Оставили ихъ вдвоемъ, а они и растерялись. Фрррь—въ разныя стороны!.. Я думалъ она побойчѣй тебя будетъ... Ну ничего, ничего... Обойдетесь оба... Посмѣюсь же я надъ вами ужо, вечеромъ!..

Иванъ Акимовичъ направился къ спальнѣ и тронулъ за ручку двери.

— Заперлась! проговорилъ онъ. Надя, мы сегодня вечеромъ къ тебѣ чай пить придемъ, Василія Ивановича захватимъ... Слышишь?.. гм!.. Ну, пойдемъ, братъ, домой! собирайся!..

Вышли.

— Вотъ оно, институтское то воспитаніе! резонировалъ дорогою Иванъ Акимовичъ. Оно вѣдь и точно: держатъ ихъ взаперти, только и мужчинъ видятъ, что плюгавые учителишки, да истопникъ. Вотъ оно и дико кажется, съ перваго разу... Это, впрочемъ, хорошо, даже очень хорошо!.. А ты все таки будь поразвязнѣе!.. Вотъ вечеромъ поразскажи ей про охоту, про походъ... Ты поразвязнѣй!.. Небось, съ нашими дамами ты въ карманъ за словомъ не лѣзешь... Ты ея не бойся: она дѣвушка добрая и простая, ласковая и умница... Ты смѣлѣе!..

— Я, папаша, и самъ, право, не знаю, что со мною сдѣлалось... ошалѣлъ совсѣмъ, право слово! оправдывался Павлуша.

— А хороша?! толкнулъ его локтемъ отецъ.

— Царица! вздохнулъ молодой человѣкъ и энергично сорвалъ, наконецъ, съ шеи этотъ досадный галстухъ.

(До слѣд. №).

Изъ прошлаго.

Разсказъ Н. Кирилова.

I.

— Охота тебѣ вязаться съ такими кутилами, замѣтила Глафира Ивановна, молодая, красивая женщина, сидя утромъ за чайнымъ столомъ и украдкой бросивъ взглядъ на утомленное лицо мужа.

— Пожалуйста безъ наставленій, отвѣтилъ онъ, закуривая трубку и пуская задумчиво кольца дыма.

— Не наставленія, Аркадій, продолжала мягкимъ голосомъ жена; — я говорю жалѣя тебя, мой другъ. Они могутъ спать хоть до полудня, а тебѣ спозаранку на службу идти надо. Смотри еще по службѣ, чего добраго, потеряешь.

Испанскій романсъ Съ картины Мюльталера, грав. Р. Бонгъ.

— Для службы я все это и дѣлаю, отозвался Аркадій Николаевичъ, потягиваясь. — Какъ ни говори, Глаша, продолжалъ онъ убѣдительно, а столоначальника чрезъ кого получилъ? Черезъ графа Постова. У Панина кто работу доставилъ? Настокинъ.

— Такъ то такъ, отвѣтила Глафира Ивановна съ любовью смотря на мужа,—но сердце—вѣщунъ. Думается, не вышло бы чего дурнаго...

— Полно, полно, дружочекъ, остановилъ онъ ее, крѣпко поцѣловавъ...

Аркадій Николаевичъ наскоро одѣлся и отправился на службу. Глафира Ивановна, приказавъ крѣпостной дѣвушкѣ Дуняшѣ подогрѣть самоваръ и подать, когда выйдетъ Машенька, сама сѣла въ гостиной за пяльцы, торопясь окончить ко дню рожденія начатыя для мужа туфли.

Семейство Кривошеиныхъ занимало небольшой деревянный домъ на Знаменской улицѣ, принадлежавшій матери Глафиры Ивановны, Аннѣ Петровнѣ Водовозовой, вдовѣ секундъ-маіора, погибшаго въ Италійскомъ походѣ графа Суворова Рымникскаго—женщинѣ стойкой и характерной, которой побаивалась не только дочь, но и зять. Разъ что задумала и рѣшила Анна Петровна—того добьется. Не смотря на строгости Павловскаго времени, она бросилась въ ноги императору передъ входомъ его въ Михайловскій дворецъ и выхлопотала себѣ пенсію, не въ примѣръ другимъ, по 200 рублей въ годъ. Домъ вела она и всѣ ее слушались безпрекословно. Единственную дочь свою Глашу она любила, но любила какъ то больше разсудкомъ, чѣмъ сердцемъ, которое было у нея далеко не нѣжное. Кромѣ простыхъ ощущеній радости отъ удачи и горя отъ неудачи, другихъ, болѣе глубокихъ и нѣжныхъ чувствъ, она не знала и не признавала. Вообще Анна Петровна была олицетвореніемъ практической женщины съ здравымъ русскимъ смысломъ.

Три года тому назадъ въ ея домѣ нанялъ небольшую горенку со столомъ только что окончившій курсъ въ московскомъ университетѣ молодой человѣкъ Аркадій Николаевичъ. Пріѣхалъ онъ изъ Москвы искать службы и покровительства. Знакомыхъ у него въ Петербургѣ никого не было; но онъ вспомнилъ, что по сосѣдству съ имѣніемъ его отца было помѣстье Екатерининскаго генералъ-поручика графа Ивана Александровича Постова, куда возилъ его отецъ для игръ съ сыномъ графа, маленькимъ Федей, шаловливымъ мальчуганомъ, котораго онъ разъ вытащилъ изъ пруда. „Найти бы этого Федю“, подумалъ Аркадій Николаевичъ. Онъ сталъ разспрашивать, разузнавать и черезъ нѣсколько времени узналъ, что этотъ самый Федя уже поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, имѣетъ большія связи и положеніе въ свѣтѣ. Онъ рѣшился его навѣстить.

Было еще семь часовъ утра, когда Аркадій Николаевичъ отправился на Милліонную улицу, гдѣ жилъ, бывшій Федя, а теперь поручикъ графъ Постовъ. Онъ занималъ цѣлый этажъ Салтыковскаго дома. Около подъѣзда стояло нѣсколько саней, кучера дремали на козлахъ. Аркадій Николаевичъ тихо вошелъ въ переднюю, на коникахъ спало нѣсколько деньщиковъ и лакеевъ, изъ внутреннихъ покоевъ доносился невнятный шумъ и какіе то возгласы.

— Графъ Ѳедоръ Ивановичъ дома? спросилъ онъ громко.

Деньщики встрепенулись; одинъ изъ нихъ молча снялъ шинель и отворилъ дверь въ залу, въ которой еще не прибраны были остатки ужина и попойки. Онъ прошелъ нѣсколько комнатъ и въ одной изъ нихъ увидѣлъ группу молодыхъ людей, въ военныхъ сюртукахъ и безъ сюртуковъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ около круглаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, на которомъ играли въ карты. На вошедшаго никто не обратилъ вниманія. Кучки золота переходили съ мѣста на мѣсто; банкометъ, молодой красивый кавалергардскій офицеръ то и дѣло повторялъ „бита“, „дана“, а понтеры, то съ волненіемъ, то съ оживленіемъ, ставили купи, назначая: „короля“, „транспортъ“ и т. п.

Съ полчаса оставался Аркадій Николаевичъ незамѣченнымъ, безмолвно наблюдая за игрою. Но уже былъ десятый часъ, игра окончилась и невольно всѣ обратили вниманіе на стоявшаго поодаль, сконфуженнаго статскаго молодаго человѣка. Офицеры переглянулись, предполагая, что это тайный агентъ и думая, что придется дорого поплатиться за игру, такъ какъ въ то время еще не были отмѣнены строгія правила императора Павла, который терпѣть не могъ картежной игры.

— Чему обязанъ вашимъ посѣщеніемъ? обратился къ Аркадію Николаевичу молодой высокаго роста офицеръ въ преображенскомъ мундирѣ.

— Желалъ бы видѣть графа Федора Ивановича Постова, началъ тихо, сконфуженно Аркадій. -Видите-ли, мы съ нимъ сосѣди по имѣнію, были еще знакомы съ дѣтства...

— А! весело воскликнулъ офицеръ. — Помню, помню!.. Такъ это вы? Очень, очень, радъ. Ванька, вина! Живо! Господа, сосѣдъ по имѣнію. Разъѣзжаться нельзя, нужно угостить. Настокинъ! Ты куда? Зачѣмъ надѣваешь мундиръ? Ну? Оставайся...

Озадаченнаго и ошеломленнаго Аркадія завертѣли, заговорили, напоили и въ концѣ концовъ уложили здѣсь-же спать на оттоманкѣ. Что было съ нимъ, онъ не помнилъ. Проснулся онъ въ четыре часа; голова болитъ, тяжело, дурно. Въ этой же комнатѣ на другой оттоманкѣ потягивался вчерашній банкометъ Петръ Александровичъ Настокинъ.

— Васька, трубку! крикнулъ онъ.

Казачекъ принесъ трубку. Въ комнату вошелъ еще неодѣтый графъ Постовъ.

— Ну что новобранецъ? обратился онъ къ Аркадію, садясь къ нему на диванъ.

— Тяжело, отвѣтилъ онъ.—А вамъ какъ?

— Что?! Забылъ, что пили на „ты“? Игнатъ, вина! крикнулъ графъ.

Аркадія снова напоили, потомъ возили къ цыганамъ, обѣдали у Яра и только поздно вечеромъ едва могъ онъ отдѣлаться отъ веселой компаніи.

Между тѣмъ Анна Петровна, какъ женщина практическая, сообразила, что чѣмъ болтаться молодому человѣку, да безпутничать, пусть лучше займется съ Глашею по наукамъ, которымъ его обучали.

— Ты, милый, я замѣчаю, обратилась она разъ къ нему,— безпутничать начинаешь. Вѣдь, братъ, въ столицѣ недолго завертѣться. Не мало вашего брата изъ за этого и по крѣпостямъ потомъ посидѣло. А ты лучше вотъ что, продолжала она внушительно,—займись-ка съ Глашею науками, какимъ тебя обучали,—и самъ не все забудешь, да и ей польза. А я за это съ тебя за столъ денегъ брать не буду; за квартиру по рублю будешь платить, а столъ для тебя уже будетъ даромъ.

Аркадій съ радостію согласился и съ слѣдующаго-же дня начались уроки. Обычные результаты уроковъ 22-хъ-лѣтняго молодаго человѣка 17-ти-лѣтней дѣвушкѣ извѣстны,— они полюбили другъ друга первою, чистою любовью юности. Имѣла-ли въ виду такой конецъ умная и практичная Анна Петровна—неизвѣстно; но отъ ея опытныхъ глазъ уже съ самаго начала не укрылась завязавшаяся симпатія.

— Вижу я, все вижу, проговорила она однажды Аркадію послѣ обѣда.—Наукамъ-то ты ее обучать обучай, а дѣвушку у меня не смѣй смущать...

— Помилуйте, что вы, Анна Петровна, началъ онъ оправдываться, покраснѣвъ по уши.

— Лясы-то ты мнѣ не точи. Говорю,—все вижу. А вотъ что лучше тебѣ скажу: человѣкъ ты умный, образованный, скромный, стало-быть служить долженъ. Ты съ кѣмъ это канитель водишь?

— Сосѣдъ, Анна Петровна, преображенскаго полка графъ Постовъ, да кавалергардъ Настокинъ. Но я рѣдко у нихъ бываю; да что-же дѣлать; заставляютъ меня пить, началъ оправдываться совсѣмъ растерянный Аркадій.

— Отчего не покутить молодому человѣку въ хорошей компаніи, да еще и съ знатными лицами, — это ничего, разсудила милостиво Анна Петровна. Однако, пей—да дѣло разумѣй! Они люди знатные, водятся съ тобой, ну пусть и опредѣлятъ въ хорошую службу, а опредѣлишься—Глаша твоя! рѣшила она.

Услышавъ такое рѣшеніе, Аркадій не помнилъ себя отъ радости. Въ тотъ-же вечеръ онъ побѣжалъ сообщить объ этомъ Постову и Настокину, которые приняли это близко къ сердцу. Избалованной, веселой молодежи это понравилось и было на руку,—своего рода развлеченіе. Пущены были въ дѣло, — знакомства, связи и отношенія, и черезъ недѣлю Аркадій Николаевичъ былъ назначенъ столоначальникомъ юстицъ-коллегіи, а черезъ мѣсяцъ его аристократы-пріятели уже хлопотали о свадьбѣ. Смиренный домъ Анны Петровны поднятъ былъ верхъ дномъ, коромысломъ. Они его меблировали, совсѣмъ заново, въ день свадьбы иллюминовали фонариками и транспарантами; будучи сами шаферами, пригласили весь преображенскій и кавалергардскій полкъ и музыку и отпраздновали свадьбу такой попойкой, что отъ одного шума у Анны Петровны потомъ цѣлый мѣсяцъ голова болѣла.

Скромная, тихая Глаша это время была какъ въ чаду. Она спала и видѣла одного только своего Аркадія и не обращала вниманія ни на блестящую толпу молодыхъ, красивыхъ офицеровъ, ни на свадебные наряды, ни на вѣжливыя любезности отпускаемыя ей офицерами, значеніе которыхъ она даже не ясно понимала. Между офицерскою молодежью ее стали звать „нашею невѣстой“ и каждый считалъ своею обязанностью время отъ времени присылать ей букеты и горшки цвѣтовъ, такъ что домъ Анны Петровны скоро сдѣлался чуть не оранжереею.

Однако прошелъ годъ, другой, и „наша невѣста“ молодыми повѣсами была забыта. Аркадій по службѣ пошелъ въ ходъ, былъ принятъ у графа Нарышкина и въ то-же время не разрывалъ дружескихъ сношеній съ Постовымъ и Настокинымъ, по необходимости участвуя въ ихъ картежныхъ вечерахъ и попойкахъ. Глашѣ это очень не нравилось, но Анна Петровна относилась къ этому весьма снисходительно.

Пусть водитъ знакомство съ знатными—отъ этого прокъ, а не убытокъ, твердила она обыкновенно дочери, когда та жаловалась, что Аркадій снова вернулся почти утромъ и опять пьяный.

II.

Шла большая игра. У Настокина сорвали уже четвертый банкъ; онъ началъ сердиться, горячиться, безпрестанно перемѣнять колоды картъ и также часто охлаждалъ себя холод-

нымъ со льдомъ грогомъ. Въ числѣ понтеровъ былъ Аркадій. Ему какъ нарочно въ этотъ вечеръ страшно везло. Начавъ съ небольшаго куша, онъ все увеличивалъ ставки и въ послѣднія оказался главнымъ виновникомъ крушенія Настокинскихъ банковъ.

— Ставь-же скорѣй, не задерживай! сердито крикнулъ Настокинъ на Аркадія, когда тотъ выбиралъ карту, чтобы сдѣлать рѣшительный ударъ.

— Чего-же ты кричишь, замѣтилъ хладнокровно, но не безъ внушительности Аркадій.

— Ну, такъ убирайся вонъ... лѣзетъ тутъ всякая... недоговорилъ уже совсѣмъ разсерженный Настокинъ, начавъ метать талію.

Аркадій поблѣднѣлъ какъ полотно. До настоящаго времени онъ держалъ себя въ кругу офицеровъ, какъ равный съ равными, тѣмъ болѣе, что дружескія отношенія со стороны графа Постова и Настокина не допускали и тѣни какого либо напоминанія о сдѣланныхъ ему одолженіяхъ. Это была первая, но жестокая для него обида. Онъ тихо положилъ карты и задыхающимся голосомъ могъ только проговорить:

— Поручикъ, завтра въ семь часовъ я ожидаю вашихъ секундантовъ.

— Хорошо, холодно отвѣтилъ Настокинъ, продолжая метать.

Игра продолжалась, на происшедшее столкновеніе никто не обратилъ особеннаго вниманія—дуэли въ то время въ извѣстномъ кругу считались дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Аркадій, найдя свою шляпу, собирался уже уходить, но въ залѣ нагналъ его графъ Постовъ.

— Куда вы торопитесь, Аркадій Николаевичъ? домой? Это не благоразумно, замѣтилъ ему графъ.—Наши дуэли не выходятъ изъ офицерскаго круга; при томъ же осталось всего два часа. Секундантомъ вашимъ можетъ быть корнетъ Тулубьевъ. Я бы совѣтовалъ вамъ поѣхать къ нему на квартиру, туда пріѣдетъ другой секундантъ, и тамъ же можно будетъ условиться относительно мѣста. Полагаю, для васъ это будетъ удобнѣе.

— Для меня рѣшительно все равно, отвѣтилъ равнодушно Аркадій.

Онъ былъ совершенно ошеломленъ непріятною, печальною для него неожиданностью этой дерзости.

Подошедшій юноша, корнетъ Тулубьевъ, любезно пригласилъ Аркадія Николаевича въ свои сани и они быстро умчались на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Игра между тѣмъ окончилась. Настокинъ на послѣднемъ банкѣ почти вернулъ свой проигрышъ.

— Надѣюсь, ты будешь моимъ секундантомъ, графъ, сказалъ онъ на прощанье Постову, вдругъ вспомнивъ о предстоящей дуэли.

— Хорошо, хорошо, спокойно отвѣтилъ Постовъ, провожая пріятеля.

Въ квартирѣ графа все успокоилось. Столы и приборы были прибраны, квартира приняла обыкновенный видъ, безъ признаковъ ночной попойки и картежнаго вечера...

Пробило восемь часовъ утра, послышался сильный звонокъ. Графъ Постовъ лежалъ на софѣ; передъ нимъ стояла полуопорожненная бутылка рому. Вошелъ Настокинъ.

— Что это ты ни свѣтъ, ни заря—и ромъ!

— Не чай же мнѣ пить, замѣтилъ графъ спокойно.

— И то дѣло. Такъ угости и меня.

Онъ выпилъ стаканъ и началъ торопить товарища.

— Однако, вставай, не то опоздаемъ.

— Да мы уже и такъ опоздали, отвѣтилъ смѣясь графъ.

— Какъ опоздали? въ восемь часовъ.

— Во-первыхъ, ты забылъ: не въ восемь, а въ семь; а во-вторыхъ, неужели ты думалъ, чтобы я могъ допустить тебя до дуэли изъ моего дома. Какъ хозяинъ, я долженъ былъ стать за тебя, и дуэль уже кончена—Кривошеинъ убитъ.

— Убитъ!?. почти вскрикнулъ Настокинъ, и пораженный опустился на кресло.

Какъ ни была отуманена голова Настокина, но такое сообщеніе поразило его и тяжелымъ камнемъ легло ему на сердце. Ему жалко стало Аркадія. Онъ его въ сущности любилъ, самъ же оскорбилъ, далъ поводъ вызвать себя на дуэль, не дрался, и между тѣмъ тотъ убитъ! Настокинъ долго сидѣлъ задумавшись, потомъ, ни слова не сказавъ Постову, надѣлъ палашъ и уѣхалъ.

— Въ Знаменскую, крикнулъ онъ кучеру.

Рысакъ быстро подкатилъ его къ дому Анны Петровны.

Онъ вошелъ въ залъ,—покойникъ лежалъ уже на столѣ. Блѣдная, какъ смерть, въ бѣломъ пеньюарѣ, съ распущенными волосами, Глаша безостановочно рыдала, обнимая трупъ убитаго мужа. Горе молодой красавицы и сознаніе своей вины терзали Настокина. Онъ самъ готовъ былъ разрыдаться. Не зная на что рѣшиться, не имѣя духа тревожить убитую горемъ женщину, онъ безсознательно, подобравъ палашъ, тихонько прошелъ въ гостиную, разсчитывая застать тамъ Анну Петровну. Она дѣйствительно была тамъ, взволнованная, сердитая, еще не собравшая мыслей послѣ такого ужаснаго, неожиданнаго случая.

— Вы что же это, милостивецъ вы мой, разбойничать начали, оборвала она Настокина, когда онъ приблизился было къ ней. Пьянствуете, картежничаете, да ужъ и людей убивать начали, продолжала она.—Вы думаете это такъ-таки вамъ и сойдетъ? Нѣтъ, ужъ извините. Не боялась императора Павла Петровича, а къ молодому государю сама пойду, у ногъ его буду валяться, а ужъ вы отвѣтите какъ надо за это! Что же это, прости Господи, разбой въ столицѣ! За что вы погубили христіанскую душу; за что сироту оставили, истерзали ея душеньку?..

Настокинъ молча, потупя голову, стоялъ и слушалъ укоризны расходившейся Анны Петровны.

— Выслушайте, выслушайте меня, проговорилъ онъ тихо.

— Что слушать то тебя? Чего наслушаешься отъ этакихъ безпутныхъ головъ? Дочери мужа, вѣдь, не вернешь. Вы, какъ жись, съ пьяныхъ глазъ и образъ то на себѣ забыли... Ну за что этого смиреннаго человѣка загубили?.. Скажи ты мнѣ, за что? Опоили, завертѣли, да и пристрѣлили. Экъ забавы то у васъ, окаянныхъ...

Анна Петровна съ досады и съ горя заплакала, положа голову на диванную подушку.

— Браните, браните меня, Анна Петровна,—я больше виноватъ, чѣмъ графъ Постовъ, проговорилъ Настокинъ, садясь подлѣ нея въ кресло.

— Что же проку васъ бранить то. И онъ, и ты вмѣстѣ разбойничали.

Она отерла глаза платкомъ и старалась привести свои мысли въ порядокъ, чтобы рѣшить, что дѣлать. Практическій умъ ея быстро сообразилъ, что жалоба, хотя бы Государю, едва ли къ чему поведетъ. Вызовъ былъ со стороны Аркадія Николаевича, объ этомъ она узнала отъ Тулубьева, привезшаго трупъ несчастнаго, а за дуэль можетъ еще разжалуютъ въ солдаты,—да ей что изъ этого!

— Я предложилъ бы вамъ, Анна Петровна, угадалъ ея мысли Настокинъ,—не оглашать этого дѣла. Умеръ скоропостижно, нашъ полковой докторъ выдастъ свидѣтельство—и дѣлу конецъ.

— Вамъ то конецъ, съ васъ какъ съ гуся вода. Опять начнете пьянствовать, дебоширничать, да душегубствомъ заниматься, а каково женѣ, каково матери? Ты поразмысли-ка! проговорила Анна Петровна, начавъ снова плакать.

— Успокойтесь, Анна Петровна, ради Бога успокойтесь! Не такіе же мы, чтобы не подумали объ участи Глафиры Ивановны и вашей. Для Глафиры Ивановны жениха подъищемъ, а для васъ на приданое достанемъ. Мы виноваты, мы и вину свою загладимъ...

— Ишь сватъ какой выискался, оборвала его Анна Петровна.—Дай тѣлу то остыть, безстыдникъ ты этакой! О какой еще свадьбѣ рѣчь заводишь—время ли теперь?

— Я говорю это только къ слову, началъ упорнѣе Настокинъ, замѣтя перемѣну въ тонѣ ея голоса.—Во всякомъ случаѣ, нужно же сейчасъ рѣшить, чѣмъ дѣло кончить: привозить ли нашего доктора, или вы будете жалобу подавать?

Анна Петровна молчала.

— Охъ, Господи, вразуми ты меня, и сама не знаю, что дѣлать, проговорила она наконецъ, глубоко вздохнувъ.—Такъ не такъ, а вѣдь покойника нужно похоронить по христіански, а какъ узнаютъ, что онъ былъ убитъ, поди слѣдствіе пойдетъ, сраму не оберешься, да и горе какое для Глаши...

— Вѣрно, совершенно вѣрно, подхватилъ Настокинъ.—Будемъ же откровенны: возьмите вотъ пока три тысячи на похороны, а я сейчасъ пришлю доктора и своего управляющаго: Они все дѣло обдѣлаютъ и помогутъ вамъ въ хлопотахъ. Объ остальномъ послѣ поговоримъ, замѣтилъ онъ вскользь и смущенно, вставая...

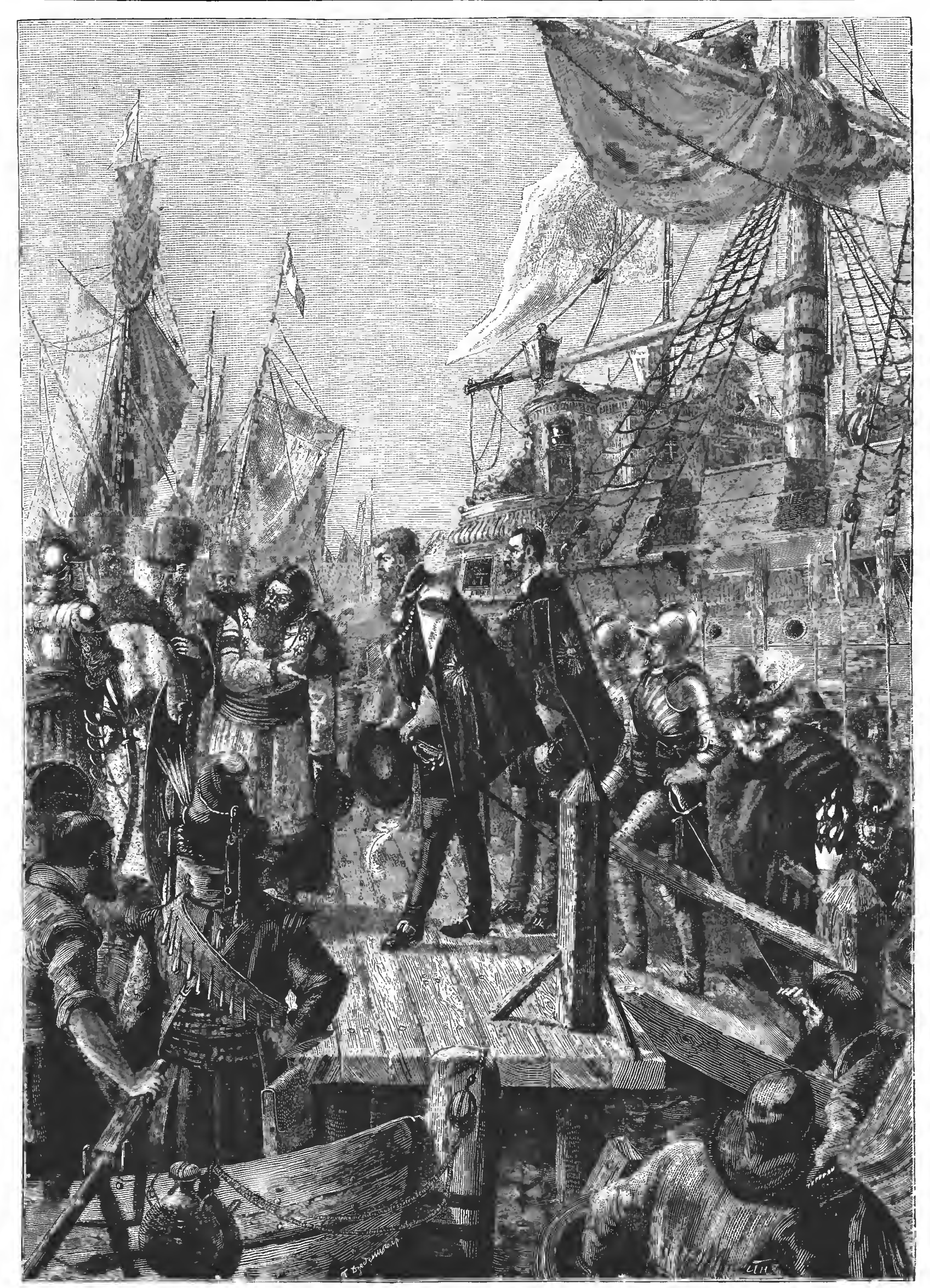
Деньги Анна Петровна однако взяла. Настокинъ такъ же тихо прошелъ залъ, и мелькомъ посмотрѣлъ на стоявшую въ углу на колѣняхъ, молящуюся Глашу.

— Да она просто красавица, подумалъ онъ, садясь въ сани.

Слѣдовали обычныя панихиды, затѣмъ роскошныя похороны. Дѣло о дуэли было замято. Убитая горемъ Глаша не знала на чемъ остановить свои мысли, чѣмъ утѣшиться. Сначала она хотѣла идти въ монастырь, но, слабая духомъ, побоялась даже высказаться объ этомъ Аннѣ Петровнѣ. Время однако лучшій исцѣлитель всякихъ душевныхъ скорбей и печалей. Черезъ мѣсяцъ Глаша уже успокоилась и начала свѣтлѣе смотрѣть на свою молодую жизнь, невольно вспоминая, что ей нѣтъ еще двадцати лѣтъ. Не одинъ разъ заѣзжалъ красавецъ Настокинъ, утѣшая молодую вдову, и, надо сказать, очень ей нравился.

Прошло шесть недѣль, Анна Петровна заказала въ Знаменской церкви къ 10-ти часамъ утра заупокойную обѣдню и панихиду. День былъ не праздничный, въ церкви почти никого не было. Однако церковь была освѣщена полнымъ освѣщеніемъ, у входа стояло множество экипажей.

Тихо и незамѣтно вошли въ церковь Анна Петровна и Глаша. Вся обстановка ихъ поразила. Роскошное освѣщеніе, посрединѣ постланъ былъ дорогой коверъ и стоялъ аналой для свадьбы, а не для панихиды; толпа офицеровъ кавалергардскихъ, конно-гвардейскихъ, преображенскихъ, объ чемъ то тихо разсуждали, нѣкоторые то и дѣло входили и выходили изъ алтаря. Наконецъ изъ алтаря вышелъ священникъ, но не въ облаченіи. Анна Петровна уже начинала кипятиться, почему ея



Начало торговыхъ сношенiй Англiи съ Россiею (1553 г.). Встрѣча Ченслера въ Холмогорахъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзицъ.

Зимній деревенскій пейзажъ въ Лифляндіи. Съ картины Р Цурмюллена, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

панихида отложена, какъ въ эту минуту подошелъ къ Глашѣ конногвардейскій офицеръ и передалъ ей, что батюшка имѣетъ съ ней объ чемъ то переговорить.

Смущенная, понуря голову, подошла она къ аналою и въ эту минуту рядомъ съ нею сталъ Пастокинъ въ блестящемъ кавалергардскомъ мундирѣ. Священникъ, не медля, спросилъ ее: „согласна ли она выйдти замужъ за поручика Петра Александровича Пастокина?“

Дрожа всѣмъ тѣломъ, робкая Глаша тихо подняла глаза на красавца Пастокина, давно уже она заглядывалась на него и прежде, сердце ея забилось радостно, и еще тише проговорила: „да, согласна...“

Священникъ пошелъ въ алтарь облачаться. Хоръ придворной капеллы грянулъ концертъ. Приготовленныя заранѣе камеристки здѣсь же, въ церкви, убрали голову Глаши и обвили траурное ея платье живыми роскошными цвѣтами. Анна Петровна только ахала и разводила руками. Въ шаферахъ недостатка не было—богатая молодежь гвардіи была на лицо.

— Я вамъ говорилъ, Анна Петровна, замѣтилъ ей послѣ свадьбы Пастокинъ, садясь съ молодою женой въ карету,—что у Глафиры Ивановны будетъ женихъ, и видите-ли—исполнилъ свое слово.

— Безпутники вы! И женятся то не умѣютъ по человѣчески, даже панихиды не дали отслужить, проговорила уже инымъ голосомъ Анна Петровна.

— Завтра панихида, а не сегодня, милая Анна Петровна, отвѣтилъ улыбаясь Пастокинъ, уже изъ кареты.

Nocturno.

Спитъ земля подъ матовымъ сіяньемъ
Яркихъ звѣздъ и трепетной луны,
Спитъ рѣка, одѣтая молчаньемъ,
Смолкнулъ плескъ задумчивой волны.

* * *

Ароматъ и нѣга чудной ночи
Льются въ грудь свободною волной
И горятъ таинственныя очи
Высоко надъ смолкнувшей землей.

* * *

Въ камышахъ не слышно больше плеска,
Нѣтъ дымка надъ дремлющимъ селомъ....
Спятъ полны спокойствія и блеска,
И земля, и небо мирнымъ сномъ.

К. М—скій.

Разсказъ Раевскаго о дуэли Лермонтова.

Записано **В. Желиховской.**

...Мы просили почтеннаго Николая Павловича Раевскаго, близко знавшаго Лермонтова, разсказать, что онъ помнитъ о послѣднихъ дняхъ жизни поэта.

И Николай Павловичъ разсказалъ такъ интересно, что мы слушали, боясь проронить слово.

Николай Павловичъ Раевскій, кажется, теперь единственный, близкій Михаилу Юрьевичу современникъ, который не только еще живетъ на свѣтѣ, но и думаетъ, и чувствуетъ, и откликается своей, еще юной душой, на всякую живую мысль. Я думала попросить его самого записать свои воспоминанія, но говоритъ, что теперь онъ уже больше „не грамотѣй“, хотя въ былыя времена нѣсколько лѣтъ сотрудничалъ въ „Москвитянинѣ“ Въ помощь мнѣ онъ принесъ только конспектъ своего разсказа, со всѣми именами и числами, да планъ тогдашняго Пятигорска. Записываю его разсказъ.

Этому чуть не пятьдесятъ лѣтъ прошло. Пятигорскъ былъ не то, что теперь. Городишко былъ маленькій, плохенькій; каменныхъ домовъ почти не было, улицъ и половины тѣхъ, что теперь застроены, также. Лѣстницы, что ведетъ къ Елизаветинской галлерeѣ, и помину не было, а бульваръ заканчивался полукругомъ, ходу съ котораго никуда не было и на которомъ стояла бесѣдка, гдѣ влюбленнымъ можно было пріютиться хоть до разсвѣта. За Елизаветинской галлереей, тамъ, гдѣ теперь Калмыцкія ванны, была одна общая ванна, т. е. бассейнъ, выложенный камнемъ, въ которомъ купались безъ разбору лѣтъ, общественныхъ положеній и пола. Былъ и гротъ, съ боковыми удобными выходами, да не тотъ гротъ на Машукѣ, что теперь называется Лермонтовскимъ. Лермонтовъ, можетъ, тамъ и бывалъ, да не такъ часто, какъ въ томъ, о которомъ я говорю, что на бульварѣ около Сабанѣевскихъ ваннъ. Въ немъ вся наша ватага частенько пировала, въ немъ бывали пикники; въ немъ Лермонтовъ устроилъ и свой послѣдній праздникъ, бывшій отчасти причиной его смерти. Была и слободка по сю сторону Подкумка, замѣчательная тѣмъ, что тамъ, что ни баба—то капитанша. Баба—мужикъ мужикомъ, а чуть что: „Я капитанша!“ Такъ мы и называли эту слободку „слободкой капитанш“. Но жить тамъ никто не жилъ, потому, во-первыхъ, что капитанши были дамы амбиціонныя, а во-вторыхъ, въ ту сторону спускались на ночь всѣ сѣрные ключи и дышать тамъ было трудно. Была еще и Эолова арфа въ павильонѣ на Машукѣ, ни при какомъ вѣтрѣ, однако, не издававшая ни малѣйшаго звука.

Но въ Пятигорскѣ была жизнь веселая, привольная; нравы были просты, какъ въ Аркадіи. Танцовали мы много и всегда по простотѣ. Играетъ, бывало, музыка на бульварѣ, играетъ, а послѣ перетащимъ мы ее въ гостинницу къ Найтаки, барышень просимъ прямо съ бульвара, безъ нарядовъ, ну вотъ и балъ по вдохновенію. А въ сосѣдней комнатѣ содержатель гостинницы ужъ намъ и ужинъ готовитъ. А когда, бывало, затѣетъ начальство настоящій балъ, и гостиница ужъ не трактиръ, а благородное собраніе,—мы, случалось, барышнямъ нашимъ, которыя побѣднѣй, и платьица даривали. Термаламовъ и канаусъ въ ходъ шли, чтобы передъ наѣзжими щеголихами барышни наши не сконфузились. И танцовали мы на этихъ балахъ все, бывало, съ нашими; такой и обычай былъ, чтобы въ обиду не давать.

Зато и слава была у Пятигорска. Всякій туда наровилъ. Бывало, комендантъ вышлетъ къ мѣсту служенія; крутишься, крутишься, дѣльце сварганишь,—анъ и опять въ Пятигорскъ. Въ такихъ дѣлахъ намъ много докторъ Ребровъ помогалъ. Бывало, подластишься къ нему, онъ даетъ свидѣтельство о болѣзни. Отправитъ въ госпиталь на два дня, а послѣ и домой, за неимѣніемъ въ госпиталѣ мѣста. Къ такимъ уловкамъ и Михаилъ Юрьевичъ не разъ прибѣгалъ.

И слылъ Пятигорскъ тогда за городъ картежный, въ родѣ кавказскаго Монако, какъ его Лермонтовъ прозвалъ. Какъ теперь вижу фигуру сэра Генри Мильсъ, полковника англійской службы и извѣстнѣйшаго игрока тѣхъ временъ. Каждый курсъ онъ въ нашъ городъ наѣзжалъ.

Въ 1839 году, въ экспедиціи противъ Шамиля, я былъ раненъ подъ Ахульго. Я хотя и драгунскій поручикъ былъ, а пришлось мнѣ тогда играть роль артиллериста. Только я разставилъ пушки на пригоркѣ, чтобы лѣсъ немного отъ черкесовъ очистить, которые повылѣзали на деревья, да и жарятъ насъ; какъ вдругъ и роли моей конецъ: оказался я сильно раненъ въ руку. Рѣшили меня сильно въ руку, и лечить начали. Долго лечили, пока рука не почернѣла. Доктора, ужъ не помню почему, тогда съ нами не было, и лечилъ меня фельдшеръ. Вотъ я и спрашиваю у него:

— Что это, братецъ, Антоновъ огонь?

— Ну, что жъ? говоритъ, коли и Антоновъ огонь? У всѣхъ Антоновъ огонь!

Намазалъ онъ мнѣ руку скипидаромъ. Какъ руку зажгло, такъ, вѣрите ли, я отъ боли не то что мѣста не находилъ, я стойку въ палаткѣ грызъ. Ну, увидѣли, что ничто не помогаетъ. Рѣшили отправить меня на излеченіе въ Пятигорскъ. А мнѣ и радости мало. Обносился въ экспедиціи, добылъ турецкую бархатную кофту, золотомъ шитую, женскія широкія шаровары, да такъ и хожу. Для больнаго человѣка костюмъ удобный, а въ Пятигорскѣ—ну, куда я въ такомъ видѣ покажусь?

Однако, отправился.

Былъ со мной мой крѣпостной человѣкъ Николай. Онъ хотя еще не былъ старъ, а все же ко мнѣ былъ вродѣ дядьки приставленъ. Въ молодости онъ жилъ въ обученьи у хорошаго портнаго, и многіе офицеры ему давали на заказъ платье шить. Ну, пріѣхали мы съ нимъ въ Пятигорскъ, нанялъ я домишко въ концѣ бульвара, да и заскучалъ: человѣкъ я молодой, знакомыхъ въ городѣ много, а показаться мнѣ не въ чемъ. Разъ утромъ проснулся я—и вставать не охота; лежу, да грущу, руки подъ голову заложивъ. Вдругъ, вижу около меня на стулѣ лежитъ новое платье, аккуратно такъ сложено. Мнѣ сейчасъ идея въ голову: „Одѣнусь-ка я въ это чужое платье, коли по мнѣ будетъ, схожу хоть разокъ въ гости; а Николай и послѣ отнесетъ, кому слѣдуетъ!“

Сейчасъ же я его помѣрилъ, и только что успѣлъ бешметъ, да черкеску снять и на мѣсто положить, слышу Николай уже идетъ, несетъ мнѣ чай. Я легъ въ постель, отвернулся къ стѣнѣ, и вздыхаю.

— Что это, говоритъ мнѣ, все лежите, бока себѣ пролеживаете? Пора бы ужъ и встать, на людей посмотрѣть.

— Что жъ, говорю, Николай, мнѣ людей смотрѣть, когда мнѣ себя имъ показать невозможно.

Николай головой покачиваетъ, серьезный такой.

— То-то, вотъ, говоритъ, въ карты то играть умѣете, денежки проигрывать, а послѣ въ бабьихъ кофтахъ ходите. Вставайте-ка, помѣрьте вотъ.

Тутъ я только догадался, что это для меня Николай потихоньку старался. Живо такъ соскочилъ, натянулъ на себя все, и на руку вниманія не обращаю, словно мнѣ и не больно. Ни-

колай тутъ меня осмотрѣлъ, повертѣлъ передъ собой, и говоритъ:

— Ничего, хорошо. Теперь можете себя людямъ показать.

Я отъ радости чуть ему на шею не кинулся и съ мѣста полетѣлъ къ Маріи Ивановнѣ Верзилиной.

Петръ Семеновичъ Верзилинъ былъ въ то время уже въ чинѣ генералъ-маіора, но опредѣленныхъ занятій никакихъ не имѣлъ. Нѣкогда онъ былъ въ безсмертныхъ гусарахъ, и воспоминанія про 12-ый годъ и Адамову голову на мундирѣ были его любимой темой. Нѣкоторое время онъ служилъ въ штабѣ, въ Ставрополѣ, при генералѣ Эмануэлѣ, и въ Ставрополѣ же и женился, будучи вдовымъ и имѣя дочку Аграфену Петровну, на очень красивой дамѣ польскаго происхожденія, вдовѣ Маріи Ивановнѣ Клингенбергъ, у которой тоже была дочь Эмилія Александровна. Впослѣдствіи, когда эти двѣ барышни и родившаяся отъ новаго брака Надежда Петровна выросли, любимой шуткой въ бандѣ Лермонтова былъ слѣдующій математическій казусъ: „У Петра Семеновича двѣ дочери и у Маріи Ивановны двѣ. Какъ же выходитъ, что барышень только три?“ Младшей изъ этихъ трехъ барышень Лермонтовъ разъ сказалъ слѣдующій экспромптъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ
И букли назадъ?
Платочекъ небрежно
Подъ шейкою нѣжной
Завязанъ узломъ...
Пропалъ мой Монго потомъ!

Дослужившись до чина полковника, Петръ Семеновичъ былъ поставленъ наказнымъ атаманомъ надъ всѣмъ казачьимъ войскомъ Кавказа, и именно въ это время поселился въ Пятигорскѣ, такъ какъ штабъ его былъ тамъ же. Тутъ онъ и построилъ себѣ большой домъ на Кладбищенской улицѣ, въ которомъ жилъ самъ со своею семьей, и маленькій, для пріѣзжихъ, ворота котораго выходили прямо въ поле, противъ кладбища. Въ бытность свою наказнымъ атаманомъ, онъ хаживалъ на усмиреніе перваго польскаго мятежа въ началѣ 30-ыхъ годовъ, и очень любилъ вспоминать о своемъ разгромѣ мѣстечка Ошмяны; хотя хвалиться тутъ было нечѣмъ,—дѣло далеко не блестящее. Въ концѣ же 30-ыхъ годовъ онъ былъ лишенъ своего атаманства. И вотъ по какому случаю. Неизвѣстно съ чего ему пришло въ голову приравнять себя къ древнимъ гетманамъ украинскаго казачества, вздѣвъ на свою кавказскую папаху бѣлое перо, какъ то дѣлывали разные Наливайки и Сагайдачные. Такимъ то образомъ, когда покойный Государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ на Кавказъ и увидѣлъ этотъ „маскарадъ“, какъ онъ изволилъ выразиться, Петръ Семеновичъ нашъ слетѣлъ со своего мѣста. Хлѣбосольна и ласкова эта семья была, какъ въ наше время уже не увидишь. Достаточно сказать, что Лермонтовъ, я, Мартыновъ и прочіе—всѣ жили по годамъ, со своими слугами, на ихъ хлѣбахъ и въ ихъ помѣщеніи, а о платѣ никогда никакой рѣчи не было.

Когда Петръ Семеновичъ и Марья Ивановна узнали, что я въ Пятигорскѣ, раненъ и нуждаюсь въ уходѣ, они немедленно перетащили меня къ себѣ и дали мнѣ комнату въ домикѣ для пріѣзжихъ. Въ этомъ то домикѣ мнѣ и пришлось, нѣкоторое время спустя, близко узнать покойнаго Михаила Юрьевича. Я и въ прежнія времена знавалъ его, но близокъ со мною онъ сталъ только, когда мы вмѣстѣ поселились у Верзилиныхъ.

Этотъ домикъ для пріѣзжихъ былъ раздѣленъ на двѣ половины корридоромъ. Съ одной стороны жилъ полковникъ Антонъ Карловичъ Зельмицъ, прозванный нами „О-то!“ за привычку начинать рѣчь съ этого междометія, со своими дочерьми, болѣзненными и незамѣтными барышнями. Онъ былъ адъютантомъ генерала Эмануэля въ то самое время, когда нашъ общій хозяинъ служилъ въ его штабѣ, и между ними велась старинная дружба. Съ другой же стороны корридора, въ первой комнатѣ жилъ я и поручикъ конной гвардіи Михаилъ Петровичъ Глѣбовъ, называвшійся нами не иначе, какъ Миша; во второй комнатѣ жилъ отставной маіоръ Николай Соломоновичъ Мартыновъ, а въ двухъ послѣднихъ, изъ которыхъ одна служитъ рабочей комнатой, а другая спальней, жили вмѣстѣ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ и его двоюродный братъ, самый близкій другъ его Столыпинъ-Монго. Въ рабочей же комнатѣ Михаила Юрьевича мы всѣ и чай пили по утрамъ. Вечеромъ то всегда у Верзилиныхъ бывали, и обѣдали у нихъ; а по утрамъ у него; не ставить же каждому порознь самоваръ?

Любили мы его всѣ. У многихъ сложился такой взглядъ, что у него былъ тяжелый, придирчивый характеръ. Ну, такъ это неправда; знать только нужно было съ какой стороны подойти. Особеннымъ нѣженкой онъ не былъ, а пошлости, къ которой онъ былъ необыкновенно чутокъ, въ людяхъ не терпѣлъ, но съ людьми простыми и искренними и самъ былъ простъ и ласковъ. Надъ всѣми нами онъ командиръ былъ. Всѣхъ окрестилъ по своему. Мнѣ, напримѣръ, ни отъ него, ни отъ другихъ, намъ близкихъ людей, иной клички, какъ Слётокъ, не было. А его никто даже и не подумалъ называть иначе, какъ по имени. Онъ, хотя насъ и любилъ, но вполнѣ близокъ былъ съ однимъ Столыпинымъ. Въ то время посѣщались только три дома постоянныхъ обитателей Пятигорска. На первомъ планѣ, конечно, стоялъ домъ генерала Верзилина. Тамъ Лермонтовъ и мы всѣ были дома. Потомъ, мы также часто бывали у генеральши Катерины Ивановны Мерлини, героини защиты Кисловодска отъ черкесскаго набѣга, случившагося въ отсутствіе ея мужа, коменданта кисловодской крѣпости. Ей пришлось самой распорядиться дѣйствіями крѣпостной артиллеріи, и она съумѣла повести дѣло такъ, что горцы разсѣялись прежде, чѣмъ прибыла казачья помощь. За этотъ подвигъ Государь Николай Павловичъ прислалъ ей брилліантовые браслеты и фермуаръ съ георгіевскими крестами. Былъ и еще открытый домъ Озерскихъ, приманку въ которомъ составляла миленькая барышня Варенька. Отецъ ея завѣдывалъ Калмыцкимъ улусомъ, былъ человѣкъ состоятельный, и поэтому она была барышня хорошо образованная; но у нихъ Михаилъ Юрьевичъ никогда не бывалъ, такъ какъ тамъ принимали неразборчиво, а поэтъ не любилъ, чтобы его смѣшивали съ l'armée russe, какъ онъ окрестилъ кавказское воинство.

Обычной нашей компаніей было, кромѣ насъ, вмѣстѣ живущихъ, еще нѣсколько человѣкъ, между прочими, полковникъ Манзей, Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, про котораго говорилось: „Мой братецъ Левъ, да другъ Плетневъ“, командиръ Нижегородскаго драгунскаго полка Безобразовъ и др. Но князя Трубецкаго, на котораго указывается, какъ на человѣка близкаго Михаилу Юрьевичу въ послѣднее время его жизни, съ нами не было. Мы видались съ нимъ иногда, какъ со многими, но въ эпоху, предшествовавшую дуэли, его даже не было въ Пятигорскѣ, какъ и во время самой дуэли. Мы съ нимъ были однополчане, я его хорошо помню, и потому не могу въ этомъ случаѣ ошибаться.

Часто устраивались у насъ кавалькады, и генеральша Катерина Ивановна почти всегда ѣзжала съ нами верхомъ по мужски, на казацкой лошади, какъ и подобаетъ георгіевскому кавалеру. Обыкновенно мы ѣзжали въ Шотландку, нѣмецкую колонію въ 7-ми верстахъ отъ Пятигорска, по дорогѣ въ Желѣзноводскъ. Тамъ насъ съ распростертыми объятіями встрѣчала нѣмка Анна Ивановна, у которой было нѣчто вродѣ ресторана и которой мильхъ и бутерброды, наравнѣ съ двумя миленькими прислужницами Милле и Гретхенъ, составляли погибель для l'armée russe.

У насъ велся точный отчетъ объ нашихъ parties de plaisir. Ихъ выдающіеся эпизоды мы рисовали въ „альбомѣ приключеній“, въ которомъ можно было найти все: и кавалькады, и пикники, и всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ этотъ альбомъ достался князю Васильчикову, или Столыпину; не помню, кому именно. Всѣ пріѣзжіе и постоянные жители Пятигорска получали отъ Михаила Юрьевича прозвища. И языкъ же у него былъ! Какъ, бывало, прозоветъ кого, такъ кличка и пристанетъ. Между пріѣзжими барынями были и belles pâles, и grenouilles évanouies. А дочка калужской помѣщицы Быховецъ, имени которой я не помню именно потому, что людей, окрещенныхъ Лермонтовымъ, никогда не называли ихъ христіанскими именами, получила прозвище la belle noire. Онѣ жили напротивъ Верзилиныхъ, и съ ними мы особенно часто видались.

Николай Соломоновичъ Мартыновъ поселился въ домикѣ для пріѣзжихъ позже насъ и явился къ намъ истымъ денди à la Circassienne. Онъ брилъ по черкесски голову и носилъ необъятной величины кинжалъ, изъ за котораго Михаилъ Юрьевичъ и прозвалъ его poignard'омъ. Эта кличка, приставшая къ Мартынову еще больше, чѣмъ другія Лермонтовскія прозвища, и была главной причиной ихъ дуэли, наравнѣ съ другими маленькими дѣлами, повлекшими за собой большія послѣдствія. Они знакомы были еще въ Петербургѣ, и, хотя Лермонтовъ и не подпускалъ его особенно близко къ себѣ, но все-же не ставилъ его на ряду съ презираемыми имъ людьми. Между нами говорилось, что это отъ того, что одна изъ сестеръ Мартынова пользовалась большимъ вниманіемъ Михаила Юрьевича въ прежніе годы и что даже онъ списалъ свою княжну Мэри именно съ нея. Годами Мартыновъ былъ старше насъ всѣхъ; и, пріѣхавши, сейчасъ-же принялся перетягивать все вниманіе belle noire, милости которой мы всѣ добивались, исключительно на свою сторону. Хотя Михаилъ Юрьевичъ особеннаго старанія не прилагалъ, а такъ только вмѣстѣ со всѣми нами забавлялся, но дѣйствія Мартынова ему не нравились и раздражали его. Вслѣдствіе этого онъ насмѣшничалъ надъ нимъ и настаивалъ на своемъ провищѣ, не обращая вниманія на очевидное неудовольствіе пріятеля, пуще прежняго.

Какъ то разъ, недѣли за три-четыре до дуэли, мы сговорились, по мысли Лермонтова, устроить пикникъ въ нашемъ обычномъ гротѣ у Сабанѣевскихъ ваннъ. Распорядителемъ на нашихъ праздникахъ бывалъ обыкновенно генералъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, но въ этотъ разъ онъ съ чего то заупрямился и сталъ говорить, что неприлично женщинъ хорошаго общества угощать постоянными трактирными ужинами, послѣ танцевъ съ кѣмъ ни попало на открытомъ воздухѣ. Лермонтовъ возразилъ ему, что здѣсь не Петербургъ, что то, что неприлично въ столицѣ, совершенно на своемъ мѣстѣ на водахъ съ разношерстнымъ обществомъ. На это князь предложилъ устроить настоящій балъ въ казенномъ Ботаническомъ

саду. Лермонтовъ замѣтилъ, что не всѣмъ это удобно, что казенный садъ далеко за городомъ и что затруднительно будетъ препроводить нашихъ дамъ, усталыхъ послѣ танцевъ, позднею ночью обратно въ городъ. Вѣдь, биржевыхъ то дрожекъ въ городѣ было 3—4, а свои экипажи у кого были. Такъ не на повозкахъ же тащить?

— Такъ здѣшнихъ дикарей учить надо! сказалъ князь.

Лермонтовъ ничего ему не возразилъ, но этотъ отзывъ князя Голицына о людяхъ, которыхъ онъ уважалъ и въ средѣ которыхъ жилъ, засѣлъ у него въ памяти, и, возвратившись домой, онъ сказалъ намъ:

Г. И. Успенскій. По фотогр. грав. Паннемакеръ.

— Господа! На что намъ непремѣнное главенство князя на нашихъ пикникахъ? Не хочетъ онъ быть у насъ,—и не надо. Мы и безъ него съумѣемъ справиться.

Не скажи Михаилъ Юрьевичъ этихъ словъ, никому бы изъ насъ и въ голову не пришло перечить Голицыну; а тутъ словно насъ бѣсъ дернулъ. Мы принялись за дѣло съ такимъ рвеніемъ, что праздникъ вышелъ – прелесть. Площадку передъ гротомъ занесли досками для танцевъ, гротъ убрали зеленью, коврами, фонариками, а гостей звали по обыкновенію, съ бульвара. Лермонтовъ былъ очень веселъ, не уходилъ въ себя, и отъ души шутилъ и смѣялся, не смотря на присутствіе armée russe. Нечего и говорить что князя Голицына не только не пригласили на нашъ пикникъ, но даже не дали ему объ немъ знать. Но вѣдь, немыслимо же было чтобъ онъ не узналъ о нашей продѣлкѣ въ такомъ маленькомъ городишкѣ. Узналъ князь и крѣпко разгнѣвался. То онъ у насъ голова былъ, а тутъ вдругъ и гостемъ не позванъ. Да и не хорошо это было: почтенный онъ былъ, заслуженный человѣкъ.

Ну да только, такъ не такъ, а слышимъ мы черезъ нѣкоторое время, что и князь отъ своей мысли не отсталъ; выписываетъ угощеніе, устраиваетъ ротонду въ казенномъ саду, сзываетъ гостей, а нашей бандѣ ни слова! Михаилъ Юрьевичъ какъ узналъ, что насъ то обошли, и говоритъ намъ

— Что-жъ? Прекрасно. Пускай онъ себѣ дамъ изъ слободки набираетъ, благо тамъ капитаншъ много. Насъ онъ не зоветъ, и, даю голову на отсѣченіе, ни одна изъ нашихъ дамъ у него не будетъ!

Разослалъ онъ насъ, кого куда, во всѣ стороны съ убѣдительной просьбой въ день княжескаго бала пожаловать на вечеринку къ Верзилинымъ. Мы дѣльце живо оборудовали. Никто къ князю Голицыну не поѣхалъ: ни Верзилинскія барышни, ни дочки доктора Лебединскаго, ни Варенька Озерская. А про la belle noire и говорить нечего. Всѣ отозвались, что приглашены уже къ Верзилинымъ, а хозяйка Марья Ивановна ничего не знаетъ про то, что у нея балъ собирается.

Вотъ собрались мы всѣ и передъ танцами вздумали музыкой заняться. А у Михаила Юрьевича, надо вамъ знать, была странность: терпѣть онъ не могъ, когда кто изъ любителей, даже и талантливый, играть или пѣть начнетъ; и всегда это его раздражало.

Я и самъ пѣлъ, онъ ничего, мнѣ позволялъ, потому что любилъ меня. Вотъ тоже и со стихами моими бывало. Былъ у насъ чиновничекъ изъ Петербурга, Отрѣшковъ-Терещенко по фамиліи, и грамотѣй считался. Онъ же потомъ первый и написалъ въ русскія газеты, не помню куда именно, о дуэли и смерти Лермонтова. Ну, такъ вотъ, этотъ чиновникъ стишки писалъ. И знаю я, что ничуть не хуже меня. А вотъ поди-жъ ты! Попроситъ его Михаилъ Юрьевичъ почитать что-нибудь и хвалитъ, да такъ хвалитъ, что мы рады были бы себѣ языки пооткусывать, лишь бы свой хохотъ скрыть. А мои стишки, хоть и не лучше, а слушаетъ, ничего не говоритъ. Ну, такъ же вотъ и съ музыкой было.

А тутъ, какъ на грѣхъ, засѣлъ за фортепіано юнкеръ одинъ офицерства дожидавшійся, Бенкендорфъ. Игралъ онъ недурно, скорѣй даже хорошо; но бѣда въ томъ, что Михаилъ Юрьевичъ его не очень то жаловалъ; говорили даже, что и Грушницкаго съ него списалъ.

Какъ началась наша музыка, Михаилъ Юрьевичъ усѣлся въ сторонкѣ, въ уголку, ногу на ногу закинувъ, что его обычной позой было, и не говоритъ ничего; а я то ужъ вижу по глазамъ его, что ему не по себѣ. Взглядъ у него былъ необыкновенный, а глаза черные. Вѣрите ли, если начнетъ кого, хоть на пари, взглядомъ преслѣдовать, — загоняетъ, мѣста себѣ человѣкъ не найдетъ. Подошелъ я къ нему, а онъ и говоритъ:

— Слётокъ! будетъ съ насъ музыки. Садись вмѣсто него, играй кадриль. Пусть ужъ лучше танцуютъ.

Я послушался, сталъ играть французскую кадриль. Размѣстились всѣ, а одной барышнѣ кавалера не достало. Михаилъ Юрьевичъ почти никогда не танцовалъ. Я никогда его танцующимъ не видалъ. А тутъ вдругъ Николай Соломоновичъ poignard нашъ жалуетъ. Запоздалъ, потому франтъ! Какъ пойдетъ ноготки полировать, да душиться, – часы такъ и бѣгутъ. Вошелъ. Ну просто сіяетъ. Бешметикъ бѣленькій, черкесска верблюжьяго тонкаго сукна безъ галунчика, а только черной тесемкой обшита, и серебряный кинжалъ чуть не до полу. Какъ онъ вошелъ, ему и крикнулъ кто то изъ насъ:

— Poignard! вотъ дама. Становитесь въ пару, сей часъ начнемъ.

Онъ—будто и не слыхалъ, поморщился слегка и прошелъ въ диванную, гдѣ сидѣли Марья Ивановна Верзилина и ея старшая дочь Эмилія Александровна Клингенбергъ. Ужъ очень ему этимъ poignard омъ надоѣдали. И отъ своихъ, и отъ пріѣзжихъ, и отъ l'armée russe ему другаго имени не было. А на бѣду барышня оказалась изъ бѣдненькихъ, и отъ этого Михаилъ Юрьевичъ еще пуще разсердился. Жаль, забылъ я, кто именно была эта барышня. Однако, ничего, протанцовали кадриль. Барышня, переконфуженная такая, подходитъ ко мнѣ и проситъ, чтобы пустилъ я ее играть а самъ бы потанцовалъ. Я пустилъ ее и вижу что Мартыновъ вошелъ въ залу, а Михаилъ Юрьевичъ и говоритъ громко

— Велика важность, что poignard омъ назвали. Не слѣдъ-бы изъ за этого неучтивости дѣлать!

А Мартыновъ въ лицѣ измѣнился и отвѣчаетъ.

— Михаилъ Юрьевичъ! Я много разъ просилъ!... Пора бы и перестать!

Михаилъ Юрьевичъ сдержался, ничего ему не отвѣтилъ, потому что видѣлъ, какая отъ этихъ словъ на всѣхъ лицахъ легла тѣнь. Да только видно было, что его весь вечеръ крутило. Тутъ и съ княземъ Голицынымъ, котораго въ сущности онъ уважалъ, размолвка, тутъ и отъ музыки раздраженіе, да и мысль, что вотъ, де, барышень лишили и безъ того удовольствія по своему же капризу, да еще и ссориться при нихъ вздумали. Вечеръ то и сошелъ благополучно.

А послѣ, какъ кончился ужинъ, стали мы расходиться, Михаилъ Юрьевичъ и Столыпинъ поотстали, а Мартыновъ подошелъ къ Глѣбову и говоритъ ему:

— Послушай, Миша! Скажи Михаилу Юрьевичу, что мнѣ это крѣпко надоѣло. Хорошо пошутить, да и бросить. Скажи, что дурнымъ можетъ кончиться.

А Лермонтовъ, откуда ни возьмись, тутъ какъ тутъ.

— Что-жъ? говоритъ,—можете требовать удовлетворенія.

Мартыновъ поклонился, и разошлись.

Меня то при этомъ не было. Я, какъ былъ помоложе всѣхъ, всегда забѣгалъ впередъ ворота отворять, да мнѣ послѣ Глѣбовъ разсказывалъ.

Ромео и Джюльетта. Группа Вейценберга, по фотогр. Лаптева, грав. Ю. Барановскій.

Конечно, эта размолвка между пріятелями произвела на всѣхъ насъ непріятное впечатлѣніе. Мы съ Глѣбовымъ говорили объ ней до глубокой ночи и рѣшили на утро собраться всѣмъ вмѣстѣ и потолковать какъ дѣлу пособить.

Но ни тогда, ни послѣ, до самой той минуты, когда мы узнали, что все уже кончено, намъ и въ голову не приходили какія бы то ни было серьезныя опасенія. Думали, такъ себѣ повздорили пріятели, а послѣ и помирятся. Только хотѣлось бы, чтобы поскорѣе все это кончилось, потому что мѣшала ихъ ссора нашимъ увеселеніямъ. А Мартыновъ и стрѣлять то совсѣмъ не умѣлъ. Разъ мы стрѣляли всѣ вмѣстѣ, забавы ради, такъ Николай Соломоновичъ мѣтилъ въ заборъ, а попалъ въ корову. Такъ понятно, что мы и не безпокоились.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Престольная въ моск. кремл. дворцѣ.

(Рис. на стр. 156 и 157).

Въ древнихъ теремныхъ палатахъ московскаго кремлевскаго дворца отъ церкви Славущаго Воскресенія идетъ корридоръ, называемый нынѣ „чугуннымъ", по который нѣкогда составлялъ сѣни верхняго яруса „зданія Іоаннова" или жилыхъ покоевъ царевны; поднявшись здѣсь по лѣстницѣ, вы вступаете въ теремъ, надстроенный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ, царевичей Алексѣя Михайловича и Іоанна Михайловича въ 1636 году, и остававшійся долго единственнымъ памятникомъ домашней жизни нашихъ царей въ XVII вѣкѣ. Со времени постройки новаго дворца Елизаветы, теремъ былъ въ полномъ запущеніи и мало по малу разрушился, пока не обратилъ на него вниманія Императоръ Николай Павловичъ, приказавшій возстановить въ прежнемъ видѣ этотъ интереснѣйшій памятникъ старины. Реставрація была произведена по рисункамъ академика Солнцева, подъ наблюденіемъ гофмаршала барона Боде. Вступая въ этотъ рядъ покоевъ, предназначенныхъ послѣ реставраціи государемъ для жилья своего наслѣдника, вспоминается невольно расположеніе храма; вотъ трапезная или столовая, соборная или гостиная и наконецъ престольная, изображенная на нашемъ рисункѣ. Далѣе слѣдуетъ опочивальня и образная. Живопись стѣнъ повсюду храмовая съ разводами и узорами. Здѣсь, въ престольной палатѣ, у краснаго окна, подлѣ котораго царское мѣсто, былъ устроенъ въ старину опускавшійся внизъ ларецъ для просьбъ, поступавшихъ прямо въ руки царю. Кромѣ этого механизма, нынѣ уничтоженнаго, въ престольной палатѣ все сохранилось по старому, какъ было при прежнихъ вѣнценосныхъ хозяевахъ. На потолкѣ, среди пестраго, золотистаго орнамента видны лики святыхъ; на стѣнахъ, среди травчатаго узорочья, изображены львы, а подъ сводами двухглавые орлы, какъ бы поддерживающіе своды своими распростертыми крыльями. Кромѣ довольно скромнаго бархатнаго трона, передъ которымъ стоитъ столъ, остальная меблировка престольной почти исключительно состоитъ изъ старинныхъ кресселъ съ высокими спинками. Направо между двухъ дверей видна большая круглая печь, выложенная пестрыми, узорчатыми изразцами. За престольной комнатой слѣдуетъ опочивальня, часть которой, черезъ открытыя двери, тоже видна на нашемъ рисункѣ. Здѣсь и въ образной или маленькой царской, хранится богатое собраніе древнихъ образовъ, складней и крестовъ. Кромѣ того разныя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія царю Алексѣю Михайловичу, и золотая и серебряная посуда расположены въ особаго рода створцахъ частью въ трапезной, а частью и въ престольной комнатѣ.

Испанскій романсъ.

(Рис. на стр. 161).

Назвалъ художникъ Мюльталеръ свою картину „Испанскій романсъ". Пѣвица на эстрадѣ собирается пѣть испанскій романсъ и, сообразно репертуару своему, въ національномъ характерномъ костюмѣ, готовится начинать. Сейчасъ раздадутся сладостные, задумчивые, нѣжные какъ ясная теплая ночь Испаніи, звуки.... Хорошенькое личико молодой пѣвицы полно оживленія и красивая рука нервно перебираетъ струны звучной гитары, начиная прелюдію.

Ченслеръ въ Россіи.

(Рис. на стр. 164).

Прибытіе англичанъ въ Россію и заведеніе съ ними первыхъ торговыхъ сношеній, совпадаетъ съ самою блестящею эпохою царствованія Іоанна Васильевича. Незадолго передъ тѣмъ царь возвратился въ Москву со славою покорителя Казани. Астрахань была принуждена открыть для Россіи ворота въ Каспійское море. Сибирь, не сознававшая еще своихъ богатствъ, обязалась, въ знакъ своего подданства, доставлять повелителю Россіи соболь и бѣличьи мѣха, и полудикія племена ея присягнули царю.

Самое появленіе англичанъ у береговъ Россіи, впрочемъ, вызвано было не этими замѣчательными историческими событіями; оно произошло совершенно случайно и собственно прибытіе перваго англійскаго корабля 24 августа 1553 года къ южному берегу Бѣлаго моря, недалеко отъ Корельскаго устья Двины, противъ посада Ненокcы, было и для самихъ англичанъ совершенно непредвидѣннымъ событіемъ. Прибывшій корабль былъ однимъ изъ трехъ, снявшихся 11 мая 1553 года съ якоря у Детфорда, чтобы плыть въ Китай и Индію совершенно новымъ путемъ, а именно вокругъ Норвегіи, черезъ какой нибудь проливъ въ родѣ Магелланова. Предпріятіе возбуждало всеобщее участіе; оно было ново и важно. Никогда еще англійскій корабль не плавалъ вокругъ Норвегіи и вообще не бывалъ на востокѣ дальше Вардгуса. Въ три мѣсяца плаванія, два изъ этихъ кораблей, Bona Esperanza и Bona Confidentia, достигли глубокаго сѣвера и тамъ съ перваго, на которомъ начальствовалъ Виллеби, 14 августа увидѣли землю — вѣроятно южный берегъ Новой Земли, между сѣвернымъ и южнымъ Гусинымъ Носомъ. Материкъ же Россіи Виллеби въ первый разъ увидѣлъ лишь 23 августа и вступилъ на русскую почву. Судьба этихъ двухъ кораблей была самая ужасная; весь экипажъ ихъ, состоявшій изъ 65 человѣкъ, замерзъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ. Третій корабль экспедиціи, „Бонавентура", еще 30-го іюля 1553 года сильною бурею въ сѣверномъ морѣ былъ разлученъ съ двумя другими и цѣлую недѣлю ждалъ ихъ у Вардгуса, гдѣ было назначено сойтись всѣмъ вмѣстѣ. Потомъ онъ отплылъ въ Бѣлое море и присталъ близь устья Двины. Кромѣ Ричарда Ченслера, Стефана Барро и Джона Боклснда, на немъ было еще 47 человѣкъ. Ненокcѣ досталось въ первый разъ угостить русскою хлѣбъ-солью нежданныхъ гостей изъ Англіи. Неподалеку отъ Ненокcы, къ западу, на самомъ Корельскомъ устьѣ Двины, находился монастырь св. Николая, имѣвшій свои собственные соляные варницы. Этотъ монастырь былъ первымъ мѣстомъ, которое должны были посѣтить изъ Ненокcы англичане. Ченслеръ, волей неволей, принялъ на себя роль англійскаго посланника. Взявъ нѣсколько человѣкъ изъ своихъ спутниковъ, онъ отправился по Малокурьѣ и Двинѣ въ Холмогоры. Тамошній градоначальникъ, Фофанъ Макаровъ, и земскій судья встрѣтили его почетно и затѣмъ донесли о прибытіи англичанъ царю Іоанну Васильевичу. Корабль былъ, по ихъ распоряженію, переведенъ на зимовье въ Унскую губу, а Ченслеръ отправился 23 ноября въ саняхъ въ царскую столицу, не дождавшись отъ царя приглашенія или дозволенія, которое впрочемъ встрѣтило его изъ Москвы на дорогѣ. Черезъ двѣнадцать дней, по прибытіи Ченслера въ Москву, царскій дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, управлявшій тогда иностранными дѣлами, объявилъ ему, что царь Іоаннъ Васильевичъ согласенъ дать ему аудіенцію. При пріемѣ Ченслера присутствовалъ извѣстный любимецъ царя Алексѣй Ѳеодоровичъ Адашевъ; Ченслера сопровождали именитые англійскіе купцы Бартонъ и Эдуардсъ. Онъ подалъ царю открытую грамоту короля Эдуарда VI. Послѣ аудіенціи, Ченслеръ съ обоими купцами удостоились чести быть приглашенными къ столу царя. Тогда же, вслѣдствіе просьбы Ченслера дозволить англичанамъ завести торговыя связи съ Россіею, въ февралѣ 1554 года была изготовлена грамота царя Іоанна Васильевича къ королю Эдуарду VI, впрочемъ уже тогда умершему. Этой грамотой англійскіе купцы охотно допускаются въ Россію и уполномочиваются вести торговлю съ полною свободою. Въ мартѣ 1554 г. Ченслеръ и его спутники уѣхали изъ Москвы и, выждавъ на Двинѣ благопріятной поры, отплыли на „Бонавентурѣ" въ Англію. На дорогѣ корабль имѣлъ несчастье попасться голландцамъ и былъ ими ограбленъ, но экипажъ добрался до Лондона съ царскою грамотою на имя короля Эдуарда, вмѣсто котораго она поднесена королевѣ Маріи. Тогда же изъ купцовъ и нѣкоторыхъ дворянъ образовалось въ Лондонѣ новое общество, имѣвшее цѣлью открытіе неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ къ востоку и западу. Компанія эта была утверждена 26 февраля 1555 года Филиппомъ и Маріею особою грамотою и получила исключительную привилегію на торговлю съ Россіей. Въ апрѣлѣ 1555 года Ченслеръ снова отправился въ Россію, снабженный королевскою грамотою, въ которой была изложена благодарность за благосклонный пріемъ Ченслера въ бытность его въ Москвѣ и просьба опять принять его и находящихся при немъ людей милостиво и оказать покровительство торговлѣ. Въ Холмогорахъ Ченслера уже встрѣтили съ нѣкоторою торжественностью, что изображено на нашемъ рисункѣ. Пріемъ у царя въ Москвѣ былъ самый благосклонный; послѣ аудіенціи англичане были приглашены къ обѣду, на которомъ присутствовалъ митрополитъ Макарій. Ихъ называли „корабельными гостями" и посадили за столъ насупротивъ царя, который подчивалъ ихъ разными кушаньями и напитками, называя каждаго по имени. Третье плаваніе въ Россію Ченслера, весною 1556 года, было для него и послѣднимъ; несчастный англичанинъ погибъ на возвратномъ пути около береговъ Шот-

ландіи съ своимъ сыномъ и семью русскими изъ свиты русскаго посла Испѣи, который тоже выдержалъ крушеніе на одномъ изъ кораблей и спасся какимъ-то чудомъ.

Зимній видъ въ Лифляндіи.

(Рис. на стр. 165).

Картины Цурмюллена извѣстны уже публикѣ и не разъ украшали выставки нашей Академіи Художествъ. Говоримъ „украшали", ибо безспорный талантъ, тонкость пониманія сѣверной природы, чуткость къ оттѣнкамъ и тонамъ воздуха и освѣщенія, мѣткость деталей, все это обращало на картины художника вниманіе публики. Лифляндія отличается очень красивыми видами, особенно около Феллина; эти мѣста даже называются „Лифляндскою Швейцаріею". Но минуя всѣ болѣе эффектные, художникъ взялъ просто самый обыкновенный, самый простой деревенскій видъ и обработалъ его съ любовью и чувствомъ. Къ деревенькѣ, окутанной снѣгомъ, подъѣзжаетъ крестьянинъ, грачи справа копошатся въ кустахъ, безлистныя вѣтви деревьевъ темнѣютъ въ морозномъ воздухѣ....

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

(Портр. на стр. 168).

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ выступилъ въ нашей литературѣ талантливый беллетристъ Глѣбъ Ивановичъ Успенскій, возбудивъ своими первыми произведеніями довольно оживленную полемику въ нашей тогдашней журналистикѣ. Признавая сильный талантъ въ писателѣ и отдавая справедливость его наблюдательности, все таки не переставали упрекать его въ крайнемъ реализмѣ и въ предпочтеніи типовъ вообще непривлекательныхъ. Публика съ удовольствіемъ прочитывала его разсказы, появлявшіеся въ журналахъ „Русскомъ Словѣ", „Современникѣ" и „Женскомъ Вѣстникѣ". Такъ большимъ успѣхомъ пользовались въ то время его „Въ будни и праздникъ", „Глушь", „Деревенская неурядица", „Будка", „Изъ стараго и новаго", „Люди и нравы современной деревни", „Нравы Растеряевой улицы". Во всѣхъ этихъ картинкахъ народной жизни, схваченныхъ мѣтко и вѣрно, какъ бы съ натуры, особенно выдавалось разнообразіе типовъ; здѣсь фигурировали не исключительно мужички, какъ у другихъ нашихъ народныхъ писателей, но съ равною наблюдательностью были выведены типы купцовъ, духовенства, чиновниковъ, мастеровыхъ и всякаго другаго люда, обитающаго въ нашихъ захолустьяхъ. Типъ кулака, къ сожалѣнію столь теперь обычный въ нашей деревнѣ, былъ выводимъ Успенскимъ не разъ, и всегда ярко и жизненно. Его повѣсть „Разоренье", посвященная спеціально подвигамъ нашего деревенскаго кулачества, представляетъ въ высшей степени вѣрную картину того недалекаго прошлаго, когда на развалинахъ крѣпостнаго права, въ барскихъ хоромахъ и помѣстьяхъ появились любители легкой наживы, пріобрѣтавшіе за гроши, пользуясь обстоятельствами, разные остатки прежняго величія и роскоши. Эта тема впослѣдствіи разрабатывалась и другими нашими писателями, но все таки преимущество остается за Г. И. Успенскимъ. Почитатели Г. И. теперь имѣютъ возможность читать его произведенія не въ разбросанныхъ изданіяхъ и журналахъ, а въ полномъ ихъ собраніи, которое уже вышло въ семи томахъ.

„Ромео и Джульетта". Статуя Вейценберга.

(Рис. на стр. 169).

Скульпторъ г. Вейценбергъ, котораго статуя „Гамлетъ" занимала почетное мѣсто на Парижской выставкѣ въ русскомъ отдѣлѣ, теперь находится въ Петербургѣ. Онъ эстъ по происхожденію; род. въ 1837 г. въ небольшой деревушкѣ близъ Дерпта. Отецъ его былъ простой башмачникъ; затѣмъ юноша занимался рыбачествомъ. Чувствуя призваніе сдѣлаться ваятелемъ, онъ ѣдетъ въ Петербургъ, прилежно учится тамъ, затѣмъ доканчиваетъ художественное образованіе въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Но его неотступно манилъ къ себѣ Римъ, и здѣсь художникъ начинаетъ работать, фанатически преданный своему дѣлу. Успѣхъ на всемірной выставкѣ былъ значительный. Среди его произведеній замѣчательна цѣлая галлерея Шекспировскихъ типовъ: Гамлетъ, лэди Макбетъ, Офелія, Ромео и Джульетта и проч. Также нѣсколько Шиллеровскихъ типовъ показываютъ какъ серьезно и глубоко художникъ предался искусству. Въ настоящее время онъ снова, какъ мы выше сказали, въ Петербургѣ и нѣсколько весьма интересныхъ работъ его выставлено въ Обществѣ поощренія художествъ. Первою у входа стоитъ „Офелія",—это нѣжный, милый образъ. Офелія изображена раздавшею уже всѣ свои цвѣты; она прижимаетъ къ груди только розу, символъ ея печальной любви. Вторая большая мраморная фигура—молоденькая дѣвушка, „Дочь Евы". Это одна изъ прежнихъ работъ художника, и въ послѣдніе годы талантъ его значительно усовершенствовался. Бюстъ римлянки—женская голова со строгимъ классическимъ профилемъ, но яснымъ, пріятнымъ выраженіемъ. Гипсовая фигура „Россіи", небольшой эскизъ, который въ исполненіи можетъ, однако, украсить лучшій памятникъ. „Зима", прелестный, нагой ребенокъ, дремлющій на кожѣ льва. Въ этой „Зимѣ" художникъ хотѣлъ изобразить лишь отдыхъ природы. Очень хороши бюсты покойнаго Императора Александра II, изображеннаго въ его средніе годы, и покойной Императрицы. Остальныя работы художника, которыя, судя по фотографіямъ, значительнѣе выставленныхъ, это группы: „Ромео и Джульетта", „Койтъ и Эмерикъ", олицетвореніе поэтической эстонской саги о разсвѣтѣ и сумеркахъ, „Плачущая Линда" (въ Ревельскомъ музеѣ) и др.

Въ „Ромео и Джульеттѣ", которой копію помѣщаемъ теперь на стр. 169, художникъ взялъ трагическій и потрясающій моментъ IV акта. Несчастный Ромео уже покончилъ земные счеты, на юношескомъ лицѣ его лежитъ печать смерти и вѣчнаго покоя. Тѣло въ свободномъ движеніи раскинулось на ступеняхъ гробницы, руки въ послѣднемъ объятіи закинулись у ногъ Джульетты, которая въ эту минуту именно вдругъ просыпается.... Но уже поздно!... „Гдѣ Ромео?" спрашиваетъ она. „Я помню, я должна была проснуться.... въ гробницѣ.... здѣсь!.... Но гдѣ же онъ, Ромео?" Выполненіе сцены, прекрасныя, полныя движенія и свободы, положенія фигуръ и выраженія лицъ производятъ сильное впечатлѣніе.

Пожаръ въ домѣ Кредитнаго Общ. въ СПБ.

(Рис. на стр. 172).

Вечеромъ 30-го января быстро разнеслась по столицѣ вѣсть о пожарѣ въ домѣ Городскаго Кредитнаго Общества. Говорили будто горитъ архивъ Общества съ дѣлами и документами. Огромная толпа народа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ наполнила всю площадь Александринскаго театра. Громадный домъ Общества пылалъ. Густые клубы дыма и яркіе языки пламени высоко подымались надъ зданіемъ. Когда примчались пожарныя команды, пожаръ принялъ уже большіе размѣры. Весь верхъ и потолокъ въ концертной залѣ уже почти рушились, когда пламя вдругъ показалось на противоположной сторонѣ зданія и такимъ образомъ домъ началъ горѣть съ двухъ сторонъ. Вскорѣ прибыли градоначальникъ, брандъ-маіоръ и всѣ пожарныя части, резервы и паровыя трубы съ многочисленными лѣстницами. Къ 11 часамъ съ страшнымъ шумомъ рухнула крыша и потолокъ и загорѣлся второй этажъ. Съ неимовѣрной быстротою огонь уничтожалъ этотъ этажъ и къ 12 час. остались лишь стѣны и выбитыя черныя отверстія оконъ, откуда билъ густой дымъ. Пожарные работали молодецки и энергически, но сдѣлать было ничего нельзя, даже такими сильными струями и такой массой воды, которая впослѣдствіи образовала родъ наводненія въ домѣ. Толпы народа все увеличивались и отъ Невскаго проспекта поставлена была цѣпь солдатъ. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Многіе выражали увѣренность въ поджогѣ, связывая его съ пререканіями, возникшими въ послѣднее время въ Кредитномъ Обществѣ. По все это должно выяснить слѣдствіе. Замѣчательно энергическими распоряженіями градоначальника, вступившаго въ домъ въ разгаръ пожара, были спасены всѣ книги и документы Общества. Не обошлось и безъ несчастій: одинъ пожарный былъ убитъ и двое тяжело ранено. Сгорѣли третій этажъ, гдѣ помѣщался концертный залъ, кабинеты директоровъ и комнаты засѣданій комитета. Благодаря принятымъ мѣрамъ, огонь не прошелъ внизъ въ канцелярію, и нижніе этажи остались невредимы, кромѣ массы воды, которая, заливъ полы, перепортила всѣ своды. На мѣсто происшествія прибыли Министръ Юстиціи, прокуроръ и судебный слѣдователь; были на лицо также всѣ члены ревизіонной коммисіи, которые и обнародовали протоколъ о цѣлости документовъ Кредитнаго Общества.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.—Турція.

Положеніе дѣлъ въ Суданѣ требуетъ отъ Англіи самыхъ быстрыхъ и энергическихъ дѣйствій. По послѣднимъ извѣстіямъ, арабы занимаютъ Метамне, а всѣ племена, державшія до сихъ поръ сторону англичанъ, перешли теперь къ лжепророку. Всѣ подходы къ Хартуму заняты войсками Махди. Въ Гальфули, въ трехъ верстахъ отъ Хартума, на правомъ берегу Нила, суданцы устроили батарею изъ четырехъ крупповскихъ орудій, изъ которыхъ стрѣляютъ въ проходящіе пароходы. Сторонники лжепророка занимаютъ всѣ общественныя зданія въ Хартумѣ, паденіе котораго вообще приписывается измѣнѣ. Предателемъ называютъ Феррара-пашу, командовавшаго египетскими войсками, защищавшими устроенный вокругъ Хартума валъ. Феррарь-паша открылъ ворота Хартума 26 января и такимъ образомъ впустилъ въ городъ мятежниковъ. Передаютъ, что Гордонъ услыхалъ необычайный шумъ, производимый вторгавшимся непріятелемъ, и выбѣжалъ на улицу, чтобы узнать, что случилось, но у самаго губернаторскаго дома былъ убитъ подбѣжавшими къ нему суданцами. Дикіе кордофанскіе воины прошли всѣ улицы Хартума, отмѣчая каждый шагъ свой поголовнымъ избіеніемъ всѣхъ попадавшихся имъ людей, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. По взятіи города на внѣшнихъ укрѣп-

Пожаръ въ домѣ Кредитнаго Общества въ СПБ. 30—31 января. Рис. Р. Штейнъ, грав. М. Рашевскій.

леніяхъ и редутахъ были поставлены новыя пушки и всѣ подходы къ Хартуму какъ съ сухопутной стороны, такъ и по направленію Нила, были тотчасъ укрѣплены фортификаціонными сооруженіями. Въ Лондонѣ однако не получено никакого оффиціальнаго подтвержденія о смерти Гордона. Здѣсь даже ходятъ довольно достовѣрные слухи, будто бы генералъ живъ: что онъ со стражей изъ 50 турокъ и съ двумя стами негровъ заперся въ зданіяхъ Хартумской католической миссіи, которыя онъ съ давнихъ поръ обратилъ въ свой главный складъ, арсеналъ и въ свое убѣжище, въ крайнемъ случаѣ. Горсть храбрыхъ людей можетъ дѣйствительно продержаться нѣсколько времени въ этой цитадели, но очевидно, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія подобнаго предположенія, также какъ вѣрить сообщеніямъ донгольскаго мудира, настойчиво увѣряющаго, что Хартумъ не находится въ рукахъ Махди. Впрочемъ. въ Англіи не вѣрятъ такимъ утѣшительнымъ вѣстямъ и всѣ убѣждены. что Хартумъ уже палъ; со всѣхъ концовъ раздается теперь кличъ „впередъ!“ и газеты всѣхъ партій и оттѣнковъ единогласно заявляютъ, что Англія не можетъ отступать не нанеся страшнаго удара своему могуществу. Такого же мнѣнія и министерство, которое послѣ весьма оживленнаго и продолжительнаго совѣщанія, отвѣчало на запросъ Вольслея, что во всякомъ случаѣ компанія должна быть продолжаема до совершеннаго подавленія возстанія.

Въ то время какъ военное счастіе обернулось въ Суданѣ спиною къ англичанамъ, оно видимо улыбается французскому оружію въ Тонкинѣ. О взятіи Лонгъ-Сона получены слѣдующія подробности: „Французы выступили изъ лагеря подъ Лонгъ-Сономъ 10 февраля и дошли безпрепятственно до Ваноя, гдѣ на слѣдующій день было нанесено непріятелю полное пораженіе. Переночевавъ на полѣ сраженія, французы 12 февраля разбили на голову китайцевъ, и затѣмъ взяли штурмомъ нѣсколько фортовъ. 13-го февраля французы, послѣ форсированнаго марша. вступили въ Лонгъ-Сонъ, уже очищенный непріятелемъ. который при отступленіи поджогъ городъ. Въ руки французовъ досталась масса оружія, боевыхъ припасовъ и риса. Занятіе Формозы представляется однако не такъ легкимъ, какъ предполагали. Такъ, по словамъ газеты „Debats“, китайцы въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ имѣли полную возможность доставить на островъ Формозу столько людей и столько матерьяла, сколько было имъ необходимо, да и кромѣ того они оказались превосходными инженерами, умѣющими отлично строить укрѣпленія подъ руководствомъ европейскихъ авантюристовъ. Всѣ окружающія Келунгъ возвышенности унизаны фортами, и понадобится много времени, чтобы выбить китайцевъ изъ занимаемыхъ ими позицій.

Изъ Рима телеграфируютъ, будто состоявшееся съ Лондономъ соглашеніе обязываетъ Италію, въ случаѣ надобности, послать гарнизоны не только въ одни порты Краснаго моря, но и въ самый Каиръ, дабы дать возможность британскимъ оккупаціоннымъ войскамъ усилить части, дѣйствующія теперь въ Суданѣ. Паденіе Хартума измѣнило положеніе дѣлъ на столько, что для Англіи стало необходимымъ тотчасъ же приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ; военная же организація королевства затрудняетъ мобилизацію войскъ; при такихъ обстоятельствахъ содѣйствіе Италіи дѣйствительно можетъ выручить британское правительство изъ тяжкихъ затрудненій. Оппозиціонная печать Италіи открыто высказывается противъ такого союза съ Англіей и заклинаетъ правительство не вовлекать страну въ рискованныя предпріятія.

Вслѣдствіе паденія Хартума, турецкія газеты полагаютъ, что Англіи болѣе ничего не остается, какъ заключить союзъ съ Турціею, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, только одно обаяніе Калифата въ состояніи привести къ замиренію Суданъ. Арсеналъ вооружаетъ шесть корветовъ, а четыре броненосца будутъ готовы черезъ мѣсяцъ. Этотъ флотъ предназначается въ Красное море и въ особенности въ Триполисъ, о которомъ турецкія газеты много говорятъ, выставляя на видъ итальянскіе происки. Вѣроятно порта возобновитъ свой недавній протест , вслѣдствіе занятія итальянцами Массовы, такъ какъ это занятіе крайне неправится оттоманскимъ политикамъ.

Смѣсь.

Характеристика рѣчей князя Бисмарка. „Часъ пополудни! Началось засѣданіе рейхстага, говоритъ „Цюрихская газета“. Большой, подковообразный залъ еще совершенно пустъ. Депутатъ Лингенсъ, а также министръ Беттигеръ говорили еще въ полупустой залѣ. Когда рѣчь началъ престарѣлый директоръ сѣверо-германскаго Ллойда Мейеръ, залъ началъ понемногу наполняться. такъ какъ распространился слухъ, что прибудетъ канцлеръ. И дѣйствительно. Отворилась узкая дверь возлѣ предсѣдательскаго мѣста и, занявъ все ея пространство, появилась высокая фигура Бисмарка. По всему зданію раздаются тоненькіе, тихіе звонки. Въ читальнѣ, въ комнатѣ фракцій, въ конторѣ журналистовъ слышатся электрическіе звонки, дающіе знать находящимся внѣ зала, что Бисмаркъ пришелъ и будетъ говорить. Своими длинными, футовыми карандашами. которые, по словамъ юмористическихъ листковъ, могли бы быть превращены въ маленькія казацкія пики, онъ. на отдѣльныхъ листикахъ, дѣлаетъ замѣтки дюймовыми буквами. Это обыкновенный признакъ. что онъ вскорѣ будетъ отвѣчать одному изъ говорящихъ. Короткій поклонъ предсѣдателя въ сторону Бисмарка—и ему принадлежитъ слово! Теперь, стоя у мѣста для журналистовъ. можно видѣть какую фигуру представляетъ изъ себя „желѣзный канцлеръ“. Ростомъ онъ по крайней мѣрѣ 6 футовъ; надъ высокою грудною клѣткою и широкими плечами возвышается замѣчательно круглая, правильная голова безъ волосъ, гладкая какъ куполъ изъ полированной слоновой кости. Густыя, бѣлыя брови нависли надъ сѣростальными глазами. Эти мохнатыя брови сообщаютъ лицу нѣчто мрачное, а взглядъ, сверкающій изъ подъ нихъ, имѣетъ также нѣчто суровое, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ. Сѣдые усы подъ короткимъ носомъ, закрывающіе ротъ, также густы, какъ и брови. Все лицо изрыто складками и морщинами; большіе круги образовались подъ глазами, а цѣлый рядъ „гусиныхъ лапокъ“ избороздилъ виски. Бисмаркъ начинаетъ говорить. Блѣдное до того лицо его немного краснѣетъ, переходя постепенно въ цвѣтъ, напоминающій яркую бронзу. При этомъ голова его имѣетъ видъ, точно сдѣлана изъ металла. Слышащій впервые Бисмарка будетъ сильно пораженъ: слабый сдавленный голосъ очень плохо гармонируетъ съ гигантской его фигурой. Зачастую кажется, что голосъ откажется ему повиноваться; при малѣйшемъ возбужденіи онъ начинаетъ хрипѣть. При этомъ канцлеръ говоритъ, то очень скоро. то очень медленно, но всегда довольно тихо. Онъ никогда не входитъ въ пафосъ. Тѣ же фразы. которыя въ печати кажутся металлическими, произнесенными мощнымъ голосомъ и при сильномъ движеніи, въ дѣйствительности говорятся имъ обыкновеннымъ разговорнымъ тономъ. Точно также всѣ самыя злыя, личныя нападки произносятся имъ съ такою ироническою вѣжливостью и такъ любезно, точно дѣло касается дружескаго замѣчанія. Конечно, иногда онъ также сердится; шейныя вены наливаются кровью и темная краска предательски подступаетъ до самаго лба. Узкой, бѣлой рукою онъ нервно хватается тогда за воротникъ мундира, точно чувствуя тамъ недостатокъ воздуха. Брови надвигаются еще ниже, голосъ становится немного рѣзче и въ немъ появляется металлическій звукъ. Рѣчь льется быстрѣе. При этомъ ораторъ закидываетъ голову назадъ, а лицо принимаетъ неподвижное выраженіе. Но и въ такія минуты нельзя сказать, естественное ли это раздраженіе, или оно искусственно. Нѣсколько разъ, однако, я видѣлъ какъ каждый фибръ дрожалъ гнѣвомъ у канцлера. и гнѣвъ этотъ проявлялся съ силой. Ему казалось, что со скамей оппозиціи раздалось личное оскорбленіе, касавшееся его чести. Гнѣвъ его былъ тогда настоящій и всѣ невольно притихли. Съ дрожащими ноздрями, сжавъ зубы, широко раскрывъ глаза и съ судорожно сжатыми руками, точно желая удержать себя въ границахъ, притомъ поминутно мѣняясь въ лицѣ, которое становилось то ярко-краснымъ, то пепельно-сѣрымъ, канцлеръ вскочилъ со своего мѣста и направился въ ряды оппозиціи. Неизвѣстно, какая бы разыгралась сцена, еслибы своевременно съ противной стороны не раздалось объяснительное слово. Но обыкновенно Бисмаркъ держитъ себя въ спорахъ какъ джентльменъ. Онъ никогда не возвышаетъ сильно голоса и при самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ придаетъ рѣчи оттѣнокъ политическаго разговора. При этомъ онъ обладаетъ своеобразной манерой побѣждать противника. Рѣчь послѣдняго представляется ему моткомъ нитокъ; послѣдній конецъ нитки находится наверху и легче всего виденъ. Поэтому Бисмаркъ беретъ послѣднюю фразу противника и разбираетъ рѣчь его съ конца до начала, подобно мотку. У каждой нитки, которую онъ открываетъ и которая ему не нравится, онъ дѣлаетъ возраженія. Но пока онъ произноситъ одну фразу, мысль предшествуетъ языку. Голосъ его замедляется. взглядъ до нѣкоторой степени устремляется внутрь, и онъ начинаетъ развивать цѣлый рядъ блестящихъ мыслей, причемъ видишь и чувствуешь, какъ въ головѣ оратора зарождаются мысли, формируются и медленно превращаются въ слова. Въ этомъ заключается вся прелесть рѣчей Бисмарка. Онѣ никогда не бываютъ ровными, но поражаютъ свѣжею новизною и внезапными оборотами съ неожиданными кругозорами. Къ этому присоединяется юморъ и спокойный сарказмъ, присущіе канцлеру; и тотъ и другой проявляются когда менѣе всего этого ожидаешь Благодаря этому, на сторонѣ Бисмарка часто бываютъ смѣшливые. а среди нихъ зачастую его же противники. Съ живостью Бисмаркъ недавно началъ говорить: между нимъ и главою свободномыслящихъ, Рихтеромъ, завязался споръ о предохранительной пошлинѣ и переселенческомъ вопросѣ. Въ залѣ огни; часы показывали 6 часовъ вечера, а рѣчи еще продолжались; наконецъ онѣ перешли на личныя замѣчанія, въ которыхъ канцлеръ не принималъ болѣе участія. Онъ сидѣлъ первымъ на министерской скамьѣ, и вооружась чернымъ лорнетомъ, поправлялъ своимъ длиннымъ карандашемъ стенографическій отчетъ своихъ рѣчей. Въ пылу разговора не всякая фраза выходитъ обработанной. и Бисмаркъ самъ провѣряетъ каждую изъ своихъ рѣчей, ранѣе чѣмъ она попадаетъ въ печать“.

Герцогская Мейнингенская придворная труппа начала свои представленія въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, съ воскресенья 10-го сего февраля. Директоръ труппы Г. Кронекъ занятъ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ распоряженій по названнымъ представленіямъ. Прибыли артисты (36 мужчинъ и 24 женщины) и 20 лицъ техническаго персонала. Выгружено было 24 вагона, прибывшихъ изъ заграницы съ декораціями, мебелью, костю-

мами, реквизитомъ и т. д., и все это помѣщено отчасти въ магазины и кладовыя при Александринскомъ театрѣ. Мейнингенская труппа открыла свои гастроли пьесой Шекспира „Юлій Цезарь“. Въ главныхъ роляхъ явились: Г-жи Ольга Лоренцъ, Марія Бергъ, Матильда Венцель, Элиза Гергардтъ; *Людвигъ Барнай* (почетный членъ), Карлъ Вейзертъ, Леопольдъ Теллеръ, Павелъ Рихардъ, Александръ Отто, весь персоналъ названной труппы и болѣе ста человѣкъ статистовъ. Первое представленіе пьесы „Юлій Цезарь“ было назначено въ воскресенье 10-го февраля, внѣ абонемента; затѣмъ шло въ счетъ абонемента въ понедѣльникъ 11-го, въ среду 13-го и въ пятницу 15-го февраля. Въ теченіи своихъ гастролей они дадутъ слѣдующія пьесы: „Трилогія Валленштейна“. Мессинская невѣста“, „Разбойники“, „Марія Стюартъ“, „Вильгельмъ Тель“, „Что вамъ угодно“, „Зимняя сказка“. „Мнимый больной“, „Лидія“. Каждая изъ названныхъ пьесъ можетъ быть дана нѣсколько разъ подрядъ, а затѣмъ должна быть, по случаю сложныхъ сценическихъ постановокъ, снята съ репертуара для постановки слѣдующихъ пьесъ. Представленія будутъ даваемы ежедневно, съ 10 сего февраля по 15 марта включительно, въ Александринскомъ театрѣ.

Растеніе-барометръ. Среди вьющихся растеній, служащихъ для украшенія комнатъ и особенно жардиньерокъ, первое мѣсто занимаетъ Tradescantia viridis, zebrina и multicolor. Болѣе всего разводится Tradescantia zebrina. Растеніе это, покрытое густыми листочками, составляетъ прекрасное украшеніе для жардиньерокъ, консолей и пр. Если расположить растеніе такимъ образомъ, чтобы на него до нѣкоторой степени дѣйствовалъ солнечный свѣтъ, то, спустя непродолжительное время, оно покроется лиловыми бутонами и цвѣтками. Бутоны распускаются обыкновенно за сутки предъ дождемъ, снѣгомъ, или наступленіемъ бури. Разъ начавъ цвѣсти, растеніе постоянно имѣетъ въ запасѣ новые бутоны, почему является вѣрнымъ и дешевымъ барометромъ. Разводится оно также легко, при помощи отростковъ, скоро принимающихся. При покупкѣ растенія слѣдуетъ выбирать исключительно Tradescantia zebrina, а не одноцвѣтную Tradescantia viridis.

Вѣрная служба писчихъ перьевъ. Въ наше время, когда стальныя перья совершенно вытѣснили гусиныя, трудно понять, какъ прежде высоко цѣнилось хорошее перо, какъ долго оно служило и какъ къ нему даже привязывались. Такъ, много писавшій Сахини имѣлъ только два пера и написалъ ими семь томовъ сочиненій. Но еще поразительнѣе примѣръ Лео Алаціуса, который, какъ самъ утверждаетъ, писалъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ однимъ лебединымъ перомъ и даже плакалъ, когда оно случайно затерялось.

Алгебраическая задача № 7.

8	14	3	4	0	0	25	12	14	0
24	2	5	17	28	16	0	29	18	23
17	7	13	0	18	27	21	18	14	3
6	7	13	28	17	25	11	0	4	2
4	4	14	31	12	4	21	18	0	9
6	13	5	23	18	13	6	13	14	2
8	0	10	26	18	4	16	16	0	1
26	17	26	4	0	1	11	14	8	4
0	29	17	18	13	26	10	8	17	15
6	21	0	12	8	10	3	16	12	10

Если въ данномъ квадратѣ къ каждой цифрѣ каждаго вертикальнаго столбца прибавить по нѣкоторому числу, то полученныя на мѣстахъ этихъ цифръ суммы будутъ соотвѣтствовать мѣстамъ буквъ въ алфавитѣ русской азбуки. Подставивъ же на мѣста суммъ соотвѣтствующія имъ буквы, мы получимъ одно стихотвореніе извѣстнаго поэта. Числа же, которыя должны быть придаваемы къ цифрамъ вертикальныхъ столбцовъ, находятся въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

1) Если къ числу, которое должно быть придано къ цифрамъ перваго вертик. столбца, прибавить искомое число для втораго столбца, то сумма ихъ будетъ на единицу больше суммы чиселъ, требующихся для прибавки къ девятому и шестому вертик. столбцамъ.

2) Число для десятаго верт. столбца относится къ числу для четвертаго верт. столбца, какъ учетверенное число для втораго верт. столбца относится къ числу для восьмаго вер. столбца.

3) Отношеніе числа для девятаго верт. столбца къ числу третьяго верт. столбца равно отношенію числа шестаго столбца къ удвоенному числу пятаго столбца.

4) Сумма чиселъ десятаго и четвертаго столбцовъ равна будетъ суммѣ чиселъ перваго и втораго столбцовъ, если къ послѣдней суммѣ придадимъ единицу.

5) Разность между числами шестаго и пятаго столбцовъ равна кубическому корню изъ числа для третьяго столбца.

6) Разность между числами 7-го и втораго столбцовъ равна суммѣ чиселъ для четвертаго и восьмаго столбцовъ.

7) Сумма чиселъ для третьяго и пятаго столбцовъ на единицу меньше числа перваго столбца.

8) Сумма чиселъ перваго и седьмаго столбцовъ равна суммѣ числа десятаго столбца и удвоеннаго числа пятаго столбца.

9) Сумма чиселъ восьмаго, девятаго и десятаго столбцовъ относится къ числу перваго столбца, какъ число, кубъ котораго=13824, относится къ числу, кубъ котораго=1728.

10) Число для пятаго столбца относится къ числу шестаго столбца, какъ число, кубъ котораго=343, относится къ числу, кубъ котораго=2744.

Рѣшеніе ребуса № 46, помѣщеннаго 1884 г. въ № 48.

„На ловца вѣдь и звѣрь бѣжитъ“.

Рѣшеніе ребуса № 47, помѣщеннаго 1884 г. въ № 49.

„Конь и о четырехъ ногахъ, но спотыкается“.

Рѣшеніе ребуса № 48, помѣщеннаго 1884 г. въ № 50.

„Шутите шутку по праву; насмѣшками-жъ и издѣвками врага наживете“.

Рѣшеніе ребуса № 50. помѣщеннаго 1884 г. въ № 52.

„За моремъ телушка—полушка, за перевозъ алтынъ“.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ**

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ

оптовой и розничной продажи

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ЧАСОВЪ

изъ никелированнаго никеля

ВЪ МАГАЗИНАХЪ ФАБРИКАНТА ЧАСОВЪ

ПАВЛА БУРЕ

ПОСТАВЩ. КА ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ просп., домъ № 23;

въ Москвѣ: уголъ Кузнецкаго моста и Рождественки, домъ Торлецкаго.

Анкерные, заводящіеся безъ ключа, открытые, больш. или средн. размѣра 14 руб

Такіе же малаго размѣра . . . 15 „

Закрытые больш. или средн. размѣра 16 „

Такіе же малаго размѣра. . . . 17 „

ПРИ ТРЕБОВАНІЯХЪ:

отъ 6 до 12 часовъ уступка 5%

„ 13 „ 24 „ „ 10%

„ 25 „ 72 „ „ 15%

свыше „ „ „ „ 20%

Упаковка и пересылка на счетъ магазиновъ.

Подробные иллюстрированные прейсъ-куранты высылаются по востребованію безплатно. № 3888 2—

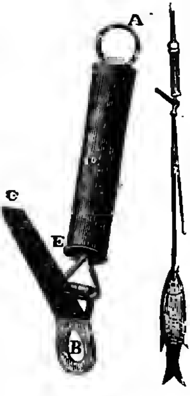
НОВОТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ,

въ Москвѣ, на Ильинкѣ, противъ биржи и Гостинаго Двора, въ домѣ Троицкой лавры. Болѣе 100 нумеровъ для пріѣзжающихъ со всѣми удобствами, съ постельнымъ бѣльемъ, въ сутки отъ 75 коп. и дороже, ванна, парикмахерская, разсыльные для разныхъ порученій и для отправки товаровъ. Тутъ же особое отдѣленіе для квартирантовъ помѣсячно и въ годъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и дороже. П. № 3860 3—2

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій. Невскій пр., № 8, подъ лит. В Р. № 3328

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 5 семи-копѣечныхъ марокъ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3897 1—1

4711 ХРУСТАЛЬНОЕ РОЗОВОЕ МЫЛО

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благодѣтельно вслѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 3739 17—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Сочиненіе окончено авторомъ, нынѣ печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ февралѣ мѣсяцѣ этого года.

Условія подписки за полное изданіе:

брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться: въ контору редакціи журнала „НИВА“, Большая Морская, № 9.

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ПРИМѢСИ

развѣшанный въ фунты, полуфунты и четверти, на цѣны отъ **1 р. 20 к.** до **2 р. 60 к.** за фунтъ предлагаетъ въ громадномъ выборѣ вновь открытый магазинъ

КОММИССІОНЕРОВЪ СИБИРИ ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“.

Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева.

Продажа оптомъ и въ розницу. Торговцамъ дѣлается соотвѣтствующая скидка. Пересылка почтой по Европейской Россіи, не менѣе 5 ф., принимается Торговымъ Домомъ на свой счетъ. Требованія иногородныхъ исполняются немедленно. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. П. № 3665. 5—5

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ.

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.

ВЯЗКА

СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.

Р. № 3884 4—2

Образцы и прейсъ-куранты безвозмездно **въ складѣ писчей бумаги**

„АВГУСТА НАУМАНЪ“.

Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

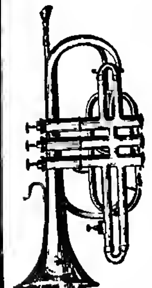
ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ. 1, Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С.Петербургѣ: Измайловскій проспектъ. 21.

Pt. № 3868

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ



наилучшихъ парижск. фабрикантовъ и также своей фабрикаціи по 18 руб., 25 руб., 30 р., 40 руб., 50 руб., 60 р., 75 руб., 90 р. и 100 р. Школы для корнета по 1 руб. 50 коп., 4 руб. и 5 руб.

Альтгорны, баритоны, басы, вальторны, трубы, трамбоны, сигнальные рожки.

Флейты

самой лучшей французской и вѣнской работы по 3 руб., 5 р., 7 р., 10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб., 50 р., 60 р. и дороже.

Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р.

Пикколофлейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р., 15 руб.

КЛАРНЕТЫ

отъ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р.

Школа для кларнета 4 руб.

Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.

Новый каталогъ **нотъ** для всѣхъ духовыхъ инструментовъ безплатно.

За пересылку прошу прилагать приблизительно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

Главное депо

музыкальныхъ инструментовъ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3891 1—1

Подарки къ праздникамъ.

Для дѣтей. Новость! Пеналъ, изображающій зонтикъ, содержащій письменныя принадлежности 1 р. 75 к. **Механографъ**, аппаратъ для рисованія 50 коп. Карманные **Микроскопы** 2 р. **Волчки** съ музыкой 1 р. 25 к. **Борцы** 75 к. Заводныя **кошки** 80 к. **Диво-птица** поющая 1 р. **Краски** 30 к., 50 к. коробка. **Книги** для раскрашиванія 30 и 40 к. **Автоматическій паровозъ** 1 р. 50 к. **Для взрослыхъ. Электрическое огниво** 4 р. **Ножницы**, содержащія 12 приспособленій 2 р. 50 к. **Цѣпочки** для часовъ накладнаго золота, единственныя не чернѣющія 3 р., 4 р., 5 р. и 6 р. **Медальоны** для часовъ 2 р. 50 к., 3 р. и 4 р. **Англійскія механическія бритвы**, которыми обрѣзаться невозможно 2 р. 50 к. **Искусственные брилліанты. Кольца** дамскія и мужскія въ 3 р. и 4 р. **Серьги** 3 р. и 4 р. **Броши** 4 р. и 5 р. **Булавки** для галстуковъ 2 р. и 3 р. **Запонки** грудныя приборъ 5 р. **Звѣзды** къ волосамъ, а также можно носить какъ брошь 10 р. **Колье** 30 и 40 р. Дамскіе **медальоны** 4 и 5 р. Всѣ цѣны назначены съ пересылкой по почтѣ. Менѣе чѣмъ на три рубля не высылаютъ. **Въ Москвѣ**, Старый Газетный пер. д. Шаховскаго, магазинъ „Нюрибергъ“. П. № 3895 1—1

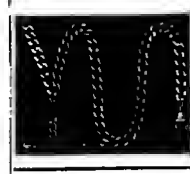
ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ!

Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница **въ С.-Петербургѣ.** № 3812



МУЖСКІЯ въ 2, 3, $3^{1}/_{2}$ и $4^{1}/_{2}$ руб.

Двойныя въ $5^{1}/_{2}$, 7 и 8 руб.

ДАМСКІЯ въ 4, 5, 6, $6^{1}/_{2}$, 8 и 9 руб.

...50 коп. ...овцамъ скидка!

28 и 29 МАРТА 1885 года будетъ разыграна ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ

XXXIV ЛОТЕРЕЯ

Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

Выигрышей **500** на сумму **25000** руб.

Первый выигрышъ брил. серебр. вещами **10000** руб.

№ 3839 10—4

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта Москва, Собачья площадь, д. Каренина.

При этомъ № прилагаются для гг. иногородныхъ подписчиковъ: 1) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина О. Корещенко въ Москвѣ; 2) объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ. (послѣдн. за исключен. московскихъ подписчиковъ).

Дозволено цензурою. СПБ. 13 февраля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ | годъ XVI
№ 8 | 1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 23 Февраля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Экстрапочта. Ориг. рис. Гедаиа, грав. О Ротъ.

Экстрапочта.

Сколько своеобразныхъ удовольствій ни представляетъ дѣткамъ зима, катанье на конькахъ, кажется, наиболѣе входитъ въ употребленіе. Не только маленькіе, но и большіе цѣлыми часами предаются любимому удовольствію, скользить по чистому, звонкому льду рѣки, дыша свѣжимъ, морознымъ воздухомъ.

Но вотъ, двое малютокъ нашли способъ разнообразить это удовольствіе съ помощью своей вѣрной собаки, которая такъ охотно, умно и послушно, съ такою готовностью берется помогать въ играхъ своимъ маленькимъ хозяевамъ. И вотъ малютки устраиваютъ настоящую „экстрапочту". Багажъ — маленькую муфточку—умный песъ несетъ въ зубахъ, а за гремящій ошейникъ привязаны крѣпкіе шнуры—держась за нихъ, дѣтки несутся за своей собакой по гладкому льду.... Не можемъ не остановиться на исполненіи этой милой картинки. Чувство зимняго дня, морознаго воздуха, хлопья снѣгу и инея на деревьяхъ, весь зимній пейзажъ—все это равно замѣчательно выполнено какъ художникомъ, такъ и граверомъ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ II.

(Продолженіе).

XXI.

Хотя Надя, не по своей винѣ, конечно, и обошла визитомъ дѣвицу-акушерку, но та первая разлетѣлась къ ней, прошла черезъ всѣ комнаты, внимательно всматриваясь въ обстановку, и нашла хозяйку на садовой террасѣ.

— Извините за мою, можетъ быть, нескромность, начала она. Позвольте представиться: дѣвица Аделаида Францовна Розенблюмъ, служу здѣсь въ качествѣ женскаго доктора...

— Здравствуйте! протянула ей руку Надя.

— Давно, давно уже ждали мы васъ, съ большимъ нетерпѣніемъ... Я васъ не знала, но, извините за откровенность, была одна изъ самыхъ пламенныхъ вашихъ поклонницъ. Позвольте васъ поцѣловать...

Аделаида Францовна стремительно рванулась и обняла Надю, обдавъ ее прянымъ букетомъ пачули.

— Мерси! высвободилась изъ ея объятій сконфузившаяся хозяйка.

— Удивлялась я только и, признаться сказать, продолжала гостья, что вамъ за охота была сюда ѣхать?!. Вы не повѣрите, здѣсь такая глушь, такая глушь!.. и люди—самые невѣжественные!

Надя попыталась было протестовать.

— Ахъ нѣтъ! не дала ей даже раскрыть ротъ дѣвица—и не возражайте... совсѣмъ дикари!.. нравы самые грубые и никакого понятія о свѣтскихъ приличіяхъ!

— Они всѣ такіе добрые... успѣла произнести Надя.

— Добрые! Ахъ Боже мой!.. это только съ перваго взгляда такъ кажется... Вотъ вы увидите... Не могу я только говорить, потому что терпѣть не могу никакихъ сплетней... Вы еще не знаете... Ну, да я послѣ вамъ все разскажу... Вы позволите мнѣ посѣщать васъ, душечка?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Какъ у васъ тутъ все мило... Какое на васъ божественно-прелестное платьице... Сейчасъ видно, что у француженки заказано...

— Нѣтъ...

— Не говорите, не говорите... Я тоже знаю, я вѣдь понимаю все это хорошо. Я вѣдь получила высокое воспитаніе въ кругу, можно по истинѣ сказать, самомъ аристократическомъ!.. Мой покойный папаша... Ахъ, пожалуста, не примите это за нескромный намекъ. Впрочемъ, это послѣ. Я тоже воспитывалась въ институтѣ, и мы съ вами почти, значитъ, подруги... Вы мнѣ позволите еще разъ поцѣловать васъ!

— Гляжу я на васъ и, право, сердце обливается кровью, продолжала гостья, снова усѣвшись на мѣсто. Завезли васъ въ эту трущобу, втянули васъ въ свою ужасную, варварскую жизнь... Вы, такая молодая, красивая... Бутонъ! ну право же, бутонъ!.. И вотъ этотъ благоухаццій бутонъ, да въ лапы какого нибудь мужика... Боже мой, какъ это грустно, какъ это грустно!.. Ну вотъ, вы уже и плачете...

— Ахъ, перестаньте, перестаньте! Я не могу видѣть этихъ слезъ! Я васъ разстроила... Ну, перестаньте-же плакать, мой ангелъ...

Надя дѣйствительно заплакала. Ей представилась массивная, неуклюжая фигура утренняго визитера и слова акушерки произвели нѣкоторое дѣйствіе...

— Я васъ разстроила, но успокойтесь!.. Здѣсь все таки есть порядочные люди... здѣсь есть, напримѣръ...

Аделаида Францовна осторожно оглядѣлась по сторонамъ, словно удостовѣриться захотѣла, что ее никто не подслушиваетъ, и продолжала:

— Тутъ есть, напримѣръ, Криницынъ, Павелъ Петровичъ... Это уже дѣйствительно, можно сказать, красавецъ-мужчина и образованія самаго возвышеннаго... Кровный, прирожденный аристократъ.

— Криницынъ? машинально повторила Надя.

— Павелъ Петровичъ... Только, жаль, онъ скоро уѣзжаетъ... Вотъ это, можно сказать, кавалеръ! По французски говоритъ, знаете, этакъ съ легкою картавостью, совсѣмъ какъ парижанинъ... Мы съ нимъ разговариваемъ иногда... Знаете, вѣдь здѣсь никто не умѣетъ говорить по французски! Когда они верхомъ катаются, просто заглядѣться можно...

— Не онъ ли? невольно подумала Надя, слушая болтовню своей гостьи.

— Вы, душенька, я думаю много навезли костюмовъ. Покажите, Бога ради, покажите... Я такъ давно не видѣла модныхъ вещей. Пойдемте къ вамъ въ спальню, пойдемте душенька!.. Я вамъ тамъ много, много разскажу интереснаго!

Аделаида Францовна замѣтила въ концѣ сада фигуру Силантія, угрюмо поглядывающую въ ея сторону, и почти силою подняла Надю съ мѣста и повлекла въ спальню.

— Я вамъ тамъ много, много разскажу интереснаго! повторила она, пропуская хозяйку въ дверь, впередъ, и окинувъ приближающагося мажордома презрительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту, уютная спальня Нади, гдѣ все было такъ прибрано по мѣстамъ, получила видъ полнѣйшаго разгрома... Словно въ дорогу собирались. Комоды отворены, платья разбросаны на креслахъ и на постели, бѣлье тоже все перерыто. Гостья не пропускала ни одной мелочи, прикидывала все къ своему лицу, вертѣлась передъ зеркаломъ и ото всего приходила въ восторженное состояніе.

— Ахъ, какъ это мило! твердила она.—Какъ все это со вкусомъ! и для кого здѣсь, зачѣмъ? Развѣ здѣсь могутъ оцѣнить все это, такіе дикари и невѣжды?.. Еслибы еще Павелъ Петровичъ оставался, ну тогда другое дѣло, но теперь...

— Почему-же онъ уѣзжаетъ? почти безсознательно вырвалось у Нади.

— Ахъ я вамъ разскажу! подхватила акушерка.— Это цѣлый романъ. Это такая несправедливость, такая

дикая невѣжественность! Я вамъ все разскажу по порядку...

И она, оставивъ осмотръ костюмовъ, пододвинула стулъ къ Надѣ и сѣла совсѣмъ вплотную, еще разъ осмотрѣвшись по сторонамъ.

— Видите-ли-съ. Тутъ былъ, знаете, обыскъ, то есть не совсѣмъ обыскъ... Аделаида Францовна замялась немного, ей не хотѣлось касаться обстоятельства, которое, она понимала, не могло быть Надѣ особенно пріятно.

— Ну, да все равно! Только у Криницына нашли, представьте себѣ, вашу карточку.

— Какимъ образомъ! удивилась Надя.

— Не знаю! протянула акушерка и многозначительно посмотрѣла на дѣвушку. Молодой Глухаревъ, этотъ, знаете, что у васъ сегодня съ визитомъ былъ, возьми, да ни съ того, ни съ сего, и вломись въ амбицію. „По какому праву, да по какому случаю—очутился у васъ, милостивый государь, этотъ портретъ?“ Павелъ Петровичъ сейчасъ, гордо но вѣжливо: „это, говоритъ, молодой человѣкъ, не ваше дѣло.“ Карточку вашу сейчасъ взялъ и къ себѣ въ карманъ, на сердце, понимаете?.. Это я все своими глазами видѣла. Ну, натурально, Глухаревъ сейчасъ ему дерзость... Мужики вѣдь только и берутъ, что руганью... А Павелъ Петровичъ опять ему вѣжливо, съ достоинствомъ и благородствомъ: „я, говоритъ, объ этомъ объяснюсь съ вами послѣ...“ И что же бы вы думали? Взялъ да и послалъ къ нему вызовъ,—на дуэль значитъ...

— Ахъ, Боже мой!

Надя теперь вслушивалась внимательно въ разсказъ акушерки.

— Тутъ, продолжала та,—сейчасъ бунтъ поднялся... Офицеры здѣшніе не любятъ Павла Петровича, всѣ за Глухарева стали... Судъ собрали... Всѣ на одного!.. Вы подумайте только!.. Нѣтъ чтобы у кого хватило благородства стать за праваго... Павелъ Петровичъ и порѣшилъ имъ въ глаза: „Ежели, говоритъ, вы отъ благороднаго поединка отказываетесь, такъ я, съ такими низкими людьми, служить не хочу и съ вами компанію водить не согласенъ!“ взялъ это и вышелъ отъ нихъ... Теперь вотъ рѣшенія ждетъ отъ начальства, когда ему можно будетъ отсюда уѣхать...

Надя задумалась.

— За что же его не любятъ здѣсь? спросила она.

— За то больше, что онъ имъ не компанія... Зависть, видите ли, прежде насъ родилась, вотъ за то только и не любятъ... Павелъ Петровичъ привыкъ къ обществу аристократическому, онъ и сюда попалъ только за благородство и пылкость своего характера, а тутъ, вотъ вы сами увидите, мужикъ на мужикѣ—самые неотесанные. Опять же не можетъ Павелъ Петровичъ, чтобы съ ними заодно. Они вотъ водкою напиваются, а онъ этого не любитъ, онъ все этакъ стороною и держалъ себя гордо и съ достоинствомъ. Вотъ за то и не сошлись характерами. Нами то, чѣмъ бы учиться, да примѣръ брать съ Павла Петровича, сейчасъ всякіе ему шиканы, а онъ на все съ пренебреженіемъ. Не унижаться же ему передъ этими сиволапыми!? И вотъ сами теперь виноваты: былъ у нихъ въ батальонѣ офицеръ, примѣръ благородства, а теперь плюнулъ и ушелъ—купайтесь, молъ, въ своей грязи по уши! Ахъ, Боже мой! какой я у васъ безпорядокъ произвела! Вы меня пожалуста извините, душенька! Я такъ давно не видала ничего моднаго. Я сейчасъ все уберу... Позвольте... я сама!

И она торопливо принялась собирать и складывать въ ящики комода принадлежности Надинаго туалета...

— Не безпокойтесь! остановила было ее хозяйка.

— Какое-же безпокойство!.. Ахъ да... можно вамъ, мой ангелъ, сказать по секрету—одну мысль, которая мнѣ сейчасъ пришла въ голову. Можно?

— Что такое?

— Только вы не конфузьтесь... честное слово?.. да?..

Акушерка завертѣлась на стулѣ и снова безпокойно оглядѣлась кругомъ.

— Знаете-ли, почему, я думаю, Павелъ Петровичъ до сихъ поръ еще не уѣхалъ, знаете ли почему?

И не дожидаясь отвѣта, пригнулась къ уху Нади и почти шепотомъ продолжала:

— Онъ ждалъ!..

— Чего? удивилась та... Да, вы мнѣ говорили,—разрѣшенія какого то...

— Ну нѣтъ, тутъ другое совсѣмъ... онъ ждалъ одну особу... ту чью карточку хранилъ у себя на сердцѣ... Я глубоко, глубоко вѣрю этому.

Надя покраснѣла.

— Повѣрьте вы мнѣ... Я очень-очень хорошо знаю человѣческое сердце.

Надя задумалась. Ей вспомнился въ эту минуту разсказъ ихъ классной дамы, которая увѣряла, что одинъ молодой человѣкъ, какой то французскій графъ, влюбился въ нее по портрету, просилъ руки, но жестокіе родители отказали—и онъ застрѣлился передъ ея окнами...

Надя и ея подруги конечно не имѣли никакихъ данныхъ сомнѣваться въ истинѣ словъ своей классной дамы и горячо оплакивали романическую судьбу французскаго графа...

— И очень можетъ быть, что и дождавшись,—акушерка усиленно подчеркнуло это слово,—что и дождавшись, повторила она, Павелъ Петровичъ еще не скоро уѣдетъ... Ну, душенька, до свиданья! засидѣлась я у васъ... Я такъ рада, такъ рада, что вы пріѣхали!.. Позвольте мнѣ еще разъ обнять васъ и надѣюсь, что и вы ко мнѣ... Я здѣсь недалеко, изъ окошекъ вашей залы даже моя крыша видна, бѣлая труба и на ней всегда голуби—я ихъ прикармливаю. Я такъ люблю этихъ чудныхъ голубковъ,—это мои друзья, единственное утѣшеніе въ моемъ одиночествѣ.

Аделаида Францовна прекратила наконецъ свою болтовню и вышла. На порогѣ столкнулась носомъ къ носу съ Шелобовымъ.

— Успѣли уже? пожалъ плечами тотъ.

— Успѣла-съ! кокетливо улыбнулась та и съ трескомъ раскрыла свой оранжевый зонтикъ.

— А ты бы ее въ шею, замѣтилъ Василій Ивановичъ, обращаясь къ Силантію, когда гостья отошла подальше, поднявъ на улицѣ пыль своимъ распущеннымъ шлейфомъ.

— Слѣдовало бы-съ, согласился тотъ... то есть вотъ какъ бы слѣдовало!.. прошмыгнула то она,—я не видалъ... другой разъ умнѣе буду... Столикъ карточный для вечера прикажете приготовить?..

— Столикъ?!. да кто же играть то будетъ?.. развѣ отецъ Павелъ прійдетъ?.. Приготовь на всякій случай!..

XXII.

Въ этотъ вечеръ Павлуша исправилъ нѣсколько то невыгодное впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Надю своимъ утреннимъ визитомъ.

Молодой Глухаревъ пришелъ, вопервыхъ, за просто, въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, бѣлой шелковой рубахѣ съ пристегнутыми офицерскими погонами. Этотъ костюмъ гораздо больше шелъ къ нему и онъ высматривалъ положительно молодцемъ. Онъ вѣдь былъ если и не красавецъ, то очень симпатиченъ: его прекрасные глаза смотрѣли скромно, но весело; его пріятный ротъ, еле прикрытый усами, складывался въ добродушную, наивно-дѣтскую улыбку... Онъ былъ, правда, угловатъ своими движеніями, но эта угловатость, изобличавшая здоровую силу, даже шла отчасти къ его атлетической фигурѣ.

Довольно было только одной улыбки Нади, можетъ быть и нечаянно обращенной къ нему, чтобы онъ значительно разошелся и разговорился...

Иванъ Акимовичъ смотрѣлъ на сына и нарадоваться

Караванъ въ пути. Ориг. рис. Л Фишера, грав. Н. Гюнтеръ.

не могъ. Шелобовъ тоже одобрилъ... Хмурая тучка, набѣжавшая было на сердце старика Глухарева послѣ утренняго посѣщенія, сама собою, скоро разсѣялась.

Отецъ Павелъ пришелъ и втроемъ сѣли за преферансикъ. Надя разливала чай, Павлуша ей помогалъ, разносилъ стаканы и два раза успѣлъ даже разсмѣшить хозяйку, чѣмъ именно—и самъ не догадывался...

Надя смѣялась и ему смѣяться хотѣлось... Правда, смѣхъ Нади отдавалъ какъ будто чѣмъ то дѣланнымъ—это не былъ ея обыкновенный смѣхъ, заражавшій, бывало, еще въ институтѣ всю залу своею веселостью, но Павлуша не вдавался въ оцѣнку этого смѣха и былъ вполнѣ счастливъ, даже за котенкомъ погнался, который, спасаясь отъ преслѣдованія собакъ, вскочилъ на заборъ сада, а оттуда на крышу бесѣдки. Онъ очень ловко взобрался туда же и съ торжествомъ поднесъ Надѣ бѣдное, дрожащее отъ страха, робко мяукающее существо.

Надя приняла котенка и тутъ же на столѣ принялась поить его сливками со своего блюдечка.

— Жаль, племянницу свою не захватилъ съ собою! замѣтилъ отецъ Павелъ.—Дѣвушка добрая и вамъ, барышня, компанія подходящая, развѣ годочками двумя постарше будетъ.

— Груня прелесть! согласился Шелобовъ.

— Что-жъ не привелъ? взглянулъ на отца Павла и Иванъ Акимовичъ.

— Въ другой разъ приведу... А ну-ка въ бубнахъ семь!

— Повистую, покрутилъ усъ Василій Ивановичъ. Ты, Ваня, что?

— Пасъ!

— Открывай! да попробуемъ батьку безъ хвостика оставить... Что! наскочилъ на самъ четвертаго!

— Вотъ уже третій разъ такъ... Оказія! задумался отецъ Павелъ, поглаживая бороду и обдумывая ходъ.

— Тигрятки будутъ такіе же — только покрупнѣе... объяснялъ Павлуша Надѣ, вытирая своимъ носовымъ платкомъ послѣдствія невоспитанности спасеннаго котенка.

— А они кусаются? спросила Надя.

— Подростутъ, такъ страсть какіе злые! У насъ, года три тому назадъ, вынули изъ гнѣзда пару—такъ только до шести недѣль держать на волѣ можно было. На цѣпь посадили послѣ. Вы, Надежда Федоровна, что больше любите—виноградъ или персики?

— Персики! произнесла Надя и по разсѣянности забыла запереть кранъ самовара.

Павлуша бросился исправлять эту ошибку и опять пустилъ въ ходъ свой носовой платокъ.

Веселость Нади, все-таки нѣсколько искусственная, стала испаряться понемногу. Она выждала моментъ, когда ея молодой гость, не отстававшій отъ нея ни шагу, подошелъ, наконецъ, къ играющимъ и остановился за стуломъ отца, заинтересовавшись розыгрышемъ, и тихонько пошла въ глубину сада.

Она дошла до самаго конца, гдѣ стѣнка была значительно ниже и подняла голову... Звукъ копытъ вывелъ ее изъ задумчивости...

— Надежда Федоровна! Надежда Федоровна! Гдѣ вы? послышался голосъ молодаго Глухарева.

— Я... я сейчасъ, растерялась Надя, бѣгомъ пробѣжала по дорожкѣ и прямо черезъ террасу, въ свою комнату. Оттуда, убѣдившись, что за нею не слѣдятъ, она перешла въ залъ и приподняла опущенную стору.

— Надежда Федоровна! снова послышался голосъ Павлуши.

Надя досадливо передернула плечами, отошла отъ окна и снова погрузилась въ задумчивость.

Вышла она въ садъ уже не такая веселая и это обстоятельство не укрылось отъ наблюдательнаго взора старика Глухарева.

— Что, не головка ли опять разболѣлась? обратился онъ къ ней съ участіемъ.

— Да, чуть слышно отвѣтила дѣвушка.

— Можетъ сегодня, въ жару, не выходили-ли вы на солнце съ открытою головою? замѣтилъ отецъ Павелъ.—Этого здѣсь отнюдь не слѣдуетъ дѣлать.

— Устала тоже! резонировалъ старый Глухаревъ.—Вѣдь съ такой дороги въ одну ночь не отдохнешь... Она, другому, съ непривычки ежели, мѣсяцами отдается... Кому сдавать, господа?..

— Ничего, это пройдетъ! тряхнула головою Надя.—Только...

— А вотъ что, голубка моя, оставилъ карты Иванъ Акимовичъ.—Ты иди-ко себѣ спать, кликни Анисью и съ Богомъ... Мы тутъ и безъ тебя справимся! Вотъ доиграемъ пульку, закусимъ да и уйдемъ—десятый часъ, если не ошибаюсь?

— Безъ четверти! справился съ своею луковицею Шелобовъ.

— Можно? переспросила Надя и обрадовалась.

— Должно, не только что можно, сказалъ Глухаревъ-отецъ.—Анисья! иди укладывать барышню! Анисья!.. Силантій! разыщи ты эту востроносую... Ну, господа, кто что говоритъ?

— Да я опять въ бубны, произнесъ отецъ Павелъ.

Надя ушла. Гости ея, хотя ихъ и отдѣляло отъ спальни хозяйки порядочное пространство, понизили голосъ.

— Пасъ!

— Пасъ!

— И превосходно!.. Занесемъ въ книгу судебъ... Гдѣ мѣлокъ то? Эвона гдѣ, сронили!..

Батюшка нагнулся и сталъ шарить около своего стула.

Абрекъ, должно быть своевольно, повернулъ въ эту сторону и повезъ Павла Петровича какъ разъ мимо садовой стѣнки. Хотя подъ такимъ ѣздокомъ, какъ Криницынъ, никакой ретивый конь не можетъ имѣть своей воли, но на этотъ разъ вышло исключеніе.

Павелъ Петровичъ очень хорошо видѣлъ красивое, взволнованное лицо дѣвушки, смотрѣвшее на него въ упоръ широко раскрытыми глазами. Надя была увѣрена, что ея незамѣтно въ густой тѣни кустовъ. Обогнувъ домъ, Павелъ Петровичъ опять повернулся на сѣдлѣ и видѣлъ какъ колыхнулась оконная занавѣска, видѣлъ опять на мгновеніе—тѣже, широко раскрытые чудные глаза... и улыбнулся, про себя только. Онъ умѣлъ такъ улыбаться, что ни его глаза, ни малѣйшее движеніе губъ не выдавали этой улыбки. Однако, въ эту ночь, портретъ кузины Мэдъ былъ почему то забытъ на письменномъ столѣ и не попалъ на ночной столикъ, къ постели Павла Петровича.

Онъ собирался было писать въ Петербургъ и отложилъ свое намѣреніе до другаго раза... Ему не спалось.

А на другой день онъ получилъ, совершенно неожиданно, записку съ запахомъ пачули, слѣдующаго, простаго, но все таки загадочнаго, содержанія:

„Милостивый государь
Уважаемый Павелъ Петровичъ!

Не откажите пожаловать завтра въ пять часовъ вечера ко мнѣ на чашку чая. Васъ, можетъ быть, удивить мое приглашеніе, но, тѣмъ не менѣе, остаюсь въ полной увѣренности, что вы не захотите обидѣть меня вашимъ отказомъ.

Глубоко уважающая васъ,
Аделаида Розенблюмъ.

P. S. Никого изъ вашихъ враговъ у меня вы не встрѣтите. Еще разъ жду и жду... Вы будете довольны.“

Павелъ Петровичъ рѣшилъ, что пойти можно.

XXIII.

— А ты не торопись, говорилъ Иванъ Акимовичъ Павлушѣ, сидя въ халатѣ и раскуривая свою длинную турецкую трубку. — Ты не сразу. Она тебя не только что въ первый разъ видитъ, она о тебѣ и не думала никогда, существованія твоего на семъ свѣтѣ не предполагала... Федоръ то, покойный, въ письмахъ когда упоминалъ, это пустяки... Шелобовъ хвалилъ дорогою,—это тоже не важность! Иной разъ этакъ то хвалить—и перехвалить можно... бываетъ! Такъ вотъ ты это все сообрази и не горячись!

— Я понимаю, папаша, я это все очень хорошо понимаю, тоскливо нылъ, лежа подъ одѣяломъ, Павлуша.—Я вотъ тоже ее не видалъ, а сразу, съ перваго взгляда... да что съ перваго взгляда!.. Я вотъ, и не видѣвши ее вовсе, полюбилъ, а какъ увидѣлъ...

— Да вѣдь, понимаешь ты, это не уйдетъ... Только и съ твоей стороны надо все таки осторожнѣе быть и послѣдовательнѣй. Я тебѣ скажу откровенно, и ты на отца не обижайся... Я вѣдь все видалъ и все понималъ... И скажу тебѣ прямо, безъ обиняковъ, по солдатски: ты ей съ перваго взгляда непонравился.

— Папаша!..

— Что, папаша, что!.. Ты вотъ самъ солдатъ, а разрюмился. Нѣтъ, братъ, раскисать нельзя,—этого тоже женское сословіе не любитъ. То есть, я хотѣлъ сказать, что... ну, какъ бы это тебѣ выразить понятнѣе... Она, можетъ быть, тебя представляла себѣ нѣсколько иначе... Богъ ее знаетъ! но только, когда ты къ ней пришелъ, она поглядѣла на тебя и подумала: „Ахъ, молъ, не то!..“ Уже это, другъ мой, я тогда же намоталъ себѣ на усъ... Тутъ ты не виноватъ и огорчаться пока нечѣмъ... Не съ одного маха города берутъ!.. Съ перваго взгляда не понравился, съумѣй понравиться послѣ. Оно, знаешь, еще прочнѣе бываетъ. И ты моего совѣта слушай. Я тоже прожилъ довольно и всякихъ видовъ перевидалъ порядочно! За своею женою, а твоею матерью—я, можетъ быть, не одинъ годъ ухаживалъ... Такія траншеи выводилъ, что и нашему инженеру не вывести, а все-таки на своемъ поставилъ... Маменька твоя меня цѣлый годъ видѣть не могла, а потомъ души во мнѣ не чаяла... Всяко, братъ, бываетъ!

— За что же?.. за что же мнѣ то, папенька! всхлипнулъ Павлуша. Что же во мнѣ то она нашла такого противнаго?..

— А во мнѣ что, твоя маменька?.. Я вѣдь тоже почище тебя молодецъ былъ... Я, братъ, на ея глазахъ, на пожарѣ цѣлую семью повытаскивалъ... самъ чуть не сгорѣлъ... Кругомъ стонъ стономъ стоялъ: „Молодецъ да молодчина... Герой!“—а не помогло тогда... прислала только въ гошпиталь, гдѣ я лежалъ, банку варенья, а сама и не навѣдалась даже. Такъ то!.. Въ женскомъ сердцѣ, что въ колодцѣ глубокомъ, ничего не разглядишь, пока само не всплыветъ наверхъ...

— Всѣ вотъ по форту говорятъ, что я женихъ... невѣста, молъ, моя пріѣхала, а тутъ вонъ оно какъ!..

Павлуша сѣлъ на постели и свѣсилъ на коверъ свои босыя ноги.

— Я, папаша, тоже понимаю хорошо... продолжалъ онъ—и заслужить ея любовь постараюсь... Вотъ еслибы только другой кто не перебилъ...

— Другой!.. Ну, подумалъ старикъ Глухаревъ,—другой—повторилъ онъ вслухъ... этого, другаго, пока не видать что то... Ползунковъ развѣ?.. Гдѣ тому? такой ей не понравится... Нѣтъ, Пашка, твое счастье,—а здѣсь конкурентовъ опасаться нечего... Только опять таки я совѣтую тебѣ держать себя съ нею умно и толково и отнюдь нюни не распускать... подтянись, братъ! Обращайся съ нею просто, дружески, какъ братъ съ сестрою, будь всегда веселъ, ублажай ее со всѣхъ концовъ, только не надоѣдай. Понимаешь ли ты, что значитъ: *не надоѣдай?*—это значитъ: ни единой минуты, слышишь, ни единой минуты не будь ей въ тягость, и съ любовью своей не приставай ни въ какомъ случаѣ... Каждый день тоже нечего шляться, роли не выдержишь... повторяться станешь... Вотъ завтра на охоту ступай, да дня на три... Выжди пока сама не спроситъ: „а гдѣ же молъ Павелъ Ивановичъ?..“ Тамъ я уже знаю, что и какъ отвѣчать ей надо... Покажись ей, молодецъ молодцомъ, а тамъ—опять въ отлучку... Богъ дастъ добьешся, что и о тебѣ соскучатся, а отъ скуки уже недалеко и до чего другаго... Бываетъ, знаешь-ли ты что бываетъ полезно иной разъ?.. То-то, не знаешь!.. А я тебѣ скажу: бываетъ полезно когда ты и за другой при ней приволокнешься... Вотъ хоть за Груней... Впрочемъ нѣтъ, ту оставь... ту жалко... а вотъ, вали хоть за докторшей нашей...

— Папенька!..

— Да вѣдь я для шутки, для примѣра только... Главное только не напоминай ей самой о своей любви,—съ чувствами то этими какъ можно подальше... Вотъ что главное! И все, повѣрь мнѣ, будетъ въ свое время обстоять вполнѣ благополучно. Ну, ложись спать! пора! Вотъ я докурю, выколочу и самъ завалюсь... Утро вечера мудренѣе!

Улегся Павлуша, минуту спустя и старикъ Глухаревъ сталъ постукивать о подоконникъ своею трубкою.

— Не объ одномъ тебѣ хлопочу я, началъ опять резонировать Иванъ Акимовичъ. Объ ней, о Надѣ, можетъ быть еще больше. Я увѣренъ, что лучше тебя ей не найти мужа... Не потому говорю это, что ты сынъ мой,—коли бы ты былъ ей не подъ пару, такъ я и не посмотрѣлъ бы, что сынъ, самъ-бы скомандовалъ тебѣ: „отчаливай!“—такъ то!.. Знаю я почему жду не дождусь этой свадьбы. Умру покойно и съ чистою совѣстью явлюсь тамъ, къ матушкѣ твоей и къ другу Федору съ отчетомъ... Опять же она дѣвушка не безъ средствъ къ жизни, у тебя тоже есть; будетъ чѣмъ вѣкъ прожить нужды не вѣдая, будетъ чѣмъ и дѣтей на ноги поставить. Эхъ, Паша-Паша!.... Ну, однако все таки спи!.. Вонъ оно, уже и свѣтать скоро станетъ, а завтра мнѣ рано въ складъ надо, казакамъ патроны выдавать. Ты которымъ часомъ требованіе помѣтилъ?

— На половину шестаго назначилъ.

— То-то!..

— Иванъ Акимычъ, а Иванъ Акимычъ! раздался голосъ Шелобова за перегородкою. А я такъ все думаю: не купить-ли мнѣ Абрека Криницынскаго—ты какъ полагаешь?

— Я думалъ—ты уже второй сонъ видишь! отвѣчалъ старикъ Глухаревъ.

— Не спится что то... Криницынъ хочетъ за коня пять радужныхъ... Я дамъ. Хоть и дешевле можно купить, а я дамъ, Богъ съ нимъ! Ему, можетъ быть, на дорогу деньги нужны... Получитъ да и уѣдетъ поскорѣе!.. Какъ ты думаешь?

— Гм! поперхнулся Иванъ Акимовичъ... Давно бы ему пора убираться отсюда!.. что-жъ, покупай, лошадь хорошая.

— А то можетъ быть ты купишь, для Павлуши? я перебивать не намѣренъ... Оно, знаешь, очень пріятно... Павлуша, ты спишь что-ли? Осѣдлаешь этакъ лихаго коня, да мимо окошекъ чьихъ нибудь, козыремъ... Павлуша?..

Но ни Павлуша, ни Иванъ Акимовичъ не отвѣчали на эту Шелобовскую шутку. Шелобовъ больше не продолжалъ.

Всѣ трое одинаково поняли ея значеніе, и на всѣхъ трехъ напоминаніе о Криницынѣ подѣйствовало, почему-то, крайне раздражительно.

Заснули наши пріятели или нѣтъ, но только въ квартирѣ Глухарева настало теперь полное молчаніе.

XXIV.

Туманъ, сплошной, холодный, непроницаемый нависъ въ воздухѣ и подъ этою сизою стѣною высятся далекія горы, уходя въ лазурное небо своими вершинами. Вѣчные льды покрываютъ мшистый гранитъ, алмазами сверкаютъ они на солнцѣ, чудными линіями рисуясь въ въ прозрачномъ, золотистомъ эфирѣ... Несется вверхъ крылатый конь, не чувствуя шпоръ, не чувствуя, струною натянутаго, повода... Это не конь, это самъ вѣтеръ... и охватилъ онъ безсильнаго всадника, отнялъ у него сознаніе, отнялъ волю, и несетъ въ безконечное пространство...

— И все также далеко алмазныя выси, словно онѣ тоже уносятся дальше и дальше и съ собою уносятъ дивный образъ.. образъ женщины.

Съ укоромъ смотрятъ кроткіе глаза, золотою короною обложили мраморный лобъ роскошныя косы... ея губы шепчутъ призывъ. И никто этого призыва, кромѣ него, не слышитъ...

— Сюда.. ко мнѣ!.. Что же ты, безсильный!.. Мнѣ холодно здѣсь, мое сердце замираетъ и стынетъ, а съ нимъ и жизнь... Сюда!..

Машетъ могучими крыльями конь, гудитъ уныло вѣтеръ, пронизывая крѣпкія кольца желѣзной цѣпи... Это тамъ, внизу, за неподвижною стѣною тумана, держитъ его злая, невидимая сила... и борется эта сила съ силою крыльевъ волшебнаго коня, борется съ силою другихъ крыльевъ, словно выросшихъ изъ его сердца...

Это не ударъ грома... это не молнія ослѣпительно блеснула въ глаза, это разомъ лопнула проклятая цѣпь.. и подхватило горное эхо металлическіе, предсмертные стоны, понесло его по ущельямъ безконечными перекатами...

Съ розмаха ринулся освобожденный конь... словно солнце засверкала вверху кроткая, радостная улыбка.. Близко-близко... Вотъ-вотъ готовы коснуться ея, съ мольбою протянутыя руки... Темная, угрюмая скала выросла въ мгновеніе передъ его глазами, и закрыла собою все. Съ розмаха ударился разлетѣвшійся конь, грудью хватился очарованный всадникъ... Скала!.. нѣтъ, это не скала! это страшный затылокъ... сѣдой, съ черною, зіяющею пробоиной... И разомъ настала ночь, разомъ окутала все непроницаемою тьмою... Красные огни замелькали внизу.. Это волки въ кустахъ, это тигръ, сквозь камышъ завидѣвшій легкую добычу. Это факелы!.. Да, погребальное, унылое шествіе... Вотъ они движутся безконечною вереницею, поютъ, и разноситъ вѣтромъ огненныя искры ихъ факеловъ... Кони, покрытые черными попонами, тяжело тащатъ высокую, траурную колесницу... неистово визжатъ и скрипятъ немазанныя колеса, гнутся дроги подъ страшною тяжестью и не балдахинъ это, какъ казалось прежде, издали, нѣтъ,— это висѣлица. Стаи воронъ усѣлись въ рядъ на ея перекладинѣ... Колышется веревочная петля, словно змѣя вьется съ раскрытою пастью, готовая ринуться на добычу...

— Кому?..

— Я не хочу знать кому... это не я спрашивалъ,— нѣтъ!.. это сердце само, безъ моей воли, спросило... Не надо отвѣта! не надо!.. молчи!..

— Тебѣ! стонетъ неумолимое горное эхо.

Черные люди, съ закрытыми лицами, окружили его со всѣхъ сторонъ и съ розмаха воткнули въ землю свои факелы... Его берутъ, его тянутъ на эшафотъ, прямо подъ эту ненавистную петлю... Навстрѣчу ему двинулся страшный палачъ... и лицо этого палача знакомо ему... знакомъ ему этотъ багровый носъ, эти, щетиною торчащіе усы, эти осоловѣлые отъ пьянства, безжизненные, затекшіе глаза.

— Покажи мнѣ свои руки!.. руки покажи! чисты ли онѣ у тебя? хрипитъ знакомый голосъ...

И вдругъ, розовое, теплое, мягкое такое облачко налетѣло на него, окутало и вынесло изъ этого страшнаго круга... И опять въ этомъ облачкѣ мелькаютъ чудныя формы, опять тѣ же кроткіе, дѣтски чистые глаза, опять надъ мраморнымъ лбомъ—золотая корона... И исчезли вмѣстѣ съ ночною тьмою ненавистные признаки позора и казни. Чудная картина разворачивается передъ глазами зеленые сады, журчащіе ручьи, серебряная пѣна рокочущихъ водопадовъ... Стройныя пальмы, бѣлые, легкіе минареты, призывной голосъ муллы... мелодія струнъ и весёлый дребезгъ тамбурина...

Откинувъ бѣлую чадру, змѣею извивается женщина, чуть касаясь ковра своими легкими, полуобнаженными ногами. Это она! это кузина Мэдъ. Она видитъ его и хохочетъ.. Звонко разносится ея злой, насмѣшливый хохотъ,—а ему все равно... Ему здѣсь такъ хорошо, такъ отрадно лежать на мягкомъ коврѣ, ему такъ сладко чувствовать на своемъ пылающемъ лбу эту нѣжную, любящую руку. Только зачѣмъ этотъ черный, этотъ курносый негръ смотритъ сюда же и тоже смѣется... Словно сажею вымазанное лицо лоснится на солнцѣ, сверкаютъ и щелкаютъ оскаленные зубы... И не зубы это... не ротъ!—это затылокъ... и на немъ...

— Уйди ты отъ меня, сгинь ненавистное видѣніе! Тамъ, за гробомъ, твоя сила, здѣсь—жизнь! Я живу, и не хочу знать ничего, что за предѣлами могилы... Сгинь!..

— Ты ближе къ ней, чѣмъ думаешь! говоритъ кузина Мэдъ.

— Cet afreux! шепчутъ желтыя, высохшія губы княгини Расбросовой.

Вотъ она сидитъ въ своемъ зеленомъ креслѣ и гладитъ косматую, слѣпую болонку...

— Ну, ужъ этого я никакъ не могъ ожидать, шепелявилъ Грушинъ, вытирая ротъ салфеткою. И, конечно, Поль, ты согласишься со мною, что правосудіе выше дружбы..

— Cet afreux! все заладила свое старушка-княгиня. Кусь его! кусь гадкаго! Мимишка кусь, кусь!..

И вдругъ эта дрянная, жалкая собаченка все ростетъ и ростетъ, она весь садъ наполняетъ своею косматою фигурою.. Она съ ревомъ бросается на него, вцѣпилась ему въ горло зубами, душитъ его, но кускамъ разрываетъ на части.

— Готово? спрашиваетъ нагнувшись Шелобовъ.

— Готово! отвѣчаетъ Иванъ Акимовичъ...

И хочетъ онъ имъ сказать: „Нѣтъ, еще рано!.. я живъ!.. я жить хочу, и буду!.“ И чувствуетъ уже, что жизнь снова начинаетъ пробиваться въ его жилахъ, снова, медленно, тихо начинаетъ биться сердце... Струя свѣжаго воздуха сладко такъ пробирается въ его легкія... Сѣрыя стѣны отошли и стали, и онъ ясно видитъ на нихъ безчисленныя трещины, слѣды аляповатой живописи и позолоты, полки съ какими то синими горшками и банками... а дальше дверь, и за дверью зелень деревьевъ, залитая лучами солнца... И это все уже прочное, не призрачное.

— Что это—сонъ? Нѣтъ, это уже не сонъ... Вонъ и голосъ Миробая, вонъ и лязгъ мѣднаго кунгана, топотня босыхъ ногъ по циновкамъ. Это Алибей и Мамунъ хлопочутъ..

Криницынъ съ трудомъ поднялъ съ подушки свою отяжелѣлую голову и приподнялся.

Около него, съ одной стороны, лежалъ на коврѣ какой то нищій-оборванецъ, разметавшись, въ полномъ опьяненіи. Его ротъ растянулся въ циничную улыбку, глаза были полураскрыты, но ничего не видѣли. Съ другой стороны лежалъ кто то въ красномъ халатѣ, ничкомъ, его трясло какъ въ лихорадкѣ; въ углу сидѣла угрюмая фигура, тоже въ лохмотьяхъ, опустивъ гладко обритую голову на колѣни...

— Какая мерзость! подумалъ Павелъ Петровичъ, съ трудомъ поднялся на ноги, покачнулся и сталъ приводить въ порядокъ одежду...

Скромность. Статуя А. Вейценберга. Грав. Ю. Барановскій.

— Хорошо спалъ? спросилъ Миробай, заглядывая въ двери сакли.

— Сначала оно всегда тяжело немного, продолжалъ онъ, не дождавшись отвѣта. — А зато послѣ хорошо! Охъ какъ хорошо будетъ! Я тебѣ сейчасъ Мамуна пошлю; онъ тебѣ воды принесетъ, холодной, умыться, а чай пить ко мнѣ иди... Зеленый чай очень послѣ этого помогаетъ.

— Потомъ хорошо, потомъ очень хорошо будетъ! повторялъ и батча, входя съ мѣднымъ тазомъ и шелковымъ полотенцемъ.

— Теперь еще рано! Солнце только что взошло и весь народъ спитъ... Иди сюда! тебя никто не можетъ видѣть, пригласилъ Миробай, съ гордостью поправляя на своемъ халатѣ свѣтло-бронзовую медаль на анненской лентѣ.

Павелъ Петровичъ намочилъ полотенце, обвилъ имъ свою воспаленную голову и съ жадностью принялся глотать горячій чай, чувствуя, какъ этотъ ароматическій напитокъ успѣшно начиналъ бороться съ тяжелыми послѣдствіями опьяненія.

Алибей не успѣвалъ подливать его маленькую чашечку изъ кунгана. Миробай пытливо, искоса поглядывалъ на своего гостя, поглаживая рѣдкую, сѣдую бороду, скользя съ наслажденіемъ крючковатыми пальцами по чекану своей, достойно заслуженной „награды“.

(До слѣд. №).

Разсказъ Раевскаго о дуэли Лермонтова.

Записано **В. Желиховской.**

(Окончаніе).

На другое утро собрались мы въ нашей съ Глѣбовымъ комнатѣ. Пришелъ и нѣкій поручикъ Дороховъ, знаменитый тѣмъ, что въ 14-ти дуэляхъ участіе принималъ, за что и назывался онъ у насъ бретёръ. Какъ человѣкъ опытный, онъ намъ и далъ совѣтъ.

— Въ такихъ, говоритъ, случаяхъ принято противниковъ разлучать на нѣкоторое время. Раздраженіе пройдетъ, а тамъ, Богъ дастъ, и сами помирятся.

Мы и его послушаться согласились, да и еще рѣшили попросить кого-нибудь изъ старшихъ переговорить съ нашими спорщиками. Кого же было просить? Петръ Семеновичъ Верзилинъ, можетъ, еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ уѣхалъ въ Варшаву хлопотать о какой нибудь должности для себя. Былъ у насъ еще одинъ другъ, старикъ Ильяшенко. Онъ нашу банду очень любилъ, а въ особенности Лермонтова, хотя, бывало, когда станешь его просить не высылать изъ Пятигорска, онъ всегда бранится, да приговариваетъ: „Убей меня Богъ, что вы, мальчишки, со мной дѣлаете!“ Ну, да его нельзя было въ такое дѣло мѣшать, потому что онъ комендантомъ Пятигорска былъ. Думали полковника Зельмица, что вмѣстѣ съ нами жилъ, попросить, да рѣшили, что онъ помолчать не съумѣетъ. Онъ всегда, какъ что-нибудь провѣдаетъ, сейчасъ-же бѣжитъ всѣхъ дамъ оповѣщать. Ну, такъ намъ же не было охоты барынь нашихъ пугать, тѣмъ болѣе, что и сами мы смотрѣли на эту исторію, какъ на пустяки. Оставался намъ, значитъ, одинъ только полковникъ Манзей, тотъ самый, которому Лермонтовъ разъ сказалъ:

Куда, сѣдой прелюбодѣй,
Стремишь своей ты мысли бѣги?
Кругомъ съ арбузами телѣги
И нѣтъ порядочныхъ людей!

Позвали мы его, разсказали ему всю исторію. Онъ поговорить со спорщиками не отказался, но совершенно основательно замѣтилъ, что съ Лермонтовымъ ему не совладать, а что лучше было бы, кабы Столыпинъ съ нимъ сперва поговорилъ. Столыпинъ сейчасъ-же пошелъ въ рабочую комнату, гдѣ Михаилъ Юрьевичъ чѣмъ то былъ занятъ. Говорили они довольно долго, а мы сидѣли и ждали, дыханіе притаивши.

Столыпинъ намъ послѣ разсказывалъ, какъ было дѣло. Онъ, какъ только вошелъ къ нему, сталъ его уговаривать и сказалъ, что мы бы всѣ рады были, кабы онъ уѣхалъ.

— Мало тебѣ и безъ того непріятностей было? Только что эта исторія съ Барантомъ, а тутъ опять. Уѣзжай ты, сдѣлай милость!

Михаилъ Юрьевичъ не разсердился: зналъ, вѣдь, что всѣ мы его любимъ.

— Изволь, говоритъ, уѣду и все сдѣлаю, какъ вы хотите.

И сказалъ онъ тутъ-же, что, въ случаѣ дуэли, Мартыновъ пускай дѣлаетъ, какъ знаетъ, а что самъ онъ цѣлить не станетъ. „Рука, сказалъ, на него не поднимается!“

Какъ Столыпинъ разсказалъ намъ все это, мы обрадовались. Велѣли лошадь сѣдлать, и уѣхалъ нашъ Михаилъ Юрьевичъ въ Желѣзноводскъ.

Устроили мы это дѣло, да и подумали, что конецъ—и съ Мартыновымъ всякія предосторожности оставили. Анъ и вышло, что маху дали. Пошли къ нему всѣ, стали его убѣждать, а онъ сидитъ угрюмый.

— Нѣтъ, говоритъ, господа, я не шучу. Я много разъ его просилъ прежде, какъ друга; а теперь ужъ отъ дуэли не откажусь.

Мы какъ ни старались — ничего не помогло. Такъ и разошлись. Предали все въ руки времени. Авось, де, онъ это такъ сгоряча, а послѣ, можетъ, и обойдется. Ну, и побѣжали день за днемъ. Въ то время и la belle noire въ Желѣзноводскъ уѣхала. Ея матери тамъ надо было лечиться.

Мы подождали недѣли полторы. Видимъ, что Мартыновъ развеселился, о прошломъ ни слова не поминаетъ; стали подумывать о томъ, какъ бы изгнанника нашего изъ Желѣзноводска вернуть: скучно, вѣдь, ему тамъ одному. Собрались мы всѣ опять. И Манзей тутъ былъ, и Дороховъ, и князь Васильчиковъ, дерптскій студентъ, что лечиться въ Пятигорскъ пріѣхалъ. Его отецъ чѣмъ то виднымъ при дворѣ государя Николая Павловича былъ; чуть ли не шталмейстеромъ, да ужъ хорошо не помню. И государь его очень любилъ, сказывали. Сошлись мы всѣ, а тутъ и Мартыновъ жалуетъ. Догадался онъ, что ли, о чемъ мы рѣчь собрались держать, да только безъ всякихъ предисловій насъ такъ и огорошилъ.

— Что-жъ, господа, говоритъ, скоро-ли ожидается благополучное возвращеніе изъ путешествія? Я ужъ давно дожидаюсь. Можно бы понять, что я не шучу!

Тутъ кто то изъ насъ и спросилъ:

— Кто же у васъ секундантомъ будетъ?

— Да вотъ, отвѣчаетъ, я былъ бы очень благодаренъ князю Васильчикову, еслибъ онъ согласился сдѣлать мнѣ эту честь!—и вышелъ.

Мы давай судить, да рядить. А бретёръ Дороховъ опять свое слово вставилъ:

— Можно, господа, такъ устроить, чтобы секунданты постановили какія угодно условія.

Мы и порѣшили, чтобы они дрались въ 30-ти шагахъ и чтобы Михаилъ Юрьевичъ стоялъ выше, чѣмъ Мартыновъ. Вверхъ еще труднѣе цѣлить. Сейчасъ же отправились на Машукъ и мѣсто тамъ выбрали за кладбищемъ. Глѣбовъ и еще кто то, кажется, Столыпинъ, хорошо не помню, отправились сообщить объ этомъ Михаилу Юрьевичу, и встрѣтили его по дорогѣ, въ Шотландкѣ, у нѣмки Анны Ивановны. А князь Васильчиковъ сказалъ Мартынову, что будетъ его секундантомъ съ условіемъ, чтобы никакихъ возраженій ни со стороны его самого, ни со стороны его противника не было. Посланные такъ и сказали Михаилу Юрьевичу.

Онъ сказалъ, что согласенъ, повторилъ только опять, что цѣлить не будетъ, на воздухъ выстрѣлитъ, какъ и съ Барантомъ; и тутъ же попросилъ Глѣбова секундантомъ у него быть. Какъ только переговорили, пріѣзжаетъ la belle noire съ матерью. Ужъ не знаю, сговорились они такъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ, или случайно она туда пріѣхала; но онъ былъ съ ней очень любезенъ въ этотъ вечеръ, шутилъ и смѣялся съ ней. А у нея, по тогдашней модѣ, на лбу была фероньерка надѣта на узенькомъ золотомъ ободкѣ.

Михаилъ Юрьевичъ снялъ съ ея головы эту фероньерку и все время, пока болталъ съ ней, навертывалъ на пальцы гибкій ободокъ; потомъ спряталъ въ правый карманъ и сказалъ ей:

— Оставьте эту вещицу у меня, вамъ послѣ отдадутъ.

Послѣ онъ вмѣстѣ съ ними въ Желѣзноводскъ вернулся, а наши посланные въ Пятигорскъ возвратились.

На другой день 15-го іюля 1841 года, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ выѣхали изъ воротъ на дрожкахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома пиръ готовимъ, шампанскаго накупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ ужъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значитъ, и кончится ничѣмъ.

Когда они всѣ сошлись на заранѣе выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и спиной къ Машуку, — Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ,—онъ такой тонкій, длинноногій былъ,—подошелъ да и оттолкнулъ ее ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась.

— Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ, сказалъ онъ Мартынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возра-

женій. Больше 30-ти шаговъ—не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояніи не попасть. А, къ тому жъ, еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртукъ разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, на вылетъ *). И послѣднія свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ:

— Миша, умираю...

Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ:

— Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!

Потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ ногу, а не въ грудь цѣлилъ.

А мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоновичъ никому ни слова не сказалъ и, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенко и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: „убитъ!“ и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности; всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полковникъ же Зельмицъ, какъ услышалъ,—бѣгомъ къ Маріи Ивановнѣ Верзилиной и кричитъ:

— О-то! ваше превосходительство, на повалъ!

А та, ничего не зная, ничего и не поняла сразу, а когда уразумѣла въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась. Барышни ея услыхали,—и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. А Антонъ Карлычъ нашъ кашу заварилъ, да и домой убѣжалъ. Положимъ, хорошо сдѣлалъ, что вернулся: онъ намъ то понадобился въ это время.

Пріѣхалъ Глѣбовъ, сказалъ, что покрылъ тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять безпрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржеваго за тѣломъ, такъ онъ съ полу-дороги вернулся: колеса вязнутъ, ѣхать невозможно. И пришлось намъ телѣгу нанять. А послать кого съ телѣгой и не знаемъ, потому что всѣ мы никуда не годились и никто своихъ слезъ удержать не могъ. Ну, и попросили полковника Зельмица. Далъ я ему своего Николая, и Столыпинскій грузинъ съ нимъ отправился. А грузинъ, что Лермонтову служилъ, такъ такъ убивался, такъ причиталъ, что его и съ мѣста сдвинуть нельзя было. Это я къ тому говорю, что, еслибы у Михаила Юрьевича характеръ, какъ многіе думаютъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ заносчивый и непріятный, такъ прислуга бы не могла такъ къ нему привязываться.

Когда тѣло привезли, мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закоченѣли. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась. Нужно было сюртукъ на спинѣ распороть, и тутъ всѣ мы видѣли, что на вылетъ пуля проскочила, да и феронньерка belle noire въ правомъ карманѣ нашлась, вся въ крови. Въ день похоронъ m-lle Быховецъ, какъ сумасшедшая прибѣжала, такъ ее эта новость поразила, и взяла свою феронньерку, какъ она была, даже вымыть, не то что починить не позволила.

Глѣбовъ съ Васильчиковымъ тоже отправились, вслѣдъ за Мартыновымъ, къ коменданту Ильяшенко. И, когда явились они, онъ сказалъ:

— Мальчишки, мальчишки, убей меня Богъ! Что вы надѣлали, кого вы убили!—и заплакалъ старикъ.

Сейчасъ же они всѣ трое были на гауптвахту отправлены и сидѣли тамъ долгое время.

А мы дома снуемъ изъ угла въ уголъ, какъ потерянные. И то ужъ мы не знали какъ вещи то на свѣтѣ дѣлаются, потому что, по тогдашней глупой модѣ, невѣріемъ хвастались, а тутъ и совсѣмъ одурѣли **). Ходимъ вокругъ тѣла, да плачемъ, а для похоронъ ничего не дѣлаемъ. Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публики никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойти тѣлу поклониться, дойдетъ до подъѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ одиннадцать ночи пріѣхалъ къ намъ Ильяшенко, сказалъ, что гробъ ужъ онъ заказалъ и велѣлъ намъ завтра пойти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомольная и никогда бы не утѣшилась, еслибъ ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ. Столыпинъ, конечно, се хорошо зналъ, да и я къ ней въ ранней молодости хаживалъ, потому что наши имѣнія были смежныя, хотя и считались въ разныхъ губерніяхъ. На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику единственной, въ то время, православной церковки въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, поплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру. Мы стали ее просить, цѣловали у нея и ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обрядъ совершить. Она намъ обѣщала свое содѣйствіе, а мы, чтобъ ужъ она не могла на попятный пойти, тутъ же ей и подарочекъ прислали, разныхъ шелковъ тогдашнихъ, и о цѣнѣ не спрашивали.

Вернулись домой, а народу много набралось: и пріѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазетомъ обили. Мы ужъ собрались тѣло въ него класть, когда кто то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтывали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ, да у кого то изъ прислуги нашлось. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли всѣ хоромъ „святый Боже, святый крѣпкій...“ и покрестились, даромъ что не христіане были, но полагали, что этого не достаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подушку въ гробъ сшили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣмъ креить на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться.

На другой день опять мы со Столыпинымъ пошли къ священнику. Матушка то его предупредила, но онъ все же не сразу согласился, и пришлось Столыпину ему, вмѣсто 50-ти, 200 рублей пообѣщать. Рѣшили мы съ нимъ, что, коли своихъ денегъ не хватитъ, у Верзилиныхъ занять; а ужъ никакъ не скупиться. Однако, батюшка все настаивалъ на томъ, что, по такой то, де, главѣ Стоглава, дуэлисты причтены къ самоубійцамъ и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали, было, увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ:

— Вотъ еслибы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ доносѣ онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ.

Мы попробовали у Ильяшенко эту записочку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить. Сказали мы это батюшкѣ, а онъ опять заартачился. Однако, когда ему еще и икону обѣщали въ церковь дать, онъ обѣщался прійти. А икона была богатая, въ серебряной ризѣ, и съ камнями драгоцѣнными,—одна изъ тѣхъ, которыхъ бабушка Михаила Юрьевича ему цѣлый иконостасъ надарила.

Мы вернулись домой съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу—море цѣлое. Всѣ ждутъ, а священника все нѣтъ. Какъ тутъ быть? Вдругъ изъ публики католическій ксендзъ, спасибо ему, вызвался.

— Онъ, боится, говоритъ, а я не боюсь, и понимаю, что такого человѣка, какъ собаку, не хоронятъ. Давайте-ка я литію и панихиду отслужу.

Мы къ этому были привычны, такъ какъ въ походъ съ нами ходили поочереди то католическій, то православный священникъ, поэтому съ радостію согласились.

Когда онъ отслужилъ, то и лютеранскій священникъ, тутъ бывшій, гробъ благословилъ, рѣчь сказалъ и по своему сталъ служить. Одного только православнаго батюшки при семъ не было. Ужъ народъ сталъ расходиться, когда онъ пришелъ и, узнавши, что священнослужители другихъ вѣроисповѣданій служили прежде него, отказался служить, такъ какъ нашолъ, что этого довольно. Насилу мы его убѣдили, что на похоронахъ человѣка греко-россійскаго вѣроисповѣданія полагается и служеніе православное.

При выносѣ же тѣла, когда увидѣлъ нашъ батюшка музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался.

— Уберите трубачей, говоритъ: нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили.

Пришлось хоть на время спрятать музыку.

Похороны вышли торжественныя. Весь народъ былъ въ траурѣ. И кого только не было на этихъ похоронахъ.

Когда могилу засыпали, такъ тутъ же ее чуть не разобрали: всѣ бросились на память объ Лермонтовѣ булыжниковъ мелкихъ съ его могилы набирать. Потомъ долгое еще время всѣмъ пятигорскимъ золотыхъ дѣлъ мастерамъ только и работы было, что вдѣлывать въ браслеты, серьги и брошки эти камешки. А кольца въ моду вошли тогда масонскія, такія, что съ одной стороны Гордіевъ узелъ, какъ тогда называли, а съ другой камень съ могилы Лермонтова. Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ, на который пригодилось наше угощеніе, приготовленное за два дня предъ тѣмъ съ совсѣмъ иною цѣлью. Тогда же Столыпинъ отдалъ батюшкѣ и деньги, и икону; а мы тогда

*) Въ „Христоматіи для всѣхъ“ Гербеля, въ біографіи Лермонтова сказано, что поэтъ былъ убитъ выстрѣломъ въ самое сердце. Но Н. Н. Раевскій сказалъ мнѣ, когда я ему указала на это, что этого не могло быть ужъ по одному тому, что, держа пистолетъ въ правой рукѣ, выставляютъ впередъ и правый же бокъ. Онъ вполнѣ увѣренъ, что не ошибается.

**) Тутъ Николай Павловичъ Раевскій приводилъ разсказъ о томъ, какъ Лермонтовъ и Столыпинъ, будучи проѣздомъ въ Воронежѣ, сказали другъ другу, что пойдутъ побродить въ одиночествѣ, и неожиданно, представлявсь оба невѣрующими, встрѣтились въ соборѣ, куда каждый пошелъ втайнѣ отъ другаго. Столыпинъ принялъ удивленный видъ и спрашиваетъ: „Какъ ты сюда попалъ?“ А Лермонтовъ смутился такъ и говоритъ: „Да бабушка велѣла Угоднику здѣшнему молебенъ отслужить! А ты зачѣмъ?“ И когда Столыпинъ отвѣтилъ, что и ему тоже бабушка велѣла, оба отвернулись. Такъ все же сильно это тогда было!

Пряха. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Русь подъ татарскимъ владычествомъ. Возвращеніе татаръ съ набѣга. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. П. Дзедзицъ.

же и черновую рукопись „Героя нашего времени“, оказавшуюся въ столѣ въ рабочей комнатѣ, на память по листкамъ разобрали.

Нѣмецкій художникъ Шведе нарисовалъ портретъ съ Михаила Юрьевича въ гробу для коменданта Ильяшенко. Съ него и я сдѣлалъ копіи для себя и для Маріи Ивановны Верзилиной, а послѣ акварелью и для Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой. Этотъ же художникъ нарисовалъ прекрасный проэктъ памятника на могилу Лермонтова, для котораго въ одинъ день было собрано 1500 рублей: но ихъ пришлось возвратить, когда стало извѣстно, что бабушка поэта хлопочетъ о перемѣщеніи тѣла его въ ея имѣніе.

Вся наша компанія скоро разлетѣлась. Столыпинъ уѣхалъ тогда же; Верзилиныхъ вскорѣ выписалъ Петръ Семеновичъ въ Варшаву; а я еще долго оставался въ Пятигорскѣ и былъ тамъ, когда гробъ, шесть мѣсяцевъ спустя, вырыли для отправленія въ Россію. Впрочемъ, при этомъ были еще и Верзилины. Пришлось мнѣ также быть свидѣтелемъ того, какъ ненависть прекраснаго пола къ Мартынову, сидѣвшему на гауптвахтѣ, перешла, мало по малу, въ состраданіе, смягчаемая его прекрасною, заунывною игрою на фортепіано и печальнымъ видомъ его чернаго бархатнаго траура. Глѣбова и князя Васильчикова выпустили безъ всякаго наказанія, слава Богу, благодаря расположенію государя Николая Павловича къ отцу послѣдняго; хотя, говорили, Васильчиковъ воздерживался отъ всякаго представительства за сына. Да и самъ Мартыновъ не долго насидѣлся: онъ былъ приговоренъ къ церковному покаянію въ Кіевѣ и уѣхалъ въ Россію.

Во время допроса никто изъ насъ не показывалъ всей истины, чтобы не впутать въ это дѣло семьи Верзилиныхъ, и пріѣхавшій для допроса слѣдователь, жандармскій полковникъ Кувшинниковъ, самъ своими совѣтами помогъ намъ выгородить Марію Ивановну и ея дочерей.

Докторъ Раевскій разсказывалъ намъ еще много интереснаго, относящагося до прошлаго Россіи, но я взялась въ этомъ разсказѣ записать изъ его рѣчей только то, что имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ жизнью и смертью одного изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Поэтому мнѣ остается упомянуть еще только о встрѣчѣ его съ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ передъ самой Крымской компаніей, въ одномъ изъ московскихъ клубовъ. Они никогда не были особенно расположены другъ къ другу, но тутъ встрѣтились какъ истинные друзья, и много горькихъ и веселыхъ воспоминаній пришло имъ на память. Это была его послѣдняя встрѣча съ однимъ изъ знаемыхъ имъ людей въ то далекое время, когда они жили подъ гостепріимной кровлей семьи Верзилиныхъ и составляли обычный кружокъ вокругъ Михаила Юрьевича Лермонтова.

Желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ.

Очеркъ.

За исключеніемъ немногихъ, густо населенныхъ мѣстностей на востокѣ, сѣвероамериканскія желѣзныя дороги встрѣтили и другія условія существованія, и другія задачи, нежели желѣзныя дороги Европы. Здѣсь, въ странахъ образованныхъ, при существованіи путей, желѣзнымъ дорогамъ приходилось только увеличивать и ускорять сообщенія и, соотвѣтственно уже существующимъ потребностямъ, онѣ должны были строиться очень прочно; нужныя на это суммы легко доставались, такъ какъ доходность дорогъ заранѣе являлась обезпеченной. Въ Америкѣ же, гдѣ развитіе только что начиналось, желѣзныя дороги были настоящими піонерами цивилизаціи, проникая въ необитаемыя страны. Чтобы при такихъ условіяхъ дороги могли быть доходными, ихъ приходилось строить очень дешево. И дѣйствительно „скоро и дешево“ было лозунгомъ при постройкѣ большей части дорогъ Соединенныхъ Штатовъ. При этомъ конечно и прочность постройки и безопасность движенія были на второмъ планѣ. „Дорога съ посредственнымъ устройствомъ, говорилъ американецъ, все же лучше чѣмъ отсутствіе ея“,—и при условіяхъ своей страны онъ правъ.

Въ развитіи американскихъ желѣзныхъ дорогъ замѣчаются три періода. Первый обнимаетъ время устройства важнѣйшихъ путей сообщенія въ сѣверозападныхъ штатахъ и тянется почти до 1845 г.; во второй періодъ, доходящій до окончанія междоусобной войны въ 1865 г., желѣзнодорожная сѣть достигла центра штатовъ, до Миссиссипи, и положила начало сооруженіямъ и производству, свойственнымъ Америкѣ; въ послѣдніе же два десятилѣтія возникли гигантскія дороги, соединяющія океаны. Въ виду дешевизны и скорости, при постройкѣ дорогъ въ Америкѣ, обходили по возможности всѣ долины и возвышенности, вмѣсто того, чтобы проводить на первыхъ мосты, а во вторыхъ тоннели. Старались также употребить въ дѣло громадные нетронутые лѣса и сберечь желѣзо. Поэтому подъ тонкіе рельсы клались многочисленныя и крѣпкія шпалы, вмѣсто желѣзныхъ или каменныхъ мостовъ возводились деревянные, вмѣсто дорогихъ земляныхъ насыпей дѣлались громадныя деревянныя сооруженія. Американскіе инженеры начали строить деревянные мосты небывалой еще вышины и длины. Такими же соображеніями руководились и при постройкѣ станцій, отличающихся простотою и большинство которыхъ состоитъ изъ деревянныхъ хижинъ. Въ нихъ нѣтъ никакого подраздѣленія залъ на классы и только есть отдѣльная комната для дамъ. Необходимость заставила проводить многочисленныя узкоколейныя линіи и именно въ мѣстахъ не прилегавшихъ къ большимъ дорогамъ и служившихъ для мѣстнаго сообщенія. Съ соединеніемъ впослѣдствіи дорогъ этихъ съ большою линіею, ихъ передѣлывали на ширококолейныя. Въ настоящее время въ Америкѣ все еще находится не менѣе 10000 километровъ узкихъ дорогъ (1 килом. около версты).

Своеобразная постройка дорогъ, особенно сильные изгибы, повліяли также на постройку подвижнаго состава. Вагоны ставили на платформы съ колесами близко отстоящими другъ отъ друга и вмѣсто двухъ буфферовъ, какъ на нашихъ дорогахъ, удовольствовались только однимъ. Такъ какъ платформы не имѣютъ никакого неподвижнаго соединенія съ вагономъ, то неизбѣжные при неровностяхъ пути толчки въ незначительной только степени передаются вагону; сами же вагоны длиннѣе европейскихъ и внутри не имѣютъ подраздѣленій. Всѣ вагоны поѣзда соединяются между собою подвижными платформами, такъ что сообщеніе свободно по всему поѣзду. Сидѣнья очень неудобны, но съ введеніемъ вагоновъ системы Пульмана, о которыхъ рѣчь впереди, это не имѣетъ особаго значенія. Локомотивы также отличаются отъ нашихъ. Гораздо большіе, они впереди имѣютъ своеобразное приспособленіе, родъ граблей для отбрасыванія предметовъ лежащихъ на дорогѣ. Это Caw-Catcher (коровозадержки), названныя такъ потому, что предназначены устранять съ пути свободно ходящій рогатый скотъ безъ вреда для послѣдняго. Машина обязательно снабжена сигнальнымъ колоколомъ, необходимымъ уже потому, что въ Америкѣ нѣтъ ни барьеровъ, ни сторожей. При подходѣ къ переѣзду, около котораго доска съ надписью „берегитесь локомотива“ служитъ предостереженіемъ, машинистъ звонитъ въ колоколъ и звуки его очищаютъ путь, пролегающій иногда по многолюдной мѣстности. За то всѣ поѣзда снабжены превосходными паровыми тормазами, могущими быстро остановить весь поѣздъ.

На станціяхъ пассажиру приходится самому слѣдить за отходомъ нужнаго поѣзда, такъ какъ прислуга только на нѣкоторыхъ станціяхъ выкрикиваетъ время отхода. Но на большихъ станціяхъ вывѣшиваются доски съ видными надписями объ отправленіи поѣзда. Хотя для того чтобы попасть въ поѣздъ приходится шагать чрезъ нѣсколько рядовъ рельсъ, несчастья все же бываютъ рѣдки: всякій знаетъ объ опасности и всякій бережется. Билеты на станціяхъ покупаютъ только иностранцы, мѣстные жители запасаются ими въ одномъ изъ многочисленныхъ мѣстъ продажи въ городѣ. Кромѣ того ихъ продаетъ каждый машинистъ безъ всякой за то доплаты. Цѣны за проѣздъ очень различны и установить какую бы то ни было норму нѣтъ никакой возможности. На востокѣ, гдѣ желѣзнодорожная сѣть очень развита и конкурренція громадна, цѣны за проѣздъ очень низки. Такъ напр. въ 1878 г. билетъ отъ Ніагарскаго водопада до Нью-Іорка, т. е. разстояніе въ 600 километровъ, стоилъ 10 рублей. На западѣ цѣны за проѣздъ выше, такъ какъ нѣкоторыя линіи не имѣютъ конкуррентовъ. Билетъ отъ Омаги въ Огденъ, на разстояніи вдвое большемъ противъ вышеупомянутаго, стоитъ на Тихо-океанской дорогѣ 160 рублей, при чемъ всегда принимается въ разсчетъ первый классъ; во второмъ ѣздятъ только переселенцы и негры. Но эти цѣны не окончательныя: слѣдуетъ еще причислить плату за хорошее мѣсто въ лучшемъ вагонѣ, что сильно вліяетъ на дороговизну пути. На всѣхъ дорогахъ существуютъ вагоны съ креслами и спальные вагоны, куда впускаютъ за лишнюю плату въ 1 и 2 рубля. На большихъ разстояніяхъ ходятъ вагоны Пульмана, очень удобные для ночныхъ поѣздокъ и превращающіеся днемъ въ изящные залы. За право пользованія ими берутъ по 6 рублей въ сутки.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ были введены вагоны-гостинницы въ самыхъ поѣздахъ, но они скоро были уничтожены, такъ какъ было замѣчено, что ѣдущіе предпочитаютъ во время большихъ остановокъ выходить изъ вагоновъ на нѣсколько минутъ, чтобы отдохнуть отъ долгаго сидѣнья.

Какъ цѣны пассажирскія, такъ и товарныя устанавливаются конкурренціей. Въ Америкѣ зачастую происходитъ настоящая желѣзнодорожная война, причемъ нѣкоторыя линіи возятъ товары въ убытокъ. Если при этомъ одна изъ менѣе обезпеченныхъ въ денежномъ отношеніи дорогъ начинаетъ ослабѣвать, противникъ предлагаетъ ей условія и, монополизируя сообщеніе, внезапно возвышаетъ тарифъ. Иногда въ ночь провозная плата падаетъ или возростаетъ на десять и даже двадцать процентовъ. Такое положеніе вещей разоряетъ обыкновенно маленькія общества на востокѣ, между тѣмъ какъ большія линіи на западѣ, не имѣющія конкуррентовъ, работаютъ при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Очень обременительны также для дорогъ расходы на рекла-

му. Сотни тысячъ красивыхъ плановъ раздаются публикѣ; около всѣхъ станцій и гостинницъ прибиты ящики, гдѣ лежатъ сотни экземпляровъ и каждый свободно можетъ ими пользоваться. На планахъ этихъ свои линіи обозначены обыкновенно прямыми толстыми чертами, между тѣмъ какъ линія конкуррента показана со многими изгибами. Конечно противники пользуются тѣмъ же оружіемъ, въ большемъ еще размѣрѣ. Каждый выхваляетъ скорость и дешевизну доставки своей дороги, обращаетъ вниманіе на значительное вознагражденіе въ случаѣ несчастья.

Объявленія въ газетахъ и подкупъ хозяевъ гостиницъ, содержаніе многочисленныхъ коммисіонеровъ дополняютъ остальное. Дѣло заходитъ такъ далеко, что всѣ экспедиторы и журналисты, всѣ содержатели общественныхъ каретъ, даже всѣ кучера, „такъ какъ они имѣютъ сношенія съ публикою и могутъ дѣйствовать въ пользу той или другой дороги“, пользуются даровымъ проѣздомъ. Расходъ на даровые билеты на нѣкоторыхъ дорогахъ составляетъ 20 процентовъ чистой прибыли.

Средняя скорость движенія американскихъ поѣздовъ меньше чѣмъ на большихъ европейскихъ дорогахъ. На дорогахъ восточнѣе Миссиссипи скорый поѣздъ проходитъ отъ 50 до 60 километровъ въ часъ; на западѣ же 40 километровъ въ часъ считается уже значительною скоростью. Въ мало населенныхъ штатахъ путь находится почти совсѣмъ безъ надзора. За то правилами установлено, чтобы машинистъ предъ всякимъ большимъ сооруженіемъ, мостомъ, віадукомъ или тоннелемъ, сходилъ съ поѣзда и удостовѣрялся въ безопасности его. Точно также, за неимѣніемъ стрѣлочниковъ, въ мѣстахъ перехода на другой путь, машинистъ долженъ открывать ключемъ стрѣлку, переставлять ее, пропускать поѣздъ и снова переводить ее на мѣсто. Практическіе американцы знаютъ, что ничего не можетъ быть дороже скорой ѣзды, во время которой повреждается и подвижной составъ, и путь. Именно благодаря этой сравнительной медленности, безопасность движенія на дорогахъ гораздо большая, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Статистика несчастныхъ случаевъ, которая, впрочемъ, по мнѣнію европейскихъ техниковъ, ведется не вполнѣ исправно, не даетъ никакихъ большихъ цифръ. Желѣзнодорожныя правленія стараются по возможности отвратить всякія несчастія, которыя имъ обходятся слишкомъ дорого, благодаря выплачиваемому ими вознагражденію потерпѣвшимъ или ихъ родственникамъ. Такъ напр., въ 1871 г. во время столкновенія поѣздовъ на кастернской дорогѣ, когда погибло 86 пассажировъ, дорога уплатила 936,291 р. Особое вниманіе желѣзнодорожныя управленія обращаютъ на персоналъ служащихъ, которые пользуются большой самостоятельностію, но зато несутъ и большія отвѣтственности. За малый проступокъ служащій уплачиваетъ большой штрафъ, за всякое болѣе значительное упущеніе увольняется отъ службы. Ни пособій, ни пенсіоновъ для служащихъ на американскихъ дорогахъ не существуетъ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о численномъ развитіи желѣзнодорожныхъ сѣтей Соединенныхъ Штатовъ. Въ то время какъ въ 1843 г. тамъ было только 1451 килом. жел. дорогъ, число ихъ въ 1864 г. возросло до 54,695 килом. Въ 1872 г. насчитывалось 107,782, а въ 1882 г.—155,000 килом., почти столько же, сколько имѣется жел. дорогъ во всей Европѣ. Въ 1881 г. въ движеніи было 17,949 локомотивовъ и 556,930 вагоновъ; общая сумма затраченнаго на дороги капитала достигала 9,795 милліоновъ рублей. О громадности этихъ цифръ получается вѣрное понятіе послѣ проведенія параллели съ числомъ жителей и сравненія съ другими странами. Тогда получится поразительный выводъ; такъ напр. на 10,000 жителей приходится: въ Австріи 5, въ Германіи 8, въ Англіи 8½, а въ Соединенныхъ Штатахъ болѣе 30 километровъ желѣзныхъ дорогъ. Эти цифры доказываютъ и громадное значеніе путей сообщенія въ Соединенныхъ Штатахъ, и экономическое и политическое процвѣтаніе послѣднихъ. Отдѣльные штаты востока и запада, сѣвера и юга не соединились бы никогда такъ прочно, еслибы ихъ не сближало желѣзное кольцо дорогъ.

Дарьяльское ущелье.

Груды скалъ, разщелинъ полны,
Мрачно виснутъ надо мной,
И реветъ, взметая волны
Бѣлой пылью снѣговой,
По низринутымъ когда то
Глыбамъ тѣхъ же скалъ, у ногъ,
Весь взъерошенный, косматый,
Дикій, бѣшеный потокъ.
Камней грозныя громады
Вдоль пути: вы съ вышины
Чьей, незнающей пощады,
Мощной силой снесены?
Васъ еще нависло много,
Въ щеляхъ высей этихъ горъ:—
Свой чередъ, по правдѣ строгой,
Ждете вы съ которыхъ поръ?
Изъ за васъ, грознѣе ночи,
Черной думой обуянъ,
Что глядитъ мнѣ прямо въ очи
Темносизый, злой туманъ?
Не его-ль велѣньемъ, словно
Чтобъ слѣдить за мной, орлы
Въ небо выплыли безмолвно
Изъ разсѣлины скалы?

Пл. Кусковъ.

Къ рисункамъ.

Караванъ въ пути.

(Рис. на стр. 180 и 181).

Пустыня и море—двѣ величавыя картины, олицетвореніе безконечности. Первенство однако слѣдуетъ отдать пустынѣ. Кто видѣлъ эти песчаные и водяные океаны, тотъ знаетъ какъ пустыня дѣйствуетъ гораздо сильнѣе уже однимъ отсутствіемъ всего живаго и ничѣмъ не нарушаемымъ, вѣчнымъ молчаніемъ. Водные пути способствуютъ сообщенію, облегчаютъ его, пески же пустыни разобщаютъ страны и народы. Африка—родина песчаныхъ пустынь, занимающихъ почти половину ея громаднаго пространства. Но человѣкъ съумѣлъ и здѣсь побороть препятствія. Съ незапамятныхъ временъ эти пространства искрещиваютъ во всѣхъ направленіяхъ караваны, и хотя въ послѣднія 40—50 лѣтъ нѣкоторыя страны Африки, какъ Алжиръ, Египетъ ввели у себя желѣзныя дороги, пароходство и телеграфы, но эти нововведенія составляютъ весьма незначительную часть и не захватываютъ самой пустыни. Она доступна лишь для верблюдовъ. Справедливо названы они „кораблями пустыни“. Караванъ составляется обыкновенно изъ вьючныхъ верблюдовъ. При очень большомъ караванѣ (состоящемъ иногда изъ 80 и 100 верблюдовъ) находится вожатый, наблюдающій за порядкомъ. Хорошій верблюдъ поднимаетъ отъ 15 до 19 пудовъ груза, но только онъ долженъ быть умѣло навьюченъ и тюки вполнѣ равномѣрно распредѣлены по бокамъ горба. Если животное навьючено не въ мѣру, то его не въ состояніи поднять на ноги никакая человѣческая сила. Навьючиваніе производится въ караван-сераяхъ за городомъ и занимаетъ продолжительное время. Зачастую къ каравану присоединяютъ маленькихъ выносливыхъ ословъ. Навьючивъ животныхъ, ранѣе выступленія въ путь, ихъ ведутъ на водопой; каждый верблюдъ выпиваетъ два или три полныхъ ведра воды. Люди, мусульмане, разстилаютъ свои маленькіе ковры, обращаютъ взоры на востокъ, воздѣваютъ руки и призываютъ на караванъ благословеніе Аллаха. Остающіеся друзья на прощаніе желаютъ ѣдущимъ: чтобы Аллахъ послалъ въ изобиліи воду, отклонилъ отъ нихъ обманныя картины дьявола и ядовитые вѣтры. Недостатокъ воды, фатаморгана и палящіе вѣтры пустыни, вотъ три главныя опасности, которымъ подвергается караванъ. На стр. 180 и 181 помѣщенъ рисунокъ, изображающій караванъ въ пути. Впереди ѣдетъ шейхъ, т. е. глава каравана. Верблюдъ его убранъ пестрыми коврами и красными кистями. За шейхомъ слѣдуютъ верблюды съ провіантомъ и мѣшками съ водою. Вода раздается только вечеромъ и хотя она за день совершенно согрѣется, но ее предъ питьемъ вливаютъ въ пористые глиняные кувшины, въ которыхъ она, по прошествіи четверти часа, становится холодною. Ночлегъ каравана устраивается самымъ простымъ образомъ. Съ верблюдовъ снимается часть вьюковъ и между ними на землѣ располагаются люди, подложивъ подъ голову мѣшокъ съ соломой и покрывшись шерстянымъ одѣяломъ. Съ первымъ проблескомъ зари караванъ снова трогается въ путь; но проходитъ часа два, три, пока уложатъ вновь тюки, накормятъ верблюдовъ, подкрѣпятъ свои силы. Опытный вожакъ узнаетъ путь по разнымъ мелочамъ; выступъ скалы, плоскій камень, слѣды прежней остановки—все служитъ ему указаніемъ. Если же на пути встрѣчается оазисъ съ маленькими пальмами и короткой травою, радость всеобщая: всѣ знаютъ, что недалеко ручей, вызвавшій эту растительность. Достигаютъ оазиса, располагаются здѣсь и начинается питье, омовеніе и людей, и животныхъ. Послѣ долгихъ утомительныхъ дней пути приближаются наконецъ къ цѣли путешествія. Все оживляется, верблюды ревутъ и фыркаютъ, всадники обмѣниваются привѣтствіями и даже послѣдній осликъ каравана, чуя остановку, ускоряетъ свой шагъ.

„Скромность“. Статуя Вейценберга.

(Рис. на стр. 185).

Въ прошломъ номерѣ, говоря о талантливомъ скульпторѣ Вейценбергѣ, мы переименовали нѣкоторыя изъ его произведеній. Копію одного изъ наиболѣе удачныхъ произведеній художника мы здѣсь помѣщаемъ. Это „Скромность“, поражающая благородствомъ

и изяществомъ выполненія. Какъ поза, такъ и выраженіе лица, детали платья, выполненіе тѣла — все это надо назвать вполнѣ мастерскимъ. Мраморы г. Вейценберга и по цѣнѣ сравнительно весьма доступны для любителей.

Пряха.

(Рис. на стр. 188).

Темная глухая ночь въ занесенной снѣгомъ деревенькѣ. За окошками воетъ мятель, а она сидитъ и всю ночь прядетъ, быть можетъ поджидая мужа, прислушивается не зазвенитъ ли колокольчикъ среди воя мятели — и сердце болитъ у нея. Что съ нимъ? Не заплутался ли онъ въ экую погоду? Передъ ней проносится и прошлое ея и думы о будущемъ; она еще молода,—жизнь впереди... Что то будетъ?.. Народная пѣсня поэтически и образно говоритъ о пряхѣ:

За окошкомъ роща
Всю ночь прошумѣла,
А я молоденька
Всю ночку пропряла.

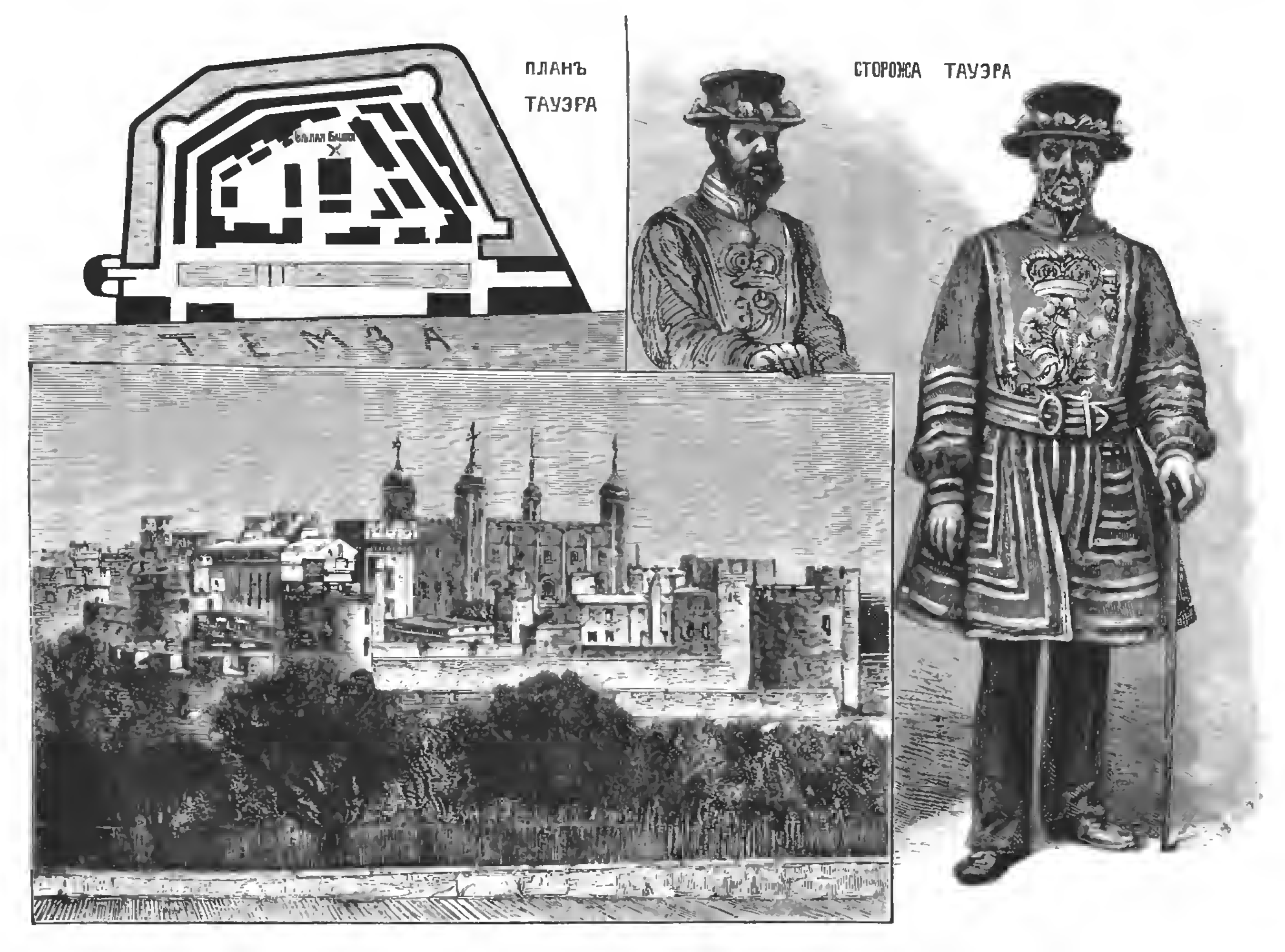
Эту тишину и спокойствіе ночи и уединенной работы передаетъ художникъ весьма удачно.

А. П. Ленскій. Артистъ Импер. Московскихъ театровъ. По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Возвращеніе татаръ съ набѣга.

(Рис. на стр. 189).

Страшное нашествіе монголовъ, пощадивъ западную Европу, почти всецѣло обрушилось на несчастную Русь и, опустошивъ ее, затормозило на нѣсколько столѣтій какъ ея умственное, такъ и политическое развитіе. Сдѣлать отпоръ стремительному натиску азіатскихъ кочевниковъ Русь была не въ силахъ; въ тринадцатомъ вѣкѣ она еще не составляла цѣльнаго, нераздѣльнаго государства; въ каждомъ городѣ былъ свой князь и между князьями постоянно велись споры о томъ, кому быть старшимъ, а иногда даже проявлялось стремленіе быть совсѣмъ вольнымъ, ни отъ кого не зависѣть. Въ этихъ удѣльныхъ ссорахъ гибло много народу и бѣднѣла земля. А тутъ еще не давали покоя сосѣди-кочевники, какъ напр. половцы, которые то и дѣло совершали набѣги, грабили и разоряли города. Неудивительно, что, когда пришли татары, то они не могли встрѣтить серьезнаго сопротивленія; князья южной Руси коекакъ собрали рать и двинулись противъ невѣдома-



Взрывы въ Лондонѣ. Общій видъ Лондонскаго Тауэра. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Общій видъ Вестминстера

Палата лордовъ.

Палата общинъ.

Взрывы въ Лондонѣ. Общій видъ Вестминстера. Палата лордовъ. Палата общинъ. П рис. К. Фишо, грав М. Рашевскій.

го врага. Въ первый разъ русскіе сошлись съ татарами у рѣки Калки, близъ Маріуполя, въ Екатеринославской губерніи, и были разбиты. Это пораженіе было отчасти вызвано междоусобіемъ князей; такъ Мстиславъ, князь кіевскій, не пошелъ на помощь къ своимъ, а построивъ изъ кольевъ городокъ надъ рѣкою, три дня отбивался отъ татаръ; наконецъ былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ черниговскимъ. Татары положили на нихъ доски, сѣли на нихъ обѣдать и такъ задавили ихъ. Послѣ побѣды татары вошли въ самую русскую землю и безъ пощады убивали жителей тѣхъ городовъ, которые выходили къ нимъ на встрѣчу съ крестомъ и просьбою о помилованіи. Вдругъ получили они приказаніе возвратиться домой; хану ихъ понадобилось войско для войнъ съ сосѣдями. Нѣсколько лѣтъ не было слышно о татарахъ, но вотъ, въ 1237 году, завоевавъ землю болгарскую и мордовскую, татары опять пошли на Русь. Теперь ими предводительствовалъ Батый, племянникъ Октая, наслѣдника Чингисъ-хана. Батый взялъ Рязань и избилъ всѣхъ жителей. Некому было ни стонать, ни плакать: ни отцу, ни матери о любимыхъ чадахъ, ни брату по братѣ, ни родному по родномъ— всѣ вмѣстѣ лежали мертвые. Покончивъ съ Рязанью, татары пошли къ Владиміру; по дорогѣ взяли Москву, тогда еще маленькій городокъ, сожгли Суздаль и обложили Владиміръ. Владиміръ былъ взятъ и зажженъ. Епископъ Митрофанъ съ княгинями и большимъ числомъ народа сгорѣли въ храмѣ. При Сити былъ опять неудачный бой между татарами и русскими. Отъ Сити татары пошли было на Новгородъ, который былъ тогда богатъ и силенъ, но испугавшись болотъ, вернулись, не дошедши ста верстъ. Повернувши отъ Новгорода, Батый пришелъ къ Козельску; взялъ городъ и никого не помиловалъ, даже грудныхъ младенцевъ. На слѣдующій годъ татарскія рати сожгли Переяславль и Черниговъ, а въ 1240 г. пришли къ Кіеву. Взявъ Кіевъ, Батый пошелъ на землю Волынскую и Галицкую. Возвратясь изъ похода, онъ разставилъ по всей русской землѣ своихъ баскаковъ и потребовалъ, чтобы князья являлись къ нему въ орду на поклоненіе. Неповиновеніе со стороны князей наказывалось лютою смертью; по неволѣ князьямъ приходилось подчиняться всѣмъ требованіямъ хана: пить кобылій кумысъ и ходить на поклонъ къ ханскимъ женамъ. Страшно было жить въ то время, но не до конца погибла русская земля: прошло еще лѣтъ сто и люди стали понемногу освобождаться отъ татаръ. Послѣдніе оказывались уже не такъ непобѣдимы какъ прежде. Рисунокъ нашъ изображаетъ одинъ изъ ужасныхъ эпизодовъ татарскаго ига. Награбивъ и захвативъ въ плѣнъ несчастныхъ, возвращается татарскій отрядъ въ свой лагерь...

А. П. Ленскій. Артистъ Имп. Моск. театровъ.

(Портр. на стр. 192).

Александръ Павловичъ Ленскій, теперешній любимецъ московской публики, родился въ 1847 году, и впервые выступилъ на сценическое поприще во Владимірѣ, гдѣ театръ содержался извѣстною артисткою г-жей Читау. Переходя затѣмъ съ одной провинціальной сцены на другую, Ленскій въ 1876 году дебютировалъ въ Москвѣ блестящей ролью Глумова въ комедіи Островскаго: „На всякаго мудреца довольно простоты". Пріобрѣтя очень скоро расположеніе публики, онъ серьезно занялся искусствомъ, и всею душой предался изученію классическаго репертуара, съ Шекспиромъ и Мольеромъ во главѣ. Его пріѣзды въ Кіевъ и Петербургъ лѣтомъ на гастроли были всегда рядомъ оваціи. Онъ игралъ очень удачно въ „Много шуму изъ ничего", „Донъ-Жуанѣ", „Гамлетѣ", „Уріэль Акостѣ" и пр. Въ 1882 году онъ перешелъ съ казенной московской сцены на петербургскую, но здѣсь оставался сравнительно не у дѣлъ, въ виду жанроваго репертуара и отсутствія серьезныхъ пьесъ. Годъ назадъ онъ снова былъ переведенъ въ Москву, гдѣ снова взялся за Ричарда, Макбета и Гамлета.

А. П. отличается не только сценическимъ, но и живописнымъ талантомъ. Онъ хорошо владѣетъ кистью, и его портреты съ натуры замѣчательны по чрезвычайно близкому сходству съ оригиналами. Въ бытность въ Петербургѣ, онъ пользовался совѣтами извѣстнаго портретиста Крамскаго. Изъ его работъ можно отмѣтить прекрасную копію съ стариннаго портрета артиста Волкова, которую онъ подарилъ дирекціи Петербургскихъ театровъ на память о своемъ пребываніи здѣсь. Портретъ этотъ виситъ въ такъ называемомъ „артистическомъ фойе" александринскаго театра. Не менѣе интересны его скульптурныя работы; изъ нихъ можно указать на бюстъ извѣстнаго итальянскаго трагика Росси.

Взрывы въ Лондонѣ: въ Вестминстерѣ и Тауэрѣ.

(Рис. на стр. 192 и 193).

Революціонная партія въ Лондонѣ проявила себѣ уже давно цѣлымъ рядомъ преступныхъ покушеній, съ помощью динамита, но въ послѣднее время ея варварскіе подвиги стали еще болѣе дерзки и рѣшительны. Она уже болѣе не довольствуется взрывами на мостахъ, желѣзнодорожныхъ станціяхъ и въ казенныхъ и частныхъ домахъ, но посягаетъ на такія зданія, которыя составляютъ національную гордость Англіи и драгоцѣнное наслѣдіе ея историческаго прошлаго. Такъ 24 января въ Лондонѣ послѣдовали одинъ за другимъ три страшныхъ взрыва, жертвами которыхъ сдѣлались почти одновременно примыкающая къ зданію Парламента огромная Вестминстерская зала (Вестминстеръ-Голль), игравшая столь знаменательную роль во время англійской революціи, палата общинъ внутри самаго парламента и Тауэръ, или знаменитая лондонская башня,—памятникъ глубокой старины, построенный болѣе 800 лѣтъ тому назадъ. Первый взрывъ произошелъ ровно въ два часа пополудни, въ такъ называемой Бѣлой башнѣ Тауэра. Башня эта состоитъ изъ четырехъ этажей и имѣетъ 90 фут. вышины и отъ 12 до 15 ширины. Въ каждомъ этажѣ три комнаты, не считая лѣстницъ, корридоровъ и покоевъ, находящихся въ толстыхъ стѣнахъ. Эти комнаты отдѣлены другъ отъ друга стѣнами въ 10 фут. толщины, возвышающимися отъ фундамента до крыши. На каждомъ углу башни находится маленькая башенка. Подземелья не имѣютъ ни лѣстницъ, ни дверей исключительно имъ принадлежащихъ. Лишь нѣсколько отверстій въ стѣнахъ пропускаютъ немного воздуха и еще менѣе свѣта. Теперь отъ всѣхъ этихъ ужасовъ остались лишь одни воспоминанія; подземелья пусты, а сама башня служитъ мѣстомъ храненія образцовъ стараго и новаго оружія. Взрывной снарядъ былъ положенъ въ этажѣ, занятомъ новѣйшимъ вооруженіемъ. Послѣдствія взрыва были ужасны: громадное количество ружей новаго образца исковеркано совершенно; кромѣ того во всѣхъ этажахъ всѣ вещи приведены въ самый хаотическій безпорядокъ. Крыша съ башни снесена, но стѣны Тауэра, толщина которыхъ простирается до пятнадцати футовъ, остались неповрежденными. Пріемная зала и часовня св. Іоанна въ развалинахъ и многіе старинные доспѣхи, истинныя сокровища, изломаны и попорчены. Когда послѣдовалъ взрывъ, число посѣтителей было довольно значительно, особенно въ залѣ стариннаго вооруженія, и вся эта толпа была поражена неописуемымъ ужасомъ, тѣмъ болѣе что все зданіе было мгновенно охвачено столбами пламени и пыли, и кругомъ, вслѣдъ за грохотомъ взрыва, слышался повсюду оглушающій трескъ отъ обваливавшихся стѣнъ, разбивавшихся зеркалъ и прочихъ предметовъ. Къ счастію, число раненыхъ изъ публики хотя и велико, но раны большею частью легкія.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ взрыва въ Тауэрѣ, произошелъ взрывъ въ Вестминстерской залѣ, образующей нѣчто въ родѣ огромныхъ сѣней, при колоссальномъ зданіи Парламента, отстоящемъ отъ Тауэра версты четыре по прямой линіи. Вестминстерская зала, соединенная корридорами съ палатами общинъ и лордовъ, можетъ смѣло назваться самымъ величественнымъ изъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ готической архитектуры. Динамитъ былъ подложенъ въ юго-восточномъ углу залы, у входа въ небольшую, но богато разукрашенную подземную часовенку Св. Стефана. Увидя дымокъ, публика въ ужасѣ бросилась вонъ изъ залы. Стоящій же вверху лѣстницы полисменъ, заслышавъ крикъ, бросился стремглавъ внизъ, схватилъ дымящуюся массу, но не будучи въ состояніи потушить ее, бросилъ на полъ залы. Вслѣдъ за этимъ почти моментально послѣдовалъ оглушительный взрывъ. Въ каменныхъ ступеняхъ лѣстницы произведена выбоина на три фута въ ширину и четыре фута въ глубину, въ отверстіе которой были сброшены полисменъ и съ нимъ еще четыре человѣка публики. Кромѣ того въ зданіи выбило не только стекла, но и самыя желѣзныя рамы. Каменная лѣстница, ведущая въ часовню, исковеркана, а потолокъ залы значительно поврежденъ. Третій взрывъ послѣдовалъ почти одновременно въ самой палатѣ общинъ и произвелъ тамъ сильное опустошеніе. Галлерея лордовъ, подъ которою произошелъ взрывъ, почти совершенно разрушена; перегородки снесены; всѣ окна и двери выбиты, нѣкоторыя вмѣстѣ съ окружающимъ камнемъ. Вся деревянная рѣзьба разбита въ дребезги, отъ обоевъ остались одни лоскутья, паркетъ вышибленъ, своды дверей осѣли, не уцѣлѣло ни одного зеркала. Кресло Гладстона изломано въ куски, также какъ скамьи членовъ оппозиціи. Всѣ скульптурныя украшенія, фрески и картины, находящіяся въ этой залѣ, погибли безвозвратно. Вообще зала засѣданій общинъ находится теперь въ такомъ состояніи, что осматривавшіе ее эксперты выразили даже сомнѣніе, чтобы она могла быть исправлена ко дню возобновленія парламентской сессіи, т. е. къ 17-му февраля. Что же касается матеріальныхъ убытковъ, то инженеръ Примъ исчислилъ, что исправленіе всѣхъ поврежденій, произведенныхъ взрывами, обойдется въ 15 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. приблизительно въ 150,000 рублей. Нечего и говорить, что лондонское общество страшно потрясено и испугано послѣдними злодѣйствами динамитчиковъ, и какъ въ публикѣ, такъ и въ печати негодованіе противъ ирландскихъ феніевъ достигло въ послѣднее время крайней степени.

Женщина безъ туловища.

(Рис. на стр. 196).

Всѣ оптическіе фокусы, показывающіе голову безъ туловища, или тѣло безъ головы, издавна практиковались и всегда занимали зрителя. Это достигается при помощи наклонныхъ зеркалъ, рас-

положенныхъ такъ, что они закрываютъ все туловище и оставляютъ свободной, напримѣръ, одну голову. Такія говорящія головы конечно приходилось видѣть многимъ. Гораздо проще фокусъ, извѣстный подъ именемъ тайны доктора Линна, который показывается теперь въ Парижѣ и представляетъ женщину до таліи, качающуюся на висячей качели. Женщина эта жива, мало того, руками она хватаетъ веревки, отнимаетъ дощечку и она нѣсколько секундъ виситъ на воздухѣ. Гдѣ же туловище и чѣмъ объяснить этотъ фокусъ? Докторъ Линнъ достигаетъ этого при помощи свѣтовыхъ эффектовъ. Это вполнѣ точно объясняется вторымъ рисункомъ. Верхняя, видимая часть тѣла, это манекенъ, на который ложится бюстъ молодой женщины, вытянутой почти горизонтально на доскѣ или гамакѣ, могущемъ качаться и слѣдовать за движеніями качелей. Вся эта часть закрыта черной матовой драпировкой, не отражающей ни малѣйшаго свѣта. Грудь женщины и качели освѣщаются очень сильно, затѣмъ непосредственно слѣдуетъ густая тѣнь, безусловно черный фонъ, который становится еще болѣе темнымъ отъ свѣтящихся веревокъ качели и металлической цѣпи, на которой привѣшенъ внизу обнаженный кинжалъ, а также и отъ бѣлаго платка, точно случайно брошеннаго на полъ сцены. Если прибавить къ этому шесть яркихъ лампъ съ рефлекторами, обращенныхъ на зрителя, становится понятнымъ, что онъ будетъ до нѣкоторой степени ослѣпленъ тѣмъ, что находится на первомъ планѣ и не будетъ ничего видѣть вдали кромѣ чернаго фона. Такъ объясняется „тайна доктора Линна", которая основана на простомъ и любопытномъ законѣ физики.

Новый цвѣточный горшокъ.

(Рис. на стр. 197).

Недавно у садоводовъ появились въ продажѣ чрезвычайно оригинальнаго вида цвѣточные горшки, которые уже получили довольно широкое распространеніе. Горшки эти изъ обожженной глины, имѣютъ видъ шарообразный и снабжены отверстіями. Ихъ наполняютъ садовой землей, смѣшанной съ сѣменами или луковицами тѣхъ цвѣтовъ, вырастить которые желаютъ, напр. крокуса, ландышей и пр. Ростки выходятъ въ отверстія горшка и, расцвѣтая, представляютъ довольно красивый и своеобразный видъ.

XIII передвижная выставка.

Тринадцатая передвижная выставка, открывшаяся 10-го февраля въ Петербургѣ, пользуется большимъ успѣхомъ среди публики. Всего насчитывается до двухсотъ пятидесяти картинъ, изъ которыхъ многія положительно хороши. Обращаетъ на себя общее вниманіе композиція Рѣпина „Іоаннъ Грозный и сынъ его Иванъ". Художникъ изобразилъ моментъ, когда Іоаннъ, въ порывѣ гнѣва нанесшій смертельный ударъ сыну, держитъ въ рукахъ холодѣющее тѣло молодаго царевича. Онъ прижалъ къ губамъ голову любимаго первенца, зажимаетъ рукою бѣгущую ручьями изъ раны кровь. Въ меркнущихъ очахъ сына виденъ и нѣмой укоръ, и любовь къ отцу, и прощеніе, которое онъ далъ ему передъ смертью. Впечатлѣніе картины слишкомъ мрачное, потрясающее и, несмотря на несомнѣнную силу изображенія, непріятное. Обѣ фигуры посажены на полъ въ темномъ старинномъ покоѣ; аксесуары, костюмы и лица выписаны прекрасно.

Очень интересна коллекція картинъ талантливаго жанриста Владиміра Маковскаго. Тутъ есть много малороссійскихъ жанровъ, написанныхъ живо и добросовѣстно. Обращаетъ особенное вниманіе „У мироваго судьи", гдѣ изображенъ разборъ семейнаго дѣла крестьянъ Орловской губерніи; тутъ крестьянскіе типы очень мѣтки. Далѣе—хорошъ мужикъ, который пришелъ съ больнымъ мальчикомъ къ сельскому доктору и ждетъ пріема. Очень комиченъ „Урокъ танцевъ", гдѣ учитель, сѣдой чистенькій старичекъ показываетъ цѣлой шеренгѣ дѣтей какъ надо выдѣлывать па; на танцмейстера смотрятъ изъ дверей всѣ домашніе, а дѣтки съ усердіемъ выворачиваютъ ноги. Два старичка, толкующіе о политикѣ, очень милы. Не менѣе интересно чаепитіе старика со старушкой и „Вызовъ свидѣтелей на судъ", гдѣ нѣкоторые типы подмѣчены съ большой наблюдательностью. Вообще В. Маковскій выставилъ болѣе сорока работъ.

Жанристъ баронъ Клодтъ написалъ Татьяну изъ Пушкинскаго Онѣгина. Сентиментальная героиня задумчиво стоитъ у окна и думаетъ о внезапно мелькнувшемъ въ ея глуши метеорѣ: заѣзжемъ петербургскомъ денди — Евгеніѣ. Ея фигура очень мила и граціозна, а старинное платье еще болѣе придаетъ ей миловидности. Вся обстановка дышетъ началомъ нынѣшняго столѣтія и очень интересуетъ зрителей.

Симпатична маленькая картина Прянишникова „Церковный староста". Онъ изображенъ въ моментъ обхода съ блюдомъ по церкви; толстое, здоровое, румяное лицо, съ напомаженными волосами и медалью на шеѣ, очень жизненно. Бодаревскій выставилъ изображенія двухъ хорошенькихъ дѣвочекъ: одну—сиротку, другую—дѣвочку заслушавшуюся въ лѣсу птичекъ.

Изъ историческихъ картинъ можно отмѣтить произведеніе Милорадовича „Черный Соборъ", возстаніе Соловецкаго монастыря противъ новопечатныхъ книгъ въ 1666 году; здѣсь очень интересны типы схимниковъ, которые сошлись изъ своихъ келій на обсужденіе важнаго вопроса о томъ, по какимъ книгамъ совершать службы. Певрезъ выставилъ „Судъ надъ патріархомъ Никономъ", гдѣ изображенъ не вполнѣ удачно царь Алексѣй Михайловичъ, жалующійся синклиту на строптивость Никона. Картина писана очень добросовѣстно, съ археологической точностью костюмовъ, но не удовлетворяетъ въ историческомъ отношеніи.

Изъ портретовъ особенно хорошъ портретъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Толстаго, принадлежащій кисти Крамскаго.

Пейзажей на выставкѣ очень много. Прекрасна картина Мещерскаго „Февральское утро", копію которой мы помѣстимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ. Интересны наброски Полѣнова изъ его путешествія по Греціи и Египту. Боголюбовъ выставилъ очень эффектную картину, изображающую иллюминацію въ Москвѣ, во время коронаціонныхъ празднико въ. Особенно удалось художнику подмѣтить свѣтъ зеленаго бенгальскаго огня. Николай Маковскій выставилъ нѣсколько прелестныхъ видовъ Каира, Малороссіи и Москвы. Пейзажи Шишкина, изображающіе сосновые лѣса, какъ и всегда, не имѣютъ себѣ конкурентовъ. Его „Туманное утро" и „Лѣсной уголокъ" очень хороши. Волковъ изобразилъ превосходно наступленіе зимы, а Киселевъ нѣсколько очень красивыхъ малороссійскихъ видовъ.

Вообще выставка очень интересна и богата произведеніями и показываетъ значительный ростъ и оживленіе нашего искусства.

Библіографія.

Памятники русской старины въ Зап. губ., изд. по Высоч. повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. СПБ. 1885 г. VII выпускъ. Это роскошное изданіе, весьма важное для исторіи нашей западной окраины, начало выходить въ свѣтъ нѣсколько лѣтъ назадъ. VII вып. посвященъ губерніямъ Люблинской и Сѣдлецкой. Исконная принадлежность Забужскаго края Россіи, свѣдѣнія о судьбахъ Холмщины подъ чуждою властью, самозащита православія, учрежденіе церковныхъ братствъ—все это въ подробномъ и серьозномъ научномъ изложеніи встрѣтитъ читатель. При книгѣ альбомъ превосходныхъ рисунковъ, красками печатанныхъ.

Блюмнеръ. Г. Художественныя ремесла въ древности. II отдѣлъ. Лейпцигъ 1885. Произведенія греческо-итальянскихъ художественныхъ ремеслъ („Das Wissen der Gegenwart", томъ XXXII). Цѣна всего 1 марка. Въ первомъ отдѣлѣ сочиненія говорилось о техникѣ и стилистикѣ античныхъ художественныхъ ремеслъ; въ этомъ же томѣ разбираются многочисленныя произведенія ихъ по отношенію ихъ значенія и примѣненія къ частной и общественной жизни древнихъ. Ознакомить читателя съ древнею жизнью и особенно съ ея промышленно-художественными стремленіями—вотъ задача книги, украшенной около 150 очень хорошихъ рисунковъ.

Шоржъ, Отто, фонъ. Ткацкое искусство. 1885 г. Лейпцигъ. Обзоръ его развитія отъ начала среднихъ вѣковъ до настоящаго времени („Das Wissen der Gegenwart", томъ XXXIII). (У Фрейтага 1 марка). Всякій, кто захочетъ ближе ознакомиться съ ткацкимъ искусствомъ, найдетъ въ этой книгѣ ясное, живое, наглядное изложеніе, обнимающее историческое развитіе техники всѣхъ отраслей его. Рисунки служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту.

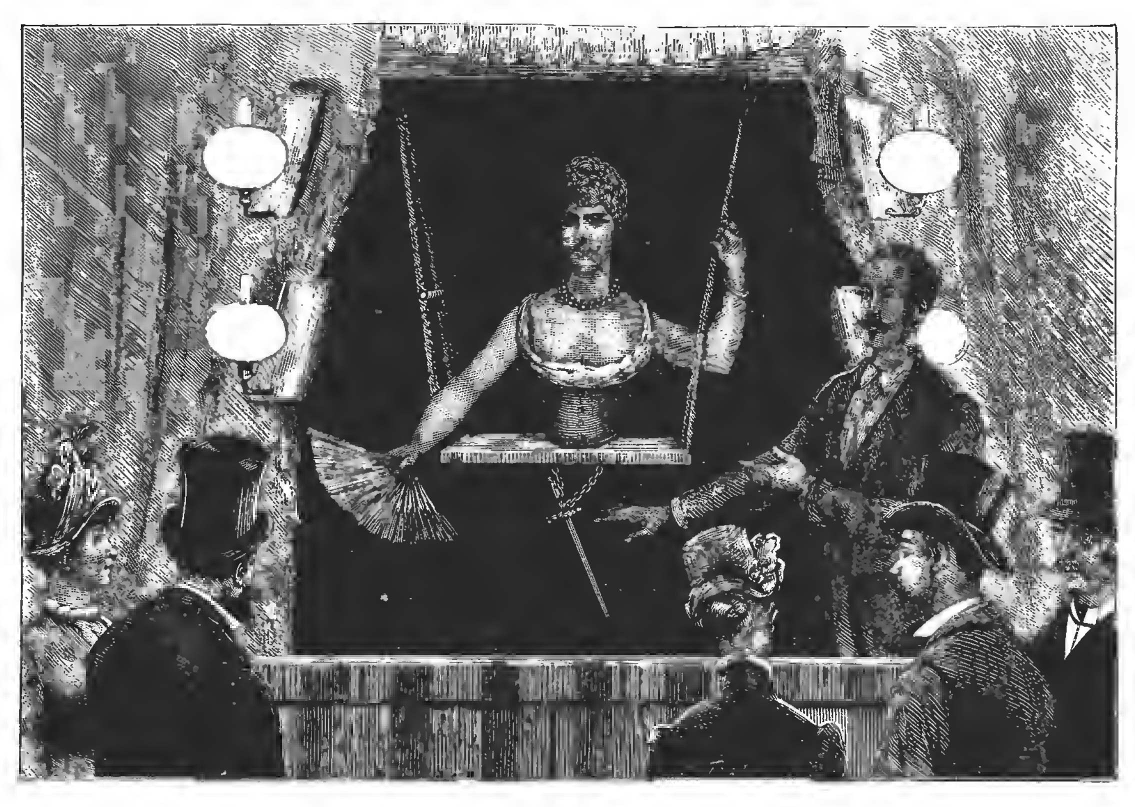
Вилькоммъ. М. Пиринейскій полуостровъ. II отдѣлъ. Лейпцигъ. 1884. Испанія. („Das Wissen der Gegenwart", томъ XXXI). (У Фрейтага, цѣна 1 марка). Даетъ богатый матеріалъ для основательнаго ознакомленія съ географическо-историческимъ развитіемъ и настоящимъ образованіемъ Испаніи, ея политическимъ управленіемъ, умственной и матеріальной жизнью, особенностями народонаселенія и т. п. Прекрасное, строго научное изложеніе, поясняется многочисленными и хорошими рисунками.

Васмутъ. Электричество и его примѣненіе. 1884 г. Лейпцигъ. Въ виду важныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ области электричества въ послѣднее время, и открытій практически уже примѣненныхъ къ промышленности, книга эта имѣетъ большой интересъ. Здѣсь популярно изложены главнѣйшіе законы производства и дѣятельности электричества. Книга иллюстрирована 119 рисунками, наглядно поясняющими текстъ.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Италія.—Франція и Китай.—Западная Африка.

Извѣстіе объ отступленіи британскихъ войскъ отъ Губата къ Абуклейскимъ колодцамъ, конечно, не преминетъ произвести въ Лондонѣ самое тяжелое впечатлѣніе, хотя эта мѣра вполнѣ благоразумная, лучше которой генералъ Буилеръ, начальникъ авангарда, не могъ и придумать. Дѣло въ томъ, что съ паденіемъ Хартума британскій передовой отрядъ въ Губатѣ очутился въ весьма опасномъ положеніи. Завладѣвъ Хартумомъ, Махди имѣлъ возможность двинуть къ Метамне значительныя силы, вслѣдствіе чего укрѣпившіеся въ Губатѣ англичане должны были волей-неволей отказаться отъ своего первоначальнаго плана взять Метамне приступомъ. Генералъ Буилеръ, замѣнившій генерала Стюарта въ командованіи Губатскимъ отрядомъ, какъ видно, постигъ опасность своего положенія, и, не чувствуя себя въ силахъ устоять противъ упоеннаго побѣдою непріятеля, счелъ нужнымъ прійти въ болѣе близкое сообщеніе съ главными силами экспедиціоннаго корпуса. „Отступленіе изъ Губата, какъ замѣчаетъ газета „Fremdenblatt“, является неблагопріятнымъ для правительства предзнаменованіемъ въ своемъ роковомъ совпаденіи съ открытіемъ парламентской сессіи“. Дѣйствительно, это отступленіе можетъ быть причиной отчаянной борьбы противъ министерства Гладстона. Уже теперь вожаки оппозиціи рѣшили предложить палатѣ общинъ баллотировать вопросъ о выраженіи порицанія правительству за египетскую политику. Порицаніе заключаетъ въ себѣ осужденіе за прошедшее время и недовѣріе за будущее. По мнѣнію „Times“, если предложеніе будетъ принято палатою, то отставка кабинета неизбѣжна и только если министры обяжутся установить въ Хартумѣ правильное правительство, поставленное подъ непосредственное вліяніе Англіи и такимъ образомъ воздвигнуть твердый оплотъ противъ фанатизма приверженцевъ Махди, то можетъ образоваться либеральное большинство. Но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, брать на себя подобное обстоятельство очень трудно и рисковано. Силы Махди извѣстны только по слухамъ и дѣйствительно могутъ оказаться опасными; кромѣ того въ восточномъ Суданѣ, Османъ-Дигма попрежнему находится со своимъ войскомъ по близости Суакима и его вліяніе на различныя арабскія племена нисколько не ослабѣло. Арабы, населяющіе земли у сѣверной границы Абиссиніи, тоже объявили себя въ пользу Махди. Могучее племя шукриховъ, занимающее обширную степную область между Атбарою и Голубымъ Ниломъ, поголовно перешло на сторону лжепророка, также какъ таркурусы, относившіеся сначала враждебно къ возстанію. Слабые египетскіе гарнизоны къ западу отъ Атбары уже давно перешли на сторону мятежниковъ и со дня на день ожидается измѣна египетскаго гарнизона Кассалы. Словомъ, весь восточный Суданъ, за исключеніемъ Абиссиніи и Суакима, находится въ полномъ возстаніи.



Оптическіе обманы. Фиг. I. Женщина безъ туловища.

Оптическіе обманы. Фиг. II. Объясненіе явленія.

Изъ Судана получено важное извѣстіе объ отъѣздѣ принца Хассана, сына бывшаго хедива Измаила и брата нынѣшняго хедива, въ главную квартиру генерала Вольселя. Изъ газетныхъ преній по этому поводу можно вывести заключеніе, что принцъ Хассанъ отправляется въ Египетъ, чтобы попытаться войти въ переговоры съ Махди, отъ имени Англіи, когда тому будутъ благопріятствовать обстоятельства, т. е. когда британскія силы нанесутъ мятежу нѣсколько чувствительныхъ ударовъ. Принцъ дѣйствительно въ этомъ можетъ быть полезенъ.

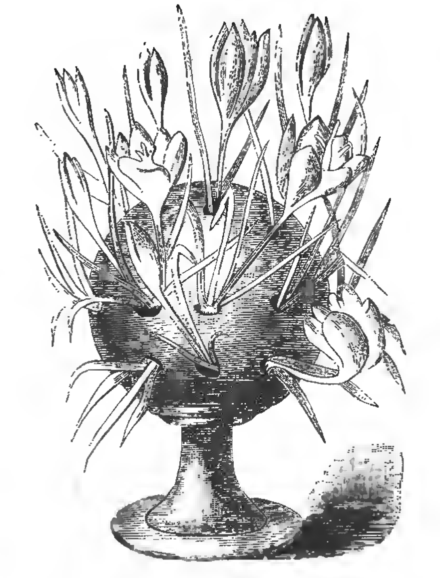
Подготовительная дѣятельность Италіи по занятію африканскаго побережья Краснаго моря, какъ кажется, близится къ концу. Двѣ послѣдовательныхъ экспедиціи доставили до 3200 человѣкъ итальянскаго войска на берегъ восточнаго Судана.

Счастіе улыбается французамъ гораздо болѣе чѣмъ англичанамъ. 15-го февраля было получено по телеграфу извѣстіе о взятіи войсками генерала Бріеръ де л'Иля китайской крѣпости Лонгъ-Сона. Въ Парижѣ ожидали этой радостной вѣсти уже нѣсколько недѣль, но движеніе войскъ замедлялось всяческими затрудненіями, встрѣчавшимися ежеминутно на ихъ пути. Кромѣ того, въ Парижѣ получено на дняхъ донесеніе адмирала Курбэ о гибели двухъ китайскихъ судовъ, равно какъ нѣкоторыя подробности о дѣйствіяхъ французскаго флота въ водахъ Небесной имперіи. Рекогносцировкой было обнаружено, что у Шейно, между островками Нью-Тсу и Кингъ-Янъ, стоялъ одинъ китайскій фрегатъ, одинъ корветъ и три крейсера. Тогда съ адмиральскаго судна „Bayard“ спущены были два обыкновенныхъ пороховыхъ катера, снабженные торпедами. Взрывчатый хлопокъ произвелъ свое дѣйствіе — и въ нѣсколько минутъ оба судна пошли ко дну. Три крейсера поспѣшили отступить, и хотя адмиральское судно и два другія пустились за ними въ погоню, но, благодаря туману, не могли догнать ихъ.

Конференція по дѣламъ Конго, собравшаяся въ Берлинѣ три мѣсяца тому назадъ, кончаетъ свои занятія. Техническая сторона задачи совершенно окончена; остается только редактировать окончательный актъ и составить протоколъ. Теперь ожидають лишь устраненія затрудненій, возникшихъ между Португаліею и международною африканскою ассоціаціею, относительно устьевъ Конго. Разрѣшеніе этого вопроса получило хорошее направленіе, такъ что конференція, по слухамъ, разойдется на будущей недѣлѣ. По окончаніи работъ и подписаніи державами трактата, Жюль Ферри роздастъ палатамъ желтую книгу, въ которой будутъ включены всѣ протоколы конференціи, а также дипломатическая переписка. Кромѣ того, въ этой же книгѣ будетъ помѣщенъ трактатъ, заключенный между Франціею и международною африканскою ассоціаціею, относительно разграниченія ихъ территорій на Конго.

Смѣсь.

Буддизмъ на Цейлонѣ. Французъ Делонкль побывалъ недавно на островѣ Цейлонѣ, съ цѣлью ознакомиться съ существующей тамъ формой буддизма. Въ городахъ Коломбо, Канди, Амарадпура вмѣсто ожидаемаго буддизма, онъ встрѣтилъ философскую систему, отрѣшившуюся отъ всякихъ религіозныхъ обрядныхъ формъ и вполнѣ принявшую европейскія науки. Верховные жрецы этой религіи, если еще можно такъ выразиться, находятся въ курсѣ европейской философской литературы, въ чемъ г. Делонкль убѣдился на „профессорѣ Сумангала“, верховномъ жрецѣ Коломбо, завѣдывающемъ коллегіей Видіодайя, у котораго были всѣ сочиненія Дарвина, Канта и Гартмана. Сочиненія эти заняли мѣсто древнихъ религіозныхъ сочиненій (старыхъ книгъ Пали), которыя, впрочемъ, служатъ еще для того, чтобы комментировать ихъ, согласно Дарвину, Гартману и пр. Старые школьные предразсудки вполнѣ устранены и религіозно философствующіе господа на Цейлонѣ придаютъ только значеніе фактамъ, добытымъ путемъ „*интегральныхъ наукъ*“. Съ однимъ изъ такихъ буддистскихъ философовъ Делонкль объѣхалъ внутри Цейлона; онъ присутствовалъ на одномъ празднествѣ въ честь „вступленія Дарвина въ „Нирвану“, а также при учрежденіи общества (Будда Саматшъ), задавшагося цѣлью ознакомить Европу съ дѣйствительнымъ буддистскимъ ученіемъ XIX вѣка.



Цвѣточный горшокъ съ крокусомъ.

Новая книга. Въ 1690—1691 г. при испанскомъ дворѣ былъ посолъ мароккскаго владыки, Мансуръ Биллахъ, иначе Мулей Измаилъ. Онъ пріѣхалъ съ требованіемъ о выдачѣ 500 древнихъ арабскихъ рукописей и 500 плѣнныхъ арабовъ. Но такъ какъ рукописи, по приговору инквизиціи, были уже сожжены, то на мѣсто ихъ Мансуръ Биллахъ потребовалъ выдачи еще 500 человѣкъ плѣнныхъ. Мароккское государство играло въ то время важную политическую роль (1550 до 1560 г.), въ особенности въ царствованіе Филиппа II Испанскаго. Уничтоженіемъ португальцевъ при Альказаръ-Кебирѣ онъ былъ обязанъ мароккскому войску. Мароккскій посланникъ подробно описалъ свое путешествіе въ Мадридъ и свое тамъ пребываніе. Эта арабская рукопись недавно переведена на французскій языкъ; она чрезвычайно интересна, такъ какъ въ ней подробно описана страна и люди, обычаи и нравы, придворные и церковные обряды, монастыри и монахи, открытіе Америки, жизнь императора Карла V и короля Филиппа II (одного изъ величайшихъ преступниковъ и королей своего времени, такъ говоритъ о немъ посолъ), инквизиція, распространеніе мавровъ, преслѣдованіе и сожженіе множества евреевъ (на площади въ Валлядолидѣ было сожжено 6000 человѣкъ) и все, что наблюдательному и ученому восточному человѣку показалось достойнымъ вниманія. Замѣчательно, что онъ предвидѣлъ паденіе Испаніи въ то время, когда она была еще въ полномъ расцвѣтѣ и блескѣ. Въ 1690 году южная Испанія была въ сущности мавританско-арабской. Съ радостью и гордостью онъ привѣтствовалъ въ Утрерѣ знатную мавританскую семью, настоящихъ потомковъ великаго Боадгиля. Восточный писатель встрѣтилъ даже христіанскія семейства, которыя гордились своимъ арабскимъ происхожденіемъ, „хотя, жалуется онъ, они пошли по неправому пути“. Онъ упоминаетъ также, какъ объ одной изъ достопримѣчательностей Мадрида, о газетѣ, которая велась однимъ человѣкомъ, набиралась ручнымъ прессомъ и продавалась на улицахъ. Наибольшимъ несчастіемъ христіанъ, посолъ считаетъ папу, „который предписываетъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, что имъ слѣдуетъ дѣлать, и выдумываетъ догматы по своему усмотрѣнію и желанію“.

Уловки хищныхъ птицъ. Одна изъ шотландскихъ желѣзныхъ дорогъ сообщаетъ, что коршуны, курятники и соколы пользуются проходящими поѣздами для своихъ хищническихъ цѣлей. Они летятъ вслѣдъ за поѣздомъ, близко у земли, отчасти невидимые за дымомъ, и высматриваютъ маленькихъ птичекъ, которыя вспорхаютъ, испуганныя шумомъ поѣзда. Тогда хищныя птицы бросаются на нихъ и ловятъ. Въ случаѣ же неудачи, онѣ возвращаются опять къ поѣзду и повторяютъ тотъ же пріемъ. Какъ кажется, онѣ не только летаютъ свободно также скоро, какъ идетъ поѣздъ, но даже безъ особаго усилія могутъ перегнать его.

Самымъ извѣстнымъ пьяницей въ Берлинѣ былъ рыцарь Конрадъ фонъ-Бургсдорфъ, находившійся при дворѣ великаго курфюрста. Говорятъ, что онъ выпивалъ ежедневно около двадцати пяти литровъ вина. Классическое время пьянства тогда уже миновало. О пьянствѣ XVI вѣка въ Сѣверной Германіи извѣстно напр. слѣдующее. Этотъ порокъ существовалъ уже съ давнихъ временъ. Кто больше пилъ, тотъ и считался болѣе пріятнымъ и желаннымъ гостемъ и компаньономъ. Вотъ техническія выраженія пьяницъ тѣхъ временъ: Kleeblattlein, означало три стакана, которые нужно было выпить залпомъ, одинъ за другимъ; Fuchsschleifer, значило взять большую кружку и пить изъ нея круговую, при чемъ послѣдній долженъ былъ допить весь остатокъ, снова наполнить кружку и пустить ее по рукамъ; это продолжалось до тѣхъ поръ пока хватало силы пить; Perlenke zu trinken значило, ставъ передъ кѣмъ нибудь, выпить вино изъ большой кружки и недопитыми остатками плеснуть ему въ лицо, а затѣмъ ударить кружкою по головѣ, и за это компаньонъ не имѣлъ права обидѣться; Einem zu Wasser reiten — продѣлывалось такъ: на полъ ставилась кружка вина и тотъ, кто долженъ былъ изъ нея пить, подползалъ къ ней на четверинкахъ, а тотъ кто пилъ раньше, садился ему въ это время на спину.

Странности великихъ людей. Знаменитый Валленштейнъ не могъ равнодушно слышать крикъ пѣтуха. Странности имѣли и многіе другіе великіе люди. Французскій король Генрихъ V не могъ оставаться въ комнатѣ, въ которой находилась или была незадолго передъ тѣмъ кошка. Знаменитый Ришелье прыгалъ, какъ полоумный по комнатѣ, пока не падалъ отъ изнеможенія. Граммонъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ, придя однажды къ Ришелье, увидѣлъ какъ тотъ прыгалъ на стѣну въ своей комнатѣ; зная какъ опасно выказать изумленіе на выходки герцога, онъ спокойно, безъ малѣйшей улыбки, снялъ сюртукъ и сталъ скакать вмѣстѣ съ нимъ. „Держу пари, ваше превосходительство, воскликнулъ онъ при этомъ,—что я умѣю скакать не хуже васъ!“ Маршалъ Альбертъ падалъ въ обморокъ, если на столъ подавали жаркое изъ свинины.

Знаменитый ученый Эрасмъ Роттердамскій не могъ слышать запаха рыбы. Польскій король Владиславъ заболѣвалъ лихорадкою послѣ кушаньевъ изъ яблокъ. Съ ученымъ Скалигеромъ дѣлалось дурно, если ему подавали крессъ-салатъ, который онъ прежде очень любилъ. Знаменитый астрономъ Тихо-де-Браге падалъ въ обморокъ, если около него пробѣгалъ заяцъ. Всѣ эти люди были съ выдающимися духовными силами и замѣчательнымъ умомъ.

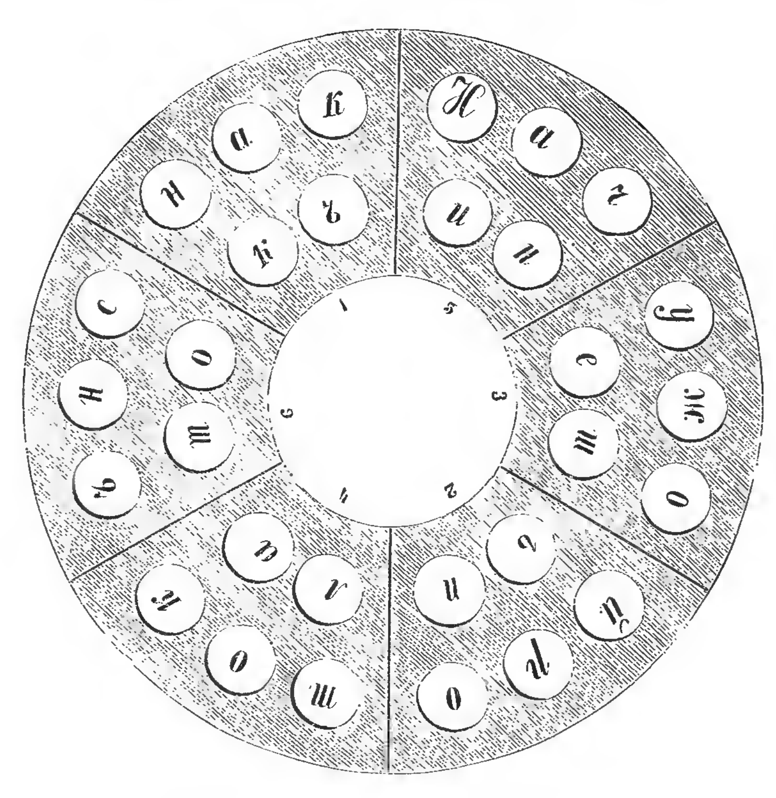
Газета „Фигаро“ приписываетъ себѣ нахожденіе достойнѣйшаго человѣка, справедливо заслужившаго премію въ 300,000 фр., назначенную французскимъ правительствомъ изобрѣтателю дѣйствительнаго средства противъ виноградныхъ вшей. Это бургундецъ, владѣлецъ виноградниковъ Додиль, который въ своихъ дальнихъ путешествіяхъ пріобрѣлъ большую опытность; онъ видѣлъ на островѣ Соединенія, что плантаторы и негры не только щадятъ птицъ,— истребителей насѣкомыхъ, но даже выгоняютъ домашнюю птицу въ свои поля. Онъ помѣстилъ куръ въ свои виноградники, которые были поражены филоксерой и сообщилъ свою систему въ Шалонъ коммисіи по вопросу объ истребленіи вредныхъ насѣкомыхъ. Эта система состоитъ въ содержаніи отъ конца іюня до конца сентября соотвѣтствующаго для зараженнаго виноградника количества куръ и цесарокъ и оставлять ихъ тамъ на цѣлый день; переходя отъ одной лозы къ другой, онѣ пожираютъ всѣхъ виноградныхъ вшей. Благодаря этому способу, онъ считаетъ себя спасителемъ двухъ прекрасныхъ виноградниковъ.

Самые большіе часы въ мірѣ находятся на башнѣ Вестминстерскаго аббатства въ Лондонѣ. Циферблаты, которыхъ на башнѣ четыре, имѣютъ 22 фута въ окружности и стрѣлка подвигается по нимъ каждую минуту на 7 дюймовъ. Часы заводятся каждые 8 дней и бьютъ только въ теченіи 7 дней и такимъ образомъ указываютъ, когда наступаетъ время ихъ заводить. Самый процессъ завода ихъ продолжается около двухъ часовъ. Маятникъ имѣетъ 15 фут. длины; цифры отлиты изъ чугуна; часовой колоколъ, 6 футовъ вышины и 9 футовъ въ поперечникѣ, вѣситъ почти 15 тоннъ, а молотокъ его почти 10 пудовъ. Часы бьютъ четверти и стенографы парламента распредѣляютъ по нимъ свои работы; при каждомъ боѣ одинъ стенографъ смѣняетъ другаго.

Тоннель подъ улицей. Воздвигнувъ громадный мостъ чрезъ Кастръ-Риверъ, американцы задумали еще большее предпріятіе, именно прорытіе тоннеля подъ Бродвейемъ. Улица эта, прорѣзающая весь городъ, необыкновенно оживлена, а потому чтобы не съуживать ее постройкой вторaго этажа на столбахъ, какъ это сдѣлано въ нѣкоторыхъ боковыхъ улицахъ, предположено прорыть подъ всю тоннель; такимъ образомъ получится мѣсто не только для четырехъколейной дороги, но и для подземныхъ магазиновъ. Рядомъ отведется мѣсто для трубъ и проволокъ, прорѣзающихъ всѣ улицы города и для починки которыхъ приходится такъ часто взрывать мостовую. Самый тоннель не будетъ пробиваться подъ улицей, но сама улица будетъ раскопана и, послѣ устройства подземной улицы, эта послѣдняя покроется сводами, которые будутъ служить одновременно и потолкомъ тоннеля, и насыпью Бродвея.

Находка въ развалинахъ стараго Карнунта. Въ Карнунтѣ (близъ Петронелля въ Нижней Австріи) сдѣлана важная находка, повидимому куска вазы, на которомъ нарисована вполнѣ фигура знаменитаго Праксителевскаго Гермеса. Какъ извѣстно, оригиналъ этой статуи, сдѣланной въ самое цвѣтущее время эллинской пластики, составляющій драгоцѣнную находку въ Олимпіи, къ несчастію обломанъ. У него недостаетъ обѣихъ ногъ до косточекъ и правой руки. Какъ надъ пополненіемъ Милосской Венеры, такъ и надъ реставраціей Праксителевскаго Гермеса, безуспѣшно трудились лучшіе художники. Осколокъ Карнунта, перешедшій теперь въ собственность д-ра Ролле въ Баденѣ, показываетъ какъ слѣдуетъ пополнить статую Праксителя. На осколкѣ Гермесъ въ правой рукѣ держитъ не кисть винограда, какъ сдѣлали художники-реставраторы, но жезлъ Бахуса.

Рѣшеніе задачи № 3 (помѣщ. въ № 4 „Нивы").



„На чужой ротокъ не накинешь платокъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **СПб.**- Фомина, Иванова, Груздева, Сухова, Васильева, Пасынкова. **Москва**—Бутенко, Десницкаго, Алексѣева, Константиновскаго, Никольскаго Хохлова, Кремнина, Вознесенскаго, Васильева; **с. Ассаново** -Васильева, **Бѣжецкъ**--Вейцъ, **Борисоглѣбскъ** Демина, **Б. Коровино** -Терскаго, **Выборгъ**—Годлевскаго, **Вологда** -Пр—ва, **Владиміръ** -Вовебранъ. **Жижморы** Рабиновича, **Зуево** -Кулакова. **Кишиневъ** Кирилки, Шенфельдъ, **Кіевъ**—Шилохвастова, **Курскъ** -Мазуръ, **Липецкъ** -Моссинъ, **Моршанскъ** Скосырева, **Мценскъ**—Леоньтьева, **Н. Чирская**—Гаврилова, **Одесса**—Дюпонъ, **Павловс. посадъ**--Степанова, **Ст. Русса**—Б—ва, **Саранскъ**—Капелько, **Тверь**--Зименко, **Ярославль**—Пыляева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 4

(помѣщ. въ № 4 „Нивы").

Бѣлые.	Черные.
1) F7—E 5	1) Куда угодно.
2) H8—E 8	2)
3) E8—E 7	3)
4) E5—F 3++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг. **СПБ.**—Кояловича, Машъ, Варыпаева, **Гатчино** --Адамсонъ, **Житоміръ**—Вайплундъ, **Муромъ**—Гладкова, **Пенза**—Азанчевскаго, **Шадово**--Сегаль.

Рѣшеніе ребуса № 2

(помѣщ. въ № 2 „Нивы").

„Всякому за добро--добромъ отплатится, а кто зломъ живетъ—во злѣ и конецъ получитъ".

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Гг. **СПБ.** -Жукова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Курскъ** -Мазуръ, **Лебедянь** Чурилина, **Харьковъ**—Свитальскаго; **Петергофъ**--Евдокимовой.

Вѣрныя рѣшенія задачъ № 45 за 1884 г. и № 2 за настоящій годъ въ числѣ прочихъ присланы также и отъ В. К. Терскаго въ с. **Б. Коровино.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

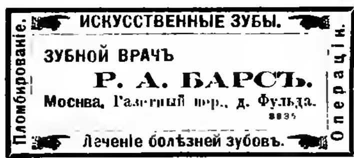
Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ**

ЛѢСОПИЛЬНАЯ РАМА.
Чуг. двойн. и 20 раз. стан. для обработки дерева, случайно продаются. Фонтанка, д. 168 и 2. № 3896 2—2

УПРАВЛЯЮЩІЙ-ПРАКТИКЪ
ищетъ мѣсто. Адресъ для писемъ: на Мордовскую почтовую станцію, Усманскаго уѣз. Тамб. губ. С. Ф. № 3912

АРГОЗІЙ-ПОДТЯЖКИ
съ пересылкою 2 р. 25 к.
Оптовая и розничная продажа.
Складъ резинов. товаровъ
Конст. МАЛЬМЪ,
Большая Морская № 36.
По Воскресеньямъ закрыть.
№ 3922 5—1

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-петербургскую центральн контору объявленій. **Невскій** пр., № 11, подъ лит. В Р. № 3328



НА КОММЕРЧ. ДѢЛО
ЕДИНСТВЕН. ВЪ РОССІИ
безъ конкуренц., съ гарант. чистаго дивидента 25%, кромѣ погашенія капитала
БЕЗУСЛОВНО ВѢРН. И ВЫГОДНОЕ
ПРИГЛАШ. КЪ УЧАСТІЮ ЛИЦЪ
съ капиталомъ отъ 5000 р.
Подробн узнать въ конторѣ **Е. Копаныгина**, д. ремеслен. управы № 76165. № 3915

АРИСТОНЪ

Новѣйшій ручной органъ, на которомъ можно, посредствомъ перемѣны кружковъ, играть безчисленное множество піесъ: въ настоящее время уже **болѣе тысячи** номеровъ; песьма удобенъ для танцевъ; играетъ также извѣстнѣйшія оперы, оперетки, русскія пѣсни и много другихъ.
Цѣна аристону съ 10-ю піесами по выбору 25 рублей.
За пересылку прошу прилагать за 40 фунт. Отдѣльныя піесы по 60 коп. рекомендуетъ
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.
С.-Петербургъ: Б. Морская, домъ № 36. Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.
Новый каталогъ піесамъ для аристона на русск. и нѣм. яз. безплатно. Р. 3919 3—

Семья Вольнодумцевъ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *II. П. Петрова и В. Клюшникова.* Ц. 1 р.

ВЯЗКА
СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.
ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.
Р. № 3884 4—3
Образцы и прейсъ-куранты безвозмездно въ складѣ писчей бумаги
„АВГУСТА НАУМАНЪ".
Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

Отъ Совѣта Общества любителей церковнаго пѣнія въ Москвѣ.
Совѣтъ Общества, имѣя въ виду воспламененіе въ богослужебной практикѣ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, приглашаетъ желающихъ принять участіе въ переложеніяхъ этихъ напѣвовъ для хора.
1) Для переложеній Общество предлагаетъ по преимуществу мелодіи **ЗНАМЕННАГО БОЛЬШАГО РОСПѢВА** изъ Октоиха и ирмологія синодальныхъ изданій, а также и изъ полнаго обихода пѣснопѣній того же Знаменнаго роспѣва.
2) Желательна такая обработка древнихъ пѣснопѣній, чтобы они могли быть употребляемы въ богослуженіи, не не исключаются сочиненія концертныя, содержащія разработку тѣхъ же мелодій.
3) Основная мелодія можетъ находиться въ любомъ изъ голосовъ; количество голосовъ предоставляется усмотрѣнію авторовъ, причемъ желательно, чтобы сопровождающіе голоса приближались по характеру къ самой мелодіи.
4) За лучшія сочиненія Общество предполагаетъ выдавать **ПРЕМІИ** въ размѣрѣ отъ 50 до 300 руб., сообразно съ достоинствомъ и объемомъ представленныхъ произведеній.
5) Срокъ представленія сочиненій на премію назначается не позже 15-го марта сего 1885 года; выдача же премій не позже 1-го января будущаго 1886 года.
6) Сочиненія высылаются на имя Предсѣдателя Общества, Преосвященнѣйшаго Мисаила, Епископа Можайскаго, въ Москвѣ, подъ девизомъ, съ приложеніемъ запечатаннаго конверта, подъ тѣмъ же девизомъ, заключающаго въ себѣ имя, отечество и фамилію автора. № 3864 3—3
7) Общество не беретъ на себя обратную пересылку представленныхъ сочиненій.

ВЫШЕЛЪ 3-й ВЫПУСКЪ (Жвачка—Изданія)
СЛОВАРЯ ПРАКТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ,
необходимыхъ въ жизни всякому, съ объяснительными рисунками.
Изд. Д-ра СИМОНОВА: стат. по сельскохозяйств., садов. и пр. ботаникѣ подъ редакціей проф. А. БЕКЕТОВА.
Всѣ стороны практ. жизни; въ удобн. алфавитн. порядкѣ: полный **домашн. лѣчебникъ, домашн. гигіену,** полную **кухонную книгу, сельск.-хоз., огородн. и садов.** сборникъ; подъ главн. **законоположеній,** собраніе свѣдѣній по мужск. и женск. **учебн. завед**еніямъ; практ. указанія о **судахъ, нотаріусахъ, адвокатахъ;** статьи о **воспитаніи;** массу рецептовъ **косметическихъ средствъ, лаковъ, замазокъ, клеевъ, пятновыводныхъ** и друг. составовъ и проч. Отъ 10 до 12 выпусковъ, каждый въ 5—7 больш. листовъ въ 2 столбца, **съ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ.**
ПОДПИСКА (у издателя: Мойка, 15, въ книжн. магаз. „Новаго Времени" и у Риккера: Невскій, 14) до 15 марта: 6 руб., съ пересылкой 7 р. Разсрочка (по соглашенію) только для служащихъ, выписыв. черезъ казначеевъ не менѣе 5 экз. Книгопродавцамъ 15% уступки (изъ 6 р.).
ОТДѢЛЬНО продается только: 3-й вып. 1 р. (перес. 20 к.), 2-й и 3-й вмѣстѣ 2 р. (перес. 20), и 1-й, 2-й и 3-й вмѣстѣ 3 р. (перес. 25 к.). № 3910

НОВАЯ КНИГА
САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ.
Очеркъ **В. Лаврентьева.**
Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи **„Русскаго Вѣстника Страхованія":** Владимірскій просп., д. 11—13. Лица, выписывающія изъ редакціи (СПБ., Владимірск. просп., д. 11—13) за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка на **„Русскій Вѣстникъ Страхованія"** продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и доставкой. № 3905

Наважденіе. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

У ЗЕМСКАГО
КНИГОПРОДАВЦА
ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Синода, въ зданіи Славянскаго базара, на Никольской улицѣ, поступила въ продажу новая, замѣчательно-интересная книга:
Секреты героини трущобъ и вертеповъ.
ПСИХОПАТКА
или замѣчательно-любопытныя **ТАЙНЫ**
СУМАСШЕДШЕЙ БЛУДНИЦЫ.
Романъ послѣдняго времени; сочиненіе **Н. ЧМЫРЕВА.** Цѣна 1 руб. За ту же цѣну высылается и иногороднымъ. № 3908

ПРЕДСѢДАТЕЛЬНИЦА
Спасско-Казанскаго отдѣла общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ, Татьяна Васильевна Макарова, живущая по Ново-Адмиралтейской Набережной д. № 2, ежедневно отъ 5 до 7 час. принимаетъ пожертвованія **вещами, старыми и новыми, и деньгами** въ пользу общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. № 3808 4—4

Для простыхъ отхожихъ мѣстъ.
ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ,
ЗАМѢНЯЮЩІЙ ВАТЕРКЛОЗЕТЪ,
непортящійся отъ мороза.
Цѣна 12 рублей сер.
Иллюстрированныя объявленія высылаются безплатно.
П. БАРУЛИНЪ.
СПБ. Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22
№ 3921

Электрич. ЛАМПЫ
собственной системы
различныхъ силъ и размѣровъ
отличающіяся значительнымъ сбереженіемъ тока, большою прочностью и дешевизною, подходящія ко всякому устройству, рекомендуютъ
R. № 3893 2—2
Грейнеръ и Фридрихсъ
Штюцербахъ въ Тюрингіи.

Велосипеды Англійскіе 2-хъ и 3-хъ колесные, завода **Hickling & C°.** и принадлежности по дешевымъ цѣнамъ. Представитель г. **Жемличка,** въ Москвѣ, Цвѣтной б., д. **Брюсова.**
Прейсъ-курантъ 14 к. марками. П. № 3918

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.
Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 3857 6—3
А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ. Большая Морская № 26.

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.
Музыкальныя новости
АНТ. РУБИНШТЕЙНА.
SOIRÉES MUSICALES
9 Morceaux pour le piano, op. 109. № 1. Prélude (à Sophie Menter) 60 к. № 2. Valse (à Mary Krebs) 60 к. № 3. Nocturne (Anna Mehlig) 60 к. № 4. Scherzo (à C. Montigny Remaury) 1 руб. № 5. Impromptu (à Agnes Zimmermann) 60 коп. № 6. Reverie-Caprice (à Wera Timmanow) 80 к. № 7. Badinage (à Francis Planté) 1 руб. 20 к. № 8. Thème varié (à Louis Diemer) 80 к. № 9. Etude (à Eugène d' Albert) 90 к.
Eroica. Fantaisie p. Orchestre, въ 4 руки 3 р.

ПЕЧАТАЕТСЯ
П. Чайковскаго
3-я Сюита для оркестра. Фантазія для фортепіано съ оркестромъ.
МОСКВА, у П. ЮРГЕНСОНА,
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона. Варшава, у Г. Зеннвальдъ. П. № 3760 3—3

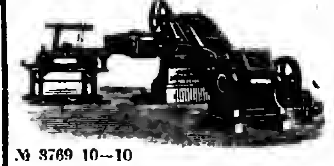
Вторая жена. Ром. *Марлитта.* Перев. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; для подп. „Нивы" 1885 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

КЛАРКЪ и К°
ВЪ ПЕЙСЛЕЙ.
Самая лучшая швейная бумага для машинной и ручной работы.
Безъ **„ЯКОРЯ"** не настоящая! № 3854

ЗАЖИГАТЕЛЬНЫЙ ПАТРОНЪ БАРЧА
съ зажигательнымъ конусомъ изъ желтой мѣди, зажигающимъ спереди, для ружей Ланкастера, производитъ совершенное зажиганіе пороха въ патронѣ, самый мѣткій и дальній выстрѣлъ дробью и моментальную смерть дичи. Заслужилъ похвалы опытныхъ охотниковъ Германіи и другихъ странъ. Пачка не менѣе 100 штукъ кал. 12 и 14 за 9 марокъ; кал. 16 и 20 за 8 марокъ. Каждый патронъ можетъ служить нѣсколько разъ.
ЛИГНИЦЪ ВЪ СИЛЕЗІИ.
А. БАРЧЪ, ружейный мастеръ. К. № 3892 2—2

Повѣсти и разсказы *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ФРУКТОВЫЯ ДЕРЕВЬЯ
ЯБЛОНИ И ГРУШИ
въ большомъ выборѣ, лучшихъ и выносливыхъ сортовъ, можно наступающею весною получить въ **ПОМОЛОГИЧЕСКОМЪ САДУ** и древесныхъ питомникахъ
ГРАФА СИВЕРСА.
Сильныя штамбовыя съ короною за штуку . . . . 50 коп.
„ „ „ за сотню . . . . 45 р. — „
Каталогъ высылается безплатно по требованіямъ, адресованнымъ до конца марта м., въ С.-Петербургъ, Моховая, 45, Графу Сиверсу, а затѣмъ Венденъ, Лифляндской губ., Помологическій садъ Графа Сиверса. № 3917



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ
Людвигъ Ѳеодоровичъ Шликэйзенъ,
инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.
Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.
№ 3769 10—10

Торговый домъ признавъ достойнымъ своего названія за высокое качество и дѣйствительно дешевую цѣну всѣхъ товаровъ.

Большіе магазины „ЛУВРЪ“

НАИБОЛЬШІЕ ВО ВСЕЙ РОССІИ.

С.-Петербургъ, 63, Мойка, домъ Кононова, 63, С.-Петербургъ.

Система продавать лучшій товарь съ наименьшимъ барышомъ безусловно соблюдается въ Большихъ магазинахъ „ЛУВРЪ“.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЯ ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Торговый домъ „ЛУВРЪ“ получилъ модели всѣхъ послѣднихъ новостей для весенняго сезона, какъ-то: **конфе сіоны, костюмы, капоты, матинэ, еатерпруфы, мантильи,** также большое количество тканей: шелковыхъ и шерстяныхъ, кружевъ, бѣлья для приданаго, шляпъ, чепчиковъ, цвѣтовъ, перьевъ.

ОТДѢЛЪ костюмовъ и конфекціонъ представляетъ несравненный выборъ новѣйшихъ моделей по цѣнамъ, недопускающимъ никакой конкуренціи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ,

имѣющій всѣ принадлежности дамскаго туалета послѣдней моды.

БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ШЛЯПЪ ОТПРАВКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ. № 3923

НОВЫЯ НОТЫ.

Попурри изъ оперетты „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“, составл. изъ любимѣйшихъ цыганскихъ пѣсенъ: Ахъ зачѣмъ я молодецъ. Не могу съ тобой разстаться. Не говори что молодость сгубила. Чертенокъ. Много въ свѣтѣ красоты видалъ. Не для меня придетъ весна. Вчера ожидала я друга. Вечерочекъ. Наклонивъ ты свою головку. Въ часъ роковой. Ночи безумныя. Я вновь предъ тобою. Я помню отрадно счастливые дни. Пусть они не вѣрятъ и Береза, арранжир. для фортепіано **Н. Артемьевымъ.** 1 р. 50 к.

НОВЫЕ ХОРОШІЕ ТАНЦЫ:

Ситцера Р. Вѣчно съ тобой. Вальсъ. 1 руб.
" Напалено. Полька. 60 к.
" Русскій военный маршъ. 75 к.

НОВОСТИ ДЛЯ КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

Баганца А. Ф. Новая практическая школа удобная также для самоученія, часть I и II по 1 р. 50 к.

Шефера. Почта въ лѣсу (для корнета съ фортепіано). 75 к.

НОВОСТИ ДЛЯ ПѢНІЯ:

Лишина Г. А. Элегія. Внимая ужасамъ войны. Слова Некрасова, посвящается Б. Корсову (съ акомп. віолончели или скрипки ad libitum). 75 к.

Лишина Г. А. Баллада. Пѣснь опричниковъ (слова Г. А. Лишина). Посвящается П. А. Мельникову и С. Я. Морозову. 60 к.

Кромѣ того въ большомъ выборѣ ноты для духовыхъ и струнныхъ оркестровъ, для фортепіано въ 2 и 4 руки, для 2-хъ роялей въ 4 и 8 рукъ, для пѣнія и для всѣхъ инструментовъ (скрипки, віолончели, альта, флейты, кларнета, корнета, цитры, гитары, бандоніона, концертино, гармоніи, фисгармоніи, гармонифлюта и т. д.), школы, этюды и упражненія принятыя въ С.-Петербургской консерваторіи и въ музыкальныхъ школахъ, рекомендуютъ въ дешевыхъ изданіяхъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ,

НОТНАЯ ТОРГОВЛЯ

въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, 42.

въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Р. № 3920

НОВОСТИ

(только что полученныя изъ-за границы).

ПРЕКРАСНЫЕ ПОДАРКИ,
ЗА 30 РУБ.

высылаются съ первою почт. слѣдующ. **четыре вещи:**

1) **Паровая машина** (полная модель) дѣйствующая паромъ, вполнѣ безопасная для комнатъ.

2) **Волшебный фонарь** новѣйшаго устройства, большой, съ сильн. освѣщ., со множествомъ картинъ и руководствомъ.

3) **Камеръ-обскура**, съ помощью которой можно снимать портреты, виды и проч.

4) **Часы набинетные** столовые, изящной работы, съ вѣрнымъ ходомъ (американскіе).

Отдѣльно высылаются: **паров. машина за 10 руб., волшебн. фонарь — 15 руб., камеръ-обскура — 7 руб. и часы — 6 руб.** За пересылку въ Азіатск. Россію и на Кавказъ прибавляется 10%.

Требованія адресуются: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества). № 3911

И. И.

ДАУГУЛЯ

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ, питомникъ и сѣмянная торговля, существ. съ 1822 г. въ г. Дерптѣ.

Лѣтніе, многолѣтніе и именно новѣйшіе и красивѣйшіе цвѣты. Огородныя, цвѣточныя и экономическія сѣмена, фруктовыя дерева и ягодные кустарники, грушовые и оранжерейныя розаны, декоративныя дерева и кустарники для парковъ, растенія несполинской спаржи и клубникъ, цвѣточн. луковицы, георгины и проч.

Прейсъ-куранты высылаются желающимъ безплатно. № 39..6

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, РЯД. СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.

Продажа 5% выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ задаткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ безо всякой коммиссіи, и страхованіе отъ тиражей;

2 января, 1 марта, 1 іюля и 1 сентября.

УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.

П. № 3914 7—1

„АМЕРИКАНКА“,

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной водѣ. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русск. Страх. Общества, В. Шлеманзону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ ДЕСЯТЫЙ.

М. Г. Веніаминъ Ильичъ. Очень благодарна за присланныя двѣ „американки“ въ колыбельню; онѣ практичны тѣмъ, что не рвется бѣлье, а главное подспорье — уменьшаетъ число прачекъ: гдѣ нужно четыре прачки, съ „американками“ справятся двѣ прачки легко, только нужно ихъ поучить. Хорошо было бы всѣмъ казеннымъ заведеніямъ, особенно богадѣльнямъ и больницамъ, обзавестись „американками“, тогда не было бы затрудненія такого, какое теперь имѣется. Съ истиннымъ уваженіемъ и благодарностью за это изобрѣтеніе остаюсь б. Начальница Александровской ремесленной школы и колыбельни бѣдныхъ дѣтей въ Петербургѣ Любовь Гавриловна Морозова. С.-Петербургъ, 6 января, 1885 года. № 3904

КНИГИ прод., покуп. и прин. коммиссію въ Казани, кн. маг. (сущ. съ 1871 г.) Александра Ильича Овчинникова (б. учителя древн. яз.). Бываютъ библіогр. **рѣдкости.** При заказ. вис. марки на отв. мож. не посылать. № 3916

БРАТЬЯ

ЕЛИСѢЕВЫ

считаютъ нужнымъ извѣстить почтенную публику, что не смотря на повышеніе пошлины, цѣны на вино въ бутылкахъ остаются БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЫ, по существующему прейсъ-куранту до открытія навигаціи, т. е. до мая мѣсяца 1885 г.

№ 3894 3—2

ОЦИНКОВАННОЕ ЛИСТОВОЕ ЖЕЛѢЗО.

Самый дешевый, лучшій и красивый матеріалъ для кровельныхъ работъ, превосходящій всѣ другіе. Продажа въ конторѣ завода: В. О. 12 линія д. № 15. **АРТЮРЪ ДЮ РІЕТЦЪ.** Р. № 3876 4—4

НЕ МОГУТЪ СПОРИТЬ

никакіе кремы, ни притиранія для женскаго лица — съ достоинствами мамонтоваго мыла. Натуральная бѣлизна, свѣжесть, прозрачность являются послѣ употребленія этого мыла, буквально замѣняющаго собою всѣ косметики. Цѣна 60 к.

МОКРАЯ ПУДРА

не ссыпается съ лица; употребленная разъ въ сутки, оставляетъ на лицѣ натуральную бѣлизну до слѣдующаго дня и уничтожаетъ загаръ. Цѣна 2 р., перес. 50 к. Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ: въ С.-Петербургской химической лабораторіи и у Рузанова; въ Москвѣ: Бунсъ, Кузнецкій мостъ; у Теодоръ, на Кузнецкомъ мосту; въ Харьковѣ, аптека Груздева и у Юфуда Айвазы; въ Одессѣ, у Гельдера; въ Вильнѣ, у Гружевскаго; въ Варшавѣ, въ магазинахъ Доброжанскаго, куда и просятъ обращаться иногородныхъ.

BALSAM COLORADO

Doctor's Jeffersohn's.

Прекращаетъ выпаданіе волосъ, укрѣпляетъ ихъ корни, перхоть исчезаетъ въ одинъ разъ, волосамъ придаетъ прекрасный ростъ, блескъ и мягкость, уничтожаетъ сѣдину постепенно или въ одну ночь, по желанію потребителя.

Цѣна 4 р., перес. 1 р., *въ тѣхъ же магазинахъ.* № 3863 5—4

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3840 10—4

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ **въ С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Имѣются во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи **въ С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

4711

СОСНОВЫЕ ДУХИ

врачами признаны превосходными особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—4

28 и 29 МАРТА 1885 года
будетъ розыграна
ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ

XXXIV ЛОТЕРЕЯ

Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

Выигрышей 500 на сумму **25000** руб.
Первый выигрышъ брил. серебр. вещами
№ 3839 **10000** руб. 10—5

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта — Москва, Собачья площадь, д. Каренина.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство — 5 лѣтъ, что **не** почернѣютъ!

Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ,** Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница **въ С.-Петербургѣ.** № 3812

МУЖСКІЯ въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка — 50 коп.
Торговцамъ скидка!

ГРАНИТЪ

лучшихъ сортовъ, обдѣланный и не обдѣланный, доставляется до СПБурга во всякое время года

Вильманстрандскою каменоломнею

4—8 № 3843

Э. ВИКБЕРГА.

Адресъ: Финляндія, г. Вильманстрандъ, а **для СПБурга,** Кирочная ул., № 46, кв. 14.

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блоккъ** Невскій 51. № 3907 4—1

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины

ЧЕРЕПЕННИКОВА

получится къ предстоящему празднику

ТАМБОВСКАЯ ВЕТЧИНА

въ окорокахъ, приготовленія **П. С. Мокроусова,** въ Тамбовѣ. № 3913

НОВ. БРОШ. К. Маслянникова:

I. **ТИПЫ АМБАРОВЪ.** 4 хромолит., **картон. модель,** фасады, планы, разр., смѣты. **Ц. 90 к.**
II. **ДЕШЕВ. ДЕРЕВ. И ДАЧН. ВОДОСНАБЖ. ТАРАНОМЪ. Ц. 30 к.** (Авторъ: Знаменская улица, 43). № 3909 2—1

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія, какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора **Пинесъ и К°.**

Превосходное средство противъ мозолей **1 коробка 35 коп.**

Съ пересылкой 2 кор. **1 р. 20 к.,** 4 кор. 2 р., 6 кор. 2 р. **50 к.**

Главный складъ для Россіи **Л. Власовъ** СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.

„Мозолинъ“ только провизора **И. Пинесъ и К°.** № 3841 10—6

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 20 февраля 1885 г. Тип. **А. Ф. Маркса,** Ср. Подьяческая ул., д. № 1. **Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.**

XVI годъ № 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVI годъ 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 Марта 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1885 г., съ 26 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Г. П. Гельмерсенъ.

Въ воскресенье 3 февраля, въ 9 ч. веч., скончался на 82 году жизни академикъ генералъ-лейтенантъ Григорій Петровичъ Гельмерсенъ. Въ лицѣ покойнаго наука понесла значительную утрату. Потомокъ остзейской дворянской семьи, Гельмерсенъ родился въ 1803 году въ Дункерсдорфѣ въ Лифляндіи. Въ 1812 году онъ поступилъ въ извѣстный въ то время пансіонъ Муральто, а затѣмъ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ дѣятельно занимался изученіемъ естественныхъ наукъ. Гельмерсенъ и давно умершій другъ его Гофманъ были любимыми учениками профессора Энгельгардта, котораго сопровождали на Уралъ для научныхъ изслѣдованій. По рекомендаціи Энгельгардта, графъ Канкринъ зачислилъ обоихъ молодыхъ людей чиновниками для особыхъ порученій и возлагалъ на нихъ геологическія изслѣдованія Россіи. Съ 1828 до 1830 года они работали въ

Академикъ Генералъ-Лейтенантъ Г. П. Гельмерсенъ. † 3 февр.
По фотогр. грав. Вейерманъ.

Оренбургѣ, Златоустѣ и на южномъ Уралѣ и по указанію Канкрина въ Міясскѣ присоединились къ Александру Гумбольдту, котораго сопровождали до Оренбурга. Благодаря ходатайству Гумбольдта, оба друга посланы были въ Берлинъ для продолженія наукъ и изъѣздили съ научною цѣлью большую часть Средней Европы. Возвратившись въ Россію, Гельмерсенъ отправился въ трехлѣтнее путешествіе (1833—1836) для изслѣдованія Урала и Алтайскихъ горъ, вернувшись съ котораго, занялся изслѣдованіемъ сѣверной полосы московскаго бассейна и затѣмъ —каменноугольныхъ залежей Тульской, Калужской, Рязанской, Орловской и Московской губерній. Въ 1865 году Гельмерсенъ снова отправился на Уралъ для изслѣдованія новооткрытыхъ залежей на восточномъ склонѣ. Спустя два года, онъ занимался тѣмъ же въ Рязанской губерніи; донецкій каменноугольный бассейнъ былъ также предметомъ его изслѣдованій. Въ 1868 г. онъ по-

сѣтилъ Луганскій горный округъ съ цѣлью высказать мнѣніе о раціональной эксплоатаціи рудниковъ. Онъ настаивалъ на необходимости соединить Донецкій бассейнъ желѣзною дорогою. Посѣтивъ его въ 1872 г., онъ нашелъ уже тутъ двѣ желѣзныя дороги. Бурый уголь въ Кіевѣ и Херсони, Польскій угольный районъ, дилювьяльныя торфяныя залежи въ Гродно и Курляндіи, а также Остзейскія провинціи, Петербургская и Олонецкая были изслѣдованы Гельмерсеномъ. На югѣ онъ изслѣдовалъ соляныя озера Бессарабіи, нефтяные источники Керчи и Тамани и пр. Многія сочиненія Гельмерсена не только имѣютъ высокое научное значеніе, такъ что каждый русскій геологъ можетъ руководствоваться ими, но они съ большою пользою послужили для многихъ практическихъ предпріятій какъ частныхъ, такъ и правительственныхъ. Извѣстная его геологическая карта Европейской Россіи появилась въ 1841 г. и получила Демидовскую премію. Въ 1843 году онъ получилъ степень академика. Гельмерсенъ былъ первымъ ученымъ, указавшимъ на возможность закладки въ Петербургѣ артезіанскихъ колодцевъ и благодаря его указанію, такой колодезь вырытъ былъ во дворѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Сочиненіе его „Геологія въ Россіи", побудило образовать геологическій комитетъ. Кромѣ научной дѣятельности, не менѣе плотворна и педагогическая дѣятельность покойнаго. Съ 1838—63 г. онъ былъ профессоромъ геогнезіи и геологіи въ горномъ институтѣ, въ 1840 г. назначенъ инспекторомъ института, въ 1849 г.—управляющимъ музеемъ, а въ 1856 г. директоромъ института; въ этой послѣдней должности онъ оставался 7 лѣтъ. 23 апрѣля 1878 г. заслуженый ученый праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей. Онъ награжденъ былъ орденомъ Александра Невскаго, названъ почетнымъ членомъ департамента торговли и мануфактуръ, получилъ почетные докторскіе дипломы отъ университетовъ дерптскаго, казанскаго и кіевскаго; петербургскій университетъ предложилъ ему званіе почетнаго члена, академія наукъ назначила премію его имени за геологическія сочиненія и кромѣ того имъ получено было множество адресовъ.

Выносъ тѣла Гельмерсена происходилъ 8 февраля, изъ церкви св. Екатерины. Обитая чернымъ сукномъ церковь имѣла торжественный видъ. Утопавшій въ вѣнкахъ гробъ былъ окруженъ войскомъ. Церковь была переполнена многими высокопоставленными лицами, пришедшими отдать послѣдній долгъ усопшему. Въ часъ начался выносъ тѣла, образовавъ длинную линію, направившуюся къ вокзалу балтійской желѣзной дороги. Гельмерсенъ, согласно своему желанію, будетъ похороненъ въ Дерптѣ.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ III.

(Продолженіе).

XXV.

„Да, надо ѣхать! Надо ѣхать, и какъ можно скорѣе!" рѣшилъ Павелъ Петровичъ и приказалъ укладываться.

Такъ нетерпѣливо ожидаемый отпускъ давно уже былъ полученъ и праздно лежалъ на письменномъ столѣ Крипицына. Замедленіе отъѣзда давно уже служило темою разговоровъ по всему Глухому форту, перетолковываясь на разные лады... Имя Нади не разрывно слилось съ этими толками и пересудами.

„Что это? Любовь? не разъ задумывался Павелъ Петровичъ.—Это вздоръ! Ребенокъ, институтка, смазливое, молодое личико... Какъ это глупо, странно!.. Это пустяки! это бредъ разстроеннаго воображенія, нелѣпыя грезы, навѣянныя дымомъ гашиша."

И Павелъ Петровичъ самъ разбивалъ свои доводы, самъ растравлялъ свое болѣзненное чувство, припоминая черты очаровавшей его дѣвушки, изучая эти черты до малѣйшей подробности, вызывая ихъ въ своемъ воображеніи.

Онъ только разъ слышалъ ея голосъ, и то не къ нему обращенный: и этотъ голосъ такъ и сохранился въ его памяти, мелодично звуча въ минуты полнаго затишья, каждый разъ тоскливо сжимая его сердце.

„Почему-же тоскливо?.. Почему такъ болѣзненно?.. Развѣ любовь чувство тяжелое, злое? Развѣ не любовь заставляетъ сердце биться живѣе, радостнѣе?..

„Значитъ это не любовь!" рѣшалъ Крипицынъ, снова принимаясь тщательно анализировать свое новое чувство.

Много разъ любилъ онъ въ своей жизни... Случалось, что и разсудокъ терялъ подъ вліяніемъ этого чувства... Приходила любовь жгучими порывами, уходила, быстро охлаждаясь, не оставляя никакихъ тяготящихъ послѣдствій. Или то не была любовь? А вотъ теперь то именно она и настала... И вотъ онъ, сильный опытомъ жизни, привыкшій смотрѣть на женщинъ свысока, съ исключительно чувственной стороны, онъ разбитъ теперь самъ и лежитъ у ногъ дѣвчонки-институтки. Глупо и неправдоподобно! Унизительно!..

„Это пройдетъ, рѣшалъ Крипицынъ. — Надо бросить все и уѣхать. Тамъ, сила новыхъ впечатлѣній, сила жизни, выбьетъ болѣзненный бредъ изъ его головы,—бредъ томителеный и опасный. И онъ самъ будетъ хохотать надъ своею романической слабостью, только скроетъ ее глубоко, чтобы не вызвать со стороны своихъ вполнѣ заслуженнаго смѣха...

„Я не могу понять, что говоритъ она своимъ довѣрчиво-кроткимъ взглядомъ", снова возвращался Павелъ Петровичъ къ исходной точкѣ своихъ терзаній и начиналъ обыкновенно припоминать себѣ все—отъ первой встрѣчи въ кишлакѣ Бешь-арыкъ.

Онъ вспомнилъ теперь то, что въ минуту этой первой встрѣчи имъ было почти незамѣчено. Теперь онъ не сомнѣвался въ томъ, что ея глаза смотрѣли на него восторженно. Надя смотрѣла на него не какъ на человѣка незнакомаго... Она точно звала его, точно говорила ему: „Здравствуй... Вотъ и я!.. твоя..." Затѣмъ опять... два раза, два раза, менѣе чѣмъ въ минуту... Тамъ, изъ за стѣны сада, тамъ, въ окнѣ, за колыхнувшейся занавѣскою...

Ну, что за важность! Крипицынъ сознавалъ себя красавцемъ, на котораго заглядѣться не трудно, особенно для молоденькой институтки. Онъ не разъ испытывалъ на себѣ подобные взгляды... Это ему льстило, это заставляло его иной разъ выпрямиться особенно гордо, порисоваться немного, пококетничать... это все пустяки! Такіе взгляды никакихъ слѣдовъ не оставляютъ и забываются скоро... Эти-же были не такіе...

Разъ она сидѣла въ экипажѣ... съ нею рядомъ Груня, на козлахъ Павлуша; Шелобовъ и Грухаревъ скакали по бокамъ. Сзади, въ пыли, виднѣлись еще экипажи. Они тамъ, гдѣ то на озерѣ, пикникъ устроили. Должно быть весело было! Дорогою смѣялись и пѣли. Голосъ Нади раздавался особенно громко.

Шелобовъ тронулъ коня плетью и загородилъ отъ него Надю, но она успѣла взглянуть, она видѣла и разомъ смолкла. Шелобовъ ударилъ свою лошадь не случайно, это ясно! Однако Надя уже больше не смѣялась. Она молчала всю дорогу. Вѣдь Крипицынъ, до самаго дома, проводилъ ее, стороною отъ дороги, правда, но, тѣмъ не менѣе, настолько близко, что не могъ бы проронить ни малѣйшаго звука ея голоса.

Онъ видѣлъ ее въ церкви. Онъ самъ попалъ въ церковь только потому, что видѣлъ, какъ она взошла туда, подъ руку со старикомъ Глухаревымъ.

Всѣ кругомъ смотрѣли на него двусмысленно, но какое ему дѣло до всѣхъ?! Онъ прошелъ впередъ и сталъ у клироса—и Надя стояла впереди тоже. Лицо у ней было спокойное, легкій румянецъ игралъ на полненькихъ щечкахъ. Она его не могла видѣть, но видѣла—она опустилась на колѣни и простояла такъ всю службу. Она поблѣднѣла какъ полотно. Она не молилась.—

нѣтъ!.. Это всѣ думали глядя на нее, все принимали ея чувство за жаркую, дѣтски-чистую молитву, но она не молилась... И Криницынъ зналъ, что занимало ее въ эти минуты. Зналъ и не спускалъ съ нея глазъ, но чувствовалъ, что еслибъ у ней хватило силы на его пристальный взглядъ отвѣтить тѣмъ же, онъ бы не выдержалъ и потупился.

Разъ, выходя отъ Аделаиды Розенблюмъ, Павелъ Петровичъ столкнулся на порогѣ, лицомъ къ лицу съ самой Надею. Провожавшая гостя хозяйка успѣла таки представить его новой гостьѣ. Надя пошатнулась и прислонилась къ косяку двери; лицо его вспыхнуло яркою краскою, глаза заискрились и страхомъ и радостью, она протянула ему руку... Въ первый разъ въ своей жизни Криницынъ испыталъ подобное прикосновеніе.

— Останьтесь еще... Поговорите, приставала хозяйка, но Криницынъ не остался. Онъ стремительно шагнулъ черезъ порогъ и вышелъ. Почему? и самъ не могъ отдать себѣ отчета. И проклиналъ онъ свое невольное движеніе и хотѣлъ было вернуться, предлогъ даже подъискалъ подходящій, но не вернулся... И снова провелъ мучительно сладкую ночь, подъ гостепріимнымъ сводомъ потаенной сакли Миробая.

Что то особенно часто онъ сталъ туда навѣдываться, втягиваясь все болѣе и болѣе въ чарующія лапы этой отвратительной страсти.

И не одну ночь онъ провелъ безъ сна, охваченный безсознательнымъ бредомъ. Павелъ Петровичъ сталъ накрѣпко запираться у себя въ комнатѣ. Онъ вовсе не хотѣлъ, чтобы кто нибудь могъ быть посвященъ случайно въ тайну его мучительныхъ галюцинацій.

Странный случай произошелъ съ нимъ однажды, во время прогулки. Криницынъ проходилъ базарною площадью. Прямо на землѣ, повсюду были разложены войлоки и циновки,—на нихъ незатѣйливый туземный товаръ. Продавцы-киргизы сидѣли около, зазывая покупателей. Развьюченные верблюды лежали неподвижно, пережевывая свою зеленую жвачку. Группы барановъ, предназначенныхъ подъ ножи мясниковъ, покорно и тупо смотрѣли въ глаза своимъ палачамъ. Въ воздухѣ стономъ стоялъ базарный гулъ. Солнце палило невыносимо, и въ одномъ мѣстѣ, на самомъ припекѣ, сидѣлъ старикъ, слѣпой нищій и бормоталъ какія то молитвы. Около стояла глиняная чашечка для сбора подаяній, пока еще пустая. На головѣ старика была громадная, сѣрая баранья шапка, сдвинутая на затылокъ, грязныя лохмотья едва прикрывали его сухое, словно изъ темной бронзы отлитое тѣло. Криницынъ прошелъ мимо, но вернулся и остановился какъ разъ передъ этимъ нищимъ. Заслышавъ эти шаги, слѣпой поднялъ голову и заморгалъ своими, сплошь залитыми бѣльмами глазами. Онъ уже давно не видѣлъ свѣта, для него давно уже наступила вѣчная ночь, но Криницыну эти мертвые глаза показались живыми. Просительная, жалкая гримаса несчастнаго показалась ему злою усмѣшкою.

— Я хорошо вижу, будто бы произнесъ старикъ.— Не тебя... мои глаза не могутъ видѣть тѣла, но Аллахъ даровалъ имъ возможность видѣть душу... а я твою душу вижу. Я вижу въ ней все, что тобою такъ ревниво хранится... Я вижу все!..

Криницынъ швырнулъ въ его чашку пригоршню серебряной мелочи. Звонъ металла заставилъ нищаго съ жадностью ринуться на добычу. Кругомъ загудѣли удивленные голоса.

— Менеке! менеке! (мое! мое!) забормотали сухія, желтыя губы. Слѣпой прикрылъ чашку обѣими, трясущимися руками и навалился на нее своимъ тѣломъ. Онъ боялся, чтобы у него не отняли эти деньги... Не подумалъ бы кто нибудь, что это уже слишкомъ много для его насущныхъ потребностей.

Обаяніе исчезло. Павелъ Петровичъ вздохнулъ свободно и удалился.

— Откупился! мелькнуло у него въ головѣ—и, оглянувшись по сторонамъ, онъ повернулъ налѣво по узкой тропинкѣ, по задамъ базарныхъ сакель, словно желая избѣгнуть этой торной и людной дороги.

— Да, надо ѣхать—и ѣхать какъ можно скорѣе!.. рѣшилъ онъ еще разъ.

Но прошли дни, за днями недѣли, а сложенный акуратно, формепно обрѣзанный листъ бумаги, съ печатью и начальническими подписями, до сихъ поръ еще праздно лежалъ на своемъ мѣстѣ, на письменномъ столѣ Павла Петровича.

XXVI.

Своею неизмѣнною чередою проходило время. Наступила осень, съ темными, морозными ночами. Пожелтѣли и осыпались листья на деревьяхъ... краснымъ заревомъ запылали желтыя заросли камышей... Весь горизонтъ затянуло дымомъ осеннихъ паловъ. Только въ полдень еще усиленно грѣло южное солнце, радужнымъ блескомъ играя на легкой паутинѣ, носящейся въ воздухѣ...

Многое измѣнилось въ жизни Глухаго форта, многое пошло не такъ, какъ предполагалось его обитателями.

Павлушѣ не удалось вызвать въ сердцѣ Нади хотя тѣнь сочувствія. Онъ понималъ это ясно, онъ понималъ даже болѣе; онъ видѣлъ, что, вмѣсто желаннаго сочувствія, любимая дѣвушка относится къ нему съ чувствомъ чуть не гадливости.

Молодой Глухаревъ осунулся и чуть было не запилъ съ горя... Трудно только было это сдѣлать, подъ строгимъ присмотромъ отца и Шелобова.

Веселаго, краснощекаго мальчика нельзя было узнать: онъ бродилъ какъ тѣнь, выискивая случай, какъ бы повидаться съ Надею... Случаи были далеко не рѣдки, и, послѣ каждаго такого посѣщенія, между нимъ и Надею шире и глубже развертывалась раздѣлявшая ихъ пропасть...

Посѣщенія влюбленнаго жениха стали для бѣдной невѣсты положительно невыносимы. Это замѣтилъ и Иванъ Акимовичъ, и готовъ уже былъ запретить своему сыну эти посѣщенія.

Старикъ Глухаревъ и самъ все понималъ, но все еще не терялъ надежды. Онъ даже проникъ близко въ тайныя причины всего происходящаго, молчалъ, и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда Криницына... Онъ только зорко стерегъ, чтобы какъ нибудь не случилось чего худшаго, и постоянно совѣщался на эту тему со своимъ другомъ, Шелобовымъ.

— Головы не унесетъ! успокаивалъ его Василій Ивановичъ. Ноги переломаю, если только тотъ подумаетъ о такомъ дѣлѣ.

— Насильно милъ не будешь! вздохнулъ Иванъ Акимовичъ... Эхъ! проваливалъ бы поскорѣе!.. Все послѣ перемелется!

Сердце добраго старика болѣло двойною болью: и за сына, и за свою пріемную дочь, Надюшеньку.

Груня тоже смирилась. Она, видя страданія Павлуши, смѣнила гнѣвъ на милость.

Добрая дѣвушка часто видѣлась съ молодымъ Глухаревымъ, утѣшала его какъ могла, хотя, по временамъ, ея утѣшенія походили скорѣе на горькіе упреки... Она ему не разъ говорила...

— Ну, что разнюнился! Баба ты, а не мужчина!.. тряпка, прости Господи!.. Ну чего лѣзешь къ ней? видишь, что опостылѣлъ ты ей, ну и не ходи!—и себя, и ее пуще тревожишь... Эхъ, терпѣть не могу, когда мужчина, да въ бабьи слезы ударится... Съ глазъ моихъ долой сейчасъ убирайся!

И Павлуша покорно исполнялъ ея повелѣніе.

Тогда Груня сама его останавливала, цѣловала въ голову, ласкала и мѣняла тонъ.

— Да полно же тебѣ, голубчикъ, да ты потерпи...

1*

На праздникѣ въ гостяхъ былъ. Съ картины П. Грузинскаго, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

Московскія древности. Внутренность Благовѣщенскаго Собора въ Кремлѣ. Съ картины Н. Е. Маковскаго

Рис. на деревѣ самъ авторъ, гравир. М. Рашевскій.

Бываетъ, что сегодня постылъ, а завтра милъ дружекъ будешь... Понимаю я твое сердце, ухъ какъ понимаю!.. А ты не опускай хвостъ, держись козыремъ, сдѣлай хоть видъ, что плюнулъ да забылъ... Ей же Богу, прости Господи, лучше будетъ... Вотъ ты и въ лицѣ осунулся, заболѣешь того и гляди, ну что хорошаго... Милый ты мой, голубчикъ подстрѣленный!

И Груня снова принималась гладить Павлушу по его стриженной головѣ и сама съ нимъ вмѣстѣ плакала... А въ такія минуты Павлуша чувствовалъ себя лучше, покойнѣе и давалъ слово непремѣнно послѣдовать Груничкиному совѣту, а на другой, а то и въ тотъ же день, забывая о своемъ словѣ, нарушалъ его почти безсознательно.

— Вотъ, не забиралъ бы себѣ въ голову вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, не прыгалъ бы выше носа, много лучше было бы, говорила Груня отходя всторону и, будто сердито, глядя на Павлушу... Вишь ты, братъ, образованную барышню захотѣлъ. Вотъ теперь и кайся!... Эхъ, любилъ бы ты меня,—счастливѣе жилось бы... Другую нашелъ, ну и иди къ той... уходи! слышишь... Ну, да постой! куда рванулся? не гонятъ тебя, на самомъ дѣлѣ... Что же ты рубахи свои не прислалъ чинить?.. изорвался чай весь, безъ женскаго присмотру.

— Я, Груня, пришлю... бормоталъ молодой Глухаревъ, я, вотъ ты говоришь, „не люблю тебя...“ Это напрасно! я очень, очень... я все по прежнему люблю тебя, ты мнѣ все равно, что сестра родная... я...

— Сестра! ишь ты! сестра! нѣтъ шалишь! ищи себѣ сестеръ въ другомъ околоткѣ... Любишь то ты меня любишь, да не такъ, какъ мнѣ надобно... такъ, какъ я тебя... Да что же ты стоишь, не идешь... Ужъ ты и вправду не подумай, что мнѣ отъ тебя прибыль какая... Прощайте, братецъ!

И Груня особенно подчеркивала послѣднее слово, а сама долго стояла у калитки, провожая глазами широкую спину и стриженный затылокъ своего Павлуши.

Иванъ Акимовичъ попытался поговорить съ Надею откровенно, по душѣ, онъ посовѣтовался предварительно съ Шелобовымъ и съ отцомъ Павломъ.

Первый сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, дѣло не испортишь.

Второй рѣшилъ, что „такъ и подобаетъ! назиданіе старшихъ и внушеніе можетъ быть не безполезно“.

И вотъ Глухаревъ, выбравъ удобную минуту, приступилъ къ *внушенію*.

Онъ началъ издалека, съ описанія главнѣйшихъ чертъ семейной жизни и со всего того, что для семейнаго счастія необходимо, но едва только онъ коснулся Павлуши и своего завѣтнаго желанія, какъ умоляющій, полный отчаянія, безпомощно покорный взглядъ Нади разомъ обезоружилъ всѣ его доводы...

— Иванъ Акимовичъ!.. папа!.. отецъ мой!.. что же вы со мною дѣлаете!!. истерически зарыдала Надя и колѣни у нея сами собою подогнулись.

— Голубка моя, дитя мое! разрюмился тутъ и старикъ Глухаревъ. Да что же мы, палачи твои, что ли?.. Да вѣдь ты для меня все равно что и Пашка... Господь съ тобою... Будь, что будетъ... но только до худаго не допущу... Не буду, не буду больше!.. ну перестань же, ну посмотри, что ты съ собою сдѣлала! Такая ли ты къ намъ сюда пріѣхала?.. Ну, не буду, не буду!..

— Рано значитъ еще, рѣшилъ Иванъ Акимовичъ, уходя послѣ своего внушенія,—что же, подождемъ. А, ты опять сюда? встрѣтилъ онъ сына на порогѣ.

— Я, папаша, книжку вотъ... Онѣ книжку просили меня достать...

— Отдай книжку Силантію, да и ступай домой. Вотъ сейчасъ къ Огурчикову пойду, похлопотать, нельзя ли тебя въ степь угнать съ командою, хоть на мѣсяцъ...

Только Шелобовъ одинъ умѣлъ успокоить Надю и не тяготить ее своимъ присутствіемъ. Онъ, обыкновенно, приходилъ къ ней весело, какъ ни въ чемъ не бывало, словно чуждый совершенно всего, что происходило. Онъ самъ мало разсказывалъ, все больше расспрашивалъ ее объ институтской жизни, объ томъ, чему ихъ тамъ учили, особенно интересовался всѣми мелочными подробностями и заставлялъ Надю припоминать ему всѣ трагическіе и комическіе эпизоды ея дѣтства. Обыкновенно, разсказчикъ особенно увлекается темою своего разсказа, когда замѣчаетъ возростающее вниманіе слушателей, а Шелобовъ былъ слушателемъ образцовымъ, и если пускался въ разсказы самъ, то всегда выбиралъ эпизоды самые занимательные и совсѣмъ чуждые тому, что болѣзненно томило душу дѣвушки.

Василій Ивановичъ никогда не спрашивалъ Надю объ ея здоровьѣ; онъ дѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаетъ никакихъ худыхъ перемѣнъ, онъ, напримѣръ, часто приходилъ къ обѣду и не заставлялъ Надю кушать, усиленно предлагая того и другаго, а просто самъ подавалъ блестящій примѣръ своимъ апетитомъ и веселостью, и примѣръ его, какъ и всякій примѣръ, имѣлъ свойство заразительное. Надя слушала и кушала.

Василій Ивановичъ добился наконецъ того, что Надя ждала его посѣщеній, и на его громкое, веселое привѣтствіе отвѣчала даже иногда улыбкою и радушно протянутыми обѣими ручками.

— Вотъ, братъ, какъ надо! объяснялъ все это Шелобовъ своему молодому другу, то есть Павлушѣ.

— Тебѣ хорошо, когда у тебя этого самаго чувства нѣту, оправдывался неудачный женихъ.

— Нѣту?! переспрашивалъ Василій Ивановичъ.—Ты такъ и думаешь, что нѣту... Ну, пожалуй!.. Только, братъ, лучше еслибы и у тебя его было поменьше.

Не смотря на мѣры, принятыя Глухаревымъ, Аделаида Францовна Розенблюмъ успѣвала врываться къ Надѣ, и не одинъ разъ даже. Она разсказывала ей о Криницынѣ, расписывала его терзанія по своему, врала, сочиняя цѣлыя тирады, якобы произносимыя на ея счетъ Павломъ Петровичемъ, заставляла Надю плакать навзрыдъ и сама рыдала съ нею вмѣстѣ, и, къ чести Криницына, дѣйствовала сама на свой рискъ, по своему собственному вдохновенію, безъ полномочій Павла Петровича.

И вотъ, мало по малу, Надя составила себѣ полную картину своего настоящаго положенія.

Тамъ терзается и гаснетъ любимый герой, одинокій, всѣми ненавидимый,—здѣсь она, окруженная непреодолимою стѣною, тоже одинокая, тоже гаснущая. Она чувствовала какъ эти люди, предательски любящіе, нѣжны, сжимаютъ ее все болѣе и болѣе въ своихъ томительныхъ тискахъ, и нѣтъ ей выхода, нѣтъ даже средствъ къ отступленію. Есть въ этой стѣнѣ только одна калитка, хотя и запертая тоже, но, вотъ-вотъ, готовая открыться, при малѣйшемъ ея прикосновеніи. Это—Василій Ивановичъ: и довѣрчиво жмется она къ нему.

Розенблюмъ увѣряла ее, что оба Глухаревы низкіе интриганы, что они льстятся ея домомъ и оставшимися по наслѣдству крохами. Она этому не вѣрила; она даже просила непрошенную покровительницу никогда и не заикаться объ такихъ вещахъ... Она вѣрила и любви отца и любви Павлуши; она только сознавала, что именно эта любовь и составляетъ всю суть ея несчастія. Когда она видѣла изъ окна приближающуюся фигуру Глухарева-отца, ей становилось невыносимо тяжело, но она все таки охотно шла къ нему навстрѣчу и горячо цѣловала, если посѣщеніе обходилось безо всякихъ намековъ на роковой вопросъ... Убитый видъ Павлуши ей былъ ненавистенъ и она уже больше не показывалась ему вовсе. Но еслибы этотъ самый Павлуша, вмѣсто своей любви, предложилъ бы ей такую,

какую онъ предлагалъ Грунѣ, то Надя съ восторгомъ кинулась бы къ нему на шею и назвала бы своимъ дорогимъ, горячо любимымъ братомъ.

А тутъ имя бѣдной, новопріѣзжей сиротки стало богатымъ матерьяломъ для сплетенъ по всему Глухому форту и даже за его предѣлами. Дамскіе языки Богъ вѣсть чего только не придумали. Если Надя появлялась въ обществѣ, то, хотя и встрѣчала всюду любезность и полное вниманіе, но не могла не замѣчать оскорбительной двусмысленности, сквозившей въ каждомъ словѣ, къ ней обращенномъ.

Это заставило ее скоро, какъ улитку, войти въ свою скорлупу и затаиться тамъ, испуганно и недовѣрчиво относясь ко всему окружающему.

Между тѣмъ, разжигаемая препятствіями страсть пустила въ неопытномъ сердцѣ дѣвушки глубокіе корни. Это чувство росло и росло и скоро охватило собою все существованіе Нади, и ея фантазія, раскаленная еще съ институтской скамьи разными романическими терзаніями, рисовала ей таинственныя, сладкія картины встрѣчи лицомъ къ лицу со своимъ идеаломъ. Она рвалась и искала этой встрѣчи, но этотъ порывъ ни разу не обнаруживался у ней осязательно. Даже на уже вовсе не двусмысленныя предложенія пособничества для устройства свиданія, со стороны дѣвицы-акушерки, Надя отвѣчала: „Нѣтъ, ни за что!“ Отвѣчала такъ энергично и рѣшительно, что отнимала всякую возможность дальнѣйшаго настаиванія, а сама, черезъ минуту, проклинала это „нѣтъ“, вырвавшееся у нея инстинктивно, словно не по ея, по чужой чьей-то волѣ, вѣчно противорѣчащей съ желаніями ея сердца... Еслибы это свиданіе состоялось какъ нибудь нечаянно, помимо ея воли, тогда... Но нечаянныя-то встрѣчи одинъ на одинъ были положительно немыслимы. Зоркіе глаза дружеской компаніи парализировали всякую возможность подобнаго случая... И разъ даже Аделаида Францовна получила отъ Ивана Акимовича такое внушительное предостереженіе, что цѣлую недѣлю послѣ этого не рѣшалась встрѣчаться съ нимъ, одинъ на одинъ, на улицѣ. На предложеніе Розенблюмъ Крипицыну, „выразить свои чувства письменно, излить, такъ сказать, пламень своей страсти на бумагу“, Павелъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ, только плечами по своему передернулъ; на подобное же предложеніе Нади, та отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Аделаида Францовна удивлялась только ихъ обоюдному упорству, незамѣчая той брезгливости, съ которой обѣ стороны стали явно относиться къ ней.

Аделаида Францовна каждый вечеръ заносила въ свой дневникъ подробную хронику „несчастной любви“, коментируя ее по своему, и, неизвѣстно уже по чьей винѣ, содержаніе наиболѣе пикантныхъ страницъ стало общимъ достояніемъ, неизвѣстно потому, что авторъ дневника прочитывалъ эти страницы только одному Ползункову, и то подъ самымъ строжайшимъ, честнѣйшимъ словомъ—сохраненія тайны.

XXVII.

Зашла разъ Груня къ Ивану Акимовичу. Самого съ ранняго утра не было дома, въ складахъ сидѣлъ, за конторкою. Шелобовъ какъ ушелъ съ вечера на куропатокъ въ степь, тамъ и заночевалъ должно быть, назадъ еще не возвращался. Павлуша одинъ былъ дома. Прошла Груня прямо въ его комнату, а тотъ лежитъ на койкѣ одѣтый и спитъ. Подошла гостья потихоньку, хотѣла попугать, разбудить неожиданно, и отшатнулась. Ея Павлуша, этакій то скромникъ, красная дѣвица, былъ пьянъ мертвецки.

Покачала головою Груня.

— И когда это онъ успѣлъ такъ нарѣзаться?..

Словно про себя спросила она это, а деньщикъ Фадѣевъ уже и отвѣтилъ:

— Да вотъ, какъ полковникъ ушли, они только чай были покушавши, а потомъ сами достали графинчикъ, да и прикончили, даже безъ закуски. Я, говоритъ, предлагалъ имъ яичницу сдѣлать — долго-ли! да не захотѣли, говорятъ: „Пошелъ вонъ! Не твое дѣло!“

Бросила Груня узелокъ съ бѣльемъ на столъ, сама вышла и прямо направилась черезъ базаръ, а оттуда наискосокъ, черезъ площадь, къ дому Горкина. Застала Надю въ саду. Въ бесѣдку угловую забралась та и книжку перелистывала.

— Здравствуйте, барышня, Надежда Федоровна! поклонилась Груня.

— Груничка! Это вы! Здравствуйте.

Поцѣловались.

— Жаль мнѣ васъ, Надежда Федоровна, сказала потупившись гостья.—Вѣрите ли какъ жалко... А только вы меня простите. Можетъ быть вамъ мои слова обидны покажутся, можетъ быть что непріятное съ языка сорвется... А вы уже простите.

— Не знаю, что вы сказать мнѣ хотите, проговорила Надя, а сама уже поблѣднѣла какъ полотно.

Груня замѣтила это и взяла ее за руки.

— Родная моя! Вѣдь я не мучить сюда пришла васъ... Я вѣдь очень, очень это все понимаю... Я люблю васъ и можетъ быть человѣка вамъ не сыскать другаго, кто-бы, столько какъ я, желалъ вамъ счастья... Только и самой мнѣ больно... Ужь такъ то больно, такъ больно, что вся душа наружу просится. Вотъ и пришла я поговорить съ вами... Вы не плачьте. Вонъ у васъ уже слезинки на глаза навернулись. А уже коли плакать, то давайте вмѣстѣ... Говорятъ будто отъ этого на сердцѣ легче дѣлается.

Сѣла Груня рядомъ на диванчикѣ, обвила Надю за талію одною рукою, голову свою прижала къ ея плечу— и, впрямь, обѣ вмѣстѣ заплакали.

Поплакали, поцѣловались и улыбнулись обѣ. Значитъ дѣйствительно полегчало.

— Ну, о чемъ же разговаривать вы хотите? спросила Надя.

— Да объ немъ же все, потупилась Груня. Объ комъ же больше!

Вздохнула Надя глубоко-глубоко.

— Я въ этомъ не виновата, проговорила она—и ея мгновенная улыбка снова смѣнилась выраженіемъ не то печали, не то, скорѣе, утомительной, тоскливой скуки.

— Запивать никакъ началъ произнесла Груня... Жаль вѣдь тоже—ни за грошъ пропадетъ человѣкъ... Здѣсь вѣдь, въ нашей сторонѣ, это бываетъ...

При словѣ „запивать“ Надя сдѣлала брезгливую гримасу; гостья это замѣтила и будто обидѣлась...

— Что, говорить нечего, хорошаго мало,—только и его вина вся въ томъ, что полюбилъ не по разуму... Вѣдь человѣкъ то онъ золото былъ до сихъ поръ, вѣдь такого парня днемъ съ огнемъ не сыскать. Честный, рабочій, дѣльный, кроткій, словно ребенокъ. Вѣдь такого... Груня воодушевилась и глаза у нея заблистали. Вѣдь такого—повторила она—нельзя не любить! его всякая дѣвушка полюбитъ, безъ души, безъ разума. Вѣдь въ его глаза только посмотрѣть, такъ сердце радостью встрепенется... Вѣдь съ такимъ подъ вѣнецъ стать,— такъ всю жизнь Богу Его милость не замолишь...

— А вѣдь вы его, Груня, крѣпко любите? спросила Надя и остановила этимъ вопросомъ потокъ краснорѣчія гостьи.

— Люблю, отвѣтила та... и глазомъ не моргнула— прямо, смѣло, и взглянула ей въ очи...

— И я люблю, прошептала Надя...

— Знаю, сказала Груня... Только человѣкъ онъ не добрый... Большое горе вы этою любовью себѣ готовите... Наденька, Надежда Федоровна, одумайтесь вы, Христомъ Богомъ заклинаю васъ, отмолитесь вы отъ любви вашей—„сгинь“, молъ, „отыди сатана отъ меня,

оставь мое дѣвичье сердце...“ Бросьте вы его, забудьте!.. а возьмите лучше Павла Ивановича... возьмите Павлушу моего... Онъ будетъ съ вами всю жизнь счастливъ и ваше счастье, не сразу можетъ, а устроитъ... Вѣрьте вы мнѣ, моя добрая, хорошая, вѣрьте... Не я говорю вамъ, сердце мое говоритъ за меня, а сердце не обманываетъ.., А ваша любовь—навожденіе дьявольское!.. это вѣрно! И откуда любви то этой взяться?.. Я вотъ Павлушу третій годъ знаю, и набѣгались мы, и наигрались до сыта, словно братъ съ сестрою... я то его наскрозь всего узнала,—я могла полюбить, а вотъ вы... Да вы вѣдь и разу путемъ не видались, вы и словомъ не перекинулись—я вѣдь все знаю: только что глазъ видѣлъ, да и все тутъ; а глаза что, въ глаза сатана какого хочетъ туману напустить можетъ... Падичка, полюбите вы моего Павлушу!

Зарыдала Груня, чуть не на весь садъ и въ ноги повалилась Надѣ—руки ея ловитъ да цѣлуетъ...

Насилу подняла ее Надя, кое какъ успокоила.

— Пойдемте отсюда, попросила Груня — хоть къ вамъ, въ спальню; я вотъ тутъ словно ошалѣла, а мѣсто такое, что, того и гляди, кто чужой подслушаетъ.

Перешли обѣ дѣвушки въ спальню.

— Вы вотъ, Груничка, меня полюбить Павлушу просите—начала Надя, вѣдь я у васъ же отниму его...

— А что мнѣ въ немъ теперь... по крайности счастливъ будетъ съ вами...

Задумалась глубоко Надя... Въ первый разъ въ жизни она слышала то, чего и подозрѣвать не могла въ институтѣ. Тамъ вѣдь любовь служила частенько предметомъ всесторонняго разбора, только тамъ все иначе складывалось, тамъ вотъ, если двѣ женщины сталкиваются на одномъ предметѣ страсти, такъ совсѣмъ иначе поступаютъ... сейчасъ пойдетъ вражда, полная непримиримой ненависти—борьба на жизнь и смерть... такъ страшно и такъ занимательно выходитъ, а тутъ Груня сама отдаетъ, да еще упрашиваетъ, руки цѣлуетъ...

— Вѣдь вы думаете можетъ, прервала ея размышленія Груня... Вы можетъ думали когда, что я изъ разсчета какого Павлушу полюбила—въ мужья себѣ, корысти ради, намѣтила... Какже, молъ, полковницкій сынъ, дворянинъ, офицеръ съ орденами, а я простая, неграмотная дѣвушка изъ духовнаго званія, дьячкова дочка... Вотъ, молъ, и глаза мои разгорѣлись. Нѣтъ, коли бы такъ было, такъ не отдала бы добромъ, сама для себя съумѣла бы уберечь, со всѣхъ концовъ обошла бы и окрутила: не любишь теперь—послѣ полюбишь—нѣтъ не такъ.. А но мнѣ онъ, не только дворянинъ, да офицеръ заслуженный, будь онъ хоть разбойникъ послѣдній, ссыльно-каторжный, не разлюбила бы—въ рудники за нимъ пошла бы и тамъ бы душу его спасала... Потому и прошу васъ не за себя, не для себя, можетъ сердцу своему на погибель—возьмите его, полюбите—ну, ей же Богу, онъ вамъ послѣ это заслужитъ...

— Груня, остановила ее Надя, скажите сами: пошли бы вы замужъ за человѣка нелюбимаго?

— Пошла бы, еслибы сердце свободно было, другимъ кѣмъ не занято. Мало-ли нашей сестры не по сердцу выходятъ, живутъ ничего, ладно.

— И я вотъ можетъ быть пошла бы—и навѣрное пошла-бы... готова была даже, да теперь не могу... силъ моихъ нѣтъ...

— Знаю я все... знаю, проговорила гостья. Только вотъ что скажу я вамъ... Груня понизила голосъ.

— Хорошо вотъ, что днемъ солнышко, ишь ты, какъ свѣтитъ,—на ночь бы не сказала... Любитъ ли тотъ васъ, Криницынъ-то?

— Не знаю...

— А я знаю, что любитъ только любовь его нечистая, какъ сказала я вамъ: дьявольское напущеніе—это вѣрно. Развѣ кто любитъ, такъ поступаетъ? Онъ бы прямо долженъ идти къ вамъ, что ему запоры да запреты разные! Сказать долженъ прямо: такъ молъ и такъ—пойдемъ къ вѣнцу, въ церковь Божію! да послѣ этого съ вами прямехонько въ эту церковь самую, прямехонько, безъ обходовъ лукавыхъ, подъ Божье благословеніе... Такъ ли онъ дѣлаетъ?.. Другой бы подумалъ, что такъ только надсмѣяться онъ хочетъ, благо сама дѣвушка къ нему тянется, такъ вотъ и думаютъ другіе,—я такъ не думаю... Онъ можетъ пуще васъ самъ терзается, а подойти не смѣетъ, словно его отъ васъ ангелъ-хранитель невидимый отгоняетъ. Знаете ли вы, что Павла Петровича узнать нельзя... Знаете ли вы, что онъ какъ свѣча горитъ, самъ просто тѣни своей боится... Знаете ли, какими дѣлами онъ у этого нехристя, Миробайки, занимается?.. То-то, не знаете! а я знаю, да и другимъ не тайна. Онъ тамъ маковымъ дурманомъ закуривается, а уже это прямая погибель... Вамъ вотъ можетъ Господь въ испытаніе любовь эту послалъ, ему—въ наказаніе... Человѣкъ онъ недобрый, холодный—за то можетъ быть. Вотъ и отвернулся отъ него Всемилостивый, попустилъ сатанѣ въ его душу внѣдриться, и мучитъ его теперь нечистая сила, изводомъ изводитъ... Вотъ что такое съ Павломъ Петровичемъ дѣлается. И такого человѣка вы, не знаючи, не вѣдаючи, полюбили... Бросьте! отмолитесь отъ помысловъ вашихъ, отмолитесь отъ любви такой... и Господь васъ помилуетъ, очиститъ и успокоитъ сердце ваше... Наденька, Наденька... что же это такое съ вами дѣлается... Напугала я, обидѣла васъ своими словами глупыми! Наденька!..

Крѣпко стиснуты были зубы Нади, глаза закатились,—судорога вытянула ея ноги и руки. Она не рыдала, она, молча, вздрагивала всею грудью и въ горлѣ ея слышался подозрительный, хриплый клекотъ.

— Падучая! промелькнуло въ головѣ Груни. Она порывисто рванула легкое покрывало, накинула его на больную, и, съ громкимъ крикомъ, выбѣжала звать на помощь.

XXVIII.

Въ эту ночь, деньщикъ Криницына былъ очень озадаченъ несвоевременнымъ приказомъ осѣдлать Абрека.

Давно уже миновала полночь. Луна свѣтила холоднымъ, ослѣпительнымъ блескомъ. Глухой фортъ спалъ и ни одного огонька не мигало въ его окнахъ. Была мертвая тишина, изрѣдка только прерываемая воемъ собакъ и другимъ, слабымъ, едва слышнымъ, отвѣтнымъ завываніемъ, доносившимся сюда съ того берега. Лента рѣки разстилалась покойнымъ зеркаломъ, отражая безчисленныя звѣзды. Воздухъ былъ ясенъ и всѣ предметы видны были отчетливо на далекомъ разстояніи.

Голова Криницына горѣла какъ въ огнѣ; ему казалось, что вмѣсто мозга подъ его черепомъ положены раскаленные уголья. Садясь на коня, онъ замѣтилъ, что силы ему измѣняютъ. Абрекъ видѣлъ кто на него садится, но еслибы ему завязали глаза, онъ не узналъ бы своего обычнаго всадника.

Шагомъ проѣхалъ Павелъ Петровичъ по форту и, конечно, какъ разъ мимо дома Горкина, шагомъ выѣхалъ за околицу, предоставивъ коню полную свободу выбора дороги.

Абрекъ и выбралъ обычную, на бродъ, за рѣку.

Печальная картина разстилалась кругомъ. Кое-гдѣ уныло торчали случайные остатки пожелтѣвшаго камыша, повсюду же виднѣлась равнина, покрытая золою и выжатою морозомъ изъ почвы солью. Утренняя звѣзда уже заискрилась алмазомъ на горизонтѣ, но до разсвѣта было еще далеко.

Криницынъ, оперпшсь обѣими руками о переднюю луку, казалось, дремалъ на сѣдлѣ, Абрекъ, съ ослабленнымъ поводомъ, шелъ, вытягивая шею, обнюхивая по временамъ дорогу, зорко вглядываясь въ каждый предметъ, казавшійся ему чѣмъ нибудь подозрительнымъ.

Этюдъ. Ориг. рис. А Грентина грав А Пааръ

„И ты страдаешь! думалъ Павелъ Петровичъ въ эту минуту о Надѣ.—Бѣдный ребенокъ! Но еслибы ты знала, что въ моей душѣ, еслибы ты могла заглянуть въ мое сердце!.. Нѣтъ силъ терпѣть болѣе! Я возьму тебя, я вырву тебя отсюда, увезу далеко, далеко. Я всю жизнь отдамъ тебѣ, и ты никогда ничего не узнаешь...“

И вотъ, въ воспаленномъ воображенiи Криницына сталъ постепенно развертываться весь планъ дѣйствiя. Онъ долженъ видѣть Надю во что бы то ни стало. Онъ долженъ идти прямо къ ней. Онъ долженъ силою разрушить всѣ препятствiя, еслибы такiя оказались... Онъ скажетъ ей: „Я твой, иди за мною!“ И она пойдетъ... Онъ скроетъ отъ нея все... зачѣмъ ей знать? На ея дѣтской, чистой груди—отдохнетъ, успокоится его изболѣвшееся сердце... За крѣпкимъ щитомъ ея чистоты укроется онъ отъ этихъ мучительныхъ грезъ, отъ этихъ неумолимыхъ видѣнiй. Она будетъ принадлежать ему одному, ему,—и никому больше!.. Она хороша собою,—ее не стыдно будетъ показать тамъ, въ Петербургѣ, она не испортитъ его карьеры. Криницынъ въ эту минуту нисколько не думалъ о вѣнцѣ и налоѣ—это просто не приходило ему въ голову. Онъ только думалъ теперь о томъ, какъ бы вырваться скорѣе отсюда, но вырваться не одному, а вмѣстѣ съ нею, помимо его воли овладѣвшею всѣми его помыслами.

— Да, это будетъ такъ! рѣшилъ онъ и сталъ вслушиваться.

Ему показалось, что впереди его ѣдетъ еще кто-то. Звукъ копытъ слышенъ ясно; этотъ звукъ приближается, но очень медленно. Должно быть всадникъ ѣдетъ въ ту же сторону, но тише, и Абрекъ его скоро нагонитъ.

Криницынъ подобралъ поводъ и прикрылъ рукою глаза. Звукъ копытъ слышался все яснѣе и яснѣе.

Странно, что Абрекъ идетъ совершенно покойно и не ржетъ! Онъ, обыкновенно, далеко чуетъ чужаго коня и рѣзко выражаетъ при этомъ признаки своего нетерпѣнiя, а теперь онъ идетъ ровно, даже ушами не поводитъ. Странно!

Еще минута и Криницынъ нагонитъ того, кто ѣдетъ впереди. Вотъ уже близко.

Впереди выступило неяснымъ контуромъ бѣловатое пятно. Это крупъ лошади, вонъ и короткiй хвостъ колышется... Да, точно, всадникъ туда ѣдетъ. Криницынъ хорошо теперь видитъ его широкую спину и узкiй, черный ремешокъ, съ лѣваго плеча на правое бедро... Ноги, въ тяжелыхъ сапогахъ, глубоко засунуты въ стремена, голова наклонена... Онъ дремлетъ, должно быть...

Павелъ Петровичъ опустилъ руку въ карманъ... и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Тамъ его рука коснулась чего-то такого, чего теперь быть не могло. Это былъ кастетъ, очень вѣскiй, отполированный; онъ состоялъ изъ четырехъ массивныхъ стальныхъ колецъ, спаянныхъ вмѣстѣ; противъ кольца, отвѣчающаго среднему пальцу, находился, выступающiй тупымъ шипомъ, массивный приливокъ. Ударъ такимъ кастетомъ, направленный въ голову сильною рукою, безусловно смертеленъ. Это оружiе усовершенствовано Наполеоновскими мушарами. Базиль-Пршендзiевскiй, одинъ изъ безчисленныхъ прiятелей Криницына, вывезъ его изъ Парижа, вмѣстѣ съ лѣвою перчаткою какой то опереточной знаменитости; перчатку онъ оставилъ у себя, а кастетъ подарилъ Павлу Петровичу. И этотъ кастетъ онъ, Павелъ Петровичъ, бросилъ, давно, *тогда* еще. Онъ бросилъ его въ рѣку, тамъ глубоко, очень глубоко; вѣдь это было мѣсто, подъ самымъ обрывомъ. Тяжелый кусокъ металла, глухо булькнулъ въ воду—и на сердцѣ Криницына отлегло, словно тяжесть кастета ощущалась у него не въ рукѣ, а въ сердцѣ.

Какимъ же образомъ этотъ кастетъ теперь снова въ его карманѣ?

Откуда опять, передъ его глазами, этотъ конскiй крупъ, эта широкая спина, этотъ сѣдой, наклоненный затылокъ.

Взмахнувъ вооруженной рукою, Криницынъ далъ варварскiй, безчеловѣчный ударъ шпоръ въ бока Абрека и ринулся впередъ.

Видѣнiе исчезло.

Только бѣдное, кровное животное, взвившееся на дыбы, застонало болѣзненно и осѣло на заднiя ноги, повинуясь судорожно затянутому поводу.

А рядомъ кто то стоитъ въ кустахъ, согнувшись въ три погибели, опершись на палку, и тихо смѣется. Косматая шапка даетъ на его лицѣ широкую тѣнь, а въ тѣни бѣлѣютъ только глаза, на вѣки лишенные силы и значенiя.

— Вотъ я и видѣлъ, шепчетъ старикъ.—Я тебѣ говорилъ уже, что видѣлъ все и знаю. Вотъ ты, теперь, и самъ убѣдился въ этомъ...

Опять смѣется страшный слѣпой нищiй. Не смѣхъ это,—это змѣя, потревоженная неожиданнымъ шумомъ, разворачиваетъ свои блестящiя кольца, подняла голову и быстро шевелитъ своимъ раздвоеннымъ язычкомъ...

Опять бѣшеный ударъ шпоръ, опять отчаянный скачокъ коня, и чудится Криницыну, что его Абрекъ мнетъ и топчетъ своими ногами стонущее, конвульсивно барахтающееся въ пыли тѣло. Безсмысленный страхъ овладѣлъ всѣмъ его существомъ и заразительно передался коню. Закусивъ удила, зажавъ злобно назадъ тонкiя уши, поджавъ хвостъ, Абрекъ круто повернулъ назадъ и понесся по знакомой дорогѣ.

А сзади, слѣдомъ, опираясь на палку, скачетъ раздавленный старикъ. Вотъ-вотъ нагонитъ,—нагналъ и вцѣпился въ крупъ коня, словно кошка впился въ него когтями. Поддалъ задомъ конь и сбилъ своего преслѣдователя, пуще прежняго понесся, съ розмаха ринулся въ воду и вынесъ своего всадника на ту сторону...

XXIX.

Солнце взошло. На дворѣ квартиры Павла Петровича собралась уже порядочная толпа народу...

— Ну, унесъ же его Господь! разводилъ руками отставной служивый, нынѣ рыбакъ, Голупчиковъ,—и понесла же его нелегкая, по ночамъ променажи дѣлать!.. Дня, вишь ты, для господъ мало!

— У насъ такъ вотъ, коло Перовскаго, тигра почтальона накрыла, только на третiй день кости отыскались оглоданныя, разсказывалъ мѣщанинъ, въ пуховомъ картузѣ, кутаясь въ старую солдатскую шинель, безъ погонъ и пуговицъ.

— Лошадь добра! замѣтилъ казакъ-уралецъ. Будь конь поплоше—не уйти, „поштрѣли его въ бороду!“

— А ты глядѣлъ какъ она его ободрала... задъ то почитай весь клочьяхъ,—эво какая лужа стоитъ!

— Хошь бы пескомъ присыпали. Доктора звали, что ли?

— Тамъ, уже часъ сидитъ, а на конюшню коновалъ пошелъ, антимону требоваетъ.

— Самъ что? Ему какъ попало?

— Самъ, сказываютъ, ничего, только напужамшись очень

— Испужаешься, тоже!

— Пришелъ Шелобовъ и прямо направился въ конюшню. Его ночное происшествiе заинтересовало съ этой, исключительной, стороны.

Подъ навѣсомъ, въ просторномъ денникѣ, стоялъ искалѣченный Абрекъ. Больное животное печально опустило голову и уныло, кротко смотрѣло на людей поблекшими, тусклыми глазами; окровавленный крупъ коня былъ уже обмытъ и прикрытъ мокрыми компресами, вывихнутая нога болѣзненно приподнята и чуть касалась подстилки концомъ копыта. Лошадь слегка вздрагивала и довѣрчиво отдалась на попеченiе бородатаго урядника-коновала, безцеремонно лазящаго у нея подъ ногами...

Криницынскій деньщикъ стоялъ съ ведромъ воды около.

— Открой-ка! приказалъ коновалу Василій Ивановичъ.

— Гм! сталъ онъ осматривать... Вишь ты! коготь слабый,—дуракъ, молодой, пошалилъ; отъ стараго не увернулся бы... Какого же это выводка?..

Подумалъ-подумалъ извѣстный тигровый охотникъ, хотѣлъ было зайти и къ Криницыну,—вѣдь тотъ, говорили, до сихъ поръ еще лежитъ безъ памяти,—да махнулъ рукою и вышелъ со двора, многозначительно переглянувшись съ Иваномъ Акимовичемъ, попавшимся ему въ воротахъ навстрѣчу.

Старикъ Глухаревъ тоже узналъ объ этомъ дѣлѣ и тоже зашелъ навѣдаться, энергично растолкавъ собравшуюся въ воротахъ толпу.

— Зайди потомъ ко мнѣ—поговорить надо! шепнулъ ему Шелобовъ.

— Зайду, сказалъ Иванъ Акимовичъ. Ты куда? востроносая! крикнулъ онъ на Анисью, замѣтивъ въ толпѣ ея лукавую физіономію. Пошла домой!.. Барышня еще не вставала?

— Почиваютъ!.. Я вотъ, Иванъ Акимычъ, только на минуточку... я сейчасъ!..

Въ комнатѣ у Павла Петровича сидѣлъ докторъ и полковникъ Огурчиковъ.

— Странно, мужчина не трусъ, а такія послѣдствія страха! недоумѣвалъ докторъ.

— А что? полюбопытствовалъ комендантъ.

— На столбнякъ будто похоже...

Павелъ Петровичъ, словно трупъ, вытянувшись навзничь, лежалъ на своей кровати. Глаза его были полуоткрыты и зрачки неподвижны. Намоченное холодною водою полотенце, тяжелымъ комомъ, давило ему лобъ.

Докторъ отошелъ къ окну и тщательно готовилъ маленькій шприцъ для подкожнаго вспрыскиванія. Онъ полагалъ, что необходимо ввести въ кровь больнаго что нибудь сильно возбуждающее.

— Семенъ Семеновичъ! окликнулъ коменданта Глухаревъ,—выйди-ко сюда, поговорить надо.

— Что еще такое? отозвался тотъ и подошелъ.

— Видишь ли, Глухаревъ сильно понизилъ голосъ. Тутъ дѣло нехорошимъ пахнетъ. Ты ничего не думаешь?

— А что?

— Зачѣмъ его понесло въ ночь и на то самое мѣсто?

— Развѣ на то?

— Ну, можетъ быть, поблизости гдѣ. Это все равно. Только, что такое по твоему означаютъ эти ночныя путешествія? Уже не въ первый разъ это за нимъ замѣчено.

— Гм... я и самъ уже что то неладное за нимъ замѣчаю. Давно замѣчаю... Мнѣ, вонъ, Ползунковъ докладывалъ, что у Миробайки онъ того... чортъ знаетъ чѣмъ занимается...

— Потягиваетъ!.. Потянешь въ его положеніи! Я бы тамъ пошарилъ хорошенько... Я вотъ хочу Шелобова тоже позвать, да знаешь, эдакъ, хорошенько кругомъ ощупать...

— Гдѣ? у Миробайки?

— Зачѣмъ у Миробайки? тамъ, по окрестности... Эхъ, сердце меня и тогда на правду настоящую наводило, а теперь вотъ опять... Знаешь, даже увѣренность какая то явилась... Заходи и ты ко мнѣ, хоть сегодня вечеркомъ, втроемъ съ Шелобовымъ потолкуемъ.

— Зайду!

Огурчиковъ подозрительно посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ Криницынъ.

— Не приставить ли часоваго? замѣтилъ онъ нерѣшительно.

— Ну, теперь еще рано! улыбнулся Иванъ Акимовичъ. Поспѣемъ!

Докторъ привелъ уже въ исполненіе свое намѣреніе вспрыснуть, прописалъ больному полную тишину и темноту; заставили окна снаружи войлочными ставнями, деньщику отданъ былъ приказъ не отлучаться ни на минуту и слѣдить за компресомъ, чтобы „отнюдь не просохъ", а все бы этакъ примачивать холодненькой. Всѣ вышли, и оставили, наконецъ, Павла Петровича въ покоѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Смотръ.

Историческій очеркъ **А. Эвальда.**

Императоръ Николай I имѣлъ обыкновеніе каждое лѣто проживать въ Петергофѣ, гдѣ былъ тогда лагерь военно-учебныхъ заведеній.

Отрядъ этого лагеря состоялъ изъ двухъ полковъ: школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, главное инженерное училище и пажескій корпусъ составляли первый батальонъ, а дворянскій полкъ—второй и третій батальоны перваго полка; первый, второй и павловскій кадетскіе корпуса составляли три батальона втораго полка. Кромѣ того кавалерія представлялась эскадрономъ кавалерійскаго училища гвардейскихъ юнкеровъ, артиллерія—батареею михайловскаго артиллерійскаго училища и, наконецъ, иррегулярная кавалерія дѣтьми кавказскихъ горцевъ, учившихся въ разныхъ корпусахъ, но которые на лагерное время собирались отдѣльно, въ одинъ взводъ.

Всѣмъ этимъ отрядомъ въ лагеряхъ командовалъ генералъ Сутговъ, директоръ школы подпрапорщиковъ. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, рыжеватый, щекотливо-самолюбивый, прекрасно говорившій по французски.

Въ инженерномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, Сутговъ не пользовался большимъ почетомъ, ибо даже и начальство наше отталкивало отъ него его неумѣнье держаться съ обществомъ офицеровъ. На общихъ отрядныхъ ученьяхъ, которыя онъ дѣлалъ, инженеры исполняли все безъ усердія, кое-какъ, иногда путали, и Сутговъ, естественно, выговаривалъ намъ за это и его ученья часто проходили въ выговорахъ и брани на инженеровъ.

Но насъ любили и понимали два человѣка, къ намъ близкихъ. Нашъ ротный командиръ, полковникъ Скалонъ, обладалъ замѣчательнымъ умѣньемъ держаться съ молодежью. Мы его любили и уважали какъ роднаго; онъ никогда и никого не оскорблялъ, ко всякому изъ насъ относился какъ къ родному сыну, понималъ наши слабости, умѣлъ отличить шалость отъ злонамѣренной выходки и во всѣхъ случаяхъ горячо отстаивалъ наши интересы. Это былъ не столько начальникъ, сколько другъ, и самый искренній, ввѣренной ему молодежи.

Точно также искренно и задушевно относился къ намъ и самъ Императоръ, вообще любившій дѣтей, и въ особенности внимательно относившійся къ намъ, такъ какъ инженерное училище было основано именно имъ, въ бытность еще великимъ княземъ. Это училище было его любимымъ дѣтищемъ, щегольнуть которымъ онъ не упускалъ случая.

Во время одного изъ лагерныхъ сборовъ, въ Петергофѣ былъ большой съѣздъ иностранцевъ, въ томъ числѣ двухъ (какихъ—теперь не помню) германскихъ принцевъ. Между прочими военными эволюціями, былъ назначенъ опытъ наводки нами, инженерами, понтоннаго моста. Дѣло это было чисто наше спеціальное и потому, казалось-бы, никакому другому начальству не слѣдовало бы и вмѣшиваться. Но Сутговъ затѣялъ каждый день учить насъ отдѣльно ружейнымъ пріемамъ и маршировкѣ. Мы своимъ неумѣніемъ выводили его изъ терпѣнія. И самъ Скалонъ почти вслухъ выражалъ свое неудовольствіе. Но Сутговъ суетился, горячился и только безполезно мучилъ насъ—отъ его ученій никакого толку не выходило. Накануне смотра его ученье вышло невозможно хуже обыкновеннаго. Разсерженный Сутговъ приказалъ Скалону, въ наказанье намъ, сдѣлать ученье и вечеромъ, какъ тотъ ни представлялъ что передъ смотромъ необходимо воспитанникамъ отдохнуть.

Полковникъ Скалонъ выѣхавъ на это ученье, собралъ насъ около своего коня.

— Что-жъ, сказалъ онъ; господа,—ученье!

— Да не надо, полковникъ, говорили мы.

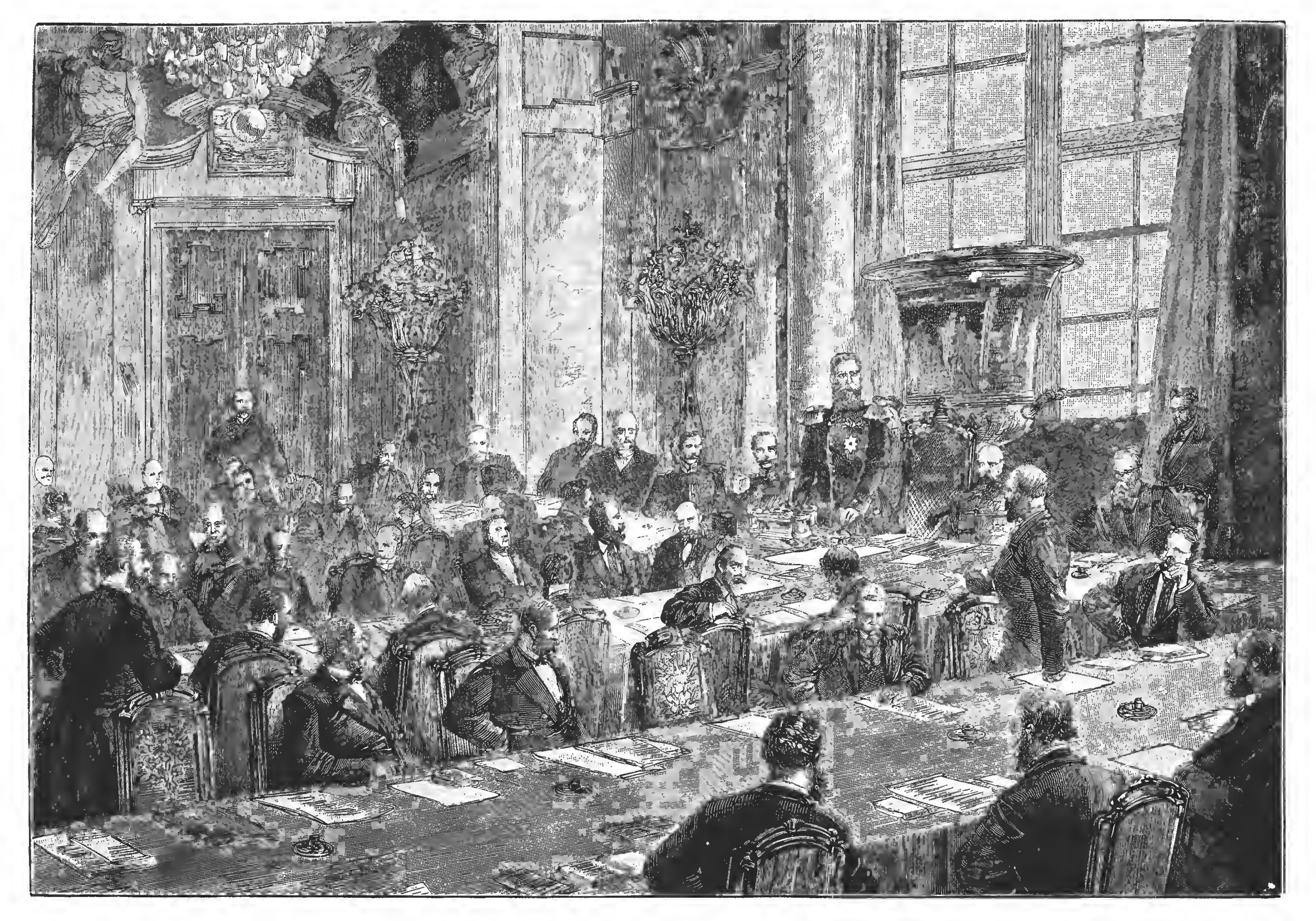
— А завтра, на царскомъ смотру...

— Да ужъ будьте покойны, полковникъ!..

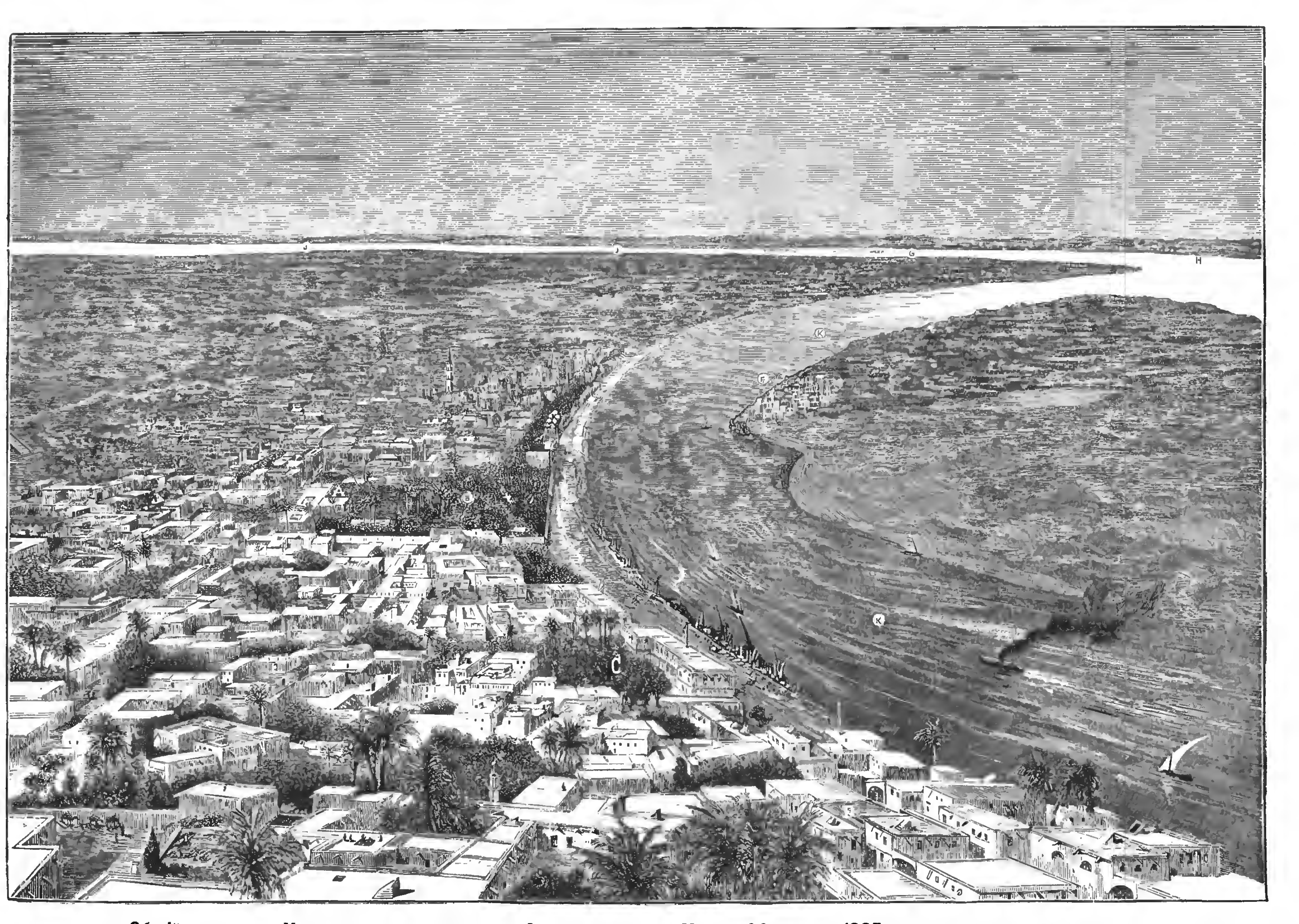
— Ну-ну, хорошо, вѣрю, вѣрю... сказалъ онъ. Сдѣлаемъ только для примѣра два-три пріема.

Онъ скомандовалъ, мы дѣлали пріемы чисто и, удовольствовавшись этимъ, Скалонъ уѣхалъ въ свою палатку, и насъ распустилъ.

О нашихъ столкновеніяхъ съ Сутговымъ зналъ даже самъ Государь. Сторожъ на Ольгиномъ островѣ, гдѣ была башня съ



Засѣданіе Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ. По рис. Людерса грав. Флюгель.



Общій видъ гор. Хартума, главнаго города Судана, взятаго Махди 26 января 1885 г. По рис. Gr. грав. М. Рашевскій.

A) Домъ австрійскаго миссіонерскаго общества. B) Садъ мисс. общества. C) Дворецъ (бывшая квартира Гордона). D) Зданіе правительственныхъ учрежденій. E) Бараки. G) Омдурманъ. H) Укрѣпленный лагерь на Омдурманѣ. JJ) Бѣлый Нилъ. KK) Голубой Нилъ.

зрительной трубой, разсказывалъ, что Государь придетъ иногда туда посмотрѣть въ трубу какъ учатся кадеты безъ него, подъ командою Сутгова, и все время ворчитъ вслухъ на инженеровъ.

— Этакіе школьники, этакіе шалуны... Вотъ постойте, я васъ подтяну на смотру!

Но на царскихъ смотрахъ Государю не приходилось подтягивать. Мы никогда не заслуживали ни одного замѣчанія отъ него, не только что серьознаго выговора.

— Хорошо, инженеры! Спасибо, инженеры! Благодарю, Скалонъ! раздавалось громко и часто изъ устъ Государя на всѣхъ его смотрахъ.

Въ день смотра мы выстроились въ парадной формѣ фронтомъ къ рѣчкѣ, протекавшей на лѣвомъ флангѣ лагеря. Фуры съ понтонами стояли уже на мѣстѣ. Начала съѣзжаться свита Государя, среди которой была масса иностранцевъ въ самыхъ разнообразныхъ мундирахъ, съ любопытствомъ разсматривавшихъ насъ, дѣтей.

Сутговъ и тутъ вздумалъ равнять фронтъ. Вставъ на правый флангъ, онъ кричалъ оттуда:

— Третій въ первой шеренгѣ, грудь назадъ!

Третій попятится такъ, что образуетъ впадину.

— Много, много! Подайтесь впередъ! Пятый во второй шеренгѣ—штыкъ впередъ!

Штыкъ вылѣзетъ на поларшина болѣе чѣмъ нужно.

— Да что это вы, господа инженеры, вы понятія не имѣете о службѣ! Полковникъ Скалонъ! Какую роту вы вывели на смотръ? Равненія даже не знаютъ.

Скалонъ только молча отходилъ въ сторону. Сутговъ направился къ свитѣ и началъ что-то горячо разсказывать одному изъ иностранцевъ, показывая на насъ. Вѣроятно онъ обрисовывалъ насъ какими нибудь баши-бузуками. Поговоритъ тамъ немного и опять къ фронту.

— Такой-то съ лѣваго фланга—голову впередъ! Такой-то въ задней шеренгѣ—лѣвое плечо назадъ!

Покричитъ, покричитъ и опять къ иностранцамъ, а отъ нихъ опять къ намъ и такъ безъ конца. Видя, наконецъ, что съ нами сладу нѣтъ, онъ обратился къ Скалону.

— Я удивляюсь, полковникъ, вашему спокойствію! Посмотрите, что это за равненіе. Пропадете вы сегодня съ вашею ротою!

Скалонъ нахмурился и пошелъ вдоль фронта.

— Зачѣмъ вы шалите, господа, говорилъ онъ. Не хорошо. Будьте внимательнѣе. Вы мнѣ дѣлаете непріятности!

Мы подобрались.

Наконецъ махальный крикнулъ вполголоса:

— Государь! Государь!

Свита зашевелилась, всѣ начали оправляться. Скалонъ вышелъ передъ фронтомъ и скомандовалъ: смирно!

Моментально мы замерли, такъ что ни одинъ волосокъ на султанахъ не шевелился.

— Равненіе направо! продолжалъ командовать Скалонъ.

Мы выровнялись какъ по струнѣ.

— На пле—чо!

Ружья звякнули два раза и образовали своими дулами и штыками стальную стѣну, плотную и гладкую какъ зеркало. Въ эту минуту показался вороной рысакъ. Государь ѣхалъ на дрожкахъ и въ шинели. Еще сходя съ экипажа и сбрасывая шинель, онъ крикнулъ:

— Молодцы-инженеры!

— Рады стараться, Ваше Императорское Величество! громко и отчетливо пронесся въ воздухѣ отвѣтъ ста двадцати молодыхъ голосовъ.

— На кра—улъ! скомандовалъ Скалонъ.

Ружья снова звякнули два раза какъ одно: никакое ухо не замѣтило бы малѣйшей неровности въ этихъ звукахъ. Государь раскланялся съ иностранными гостями и подходя къ намъ снова крикнулъ:

— Хорошо, инженеры!

Скалонъ подошелъ съ рапортомъ. Принимая рапортъ, Государь положилъ руку на плечо Скалону. Это всегда было знакомъ особой милости. Затѣмъ Государь прошелъ по фронту, внимательно насъ осмотрѣлъ и ставши потомъ впереди, самъ прокомандовалъ своимъ звучнымъ, прекраснымъ голосомъ нѣсколько ружейныхъ пріемовъ. Исполненіе было безукоризненно, и послѣ каждаго пріема мы только и слышали:

— Хорошо, инженеры; спасибо, инженеры!

Торжество наше и Скалона было полное. Отъ многихъ изъ насъ не укрылось, что Сутговъ, пожимая плечами и размахивая руками, что-то горячо толковалъ нѣкоторымъ иностранцамъ, которые не безъ лукавства улыбались, слушая его объясненія. Любопытно было бы знать, что онъ говорилъ?

— Ружья со—ставь! скомандовалъ Государь.

Это было знакомъ, что надо было готовиться къ наводкѣ моста. Составивъ ружья въ козлы, мы сняли каски, тесаки, лядунки, мундиры и надѣли полотняныя рубахи, а на головы—фуражки. Пока мы переодѣвались, Государь объяснялъ по французски иностранцамъ, что вчера онъ смотрѣлъ наводку моста гвардейскимъ конно-піонернымъ дивизіонамъ, и что этотъ мостъ былъ наведенъ въ двадцать одну минуту.

— Ну, а вы, дѣти, во сколько минутъ наведете? обратился онъ къ намъ.

— Постараемся поскорѣе, Ваше Величество, отвѣтили молодые голоса.

— То-то же, не ударьте въ грязь лицемъ.

По командѣ Скалона мы подошли къ фурамъ съ понтонами, по другой—начали работу. Вмигъ принадлежности моста были сняты съ фуръ; одни изъ насъ составляли каркасы понтоновъ, и обтягивали ихъ просмоленой парусиной, другіе тащили къ берегу лежни, щиты и доски для настилки. Когда понтоны были готовы и спущены на воду, въ нихъ, на каждый конецъ, сѣли унтеръ-офицеры и поплыли выстраиваться въ линію, поперегъ рѣки. По мѣрѣ входа понтоновъ въ линію моста, на нихъ надвигались лежни и тотчасъ же покрывались щитами и досками. Затѣмъ вставлены были перила.

Иностранцы, съ часами въ рукахъ, внимательно слѣдили за нашей работой. Во время наводки Государь нѣсколько разъ благодарилъ насъ.

— Семнадцать минутъ! сказалъ кто-то громко, когда мы окончили. Государь просіялъ.

— Каково! сказалъ онъ. На четыре минуты скорѣе конно-піонеровъ! Спасибо, дѣти! крикнулъ онъ намъ. Спасибо, Скалонъ! Благодарю, господа офицеры!

— Рады стараться, Ваше Величество! пронеслось вдоль всего моста.

Государь пошелъ черезъ мостъ, сопровождаемый своей блестящей свитой. Выйдя на другой берегъ, онъ приказалъ провести по мосту батальонъ кадетъ и батарею артиллерійскаго училища. Пѣхота прошла густою колонною благополучно. Но при переходѣ батареи, случилось приключеніе, чуть было не окончившееся несчастьемъ. Одна изъ лошадей чего то испугалась, бросилась въ сторону и ступивъ на край настилки провалилась въ понтонъ, увлекши свою парную. Прорванный понтонъ мгновенно погрузился въ воду и унтеръ-офицеры, сидѣвшіе на его концахъ, едва не потонули и, одинъ Богъ знаетъ, какъ не были раздавлены лошадьми. Они выплыли на берегъ, а мы, стоявшіе на берегу, не ожидая приказаній, бросились кто на мостъ, исправлять поврежденія его, кто въ воду—ловить лошадей и догонять уносимыя теченіемъ деревянныя принадлежности моста. Замѣтивъ катастрофу, Государь тотчасъ же самъ пошелъ по мосту къ мѣсту провала. Увидя его быстро подходившимъ, инженеры догадались схватить запасныя доски и устроили изъ нихъ переходъ чрезъ мѣсто провала, такъ что Государю не пришлось ждать ни секунды перейти на тотъ берегъ. Смѣлость, находчивость и быстрота, съ которой все это было сдѣлано—видимо доставили Государю большое удовольствіе.

— Благодарю, дѣти, благодарю! говорилъ онъ, смѣло переходя по доскамъ чрезъ провалъ.

Иностранная свита, слѣдовавшая сзади, усумнилась однако послѣдовать примѣру Государя. Вода, бурлившая въ провалѣ и шатавшіяся переходныя доски, хотя и придерживаемыя руками стоявшихъ по горло въ водѣ кадетъ, наводили иностранцевъ на сомнѣнія въ прочности перехода. Они остановились и передніе съ чрезвычайно комичною осторожностью ощупывали носками сапогъ колебавшіяся доски. Государь былъ уже на берегу и когда замѣтилъ, обернувшись, затрудненіе храбрыхъ гостей, то слегка засмѣялся и махая имъ рукою, сказалъ:

— Plus vite, messieurs, plus vite!

Медлить было нельзя и украшенные перьями всѣхъ цвѣтовъ иностранцы, перепрыгивая съ ноги на ногу и балансируя руками, кое-какъ начали перебираться. Картина была очень интересная. За иностранцами перешли и русскіе офицеры свиты.

Затѣмъ мы должны были исправить поврежденіе моста, чтобъ переправить пѣхоту и артиллерію обратно на этотъ берегъ, и когда они перешли, то мы развели мостъ и сложили его опять на фуры, работая все время въ водѣ по горло. Государь очень цѣнилъ поведеніе людей при подобныхъ приключеніяхъ на смотрахъ, такъ какъ они давали возможность войскамъ выказать находчивость, ловкость и рѣшительность. Въ настоящемъ случаѣ инженеры выказались самымъ лучшимъ образомъ и такъ какъ все это произошло въ присутствіи цѣлой толпы иностранцевъ, военныхъ агентовъ и пр., то Императоръ сердечно благодарилъ насъ, нашихъ офицеровъ и Скалона.

— Спасибо инженеры, нѣсколько разъ повторялъ онъ, спасибо дѣти; благодарю васъ, гг. офицеры; спасибо, Скалонъ!

Подозвавъ Сутгова, Государь долго говорилъ ему что-то. Благодарилъ-ли онъ на радостяхъ и его, или дѣлалъ какія нибудь замѣчанія—за дальностію разстоянія мы не могли слышать. Видѣли мы только, что Сутговъ, держа руку подъ козырекъ, все время почтительно кланялся.

Когда Государю подали дрожки, то мы—какъ всегда водилось,—подхватили и накинули ему на плеча шинель и подсадили въ экипажъ, хотя онъ въ этомъ вовсе не нуждался, но любилъ дозволять намъ этимъ выказывать ему нашу внимательность и любовь. Затѣмъ мы еще долго бѣжали около дрожекъ, придерживаясь кто за оглоблю, кто за крыло, пока Государь не сказалъ:

— Ну, дѣти, довольно, во фронтъ и домой! Спасибо еще разъ, до свиданья!

Тѣ изъ насъ, которые выкупались въ рѣкѣ, не переодѣвались въ мундиры и мокрые вернулись въ лагерь. Скалонъ, заранѣе увѣренный въ успѣхѣ смотра, распорядился приготовить намъ обѣдъ получше, а вечеромъ разрѣшено было Государемъ желающимъ изъ насъ идти гулять въ Александрію.

Суттовъ, въ это лѣто умиротворенный успѣхомъ, болѣе не придирался къ намъ; сквозь пальцы смотрѣлъ какъ бы ни вели себя во фронтѣ. Впрочемъ и мы сами, одержавъ надъ нимъ, такъ сказать, побѣду, уже не позволяли себѣ неисправностей— и миръ водворился между нами.

Тайна природы.

Очеркъ.

Какъ извѣстно, въ центрѣ нашей земли съ самаго начала ея образованія горитъ таинственный огонь, дымъ котораго поднимается изъ многочисленныхъ кратеровъ разныхъ странъ и который даетъ такъ много горячихъ источниковъ. Эти страшныя струи пламени можно считать вѣрными стражами центра земли; онѣ до такой степени затрудняютъ дорогу проникающему въ глубь человѣку, что напр. въ нѣкоторыхъ золотыхъ рудникахъ Южной Америки рабочимъ постоянно долженъ быть доставляемъ свѣжій воздухъ, иначе они погибли бы отъ жары. Подземный огонь возвѣщаетъ о себѣ вулканическими изверженіями и быть можетъ назначеніе его состоитъ не единственно въ сообщеніи землѣ внутренней теплоты, необходимой для ея произрастанія, но онъ ведетъ также нашу старую планету къ послѣднимъ, неминуемымъ событіямъ. На основаніи опредѣленій древнихъ ученыхъ, подтвержденныхъ послѣдующими и новѣйшими изслѣдованіями, земля первоначально была огненно-жидкой массой, наружная оболочка которой постепенно охлаждалась, пока на ней не появилась растительность, пока на отвердѣвшей поверхности не показались живыя существа. Очень возможно, что нѣкогда сгоритъ весь горючій матеріалъ и наступитъ время, когда земля не будетъ давать растеній и питать живущихъ на ней. Это остается тайною силъ природы. Таинственный огонь горитъ; но какъ онъ поддерживается, наука объяснить безсильна.

Хотя горячіе источники и вулканы существуютъ во всѣхъ поясахъ, однако есть одинъ пунктъ земли, гдѣ скрытый огонь непосредственно появляется на поверхности въ необыкновенномъ количествѣ. Вблизи Гунонгъ-Уангъ на островѣ Явѣ находится „Мертвая долина", воронкообразная, въ триста футовъ глубины пропасть, называемая туземцами „Руа-Унасъ", необыкновенно опасное мѣсто, которое можетъ быть посѣщаемо только съ большою осторожностію, такъ какъ газы, поднимающіеся изъ нея, въ большинствѣ случаевъ лишаютъ чувствъ приближающагося къ ней, и при долгомъ дѣйствіи, безусловно причиняютъ смерть. Тутъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднимаются вулканическіе холмы, изъ которыхъ выходитъ не огонь или горячая вода, но тягучій, кипящій илъ. Въ другихъ пунктахъ образовались сѣрнокислыя озера; самыми величественными считаются Моро-Ани, или „Вѣчные огни"—Гунонгъ-Моро. Это дикая, романтичная гористая мѣстность на сѣверной сторонѣ острова, съ высокими острыми скалами, глубокими долинами и разсѣченными склонами. До самой низменности надвигаются ея холмы со скрытыми, ведущими внутрь дорожками, отѣненными высокими тропическими деревьями, кругомъ протекаютъ серебристые горные ручейки, которые въ сырое время года соединяются въ сплошную массу и превращаютъ низменность въ чудное голубое море.

Путешественнику, пришедшему сюда вечеромъ, представится поразительно чудное зрѣлище. Изъ всѣхъ разщелинъ скалъ, изъ глубокихъ пропастей и на самыхъ высокихъ вершинахъ поднимаются разноцвѣтные огоньки, то совершенно маленькіе, то достигающіе 10 футовъ вышины. Надъ водою и возлѣ нея, они то двигаются, то появляются рядами; всѣ они неугасаемы, всѣ они вѣчны. Они горятъ даже во время сильнаго дождя и даже тогда, если мѣсто, откуда они выходятъ, совершенно насытится сыростью во время бурь и непогодъ. Изъ земли постоянно выходитъ газъ, который, коснувшись воздуха, воспламеняется и поднимается высоко. Видъ такого огненнаго столба въ тихую погоду поистинѣ величественъ. Листья дубовъ и тамаринда нѣжно шепчутся при легкомъ вѣтеркѣ, цвѣтущія орхидеи и другія ползучія растенія оплетаютъ стволы, маленькіе ручейки орошаютъ покрытыя мхомъ скалы, а у подножія послѣдняго уступа начинается наводненіе. Среди всего этого горятъ многочисленные и пестрые языки пламени, подобно демоническимъ стражамъ, подобно толпѣ привидѣній, начинающихъ свою ночную пляску, которыя до нѣкоторой степени скрываются изъ вида только тогда, когда тропическое солнце проявляетъ всю силу своихъ лучей.

Другой видъ принимаетъ картина, когда разыграется буря и орканъ потрясаетъ вершину первобытнаго лѣса. Чѣмъ темнѣе становится въ воздухѣ, тѣмъ ярче становятся фіолетовые и красные огни надъ разъяренной водою, надъ пропастями и крутыми скалами, надъ поникшими головами испуганныхъ животныхъ, захваченныхъ пламенемъ въ ихъ отдаленнѣйшихъ логовищахъ. Напрасно преслѣдуемое бурею животное ищетъ спасенія подъ скалами и вѣтвями деревьевъ; оно дѣлается жертвою огня. Власть его непреодолима. И можетъ ли спастись животное, когда громадныя скалы не въ состояніи устоять и, охватываемыя постоянно новыми огненными языками, распадаются на части. Свирѣпое пламя все растетъ и удлиняется, прыгая и качаясь. Буря все усиливается, пока наконецъ между сѣрыми скалами, подъ деревьями и среди льянъ не образуется сплошная боевая линія, пока наконецъ подвижные огни, сражаясь на смерть, дико набѣгая, усиливаемые новымъ притокомъ пламени, подобно бѣшеннымъ демонамъ, не уступающимъ ни предъ какою силою, противостоящимъ каждому нападенію, завладѣютъ всею мѣстностью. Это своеобразное, такъ мало гармонирующее, обыкновенно совмѣстное нахожденіе огня и воды болѣе чѣмъ поразительно. Горящій воздухъ носится по мокрой стихіи, которая не въ состояніи отрѣзать путь постоянно прибывающему газу. Иногда два, три огненные языка сплетаются вмѣстѣ, выходя изъ высоты разщелины. Затѣмъ фантастически изгибаясь, то образуя узелъ, то снова разрываясь, то соединясь въ чудной формы звѣзду, они гонятся далѣе по волѣ вѣтра.

Такова именно мѣстность Моро-Ани на Явѣ, въ ея грандіозной, вѣчной красотѣ, безъ сомнѣнія одна изъ любопытнѣйшихъ тайнъ земнаго шара.

Къ рисункамъ.

На праздникѣ въ гостяхъ былъ.

(Рис. на стр. 204).

Только что подъѣхалъ хозяинъ къ своей избѣ на парѣ въ розвальняхъ, какъ на встрѣчу ему за ворота высыпали всѣ его домашніе, здороваясь, разспрашивая подробности праздника и сколько было гостей и хорошо ли было угощеніе. Хозяинъ, нѣсколько еще отуманенный „угощеніемъ", не совсѣмъ ясно удовлетворяетъ общее любопытство и пуще всего ему хочется скорѣй домой, на печь, отдохнуть отъ длиннаго пути и паровъ, которые еще бродятъ въ головѣ. И во снѣ онъ все будетъ бормотать, продолжая начатые за чаркой въ гостяхъ разговоры, и передъ нимъ все еще будутъ мелькать сцены веселой пирушки и пріятной гостьбы со встрѣчею праздника.

Московскій Благовѣщенскій Соборъ.

(Рис. на стр. 205).

Въ числѣ древнихъ святынь Московскаго Кремля, каждому русскому извѣстенъ великолѣпный Благовѣщенскій соборъ. При Великокняжескомъ дворцѣ возведена была церковь Благовѣщенія, сооруженіе коей по лѣтописи относится къ 1397 г., при вел. кн. Василіѣ Дмитріевичѣ. Цари наши не переставали заботиться объ расширеніи и благолѣпіи храма, который вслѣдствіе пожаровъ и разграбленія поляками потерпѣлъ много. При Петрѣ I въ 1697 году возстановлено стѣнное письмо съ удержаніемъ прежняго характера. Въ пожаръ 1737 года пострадалъ соборъ много, также какъ и въ 1812 г., когда святилище это французами было ограблено и поругано. Послѣ изгнанія непріятеля все было возстановлено и соборъ торжественно освященъ въ 1813 году.

Дворцовый соборъ этотъ, переживающій уже пятое столѣтіе, отличается отъ всѣхъ Кремлевскихъ своимъ зодчествомъ, весьма оригинальнымъ, которое носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго стиля. Во внутренности соборъ довольно тѣсенъ (10½ арш. отъ царскихъ дверей до западныхъ и ширины 15 арш.). Передъ входомъ во внутрь храма останавливаетъ на себѣ вниманіе его притворъ или ходовая паперть. На столпообразныхъ его простѣнкахъ извнѣ изображены первенствующіе державцы Москвы въ вѣнцахъ святыхъ: благовѣрные князья Даніилъ и сынъ его Іоаннъ Калита. Изнутри арка входа изображена на прекрасной картинѣ Н. Е. Маковскаго, копію съ которой на доскѣ дѣлалъ самъ авторъ. Чрезвычайно удачно передана массивная и оригинальная красота входа. Надъ аркою входа написанъ ликъ Нерукотвореннаго Спаса, окруженный двумя ангелами и четырьмя Московскими Святителями, а на западной стѣнѣ образъ поясной Спасителя. Внутренность храма раздѣляется четырьмя столпами на двѣ половины такъ, что середина между ними остается открытою. Помостъ или полъ состоитъ изъ квадратныхъ и прямоугольныхъ кусковъ агатовой яшмы, весьма разнообразной и красивой по подбору цвѣтовъ. Къ правому столпу приставлено Царское мѣсто съ шатромъ, деревянное, рѣзное, съ мѣдными вверху яблоками и орлами; шатеръ осѣненъ также двуглавымъ орломъ. Богатства собора

были огромны, ему принадлежали большія вотчины, которыя отошли съ учрежденіемъ штатовъ. Въ ризницѣ находится много важныхъ и любопытныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ.

Въ соборѣ этомъ русскіе Государи крещаемы были, говѣли и бракосочетались; и донынѣ, послѣ своего коронованія въ Москвѣ, Государи шествуютъ на поклоненіе въ древній храмъ Благовѣщенія.

Этюдъ.

(Рис. на стр. 209).

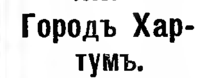
Наше собраніе красивыхъ женскихъ головокъ, помѣщенныхъ въ „Нивѣ", мы увеличиваемъ еще этимъ рисункомъ Трентина, имѣя въ виду особенно прекрасное выполненіе гравюры. Выраженіе нѣжнаго лица передано очень хорошо и живо и этюдъ этотъ можетъ по праву занять мѣсто въ любомъ роскошномъ альбомѣ съ собраніемъ такихъ рисунковъ.

Засѣданіе Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ.

(Рис. на стр. 212).

Нѣсколько времени тому назадъ вновь открыты засѣданія Германскаго государственнаго совѣта, давно уже не возобновлявшіяся съ открытія рейхстага. Сперва предполагали, что новый государственный совѣтъ предназначенъ быть какъ бы противовѣсомъ рейхстага и повредитъ ходу дѣлъ германскаго парламента. Но такое мнѣніе оказалось неосновательно. Наслѣдный принцъ выразилъ самъ готовность принять предсѣдательство въ ново-организованномъ Совѣтѣ Имя наслѣднаго принца Германской Имперіи окружено такимъ ореоломъ общаго уваженія и любви, что выраженная имъ готовность успокоила самыя ревнивыя недоумѣнія. Всѣ убѣжденія, что еслибы вновь образованный государственный совѣтъ могъ повести своимъ возстановленіемъ ограниченіе какихъ либо существующихъ правъ, то кронпринцъ никогда бы не принялъ въ немъ предсѣдательства. Пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ то спокойное время собиранія и подготовленія, выросшій въ старыхъ, добрыхъ и твердыхъ традиціяхъ, будучи ближе связанъ со страною, служилый классъ могъ доставить для государственнаго совѣта нужный персоналъ; но дѣло нѣсколько иначе стоитъ теперь, послѣ столькихъ историческихъ событій въ Германіи. Князь Бисмаркъ былъ призванъ указать императору на людей достойныхъ призванія въ совѣтъ; въ совѣтѣ участвуютъ лица всѣхъ сословій и состояній, лишь бы они не принадлежали къ прямо оппозиціоннымъ партіямъ. Собраны для этого совѣта лучшія силы страны. Канцлеръ озабочивался, чтобы по всѣмъ вопросамъ, которые только могутъ обсуждаться въ совѣтѣ, имѣлись бы авторитетные представители. Уже одно перечисленіе именъ лицъ, засѣдающихъ въ совѣтѣ можетъ лучше всего доказать ихъ всестороннія компетенціи. Тутъ есть представители городовъ, торговли и промышленности, внѣшней политики, евангелической и католической церкви, финансовъ, флота, лѣсоводства, права, почтъ, просвѣщенія, сельскаго хозяйства, военнаго дѣла и пр. Понятно, не легко предсѣдательствовать въ такомъ собраніи, вполнѣ овладѣвать поставленными вопросами и проводить ихъ твердо, осторожно и безпристрастно. Это при вступленіи въ свои новыя обязанности заявилъ въ своей рѣчи кронпринцъ. Заступающій мѣсто предсѣдателя, въ случаѣ отсутствія кронпринца,— князь Бисмаркъ; въ качествѣ секретаря совѣта назначенъ д-ръ Меллеръ, товарищъ секретаря министерства торговли и промышленности. Первыя, осеннія засѣданія совѣта уже происходили въ Елисаветинской залѣ королевскаго дворца, во второмъ этажѣ, выходящей окнами на Шпрее. Прекрасный рисунокъ, помѣщенный на стр. 212, вводитъ насъ прямо въ залъ совѣта; между принцами Вильгельмомъ и Фридрихомъ-Карломъ помѣщается кронпринцъ, а далѣе налѣво, характерная фигура знаменитаго императорскаго канцлера.

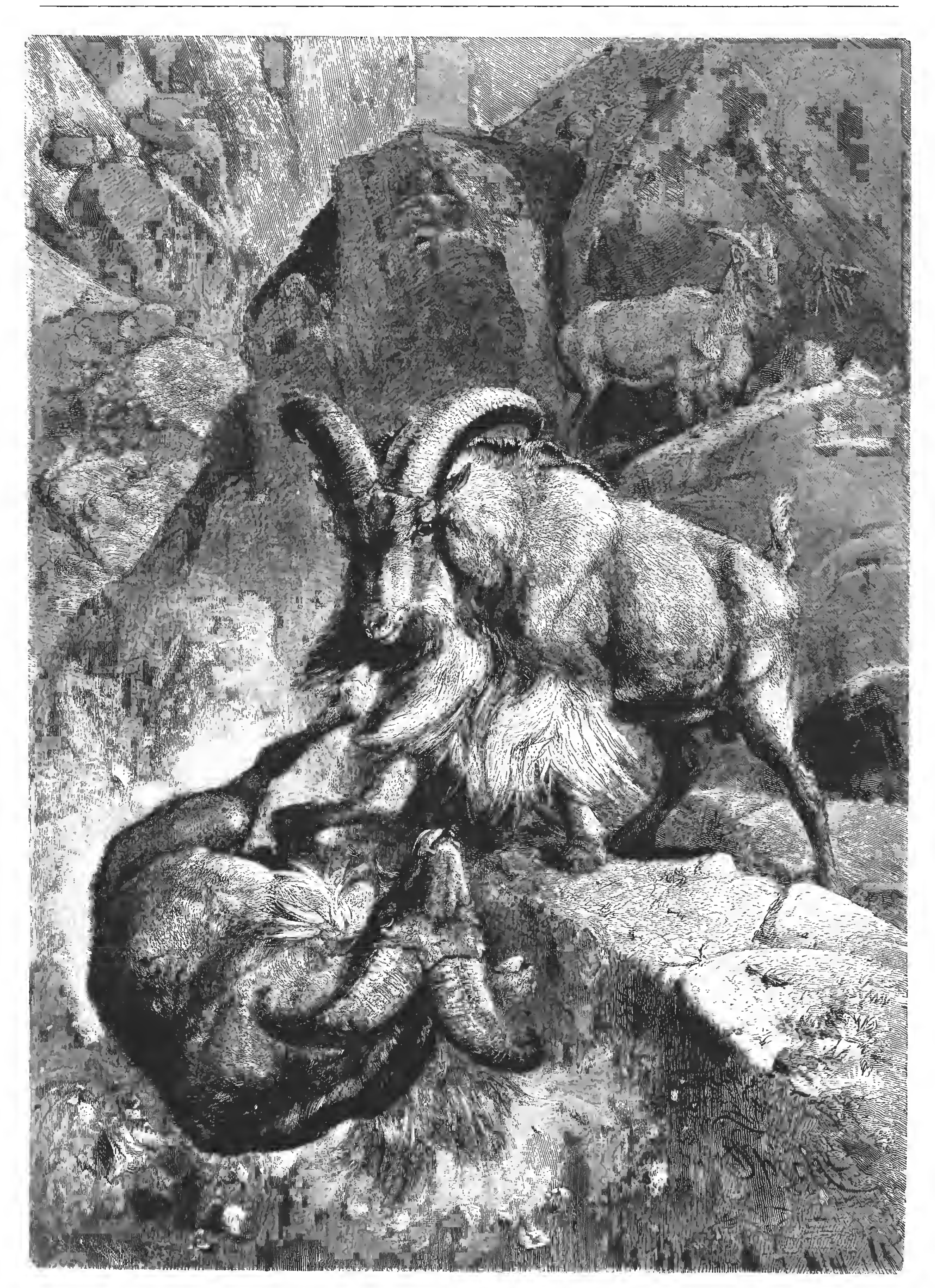
Проэктъ А. М. Опекушина памятника М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ. По фот. грав. М. Рашевскій.



Городъ Хартумъ.

(Рис. на стр. 213).

Хартумъ, который, благодаря отважной защитѣ Гордона, почти цѣлый годъ удерживалъ у своихъ стѣнъ натискъ полчищъ Махди и привлекалъ къ себѣ вниманіе всей Европы, до осады пользовался лишь неособенно лестной извѣстностью—главнаго пункта для торговли невольниками. Хартумъ расположенъ при соединеніи Баръ-эль-Азрака, Голубаго Нила и Баръ-эль-Абіада, Бѣлаго Нила. Главнымъ образомъ онъ занимаетъ лѣвый берегъ Голубаго Нила, въ разстояніи двухъ миль отъ соединенія обѣихъ рѣкъ и противуположнаго о-ва Тути, по прибытіи на который полковникъ Вильсонъ впервые убѣдился, что Хартумъ уже въ рукахъ непріятеля. Дворецъ губернатора, гдѣ жилъ Гордонъ во время осады, выходитъ фасадомъ на рѣку и изъ него прямо съ набережной можно было легко сообщаться съ рѣчными пароходами. Кромѣ того, съ крыши этого зданія Гордонъ могъ легко слѣдить за движеніями непріятеля, такъ какъ отсюда открывается обширный видъ на всѣ окрестности. Хартумъ былъ всегда центромъ суданской торговли и конечнымъ пунктомъ всѣхъ караванныхъ дорогъ. Слоновая кость, черное дерево и страусовыя перья съ юга обыкновенно посылаются



Поединокъ дикихъ африканскихъ горныхъ барановъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

черезъ пустыню въ Короско, а оттуда, внизъ по Нилу, въ Каиръ. Населенiе Хартума, въ эпоху его мирнаго процвѣтанiя, простиралось до 40000, но во время осады это число жителей уменьшилось до 10000. Элементъ населенiя Хартума всегда былъ самый разнообразный: турки, евреи, греки, египтяне, нубiйцы, абиссинцы, негры и небольшое число итальянцевъ, которые главнымъ образомъ занимались торговлей крѣпкими напитками и съѣстными припасами.

Внѣшнiй видъ Хартума не особенно привлекателенъ. Со стороны Бѣлаго Нила онъ представляетъ массу плоскихъ, сѣрыхъ домовъ, надъ которыми возвышается лишь одинъ минаретъ; все переднее пространство занято безплодной, песчаной равниной, на которой не видно ни деревца, ни кусточка. Въ городъ входятъ по длинной, узкой улицѣ, идущей отъ востока къ западу и оканчивающейся рынкомъ. Эта улица очень неровна и съ обѣихъ сторонъ обстроена глиняными домами, у которыхъ на улицу выходятъ лишь однѣ двери. Въ другихъ частяхъ города тоже нѣтъ и слѣда правильной распланировки зданiй; дома скучены всякой величины и всякой формы, а улицы—настоящiе лабиринты. Здѣсь и тамъ встрѣчаются открытыя пространства, занятыя садами и даже посѣвами. Въ дождливое время Хартумъ очень нездоровая мѣстность, такъ какъ во многихъ частяхъ города образуются тогда болота и обширные водоемы стоячей, гнiющей воды. Улица, ведущая къ базару, считается лучшей въ городѣ; на ней стоитъ домъ губернатора и много обширныхъ построекъ, принадлежащихъ туркамъ, коптамъ и арабамъ. Всѣ другiе домики самаго мизернаго вида, сложенные изъ глины, высушенной на солнцѣ. На базарной площади возвышается мечеть, выстроенная изъ кирпича, и тутъ же около торга разбросаны кофейни и лавочки съ крѣпкими напитками. Кромѣ того въ городѣ существуетъ коптская и римско-католическая часовня, католическая школа, больница, тюрьма и бараки для солдатъ.

Чтобы очистить Суданъ отъ мятежниковъ, Гордонъ простился съ Лондономъ 18-го января 1884 года и прибылъ въ Хартумъ 18-го февраля. Въ мартѣ, послѣ жестокаго сраженiя, въ которомъ войско Гордона было разбито, благодаря измѣнѣ нашей, началось обложенiе города силами Махди, и съ этого времени борьба не прекращалась до самаго паденiя Хартума, 26-го января. Мятежники терпѣли постоянныя пораженiя, но все-таки положенiе осажденныхъ становилось критическимъ; силы Махди все росли болѣе и болѣе, и кромѣ того Хартуму было прекращено всякое сообщенiе съ остальнымъ мiромъ, такъ что Гордонъ остался наконецъ совершенно одинокимъ, лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ и беспощаднымъ врагомъ. Обѣ стороны дѣйствовали энергически. Арабы построили батареи на берегахъ рѣки и бомбардировали городъ, а Гордонъ отвѣчалъ на нихъ огонь со своихъ броненосныхъ пароходовъ и съ парусныхъ судовъ. Онъ окружилъ городъ торпедами и минами, и когда половина жителей выселилась изъ города, то онъ разрушилъ пустые кварталы и устроилъ въ нихъ грозныя земляныя укрѣпленiя. Порохъ онъ готовилъ собственными средствами, и владѣя одиннадцатью пароходами, часто совершалъ поѣздки внизъ и вверхъ по рѣкѣ для добыванiя съѣстныхъ припасовъ. Гордонъ могъ лишь одного бояться измѣны своихъ ближайшихъ сотрудниковъ-туземцевъ, и эта измѣна дѣйствительно была причиной паденiя Хартума. Фарезъ-паша, уже уличенный разъ въ измѣнѣ, но прощенный Гордономъ, отворилъ ночью ворота города воинамъ Махди и отдалъ его жителей на жертву разграбленiя и избiенiя. Гордонъ, какъ говорятъ, погибъ изъ первыхъ, направляясь въ домъ австрiйскаго консула. Овладѣвъ городомъ, мятежники тотчасъ же принялись за постройку укрѣпленiй, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ англiйскаго экспедицiоннаго корпуса и, если нужно, выдержать продолжительную осаду. Кромѣ того, Махди стянулъ къ Хартуму всѣ свои громадныя силы, какъ говорятъ, тысячъ въ 50, чтобы двинуться на англичанъ, занявшихъ незначительнымъ отрядомъ Метамне. Напуганные этимъ движенiемъ англичане поспѣшно отступили и теперь передовой ихъ отрядъ находится въ Губатѣ. Въ Лондонѣ извѣстiе объ отступленiи передоваго отряда Бюллера и что Махди идетъ на Метамне, во главѣ громаднаго войска, произвели такое же, если еще не болѣе удручающее впечатлѣнiе, какъ паденiе Хартума.

Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ Пятигорскѣ.

(Рис. на стр. 216).

Композицiя памятника—самая трудная задача для художника. Не очень много хорошихъ памятниковъ не только въ Россiи, но и заграницей. Художникъ, при разработкѣ композицiи, поставленъ въ довольно узкiя рамки: онъ долженъ сохранить сходство съ изображаемымъ лицомъ, выразить его характеръ во всей фигурѣ, въ аллегорическихъ деталяхъ обрисовать его дѣятельность, и наконецъ соблюсти гармонiю общаго. Вотъ причина, почему коммисiя, собранная для утвержденiя проекта, нѣсколько разъ обсуждаетъ конкурсныя работы, признаетъ ихъ несостоятельными, назначаетъ новый срокъ для подачи проектовъ, и наконецъ утверждаетъ наиболѣе удачный, съ условiемъ измѣненiя тѣхъ или другихъ подробностей. Конкурсъ проектовъ памятника Лермонтова практиковался нѣсколько разъ. На послѣднемъ засѣданiи коммисiи въ октябрѣ 1883 года, закрытой баллотировкой былъ почти единогласно утвержденъ проектъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, принадлежавшiй (какъ оказалось по вскрытiи пакета съ монограммой) академику А. М. Опекушину,—автору московскаго памятника Пушкину. Поэтъ изображенъ сидящимъ на скалѣ въ задумчивой позѣ; военная шинель сброшена съ его плечъ и красивыми складками драпируется сбоку; впрочемъ эту шинель было предложено автору замѣнить буркой. Другiе проекты съ изображенiемъ музъ, генiевъ и пр. признаны неудовлетворительными. По мнѣнiю экспертизы, отливка статуи обойдется около 15 тысячъ рублей. Весь-же памятникъ съ пьедесталомъ обойдется вѣроятно 25—30 тысячъ рублей.

Дикiй горный баранъ.

(Рис. на стр. 217).

Домашняя наша овца—это, какъ извѣстно, выродившаяся, благодаря тысячелѣтнему разведенiю, болѣе сильная дикая овца, первоначальную рассу которой опредѣлить трудно, въ виду того, что за исключенiемъ Австралiи, всѣ части свѣта имѣютъ по одному или по нѣсколько видовъ дикихъ овецъ, разнящихся между собою только въ частностяхъ. Такъ въ Европѣ водится муфлонъ, въ Азiи—аргали и кашкаръ, въ Америкѣ—толсторогая овца, а въ Африкѣ баранъ съ гривою, типъ котораго показанъ на стр. 217. Дикiй баранъ съ гривою (Ovis tragelaphus) имѣетъ 1½ аршина длины, причемъ около 6 вершковъ приходится на хвостъ. Самецъ бываетъ больше самки и отличается болѣе сильными рогами. Голова барана красива, взглядъ блестящѣе и живѣе нежели у домашней овцы. Цвѣтъ шерсти красно-коричневый, переходящiй на нѣкоторыхъ мѣстахъ въ каштаново- или темнокоричневый. Шерсть гладкая, не вьется какъ у домашней овцы и состоитъ изъ грубыхъ, жесткихъ, густыхъ, неровныхъ волосъ и тонкой шерсти, плотно прилегающей къ тѣлу. Волосы удлинняются на загривкѣ и образуютъ волосяной гребень, покрываютъ низъ горла и опускаются почти къ землѣ. Эта грива составляетъ отличительный признакъ животнаго. Дикiй баранъ, подобно всѣмъ дикимъ овцамъ, живетъ преимущественно въ горахъ, водится въ Верхнемъ Египтѣ и Абиссинiи, особенно въ Атласскихъ горахъ и прочихъ гористыхъ странахъ сѣверной Африки, но встрѣчается очень рѣдко и очень пугливъ. Питается онъ горными растенiями и кустарниками, а также мхомъ; взбирается на горы и прыгаетъ подобно каменному козлу; живетъ на самыхъ пустынныхъ, крутыхъ скалахъ въ одиночку или же вдвоемъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ начинаетъ собираться въ стада, причемъ между баранами происходятъ ожесточенныя схватки и нерѣдко побѣдитель сталкиваетъ слабѣйшаго противника въ пропасть, какъ показано на рисункѣ. Алжирскiе бедуины охотятся за дикимъ бараномъ изъ-за его мяса и шерсти. Европейцамъ онъ сталъ извѣстенъ лишь во второй половинѣ XVI столѣтiя; описанъ подробно только недавно.

Издѣлiя Соловецкаго монастыря.

(Рис. на стр. 220).

Помимо своего высокаго религiознаго значенiя, Соловецкая обитель представляетъ собою замѣчательный примѣръ русской монашеской общины, развившей у себя широкую заводскую и кустарную промышленность. Монастырь все производитъ самъ и находитъ въ себѣ всѣ средства удовлетворенiя нуждъ и потребностей иноковъ. Въ мастерскихъ монастыря есть представители всевозможныхъ ремеслъ и даже художества. Рѣзчики, гранильщики, серебряники, иконописцы, мѣдники, плотники, шорники—все это трудится въ стѣнахъ обители. Между кустарными издѣлiями монастыря заслуживаютъ вниманiя прекрасныя издѣлiя изъ дерева. Особенной извѣстностью пользуются соловецкiя ложки, деревянныя кружки и чашки; производятся они здѣсь въ огромномъ количествѣ и расходятся по всей Россiи, разбираясь на расхватъ богомольцами. На каждой ложкѣ изображена рыба и надпись: „благословенiе Соловецкой обители". Нѣкоторыя изъ ложекъ заканчиваются изображенiемъ благословляющей руки. Въ этомъ № помѣщено изображенiе прекрасно сдѣланной и расписанной кружки съ покрышкой. Съ благоговѣнiемъ относятся наши поморы къ такимъ издѣлiямъ чтимой ими обители и бережно хранятъ ихъ въ домѣ.

Тахиграфъ Мересса.

(Рис. на стр. 220 и 221).

Инструментъ этотъ, какъ и многiе ему подобные, основанъ на свойствѣ подобныхъ треугольниковъ. Онъ служитъ для снятiя съ геометрической точностью разныхъ рисунковъ или въ увеличенномъ, или уменьшенномъ видѣ (фиг. 1).

Изобрѣтатель его, г. Мерессъ, употребляетъ параллелограмъ силъ ABCD (фиг. 2), двѣ противоположныя стороны котораго имѣютъ постоянную длину C и D, двѣ же другiя стороны образуются линейками A и B съ одинаковыми дѣленiями, изъ которыхъ одна продолжается до центра подобiя A, P. Получается прямая передача. Единоочертанiе: указатель помѣщается на одной изъ полосокъ, постоянной длины, а карандашъ—на сoот-

вѣтственномъ мѣстѣ параллельной полоски E и G. Можно сказать, что тахирафъ на планѣ имѣетъ видъ коромысла паровой машины, снабженнаго параллелограмами Уата.

Коромысло A. A' поддерживается колесцами b, b' b''. которыя облегчаютъ перемѣщеніе инструмента въ плоскости фигуры. Точка выбирается за линейкою въ катушкѣ K, которою регулируется положеніе линейки такимъ образомъ, чтобы она проходила чрезъ центръ соединеній полосокъ P, h, h'. Весь аппаратъ помѣщается въ плоскости, сосѣдней съ бумагою, что уменьшаетъ уклоненія указателя и карандаша, какія могли бы происходить отъ качанія частей.

Линейка, параллельная коромыслу B, B, и само коромысло деревянныя, а полоски, соединяющія C и D, изъ мѣди. Всѣ соединенія h, h' h'' h''', расположенныя внѣ этихъ различныхъ частей, образуютъ вершины геометрическаго параллелограма e, e' e'', отъ хода котораго зависитъ измѣненіе фигуры. Для помѣщенія указателя и карандаша нужно наблюдать, чтобы оконечности ихъ находились на прямой линіи съ центромъ подобія P, g, g'. Сверхъ того концы падаютъ на прямыя линіи, граничащія съ боку съ параллелограмомъ силъ e, e''.

Понятно, что при такой системѣ, когда параллелограмъ сводятся къ четыремъ своимъ геометрическимъ вершинамъ, каждая неточность можетъ быть своевременно исправлена; ранѣе приступленія къ дѣлу слѣдуетъ вывѣрить всѣ части. Вывѣрка состоитъ въ удостовѣреніи о нахожденіи трехъ точекъ на прямой линіи; если онѣ такъ совпадаютъ, то инструментъ вывѣренъ и можно приступить къ дѣлу.

Желая воспользоваться инструментомъ, модель кладутъ подъ указатель—направо, если копія должна быть уменьшена, и налѣво, если ее нужно увеличить; рисунокъ и бумага прикрѣпляются на столѣ гвоздиками.

Положеніе указателя и карандаша измѣняется очень легко, такъ какъ тотъ и другой придерживаются только винтикомъ, на одинаковыхъ подставкахъ. Слѣдуетъ только отвернуть винтъ пальцами правой руки, снять катушку, съ которой они образуютъ одно цѣлое, и перенести на правую сторону ту, которая находится на лѣвой, и наоборотъ.

Всѣ работы тахиграфа математически точны, такъ какъ рисующій имѣетъ всегда возможность регулировать инструментъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы онъ находился въ нормальныхъ условіяхъ.

Отоскопъ для изслѣдованія уха.

(Рис. на стр. 221).

Профессоръ Ле-Форъ представилъ недавно въ парижскую медицинскую академію новый отоскопъ доктора Рателя. Мысль объ освѣщеніи уха внутри, впервые пришла на умъ Фабрицію д'Аквападанте (въ 1600 г.). Для этой цѣли онъ ставилъ больнаго передъ окномъ такимъ образомъ, чтобы солнечные лучи проникали въ наружный слуховой каналъ. Онъ также первый придумалъ ставить свѣчу позади сосуда съ водою и направлять сконцентрированные лучи въ ухо. Гильденъ изобрѣлъ ушное зеркало или расширитель въ 1585 г., имѣвшій форму щипцовъ. Въ первый разъ онъ употребилъ въ дѣло свое зеркало для извлеченія изъ уха десятилѣтней дѣвочки стеклянаго шарика. Четыре хирурга, призванные въ разное время, не могли ничего сдѣлать. Малютка страдала очень сильно; боль распространилась къ ночи, въ особенности въ холодную и сырую погоду. Къ этому присоединились еще эпилептическія припадки и отнялась лѣвая рука. Наконецъ въ ноябрѣ 1595 г. Гильденъ пришелъ на помощь. Ему удалось понять причину болѣзни и онъ рѣшился извлечь постороннее тѣло. Для этого онъ избралъ свѣтлое мѣсто, направилъ солнечный свѣтъ въ ухо больной, смазалъ стѣнки слуховаго канала миндальнымъ масломъ и ввелъ аппаратъ. Затѣмъ, просунувъ съ нѣкоторымъ усиліемъ коноушку между стѣнкою слуховаго канала и стеклянымъ шарикомъ, извлекъ его наружу. И такъ, въ началѣ XVII столѣтія, врачи имѣли уже все необходимое для изслѣдованія уха, а именно: свѣтовой источникъ, способъ концентрировать свѣтъ и наконецъ инструментъ, который раздвигалъ стѣнки слуховаго канала. Улучшенія, которыя предпринимались впослѣдствіи, касались вышеупомянутаго. Солнечному свѣту стали предпочитать свѣтъ искусственный (растительныхъ или минеральныхъ маслъ, газа, магнія и пр.). Сосудъ съ водой Фабриція Аквападанте, уступилъ мѣсто вогнутой линзѣ Клелана, зеркаламъ выпуклымъ, сферическимъ, параболическимъ и пр. Расширитель въ формѣ щипцовъ Гильдена былъ замѣненъ расширителями цилиндрическими, коническими, двустворчатыми. Аппаратъ, изображенный на стр. 221, служитъ также для освѣщенія уха и концентрированія свѣта. Онъ освѣщенъ маленькою лампочкою съ накаляющимися до бѣла угольками, лампочкою поставленною внутри инструмента. Лампа имѣетъ силу двухъ свѣчей и можетъ горѣть въ теченіи 100 часовъ. Рефлекторъ имѣетъ эллиптическую форму. Можно произвольно прерывать токъ и регулировать свѣтъ, проводя его чрезъ всѣ оттѣнки, начиная отъ вишнево-краснаго и кончая накаленіемъ до бѣла. Наконецъ отверстіе, чрезъ которое смотритъ врачъ, такихъ размѣровъ, что пропускаетъ всѣ нужные инструменты. Этотъ способъ освѣщенія уха можетъ быть примѣненъ къ отоскопу Брунтона, а также для изслѣдованія носа, горла и пр. По заключенію профессора Ле-Фора, новый отоскопъ очень практиченъ и отличается многими достоинствами.

Политическое обозрѣніе.

Германія.—Конференція по конгскому вопросу.—Египетъ.—Италія.—Китай.

Рейхстагъ наконецъ одобрилъ дополнительный кредитъ на устройство управленія въ Камерунѣ. Князь Бисмаркъ заявилъ при этомъ, что колоніальная политика возможна лишь тогда, если ей сочувствуетъ народъ; а что думаетъ народъ о колоніальной политикѣ, въ случаѣ надобности, правительство могло бы узнать путемъ новыхъ выборовъ. Нынѣшній же образъ дѣйствій рейхстага можетъ только усилить противодѣйствіе иностранныхъ государствъ германской колоніальной политикѣ. Уже и то Англія обнародовала конфиденціальныя заявленія германскаго канцлера и это является признакомъ сильнаго неудовольствія съ ея стороны. Изъ этой опубликованной „Синей книги“ оказывается, что Германія присоединила страну Камеруновъ въ Южной Африкѣ въ то самое время, когда Англія намѣревалась установить надъ нею свой протекторатъ, о которомъ туземные вожди ходатайствовали въ теченіи пяти лѣтъ. Лондонскій кабинетъ даже заявилъ Германіи о намѣреніи провозгласить свой протекторатъ надъ Камеруномъ, и въ тоже время узналъ, что Германія его предупредила.

Заключительное торжественное засѣданіе конгской конференціи состоялось 26-го февраля, подъ предсѣдательствомъ имперскаго канцлера князя Бисмарка. Въ своей вступительной рѣчи канцлеръ выразилъ удовольствіе по поводу достигнутаго между державами соглашенія, относительно трехъ главнѣйшихъ пунктовъ программы конференціи, и сдѣлавъ краткій перечень принятыхъ конференціею рѣшеній, воздалъ должную хвалу великодушнымъ стремленіямъ короля бельгійцевъ, попеченіемъ котораго обязано своимъ существованіемъ образовавшееся въ центрѣ Африки государство, признанное нынѣ почти всѣми націями и долженствующее внести свѣтъ цивилизаціи въ дикія страны, оставшіяся до сихъ поръ недоступными для благодѣяній прогресса. Въ заключеніе князь Бисмаркъ заявилъ отъ имени императора германскаго всѣмъ участникамъ конференціи, посламъ, уполномоченнымъ и делегатамъ, высочайшую признательность его величества за понесенные ими труды, нынѣ увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Вторая половина заключительнаго засѣданія была всецѣло посвящена скрѣпѣ „генеральнаго акта“ конференціи соотвѣтствующими рукоприкладствами.

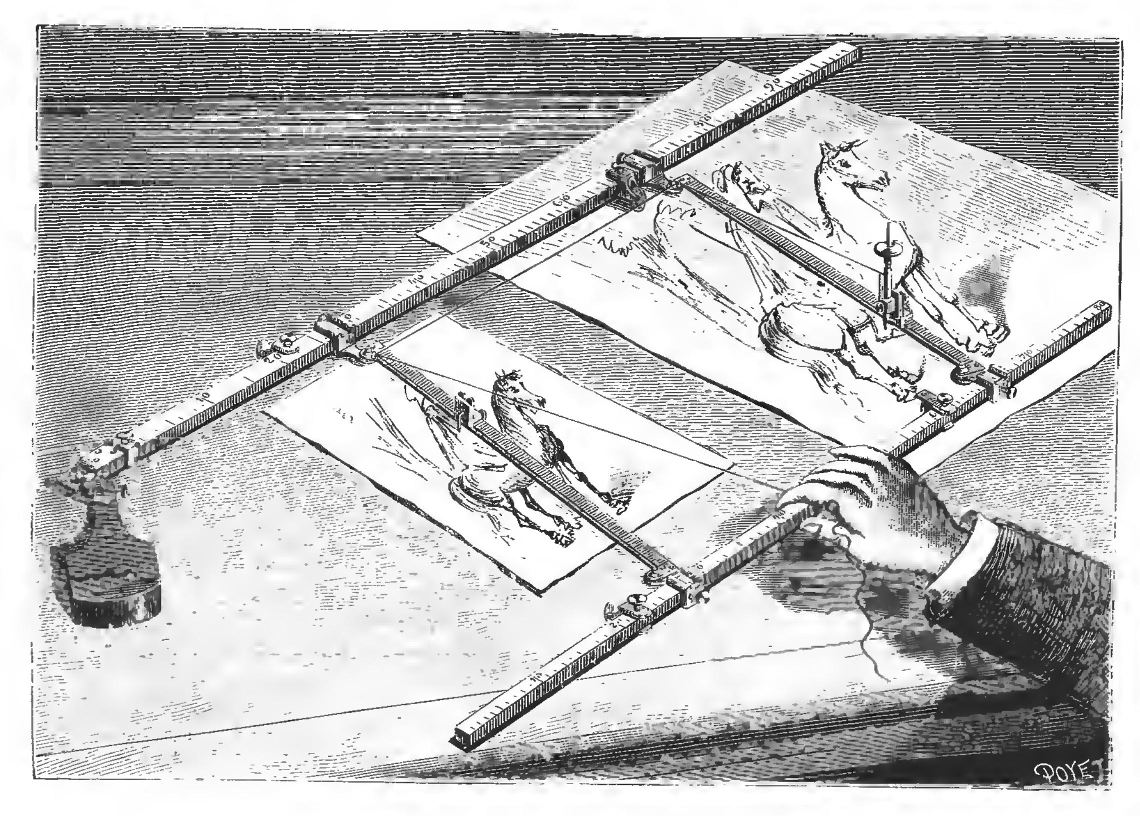
Свѣдѣнія о взятіи Хартума и смерти Гордона дополняются все болѣе и болѣе очень интересными подробностями. Такъ бывшій слуга Гордона доставилъ въ Корти множество бумагъ своего господина, между коими находятся: полный дневникъ всѣхъ событій осады, письма Гордона къ его семейству, писанныя въ январѣ мѣсяцѣ, въ которыхъ храбрый защитникъ Хартума выражаетъ предчувствіе о замышляемой измѣнѣ, предотвратить которую онъ былъ не въ силахъ; онъ предугадываетъ также, что англичане слишкомъ поздно явятся къ нему на помощь и навсегда прощается со своими друзьями. Въ подтвержденіе своихъ предчувствій, Гордонъ ссылается на имѣющіяся у него свѣдѣнія, по которымъ Хартумъ долженъ былъ открыть ворота приверженцамъ Махди 19 января. Онъ пишетъ, что могъ бы спастись бѣгствомъ, но не желаетъ прибѣгать къ такому безчестному средству и предпочитаетъ выждать готовящуюся ему судьбу. Быть въ плѣну онъ несогласенъ, и ему остается только умереть. Распоряжавшійся нароходами Гордона, Касемъ-эль-Моусъ заявилъ полковнику Вильсону, что англичане не спасли бы Гордона даже и въ томъ случаѣ, если бы подступили къ Хартуму мѣсяцемъ ранѣе, такъ какъ оба предателя условились между собою сдать городъ Махди при первомъ извѣстіи о приближеніи англичанъ. Это рѣшеніе вызвано было у нихъ боязнью, что они не избѣгнутъ должной кары какъ люди давно скомпрометтированные въ глазахъ британскаго правительства. Само населеніе Хартума въ послѣднее время потеряло всякую надежду на помощь извнѣ и вошло въ переговоры съ суданцами, тѣмъ болѣе, что послѣ Абуклейскаго сраженія Махди старался успокоить жителей Хартума широкими обѣщаніями пощады и милости. Блестящій успѣхъ, одержанный войсками гарнизона Кассалы, нынѣ не подлежитъ сомнѣнію, также какъ и то, что означенныя войска овладѣли Филикомъ, гдѣ находилась главная квартира шейха Мусса, который оказывается въ числѣ убитыхъ. Общее же число послѣднихъ простирается до 3600 человѣкъ. Гарнизонъ Кассалы нуждается въ провіантѣ и боевыхъ припасахъ, такъ что если ему не подоспѣютъ помощь, то его сдача неизбѣжна.

Слухъ объ отправленіи изъ Рима въ Красное море четвертой экспедиціи подтверждается. Такимъ образомъ численность итальянскихъ войскъ дойдетъ здѣсь до 5,000 человѣкъ съ 18 пушками—сила достаточная для отраженія всякаго нападенія. Кромѣ того, укрѣпленія Массовы съ суши возстановляются, а со стороны моря городъ будетъ защищенъ торпедами. Въ про-

кламаціи, обращенной командующимъ итальянскою экспедиціею контръ-адмираломъ Каиии къ населенію Массовы при ея занятіи, видно стараніе привлечь къ себѣ симпатію туземцевъ. „Ваша религія и ваши обычаи, говоритъ прокламація, будутъ пользоваться безусловною неприкосновенностью, точно также какъ и ваши дѣла не только не потерпятъ ни малѣйшихъ стѣсненій и ограниченій, но, съ моей стороны, будутъ приложены всѣ старанія, къ возможно большему оживленію вашей торговли; къ тому же я обезпечиваю за вами полное благорасположеніе къ вамъ итальянскаго правительства. Смотрите на насъ, какъ на вашихъ друзей, продолжайте заниматься вашимъ дѣломъ—и вы останетесь довольны“. Какой успѣхъ имѣла эта прокламація среди населенія Массовы и съ какимъ чувствомъ были встрѣчены непрошенные гости — пока неизвѣстно.

Въ Китаѣ то тамъ, то сямъ вспыхиваетъ народная, фанатическая рѣзня; такъ въ письмѣ адресованномъ католическимъ миссіямъ, сообщается, что въ провинціи Юнанъ убито нѣсколько сотъ христіанъ, дома которыхъ разграблены и сожжены. Полагаютъ даже, что рѣзня совершена по тайному приказу юнанскаго вице-короля. Въ Пекинѣ теперь ощущается нужда въ деньгахъ и китайскія власти принуждены были обратиться къ своимъ старымъ друзьямъ—англичанамъ, прося ихъ согласиться на увеличеніе пошлины на ввозимый опіумъ — это любимое лакомство и вмѣстѣ съ тѣмъ отраву китайскаго народа. Ихъ просьба была повидимому принята благосклонно, и вскорѣ между Китаемъ и Англіей будетъ заключена конвенція, главная статья которой разрѣшитъ китайскимъ таможнямъ значительно повысить пошлины на опіумъ.

Деревянныя издѣлія Соловецкаго монастыря. Кружка. Рис. и грав. Гошаръ.



Тахиграфъ Мересса. Рис. и грав. Пуайе.

Библіографія.

Спасеніе пассажировъ на ж. д. К. Шмидтъ. СПБ. 1885 г. Вотъ небольшая брошюра, польза которой несомнѣнна. Она написана извѣстнымъ уже нѣсколькими брошюрами г. Шмидтомъ и заключаетъ въ себѣ перечень и описаніе мѣръ, какія слѣдуетъ принимать на желѣзныхъ дорогахъ при несчастіяхъ. Замѣчанія, весьма вѣрныя и полезныя, снабжены многими рисунками.

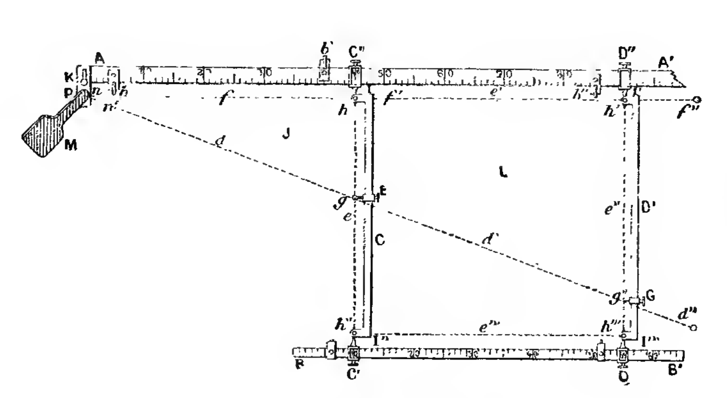
Предохранительный скотолечебникъ. Сост. Любомудровъ. СПБ. 1885 г. Выгодное разведеніе домашнихъ животныхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ хорошаго ухода и кормленія. Количество и качество корма, умѣнье обращаться съ животнымъ, предупреждая болѣзни и т. п., очень важное дѣло для хозяевъ, и въ этомъ имъ можетъ много помочь эта толково и дѣльно составленная книга.

Смѣсь.

Левантинцы. Однимъ изъ достойнѣйшихъ вниманія явленій въ жизни восточныхъ народовъ — характеръ и нравы левантинцевъ, — такъ называютъ христіанскихъ жителей Малой Азіи, Сиріи и Египта. Племя это разбросано по всему востоку и занимается почти исключительно торговлей. Левантинцы отличаются отъ коренныхъ жителей страны происхожденіемъ, религіей и образомъ мыслей. Чтобы судить о левантинцахъ, слѣдуетъ побывать въ Смирнѣ, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Востока. Смирна уже впродолженіи пятисотъ лѣтъ служитъ главнымъ складочнымъ пунктомъ, куда сходятся караваны нагруженныхъ верблюдовъ и товарные пароходы, для обмѣна всякаго рода произведеній. Здѣсь, кромѣ турокъ, можно встрѣтить азіатскаго грека, итальянца, француза, голландца, англичанина. Востокъ мало-по-малу наложилъ свою печать на жителей западной Европы и создалъ новое племя. Итальянскій языкъ былъ всегда первенствующимъ при сношеніяхъ европейцевъ, торговавшихъ въ Смирнѣ; къ итальянскому примѣшались впослѣдствіи слова французскаго, греческаго, англійскаго языковъ и получилось смѣшанное нарѣчіе. Молодые европейскіе купцы, которыхъ Востокъ привлекаетъ не одними только торговыми интересами, но и красавицами, поженились на гречанкахъ, армянкахъ, еврейкахъ, и дѣти

ихъ, не принадлежа вполнѣ ни къ той и ни другой націи, образовали особое племя, которое и называется именно левантинскимъ. То же явленіе происходило и въ другихъ портовыхъ городахъ востока въ такой же степени, какъ въ Смирнѣ.

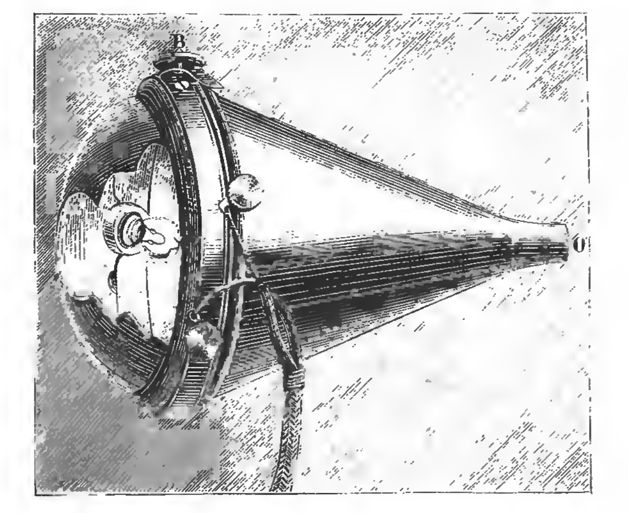
Въ Египтѣ левантинцы, смотря по тому, сколько времени, т. е. десятки или сотни лѣтъ проживали ихъ предки въ этой странѣ, оріентиризовались въ различной степени. Левантинецъ рѣдко рѣшается оставить разъ имъ насиженное мѣсто, чтобы попытать счастья въ другой странѣ. Частью изъ опасенія, частью отъ лѣни, нѣкоторые остаются безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ; напримѣръ многіе, живя въ Александріи десятки лѣтъ, никогда не были въ гавани, не видали моря и не бывали въ окрестностяхъ этого города. Не смотря на это, страсть къ наживѣ преодолѣваетъ лѣнь и заставляетъ левантинцевъ посѣщать отдаленный рынокъ Танта. Въ такихъ случаяхъ они собираются большими партіями и отправляются изъ стѣнъ Александріи въ пустыню, оставивъ дома свои ковельки.



Тахиграфъ Мересса.

Востокъ наложилъ свою печать и на религію левантинцевъ; она претерпѣла много измѣненій, почти всегда къ худшему, и наконецъ обратилась въ массу суевѣрныхъ вѣрованій. Объ образованіи, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, левантинецъ не имѣетъ понятія. Знанія ихъ въ большинствѣ случаевъ ограничиваются знакомствомъ съ нѣсколькими иностранными языками, на которыхъ они всегда говорятъ, но не всегда читаютъ и пишутъ. Паденіе племени левантинцевъ въ особенности видно на молодомъ поколѣніи.

Во сколько оцѣнивался въ прежнее время смѣхъ въ Англіи. Эпоху среднихъ вѣковъ нельзя считать особенно веселой, потому что, напр., въ Англіи, въ царствованіе Генриха III, каждый кто вызывалъ смѣхъ у короля, получалъ въ награду крупную золотую монету. А въ царствованіе Эдуарда IV (1461—1483), возбужденіе смѣха у королевской особы оплачивалось даже четырьмя золотыми монетами. Въ счетахъ придворнаго вѣдомства за 1477 годъ, находится напр. слѣдующая статья: „Во время пребыванія короля въ Вольмирѣ, ловчій Мокрисъ, ѣхавшій во время охоты передъ королемъ и часто падавшій съ лошади, чѣмъ вызывалъ смѣхъ у короля, получилъ въ награду 5 золотыхъ монетъ“.



Изслѣдованіе уха. Новый отоскопъ.

Никогда еще ни одна коронованная особа не испытывала такихъ превратностей въ жизни, какъ Амедей Савойскій. Съ 1398 по 1416 годъ онъ правилъ графствомъ; затѣмъ былъ возведенъ королемъ Сигизмундомъ въ герцоги. Въ 1434 году онъ сложилъ съ себя правленіе и сдѣлался монахомъ, основавъ орденъ св. Маврикія. За свое благочестіе и кротость онъ въ 1439 году, на соборѣ въ Базелѣ, былъ избранъ преемникомъ папы Евгенія IV и управлялъ христіанскимъ міромъ подъ именемъ папы Феликса V до 1449 года, когда самъ отрекся отъ папскаго престола и удовольствовался званіемъ кардинала. Онъ умеръ въ 1451 году, будучи простымъ монахомъ.

Въ 35 минутъ. Въ большихъ бойняхъ штата Канзасъ, гдѣ ежедневно убиваютъ и обдѣлываютъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ свиныхъ тушъ, производство это упрощено до совершенства. Свиньи загоняются въ особое помѣщеніе, гдѣ намѣченное животное схватывается за заднюю ногу и кладется на небольшую подвижную платформу, которая переноситъ его въ отдѣленіе, гдѣ свиньѣ машина наноситъ смертельный ударъ. Затѣмъ животное летитъ по жолобу въ слѣдующее помѣщеніе и попадаетъ въ резервуаръ съ кипящей водой. Здѣсь непрерывно дѣйствующимъ колесомъ туша отводится на противоположный конецъ, подымается и отбрасывается на длинный покатый столъ. Отсюда она попадаетъ въ машину, которая однимъ оборотомъ снимаетъ съ нея всю щетину и скатываетъ тушу по жолобу, гдѣ на пути, большимъ топоромъ машины отрубается ей голова; а черезъ минуту туша уже виситъ готовая, прикрѣпленная за заднія ноги. Однимъ ударомъ топора работникъ распарываетъ свиньѣ брюхо, быстро вынимаетъ внутренности, а другой въ то-же время прополаскиваетъ животное водою. Далѣе туша взвѣшивается на механическихъ вѣсахъ и сбрасывается въ ледникъ, гдѣ быстро разрубается на части. Вся эта процедура совершается необыкновенно быстро. Только что свинья кричала, пойманная за заднюю ногу, какъ черезъ 35 минутъ уже виситъ вымытая, вычищенная, безъ головы и разрубленная на части.

Утилизація отбросовъ. Изъ всѣхъ отраслей промышленности первое мѣсто въ дѣлѣ утилизаціи отбросовъ принадлежитъ бумажному производству. Достаточно сказать, что въ Нью-Іоркѣ дѣйствуетъ паровая машина, ежедневно сортирующая 150 погрузокъ мусора, каждая въ 900 килограммовъ вѣсомъ. Машина совершаетъ 250 размаховъ въ минуту и выдѣляетъ изъ мусора куски желѣза, черенки, кости, угли и проч., а нѣсколько человѣкъ рабочихъ, стоящихъ по бокамъ ея, подбираютъ тряпки и клочки бумаги. Мусоръ, оставшійся послѣ сортировки, промывается, причемъ тяжелые предметы (обломки посуды, желѣзо и проч.) падаютъ на дно промывательнаго аппарата, а легкіе (солома, куски кожи и проч.) остаются на поверхности воды. Разсчитано, что изъ 150 погрузокъ пропадаетъ безъ пользы только 30. Тряпки продаются по 120-ти марокъ за тонну, за 50 килограммовъ стараго желѣза платятъ 1 марку 60 пфениговъ, за обломки стекла 1 марку 20 пфениговъ, а за кости несравненно дороже. Изъ 900 килограммовъ отбросовъ получается обыкновенно около 200 килограммовъ углей и другихъ остатковъ горючихъ веществъ.

Маршалъ Макъ-Магонъ — кавалеръ Почетнаго Легіона. Считаемъ не безъинтересными разсказать подробно какъ маршалъ Макъ-Магонъ, когда-то одинъ изъ популярнѣйшихъ военныхъ героевъ Франціи, заслужилъ крестъ Почетнаго Легіона. Во время африканскаго похода Макъ-Магонъ, слывшій за искуснаго и отважнаго кавалериста, былъ адъютантомъ генерала Ашара и послѣдній, послѣ одной жаркой стычки съ арабами, поручилъ ему передать, какъ можно скорѣе, письменное приказаніе начальнику одного отряда. „Захватите съ собой взводъ конно-егерей!“ закричалъ ему вслѣдъ генералъ Ашаръ. „Ну, этого будетъ либо слишкомъ много, либо слишкомъ мало! возразилъ Макъ-Магонъ: взводъ непріятель замѣтитъ, а побить съ нимъ арабовъ мудрено—лучше ужъ ѣхать одному!“ Быстро помчался Макъ-Магонъ, а слѣдомъ за нимъ понеслись завидѣвшіе его арабы; на пути отважному всаднику пришлось преодолѣть неожиданное препятствіе — бурный потокъ съ скалистыми, отвѣсными берегами. Макъ-Магонъ пришпорилъ скакуна и очутился на противоположномъ берегу; правда, конь его сломалъ себѣ при этомъ прыжкѣ обѣ ноги, но арабы не отважились послѣдовать за нимъ и лишь послали ему въ догонку нѣсколько пуль. Макъ-Магонъ, цѣлый и невредимый, пѣшкомъ добрался до отрѣзаннаго отъ главныхъ силъ отряда, передалъ надлежащія инструкціи, а затѣмъ, по возвращеніи въ главную квартиру, получилъ за свою отвагу крестъ Почетнаго Легіона.

Что стоятъ военныя извѣстія. О'Келли, военный корреспондентъ газеты „Daily News“ въ Египтѣ, взялъ съ собой при отъѣздѣ 150,000 фр.; кромѣ того онъ еще на мѣстѣ истратилъ почти столько же, и газета обязалась по договору выплатить его вдовѣ 150 000 фр. Смерть Герберта и Амерона не обойдется дешевле газетамъ „Standard“ и „Morning-Post“. Послѣ крымской войны Руссель, корреспондентъ газеты „Times“, получилъ 100,000 фр. пенсіи, въ случаѣ его смерти, вдова его должна была получать 50,000 фр. согласно договору его съ газетой.

Депутація изъ 7 дамъ поднесла недавно въ подарокъ королевской четѣ въ Даніи баттарею изъ 8 шестидесятифунтовыхъ пушекъ, изготовленныхъ на пожертвованія свыше 20000 датскихъ женщинъ. Подарокъ этотъ, сдѣланный на добровольныя пожертвованія, служитъ выраженіемъ соболѣзнованія о безоружности страны 20 лѣтъ тому назадъ. Король благосклонно принялъ пушки, какъ залогъ патріотическаго настроенія.

О королевѣ Шарлотѣ мексиканской давно не проникало никакихъ извѣстій въ общество. Корреспондентъ Таймса сообщаетъ теперь, что здоровье королевы, живущей въ замкѣ Бушу въ Брюсселѣ, значительно улучшилось и доктора надѣются на совершенное ея возстановленіе.

Промышленность китайцевъ. Китайцы принадлежатъ къ одному изъ тѣхъ народовъ земнаго шара, которые надѣлены особенною способностью къ рисованію и производству всякаго рода механическихъ работъ. Въ Китаѣ дѣлаются руками такія искусныя вещицы, какихъ не встрѣтишь въ другой странѣ. Арабскіе хроникеры IX столѣтія разсказываютъ о промышленности Китая слѣдующее. Каждую искусно сдѣланную вещицу китаецъ приносилъ къ правителю провинціи и имѣлъ право требовать вознагражденія за совершенную работу. Вещь выставлялась у дворца для общаго обозрѣнія въ теченіи цѣлаго года. Если никто не охуждалъ выставленную работу, то мастеръ получалъ награду и могъ поступить на службу. Однажды былъ принесенъ для выставки кусокъ шелковой матеріи, на которой былъ вытканъ колосъ съ сидящимъ на немъ воробьемъ. Казалось, что это былъ натуральный колосъ, на которомъ сидитъ живой воробей,—такъ хорошо была исполнена работа. Долгое время всѣ восторгались этой вещью, но явился одинъ горбачъ и сталъ порицать работу. Губернаторъ потребовалъ строгаго судью къ себѣ и приказалъ объяснить какіе онъ находитъ недостатки въ выставленномъ произведеніи. Горбачъ сказалъ на это: „Никто не будетъ, конечно, оспаривать, что колосъ, на который сядетъ воробей, долженъ наклониться, а здѣсь колосъ стоитъ прямо,—это неправильно". Губернаторъ призналъ, что недостатокъ работы доказанъ и отказалъ выдать награду. Подобныя выставки должны были весьма благодѣтельно вліять на развитіе талантовъ и усовершенствованія въ области промышленности, но тѣмъ не менѣе извѣстно, что съ IX столѣтія промышленность Китая значительно упала и секреты многихъ производствъ забыты.

Безкорыстіе министра финансовъ. Въ 1789 году, когда во Франціи надежды на урожай были такъ слабы, что въ Парижѣ, вслѣдствіе недостатка новаго хлѣба, ожидался голодъ, министръ финансовъ Некеръ поручилъ амстердамскому банкиру Хонэ скупить какъ можно больше пшеницы для Франціи. Некеръ хорошо сознавалъ, что дороговизна хлѣба приведетъ парижское населеніе въ волненіе, что дастъ сигналъ къ общему возстанію противъ короля и его правительства. Такъ какъ финансы Франціи въ то время были сильно разстроены и иностранные банкиры не соглашались на новый заемъ, то Некеръ, въ обезпеченіе своевременной уплаты за хлѣбъ, согласился выдать голландскому банкирскому дому милліонъ франковъ изъ своего собственнаго достоянія. Для министра финансовъ, пока онъ занималъ этотъ постъ, такой залогъ не былъ опасенъ, но вдругъ, въ іюлѣ 1789 года, въ министерствѣ произошла перемѣна и Некеръ не только лишился портфеля, но и получилъ приказаніе оставить Францію въ 24 часа. Некеръ направился въ Брюссель, а оттуда поспѣшилъ въ Амстердамъ. Здѣсь, вмѣсто того чтобы заявить банкирскому дому Хонэ объ отказѣ внести обѣщанный залогъ въ милліонъ франковъ, онъ, напротивъ, немедленно уплатилъ деньги, опасаясь, что покупка хлѣба будетъ пріостановлена и что это обстоятельство приведетъ Францію на край погибели. Такъ безкорыстно поступилъ бывшій министръ Франціи по отношенію къ своему отечеству, которое отплатило ему лишь неблагодарностью и и изгнало его за предѣлы своихъ границъ! Парижъ получилъ своевременно заготовленный по распоряженію Некера, оплоченный его собственными деньгами хлѣбъ и избавился грозившей ему отъ голодавки опасности. Затѣмъ была революція. Правительство республики конечно и не думало заплатить долгъ Некеру. Некеръ такъ и умеръ, не получивъ долга, и только его дочь, знаменитая М-ме Сталь, получила отъ Людовика XVIII этотъ долгъ.

Фельдмаршалъ Мольтке и школьныя сберегательныя кассы. Подъ этимъ заглавіемъ въ циркулярѣ королевскаго почтово-сберегательнаго департамента въ Вѣнѣ находится слѣдующая любопытная замѣтка. Графъ Мольтке очень заботится объ устроенной имъ школьной сберегательной кассѣ въ деревнѣ Крейзау. Онъ установилъ, что всякій разъ какъ ребенокъ вкладываетъ свои десять пфенниговъ, управляющіе имѣніями графа Мольтке вносятъ такую же сумму. Если ребенокъ сберегаетъ въ четверть года марку, столько же вносятъ и управляющіе. До сихъ поръ 86 дѣтей въ Крейзау вложили 1200 марокъ, на которыя идетъ процентъ. Необходимыя кассовыя книги доставляетъ самъ фельдмаршалъ.

Шахматная задача № 8.

Черные.

A B C D E F G H

8 7 6 5 4 3 2 1

A B C D E F G H

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 9.

К. О. Цѣхановича.

Черныя.

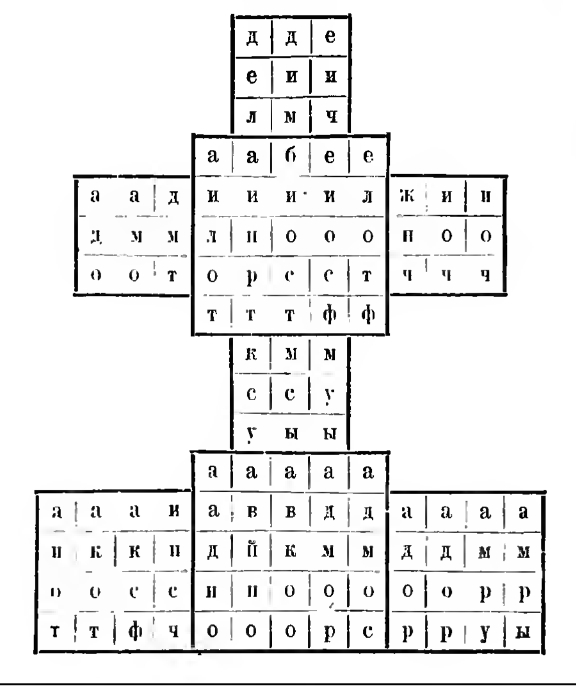
8 7 6 5 4 3 2 1

A B C D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черн. въ 7 ходовъ.

Крестъ магическ. квадратовъ. Задача № 10.



					д	д	е					
					е	и	и					
					л	м	ч					
				а	а	б	е	е				
	а	а	д	и	и	и	и	л	ж	и	н	
	д	м	м	л	н	о	о	о	н	о	о	
	о	о	т	о	р	с	с	т	ч	ч	ч	
				т	т	т	ф	ф				
					к	м	м					
					с	с	у					
					у	ы	ы					
				а	а	а	а	а				
а	а	а	и	а	в	в	д	д	а	а	а	а
н	к	к	н	д	й	к	м	м	д	д	м	м
о	о	с	с	и	н	о	о	о	о	о	р	р
т	т	ф	ч	о	о	о	р	с	р	р	у	ы

РЕБУСЪ. Задача № 11.

 —При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за МАРТЪ 1885 г., съ 26 рис. и отдѣльнымъ листомъ съ 32 черт. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

КОРОЛ. ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗ. АКАДЕМІЯ ГОГЕНГЕЙМЪ.

Лѣтнее полугодіе начинается въ среду **8-го апрѣля** с. г. Программы и списокъ лекцій съ планомъ сельскаго хозяйства имѣнія высылаютъ по желанію безплатно.

Гогенгеймъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1885 г.

Королевская Дирекція Академіи, Фосслеръ. К. № 3925 1—1

4711 О-ДЕ-КОЛОНЪ.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ **только** наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18—5

НОВ. БРОШ. **К. Маслянникова:**

I. **ТИПЫ АМБАРОВЪ.** 4 хромолит., картон. модель, фасады, планы, разр., смѣты. **Ц. 90 к.** II. **ДЕШЕВ. ДЕРЕВ. И ДАЧН. ВОДОСНАБЖ. ТАРАНОМЪ Ц. 30 к.** (Авторъ: Знаменская улица, 43). № 3900 2—2

Концертная фантазія

(посвященная **А. Есиповой**) для фортепіано съ оркестромъ

СОЧ. П. ЧАЙКОВСКАГО ор. 56.

Изданіе для 2-хъ фортепіано **6** руб.
Для одного фортепіано **3** руб.
Оркестровые голоса . . **8** руб.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

Неглинный пр. 10 (уг. Кузнецкаго моста). П. № 3930 1—1

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ДѢТСКОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

„ИСКРЫ БОЖЬИ“

біографическіе очерки **А. Островинской**

Съ 8 портретами (Новиковъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Щепкинъ, Ершовъ, Сѣраковъ,—Сервантесъ, Свифтъ). Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ перепл. 2 р. Первые шесть очерковъ продаются и отдѣльно по 20 коп. Mt. № 3937 1—1

Оптово-розничный магазинъ чаевъ „Наслѣдниковъ Смирновой“ въ Москвѣ.

Никольская улица, Большой Ветошный рядъ № 3.

Честь имѣетъ увѣдомить почтеннѣйшую публику, что цѣны на чаи остаются тѣже по прейсъ-куранту, т. е.

Черный	1 р. 20 к.	Фучефу	2 р. — к.
Фамильный душистый	1 „ 40 „	Отборный 1 сортъ	2 „ 20 „
Хунмы красненькій	1 „ 60 „	**Высокій сортъ.**	
Пенхео	1 „ 80 „	Красненькій аромат.	2 „ 40 „

Достоинство чаевъ господамъ нашимъ покупателямъ, покупающимъ ихъ болѣе двадцати лѣтъ, извѣстно и въ надеждѣ, что вновь не оставятъ насъ своимъ расположеніемъ, пересылку чаевъ по почтѣ мы принимаемъ на свой счетъ.

КОНТОРА НАСЛѢДНИКОВЪ СМИРНОВОЙ

кромѣ того занимается продажей билетовъ 1 и 2 внутреннихъ съ выигрышами займовъ съ разсрочкой платежа по 10 руб. въ мѣсяцъ, первымъ задаткомъ пятнадцать рублей на каждый билетъ, и страхованіе сихъ билетовъ отъ тиража погашенія по 50 к. за билетъ. Требованія исполняютъ съ первою отходящею почтою.

П. № 3927 1—1 **„Наслѣдники Смирновой“.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ДѢТСКОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ

А. БРЯНЧАНИНОВА.

Съ предисловіемъ **И. Тургенева.** Двадцать пять сказокъ, украшенныхъ множествомъ иллюстрацій художника **М. Малышева.** Роскошное изданіе на глазированной бумагѣ. Болѣе 300 стр. больш. формата. Цѣна въ цвѣтной папкѣ—**2 р. 50 к.** Въ коленкоровомъ переплетѣ—**3 руб.** Mt. № 3938 1—1

ИКОНЫ

СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, приложеннымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микѣшинымъ на деревянныхъ доскахъ, въ размѣрѣ $6^{1}/_{2} \times 10$ квадратныхъ дюймовъ.

Желающіе могутъ пріобрѣтать иконы св. Кирилла и Меѳодія нынѣ же **по одному рублю.** За укупорку св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по почтѣ слѣдуетъ высылать по разсчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за пересылку **одной** иконы—за **два** фунта, **двухъ** иконъ за **три** фунта, **трехъ** иконъ—за **четыре** фунта и т. д.

Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меѳодія благоволятъ обращаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почтѣ, по слѣдующему адресу: *Академику Михаилу Осиповичу Микѣшину*, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, на площади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти пріобрѣтаются изъ склада безъ укупорки. № 3926 4—1

ПИТАТЕЛЬНЫЙ КОФЕ

РЕТАБЛІЕРЪ.

Этотъ полезный и питательный напитокъ при ежедневномъ употребленіи укрѣпляетъ силы и хорошо переваривается даже слабыми желудками. При всемъ этомъ, по отсутствію приторности, онъ превосходитъ шоколадъ. Употреблять какъ обыкновенный кофе, прибавляя сливокъ и сахару по вкусу.

Депо въ магазинахъ А. БРЮНО, въ Москвѣ:

1) Рождественка, противъ д. Торлецкаго; 2) Арбатъ, домъ Королева.

Гг. иногородные требованія свои благоволятъ адресовать:

Контора паровой фабрики **А. БРЮНО,** Москва, Долгоруковская улица.

За пересылку прилагать за 2 фунта на коробку. При выпискѣ не менѣе 10 коробокъ сразу, пересылку контора принимаетъ на себя. П. № 3803

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

Второй томъ

ЗАДУШЕВНЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ

П. ЗАСОДИМСКАГО

Для дѣтей средняго и старшаго возраста. Съ 50 рисунками въ текстѣ. Цѣна въ папкѣ **1 р. 50 к.** Въ перепл. **2 р.** Mt. № 3936 1—1

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.

НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публичн. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

специалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Прейсъ-куранты по востреб.

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія; какъ не содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора **Пинесъ и К°.**

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка **35** коп.

Съ пересылкой 2 кор. **1 р. 20 к.,** 4 кор. **2 р.,** 6 кор. **2 р. 50 к.**

Главный складъ для Россіи **Л. Власовъ** СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27. **„Мозолинъ“** только провизора **И. Пинесъ и К°.** № 3831 10—7

ВЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ С.Петербурга и у автора продаются слѣдующія сочиненія

Д-ра ЗЕЛЕНСКАГО.

1) „ОСНОВЫ ДЛЯ УХОДА ЗА ПРАВИЛЬНЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ МЫШЛЕНІЯ И ЧУВСТВА“.

Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 1-го т. 3 р. 50 к., 2-го тома 4 р. Оба тома вмѣстѣ 7 руб.

Содержаніе этого сочиненія представляетъ теорію развитія познанія человѣка отъ первыхъ впечатлѣній новорожденнаго до высшихъ проявленій человѣческаго ума, съ примѣненіемъ ея правилъ къ развитію и усовершенствованію въ молодомъ поколѣніи силы ума и познанія.

2) **„ДИФТЕРИТЪ“.** Для врачей и родителей. Ц. 2 р.

Содержаніе: Описаніе, распознаваніе болѣзни, средства къ предохраненію отъ дифтерита, леченіе. Тамъ-же изложены всѣ вредныя вліянія на дѣтей, какъ въ гигіеническомъ, такъ и въ діэтетическомъ отношеніи.

Выписывающі: черезъ посредство автора въ С.-Петербургѣ, у Семеновскаго моста, по Фонтанкѣ, домъ № 63, за пересылку въ предѣлахъ Россіи ничего не платитъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

шестой томъ

СОЧИНЕНІЙ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Экспериментальный романъ.—О Писемскомъ и Достоевскомъ. Жестокій талантъ.—О Тургеневѣ.—О Глѣбѣ Успенскомъ. Палка о двухъ концахъ. Дамскія воспоминанія о великихъ людяхъ.—Герои и толпа.—Научныя письма (къ вопросу о герояхъ и толпѣ). **Цѣна 2 руб.** Mt. № 3939 1—1

ВЯЗКА

СУРОВАЯ и ЦВѢТНАЯ.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА.

Р. № 3884 4—4

Образцы и прейсъ-куранты безвозмездно въ **складѣ писчей бумаги**

„АВГУСТА НАУМАНЪ“.

Казанская, д. № 42, противъ Новаго пер., въ С.-Петербургѣ.

130,000

аршинъ матеріи, послѣдняя новость **FANTAISIE,** гладкой и полосатой, модныхъ цвѣтовъ, двойной ширины, чистой шерсти, выгодной случайной покупкой пріобрѣтенной отъ извѣстнаго фабриканта, будетъ **экстренно продаваться, вмѣсто 1 р. 30 к.,**

ПО 70 КОП. № 3928

100 **В. ЯКОБСОНЪ.** 100.

ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ,

Малая Суровская линія.

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

6 РУБ. Высылается съ первой почтой **десять книгъ „Дѣтской Библіотеки“:** Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, Лермонтовъ, гр. Л. Толстой, Островскій, Достоевскій, Гончаровъ, Некрасовъ и Кольцовъ. Каждая книга (около 200 страницъ) заключаетъ біографію писателя, портретъ и его лучшія произведенія.

ДЕСЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМІЙ: 1) **ЧАСЫ КАБИНЕТНЫЕ** столовые, изящн. парижск. работы съ вѣрнымъ ходомъ. 2) **ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ** съ картинами и печат. руководствомъ. 3) **СТЕРЕОСКОПЪ** съ картинами. 4) **МИКРОСКОПЪ,** увеличивающ. до 500 разъ. 5) **ТЕАТРАЛЬНЫЙ БИНОКЛЬ** изящн. отдѣлки. 6) **ЧАСЫ КАРМАННЫЕ СОЛНЕЧНЫЕ,** съ компасомъ. 7) **САМОУЧИТЕЛЬ РИСОВАНІЯ.** Ящикъ красокъ, кисти и печат. руководство. 8) **МУЗЫКАЛЬНАЯ МАШИНКА** (органчикъ). 9) **НЕССЕСЕРЪ** для дѣвочекъ. 10) **РОСКОШН. АЛЬБОМЪ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за 10 книгъ съ пересылкой **6 руб.;** за 10 книгъ съ двумя преміями, на выборъ—**12 руб.;** съ тремя преміями—**15 руб.;** съ четырьмя преміями **18 руб.;** за дальнѣйшія преміи прибавляется по **3** руб. Выписывающіе 10 книгъ и всѣ 10 премій, высылаютъ **34 руб.** (съ пересылкой). Подписчики изъ Азіатск. Россіи и съ Кавказа прилагаютъ къ подписн. цѣнѣ 10%. Преміи безъ книгъ высылаются по **5 руб.** каждая.

Требованія адресуются: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества). № 3934 1—1

ЦѢННЫЯ ПРЕМІИ.

МОСКВА И ТВЕРЬ, историч. повѣсть *В. И. Кельсіева,* съ рисунками Панова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; для подписч. „Нивы“ на 1885 г. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к.

НОВОТРОИЦКОЕ ПОДВОРЬЕ,

въ Москвѣ, на Ильинкѣ, противъ биржи и Гостинаго Двора, въ домѣ Троицкой лавры. Болѣе 100 нумеровъ для пріѣзжающихъ со всѣми удобствами, съ постельнымъ бѣльемъ, въ сутки отъ 75 коп. и дороже. ванны, парикмахерская. разсыльные для разныхъ порученій и для отправки товаровъ. Тутъ же особое отдѣленіе для квартирантовъ помѣсячно и на годъ отъ 20 руб. въ мѣсяцъ и дороже. П. № 3860 3—3

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блоккъ Невскій 51. № 3907 4—2

Керосиновый **НОЧНИКЪ** горящій безъ стекла для дѣтск. и спальни. Изобрѣтеніе Е. Н. Козоева. Безъ запаха и копоти. при тройномъ притокѣ воздуха. сожиг. деш. русск. керос. въ 10 часовъ на 1 коп. Горѣлка и резервуаръ никкелированы.

Безопасенъ, при паденіи самъ гаснетъ. Ночникъ со свѣт., наст., укупорк. и пересылк. 2 р.; три ноч. 5 р.; шесть ноч. 9 р., дюж. 16 р. СПбургъ, Симбирская ул., д. № 3, кв. № 38. Г-жѣ Коболевой. № 3933

КРЕСТООБРАЗНАЯ ГОРѢЛКА съ гайк. 2 стекл. свѣт. наст. укуп. и перес. 3 р. Три гор. 8 р. Шесть гор. 16 р. Дюж. 30 р.

АРИСТОНЪ.

Новѣйшій ручной органъ, на которомъ можно, посредствомъ перемѣны кружковъ, играть безчисленное множество піесъ; въ настоящее время уже болѣе тысячи номеровъ; весьма удобенъ для танцевъ; играетъ также извѣстнѣйшія оперы. оперетки. русскія пѣсни и много другихъ.

Цѣна аристону съ 10-ю піесами по выбору 25 рублей.

За пересылку прошу прилагать за 40 фунт. Отдѣльныя піесы по 60 коп. рекомендуетъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

С.-Петербургъ: Б. Морская, домъ № 36. Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго. Новый каталогъ піесамъ для аристона на русск. и нѣм. яз. безплатно. Р. 3910 3—2

БРАТЬЯ ЕЛИСѢЕВЫ

считаютъ нужнымъ извѣстить почтенную публику. что не смотря на повышеніе пошлины. цѣны на вино въ бутылкахъ остаются БЕЗЪ ПЕРЕМѢНЫ. по существующему прейсъ-куранту до открытія навигаціи. т. е. до мая мѣсяца 1885 г. № 3894 3—8

ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.
ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
Р. А. БАРСЪ.
Москва. Газетный пер., д. Фульда. 3885
Леченіе болѣзней зубовъ.
Пломбированіе. Операціи.

АРГОЗІЙ-ПОДТЯЖКИ

съ пересылкою **2 р. 25 к.**
Оптовая и розничная продажа.
Складъ резинов. товаровъ
Конст. МАЛЬМЪ,
Большая Морская № 36.
По Воскресеньямъ закрыто.
№ 3922 5—2

ВЫШЛО НОВОЕ ДѢТСКОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ

А. КРУГЛОВА.

Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ. Съ 60 рисунками въ текстѣ. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Въ переплетѣ—2 р. Ш. № 3935 1—1

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ!

Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, паради. лѣстница въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКІЯ въ 2, 3, 3½ и 4½ руб. Двойныя въ 5½, 7 и 8 руб. **ДАМСКІЯ** въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб. пересылка—50 коп. Торговымъ скидка!

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1884 ГОДА,

заключающій въ себѣ болѣе 1200 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. Соловьева — „Изгнанникъ“, большой романъ графа Е. А. Саліаса — „Въ старой Москвѣ“, разсказъ Я. П. Полонскаго— „Вадимъ Голетаевъ“ и изъ воспоминаній того-же автора— „И. С. Тургеневъ у себя“, повѣсть Д. В. Григоровича — „Недолгое счастіе“, разсказы Н. В. Успенскаго — „Новые помѣщики“ и „Привольная жизнь“, разсказъ П. П. Гнѣдича — „Въ 12-мъ году“, разсказы А. Я. Максимова—„Жертва злому духу“ и „На соболей“, повѣсть П. Петрова— „Багровая пыль“ и др. произведенія современныхъ беллетристовъ, а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина Проф. Импер. Академіи Художествъ К. Е. Маковскаго „ГУСЛЯРЪ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ

Брошюрован.	4 р.	Въ каленк. перепл.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою	6 „	Съ пересылкою	7 „ 50 „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Б. Морская. №9: въ Москвѣ—въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской. д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

28 и 29 МАРТА 1885 года

будетъ розыграна ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ

XXXIV ЛОТЕРЕЯ Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

Выигрышей 500 на сумму 25000 руб. Первый выигрышъ брил. серебр. вещами 10000 руб. № 3839 10 6

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва. Собачья площадь. д. Каренина.

СЕМЕЙНЫЯ

швейныя машины
С. ЗИНГЕРА
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
Ручныя отъ 18 руб., ножныя отъ 40 руб.

ВЯЗАЛЬНЫЯ МАШИНЫ

Американской системы для чулокъ и носокъ отъ 80 руб. Иллюстрированные прейсъ-куранты высылаемъ безплатно.

В. К. ЖЕЛЯКОВЪ СЪ СЫНОМЪ. № 3929 1—1

С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 41. Москва, Никольская ул., д. Алексѣева.

НЕ МОГУТЪ СПОРИТЬ

никакіе кремы, ни притиранія для женскаго лица—съ достоинствами мамонтоваго мыла. Натуральная бѣлизна, свѣжесть, прозрачность являются послѣ употребленія этого мыла, буквально замѣняющаго собою всѣ косметики. Цѣна 60 к.

МОКРАЯ ПУДРА

не осыпается съ лица: употребленная разъ въ сутки, оставляетъ на лицѣ натуральную бѣлизну до слѣдующаго дня и уничтожаетъ загаръ. Цѣна 2 р., перес. 50 к. Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ: въ С.-Петербургской химической лабораторіи и у Рузанова; въ Москвѣ: Бунсъ, Кузнецкій мостъ; у Теодоръ, на Кузнецкомъ мосту: въ Харьковѣ,—аптека Груздева и у Юфуда Айвазы; въ Одессѣ, у Гельдера; въ Вильнѣ, у Гружевскаго; въ Варшавѣ, въ магазинахъ Добржанскаго, куда и просятъ обращаться иногородныхъ.

BALSAM COLORADO

Doctor's Jeffersohn's.

Прекращаетъ вылѣзаніе волосъ, укрѣпляетъ ихъ корни. перхоть исчезаетъ въ одинъ разъ, волосамъ придаетъ прекрасный ростъ, блескъ и мягкость, уничтожаетъ сѣдину постепенно или въ одну ночь, по желанію потребителя.

Цѣна 4 р., перес. 1 р., *въ тѣхъ же магазинахъ.* № 3863 5—5

„АМЕРИКАНКА“,

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной водѣ. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Губернскому агенту Русск. Страх. Общества, В. Шлемензону, въ Симферополь.

ОТЗЫВЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

М. Г. Веніаминъ Ильичъ. Получивъ отъ Васъ двѣ „Американки“, нашла ихъ отлично стирающими, почему, прилагая при семъ пятнадцать рублей, покорно прошу Васъ выслать мнѣ еще три штуки, адресуя по Курско-Азов. дорогѣ на ст. Барвенково. Ольгѣ Николаевнѣ Бородаевской. 14 декабря 1884 г. № 3931

Изданіе А. Ф. МАРКСА.
ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ перес. 9 руб. ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 р., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: „ДВА МІРА“ и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива“ (Бол. Морская, № 9): **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1885 годъ.

РОДНИКЪ.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками до 100 и болѣе стр., со многими картинками. Помѣщаются главн. образомъ оригинальныя произведенія изъ русской жизни.

Премія къ „РОДНИКУ“ 1885 г.

Альбомъ изъ 12 историческихъ изъ иллюстр. журналъ для дѣтей картинъ художника **А. Земцова**, въ красивой обложкѣ выдается немедленно при подпискѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:
3 книжки педагогическаго сборника

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
На годъ съ доставк. и перес. безъ сбор. **5 р.**
На годъ съ прилож. педагогич. сборника **6 р.**
Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Никольская ил., д. 4. 3932

ПРИГЛ. КОМПАН.

отъ **35** т. р. для расширенія книж.—печатнаго дѣла; существ. 15 л. и дающ. не менѣе 15% чист. прибыли, при личномъ участіи. Занятіе доступно дамѣ. Капиталъ гарантированъ. Москва, Воздвиженка, д. Армандъ. Генералу **Залѣсскому.** № 3924 1—1

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургскую центральн. контору объявленій. **Невскій пр.: № 8**, подъ лит. В. Р. № 3328

№ 3736 12—6

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книжн. магазина Земскаго въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. СПБ. 27 февраля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 10 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 Марта 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Р. Г. Судковскій.

4-го февраля скончался въ Очаковѣ Руфимъ Гавриловичъ Судковскій, живописецъ-маринистъ, выказавшій большой талантъ въ послѣдніе годы своей рано кончившейся жизни. Онъ родился въ Очаковѣ, 7-го апрѣля 1850 года. Родные его—духовные, въ теченіи трехъ поколѣній жили и служили при одной церкви въ Очаковѣ и будущій художникъ получилъ образованіе въ херсонской семинаріи. Призваніе къ живописи и именно къ пейзажу пробудилось у Р. Судковскаго въ дѣтствѣ, и оно-то привело 17-тилѣтняго юношу въ Петербургъ и въ академію художествъ. На другой же годъ по поступленіи въ академію (въ 1868 г.) онъ уже выставилъ свои этюды-картинки „Вечеръ въ Малороссіи“, „Ночь на днѣпровскомъ лиманѣ близъ Очакова“ и „Утро въ Крыму“. Затѣмъ на слѣдующій годъ, написалъ видъ очаковской набережной; но добросовѣстные опыты художника съ такимъ раннимъ развитіемъ, не обращали на себя вниманіе посѣтителей выставокъ, даже и при значительной техникѣ. Въ 1872 г. были его картины уже хорошо выполненныя: „Послѣ бури“, „Передъ бурей“ и „Буря около береговъ Очакова“,—сюжеты потомъ имъ повторяемые не разъ и при каждомъ новомъ опытѣ съ большимъ совершенствомъ. Пробывъ 4 года въ академіи и занимаясь изученіемъ одной родной природы, Судковскій оставилъ столицу и уѣхалъ на родину. Оттуда прислалъ онъ въ 1873 г. картину „Рыбакъ застигнутый бурею“, тоже не произведшую впечатлѣнія. Художникъ отправился въ Германію, желая видѣть образцы высокаго искусства. Техника у молодаго таланта стала развиваться. Это уже было замѣтно на картинахъ, выставленныхъ здѣсь въ 1877 и 1879 гг. Онѣ получили уже силу, жизнь, а эффекты бури и ночи—глубину и воздушность. Затѣмъ новыя двухлѣтнія поѣздки и изученія—и въ Судковскомъ проявился ма-

Р. Г. Судковскій. † 4 февр. По фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

стеръ. На картинахъ, выставленныхъ имъ съ Клеверомъ, два раза уже проявился глубокій и оригинальный талантъ. Академія признала его академикомъ. А последняя выставка въ помещеніи академіи художествъ, въ минувшемъ году, поставила талантъ Судковскаго очень высоко. Судковскій въ выставленныхъ имъ шести картинахъ средняго размѣра и четырехъ большихъ проявилъ замѣчательное стремленіе къ совершенствованію. Все, что прежде въ его картинахъ замѣчалось хорошаго — знакомство съ предметомъ, любовь къ природѣ, умѣніе воспроизводить извѣстные моменты, вѣрность въ передачѣ разныхъ мелочей — все это имѣлось и въ его новыхъ картинахъ; но кромѣ того замѣчался необыкновенный успѣхъ относительно рисунка волнъ, прозрачности воды, болѣе широкой и болѣе разнообразной и искусной композиціи. Тутъ-то несомнѣнно проявляется вліяніе Айвазовскаго, мастера рисунка волнъ и передачи прозрачности воды. Напримѣръ прекрасная картина „Прибой въ туманѣ“: какая достигнута прозрачность воздуха на первомъ планѣ! Сколько правды въ этихъ длинныхъ, тихо разливающихся волнахъ. Какъ тутъ все словно вѣетъ освѣжающимъ воздухомъ морскаго берега! Это была одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ замѣчательнаго таланта г. Судковскаго: передача воздуха со всѣми особенностями. Писалъ-ли онъ бурю, или удаляющуюся грозу, солнечный зной лѣтняго дня на берегахъ юга, или пасмурный видъ моря подъ сѣрою массою тучъ и облаковъ — все ему давалось одинаково хорошо и замѣчательно вѣрно. Смерть прервала поприще художника, уничтоживъ всѣ его надежды и планы. Онъ умеръ 31 лѣтъ. Въ академіи художествъ была отслужена панихида по Судковскомъ, такъ безвременно потерянномъ нами художникѣ, передъ которымъ была такая блестящая будущность. Городъ Очаковъ хоронилъ съ почетомъ своего талантливаго земляка и гробъ покрытъ былъ цвѣтами и вѣнками. Въ „Нивѣ“ 1884 г. (22 №) была копія его превосходной картины „Пристань въ Очаковѣ“, а въ 1883 г. въ 11 № подробная статья о произведеніяхъ молодаго художника.

Голосъ крови.

(Драма глухаго форта).

Н. Н. Каразина.

ЧАСТЬ III.

(Окончаніе).

Условившись переговорить вечеркомъ по душѣ, комендантъ и Шелобовъ аккуратно собрались у Ивана Акимовича, къ назначенному часу.

Павлушу угнали въ командировку, хотя онъ и поупрямился немного. Уже второй день, какъ его не было въ фортѣ. И теперь пріятели могли свободно говорить съ глазу на глазъ.

Первый началъ Иванъ Акимовичъ.

— И такъ, пошелъ онъ прямо къ цѣли, безъ обиняковъ,—онъ зарылъ деньги тамъ, гдѣ нибудь, по близости. Не станетъ же онъ держать улику въ своей квартирѣ. И обыскъ, что мы произвели, понятно, ни къ чему не привелъ.

— Похоже! согласился Семенъ Семеновичъ Огурчиковъ.

— Вотъ и ѣздитъ все по ночамъ навѣдываться — цѣло ли? И вчера туда же поѣхалъ, да на непрошеннаго сторожа и наткнулся.

— Похоже! согласился и Василій Ивановичъ.

— Значитъ, надобно искать! хлопнулъ по колѣну кулакомъ Глухаревъ.

— Значитъ надобно искать! снова хладнокровно согласился Шелобовъ.

— Полагаю взять команду, роты полторы, двѣ, засуетился Огурчиковъ,—и секретно обложить всю мѣстность... Стягиваться мало-по-малу кольцомъ и тщательно изслѣдовать почву. Взять съ собою лопатъ побольше, ломовъ—и чуть только гдѣ что подозрительнаго,—сейчасъ...

— Огласки дѣлать нельзя, замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Зачѣмъ огласка? Самая строгая тайна! поднялъ кверху палецъ комендантъ.

— А если ничего не найдемъ?

— Все равно, держать послѣ въ строгомъ секретѣ?

— Это секретъ съ полутора ротами солдатъ... Очень удобно! улыбнулся Василій Ивановичъ.

— Неудобно! затянулся дымомъ старикъ Глухаревъ.

— Ужъ если искать гдѣ надо, такъ это у Миробайки, заговорилъ Шелобовъ.— Подозрительны показались мнѣ эти бумажки, да портсигаръ. Ухъ какъ подозрительны! Тамъ и искать надо. Да и то не зачѣмъ.

— Это какже? возразили ему въ одинъ голосъ собесѣдники.

— А очень просто. Допустимъ, что Криницынъ убилъ и ограбилъ Горкина. Является вопросъ—для чего онъ это сдѣлалъ? Натурально, что не для того чтобы держать деньги въ землѣ, или у кого нибудь на вѣчномъ храненіи. Значитъ, уѣзжая отсюда,—рано или поздно, онъ долженъ же уѣхать,— онъ заберетъ эти деньги съ собою. Онъ самъ и укажетъ намъ мѣсто ихъ храненія.

— Слѣдить за нимъ! догадался комендантъ.

— Натурально. Тогда мы до чего нибудь и доберемся. Осмотрѣть его и его экипажъ, уже на дорогѣ, мы всегда найдемъ, если не приличный поводъ къ этому, то просто возможность... А до тѣхъ поръ, ни гу-гу... Понимаете?

— Понятно!

— Мнѣ вотъ говорили, когда я сюда маршировалъ, что онъ уже пришелъ въ сознаніе—разговаривать началъ. Докторъ находитъ, что нервное возбужденіе дошло чортъ знаетъ до чего, но за горячку не боится... Здоровая натура! Только, чего это могъ онъ такъ встряхнуться... Человѣкъ то онъ—далеко не изъ робкихъ... Не понимаю!.. Что же ты, хозяинъ, созвалъ гостей, а угощенія не ставишь? Распорядись-ка ужиномъ!

— Сейчасъ! встрепенулся Иванъ Акимовичъ и, отстегнувъ крючокъ у двери, крикнулъ:

— Фадѣевъ! Собирай на три прибора!

XXX.

Надя узнала, благодаря расторопности Аделаиды Францовны и востроносой Аписьи, все, что произошло.

Разсказъ дѣвицы-акушерки, разукрашенный до невозможности самыми пряными романическими красками, произвелъ на дѣвушку глубоко-потрясающее впечатлѣніе.

„Израненный, истекающій кровью, близкій къ смерти,—и одинъ, всѣми брошенный, всѣми ненавидимый... представлялось ей. И вокругъ ни одного сочувственнаго слова, ни одного ласковаго взгляда. И она, слабодушная, здѣсь, а не съ нимъ... Его Надя, его сердце,—не прійдетъ къ нему, не обниметъ его, не простится съ нимъ, отходящимъ въ могилу. Нѣтъ, этого не будетъ...“

Она, съ энергическою рѣшимостью, выпрямилась гордо, словно выросла разомъ цѣлою головою, накинула платокъ и вышла изъ спальни.

Это было ночью уже. Старикъ Силантій спалъ въ своей коморкѣ и не слышалъ ни паденія легкаго стула, опрокинутаго Надею во время переходовъ черезъ темную залу, ни стука замка, ни слабаго скрипа отворяющейся двери.

— Божественно! Прелестно! раздался около нея шепотъ Аделаиды Францовны.— Вы героиня! Вы сдержали свое слово!.. Прелестно!

Надя шла скоро, плотно прижимая концы платка къ своей, почти задыхающейся отъ волненія, груди, и не слушала похвалъ дѣвицы-акушерки. Та шла за нею слѣдомъ, но, не доходя шаговъ двадцати до дверей Криницынской квартиры, остановилась и спряталась въ тѣни.

Это произошло какъ разъ въ ту минуту, когда Иванъ

Акимовичъ, наливъ до краевъ три рюмки, обратился къ своимъ гостямъ со словами:

— Прошу. По первой!

Павелъ Петровичъ пришелъ въ сознаніе.

Онъ все еще лежалъ, ощущая сильную слабость, но въ его глазахъ уже свѣтился огонекъ жизни. Онъ съ большимъ усиліемъ, хватаясь по временамъ за голову руками, старался, по возможности, припомнить и уяснить себѣ все, что съ нимъ произошло. Мысль, что онъ самъ, въ бреду, могъ себя выдать, вызвала холодный потъ на его воспаленномъ лбу.

Нечеловѣческое усиліе нужно было сдѣлать для того, чтобы, по возможности, хотя, привести въ порядокъ тотъ безсмысленный хаосъ, царившій у него въ головѣ. Онъ уже проэкзаменовалъ деньщика и, видимо, былъ успокоенъ результатами этого экзамена. Больше всего смущало его посѣщеніе коменданта и Шелобова; къ визиту Ивана Акимовича онъ отнесся почему то равнодушнѣе.

„Надо бросить, думалъ онъ, эту предательскую страсть.—Надо бѣжать!.. Пора...“

И тотчасъ же мысль о бѣгствѣ неразрывно связалась съ мыслью о Надѣ.

„Съ нею, но не одному...“ Образъ дѣвушки отчетливо рисовался передъ нимъ. Онъ мысленно тянулся къ ней руками, мысленно сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Надя! Ты мое искушеніе!.. машинально шептали губы Крипицына.

— Надя! еще разъ, громче повторилось это имя.

Живая, уже не призрачная, Надя стояла на порогѣ его дверей и слышала этотъ молящій призывъ.

Павелъ Петровичъ вздрогнулъ, рванулся съ постели и закрылъ лицо руками.

Онъ видѣлъ дѣвушку, но за нею, въ высокомъ темномъ четвероугольникѣ дверей стоялъ еще кто то. Этотъ кто-то былъ самъ покойный Федоръ Горкинъ... Теперь уже не затылокъ съ пробоиной смущалъ Крипицына своимъ молчаливымъ укоромъ; теперь прямо на него, въ упоръ смотрѣли, изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей, два глаза.

Павелъ Петровичъ попятился къ стѣнѣ, онъ готовъ былъ опрокинуть, повалить эту преграду своимъ напоромъ, но стѣна не подавалась.

Глаза призрака неподвижно были устремлены на него.

Крипицынъ упалъ на колѣни.

XXXI.

Глухаревъ, комендантъ и Шелобовъ, безмятежно, и даже весело, кончали свой ужинъ, какъ вдругъ въ дверь, не растворившуюся, а точно съ петлей сорвавшуюся, какъ бомба влетѣлъ докторъ.

— Сознался! крикнулъ онъ, задыхаясь и падая на стулъ.

— Что?

— Какъ?

— Кто? Въ чемъ дѣло?

Послышались торопливые вопросы.

— Крипицынъ сознался... Онъ убилъ... Сознался... О, Господи... что это у васъ?

И, не дожидаясь отвѣта, докторъ налилъ себѣ полный стаканъ изъ первой, попавшейся подъ руку бутылки и выпилъ залпомъ.

— Да говори толкомъ! обратился къ нему Шелобовъ.

— По порядку, по порядку... Съ самаго начала... По порядку! засуетился полковникъ Огурчиковъ, отыскивая глазами: куда это, молъ, онъ свою саблю запряталъ?

— Сейчасъ! Дайте духъ перевести!.. Я предполагалъ навѣдаться къ нему, думаю, погляжу, что, какъ у него къ ночи? Иду,—вхожу и слышу... Знаете, онъ, этакъ, на полу, на колѣняхъ... Она...

— Кто она? заревѣлъ Иванъ Акимовичъ, поблѣднѣвъ какъ полотно.

— Надежда Федоровна... Наденька...

— Куда же ты, Ваня, постой! хотѣлъ было остановить Ивана Акимовича Шелобовъ.

Но того уже и слѣдъ простылъ. Не смотря на свои лѣта, старикъ бѣгомъ пустился по улицѣ, бормоча что-то несвязное.

— Ну, дальше, дальше?..

— Я остановился въ сѣняхъ, продолжалъ докторъ.— Я все видѣлъ и слышалъ. Крипицынъ говоритъ: „Это я убилъ твоего отца.“ Потомъ я ничего не могъ разобрать. Слышу только: „Ты моя, ты будешь моя... Я твой... Я, говоритъ, замѣню... Я всю жизнь...“

— А Надя? спокойно спросилъ Шелобовъ.

— Надя?.. докторъ сталъ какъ будто припоминать.— Ахъ да... Она была, но потомъ ее увели, то есть унесли;—эта Розенблюмша и баба одна, подхватили подъ руки, а я сюда...

— Да когда вы вошли, въ сѣни-то, вы видѣли Надю?.. Она тамъ была?

— Ну да, ну да... Она стояла посреди комнаты. Я, думаю, кто бы это могъ быть? Спиною она ко мнѣ стояла, а потомъ упала, то есть не совсѣмъ упала, а этакъ качнулась. Ее и подхватили... Да, да... Я самъ-же и подхватилъ, а тутъ ее у меня изъ рукъ взяли. Павелъ Петровичъ уже ко мнѣ обратились, они можетъ меня за кого другаго приняли... и еще разъ: „Я убійца...“ Начали еще говорить что-то, а вдругъ какъ возрятся въ меня, да за горло. Рванулся, что было мочи, не успѣлъ и „караулъ!“ крикнуть... едва отбился, да сюда къ вамъ... Вотъ посмотрите: воротникъ пальто чуть совсѣмъ не оторванъ, а фуражка моя тамъ и осталась...

— Арестовать немедленно! должно быть самъ себѣ, приказалъ комендантъ, отыскалъ наконецъ свою саблю, пристегнулъ и вышелъ... Шелобовъ за нимъ, докторъ подождалъ минуту, выпилъ еще полстакана и отправился тоже...

Въ окнахъ уже уснувшихъ домиковъ форштата, стали, тамъ и сямъ, загораться огоньки...

Не успѣлъ Глухаревъ пробѣжать половину разстоянія до квартиры Крипицына, какъ на встрѣчу ему попалась, медленно движущаяся, группа—это несли Надю... Аделаидѣ Францовнѣ и Анисьѣ должно быть не по силамъ пришлась подобная ноша: онѣ поминутно останавливались и переводили духъ...

— За такія дѣла, сударыня, знаете-ли что?.. прохрипѣлъ Иванъ Акимовичъ по адресу акушерки. Прочь! оттолкнулъ онъ ногою сунувшуюся было къ нему Анисью...

Аделаида Францовна хотѣла было обидѣться, да уже очень струсила, бросила Надю и скрылась. Анисья заревѣла благимъ матомъ:

— Не виновата, батюшка!..

Глухаревъ поднялъ свою пріемную дочь, какъ ребенка, на руки, и повернулъ къ дому.

Между тѣмъ, полковникъ съ Шелобовымъ уже входили во дворикъ Крипицынской квартиры... Докторъ догналъ ихъ и шелъ сзади... Изъ сосѣднихъ дворовъ тоже появились заспанные зрители...

Комендантъ энергично крякнулъ, пощупалъ на всякій случай, съ нимъ ли револьверъ и переступилъ порогъ первый.

На столѣ, догорая, чадила свѣча; кровать Павла Петровича въ безпорядкѣ, сдвинута была подъ угломъ на средину, прямо лежало опрокинутое кресло и столикъ, около котораго осколки умывальной чашки и мокрые компрессы... Самого хозяина на лицо не оказалось.

Въ отпуску. Съ картины Фр. Дефрегера, грав. на деревѣ Кезебергъ и Эртель.

— Гдѣ же господинъ штабсъ-капитанъ Криницынъ? оффиціальнымъ тономъ спросилъ комендантъ.

— Не могу знать-съ, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ денщикъ.

Онъ тоже смотрѣлъ растерянно.

— Баринъ гдѣ? повторилъ вопросъ Василій Ивановичъ.

— Ушедши-съ...

— Куда?

— Не могу знать!.. Вышли недавно-съ... такъ безъ сюртука, безъ сапогъ... Ничего не сказали-съ... Я думалъ куда, недалеко... Я сейчасъ погляжу-съ...

— Ищи! приказалъ полковникъ Огурчиковъ... Такъ какъ вы полагаете, господа?..

Докторъ остановился на порогѣ и осматривалъ слабо освѣщенную комнату съ любопытствомъ и нѣкоторымъ страхомъ, Шелобовъ, въ раздумьѣ, стоялъ, прислонившись къ печкѣ...

— Никакъ нѣтъ-съ! появился въ дверяхъ денщикъ.

— Что, никакъ нѣтъ-съ... что?.. заревѣлъ ему навстрѣчу комендантъ.

— Не нашелъ-съ... нхъ и тамъ нѣту. На конюшню заглянулъ, тоже нѣтъ. Такъ, разумши съ... Въ одномъ бѣльѣ-съ... Что же это такое?... Прости Господи!

Комендантъ многозначительно посмотрѣлъ на Шелобова, тотъ пошевелилъ плечами и сталъ закуривать папиросу..

— Далеко не могъ уйти... Здѣсь гдѣ нибудь, по близости... фонарика бы гдѣ найти... Поискать надо!..

Принялись за розыски... волонтеровъ по такому дѣлу нашлось довольно, достали и фонарей. Черезъ нѣсколько минутъ въ темнотѣ замелькали двигающіеся огоньки, освѣщая встревоженныя фигуры искателей..

Заглядывали въ канавы, подъ каждый кустъ.. слышались голоса, почему-то шепотомъ: „Здѣсь посвѣти... Сюда!.. Далеко не уйдетъ!. Гдѣ уйтить... Можетъ лежитъ, въ безчувствіи... Можетъ померши уже... А ну-ко, это что?.. гдѣ... гдѣ?. Ахъ ты чортъ... это куль съ ячменемъ... ишь куда засунули!..“

Прапорщикъ Ползунковъ прибѣжалъ тоже и съ нимъ еще нѣсколько офицеровъ. Комендантъ, на всякій случай, распорядился приготовить разъѣзды изъ шести казаковъ и собраться сюда, да и его лошадь осѣдлать немедленно...

— Если здѣсь не найдемъ, то надо ѣхать по дорогѣ къ Бешь-арыку... больше некуда! сообщилъ свою догадку Василій Ивановичъ и тоже послалъ за своимъ „рыжкою“.

Ночь выдалась, на этотъ разъ, крайне тревожная...

XXXII.

Давно уже погашены были фонари, освѣщавшіе гостепріимный пріютъ купца Миробая, давно уже, какъ сурки, сладко спали Мамунъ съ Алибеемъ, прижавшись другъ къ другу, подъ однимъ одѣяломъ, давно уже и самъ хозяинъ наслаждался полнымъ покоемъ въ своемъ комфортабельномъ логовищѣ, какъ неожиданно, сильный ударъ въ закрывавшія главный входъ доски, нарушилъ общее спокойствіе.

— Кого это чортъ несетъ въ такое позднее время? первый проснулся Миробай и сталъ боязливо прислушиваться...

Ударъ повторился, значительно сильнѣе прежняго.

— Мамунъ! Алибей! не слышите, что ли?!. спросите, что тамъ нужно? кто ломится? окликнулъ татаринъ. Да не отворяйте -спросите прежде!

— Кто тамъ?

— Что нужно?

Встрепенулись оба мальчика, тревожно высунувъ головы изъ подъ теплаго стеганаго одѣяла.

— Отворяй! послышался голосъ... словно какъ будто знакомый, но какой то странный...

Тотъ кто говорилъ, будто простоналъ свое требованіе.

— Хозяинъ!.. никакъ тюра Криницынъ! отозвался Алибей.

— Павла Петровичъ... что такое?! зажги огонь. Что такое, право?.. зажигай скорѣе!.. Это ты, Павла Петровичъ?..

— Я... отворяй скорѣе!.. послышалось въ отвѣтъ.

Миробай торопливо, на свои, уже надѣтые два халата, натянулъ третій и появился въ лавкѣ. Мамунъ раздулъ уже уголья и чадилъ огаркомъ сальной свѣчки...

— Ты, Павла Петровичъ? переспросилъ еще осторожный хозяинъ.

— Я... я... я... да отворяй-же!..

— Сичасъ—сичасъ!.. Аллахъ-Аллахъ! чтобы это значило?.. Мамунъ, отцѣпи крючекъ!

Послышался стукъ засова, затѣмъ—щелкотня поочередно вынимаемыхъ изъ пазовъ досокъ; въ нагрѣтую атмосферу лавки хлынулъ потокъ холоднаго ночнаго воздуха... Миробай остолбенѣлъ, глаза закрылъ даже, и попятился...

Черезъ порогъ, не перешелъ, а переползъ, Криницынъ.

Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, въ грязи... Его глаза горѣли горячечнымъ блескомъ... Кровавый шрамъ тянулся ото лба—черезъ щеку наискось... наткнулся на что нибудь въ темнотѣ, дорогою...

— Аллахъ-Аллахъ! шепталъ, охваченный ужасомъ, Миробай...

Оба мальчика смотрѣли на неожиданнаго гостя своими громадными, черными, какъ у козлятъ, красивыми глазками...

— Тюра, что ты?.. что случилось?.. повторилъ хозяинъ.

— Что случилось?! ничего не случилось, пробормоталъ Криницынъ... Давай деньги... пора... время уже... неси сюда все... ну, скорѣе!..

— Сейчасъ! отвѣчалъ глухимъ голосомъ Миробай и вышелъ.—Мамунъ, чай варить скорѣе, для Павлы Петровича!.. донесся уже издалека его приказъ.

Криницынъ легъ на коверъ и машинально потянулъ на себя первое, что попалось подъ руку...

Ему было холодно... голова горѣла, а все тѣло его охвачено было лихорадочнымъ ознобомъ...

Мамунъ раздулъ уголья и зазвенѣлъ чайниками..

— Ты пѣшкомъ пришелъ, тюра? полюбопытствовалъ Алибей.

Павелъ Петровичъ не отвѣчалъ, только ближе пододвинулся къ тагану, ярко уже освѣщавшему всю внутренность чай-хане... Недалеко отъ огня виднѣлось мѣдное блюдо съ обрѣзками дыни, тутъ же лежалъ кривой ножъ, предназначаемый именно для этой цѣли... чашка съ остывшимъ пловомъ, обглоданная тщательно нога барашка... По стѣнѣ тревожно бѣгали юркія сороканожки, захваченныя свѣтомъ врасплохъ, прячущіяся въ щеляхъ штукатурки...

— Скажи же ты мнѣ, тюра, что такое случилось? произнесъ Миробай, входя снова и покойно усаживаясь подлѣ Криницына.

Всезнающій, многомудрый хозяинъ чай-хане, видимо, уже овладѣлъ собою, кое что сообразилъ и теперь пристально, пытливо глядѣлъ прямо въ глаза гостю.

— Деньги принесъ?

Криницынъ протянулъ руки.

— Денегъ тебѣ нужно? покойно спросилъ въ свою очередь Миробай. Я дамъ тебѣ денегъ... Я никогда не откажу другу въ такой просьбѣ... Вотъ у меня теперь есть три золотыхъ... бумажками рублей на восемь найдется... Довольно съ тебя?..

— Тѣ деньги неси... тѣ... слышишь? Бери себѣ свою четвертую долю... неси остальныя...

Павелъ Петровичъ сбросилъ съ себя войлокъ и приподнялся...

— Какія? спокойно, передернувъ плечами спросилъ Миробай...

— А!.. застоналъ Павелъ Петровичъ...

И прежде чѣмъ хозяинъ успѣлъ приготовиться, успѣлъ понять движеніе своего гостя, Криницынъ схватилъ ножъ и ринулся на татарина.

Ударъ пришелся неловко, лезвіе ножа, направленное слабою рукою нападавшаго, запуталось въ безчисленныхъ складкахъ халатовъ. Миробай вскочилъ, бросился къ дверямъ и во все горло закричалъ: „караулъ!“..

Въ эту минуту подъ сводами базара замелькали огни и послышался топотъ копытъ... Цѣлая кавалькада всадниковъ наполнила узкій проѣздъ между лавками, изъ за поворота появились еще косматыя конскія головы.

Два казака впереди освѣщали дорогу фонарями, за ними отчетливо выдѣлялись фигуры коменданта и Василія Ивановича, сзади краснѣлись малиновые околыши уральцевъ и искрились концы винтовокъ у нихъ за плечами...

— Что такое? громко окликнулъ Семенъ Семенычъ.

— Не знаю... ничего не знаю... скороговоркою, задыхаясь отъ страха, затараторилъ Миробай... Тюра Криницынъ здѣсь... Онъ пришелъ... я его не звалъ... Я ничего не знаю... Откуда мнѣ знать!.. Я торгую чаемъ, это самъ губернаторъ знаетъ... я честный купецъ... заслуженный... у меня медаль... Мамунъ неси скорѣе мою медаль... Большую медаль—главную самую... она тамъ, на зеленомъ халатѣ... неси скорѣе... Видишь—самъ господинъ полковникъ посмотрѣть хочетъ...

Но ни Мамунъ, ни Алибей не откликнулись на зовъ своего хозяина. Они какъ крысы забились, гдѣ то, по темнымъ угламъ, и затаили духъ.

Миробай, согнувшись въ три погибели, кинулся къ стремени коменданта и чуть не на рукахъ снялъ его съ сѣдла.

Шелобовъ давно уже слѣзъ—и первый вошелъ въ лавку.

— Здѣсь! произнесъ онъ обернувшись и пропустивъ въ двери коменданта.

Павелъ Петровичъ лежалъ на лѣвомъ боку, почти ничкомъ.

Василій Ивановичъ подхватилъ лежащаго подъ мышки и приподнялъ. О плиты пола зазвенѣлъ выпавшій откуда-то ножъ... Подъ тѣломъ Криницына разлилась громадная кровавая лужа.

— Самъ зарѣзался... поторопился трепеща съ оправданіемъ Миробай...

— Протоколъ! торжественнымъ тономъ произнесъ Семенъ Семеновичъ и снялъ шапку...

Составили протоколъ. Миробая арестовали, усадили на лошадь и отправили подъ конвоемъ въ фортовой казематъ, до выясненія дѣла, мальчиковъ разыскали и арестовали тоже. Къ гаремной саклѣ, гдѣ выли, обезумѣвшія отъ ужаса, ничего не понимающія жены хозяина, приставили часоваго; ко входу въ лавку, со стороны улицы,—тоже. Шелобовъ сообщилъ, что позади двора изъ сада есть еще калитка; калитку эту нашли и тоже поставили казака, съ обнаженною шашкою.

Семенъ Семеновичъ здѣсь же составилъ донесеніе къ высшему начальству и тотчасъ же это донесеніе отправлено было съ нарочнымъ джигитомъ въ городъ. Шелобовъ написалъ нѣсколько словъ Глухареву, приглашая его, если можно, пріѣхать въ Бень-арыкъ съ разсвѣтомъ. Все остальное отложили до утра: дожидаться же этого утра порѣшили здѣсь-же, на мѣстѣ загадочнаго происшествія.

Иванъ Акимовичъ бережно донесъ Надю до дому. На порогѣ встрѣтилъ его Силантій. Глухаревъ хотѣлъ было накинуться на старика съ упреками: „Ты-же какъ прозѣвалъ, старый чортъ!..“ Началъ было онъ, но замѣтилъ убитый видъ стараго инвалида—и замолчалъ.

Раздѣли Надю, уложили въ постель. Анисья хлопотала особенно усердно, ёжась, подъ вліяніемъ гнѣвнаго взгляда Ивана Акимовича.

Обморокъ Нади держался упорно. Бѣдная дѣвушка не обнаруживала никакихъ признаковъ жизни.

— Уже не конецъ ли это? задавалъ себѣ вопросъ Глухаревъ и его сердце болѣзненно сжималось... рыданія подступали къ горлу—старый солдатъ крѣпился какъ могъ и не спускалъ руки съ груди Нади... Онъ все ждалъ первыхъ признаковъ пробуждающагося сердцебіенія...

Побѣжалъ Силантій за докторомъ, вернулся ни съ чѣмъ. Докторъ, вишь ты, поскакалъ, говорятъ, въ Бень-арыкъ, за комендантомъ.

— Анафема! проворчалъ Иванъ Акимычъ...

Прошелъ часъ, прошелъ другой... Мирный бой часовъ съ кукушкою уныло раздавался по горкинскимъ комнатамъ.

— За Аделаидою Францовною послать бы? робко осмѣлилась вымолвить слова Анисья...

Иванъ Акимовичъ подумалъ, посмотрѣлъ на Надю, вздохнулъ и произнесъ:

— Пошли.

Побѣжалъ за акушеркою Силантій—вернулся съ отказомъ,—говоритъ: „Ни за что не пойду... Еще убьетъ меня этотъ медвѣдь необразованный...“

Дѣйствительно, еслибы Аделаида Францовна появилась въ эту минуту, послѣ своего отказа—такъ бы и случилось.

Получили записку Шелобова. Тигровый охотникъ писалъ:

„Другъ Ваня!

Этотъ зарѣзался... Чортъ съ нимъ! Сообщи, что Надя? Если можешь—пріѣзжай... Ну, и дѣла-же!

Шелобовъ“.

Внимательно прочелъ Иванъ Акимовичъ эту записку и, молча, передалъ ее Силантію. Тотъ вооружился большими очками и сталъ разбирать, водя по строчкамъ дрожащимъ пальцемъ.

Разобралъ и набожно перекрестился... Иванъ Акимовичъ счелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру...

Надя въ первый разъ вздохнула только съ разсвѣтомъ и ея закрытыя вѣки слегка дрогнули...

Глухаревъ торопливо вышелъ въ другую комнату и расплакался.

XXXIII.

Снова въ Глухомъ фортѣ появился губернаторскій слѣдователь. На этотъ разъ только другой, не Анатолій Робертовичъ. Снова пошли безконечные допросы и передопросы. У Миробая перерыли все верхъ дномъ. Дворъ сакли и садъ были перекопаны вдоль и поперегъ, мѣстами даже стѣны выломаны. Уликъ въ запрещенной торговлѣ опіумомъ раскурочно нашли вволю, но больше ничего... Хитрый татаринъ упорно держался на ничего невѣдѣніи и непониманіи. Мамунъ и Алибей несли такую чепуху, изъ которой, буквально, ничего нельзя было извлечь для дѣла.

Отецъ Павелъ наотрѣзъ отказался предать тѣло Криницына христіанскому погребенію: „аки атеиста отмѣннаго и самоубійцы окаяннаго“.

Комендантъ снесся по этому поводу съ начальствомъ, и изъ города, отъ самого владыки, получено было „разрѣшеніе“, несогласное съ воззрѣніями фортоваго батюшки...

Ночное похожденіе Нади дало обильную пищу злымъ языкамъ. Оно было истолковано самымъ дурнымъ образомъ для бѣдной дѣвушки. Только Груня, одна изо всѣхъ дамъ Глухаго форта, шла въ разрѣзъ съ

общими толками и даже переселилась совсѣмъ къ Надѣ, взявъ и ее и все ея хозяйство на свое попеченіе.

Наступила поздняя осень, дождливая, несносная, прерываемая изрѣдка морозами и даже чѣмъ то похожимъ на снѣгъ. Это явленіе—въ нашей сторонѣ большая рѣдкость.

Въ горкинскомъ домѣ около постели Нади тѣснымъ кружкомъ группировалась дружеская компанія. Это сдѣлалось какъ то само собою, постепенно.

Сначала старикъ Глухаревъ провелъ нѣсколько ночей подрядъ, дремля въ креслахъ, въ сосѣдней отъ спальни комнатѣ. Мало-ли что можетъ случиться ночью? Надя была очень плоха, докторъ, вишь ты, сказалъ, что съ такою нервною горячкою шутки плохи—и надо стеречь ходъ болѣзни, что называется, въ оба. Затѣмъ старикъ, позамаявшись порядкомъ, изъ кресла перебрался на диванчикъ.

— Чѣмъ валяться по диванамъ, лучше я велю тебѣ койку твою перенести... замѣтилъ разъ Шелобовъ, и распорядился...

Самъ Василій Ивановичъ заглядывалъ каждый день раза по три, потомъ зачастилъ... потомъ, случайно, переночевалъ тоже въ залѣ, на стульяхъ. Ливень очень большой разыгрался на дворѣ—охота тоже мокнуть!.. Спалъ онъ крѣпко, на неудобномъ ложѣ... а все таки рѣшилъ, что на диванѣ удобнѣе.. Пришелъ разъ какъ-то вечеркомъ и подушку съ собой принесъ, такъ и не относилъ ее обратно...

Павлуша вернулся изъ командировки недѣлю спустя послѣ катастрофы. Тотъ долго къ Надѣ на глаза не показывался... Надя-бы и не узнала его.. Она, почему то, только Шелобова узнавала, да и то не открывая глазъ, инстинктивно...

Молодой человѣкъ былъ сильно огорченъ всѣмъ случившимся... У него даже хватило такта не высказать своего удовольствія по поводу смерти „заклятаго врага“, а удовольствіе это онъ ощущалъ безмѣрное. Его болѣе всего смущали невыгодные толки по поводу посѣщенія Надею Криницынской квартиры... онъ даже отцу высказался такъ:

— Э-эхъ!.. Вѣдь она, говорятъ, у него не первый разъ такъ-то!..

— Дурракъ! обрѣзалъ его Иванъ Акимовичъ и цѣлый день не говорилъ съ сыномъ больше ни слова.

— Не понялъ Павлуша, какъ надо объяснить себѣ выходку отца, и остался, на этотъ разъ, со своимъ мучительнымъ сомнѣніемъ.

Попробовалъ онъ къ Василію Ивановичу обратиться. Тотъ посмотрѣлъ на него пристально.

— Да тебѣ то какое дѣло?

— Какъ какое?!. озадачился Павлуша...

Вмѣсто отвѣта, Шелобовъ взялъ Павлушу за талію и вывелъ въ залъ. Тамъ они стали ходить изъ угла въ уголъ. Павлуша слушалъ, а Василій Ивановичъ говорилъ.

— Эхъ, Пашка-Пашка, ты, братъ, ей же Богу, въ рубашкѣ родился. Ну, поздравляю отъ души!.. что у тебя за женка будетъ, такъ это я тебѣ скажу...

Но Шелобовъ должно быть не съумѣлъ подобрать подходящаго сравненія, только пальцами прищелкнулъ очень выразительно.

— Экая душа... экая право душа... золото—не дѣвушка а. тебѣ совсѣмъ подъ пару... Любитъ тебя какъ, души не чаетъ... да не то чтобы какъ нибудь, а съ толкомъ, съ разумомъ... это вѣдь на вѣкъ...

— То есть какже это? недоумѣвалъ Павлуша...

Но въ эту минуту Груня выглянула въ дверяхъ.

— Павелъ Ивановичъ, идите завтракать... я вамъ яичницу приготовила...

Она ему уже больше „ты“ не говорила, и всякій разъ даже поправляла его, когда тотъ, по старой привычкѣ, обращался къ ней попрежнему, запросто.

Выглянула Груня, красивая, кроткая, улыбающаяся, глазенки такъ и играли... платокъ клѣтчатый соскользнулъ съ плечъ... а плечи такія круглыя и шейка видна немного, бѣлая какъ снѣгъ, а на шейкѣ ниточка голубыхъ бусъ, черною бархоткою подвязана...

Толкнулъ къ ней Павлушу Шелобовъ.

— Иди! говоритъ—ѣшь яичницу, да благодари Господа... Что, развѣ не правду я говорилъ тебѣ—найдика поди что лучше...

Пошелъ завтракать Павлуша, а все таки понялъ не сразу въ чемъ дѣло.

Иванъ Акимовичъ былъ, надо полагать, посообразительнѣй. Онъ уже не разъ заговаривалъ съ Шелобовымъ на эту тему.

— Понимаю я, говорилъ старикъ Глухаревъ. Это я хорошо, даже очень хорошо понимаю... онъ ей не пара... я не могу это тебѣ ясно выразить почему,—но чувствую.. Признаюсь, прежде думалъ не такъ, но теперь чувствую... Ты, можетъ быть, думаешь, что я, какъ отецъ, больше о сынѣ старался.

— Нѣтъ, не думаю! вставилъ Василій Ивановичъ.

— Тоже... Я больше потому, что вѣдь надо же дѣвочку было какъ слѣдуетъ пристроить... Чего же, думалъ, лучше! Малый честный, молодой, не совсѣмъ дуракъ... съ положеніемъ тоже... чего-же ждать и искать лучшаго... Опять же влюбленъ... взаимное счастье и прочее... Ну, ты вѣдь меня понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, а теперь я и самъ ничего понять не могу... Вотъ, можетъ, дастъ Богъ, пронесетъ бѣду... вотъ тогда, можетъ быть, перемѣнится къ лучшему. Полюбитъ Пашку Надя—готово дѣло! Нѣтъ—и слова не скажу...

— Будемъ поглядѣть! улыбнулся Шелобовъ... Вчера вотъ я не сплю—слышу, а они шу-шу-шу... шепоткомъ такъ, шепоткомъ... Ты, Ваня, поглядывай!

— Кто, кто они?

— Да Паша съ Грунею... Да, забылъ было, Спиридоній говорилъ мнѣ, что дрова на исходѣ.. Ты распорядился?

Наступилъ переломъ болѣзни. Кризисъ миновалъ счастливо, это случилось такимъ образомъ:

Была ночь. Иванъ Акимовичъ давно уже спалъ. Павлуша, котораго особенно часто въ спальню Нади не пускали, ушелъ спать домой, и у постели больной оставались Шелобовъ съ Грунею.

Груня сидѣла въ уголкѣ, около свѣчки, закрытой зеленымъ абажуромъ, и что-то чинила; Шелобовъ на креслѣ, у ногъ больной, и не спускалъ глазъ съ блѣднаго лица Нади... Онъ пристально всматривался въ ея исхудалыя черты, и первый замѣтилъ какъ открылись медленно ея глаза и пытливо посмотрѣли вокругъ. Теперь уже ничего не было лихорадочнаго въ этомъ ясномъ взорѣ.

— А лѣса у насъ, началъ Шелобовъ ровнымъ, покойнымъ голосомъ. Дремучіе! зелени что лѣтомъ. цвѣтовъ!.. запахъ какой чудный... то смолою, то ягодою спѣлою... на лужайкахъ—гдѣ изумрудомъ горитъ, а въ глуши—темень стоитъ, прохладная... Тишина такая вокругъ, спокойствіе... и слышно какъ всякая мелкая пичужка свою пѣсенку чиликаетъ... Сидишь, бывало, съ ружьемъ, подъ дубомъ, и не шелохнешься... такъ бы и просидѣлъ весь вѣкъ... слушалъ бы все, да слушалъ.. Ручеекъ, это, бурлитъ... въ травѣ шелеститъ что-то... Козочка дикая, черноглазая, копытцами, этакъ, тукъ-тукъ... Меня не видитъ, а я ее вижу... Вѣтеръ чуть колыхнетъ вершинами... заговоритъ лѣсъ инымъ голосомъ... А соловьи по веснѣ, тамъ, въ трущобѣ, за оврагами... Тамъ все кусты пойдутъ, непролазные .. такъ

XIII передвижная выставка въ СПБ. „Видъ Москвы у Дорогомиловскаго моста". Картина Н. Е. Маковскаго.
Рисовалъ на деревѣ для „Нивы" самъ авторъ, грав. М. Рашевскій.

2

больше въ кустахъ... Щелконетъ разокъ, другой... смолкнетъ, присвиснетъ, да какъ закатится трелью... тс...

Василій Ивановичъ сталъ все тише говорить, да тише... смолкъ, прислушался еще—и къ Грунѣ обернулся...

— Заснула опять... слава тебѣ Господи!

— Что это. слушаю я, прошептала Груня.

Она подошла сзади и стояла за кресломъ разсказчика.

— Что это вы ей Василій Ивановичъ про лѣса свои вздумали разсказывать?

— А то что же ей говорить?.. про это. что случилось, что-ли?

Поняла Груня тутъ въ чемъ дѣло... сама догадалась почему надо было, въ первое же мгновеніе сознанія, отвлечь его отъ роковыхъ вопросовъ, въ здоровый, покойный сонъ перевести мучительныя, безсознательныя грёзы.

— И гдѣ это вы научились такъ то? спросила она и улыбнулась.

— Въ кадетскомъ корпусѣ, голубушка, въ кадетскомъ... удовлетворилъ ея любопытство Василій Ивановичъ...

Вообще Груня очень тонко понимала Шелобова, словно между ними двумя, само собою, безъ всякихъ предварительныхъ совѣщаній, установился полный, согласный во всемъ, планъ дѣйствій и взаимной самопомощи.

— Вотъ бы тебѣ жениться! догадался таки Иванъ Акимовичъ.

— На комъ? отвѣтилъ Шелобовъ.

— Еще спрашиваетъ—на комъ? Конечно, на Грунѣ.

— А Наша мнѣ другъ, или нѣтъ?

— Другъ!

— Ну, то-то! Стану я у друга такую невѣсту перебивать!..

Шелобовъ разсмѣялся... Иванъ Акимовичъ задумался... А время все шло да шло и неумолимо дѣлало свое нехитрое дѣло.

XXXIV.

Не стану разсказывать какъ шло дѣло. Происходятъ такія вещи и гораздо сложнѣе, и запутаннѣе,—здѣсь не такъ, здѣсь это все просто и ясно. Мало-по-малу, Надя узнала все, что случилось. Узнавала толково, толково и принималось все ея сердцемъ. Вѣдь ей, кромѣ Шелобова, никто не брался ничего ни пояснить, ни разсказать. Полюбила ли она Василія Ивановича, или нѣтъ,—она и сама путемъ не знала. Если и полюбила, то совсѣмъ не такъ, какъ Крицыцына, не такъ, какъ ее въ институтѣ учили, но чувствовала, что, когда Шелобовъ при ней, ей тепло, уютно и уже вовсе не страшно. ни за настоящее, ни за будущее... Нѣтъ Шелобова, она ждетъ терпѣливо, когда тотъ вернется, и тоже, ни за себя. ни за него ничего не боится! Груню, ту Надя полюбила такъ, какъ и сестра сестру не всякая любитъ, поясъ даже отцу Павлу принялась вышивать, только не донила почему то. Даже и Павлушу Надя полюбила, и теперь находила его совсѣмъ красавцемъ; тотъ ее все на рукахъ носилъ, потому что у Нади еще ножки очень слабы были, а у того руки здоровенныя...

Въ такихъ случаяхъ Груня не ревновала нисколько. да ей и некогда было: у Ивана Акимовича она нашла въ хозяйствѣ, въ туалетѣ особенно, такіе невозможные безпорядки и упущенія, что исправл...е всего этого заняло чуть не все время, отъ Рождества до Пасхи.

Иванъ Акимовичъ на цѣлую недѣлю, это какъ разъ на Страстной было, въ городъ уѣхалъ, тамъ обратился къ женѣ своего пріятеля одного, и съ нею цѣлые дни по лавкамъ таскался. Чего-чего не закупилъ для себя и сына, а главное для Груни... Кольца тоже заказалъ тамъ, и имена велѣлъ вырѣзать, а числа помѣтить такія, чтобы какъ разъ на красную горку выходило!..

— И ты бы въ одинъ день, вмѣстѣ! говорилъ онъ Василію Ивановичу, вернувшись...

— Нельзя!.. отвѣчалъ Шелобовъ... У меня матушка жива... Хуторишко есть тамъ, подъ Омскомъ... Мы вотъ туда поѣдемъ, представимся, да и къ отцу протопопу, если живъ только старикъ...

— Это гдѣ „лѣса такіе дремууучіе!..“ полюбопытствовала Надя.

— Въ самомъ томъ мѣстѣ! улыбаясь, цѣловалъ ея лобикъ Василій Ивановичъ...

И всѣ были очень счастливы.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло лѣтъ девять... Да ровно даже девять... я это отлично помню. Въ этомъ году снаряжена была большая научная экспедиція, для самаго всесторонняго изслѣдованія верховьевъ рѣки Аму. Чуть не цѣлый годъ тогда мы шатались по горамъ и долинамъ, заходили въ такія мѣста, гдѣ до насъ не только европейской ноги, а никакой человѣческой не было... Изучили и изслѣдовали все какъ слѣдуетъ, пора была и домой возвращаться.

Вотъ обратною то дорогою посѣтилъ я Глухой фортъ... Ничего, слава Богу, все стоитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, только Иванъ Акимовичъ уже не служитъ больше, устарѣлъ очень, бѣлый какъ лунь сталъ, самъ не ходитъ, а его подъ руки водятъ, и начальства своего прямаго въ грошъ не ставитъ. Удивительный сталъ либералъ!.. Можетъ быть потому, что начальство у него немножко пристрастное... Комендантомъ форта теперь вѣдь Павелъ Ивановичъ Глухаревъ, маіоръ и кавалеръ, а комендантша такая, что и въ главномъ штабѣ глубокое уваженіе чувствуютъ... Я у нихъ трое сутокъ прожилъ и Груня, виноватъ, мадамъ Глухарева, прощаясь, говорила мнѣ:

— Вы вѣдь, я знаю, тамъ все описываете, романы да повѣсти разныя сочиняете... Вы уже не компрометируйте меня передъ публикою, не говорите, что у меня уже шестеро... Пожжжалуйста...

Я ей обѣщалъ, и видите, я промолчалъ объ этомъ обстоятельствѣ...

Узнали Глухаревы, что я на Омскъ поѣду, западно-сибирскимъ большимъ трактомъ, сейчасъ письмами и порученіями завалили. Письма бы еще ничего, а вотъ порученія... Думалъ было на-легкѣ, на парочкѣ прокатиться, а пришлось припрягать третью... Шутка ли! Какъ натащили мнѣ боченковъ разныхъ, да кулечковъ, да ящичковъ... Впрочемъ, ничего! Тарантасъ у меня казанской работы, крѣпкій и накатистый, выдержалъ дорогу отлично, все довезъ, ничего не попортилось.

Нашелъ я Шелобовыхъ въ добромъ здоровьѣ... У нихъ всего только трое, но ребята отмѣнные, особенно старшій мальчишка, Павлушею почему то назвали...

Надежда Федоровна похорошѣла, потолстѣла, только немного... Шелобовъ говоритъ, что это ничего, ей къ лицу...

Самъ онъ давно бросилъ службу, хозяйничаетъ, охотится.

КОНЕЦЪ.

Фальшивый алмазъ.

Разсказъ **Е. Кирилова.**

I.

Было около восьми часовъ вечера, когда красивый, молодой, лѣтъ 18-ти малый, закрывалъ желѣзныя ставни въ небольшой квартирѣ, помѣщавшейся на углу Невскаго и Конюшенной въ нижнемъ этажѣ каменнаго дома. Не смотря на холодный февральскій вѣтеръ и мелкій пронзительный дождикъ, въ перемежку со снѣгомъ, онъ былъ въ одной рабочей блузѣ, безъ шапки, такъ что вѣтеръ свободно могъ раздувать его вьющіеся каштановые

волосы, схваченные поперегъ тонкимъ ремешкомъ, какъ носятъ ремесленники. Онъ медленно притворилъ одну за другою ставни, не безъ усилія продѣлъ потомъ въ стѣнныя скважины тяжелые засовы и, окончивъ работу, не торопясь, съ усталымъ видомъ возвращался домой. Молодой малый былъ очень красивъ. Тонкія черты лица, прекрасные большіе голубые глаза и бѣлизна и нѣжность кожи указывали, что онъ происходитъ не изъ той среды, гдѣ приходилось ему теперь добывать кусокъ хлѣба и работать по нуждѣ. Мягкая, симпатичная улыбка, не сходящая съ его красиваго рта, говорила за его добрый характеръ, а длинныя, вѣчно опущенныя рѣсницы не оставляли сомнѣнія, что онъ былъ скроменъ и застѣнчивъ.

Ходъ въ квартиру шелъ изъ подъ воротъ по корридору, изъ котораго шла также черная лѣстница въ верхній этажъ, гдѣ помѣщалось роскошное барское помѣщеніе оберъ-шталмейстера, графа Николая Александровича Зубова, а низенькая желѣзная дверь, какія дѣлаются въ магазинахъ или амбарахъ, оставалась единственнымъ входомъ въ помѣщеніе нижняго этажа. Юноша тихо вошелъ въ корридоръ и только что хотѣлъ отворить желѣзную дверь, какъ услышалъ за собой легкій шорохъ.

— Гриша, это ты?

— Ахъ это ты, Лиза, проговорилъ онъ съ радостью, увидавъ въ полупотемкахъ корридора спускающуюся сверху молодую дѣвушку, кокетливо одѣтую въ нестрядиновое платье и опоясанную розовою ленточкой.

— Какъ я тебя хотѣла видѣть, мой милый, да все неудавалось.

— Ну что сказала графиня? спросилъ съ нетерпѣніемъ Гриша.

— Плохо. Говоритъ, что она ничего не можетъ сдѣлать, что ты живешь у хозяина по документу, который долженъ выполнить непремѣнно, а то въ тюрьму засадятъ, проговорила почти сквозь слезы Лиза.

Гриша стоялъ опустивши голову, совсѣмъ убитый.

— Такъ ничему этому не бывать, сказалъ онъ глубоко вздохнувъ.—Видно не видать намъ счастья съ тобой, Лиза! Мнѣ вѣдь девять лѣтъ еще сидѣть въ этой тюрьмѣ, не дожидаться же тебѣ и не сушить же тебѣ ради меня свою молодость. Прощай, голубка, не будемъ лучше встрѣчаться, авось какъ нибудь и отойдетъ.

— Что ты, что ты, Гриша, почти вскрикнула Лиза, схватя его за голову и поцѣловавъ его каштановые волосы.—На что же я зарокъ дала. Слушай, до могилы останусь вѣрна тебѣ и знай, что ни за кого не пойду. Нѣтъ, дорогой мой, ты не бросай меня, дай хоть иногда насмотрѣться на твои ясныя очи! Не бросишь? скажи: не бросишь?

Лиза схватила его голову и съ заплаканными глазами долго смотрѣла въ томные, голубые глаза Гриши.

— Постой, нельзя ли откупиться отъ него? проговорила она быстро, обрадовавшись пришедшей ей въ голову мысли. Ты знаешь, я росла съ графиней вмѣстѣ, она меня безъ души любитъ и не пожалѣетъ ничего, чтобы осчастливить.

Гриша стоялъ совсѣмъ растерявшись. Онъ зналъ, что предложеніе Лизы почти несбыточное, ему совѣстно было принимать отъ нея помощь, да притомъ хозяинъ ни на какой выкупъ не согласится.

— Трудно, Лиза, едва проговорилъ онъ.

— Отчего трудно, много запроситъ?

— Нѣтъ не отъ того, а отъ того, что я у него одинъ, шлифовать выучиться нельзя скоро, почитай во всемъ Петербургѣ одинъ только я и есть шлифовальщикъ. Прежде меня у него былъ его младшій братъ, который меня училъ, и позапрошлый годъ онъ отправилъ его въ Амстердамъ, теперь я одинъ остался.

— Достанетъ кого нибудь, Гриша, ты только приступи къ нему хорошенько; отпусти—скажи, возьми выкупъ, а то скажи, я тебѣ все портить стану, проговорила рѣшительно Лиза.

— Хорошо, попробую, отозвался Гриша, голосомъ, не показывавшимъ надежды.

— Лиза, графиня кличетъ, послышался голосъ сверху.

— Прощай, не печалься, что нибудь еще придумаемъ, проговорила скороговоркой Лиза и побѣжала наверхъ.

Гриша тихонько вошелъ въ квартиру, заперъ засовомъ желѣзную дверь и очутился въ большой комнатѣ, гдѣ былъ накрытъ столъ и хозяинъ ожидалъ его ужинать.

— Что ты замѣшкался? спросилъ его высокаго роста мужчина, съ нѣсколько еврейскимъ типомъ, уже пожилыхъ лѣтъ.

— На улицѣ постоялъ, Яковъ Аммоновичъ, отвѣтилъ Гриша, опустивъ глаза.

Хозяинъ и его подмастерье сѣли ужинать. Прислуживала имъ кухарка, толстая русская баба. Яковъ Аммоновичъ ѣлъ молча, о чемъ то думалъ и изрѣдка про себя говоря: двадцать каратъ, двѣнадцать тысячъ лиръ. Гриша сидѣлъ ни живъ ни мертвъ; онъ рѣшился объясниться съ хозяиномъ неотложно.

— Яковъ Аммоновичъ, я къ вамъ просьбу имѣю, проговорилъ онъ робко.

— Просьбу? какую просьбу—чего тебѣ надобно?

— Я долженъ еще у васъ служить девять лѣтъ.

— Не девять, а когда отпущу, перебилъ его Яковъ Аммоновичъ.

— Отпустите меня, Яковъ Аммоновичъ, ради Создателя отпустите, почти со слезами вдругъ началъ просить Гриша.

— Ты, я вижу, не въ своемъ умѣ, совсѣмъ рехнулся, проговорилъ Яковъ Аммоновичъ, съ удивленіемъ смотря на Гришу. Пять лѣтъ я тебя училъ, сдѣлалъ изъ тебя хорошаго мастера, да и отпустить. Да что ты, въ умѣ что ли?.

— Я за себя выкупъ дамъ, старался проговорить болѣе рѣшительно Гриша.

— Выкупъ? Да откуда тебѣ взять выкупъ? Ты знаешь, что дядѣ твоему самому ѣсть нечего, самъ тряпьемъ на базарѣ торгуетъ. Да притомъ ты для него чужой, вѣдь ты подкидышъ,— онъ радъ, что сбылъ тебя съ рукъ.

Послѣднія слова, какъ ножомъ рѣзнули сердце несчастнаго Гриши. „Что я, въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ, безъ роду, безъ племени и куда мнѣ любить дѣвушку, еще сдѣлаю её несчастной.“ Онъ безотчетно посмотрѣлъ въ сторону, желая удержаться отъ слезъ, но не удержался и заплакалъ навзрыдъ. Якову Аммоновичу жалко стало юноши.

— Тебѣ вѣрно дурь какая нибудь пришла въ голову или сбиваетъ тебя кто нибудь. Не слушай ты никого, живи у меня, я тебя не обижу, будешь хорошимъ мастеромъ, а впослѣдствіи и самъ можешь открыть лавку. Такъ то лучше будетъ. Иди-ка спать, да позабудь всѣ эти пустяки!

Яковъ Аммоновичъ обошелъ всѣ комнаты, осмотрѣлъ засовы, замки на большомъ сундукѣ, на которомъ онъ спалъ, потомъ сѣлъ за письменный столъ и началъ писать письма въ Амстердамъ, гдѣ оставались его родные, также какъ онъ, ювелиры. Въ Россію Яковъ Аммоновичъ прибылъ еще въ царствованіе Екатерины и обратилъ вниманіе Императрицы великолѣпнымъ ривіеромъ, который былъ купленъ у него и подаренъ княжнѣ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. Послѣ того Государыня заказала ему приготовить для головнаго убора бриллiантовую мушку, подобно тѣмъ, какія только что вошли въ моду въ то время при французскомъ дворѣ. Къ счастью, у Якова Аммоновича оказалась модель, высланная ему изъ Парижа черезъ Амстердамъ, и желаніе Императрицы было удовлетворено. Черезъ двѣ недѣли на выходѣ она поражала блескомъ своего головнаго убора, за что тотчасъ же сдѣлала Якова Аммоновича придворнымъ ювелиромъ.

Помѣстившись въ нижнемъ этажѣ Зубовскаго дома, Яковъ Аммоновичъ двадцать лѣтъ жилъ безвыѣздно въ Петербургѣ, однообразно, изо дня въ день занятый своимъ ювелирнымъ дѣломъ. Лѣтъ семь тому назадъ, по просьбѣ придворнаго камердинера, онъ принялъ къ себѣ сироту-подкидыша Гришу, содержать котораго было въ тягость пріятелю камердинера, отставному сержанту изъ лейбъ-кампанцевъ, едва добывавшему себѣ существованіе мелкою торговлей Яковъ Аммоновичъ, будучи холостымъ, полюбилъ тихаго, скромнаго мальчика, отдалъ его подъ ближайшій надзоръ своего младшаго брата, который въ теченіе пяти лѣтъ настолько обучилъ его ювелирному дѣлу, что онъ могъ вполнѣ замѣнить учителя. Увидѣвъ такіе успѣхи, Яковъ Аммоновичъ нашелъ возможнымъ отослать брата въ Амстердамъ, поручивъ ему пріобрѣтеніе для него драгоцѣнныхъ камней. Въ послѣдніе два года, Яковъ Аммоновичъ еще болѣе сжился и еще болѣе полюбилъ своего питомца, такъ что заявленіе Гриши о желаніи уйти и опечалило и удивило его. Онъ долго сидѣлъ, придумывая что бы это значило и чѣмъ можно было объяснить отказъ Гриши.

Гриша тоже долго не могъ уснуть послѣ разговора съ Яковомъ Аммоновичемъ. Онъ любилъ старика, привязался къ нему и къ дѣлу, къ которому привыкъ Мастерскую ювелира онъ считалъ для себя второй родиной, хотя въ иныя минуты, она казалась ему тюрьмой и порывы молодой крови увлекали его фантазію далеко за моря, въ чудныя страны, гдѣ бы онъ могъ наслаждаться счастливою жизнью съ Лизой, которую онъ полюбилъ первымъ пыломъ юношеской страсти. Но гнетущее прошлое, сознаніе своей безпомощности охлаждали и убивали эти фантазіи. У него еще сохранились въ свѣжей памяти несчетные тычки и колотушки его суроваго воспріемника, и до сихъ поръ оставались еще ему памятны грубые и жесткіе его попреки, что онъ объѣдаетъ его, что онъ взялъ его, подкидыша, изъ состраданія. Слабый и нерѣшительный, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжный и впечатлительный, онъ не зналъ теперь на что рѣшиться. Отказаться отъ Лизы ему было тяжело, а дѣйствовать настойчиво противъ Якова Аммоновича у него недоставало рѣшимости, тѣмъ болѣе, что онъ не видѣлъ передъ собой другаго мѣста, гдѣ бы могъ найти себѣ заработокъ. Пріютившись въ своей маленькой комнаткѣ подлѣ входной двери, онъ долго не могъ заснуть, слышалъ какъ Яковъ Аммоновичъ запиралъ свой большой сундукъ, слышалъ потомъ, какъ все успокоилось въ квартирѣ и настала могильная тишина. Надъ Гришей нача... уже носиться грезы, и чудный край, и великолѣпный храмъ, и вотъ онъ съ Лизой вѣнчается въ немъ, какъ вдругъ сильный стукъ въ дверь разбилъ всѣ грезы и напугалъ его. Онъ вскочилъ съ постели и кинулся къ Якову Аммоновичу, который, въ свою очередь напуганный неожиданнымъ стукомъ, выскочилъ къ нему навстрѣчу.

— Опроси прежде, Гриша, кто такой, а потомъ отпирай, проговорилъ онъ вполголоса.

Стукъ повторился еще сильнѣе.

— Кто тамъ? спросилъ Гриша.

— Отпирай поскорѣй, отъ Государя, послышался голосъ за дверью.

Весь дрожа, Гриша поторопился засвѣтить огарокъ отъ теплившейся надъ его изголовьями лампадки, а Яковъ Аммоновичъ побѣжалъ къ себѣ въ горницу—одѣться въ свой синій камзолъ.

Засовъ былъ вынутъ, желѣзная дверь съ лязгомъ открыта, вошелъ графъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ.

— Гдѣ Яковъ Аммоновичъ, спросилъ графъ озабоченно, не обращая вниманія на Гришу.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, Гриша свѣти! торопливо крикнулъ Яковъ Аммоновичъ, едва успѣвъ надѣть камзолъ.

— Ну что же перстень будетъ готовъ? были первыя слова графа.

— Я уже докладывалъ вашему сіятельству, у меня нѣтъ здѣсь такого камня. Только что написалъ брату письмо въ Голландію, черезъ два мѣсяца вышлютъ камень, а ранѣе перстень никакъ не можетъ быть готовъ.

— Да пойми ты, глупая голова, что фельдмаршалъ послѣзавтра выѣзжаетъ въ армію, не будетъ же онъ дожидаться твоего перстня!

— Какъ хотите, ваше сіятельство, но у меня нѣтъ такого камня; доложите объ этомъ Государю.

— Я доложилъ, да Государь такъ изволилъ прогнѣваться, что и слышать не хочетъ. Я тебѣ привезъ приказаніе Государя, чтобы завтра же былъ перстень, а иначе, сказалъ Государь, я этого мастера пошлю туда, гдѣ никто его не найдетъ. Ты самъ знаешь, Государь шутить не любитъ, дѣлай, какъ знаешь

— Ваше сіятельство, почти вскрикнулъ ювелиръ, не погубите, заступитесь, что же я буду дѣлать? Во всемъ Петербургѣ не найдется такого камня, какой угодно Его Величеству поставить въ перстень. Гдѣ же я его возьму? въ отчаяніи спрашивалъ Яковъ Аммоновичъ.

— Этого я уже не знаю, мой другъ. Я тебѣ передалъ приказаніе, чтобы завтра утромъ былъ перстень, а не будетъ его, смотри—пеняй на себя. Въ девять часовъ я заѣду, Государь приказалъ привезти перстень къ десяти часамъ, когда онъ вернется съ плацъ-парада, а пока прощай.

Растопчинъ быстро вышелъ, Гриша машинально заперъ дверь, заложивъ на старое мѣсто засовъ, а бѣдный ювелиръ, не зная что дѣлать, все еще стоялъ въ недоумѣніи. Прошло съ добрыхъ полчаса, пока Яковъ Аммоновичъ ходилъ изъ одного угла комнаты въ другой, бормоча про себя: „погибъ“, „совсѣмъ погибъ“. Потирая лобъ, наконецъ онъ остановился посреди комнаты и какъ бы рѣшившись на что то отчаянное, рѣзкимъ голосомъ приказалъ Гришѣ налаживать станокъ, а самъ отправился въ свою комнату и что то долго возился въ своемъ громадномъ сундукѣ.

— Видишь Гриша, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, показывая ему кусокъ горнаго хрусталя.

— Вижу, отвѣтилъ полусонный и усталый Гриша.

— Мы изъ него вырѣжемъ камень и натремъ его бриллiантовой пылью. Но только молчи, никому объ этомъ не говори. Дѣлать нечего, погибать, такъ погибать за что нибудь, а не такъ, видишь Господи—за что.

Рѣдкій гость сумрачныхъ петербургскихъ дней,—солнце уже поднялось высоко, а въ мастерской ювелира все еще продолжалась работа и бѣдный Гриша машинально, едва передвигая руками, продолжалъ натирать грани отточеннаго камня алмазною пылью. Къ девяти часамъ графу Растопчину былъ врученъ перстень.

— Откуда же ты досталъ комень? спросилъ удивленно графъ.

— Это секретъ, ваше сіятельство, проговорилъ таинственно Яковъ Аммоновичъ. — У моего земляка былъ такой алмазъ въ закладѣ отъ одного вельможи, имя котораго позвольте мнѣ скрыть. Я упросилъ земляка уступить мнѣ камень, обѣщая ему вернуть такой же по полученіи изъ Амстердама. Ваше сіятельство, не захотите погубить меня и сохраните эту тайну.

— Хорошо, хорошо, будь покоенъ, отвѣтилъ графъ, удивляясь находчивости ювелира и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ будучи радъ, что не будетъ имѣть повода быть свидѣтелемъ неудовольствія Государя.

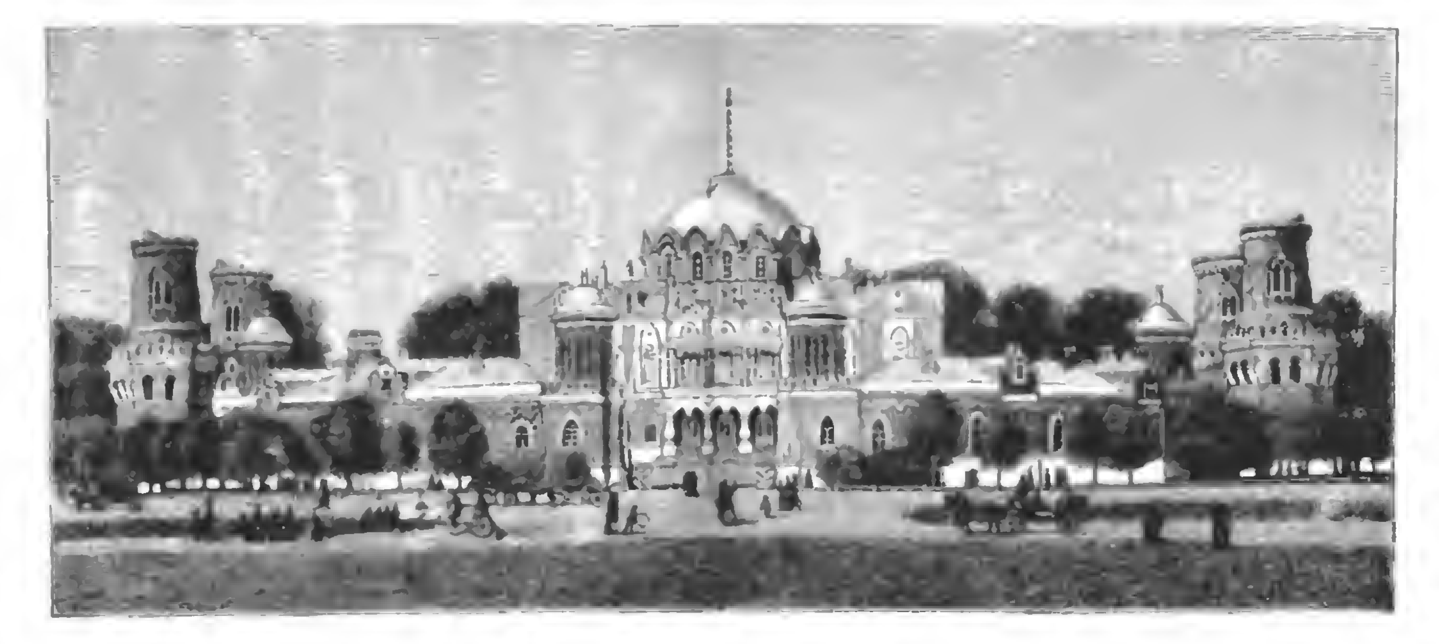
Въ полдень Гриша встрѣтилъ въ коридорѣ Лизу.

— Что съ тобой, мой милый? Бѣдный, усталъ? спросила она заботливо Гришу.

— Цѣлую ночь работали, Лиза.

— Работали?..

Гриша не удержался и разсказалъ тайну ювелира.



Петровскій дворецъ въ Москвѣ. По фотогр. грав. О. Ротъ.

Вновь открытая Екатерининская ж. д. Мостъ черезъ рѣку Ингулецъ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

II.

При Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, Петербургъ былъ вовсе не веселымъ городомъ. Всякій чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ, всякій опасался товарищей и собраній, которыя, кромѣ кое-какихъ баловъ, вообще были рѣдки. Предметомъ общаго разговора въ описываемое нами время было возвращеніе фельдмаршала графа Суворова изъ деревенской ссылки и напечатанный въ иностранныхъ газетахъ оскорбительный вызовъ бывшаго на русской службѣ шевалье де-Сакса, графу Платону Александровичу Зубову и молодому князю Николаю Григорьевичу Щербатову. О первой встрѣчѣ фельдмаршала съ Императоромъ разсказывали, что прибывъ прямо съ дороги въ двѣнадцать часовъ ночи во дворецъ, онъ не захотѣлъ входить черезъ малый подъемный мостъ и калитку, говоря, что русскій фельдмаршалъ, когда нужно, въ щелочку пролѣзетъ, а къ своему Государю онъ долженъ войти съ подобающей честью,—потребовалъ подъема главныхъ мостовъ и почетнаго караула и Императоръ Павелъ исполнилъ желаніе чудака-полководца. Разсказывали также, что увидавъ Государя фельдмаршалъ бросился ему въ ноги съ цѣлымъ потокомъ изліяній о своей преданности и послушаніи, а когда окончилась первая аудіенція, онъ немедля отправился въ большую придворную церковь и долго лежалъ передъ алтаремъ. Относительно исторіи молодаго князя Щербатова, графа Платона Зубова съ шевалье де-Саксомъ, вспомнилась уже забытая исторія, бывшая при покойницѣ Императрицѣ, когда послѣ драки между Щербатовымъ и де-Саксомъ, послѣдняго, по приказанію переданному черезъ Платона Зубова, выслали за границу. Молодой и горячій де-Саксъ, письмомъ изъ Вѣны вызывалъ своихъ петербургскихъ соперниковъ дать ему удовлетвореніе, но, не получивъ ни отъ того ни отъ другаго отвѣта, долженъ былъ прибѣгнуть къ печатной гласности, назвавъ обоихъ трусами. Разсказывали, что Императоръ Павелъ былъ очень разсерженъ и приказалъ въ ту же минуту выдать обоимъ заграничные паспорты, давая этимъ знать, чтобы они смыли нанесенную имъ публичную обиду.

Наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія объ интересовавшихъ петербургское общество вопросахъ ближе всего можно было получить въ домѣ графа Николая Александровича Зубова, какъ потому что фельдмаршалъ ежедневно обѣдалъ у дочери, графини Натальи Александровны, такъ и потому, что графа Платона, этого еще недавно гордаго и недоступнаго екатерининскаго вельможу, можно было видѣть только у брата, такъ какъ онъ никуда не выѣзжалъ и не показывался въ общество. Независимо этого, графы Зубовы съ воцареніемъ Императора Павла, были въ немилости и устранены отъ двора; но теперь, съ возвращеніемъ фельдмаршала, отношенія могли къ нимъ перемѣниться и Зубовы могли снова войдти въ силу, въ особенности графъ Николай, женатый на дочери Суворова, превосходившій графа Платона и умомъ, и тактомъ, и образованіемъ. Все это дѣлало то, что у подъѣзда Зубовскаго дома съ самаго утра не отъѣзжали кареты, сани, возки, такъ называемаго „всего Петербурга" тогдашняго времени.

Хозяйка дома Наталья Александровна, не смотря на свою молодость, съумѣла поставить себя въ обществѣ, такъ, что всѣ её любили и уважали. Всегда сострадательная къ бѣднымъ и нуждающимся, ласковая, внимательная и радушная ко всѣмъ, она была чужда тщеславія и мелкаго самолюбія и никогда ничего не искала ни для себя, ни для мужа. Императоръ Павелъ, не смотря на неудовольствіе къ ея отцу-фельдмаршалу, во все время деревенскаго его заключенія оставался къ ней милостивъ, когда встрѣчалъ въ обществѣ. Мужа своего Наталья Александровна обожала, хотя сватовство и свадьба явились между ними дѣломъ совершенно случайнымъ. Разъ на дворцовомъ балу, еще при жизни Екатерины, только что вернувшійся побѣдитель Царства Польскаго, фельдмаршалъ Суворовъ, заговорилъ съ графомъ Николаемъ Александровичемъ и замѣтивъ его здравыя сужденія о будущихъ отношеніяхъ Польши къ Имперіи, съ свойственнымъ ему пріемомъ вдругъ обратился къ графу съ такимъ предложеніемъ:

— Vous êtes brave et honnête,—faites moi le plaisir d'épouser ma fille.

Смущенный графъ волей-неволей долженъ былъ выразить радостное согласіе, и въ тотъ же вечеръ Императрица, озадаченная такимъ оригинальнымъ сватовствомъ, благословила молодыхъ.

Было уже три часа. Къ обѣду собрались графъ Платонъ, Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, нѣсколько молодежи. Въ голубой гостиной графиня занимала небольшое общество воспоминаніемъ о пріѣздѣ къ Екатеринѣ шведскаго короля и сватовствѣ его за Анной Павловной; Лопухинъ разсказывалъ о Москвѣ, въ которой онъ жилъ съ малолѣтства и которую любилъ болѣе Петербурга. Шелъ оживленный разговоръ, ожидали фельдмаршала.

— Ихъ сіятельство, фельдмаршалъ графъ Суворовъ-Рымникскій! громко возвѣстилъ толстый дворецкій у входа въ гостиную.

Всѣ встали, Наталья Александровна быстро поднялась, чтобы встрѣтить отца, но фельдмаршалъ уже былъ въ гостиной.

— Здравствуй голубушка, Суворочка, проговорилъ онъ скороговоркой, цѣлуя дочь. Помилуй Богъ, какъ усталъ, во дворцѣ, дружокъ, не въ солдатской палаткѣ. Вашимъ сіятельствамъ. поздоровался онъ съ зятемъ и графомъ Платономъ. А! Иванъ Владиміровичъ,—колыхаемся, все батюшка, колыхаемся, намекнулъ фельдмаршалъ объ измѣнившихся отношеніяхъ къ нему Императора Павла.

— Вы изъ дворца, папа? спросила Наталья Александровна.

— Отъ Государя Императора, голубушка, отъ него. Обласканъ Его Величествомъ свыше мѣры, несказанно обласканъ. Твой старикашка, видишь ты, опять пригодился.

Начался общій разговоръ. Суворовъ солдатскими прибауточками ѣдко подсмѣивался надъ существующими порядками, дворомъ и интригами придворныхъ. Съ Лопухинымъ онъ особенно долго разговаривалъ о массонствѣ, но не раздѣлялъ его мистицизма, говоря:

— У насъ батюшка, Иванъ Владиміровичъ, голова топорной работы. Помилуй Богъ, намъ и не понять вашихъ умныхъ рѣчей. Мы разсуждаемъ просто: хочешь быть хорошимъ человѣкомъ—дѣлай хорошо, а хочешь быть праведнымъ—въ церковь ходи, посты соблюдай, отъ священнаго писанія читай.

Дворецкій доложилъ, что кушанье подано, фельдмаршалъ взялъ подъ руку дочь, а за ними все маленькое общество направилось въ столовую, отдѣланную, по старинной модѣ, темнымъ коричневымъ штофомъ съ дубовою, въ готическомъ вкусѣ рѣзною мебелью. За каждымъ изъ гостей стоялъ человѣкъ въ парикѣ, въ чулкахъ и въ красномъ фракѣ. Толстый дворецкій за отдѣльнымъ столомъ чинно разливалъ супъ, который разносился лакеями. Фельдмаршалъ сидѣлъ подлѣ хозяйки, и въ то время, какъ она начала было кушать, онъ кинулъ ей что то на салфетку. Оказалось, что это былъ перстень съ огромнымъ солитеромъ, величиною въ двадцати-копѣечную монету.

— Только что получилъ, голубушка, отъ Государя. Мнѣ старику онъ зачѣмъ, а тебѣ онъ пригодится.

Наталья Александровна была очень обрадована любезностью отца, и отъ души благодарила старика-фельдмаршала цѣлуя его руки. Перстень переходилъ отъ одного гостя къ другому, возбуждая всеобщее удивленіе своею красотой и размѣрами солитера.

Послѣ обѣда, въ сопровожденіи Прошки, фельдмаршалъ отправился домой, извиняясь, что долженъ приготовиться къ выѣзду въ армію, а Наталья Александровна, придя въ уборную, долго любовалась прелестнымъ алмазомъ, не зная что сдѣлать: подарить ли перстень мужу, или украсить рѣдкимъ солитеромъ свое знаменитое колье, не уступавшее по красотѣ и роскоши колье, подаренному Императоромъ Павломъ княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной.

— Лиза, подай мнѣ фермуаръ и колье, сказала она вошедшей камеристкѣ. Какъ ты думаешь, хорошо будетъ этотъ камень подвѣсить сюда въ середину, спросила она Лизу, прикладывая солитеръ къ серединѣ колье.

— Ахъ, какъ чудесно, ваше сіятельство, вскрикнула Лиза отъ удивленія, увидя цѣлый потокъ бриліантоваго свѣта. Вотъ алмазъ, такъ алмазъ, дорого изволили заплатить, ваше сіятельство?

— Какая ты глупая, Лиза, развѣ я могу такую вещь покупать. Это мнѣ папа привезъ, а ему сегодня Государь подарилъ.

— Государь?! съ испугомъ, вся вспыхнувъ, вскрикнула Лиза.

— Что же тебя это такъ удивляетъ?

— Ничего, ваше сіятельство. я такъ, отвѣтила уже совсѣмъ сконфуженная Лиза.

Наталья Александровна съ удивленіемъ посмотрѣла на камеристку.

— Да что же съ тобой, Лиза?

— Ничего, право ничего, снова отвѣтила она опустивъ глаза.

— Ты что то скрываешь, посмотри на меня, сказала Наталья Александровна, взявъ Лизу за подбородокъ и поднявъ ей голову.

— Ваше сіятельство, алмазъ фальшивый! проговорила она тихо и невнятно, со слезами на глазахъ.

— Какой алмазъ? что ты говоришь?

— Этотъ! отвѣтила Лиза, указывая на перстень.

— Ты нынче совсѣмъ съ ума сошла, глупая дѣвчонка.

— Нѣтъ, онъ фальшивый, ваше сіятельство, продолжала настаивать Лиза.

— Перестань глупости говорить, начала сердиться Наталья Александровна. Я тебѣ сказала, что этотъ перстень подаренъ сегодня фельдмаршалу самимъ Государемъ, проговорила она строго.

— Простите, ваше сіятельство, ради Бога простите, но я знаю навѣрное, что онъ фальшивый.

— Да почемъ ты знаешь? спросила Наталья Александровна, начавъ пристально разсматривать перстень.

— Мнѣ Гриша сказалъ, отвѣтила вся вспыхнувъ Лиза.

Наталья Александровна еще разъ пристально посмотрѣла на Лизу и у ней невольно родилось сомнѣніе, что нѣтъ ли здѣсь мистификаціи, или даже подлога. Она знала, что Лиза влюблена въ Гришу, и что Гриша подмастерьемъ у придворнаго ювелира, а потому высказанное ею увѣреніе, что алмазъ фальшивый, могло имѣть нѣкоторое вѣроятіе.

— Что же тебѣ говорилъ Гриша? спросила она.

— А видите ли, ваше сіятельство, Якову Аммоновичу, т. е. ювелиру, сказано было, что если онъ нынче утромъ не доста-

витъ перстня, то его въ Сибирь сошлютъ, а у него такого большаго алмаза не было. Онъ возьми какой то камень, натри его другими алмазами, да и сдѣлалъ перстень. Гриша нынче всю ночь работалъ.

Наталья Александровна ничего не сказала, вышла въ гостиную и уже поздно. когда разъѣхались гости, подъ секретомъ приказала Лизѣ позвать къ себѣ ювелира.

Яковъ Аммоновичъ еще не зналъ, что заготовленный имъ перстень находится въ рукахъ Натальи Александровны. Приглашеніе въ такой поздній часъ зайти въ апартаменты графини, и боязнь за совершенный имъ подлогъ, окончательно разстроили ювелира. Весь дрожа шелъ онъ за Лизою по лѣстницѣ и едва переводя духъ вошелъ въ маленькую пріемную, гдѣ на столѣ лежало колье и злополучный перстень.

— Извините, что я васъ побезпокоила такъ поздно, холодно начала Наталья Александровна, — но мнѣ необходимо, чтобы завтра утромъ готово было это колье. Я хочу солитеръ изъ этого перстня поставить въ середину. Какъ вы думаете, это хорошо будетъ? спросила она совсѣмъ растерявшагося ювелира.

Дрожащими руками взялъ перстень Яковъ Аммоновичъ и тотчасъ же бросился на колѣни передъ графиней.

— Ваше сіятельство, Бога ради, не погубите меня, началъ просить онъ умоляющимъ голосомъ. Я не виновенъ, видитъ Богъ не виновенъ. Камень этотъ поддѣльный, я получилъ за него сегодня деньги изъ кабинета, и сегодня же выписалъ изъ Голландіи настоящій солитеръ. Вы получите настоящій камень черезъ два мѣсяца, а до тѣхъ поръ умоляю васъ сохранить тайну. Если Государь узнаетъ,—я погибшій человѣкъ.

Наталья Александровна увидала, что здѣсь не было злаго умысла и успокоила оробѣвшаго ювелира. Онъ разсказалъ ей, какъ пріѣзжалъ вчера графъ Растопчинъ, какъ напугалъ его словами Государя, такъ что ему ничего не оставалось дѣлать, какъ только прибѣгнуть къ подмѣну.

— Я, ваше сіятельство, уже бѣгалъ сегодня на квартиру къ фельдмаршалу и спрашивалъ ихъ камердинера Прокофія Герасимовича, да ничего не могъ узнать, говоритъ, что ему неизвѣстно, чтобы Государь пожаловалъ фельдмаршала перстнемъ.

— Очень рада, что все такъ случилось и что вы можете теперь быть спокойны. Объ этомъ перстнѣ никто не будетъ знать, я вамъ обѣщаю, сказала Наталья Александровна, но взамѣнъ того и вы должны исполнить мою просьбу.

— Ахъ, ваше сіятельство, какую угодно, приказывайте.

— Моя просьба небольшая, отпустите вашего подмастерья Гришу.

Яковъ Аммоновичъ раскрылъ широко глаза и удивленно посмотрѣлъ на графиню.

— Васъ это удивляетъ? Все это очень просто. Моя камеристка влюблена въ него, а онъ ее любитъ. Они хотятъ повѣнчаться, но такъ какъ онъ обязанъ у васъ служить еще девять лѣтъ, то этого сдѣлать они не могутъ. Зачѣмъ же вы, скажите пожалуйста, будете препятствовать ихъ счастью?

— Да, да, совершенно вѣрно, отвѣтилъ растерянно Яковъ Аммоновичъ,—зачѣмъ мѣшать ихъ счастію...

— Развѣ вамъ жалко Гришу, спросила удивленно Наталья Александровна.

— Какъ же не жалко, ваше сіятельство, я его полюбилъ, какъ сына, юноша онъ скромный, отличный мастеръ, у меня онъ теперь правая рука... Ну, да что дѣлать, я долженъ исполнить волю вашего сіятельства, сказалъ вздохнувъ Яковъ Аммоновичъ.

— Онъ у васъ можетъ работать первое время, наконецъ, вы можете не разставаться съ нимъ, пока онъ не устроится, начала его успокоивать Наталья Александровна.

— Нѣтъ, ужъ это не то, ваше сіятельство, возразилъ Яковъ Аммоновичъ почти со слезами на глазахъ.

Черезъ два мѣсяца, у графини Натальи Александровны былъ настоящій, великолѣпный солитеръ. Яковъ Аммоновичъ, какъ ни тяжело ему было, въ скоромъ времени разстался съ Гришей, котораго графъ Зубовъ опредѣлилъ къ себѣ въ домовую контору, а Лиза получила назначеніе помощницы экономки. Свадьбою ихъ занялась Наталья Александровна, причемъ, когда потребовались документы Гриши, то Яковъ Аммоновичъ вручилъ графинѣ ящичекъ, который найденъ былъ вмѣстѣ съ Гришей, когда его подкинули отставному сержанту. Въ ящикѣ этомъ Наталья Александровна нашла золотой крестикъ и свидѣтельство Самсоньевской церкви о крещеніи младенца, причемъ воспріемникомъ и воспріемницей поименованы были дѣвица Кулибина и графъ Кушелевъ-Безбородко...

Свадьбу молодые сыграли на графскій счетъ, но жить долго въ домѣ графа имъ не пришлось. Яковъ Аммоновичъ заскучалъ, оставилъ дѣло и возвратился къ себѣ на родину въ Амстердамъ. Заведеніе свое онъ передалъ Гришѣ, впослѣдствіи Григорію Михайловичу и вотъ, почти спустя вѣкъ, внукъ его по сей день достойно поддерживаетъ фирму амстердамскаго основателя ея.

Къ рисункамъ.

Въ отпуску.

(Рис. на стр. 228 и 229).

Чрезвычайно быстро заслужившій большую извѣстность своими сценами изъ жизни горнаго Тироля, Францъ Дефрегеръ въ этихъ сценахъ достигъ поразительнаго мастерства. Напримѣръ въ картинѣ „Въ отпуску“, копія которой здѣсь помѣщена, сколько жизни, мѣткости, какъ закончена и вѣрна каждая малѣйшая подробность, выраженіе лицъ, положеній, какая глубина пониманія и какъ сосредоточено дѣйствіе! Напряженное вниманіе, полное любопытства и любви, сосредоточено около героя семьи—этого ловкаго, веселаго молодца, внезапно пришедшаго къ своимъ въ отпускъ, въ своемъ красивомъ мундирѣ. Онъ что то оживленно разсказываетъ—о своей жизни въ полку, конечно, смотрахъ, ученьяхъ, пріѣздѣ императора, жизни въ томъ большомъ, блестящемъ городѣ, гдѣ стоитъ ихъ полкъ. Сдержанное оживленіе и радость горятъ въ глазахъ его отца, главы семьи, глубокое вниманіе и увлеченіе оживленнымъ разсказомъ заставило старушку-бабушку распустить петли и уронить клубокъ, а юное поколѣніе съ такимъ милымъ любопытствомъ возриться въ пріѣзжаго. Каждое лицо здѣсь полно жизни и выраженія и каждое внимательно сообразно возрасту и характеру. Сдержаннѣе любопытство молодыхъ дѣвушекъ. Но какъ прелестенъ этотъ мальчикъ справа и дѣвочка, какъ милъ этотъ малютка увлекшійся блестящими пуговицами мундира старшаго брата! Мать хлопочетъ варить кофе дорогому любимцу. Дѣтямъ хочется его расспрашивать, но они еще не обвыкли, не рѣшаются. Эта мастерская картина доставляетъ истинно-художественное наслажденіе.

Видъ Москвы, Н. Е. Маковскаго.

(Рис. на стр. 233).

Между другими выставленными картинами XIII передвижной выставки часто встрѣчается имя талантливыхъ братьевъ Маковскихъ. Кромѣ картинъ Вл. Маковскаго, который одинъ представилъ до 50 номеровъ, есть 10 очень милыхъ и прекрасно исполненныхъ вещей брата его, Н. Е. Маковскаго. Копію съ одной изъ нихъ мы здѣсь помѣщаемъ. Какіе живописные, характерные уголки есть въ нашей древней столицѣ, въ родѣ того вида у Дорогомиловскаго моста, который облюбовалъ и изобразилъ такъ хорошо талантливый художникъ! Эти маленькіе старые домики исконныхъ обывателей, гирская картина работы слѣва, густо заросшій старыми деревьями берегъ рѣки и вѣнчающая все это небольшая старая церковь—все это дышетъ такимъ мирнымъ спокойствіемъ забытаго уголка огромнаго города, уголка живущаго своей маленькой жизнью, не много заботящагося о треволненіяхъ событій, идущихъ мимо него.

Петровскій дворецъ въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 236 и 237).

Среди красивыхъ окрестностей, которыми такъ богата Москва, Петровскій паркъ съ Петровскимъ дворцемъ, пользуется особенною любовью москвичей. Это объясняется можетъ быть близостью ихъ отъ города, такъ какъ паркъ и дворецъ расположены лишь въ двухъ верстахъ отъ московскихъ тріумфальныхъ воротъ императора Александра I, по правую сторону петербургскаго шоссе. До 1776 года мѣсто это было совершенно пустынное; оно принадлежало Высокопетровскому монастырю, почему и получило названіе Петровскаго. На всемъ этомъ пространствѣ издавна существовали глиняныя копи, кой гдѣ какъ оазисы виднѣлась тощая зелень, лачуги огородниковъ, поляны засѣянныя рѣпой, да землянки ямщиковъ тверской слободы, которые копали глину и песокъ. Въ 1776 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, здѣсь началъ строиться дворецъ архитекторомъ Казаковымъ въ затѣйливомъ мавританскомъ вкусѣ. Этотъ дворецъ назывался подъѣздымъ дворомъ и служилъ обыкновенно мѣстомъ пребыванія императрицы до въѣзда въ первопрестольную столицу. Въ первый разъ, по пріѣздѣ изъ Петербурга въ Москву, Екатерина оставалась въ этомъ дворцѣ въ 1787 году. Она отослала приготовленную для нея стражу, сказавъ, что желаетъ быть подъ охраною преданнаго ей народа. И народъ понялъ довѣріе къ нему императрицы: онъ тихо толпился около дворца и каждый остерегалъ другъ друга говоря: „не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки“.

Петровскому дворцу суждено было достоять въ прежнемъ видѣ лишь до достопамятнаго 1812 года. Во время пожара Москвы въ немъ провелъ Наполеонъ цѣлые четыре дня и тутъ же былъ подписанъ имъ приказъ объ обратномъ походѣ. По отъѣздѣ Наполеона, петровскій дворецъ не избѣгъ общей участи другихъ зданій Москвы: онъ былъ опустошенъ пожаромъ, неизвѣстно отъ небрежности, или отъ умышленнаго поджога, и возстановленъ изъ развалинъ лишь около 1840 года. Съ этого времени роль его не измѣнилась. Здѣсь наши государи обык-

новенно гостятъ не но долгу, пріѣзжая на коронацію или для смотра войскъ на ближайшемъ Ходынскомъ полѣ, которое разстилается прямо противъ дворца, но другую сторону петербургскаго шоссе. На этой равнинѣ въ бѣдственное время самозванцевъ стояли защитники отечества противъ Тушинскаго вора, который укрѣпился противъ деревни Тушино. Въ настоящее время на этомъ обширномъ полѣ каждое лѣто бываетъ расположенъ лагерь войскъ и все лѣто производятся здѣсь ученья, заканчивающіяся общими маневрами.

Внѣшній видъ Петровскаго дворца очень красивъ среди яркой зелени парка. Дворецъ возобновленъ въ затѣйливомъ мавританскомъ стилѣ; украшенъ посрединѣ широкимъ куполомъ и зубчатыми башеньками съ красивымъ балкономъ и крыльцомъ, навѣсъ котораго поддерживается узорными, изящными колонками въ восточномъ вкусѣ. Яркій цвѣтъ всѣхъ деталей дворца придастъ ему еще довольно свѣжій видъ, не смотря на его столѣтнее существованіе.

Мостъ чрезъ р. Ингулецъ, на Екатерининской ж. д.

(Рис. на стр. 236 и 237).

Сообщая въ № 18 „Нивы“, за минувшій годъ объ оконченномъ въ то время екатеринославскомъ мостѣ чрезъ рѣку Днѣпръ, мы упомянули о другомъ, не менѣе значительномъ мостовомъ сооруженіи на той же дорогѣ — Ингулецкомъ мостѣ, соперничающемъ своею высотою со Мстинскимъ мостомъ на Николаевской д. Екатерининская дорога (первоначально называвшаяся Криворогскою) пересѣкаетъ р. Ингулецъ вблизи мѣстечка Кривой Рогъ (Херсонской губ.); мѣстность у Криваго Рога заключаетъ богатыя залежи желѣзной руды, дающей до 75% чистаго желѣза; пласты руды мѣстами выклиниваются на поверхность земли; въ будущемъ ожидается обширная добыча руды, для снабженія южныхъ заводовъ Россіи чугуномъ. Мостъ чрезъ Ингулецъ устроенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пологій правый берегъ, образующій широкую долину, переходитъ въ почти отвѣсную скалу, на которой, какъ видно на рисункѣ, громоздится лѣвый устой моста. Мостъ, при полной длинѣ между задними стѣнками устоевъ въ 152 саж., состоитъ изъ 5 пролетовъ: одинъ изъ нихъ большой, въ 45 саж., перекрываетъ самую рѣку, а четыре меньшихъ, по 25 саж., идутъ по правому, постепенно возвышающемуся берегу. Оба устоя, правый высотою 7 саж. и лѣвый 12 саж., помѣщены на гребняхъ оврага, представляющихъ обнаженія кварцита. Рѣчной быкъ (№ 1), имѣющій полную высоту до 28 саж., пришлось возвести на желѣзномъ кессонѣ, погрузивъ его чрезъ слой песку, до плотной глины; остальные 3 быка основаны прямо на каменномъ грунтѣ. Для удобства удаленія земли при рытьѣ глубокихъ котловановъ для быковъ № 2 и 4 (считая отъ рѣки), пользовались временно устроенной подземной галлереей, выходящей изъ котлована быка по направленію къ рѣкѣ. Работы по устройству быковъ потребовали времени съ іюля 1882 г. по ноябрь 1884 г., причемъ въ послѣдніе полгода работа велась и ночная при электрическомъ освѣщеніи. Для ускоренія дѣла часть кладки на быкахъ № 3 и 4 выведена была зимою 1883 г. въ построенныхъ надъ быками теплыхъ баракахъ, но ранняя весенняя вода, поднявшаяся на 5 саж., повредила бараки, что и заставило прекратить работы до спада воды. Каменныя опоры выведены изъ мѣстнаго песчаника и гранита съ облицовкою гранитомъ розоваго и сѣраго цвѣтовъ.

Желѣзное строеніе моста представляетъ въ 4 меньшихъ пролетахъ фермы рѣшетчатой системы, а въ большомъ пролетѣ фермы полупараболической системы съ нижнимъ криволинейнымъ поясомъ.

Верхніе пояса фермъ связаны между собою системою желѣзныхъ же поперечинъ и продольныхъ балочекъ, поддерживающихъ помощью шпалъ рельсовый путь. Система связей между фермами въ видѣ распорокъ и діагоналей дополняетъ устройство металлическаго строенія. Сборка фермъ, потребовавшая отъ завода крайне напряженной работы съ сентября 1883 г. по апрѣль 1884 г., производилась на подмостяхъ, причемъ для большаго пролета управленіемъ дороги устроены были подмости подкосной системы, сами по себѣ при своей высотѣ представлявшія грандіозное временное сооруженіе.

Стоимость моста около 900000 руб., что даетъ на футъ длины моста 846 руб. Каменной кладки въ опорахъ до 1,000 куб. саженъ, металла въ желѣзномъ строеніи 68400 пуд., портландскаго цемента (русскихъ заводовъ) потребовалось до 9,000 бочекъ. Всѣ опоры, поставленныя другъ на друга, даютъ столбъ въ 92 саж.

Высота сооруженія отъ уровня рельсовъ до гор. низкихъ водъ 23 саж., а вся высота строенія до подошвы кессона въ быкѣ № 1—32 саж.

Металлическое строеніе моста исполнено Брянскимъ заводомъ, кессонное же основаніе быка № 1 С.-Петерб. Металлическимъ заводомъ. Сооруженіемъ моста завѣдывалъ нач. участка инж. С. М. Гуттъ, при общемъ наблюденіи по постройкѣ дороги нач. раб. В. А. Титова. Проэктъ желѣзнаго строенія моста составленъ Н. А. Бѣлелюбскимъ.

При удачной сортировкѣ цвѣта облицовки на каждой опорѣ, при значительной высотѣ всего строенія, висящаго надъ отвѣсной скалою съ рудными обнаженіями и открывающаго подъ собою прекрасную панораму, наконецъ при живописности самой мѣстности Криваго Рога, богатой дарами природы, посѣщеніе Ингулецкаго перехода и окрестностей Криваго Рога доставитъ несомнѣнно наслажденіе и технику, и художнику.

П. М. Лéссаръ.

П. М. Лéссаръ. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Опредѣленіе афганской пограничной линіи все еще остается нерѣшеннымъ. Теперь посланъ въ Среднюю Азію нашъ инженеръ Лессаръ, который недавно находился въ Лондонѣ.

Миссіи Лéссара англійскія газеты придаютъ большое значеніе, можетъ быть больше чѣмъ она имѣетъ. Лéссаръ не уполномоченъ предъявить Лондонскому кабинету новыя требованія Россіи,—это несовмѣстимо съ его служебнымъ положеніемъ—онъ какъ компетентное лицо лишь будетъ состоять въ качествѣ прикомандированнаго при русскомъ посольствѣ во время предстоящихъ переговоровъ.

Переговоры касаются опредѣленія въ принципѣ той полосы земли, въ предѣлахъ которой будетъ проведена линія новой границы. Въ 1872 г. была установлена граница владѣній Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Россія до сихъ поръ однако остается безъ удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе о пограничной линіи. Но когда Англія заняла своей пограничной коммисіей всю область этого пояса, Россіи не оставалось ничего болѣе какъ двинуть свой отрядъ тоже въ эту область, что именно и вызвало занятіе Пуль-и-Шатуна. Обоюдное это занятіе осложнило вопросъ. Желательно конечно въ общихъ интересахъ миролюбивое устраненіе временнаго недоразумѣнія, но это недоразумѣніе заставитъ министерство Гладстона дать наконецъ положительный отвѣтъ.

Съ конца лѣта прошлаго года въ политической печати упоминалось объ Афганистанскомъ разграниченіи. П. М. Лéссаръ, справедливо считается однимъ изъ видныхъ нашихъ дѣятелей по изслѣдованію азіятскихъ окраинъ Россіи. Павелъ Михайловичъ Лéссаръ—потомокъ выходца изъ Черногоріи и сынъ офицера русской службы. Посвятивъ первые годы службы, по окончаніи въ 1873 г. курса въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, спеціальной своей дѣятельности внутри Россіи *), П. М. Лéссаръ въ 1882 г., при открытіи военныхъ дѣйствій въ Ахалъ-Теке, поступилъ къ генералу Скобелеву для производства изысканій линіи желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Кизилъ-Арвата, въ постройкѣ которой затѣмъ и участвовалъ. Осенью 1881 года, съ покореніемъ Ахалъ-Теке, П. М. Лéссару поручено было производство изысканій отъ Асхабада до Серахса, и съ этого времени начинается рядъ его изслѣдованій въ Туркменіи и сопредѣльныхъ съ нею странахъ. Совершенное имъ замѣчательное открытіе, опровергло прежнія представленія о характерѣ горной страны, отдѣляющей Гератскую долину отъ Туркменіи. Отсутствіе неприступной преграды для движенія къ Герату съ сѣвера, обратило на себя вниманіе Англіи; значеніе этого открытія обсуждалось въ газетахъ, было доложено серомъ Генри Роулинсономъ въ

*) П. М. Лéссаръ принималъ участіе въ работахъ по возведенію Потійскаго порта, завѣдывалъ работами по устройству канала къ новому доку въ Кронштадтѣ, а во время войны 1877—1878 гг. строилъ желѣзнодорожный мостъ черезъ Прутъ и ближайшій къ Галацу участокъ Бендеро-Галацкой желѣзной дороги. Описаніе желѣзнодорожныхъ сооруженій, произведенныхъ въ теченіе войны, составленное Лéссаромъ, появилось въ печати въ 1878 году; оно переведено на французскій языкъ и издано E. Lacroix.

Выставка въ Нью-Орлеанѣ. Калифорнійскій отдѣлъ. Поперечный разрѣзъ колоссальнаго дерева. По фотогр. грав. Флюгель.

Землетрясеніе въ Испаніи. Разсѣвшіяся скалы близъ города Гведаяра. По рис. Д. W. рисовалъ И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

особомъ засѣданіи Лондонскаго географическаго общества и наконецъ описаніе путешествій П. М. Лессара составило предметъ особой „Синей книги". Изысканія Лессара дали ему случай коснуться жизненнаго вопроса Атека, а именно, распредѣленія водъ въ рѣчкахъ, питающихъ оазисъ и имѣющихъ свои верховья въ персидскихъ владѣніяхъ. За произведенныя во время его путешествій изслѣдованія П. М. Лессару была присуждена Императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ золотая медаль. Въ началѣ прошлаго года П. М. Лессаръ былъ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ начальника закаспійской области генерала Комарова при занятіи Мерва, и на слѣдующій день по вступленіи русскихъ войскъ въ Коушутъ-Ханъ-Калу направился вверхъ по Мургабу въ поселенія туркменъ-сарыковъ въ Пенде. Эта поѣздка, сообщеніе о которой читано П. М. Лессаромъ 5-го декабря въ общемъ собраніи Императорскаго русскаго географическаго общества, дополнила прежде сдѣланныя имъ изслѣдованія и выяснила общій характеръ всей мѣстности, пріобрѣтающей теперь столь важное значеніе въ вопросѣ о разграниченіи туркменскихъ земель съ Афганистаномъ. Результаты изслѣдованій П. М. Лессара, по мѣрѣ производства работъ, были сообщаемы и печатались въ извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества за 1882—1884 года.

Калифорнійскія деревья на выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ.

(Рис. на стр. 241).

Извѣстно, что самыя высокія и толстыя деревья встрѣчаются исключительно въ Калифорніи; въ Африкѣ достигаютъ громадной толщины лишь одни боабабы; въ Европѣ же деревья, достигшія феноменальной вышины или окружности ствола, извѣстны всѣ на перечетъ, такъ какъ ихъ очень немного. Знаменитый каштанъ Этны, липа близь Нейштадта въ Виртембергѣ и наконецъ громадный платанъ въ Буюкдере, подъ которымъ по преданію стоялъ лагеремъ Готфридъ Бульонскій на своемъ пути къ Іерусалиму, вотъ тѣ гигантскія по своимъ размѣрамъ деревья, которыми по справедливости гордится Европа. Но всѣ они могутъ казаться пигмеями въ сравненіи съ громадными калифорнійскими великанами растительнаго царства, которые остаются здѣсь даже незамѣченными, такъ какъ составляютъ очень обычное явленіе. Такъ, дерево, которое красовалось недавно на выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ, имѣло восемнадцать футовъ въ діаметрѣ; но это дерево не составляетъ исключенія; много другихъ, еще толще, растетъ въ Іосемитской долинѣ, и между послѣдними, какъ говорятъ, встрѣчаются такія деревья, которыя достигаютъ до тридцати шести футовъ въ діаметрѣ, т. е. представляютъ такую площадь въ поперечникѣ, на которой легко помѣстить не только четырехъ лошадей, но даже и широкую дорожную карету. Древесина этихъ деревьевъ, черезчуръ плотная, какъ строительный матеріялъ, не особенно цѣнится при облицовкѣ топелей, потому что не пропускаетъ сырости. Но за то это свойство калифорнскаго лѣса дѣлаетъ его чрезвычайно годнымъ и полезнымъ для покрышки домовъ, и деревянныя крыши изъ этого дерева теперь понемногу вытѣсняютъ въ Америкѣ аспидныя и оловянныя пластинки и входятъ во всеобщее употребленіе.

Землетрясеніе въ Испаніи.

(Рис. на стр. 241).

Недавно (въ № 5 „Нивы") была у насъ подробная статья объ ужасающихъ извѣстіяхъ изъ Испаніи, о небываломъ со временъ Лиссабонскаго несчастія—въ 1755 г. землетрясеніи. Катастрофа была ужасна. Почва растрескалась, треснули всѣ на большомъ разстояніи скалы, въ которыхъ отдалось внутреннее движеніе. Рушились зданія, провалилась земля, образовались внезапно ужасныя разсѣлины и пропасти въ скалахъ, разсѣлины, подобныя тѣмъ ужасающимъ по своимъ размѣрамъ, которыя представлены на нашемъ рисункѣ. Здѣсь—близь горнаго городка Гведаира, между скалами образовались пропасти, около которыхъ съ ужасомъ толпились несчастные, застигнутые бѣдствіемъ, люди. Здѣсь безсильны средства человѣка и невозможна борьба. Землетрясенія, происходящія отъ подземныхъ переворотовъ, бываютъ всегда внезапны и случайны. Наиболѣе подверженныя имъ области, разумѣется, вулканическія, гористыя или расположенныя вблизи моря. Пиринеи также принадлежатъ къ такимъ областямъ. Они образовались позднѣе другихъ вулканическихъ областей, напр. Альпъ, и по мнѣнію ученыхъ, наслоеніе ихъ еще не окончено. Болѣе 120 лѣтъ не подавали Пиринеи признаковъ опасности. Во многихъ мѣстахъ насчитывалось до 45 послѣдовательныхъ ударовъ—удары были коротки, не болѣе секунды, и что очень рѣдко бываетъ—они достигали даже вершинъ горъ.

Скелетъ пещернаго медвѣдя.

(Рис. на стр. 244).

Въ различныхъ известковыхъ горахъ австрійскихъ Альпъ находится множество, иногда въ нѣсколько верстъ длины, развѣтвляющихся пещеръ, происхожденіе которыхъ зависитъ отъ различныхъ причинъ. Большая часть этихъ пещеръ образовалась отъ поднятія, опущенія и скатыванія пластовъ земли, зачастую отъ отслоенія подвижнаго матеріала рѣкъ въ илѣ прѣсныхъ первобытныхъ морей; пещеры, опускаясь, были нѣсколько разъ закрываемы и впослѣдствіи снова размывались водою, образовавъ новые стоки, такъ что теперь въ известковыхъ массахъ нерѣдко встрѣчается по нѣсколько пещеръ, лежащихъ одна надъ другою. Дальнѣйшія измѣненія придали пещерамъ самыя разнообразныя формы. Различныя дельты, устья и рукава рѣкъ являются теперь въ видѣ колоннъ, соборовъ, гротовъ и трубъ, прежній матеріалъ которыхъ, какимъ они заполнялись, былъ смытъ проникшей водою и гдѣ теперь появились третичныя и дилювіальныя наслоенія. Съ теченіемъ времени воды промыли въ известковыхъ горахъ долины и пропасти, и старые ручьи встрѣчаются иногда на нѣсколько сотенъ метровъ подъ нынѣшними руслами рѣкъ.

Въ одной изъ такихъ пещеръ, находящейся въ отвѣсной, въ нѣсколько сотенъ метровъ вышины скалѣ возлѣ Пегтау, былъ найденъ недавно (рисунокъ помѣщенъ на стр. 244) скелетъ пещернаго медвѣдя (Ursus spelaeus), а также черепъ другаго такого же животнаго. Все это открыто въ мѣстности совершенно нетронутой, такъ какъ она была покрыта слоемъ сталактита въ 10—15 центиметровъ толщины, который въ свою очередь лежалъ на смѣси изъ остатковъ костей, известковаго шпата и песку. Кости были разбросаны на пространствѣ въ 8 квадратныхъ метровъ и стоило большаго труда извлечь ихъ безъ поврежденія. Черепъ, лежащій на нашемъ рисункѣ на доскѣ, замѣчателенъ прекрасными, въ 3 и 6 миллиметровъ длины, кристаллами изъ известковаго шпата, которыми покрыта внутренность его. Разстояніе между коренными зубами равняется 14 цент., лобъ—17 цент.; черепъ же скелета имѣетъ въ тѣхъ же мѣстахъ 10 и 13 центиметровъ. Изображенный на рисункѣ скелетъ можно считать самымъ большимъ и самымъ лучшимъ изъ всѣхъ найденныхъ до сихъ поръ. Вышина его 3 метра ($4^1/_4$ ар.) и за немногими неизбѣжными поврежденіями онъ сохранился всецѣло.

Подъ остатками костей, въ рыхлыхъ, наносныхъ слояхъ, на глубинѣ 1—2 метровъ нерѣдко можно узнать мѣсто раскладыванія огня съ нѣсколькими черепками горшковъ и обломками кремня. Въ болѣе глубокихъ слояхъ черепки не имѣютъ никакихъ украшеній и сдѣланы грубо; напротивъ въ высшихъ мѣстахъ они лучшей работы и нерѣдко съ украшеніями. Горшки, найденные на глубинѣ 30 центим., покрыты внутри слоемъ въ 2 центим. толщины шлаковой, съ металлическимъ блескомъ массы, которая послѣ химическаго изслѣдованія оказалась углемъ, происшедшимъ изъ смѣси крови и муки, т. е. оказалась обуглившимися остатками пищи. Очень возможно, что это остатки хлѣба, слой котораго оставался послѣ всякаго печенья, пока наконецъ горшокъ становился негоднымъ къ употребленію.

Интересна находка въ этомъ мѣстѣ прозрачнаго, полированнаго крючка для ловли рыбы, сдѣланнаго изъ сталактита и имѣющаго 4 центим. длины и 7—8 миллиметровъ толщины. Крючокъ употреблялся вѣроятно безъ приманки, такъ какъ онъ самъ похожъ на червяка. Для испытанія прочности подобнаго крючка, на такой же величины кусокъ сталактита привѣсили тяжесть въ 15 килограммовъ. Сталактитъ не обломался, что доказываетъ, что крючокъ былъ пригоденъ для ловли рыбы большаго размѣра. Кремневыхъ орудій найдено сравнительно мало. По всей вѣроятности человѣкъ только случайно заходилъ въ пещеры, не избирая ихъ своимъ постояннымъ мѣстомъ жительства.

Подъемная машина и мостъ въ Стокгольмѣ.

(Рис. на стр. 245).

Часть города Стокгольма Мозебаке (гора Моисея) построена на отвѣсныхъ скалахъ въ 35 метровъ вышины (1 метръ—$1^1/_2$ аршина), что значительно затрудняетъ сообщеніе съ нею, такъ что даже иностранцы неохотно посѣщали ее, хотя оттуда открывается чудный видъ на весь городъ. Теперь же неудобство это устранено. Капитанъ Линдмаркъ получилъ концессію на постройку подъемной машины, которая окончена и дѣйствуетъ уже съ 1883 г. Подъемная машина сдѣлана вся изъ кованнаго желѣза и состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: горизонтальнаго помоста и четырехъ поддерживающихъ его столбовъ. Передній изъ этихъ столбовъ болѣе всего привлекаетъ вниманіе. Вышина его равняется 35 метрамъ; въ немъ движутся попеременно внизъ и вверхъ двѣ каюты, каждая на пятнадцать человѣкъ. Внутри каюты эти похожи на маленькія комнатки, очень удобно меблированныя. Спускъ и подъемъ ихъ совершается при помощи громаднаго ворота, приводимаго въ движеніе паровой машиной и соединеннаго съ нею гидравлическаго пресса. Движеніе совершается со скоростью одного метра въ секунду. Внизу столба устроена станція, боковые флигеля которой отведены подъ вышеупомянутыя машины. На верху столба устроенъ ресторанъ съ балконами, откуда можно осматривать городъ. За проѣздъ въ машинѣ назначена самая незначительная плата: за подъемъ пять эръ и за спускъ три эры (1 эра=$^1/_4$ коп.).

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Турція.—Франція и Китай.—Швейцарія.—Бельгія.

Англійскія газеты высказываютъ надежду, что натянутыя отношенія между Англіей и Германіей должны скоро прекратиться. По ихъ мнѣнію, въ недоразумѣніяхъ виноваты обѣ стороны, но на некультированныхъ пунктахъ земнаго шара будетъ достаточно мѣста для обоихъ государствъ. Въ опубликованной новой „Синей книгѣ“ о южно-африканскихъ дѣлахъ сообщаются заявленія лорда Гренвилля германскому послу, что британская экспедиція въ страну Бечуановъ не имѣетъ никакой связи съ колоніальнымъ движеніемъ Германіи въ Ангрѣ-Пеквенѣ. Британское правительство ничего не имѣетъ сказать противъ распространенія германской колонизаціи въ Ангрѣ-Пеквенѣ, равно какъ противъ протектората Германіи надъ побережьемъ Дамары и Намакуи. Что же касается положенія, пріобрѣтеннаго Германіею въ Камерунѣ, то, по словамъ депешъ, британское правительство относится безъ чувства соперничества какъ къ присутствію Германіи по сосѣдству съ его новѣйшими пріобрѣтеніями въ бассейнѣ Масляной рѣки, такъ и къ распространенію германскихъ владѣній по направленію къ верховьямъ Калабаса.

Не смотря на опасность министерскаго кризиса, въ виду парламентскихъ преній по вопросу о заявленіи недовѣрія къ политикѣ правительства, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, Гладстонъ остается у дѣлъ и нынѣшнее британское министерство не подаетъ въ отставку. Хотя въ недавнемъ совѣтѣ министровъ многіе члены кабинета, а въ томъ числѣ и Гладстонъ, высказались за немедленный выходъ въ отставку, но противное мнѣніе одержало верхъ. Кабинетъ рѣшилъ поспѣшить обсужденіемъ билля о преобразованіи избирательныхъ округовъ, внести проектъ новой регистраціи выборщиковъ и, по утвержденіи ихъ парламентомъ, распустить послѣдній, съ тѣмъ, чтобы въ первыхъ числахъ ноября произвести новые выборы. Впрочемъ нельзя не сознаться, что положеніе либеральнаго министерства весьма непрочно, и что оно легко можетъ рухнуть подъ напоромъ коалиціи консерваторовъ съ радикалами, могущей образоваться во время преній о новыхъ кредитахъ для суданской экспедиціи.

Гассанъ-Феми-паша, турецкій уполномоченный, пребывающій теперь въ Лондонѣ, рѣшился выждать результатовъ преній британскаго правительства, для возобновленія съ сентъ-джемскимъ кабинетомъ своихъ переговоровъ, прерванныхъ вслѣдствіе внесеннаго въ парламентъ предложенія о заявленіи порицанія министерству. Если Гладстонъ останется у дѣлъ, то турецкій уполномоченный будетъ продолжать свои совѣщанія съ лордомъ Гренвиллемъ, допустившимъ въ принципѣ право вмѣшательства Турціи въ суданскія дѣла, и въ то же время давшимъ понять Портѣ, что ей слѣдовало бы заблаговременно озаботиться подготовленіемъ средствъ къ перевозкѣ извѣстнаго числа войскъ на тотъ или другой пунктъ Чермнаго моря. По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Каира, около шести тысячъ турецкихъ войскъ уже ожидаютъ приказанія сѣсть на суда и направиться къ берегамъ Египта. Весь вопросъ заключается лишь въ томъ, какъ отнесутся итальянцы, занимающіе Массову и Бейлунь, къ появленію турецкихъ солдатъ на Нубійскомъ побережьи.

Дѣла французовъ въ Тонкинѣ начинаютъ принимать весьма благопріятный оборотъ. Генералъ Бріеръ де-Лилль съ систематическою настойчивостью продолжаетъ преслѣдовать заданную имъ себѣ задачу—вытѣснить совершенно китайцевъ изъ Тонкина. Недавняя побѣда, одержанная французами при Туэнъ-Кванѣ, дастъ имъ возможность предпринять дальнѣйшее движеніе къ китайской границѣ. Кромѣ того, генералъ Негріе окончательно очистилъ отъ непріятеля восточную часть полосы, лежащей со стороны Лангсона. Онъ разрушилъ китайскіе пограничные форпосты и поставилъ китайцевъ въ необходимость отступить въ сторону Юнана. Если генералъ Бріеръ де-Лилль будетъ продолжать свое наступленіе съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ до сихъ поръ, то уже недалеко то время, когда китайцевъ вовсе не останется въ Тонкинѣ. Тогда французы получатъ возможность сосредоточить всѣ свои силы на такихъ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя могли бы произвести въ Китаѣ наиболѣе сильное впечатлѣніе и заставятъ китайцевъ подумать о скорѣйшемъ заключеніи мира. Объявленіе риса военной контрабандой составляетъ первый шагъ въ этомъ направленіи. Эскадра адмирала Курбэ имѣетъ теперь полную возможность препятствовать подвозу съ моря этого необходимаго для китайцевъ жизненнаго продукта. Англія, хотя и отказывается признать рисъ военною контрабандою, но такой отказъ не можетъ имѣть большаго практическаго значенія, и цѣль принятой мѣры, т. е. недостатокъ въ рисѣ, все таки будетъ достигнута и въ Пекинѣ она произведетъ, конечно, не малый переполохъ и, можетъ быть, значительно охладитъ воинственный пылъ самонадѣянныхъ совѣтниковъ малолѣтняго богдыхана.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Шанхая, адміралъ Курбэ недавно занялъ островъ Путу. Эта оккупація возбудила сильное негодованіе въ китайскомъ населеніи, такъ какъ островъ Путу служитъ мѣстомъ паломничества для буддистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ загороднымъ мѣстомъ для богатыхъ китайцевъ Шанхая, куда они лѣтомъ переѣзжаютъ на дачи.

По извѣстіямъ изъ Берна, согласно рѣшенію, принятому союзнымъ совѣтомъ, швейцарскія власти, не шутя, начинаютъ принимать мѣры противъ анархистовъ. Домовые обыски были произведены въ Цюрихѣ и Базелѣ, а затѣмъ было приступлено къ одновременной поголовной высылкѣ анархистовъ изъ всѣхъ большихъ городовъ Швейцаріи. Арестованные будутъ судиться швейцарскимъ судомъ присяжныхъ и, по общему предположенію, въ настоящемъ процессѣ должно разоблачиться существованіе весьма важныхъ анархическихъ заговоровъ.

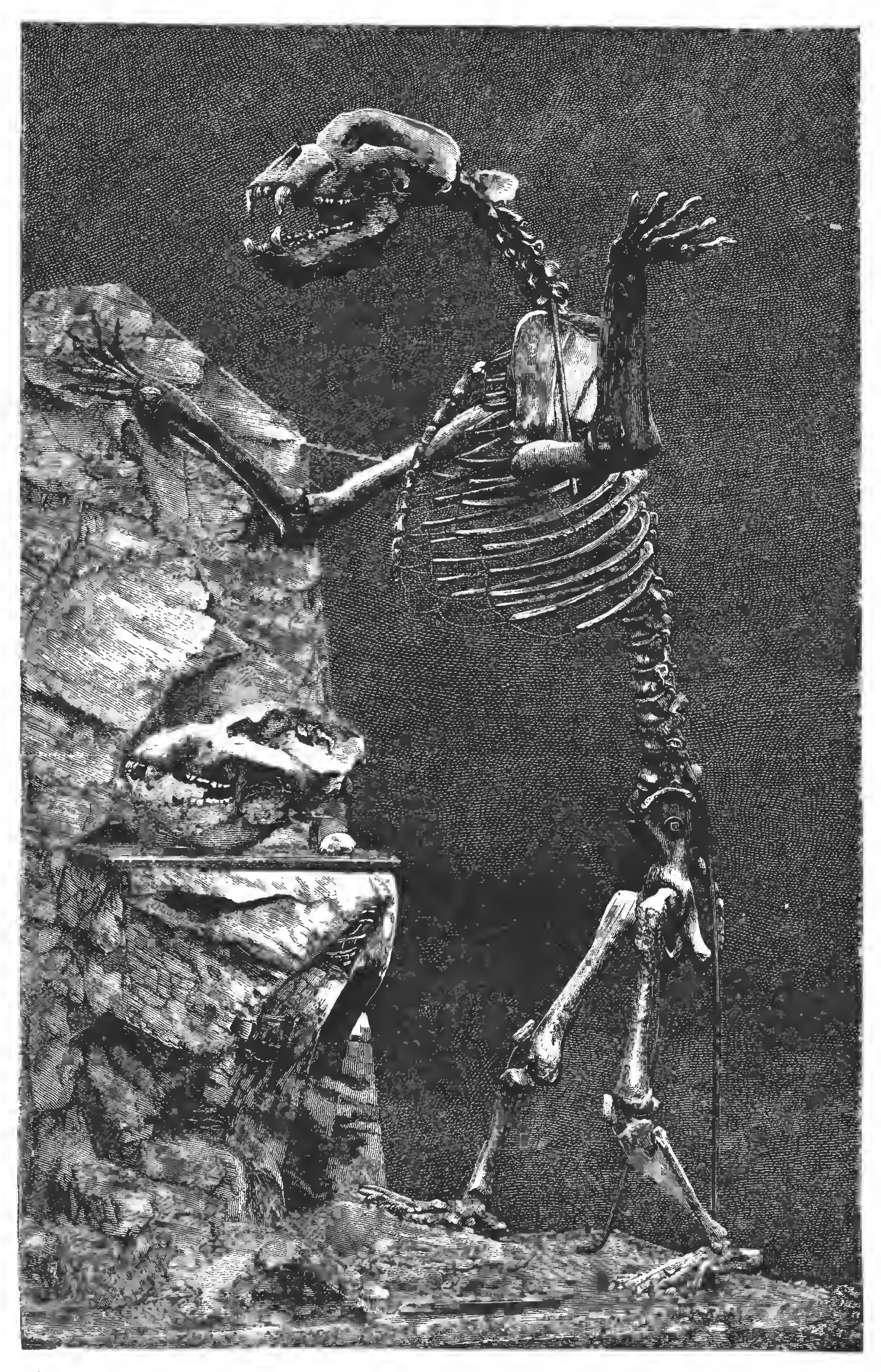
Бельгійскія газеты сообщаютъ, что король бельгійцевъ Леопольдъ II не приметъ титула „государя Конго“, но, въ качествѣ протектора свободнаго конгскаго государства, станетъ во главѣ его администраціи, имѣющей сосредоточиться въ особой коммиссіи. По приказанію короля, подробный отчетъ о дѣятельности международной африканской ассоціаціи со дня ея основанія вмѣстѣ со всѣми документами, касающимися признанія конгскаго государства, будетъ предъявленъ бельгійскому парламенту.

Смѣсь.

Римъ во Франціи. Во время французской революціи въ прошломъ столѣтіи, въ парижскомъ обществѣ внезапно возникла любовь ко всему древнему, въ особенности къ римской культурѣ. Начали вводить античные обычаи и такъ какъ древніе римляне употребляли въ разговорѣ „ты“, то французское общество также ввело у себя эту моду, которая сдѣлалась закономъ. На дверяхъ присутственныхъ мѣстъ были прибиты объявленія: „Здѣсь нужно говорить ты!“ Во время процвѣтанія римской Имперіи слово „гражданинъ“ (civis romanus) было особенно почетнымъ. Поэтому вмѣсто аристократическаго слова „monsieur“ французская республика стала употреблять слово „citoyen“. Принято было также перемѣнять христіанскія имена на римскія. Извѣстный французскій демагогъ Франсоа Ноэль Бабефъ, издававшій журналъ „Народный трибунъ“, назвалъ себя Каюсомъ Гракхомъ Бабефомъ. Многіе приняли имя Брута. Въ 1793 г., въ Конвентѣ явилась депутація отъ одной общины и выразила свое неудовольствіе на то, что община эта называлась именемъ святаго. Тогда ее переименовали въ общину Брута. Конечно мода одѣваться также не избѣжала стремленія къ античному. Магистратъ и представители народа одѣлись въ римскую тогу; женщины стали носить туники и сандаліи. При этомъ платья ихъ были изъ такой легкой матеріи, точно между Римомъ и Парижемъ не существовало никакой климатической разницы. Даже календарь былъ измѣненъ: введены новыя названія мѣсяцевъ Фруктидоръ, Мессидоръ и проч. Дальнѣйшее вліяніе классической древности сказалось въ подраздѣленіи мѣсяца на три декады. Республиканская недѣля какъ и аттическая и римская, состояла изъ десяти дней. Революція уничтожила конечно христіанскіе праздники и ввела праздники республики, какъ то: генія, работы, общественнаго мнѣнія, благодарности, земледѣлія, свободы, супруговъ и пр. Подобный культъ содержится въ римскомъ календарѣ. Точно такъ какъ и въ Римѣ, во Франціи были цензоры, военные трибуны и диктаторы. Позднѣе были также и консулы, и первый консулъ ввелъ сенатъ, судъ и многое другое по образцу Рима. По примѣру Рима консулъ дарилъ солдатамъ почетное оружіе. Впослѣдствіи онъ основалъ Legion d'Honneur (почетный легіонъ), члены котораго назывались легіонерами, а отдѣленія—когортами. Наполеониды возобновили обычай римлянъ давать титулы, напоминающіе военныя дѣйствія. У римлянъ былъ Азіатикъ, Нумидикъ, Германикъ и пр.; во Франціи встрѣчаются герцоги Монтебелло, Тревизо, князья Ваграмъ и пр. Римскимъ духомъ и римскими выраженіями отличалась военная рѣчь Наполеона перваго. Послѣ битвы при Эйлау въ 1807 г. онъ писалъ своему брату Жозефу: „Мы сражаемся съ племенами сѣвера, наводнившими нѣкогда Римское государство“. Сдавшись въ 1815 г. англичанамъ, онъ между прочимъ писалъ принцу регенту: „какъ Ѳемистоклъ, сажусь я у очага британскаго народа“. Монеты, вычеканенныя во время республики, носятъ эмблемы классической древности. Позднѣе на нихъ является голова перваго консула. Въ литературѣ замѣчается то же направленіе; строительное искусство тоже клонилось къ подражанію древности. Почти всѣ Наполеоновскія сооруженія сдѣланы по римскимъ образцамъ. Въ театрѣ давались представленія, содержаніе которыхъ заимствовано было изъ греческой и римской жизни.

Путешествіе д-ра Оскара Ленца изъ Марокко, чрезъ Сахару въ Тимбукту, а оттуда къ устью Сенегала въ Атлантическій океанъ составитъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ главъ въ исторіи изслѣдованія Африки. 22-го декабря 1879 года Ленцъ, у Тангера, покинулъ берега Средиземнаго моря, а спустя одиннадцать мѣсяцевъ, 23-го ноября, былъ уже въ Ст. Луи, въ Атлантическомъ океанѣ. За это время онъ сдѣлалъ около 5,000 километровъ пути, перешелъ снѣговыя горы, перенесъ жажду въ пустынѣ и четвертымъ по счету европейцемъ, которому удалось преодолѣть эти трудности, достигъ

Тимбукту—„Королевы пустыни". Достиженіе этого города составляетъ главный результатъ путешествія, богатаго и приключеніями, и опасностями. О трудности путешествія по Судану, можно судить по слѣдующей выдержкѣ: „19-го августа всѣ мои люди заболѣли; много зеленаго чаю. Изъ медикаментовъ у меня сохранился еще хининъ, другія средства попорчены водою. Каддуръ, сильный и здоровый марокканецъ, слегъ, а самъ я страдалъ безсонницей." Въ сочиненіи, изданномъ Ленцомъ подъ названіемъ „Тимбукту" говорится



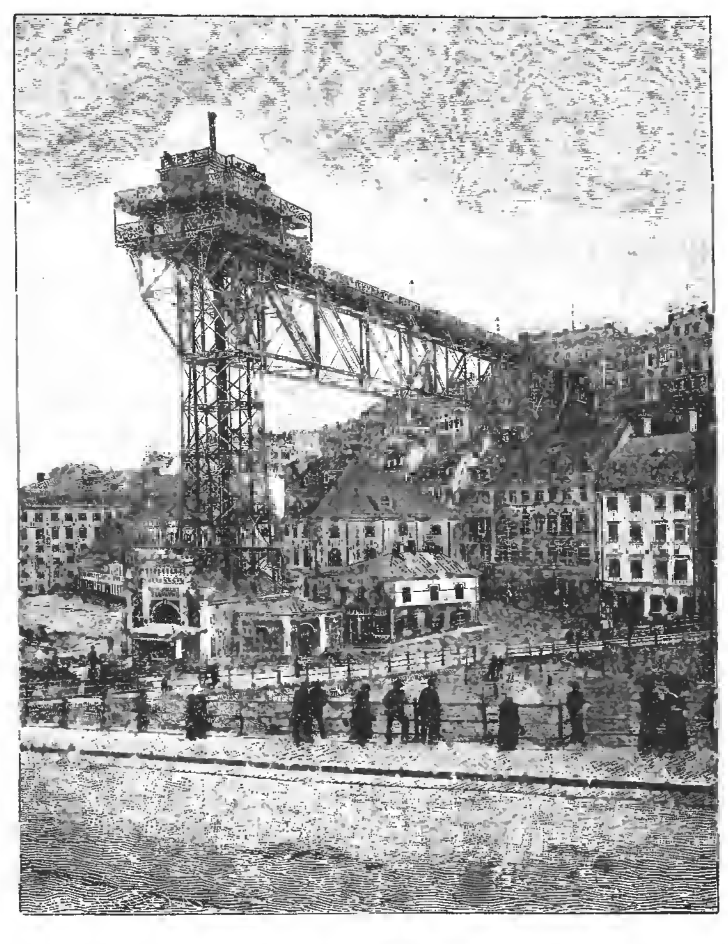
Скелетъ пещернаго медвѣдя, недавно найденный въ Штиріи. Рис. и грав. О. Ротъ.

Бенитецъ захворалъ очень сильно, и самъ я долженъ былъ осиливать себя, чтобы не слечь. Къ несчастію, мы лишены всего: кофе, вино, сахаръ и табакъ давно у насъ вышли, осталось только не- подробно о Марокко. Незадолго до прибытія Ленца въ городъ Тетуанъ, тамъ былъ убитъ испанецъ. Вслѣдствіе жалобы испанскаго консула, марокскія власти велѣли схватить перваго встрѣчнаго,

ни въ чемъ неповиннаго человѣка. „Онъ былъ привязанъ къ столбу у стѣны и чрезъ каждые полчаса въ него стрѣляли, съ цѣлью его ранить, но не убить. Когда спустя нѣсколько часовъ, несчастный не былъ еще мертвъ, консулъ потребовалъ, чтобы перестали его мучить, послѣ чего его убили.“

Магометанскій фанатизмъ сильно развитъ въ Марокко; секта Сенузи направляетъ его противъ христіанъ. Въ годовщину рожденія Магомета, Ленцъ былъ въ городѣ Микнасъ. „Разъяренная толпа изъ низшаго класса, состоявшая преимущественно изъ негровъ-рабовъ и женщинъ, была точно бѣшеная; она разрывала встрѣчавшихся на дорогѣ животныхъ, какъ напр. собакъ и овецъ, и пожирала ихъ сырыми. Бывали случаи, что въ Микнасъ такимъ образомъ погибали и люди, и все это въ честь Аллаха“. Но заповѣди Магомета часто не соблюдаются. Такъ марроканскія дамы пьютъ водку.

Труднѣе всего былъ переходъ на югѣ Марокко. „Опасность въ этомъ красивомъ уголкѣ земли неслыханна. Каждый ходитъ сильно вооруженнымъ и видитъ врага въ каждомъ встрѣчномъ“. Дома берберійцевъ--это настоящія крѣпости. Гораздо безопаснѣе пустыня; съ западной Сахарой Ленцъ впервые знакомитъ насъ ближе. Многіе изъ прежнихъ разсказовъ о пустынѣ оказываются вымышленными. 18 мая 1880 года, подъ 24 градусомъ сѣверной широты, въ Сахарѣ шелъ дождь и показалась радуга. Второй любопытный феноменъ это *поющіе пески*. Среди пустыни, песчаная гора издаетъ внезапно долгій, глухой звукъ, точно изъ трубы, который повторяется въ другомъ и третьемъ мѣстѣ. При гробовой тишинѣ въ безлюдной пустынѣ, это производитъ непріятное впечатлѣніе. Тутъ нѣтъ никакого обмана слуха, поющіе пески встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Ленцъ объясняетъ это треніемъ песочныхъ зеренъ. Замѣчательна пересылка почты въ пустынѣ. Ленцъ передалъ письма, въ Аруанѣ, среди Сахары, магометанину, который повезъ ихъ на югъ Марокко, откуда шейхъ послалъ ихъ дальше съ караваномъ въ Могадоръ, гдѣ жилъ германскій консулъ. Такимъ образомъ, письма аккуратно приходили въ Европу. „Удивительно какъ вѣрно письма передаются въ этихъ странахъ; потеря ихъ бываетъ очень рѣдка, такъ какъ магометанинъ считаетъ все писанное святыней“. На южной границѣ Сахары, собственно между неграми, живетъ болѣе свѣтлый и развитой народъ—фульбы. Въ каждой изъ ихъ деревень находится мѣсто для молитвы. Ленцъ замѣчаетъ объ этомъ народѣ: „Почти каждый изъ нихъ умѣетъ читать и писать по арабски и зачастую можно видѣть юношей и дѣтей съ деревянной дощечкой для писанія или читающихъ коранъ“.



Подъемная машина и мостъ въ Стокгольмѣ. Рис. и грав. Кнезингъ.

Новѣйшая мода, которая по всей вѣроятности понравится директорамъ театровъ, начинаетъ все болѣе прививаться въ Парижѣ, куда она занесена дамами американской колоніи. Послѣ обѣда гостей просятъ не въ залу, гдѣ иногда они скучаютъ, но берутъ нѣсколько ложъ въ театрѣ, куда и отправляютъ все общество тотчасъ послѣ обѣда.

2-й заемъ 1866 года. 38-й тиражъ 1-го марта 1885 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма	№ сер	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
28	14	500	2649	49	500	5144	8	500	7650	41	500	10728	3	500	13093	49	500	15023	42	500	17497	29	500
105	6	500	2742	44	500	5254	16	500	7718	5	500	10804	30	500	13134	16	25000	15058	6	500	17576	20	500
116	38	500	2869	31	500	5308	50	500	7864	9	500	10848	39	500	13150	14	500	15061	50	500	17590	16	500
128	26	1000	2880	14	500	5514	1	500	7881	1	500	11146	32	500	13151	24	500	15076	21	500	17603	36	1000
145	1	500	2916	8	500	5517	9	500	7912	38	5000	11206	2	500	13168	34	500	15345	30	500	17634	42	500
241	38	500	2956	15	500	5519	18	500	7936	31	500	11208	39	1000	13287	39	500	15372	38	500	17635	1	500
536	19	500	3063	34	500	5618	32	500	7954	19	500	11255	38	500	13454	8	500	15149	19	500	17721	40	500
558	13	500	3123	43	500	5693	27	500	7964	23	500	11259	40	500	13568	24	500	15504	46	5000	17794	48	500
572	46	500	3187	15	500	5760	31	500	8051	16	500	11292	25	8000	13611	18	500	15544	8	500	17914	46	1000
579	24	500	3195	37	500	5770	46	500	8215	35	500	11368	10	500	13617	49	500	15625	5	500	18010	32	1000
602	20	500	3269	13	500	5787	2	500	8279	14	1000	11383	20	10000	13642	4	500	15770	35	500	18117	50	500
618	25	500	3316	31	500	5788	9	500	8292	24	8000	11450	9	500	13648	20	500	15811	48	500	18145	2	500
663	14	500	3335	39	500	5814	19	500	8305	31	500	11486	18	500	13740	35	500	15967	25	500	18205	43	500
692	10	1000	3361	39	500	5932	15	500	8325	13	1000	11564	5	500	13864	3	500	15971	48	500	18272	41	500
759	50	500	3451	33	500	5971	29	500	8402	7	500	11614	39	500	13956	14	500	16022	23	500	18274	14	500
807	40	500	3472	38	500	6022	3	500	8510	42	500	11629	23	500	13971	33	500	16029	33	500	18403	30	500
812	31	500	3501	16	500	6050	21	1000	8630	3	500	11654	46	500	14065	24	500	16039	41	500	18444	19	500
870	9	500	3504	26	500	6084	43	8000	8659	39	500	11656	19	500	14098	42	10000	16198	49	500	18586	13	500
1014	25	200000	3643	21	500	6087	38	500	8753	17	500	11688	12	500	14161	39	500	16312	47	500	18685	8	500
1025	10	500	3717	38	500	6090	32	500	8958	15	500	11709	42	500	14216	28	500	16336	49	500	18756	2	500
1178	22	500	3929	13	500	6214	2	500	8966	9	500	11855	8	500	14219	27	500	16387	25	500	18777	32	500
1335	27	8000	3985	14	500	6242	33	500	9155	23	500	11924	8	500	14226	44	500	16397	39	500	18852	23	1000
1302	23	500	4195	22	500	6250	44	500	9257	8	500	12039	23	500	14233	32	500	16406	36	500	18862	4	500
1313	8	500	4268	24	1000	6440	17	500	9569	11	500	12140	19	1000	14269	10	500	16479	40	500	18903	25	500
1366	8	500	4271	45	500	6471	40	500	9589	24	500	12146	2	500	14290	25	500	16644	7	500	18971	42	500
1412	22	500	4320	24	500	6674	11	500	9651	40	500	12198	24	500	14457	44	500	16699	37	1000	18978	40	500
1441	42	1000	4332	9	500	6932	18	500	9766	9	500	12339	40	500	14658	8	500	16821	50	500	19099	9	500
1502	32	1000	4336	42	500	6962	45	500	9779	39	500	12359	22	10000	14677	39	500	16846	11	1000	19150	31	500
1511	43	500	4373	16	500	7056	37	1000	9844	34	500	12486	37	500	14754	12	500	16914	7	500	19159	37	500
1703	49	500	4495	19	5000	7139	27	75000	10038	13	500	12595	9	500	14754	34	500	16914	8	1000	19289	32	500
1835	3	500	4623	41	5000	7250	18	1000	10052	46	500	12688	11	500	14810	19	500	16974	39	500	19361	20	500
1914	28	5000	4701	5	1000	7283	45	500	10168	18	500	12707	15	500	14846	33	500	17027	16	500	19517	28	500
2205	8	500	4732	40	500	7298	41	500	10174	21	500	12762	47	5000	14847	30	40000	17240	43	500	19579	33	500
2311	31	500	4834	32	500	7359	2	500	10401	41	5000	12805	11	500	14871	13	500	17260	34	500	19621	32	500
2391	22	500	4866	23	500	7358	49	500	10448	13	500	12927	34	500	14876	38	500	17262	26	8000	19779	38	500
2400	27	500	4949	5	500	7407	7	500	10521	44	500	12998	4	500	14968	47	500	17390	22	500	19797	15	500
2482	7	500	5108	20	500	7441	28	500	10644	35	500	13070	27	500	14986	45	5000	17438	9	500	19965	28	500
2575	2	500	5185	8	500	7638	32	500	10672	1	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

129, 218, 587, 697, 723, 1256, 1705, 1892, 2233, 3127, 3729, 5349, 5396, 5422, 5777, 5975, 6364, 6566, 6579, 6877, 7040, 7146, 7307, 7560, 7969, 8872, 8929, 9530, 9550, 9722, 10002, 10250, 10321, 10337, 10488, 10980, 11111, 11253, 11390, 11448, 11631, 12311, 12440, 12580, 12602, 12942, 12953, 13162, 13353, 13374, 13405, 14047, 14054, 14401, 14532, 14879, 14975, 15795, 15983, 16192, 16198, 16338, 17029, 17112, 17253, 17266, 17384, 17810, 17934, 18353, 18388, 18390, 18436, 19005.

СОДЕРЖАНІЕ: **Р. Г. Судковскій** (съ портр.).—**Голосъ крови.** (Драма глухаго форта). **Н. Н. Каразина.** Часть III. (Окончаніе).—**Фальшивый алмазъ.** Разсказъ **Е. Киркиоаа.**—**Въ отпуску** (съ рис.).—**Видъ Москвы, Н. Е. Маковскаго** (съ рис.).—**Петровскій дворецъ въ Москвѣ** (съ рис.).—**Мостъ чрезъ р. Ингулецъ на Екатерининской ж. д.** (съ рис.).—**П. М. Лѣссаръ** (съ портр.).—**Калифорнійскія деревья на выставкѣ въ Нью-Орлеанѣ** (съ рис.).—**Землетрясеніе въ Испаніи** (съ рис.).—**Скелетъ пещернаго медвѣдя** (съ рис.).—**Подъемная машина к мостъ въ Стокгольмѣ** (съ рис.).—Политич. обозрѣніе.—Смѣсь.—Тиражъ выигрышей Государственнаго Банка.—Объявленія.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

При этомъ № прилаг. для гг. иног. подп. (за исключ. Моск. и 1—3, 7, 9—11, 20, 27 и 29 трактовъ) объявленіе отъ книжн. маг. В. И. Губинскаго въ СПБ.

Дозволено цензурою. СПБ. 6 марта 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — годъ XVI

№ 11 — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 Марта 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Общій видъ гор. Сиры и Гермуполиса на о. Сирѣ. Ориг. рис. Вальянъ, грав. Н. Коль.

Островъ и городъ Сира.

Острова греческаго архипелага, столь прелестные съ моря по своей гористой мѣстности и яркой зелени и по массѣ разбросанныхъ между горъ бѣлыхъ мраморныхъ домиковъ, совсѣмъ не представляютъ такой отрадной картины когда вступишь на берегъ и ознакомишься съ ними поближе. Становится очевиднымъ, что здѣсь уже отразилось въ сильной степени вліяніе востока и очень мало сохранилось чертъ древней классической жизни. О послѣдней напоминаютъ лишь роскошныя, величественныя развалины, разбитыя мраморныя колонны и фризы, обломки барельефовъ и статуй. Новая же жизнь тѣснится въ узкихъ, кривыхъ улицахъ, въ жалкихъ мазанкахъ, кое какъ сложенныхъ изъ того же вѣчнаго, классическаго матерьяла. Типы, костюмы, обычаи жителей—все это напоминаетъ болѣе востокъ, нежели древнюю Элладу и только одинъ гармоническій языкъ, хотя и значительно испорченный и далекій отъ своего первобытнаго образца, напоминаетъ вамъ, что вы находитесь среди прямыхъ потомковъ классическихъ грековъ.

Островъ Сира расположенъ въ центрѣ неправильнаго круга, образуемаго группой Цикладскихъ острововъ, и представляетъ собою трехъугольную скалу, имѣющую около 35 верстъ въ окружности. Объ немъ упоминаетъ еще Гомеръ, такъ какъ здѣсь, по его словамъ, было отечество Евмея, вѣрнаго слуги Улисса и вмѣстѣ съ тѣмъ сына Ктезія, царя Сиры. Портъ Сиры теперь наиболѣе посѣщаемый изъ портовъ Средиземнаго моря. Въ него заходятъ почти всѣ пароходы, идущіе на востокъ или въ Черное море, и кромѣ того онъ служитъ мѣстомъ склада громадному количеству товаровъ, которые потомъ направляются въ Тріестъ, Марсель и Бриндизи. Процвѣтаніе Сиры началось особенно со времени достопамятной борьбы за греческую независимость. Амфитеатромъ на двухъ холмахъ коничеcкой формы, раздѣленныхъ глубокимъ оврагомъ, расположены вверху старый городъ Сира, а внизу, у моря, новая Сира, называемая также Гермуполисъ. Дома его построены изъ бѣлаго мрамора и довольно живописное впечатлѣніе производятъ его сводчатыя улицы, пересѣкаемыя крутыми лѣстницами, и его обширныя террасы, ведущія на вершину стараго города. Здѣсь возвышается храмъ св. Георгія, обращенный теперь въ римско-католическую церковь. Съ верхней платформы видъ восхитительный: внизу простирается портъ съ судами всѣхъ націй, и городъ съ его многочисленными темными улицами, пересѣкающимися во всевозможныхъ направленіяхъ; вдали видна великолѣпная панорама Цикладскихъ острововъ, неправильно разбросанныхъ на лазурной поверхности моря. На сѣверѣ можно различить острова Гіура, Андросъ и южную оконечность Эвбеи; на востокѣ—Зею, Термію, Серфосъ; на югѣ—Паросъ, Антипаросъ, Никсосъ, Сифаносъ, и когда благопріятствуетъ погода, то даже Санторинъ и Анафи; на западѣ Миконосъ и Делосъ, островъ Аполлона.

Сира почти совсѣмъ лишена растительности; лишь только около маленькой гавани Посейдона, на сѣверномъ берегу, видно нѣсколько садовъ, гдѣ растутъ пальмовыя и лимонныя деревья. Дорога, спускающаяся отъ церкви Св. Георгія, идетъ среди бѣдныхъ кварталовъ, съ улицами обстроенными жалкими мазанками, которыхъ открытыя двери и окна даютъ полную возможность путнику ознакомиться со всѣми подробностями домашняго быта ихъ обитателей. Здѣсь же, на открытомъ воздухѣ готовится для семьи незатѣйливый обѣдъ или ужинъ, состоящій изъ оливъ въ горячемъ маслѣ и нѣсколькихъ кусковъ баранины, поджаренныхъ на угольяхъ. Наибольшее многолюдство можно встрѣтить у водоема, который снабжаетъ водой цѣлый городъ и гавань. Здѣсь толпятся и греческіе матросы мускулистые ребята въ бѣлыхъ юбкахъ, и дѣти, и молодыя дѣвушки и пожилыя женщины въ яркихъ костюмахъ голубаго, зеленаго и краснаго цвѣта. Здѣсь женщины наполняютъ драгоцѣнною водою красивые сосуды, напоминающіе собою классическія амфоры, и бережно несутъ ихъ вверхъ, въ городъ. Жизнь въ Сирѣ тѣсно связана съ существованіемъ этого водоема Случись землетрясеніе, столь обычное на этихъ островахъ, и повлеки оно за собою скрытіе источника, то съ того же момента вся Сира была бы осуждена погибнуть отъ жажды, такъ какъ другіе источники не могутъ удовлетворять ея потребностей. На площади Леостакосъ, на которой растетъ лишь нѣсколько тощихъ, полузавядшихъ деревьевъ, подъ аркадами, помѣщается главная кофейня города, мѣсто свиданія всѣхъ мѣстныхъ политиковъ. Здѣсь, за чашкой кофе, соединяются всѣ классы общества, и моряки, и паликары, и адвокаты, и медики, и даже рыбаки въ ихъ незатѣйливомъ, народномъ костюмѣ, шумятъ и спорятъ тутъ безъ всякаго стѣсненія, будто какъ дома. Промышленность Сиры довольно ограничена; она приготовляетъ въ большомъ количествѣ тѣ частью сухія и частью мягкія конфекты, которыя носятъ названія *глойкумъ* и имѣютъ довольно большое распространеніе на востокѣ. Вывозъ ихъ съ острова производится въ большихъ размѣрахъ, а сами кондитеры занимаютъ въ Сирѣ цѣлыя двѣ улицы и въ ихъ лавкахъ можно найти до сорока сортовъ глойкума отъ самыхъ дешевыхъ, до самыхъ изысканныхъ, украшенныхъ фисташками и начиканныхъ разными дорогими пряностями.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

I.

Рауль и Валентина.

— Джо, Джо!.. Аванти! (впередъ!) подгонялъ маленькаго ослика смуглолицый Луиджи, подымаясь въ гору по узкой тропинкѣ, вымощеной каменьями, такъ что острые края ихъ торчали вверхъ и рѣзали ноги. Джо!.. Джо... Аванти!

Осликъ терпѣливо помахивалъ головою, точно отвѣчая: „И безъ тебя знаю!.. Отстань!..“ По бокамъ его колыхались корзины, прикрытыя пледами, пальто, платками... Приподымая ихъ, Луиджи любовался на положенныя въ солому узкогорлыя бутылки съ душистымъ виномъ Италіи и на какіе то пакеты съ припасами. У него только слюнки текли при видѣ этихъ сокровищъ.

— Хорошо, форестьерамъ (иностранцамъ)—у нихъ всего вдоволь... Разбогатѣю, непремѣнно отель построю... Экъ, отстаютъ они! Нужно подать имъ голосъ.

Луиджи остановилъ ослика... „Улыбнись мнѣ моя дѣвушка, улыбнись мнѣ, моя чудная. “ громко запѣлъ онъ на весь этотъ просторъ.. „Туманъ въ душѣ моей, зарони въ мое сердце яркій лучъ и вспыхнетъ въ ней свѣтлая заря, и ароматная весна расцвѣтетъ въ моемъ сердцѣ... Улыбнись мнѣ, моя дѣвушка, посмотри на меня, моя чудная...“

Точно въ отвѣтъ ему послышался тотъ же мотивъ снизу... Чистое и звучное сопрано — точно серебряная струна прозвенѣла въ горахъ. Нѣсколько минутъ спустя, на облитой луннымъ свѣтомъ тропинкѣ показалось трое пѣшеходовъ... Стройная женская фигура и двое мужчинъ съ нею.

— Что, Нина Борисовна, не устали еще? не хотите ли руку?.. предложилъ ей блондинъ, шедшій рядомъ.

— Я привыкла къ горамъ—да тутъ и не замѣчаешь утомленія... Экая ночь какая!..

Ночь дѣйствительно была дивная... Надъ словно задумавшимися горами и ущельями ярко горѣли звѣзды. Крестъ Оріона сверкалъ всѣми цвѣтами радуги, такъ и рѣжетъ глаза блистательный Сиріусъ Словно кровавое око зловѣще свѣтится Альдебаранъ и широко раскинувшись во всѣ свои семь кроткихъ глазъ смотритъ на чудный край этотъ Большая Медвѣдица

— Хорошо! тихо отозвался одинъ изъ пѣшеходовъ.

— Да... Не наша холодная ночь... Посмотрите-ка назадъ!

Сонно мерцающее озеро пряталось въ синеву молчаливыхъ горъ. Лунный свѣтъ билъ прямо на нологій южный берегъ, гдѣ весь точно выкованный изъ матоваго серебра вырѣзывался красивый городъ со своими соборами и башнями...

Глубокія синія ущелья разбѣгались во всѣ стороны... Голубыми пятнами по склонамъ горъ темнѣли рощи... Точно сказочное чудовище, изогнувъ свой крутой хребетъ —залегъ передъ путниками громадный Бисбино, на который они уже два часа подымались. Едва-едва выдѣлялись сползающіе внизъ широколистые каштаны Мѣсяцъ скользилъ по нимъ своими мечтательными лучами.

обливалъ яркимъ свѣтомъ крутой хребетъ горы, съ рѣзко обрисовавшимися по сторонамъ ребрами-утесами.

Теплый вѣтерокъ прямо въ лицо вѣялъ мягкими волнами ароматовъ, словно это былъ не воздухъ, а тихое, какъ ласка, робкое прикосновеніе нѣжныхъ лепестковъ горныхъ фіалокъ, что тутъ-же, среди скалъ, жались къ нагрѣтой солнцемъ и еще не похолодѣвшей за ночь землѣ... А вдали! Мягко рисовались горы за горами, свѣтлыя черточки озеръ между ними, идиллическія долины... И все — и горы, и озера, и долины—точно задумались. Сладкая дрема въ воздухѣ... Внизу, въ ущельѣ, между двумя высокими каменными заборами, едва-едва позванивая, словно шелестя мелодическими колокольчиками, сплошною серебряною массою движется стадо. За каменными заборами громадныя магноліи, отъ которыхъ вѣетъ такою полнотою роскошно развившейся жизни! Черная и рѣзкая тѣнь отъ нихъ ложится кое гдѣ на матово-серебристыя спины барановъ... Но ни движеніе стада, ни шелестъ колокольчиковъ, не мѣшаютъ сладкой дремѣ ночи все крѣнче и крѣнче вѣять на эти горы и долины...

— Равенна! звучно крикнулъ Луиджи, показывая на бѣлую массу домовъ, похожихъ на замки, которая на повоцотѣ тропинки точно сама надвинулась на путниковъ.

Горная деревня уже спала. Въ черныхъ окнахъ не свѣтился ни одинъ огонекъ. Выстроенные изъ бѣлаго камня дома облиты волшебнымъ свѣтомъ мѣсяца. На серебряныя стѣны рѣзко легли черныя тѣни; лунный свѣтъ наполняетъ бѣлые переулки, дробится по ступенямъ сбѣгающихъ внизъ каменныхъ лѣстницъ, тихо скользитъ подъ арки, отнимая у теплаго мрака то змѣи перекинувшагося черезъ стѣну плюща, то неподвижные бѣлые дворы, посреди которыхъ еще неподвижнѣе кажутся раскидистые каштаны... Ровное журчаніе воды— еще нѣсколько шаговъ и садятся на ступени у какого то дома. Передъ ними выстланная камнемъ площадь. Свѣтъ прямо бьетъ сюда, оставляя въ сумракѣ тѣсныя какъ щели, уходящія вверхъ и внизъ улицы арки воротъ, высокіе, какъ башни, дома... Говоръ воды въ фонтанѣ тутъ еще громче. Онъ одинъ звучитъ въ задумчивомъ безмолвіи ночи. Равенна спитъ.

— Какъ тихо... Сергѣй Федоровичъ... Не сказка-ли это? Помните, какъ я была еще маленькая—вы пріѣзжали къ намъ...

— Еще-бы не помнить!..

— Убѣжимъ мы бывало въ садъ, въ бесѣдку... Прижмусь я къ вамъ, а вы и начнете мнѣ разсказывать... Много разсказывали. И что страннѣе всего, мнѣ не такъ ваши сказки нравились, какъ голосъ. Я его слушала больше чѣмъ слова... А уѣдете вы — я тоскую, тоскую. Бывало дѣваться некуда!

— Хорошее было время!.. Грустное что то слышалось въ голосѣ говорившаго... Онъ и самъ замѣтилъ это и остановился на полусловѣ.

Нина Борисовна наклонилась и посмотрѣла ему въ глаза..

— Это что? Сожалѣніе о прошломъ?. Когда настоящее хорошо такъ?.. Чтожъ вамъ лучше, еслибы я была дѣвочкой... Я думала, что вы давно уже забыли это?

— Вы сами знаете... забывалъ-ли я васъ... И Сергѣй Федоровичъ замолчалъ.

— Ну, полно! и Нина Борисовна взяла его за руку. Такъ лучше, вы сами знаете — наши дороги разныя... Для меня сцена — все... Я не пожертвую ею... Наконецъ мы—слишкомъ друзья... Вернетесь вы на свои заводы, забудете меня. Довольно! Вонъ и Соломонъ Іосифовичъ идетъ.

Небольшаго роста красивый брюнетъ съ сладкими глазами, необыкновенно юркій, подошелъ къ нимъ.

— Ну и что я вамъ говорилъ! набросился онъ на Нину Борисовну.

— Что М-r Мандель?

— Это я васъ убѣдилъ пойти съ нами... Такую ночь у насъ въ Россіи ни за какія деньги купить нельзя... Я непремѣнно закажу художнику нарисовать эту Монте-Бисбино и съ вами чтобъ. У себя, въ мой банкъ повѣшу. У меня такой кабинетъ есть куда я ухожу отдыхать. Тамъ всѣхъ артистокъ портреты — и вашъ будетъ. И Монте-Бисбино будетъ... Очень поэтическій ночь... Мандель сталъ необыкновенно сладокъ. Вы — господинъ баронъ фонъ Вельсбергъ знаете? обратился онъ къ высокому блондину.

— Какъ-же, у меня съ нимъ дѣла по заводу.

— Ну вотъ, такъ этотъ самый баронъ говоритъ мнѣ: герръ Мандель—вы очень искусственный человѣкъ.

— Что такое? улыбнулся блондинъ.

— Искусственный, который любитъ искусство... А это— вы знаете, этотъ любовь за деньги не купишь... Это возрожденно!

— Звѣзды, звѣзды какъ разгорѣлись! засмотрѣлась Нина Борисовна въ высоту.

Въ недосягаемой глубинѣ, когда луна запла за громадный конусъ С. Дженерозо—звѣзды точно еще шире открыли свои безсонныя очи. Въ ихъ трепетѣ чувствовалась теплота жизни. Это были не холодныя созвѣздія сѣвера,—здѣсь проникнутый сладкою нѣгой воздухъ и имъ придавалъ что-то страстное... Онѣ точно манили къ себѣ, мерцая истомою желаній... Тутъ онѣ дѣйствительно были глазами неба. Казалось онѣ видѣли все: и эту чудную ночь, и этотъ дивный край, раскидывавшійся подъ ними.

— Зачѣмъ эта ночь молчитъ такъ? словно самого себя спросилъ Сергѣй Федоровичъ.

— Молчаніе ей къ лицу!.. отозвалась дѣвушка.

— О нѣтъ, сантиментально вступился Мандель.— Еслибы сюда на площадь военный оркестръ...

— Ну?

— И чтобъ военный оркестръ игралъ маршъ изъ Lustige-Krieg.

Дѣвушка засмѣялась...

— Знаете, Соломонъ Іосифовичъ, замѣтила она,— лучше бы вы... Такой ночи нуженъ голосъ человѣка— а не мѣдные рожки... Это что? всполохнулась она.

Точно она накликала... Въ неподвижномъ прозрачномъ воздухѣ пронесся полный отваги и силы мотивъ... Кто то запѣлъ внизу. Голосъ его будто сквозь трубу прозвучалъ по узкой каменной улицѣ и вырвавшись на площадь, привольно разлился по ея простору Въ такія ночи, среди чуткаго молчанія задумавшейся природы— даже плохіе пѣвцы производятъ глубокое впечатлѣніе... Нина Борисовна всполохнулась. Въ душѣ проснулся цѣлый рой знакомыхъ грезъ и волненій, отъ которыхъ когда-то такъ сладко плакалось... Въ такія-же ночи!..

— „Гугеноты!..“ Слышите Сергѣй Федоровичъ... Она схватила его за руку.—Дуэтъ четвертаго акта

Тотъ чувствовалъ, какъ ея рука дрожитъ. Артистка проснулась въ дѣвушкѣ. Голосъ пѣвшаго звучалъ все сильнѣе и увѣреннѣе. Теноръ звучалъ мщеніемъ и горемъ.

„На помощь братьямъ — иду вооружить ихъ руку. Близокъ врагъ!. Io corro

A soccorrer gli amci, a disvelare
L'orribile complotto, armar lor destre,
E del nemico indegno
A prevenire il barbaro disegno...*)

— Ахъ какъ хорошо... какъ хорошо... Соломонъ Іосифовичъ, не поднѣвайте, что это!.. Вотъ еще...

Звуки лились и лились. Живая душа, боровшаяся между любовью и долгомъ, билась въ этомъ мотивѣ. Страстью былъ проникнутъ онъ—Рауль вырывается изъ объятій Валентины. Опасность близка, время летитъ.

„Оставь его скорѣе, несчастная... Тамъ за окномъ, озаренные кровавымъ блескомъ пожаровъ, гибнутъ братья,

*) Спѣшу вооружиться на помощь своимъ, на разрушеніе страшнаго заговора, предупредить замыслы и жестокое нападеніе враговъ.

Мадонна въ Нюрнбергѣ. Старинная дерев. статуя неизв. художн. Грав. Жонаръ.

Богоматерь у подножія Креста. Съ картины Родена, грав. Бенцигеръ.

подъ ножами предателей. Честь зоветъ, онъ долженъ идти... Спасти нельзя—надо умереть съ ними...“

Нина Борисовна выпрямилась. Послѣдній звукъ проникнутаго страстью голоса еще носился по каменной площади Равенны.

— Что вы хотите дѣлать... Нина!

— Идите прочь! оттолкнула она Сергѣя Федоровича.

И не успѣлъ еще онъ опомниться, какъ въ сонномъ воздухѣ горной ночи полный отчаянія послышался отвѣтъ Валентины.

Нина Борисовна точно вызовъ послала въ сумракъ сползавшаго внизъ переулка...

„Если ты выйдешь — тебя умертвятъ... Остерегись, остерегись!..“

„Съ тобою и я умру!“ умоляюще рыдало сопрано.

„Слушать тебя—преступленіе!“ гордо отозвался откуда-то теноръ.

„А я... Я не преступна, внимая тебѣ... Останься Рауль... Останься... Заклинаю—останься!..“

Нина Борисовна впилась во тьму переулка, откуда долженъ былъ появиться ея Рауль.

„Кончено.. Часъ пробилъ, небо ждетъ моей смерти... Боже, дай мнѣ силы...“ приближался голосъ...

— Да это Барсовъ!.. послышался удивленный голосъ Соломона Іосифовича.

Въ переулкѣ показался блѣдный отъ луннаго свѣта и возбужденія брюнетъ. Волны черныхъ волосъ падали назадъ... Въ рукахъ онъ держалъ свою шляпу... Рванулся впередъ,—и остановился разомъ.

— Мандель... Валентина. Мандель ты какъ попалъ сюда?

— Сначала давай себя представляйть... Александръ Петровичъ Барсовъ... Первый теноръ *** театра.

Нина Борисовна сейчасъ же узнала его. Еще передъ отъѣздомъ въ Миланъ, гдѣ училась пѣть, она ни разу не пропускала спектакля, въ которомъ участвовалъ Барсовъ... „Такъ вотъ онъ—ея Рауль... И какъ близко!..“ Слушая его когда-то, она рѣшилась во что-бы то ни стало идти на сцену... Онъ первый разбудилъ въ ней артистку... И какъ нарочно теперь здѣсь... среди этой задумчивой ночи, подъ этими чудными звѣздами итальянскаго неба.

— Нина Борисовна Раевская!.. Будущая планета!.. продолжалъ Мандель.

Раевская опомнилась. Она еще не подала руки Барсову. Порывисто протянула ее и крѣпко пожала, глядя прямо въ лицо ему и точно думая—„такъ вотъ ты какой.“ Ея радостное волненіе не ускользнуло отъ опытнаго пѣвца.

— Да съ такимъ голосомъ, какъ у васъ, можно быть солнцемъ!..

Нина вспыхнула. Похвала отъ него!.. По нервности съ какою онъ сказалъ это, она поняла, что тутъ не одна любезность.

— Сергѣй Федоровичъ Кашинцевъ! представила она своего спутника, чтобы скрыть охватившее ее волненіе... Сергѣй Федоровичъ — мой хорошій другъ... Дѣтства... „Господи зачѣмъ я это!“ мелькнуло у нея въ головѣ.

— Капиталистъ. заводчикъ... началъ было Мандель, но Барсовъ не далъ ему кончить.

— Ты зачѣмъ здѣсь. А кто же у тебя въ банкирской конторѣ сидитъ, деньги считаетъ.

— Вы на Бисбино тоже! обратился къ нему Кашинцевъ. Очень не нравился ему этотъ красивый и съ перваго слова такой развязный спутникъ. „Слишкомъ уже театраленъ“ вматривался онъ въ его пріемы. „Все разсчитано... Самъ что нибудь скажетъ—и незамѣтно на Нину посмотритъ!.. А тебѣ что?“ поймалъ себя на этой мысли Сергѣй Федоровичъ. „Тебѣ сказано—что ты другъ и ничего болѣе. Скверное дѣло — дружба. На другое не перейдешь. И какъ онъ смѣетъ смотрѣть на нее такъ!“ волновался Кашинцевъ опять. „Точно она—его уже. Что за нахальство...“

Было отчего злиться. Барсовъ не сводилъ взгляда съ Нины Борисовны, говоря съ нею. Онъ ее ласкалъ взоромъ, въ то время какъ голосъ его, еще не успокоившійся отъ импровизированнаго дуэта—точно вздрагивалъ отъ чего то, съ чѣмъ онъ и самъ совладать не могъ, что у него творилось въ сердцѣ.

— Вы надолго въ Италію? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ... Я уже кончила въ Миланѣ. Теперь возвращаюсь въ Россію

— На сцену?.. Разумѣется на сцену...

„Только поступи!..“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Если удастся... Я слышала, это очень трудно...

— Вотъ еще!.. Позвольте мнѣ... Я устрою. Если вамъ не дадутъ дебюта, вы поете въ мой бенефисъ. Согласны?. Я пастою. Нельзя скрывать такой чудный голосъ...

Она молча протянула ему руку. Кашинцева обдало холодомъ.

II.

Монте Бисбино.

До вершины горы было уже недалеко.

Нина Борисовна очень устала и съ удовольствіемъ приняла руку Барсова.

Мандель и Кашинцевъ шли позади... Луиджи со своимъ осломъ уже взбирался на конусъ, которымъ заканчивалось Бисбино. На самой вершинѣ его—старинный, оставленный монастырь... Ушедшая за гору, спрятавшаяся въ тучу луна бросала на него съ той стороны красный отблескъ. Черный на этомъ зловѣщемъ фонѣ стоялъ онъ, точно нахмурившись.

— Какъ смотритъ негостепріимно! проговорилъ Барсовъ, глядя на него и поддерживая Раевскую...—Сильнѣе опирайтесь. Тутъ круто!..

Красные отблески погасающей луны легли на скалы окрестныхъ горъ, скользнули въ туманъ, наполнявшій ущелья. Лишь только усталые путники добрались до вершины горы—мѣсяцъ уже отгорѣлъ. Былъ тотъ торжественный часъ, когда набрасывая на себя свѣтлую лазурную ризу — природа словно готовится встрѣтить медленно приближающееся солнце. Дивныя дали раскидывались кругомъ Вся Швейцарія на сѣверъ и на западъ, точно дремала еще въ передразсвѣтной прохладѣ. Прямо возносились бѣлыя массы Монте-Розы. Вѣчные льды серебрились на ея откосахъ Рѣзкія очертанія вершинъ выдѣлялись и теперь изъ таинственнаго сумрака Точно передъ ними была уже безсильная, умирающая тьма. Направо—падающіе конусы и иглы Барискихъ Альповъ пугали воображеніе своими мрачно причудливыми формами. Точно бѣлые шатры въ пустынѣ неба мерещились они... А дальше!.. Вонъ грозный Монсенисъ, вонъ едва-едва чудится Симплонъ и только чувствуется пока царственная громада Монблана.. И горы точно алтари зажглись золотомъ и багрянцемъ небеснаго огня... Свѣтлые, розовые, алые топы слѣдовали одни за другими. Изъ ущелій подымается розовый паръ. На этомъ золотѣ еще ярче изнутри свѣтятся лазуревыя горы. Тамъ, гдѣ прежде было одно темное море, на которомъ грандіозными островами плавали отдѣльныя вершины—теперь выдвинулись темнокоричневыя массы кряжей, хребтовъ, цѣпей, тяжело переваливавшихся однѣ черезъ другія, сталкивавшихся и разбѣгавшихся, связывавшихся въ безконечные узлы. И надъ всѣмъ этимъ горѣли вѣчные ледники недосягаемыхъ твердынь.

— Какъ хорошо, Боже какъ хорошо!..

Нина Борисовна забыла даже оставить руку Барсова и совершенно безсознательно пожимала ее.

— На югъ... На югъ—посмотрите...

Вся Ломбардія уже была затоплена солнечнымъ свѣтомъ. Направо голубѣлъ клочекъ Луганскаго озера.

Вонъ изумрудное Лаго-Маджіоре... Вотъ Комское—совсѣмъ близко, какъ щитъ сверкающій подъ солнцемъ... Точно выточеный изъ одного куска мрамора городъ Комо.. А дальше сотни городовъ, селъ, замковъ... Каждый блеснетъ и опять померкнетъ на этой равнинѣ... На самомъ горизонтѣ далеко-далеко обложили ее Апеннины.

— Вонъ тамъ точно море подступило къ Апеннинамъ... Посмотрите какой голубой воздушный фонъ.

— Это Миланъ виденъ отсюда? прервала Барсова Нина Борисовна.

— Да..

— Точно бѣлое пятно... Въ бинокль даже мраморное кружево собора различишь.

Кашинцевъ улыбнулся. Улыбнулся и пѣвецъ.

— Что вы смѣетесь?

— Это такъ кажется возбужденному взгляду..

— Какъ хорошо, какъ хорошо... Ей, радостной и счастливой—въ виду этого чуднаго утра хотѣлось, чтобы всѣ кругомъ были рады и счастливы... Мандель, посмотрите же...

— Да.. точно картина!.. совсѣмъ какъ будто нарисовано. Такой картины не купишь.

— Я ничего подобнаго не знаю! задумчиво говорилъ Барсовъ.

— Что вы такъ смотрите на меня? обернулась къ нему Раевская.

— Вы сами не знаете какъ вамъ идетъ этотъ блескъ, это солнце! скорѣе прошепталъ чѣмъ проговорилъ Барсовъ.

Нина Борисовна вспыхнула. Она была дивно хороша въ эту минуту... Шляпу она сняла и непокорные волнистые волосы, золотою, солнечною волною падали съ ея гордой головки. Напрасно она ихъ связала узломъ—волосы не слушались и узелъ, полураспустившійся, едва держался... Изъ подъ темныхъ бровей крупные сѣрые глаза глядѣли на все съ такимъ выраженіемъ счастія, что не солнцемъ, а ими казалось озарено это лицо съ румяными губами, изящными, нѣсколько загорѣвшими щеками, подъ которыми такъ и переливалась кровь. Тонкія, какъ будто сквозныя ноздри слегка вздрагивали. Порода сказывалась въ каждой чертѣ ея. Тонкій станъ и округленныя плечи, маленькая нервная рука—все, на что ни смотрѣлъ Барсовъ, дышало изяществомъ, силой... Она была высока для женщины, чуть-чуть пониже его, но это не безобразило, благодаря ея удивительной стройности... Все въ ней дышало полнотою жизни, какъ въ южныхъ розахъ, только что распустившихся, но уже затопившихъ воздухъ своимъ благоуханіемъ. Она была такъ охвачена тепломъ, свѣтомъ, жаждой еще невѣдомыхъ ей ощущеній, что влажный блескъ подернулъ ея глаза, придавъ имъ выраженіе нѣги и страсти.

— Воздуху много. а точно дышать нечѣмъ... наивно призналась она, подымая взглядъ на Барсова.

— Что это вашъ Кашинцевъ такъ мраченъ...

— Да? очнулась она... И вдругъ ей стало стыдно. Она вырвала руку у Барсова..—Сергѣй Федоровичъ подите ко мнѣ. У, хмурый какой!.

Она прижалась къ нему, какъ въ далекомъ дѣтствѣ, когда въ темнотѣ и безмолвіи садовой бесѣдки онъ разсказывалъ ей одну за другой фантастическія сказки...

— Настоящій бука и... и невѣжа! неожиданно закончила она и ни съ того ни съ сего обидѣлась.

— Это я невѣжа?

— А кто же.. Давайте вашу руку... Ну что вы такой...

— Вы любыя тучи разгоните, Нина.. улыбнулся онъ.

— Вотъ это хорошо, по старому Ниной назвали... Теперь я прощаю.

Кашинцевъ съ безконечною нѣжностью смотрѣлъ на нее... Онъ былъ очень красивъ по своему Одно изъ тѣхъ русскихъ лицъ, которыя, загорѣвъ, кажутся гораздо темнѣе бороды и усовъ. Свѣтлые голубые глаза ясно глядѣли на каждаго. Въ очертаніи рта, въ прямой линіи бровей и морщинѣ поперекъ высокаго лба сказывалась упорная воля. Онъ отвелъ дѣвушку отъ Барсова и съ горечью замѣтилъ взглядъ сожалѣнія, который она бросила на артиста.

— Слушайте, Нина! голосъ его дрогнулъ.

Она тревожно взглянула на него.

— Не безпокойтесь... О томъ—знаете—ни звука не будетъ. Теперь другое... Вы должны дать мнѣ слово.

— Я?.. какое?.. удивилась она.

— Обѣщайтесь мнѣ, онъ заговорилъ почти шепотомъ... Обѣщайтесь мнѣ, здѣсь, передъ лицомъ Бога, передъ этимъ алтаремъ Его, махнулъ онъ рукою на серебряныя вершины горъ, если васъ когда нибудь посѣтитъ несчастіе, если вамъ нуженъ будетъ другъ, настоящій, любящій другъ, который за васъ пойдетъ на все... Обѣщайтесь — не обращаться ни къ кому кромѣ меня...

— Зачѣмъ это? нахмурилась Раевская.

— Обѣщайтесь мнѣ! настойчиво повторилъ Кашинцевъ,—вы выросли на моихъ глазахъ, я подмѣтилъ на вашемъ лицѣ первую улыбку женщины, я былъ свидѣтелемъ вашего разцвѣта. Я долгія ночи и дни думалъ о васъ. Я теперь вижу, что подымается въ вашей душѣ... Небо не всегда такъ безоблачно и ясно... Въ тучахъ гроза... Слышите ли... Обѣщайтесь мнѣ... Нина!..

Она была глубоко тронута и разомъ поняла что дѣлалось въ немъ.

— Сергѣй Федоровичъ... пользоваться вашей добротой... начала было она.

— О, Господи... Да для меня это, поймите. Не для васъ, для меня. Быть вамъ нужнымъ... Быть всегда за васъ Поймите, Нина...

— Хорошо, Кашинцевъ... Если когда нибудь мнѣ нужна будетъ... ваша... затруднялась она.

— Преданность!

— Дружба... Если мнѣ одной трудно будетъ... Ни къ кому другому...

— Благодарю, Нина... А теперь... Господь съ вами... Будьте счастливы—живите!..

И онъ вырвалъ свою руку и отошелъ въ сторону...

А окружающія горы уже успокоились. Ледники ихъ опять легли серебряными разливами... Затопленная свѣтомъ Ломбардская равнина казалась однимъ волшебнымъ маревомъ, однимъ моремъ зелени, вплоть до Апеннинъ, туманныя массы которыхъ еще млѣли въ золотомъ блескѣ ярко рождавшагося дня... Около Нины запахло фіалками... онѣ тоже просыпались, онѣ тоже подставляли солнцу свои свѣжіе, скромные лепестки...

Снизу донесся звонъ колокольчиковъ... Пастухъ гналъ свое стадо въ горы...

Мандель, какъ библейская Марфа, позаботился о хлѣбѣ насущномъ. Выпивъ душистаго кіанто и отдохнувъ немного, наши путники стали спускаться внизъ... Солнце горѣло въ зелени каштановъ, сверкало въ кристальныхъ брызгахъ ручья, словно очертя голову сбрасывавшагося съ горъ, отыскивало самые робкіе цвѣты въ травѣ, выстилавшей скаты. Вонъ туманъ, какъ занавѣсъ спустился надъ горою... Повисѣлъ, разорвался и подъ нимъ вдругъ блеснула словно только что явившаяся изъ подъ земли каменная деревушка, вся потонувшая въ садахъ. Старая башня надъ нею чудится: вотъ-вотъ выѣдетъ изъ ея черныхъ воротъ, блистая золотыми латами, смѣлый кондотьери. Яркія перья заколышутся надъ его шеломомъ. Нина Борисовна оглянулась. Она шла подъ руку съ Барсовымъ. Кашинцевъ отсталъ. „Нарочно!“ съ досадой подумала она и не поняла своей досады. А Кашинцевъ въ это время вдругъ ни съ того ни съ сего обернулся къ Манделю.

— Вы Байрона читали?..

— Я? Нѣтъ... Я Некрасова читалъ...

— Хорошая фраза одна есть... I learn' d to love dispair! Я научился любить отчаяніе!..

— Некрасовъ —великій поэтъ!. сказалъ Мандель.

— Ну и Богъ съ нимъ! Сядемъ—отдохнемъ.

— А Нина Борисовна?

— Она съ Барсовымъ, не безпокойтесь... мрачно оборвалъ Кашинцевъ, усаживаясь подъ каштаномъ надъ обрывомъ, гдѣ шумѣлъ горный потокъ...

Становилось жарко

— И вѣдь всегда такъ! вырвалось у него.

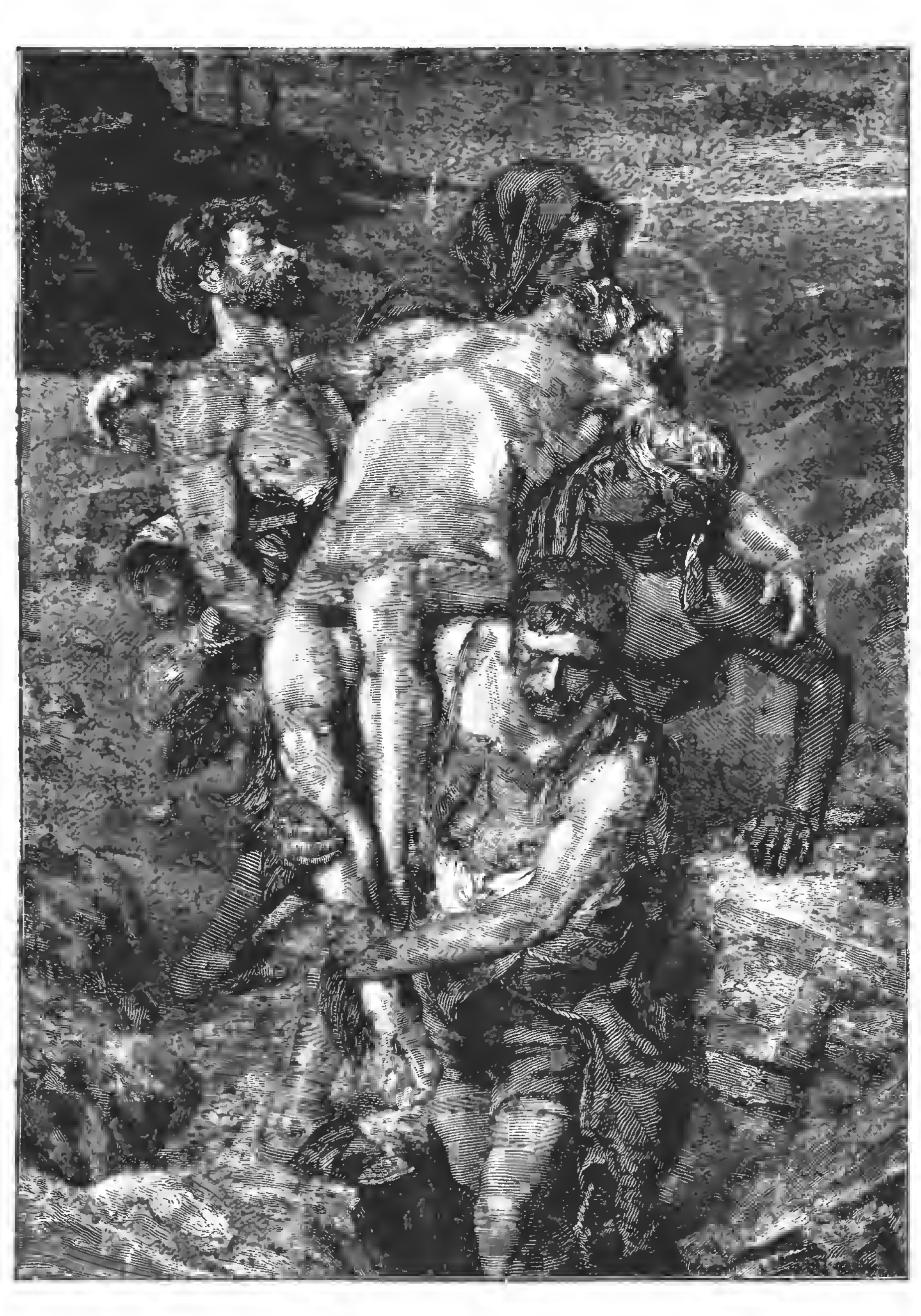
— Что всегда?

— Ничего.... Вонъ наши, постарался онъ равнодушно указать внизъ.

Хребетъ Монте - Бисбино тамъ дѣлалъ поворотъ и Кашинцеву хорошо было видно, какъ, близко-близко приникнувъ къ Барсову, шла съ нимъ подъ руку Нина... „О чемъ говорятъ они?. А мнѣ что за дѣло?.. Когда понадобишься - скажутъ. До тѣхъ поръ сиди смирно... не трогайся" И онъ нервно засмѣялся самъ надъ собою

— Настоящіе Рауль и Валентина! сентиментально проговорилъ Іосифъ Соломоновичъ, — точно въ оперѣ... А это все какъ декорацій...

— Такъ! Не герцогъ ли и Джильда?..



Погребеніе Христа Спасителя. Съ карт. Ю. Сторн, грав. Джемсъ.

А у Раевской голова кружилась отъ пережитыхъ ощущеній... Эта чудная ночь, этотъ неожиданный дуэтъ, встрѣча съ человѣкомъ, который всегда рисовался ей какимъ то идеаломъ... Эта панорама горъ и долинъ. въ его присутствіи, съ нимъ вмѣстѣ!.. Наконецъ это одиночество, охватившее ихъ кругомъ... Она такъ себѣ, только чтобы поддержать разговоръ, отвѣчала ему.. Ей лучше казалось бы молчать — и безъ того душа была полна.

— Какъ только вы пріѣдете, сейчасъ же дайте знать... Я уже постараюсь. Знаете, сцена такое дѣло, гдѣ мало таланта, тутъ нужно быть мудрымъ какъ змій и злымъ какъ собака... Иначе задавятъ... Я до вашего пріѣзда устрою вамъ все... Вы это мнѣ поручите... Зачѣмъ вамъ самимъ мѣшаться въ нашу грязь...

— Не знаю какъ благодарить васъ!

— О благодарности мы потолкуемъ послѣ, когда вы прочно станете на сценѣ.

Что то странное послышалось въ его голосѣ. Она быстро взглянула на него и уловила его взглядъ опять таки не тотъ, что еще недавно такъ ласкалъ и нѣжилъ ее... Что то холодное, странное сверкнуло въ немъ какъ лезвіе кинжала... Но только на минуту.

— Сцена на всѣхъ кладетъ клеймо Каиново, вспомнила она недавнія слова Кашинцева.

— Правда ли это — на сценѣ жизнь другая? обернулась она къ Барсову.

— О, Господи, вѣчно одно и то же... Мы, люди сцены, шире смотримъ на вещи. И разумѣется узкая мораль насъ не стѣсняетъ Богъ съ ней.. Мы живемъ лихорадочно, нѣсколько бѣшено даже, мы живемъ за десятки и сотни людей изображаемыхъ нами... Къ намъ нельзя прилагать общихъ мѣрокъ.

Онъ сталъ ей говорить какимъ царственнымъ блескомъ сцена облекаетъ своихъ избранниковъ, какъ толпа живетъ ихъ чувствомъ, какъ артистъ властвуетъ ею, какъ въ душѣ его ростетъ торжественное сознаніе счастья и побѣды, когда тысячи рукъ поднимаются рукоплескать ему, когда крики восторга слѣдуютъ за нимъ...

Впереди была каменная пастушья лачуга. Около поднималось зеленое облако каштана, перевившагося съ пестрыми, точно тигровыми листьями какого то дерева.

Они молча шли впередъ, какъ вдругъ близко-близко, за поворотомъ тропинки, послышались тревожные голоса, крики... Смуглый, весь въ поту, съ мѣшкомъ за спиною оборванецъ, показался передъ ними. Лицо его было крайне встревожено—онъ сломя голову бѣжалъ по тропинкѣ.

Апокалипсическіе всадники. Фрески П. Корнеліуса. Грав. Келеберъ и Эртель.

2

— Доганьери, доганьери! *) кому то кричалъ онъ.

Другіе, такіе же, торопились за нимъ, и тоже съ мѣшками за спиною. Одинъ изъ нихъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ внизъ.

Нина Борисовна вздрогнула и прижалась къ Барсову.

Выстрѣлъ подхватили ущелья. Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, какъ трескъ залпа всколыхнулъ застоявшійся знойный воздухъ. Пуля, просвиставъ мимо головы Нины Борисовны, впилась въ корявый коричневый стволъ каштана. Барсовъ схватилъ за руку Раевскую и быстро вбѣжалъ въ каменную сторожку.

— Что это, что это? повторяла она.

Вотъ показались желтые мундиры. Какой то контрабандистъ въ сѣрой блузѣ, весь въ крови, бьется у нихъ въ рукахъ... Нина бросилась къ Барсову... Тотъ крѣпко охватилъ ее рукою, точно защищая... И контрабандистъ и таможенные пробѣжали дальше... Прямо въ дверь лачуги теперь видѣла она жаркое, темносинее небо. Колыхалась передъ ея глазами какая то зеленая вѣтка. Барсовъ какъ охватилъ ее рукою, такъ и не выпускалъ. Она не знала что дѣлается съ нею. Кровь приливала къ вискамъ, сердце билось...

(До слѣд. №)

*) Таможенные.

Какъ открыли островъ Мадейру.

Разсказъ.

Во второй половинѣ XIV столѣтія, въ царствованіе англійскаго короля Эдуарда III, въ Лондонѣ былъ случай, который послужилъ къ открытію новаго острова.

Робертъ Махимъ, красивый, статный и предпріимчивый молодой англичанинъ, влюбился въ дѣвушку богатой семьи. Она отвѣчала молодому человѣку взаимностью, но родители ея были противъ и воспретили дочери всякое сношеніе съ бѣднымъ юношею. Когда Робертъ получилъ рѣшительный отказъ, онъ, увѣренный въ любви Анны Дорсетъ, далъ себѣ слово ее похитить и попытать съ нею счастья въ чужихъ краяхъ. Но планъ этотъ былъ открытъ раньше, чѣмъ Робертъ успѣлъ привести его въ исполненіе, и родители Анны ходатайствовали и добились арестованія Махима. Когда молодой человѣкъ былъ посаженъ въ тюрьму, гордое семейство Дорсетъ успокоилось и рѣшило, что навсегда теперь избавилось отъ непрошенаго искателя.

Анна Дорсетъ, узнавъ о случившемся, рѣшилась употребить всѣ средства освободить любимаго человѣка. Не смотря на то, что за дѣвушкою былъ самый строгій надзоръ, ей удалось подкупить стражу, и дать возможность Роберту бѣжать изъ тюрьмы. Сама она также покинула родительскій домъ и вмѣстѣ съ бѣжавшимъ направилась во Францію на маленькомъ суднѣ. Нѣсколько друзей Махима предложили свои услуги бѣглецамъ помочь перебраться на французскій берегъ. Во время путешествія однако поднялся сильный противный вѣтеръ и занесъ маленькое судно въ Атлантическій океанъ. Путешественникамъ угрожала опасность умереть голодной смертью какъ только истощится взятый ими съ собой небольшой запасъ, или еще ранѣе погибнуть въ океанѣ, такъ какъ никто изъ нихъ не умѣлъ справиться съ судномъ. Тринадцать дней провели они въ плаваніи, не зная даже гдѣ находятся. Нѣсколько разъ невдалекѣ отъ нихъ проходили корабли, но путешественники не имѣли на суднѣ никакихъ сигналовъ, чтобы дать знать объ опасности и просить помощи.

Наконецъ на четырнадцатый день на горизонтѣ показалась темная полоса, все яснѣе и яснѣе, и можно было признать ее за берегъ. Отчаяніе погибавшихъ смѣнилось надеждою. Вотъ судно уже добралось до неизвѣстной земли; никто не могъ себѣ объяснить гдѣ они находятся, всѣ хорошо сознавали только, что противный вѣтеръ занесъ ихъ далеко отъ цѣли путешествія. Глазамъ прибывшихъ представился островъ, покрытый неизвѣстными имъ породами деревъ; множество никогда невиданныхъ ими породъ птицъ, не пугаясь людей, садились на судно. Приблизившись, путешественники спустили лодку и отправили нѣсколько человѣкъ на берегъ, чтобы отыскать, куда бы могло пристать судно. Посланные скоро вернулись и объявили, что какъ кажется, судно ихъ пристало къ необитаемому острову, который отличается роскошною растительностью имѣетъ множество ручьевъ чудесной воды, что имъ встрѣчались животныя, которыя не пугались людей. Послѣ такихъ удивительныхъ извѣстій Робертъ и Анна рѣшили отправиться въ сопровожденіи своихъ друзей на берегъ. Растительность острова была дѣйствительно поразительна и чѣмъ дальше путешественники направлялись въ глубь страны, тѣмъ больше дивились богатству природы. Островъ былъ покрытъ горами, по склонамъ которыхъ сбѣгало множество ручьевъ, падая то тамъ, то здѣсь каскадами. По берегу острова тянулись каштановые и лавровые лѣса; было множество фиговыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ. Путники подумали, что могутъ пріятно провести время на островѣ. Въ одной изъ прекраснѣйшихъ долинъ путники устроили шалаши и рѣшили провести здѣсь нѣсколько дней, чтобы спокойно обсудить свое положеніе.

Однажды, среди ночи, поднялась страшная буря, сорвала съ якоря судно и унесла его въ океанъ вмѣстѣ съ людьми, сторожившими его. Вѣтеръ прибилъ судно къ западному берегу Марокко, гдѣ оно стало добычею морскихъ разбойниковъ, а находившіеся на немъ люди были взяты въ плѣнъ. Войны и морскіе разбои того времени доставляли маврамъ множество плѣнныхъ европейцевъ и захваченные путники встрѣтили въ Марокко не мало товарищей по несчастью, своихъ соотечественниковъ. Когда кончались тяжелыя невольническія работы и наставалъ часъ отдыха, плѣнники разсказывали другъ другу свои приключенія, чтобы хоть этимъ разсѣять тоску. Новые пришельцы разсказали своимъ товарищамъ какимъ образомъ они сюда попали; разсказали, что часть ихъ спутниковъ осталась на островѣ, который, кажется, необитаемъ. Разсказъ этотъ слышалъ одинъ изъ плѣнныхъ испанцевъ Жуанъ Моралесъ, который, за много лѣтъ передъ тѣмъ какъ попалъ въ руки мавровъ, служилъ лоцманомъ. Повѣствованіе о необитаемомъ роскошномъ островѣ возбудило въ немъ живѣйшій интересъ; онъ распрашивалъ о немъ подробно и старался представить себѣ его географическое положеніе. Впослѣдствіи, когда испанцу Моралесъ, благодаря счастливой случайности, удалось возвратиться на родину, онъ только и мечталъ объѣхать Атлантическій океанъ и отыскать островъ, который случайно открыли англичане.

Вскорѣ ему представился случай познакомиться съ португальскимъ дворяниномъ Гонзальвомъ Зарго, которому принцъ Генрихъ поручилъ изслѣдованіе африканскихъ морей. Моралесъ разсказалъ ему, что слышалъ отъ англичанъ объ открытомъ островѣ, и возбудилъ своимъ разсказомъ живѣйшій интересъ. Португалецъ высказалъ предположеніе, что островъ этотъ лежитъ недалеко отъ Порто-Санто, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ былъ открытъ Перестрелло и на которомъ онъ самъ былъ недавно. Гонзальвъ Зарго принялъ къ себѣ на службу Моралеса и вмѣстѣ еще съ другимъ португальцемъ, Тристаномъ Вацъ, отправился въ 1420 году, въ Порто-Санто. Здѣсь предположеніе Гонзальва подтверждали многіе моряки, хорошо знавшіе океанъ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Порто-Санто на востокъ, разсказывали они, высится на морѣ, подобно стѣнѣ, мрачный островъ, окруженный бѣлымъ кольцомъ пѣнистыхъ волнъ и вѣчно покрытый облаками. Моралесъ нашелъ это описаніе подходящимъ, такъ какъ вновь открытый островъ, по разсказамъ, покрытъ густымъ лѣсомъ, гдѣ, какъ извѣстно, скопляется много влаги, которая подъ вліяніемъ лучей тропическаго солнца сильно испаряется и покрываетъ облаками густаго тумана островъ.

Рѣшено было идти на новый островъ. Едва отважные путешественники прошли нѣсколько миль, какъ увидѣли крутой темный берегъ. Гонзальвъ предложилъ направиться прямо на него, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны спутниковъ, которые съ ужасомъ глядѣли въ мрачную даль. Отважные матросы, испытавшіе множество бурь, не разъ смотрѣвшіе прямо въ глаза смерти и закаленные въ борьбѣ съ волнами, теперь какъ пугливыя дѣти суевѣрно боялись, упрашивали на колѣняхъ своего начальника оставить намѣреніе плыть къ таинственному, мрачному острову, гдѣ ихъ ожидаетъ навѣрное погибель. Но Гонзальвъ былъ непреклоненъ и спутники его, трепещущіе и со скрытой злобой, должны были исполнить требованіе грознаго капитана, убѣжденные, что идутъ на вѣрную смерть. Когда корабль приблизился къ острову на столько, что ясно видны были черныя массы таинственныхъ скалъ, о которыя съ шумомъ и ревомъ разбивались морскія волны, ужасъ матросовъ достигъ высшаго предѣла и Гонзальвъ началъ опасаться открытаго бунта. Долго плыли они вдоль этихъ скалъ и когда туманъ къ полудню разсѣялся, путешественники увидѣли мысъ, которому Гонзальвъ далъ названіе Сантъ-Лоренцъ. Изумленнымъ взорамъ путниковъ представилась теперь прекрасная, восхитительная картина. Послышались крики общаго восклицанія и изумленія. Моралесъ просилъ уступить ему честь вступить первому на неизвѣстную землю, и его, въ сопровожденіи нѣсколькихъ матросовъ, отправили изслѣдовать берегъ. Онъ присталъ въ заливѣ, который по виду подходилъ къ описаніямъ плѣнныхъ англичанъ, и когда окончательно убѣдился въ этомъ, возвратился на корабль. Зарго вступилъ тогда со всѣмъ экипажемъ на островъ.

Это было 8-го іюля 1420 г., когда прибывшіе водрузили на островѣ португальскій флагъ именемъ короля Іоанна I и наслѣдника его Генриха, названнаго Мореплавателемъ. Подвигаясь вглубь страны, они убѣдились въ необитаемости остро-

ва, доказательствомъ чему служили животныя, которыя не пугались людей и довѣрчиво подходили къ пришельцамъ. Сдѣлавъ необходимыя приготовленія, чтобы прожить нѣкоторое время на островѣ, Моралесъ сталъ уговаривать капитана корабля отправиться на поиски за Робертомъ Махимомъ и его спутниками. Зарго уступилъ просьбамъ своего кормчаго и, въ сопровожденіи части экипажа, направился внутрь страны.

Пройдя лѣсъ, который ограничивалъ кругозоръ путешественниковъ, они вошли въ прекрасную долину, но и здѣсь нигдѣ не могли отыскать слѣдовъ пребыванія человѣка. Спустя нѣкоторое время путники наткнулись на большой плоскій плитнякъ съ высѣченными на немъ именами: „Робертъ Махимъ и Анна Дорсетъ“.

Не было сомнѣнія, что Зарго со своими товарищами находился на томъ самомъ островѣ, который они искали. Поднявъ камень, они нашли подъ нимъ металлическій сосудъ, въ которомъ было вложено описаніе приключеній злосчастныхъ путешественниковъ. Замѣтки были написаны рукою друга Махима, попавшаго вмѣстѣ съ нимъ на островъ; онѣ были начаты съ того момента, когда бурею унесло ихъ судно, и гласили слѣдующее:

„Когда прошла буря, Махимъ бросился къ берегу, но нашего судна уже не было видно, вѣтеръ унесъ его далеко въ океанъ. Это былъ страшный ударъ судьбы; но Махима больше всего огорчало то, что это сильно подѣйствовало на Анну. Она видѣла въ этомъ наказаніе Божіе за сопротивленіе родителямъ. Въ тотъ же день она стала тосковать, сильно заболѣла и, не смотря на всѣ старанія и попеченія, которыми была окружена молодая женщина, ея не стало на третій день. Робертъ не могъ забыть понесенной утраты; ничто больше не интересовало его; казалось, что онъ покончилъ съ этимъ міромъ. Махимъ собственными руками вырылъ могилу для Анны Дорсетъ на опушкѣ лимоннаго лѣса и черезъ пять дней послѣ погребенія Анны, заболѣлъ самъ горячкой, которая привела скоро и его къ печальному концу. Послѣднее его желаніе было исполнено: онъ былъ похороненъ въ той же могилѣ, гдѣ покоилась Анна“.

Португальцы перенесли кости Махима и Анны въ церковь мѣстечка Махико (получившаго названіе отъ фамиліи Махимъ), гдѣ можно могилу видѣть и до настоящаго времени. Но гдѣ находятся друзья, которые похоронили ихъ и написали объ ихъ послѣднихъ часахъ, — неизвѣстно. Возможно, что они отправились на бывшемъ у нихъ небольшомъ ботѣ въ океанъ поискать не встрѣтится ли корабль, на которомъ можно было бы добраться до родины, и погибли жертвою своего риска. Никто о нихъ не находилъ никакихъ свѣдѣній.

Зарго со своими спутниками продолжалъ изслѣдованія, пока не убѣдился окончательно, что находится на необитаемомъ островѣ; въ западной половинѣ его они нашли первобытный лѣсъ съ исполинскими деревьями, гдѣ Гонзальвъ приказалъ сдѣлать изъ вѣковаго ствола большой крестъ и поставить его на берегу; съ тѣхъ поръ мѣсто это стало называться Санта-Круцъ (Св. Крестъ).

Въ послѣдующіе года островъ сталъ заселяться европейцами и за свое богатство лѣсомъ получилъ названіе Мадейра, т. е. лѣсистый островъ. Первыя поселенія были учреждены въ обширной равнинѣ, менѣе богатой лѣсомъ; здѣсь же появился и первый городъ Фунхаль, т. е. укропъ, растеніе, которое произростало здѣсь въ громадномъ количествѣ. Извѣстіе объ открытіи Мадейры привлекло вниманіе всей Европы; многіе полагали, что нашли Атлантисъ, т. е. тотъ фантастическій островъ, который, по сказаніямъ, занималъ большую часть Атлантическаго океана. Слѣдствіемъ этого было, что массы европейцевъ устремились на Мадейру, стали выжигать лѣсъ, который мѣшалъ обработкѣ земли, и кончили тѣмъ, что въ настоящее время отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ.

Вино и сахарный тростникъ составляютъ главные предметы отпускной торговли Мадейры. Въ особенности славился островъ этотъ своимъ виномъ, производство котораго, впрочемъ, въ послѣднее время сильно уменьшилось вслѣдствіе болѣзней виноградныхъ лозъ.

Мадейра пользуется извѣстностью и какъ мѣсто лѣченія страдающихъ болѣзнями легкихъ. Прекрасный, ровный климатъ острова (средняя годовая температура $+19^{\circ}$; разница между зимними и лѣтними мѣсяцами не бываетъ выше 5°), съ большимъ количествомъ влаги въ воздухѣ, благотворно дѣйствуетъ на больныхъ.

Артезіанскій колодезь въ Москвѣ.

Очеркъ **М. М. Щ—цкого**. Рис. на стр. 264.

Въ числѣ способовъ добыванія воды изъ нѣдръ земли, посредствомъ колодцевъ: *обыкновенныхъ* (рытыхъ), *трубчатыхъ* (американскихъ), изобрѣтенныхъ недавно Нортономъ, и *буравыхъ*, послѣдніе извѣстны подъ общимъ названіемъ артезіанскихъ, по причинѣ перваго сооруженія ихъ въ графствѣ Артуа во Франціи. Нортоновскіе колодцы, состоя изъ узкихъ (до 2-хъ дюймовъ въ діаметрѣ) трубокъ, длиною въ 3 аршина, выкованныхъ изъ желѣза, вгоняются въ землю ударами тяжести (бабы), приводимой въ движеніе на блокахъ. При этомъ, когда трубка, снабженная острымъ стальнымъ наконечникомъ, углубится до верху, — на нее, для удлиненія, надѣваютъ 2-ю, потомъ 3-ю и т. д., пока 1-я трубка не достигнетъ воды, извлекаемой наружу насосомъ.

Такіе американскіе колодцы, имѣя громадныя преимущества передъ обыкновенными: по дешевизнѣ, простотѣ устройства, подвижности, возможности перенесенія ихъ на любое мѣсто и быстротѣ добыванія воды, — примѣнимы лишь въ рыхлыхъ или слабыхъ почвахъ. Поэтому въ Англіи и Франціи они употребляются преимущественно при передвиженіи войскъ, въ мѣстностяхъ изобилующихъ водою на мягкомъ грунтѣ. Гдѣ же почва содержитъ известнякъ, песчаникъ, или иныя твердыя породы, тамъ, для добыванія воды пригодны лишь артезіанскіе (буравые) колодцы.

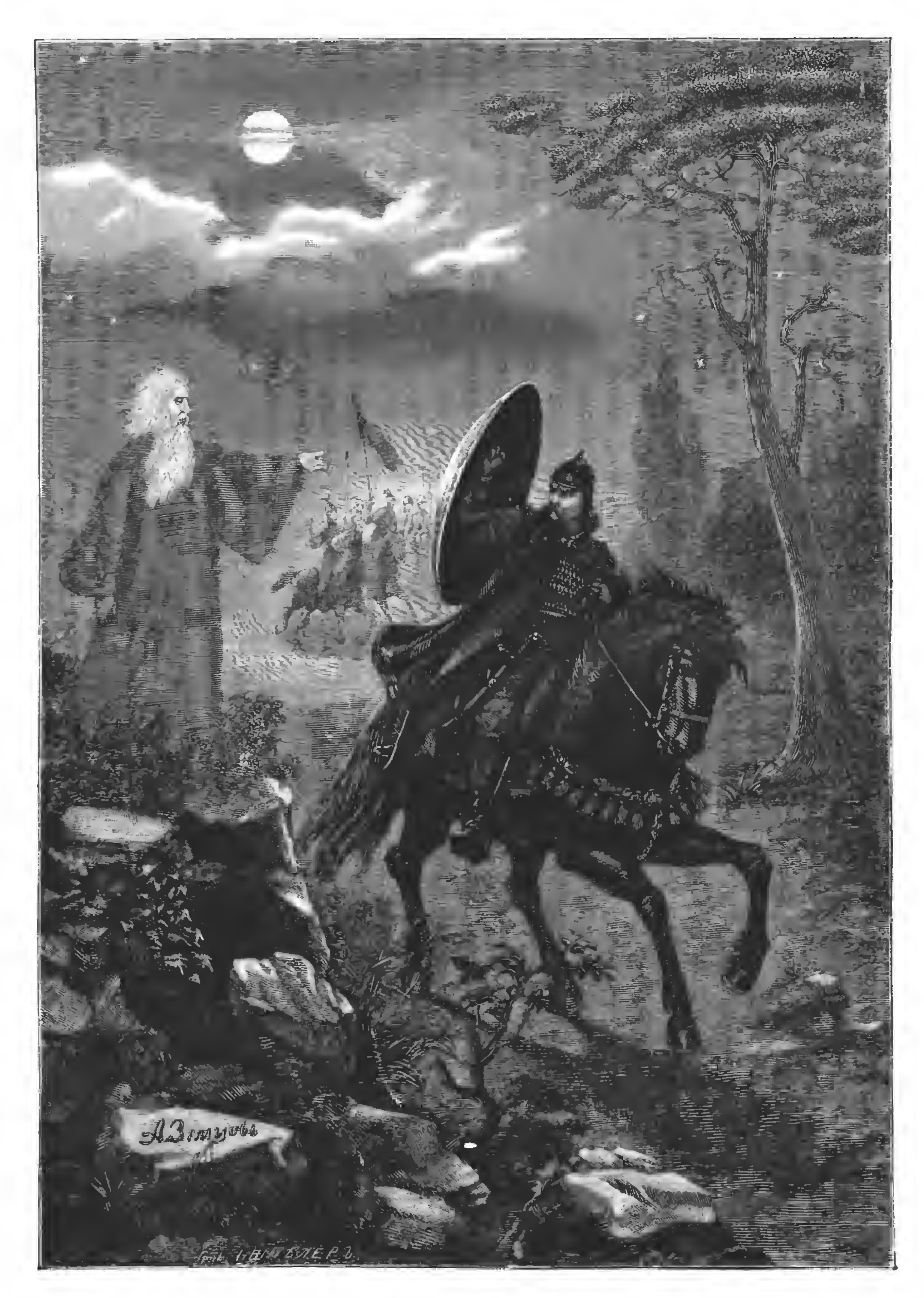
Имѣя внѣшнее сходство съ американскими, потому что въ тѣхъ и другихъ въ землю углубляется труба, чрезъ которую вода восходитъ наружу, — буравые (артезіанскіе) отличаются размѣрами и способомъ опусканія трубъ, а главное тѣмъ, что при этомъ долбятъ и сверлятъ землю особыми инструментами, тогда какъ въ Нортоновскихъ колодцахъ непосредственно вколачиваютъ трубы, безъ буравленія почвы. Вслѣдствіе различныхъ преимуществъ предъ прочими колодцами, артезіанскіе крайне распространены повсюду и служатъ для орошенія садовъ, огородовъ, полей и луговъ (особенно въ Алжирѣ) и даже улицъ, а равно для снабженія водою цѣлыхъ городовъ и заводовъ. Становясь иногда мощною силою, приводящею въ движеніе огромные молоты, машины и т. п., вода, выбрасываемая изъ нѣдръ земли, утилизируется въ этомъ отношеніи всего чаще въ Америкѣ и Англіи. Устраиваются буравые колодцы и для осушенія болотъ, затопленныхъ лѣсовъ; для повышенія уровня судоходныхъ рѣкъ или каналовъ, и для различныхъ мануфактурныхъ, строительныхъ и общежитейскихъ цѣлей. Съ большимъ удобствомъ примѣняются они и какъ согрѣвающее средство, по той причинѣ, что выбрасываемая ими вода, имѣя постоянную температуру во всѣ времена года не ниже $+8^{\circ}$ по Реомюру, достигаетъ иногда значительной теплоты. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. горячую воду направляютъ то въ ванны, то въ пруды, если въ нихъ водится рыба, не переносящая зимней стужи, или же въ оранжереи и фабрики, вмѣсто отопленія ихъ горючимъ матеріаломъ. Въ иныхъ мѣстахъ, помощью артезіанскихъ колодцевъ добываютъ изъ глубины земли горное масло (нефть) для бумажныхъ фабрикъ, соляные разсолы и т. п.

Соорудить артезіанскій колодезь возможно въ какомъ бы ни было твердомъ грунтѣ, но лишь при непремѣнномъ условіи, чтобы слой, чрезъ который просачивается вода, находился между двумя глинными и притомъ въ котлообразномъ углубленіи. Въ послѣднемъ случаѣ, атмосферная вода, падая въ видѣ дождя или снѣга на окраины названныхъ слоевъ и стекая по дугѣ котловины, собирается въ нижнихъ ея частяхъ въ значительномъ количествѣ. Все отличіе артезіанскихъ колодцевъ отъ естественныхъ ключей заключается лишь въ томъ, что у 1-хъ каналъ, соединяющій пространство наполненное водою съ поверхностью земли, — продѣланъ искусственно инструментомъ, называемымъ „*буръ*“, тогда какъ въ натуральныхъ ключахъ такой каналъ существуетъ какъ явленіе природы. Обыкновенная глубина буравленія колеблется между 50 и 250 (иногда болѣе) саженями и если коснется значительнаго вмѣстилища воды, тогда послѣдняя, силою собственнаго напора, вырывается наружу фонтаномъ.

Этотъ подъемъ воды изнутри земли, объясняется гидростатическимъ давленіемъ, основаннымъ на законѣ физики, по которому въ обѣихъ соединенныхъ между собою и изогнутыхъ на подобіе латинской буквы U трубкахъ, вода всегда стоитъ на одномъ общемъ уровнѣ. На этомъ законѣ основано дѣйствіе естественныхъ фонтановъ, выбрасывающихъ струю на высоту бассейна, изъ котораго вода получаетъ начало (напр. изъ горнаго источника). Буравую скважину, т. е. артезіанскій колодезь, обыкновенно сравниваютъ съ короткимъ колѣномъ такого сифона, у котораго натуральное (длиннѣйшее) колѣно почерпаетъ, на склонахъ высокихъ горъ, точно изъ наполненнаго сосуда, — атмосферическіе осадки.

Полагаютъ, что артезіанскіе колодцы, хотя и не въ теперешнемъ видѣ, были извѣстны изстари народамъ Африки, Америки и Азіи. Въ Европѣ же они впервые появились въ XII в., но лишь въ Италіи и Франціи. Что же касается Россіи, то устройство въ ней буравыхъ колодцевъ относится ко временамъ древнихъ Новгородцевъ (лѣтъ за 400 назадъ) въ Старой Русѣ. Затѣмъ послѣдовало буравленіе въ XVI ст. въ Пермской губ., причемъ такія работы предпринимались для извлеченія наружу подземной соленой воды, или разсоловъ, изъ которыхъ вываривалась соль.

Въ настоящее время дѣйствуютъ сотни буравыхъ колодцевъ въ Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ и почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Изъ числа же ихъ, иные колодцы выбрасываютъ струю высоко надъ землею, какъ напр. вблизи Парижа въ



Видѣніе царя Болгарскаго Симеона. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

Мексиканскія древности. Раскопки въ Юкатанѣ. Самоистязаніе жреца. Рис Шапюи, грав. Бертранъ

Гранеллѣ, гдѣ получается ежедневно 100,000 куб. футовъ воды изъ глубины 560 метровъ; другіе же, напр. въ Лондонѣ, его окрестностяхъ и въ г. Ніюртѣ (во Франціи), отличаются тою особенностью, что вода въ нихъ стоитъ всегда нѣсколько ниже земной поверхности. Тоже явленіе существуетъ и въ московскомъ артезіанскомъ колодцѣ.

Поводомъ къ сооруженію его послужилъ крайній недостатокъ въ водѣ, получаемой Москвою ежедневно въ количествѣ: а) 500,000 ведеръ изъ ключей въ 1-ой верстѣ отъ С. Большіе Мытищи и 15 вер. отъ Крестовской городской заставы, б) 40,000 ведеръ изъ Сокольничьей рощи и в) 120,000 вед. на Ходынскомъ полѣ. Теперь, когда въ Англіи на каждаго жителя приходится по 3 ведра, а во Франціи по 2, Москва не имѣетъ воды ни для тушенія пожаровъ, ни для промыванія канавъ и поливки улицъ въ надлежащемъ количествѣ, вслѣдствіе чего воздухъ первопрестольной столицы, заражаемый безчисленными міазмами, ставитъ ея населеніе въ самыя антигигіеническія условія жизни.

Постоянное увеличеніе народонаселенія Москвы побудило горнаго инженера Бабина предложить город. думѣ проектъ артезіанскаго колодца, къ устройству котораго было приступлено въ 1866 г. Начатое затѣмъ 4 февраля 1867 г. сверленіе земли на Яузскомъ бульварѣ, сопровождалось, при углубленіи въ юрскія и горнозаводскія формаціи, множествомъ затрудненій, происходившихъ: отъ притока подпочвенныхъ ключей, пловучихъ песковъ и глины, засасывавшей буравую скважину, а также отъ кремнистыхъ прослоекъ и обваловъ разныхъ твердыхъ породъ. На глубинѣ почти 70 саженъ оказалась настолько крѣпкая, кремнистая среда, что лезвіе долотъ, приготовленныхъ изъ лучшей англійской стали, послѣ каждыхъ 2-хъ часовъ работы иступлялось совершенно. Въ довершеніе неудачъ, въ 1871 г. сломался буръ. Въ это время громадныя трубы, діаметромъ нѣсколько болѣе аршина, послѣдовательно опускаемыя въ землю, по мѣрѣ буравленія, достигли уже глубины болѣе 200 саж. и на работу было уже думою истрачено до 180,000 р., а между тѣмъ вода все еще не достигала поверхности земли на нѣсколько саженъ. Буреніе не возобновлялось.

Такое положеніе дѣла вызвало въ инженерахъ рѣшимость, не подымающейся до поверхности бульвара водѣ дать боковой истокъ. Для этого, воспользовавшись гористою мѣстностью и значительною покатостію отъ артезіанскаго колодца къ югу, они придумали прорыть подземную галлерею, которая, начинаясь съ южнаго, наитончайшаго края горы и направляясь на сѣверозападъ, подъ прогрессивно-утолщающеюся ея поверхностью, подошла бы къ тому уровню, на которомъ остановилась вода въ буравой скважинѣ. 6 декабря 1883 г послѣдовало освященіе работъ штольни, т. е. упомянутой только что выработки водосливнаго хода, который, вслѣдствіе значительной крѣпости горной извести, пролегающей толстымъ пластомъ на этой глубинѣ, производился съ большимъ трудомъ.

Вызывая трещины въ этомъ пластѣ посредствомъ пороховыхъ, а иногда динамитныхъ взрывовъ, рабочіе расчищали себѣ путь едва по 1-му погонному аршину въ день, продѣлывая, такимъ образомъ, галлерею вышиною и шириною около $2^{3}/_{4}$ арш.

Оконченная въ исходѣ 1884 г. штольня имѣетъ слѣдующій видъ. Вблизи р. Яузы, на углу Серебреническаго и Николоворобьинскаго переулковъ, возлѣ Яузскаго бульвара, устроенъ въ видѣ домика (означеннаго на рисункѣ 1) шатеръ, внутри котораго, по широкой лѣстницѣ, спускаются на глубину 3-хъ саженъ и вступаютъ въ галлерею, обдѣланную деревомъ на подобіе рамъ, плотно приставленныхъ одна къ другой. Дно этого хода, на всемъ его протяженіи въ 135 саж., представляется какъ бы сплошнымъ желобомъ, покрытымъ на половину его ширины мостками, непосредственно примыкающими къ правой стѣнѣ, а по лѣвой тянется другой, особый желобъ, въ $^{3}/_{4}$ арш. шириною. Эта галлерея не вполнѣ горизонтальна. Чтобы дать водѣ свободное движеніе по 2-мъ названнымъ желобамъ, дну приданъ нѣкоторый подъемъ, по 1-му вершку на каждыя 10 саж. Туда же стекаютъ и ручейки 5-ти родниковъ, находящихся въ правой стѣнѣ, покрытой въ такихъ мѣстахъ густымъ слоемъ ранжевой глины. Освѣщенный довольно скудно лампами и не достигая даже $2^{1}/_{2}$ ар. въ вышину, описываемый ходъ содержитъ въ себѣ отчасти сѣрный запахъ, вслѣдствіе присутствія закиси и перекиси водорода и вообще различныхъ газовъ, и на 91-ой сажени дѣлаетъ влѣво поворотъ, образующій съ первоначальнымъ направленіемъ тупой уголъ въ 142° (рисунокъ 4).

Пройдя еще 40 саж., достигаютъ пещеры (рисунокъ 3) въ 4 квадр. аршина и въ 3 вышиною, выдолбленной подъ бульваромъ на 12 саж. глубины, въ томъ же горнозаводскомъ пластѣ. Въ серединѣ пещеры четырехугольный водоемъ, посрединѣ котораго возвышается на нѣсколько вершковъ, опущенная въ землю на 215 саж. труба, съ наконечникомъ, открытымъ въ видѣ самоварной канфорки, со множествомъ отверстій для истока воды. Какъ разъ надъ этой артезіанской трубою, въ потолкѣ пещеры, продѣлано отверстіе, проникающее чрезъ 12 саж. поверхность Яузскаго бульвара и представляющее собою, разумѣется, ничто иное какъ начало буравой скважины. Изъ упомянутаго бассейна, изливаясь подъ мостками во всю ширину галлереи, а также небольшимъ потокомъ въ 6 верш. глубиною, по отдѣльному желобу, предназначенному для измѣренія суточной прибыли воды, она достигаетъ того мѣста штольни, гдѣ лѣстница, а оттуда 2-мя трубами, проведена еще на 53 сажени для спуска въ р. Яузу.

Имѣя около 8° тепла по Реомюру и оказавшись по химическому анализу значительно мягче Ходынской, но тверже Мытищенской, пріятная на вкусъ вода артезіанскаго колодца получается ежедневно въ количествѣ 280,000 ведеръ, но пока еще не утилизируется. Причиною то обстоятельство, что по условію, заключенному думою съ инженеромъ Бабинымъ, потратившимъ собственныхъ 40,000 р. на штольню, количество и качество воды подлежатъ годичному наблюденію, послѣ чего, окончательно будетъ постановлено город. думою, или о переходѣ артезіанскаго колодца въ вѣдѣніе города, или же о предоставленіи строителю права эксплоатировать въ свою пользу воду, направленную имъ изъ буравой скважины. При этомъ, если въ сутки никогда не будетъ получаться менѣе 200,000 ведеръ, тогда дума уплатитъ г. Бабину 40,000 руб.; за каждые же 50,000 ведеръ лишнихъ, будетъ ему добавлено по 5,000 руб.

Подобное условіе о минимальномъ количествѣ ведеръ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что наименьшее питаніе земли водою, замѣчаемое обыкновенно въ студеную пору года, всегда невыгодно отражается на артезіанскихъ колодцахъ, уменьшеніемъ количества выбрасываемой ими воды. Въ настоящее время, при спускѣ въ штольню помѣщенъ ручной насосъ, для нагнетанія въ наружный желобъ воды, которою, пока, безплатно пользуются жители ближайшихъ мѣстностей и отчасти водовозы.

19-го декабря прошлаго года, по окончаніи работъ, послѣдовало, въ присутствіи московскаго генералъ-губернатора, освященіе штольни высшимъ духовенствомъ, а со временемъ, вѣроятно, на мѣстѣ буравой скважины Яузскій бульваръ украсится какимъ либо сооруженіемъ, для регулярнаго снабженія города, изъ новаго источника, водою, необходимою Москвѣ, въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ ведеръ ежедневно, а не въ такомъ скудномъ, какъ 950,000, если еще включить въ это число и прибыль, доставляемую описаннымъ нами артезіанскимъ колодцемъ.

Къ рисункамъ.

Мадонна въ Нюрнбергѣ.

(Рис. на стр. 252).

Эта старинная, изъ дерева изваянная статуя Мадонны у подножія Креста принадлежитъ неизвѣстному художнику и находится въ городѣ Нюрнбергѣ, который такъ чудесно сохранилъ характеръ среднихъ вѣковъ въ зданіяхъ и памятникахъ. Городъ издавна славился своими рѣзными издѣліями, изъ которыхъ многіе старые образцы очевидно принадлежали рѣзцу замѣчательныхъ художниковъ. Это должно сказать и о ваятелѣ, которому принадлежитъ здѣсь изображенная статуя. Выраженіе глубокой скорби, благородство и чистота линій замѣтно выдѣляютъ это художественное произведеніе.

Богоматерь у подножія Креста.

(Рис. на стр. 253).

Выраженіе безпредѣльной скорби Богоматери у Креста Христа Спасителя во всемъ христіанскомъ мірѣ служило великою темою благоговѣйнаго изображенія въ массѣ художественныхъ произведеній. На картинѣ, копія которой помѣщена здѣсь, этотъ высокій моментъ разработанъ съ глубокимъ чувствомъ и замѣчательною силою. Вверху картины видна лишь нижняя часть Креста. Мракъ темной ночи окутываетъ землю въ эту скорбную минуту, и глубокая скорбь, мрачнѣе ночи земной, выражается въ ликѣ Богоматери.

Погребеніе Христа Спасителя.

(Рис. на стр. 256).

На картинѣ талантливаго художника Стори изображеніе погребенія Христа Спасителя взято не обычно, а совершенно оригинально. Тѣло Спасителя, только что снятое со Креста, несутъ внизъ съ Голгофы поворотомъ прямо впередъ, что далъ художнику возможность выказать мастерство и свободу, съ какими онъ изобразилъ въ смѣломъ ракурсѣ положеніе тѣла Христа и усиліе несущихъ Его.

Апокалипсическіе всадники Петра Корнеліуса.

(Рис. на стр. 257).

Въ сентябрѣ, полтора года назадъ, Германія праздновала столѣтіе со дня рожденія Петра Корнеліуса, великаго реформатора нѣмецкаго искусства.

Корнеліусъ родился въ Дюссельдорфѣ въ 1783 году. Отецъ его былъ инспекторомъ галлереи курфюрста и преподавателемъ Дюссельдорфской академіи. Неудивительно поэтому, что художественная склонность мальчика нашла себѣ богатую пищу въ большихъ собраніяхъ роднаго города и родительскаго дома и что вскорѣ ему представилась возможность заниматься рисованіемъ подъ хорошимъ руководствомъ. Но юноша съ начала ученія захотѣлъ идти по собственному пути и это не понравилось его учителю, директору Лангеру, который, послѣ смерти его отца, совѣтовалъ матери, оставшейся безъ средствъ, помѣстить сына въ какое нибудь мастерство. Къ счастію, совѣту этому не послѣдовали, и юноша, не оставляя своего любимаго занятія, кое какъ пробивался, рисуя картинки для книгопродавцевъ и церковныя хоругви.

Давленіе Наполеоновской тираніи, тяготѣвшее въ то время надъ Германіей, вызвало въ немъ необыкновенную ненависть ко всему чужеземному: обратясь къ старымъ художникамъ нѣмецкаго искусства, для своихъ новыхъ произведеній онъ выбиралъ также нѣмецкіе сюжеты. Иллюстраціи къ Фаусту и Нибелунгамъ были его первыми большими произведеніями.

Въ 1811 году Корнеліусъ пѣшкомъ отправился въ имъ, гдѣ на чужой классической почвѣ вырабатывалъ нѣмецкую школу. Отсюда онъ былъ вызванъ въ Мюнхенъ королемъ Людвигомъ Баварскимъ, который поручилъ ему писать его знаменитыя картины въ Глиптотекѣ. Извѣстность его была установлена и вскорѣ онъ былъ назначенъ директоромъ Дюссельдорфской академіи, той самой, откуда былъ исключенъ за неспособность. Изъ Дюссельдорфа онъ перешелъ въ Мюнхенъ въ качествѣ директора академіи и отсюда въ 1840 году былъ отозванъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV на ту же должность въ Берлинѣ. Въ Мюнхенѣ онъ создалъ замѣчательныя картины: „Сотвореніе міра“ и „Страшный судъ“, украшающія церковь Людвига. Въ Мюнхенѣ-же, разсматривая его картину „Разрушеніе Трои“, король Людвигъ надѣлъ ему въ 1825 году орденъ „за заслуги“, прибавивъ: „Героевъ посвящаютъ обыкновенно въ рыцари на мѣстѣ ихъ дѣяній“.

Въ 1843 году Корнеліусу поручено было воспроизвести христіанскій циклъ картинъ для Камно-Санто - портала мѣста успыпленія императорской фамиліи возлѣ собора въ Берлинѣ. Въ этомъ же году онъ отправился въ Римъ, чтобы тамъ на покоѣ заняться выполненіемъ этой задачи. Эти великолѣпныя творенія его не появились законченными масляными картинами, но художникъ познакомилъ съ ними публику въ видѣ картоновъ. Одна изъ нихъ, помѣщенная на стр 257, назначалась украшать главную стѣну Камно-Санто; она изображаетъ четырехъ апокалипсическихъ всадниковъ: Заразу, Голодъ, Войну и Смерть.

Картоны фресокъ, предназначенныхъ для усыпальницы въ берлинскомъ соборѣ или Камно-Санто, были окончены Корнеліусомъ въ Римѣ въ 1849 году. Грандіозный проектъ не приведенъ былъ въ исполненіе и картина великаго художника сохраняется для потомства въ берлинскомъ музеѣ. Этотъ громадный рядъ изображеній, долженствовавшій по проекту занять пространство въ 180 футовъ, на четырехъ сторонахъ кладбища, производилъ бы сильное и глубокое впечатлѣніе. Каждая отдѣльная картина отдѣляется отъ другой пилястрами, поддерживаемыми архитравами; кромѣ того въ промежуткахъ предполагались ниши для помѣщенія въ нихъ скульптурныхъ произведеній. Каждое изображеніе состоитъ изъ трехъ частей. верхней, средней и нижней; верхняя картина на фронтонѣ писана на золотомъ фонѣ; средняя, главная—яркими, блестящими красками, а нижняя, на пьедесталѣ - исключительно сѣрыми. Содержаніе картоновъ обнимаетъ собою четыре громадныхъ цикла христіанской эпопеи: Искупленіе, Воскресеніе изъ мертвыхъ, Нисполаніе высшей благодати и прощенія и конечныя событія міра. Послѣдній отдѣлъ фресокъ особенно поразителенъ по мощности кисти и ея экспрессіи. Изображенная на нашемъ рисункѣ изъ этого отдѣла превосходная фреска, извѣстная подъ именемъ „Всадниковъ Апокалипсиса“, производитъ и на картонѣ поразительно сильное впечатлѣніе. Въ верхней ея части изображено небесное пространство, гдѣ летящіе ангелы изливаютъ изъ чашъ потоки гнѣва Божія на несчастную землю, отданную Творцомъ на жертву всякаго рода бѣдствій. Въ средней части эти бѣдствія или казни: война, голодъ, чума и смерть, представлены въ образѣ четырехъ гнѣвныхъ всадниковъ, безпощадно истребляющихъ людей и несущихся на коняхъ по грудѣ ихъ труповъ. Въ нижней части, на пьедесталѣ, художникъ какъ бы хотѣлъ выразить, что и въ самыя ужасныя времена дѣла милосердія и человѣколюбія могутъ служить утѣшеніемъ и опорой для страждущаго и бѣдствующаго человѣчества, и въ трехъ небольшихъ картинахъ изобразилъ, въ лицахъ, три великія правила христіанской морали, заповѣданныя намъ нашимъ Искупителемъ: „Посѣтить заключеннаго въ темницѣ, утѣшить плачущаго и заблудшаго вывести на настоящій путь“.

Для поясненія этой величественно задуманной картины приведемъ подлинныя слова Апокалипсиса (откровеніе Іоанна, гл 6):

„И видѣхъ егда отверзе агнецъ іедину отъ седми печатей, и слышахъ іединаго отъ четырехъ животныхъ глаголюща яко же гласъ громный: „гряди и виждь“.

„И видѣхъ и се конь бѣлъ, и сидяй на немъ имѣяше лукъ: и данъ бысть ему вѣнецъ, и изыде побѣждаяй и да побѣдитъ.

„И егда отверзе печать вторую, слышахъ второе животно глаголющее: „гряди и виждь“

„И изыде другій конь рыжъ: и сѣдящему на немъ дано бысть взяти миръ отъ земли, и да оубіетъ другъ друга: и данъ бысть ему мечъ великій.

„И егда отверзе третію печать, слышахъ третіе животно глаголющее: „гряди и виждь“. И видѣхъ, и се конь воронъ, и сѣдяй на немъ имѣяше мѣрило въ руцѣ своей.

„И слышахъ гласъ посредѣ четырехъ животныхъ глаголющій „мѣра пшеницы за динаръ, и три мѣры ячмени за динаръ и іелеи и віна не вреди“.

„И егда отверзе четвертую печать, слышахъ гласъ четвертаго животна глаголющій: „гряди и виждь“.

„И видѣхъ и се конь блѣдень, и сидящій на немъ, имя ему Смерть: и адъ идяше въ слѣдъ его: и дана бысть ему область на четвертой части земли оубити оружіемъ и гладомъ и смертію, и звѣрми земными“.

Вотъ огненная страница, которая вдохновила художника. Четыре всадника на дикихъ коняхъ устремляются на гибнущее человѣчество. Они безжалостно разятъ своимъ страшнымъ оружіемъ. Зараза мечетъ отравленныя стрѣлы; тощій Голодъ поднимаетъ вѣсы,--знакъ дороговизны; Война направляетъ противъ безоружныхъ свой истребляющій мечъ, и неудержимо коситъ Смерть своей неумолимой косою..

Корнеліусъ умеръ 6 марта 1867 года.

Видѣніе болгарскаго царя Симеона.

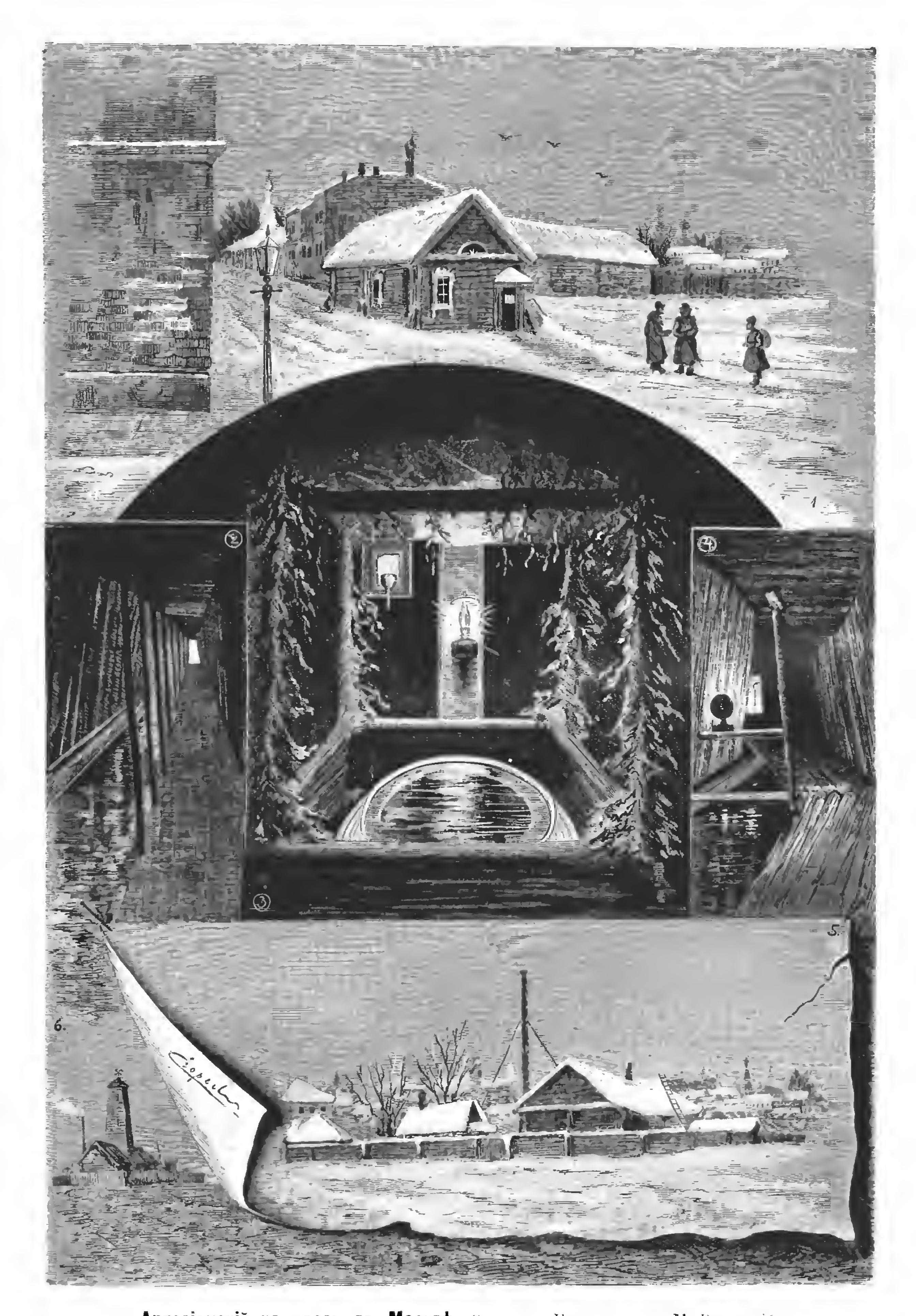
(Рис. на стр 260).

Въ десятомъ вѣкѣ, подъ правленемъ царя Симеона, болгарское государство достигло высокой степени силы и процвѣтанія; не только боялись его могущества окрестные варвары, но и сама Византия трепетала при появленіи подъ ея стѣнами болгарскихъ полчищъ. Въ борьбѣ съ Симеономъ византійцы почти постоянно терпѣли пораженіе; съ 912 по 923 годъ Симеонъ четыре раза подступалъ къ Царь-граду и два раза бралъ столицу Оракіи, Адріанополь, служащій преддверіемъ Царь-града, и два раза возвращалъ его опять грекамъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія Симеонъ сталъ особенно энергично тѣснить Византію. На Царь-градъ стали тогда падать тяжелые удары болгарскаго оружія, такъ какъ болгарскій царь очень хорошо видѣлъ и понималъ всю слабость и полнѣйшую расшатанность Византійской Имперіи, которая поддерживала свой престижъ среди варваровъ лишь пышнымъ, внѣшнимъ блескомъ. Весной 923 года болгарское войско проникло до самыхъ предмѣстій Константинополя. Адріанополь былъ уже въ рукахъ болгаръ и слабый императоръ Романъ, не видя другаго исхода, рѣшился купить у Симеона миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ къ болгарскому царю пословъ, но тотъ отослалъ ихъ назадъ и изъявилъ желаніе лично видѣться и переговорить съ императоромъ. Романъ волей-неволей долженъ былъ согласиться на это свиданіе и въ назначеный день тріема императора причалила къ берегу, гдѣ уже ожидалъ ее Симеонъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, Романъ и Симеонъ приступили къ переговорамъ и заключили миръ. Вскорѣ потомъ царь Симеонъ умеръ (въ 927 году) и Византія наконецъ вздохнула свободно, освободившись отъ грознаго и сильнаго врага. Пророческое видѣніе, явившееся царю Симеону послѣ его мира съ греками, послужившее темой для рисунка нашего художника, упоминается въ одной народной болгарской легендѣ. Эта легенда художественно передана нашимъ извѣстнымъ поэтомъ Полонскимъ, въ его небольшомъ стихотвореніи „Царь Симеонъ“.

Какъ въ легендѣ, такъ и у нашего поэта видѣніе останавливаетъ царя на обратномъ пути изъ Царьграда въ Болгарію; ему является тѣнь: грознаго вида монахъ, сѣдовласый, съ костылемъ, съ бѣлымъ крестомъ на черной рясѣ, и начинаетъ его горько упрекать за миръ, заключенный съ греками:

„Что ты сдѣлалъ, царь великій,
Царь славянскихъ христіанъ!
Уступилъ ты тронъ востока
Тяжкой власти мусульманъ!
Мечъ твой былъ въ десницѣ Бога.
Знай же, царь болгарскій, знай:
Опустивъ свой мечъ, ты предалъ,
Ты сгубилъ родимый край.
Вижу я потоки крови,
Бездну ужасовъ и зла,
Отъ Царьграда до Дуная
Замолчатъ колокола.
И народъ твой будетъ, плѣнный,
Цѣпи рабскія влачить,
Надрываться, или —„братья,
Помогите!“ голосить...



Артезіанскій колодезь въ Москвѣ. Ориг. рис. Егорьева, грав. М. Рашевскій.

1) Шатеръ надъ штольней. 2) Подземный коридоръ. 3) Буравая скважина. 4) Уголъ штольни. 5) Постройки надъ машиной. 6) Башня надъ штольней.

Зима въ Канадѣ. Рис. I. Приготовленіе катальной горы.

Мексиканскія древности и раскопки.

(Рис. на стр. 261).

Въ Америкѣ, называющейся „Новымъ Свѣтомъ", не мало остатковъ древнихъ городовъ, имѣющихъ свою исторію и зданія которыхъ можно подраздѣлить на болѣе простыя и болѣе сложныя и роскошныя. Первыя можно отнести къ древней эпохѣ и послѣднія къ эпохѣ уже новѣйшей. Городъ Лорильяръ въ Юкатанѣ, на правомъ берегу Узумацинта, гдѣ теперь производятся обширныя раскопки и открываютъ любопытныя вещи, слѣдуетъ причислить къ городамъ позднѣйшей эпохи; жители его по всей вѣроятности были современниками Итцаэ Петеновъ, которые, какъ извѣстно, сохраняли свою независимость болѣе 150 лѣтъ послѣ испанскаго завоеванія. Столица ихъ Таясаль была разрушена только въ 1696 году и Локандоны, болѣе укрытые въ горахъ, пережили своихъ сосѣдей Историкъ Гютьеръ Сато старшій говоритъ, что Итцаэ Петены враждовали съ Локандонами и прибавляетъ, что въ 1694 г. за два года до разрушенія ихъ города испанцами, они дѣлали на сосѣдей набѣги. Бойль утверждаетъ даже, что Локандоны сохранили остатки древнихъ обычаевъ еще 150 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1739 году.

Въ Лорильярѣ встрѣчаются чрезвычайно любопытные археологическіе памятники, такъ напр. замѣчательные каменные обломки, покрытые барельефами. Нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ закончены и сохранились, какъ напр. помѣщенный на стр. 261 точный снимокъ такого барельефа. За исключеніемъ головъ съ покатымъ лбомъ, которыя, какъ извѣстно, не составляли расоваго типа—это было условнымъ типомъ извѣстныхъ классовъ — все въ этомъ барельефѣ прекрасно отдѣлано и точность деталей поразительна. Это религіозная сцена. Лицо, стоящее на колѣняхъ—жрецъ: онъ продѣлъ чрезъ языкъ веревку, усѣянную шипами, съ цѣлью ужаснаго добровольнаго самоистязанія. Другое лицо, также жрецъ, держитъ пальму и понуждаетъ и ободряетъ къ самоистязанію перваго жреца. Это извѣстный обрядъ тольтековъ Мрачный культъ Кветцакоатля, распространенный на плоскогоріяхъ, былъ занесенъ сюда на Юкатанъ уже издавна. Торквемада и Клавигеро въ своихъ описаніяхъ говорятъ о мученіяхъ, которымъ подвергали себя жрецы въ честь этого кроваваго божества тольтековъ. Жрецы Кветцакоатля, говоритъ Торквемада, во главѣ со старѣйшимъ жрецомъ, называемымъ Ачкотли, послѣ пятидневнаго поста и покаянія запирались въ храмѣ, куда приносили цѣлые пуки гибкихъ тонкихъ палочекъ. Затѣмъ приходили одни жрецы и обтачивали палки, придавая имъ нужную толщину и форму, затѣмъ съ разными обрядами входили старшіе, изготовлявшіе ножи изъ обсидіана (вулканическое стекло) для прокалыванія языковъ. Всѣ горячо молились, и старые, и молодые жрецы, и готовились къ мученіямъ. Одинъ изъ жрецовъ прокалывалъ всѣмъ языки, послѣ чего старшій жрецъ Ачкатли продѣвалъ въ отверстіе своего языка палочки, одну за другой, до сотни и болѣе, и прочіе жрецы старались подражать ему. Боль однако была такъ велика, что немногіе достигали до требуемаго количества, такъ какъ первыя палочки были тоньше, а затѣмъ постоянно доходили до толщины большаго пальца. Во время поста, жрецъ Ачкотли ходилъ по городамъ и деревнямъ, призывая къ покаянію, въ знакъ чего носилъ съ собою зеленую вѣтвь пальмы.

На барельефѣ изображенъ жрецъ съ такою большою вѣтвью пальмы. Нѣтъ сомнѣнія, что истязаніе, здѣсь совершающееся въ честь Кветцакоатля—есть именно то, о которомъ говоритъ Торквемада.

Зимній сезонъ въ Канадѣ.

(Девять рис. на стр. 265, 267, 268 и 269).

Собственно, зимній сезонъ въ Канадѣ начинается обыкновенно въ декабрѣ; рождественскіе праздники проходятъ особенно шумно и весело, и пользуясь вплоть до марта сухой, свѣтлой, морозной погодой, жители Канады могутъ какъ угодно разнообразить свои зимнія удовольствія. Здѣсь нѣтъ нигдѣ и въ поминѣ туманныхъ дней англійской или Петербургской зимы; рѣзкія перемѣны въ погодѣ здѣсь неизвѣстны и потому нѣтъ тѣхъ обычныхъ зимнихъ недуговъ, которыми такъ страдаютъ у насъ. Напротивъ того, канадцы, подъ вліяніемъ холода, пользуются превосходнымъ здоровьемъ, они страстные конькобѣжцы: кататься съ горъ, бѣгать въ запуски, составляетъ здѣсь обычное зимнее удовольствіе; все это требуетъ сильна-

Зима въ Канадѣ. Рис. 2 Съ горы ночью.

го тѣлеснаго движенія, а движеніе, какъ извѣстно, даетъ здоровье.

Квебекъ—этотъ старинный центръ военной, политической и духовной власти, во время господства французовъ, до сихъ поръ пользуется пальмой первенства въ умѣньи разнообразить зимнія удовольствія. Такъ въ Торонто, на гладкомъ какъ зеркало заливѣ несутся по льду какъ стрѣла особаго устройства боты, между которыми снуютъ сотни конькобѣжцевъ. Въ Кингстонѣ тоже къ услугамъ публики громадная бухта, на которой совершаются прогулки въ большихъ саняхъ; арена, на которой устраиваются на льду потѣшные бои и разныя упражненія на конькахъ. Виннипегъ, Галифаксъ тоже не отстаютъ въ шумномъ, зимнемъ весельи, также какъ и Квебекъ, гдѣ общественная жизнь отражаетъ въ себѣ счастливое смѣшеніе двухъ элементовъ—стариннаго французскаго и новаго англійскаго. Квебекъ славится своими быстрыми, несущимися какъ вихрь пони, управляемыми ловкими и смѣлыми возницами, и своей катальной горой въ Монморанси, которую устраиваетъ каждый годъ сама природа, по скату скалъ. Первый снѣгъ ожидается въ Канадѣ какъ какая то благодатная манна. Дѣти внѣ себя отъ восторга, когда на нихъ падаетъ пушистый и мягкій иней. Улицы города оживляются, повсюду слышенъ смѣхъ и говоръ, какъ будто уже начался зимній карнавалъ. Почти безпрерывно слышенъ звукъ колокольчиковъ; это звонятъ собаки, несущіяся по улицамъ, по слѣдамъ своихъ хозяевъ. На всѣхъ естественныхъ возвышенностяхъ устраиваютъ (рис. 1) катальныя горы, но теперь здѣсь вводятся въ употребленіе и наши русскія горы и пользуются даже большою популярностью. Въ послѣдніе годы въ Канадѣ даже устроено не мало правильныхъ клубовъ для общественнаго катанія съ горъ. Къ этой идеѣ отнеслись съ увлеченіемъ, и мужчины, и женщины, и дѣти въ запуски несутся въ легкихъ санкахъ съ горъ (рис. 5). Ночью (рис. 2) эти горы представляютъ фантастическую картину: онѣ освѣщаются фонарями, укрѣпленными въ снѣгу по обѣимъ сторонамъ ската; кромѣ того, кругомъ зажигаютъ потѣшные огни, и мракъ вдругъ уступаетъ мѣсто яркому, блестящему свѣту. Вообще, изъ всѣхъ удовольствій зимняго карнавала—это самое любимое (рис. 4), не смотря на то, что сопряжено съ опасностью вываляться изъ саней и даже ушибиться; но эта опасность даже нравится многочисленнымъ любителямъ сильныхъ ощущеній.

Что же касается до конькобѣжцевъ, то если въ другихъ сѣверныхъ странахъ и найдутся болѣе быстрые и искусные, то за то навѣрное нигдѣ, какъ въ Канадѣ, вы не увидите на льду такихъ живописныхъ и веселыхъ картинъ, и такихъ роскошныхъ карнаваловъ (рис. 3), гдѣ цѣлая масса молодежи является въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ странъ и народностей. При помощи единственныхъ матеріаловъ—снѣга и льда, сооружаютъ здѣсь такія дивныя декоративныя постройки, которыя какъ бы прямо взяты изъ чудесъ тысячи одной ночи. Такъ, въ Монреалѣ каждую зиму созидается ледяной дворецъ, прелестная выдумка, въ которой въ реальной формѣ воплощаются фантастическіе, кристальные чертоги волшебныхъ сказокъ. Величественный, монументальный этотъ дворецъ стоитъ до самой весны и, наконецъ, обращается въ „ничто“ отъ горячихъ лучей весенняго солнца.

Бѣгъ на лыжахъ тоже одно изъ интересныхъ народныхъ удовольствій Канады; на своихъ длинныхъ лыжахъ, сильный, мускулистый аборигенъ „Канукъ“ не боится ни глубокаго снѣга, ни страшной бури. Отъ народа лыжи перешли къ образованному обществу, и теперь существуетъ много клубовъ, члены котораго посвящаютъ свои досуги бѣгу на лыжахъ. Одинъ изъ самыхъ старѣйшихъ клубовъ такого рода—это клубъ св. Георгія. Среди его членовъ попадаются дѣйствительно люди атлетической силы, которые пробѣгаютъ громадное пространство и даже вступаютъ въ состязаніе съ индійцами (рис. 6), людьми съ самыхъ юныхъ лѣтъ привыкшими къ путешествіямъ подобнаго рода. Всѣ члены клуба во время своихъ упражненій носятъ особый костюмъ, въ которомъ преобладаетъ темно-красный цвѣтъ. Бѣлый верхній нарядъ съ капюшономъ тоже украшенъ красными полосами. Поясъ пунсовый, также какъ и крестъ св. Георгія, вышитый на лѣвой груди. Женщины тоже могутъ вступать въ клубъ (рис. 8), получаютъ также костюмъ довольно живописный и оригинальный. Кромѣ бѣга на гладкой поверхности, иногда назначаются особые бѣга съ препятствіями (рис. 7), на которыхъ искусные члены клуба ловко перескакиваютъ черезъ нарочно сдѣланныя перегородки и выкидываютъ разныя другія замысловатыя штуки. Въ этихъ упражненіяхъ молодежь не замѣчаетъ холода и бѣжитъ все дальше и дальше по безконечной снѣжной равнинѣ. За слишкомъ увлекшимися конькобѣжцами посылаются лошади, а другихъ привозитъ обратно, къ мѣсту общаго сбора, ближайшая желѣзная дорога. Нечего и говорить, съ какимъ волчьимъ апетитомъ набрасываются члены клуба на приготовленный имъ ужинъ въ клубной гостинницѣ (рис. 9), гдѣ вскорѣ шумъ, смѣхъ и пѣніе служатъ явнымъ доказательствомъ, что голодъ утоленъ и что все общество находится въ самомъ лучшемъ настроеніи духа.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Египетъ.—Бельгія.—Италія.—Индія.

Англійское правительство старается въ настоящую минуту изъ всѣхъ силъ, смягчить слѣды того тяжелаго впечатлѣнія, которое было произведено на общественное мнѣніе хартумской катастрофой и полнымъ неуспѣхомъ британской экспедиціи, и тщательно маскируетъ совершенные имъ промахи и ошибки громкими и хвастливыми заявленіями о своей твердой рѣшимости не отступать отъ начатаго дѣла, а довести его до желаемаго конца. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Суданѣ можетъ навести англичанъ на самыя печальныя размышленія: обратное движеніе англійскихъ экспедиціонныхъ войскъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры; ссылаясь на невыносимый для европейскихъ солдатъ зной, главнокомандующій, генералъ Вольслей, отдалъ приказаніе объ отступленіи къ Донголѣ. Въ то же время имъ сдѣлано распоряженіе о размѣщеніи англійскихъ войскъ мелкими отрядами вдоль теченія Нила, для охраны воднаго пути отъ непріятельскихъ нападеній. Такимъ образомъ все ясно показываетъ, что суданскій вопросъ возвращается къ тому положенію, въ какомъ онъ находился до движенія войскъ на Хартумъ. Оказывается, что побѣды англичанъ и всѣ перенесенныя ими неимовѣрныя тягости пропали совершенно даромъ, и новый походъ съ значительно бо́льшими боевыми силами предпримется не ранѣе осени; до того же времени, т. е. впродолженіе семи мѣсяцевъ, весь Суданъ остается въ полной власти Махди. Неудивительно, что послѣ такихъ успѣховъ, послѣдній не только воодушевилъ до чрезвычайной степени фанатизмъ суданскихъ племенъ, но даже привлекъ къ себѣ массу авантюристовъ разныхъ европейскихъ національностей. Такъ, кромѣ того, что въ его лагерѣ фигурируютъ нѣсколько французовъ, извѣстія изъ Нью-Іорка единогласно подтверждаютъ, что американскіе ирландцы посылаютъ Махди цѣлый вспомогательный отрядъ и значительные транспорты оружія. Нью-Іоркъ, Филадельфія, Буффало и Бостонъ вносятъ каждый по пятнадцати тысячъ долларовъ въ такъ называемый „экспедиціонный фондъ“, и поставляютъ по двѣсти человѣкъ, изъ коихъ сформируется вспомогательный отрядъ въ тысячу человѣкъ. Люди будутъ вооружены саблями и винтовками, но главнѣйшее ихъ оружіе составитъ динамитъ. Махди, какъ утверждаютъ нѣкоторыя арабскія газеты, серьезно намѣренъ оградить отъ англичанъ свои земли установленіемъ границы отъ Суакима до Метамнэ, черезъ Берберъ и Шенди. Что же касается Абиссиніи, то лжепророкъ порѣшилъ совершенно сокрушить это христіанское государство, и двинется противъ короля Іоанна со всѣми своими силами. По увѣренію газеты „Эль-Анбаръ“, Махди задумываетъ создать независимое магометанское государство, которое не было бы эксплуатируемо разными европейскими выходцами и авантюристами, и не находилось бы подъ ихъ постояннымъ давленіемъ. По послѣднимъ телеграммамъ, приверженцы Махди уже овладѣли Кассалой, оставленной безъ всякой помощи, и перебили весь гарнизонъ.

Лорду Гренвилю, какъ оказывается, пришлось дорого поплатиться за свое примиреніе съ Бисмаркомъ. Онъ предоставляетъ ему въ Южной Африкѣ всѣ оспариваемыя территоріи страны Камеруновъ, и, кромѣ того, сдѣлалъ ему территоріальныя уступки въ Новой Гвинеѣ, не взирая на протесты англійскихъ колоній въ Австраліи противъ вторженія германцевъ въ эту часть земнаго шара. Берлинское же правительство, въ обмѣнъ вышеозначенныхъ уступокъ, дастъ Англіи обѣщаніе уважать ея права на тѣ земли, гдѣ уже развивается британскій флагъ.

Въ Бельгіи общественное мнѣніе сильно заинтересовано теперь положеніемъ дѣлъ въ Конго- не столько изъ-за политическихъ, сколько изъ-за чисто промышленныхъ и коммерческихъ видовъ. Король Леопольдъ II, получивъ поздравительный адресъ отъ антверпенскаго муниципальнаго совѣта, по поводу благопріятной развязки конгскаго вопроса, написалъ ему очень благосклонный отвѣтъ, въ которомъ указалъ на необходимость обезпечить на конгскомъ бассейнѣ новые рынки для бельгійской промышленности. Въ Брюсселѣ теперь поговариваютъ объ образованіи нѣсколькихъ акціонерныхъ обществъ для эксплуатаціи природныхъ богатствъ внутренней Африки.

Изъ Рима послѣднія извѣстія подтверждаютъ слухъ о томъ, что итальянское правительство сдѣлало распоряженіе о новой отправкѣ войскъ въ Красное море. Такое подкрѣпленіе является даже неотложною необходимостью, такъ какъ высадившійся въ Массовѣ итальянскій отрядъ вынужденъ напрягать всю свою бдительность, чтобы не подвергнуться нападенію безпрестанно возрастающихъ скопищъ фанатическихъ мятежниковъ, грозящихъ задавить итальянскихъ пришельцевъ своею численностью.

По сообщенію изъ Калькутты, вице-король Индіи рѣшилъ выѣхать 24 февраля и встрѣтиться съ афганскимъ эмиромъ въ Раваль-Пинди. Его сопровождаютъ члены государственнаго совѣта и губернаторы сѣверо-западныхъ провинцій, въ томъ числѣ и Пенджаба. Извѣстія изъ Лагора сообщаютъ между тѣмъ тревожныя свѣдѣнія о настроеніи туземнаго населенія. Мѣст-

ныя власти узнали о существованіи заговора, имѣвшаго цѣлью взорвать на воздухъ желѣзнодорожные мосты въ Пенджабѣ, но, къ счастью, во время приняли мѣры къ предотвращенію этого покушенія, которое могло бы имѣть серьезныя послѣдствія.

Зима въ Канадѣ. Рис. 3. Карнавалъ на льду.

Смѣсь.

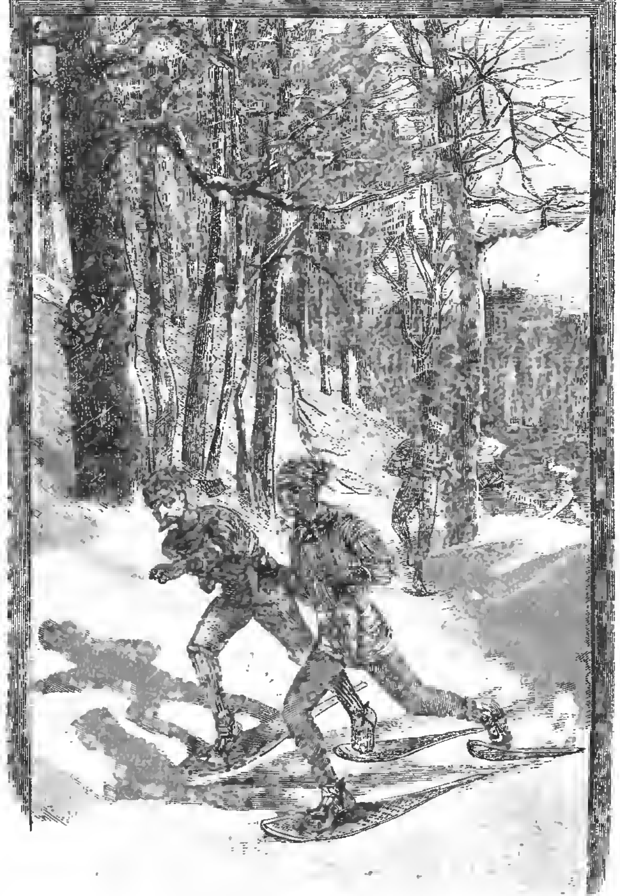
Во время сѣверной войны 1710 года, когда городъ Рига былъ осажденъ русскими войсками и принужденъ сдаться, великодушный и человѣколюбивый фельдмаршалъ Шереметевъ выхлопоталъ у Петра Великаго различныя льготы для горожанъ. Чтобы выразить ему свою признательность, жители Риги заказали два большихъ золотыхъ ключа, вѣсомъ въ три фунта, съ подобающею надписью, и поднесли ихъ своему побѣдителю, какъ ключи города Риги. Императоръ Петръ I разрѣшилъ фельдмаршалу принять этотъ подарокъ и оставить его въ родѣ Шереметевыхъ. Латинская надпись на каждомъ ключѣ въ русскомъ переводѣ: „Преданность города Риги, завоеваннаго Россійскимъ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, кавалеромъ Мальтійскимъ, св. Апостола Андрея и пр. 1710 г., $^{13}/_{24}$ іюля". Ключи эти и до нынѣ хранятся у графа Сергія Дмитріевича, какъ у старшаго въ родѣ графовъ Шереметевыхъ.

Новая пряжа. По Днѣпровскимъ плавнямъ въ изобиліи растетъ родъ бурьяна по мѣстному названію „кукотына" изъ которой, вымочивши, выходятъ прекрасныя, прочныя волокна, годныя для пряжи; изъ нихъ выходятъ нитки весьма прочныя и удобныя для веревокъ или мѣшечнаго полотна.

Любопытное изданіе. Эпитетъ этотъ вполнѣ примѣнимъ къ сочиненію Scones florae germanicae et helveticae simul terrarum adjacentium (Флора Германіи, Швейцаріи и прилегающихъ областей). Изданіе его начато въ 1833 г. покойнымъ надворнымъ совѣтникомъ Рейхенбахомъ въ Дрезденѣ. Сынъ его Густавъ сталъ продолжать изданіе съ 1853 г., но сомнительно, доведетъ ли онъ его до конца. Въ то время какъ авторы сочиненія находятся во второмъ поколѣніи, издатели его достигли уже третьяго. Настоящій собственникъ фирмы Амброзій Абель въ Лейпцигѣ, которому принадлежитъ изданіе, внукъ перваго издателя Фридриха Гофмейстера, передавшаго фирму своему зятю въ 1852 г.
До сихъ поръ появилось 22 большихъ латинскихъ тома этого сочиненія, содержащіе въ себѣ болѣе 3000 рисунковъ, раскрашенныхъ исключительно отъ руки. Раскрашиваніемъ этихъ 22-хъ томовъ уже 52 года заняты два семейства; одинъ изъ раскрашивателей умеръ недавно на 66 году жизни, работая съ 15-лѣтняго возраста до самой смерти для „Scones". Цѣна послѣдняго также замѣчательна; 22 тома стоятъ 1350 марокъ; послѣ выхода предположенныхъ еще трехъ томовъ, цѣна возвысится до 1700 марокъ. Самое замѣчательное при этомъ, это изданіе такого спеціальнаго, дорогаго и большаго сочиненія, въ продолженіи полувѣка, безъ всякаго пособія отъ правительства, академіи или научнаго общества, единственно собственными средствами фирмы издателя.

Средство отъ ожога. Докторъ Адальбертъ Вейсъ сообщаетъ слѣдующее: „25 декабря 1884 г., въ 9 часовъ утра я былъ позванъ къ профессору Ш., который предъ тѣмъ дѣлалъ вдыханіе помощью аппарата старой конструкціи. Аппаратъ вспыхнулъ и горячій паръ обжогъ глаза, лобъ, носъ, щеки и верхнюю губу профессора. Боль была такъ сильна, что я опасался наступленія общихъ конвульсій. Прежде всего я распорядился покрыть больныя мѣста пропитанной масломъ тряпочкой, поверхъ которой прикладывалъ ледяные компрессы. Затѣмъ я прописалъ смѣсь изъ Aqua calc. и oleum lini, а также двухпроцентнаго раствора Cocaïnum muriaticum. Пока приготовляли лекарство, я не переставалъ ежеминутно мѣнять компрессы, но боль не унималась. Но въ моментъ, когда вышеназванной смѣсью я, при помощи кисточки, смазалъ больныя мѣста, гдѣ частями уже образовались пузыри, невыносимая боль мгновенно утихла и не повторялась болѣе. Къ вечеру паціентъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо и обожженныя мѣста не представляли ничего опаснаго. Это поразительное дѣйствіе требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій и съ этою цѣлью я сообщаю о немъ".

Къ особенностямъ Мюнхенскаго Карнавала принадлежитъ устраиваемый уже нѣсколько лѣтъ артистическій балъ, на который доступъ мужчинамъ воспрещенъ. Балъ устраивается ученицами мѣстнаго артистическаго училища и бываетъ такимъ удачнымъ, что на немъ не замѣчается вовсе отсутствія мужчинъ, которыхъ замѣняютъ костюмированныя учени-



Зима въ Канадѣ. Рис. 6. Бѣгъ на лыжахъ индійца съ бѣлымъ.

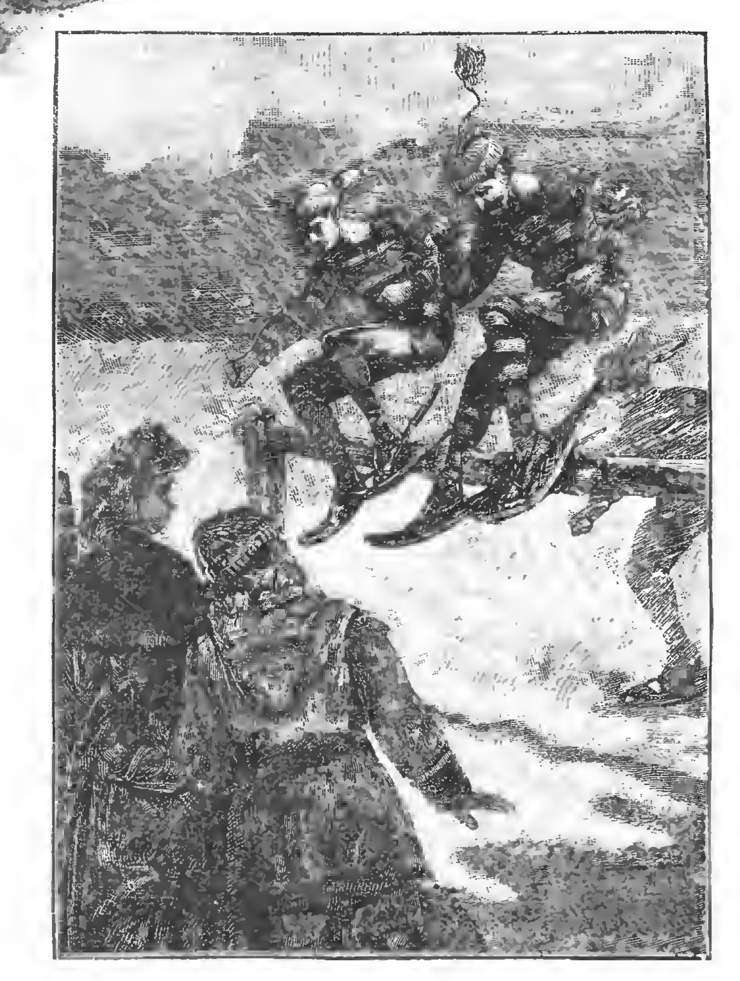
Зима въ Канадѣ. Рис. 4 На пути къ катальнымъ горамъ.

цы, изображая любезныхъ кавалеровъ, живописцевъ, студентовъ, лаццарони и щеголей въ маскахъ. Балъ этого года былъ данъ недавно: на немъ веселились до самаго утра.

Замѣчательный артезіанскій колодезь находится въ городкѣ Сельма (Алабама). Изъ него бьютъ двѣ струи воды, изъ которыхъ каждая отличается особымъ свойствомъ. Этого достигли закладкой въ десяти-центиметровой ширины трубу другой трубы въ 5 центиметровъ. Первая углубляется на 110 метровъ и даетъ воду довольно холодную, безъ всякой примѣси минеральныхъ частей. Болѣе узкая труба углубляется на 200 метровъ и даетъ воду довольно теплую, въ составъ которой входятъ желѣзо и сѣра.

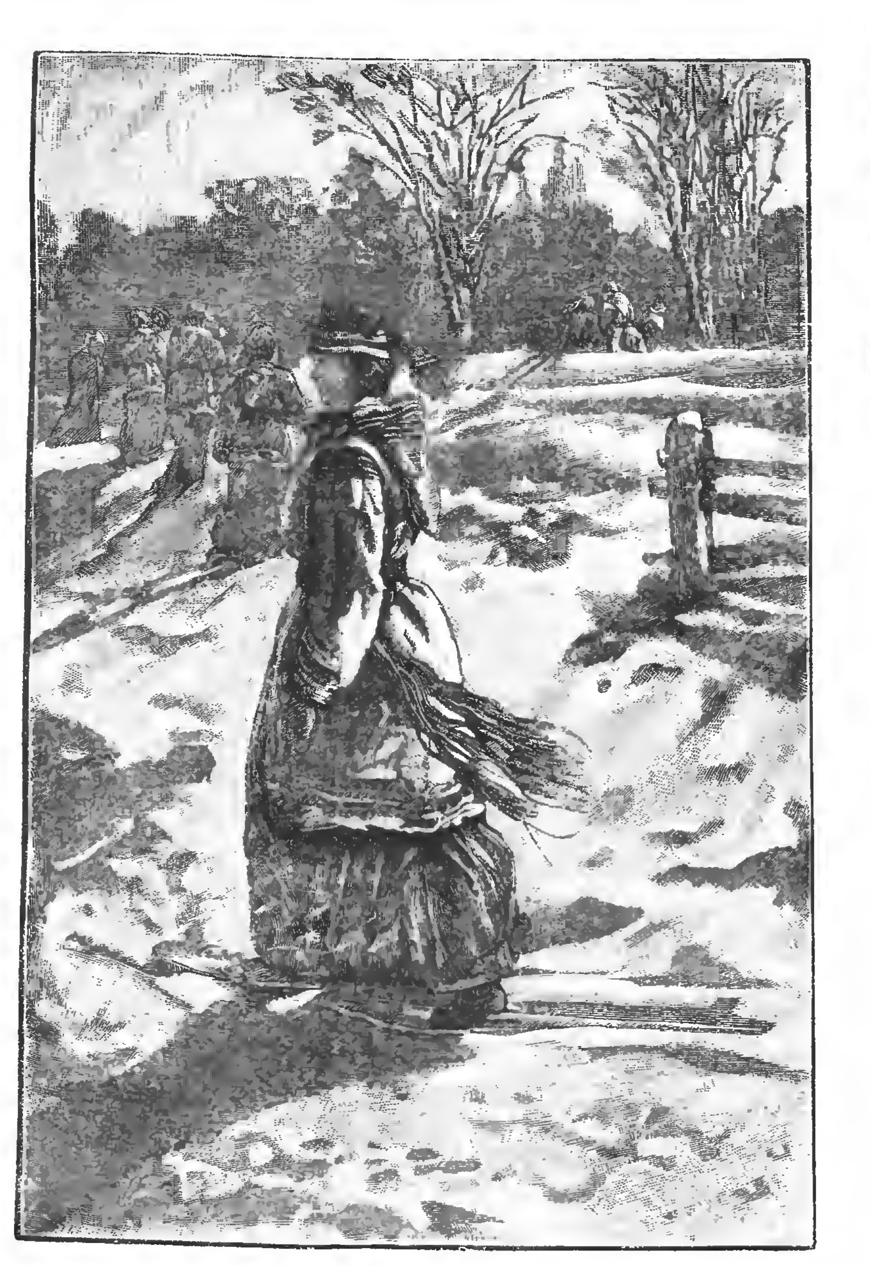
Самая высокая обсерваторія устраивается въ настоящее время въ Калифорніи на вершинѣ горы Хамильтонъ, почти въ 5 тысячъ метровъ высоты, около Санъ-Франциско. По проэкту основателя, обсерваторія эта будетъ имѣть самый лучшій изъ всѣхъ существующихъ въ настоящее время телескоповъ. Исполинскій инструментъ будетъ имѣть линзу въ три фута въ діаметрѣ. Телескопъ изготовляется Кларкомъ въ Кембриджпортѣ; стекло же отливалось въ Парижѣ. Бѣлый англійскій хрусталь линзы вѣситъ 170 килограмовъ; отливка ея продолжалась три дня, охлажденіе—30 дней.

Искусственное окрашиваніе цвѣтовъ. Способъ придавать цвѣтамъ различную окраску помощью смѣшиванія земли съ красящими веществами былъ извѣстенъ уже давно, но только въ последнее время стало возможнымъ окрашивать срѣзанные цвѣты въ любой цвѣтъ, причемъ они нисколько не теряютъ свой ароматъ. Для этого достаточно опустить стебли въ слабый растворъ же-

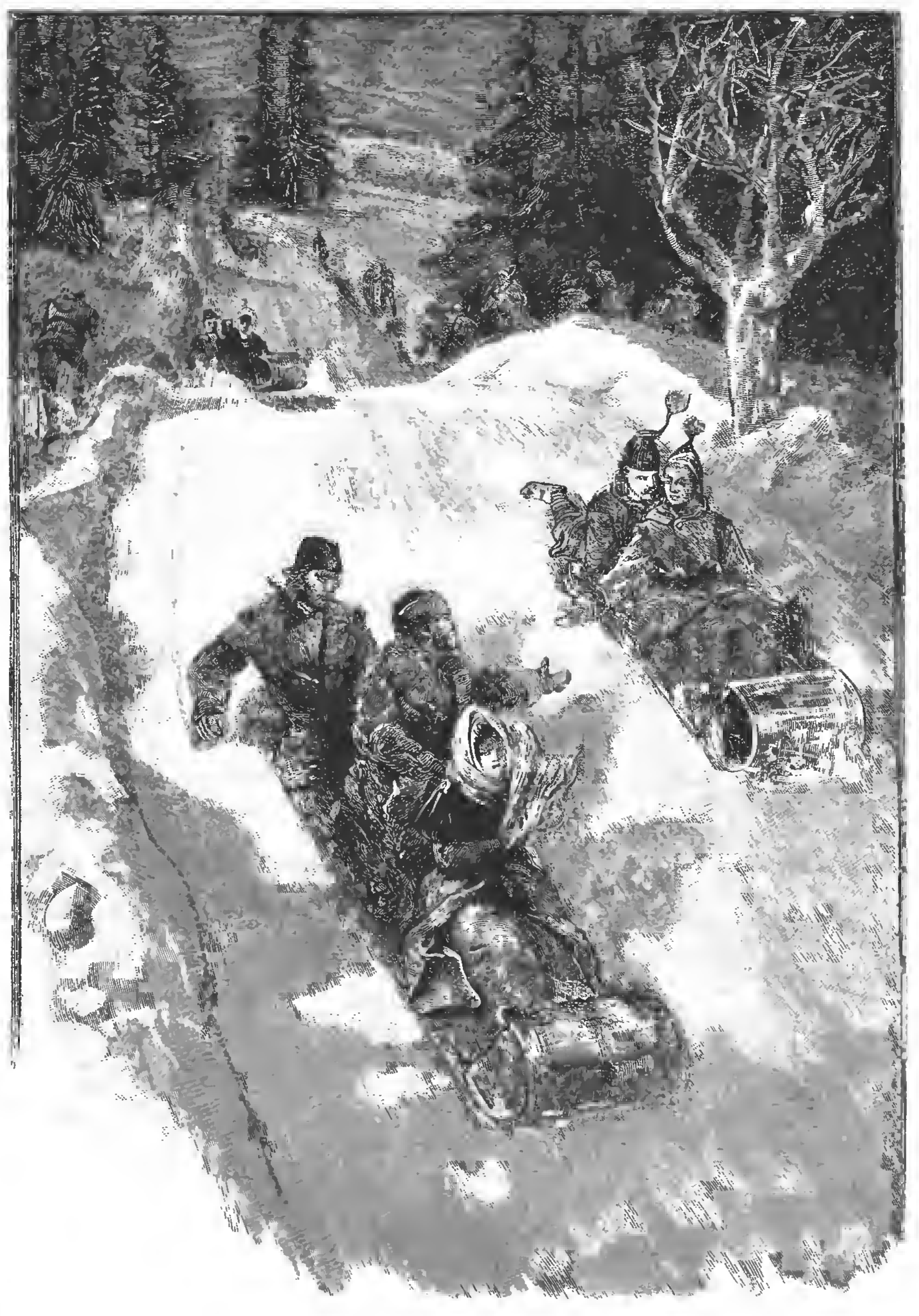


Зима въ Канадѣ. Рис 7. Бѣгъ на лыжахъ съ препятствіями.

Зима въ Канадѣ. Рис. 9. Ужинъ въ клубной гостинницѣ.



Зима въ Канадѣ Рис. Женщины—члены клуба св. Георгія.



Зима въ Канадѣ. Рис. 5. Катанье съ горъ.

лаемой краски. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что способность цвѣтовъ поглощать краску далеко не одинакова. Такъ, нѣкоторые цвѣты совсѣмъ не поглощаютъ ту или другую краску, а другіе разлагаютъ краски на составныя части. Если мы опустимъ напр. лилію въ растворъ пурпурной краски, то на цвѣткѣ ясно обозначатся красные и синіе прожилки.

Освѣщеніе фарватера океана. Какъ ни труденъ этотъ проэктъ, между тѣмъ американскіе техники заняты въ настоящее время разработкой его. Между Ньюфаундлендскими косами и ирландскимъ берегомъ предполагаютъ установить 10 кораблей-маяковъ, каждый на разстояніи 200 морскихъ миль, такимъ образомъ, чтобы они могли ясно свѣтить во всякую непогоду. Корабли-маяки будутъ соединены при помощи электричества съ однимъ изъ трансатлантическихъ кабелей. Пароходы, ходящіе по океану, должны будутъ имѣть корабли-маяки съ лѣвой стороны корабля; последніе будутъ снабжены нумерами и будутъ отличаться разноцвѣтными огнями. Такимъ образомъ, не только пароходы, но, какъ предполагаютъ, и парусные корабли, будутъ въ состояніи провѣрять свой путь, какъ только завидятъ одинъ изъ кораблей-маяковъ, точное положеніе, длина и ширина которыхъ будетъ подробно обозначена на морскихъ картахъ. Далѣе будетъ возможность подавать скоро на материкъ извѣстіе о постигшемъ корабль несчастіи, о прохожденіи ледяныхъ горъ и движеніи бурь. Предпринятые недавно профессоромъ Беллемъ опыты относительно возможности установленія между двумя кораблями телефоннаго сообщенія безъ прямаго проводника, дали новый толчекъ проэкту освѣщенія фарватера океана. Опыты производились надъ двумя судами, отстоящими на разстояніи 1¼ морской мили, и были успѣшны; однако сомнительно, удастся ли установить сообщеніе между кораблями, отстоящими на 200 морскихъ миль. Но наибольшая трудность заключается въ установкѣ кораблей-маяковъ на якоряхъ. Безъ сомнѣнія, корабли-маяки могутъ крѣпко стоять на якоряхъ на значительной глубинѣ и въ бурю, но еще никогда не дѣлалось опытовъ на такой глубинѣ, какая существуетъ между мысомъ Клеръ и Ньюфаундлендомъ. Мѣсто, по которому проходитъ кабель, составляетъ площадь въ 400 морскихъ миль ширины, на которой вода доходитъ отъ 10000 до 12000 футовъ глубины. Но въ Америкѣ считаютъ вполнѣ возможнымъ укрѣпить на этой глубинѣ корабли. Осуществится ли этотъ проэктъ—покажетъ время

Мейнингенская труппа. Петербургъ получилъ постомъ неожиданное удовольствіе, и весьма благородное и весьма поучительное въ то же время. Это превосходная Мейнингенская труппа, пріѣхавшая сюда со своими декораціями, классическимъ репертуаромъ и цѣлымъ составомъ артистовъ даже на самыя, повидимому, незначительныя роли. Такъ какъ труппа эта на Страстной недѣлѣ ѣдетъ въ Москву, то мы спѣшимъ сказать хотя нѣсколько словъ, сколько дозволяетъ мѣсто, объ этомъ замѣчательномъ художественномъ явленіи, которое разумѣется стоило бы гораздо большаго и серьезнѣйшаго сообщенія.

Когда мейнингенцы пріѣхали, то большинство нашей публики не могло даже себѣ представить съ чѣмъ она имѣетъ дѣло. Сомнѣвались, чтобы труппа, не имѣющая, кромѣ Барная, извѣстныхъ именъ, могла бы имѣть здѣсь какой нибудь серьезный успѣхъ. Удивлялись риску привезти съ собой 24 вагона декорацій и вещей, словно у насъ нѣтъ хорошихъ декорацій.

Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ дѣйствительно оказалось нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго и достойное самаго серьезнаго вниманія. Художественныя декораціи, превосходные и изящные костюмы, масса повидимому мелкихъ, но глубоко обдуманныхъ и внимательно выбранныхъ и расположенныхъ аксесуаровъ, замѣчательное освѣщеніе и въ общемъ до мелочей исторически выдержанная постановка, отчетливое знаніе ролей, умѣніе держать себя на сценѣ, неустанный, терпѣливый трудъ, вниманіе къ ролямъ, въ чемъ выражается уваженіе къ автору и публикѣ — вотъ тѣ достоинства, которыя въ совокупности составили нѣчто замѣчательное. Но одинъ упорный трудъ разумѣется бы ничего не сдѣлалъ безъ таланта, души, которая явно, видимо проникаетъ всю постановку, глубокой любви къ дѣлу и высокаго художественнаго вкуса и чувства, которые руководили всѣмъ этимъ. Первой пьесой, поставленной мейнингенцами, былъ „Юлій Цезарь“ Шекспира, и она сразу поразила публику: постановка до такой степени была блестяща, такъ поражала выдержкою во всемъ и на столько превосходила видимое нами до сего времени, что и публика, и печать единогласно признали ее удивительной. Затѣмъ блестяще поддержала это мнѣніе постановка знаменитой трилогіи Шиллера „Валленштейнъ“, гдѣ распоряженіе народными массами было положительно невиданное въ „Лагерѣ“ и „Пирѣ“, производящемъ поражающее впечатлѣніе. Барнай, игравшій Валленштейна, превосходно выдержалъ роль. Каждая комната, каждая зала сдѣлана соотвѣтственно и художественно, мелкія вещи, мебель, гримировка историческихъ лицъ по современнымъ портретамъ — все это было ново и поразительно. Постановка пьесъ Шекспира „Какъ угодно“ и „Зимняя сказка“ также хороша, какъ и предъидущей, и ихъ превосходитъ еще, если возможно, постановка одного изъ лучшихъ созданій Шиллера, „Вильгельма Теля“. Съ такимъ же глубокимъ изученіемъ поставленъ и Мольеръ; съ такимъ же умѣньемъ распоряжаться средствами сцены поставлена эффектная и мрачная драма Грильпарцера „Прабабка“ и прекрасная пьеса „Лидія“. Все выдержано и изучено вполнѣ.

Не можемъ здѣсь не отмѣтить, что публика наша съумѣла оцѣнить и съ полнымъ уваженіемъ отнеслась къ этому явленію. Театръ былъ всегда полонъ.

Алгебраическая задача № 12.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если буквы эти замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ буквъ въ русской азбукѣ, то между числами получатся слѣдующія соотношенія:

1) Разность между десятымъ и шестнадцатымъ числами равна суммѣ девятаго и втораго чиселъ.

2) Отношеніе пятнадцатаго числа къ пятому равно отношенію 3:1.

3) Разность между восьмымъ и двѣнадцатымъ числами равна разности между пятымъ и вторымъ числами.

4) Отношеніе шестаго числа къ пятому равно отношенію шестнадцатаго числа къ 4.

5) Разность между шестымъ и шестнадцатымъ числами равна четырнадцатому числу.

6) Седьмое число относится къ четырнадцатому, какъ 4:1.

7) Разность между пятнадцатымъ и четырнадцатымъ числами равна $\sqrt[3]{1728}$.

8) Сумма третьяго и десятаго чиселъ равна суммѣ чиселъ одиннадцатаго и тринадцатаго.

9) Удвоенное пятое число равно разности между третьимъ и шестымъ числами.

10) Разность между одиннадцатымъ и четвертымъ числами равна половинѣ седьмаго числа.

11) Разность между шестымъ и девятымъ числами равна разности между первымъ и вторымъ числами.

12) Сумма пятнадцатаго и пятаго чиселъ на 2 меньше разности двѣнадцатаго и одиннадцатаго чиселъ.

13) Первое число относится къ одиннадцатому, какъ 2:1.

14) Сумма втораго и двѣнадцатаго чиселъ равна разности восьмаго и четырнадцатаго чиселъ.

15) Разность между семнадцатымъ и четырнадцатымъ числами равна $\sqrt[3]{27{,}000}$.

16) Сумма перваго и четвертаго чиселъ равна суммѣ седьмаго и четырнадцатаго чиселъ.

17) Разность между послѣднимъ и первымъ числами равна суммѣ седьмаго и одиннадцатаго чиселъ.

Рѣшеніе ребуса № 5, помѣщеннаго въ № 5 „Нивы“ 1885 г.

„Услужливый-то дуракъ опаснѣе врага“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **СПБ.** — Голицинскаго, Головня, Токарскаго, Жукова; **Москва** — Безналова, Васильева, Федченко, Бояринова, Сумбулъ, Еремина, Р....нова, Константиновской, Корацкаго; **Бабино** — Лавровой; **Березны** — Бурый; **Б. Коровино** — В. К. Терскаго; **Вильно** — Тельшевскаго, Холопова; **Калуга** — Соколова; **Кишиневъ** — Долинской, Яржембскаго; **Кіевъ** — Шилохвастова, К. З., Бѣляева, Чернецкаго; **Козловъ** — Тарабарина; **Курскъ** — Мазуръ; **Лебединъ** — Кондратченко; **Лебедянь** — Чурилина; **Липецкъ** — Чихачева; **Николаевъ** — Языкова; **Путивль** — Вознесенскаго; **Рогачево** — Позняковой; **Ростовъ на Д.** — Эрбергъ; **Рыбинскъ** — Переславцева; **Самара** — Бабушкина; **Севастополь** — Дремджи, Фишеръ; **Суздаль** — Мишина; **Тверь** — Копаева; **Харьковъ** — Катериничъ, Свитальскаго; **Царское Село** — Головань, Казанскаго.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

Торговый домъ признанъ достойнымъ своего названія за высокое качество и дѣйствительно дешевую цѣну всѣхъ товаровъ.

Большіе магазины „ЛУВРЪ“

НАИБОЛЬШІЕ ВО ВСЕЙ РОССІИ.

С.-Петербургъ, 63, Мойка, домъ Кононова, 63, С.-Петербургъ.

Система продавать лучшій товаръ съ наименьшимъ барышомъ безусловно соблюдается въ Большихъ магазинахъ „ЛУВРЪ“.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЯ ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Торговый домъ „ЛУВРЪ“ получилъ модели всѣхъ послѣднихъ новостей для весенняго сезона, какъ-то: конфексіоны, костюмы, капоты, матинэ, ватерпруфы, мантильи, также большое количество тканей: шелковыхъ и шерстяныхъ, кружевъ, бѣлья для приданаго, шляпъ, чепчиковъ, цвѣтовъ, перьевъ.

ОТДѢЛЪ костюмовъ и конфексіонъ представляетъ несравненный выборъ новѣйшихъ моделей по цѣнамъ, недопускающимъ никакой конкуренціи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ,

имѣющій всѣ принадлежности дамскаго туалета послѣдней моды.

БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ШЛЯПЪ. ОТПРАВКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ. № 3963

ВНОВЬ ОТКРЫТЫЙ

ЧАСТНЫЙ ПРІЮТЪ

Принимаются: беременныя, роженицы, и также грудныя и малолѣтнія дѣти на воспитаніе за умѣренныя цѣны. С.-Петерб. Каменностровскій просп., д. № 52. № 3960

Съ Высочайшаго разрѣшенія отпечатанъ

ДНЕВНИКЪ ПРЕБЫВАНІЯ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

въ Дунайской арміи въ 1877 году,

Составленный Л. Чичаговымъ.

Цѣна 2 р. безъ пересылки; главный складъ: С.-Петербургъ, Надеждинская 19, кв. 26. № 3961

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!

Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ!

Предлагаетъ депо Василія Аурихъ, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница въ С.-Петербургѣ. № 3812

МУЖСКІЯ въ 2, 3, 3½ и 4½ руб. Двойныя въ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
пересылка—50 коп.
Торговцамъ скидка!

За 20 рублей.

1. Амер. приборъ для уженія рыбы: удочки, искусств. рыбки, насѣком. и пр. 2. Амер. аппаратъ для ловли птицъ. 3. Микроскопъ, увел. въ 1500 разъ. 4. Бронз. солн. часы съ компас., 5. Самоуч. рисов. (почат. рукон. и бол. ящикъ крас.). 6. Камеръ-обскура для снятія видовъ.

За 10 рублей.

1. Американскіе вѣсы, металлич., новой конструкц., необход. въ хозяйствѣ.

2. Американскій фильтръ для очищ. воды, из[бавл.] отъ многихъ болѣзней. Отд. вещь.

3. А[мериканская] металл. мельница. Адресовать въ Москву, въ контору „Сельской Библіотеки“ № 3970

Съ [разрѣ]шенія Врачебнаго Управленія [не] содерж. въ сост. своемъ вредн. здор. веществъ

„МОЗОЛИНЪ“

провизора Пинесъ и К°.

Превосходное средство противъ мозолей 1 коробка 35 коп.

Съ пересылкой 2 кор. 1 р. 20 к., 4 кор. 2 р., 6 кор. 2 р. 50 к.

Главный складъ для Россіи Л. Власовъ СПБ. Петерб. Сторона, Большой пр. № 27.

„Мозолинъ“ только провизора И. Пинесъ и К°. № 3831 10—9

Р. № 3956

ИКОНЫ
СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, приложеннымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микѣшинымъ на деревянныхъ доскахъ, въ размѣрѣ 6½×10 квадратныхъ дюймовъ.

Желающіе могутъ пріобрѣтать иконы св. Кирилла и Меѳодія нынѣ же **по одному рублю**. За **укупорку** св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по почтѣ слѣдуетъ высылать по разсчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за пересылку **одной** иконы—за **два** фунта, **двухъ** иконъ—за **три** фунта, **трехъ** иконъ—за **четыре** фунта и т. д.

Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меѳодія благоволятъ обращаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почтѣ, по слѣдующему адресу: *Академику Михаилу Осиповичу Микѣшину*, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, на площади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти пріобрѣтаются изъ склада безъ укупорки. № 3926 4—3

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С. Петербургская Химическая Ла[бораторія]“

ЯИЦА ИЗЪ М[ЫЛА]

прозрачныя и непрозрачныя.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ №32. Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ. №66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ. №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ: Измайловскій проспектъ. 21.

Pt. 3965 2—1

ВНИМАНІЮ ПУБЛИКИ

Лестные отзывы о вновь вышедшей книгѣ съ роскошн. портрет. артистки В. В. ЗОРИНОЙ

„Альбомъ золотыхъ мотивовъ“,

содержащ. въ себѣ болѣе 300 лучш. новѣйш. русск. и цыганск. романсовъ, цыганск., венгерск. и народн. пѣсенъ, оперъ, оперетгъ, вальсовъ, серенадъ, баркароллъ, комич. куплетовъ, сатирич. и юмористич. стихотвореній, разсказовъ и проч., исполн. всѣми извѣстными артистами на столичн. и загородн. сценахъ. Продается во всѣхъ книжн. магаз. **Цѣна 1 р. 50 к.** съ пересылкою. Складъ: СПБ муз. магаз. А. Габлера, Мал. Конюшенная ул., д. № 10. № 3962

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 8947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—2

СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Прейсъ-куранты по востреб.

№ 3453

---

28 и 29 МАРТА 1885 года будетъ розыграна

ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННАЯ

XXXIV ЛОТЕРЕЯ

Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ.

Выигрышей 500 на сумму 25000 руб.

Первый выигрышъ брил. серебр. вещами 10000 руб.

№ 3839 10—8

Цѣна билета 1 р.

Билеты продаются въ Московскихъ дѣтскихъ пріютахъ, во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ и Канцеляріи Совѣта—Москва, Собачья площадь, д. Карепина.

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, Генриху Блокнъ Невскій 51. № 3907 4—4

ПАРКЕТЪ

дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба и сосны для ж. д.

Письменно обращаться на Контарскіе паровые, лѣсопильный и столярно-паркетный, заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: „Контарскіе заводы“.

Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной.

Охотникамъ и Рыболовамъ

желающимъ за весьма умѣренную цѣну пріобрѣсти высокаго качества **англійскія ружья и рыболовныя снасти**, предлагаю свое содѣйствіе. Переписку совѣтую вести заказною, на отвѣтъ прилагать марки. Адресъ: Барону **Павлу Гавріиловичу Черкасову, Сердобскъ, Саратовской губ.** № 3959

ПРОДАЖА и ПРОКАТЪ!

Хорошія заграничныя піанино по дешевымъ цѣнамъ. Облегченные платежи взносами по 40 руб. и 25 руб. Р. № 3975

АЛЕКСАНДРЪ ВИЛЬКЕНЪ.

Вас. Островъ, 5 линія, № 2.

ИМѢНІЕ

жел. куп. небольш., устр., съ лѣс., усад. на рѣкѣ или озерѣ, за наличн. деньги, безъ коммис. Пред. адр. письм.: Забалк. просп. № 10, кв. 3. № 3953 3—2

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—5

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кален. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ФИСГАРМОНІИ

изъ лучшихъ парижскихъ фабрикъ, по фабричнымъ цѣнамъ.

4 окт.	1 игра,		дубоваго дерева	90 р.
4 „	1 „		палисандр. дер.	100 „
5 „	1 „	1 рег.	дуб. дер.	120 „
5 „	1 „	1 „	палис. дер.	130 „
5 „	1 „	3 „	дуб. дер.	140 „
5 „	1 „	3 „	палис. дер.	150 „
5 „	1½ „	7 „	„ „	175 „
5 „	2½ „	11 „	„ „	250 „
5 „	4½ „	18 „	„ „	400 „

Школы для фисгармоніи по 1 р. 20 к. и 4 р.

Гармонифлюты

въ 45 р., 60 р., 75 р., 90 р. и 140 р.

Складныя желѣзныя подставки для гармонифлютъ 10 р.

Школы для гармонифлютъ по 75 к и 1 р.

Гармонифлютъ съ органомъ

съ однимъ валомъ, играющимъ 6 пьесъ, 250 р., отдѣльные валы по 30 р. и

Фисгармоніи съ органомъ

съ однимъ валомъ, играющимъ 7 пьесъ 300 р., отдѣльные валы по 35 р

АМЕРИКАНСКІЯ ФИСГАРМОНІИ

превосходнаго тона и особенно удобны для духовной музыки и для пѣнія, роскошной и солидной работы, въ 225 р., 300 р., 400 р., 500 р., 600 р., 700 р., 900 р.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ

малые ручные по 1 р. 50 к., 1 р. 75 к., 2 р., 3 р. 50 к., 7 р.

Малые заводные, играющіе 2 пьесы 5 руб.

Малые заводн. игр. 4 пьесы 9 и 10 р.

Малые заводн. игр. 6 пьесъ 14 и 16 р.

Больш. заводные играющіе

4 пьесы по 20 р., 25 р., 30 р.

6 пьесъ по 28 р., 35 р., 40 р.

8 пьесъ по 40 р., 50 р., 55 р.

12 пьесъ по 60 р.

8 пьесъ съ цитрою 60 р., 65 р., 75 р., и дороже до 150 р.

12 пьесъ съ цитрою 75 р., 90 р.

6 пьесъ съ видными барабаномъ и колокольчиками 100 р.

8 пьесъ съ видными барабаномъ и колокольчиками 135 р.

8 пьесъ съ видными барабаномъ, колокольчиками и цитрою 150 р.

12 пьесъ съ видными барабаномъ, колокольчиками и цитрою 200 и 225 р.

Піанино съ валами,

на которомъ можно играть какъ обыкновенно на клавіатурѣ или посредствомъ ручки.

Цѣна съ 2 валами, играющими 16 пьесъ, 800 руб.

КОНЦЕРТИНО

нѣмецкія по 3 р., 5 р., 6 р., 8 р, 10 р., 15 р., 20 р. Самоучитель 75 к. 8 тетради нотъ по 1 р.

Англійскія концертино

по 28 р., 35 р., 45 р., 55 р., 70 р., 100 р., 125 р., 140 р., 200 р. Самоучитель 3 р. Ноты по 60 к., 1 р. 20 к. тетрадь.

Бандоніоны

по 25 р., 35 р., 40 р., 50 р. Самоучитель 1 р. Разн. ноты.

ГАРМОНІИ.

Самый легкій инструментъ для игры. На ней можно въ скоромъ времени по слуху или по самоучителямъ играть танцы, мелодіи, пѣсни.

Въ 1 рядъ клапановъ 2¾ р., 3½ р. 4½ р., 5½ р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 15 р., 20 р., 24 руб.

2 ряда клапановъ 9 р., 14 р., 15 р., 16 р., 20 р., 24 р., 30 р.

Въ 3 ряда клапановъ 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р.

Самоучитель Соколова 1 р.

6 тетрадей нотъ съ танцами, операми, романсами по 75 к.

И всѣ другіе инструменты рекомендуетъ въ громадномъ выборѣ, по весьма умѣреннымъ цѣнамъ

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Заказы исполняются немедленно и аккуратно.
За пересылку прошу прилагать приблизительно.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно.
Р. № 3973

☛ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ. ☚

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ИЗДАНІЕ:

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 400 иллюстраціями въ текстѣ—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 рубл., съ перес. 7 р.; въ каленк. переплетѣ съ золот. тисн. 7 рубл., съ перес. 8 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „НИВА", СПБ. Большая Морская, № 9; въ отдѣленіе конторы „НИВА" Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торговыхъ линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

☛ **ИСКУССТВЕННЫЕ ЗУБЫ.** ☚

Пломбированіе. Операціи.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

Р. А. БАРСЪ.

Москва, Газетный пер., д. Фульда.

3885

☛ Леченіе болѣзней зубовъ. ☚

АРГОЗІЙ-ПОДТЯЖКИ

съ пересылкою **2 р. 25 к.**
Оптовая и розничная продажа.
Складъ резиновъ. товаровъ

Конст. МАЛЬМЪ,

Большая Морская № 36.

По Воскресеньямъ закрытъ.

№ 3922 5—4

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ МУЗЫКИ!!

ПРЕКРАСНАЯ НОВОСТЬ!!

„КОНЦЕРЦІОНЪ".

Большая красивая гармонія съ особенно изящнымъ тономъ, на которой всякій не умѣющій и не зная ноты, можетъ играть всевозможныя пьесы изъ оперъ и оперетокъ, танцы, пѣсни и пр.

Цѣна „Концерціонъ" съ двумя валиками (играющіе 8 пьесъ) Р. с. 30. На пересылку прил. за 15 ф.—Отдѣльн. валики (игр. 4 пьесы) по 3 руб.

Главное депо въ конторѣ новѣйш. практическихъ изобрѣтеній — А. Граге. С.-Петербургъ, Б. Морская, Кирпичный пер. д. Воронина № 2/5. № 3976

Здѣсь же ... ручныхъ ...ащихъ аппа... ...-Викторія". Интересное ... меньше ... дамъ. Иллюстр. ... безплатно.

!!НОВО!! ПРАКТИЧНО!!

Для дѣтей и взрослыхъ: [redacted] 1) Ножныя машины для выпиливанія ажур. раб. деревв, цинка, и пр. Цѣна 3 р. 50 к., пересылка за 10 фунт. [redacted] 2) Машина для дѣланія рамъ изъ багета. Ц. 8 р., перес. за 6 ф. [redacted] 3) Амер. переплетчикъ съ 500 скоб., служитъ также д. скрѣпл. рамъ и пр. Ц. 1 р. [redacted] 4) Оптическій аппаратъ, которымъ можно весьма скоро выучиться рисовать. Ц. 1 р. 50 к. [redacted] 5) Камеры-обскуры д. рисованія съ натуры, 2 и 6 р. [redacted] 6) Самомножитель со стрѣлкою, 40 к. [redacted] 7) Модели костюм. всѣхъ народовъ, 40 к. [redacted] 8) Отгадываніе мыслей, 50 к. [redacted] 9) Замѣчательные фокусы и шутки: Маг. портмонэ. Маг. портфель. Чудо веркало и пр. за 10 фок. 2 р., за 20 фок. 3 р. 75 к., за 40 фок. 7 руб. [redacted] 10) Шаблоны д. рисованія 60 к. [redacted] Птицеловъ. Ц. 2 р. [redacted] Рыболовство. Приборъ и руководство 3 р. 50 к. [redacted] Гимнастика. Ц. 2 р. ☛ 11) Брызгалки-насосы для цвѣтовъ. Ц. 1 р. [redacted] 12) Фонари карман., никелев. со спич. 1 р. [redacted] 13) Склеиваніе стекла, фарфора и пр. 20 и 40 к. [redacted] 14) Серебреніе, прочн., настоящее 75 коп. [redacted] 15) Дальнозоры, карман., вполнѣ замѣняютъ больш. подзорн. трубы. Ц. 1 и 3 р. [redacted] 16) Замазка д. починки резинов. галошъ Ц. 50 к. Для поч. кож. обуви. Ц. 1 р. [redacted] 17) Фильтры д. очищ. воды 2 р. [redacted] 18) Самосвѣт. краска 1 р. [redacted] 19) Сам. спичечницы и пр. отъ 50 к. [redacted] 20) Буквы, монограмы и краски д. мѣтки бѣлья по 40 к.

☛ Всѣ цѣны съ пересылкою куда угодно (кромѣ № 1 и 2). [redacted] Съ № 11 по 20-го высылаю не менѣе чѣмъ на 2 р. [redacted] Оптомъ уступка. [redacted] Мелкія деньги можно высл. 7 коп. марк. [redacted] Всѣ товары, опубликованные мною съ 1872 г. и др. фирмами, высылаю по возможности немедленно. ☛ Адр. Выставка новыхъ изобрѣтеній. Г. Зегимель, Невскій пр. 4. СПБ. № 3964 1—1

150 русскихъ народныхъ пѣсенъ въ 13 изданіяхъ

для слѣдующихъ инструментовъ:

Для фортепіано, цѣна 1 руб. 50 к. Гармоніума 1 р. 50 к. Скрипки, віолончели, флейты, кларнета, корнетъ-а-пистонъ, гармонифлейты, гармоніи

по 1 рублю

для гитары 1 р. 50 к., для скрипки съ фортепіано 2 р. 50 к., для віолончели съ фортепіано 2 р. 50 к., для цитры 1 р. 50 к.

Москва, у П. Юргенсона.

НЕГЛИННЫЙ ПР. 10.

С.-Петербургъ, у І. Юргенсона Б. Морская 9. П. № 3958 1—1

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

на 1885 годъ.

Изданіе М. И. Румша, съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, и многими необходимыми свѣдѣніями.

Карманное изданіе, на почтовой бумагѣ, въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ.

Цѣна 1 руб.

Выписывающіе прямо изъ типографіи М. И. Румша (С.-Петербургъ, Невскій, 75—2) за пересылку не платятъ. № 3969

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ въ Москвѣ,

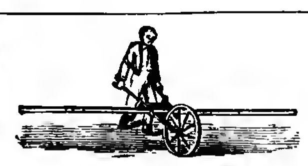
у Москворѣцкаго моста, собственный домъ, удостоенный высочайшей благодарности, двухъ привилегій и многихъ наградъ на всероссійскихъ и иностранныхъ выставкахъ, въ томъ числѣ новой, высшей награды на Одесской выставкѣ 1884 года: почетный дипломъ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ,

имѣетъ честь увѣдомить, что его приготовленія ягодныя и фруктовыя воды,

„Русское Шампанское ИМПЕРАТОРСКОЕ" и „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ",

находятся въ продажѣ во всѣхъ городахъ Европейской Россіи, большей части городовъ Сибири, Закавказья, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и нашихъ новыхъ владѣній въ Азіи, и что кромѣ того въ непродолжительномъ времени поступятъ въ продажу еще новые четыре сорта Русскаго шампанскаго „ИМПЕРАТОРСКАГО": 1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» à la Cliquot). 2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery). 3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix à la Roederer). 4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot). № 3946 5—2



ВСЯКАГО РОДА

СѢЯЛКИ, ПЛУГИ, БОРОНЫ, КАТКИ

и пр. земледѣльч. орудія предлагаетъ въ богатѣйш. выборѣ № 3966 4—1

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
Иллюстриров. каталоги по востребованію.

6 разъ удостоенныя первыхъ наградъ

СКРИПКИ

самыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. Альты, віолончели и басы. Смычки 1½—50 м. Футляры 3½—40 м. Цитры 16—200 м. Гитары 6—50 м. Всѣ духовые инструменты. Превосходныя струны Патентованная нѣмая скрипка для упражненій (собственнаго изобрѣтенія). Мастерская для починокъ. Рекомендаціи отъ Вильгельми, Сарасате, Зингеръ, Сорз, Контскаго, Дэнгремона и пр. Ручательство. П однвцамъ скидка. Прейсъ-курантъ безплатно и франко.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,

фабрика инструментовъ
въ Крейцнахѣ. (Пруссія). Р. № 3721 6—5

ИЩУТЪ

въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. Р. № 3328

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной),

предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ пр... ...щаго тиража погашенія ...

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція ... по почтѣ на счетъ контор... всякой доплаты.

Продажа 5% БИЛЕТОВЪ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочною платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

Только что вышла изъ столичной печати книга (бол. фор. 370 стр.).

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ

Ф. А. Арсеньева.

Изданіе 2-ое, пополненное восемью новыми разсказами.

Цѣна 2 р. 50 к.

Книга продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ у книгопродавцв Карбасникова, у автора въ г. Устьсысольскѣ и въ складѣ изданія въ г. Вологдѣ у Николая Николаевича Манщеева. № 3948 3—2

Выписывающіе изъ склада — за пересылку ничего не платятъ и вмѣсто денегъ могутъ присылать почтовыя марки.

Дозволено цензурою. СПБ. 13 марта 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — годъ XVI

№ 12 — 1885

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 Марта 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Передъ Пасхой. Потревоженное гнѣздо. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Флюгель.

Потревоженное гнѣздо.

Художнику пришла идея изобразить фантастическую, чрезвычайно милую, прелестную сценку, которую можно отнести къ разряду тѣхъ воздушныхъ, нѣжныхъ и граціозныхъ фантастическихъ образовъ, къ которымъ принадлежитъ напр. дивная „Королева Мабъ" Шекспира и у насъ „Кузнечикъ-музыкантъ" Полонскаго. Передъ пасхальною полночью малютка—духъ цвѣтовъ и зари, залетаетъ въ гнѣздышко крохотной птички и на яичкахъ выписываетъ „Христосъ Воскресе!" Прелестно изображено отчаяніе птички, не знающей что такое дѣлаютъ въ ея гнѣздѣ и прыгающей и топорщащейся въ страшной тревогѣ, что ея гнѣздышко такъ потревожили. А маленькій духъ такъ прилежно и благоговѣйно занятъ своимъ дѣломъ.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

III.

Первый дебютъ.

Раевская была уже въ костюмѣ... Голова кружилась—она не знала какъ проведетъ первую сцену... Сюда въ уборную къ ней не достигалъ говоръ публики, но когда она вышла на лѣстницу, которая вела прямо къ кулисамъ,—тамъ впереди, за занавѣсомъ уже стоялъ шумъ безчисленныхъ голосовъ... Ей казалось, что это вихрь, что она не совладаетъ съ нимъ, что онъ сейчасъ подхватитъ и унесетъ ее куда то далеко, далеко... Чѣмъ ближе — тѣмъ страшнѣе было ей. Она остановилась на половинѣ лѣстницы. Въ первый разъ передъ ея пораженнымъ взглядомъ открылся этотъ міръ. Сверху съ глухимъ шелестомъ развертывались и падали пыльныя дырявыя кулисы... такія красивыя издали, такія отвратительныя и грязныя вблизи... Затхлый воздухъ амбара перехватывалъ дыханіе... Въ полумракѣ виднѣлись какія то балки, веревки. Двигались силуэты людей, переносившихъ декорацін, торчали сѣрые пожарные, на мѣдныхъ каскахъ которыхъ едва-едва мерцало скудное освѣщеніе нѣсколькихъ газовыхъ рожковъ. Точно штора вѣтромъ, надувалась холщевая стѣна, изображавшая залу мемфисскаго дворца... Въ шорохѣ кулисъ, скрипѣ веревокъ—тонули голоса плотниковъ и только звонкая энергическая брань длиннаго, худаго режиссера носилась съ конца въ конецъ этого сарая... „Нельзя иначе, матушка", уронилъ онъ, увидѣвъ Раевскую, какъ будто извиняясь, и тотчасъ же ткнулъ въ затылокъ подвернувшагося ему парня въ красной рубахѣ, который очевидно понялъ этотъ безмолвный жестъ и, схвативъ конецъ болтавшейся тутъ же веревки, подтянулъ повыше висѣвшую рядомъ декорацію. На пыльныхъ диванахъ сидѣли хористы... Неподалеку, прямо на полу, подъ свѣтомъ тутъ же едва-едва мигавшаго рожка—размѣстились пестро одѣтыя хористки. Оттуда слышится смѣхъ и взвизгиванія... Баритонъ Арчибальди—онъ еще не одѣтъ, ему пѣть въ слѣдующемъ актѣ,—возится съ ними довольно безцеремонно.—Послушай, чортъ! кричитъ на него толстая хористка, ты что тутъ... Я тебя такъ полосну!..—Уйдите!.. кричитъ другая хористка... Весь красный, съ приведенной въ безпорядокъ шевелюрой, вырывается оттуда Арчибальди... Прямо на встрѣчу ему—театральная маменька, худая, сморщенная особа, въ громадномъ чепцѣ и блузѣ.—А гдѣ Лолошка? довольно откровенно спрашиваетъ ее баритонъ...—Она въ ложѣ у Манделя... Послушайте, что-жь это дочку мою обижаютъ, а?—Кто обижаетъ?—Да какже, Аиду то вѣдь ей обѣщали... Вы тоже хороши товарищи... Вѣдь моя Лолошка выросла тутъ на сценѣ, вѣдь у нея голосъ...—Ничего не подѣлаешь, Настасья Васильевна. За Раевскую Барсовъ стоитъ горой. Вы знаете —онъ заявилъ: если Раевской не будетъ— и я ухожу.—И откуда взялась эта Раевская? сердится театральная маменька. Вотъ не было печали!—Изъ Италіи, душенька, изъ Италіи... Да вѣрно провалится: вѣдь барышня! — И провалится, вотъ увидите, провалится! обрадовалась Настасья Васильевна Бабкина. Какже можно сравнить: моя Лолошка выросла здѣсь. Я еще танцовала —такъ бывало она вотъ этакая, опустила она ладонь чуть-чуть надъ поломъ, а уже сидитъ въ закулисной ложѣ... Ни Бабкина, ни Арчибальди не видѣли Раевскую. „Еще выступить не успѣла, подумала та, а уже сулятъ мнѣ неудачу... Уже ненавидятъ..." Арчибальди съ Бабкиной ушли... Нину Борисовну тянуло назадъ въ уборную... Ей казалось страшно сойти еще нѣсколько ступеней внизъ, окунуться въ этотъ чуждый ей міръ... Вотъ меццо-сопрано идетъ—Татьяна Гавриловна Досужева. Раевской уже connлетничали, что она близка была съ Барсовымъ. Что же ей за дѣло? Она вѣдь не продешевитъ себя такъ. Или все, или ничего. На мимолетную закулисную интригу не пойдетъ... Мало ли что было? когда она станетъ женой Барсова— все прошлое забудется. Женой!... отчего же онъ не сдѣлалъ ей предложенія. Положимъ, въ Италіи они видѣлись мелькомъ... А здѣсь? Всѣ эти дни онъ провелъ съ нею... Да когда же впрочемъ? оправдывала она любимаго человѣка. Пробы голоса, возня съ дирекціей, не соглашавшейся дать ей дебютъ, репетиціи съ нимъ... Потомъ когда уляжется все это—тогда... Барсовъ часто смѣется надъ узкою моралью... Раевская надѣется, что не оправдываетъ же онъ легкомысленныхъ связей, рождающихся и умирающихъ за кулисами между двумя актами той же оперы... Онъ вѣдь долженъ понять ее... Она такъ не можетъ!.. Глупости? успокоила она сама себя... Разумѣется было некогда... Однако, правы здѣсь!.. Эта Досужева—ужь врагъ ей. Она уже распустила сплетни... Мандель разсказалъ Нинѣ Борисовнѣ, что Татьяна Гавриловна подбиваетъ своихъ поклонниковъ шикать Раевской. „Да за что же? Вѣдь мы на разныхъ амплуа... Мы не соперницы..." Когда то Кашинцевъ объяснялъ ей, что на сценѣ никому не прощаютъ успѣха... Тутъ на словахъ дружба, а въ сердцѣ вражда. Всѣ на „ты" и каждый готовъ утопить другаго... Вонъ Акуловъ-басъ... Онъ кажется добродушный человѣкъ... Пьяница только... Какъ нарочно Акуловъ въ это время показался... Встрѣтился съ Досужевой... Вотъ те и на!.. Поцѣловалъ ее въ щеку и обнявъ за талію пошелъ рядомъ... Объ ней, Раевской, идетъ рѣчь... Это, говоритъ Акуловъ: барышня балуется, сама уйдетъ со сцены. Зачѣмъ ей—у ея матери, говорятъ, есть деньги... Она не наша!.. „А служеніе искусству?" проносится въ головѣ у Нины Борисовны... Нужно сойти внизъ... Страшно одной... Вонъ знакомое лицо. Мандель съ вертлявой, худенькой брюнеткой... Это вѣрно и есть Лолошка. Она не играетъ — а глаза подвела, нарумянилась, губы намазаны... Юлитъ съ банкиромъ... Досужева подошла къ нему тоже... „Это вы наградили насъ Раевской?... (За что они всѣ ненавидятъ меня такъ?.. думаетъ Нина). Спасибо... Кажется, свои были на эти роли... Лолошка— ты тоже хороша! Зачѣмъ уступаешь?.." Противно Раевской слушать... Сердце щемитъ... Того ли ждала она? Вонъ опять какая то хористка взвизгнула... Оказывается, тотъ же Арчибальди... и противный еврей Мандель—такъ и впился губами въ руку Досужевой... Ахъ, поскорѣй бы начиналось!.. И вдругъ ей захотѣлось сейчасъ же уйти, бѣжать отсюда... страшно... Все страшно —

и публика, и косые взгляды эти—страшны... и вражда кругомъ... Слава Богу, это кажется Барсовъ внизу... Онъ! Какъ онъ хорошъ въ этомъ костюмѣ... Какое величавое лицо... Та театральность маперъ, поражавшая ее непріятно, когда она видѣла его въ сюртукѣ—теперь такъ идетъ къ нему... почему это они всегда играютъ... Не на сценѣ только, всегда... Неужели и она будетъ такая...—Барсовъ! позвала она его... Тотъ съ недоумѣніемъ оглянулся...—А я къ вамъ, Нина Борисовна... Пойдемте въ уборную...—Страшно мнѣ...—Ну вотъ еще. Нашли чего бояться. Не безпокойтесь—успѣхъ будетъ...—А какъ ошикаютъ?—Да не волнуйтесь, я все устроилъ, постарался...—Весь раекъ нашими наполненъ. Мандель всю свою банкирскую контору съ агентами, зайцами, факторами, пагналъ сюда. Въ крайнихъ ложахъ его артельщики сидятъ... А у нихъ, не горла—мѣдныя трубы!—Какъ это однако все противно... проговорила она... многіе противъ меня здѣсь.—И пускай... Не трусьте, наша возьметъ... Ну ка теперь садитесь въ кресло, вотъ такъ хорошо! Барсовъ повернулъ рожекъ, газъ загорѣлся ярче...—Экъ, счастье что я зашелъ во время... Говорилъ я вамъ какъ гримироваться... Такъ никуда не годится... Это для гостиной хорошо, тутъ гораздо рѣзче нужно класть мазки... Позвольте ка мнѣ... Онъ придвинулъ къ себѣ ящикъ съ жирными красками, взялъ гольдъ-крему и стеръ имъ прежнюю гримировку. Нина Борисовна съ удивленіемъ смотрѣла на него. Совсѣмъ точно картину рисуетъ онъ. Мазнетъ кистью съ краской по лицу... и отойдетъ назадъ... Еще и еще... Подчеркнулъ и безъ того темныя брови... Намазалъ синею краскою вѣки, глаза стали глубже и ярче...—Зажмурьтесь!.. крѣпче!.. Провелъ тушью по рѣсницамъ... Нина совсѣмъ не узнала себя...—Экое безобразіе какое!..—Не безпокойтесь, такъ хорошо будетъ. Вѣдь публика то на васъ издали смотритъ.—Страшно мнѣ Барсовъ... опять заговорила она, чувствуя, что сердце колотится въ груди.—Исполните мой совѣтъ, выпейте чего нибудь?.. Онъ оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ... Поправилъ парикъ... Поцѣловалъ руку выше локтя съ тѣмъ же дѣловымъ выраженіемъ, съ какимъ только что гримировалъ ее...—Дайте вашу руку на счастье!—Какъ ты сухъ сегодня со мною...

— Послушайте, Нина Борисовна, никогда не говорите мнѣ ты... Слышите ли?... Озабоченно предупредилъ онъ.

— Почему это? вспыхнула она и заглянула ему прямо въ глаза.

— А потому... Привыкнете, а потомъ и при другихъ скажете... Нѣтъ надобности вовсе чтобы тѣ знали наши отношенія. А тутъ кстати и стѣны то—чуть не ажурныя.

— Какъ же это... Да развѣ наши отношенія должны остаться тайной, хотѣла было спросить она, но къ ней постучались... Кто тамъ?

— Барсовъ здѣсь?.. пора—сейчасъ начинаемъ... На мѣста, господа, на мѣста? Послышался голосъ режиссера уже дальше...

— Ну, бодрѣе, бодрѣе, Нина Борисовна!

Поцѣловалъ ее Барсовъ въ ладонь... Когда вы выйдете—я буду на сценѣ. Не смотрите на публику, смѣшаетесь—на меня глядите...

И тутъ же, театральнымъ шагомъ онъ вышелъ изъ ея уборной, сдѣлавъ ей величественный жестъ въ дверяхъ...

— Когда онъ бываетъ самимъ собою? опять пронеслось въ головѣ у Нины Борисовны. Однако выходить пора! подумала она. Что за малодушіе, чего же бояться, наконецъ...

И быстро совладѣвъ съ собою, она подошла къ дверямъ.

Увертюра уже кончалась. Послѣдніе звуки ея замирали въ этомъ лабиринтѣ балокъ, кулисъ, веревокъ... Хористы—были на сценѣ. Здѣсь все опустѣло... Съ сильно бьющимся сердцемъ Раевская подошла къ кулисамъ. Вотъ отсюда она должна будетъ выйти на муку. Тамъ уже усилили свѣтъ. Нагрѣтый воздухъ дрожитъ, придавая странное выраженіе Барсову... Онъ уже на мѣстѣ передъ жрецомъ Рамзесомъ. Передъ поднятіемъ занавѣса Акуловъ строитъ какія то гримасы Радамесу... Тотъ фамильярно беретъ верховнаго жреца за ухо... Позади Нины Борисовны слышится шопотъ... Лолошка пробирается поближе къ кулисамъ... „Отстаньте!“ огрызается она на кого то... А волненіе въ душѣ Раевской все ростетъ и ростетъ... Ее со сцены увидалъ Радамесъ и улыбнулся ей... „Ахъ, Кашницева нѣтъ! мелькнуло въ головѣ у нея... Его бы увидѣть теперь... У него столько преданности въ лицѣ... Вотъ его улыбка ободрила бы ее“... Капельмейстеръ пожалъ пуговку звонка. Медленно шелестя и волнуясь поднялся занавѣсъ... Нину Борисовну такъ и отшибло прочь отъ кулисъ. Господи, неужели ей сейчасъ надо будетъ выйти... Выйти передъ этою залитою свѣтомъ залой... Вся она полна народа. Такъ вотъ она—публика, это тысячеголовое чудовище, въ рукахъ у котораго ея судьба теперь... Лица зрителей первыхъ рядовъ—такъ и выдѣляются... Дальше масса—но эта масса смотритъ, видитъ, слушаетъ... Въ ложахъ—тоже яблоку упасть некуда, неужели всѣ они для нея пришли? А вдругъ... Вдругъ голосъ сядетъ!.. Уже и теперь голова кружится... Дыханіе захватило—точно вся эта зала колыхаться стала, отходитъ куда то въ туманъ... Неужели ей дурно... Нужно совладать съ собою—такъ нельзя вѣдь... Осрамишься. И за чѣмъ она выступила? Жила бы спокойно. Нѣтъ, лучше не смотрѣть туда, на публику... Вонъ Лолошка косо оглядѣла ее и усмѣхнулась... Амнерисъ-Досужева отодвинула локтемъ Раевскую и сама выступила впередъ. „Мнѣ выходить сейчасъ“ оправдалась она не глядя на дебютантку. А у той въ это время слезы къ глазамъ подступили, какой-то клубокъ къ горлу подкатился—дышать мѣшаетъ. Раевская, зажмурясь, прислонилась къ кулисѣ. Хочется зарыдать. Ахъ какъ тяжело, какъ тяжело ей! Что это—неужели Лолошка выручила ее. Да, она самая—со стаканомъ воды. А вѣдь только что косилась на нее и смѣялась въ сторону,—значитъ не всѣ такъ злы здѣсь какъ казалось.—Благодарю васъ... искренно отозвалась Раевская съ блистающими отъ слезъ глазами...—Не за что... Я, душенька, знаю что это значитъ въ первый то разъ... И вдругъ Лолошка наклонилась и поцѣловала плечо Нинѣ Борисовнѣ... Амнерисъ-Досужева оглянулась на нее...—Вы уже очень теряетесь, ворчитъ она. Но Раевская чувствуетъ, что и Досужевой жаль ее. Вспомнила вѣрно какъ сама пятнадцать лѣтъ назадъ переступала эту роковую черту, отдѣляющую кулисы отъ сцены...—Не бойтесь... У насъ публика добрая! уже гораздо ласковѣе говоритъ ей Татьяна Гавриловна. Раевская и ей жметъ руку... Радамесъ одинъ остался на сценѣ... Онъ о ней поетъ теперь.

...Храбрые полки египтянъ я въ бой
Повелъ бы... Побѣда!.. Рукоплещетъ Мемфисъ,
И предъ тобой, Аида, представъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Скажу я: ты радость сердца... Ты упованье,
Моя царица... Ты жизнь моя...

Онъ смотритъ на нее теперь. Публикѣ незамѣтно—а Раевская видитъ... Вотъ зашуршало платье Досужевой... Она, отдѣлявшая въ кулисѣ ее отъ публики, вышла на сцену... Какое у нея красивое меццо-сопрано. Вѣдь вотъ не боится же она... И какъ величаво держится на сценѣ... А тамъ на лѣво—все тѣ же жадныя, ожидающія лица... Сейчасъ она должна будетъ переступить къ нимъ... Тысячи глазъ обратятся на нее... „О, Господи, спаси меня!“ Никогда она не молилась такъ искренно, безмолвною молитвою,—гдѣ вздохи кажутся словами, гдѣ слезы доканчиваютъ то чего не успѣютъ

Свѣтлое Христово Воскресенье въ деревнѣ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

дошептать разомъ высохшія губы... Дуэтъ Амнерисъ и Радамеса уже кончается... сейчасъ... „Горе, поетъ Амнерисъ, если тайну роковую я открою... Пощады, прощенья не будетъ“.

— Раевская, что же вы! шипитъ ей режиссеръ... Раевская машинально оглядывается и видитъ что Лолошка за нее поблѣднѣла и креститъ ее... „Идите“... Кто то подтолкнулъ ее... Она зажмурилась и переступила! Захолодѣла вся... Ноги стали вдругъ словно чужія...

— Она!.. крикнулъ Радамесъ...

Что это—кого встрѣчаютъ рукоплесканіями?.. Кому это аплодируютъ. Неужели ей. Съ усиліемъ подняла глаза Аида... Да — всѣ на нее смотрятъ... Вонъ изъ тѣхъ ложъ (Манделевы артельщики—мелькаетъ въ головѣ у Раевской) просто кричатъ ей... Мандель у самаго оркестра... Торжествующій, оглядывается на публику, точно сказать хочетъ—это я все!..

— Кланяйтесь же... шипитъ ей Досужева. Нина Борисовна машинально кланяется. Рукоплесканія сильнѣе. Публикѣ стало жаль видимо растерявшуюся дебютантку, она подхватила аплодисменты подсаженной кляки... Теперь всѣмъ театромъ встрѣчаютъ ее... И опять эти глупыя слезы... Капельмейстеръ замѣтилъ ихъ и качаетъ головой. Радамесъ съ удивленіемъ смотритъ на нее. „Скорѣе совладайте съ собою, шепчетъ онъ, проходя мимо... Ну, Нина, голубушка!“ искренне вырвалось у него... Это помогло... Она уже слышитъ какъ начала пѣть Амнерисъ. Слезы то кстати вышли и смущеніе тоже... „Плачешь, поетъ Досужева, причину горя, причину печали повѣдай мнѣ мой другъ“. Капельмейстеръ взмахнулъ на нее палочкой. Ей начинать... Аида безсознательно шагнула впередъ: „Увы все дышетъ злобою... Война грозитъ бѣдою (она старается не видѣть публику и слушаетъ себя... Голосъ все усиливается и усиливается)... Я за свою страну боюсь — за всѣхъ мнѣ страшно!“ И опять ей... „Я плачу за любовь свою, я за нее страдаю...“ Словно шелестъ бѣжитъ по партеру „браво, браво“. Тихо бѣжитъ... Это уже не кляка старается... Нервы еще ходятъ, еще дыханіе перехватывается... Еще въ вискахъ стучитъ, но Аида уже чувствуетъ, что все благополучно, и первый приливъ радости и счастья закрадывается къ ней въ душу... И всѣ ей теперь дороги и милы: и Досужева вдругъ, послѣ брани и шутокъ на ея счетъ, принявшая въ ней участіе, и Лолошка, у которой она отняла роль и которая подала ей воды, перекрестила ее... Какіе они всѣ хорошіе... И какъ добра публика.

Партія Аиды точно для дебютантки написана...

Есть время справиться... Вотъ входитъ царь. За нимъ Рамзесъ — верховный жрецъ... Военно-начальники... Теперь Аида присматривается ко всему... Ей только изрѣдка давать реплики... Она было забылась, но Радамесъ подошелъ къ ней:

— Играйте... Вѣдь о вашемъ отцѣ идетъ рѣчь. Вѣдь на отца вашего идутъ войной египтяне. Помните какъ я училъ васъ...

— Не могу теперь... Не могу, шепчетъ она... Дай Богъ оправиться совсѣмъ...

Вотъ Радамеса избираютъ полководцемъ... „Къ берегамъ священнымъ Нила—боги намъ укажутъ путь...“ поетъ царь. „Смерть безъ пощады и гибель врагамъ!“ грозно кидаетъ свой вызовъ басъ фараона... Хоръ Рамзеса и жрецовъ: „Боги шлютъ благословенье, на далекій путь опасный... Смерть безъ пощады и гибель врагамъ“ покрываетъ оркестръ и голоса жрецовъ теноръ Радамеса... Сейчасъ они уйдутъ всѣ и Аида останется одна на сценѣ... Лучшая арія ея теперь—она рѣшитъ все. Успѣхъ или фіаско! Всѣ провожаютъ Радамеса... „Съ побѣдой возвратись“ напутствуетъ его Амнерисъ. „Съ побѣдой возвратись“ гремитъ хоръ—и уходитъ. Раевская оглядывается... хористы толпятся въ кулисахъ... Сцена пустѣетъ... Вонъ тамъ остановился и слѣдитъ за нею Барсовъ... Лолошка киваетъ ей головой... Она смотритъ на публику. Первые ряды улыбаются ей. Господи, да ничего страшнаго... Мало-по-малу приходитъ въ себя Аида... Ничего страшнаго, только куда дѣвать эти руки, онѣ совершенно лишнія, висятъ, мѣшаютъ, а убрать ихъ некуда. Суфлеръ подаетъ ей... Капельмейстеръ показалъ своею палочкой. Пора! Одна теперь! Неужели не достанетъ силы. Нужно чтобы достало. „Съ побѣдой возвратись!“ поетъ Аида... „Въ моихъ устахъ—безбожно это слово... Побѣда надъ отцомъ! А онъ—оружье поднялъ за меня“. Голосъ ея все крѣпнетъ и крѣпнетъ. Арія свободно льется въ залу... Капельмейстеръ ей улыбается одобрительно. Старичекъ суфлеръ не выдержалъ и безъ шуму аплодируетъ ей изъ своей будки. Улыбается и Барсовъ изъ за кулисъ. „Чтобы возвратить отчизну мнѣ и царство!“ Но вотъ страшное видѣнье пронеслось передъ нею... Страшно за отца и за Радамеса, ея избранника, страшно. Мука подымается въ душѣ. „Онъ братьевъ побѣдитъ моихъ... Египетъ ликуетъ... За колесницей его — самъ царь... Отецъ мой скованный цѣпями...“ Тотъ же шелестъ: „браво, браво!“ несется по партеру... Шелестъ не мѣшающій ей пѣть, а только оттѣняющій успѣхъ Аиды... „Безумное слово... О боги, простите!..“ речитативъ этотъ никогда не удавался ей... „Отцовскому сердцу вы дочь возвратите...“ И опять широко льется тоскующій мотивъ... „Ахъ, что сказала я, о, боги—любовь забыла!.. прошу о смерти Радамеса, любя его безумно... Да, я люблю его, люблю...“ Положительно у нея хорошо идетъ... Она сама это чувствуетъ. Сквозь дрожаніе нагрѣтаго надъ рампою воздуха, въ душной сѣроватой атмосферѣ залы—она видитъ какъ передніе ряды наклоняются чтобы лучше слушать... Кое кто одобрительно переглядывается. Старикъ генералъ не выдержалъ... „Браво Раевская, браво!“ Ему сейчасъ зашикали сосѣди. „Блуждаютъ мысли мои, я теряюсь“, съ отчаяніемъ оканчиваетъ Аида. „Мнѣ легче умереть, чѣмъ такъ страдать... Боги... Я васъ молю, дайте мнѣ силы горе снести... Дайте забыть муки любви“. Голосъ поднялся, чувства скорби нахлынули. Она забыла и публику, и все, она—дѣйствительно Аида. Смерть отца, или смерть любимаго человѣка. Нѣтъ выбора?.. Лучше ужъ умереть ей. „Дайте забыть муки любви, сердца страданія... Дайте мнѣ смерть“, высоко закончила она, покрывъ иллюстрацію скрипокъ и віолончели...

Медленно шелеститъ занавѣсъ. Взрывъ „браво“ и аплодисментовъ... Уходя за кулисы, потрясенная и разомъ въ одну минуту потерявшая силы, она слышитъ какой то ревъ за собою, точно море тамъ бьется въ берега, желая настичь ее и унести съ своимъ бушующимъ отливомъ... Грохотъ волнъ все громче и громче. Ревъ бури все бѣшенѣе и бѣшенѣе. Занавѣсъ подымается опять... Барсовъ хватаетъ за руку ее и выводитъ. Она безсознательно кланяется этому, разомъ всколыхавшемуся морю. Ее вызываютъ опять... опять... „Раевскую—соло!“ кричитъ публика. „Раевскую—соло“. За что же Барсовъ съ такимъ озлобленіемъ швырнулъ ея руку и крикнулъ на нее, грубо крикнулъ: „выходите однѣ...“ Что съ нимъ?.. Она было улыбнулась Лолошкѣ—но та фыркнула и отвернулась. Хотѣла поблагодарить Досужеву... Та оборвала тоже. Всѣ опять злы на нее... За что?.. Она ничего не понимаетъ. У барьера—раскраснѣвшіяся, возбужденныя лица кричатъ ей „браво“. Тысячи рукъ аплодируютъ... Чей то басъ гудитъ: „Раевская, брав-о-о-о!“ За кулисами она подходитъ къ Барсову—и опять „Раевская—соло!“ Опять Барсовъ швыряетъ ея руку и кусаетъ себѣ крашеныя губы... Бѣдная!..

— Барсовъ, за что вы на меня сердитесь! подошла она къ нему.

— А что же вы прикажете радоваться, когда мнѣ въ носъ кричатъ Раевскую—соло? И онъ у самаго лица ея захлопываетъ дверь своей уборной.

IV.

Аида и Амнерисъ—соперницы.

Всю слѣдующую картину Раевская просидѣла запершись въ своей уборной. Нужно было пережить новыя ощущенія, отдохнуть, приготовиться ко второму дѣйствію. Къ ней доносился меланхолическій напѣвъ жрицъ въ Мемфисѣ „Свѣтъ неизмѣнный, вѣчный, солнце тобой горитъ—ты снизойди къ намъ!..“ Подъ торжественные звуки оркестра теперь исполняется священный танецъ... Радамесъ вѣрно уже вошелъ. Какъ онъ долженъ быть красивъ въ эту минуту. Вотъ и голосъ его слышенъ, и опять печальные звуки гимна, который такъ и дышетъ знойной нѣгой востока. Писать это можно только въ Египтѣ. Только передъ лицомъ его золотыхъ пустынь, на берегахъ медлительнаго, величаваго Нила можно найти въ душѣ своей такіе звуки. Поэтъ подслушалъ ихъ у смуглолицыхъ сыновъ Сахары. Именно такіе гимны и должны были сложиться подъ горящимъ небомъ Африки... Громъ рукоплесканій... Какъ долго! Вызываютъ кого то. Должно быть Барсовъ выходитъ... Все замерло, тихо... Стучатся въ двери.

— Кто тамъ?

— Отворите, Нина Борисовна!

Весь сіяющій, возбужденный, входитъ Радамесъ. Крѣпко жметъ ей руку. Куда все его раздраженіе дѣлось. Доволенъ пріемомъ!

— Сейчасъ и васъ вызывали... Отлично сдѣлали, что не вышли—только нѣсколько голосовъ было за васъ, мнѣ всѣмъ театромъ аплодировали!

Онъ бросился въ кресло рядомъ.

„Неужели правда, что у этихъ людей самолюбіе—все?“ думала она любуясь, какъ яркій свѣтъ газа горѣлъ и лучился на золотѣ его вѣнца и запястій, какъ мягко скользилъ онъ по багрянцу расшитой шолкомъ и золотомъ груди...

— По окончаніи оперы не уходите. Подождите меня здѣсь. Я притащу къ вамъ нашего рецензента—Жанку Повиликина. Вы не знакомы?

— Съ кѣмъ?

— Съ Жаномъ! Онъ собственно дуракъ, и это не его дѣло. Адвокатъ онъ—ну а въ музыкѣ столько же смыслитъ сколько животное въ апельсинахъ. Но будьте съ нимъ полюбезнѣе. Пишетъ въ очень вліятельной газетѣ, корреспондируетъ въ Питеръ. Не обижайтесь—если онъ выпалитъ какую нибудь штуку, позовите къ себѣ, угостите шампанскимъ. Главное—благоговѣйте передъ нимъ. Скажите, что вы зачитывались его фельетонами.

— Что это такое?

— Нечего дѣлать! душа моя, такое дѣло. Тутъ и глупость и подлость нужно обращать въ свою пользу... Ну, я вами доволенъ, Нина... Что же вы не поцѣлуете меня?

Онъ потянулся къ ней. Раевская взглянула на его лицо—оно было замазано красками. Барсовъ замѣтилъ ея взглядъ и расхохотался.

— Что—не нравится? А вы не брезгайте... Мы всѣ такіе теперь, живаго мѣста нѣтъ...

И взявъ ее за голову, онъ поцѣловалъ ее.

— Я хотѣла спросить... Какъ же мы устроимся... Вы ничего не говорите о нашемъ будущемъ?

— То есть? съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ онъ на нее.

— Впереди то какъ?.. Ваши планы?.. Нельзя же продолжать такъ.

— Дворянская щепетильность... Потомъ это все... Теперь не до того... „Развѣ она не знаетъ?“ мелькнуло у него въ головѣ.

— На дняхъ мы потолкуемъ съ вами... А теперь—вамъ выходить. Боитесь?

— Нѣтъ, страхъ прошелъ.

— Вотъ что, и Барсовъ оглянулся. Вы знаете, Досужева вѣдь противъ васъ. Вы не становитесь къ ней близко, какъ на репетиціи. Слышите.

— Почему это?

— А потому, что если въ дуэтѣ она нарочно подастся назадъ—вамъ придется обернуться къ ней и пѣть спиной къ публикѣ, поняли теперь... Васъ не будетъ слышно. Такіе ли фокусы еще у насъ продѣлываютъ.

Поднялась занавѣсъ. Опять Раевская стоитъ у кулисы и ждетъ выхода... Но теперь уже не страшно ей. Жутко. Она съ любопытствомъ разглядываетъ зрителей, ей отсюда видно уголокъ театральной залы.

— А корону захватили? Корона гдѣ? шипитъ ей въ ухо режиссеръ... Ахъ ты Боже мой... Вѣдь вы несете корону...

Раевская покраснѣла. Грязный плотникъ подалъ ей захватанную корону...

„Твоимъ братьямъ оружіе измѣнило... встрѣтила ее Амнерисъ съ притворнымъ участіемъ... Бѣдная Аида!..“ Начался дуэтъ. Очевидно Досужева старалась. Ея прекрасный голосъ звучалъ еще красивѣе, чѣмъ обыкновенно. Одного не могла она достичь на сценѣ. Тятенька ея былъ лабазникомъ—это и сказывалось до сихъ поръ. Изящество Раевской злило ее... „Чего она жантильничаетъ здѣсь“, думала про себя Досужева, зло глядя на Нину Борисовну. Оказалось, что Барсовъ не даромъ предупредилъ ее. Досужева подошла къ Раевской близко-близко и бросивъ ей въ глаза гордое...

Люблю и я,
Ты поняла? Соперница твоя!
Но я—дочь Фараоновъ!

сейчасъ же отступила назадъ. Аида обернулась къ ней и затылкомъ къ партеру отвѣтила ей: „Какъ... Соперница... Такъ будь же ею... И я... я дочь... Что говорю? Прости мнѣ!“

Голосъ ея ушелъ въ кулисы. Чудное мѣсто дуэта пропало, публика его не слышала, за то Амнерисъ еще сильнѣе провела свое: „Ты уничтожишь страсть роковую—или погибнешь смертью позорной“.

На этотъ разъ Аида была побѣждена совсѣмъ. Всю свою сцену, не замѣчая сама, что дѣлается, она пропѣла обернувшись спиною къ зрителямъ. Мотивы ея только обрывками звучали въ театральной залѣ. Она не видѣла знаковъ, которые подавалъ ей изъ-за кулисъ Барсовъ. Только когда Амнерисъ ушла, Аида обернулась къ публикѣ и голосомъ, въ каждомъ звукѣ котораго дрожало отчаяніе—скорѣе прорыдала чѣмъ пропѣла: „Боги, я васъ молю, дайте мнѣ смерть. Я не могу его разлюбить... Боги мои, я васъ молю!“ Когда она упала вслѣдъ за этимъ — театръ дрогнулъ отъ рукоплесканій...

— Я вамъ говорилъ, я васъ предупреждалъ! говорилъ Барсовъ.

— О чемъ?

— Что, вы затылкомъ поете? Затылкомъ? грубо обрывалъ онъ ее.

— Скажите Досужевой. Я еще не опытна. Зачѣмъ она такъ дѣлаетъ. Развѣ это хорошо?

— Захотѣли вы здѣсь... Что вы, Нина Борисовна... Тутъ помогаютъ только любовницамъ, остальныхъ топятъ, какъ слѣпыхъ котятъ, поняли?

— Я понимаю, что тутъ всѣ ненавидятъ меня... Вы ее любили!.. вырвалось у Раевской. Въ ней разомъ проснулась женщина.—Да, вы ее любили... Она ревнуетъ...

— Я не обязанъ вамъ отчетомъ, пробормоталъ Барсовъ, уходя къ себѣ.

Второй актъ весь сошелъ прекрасно. Нина увидѣла Радамеса, раскинувшагося на носилкахъ, подъ яркимъ балдахиномъ. Свѣтъ прямо билъ ему въ лицо, торжество побѣды... Гордая осанка Барсова, какъ нельзя больше шла ему въ этомъ актѣ... Она опять простила ему все. Сцена съ отцомъ Амонасро „Что вижу? Ты ль

отецъ мой... Ты—въ плѣну... не предавай меня..." прошла у нея прекрасно. Арчибальди свой монологъ „Я сражался, искалъ я смерти... Намъ сегодня судьба измѣнила—но завтра можетъ тебѣ измѣнить!" пропѣлъ великолѣпно. Аида все время была съ нимъ.

— Ну что? обратился онъ къ ней.

— У васъ хорошо это вышло... вы артистъ!.. Вы чувствуете въ эту минуту.

— Я, улыбнулся Арчибальди сквозь румяна... Животъ болитъ, вотъ что чувствую... Теперь бы халатъ, да чаю... Отлично!..

— Васъ не увлекаетъ сцена?

— Гораздо больше бифштексъ увлекаетъ...

И сейчасъ же, свирѣпо насупясь, запѣлъ: „Для насъ настанетъ время, когда за честь отчизны—мы всѣ соберемся грозно и отомстимъ врагамъ!.."

Аида-Раевская даже растерялась, такъ это было неожиданно.

Третій актъ больше всего нравился Нинѣ Борисовнѣ. Она никогда не могла даже издали слушать его безъ волненія...

Знойная, синяя ночь Египта... Страстныя, тоскующія звѣзды мерцаютъ въ глубинѣ неба. Медленно надъ гранитными утесами всплываетъ золотая луна... Точно замерли вѣнцы высокихъ пальмъ... Надъ скалою—будто обернувшись величавою колонадою къ мечтательнымъ лучамъ мѣсяца, высится храмъ Изиды... Нилъ тихо плещетъ въ сонные берега... Будто ласкается къ нимъ широкими волнами... Едва-едва доносится изъ храма печальный напѣвъ жрицъ, молящихъ мать и супругу боговъ. А за этими утесами и пальмами такъ и чудится жаркое дыханіе пустыни... Близко, близко ея горячіе пески... Вотъ и она—несчастная Аида. Здѣсь она ждетъ Радамеса... Здѣсь если онъ скажетъ ей: прощай на вѣкъ, она найдетъ могилу—въ этихъ ласковыхъ струяхъ великой рѣки. Отчизна ей грезится издалека... Чудный край, гдѣ все прекрасно, гдѣ счастье безконечно... Долины мирныя, васъ не видать ужь ей. „Ты любишь Радамеса... Соперница твоя дочь Фараоновъ..." мрачно поетъ ей баритонъ Арчибальди... „Все возвратится. Все вновь придетъ... Раскинутся предъ ней благоухающіе лѣса родины, она увидитъ опять и свой золотой храмъ... Народъ ихъ ждетъ, побѣда наша." — Измѣни только ему! Узнай какимъ путемъ пойдутъ египтяне... Она въ ужасѣ.—Не дочь ты мнѣ!—„Молю тебя отецъ мой."— Раба ты Фараона. — Она колеблется... Нѣтъ... Надо спасти народъ свой!.. Вотъ и Радамесъ... Раевская сама стала Аидой. Это она умоляетъ его бѣжать... Пустыню жгучую оставить на вѣки... Новая отчизна ждетъ ихъ. Тамъ среди лѣсовъ прекрасныхъ они забудутъ міръ въ восторгахъ упоенья... „Бѣжимъ, бѣжимъ..." Тоскующій напѣвъ флейты слѣдуетъ за нею... Меланхолическій ключъ переливается по нагрѣтымъ и еще не остывшимъ каменьямъ... Все ярче и ярче разгораются звѣзды, душнѣе и ароматнѣе становится лазурная ночь пустыни... Зала замерла слушая звуки... Голосъ Раевской такъ и ластится, такъ и никнетъ къ Радамесу. Прямо въ сердце ему просится, тоскующій и зовущій, обвивается вокругъ... Она уведетъ его изъ этой чужбины, уведетъ въ иной, цвѣтущій край. Сквозь золотые пески пустынь, сквозь каменныя ущелья пройдутъ они... И вслѣдъ за нею словно рыдаютъ скрипки, стройно вздыхаетъ гармоническая арфа, все одинъ и тотъ-же мелодичный лепетъ ручья напѣваетъ флейта... Душа Радамеса раскрывается любви, какъ цвѣтокъ горячему солнцу... Аида—въ ней цѣлый міръ... И вдругъ... онъ—онъ измѣнникъ... Амнерисъ и жрецы появляются изъ храма...

Уронивъ красныя руки свои на колѣна, неподвижно сидитъ Раевская въ своей уборной.

Вызовы окончились... Этотъ страстный горячій напѣвъ всколыхнулъ ея душу... Кровь огнемъ бѣжитъ по жиламъ... „Уйдемъ, уйдемъ отсюда..." звучитъ въ ея ушахъ... Воздухъ кажется переполненнымъ нѣгой и зноемъ...

Кто-то вошелъ. Она знаетъ кто это, но нѣтъ силы повернуть къ нему голову... Боже какъ хорошо... какъ хорошо... Она знаетъ чьи руки обнимаютъ ее, чьи губы ищутъ ея губъ... А въ памяти такъ и проносится возбужденный лепетъ скрипокъ... Ей страшно тронуться съ мѣста... Ей кажется, что одно движеніе—и чудный сонъ улетитъ и она разомъ останется одна, въ духотѣ! Ахъ, какъ хорошо... Милый мой, милый... Солнце мое... Жизнь моя, мое все... Словно сквозь дремоту шепчетъ она ему, когда онъ кладетъ на ея колѣна свою утомленную голову...

Наконецъ онъ поднялъ ее... Съ трудомъ... Точно ему не хотѣлось уходить отъ этихъ рукъ, нѣжно перебиравшихъ его завитые волосы.

— Куда?

— Нужно... Нина... Сейчасъ я приведу къ вамъ Повиликина... Нельзя... Завтра же писать будетъ...

— Ахъ, Боже мой!

— Будьте попривѣтливѣе... Пококетничайте даже... Необходимо.

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Какая же вы артистка послѣ этого... У васъ въ распоряженіи должно быть все. Зачѣмъ же данъ языкъ и лицо человѣку... Поймите!.. Это маска—она должна измѣниться по вашему желанію.

— Безнравственно это!

— На сценѣ свой катехизисъ. Нужно — значитъ не безнравственно. Только есть полезное и вредное. Съ моралью далеко не уѣдешь. Будьте же умницей...

Жанъ Повиликинъ не успѣлъ еще показаться у нея въ уборной, какъ сейчасъ же крѣпко поцѣловалъ ея руку... Потомъ захватилъ эту руку и не выпускалъ ее, держа въ своихъ влажныхъ ладоняхъ.

— Позвольте привѣтствовать восходящую звѣзду! началъ онъ.

— Посмотримъ, какъ ты намъ изобразишь эту восходящую звѣзду! прервалъ его Барсовъ. Онъ рѣшительно со всѣми былъ на „ты".

— Завтра-же... самъ привезу вамъ корректуру... если позволите, Нина Борисовна.

— Вы, Нина Борисовна, пригласите его чай пить, онъ вамъ и прочтетъ... Ты у меня смотри Жанка: старайся—и въ Питеръ напиши... А Нина Борисовна будетъ тебѣ благодарна: слышишь?

Жанъ широко улыбался и поцѣловалъ другую руку... Нина хотѣла было выдернуть ее, но Барсовъ сдѣлалъ ей большіе глаза...

— Позвольте и намъ поздравить васъ... Вы настоящій драматическій сопранъ! послышался голосъ Манделя. Онъ тоже цѣловалъ ей руки. Нинѣ становилось противно...

— Ты то хорошъ! оборвалъ его Барсовъ, припервъ въ уголъ. А еще Повиликинъ тебя меценатомъ зоветъ.

— Ну?

— Отчего букета нѣтъ... Вѣдь тебѣ только букеты подавать!

— Пожалуйста ты про мой обязанность не напоминай... Самъ помню... Букетъ есть... Въ свой время будетъ.

— То-то... А то попусту не лѣзь! Смотри, если букетъ плохъ...

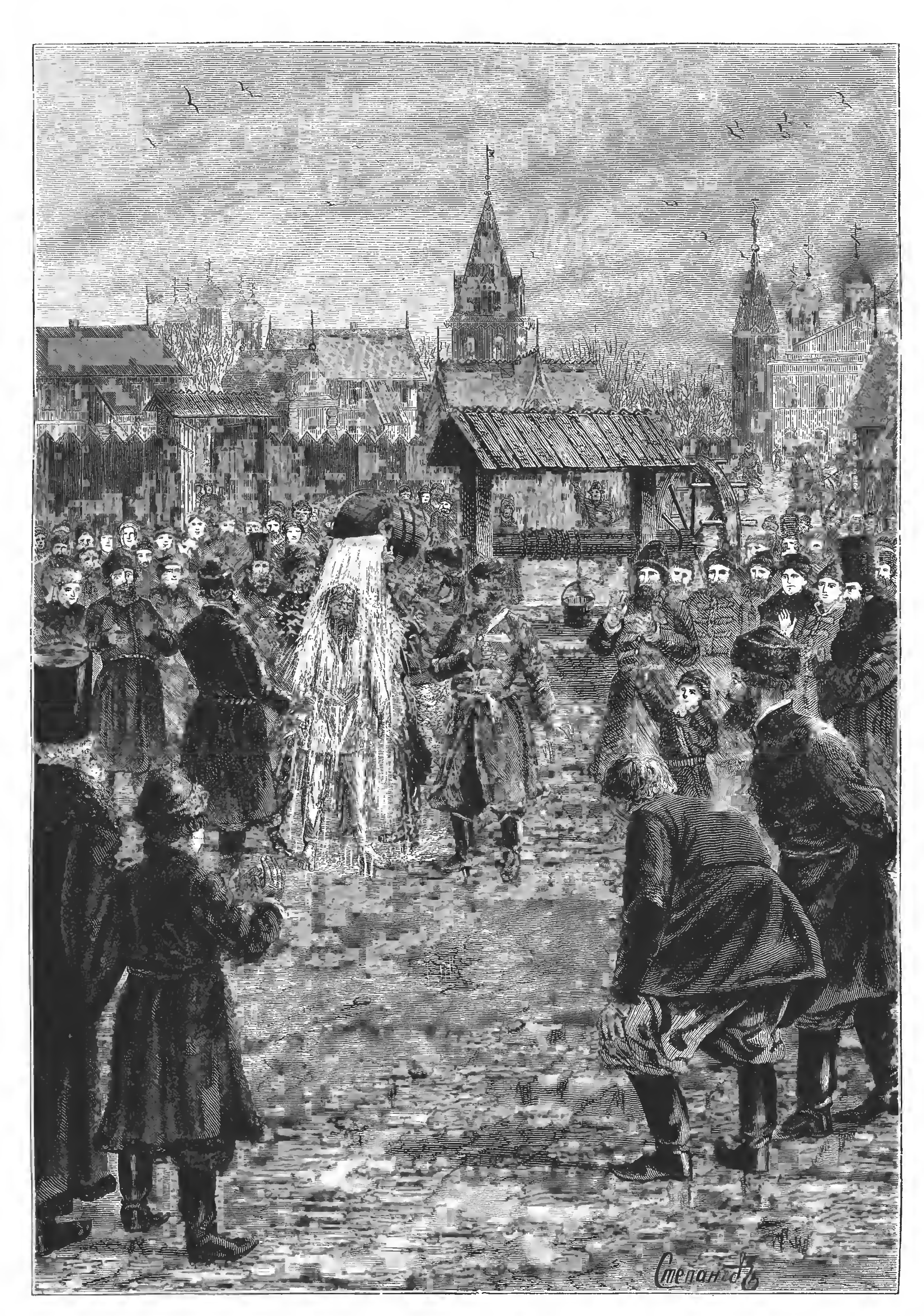
Въ корридорѣ послышался звонокъ... Мандель и Повиликинъ ушли... Начиналась послѣдняя картина.

— Господи, какая тоска!

— Ну, Нина Борисовна, вы эти дворянскія штучки оставьте: хотите успѣха, живите по нашему. Вотъ Мандель вамъ сегодня букетъ подноситъ. А Повиликинъ такъ распишетъ, что вы сами себя не узнаете.

— Неужели и вы въ нихъ заискиваете.

— Въ комъ какъ. Былъ тутъ рецензентъ одинъ—



Древній русскій пасхальный обычай. Обливаніе небывшихъ у заутрени. Ориг. рис. Степанова, грав. М. Рашевскій.

того я боялся. На заднихъ лапахъ ходилъ передъ нимъ. Ну, а Новиликину кулакъ покажу, такъ онъ кренделемъ кувырнется. Для всякаго свой пріемъ. Иначе не долго удержишься...

Раевская помедлила еще немного и пошла... „Закрылся камень роковой надо мною и вотъ моя могила“ слышался голосъ Барсова. „Дневнаго свѣта я не увижу, какъ не видать Аиды.. Аида, гдѣ ты!..“ Она его слышитъ, она тайно проникла къ нему въ подземелье... Если нельзя жить для счастья въ благоухающихъ лѣсахъ ея отчизны — можно умереть съ нимъ вмѣстѣ, въ безразсвѣтномъ мракѣ могилы. Сверху къ нимъ доносятся напѣвы жрицъ, голоса жизни замираютъ надъ ними... Радамесъ потрясаетъ камень... „Оставь... Скоро кончится для насъ все на землѣ!“ склоняется къ нему Аида... „Прощай земля, пріютъ страданій...“ слышится ихъ послѣдняя молитва. „Развѣянъ бурей свѣтлый сонъ, прощай...“ А на верху на помостѣ блещущаго золотомъ, наполненнаго благоуханіями храма медленно развиваются въ священномъ танцѣ, подъ меланхолическій гимнъ жрицъ, служительницы боговъ. Вся въ черномъ, Амнерисъ склоняется надъ роковымъ камнемъ... Словно отдаленный привѣтъ горячей пустыни, въ тихое рыданіе оркестра врывается знакомый напѣвъ флейты и грудные, полные страсти и нѣги звуки арфы... Тихо падаетъ занавѣсъ.

— „Раевская—соло!“ орутъ конторщики и зайцы у барьера.

— „Раевскую — брав-о-о!“ надсаживаютъ горла артельщики изъ боковыхъ ложъ.

Нина Борисовна выходитъ. Капельмейстеръ подаетъ ей громадный букетъ. Публика, начавшая было расходиться, останавливается въ проходѣ, аплодируетъ... Раекъ—бѣснуется... Машутъ платками... Тотъ же необыкновенный басъ съ воздушной высоты опять рычитъ свое „Раевская!“

Нина Борисовна уходитъ за кулисы.

— Карточку то подберите! Карточку изъ букета... шепчетъ ей Досужева. Арчибальди наклоняется и читаетъ въ слухъ „Соломонъ Іосифовичъ Мандель. Банкиръ и членъ общества распространенія христіанства на Кавказѣ во имя св. Нины“.

— Такъ! Я знала! торжественно обрываетъ Досужева. Оттого отъ букета такъ чеснокомъ нахнетъ!..

— И любовь, и успѣхъ!.. Счастье. Господи, помоги мнѣ! задыхается Раевская, подымаясь въ уборную съ цвѣтами, благоуханіе которыхъ кружило ей голову.

(До слѣд. №).

Черный вождь.

Разсказъ изъ прошлаго американской жизни.

Георга Кабля.

Міоко-Коанго, подъ другимъ именемъ, былъ могущественнымъ вождемъ цѣлаго племени на своей африканской родинѣ. Его одушевляла жажда подвиговъ, и онъ, воинственный и могучій, во главѣ своихъ вѣрныхъ войскъ, покорялъ своей власти сосѣднія племена, во благо своихъ подданныхъ, увеличивая силу и богатство своей страны. И вдругъ въ одномъ бою онъ попалъ въ руки враговъ. Враги продали всѣхъ торговцу невольниками, не разбирая происхожденія своихъ военноплѣнныхъ; отобравъ отъ Міоко-Коанго его оружіе и украшенія вождя, купецъ свелъ его на берегъ, и черный вождь поступилъ во владѣніе капитана англійской шкуны, обмѣнявшаго его на большое зеркало.

Путешествіе невольничьей шкуны изъ Африки въ Новый Орлеанъ кончилось не совсѣмъ благополучно. Живой товаръ, бывшій на кораблѣ, отчасти испортился: погода была бурная, а судно слишкомъ переполнено; но капитанъ своевременно сообразилъ, что „по ту сторону“ борта находится безконечно много свободнаго мѣста и туда, въ море, по пути отправлялъ тѣхъ негровъ, которые, какъ предполагалось, не довольно выносливы и бодры, чтобы найти скорый и хорошій сбытъ въ Америкѣ.

Могучее тѣло Міоко-Коанго перенесло всѣ невзгоды долгаго морскаго путешествія, и когда, наконецъ, люки шкуны открылись и отрадный воздухъ твердой земли проникъ въ душный трюмъ и вскорѣ затѣмъ якорь врѣзался въ илистое дно Миссисипи, Міоко-Коанго вытянулъ свою исхудалую, жилистую шею, и молча и внимательно вглядывался въ широкую картину, открывшуюся предъ его большими, измученными глазами.

Видъ былъ прелестный: огромный городъ раскинулся передъ нимъ. Красивыя башни и укрѣпленія, чудесный, широкій паркъ, казармы, госпитали, таможни, соборы и церкви, дома и изящныя виллы, окна которыхъ ярко блестѣли на солнцѣ, а тамъ, далѣе—большія, темныя плантаціи кофе и индиго.

Міоко не долго ждалъ новаго хозяина. Величавая фигура негритянскаго вождя, ростомъ шести футовъ четырехъ дюймовъ, привлекла взоры знатока Агриколы Фузильера, близкаго родственника богатаго владѣльца, имѣніями котораго онъ управлялъ. Онъ тотчасъ скупилъ всю партію крѣпкихъ молодцовъ, въ числѣ которыхъ находился и Міоко, съ цѣлью распродать потомъ черный товаръ по частямъ и получить хорошій барышъ. Но ему жалко было, что такой великолѣпный экземпляръ можетъ перейти къ какому нибудь невѣждѣ провинціалу, и онъ уговорилъ смотрителя плантацій, своего сосѣда дона Хозе Мартинеца пріобрѣсть Міоко для одной изъ плантацій своего господина.

Въ этомъ имѣніи дона Хозе царственнаго нѣгра ожидалъ цѣлый рядъ непріятныхъ сюрпризовъ. Его встрѣтили привѣтливо, дали новую, красивую одежду, пригласили сѣсть въ экипажъ, запряженный парою коней, отвезли въ чистую, красивую хижину, далеко красивѣе и затѣйливѣе, чѣмъ бывшее его царственное жилище въ Африкѣ, и дали ему понять, что онъ можетъ считать это своею собственностію. Ему предложили хорошую пищу. Міоко принималъ все это съ молчаливымъ величіемъ. Онъ приготовился къ смерти, что непремѣнно по его мнѣнію должно быть участью побѣжденнаго вождя, и спокойно ждалъ казни. Но за нимъ ухаживали, и когда утоливъ голодъ онъ заболѣлъ, ему дали лекарство, которое, къ его великому удивленію, помогло ему. Умный вождь по природѣ былъ серьезенъ и вдумчивъ и, судя по обращенію съ нимъ, онъ пришелъ къ заключенію, что его не считаютъ вождемъ.

На вопросъ: какъ его имя? онъ далъ непонятный переводчику отвѣтъ на ялофскомъ нарѣчіи. Когда же продолжали допытываться, онъ перевелъ свое имя на языкъ Конго: Міоко-Коанго,—„Отсѣченная рука!“ Хотѣлъ ли онъ этимъ выразить, что былъ сильною рукою своего народа, и что теперь безъ народа онъ сдѣлался не болѣе какъ отсѣченною рукою? Но новый его хозяинъ, заплатившій за него очень дорого, вовсе не былъ расположенъ считать его безполезнымъ и не задавалъ себѣ труда объяснять такое своеобразное имя.

Между тѣмъ новому невольнику предстояло ознакомиться со многими для него удивительными вещами. Роскошь, которую онъ здѣсь увидѣлъ, привела его въ изумленіе: всѣ черные невольники были одѣты; самыя простыя дѣвушки изъ Конго носили здѣсь ситцевыя и шерстяныя платья, изъ которыхъ каждое стоило бы по крайней мѣрѣ цѣлый слоновій клыкъ въ его родной странѣ. А затѣмъ полная безопасность! Нигдѣ не было видно львовъ, змѣи появлялись весьма рѣдко. И его правильно и обильно кормили. Послѣднее обстоятельство причиняло ему какое то тайное безпокойство. Что значитъ, что его такъ заботливо кормятъ? Это его смущало. Однако онъ замѣтно становился сильнѣе и тяжелѣе, и вскорѣ снова гордо расхаживалъ съ видомъ вождя, въ полномъ расцвѣтѣ той неукротимой силы, которая наводила ужасъ на воиновъ окрестныхъ племенъ въ Африкѣ.

Однажды его пригласили слѣдовать за надсмотрщикомъ; тотъ отвелъ его на поле, гдѣ мущины и женщины работали заступами и лопатами. Міоко-Коанго серьезно и внимательно присматривался къ этому знакомому для него зрѣлищу. Онъ вспомнилъ, какъ давно уже видѣлъ онъ въ Африкѣ своихъ подданныхъ-рабовъ, занятыхъ подобнымъ образомъ. Надсмотрщикъ передалъ ему заступъ. Міоко спокойно осмотрѣлъ красивый инструментъ. И вдругъ спутникъ дружески пригласилъ его присоединиться къ остальнымъ рабочимъ.

Губы вождя остались сжаты, но грозный вопросъ выразился во всей его отшатнувшейся фигурѣ и гнѣвномъ, страшномъ взглядѣ широко раскрытыхъ черныхъ глазъ. Ему показалось, что не разразилась ли молнія надъ нимъ? Какъ? Такъ вотъ къ чему его готовили: къ труду рабовъ! О! И тяжелый заступъ, который Міоко только что разсматривалъ такъ добродушно, просвистѣлъ въ воздухѣ, и несчастный надзиратель рухнулъ въ крови на землю съ раскроеннымъ черепомъ; затѣмъ Міоко схватилъ перваго попавшагося подъ руку невольника, приподнялъ и яростно отбросилъ далеко отъ себя; второй негръ взлетѣлъ также на воздухъ, третій былъ перекинутъ чрезъ дерево и упалъ въ прудъ. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ; затѣмъ Міоко упалъ въ порывѣ горя и отчаянія лицомъ въ землю. Старшій надзиратель выстрѣлилъ и пуля попала въ голову Міоко. Черепъ негра былъ однако крѣпокъ, а пуля была не коническая; она скользнула по правой половинѣ головы Міоко, разорвавъ только кожу.

Всѣ участвовавшіе въ этой сценѣ, кромѣ стрѣлявшаго надзирателя, были негры. Надсмотрщикъ былъ мертвъ,—этому горю нельзя было пособить, и смотритель былъ того мнѣнія, что не слѣдовало поднимать шума изъ за этого. И хотя ему нужно было дать отчетъ своему молодому хозяину дону Хозе, но онъ это сдѣлалъ такъ, что вся вина осталась за тѣмъ, кому въ этой жизни уже никто не могъ повредить—на убитомъ надсмотрщикѣ.

Донъ Хозе выслушалъ все спокойно, но только что онъ собрался говорить, какъ его перебилъ смотритель:

— Бить его нельзя.

— Вотъ! проговорилъ донъ Хозе. Почему нельзя?

— Было бы лучше, еслибы ваша милость сами убѣдились въ этомъ.

Дѣло принимало острый характеръ; но и владѣлецъ плантацій имѣетъ свои обязанности, и донъ Хозе рѣшился пойти въ жилище Міоко.

— Выведите его!

Его вывели со связанными руками и ногами и тяжелой гремящей цѣпью на шеѣ. Испанскій креолъ часто видывалъ на аренѣ дикихъ быковъ съ яростно блестѣвшими глазами; но то, что онъ увидѣлъ теперь, показалось ему посерьезнѣе.

— Это не негръ Конго, замѣтилъ донъ Хозе.

— Нѣтъ, это негръ Ялофъ, отвѣтилъ смотритель смѣлѣе, легко видѣть это по его прямому носу. И, милостивый господинъ, онъ „Кандіо“, вождь. Если я велю его бить, онъ умретъ!

Странный гигантъ-негръ и неустрашимый небольшой и энергичный испанецъ съ минуту молча глядѣли другъ на друга; и каждый узналъ въ другомъ себѣ равнаго, и странно: оба, и креолъ, и черный, почувствовали другъ къ другу родъ какого то влеченія. Гнѣвъ дона Хозе упалъ совсѣмъ.

— Призови переводчика, сказалъ онъ медленно,—и устрой какъ нибудь это дѣло.

Явилось снова затрудненіе: гдѣ найти человѣка, который бы могъ перевести съ ялофскаго на французскій или испанскій языкъ, и который бы вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ на столько дипломатическимъ тактомъ, чтобы это привело къ какому нибудь соглашенію.

Смотритель стоялъ еще въ раздумьи, когда подошла маленькая дѣвочка-невольница, повидимому заинтересовавшаяся новымъ товарищемъ.

— Поди сюда, Клементина!

— Нѣтъ, я не понимаю по ялофски—право ни одного слова не понимаю; Агрикола Фузильеръ—тотъ все понимаетъ!

— Агрикола Фузильеръ! Врядъ ли это былъ подходящій человѣкъ для примиренія негра съ бѣлымъ; но не оставалось выбора и надсмотрщикъ поѣхалъ въ имѣніе, гдѣ жилъ Агрикола.

— Я, Агрикола Фузильеръ? Переводчикъ негра?

— Я думалъ только, не знаете ли вы кого нибудь случайно, кто... проговорилъ оробѣвшій смотритель.

Агрикола успокоился.

— Да, сказалъ онъ равнодушно, глядя разсѣянно вдаль,—если я не укажу вамъ кого нибудь, дѣйствительно вамъ трудно будетъ найти... Возьмите Пальмиру.

Пальмира—любимая служанка его племянницы Евгеніи, невѣсты дона Хозе. Это была красивая квартеронка, высокая, стройная, съ блестящими глазами, свѣжими губами, ослѣпительно бѣлымъ рядомъ зубовъ и матовымъ цвѣтомъ лица. Пальмира тайно и безнадежно любила Оноре, отсутствующаго брата своей госпожи. Агрикола Фузильеръ преслѣдовалъ Пальмиру своими привязками: онъ не любилъ ея чарующую красоту, ея неукротимую гордость, ея тонкій умъ, видѣвшій многое, что Агрикола желалъ бы скрыть; онъ не любилъ ее за ея вліяніе на госпожу, за любовь къ Оноре, главѣ богатаго дома, и не любилъ ее еще и потому, что зналъ, что она относится къ нему съ презрѣніемъ и отвращеніемъ.

Когда Агрикола назвалъ своего врага, смотритель радостно воскликнулъ: „счастливая мысль!“

— Конечно, добавилъ Агрикола, Пальмира самая подходящая. Она знаетъ столько же негритянскихъ нарѣчій, сколько я европейскихъ языковъ.

Пальмира была умная дѣвушка. Она подумала: „Моя барышня выходитъ за дона Хозе, а потому недурно расположить его къ себѣ. Я устрою дѣло съ этимъ негромъ“.

Она богато одѣлась, причемъ, смѣясь, ей дружески помогала госпожа, и вскорѣ явилась, сіяя красотою, въ красивомъ легкомъ платьѣ, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и съ жемчугомъ въ черныхъ волосахъ. Увѣренная въ побѣдѣ, она приблизилась къ черному великану. Она хотѣла завладѣть имъ и сдѣлать изъ него своего раба. Этого она достигла вполнѣ и безъ труда. Какъ только Міоко увидѣлъ эту прекрасную женщину, дикій огонь въ его глазахъ потухъ, взоръ сдѣлался мягче и покорнѣе, а когда она ласково заговорила съ нимъ на дорогомъ ему родномъ языкѣ, въ немъ сразу исчезло все его неукротимое упрямство. Въ своихъ тяжелыхъ цѣпяхъ онъ кротко опустился на землю и въ восхищеніи слушалъ сладкій голосъ Пальмиры; но когда она медленно и осторожно дошла собственно до цѣли своего порученія, онъ взглянулъ на нее вначалѣ мрачно и съ боязнью, и когда она наконецъ осмѣлилась произнесть слово *„работа“*—онъ, не смотря на обременявшія его цѣпи, мгновенно вскочилъ, какъ пущенная изъ лука стрѣла, и всталъ во весь ростъ предъ нею, какъ статуя изъ черного мрамора—олицетвореніе гнѣва и негодованія!

И Пальмира поднялась также, гордая видомъ такого вождя; кровь царственнаго негра билась также и въ ея жилахъ. Она прямо пошла къ дону Хозе и смотрителю. „Міоко-Коанго покорятся своей участи и ждетъ смерти, сказала она. Онъ воинъ и знаетъ, что онъ военноплѣнный; но, по обычаямъ его страны, нельзя чтобы властитель и вождь сталъ работать.“

— Господинъ вѣроятно помнитъ, что я говорилъ тоже самое, замѣтилъ смотритель.—Дикаго коня не запречь въ плугъ.

Донъ Хозе слушалъ сдержанно и спокойно. Смотритель, котораго особенно занимала судьба сильнаго негра и который сочувствовалъ ему почти такъ, какъ еслибы тотъ былъ бѣлымъ, продолжалъ говорить. Онъ упомянулъ, что въ числѣ невольниковъ у него уже былъ одинъ царственной крови, котораго тоже нельзя было заставить работать, но изъ котораго удалось сдѣлать прекраснаго надсмотрщика. И не было ли бы полезнымъ пріучить къ тому же и Міоко? Донъ Хозе согласился, молча кивнувъ головою. Но удивленіе его было велико и терпѣніе его чуть не истощилось, когда, нѣсколько дней спустя, смотритель въ замѣшательствѣ доложилъ ему, что Міоко отказывается и отъ предложеннаго ему занятія, какъ отъ унизительнаго.

Снова позвана Пальмира. Снова она ласково и горячо говорила съ негромъ. Одинъ и тотъ же короткій отвѣтъ.

— Не хочетъ, сказала опечаленная квартеронка.

— Погоди, воскликнулъ смотритель, замѣтившій смущеніе и безпокойство на лицѣ Пальмиры.

— Держу пари, черный сказалъ что то другое. Позвольте, господинъ, отвести его къ Агриколѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Пальмира въ испугѣ.—Не нужно Агриколы! Я скажу все! Да, онъ соглашается быть надсмотрщикомъ, только подъ условіемъ,—но господинъ, ради Бога! онъ хочетъ, чтобы я вышла за него замужъ!

Смотритель вопросительно взглянулъ на дона Хозе. Поведеніе черного рѣшительно понравилось гордому и неукротимому испанцу.

— Пусть рѣшитъ это Агрикола, сказалъ онъ спокойно.

— Я не принадлежу Агриколѣ! Онъ не имѣетъ надо мною никакихъ правъ! воскликнула Пальмира. Мой господинъ—Оноре!

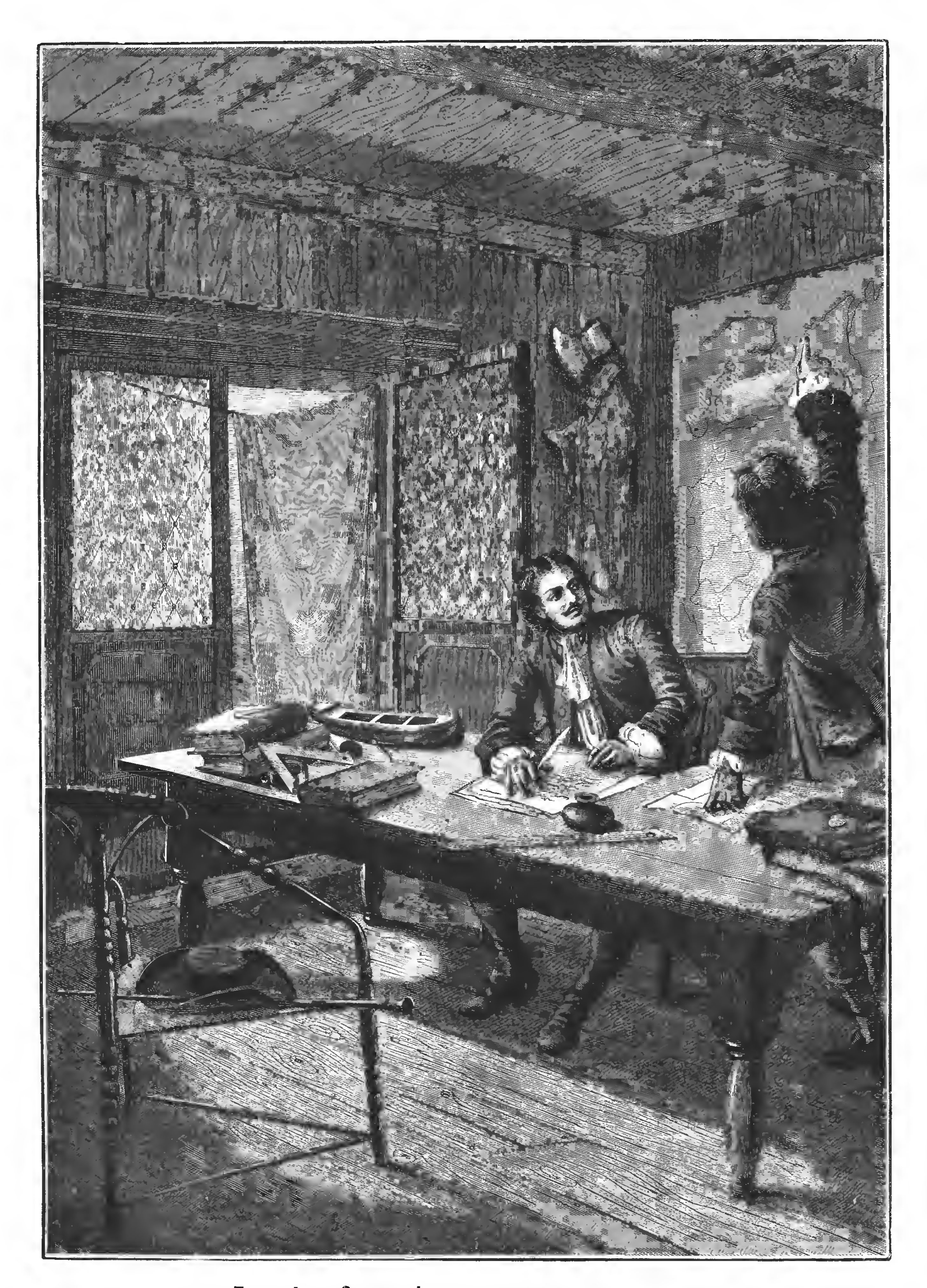
— Молчи!

Она замолчала.

Агрикола согласился съ злобною готовностью. Съ черного принца сняли тяжелыя цѣпи. Дали ему понять, что если онъ будетъ вести себя хорошо, Пальмира станетъ его женою и въ тотъ именно день, когда донъ Хозе обвѣнчается съ ея госпожей, т. е. чрезъ полгода. — Міоко-Коанго ничего не сказалъ. Еще нѣкоторое время онъ ходилъ по плантаціи безъ всякаго дѣла, но скоро выучился тому странному, смѣшанному языку, на которомъ невольники разговариваютъ со своими бѣлыми господами и отчасти между собою, а по прошествіи полугода былъ дѣйствительно прекраснымъ надсмотрщикомъ, умѣвшимъ заставлять работать. Не смотря на это, только три человѣка во всей мѣстности не боялись его.

Не боялась его Пальмира. Съ ея появленіемъ онъ становился ласковымъ и кроткимъ. Зрѣлище по истинѣ было интересное. Укрощенный левъ подходилъ къ прелестной женщинѣ и та безбоязненно съ нимъ смѣялась и забавлялась. „Царское зрѣлище!“ говорилъ смотритель. Самъ онъ однако боялся Міоко. Когда Міоко время отъ времени приходилъ къ нему, не просить позволенія, но просто говорилъ: „Теперь я пойду къ Агриколѣ смотрѣть на свою невѣсту“,—смотритель глядѣлъ вслѣдъ быстро исчезавшему великану, въ раздумьи качалъ головою и что то ворчалъ, что обозначало приблизительно: „Ну, признаюсь, у меня не достало бы смѣлости обмануть его“. Пальмира же, какъ настоящая женщина, рѣшилась на это; она подумала, что ведетъ опасную игру, но ей нравилось скользить надъ бездной...

Это была запутанная, но обычная исторія сердца. Квартеронка удивлялась черному богатырю. Его величавое презрѣніе къ смерти, его неукротимая отвага, его царственный видъ, его презрительное равнодушіе къ окружающимъ—наполняли ее какой то рассовой гордостью. Міоко казался ей олицетвореніемъ доблести и силы негровъ. Она невольно глубоко уважала его, но не могла отдать ему своего сердца: она давно и безнадежно отдала его другому, своему бѣлому господину и хозяину, Оноре! Но она покорилась своей участи и послѣ перваго боязливаго проявленія своихъ чувствъ, когда она упрашивала дона Хозе не отдавать ее негру, съ ея устъ не сорвалось болѣе ни одного слова противорѣчія или жалобы. Она играла комедію, но знала что дѣлаетъ: она знала, что Агрикола сильнѣе и вліятельнѣе и непремѣнно будетъ противъ нея, если только она выразитъ желаніе не выходить за Міоко. Но ей хотѣлось непремѣнно перехитрить врага и заставить его думать, что она ждетъ полнаго счастія отъ брака съ негромъ-вождемъ. И если это ей удастся, то она могла надѣяться, что Агрикола изъ нелюбви къ ней нарочно разстроитъ на зло ей ея свадьбу. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, у нея оставалась ея госпожа, которая не откажется заступиться за нее предъ дономъ Хозе. А если не поможетъ ни хитрость, ни заступничество барышни,



Петръ I въ Саардамѣ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

Кошка завтракаетъ. Рис. Шютце, грав. Кригсманъ.

тогда—маленькій кинжалъ! Она постоянно носила его при себѣ и онъ положитъ конецъ ея мученіямъ...

Не боялась Міоко и ея барышня. Она хотѣла увидѣть непремѣнно жениха своей вѣрной Пальмиры и приказала позвать чернаго красавца. Когда Міоко увидѣлъ нѣжное, прелестное личико дѣвушки, онъ съ секунду стоялъ какъ окаменѣлый, затѣмъ бросился ницъ на землю, широко раскинувъ руки и въ этомъ положеніи ожидалъ пока та ушла. Онъ тогда медленно поднялся и пугливо, благоговѣйно озирался кругомъ. И когда Пальмира просила его объяснить свое поведеніе, онъ отвѣчалъ: „Не смѣю поднимать глаза на чистаго духа!“

Съ тѣхъ поръ онъ иначе не встрѣчалъ Евгенію какъ съ какимъ то благоговѣйнымъ чувствомъ.

Не боялся Міоко и никого на свѣтѣ, гордый испанецъ донъ Хозе, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые не знаютъ трепета ни предъ людьми, ни предъ судьбою. Между негромъ и его господиномъ установились какія то своеобразныя отношенія. Донъ Хозе по цѣлымъ днямъ проводилъ время съ Міоко на Миссисипи или въ болотистой пустынѣ, гдѣ неосторожное слово кого нибудь изъ нихъ легко могло быть его послѣднимъ словомъ. И господинъ, и рабъ держались во взаимномъ самоуваженіи и вели себя какъ хорошіе товарищи по охотѣ: донъ Хозе какъ бы не замѣчая своего снисхожденія, Міоко не выказывая за него ни малѣйшей благодарности. Еслибы донъ Хозе до нѣкоторой степени не выказывалъ дружбы Міоко и охотничья жизнь не была бы негру хотя отчасти по вкусу, онъ безъ всякаго сомнѣнія никогда не покорился бы своей участи невольника и, хотя бы цѣною смерти, но давно бы сдѣлалъ попытку освободиться. Время шло быстро и довольно спокойно и наступилъ день, въ который должны были отпраздновать двѣ свадьбы: дона Хозе съ барышней и Міоко съ Пальмирой.

Гости съѣхались издалека; донъ Хозе и его нѣжная невѣста были уже готовы; Пальмира сіяла чудной красотой; недоставало только чернаго жениха. Гдѣ былъ онъ?

Агрикола задалъ этотъ вопросъ Пальмирѣ и сопровождалъ его такимъ взглядомъ и такимъ тономъ, которые ясно говорили, что онъ строго встрѣтитъ всякую попытку разстроить свадьбу квартеронки съ негромъ.

Пальмира не отвѣтила; за нее отвѣтилъ одинъ изъ надсмотрщиковъ.

— О, господинъ Фузильеръ, Міоко тутъ близко... Но онъ — не желаетъ одѣваться. Онъ разрисовалъ себя какъ зебра, полосами и кругами...

— Скажи ему, что я, Агрикола Фузильеръ, приказываю ему тотчасъ одѣваться.

— Я пять разъ говорилъ ему это, господинъ! Но знаете, что онъ отвѣчаетъ? Онъ говоритъ, что вы ничтожный бѣлый, и—я насилу осмѣливаюсь повторить—онъ плюетъ на васъ и продолжаетъ себя красить въ свадебные цвѣта по обычаю своей страны.

Трудно сказать какъ бы Фузильеръ наказалъ негра за дерзость, еслибы не вмѣшалась барышня и не пошла сама къ Міоко. Какъ только онъ увидѣлъ ее, глаза его загорѣлись.

— Прошу тебя, Міоко, одѣваться! сказала она ласково.

Онъ ждалъ пока она ушла, и затѣмъ позволилъ одѣть себя въ смѣшной полуевропейскій костюмъ, нѣчто въ родѣ краснаго съ синимъ мундира, въ который съ трудомъ вмѣщались его могучіе, стройные члены. Послѣ того онъ появился въ залѣ на задней половинѣ дома, гдѣ предположено было обвѣнчать его по окончаніи церемоніи въ парадныхъ покояхъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Трапписты.

Очеркъ **Рува.**

Дѣла привели меня въ Баньялуку въ Босніи, самый красивый городъ турецкой области, занятый австро-венграми въ 1878 г. Жившій тамъ австрійскій консулъ обратилъ мое вниманіе на находящійся вблизи монастырь траппистовъ „Звѣзда Маріи“, и я рѣшилъ посѣтить его, такъ какъ давно интересовался этимъ замѣчательнымъ орденомъ. Монастырь лежитъ живописно у дико клокочущей Вербы, притока Савы, на склонѣ горы, поросшей лѣсомъ. Ничто не нарушаетъ глубокой тишины и покоя, царствующихъ вокругъ. Со ступеней монастыря открывается чудный видъ на украшенный мечетями турецкій городъ и прекрасную долину Вербы.

Трапписты, или бенедиктинцы-цистеріанс, дошедшіе до первоначальной строгости подвижничества, составляютъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи религіи запада и ведутъ свое названіе отъ монастыря *La trappe*, лежащаго въ пустынной долинѣ Нормандіи, недалеко Мортаня, въ департаментѣ Орны. Долина была названа жителями la trappe, т. е. опускная дверь, по узкому, трудно доступному входу въ нее; основанный въ ней въ 1140 г. цистеріанскій монастырь получилъ также названіе „Богородицы la trappe“, или просто „La trappe“. Въ теченіи столѣтій, въ монастырѣ стала проявляться полная распущенность, и онъ сдѣлался предметомъ общихъ нападокъ. Но въ XVII столѣтіи, когда упадокъ монастыря достигъ высшей степени, появился человѣкъ, положившій конецъ такому состоянію и ставшій основателемъ строжайшаго ордена католической церкви, траппистовъ.

Арманъ Жанъ ле-Бутилье де-Рансе происходилъ изъ знатной французской семьи. Онъ родился 9-го января 1626 г.; на одиннадцатомъ году жизни наслѣдовалъ права и званія своего умершаго брата и, по обычаю того времени, получилъ ребенкомъ три аббатства, между прочимъ La trappe, два пріоратства и мѣсто завѣдывающаго хорами въ соборѣ „Notre Dame“ въ Парижѣ, съ ежегоднымъ доходомъ въ 25.000 франковъ. Два года спустя, рано развившійся мальчикъ, къ изумленію ученаго міра, издалъ Анакреона съ замѣчаніями. Пользуясь расположеніемъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, балуемый женщинами, притомъ обладающій богатствомъ, красавецъ-юноша неизбѣжно долженъ былъ попасть въ водоворотъ свѣтскихъ удовольствій, въ которомъ въ то время вращался весь знатный Парижъ. Многіе годы жизнь его была рядомъ удовольствій и никто не ожидалъ, что человѣкъ этотъ станетъ строгимъ реформаторомъ расшатанной монастырской жизни. Въ 1651 году онъ былъ посвященъ въ священники, спустя два года получилъ степень доктора и въ то же время отказался отъ епископства единственно съ цѣлью не отлучаться изъ веселаго Парижа. Но тутъ на него вдругъ посыпались удары судьбы, заставившіе его сознать ничтожество всего земнаго. Нѣсколько его друзей умерли внезапно, а также покровитель его, герцогъ Орлеанскій; по возвращеніи изъ путешествія онъ увидѣлъ въ гробу высокочтимую имъ герцогиню де-Монбазонъ, сильно изуродованную оспой. Глубоко взволнованный Рансе отшатнулся—и съ этой минуты въ немъ наступила перемѣна. Въ тоскѣ онъ сталъ избѣгать всѣхъ удовольствій, предался покаянію и размышленію и не взирая на просьбы своихъ друзей и родныхъ, рѣшилъ отказаться отъ свѣта. Все свое состояніе онъ подарилъ Hôtel-Dieu въ Парижѣ, отказался отъ своихъ духовныхъ званій и удержалъ только аббатство La trappe. Принявъ въ 1664 г. монашескій обѣтъ въ цистеріанскомъ монастырѣ Персень, онъ отстроилъ развалившееся зданіе бенедиктинскаго монастыря La trappe и ввелъ въ немъ безпримѣрное по строгости отреченія правило. Рансе умеръ 20-го апрѣля 1700 г., на 74 году жизни.

Слава его монастыря распространилась повсюду и ученики Рансе во многихъ мѣстахъ устраивали подобные по строгости монастыри.

Изгнанные во время революціи изъ Франціи и гонимые Наполеономъ изъ страны въ страну, трапписты-монахи и монахини (существовали также и женскіе монастыри) долго скитались по Европѣ, пока наконецъ послѣ смерти міроваго завоевателя не получили разрѣшенія вернуться во Францію. Сила и рвеніе ихъ не уменьшились во время преслѣдованій, напротивъ увеличились, и орденъ подъ началомъ аббата Августина достигъ небывалаго развитія. Еще разъ изгнанные во время революціи въ 1830 году и неоднократно притѣсняемые исключительными законами французскаго правительства, трапписты тѣмъ не менѣе сохранили первоначальную строгость. Въ настоящее время они находятся почти во всѣхъ странахъ міра и даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ трапписты основали монастырь въ землѣ каффровъ. Орденъ насчитываетъ около 3400 монаховъ и монахинь въ 45 монастыряхъ. Во главѣ каждаго монастыря, имѣющаго болѣе 12 патеровъ, находится игуменъ; въ монастырѣ же съ меньшимъ, нежели 12, числомъ патеровъ, старшій называется пріоромъ. Внѣшній знакъ игумена — это простой деревянный крестъ, въ то время какъ игумены другихъ орденовъ носятъ обыкновенно золотой крестъ. Каждую весну старшіе съѣзжаются въ La trappe. Генералъ ордена, подобно генераламъ прочихъ орденовъ, живетъ въ Римѣ.

Но вернемся къ монастырю „Звѣзда Маріи“. Былъ полдень когда я подъѣхалъ къ Вербѣ. Паромъ перевезъ меня чрезъ дикую рѣку, къ монастырскому саду. Съ біеніемъ сердца я дернулъ звонокъ; дверь подалась безъ шума и блѣдный молодой монахъ, чехъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, молча впустилъ меня, закрылъ дверь, бросился на землю, поцѣловалъ ее и, къ моему смущенію, также мои запыленныя ноги, молча же взялъ меня за руку, повелъ въ церковь, гдѣ громко помолился по латыни за гостя, и оттуда проводилъ меня въ маленькую, простую, почти убогую комнатку для пріѣзжихъ и удалился, еще разъ поклонившись въ землю. Послѣ продолжительнаго ожиданія, появился пріоръ монастыря, человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, серьезно, но дружески привѣтствовалъ меня и спросилъ чего я желаю. Онъ охотно сообщилъ мнѣ объ устройствѣ, обычаяхъ и установленіяхъ ордена и показалъ весь монастырь. Находящіеся тутъ монахи отчасти нѣмцы и отчасти австрійцы; между ними лица разныхъ сословій и даже есть одинъ графъ.

Монастырь „Звѣзда Маріи“ насчитываетъ 60 монаховъ; между ними пятьдесятъ братьевъ въ коричневыхъ рясахъ съ кожаными поясами и десять патеровъ въ бѣлыхъ мантіяхъ, черныхъ наплечникахъ и съ черными кожаными поясами; послѣдніе въ церкви надѣваютъ еще бѣлый плащъ съ капюшономъ. И братья

и патеры брѣютъ головы, за исключеніемъ узкаго вѣнчика волосъ; бѣльцы носятъ бороды. Не всѣ патеры священники; отъ воли аббата или пріора зависитъ посвященіе извѣстнаго числа монаховъ въ священники. Отъ кандидатовъ на священника монастыря траппистовъ не требуется ни гимназическаго, ни университетскаго образованія. Такія требованія неумѣстны. Изъ монастырей изгнана всякая наука. Тутъ нѣтъ ни амвона, ни исповѣдальни, ни школъ. Монахи даютъ строгій обѣтъ молчанія, впрочемъ обязаны пѣть хоромъ въ церкви. Уставъ траппистовъ такъ суровъ и требуетъ такой силы воли и стольких лишеній, что внушаетъ удивленіе и почтеніе. Вся жизнь монаховъ проходитъ въ покаяніи и умерщвленіи плоти. Они искупаютъ не только свои грѣхи, но и грѣхи всего міра вообще, и свое существованіе какъ человѣка. Ни одно свѣтское ощущеніе, ни одна свѣтская мысль не должны имѣть доступа за монастырскія стѣны, и требованія бѣдности, покорности и послушанія, выполняются здѣсь въ самомъ строгомъ смыслѣ.

Обыкновенно монахи встаютъ въ 2 часа ночи; въ воскресеніе они поднимаются уже въ часъ, а въ пятницу—въ полночь. Молча они идутъ въ церковь и молятся до пяти часовъ, большею частью напѣвая медленно. Около 6 часовъ утра они моютъ лицо и руки, послѣ чего братья, работающіе внѣ дома, отправляются на работу, а патеры читаютъ духовныя книги, или предаются размышленіямъ. Послѣ богослуженія, въ восемь часовъ, они также принимаются за работу. Хотя трапписты подраздѣляются на патеровъ и братьевъ и носятъ различную одежду,—относительно работы не существуетъ никакого отличія. Старикъ или молодой, священникъ или бѣлецъ, патеръ или братъ, долженъ исполнять ту работу, какую ему укажетъ игуменъ. Послѣдній также участвуетъ въ работахъ, и даже въ самыхъ непріятныхъ и грубыхъ. До трехъ четвертей одиннадцатаго всѣ работаютъ безъ устали въ разныхъ мастерскихъ, на мельницѣ, на пивномъ заводѣ, въ лѣсу и полѣ. Ни одно слово не должно сорваться во время работы съ устъ трапписта, ни одна улыбка не можетъ освѣтить его лица. Уставомъ предписана постоянная серьезность и молчаніе.

Звукъ колокола подаетъ монахамъ знакъ прекратить работу; но и теперь они не идутъ отдыхать, а направляются въ церковь помолиться, а оттуда въ столовую, гдѣ они молча приступаютъ къ скудной транезѣ, во время которой одинъ изъ братьевъ читаетъ жизнь святыхъ отцовъ. Замѣчательно, что для умершаго ставится впродолженіи цѣлаго мѣсяца приборъ. Послѣ обѣда, произнося громко молитву, трапписты снова идутъ въ церковь, гдѣ молятся четверть часа. Потомъ снова начинается работа, кончающаяся въ пять часовъ пополудни. Послѣ краткой молитвы въ церкви, монахи ужинаютъ кускомъ хлѣба и кружкой вина или пива, за столами безъ скатертей, уставленными въ столовой въ видѣ подковы. Затѣмъ всѣ собираются въ такъ называемой залѣ капитула, гдѣ игуменъ или пріоръ читаетъ имъ короткую проповѣдь, и гдѣ каждый монахъ, замѣтившій въ своемъ собратѣ ошибку или нарушеніе устава, обязанъ сообщить объ этомъ старшему. Получасовая молитва въ церкви заканчиваетъ такъ называемый капитулъ. Каждую пятницу монахи бичуютъ себя все время, пока медленно говорится псаломъ „Miserere". Въ 7 часовъ всѣ, не исключая аббата, уходятъ въ общую спальню.

Жизнь трапписта тяжела и сурова. Онъ питается только стручковыми плодами, сваренными безъ мяса, жира, молока и яицъ. Притомъ ежедневная порція необыкновенно мала. Далѣе, онъ лишенъ всякаго удобства. Ни одинъ монахъ не имѣетъ своей собственной комнаты; у нихъ все общее: и столовая, и спальня, и церковь. Стулья безъ спинокъ и такъ узки, что на нихъ съ трудомъ можно сидѣть. Въ церкви же нѣтъ скамеекъ; цѣлые часы лѣтомъ и зимою трапписты простаиваютъ на колѣняхъ на холодномъ полу. Одежда ихъ состоитъ зимою изъ толстой шерстяной бѣлой рубахи, толстой шерстяной рясы и твердыхъ сандалій. Никто не заботится о чисткѣ одежды, трапписты сами моютъ свое платье, „единственныя молчаливыя прачки въ мірѣ", какъ ихъ однажды назвалъ Альбанъ Штольцъ. Наконецъ, постель состоитъ изъ набитаго соломой мѣшка, на который они ложатся одѣтыми. Никто не вправѣ переодѣться даже и въ томъ случаѣ, когда платье его насквозь мокро отъ дождя или снѣга. Каждый ложится мокрый и грязный. Въ спальнѣ никогда не зажигается огонь.

Всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ всецѣло прекращено, траппистъ не имѣетъ права ни писать, ни получать письма. Онъ умеръ для свѣта. Умираетъ ли его отецъ, мать, братъ, сестра, другъ или родственникъ, къ нему не достигаютъ вѣсти. Если же имѣется извѣстіе о смерти, то игуменъ свываетъ вечеромъ монаховъ помолиться за умершаго близкаго имъ человѣка и всѣ молятся тѣмъ усерднѣе, что всякій изъ нихъ думаетъ, что молится за своего родного. Траппистъ не знаетъ также прежней жизни своихъ собратьевъ; онъ не знаетъ кто они и откуда. Въ молчаніи, трудѣ и страданіи проходитъ жизнь трапписта, призывающаго смерть, которая не заставляетъ себя долго ждать. Трапписта, почувствовавшаго приближеніе смерти, относятъ въ церковь и кладутъ на соломѣ и пеплѣ. Вокругъ него становятся блѣдные собратья. Монахъ, молчавшій всю жизнь по уставу, предъ вратами вѣчности можетъ говорить, и въ горячихъ словахъ убѣждаетъ братьевъ твердо идти по избранному тернистому пути, въ концѣ котораго ихъ ждетъ золотой вѣнецъ небесъ. На слѣдующій день послѣ смерти трапписта происходитъ торжественная панихида и затѣмъ тѣло, безъ пѣнія, звона и даже безъ гроба, предается землѣ. Простой деревянный крестъ съ надписью: *„П. Іосифъ + 25. 5. 75"* обозначаетъ мѣсто, гдѣ покоится усталый странникъ. И если крестъ этотъ разрушится со временемъ, то имя монаха вычеркивается изъ памяти людей.

Разсказываютъ, что трапписты привѣтствуютъ другъ друга словами: „memento mori" (помни о смерти), и каждый вечеръ по нѣскольку минутъ работаютъ около своей могилы. Свѣдѣнія эти ни на чемъ не основаны: трапписты привѣтствуютъ другъ друга только нѣмымъ наклоненіемъ головы, и никто изъ нихъ не копаетъ себѣ могилы. По какимъ образомъ возникли эти разсказы и часто повторяются? Тому сто лѣтъ, въ итальянскихъ провинціальныхъ монастыряхъ введенъ былъ строгій уставъ; между прочимъ было принято также привѣтствовать другъ друга словами „memento mori" и копать себѣ могилу. Но это практиковалось не долго, такъ какъ противъ этого высказался главный капитулъ траппистовъ. Внѣ Италіи обычай этотъ сохранялся непродолжительное время и нынѣ вывелся окончательно. Но и теперь на всѣхъ монастырскихъ кладбищахъ всегда есть начатая могила, долженствующая напоминать каждому монаху, что быть можетъ въ ней онъ скоро успокоится.

Игуменъ монастыря единственное лицо, могущее, въ случаѣ надобности, нарушить обѣтъ молчанія. Аббатъ или пріоръ принимаетъ и прислуживаетъ гостямъ, завѣдываетъ корреспонденціей, распоряжается работами и назначаетъ наказанія за нарушеніе устава или монастырскаго порядка. Наказанія состоятъ въ уменьшеніи или лишеніи провинившагося пищи на одинъ или нѣсколько дней, или его присуждаютъ вымаливать пищу у братьевъ, или обѣдать сидя или стоя на колѣняхъ, или, наконецъ, ложиться на землю предъ церковью или столовой, и всѣ братья должны переступать черезъ него.

Стихотворенія.

I.

Бушевали кругомъ насъ порывы
Вѣтра буйнаго; громъ грохоталъ.
Волнъ сѣдыхъ, безпощадныхъ приливы
Грудью каменный молъ отражалъ.
Мы надолго, навѣки прощались...
Грустный мигъ!.. Безъ надеждъ впереди,
Руки съ болью, тоскливо сжимались
Горе тяжкое ныло въ груди.
„Будь счастлива!" шепталъ я тоскливо;
„Счастливъ будь!" отвѣчала ты мнѣ...
И стонали лишь вѣтра порывы
Эхомъ горестныхъ словъ въ вышинѣ...

II.

Беззвѣздно небо. Ночь темна.
Вдали, какъ звѣрь, бушуетъ море
И величавая волна
Гуляетъ грозно на просторѣ.
Душа сомнѣньями полна;
Надъ ней, какъ ночь, нависло горе...
И счастья мигъ—привѣтъ небесъ,—
Какъ солнца лучъ, во тьмѣ исчезъ.

А. Заг— инъ.

Къ рисункамъ.

Свѣтлое Христово Воскресеніе въ деревнѣ.

(Рис. на стр. 276 и 277).

Съ обычною мѣткостью и вѣрностью русской жизни изобразилъ нашъ художникъ сцену въ избѣ зажиточнаго крестьянина, въ деревнѣ, на первый день праздника. Въ обширной избѣ все уставлено на столѣ—куличи, и пасха, и яйца. Священникъ, приглашенный въ качествѣ гостя, благословляетъ трапезу, приступая къ ней вмѣстѣ съ хозяевами, которые молятся на образа. Домашніе всѣ заняты своимъ дѣломъ. Дѣтки уже начали катанье красныхъ яицъ по лубку и движеніе этихъ круглыхъ красныхъ предметовъ возбуждаетъ любопытство и пристальное вниманіе большой кошки, которая не прочь поиграть съ ними лапкой. Женщины заняты уборкой и стряпней и разряжены по праздничному. Къ одной изъ нихъ подходятъ христосоваться два молодыхъ парня—солдатикъ, пришедшій на побывку, и дру-

той молодецъ, который за спиной, готовясь христосоваться, держитъ красное яичко. Молодуха смѣется. А въ избу набрались нищіе, которыхъ въ такой великій праздникъ никакъ не обойдеть щедрое подаяніе.

Древній пасхальный обычай.

(Рис. на стр. 281).

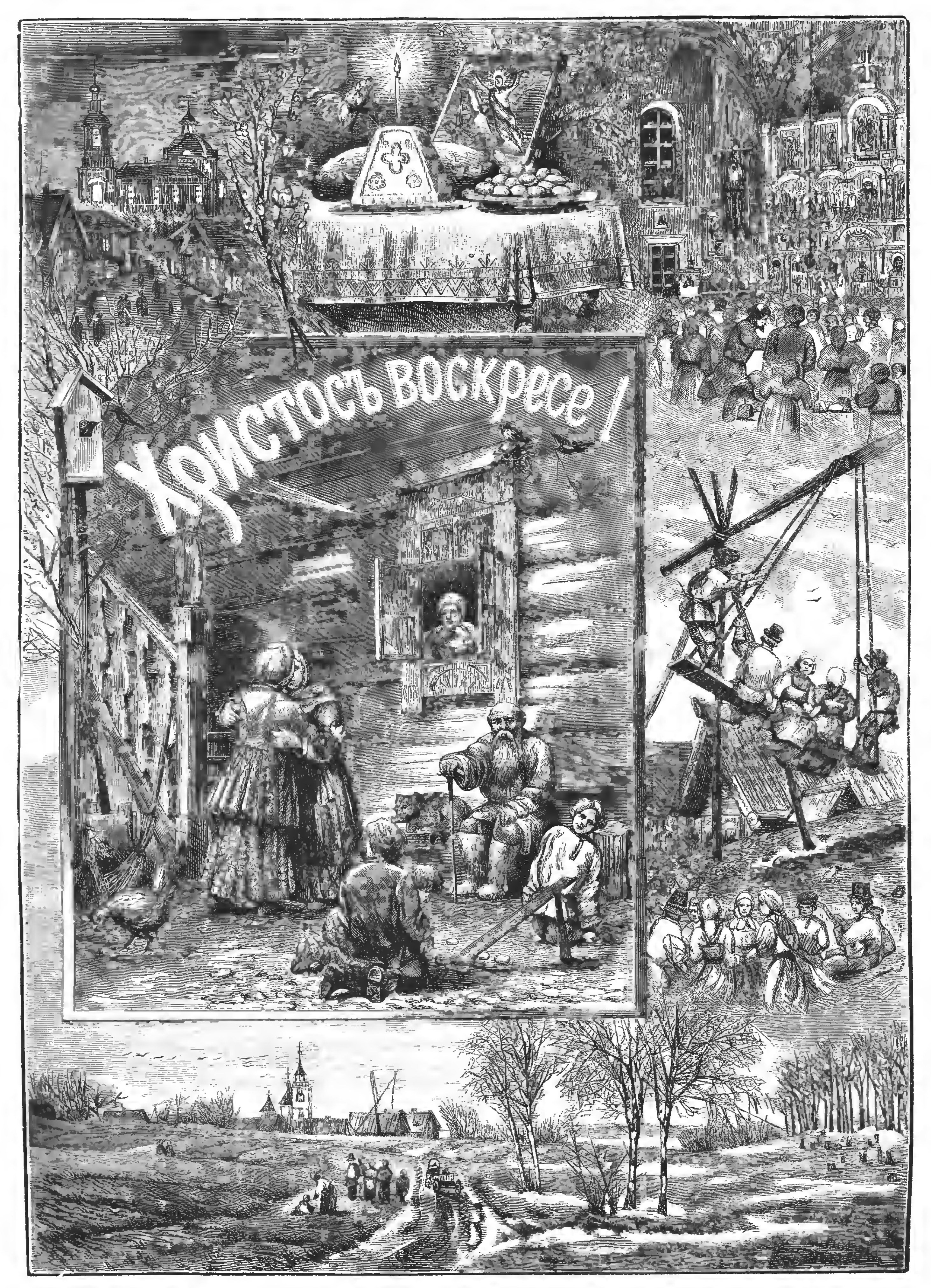
Здѣсь изображена сцена весьма странная—именно, обливаніе водой небывшихъ у Свѣтлой заутрени, сцена, которую теперь разумѣется нигдѣ видѣть нельзя, но которая имѣла мѣсто въ допетровской Руси. Свидѣтельство объ этомъ странномъ обычаѣ есть для насъ въ указѣ Св. Сѵнода даже отъ 1721 г.: „Понеже вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ Государствѣ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое непотребство, а именно: во всю святую свѣтлую седьмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у утрени, таковаго, яко бы штрафуя, обливаютъ водою и въ рѣкахъ и прудахъ купаютъ; и хотя сіе дѣлаютъ себѣ будто бы за забаву праздничную, однако отъ той суетной забавы дѣлается тщета“. Такимъ образомъ этотъ странный обычай, который въ это еще холодное время года могъ быть и вреденъ для здоровья купаемаго, былъ въ свое время прекращенъ и теперь о немъ осталось лишь смутное воспоминаніе.

Петръ Великій въ Саардамѣ.

(Рис. на стр. 284).

Въ концѣ XVII столѣтія, къ сѣверо-западу отъ Амстердама, за морскимъ заливомъ Эй, въ прибрежныхъ деревняхъ и мѣстечкахъ Зандлаандскихъ, въ Саардамѣ, Когѣ, Остъ-Заленѣ, Вестъ-Заленѣ и другихъ, процвѣтало обширное кораблестроеніе съ дѣятельною торговлею. Тамъ существовало не менѣе 50-ти частныхъ верфей, на которыхъ работа производилась днемъ и почью, и суда строились съ такою быстротою, что въ пять недѣль поспѣвалъ корабль, готовый выйти въ море. Голландскіе плотники, работавшіе въ Москвѣ и Архангельскѣ и пользовавшіеся довѣріемъ и милостью молодаго царя, успѣли убѣдить его, что нигдѣ нельзя такъ хорошо выучиться кораблестроенію, какъ въ Саардамѣ; и вотъ, въ 1697 году, Петръ съ небольшой свитой отправляется въ Голландію, минуетъ Амстердамъ и спѣшитъ на верфи Саардама. При самомъ въѣздѣ въ городъ онъ встрѣчаетъ стараго знакомаго, кузнеца, бывшаго въ Москвѣ, Герита Киста, который едва узнаетъ царя въ одеждѣ голландскаго плотника, въ красной фризовой курткѣ, въ бѣлыхъ холщевыхъ шароварахъ, съ лакированной шляпой на головѣ. Царь, объяснивъ Гериту причину своего пріѣзда, беретъ съ него слово, что онъ никому не откроетъ присутствія русскаго царя въ Саардамѣ и, кромѣ того, убѣждаетъ Киста уступить ему свое скромное жилище—маленькій домикъ въ западной части Саардама на Кримпѣ. Въ этомъ то домикѣ, сдѣлавшемся впослѣдствіи историческимъ, Петръ прожилъ цѣлую недѣлю, т. е. все то время, когда онъ работалъ на верфи Липста Рогге, подъименемъ Петра Михайлова. Убѣдившись, что въ Саардамѣ строятъ лишь маленькія суда, и что кораблестроеніе знаютъ тамъ лишь практически, Петръ черезъ недѣлю переселился въ

Изъ альбома художника. Гречанка. Ориг. рис. Милевскаго, грав. Ангереръ.



Христосъ Воскресе! Ориг. рис. А. Васнецова, грав. Флюгель.

Амстердамъ, гдѣ и работалъ цѣлые четыре мѣсяца на верфяхъ остъ-индской компаніи. Время отъ времени царь все-таки посѣщалъ свой домикъ въ Саардамѣ и заходилъ къ кое-кому изъ своихъ саардамскихъ знакомыхъ, среди которыхъ онъ пользовался такой искренней и глубокой привязанностью. Какъ въ Саардамѣ, такъ и въ Амстердамѣ Петръ почти все время былъ посвященъ упорному труду; поработавъ на верфи, неутомимый царь принимался за другія занятія—занятія государственныя: каждая почта приносила ему груду бумагъ изъ Москвы. И здѣсь на рисункѣ мы видимъ какъ онъ занятой сидитъ у стола, говоря о дѣлахъ съ однимъ изъ приближенныхъ. Царь отвѣчалъ на всѣ письма съ первою отходившею почтою; если же не успѣвалъ, то просилъ на это не сѣтовать, такъ какъ, писалъ онъ къ Виніусу, „иное за недосугомъ, иное за отлучкою, не исправишь". Письма, посланныя имъ во время пребыванія въ Голландіи, самаго разнообразнаго содержанія. Они ярко свидѣтельствуютъ, что, окруженный толпою простыхъ рабочихъ, обтесывая бревна и доски и прилаживая корабельныя снасти, царь все-таки зорко слѣдилъ за всѣми современными дѣлами Европы, часто предавался думамъ о дорогой ему Россіи, и возвратившись съ верфи, въ часъ досуга и ночной тишины, торопливо и кратко, но всегда сильно и рѣзко, изъявлялъ московскимъ властямъ свои виды, желанія и надежды.

Кошка завтракаетъ.

(Рис. на стр. 285).

Нельзя не любоваться прелестнымъ выраженіемъ этихъ миловидныхъ личикъ дѣтей, повязывающихъ салфетку своей кошечкѣ передъ завтракомъ, чтобы она не запачкала бѣлую шерстку своей манишки. Особенно милъ этотъ внимательный и наивный взглядъ младшаго малютки. Кошка зажмурила глаза и ей повидимому вовсе не такъ весело какъ дѣткамъ, и едва ли она видитъ необходимость въ такой салфеткѣ. Она и безъ того очень чистоплотна и предпочла бы позавтракать безъ такихъ приспособленій, которыя ей только будутъ мѣшать.

Изъ альбома художника. „Гречанка".

(Рис. на стр. 288).

Молодой художникъ г. Милевскій передалъ намъ нѣсколько очень милыхъ головокъ, этюдовъ изъ своего альбома. Одинъ изъ этихъ этюдовъ—типъ гречанки, мы здѣсь помѣщаемъ. Чистота линій, спокойствіе и правильность очертаній, такъ восхищающія насъ въ художественныхъ изображеніяхъ древней Греціи—еще сохранились и у современной греческой красавицы, особенно на островахъ, гдѣ чистота типа составляетъ болѣе частое явленіе, чѣмъ на материкѣ и въ городахъ.

Христосъ Воскресе!

(Рис. на стр. 289).

Христосъ Воскресе! Великій всерадостный праздникъ! Торжество изъ торжествъ и праздникомъ Праздникъ! И наша Русь спокон искони праздновала его радостно и торжественно. Пасха у всѣхъ христіанскихъ народовъ день самый веселый: праздникъ весны и пробужденія природы, соединяется здѣсь съ великимъ религіознымъ торжествомъ и даетъ ему особую прелесть и обаятельность. Природа въ это время, по народному убѣжденію, какъ бы радуется дню Воскресенія Спасителя и выражаетъ эту радость въ необычайныхъ явленіяхъ. Предки наши были вполнѣ увѣрены, что въ Свѣтлое Воскресенье вспышка утренней зари на востокѣ бываетъ краснѣе, розовѣе, нежели въ другіе дни, и что солнце при своемъ восхожденіи трепещется, играетъ... Въ старину и на колокольняхъ, и на горахъ, и вообще на высокихъ мѣстахъ уже задолго до зари стояли набожные зрители, чтобы полюбоваться этимъ чуднымъ и таинственнымъ явленіемъ. Народное празднованіе Пасхи въ древнее время мало чѣмъ разнилось отъ празднованія нашего времени, изображеннаго на нашемъ рисункѣ. Также какъ и теперь простой русскій человѣкъ считалъ за грѣхъ ложиться спать въ ночь, предшествовавшую Великому дню; шелъ къ заутрени и, возвратясь, радостными словами „Христосъ Воскресе!" поздравлялъ своихъ домашнихъ. Являлись куличи и пасхи, изображенные въ верхней части рисунка, затѣмъ христосованіе, дѣтки уже начинаютъ на улицѣ катать красныя яички, и дѣдушка старикъ, вернувшись отъ великой Заутрени, отдыхаетъ на заваленкѣ. Справа молодежь уже веселится около качелей въ ясный день, а внизу видно какъ по подмерзшему утренничку возвращаются изъ церкви, скользя иногда и падая въ полутьмѣ на скользкихъ, подмерзшихъ лужахъ.

Замокъ Кронборгъ.

(Рис. на стр. 292).

Въ самомъ узкомъ мѣстѣ Зундскаго пролива, гдѣ Нѣмецкое море вливаетъ свои волны въ воды Категата, противъ шведскаго города Гельзингборга стоитъ замокъ Кронборгъ. Онъ былъ построенъ въ то время, когда Швеція впервые завязала борьбу со своимъ датскимъ сосѣдомъ, владѣвшимъ южными провинціями Шонею и Готландомъ, борьбу, кончившуюся для Швеціи неудачей и признаніемъ верховной власти Даніи надъ названными провинціями и Норвегіей. Король датскій Фридрихъ II, пользовавшійся славою мудраго правителя, выстроилъ въ 1574—75 году на сѣверномъ берегу Зеландіи, на островѣ Гофіо, въ стилѣ возрожденія, романическій замокъ Кронборгъ, который долженъ былъ преградить непріятельскому флоту доступъ въ Зундъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи замокъ вынесъ первое испытаніе во время борьбы со шведами, которые, подъ предводительствомъ Карла X, завладѣли имъ и расположеннымъ за нимъ городомъ Гельзингборгомъ въ 1658 г., хотя первоначально и были отброшены голландскимъ флотомъ. Въ 1660 году и городъ и замокъ снова перешли къ Даніи. Своею извѣстностью всему образованному міру замокъ этотъ обязанъ великому Шекспиру, который въ знаменитой трагедіи „Гамлетъ" дѣлаетъ замокъ этотъ сценою изображенныхъ событій. На террасѣ этого замка съ моря, какъ извѣстно, появляется тѣнь отца принца Гамлета. Въ сосѣднемъ морскомъ купаньѣ Маріенлистѣ по настоящее время показываютъ могилу принца Гамлета. Это высокая груда массивныхъ береговыхъ камней. Прежде указывали въ нѣсколькихъ мѣстахъ могилу Гамлета.

Теперь замокъ этотъ служитъ казармой; въ немъ сохранилась еще хорошая картинная галлерея и богато украшенная небольшая церковь съ древними надписями. Для туристовъ замокъ представляетъ еще интересъ по превосходнымъ видамъ на море, открывающимся изъ его оконъ, частью съ такъ называемой флаговой башни (на правой сторонѣ рисунка) и частью съ сѣверозападной башни съ плоскою крышею.

Ратуша въ Герефордѣ.

(Рис. на стр. 293).

Въ графствѣ Герефордъ въ Англіи сохранилось много остатковъ средневѣковыхъ зданій, которыя теперь, къ сожалѣнію, совершенно исчезаютъ, уступая мѣсто новымъ постройкамъ. Старая Герефордская ратуша не существуетъ болѣе въ первоначальномъ видѣ, между тѣмъ это было одно изъ замѣчательнѣйшихъ по своеобразности, оригинальнѣйшихъ громадныхъ зданій, построенныхъ въ срединѣ XVI столѣтія. Ратуша стояла, для сохраненія мѣста, на 27 пилястрахъ, соединенныхъ группами по девяти колоннъ. На фундаментѣ изъ кусковъ несчаника, возвышавшемся на нѣсколько футовъ надъ площадью рынка установлены были пьедесталы колоннъ. Такимъ образомъ внизу было свободное мѣсто для торговцевъ и ихъ лавокъ. Лѣстница на южной сторонѣ зданія вела въ первый этажъ, гдѣ, рядомъ съ большою залою, находилось много меньшихъ комнатъ для служащихъ. Во второмъ этажѣ было по восьми острыхъ фронтоновъ съ каждой стороны по длинѣ зданія и по три фронтона на поперечныхъ сторонахъ, кромѣ того крытые балкончики образовали выступы на четырехъ углахъ зданія. Надъ однимъ изъ среднихъ фронтоновъ поперечной стороны возвышалась двухъэтажная восьмиугольная башенка. Внутреннія стѣны этого прекраснаго и оригинальнаго зданія состояли изъ балокъ, украшенныхъ разнообразной рѣзною работою.

Политическое обозрѣніе

Англія.—Египетъ.—Тонкинъ.—Американскіе Соединенные Штаты.—Италія.—Японія.

Въ Лондонѣ недавно происходило, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, засѣданіе гордоновскаго комитета, образовавшагося съ цѣлью почтить память злополучнаго Хартума какимъ либо полезнымъ, благотворительнымъ учрежденіемъ. Въ этомъ первомъ засѣданіи было принято единогласно рѣшеніе, одобряющее проэктъ, построить въ Портъ-Саидѣ международный госпиталь, мѣсто для котораго уступаетъ компанія Суэзскаго канала. Госпиталь будетъ называться „Гордоновскимъ". Кромѣ того для увѣковѣченія памяти защитника Хартума будутъ воздвигнуты статуя и монументъ.

Военныя силы отряда Граама, стоящаго подъ Суакимомъ, уже начали довольно успѣшно свои дѣйствія противъ скопищъ Османа-Дигмы. 20-го марта, выступивъ изъ лагеря, они заняли вершины нѣсколькихъ холмовъ и прогнали непріятеля съ высокой, изолированной возвышенности. Непріятельскій отрядъ, состоявшій изъ 4,000 человѣкъ, отступилъ въ Тамай. Позиціи Османа-Дигмы были заняты. Непріятель понесъ значительныя потери. Полученныя въ Корти извѣстія подтверждаютъ распространившійся слухъ о вспыхнувшемъ въ Кордофанѣ возстаніи противъ лжепророка, и объ умерщвленіи тамошняго эмира, набиравшаго для Махди солдатъ. Въ англійскомъ штабѣ уже составляется планъ относительно будущей осенней кампаніи. Англичане предполагаютъ устроить нѣсколько желѣзно-конныхъ дорогъ, для обхода пороговъ затрудняющихъ имъ путь по Нилу. Военное начальство сдѣлало распоряженіе о закупкѣ большаго количества верблюдовъ. Жары становятся уже невыносимыми, но пока положеніе раненыхъ въ походныхъ лаза-

рстахъ еще довольно сносно. Англійскія власти въ Египтѣ рѣшились на весьма важную мѣру, арестовавъ донгольскаго мудира, не безъ основанія навлекшаго на себя подозрѣніе своимъ двуличнымъ поведеніемъ, обличавшимъ въ немъ тайнаго предателя и единомышленника Махди. Зеберъ-паша со всѣмъ своимъ семействомъ былъ доставленъ въ Александрію и затѣмъ отвезенъ на островъ Кипръ. Вслѣдъ за Зеберомъ-пашею были арестованы еще четыре египтянина, довольно извѣстныхъ по своему общественному положенію, сочувствовавшихъ народному движенію въ періодъ дѣятельности Араби-паши и принимавшихъ, по общему предположенію, вмѣстѣ съ Зеберомъ тайное участіе въ суданскомъ мятежѣ.

Полученныя въ Парижѣ телеграммы сообщали, что генералъ Бріеръ де л'Иль отдалъ приказаніе находящимся въ его распоряженіи канонерскимъ лодкамъ, занять Пакой,—весьма важный торговый пунктъ на Тонкинскомъ заливѣ. Съ занятіемъ этого города неизбѣжно пострадаютъ интересы англичанъ, такъ какъ Пакой издавна ведетъ дѣятельную торговлю съ Гонгъ-Конгомъ. Генералъ Бріеръ де л'Иль приказалъ занять Пакой, въ виду того соображенія, что китайцамъ доставлялось оттуда продовольствіе; съ занятіемъ же этого пункта прекратится всякое его сообщеніе съ внутренними рынками Китая. Энергія французскаго главнокомандующаго не пропадаетъ даромъ. По извѣстіямъ „Сѣверо-германской газеты", китайцы начинаютъ замѣтно склоняться въ пользу возстановленія мирныхъ переговоровъ съ Франціей.

Въ Нью-Іоркѣ 4-го происходило великое торжество. Въ этотъ день послѣ полудня Гроверъ Клевелендъ вступилъ торжественно въ должность президента Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Его политическое прошлое и блестящіе результаты его общественной дѣятельности,—все это располагало каждаго американца привѣтствовать его съ неподдѣльнымъ энтузіазмомъ. Когда онъ прибылъ съ экстреннымъ поѣздомъ изъ Албаніи въ Вашингтонъ, то лишь въ первый разъ въ своей жизни увидѣлъ передъ собою главный городъ Соединенныхъ Штатовъ. Клевелендъ избѣгалъ посѣщать Вашингтонъ, и неоднократно повторялъ, что не заглянетъ въ него до тѣхъ поръ, пока не представится ему уважительный къ тому поводъ. Въ настоящую минуту этотъ поводъ ему представился. Въ присутствіи болѣе ста тысячъ человѣкъ, тѣснившихся на площади передъ Капитоліемъ и въ прилегающихъ къ ней улицахъ, новый президентъ принялъ установленную присягу, и, затѣмъ, съ балкона Капитолія прочелъ свою вступительную рѣчь. Въ процессіи, прослѣдовавшей по главнѣйшимъ улицамъ Вашингтона, участвовало болѣе 25 тысячъ человѣкъ регулярныхъ войскъ, милиціи и депутатовъ, прибывшихъ съ разныхъ концовъ великой заатлантической республики.

Итальянская печать продолжаетъ настаивать на необходимости пріобрѣтенія Триполиса и доказываетъ, что триполійская область находится въ связи съ Суданомъ, и что возстаніе Махди можетъ быть всего скорѣе и успѣшнѣе подавлено оттуда.

Въ Японіи существуетъ сильное возбужденіе противъ Китая, по случаю послѣднихъ событій въ Кореѣ, въ которыхъ Китай долженъ былъ признать свое соучастіе. Въ Токіо вспыхнуло возмущеніе при крикахъ „война съ Китаемъ". Японская печать настроена весьма воинственно. Она требуетъ отмщенія за обиду, нанесенную японскому посольству въ Сеулѣ. Возбужденіе настолько сильно, что даже увлекаетъ правительство войти въ союзъ съ Франціей. Оно производитъ усиленныя работы въ арсеналахъ, и объявило призывъ въ армію волонтеровъ, которые являются массами.

Смѣсь.

Нѣкоторыя птицы отличаются замѣчательнымъ обжорствомъ. Дроздъ съѣдаетъ въ одинъ разъ такую массу большихъ улитокъ, которая соотвѣтствуетъ тому, если бы человѣкъ съѣлъ цѣлую заднюю ногу быка. Красношейка также чрезвычайно прожорлива; вычислено, что ей нужно такое количество животной пищи, которая равнялась бы дождевому червю въ 14 футовъ длины. Если сравнить вѣсъ человѣка съ вѣсомъ краснощейки и предположить, что онъ на столько же прожорливъ, какъ названная птица, то ему нужна была бы въ день колбаса толщиною въ 9 дюймовъ и длиною въ 27 футовъ.

Наперстокъ. Что такое наперстокъ—извѣстно, конечно, каждому; но едва ли кто знаетъ имя его изобрѣтателя, а между тѣмъ онъ неоспоримо имѣетъ право на безсмертіе. Наперстокъ изобрѣтенъ голландскимъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ Николаемъ фанъ Беншотенъ и служилъ первоначально предметомъ роскоши. Теперь же онъ является въ каждой семьѣ предметомъ первой необходимости и безъ него обойтись также невозможно, какъ и безъ иголокъ.

Волосы. Парикмахеры въ Марсели, изготовляющіе ежегодно 25,000 шиньоновъ для дамъ и нѣсколько тысячъ мужскихъ париковъ, находятся въ страшномъ затрудненіи. Ожидаемые корабли изъ Китая хотя и прибыли, но безъ обычнаго своего груза китайскихъ волосъ. До настоящаго времени Китай снабжалъ Европу волосами. Въ 1882 году ввезено во Францію 70,758 килограммовъ (1 килогр. = 2½ фунтамъ), а въ 1883 году 124,715 килогр. китайскихъ волосъ. Война съ Китаемъ затруднила торговлю этимъ предметомъ, а между тѣмъ въ Европѣ нѣтъ столько волосъ, сколько требуется; при томъ китайцы доставляли товаръ очень дешево, по 10—12 франковъ за килограммъ. Хотя китайскіе волосы не такъ красивы, какъ волосы съ сѣвера Франціи, но послѣдніе такъ дороги, что доступны только дамамъ очень состоятельнымъ. Коса въ 80 центиметровъ длины бретонской или нормандской красавицы стоитъ 1,000 франковъ, а цѣна за килограммъ сѣдыхъ волосъ изъ этихъ провинцій достигаетъ невѣроятной цифры въ 25,000 франковъ. Англичане и германцы, волосы которыхъ могутъ соперничать съ французскими, оставляютъ свой товаръ для потребностей своихъ странъ, такимъ образомъ у французскихъ парикмахеровъ остается одна надежда на Италію, откуда въ послѣдніе годы привозилось въ Марсель среднимъ числомъ до 22,000 килограммъ этого рѣдкаго товара.

Тоннель подъ рѣкою Мерсей. Изъ Лондона пишутъ: Въ срединѣ новооткрытаго тоннеля подъ Мерсеемъ, Ливерпуль и Биркенгедъ, въ лицѣ своихъ мэровъ, подали себѣ руки. Затѣмъ каждый изъ обоихъ господъ, въ сопровожденіи своей свиты, продолжалъ ходъ на противоположный конецъ тоннеля и церемонія закончилась. Тоннель соединяетъ Ливерпуль съ Биркенгедомъ и чрезъ этотъ послѣдній съ цѣлымъ сѣвернымъ Валлисомъ; Биркенгедъ же соединяется со всею желѣзно-дорожною сѣтью, оканчивающеюся въ Ливерпулѣ. Предположенная чрезъ тоннель желѣзная дорога еще не уложена и будетъ окончена не ранѣе половины іюня. Исторія этого громаднаго сооруженія полна разочарованій и неудачныхъ попытокъ; въ іюнѣ исполнится 19 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ прошелъ первый билль о сооруженіи тоннеля. Прошло десять лѣтъ, въ теченіи которыхъ было сдѣлано очень мало или почти ничего, пока наконецъ въ 1880 году, по почину Исаака, не образовалось новое общество, примѣнившее къ дѣлу новыя машины и счастливо его окончившее.

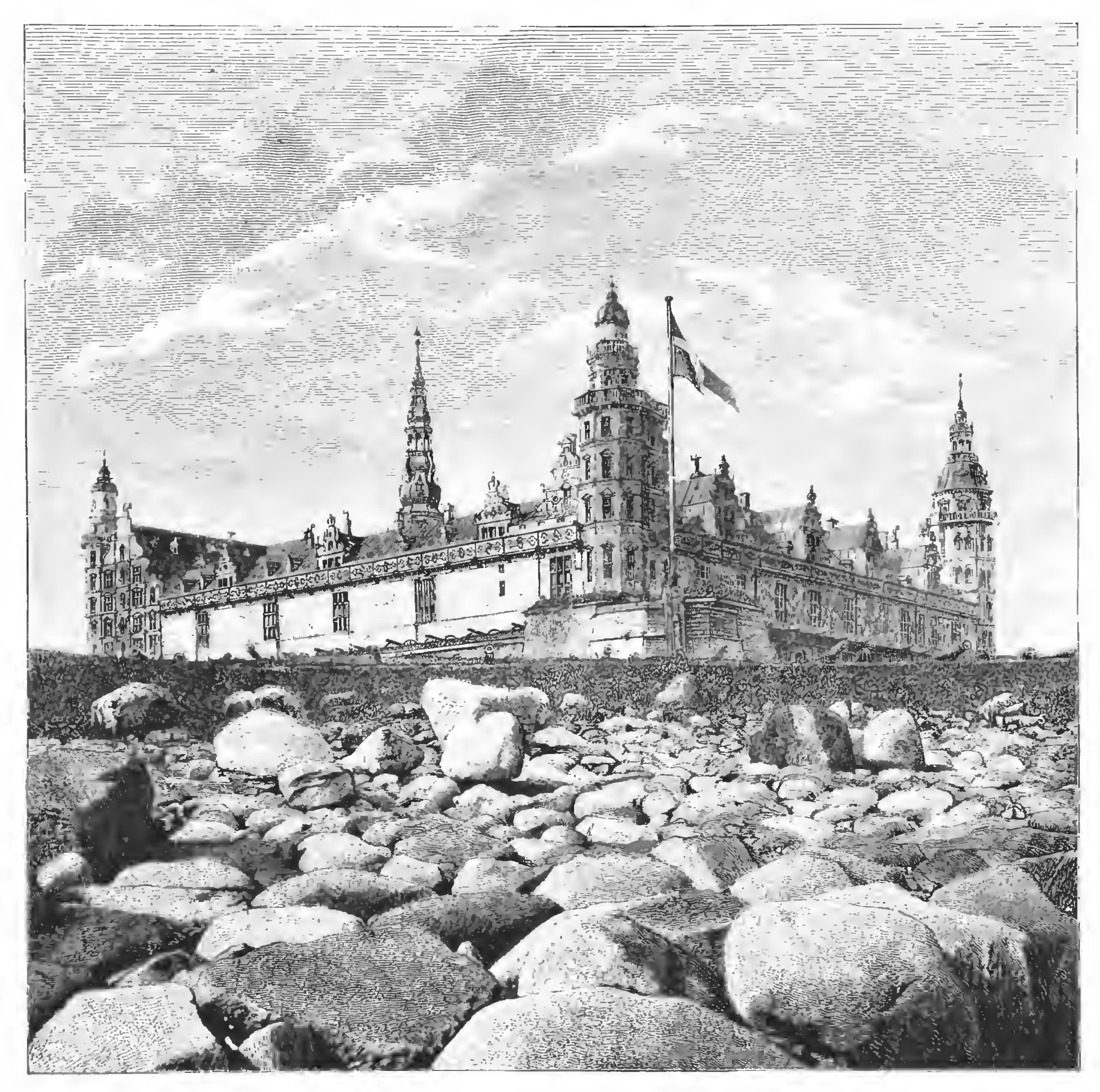
Фотографическій снимокъ при лунѣ. Въ Берлинѣ, общее вниманіе лицъ спеціально заинтересованныхъ привлечено снятой 26-го января при лунѣ фотографіей, которая показывалась въ послѣднемъ засѣданіи общества споспѣшествованія фотографіи. Присутствовавшіе заявляли, что имъ не приходилось еще видѣть такого удачнаго снимка при лунѣ. Нужно замѣтить, что сниманіе продолжалось 2½ часа. Фотографія воспроизводитъ домикъ у колодезя астро-физической обсерваторіи въ Потсдамѣ съ такою точностію всѣхъ мелочей, что производитъ впечатлѣніе фотографіи снятой днемъ.

Самая дорогая книга въ свѣтѣ. Самою дорогою книгою въ свѣтѣ должна считаться книга „Psalmorum Codex", напечатанная въ типографіи Фауста и Шеффера въ 1449 году. Эту книгу недавно купилъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ крезовъ Кваритчъ, большой любитель древностей. Онъ заплатилъ за нее 4,950 ф. стерлинговъ (почти 50 т. рублей). Владѣлецъ этой рѣдкой книги намѣревается показывать ее публикѣ и полученный за входные билеты сборъ употребить въ пользу бѣдныхъ.

Товарищество водолазовъ. Вильямнъ Фипсъ, родившійся въ 1650 году, былъ одинъ и самыхъ замѣчательнѣйшихъ и предпріимчивыхъ людей своего времени въ Сѣверной Америкѣ. Отецъ его былъ кузнецомъ, самъ же онъ еще въ юности сталъ изучать мастерство корабельнаго плотника. Впослѣдствіи онъ занялся примѣненіемъ на практикѣ водолазнаго колокола и задался геніальной мыслью извлечь изъ глубины морской грузъ серебра, утонувшаго съ испанскимъ кораблемъ близъ острова Гаити. Проектъ свой Фипсъ предоставилъ королю Карлу II и съумѣлъ описать монарху въ такихъ соблазнительныхъ и яркихъ краскахъ ту выгоду, которую можно ожидать отъ предпріятія, что Карлъ II далъ ему не только корабль, но и необходимыя для приведенія въ исполненіе его плановъ денежныя средства. Полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ, отправился Фипсъ въ 1683 году въ Вестъ-Индію и началъ тамъ свои работы. Но онѣ не привели къ желанному результату и, послѣ ряда тщетныхъ усилій, Фипсъ долженъ былъ пуститься въ обратный путь и вернуться въ Англію совершеннымъ бѣднякомъ. Эта первая неудачная попытка однако не охладила энтузіазмъ энергичнаго молодаго человѣка: онъ попрежнему былъ убѣжденъ въ возможности выполненія своего плана. Онъ вновь обратился съ просьбой о кораблѣ къ королю Іакову II, вступившему на престолъ послѣ Карла II; но молодой монархъ не выказалъ ни малѣйшаго сочувствія проэкту Фипса и наотрѣзъ отказалъ молодому американцу. Тогда Фипсъ сталъ требовать собрать необходимыя средства посредствомъ составленія компаніи на акціяхъ. Но и здѣсь онъ потерпѣлъ сначала полную неудачу, такъ какъ никто не рѣшался дать деньги на такое рискованное предпріятіе. Публика поднимала даже на смѣхъ проэктъ Фипса, считая его несбыточнымъ. Энергичный американецъ не оставлялъ однако-жъ своего намѣренія и въ концѣ концовъ добился-таки того, что составилъ товарищество. Ему удалось склонить къ предпріятію герцога Альбемара, сына знаменитаго генерала Монкъ, и когда тотъ внесъ значительную сумму, его примѣру послѣдовали другіе капиталисты, числомъ до 20 человѣкъ.

И вотъ, въ 1687 году, Фипсъ во второй разъ отправился въ Гаити на кораблѣ въ 200 тоннъ. Сначала поиски водолазовъ не приводили ни къ какому результату, будто море не хотѣло разставаться со своими сокровищами. Упавшій духомъ предприниматель уже собирался отказаться отъ безплодныхъ трудовъ и отправиться домой, когда при послѣдней пробѣ счастье ему улыбнулось. Водолазы, которые безчисленное число разъ выходили изъ воды съ пустыми руками, вынули на этотъ разъ съ глубины 6—7 саженъ нѣсколько кусковъ

драгоцѣннаго металла. Ободренные духомъ предприниматели принялись съ новыми силами за работу, которая привела къ результатамъ, превышавшимъ самыя смѣлыя ожиданія. Сокровища, добытыя съ морскаго дна и привезенныя Финсомъ въ Англію, представляли собой цѣнность въ 300 тысячъ фунтовъ стерлинговъ (3 милл. руб.). Изъ этого герцогъ Альбемаръ, который внесъ самую крупную сумму на предпріятіе, получилъ 90 тысячъ фунтовъ. Финсъ получилъ на свою долю 20 тысячъ фунтовъ, а остальныя деньги были раздѣлены пропорціонально между другими членами товарищества. Блестящій успѣхъ предпріятія, которое прежде возбуждало только смѣхъ, обратилъ теперь на себя всеобщее вниманіе. Въ числѣ завистниковъ предпріимчиваго американца были и приближенные короля, которые старались уговорить Іакова II конфисковать корабль съ драгоцѣннымъ грузомъ за то, что будто бы Финсъ, прося содѣйствія короля, недостаточно хорошо объяснилъ ему дѣло. Но Іаковъ II оказался справедливѣе своихъ завистливыхъ царедворцовъ и отклонилъ ихъ предложеніе, находя, что Финсъ поступилъ совершенно правильно. Онъ, напротивъ того, выразилъ полное сочувствіе счастливому руководителю водолазовъ и возвелъ его въ рыцарское достоинство. Король не оставлялъ своимъ вниманіемъ Финса; онъ и впослѣдствіи занималъ высокіе посты и умеръ въ 1693 году въ Лондонѣ.



Замокъ Кронборгъ въ Даніи. Рис. Гердъ, грав. О. Ротъ.

Республика Либерія. Эта, лежащая на западномъ берегу Африки колонія, была основана стараніями американскихъ аболиціонистовъ (противниковъ рабства), обществомъ, образовавшимся для этой цѣли еще въ 1816 году. Оно задалось мыслью принимать къ себѣ на правахъ свободныхъ граждан вольноотпущенныхъ негровъ Америки и мало по малу цивилизовать Африку. Въ Англіи и Америкѣ нашлось довольно лицъ, которыя сочувственно отнеслись къ этому великому дѣлу и жертвовали крупныя суммы на учрежденіе колоніи. Республика Либерія получила законы, выработанные въ Америкѣ. Главными основами соціально-политической жизни новой республики были слѣдующія положенія: всѣ жители республики должны быть свободны и равноправны; правленіе страны находится въ рукахъ народа; рабство не должно быть терпимо ни въ какомъ видѣ; гражданами могутъ быть только темнокожіе и только граждане могутъ владѣть землею. Республика управляется президентомъ, имѣетъ сенатъ, депутатовъ и всѣ учрежденія, какія существуютъ въ другихъ государствахъ. Надежды на быстрый успѣхъ въ процвѣтаніи Либеріи однако не оправдались; страна управляется дурно и безпорядочно и живетъ дурно и въ матеріальномъ отношеніи. Главный городъ республики—Монровія съ 10 тыс. населенія, очень бѣденъ и выглядитъ нищенски, старымъ и развалившимся. На улицахъ этой „столицы“ республики протоптаны дорожки для пѣшеходовъ и перейти съ одной стороны на другую не представляется почти никакой возможности. Около домовъ всюду растетъ бурьянъ, сорныя травы, а по улицамъ бродятъ коровы, козы, овцы, свиньи и обезьяны. Офицеры-моряки, которымъ недавно пришлось быть въ Либеріи, находятъ, что цѣль, съ которой была основана республика, вовсе

не достигнута и республиканское управленіе съ его сенатомъ и пр., что все это похоже на какую то пародію на учрежденія такого рода.

Рыбы пережевывающія жвачку. Докторъ Сагемель сдѣлалъ новое біологическое открытіе, что есть рыбы, пережевывающія жвачку. Со времени Кювье было извѣстно, что одна порода рыбъ — Scarus снабжена съ обѣихъ сторонъ нижняго пищепріемника мѣшечными складками слизистой оболочки, которые до сего принимали за остатокъ отдѣлительной железы. Докторъ Сагемель нашелъ, что эти сумочки служатъ только вмѣстилищемъ, въ которомъ пища, раздѣленная челюстными зубами, остается нѣкоторое время, затѣмъ пережевывается и приготовляется для принятія въ желудокъ. Въ этихъ сумкахъ Сагемель находилъ водоросли, части морскаго мху, иглы кремнистыхъ губокъ въ неизмѣненномъ видѣ, между тѣмъ какъ содержимое желудка представляло обычную желудочную кашицу.

Новые часы. Въ магазинѣ Вальтера (Невскій пр. № 52), появились новые часы, показывающіе время отъ перваго часа, начиная съ полуночи, непрерывно до 24-хъ. Такъ напримѣръ, первый часъ въ полдень, обозначенъ числомъ 13 и 8 часовъ вечера — цифрою 20. Для удобства, вечерніе и ночные часы написаны бѣлою краскою по черному полю и наоборотъ, дневные часы — черною краскою по бѣлому полю. Въ Англіи и Германіи рѣшились уже ввести такіе часы на желѣзнодорожныхъ станціяхъ; такимъ образомъ уничтожится неудобное обозначеніе времени ночнаго, утренняго, вечерняго и вечерняго.

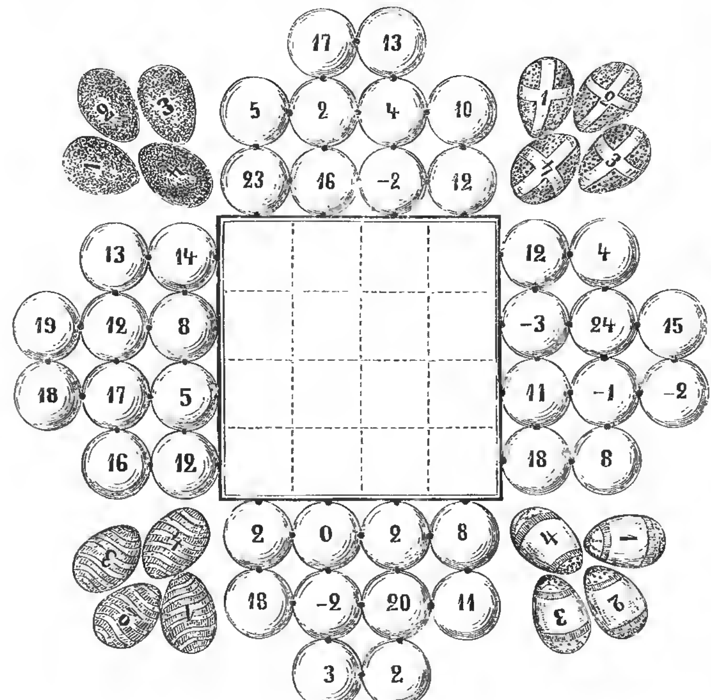
Международный комитетъ представителей торговаго права занятъ предварительными работами для конгресса объ объединеніи торговаго права. Этотъ конгрессъ долженъ состояться во время международной выставки въ Антверпенѣ и заняться преимущественно тремя вопросами: о векселяхъ, условіяхъ транспорта и морскомъ правѣ.

Дерево вмѣсто хлѣба. Въ Штатѣ Нью-Іоркъ устроено много мельницъ, на которыхъ перерабатываются въ муку мягкія породы деревьевъ, именно тополь. Такая мука по виду не отличается отъ пшеничной. Въ настоящее время такая мука продается только для техническихъ цѣлей, а также тайно прибавляется подрядчиками въ муку, поставляемую американской арміи (!).

Ратуша въ Герефордѣ. Рис. Гримсъ, грав. О. Ротъ.

Пасхальная задача № 13.

Расположить яйца по клѣткамъ квадрата такъ, чтобы ни въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ столбцахъ, ни въ діагоналяхъ не находилось одинаковыхъ №№ и цвѣтовъ яицъ. Затѣмъ придать къ каждому числу шара число номера яйца, граничащаго съ тѣмъ же рядомъ шаровъ. Полученныя отъ придачи числа должны соотвѣтствовать буквамъ одной фразы.



РЕБУСЪ. Задача № 14.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ПОЛЕЗНЫЕ ПОДАРКИ.

КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЪ

наилучшихъ парижск. фабрикантовъ и также своей фабрикаціи по 18 руб., 25 руб., 30 р., 40 руб., 50 руб., 60 р., 75 руб., 90 р. и 100 р. Школы для корнета по 1 руб. 50 коп., 4 руб. и 5 руб.

Альтгорны, баритоны, басы, вальторны трубы, трамбоны, сигнальные рожки.

Флейты

самой лучшей французской и вѣнской работы по 3 руб., 5 р., 7 р 10 руб., 12 руб., 20 р., 30 р., 40 руб., 50 р., 60 р. и дороже.

Школы для флейты по 1 р. 50 к. и 3 р

Пикколофлейты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р. 15 руб.

КЛАРНЕТЫ

отъ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р. 25 р., 30 р., 35 р., 40 р., 50 р., 60 р.

Школа для кларнета 4 руб.

Флажолеты по 2 р., 4 р., 6 р., 8 р.

Новый каталогъ **нотъ** для всѣхъ духовыхъ инструментовъ безплатно.

За пересылку прошу прилагать приблизительно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.

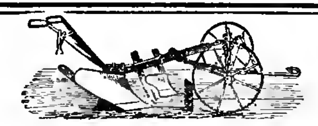
Ю.лій Генрихъ Циммерманъ.

Главное депо

музыкальныхъ инструментовъ

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго. Р. № 3988 1—1



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлезорта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормина**, сѣнокосилки, жнеи, и снопоязалки, **Стодардта** -тарелочныя бороны Гандаль и конныя грабли Тигерь, и **запасныя части ко всѣмъ машинамъ**.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 3991 13—1

Иллюстрированные каталоги безплатно.

Ко дню тысячелѣтія блаженной кончины Св. Меѳодія.

6-го Апрѣля 1885 года.

ГИМНЪ

Святымъ Кириллу и Меѳодію, Просвѣтителямъ Славянъ.

Слова **М. П. РОЗЕНГЕЙМА.**

Музыка **В. И. ГЛАВАЧА.**

Гимнъ этотъ можно будетъ получать съ 12 марта отъ автора музыки, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, № 7 и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ:

Для одного голоса и фортепіано, цѣна 40 коп. Для хора—партитура и четыре отдѣльные голоса, ц. 1 руб. Для одного женскаго или мужскаго хора, партитура, фортепіано и голоса, цѣна 1 руб. Ноты для каждаго голоса отдѣльно продаются по 10 коп. Пересылка по почтѣ принимается авторомъ музыки на свой счетъ. Р. № 3986 1—1

Только что вышла изъ столичной печати книга (бол. фор. 370 стр.).

ОХОТНИЧЬИ РАЗСКАЗЫ

Ф. А. Арсеньева.

Изданіе 2-ое, пополненное **восемью новыми** разсказами.

Цѣна **2 р. 50 к.**

Книга продается въ Петербургѣ и въ Москвѣ у книгопродавца **Карбасникова**, у автора въ г. Устьсысольскѣ и въ складѣ изданія въ г. **Вологдѣ у Николая Николаевича Маншеева.** № 3943 3—3

Выписывающіе изъ склада — за пересылку ничего не платятъ и вмѣсто денегъ могутъ присылать почтовыя марки.

ИКОНЫ СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ,

подобныя изображеніямъ святыхъ первоучителей Славянскихъ, приложеннымъ къ ихъ жизнеописаніямъ, изданнымъ ко дню тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія С.-Петербургскимъ Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ, изготовлены Академикомъ М. О. Микѣшинымъ на деревянныхъ декахъ, въ размѣрѣ $6^1/_2 \times 10$ квадратныхъ дюймовъ.

Желающіе могутъ пріобрѣтать иконы св. Кирилла и Меѳодія нынѣ же **по одному рублю**. За укупорку св. иконъ слѣдуетъ прилагать къ ихъ стоимости по 5 коп. за каждую. Деньги за пересылку св. иконъ по почтѣ слѣдуетъ высылать по разсчету разстоянія отъ С.-Петербурга: за пересылку **одной** иконы—за **два** фунта, **двухъ** иконъ—за **три** фунта, **трехъ** иконъ—за **четыре** фунта и т. д.

Желающіе получить иконы св. Кирилла и Меѳодія благоволятъ обращаться съ требованіями о высылкѣ ихъ по почтѣ, по слѣдующему адресу: *Академику Михаилу Осиповичу Микѣшину*, въ помѣщеніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, на площади Александринскаго театра, № 7, гдѣ иконы эти пріобрѣтаются изъ склада безъ укупорки. № 3926 4—4

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—3

Ф. К. КЕЛЛЕРЪ.

12. Пантелеймонская. 12.

Симъ имѣю честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что въ моемъ магазинѣ всѣ отдѣленія вполнѣ и богато обставлены для наступающаго дачнаго сезона, а именно въ хозяйственномъ отдѣленіи, гдѣ могу предложить *множество новѣйшихъ предметовъ* по *весьма дешевымъ цѣнамъ*. Покорно прошу обратить вниманіе на поименованный нижеслѣдующій списокъ товаровъ и при требованіи вспомнить меня.

Отдѣленіе хозяйственныхъ предметовъ:

Столовые и чайные сервизы, рюмки, стаканы, графины, чашки, молочники, чашки для молока, сливочники, сахарницы, вазы для фруктъ, колпаки для сыра, масленницы, маслобойни, миски, платменажи, судки, кабаре, пивныя кружки, бокалы, чайницы, банки, корзины для хлѣба, подносы, самовары, кофейники, утюги, мѣдная, желѣзно-луженая, эмалированная кухонная посуда, ножи и вилки, ложки, машинки для мяса, машинки для мороженнаго, рыбные котлы, ведра, умывальные столы съ приборами, биде, ванны, клозеты, деревянная кухонная посуда, горшки для цвѣтовъ, и множество другихъ необходимыхъ предметовъ, также фильтры изъ ровинскаго камня, необходимы какъ для дачи, такъ и для города, отъ 1 р. 50 к., вѣнскіе стулья.

Отдѣленіе обоевъ:

Огромный выборъ обоевъ специльно для дачъ, по 10 коп., шведскій картонъ и гвозди для обивки стѣнъ, асфальтовая папка, и изолиръ-картонъ, розетки, бордюры, багеты, *сторы* весьма красивыхъ [illegible]ковъ.

Отдѣлен[illegible] лампъ:

Лампы въ большомъ выборѣ, изъ металла, стекла и фарфора, люстры и канделябры, подсвѣчники, приборы для письменнаго стола и куренія изъ бронзы, желѣза и композиціи, разнообразныя китайскія произведенія, лампады, фонари и множество другихъ предметовъ.

Кто желаетъ купить дешево и быть добросовѣстно удовлетворенъ, того прошу обратить вниманіе на мой магазинъ. № 3992

Ф. К. КЕЛЛЕРЪ.

Пантелеймонская, д. 12.

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ХРУСТАЛЬНЫХЪ И БРОНЗОВЫХЪ ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ

разрѣшена С.-Петербургскимъ Врачебнымъ Управленіемъ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ; 1, Невскій проспектъ, домъ № 32. Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ Измайловскій проспектъ, 21.

Pt. 3965 2—2

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА

ОПЕРА ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ

МУЗЫКА П. ЧАЙКОВСКАГО

Изданіе для пѣнія	6 р. — к.
Изданіе для фортепіано въ 2 руки	3 „ —
Изданіе для фортепіано въ 4 руки	8 „ —

Отдѣльные нумера для пѣнія:

Попурри въ 2 и 4 руки 1 р. 25 к. и	1 р. 50 к.
Попурри для скрипки съ фортепіано	1 „ 25 „
Paraphrase de Concert p. Pabst	1 „ 50 „
Paraphrase de Concert p facilitée	1 „ 20 „
Polonaise par Tr. Liszt.	1 „ 25 „
Mazurka par A. Herzberg	— „ 40 „
Valse dansante par F. Büchner . . .	— „ 70 „
Valse tiree do I op. 2 mains 4 ms.	

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА

НЕГЛИННЫЙ ПР. 10

СПБургъ, у I. Юргенсона, Б. Морская, 9.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы: замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у **П. Ф. Каратаева**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 5 семи-копѣечныхъ марокъ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 3989 1—1

СКЛАДЪ СМАЗОЧНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

В. П. ГАННЕМАНЪ

въ С.-Петербургѣ, на Вознесенскомъ просп., **№ 15—45**. Продажа по оптовымъ цѣнамъ.

- Минеральное масло для машинъ.
- Вазелинъ для паровыхъ цилиндровъ.
- Мазь для деревян. и желѣзн. осей.
- Копытная мазь. Кожевенная мазь.
- Парижская вакса фабрики Жако.
- Мазь для болотныхъ сапоговъ.
- Помада для чистки металловъ.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Р. № 3993

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call“) и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

Страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы**, безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

Дозволено цензурою. СПБ. 20 марта 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 13 — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 Марта 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Н. А. Сѣверцовъ.

Въ ночь на 28-е января утонулъ въ Донѣ нашъ извѣстный ученый Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ. Отправляясь въ Воронежъ вмѣстѣ со своимъ сосѣдомъ по имѣнію, онъ поѣхалъ по рѣкѣ Дону до ближайшей станціи воронежско-ростовской желѣзной дороги Лиски, но едва отъѣхали полторы версты, какъ вся тройка вмѣстѣ съ линейкою и сѣдоками провалилась въ полынью; тройка и линейка потонули, а сѣдоки начали биться въ водѣ. Дѣло происходило въ 10 часовъ ночи; кучеръ первый справился съ волнами и успѣлъ вытащить обоихъ. Погода была холодная и сильный вѣтеръ. Больше всѣхъ ослабѣлъ Сѣверцовъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ изрубленный туркменскими саблями, но какимъ-то чудомъ оставшійся въ живыхъ даже и тогда, когда его на арканѣ, истекающаго кровью, тащили въ плѣнъ. Генералъ-маіоръ В. М. С—скій и кучеръ, трясясь отъ холода и промокшіе до костей, пытались тащить обезсилѣвшаго старика, но ноги отказывались служить знаменитому путешественнику, и Сѣверцовъ просилъ оставить его среди степи до пригона лошадей съ хутора, но вскорѣ прискакавшіе съ хутора люди нашли уже окоченѣвшій трупъ, и никакія принятыя мѣры не могли возвратить замерзшему старику жизнь.

Н. А. Сѣверцовъ † 27 Янв. По фотогр. Шереръ и Набгольцъ, грав. Ю. Барановскій.

Послѣ Н. А. Сѣверцова осталась замѣчательная коллекція птицъ, оцѣниваемая свыше 50 тысячъ.

Николай Алексѣевичъ Сѣверцовъ род. въ 1825 году. Онъ поступилъ на естественное отдѣленіе московскаго университета и окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1847 году. Затѣмъ, черезъ восемь лѣтъ, онъ выдержалъ установленный экзаменъ, защищалъ диссертацію *Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи* (М. 1855) и получилъ степень магистра зоологіи. Императорская академія наукъ обратила вниманіе на молодаго ученаго: съ 29-го января

1857 года она откомандировала его къ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ для зоологическихъ изслѣдованій и особенно *для наблюденій надъ свойствами такъ называемаго континентальнаго климата.* При этихъ ученыхъ розыскахъ съ молодымъ русскимъ зоологомъ случился печальный эпизодъ: зайдя слишкомъ далеко въ киргизскую степь, онъ былъ окруженъ партіей коканцевъ, захваченъ ими въ плѣнъ и только черезъ мѣсяцъ получилъ свободу. О такомъ несчастномъ приключеніи сохранились любопытныя свѣдѣнія въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника" (1858) и собственныя воспоминанія Сѣверцова, напечатанныя отдѣльно. По возвращеніи изъ путешествія, г. Сѣверцовъ началъ помѣщать замѣчательныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ, какъ напримѣръ: *Нѣсколько словъ объ акклиматизаціи животныхъ*, *Зоологическая этнографія*, *Объ усовершенствованіи путей сообщенія въ Оренбургскомъ краѣ*, а потомъ выпустилъ въ свѣтъ слѣдующіе обширные труды: *Орнитологія и орнитологическая географія Европейской и Азіятской Россіи* (Спб. 1867), *Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня* (Спб. 1873), *Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе туркестанскихъ животныхъ* (М. 1873). Одно изъ этихъ изслѣдованій, именно *Орнитологія*, доставило автору почетный дипломъ московскаго университета на степень доктора зоологіи (1868). Въ послѣднее же время покойный ученый рѣдко появлялся со своими печатными трудами: имъ помѣщены только двѣ статьи въ журналѣ „Природа": *Аркары или горные бараны* и *О зоологическихъ, преимущественно орнитологическихъ областяхъ внѣтропическихъ частей нашего материка.*

Титанія *).

(Изъ Поля Лельèвра).

Переводъ **Г. П. Данилевскаго.**

I.

Въ вечерній часъ, подъ кровлею моею,
Когда шелъ снѣгъ и гаснулъ небосклонъ,
Я обогрѣлъ Титанію, ту фею,
Что обожалъ зеленый Оберонъ.

* * *

Она ко мнѣ нежданно постучалась:
„Скорѣй, скорѣй, поэтъ мой, отопри;
„Засыпалъ снѣгъ, безъ свиты я осталась...
„Скорѣй, скорѣй; мнѣ холодно, смотри!"

* * *

Вошла,—въ углу, у очага, присѣла,—
Вся блѣдная, дрожа отъ вьюги злой;
Блескъ комелька ея одеждой бѣлой
Игралъ, мерцая тѣнью голубой.

* * *

Мятель, валя сугробы, грохотала
Безъ устали у моего окна...
„А я безъ свиты!"—мнѣ она сказала:
„И въ эту мглу, скиталась здѣсь одна!

* * *

„Ты пріютилъ меня, о, мой спаситель...
„Что хочешь взять на память встрѣчи той?
„Кольцо-ль, грядущаго провозвѣститель,
„Иль съ головы вѣнецъ мой золотой?

* * *

„Клянусь,—и что-бъ ни стоило мнѣ это—
„Я въ эту ночь внемлю твоей мольбѣ...
„О, говори, я слушаю поэта:
„Не славы ли желается тебѣ?"

II.

Я отвѣчалъ: „Ни славы мнѣ не надо,
„Ни съ русыхъ косъ короны золотой;
„Чтобъ память о тебѣ была усладой,
„Царица! я любви молю одной!"

* * *

И голосъ мой звучалъ, въ истомѣ нѣжной;
Титанія, съ улыбкой, мнѣ въ отвѣтъ:
„Люби! зоветъ тебя порывъ мятежный;
„Люби, о, мой возлюбленный поэтъ!

* * *

„Въ цвѣтущій май, подъ вѣковою ивой,
„Ты у тропинки сядь, въ глуши лѣсной;
„Тамъ, съ урнами на плѣчахъ, горделиво
„Красавицы проходятъ, въ часъ ночной...

* * *

„И ты увидишь ту, о, мой мечтатель,
„Которой взглядъ, одинъ лишь взглядъ, въ груди
„Раздуетъ пламя, что вложилъ Создатель
„Въ тебя... Она тамъ будетъ, приходи!"

III.

И я присѣлъ, подъ вѣковою ивой,
Чтобъ у дороги видѣть, въ тьмѣ лѣсной,
Какъ, съ урнами на плѣчахъ, горделиво
Красавицы проходятъ, въ часъ ночной.

* * *

Во блескѣ звѣздъ тѣнь ночи золотилась,
Все небо было сине и свѣтло;
Но сердце смутнымъ ожиданьемъ билось
И жаждой грудь пылающую жгло.

* * *

И видѣлъ я, одна вслѣдъ за другою,
Онѣ въ лѣсу прошли отъ тихихъ водъ;
Ихъ лица были блѣдны, подъ луною,
И въ полный голосъ пѣлъ ихъ хороводъ.

* * *

Ихъ свѣтлый гимнъ, какъ ихъ душа живая,
Изъ мрака къ небу звѣздному всходилъ;
И этотъ ропотъ женскій, услаждая
Мнѣ сердце, духъ мой алчущій палилъ.

* * *

Ночь на пролетъ, пока лишь, въ отдаленьи,
Мерцалъ послѣдней зорькой небосводъ,
Какъ призраки въ роскошномъ сновидѣньи,
Все шелъ и пѣлъ богинь тѣхъ хороводъ.

* * *

И, молчаливъ, тоской снѣдаемъ бурной,
Все думалъ я: изъ бѣлокурыхъ фей,—
Которая, склонясь завѣтной урной
Къ моимъ устамъ, мнѣ тихо скажетъ: „пей!"

IV.

И въ тотъ желанный мигъ, когда въ безбрежной
И блѣдной выси сумракъ утопалъ,
Въ мерцаніи разсвѣта—голосъ нѣжный
Раздался вдругъ, и я затрепеталъ.

* * *

Услышалъ я рѣчь женщины прекрасной,
Казалось, рѣчь та съ высоты неслась;
Я ей внималъ, любовь волною страстной
Въ моей душѣ опять лилась, лилась!

* * *

*) Переведенное здѣсь стихотвореніе „Титанія" принадлежитъ молодому французскому поэту *Полю Лельèвру*, который скончался на 19 году жизни (17-го августа 1878 г.); онъ былъ другомъ извѣстнаго поэта Франсуà Коппè.

„Это былъ возвышенный и привлекательный умъ — въ тѣлѣ слабомъ и болѣзненномъ"—сказалъ о немъ Франсуà Коппè, въ надгробномъ словѣ.

Съ перваго знакомства, Поль Лельèвръ и Франсуà Коппè, не смотря на разность лѣтъ, стали друзьями. Шестнадцати лѣтъ, еще въ форменной одеждѣ коллегіи, Поль Лельèвръ однажды явился къ Коппè, со своими первыми опытами. Съ того времени, эти люди сблизились, проводя другъ съ другомъ долгіе часы, у камина, либо прогуливаясь по Парижу. Коппè сталъ повѣреннымъ задушевныхъ чувствъ и мечтаній своего молодаго друга. Онъ плѣнился возвышенностью его ума, широтою его познаній, богатствомъ воображенія, добротою сердца и привлекательною красотою его природы.

Былыхъ скорбей умчалась вереница,
Какъ тяжкій сонъ, и пробудился я...
Со мной была она, моя царица,
Влюбленная красавица моя!

* * *

О, пойте, пташки,—страсть пылаетъ снова;
О пойте, пойте! пѣть хочу я самъ...
Вы, ласточки—у зеркала рѣчнова,
Вы, зяблики, по хлѣбнымъ зеленямъ!

Она съ зарей пришла неторопливо,
Съ той стороны, гдѣ такъ Востокъ пылалъ;
Ея прихода я нетерпѣливо,
Всю ночь, всю ночь, такъ страстно ожидалъ...

* * *

О. пойте, пташки! пламень жизни бурный
Мнѣ жаркимъ солнцемъ залилъ сердце вновь...
О, пойте, пойте! я изъ сладкой урны
Моей богини жадно пью любовь!

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

V.

Первый мѣсяцъ.

Нина Борисовна устроилась. На другой день послѣ Аиды, она подписала свой ангажементъ на скромныхъ условіяхъ. Барсовъ убѣждалъ ее на первый разъ не гнаться за вознагражденіемъ. Спачала надо было установиться, она чувствовала себя совсѣмъ еще чужою на сценѣ. Къ ней относились какъ то свысока. Досужева, та просто не выносила ее. Изъ за этой дѣвчонки Барсовъ сталъ гораздо холоднѣе! Если онъ не разрывалъ съ нею совсѣмъ, то потому только, что былъ по горло ей долженъ. Досужева, не смотря на свою привязанность къ тенору, знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло и заставила его писать векселя со включеніемъ процентовъ. Татьяна Гавриловна въ дѣлахъ этого рода заткнула бы за поясъ даже Манделя. Лабазникъ-тятенька оставилъ ей въ наслѣдство значительную долю своихъ коммерческихъ способностей. Раевская тѣмъ не менѣе чувствовала, что она держится только однимъ Барсовымъ. Оставь онъ ее—и ее мигомъ затрутъ. Она никакъ не могла привыкнуть къ ами-кошонству закулиснаго міра. Когда Акуловъ пытался отечески поцѣловать ее, она, по его словамъ, фыркала и царапалась какъ кошка. Разъ Арчибальди обнялъ было ее проходя съ нею рядомъ по сценѣ, но она такъ толкнула безцеремоннаго баритона, что онъ вылетѣлъ сквозь кулису въ прорѣху, случившуюся весьма кстати... „Недотрога!“ шипѣла на нее Досужева. Лолошка какъ нарочно удвоила со всѣми любезность. Она и постороннимъ и своимъ жаловалась на Раевскую. Нина отбиваетъ у нея роли, изъ-за Нины она ничего не поетъ, Нинѣ покровительствуетъ Барсовъ, она „не хочетъ думать даже почему“, но Барсова всѣ боятся,—что же дѣлать ей бѣдной, беззащитной дѣвушкѣ. Настасья Васильевна Бабкина съ утра обѣгала и знакомыхъ и незнакомыхъ, обливаясь слезами. „Ахъ, милые вы мои, что же мы? мы люди смирные, насъ обидѣть легко! И за что только эта Раевская возненавидѣла Лолошу... Она такъ противъ нея интригуетъ, такъ интригуетъ,—намъ житья нѣтъ... А гдѣ же намъ бороться, коли Барсовъ у нея съ утра до ночи... и Мандель тоже... Она ничего не хочетъ сказать этимъ — упаси Боже!.. А только вѣдь никто же даромъ помогать не станетъ. А ея Лолоша разумѣется не сдѣлаетъ карьеры... Лолоша не станетъ торговать собою...“ Жалобы Бабкиной не остались безъ послѣдствій... Раевской начали уже шикать, но партеръ былъ за нее,—и пока она считала себя въ полной безопасности... Шли пока болѣе тяжелыя оскорбленія. Тенорокъ изъ семинаровъ Крестовоздвиженскій, по сценѣ почему то Кристіани, играя съ нею Фауста, безцеремонно расцѣловалъ ее въ губы, а когда публикѣ это понравилось, то взялъ тутъ же да и повторилъ передъ семи-пудовыми купчиками, рисуясь затянутыми въ голубое трико ногами и совершенно фатовски играя шпагой. Раевская жаловалась Барсову. „Что, васъ убыло что ли отъ этого?—Какъ? И вы, вы это говорите?—Да я, вѣдь на сценѣ—не за кулисами же... Бросьте вы быть такой барышней... Не годится. Но это все были очень мелкія огорченія, какъ облака по лѣтнему небу, они проходили быстро, не оставляя слѣда на чистой лазури. Жанъ Повиликинъ, котораго она нѣсколько разъ поила чаемъ (старательно моя потомъ руки отъ его поцѣлуевъ), настрочилъ такой фельетонъ, что она думала даже обидѣться. Патти оказывалась жалкою хористкою рядомъ съ нею, Раевской. Что это? показала она Барсову.—Ну чѣмъ же вы недовольны! Въ слѣдующій разъ совѣтую поюлить еще болѣе съ Повиликинымъ. Пусть старается...—Послушайте, да вѣдь это ложь...—Опять барышня... Ну вотъ что я вамъ скажу. Наша публика дура! понимаете? Что вотъ этакой Повиликинъ напишетъ, то она повторять будетъ... Поняли. Въ Петербургѣ и то своего мнѣнія нѣтъ. Тамъ тоже все за рецензентами идетъ. Только тамъ труднѣе. Тамъ рецензента иного и не поймаешь на эту удочку. Слѣдовательно нужно радоваться, что у насъ Повиликины завелись. Съ Повиликиными легче... Вы вонъ порасспросите-ко у Лолошки, что ей стоили отзывы тогоже Повиликина. Не разъ съ нимъ вмѣстѣ ужинала. Такъ это похуже цѣлованія рукъ.—Ну, ужъ! вздохнула Раевская... Мандель этотъ тоже ухаживаетъ... Все допрашиваетъ—когда же? Я не понимаю. — И не понимайте, улыбайтесь ободрительно—и только... На сценѣ надо все обѣщать. Исполненіе—оно обязательно только когда пріятно... А обѣщайте все... Обѣщайте даже Манделю. Вы думаете онъ изъ любви къ искусству преподноситъ букеты? Его на любовь не поймаешь!.. Пусть питается надеждами на будущее.—Да вѣдь это же подло, Барсовъ.—Опять, что за глупое слово?.. Выгодно, выгодно—а не подло. Поняли?.. Вы вотъ Архаровцева швырнули въ кулису.—Какого Архаровцева?—Да Арчибальди нашего...—Развѣ онъ не итальянецъ.—Итальянецъ! Изъ Пошехонья... Выкрасилъ ляписомъ бороду въ черный цвѣтъ и сходитъ за неаполитанца! За что вы его обидѣли? — Онъ обнять меня хотѣлъ.—Велика важность! У насъ всѣ обнимаются. Тутъ ничего даже и нѣтъ... Товарищество!.. А въ немъ сильнаго врага нажили!.. Смотрите—это еще скажется!“

Въ концѣ концовъ, Раевская черезъ двѣ недѣли послѣ своего дебюта раззнакомилась со всѣмъ театромъ. Кромѣ своей уборной она не знала ничего. Разлетѣлся было къ ней режиссеръ. Зачѣмъ вы?—Посмотрѣть какъ вы одѣты! Не пустила. Повиликинъ, хваля ее, обругалъ режиссера, противъ котораго имѣлъ зубъ; режиссеръ по глупости вообразилъ, что это дѣло Нины Борисовны... Раевская—или не знала ничего этого или не хотѣла знать. Она жила дорогими ей ощущеніями на сценѣ. Она была еще въ упоеніи перваго успѣха и ей казалось, когда она поетъ, что толпа живетъ ею, что она царитъ надъ этими тысячами слушающихъ ее. Она еще

Охота во Франціи 300 л. назадъ. Съ картины В. Рейбера, гравир. Кiезингъ.

не спокойно относилась къ ролямъ и, въ ущербъ себѣ, часто плакала на подмосткахъ настоящими слезами. Она вся уходила въ свою роль—и за кулисами, измученная и потрясенная, старалась скорѣе прислониться къ чему нибудь, чтобы не упасть, на потѣху товарищамъ. Что ей было за дѣло до нихъ? Она жила—вонъ для тѣхъ, что тамъ, за рампой. Это море головъ, то волнующееся какъ въ бурю, то стихающее, чтобы сейчасъ разразиться громами рукоплесканій, это море, загадочное въ своихъ симпатіяхъ, выкупало все. Для этой минуты она жертвовала собою, да кромѣ того, она слишкомъ привязалась къ Барсову... Пока все еще было чисто между ними. Любовь ихъ не была осквернена. Ей было странно почему же онъ не кончаетъ? Она ждала предложенія, мечтала уѣхать съ нимъ въ тѣ блаженные уголки, которые какъ будто нарочно созданы природой на итальянскихъ озерахъ.

Но онъ молчалъ. Чего онъ ждалъ?

Ей было невдомекъ, что этотъ въ конецъ развратившійся на сценѣ, избалованный дешевыми побѣдами, низкопробный Донъ-Жуанъ, какъ огня боялся скандала. Онъ хотѣлъ чтобы сцена и ее заразила своимъ тлетворнымъ дыханіемъ. Пусть она сама кинется ему на шею—тогда онъ согласится взять ее безъ шума, безъ огласки. Онъ привыкъ любить воровски. Слишкомъ былъ связанъ своими старыми „компликаціями“, какъ онъ выражался. Одна Досужева висѣла у него на шеѣ какъ пудовикъ... Ему нельзя было явно отдаться любви и страсти. Да, пусть она сама отдастся ему, тогда онъ возьметъ ее... У нея не будетъ повода упрекнуть его,—она сама захотѣла этого, онъ только согласился, поддался ей. Были минуты когда она начинала его ненавидѣть, но это были только минуты. Оставаясь наединѣ съ нею, онъ смотрѣлъ на нее такими циническими глазами, что въ ней подымалось чувство брезгливости, отвращенія... Когда она, вся горя страстью, преданностью, съ нервною дрожью склонялась на плечо къ нему, Барсовъ вдругъ окидывалъ ее такимъ взглядомъ, что она порывисто срывалась съ мѣста и отходила. „Ничего, скоро привыкнете!“ разъ проговорился онъ, когда Нина Борисовна оттолкнула его руку...—Боюсь, никогда не привыкну... И какъ нарочно, именно въ эти мгновенія, передъ нею мелькалъ честный, теперь казавшійся идеальнымъ, образъ Кашинцева... Гдѣ онъ? Не подалъ вѣсти о себѣ. И ей вдругъ становилось больно, больно... Неужели онъ забылъ ее... Неужели она потеряла его навсегда... Не можетъ быть... Да зачѣмъ онъ мнѣ! старалась опомниться Раевская... А рядомъ сидѣлъ Барсовъ—и сравненія были далеко не въ пользу счастливаго тенора.

Мандель до сумашествія ревновалъ Барсова.

Разъ онъ какъ то остановилъ его.

— Послушай, зачѣмъ ты ухаживаешь за Раевской. Она не можетъ быть твоей женой!.. Ты знаешь почему?

— А тебѣ что за дѣло, обезьяна! Ужь не ты-ли мнѣ помѣшаешь съ нею?

— Не ругайся. А только я чувствую большую влюбленность, тоже...

— Видишь, Мандель... Тебѣ ничего не удастся...

— Почему...

— А потому... Ну, а когда мнѣ она надоѣстъ, тогда... Ты знаешь, артисткѣ много нужно денегъ... Очень мило... Устроивай ей оваціи... Тебѣ наплевать! Этимъ докажешь свою любовь. Я постоянно наблюдалъ на сценѣ. Имъ страшно труденъ первый шагъ, а разъ онъ сдѣланъ—внизъ, очертя голову... Что ты говоришь о женитьбѣ, я и не желалъ бы чтобъ она вышла замужъ. Будетъ скверной женой или скверной артисткой... Одно изъ двухъ...

— Ну, а если я ей скажу... То? Знаешь? началъ было Соломонъ Іосифовичъ.

— Послушай, Мандель... Ты это видишь... И Барсовъ безъ церемоніи къ самому носу банкира поднесъ кулакъ. Ты меня знаешь. Клянусь тебѣ честью—публично изобью.

Мандель съежился, постарался засмѣяться, но когда Барсовъ отошелъ отъ него въ сторону, онъ проводилъ его такимъ взглядомъ, что еслибы артистъ замѣтилъ его, у него съ лица разомъ сбѣжало бы выраженіе бахвальства и самонадѣянности. Барсовъ не настолько обросъ, чтобы въ немъ не говорила совѣсть. Иногда онъ задавался вопросомъ, что онъ дѣлаетъ? Куда онъ ведетъ Раевскую... Но сейчасъ же на помощь ему являлся цѣлый рядъ соображеній. Если она вышла бы замужъ даже за такого Паладина какъ Кашинцевъ,—не будетъ счастлива. Нина слишкомъ талантлива, чтобы ее не тянуло опять за кулисы. Въ ней для этого больше чѣмъ надо артисткѣ. Спокойная семейная жизнь, узкія рамки домашняго очага—не для нея. А настоящей артистки все таки не будетъ въ ней до тѣхъ поръ, пока она останется барышней. Пока, положимъ, у нея есть успѣхъ, ну а потомъ — не все же жить въ этомъ губернскомъ гнѣздѣ. Ей-то, съ ея голосомъ и наружностью... шире дороги — за границу, въ Парижъ, въ Лондонъ. А тамъ деньги нужны, ну а за ея добродѣтель ей не пошлютъ небеса столькихъ то тысячъ на наемъ кляки, столькихъ на уплату капельмейстеру, столькихъ на подкупъ фельетонистовъ. Опять же слишкомъ prude быть съ дирижеромъ, съ директоромъ театра—нельзя, невозможно!.. Сама же мнѣ будетъ благодарна... Сцена и добродѣтель—двѣ вещи не совмѣстимыя... Чѣмъ скорѣе она разстанется со своими дворянскими взглядами—тѣмъ лучше. И вѣдь всѣ онѣ такъ: что изъ нихъ было пока онѣ оставались чистыми дѣвушками, безукоризненными женами?.. Артистка должна быть безнравственна. Француженки—эти поняли раньше другихъ. Да и что ей въ самомъ дѣлѣ хоронить себя для одного кого нибудь, когда можетъ выбирать лучшихъ между лучшими...

— Разумѣется, сама же будетъ послѣ благодарить! рѣшалъ артистъ тревожившіе его совѣсть вопросы.—А упустить нельзя... Я еще не встрѣчалъ такихъ изящныхъ и красивыхъ...

И ему становилось непріятно, при одной мысли, что наконецъ эта чудная головка съ гордыми сѣрыми глазами и массой непокорныхъ золотыхъ волосъ склонится передъ нимъ. Что эти идеально сформированныя руки наконецъ обнимутъ его.

— Мое будетъ! самоувѣренно взбрасывалъ онъ всегда гриву черныхъ волосъ, въ которыхъ пробивались уже серебряныя нити...

Въ тотъ же вечеръ когда Барсовъ назвалъ Соломона Іосифовича обезьяной, этому „искусственнѣйшему“ изъ банкировъ случилось остаться на цѣлый актъ за кулисами. Онъ не пошелъ на свое мѣсто, застрявъ въ потемкахъ, среди цѣлаго лабиринта веревокъ, балокъ, свертковъ расписаннаго холста. Въ спину ему нестерпимо дуло отъ постоянно отворявшихся дверей въ уборныя хористовъ; сверху скрипѣлъ какой то громадный брусъ, грозя разбить голову... Мандель мужественно оставался на своемъ мѣстѣ, никѣмъ не видимый, но самъ видящій все. Его главнымъ образомъ приковало къ себѣ интереснѣйшее tête-à-tête, котораго онъ совершенно неожиданно сдѣлался свидѣтелемъ.

Близко, очень близко, усталая, сѣла на диванъ Раевская. Головка Нины вся точно горѣла въ узкой полосѣ свѣта отъ боковой рампы. Онъ только одну ее и выхватывалъ изъ окружающаго мрака. Около не было никого. Черезъ четверть часа, артистка должна была идти заканчивать актъ... Ей не хотѣлось подняться къ себѣ въ уборную и она присѣла здѣсь отдохнуть... Мандель жадно слѣдилъ какъ наклонилась ея голова. Грустное выраженіе ея глазъ тоже не ускользнуло отъ него... Соломонъ Іосифовичъ хотѣлъ уже подойти къ ней. Ему

стало жаль бѣдную дѣвушку, заброшенную въ этотъ шумный, чуждый ей міръ картонной природы, ходульныхъ чувствъ, размалеванныхъ улыбокъ и притворныхъ слезъ. Онъ уже было направился къ ней, какъ вдругъ шагнулъ назадъ: около послышался голосъ Барсова. Вотъ онъ наклонился къ Раевской. Теперь только на эти двѣ головы и бросаетъ жолтый свѣтъ свой боковая рампа... Золотые волосы одной съ черной гривою другаго составляли такой красивый контрастъ... „Точно нарисовано!“ пробѣжало въ головѣ любопытнаго Манделя. Нѣсколько словъ долетѣли до него и заставили навострить уши.

— Вы, Нина, все мучитесь, все изводите себя! Полно, это скучно вѣдь прежде всего... Ну, о чемъ теперь?

— Тоска! У меня изъ головы не выходитъ эта проповѣдуемая вами свобода отношеній... Я на нее не пошла бы никогда, никогда! Быть одной изъ вашихъ любовницъ... Знать что я для васъ тоже, что и Досужева и другія... Послушайте... Такъ продолжать нельзя, слышите ли... Мое положеніе невыносимо... Такъ или иначе—пора кончить... Я все ждала... Вы знаете мои взгляды на это... Быть вашей женой!.. Я вся твоя, я люблю тебя!..

— Опять это „ты“... тихо поправилъ онъ.

— Да все равно... только скорѣе!.. Чего вы медлите.

— Я вамъ отдаю всю жизнь свою—вы толкуете о формальностяхъ.

— Перестаньте! Наконецъ я ставлю прямо вопросъ: когда наша свадьба?

Соломонъ Іосифовичъ съ злою радостью замѣтилъ какъ откинулась назадъ красивая голова Барсова...

— Вѣдь вы же ухаживали за мною не для того, чтобы развлечься отъ надоѣвшей вамъ Досужевой. Вы тысячу разъ повторяли мнѣ, что любите меня больше всего въ мірѣ... Я прямо ставлю вопросъ... Воровски пользоваться счастьемъ, прятаться отъ всѣхъ, соблюдать приличія—я считаю безправственнымъ... Все, или ничего. Пойми!.. виновата—поймите... мнѣ невыносимо, душно...

Мандель до послѣдней степени напрягъ слухъ... Съ жадностью ждалъ онъ отвѣта...

— Погодите, Нина... Дайте устроить все... Есть еще кое что... кончить надо...

Соломонъ Іосифовичъ не нашелъ нужнымъ скрываться болѣе. Позади скрипнула дверь—онъ воспользовался этимъ и пошелъ прямо къ дивану...

— Кто это... Мандель! Какъ вы меня напугали! вскочила Нина протягивая ему руку...

— Я къ вамъ съ просьбою... И къ тебѣ Барсовъ... Всегда вмѣстѣ! подчеркнулъ онъ.

— Наконецъ то вы просите, до сихъ поръ вы только исполняли мои капризы...

— И всю жизнь готовъ ихъ исполнять... Ахъ, Нина Борисовна... Жить для васъ... Это такое счастіе!..

— Ну пошелъ, пошелъ... замѣтилъ пѣвецъ. Говори что тебѣ надо и убирайся.

— Я дѣлаю небольшой partie de plaisir... за городъ... для всей труппы... не откажите украсить мой торжество... Завтра вечеромъ... и ты тоже!

— Чудесно... Нина Борисовна тоже не откажетъ.

— Я право не знаю... Хорошо ли это... Вы меня извините, Соломонъ Іосифовичъ.

— Нужно ѣхать! шепнулъ ей Барсовъ по итальянски. Вы и безъ того на ножахъ съ труппой... Скажутъ что гнушаетесь обществомъ товарищей.

— Хорошо... буду...

— Какъ я вамъ благодаренъ... такъ благодаренъ! и Мандель прошелъ въ уборную къ Лолошкѣ.

— Можно? постучался онъ.

— Дочь одѣвается... Выглянула въ двери госпожа Бабкина.

— Э... Пустите. Онъ отодвинулъ рукою театральную маменьку и вошелъ въ небольшую комнату, сплошь заваленную юбками, платьями, чулками... Газъ искрился на стеклахъ, игравшихъ роль брилліантовъ, на бронзовыхъ обручахъ, замѣнявшихъ браслеты... Лолошка надѣвала чулокъ.

— Мандель! позвала она—застегните мнѣ подвязку... Вотъ такъ, спасибо! Теперь эту... У какой неловкій—и она слегка толкнула его колѣномъ

— Ты бы хоть кофту накинула, безстыдница! захлопотала маменька.

— А вы погромче кричите, чтобы другіе слышали. Соломонъ Іосифовичъ—свой человѣкъ. И Лолошка еще ниже спустила оборки съ плеча.

— Настасья Васильевна, я къ вамъ! перешелъ въ дѣловой тонъ Мандель.

— Ну что еще?

— Вы въ понедѣльникъ просили у меня денегъ...

— Просила!.. А ты не далъ! Вотъ по уборнымъ шататься умѣешь... а деньги платить...

— Постойте, постойте... Я въ понедѣльникъ не могъ давать, потому что тяжелый день... А дамъ вамъ завтра... И еще больше дамъ...

— Ну? Съ чего же это расходился... Лолошка, ты бы за ширмы ушла.

— Мнѣ и здѣсь хорошо, маменька... и Лолошка раскинулась на кушеткѣ и заложила ногу за ногу, щеголяя розовыми чулками.

— Завтра я васъ приглашаю. У меня на мой загородной дачѣ большой балъ. И послѣ ужинъ—я вамъ въ пакетъ вручиваю деньги только съ однимъ условій.

— Какимъ еще?

— За ужиномъ вы должны сказать... и Мандель сталъ шептать ей на ухо что то... та одобрительно кивала головою.

— Слышите... Но—одно: мой дѣло сторона... я ничего не знай.

— Только то... Съ удовольствіемъ... А денежки то приготовь.

— Соломонъ Іосифовичъ... хороши у меня ножки? позвала его Лолошка...

VI.

Черная кошка.

Госпожу Досужеву звали въ театрѣ термометромъ. Когда она, не участвуя въ спектаклѣ, сидѣла въ ложѣ, по ней, даже не глядя на сцену и не слушая пѣвицу, можно было узнать—имѣетъ артистка успѣхъ или нѣтъ. Если Татьяна Гавриловна мило улыбалась, казалась счастливою, пыталась слабо аплодировать—то это значило, что пѣвица на сценѣ детонируетъ, идетъ въ разладъ съ оркестромъ, или выкрикиваетъ свои аріи, т. е. проваливается. Напротивъ — когда Татьяна Гавриловна волновалась, когда ея лицо покрывалось пятнами, а сама она, нервно пожимая плечами, поворачивалась спиною къ сценѣ,—всѣ такъ и понимали, что пѣвица поетъ и играетъ хорошо, что она имѣетъ успѣхъ несомнѣнный. „Ишь какъ скорпіонъ нашъ кувыркается!“ непочтительно замѣчали о ней остряки. Въ сущности Досужева была добрая женщина, но ее испортили сцена и Барсовъ. Сцена, гдѣ люди живутъ впечатлѣніями минуты, гдѣ результаты обнаруживаются сейчасъ же, гдѣ восторгъ и недовольство слушателя высказываются когда артистъ еще не успѣетъ уйти за кулисы, гдѣ постоянно приходится быть свидѣтелемъ чужаго успѣха, молчать когда аплодируютъ другимъ, гдѣ интрига свила себѣ прочное гнѣздо, эта сцена сдѣлала Досужеву завистливою къ чужимъ и ревнивой къ своимъ тріумфамъ. Эта сцена научила ее не прощать другому торжества, а постоянное возбужденіе—разбило ей нервы, сдѣлало ее подозрительной... Она столько видѣла здѣсь, что перестала вѣрить въ честность... Любовь къ Барсову довершила остальное. Барсовъ эксплуатировалъ ее

какъ могъ. Онъ пользовался ея деньгами, когда она была молода и красива; ея поклонники были вѣрными его слугами. Развязаться съ нею онъ не могъ, она слишкомъ хорошо знала его; измѣнялъ онъ ей постоянно. Она молча страдала и терпѣла, убѣжденная, что въ концѣ концовъ онъ вернется къ ней же. Его увлеченія—были капризы, она же была для него постоянною „компликаціею“, какъ говорилъ онъ. За то когда „компликація“ считала нужнымъ вступиться за свои права—Барсову приходилось плохо. Онъ позорно трусилъ и только отклонялъ во всѣ стороны голову, чтобы въ нее не попала одна изъ тарелокъ, которыми швыряла въ него Досужева. Въ гостинницѣ, гдѣ они жили, подымалось столпотвореніе вавилонское. Ея густой контральто раздавался, крикливо отвѣчалъ ей теноръ, бѣгая по комнатѣ и впиваясь пальцами въ свою гриву, но тотчасъ же осторожно разжимая ихъ, чтобы не порѣдѣли волосы. Ссора длилась день, два, послѣ чего Барсовъ писалъ ей чувствительныя посланія—и они мирились. Она его забрала въ руки и съ нею Барсову, очень любившему трагическій тонъ, не удавалась ни одна изъ его разсчитанныхъ на эффектъ выходокъ. Разъ, взбѣшенный ею, онъ вскочилъ на подоконникъ. Окно было въ четвертомъ этажѣ. „Я брошусь!“ захрипѣлъ онъ, ворочая глазами и ероша волосы... „Бросайся, только скорѣе!“ совершенно спокойно отвѣтила Досужева, а тотъ посмотрѣлъ внизъ за окно, и... осторожно спустился на полъ... Въ другой разъ онъ выхватилъ револьверъ изъ кармана—и приставилъ дуло къ виску... „Еще одно слово и прощай на вѣки!“ Досужева и тутъ не потерялась... „Смотри! У тебя курокъ взведенъ!“ Барсовъ мгновенно поблѣднѣлъ и бросилъ револьверъ. Въ глаза онъ называлъ ее сатаною, другимъ изображалъ ее ангеломъ. Ему очень нравилось слыть „демономъ“ этого ангела! На другой день послѣ подслушаннаго Манделемъ разговора Нины съ Барсовымъ—Досужева получила анонимное письмо съ намеками, которые подтверждали ея подозрѣнія и привели ее въ раздраженіе. Она нервно ходила по комнатѣ, ожидая Барсова.

Теноръ былъ на репетиціи... Пришелъ онъ не въ духѣ, швырнулъ шапку въ уголъ и театрально бросился въ кресло.

— У тебя долго будетъ тянуться съ Раевской? прямо сказала Досужева.

— Что такое? Онъ вскочилъ. Покоя нѣтъ. Это чортъ знаетъ что... Приснилось что ли?

— Не прикидывайся... Долго ли ты меня будешь обманывать? Я твои капризы прощаю, ты знаешь, но этотъ затянулся слишкомъ... Пора его окончить.

— Ну, до свиданія Татьяна Гавриловна, двинулся онъ было къ дверямъ, шагомъ Роберта въ сценѣ съ Изабеллой. Досужева раньше его была уже у двери и загородила дорогу...

— Какъ ты смѣешь, крикнулъ онъ было, но она въ лицо ему швырнула полученное ею письмо. Барсовъ измѣнилъ своему самообладанію. Онъ наклонился, поднялъ его и прочелъ.

— Какая подлость! Кто смѣетъ такъ клеветать! Я ее обманываю, я на ней жениться обѣщалъ. Да они съ ума сошли! Онъ забѣгалъ по комнатѣ. Чей это можетъ быть почеркъ. Я сейчасъ же пошлю это письмо въ полицію.

Началась обычная исторія, въ теченіи которой по комнатѣ летали бронзовые колокольчики, прессъ-папье, чернильницы... Наконецъ Досужева освободила его, и грозно нахлобучивъ шляпу, Барсовъ выскочилъ въ корридоръ, сбивъ съ ногъ любознательную горничную, давно уже приложившуюся къ замочной скважинѣ.

Вечеромъ Барсовъ написалъ Досужевой письмо полное раскаянія... Утро ихъ поссорило—вечеръ примирилъ.

На другой день они какъ ни въ чемъ не бывало пили вмѣстѣ чай, являя трогательный видъ сердечнаго согласія.

— Сегодня непремѣнно будь у Манделя на вечерѣ.

— Я бы не хотѣла. Надоѣлъ мнѣ этотъ жидъ. Лѣзетъ со своими любезностями.

— Да, но вѣдь у тебя денегъ нѣтъ!

— Ты же взялъ послѣдніе шестьсотъ рублей... Я до жалованья безъ гроша...

— Слѣдовательно ссориться съ этой обезьяной нельзя. У кого взять? Мнѣ необходимо. Ты знаешь „Африканку“ ставятъ. Нужно будетъ прикормить эту челядь... Да побольше ложъ взять... Иначе и успѣха не жди!.. и Архаровцевъ хорошъ въ партіи Нелюско... Онъ совсѣмъ забьетъ меня. У Васко-де-Гама тутъ и нѣтъ то нечего. На одномъ благородствѣ не выѣдешь. Ну, а какъ послѣ пятаго акта заорутъ съ верховъ: „Барсовъ—соло“, оно и выйдетъ недурно... Да у Манделя навѣрное вся труппа соберется. Не быть—даже неловко.

Труппа дѣйствительно собралась у Соломона Іосифовича. Его дачу за городомъ нѣсколько дней топили. Наканунѣ онъ опустошилъ всѣ оранжереи въ городѣ. Лампы, спрятанныя въ клумбахъ розъ, изумруднымъ свѣтомъ сквозили въ листвѣ. Цвѣты точно таяли въ нагрѣтомъ воздухѣ, распуская въ его теплыхъ волнахъ тонкое благоуханіе... Бѣлыя и алыя камеліи ползли вверхъ, смѣшиваясь съ кистями олеандровъ... Въ окна, прямо въ царство темной и холодной ночи, струился отсюда мягкій, ласковый, словно зовущій свѣтъ.

— Мандель, подарите мнѣ эту дачу! наивничала Лолошка, вся въ розовомъ сегодня, съ громадною бриліантовою брошью у праваго плеча. Каре, открытое очень откровенно, дразнило Манделя, но сегодня мамаша, pour sauver les apparences, не оставляла ее ни на минуту. Подарите дачу, а?

— Довольно и брошки... три тысячи заплатилъ сегодня... Да и то мнѣ еще уступили за долгъ дешевле чѣмъ она стоитъ... Можете всѣмъ сказать—пять тысячъ. Fünf Tausend Rubel!..

— У, скупой какой!

— Вы заслуживайте... Въ свой время—все будетъ!

Крестовоздвиженскій (на сценѣ—Кристіани) и Арчибальди (въ Пошехоньѣ—Архаровцевъ) забрались въ буфетъ и такъ и не выходили оттуда. Барсовъ держался подальше отъ Нины, которая была совершенно одинока посреди всего этого. Къ ней нѣсколько разъ подходилъ Мандель, но не о чемъ было говорить съ нимъ. Она скучала, не зная куда дѣваться. Товарищи ее обѣгали, даже Акуловъ назвалъ ее Миликтриссой Кирьбитьевной и присталъ къ Досужевой съ любезностями. Теноръ изъ полячковъ, съ узенькими плечами и сѣрымъ лицомъ, засеменилъ было за нею, но встрѣтивъ взглядъ Барсова, сейчасъ же прицѣпился къ Лолошкѣ...

— Какая тоска, какая тоска! роняла Раевская, когда Барсовъ проходилъ мимо... Послушайте, вы бѣгаете отъ меня? Досужева стояла въ дверяхъ. по дѣлать было нечего, Барсовъ сѣлъ рядомъ съ Ниной.

— Какъ хороши вы сегодня! тихо проговорилъ онъ, любуясь ею... Какъ къ вамъ идетъ этотъ черный бархатъ... И сколько вкуса... Жаль, мы не одни... Я бы расцѣловалъ васъ, Нина... Вы знаете: чѣмъ дальше—больше я схожу съ ума... эти золотые волосы кружатъ мнѣ голову...

— Я не понимаю васъ...

— Почему?

— Объявимъ же имъ, что мы женихъ и невѣста... тогда прятаться нечего.

— О, какъ я хочу! съ притворною страстностью подхватилъ Барсовъ. Вы скоро увидите какъ я хочу этого... я только и живу около васъ... Смотрѣться въ ваши глаза, ласкать эту чудную волну волосъ...

Нина разгорѣлась слушая его. Губы полуоткрылись—два ряда ослѣпительно бѣлыхъ зубовъ блеснули... Нѣж-

Прощеніе. Съ картины А. Девиса, грав. Жонаръ.

ный румянецъ проступилъ на щекахъ... она слегка наклонила голову...

— Зачѣмъ же ждать еще... Я не могу скрываться... Александръ... мнѣ противно.

— Ты ребенокъ, Нина... Жизнь сложна! Не все въ ней такъ просто какъ кажется.

— Мосье Барсовъ... позвала его Досужева.

— Идите... идите къ ней... И горечь противъ воли послышалась въ голосѣ у Нины. Только прежде чѣмъ уйдете, скажите правду: что вамъ такое эта женщина? Слышите ли, Барсовъ. Правду... Только правду!.. Вѣдь вы еще не мужъ мнѣ. Я вамъ все прощу... Что вамъ она?

— Разумѣется—старый, испытанный другъ...

— И только?

— Только! онъ не покраснѣлъ даже.

— И всегда былъ только другомъ, только? настойчиво переспросила Нина.

— Къ прошлому не ревнуютъ! проговорилъ онъ, принявъ видъ довольно пошлаго Донъ-Жуана.

„И никогда то не бываетъ онъ самимъ собою, мелькнуло у Раевской. Всегда на подмосткахъ. И со мною говоритъ—тоже! Эти вѣчныя ходули... Капищевъ не таковъ!..“ И опять какое то, ей самой непонятное, сожалѣніе заставило тоскливо забиться ея сердце.

„Гдѣ то онъ теперь?.. Хоронъ другъ... глазъ не кажетъ... не пишетъ... а если полюбилъ другую?“ И ей вдругъ стало душно. „Не могу разобраться во всемъ этомъ. Неужели онъ мнѣ дороже, чѣмъ я думала... Или это дѣтская привычка? А только я была бы гораздо счастливѣе, еслибы видѣла его около... Съ нимъ какъ то спокойнѣе, ничего не боишься. На него можно положиться... Онъ что говоритъ, то и думаетъ и дѣлаетъ“.

Едва дождалась она ужина. Раньше нечего было и думать уѣхать. Мандель не отпустилъ бы ее, не далъ бы лошадей...

За столомъ онъ усадилъ ее рядомъ съ Барсовымъ. Досужеву помѣстилъ напротивъ. Соломонъ Іосифовичъ удвоивалъ свою любезность. Очевидно, онъ самъ волновался и ждалъ чего то. Нѣсколько разъ онъ подходилъ къ Настасьѣ Васильевнѣ, но не рѣшался говорить, а только многозначительно посматривалъ на нее. Сладокъ онъ сталъ до приторности. И безъ того румяныя губы его—складывались сердечкомъ. Два раза онъ сантиментально пожалъ руку Барсову и даже вздохнулъ при этомъ. Нинѣ Борисовнѣ онъ похвалилъ его: „это такой человѣкъ, такой человѣкъ!“

— За деньги не купишь? улыбаясь переспросилъ его Барсовъ.

Мандель сталъ вдругъ серьезенъ.

— За деньги можно все купить! съ убѣжденіемъ рѣшилъ онъ, и тутъ же, почему то, поцѣловалъ руку Досужевой.

— Ты, Соломонъ Іосифовичъ, не готовишься ли въ jeun-premier'ы?

— Нѣтъ, но я просто обожатель искусства!

Всѣ засмѣялись и Мандель засмѣялся, но какъ то нервно. Онъ сѣлъ рядомъ съ Досужевой.

— Не правда ли, какой чудный два паръ голубевъ? кивнулъ онъ ей на Раевскую и Барсова.

Досужева взглянула напротивъ и поблѣднѣла. Соломонъ Іосифовичъ сталъ еще веселѣе и опять поцѣловалъ ей руку.

— И какъ они любятъ другъ друга! Очень любятъ...

Вилка Татьяны Гавриловны звякнула о тарелку, она старалась овладѣть собою. Ей бы это удалось, еслибы Мандель не закатилъ сантиментально глаза въ потолокъ и совсѣмъ уже распустившимся голосомъ не прошепталъ:

— Я сколько разъ слышалъ... Онъ жениться на ней хочетъ.

— Да, ловкая барышня! уже вслухъ проговорила Досужева, привыкшая къ безцеремонности и несдержанности театральныхъ нравовъ.

— Кто ловкая барыня? обернулись на нее всѣ.

— Да... Нина Борисовна—ловкая барыня... И свое, и чужое—ей все годится... И подержанными вещами не брезгуетъ...

Досужева чувствовала, что она дѣлаетъ гадость и глупость, но уже не могла остановиться. Чѣмъ болѣе она сознавала это, тѣмъ болѣе бѣсилась. Она уже зло смотрѣла въ упоръ на Раевскую.

— Что съ вами, Татьяна Гавриловна... За что это... Господи! вся блѣдная проговорила та.

— Со мной, ничего, Нина Борисовна!.. Только вы плохой выборъ дѣлаете.

— Госпожа Досужева! весь потрясенный вскочилъ Барсовъ.

— Потихоньку все, въ уголкахъ прячетесь, душенька...

Теперь и Досужева дрожала. Она уже не могла остановиться.

— Вы видите, Барсовъ... Я вамъ говорила... Что же вы молчите?.. Что же вы молчите?.. Скажите! шептала точно про себя Нина.

Она вся горѣла, сердце щемило тоскою и болью.

— Позвольте! вмѣшался Мандель... Я не понимай этотъ тонъ, я знай, господинъ Барсовъ хочетъ жениться на мадмоазель...

Татьяна Гавриловна вдругъ улыбнулась и успокоилась... Всѣ кругомъ оцѣпенѣли... Мандель смотрѣлъ на театральную маменьку; но не успѣла та рта раскрыть, какъ заговорила Досужева.

— Это что же? Ахъ душенька, Нина Борисовна... Я даже не сержусь на васъ... Я жалѣю васъ... Бѣдная вы... Это не Барсовъ ли женится на васъ?.. Ахъ вы—наивная! На васъ и сердиться то грѣхъ...

— Что это... отцы родные! послышался громкій голосъ Настасьи Васильевны Бабкиной. Театральная маменька сорвалась съ мѣста. Да какъ онъ смѣетъ благородную дѣвицу обижать?.. Ему и жениться то нельзя вѣдь... Креста на васъ нѣтъ, аспиды! Ну ужъ и мужчины!

— Вы бы успокоили себя, Настасья Васильевна... резонно замѣтилъ ей Мандель. Всякій человѣкъ можетъ себя женить... это его правъ!

— Да какъ же онъ женится, родные мои... Александръ Петровичъ то? Вѣдь онъ женатъ!

Нину точно полоснуло ножемъ по сердцу. Она подняла на Бабкину обезумѣвшій взглядъ.

— Пятнадцатый годъ женатъ... Жена, Анна Тимофѣевна, съ дѣтками при родителяхъ живетъ при своихъ. Хорошая дама такая!.. Въ Минскѣ она, на Дворянской улицѣ домъ свой.

— Александръ Петровичъ, да развѣ вы и это скрывали? уже совсѣмъ улыбаясь говорила Досужева... Я думала, вы, опутывая такихъ невинностей, хоть на разводъ ссылались.

— Ну и мужчины... Лолоша собирайся! тебѣ здѣсь не мѣсто, негодовала Бабкина. Тутъ дѣвицамъ нельзя быть.

Шатаясь встала Нина... Ее качнуло... Она схватилась за стулъ и придерживалась за него. Мандель бросился къ ней. Удивленно, какъ будто ничего не понимая, она посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ... не надо... оставьте меня, я одна...

— Отдохните... Въ той комнатъ никого нѣтъ, показалъ Мандель... Воды!..

— Ничего не надо... все больше и больше слабѣла Нина, одну меня оставьте, одну...

Она вышла... Тутъ ее никто уже не видѣлъ... Она засмѣялась чему то... Потомъ прижала губы рукой, точно не давая вырваться рыданію. Мягкій свѣтъ лампы дразнилъ ее. Ее душилъ ароматъ розъ, еще сильнѣе дышавшихъ въ этомъ знойномъ воздухѣ... Въ окно

смотрѣла черная ночь... Черная, влажная... Эта ночь вдругъ потянула ее къ себѣ... Ей стало невыносимо въ комнатѣ... Опираясь о стѣну, она вышла на крыльцо... Дождь ударилъ прямо въ лицо ей... Холодный вѣтеръ обдалъ раскрытую бальнымъ платьемъ грудь. Ноги въ легкихъ туфляхъ ушли въ грязь улицы.

— Господи, Господи... За что же?.. зарыдала она наконецъ, и какъ снопъ свалилась у крыльца...

Въ столовой всѣ молчали. Никто не могъ еще опомниться.

— Подлецы... Всѣ подлецы!.. заоралъ вдругъ Акуловъ, совсѣмъ опьянѣвшій. Одна чистая была—да и ту затоптали!..

— Господинъ Акуловъ... подлетѣлъ было къ нему Мандель.

— Прочь жидъ... Не могъ ты иначе раскрыть ей глаза?..

— Я ничего не зналъ... господинъ Акуловъ.

— Да, я господинъ Акуловъ... А ты хамъ... И я насквозь тебя вижу!..

Акуловъ вышелъ въ другую комнату... Тамъ не было Нины... За этой комнатой передняя; холодный воздухъ струился въ открытыя двери... Точно предчувствуя недоброе, Акуловъ выбѣжалъ на крыльцо... Передъ нимъ на ступеняхъ лежало что то бѣлое.

— Ахъ ты Господи!

И онъ, схвативъ ее на руки, внесъ въ комнату.

— Въ грязи вся!.. суетился Мандель.

Акуловъ отвелъ его рукою.

— Эта грязь ничего... А вотъ та, которою вы ее забросали!.. Лошадей—проворнѣй! Ни минуты не оставлю ее здѣсь!..

(До слѣд. №).

Черный вождь.

Разсказъ изъ прошлаго американской жизни,

Георга Кабля.

(Окончаніе).

Великанъ-вождь, которому ни одинъ изъ присутствовавшихъ не доставалъ до плеча, былъ обезображенъ своимъ новымъ платьемъ; но осанка его, высоко поднятая великолѣпная голова, сверкающій взоръ и величественный шагъ были таковы, что останавливали невольно насмѣшливыя улыбки. Говоръ удивленія пронесся по залѣ и достигъ до Пальмиры, у которой сильнѣе забилось сердце. Но она составила свой планъ и не хотѣла отступать. Священникъ могъ ее повѣнчать съ нимъ, но она рѣшилась не быть его женой.

Онъ еще выше поднялъ свою голову и спокойно оглядывалъ залу.

— Онъ ищетъ невѣсту, говорили негры его окружавшіе. Онъ замѣтилъ ее.

— Го-о-о-о!

Въ залѣ раздался точно звукъ трубы. Гости господъ торопливо пришли сюда посмотрѣть въ чемъ дѣло. Міоко лѣвой рукою взялъ руку Пальмиры, а правую, словно благословляя, положилъ ей на голову. Затѣмъ онъ возвысилъ голосъ и выбивая тактъ босою ногою, медленно и торжественно запѣлъ дикую, странную пѣснь, которую никто не понималъ изъ бѣлыхъ гостей. Но пѣснь эта, въ которой слышалась печаль и тоска, была похожа на сдержанное сильное рыданіе. Всѣ молчали, пораженные. Но пора было переходить на другую половину дома, гдѣ прибывшій священникъ приступалъ къ бракосочетанію дона Хозе. Минуту среди гостей продолжалось движеніе. Затѣмъ все смолкло и слышенъ былъ только тихій голосъ священника. Затѣмъ все было кончено и Евгенія Грандиссиме стала женою дона Хозе! На дворѣ же надвигалась буря. Ночь была темна.

Молодой и гости его пожелали затѣмъ присутствовать при бракосочетаніи Пальмиры и Міоко. Священникъ благословлялъ. Вдругъ буря разразилась со страшною силою. Міоко схватилъ руку Пальмиры и ласково пытался увести ее.

— Міоко-Коанго!

То былъ голосъ молодой супруги дона Хозе. Молодая до послѣдней минуты не знала, что именно замышляла ея вѣрная служанка; но умоляющій взоръ Пальмиры показалъ ей, что теперь именно она проситъ ея заступничества.

Міоко вдругъ остановился какъ вкопанный.

— Міоко-Коанго долженъ обождать когда *я* передамъ ему его жену.

Онъ закрылъ лицо руками и молчалъ.

— Міоко-Коанго слышитъ голосъ свѣтлаго духа, тихо и медленно сказалъ онъ. Голосъ сладокъ, но слова горьки. Міоко подождетъ. Но это жестоко! И если бѣлые хотятъ его обмануть, тогда... Онъ медленно поднялся и, съ закрытыми глазами, простеръ сжатую руку,—тогда Міоко-Коанго попроситъ помощи великаго духа Вуду, чтобы отомстить за себя!

Дикое завываніе бури казалось возбуждало вождя. Длинныя, полотняныя занавѣси, навѣшенныя у дверей, начали вздыматься, раздался страшный взрывъ и шумъ, словно пронеслась толпа вѣдьмъ; небо разверзлось, оглушительные удары грома, потрясшіе домъ до основанія, слѣдовали одинъ за другимъ. Гости стояли молча, съ поблѣднѣвшими губами. Наконецъ пошелъ сильный южный ливень и спустя нѣсколько минутъ домъ казался островомъ среди безбрежнаго океана.

Но празднество прервалось только на короткое время. Гости поужинали уже въ парадныхъ комнатахъ; пришла очередь негровъ. Они усѣлись за столъ, вождь сѣлъ на почетномъ мѣстѣ и въ первый разъ въ жизни отвѣдалъ вина. Онъ медленно выпилъ стаканъ, потребовалъ другой, и затѣмъ все быстрѣе пилъ третій, и четвертый, и десятый. Пальмира стала безпокоиться и отодвигала отъ него полныя бутылки. Вначалѣ Міоко не замѣчалъ этого, затѣмъ молча протянулъ руку со стаканомъ, требуя, чтобы наполнили его, и когда не исполнили его желаніе, онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что столъ треснулъ пополамъ. Черные гости, предчувствуя бѣду, въ замѣшательствѣ переглянулись, и многіе встали и вышли изъ залы, а другіе забились въ отдаленнѣйшіе углы.

Міоко посидѣлъ немного, мрачно улыбаясь; потомъ всталъ и направился въ большую залу, гдѣ танцовали бѣлые. Съ появленіемъ въ дверяхъ могучей фигуры вождя, танцы остановились. Всѣ глаза направились на вошедшаго и разговоръ умолкъ. Вождь же медленно подошелъ къ своему господину, дону Хозе, и положивъ тяжелую руку ему на плечо, сказалъ глубокимъ, трогательнымъ голосомъ.

— И ты, и ты хочешь меня обмануть. О презрѣнный бѣлый!

Испанецъ вскрикнулъ въ бѣшенствѣ и поднялъ на негра руку, но въ ту же минуту упалъ на полъ, оглушенный страшнымъ ударомъ.

Секунду гости были безъ движенія и молча смотрѣли, какъ невольникъ, наклонясь надъ лежавшимъ, издавалъ какіе то звуки на родномъ языкѣ. Но по тону словъ чувствовали, что онъ проклинаетъ своего господина.

— Это ужасно! шептали женщины.

— Берегите вашихъ женъ и дочерей! воскликнулъ одинъ испанецъ.

— Убейте черную собаку! прибавилъ другой.

Міоко однимъ прыжкомъ очутился у дверей залы. Какъ стадо овецъ, въ которое попалъ волкъ, гости разбѣжались кто куда. Рѣзкіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ, но онъ уже былъ на свободѣ, убѣгая въ болота, и Агрикола Фузильеръ бранился въ безсильной злобѣ.

Пока перевязывали истекающаго кровью дона Хозе и приготовляли комнату для раненаго, Пальмира, лихорадочно возбужденная, ходила по своей комнатѣ. Она глубоко печалилась, раздумывая о той участи, какая ждетъ Міоко; одновременно съ этимъ она чувствовала облегченіе при мысли, что ушла изъ подъ его власти. Бѣглый невольникъ проявилъ между тѣмъ свою независимость, поселившись на глухомъ островѣ въ шестьдесятъ футовъ въ діаметрѣ, открытомъ имъ во время охоты и расположенномъ среди недоступныхъ болотъ. Теперь надъ нимъ не было господина. Онъ снова былъ самъ себѣ королемъ.

Стая злыхъ псовъ, пущенныхъ за бѣглымъ негромъ, съ лаемъ нашла мѣсто, гдѣ онъ отцѣпилъ лодку. Но далѣе не было никакихъ слѣдовъ. Тамъ гдѣ жилъ Міоко, никто не подумалъ искать человѣка. На своемъ островѣ онъ былъ безопасенъ и свободенъ. Онъ вспомнилъ то давно прошедшее, лучшее время, когда онъ былъ еще повелителемъ многочисленнаго племени. И какъ теперь ему пришлось устроиться!...

Осень и зима миновали, а Міоко все еще жилъ въ болотахъ. Но какъ? Никто объ этомъ не зналъ.

Донъ Хозе старался быть счастливымъ. Раны его скоро зажили и онъ съ молодою женою переѣхалъ къ себѣ въ домъ, который подъ ея управленіемъ перестала быть охотничьимъ притономъ, а сдѣлался вполнѣ пріятнымъ и уютнымъ. Оружіе, рога, сѣдла и сѣти, наполнявшіе всѣ комнаты и валявшіеся даже въ гостиной, исчезли вмѣстѣ съ многочисленными собаками и комнаты наполнились благоухающими цвѣтами, пестрыми птичками, весело щебетавшими въ клѣткахъ.

Но *„маленькій голубокъ“* бѣглаго, прекрасная Пальмира, не была веселой пѣвуньей. Она ходила убитая и погруженная въ свои думы, и оставаясь одна ночью, горько плакала о сдѣланномъ ею ужасномъ поступкѣ: она жена раба! Въ своей безразсудной страсти или, какъ говорилъ Агрикола, въ безграничномъ высокомѣріи, она продолжала любить отсутствовавшаго Оноре, не смотря на то, что была законною женою раба, ко-

9*

Молодая насѣдка. Съ картины А Ротты, грав. Р Эрике

Первая дуга. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

торый не смѣлъ даже прійти къ ней. Изъ Санъ-Доминго она слышала о возстаніи черныхъ, родственныхъ ей по крови, и когда она думала, что предметъ ея любви Опоре Грандиссиме такъ далеко, что врагъ ея Агрикола такъ близко и что она жена негра, тогда сердце ея усиленно билось и она грезила объ убійствѣ, огнѣ и крови! Она бы подняла негритянскаго вождя, *своего* раба, на мятежъ! Но и это было невозможно! Для нея все было потеряно. Какъ ея любовь, такъ и ея месть были безнадежны, и отчаяніемъ горѣли ея темные, чудные глаза.

Она думала объ африканцѣ и сердце ея наполнялось жалостью къ нему и закипало ненавистью, когда она видѣла Агриколу, причину своего несчастія.

Донъ Хозе *старался* быть счастливымъ. Но червь глодалъ его сердце. Испанецъ, не боявшійся ничего живаго, былъ суевѣренъ. Онъ зналъ, что проклятіе Міоко тяготѣетъ надъ его домомъ, и это мучило его болѣе, чѣмъ кто либо могъ думать. Гусеницы напали на его плантацію индиго и къ вечеру не осталось ни одного листа. Вскорѣ затѣмъ заболѣли негры. Злокачественная лихорадка унесла у него многихъ; оставшіеся походили болѣе на тѣни и донъ Хозе слышалъ жалобы: „Мы околдованы! Надъ нами проклятіе вождя!"

Одинъ изъ друзей посовѣтовалъ испанцу призвать священника и отогнать нечистаго духа молитвою. Другіе совѣтовали поймать негра. Донъ Хозе не хотѣлъ объ этомъ и слышать. Если не могли поймать бѣжавшаго, то пусть онъ живетъ и дѣлаетъ что хочетъ!

Еще разъ смотритель попробовалъ спустить собакъ и выѣхалъ съ цѣлой сворой на поимку Міоко. Но когда вечеромъ онъ возвращался обратно, лучшая собака изъ стаи лежала предъ нимъ на сѣдлѣ со сломаннымъ копьемъ въ боку. Мстательное оружіе было грубой работы, но тѣмъ не менѣе достигло цѣли и умертвило собаку.

Сами негры пробовали по своему снять очарованіе и завели настоящую пляску вѣдьмъ; но когда до ушей дона Хозе дошелъ ихъ вой и плачъ, онъ сильно разсердился и приказалъ имъ замолчать.

Въ первыхъ днахъ февраля наступила весна, а съ нею вернулись надежда и бодрость. Донъ Хозе повеселѣлъ. Неурожай прошлаго года былъ общимъ несчастіемъ, говорилъ онъ. Моимъ сосѣдямъ не лучше было чѣмъ мнѣ.

Смотритель однако качалъ головою. Въ душѣ онъ обвинялъ во всемъ чернаго бѣглеца. Вскорѣ того же мнѣнія сталъ и донъ Хозе. Онъ снова велѣлъ воздѣлать поля, но жатва не вознаградила его за труды.

— Онъ ничего не смыслитъ въ земледѣліи, говорили между собою сосѣди, и его смотритель не умнѣе его. Очень возможно, что онъ околдованъ.

Донъ Хозе заболѣлъ. Изнурительная лихорадка заставила его слечь. Въ одинъ день, когда, измученный, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, и возлѣ него сидѣла опечаленная жена, дверь внезапно раскрылась и въ комнату вошелъ полунагой, сильно исхудалый, но все еще страшный Міоко-Коанго. Первый его взглядъ упалъ на бѣлую женщину-*духа*. Онъ задрожалъ, но все таки подошелъ къ больному.

— О! Міоко хочетъ получить свою жену!

Испанецъ открылъ глаза и молча, пристально смотрѣлъ на невольника.

— Міоко хочетъ получить свою жену! повторилъ тотъ со стономъ.

— Возьмите его! закричалъ больной, напрасно усиливаясь подняться.

Кругомъ было много прислуги, но никто не отважился приступить къ Міоко. Съ нѣмою мольбою больной посмотрѣлъ на жену, которая сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками.

Міоко простеръ свои большія, черныя руки и проговорилъ медленно и торжественно:

— Да будетъ проклятъ твой домъ и все въ немъ живущіе, кромѣ женщинъ!

Донъ Хозе безъ силъ упалъ на подушки.

Африканецъ протянулъ руку къ открытому окну:

— И да будутъ прокляты твои поля! Пусть они не знаютъ плуга и не кормятъ скотъ, насущійся на нихъ!

Черные слуги убѣжали въ ужасѣ; въ ту же минуту вошла Пальмира.

— Поговори съ нимъ! простоналъ испанецъ.

Она рѣшительно подошла къ негру. Онъ схватилъ ее за руку, дикимъ, но граціознымъ и быстрымъ движеніемъ.

— Въ третій разъ: Міоко требуетъ свою жену! сказалъ онъ.

— Я не отдамъ ее тебѣ! воскликнулъ донъ Хозе съ яростью.

Африканецъ казалось выросъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди и невидимая сила какъ будто приподняла его. „Пусть все одичаетъ и опустѣетъ здѣсь, плѣсень пусть наполнитъ воздухъ, дикая трава проростетъ на полу и служитъ пріютомъ змѣямъ и гадамъ!"

Собравъ послѣднія силы, донъ Хозе приподнялся на локтѣ, и не въ состояніи произнесть слово, погрозилъ Міоко кулакомъ и упалъ безъ чувствъ. Когда онъ очнулся, надъ нимъ склонились Пальмира и жена, у ногъ кровати стоялъ смотритель. Міоко исчезъ!

Проклятіе подѣйствовало. Вся плантація походила на громадный лагерь больныхъ. Земледѣльческія орудія ржавѣли въ сараяхъ; стада ходили по опустѣвшимъ полямъ и разбѣгались или умирали съ голоду. Вся мѣстность поросла волчцомъ и сорной травою.

— Во имя святаго Франциска, почему, скажите, сеньора не употребила надъ чудовищемъ своей власти, когда оно стояло у постели больнаго мужа и произносило проклятія? спрашивалъ священникъ у смотрителя.

— Почему? отвѣтилъ смотритель тихо и съ разстановкой. Между нами, я думаю, что сеньора находитъ Міоко правымъ.

— Можетъ ли быть! А Пальмира? Почему она не вступилась?

— Пальмира? Смотритель злобно и насмѣшливо улыбнулся. Я иногда думаю, что бѣглецъ умеръ, а злой духъ переселился въ эту квартеронку. Я думаю, что еслибы она могла увеличить силу проклятія, она бы сдѣлала это. Это опасная, злая женщина, и теперь ее боится даже Агрикола Фузильеръ.

Однажды, въ необычный часъ, Агрикола явился къ дону Хозе.

— Я съ хорошими вѣстями, сказалъ онъ съ многозначительной улыбкой.

Глаза больнаго просіяли и вопросительно остановились на говорившемъ. Мы не поймали его еще, продолжалъ тотъ, но уже напали на его слѣдъ.

Донъ Хозе вздохнулъ съ облегченіемъ и сказалъ любезно:

— У меня также есть хорошія вѣсти: моя дорогая жена подарила мнѣ сына.

* * *

Былъ субботній вечеръ и негры справляли свой праздникъ. На площади возлѣ городской стѣны были четыре музыканта. Одинъ билъ въ барабанъ, два другихъ извлекали раздирающіе звуки изъ деревянныхъ трубъ, а четвертый стучалъ парой громадныхъ кастаньетъ. Для негровъ это была чудная музыка и они танцовали оживленно, кривляясь и прыгая! Отъ времени до времени танцоръ падалъ въ изнеможеніи; его тотчасъ уносили и на смѣну являлся другой, со свѣжими силами.

Веселье было въ самомъ разгарѣ, какъ вдругъ среди танцующихъ очутился новый танцоръ: чернѣе остальныхъ, полунагой атлетъ, съ пестрыми перьями въ волосахъ, бубенчиками и побрякушками на рукахъ, съ украшеніемъ изъ зубовъ алигатора на груди и съ живою змѣею вмѣсто галстуха.

Онъ раздвинулъ кругъ: ему надо было много мѣста, и началъ прыгать, откидывая руки и ноги такъ, что дикій танецъ до него казался только развлеченіемъ. Онъ все громче и громче кричалъ и стопалъ, движенія его становились все быстрѣе и прыжки выше, такъ что восхищенная толпа негровъ радостно закричала.

Міоко-Коанго былъ пьянъ. Пѣна выступила у него изо рта, налитые кровью глаза широко раскрылись, а грудь вздымалась и опускалась какъ бока загнаннаго звѣря. Но вотъ что то свистнуло въ воздухѣ! Раздался дикій, скоро подавленный крикъ— и Міоко лежалъ распростертый на землѣ, съ затянутымъ лассо на шеѣ.

Донъ Хозе былъ такъ милостивъ, какъ только могъ быть испанецъ-плантаторъ. Онъ пощадилъ жизнь плѣнника, не велѣлъ даже наказывать Міоко за свое оскорбленіе, но не могъ простить ему, по принципу, именно попытки получить свободу.

Среди стараго города, въ той части его, которая теперь находится въ развалинахъ, стояла тюрьма съ сырыми сводами, темными кельями и желѣзными клѣтками. Тамъ лежалъ связанный Міоко; его наказали. Но ни одинъ крикъ жалобы не вырвался изъ сжатыхъ устъ истязуемаго вождя.

Съ восходомъ солнца его отвезли на плантацію. Утренній воздухъ былъ полонъ благоуханія травъ и цвѣтовъ. Длиннорогіе быки, везшіе повозку, въ которой лежалъ наказанный, остановились у бывшей хижины Міоко.

— Бросьте его на дворѣ, сказалъ смотритель, онъ слишкомъ долго пользовался свободой и задохнется въ домѣ. Постелите ему у двери.

Явилась Пальмира и съ плачемъ упала возлѣ безпомощнаго колосса-вождя, котораго негры осторожно положили на сѣно. Онъ былъ весь избитъ. Большіе глаза его были сухи, но безконечное отчаяніе отражалось въ нихъ. Отъ времени до времени, онъ медленно взглядывалъ на Пальмиру. Теперь ему не приходилось заботиться, чтобы ее отдали ему; она ни на минуту сама не отходила отъ него.

Когда кто то упомянулъ имя Агриколы Фузильера, глаза негра такъ быстро устремились на Пальмиру, что она ждала, что онъ заговоритъ. Но онъ говорилъ только взоромъ. Пальмира поняла его и отвѣчала ему наклоненіемъ головы и взглядомъ еще болѣе выразительнымъ, чѣмъ у мужа. Міоко также наклонилъ голову молча.

Отъ дона Хозе торопливо прибѣжалъ посланный: „Господинъ приказываетъ Міоко тотчасъ снять проклятіе". Африканецъ лишь горько улыбнулся.

Смотритель пытался убѣдить Міоко и долго дружески говорилъ съ нимъ. Вождь не удостоилъ его даже взглядомъ. Потомъ просили Пальмиру позаботиться объ умирающемъ мужѣ ея любимой госпожи. Нехотя она сдѣлала слабую попытку.

Міоко широко открылъ глаза, пристально посмотрѣлъ на Пальмиру и поднялъ дрожащую руку. Пальмира упала передъ нимъ рыдая.

Ночью въ домѣ поднялась бѣготня, плачъ и рыданіе. Смерть наложила свою руку на дона Хозе...

— Міоко! начала Пальмира на слѣдующій вечеръ, тихо произнося каждое слово. Донъ Хозе умеръ! Его только что схоронили. Умирая, онъ просилъ тебя, Міоко, мой дорогой мужъ, чтобы ты простилъ его.

Африканецъ не издалъ ни звука. Съ тѣхъ поръ что его избили онъ уже все молчалъ. Но большіе глаза его, въ которые казалось перешла вся оставшаяся въ немъ сила, пылали дикимъ огнемъ.

— Попроси твою госпожу прійти сюда, шепнулъ смотритель Пальмирѣ; если она хочетъ спасти ребенка, пусть она поторопится, чтобы Міоко снялъ съ него свое проклятіе. Но скорѣе! скорѣе!

Молодая вдова, съ ребенкомъ на рукахъ, пришла тотчасъ. Она опустилась на колѣни возлѣ Міоко и положила мальчика на руки негра.

Черный вождь опустилъ глаза на крохотное бѣлое созданіе, которое ангельски улыбаясь, довѣрчиво смотрѣло на него и проводило полной ручкой по лицу несчастнаго. И вотъ, въ первый разъ, глаза негра вдругъ налились слезами, которыя медленно скатились со щеки на руку ребенка. Нѣжно и ласково положилъ онъ руку на голову малютки, и уста его прошептали нѣсколько невнятныхъ словъ. Затѣмъ онъ отнялъ руку и закрылъ глаза. Съ дома Хозе проклятіе было снято!

— Пальмира, сказалъ смотритель, вытирая глаза, нужно позвать священника.

Пришелъ священникъ, вѣнчавшій два года назадъ Міоко и Пальмиру. На вопросы Міоко отвѣчалъ глазами, взоръ которыхъ быстро потухалъ; наконецъ священникъ спросилъ:

— Знаешь ли куда ты отправляешься?

— Да, выразили глаза.

Всѣ наклонились къ Міоко, желая услышать послѣднее его слово.

Но голосъ не повиновался умирающему. Онъ поднялъ руки; глаза его нашли какую то точку въ пространствѣ, на которой онъ остановился съ выраженіемъ счастія. Тихая улыбка озарила его лицо и, прошептавъ имя своей родины, черный вождь закрылъ глаза на вѣки...

Неправильности нервной жизни.

Очеркъ.

Что можетъ быть подвижнѣе и сложнѣе нашей нервно-мозговой жизни? Что можетъ сравниться съ нею по массѣ тѣхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на нее въ томъ или другомъ направленіи?

Наука о душевныхъ болѣзняхъ—недостаточно разработана еще. Въ лицѣ своихъ представителей, она не можетъ сказать во всякомъ данномъ случаѣ, гдѣ умственное разстройство и гдѣ нѣтъ его. Противорѣчія другъ другу судебныхъ экспертовъ служатъ тому лучшимъ доказательствомъ. Извѣстно, что представители защиты или прокуратуры возбуждаютъ иногда вопросъ о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго, котораго и подвергаютъ психіатрической экспертизѣ. Если окажется, что умственныя способности подсудимаго были ненормальны въ моментъ совершенія преступленія только или въ предъидущіе моменты, то онъ признается совершившимъ преступленіе въ состояніи невмѣняемости, и наказанія не налагается. Его оправдываютъ по суду и вмѣсто тюрьмы помѣщаютъ въ заведеніе для душевнобольныхъ. Нужно признать, однако, что многихъ присуждаютъ къ леченію вмѣсто наказанія, по трудности и часто невозможности опредѣлить дѣйствительное состояніе умственныхъ способностей подсудимаго въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія. Эксперты, часто не спеціалисты по душевнымъ болѣзнямъ, не психіатры, даютъ иногда самыя противорѣчивыя показанія.

Анатомія отвѣчаетъ отрицательно на вопросъ, не сопровождается ли безуміе какимъ-либо видимымъ органическимъ поврежденіемъ. Значитъ, даже по смерти человѣка, анатомическимъ вскрытіемъ нельзя доказать нормальность или ненормальность состоянія его ума.

Давно-ли мы читали въ газетахъ объ одномъ несчастномъ, который сдѣлался жертвой недостойной интриги, былъ помѣщенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ и находился тамъ противъ воли довольно продолжительное время, въ качествѣ сумасшедшаго. Случается даже, что подобныя жертвы интриги, или простой случайности, дѣйствительно сходятъ съ ума.

Не такъ давно, напримѣръ, въ Константинополѣ, одна молодая дѣвушка, греческаго вѣроисповѣданія вышла, съ согласія своихъ родителей, замужъ за армянскаго банкира. Черезъ нѣсколько недѣль, происками враговъ своего мужа, она была оторвана отъ супружескаго очага и помѣщена въ домъ для сумасшедшихъ. Долгое время поиски мужа оказывались тщетными. Наконецъ, онъ обратился въ министерство полиціи и открылъ мѣстопребываніе несчастной жены своей. Ее нашли въ подземельѣ, лежащей на рогожѣ, привязанной цѣпью къ стѣнѣ; возлѣ нея стоялъ кувшинъ воды. Только черезъ двѣ недѣли послѣ этого, мужу удалось выручить ее изъ этого ужаснаго положенія, въ которомъ она дѣйствительно сошла съ ума.

Тотъ способъ леченія, которому подверглась несчастная гречанка, имѣлъ широкое распространеніе въ прежнія времена. Душевнобольные огульно считались одержимыми демономъ и если ихъ не жгли на огнѣ, не топили въ водѣ или не предавали какой-либо другой казни, то сажали на цѣпь или помѣщали въ желѣзную клѣтку. Много гибло такимъ образомъ несчастныхъ. И нельзя сказать, чтобъ все это было очень давно.

Развитіе наукъ вообще и въ частности психологіи и психіатріи даютъ теперь возможность примѣнять къ людямъ, одержимымъ тѣми или другими умственными разстройствами, надлежащіе способы леченія. Во всѣхъ образованныхъ странахъ устроены теперь обширныя лечебницы для душевнобольныхъ, съ садами, огородами, полями. Англія занимаетъ въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ.

Ненормальности нашей душевной жизни крайне разнообразны какъ по предмету, такъ и по проявленіямъ. Нервныя болѣзни были часты и въ прежнее время, и разрослись еще болѣе въ новѣйшее. Причинъ послѣдняго много. Различныя возбуждающія нервную систему средства потребляются теперь въ громадномъ количествѣ. Всякій можетъ засвидѣтельствовать насколько усилилось въ послѣднее время потребленіе чая, напримѣръ, у насъ. Далѣе, неправильная жизнь, неумѣренности—все это и многое другое служитъ обильнымъ источникомъ различныхъ, болѣе или менѣе серьезныхъ, нервныхъ разстройствъ.

Какъ фактъ, нужно замѣтить, что нѣкоторыя нервныя разстройства имѣютъ эпидемическій характеръ, характеръ повальной заразительной болѣзни. Случается, что появленіе одного такого больнаго влечетъ за собою громадное количество заболѣваній, въ силу безсознательнаго подражанія. Таково, напримѣръ, кликушество. истерика—болѣзнь, выражающаяся во внезапныхъ переходахъ отъ смѣха къ слезамъ. Въ одномъ изъ городовъ Франціи, самоубійства, особливо между женщинами, сдѣлались эпидемической болѣзнію. Многія несчастныя жертвы эпидеміи бросались въ воду и такимъ образомъ кончали свое земное существованіе.

Угрозы какого-либо страшнаго наказанія являются, какъ оказывается, въ этихъ случаяхъ лучшимъ лекарствомъ. Такъ въ данномъ случаѣ было объявлено, что трупы женщинъ-самоубійцъ будутъ выставляться обнаженными—и эпидемія прекратилась. Примѣровъ такихъ заболѣваній и успѣшнаго примѣненія подобныхъ лекарствъ—очень много. Такъ точно, не такъ давно у насъ въ Россіи одинъ помѣщикъ высказалъ угрозу—обливать холодной водой кликушъ, число которыхъ чрезвычайно увеличилось въ его имѣніи. Угроза подѣйствовала, и на этотъ разъ эпидемія кликушества прекратилась.

Нервная организація наша дѣлаетъ иногда возможными весьма странныя проявленія своей дѣятельности, постепенно постигаемыя, однако, наукой.

Таковъ, напримѣръ, *гипнотизмъ* или *сомнамбулизмъ*, во время котораго человѣкъ всецѣло подчиняется волѣ производящаго опыты, дѣлаетъ что тотъ прикажетъ, отвѣчаетъ на предлагаемые вопросы и т. п., находясь въ состояніи совершенной безсознательности. Гипнотическое состояніе можно, между прочимъ, вызывать пристальнымъ смотрѣніемъ въ глаза впродолженіи извѣстнаго времени. Ганзенъ, такъ недавно производившій опыты гипнотизма въ Петербургѣ, ошибся, пріѣхавъ въ Россію изъ-за-границы, въ своихъ ожиданіяхъ—найти въ Петербургѣ однихъ щедрыхъ поклонниковъ и ни одного противника. Д-ръ Лихонинъ, отъ котораго онъ потерпѣлъ полное пораженіе, оказался для него серьезнымъ противникомъ. Мы не будемъ повторять здѣсь того, о чемъ такъ много говорилось и подробно описывалось въ ежедневной печати.

Любопытно то еще, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ человѣкъ становится одновременно въ положеніе и наблюдателя, и наблюдаемаго въ полномъ смыслѣ. Такъ, случается, что нѣкоторые больные произносятъ рѣчи противъ собственнаго желанія, утверждая, что дьяволъ говоритъ ихъ устами.

Въ менѣе рѣзкой формѣ, когда воля не безсильна, это явленіе—вполнѣ нормально. Такъ человѣкъ можетъ слѣдить за собой, за развитіемъ какой нибудь мысли, страсти или наклонности, и является такимъ образомъ одновременно въ состояніи наблюдателя и наблюдаемаго.

Существуютъ явленія еще болѣе странныя. Мы окончимъ настоящій очеркъ передачей одного изъ нихъ.

11 іюля 1879 года, г. Дюжарденъ-Боmетцъ представилъ французскому медицинскому обществу госпиталей 38-лѣтнюю женщину, страдавшую истерикой и находившуюся въ состояніи совершенной анестезіи (безчувственности). Ее буквально можно было назвать литографической женщиной. Достаточно,

было начертить на ея тѣлѣ какую нибудь букву или слово, напримѣръ, чтобы на этомъ мѣстѣ тотчасъ-же образовалось соотвѣтствующее возвышеніе, настолько ощутимое, что слѣпой могъ читать такъ странно написанное рукою, посредствомъ чувства осязанія. Эти странныя надписи оставались ясными впродолженіи четырехъ или пяти часовъ. При этомъ температура сильно возвышалась на раздраженныхъ частяхъ и согрѣвала больную.

Развивающаяся непрерывно наука все болѣе и болѣе съуживаетъ область непонятнаго, постепенно даетъ объясненія необъяснимому, но все же, въ концѣ концовъ, должна признать, что ей неизвѣстны первоначальныя причины этихъ явленій.

Къ рисункамъ.

Охота во Франціи 300 лѣтъ тому назадъ.

(Рис. на стр. 300 и 301).

Какая широкая, прекрасная картина! Выстрѣлы и звуки роговъ сопровождаютъ бѣшеную скачку охотниковъ по лѣсамъ и долинамъ. Сквозь кусты и терновники, по полямъ преслѣдуютъ они дичь, и рѣзкій звукъ рога спугиваетъ въ чащѣ оленя. Собаки выгоняютъ на лугъ измученнаго кабана. Свора его окружаетъ, дико сверкаетъ его налитый кровью глазъ. Вотъ онъ снова скрывается въ лѣсу, но храбрые псы не перестаютъ гнаться за нимъ. Словно вихрь несется охота; у всадниковъ и собакъ захватываетъ дыханіе. Охотники не знаютъ никакихъ преградъ и смѣло мчатся впередъ. Вотъ кабанъ выгнанъ снова; собаки бѣшено кидаются на него, онъ съ отвагой отчаянія отражаетъ нападеніе и первой подскочившей собакѣ глубоко вонзаетъ клыкъ. Но ему не справиться съ преслѣдователями: мѣткая пуля кладетъ его на мѣстѣ. Трубятъ сборъ, и вотъ всѣ понемногу съѣзжаются на опушкѣ лѣса. Одни волокутъ оленя, другіе тащутъ убитаго кабана, а тамъ виднѣется желтый пушистый хвостъ лисицы. Но вотъ раздаются глухіе удары копытъ о землю—это галопируетъ герцогиня со своею свитою. Стройно держится она на лошади, гордо поднявъ голову, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ѣзды. Навстрѣчу ей несутся восторженныя привѣтствія, а она, ласково кланяясь, подтягиваетъ поводъ и оглядываетъ добычу охоты.

Этотъ послѣдній именно моментъ удачно окончившейся охоты, прекрасно воспроизведенъ мюнхенскимъ художникомъ. Охотѣ съ такою страстью предавались въ прежнее время, что мы уже не можемъ теперь составить о томъ себѣ точнаго понятія, хотя она и теперь увлекаетъ еще многихъ.

Прощеніе.

(Рис. на стр. 305).

Она была непослушна, строптива, она огорчила свою мать, эта молоденькая дѣвушка, и вотъ ее самое беретъ раскаяніе; ей такъ грустно, невыносимо думать, что на нее сердятся, и она не выдерживаетъ, ласкаясь проситъ нѣжно прощенія, и конечно его получаетъ. Сколько нѣжности и выразительности въ ея позѣ и сколько любви во взглядѣ матери, на рукахъ которой лежитъ глубоко и мирно спящій мальчуганъ, и не подозрѣвающій о маленькой семейной драмѣ, разыгрывающейся надъ его головой.

Молодая насѣдка.

(Рис. на стр. 308).

Дѣтки приходятъ утромъ, по обыкновенію, къ своей любимицѣ—черной хлопотливой курицѣ, и, о радость! въ гнѣздѣ ея оказывается цѣлая семья прелестныхъ, желтенькихъ, пушистыхъ цыплятъ, которые такъ мило поглядываютъ своими крохотными глазками, что дѣти въ умиленіи и восторгѣ не могутъ на нихъ налюбоваться, а маленькая дѣвочка беретъ въ руки самаго крохотнаго птенчика и цѣлуетъ его желтую головку, къ безпокойству молодой насѣдки, въ гордости и упоеніи семейнаго счастія, торжественно возсѣдающей въ своемъ гнѣздѣ. И насѣдка испуганно клохчетъ, встревоженно поглядывая на малютку своимъ бойкимъ глазомъ и боясь чтобы не сдѣлали вреда ея птенчику.

Первая дуга.

(Рис. на стр. 309).

Художникъ нашъ очень удачно воспользовался интереснымъ эпизодомъ перваго выѣзда рысистаго, кровнаго жеребца на заводѣ, когда послѣ гоньбы на кордѣ, его запрягаютъ наконецъ, онъ чуетъ на себѣ впервые збрую и нетерпѣливо и дико рвется, стремясь разшибить и сбросить эту несносную, сердящую его упряжь. Двое дюжихъ конюховъ едва удерживаютъ великолѣпное животное, бьющее уже начинающій таять снѣгъ могучими копытами. Хозяинъ завода совѣтуетъ какъ держать коня, а въ розвальни сзади уже сѣли наѣздники, и одинъ держитъ кнутъ за спиной, чтобы не испугать бѣснующагося коня.

Замокъ Нейшванштейнъ.

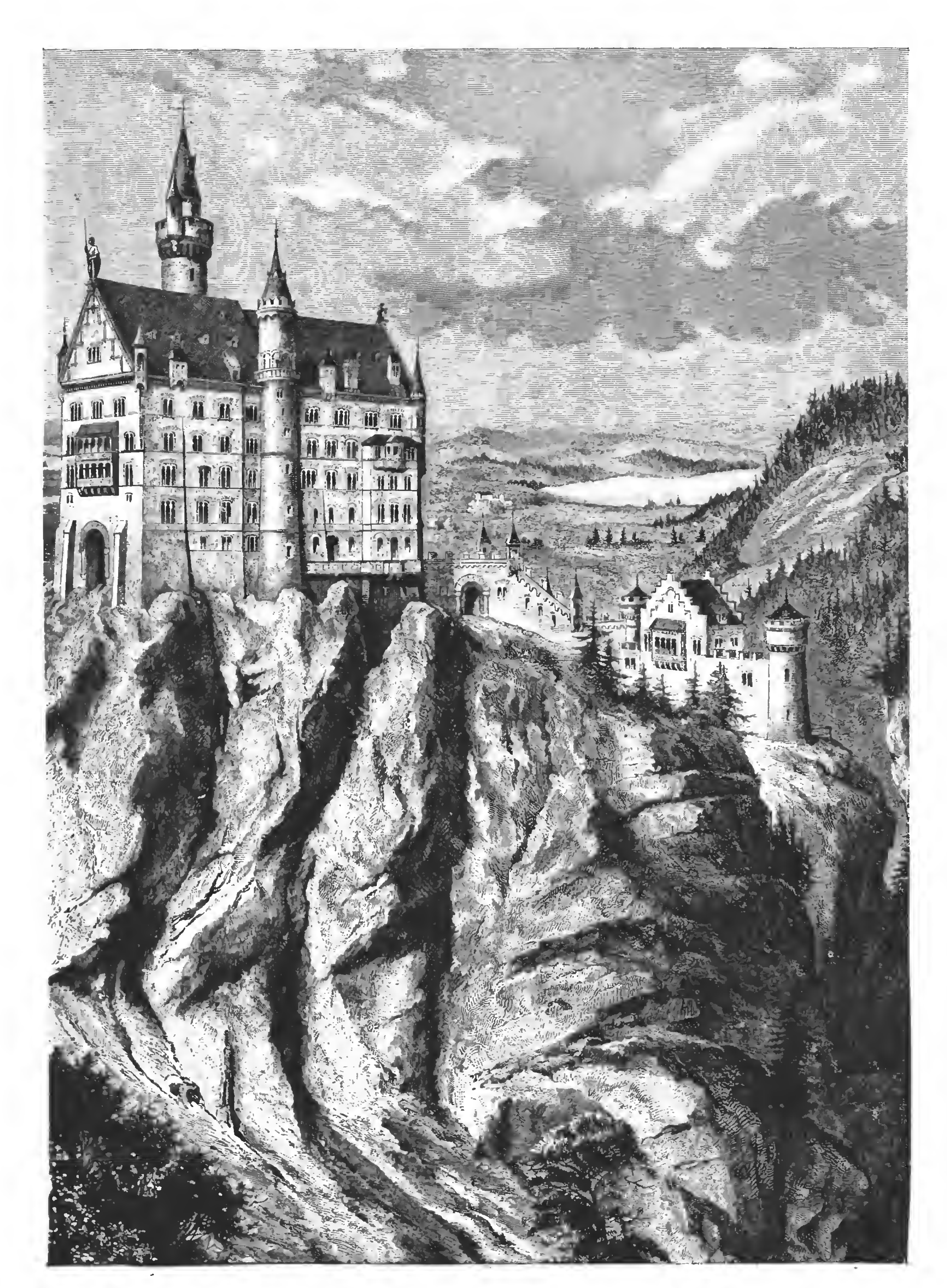
(Рис. на стр. 313).

Противъ замка Гогеншвангау, выстроеннаго королемъ баварскимъ Максимиліаномъ, на мѣстѣ прежняго укрѣпленія Шванштейнъ, высится съ 1882 года новый великолѣпный замокъ короля Людовика II—Нейшванштейнъ. Онъ выстроенъ на мѣстѣ старинной крѣпости Фордеръ-Швангау, отъ которой сохранились еще развалины, и стоитъ на отвѣстной скалѣ, надъ обрывомъ Пѣллатъ. Прелестный видъ на замокъ представляется съ Маріинскаго моста, вытянувшагося на высотѣ 18 саженъ надъ шумящей рѣчкой Пѣллатъ, отъ которой получилъ свое названіе и обрывъ; нашъ рисунокъ изображаетъ воздушный, великолѣпный замокъ баварскаго короля именно такимъ, какимъ онъ представляется съ этого мѣста. Замокъ выстроенъ въ чисто итальянскомъ стилѣ, съ богатыми декоративными украшеніями, множествомъ балконовъ, угловыхъ башенъ и т. п. Изъ середины, прочно воздвигнутаго изъ гранита, зданія поднимается вверхъ на 110 метровъ наблюдательная башня, съ галлереи которой разстилается прекрасный видъ на высокую равнину Баваріи. Крыша всего замка сдѣлана изъ толстой листовой мѣди. Большой дворъ замка ведетъ къ величественному порталу, представляющему собой единственное въ своемъ родѣ произведеніе каменнотеснаго искусства. Фронтонъ праваго крыла замка украшенъ двумя фресками въ 12 футовъ вышиной; одна изъ нихъ изображаетъ св. Георгія Побѣдоносца на конѣ, поражающаго копьемъ дракона, другая—Богоматерь съ Младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, покровительницу Баваріи. На шпицѣ фронтона этого крыла укрѣпленъ вылитый изъ бронзы герольдъ, въ средневѣковомъ вооруженіи, а шпицъ лѣваго крыла украшенъ мѣднымъ львомъ. Внутренняя отдѣлка, со множествомъ статуй, придаетъ замку волшебный видъ. Изъ художественныхъ украшеній можно отмѣтить здѣсь мастерской рукой выполненныя фрески: „Кольцо Нибелунговъ" и „Парсифаль" Рихарда Вагнера, также нѣсколько эпизодовъ изъ сраженій 1870 и 1871 годовъ, въ которыхъ принималъ участіе баварскій корпусъ, и изъ исторіи королей Баваріи съ 1806 по 1867 годъ. Достойна вниманія также отдѣлка плафона; полъ частью мозаичный, частью паркетный, роскошнаго узора. Повседневные покои короля находятся въ самомъ верхнемъ этажѣ и состоятъ только изъ рабочаго кабинета, спальни, библіотеки и зала для пріема докладовъ. Кабинетъ украшенъ бюстами: родителей короля, Рихарда Вагнера, фонъ-деръ-Танна и министра Лютца, поодаль отъ которыхъ помѣщена картина, представляющая сцену изъ „Рейнгольда", и планъ увеселительнаго замка Линдергофъ. Освѣщеніе замка электрическое. Замокъ Нейшванштейнъ, вмѣстѣ съ другими увеселительными дворцами короля Людовика: Линдергофъ, Шохенъ, Эльмау и Геренхимзее, представляетъ собой украшеніе страны и принадлежитъ къ самымъ величественнѣйшимъ постройкамъ континента.

Птицы какъ друзья и защитники большихъ животныхъ.

(Рис. на стр. 316).

При всей странности и невѣроятности существованія какихъ бы то ни было дружескихъ отношеній между маленькой птичкой и огромнымъ млекопитающимся, въ наукѣ встрѣчаются неопровержимые факты, что такія отношенія рѣдко но существуютъ; разсказы объ нихъ содержатъ еще нѣчто легендарное, но подтвержденное наблюденіями натуралистовъ. Такъ маленькая птичка *трохилусъ* (Pyos aegypticus) теперь уже пользуется вполнѣ законно именемъ друга и хранителя крокодила и разсказы объ ней Геродота и Плинія нашли блистательное подтвержденіе и въ наблюденіяхъ новѣйшихъ ученыхъ изслѣдователей. Честь первоначальнаго наблюденія остается за Геродотомъ. Онъ первый замѣтилъ, что въ то время, какъ всѣ другія птицы и звѣри избѣгаютъ крокодила, онъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ трохилусомъ, который приноситъ ему большую пользу; когда крокодилъ лежитъ съ открытою пастью на сушѣ, повернувъ ее по обычаю къ солнцу, то трохилусъ прилетаетъ къ нему, садится ему въ ротъ и очищаетъ его отъ піявицъ, присосавшихся къ его деснамъ. Это очень нравится крокодилу и поэтому онъ любитъ птичку и даже раскрываетъ свой ротъ какъ можно шире, чтобы ей не наклоняться при выходѣ. Народные разсказы арабовъ пошли еще дальше въ передачѣ подробностей этой трогательной дружбы. По ихъ словамъ, зигъ-загъ, какъ они называютъ трохилуса, подражая его крику, часто такъ увлекается чисткою крокодиловыхъ десенъ, что чудовище, не видя конца работѣ импровизированнаго дантиста, закрываетъ наконецъ челюсть отъ утомленія. Тогда трохилусъ, приведенный въ ярость отъ такого неблагодарнаго поступка, со всѣхъ силъ начинаетъ царапать клювомъ и когтями челюсть животнаго и заставляетъ ее еще разъ открыться для своего выхода. Новѣйшіе изслѣдователи, которые посѣщали Египетъ, подтверждаютъ единогласно истину



Нейшванштейнъ, замокъ короля Баварскаго. Рис. проф. К. Пицнера, грав. Гау.

наблюденій Геродота. Умъ и необычайная подвижность предохраняютъ трохилуса отъ челюстей крокодила. Житель песчаныхъ отмелей, на которыя выходитъ крокодилъ, чтобы поспать и погрѣться на солнцѣ, онъ привыкъ къ чудовищу и хорошо знаетъ, какъ нужно держать себя относительно его. Онъ всегда остороженъ и умѣетъ во время вѣрно опредѣлить грозящую опасность: при видѣ какого нибудь неизвѣстнаго ему или опаснаго существа, онъ издаетъ крикъ, который будитъ спящаго крокодила, считающаго въ такомъ случаѣ за лучшее поскорѣе опуститься въ воду.

Другой замѣчательный примѣръ птичьяго инстинкта представляетъ такъ называемый красноклювый личинкоѣдъ (Buphaga erythrorhynca) изъ отряда вороновыхъ, водящійся въ лѣсахъ Африки и считающійся постояннымъ спутникомъ и вѣрнымъ другомъ носорога. Дѣйствительно, эта птица и неуклюжій малоподвижный носорогъ — неразлучны и днемъ, и ночью, и въ счастіи, и въ несчастіи, до той поры, пока хоть одно назойливое насѣкомое скрывается въ толстой и жирной кожѣ громаднаго млекопитающагося. Въ лѣсахъ Африки миріады насѣкомыхъ причиняютъ нестерпимыя страданія не только носорогу, но и слону, и бегемоту,—и вотъ, въ этихъ-то случаяхъ, для названныхъ животныхъ красноклювый личинкоѣдъ является истиннымъ благодѣтелемъ. Птица руководится въ своихъ заботахъ объ крупныхъ животныхъ чисто эгоистическими цѣлями, такъ какъ насѣкомыя составляютъ для нея главную пищу, но это эгоистическое отношеніе обращается мало по малу въ нѣчто похожее на искреннюю дружбу. Довѣрчиво и покорно подчиняется сильный и могучій носорогъ ударамъ клюва маленькой птички, такъ какъ, не смотря на боль, съ каждымъ новымъ ударомъ этого клюва, онъ освобождается отъ какой нибудь назойливой мухи или подкожнаго клеща. Особенно много работы предстоитъ личинкоѣду на пораненныхъ и наболѣвшихъ мѣстахъ животнаго. Въ жаркихъ и болотистыхъ странахъ даже легкая рана становится скоро серьезной, привлекая цѣлые миріады мухъ и другихъ мелкихъ насѣкомыхъ, и можетъ повлечь за собою смерть животнаго; вотъ въ этомъ то случаѣ услуги личинкоѣда неоцѣнимы. За носорогомъ ухаживаетъ обыкновенно не одна, а нѣсколько птицъ; ихъ обязанности не ограничиваются однимъ исканіемъ паразитовъ. Онѣ, подобно трохилусу, стоятъ на сторожѣ спящаго животнаго и предостерегаютъ его рѣзкими криками о приближеніи врага: когда же крикъ не можетъ разбудить носорога, то личинкоѣдъ садится на его морду и бьетъ его своими крыльями. Извѣстный путешественникъ по Африкѣ, Гордонъ Куммингъ, разсказываетъ, что много разъ успѣхъ его охоты за носорогомъ разрушался бдительностью этой птицы. „Носорогъ, говоритъ онъ, превосходно понимаетъ птичьи сигналы и, вскакивая на ноги, прежде всего осматривается кругомъ, по всѣмъ направленіямъ, а потомъ, обыкновенно, убѣгаетъ. Я часто охотился за носорогомъ верхомъ на лошади, преслѣдовалъ его нѣсколько миль, стрѣлялъ въ него неоднократно и во все это время, пока носорогъ не былъ убитъ, птицы были съ нимъ неразлучны. Если моя пуля касалась животнаго, то онѣ поднимались на воздухъ, не выше шести футовъ, и потомъ снова занимали на спинѣ носорога прежнее положеніе. Такая же исторія происходила и тогда, когда какая нибудь нависшая вѣтвь дерева сметала ихъ съ занимаемой ими позиціи. Я часто охотился на носорога ночью, когда онъ приходилъ на водопой и птицы, думая, что убитый носорогъ спитъ, оставались съ нимъ до утра; при моемъ приближеніи, прежде чѣмъ улетѣть, онѣ всѣми силами старались разбудить друга отъ глубокаго, непробуднаго сна.“

Красивая маленькая птичка составляетъ странный контрастъ съ массивною, неуклюжею фигурою ея протеже. Какъ доказываетъ самое названіе—она имѣетъ красный клювъ. Вся верхняя сторона, передняя часть шеи и верхняя груди равномѣрнаго, красновато-коричневаго цвѣта. Нижняя сторона свѣтло-чалая, крылья и хвостъ темно-коричневые; глаза и глазныя вѣки золотистаго цвѣта. Птичка имѣетъ около девяти дюймовъ длины и встрѣчается какъ въ части центральной, такъ и береговой Африки. Хотя онѣ и зовутся въ народномъ названіи спутниками носорога, но въ сущности личинкоѣды живутъ около стадъ рогатаго скота и лошадей, а также оказываютъ свои услуги слонамъ, верблюдамъ и буйволамъ. Самыя дикія и свирѣпыя животныя, чтобы спастись отъ своихъ мучителей—насѣкомыхъ, послушно подставляютъ свою выю этой маленькой, благодѣтельной птичкѣ и даютъ ей полную свободу теребить клювомъ спину, сознавая, что въ этомъ случаѣ самая боль имѣетъ для нихъ благодѣтельныя послѣдствія.

Древнее русское вооруженіе.

(Рис. на стр. 317).

Въ настоящемъ № нашего журнала мы помѣщаемъ четыре сабли, принадлежавшія нѣкогда историческимъ лицамъ—гордости и славѣ русскаго народа.

1) Сабля великаго князя Владиміра Мономаха, называемая греческою, хранится въ московской оружейной палатѣ подъ № 2. Она булатная, на одной сторонѣ полосы—наведенъ золотомъ ликъ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ, въ десницѣ ея неувядаемый цвѣтъ, надъ которымъ изображенъ святой духъ въ видѣ голубя. Вокругъ лика Богоматери изображены херувимы, а выше архангелы, вооруженные мечами, держащіе корону. Между архангелами вставленъ небольшой яхонтъ. Надъ ними изображеніе солнца, съ разсѣянными кругомъ него звѣздами, ниже изображены двѣ свѣчи, между которыми также въ золотомъ гнѣздѣ,—яхонтъ. Вдоль полосы, около тылья, врѣзана золотомъ надпись по гречески. Въ переводѣ: „Пресвятая Богородица помози рабу твоему въ лѣто по Христѣ“, надпись съ обоихъ концовъ ограничена двумя большими яхонтами, вставленными въ гнѣзда. Время, въ которое именно лѣто по Христѣ, не означено.

На другой—насѣченъ золотомъ въ клеймѣ св. Георгій на конѣ, поражающій змія.

Рукоять этой сабли, огниво, ножны, устья, наконечникъ и обѣ обоймы съ кольцами, золотыя, украшенныя 522 алмазами и 165 яхонтами. На рукояти сверху ея вставленъ большой красный яхонтъ.

2) Тесакъ царя Михаила Өедоровича. Эта, чрезвычайно изящной работы, булатная, прорѣзная, съ золотой насѣчкой, сабля, или по чешски—тесакъ, сдѣланный въ мастерской оружейнаго приказа, сабельныхъ дѣлъ мастеромъ Пиломъ Просвитомъ, родомъ изъ чеховъ, по повелѣнію царя Михаила Өедоровича Романова, и по приказу оружничаго М. Салтыкова (1617 г.).

На полосѣ—съ обѣихъ ея сторонъ насѣчена золотомъ надпись чешскими буквами съ прибавленіемъ русской В, передъ нѣкоторыми ея словами. Въ описной книгѣ 1667 г. объ этой саблѣ сказано:

„Тесакъ, московскаго дѣла, рѣзанъ на проемъ, рѣзь покрыта золотомъ да серебромъ, в долу слова и голомя по обѣ стороны наведены золотомъ, а на голомяны по обѣ стороны наведены по два долика, ножны новолочены бархатомъ, зеленомъ, оправа на ножнахъ серебряная прорѣзная, золочена в осми мѣстахъ, поясъ тесма шолкъ зеленъ съ золотомъ, оправа на поясу серебряная, прорѣзная, золоченая въ двадцати мѣстахъ; у него-жъ темлякъ и кисть шолкъ зеленой съ золотомъ, ворворка (чашечка, съ которой скрѣплена кисть) золотная“.

Мы сказали о двухъ сабляхъ, принадлежавшихъ в. кн. Владиміру Мономаху и царю Михаилу Федоровичу Романову. Теперь скажемъ объ остальныхъ двухъ, изображенныхъ на нашемъ рисункѣ—о саблѣ князя Пожарскаго и Козьмы Минина. Эти двѣ послѣднія, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, поступили въ московскую оружейную палату въ 1830 г., изъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры, вмѣстѣ съ сѣдломъ князя Пожарскаго, бердышами, кольчугами и ружьями защитниковъ Лаврской обители, во время осады польскими войсками подъ предводительствомъ гетмана Сапѣги въ 1608 г.

3) Сабля князя Пожарскаго, полоса булатная, азіатскаго выкова. Рукоять сабли, огниво, устье ножепъ, наконечникъ и пять обоймъ по зеленому хзу, серебряныя вызолоченныя, поясъ при саблѣ изъ разноцвѣтнаго шелка съ серебромъ.

4) Сабля Козьмы Минина—полоса булатная, также азіатскаго выкова; рукоять костяная, огниво серебряное, ножны изъ чернаго хза съ двумя серебряными обоймами. Поясъ—гайтанъ шелковый.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Египетъ.—Италія.—Франція и Китай.—Турція.

Вопросы мобилизаціи войскъ и вообще вооруженія занимаютъ теперь всецѣло какъ правительственныя сферы, такъ и газетную прессу Англіи. Такъ, въ палатѣ общинъ было недавно прочитано посланіе королевы, въ которомъ сказано, что, въ виду нынѣшняго положенія государственныхъ дѣлъ и большой потребности въ военныхъ силахъ, для охраненія интересовъ имперіи, рѣшено созвать резервы арміи и милиціи. Кромѣ того, въ засѣданіи англійской палаты общинъ, происходившемъ 19-го марта, Смитъ обратилъ вниманіе правительства на недостаточность обороны англійскихъ военныхъ портовъ. Онъ сказалъ, что наилучшій способъ для упроченія мира заключается въ томъ, чтобы быть готовымъ къ войнѣ, и онъ надѣется, что правительство дастъ увѣреніе, что немедленно будутъ приняты мѣры для снабженія портовъ достаточнымъ количествомъ торпедъ и минъ. Смиту было отвѣчено, что въ Чатамѣ учреждена школа подводныхъ минъ и, кромѣ того, будетъ сформированъ корпусъ инженеровъ для руководства обороною посредствомъ подводныхъ минъ, и для принятія участія въ обученіи, упражненіи и вербовкѣ отрядовъ волонтеровъ для дѣйствія подводными минами. Въ заключеніе засѣданія маркизъ Гартингтонъ сдѣлалъ предложеніе, чтобы численный составъ арміи былъ доведенъ до 114,694 человѣкъ. Это предложеніе принято равно какъ и кредитъ въ 4.613,000 ф. стерл. на уплату жалованья войскамъ.

Мятежныя скопища Османа-Дигмы потерпѣли значительное пораженіе, послѣдствіемъ котораго было то, что всѣ позиціи непріятеля были заняты. Результатъ дѣйствій англійскихъ войскъ

состоялъ въ томъ, чтобы укрѣпиться на сильной позиціи, которая господствуетъ надъ долиною Хасхеенъ, и обезопасить какъ правый флангъ, такъ и линію сообщеній въ предполагаемой экспедиціи на Тамай. Въ донесеніи генерала Грагама главнокомандующему Вольселею, говорится, что кавалерія замѣчательно отличилась; мѣстность была весьма затруднительна и солдаты выказали большую храбрость. Арабы выказали также чрезвычайное хладнокровіе и стойкость. Такъ мятежники, будучи выбиты изъ позицій, занимаемыхъ ими на высотахъ, атаковали англійскую кавалерію; они бросались на землю и саблями рубили ноги у лошадей. Бой былъ ожесточенный и уланы принуждены были отступить. Во время этихъ дѣйствій около 150 арабовъ аттаковали гвардейцевъ, но были разсѣяны залпомъ. Другой отрядъ мятежниковъ пытался пробить себѣ дорогу по направленію къ редутамъ, но былъ почти весь истребленъ.

Арестованіе Зебера-паши возбудило такой ропотъ среди приближенныхъ къ хедиву лицъ, что опасаются придворной революціи, вслѣдствіе чего приняты самыя строгія мѣры предосторожности для личной охраны Тевфика-паши. Арабскія газеты сообщаютъ подробности о вспыхнувшемъ въ Іеменѣ, въ южной Аравіи, новомъ возстаніи. Цѣль возстанія, отразить турецкие гарнизоны отъ всякаго сообщенія съ побережьемъ. По мнѣнію арабскихъ газетъ, Порта должна серьезно отнестись къ зародившемуся возстанію, которое распространится на Медину и Мекку, если константинопольское правительство не отправитъ своевременно военныя силы.

По извѣстіямъ изъ Массовы, итальянскія войска двинулись на Кeренъ, лежащій въ ста пятидесяти верстахъ отъ Массовы. Въ засѣданіи итальянскаго сената министръ Манчини представилъ объясненія относительно египетской политики Италіи, имѣвшія цѣлью доказать, что итальянское правительство намѣрено идти рука объ руку съ Англіею въ египетскихъ дѣлахъ, но при этомъ не нарушать своихъ союзныхъ отношеній къ средне-европейскимъ державамъ. Феррари поручено заключить трактатъ съ королемъ Абиссинскимъ, съ цѣлью дальнѣйшихъ совокупныхъ дѣйствій противъ Османа-Дигмы и Махди. Впрочемъ на успѣхъ миссіи Феррари не очень разсчитываютъ.

Изъ Парижа сообщаютъ отъ 14-го марта, что генералъ Негріэ потерпѣлъ небольшую неудачу. По его донесенію, китайцы аттаковали 22-го марта передовые посты у Дангъ-Донга. На слѣдующій день французы овладѣли первою линіею укрѣпленнаго лагеря подъ Бонгъ-Бо, но 24-го марта военныя операціи не удались, вслѣдствіе значительно большихъ силъ со стороны непріятеля. Около 2 часовъ пополудни французская артиллерія, разстрѣлявъ всѣ свои снаряды, вынуждена была отступить, а къ 7 часамъ вечера французскія войска отошли къ Дангъ-Донгу. Потери французовъ простираются до 200 человѣкъ убитыми и ранеными. Важная новость! Министръ Ферри подалъ въ отставку и Палата отказала ему въ кредитѣ въ 200 милл. на продолженіе войны.

По сообщенію изъ Нина, спокойствіе въ Албаніи возстановилось, благодаря энергіи и стараніямъ губернатора Гусеньи, Али-паши, который согласно полученнымъ имъ изъ Константинополя инструкціямъ, вызвалъ главныхъ вожаковъ возстанія въ мѣстечко Петчи, гдѣ и убѣдилъ ихъ распустить предводимыя ими мятежныя шайки изъ Прозренда. Самый городъ Прозрендъ пострадалъ лишь въ одной, незначительной своей части.

Смѣсь.

Новые патроны. Извѣстно, что выстрѣлъ дробью дѣйствуетъ различно на дичь, смотря потому, воспламеняется ли зарядъ или нѣтъ, т. е. обладаетъ ли свойствомъ мгновенно убивать дичь огнемъ, даже и въ томъ случаѣ, если само оружіе не повреждается имъ. Причина воспламененія еще очень неясна и мнѣнія о ней охотниковъ и оружейниковъ расходятся. Старый опытный нѣмецкій охотникъ Гартигъ говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Что касается причины воспламененія, то ее трудно изслѣдовать". Землевладѣлецъ Веберъ въ Гуммельрадейкѣ также неоднократно наблюдалъ необыкновенно различныя дѣйствія выстрѣла дробью и дѣлалъ многіе опыты. Въ прошломъ году онъ опубликовалъ въ „Иллюстрированной охотничьей газетѣ", въ Лейпцигѣ, свои тридцатилѣтнія наблюденія о загадочномъ, но не подлежащемъ сомнѣнію воспламененіи ружья для дроби и доказываетъ, что это происходитъ отчасти отъ матеріала ствола, и отчасти, даже въ большинствѣ случаевъ, отъ воспламененія пороха, и что воспламененіе его внутри патрона, или же въ стволѣ, играетъ важную роль. При помощи многочисленныхъ выстрѣловъ по дичи, онъ убѣдился, что даже воспламененіе верхняго слоя пороха, непосредственно лежащаго подъ *шомполомъ*, производитъ полное и сильное воспламененіе патрона.

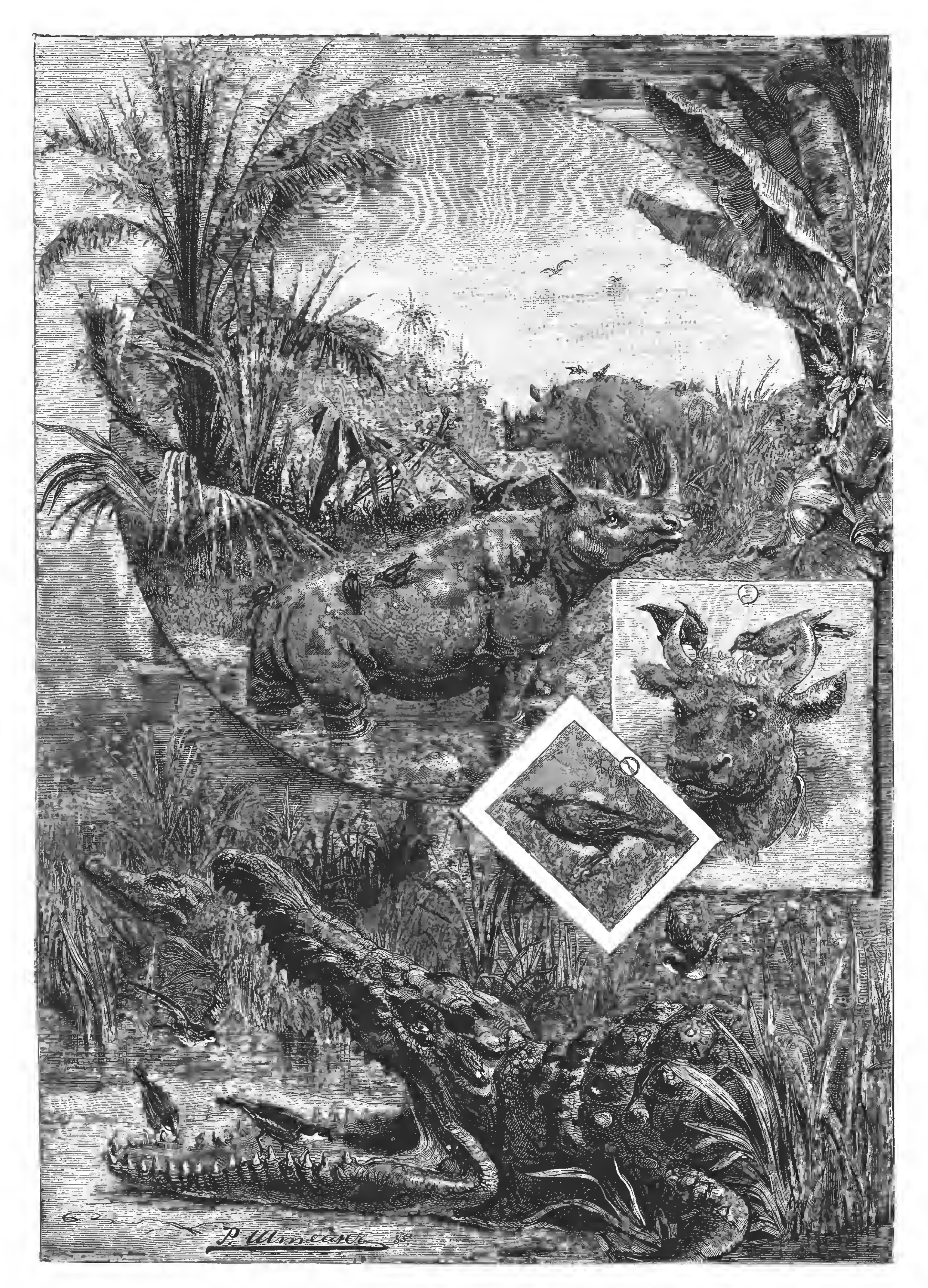
Принимая это во вниманіе, оружейный мастеръ Барчъ въ Лигницѣ, въ Германіи, сдѣлалъ для ружей Ланкастеръ, или центральныхъ, новый патронъ, который, при помощи мѣднаго зажигательнаго ядра, пропускаетъ капсюль въ верхнюю массу пороха, сквозь нѣсколько звѣздообразныхъ отверстій и вызываетъ полное воспламененіе патрона. Для патрона этого, названнаго „*Воспламеняющимся патрономъ*", испрашивается патентъ и онъ уже испытанъ на многихъ охотахъ. Мнѣнія разныхъ охотниковъ сводятся къ тому, что выстрѣлъ такого патрона мгновенно убиваетъ дичь, даже если имъ заряжены ружья дурно убивавшія съ другими патронами. Мгновенная смерть животнаго—это дѣло гуманности, а также личной безопасности, напр., во время охоты на хищныхъ звѣрей. Въ виду большаго сбыта новыхъ патроновъ, для ихъ изготовленія устроена машина, что дастъ возможность продавать ихъ по дешевой сравнительно цѣнѣ. Сотня такихъ патроновъ стоитъ 8 марокъ (4 рубля).

Китайскія поговорки отличаются мѣткими сравненіями. Напримѣръ забіяку сыны Небесной имперіи называютъ бумажнымъ тигромъ. Расточителя они сравниваютъ съ ракетой. Всякій, дѣлающій добро чужимъ и пренебрегающій своей собственной семьей, кажется имъ человѣкомъ несущимъ на высокой палкѣ фонарь, видный издали, но который не даетъ свѣта вблизи.

Парижскій издатель Лемонье и владѣлецъ типографіи Ришаръ приготовляютъ къ 84 му дню годовщины со дня рожденія Виктора Гюго, роскошное изданіе полнаго собранія сочиненій поэта и основали съ этою цѣлью общество съ капиталомъ въ 500000 франковъ. На это изданіе уже насчитываютъ до двухъ милліоновъ заказовъ. Роскошное изданіе это состоитъ, по плану предпринимателей, только изъ 3000 экземпляровъ, которые заключаютъ каждый 40 небольшихъ четвертныхъ томовъ. Пятьдесятъ экземпляровъ будутъ напечатаны на японской бумагѣ и стоятъ 6000 франковъ каждый, затѣмъ слѣдуютъ 50 на китайской бумагѣ по 5000 фр., 200 по 4000 фр. и остальные по 3000, 2400 и 1200 фр. Бумага для перваго разряда будетъ доставлена изъ японскихъ императорскихъ фабрикъ и стоитъ для пятидесяти экземпляровъ 150000 фр.; китайская папка получится съ мѣста, но издержки на нее будутъ значительно меньше: 250000 фр.; печатаніе-же, наоборотъ, обойдется дороже вслѣдствіе твердости бумаги. Остальные экземпляры появятся на французской бумагѣ, на каждомъ листѣ которой будетъ водяной знакъ—вензель поэта. Къ книжкамъ приложены четыре портрета Виктора Гюго, 250 гравюръ и 2500 виньетокъ. Каждая гравюра нарисована однимъ изъ лучшихъ художниковъ и, хотя они довольствуются сравнительно скромною платою, рисунки и гравюры будутъ стоить 1,500000 фр. Предполагается окончить это изданіе къ открытію Всемірной Выставки 1889 года. Оно будетъ выставлено для публики въ отдѣльномъ павильонѣ. Одновременно къ празднеству появится собраніе критикъ и статей о произведеніяхъ Виктора Гюго, составленное однимъ изъ его друзей, умершимъ недавно графомъ Полемъ де-Сенъ-Викторъ, авторомъ высоко цѣнимаго во Франціи произведенія „Двѣ маски" - исторія трагедіи и комедіи. Сочиненія Поля де-Сенъ-Викторъ о Викторѣ Гюго, въ которыхъ преимущественно разобраны драмы поэта, представляютъ какъ-бы приложеніе къ „Двумъ маскамъ".

Недавно найденный мамонтъ въ настоящее время сильно возбуждаетъ интересъ естествоиспытателей. Его видѣли на одномъ изъ острововъ рѣки Лены, уже лѣтъ двадцать семь тому назадъ, но съ тѣхъ поръ не было сдѣлано ни одной попытки высвободить его изъ-подо льда. Причина этого была отчасти трудность работы въ чрезвычайно твердой почвѣ среди громадныхъ льдинъ, отчасти же сопротивленіе якутовъ, которые суевѣрно боятся высвобожденія мамонта изо льда. Нынѣ экспедиція полярной станціи при устьѣ Лены (172° с. ш.) предприняла выкапыванія мамонта, и руководитель экспедиціи д-ръ Бунге, построилъ бараки, близь мамонта, на разстояніи верстъ 15 отъ станціи. Онъ надѣется, что можно будетъ сохранить животное, вышиною около $2^1/_2$ саж., цѣльнымъ и неповрежденнымъ. Кстати, до сихъ поръ было найдено только три экземпляра этихъ гигантскихъ допотопныхъ слоновъ, но громадные клыки ихъ и зубы часто встрѣчаются, въ нѣмецкихъ, русскихъ и сибирскихъ каменныхъ и глиняныхъ наслоеніяхъ и образуютъ даже предметъ торговли, какъ ископаемая слоновая кость. Первый экземпляръ мамонта найденъ былъ Памласомъ на берегахъ Лены (164° с. т.) совсѣмъ почти въ разрушившемся видѣ; скелетъ втораго можно видѣть въ Петербургскомъ Зоологическомъ Музеѣ; мы обязаны его спасеніемъ естествоиспытателю Адамсу, который только въ 1806 году могъ привести его въ сколько нибудь полный видъ, хотя онъ уже въ 1799 году былъ высвобожденъ изъ отдѣльной ледяной глыбы рѣки Лены. Туземцы-тунгусы въ то время также суевѣрно противились работамъ, какъ и теперь якуты. Суевѣріе не помѣшало имъ однако отпилить животному громадные клыки и мѣнять ихъ на различные товары. Кромѣ того, трупъ былъ уже изуродованъ хищными звѣрьми. Часть жесткой, черной колючей щетины и мягкой, красноватой шерсти была втоптана въ землю, но найдена и сохранена вмѣстѣ съ еще уцѣлѣвшимъ во льду глазнымъ яблокомъ, мозгомъ и кожей. Шмидтъ спасъ отъ третьяго мамонта очень немногое. Вновь найденный мамонтъ, по сравнительной полнотѣ экземпляра, представляетъ большой интересъ; желательно было бы видѣть наконецъ полный экземпляръ животнаго.

Борьба за существованіе въ мірѣ растеній. Замѣчено, что во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ одни древесныя породы постепенно вытѣсняютъ другія и стремятся исключительно завладѣть почвой. Въ Даніи, напр., найдено, что во многихъ мѣстностяхъ хвойныя деревья вытѣсняютъ дубы и буки и отчасти уже вытѣснили; въ другихъ же мѣстахъ, наоборотъ, лиственныя деревья вытѣсняютъ хвойныя. Во Франціи, въ Солонѣ, были также сдѣланы удивительныя наблюденія надъ запущенной рощей близь Блуа: лѣтъ

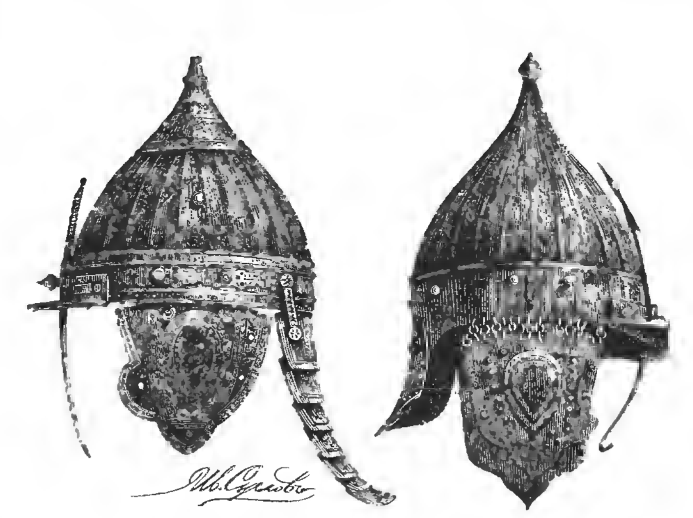


Дружескія услуги. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Трохилусъ—другъ крокодила. Красноклювъ-личинкоѣдъ.

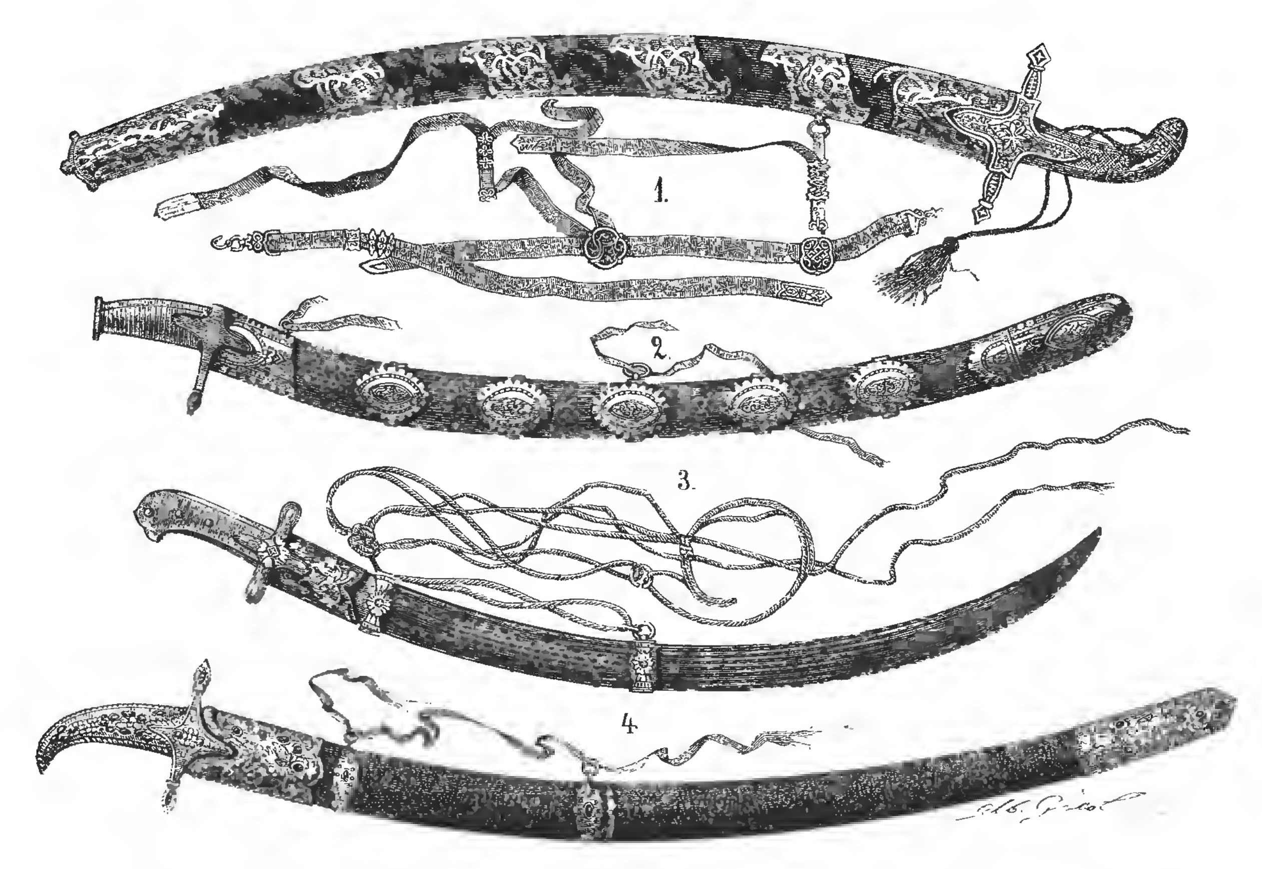
тридцать назадъ стали разводить лѣсъ на степныхъ пространствахъ, засѣвая ихъ морскими и обыкновенными соснами; когда же лѣтъ черезъ пятнадцать очищали густую сосновую поросль, то замѣтили всходящіе дубки, никѣмъ не сѣянные. Впослѣдствіи сосны были вырублены и сама природа замѣнила ихъ густымъ дубовымъ лѣсомъ. По историческимъ изслѣдованіямъ, оказалось, что эта полоса земли была въ прежнее время покрыта непроходимыми дубовыми лѣсами. Явленіе это объясняется тѣмъ, что жолуди лежали глубоко скрытые въ землѣ и наконецъ пробились и пустили ростки. Борьба между деревьями замѣчается и въ другихъ странахъ. Ботаникамъ и лѣсоводамъ стоило бы обратить больше вниманія на это явленіе, собрать и сравнить отдѣльные факты въ разныхъ странахъ Европы и Азіи. Въ Граубинденѣ, напр., лиственница повсюду вытѣсняетъ дубъ и сосну, а на Юрѣ сосна, наоборотъ, одерживаетъ верхъ надъ лиственницей. Говорятъ, что въ Швеціи красный букъ почти вытѣснилъ дубъ, ель и березу, такъ что береза попадается очень рѣдко и въ самомъ жалкомъ состояніи. Въ Пруссіи сосна замѣщаетъ дубъ и березу; въ русскихъ хвойныхъ лѣсахъ береза и дубъ быстро распространяются, въ сибирскихъ еловыхъ и сосновыхъ лѣсахъ береза также постепенно вытѣсняетъ первоначальную древесную растительность. Борьба за существованіе является среди растеній, рыбъ и птицъ, также какъ и среди людей. Борьба эта идетъ между всѣми обитателями земли и водъ, идетъ и въ растительномъ царствѣ.

На нѣкоторыхъ побережьяхъ Новой Гвинеи деревни или кампонги туземцевъ, подобно деревнямъ на сваяхъ каменнаго періода средней Европы, удалены отъ береговъ на 150 и 200 футовъ и построены на водѣ на сваяхъ, что давно уже указано многими путешественниками. Но до сихъ поръ было еще неизвѣстно, что на многихъ меланезійскихъ островахъ находятся племена, живущія еще и теперь въ каменномъ періодѣ и не имѣющія другаго оружія и утвари кромѣ сдѣланнаго изъ кремня или осколковъ костей. Фактъ этотъ впервые былъ сообщенъ Миклухо-Маклаемъ, который десять лѣтъ тому назадъ, въ обществѣ двухъ своихъ слугъ, прожилъ между туземцами цѣлые 15-ть мѣсяцевъ. Жители этого мѣста, до прибытія его, не видѣли никакого металла и не имѣли никакихъ сношеній ни съ европейцами, ни съ малайцами. Не смотря однако на свои первобытные снаряды, дикари эти умѣютъ дѣлать деревянную и глиняную посуду. Они также занимаются земледѣліемъ, воздѣлывая большія пространства земли, въ изобиліи дающей имъ растительную пищу. Замѣчательно, что до прибытія Миклухо Маклая жители бухты не умѣли самостоятельно добывать огонь и въ тѣхъ случаяхъ, когда очагъ потухалъ по недосмотру, они принуждены были отправляться за огнемъ къ живущему на холмахъ племени, которое по методѣ Робинзона умѣло высѣкать искру при помощи тренія. Извѣстіе это изъ дальней Австраліи, схожее съ древнимъ сказаніемъ о Прометеѣ, невольно напоминаетъ о вѣчныхъ священныхъ огняхъ Весты у римлянъ, и заставляетъ догадываться о первоначальномъ значеніи и цѣли этого религіознаго учрежденія въ древнемъ Римѣ.



Древнее русское вооруженіе. Шлемы.
Рис. И Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Генералъ Грантъ, бывшій президентъ Соединенныхъ штатовъ, быстро приближается къ смерти. Раковидный наростъ у корня языка произошелъ, по объясненію врачей, отъ непомѣрнаго куренія табаку. Когда наростъ былъ открытъ, Грантъ перестаѣлъ курить, но было уже поздно. Онъ ощущаетъ ужасную боль въ правомъ ухѣ и верхней части головы, но проявляетъ необыкновенное мужество, диктуя по шести, восьми часовъ ежедневно исторію своего военнаго поприща, первый томъ которой уже оконченъ и второй близится къ концу. Обыкновенно, сидя съ повязанною головою, онъ диктуетъ своему сыну или же слушаетъ чтеніе написаннаго и спокойно дѣлаетъ поправки, претерпѣвая въ то же время сильныя страданія. Только задержка въ работѣ приводитъ его въ нетерпѣніе, такъ какъ онъ боится, что смерть наступитъ ранѣе, чѣмъ онъ успѣетъ окончить свое сочиненіе.



Древнее русское вооруженіе. 1) Тесакъ царя Михаила Θеодоровича. 2) Сабля князя Д. М. Пожарскаго. 3) Сабля Минина. 4) Сабля Владиміра Мономаха. Рис. И. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Землетрясеніе въ Испаніи, сдѣлавшее сотни богатыхъ людей нищими, превратило въ богача одного бѣдняка, все имущество котораго заключалось въ небольшомъ кускѣ поля. На этомъ полѣ, недалеко отъ любимаго римлянами купанья Альгамы, открылся горячій источникъ съ большимъ содержаніемъ сѣры. Владѣлецъ преж-

няго купанья, боясь конкурренціи, предложилъ счастливцу большія деньги. но послѣдній требуетъ еще бóльшую сумму.

Безпокойная гора. Извѣстно, что внутри Монте-Бальдо, значительнѣйшей горы на южнотирольско-итальянской границѣ, по временамъ происходитъ усиленное броженіе; такая подземная работа причинила недавно не малый страхъ жителямъ у подножія горы. Подземная жизнь горы, въ видѣ землетрясеній, ощущалась даже въ отдаленныхъ городахъ, какъ Верона, Ала, Ровередо и даже въ Миланѣ. Сильный ударъ послышался въ названныхъ городахъ 21 февраля предъ полуночью, второй—26 числа въ 10 часовъ вечера. Слабѣйшіе затѣмъ удары продолжались цѣлую недѣлю и чаще всего были 27 и 28 февраля.

Чистка пожелтѣвшихъ гравюръ. Прежде принято было чистить старыя гравюры хлористо-водородной кислотой, разведенной въ значительномъ количествѣ воды; но такой способъ не совсѣмъ удобенъ, такъ какъ въ концѣ концовъ портитъ бумагу. Такое же вредное вліяніе оказываетъ на бумагу двухлористая кислота. Гораздо безопаснѣе помѣстить гравюру между двухъ листовъ бѣлой бумаги, посыпанныхъ порошкомъ хлорно-кислой извести; затѣмъ кладутъ бумагу на нѣсколько дней или подъ прессъ, или вообще подъ что нибудь тяжелое. Хлористо-кислая известь дѣйствуетъ обезцвѣчивающимъ образомъ, не портя бумагу. Понятно, что съ цѣнными гравюрами слѣдуетъ обращаться съ особенной осторожностью и сдѣлать первый опытъ надъ какой-нибудь простенькой гравюрой.

Изрѣченія кардинала Ришельё. Говорить мало и только о томъ что знаешь, при этомъ—кстати и по порядку. Не казаться разсѣяннымъ, печальнымъ, меланхоличнымъ и не смотрѣть въ сторону, когда кто говоритъ; слушать съ участіемъ, съ вѣжливостью, но выражать свое сочувствіе болѣе вниманіемъ и молчаніемъ, чѣмъ словомъ и одобреніемъ. Не слушать тѣхъ, кто переноситъ сплетни, и не передавать того, что они говорятъ. Быть сдержаннымъ въ рѣчахъ и письмѣ и, если нѣтъ особенной необходимости, не пересказывать и не сообщать ничего письменно. Когда ударъ нанесенъ языкомъ или перомъ, его нѣтъ возможности исправить.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 7. (Помѣщен. въ № 7 „Нивы“).

Неизвѣстныя намъ числа, которыя должны быть приданы къ цифрамъ вертикальныхъ столбцовъ, обозначаемъ буквами: для 1-го столбца черезъ x, для втораго—y, третьяго—z, четвертаго—t, пятаго—s, шестаго—n, седьмаго—p, восьмаго—r, девятаго—m, десятаго—f.

Изъ данныхъ выше условій получаются слѣдующія уравненія:

1) $s+x=m+n+1$;
2) $f:t=4y:r$;
3) $m:z=n:2s$;
4) $f-t=x+y+1$;
5) $n-s=\sqrt[3]{z}$;
6) $p-y=t+r$;
7) $z+s=x-1$;
8) $p+x=f+2s$;
9) $(m+r+f):x=\sqrt[3]{13824}:\sqrt[3]{1728}=24:12$;
10) $s:n=\sqrt[3]{343}:\sqrt[3]{2744}=7:14$;

По рѣшеніи этихъ уравненій, получимъ:
$x=3$; $y=1$; $z=1$; $t=1$; $s=1$; $n=2$; $p=3$; $r=1$; $m=1$; $f=4$; придавъ затѣмъ величину x ко всякой цифрѣ 1-го вертикальнаго столбца квадрата и придавъ такимъ же образомъ величины остальныхъ 9-ти неизвѣстныхъ къ цифрамъ остальныхъ девяти вертикальныхъ столбцовъ по порядку, получимъ въ квадратѣ слѣдующія цифры и соотвѣтствующія имъ буквы:

x=3	y=1	z=1	t=1	s=1	n=2	p=3	r=1	m=1	f=4
8+3 К	14+1 о	3+1 г	4+1 д	0+1 а	0+2 б	25+3 ы	12+1 м	14+1 о	0+4 г
24+3 ъ	2+1 в	5+1 е	17+1 с	28+1 ь	16+2 с	0+3 в	29+1 ѣ	18+1 т	23+4 ъ
17+3 у	7+1 з	13+1 н	0+1 а	18+1 т	27+2 ь	21+3 ч	18+1 т	14+1 о	8+4 ж
6+3 и	7+1 з	13+1 н	28+1 ь	17+1 с	25+2 ъ	11+3 н	0+1 а	4+1 д	2+4 е
4+3 ж	4+1 д	14+1 о	31+1 ю	12+1 м	4+2 е	21+3 ч	18+1 т	0+1 а	9+4 м
6+3 и	13+1 н	5+1 е	23+1 ч	18+1 т	13+2 о	6+3 й	18+1 н	14+1 о	2+4 ё
8+3 и	0+1 а	10+1 к	26+1 ъ	18+1 т	4+2 е	16+3 т	16+1 р	0+1 а	1+4 д
26+3 ь	17+1 с	26+1 ъ	4+1 д	0+1 ӑ	1+2 в	11+3 и	14+1 о	8+1 и	4+4 з
0+3 в	29+1 ѣ	17+1 с	18+1 т	13+1 н	26+2 ы	10+3 м	8+1 и	17+1 с	15+4 т
6+3 и	21+1 х	0+1 а	12+1 м	8+1 и	10+2 Л	3+3 Е	16+1 Р	12+1 М	10+4 Н.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждою, мечтами—
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами!

Лермонтовъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — Эфросъ, Мызниковой, Мальмгренъ, Боронина, Ануфріева, Неб—ъ и Ян—ъ, Броштадтъ, Пермиловскаго, Першина, Петровскаго, Аѳонасія, **Москва**—А. И. З., Якобъ, Досницкаго, Бруцкусъ, Нышкина, Соболева, Ивакина, **Астрахань**—Коссовскаго, Черкасова, **Б. Бѣлозерка**—Ѳедоровскаго, **Винница**—Рабиновича, **Владиміръ**—Гаврилова, **Владикавказъ**—Курапцева, **Гельсингфорсъ**—Авербургъ, **Городецъ**—Салова, **Екатеринбургъ**—Гадомскаго, **Елатьма**—А. П., **Калуга**—Соколова, **Каменка** — Барышева, **Керчъ**—Лосманъ, **Кишиневъ**—Ярженскаго, **Кіевъ** — Чернецкаго, Шилохвастова, Ковесникова, **Коробано**—Вихмавъ, **Кронштадтъ**—Якобсонъ, **Курскъ**—Безсаренко, Мазуръ, **Лебедянь**—Чурилина, **Медвѣдь**—Долли, **Николаевъ**—Гривбергъ, **Новочеркаскъ**—Ласточкина, Кидкова, **Одесса**—Діевскаго, Деспотули, **Пенза**—Капралова, **Пилица**—Каницецкаго, **Рогачево**—Позняковой, **Сестрорѣцкъ** — Качіони, **Симферополь** — Коганъ, Гринбергъ, **Славянскъ**—Бабкиной, **Слуцкъ**—Пизяева, **Тверь**—Непряхина, Плякова, **Тейково** — Аусманъ, **Т. Х. Шура**—Синельникова, **Тула**—Сахарова, **Харьковъ**—Скворцова, Шимкевича, **Чугуевъ**—Краковецкаго, **Юрчиха**—Лога, **Софія** (Болгарія)—Ченгеллієва, **Дрезденъ** (Германія)—Эми Блокъ.

Рѣшеніе ребуса № 6, помѣщеннаго въ № 6 „Нивы“ 1885 г.

„Всякому кулику дорого свое болото“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ гг.: **Спб.**—Савича, Семевовской, Элвенъ, Итцигсонъ, Пермиловскаго; **Москва—Усатова**, Сумбулъ; Юл—Г—ъ, Боярпинова, Константиновскаго, Всеволожской. **Бахчисарай**—Прикъ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣла**—Тейсъ, Доманскаго, **Варшава**—Наумова, **Владиміръ**—Гаврилова, **Гомель**—Плясковскаго, **Динабургъ**—Шахова, **Кіевъ**—Бѣляева, Чернецкаго, Шилохвастова, **Кишиневъ**—Ярженскаго, **Козловъ**—Лебедевой, **Корецъ**—Савицкаго, **Курскъ**—Безсаренко, **Лебединъ**—Кондратченко, **Лебедянь**—Чурилина, **Липецкъ** — Чихачева, **Луганс. зав.**—Мальцева, **Михайловъ**—Неизвѣстнаго, **Николаевъ**—Языкова, Андреевской, Кучукъ, **Ростовъ на Д.**—Николаевой, **Рязань** — Украпцева, **Симферополь**—Брувсъ, **Саратовъ**—Александрова, **Сумы**—Ярошъ, **Тверь**—Коняева, **Трофимовщина**—Болдова, **Харьковъ**—В. Ф. Свитальскаго, **Щебршинъ**—Ларчвкъ, Нелли.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ**. Издатель **А. Марксъ**.

НОВО! УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ НОВО!
для очистки комнатнаго воздуха, для вспрыскиванія цвѣтовъ, для вдыханія горломъ, для дезинфекціи и т. д.
Цѣна 1 р. за штуку. Для провинцій 1 р. 50 к.

МОЗОЛЬНЫЯ ПИЛКИ

изъ Акуловой кожи, превосходный инструментъ, для снятія мозолей безъ боли и опасности.
Цѣна 40 коп. за штуку. Для провинцій 55 к.
Большой складъ химической резины.
ЛИМАНЪ И РИКСЪ.
16. Гороховая у Краснаго моста 16. Mt. № 4010

Деревья, кустарники, розы и пр. для весенней высадки.
Каталогъ Древеснаго Питомника **Ф. Ф. Вагнера въ Тунчумѣ, Курляндской губ.** разсылается гг. желающимъ безплатно. № 3981 2—1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
П. № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—4

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:
ГЕНІАЛЬНОСТЬ и ПОМѢШАТЕЛЬСТВО
Профессора ЛОМБРОЗО.
Параллель между великими людьми и сумасшедшими. Переводъ съ 4-го итальян. изданія **К. Тетюшиновой.** С. портретомъ автора и рисунками. **Цѣна 2 руб.** Mt. № 4011 1—1

НОВАЯ
САМОПОМОЩЬ И СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ.
Очеркъ **В. Лаврентьева.**
Цѣна 75 коп., съ пересылкой 1 рубль.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ редакціи **„Русскаго Вѣстника Страхованія“**: Владимірскій просп., д. 11-13. Лица, выписывающія изъ редакціи (СПБ., Владимірск. просп., д. 11—13) за пересылку не платятъ. Книгопродавцамъ обычная уступка. Подписка на **„Русскій Вѣстникъ Страхованія“** продолжается. Цѣна за годовое изданіе 3 р. 50 коп., съ пересылкой и доставкой. 3—1 № 4008

БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.
Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3855 7 4
Иллюстрир. прейсъ-куранты по востреб. высыл. безвозмездно.

Изданіе А. Ф. Маркса въ Спб.
НАВОЖДЕНІЕ. Романъ изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

№ 3536 12—7

КРЫМСКІЯ ВИНА
К. СКИРМУНТА
№ 3980 ВЪ МОСКВѢ. 2—2
Покровка, д. Миндера.

---

6 разъ удостоенныя первыхъ наградъ
СКРИПКИ
самыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. **Альты, віолончели и басы. Смычки** 1½—50 м. **Футляры** 3½—40 м. **Цитры** 16—200 м. **Гитары** 6—50 м. **Всѣ духовые** инструменты. Превосходныя **струны**. Патентованная **нѣмая скрипка** для упражненій (собственнаго изобрѣтенія). **Мастерская для починокъ.** Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Зингеръ, Сорэ, Контскаго, Дэнгремона и пр. Ручательство. Продавцамъ скидка. Прейсъ-курантъ безплатно и франко.
ВЫВОЗЪ ОПТОМЪ
БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ,
фабрика инструментовъ
въ Крейцнахѣ (Пруссія). Р № 3721 6—6

НУЖНЫ
благонадежные агенты въ провинціи для банкирской конторы **А. Зингеръ и К°** въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18. Р № 3998 3—1

Механическія лопаты для садоводства и лѣсоразведенія продаются по 12 руб. въ городѣ Серпуховѣ у лѣсничаго Степанова, съ пересылкою по желѣзной дорогѣ. Тамъ-же за почтовую марку высылаются описанія ихъ, съ указаніями на отзывы печати. Н. № 3997

АЛЬБОМЫ ТАНЦЕВЪ
Х. Вальтера: „Московскіе танцовальные вечера“, тетради I, II, III, содерж. прекрасный выборъ **новѣйшихъ танцевъ** изъ оперетокъ: **„Нищій студентъ“, „Красное солнышко“, „Нанонъ“, „Гаспароне“, „Гаснонецъ“** и пр., продаются въ **Москвѣ у Б. Постъ**, Неглинный проѣздъ, д. Фирсанова; въ **С.-Петербургѣ, у Юл. Генр. Циммерманъ**, Б. Морская, 42, у **І. Юргенсона**, Б. Морская, 9, и **во всѣхъ музык. магазинахъ.** Цѣна за 3 тетради (сод. 19 танцевъ) 3 р. 50 к., **за каждую тетрадь отдѣльно** 1 р. 25 к. Р. № 4002

СЛАВЯНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ (ХАРКОВСК. ГУБЕР.).
Курсъ леченія начинается съ 19 мая и продолжается до 1 Сентября. Составъ воды солено-щелочный, подходитъ къ водамъ Ишля и Крейцнаха. Воды съ испытанной пользою употребляются отъ золотухи, англійской болѣзни, ревматизма, сифилиса, женскихъ болѣзней, хроническаго воспаленія суставовъ, накожныхъ болѣзней и нервныхъ разстройствъ. На время сезона для консультацій приглашаются профессора Харьковскаго Университета, преимущественно директора клиникъ: хирургической **В. Ф. Грубе**, терапевтической **В. Г. Лашкевичъ** и акушерской **И. П. Лазаревичъ**. Сообщеніе съ Славянскомъ происходитъ по Курско-Харьковско-Азовской желѣзной дорогѣ до ст. Славянскъ, гдѣ имѣются извощики съ платою по таксѣ. Желающихъ имѣть удобныя квартиры просятъ адресоваться въ контору заведенія, гдѣ имѣется списокъ всѣхъ квартиръ. Квартирующіе въ заведеніи и вблизи его могутъ получать столъ въ буфетѣ заведенія по установленной таксѣ, по порціямъ и обѣдамъ. При заведеніи утромъ и вечеромъ играетъ оркестръ бальной музыки. Для развлеченія публики составляются спектакли, концерты, фейерверки и разныя другія увеселенія. Врачемъ заведеніи состоитъ **Вандалинъ Николаевичъ Коссовскій**. Въ концѣ апрѣля поступитъ въ продажу „Путеводитель къ Славянскимъ Минеральнымъ Водамъ“, издаваемый Городской Думой. Цѣна 50 коп. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ **А. В. Мандрикина** въ Славянскѣ. № 4007 2—1

„ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ“
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ХУДОЖЕСТВЕННАГО АЛЬБОМА“
подписн. цѣна на 1885 г. съ перес. и достав. **8 р.** Съ пересылк. и достав. преміи **9 р.**
Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ пяти до семи листовъ съ приложеніями: фотогравюръ, фототипій, фотоцинкографій и акварелей. Приложенія составятъ: 1) Портретная галлерея. 2) Картины русскихъ и иностранныхъ художниковъ всѣхъ современныхъ выставокъ. 3) Рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Снимки съ натуры: знаменитыхъ актеровъ въ ихъ выдающихся роляхъ, драматическихъ сценъ, группъ балета и т. п. Въ текстѣ помѣщаются: романы, повѣсти, стихотворенія, критическія статьи, фельетонъ, библіографія, театръ и смѣсь. Литературное приложеніе: „Исторія живописи въ Италіи“ Коэндо (иллюстрированная). № 4005
ПРЕМІЯ на 1885 г. Для годовыхъ подписчиковъ первый выпускъ большаго альбома галлереи Д. П. БОТКИНА (отъ 10 до 15 листовъ).
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: СПБ., въ конторѣ редакціи, Стремянная, д. № 8, въ Москвѣ, въ книжн. маг. Мамонтова и во всѣхъ книжн. и эстамп. магазинахъ Петербурга и Москвы. Иногородные благоволятъ адресоваться исключительно въ контору редакціи.

С. Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.
На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:
„С. Петербургская Химическая Лабораторія“.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ. 1. Невскій проспектъ, домъ №32, Католической церкви.
2. Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аничкина моста.
3. Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1. Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.
Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.
Рt. № 3866

ЛѢСОПИЛЬНАЯ РАМА
большая чугунная двойная, заграничной работы, работавшая 2 года, заплаченная 4,500 руб., продается случайно немедленно за полцѣны. СПб. Фонтанка, домъ № 168 и 2, по Эстляндской ул. на фабрикѣ. № 4003

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій. **Невскій** пр., **№ 8**, подъ лит. В. Р № 3328

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОРГОВЛѢ
П. ЮРГЕНСОНА.
Неглинный проѣздъ, № 10 въ Москвѣ, поступили въ продажу
1. Гимнъ въ честь
СВ. КИРИЛЛА И МЕѲОДІЯ
Переложеніе на хоръ старинной славянской мелодіи
П. ЧАЙКОВСКАГО.
Цѣна Партитурѣ 25 коп. Каждый голосъ 5 к.
2. Тропарь, Кондакъ и Величаніе греческаго роспѣва.
П. № 3996
Парт. 40 коп. Каждый голосъ по 10 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
Большая русская фирма ищетъ дѣльныхъ лицъ, которыя за хорошее вознагражденіе приняли бы на себя объѣздъ провинціальныхъ городовъ для распространенія ея дѣлъ.
Требуется, чтобы лица эти занимались исключительно дѣлами фирмы и необходимо представленіе ими хорошихъ аттестатовъ, или указаніе на солидныя рекомендаціи.
На предлагаемыя должности могутъ быть опредѣляемы и служившіе въ гражданскомъ или военномъ вѣдомствѣ.
Желающіе благоволятъ обращаться **письменно** съ подробнымъ указаніемъ прежней ихъ дѣятельности съ заявленіями о своихъ аттестатахъ или рекомендаціяхъ въ Москву въ Контору Объявленій Н. Печковской (Петровскія Линіи) под. лит. М. Н. О.
П. № 4006 3—1

Вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ:**

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта, въ 2 столбца, съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ текстѣ.

ЦѢНА: брошюр. 6 р., съ пер. 7 р.: въ роскошн. коленкор. переплетѣ, тисненымъ золот. и 3-мя красками, 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданіями: „Правительств. Вѣстникъ" (№ 57), „СПБ—скія Вѣдомости" (№ 68), „Художественный журналъ" (за февраль мѣсяцъ), „Биржевыя Вѣдомости" (№ 45), „Петербургскій Листокъ" (№ 69), „St.-Petersburger Herold" (№ 69), Moskauer Deutsche Zeitung (№ 63), „Петербургская Газета" (№ 71), „Гражданинъ" (№ 22), „Донская Пчела" (№ 17).

Художественный журналъ. перечисляя достоинства книги между прочимъ говоритъ: „Книга читается безъ перерыва, свободно, съ большимъ интересомъ. Внѣшность книги не оставляетъ желать ничего лучшаго: такого изданія у насъ не было..... Напечатаны всѣ рисунки положительно образцово; такъ у насъ рѣдко что печаталось".

ВСЯКАГО РОДА

СѢЯЛКИ, ПЛУГИ, БОРОНЫ, КАТКИ

и пр. земледѣльч. орудія предлагаетъ въ богатѣйш. выборѣ № 3966 4—3

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр. 1 линія.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.
Иллюстриров. каталоги по востребованію.

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы,** безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ПОЛУ-СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ", „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ", ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1861 „	2. Филадел. выстав. медаль	1876 „
4. Похвальный отзывъ	1864 „	3. Парижск. выст. поч. отз.	1878 „
5. Серебряная медаль	1865 „	4. Амстердам. выст. медаль	1883 „
6. Серебряная медаль	1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл.	1883 „
7. Медаль	1870 „		
8. Золотая медаль	1872 „		
9. Высочайшая благодарность	1875 „		
10. Золотая медаль	1882 „		

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г..

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

приготовлено **изъ чистаго русскаго виноградяаго вина, безъ всякой примѣси иностраннаго,** и нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

можно имѣть прямо съ фабрики ящиками въ 60 и 30 б. **по 1 р. 50 к. бут.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО":

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

Вышеозначенные четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15. и 10 бут. по 2 р. бутылка. № 4000

***NB.*—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.**

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ.

РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ.

ПРОДАЕТСЯ ДОХОДНОЕ ИМѢНІЕ

въ 35 верстахъ отъ г. Симбирска и 12-ти отъ пристани на Волгѣ, съ прекраснымъ мѣстоположеніемъ и хорошею барскою усадьбою, паркомъ, въ которомъ протекаетъ р. Свіяга и фруктовымъ садомъ. Въ усадьбѣ большой барскій домъ со всѣми хозяйственными постройками, зерносушилкою и машинами. Строенія новыя и большинство изъ нихъ каменныя. Земли всей 528 дес., земля глубокій черноземъ, луга заливные, лѣсъ чернолѣсье изъ дуба и липы. Заложено въ банкѣ. За справками о цѣнѣ и условіями обращ. въ г. Симбирскъ, Валентину Эдуардовичу Красовскому. № 4004

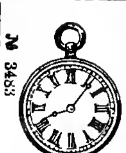
Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра"; это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: **въ С.-Петербургѣ,** въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ.** Казанская **улица,** д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 3974 3—3



СПБургъ, Невскій пр. № 62, противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Прейсъ-куранты по востреб.

№ 3483

СКРИПКИ

для учениковъ, музыкантовъ и артистовъ, дешевыя отъ 2 р. 50 к. до 5 р. и лучшія по 6 р., 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Смычки по 50 к., 1 р., 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.

Футляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже до 25 р.

Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 2½ р., 3 р., 4 р.

Этюды и другія ноты.

Альты по 9 р., 15 р., 25 р., 50 р. и дор.

Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Контрабасы по 40 р., 50 р., 75 р., 100 р.

ГИТАРЫ

лучшей работы и съ весьма хорошимъ тономъ съ **винтами** для струнъ по 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р. и дороже до 100 р.; школы по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.

ЦИТРЫ

по 12 р., 15 р., 20 р., 25 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р. и 100 р.

Новый самоучитель 3 р., II часть 2 р.

Хорошія итальянск. и нѣмецк. **струны,** канифоль, камертоны, метрономы и друг. принадлежности рекомендуетъ

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальн. инструментовъ СПБургъ, по Большой Морской ул. № 36. Москва, Кузнецкій мостъ д. Торлецкаго

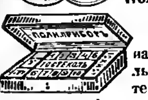
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. За пересылку прошу присылать приблизительно.

Р. № 3999 1—1

ПОСЛѢДНЯЯ НОВОСТЬ

ЖИВОПИСЕЦЪ-САМОУЧКА.

Полезный подарокъ для всякаго возраста.



Приборъ и брошюра для наученія живописи акварелью по бумагѣ, дереву, матеріи, стеклу и т. п., причемъ не требуется предварительнаго знанія рисованія, и доступно по простотѣ способа даже дѣтямъ. Въ брошюрѣ 14 объяснительныхъ рисунковъ и прибавленіе о **геліоминіатюрѣ,**—самомъ легкомъ способѣ раскрашивать фотографическія карточки, безъ знанія живописи

Полный приборъ содержитъ: въ изящно полированномъ ящикѣ 10 шаблон. кистей, 10 стеколъ, 10 разныхъ красокъ въ стеклянныхъ трубочкахъ, 1 стеклянную трубочку съ гумми-арабикой, 1 стеклянный шлифованный курантикъ, 1 акварел. кисточку, лекалы, шаблоны и рисунки. *Цѣна прибора съ брошюрою 3 руб., брошюра отдѣльно 50 коп на пересылку и упаковку 1 руб., въ Сибирь за особую упаковку 2 руб.*

Продается у издателя, граверa **А. Койранскаго,** Москва, Тверская, д. Саввинскаго подворья, противъ бриллiантщика Махилова, и во всѣхъ лучшихъ эстампныхъ магазинахъ.

Покупающіе у издателя могутъ видѣть образцы работы по этому способу, наглядно ознакомиться съ нимъ и **въ теченіи 15 минутъ въ состояніи будутъ приготовить небольшой рисунокъ красками.** Продавцамъ обыкновенная уступка. Р. № 4001 1—1

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благодѣтельно вслѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими това[illegible]я. St. № 3739 17—6

Дозволено цензурою, СПБ 27 марта 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургъ.

XVI годъ | № 14 | годъ XVI | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6 - 10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 6 Апрѣля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ съ 25 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 31 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисун. рукодѣльн. работъ.

Генрихъ Стенли.

Между многочисленными изслѣдователями Африки, принадлежащими къ разнымъ національностямъ, изслѣдованія Генриха Мартина Стэнли, портретъ котораго здѣсь помѣщенъ, были самыми блестящими. Онъ именно нашелъ обширную страну въ центрѣ Африки и сдѣлалъ ее доступной торговлѣ и сообщенію. О юношескихъ годахъ знаменитаго путешественника существуетъ много разсказовъ, которые самимъ Стэнли признаются вымышленными. Стэнли американецъ по происхожденію; онъ родился въ 1843 г. въ Арканзасѣ и росъ въ первобытномъ лѣсу. Въ 1861 г., въ качествѣ волонтера, онъ служилъ въ арміи сѣверо-американскихъ штатовъ и послѣ заключенія мира писалъ корреспонденціи въ *Нью-Іоркъ-Геральдъ*. Съ этой цѣлью, въ 1865 году, онъ посѣтилъ Турцію и Малую Азію, въ 1868 г., въ качествѣ корреспондента, участвовалъ въ походѣ англичанъ въ Абиссинію, присутствовалъ при открытіи Суэцкаго канала, проѣхалъ по Нилу до острова Филэ, послѣ чего отправился въ Испанію съ цѣлью писать оттуда о войнѣ карлистовъ. Тамъ, къ концу 1869 г онъ получилъ отъ Гордона Беннета, собственника газеты Нью-Іоркъ-Геральдъ, депешу изъ Парижа, съ приглашеніемъ пріѣхать по важному дѣлу. По прибытіи въ Парижъ, Стэнли получилъ лаконическое порученіе: „Поѣзжайте отыскивать Ливингстона!“ Смѣлый изслѣдователь Ливингстонъ находился съ 1840 г. на югѣ и въ центрѣ Африки, но съ 1869 года о немъ не было никакихъ извѣстій. Стэнли былъ пораженъ возлагаемымъ на него порученіемъ и обратилъ вниманіе Беннета на сопряженные съ этимъ расходы, на что получилъ слѣдующій отвѣтъ. „Берите 1,000 фунтовъ, когда они выйдутъ требуйте другія и т. д. сколько требуется, но найдите Ливинг-

Генрихъ Стэнли. По фотогр. грав. Кольбъ.

стона". Послѣ того, въ виду своего порученія, Стэнли въ январѣ 1871 г. отправился въ Занзибаръ, въ мартѣ началъ свое опасное путешествіе и 10-го ноября нашелъ въ Удшиди Ливингстона, котораго всѣ считали мертвымъ. Эту поѣздку Стэнли описалъ въ своемъ сочиненіи: „Какъ я нашелъ Ливингстона." Пять мѣсяцевъ Стэнли пробылъ съ Ливингстономъ, вернулся затѣмъ на два мѣсяца въ Занзибаръ, а потомъ на родину, но уже въ 1873 г слѣдовать съ англійскимъ походомъ противъ ашантіевъ до Кумасси. Въ этомъ же году, 4-го мая, Ливингстонъ умеръ на южномъ берегу озера Бангвеоло отъ истощенія силъ, но Стенли взялся продолжать начатое покойнымъ дѣло. Цѣлый рядъ географическихъ вопросовъ былъ еще не разрѣшенъ въ центральной Африкѣ: нужно еще было изслѣдовать источники Нила, озера Викторія-Ньянца и Тангаика и загадочную рѣку Луабала. Во время погребенія Ливингстона въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ Лондонѣ, издатель лондонской газеты „Daily Telegraph" спросилъ у Стэнли, надѣется-ли онъ привести въ порядокъ сочиненія Ливингстона. Стенли отвѣчалъ: „Пока буду жить, надѣюсь привести *кое что* въ порядокъ, если же жизнь моя протянется столько времени, сколько нужно для окончанія всего, то окончу все". Затѣмъ издатель „Дэйли Телеграфъ" спросилъ депешею Беннета, желаетъ ли тотъ участвовать въ расходахъ по посылкѣ Стэнли въ Африку, на что немедленно получился утвердительный отвѣтъ. Съ 1874 до 1877 г Стэнли предпринялъ громадное путешествіе по Африки, которое подробно описано имъ въ сочиненіи: „Чрезъ Черный материкъ" Значительнѣйшее по своимъ практическимъ результатамъ путешествіе это началось отъ Занзибара 17-го ноября 1874 г. Большія услуги оказала складная лодка „Лэди Алисъ", взятая въ путешествіе по предложенію Стэнли. 9-го августа 1877 года, т. е. послѣ 999 дней, уцѣлѣвшіе отъ голодной смерти остатки экспедиціи прибыли въ Бома, у устья Конго. Изъ 356 человѣкъ 114 спутниковъ Стенли погибли въ пути, но за то были достигнуты блестящіе результаты. Такъ напр., былъ разрѣшенъ вопросъ объ источникахъ Нила, въ смыслѣ Шпека, предполагавшаго, что главный бассейнъ Нила находится въ Укеревѣ или Викторіи-Ньянца: открыта была тождественность Луабалы съ Конго и опредѣлено направленіе этой рѣки, вслѣдствіе чего измѣнилась карта центральной Африки. Съ этихъ поръ Стэнли усиленно сталъ заботиться о введеніи въ этихъ богатыхъ и плодородныхъ странахъ центральной Африки торговли и культуры, и когда, въ 1876 году, состоящее подъ протекторатомъ короля Леопольда Бельгійскаго общество образовало комитетъ для изслѣдованія бассейна Конго, неутомимый ученый на мѣстѣ сталъ вести дѣла этого отдѣленія. Уже 18-го марта 1879 г., на своей яхтѣ „Альбіонъ", онъ отправился снова въ Занзибаръ, предпринимать отсюда небольшія поѣздки съ цѣлью изслѣдованій; проѣхалъ въ іюнѣ чрезъ Суэцкій каналъ и Средиземное море къ устью Конго на Африканскомъ западномъ берегу, а 17-го сентября предпринялъ новую экспедицію вверхъ по Конго. Ему удалось дойти до Іелалы, перваго изъ 32 водопадовъ Конго, и основать около Виви свою первую станцію. Съ тѣхъ поръ до начала 1884 г. онъ основалъ свыше 30 станцій, завелъ множество небольшихъ пароходовъ возящихъ мимо водопадовъ нижняго Конго, до Степлей-Пуля (прудъ Стенли), широкой бухты Конго, названной его именемъ и предпринималъ нѣсколько поѣздокъ вверхъ по теченію

Въ послѣднее время знаменитый ученый былъ приглашенъ въ Берлинъ для присутствованія на конференціи Конго и этимъ случаемъ Берлинъ, какъ позднѣе Кельнъ, Франкфуртъ на Майнѣ и Висбаденъ, воспользовался чтобы надлежащимъ образомъ почтить заслуженнаго ученаго.

Король Бельгіи уже принялъ на себя протекторатъ конгскихъ штатовъ, а Стэнли, какъ говорятъ, будетъ назначенъ президентомъ этихъ штатовъ.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

VII.

Баядерка.

Нина Борисовна встала съ постели съ страшною головною болью. Въ окна били крупныя капли осенняго дождя и какъ слезы скатывались внизъ по стекламъ. Домъ напротивъ, черезъ улицу, былъ весь облитъ слезами. Плакали крыши, плакали камни мостовыхъ... Раевская, съ чувствомъ, близкимъ къ ненависти, смотрѣла на все это. Теперь ей былъ противенъ и этотъ городъ, и громадное сѣрое зданіе театра, однимъ краемъ выдвигавшееся изъ за другихъ домовъ, и ея комната съ полинявшими обоями, съ полинявшими, скверными олеографіями на стѣнѣ, съ полинявшими салфетками на столахъ. Вчера ее привезъ сюда Акуловъ. Ложась въ постель, она съ нѣкоторою радостью думала, что завтра проснется больною. Но молодость и здоровье взяли свое. Отъ вчерашней простуды она отдѣлалась за ночь. Что ей теперь дѣлать? въ сотый разъ задавала себѣ этотъ вопросъ Нина Борисовна. Съ театромъ она связана контрактомъ и громадной неустойкой. Выплатить ее нѣтъ никакой возможности. Обратиться къ матери—но у той у самой ничего нѣтъ, кромѣ далекой, затерянной въ сѣверной глуши деревеньки. Всѣ свои сбереженія она отдала дочери, когда та училась въ Италіи. Единственною мечтою Раевской было получить такое жалованье, чтобы можно было перевезти мать къ себѣ. Теперь все это рухнуло. Здѣсь и самой нельзя оставаться. А вѣдь ее не отпустятъ. Въ разгарѣ сезона—кѣмъ они замѣнятъ ее. Другаго драматическаго сопрано нѣтъ въ труппѣ, а тутъ еще задумали ставить „Африканку", разучивали „Гугенотовъ", прислали ей партію „Юдифи" Какъ она опять пойдетъ въ этотъ театръ, какъ она встрѣтится съ этими Досужевыми, Барсовыми? Господи, какъ быстро слиняли краски съ ея блестящей фантасмагоріи. Храмъ оказался чѣмъ то въ родѣ гадкаго дома, жрецы его обратились въ торгашей, спекулирующихъ всѣмъ—и чувствомъ, и совѣстью, и честью. Обманъ, зависть—вотъ пружины, руководящія дѣйствіями этихъ людей. Гдѣ же вы, свѣтлые боги искусства, гдѣ высокія, вдохновенныя думы? Увы... между этими созвѣздіями и ею ползутъ по сумрачному небу холодныя, тяжелыя тучи. Ея взглядъ безсиленъ проникнуть туда. Интрига со всѣхъ сторонъ опутала ее своею гадкою паутиной. Она бьется въ ней, задыхается—а вырваться нѣтъ силы. И завтра, и послѣзавтра—нужно идти туда. Опять сталкиваться, говорить съ этими людьми, работать съ ними въ сотрудничествѣ. А у нея еще партія Маргариты. Этотъ Барсовъ—Фаустъ. Вести съ нимъ сцену любви, склонить на плечо къ нему усталую голову, когда теперь онъ противенъ ей, противенъ до омерзѣнія, до гадости. Его нечистые поцѣлуи еще горятъ на ея лицѣ... Она осквернена ими... Да, разрумяненный, ходульный герой, картонный театральный любовникъ! И она вѣрила ему; она первому, этому скомороху, раскрыла сердце. Вонъ его портретъ на ея стѣнѣ... Какъ красивъ!.. и какъ подлъ! Какое лицо, какіе надменные глаза... кажется, на все способенъ, но не на мелкую ложь, не на обманъ... Неужели она похожа сама на этихъ? Неужели ее можно взять, надругаться надъ нею и бросить? У него разъ какъ то вырвалось, что артистка не должна стѣсняться узкою моралью. Честной женщинѣ нѣтъ мѣста на сценѣ. Неужели это такъ. Неужели мы баядерки, и должны служить своему богу какъ онѣ? Нѣтъ, ложь!.. Тысячу разъ ложь!

Но какъ бы ни было, а здѣсь оставаться нельзя! Совсѣмъ нельзя! Теперь она знаетъ, на что они способны. Они пойдутъ на все, чтобы отнять у нея доброе имя. Они уронятъ ее во мнѣніи общества, наймутъ шикальщиковъ. Ей не дадутъ пѣть, да она и теперь не можетъ пѣть. Черезъ два дня „Фаустъ"—опять мелькнуло въ ея памяти. Ей разомъ стало холодно. Развѣ она не отпатнется прочь отъ него, тамъ въ окнѣ. Что выйдетъ изъ этой поэмы любви и молодаго счастья? Да, уходить, уходить скорѣй отсюда! Можетъ быть ее отпустятъ безъ неустойки? Нѣтъ, она помнитъ, какъ бѣдную Ремизову заставили пѣть подъ свистъ и шиканье, пока та не бросилась на шею Манделю, чтобы тотъ

только за нее расплатился съ антрепренеромъ и выкупилъ ее изъ этого крѣпостнаго рабства. Обратиться къ къ Кашинцеву?.. Онъ, разумѣется, явится сейчасъ же. Онъ не таковъ. Но по какому праву она сдѣлаетъ это, она, оттолкнувшая его отъ себя? По праву дѣтской дружбы? Нѣтъ, противъ этого вся ея гордость, лучше дотянуть сезонъ, изморить себя этой каторжной работой. Не показываться нигдѣ, не встрѣчаться съ ними иначе какъ на сценѣ. Перенести все, даже униженіе, но молчать, не писать Сергѣю Федоровичу. Тогда онъ взялъ съ нея слово, точно угадывалъ что случится... Но она ни за что, ни за что не сдѣлаетъ этого! Умереть легче. Развѣ онъ не предупреждалъ ее,—она тогда мало его слушала, слишкомъ увлечена была этимъ разрумяненнымъ скоморохомъ. Какъ она могла сдѣлать такой ужасный выборъ, когда на нее съ безконечною любовью смотрѣли такіе честные, открытые голубые глаза, когда въ голосѣ того звучало столько беззавѣтной преданности, когда онъ весь былъ полонъ ею, одною ею... Господи! Ослѣпла она тогда что ли... Эта знойная итальянская ночь, это дивное утро, этотъ неожиданный дуэтъ Рауля и Валентины—рѣшили все... Слишкомъ блестящъ былъ пѣвецъ, чтобы не унести ее въ вихрѣ внезапно нахлынувшаго чувства. То сердце, бившееся одною любовью къ ней, было затоптано ею... А вѣдь онъ нарочно и въ Италію пріѣхалъ, и въ Миланѣ ее отыскалъ. И вдругъ съ непослѣдовательностью женщины, Раевская уже вслухъ разразилась цѣлымъ потокомъ упрековъ, обращенныхъ къ тому же все человѣку...

„Зачѣмъ же онъ меня здѣсь оставилъ одну. Когда нужно—его нѣтъ около. Онъ бы могъ отвести отъ моей головы удары. Съ нимъ бы легко было, при немъ они бы не осмѣлились. Не забросали бы меня грязью. Или и его преданность на словахъ только... Боже мой!.. Да что же это я. За что я его? Онъ то чѣмъ виноватъ?..“

Въ дверь къ ней постучали... Нина Борисовна вся ушла въ себя. Ей теперь невыразимо противно было видѣть кого нибудь... Вошла горничная...

— Васъ спрашиваютъ, господинъ Повиликинъ.

— Скажите ему, Маша...

Но господинъ Повиликинъ не ждалъ что ему скажетъ Маша. Онъ просунулъ голову въ двери.

— Нина Борисовна... На одну минуту, на одну маленькую, маленькую минуту.

— Я больна очень...

— Дива наша! Я не задержу васъ... И не ожидая приглашенія, Жанъ Повиликинъ вошелъ въ комнату, поцѣловалъ руку Раевской, развалился въ креслѣ, заболталъ ногами съ безцеремонностью короткаго знакомаго, не отводя глазъ отъ измученнаго ея лица. Что это вы вчера то должно быть кутнули. Вокругъ глазъ то... круги. Каковъ Мандель! не пригласилъ меня. Весело было? Милая барышня—напоите-ко меня кофеемъ! Жанъ Повиликинъ держалъ себя здѣсь съ развязностью провинціальнаго щелкопера, считающаго себя въ данную минуту ей необходимымъ.—А я вамъ за это прочту статейку, о васъ! Наша божественная... Садитесь-ка вотъ сюда рядкомъ. Да послушайте, какъ мы васъ цѣнимъ. Въ столицѣ будете пѣть — тамъ такъ не напишутъ!..

Что было дѣлать? Раевская велѣла подать кофе. Жанъ сталъ читать статью, гдѣ сравнивалъ Нину Борисовну съ Малибранъ и Бозіо. Ей было противно. Она перестала слушать и только смотрѣла какъ рецензентъ захлебывался, отчеканивая свои громкія фразы. „Нѣтъ, надо уйти, уйти отсюда... Такъ нельзя. Это болото какое то... Здѣсь въ самомъ дѣлѣ съ ума сойдешь... Этотъ Повиликинъ—какъ въ трактиръ идетъ сюда!“

— Я и въ Петербургъ послалъ... Только не знаю отчего не печатаютъ. Довольны вы?

— Благодарю васъ... едва, едва процѣдила Раевская, уронивъ голову на столъ.

— Экая красавица вы какая, Нина Борисовна, пошутилъ Повиликинъ.—Видно устали вчера... Затормошилъ васъ Барсовъ... Малый красивый... И завидуютъ же всѣ ему здѣсь!..

И она не успѣла еще опомниться какъ Повиликинъ, почувствовавшій себя совсѣмъ дома, приподнялся и поцѣловалъ ее въ шею. Только этого не доставало!.. Какъ ударомъ хлыста, обожгло ее. Она вздрогнула, горящими отъ бѣшенства, великолѣпными сѣрыми глазами смѣрила Повиликина.

— Вонъ!

— Ну что вы, помилуйте... струсилъ адвокатъ. Нужно же быть благодарной... Онъ пятился однако къ дверямъ.

— Вонъ!...

И Нина Борисовна зарыдала горькими и отчаянными слезами.

— За что?.. За что?.. только и повторяла она въ истерическомъ припадкѣ. — Баядерка, баядерка... Всякій прохожій... Въ грязь топчутъ... Куда дѣться?

А Жанъ Повиликинъ, выскочивъ на крыльцо, моментально принялъ гордый видъ оскорбленнаго и негодующаго человѣка... Кстати ему попалась у театра Настасья Васильевна Бабкина. Онъ набросился на нее... Еще издали замахалъ руками.

— Ну, ваша Раевская... началъ онъ было.

— Знаю, знаю! и Бабкина скромно опустила глаза внизъ.

— Что вы знаете? Ничего вы не знаете... Этакая неблагодарная! Ну ужъ я ей покажу...

— Вы то о чемъ же? удивилась та.

— Представьте? Выгнала меня вонъ... Дрянь этакая! Барышня!

— Такъ вы еще ничего не слышали, что вчера случилось у Соломона Іосифовича? обрадовалась Бабкина. Пойдемте-ко въ театръ... Я вамъ разскажу все... Ужъ и скандалъ же былъ. Представьте!

И Настасья Васильевна, цѣлое утро разносившая на хвостѣ сплетню по городу, такъ и вцѣпилась въ новаго слушателя.

Только къ вечеру нѣсколько успокоилась Раевская... Что дѣлать—нужно было закончить сезонъ во что бы то ни стало—и сейчасъ же послѣ того уѣхать къ старушкѣ матери. Отдохнуть у нея лѣтомъ, въ деревнѣ, посреди однообразныхъ, но успокоивающихъ родныхъ равнинъ. А до тѣхъ поръ вести замкнутую жизнь. Бояться ей нечего, вчерашнее уляжется очень скоро. Въ сущности всѣ они быть можетъ не такъ злы какъ кажутся. Акуловъ, напримѣръ, который вмѣстѣ съ другими смѣялся надъ ней, первый принялъ въ ней участіе. Архаровцевъ за нее набросился на Барсова. Ей разсказывалъ объ этомъ тотъ же Акуловъ... Одно страшно, неуспѣхъ на сценѣ, но публика ее любитъ и цѣнитъ... „Да и такъ ли еще виноватъ Барсовъ“ вдругъ озарило ее. Любовь живуча. Она цѣпляется за каждую надежду, страстно борется за возможность даже сомнѣнія когда нѣтъ увѣренности. Нина Борисовна была не исключеніемъ... Разъ явилась такая мысль, дѣвушка остановилась на ней и начала разбирать его поступки. Ложь, обманъ разумѣется гадки, отвратительны. А если онъ боялся, что, сказавъ правду, онъ потеряетъ ее навсегда? Если онъ лгалъ ей именно потому, что любилъ? Вѣдь она сама не разъ ему говорила, что можетъ быть только женою его. Онъ долженъ былъ переживать мучительныя минуты. Почемъ она знаетъ, а если онъ велъ уже дѣло о разводѣ? Даже если и не было этого, не она ли сама отняла у него возможность высказаться. Ну да, онъ не герой, разумѣется, не рискнулъ своимъ счастіемъ. Малодушно молчалъ когда надо было говорить правду. Люби онъ меньше, пожалуй и выска-

1000-лѣтній юбилей Св. Кирилла и Меѳодія. Св. Кириллъ. Съ медальона воротъ храма въ Прагѣ.

По рис. І. Манеса.

1000-лѣтній юбилей Св. Кирилла и Меѳодія. Св. Меѳодій. Съ медальона воротъ храма въ Прагѣ.

По рис. I. Манеса.

залъ бы. Не могутъ такіе глаза принадлежать негодяю. Опять подошла она къ его портрету. Не могутъ. Онъ не способенъ играть ею. Нѣтъ, во всемъ этомъ не было расчета. Такъ сложилось все... Реакція шла все дальше и дальше. Она теперь уже хотѣла видѣть его. Заставить высказаться... Зачѣмъ? она не знала сама, но только жадно искала ему оправданій, рылась въ своей памяти, возстановляя минуты, когда онъ былъ такъ искрененъ и нѣженъ съ нею... А Досужева, а письмо его, которое Татьяна Борисовна сегодня утромъ прислала къ ней, точно для того, чтобы не было недоразумѣній. Точно молнія упала передъ нею. Да, этого не извинишь низачто. Тутъ онъ весь... Она помнитъ эту фразу: „Раевская—мой капризъ, а ты—привязанность. .“ И это сказать? кому?..

И она опять бродила изъ угла въ уголъ... Опять думала, думала... Въ комнатѣ было темно. Влажные сумерки сгустились за окномъ, въ душѣ ея тоже подымалась холодная, безразсвѣтная ночь... Теперь все было ясно... Всѣ оправданія рухнули... Даже въ своемъ всепрощающемъ сердцѣ—не находила она объясненій этому... И еслибы онъ былъ правъ, развѣ онъ не пришелъ бы къ ней. Гордость? Но она могла быть—пока его малодушіе, его трусость не обнаружились такъ ярко.. Теперь, теперь ему бы молить ее позабыть все это, изъ сожалѣнія протянуть ему свою руку... И чтоже? Она бы ему подала эту милостыню... Въ ней то не отказала бы она „нищему..“ И въ самомъ дѣлѣ, теперь она знаетъ эту среду... Развѣ она сама за какой нибудь мѣсяцъ не измѣнилась? Развѣ она не шла на сдѣлки, не кокетничала съ Манделемъ, не терпѣла до сегодняшняго дня любезностей Повиликина? Какъ же ему уцѣлѣть, какъ же ему не развратиться въ долгіе годы? Какъ же онъ за эти пятнадцать лѣтъ могъ остаться неколебимымъ... Вѣдь міръ этотъ хуже болота, незамѣтно засасываетъ... Сегодня одна уступка, завтра другая. И не увидишь какъ потеряешь образъ и подобіе Божіе. Даже письмо это... Подло, разумѣется, гадко... Отвратительно... Но вѣдь Досужева его въ рукахъ держитъ. Почемъ знать, что тоже она за человѣкъ? Если ей извѣстно о немъ что нибудь такое, чѣмъ она его загубить можетъ... Говорятъ, онъ ей долженъ много... Можетъ быть онъ этимъ связанъ. Если ей, Раевской, лгалъ онъ потому, что любилъ ее, развѣ онъ не могъ лгать Досужевой ради личнаго спасенія? А если онъ боялся, что та, соперница, вмѣшается въ ихъ отношенія, если онъ хотѣлъ усыпить ту, чтобы она не разсказала Раевской обо всемъ?... Его положеніе тоже было ужасно, мучительно... Онъ все время метался между двухъ огней. А тутъ еще жена гдѣ то въ Минскѣ... Его не ненавидѣть, а пожалѣть надо... Разумѣется прежнее невозможно... увѣряла себя Нина. Но за что же я его проклинать буду? И что онъ молчитъ, не приходитъ?.. Легче было бы и ему высказаться... Ходитъ теперь вѣрно измученный, можетъ быть плачетъ тѣми мужскими слезами, которыя на долго разбиваютъ сердце. Отъ нихъ раннія сѣдины, они гасятъ въ глазахъ огонь молодости. Сколько въ немъ вдохновенія на сценѣ.. Развѣ можетъ быть такой, какъ онъ, подлымъ?... Совсѣмъ подлымъ... Нѣтъ, разумѣется. И она хороша тоже!.. Она!.. Еще вчера любила его, а сегодня разбила идеалъ и грязью забросала сама... Какже другимъ ему вѣрить, если и она не выдержала даже такого испытанія. Связь его съ Досужевой... Опять отъ одной мысли объ этомъ кровь ей бьетъ въ голову... Да вѣдь разъ она сошлась съ нимъ... Можетъ быть, еслибы она сказала объ этомъ, Барсовъ и не поколебался бы разорвать съ тою? Правда, это—распущенность, да вѣдь сцена!.. Болото! И вдругъ ей сдѣлалось такъ легко. Она отыскала въ душѣ оправданіе любимому человѣку... Она сама виновата предъ нимъ. А женщины любятъ извинять себя въ такихъ случаяхъ. Эти страданія —доставляютъ имъ наслажденіе. Онѣ идутъ на крестъ и радуются этому...

— Даромъ ничего не дается. Безъ борьбы не проживешь! успокоивала себя Нина ложась въ постель.

VIII.

Великодушіе Манделя.

Черезъ день послѣ загороднаго праздника Соломонъ Іосифовичъ тщательнѣе чѣмъ когда нибудь занялся своимъ туалетомъ. Цѣлый часъ вертѣлся передъ зеркаломъ, словно репетируя какую то особенно важную роль. Въ концѣ концовъ онъ остался доволенъ собою и позвалъ конторщика.

— Герръ Вакмутъ... приготовляйте мнѣ пожалуйста счетъ... этотъ покровительство на искусствъ.

— Театральный расходъ?

— So!..

Вакмутъ зарылся въ конторскую книгу и черезъ нѣсколько минутъ исполнилъ приказаніе патрона... Мандель старательно провѣрилъ цифры; оказалось, что поддержка Нины Борисовны Раевской съ наймомъ ложъ, покупкою вѣнковъ, обошлась ему въ шестьсотъ рублей. Соломонъ Іосифовичъ самодовольно улыбнулся и тщательно сложилъ счетъ въ свой бумажникъ. Потомъ онъ заѣхалъ къ ювелиру, купилъ брилліантовый браслетъ въ четыреста рублей, заглянулъ въ цвѣточный магазинъ и дождался тамъ, пока ему сдѣлали букетъ изъ чайныхъ розъ, и перехватилъ его этимъ браслетомъ.

— Куда прикажете? оглянулся кучеръ, не скрывая почти презрѣнія къ жиду, которому, однако, служилъ за большія деньги.

— Къ госпожа Раевской!

Конь быстро помчался впередъ. Мандель старался красиво раскачиваться въ своей эгоисткѣ.

У дверей Нины Соломонъ Іосифовичъ вынулъ зеркальце, пригладилъ баки и сжалъ губы сердечкомъ. И безъ того сладкіе глаза его стали еще слаще. Онъ тихо стукнулъ... Тамъ, очевидно, не слышали... стукнулъ еще громче.

— Entrez! послышалось за дверьми Кто тамъ? войдите...

— Нина Борисовна, я заѣхалъ узнать вашъ здоровье... Вчера хотѣлъ, но боялся безпокоить...

— Благодарю васъ... Вы слишкомъ добры... и Нина Борисовна взяла цвѣты, не замѣчая браслета. Я напугала васъ третьяго дня... Простите!.. Раевская протянула ему руку, которую тотъ сейчасъ же поцѣловалъ.

— Это такой свинство... Я уже сказалъ господинъ Барсовъ... и госпожа Досужевъ сказалъ... Такъ нельзя. Это... это...

— Оставимъ!. Я была виновата... Близко къ сердцу приняла выходку Татьяны Гавриловны... Не знаю, что со мною сдѣлалось... Голова кружилась отъ вашихъ цвѣтовъ, шампанскаго...

— Они всѣ не умѣютъ оцѣняйтъ... Ви знаете... Ви должна пѣтъ заграница... Заграница васъ будутъ оцѣняйтъ... Развѣ здѣсь можно что нибудь дѣлайтъ... Здѣсь одно паскудство... Пхе.. Я самъ думаю уѣзжать изъ Россіи навсегда... Потово что для образованный мужчинъ здѣсь... sehr schlecht... Sehen sie, Нина Борисовна, вамъ тоже надо уходилъ... Такъ не можно продолжайтъ... Съ вашъ голосъ, съ вашъ талантъ, съ вашъ красота...

— Вы очень любезны, Соломонъ Іосифовичъ... Я сама думала объ этомъ, но вы знаете—я должна допѣть сезонъ.

— Какъ вы будетъ пѣтъ послѣ такой шкандалъ! благородно разгорячился Мандель...

— Что дѣлать?.. Куда же дѣться. Разорвать контрактъ—слишкомъ велика неустойка.

— Пхе!.. Это не причинъ. Сколько надо денегъ?... Какъ великъ неустойка?

— Все мое жалованье—три тысячи. У меня ничего нѣтъ... Да и заграницу нужны тоже деньги...

— Drei tausend... Такой пустякъ! Позвольте мнѣ вамъ оказайть кредитъ.. И Соломонъ Іосифовичъ уже направился въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога... Я вамъ и такъ благодарна за участіе... Долги такого рода я дѣлать не могу не выплатить мнѣ такихъ... Спасибо вамъ—вотъ не думала что вы такъ добры.

— Ви знаетъ какой я?.. Когда ви началъ здѣсь свой карьеръ, я въ свой умъ рѣшалъ, что васъ поддерживайтъ надо!.. И сейчасъ же цѣлый банкъ посылалъ въ театръ... Ви посмотрите, воодушевился Мандель. Ви посмотрите въ мой конторскія книгъ, сколько я тратилъ на это. Я не жалѣю деньги на искусствъ... Хотите я вамъ покажу счетъ... Зехсъ хундертъ ложи, кресла, букетъ.. Зехсъ хундертъ!.. Только въ одна мѣсяцъ... Вотъ я какъ смотрю на деньги... деньги что—тьфу деньги!

И Соломонъ Іосифовичъ въ благородномъ порывѣ только плюнулъ.

— Желаете вы три тысячъ на неустойка, вотъ дрей таузендъ... Надо на заграница — вотъ еще дрей таузендъ... Я хотитъ даватъ вамъ дорога... Пусть знаютъ что Соломонъ Мандель для театръ вырветъ сердце! Да! и онъ ударилъ себя въ грудь

Нина Борисовна не обидѣлась. Ей казалось, что Соломонъ Іосифовичъ дѣйствительно человѣкъ искренній, что вѣдь онъ выросъ среди конторскихъ книгъ и счетовъ—по неволѣ все цѣнитъ на деньги..

— Еще разъ благодарю, но согласиться на ваше предложеніе не могу. Отъ чужихъ людей такихъ одолженій не принимаютъ... Но мнѣ все-таки пріятно, что вы такъ отнеслись ко мнѣ!.. Дружественно.

Соломонъ Іосифовичъ озабоченно сжалъ брови... Но сейчасъ же ихъ расправилъ. Глаза его совсѣмъ зажмурились и губы сложились уже ликернымъ сердечкомъ. Очевидно, теперь онъ приступалъ къ главной цѣли посѣщенія.

— Ви говоритъ: отъ чужой человѣкъ... хотите и я вамъ не буду чужой человѣкъ...

— Это же какъ? переспросила его Нина Борисовна съ самымъ искреннимъ недоумѣніемъ.

— Такъ... Я будетъ свой человѣкъ... Господинъ Барсовъ большой скотинъ. Онъ женатый. Я холостой... Зеенъ зи, холостой мужчинъ. Онъ не можетъ себя женилъ, я могу себя женилъ... Ферштеенъ зи?

— Да мнѣ до этого какое дѣло?

— Вы подождите... Воленъ зи быть моя жена. Я хочу на васъ женилъ, Нина Борисовна. Я васъ очень, очень любитъ... Посмотрите—я доказывалъ. Ложи, кресла, букеты. Все—я... Я одинъ... Я васъ такъ любитъ, что мнѣ все—тьфу!.. Но вы знаете, я не такъ какъ господинъ Барсовъ. Я хочу чтобы вы жилъ со мной на одинъ квартиръ. Ви будетъ мой жена. Я не могу себя женилъ въ церковь, потому я—еврей. Въ Россіи нельзя... такой глупый законъ. Аберъ, это все равно, мы будемъ какъ будто мужъ и жена. Что же вы молчитъ..

Нина Борисовна откинулась на спинку дивана и смотрѣла на Соломона Іосифовича. Взглядъ ея говорилъ о такой глубокой мукѣ душевной!

„О до чего я дошла! Господи, неужели же актриса дѣйствительно считается общественнымъ достояніемъ? Кашинцевъ предупреждалъ. Все, какъ говорилъ онъ, такъ и вышло“.

— Дальше что?

Соломонъ Іосифовичъ не понялъ.

— Я честный человѣкъ! онъ стукнулъ себя въ грудь. Я не такъ какъ господинъ Барсовъ. У господинъ Барсовъ деньги нѣтъ. Вчера я ему далъ еще пятьсотъ!.. Я будетъ васъ обезпечивайтъ.

— Довольно!..

Она встала. Вскочилъ и Соломонъ Іосифовичъ.

— Вотъ видите ли, забудьте пожалуйста, что я была знакома съ вами... Прощайте, мнѣ очень жаль, что вы на меня такъ тратились... Но я не просила объ этомъ. Будь у меня деньги, я бы сейчасъ же вернула вамъ эти расходы.

Нина взялась за голову.

— Идите же, идите!

Мандель выскочилъ, даже и не раскланялся... Уже въ передней онъ вспомнилъ о браслетѣ и мигомъ вернулся.

— Что вамъ?

— Я такъ цѣнилъ вашъ талантъ! топтался Соломонъ Іосифовичъ на мѣстѣ.

— Да, я уже слышала.

— И даже сегодня купилъ браслетъ. Онъ на этотъ цвѣты.

Только сейчасъ Нина обратила на нихъ вниманіе. Бѣдныя розы, брошенныя на средину стола, уже всю комнату наполняли своимъ благоуханіемъ.

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста возьмите... поскорѣе...

Мандель не заставилъ себя просить. Получивъ браслетъ обратно, съ букетомъ вмѣстѣ, онъ по срединѣ комнаты нахально надѣлъ на себя шляпу и вышелъ побѣдителемъ.

— Куда теперь? Обернулся къ нему кучеръ.

— Къ госпожѣ Бабкиной.

Вечеромъ Раевской надо было на репетицію. Она не могла безъ ужаса подумать объ этомъ. Пробовала пѣть, голоса не оказалось.

„Къ спектаклю поправлюсь, думала она. Отказываться нельзя—заѣдятъ совсѣмъ. А сегодня буду такъ. Скажу что нездорова!..“

Одиночество давило ее. Ей хотѣлось увидѣть хоть кого нибудь, выйти на мокрую улицу, подъ дождь что ли, но и этого не удалось. Въ корридорѣ наткнулась она на Крестовоздвиженскаго—Кристіани тоже.

— А я къ вамъ!.. съ напускною смѣлостью крикнулъ ей семинаристъ.

— Этотъ еще зачѣмъ? подумала она.

— Съ повинною головою, барыння... Прощеніе просить пришелъ... Совѣсть заѣла.

Что то странное послышалось ей въ тонѣ новаго гостя. Звучало что то искреннее.

— Одно знаете оставалось... Либо напиться, либо покаяться... Ужъ лучше каяться. Потому я по человѣчески пить не могу, чтобы, знаете, день или два... У меня запой-съ.. Опять же напиться никогда не поздно, если не простите—запью... Успѣю еще.

— Что же мнѣ прощать то вамъ? вошла она къ себѣ въ комнату.

— А то, что я большая свинья противъ васъ выхожу. Двѣ ночи не спалъ... послѣ этого позорища... у жида то... Я весь вечеръ вѣдь Нина Борисовна противъ васъ орудовалъ. И смѣялся... Дуракъ дуракомъ, а смѣялся... А потомъ, какъ Акуловъ внесъ васъ... въ грязи всю, такъ меня точно ножемъ въ сердце... Такъ стыдно стало.. понялъ-съ, какая я скотина... Вы знаете... Я уже сегодня часъ у вашего крыльца дежурю, все себя пересилить не могъ... Семинарское это... Потому у насъ такъ, либо мы съ кулакомъ, либо намъ стыдно...

— Повѣрите ли, какъ я счастлива слушая васъ!.. Я до сихъ понять не могла, почему вы всѣ такъ меня ненавидите.

— И ненависти не было. Потому мы и ненавидѣть какъ слѣдуетъ не умѣемъ. А вотъ, что вы не наша... Развѣ мы любимъ искусство?... Господину Барсову—легкія побѣды нужны. Намъ—жрать требуется. А до искусства кому какое дѣло? Я вѣдь въ архіерейскихъ пѣвчихъ о театрѣ то и не думалъ. Баритонъ нашъ Арчибальди—Пошехонскій мѣщанинъ. Ему то лестно, что дамы на него глаза пялятъ. Тоже хоть бы вотъ полячекъ панъ Сладецкій, знаете его?

— Какже, знаю.

— Ну вотъ... Ему деньги нужны... какой онъ артистъ, лабазника Смирнова, да жандарма Пантелѣева танцамъ обучаетъ. Жандармскій вахмистръ Пантелѣевъ. Ему за выслугу лѣтъ въ офицеры теперь. А какой же онъ офицеръ безъ кадрили и безъ лансье. Ну такъ вотъ Сладецкій по рублю часъ этого самаго Пантелѣева граціи и обучаетъ. Такъ значитъ вы на мнѣ зла не помните, барышня...

— Нѣтъ, разумѣется нѣтъ!.. Я напротивъ рада. Вы не повѣрите какъ мнѣ тяжело было.

— И чудесно. Слѣдовательно пить не стану А вы знаете что, Нина Борисовна... Сегодня то, какъ прійдете на репетицію, такъ головку повыше держите. Носикомъ то кверху... Надлежащее отношеніе къ нимъ ко всѣмъ, совѣтую вамъ. Чуть что—и прикрикните. У насъ вѣдь какъ. настоящей то силы—ни у кого. Кто первый сталъ, тотъ и капралъ! Гладко то вѣдь ни у кого жизнь не идетъ... А у васъ еще настоящее горе только зачинается... А лучше всего уходите вы отъ насъ, совсѣмъ уходите, барышня Что вамъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь дѣлать...

— Семь лѣтъ училась. Всѣ деньги своей матери бросила на это...

— А коли уходить нельзя, другой вамъ совѣтъ дамъ. Только не знаю, послушаете ли?

— Смотря какой.

— Выходите замужъ, барышня. Одной здѣсь нельзя. Загрызутъ одну... Вѣдь вы господина Барсова прогоните.... такъ выходите замужъ. Да за зубастаго, чтобы могъ вездѣ отстоять васъ. И чтобы деньги у него были. Совсѣмъ иная опера выйдетъ, какъ онъ съ одной стороны кулакомъ пригрозитъ, а съ другой рублемъ поманитъ... Тогда у васъ вотъ какъ все гладко пойдетъ. У насъ многіе такъ бились. Соловцеву слышали вы?

— Да!

— Ну вотъ вамъ примѣръ. Мучилась, мучилась, да Ступакова и взяла къ себѣ. А Ступаковъ кочергу галстукомъ связывалъ... Тятенька ему полмилліона оставилъ... Ну теперь и гремитъ Соловцева вездѣ. Съ полнымъ уваженіемъ къ ней, потому, кому же охота съ вывороченной то челюстью ходить. Этотъ Ступаковъ чортъ чортомъ. Развѣ онъ разсуждаетъ куда бьетъ? Выходите же замужъ, барышня... А теперь, прощайте!.. Гоните меня скорѣй... Потому и я такой же какъ они.

— Куда же вы, посидите

— Нѣтъ, что ужъ!.. Вы уже меня и за то простите,— помните?

— За что?

— А на сценѣ то я васъ поцѣловалъ... Въ Фаустѣ. Какъ за Барсова я игралъ.

— Богъ съ вами!

— Это я на пари... вдругъ расхохотался Крестовоздвиженскій. Купца одного тутъ оболванилъ. И все смѣясь онъ попрощался съ Ниной и вышелъ.

- - - - -

Наконецъ пришло и письмо отъ Барсова. Разомъ похолодѣвшая Нина быстро разорвала конвертъ. Въ комнатѣ было темно. Пока ей зажигали лампу, она сидѣла неподвижная. Только сердце съ болью билось въ груди, да въ головѣ звучалъ одинъ безотвязный вопросъ чѣмъ онъ объяснитъ все?

— Уйди, Маша, ты не нужна мнѣ...

Чтобы ей не помѣшали, Раевская заперла двери.

„Я не смѣю оправдываться... Все сложилось противъ меня, умоляю васъ только объ одномъ, не дѣлайте поспѣшныхъ заключеній, не будьте несправедливы. Эти два дня я не могъ взяться за перо. Я былъ разбитъ совсѣмъ, боленъ. И разумѣется, не за себя страдаю, а за васъ...“

— Зачѣмъ же не пріѣхалъ ко мнѣ, если понималъ мое положеніе! вырвалось у Нины Борисовны... Нѣтъ, и здѣсь нѣтъ искренности. И тутъ ходули... Все тотъ же, неисправимый!

„Что мнѣ? продолжала читать она,—моя пѣсня спѣта, вашу вы только что начинаете“.

— Господи да гдѣ же оправданія, объясненія... Она жадно пробѣгала четыре мелко исписанныя страницы— ни одной строки не было, гдѣ бы онъ покаялся, сознался... А какъ искренно, какъ страстно она хотѣла простить его и забыть все! Подъ ея вліяніемъ чтобы онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. И онъ могъ бы стать имъ! Если онъ дѣйствительно ее любитъ—любовь дѣлаетъ чудеса!.. Нѣтъ, вотъ и подпись. А того что ей нужно, отъ чего сердце ея забилось бы радостно— нѣтъ. Вотъ еще впрочемъ. P. S „Сегодня на репетиціи—объясниться нельзя. Некогда. На насъ будутъ смотрѣть десятки глазъ. Умоляю васъ не уѣзжать завтра сейчасъ же послѣ спектакля. Я зайду къ вамъ въ уборную. Поймите—мнѣ необходимо, необходимо объясниться съ вами!..“

— И мнѣ необходимо тоже... А это еще что? „Письмо сожгите—неравно попадется въ чьи нибудь руки.“ Нина Борисовна даже вспыхнула. Какая низкая трусость, какая гадость!.. Не весь ли человѣкъ сказался въ этой припискѣ... Разумѣется сожгу... не стану же беречь. Зачѣмъ мнѣ это... Не того ждала я, и не то мнѣ надо...

И она опять подошла къ его портрету. Что то блеснуло въ ея памяти. Она повернулась къ письменному столу и вынула изъ ящика другой портретъ. Честное лицо Кашинцева открыто, какъ живое, смотрѣло на нее... „О, какая разница!.. Вотъ этотъ—настоящій мужчина! Этотъ бы не измѣнилъ никогда. Съ нимъ ничего бы она не испугалась. За нимъ какъ за каменной горой. И нужно же было ей встрѣтиться съ Барсовымъ, тогда, въ эту роковую ночь, въ облитой луннымъ свѣтомъ Равеннѣ!... Гдѣ то онъ теперь... Пожалуй тоже утѣшился... Богъ знаетъ! У нихъ это быстро дѣлается“

И больное, ревнивое чувство проникло въ ея душу..

— Да мнѣ то что за дѣло! Пускай! Раевская бросила портретъ въ столъ обратно, точно его оригиналъ чѣмъ нибудь оскорбилъ ее... Потомъ подошла къ огню и сожгла письмо.

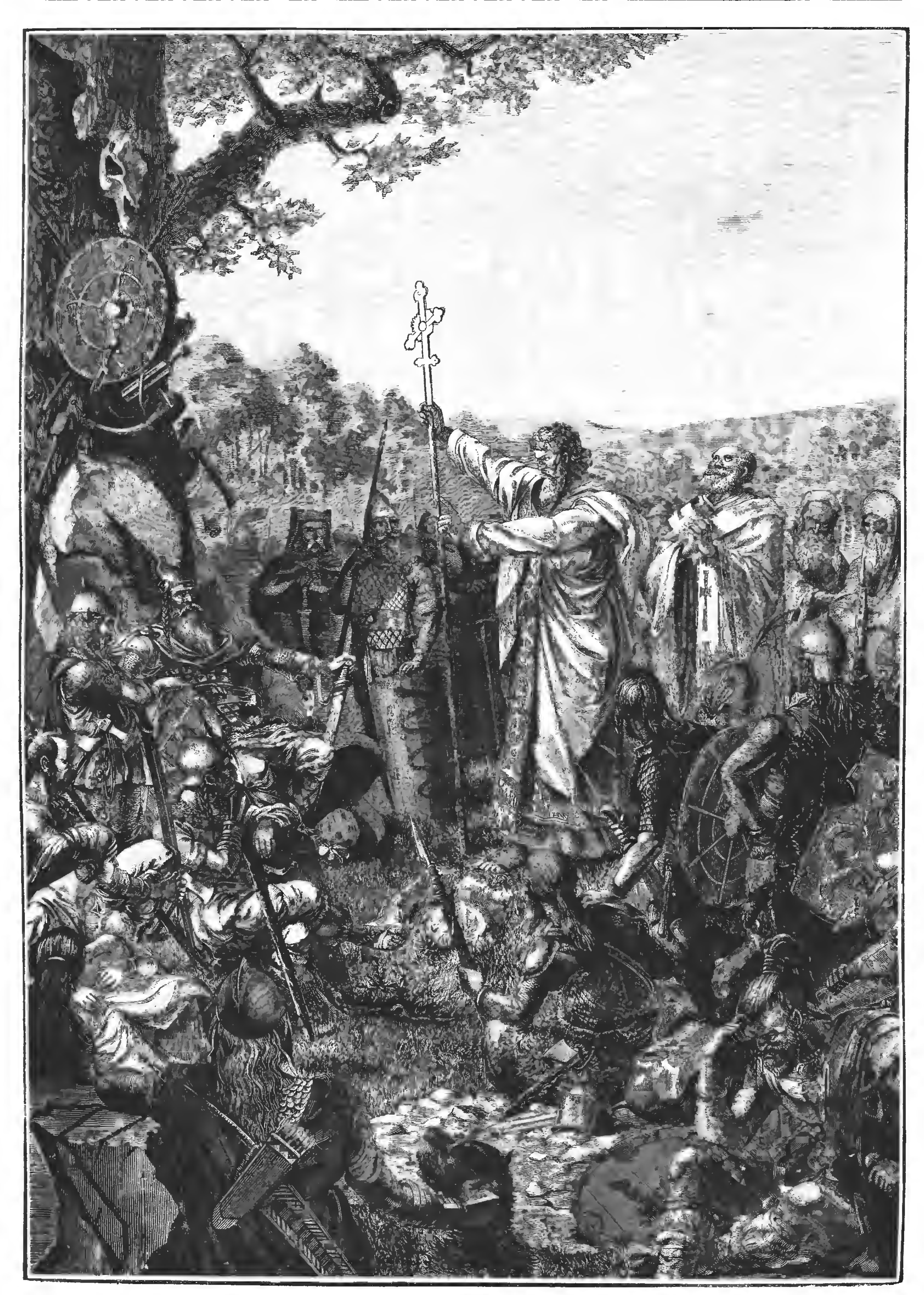
(До слѣд. №).

Литературное чтеніе.

Разсказъ **П. П. Гнѣдича.**

(Посвящается А. П. Михневичу).

Госпожа Пругавина рѣшила, что необходимо каждую недѣлю устраивать литературные вечера. Госпожа Пругавина была совершенно права, такъ какъ у нея была дочь девятнадцати лѣтъ, и притомъ очень миленькая. Ей нужно общество, развлеченія. Танцовальные вечера, практиковавшіеся у нихъ въ теченій двухъ зимъ, надоѣли до-смерти, и кромѣ того были сопряжены съ расходомъ. Ужь это такъ принято: коли танцуютъ, такъ обязательно надо и кормить. Вѣроятно этотъ скверный обычай имѣетъ вполнѣ законный raison d'être: моціонъ возбуждаетъ голодъ, а голодъ, какъ извѣстно, озлобляетъ человѣка; хозяину же непремѣнно нужно, чтобы гость былъ въ хорошемъ настроеніи. Вдобавокъ, сынъ госпожи Пругавиной, очень стройный поручикъ, хотя и бряцалъ въ танцахъ шпорами не безъ ловкости, но утверждалъ, что это допотопное удовольствіе и стоитъ несравненно ниже полотернаго искусства, ибо полотеръ нерѣдко отправляетъ государственную должность, натирая полы въ высшихъ учрежденіяхъ, и получая за это законное жалованье,—а танцоры—трутъ полы и подошвы только по недостатку иниціативы. Онъ утверждалъ, что интеллекты должны искать по преимуществу пищи духовной. Госпожа Пругавина схватилась за эту мысль, рѣшивъ, что духовная пища позволитъ ограничиться однимъ чаемъ и увильнуть отъ ужина. Мысль



Память славянскихъ Первоучителей. Проповѣдь Св. Кирилла и Меѳодія славянамъ-язычникамъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

эту она сообщила своему супругу, господину Пругавину, но встрѣтила по обычаю оппозицію.

— И никто, матушка, къ тебѣ не поѣдетъ, рѣшилъ онъ,— великій интересъ—такое времяпрепровожденіе! Стóитъ ѣхать,—такого добра у всякаго и дома много.

Что подразумѣвалъ господинъ Пругавинъ подъ словомъ добро, почему его у всякаго было много дома,—этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ. Но всѣмъ было извѣстно, что господинъ Пругавинъ всегда протестовалъ относительно своей супруги—что бы она ни сказала. Это зависѣло больше всего отъ несходства ихъ комплекцій. Господинъ Пругавинъ былъ весьма сѣдъ, плѣшивъ, тощъ, желтъ и желченъ. Супруга его, напротивъ того, была особа пылкая, и настолько дебелая, что идеалисты при входѣ въ ея комнату восклицали: „что за представительная дама", — а позитивисты прибавляли къ этому: „точно лошадь ввели съ улицы". Надо правду сказать, что госпожа Пругавина была очень монументальна, и занимала чрезвычайно много мѣста. Можно было порадоваться, что она не живетъ въ эпоху кринолиновъ, ибо въ этой туалетной прикрасѣ она могла бы смутно напомнить уже не монументъ, а цѣлый холмъ и пригорокъ, въ полномъ цвѣту, чему способствовало вдобавокъ то обстоятельство, что она обвѣшивалась, не смотря на свои сорокъ два года, травами и цвѣтами на подобіе Офеліи. Дочка вышла не въ нее, а скорѣе въ отца, потому что была до того граціозна и гибка, такъ колыхала своей тончайшей таліей, что со стороны можно было за нее безпокоиться: вотъ, вотъ сейчасъ хрупнетъ и сломается. Сынъ,—тотъ опять таки имѣлъ наклонность къ полнотѣ—и въ двадцать четыре года обладалъ очень солиднымъ закругленіемъ въ брюшкѣ, такъ что товарищи, пощелкивая его, говорили: „н-и братъ, да буфетъ-то у тебя того!"

Голосъ господина Пругавина не имѣлъ первенствующаго значенія, и потому его оставили въ сторонѣ, и устроивъ домашній совѣтъ, сообразили, кого пригласить для чтенія. Къ сожалѣнію, у нихъ не было знакомыхъ литераторовъ, то есть настоящихъ, которые печатали бы въ „органахъ". Былъ, правда, одинъ, да и то не литераторъ, а стихотворецъ, Сергѣй Сергѣевичъ Карамелевъ, впрочемъ напечатавшій въ „органѣ" два стихотворенія: „Привѣтъ" и „Идолъ".—„Привѣтъ" начинался такъ:

Привѣтъ тебѣ отъ скромнаго поэта,
Царица грезъ и сердца моего!..

Далѣе было не менѣе энергично. Но „Идолъ" — это была вещь положительно прелестная! Поэтъ разсказывалъ, что было время, когда онъ смотрѣлъ на *нее* какъ на божество, какъ на идола; но вотъ теперь, когда она отдала ему всю свою любовь, онъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, что его милая также строго смотритъ на него съ лучезарной высоты,—онъ восклицалъ:

Да, ты моя!.. Но въ прежнемъ изступленьи
Приникнулъ я въ слезахъ къ твоимъ ногамъ, —
Все тотъ же храмъ, и тожь благоговѣнье,
И тѣ-жь мольбы, и тотъ же фиміамъ!..

Барышни при послѣднихъ строкахъ не выдерживали и испускали легкій стонъ восторга, чѣмъ и вознаграждали поэта за три безсонныя ночи, которыми онъ высидѣлъ свое стихотвореніе.

Положено было Карамелева пригласить первымъ чтецомъ. Затѣмъ молодой Пругавинъ указывалъ на своего товарища Копаухина, очень обходительнаго штабсъ-капитана, пылавшаго наооской страстью къ беллетристикѣ. Онъ читалъ превосходно, и по преимуществу драматическія вещи. При чтеніи онъ такъ одушевлялся, что съ нимъ дѣлалась истерика и потомъ его часа два отпаивали эфирнымъ валерьяномъ. По крайней мѣрѣ онъ иначе не могъ читать Лермонтовскій „Маскарадъ". Далѣе имѣлся въ виду преподаватель словесности въ одной изъ гимназій, Люгинъ, человѣкъ крайне серьезный, медлительный, сосредоточенный, авторъ статьи—„Замѣчанія о знакахъ препинанія", большой любитель читать вслухъ кому бы то ни было,—почему у него никто не бывалъ, изъ боязни быть отчитаннымъ заживо.

Такимъ образомъ, на первое время исполнители находились. Рѣшено было подать къ чаю бутерброды съ тертой солониной и сыромъ, чѣмъ ужинъ и замѣнялся вполнѣ. Хозяйка разсчитывала на значительный эффектъ отъ этихъ чтеній. Ни у кого изъ ея знакомыхъ нѣтъ литературнаго кружка, а у нея будетъ. Къ ней будутъ собираться литераторы, ей будутъ завидовать.

— Вотъ это я понимаю, говорилъ толстый поручикъ, въ волненіи расхаживая изъ угла въ уголъ.—Это дѣйствительно умно и пріятно,- а то какъ вѣдь мы живемъ: пустота, сутолока!

— Только ты, Поль, ужь пожалуйста, замѣтила сестра,—распространи слухи о нашихъ чтеніяхъ въ полку, чтобъ всѣ-всѣ твои товарищи бывали у насъ.

— Женатыхъ пожалуй и не надо, вскользь возражала мать.— А то сводн потомъ знакомство съ женами,—и отъ теперешнихъ-то визитовъ не знаешь куда дѣваться.

Пругавинъ былъ отчасти правъ въ своихъ сомнѣніяхъ касательно интереса, возбужденнаго въ обществѣ вѣстью о чтеніяхъ. Иные просто испугались.

— То есть что же это будутъ читать?

Имъ объяснили, что все: романы, повѣсти, стихи, ученыя статьи. Они крутили головами и не вѣрили:

— Тутъ что нибудь не такъ, заключали они.

Дѣвицы, особенно тѣ, которымъ не давали Толстаго и Тургенева, встрепенулись, рѣшивъ, что хорошо бы послушать и Зола и Доде. Одинъ старичекъ нашелъ, что было бы не дурно, еслибы на этихъ вечерахъ читали вырѣзки изъ газетъ за недѣлю:

— Такъ чтобы пришелъ, —говорилъ онъ,—сѣлъ въ кресло, — да не вставая все бы за послѣдніе дни и узналъ. Гдѣ кто кого зарѣзалъ, кого судили, кто умеръ, что въ Китаѣ дѣлается.

Ему заявили, что это неудобно.

— За то интересно, стоялъ онъ на своемъ. Всякій бы съ удовольствіемъ пошелъ, и еще за входъ бы заплатилъ. Ну тамъ пять копѣекъ въ пользу погорѣльцевъ, что ли...

Многіе совсѣмъ не поняли слова „Литературный вечеръ", и рѣшили, что это домашній спектакль—поэтому озаботились о длинныхъ перчаткахъ и подвязныхъ локонахъ. Приглашенные читать, трое—Копаухинъ, Люгинъ и Карамелевъ — отнеслись къ дѣлу очень сочувственно, прося только, чтобы все было возможно проще, и чтобы мужчины были въ сюртукахъ. За два дня до чтенія были разосланы программы такого содержанія:

Литературный вечеръ 25-го января 188 года.*

(Первое чтеніе)

1) Элементы литературныхъ импульсовъ.
Статья г. Люгина.
Прочтетъ авторъ.

2) Сцена изъ драмы „Уріэль Акоста".
Сочиненіе Гуцкова.
Прочтетъ г. Копаухинъ.

3) „Весенніе ландыши".
Рядъ лирическихъ стихотвореній г. Карамелева.
Прочтетъ авторъ.

Начало въ 8½ часовъ.

Въ день литературнаго чтенія, домъ Пругавиныхъ принялъ совсѣмъ торжественный видъ. Всѣ лампы зажгли; посрединѣ залы утвердили что-то въ родѣ лобнаго мѣста для чтеца: столъ покрыли зеленымъ сукномъ, а сверху поставили свѣчи и графинъ съ водой. М-lle Пругавина расхаживала, постукивая каблучками по паркету, и заглядывая мимоходомъ то въ одно зеркало, то въ другое. Извѣстно, что женщина не можетъ видѣть своего отраженія, чтобы не поправить на себѣ бантика, не обдернуть баски, не пригладить волосы. Братъ ея задумчиво бряцалъ на фортепьяно, вздрагивая при каждомъ шумѣ на лѣстницѣ. Госпожа Пругавина сіяла, она такъ чувствовала свое превосходство надъ гостями. Супругъ ея заперся въ кабинетѣ и сказалъ, что не пойдетъ смотрѣть на эту срамоту.

Первымъ пріѣхалъ бѣленькій подпоручикъ, очень маленькій и застѣнчивый. Когда Пругавинъ его представилъ матери и сестрѣ, онъ усердно закачался корпусомъ, но ничего не сказалъ. Ему предложили снять саблю, онъ покраснѣлъ еще больше, охватилъ ее обѣими руками, что-то такое пролепеталъ, сѣлъ въ кресло, и такъ просидѣлъ цѣлый вечеръ.

Вторымъ явленіемъ была одна вдова мироваго судьи. Къ сожалѣнію, она не прочла присланной программы. Ей было некогда: она цѣлый день ѣздила подъискивать бархата, потому что ея портниха (подумайте, какая дрянь!) все ей обузила и окоротила. Ей впопыхахъ показалось, что у Пругавиныхъ спектакль, и вдобавокъ дѣтскій: ей кто-то сказалъ, но кто и что, — она рѣшительно не понимала. Она глубоко извинялась въ томъ, что привезла своихъ дѣтей: дѣвочку Капочку 8-ми лѣтъ, и мальчика Павлиньку 6-ти лѣтъ. Она собралась было ѣхать домой, но рѣшила посидѣть пока дѣти не захотятъ спать.

Потомъ пріѣхала жена хирурга — госпожа Чукъ. Эта явилась въ такомъ декольте, что мужчины при взглядѣ на нее только повели плечами. Профессоръ математики Кулаковскій привезъ жену, у которой голова до того была обсыпана пудрой, словно ее обмокнули въ мучной мѣшокъ. Карамелевъ пріѣхалъ съ маленькой тетрадкой въ восьмушку, заключавшей въ себѣ благоуханіе „Весеннихъ ландышей". Тетрадку онъ бережно хранилъ и никому не давалъ въ руки.

Вообще набралось человѣкъ тридцать. Пріѣхали почти всѣ, кого ожидали. Двѣ дамы пріѣхали съ собачками. Мужчинъ было сравнительно меньше. Барышни безъ умолка болтали, а ихъ голоса звенѣли какъ бубенчики.

Ровно безъ четверти девять, господинъ Люгинъ вошелъ на трибуну, и позвонилъ въ колокольчикъ. Шумѣвшій разговоръ сразу затихъ: такъ затихаетъ сразу іюльскій ливень: еще за минуту онъ стучалъ и барабанилъ по листьямъ, — миновалъ край тучи, и все стихло, и опять солнце, и теплый паръ подымается кверху...

Люгинъ откашляіся, черезъ очки строго посмотрѣлъ на присутствующихъ, и налилъ полъ-стакана воды. Отпивъ, онъ вы-

пулъ красный фуляръ, провелъ имъ по губамъ, протеръ очки, потомъ высморкнулся, посмотрѣлъ еще строже, и сказалъ:

— Милостивые государи!

Это у него была ужъ такая привычка отъ постояннаго чтенія лекцій.

— Вамъ, конечно, не безъизвѣстно, началъ онъ,—что для каждаго движенія необходимъ импульсъ, при помощи котораго сила находившаяся въ напряженіи переходитъ въ живую силу Всякій импульсъ въ области исторіи долженъ быть строго формулированъ,—историкъ обязанъ прослѣдить его зачатіе, найти его эмбріональныя формы. Исходя изъ этого положенія, нетрудно...

Хозяйка дома и ея дочка очень усердно занимались рукодѣліями: одна вышивала необычайной красоты полотенце, другая—прелестное бродери. Дама съ оголенными плечами чувствовала нѣкоторую неловкость, такъ какъ остальныя барыни оказались прикрытыми. Одна старушка вытащила изъ мѣшка цѣлое одѣяло, на которомъ по красному фону изображались незабудки до того неестественной величины, что скорѣе походили на подсолнечники. Подпоручикъ застылъ охвативъ саблю и впившись глазами въ лицо чтеца. Потомство мироваго судьи усѣлось на одно кресло, хлопало глазами и на яву видѣло сны.

— Подъ именемъ искусства, продолжалъ Люгинъ,—мы должны подразумѣвать то чувство изящнаго, которое сродно натурѣ человѣка. Резюмируя сказанное, мы установимъ такой критерій. Хотя абсолютно искусства не существуетъ, потому что абсолютизмъ — есть идея и абстрактъ, но тѣмъ не менѣе въ субъективныхъ индивидуальностяхъ оно можетъ проявляться, и даже прогрессировать. Превосходный эквивалентъ этому...

— Хорошо читаетъ, замѣтилъ тотъ самый старичокъ, который такъ добивался чтенія газетъ.

— А что? тихо полюбопытствовалъ сосѣдъ.

— Баритономъ, отвѣтилъ старичекъ.

— Однако, если вы такъ, то это немножко сухо, подумала хозяйка, переглядываясь съ дочерью.

Черезъ двадцать минутъ это почувствовали и гости, которые не вертѣлись на мѣстахъ только изъ приличія. Какъ они завидывали Капочкѣ и Павлинькѣ, прикурнувшимъ другъ другу, и наслаждавшимся безмятежнымъ покоемъ!

— И такъ, читалъ Люгинъ,—мы ясно видимъ, что литература это зеркало отражающее весь окружающій міръ въ миніатюрѣ, и вдобавокъ міръ профильтрованный горниломъ искусства...

На часахъ пробило половина десятаго. Нѣкоторые потянули свои часы изъ кармана. Оказалось, что эти часы еще отстають на семь минутъ. У многихъ явился ломъ въ спинѣ. А Люгинъ хоть бы что: знай себѣ читаетъ, да читаетъ.

— Модификація тутъ очень проста, объясняетъ онъ, — если мы будемъ фиксировать...

Изъ за двери уже два раза показывалась горничная и дѣлала хозяйкѣ массонскіе знаки, сообщая этимъ, что самоваръ давно кипитъ въ столовой. Хозяйка слегка наклоняла голову, и показывала глазами, что надо подождать.

Безъ четверти десять старичекъ чихнулъ, и съ такимъ вкусомъ, что невольно вызвалъ пожеланія сосѣдей. Это было единственное разнообразіе во все время чтенія. Да еще господинъ Карамелевъ не скучалъ, а сидя нѣсколько сзади хирургической жены, блуждалъ не безъ удовольствія глазами по ея плечамъ. Mademoiselle Пругавина, чувствуя что на нее смотритъ штабсъ-капитанъ, несмѣла поднять глазъ, и только выгибала невозможно пальчики при работѣ, вѣроятно желая этимъ доказать, что не только она сама граціозна, но даже ея пальчики и ногти.

Пробило десять. У всѣхъ лица вытянулись еще больше. Подпоручикъ вдругъ издалъ какой то необычайный звукъ: у него до того пересохло въ горлѣ, что онъ хотѣлъ откашлянуться, но это какъ то не вышло. Дамы перешептывались; Павлинька немножко высвистывалъ носомъ; у разоспавшейся Капочки мамаша все поправляла загибавшуюся юбочку.

Десять минутъ одиннадцатаго Люгинъ кончилъ и торжественно захлопнулъ тетрадь. Въ залѣ царила гробовая тишина.

— Да, баритонъ пріятный, повторилъ старичекъ.

Съ нимъ тотчасъ всѣ согласились, такъ какъ въ это время въ дверяхъ показался лакей, горничная и прачка. Послѣднія двѣ были очень густо напомажены гвоздичной помадой. Весь кортежъ былъ вооруженъ подносами, стаканами, салфетками, ромомъ, лимономъ и бутербродами. Подпоручикъ схватилъ свой стаканъ настолько жадно, что обварилъ себѣ колѣни, и долго потомъ извинялся, качаясь въ креслахъ, и бормоча что то подъ носъ.

Отъ Люгина какъ то сторонились,—точно онъ былъ въ дифтеритѣ: иные побаивались,—а ну какъ онъ вдругъ начнетъ все сначала.

Павлиньку и Капочку невозможно было добудиться. Мамаша рѣшила: Богъ съ ними, пусть носнятъ.

— Теперь будетъ очень интересно, увѣщевала хозяйка гостей. Копаухинъ давно читаетъ. Вы не слышали? Я увѣрена, вы останетесь довольны.

— Да, этотъ ужъ очень того, замѣтила старушка съ одѣяломъ,—читалъ долго и понять со стороны трудно, словно ѣхалъ, да изъ мѣшка горохомъ сыпалъ,—ни себѣ, ни другимъ.

Когда на кафедру взошелъ Копаухинъ—кафедра дрогнула. Драматическій чтецъ былъ замѣтенъ сразу. По грустному, страдальческому лицу, съ которымъ онъ приготовился читать Акосту, видно было, что все это имъ перечувствовано. Да и вообще гости были бодрѣе, подкрѣпившись чаемъ.

Штабъ-капитанъ, участвуя постоянно на спектакляхъ, не могъ уже читать обыкновенно, онъ непремѣнно игралъ каждую фразу, даже на своемъ лицѣ онъ изображалъ ту мимику, которую, по его соображенію, непремѣнно долженъ былъ изобразить данный субъектъ. Въ виду этого обстоятельства, лицо штабсъ-капитана напоминало тѣхъ каучуковыхъ куколокъ, которыя, по желанію, строятъ какія угодно гримасы; особенно превращенія были замѣтны при быстромъ, перекрестномъ разговорѣ; надо отдать ему справедливость: онъ при самыхъ неожиданныхъ переходахъ успѣвалъ состроить подходящую мину.

Штабсъ-капитанъ чрезвычайно сочувствовалъ Уріэлю,—онъ увлекъ своимъ сочувствіемъ слушателей, особенно дѣвицъ; изъ нихъ двѣ даже открыли ротикъ. Впрочемъ, послѣднее могло быть ими сдѣлано въ виду сильнаго насморка. Голосъ Копаухина звучалъ неподдѣльнымъ чувствомъ...

Позорное признанье! (читалъ онъ) Въ грудь мою
Ты ранами кровавыми вписалось,
И въ ней стоишь недвижнѣй, чѣмъ на этомъ
Пергаментѣ,—гдѣ языками змѣй
И черными ножами, и стрѣлами
Начертаннымъ тебя увидѣлъ я!..

Порою его голосъ замиралъ, доходилъ до шепота, до какого то страстнаго журчанья въ горлѣ. Но когда онъ шелъ crescendo,—о! какимъ громами лилась его рѣчь. Кафедра тряслась какъ въ лихорадкѣ,—казалось, минута, и все рухнетъ, и самъ лекторъ полетитъ внизъ! Но рѣчь затихала,—и слушатели опять успокаивались.

Когда, послѣ обряда раскаянія, разъяренный Акоста является на сцену, тутъ то во всей красѣ и развернулся штабсъ-капитанъ. „Молчите! гаркнулъ онъ, — всѣ молчите! Я знаю васъ, всѣхъ знаю!..“

Дѣти мироваго судьи испуганно вскочили съ кресла. Старичекъ, тоже вздремнувшій, встрепенулся, и промолвилъ:

— Ага, вотъ какъ!

Но когда чтецъ добрался до знаменитаго монолога Уріэля,—тутъ уже гнѣву его не было предѣловъ. „Спадите груды камней съ моей груди,—на волю мой языкъ!“ вопилъ онъ, уцѣпившись за подсвѣчникъ.

Воспрянь мой умъ, и какъ Самсонъ предъ смертью,
Съ отчаяннымъ усиліемъ разорви
Позорныя оковы!

Онъ потрясъ подсвѣчникомъ въ пространствѣ.

Я разрушу
Моей рукой колонны ваши!.. Я...

Лицо его налилось кровью, на лбу натянулись жилы, глаза обдавали картечью молній...

Павлинька въ испугѣ заревѣлъ, но даже и его не было слышно, лекторъ дошелъ до своей кульминаціонной точки: онъ топалъ ногами, ревѣлъ, метался...

Я вѣрую въ тебя
Богъ Адонай! Богъ топчущій какъ глину
Своихъ враговъ! Богъ дышащій огнемъ,
Богъ мстительный до третьяго колѣна..

Онъ захлебнулся, повалилъ обѣ свѣчи, но не замѣчая ничего наверху, въ темнотѣ, съ послѣднимъ напряженіемъ въ голосѣ закончилъ:

Моя душа—такой же гнѣвный Богъ,—
И съ этихъ поръ служу я Богу мести!..

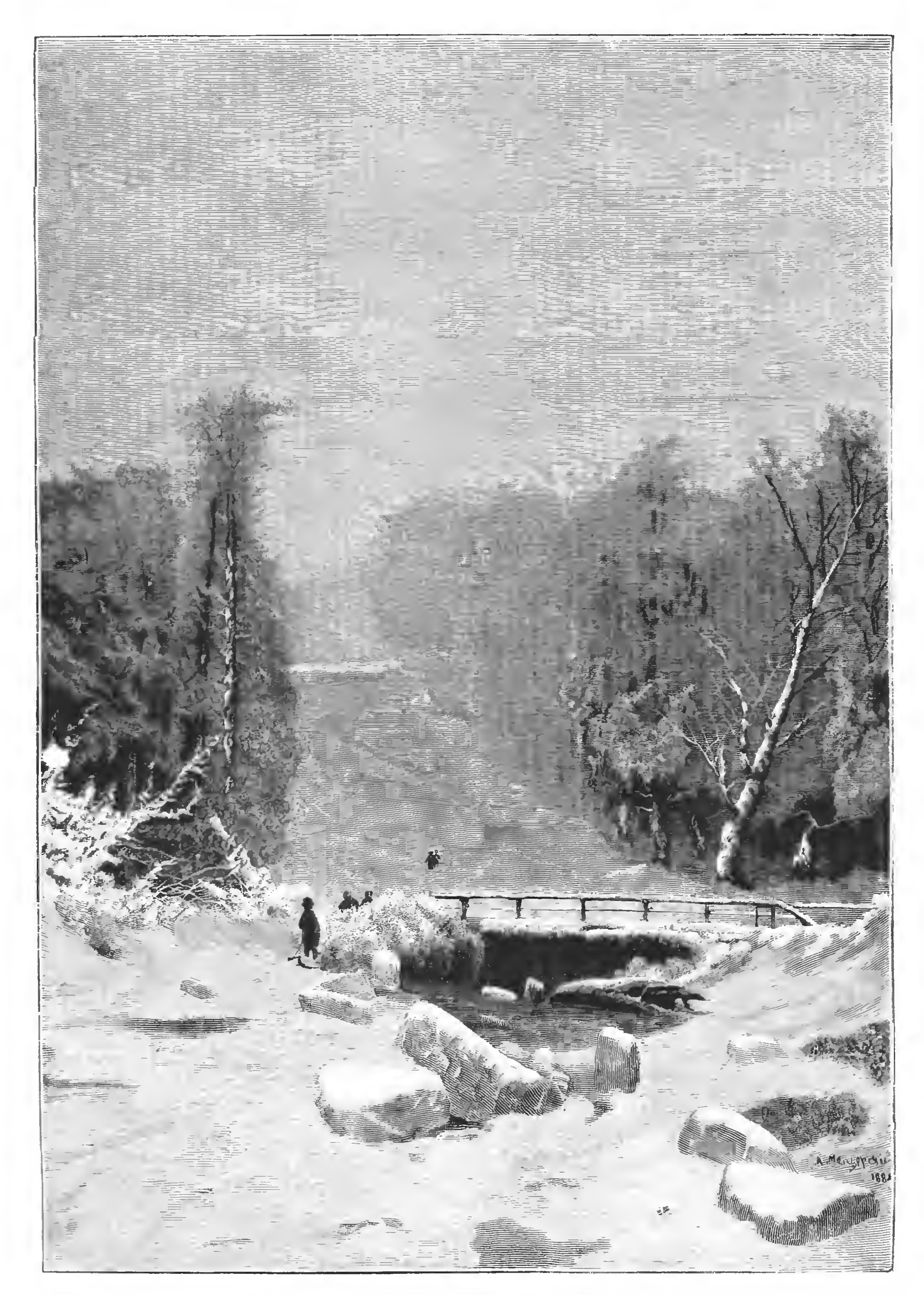
Чтеца оттирали о-де-колономъ, давали ему пить, просили успокоиться. Павлинька ревѣлъ съ перепугу, словно его выпороли. Одна старушка хлопотала, чтобы ея собачку вывели поскорѣе прогуляться. Испуганная прислуга толпилась въ дверяхъ. Даже самъ господинъ Пругавинъ выскочилъ изъ кабинета, вообразивъ, что по крайней мѣрѣ провалился потолокъ. Если, по прочтеніи перваго номера, вокругъ царила такая тишина, какъ въ ту эпоху, когда голубь изъНоева ковчега леталъ надъ землею, за то послѣ втораго лектора, залу Пругавиныхъ смѣло можно было уподобить Вавилонскому столпотворенію. Отъ сосѣдей звонили, прося быть потише: тамъ какъ разъ былъ больной.

Наконецъ, кое какъ порядокъ былъ возстановленъ. Поломанныя свѣчи были замѣнены новыми; на ревѣвшаго Павлиньку надѣли башлыкъ и увезли домой, штабсъ-капитана оттерли и освѣжили. Надо было все-таки чтеніе закончить: вдобавокъ „Ландыши“ представлялись многимъ привлекательными.

Особенно барышни жаждали лирики. Тамъ навѣрно будетъ соловей, грёзы, розы, волны, полны, кровь, любовь,—это очень весело!

Карамелевъ вошелъ на трибуну съ какой то грустно-мелан-

XIII передвижная выставка. „Малороссы у хаты“. Картина В. Е. Маковскаго. По фотогр. Якобія, грав. Флюгель.



XIII передвижная выставка. „Февральское утро". Картина А. И. Мещерскаго.

По фотогр. Якобія, грав. М. Рашевскій.

холической улыбкой. На его лицѣ было написано: „я такъ далекъ отъ всего земнаго, мой міръ—тамъ, наверху, на грани мірозданья...“ Завѣтная тетрадка дрожала въ его рукахъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ.

— Я позволю себѣ маленькое предисловіе, сказалъ онъ, не поднимая глазъ, и взявшись рукой за голову. То, что я прочту — это плодъ пятилѣтнихъ моихъ бесѣдъ съ музой. Это своего рода „Лирическое интермеццо“,—это смѣхъ сквозь слезы,—это мои мысли и чувства, переложенныя на бумагу.

Онъ раскрылъ театрадку, и откашлянулся. Всѣ ожидали въ нѣмомъ восторгѣ.

Но онъ медлилъ. Глаза его широко раскрылись, подбородокъ затрясся.

На первой страницѣ его рукописи значилось: „рубашекъ крахмаленыхъ—шесть; простыни—четыре; наволочекъ—шесть; платковъ—одиннадцать...“ Онъ ошибся тетрадкой!

Такъ литературное чтеніе у господъ Пругавиныхъ и не могло закончиться.

Стихотвореніе.

Видѣлъ я что ты со мною,
Мнѣ твои смѣются глазки
И волнуютъ кровь и сердце
Лепетъ милый твой и ласки.

* * *

Нѣга счастья, сумракъ ночи,
Звѣздъ задумчивыхъ мерцанье,
Въ грудь мою лились волною
Пестрыхъ грезъ и упованья.

* * *

Но таинственная прелесть
Чаръ живаго сновидѣнья,
Какъ о камень валъ,- разбилась
Скучнымъ мигомъ пробужденья.

Н. М - скій.

Сны.

Очеркъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что явленія и идеи, возникающія въ мірѣ сновидѣній, имѣли и имѣютъ огромное значеніе и въ вѣрованіяхъ, и въ дѣйствительной жизни человѣчества. Вѣра въ духовъ, пользующаяся всемірнымъ распространеніемъ, получила въ сновидѣніяхъ свое первоначальное основаніе. И если теперь еще люди, научно знакомые съ природою, оказываются не свободными отъ вліянія, производимаго на нихъ снами, то чѣмъ же должны быть сны и ихъ вліянія для народа? Давно поражало людей различіе между тѣломъ бодрствующаго и тѣломъ спящаго. Жить и—видѣть дѣйствительность, и спать и—видѣть сны, напоминающіе дѣйствительность... Невольно составляется представленіе о сновидѣніяхъ, какъ отблескахъ, отраженіяхъ, тѣняхъ дѣйствительной жизни. Въ своей знаменитой поэмѣ „Адъ“, Данте говоритъ, что души, обитающія въ чистилищѣ, узнаютъ живаго человѣка по тѣни, отбрасываемой его тѣломъ. У тасманцевъ, у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ одно и то же слово обозначаетъ и тѣнь, и душу. А базутосы такъ образно выражаютъ тѣсную связь между тѣломъ и тѣнью: они вѣрятъ, что крокодилъ можетъ схватить тѣнь человѣка, идущаго по берегу рѣки, и увлечь его въ воду. Гренландцы вѣрятъ, что душа покидаетъ тѣло во время сна, чтобы носиться въ любимыхъ мѣстахъ, охотиться за тѣнями звѣрей, и т. д. Таковы же и вѣрованія сѣверо-американскихъ индійцевъ, новозеландцевъ, и др. По ихъ представленію, сны—это то, что душа видитъ во время такихъ ночныхъ путешествій. Гвинейскіе негры твердо вѣрятъ въ предзнаменованія, выводимыя изъ сновъ. Но развѣ не также относится къ снамъ и масса народовъ Европы!

Много объясненій было дано относительно сновидѣній Въ древности сны считались символическими образами, являемыми внутреннему зрѣнію какимъ либо сверхъестественнымъ существомъ, въ видѣ извѣстныхъ предсказаній относительно будущаго. Но нынѣ дѣлаются попытки дать снамъ объясненіе, и одна изъ нихъ, считаемая наиболѣе удачною, принадлежитъ Джэмсу Сёлли.

Чтобы вѣрно разрѣшить вопросъ, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое состояніе сна. Состояніе это характеризуется ослабленіемъ всѣхъ жизненныхъ отправленій, и именно, меньшей раздражаемостью первовъ Еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, Блюменбахъ наблюдалъ на одномъ молодомъ человѣкѣ, страдавшемъ переломомъ черепа, что во время сна мозгъ нѣсколько осѣдаетъ. Въ 1860 году, англійскій врачъ Дургамъ наблюдалъ за движеніями мозга у собаки черезъ стеклянную пластинку, которою онъ замѣнилъ въ одномъ мѣстѣ черепа костную оболочку. Когда животное засыпало — поверхность мозга значительно опускалась; ткань мозга блѣднѣла, и его маленькіе сосуды, лишаясь крови, дѣлались невидимыми. Замѣчено также, что біеніе пульса уменьшается у насъ на одну пятую во время сна. Говорятъ, что во время сна растительные процессы отличаются наибольшей напряженностью. Но это еще подлежитъ сомнѣнію. Очевидно однако, что высшія отправленія жизни ослабляются во время сна прежде всего, точно такъ же какъ отъ старости и болѣзни способности ослабляются, начиная съ высшихъ и сложныхъ.

Сновидѣній не бываетъ во время глубокаго сна. Животныя такъ же видятъ сны, какъ и мы, но рѣже и не всѣ: такъ свойство видѣть сны есть у собаки и нѣтъ у кролика. Далѣе, при одинаковой силѣ умственныхъ способностей, люди спокойнаго ума и умѣреннаго темперамента видятъ сны весьма рѣдко, и наоборотъ, особенно сложныя сновидѣнія посѣщаютъ людей нервныхъ и безпокойныхъ.

Состояніе сна достаточно объясняетъ свойство сновидѣній. Во время бодрствованія впечатлѣнія наши подлежатъ провѣркѣ органовъ чувствъ, во время-же сна мы, такъ сказать, лишены этихъ повѣрочныхъ силъ, необходимыхъ элементовъ для критическаго мышленія. При отсутствіи живыхъ внѣшнихъ впечатлѣній, логика ума исчезаетъ. Онъ ошибается касательно каждаго раздраженія. При полученіи-же какого-либо раздраженія, его дѣятельность развертывается автоматически, механически, въ зависимости отъ обычныхъ занимающихъ умъ предметовъ, съ отпечаткомъ ихъ, и часто даже безъ всякаго отношенія къ причинѣ раздраженія. Въ этомъ отношеніи сны оказываются соотвѣтствующими всецѣло иллюзіямъ и галлюцинаціямъ бодрствованія. Сны походятъ на явленія гипнотизма. Но послѣднія зависятъ отъ различныхъ положеній, придаваемыхъ тѣлу,—отъ внѣшнихъ условій и раздраженій. Сны же съ ихъ безчисленными образами зависятъ отъ внутреннихъ побужденій, по преимуществу, ибо бываютъ и такіе сны, которые возникаютъ отъ причинъ одинаковыхъ съ причинами гипнотическихъ явленій; въ этихъ случаяхъ они совпадаютъ съ послѣдними. Нѣкто разсказываетъ, что, проснувшись однажды, онъ изумился увидѣвъ свою руку какъ бы протянутою къ образу, представлявшемуся ему во снѣ, а на самомъ дѣлѣ—къ полной лунѣ, которая свѣтила въ окно. Вообще, лучи луны вызываютъ нерѣдко сновидѣнія. Звуки, производившіеся ножницами, казались одному звономъ колоколовъ. Запахъ цвѣтовъ въ спальнѣ нерѣдко вводитъ въ сновидѣніяхъ въ оранжерею, парфюмерный магазинъ и т. п. Довольно обыкновенная иллюзія, при которой засыпающему кажется, что онъ падаетъ въ пропасть, приписывается непроизвольному вытягиванію ноги, нечувствительности мускуловъ и послѣдовательной потерѣ черезъ это чувства тяжести тѣла. Иногда же причина эта получаетъ обратное дѣйствіе, и видящему сонъ кажется, что онъ подымается на воздухъ. И въ первомъ случаѣ надающему внизъ кажется, что онъ погружается въ темноту,—во второмъ случаѣ, его поражаетъ свѣтъ луны или звѣздъ.

Большая часть сновъ зависитъ отъ внутреннихъ раздраженій. Поэтому, частыя сновидѣнія могутъ даже служить указаніемъ на извѣстныя неправильности въ кровообращеніи, дыханіи, пищевареніи. Но и извѣстное состояніе органовъ чувствъ приводитъ иногда къ сновидѣніямъ. Такъ, измѣненіе въ давленіи крови на сѣтчатую оболочку глаза возбуждаетъ причудливыя сновидѣнія со множествомъ блестящихъ предметовъ, красными птицами, цвѣтами и т. д. Органъ зрѣнія принимаетъ вообще въ такихъ случаяхъ столь большое участіе, что образы сновидѣній сохраняются иногда и по пробужденіи, возбуждаютъ чувство усталости. Начало зубной боли возбуждаетъ во снѣ представленіе, что зубы выдергиваютъ. Въ такихъ случаяхъ сны могутъ оказаться, дѣйствительно, вѣрными предзнаменованіями. Во снѣ возбуждаются иногда представленія о давнишнихъ внѣшнихъ впечатлѣніяхъ, или о такихъ, которыя прошли какъ бы незамѣченными для насъ во время бодрствованія.

Память Св. Первоучителей славянъ.

(Рис. на стр. 324, 325 и 329).

6-го Апрѣля празднуется великій славянскій праздникъ — память св. Кирилла и Меѳодія, подвизавшихся въ проповѣдываніи Св. Вѣры славянскимъ народамъ.

Великіе Первоучители Кириллъ и Меѳодій были дѣти Солунскаго вельможи Льва. Младшій изъ братьевъ Константинъ (въ иночествѣ Кириллъ) съ 842 г. воспитывался при дворѣ въ Кон-

стантинополѣ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ. Дарованія и образованіе открывали ему блестящее поприще, но юноша вступилъ въ духовное званіе, а потомъ скрылся въ пустыню. Меѳодій послѣ тщательнаго домашняго образованія былъ воиномъ и состоялъ нѣсколько лѣтъ правителемъ Славяно-греческой области. Въ 851 г., 24-хъ лѣтъ, Константинъ удалился съ братомъ отъ свѣта, проводя время въ постѣ и молитвахъ. Затѣмъ, такъ какъ послы хозаръ просили прислать имъ ученаго мужа, который бы могъ научить ихъ истинной вѣрѣ, императоръ послалъ ихъ къ хозарамъ, и они съ великимъ успѣхомъ исполнили свою великую миссію. Едва воротившись въ Царьградъ, они были вызваны къ западнымъ славянамъ. Славяно-паннонскіе князья Ростиславъ и Святополкъ, желая имѣть ученіе о вѣрѣ, богослуженіе на родномъ языкѣ, просили императора Михаила прислать имъ учителей. Избраны были Кириллъ и Меѳодій. Тогда сдѣланъ былъ ими знаменитый переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, положившій начало между славянскими племенами русской письменности. Въ Моравіи провели Св. Первоучители четыре года, проповѣдуя, обучая дѣтей, устрояя богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Св. Кириллъ скончался въ Римѣ, принявъ схиму, а Меѳодій возвратился къ славянамъ, и славянскія племена съ Хорватіи и Далмаціи до границъ Польши слушали славянскую службу. Чехія приняла Св. Крещеніе и память Св. Братьевъ тамъ до сихъ поръ священна. По смерти Меѳодія (6 апр. 885 г.), ученики его вышли въ Болгарію и тамъ сѣмена православія процвѣли и оттуда уже были переданы на Русь. Изобрѣтенная Св. Братьями славянская азбука до сихъ поръ употребляется нами подъ именемъ Кириллицы, отличаясь отъ латинскихъ и готическихъ письменъ.

Въ Моравіи, въ округѣ Знайма, по желѣзной дорогѣ за станціей *Угорское Градище*, на сѣверо-западъ, гдѣ шоссе идетъ въ гору, показываются сперва двѣ, потомъ три башни, высокая и длинная церковь, возлѣ которой среди прекраснаго парка виденъ обширный замокъ Велеградъ. Это бывшій монастырь цистеріанскаго ордена; имя это напоминаетъ одну изъ блестящихъ страницъ исторіи славянъ, время когда наши апостолы св. Кириллъ и Меѳодій съ востока принесли къ западнымъ славянамъ Христово ученіе на славянскомъ языкѣ.

Велеградъ—столица моравской династіи Моймировичей, столица Ростислава, Святополка, престолъ бывшей метрополіи моравской св. Меѳодія, скончавшагося тамъ 6-го апрѣля 885 г. Теперь этотъ Велеградъ не болѣе какъ незначительное селеніе съ упраздненнымъ монастыремъ и замкомъ. Велеградъ былъ столицею Моймира I, собирателя моравско-чешскихъ племенъ и основателя велико-моравскаго царства. Моймиръ соединилъ Нитру съ Моравою (830 г.) и оставилъ это царство своему племяннику Ростиславу (846—870). Ростиславъ построилъ около Велеграда грандіозныя укрѣпленія, о которыхъ франки говорили какъ о неприступныхъ. Ростиславъ просилъ императора греческаго Михаила послать ему славянскихъ вѣроучителей. Императоръ отправилъ св. Кирилла и Меѳодія (863 г.). Весь моравскій народъ принялъ вѣру Христову и Ростиславъ основалъ самостоятельное славянское царство. При его наслѣдникѣ Святополкѣ молодое царство было однако въ большой опасности, и только при содѣйствіи св. Кирилла и Меѳодія, Велеградъ былъ освобожденъ и къ моравамъ присоединились тогда славяне на Лабѣ. Вислѣ, чехи и др. Въ 874 г. Велеградъ былъ столицею не только политической, но и церковной жизни и имѣлъ чисто славянскій характеръ. Велеградъ тогда былъ центромъ апостольской дѣятельности св. Меѳодія. Изъ Велеграда св. Меѳодій распространялъ на славянскомъ языкѣ Христову вѣру среди чеховъ и лужичанъ. Изъ Велеграда же онъ управлялъ славянскими епархіями и скончался здѣсь въ 885 году 6-го апрѣля—послѣ его смерти велико-моравское царство распалось. Въ концѣ IX вѣка разорили и Велеградъ и изгнали славянское духовенство.

Въ народѣ сохранилось преданіе о церкви, въ которой былъ погребенъ св. Меѳодій, что она была на мѣстѣ нынѣшней церкви (изображенной на нашемъ рисункѣ), которая нынѣ центромъ торжества въ Велеградѣ. Въ 1198 г. братъ чешскаго короля Владиславъ, правитель Моравіи, на мѣстѣ прежняго Велеграда, въ узкой котловинѣ между невысокими горами, въ часовомъ отстояніи отъ стараго мѣста и Угорскаго Градища на сѣверо-западъ, положилъ основаніе монастырю, названному по имени прежней столицы Велеградомъ, и, надѣливъ его богатыми землями, передалъ его ордену Цистеріанцевъ, отличавшемуся тогда строгостью правилъ и пользовавшемуся особеннымъ уваженіемъ.

Такъ какъ до пятидесятыхъ годовъ нашего вѣка не было ни одного храма имени Кирилла и Меѳодія, то въ Чехіи открыта была на этотъ предметъ повсемѣстная подписка. Основаніе перваго храма св. Кирилла и Меѳодія было положено въ Прагѣ въ предмѣстьи Карлинѣ 10-го іюня 1854 г. Вполнѣ оконченный, онъ освященъ былъ въ 1863 году во время празднованія тысячелѣтія введенія христіанства у чеховъ. Фрески на главныхъ воротахъ этого храма изображены на нашихъ рисункахъ.

Во время всеобщей секуляризаціи монастырей въ Австріи, Велеградскій монастырь былъ закрытъ въ 1784 году и обращенъ въ простую приходскую церковь, а монастырь купилъ баронъ Сина, и передѣлалъ въ замокъ для жилья. Отъ него замокъ перешелъ къ барону де-Кастрисъ, родственнику бывшаго президента французской республики, маршала Макъ-Магона.

Но къ Велеградскому храму продолжали ходить богомольцы изъ Моравіи по три раза въ годъ въ большомъ количествѣ. День 9-го марта былъ посвященъ св. Кириллу и Меѳодію, затѣмъ день св. Троицы и 20-го августа. Съ 1863 года, когда праздновали тысячелѣтіе введенія христіанства среди западныхъ славянъ, Велеградъ сдѣлался опять мѣстомъ ежегодныхъ паломничествъ, гдѣ праздновали въ 1869 году въ честь исполнившагося тысячелѣтія со дня кончины св. Кирилла, и къ этому празднованію мало-по-малу присоединяются теперь уже и остальные славяне.

По прибытіи въ Велеградъ паломники прежде всего посѣщаютъ часовню, называемую тамъ „Цирилка". Не доходя еще до первыхъ домиковъ нынѣшняго Велеграда, вы видите эту красивую часовню близь шоссе, въ зелени старыхъ деревъ замковаго сада. Судя по стилю часовни, основаніе ея должно относиться къ XIV вѣку когда готическій стиль преобладалъ даже въ странахъ западныхъ славянъ. Но это лишь внѣшняя постройка, такъ сказать, обшивка древней часовни, по народному преданію основанной самимъ св. Кирилломъ, по имени коего она до сихъ поръ называется „Кирилкой". На томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь находится „Кириллка", была церковь во времена славянскихъ апостоловъ.

Въ 1754 г. почти всѣ привиллегіи Велеградскаго монастыря были отмѣнены, даже имѣнія отняты и наконецъ въ 1784 году и самый орденъ совсѣмъ уничтоженъ, а монастырь закрытъ вмѣстѣ съ часовнею и паломничество въ Велеградъ прямо запрещено.

Замѣчательно, что во время гуситскихъ войнъ табориты, не пощадивъ Велеградскаго монастыря, оставили нетронутою часовню и въ ней послѣ этого долгое время производилось богослуженіе. Въ 1828 году „Кириллка" и самый монастырь были сильно повреждены градобитіемъ, такъ что тогдашній приходскій настоятель предложилъ совсѣмъ разобрать часовню. Но однако уничтожить такой памятникъ древности не было разрѣшено. Баронъ Сина въ 1837 г. пріобрѣлъ все это имѣніе и въ часовнѣ сдѣлали складъ амуниціи въ 1850 году, когда австрійскія войска заняли Велеградъ, и затѣмъ складъ соломы и сѣна для конюшенъ барона Сины. Въ 1859 г. одинъ паломникъ горячо возсталъ печатно противъ такого обращенія съ святынею и настаивалъ на возстановленіи ея. Началась подписка въ Моравіи, Чехіи и Силезіи, но результаты подписки были скудны. Въ 1862 г. архіепископъ, кардиналъ, князь Фридрихъ Фюрстенбергъ пріобрѣлъ часовню отъ барона Сины и благодаря его щедрости и почину предпринята была ея реставрація и всѣ работы исполнены были на мѣстѣ моравскими рабочими.

Самое замѣчательное въ часовнѣ—это алтарь, который стоилъ болѣе 10000 рублей; онъ представляетъ кіотъ со створами весьма хорошей рѣзьбы. На лѣвой сторонѣ створовъ, на золотомъ фонѣ, весьма хорошая икона св. Кирилла и на правомъ св. Меѳодія. За алтаремъ начертана надпись—годъ (1863), когда писаны иконы. Внутренній видъ часовни изображенъ на нашемъ рисункѣ.

На лѣвой сторонѣ часовни находится икона весьма замѣчательная, имѣющая для насъ особое значеніе. Это икона отъ нашего славянскаго комитета, присланная изъ Петербурга въ 1869 г., какъ знакъ глубокаго почитанія памяти св. апостоловъ и Велеграда. Икона эта прислана была 27 марта 1869 г. и помѣщена была здѣсь вмѣстѣ съ драгоцѣнною лампадою, доставленною отъ московскаго славянскаго комитета. Адресъ, посланный С.-Петербургскимъ слав. комитетомъ слѣдующаго содержанія:

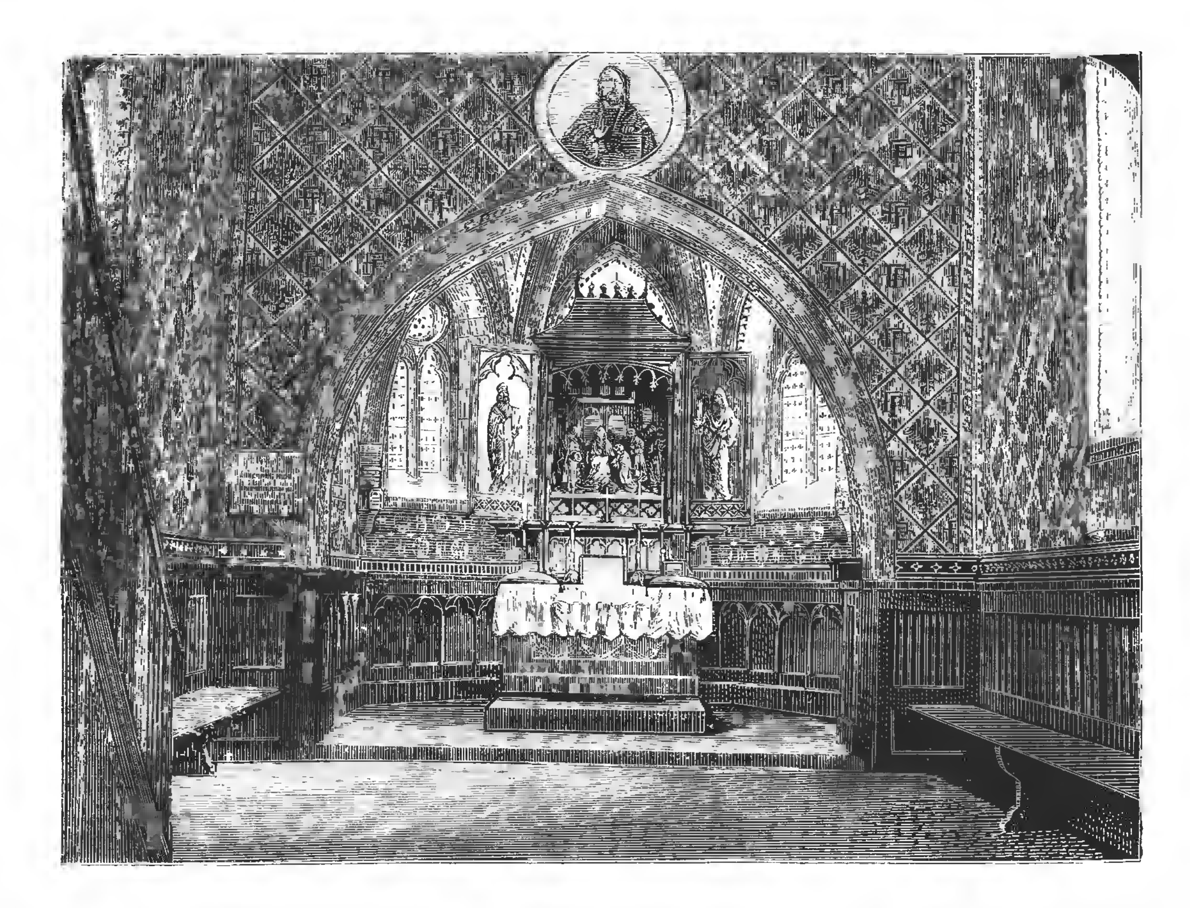
„Возлюбленнымъ братьямъ чехамъ и моравамъ о Христѣ радоватися!

„Вы всегда, возлюбленные братья, высоко чтили память нашихъ славянскихъ первоучителей, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Мы, русскіе, пользующіеся по преимуществу ихъ священнымъ наслѣдіемъ, дорожимъ этою памятью, какъ знаменіемъ всеславянскаго единства, которое нынѣ, въ смыслѣ духовнаго общенія, воочію всѣмъ является.

„Въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе со дня кончины преподобнаго Кирилла. Приносимъ Вамъ для Велеградской церкви икону Его и брата его Меѳодія, у Васъ подвизавшагося. Присоединяемую лампаду просимъ возжечь предъ ними. Да будетъ сей малый даръ свидѣтельствомъ нашей горячей къ Вамъ пріязни и усерднаго призыванія лучшихъ и славнѣйшихъ временъ для всего славянскаго міра."

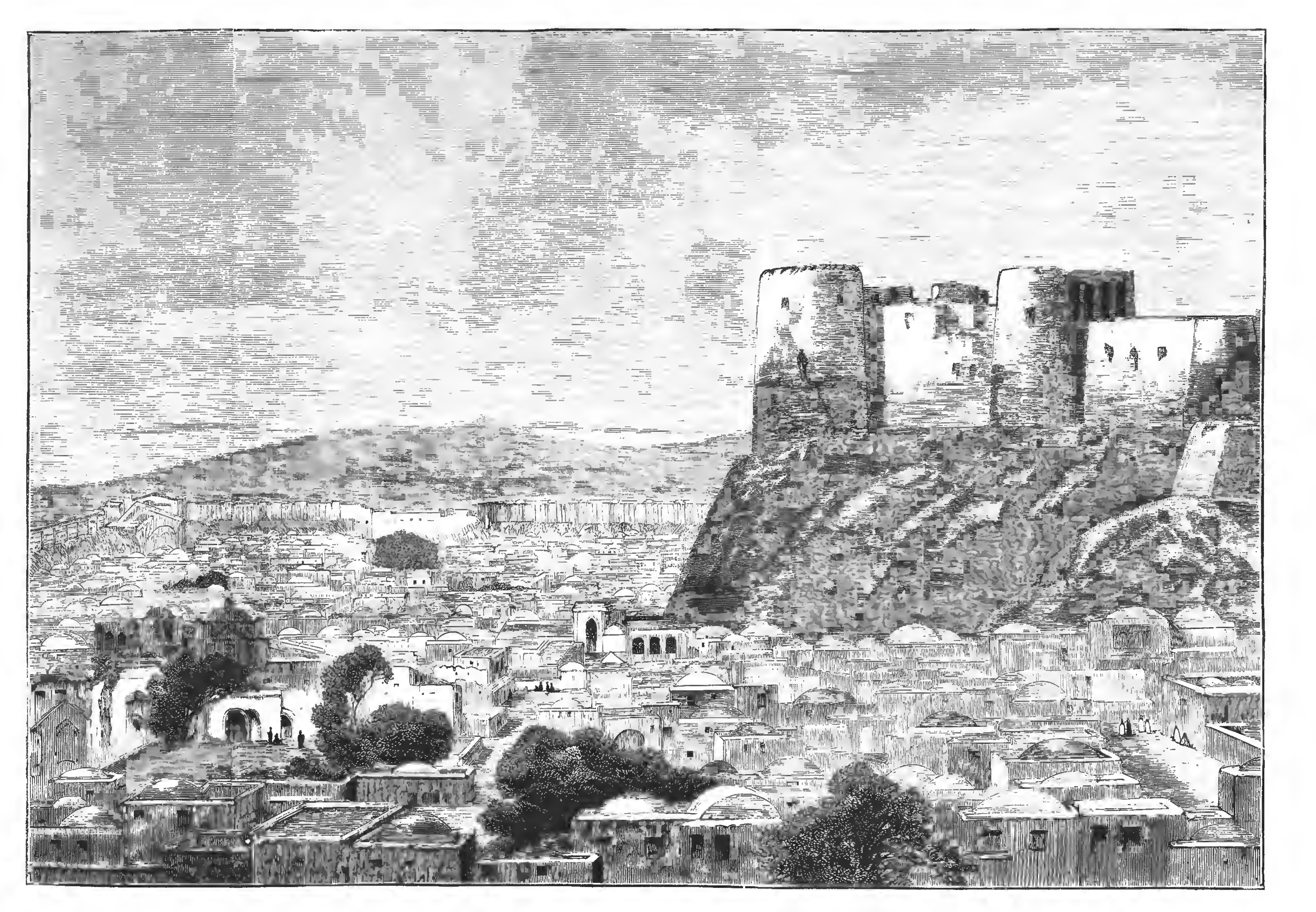
Лампада, полученная изъ Москвы, теперь теплится предъ гробницею св. апостола Кирилла.

Вотъ въ какомъ знаменательномъ согласіи всѣ соединяются въ Велеградѣ предъ гробомъ св. Меѳодія, въ благоговѣйномъ почитаніи св. славянскихъ Апостоловъ.



Память 1000-лѣтія славянскихъ Первоучителей. Внутренность часовни Св. Кирилла въ Велеградѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Память 1000-лѣтія славянскихъ Первоучителей. Велеградъ. Замокъ и храмъ въ Велеградѣ, По фотогр. грав. М. Рашевскій.



Общій видъ города Герата. По рис. Gr. грав. М. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Малороссы у хаты.

(Рис. на стр. 332).

На XIII передвижной выставкѣ особенно было замѣтно обиліе этюдовъ и картинъ извѣстнаго жанриста Вл. Е. Маковскаго. Это показывало какъ много трудится и работаетъ почтенный художникъ и какъ занятъ теперь самымъ многообразнымъ и разностороннимъ изученіемъ русской народной жизни. Всѣ этюды его отличаются чрезвычайною выразительностью и мѣткостью въ передачѣ типичныхъ чертъ. Къ такимъ этюдамъ несомнѣнно принадлежитъ и тотъ, копія съ котораго помѣщена въ настоящемъ №, этюдъ, названный „Малороссы у хаты“.

Февральское утро.

(Рис. на стр. 333).

Однимъ изъ лучшихъ украшеній той же XIII выставки была превосходная вещь нашего извѣстнаго пейзажиста А. И. Мещерскаго „Февральское утро“, удивительно вѣрно передающая эту крѣпкую свѣжесть легкаго мороза и эффектное освѣщеніе, особенно туманную даль среди деревьевъ и снѣгъ. Краски просто горятъ у нашего художника и его „Февральское утро“ только подтверждаетъ то лестное мнѣніе, которое уже прочно образовалось въ публикѣ о его талантѣ.

Городъ Гератъ.

(Рис. на стр. 337).

О Гератѣ, какъ о важномъ стратегическомъ пунктѣ, какъ о ключѣ, необходимомъ для завоеванія Индіи, теперь часто упоминается какъ въ нашихъ, такъ и въ иностранныхъ политическихъ газетахъ. Если какія нибудь необычайныя обстоятельства заставятъ Россію взяться за оружіе и вторгнуться въ Афганистанъ, то конечно ей придется прежде всего овладѣть Гератомъ, который на востокѣ всегда пользовался извѣстностью, какъ важный стратегическій пунктъ и важная крѣпость. Конечно, мнѣніе, существующее на востокѣ о неприступности Герата, довольно преувеличено. Нашъ русскій путешественникъ Гродековъ, посѣтившій Гератъ въ 1878 году, нашелъ, что онъ укрѣпленъ вообще плохо; стѣны его не имѣютъ вооруженія; никакихъ отдѣльныхъ укрѣпленій внѣ города не существуетъ и вообще нѣтъ ничего такого, что бы напоминало европейскую фортификацію. По мнѣнію Гродекова, Гератъ при настоящемъ положеніи обороны не въ состояніи защититься противъ европейскаго войска, такъ какъ въ 1½ верстахъ къ сѣверу отъ города есть господствующія высоты, съ которыхъ его можетъ разгромить артиллерія. Весь городъ окруженъ кирпичною стѣною въ четыре сажени вышины; впереди стѣны не глубокій ровъ. Въ срединѣ города возвышается цитадель, построенная на искусственной насыпи и окруженная глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою и въ которомъ растетъ камышъ. По размѣрамъ Гератъ очень большой городъ, не меньше Ташкента, и число его жителей простирается до 50 тысячъ. Физіономія города обычная для всѣхъ азіатскихъ городовъ: улицы кривыя, узкія, грязныя; сѣверная стѣна заключаетъ въ себѣ двое воротъ; съ другихъ сторонъ имѣются лишь одни ворота. Главная улица идетъ отъ сѣвера къ югу и прорѣзывается лишь площадью, устроенною передъ цитаделью. Вся городская жизнь сосредоточена на этой главной улицѣ, такъ какъ тутъ находятся и караванъ-сараи, и крытый базаръ, который былъ построенъ еще въ эпоху процвѣтанія Герата, въ царствованіе султана Гуссейнъ-Мирзы, стало быть болѣе 400 лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ полуразрушенъ, но тѣмъ не менѣе, по словамъ Вамбери, вполнѣ заслуживаетъ эпитетъ прекраснаго. Этотъ базаръ представляетъ для европейца чрезвычайно интересный образчикъ восточной жизни—ослѣпительное смѣшеніе индусовъ, персіанъ и жителей средней Азіи; толпа здѣсь волнуется въ полномъ значеніи слова и поражаетъ какъ разнообразіемъ племенъ, такъ и яркостью и оригинальностью костюмовъ. Многолюдность гератскаго базара легко объясняется тѣмъ, что Гератъ служитъ обязательной станціей для всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Персію съ востока и юга; кромѣ того, сюда же постоянно приходятъ караваны изъ Индіи, преимущественно съ шелковымъ товаромъ. Весь округъ Герата, по его плодородію и живописности, жители востока называютъ Дженнетсифотъ, т. е. подобный раю, и эта метафора не являлась бы слишкомъ смѣлой, еслибы на этой необозримой и прекрасной равнинѣ, среди многочисленныхъ каналовъ и деревень, окруженныхъ полями, садами и виноградниками, не виднѣлись повсюду груды развалинъ и мусора, печальные слѣды разрушенія, войнъ и междоусобій.

Памятникъ Вашингтону въ г. Вашингтонѣ.

(Рис. на стр. 340).

21-го февраля, въ главномъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ торжественно открытъ, строившійся почти 37 лѣтъ, колоссальный памятникъ Георгу Вашингтону, основателю сѣверо-американской независимости. Въ 1783 году, спустя семь лѣтъ послѣ провозглашенія независимости, конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ рѣшилъ воздвигнуть Вашингтону памятникъ въ томъ городѣ, который будетъ избранъ мѣстопребываніемъ правительства, но къ осуществленію этого плана было приступлено только въ 1833 году; тогда именно былъ избранъ комитетъ для изысканія необходимыхъ на постройку средствъ. Вначалѣ стали поступать со всѣхъ сторонъ пожертвованія, но денежный кризисъ, который испытала Америка въ 1837 г., оказался очень неблагопріятнымъ для новаго предпріятія, и только спустя десять лѣтъ, о немъ снова былъ возбужденъ вопросъ. 4-го іюля 1848 года былъ заложенъ фундаментъ памятника на площади между Бѣлымъ Домомъ и Потомакомъ, и дѣятельно приступлено къ работѣ. Памятникъ, некрасивая и грубая постройка—въ формѣ обелиска, считается высочайшей постройкой въ мірѣ, такъ какъ вышина его равняется 555 футамъ. Кельнскій соборъ имѣетъ 515 футовъ, Мюнстерская башня въ Страсбургѣ 453 и церковь св. Стефана въ Вѣнѣ 432½ фута. У основанія, обелискъ имѣетъ 55 квадр. футовъ; 15 футовой толщины стѣны утончаются постепенно кверху. до 30 дюймовъ толщины, оставляя въ срединѣ отверстіе въ 25 квадр. футовъ, гдѣ устроена желѣзная лѣстница и подъемная, паровая машина, доставляющая на площадку, откуда открывается видъ на 20 миль въ окружности. На памятникъ потребовалось 82000 тоннъ гранита (1 тонна—62 пудамъ); расходы по постройкѣ составляли 1.187,000 долларовъ (1 долларъ=2 руб.). Всѣ штаты прислали свои сорты камня, снабдивъ ихъ надписями; такъ Калифорнія прислала кусокъ золотого кварца, Мичиганъ—кусокъ мѣди, Огіо—желѣзную руду, Невада—серебряную и т. д. Даже многія индійскія племена озаботились доставкою камня для памятника „отцу отечества“.

6-го декабря памятникъ былъ оконченъ съ подобающею торжественностію, при чемъ послѣдній камень съ шпицемъ для флага, одновременно служащимъ и громоотводомъ, былъ поставленъ въ углубленіе на вершинѣ обелиска, при радостныхъ кликахъ народа и пушечныхъ выстрѣлахъ. На мраморномъ камнѣ, оканчивающемъ обелискъ и вѣсящемъ 80 пудовъ, поставлена пирамида изъ алюминія, по сторонамъ которой выбиты имена строителей и членовъ комитета, а также числа основанія и окончанія монумента. Собственно освященіе и передача памятника было отложено до 21 февраля, годовщины рожденія Вашингтона (22 февраля 1732 г.). Не смотря на вѣтряную погоду, къ торжеству открытія собралась многочисленная толпа народа: 6000 войска было выставлено подъ командой генерала Шеридана. Сенаторъ Шерманъ произнесъ торжественную рѣчь, затѣмъ говорилъ инженеръ Казей, строитель памятника, и въ заключеніе было прочитано письмо Коркорана, предсѣдателя комитета. Послѣ окончанія освященія, войска прошли къ Капитолію, гдѣ имъ былъ сдѣланъ смотръ; въ конгрессѣ было произнесено нѣсколько рѣчей, въ воспоминаніе заслугъ Вашингтона отечеству. Мало можно найти памятниковъ, столь поражающихъ отсутствіемъ всякаго вкуса, какъ этотъ памятникъ Вашингтону.

Древнія русскія монеты.

(Рис. на стр. 341).

Древнѣйшіе славяне, ведя мѣновую торговлю съ сосѣдями, цѣнили вещи не монетою, а шкурами звѣрей: *куницъ и бѣлокъ*. Поэтому первыми представителями народнаго богатства были куны, означавшія у русскихъ славянъ деньги. Неудобство носить съ собою цѣлыя шкурки для купли подало впослѣдствіи мысль замѣнить ихъ мордками и другими лоскутьями куньими и бѣличьими. Мордки ходили въ Новгородѣ до XV вѣка. За кожаными появились новыя монеты: *вѣкоши, ногаты и рѣзани*. По мнѣнію одного ученаго, Крута, рѣзани были серебряныя *рѣзанныя бляхи*, имѣвшія опредѣленный вѣсъ. Деньги эти оставались въ употребленіи долгое время. Были также въ обращеніи рубли и полтины—куски серебра, въ видѣ прута, длиною вершка въ полтора, а толщиною въ перстъ, имѣющія на себѣ клейма съ надписью и изображеніемъ нѣкоторыхъ знаковъ. Такіе куски рубились или распиливались пополамъ вдоль на двѣ равныя части; отъ этой рубки пополамъ произошло, впослѣдствіи, названіе *полтины*. На нѣкоторыхъ изъ брусковъ встрѣчаются клейма съ ликами святыхъ, коихъ голова окружена вѣнцомъ, а на другихъ изображеніе какихъ то птицъ и животныхъ. Другіе же вовсе безъ клейма. Затѣмъ идутъ монеты уже съ изображеніями и надписями: такъ, на монетѣ временъ Святополка изображенъ князь съ крестомъ, или скипетромъ въ правой рукѣ съ надписью: „Святополкъ на столѣ“. На другой сторонѣ: „а се его серебро“. Въ княженіе Олега появилась *гривна*, названіе которой нѣкоторые ученые производятъ отъ конской гривы, полагая, что гривна означала цѣну коня. Въ отношеніи вѣса, гривны были различны: такъ, гривны кіевскія были меньше новгородскихъ. Гривны употреблялись до 1316 года, а съ этого времени начали ходить рубли и полтины. Въ 1411 году

псковитяне уничтожили куны и установили ходячія монеты, серебряныя и мѣдныя. Псковскія серебряныя монеты величиною были съ нынѣшній гривенникъ и имѣли пять различныхъ клеймъ. Въ 1420 году и новгородцы начали чеканить монету. На нихъ изображался: великій князь, сидящій въ креслахъ, и человѣкъ, склоняющій передъ нимъ голову. На московскихъ монетахъ изображались: всадникъ съ мечемъ, а иногда съ копьемъ, поражающимъ змія. По покореніи Новгорода, чеканка монетъ, производившаяся по городамъ и удѣльными князьями, была запрещена Іоанномъ Васильевичемъ. На серебряныхъ монетахъ эпохи Іоанна Грознаго, круглыхъ, величиною съ пятачекъ, изображалось славянскою надписью: „Царь і великій князь Іванъ всея роусіи" и на овальныхъ „Князь великій Іванъ, всея руси". На оборотной сторонѣ—гербъ московскаго государства. Окончательное право чеканить монету одному правительству установлено было въ 1663 году, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Съ этого времени, на устроенномъ въ Москвѣ монетномъ дворѣ началась чеканка, для повсемѣстнаго употребленія, серебряныхъ рублей и полуполтинниковъ съ изображеніемъ на нихъ всероссійскаго герба.

Политическое обозрѣніе.

Франція.—Тонкинъ.—Англія и Египетъ.—Канада.—Австро-Венгрія.

Послѣднія неудачи французовъ въ Тонкинѣ и отступленіе ихъ по всей линіи передъ силами китайцевъ не прошли даромъ для министерства Жюля Ферри и неожиданно послужили причиной его паденія. Засѣданіе 21 марта палаты депутатовъ было чрезвычайно бурное. Бонапартистъ Жолибуа назвалъ сообщенное газетою „Paris" извѣстіе о мирѣ съ Китаемъ „скандальною биржевою уловкою" и потребовалъ, чтобы парламентская коммиссія немедленно внесла докладъ о преданіи министровъ суду. Но предложеніе это было отвергнуто большинствомъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, Жюлю Греви удалось отыскать уже себѣ новое министерство, не прибѣгая къ прискорбной необходимости замѣнить кабинетъ Ферри простымъ „дѣловымъ" министерствомъ. Новое министерство состоитъ изъ коалиціи всѣхъ республиканскихъ фракцій. Такъ главою кабинета является президентъ палаты депутатовъ Бриссонъ—вождь фракціи крайнихъ радикаловъ. Съ званіемъ президента совѣта министровъ онъ соединяетъ званіе министра юстиціи. Портфель министерства иностранныхъ дѣлъ предоставленъ снова де-Фрейсинэ, который съ другими членами новаго кабинета является представителемъ фракціи умѣренныхъ республиканцевъ. Гамбеттисты получаютъ три политическихъ портфеля. Кромѣ того, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ Аллэнъ Тарже, министромъ финансовъ—Кламожеронъ, а военнымъ—генералъ Камненонъ, пользующійся, какъ извѣстно, сочувствіемъ крайней лѣвой стороны. Группа республиканской лѣвой стороны имѣетъ своими представителями въ министерствѣ гг. Сади-Карно (министръ публичныхъ работъ) и Гобле (министръ народнаго просвѣщенія). По главному вопросу дня, вызвавшему паденіе министерства Ферри, составъ новаго кабинета имѣетъ весьма опредѣленный политическій смыслъ. Во главѣ его стоитъ представитель парламентской группы, никогда не одобрявшей тонкинской экспедиціи; министромъ иностранныхъ дѣлъ является политическій дѣятель крайне миролюбиваго характера. Новый же военный министръ, генералъ Камненонъ, какъ извѣстно, также не одобряетъ плана военныхъ дѣйствій въ Тонкинѣ, стремившагося распространить французское занятіе до самой китайской границы, не ограничиваясь одною дельтою Красной рѣки. Все это служитъ ручательствомъ, что новое министерство будетъ умѣреннѣе и осторожнѣе въ отношеніи къ тонкинскому вопросу и можетъ быть дастъ скорѣе давно ожидаемый миръ Франціи. Положеніе французской арміи въ Тонкинѣ довольно критическое. Въ депешѣ къ военному министру генералъ Бріеръ де-л'Иль не скрываетъ печальной неудачи. „Съ глубокимъ прискорбіемъ, пишетъ онъ, увѣдомляю васъ, что генералъ Негріэ, тяжело раненый, долженъ былъ очистить Лангъ-Сонъ. Китайцы, наступая въ большихъ массахъ, тремя колоннами, стремительно аттаковали наши позиціи впереди Ки-Луа. Полковникъ Эрбенже, въ виду столь громаднаго превосходства силъ непріятеля и разстрѣлявъ всѣ свои патроны, увѣдомляетъ меня, что вынужденъ отступить на Донгъ-Сонгъ и Танъ-Мой. Я сосредоточиваю всѣ имѣющіяся въ моемъ распоряженіи войска у Кепа и Чу. Численность непріятеля на Сонгъ-Кои продолжаетъ увеличиваться. Что бы ни случилось, я не теряю однако надежды отстоять всю Дельту. Прошу правительство какъ можно скорѣе прислать мнѣ подкрѣпленія".

На театрѣ военныхъ дѣйствій въ Египтѣ весь интересъ сосредоточенъ теперь на борьбѣ англичанъ съ силами Османа-Дигмы. По извѣстію изъ Суакима, планъ главнокомандующаго суакимскою экспедиціею состоялъ въ томъ, чтобы разбить сначала армію Османа-Дигмы и придвинуться потомъ къ Синкату, съ цѣлью провести тамъ жаркое время года. Въ мѣстечкѣ Аріабѣ, лежащемъ на полпути между Суакимомъ и Берберомъ, будутъ возведены укрѣпленія для охраны безопасности рельсоваго пути, долженствующаго пролегать вдоль линіи колодцевъ. Въ англійскомъ штабѣ надѣются, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ, постройка проектируемой желѣзной дороги окончится въ послѣднихъ числахъ августа. Суданцы держатся тактики, могущей причинить въ будущемъ тяжкія затрудненія англичанамъ. Даже и теперь, когда нападенія арабовъ на англійскіе отряды и конвоирующія транспорты колонны отражаются съ большимъ урономъ непріятеля, тѣмъ не менѣе англичане далеко не могутъ считать себя вполнѣ обезпеченными отъ всякихъ опасныхъ для нихъ случайностей, такъ какъ войска Османа-Дигмы могутъ во всякое время пресѣчь имъ тыльныя сообщенія съ Суакимомъ. Частныя извѣстія изъ Корти тоже крайне тревожны. Съѣстные припасы, доставленные по Нилу съ громадными затрудненіями, оказываются дурнаго качества и если туземное населеніе откажетъ англичанамъ въ продовольствіи, то въ лагерѣ генерала Вольселея легко можетъ сказаться голодъ. Ко всѣмъ этимъ невзгодамъ присоединяется невыносимая жара; кромѣ того болотный грунтъ, окружающій Корти, развиваетъ въ войскахъ лихорадки. Самъ Вольселей покинулъ Корти и перевелъ свою главную квартиру въ Донголу.

Изъ Канады сообщаютъ о возстаніи, вспыхнувшемъ тамъ среди такъ называемыхъ „метисовъ", происходящихъ отъ скрещенія европейской расы съ краснокожими. Метисы образуютъ отдѣльное въ Канадѣ племя, говорящее на французскомъ языкѣ. Волненія возникли по причинамъ схожимъ съ тѣми, изъ за которыхъ вспыхнуло въ Канадѣ возстаніе метисовъ въ 1870 году, а именно за неприкосновенность ихъ льготъ, которыми они считаютъ себя въ правѣ пользоваться въ силу давности ихъ поселеній. Изъ Оттавы даже сообщаютъ о сраженіи, происходившемъ между метисами и коннымъ отрядомъ, потерявшимъ до пятнадцати человѣкъ убитыми. Канадское правительство назначило коммисію для изслѣдованія жалобъ метисовъ и принятія мѣръ къ ихъ удовлетворенію.

Изъ Вѣны сообщаютъ, что ихъ высочества наслѣдный принцъ Рудольфъ и принцесса Стефанія вернулись въ Вѣну изъ своей поѣздки въ Аѳины и Цетинье. По газетнымъ свѣдѣніямъ, они встрѣтили повсемѣстно самый сердечный пріемъ и оставили по себѣ самое отрадное впечатлѣніе, такъ что сдѣланные ими визиты царствующимъ лицамъ послужатъ источникомъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній не только для государей, но и для управляемыхъ ими народовъ.

День рожденія Бисмарка.

1 апрѣля с. г. знаменитому государственному дѣятелю, канцлеру Германской имперіи, князю Бисмарку исполнилось 70 лѣтъ и день этотъ былъ истиннымъ народнымъ торжествомъ въ Германіи. Уже наканунѣ начались праздничныя шествія. Даже въ краткомъ описаніи поражаетъ грандіозность празднества. Послѣ полудня 5000 человѣкъ воиновъ и ландвера прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо дворца князя Бисмарка. Шествіе тянулось цѣлый часъ и въ то время какъ передніе ряды достигли дворца канцлера, конецъ былъ еще подъ Липами. У дворца ряды выстроились и начальникъ, въ сопровожденіи пикета знаменъ, отправился во дворъ, гдѣ предсѣдательствующій, Густавъ Миллеръ, произнесъ рѣчь. Между прочимъ, онъ отъ имени арміи благодарилъ князя за пятидесятилѣтнее служеніе его отечеству и королю и за оказанныя имъ услуги. Рѣчь была закончена пожеланіями многихъ лѣтъ князю. Бисмаркъ отвѣтилъ также краткой рѣчью, говоря, что онъ только совѣтчикъ, но что армія—это исполнители, и что безъ хорошихъ исполнителей совѣты его не имѣли бы никакого значенія. Пожеланіемъ многихъ лѣтъ императору Бисмаркъ окончилъ свою рѣчь. Раздалось затѣмъ многочисленное „Hoch" и обнаживъ головы всѣ запѣли „Die Wacht am Rhein". Шествіе двинулось къ Крейцбургскому памятнику, гдѣ Мюллеръ, послѣ короткой, но сильной рѣчи, пожелалъ еще разъ многихъ лѣтъ „лучшей охранѣ и защитѣ германскаго народа, всемилостивѣйшему Императору". Послѣ того участники шествія отправились въ большой залъ Тиволи, на торжественное пиршество.

Въ этотъ же день, въ $7^{1}/_{2}$ ч. вечера, начался громадный, величественный факельцугъ. Центръ этого шествія составляла тріумфальная колесница, устроенная берлинскими художниками и изображающая поклоненіе нѣмецкаго народа Германіи. Колесница въ формѣ фантастическаго корабля имѣетъ гигантскіе размѣры: длина ея 12 метровъ, вышина 4,80 и ширина 4 метра. Наружныя стѣны художественно украшены бронзою. На носу корабля находится громадный левъ; на противоположномъ концѣ устроенъ балдахинъ, надъ которымъ помѣщается парящій орелъ. Въ глубинѣ балдахина стоитъ вооруженная женская фигура, изображающая Германію. На ступеняхъ, ведущихъ къ возвышенному мѣсту, гдѣ поставлена Германія, помѣщаются

аллегорическія фигуры, олицетворяющія разныя племена и ремесла, находящіяся въ Германіи. Снасти корабля украшены гирляндами, вымпелами и флагами, а на палубѣ довольно мѣста для костюмированнаго хора музыкантовъ. Ровно въ 7½ часовъ кортежъ двинулся, предшествуемый 6 трубачами и барабанщиками въ одеждѣ герольдовъ. За ними слѣдовали два парадныхъ экипажа, далѣе 200 пѣвцовъ, эскортируемыхъ 40 факельщиками. Къ нимъ присоединились корпусъ музыкантовъ полка императора Александра и студенты университета. Затѣмъ слѣдовала вышеописанная колесница, за которой шла группа, изображающая Германію какъ силу колоніальную. Два верблюда со всадниками-африканцами составляли центръ, а повозка маркитанта временъ 30-тилѣтней войны—окончаніе этой группы. Затѣмъ слѣдовали гребцы и рулевые Берлина. Чрезвычайно эффектны были костюмы временъ 30-лѣтней войны полковыхъ музыкантовъ 1-й гвардейской полевой артиллеріи верхами, съ депутатами перваго избирательнаго округа рейхстага во главѣ, а также костюмы временъ Фридриха Великаго музыкантовъ кирасирскаго полка. Необыкновенно живописна была повозка, изображающая полную типографію; тутъ во время ѣзды писались, набирались и печатались листки газеты и раздавались публикѣ; далѣе слѣдовалъ декораціонный экипажъ пивоварни Тиволи. Потомъ шли цехи со своими эмблемами и наконецъ шествіе замыкали около 2.000 машиностроителей съ полковыми стрѣлковыми музыкантами и рабочими фабрики Шеринга съ ихъ сверкающими факелами изъ магнія и стронція. Въ общемъ въ шествіи участвовало болѣе 10.000 лицъ и 5000 факеловъ. Достигнувъ дворца, пѣвчіе выстроились подъ окнами знаменитой конференцъ-залы и запѣли гимнъ, сочиненный Рудольфомъ Готшалемъ. Канцлеръ появился въ окнѣ куря трубку, въ плащѣ и каскѣ; рядомъ съ нимъ стояла его супруга, а позади графъ Гербертъ Бисмаркъ и графъ Ранцау съ супругой. Графъ Гербертъ держалъ въ рукѣ высоко лампу, освѣщая лицо отца, дабы его могли видѣть, и когда рука его уставала, передавалъ лампу своему шурину; такъ они чередовались. Канцлеръ все время внимательно смотрѣлъ на шествіе, часто кланялся и снималъ каску. При появленіи группы Камеруна, когда дикіе участники начали своеобразный военный танецъ, семья Бисмарка искренно смѣялась и въ особенности канцлеръ, который даже аплодировалъ. Въ 9 часовъ шествіе окончилось. Отъ дворца всѣ направились въ улицу піонеровъ, гдѣ побросали факелы въ одинъ костеръ, который и былъ затушенъ пожарными.

Слѣдующій затѣмъ день 1-го апрѣля, начался поздравленіемъ канцлера ближайшими родными, которые пріѣхали всѣ къ этому торжеству. Затѣмъ прибыли министерства и всѣ члены совѣта. Рѣчи были произнесены министромъ внутреннихъ дѣлъ Путкамеромъ и барономъ фонъ-Люцъ. Въ отвѣтной рѣчи канцлеръ благодарилъ за совмѣстные труды и за содѣйствіе къ благосостоянію страны. Ровно въ 11 часовъ, во дворѣ показался экипажъ императора, который пріѣхалъ въ сопровожденіи великаго герцога баденскаго. Непосредственно затѣмъ, изъ дворца принца Фридриха-Карла, гдѣ всѣ были въ сборѣ, вышли кронпринцъ, принцы Вильгельмъ, Генрихъ, Фридрихъ-Карлъ, Леопольдъ и Георгъ и присоединились къ ожидавшему ихъ императору. Съ глубокимъ почтеніемъ князь Бисмаркъ поцѣловалъ руку у своего государя, а взволнованный императоръ заключилъ перваго слугу государства въ объятія и дважды поцѣловалъ его. Это произошло предъ картиною, изображавшею провозглашеніе короля Вильгельма императоромъ въ Версалѣ. Драгоцѣнная картина, подарокъ императорской семьи, была завѣшена тяжелою шелковою завѣсою, но завѣса упала, когда императоръ поздравлялъ князя. Затѣмъ императоръ дружески бесѣдовалъ съ семействомъ канцлера. Императрица уполномочила графиню Гаке, передать канцлеру ея поздравленіе. Послѣ того былъ переданъ князю національный подарокъ. Герцогъ Ратиборъ сказалъ Бисмарку, что онъ уполномоченъ выразить радость германскаго народа по поводу того, что онъ въ состояніи возвратить князю, возвратившему Германіи Эльзасъ и Лотарингію, его родовое имѣніе Шенгаузенъ. Замѣчателенъ отвѣтъ канцлера на поднесенный ему адресъ отъ берлинскаго университета. Между прочимъ онъ сказалъ, что ставитъ университеты очень высоко, такъ какъ они могутъ быть сравнены съ весталками, которыя неусыпно охраняли огонь національнаго ума; университеты—это воспитатели національнаго духа. Канцлеръ выразилъ теплую благодарность за оказанныя оваціи представителямъ 19 германскихъ университетовъ. Всю надежду въ будущемъ онъ возлагаетъ на академическое юношество, которое онъ здѣсь предостерегъ отъ вмѣшиванія въ распри партій. „Я охотно умру (такъ закончилъ князь), видя эту молодежь предо мною“. Послѣ того явились съ поздравленіемъ дѣйствующіе генералы, числомъ до 50-ти. Между тѣмъ во дворцѣ собралось отъ 500 до 600 лицъ. Всѣ комнаты представляли изъ себя оранжерею. Въ конференцъ-залѣ былъ устроенъ гигантскій буфетъ. Поднялись несмолкаемые радостные клики, когда Бисмаркъ предложилъ тостъ за императора; клики возобновились, когда генералъ Папе поднялъ бокалъ за канцлера.

Закончимъ замѣтку прекрасными словами „Моск. Вѣдом.“:

Открытіе памятника Георгу Вашингтону въ г. Вашингтонѣ 26 февраля. По фотогр. грав. Флюгель.

„Велика заслуга князя Бисмарка предъ своимъ монархомъ и отечествомъ. Но онъ немаловажную услугу оказалъ своимъ примѣромъ и другимъ современнымъ ему государственнымъ дѣятелямъ. Въ эпоху всеобщаго растлѣнія воли и шатанія умовъ, ослабленія власти и увлеченія доктринами, князь Бисмаркъ одинъ не увлекался бушевавшимъ вокругъ него водоворотомъ, и своею здравою, простою, откровенною политикои избавилъ ввѣренное ему императоромъ государство отъ роковыхъ ошибокъ. Народъ все уваженіе свое сосредоточилъ на величавой личности своего императора и на преданномъ ему канцлерѣ, никогда не искавшихъ фальшивой и ефемерной популярности.“

Смѣсь.

Поддѣлка драгоцѣнныхъ камней. Въ торговлѣ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями такъ часто встрѣчаются болѣе или менѣе искусныя поддѣлки, иногда доводящія покупателя до процесса съ продавцемъ, что нужно быть какъ можно осмотрительнѣе при ихъ покупкѣ. Чаще всего совершается обманъ „двойными или полукамнями“. Въ этомъ случаѣ, только верхній слой камня — настоящій; нижняя же часть камня просто стекло, искусно соединенное съ верхнимъ слоемъ. Верхъ, напримѣръ, слабый сапфиръ, низъ—только гранатъ. Если ловко пригнать оба слоя, то можно обмануть и опытнаго знатока, а не только случайнаго покупателя. Если низъ камня—простое стекло, то полировальной пилкой легко открыть обманъ; но сдѣлать это довольно трудно, когда камни вставлены въ оправу. Вообще, подложенные стекломъ камни не имѣютъ большаго блеска и яркаго цвѣта и только подцвѣчены искусственно. Въ поддѣльныхъ бриллiантахъ подкладывается полированное серебро, чтобы устранить желтую воду. Такъ называемые двойные камни продаются въ Коломбо и изъ Бирмингама привозятся въ Парижъ и выдаются за настоящіе. Части горнаго хрусталя нерѣдко сходятъ за бриліанты — это давно извѣстно. Жемчугъ поддѣльный гораздо легче настоящаго. У настоящаго отверстія вообще очень тонки и остры; у фальшиваго же они крупнѣе и тупѣе.

Нѣсколько словъ о перувіанкахъ. Лима, говорятъ, рай женщинъ. Жительницы Лимы—красавицы, предполагая, что черные глаза и волосы цвѣта воронова крыла принадлежность красоты. Эти счастливыя женщины никогда не работаютъ и не хозяйничаютъ, потому что считаютъ работу унижeніемъ; онѣ рано встаютъ, пьютъ чашку чаю или кофе и идутъ къ обѣднѣ. На утренній туалетъ онѣ тратятъ немного времени. Ихъ костюмъ для гулянья удобенъ и изященъ. Онѣ обыкновенно ходятъ въ короткомъ черномъ платьѣ; бѣлая юбка безукоризненной чистоты, обшитая вышитыми оборками, выглядываетъ изъ подъ рубца платья. Кружевная мантилья накидывается на голову, скрѣпляется живымъ цвѣткомъ и ниспадаетъ граціозными складками до самаго подола. На балахъ и въ оперѣ онѣ появляются одѣтыя по послѣдней модѣ и осыпанныя драгоцѣнными камнями, но всегда безъ перчатокъ. Вѣеръ, букеты цвѣтовъ и изящный портъ-сакъ съ конфектами составляютъ необходимую принадлежность каждой. Особенную роскошь онѣ проявляютъ въ обуви. Вообще, наряды играютъ у нихъ большую роль; онѣ проводятъ дни въ посѣщеніи магазиновъ и совѣщаніяхъ съ модисткой. По миловидности, перувіанки оставляютъ далеко за собой женщинъ сѣвера и востока. Но между ними мало развитыхъ и образованныхъ женщинъ. Окончивъ курсъ въ школѣ, отличающейся вообще небрежнымъ преподаваніемъ и краткой программой, перувіанка навсегда бросаетъ книжки и тетради и жадно кидается въ вихрь свѣтскихъ удовольствій. Безъ вечеровъ, театра, маскарадовъ и пикниковъ — жизнь для нея не жизнь. Онѣ страстныя любительницы музыки, хотя немногія обладаютъ музыкальнымъ талантомъ; но почти у всѣхъ великолѣпные голоса. У нихъ хорошія манеры, вкрачивое обращеніе и много природной веселости и живости. Перувіанки, какъ и большинство южныхъ красавицъ, быстро отцвѣтаютъ; уже въ 20 лѣтъ для нихъ наступаетъ осень; только граціозныя, гибкія движенія и большіе черные глаза, полные огня, переживаютъ ихъ недолговѣчную красоту и плѣняютъ даже у пожилыхъ женщинъ.

Древнія русскія монеты. Ориг. рис. В. Суслова, грав. Флюгель.
1) В. Кн. Кіевскаго 2) В. Кн. Вас. Костромскаго Яросл. 3) В. Кн. Рязанскаго Ив. Фед. 4) Дм. Ив. Донскаго. 5) Псковскія. 6) Вас. Темнаго. 7) Іоанна III. 8) Тверскаго князя Бориса Александровича. 9) Ивана IV Грознаго. 10) Бориса Годунова.

Новый оперный театръ въ Ниццѣ, построенный вмѣсто сгорѣвшаго четыре года тому назадъ, открылся 8-го февраля представленіемъ „Аиды“ въ присутствіи избранной публики. Новое, великолѣпное зданіе построено со всѣми новѣйшими приспособленіями относительно безопасности отъ огня; примѣнена система вентиляціи, еще неупотреблявшаяся во Франціи. Она имѣетъ повидимому большія преимущества и имѣется въ настоящее время только въ Вѣнѣ и Женевѣ. Отсутствіе итальянской оперы впродолженіи трехъ послѣднихъ сезоновъ составляло чувствительное лишеніе для Ниццы. Новый театръ вмѣщаетъ 1500 человѣкъ и обошелся въ 600,000 флориновъ.

Интересный электрическій опытъ, доступный всякому безъ особаго прибора. Листъ бумаги, нагрѣтый надъ лампой, даетъ отъ прикосновенія въ темнотѣ электрическую искру. Если по листовому золоту, положенному между двумя листами бумаги и также согрѣтому, провести въ темной комнатѣ концомъ карандаша, тогда получается блестящая полоса электрическаго свѣта.

Драгоцѣнная находка. Изъ Рима пишутъ, что какъ мѣстное общество, такъ и туристы, любители древностей, сильно возбуждены находкой при постановкѣ фундамента для нов.го драматическаго театра. Два работника ударились заступами о твердый металлическій предметъ,—это навело ихъ на мысль о находкѣ, и они продолжали работать осторожнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ публикѣ, привлеченной радостнымъ возгласомъ счастливыхъ находчиковъ, представилась большая бронзовая превосходная статуя мужчины: одна рука и ноги были отколоты, но тутъ-же найдены неповрежденными, такъ что образцовое произведеніе цѣло. Это замѣчательное художественное произведеніе и за него предлагаютъ уже сотни тысячъ лиръ. Статуя представляетъ, повидимому, Геркулеса, и далеко превосходитъ изяществомъ и прекраснымъ выполненіемъ все до нынѣ извѣстное въ этомъ родѣ; она вышиною въ 23 метра, лѣвая рука поднята кверху, правая вытянута вдоль бедра, лѣвая нога нѣсколько согнута назадъ. Судя по положенію, правая рука опиралась на какой нибудь предметъ, вѣроятно, на палицу, которая еще не найдена. Предполагаютъ, что статуя эта служила украшеніемъ большой лѣстницы храма Авреліана, посвященнаго богу солнца и стоявшаго на вершинѣ Квиринальскаго холма, противъ Марсова поля.

Замѣчательныя сумеречныя явленія въ центральной Америкѣ. Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, при благопріятномъ состояніи атмосферы, происходитъ опять явленія, уже замѣченныя въ прошломъ году при восходѣ и закатѣ солнца. Ихъ приписываютъ вулканической пыли изверженія вулкана Кракатоа. Заря продолжается минутъ двадцать и освѣщаетъ иногда все небо, простираясь постепенно отъ точки восхода или заката солнца до противоположной ей точки. Втораго и третьяго числа текущаго мѣсяца (декабря 1884 г.) въ особенности, полнолуніе представляло удивительное зрѣлище: когда солнце скрылось за горизонтъ, на востокѣ образовался великолѣпный темно-красный полукругъ (около 25% въ поперечникѣ), центръ котораго повидимому составляла луна, также скрытая еще за горизонтомъ. Этотъ полукругъ подымался вмѣстѣ съ луною, наконецъ появилась и нижняя часть круга нѣсколько сплющенная. Луна явилась такимъ образомъ окруженная яйцевидной фигурой, широкій конецъ которой касался горизонта. Это замѣчательное явленіе продолжалось около двухъ часовъ и исчезло въ 9 часовъ вечера. Сплющенность круга объясняется атмосферическимъ преломленіемъ лучей. Зодіакальный свѣтъ горѣлъ эти дни особенно красиво и ясно.

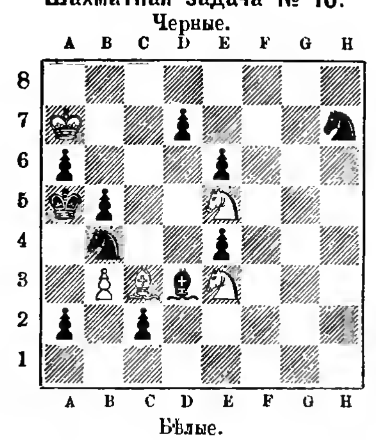
Домашніе рецепты. Лимонный сокъ хорошее средство противъ шероховатости рукъ. Теплымъ молокомъ и водой можно чистить клеенку безъ мыла. Запахъ краски уничтожается, если въ новое ведро бросить горсть мокраго сѣна. Скипидаръ выводитъ чернильныя пятна на шерстяныхъ, бумажныхъ и шелковыхъ тканяхъ. Не слѣдуетъ солить огурцовъ въ горшкѣ, въ которомъ было топленое сало. Смѣсь воска съ солью дѣлаетъ гладкими старые утюги. Гораздо легче чистить рыбу, если подержать ее предварительно въ горячей водѣ. Жесткое мясо скорѣе разварится и станетъ мягче, если въ воду прибавить немного уксуса. Чтобъ скорѣе сбить бѣлки, надо прибавить щепотку соли; чѣмъ яйца холоднѣе, тѣмъ они скорѣе сбиваются. Если несвѣжее мясо хорошо вымыть въ водѣ и затѣмъ въ молокѣ, смѣшать съ небольшимъ количествомъ мелкаго сахара и посыпать солью, оно теряетъ дурной вкусъ и дѣлается годнымъ къ употребленію.

Окладъ жалованья тенорамъ и примадоннамъ очень великъ у насъ, также великъ онъ и для парижскихъ оперныхъ пѣвцовъ. Приводимъ нѣсколько интересныхъ цифръ: преемникъ Фора, баритонъ Лассаль, получаетъ 128 000 фр. въ годъ, примадонна г-жа Краусъ — 127.500 фр., контральто г-жа Исаакъ — 80,000 фр., басъ Дерезигъ — 60,000 фр., и теноръ Селлье — 66.000 фр. Нынѣшній директоръ, Гальяръ, будучи на сценѣ, получалъ 6,000 фр. въ мѣсяцъ. Форъ получалъ 15.000 фр. въ мѣсяцъ. Ежедневные расходы парижской оперы доходятъ до 20,000 фр. и могутъ покрыться лишь при государственной субсидіи и то только 16,000-мъ сборомъ.

РЕБУСЪ. Задача № 15.

Шахматная задача № 16.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

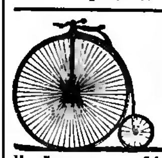
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

Въ книжно-музыкальный магазинъ
В. ЭРИКСОНЪ и К°,
С.-Петербургъ, Вознесенск. пр., 22,
поступили въ продажу:

ПЕТРОВЪ, Ангра-Пенена-Польна. 60 коп.
Эйтнеръ, Fleura du nord. Вальсъ. 1 руб.
Зельтенъ, Незабудка. Полька. 60 коп.
Шредеръ, Что вамъ нравится? Кадриль. 75 коп.
Шенкерль, Ида-Полька. 60 к. № 1003



Велосипеды Англійскіе 2-хъ и 3-хъ колесные, завода **Hickling & C°** и принадлежности по дешевымъ цѣнамъ. Представитель г. Жемличка, въ Москвѣ, Цвѣтной б., д. **Брюсова**. Прейсъ-курантъ 14 к. марками. П. № 1017

4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—6

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
Ф. А. КЛИМА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной),
предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ
выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по
СОРОКЪ КОП.
страховая квитанція высылается по почтѣ на счетъ конторы, безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ
I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе
ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.
Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.
Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ край. Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 3857 6—6

А. ШТЕЙНЪ
С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

ИЩУТЪ
въ провинціи благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи, съ разсрочкою платежей, 5-проц. съ выигрышами билетовъ, на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ с.-петербургскую центральн. контору объявленій, **Невскій пр., № 8**, подъ лит. В. Р. № 3328

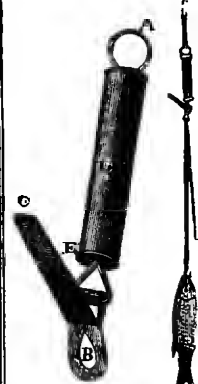
Съ разрѣшенія Медицинскаго Начальства.
ПЕРСИДСКІЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ,
цѣна **60** к. и **1** р.,
СИБИРСКІЯ ЗУБНЫЯ КАПЛИ,
цѣна **75** к.,
МАГИСТРА ФАРМАЦІИ Л. ГИРШГОРНА,
продаются во всѣхъ аптек. магазинахъ Москвы; въ Петербургѣ, въ Невскомъ аптек. магазинѣ, а также во всѣхъ аптекахъ Россіи. Главный складъ въ Москвѣ: у провизора О. М. Шапиро, въ аптек. магазинѣ Брунса. Въ С.-Петербургѣ и Харьковѣ: въ Русск. Общ. Торговли аптек. товарами. П. № 1001 1—1

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.
Давно извѣстныя теплыя алкалическія соляныя воды отъ 44—69° Ц.
Источникъ съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія.
Новая Великокняжеская купальня „ФРИДРИХСБАДЪ"
открыта круглый годъ.

Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершенствомъ и изяществомъ. Минеральныя и медицинскія ванны всякаго рода. Заведеніе для врачебной механической гимнастики. Частныя лечебницы съ теплыми ваннами. Галлерея для минеральныхъ водъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ, пневматическое заведеніе съ 2 камерами для 4 лицъ. Леченіе молокомъ и сывороткою. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія черезъ Правленіе водъ.

Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана и собраній открытъ круглый годъ.—Превосходный оркестръ.—Многочисленныя удовольствія всякаго рода.—Охота и рыбная ловля.—Большія скачки.—Высшія учебныя и воспитательныя заведенія.—Пансіонъ для дѣвицъ.—Очаровательныя прогулки и поѣздки.—Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя температура: 7, 4° R. R. № 1016 3—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ.



одобренный всѣми любителями рыбной ловли, съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы, замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну и устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣваетъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Цѣна 60 к.; на пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ **у П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ. № 18, въ С.-Петербургѣ.

Большой выборъ англійскихъ принадлежностей для рыбной ловли, которымъ магазинъ издалъ иллюстрированный прейсъ-курантъ въ краскахъ и въ натуральную величину и съ точно обозначенною мѣрою, съ цѣнами при каждомъ рисункѣ, изъ которыхъ 48 сортовъ разныхъ рыбокъ, 66 сортовъ ложекъ (блесны), 48 сортовъ мушекъ, 13 сортовъ искусственной приманки: червяковъ, жуковъ, мухъ, стрекозъ, кораюкъ, и друг., 45 сортовъ поплавковъ, 16 сортовъ готовыхъ удочекъ, крючки лимерикъ, кирби, все №№, также на жилкѣ, на струнѣ, на проволокѣ (жерлицы). Крючки двойные, тройные, четверные, крючки морскіе крючки механическіе раздвижные, карабины (чтобы не крутилась леса) разныхъ системъ удилища, леса пеньковая, крученая и плетеная шелковая, крученая и плетеная волосяная, волосяная съ шелкомъ, шелковая плетеная, смоленая, всѣхъ толщинъ и цвѣтовъ, разной мѣры. Наконечники (жилки изъ шелковичнаго червя) разной толщины и длины, съ карабинами и безъ оныхъ, струна съ карабинами, грузило, червячницы, корзинки для рыбы, щипцы для грибн. для травы, кошки для отцѣпки лесъ, машинки для наматыванія лесы, мѣдныя и деревянныя, остроги, гарпуны, иголки для выниманія крючковъ и нанизыванія рыбы, бумажники для мушекъ, сачки, садки, мѣшки для рыбы, раковыя сѣтки и много другихъ предметовъ. Прейсъ-курантъ будетъ ежегодно пополняться всѣми англійскими новостями по уженію рыбы. цѣна 30 коп. Г. г. иногороднымъ высылается за 5 семикопѣечныхъ марокъ.

Единственный складъ: магазинъ **П. Ф. Каратаева**, Невскій проспектъ, Милютинъ рядъ, № 18, С.-Петербургъ. № 1009 1—1

№ 1011 **Полотно и столовое бѣлье** 1—1
ЧИСТАГО ЛЬНА.
Честь имѣю покорнѣйше просить многоуважаемую публику обратить вниманіе на мои склады русскаго полотна. Получаю всѣ товары отъ лучшихъ фабрикантовъ, а потому и имѣю возможность продавать по крайне умѣреннымъ цѣнамъ. Канифасъ кус 13 к. **Торговля А. Введенскаго:** 1-я близь Невскаго монастыря, д. № 145, 2-я вновь открыта на Малой Морской, д. № 21-П.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.
Большая русская фирма ищетъ дѣльныхъ лицъ, которыя за хорошее вознагражденіе приняли бы на себя объѣздъ провинціальныхъ городовъ для распространенія ея дѣлъ.

Требуется, чтобы лица эти занимались исключительно дѣлами фирмы и необходимо представленіе ими хорошихъ аттестатовъ, или указаніе на солидныя рекомендаціи.

На предлагаемыя должности могутъ быть опредѣлены и служащіе въ гражданскомъ или военномъ вѣдомствѣ.

Желающіе благоволятъ обращаться письменно съ подробнымъ указаніемъ прежней ихъ дѣятельности съ заявленіями о своихъ аттестатахъ или рекомендаціяхъ въ Москву въ Контору Объявленій Н. Печковской (Петровскія Линіи) под. лит. М. П. О. П. № 4006 3—2

ВНОВЬ ИЗОБРѢТЕННАЯ
УНИВЕРСАЛЬН: ШВЕЙНАЯ МАШИНА

ПРОДАЖА съ РУЧАТЕЛЬСТВ.
ОБУЧЕНІЕ БЕЗПЛАТНО!
ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ
ГЕРМАНЪ ГЕССЕ С.ПБ.
БОЛЬШ. САДОВАЯ № 16. УГОЛЪ
ТОЛМАЗОВЪ ПЕР. ПРОТ. ГОСТИН. ДВОРА

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горлами груди, начиная **съ простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3840 10 7
Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ С.-Петербургѣ.

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.
Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, Б. Морск. 17.

ВЕНГРІЯ БУДАПЕШТЪ
ВЕНГЕРСКАЯ МѢСТНАЯ ВЫСТАВКА
под**ъ Высокимъ Покровительствомъ Его Импер. и Король. Высоч. Наслѣднаго Принца Эрцгерцога Рудольфа.**

Открытіе 1-го Мая 1885 года. Конецъ въ концѣ Октября 1885 г.

Выставляются: **Сельское хозяйство, Лѣсоводство, Горное производство, Промышленность, Гигіена, Народное просвѣщеніе, искусства.** Вмѣстѣ съ **тѣмъ выставки машинъ, сѣмянъ и животныхъ.**

ПРАЗДНЕСТВА **КАТАЛОГИ** на венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а также **спеціальные каталоги для искусства, машинъ горнаго производства** и проч. Пріемъ объявленій.

РУДОЛЬФЪ МОССЕ, БЕРЛИНЪ—ВѢНА.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ УКАЗАНІЯ КВАРТИРЪ ВО ВСѢХЪ ВОКЗАЛАХЪ. В. № 8830 3—2

Вышло изъ печати и поступило въ продажу **НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ:**

ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ.

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковн. и Домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

П. П. ГНѢДИЧА.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой красивый томъ, in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта. въ 2 столбца. съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ текстѣ.

ЦѢНА: брошюр. 6 р., съ пер. 7 р.; въ роскошн. коленкор. переплетѣ, тисненнымъ золот. и 3-мя красками, 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Появленіе предлагаемой книги было встрѣчено весьма сочувственными и лестными отзывами столичной и провинціальной прессы. Очень обстоятельные разборы были напечатаны слѣдующими періодич. изданіями: **„Правительств. Вѣстникъ“ (№ 57). „СПБ—скія Вѣдомости“ (№ 68), „Художественный журналъ“** (за февраль мѣсяцъ). **„Биржевыя Вѣдомости“ (№ 45). „Петербургскій Листокъ“ (№ 69), „St.-Petersburger Herold“ (№ 69), Moskauer Deutsche Zeitung (№ 63), „Петербургская Газета“ (№ 71). „Гражданинъ“ (№ 22). „Донская Пчела“ (№ 17). „Русскія Вѣдомости“ (№ 80), „Кавказъ“ (№ 78). „С.-Петербургскія Вѣдомости“**, между прочимъ. говорятъ объ этомъ изданіи слѣдующее:

„Книга эта вполнѣ удовлетворяетъ какъ въ литературномъ, такъ и въ художественномъ отношеніи. Живо и занимательно изложенный текстъ и сотни прекрасно исполненныхъ гравюръ, даютъ читателю ясное понятіе о ходѣ и характерѣ художественнаго творчества.... Исполненіе рисунковъ удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ, и вообще изданіе г. Маркса отличается вкусомъ и роскошью“.

Дозволено цензурою. СПБ. 8 апрѣля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 Апрѣля 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Ф. Дефрегеръ.

Между жанристами-художниками настоящаго времени рѣдко кто достигъ такъ скоро извѣстности, какъ Францъ Дефрегеръ, портретъ котораго помѣщенъ въ этомъ нумерѣ. Мастерскія картины его, изображающія жизнь тирольцевъ, извѣстны всему образованному міру. Францъ Дефрегеръ родился 30 апрѣля 1835 г. въ Тиролѣ, на фермѣ принадлежащей къ приходу Дэльзахъ; первые годы жизни провелъ среди величественной горной природы. Досматривая козъ своего отца, Дефрегеръ самоучкой началъ рисовать и вырѣзывать, ни мало не предчувствуя, что эти любимыя его развлеченія станутъ призваніемъ его жизни. Пятнадцатилѣтнимъ юношей онъ работалъ еще со свертниками въ лѣсу, на полѣ и въ овинахъ и когда отецъ его умеръ въ 1858 г., онъ, какъ настоящій крестьянинъ, принялся хозяйничать. Но вдругъ ему захотѣлось повидать свѣтъ; онъ предположилъ поѣхать въ Америку, и размышляя о будущей судьбѣ своей, ему пришло въ голову сдѣлаться художникомъ. Онъ продалъ домъ, выплатилъ часть сестрамъ и въ 1860 г. ушелъ въ Инсбрукъ, гдѣ и поступилъ въ мастерскую скульптора Штольца. Но скульптура не далась ему и Штольцъ посовѣтовалъ обратиться къ живописи и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Мюнхенъ къ Пилоти. Пилоти призналъ въ немъ значительный талантъ и Дефрегеръ поступилъ прежде въ художественно-промышленную школу, а потомъ въ академію. Для усовершенствованія онъ въ 1863 г. уѣхалъ въ Парижъ, оставался тамъ до 1865

Францъ Дефрегеръ. По фотогр. грав. К. Кохъ.

года, вернулся на родину и два года рисовалъ картины и портреты, не будучи ими доволенъ. Только въ 1867 году, послѣ поступленія ученикомъ къ Пилоти, талантъ его началъ замѣтно развиваться. Уже первая его картина „Раненый охотникъ“ обратила на себя вниманіе художниковъ и общества, а вторая картина, написанная имъ въ 1869 году „Военный совѣтъ въ главной квартирѣ“, доказала, что онъ пересталъ уже быть ученикомъ. Затѣмъ онъ нарисовалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ жанровыхъ картинъ, поражающихъ правдивостью, типичностью и свѣжестью. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ: „Балъ на Альмѣ“, „Два брата“, „Пѣвцы-нищіе“, „Ощипанный гусь“, „Возвращеніе побѣдителя“, „Выѣздъ на охоту“, „Обѣденная молитва“ и др. Послѣднія его произведенія: „Пріѣздъ на танцы“, „Кузнецъ Кохеля“, „Салонный тиролецъ“, „Въ отпуску“, недавно помѣщенное у насъ въ „Нивѣ“, и „Итальянскій странствующій пѣвецъ“ еще болѣе способствовали къ громкой извѣстности художника. Особенно обращала на себя вниманіе послѣдняя картина, въ которой былъ изображенъ итальянскій музыкантъ въ сопровожденіи мальчика и дѣвочки. Итальянцы поютъ и играютъ, а ихъ восторженно слушаетъ тирольское семейство въ полномъ составѣ своихъ чадъ и домочадцевъ. Кромѣ сценъ, взятыхъ изъ обыденной жизни его земляковъ-тирольцевъ, Дефрегеръ написалъ еще много талантливыхъ картинъ, изображающихъ ихъ историческое прошлое, ихъ подвиги и борьбу за независимость. Одна изъ этихъ картинъ „Тирольскій ландштурмъ, возвращающійся изъ похода 1809 г.“, красуется теперь въ національномъ берлинскомъ музеѣ. Въ религіозной живописи Дефрегеръ испробовалъ свои силы лишь разъ въ жизни, написавъ въ 1873 г. „Божію Матерь“, по обѣту, послѣ своего выздоровленія отъ тяжкой болѣзни. Эта картина подарена имъ мѣсту своего рожденія Дэльзаху, гдѣ и находится понынѣ въ мѣстной церкви.

Дефрегеръ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ нѣмецкихъ художниковъ. Вѣрный природѣ, владѣющій замѣчательнымъ колоритомъ, онъ изображаетъ народный бытъ въ высшей степени характерно во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, начиная съ лицъ и кончая самыми обыденными атрибутами домашней жизни. Тирольскій бытъ даетъ широкій просторъ его талантливой кисти въ изображеніи сценъ въ высшей степени поэтическихъ, живыхъ и веселыхъ, въ которыхъ свѣжіе и энергическіе типы горцевъ схвачены съ необычайнымъ мастерствомъ. Даже лошади и собаки Дефрегера никогда не являются въ его сценахъ народной жизни лишнимъ атрибутомъ; онѣ въ нихъ всегда играютъ извѣстную роль и принимаютъ самое живое участіе въ эпизодахъ, изображенныхъ художникомъ.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

IX.

Объясненіе.

Раевская всю ночь продержала компрессъ на шеѣ, потомъ заѣхала къ доктору—тотъ какимъ то порошкомъ продулъ ей горло. Тѣмъ не менѣе она чувствовала, что будетъ пѣть дурно. Голоса не было—это вовсе не улучшало расположенія ея духа. Отказаться отъ спектакля нельзя было. Послѣ скандала—это ея первое появленіе на сценѣ. Она должна пѣть во что бы то ни стало. Дать возможность лишній разъ торжествовать врагамъ, трусить передъ ними—ей не позволило бы достоинство женщины и гордость артистки. „Я покажу вамъ!“ думала она, запершись въ своей комнатѣ. „Да наконецъ нужно разъ на всегда разъяснить свои отношенія съ Барсовымъ. Если онъ страдаетъ, если онъ явится къ ней разбитымъ, искренно сознающимъ свою вину—она ему проститъ все... Въ самомъ дѣлѣ въ жизни нѣтъ героевъ. Нельзя же такъ разомъ бросить кого любишь, только потому, что онъ въ одномъ случаѣ не оказался „на высотѣ положенія“. Напротивъ здѣсь-то и начинается ея задача. Она видитъ теперь его недостатки—на ея обязанности измѣнить его къ лучшему. Любовь и кротость—великое оружіе. Ими былъ побѣжденъ міръ. Неужели же она безсильна? А все таки жаль, что около нѣтъ Капинцева. Именно теперь, передъ этимъ спектаклемъ. Поѣхать туда, увидѣть его, съ его ободряющей улыбкой и спокойнымъ мужествомъ въ глазахъ, сидящаго въ первомъ ряду... Только артистка можетъ понять насколько легче играть и пѣть когда видишь передъ собою кого нибудь дорогаго и близкаго. Когда знаешь, что на его чувство не повліяютъ ни восторги, ни равнодушіе, ни пренебреженіе толпы...

Передъ самымъ отъѣздомъ въ театръ Раевской подали письмо. „Отъ кого бы это—рука незнакомая“. Она распечатала, изъ конверта вывалился клочекъ газеты. Какая то замѣтка была отмѣчена краснымъ карандашемъ. Нина Борисовна стала читать ее: „Дивныя дѣла творятся въ нашемъ театрѣ—писали въ мѣстной газеткѣ—какая нибудь неразборчивая на средства интригантка, имѣвшая кое-какой успѣхъ въ „Аидѣ“ и провалившая Маргариту, отбиваетъ не только любовниковъ у своихъ подругъ, но и роли у болѣе талантливыхъ исполнительницъ. Мы хотѣли быть справедливыми къ ней и поддержали ее послѣ дебюта. Къ начинающей всегда относишься снисходительнѣе, но очевидно г-жа Р. изъ молодыхъ да ранняя. Она любезность приняла за чистую монету и совсѣмъ спустя рукава начала появляться передъ зрителями. Разумѣется мы долготерпѣливы, но и мы выходимъ изъ себя наконецъ, когда всякая раздутая бездарность съ голоскомъ въ мизинецъ и претензіями, простительными только крупному таланту, эксплоатируетъ до такой степени нашею деликатностью. Въ самомъ дѣлѣ, только тотъ, у кого уши изъ сапожнаго товара, можетъ не понять что такое эти доморощенныя Патти!.. Онѣ впрочемъ въ самой средѣ своихъ товарищей встрѣчаютъ справедливое осужденіе. Такъ недавно одну такую выгнали изъ за стола за ужиномъ у нашего мецената г. М... Кстати будетъ спросить у заправилъ нашего театра, почему партію Маргариты опять поетъ такъ позорно провалившая ее г-жа Раевская, между тѣмъ какъ талантливая и изящная артистка, наша милая Елена Алексѣевна Бабкина остается внѣ репертуара. Рекомендуемъ передать именно ей эту партію какъ и многія другія, которыя разумѣется только выиграютъ въ ея исполненіи...“

Этотъ новый сюрпризъ былъ совершенно неожиданнымъ... Подлость, разумѣется, но больно ударившая по сердцу!

Нина Борисовна безсильно опустилась на диванъ и оставалась такъ, оцѣпенѣвшая отъ оскорбленія, нанесеннаго пасквилянтомъ.

— Карета ждетъ... Кучеръ говоритъ что давно пора—опоздаете! замѣтила горничная.

Раевская съ усиліемъ очнулась и привстала...

„Что же, нужно ко всему быть готовой... Еще и не то будетъ. Такая карьера! говорила она самой себѣ. Разумѣется это Повиликинъ,—еще наканунѣ сравнивалъ ее съ Патти, Бозіо и Малибранъ. Можно утѣшиться презрѣніемъ къ нему. Да вѣдь презрѣніемъ не проймешь его. Говорятъ, публика по отчетамъ составляетъ свои мнѣнія... Что же дѣлать? Увидимъ сегодня. Все равно! и какая низость! Господи!.. Какъ горько одиночество. За меня некому вступиться, а сама... Что я могу? Такіе господа вѣдь только и обрушиваются на женщинъ. Но, пора!“

И Нина Борисовна—поѣхала въ театръ.

Она быстро прошла въ свою уборную—и заперлась въ ней. Рядомъ одѣвалась Досужева. Стѣнки были тонки — и Раевская слышала какъ тамъ громко, нарочно громко читаютъ ту замѣтку. Очевидно и туда поторопился доставить ее авторъ. У Татьяны Гавриловны сочувственно хохотали. Проклятая сцена! Се-

годня Нинѣ съ нею же придется вести цѣлый актъ. Хорошо еще если Зибель не испортитъ ей... Случалось и это. Да, дѣйствительно, надо быть на все, на все готовой!.. Первое дѣйствіе кончилось. Когда во второмъ она вышла и стала на свое мѣсто у лѣвой кулисы— пришлось встрѣтиться съ Барсовымъ. Онъ отвѣсилъ ей глубокій поклонъ... Мефистофель Акуловъ дружески пожалъ ей руку... „Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ, Нина Борисовна... Не волнуйтесь, главное"... „Я сегодня не пою, а нарочно для васъ пришелъ... улыбнулся ей Крестовоздвиженскій... Головку то барышня повыше... Носикъ то кверху... Наплюйте на нихъ, на дураковъ!.." Раевская пристально всматривалась въ Фауста—Барсова. Сквозь румяна видно было какъ онъ поблѣднѣлъ за эти дни. Осунулся... Похудѣлъ. Слава Богу! значитъ и онъ страдаетъ—не все еще потеряно!.. И ей вдругъ стало весело, такъ весело что даже семинаристъ ее одобрилъ. „Вотъ, барышня, теперь такъ. Смотрите-ка Досужева къ вамъ какъ подбирается!" Досужева—Зибель дѣйствительно подходила, кусая губы. Очевидно еще не улеглось въ ней. Ни съ того ни съ сего Раевской захотѣлось сшкольничать. Такъ какой то внезапный приливъ легкомыслія охватилъ ее всю. Она неожиданно, разомъ, обернулась къ Досужевой... „Здравствуйте Татьяна Гавриловна!" и подала ей руку. Зибель растерялся... Взяла руку и держитъ ее, не зная что съ нею дѣлать... „Вотъ мѣдный лобъ-то эта Раевская!" не выдержала госпожа Бабкина, бывшая около, и бросилась къ Лолошѣ сообщить ей какъ „наша то недотрога—сама первая съ Досужевой поздоровалась!"

А Барсовъ, уже стоя за противоположной кулисой, не могъ отвести глазъ отъ Раевской... „Какъ хороша, о какъ хороша! повторялъ онъ про себя. Какъ ей идетъ этотъ костюмъ... эти длинныя золотыя косы... Чему она радуется! Неужели же ушла изъ его рукъ." До того взволновало это Фауста, что выйдя на сцену онъ спѣлъ дурно.

Въ партерѣ даже смѣхъ послышался.

У Гретхенъ очень билось сердце, когда она показалась на сценѣ. Ея выходъ такъ поставленъ композиторомъ, что зрителямъ нельзя встрѣчать ее ни рукоплесканіями, ни шиканьемъ. Только въ слѣдующей партіи она узнаетъ произвела ли газетная замѣтка какое нибудь впечатлѣніе или нѣтъ. И дѣйствительно узнала. Air de bijou—у нея прошелъ прелестно. Кое кто въ партерѣ аплодировалъ, но тотчасъ же изъ боковыхъ ложъ, откуда еще недавно кричали „Раевскую solo", послышалось шиканье. Нина Борисовна опустила голову...

Сцена въ окнѣ—не удалась ей. Она, начавъ свою арію, случайно увидѣла какимъ взглядомъ обмѣнялись Барсовъ на сценѣ съ Досужевою за кулисами. Тутъ уже никто не бросилъ ей „браво". Но сегодня она и не гналась за этимъ. Лишь бы кое какъ сбыть спектакль... Лишь бы не провалиться окончательно. Въ пятомъ актѣ она разошлась и выдержала его какъ никогда—но враждебно настроенная публика и его обошла молчаніемъ. Вызывали Барсова solo, вызывали потомъ Мефистофеля-Акулова. Все тотъ же феноменальный басъ заоралъ было „Раевскую", но Повиликинъ такъ энергично зашикалъ въ партерѣ, что у ея поклонника не хватило храбрости продолжать. Тѣмъ не менѣе она не была огорчена всѣмъ этимъ и даже улыбнулась, когда проходившая мимо театральная маменька разсчитанно громко сказала ей вслѣдъ: „Вотъ роли то проваливаютъ и играютъ, а моя дочь всегда имѣетъ успѣхъ—ей не даютъ. А почему? потому что у насъ только интригами и можно держаться. Честной дѣвушкѣ уходить надо отсюда!!..."

Черезъ нѣсколько минутъ должно было начаться объясненіе съ Барсовымъ. Нина Борисовна сняла съ себя сценическій костюмъ и набросила блузу. Досужева очень недолго была рядомъ. Она торопилась куда то и уѣхала живо... Молчаніе стояло кругомъ... Горничная еще возилась около...

— Маша, ты бы ѣхала домой... За вещами придешь сюда завтра. Уборную запереть можно. Черезъ полчаса приготовь мнѣ чай. Я только отдохну. Сама доберусь одна. Тутъ недалеко...

Ушла горничная. Газовые рожки сильно нагрѣвали уборную. Жаркая атмосфера ея дѣйствовала разслабляющимъ образомъ. Маша, уходя, нечаянно пролила духи... Одуряющій запахъ бѣлаго геліотропа кружилъ голову... Послѣднія отзвучія суматохи на сценѣ замирали. Все тише и тише становилось. Должно быть и тамъ опустѣло все. Въ уборной теперь мертвое безмолвіе; такое глубокое, что даже шипѣніе газа, вырывающагося изъ рожковъ, нѣсколько безпокоило Раевскую. Уснуть бы... Такъ и клонило... Забыть бы все что случилось... Даже умереть пожалуй, только сейчасъ умереть, въ такомъ состояніи полубезсознательной нѣги, смѣнившей недавнее утомленіе. Свѣтъ дробился на разбросанныхъ по столу браслетахъ, серьгахъ... Прямо передъ нею горитъ брилліантъ. Она не можетъ отвести отъ него взглядовъ, хотя онъ то именно и усыпляетъ ее такъ. Нечаянно спала туфля. Ей лѣнь надѣть ее. На темномъ коврѣ—голубой чулокъ придаетъ удивительное изящество ногѣ... Что она теперь скажетъ Барсову... И говорить даже трудно... Видѣть его около, смотрѣть въ его глаза... Слушать его... Вѣдь пожалуй онъ и правъ. Жизнь сложна. Нужно брать то, что дастъ она. Что толку въ аскетизмѣ. Этакъ пожалуй до смерти не узнаешь ни любви, ни радости. А если и будетъ любовь, то она коснется тебя только обратной своей стороной. Отравитъ своими муками и сомнѣніями. Что ей за дѣло до прошлаго, до будущаго... Пришелъ моментъ—и бери его... живи ради сегодняшняго дня. Еще неизвѣстно что будетъ завтра! А въ уборной становилось все жарче. Въ разгоряченномъ воздухѣ сильнѣе пахли духи. Глубже дышала она, медленнѣе... Ей казалось, что брилліантъ ея браслета все ростетъ и приближается къ ней. Она даже глаза сомкнула было, какъ вдругъ стукнули въ дверь... „Наконецъ то..." вздрогнула она, сбрасывая съ себя это полное нѣги, успокоительное, точно обморочное очарованіе.

— Войдите!.. Странно блѣдный—она его не видала еще никогда такимъ,—показался Барсовъ.

Ему это шло. Ярче горѣли глаза... Переступилъ порогъ и остановился...

— Я не знаю какъ мнѣ говорить съ вами... Я измученъ... Живаго мѣста во мнѣ не осталось за эти дни!.. онъ не рѣшается подать ей руку.

— Я сама выстрадала столько... поднялась Раевская. Свѣтлая блуза плотно охватывала ея стройный станъ. Только теперь она замѣтила, что одна туфля спала съ ноги. Она наклонилась и одѣла ее. Свѣтъ газовыхъ рожковъ на мгновеніе обвилъ округленный красивый изгибъ ея стана, золотомъ загорѣлся на волосахъ, свернутыхъ у нея на затылкѣ... „Что же вы? Александръ Петровичъ". Ей стало жаль его.

Она сама подошла и подала руку... Его рука была холодна какъ ледъ. „Ну, довольно... поговоримъ теперь..."

Онъ придвинулъ къ ней кресло... Неловкое молчаніе... Шипитъ газъ въ рожкахъ да изрѣдка слышится легкій стукъ дождевыхъ капель въ окно, занавѣшенное тяжелою шторой...

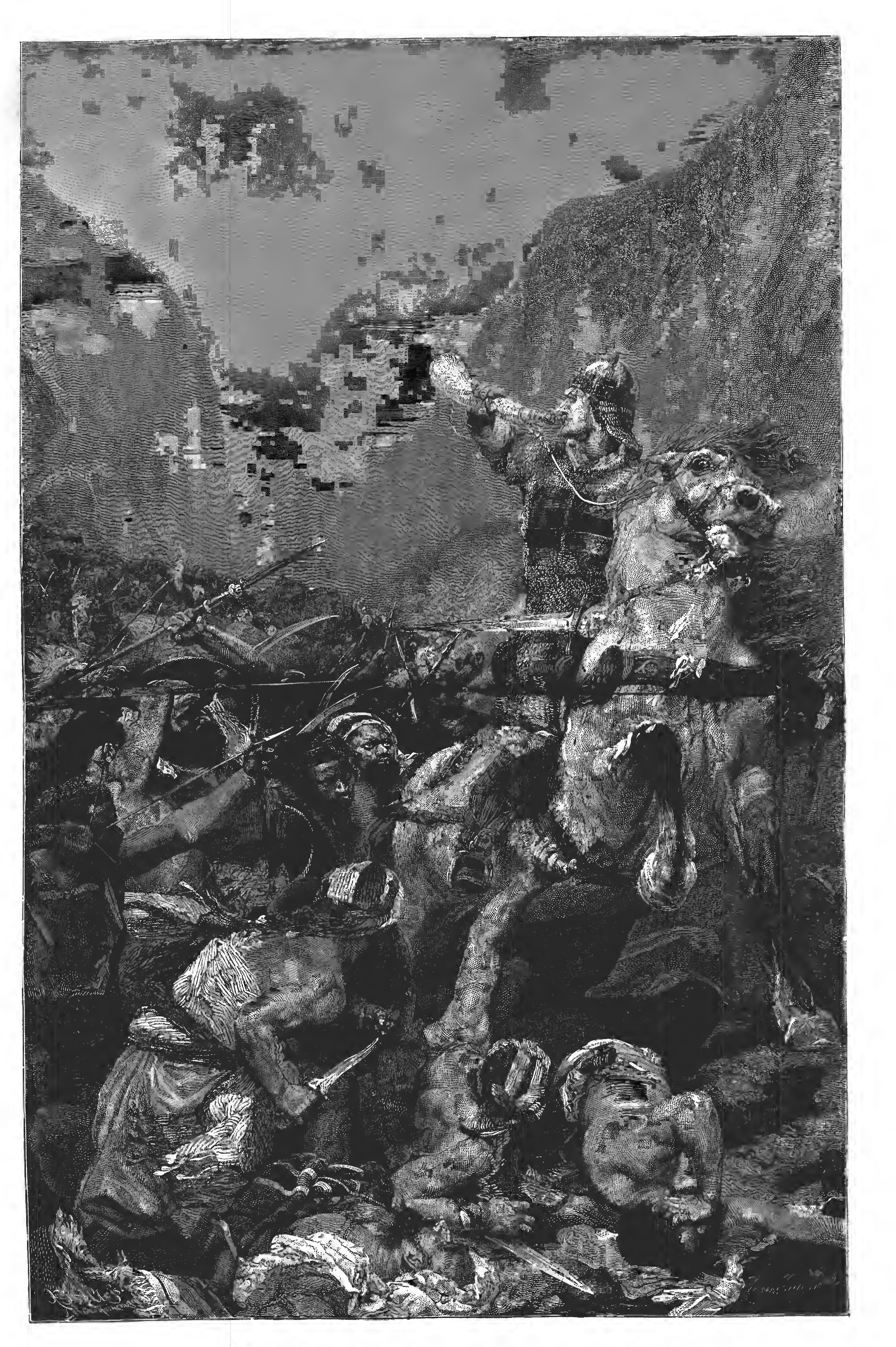
— Зачѣмъ... Зачѣмъ все это случилось!.. вырвалось у нея. Какъ хорошо было... Я такъ вѣрила вамъ!

— И теперь вѣрьте... Нина Борисовна... Да что же мнѣ было дѣлать... Развѣ вы знаете мое прошлое...

„Театральный жестъ!" мелькнуло у нея въ головѣ.

— Развѣ вы знаете, чѣмъ я связанъ съ этою женщиной. Не судите!.. Не судите меня, потому что...

— Почему? лѣниво переспросила Нина. Она опять



Роландъ въ битвѣ при Ронсевалѣ. Карт. Л. Гене. По фотогр. Лекадра въ Парижѣ, гравир. Клоссъ.

стала слабѣть подъ вліяніемъ жары и утомленія.

— Потому что я люблю тебя! Потому что такая любовь оправдываетъ все... Ты понимаешь,—все!.. Потому что ради нея я пойду на преступленіе, на смерть... О, Нина, Нина! еслибы ты только знала, что творится въ душѣ моей... Цѣлый адъ. Я кажется съ ума сойду. Я не могу видѣть тебя такой спокойной, холодной... Я знаю, я не стою тебя, но я съ ужасомъ думаю о томъ, что ты можешь принадлежать другому... Лучше, легче мнѣ видѣть тебя мертвой...

Она порывисто протянула ему руку. Онъ покрылъ ее поцѣлуями. Нинѣ Борисовнѣ и сладко и жутко стало теперь. Она чувствовала, что послѣднее сопротивленіе въ ней гаснетъ, уступая мѣсто какой то упоительной, всю ее охватывающей волнѣ... Волна эта подымалась все выше и выше. Съ головой ее покрыла. Она уже не разсуждаетъ теперь. Она видитъ только его... своего избранника. И онъ не тотъ какъ былъ прежде. Гдѣ этотъ самоувѣренный тонъ?.. Какъ то незамѣтно соскользнулъ онъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ. Сталъ около нея на колѣни. Она хотѣла оттолкнуть его, поднялась, но опять безсильно упала въ кресло... Будь что будетъ... Онъ цѣлуетъ ея колѣни, роняетъ свою черноволосую голову къ ея ногамъ... Не все ли равно, что случится завтра—сегодня хорошо ей. Молчи разсудокъ. Пусть сильнѣе кружится голова...

И онъ наклонился къ ней. Заглянулъ прямо въ глаза.

— Что это, что это?.. вскочила она.

Разомъ нахлынула сила. Она схватила руками его голову, повернула къ огню. Да, это такъ. Какой циническій взглядъ! Противно, противно, гадко...

— Уйди... Нѣтъ, постой... Намъ надо переговорить; обо многомъ переговорить. Нельзя такъ... Воды! Подошла и сама налила воды.

— О чемъ говорить... Сію минуту, ни потомъ, ни завтра, ни даже черезъ часъ!

— Послушайте. Еще одно движеніе и я крикну... Сторожа!.. Слышите... Она выпрямилась передъ нимъ съ сверкающимъ взглядомъ и вздрагивающими ноздрями. Она была хороша теперь... Грудь ея высоко подымалась. Съ лица еще не сбѣжалъ яркій румянецъ гнѣва.

— Садитесь!.. повелительно указала она ему кресло. Я ждала отъ васъ другаго. Сознанія въ той подлой лжи, которой вы меня опутали! Я слезъ вашихъ хотѣла, а не такой страсти... Я бы вамъ простила, что вы мнѣ сдѣлали...

— Что я вамъ сдѣлалъ?

— Какъ, развѣ для васъ это еще вопросъ?

— Разумѣется вопросъ. Не ради ли васъ я поссорился со всѣми... Благодаря кому вы попали на сцену. Кто разрывался ради этого. Кто шелъ для васъ на сдѣлки со всевозможной сволочью, чтобы создать вамъ успѣхъ. Я рисковалъ ради васъ ангажементомъ. Я поставилъ условіемъ ваше поступленіе въ труппу... А для меня ангажементъ—все... Вѣдь кромѣ сцены я только въ шарманщики гожусь... Чѣмъ же вы мнѣ отплатили за все это... выразили свою благодарность... Не даромъ же я распинался!

— Чего же вы отъ меня хотите...

— Вы должны мнѣ быть благодарны...

Нина Борисовна закрыла себѣ глаза руками.

— Погодите... Дайте сказать мнѣ... Александръ Петровичъ, я вамъ готова простить все... Все—слышите?.. Я знаю, что вы женаты... Зачѣмъ вы это скрыли отъ меня! Повторяю вамъ, прятаться, скрываться, любить воровски не стану. Слышите вы... Не терзайте вы меня... Я вамъ многимъ жертвую... Я знаю, что мою мать это убьетъ...

— Дитя! Вы сами не понимаете чего хотите... Любите вы меня или нѣтъ?

— Вы видите!

— Ну такъ прочь всякія иллюзіи, будемъ брать отъ жизни, что она дать можетъ. О нашихъ отношеніяхъ не узнаетъ никто, ни одна душа. Я буду у васъ бывать часто... Съ Досужевой разомъ кончить я не могу... Насъ не одно связало.

Нина Борисовна зашаталась. Она встала совсѣмъ какъ мертвая.

— Прощайте!

— Это ваше послѣднее слово? вскочилъ тотъ какъ ужаленный.

— Да, послѣднее... Я васъ испытывала. Мнѣ стыдно даже, что я могла говорить съ вами... Послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Я вижу съ кѣмъ имѣю дѣло... Прощайте.

— Хорошо же... Помните это!

— О! Никогда не забуду! серьезно отвѣтила та. Развѣ подобные уроки забываютъ?

— Я создалъ васъ для сцены, я могу и уничтожить васъ на ней же.

— Дѣлайте что хотите, только уходите: совсѣмъ упавшимъ, утомленнымъ голосомъ проговорила она.

Она нарочно пѣшкомъ пошла домой.

— Ахъ, Кашинцевъ, Кашинцевъ! зачѣмъ силой не удержалъ онъ меня!.. Какая то пустота въ душѣ... Тяжело... Холодно все... Сцена? Да какъ нибудь дотяну—и къ моей милой старушкѣ... Одинъ онъ могъ бы меня спасти теперь, одинъ онъ. Пришла минута когда мнѣ нуженъ онъ. Я обѣщала ему дать знать... А раньше—чего думала? Ни строки не послала... Хоть бы заболѣть!

X.

Тучки.

Черезъ день послѣ „Фауста“ Нина Борисовна опять получила, но въ этотъ разъ уже три вырѣзки изъ газетъ. Губернскіе писачки разошлись во всю; разнесли ее въ клочки. Ея неуспѣхъ въ партіи Гретхенъ объясняли полною бездарностью, удивлялись наглости выступать съ такими ничтожными данными передъ публикой, когда то освиставшей даже Герстеръ, давали ей совѣтъ не слишкомъ полагаться на красивое личико и умѣніе вести интригу, а поскорѣе занять на сценѣ подобающее мѣсто на вторыя роли, уступивъ первыя „нашей симпатичной и талантливой Е. А. Бабкиной...“ „Африканку“ еще начинали только репетировать, а рецензенты уже пророчили пѣвицѣ самое позорное фіаско. „Госпожа Раевская — Селика! Да есть ли что нибудь нелѣпѣе этого. Артистка, которая съ грѣхомъ пополамъ могла бы занять амплуа кафе-шантанной дивы, покушается на твореніе Мейербера!.. И мы это терпимъ, мы допускаемъ такое поруганіе!..“

Она бросила читать дальше. Вскользь замѣтила только гнусную фразу о своихъ отношеніяхъ къ Барсову... И сожгла эти газетные клочки. Глубокое сознаніе обиды уже лежало въ ея душѣ и безъ того; нѣсколько больше или нѣсколько меньше клеветали на нее — не все ли равно? Вѣдь гдѣ же найти защиты—нельзя самой обратиться къ печатному слову, раскрыть на тѣхъ же страницахъ свое сердце, сказать: вотъ я съ моими страданіями и увлеченіями, съ моими надеждами и разочарованіями. Не завсегдатаямъ трактировъ было рѣшать, виновата она или нѣтъ.

И кто здѣсь пишетъ? Жалкій адвокатишка, черпающій свои свѣдѣнія изъ музыкальныхъ словарей и энциклопедій, неудавшійся чиновникъ, прогорѣвшій антрепренеръ, съ безмѣрнымъ самолюбіемъ, желчный и злобный, свой же братъ артистъ — вотъ цѣнители и судьи!.. И ихъ слушаютъ, они дѣлаютъ общественное мнѣніе,—и это критика!?.. Что же дѣлать, не разъ повторяла себѣ Нина Борисовна. Кто понимаетъ — тотъ не обратитъ вниманія на такія статьи. А кто же понимаетъ? Пониженіе вкуса повсюду страшное. Широкимъ моремъ разливается пошлость и сцену захватила въ свои ру-

ки. Въ драмѣ — грубые эффекты, неестественныя положенія, богатство декорацій и умственное убожество авторовъ, въ оперѣ—безобразное выкрикиваніе, грохотаніе трубъ, отъ котораго лопнули бы болѣе тонкія барабанныя перепонки. Состязаніе оркестра съ пѣвцами—кто громче; эффектные кончики и сплошь профальшивленныя аріи... Оперетка съ наглымъ осмѣяніемъ всего, надъ чѣмъ плакали, чему молились отцы и дѣды... Вотъ послѣдняя формація вкуса, вотъ чего требуетъ толпа, на чемъ она воспитываетъ молодыя поколѣнія!.. Можно ли быть выше этого—вѣдь поешь для толпы, работаешь не для потомства, или для лучшаго времени, которое тебя не услышитъ. Счастливъ писатель. Онъ можетъ пережить переходную эпоху. Когда вновь воскреснутъ идеалы красоты, добра и правды—его произведенія отыщутся, займутъ свое мѣсто. Онъ не рабъ, не слуга настоящаго. Актеръ, пѣвецъ—о, это иное дѣло! Этихъ слушаютъ сегодня, забываютъ завтра. Они невольники, они должны служить вкусамъ своего господина, иначе онъ ихъ прогонитъ. Какъ бы дики и безобразны ни были эти вкусы — все равно. Отбрось цѣломудріе въ сторону — служи ему! Чувствуетъ тупоумный идіотъ, безсознательно чувствуетъ свое ничтожество передъ историческими и нравственными типами и хочетъ ихъ низвести, унизить—осмѣивай ихъ, низводи въ его грязь, опошляй—и онъ станетъ аплодировать. Онъ что то слышалъ о сатирѣ, объ обличеніи—набрасывайся на кассировъ, интендантовъ, подрядчиковъ—и онъ будетъ рукоплескать гражданству. Онъ не понимаетъ людей, если у нихъ на лбу нѣтъ ярлыка — выставь этотъ ярлыкъ... Къ этому идетъ толпа, къ этому идетъ все больше и больше развивающаяся пошлость ума и души. Бывало, геній руководилъ обществомъ. Теперь—общество ненавидитъ генія и цѣнитъ только наглость. Мѣщанинъ во дворянствѣ, лишь вчера узнавшій, что онъ всю жизнь говорилъ прозой—желаетъ приказывать, для него это новость, онъ торопится насладиться ею... И чѣмъ талантливѣе, чѣмъ образованнѣе артистъ, тѣмъ хуже...

Всѣ эти мысли пробѣгали въ головѣ Нины Борисовны. Она ходила изъ угла въ уголъ, думала, думала—не придумать исхода! Уйти, когда кончится контрактъ... Куда же? Одной не устоять. Нужно опираться непремѣнно о чью нибудь сильную руку... За границей развѣ лучше?.. Слава Богу—насмотрѣлась и тамъ. Еще у насъ артистка можетъ не торговать собою, а тамъ если она отринетъ ухаживаніе директора, съ ней просто не заключатъ контракта, если она не приметъ сдѣланнаго дирижеромъ приглашенія на ужинъ послѣ спектакля, да еще кромѣ того сама же потомъ не заплатитъ за этотъ ужинъ—въ слѣдующій разъ онъ торжественно провалитъ ее. Есть у нея деньги—дѣло другое. Если у нея нѣтъ денегъ — она должна расплачиваться собою съ вліятельнымъ фельетонистомъ какого нибудь продажнаго листка. Она нанимаетъ клаку, она платитъ за право дебюта, за постановку оперы, гдѣ можетъ показать свой талантъ. Къ ней въ уборную разная финансовая мразь входитъ со шляпами на головѣ и съ хлыстомъ въ рукахъ, какъ въ свою конюшню. Когда она сдѣлаетъ себѣ имя — она можетъ мстить за себя. Она можетъ требовать съ директора что хочетъ, разорять когда то покровительствовавшихъ ей жидовъ, интриговать противъ новыхъ талантовъ, чтобы сохранить свое положеніе, доставшееся такъ ужасно и такъ дорого... О, какъ нужна чья нибудь сильная рука, чье нибудь преданное сердце!.. Одной не выстоять, не выдержать! О, еслибы онъ былъ здѣсь!.. И Нина опять взяла портретъ Кашинцева. Думала ли она еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, что онъ будетъ ей такъ близокъ, такъ дорогъ, такъ необходимъ!..

Разумѣется, можно было бы бросить этотъ міръ, оставить сцену. Но Нина слишкомъ была артисткой для этого. Сцена именно создаетъ такіе типы... Чистая, честная дѣвушка идетъ на сдѣлки съ совѣстью, со всѣмъ что и свято и дорого—ради успѣха, ради жизни, именно художественной, сценической. Разъ она вдохнула въ себя отравленный извѣстностью, самолюбіемъ, завистью—воздухъ кулисъ, она заражена имъ навсегда. Ни интриги, ни несправедливость, ни преслѣдованія, ни сознанія необходимости нравственныхъ уступокъ не заставятъ ее отступить отъ цѣли... Она, оставаясь одна, въ безсонныя ночи, будетъ плакать жгучими слезами отчаянія, станетъ биться головой объ стѣну, вспоминая противныя ласки, разочарованія, клеветы—и какъ раненая до разсвѣта измучится въ этой агоніи — а утромъ опять пойдетъ на репетицію и вечеромъ съ такимъ же жаднымъ нетерпѣніемъ будетъ ждать первыхъ аплодисментовъ своего властелина-публики. Въ Нинѣ жило сознаніе силы, таланта. Она знала, что она можетъ сдѣлать, и чѣмъ грознѣе скоплялись темныя тучи, чѣмъ неизбѣжнѣе и ближе была буря, тѣмъ сильнѣе росло въ ней желаніе выстоять, пойти на все, на борьбу, на смерть пожалуй, но не уступить никому своего мѣста, жить и умереть въ этомъ отравленномъ воздухѣ кулисъ, въ духотѣ уборныхъ, среди змѣинаго шипѣнія клеветы, ропота зависти, громкихъ восклицаній лести. Артистка, хотя бы въ самомъ глубокомъ отчаяніи, — все таки не уйдетъ изъ за кулисъ, чтобы и въ эти мгновенія ее окружали тѣже пыльные, размалеванные холсты, тѣ же нарумяненныя лица, чтобы она видѣла передъ собою море толпы, внимающей ей, слышала то вспыхивающее, то замирающее „браво!..“ Внѣ сцены она не человѣкъ... Внѣ сцены — сонъ, на сценѣ — жизнь. Потрясетъ ли ее чувство и начнетъ она высказываться — остановится на полусловѣ, потому что на языкъ навернулась фраза изъ такого то монолога, изъ такой то роли... Сразитъ ли ее ударъ—она упадетъ именно такъ, какъ упала бы, играя ту или другую пьесу. Она вся дѣлается преувеличенной, ходульной. Она столько чувствуетъ за другихъ, изображая разныя лица, что уже почти перестаетъ чувствовать за себя!.. Говорятъ, что курильщики опія нѣчто въ этомъ родѣ. Они тоже живутъ подъ вліяніемъ своего яда и прозябаютъ въ рѣдкія минуты трезвости. Имъ необходимо это искусственное возбужденіе, создающее вокругъ нихъ миражи... И ради этихъ миражей—все больше блѣднѣетъ передъ ними дѣйствительность... Отходитъ куда то далеко, далеко... Опрокинутое существованіе съ призрачными радостями и печалями продолжается до тѣхъ поръ, пока есть молодость, талантъ, сила... Потомъ наступаютъ какіе то потемки, захирѣлое, скучное существованіе, долгая агонія.

И все-таки Нина не отдала бы ни за что другое эту проклятую жизнь съ ея рѣдкими минутами счастья. Марево сцены уже стало для нея дорого. Она—словно тѣ узники, которые стараются видѣть хоть сны, и жизнь ихъ проходитъ снами.

Чѣмъ больше Раевская всматривалась въ портретъ Кашинцева, тѣмъ менѣе себя понимала. Какъ прежде могла она не оцѣнить его, какъ могла оставаться равнодушной къ этому... этому честному человѣку! Именно! Онъ, сильный, преданный, съ этими энергичными глазами, искренній,—именно былъ тѣмъ человѣкомъ, какой ей нуженъ... Она долго всматривалась въ портретъ... И потомъ разомъ отбросила... Встала и прошлась по комнатѣ.

„И кулакъ и деньги есть!“ пришла ей въ голову фраза Крестовоздвиженскаго,—и дѣвушка вспыхнула...

— Какая я стала! Боже! Прежде и не думала, а теперь когда онъ мнѣ нуженъ... Кто тамъ?.. войдите...

Въ дверь стучали.

— А!.. Акуловъ... Вы кстати зашли... Я очень скучала все это время... Такая тоска!

— И я золъ сегодня. Помилуйте, эта каналья Сла-

децкій заболѣлъ, и я долженъ въ „Африканкѣ“ пѣть двѣ партіи... Что за безобразіе! Изображай верховнаго жреца Брамы за себя, и великаго инквизитора—за него. Чортъ знаетъ что такое. Устанешь какъ собака!..

— Вы откажитесь!

— А штрафъ въ полтораста рублей... У насъ на этотъ счетъ строго... Дама—та всегда можетъ зоболѣть, ей повѣрятъ, а намъ грѣшнымъ—ни-ни. Сегодня же нѣмца-доктора пришлютъ... Я разъ дѣйствительно былъ боленъ... Мнѣ навязали тоже двѣ партіи. Такъ вѣдь съ постели подняли, заставили пѣть... А я къ вамъ, барышня.. Вамъ то вотъ на „Африканку“ слѣдуетъ заболѣть.

— Почему это... Я люблю это и давно готовилась... Съ чего это я отказываться стану.

— Такъ... Заболѣйте-ко Нина Борисовна, право заболѣйте... Въ воздухѣ скверно пахнетъ... Сплетничать не хочу... А заболѣть вамъ слѣдуетъ... Намъ то ничего, пошикаютъ и чортъ съ ними... А васъ жаль...

— Да говорите толкомъ... Не мучьте меня... Вѣдь этакъ хуже еще: намекнули и замолчали.

— У васъ что опять вышло съ Барсовымъ... Сегодня онъ все съ капельмейстеромъ нашимъ разносилъ васъ... А знаете—вѣдь этотъ лысый чортъ терпѣть васъ не можетъ...

— Да за что же? Ему то я чѣмъ мѣшаю?

— Ему вы не мѣшаете, а у Лолошки на дорогѣ встали.

— Какъ, и тутъ Лолошка?

— Лолошка, душа моя, всюду. Она и его, и Веніамина нашего завертѣла. Вы видѣли какъ онъ ей дирижируетъ? Вретъ она—онъ ее выручитъ... Голоса не хватитъ—такъ „піано“ оркестръ поведетъ, что мышиный пискъ услышишь... Барсовъ ему сегодня каялся, что хлопоталъ за васъ. Я, говоритъ, въ ней ошибся. Какая это артистка, это барышня. И чѣмъ скорѣе ее долой, тѣмъ лучше...

— Ну, а директоръ нашъ... Вѣдь ему же невыгодно если меня провалятъ.

— Ему то выгоднѣе чѣмъ кому.

— Я васъ не понимаю?

— Очень просто. Онъ тогда съ горяча подписалъ съ вами контрактъ на три тысячи за пять мѣсяцевъ... А теперь денегъ жаль... Вы въ контрактѣ то замѣтили пунктикъ: если же госпожа, такая то, успѣха имѣть не будетъ, то предоставляется ему, директору, или нарушить съ ней контрактъ, или заключить новый, на другихъ условіяхъ... Поняли... Вѣдь наша публика какая? Вѣдь опера для нея... Она и Лолошкой довольна, а Лолошка директору выгоднѣй.. Провалитесь вы, онъ знаетъ, что у васъ денегъ нѣтъ, что вамъ ѣсть нечего, ну и посадитъ васъ на вторыя роли... Дѣло извѣстное... Онъ и то говоритъ: Раевскую пресса ругать стала... Это скверно.

— Да развѣ же онъ не понимаетъ, что такое Повиликинъ, и ему подобное?

— А откуда ему понимать то, позвольте спросить? Гдѣ онъ музыкальное то образованіе получилъ? Онъ отъ Лолошки въ восторгъ тогда пришелъ. Вы, говоритъ, поете какъ *„госпожа Тамберликъ“* пѣла когда то. Вѣдь онъ, милая моя, и родился то въ управѣ благочинія и выросъ тамъ, а въ оперу то попалъ фуксомъ. Лапковъ задолжалъ ему,—онъ и взялъ у него театръ. Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ. И то-де хорошо... Ужъ говорить, такъ говорить все... Мандель тоже противъ васъ... Заболѣйте, Нина Борисовна, вотъ какъ мнѣ васъ жаль! Коли бы вы обстрѣляны были—я ни слова. А то вѣдь у насъ какъ шикаютъ? до безобразія...

— Нѣтъ, знаете, я уже пойду лучше на все, будь что будетъ. Вѣдь не избѣжишь этого!.. Сегодня уйдешь отъ нихъ—завтра опять съ ними. Или сцену бросить, или ужъ встрѣчать и вражду, и зависть... Все же я не вѣрю, чтобы публика такъ глупа была. Ну встрѣтятъ дурно, а проводятъ хорошо.

— Эхъ, не знаете вы нашихъ. Они вѣдь Герстеръ освистали... Да еще какъ важничали... Вотъ вамъ, говорятъ, и европейская знаменитость!.. А у насъ провалилась. А пѣла то она тогда лучше чѣмъ когда нибудь; говорятъ, вонъ заграницею то ее на рукахъ носятъ. Если я васъ не убѣдилъ, значитъ только испортилъ дѣло. Такъ бы вы не думали и не волновались, а теперь мучиться станете... Вотъ что, Нина Борисовна. Нѣтъ ли у васъ жениха какого... хоть самаго завалящаго...

— Ну?

— Выходите за него замужъ... Все будетъ кому вступиться. Все страшнѣе всѣмъ этимъ!

— Не вы первый совѣтуете мнѣ это. Она принудила себя улыбнуться. Чтобъ и кулакъ былъ и деньги.

— Вотъ, вотъ!.. именно это! Такая ужъ судьба актрисы.

„Такъ вотъ какъ, значитъ Барсова угроза была недаромъ!.. думала Нина когда Акуловъ ушелъ... Такая подлость!.. Это значитъ подготовляютъ мнѣ провалъ... Посмотримъ... „Я васъ создалъ для сцены, я васъ и уничтожу!!“

Что противъ нея работали и въ публикѣ, и въ печати, и за кулисами, для нея это не было тайной. Первые признаки популярности артистки—появленіе въ ея квартирѣ робкихъ молодыхъ людей, вовсе ей неизвѣстныхъ, которые, являясь, краснѣя, садятся на кончикъ стула, жмутся и наконецъ разрѣшаются просьбой дать имъ фотографическую карточку. Не то, чтобы имъ фотографія нужна была, ее и купить можно, но это все влюбленные, они хотятъ увидать артистку вблизи, услышать отъ нея нѣсколько ласковыхъ словъ, унести съ собою ея подпись какъ драгоцѣнность. Были такіе, которые покрывали поцѣлуями такой напримѣръ автографъ какъ „Плепа Папкина“, развязно подписываемый на своихъ карточкахъ тою же Лолошкой. Посѣщенія такого рода—термометръ успѣха, и этотъ термометръ сильно упалъ за послѣдніе дни. Со времени появленія первой замѣтки въ газетахъ, никто не приходилъ къ Раевской. Но вотъ судьба точно сжалилась. Не успѣлъ уйти Акуловъ, какъ Маша доложила, что двое „какихъ то“ желаютъ ее видѣть. „Какими то“ Маша называла тѣхъ, которые не догадывались всунуть ей въ руку рублевую бумажку.

— Кто такіе?

— Цивильные... Что за патретами шляются...

Маша всѣхъ посѣтителей дѣлила на два сорта: на дающихъ на чай и щиплющихъ ее за подбородокъ, и недающихъ. Послѣдніе, и въ ихъ числѣ любители карточекъ, не пользовались ея расположеніемъ.

— Проси!

Явилось дѣйствительно два пренахальныхъ хама въ въ смазныхъ сапогахъ и шитыхъ рубахахъ.

„Нѣтъ, это не за карточками“, рѣшила Нина Борисовна.

— Закурить позволите?.. и не ожидая ея согласія, они запалили папироски.

— Васъ ошикать собираются! безцеремонно объяснилъ одинъ. Вотъ намъ даже ложу прислали—видите... и онъ ей показалъ билетъ. А мы за васъ... и онъ нагло уставился на нее.

— Только мы люди бѣдные... Мы такъ не можемъ, замѣтилъ другой.

— Чего же вы хотите?

Нина еще была очень неопытна и подобный типъ попался ей впервые. Она пристально разглядывала посѣтителей, что очевидно ихъ вовсе не смущало.

— Этимъ дѣломъ орудуетъ барсовскій молодецъ. Жидокъ такой есть здѣсь... У него ужъ семь ложъ. Одну

Въ церкви. Карт. Р. Бейшлага, грав. Кнезингъ.

вотъ намъ далъ. Но если вы дадите намъ за семь ложъ... Да сколько нибудь еще...

— Да неужели же кто нибудь къ такимъ средствамъ прибѣгаетъ?

Молодецъ выпучилъ глаза на нее, переглянулся съ товарищемъ и весьма развязно расхохотался.

— Да вы откуда... Помилуйте... Постоянно... Дѣло это извѣстное... Изъ за чего же горло драть—помилуйте.

— Ну... я вамъ благодарна за участіе... Но принять предложенія не могу... Простите... И она встала... До свиданія, господа.

— Смотрите не пожалѣйте!.. заговорилъ было въ дверяхъ посѣтитель.

(До слѣд. №).

Оригиналъ.

Разсказъ **Н. В. Успенскаго.**

Зимнія сумерки спускались надъ торговымъ селомъ Афонасьевымъ, когда въ отворенныя ворота мѣстной гостинницы въѣхалъ обсмнетый возокъ, принадлежавшій извѣстному богатому землевладѣльцу Титу Семенычу Кафлину. Стоявшій у крыльца хозяинъ, одѣтый въ калмыцкій полушубокъ, торопливо отворилъ дверцу экипажа и, раскланиваясь съ пріѣзжимъ, проговорилъ:

— Давненько вы у насъ, сударь, не были... а мы, признаться, безъ васъ соскучились. Должнó на полустанокъ изволите проѣзжать?

— Хочу побывать въ Бѣлокаменной.

— Не худое дѣло!

— Что, у тебя теплая комната есть?

— Какъ не быть, Титъ Семенычъ... вѣдь я недавно весь домъ заново перестроилъ... У меня теперь есть особливое отдѣленіе для благородныхъ лицъ, какъ есть, надъ самой некарней... Теплынь вотъ какая—хоть парься! Оченно вольготно для вашего сословія... пожалуйте!..

Хозяинъ привелъ пріѣзжаго въ просторную комнату, надъ которой красовалась надпись: „въ хоть въ дворянскою зало“. Стѣны этого помѣщенія были расписаны смѣлою кистью какого-то сельскаго художника.

— Славно, братецъ, ты отдѣлалъ номера! снимая съ себя медвѣжью шубу, замѣтилъ баринъ.

— Нарочно постарался, ваше благородіе, чтобы люди не смѣялись, да и господамъ проѣзжающимъ захотѣлось сдѣлать удовольствіе...

— Право, славно! Это, братецъ мой, что за картина? спросилъ Кафлинъ, указывая на лодку съ гребцами, подъ которой плавали чудовища въ видѣ змѣй, съ разинутой пастью.

— Эфто приставленъ Ермакъ, покоритель Сибири... А вотъ не угодно ли взглянуть еще на одну картину... Недавно я купилъ у разнощика.

Баринъ подошелъ къ картинѣ и прочиталъ такое объясненіе: „Болярин Орша внизапно застаетъ свою родную дочерь въ объятіяхъ темнай комнаты сасвоимъ рабомъ такъ какъ они данивазможности были влюблены про между собою. И за то ея родитель положилъ такому наказанію, чтобы уморить ее въ страшной тимнице голодомъ. И такъ было зделано. То молодая боярыния черезъ 28 дней оставила прахъ своихъ костей. Араба своего: то есть ея любезно влюбленаго по суду гордаго болярина опризелено придать смертной казни; и вотъ что бываетъ за любовь: еще невинныхъ людей!..“

— Хорошая картина! вдругъ послышался хриплый басъ за ширмами.

— Кто это тутъ? обратившись къ хозяину, спросилъ баринъ.

— Проѣзжающій... изъ купечества... Онъ васъ не поетѣснитъ... второе дѣло, онъ человѣкъ не буйственный... Вамъ еще веселѣе съ нимъ будетъ...

Хозяинъ не ошибся. Купецъ оказался не только не буйственнымъ человѣкомъ, но и пріятнымъ собесѣдникомъ. Это былъ рослый мужчина, лѣтъ 45, съ рѣденькой бородкой, тусклыми карими глазами и едва замѣтной лысиной на затылкѣ. Его костюмъ состоялъ изъ ситцевой, пунцовой рубахи, выбѣгавшей изъ подъ суконнаго жилета, и плисовыхъ штановъ, запущенныхъ въ ярко блестѣвшіе, дутые сапоги. Звали его Петромъ Спиридонычемъ Яндовскимъ.

Оставшись вдвоемъ, путники усѣлись за самоваръ, продолжая рѣчь о бояринѣ Оршѣ; затѣмъ, мало-по-малу, перешли къ наболѣвшимъ вопросамъ по сельскому хозяйству, при чемъ обнаружилось, что Яндовскій собственно не былъ купцомъ, въ общепринятомъ смыслѣ, а его скорѣе можно было назвать однимъ изъ „новыхъ помѣщиковъ“, ибо онъ жилъ въ селѣ, въ своемъ благопріобрѣтенномъ имѣніи (вслѣдствіе долговъ переведенномъ на имя жены) и занимался исключительно агрономіей.

— Да, государь мой, благодарю Бога: всего у меня довольно, разсказывалъ Петръ Спиридонычъ, подливая въ чай коньяку: есть у меня около 400 десятинъ земли, превосходная пасѣка, нѣсколько фруктовыхъ садовъ, крахмальный заводъ... Не смотря на то, говорю вамъ откровенно, я самый несчастный человѣкъ... Не буду таиться: сокрушили меня жена и дочь...

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Кафлинъ, закуривая сигару.

— Богъ свидѣтель! Надо вамъ сказать, что супруга моя престранная женщина: она ничѣмъ никогда не бываетъ довольна... Вотъ купи ей сейчасъ цѣлое имѣніе, она и словечка не вымолвитъ, только будетъ хмуриться... Наконецъ того, доложу вамъ, она меня порядкомъ не долюбливаетъ... за что, и самъ не знаю...

— Плохо! замѣтилъ баринъ: но можетъ быть, ей кто нибудь другой нравится?

— Объ этомъ я доложу вамъ послѣ... Теперь же скажу, что у ней издавна была страсть къ молодымъ людямъ, все больше къ ученому сословію... Напримѣръ, вдругъ скажетъ такого рода новость: „Слушай! (она меня никогда не называетъ по имени): Говорятъ въ село Бураки пріѣхалъ интересный студентъ... Съѣзди и привези его сюда... а завтра отправишься въ городъ за другимъ...“

— Ну, что же вы?..

— Натурально, безпрекословно повинуюсь... потому, иначе она мнѣ житья не дастъ... Однимъ словомъ, скажу вамъ, я у ней самый безотвѣтный и покорный рабъ, а она моя властительница... Чего только она со мною не продѣлываетъ? Иногда заставитъ сидѣть ночью у окна и глядѣть, куда идутъ тучи? (она боится грозы) а сама спрячетъ голову подъ подушку и лежитъ въ постели. Однажды она меня и спросила:

— Слушай! Тучи прошли?

— Прошли...

— Такъ можешь ложиться...

— Я и повалился, какъ снопъ. Вдругъ, сударь мой, откуда не возьмись, грянулъ такой громъ, что всѣ стекла задребезжали.. Я такъ и затрясся: ужъ не грозы испугался, а жены... И точно, по утру была со мной расправа: сижу я за чаемъ, жена подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „такъ-то ты слѣдишь за тучами? Вотъ же тебѣ за это!..“ да со всего розмаху... Понимаете?..

— Гмм... Теперь я вижу, что вы дѣйствительно несчастный человѣкъ... Извините за нескромный вопросъ: почему ваша супруга питаетъ страсть именно къ студентамъ?

— А вотъ, милостивый государь, по какой причинѣ: они, изволите видѣть, люди полированные, могутъ разсуждать о разныхъ ученыхъ матеріяхъ, къ примѣру, есть ли на звѣздахъ жители и т. п. Супруга моя очень любитъ такіе разговоры.

— Она никого изъ студентовъ не полюбила?

— Точно, нѣкоторые ей нравились, но чтобы влюбиться въ кого такъ, какъ дочь боярина Орши въ своего раба, этого не было... За то, сударь мой, навернулся одинъ господинъ, въ котораго, какъ бы сговорившись, сразу втюрились и мамаша, и дочка...

— Кто же этотъ господинъ?

— Доподлинно не могу вамъ объяснить; знаю только, что онъ нигдѣ не служилъ, что у него не было ни кола, ни двора, и чѣмъ существовалъ, одинъ Богъ вѣдаетъ; но былъ очень красивый, веселый и остроумный мужчина, лѣтъ 32. Звали его Геннадій Николаичъ Уткинъ, по прозванію Оригиналъ. Дали ему эту кличку за то, что онъ не походилъ на обыкновенныхъ людей: все въ немъ было, какъ бы сказать, причудливо, начиная съ костюма и кончая каждой выходкой, каждымъ словомъ. Онъ много странствовалъ; говорятъ, даже былъ заграницей, много читалъ, зналъ иностранные языки. Когда начнетъ что нибудь читать или разсказывать—заслушаешься! мастерски игралъ на скрипкѣ и считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ. Умѣлъ смѣшить до упаду; лучше его никто не могъ представить кого нибудь или раскритиковать... словомъ сказать, въ компаніи это былъ золотой человѣкъ; но характера былъ самаго непостояннаго: сколько разъ являлся въ нашъ домъ то франтомъ, то чуть не нищимъ, въ посконной рубахѣ и армякѣ; то проклиналъ города и восхвалялъ избушки на курьихъ ножкахъ, а то принимался бранить деревню и постоянно проповѣдывалъ какую то свободную любовь... Вотъ въ этого-то молодца и влюбились моя супруга и дочь...

— Что же, Уткинъ отвѣчалъ которой нибудь изъ нихъ взаимностью?

— Онъ полюбилъ мою дочь... звали ее Лизой, царство ей небесное! Ей было тогда всего 17 лѣтъ...

Разсказчикъ вздохнулъ и въ раздумьи началъ наливать себѣ въ чашку коньяку.

— Такъ ваша дочь скончалась? спросилъ Кафлинъ.

— Померла отъ чахотки.

— Она не вышла замужъ за Оригинала?

— Извольте послушать, какъ было дѣло. Разъ, на самый Свѣтлый день Уткинъ вдругъ объявляетъ намъ:

— Я люблю вашу дочь и желаю вступить съ ней въ законный бракъ... Благословите!

Я засмѣялся. Говорю:

— Въ своемъ ли ты умѣ, Геннадій Николаичъ? Не ты ли самъ всегда возставалъ противъ брака?

— Мнѣ хочется угодить Елизаветѣ Петровнѣ... она желаетъ обвѣнчаться со мной...

— Но подумалъ ли ты, чѣмъ и какъ вы будете жить съ женою? Вѣдь у васъ могутъ быть дѣти... Своего состоянія у тебя ни синь-пороха нѣтъ, служить ты не можешь и не хочешь, да тебя, пожалуй, и не примутъ никуда...

— А развѣ безъ службы обойтись нельзя? Есть много другихъ средствъ къ существованію...

Въ это время супруга моя вскочила съ своего мѣста и не своимъ голосомъ закричала на Уткина:

— Говори, ты честный человѣкъ, или нѣтъ?

— Разумѣется, честный.

— Врешь... Если бы у тебя была совѣсть, ты не сталъ бы увлекать невинную дѣвочку... Скажи на милость, какая она можетъ быть тебѣ жена?.. вѣдь ты годишься ей въ дядюшки... Ей только минуло 17 лѣтъ, а ужъ тебѣ—32 года... Ей будетъ 25 лѣтъ, а тебѣ—40, ей будетъ 35 лѣтъ, а тебѣ 50... Она будетъ въ самой порѣ, какъ пышный цвѣтокъ, а ты и мышей не будешь ловить... Ты бы искалъ себѣ ровню...

— Полина Михайловна, сказалъ Уткинъ: одинъ англійскій ученый совѣтуетъ мужчинамъ жениться на молодыхъ дѣвушкахъ не раньше 40...

Полина ничего не могла говорить. Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ, и мы отнесли ее въ спальню. Тотчасъ же я послалъ за докторомъ, потому жена расхворалась не на шутку; съ ней приключилось что-то въ родѣ горячки и она въ забытьи все твердила: „вамъ вѣнецъ, а мнѣ конецъ“.

Послѣ визита доктора больной стало лучше и она позвала къ себѣ дочь.

— Лиза, сказала она: правда что ты любишь Геннадія?

— Правда, мамаша.

— И тебѣ не стыдно увлечься такимъ вертопрахомъ?

— Какой же онъ вертопрахъ? Не вы ли сами всегда расхваливали его и говорили: „вотъ это — мужчина! настоящій бельомъ...“

— Какъ будто я не могла ошибаться... странное дѣло! Но теперь я вполнѣ убѣдилась, что онъ низкій и безсовѣстный человѣкъ: онъ притворяется, что любитъ тебя... Повѣрь мнѣ, ему просто хочется завладѣть твоимъ приданымъ, потому онъ знаетъ, что ты богата... Помни однако, что если ты рѣшишься выйти за него, я тебѣ желѣзнаго гроша не дамъ... Наконецъ, я убѣждена, что онъ тебя броситъ, и тогда ты не смѣй ко мнѣ показываться на глаза...

— Я все-таки за него пойду, мамаша... Не лишайте меня счастія...

— Глупая ты!.. Говоришь, сама не зная что̀... Ну, можешь ли ты быть счастлива съ этимъ вѣтрогономъ? А вотъ тебѣ мой материнскій совѣтъ: подожди, пока тебѣ исполнится 21 годъ... Ты теперь еще не въ полномъ разумѣ... ты слишкомъ молода... Потерпи года три-четыре... а Геннадію я откажу отъ дома...

— Нѣтъ, мамаша, мнѣ не перенести этого...

— Можетъ быть, тебѣ понравится кто нибудь изъ студентовъ...

— Кромѣ Геннадія Николаича никого другаго я не могу любить...

— Скажи пожалуста, чѣмъ онъ тебя такъ обворожилъ?

— Я знаю только одно, что онъ для меня все... Каждый разъ, какъ я просыпаюсь, первое — что мнѣ приходитъ въ голову, это мысль объ немъ... мнѣ даже всегда казалось страннымъ, чтобы Геннадій Николаичъ сталъ когда нибудь посторонним для меня человѣкомъ...

— А давно ты завела съ нимъ шашни?

— Въ прошлую осень онъ назначилъ мнѣ свиданіе...

— Ты пришла къ нему?

— Пришла... и сказала, что люблю его...

— Гдѣ это было?

— За садомъ... около пруда...

— Какая безсовѣстность!.. Такъ ты рѣшилась совсѣмъ выйти за Геннадія?

— Да, мамаша...

— Значитъ, все кончено... Послѣ этого объявляю тебѣ, что ты мнѣ болѣе не дочь, а я тебѣ не мать... Послушай, обратилась супруга ко мнѣ: распорядись поскорѣе свадьбой и сдѣлай такъ, чтобы молодые прямо послѣ вѣнца ѣхали себѣ на всѣ четыре стороны...

Я послалъ за причетниками и велѣлъ писать обыскъ. Уморительная была исторія, когда отецъ діаконъ взялъ документы Оригинала и сталъ читать его аттестатъ: онъ походилъ на какое-то житіе съ разными мытарствами... „Предъявитель сего такой-то... чина не имѣетъ. Никакого имущества за нимъ не состоитъ. Въ походахъ противу непріятеля не былъ. Не окончивъ курса наукъ въ N...ской гимназіи уволенъ для поступленія въ медику; по увольненіи изъ оной, не окончивъ курса, перешелъ въ университетъ; а по увольненіи изъ онаго, также не окончивъ курса, поступилъ въ лѣсной институтъ...“ и т. д.

На Красную горку влюбленныхъ обвѣнчали, и они послѣ закуски отправились въ Москву. Жена моя не приказала имъ писать къ ней ни строки. Она даже не вышла и проводить ихъ, только взглянула въ окно, когда экипажъ тронулся... Оригиналъ, обнявъ свою жену, долго махалъ шляпой и платкомъ...

Прошло болѣе года. О нашихъ молодыхъ не было ни слуху, ни духу. Полина начала скучать... Нѣтъ-нѣтъ да и проговорится:

— Хоть бы отъ кого нибудь узнать, жива ли Лиза?.. Не затиранилъ ли ее этотъ вампиръ... впрочемъ, вѣрнѣе всего, онъ ее бросилъ и она скитается по чужимъ угламъ...

Однажды, осеннимъ вечеромъ, сижу я въ кабинетѣ, составляю смѣты по имѣнію, горничная докладываетъ мнѣ:

— Васъ спрашиваетъ какая-то барыня.

Выхожу въ залъ, смотрю, стоитъ дама, закрытая вуалью, съ сакъ-вояжемъ въ рукѣ.

— Что вамъ угодно, сударыня?

— Папаша, вы меня не узнаете?

— Ты ли это, Лизочка? вскрикнулъ я: что-же ты не раздѣваешься?

— Боюсь, мамаша меня не приметъ...

— Эхъ, глупенькая!.. Ты не знаешь, какъ мать страдаетъ по тебѣ...

Вдругъ вошла Полина.

— Это откуда? сурово спросила она дочь.

— Изъ Москвы, мамаша...

— Ну, что, обратилась жена ко мнѣ: ошиблась я? Я давно знала, что онъ ее броситъ... Мое предсказаніе оправдалось...

— Меня мужъ не бросилъ, сказала дочь: онъ только отпустилъ меня погостить къ вамъ.

— Неправда! Вздоръ! тебѣ стыдно сознаться...

— Увѣряю васъ, что я мужемъ счастлива... онъ очень хорошій человѣкъ... Недаромъ вы его когда-то хвалили... Но я была бы гораздо счастливѣе, если бы вы на меня не гнѣвались...

Полина подумала, затѣмъ улыбнулась и сказала дочери:

— Ну, давай хоть повидаемся... видно, такъ и быть... Богъ тебя проститъ...

Мать съ дочерью поцѣловались. Я былъ внѣ себя отъ радости. Лиза прогостила у насъ недѣли три. Около Покрова ей Богъ послалъ сынка... Полина такъ обрадовалась своему внучку, что и на Оригинала перестала сердиться. Она приказала мнѣ извѣстить его телеграммой о рожденіи сына и даже позволила ему пріѣхать къ намъ въ домъ. Оригиналъ, съ своей стороны, не заставилъ себя долго ждать... На другой же день онъ явился къ намъ и, представьте, въ какомъ видѣ: пальто изорвано, самъ весь въ пыли и одна щека подбита... Говорю ему:

— Это что съ тобой?

— Да сейчасъ изъ вагона выбросился на полномъ ходу... Жаль только, что второпяхъ не принялъ въ разсчетъ центробѣжной силы... Она отнесла меня сажени на двѣ въ сторону и я, вмѣсто того, чтобы попасть въ песокъ, очутился въ глубокой канавѣ...

— Нельзя же иначе... потому оригиналъ... Ты бы доѣхалъ до станціи и оттуда нанялъ лошадей.

— Да захотѣлось поскорѣе увидать сына.

Причудамъ моего зятя не было конца, когда онъ увидалъ своего ребенка. Лишь только поздоровался съ женой (она лежала въ постели), сейчасъ же и поднялъ гвалтъ:

— Это съ какой стати спеленали мальчика? Хотите его уродомъ сдѣлать? А колыбель для чего? Отъ качанья онъ можетъ быть идіотомъ...

И пошелъ куролесить... Даже Лиза не вытерпѣла и сказала:

— Что ты съ ума чтоль сошолъ?.. Какъ-же насъ-то всѣхъ качали и пеленали?

— Вы, сударыня, въ дѣлѣ воспитанія дѣтей ничего не понимаете... Вы хотите, чтобы изъ вашего сына вышелъ Митрофанушка? Нѣтъ, я не допущу этого...

Вдругъ ребенокъ заплакалъ. Оригиналъ спрашиваетъ жену:

— Давно ты кормила его?

— Минутъ пять тому назадъ...

— Такъ пусть кричитъ...

Мы всѣ такъ и остолбенѣли... Думаемъ себѣ: „что это: шутка или ужъ прямое сумасшествіе?“ А между тѣмъ ребенокъ все плачетъ. Полина говоритъ Оригиналу:

— Безбожникъ ты, безбожникъ... За что ты мучишь ангела небеснаго... вѣдь у него можетъ повредиться что нибудь...

— Не безпокойтесь, Полина Михайловна... ничего не можетъ повредиться... на этотъ счетъ природой все предусмотрѣно... Повѣрьте, что я моего сына люблю гораздо болѣе, чѣмъ вы, и потому отъ всей души желаю ему добра...

— Да развѣ это добро, тиранъ ты этакій! Нѣтъ, я болѣе не могу выносить подобныхъ истязаній...

Сказавши эти слова, жена хлопнула дверью и ушла въ свою комнату. Наступила ночь. Оригиналъ не унимался... Всякому извѣстно, что грудныя дѣти очень часто просыпаются ночью, а нѣкоторыя даже любятъ, чтобъ ихъ въ это время забавляли. И разумѣется, ни одна мать не вытерпитъ, чтобы не подняться на вопль ребенка. Вообразите же себѣ, какую пулю отлилъ Оригиналъ: онъ не только не велѣлъ зажигать свѣчки, когда ребенокъ заплачетъ, но даже и подходить къ нему; а женѣ своей онъ объяснилъ эту выходку такъ:

— Ночью всѣмъ нуженъ покой, а тебѣ — особенно... „Сонъ есть хозяинъ на жизненномъ пиру...“ сказалъ одинъ англійскій сочинитель...

XIII передвижная выставка. „Учитель танцевъ“. Карт. Вл. Е. Маковскаго. По фотогр. Якобія грав. Ю. Барановскій.

XIII передвижная выставка „Малороссы у стола“. Карт. Вл. Е. Маковскаго. По фотогр. Якобія, грав. Ю. Барановскій.

Хорошо, сударь мой... Полина сидитъ въ спальнѣ и слушаетъ, какъ издѣвается отецъ надъ сыномъ, потомъ вдругъ объявляетъ мнѣ:

— Знаешь, что? Я хочу подать прошеніе мировому...

— Но вѣдь Геннадій законный отецъ, говорю я.

— Пускай! Все-таки онъ не имѣетъ права мучить своего ребенка... Слышишь... слышишь, какъ плачетъ несчастный младенецъ? Садись и сейчасъ пиши прошеніе... Ты такъ сочини: „Сего 18.. года, Сентября... Не имѣющій чина и нигдѣ не служащій зять мой Геннадій Уткинъ, увидавъ своего новорожденнаго сына, какъ дикій звѣрь, набросился на него...“ и т. д.

Я вижу, дѣло принимаетъ крутой поворотъ, отправился къ зятю и говорю ему:

— Вотъ что, братъ: Полина хочетъ привлечь тебя къ законной отвѣтственности... Ты знаешь, она шутить не любитъ...

Оригиналъ расхохотался. Потомъ взялъ со стола какую то книгу и говоритъ мнѣ:

— Передайте вашей супругѣ сочиненіе одного нѣмецкаго ученаго: пусть она узнаетъ, что пишутъ умные люди о воспитаніи дѣтей...

Я принесъ Полинѣ книгу... забылъ ея названіе... не то „Желаю быть здоровымъ“, не то „Добраго здоровья..“

Жена бросила книгу на полъ и закричала:

— Знать не хочу никакихъ ученыхъ! всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ Оригиналомъ надо повѣсить на одну осину...

Прошло нѣсколько дней, Полина однако раздумала подавать прошеніе.

Что-жъ бы вы думали, сударь мой? вѣдь Оригиналъ добился-таки своего: ребенокъ не только пересталъ кричать по ночамъ, но спалъ непробудно отъ зари до зари... И такой былъ, Господь съ нимъ, здоровенькій да утѣшный, что мы не могли нарадоваться на него... Но видно ужъ такъ угодно было Промыслу: сама мать, т. е. это Лиза, вдругъ такъ занемогла, что докторъ потерялъ всякую надежду на ея выздоровленіе.

Оригиналъ сильно пріуныл, да и было отъ чего: избави Богъ, умретъ жена, что онъ будетъ дѣлать съ ребенкомъ? вѣдь онъ свяжетъ его по рукамъ — по ногамъ... близкихъ же родныхъ, которые бы взяли къ себѣ младенца, у моего зятя не было; ему ничего другаго не оставалось дѣлать, какъ покинуть сына у насъ... Мы съ женой такъ и предполагали, только она желала, чтобы мальчикъ былъ ей отданъ совсѣмъ, чтобы Оригиналъ не смѣлъ предъявлять своихъ правъ на него...

Наступила весна. Лизѣ становилось все хуже и хуже; она таяла, какъ свѣча. На самую Троицу она попросила къ себѣ меня съ Полиной и едва слышно проговорила:

— Прощайте... Я скоро умру... Не откажитесь исполнить мою послѣднюю просьбу: не оставьте моего мальчика...

— Послушай, Лиза, сказала жена: если твой благовѣрный, послѣ твоей кончины, отдастъ мнѣ своего сына на правахъ усыновленія, то я воспитаю его и обезпечу. Въ противномъ-же случаѣ, я не дамъ ему ничего...

— Ну, благословите меня, прошептала больная и вскорѣ скончалась...

Полина приказала скорѣе готовиться къ похоронамъ: она боялась покойниковъ, какъ грозы. На другой же день Лизу отпѣли въ церкви и опустили въ могилу... Вѣчная ей память!..

За обѣдомъ, когда причетники пропѣли „Зряща мя безгласна“, Оригиналъ вдругъ приподнялся и сказалъ рѣчь, которая всѣмъ очень понравилась... Я даже хотѣлъ списать ее, но въ хлопотахъ не успѣлъ и теперь не могу ее вспомнить; лишь кое что уцѣлѣло въ памяти. Дѣло въ томъ, что покойница, какъ говорилъ мой зять, не имѣла ровно никакихъ земныхъ сокровищъ, она даже не старалась и пріобрѣтать ихъ, зато она стяжала не ветшающее богатство, у ней было много сокровищъ душевныхъ, она не исказила и не посрамила въ себѣ образъ и подобіе Божіе... Закончилъ онъ свою рѣчь такъ: она много любила, ей многое и отпустится...

Наканѣ похоронъ сидимъ мы съ женой на балконѣ за чаемъ и ждемъ, что вотъ явится къ намъ Оригиналъ и скажетъ:

— Полина Михайловна, позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: замѣните моему сыну родную мать...

Ждемъ часъ и болѣе, зять не показывается. Полина спрашиваетъ горничную:

— Гдѣ Оригиналъ?

— Они въ своей комнатѣ... сбираются въ дорогу...

— А ребенокъ?..

— Они и его берутъ съ собою... совсѣмъ ужъ одѣли...

— Ахъ онъ разбойникъ! закричала жена и всплеснула руками.

Она не вытерпѣла, прибѣжала въ комнату зятя и спросила его:

— Отвѣчай, варваръ, какую такую пулю еще ты хочешь отпустить? Что ты дѣлаешь? Говори!

— Какъ видите, собираюсь въ путь...

— А Васю съ собой берешь?

— Непремѣнно...

— Да ты шутишь, или нѣтъ?

— Нисколько... Вы видите, мы ужъ съ нимъ снарядились совсѣмъ... Ждемъ подводу... Вчера я нанялъ мужичка...

— Злодѣй ты, злодѣй!.. Куда ты тащишь несчастнаго малютку? Кто будетъ ходить за нимъ?

— Конечно, я... вѣдь я ему не чужой...

— Отчего-жъ ты его у меня то не оставляешь? Я тоже ему не чужая...

— Ну, это секретъ, Полина Михайловна...

— Отдай его, говорятъ тебѣ...

— Нѣтъ, сударыня, я не разстанусь съ сынкомъ... на мнѣ лежитъ священный долгъ отца—сдѣлать его человѣкомъ...

— Слушай! обратилась ко мнѣ супруга: съѣзди ты сейчасъ за урядникомъ... Пускай онъ этому аспиду свяжетъ руки и отправитъ въ городъ...

Но Оригиналъ ничего не боялся. Онъ завернулъ Васю въ одѣяло, усѣлся съ нимъ въ простой, мужицкой телѣгѣ—жена не приказала давать ему лошадей—и отправился... Куда?.. неизвѣстно... Съ Полиной, разумѣется, истерика... а я съ горя порядкомъ таки подвыпилъ... Судите сами: въ одно и то же время мы лишились и дочери, и внучка...

Прошло, сударь мой, цѣлыхъ шесть лѣтъ. Впродолженіе всего этого времени Уткинъ не прислалъ намъ ни одного письма, и гдѣ проживалъ со своимъ сыномъ, одинъ Богъ знаетъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, въ бытность свою въ Москвѣ, наводили справки въ адресномъ столѣ, но его отмѣчали выбывшимъ... Только разъ ѣду я въ вагонѣ третьяго класса, слышу, двѣ чуйки разговариваютъ между собою о какомъ то овдовѣвшемъ баринѣ съ мальчикомъ:

— Куда отецъ, говоритъ одинъ изъ нихъ,—туда и сынъ: отецъ въ трактиръ и сынъ за нимъ... И удалой же баринъ... да и мальчикъ, мотри, шустрый такой... должно, весь въ отца...

Я подсѣлъ къ чуйкамъ и спрашиваю:

— Не Уткинъ ли фамилія этого барина?

— Такъ точно...

— Гдѣ онъ живетъ?

— Рязанской губерніи, Скопинскаго уѣзда, въ деревнѣ Еловой.

— Такъ мальчикъ живъ?

— Слава Богу... умный ребенокъ... онъ вмѣстѣ съ крестьянскими ребятами учится.... потому господинъ Уткинъ нарочно для него открылъ училищу....

— Кто же учитъ дѣтей?

— Да, стало быть, самъ же Енпадей Миколаичъ... Его ученье всѣ одобряютъ..

Онъ и пѣнію учитъ подъ свою скрипку... А ужъ играетъ какъ на ней—унеси ты мое горе!.. Одно слово россійскій баринъ...

Пріѣзжаю домой и все разсказываю Полинѣ. Она приказала мнѣ немедленно ѣхать въ Еловую и просить Уткина, чтобы онъ привезъ внучка къ ней. Отправляюсь, сударь мой, въ Рязанскую губернію, разыскиваю означенную деревню и наконецъ школу Уткина. Это крестьянская девятиаршинная изба—бывшее питейное заведеніе—съ широкимъ крыльцомъ, надъ которымъ прибита вывѣска „училище для дѣтей младшаго возраста“.

Съ замираніемъ сердца вступаю въ избу. Уткинъ сидитъ за столомъ и что-то пишетъ. Услыхавъ скрипъ двери, оглянулся и мнѣ весело проговорилъ:

— Добро пожаловать, Петръ Спиридонычъ; какъ это вы попали въ наши края?

— Изъ нарочнаго пріѣхалъ... Полина прислала узнать, какъ поживаетъ ея внучекъ?

— Благодарю за вниманіе... Вася здравствуетъ... Вы его теперь не узнаете: большой сталъ... Онъ скоро придетъ...

— А ты, братъ, попрежнему, все чудишь? Открылъ какую-то школу...

— Да вѣдь надо-же сына учить грамотѣ... Ему скоро семь лѣтъ... а одному ему учиться скучно...

— Ну, перестань вздоръ говорить... Ты вотъ что лучше сдѣлай: всю эту затѣю брось да поѣдемъ къ намъ... Полина приказала тебѣ сказать, что она тебя прощаетъ и даже позволяетъ жить у ней... Скажу по секрету: она никогда не переставала любить тебя.

— Жалѣю, что не могу воспользоваться ея милостями...

— Это отчего? Опять причуды? Ну, поѣдемъ, ради Бога... Я самъ тебя прошу... Что касается Васи, то мы наймемъ ему учителя...

— А я-то что-же буду дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Ну, просто живи себѣ бариномъ—и все тутъ... Старайся только не раздражать Полину... Она стала ужасно вспыльчива...

— Вотъ въ томъ-то вся и бѣда, что я не могу жить у нея на хлѣбахъ, да и Ваську не желаю пріучать къ праздной жизни... Посмотрите, какъ онъ у меня работаетъ... Приноситъ воду, дрова, мететъ полъ. Я радъ, что судьба послала мнѣ такое дѣло—воспитаніе сына.

— Скажи ради Бога, ну, какой ты учитель? Учишь сына вмѣстѣ съ крестьянскими ребятишками...

— Это-то и хорошо!.. Жаль, что насъ съ вами съ дѣтства оторвали отъ народа...

— Нѣтъ, братъ, что ни говори, а то-ли дѣло — отдать Васю въ какой нибудь благородный пансіонъ...

Уткинъ разразился смѣхомъ. Въ это время вошелъ кудрявый мальчикъ съ черными глазами, одѣтый въ полушубокъ. Уткинъ взялъ его за руку, подвелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Позвольте вамъ представить моего сына, а вашего внуч-

ка... Вася, вотъ это твой дѣдушка, о которомъ я тебѣ разсказывалъ...

— Богатый-то? спросилъ мальчикъ...

— Да! который мамѣ твоей ничего не далъ...

— Зачѣмъ-же ты, Геннадій, внушаешь ребенку такія мысли? сказалъ я: какой ты послѣ этого учитель? Не хорошо, братъ... Ну, здравствуй, Васенька! Вотъ тебѣ отъ меня красненькая бумажка... Она дорогая... ты ее спрячь и береги про черный день... а вотъ бабушка прислала тебѣ крестикъ... Онъ тоже дорогой... ты его не потеряй, смотри... Ну, чтожъ, ты молитвы знаешь?

— Знаю.

— Какія-же?

— Богородицу и Отче нашъ...

— Прекрасно... А молиться умѣешь? Ну-ко, перекрестись...

Мальчикъ перекрестился какъ слѣдуетъ, и я погладилъ его за это по головкѣ.

— Вотъ видите, какой молодецъ мой сынъ? сказалъ Уткинъ: а вы говорите, я плохой учитель... Послушали-бы вы, какъ онъ поетъ...

— Нѣтъ, любезный другъ, отвѣчалъ я: все таки мальчика надо непремѣнно отдать въ благородный пансіонъ... Поѣдемъ же къ намъ, Геннадій... Утѣшь Полину...

— Не могу...

— Знаешь ли, что я тебѣ скажу? Если ты исполнишь желаніе Полины, очень можетъ быть, что она выдастъ внучку часть изъ своего имѣнія... понимаешь? Вѣдь мальчикъ-то будетъ счастливъ...

— Едва ли имѣніе сдѣлаетъ его счастливымъ; скорѣе всего оно испортитъ его... будетъ паразитомъ...

Какъ я ни упрашивалъ Уткина ѣхать со мной, стоитъ на своемъ.

— Коли кто, говоритъ, мужикъ—нечего ему въ баре лѣзть—только одна смѣхота да порча...

Я приказалъ подавать лошадей и отправился въ обратный путь. Думаю себѣ: вѣдь вотъ какіе чудаки бываютъ на свѣтѣ; и сами-то живутъ не полюдски, и дѣтей своихъ лишаютъ счастья... Однако и мое дѣло плохо: какъ я теперь покажусь къ Полинѣ? Что ей скажу? Она увѣрена, что я пріѣду вмѣстѣ съ Уткинымъ и внукомъ...

По дорогѣ, въ городѣ я запродалъ одному купцу четвертей двѣсти овса; везу домой цѣлую охапку ассигнацій, но, признаться, и деньги не радуютъ... Подъѣзжаю къ дому, смотрю: Полина ждетъ уже меня, стоитъ около крыльца. Ну, говорю себѣ: намылитъ она мнѣ голову... Помяни, Господи, царя Давида... Вдругъ она подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Ну, что? Говори скорѣй!

— Позволь мнѣ хоть изъ экипажа то вылѣзть...

— Да говори-же наконецъ! Я тебя спрашиваю...

— Полина! Побойся Бога: я до смерти усталъ и голоденъ, дай хоть закусить и духъ перевести.

Не дожидаясь горничной, жена сама подала мнѣ что-то на столъ и даже водки поставила. Не успѣлъ я проглотить куска хлѣба, какъ она опять закричала на меня:

— Успѣешь набить мамонъ-то свой... авось не умрешь... Разсказывай!

Я отодвинулъ отъ себя тарелку и принялся пить водку и разсказывать. Слушала она, слушала, потомъ подбоченилась и спросила съ язвительной усмѣшкой:

— А хорошъ мальчикъ-то?

— Ужъ столь хорошъ, что и словъ не нахожу... Какъ есть—херувимъ...

— Гмм... А я думала, отъ этого безобразнаго брака выйдетъ антихристъ...

Я сказалъ, что внучекъ молитвы знаетъ и умѣетъ креститься.

— Ну, значитъ, я ошиблась... Скажи мнѣ вотъ-что: самъ Геннадій измѣнился?

— Еще-бы! Ужъ сѣдѣть началъ...

— Ага! жизнь-то хоть кого продорожитъ, подхватила жена и хлопнула цѣлую рюмку водки—она пила съ солью. Такъ и сказалъ, что не поѣдетъ сюда?

— Не могу, говоритъ.

— Почему же наконецъ? Меня чтоль боится?

— Очень можетъ быть...

— А не обѣщался хоть когда нибудь пріѣхать?

— Нѣтъ...

Полина опять выпила, надѣла пальто, калоши и вышла изъ дому. Я отправился за ней, потому вижу, захандрила: не надо ее оставлять одну. Спрашиваю:

— Куда ты, голубушка?

— Отстань отъ меня, слонъ астраханскій... Ты мнѣ надоѣлъ, какъ горькая рѣдька...

— Послушай, другъ милый! Я слышалъ, что въ городъ пріѣхалъ одинъ интересный студентъ. Мнѣ хотѣлось развлечь жену.

— Поди ты къ чорту со своими студентами...

— По крайней мѣрѣ скажи, куда идешь?

Она ни слова... Такимъ-то, сударь, образомъ мы теперь и живемъ: встанемъ по утру, сейчасъ принимаемся за „Адамовы слезки...“ Вотъ и богатство есть, а счастьемъ не можемъ похвалиться... Однако пора и на покой, взглянувъ на часы, сказалъ Петръ Спиридонычъ: извините, что наскучилъ вамъ своимъ разсказомъ... Покойной ночи...

— Гдѣ же теперь Уткинъ? спросилъ баринъ.

— Не могу вамъ объяснить. Знаю только, что Полина окончательно разгнѣвалась на него за то, что онъ недавно пріѣзжалъ въ наше село къ священнику и просилъ его отслужить панихиду на могилѣ своей жены, а къ намъ и не завернулъ... Вотъ и бездомовникъ, а смотри какъ на насъ фыркаетъ...

Къ рисункамъ.

Роландъ въ битвѣ при Ронсевалѣ.

(Рис. на стр. 348 и 349).

Роландъ—любимый герой народныхъ сказаній въ средніе вѣка, вплоть до XVI вѣка оставался самымъ популярнымъ типомъ рыцаря, подвиги котораго то описывали въ романахъ, то воспѣвали въ поэмахъ писатели Франціи, Италіи и Испаніи. Самая замѣчательная изъ такихъ поэмъ—это „Неистовый Роландъ“, Аріосто, гдѣ итальянскій поэтъ, пользуясь народными преданіями, описалъ похожденія своего героя въ самыхъ яркихъ и фантастическихъ картинахъ. Здѣсь Роландъ является могучимъ, непобѣдимымъ рыцаремъ, обладателемъ чудесныхъ сокровищъ — рога Олифанта и страшнаго меча Дюрандаля. Звукъ перваго былъ слышенъ на громадномъ разстояніи, но сказочному—за тридевять земель, а ударъ втораго разбивалъ даже скалы. Но ни страшный мечъ, ни чудесный рогъ не спасли Роланда отъ роковой гибели. По народному преданію, онъ погибъ въ битвѣ при Ронсевалѣ, сражаясь въ рядахъ войскъ своего дяди—Карла Великаго. Послѣдній тогда напрягалъ всѣ усилія, чтобы овладѣть Испаніей, и это ему уже почти удалось: онъ захватилъ всю непріятельскую страну, до самой Сарагоссы, резиденціи короля Марсилія. Марсилій, видя что дѣло его почти проиграно, заключилъ тогда тайный союзъ съ измѣнникомъ Генелуномъ и по его совѣту притворно покорился побѣдителю. Карлъ повѣрилъ покорности Марсилія и вывелъ свое главное войско изъ Испаніи, оставивъ въ ней лишь Роланда съ небольшимъ отрядомъ. Видя, что хитрость удалась, Марсилій и его союзники тотчасъ же напали на Роланда въ долинѣ Ронсеваля и, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, начали истреблять одного за другимъ его храбрыхъ соратниковъ. Въ эту страшную, рѣшительную минуту Роландъ схватываетъ свой чудесный рогъ Олифантъ и трубитъ въ него изо всѣхъ своихъ могучихъ силъ. Оглушительный звукъ раздается по долинѣ и летитъ далеко, далеко. Карлъ Великій слышитъ, что Роландъ зоветъ его на помощь, и спѣшитъ со своимъ войскомъ къ мѣсту битвы, но, увы, приходитъ сюда слишкомъ поздно. Онъ находитъ въ долинѣ Ронсеваля лишь груды убитыхъ и между ними трупъ своего любимаго рыцаря—Роланда. Такъ повѣствуетъ легенда, но исторія говоритъ о Роландѣ довольно сухо и коротко. Эгингардъ, въ своей „жизни Карла Великаго“, разсказывая о пораженіи, понесенномъ частью арміи франковъ при Ронсевалѣ, прибавляетъ, что въ громадномъ количествѣ убитыхъ въ этомъ сраженіи, было нѣсколько знатныхъ лицъ и въ томъ числѣ Эгингардъ, Ансельмъ и Роландъ. Ни о подвигахъ, ни о доблестяхъ Роланда здѣсь не упоминается ни одного слова. Несомнѣнно лишь одно, что Роландъ палъ при Ронсевалѣ; но народная легенда не ограничилась этою доблестною смертью: она сдѣлала своего героя существомъ сверхъестественнымъ, обладателемъ необычной силы и энергіи. Его безчисленныя приключенія и побѣды передавались на разные лады и образовали цѣлый циклъ легендъ, собранныхъ потомъ вмѣстѣ и составившихъ знаменитую народную поэму „Пѣснь о Роландѣ.“ Имя Роланда стало знаменито и во Франціи, и въ Италіи, и даже дальше, въ Германіи. Разныя чудеса природы приписывались народомъ Роланду и окрещивались его именемъ. Такъ среди снѣжныхъ вершинъ Пиренеевъ до сихъ поръ одно мѣсто носитъ названіе „Brèche de Roland“ т. е. „проломъ Роланда“. По народному преданію, эта разщелина сдѣлана рыцаремъ передъ смертью ударомъ его чудеснаго меча Дюрандаля. Завѣтный мечъ при этомъ ударѣ разбился на куски и такимъ образомъ не достался непріятелю. Близъ Руссильона народъ указываетъ впадину въ скалахъ, которую называютъ „шагомъ Роланда“. Въ Италіи въ Гаэтѣ до сихъ поръ существуетъ башня Роланда и даже въ Германіи близъ Бонна именемъ Роланда названа одна изъ горныхъ вершинъ. Кромѣ того въ Гасконіи памяти Роланда посвящено множество скалъ и пещеръ, а въ Италіи имя его встрѣчается даже на стѣнахъ храмовъ, вмѣстѣ съ его изображеніемъ, и возбуждаетъ въ народѣ до сихъ поръ какое то суевѣрное, почтительное чувство.

Въ церкви.

(Рис, на стр. 353).

Прелестныя произведенія извѣстнаго германскаго художника

Бейшлага, часто имѣютъ предметомъ жанровыя сцены, относящіяся къ среднимъ вѣкамъ. Живописные костюмы того времени, бурная жизнь, разнообразіе событій—все это, естественно, привлекаетъ воображеніе художника. Въ картинахъ своихъ Бейшлагъ, минуя воинственную сторону и политическую жизнь того времени, переноситъ насъ въ сферу частной жизни горожанъ и гордыхъ обитателей замковъ и передаетъ удивительно полно и живо всѣ характерныя черты. Въ этой граціозной картинѣ прелестное личико малютки, котораго мать учитъ молиться, полно милаго, наивнаго, серьезнаго выраженія, и вмѣстѣ съ молодою матерью малютка составляетъ красивую, изящную группу.

Учитель танцевъ.

(Рис. на стр. 356).

Мы уже говорили какое обиліе произведеній Вл. Е. Маковскаго появилось на XIII передвижной выставкѣ, выказавъ все разнообразіе и выразительность его таланта. Картинка, копія которой здѣсь представлена, отличается замѣчательною типичностью: начиная съ обстановки комнаты стараго московскаго дома и кончая каждымъ лицомъ сцены—все схвачено мѣтко и вѣрно. Фигура почтеннаго учителя, увлеченнаго своимъ дѣломъ, показывающаго граціознымъ движеніемъ какъ надо выступать и держать себя въ танцахъ, очень хороша и добродушна. Дѣти, выстроившіяся въ рядъ, съ длиннаго нескладнаго гимназиста до маленькой миловидной дѣвочки, старательно разставляющей толстыя ножки и выглядывающей изъ ряда, старый дѣдушка, пришедшій изъ кабинета полюбоваться на внучатъ, сидящій у входной двери со скрипкой бѣдный старичокъ-музыкантъ—все выполнено одинаково вѣрно и типично.

Малороссы у стола.

(Рис. на стр. 357).

Особенно много этюдовъ того же талантливаго художника, Вл. Е. Маковскаго, на XIII передввижной выставкѣ, посвящено Малороссіи. Мы уже представили въ прошломъ номерѣ копію одного изъ такихъ этюдовъ и настоящій отличается такой же выразительностью и такъ же хорошо изображаетъ медлительныхъ, задумчивыхъ жителей нашего юга, съ ихъ нетороплививыми жестами и спокойнымъ выраженіемъ. Эти сидящіе у стола люди, такъ и видишь ихъ какъ они пойдутъ около своихъ воловъ, углубленные въ себя, флегматически покуривая трубочки и изрѣдка покрикивая на такихъ же медлительныхъ воловъ, тянущихся по родной степи, безконечно зеленѣющей кругомъ подъ чуднымъ голубымъ небомъ юга.

Муха. Фотогр. съ натуры, гравир. О. Ротъ.

Муха.

(Рис. на этой страницѣ).

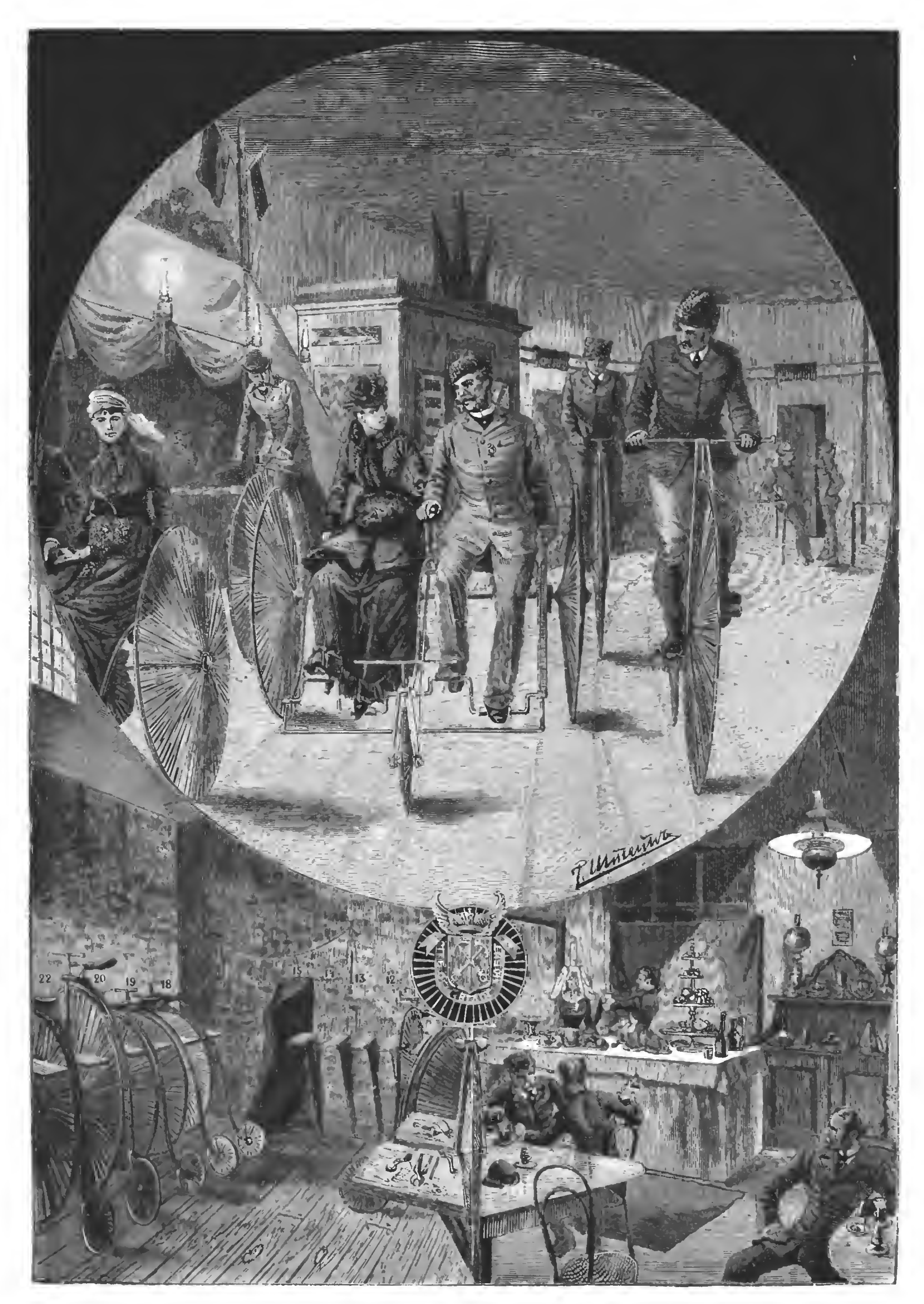
Фотографіи съ натуры, умѣло составленныя, могутъ представить большой интересъ, если выборъ предмета или лица удаченъ, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ. Это премилая жанровая картинка. Премиленькая дѣвочка отрывается отъ своего занятія, нѣсколько испуганная осой, тонкимъ голоскомъ пищащей и летающей около нея и чуть ли не собирающейся ее укусить. Выраженіе личика очень мило и передано талантливымъ граверомъ прекрасно.

С.-Петербургское общество велосипедистовъ-любителей.

(Рис. на стр. 361).

С.-Петербургское общество велосипедистовъ служитъ центромъ сближенія любителей ѣзды на велосипедахъ, задается цѣлями содѣйствовать распространенію велосипеда, какъ удобнаго и пріятнаго средства передвиженія. Руководствуясь такого рода намѣреніями, общество устраиваетъ разныя упражненія и состязанія, въ столицѣ — въ особыхъ помѣщеніяхъ и огражденіяхъ, на окраинахъ—экскурсіи и гонки — безъ всякихъ огражденій. Какъ средства всякаго клуба—средства общества слагаются изъ членскихъ взносовъ, разныхъ пожертвованій и сборовъ съ устраиваемыхъ обществомъ концертовъ, танцовальныхъ вечеровъ, чтеній публичныхъ лекцій по вопросамъ относящимся до задачъ общества. Въ настоящее время общество насчитываетъ въ своемъ составѣ до 70 членовъ, въ числѣ которыхъ состоитъ почетнымъ и постояннымъ посѣтителемъ его высочество принцъ И. П. Ольденбургскій. Общество помѣщается въ зданіи панорамы Карса, но на лѣто проэктируетъ наемъ дачи гдѣ нибудь около Тучкова или Троицкаго моста, откуда удобнѣе отправляться на экскурсіи. Въ приближающееся лѣто обществомъ замышляются разныя увеселительныя и интересныя состязанія, изъ которыхъ назовемъ имѣющій быть въ половинѣ мая бѣгъ на призы въ пользу Общества Краснаго Креста. Тутъ между прочимъ проэктируется одинъ очень интересный номеръ — состязаніе съ рысистою лошадью на дистанцію не менѣе 35 верстъ. Этого послѣдняго рода гонки дали слѣдующіе, интересные результаты въ Англіи: лошадь Ванъ-деръ-Бильдта — прошла англійскую милю = $1^1/_2$ верстамъ въ 2 мин. 09 сек., а двухколесный велосипедъ то же разстояніе—въ 2 мин. 39 сек.; $7^1/_2$ верстъ „Лэди Магъ“ сдѣлала въ 13 мин., а г. Гальеръ въ 14 мин. 18 сек. Какихъ результатовъ достигнутъ наши велосипедисты въ такомъ интересномъ состязаніи — покажетъ время.

Какъ всякій клубъ — общество велосипедистовъ имѣетъ свои довольно строгія домашнія правила, сходныя съ установленіями National Cyclist въ Лондонѣ. Комитетъ общества обращаетъ особенное вниманіе на посѣщеніе собраній велосипедистовъ гостями, съ которыхъ пока никакой платы не берется. Постороннее лицо вводится по рекомендаціи членовъ общества и можетъ кататься въ залѣ не болѣе 3-хъ разъ, и затѣмъ, для продолженія своихъ посѣщеній, должно вступать въ члены общества. Плата съ г. членовъ—10 руб. единовременнаго взноса при поступленіи и 20 рублей — за годовой билетъ. Каждый кандидатъ рекомендуется не менѣе какъ двумя членами, причемъ въ число послѣднихъ могутъ поступать и дамы, для которыхъ имѣются *общественные* велосипеды,—равно какъ и дѣти, которымъ только не предоставлено право голоса въ собраніяхъ общества. Цѣль общества, помимо развитія велосипеднаго спорта, распространяется и на техническую сторону дѣла, т. е. на улучшеніе типовъ велосипедовъ и введеніе ихъ отечественнаго производства. Вотъ основы недавно возникшаго въ Петербургѣ общества велосипедистовъ, которому можно пожелать всякаго преуспѣянія и успѣха.



Клубъ велосипедистовъ на Екатерининскомъ каналѣ, въ СПБ. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. М. Рашевскій.

Отъ Мерва до Герата.

(Карта на стр. 365).

Помѣщаемъ карту части средней Азіи отъ Мерва до Герата, знакомство съ которой является необходимымъ въ виду послѣднихъ событій у границъ Афганистана. Вотъ главнѣйшіе пункты изображенной нами мѣстности. Самымъ высшимъ пунктомъ на нашей картѣ является, теперь покорный намъ, Мервъ—древній городъ, оспаривающій у Балха титулъ „матери городовъ Азіи“ и нѣкогда гордо величавшій себя „царемъ вселенной“. Между Мервомъ и Мешедомъ является крупнымъ пунктомъ нашей карты Серахсъ. Это персидскій укрѣпленный городъ, лежащій въ оазисѣ, который орошается и оплодотворяется водами Гери-руда, или Теджена, гератской рѣки. Къ западу отъ Серахса, на большое пространство, туркмены не имѣютъ городовъ, въ собственномъ смыслѣ слова, а только становища, на берегахъ рѣкъ, постоянныхъ или временныхъ, и источниковъ, вытекающихъ изъ разсѣлинъ горъ. Съ укрѣпленія Бала-Мургабъ, расположеннаго на рѣкѣ Мургабъ, начинается Гератская область. Пропустивъ нѣсколько назначенныхъ пунктовъ, мы находимъ на нашей картѣ названіе, которое теперь у всѣхъ на устахъ—рѣка Кушкъ. Рѣка Кушкъ протекаетъ нѣсколькими рукавами. Нѣсколько селеній, носящихъ одно общее имя Кушкъ, тянутся на протяженіи пяти верстъ по обѣимъ сторонамъ долины, въ которой она протекаетъ. Сама долина имѣетъ ширины до четырехъ верстъ. Дно ея покрыто галькою. Ближайшая населенная мѣстность отъ Герата—это Кусанъ, которая до сихъ поръ лежитъ въ развалинахъ, разрушенная набѣгами степныхъ разбойничьихъ племенъ. По разсказу нашего русскаго путешественника Гродекова, въ Кусанѣ нѣтъ семьи, въ которой кто нибудь не былъ бы въ плѣну у текинцевъ, и всѣ жители ждутъ съ нетерпѣніемъ прихода русскихъ, какъ своихъ истинныхъ защитниковъ и освободителей.

Всемірная выставка въ Антверпенѣ.

(Рис. на стр. 364).

Всемірная выставка въ Антверпенѣ представляетъ любопытный примѣръ того, до какихъ размѣровъ можетъ достигнуть частное предпріятіе. Въ прошломъ году нѣсколько богатыхъ антверпенцевъ, справедливо гордящихся значительными промышленными успѣхами своего города, возъимѣли мысль показать образованному міру то энергическое движеніе, которое менѣе чѣмъ въ полъ-вѣка превратило торговую столицу Бельгіи въ первый портъ европейскаго материка. Они задумали устроить выставку. Нынѣ смѣлый этотъ замыселъ приведенъ въ исполненіе. Пространство въ 220000 квадратныхъ метровъ, на которомъ расположены зданія промышленнаго отдѣла, машинная галлерея и безчисленныя подраздѣленія выставки, все это наполнилось въ избыткѣ. Всѣ государства отозвались на призывъ антверпенцевъ. Выставка состоитъ подъ особымъ покровительствомъ короля Бельгіи, Леопольда II.

Бельгія съ 2400 экспонентовъ займетъ мѣсто въ 30000 квадратныхъ метровъ. За Бельгіей слѣдуетъ Франція, которой отведено 20000 кв. метровъ. Что касается Россіи, то и она будетъ имѣть тамъ участіе. Уже дѣлаются необходимыя приспособленія. Между прочимъ будетъ выслано довольно картинъ нашихъ художниковъ и устроителемъ этого отдѣла посылается нашъ извѣстный талантливый художникъ, профессоръ Ю. Ю. Клеверъ. Самое зданіе выставки, какъ видно на нашемъ рисункѣ, представляетъ грандіозный и великолѣпный видъ.

Политическое обозрѣніе.

Сраженіе при Кушкѣ.—Россія и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Побѣда генерала Комарова надъ афганцами при рѣкѣ Кушкѣ явилась совершенно неожиданнымъ событіемъ среди мирныхъ переговоровъ надъ проведеніемъ новой пограничной линіи между русскими владѣніями въ средней Азіи и Афганистаномъ. Эта побѣда вызвала въ Англіи вопль негодованія; газеты яро обвиняли Россію въ вѣроломной политикѣ и сваливали на нее одну всю вину насильственнаго нарушенія мира. Но факты служатъ очевидно въ нашу пользу; генералъ Комаровъ въ своемъ донесеніи прямо говоритъ, что онъ вынужденъ былъ аттаковать 18-го марта афганскій отрядъ, вслѣдствіе вызывающихъ и явно враждебныхъ дѣйствій афганцевъ. При приближеніи нашихъ войскъ къ Ташъ-Кепри, на нашемъ берегу, у моста оказался занятый афганцами окопъ. Несмотря на переговоры съ начальникомъ ихъ отряда, капитаномъ Истомъ, они день ото дня начали подвигаться къ нашему лагерю. Такъ они заняли командующую лѣвымъ флангомъ нашего лагеря высоту и начали дѣлать тамъ окопы; выставили кавалерійскій постъ въ тылу нашей линіи и, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ нашей переправы, поставили караулъ. На энергическое требованіе нашего главнокомандующаго—очистить лѣвый берегъ Кушка и правый берегъ Мургаба до устья Кушка, начальникъ афганскаго отряда далъ отвѣтъ, что, *слѣдуя совѣту англичанъ*, онъ не отойдетъ за Кушку. Тогда наши войска, вызванныя на бой, аттаковали непріятеля и жестоко наказали его дерзость. Афганскій отрядъ, силою въ 4000 человѣкъ при 8 орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ до 500 человѣкъ убитыми, всю артиллерію, два знамени, и весь лагерь съ обозомъ и запасомъ. Потери съ нашей стороны были самыя незначительныя. По окончаніи боя генералъ Комаровъ перешелъ обратно за рѣку Кушкъ и возвратился на свои позиціи. У насъ извѣстіе о сраженіи при Кушкѣ, не смотря на его блестящій результатъ, было принято спокойно, съ полнымъ убѣжденіемъ, что нашъ главнокомандующій не могъ поступить иначе. Но въ Лондонѣ извѣстіе о событіяхъ въ Афганистанѣ вызвало страшную панику, особенно когда узнали, что лагерь Лемсдена былъ сожженъ афганцами же! Всѣмъ казалось, что Англія накапунѣ войны съ Россіей, и что трудно предвидѣть всѣ послѣдствія столь серьезнаго столкновенія. Теперь, впрочемъ, и въ Англіи стали спокойнѣе относиться къ событіямъ въ Афганистанѣ, и терпѣливо выжидаютъ дальнѣйшихъ извѣстій, которыя бы пролили болѣе свѣта на причины, заставившія русскихъ взяться за оружіе. Гладстонъ и Грэнвиль энергически настаиваютъ на необходимости миролюбиваго улаженія всего этого инцидента.

Газета „Daily News“ надѣется, что суакимская экспедиція приближается къ концу. „Если эта экспедиція, говоритъ она, привела къ тому, что поставила Османа-Дигму въ невозможность что либо предпринять противъ Египта и противъ арміи генерала Вольслея, сосредоточенной въ Корти, то ея цѣль достигнута. Правительство не желаетъ вести ни наступательной, ни завоевательной кампаніи. Пока Махди не угрожаетъ Египту, пока безопасность этой страны и британскихъ войскъ не требуетъ истребленія полчищъ Махди, до тѣхъ поръ нѣтъ повода вмѣшиваться въ его дѣла. Было бы безразсудно идти на Хартумъ лишь для того, чтобы доказать, что мы можемъ войти туда, тѣмъ болѣе, что о присоединеніи всего Судана или его части—нѣтъ и рѣчи. По словамъ дезертировъ, пришедшихъ изъ Хартума въ Мерано, большая часть кардофанской арміи покинула Махди и разошлась по домамъ, объявивъ, что она уже достаточно послужила въ военной службѣ и что цѣль достигнута.

Изъ Гонгъ-Конга телеграфируютъ, что французами заняты „Рыбачьи острова“, которые группой (въ семь островов) расположены въ Формозскомъ каналѣ. Эти острова обилуютъ глубокими и превосходными для стоянки бухтами, которыя можно удобно защищать отъ нападеній съ моря. Архипелагъ Рыбачьихъ острововъ считается ключемъ къ острову Формоза.

По словамъ „Агентства Гаваса“, главные пункты уже заключенныхъ между Франціей и Китаемъ предварительныхъ условій мира, заключаются въ слѣдующемъ: тотчасъ по обнародованіи повелѣнія богдыхана выполнить тянь-тцзинскую конвенцію и очистить Тонкинъ отъ китайскихъ войскъ, всѣ военныя дѣйствія будутъ прекращены и блокада Формозы и Па-Хоя снята. Въ то же время, когда китайскимъ войскамъ будетъ предписано перейти обратно черезъ границу, французскій посланникъ Патенотръ отправится въ Тянь-Тцзинъ, или Пекинъ, для переговоровъ объ окончательномъ мирѣ и объ заключеніи дружественнаго и торговаго договоровъ. Срокъ очищенія Формозы будетъ опредѣленъ особымъ договоромъ. Когда договоръ будетъ подписанъ и подтвержденъ декретомъ богдыхана, послѣдуетъ отмѣна запретительныхъ мѣръ, принятыхъ французскими крейсерами, по отношенію къ доставкѣ военной контрабанды въ сѣверный Китай, при чемъ Франція отзоветъ свой флотъ изъ китайскихъ водъ, а Китай снова откроетъ свои порты для французской торговли.

Изъ Рима пишутъ, что итальянское правительство не предпринимаетъ никакихъ мѣръ относительно снаряженія четвертой экспедиціи въ Африку. Все зависитъ отъ дѣйствій англичанъ въ Суакимѣ. Если англичанамъ удастся нанести рѣшительное пораженіе инсургентамъ Османа-Дигмы, то министерство не пошлетъ другихъ войскъ въ Массову. Если же, напротивъ того, англичане потерпятъ неудачу, то въ Массову будутъ отправлены новыя войска, для усиленія тамошняго гарнизона.

Библіографія.

Изъ Мицкевича. Переводъ Н. П. Семенова. СПб. 1885. Эта весьма изящно изданная книжка содержитъ въ себѣ переводы „Валленрода“ и „Крымскихъ сонетовъ“ знаменитаго польскаго поэта. Переводы отличаются замѣчательною близостью къ подлиннику и весьма уважительнымъ отношеніемъ къ оригиналу, чѣмъ выгодно выдѣляются среди другихъ переводовъ.

Скоромный и постный столъ. А. Толивѣровой. СПб. 1885. Отъ другихъ подобныхъ изданій эта книга отличается весьма замѣтно ясностью и достоинствами изложенія и практичностью совѣтовъ хозяйкамъ. Кромѣ того, здѣсь же есть совѣты и по домоводству, и вообще книгу эту смѣло можно рекомендовать предпочтительно передъ многими этого рода.

Политическое дѣло. Тенета. Романъ К. Тхоржевскаго. СПб. 1885. Чрезвычайно поучительный и высоко-интересный романъ. Въ виду печальныхъ явленій современности, умственныхъ и нравственныхъ шатаній среди нашей молодежи, исторія такихъ печальныхъ, такъ наз., „политическихъ“ дѣлъ представляетъ огромный интересъ. Здѣсь же и разсказъ, кромѣ того, очень увлекателенъ и талантливъ.

Бразильская имперія. I и II отдѣлы. А. Селлина. Лейпцигъ. 1885. Первая часть даетъ общія понятія объ имперіи, знакомитъ съ ея флорой и фауной, историческимъ развитіемъ народа съ самаго начала до настоящаго времени.

Во второй части содержится описаніе отдѣльныхъ провинцій. Въ книгѣ 23 большихъ рисунка, 66 рисунковъ въ текстѣ и карты.

Руководство для угадыванія погоды. Г. Клейна. Лейпцигъ. 1885. Книга имѣетъ большое значеніе для сельскихъ хозяевъ. Руководство отличается легкимъ, понятнымъ изложеніемъ.

Всѣ три послѣднія книги на нѣмецкомъ языкѣ.

Смѣсь.

Герцогская Мейнингенская труппа закончила у насъ, какъ извѣстно, свои спектакли драмой „Разбойники“ и выѣхала въ Москву гдѣ пользуется огромнымъ успѣхомъ. Затѣмъ мейнингенцы намѣреваются посѣтить Варшаву и Кенигсбергъ. Въ Петербургѣ получили до 100.000 р. валоваго сбора; расходы вмѣстѣ съ жалованьемъ составляли ежедневно 4,500 марокъ. Послѣ лѣтнихъ каникулъ они имѣютъ въ виду Пештъ и Грацъ, а къ зимѣ Италію и предполагаютъ начать съ Тріэста, Милана и Венеціи.

Убѣжище для дѣтей рабочаго класса. Капиталъ Общества состоитъ изъ 4,630 р. облиг. 2-го восточнаго займа. Приходъ составлялъ 2,433 р. 11 к., расходъ 1,822 р. 44 к., съ перваго января 1885 г. оставалось 610 р. 67 к. Дѣтей въ теченіи года было 11 822, въ томъ числѣ до 12 человѣкъ полныхъ пансіонеровъ. Убѣжище состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій: школы, колыбельни и отдѣленія для полныхъ пансіонеровъ. Дѣти остаются въ школѣ отъ 9 час. утра до 5 час. вечера; въ колыбельнѣ маленькія и грудныя дѣти остаются пока прійдутъ за ними ихъ матери; въ обоихъ отдѣленіяхъ приходящія дѣти получаютъ обѣдъ изъ 2-хъ блюдъ въ 12 час. и молоко съ хлѣбомъ въ 4 часа; груднымъ даютъ цѣльное коровье молоко. Въ прежніе года была установлена плата въ 5 к. за день, но число платящихъ съ каждымъ годомъ уменьшалось до такой степени, что въ настоящее время изъ 60 дѣтей едва 5 вносятъ установленную плату. Чтобы убѣжище могло болѣе расширить свою дѣятельность, требуется болѣе просторное помѣщеніе, что составитъ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ 500 р. въ годъ, не считая мебель, кровати и т. п. для устройства добавочнаго отдѣленія. Желающихъ помочь пріюту, принявъ на себя часть этихъ расходовъ, просятъ обращаться въ пріютъ, Пески, 3-я улица, № 25, къ надзирательницѣ младшаго отдѣленія Яковлевой; за внесенныя деньги или вещи выдаются ею квитанціи за № и съ ея подписью.

Деньги можно также внести въ Волжско Камскій банкъ на текущій счетъ Общества Убѣжища для дѣтей рабочаго класса.

Какъ пріютъ, такъ и книги расходныя по пріюту открыты для всѣхъ, желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ добрымъ дѣломъ.

На островѣ Готландѣ, найденъ въ верхнихъ каменистыхъ слояхъ допотопный скорпіонъ, существенное обогащеніе палеонтологическихъ коллекцій. Этотъ скорпіонъ похожъ, по строенію и внѣшнему виду, вообще на нынѣ существующихъ представителей этой породы, и отличается отъ послѣднихъ величиною и четырьмя парами короткихъ, заостренныхъ ногъ, прикрѣпленныхъ къ груди и совершенно не похожихъ не только на ноги теперешнихъ скорпіоновъ, но даже на ноги допотопныхъ скорпіоновъ каменноугольной формаціи; это особенно заслуживаетъ вниманія. Palaeophoneus Nuncins—какъ его назвали—древнѣйшее сухопутное животное, доселѣ извѣстное.

Нумизматика. Въ Римѣ, у подножія Палатинскаго холма, возлѣ самаго дома весталокъ недавно сдѣлана удивительная находка—складъ англо-саксонскихъ монетъ, очевидно „лепта Св. Петра“ присланная изъ Англіи. Число монетъ различной стоимости, различныхъ годовъ, простирается до 830-ти: 3 изъ нихъ времени Альфреда Великаго (871—900), 217—Эдуарда I (900—924), 393—Эдмонда I (940—946). Почва „вѣчнаго города“, такъ часто перерываемая, все еще доставляетъ драгоцѣнныя находки.

Пасилингва—всемірный языкъ. Какъ ни несбыточно изобрѣтеніе такого языка, но уже имена Екатерины II и Лейбница, помышлявшихъ о международномъ языкѣ, заставляютъ придать ему извѣстное значеніе. Пасилингва Штейнера не прибавляетъ къ существующимъ уже новаго труднаго языка, но основана на чрезвычайно простой, легкой и понятной международной грамматикѣ, состоящей изъ общихъ корней словъ живыхъ языковъ, особенно изъ самаго распространеннаго международнаго языка, латинскаго. Конечно, рѣчь идетъ о языкахъ образованныхъ народовъ—романскомъ, германскомъ или латинскомъ. Взявъ корень любаго языка, при помощи международной грамматики и, въ случаѣ надобности, при помощи такого же словаря, легко можно будетъ понять другой языкъ.

Сумасшедшіе полипы. У высшихъ животныхъ, стоящихъ ближе къ человѣку, неоднократно наблюдались дѣйствія, свидѣтельствующія о разстройствѣ мозга, но подобныя проявленія у низшихъ животныхъ впервые были замѣчены докторомъ Эйригомъ на полипахъ въ бассейнѣ зоологическаго сада въ Неаполѣ. Случалось не разъ видѣть, что пульпы—восьминогі полипы водящіеся въ Средиземномъ морѣ—начинали поѣдать свои оконечности, обезображивали себя и наконецъ умирали. Самецъ и самка во время ухода за дѣтенышами обыкновенно отказываются отъ пріема пищи и страшно тощаютъ, вслѣдствіе чего смертность между ними увеличивается. Самоноѣдающія пульпы—это именно особи, отощавшія въ упомянутый періодъ. Заболѣвавшимъ животнымъ, начинавшимъ поѣдать оконечности, предлагалась всевозможная пища, но она не принималась. На подобіе того какъ человѣкъ сумасшедшій отвергаетъ пищу, такъ и животное не только ничего не ѣло, но напротивъ отодвигало отъ себя кормъ обглоданной оконечностью и продолжало поѣдать себя. Доказательствомъ тому, что подобныя дѣйствія вызываются не лишеніемъ свободы, служитъ то обстоятельство, что рыбаки неоднократно находили такихъ полуобъѣденныхъ животныхъ въ заливѣ

Въ виду того, что самосохраненіе, которому такъ явно противорѣчитъ самопоѣданіе, есть главнѣйшій инстинктъ всѣхъ организмовъ, дѣйствія больныхъ полиповъ можно приписать только безумію. Самоубійство зачастую называютъ сумасшествіемъ, на основаніи этого самопоѣдающихъ полиповъ можно назвать безумными.

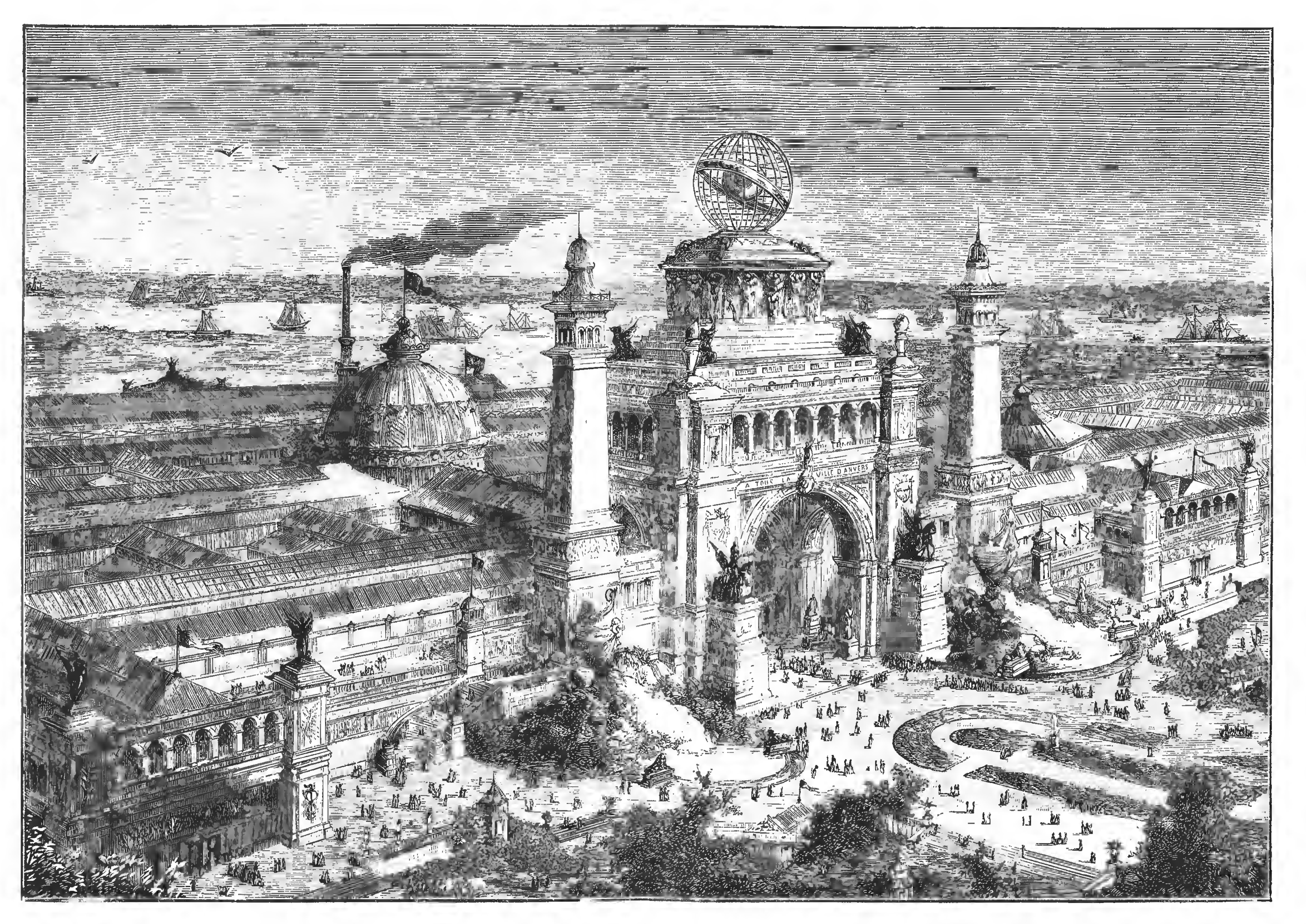
Вдова Іоанна Грея, Елизавета Вудвиль, въ 1465 году вступившая въ бракъ съ англійскимъ королемъ Эдуардомъ IV, въ дневникѣ веденномъ до перваго замужества, говоритъ о времяпровожденіи дамъ и дѣвицъ въ XV столѣтіи: „Понедѣльникъ, 9-го марта. Встала въ 4 часа утра и съ Катериной доила коровъ; била масло въ молочной съ Рахилью; Рахиль обварила себѣ руку—я ей сдѣлала примочку. Въ 6 часовъ: говядина слишкомъ разварилась—я должна бы быть внимательнѣе. Въ 7 часовъ: завтракали съ матерью и прислугой. Въ 8 часовъ: два часа чистила свою лошадь „Тумп“. Въ 10 часовъ обѣдала. Іоаннъ (женихъ) очень хорошо относится ко мнѣ, но мало ѣстъ. Въ 11 часовъ я гуляла и осматривала поле. Іоаннъ оставался со мной и два раза такъ сжалъ мнѣ руку, что просто слезы выступили изъ глазъ и я чуть не вскрикнула. Онъ дѣйствительно премилый, къ тому же ходитъ каждое воскресенье въ церковь. Въ 3 часа: у нашего арендатора Робинзона былъ пожаръ, но впрочемъ скоро потушенъ. Іоаннъ подарилъ ему 4 фунта сгеря. Въ 6 часовъ накормила скотину и птицу. Къ семи часамъ сѣла ужинать. Гусь былъ недожаренъ, а свинина пригорѣла. Мать меня побранила, а все виноватъ Іоаннъ; но все таки онъ славный, красивый молодой человѣкъ. Въ девять часовъ пошли мы спать“.

Новое средство противъ холеры. Итальянскій врачъ профессоръ Фальконі, недавно обратилъ вниманіе на мало извѣстное средство, отлично дѣйствующее въ первыхъ стадіяхъ холеры. Цѣлебная трава, называемая куриной слѣпотой, какъ извѣстно, самое обыкновенное растеніе, часто встрѣчаемое между камнями мостовыхъ. Профессоръ Фальконі рекомендуетъ отваръ 100 граммъ этой травы на 400 граммъ воды и свидѣтельствуетъ ея чудесное дѣйствіе. Онъ самъ уже во время эпидемій 1854 и 1855 годовъ примѣнялъ и обнародовалъ это средство,—оно легко приготовляется дома. Борьба итальянскихъ врачей съ невѣжествомъ мѣстнаго простонародія извѣстна: во время сильныхъ эпидемій, напр. въ Генуѣ въ 1854 году и въ Цассарѣ въ 1855 г., добросовѣстные врачи, первые заявившіе объ эпидеміи, едва не были побиты камнями; печальные случаи послѣдней эпидеміи также еще свѣжи въ памяти. Врачей просто считали отравителями, отказывались принимать прописанныя ими лекарства, больные скрывали болѣзнь, чтобъ не попасть въ руки „палачей“ (какъ они называли докторовъ). Всѣмъ извѣстная, безвредная трава не вызываетъ конечно такого сопротивленія и послужитъ спасеніемъ для противниковъ аптечныхъ лекарствъ. Врачи, во время практики у холерныхъ больныхъ, также пользовались этимъ средствомъ, и оно спасло ихъ отъ заразы; но послѣ періода „угрожающаго поноса“ оно также безполезно, какъ и всякое другое средство.

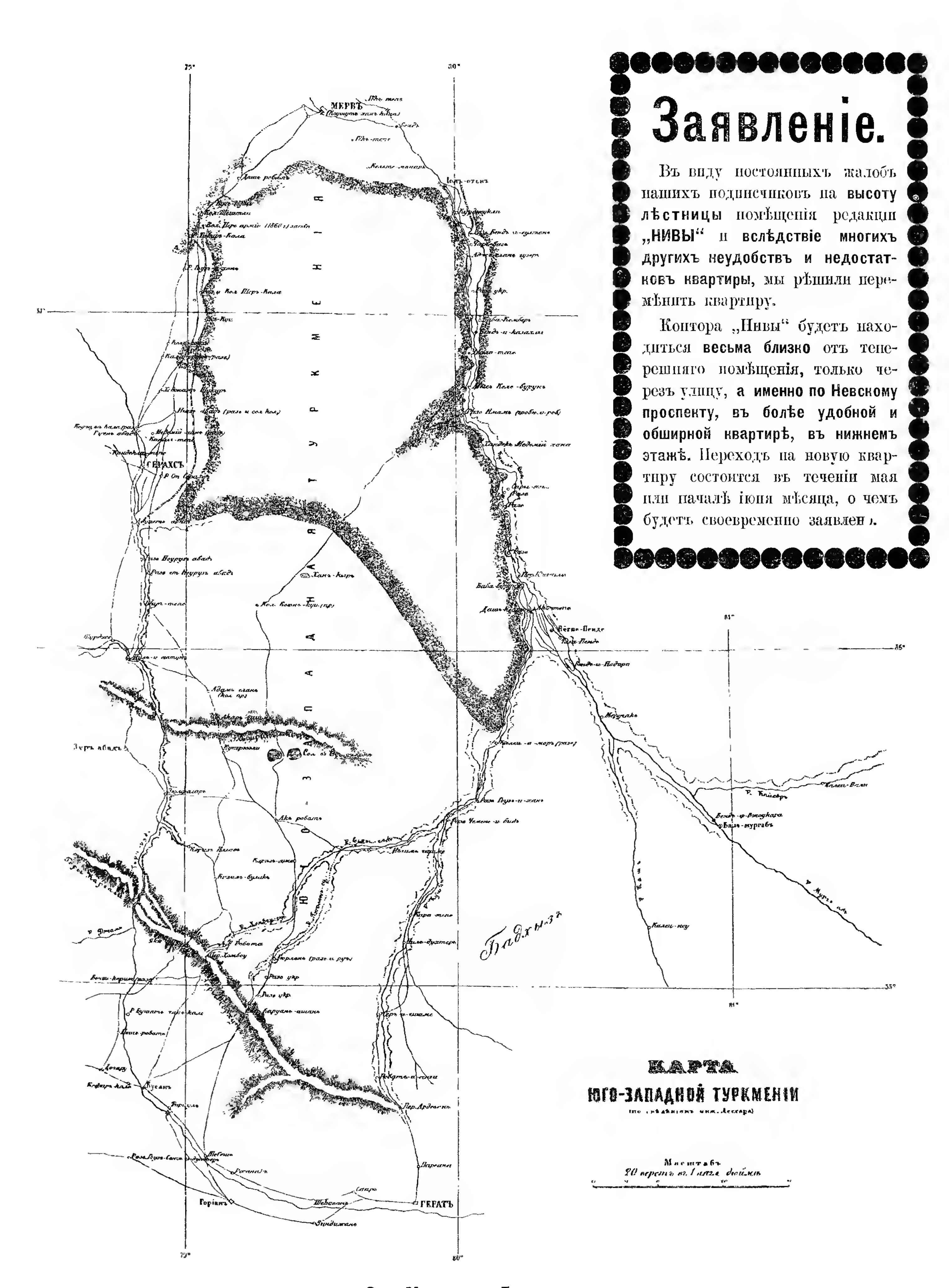
Прохожденіе лучей свѣта въ водѣ Женевскаго озера научно изслѣдовано комиссіей физико-естественнаго общества по иниціативѣ и подъ руководствомъ Сорэ: бромисто студенистыя пластинки, очень чувствительныя къ свѣту, спускали на различную глубину и оставляли тамъ минутъ на десять. Произведенные опыты дали слѣдующіе результаты: 1) дневной свѣтъ проходитъ воду Женевскаго озера на 170 метровъ и даже глубже; сила дневнаго освѣщенія на такой глубинѣ равняется свѣтлой безлунной ночи; 2) на 120 метровъ глубины свѣтъ еще очень силенъ.

Знамя новыхъ штатовъ Конго послужило при похоронахъ. Одинъ шведскій офицеръ, лейтенантъ въ Іонкепинскомъ полку, Перъ Гиитце, отправившись въ Африку, поступилъ на службу Конгской компаніи; 27-го января вечеромъ его ужалила змѣя и черезъ 24 часа онъ скончался. Товарищи похоронили офицера съ военными почестями и покрыли гробъ Конгскимъ знаменемъ за неимѣніемъ отечественнаго покойному флага.

Безспорно дѣйствительное средство удержать народъ отъ посѣщенія винныхъ погребовъ во время службы было употреблено въ одномъ французскомъ городѣ. Мѣстныя власти издали распоряженіе: всѣ гости, находящіеся въ гостиницахъ во время обѣдень и вечерень, имѣютъ право не платить за все потребленное ими. Средство вполнѣ достигло намѣченной цѣли.



Общій видъ съ птичьяго полета вскорѣ открывающейся выставки въ Антверпенѣ (въ Бельгіи).
По рисунку Ш. грав. М. Рашевскій.



От Мерва до Герата.

Рѣшеніе задачи—креста магическ. квадратовъ, № 10.

(Помѣщен. въ № 9 „Нивы“).

					м	е	д					
					с	л	и					
					д	и	ч					
				л	о	т	о	с				
	д	о	м	о	л	и	ф	а	н	о	ч	
	о	д	а	т	и	б	е	т	о	ч	н	
	м	а	т	о	ф	е	н	и	ч	и	ж	
				г	а	т	и	р				
					к	у	м					
					у	с	ы					
					м	ы	с					
				к	о	м	о	д				
а	н	с	т	о	р	а	в	а	у	р	о	д
и	н	о	к	м	а	с	о	н	р	а	м	а
с	о	ф	а	о	в	о	д	а	о	м	а	р
т	к	а	ч	д	а	н	а	й	д	а	р	ы

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Корженевскаго, Всеволожской, Горяевой; **Ирковна**—Фреймана; **Кіевъ** Шилохвастова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 8

(помѣщенной въ „Нивѣ“ № 9).

Бѣлые.	Черные.
1) B 7—C 6	1) E 4—F 5
2) C 6—D 7	2) F 5—E 4
3) C 3—C 4	3) Куда угодно.
4) Конь дасть матъ.	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг: **СПБ.**—Красниковскаго, Кроткова-Мурзалимова, Пасилова, Кояловича, Петрушевскаго, Диковскаго; **Москва**—Рафетова-Бирючъ—Ласкарева, **Благовѣщ. заводъ**—Пудовкина, **Бѣлостокъ**—Вейнрейхъ, **Гатчино**—Мирослава, **Житоміръ**—Вайлундъ, **Кременчугъ**—Варской, **Люблинъ**—Пономарева, **Могилевъ**—Тиховскаго **Муромъ**—Гладкова, **Рогачево**—Повняковой, **Роднинъ** Ю. В., **Рыбинскъ**—Высоцкаго, **Тверь**—Бетулина, **Тифлисъ**—Гребина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 9.

(Помѣщенной въ № 9 „Нивы“).

Бѣлыя:	Черныя:
1) a5 — b6	1) c7 — a5°
2) f4 — e5	2) Df6 — b6°°
3) e1 — f2	3) Db6 — g1°
4) h6 — g7	4) h8 — f6°
5) h4 — g5	5) f6 — f2°°
6) Dd2 — e1	6) a5 — b4
7) a3 — c5 ××	

и дамка и шашка черныхъ заперты.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

Дозволено цензурою. СПБ. 10 апрѣля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ

XVI годъ — годъ XVI
№ 16 — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 Апрѣля 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

А. В. Комаровъ.

Недавно вся Россія была взволнована полученною отъ одного изъ нашихъ доблестныхъ военачальниковъ телеграммою о побѣдѣ, телеграммою, которая читалась и толковалась повсемѣстно съ живымъ увлеченіемъ.

Генералъ Комаровъ доносилъ, что вслѣдствіе вызывающихъ и враждебныхъ дѣйствій афганцевъ, онъ былъ вынужденъ 18-го марта атаковать укрѣпленныя ихъ позиціи, по обоимъ берегамъ р. Кушки. Афганскій отрядъ, силою въ 4,000 чел., при 8 орудіяхъ, разбитъ и разсѣянъ, потерявъ болѣе 500 чел. убитыми, всю артиллерію, два знамени и весь лагерь съ обозомъ и запасами. По окончаніи боя, генералъ Комаровъ перешелъ обратно за р. Кушкъ и возвратился на свои позиціи. Англійскіе офицеры, принимавшіе участіе въ боѣ, видя пораженіе афганцевъ, обратились къ намъ съ просьбою объ охранѣ.

Побѣдитель афганцевъ, Александръ Виссаріоновичъ Комаровъ, родился въ 1823 году и получилъ воспитаніе въ павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1849 году онъ произведенъ въ офицеры лейбъ-гвардіи егерскаго полка и принималъ участіе въ венгерскомъ походѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, откуда въ 1855 году, по окончаніи курса наукъ, поступилъ въ гвардейскій генеральный штабъ, но вскорѣ перешелъ на Кавказъ, гдѣ въ теченіе 1856, 1857, 1858 и 1859 годовъ отличался во многихъ сраженіяхъ и участвовалъ въ плѣненіи Шамиля. Въ шестидесятыхъ годахъ Александръ Виссаріоновичъ былъ назначенъ дербентскимъ градоначальникомъ и начальникомъ южнаго Дагестана. Въ 1869 году, посланъ въ Закаспійскій край, гдѣ провелъ и 1870 годъ, устраивая мангышлакское приставство. Въ 1876 году онъ назначенъ начальникомъ главнаго управленія по завѣдыванію кавказскими горцами. Переѣхавъ на жительство въ Тифлисъ, онъ сдѣлался

Генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

ближайшимъ помощникомъ великаго князя Михаила Николаевича по гражданскому устройству края. Въ 1882 г., до отъѣзда своего въ Закаспійскую область, онъ предсѣдательствовалъ въ археологическомъ съѣздѣ на Кавказѣ, гдѣ стяжалъ себѣ признательность всѣхъ участниковъ за вполнѣ прекрасное руководство занятіями съѣзда. Александръ Виссаріоновичъ пользуется и въ ученомъ мірѣ извѣстностью за свои изслѣдованія. Онъ посвятилъ труды свои орнитологіи и инсектологіи Кавказа и успѣлъ составить весьма богатыя ученыя коллекціи, хранящіяся въ кавказскомъ музеѣ. Въ 1882 году генералъ-лейтенантъ Комаровъ былъ назначенъ начальникомъ Закаспійскаго края, гдѣ въ короткое время умѣлъ пріобрѣсти общее расположеніе и любовь туземцевъ.

Уже съ конца декабря 1883 года стали ходить по Асхабаду слухи, что А. В. Комаровъ, желая воспользоваться впечатлѣніемъ, которое произвело на мервцевъ отправленіе отряда нашихъ войскъ на Теджентъ, поручилъ находившимся въ этомъ отрядѣ штабсъ-ротмистру Алиханову и текинскому маіору Махтумъ-Кули-хану проѣхать въ Мервъ и предложить мервцамъ изъявить покорность и принять русское подданство. Затѣмъ, въ январѣ, заговорили, что попытка эта удалась вполнѣ. 17-го января неопредѣленные слухи перешли въ дѣйствительность: плѣнные были доставлены въ Асхабадъ подъ конвоемъ текинцевъ. Это были первые вѣстники нашей мирной побѣды, принесшей намъ безъ пролитія крови и затратъ цѣлую область съ 200-тысячнымъ населеніемъ. Затѣмъ, 25-го января, прибыла въ Асхабадъ и самая депутація мервцевъ. 27-го января, депутація была принята генераломъ Комаровымъ, поднесла ему прошеніе на Высочайшее имя о принятіи подданства и приняла присягу. Объяснивъ обязанности, которыя возлагаются на мервцевъ взамѣнъ даруемыхъ имъ правъ русскихъ подданныхъ, генералъ Комаровъ объявилъ депутатамъ, кто къ нимъ назначаются окружными начальниками. Депутаты принесли присягу на подданство. 13-го февраля ханы и старшины выѣхали изъ Асхабада. Такъ, благодаря А. В. Комарову, тихо, безъ шуму совершилось крупное событіе: „владыка степи" — Мервъ, гнѣздо разбоевъ и разрушенія, тормозившее развитіе чуть ли не всей средней Азіи, пріютилось подъ сѣнью великой русской державы, чтобъ вступить на путь мирной жизни.

Генералъ-лейтенантъ А. В. Комаровъ 3-й, старшій братъ того генерала-маіора Комарова, который командовалъ кавказской гренадерской дивизіей во время минувшей войны и умеръ отъ раны, полученной подъ Зивиномъ, и Константина Комарова, бывшаго начальника Ардаганскаго отряда, впослѣдствіи батумскаго губернатора.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Продолженіе).

XI.
Африканка.

Заломивъ назадъ свои прекрасныя руки, въ жаркой и душной уборной, стояла у зеркала Нина Борисовна. Сейчасъ выходить. Четвертое явленіе. Сквозь полуотворенную дверь она разслышала восторженную фразу Васко-де-Гама: „Безсмертье—для меня!" Еще минута и она на сценѣ. О какъ бы теперь дорого дала она, чтобы сегодняшняго дня не было... Еслибы еще она не знала, еслибы ее не предупредили, что для нея готовится! Какъ тяжело, какъ тяжело! И все это будетъ непремѣнно. Иначе не оглядѣла бы ее съ такимъ торжествующимъ видомъ Досужева, не фыркнула бы госпожа Бабкина, проходя мимо. Да кромѣ того ей и напомнили. Вонъ на столѣ лежитъ анонимное письмо. Совѣтуютъ ей смотрѣть въ оба, „потому что не всегда же интриганка будетъ безнаказанна". Это она-то интриганка! Да противъ кого же?

— Нина Борисовна!.. улыбающійся режиссеръ просунулъ голову въ двери. Пожалуйте... и онъ живо сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ.

Раевская быстро опустилась на колѣни... Кроткое лицо Богоматери печально смотрѣло на нее съ иконы.

— Спаси меня... Помоги мнѣ!.. только и могла проговорить бѣдная дѣвушка...

Она уже у кулисы. Вонъ Васко. Красивъ сегодня Барсовъ! Онъ поетъ о невольникахъ, купленныхъ имъ. „Пусть войдутъ..." слышится густой басъ донъ Педро. „Дай мнѣ силу выдержать!.." закончила свою молитву Нина Борисовна и, вмѣстѣ съ Арчибальди-Нелюско, вышла на сцену... Никто не аплодируетъ... Тишина... Публика точно притаилась... Такъ звѣрь притаивается передъ рѣшительнымъ прыжкомъ. Она подняла глаза... обвела товарищей. Ни въ комъ, кромѣ Акулова, нѣтъ признака участія. Всѣ улыбаются, или отворачиваются отъ нея... Въ кулисахъ собралась остальная труппа. Точно ждутъ когда начнется скандалъ... Ей—нѣтъ. Голосъ не слушается... На нее съ удивленіемъ смотритъ капельмейстеръ...

...Вдали отъ береговъ родимой стороны
Застигла буря насъ... Мы не могли вернуться,
Насъ взяли въ плѣнъ—рабами стали мы!..

Докончила она дрожащимъ, неувѣреннымъ голосомъ. Легкое шиканье послышалось слѣва. Она не взглянула даже туда. Она знала, что все это сегодня будетъ... Клака ждала слѣдующаго акта. Что это, какъ кричитъ сегодня Арчибальди... Ему вѣрно хочется заглушить ее... Старая исторія, и оркестръ ведется forto... „Какой я дамъ отвѣтъ—рабамъ отчизны нѣтъ!" Едва-едва окончила она свою партію. До слѣдующаго акта она можетъ уйти, спрятаться въ уборную... Не видѣть враждебныхъ лицъ, всего чуждаго ей міра!.. А можетъ быть обойдется, и ничего не будетъ... Вѣдь не всѣ же безъ чести и безъ совѣсти. Можетъ быть она напрасно волнуется... О еслибы такъ... еслибы такъ!.. Она въ чудеса когда то вѣрила, вотъ теперь бы случиться чуду. И опять она полными слезъ, прекрасными глазами смотритъ на печальную Богоматерь съ Божественнымъ Младенцемъ на рукахъ... Кто то стукнулся въ дверь къ ней.

— Послушайте, Нина Борисовна, врывается весь взволнованный Акуловъ. Что вы имъ въ руку играете... Куда вы голосъ спрятали? Покажитесь публикѣ... Говорю я вамъ... Эхъ вы!.. Тутъ то вамъ и развернуться!..

— Страшно... Сама чувствую что скверно...

— Еще бы... чего хуже... За васъ досадно... Нате-ка, хлебните!.. Да побольше.

— Что это?.. отвела она рукою какую то фляжку и крошечную рюмку.

— Да ужъ не разсуждайте, что!.. Коньякъ—вотъ что... Смотрите, вѣдь я самъ изъ за васъ, ни на что не похожъ... Пейте, пейте, я вамъ дѣло говорю... Знаю... Не лимонадомъ же бодрить себя.

Коньякъ обжогъ ей горло, ударилъ въ голову...

— Ну, будьте же молодцомъ—вамъ начинать.

Въ кулисахъ она наткнулась на директора... Тотъ какъ увидѣлъ ее, такъ и набросился:

— Такъ нельзя-съ... Такъ нельзя-съ... Помилуйте. Публика жалуется—не слыхать совсѣмъ. Коли голоса нѣтъ такъ и контракта бы не заключали... Кажется не щепками я плачу... Три тысячи-съ... Покорнѣйше прошу пѣть-съ какъ слѣдуетъ, не модничать, да-съ!.. Вонъ и господинъ Барсовъ на васъ жалуется...

Барсовъ тутъ же, на сценѣ. Онъ укладывался уже на каменную скамью...

— Вы на что жаловались? обратилась она къ нему.

Барсовъ приподнялся.

— А то что если вы со мною дуэтъ будете такъ вести, то вы меня зарѣжете—слышите!.. Я васъ предупреждаю, что я уйду со сцены—оканчивайте сами, какъ знаете.

Онъ старался не глядѣть ей въ глаза...

Прелюдія оркестра... грустный мотивъ скрипокъ. Тихо приподнимается занавѣсъ... Она еще не совладала съ собою... Кто то шикнулъ изъ партера... „Склонись ко

мнѣ—на грудь ко мнѣ—сынъ солнца!..“ Голосъ ея звучитъ все увѣреннѣе и увѣреннѣе... Прежняя гибкость въ немъ. „Съ моря вѣтерокъ—лети, вечеръ недалекъ—гляди!..“ Лопнула струна на чьей то скрипкѣ... Въ партерѣ засмѣялись... Все равно—она теперь взяла себя въ руки. Широкимъ, полнымъ страсти и нѣги разливомъ несется музыкальная фраза „Засни скорѣй, о милый мой!.. Молю то пламя затуши, что день и ночь горитъ въ моей груди... Нѣтъ больше силъ...“ Капельмейстеръ оборвалъ оркестръ раньше... Публикѣ показалось, что она затянула, въ разладъ съ акомпаниментомъ пошла. Все равно... Вотъ она наклоняется надъ спящимъ Васко: „Люблю тебя лишь одного я... Въ тебѣ одномъ вся жизнь моя...“ Послышались аплодисменты... Нелюско не далъ имъ разгорѣться... Слѣва раздалось звучное: „честь царицы спасти обязанъ я...“ Начался дуэтъ...

Архаровцевъ кончилъ свою арію... Громъ аплодисментовъ... Арчибальди схватилъ ее за руку и подвелъ къ рампѣ... Прямо въ лицо ей изъ партера и ложъ: „Арчибальди... solo!.. не нужно Раевскую...“ крикнулъ кто то... Въ райкѣ загоготали... Сконфуженная, она отошла назадъ... „Такъ тебѣ и надо!“ Продолжаетъ все тотъ же голосъ... Нина Борисовна видитъ какъ полицейскій сорвался изъ третьяго ряда... Наверху суматоха... Выводятъ кого то... „Что же намъ навязываютъ безголосныхъ пѣвицъ...“ во все горло оправдываются тамъ... „Подходите ко мнѣ—ко мнѣ... ближе!“ шепчетъ ей Васко-де-Гама... Совсѣмъ растерявшаяся, она поетъ опять обернувшись къ публикѣ спиною. Ее неслышно... „Какъ мнѣ дорога ты—мой ангелъ небесный!“ пѣлъ Барсовъ. Онъ схватываетъ ее за голову... Поворачиваетъ къ себѣ и Нина, растерявшись, пропускаетъ свое: „Вѣрить не смѣю себѣ“. Она видитъ какъ капельмейстеръ отчаянно машетъ на нее палочкой... Она наконецъ вырывается изъ рукъ Васко и когда оркестръ уже оканчиваетъ „счастьемъ все дышетъ во мнѣ“—бѣдная, она продолжаетъ еще только:

„Правда ль—ему дорога я“—подъ смѣхъ партера и шиканье изъ ложъ... Вѣрно изъ тѣхъ семи ложъ, о которыхъ говорили двое посѣтившихъ ее молодцевъ... Опустивъ голову, какъ виноватая, она отходитъ въ сторону, когда отворяется дверь тюрьмы.

Донъ Педро ведетъ Инесу... Инеса—Лолошка, съ манерами субретки дурнаго типа, подбѣгаетъ къ рампѣ. Увидѣвъ ее, публика аплодируетъ... Въ *тѣхъ* ложахъ бѣснуются... „Бабкина браво... браво Бабкина!..“ Очевидно эти восторги направлены противъ Нины.

— Вы пѣть не умѣете!.. шепчетъ ей Барсовъ въ то время какъ размалеванная Лолошка присѣдаетъ во всѣ стороны у рампы, посылая въ публику поцѣлуи... Лолошка знаетъ, что пока она будетъ кланяться и благодарить, до тѣхъ поръ и публика не перестанетъ аплодировать... Она длитъ сладкія мгновенія...

— Вотъ партія то и не вызывная, а какъ мою дочку встрѣчаютъ!.. слышится въ кулисахъ...

— Да, я съ этой Раевской убилъ бобра!.. недовольно отвѣчаетъ директоръ...

— Понимаете?.. оборачивается Барсовъ къ Нинѣ. И торжествующая улыбка пошляка еще больше ее оскорбляетъ.

— Понимаю и благодарю васъ! презрительно отвѣчаетъ Нина.

Она совсѣмъ разволновалась. Ея угрожающій жестъ когда она слышитъ имя Инесы вышелъ просто смѣшонъ... Въ септетѣ она уже не пѣла, а стояла, опустя глаза и моля только о томъ, чтобы поскорѣе окончился этотъ ужасный актъ. Она забыла все, что должна была дѣлать и въ концѣ акта вмѣсто того чтобы броситься къ Васко—ушла въ кулису; быстро, мимо недоумѣвающихъ хористовъ, вбѣжала къ себѣ въ уборную и заперлись, дала наконецъ волю истерическимъ рыданіямъ... Никто не мѣшалъ ей. Никто не явился ни съ сожалѣніями, ни съ упреками. Она могла оставаться одна—еще нѣсколько минутъ. Послѣ третьяго акта она опять ушла сюда и къ четвертому уже успокоилась совсѣмъ... Въ третьемъ актѣ—ее не замѣтили. Она настолько овладѣла собою, что не спутала ни разу. Въ ея положеніи и это было успѣхомъ.

На сценѣ живутъ мгновеніями. Полчаса назадъ она рыдала и билась въ креслѣ, теперь, напротивъ, она точно передъ боемъ стояла, стиснувъ зубы и нахмурясь... „Что я за слабонервная дрянь такая!“ разозлилась она на самое себя... Когда даже Акуловъ за кулисами отшатнулся отъ нея—она только улыбнулась. Неуспѣхъ въ этомъ мірѣ ужасенъ тѣмъ, что даже друзья не узнаютъ ее когда пройдетъ она мимо нихъ, растерянная и освистанная. Какъ зачумленная будетъ артистка пугать всѣхъ, пока благосклонность капризнаго властелина-публики не сниметъ отлученія... Акуловъ, еще въ началѣ спектакля ободрявшій ее, теперь отошелъ прочь. Онъ боялся за себя, боялся стать противу всѣхъ. Онъ не былъ героемъ: всѣ эти сценическіе герои—ходульные, когда опустится занавѣсъ и они сотрутъ свои румяна и снимутъ яркіе, мишурные костюмы, они оказываются трусливѣе и малодушнѣе послѣдняго изъ восторгавшихся ими зрителей... „Какая я слабонервная дрянь!“ повторяла она про себя и съ вызывающимъ видомъ смотрѣла въ лицо всѣмъ этимъ радовавшимся ея неуспѣху. Она сознавала въ себѣ силы, она понимала, что въ сегодняшнемъ неуспѣхѣ—виновата сама. Ничего бы не подѣлать и клакѣ. Передъ ней еще четвертый актъ... У нея еще великолѣпная арія пятой картины... Есть время загладить все, заставить забыть все. И когда Акуловъ опять встрѣтился съ ней. Нина невыдержала:

— Погодите еще, Иванъ Семеновичъ. Дождитесь конца оперы.

Вотъ и четвертое дѣйствіе... Электрическій свѣтъ ярко зыблется на золотистыхъ вершинахъ пальмъ... Тяжелый индійскій храмъ слѣва, могуче вздымается изъ густой чащи отовсюду охватившихъ его священныхъ деревъ. Легкая колонада дворца. Толпа народа радостно встрѣчаетъ Селику, которая, вся въ золотѣ и каменьяхъ, величаво раскинулась на носилкахъ... Вызывающе смотритъ она въ партеръ... Она видитъ—къ несчастію слишкомъ зорка Раевская—она видитъ этихъ улыбающихся людей, весь этотъ жалкій фонъ театра, этихъ Манделей, Повиликиныхъ, безсмысленно выпучившую на нее глаза клаку. Она видитъ ихъ, какъ царица, окидывая сверху до низу взглядами. Какъ царица оскорбленная, знающая что сейчасъ этотъ звѣрь, готовый разорвать ее, станетъ лизать ей руки!.. „Погодите...“ думала она сходя на землю... Нелюско и хоръ жрецовъ клянутся чтить ее... Она сама должна повторить клятву—надъ золотой книгой. „Я клянусь!..“ могуче звучитъ ея сопрано, покрывая оркестръ... Только два слова—но они заставили приподняться слушателей... Это совсѣмъ не то! Барсовъ изъ за кулисъ уловилъ ея торжествующій взглядъ... Онъ холодомъ обдалъ его... И все же, красота Раевской одуряюще дѣйствовала на него. „Освистанная или торжествующая—а она должна быть моей... Въ крайнемъ случаѣ брошу Досужеву...“ Теперь уже не то. Она ждетъ у кулисъ... Она презрѣніемъ встрѣчаетъ насмѣшливые взгляды, когда Лолошка, по хамской привычкѣ своей, фыркнула—она прямо обернулась къ ней.

— Что вамъ угодно!.. смѣрила ее съ ногъ до головы Нина.

— Я... я ничего. Ленту поправить у васъ.

— Поправьте... И она улыбаясь повернулась къ Бабкиной.

Бабкина смутилась до того, что дѣйствительно поправила какую то кисть роскошнаго костюма.

Спасенный отъ смерти 3-лѣтній Размысловъ, вытащенный 10 февраля изъ-подъ развалинъ дома Вяземскаго въ СПБ. Ориг рис. Мэри, грав. Ю. Барановскій.

XIII передвижная выставка. „Малороссы“. Картина В. Е. Маковскаго. По фотогр. Якобія, грав. Флюгель.

— Спасибо, милая! сказала Нина и, кивнувъ головой, пошла прочь.

На сценѣ толпа полудикихъ воиновъ занесла топоры надъ головою Васко...

„Ну что жъ—пробилъ мой часъ! Умру я какъ герой! идемъ!“ звучитъ его тенорь. „Остановитесь!..“ показывается Селика на ступеняхъ храма.

„Селика... Тебя ли вижу я, какъ съ неба ты явилась на спасенье!..“ „О еслибъ ты цѣнилъ!“ глубокою печалью проникнутъ голосъ Нины... Вступаются жрецы... Васко грозитъ смерть... „Молчи...“ поетъ она ему. „Забудешь все потомъ... Сама судьба его на вѣкъ соединила со мной—царицей вашей!“ Во весь ростъ выпрямляется она, словно выростаетъ. „Рабынею была въ далекомъ я краю—онъ на чужбинѣ спасъ и жизнь и честь мою...“

Селика стояла передъ жрецами, Селика—царила надъ внезапно заинтересовавшимися зрителями... Вотъ клятва Нелюско... Всѣ уходятъ... Она одна остается съ Васко. „Прости! бѣги отъ насъ, бѣги съ своею славой... Страданье, мнѣ оставь... Ты никогда не могъ... Ты не хотѣлъ любви моей понять...“

„О! своего не сознавалъ я счастья... О, замолчи... Теперь я твой... Отнынѣ сердце будетъ биться лишь для тебя одной!..“

Какъ хороша была она, когда, въ порывѣ страсти и радости, бросилась къ Васко... Сомнѣнія разрѣшились. Она любима... Могучею волной льется ея голосъ... Она наполняетъ имъ весь театръ... Звуки, вызывающіе на глаза слезы... Капельмейстеръ нарочно велъ оркестръ forto—но и онъ невыдержалъ, артистическая жилка и въ немъ сказалась... Одушевленнѣе замахалъ онъ палочкой... Васко и Селика клянутся любить, забыть прошлое. Безоблачное небо, рай передъ ними, рай, полный свѣтлыхъ грезъ и волшебныхъ вдохновеній...

— Браво, браво... рвется публика... Аплодисменты покрываютъ все... „Браво! браво! Раевская! браво!“ Занавѣсъ опускается... Ее вызываютъ... Что это... Сквозь восторги сначала прорывается робкое шиканье... Шиканье ростетъ... Клака старается заработать свои деньги... Въ *тѣхъ* ложахъ—крайнихъ, бѣснуются голодныя партіи, подкупленныя Манделемъ и Барсовымъ—шиканье ростетъ, ростутъ и рукоплесканія... Выходить ли? Разумѣется выходить... Вѣдь она знаетъ *кто* ей шикаетъ—обращать ли на нихъ вниманіе! И она выходитъ... Какъ царица останавливается у рампы... Вонъ изъ той ложи особенно озлобленно свистятъ ей. Раевская поднимаетъ туда глаза... и низко-низко кланяется клакерамъ.

— Браво, браво! звучитъ еще громче. Уходя за кулисы, она сталкивается съ Досужевой.

— Раевскую соло... Не нужно Раевскую... Барсова!.. бѣснуются въ театрѣ.

— Не рано ли вы отвернулись отъ меня, Акуловъ... грустно упрекаетъ его Нина Борисовна.

— Что голубушка. Всѣ мы!.. Эхъ! сконфуженно оправдывался Акуловъ...

Вотъ и послѣдняя картина. Знойное небо опрокинулось надъ теплымъ, мерцающимъ моремъ. Въ неоглядную даль уходитъ его густая лазурь. Пологій зеленый мысъ—на немъ раскинулась губительная манценилла, широко разбросались ея могучія вѣтви... Полную тихой грусти арію играетъ оркестръ... Въ тихую грусть врываются медлительные торжественные звуки. Кажется что это видѣнія умирающаго. Какъ будто приподнимается передъ его гаснущимъ взглядомъ голубое небо, и за нимъ, полная блеска и славы, раскидывается безконечность...

Медленно показывается Селика... Она рѣшилась умереть. Зачѣмъ ей жить, отвергнутой и брошенной... Отсюда видитъ она безпредѣльное море, глубокое какъ ея тоска... Волны за волнами несутся по его простору. Такъ и страсть въ ея душѣ. „О грозный манцениллъ, храмъ зелени роскошной! Широко раскинулись твои вѣтви... Пришла къ тебѣ искать успокоенія... Твоя вѣчная тѣнь—тѣнь могилы...“ Нѣтъ въ ней ненависти... Она простила всѣмъ... „Будь счастливъ Васко!“

Вздохи арфы сливаются съ грустнымъ напѣвомъ. Но что это... изъ ложи направо слышится смѣхъ... Налѣво подхватываютъ шиканьемъ... Публика въ недоумѣніи... Какой то мужикъ въ красной рубахѣ, должно быть изъ театральныхъ плотниковъ, выпятился на самую сцену... Позади за нимъ спряталась почтенная маменька Лолошки. Мужикъ выпучилъ глаза и глазъ не сводитъ съ Селики... Голосъ ея дрогнулъ... Въ ложахъ запикали сильнѣе... Шиканье ростетъ и ростетъ. Какой то пьяный въ райкѣ запѣлъ пѣтухомъ. Клака работаетъ изо всѣхъ силъ. Вонъ артельщикъ, должно быть изъ ближайшей къ сценѣ ложи, наклонился и бросилъ что то—въ залѣ засмѣялись... Раевская машинально подходитъ—банный вѣникъ у ея ногъ. Гордость женщины, негодованіе артистки проснулись въ ней. Она подошла къ рампѣ, блѣдная, какъ смерть... Оркестръ замеръ...

Зала разомъ смолкла. Слышно какъ тяжело дышетъ кто то... Точно всѣмъ стыдно стало... Нина какъ будто хотѣла сказать что то. Она раскрыла губы... Грудь волнуется... Безсознательно артистка прижала руку къ сильно бьющемуся сердцу—но не успѣли слушатели еще сообразить въ чемъ дѣло, какъ она съ глухимъ шумомъ, какъ подкошенная, упала на полъ...

XII.

Перемѣна декорацій.

Раевская проснулась. То есть она за все это время не разъ и просыпалась и засыпала снова, но она не помнила, что съ нею... Теперь—она узнала свою комнату... Былъ вечеръ... Она съ недоумѣніемъ привстала... Давно ли? Когда она раздвинула драпировку,—удивленіе ея усилилось. За столомъ на диванѣ лежала какая то совсѣмъ незнакомая ей особа... Лица ея она еще не видѣла... Но костюма никакъ не могла понять... Ноги въ розовомъ трико, коротенькая юночка, поднявшаяся вверхъ отъ дивана, и какой то глазетовый корсажъ... На полъ брошенъ старый салопъ... Что бы это значило? Нина Борисовна попробовала привстать, но не могла, и безсильно откинулась назадъ. Шумъ этотъ разбудилъ лежавшую на диванѣ. Она описала въ воздухѣ легкій пируэтъ и разомъ встала на ноги... Юночка ея заколыхалась во всѣ стороны, когда она подошла къ постели Раевской...

— Что это со мной? проговорила та... Господи, да это вы, Серафимочка?

Серафимочка въ томъ же театрѣ служила танцовщицей—и до сихъ поръ Раевская ее не замѣчала вовсе.

— Я, Нина Борисовна... Не надо ли вамъ чего? Ну, слава Богу—наконецъ вы опомнились... всплеснула она руками.

— Что вы здѣсь дѣлаете? въ этомъ платьѣ.

— Да мы съ мамашей недѣлю уже около васъ. Вы вѣдь и не знали, а мы живемъ тутъ же, въ одномъ корридорѣ съ вами. У насъ комнатка въ уголку... Маленькая... Ну, какъ васъ господинъ Акуловъ привезъ тогда изъ театра, вы совсѣмъ не въ себѣ были, маменька и рѣшили, что никому какъ намъ смотрѣть за вами... Мы все и дежурили... Пока я сегодня въ театрѣ была... въ Риголетѣ танцовала, около васъ маменька сидѣли. А они теперь поскорѣй побѣжали въ аптеку за питьемъ для васъ, я торопилась тоже изъ театра—да вотъ такъ, не переодѣвшись, къ вамъ и попала.

И Серафимочка, засмѣявшись, ударила ладонями по юночкѣ, такъ что та вся откинулась назадъ.

— Вы добрая, Серафимочка... Какъ благодарить васъ!

Слезы ей навернулись на глаза. Вотъ не ожидаешь откуда помощь придетъ.

— Что же, помилуйте... Мы васъ такъ любимъ всѣ... на сценѣ.

— На сценѣ любятъ... Что вы, Серафимочка, полноте...

— Вѣрно, Нина Борисовна... Большіе точно что противъ васъ, а мы всѣ вотъ, и хористы съ хористками тоже—мы васъ очень любимъ. Очень любимъ... И Серафимочка совершенно неожиданно схватила и поцѣловала руку Нины Борисовны.

— За что же любить меня?

— А потому вы за людей насъ считали. Тѣ вѣдь какъ съ нами обращаются, съ горничными лучше. А вы всегда съ нами хорошо... Мама у меня больная,— вы ее два раза въ каретѣ домой довезли. Разъ я танцовала, а вы сидѣли; вы меня подозвали и приласкали. Мы все помнимъ... Господинъ Акуловъ у васъ тоже часто бывалъ... Сегодня еще они были... Ужъ я и незнаю хорошо ли они сдѣлали.

— Что такое?

— Да вы все про Кашинцева какого то говорили. Не въ себѣ были. Портретъ его требовали. Господинъ Акуловъ вамъ давалъ разные портреты, пока на настоящій не напалъ. Вы и давай цѣловать его... портретъ то. А на портретѣ то—городъ, гдѣ снятъ онъ... Акуловъ возьми да и телеграфируй туда... Авось, говоритъ, найдутъ его... Коли хорошій человѣкъ — пріѣдетъ, а коли дурной—и Богъ съ нимъ.

— Когда это онъ сдѣлалъ! вдругъ оживилась Нина.

— Вчера вечеромъ... Самъ и на телеграфъ побѣжалъ. Вотъ тоже Крестовоздвиженскій справлялся объ васъ.

— Какъ Акуловъ придетъ—вы ему скажите, что за эту телеграмму я ему очень благодарна.

— Видите! обрадовалась Серафимочка.

Въ дверь другой комнаты постучали, помахивая юпочкой во всѣ стороны и подпрыгивая по балетной привычкѣ на поскахъ, Серафимочка побѣжала туда... Тамъ она зашепталась съ кѣмъ то... Нина слышала только какъ она радостно сообщала: „Совсѣмъ опомнилась... Со мной разговаривала... Сейчасъ только что“.—„Ну и отлично, ну и слава Богу!...“ отвѣтилъ старушечій голосъ и вмѣстѣ съ танцовщицей въ спальню къ больной вошла маленькая толстая старушка. „Ну ты, стрекоза, бѣги теперь, переодѣнься... А я посижу... И слава Богу, и слава Богу. Скоро и совсѣмъ здоровы будете, Нина Борисовна!..“ Серафимочка сдѣлала скачекъ на воздухѣ, перевернулась на носкѣ, упала въ позѣ умирающей наяды на салонъ, лежа обернулась въ него и, вскочивъ, съ громкимъ смѣхомъ убѣжала въ корридоръ.

— Какъ васъ и благодарить—не знаю... начала было Нина... Старушка перекрестила ее и поцѣловала въ лобъ.

— Чего благодарить. Мы люди бѣдные. Привыкли... Другъ за друга, а Богъ за всѣхъ... Слышу—вы больны... Акуловъ сказалъ... Ну я сейчасъ же его то прогнала: не мужчинское дѣло,—да сама съ дочкой къ вамъ навязалась... хорошая вы моя!... Семь дней вѣдь вы провалялись. Докторъ сказалъ что ничего опаснаго нѣтъ, а покой только требуется, да уходъ!

— Какая дочь у васъ милая, добрая...

— Серафимочка то... Въ строгости я ее выростила, что говорить. Ничего что театръ—баловаться то я ей не давала. Пошлетъ Богъ хорошаго человѣка—успокоитъ она меня. Я вѣдь какъ. Первое то время я отъ нея ни на шагъ. Вотъ теперь только, эти два дня, безъ меня она по уборнымъ. Ну, да теперь я спокойна. Теперь ничего, знаю ее... Я вѣдь, матушка вы моя, и сама на театрѣ выросла. Мужъ то мой тоже театральный былъ... Въ суфлерахъ... Вонъ мы какъ... Сказывала дочка вамъ, что Акуловъ депешу послалъ?.. Какъ его фамилія такая еще... патрету вотъ этому...

— Ну?

— Въ тую же ночь и отвѣтъ пришелъ. Вчера это было...

— Ну? взволновалась Раевская, кровь прилила къ ея сердцу... Что если отказъ, что если онъ позабылъ ее. Видѣли вы отвѣтъ? Говорилъ вамъ Акуловъ?

— Какже. Ентотъ самый—пишетъ: „Сейчасъ выѣзжаю и самолично, значитъ, черезъ два дня буду...“

— Завтра слѣдовательно.

— Вотъ именно.

Нина Борисовна протянула свои похудѣвшія руки, схватила старушку за голову, прижала къ себѣ и поцѣловала.

— Обрадовалась! засмѣялась старуха... Что жь онъ— женихъ тебѣ, перешла она сразу въ материнскій тонъ.

— Сватался когда то... да я отказала... Любитъ очень онъ меня. А я думала что не его люблю...

— Анъ вышло то иначе... На повѣрку онъ оказался— такъ; что же, это бываетъ. Ну что жъ, дай Богъ, дай Богъ... У насъ въ театрѣ мужъ нуженъ. У насъ безъ мужа нельзя...

На другой день когда Нина проснулась—ей рядомъ въ комнатѣ послышались чьи то голоса. Говорили шепотомъ, очевидно не желая разбудить ее. Она позвонила. Къ ней въ спальню вошла Серафимочка.

— Милая, хорошая... бросилась она цѣловать больную... Какой красавецъ тамъ ждетъ васъ!.. Ласковый такой, высокій...

— Пріѣхалъ? обрадовалась Нина. Давно ли?

— Онъ часа два тутъ.

Нина привела себя въ порядокъ, накинула блузу. Когда Сергѣй Федоровичъ вошелъ, она порывисто протянула ему руку и заплакала...

— О чемъ... о чемъ Нина!.. А я браниться съ вами буду... И не отойдетъ пока не выскажусь. Такъ то исполнили вы свое слово, обѣщаніе. Мнѣ все разсказалъ этотъ Акуловъ. Онъ и встрѣтилъ меня въ вокзалѣ. По портрету узналъ. Вамъ жутко было, а вы забыли нашъ уговоръ. Отчего вы тогда же не телеграфировали мнѣ...

— Почемъ я знала... Столько прошло времени... Вы могли забыть... Да и какъ же я бы это сдѣлала, развѣ *теперь* я имѣю право...

— Нина, что это за трагическое „теперь“. Разумѣется всегда имѣли, имѣете и будете имѣть это право.

— Стыдно было... Сколько безсонныхъ ночей я продумала о васъ. Какъ я каялась... Я кошмаръ пережила за это время... Во мнѣ такая борьба происходила... Помните, въ дѣтствѣ еще вы разсказывали мнѣ какъ черный ангелъ боролся со свѣтлымъ. Ну вотъ тоже самое и въ душѣ моей было...

Она опять заплакала...

— Знаете, Нина, вы мнѣ разскажете все это потомъ, когда оправитесь. Теперь это только разстроитъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ. Поймите—у меня это на сердцѣ лежитъ... Тяжесть такая... Я должна разсказать—иначе покойна не буду. Какъ я бы хотѣла вернуть ту ночь, помните когда мы сидѣли на площади Равенны.... у фонтана... Какъ ярко луна свѣтила тогда... Помните, какъ я вамъ отвѣтила на вашъ вопросъ тогда... А теперь... А теперь я готова была бы молить какъ счастія, чтобы вы опять мнѣ предложили его. И она закрыла лицо руками...

Кровь бросилась ему въ голову. Онъ точно озарился весь... Счастливая улыбка показалась на губахъ...

— Нина! И онъ отвелъ ея руки. Знаете ли вы: не было дня, минуты не было, когда бы я не думалъ... Понимаете ли, что десятки лѣтъ я способенъ ждать... Голосъ его дрогнулъ... Онъ смотрѣлъ на нее съ безконечною нѣжностью...

Глаза ея приняли испуганное выраженіе. Точно передъ ней пронесся какой то призракъ... Она даже про-

тянула руки впередъ, будто отталкивая его... Только теперь онъ замѣтилъ какъ похудѣла она за это время.

— Нѣтъ... теперь поздно, теперь уже нельзя... Нельзя—слышите ли... Оставьте меня... Я дурная стала. Когда я разскажу вамъ, вы сами отвернетесь отъ меня... Что я сдѣлала, что сдѣлала, Господи!.. Тогда, вы помните эту встрѣчу мою съ этимъ...

— Помню!... Онъ разомъ поблѣднѣлъ.

— Слушайте... Только не смотрите на меня... Я ничего не скрою, я все разскажу.

И поминутно останавливаясь, словно стыдясь недавняго увлеченія, она передала ему шагъ за шагомъ что случилось, всю печальную страницу любви... Глубокое горе дрожало въ звукахъ ея голоса... Нѣсколько разъ онъ прерывался. Казалось что у нея не будетъ силъ окончить исповѣдь—но она съ лихорадочною поспѣшностью опять начинала ее... Она не скрыла ничего... Напротивъ, выискивала мельчайшую возможность обвинить себя—и каялась, точно онъ былъ ея судьей, онъ, лицо котораго все свѣтлѣло и свѣтлѣло... Когда она оканчивала—невыразимое счастье охватило его... Она его не видѣла отвернувшись.

— Вотъ я... кажется, все сказала... Все... Не спрятала... Теперь вы знаете... Уѣзжайте же... уѣзжайте... Только не кляните меня... Простите... Пусть я навсегда останусь въ вашей памяти такою, какою была тогда... До этого утра... Что жъ вы молчите...

Онъ порывисто прошелся по комнатѣ... Еслибы онъ заговорилъ сейчасъ—не пришлось бы кончить... Слезы къ глазамъ подступали...

— Нина... Все что вы разсказали мнѣ—что же это? Въ этомъ вся честь на вашей сторонѣ... иначе вы не могли чувствовать, желать и думать... Уваженіе мое только выросло... А любовь... любовь моя—не могу полюбить я васъ больше...

— Боже мой!

— Знаете... То былъ дурной сонъ... Скверный сонъ... Забудьте его скорѣе!..

— Милый!.. О какъ мнѣ легко теперь... Какъ хорошо... Какъ я могла тогда не понять тебя... Гдѣ были мои глаза?

И полились счастливыя, свѣтлыя рѣчи...

Навѣдалась было въ комнату Серафимочка, но разомъ замѣтила, что въ ней тутъ вовсе не предстоитъ никакой надобности. Лукаво улыбнулась Кашинцеву и побѣжала къ себѣ... Черезъ часъ только вошла горничная. Директоръ пріѣхалъ, видѣть васъ желаютъ?.. Та разволновалась.

— Я съ нимъ переговорю за тебя... Позволь мнѣ...

— Да я все равно бы не могла принять его.

Директора пригласили. Кашинцевъ отрекомендовался ему.

— Вы не родственникъ ли тому... извѣстному заводчику?.. поднялъ брови антрепренеръ.

— Я самъ и есть.

Директоръ вскочилъ съ мѣста...

— Помилуйте, вы меня извините... Я бывалъ на вашихъ заводахъ... За честь считаю... Вы какже имъ будете?.. вдругъ забезпокоился онъ.

— Нинѣ Борисовнѣ?.. Женихъ ея.

— Чего съ?

Ушамъ не вѣрилъ тотъ.

— Женихъ... Какъ выздоровѣетъ — я и женюсь на ней.

— А какже, растерялся директоръ... Тутъ говорили... И спохватился во время... То есть я, знаете, всегда...

— Это вы насчетъ сплетни о Барсовѣ? совершенно спокойно отвѣтилъ тотъ. Все ложь и клевета. Чтобы положить конецъ этимъ мерзкимъ выдумкамъ, я завтра господину Барсову визитъ сдѣлаю!.. Предупредите его. Слышите ли?..

— Какже-съ... Какже-съ... Сейчасъ же... Сочту за честь... Такъ вы тотъ самый... На Уралѣ еще рудники?..

— Есть, есть!.. улыбнулся тотъ... А вотъ, что съ моей невѣстой здѣсь вы надѣлали?

— Да еслибы я зналъ... Да я бы ее на ладошкѣ носилъ... Пушинки бы съ нея сдувалъ. Вѣтерку коснуться бы не далъ... И въ Астраханской губерніи рыбныя ловли?...

— Ну, а зачѣмъ вы сегодня пожаловали?

— Такъ знаете... Что ужъ теперь... Я насчетъ контракта—хотѣлъ измѣненьице легонькое... Но я не зналъ... Теперь пускай по старому... По старому... Я согласенъ...

— Нѣтъ, по старому не будетъ...

— Значитъ, они сцену оставляютъ... И куда же въ самомъ дѣлѣ: вашей супругѣ вдругъ и на сценѣ!

— Нѣтъ не оставляетъ... Она училась и работала... Она будетъ пѣть. Только я ее увезу. Пускай въ другомъ мѣстѣ.

— Какъ же вы ее отъ насъ-то отнимаете... Звѣзду-то! Тотъ отъ души расхохотался.

— Послушайте, комикъ вы этакій: покажите новый контрактъ, который заготовили... Вѣдь вмѣсто трехъ—полторы тысячи написали, а?.. А теперь ужъ и звѣзда!.. Давайте на чистоту! Сколько неустойки?

— Три тысячи, всего... печально даже проговорилъ директоръ... Зналъ бы я, думалъ онъ про себя, я бы десять написалъ.

— И старый контрактъ съ вами?

— Да.

— Давайте ка его сюда. Я вамъ сейчасъ и неустойку вручу... Только съ условіемъ...

— Приказывайте-съ... Въ ниточку для васъ вытянусь!..

— Видите... Оставлять вашу сцену, ошиканной—нельзя. Она должна сама уйти, съ честью... Понимаете?..

— Нѣтъ-съ, не понимаю! совершенно откровенно отвѣтилъ антрепренеръ.

— Она должна въ послѣдній разъ выступить въ большой, отвѣтственной роли... Ей надо въ этой партіи имѣть успѣхъ. Для этого сдѣлать все. И труппа, и оркестръ пусть содѣйствуютъ—я заплачу! Публику, если нужно, подготовьте также... цвѣты, вѣнки и т. д. дѣлайте все пошире... счеты мнѣ, но смотрите, чтобы она не знала.

— Будетъ все исполнено-съ!

— Еще разъ повторяю: она объ этомъ не должна знать вовсе... Слышите! Я въ этомъ участія не принимаю... Поняли? Вы тоже. Я желаю, чтобы всѣ эти Досужевы, Бабкины пріѣхали къ ней съ визитомъ... Слышите?.. Заставьте ихъ.

— Все будетъ-съ... Я только вотъ въ сомнѣніи насчетъ нашей здѣшней газеты...

— Авторъ этихъ пасквилей?.. Не безпокойтесь. Это мое дѣло.

— Кабы знать было раньше! вздохнулъ грустно директоръ, прощаясь съ Кашинцевымъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

На охотѣ.

Изъ очерковъ Канады. *Л. Біара.*

I.

...Въ одинъ непрекрасный день на охотѣ я заплутался. Мнѣ любезно указали дорогу въ сосновый лѣсъ и я отправился, раскланиваясь съ мужчинами и женщинами сосѣдней деревни, съ любопытствомъ смотрѣвшими на меня.

Меня удивляли окружающія меня эти зеленыя и обработанныя поля. Два года тому назадъ мнѣ привелось видѣть эти поля, когда они были покрыты глубокимъ снѣгомъ, тогда страна мнѣ показалось мрачною и неплодородною; кое гдѣ попадались безлистые остовы деревьевъ; надо мною было сѣрое небо

Красавица. Ориг. рис. И. Веле, грав. Паар.

и стаи воронъ. Я тогда припомнилъ слова Вольтера послѣ парижскаго трактата 1763 года, по которому были уступлены Англіи французскія владѣнія въ Канадѣ. „Мы потеряли нѣсколько десятинъ снѣгу“ говорилъ знаменитый писатель. Между тѣмъ эти нѣсколько десятинъ снѣгу—страна вдвое обширнѣе Франціи, покрытая дѣвственными лѣсами, богатая желѣзною рудою, ртутными, свинцовыми рудами и плодородная. Два столѣтія мы владѣли ею; тамъ успѣли прославиться наши храбрецы—Денессъ Картье и маркизъ Монткальмъ, защищавшій ее отъ притязаній Англіи.

Этотъ герой, командовавшій въ 1756 г. отрядами французскихъ войскъ въ Сѣверной Америкѣ, разъ двадцать одерживалъ верхъ надъ англичанами съ горстью солдатъ. Принужденный бороться весьма неравными силами подъ стѣнами Квебека, онъ былъ убитъ въ началѣ битвы. Соперникъ его генералъ Вольфъ погибъ въ этомъ сраженіи. На мѣстѣ, гдѣ пали оба генерала, поставили пирамиду и надписали ихъ имена.

Въ 1497 г. Венеціанецъ Каботъ, офицеръ англійской службы, открылъ Канаду и овладѣлъ ею. Въ 1506 г. французъ Денессъ, посланный Францискомъ I, посѣтилъ заливъ св. Лаврентія. Черезъ нѣсколько лѣтъ появились здѣсь испанцы. Разсказываютъ, что не найдя золота, кастильцы отправились обратно повторяя: „Aca nada“ (здѣсь ничего нѣтъ). Эти слова, оставшіяся въ памяти у туземцевъ и слышанныя французами, получили популярность и впослѣдствіи составили названіе страны.

Квебекъ, напоминающій французскіе города, раздѣленъ на двѣ части: Верхній и Нижній городъ. Въ верхней части, на крутой скалѣ построена крѣпость, куда ведутъ лѣстницы, высѣченныя въ скалѣ; эта часть города древнѣе, тамъ есть старинныя постройки, неправильныя улицы, составляющія контрастъ съ прямыми, изящными и красивыми улицами и новѣйшими постройками нижней части.

Замѣчательно красивыя окрестности Квебека застроены изящными дачами. Зимою здѣсь ртуть замерзаетъ, а лѣтомъ бываютъ тропическіе жары. На иностранцевъ, попадающихъ въ этотъ гостепріимный городъ, всегда производятъ впечатлѣніе два великолѣпныхъ водопада, заслуживающіе вниманія даже послѣ Ніагары. Рѣка Монморанси падаетъ съ высоты 20 фут. Другой водопадъ образуется ея притокомъ шириною въ 230 фут. Трудно представить себѣ что нибудь красивѣе величественнаго залива св. Лаврентія, если смотрѣть на него съ высоты крѣпости св. Людвига; Яковъ Картье первый ѣхалъ по его водамъ, омывающимъ цѣлые ряды рощъ, обращенныхъ теперь въ роскошные сады.

Я взобрался на холмъ и очутился у опушки лѣса, гдѣ надѣялся найти дичь. Я окинулъ послѣднимъ взглядомъ окружающую мѣстность, и Квебекъ, вѣнчавшій вершину укрѣпленной скалы, напомнилъ мнѣ Брестъ. Лѣса Сѣверной Америки не имѣютъ ничего общаго съ лѣсами ея тропическихъ странъ. Не видно ни ліанъ, ни птицъ, ни деревьевъ съ разнообразной листвой; всюду темные ряды мрачныхъ, громадныхъ, темныхъ елей. Въ роскошныхъ странахъ, вѣчно согрѣваемыхъ палящими лучами, жизнь идетъ какъ-то напряженно: на каждомъ шагу вы встрѣтите птицу, четвероногое или пресмыкающееся, или насѣкомое; въ тропическихъ лѣсахъ никогда не бываетъ полной тишины: и днемъ и ночью слышны шумъ крыльевъ въ вѣтвяхъ, въ воздухѣ жужжанье насѣкомыхъ, въ травѣ шелестъ ползущихъ гадовъ, вой ягуаровъ, мексиканскихъ кабановъ, раздаются голоса какаду или жалобные крики ночныхъ птицъ, привѣтствующихъ восходъ и закатъ солнца; глазъ утомляется отъ разнообразія растительности. Въ еловыхъ же лѣсахъ вѣчно царитъ безмолвіе, полнѣйшая тишина, суровая природа работаетъ молча и здѣсь трудно избавиться отъ чувства какой то необъяснимой тоски. Тропическій лѣсъ можно сравнить съ смѣлой живой юностью; еловый же лѣсъ—это мрачная, суровая, тихая старость. Съ минуту шелъ я по опушкѣ лѣса, но попавъ на тропинку, вошелъ въ самую чащу. Черезъ ¼ часа ходьбы, я увидѣлъ ровъ, гдѣ глыбы выполированнаго, гладкаго камня указывали, что это было ложе потока; небольшія лужи прозрачной воды, гдѣ копошились миріады головастиковъ; кое-гдѣ вскрикивали птицы. Я шелъ близь потока, въ надеждѣ найти тутъ дичь. Я задыхался, такъ какъ приходилось все спускаться и подниматься; жара была удушающая. Наконецъ я дошелъ до какого то дикаго, мрачнаго и величественнаго мѣста, гдѣ и рѣшилъ отдохнуть и воспользоваться захваченными съ собой припасами.

Я провелъ здѣсь часа съ два, собирая растенія и насѣкомыхъ. Меня привлекала эта дикая, пустынная, лѣсная картина. Поднявшійся вѣтеръ колыхалъ верхушки соснъ. Вдругъ громадныя, темныя облака закрыли видимый мнѣ лоскутъ неба и лѣсъ потемнѣлъ. Послышался громовой раскатъ. Собиралась гроза. Я надѣялся добраться до Квебека, но пройдя часа два, почувствовалъ капли дождя. Оставалось спрятаться подъ скалою и переждать бурю.

Я помѣстился между двумя глыбами песчаника, на верху которыхъ образовалась крыша изъ мха; едва успѣлъ я присѣсть, какъ молнія озарила лѣсъ и надъ моею головою раздался раскатистый ударъ грома.

Около трехъ часовъ высидѣлъ я подъ скалой, оглушаемый громомъ и ослѣпляемый молніей. Сперва я философски отнесся къ своей неудачѣ и вспоминалъ тропическія грозы. Но не смотря на все величіе представлявшейся картины, я потерялъ терпѣніе, и мной овладѣлъ страхъ, когда я замѣтилъ, что гроза увеличивается. Страшный вихрь колыхалъ верхушки деревьевъ съ какимъ то зловѣщимъ шумомъ, а потокъ наполнялся грязной водой, громадными массами бѣжавшей со скалъ и соединявшей свой шумъ со стономъ бури и съ ревомъ вѣтра. Я вышелъ изъ моего убѣжища, рѣшившись, не смотря на дождь, поскорѣй добраться до Квебека.

Надо было перейти потокъ, такъ какъ, не предвидя бури, я имѣлъ неосторожность зайти по ту сторону рва. Пройдя съ полчаса, я увидѣлъ что берега все затоплялись. Промокнувъ до костей, я началъ каяться, что покинулъ свое убѣжище. Но это не могло высушить мою одежду... Дождь лилъ, я рѣшился войти на берегъ, найти тропинку, и полагаясь на волю Божію, идти впередъ. Но подняться на скалистый, мокрый берегъ, усѣянный сосновыми иглами, не совсѣмъ легкое предпріятіе! Я карабкался, скользилъ, падалъ, пачкался въ грязи, но наконецъ достигъ своей цѣли. Я такъ утомился, что принужденъ былъ сѣсть на землю, и спрятался подъ сосну, какъ будто большее или меньшее количество падавшихъ капель для меня теперь было не все равно.

На мнѣ была шляпа, купленная въ Нью-Іоркѣ и сдѣланная, по увѣренію продавца, изъ англійскаго кастора. Но этотъ любопытный экземпляръ американской производительности оказался сдѣланнымъ изъ сѣрой бумаги. Загнутыя поля моей шляпы, подъ вліяніемъ продолжительнаго дождя, совершенно опустились и отдѣлившись отъ шляпы упали мнѣ на шею въ видѣ довольно неизящнаго воротника. И такъ, на моей головѣ оставалась помятая, сѣрая шапочка, а на лицѣ и на платьѣ желтоватая грязь.

Дождь перестал, но небо было покрыто тучами и солнце, которое могло замѣнить проводника, не показывалось. Я долго шелъ, удивляясь, что не встрѣчаю живой души. Приближался вечеръ, и меня начинала безпокоить мысль о предстоящей ночи посреди мрачнаго лѣса. Вдругъ я услышалъ позади себя стукъ колесъ, показавшійся мнѣ мелодичнѣе всякихъ арій. Я посторонился, приготовившись окликнуть возницу. У меня былъ такой жалкій видъ, что этотъ возница, закутанный въ клеенчатый плащъ, ничуть не испугался. Онъ остановилъ лошадь, и я увидѣлъ цвѣтущее женское личико съ голубыми глазами и бѣлокурыми локонами.

— Эта дорога ведетъ въ Квебекъ? обратился я къ молодой женщинѣ, смотрѣвшей на меня съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчала она;—только вы взяли не въ ту сторону, Квебекъ тамъ, прибавила она, указывая хлыстомъ по направленію, отъ котораго я удалялся.

Я предложилъ нѣсколько вопросовъ, но путешественница, не отвѣчая на нихъ, проговорила устремивъ на меня свои прекрасные голубые глаза:

— Вы французъ?

— Да, жалобно отвѣчалъ я, сознавая что въ эту минуту служу плохимъ представителемъ націи.

— Гражданинъ великой націи? прибавила она.

— Гражданинъ великой націи, повторилъ я улыбаясь.

— Если бы я не боялась обезпокоить моего отца, то охотно бы предложила довезти васъ до города, вы кажется сильно устали.

Я поблагодарилъ мою сострадательную собесѣдницу и снова просилъ указать ближайшій путь въ Квебекъ.

— Вамъ надо идти прямо, сказала путешественница,—но если вы не очень торопитесь, то проводите меня, а разъ попадете на ферму, такъ я вамъ дамъ проводника.

— Я очень благодаренъ за ваше предложеніе, поспѣшно сказалъ я.

И опустивъ ружье на плечо, я собрался слѣдовать за экипажемъ.

— Садитесь, проговорила женщина, отодвигаясь, чтобы дать мнѣ мѣсто; намъ остается еще цѣлая верста, а вы не поспѣете за моей лошадью.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на эту прекрасную, довѣрчивую незнакомку. Какая разница между странами цивилизованными и, такъ называемыми, дикими! Во Франціи, попадись я на встрѣчу особѣ прекраснаго пола, въ лѣсу, въ платьѣ, покрытомъ грязью, въ изорванной шляпѣ и съ ружьемъ на плечѣ, она не предложила бы мѣста въ своемъ экипажѣ, а стегнула бы лошадь и вечеромъ разсказала бы своимъ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ, что ее перепугалъ на дорогѣ разбойникъ, и что она спаслась отъ смертельной опасности, благодаря лишь своему присутствію духа.

Я усѣлся возлѣ моей благодѣтельницы со всевозможными предосторожностями, чтобы не запачкать ея бѣлый плащъ. Она ударила лошадь и та побѣжала рысью.

— Вы не сочтете за нескромность, сказала она, если я спрошу, какимъ образомъ вы очутились такъ далеко отъ Квебека, и въ такую погоду?

— Это вина Ioxia enucleator! вскричалъ я.

— Одного изъ вашихъ друзей, конечно?

— Нѣтъ, птицы, классифицированной Линнеемъ, плохо описанной Бюффономъ и живущей въ Лапландіи и въ вашей странѣ, которую я собирался подстрѣлить.

И прочтя вопросъ въ прекрасныхъ глазахъ моей собесѣдницы, я разсказалъ выходъ изъ Квебека, неудачи путевыя, за что былъ награжденъ блескомъ бѣлыхъ зубокъ и веселымъ смѣхомъ, какимъ смѣются въ двадцать лѣтъ.

— Не сердитесь, что смѣюсь надъ вашими несчастіями, я бы желала, чтобы наше небо было къ вамъ милосерднѣе.

— Я знаю, вы сострадательны.

— Меня зовутъ Луиза Мартенъ.

Мы были недалеко отъ берега и лошадь пошла шагомъ. Вдругъ моя спутница приподнялась и стала всматриваться въ вершину холма, къ которому мы направлялись. Всѣ черты ея лица измѣнились и она полузакрыла глаза, какъ бы размышляя. Я заговорилъ съ ней, но она, казалось, не разслышала моего вопроса—вниманіе ея было отвлечено. Я боялся помѣшать ея мечтамъ, но взглянувъ на ту же вершину, увидѣлъ человѣческую фигуру, сидѣвшую между деревьями, окаймлявшими дорогу. Машинально я схватился за ружье; молодая дѣвушка быстро повернулась ко мнѣ.

— Тамъ кто-то есть, сказалъ я.

— Да, отвѣчала она, похлопывая бичемъ.

Лошадь, возбужденная щелканьемъ бича, приподняла уши и ускорила шагъ. Скоро я могъ разглядѣть высокаго мужчину въ охотничьемъ платьѣ и въ большихъ охотничьихъ сапогахъ. Онъ всталъ и пошелъ къ краю дороги, какъ бы желая преградить намъ путь. При нашемъ приближеньи, онъ снялъ фуражку, закрывавшую лобъ, и оказался красивымъ, безбородымъ юношей съ бѣлокурыми волосами, широкимъ лбомъ и правильными чертами лица.

— Луиза, проговорилъ онъ, мнѣ надо поговорить съ вами.

Лицо моей спутницы стало серьезно и лошадь успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, прежде чѣмъ она собралась отвѣтить. Она громко вздохнула, потянула возжи, экипажъ остановился и она легко выскочила.

— Здраствуйте, Луиза, сказалъ охотникъ, протягивая ей свою широкую руку.

— Здраствуйте Пьеръ, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Какъ здоровье вашего отца?

— Ему лучше, благодарю васъ.

— Луиза, я хотѣлъ бы поговорить съ вами.

— Возьмите возжи, обратилась ко мнѣ молодая дѣвушка, послѣ минутнаго колебанья, и доѣзжайте до вершины холма.

Затѣмъ, не дождавшись моего отвѣта, она взяла охотника подъ руку и увлекла его впередъ.

Удивленный этой сценой, я собралъ возжи и шагомъ поѣхалъ за молодыми людьми.

II.

Дождь перестал. Мало по малу небо прояснѣло; на концѣ каждой еловой иглы висѣла блестящая капля и когда солнце проникало въ какой нибудь уголокъ лѣса, то деревья казались осыпанными брилліантами. Окраины дороги, чуднаго оранжеваго цвѣта, напоминали мнѣ утесы нѣкоторыхъ мѣстъ Нормандіи. При взглядѣ на эти деревья, кусты, тропинки и траву, растущую на краю дороги, я мысленно переносился во Францію, позабылъ обо всѣхъ утреннихъ неудачахъ и мнѣ казалось невѣроятнымъ, что я отдѣленъ отъ своего отечества необозримымъ океаномъ.

По временамъ я поглядывалъ на обоихъ молодыхъ людей; они разговаривали вполголоса. Охотникъ сильно жестикулировалъ и казалось старался оправдаться передъ молодой дѣвушкой, или убѣдить ее въ чемъ то, она же, наклонивъ голову, изрѣдка отвѣчала ему. Теперь она откинула плащъ и я лучше могъ ее разглядѣть. Высокаго роста, она была граціозна. На ней надѣто было сѣрое платье, отдѣланное голубымъ, и хотя оно не было ни въ какомъ случаѣ модно, но очень шло къ ней. На ногахъ у нея были лайковыя ботинки, напоминавшія древнюю обувь, которую туземные индійцы употребляютъ и но настоящее время. Въ ея густыхъ, золотистыхъ волосахъ былъ вплетенъ темно-голубой бантъ въ родѣ головнаго убора эльзасокъ. Походка прекрасной обитательницы Канады была тверда, увѣренна и изящна. Однимъ словомъ у Луизы Мартенъ былъ просто аристократическій видъ.

Молодые люди составляли прелестную парочку и я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ. Эта неожиданная встрѣча сильно возбудила мое любопытство, я замѣтилъ фамильярность ихъ обхожденья, доказывавшую давность знакомства. Мнѣ казалось, что это женихъ и невѣста, между которыми произошла размолвка и они хотятъ примириться.

Когда мы достигли вершины холма, Луиза остановилась:

— Прощайте, Пьеръ, сказала она, протягивая своему спутнику руку.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, съ живостью взявъ протянутую руку, до свиданья.

— Хорошо, до свиданья,—зависитъ это отъ васъ, отъ васъ только.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, помогъ ей сѣсть въ экипажъ, потомъ, отойдя, чтобы дать намъ проѣхать, вѣжливо мнѣ поклонился. Минуту спустя, лошадь рысью спускалась съ берега и я увидѣлъ прелестную долину, въ глубинѣ которой возвышались большія строенія. Луиза, задумчивая и серьезная, хранила глубокое молчаніе, я неподвижно сидѣлъ, не желая отвлекать ее отъ думъ. Неожиданно обернувшись назадъ, она поклонилась охотнику, потомъ глубоко вздохнула, махнула бичемъ и сказала, указывая мнѣ на строенія:

— Глубокая Долина, жилище моего отца. Глубокая Долина—подходящее названье. Долина, въ которую мы спускались, была окружена со всѣхъ сторонъ высокими холмами, на ней виднѣлись роскошныя нивы. Мы проѣхали мимо старой женщины, занятой обструганіемъ кустарника и складываніемъ его въ вязанки. Она привѣтствовала насъ по французски, ея акцентъ и юбка съ черными полосами снова напомнили мнѣ Нормандію.

Я передалъ свое впечатлѣніе моей спутницѣ.

— Вы во Франціи, отвѣчала она,—мои родные, владѣющіе этимъ имѣньемъ болѣе двухъ столѣтій, уроженцы Руана, какъ и наши слуги.

— Вы были во Франціи.

— Нѣтъ, я родилась въ этомъ домѣ и Квебекъ единственный городъ, который я видѣла.

— Вы воспитывались въ Квебекѣ?

— Я воспитывалась въ этой Долинѣ и ни одной ночи не провела подъ другой крышей. Но зачѣмъ эти вопросы?

— Вы такъ говорите по французски, что и во Франціи это не всегда услышишь.

— Благодарю васъ, улыбаясь сказала молодая дѣвушка, но замѣтьте, для меня и для половины жителей Канады, французскій языкъ родной. И хоть мы и знаемъ англійскій, но не говоримъ на немъ свободно.

— Но однако не всѣ ваши соотечественники выражаются такъ изящно.

— Я умѣю читать и писать, возразила моя прекрасная спутница, въ этомъ весь секретъ. Но вы не очень любезны, вы хотя и видѣли Квебекъ, но считаете, насъ, кажется дикими.

Я поспѣшилъ отдать полную справедливость Квебеку, гдѣ восхищался англійскими и французскими школами. Но все же Долина—не Квебекъ, и потому я и могъ выразить свое удивленіе при встрѣчѣ съ прекрасной дѣвушкой, обладавшей изящными манерами и оказавшейся дочерью фермера.

— Да развѣ у васъ это положеніе считается унизительнымъ? спросила молодая дѣвушка, пристально смотря на меня.

— Нѣтъ, поспѣшилъ я отвѣтить. Земледѣліе вездѣ уважается. Но, къ несчастью, то что у васъ и у англичанъ подразумѣвается подъ словомъ фермеръ, у насъ рѣдко встрѣчается. Наши фермеры хорошій народъ, но ихъ простота доходитъ до грубости и кромѣ своего занятія они ничего не знаютъ.

Миновавъ ворота при лаѣ двухъ черныхъ громадныхъ собакъ, мы въѣхали во дворъ, усыпанный пескомъ, и остановились у крыльца стариннаго дома съ неправильно расположенными окнами, какъ любили строить наши предки, враги всякой симметріи.

Ко мнѣ подошелъ, опираясь на трость съ набалдашникомъ, высокій старикъ, одѣтый во французское платье, въ треуголкѣ и синихъ чулкахъ, казалось словно одинъ изъ предковъ нашихъ вышелъ изъ портретной рамы; ему не доставало только парика до-восьмидесятыхъ годовъ, но онъ носилъ старинное жабо и брелоки. Онъ раскланялся со мной; голова его была украшена бѣлыми, какъ снѣгъ, буклями; никогда не приходилось мнѣ видѣть такого красиваго и почтеннаго старца.

— Очень радъ васъ принять у себя, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку; если уже вы когда нибудь и были здѣсь, то простите моей старой памяти, я забылъ и ваши черты и ваше имя.

Въ нѣсколькихъ словахъ я разсказалъ, какъ заблудился въ лѣсу, встрѣтился съ Луизой и какъ она любезно предложила мѣсто въ своемъ экипажѣ, и обѣщала дать проводника до Квебека.

— Прекрасно, вскричалъ старикъ; но гость не долженъ уѣзжать, не отдохнувъ и не утоливъ голода,—позаботься объ этомъ.

— Дѣдушка, сказала молодая дѣвушка, этотъ гость французъ.

— Боже! неужели!

— Да, отвѣчалъ я.

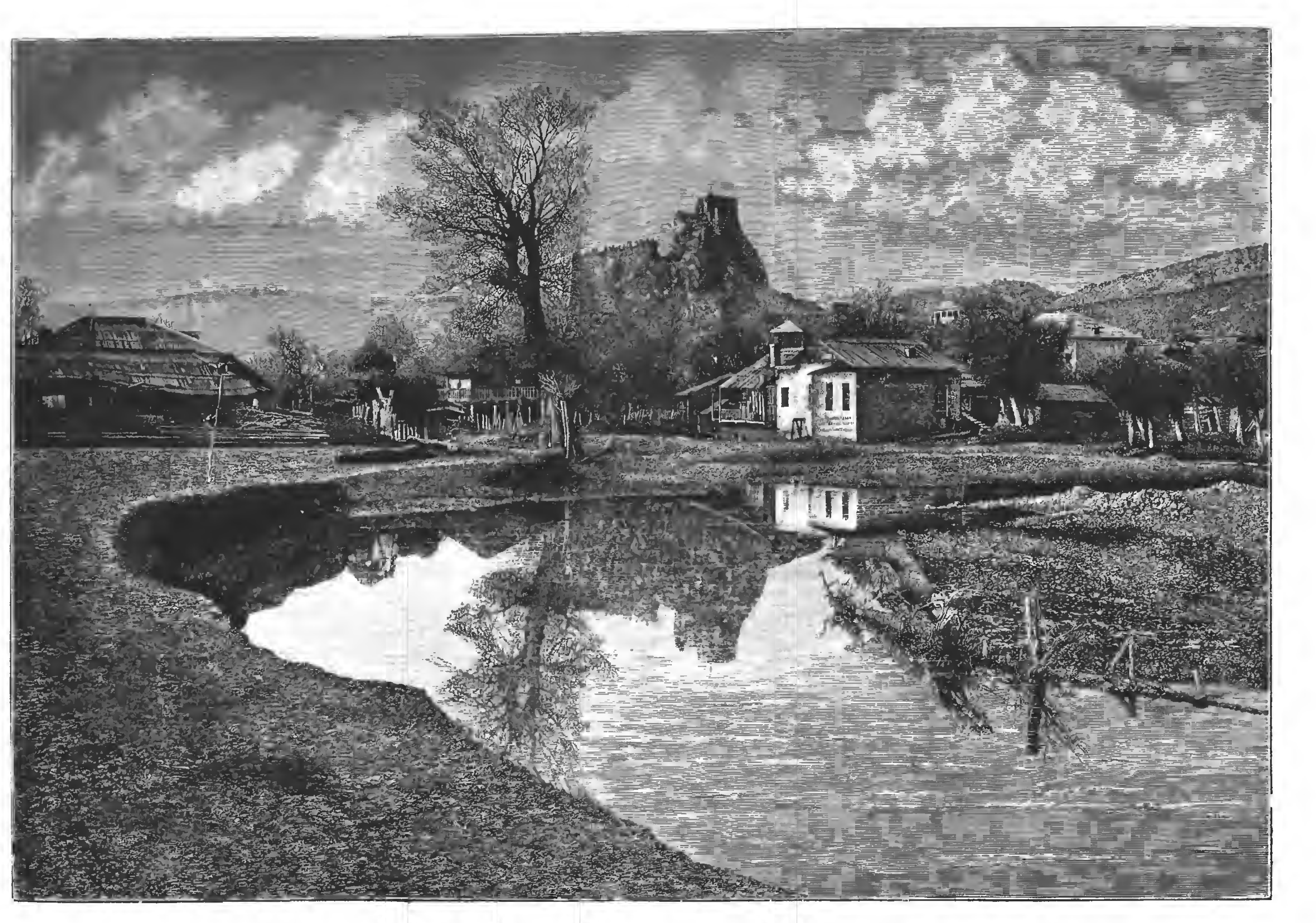
— Тогда вы вдвойнѣ желанный гость; вы попали къ друзьямъ, землякамъ и братьямъ.

Этотъ простой и радушный пріемъ тронулъ меня до слезъ. Я находился за нѣсколько тысячъ верстъ отъ страны, во имя которой меня такъ дружески принимали. Какъ почетно и драгоцѣнно казалось мнѣ быть французомъ, при видѣ этого почтеннаго старца, крѣпко сжимавшаго мнѣ руку и приглашавшаго меня въ свой домъ. И прежде я слышалъ о расположеніи жителей Канады къ странѣ ихъ предковъ, но не приходилось мнѣ видѣть такого трогательнаго выраженія симпатіи.

Черезъ два часа я, въ качествѣ гостя, уже садился за столъ съ хозяйкой дома Мартенъ и дѣдомъ Луизы, а слуга отправлялся въ Квебекъ извѣстить, что я въ живыхъ.

Отцу Луизы было 48 лѣтъ, матери 40, Луизѣ 18, ея сестрѣ, Викторіи 16, а двумъ сыновьямъ 14 и 12. Дѣду и бабушкѣ за 70. Слуги сидѣли за общимъ столомъ, ихъ было человѣкъ десять, и двое или трое, съ бѣлыми головами, говорили „ты“ своимъ господамъ, какъ дѣтямъ, такъ и старшимъ. Дѣдъ прочелъ молитву и всѣ сѣли, подали ветчину съ капустой и жареную баранину.

Тройка съ конвоемъ въ горахъ Кавказа Съ карт. проф. П. Грузинскаго. По фотогр. грав. М. Рашевскій.



Древняя крѣпость близъ станціи Сурамъ, по Поти-Тифлисской ж. д. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

— Батюшка! вдругъ сказала Луиза, возвращаясь съ гостемъ изъ Квебека, я встрѣтила Пьера.

— Ты съ нимъ говорила?

— Да, говорила, отвѣчала молодая дѣвушка, блѣднѣя. Воцарилось молчаніе, слышенъ былъ только стукъ ножей и вилокъ.

— Хорошо, кротко сказалъ фермеръ, мы поговоримъ объ этомъ послѣ.

И обратившись ко мнѣ, онъ сталъ разсказывать о жатвѣ, о предпринятыхъ имъ работахъ и о предполагаемыхъ хозяйственныхъ преобразованіяхъ. Я разсѣянно слушалъ его; казалось признаніе Луизы навело тѣнь на всѣхъ присутствующихъ. Кто такой былъ этотъ Пьеръ, если одно имя его приводило въ непріятное настроеніе семейство? Непокорный, или, можетъ быть, блудный сынъ? Нѣтъ. Я слышалъ, Луиза говорила ему „вы“. Я совсѣмъ сбился въ предположеніяхъ.

Дѣдъ прочелъ благодарственную молитву и всѣ встали. Мы ужинали въ продолговатой залѣ, съ громадными каминами, какіе и теперь еще встрѣчаются въ Нормандіи. На полкахъ разставлена блестящая кухонная посуда, въ потолкѣ были массивные дубовые брусья. Фермеръ пригласилъ меня выдти на воздухъ, а Луиза, разливъ на маленькомъ столѣ кофе, предложила мнѣ длинную, американскую трубку.

Часы пробили 8; ночь была свѣтлая и звѣздная. Луна еще не вышла, но поднималась съ сѣвера, а ея свѣтъ придавалъ берегамъ серебристый цвѣтъ. Погода стояла чудная, изъ конюшенъ и хлѣвовъ раздавались ржаніе, блеянье и кудахтанье. Я разспрашивалъ моего хозяина, онъ любезно отвѣчалъ на мои вопросы; это былъ серьезный и почтенный человѣкъ. Я узналъ, что онъ съ женой самъ училъ дѣтей и что на большомъ кладбищѣ Долины покоилось шесть поколѣній Мартеновъ, проживших счастливо, по понятіямъ о счастьи людей трудолюбивыхъ, вѣрующихъ и простыхъ. Мартенъ мечталъ о такомъ же счастьи и для своихъ дѣтей—желалъ, чтобы они никогда не покидали этой счастливой Долины.

Прошло много лѣтъ, я уже сѣдъ, но во мнѣ еще живы впечатлѣнія, вынесенныя изъ этой Долины. Стоило мнѣ закрыть глаза и мнѣ представлялся дѣдъ Мартенъ, читавшій молитву въ большой залѣ, гдѣ меня приняли, я видѣлъ передъ собой строгія черты лица его сына, доброту, написанную на лицѣ его жены; прекрасные глаза Луизы и умныя лица ея сестры и мальчиковъ-братьевъ. Я снова вижу большую залу, куда меня повелъ хозяинъ послѣ кофе. При свѣтѣ двухъ лампъ, мать и обѣ дочери работаютъ, дѣдъ читаетъ а его внуки приготовляли свои уроки къ слѣдующему дню. Славная и простая семья! И какой неизгладимый слѣдъ оставила во мнѣ недѣля, проведенная съ ними. Если счастье не пустой звукъ и если оно существуетъ только на нашемъ свѣтѣ, то, конечно, оно обитаетъ тамъ, въ Долинѣ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ Персіи.

Очеркъ барона **К. Тейфенштейна.**

Нѣсколько лѣтъ назадъ я былъ призванъ въ Персію для введенія тамъ правильной европейской системы управленія; и мнѣ, болѣе чѣмъ кому либо изъ живущихъ тамъ европейцевъ, удалось ознакомиться съ тѣми порядками, съ которыми я долженъ былъ бороться и стараться замѣнить ихъ лучшими. Любезный пріемъ, котораго я удостоился вскорѣ послѣ моего прибытія въ Тегеранъ въ 1880 г., со стороны моего непосредственнаго начальника, министра иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ военнаго, его высочества Хаджи-Мирзы-Гуссейнъ-Хана, которому подчинены всѣ живущіе въ Персіи иностранцы, а спустя нѣсколько дней со стороны самого шаха, давали мнѣ поводъ надѣяться на успѣхъ дѣла.

Первое время моего пребыванія я посвятилъ изученію условій страны; наблюденіями и справками старался я уяснить себѣ положеніе дѣлъ, а также дѣятельно занялся изученіемъ языка.

Медлительные въ дѣлахъ, персы проявляли однако нѣкоторое нетерпѣніе по отношенію нововведеній. Не вникая серьезно въ дѣло, они желаютъ видѣть только „новое“. Этимъ обстоятельствомъ объясняются неудачи или мнимыя удачи, какъ напр. военной реформы, введенія европейской полиціи, газоваго освѣщенія, электрическаго и проч. Отъ первыхъ двухъ остался только австрійскій мундиръ, а отъ послѣднихъ лишь фонари.

Я счелъ нужнымъ, поэтому, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, предложить персидскому правительству общій проэктъ управленія краемъ. Онъ былъ по возможности простъ и приноровленъ къ мѣстнымъ условіямъ. Переводъ проэкта на персидскій языкъ занялъ нѣсколько недѣль, въ теченіи которыхъ я занялся другими предметами. какъ: нормы содержанія и пенсій, податей, новыхъ мѣръ и вѣсовъ и пр. По прошествіи перваго года я составилъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ проэктовъ и началъ принимать мѣры къ приведенію ихъ въ дѣйствіе. Послѣ многихъ представленій съ моей стороны, состоялось нѣсколько министерскихъ совѣщаній, во время которыхъ я разъяснялъ свои проэкты министрамъ. Послѣ окончанія совѣщаній прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ, какъ было сказано, проэкты мои ожидали одобренія шаха.

Но вотъ Мирза-Гуссейнъ-Ханъ внезапно подвергся немилости. Шахъ, недовольный составомъ министерства, принялъ управленіе въ свои руки, и въ теченіи нѣсколькихъ недѣль въ Тегеранѣ царствовала какъ бы полная анархія. Наконецъ составлено было новое министерство. Такое министерство состоитъ въ Персіи изъ министра и нѣсколькихъ чиновниковъ, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія для занятій, ни всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя европейцамъ кажутся необходимыми. Канцелярія устраивается въ мѣстѣ пребыванія министра, или у него на дому, или въ одной изъ переднихъ или дворовъ шахскаго дворца. Цѣлая толпа чиновниковъ слѣдуетъ всюду за начальникомъ, и такъ какъ каждый изъ нихъ неизбѣжно носитъ при себѣ приборъ для писанія и всѣ акты въ карманахъ, то легко можно приступить къ дѣламъ гдѣ угодно. Въ карманахъ такого мирзы зачастую помѣщаются акты за цѣлые года, состоящіе изъ записокъ, которыя считаются частной собственностью, а не документами канцеляріи.

Спустя нѣсколько дней послѣ выясненія новаго порядка я получилъ письмо на французскомъ языкѣ отъ новаго военнаго министра, младшаго сына шаха, принца Наиба-Эс-Салтане—онъ просилъ меня къ себѣ. Къ этому принцу, согласно распоряженію шаха, я долженъ былъ обращаться по всѣмъ дѣламъ.

Принцъ, умный молодой человѣкъ лѣтъ 25, принялся за мои проэкты съ рвеніемъ новоназначеннаго сановника. Проэкты снова были разобраны, другіе же, которые я имѣлъ лишь въ виду, онъ поручилъ мнѣ составить немедленно. Наступилъ новый годъ и принцъ, бывшій одновременно губернаторомъ нѣсколькихъ провинцій (Тегерана, Саве, Мазандерана, Гилана и Демавенда), предложилъ мнѣ постъ главнаго губернатора Саве съ неограниченными полномочіями для практическаго примѣненія моихъ проэктовъ въ этой провинціи. Довольный подобнымъ назначеніемъ, я, понятно, предъ вступленіемъ своимъ въ должность поставилъ нѣкоторыя условія и прежде всего пожелалъ ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ провинціи, съ цифрой назначаемаго мнѣ кредита и многимъ другимъ, что я считалъ необходимымъ для обезпеченія себя на такомъ отвѣтственномъ мѣстѣ.

Все это было съ готовностію обѣщано,—но не исполнено. Я не могъ никакъ получить ни малѣйшихъ свѣдѣній о провинціи и наконецъ долженъ былъ уѣхать не зная даже ея границъ. За день до отъѣзда мнѣ вручили маленькую записку, въ которой значилось, что провинція обязана выплачивать столько то тысячъ франковъ и столько то тысячъ шарваровъ *) ржи налога. Въ сопровожденіи одного помощника и переводчика я выѣхалъ съ своимъ караваномъ изъ Тегерана. Ранѣе чѣмъ перейду къ описанію новаго мѣста моей дѣятельности, я постараюсь познакомить со способомъ замѣщенія правительственныхъ постовъ въ провинціяхъ Персіи.

Всѣ выдающіеся посты отдаются въ Персіи, такъ сказать, въ аренду. Такъ, напр. таможни, почты и телеграфы не подчинены какому либо министерству, но каждое учрежденіе подчиняется отдѣльному министру, для котораго оно составляетъ и статью дохода. Тоже самое и въ провинціальномъ управленіи. Губернаторъ считается высшей инстанціей по всѣмъ дѣламъ и долженъ только правильно вносить назначенныя подати и арендную сумму. Затѣмъ объ его дѣятельности не заботятся очень. Для нѣкоторыхъ провинцій арендныя суммы называются пишкешъ (подарокъ); въ большинствѣ случаевъ онѣ опредѣлены, но иногда аренда отдается и съ публичныхъ торговъ. Система эта идетъ отъ самого шаха и переходитъ въ постепенномъ порядкѣ до помощниковъ губернаторовъ и уѣздныхъ властей,—ходъ военнаго управленія. Генералъ, получившій полкъ, старается вернуть затраченный капиталъ съ офицеровъ штаба, а послѣдніе съ солдатъ, которыхъ они за деньги напр. отпускаютъ даже на частную работу, вмѣсто того чтобы занимать ихъ службой.

Въ Персіи нѣтъ опредѣленныхъ нормъ содержанія чиновниковъ, и губернаторъ получаетъ жалованья такъ немного, что этого было бы недостаточно даже для содержанія его конюшни. Тѣмъ обильнѣе за то другіе источники, въ избыткѣ возмѣщающіе ему арендную плату. Предшественникъ мой платилъ 25,000 франковъ за свою провинцію, но говорили, что онъ кромѣ того получалъ 80,000 франковъ чистаго дохода. Побочные эти доходы губернатора истекаютъ изъ его двойственной власти—финансовой и юридической.

Около ста лѣтъ тому назадъ въ Персіи установился родъ коммисіи для опредѣленія ремеслъ, скотоводства и числа жителей страны, и это послужило основаніемъ для установленія налоговъ, существующихъ и по настоящее время. Кадастровыхъ и земельныхъ книгъ здѣсь нѣтъ и въ поминѣ. Чѣмъ руководствовались прежде, мнѣ не удалось узнать, не смотря на всѣ мои старанія, теперь же общіе налоги составляютъ отъ 10 до 15 процентовъ. Прибавляя къ этому подарки и другія повинности, налоги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возрастаютъ до 30 процентовъ. Но нельзя установить извѣстнаго правила.

*) 1 шарваръ около 6 пудовъ.

Въ послѣдніе годы конечно произошли значительныя измѣненія относительно имуществъ и населенія страны. Во время голода въ 1873 году въ Персіи перемерло около двухъ милліоновъ, вымирали цѣлыя деревни. Однако поголовный налогъ не измѣнился въ общей суммѣ, такъ что въ нѣкоторыхъ деревняхъ онъ колеблется между 50 к. и 3 р. на наши деньги. Цвѣтущія мѣстности превратились въ пустыни, частью отъ недостатка воды, частью отъ выселенія жителей. Тѣмъ не менѣе деревни значатся въ спискахъ и губернаторъ обязанъ уплачивать соотвѣтствующую съ нихъ сумму налога. Но бываютъ и противоположные случаи: новообразовавшіяся деревни не занесены въ списки и не платятъ прямыхъ налоговъ. Для устраненія этого губернаторы съ нѣкоторыхъ поръ стараются ввести въ нѣкоторыхъ деревняхъ кромѣ прямыхъ еще добавочные налоги, которые также называются пенкешъ, т. е. подарки. И такъ какъ такіе пешкеши не подвержены никакому контролю, но зависятъ совершенно отъ усмотрѣнія губернатора, то и составляютъ самую прибыльную статью. Поэтому нѣкоторыя мѣстности уплачиваютъ на подарки бо́льшую сумму, нежели та, которая составляетъ прямой налогъ. Губернаторы не доносятъ о новыхъ деревняхъ правительству, которое не преминуло бы обложить ихъ налогомъ, не снявъ въ то же время его съ деревень несуществующихъ.

Вскорѣ послѣ вступленія въ должность я просилъ освободить отъ налога двѣ деревни разоренныя градомъ, на что получилъ депешу отъ шаха, въ которой говорилось, что это касается лично губернатора, что верховная власть не можетъ входить въ подобныя разбирательства, такъ какъ къ государственной кассѣ постоянно предъявляются требованія. И за деревни должно было платить.

Путешествіе по Персіи наглядно свидѣтельствуетъ объ неудовлетворительномъ состояніи страны.

Люди, даже очень зажиточные, за немногими исключеніями, живутъ въ очень небрежныхъ постройкахъ, что обусловливается и жаркимъ климатомъ, а гдѣ нѣтъ бѣдности, тамъ ее выставляютъ нарочно, чтобы избавиться отъ взятки. Легко себѣ представить какъ плохо при такихъ обстоятельствахъ идетъ торговля и производительность.

Вторымъ источникомъ дохода губернатора служитъ его компетенціи высшей юридической власти. Каждый разборъ гражданскаго и уголовнаго дѣла даетъ доходъ губернатору, достигающій иногда высокой цифры. Въ первомъ случаѣ выигрывающая сторона платитъ 10 процентовъ съ суммы иска; въ послѣднемъ сумма опредѣляется не согласно важности преступленія, а смотря по зажиточности подсудимаго. Кромѣ того стороны должны еще вознаградить судебныхъ чиновниковъ (фараши), которые оповѣщаютъ стороны и производятъ аресты. Зачастую для исполненія такихъ обязанностей приходится ѣхать очень далеко; тогда лицо оповѣщаемое должно платить расходы гуляями (коннаго фараша) въ оба пути и все таки вознаградить его. Заключеніе въ тюрьмы, состоящія изъ глиняныхъ мазанокъ, практикуется очень рѣдко. Въ какомъ нибудь провинціальномъ правительственномъ зданіи находится обыкновенно подземелье, гдѣ преступники приковываются за шею. Въ наибольшемъ однако употребленіи денежные штрафы и тѣлесныя наказанія. Послѣднія бываютъ жестоки: виновный ложится на спину, поднимаетъ ноги и его по голымъ подошвамъ стегаютъ розгами или ремнями. Если приходится наказывать женщину, то ее завязываютъ въ мѣшокъ и бьютъ, не разбирая куда попадаютъ удары. Но даже и въ этомъ случаѣ наказывающій требуетъ вознагражденія отъ своей жертвы.

При вступленіи въ должность новаго губернатора начинается масса слѣдствій, что, можно сказать, вошло уже въ обычай и имѣетъ цѣлью внушить себѣ больше уваженія. Доброта въ начальникѣ неизвѣстна персу и считается имъ слабостью, почему и стараются убѣдить въ противоположномъ вышеописаннымъ способомъ. Персидскій губернаторъ не упускаетъ ни одного случая, чтобы не извлечь изъ него пользы. Если принять во вниманіе, что всѣ чиновники и писцы получаютъ жалованье не отъ правительства, а вознаграждаются лицами, которымъ они оказываютъ услуги, то станетъ понятнымъ, что ни одному народу не приходится такъ тяжело, какъ жителю Персіи. Всѣ эти злоупотребленія до такой степени вкоренились, что никому не приходитъ на мысль скрывать ихъ; что у насъ повлекло бы за собою увольненіе отъ должности, въ Персіи считается совершенно законнымъ. Изъ этого легко заключить какъ трудно европейцу бороться съ подобными внѣдрившимися воззрѣніями.

Благодаря моему неустанному и внимательному надзору, мнѣ удалось до нѣкоторой степени прекратить грубыя злоупотребленія и ввести немного дисциплины между непосредственно подчиненными мнѣ чиновниками. Отдаленные округа, уходившіе отъ моего непосредственнаго надзора, только неослабной строгостію могли быть удержаны отъ взиманія чрезмѣрныхъ подарковъ.

Въ теченіи года я успѣлъ завести нѣкоторый порядокъ въ дѣлахъ, распредѣлить ихъ сообразно способностямъ служащихъ, устроить архивъ и назначить часы занятій. Назначеніемъ извѣстнаго вознагражденія за различныя служебныя услуги народъ былъ избавленъ отъ вымогательства чиновниковъ.

Доходы съ тринадцати областей моей провинціи, благодаря раціональной арендной системѣ и упорядоченію орошенія, составили на 15,000 франковъ болѣе противъ прошлаго. Губернаторы продавали обыкновенно воду частнымъ владѣльцамъ, что повело къ тому, что во многихъ мѣстахъ вода исчезала окончательно.

Столица прови..и того же имени—Саве, лежитъ въ долинѣ окруженной высокими горами и прорѣзаемой рѣкою, входящею въ долину чрезъ узкое ущелье на западномъ концѣ горъ. Это ущелье въ 40 метровъ ширины было употреблено шахомъ Аббасомъ (названнымъ Великимъ, 1586—1628) для устройства шлюза съ двоякою цѣлью: ..я сбора весеннихъ водъ и запаса воды для сухаго времени года, а также для того, чтобы поднятіемъ уровня воды способствовать орошенію болѣе возвышенныхъ частей долины.

Эта громадная постройка существуетъ еще и нынѣ во всей своей величественной красотѣ, но фундаментъ ея подмытъ, такъ что рѣка протекаетъ внизу и шлюзъ не исполняетъ уже болѣе своего назначенія. Я изслѣдовалъ эту постройку и нашелъ, что при затратѣ 200 или 300 франковъ ее можно возстановить, что принесло бы значительную пользу странѣ въ нѣсколько квадратныхъ миль, и изложилъ все это шаху, который съ своей стороны поручилъ дѣло принцу. Я сдѣлалъ подробное вычисленіе и необходимые техническіе планы и ежедневно ожидалъ порученія начать постройку. Но затрата такихъ капиталовъ не въ правилахъ персидскаго правительства. Персъ желаетъ получать выгоды впередъ; будущность лежитъ внѣ его комбинацій. Такимъ образомъ дѣло кончилось однимъ проэктомъ.

Между тѣмъ проэктъ орошенія возбудилъ духъ предпріимчивости у нѣкоторыхъ большихъ землевладѣльцевъ провинціи, которые хотѣли основать акціонерное общество. Но и этотъ планъ не осуществился въ виду неизвѣстности сколько времени продолжится настоящее управленіе и въ виду опасенія будущаго.

Главною моею заботою было опредѣленіе въ Саве количества собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ выработка основаній для налоговъ. Все было подготовлено для составленія предварительныхъ кадастровыхъ книгъ, какъ вдругъ я былъ отозванъ въ Тегеранъ для введенія гербоваго закона, проэктъ котораго исходилъ отъ меня. Къ этому времени прибыли изъ Вѣны заказанные мною штемпеля.

Напрасно противился я своему отозванію изъ Саве, гдѣ начатое мною дѣло, безъ сомнѣнія, должно было погибнуть въ короткое мое отсутствіе. Настоятельно требовали моего пріѣзда въ Тегеранъ, и прошло много недѣль, пока мнѣ, для моей новой задачи, удалось собрать совѣтъ министровъ.

Долгое мое отсутствіе вызвало наконецъ необходимость назначить въ Саве новаго губернатора. Это уничтожило все, чего я достигъ съ такимъ трудомъ. Новый губернаторъ, какъ оказалось, пользуясь тѣмъ, что провинція немного при мнѣ отдохнула, сталъ предъявлять къ ней тѣмъ большія требованія.

Между тѣмъ дѣла съ гербовымъ уставомъ затягивались; мнѣ снова дано было новое назначеніе, имѣвшее вначалѣ видъ большаго промышленнаго предпріятія, но которое впослѣдствіи оказалось насиліемъ надъ цѣлой провинціей, въ чемъ я не желалъ участвовать, и не смотря на любезность ко мнѣ правительства, рѣшился просить объ увольненіи меня отъ службы.

Къ рисункамъ.

Спасенный отъ смерти.

(Рис. на стр. 372).

На стр. 372 читатель найдетъ портретъ 3-хъ-лѣтняго малютки Васи Размыслова, вытащеннаго 10-го февраля вечеромъ живымъ изъ-подъ развалинъ дома Вяземскаго, 22 часа спустя послѣ случившагося обвала.

9-го февраля вечеромъ произошелъ обвалъ въ домѣ Вяземскаго, по Мучному переулку. Въ числѣ жертвъ этого грустнаго происшествія находился и этотъ ребенокъ, жившій при родителяхъ въ четвертомъ этажѣ вышеназваннаго дома. Въ минуту катастрофы онъ сидѣлъ на табуреткѣ. Вслѣдствіе провалившейся крыши, рухнулъ подъ ея тяжестью потолокъ комнаты 4-го этажа, въ которой находился Вася; обломки крыши и потолка придавили находившихся въ ней людей и въ то же время, проломивъ своею тяжестью полъ комнаты, увлекли ихъ въ образовавшееся отверстіе, въ 3-й этажъ, гдѣ они и очутились подъ грудами балокъ, досокъ, кирпичей и мелкаго мусора.

Одинъ изъ двухъ мужчинъ, сидѣвшихъ рядомъ съ ребенкомъ, былъ убитъ на повалъ; другой, оставшійся въ живыхъ, съ переломами реберъ и конечностей, былъ отправленъ въ Обуховскую больницу.

Ребенка считали убитымъ. Стоны его, слышавшіеся нѣкоторое время, прекратились, и лишь по настоянію графа Левашева, распоряжавшагося раскопками, поиски энергично продолжались. Къ концу первыхъ сутокъ, т. е. вечеромъ 10-го февра-

ля, несчастный ребенокъ наконецъ былъ извлеченъ изъ подъ груды мусора и обломковъ. Около 24 часовъ онъ провелъ безъ питья, пищи, и на морозѣ, достигавшемъ въ ту ночь 15° Р.

Доставленъ онъ былъ, по приказанію неотступно находившагося на мѣстѣ катастрофы градоначальника, въ Николаевскую дѣтскую больницу въ 10 час. вечера. При осмотрѣ ребенка оказалось: рана на лобикѣ, ссадины и царапины лица, ушибы и потрясеніе нервной системы, выражающееся въ постоянномъ страхѣ, дрожаніи и безсонницѣ.

Въ настоящее время ребенокъ уже здоровъ и ходитъ безъ посторонней помощи; на дняхъ онъ будетъ возвращенъ родителямъ.

Во время пребыванія его въ больницѣ, многія лица посѣщали ребенка и осыпали ласками и подарками. Тамъ же нарисованъ и портретъ его, здѣсь помѣщаемый. О здоровьи ребенка изволила освѣдомляться Государыня Императрица.

Малороссы.

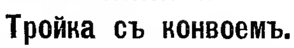
(Рис. на стр. 373).

Мы уже говорили не однажды, при помѣщеніи копій съ картинъ талантливаго Вл. Е. Маковскаго, о вѣрности и мастерствѣ его малороссійскихъ типовъ. И эта картина отличается тѣми же достоинствами. Степенно, разсудительно и неторопливо толкуютъ, собравшись у хаты, сосѣди-домохозяева, покуривая коротенькія трубки. Невдалекѣ стоитъ мальчуганъ, который прислушивается къ ихъ разговору. Вся сцена полна естественности и оживленія.

Красавица.

(Рис. на стр. 377).

Изъ превосходной коллекціи этюдовъ женскихъ головокъ талантливаго Беле, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, этотъ чуть ли не лучшій. Здѣсь не знаешь чему отдать преимущество: удачному ли выбору типа, блестящему таланту художника, или мастерству гравера. Все одинаково соединяется здѣсь, производя самое выгодное впечатлѣніе.



Тройка съ конвоемъ.

(Рис. на стр. 380).

Переходъ черезъ горы на Кавказѣ теперь уже не сопряженъ съ такимъ рискомъ и опасностями, какъ бывало прежде, но все же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ѣхать безъ конвоя не рѣшаются,—это профессоръ Грузинскій и изобразилъ здѣсь. Грозно завываетъ мятель въ горахъ, путникъ кутается въ толстую бурку. При взглядѣ на картину невольно припоминается извѣстное описаніе такого переѣзда въ „Бэлѣ" Лермонтова: „дорога была опасная: висѣли надъ нашими головами груды снѣгу, готовыя кажется оборваться въ ущелье. Узкая дорога была покрыта снѣгомъ—мы съ трудомъ пробирались. Налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ клубился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прядая по чернымъ камнямъ. Тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ въ ущельяхъ ревѣлъ, свистѣлъ какъ Соловей-Разбойникъ. Волны тумана все гуще и тѣснѣе набѣгали съ востока. Лошади измучились, мы продрогли, мятель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая сѣверная—только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница, думалъ я, плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку своей желѣзной клѣтки!.."

Древняя крѣпость въ Сурамѣ.

(Рис. на стр. 381).

Селеніе Сурамъ, лежащее теперь около самой линіи потитифлисской желѣзной дороги, пользуется на Кавказѣ извѣстностью какъ мѣстность очень здоровая и вмѣстѣ съ тѣмъ живописная. Съ открытіемъ здѣсь станціи, сюда начали стекаться дачники изъ Тифлиса и мало по малу селеніе начало обстраиваться болѣе чистыми домиками и выходить изъ той заброшенности и запустѣнія, въ которыхъ оставалось такъ долго, щеголяя лишь своими развалинами и своей древней исторической славой. Сурамъ дѣйствительно былъ знаменитъ еще въ глубокой древности. Онъ былъ построенъ, по преданію, за два вѣка до Р. Х., также какъ и его крѣпость. Послѣднюю поддерживали грузинскіе цари всѣхъ династій и она даже въ 1800 году еще была вооружена. Теперь отъ крѣпости остались лишь однѣ живописныя развалины, которыя даютъ впрочемъ еще ясное понятіе объ ея монументальной и внушительной архитектурѣ. Особенн передъ этой темной и мрачной громадой кажутся жалкими низкіе домики современнаго намъ Сурама, съ ихъ крохотными башенками и балкончиками и разными пристройками, разбросанными въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. О красотѣ стиля здѣсь никто и не заботится; улицы селенія представляютъ какіе то лабиринты, а ихъ грязь и запущенность никого здѣсь не удивляетъ. Даже дачники и туристы относятся къ безобразіямъ Сурама довольно равнодушно, такъ какъ имъ стоитъ лишь перешагнуть его границу, чтобы стать лицомъ къ лицу съ самой роскошной горной природой. За рѣчкой Сурамкой уже начинается подъемъ на малитскій перевалъ и здѣсь съ самаго подъема начинается болѣе разнообразная и богатая растительность, вообще присущая Имеретіи. Дубъ, сосна, грецкій орѣхъ—перемѣшаны здѣсь съ рододендронами и перевиты душистымъ плющемъ. Отсюда начинаются безпредѣльные лѣса, покрывающіе всю Имеретію, и то и дѣло открываются чудныя перспективы на гряды горъ, утопающихъ въ синевѣ дали, на ущелья и на башни и замки, висящіе на вершинахъ обнаженныхъ скалъ.

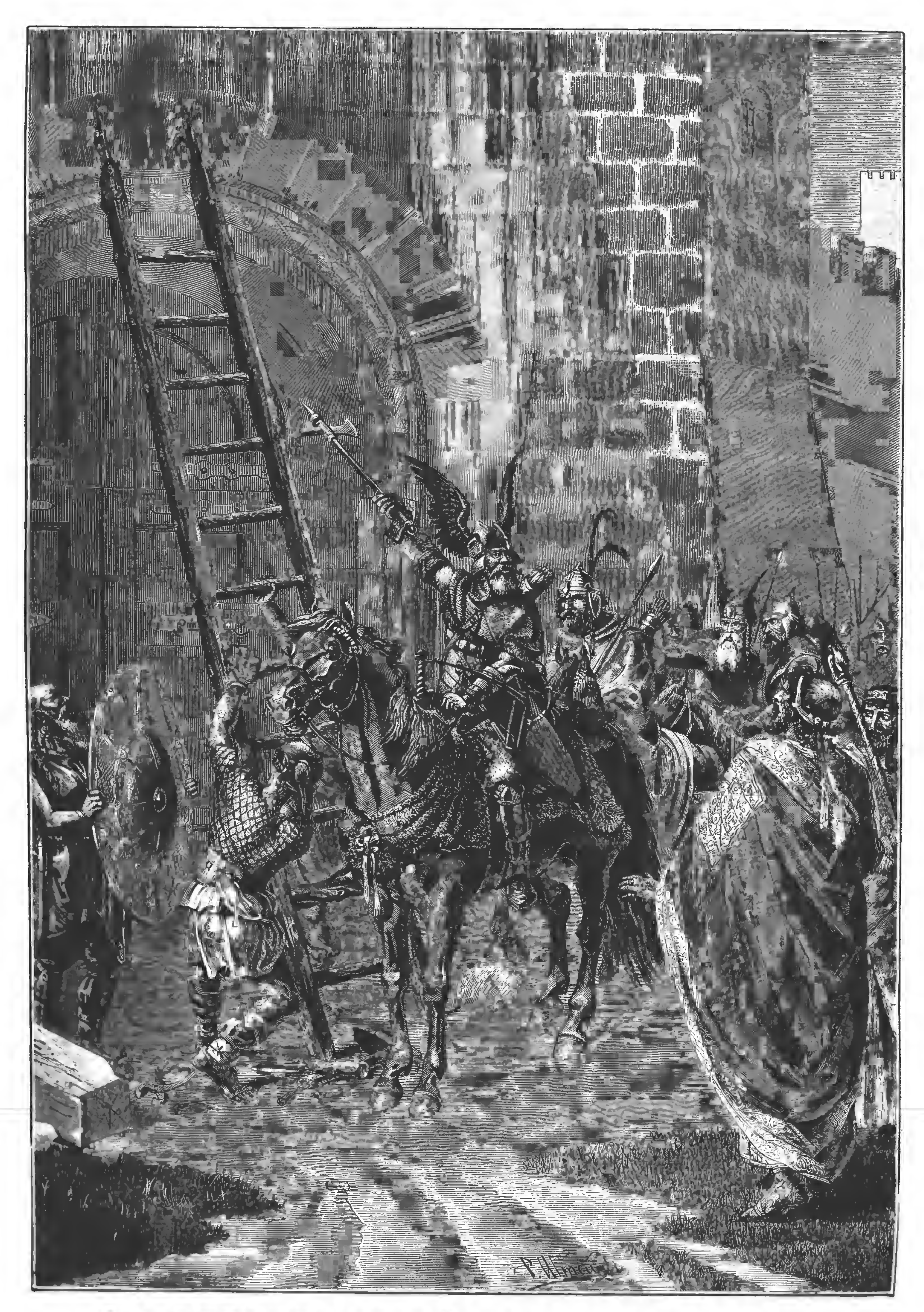
Людвигъ Барнай. По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Людвигъ Барнай.

Недавно наша публика имѣла случай восхищаться игрою знаменитаго германскаго артиста Л. Барная. Образы имъ созданные и видѣнные нами: „Вильгельмъ Телль", „Валенштейнъ", „Антоній" въ „Юліѣ Цезарѣ" не изгладятся изъ нашей памяти въ ихъ яркомъ, прекрасномъ изображеніи артистомъ.

Людвигъ Барнай родился 11-го февраля 1842 года въ Пештѣ, гдѣ отецъ его состоялъ на коронной службѣ. У его отца часто бывали художественные вечера, на которыхъ диллетанты занимались музыкой и декламировали. Тутъ также бывалъ Адольфъ Зоненталь,—быстрая, блестящая артистическая карьера его не могла не произвести впечатлѣнія на юношу, призваніе къ сценѣ котораго сказалось такъ рано, а неправильное ученіе не могло быть помѣхой. Юноша Барнай готовился быть бюрократомъ или купцомъ; онъ писалъ акты и велъ книги отца, а въ свободное время разъигрывалъ съ друзьями пьесы и писалъ театральныя рецензіи. Уже осенью 1857 г., пятнадцатилѣтній Барнай ѣхалъ съ цѣлью заняться въ Вѣнѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго Зоненталя, изученіемъ роли Косинскаго въ „Разбойникахъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, по желанію отца, онъ посѣщалъ политехническую школу. Затѣмъ снова занимался въ одной конторѣ въ Пештѣ и въ 1859 г. въ Кашау. Однако стремленіе къ театру у него было непреодолимо и, не смотря на запрещеніе отца, онъ окончательно посвятилъ себя сценѣ.

Теперь начинаются странствія молодаго артиста съ маленькою труппою. Въ первый разъ онъ выступилъ въ небольшомъ городкѣ, въ Богеміи, Траутенау, и потерпѣлъ неудачу, такъ что съ тѣхъ поръ его преимущественно стали употреблять на роли безъ разговоровъ. Труппа играла затѣмъ въ Браунау,



Олегъ прибиваетъ щитъ ко вратамъ Царяграда. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Флюгель.

дѣля выручку пропорціонально, и на долю Барная пришлось за два лѣтнихъ мѣсяца, іюнь и іюль, пять гульденовъ двадцать одинъ крейцеръ. Но положеніе его внезапно поправилось: онъ былъ приглашенъ директоромъ Ледерсромъ въ Вейскирхенѣ, въ Моравіи, на роли первыхъ героевъ и любовниковъ, съ содержаніемъ въ 24 гульдена въ мѣсяцъ, и уже въ то время игралъ Ингомара, Эссекса и другія подобныя роли. Долгое время онъ игралъ на маленькихъ сценахъ въ Моравіи и Австрійской Силезіи, пока мать не вызвала его въ Пештъ, желая помирить съ отцомъ. Однако отецъ не хотѣлъ видѣть комедіанта; тогда сынъ рѣшился на смѣлый шагъ, выступить на пештской сценѣ подъ своимъ именемъ и доказать отцу, что какъ артистъ онъ можетъ сдѣлать честь этому имени. Дѣйствительно 1-го іюня 1861 года онъ игралъ съ большимъ успѣхомъ. Всѣ начали поздравлять отца, который примирился съ сыномъ и не противился болѣе его занятіямъ. Съ этихъ поръ начинается правильная артистическая карьера Барная, хотя онъ все продолжаетъ перекочевывать изъ города въ городъ. До 1867 года онъ побывалъ въ Пештѣ, Грацѣ, Ригѣ и нѣсколько разъ въ Майнцѣ. Съ этимъ же временемъ совпадаютъ его гастроли въ Мюнхенскомъ придворномъ театрѣ и его дебютъ въ Бургтеатрѣ въ Вѣнѣ. Въ 1868 году Барнай пріѣхалъ въ Лейпцигъ. Это была самая цвѣтущая пора городскаго театра. Присутствіе выдающихся силъ давало возможность ставить большія трагедіи, какъ напр. „Нибелунги“ Геббеля. Барнай игралъ Гагена и произвелъ сильное впечатлѣніе въ этой роли, точно также какъ прежде въ роляхъ Телля, Эссекса и Ореста. Но талантъ его еще болѣе развился при послѣдующихъ ангажементахъ въ Веймарѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, Ганноверѣ и особенно во время артистическихъ поѣздокъ съ Мейнингенской придворной труппой, въ которой онъ былъ блестящимъ центромъ.

Дѣятельность Барная не исчерпывается одной сценой. Внѣ театра — это прекрасный ораторъ и кромѣ того онъ хорошо владѣетъ перомъ. Эти свои способности онъ употребляетъ въ пользу поднятія званія артиста. Для этого онъ съ нѣсколькими единомыслящими товарищами основалъ въ Майнцѣ союзъ артистовъ „Рютли“. цѣль котораго — стремленіе къ высшему изученію искусства. Отдѣленіе Майнцскаго Рютли въ Базелѣ, сдѣлало Барная своимъ почетнымъ членомъ. По почину и стараніями Барная былъ созванъ въ 1871 году въ Веймарѣ „Общій германскій театральный конгрессъ“, на которомъ обсуждался законъ театральныхъ концессій, дисциплинарный законъ, общія формы контрактовъ и общій пенсіонный и вспомогательный союзъ. Многое что въ то время было предметомъ обсужденія, теперь уже осуществилось. Заслуги Барная по образованію товарищества были признаны артистами и ему былъ поднесенъ въ 1872 году адресъ съ 4,000 подписей, между которыми встрѣчаются имена Эмиля Девріена, Эрнста Поссара и другихъ.

Въ настоящее время Барнай состоитъ почетнымъ членомъ Мейнингенской труппы, которую Петербургъ имѣлъ случай видѣть и оцѣнить по достоинству.

Олегъ передъ воротами Царь-града.

(Рис. на стр. 385).

Олегъ — одинъ изъ наиболѣе славныхъ героевъ нашей первоначальной лѣтописи, полуисторическіе, полумиѳическіе подвиги котораго оставили слѣды не только въ народныхъ преданіяхъ славянъ, но и въ скандинавскихъ сагахъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ называется *вѣщимъ*, великимъ колдуномъ и чародѣемъ, котораго хитрость и знаніе были выше обыкновенныхъ, человѣческихъ. Въ народныхъ нашихъ былинахъ онъ обращается уже въ богатыря Вольгу, имѣющаго способность оборачиваться въ разныхъ животныхъ и соединяющаго въ себѣ доблести воина съ хитростью и искусствомъ чародѣя. Въ исторической передачѣ лѣтописцемъ княженія Олега тоже на каждомъ шагу встрѣчаются отголоски народнаго преданія и миѳическія, легендарныя подробности. Особенно ими богатъ разсказъ лѣтописца о походѣ Олега на Царь-градъ въ 907 году. Походъ этотъ былъ предпринятъ Олегомъ послѣ того какъ онъ соединилъ подъ своею властью славянскія племена, не платившія до тѣхъ поръ никакой дани, и утвердилъ въ Кіевѣ свою столицу. Это уже не былъ набѣгъ варяжской шайки, а дѣйствительно грозное нашествіе. По словамъ лѣтописца, Олегъ двинулся на Царь-градъ на коняхъ и на судахъ; судовъ было 2,000 и на каждомъ кораблѣ по 40 человѣкъ. Когда силы Олега были въ виду греческой столицы, то греки замкнули гавань и заперли городъ. Олегъ же вышелъ безпрепятственно на берегъ; суда были выволочены; ратные люди разсыпались по всѣмъ окрестностямъ Царь-града и начали опустошать ихъ; грабили жителей, жгли палаты и церкви, мучили плѣнныхъ и бросали ихъ въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки на колеса и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, двинулъ ихъ на парусахъ, по сушѣ, къ Константинополю. Греки испугались осады и прислали къ Олегу пословъ сказать ему: „не губи городъ; мы беремся давать тебѣ дань какую хочешь“. Какъ побѣдитель, Олегъ послалъ къ императору пословъ, которые и потребовали по 12 гривенъ на судно; да еще особыя дани на разные русскіе города. Кромѣ того были выговорены широкія льготы для русскихъ торговыхъ людей во время ихъ пребыванія въ Царь-градѣ. Неизмѣнность договора подтвердилась присягой; императоры Левъ и Александръ цѣловали крестъ; послы же Олега клялись на оружіи своими богами Перуномъ и Волосомъ. Олегъ, какъ заключаетъ преданіе, возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, винами и всякимъ узорочьемъ. Но передъ прощаніемъ съ Царьградомъ, Олегъ еще выполнилъ, какъ говоритъ народная легенда, завѣтный у варяговъ обычай побѣдителя; онъ прибилъ свой щитъ къ воротамъ знаменитаго города. Пушкинъ въ превосходныхъ стихахъ передаетъ эту подробность исторической легенды, изображенную на нашемъ рисункѣ:

„Когда ко граду Константина,
Съ тобой, воинственный варягъ,
Пришла славянская дружина
И развила побѣды стягъ.
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ.“

Грязелечебное заведеніе на Эзелѣ.

(Рис. на стр. 388).

Благопріятныя для здоровья условія морскаго прибрежья въ особенности рельефно выступаютъ на берегахъ со всѣхъ сторонъ окруженныхъ моремъ — на островахъ. Качество флоры есть главное доказательство мягкости климата. Даже въ средней полосѣ Европы, растительность и климатъ на нѣкоторыхъ островахъ представляютъ поразительныя явленія. Островъ Уайтъ, находящійся по 51° 45′ с. ш. и 1° 20′ з. д., обладаетъ климатомъ и флорой едва ли уступающими южной Франціи; на этомъ островѣ растутъ мирты, фиговыя и померанцевыя деревья, даже нѣкоторыя породы кактусовъ, на открытомъ воздухѣ; не даромъ англичане называютъ его „садомъ Англіи“. На островѣ Рюгенѣ въ Балтійскомъ морѣ, даже на горахъ растутъ цѣлые лѣса бука, а въ долинахъ липы, пирамидальные тополи, въ садахъ же сирень растетъ не кустами, а деревьями.

Островъ Эзель, находящійся почти подъ однимъ градусомъ съ Костромой и Пермью, климатомъ и растительностью приближается къ нашему югу. Въ садахъ есть бѣлыя акаціи, пирамидальные тополи, каштаны; въ лѣсахъ плющъ. Это одинъ изъ прелестныхъ уголковъ нашего отечества. Важнѣйшимъ доказательствомъ умѣренности климата Эзеля служитъ богатство его флоры. Здѣсь растутъ сливы, бергамоты, испанскія вишни на открытомъ воздухѣ; также грецкій орѣшникъ (juglans regia), хотя и безплодный; даже шпалерный виноградъ достигаетъ иногда полной зрѣлости. Зима продолжается нѣсколько недѣль; иногда вовсе не бываетъ санной дороги.

Славу Аренсбургу сдѣлали извѣстныя своею цѣлебностью морскія грязи, но едва ли бы результаты леченія были такіе блистательные, если бы на подмогу ваннамъ не приходилъ климатъ острова — этого русскаго Уайта. Одна изъ лучшихъ грязелечебницъ — именно доктора Мержеевскаго, изображена на нашемъ рисункѣ.

Нельзя при этомъ не вспомнить, что прочное излеченіе можно ожидать только въ томъ-же климатѣ, въ которомъ человѣкъ имѣлъ свое постоянное мѣстожительство. Слишкомъ рѣзкихъ перемѣнъ климата, какъ растеніе, такъ и организмъ человѣка не могутъ переносить безнаказанно. Существуютъ границы, которыя переступать не нужно. Слѣдуетъ искать возможно-лучшаго климата, въ ближайшемъ сосѣдствѣ; если-же характеръ болѣзни заставляетъ человѣка перемѣнить климатъ, напр. страдающихъ грудными болѣзнями, то въ немъ и надо оставаться если не навсегда, то на продолжительное время. Кому неизвѣстны примѣры ревматиковъ и малокровныхъ, излечившихся въ тепломъ климатѣ и блаженствующихъ, пока живутъ тамъ — гдѣ либо въ Италіи или южной Франціи, но у которыхъ съ переѣздомъ въ родной, менѣе привѣтливый климатъ, опять начинается прежняя болѣзнь.

Долина рѣки Кушки.

(Рис. на стр. 389).

Здѣсь представляемъ мы видъ тѣхъ мѣстъ средне-азіатской пустыни, гдѣ наши войска покрыли себя новою славою. Можно судить о трудахъ, какіе должны претерпѣвать наши доблестные воины сражаясь въ такой пустынѣ. Климатъ долины, находящейся въ одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ съ Самаркандомъ, Ходжентомъ, Хивой, весьма сухой. Средняя мѣсячная температура: въ январѣ +4 градуса, въ февралѣ +7, мартѣ +15, апрѣлѣ +22, маѣ +28, іюнѣ +33, іюлѣ +34, августѣ +33, сентябрѣ +26, октябрѣ +18, ноябрѣ +10, декабрѣ +6. Такимъ образомъ средняя годовая температура составляетъ + 18 градусовъ Цельсія. Въ сравненіи съ другими странами, лежащими на одинаковой географической широтѣ, оказывается, что эта долина принадлежитъ къ самымъ жаркимъ странамъ міра. Климатъ болѣе жаркій только въ Аравіи, Внутренней Африкѣ и затѣмъ на Экуадорѣ, въ Южной Америкѣ. Что касается влажности, то здѣсь господствуетъ исключительно искусственное орошеніе. Проводятъ воду изъ Мургаба и его притоковъ. Такъ какъ повсюду, до самыхъ горъ, гдѣ лежатъ Пенжде и Ак-тепе, нахо-

дятся слѣды многочисленныхъ занесенныхъ песками каналовъ и древнихъ стѣнъ, то есть основаніе предполагать, что область эта была плодородна и очень населена. Теперь страна представляетъ довольно пустынный видъ. Кое гдѣ есть однако фруктовые сады, поля засѣянныя рисомъ, пшеницей, ячменемъ, хлопчатникомъ, кунжутомъ и коноплею. Въ промежуткахъ глинистая почва и солончаки. Только въ орошенныхъ мѣстахъ растительность богаче и количество животныхъ значительнѣе. Особенно многочисленны водяныя птицы и фазаны. Красивый евфратскій тополь встрѣчается часто по берегамъ Мургаба, за которыми уже тянутся прекрасные плодовые сады. Дрова очень дороги, ибо доставляются съ горъ. Чтобы дать приблизительное понятіе о сухости воздуха этой области, скажемъ только, что въ недалеко отстоящемъ отсюда и равномъ климатическими условіями Ходжентѣ бываетъ иногда въ году только 24 дождливыхъ дня. Холмы Эльбиринъ-Куръ раздѣляютъ юго-западную Туркменію на двѣ части, весьма различныя по характеру, мѣстности, растительности и климату. Холмы эти въ недалекомъ разстояніи отъ рѣки Кушки, являются разбросанными въ безпорядкѣ, рядами отдѣльныхъ возвышенностей. Треугольникъ, имѣющій основаніемъ горы Борхутъ отъ Хомбоу до Ардевана и вершину въ Чеменъ-и-Бидѣ, явственно составляетъ часть бассейна рѣки Кушки. Весь треугольникъ состоитъ изъ долинъ, начинающихся на склонѣ горы Борхутъ; промежутки между долинами — слегка холмистая мѣстность, постепенно понижающаяся отъ Борхута къ сѣверу. Западная часть южной половины имѣетъ скатъ къ Гери-руду вмѣстѣ съ Мургабомъ, наибольшей рѣкѣ югозападной Туркменіи. Грунтъ рѣки Мургабъ ниже Калеи-Моръ вязкій, иловатый, а потому переправы возможны лишь въ рѣдкихъ пунктахъ, хотя глубина воды нигдѣ не болѣе аршина. Выше Калеи-Моръ грунтъ гравенистый и переправы не представляютъ затрудненія. Вода въ Кушкѣ прѣсная, но послѣ долгой засухи солоноватая и въ пути пользуются встрѣчающимися по берегамъ рѣки Кушки родниками.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Англія ищетъ союзниковъ. Но Швеція уже объявила себя нейтральною, также какъ и Турція. Въ Константинополѣ произвело дурное впечатлѣніе сдѣланное Англіей Италіи предложеніе о занятіи войсками послѣдней Египта, въ случаѣ отозванія оттуда египетскихъ войскъ и въ особенности одобреніе его хедивомъ. Британское правительство добилось отъ парламента огромныхъ кредитовъ, 11 мил. ф. ст., т. е. 110 мил. руб., для покрытія расходовъ по экспедиціи суданской и „иныхъ расходовъ“, производство коихъ стало неизбѣжнымъ, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Что касается до кредита, разрѣшеннаго парламентомъ,—кредита не во всемъ своемъ размѣрѣ предназначеннаго для египетской экспедиціи,—то изъ этого видно, что Англія волнуется. Россія остается спокойною, и, вполнѣ сознавая серьезное значеніе настоящихъ обстоятельствъ, съумѣетъ стать лицомъ къ лицу къ обстоятельствамъ, вызваннымъ необходимостью.

Въ виду афганскихъ событій, египетскія дѣла уже отошли на задній планъ, и даже, если вѣрить депешѣ изъ Александріи, то лордъ Вольслей вернется въ Лондонъ, такъ какъ англійское правительство имѣетъ намѣреніе поручить ему командованіе войсками, которыя будутъ сосредоточены въ Афганистанѣ. Колонну Граама британское правительство также рѣшило вызвать изъ Судана немедленно, чтобы не подвергать долѣе лучшихъ англійскихъ солдатъ вліянію тамошняго климата. Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ англичанъ противъ Османа-Дигмы дѣйствительно перестали быть интересными съ тѣхъ поръ, какъ, повидимому, подтверждено, что войска генерала Граама съ часу на часъ могутъ получить приказаніе отплыть въ Индію. Послѣ неоднократныхъ безплодныхъ попытокъ настигнуть Османа-Дигму и принудить его дать сраженіе, и послѣ занятія безъ боя Тамаи, генералъ Граамъ измѣнилъ планъ кампаніи и направилъ свои войска въ Хандубъ, къ сѣверо-востоку отъ Суакима. Этотъ пунктъ расположенъ почти у самыхъ колодцевъ Хассана и образуетъ первую станцію желѣзной дороги, которая должна соединить Суакимъ съ Берберомъ, если только этому проэкту суждено осуществиться. Вообще съ той и другой стороны, какъ со стороны войскъ Махди, такъ и въ англійскомъ лагерѣ, повидимому отказались отъ рѣшительныхъ ударовъ. Англійскія войска отнынѣ будутъ двигаться впередъ небольшими партіями, по направленію къ Берберу, устраивая при каждомъ колодцѣ блокгаузъ, гдѣ они оставятъ небольшой гарнизонъ, какъ для охраны этихъ необходимыхъ источниковъ, такъ и постройки желѣзной дороги. Въ англійскомъ лагерѣ даже нашли очень оригинальное средство сноситься съ невидимымъ непріятелемъ. Письма, приглашающія Османа-Дигму и состоящихъ при немъ шейховъ войти въ переговоры съ англичанами, должны быть отправлены на воздушномъ шарѣ и выброшены изъ него въ Тамаи или въ Таманибѣ. Выполненіе воздушнаго путешествія было возложено на маіора Темпляря, и въ англійскомъ штабѣ надѣются, что этимъ своеобразнымъ способомъ заставятъ непріятеля прервать свое упорное молчаніе и войти въ сношеніе съ англичанами.

Депеши, полученныя изъ Пекина нѣсколько дней тому назадъ, уже извѣстили, что между Франціей и Китаемъ заключенъ миръ. Теперь „Journal officiel“ подтверждаетъ это извѣстіе и кромѣ того добавляетъ, что вслѣдствіе переговоровъ съ делегатомъ китайскаго правительства, предварительныя условія мира были заключены въ Парижѣ 4-го апрѣля. За этимъ актомъ въ Пекинѣ должно было послѣдовать обнародованіе императорскаго декрета, ратификующаго конвенцію отъ 11-го мая 1884 года и повелѣвающаго китайскимъ арміямъ Юннана и Куангъ-Си снова перейти границу въ опредѣленные сроки. 9-го апрѣля французскій министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ отъ французскаго посланника въ Шанхаѣ телеграмму, извѣщающую, что означенный декретъ обнародованъ и заявленъ въ надлежащей формѣ. Если Китай и на этотъ разъ станетъ колебаться и затягивать ратификацію мирнаго соглашенія, то въ такомъ случаѣ французскія войска двинутся въ предѣлы китайской территоріи. Впрочемъ изъ Шанхая телеграфируютъ, что въ Пекинѣ уже обнародованъ императорскій декретъ о прекращеніи войны Китая съ Франціею. Этимъ курьезнымъ декретомъ императоръ объявляетъ своему народу, что „павшіе духомъ“ французы просили мира и онъ милостиво внялъ ихъ мольбамъ. Вице-королямъ и губернаторамъ предписывается строжайше наблюсти за тѣмъ, чтобы до заключенія окончательнаго договора, китайскія войска не дозволяли себѣ никакихъ самовольныхъ враждебныхъ дѣйствій.

Итальянцы начинаютъ постепенно устраиваться на берегу Чермнаго моря. Такъ, изъ Рима сообщаютъ, что въ Массовѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ были воздвигнуты укрѣпленія, дающія возможность отражать внезапныя аттаки рыщущихъ въ окрестностяхъ Массовы скопищъ дикарей. Мѣстное населеніе относится къ итальянцамъ скорѣе дружелюбно, нежели враждебно. Здоровье войскъ удовлетворительно и они снабжены всѣмъ необходимымъ. Итальянцы заняли также Аунсслейскую гавань, очень удобную мѣстность для зимней стоянки, въ семидесяти верстахъ отъ Массовы, а также Арафоли. Арафоли составляетъ важный стратегическій пунктъ близъ абиссинской границы. Это лѣтняя станція съ весьма свѣжимъ воздухомъ, хорошею водою и пастбищами. Итальянское посольство, отправленное къ абиссинскому королю, съ Феррари во главѣ, уже выѣхало изъ Адуа къ мѣсту своего назначенія.

Библіографія.

Дѣды. Историч. повѣсть Вс. В. Крестовскаго. СПб. 1885 г. Къ числу наиболѣе выдающихся произведеній исторической беллетристики несомнѣнно принадлежитъ повѣсть талантливаго автора, отличающаяся живостью, интересомъ изложенія и совершенно оригинальнымъ освѣщеніемъ личности императора Павла I. Успѣха такому замѣчательному произведенію желать излишне—оно непремѣнно будетъ его имѣть.

Южная Африка до Замбези. Г. Фрича. Отдѣлъ I. Лейпцигъ. 1885. Книга Фрича даетъ ясную картину южно-африканской природы и міра животныхъ. Въ ней подробно описаны свойства почвы и климатъ; сухіе и водяные пути, ихъ значеніе для торговыхъ сообщеній; мѣста нахожденія минеральныхъ сокровищъ и способъ ихъ добыванія; растительность и міръ животныхъ по отношенію приученія и охоты.

Законъ равновѣсія. П. А. Горбатова. СПб. 1884 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 75 к. Основная идея этого сочиненія—единство и непрерывность міровой матеріи, съ замѣною притяженія, напряженіемъ среды. Вліянія массъ и разстояній, управляющія движеніями міровыхъ тѣлъ, выражаются и въ явленіяхъ магнетизма, электричества, теплоты и свѣта. Органическія и психическія явленія пополнены субъективными наблюденіями, давшими возможность понять начальный механизмъ мышленія.

Смѣсь.

Карманный микроскопъ. Изъ многихъ существующихъ карманныхъ микроскоповъ ни одинъ не отличается тѣми удобствами какъ ахроматическій всеобщій карманный микроскопъ Павла Вэхтера (Берлинъ, Кэпникерштрассе 115). При 50-ти-кратномъ линейномъ и 2500-кратномъ квадратномъ увеличеніи онъ дастъ совершенно ясныя изображенія и можетъ быть употребленъ на всякомъ мѣстѣ, гдѣ есть немного свѣта. Въ виду легкости его употребленія, онъ чрезвычайно пригоденъ для фармацевтовъ, химиковъ, ботани-

ковъ и наконецъ для всякаго любителя природы. Микроскопъ помѣщается въ маленькомъ ящикѣ. При употребленіи слѣдуетъ двумя пальцами лѣвой руки потянуть внизъ обѣ пуговки, находящіяся по бокамъ трубки, послѣ чего вкладываютъ препаратъ въ выемку трубки. въ самую средину ея. Желая вынуть препаратъ, точно также нажимаютъ пуговки внизъ. Точная установка препарата въ фокусѣ совершается помощью отвинчиванія и завинчиванія крышки, въ которой находятся линзы. Стекла чистятся отъ пыли кисточкой и замшей; линзы можно чистить съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ онѣ раздѣляются. что чрезвычайно важно для ясности изображенія. Приложенныя стеклянныя пластинки служатъ для приготовленія препаратовъ, которые зажимаются между пластинками. Пластинка съ впадинкой служитъ для капель воды и прикрывается другой, ровной пластинкой. Сухіе предметы легко пристають если ихъ немного смочить или даже дунуть. Желая разсмотрѣть воду, берутъ самое небольшое количество, не болѣе поль-капельки. При наблюденіи, инструментъ держатъ какъ подзорную трубу, концомъ къ свѣту. Небольшой и дешевый этотъ инструментъ даетъ возможность дѣлать многочисленныя любопытныя наблюденія. Кромѣ твердыхъ предметовъ въ него можно разсматривать пары минеральныхъ водъ, охлажденные до капель. такъ напр. горькой воды, глауберовой и поваренной соли. Тогда однако объективы не нужно прикрывать сверху другими пластинками, такъ какъ при этомъ повреждаются кристаллы солей. Приложенная къ микроскопу лупа дастъ возможность изслѣдовать растенія или цвѣты, насѣкомыхъ, мухъ, ткани, сѣмена и пр. и хотя она увеличиваютъ гораздо менѣе чѣмъ микроскопъ, однако чрезъ нее легко различаются самыя тонкія волокна.

И линзы микроскопа. и лупу нужно чистить всякій разъ до употребленія, что дѣлается замшей, въ предупрежденіе царапинъ на стеклѣ.

Войско Махди. „Вотъ наиболѣе вѣрныя извѣстія объ организаціи и чинахъ войска Махди. Магометъ Ахметъ во всемъ старался подражать древнимъ калифамъ и при организаціи войскъ также держался ихъ системы. Каждые десять человѣкъ составляютъ „братство". подъ командой старшаго; десять такихъ братствъ составляютъ „товарищество", во главѣ котораго стоитъ „ферикъ"; десять товариществъ образуютъ „отрядъ" подъ начальствомъ эмира и его намѣстника. У каждаго отряда свое знамя съ военнымъ гербомъ Махди (два скрещенныхъ меча). Цвѣта знаменъ различны: красный. бѣлый, зеленый, красный съ бѣлымъ, зеленый съ бѣлымъ и др.—у каждаго отряда особый цвѣтъ. Воинъ, отличавшійся храбростью, получаетъ денежную награду и повышеніе чиномъ, т. е. считается въ братствѣ первымъ, вторымъ и т. д.; онъ можетъ дослужиться до чина ферика и даже эмира. Когда Махди лично командуетъ, его окружаютъ десять эмировъ,—это его высшій военный судъ,—десять ординарцевъ и десять верховыхъ „Байракдаровъ" (знаменоносцевъ).

Соединеннымъ штатамъ Президентъ стоитъ 50,000 долл., но это лишь его годовой окладъ. Казна штатовъ платитъ всѣмъ чиновникамъ и служащимъ въ Бѣломъ домѣ, вообще принимаетъ на себя весь домашній расходъ. что составляетъ въ итогѣ отъ 125,000 до 150,000 долл. въ годъ. Кромѣ оклада въ 50,000 долл. на расходы президента выдается 37.000 долл на жалованье секретарямъ и служащимъ у президента. Личный секретарь получаетъ 325 долл., его помощникъ 2,250 долл., стенографъ 1,800 долл., 5 вѣстовыхъ по 1.200 долл.. телеграфистъ и 4 писаря также получаютъ хорошій окладъ, ночной дежурный 1,200 долл.. сторожъ 900 долл. и истопникъ 864 долл. въ годъ. 8,000 долл. назначены для другихъ издержекъ, письменныхъ принадлежностей ковровъ, содержанія конюшенъ, ухода за лошадьми и т. д. Въ слѣдующей графѣ назначено 40,000 долл.: 12,500 долл. на ремонтъ Бѣлаго дома и мебели, 2,500 долл. на топливо, 4,000 долл. на оранжерею и 15,000 на освѣщеніе и другіе расходы.

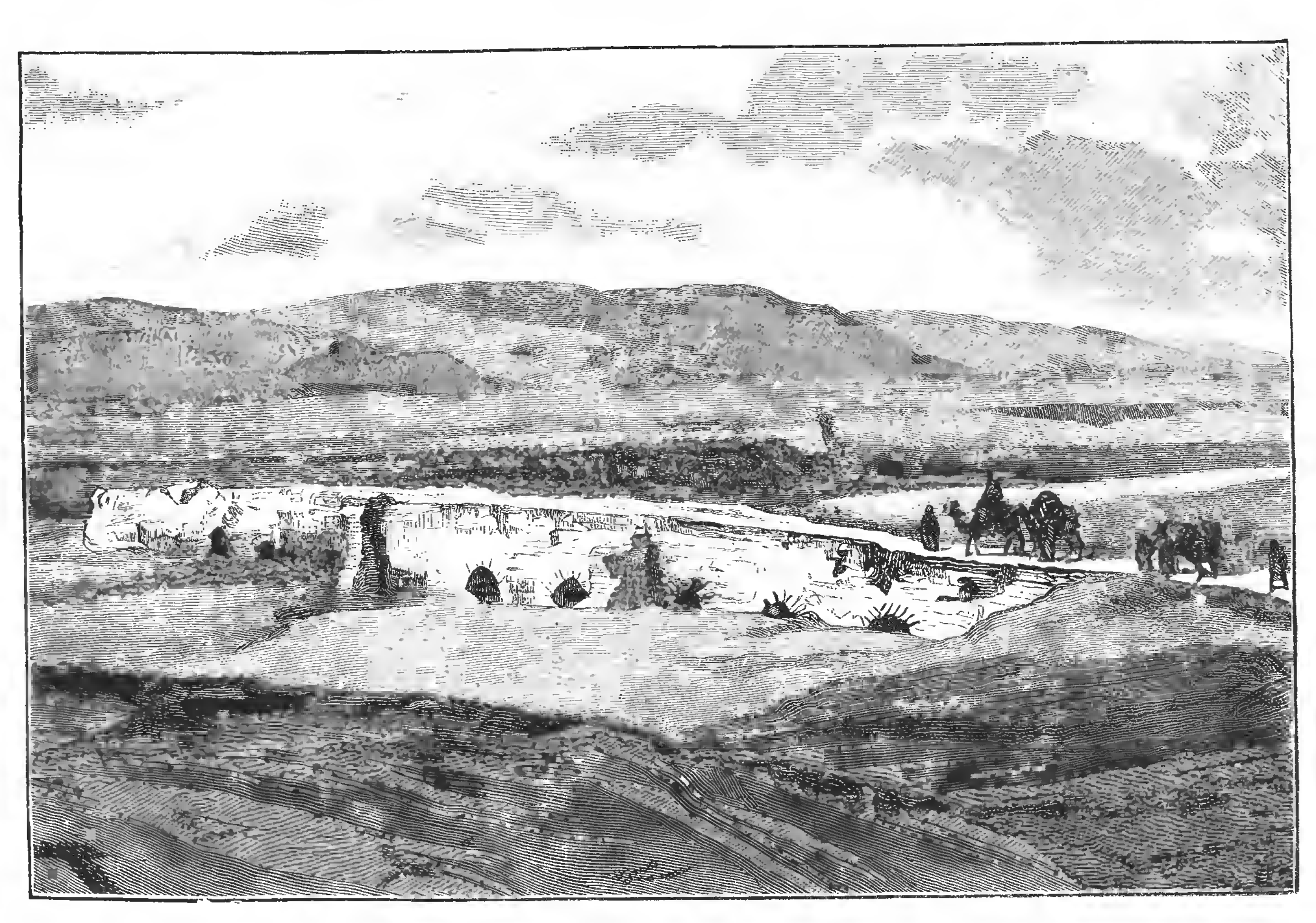
Островъ Эзель. Грязелечебное заведеніе „Ромассааръ", д-ра В. Мержеевскаго, въ г. Аренсбургѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

О паукахъ. Послѣ змѣй пауки наиболѣе возбуждаютъ отвращеніе въ человѣкѣ. Причина этому заключается въ ихъ хищническомъ характерѣ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Живущій на Явѣ европеецъ отправился на прогулку въ горы; проходя по лѣсу, вниманіе его привлечено было своеобразнымъ движеніемъ листьевъ. Приблизившись, онъ замѣтилъ въ гнѣздѣ попугая громаднаго паука,—какіе часто встрѣчаются въ Остъ-Индіи и Бразиліи,—высасывающаго кровь изъ птенца. Длинныя ноги насѣкомаго торчали изъ гнѣзда и отвратительное. покрытое волосами тѣло раздувалось все больше отъ крови беззащитной жертвы. Но вотъ вернулась мать и сѣвъ на краю гнѣзда, старалась освободить свое дѣтище отъ хищника,—но безуспѣшно. Наконецъ паукъ оставилъ маленькую птичку и съ яростью бросился на новаго непріятеля. Ногами онъ охватилъ шею попугая, которому пришлось бы плохо, еслибы онъ не успѣлъ ударить клювомъ противника въ грудь. Послѣдній все крѣпко держался за птицу и наконецъ упалъ съ нею на землю. Тутъ борьба продолжалась еще около пяти минутъ. пока зритель, съ цѣлью освободить попугая, не убилъ паука прикладомъ ружья. Другой случай также не менѣе характеренъ. Тоже лицо увидѣло громаднаго паука, выслѣживавшаго добычу на нижнемъ краю паутины, а не по срединѣ ея, какъ это обыкновенно бывало. Чтобы узнать причину этому—наблюдавшій поймалъ муху и поднесъ ее къ паутинѣ такъ близко, что она запуталась въ ней. Въ ту же минуту на нее набро-

сился паукъ и между обоими началась драка изъ за добычи. Первый паукъ былъ однако слабѣе, не могъ отстоять свои права и долженъ былъ отступить. Но убѣгая онъ раза два оглянулся на дерзкаго пришельца и затѣмъ быстро направился къ наружному краю паутины. Тутъ онъ началъ поспѣшно отрывать ее отъ стѣны и подвигаясь все дальше, достигъ того, что паутина стала держаться только на одной нити, по которой паукъ поднялся вверхъ. Пришлецъ же опуталъ уже свою жертву нитями и вѣроятно приступилъ бы къ ѣдѣ, еслибы положеніе его не было такимъ критическимъ. Захвативъ муху одной лапой, остальными онъ крѣпко уцѣпился за паутину и въ такомъ положеніи ожидалъ катастрофы, которая не замедлила наступить. Послѣдняя нить, удержив вшая паутину, была перервана, и паутина, пришлецъ и жертва—все полетѣло внизъ. Первый паукъ, такъ храбро избавившійся отъ своего противника, принялся за плетеніе новаго гнѣзда.

Народонаселеніе Европейской Россіи въ 1882 г., по недавно опубликованнымъ статистическимъ даннымъ, составляло 77.879,521 человѣкъ, изъ нихъ 38.651,977 мужчинъ и 39.227,544 женщинъ, т. е. послѣднихъ болѣе мужчинъ на 575.567. Включая остальныя части Имперіи и великое княжество Финляндское, общая цифра населенія достигаетъ 102 милліоновъ. По многочисленности населенія первое мѣсто принадлежитъ Вятской губ., гдѣ 2.740,953 жителя; далѣе идутъ губерніи: Пермская съ 2.539,874 душами. Кіевская съ 2.507,231, Тамбовская съ 2.490,313, Полтавская съ 2.473.958, Воронежская съ 2.433,657, Курская съ 2.314,300, Подольская съ 2.276,518, Самарская съ 2.224,093, Московская съ 2.137,179. Харьковская съ 2.160,263, Саратовская съ 2.113,077 и Волынская съ 2.062,270 жителей. Въ остальныхъ губерніяхъ число жителей не достигаетъ двухъ милліоновъ; самыя бѣдныя по населенію губерніи: Архангельская (315,567 жит.) и Олонецкая (327.328 жит.). Что же касается густоты населенія, то Московская губернія съ 73,1 жит. на квадратную версту занимаетъ первое мѣсто, а затѣмъ слѣдуетъ Подольская съ 61,7 жителей на квадратную версту. Всѣ прочія губерніи заселены гораздо рѣже, нежели названныя двѣ губерніи. Отъ 60—50 жителей приходится на квадратную версту въ губерніяхъ Полтавской, Курской и Кіевской; около 50—40 въ Тульской, Рязанской, Орловской, Харьковской, Черниговской, Калужской, Воронежской, Петербургской, Ковенской и Пензенской. Губерніи эти, съ Московской и Подольской во главѣ, самыя населенныя въ Имперіи. Бѣднѣе всего по населенію губерніи: Пермская съ 8,7 жит. на квадратную версту; Оренбургская съ 7,2 жит.; Астраханская съ 3,8 жит.; Вологодская съ 3,3; Олонецкая съ 2,9 и Архангельская съ 0,4 жит. на квадр. версту. Изъ общей цифры населенія на города приходится 9.263,100 жителей и на деревни 68.616,418 человѣкъ. Упомянутый выше перевѣсъ женскаго населенія распространяется на деревни; въ городахъ же, вслѣдствіе значительнаго прихода рабочихъ, мужчинъ болѣе нежели женщинъ. Перевѣсъ этотъ наиболѣе замѣтенъ въ промышленныхъ городахъ. Вообще же на 100 мужчинъ въ городахъ приходится 89,2 женщины, а въ деревняхъ 103,3.

Что касается движенія населенія, то въ 1882 году родилось 3.904,577 дѣтей (2.001,975 мальчиковъ и 1.903,602 дѣвочки), причемъ въ городахъ на 1000 жителей приходилось 36,7 рожденій, а въ деревняхъ 51,9. Замѣчателенъ тотъ фактъ, что процентный прирость мальчиковъ былъ значительнѣе въ городахъ, нежели въ деревняхъ. На 100 дѣвочекъ приходилось 108,8 мальчиковъ въ городахъ, и 104,8 мальчиковъ въ деревняхъ. Большинство незаконныхъ рожденій падаетъ на города. На 101,698 незаконныхъ рожденій въ 1882 г. приходится на 1000 жителей въ городахъ 113,2 и въ деревняхъ только 17,7. Въ 1882 году умерло 3.033,569 человѣкъ (1.567,200 мужчинъ и 1.466,369 женщинъ). Сопоставляя эти цифры съ числомъ рожденій, получится слѣдующее: родилось 93,373 мальчика болѣе нежели дѣвочекъ, но умерло 100,891 мужчина болѣе нежели женщинъ. Такимъ образомъ процентъ смертности между мужчинами гораздо значительнѣе, нежели между женщинами. Смертность всего сильнѣе въ тѣхъ округахъ, гдѣ ощущается недостатокъ въ медицинской помощи. На 1000 жителей въ городахъ приходилось 34,4 смертныхъ случая и въ деревняхъ 39,5. Но такъ какъ число рожденій въ деревняхъ больше, то не смотря на большую смертность, процентный прирость населенія все же больше въ деревняхъ; такъ, въ послѣднихъ на 100 смертныхъ случаевъ приходилось 131,8 рожденія, а въ городахъ только 106,8. Браковъ въ 1882 году было заключено 716,247, причемъ число браковъ въ деревняхъ превзошло число браковъ въ городахъ. На 1000 жителей въ городахъ приходилось 7,1 брака и въ деревняхъ 9,5. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, незначительное число незаконныхъ рожденій въ деревняхъ.



Видъ въ долинѣ Кушки. Мѣсто боя 18 марта. По рис. Gr. грав. Флюгель.

Предостереженіе отъ переселенія въ Америку. Въ Нью-Іоркѣ въ настоящее время до 76,000 человѣкъ безъ хлѣба и не имѣютъ работы: 10,000 портныхъ, 6,000 старьевщиковъ, 5,000 кузнецовъ, 4,500 каменьщиковъ, 3,000 обойщиковъ, 3000 мастеровъ желѣзныхъ издѣлій, 2000 каменотесовъ, 1,500 столяровъ, 1.500 переплетчиковъ, 1,500 цвѣточниковъ, 1,400 плотниковъ, 1,250 мастеровъ свинцовыхъ издѣлій, 1,000 типографщиковъ, 1,000 лакеевъ, 800 булочниковъ, 500 сапожниковъ, 400 лѣпщиковъ, и 2,500 по различнымъ мелкимъ отраслямъ работъ. Статистика добавляетъ, что 30.000 женщинъ, 3,000 нагрузчиковъ, и 6,000 итальянцевъ также безъ работы. Въ одномъ Нью-Іоркѣ мѣстное благотворительное общество поддерживало въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ 45,000 семействъ, т. е. 180,000 человѣкъ! Такъ какъ эта „армія нищихъ“ постоянно увеличивается новыми переселенцами, посредники торговыхъ до-

мовъ въ Нью Іоркѣ обратились во всѣ торговые дома и консульства прося пріостановить переселе іе въ Амер іку.

Новый городъ въ Черногоріи. Сообщаютъ изъ Цетиньи отъ 30 го марта, что недавно тамъ произошло переселеніе жителей стараго, полуразрушеннаго и теперь покинутаго города въ новый городъ Никшичъ, построенный по плану архитектора Слада. Князь Николай принималъ дѣятельное участіе при постройкѣ города—безмездно раздавалъ землю и строевой лѣсъ изъ ближайшихъ казенныхъ лѣсовъ, предоставилъ гарнизонъ для исполненія главныхъ работъ при мощеніи улицъ и устройствѣ рыночной площади. Князя благодарили со всѣхъ сторонъ телеграммами. Князь Николай благодарилъ телеграммой въ формѣ прекраснаго стихотворенія слѣдующаго содержанія: „Я отвѣчаю моимъ землякамъ поздравленіемъ. Да процвѣтаетъ городъ и да благоденствуетъ! Да найдетъ любовь къ отчизнѣ теплый пріютъ въ новомъ Никшичѣ. Цетинья долгое время была очагомъ горячей любви къ родинѣ и свободѣ, славно и мощно сіявшей какъ алмазъ въ древней сербской коронѣ. Жители моего Никшича, да освѣтитъ и согрѣваетъ сердца ваши пламя возжженное въ сердцахъ вашихъ Душаномъ и княземъ Даниломъ. Да уподобится новый Никшичъ льву мужествомъ, а муравью трудолюбіемъ".

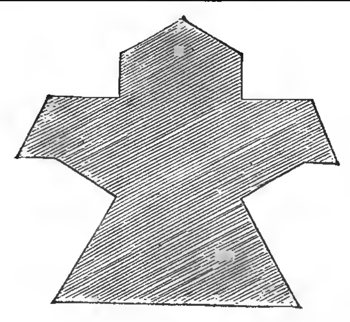
Экипажъ, приводимый въ дѣйствіе силою натроваго пара. Хонигманнъ, въ Гревенбрюкѣ близь Ахена, извѣстный изобрѣтеніемъ натроваго нароваго котла, устроилъ теперь паровой экипажъ. Передъ тѣмъ какъ ѣхать выпариваютъ разведенный растворъ натра посредствомъ подогрѣванія до тѣхъ поръ, пока предохранительный клапанъ будетъ выдерживать давленіе 8-ми атмосферъ. Если насосомъ накачать воду, чтобъ достигнуть нормальнаго давленія при работѣ, т. е. 4-хъ атмосферъ, то экипажъ можетъ пройти отъ 20 до 30 километровъ подъ однимъ и тѣмъ же давленіемъ, между тѣмъ какъ въ натровомъ котлѣ образуется противодѣйствующее давленіе.

Этотъ новый котелъ будетъ очень полезенъ въ примѣненіи къ военнымъ кораблямъ и въ особенности къ торпедамъ, для которыхъ чрезвычайно быстрый ходъ при отсутствіи дыма составляетъ неоцѣнимую выгоду. Если же вдругъ потребуется работать подъ высокимъ давленіемъ, то накачиваютъ воды въ пустой водяной котелъ, отъ чего быстро образуется паръ сильной упругости, между тѣмъ какъ упругость пара въ натровомъ котлѣ почти исчезаетъ вслѣдствіе охлажденія. И машина можетъ работать подъ высокимъ давленіемъ и безъ огня, когда испаряющійся паръ вводится въ натръ.

Задача ходъ коня № 17.

					стью	быть					
				мой	мо	лю	то				
			жеть	бо	рев	би	дру	вась			
		ду	молв	но	биль	быть	вась	е	чѣмъ		
	но	деж	ро	въ	лю	но	я	гимъ	лю	вась	
ка	шѣ	но	Богъ	без	то	я	ще	стью	бовь	ни	биль
тать	вамъ	крек	мо	такъ	я	всѣмъ	не	вась	боль	то	она
	без	нѣж	не	какъ	ей	лить	я	со	пусть	лю	
		дай	ис	жить	биль	тре	но	ше	мимъ		
			но	хо	ча	у	не	вась			
				га	во	лю	пе				
					чу	сла					

Геометрическая Задача № 18.



Данную фигуру раздѣлить прямыми линіями на 8 частей, изъ которыхъ составить правильный шестиугольникъ.

Рѣшеніе ребуса № 11
(помѣщеннаго въ „Нивѣ" № 9).

„На землѣ никѣмъ матери родной не замѣнить".

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Гг.: **СПб.**—Мази, Маньламъ, Аверьянова, Жукова, Пермиловскаго, Талнгаджевой, Чернышева, Розенбергъ, Головня; **М ск а**—А. К—ва, Самбуль, Бояршинова, Митрофанова, **Ананьевъ**—Охременко, **ольшое Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣла**—Доманскаго, **Витебсн** —Вятченина, **Гельсингфорсъ**—М. А. В., Шадурской, **Кромы**—Беркиной, **Кронштадтъ**—Бериславскаго, **Лебединъ** Кондратченко, **Липецкъ** — Моссинъ, **Н. Но город** —Герке, Соловьева, **Николаевъ** —Языкова, Андреевской, **Севастополь** -Гуськова, **Слуцкъ**—М.—Н—ва, **Харьковъ**—Фавръ, Свитальскаго, **Юхно ъ**—Иванова.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

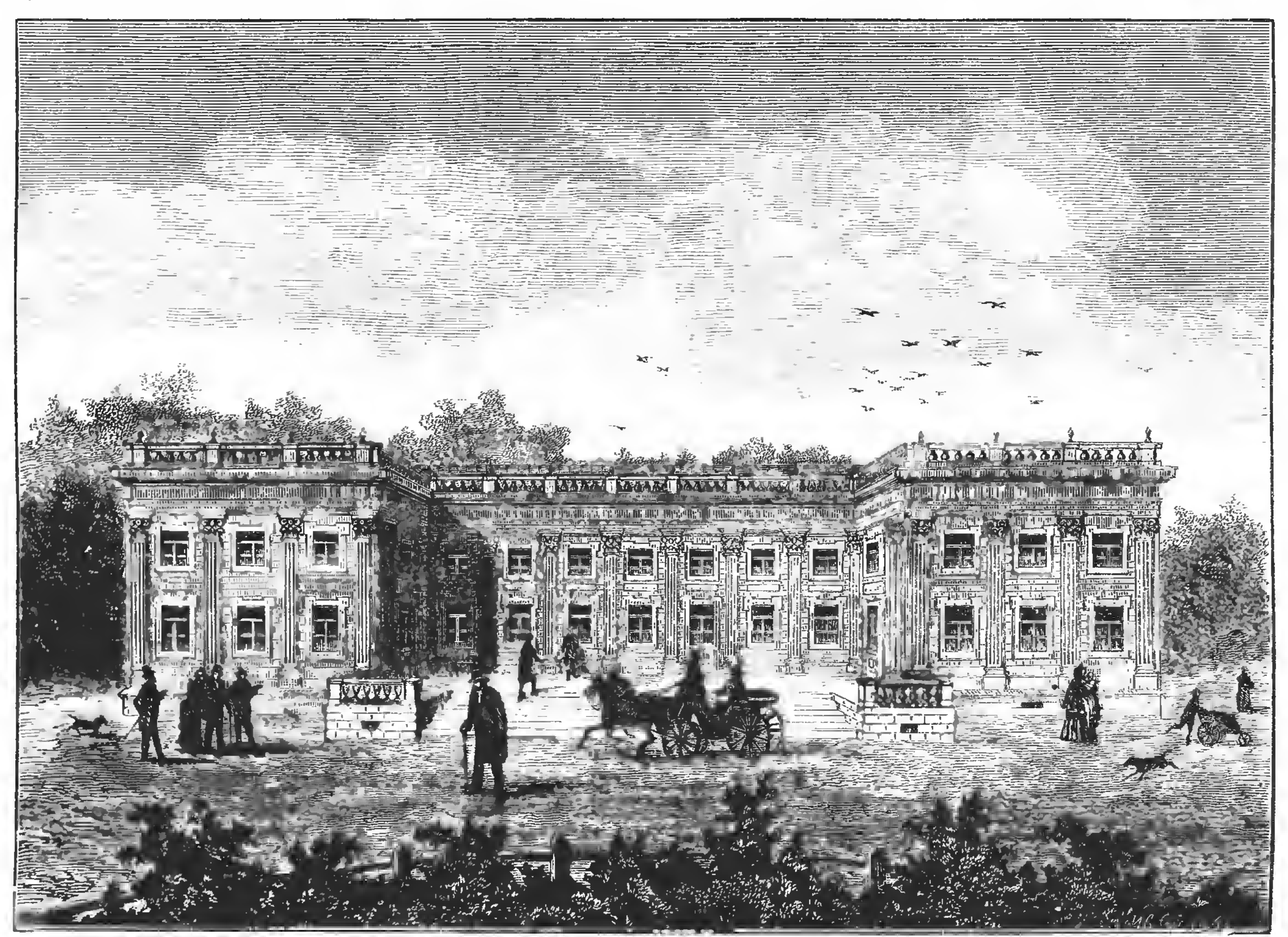
Дозволено цензурою. СПБ. 17 апрѣля 1885 г. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая ул., д. № 1. Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — годъ XVI

№ 17 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 27 Апрѣля 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.



Окрестности Петербурга. Дворецъ Петра I въ Екатерингофѣ. Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Екатерингофскій дворецъ.

(Рисунки на стр. 393 и 396).

По довершеніи завоеванія Кареліи, Эстляндіи и Лифляндіи (1710 г.) Петръ I, утвердившись на берегахъ Невы, дѣятельно приступилъ къ устройству новой столицы, заселяя ея окрестностей, до того пустынныхъ и безлюдныхъ: онъ роздалъ своимъ вельможамъ острова, окружающіе нынѣшній Петербургъ: Меньшикову—Крестовскій, графу Головину—Каменный, Шафирову—Елагинъ, царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ—Петровскій и т. д. А въ Екатерингофѣ, въ память своей морской побѣды въ кронштадскомъ заливѣ надъ шведскимъ флотомъ, на берегу, нѣсколько далѣе устья Фонтанки, построилъ деревянный небольшой двухъ-этажный дворецъ, назвавъ его, въ честь своей супруги, Екатерингофскимъ, и подарилъ ей для лѣтняго пребыванія.

Императорскій загородный Екатерингофскій домъ, какъ мы уже выше сказали, былъ двухъэтажный деревянный, въ 7 оконъ, безъ двора, съ молодой рощей у залива и двумя четвероугольными прудами; берега прудовъ были выложены булыжникомъ и окружены земляными валами, за которыми начинался густой лѣсъ съ просѣками для прогулокъ, и тутъ-же впослѣдствіи былъ выстроенъ небольшой звѣринецъ съ мелкими деревянными строеніями по сторонамъ. Вотъ что представлялъ собой Екатерингофъ при Петрѣ I и Екатеринѣ. И здѣсь чаще, нежели въ Петергофѣ, живали лѣтомъ, съ ранней весны до глубокой осени, царица со своими дочерьми.

По смерти Екатерины I Алексѣевны Екатерингофскій дворецъ долгое время оставался пустымъ и какъ бы забытымъ и только въ 1745 г., съ воцареніемъ Елизаветы Петровны, ею было обращено на него вниманіе и по проэкту графа Растрелли дворецъ былъ увеличенъ болѣе нежели вдвое. съ каждой стороны по главному фасаду подъ одну крышу съ Петровскимъ дворцомъ было прибавлено по три окна съ выступомъ на одно окно впередъ для открытой террасы, которая ограждена баллюстрадою; такая же баллюстрада идетъ кругомъ и по всему верхнему карнизу дворца, стушевывая собой очертанія крыши. Самый дворецъ былъ обшитъ тесомъ, между оконъ сдѣланы пилястры съ коринфскими капителями. Въ такомъ видѣ Екатерингофскій дворецъ оставался до конца царствованія Елизаветы Петровны, оживляясь время отъ времени пріѣздомъ царской семьи въ Екатерингофъ для прогулокъ, охоты и т. п.

Съ воцареніемъ Екатерины II Екатерингофскій дворецъ снова былъ осужденъ на забвеніе и только ежегодно, 1-я мая, по заведенному обычаю, здѣсь петербургскіе жители встрѣчали лѣто, при чемъ бывала иллюминація съ музыкой, на которую пріѣзжала и императрица, но этимъ все и ограничивалось. Дворецъ замѣтно приходилъ въ ветхость, но нѣкоторое время еще поддерживался; а по докладу о дороговизнѣ его ремонта, императоръ Павелъ I приказалъ сломать всѣ ветхія надворныя строенія, оставивъ одинъ дворецъ, при чемъ большая часть земли подарена графу фонъ-деръ-Палену. Въ 1804 г., указомъ Александра I, дворецъ со всѣмъ, что въ немъ находилось, а также и самая мѣстность передана въ вѣдѣніе графа А. С. Строганова, завѣдывавшаго комитетомъ правленія городскихъ повинностей въ С.-Петербургѣ, т. е. отданъ былъ городу. Позднѣе, именно въ 1826 г., дворецъ снова перешелъ въ вѣдѣніе гофъ-интендантской конторы, приказано было возобновить и поддерживать его. Въ сороковыхъ годахъ дворецъ не разъ еще реставрировался. Такимъ образомъ Екатерингофскій дворецъ въ концѣ концовъ принялъ иной видъ отъ первоначальнаго.

Что касается внутренняго расположенія дворца, всѣ комнаты петровскаго времени сохранились въ томъ же видѣ и почти при той же обстановкѣ, а нѣкоторыя изъ комнатъ дворца, какъ напр. спальня Петра I, остались неприкосновенными (рис. 2 на стр. 396)—это очень небольшая, въ одно окно, комнатка, довольно низенькая, съ выбѣленными стѣнами; при входѣ въ нее видишь прежде всего широкую кровать и надъ нею, въ углу, образъ. Кровать работы рукъ самого Великаго Монарха, она простая, безъ всякихъ украшеній, дѣлана изъ сосноваго дерева. На кровати тотъ тюфякъ, на которомъ спалъ Петръ, тѣ подушки и то одѣяло, которымъ онъ покрывался. Но матерія, изъ которой были сшиты наволочки и покрыто одѣяло, за ветхостью, замѣнена новой. Направо столикъ по одной стѣнѣ и другой, обитый матеріей, у противоположной, налѣво—деревянное, довольно изящное по работѣ, кресло; на стѣнѣ небольшое зеркальце. Вотъ и все, что вмѣщаетъ опочивальня великаго императора. Другія три комнаты, представленныя на томъ же рисункѣ, относятся уже ко времени Елизаветы Петровны. Одна изъ нихъ (рис. 1) служила танцовальной и обѣденной залой; она въ два свѣта, съ большимъ дубовымъ, но концамъ закругленнымъ, столомъ посрединѣ, съ четырьмя дверями: двумя внутренними и двумя наружными. Между первыми помѣщается прекрасная старинная кафельная печь, доходящая до потолка; противъ печи, по другой стѣнѣ, находится буфетъ изъ краснаго дерева, съ выдвижными и потайными ящиками, нѣсколько мягкихъ стульевъ, между оконъ—картины въ старинныхъ рамахъ, почернѣвшія отъ времени и довольно оригинальныя люстры довершаютъ убранство залы. Какое было назначеніе двухъ другихъ комнатъ (рис. 3 и 4), въ настоящее время опредѣлить трудно, во всякомъ случаѣ онѣ также интересны простотою отдѣлки и убранства. Всѣ полы, какъ въ первомъ этажѣ, такъ и во второмъ, изъ сосноваго дерева—простые, вощеные, даже не крашеные. Не всѣ однако комнаты носятъ на себѣ отпечатокъ простоты; въ нѣкоторыхъ (всѣхъ комнатъ 21) разставлена богатая мебель, обитая штофомъ и шелкомъ, съ раззолоченными ножками и спинками изящной работы, съ инкрустаціей, столы и столики „нѣмецкаго дѣла", шкафы, комоды, ширмы, поставцы и т. п., есть огромная стѣнная карта Россіи, дѣланная самимъ Петромъ I; не мало картинъ развѣшано по стѣнамъ дворца, писанныхъ масляными красками разныхъ школъ; также достойны вниманія большія картины, вышитыя шелкомъ, нѣсколько портретовъ Петра I въ разное время его жизни и въ разныхъ костюмахъ; гравюры первыхъ нашихъ граверовъ, планы, географическія карты и т. д. Въ такъ называемой каминной комнатѣ повѣшенъ большой компасъ съ указателемъ вѣтровъ, работы Петра I и проч.

Во дворцѣ находится не мало замѣчательныхъ вещей китайской работы, присланныхъ Петру I въ даръ отъ китайскаго богдыхана чрезъ нашего посланника капитана Измайлова. Но большая часть вещей изъ Екатерингофскаго дворца, современная Петру I и лично ему принадлежащая, перешла въ пятидесятыхъ годахъ, во время ремонтовъ дворца въ составъ Петровской галлереи Императорскаго эрмитажа, а также и всѣ книги, находившіяся до того времени, частью собранныя самимъ Петромъ, частью принесенныя въ даръ въ послѣдующія царствованія.

Кулисы.

Повѣсть

Вас. И. Немировича-Данченко.

(Окончаніе)

XIII.

Два визита.

Господинъ Повиликинъ только что отпустилъ очень выгоднаго клиента. Купецъ Миловидовъ, пожелавъ обанкротиться, какъ человѣкъ благоразумный, нашелъ необходимымъ справиться сначала, что отъ сего можетъ воспослѣдовать. Поговоривъ по душѣ съ адвокатомъ, и условясь въ цѣнѣ, онъ ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ... Жанъ Повиликинъ, исполнивъ такимъ образомъ одну изъ своихъ гражданскихъ обязанностей, былъ въ благодушномъ настроеніи и пожелалъ съѣсть котлетку... Заказавъ ее, онъ былъ потревоженъ поданной, незнакомой ему, карточкой: „Сергѣй Федоровичъ Кашинцевъ".

— Скажи, что я по дѣламъ принимаю только до часу...

Лакей ушелъ, но сейчасъ же возвратился обратно.

— Они желаютъ васъ видѣть сейчасъ же—говорятъ, что очень нужно... Они не уйдутъ-съ.

Жанъ Повиликинъ быстро выбросилъ на столъ три-четыре сотенныя бумажки и скомкалъ въ одинъ свертокъ нѣсколько двадцати-пяти рублевыхъ. Любознательный посѣтитель увидѣлъ бы въ этомъ ту плату, которую восхищенные кліенты оставляютъ знаменитому адвокату за консультацію... Затѣмъ онъ развернулъ передъ собою какое то толстое дѣло въ синей оберткѣ и придалъ себѣ серьезный видъ.

— Проси... Да предупреди, что я очень, очень занятъ... Котлетку погоди подавать.

Смѣшеніе полезныхъ и пріятныхъ обязанностей господина Повиликина сказывалось въ его кабинетѣ. Рядомъ съ классическими сочиненіями по юриспруденціи, запертыми въ шкапы, на стѣнахъ висѣли портреты раз-

ныхъ пѣвицъ, съ автографами. Такъ какъ никому здѣсь настоящій почеркъ Патти, Лукки и другихъ извѣстенъ не былъ, то находчивый Жанъ Повиликинъ добродушно росписался за нихъ, при чемъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ себя за просвѣщенное участіе и свидѣтельствовалъ самому себѣ отъ имени ихъ уваженіе.

— Позвольте представиться: Сергѣй Федоровичъ Кашинцевъ.

— Я уже видѣлъ вашу карточку, довольно небрежно отвѣтилъ адвокатъ. Простите: я такъ занятъ, чѣмъ могу служить?

— Я не надолго отвлеку васъ отъ вашихъ занятій... Скажите—вы ведете театральный отдѣлъ въ здѣшней газетѣ?

„Должно быть дебютировать собирается", рѣшилъ Повиликинъ, и сталъ еще величественнѣе и недоступнѣе.

— Да я! Здѣсь больше некому...

— Такъ что все, что появляется въ театральной хроникѣ,—ваше?

— Все!..

Кашинцевъ вынулъ довольно толстый бумажникъ... Повиликинъ увидалъ тамъ весьма полныя пачки сторублевыхъ.

„Однако онъ быстро идетъ къ цѣли! подумалъ адвокатъ. Интересно, сколько предложитъ".

— Я вообще весьма симпатизирую начинающимъ артистамъ, и по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствую ихъ успѣху, заговорилъ онъ

— Это вамъ дѣлаетъ честь!.. Слѣдовательно и эта замѣтка—ваша!

И оставляя въ сторонѣ сторублевыя бумажки, изъ другаго отдѣленія бумажника Кашинцевъ вынулъ вырѣзку изъ газеты и положилъ ее на столъ передъ Повиликинымъ.

— О чемъ она? небрежно спросилъ тотъ, съ сожалѣніемъ замѣчая, что бумажникъ обратно отправился въ карманъ.

— Это подлые и грязные пасквили о Нинѣ Борисовнѣ Раевской, не только какъ объ артисткѣ, но и какъ о женщинѣ... Эти замѣтки ваши... Онѣ изъ театральной хроники здѣшней газеты...

Жанъ Повиликинъ откинулся... глаза его забѣгали по сторонамъ.

— По какому праву вы меня спрашиваете? довольно тревожно уже отвѣтилъ онъ.

— По праву защитника оскорбленной дѣвушки. Я имѣю честь быть женихомъ Нины Борисовны...

— Я никого не называю въ этихъ замѣткахъ...

— Вы опытный адвокатъ. Но оскорбленіе остается все-таки оскорбленіемъ. Называть и не нужно было,—намеки ясны.

— Замѣтки не подписаны... Это дѣло редакціи... чего вы ко мнѣ?!

— Я прямо изъ редакціи. Редакторъ былъ такъ любезенъ, что снабдилъ меня письмомъ, въ которомъ снимаетъ съ себя всю отвѣтственность за „позорную сплетню, достойную негодяя". Неугодно ли посмотрѣть—это его подлинное выраженіе.

— Что же вамъ нужно? Вы хотите драться со мною, что ли? И Жанъ Повиликинъ отодвинулся еще дальше. Такъ вѣдь это, позвольте, предусмотрѣно...

— Видите ли... Становясь съ кѣмъ либо на барьеръ, я ему дѣлаю этимъ честь... Съ пасквилянтами поступаютъ иначе. А какъ я поступлю, это будетъ видно сейчасъ же. Сначала я изложу вамъ свои требованія, и только вашъ отказъ исполнить ихъ поставитъ меня въ печальную необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ...

Голосъ Кашинцева былъ ровенъ и спокоенъ, но хотя онъ говорилъ вполнѣ дѣловымъ тономъ, Повиликинъ чувствовалъ, что отъ этого посѣтителя не отвертишься.

— Какія же требованія?.. Согласитесь, это наконецъ похоже на насиліе... А насиліе...

— Называйте, какъ вамъ угодно, мнѣ все равно. Что касается до моихъ требованій,—они вотъ каковы. Вы сейчасъ напишете въ вашу редакцію, подъ мою диктовку письмо, которое должно появиться въ завтрашнемъ номерѣ... Видите ли въ чемъ дѣло: о той части вашей замѣтки, гдѣ вы говорили про Нину Борисовну, какъ про бездарную артистку и дурную пѣвицу, я не говорю. Это дѣло вкуса. Вы въ правѣ разбирать ея игру. Но, по поводу того, что вы приписали ей желаніе отбить какого то любовника, какъ она была выгнана изъ за ужина, соболѣзновали, зачѣмъ она интригуетъ противъ кого то,—вотъ по поводу то всего этого вы сейчасъ же изволите печатно сознаться, что вы лгали. и выразить свое раскаяніе въ этомъ, и обѣщать впредь такъ не поступать. Не угодно ли приступить... Вы говорили о г-жѣ Р.—вы будете говорить тоже по поводу этого иниціала.

— Я никогда не напишу ничего такого! взволновался Повиликинъ.

— Жаль! Однако... Даю вамъ двѣ минуты сроку...

Адвокатъ поблѣднѣлъ, зашарилъ въ столѣ и вытащилъ ржавый револьверъ.

— Я стрѣлять въ васъ буду...

Рука у него дрожала. Губы приподнялись еще больше, точно желая показать, до какой степени гнилые зубы могутъ уродовать человѣка.

— Стрѣляйте... я ничего противъ этого не имѣю... Это ваше право—я вовсе не разсчитываю на вашу благодарность...

Повиликинъ вдругъ ослабѣлъ и упалъ въ кресло...

— Послушайте... это... вѣдь это я не знаю что... такъ нельзя—послушайте... Я напишу такъ: по наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что все сообщенное о г-жѣ Р. невѣрно.

— Это будетъ ложь... Вы никакихъ справокъ не наводили, а я не хочу принимать участіе въ новомъ вымыслѣ. Минута прошла, угодно вамъ исполнить требованіе,—и Кашинцевъ привсталъ.

— Но послушайте... я только прибавлю слѣдующее: я сознаюсь въ этомъ „какъ честный человѣкъ", которому жаль, что онъ оскорбилъ уважаемую артистку, только „какъ честный человѣкъ".

— Это вы могли сдѣлать ранѣе моего посѣщенія. Теперь вы не имѣете права на такую редакцію письма.

— Но изъ уваженія къ печати... забормоталъ что то адвокатъ.

— Что же общаго между вами и литературой? какая же это литература? показалъ онъ на вырѣзки, лежавшія на столѣ предъ Повиликинымъ. Минута прошла. Еще разъ. Угодно вамъ исполнить мое требованіе?

— Это чортъ знаетъ что!.. Это нас[illegible]... Это правежъ какой то... Диктуйте... и онъ въ отчаяніи взялся за перо.

Когда покаянная записка была окончена, Кашинцевъ провѣрилъ ее, поставилъ даже пропущенную Повиликинымъ запятую и всталъ.

— Теперь довольно!.. онъ пошелъ къ дверямъ и вдругъ остановился. Вы жаловались на недостатокъ времени. Простите, я и забылъ, что отнялъ у васъ полчаса... Во сколько вы цѣните его?..

— Послушайте, это новая дерзость?

— Нисколько... вы за юридическія консультаціи берете же деньги?.. Вотъ у васъ на столѣ... за что же я буду въ долгу у васъ... я рѣшительно не желаю этого... Потрудитесь сообщить мнѣ цифру.

Но Повиликинъ совсѣмъ растерялся и молчалъ.

— Я думаю, сто будетъ довольно! совершенно дѣловымъ тономъ рѣшилъ Кашинцевъ, и выбросилъ бумажку на столъ.

Окрестности Петербурга. Екатерингофскій дворецъ Петра I. Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

1) Залъ-столовая. 2) Спальня Петра I. 3) Одна изъ комнатъ перваго этажа. 4) Одна изъ комнатъ втораго этажа.

Бояринъ Θедоръ Ивановичъ Шереметевъ сдаетъ сохраненныя имъ въ Смутное Время царскія сокровища.
Ориг. рис. А. Земцова, грав Флюгель.

— Я изорву ее! воскликнулъ Повиликинъ.

— Что же мнѣ за дѣло. Она ваша. Если это доставитъ вамъ удовольствіе,—рвите... и вышелъ изъ кабинета.

На Повиликина нашелъ припадокъ бѣшенства. Онъ швырнулъ котлетой въ человѣка и попалъ прямо въ факсемилированный имъ самимъ портретъ Патти... Кидался на стулья, ерошилъ волосы на головѣ, но... справедливость требуетъ сказать, сторублевой бумажки онъ не изорвалъ, а довольно тщательно, вмѣстѣ съ другими такими же, разгладилъ и спряталъ въ бюро...

Барсова Сергѣй Федоровичъ засталъ дома. Теперь сидѣлъ у камина и приготовился эффектно встрѣтить Кашинцева. Самыя высокія ходули! Онъ припоминалъ Росси и Сальвини съ ихъ пріемами, даже попробовалъ голосъ, достаточно ли искренно звучитъ онъ. Его модуляціи удовлетворили артиста. Во что бы то ни стало надо было забрать Кашинцева въ руки. Пускай женится, что же! Всѣ артистки выходятъ замужъ, чтобы потомъ имѣть любовниковъ. А этотъ, къ тому же, богатъ,—роль третьяго въ семьѣ при этихъ условіяхъ очень улыбалась Барсову.

„Нина тоже не долго будетъ колебаться... Спою нѣсколько разъ Фауста съ нею—и кончено.. Эта опера!.. Не было до сихъ поръ пѣвицы у которой не закружилась бы голова отъ нея.. Сначала—объясненіе въ уборной. Мужъ слишкомъ гордъ, чтобы шляться туда за нею.—а потомъ.. Если она и уѣдетъ отсюда, я тоже перейду на ту сцену, гдѣ будетъ пѣть Раевская... Какъ нибудь все устроится!“

— Я запоздалъ къ вамъ, послышался голосъ Кашинцева. Я заѣзжалъ въ редакцію.. нужно было.

Радъ случаю возобновить знакомство, которое началось въ такой поэтической обстановкѣ.. на Монте-Бисбино...

Голосъ Барсова звучалъ благородно, и еще великодушнѣе онъ протянулъ руку сопернику. Но, къ крайнему изумленію артиста, Кашинцевъ не принялъ этой руки, и съ отличавшимъ его спокойствіемъ и сдержанностью сѣлъ противъ.

— Чему обязанъ?.. перешелъ въ холодный тонъ Барсовъ.

— Сейчасъ узнаете... И Кашинцевъ задумался нѣсколько. Неужели вы бывшій студентъ *** университета?

— Я... да... а что? растерялся Барсовъ.

„При чемъ тутъ университетъ?“ мелькнуло у него въ головѣ.

— Выпуска *** года?

— Да. Что за вопросы!

— Хорошій выпускъ былъ—были честные люди... и какъ быстро вы забыли... эти преданія...

— Послушайте, милостивый государь!

— Какъ быстро забыли вы... Неужели, Барсовъ, въ тѣ минуты, когда вы такъ вотъ, одни, сидите у камина, вамъ не дѣлается страшно за себя самого?.. Вспомните,—вы тогда вѣрно были совсѣмъ другимъ, неспособнымъ на низость, на оскорбленіе бѣдной. беззащитной дѣвушки, на подлую интригу...

Барсовъ прошелся по комнатѣ. Что то подступило у него къ сердцу...

— Вы вѣрно и любили тогда честнѣе... Неспособны были требовать платы за услуги, сдѣланныя любимой дѣвушкѣ... Да неужели вы такъ низко могли пасть?..

— Почему вы знаете? всполохнулся Барсовъ. О какой платѣ вы говорите... Я не понимаю?

— Мнѣ подробно разсказана вся эта позорная сцена въ уборной. Да и все вообще... Она ничего не скрыла отъ меня.

— Съ какихъ это поръ—любовь стала позоромъ... Развѣ я долженъ стыдиться своего увлеченія... Нина Борисовна такъ хороша! съ пафосомъ заговорилъ Барсовъ.

— Полноте... Развѣ любимую дѣвушку освистываютъ, развѣ представляютъ такіе счеты къ уплатѣ... Ну, вотъ что. Довольно... Я перехожу къ дѣлу прямо... У васъ есть ея письма...

— Это моя тайна!.. Я не обязанъ отвѣчать вамъ... Прошу васъ прекратить объ этомъ.

— У васъ есть ея письма и портреты... У нея были ваши письма... хоть надо вамъ отдать справедливость... вы были очень осторожны, слишкомъ осторожны для пылкаго влюбленнаго. Ни одного намека, ничего, что могло бы повести къ какимъ либо обязательствамъ.. Точно вы имѣли дѣло съ слѣдователемъ.. Ваши письма у меня. Потрудитесь мнѣ выдать ея письма. Она меня уполномочила. Слышите!.. И получите ваши дипломатическія ноты.

— Я не обязанъ... началъ Барсовъ но Кашинцевъ схватилъ его за плечо, такъ что кости актера хрустнули.

Онъ посмотрѣлъ въ лицо Сергѣя Федоровича. Оно пылало негодованіемъ. Спокойные до сихъ поръ, голубые глаза метали пламя. Барсовъ понялъ что шутить не время...

— Или вы сейчасъ отдадите мнѣ ея письма, или я... хрипло заговорилъ Кашинцевъ.

Пѣвецъ, ничего не отвѣчая, подошелъ къ столу и вынулъ оттуда пачку исписанныхъ листковъ... Она была аккуратно перевязана, и наверху значилось „Отъ Нины Раевской“.

— Позвольте мнѣ отдать ей самому, или послать... Они писаны не для того, чтобы вы ихъ читали...

— Не судите по себѣ!.. Для меня дорога чужая тайна...

И Кашинцевъ, мелькомъ взглянувъ на пакетъ, бросилъ его въ каминъ. Пламя охватило листки, скоро отъ нихъ остался только черный, сгорѣвшій пепелъ, по которому бѣжали во всѣ стороны золотыя искры.

— Вотъ ваши упражненія въ адвокатскомъ краснорѣчіи... Извольте получить... И знаете что... Съ ея согласія—я прочиталъ ихъ. Вѣдь у васъ здѣсь ни одной фразы нѣтъ, гдѣ бы вы не оставили себѣ лазейки на всякій случай... Возьмите ихъ, возьмите скорѣй.. Кашинцевъ всталъ. Знаете, пожелать вамъ, чтобы вы стали другимъ человѣкомъ?.. Это невозможно.

— Вы меня обвиняли въ интригахъ противъ госпожи Раевской... Въ томъ, что я освисталъ ее...

— Да, обвинялъ и обвиняю

— У васъ есть свидѣтели, или документы?..

— Развѣ мы въ судѣ? Вы впрочемъ выполнили только угрозу, сказанную тогда въ уборной?

— Я ничего не говорилъ... Кто это слышалъ... Я никого не называлъ!.

— Одно меня удивляетъ, мягко уже заговорилъ Кашинцевъ, глядя въ огонь... Какъ это талантъ можетъ уживаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ съ такою низостью Какъ вы можете вдохновляться на сценѣ?.. Поддаваться чувству, негодованію, благородному гнѣву—и быть такимъ жалкимъ, такимъ... впрочемъ, простите—теперь это не мое дѣло... Я имѣю къ вамъ еще, только на этотъ разъ уже отъ себя... Вы страшно запутаны. Вы кругомъ должны?..

— У васъ мои векселя?.. Какъ вы могли?.. вспыхнулъ артистъ.

— Вашихъ векселей у меня нѣтъ, векселями я не торгую. Но видите ли, вы очень много хлопотали, чтобы Нина Борисовна была принята на сцену; въ первое время вы ей оказали много дѣйствительныхъ услугъ... Потомъ вы ей бросили упрекъ, что она должна быть благодарной вамъ, что она не расплатилась... Простите, я человѣкъ коммерческій... Въ какую сумму оцѣниваете вы эту благодарность?.. У насъ принято платить всякаго рода долги. Что *вамъ должна* госпожа Раевская? Мнѣ извѣстно, что другіе за свой дебютъ входятъ въ различныя денежныя сдѣлки...

— Знаете, вдругъ искренно вырвалось у Барсова, знаете... Вы только что говорили объ университетскихъ преданіяхъ... Ну, а вашъ поступокъ, это предложеніе денегъ разбитому и безъ того вами же униженному человѣку—какъ назвать? Надъ чѣмъ вы тѣшитесь?

— Вы меня не поняли, если хотите—я объяснюсь... Я знаю въ какихъ ежовыхъ рукавицахъ васъ держатъ, благодаря какимъ то денежнымъ счетамъ. Я знаю, что нѣтъ минуты когда вы могли бы свободно вздохнуть.. Я хочу вамъ дать эту свободу. Если я сдѣлалъ свое предложеніе въ оскорбительной формѣ... Простите.

Сергѣй Федоровичъ протянулъ руку. Барсовъ горячо пожалъ ее и взволнованный прошелся.

— Чортъ знаетъ что такое! Вы правы. Я былъ другимъ человѣкомъ... Теперь поздно... Длинный путь позади... Въ сорокъ лѣтъ не исправляются... Да и возврата нѣтъ... Измочалился совсѣмъ... Гдѣ взять силы?. Ради Бога, только не говорите о деньгахъ. Выпутайся я сегодня—завтра вмѣсто Досужевой явится кто нибудь еще хуже... Эхъ!.. каторжная карьера... Дайте мнѣ руку еще разъ... И уходите отсюда, уходите скорѣе... Прощайте!..

Долго послѣ этого сидѣлъ еще пѣвецъ, глядя полными слезъ глазами на потухавшій уже огонь камина..

XIV.

Серафимочкинъ рай.

Нина съ пріѣзда Кашинцева оправлялась чрезвычайно быстро. Сегодня была она особенно весела. Утромъ появился въ мѣстной газетѣ покаянный вопль Повиликина; днемъ, ни съ того, ни сего, сдѣлали визиты всѣ, кого еще недавно она считала своими врагами по сценѣ. Даже театральная маменька посидѣла у нея какъ на иголкахъ, выпросила себѣ старую шаль и шляпку—„все равно вамъ халдейкамъ этимъ дарить“, и исчезла, чуть не сбивъ въ прихожей свою же дочку. Та расфуфырилась на славу. Брилліантовая брошь, брилліантовая ящерица, знакомый Нинѣ брилліантовый браслетъ, серьги—такъ и блистали на Лолошкѣ, которая почла своимъ долгомъ объявить всѣмъ, что она сегодня въ банкъ внесла на свое имя пять тысячъ...

— Это вы откуда же.. изъ жалованья?.. добродушно улыбнулся Кашинцевъ.

— Нѣтъ... Вчера пѣла Травіату—поднесли мнѣ въ корзинѣ съ цвѣтами. Меня публика здѣсь ужасти любитъ. Вотъ и Нину Борисовну бы полюбили, да она гордячка... А надо быть поласковѣе.

Явилась и Досужева, просидѣла нѣсколько минутъ, боясь открыть ротъ, потомъ величественно поднялась и вышла изъ комнаты.

— Скоро на вашей свадьбѣ пировать будемъ? безцеремонно ворвался Крестовоздвиженскій.

— Скоро! покраснѣла Нина. Вотъ вашъ совѣтъ исполнила... Помните, говорили вы?

— А что, внезапно воодушевился семинаристъ. Скажете развѣ неправда?

— А гдѣ же сидѣлка то ваша, дѣва Серафима?

— Вы надъ ней смѣетесь. Серафимочка золотой человѣкъ... Сердца то у нея на всѣхъ васъ хватитъ.

— Это я смѣюсь надъ нею? покраснѣлъ Крестовоздвиженскій. Да помилуйте, Нина Борисовна, я за нее всякаго обломать готовъ!.. наивно признался онъ. Я разъ одного въ рѣкѣ искупалъ за нее... Вотъ какъ... Вздумалъ онъ за Серафимочкой приволокнуться... Выгнать хотѣли за это, да я имъ тоже посулилъ, что театръ спалю!.. Да и гдѣ же имъ теноровъ взять, теноръ—голосъ вольный.

То есть, какъ же это? переспросилъ Кашинцевъ, котораго заинтересовалъ Крестовоздвиженскій.

А такъ, что хочетъ то и дѣлаетъ.. Баритоновъ сколько угодно, по всѣмъ мѣстамъ. Басовъ тоже хоть на вѣсъ, ну а теноровъ наплачешься. Да вотъ какъ, по всей Россіи можетъ быть и десяти хорошихъ не найдется. Вы думаете—Барсовъ? Барсовъ игрой беретъ, а ну-ка онъ верхнее *фа?* Сдѣлайте одолженіе, а я и sol—съ полнымъ удовольствіемъ. Ну какъ же имъ меня прогнать?.. Да вотъ какъ будемъ говорить, телеграфируй я сегодня въ Питеръ. sol—могу, завтра же отвѣтъ—пожалуйте! Я вѣдь изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Преосвященный Климентъ какъ убивался, что я ухожу отъ него.

Серафимочка—легка на поминѣ. Крестовоздвиженскій такъ и просіялъ, увидѣвъ ее. На дворѣ было холодно сегодня, она влетѣла въ комнату вся раскраснѣвшаяся, только черные глазенки горѣли.

— Съ репетиціи?. Ну что, какъ идетъ все?

— Да хорошо-съ. Балетъ будетъ на славу.

— Какая вы прелесть, Серафимочка! сказала Нина. Сколько вамъ лѣтъ теперь?

— Да ужъ много! она засмѣялась, показавъ свои ослѣпительные зубки. Ужъ много—двадцать два.

— Замужъ пора!.. Вотъ Крестовоздвиженскій увѣряетъ, что на сценѣ такъ нельзя..

Кристіани завозился на стулѣ.

— И нельзя-съ Имъ можно, а вамъ нельзя-съ. Потому онѣ балетная, а балетныхъ у насъ мало и получаютъ онѣ немного .. Слѣдовательно, у нихъ и враговъ нѣтъ.

— Что же, я бы замужъ пошла! съ тою же смѣшной серьезностью рѣшила Серафимочка... Только гдѣ же! За бѣднаго я не пойду, слава Богу—навидалась! а богатые на насъ балетныхъ знаете вѣдь какъ смотрятъ... Не подъ вѣнецъ.. А обмануть наровятъ. Вотъ напримѣръ Мандель, сколько нашихъ балетныхъ несчастными сдѣлалъ ..

— Ну, а если вы полюбите Если полюбите, напримѣръ, бѣднаго, у котораго ничего нѣтъ?

— Да когда же мнѣ время полюбить то, наивно улыбнулась Серафимочка. Утромъ я на репетиціи, вечеромъ танцую, а днемъ уроки вотъ беру... Вѣдь я только съ прошлаго года читать выучилась, Нина Борисовна. Вѣдь меня только къ танцамъ и готовили... Любовь—это для богатыхъ, а по моему вотъ рай выйти замужъ—чтобъ и я работала, и мужъ работалъ. Только чтобы онъ получалъ много. Такъ, знаете, тысячи двѣ, да я пятьсотъ. Вотъ бы мы тогда и зажили. Маменька у насъ бы хозяйствомъ занималась. Всю мы зиму такъ бы работали, а весной, либо лѣтомъ, другъ для друга... Осенью—опять за дѣло. Вотъ это рай!.. Сдѣлалъ бы мнѣ предложеніе, только чтобы не противный, сейчасъ бы пошла.

— А я бы васъ за это самое пополамъ перервалъ! вдругъ разозлился Крестовоздвиженскій.

Всѣ обернулись на него, а Серафимочка тоже изумулась, даже руками всплеснула.

— За что же это?

— А за то за самое... Какъ же бы вы это да замужъ пошли!.. и теперь вдругъ спохватился, покраснѣлъ и забѣгалъ глазами по комнатѣ—близко ли шляпа на всякій случай... Нашелъ ее и схватилъ въ обѣ лапы, точно драгоцѣнность какую.

— А кто же бы мнѣ запретилъ въ законъ вступить... Я и то съ маменькой какъ бьюсь.

Нина Борисовна вдругъ расхохоталась.

— Крестовоздвиженскій, оставьте шляпу въ покоѣ Положите ее, вотъ такъ! Ну а что, Серафимочка, еслибы вамъ предложеніе сдѣлалъ Крестовоздвиженскій—пошли бы вы за него.

Серафимочка покраснѣла, посмотрѣла на Крестовоздвиженскаго, и еще пуще облилась румянцемъ. Крестовоздвиженскій отступалъ въ это время къ дверямъ, но, на свое несчастіе, мимо Акулова,—тотъ и схватилъ его за фалду.

— Что-жъ, за Крестовоздвиженскаго пошли бы? Онъ три тысячи получаетъ...

— Коли бы они пить перестали... А то страшно... Совсѣмъ уже растерялась Серафимочка.

— Вотъ оно!.. Ура! швырнулъ Крестовоздвиженскій шляпу въ потолокъ. Пусти, Акулина, чего держишь. Серафимочка—ей-Богу перестану.. Ни вотъ сколько... Давайте, удивимъ всѣхъ... Пойдемъ да—„Исаія ликуй!..“ Чего тутъ еще... Мнѣ ужъ надоѣло смотрѣть на васъ издали... Что въ самомъ дѣлѣ!.. Хотите? Нина Борисовна, то есть вотъ, подите, думалъ ли я, чтобы вы такая умная были... Сидѣли, сидѣли цѣлый вечеръ—ничего не было, а тутъ вдругъ... Ну, Серафимочка, теперь мы съ вами вдвоемъ!.. Во какъ ихъ всѣхъ возьмемъ!.. погрозился онъ невѣдомо кому...

XV.

Прощальный спектакль Нины Борисовны ужъ объявленъ. Сегодня она должна въ послѣдній разъ пѣть въ „Гугенотахъ“ Съ утра въ театрѣ необычайная суматоха. Готовилось нѣчто торжественное. Директоръ изумилъ всѣхъ расходами. Были заказаны новые костюмы и новыя декораціи. Весь городъ хотѣлъ попасть на этотъ спектакль. У кассы толпились. Было извѣстно уже, что Раевская выходитъ за богача Кашинцева, и не только не оставляетъ сцену, но, напротивъ, ѣдетъ въ Петербургъ, а потомъ въ Парижскую большую оперу. Сплетни улеглись съ тѣхъ поръ, какъ Повиликинъ самъ себя обличилъ въ газетѣ. Всѣ только и говорили о томъ, что Нину Борисовну не оцѣнили, что ее оскорбила въ послѣдній разъ партія,—и больше всего горячился въ этомъ отношеніи Мандель, ежедневно оставлявшій визитныя карточки у Раевской. Молодежь готовила овацію, а мѣстный фотографъ не успѣвалъ выпускать ея портреты. Въ самый день спектакля мѣстная газета сообщила въ фельетонѣ біографію „нашей несравненной дивы, восходящая звѣзда которой скоро затмитъ устарѣвшихъ Патти и Альбани“. Подъ этимъ дифирамбомъ стояло имя Повиликина en toutes lettres и даже для вѣрности были указаны годъ и число. Авторъ между прочимъ скромно намекалъ, что если къ ней и были прежде несправедливы, то только потому, что къ такому таланту и требованія предъявляются необычныя. Режиссеръ передъ послѣдней репетиціей сіялъ празднично. Онъ ни съ того, ни съ сего сталъ расхваливать Раевскую, соболѣзнуя о томъ, что вотъ-де не живется у насъ талантамъ. Сейчасъ отнимаетъ ихъ заграница.

— Постарайтесь ужъ... ведите оркестръ какъ слѣдуетъ, наткнулся онъ на капельмейстера.

— Это для Нинки то? изумился тотъ.

— Да вѣдь въ послѣдній разъ!..

— Въ послѣдній? ну чортъ съ нею!.. Коли уходитъ сама—топить не стану.

— Наша то недотрога, и въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ! летала по уборнымъ театральная маменька. Что же? Я на ней зла не помню!

Лолошка была въ восторгѣ: въ слѣдующій разъ Валентину должна была пѣть она, а костюмы для этой роли были заготовлены хорошіе.

— Я не боюсь сравненій, маменька, скромно сознавалась она.

— И бояться нечего, благоразумно рѣшила маменька. Соломонъ Іосифовичъ долженъ для тебя постараться—слава Богу! Что его жидовской мордѣ стоитъ взять десять ложъ!..

Вечеромъ театръ освѣтили a giorno. Публики было полнымъ полно: когда Кашинцевъ показался въ первомъ ряду, на него устремились сотни биноклей. Повиликинъ, очевидно разсчитывавшій на его признательность за сегодняшнюю статью, разлетѣлся было къ нему, но Сергѣй Федоровичъ шага за три такъ посмотрѣлъ на адвоката, что тотъ совсѣмъ растерялся и у незнакомаго человѣка справился о здоровьѣ; получивъ удовлетворительныя свѣдѣнія по этому предмету, Повиликинъ полюбопытствовалъ у Манделя какова сегодня погода, на что Соломонъ Іосифовичъ, только что тоже сбитый съ позиціи Кашинцевымъ, немедленно отвѣтилъ:

— Очень вамъ благодаренъ, и особенно дружески пожалъ руку рецензенту.

Когда началась пьеса, публика не позволяла аплодировать никому кромѣ Раевской.

Въ первомъ актѣ, въ райкѣ только что было пришли въ восторгъ отъ Рауля, какъ внизу, въ партерѣ, имъ зашикали.. Въ антрактѣ Нина, въ отверстіе занавѣса, взглянула на публику... Теперь она уже смотрѣла на нее безъ страха и уваженія. Людское море казалось ей столь же безсмысленнымъ и стихійнымъ, какъ и море дѣйствительное. Подуетъ вѣтерокъ справа—гонитъ волны налѣво, подуетъ слѣва—тѣ же вспѣненные гребни бѣгутъ направо!.. Не тутъ ея судъ, смыслъ ея дѣла! Вонъ сидитъ Кашинцевъ, онъ веселъ и спокоенъ. Увидя его улыбку, Нина и сама разомъ ободрилась. Ажитація исчезла, ей стало легко. Не все ли равно какъ отнесутся: онъ здѣсь, она будетъ пѣть для него. Она не знала, что ей готовилась овація. Пусть зала будетъ холодна, Раевская была увѣрена, что въ одномъ сердцѣ голосъ найдетъ отзвучіе. И этого было довольно... Когда во второмъ актѣ, на ступеняхъ лѣстницы, ведущей въ паркъ королевы Маргариты, показалась Валентина—ее встрѣтили такими долгими аплодисментами, что остановился даже оркестръ, и музыканты, отложивъ инструменты, присоединились къ оваціи. Еще недавно какъ бы ей закружилъ голову такой пріемъ, въ какое волненіе онъ привелъ бы артистку, но теперь она уже знала цѣну этому приливу. Когда она подошла къ рампѣ ей подали вѣнокъ, не успѣла она передать его за кулисы—поднесли корзину цвѣтовъ. Буря усилилась еще больше, изъ ложъ замахали платками. Сергѣй Федоровичъ не отводилъ глазъ отъ нея и замѣтилъ на ея лицѣ презрительную улыбку... Не та ли самая зала еще наканунѣ шикала и свистала ей, не изъ этой ли ложи, откуда отчаянно кричатъ „браво“, въ послѣдній разъ ей же бросили вѣникъ. Вонъ Повиликинъ надсаживается—завтра вѣрно будетъ возиться съ охрипшимъ горломъ, Мандель чуть не влѣзъ на барьеръ... О, какъ они жалки ей въ эту минуту, какъ смѣшно ей ея прежнее благоговѣніе передъ этой жаждущей „хлѣба и зрѣлищъ“ массой.. „За что теперь—вѣдь я еще не пѣла“, думала про себя Нина, всматриваясь въ это тысячеголовое, взбалмошное чудовище, быстро творящее себѣ кумировъ и еще быстрѣе разбивающее ихъ. Сегодня—на пьедесталѣ, вся въ вѣнкахъ... Завтра—сокрушенная, въ пыли, никому не дорогая, никому не памятная. Сегодня—на колесницѣ, за тобою толпа, ликующая, готовая броситься тебѣ подъ колеса; завтра—побиваемая каменьями, брошенная на жертву... Начался третій актъ „Гугенотовъ“. Все это полно глубокаго горя, взрывовъ страсти и печали; свадебный привѣтъ счастливца сливается съ воплями сердца истекающаго кровью, крики мести и благословеній звучатъ въ одно и то же время, меланхолическіе напѣвы и боевые призывы ростутъ и ростутъ подъ зловѣщимъ свѣтомъ факеловъ, подъ звонъ мечей, подъ глухія, какъ удары могучаго колокола, проклятія... Никогда голосъ Нины не звучалъ какъ сегодня... Словно гальваническій токъ пробѣжалъ по залѣ... Это уже была не только пѣвица, но женщина, узнавшая глубину горя. Да, несчастіе выработало ее, дало ей огонь и страсть, какихъ прежде не было. Еще мѣсяцъ назадъ она бы и не додумалась до тѣхъ оттѣнковъ, которые теперь, помимо ея воли, явились сами... Для сцены горе лучшій учитель... Оно разбиваетъ сердце, но создаетъ геній. Школа жестокая, но вѣрная. Красивый и безжизненный вчера голосъ,

Новыя рѣчи. Рис. А. Девисъ. грав Орландъ

сегодня полонъ выраженія и силы. Наканунѣ удивлялись ему, сегодня плачутъ... Вчера смычокъ спокойно пробѣгалъ по струнѣ, сегодня онъ отыскалъ эти струны въ нашемъ сердцѣ и заставилъ его биться то радостью—то мукой, то счастьемъ—то страданьемъ. Вчера еще слушалъ эти модуляціи, аплодировалъ ихъ легкости и изяществу и спокойно шелъ къ себѣ домой къ будничному дѣлу, завтра же, съ глазами полными слезъ, вдругъ выбитъ изъ обычной колеи, идешь по улицамъ мечтая, и только ночь, съ ея кроткими звѣздами, меланхолическимъ мѣсяцемъ, знаетъ, что творится въ душѣ! Вчера слушалъ—сегодня живешь!.. Вотъ что даетъ горе таланту, и да будетъ благословенно очищающее и вдохновляющее горнило несчастья... Для дѣвственнаго сердца оно тоже, что первая гроза послѣ зимняго сна... Ждутъ ея поля, гдѣ въ черныхъ глыбахъ притаились ростки свѣжей травки, ждутъ ея лѣса, въ почкахъ которыхъ еще зрѣетъ зеленый листъ, какъ младенецъ въ колыбели спитъ, пока съ высоты небесной не разбудитъ его призывъ къ жизни, теплу и свѣту...

Въ антрактѣ Кашинцевъ зашелъ въ уборную къ Нинѣ... Вся сіяющая, одушевленная, она стояла посреди комнаты, точно ожидая его... Когда онъ показался, она съ глубокимъ чувствомъ счастья спрятала свою золотую головку на его груди... На эту сцену разлетѣлась было Серафимочка... И сконфузилась... Влюбленные, полные эгоизма страсти—расхохотались.

Овація росла и росла. Въ четвертомъ актѣ Нину забросали цвѣтами. Въ дуэтѣ съ Раулемъ, она невольно вспомнила южную, теплую ночь, когда по озареннымъ яркою луною каменнымъ улицамъ тихой Равенны неслись къ ней тѣ же пламенные звуки, тотъ же голосъ вдохновилъ ее на полный вспыхнувшей страсти отвѣтъ.

И тотъ ропотъ фонтана и тѣ потонувшіе въ лазурныхъ сумеркахъ вершины и то дивное утро, когда въ одно и то же время ее благословили горы и кротко улыбнулись счастливыя равнины Ломбардіи—все пронеслось въ ея памяти... Какая бездна легла теперь между этимъ прошлымъ и настоящимъ... Вотъ онъ, опять передъ нею, опять поетъ то же, но она уже спокойно слушаетъ размалеваннаго фигляра и ничего въ ея сердцѣ нѣтъ кромѣ презрѣнія! И красота его не вліяетъ на нее. Онъ ей противенъ, лицо его также фальшиво какъ маска арлекина, за которой можетъ быть скрывается лицо негодяя! И когда въ антрактѣ онъ, печально поклонившись ей, разомъ отвернулся, точно желая скрыть слезы, навернувшіяся на эти вѣчно лгущіе глаза, она не повѣрила ему ни на одну минуту... Ходули, вѣчныя ходули!.. Она даже почувствовала себя оскорбленной и запершись въ уборной думала: зачѣмъ онъ притворяется, зачѣмъ? на что же еще можетъ расчитывать онъ, на что надѣяться... А Барсовъ, уйдя къ себѣ, бросился въ кресло, совершенно измученный, не зная какъ совладѣть съ отчаяніемъ, закравшимся въ эту слежную, истрепанную душу. Именно теперь, когда онъ почувствовалъ себя совершенно чужимъ ей, именно теперь, когда онъ въ ея глазахъ прочиталъ отвращеніе къ нему — онъ понялъ, что опять полюбилъ ее, полюбилъ безвозвратно, искренно, глубоко. Онъ зналъ, что это чувство будетъ его вѣчною карой, что онъ отнынѣ не заснетъ спокойно, что его горе будетъ садиться рядомъ съ нимъ, преслѣдовать во снѣ, что оно не оставитъ его ни въ тяжелые часы одиночества, ни въ шумѣ и гомонѣ дня.. Онъ зналъ это и съ ненавистью смотрѣлъ кругомъ на этотъ міръ полинявшихъ кулисъ, размалеванныхъ товарищей, горячихъ словъ и холодныхъ сердецъ, вѣчныхъ ходуль и неизмѣннаго малодушія.. Въ оркестрѣ ужъ слышны словно погребальные удары колокола.. Замираетъ веселая сарабанда, бѣшеные крики врываются въ мелодическіе напѣвы скрипокъ... Чудится, что на этихъ звукахъ дрожитъ зловѣщій отсвѣтъ красныхъ факеловъ... Трескъ выстрѣловъ, вопли и проклятія, торжествующій крикъ убійцъ—вихремъ несутся сквозь вѣка и пространства, воскрешенные поэтомъ-маэстро, вызванные изъ давно позабытыхъ могилъ... Чудятся блѣдныя отъ ужаса женщины съ дѣтьми на рукахъ, слышится лязгъ скрещивающихся шпагъ... Смятенная толпа бѣжитъ по улицамъ и изо всѣхъ оконъ черныхъ и мрачныхъ домовъ встрѣчаетъ ее въ упоръ огонь безпощадныхъ выстрѣловъ. Казалось, въ высотѣ носится еще мрачный гимнъ, воодушевляющій убійцъ: „Слава Богу мстителю...“ Нѣтъ никому пощады: ни дряхлость старца, ни мольба дѣвушки, ни улыбка ребенка—не остановятъ грознаго кинжала!.. Вѣра озарена кострами, мечъ и пытка проповѣдуютъ любовь... Вонъ храмъ Гугенотовъ... Оттуда на встрѣчу зловѣщему хору звучитъ торжественный гимнъ обреченныхъ на смерть... По узкимъ улицамъ, въ эту полную гнѣва ночь, озаренную только заревомъ пожаровъ, бѣжитъ она... Воздухъ переполненъ острымъ запахомъ крови, перехватываетъ ей дыханіе, стоны жертвъ несутся за нею, словно вихрь догоняютъ ее бѣшеные крики! Что ей за дѣло... она ищетъ своего воина... Она съ ужасомъ вглядывается въ лица труповъ, когда по нимъ скользитъ багровый отсвѣтъ дымнаго факела.. Слава Богу, его нѣтъ между этими безмолвными и недвижными свидѣтелями!.. „О нѣтъ, ты не умрешь!..“ Она его видитъ. Счастье возможно для нихъ. Врагъ убитъ.. Отнынѣ никто не станетъ между ними... Жизнь зоветъ къ себѣ—радостная, полная блеска и страсти. О, наконецъ то этотъ рай открылся имъ.. Но что это? Суровый призывъ говоритъ о смерти—теперь, теперь, когда надо жить... И опять этотъ вихрь бѣшеной схватки, мстительный гимнъ, торжественное прощаніе умирающихъ съ землею... „Нѣтъ, нѣтъ—вмѣстѣ мы можемъ только встрѣтить смерть.“ И она радостно идетъ на смерть, рука въ руку съ нимъ—прямо къ небесамъ, гдѣ соединятся ихъ чистыя души. Сквозь стекла храма сверкнулъ огонь безчисленныхъ факеловъ.. Навстрѣчу гимну Гугенотовъ грянулъ оглушительный залпъ... Они еще поютъ. Опять громъ выстрѣловъ, гимнъ слабѣетъ и слабѣетъ.. Послѣдніе крики убійствъ... Тишина кругомъ... „Смотрите... Раскрылись небеса... Легіоны ангеловъ несутся къ мученикамъ... Туда, туда, поетъ умирающій, туда, гдѣ царитъ вѣчная радость!..“ Лицо его сіяетъ, молніи вѣнцомъ озарили его чело... Голосъ его наполняетъ пространство... То не архангелъ ли Божій! Прости земля, прости... Широко, въ безконечность раздвинулись стѣны... Варфоломеевская ночь опять длится и длится... Волны крови по старому Парижу... „Кто идетъ?“ звучитъ мрачный голосъ... Умирающій подымаетъ свою отяжелѣвшую голову... Изъ смертельной раны сочится кровь... Въ послѣдній разъ открываетъ глаза умирающій... „Я Гугенотъ!“ кидаетъ онъ гордый вызовъ... „Мы тоже!..“ Она обвиваетъ его руками. Послѣдній залпъ...

Еще нѣсколько мгновеній — и отъ криковъ восторга дрожатъ каменныя стѣны театра... Нина, съ лица которой еще не сбѣжало волненіе, какъ тріумфаторъ останавливается у рампы. Людское море бѣшенымъ раскатомъ валовъ несется ей навстрѣчу.. Теперь она—царица... Въ это мгновеніе—все кругомъ живетъ ею, буря восторговъ ростетъ и ростетъ. Ей кажется, что это небесныя тучи съ громомъ и молніями двигаются кругомъ. Но вотъ взглядъ ея падаетъ на его лицо. Онъ одинъ не аплодируетъ. Онъ одинъ сидитъ, полный молчаливаго восторга... На глазахъ его слезы... И минуя шумное людское море, на мгновеніе забывъ грозовыя тучи—она наклоняетъ голову ему, ему одному—на его безмолвный привѣтъ и восторгъ..

КОНЕЦЪ.

На охотѣ.

Изъ очерковъ Канады. **Л. Біара.**

(Окончаніе).

— Девять часовъ, вдругъ произнесъ дѣдъ, взглянувъ на часы съ громаднымъ маятникомъ, и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы любите музыку?

— Очень, отвѣчалъ я.

— Слышишь, Луиза, продолжалъ старикъ, нашъ гость не будетъ строгъ.

Луиза сѣла за рояль и очень недурно начала играть, скоро къ ней присоединились сестра и оба брата, одинъ съ флейтой, а другой со скрипкой, и всѣ играли замѣчательно вѣрно. Послѣ этого импровизированнаго концерта, хозяинъ проводилъ меня въ назначенную мнѣ комнату и я тотчасъ заснулъ, раздумывая какую важную роль въ нашей жизни занимаютъ неожиданности.

Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ утромъ до моего слуха дошелъ звукъ голосовъ. По длинной аллеѣ прохаживалась Луиза съ отцомъ и дѣдомъ; этотъ послѣдній держалъ руку молодой дѣвушки, шедшей съ поникшей головой; повидимому, разговоръ шелъ о Пьерѣ.

Одѣвшись, я спустился въ садъ, чтобы привѣтствовать моихъ хозяевъ. При входѣ я услышалъ слова отца дочери

— Надѣюсь, дитя мое, ты не сомнѣваешься, что у меня одна забота—твое счастье?

— Конечно, развѣ я могу думать иначе

— Ну, Луиза, надо забыть и мы тебѣ поможемъ

Луиза тихо покачала головой, какъ бы говоря: „это невозможно“. И поклонившись мнѣ вышла. Оба Мартена подошли ко мнѣ и дружески протянули руки.

— Бѣдная Луиза! сказалъ дѣдъ, провожая внучку глазами, плачетъ.

— Отецъ, возразилъ Мартенъ, развѣ и вы съ женщинами противъ меня.

— Да, когда вижу слезы Луизы

— Мы ихъ осушимъ, а потомъ, когда насъ не будетъ, кто ее поддержитъ?

Я хотѣлъ отойти.

— Останьтесь, сказалъ дѣдъ, это не тайна. У насъ большое горе, моя внучка любитъ своего двоюроднаго брата, и есть препятствіе ихъ любви

— Онъ дурной человѣкъ? рѣшился я спросить.

— Нѣтъ, съ живостью возразилъ отецъ Луизы, трудно найти человѣка лучше Пьера, я бы охотно назвалъ его своимъ сыномъ, и уже годъ тому назадъ Луиза была бы его женой, если бы... Извините, впрочемъ, наши семейныя дѣла не могутъ васъ интересовать

Не зная, что значили недомолвки моего хозяина,—не было ли это желаніе перемѣнить разговоръ, я не рискнулъ отвѣчать, что меня сильно интересуетъ судьба Луизы и что мнѣ очень хотѣлось узнать, какое препятствіе мѣшало ихъ браку. Но Мартенъ предложилъ мнѣ показать свое хозяйство и мнѣ пришлось осмотрѣть все, съ чердака до ледника. Такія принудительныя экскурсіи всегда утомительны, но въ этотъ разъ я узналъ много интересныхъ подробностей о климатѣ и произведеніяхъ Канады.

Въ полдень раздался звонокъ призывавшій насъ къ завтраку; я видѣлъ, что Луиза съ сестрой помогали матери въ хозяйствѣ, а дѣдъ репетировалъ съ мальчиками.

Моимъ хозяевамъ была знакома исторія ихъ страны и Франціи. Они удвоили свое вниманіе ко мнѣ, замѣтивъ, что мнѣ извѣстны имена и труды первыхъ миссіонеровъ, изслѣдовавшихъ сѣверную Америку, а въ особенности Канаду. Они жаловались, что ихъ плохо знаютъ во Франціи и нисколько не интересуются ими

— Вы ошибаетесь, безпрестанно повторялъ я. На канадца не смотрятъ у насъ, какъ на иностранца

Дѣдъ улыбался и покачивалъ головой; много видѣлъ онъ французовъ въ Канадѣ, говорилъ онъ, но ни одному изъ нихъ не были извѣстны имена Карьте и Монткальма. Я какъ могъ защищалъ своихъ, но мысленно соглашался съ хозяевами, что мы, великая нація, совершенно равнодушны къ нашей прошедшей славѣ. Видимая любовь всей семьи къ Франціи ввела меня въ странную ошибку.

— Можетъ быть, вскричалъ я, наступилъ счастливый день, когда вы опять сдѣлаетесь французами.

— Сохрани насъ Боже, отъ такого несчастья, въ одинъ голосъ вскричали дѣдъ и сынъ; мы уроженцы Канады, подданные Англіи и также мало желаемъ быть французами, какъ и американцами, хотя они и не вѣрятъ этому.

Мнѣ стало неловко.

— Мнѣ казалось, началъ я конфузясь, что вамъ жаль вашей утраченной національности.

— Мы сыны Франціи и чтимъ прошлое, сказалъ дѣдъ; но ни за что въ мірѣ не хотѣли бы мы стать гражданами вашихъ республикъ, потому что мы владѣемъ тѣмъ, чего у васъ нѣтъ,—твердыми государственными основами. Мы увѣрены въ завтрашнемъ днѣ. Пресловутое ваше Правительство обратило бы нашу свободу въ пустой звукъ; мы любимъ Францію и французовъ, но пока намъ нельзя сдѣлаться настоящими канадцами, мы останемся подданными Англіи, ради ея высокаго политическаго благоразумія и изъ любви къ справедливости и настоящей свободѣ. Я замолчалъ. Впослѣдствіи и у другихъ канадцевъ я встрѣчалъ тѣ же чувства. Хотя они насъ любятъ, но ихъ удивляетъ наше политическое фиглярство и непостоянство. Это все вашъ Парижъ, все Парижъ! говорятъ они.

Остальную часть дня я провелъ, осматривая поля моего хозяина, гордившагося ими. Вечеръ провели патріархально, какъ наканунѣ; едва по моей просьбѣ Луиза заиграла прелюдію, какъ одинъ изъ мальчиковъ неожиданно вскричалъ:

— А! да это пѣсенка Пьера.

При этомъ восклицаніи, музыкантша закрыла лицо руками. Виновный подбѣжалъ къ ней и обнялъ ее.

— Луиза, сказалъ онъ, неужели это я заставилъ тебя плакать.

Луиза встала и поцѣловала ребенка, потомъ отерла глаза и молча сѣла возлѣ матери; Викторія заняла ея мѣсто. Эта сцена взволновала всѣхъ и меня тоже; маленькая Викторія поступила съ большею находчивостью, давъ всѣмъ возможность предаться своимъ думамъ. Мнѣ очень хотѣлось знать, что препятствовало браку Луизы и что отнимало душевное спокойствіе у всей семьи.

Часовъ въ десять я сталъ прощаться съ хозяевами.

На другой день собрался на охоту

Мой хозяинъ предложилъ дать слугу въ проводники, но я отказался. Тогда дѣдъ объявилъ, что на одинъ день можно освободить мальчиковъ отъ уроковъ и они проводятъ меня; при этомъ дѣти вскочили и взоры ихъ устремились на меня, какъ бы надѣясь угадать мой отвѣтъ; я согласился, они запрыгали отъ радости и подбѣжавъ ко мнѣ, пожали руку

Мои маленькіе товарищи обѣщали разбудить меня и на зарѣ уже стучались въ дверь. Я увидѣлъ Луизу въ большой залѣ, она наполняла провизіей наши охотничьи сумки, такъ какъ мы предполагали завтракать въ лѣсу

— Вы такъ были добры ко мнѣ, сказалъ я молодой дѣвушкѣ, въ минуту отправленія, не могу ли я услужить вамъ чѣмъ нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчала она, отъ души благодарю васъ

Она мнѣ поклонилась, я послѣдовалъ за ея братьями, нетерпѣливо ожидавшими меня.

III.

День обѣщалъ быть отличнымъ. Бѣлый туманъ покрывалъ вершину холмовъ, но солнце скоро сбросило это легкое покрывало. Мои проводники повели меня черезъ поле, засѣянное рожью, крутой тропинкой мы поднялись въ лѣсъ

Свободная манера мальчиковъ нести ружье и легкая походка говорили въ пользу ихъ охотничьихъ талантовъ и дѣйствительно охота уже давно служитъ имъ пріятнымъ развлеченіемъ послѣ занятій; ихъ кузенъ Пьеръ, во всей странѣ извѣстный своею ловкостью, былъ ихъ учителемъ. Дорогой, мои спутники разспрашивали меня съ любопытствомъ о Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Іоркѣ; имъ очень хотѣлось видѣть эти города. Они оказались живыми и остроумными собесѣдниками, но гораздо серьезнѣе, чѣмъ бываютъ наши мальчики этихъ лѣтъ. Мы дошли до узкой долины, спрятанной между двумя холмами, и мои проводники начали охоту подстрѣливъ черную бѣлку

Мы рѣшили разойтись, условившись перекликаться. Я долженъ былъ идти прямо и подняться на покатый холмъ. Оба брата, одинъ съ правой другой съ лѣвой стороны, должны были присоединиться ко мнѣ на вершинѣ холма

Взобравшись на вершину холма, я очутился на площадкѣ, покрытой грудами песчаника, съ нея видна была Глубокая Долина, со всѣми ея строеніями. Солнце обливало лучами хорошенькую долину, а изумрудный цвѣтъ зелени фруктовыхъ деревьевъ пріятно выдѣлялся на темной зелени сосенъ. Я дошелъ до мѣста, назначеннаго сборнымъ пунктомъ, но не слышно было приближенія моихъ товарищей. Я сѣлъ подъ дубомъ, его листва рѣзко отдѣлялась отъ окружавшей его однообразной растительности. Подождавъ съ полчаса, я пошелъ налѣво. Съ этой стороны спускъ былъ почти вертикаленъ, я наклонился и, къ крайнему изумленію, увидѣлъ, шагахъ въ десяти отъ себя Пьера, жениха Луизы; онъ сидѣлъ на скалѣ, а у его ногъ лежало ружье.

На молодомъ человѣкѣ было то же охотничье платье, въ какомъ я его встрѣтилъ въ первый разъ; онъ смотрѣлъ по направленію къ фермѣ, хорошо видной съ этого мѣста. Онъ такъ задумался, что даже неслыхалъ моихъ шаговъ. Мнѣ не видно было его лица; но по его движеніямъ я угадалъ, что онъ за кѣмъ то слѣдитъ. Вдругъ онъ повернулъ голову налѣво, потомъ, прислушавшись, вскочилъ на ноги, схватилъ ружье и зарядилъ его. Я вспомнилъ, что съ этой стороны долженъ придти одинъ изъ моихъ спутниковъ, и хотѣлъ предупредить охотника, какъ вдругъ явился Викторъ.

— Пьеръ! Пьеръ! радостно закричалъ ребенокъ.

И рискуя сломать себѣ шею, Викторъ, по крутой дорогѣ, бросился къ своему двоюродному брату и обнялъ его.

XIII передвижная выставка. „Чаепитіе“. Картина Вл. Е. Маковскаго. По фотогр. Якобія, грав. Дзедзицъ.

Цибета африканская. Рис А. Элерса, грав. Брендамуръ.

Въ ту же минуту, немного ниже показался Эмилій; услышавъ условленный крикъ своего брата, онъ взглянулъ на верхъ и прямо направился къ охотнику.

— Пьеръ! Пьеръ! радостно повторяли братья.

И они взапуски цѣловали молодаго человѣка, отвѣчавшаго на ихъ ласки.

— Ну, какъ у васъ поживаютъ? спросилъ наконецъ Пьеръ.

— Хорошо, отвѣчалъ Викторъ, —у отца была лихорадка, но теперь ему лучше.

— А Викторія?

— Такая же озорница, какъ была при тебѣ.

— А... Луиза?

— Такая, какъ всегда, Пьеръ, только рѣдко смѣется, она плачетъ..

— И именно съ твоего отъѣзда, прибавилъ Эмилій.

Пьеръ провелъ рукой по лицу и замолчалъ.

— Какъ вы сюда попали? началъ онъ снова,—вѣдь сегодня, кажется, не праздникъ?

— Мы проводниками одного француза, онъ заблудился по дорогѣ къ Квебеку, а Луиза привезла его къ намъ, сказалъ Викторъ.

— Въ тотъ день, какъ съ тобой встрѣтилась, прибавилъ Эмилій.

— Да гдѣ же нашъ охотникъ? онъ долженъ былъ сюда придти, сказалъ старшій братъ.

— Такъ это вы стрѣляли? спросилъ Пьеръ.

— Да, мы убили по кролику и птицу для нашего гостя; мы хотѣли убить для него красную птицу

— Ну, такъ идите же къ вашему гостю, дѣти.

— Ну нѣтъ, я не могу такъ скоро разстаться съ тобой. Пусть Эмилій пойдетъ за нимъ.

— Иди самъ, безцеремонно отвѣчалъ Эмилій,—ты вѣдь старшій. Послушай Пьеръ, сказалъ мальчикъ, хватая своего двоюроднаго брата за руку —развѣ правда, что ты никогда не вернешься къ намъ, и что ты насъ не любишь?

Вмѣсто отвѣта, охотникъ обнялъ обоихъ мальчиковъ и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Милые мои! это неправда! вскричалъ онъ наконецъ.

Въ эту минуту Викторъ увидѣлъ меня и указалъ братьямъ. Пьеръ поклонился и подошелъ ко мнѣ съ обоими мальчиками. Это былъ красивый молодой человѣкъ, съ вьющимися, бѣлокурыми волосами, съ тонкими чертами лица и свѣжимъ цвѣтомъ лица. Онъ говорилъ изящно, но съ примѣсью какой то грубоватой откровенности. Черезъ часъ, мы сидѣли съ нимъ рядомъ на травѣ, завтракали, и дружелюбно разговаривали После завтрака онъ мнѣ предложилъ сигару и занялъ свое прежнее мѣсто, не желая, вѣроятно, покидать этотъ наблюдательный постъ.

Мальчикамъ не сидѣлось на мѣстѣ, и пока мы курили, они охотились, предварительно испросивъ нашего разрѣшенія. Отсутствіе дѣтей придало разговору болѣе дружескій характеръ

— Знаете, сказалъ я моему собесѣднику,—если бы я не боялся разсердить васъ, то спросилъ бы, что за причина удаляетъ васъ отъ семьи Мартенъ и разлучаетъ съ Луизой?

— Разлучаетъ съ Луизой! вскричалъ охотникъ.

Я думалъ, онъ будетъ продолжать, но, закрывъ лицо руками, Пьеръ молчалъ.

— Извините меня за нескромность, началъ я снова; но вѣрьте, что меня подстрекнуло сдѣлать этотъ вопросъ не пустое любопытство.

— Ради Бога, не думайте, что меня оскорбилъ вашъ вопросъ. Вы знаете, я люблю Луизу и она меня любить Воспитывался я въ Квебекѣ и учился хорошо, у меня есть свое состояніе. Я хочу жить въ городѣ и принимать участіе въ дѣлахъ моей страны. Мой дядя и дѣдъ нашли счастье въ этой долинѣ и не допускаютъ возможности найти его въ другомъ мѣстѣ

— Мартенъ желаетъ видѣть своего зятя фермеромъ?

— Именно А у меня въ головѣ другое, но онъ не можетъ понять этого

— Вы честолюбивы?

— Да Не хочу скрывать этого, а ради Луизы я вдвойнѣ честолюбивъ

— Она одобряетъ ваши мечты

— Нѣтъ, она противъ нихъ

Наконецъ, послѣ множества скромныхъ оговорокъ со стороны моего собесѣдника, я узналъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ способности, даже таланты, и мечтаетъ о блестящей и извѣстной будущности для себя и для своей жены Нельзя было порицать такое честолюбіе Но не былъ ли правъ и дядя, просившій племянника не покидать скромной Долины, гдѣ столько поколѣній Мартеновъ прожили счастливо? У молодаго человѣка еще не пропали иллюзіи, и рѣшился показать ему оборотную сторону жизни. Политика и литература! Многіе считаютъ себя призванными, но всегда оказывается мало избранныхъ.

— Если я потерплю неудачу, отвѣчалъ молодой человѣкъ,— то вернусь въ Долину.

— Да! Но разочарованнымъ, озлобленнымъ, привыкшимъ къ шумному обществу. вскричалъ я;—да и къ тому же вамъ постоянно будетъ казаться, что вы накануне успѣха, и возвращеніе будетъ откладываться. Но допустимъ, что вы добьетесь, чего хотите; припомните слова Сталь: „Слава и счастіе не одно и то же, и очень часто первое бываетъ могилой втораго“.

Моя симпатія къ Луизѣ сдѣлала меня краснорѣчивымъ, и я долго говорилъ Пьеру, а онъ, надо отдать ему справедливость, внимательно слушалъ меня и терпѣливо возражалъ на мои доводы: онъ былъ убѣжденъ, что еслибы его невѣста захотѣла, то родные уступили бы ей, но она не хотѣла покинуть родной долины

— Или мы здѣсь будемъ жить, рѣшительно сказала она, или разстанемся.

И эти переговоры шли цѣлый годъ.

О! какая умница Луиза! Она, обладавшая красотой, образованіемъ и всѣми данными, чтобы блистать въ томъ свѣтѣ, куда хотѣлъ ее перенести женихъ, упорно держалась за тотъ темный уголокъ міра, гдѣ родилась. Какая противоположность нашимъ женщинамъ! У дочери французскаго фермера одно желанье: какъ можно скорѣй покинуть родныя поля, давшія ей силу и богатство и идти сохнуть въ контору нотаріуса, или въ кабинетъ адвоката, какъ будто.. Да впрочемъ, къ чему вспоминать это?

Я провелъ весь день, охотясь съ Пьеромъ, и почувствовалъ къ нему дружеское расположеніе. Передъ наступленіемъ ночи онъ насъ проводилъ до долины.

Солнце скрылось и легкій туманъ покрылъ строенія долины; до насъ доходили обыкновенные вечерніе звуки ржаніе лошадей, мычаніе коровъ, блеяніе барановъ, скрипъ воротъ.

— Тамъ счастье, сказалъ я, указывая на ферму и обращаясь къ Пьеру, постарайтесь въ этомъ убѣдиться.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ.

— Тамъ одно чудное сердце страдаетъ изъ за васъ, не забывайте этого.

Пьеръ вздохнулъ и быстро удалился, не протянувъ мнѣ руки и не простившись съ мальчиками; опомнившись отъ изумленія при такомъ неожиданномъ исчезновеніи, они закричали въ одинъ голосъ:

— До свиданья, Пьеръ!

Отвѣтъ послышался изъ глубины лѣса, но никто изъ насъ не разслышалъ словъ.

Уже стемнѣло, когда мы вернулись, мы принесли четырехъ кроликовъ, трехъ бѣлокъ и около дюжины воробьевъ. Добыча неважная. Еще впродолженіи двухъ дней я охотился въ сосновомъ лѣсу; мнѣ хотѣлось поговорить съ Пьеромъ. Я никому не разсказывалъ о своей встрѣчѣ съ нимъ, боясь, что подумаютъ, будто я вмѣшиваюсь не въ свои дѣла. Но накануне отъѣзда, оставшись съ Луизой наединѣ, я рѣшился заговорить.

— Вы знаете, я видѣлъ Пьера?

— Да, отвѣчала она, братья разсказывали.

— Такъ это правда, что вы не хотите переселиться въ городъ?

— Я убѣждена, что мое счастье прочнѣе будетъ здѣсь. Пьеръ любитъ книги, у насъ есть библіотека, кто мѣшаетъ ему читать и даже писать здѣсь? Если онъ чувствуетъ въ себѣ талантъ писателя, то произведеніе его не выйдетъ хуже только отъ того, что онъ живетъ въ долинѣ.

— Но полевыя работы его не привлекаютъ.

— Онъ любитъ ихъ, потому что привыкъ къ нимъ съ дѣтства; да наконецъ, отъ него требуютъ одного: сдѣлаться здѣсь господиномъ, а приказывать не тяжелая работа. Что до меня касается,—я родилась фермершей и умру ею. Боже мой, да что бы я дѣлала въ залахъ Квебека? Я не посмѣю ни говорить, ни двигаться. Я вамъ представила свои резоны, а подумайте о моемъ отцѣ и дѣдѣ, и вы поймете, что я хорошо поступаю, не соглашаясь съ Пьеромъ.

— Вы хотите, чтобы онъ пожертвовалъ собой для васъ, а себя не хотите принести въ жертву его жизни, возразилъ я.

Молодая дѣвушка пристально посмотрѣла на меня и ея прекрасные, голубые глаза наполнились слезами.

— Увѣряю васъ, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ, въ этомъ случаѣ я забочусь только о счастьѣ Пьера, никакъ не о своемъ.

Я собирался возражать и увѣрить мою прелестную хозяйку, что ничуть не сомнѣваюсь въ ея способности отречься отъ себя ради другаго, но приходъ дѣда прервалъ нашъ разговоръ. Луиза ушла, а потомъ уже мнѣ не случалось говорить съ нею.

Вечеромъ, я въ послѣдній разъ смотрѣлъ на эту милую, честную семью, сидѣвшую при свѣтѣ двухъ старинныхъ лампъ, служившихъ нѣсколькимъ поколѣніямъ Мартенъ. По обыкновенію, Луиза сѣла за рояль, а я подошелъ къ ней, чтобы оправдаться и объяснить свои утреннія слова По приказанію дѣда, Эмилій и Викторъ взяли, одинъ флейту, другой скрипку, какъ вдругъ раздался лай собакъ. Но шумъ скоро стихъ, и я впродолженіи часа слушалъ канадскія аріи, исполняемыя молодыми артистами по моей просьбѣ. Потомъ Луиза приготовила чай.

— Вы на меня сердитесь? спросилъ я ее вполголоса, беря изъ ея рукъ чашку.

— Нѣтъ, отвѣчала она, но нахожу, что вы меня не понимаете.

Я протестовалъ. Вдругъ отворилась дверь и, къ моему крайнему изумленію, на порогѣ остановился мой товарищъ по охотѣ,

Пьеръ Мартенъ. Молодой человѣкъ, съ фуражкой въ рукѣ, подошелъ къ отцу Луизы, быстро вставшему при его входѣ.

— Дядя, съ волненіемъ сказалъ онъ, найдется ли у васъ для меня мѣсто?

— Здѣсь ты у друга отца твоего, у родныхъ, однимъ словомъ у себя дома, отвѣчалъ дядя. Но ты, можетъ быть, явился къ намъ гостемъ.

— Нѣтъ, я прошу дать мнѣ мѣсто у вашего очага, какъ вашему сыну.

Отецъ Луизы не могъ отвѣчать; онъ обнялъ племянника и съ минуту не выпускалъ его. Дѣдъ плакалъ. Мать Луизы тоже всхлипывала, оставалось мнѣ только послѣдовать ихъ примѣру. Луиза рыдала.

— Пьеръ, сказалъ дядя, завтра десять человѣкъ должны работать въ долинѣ, между ними есть новички—поручаю ихъ твоему присмотру. Луиза, дитя мое, дай чаю твоему жениху.

— Пусть она поцѣлуетъ его! вскричалъ дѣдъ.

И Луиза поцѣловала Пьера, но поцѣлуй былъ такъ продолжителенъ, что Эмилій и Викторъ рѣшились отвести наконецъ жениха отъ невѣсты. Какой чудный вечеръ! И какія радостныя лица окружали меня. Я скромно принималъ участіе въ этой семейной радости. Пьеръ подошелъ ко мнѣ.

— Ваше краснорѣчіе, сказалъ онъ, протягивая мнѣ руку,—сдѣлало меня счастливымъ нѣсколькими мѣсяцами раньше, такъ какъ все равно я бы сюда вернулся, прибавилъ онъ, обращаясь къ Луизѣ, покраснѣвшей до корней волосъ, на что обратила вниманіе рѣзвая Викторія.

Года два тому назадъ, я вернулся разъ домой, когда мнѣ доложили, что уже цѣлый часъ меня ждетъ какой то молодой человѣкъ, не сказавшій своего имени. При моемъ входѣ въ кабинетъ, незнакомецъ, сидѣвшій у камина, быстро всталъ и подошелъ ко мнѣ.

— Вы меня не узнаете? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, нерѣшительно отвѣчалъ я,—но ваши черты напоминаютъ мнѣ...

— Вы не забыли Глубокую долину?

— Нѣтъ. такъ вы изъ семейства Мартенъ; вѣроятно Эмилій?

— Нѣтъ, грустно отвѣчалъ молодой человѣкъ,—мой бѣдный братъ умеръ; я Викторъ.

Я крѣпко пожалъ руку канадца и усадилъ его.

— Я боюсь васъ разспрашивать; въ пятнадцать лѣтъ много могло произойти перемѣнъ... Вашъ дѣдушка?..

— Онъ умеръ прежде матери и брата, но отецъ живъ. Онъ, Пьеръ и Луиза поручили мнѣ навѣстить васъ. Я пріѣхалъ въ Европу сдѣлать кое-какія закупки. У меня есть племянница, прибавилъ молодой человѣкъ,—она отчасти ваша крестница; вотъ ея портретъ, зовутъ ее Люсьенъ.

Викторъ показалъ мнѣ карточку, и я думалъ что это Луиза, какою увидѣлъ я ее въ первый разъ, на дорогѣ въ Квебекъ. Богъ да хранитъ ее!

Прежде ядъ—нынѣ лекарство.

Очеркъ.

Въ № 51 „Нивы“ за 1879 годъ, мы познакомили читателей съ новѣйшими изслѣдованіями относительно мѣди и ея солей. Рядомъ опытовъ, произведенныхъ главнымъ образомъ французскимъ ученымъ Галиппэ, было доказано, что мѣдь считалась и считается ядомъ, и страннымъ ядомъ, *по предубѣжденію*, ни на чемъ неоснованному; что луженая посуда, которою мы предохраняемъ себя противъ дѣйствія этого воображаемаго яда, скорѣй сама представляетъ собою ядъ, такъ какъ въ ней содержится больше мышьяковистаго цинка и свинца, чѣмъ олова; что невозможно ни злонамѣренное отравленіе, ни самоубійство—самоотравленіе, посредствомъ мѣди, вслѣдствіе отвратительнаго вкуса и сильнѣйшихъ рвотныхъ свойствъ солей мѣди. Невозможно и медленное отравленіе, путемъ постояннаго поглощенія мѣди въ малыхъ дозахъ, потому что въ такомъ случаѣ мѣдь не производитъ на организмъ никакого дѣйствія. Словомъ, было доказано, что мѣдь безвредна и что опасаться ее нечего. Начало этихъ изслѣдованій было сдѣлано еще въ 1857 году петербургскимъ профессоромъ Пеликаномъ; въ описанномъ же нами болѣе полномъ видѣ они были обнародованы въ 1878 году, а съ тѣхъ поръ изслѣдованія эти были продолжены Галиппэ и получили полнѣйшее подтвержденіе со стороны бельгійскаго профессора дю-Мулэна.

Правда, во всѣхъ случаяхъ отравленія будто бы солями мѣди, химики находили слѣды этого металла въ трупахъ умершихъ. Но мѣдь находится въ нормальномъ состояніи въ нашихъ тканяхъ, а потому, ея присутствіе въ нихъ и не можетъ служить основаніемъ къ предположенію, что въ этихъ случаяхъ дѣло шло, дѣйствительно, объ отравленіи.

Галиппэ нашелъ, что мѣдь содержится въ крови, печени и мозгѣ человѣка. Но не слѣдуетъ приписывать это употребленію мѣдной посуды, потому что мѣдь находится также и въ тѣлѣ животныхъ, употребляемыхъ нами въ пищу. А такъ какъ животныя эти, въ свою очередь, питаются растеніями, то она должна содержаться и въ послѣднихъ. Еще до изслѣдованій названнаго ученаго, присутствіе мѣди было открыто въ пшеницѣ, рисѣ и картофелѣ, а равно и въ наносной почвѣ, питающей растенія. Въ свою очередь, Галиппэ нашелъ, что мѣдь содержится какъ въ зерновомъ хлѣбѣ, такъ и въ хлѣбѣ печеномъ, въ нѣкоторыхъ овощахъ, шоколадѣ и даже лекарствахъ, въ родѣ хинной корки и ипекакуаны (рвотный корень). Наконецъ, весьма значительное количество ея содержится въ произведеніяхъ кондитерскихъ, гдѣ она идетъ между прочимъ и для окрашиванія. Но хотя эти произведенія потребляются и дѣтьми, и больными. тѣмъ не менѣе они не влекутъ за собою вредныхъ послѣдствій.

Всѣ приведенные опыты должны будутъ произвести переворотъ въ гигіенѣ и судебной медицинѣ. Въ Брюсселѣ былъ уже такой случай: въ прошлую зиму санитарная полиція захватила у двухъ кондитеровъ значительное количество товара, въ которомъ, по ея предположеніямъ, содержалась мѣдь. Это и было доказано химическимъ изслѣдованіемъ. Привлеченные къ судебной отвѣтственности, купцы были, поэтому, присуждены къ значительному штрафу. Но одинъ изъ нихъ подалъ апелляціонную жалобу и избралъ контръ-экспертомъ профессора дю-Мулэна, о которомъ мы уже говорили. Послѣдній повелъ дѣло такъ, что во второй инстанціи подсудимые были оправданы.

Но во Франціи явился Галиппэ со своими изслѣдованіями. Не задолго до обнародованія этихъ изслѣдованій, былъ осужденъ и умеръ на эшафотѣ жертвою судебной ошибки человѣкъ, обвиненный въ отравленіи своихъ сестеръ солями мѣди. И такъ, мѣдь была, такъ сказать, оклеветана, и должна быть теперь исключена изъ числа ядовъ.

Въ тоже время, въ виду грозящей еще Европѣ холеры, металлъ этотъ можетъ получить важное медицинское значеніе. Переставъ быть ядомъ, мѣдь сдѣлается лекарствомъ. Этимъ будетъ она обязана французскому доктору Бюркъ (Burg).

Еще въ 1852 году, онъ нашелъ, что лица, работающія надъ мѣдью, отличаются замѣчательною неуязвимостью по отношенію къ холерѣ. Онъ посѣтилъ въ то время до четырехсотъ заводовъ, мастерскихъ и заведеній, въ которыхъ работы происходили надъ мѣдью, бронзой, желѣзомъ, сталью, цинкомъ и свинцомъ; онъ узналъ, что изъ 7,695 рабочихъ надъ мѣдью только 20 человѣкъ умерли отъ холеры во время эпидемій 1832 и 1849 годовъ, когда холера унесла весьма много жертвъ во Франціи. Напротивъ, рабочіе надъ другими металлами подверглись большой смертности въ то время. Въ 1853—1854 годахъ Францію вновь посѣтила эпидемія, по миновапіи которой Бюркъ произвелъ новое изслѣдованіе смертности рабочихъ надъ мѣдью и пришелъ къ прежнимъ заключеніямъ. Заключенія эти получили и оффиціальное подтвержденіе. Статистика смертности отъ этой эпидеміи показала, что процентъ умершихъ среди рабочихъ надъ мѣдью равнялся приблизительно 4, то есть, изъ ста такихъ рабочихъ, умирало четыре человѣка; среди поденщиковъ же смертность достигала 45% и среди рабочихъ надъ желѣзомъ 8%.

Въ 1865 году холера, начавшись съ Марселя, стала придвигаться къ Парижу. И въ Тулонѣ Бюркъ сдѣлалъ слѣдующее поразительное наблюденіе: Въ то время какъ въ городѣ, среди всѣхъ слоевъ населенія, происходила страшная паника, вслѣдствіе большой смертности, и населеніе города разбѣгалось во всѣ стороны передъ грознымъ бичомъ,—рабочіе надъ мѣдью въ арсеналѣ, узнавъ о результатахъ изслѣдованій доктора Бюрка, остались на своихъ мѣстахъ и продолжали работать съ удвоенною энергіею, какъ бы желая возможно больше насытиться мѣдью. И изъ 250 человѣкъ умеръ только одинъ рабочій, и то потому, что смерть собственнаго ребенка заставила его покинуть на время мастерскую. Такъ точно здравыми и невредимыми остались другіе рабочіе надъ мѣдью въ городѣ—до 900 человѣкъ, въ то время, какъ въ Тулонѣ холера вырывала тысячи жертвъ изъ среды прочаго населенія. Изслѣдованіе, произведенное въ Парижѣ Бюркомъ, по окончаніи эпидеміи, дало еще болѣе поразительные результаты. Изъ 30 тысячъ рабочихъ надъ мѣдью, насчитывавшихся въ то время во „всемірномъ городѣ“, умерло только 16 человѣкъ. Холера щадила также и лицъ, по профессіи обращавшихся съ мѣдными инструментами. Такою неуязвимостью, оказалось, отличались торговцы и производители парфюмерныхъ товаровъ.

Такіе результаты, найденные Бюркомъ, заставили администрацію произвести тщательное изслѣдованіе, въ свою очередь, и результатомъ этого изслѣдованія явилось оффиціальное соображеніе: „Смертность рабочихъ надъ мѣдью составляла 3 на 10,000 всего, что даетъ возможность считать ихъ находившимися въ совершенно исключительныхъ условіяхъ и наиболѣе пощаженными холерою“. Изъ того-же сообщенія слѣдовало, что въ наибольшей безопасности отъ холеры находились тѣ рабочіе, которые поглощали наибольшее количество мѣди. Изъ рабочихъ же надъ металлами вообще, наиболѣе пострадали—золотыхъ дѣлъ мастера, граверы на золотѣ, серебряныхъ дѣлъ мастера. Изъ 11,500 послѣднихъ рабочихъ умерло 719 человѣкъ.

Наблюденія эти получили дальнѣйшее подтвержденіе и въ

другихъ странахъ. Въ Швеціи, профессоръ Гуссъ нашелъ, что холера не касается рабочихъ въ мѣдныхъ копяхъ. Тоже самое подтвердилъ относительно Испаніи инженеръ Кассіано; онъ нашелъ, что даже ближайшее къ копямъ населеніе пользуется большею безопасностью отъ холеры, нежели удаленное. Въ Италіи, доктора Рогатисъ и Галлярини, согласно съ заключеніями доктора Бюрка, нашли, что во время эпидемій 1836 и 1854 годовъ во Флоренціи не умеръ ни одинъ изъ рабочихъ надъ мѣдью; тоже самое показалъ и Неаполь. Это же явленіе наблюдалось и въ Багдадѣ.

На основаніи столь разнообразныхъ и многочисленныхъ данныхъ, докторъ Бюркъ пришелъ къ слѣдующему общему заключенію: „Всѣ лица, которымъ, по свойствамъ занятія, совмѣстному жительству, или по простому сосѣдству съ заведеніями въ которыхъ обрабатывается мѣдь, приходится ежедневно вдыхать мѣдную пыль, дѣйствіе которой не ослабляется при этомъ какими либо посторонними причинами, — пользуются безопасностью отъ холеры, и тѣмъ большей, чѣмъ больше количество поглощаемой ими мѣди“.

На томъ же основаніи, докторъ Бюркъ предположилъ, что для предохраненія отъ холеры слѣдуетъ поглощать извѣстное количество мѣди при приближеніи эпидеміи, увеличивая его во время самой эпидеміи. Къ самому же себѣ онъ и примѣнилъ впервые этотъ способъ еще въ 1865 году. Прежде нежели отправиться въ Марсель, на мѣсто дѣйствія эпидеміи, онъ принималъ въ умываніи отъ 15 до 20 сантиграммовъ сѣрнокислой мѣди, и кромѣ того, носилъ на тѣлѣ мѣдныя пластинки. Пропитанный такимъ образомъ мѣдью, онъ совершилъ путешествіе по Марселю, Тулону и т. д. въ полной безопасности. Желая же произвести контръ-опытъ, онъ пересталъ было пользоваться предохранительными дѣйствіями мѣди и схватилъ въ Марсели холерину, отъ которой и избавился только съ помощію усиленнаго поглощенія мѣди.

Вообще, во время холеры, онъ предлагаетъ пользоваться слѣдующимъ образомъ предупреждающими и пресѣкающими болѣзнь свойствами мѣди:

Снаружи, около тѣла, носить поясъ изъ мѣдныхъ кружковъ, при чемъ послѣдними могутъ служить мѣдныя монеты. Такъ точно можно носить пояса, жилеты и фланелевыя рубашки, окрашенные сѣрнокислой мѣдью. При этомъ не слѣдуетъ удалять ярь-мѣдянку образующуюся поясами или фланелью.

Жечь въ комнатахъ въ спиртовыхъ лампахъ хлорную окись мѣди.

Принимать внутрь пилюли, содержащія 1 сантиграммъ двуокиси мѣди, — отъ 2 до 6 разъ въ день, смотря по возрасту, по два раза, напримѣръ, утромъ и вечеромъ, и черезъ полчаса послѣ обѣда. За отсутствіемъ пилюль, класть въ умыванье отъ 10 до 20 сантиграммовъ мѣди. Такъ точно онъ совѣтуетъ пить во время обѣда минеральную воду, содержащую мѣдь, и окрашивать овощи сѣрнокислой мѣдью.

Новѣйшія изслѣдованія Галиппэ, приведенныя нами, оказываются, слѣдовательно, весьма кстати. Найдено, что мѣдь обладаетъ дезинфекціонными свойствами, уничтожаетъ паразитовъ, то г. Бюркъ предлагаетъ пользоваться ею и въ цѣляхъ обеззараживанія платья и изверженій больныхъ.

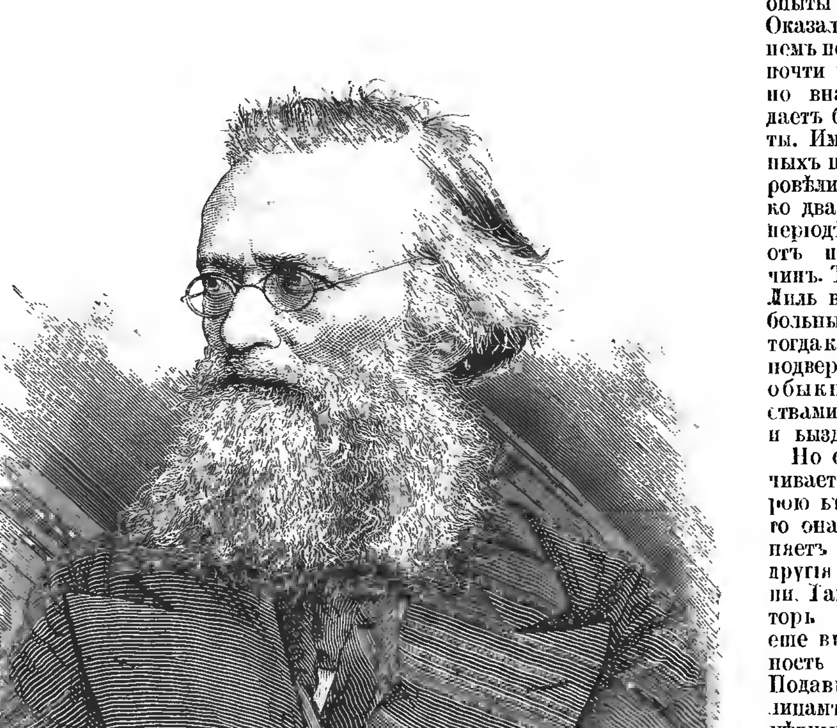
Примѣнивъ прежде всего къ самому себѣ мѣдь какъ лекарство противъ холеры въ 1865 году, Бюркъ дѣлалъ затѣмъ опыты и надъ другими. Оказалось, что въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, она почти уже не дѣйствуетъ, но вначалѣ заболѣванія даетъ блестящіе результаты. Именно, изъ 18 больныхъ шестнадцать выздоровѣли совершенно и только два умерло, но уже въ періодѣ выздоровленія и отъ постороннихъ причинъ. Такъ точно докторъ Лиль вылечилъ мѣдью 26 больныхъ холерою изъ 32, тогда какъ изъ 36 больныхъ подвергавшихся леченію обыкновенными средствами, умерло 28 человѣкъ и выздоровѣли только 8.

Но если мѣдь не излечиваетъ больныхъ холерою въ каждомъ случаѣ, то она безусловно устраняетъ судороги и разныя другія проявленія болѣзни. Такое дѣйствіе ея докторъ Бюркъ наблюдалъ еще въ 1849 году, въ бытность свою студентомъ. Подавъ помощь многимъ лицамъ черезъ посредство мѣдныхъ кружковъ, прикладываемыхъ къ пораженнымъ судорогами мускуламъ, онъ получилъ тогда въ награду медаль.

Нельзя не упомянуть при этомъ о цѣлебныхъ свойствахъ, приписываемыхъ мѣди нашимъ народомъ. Кому неизвѣстно, что въ случаяхъ ушибовъ, вызывающихъ опухоли и синеву на тѣлѣ, называемыя въ просторѣчіи у насъ „рогами“ („рогъ посадилъ“), народъ спѣшитъ приложить мѣдную монету къ ушибленнымъ мѣстамъ... Это обычай давній, скорѣй выходящій изъ употребленія, нежели входящій въ него. Онъ не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ наукою. Но тѣмъ любопытнѣе для насъ новѣйшее пріобрѣтеніе науки — металлотерапія, примѣненіе металловъ къ леченію болѣзней, произведенное тѣмъ же докторомъ Бюркъ. Недавно онъ сдѣлалъ по этому подробное сообщеніе во французской академіи наукъ.

Уже давно, докторъ Бюркъ открылъ, что нѣкоторые больные выказываютъ большую чувствительность къ дѣйствію металловъ, что послѣдніе, будучи приложены къ больнымъ частямъ, или приняты внутрь, приводятъ къ значительнымъ улучшеніямъ и даже, нерѣдко, къ полному выздоровленію.

При пользованіи съ этою цѣлью металлами, слѣдуетъ прежде всего опредѣлить, какой металлъ представляется наиболѣе дѣйствительнымъ по отношенію къ данной болѣзни. Искомый металлъ узнается по тому, что, будучи приложенъ къ больному мѣсту, напримѣръ къ нечувствительной части кожи, — повышаетъ температуру, усиливаетъ дѣятельность кровообращенія, возстановляетъ чувствительность, увеличиваетъ мускульную силу.


Н. И. Костомаровъ † 7 Апр. По фот. грав. Вейерманъ.

Къ рисункамъ.

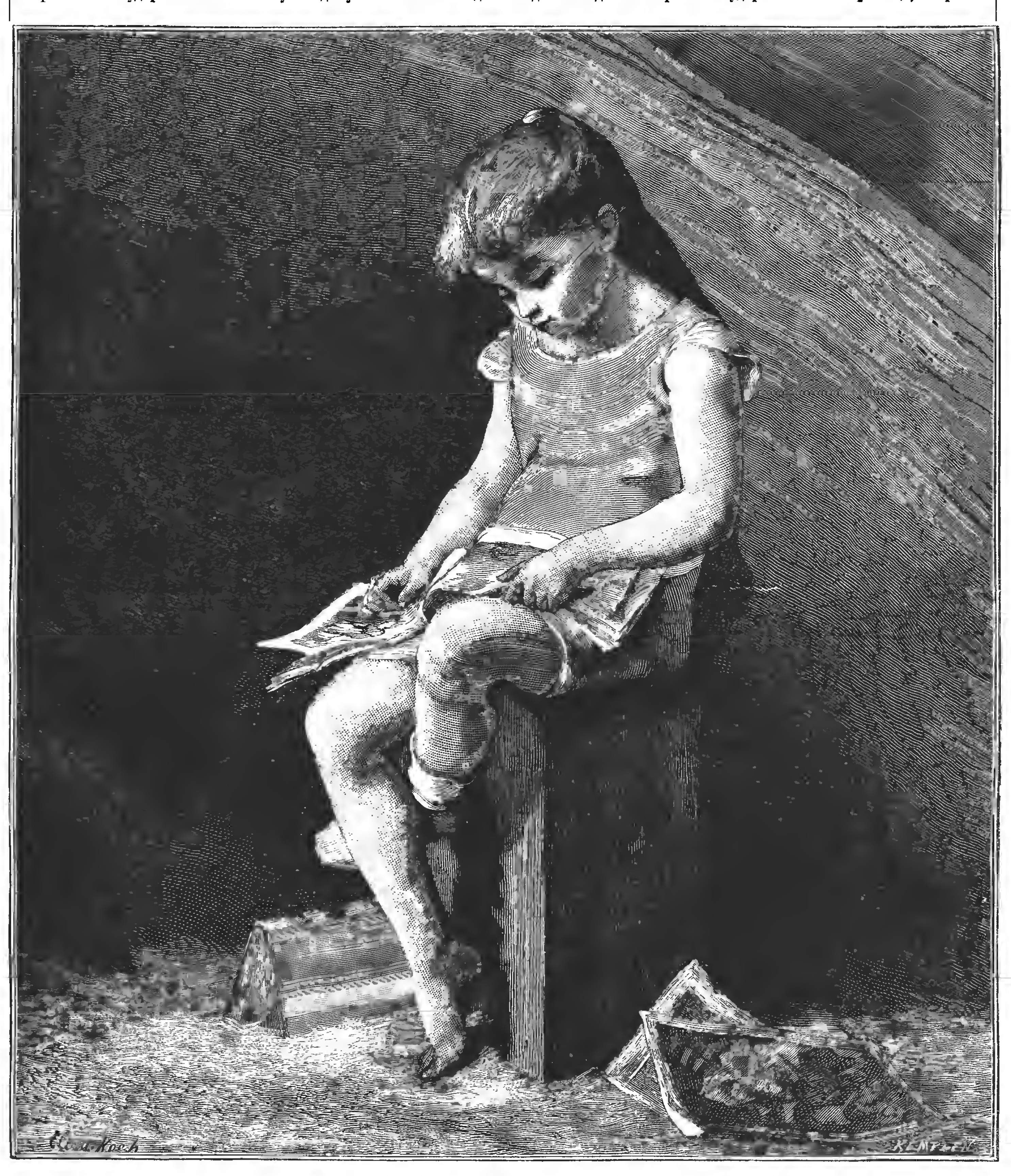
Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ.

(Рис. на стр. 397).

Бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ является одною изъ наиболѣе крупныхъ историческихъ личностей въ памятную эпоху самозванцевъ, какъ храбрый воинъ и доблестный гражданинъ, а по вошествіи на престолъ юнаго Михаила дѣлается во всѣхъ дѣлахъ его правою рукою, его другомъ и совѣтникомъ. Өедоръ Ивановичъ былъ сынъ боярина и воеводы Ивана Васильевича Шереметева, убитаго въ 1577 году подъ Ревелемъ. На служебномъ поприщѣ онъ выступилъ довольно рано; такъ, въ 1601 году онъ былъ воеводою въ Тобольскѣ, въ 1605 г. онъ начальствовалъ ратью подъ Кромами, противъ донскихъ казаковъ, помогавшихъ самозванцу; зажегъ городъ и навѣрное овладѣлъ бы имъ, еслибы не воспрепятствовалъ ему въ томъ начальствовавшій нарядомъ (артиллеріею) воевода Салтыковъ — тайный пособникъ самозванца. Затѣмъ, уже при Шуйскомъ, Өедоръ Ивановичъ ходилъ съ войскомъ противъ Астраханскихъ мятежниковъ. Укрѣпившись на островѣ Балдинскомъ, Шереметевъ, не взирая на зимній холодъ и смертоносную цингу въ своемъ войскѣ, отражалъ всѣ приступы мятежниковъ. По усмиреніи Астраханцевъ, Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ дви-

нулся со своею низовою ратью на защиту Москвы отъ полчищъ Тушинскаго вора. Послѣ несчастнаго Клушинскаго боя, рѣшившаго жребій царя Василія Ивановича Шуйскаго, Шереметеву, вмѣстѣ съ другими шестью боярами, поручено было временное правленіе государствомъ. Въ тяжкую годину московскаго осадствованіе юнаго государя Өедору Ивановичу поручались наиважнѣйшія дѣла, военныя и дипломатическія.

Нашъ рисунокъ представляетъ одинъ изъ выдающихся моментовъ въ жизни Өедора Ивановича Шереметева, а именно когда онъ сдаетъ боярамъ государственныя сокровища, сохра-



Картинки. Рис. Э. Кохъ, грав. Кемпленъ.

наго сидѣнія Шереметевъ завѣдывалъ казеннымъ дворомъ, оберегая царскія сокровища отъ расхищенія. Наконецъ, когда состоялось въ 1613 году призваніе на царство Михаила Өедоровича Романова, Шереметевъ находился въ числѣ пословъ, отправленныхъ въ Кострому, къ избраннику народа. Въ царненныя имъ въ Смутное Время. Наиболѣе цѣнныя вещи онъ отпускалъ не иначе какъ въ закладъ, съ правомъ выкупить ихъ въ случаѣ надобности. Предметы-же, которые употреблялись при вѣнчаніи царей, какъ то: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, золотая столовая посуда, драгоцѣнные ка-

менья, дорогіе столы и стулья, золотые обои, жемчугъ, шитые ковры и многое тому подобное хранилось имъ какъ нѣчто неприкосновенное, даже не отпускаемое и въ закладъ. Но вотъ наступила наконецъ радостная минута, когда всѣ эти сокровища можно было считать вполнѣ обезпеченными отъ хищническаго захвата. Воцареніе Михаила дало государству спокойствіе и миръ и при вѣнчаніи юнаго царя казенный дворъ, благодаря главнымъ образомъ Шереметеву, даже послѣ страшнаго Лихолѣтія, въ состояніи былъ выдать все нужное для до тойной, величественной обстановки священнаго обряда. За всѣми этими драгоцѣнными предметами присланы были отъ царя къ Шереметеву, на казенный дворъ, почетныя лица: духовникъ государевъ, Благовѣщенскій протопопъ Кириллъ, князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, казначей Никифоръ Васильевичъ Траханіотовъ и два дьяка.

Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ самъ раздавалъ регаліи по назначенію. Крестъ, діадему, вѣнецъ и цѣпь, положенные на золотомъ блюдѣ, понесъ на головѣ протопопъ Кириллъ, поддерживаемый подъ руки дьяконами. Затѣмъ шелъ князь Пожарскій, со скипетромъ въ рукѣ, потомъ казначей Траханіотовъ съ державою. Блюда и стоянецъ несли дьяки. Въ Успенскомъ соборѣ всѣ регаліи были разложены на трехъ налояхъ, около которыхъ стали князь Пожарскій, Траханіотовъ и оба дьяка. На нихъ лежала обязанность „чтобы никтоже отъ простыхъ людей прикоснулся того царскаго чина". Такимъ образомъ юный царь Михаилъ, не смотря на только что минувшее, страшное время неурядицы и общаго хищничества, вѣнчался на царство съ полнымъ великолѣпіемъ, въ полномъ убранствѣ своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ.

Всѣ эти подробности извлечены нами изъ замѣчательнаго сочиненія А. П. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ", гдѣ это появилось впервые въ надлежащей полнотѣ.

Новыя рѣчи.

(Рис. на стр. 401).

Она еще такъ молода и жизнь ея текла до сихъ поръ такъ спокойно, ничто не смущало ея воображенія, не ускоряло біенія ея молодаго сердца. Давно замѣтила она, что красивый юный пажъ изъ густаго сада замка внимательно глядитъ на нее, когда она проходитъ къ колодцу за водой; но это пристальное вниманіе ее только непріятно смущало, не пробуждая въ ней никакихъ особыхъ чувствъ. Но сегодня она вдругъ почувствовала что кто то за ней есть, но не оглянулась, ибо почти догадалась кто это. И вотъ она, вся пылая, слышитъ совсѣмъ новыя для нея рѣчи. Въ нихъ столько нѣжности, ласки и страсти, что она сама не знаетъ, что съ нею дѣлается. Ей и стыдно, и весело, и сердце бьется такъ шибко, и щеки пылаютъ, и какія то пестрыя, чудныя грезы мелькаютъ передъ ней, слушая голосъ юноши—такое сильное впечатлѣніе производятъ на нее эти новыя для нея рѣчи!...

„Чаепитіе".

(Рис. на стр. 404).

Изъ числа жанровъ Вл. Е. Маковскаго, появившихся на XIII передвижной выставкѣ, особенно была замѣчена съ большимъ мастерствомъ и типичностью исполненная картинка „Чаепитіе". Лица почтенной четы,—занимающейся чаепитіемъ такъ серьезно, почти какъ совершая обрядъ,—очень хороши. Особенно пріятно попить чайку въ прохладной комнаткѣ въ жаркій лѣтній вечеръ. Ароматъ цвѣтовъ и травы, льющійся въ комнатку, еще улучшаетъ ароматъ китайской травки, которою наслаждаются старики.

Цибета африканская.

(Рис. на стр. 405).

Цибеты водятся въ большей части сѣверной и средней Африки и не только въ дикомъ состояніи, но и какъ домашнія животныя. Онѣ преимущественно водятся въ Верхней и Нижней Гвинеѣ, живя въ сухихъ, песчаныхъ, безплодныхъ долинахъ и горахъ, поросшихъ кустарникомъ и деревьями; но онѣ также встрѣчаются и на востокѣ и даже на островахъ восточнаго побережья. На Занзибарѣ онѣ извѣстны подъ именемъ „нгана" и въ Суданѣ подъ именемъ „собатъ". По величинѣ цибеты превосходятъ нашихъ лисицъ (въ нихъ 70 сент. длины и хвостъ въ 35 сент.) и не уступаютъ имъ въ хищничествѣ. По строенію тѣла онѣ занимаютъ средину между куницей и кошкой. Широкая выпуклая голова съ острымъ носомъ и острыя уши; глаза съ круглыми зрачками поставлены искосо. Туловище заканчивается средней длины хвостомъ. Подошвы короткихъ ногъ покрыты шерстью. Отъ шеи до хвоста идетъ пепельнаго цвѣта гривка, переходящая на спинѣ въ черно-коричневый цвѣтъ и мѣстами желтоватая у хвоста и шеи. По обѣимъ сторонамъ гривки находятся различной величины кругловатыя и острыя пятна; заднія же бедра покрыты полосами. Низъ туловища окрашенъ свѣтлѣе и пятна здѣсь гораздо блѣднѣе. Хвостъ украшенъ черными полосами и на концѣ переходитъ въ черно-коричневый цвѣтъ. По обѣимъ сторонамъ шеи идутъ четыреугольныя бѣлыя пятна, раздѣленныя черными полосками на двѣ равныя части. Мѣсто около лба и ушей окрашено въ желтовато-коричневый цвѣтъ, становящійся свѣтлѣе къ затылку. Ловкія эти животныя питаются гадами и птицами, но также растеніями и особенно плодами. Иногда онѣ врываются въ курятники и производятъ тамъ опустошенія. Пойманныя маленькими, цибеты легко свыкаются съ неволей и скоро дѣлаются ручными, но взрослыя, попавшія въ въ неволю, ведутъ себя вначалѣ точно безумныя, проявляютъ сильную злобу и необыкновенную силу и подвижность. Каждый мускулъ ихъ тѣла кажется напряженнымъ; онѣ безпрерывно прыгаютъ по клѣткѣ въ надеждѣ освободиться. При этомъ глаза ихъ сверкаютъ, онѣ поводятъ ушами, оскаливаютъ зубы, обнюхиваютъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ и распространяютъ такой сильный запахъ цибетъ, который не выносимъ вблизи и наполняетъ весь домъ. Душистая жидкость, выдѣляемая цибетами, издавна употребляется какъ цѣлебное средство, а также подмѣшивается въ благовонныя вещества. Поэтому цибетъ держатъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ, въ клѣткахъ и сараяхъ, и кормятъ ихъ мясомъ. Жидкость выдавливаютъ изъ особыхъ железъ, подъ животомъ. Животное даетъ въ недѣлю около $3^1/_3$ граммовъ душистой жидкости. Въ Абиссиніи прежде былъ центръ торговли жидкостью цибетъ и нѣкоторые купцы держали у себя по нѣскольку сотенъ этихъ животныхъ. Въ послѣднее время душистое это вещество стало менѣе появляться въ торговлѣ и вытѣсняется мускусомъ. Кромѣ африканской цибеты есть еще двѣ азіятскія породы: Viverra Zibetha и Viverra indica.

Н. И. Костомаровъ.

(Портр. на ст. 408).

Въ 7 часовъ утра 7-го апрѣля Н. И. Костомарова не стало. Это былъ замѣчательный историкъ-художникъ, умѣвшій воплощать историческія лица въ яркіе, полные образы. Жизнь, полная труда, прекратилась, и историческая наука потеряла одного изъ самыхъ видныхъ своихъ писателей, одного изъ самыхъ талантливыхъ и самыхъ дѣятельныхъ. Это былъ человѣкъ необыкновенно отзывчивый, увлекавшійся трудомъ. Потеря для науки незамѣнимая.

Николай Ивановичъ Костомаровъ родился въ 1817 году, въ слободѣ Юрасовкѣ, Воронежской губерніи, Острогорскаго уѣзда, въ помѣщичьемъ семействѣ. Отецъ опредѣлилъ его въ московскій частный пансіонъ, но трагическая смерть его отца, умерщвленнаго дворовыми людьми, заставила его мать опредѣлить его въ воронежскій частный пансіонъ, который содержался учителями гимназіи. Гимназіи были тогда четырехклассными и Н. И. поступилъ прямо въ 3-й классъ и въ 1833 г. поступилъ въ харьковскій университетъ по историко-филологическому факультету. Окончивъ курсъ въ 1836 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента, а въ 1837 году получивъ по экзамену званіе кандидата, Н. И. опредѣлился было въ кинбурнскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Острогорскѣ, юнкеромъ, но оказался неспособнымъ къ военной службѣ. Онъ сталъ заниматься исторіей, рѣшился держать экзаменъ на магистра историческихъ наукъ и написалъ диссертацію „О значеніи уніи въ Западной Россіи". Н. И. Костомаровъ принялъ мѣсто субъинспектора въ харьковскомъ университетѣ и началъ писать новую диссертацію „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи". Н. И. перебрался въ Кіевъ, откуда въ 1844 году его назначили старшимъ учителемъ исторіи въ Ровенскую гимназію. Тамъ онъ пробылъ около года и за это время имъ сдѣлано было нѣсколько поѣздокъ въ разныя историческія мѣстности Волынской губеніи, причемъ онъ собралъ большое количество народныхъ пѣсенъ. Лѣтомъ 1846 г. его единогласно избрали адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра; въ томъ-же году онъ издалъ свой трудъ „Славянская миѳологія", напечатанный кириллицей. Въ 1847 г. его постигла катастрофа, вмѣстѣ съ нѣсколькими малороссійскими публицистами: Н. И. былъ на нѣкоторое время заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Его затѣмъ перевели на службу въ Саратовъ, гдѣ онъ занималъ должность переводчика при губернскомъ правленіи и дѣлопроизводителя статистическаго комитета, занимаясь въ то-же время этнографіей; онъ успѣлъ собрать за эти годы много народныхъ пѣсенъ, помѣщенныхъ въ 1861 году въ „Лѣтописяхъ Русской Литературы" Н. С. Тихонравова. Въ 1856 году ему дозволили печатать свои статьи. Въ слѣдующемъ-же году былъ напечатанъ въ „Отеч. Зап." его „Богданъ Хмѣльницкій", за которымъ послѣдовало нѣсколько другихъ крупныхъ монографій, какъ, напримѣръ, „Бунтъ Стеньки Разина". Онъ былъ приглашенъ петербургскимъ университетомъ на каѳедру русской исторіи, которую и занялъ въ 1858 г., послѣ Всемилостивѣйшаго снятія съ него запрещенія служить по ученой части. Его статьи по варяжскому вопросу, напечатанныя въ „Современникѣ", вызвали возраженіе со стороны М. П. Погодина и 19-го марта 1861 г. Костомаровъ имѣлъ съ нимъ свой извѣстный публичный диспутъ. Онъ пробылъ въ званіи ординарнаго профессора до мая 1862 года, когда подалъ въ отставку и посвятилъ себя исключительно кабинетнымъ занятіямъ. Время отъ времени онъ дѣлалъ поѣздки въ разныя историческія мѣстности и напечаталъ въ разныхъ журналахъ этихъ годовъ значительное коли-

чество историческихъ статей. Онъ состоялъ также членомъ археологической коммисіи и занимался редакціей „Актовъ южной и западной Россіи“; кромѣ того онъ еще редактировалъ „Памятники старинной русской литературы“, которые издавались на средства графа Кушелева-Безбородко.

Свою литературную дѣятельность Н. И. Костомаровъ началъ еще въ концѣ 30-хъ годовъ, когда имъ были напечатаны, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки, на малорусскомъ языкѣ, „Украинскія баллады“ и драматическія сцены „Савва Чалый“. Его историческія сочиненія на русскомъ языкѣ, среди которыхъ есть и романы и повѣсти, въ общей сложности составятъ не меньше сорока томовъ, въ томъ числѣ: „Историческія монографіи“—15 томовъ, затѣмъ 6 томовъ „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей“, нѣсколько томовъ крупныхъ историческихъ изслѣдованій, каковы напр., „Мазепа“, „Мазепинцы“ и „Руины“. нѣсколько томовъ беллетристическихъ вещей и болѣе ста критическихъ рецензій и статей.

Картинки.

(Рис. на стр. 409).

Миловидная дѣвочка эта такъ углубилась въ разсматриваніе картинокъ, что ничего кругомъ не видитъ и не слышитъ. Ее давно зовутъ завтракать, но она не можетъ оторваться: тутъ нарисованы такіе смѣшные паяцы и красивые узоры, что не насмотришься на нихъ—и наклонивъ головку, дѣвочка всматривается внимательно.

Кветта.

(Рис. на стр. 412).

Кветта считается важнымъ пограничнымъ пунктомъ между Синдомъ и Кандагаромъ, лежитъ въ Келатскомъ округѣ Белуджистана. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ британское правительство вошло въ соглашеніе съ келатскимъ ханомъ и пріобрѣло Кветту, которую и сдѣлало центромъ военнаго округа и главною квартирою одного изъ отрядовъ индійской арміи. Изъ Синда въ Кветту можно проникнуть двумя путями: боланскимъ проходомъ, или по желѣзной дорогѣ, которая впрочемъ еще находится въ постройкѣ. Эта послѣдняя дорога, которая будетъ идти къ сѣверу отъ Кветты, на разстояніи тридцати миль, не можетъ быть окончена постройкой ранѣе осени слѣдующаго года, такъ что главнымъ путемъ для передвиженія войскъ и тяжестей остается пока боланскій проходъ. Городъ Кветта стоитъ въ долинѣ, на пространствѣ двадцати миль длины и пяти ширины, окруженный почти вплотную громадными горами. Долина открыта лишь съ юга и сѣвера.

Самый городъ окруженъ глиняной стѣной, съ двумя воротами. южными и восточными. Укрѣпленіе построено на искусственномъ холмѣ, съ котораго открывается широкая перспектива на окрестныя долины. Съ стратегической точки зрѣнія, эта мѣстность имѣетъ большое значеніе, такъ какъ она расположена на самомъ живомъ пунктѣ пути между Индіей и Афганистаномъ. Кветта играла довольно важную роль въ афганской войнѣ 1878—80 года; она составляла тогда базисъ военныхъ операцій южнаго отряда англійскихъ войскъ, и именно съ этого пункта англичане двинулись на Кандагаръ, которымъ и овладѣли послѣ слабаго сопротивленія. Долина Кветты лежитъ на пять или шесть тысячъ футъ выше морской поверхности, и лѣтомъ климатъ здѣсь очень пріятенъ, такъ какъ жаръ умѣряется свѣжимъ вѣтеркомъ, проникающимъ сюда съ возвышенностей. Зимою же здѣсь порядочно холодно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было приведено въ извѣстность, что число жителей въ Кветтѣ достигаетъ до четырехъ тысячъ, изъ которыхъ большая часть афганцы, но съ этого времени, населеніе города возрасло значительно.

Лѣто.

(Рис. на стр. 413).

Настали жаркіе дни; солнце, синее небо ярко и свѣтло. Пышная листва развернулась во всемъ своемъ чудномъ великолѣпіи и жизнь закипѣла въ поляхъ и лѣсахъ. Поднялся, красиво и широко разметавшись въ воздухѣ крыльями, хищный коршунъ, и трусливый заяцъ выглядываетъ, подымая чуткія уши, изъ густыхъ кустовъ, гдѣ такъ укромно онъ упрятался, что не найти его ни привычному глазу охотника, ни зоркому глазу хищной птицы.

Политическое обозрѣніе.

Россія и Англія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Италія.

Пренія въ англійскомъ парламентѣ о потребованномъ правительствомъ кредитѣ, доказали, что Гладстонъ еще не считаетъ недоразумѣніе между Англіей и Россіей обострившимся до такой степени, чтобы не оставалось средствъ уладить его путемъ обыкновенныхъ переговоровъ. Премьеръ категорически заявилъ, что не находитъ нужнымъ прибѣгать къ третейскому суду, потому что правительство, сознавая свою тяжелую отвѣтственность и обязанность поддержать честь Англіи, въ то же время считаетъ своимъ долгомъ употребить всѣ средства къ предотвращенію войны. Это заявленіе Гладстона было какъ бы косвеннымъ отвѣтомъ на весьма распространенные толки о возможности посредничества Германіи. Кромѣ того, Гладстонъ въ одномъ изъ преній въ Палатѣ заявилъ, что генералъ Лемсденъ извѣстилъ его объ отъѣздѣ въ Лондонъ одного изъ спутниковъ англійскаго комиссара, Стивена, которому поручено объяснить лорду Грэнвиллю подробности по разнымъ вопросамъ, касающимся какъ депешъ Лемсдена, такъ и обстоятельствъ недавняго нападенія на афганцевъ. Пройдетъ нѣсколько недѣль прежде чѣмъ посланецъ генерала Лемсдена прибудетъ въ англійскую столицу, и потому опасности немедленнаго столкновенія между Англіей и Россіей, пока еще не существуетъ. Такимъ образомъ пренія о потребованномъ правительствомъ кредитѣ начались при увѣренности палаты, что неизбѣжной опасности войны пока не существуетъ, и что развязка дѣла во всякомъ случаѣ отсрочена на нѣсколько недѣль. Судя по преніямъ, оказалось положительно установленнымъ, что изъ требуемыхъ денегъ на суданскую экспедицію предполагается употребить сумму, ясно доказывающую, что британское правительство не намѣрено продолжать этой экспедиціи. Гладстонъ объявилъ, что министерство ни въ какомъ случаѣ не употребитъ на расходы въ Суданѣ денегъ, предназначающихся на особыя военныя приготовленія, и даже, наоборотъ, часть суданскаго кредита, можетъ, напротивъ, быть употреблена съ этою цѣлью. „Махди, сказалъ премьеръ въ своей парламентской рѣчи,—не такъ уже страшенъ, какъ послѣ взятія Хартума, къ тому же ему приходится обороняться противъ своихъ соперниковъ. Что касается обороны Египта, то мы ни мало не отказались отъ главныхъ, принятыхъ нами на себя обязательствъ. Предложеніе наше столь же просто, сколько ясно; высшій долгъ нашъ — держать расположенныя въ Суданѣ войска на готовѣ, для отправки туда, куда призываетъ ихъ чувство долга и національная честь“. Послѣ рѣчи Гладстона, палата общинъ приняла одиннадцатимилліонный кредитъ безъ голосованія, безъ преній, единогласно.

Лондонскіе динамитчики опять заявили о своемъ существованіи, и недавно британская столица была встревожена новымъ взрывомъ. На этотъ разъ цѣлью для разрушенія было выбрано адмиралтейство. Причиненныя взрывомъ поврежденія оказались, впрочемъ, далеко не такъ значительными, какъ въ парламентѣ и Тауэрѣ, хотя комната, въ которой произошелъ взрывъ, представляетъ все-таки хаотическую картину. Тяжелая мебель въ ней переломана и исковеркана, окна и двери выбиты, полъ покрытъ толстымъ слоемъ штукатурки и обрывками книгъ и бумагъ. Находившійся въ ней помощникъ секретаря поднятъ былъ въ безчувственномъ состояніи, съ нѣсколькими ранами, впрочемъ не представляющими опасности для его жизни.

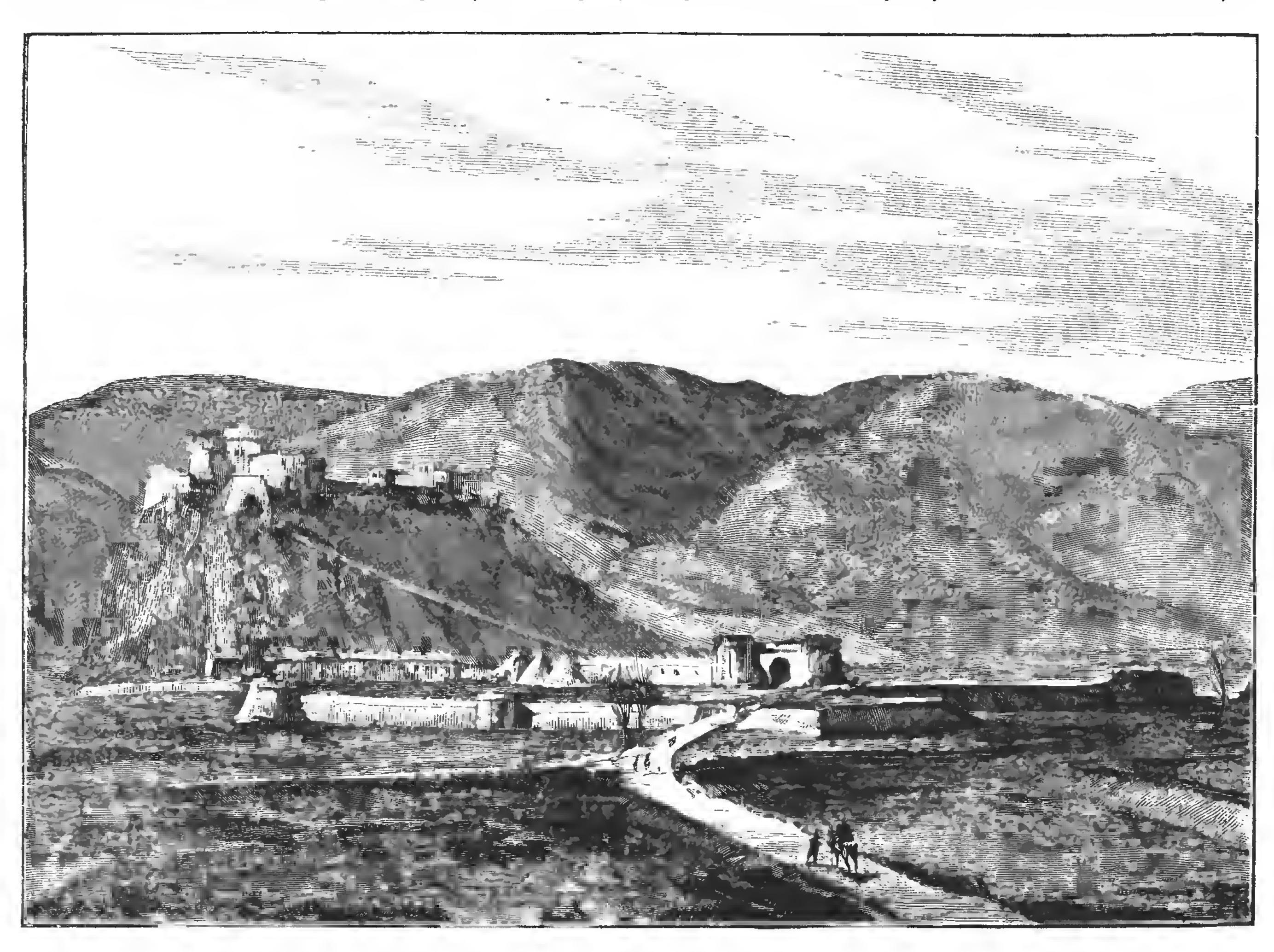
Въ Суданѣ появился новый пророкъ, который недавно совершилъ торжественный въѣздъ въ Эль-Обеидъ. Этотъ новый махди—Мулей-Хассанъ-Али. Онъ ѣхалъ на бѣлой лошади и держалъ въ своихъ рукахъ длинный мечъ, который, по его словамъ, вручилъ ему самъ Магометъ, чтобы онъ прогналъ изъ Египта всѣхъ невѣрныхъ и убилъ бы обманщика—Махомеда-Ахмеда, т. е. суданскаго Махди. Новый махди обратился къ народу съ рѣчью, въ которой заявилъ, что твердо увѣренъ въ томъ, что пророкъ поможетъ ему побѣдить и наказать обманщика, давшаго народу невѣрный переводъ корана. По слухамъ, уже происходило два сраженія между приверженцами стараго и новаго махди, въ которыхъ побѣда осталась за Мулеемъ-Хассанъ-Али. Въ Суакимѣ распространился слухъ, что Османъ-Дигма былъ убитъ своими же людьми. Правда, что уже давно приходили извѣстія о недовольствѣ въ лагерѣ Османа, воины котораго стали разбѣгаться; но извѣстіе объ убійствѣ Османа-Дигмы нуждается пока въ подтвержденіи.

По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, французскій посланникъ Патенотръ отправился изъ Шанхая въ Тіенъ-Цзинъ, для начатія переговоровъ о заключеніи окончательнаго мирнаго трактата между Франціею и Китаемъ. При этихъ переговорахъ возникли нѣкоторыя затрудненія относительно Формозы. Дѣло въ томъ, что послѣ извѣстія о дѣлѣ при Лангъ-Сонѣ, предшествующій кабинетъ отдалъ приказаніе адмиралу Курбэ очистить Формозу. Это приказаніе было не вполнѣ исполнено во время образованія новаго кабинета, и его успѣли отмѣнить. Китайцы, основываясь на томъ фактѣ, что очищеніе острова началось до подписанія предварительныхъ условій мира, требовали, чтобы статья, касающаяся оккупаціи Формозы, была исключена изъ предварительныхъ условій. Въ настоящее время происходятъ переговоры именно объ этомъ пунктѣ, который, впрочемъ, нисколько не помѣшаетъ успѣшному ходу соглашенія.

Газета „Popolo romano“ называетъ лишеннымъ всякаго основанія извѣстіе, будто Италія обязалась передъ Англіею замѣнить британскія войска въ большихъ городахъ Египта итальянскими, занять Суакимъ и Берберъ, и, въ случаѣ столкновенія между Россіей и Англіей, дѣйствовать совмѣстно съ послѣдней. Это опроверженіе подтверждается и другими итальянскими газетами.

Смѣсь.

Профессоръ Норденшильдъ объ эскимосахъ. Передаемъ содержаніе интересной лекціи объ образѣ жизни эскимосовъ, читанной проф. Норденшильдомъ въ шведскомъ Географическомъ обществѣ. Эскимосы живутъ отъ Гренландіи до сѣверныхъ областей Америки и Азіи. Древнѣйшія свѣдѣнія о Гренландіи, дошедшія до насъ, приведены профессоромъ: онъ говоритъ о первыхъ сношеніяхъ европейцевъ съ эскимосами въ началѣ XI столѣтія. Мирныя отношенія двухъ народовъ продолжались до 1379 года, но возникли междоусобія, окончившіяся истребленіемъ норманновъ въ Гренландіи эскимосами. Далѣе профессоръ сообщилъ наблюденія и замѣчанія датскаго посла Ганса Эгеде, поселившагося въ Гренландіи въ 1720 г. Онъ горячо оспаривалъ общее мнѣніе, составившееся объ эскимосахъ, какъ о грубомъ, неразвитомъ, грязномъ народѣ, и утверждалъ наоборотъ, что это привѣтливое добродушное племя при болѣе близкомъ знакомствѣ возбуждаетъ живѣйшій интересъ и искреннее расположеніе. Они вовсе не такъ некрасивы и грязны, какъ говорятъ; между ними можно даже встрѣтить красивыхъ. Дѣти европейцевъ и гренландскихъ женщинъ большею частью высокаго роста, свѣтлорусы и особенно стройны; прежняя чистокровная раса менѣе красива. Гренландцы веселы, ласковы и умны; они всегда даютъ европейцу прозвище, обыкновенно выражающее поразившую ихъ особенность: большой носъ считается у нихъ, имѣющихъ въ большинствѣ плоскіе носы признакомъ глупости. Всѣ умѣютъ читать и писать. У нихъ нѣтъ ни старшинъ, ни полиціи, такъ какъ преступленій вообще не случается. Честность царствуетъ повсюду, въ чемъ Норденшильдъ въ своихъ путешествіяхъ много разъ имѣлъ случай убѣдиться. Онъ часто оставлялъ безъ надзора палатки и лодки съ вещами, заманчивыми для эскимосовъ,—никогда ничего не пропадало. Въ Шанхаѣ, по случаю обѣда въ честь мѣстнаго судьи-англичанина, Норденшильдъ упомянулъ, что знаетъ 10,000 чел. народу, у котораго нѣтъ ни судей, ни преступленій—англичанинъ недовѣрчиво покачалъ головой. Эскимосы очень любятъ музыку; они поютъ пѣсни, перенятыя у датскихъ моряковъ и переложенныя на собственный текстъ,—это часто сатиры на европейцевъ. Они чрезвычайно горды и считаютъ себя выше и древнѣе другихъ народовъ. Дѣти ихъ очень милы и привыкли лишь къ ласкѣ; ихъ никогда не бьютъ—ударившій ребенка дорого бы поплатился за это. Главную пищу эскимосовъ составляетъ мясо китовъ и морскихъ собакъ, вареное или жареное въ жирѣ, но никогда не сырое; любимый напитокъ—кофе, лишеніе котораго они считаютъ большимъ несчастіемъ; вино и водку они пьютъ охотно, но самое большое лакомство для нихъ—винныя ягоды; когда приходитъ корабль, нагруженный ими, эскимосы готовы разориться. Пищу приготовляютъ вообще на каменныхъ сковородахъ; для горѣнія и освѣщенія употребляютъ жиръ, фитили изъ моху; чадъ отъ жира наполняетъ ихъ жилища нестерпимымъ запахомъ. Профессоръ сообщилъ слѣдующее меню эскимосскаго обѣда: вяленая селедка (мелкая), вяленое мясо морской собаки, вяленое соленое китовое мясо, сушеная рыба, вяленая лососина, и т. д., въ заключеніе десертъ: особый родъ ягодъ (empetrum nigrum) въ жирѣ. Передъ обѣдомъ и послѣ него подаютъ кофе. Такія пиршества бываютъ очень рѣдко, но къ обыденному столу эскимосовъ европеецъ легко привыкаетъ. У гренландцевъ многоженство дозволяется, но случается рѣдко; женщины сами уклоняются отъ него. Языкъ такъ своеобразенъ, что взрослому человѣку невозможно его изучить, дѣтямъ же онъ легко дается, такъ что дѣти европейца, женатаго на гренландкѣ, говорятъ охотнѣе и почти исключительно по-гренландски. Рыболовныя снасти и лодки эскимосовъ совершенны въ своемъ родѣ: „каякъ“—лодка для одного человѣка, состоитъ изъ деревяннаго корпуса, обтянутаго кожей морской собаки; „умьятъ“ (женская лодка)—плоскодонная, вмѣщаетъ отъ 20—30 человѣкъ и отличается чрезвычайно быстрымъ ходомъ. Лодки сдѣланы изъ прекраснаго матеріала и тщательно отдѣланы до мелочей; ловкость гренландцевъ замѣчательна. Норденшильдъ высказалъ свое личное предположеніе, что эскимосы—аборигены полярныхъ странъ и прямые потомки жителей ледяного періода. Найденныя допотопныя растенія—тюльпаны, лавровыя и камедныя деревья и проч. свидѣтельствуютъ о нѣкогда тепломъ и благорастворенномъ климатѣ Гренландіи и Шпицбергена.



Кветта. Самое сѣверное Англо-индійское укрѣпленіе. По рис. Gr. грав. М. Рашевскій.

Салициловая кислота лучшее средство противъ бородавокъ, мозолей и затвердѣвшей кожи. Одинъ граммъ салициловой кислоты распускаютъ въ десяти граммахъ коллодіума и растворомъ этимъ намазываютъ кисточкою больное мѣсто чрезъ день. При этомъ однако нужно избѣгать продѣлывать все это вблизи свѣчки или лампы, такъ какъ коллодій легко воспламеняется. Дѣйствіе раствора будетъ еще быстрѣе, если прибавить два грамма тинктуры индійской конопли. Въ теченіи одной или двухъ недѣль толстая кожа разрыхляется до того, что ее легко снять ногтемъ.

Гіацинты въ стаканахъ. Каждому любителю цвѣтовъ, разво-

дящему зимой гіацинты и другія луковичныя растенія, не безънзвѣстно, что часто при этомъ луковицы гніютъ еще до начала цвѣтенія или если и пускаютъ ростки, то плохо цвѣтутъ. Отъ примѣненія угольной пыли, луковицы не только предохраняются отъ гніенія, но и лучше сохраняются послѣ цвѣтенія. Древесный уголь толчется въ порошокъ не очень мелкій и этотъ порошокъ насыпаютъ въ обыкновенный гіацинтовый стаканъ, наполненный водой. Взболтавъ и размѣшавъ эту смѣсь кладутъ въ стаканъ свѣжую луковицу. Мелкій порошокъ остается нѣкоторое время на поверхности воды. Черезъ нѣсколько дней взбалтываютъ немного воду, отчего осѣдаетъ и оставшійся наверху порошокъ. Чтобы нѣсколько замедлить слишкомъ быстрый ростъ, вредный для луковицы, не слѣдуетъ оставлять стаканъ первое время въ черезчуръ теплой комнатѣ. Черезъ 2—3 недѣли перемѣняють угольный порошокъ, пока онъ еще не имѣетъ гнилаго запаха. Чтобы не повредить впослѣдствіи, при перемѣнѣ воды корней луковицы, слѣдуетъ предварительно смѣшать свѣжую воду съ угольнымъ порошкомъ и затѣмъ осторожно влить въ стаканъ. Когда появится ростокъ, количество угольнаго порошка уменьшается, потому что иначе уменьшается ароматичность цвѣтка. Этимъ способомъ луковицы не только предохраняются отъ гніенія, но и годны къ употребленію въ слѣдующемъ году и даже дольше.

Американское производство домовъ. Едва ли можно составить себѣ понятіе о томъ, въ какомъ размѣрѣ ведется это дѣло въ Фэффильдѣ, Ватерсвилѣ и окрестностяхъ. Здѣсь изготовляются дома такъ, какъ въ другомъ мѣстѣ сапоги, перчатки и проч. и посылаются во всѣ страны. Послѣдній заказъ былъ сдѣланъ на пятьдесятъ домовъ съ мыса Мэй. Дома были вполнѣ изготовлены и теперь въ нихъ живутъ сотни людей. Постоянно получаются новые заказы, то на домъ въ 100,000 рублей, то на дачу, то на помѣщичій домъ, и все это исполняется такъ же скоро, какъ какая нибудь хижина или сарай. Дома отсылаются на мѣсто въ полной готовности; все до мельчайшихъ подробностей прилажено и пригнано. На готовѣ стоятъ поѣзда, нагружаемые домами ежедневно. Опилки и стружки отсылаются на сосѣднюю мельницу, гдѣ они перерабатываются въ матеріалъ для прибавленія въ бумагу. На фабрикахъ установлены машины для всевозможныхъ работъ. Недавно былъ сдѣланъ домъ въ нѣсколько сотъ футовъ длины и соотвѣтствующей вышины; при установкѣ всѣ части превосходно приладились. Все необходимое, до послѣдняго клина, было поставлено фабрикой.

Докторъ Бенеке, въ Кенигсбергѣ, изобрѣлъ спасительную куртку для утопающихъ, далеко превосходящую всѣ доселѣ употребляемые пробковые пояса, фуфайки и пр. Спасительныя куртки Бенеке имѣютъ видъ стеганыхъ куртокъ, но содержатъ между верхомъ и подкладкой раздробленный пробковый уголь, отчего онѣ легче пробковыхъ фуфаекъ и не стѣсняютъ тѣлодвиженій. Онѣ вполнѣ замѣняютъ верхнее платье и жилетъ, очень теплы, ибо пробковый уголь дурной теплопроводъ; верхъ изъ непромокаемой матеріи, защищаетъ отъ вѣтра, дождя и брызговъ. Пробковый уголь почти втрое легче сырой пробки и гораздо медленнѣе пробки впитываетъ влагу, вслѣдствіе чего прочнѣе и дольше можетъ пробыть въ водѣ; чтобъ удержать на водѣ дороднаго человѣка, вполнѣ одѣтаго и въ болотныхъ сапогахъ, достаточно отъ 700—800 граммъ ($1^1/_2$ ф.) пробковаго угля. На употребленіе пробковаго угля для подшивки въ платье Бенеке уже имѣетъ привиллегію въ Германіи и другихъ странахъ Европы.

Тонкинское нарѣчіе необыкновенно трудно. При серьезномъ изученіи болѣе чѣмъ полгода насилу можно говорить съ большимъ трудомъ. Для европейца немыслимо произносить правильно. Языкъ не имѣетъ ни спряженій, ни склоненій, но за то множество маленькихъ частичекъ; тоже слово, смотря по надобности, можетъ быть существительнымъ, глаголомъ или предлогомъ. Въ языкѣ есть шесть тоновъ: ровный, твердый, нѣмой, легкій, тяжелый, острый. Это, если можно такъ выразиться, ноты, и голосъ попеременно нужно понижать, возвышать, протягивать. Слово, выговоренное шестью помянутыми тонами, имѣетъ шесть различныхъ значеній; кромѣ того, при существованіи трехъ *а*, трехъ *о*, двухъ *е* и двухъ *у*, трудности языка становятся непреодолимыми.

Городъ Шиpазъ въ Персіи извѣстенъ своими розами и тѣмъ, что онъ былъ мѣсторожденіемъ поэта Гафиза, прославившагося своими эротическими произведеніями. Гафизъ похороненъ въ Ширазѣ. Гробница его находится у воротъ Алагу-акберъ на кладбищѣ, обнесенномъ высокою стѣною. Гробница поэта отличается отъ остальныхъ: она состоитъ изъ громадной полированной плиты желтаго мрамора, на которой выбита надпись на персидскомъ языкѣ. Гафизъ умеръ въ 1388 г.; настоящее его имя было Шемсэдинъ-Магометъ.

Лѣто. Ориг. рис. П. Голембіовскаго, грав. М. Рашевскій.

Съ слѣдующаго 18 № „Нивы“ начнется печатаніемъ большая повѣсть нашего извѣстнаго писателя Я. П. Полонскаго „Искушеніе“.

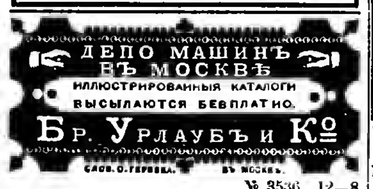
Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебникъ.
Составленъ д-ромъ Лунининымъ.
М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.
Складъ въ книжномъ магазинѣ А. Карцева, Москва, Фуркасовскій пер., д. Обидиной. № 1062 5—1

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

свѣжаго розлива получены въ Старо-Никольской аптекѣ и въ магазинѣ аптекарскихъ матеріаловъ **Феррейна**, въ Москвѣ, на Никольской ул. Высылка во всѣ города Россія. П. № 1053 3—1



№ 3536 12—8

NOUVEAU PARFUM

excassivement fin et suave [redacted] extrait quadruple pour le mouchoir

EXTRAIT **FÊTE**

parfum exquis

PARFUMERIE DU GRAND MONDE.
16. GRANDE MORSKAÏA, 16. Mt. № 1065

Желѣзнод. станція Оппенау.

МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,

Открытіо 15-го мяя.

давно извѣстныя желѣзныя воды, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной верхней Ренхской долинѣ. 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методѣ Шнарца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ **Iегершмидъ**. Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа безплатно.
К. № 1072. 6—1 Владѣльцы **Schliedtke & Simon.**

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ.

№ 1074
Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой**.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ. Романъ-хроника XVIII вѣка. *Вс. Соловьева.* Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

У книгопр.-изд. **А. Ф. Девріена** (СПБ. Вас. Остр., Румянц. пл. д. № 1/6).

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

Плодовая школа и плодовый садъ.

Руковод. къ культ. плодов. деревъ въ ю. пол. Россіи, составл. подъ главн. ред. **М. Н. Раевскаго.** Изд. 2-е испр. и дополн. съ 143 политип. въ текстѣ. № 1061

ЦѢНА 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 коп.

Первое изд. разошл. быстро и пріобрѣло себѣ большую извѣстн. среди садов. ю. пол. Россіи. Г. г. иногор. требующ. эту книгу отъ изд. прямо за перес. не платятъ.

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блоккъ** Невскій 51. № 1038 4—2

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 8947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—8

PARFUMERIE DU GRAND MONDE

16. GRANDE MORSKAÏA, 16.
Parfum le plus nouveau

BELLE DE NUIT

EXCELLENTISSIME
UNE RARETÉ, UNE MERVEILLE. Mt. № 1066

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ

АВГУСТЪ НАУМАНЪ

въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ **почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги. переплетныхъ матеріаловъ** и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1048 4—2

ТЕЛЕФОНЪ № 55.

ОДЕССКІЙ АНДРЕЕВСКІЙ ЛИМАНЪ.

Городское грязе-лечебное заведеніе

открыто съ 1-го мая по 1-ое сент. подъ вѣдѣніемъ **д-ра Е. М. Брусиловскаго.** Составъ воды іодо-бромисто-соляной, подходитъ къ водамъ Ишля, Крейцнаха, Кранкенгейля; по своей концентраціи сильнѣе воды прочихъ одесскихъ лимановъ. Вода и грязь съ особенной пользой примѣняется: при золотухѣ, сифилисѣ, ревматизмѣ, подагрѣ, во многихъ нервныхъ, женскихъ и накожныхъ болѣзняхъ, при хроническихъ пораженіяхъ костей, мышцъ и суставовъ, при уплотнѣніяхъ и ломотѣ послѣ различныхъ поврежденій. Желающіе имѣть удобныя квартиры обращаются въ контору лечеб. заведенія. При немъ имѣется ресторанъ, буфетъ минеральныхъ водъ, кумысъ, кефиръ; рядомъ съ нимъ—аптека. Сообщеніе съ городомъ по желѣз. дорогѣ ежечасно. За болѣе подробными свѣдѣніями обращаться въ кв. д-ра **Брусиловскаго (Успенская, 67)** или въ **городское леч. заведеніе на Андреевскомъ (Куяльницкомъ) лиманѣ въ Одессѣ.** № 10.4 1—1

ПОЛУ-СУХОЕ. · РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. · РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ. · ОЧЕНЬ СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ", „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ", ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ, ВЪ РАЗНОЕ ВРЕМЯ, СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:
2. Серябряная медаль . . . . . . 1852 г.
3. Серебряная медаль . . . . . . 1860 „
4. Похвальный отзывъ . . . . . 1864 „
5. Серебряная медаль . . . . . . 1865 „
6. Серебряная медаль . . . . . . 1869 „
7. Медаль . . . . 1870 „
8. Золотая медаль . . . . 1872 „
9. **Высочайшая благодарность** 1875 „
10. Золотая медаль . . . . 1882 „

ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
1. Филадел. выстав. медаль . . 1876 г.
2. Филадел. выстав. медаль . . 1876 „
3. Париж. выст. поч. отз. . . . 1878 „
4. Амстердам. выст. медаль . . 1883 „
5. Бостон. выст. почет. дипл. 1883 „

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г..

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

приготовлено **изъ чистаго русскаго виноградиаго вина, безъ всякой примѣси иностраннаго,** и нисколько не уступаетъ самымъ лучшимъ французскимъ маркамъ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

можно имѣть прямо съ фабрики ящиками въ 60 и 30 б. **по 1 р. 50 к.** бут.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО":
1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

Вышеозначенные четыре сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут. по 2 р. бутылка. № 4000

***NB.*—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.**

РОСКОШНЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ:

П. № 1060

НОВАЯ КНИГА

„ПРОКАЗЫ МАЛЕНЬКАГО ШАЛУНА".

68 КАРТИНЪ, ИСПОЛНЕННЫХЪ КРАСКАМИ.

ВЪ ИЗЯЩНОМЪ ЛАКИРОВАННОМЪ ПЕРЕПЛЕТѢ.

Книга эта, чрезвычайно занимательная по содержанію, написана стихами; въ ней изображены смѣшныя приключенія маленькаго шалуна, съ которымъ, послѣ каждой новой шалости, случалось смѣшное несчастіе.

Рисунки исполнены красками хромолитографическимъ способомъ.

Цѣна книгѣ съ пересылкою во всѣ города **1 рубль.**

ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

или

АЛАДИНЪ.

Большая фантастическая сказка, съ роскошными картинами и чудесными превращеніями.

Книга эта, изданная замѣчательно изящно, заключаетъ въ себѣ, кромѣ роскошно богатаго переплета и текста, **восемь большихъ акварельныхъ картинъ** на глазированной **бумагѣ**, съ волшебными превращеніями. Каждая картина исполнена въ **десять цвѣтныхъ красокъ**, по оригиналамъ извѣстныхъ художниковъ и совершенно измѣняется, если дернуть, находящуюся на оборотной сторонѣ картины, передвижку. Картины изображаютъ, такимъ образомъ, восемь волшебныхъ приключеній Аладина и его чудесной лампы:

I-я. Волшебникъ показываетъ Аладину огненное подземелье, изъ котораго появляются духи.
II-я. Первое появленіе исполинскаго духа лампы.
III-я. Фантастическая уборная принцессы.
IV-я. Неожиданно появляющіеся невольники.
V-я. Аладинъ въ роскошномъ дворцѣ.
VI-я. Похищеніе лампы или заколдованный Аладинъ.
VII-я. Сначала видъ дворца, а отдернувъ сѣтку,—счастливая свадьба Аладина.
VIII. На обложкѣ, Аладинъ и духъ лампы.

Изданіе это, благодаря превращеніямъ картинъ, представляетъ совершенную новость среди изданій дѣтской литературы.

Цѣна книги съ пересылкою 1 р. 20 к.

Безъ пересылки 1 р. Торговцамъ при выпискѣ въ 10 экземпл. 7 руб.

ДЕШЕВЫЯ

ДѢТСКІЯ КНИГИ,

съ хромолитографированными рисунками въ краскахъ и въ роскошныхъ обложкахъ исполненныхъ золотомъ и красками.

Въ текстъ книжекъ вошли: волшебныя сказки, мелкіе разсказы изъ русской жизни, шутки, стихи, анекдоты и загадки. Въ каждой книгѣ отъ 4 до 5 картинъ изъ русской жизни, исполненныхъ красками извѣстными художниками.

ЦѢНА

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВЪ ГОРОДА:

Дѣтская утѣха 30 к.	Сказки . . . . 25 к.
Ландыши и Морозъ . . . . . . 30 „	Зорька . . . . 25 „
Колокольчики . 30 „	Василекъ . . . 25 „
Звѣздочка . . . 25 „	Елка . . . . . . 25 „
Ледяная сосулька 25 „	Родина . . . . 25 „
	Незабудки . . 25 „

Выписывающіе 11 книгъ платятъ только 2 р. 50 к.

АЛЬБОМЪ

КАНВОВЫХЪ УЗОРОВЪ.

НОВѢЙШІЕ

РУССКІЕ И МАЛОРОССІЙСКІЕ РИСУНКИ ДЛЯ ВЫШИВАНІЯ ПО КАНВѢ.

Въ альбомѣ помѣщено **двѣнадцать** листовъ узоровъ, исполненныхъ красками, для вышиванія цвѣтами: краснымъ, желтымъ и синимъ.

Рисунки альбома вложены **въ роскошную, отпечатанную золотомъ и красками, обертку.**

Цѣна альбома съ пересылкою во всѣ города 75 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Редакція журн. „Волна", Леонтьевскій пер. д. Корфъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированный въ краскахъ журналъ **„ВОЛНА".**

Подписная цѣна 8 руб. въ годъ, съ роскошной преміей на 1885 годъ:

„НОЧЬ НА ИВАНА КУПАЛУ".

Чокрансное грязе-лечебное заведеніе въ Крыму открыто съ 20 мая. Подробности см. № 14 журнала „Нива". № 1004

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы,** безъ всякой доплаты.

Продажа 5% билетовъ I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

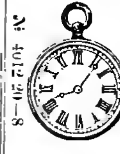
производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ 15 руб. на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ,

вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе, съ успѣхомъ практикуемое **во всей Россіи въ теченіи многихъ лѣтъ, быстро и легко усвоиваемое лицами обоего пола.** Преподаваніе производится **на русскомъ и нѣмецкомъ** языкахъ. **Полнѣйшее ручательство за успѣхъ.** Окончившимъ курсъ выдаются **свидѣтельства.** Вознагражденіе **весьма умѣренное.** Программы и пробныя письма высылаются **безплатно.** Преподаватель Коммерческихъ наукъ **Р. Б. Гроссъ.** Рига, Большая Песочная ул. № 1. Р. № 1056 1—1



№ 1012 8—10

СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Дорожные часы.

Прейсъ-куранты по востреб.

NOUVEAU PARFUM

excessivement fin et suave
extrait quadruple pour le mouchoir

EXTRAIT FESTIVAL

PARFUM EXQUIS

PARFUMERIE DU GRAND MONDE

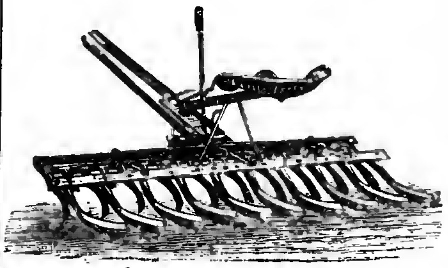
16. Grande Morskaïa, **16.** Mt. № 1067

Съ разрѣшенія врачебнаго управленія

ОДОБРИНЪ

Совершенно уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ. Продается: въ Русскомъ общ. торгов. аптек. товар., Казанская, № 12, иногороднымъ съ перес. 2 коробки 1 р. 50 к., 1 кор. 2 р. 25 к., 6 кор. 3 р., Гл. депо „Одобрина" для всей Россіи: Гороховая ул., № 53, кв. 24, М. В. Лебедевъ. № 1073

УНИВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БОРОНА АКМЭ,



она же глыбодробъ, рыхлитель, уровнитель, катокъ и запашникъ—рекомендуется какъ лучшее орудіе для воздѣлки почвы.

Вся изъ желѣза и стали и поэтому прочна. **Новый роскошно иллюстр. каталогъ новѣйшихъ земледѣльч. машинъ и орудій, насосовъ и пожарн. трубъ** высылается за 21 коп. марками.

Товарищество БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

СПБ. Вас. Остр. 1 линія № 10 и Москва, Мясницкая ул., д. Сытова.

Американскую борону—рыхлитель Ла-доа съ 12-ю стальн. дисками въ 13 дюйм. предлагаемъ за 65 рублей. № 1069 3—1

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Давно извѣстныя теплыя алкалическія соляныя воды отъ 44—69° Ц.

Источникъ съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія.

Новая Великокняжеская купальня „ФРИДРИХСБАДЪ"

открыта круглый годъ.

Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершенствомъ и изяществомъ. Минеральныя и медицинскія ванны всякаго рода. Заведеніе для врачебной механической гимнастики. Частныя лечебницы съ теплыми ваннами. Галлерея для минеральныхъ водъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ. пневматическое заведеніе съ 2 камерами для 4 лицъ. Леченіе молокомъ и сывороткою. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія черезъ Правленіе водъ.

Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана и собраній открытъ круглый годъ.—Превосходный оркестръ.—Многочисленныя удовольствія всякаго рода.—Охота и рыбная ловля.—Большія скачки.—Высшія учебныя и воспитательныя заведенія.—Пансіонъ для дѣвицъ.—Очаровательныя прогулки и поѣздки.—Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя температура: 7, 4° R. R. № 1016 3—2

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—3

Цѣна за флаконъ **35** коп. Съ пересылкой 2 флак. **1** руб., 4 флак. **1** руб. **70** коп., 6 флак. **2** руб. **40** коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СТОЛИЧНАГО ВРАЧЕБНАГО ПРИСУТСТВІЯ.

ЭЛЕКСИРЪ-MELANGE.

Для быстраго и обильнаго рощенія волосъ и предохраненія ихъ отъ выпаденія. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

БАЛЬЗАМЪ-EUGÉNIE,

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для придаванія лицу, шеѣ и рукамъ нѣжной мягкости, мраморной бѣлизны съ благоуханіемъ лилій и розъ, а также для уничтоженія веснушекъ и всякой шероховатости кожи. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУМЯНА EUGÉNIE,

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ натуральный розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи и не вытирающійся даже при потномъ состояніи лица. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. 1 р. 50 к. за флаконъ, съ наставленіемъ какъ употреблять на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Всѣ эти три косметическихъ продукта, по свидѣтельству медицинскаго начальства, не содержитъ въ себѣ какихъ бы то ни было вредныхъ веществъ.

Берта Рисъ.

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЯ ПОМАДЫ № 1029 3—2

ПОДЛИННИКЪ „*PASTA EUGÉNIE*", превосходное средство для устраненія веснушекъ, родимыхъ и красныхъ пятенъ и другихъ дурныхъ явленій, **встрѣчающихся на лицѣ,** и дающее цвѣту лица юную свѣжесть и красоту. Цѣна банки 1 руб. 60 коп.

Хинио-глицериновая помада на перуанскомъ бальзамѣ, для укрѣпленія, сгущенія и рощенія волосъ. Ц. банки 2 руб.

Ручная раковинная помада. Цѣна банкѣ 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ" и подпись изобрѣтательн. „*Bertha Ries*".

ПОДЛИННИКЪ „*Poudre Eugénie*" бѣлая и розовая. Ц. коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к., безъ пуховки 1 р. 20 к.

Краска для волосъ трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Цѣна коробкѣ 3 р. Краска фабриканта

РИСЪ ГУТМАНЪ.

Депо находятся: С.-Петербургѣ: Русское Общество торговли антек. товарами, на Казанской, с. д.; у Оливіе, Невскій пр., № 54; у бывш. Дарзансъ, Пассажъ, № 15 и 17; у С. И. Гринкурова, Невскій пр., у Казанскаго моста, № 30; парикмах. Эмиль, бывш. Сансеро, Литейный пр., № 43; у парикмахера Аристидъ, Васильевскій островъ, первая линія, домъ № 18; у Проспёръ, Вознесенскій проспектъ, **№ 18. Въ Москвѣ: на Никольской: у Р. Келеръ и К° и у Б. Феррейнъ; на Маросейкѣ у А. Брунсъ (бывш. Пецъ) и Л. Борхардтъ, д. Еремѣева; на Кузнецкомъ мосту у В. Кацъ и парикмах. Теодоръ; на Петровкѣ у Гетлингъ;** въ Петровскихъ торговыхъ линіяхъ **№ 10 у В. Кузенъ: въ Газетн. пер. у Р. Дарзансъ въ Александровскомъ пассажѣ: у Галлертъ;** на Мясницкой улицѣ, у Лютеръ и Гиршфельдъ, домъ Обидиной; у Срѣтенскихъ воротъ у А. Я. Пончковскаго и Лукьянова. **Въ Астрахани,** магаз. Фадѣева. **Въ Баку,** магаз. Погосова. Въ **Варшавѣ,** у *Grand,* магазинъ Левинкъ, Краковское предмѣстье, и у Леонъ в К°. Ново-Сенаторская ул. **Въ Вильно,** магазинъ Груженскаго. Во **Владивостокѣ,** магаз. Н. Н. Лапина. Въ **Воронежѣ,** парикмах. Куриличенко и Бухонькова. Въ **Гельсингфорсѣ,** магаз. И. О. Спанъ. Въ **Екатеринбургѣ,** магаз. Заварзинъ. Въ **Екатеринославлѣ,** магаз. В. Ефанова. Въ **Елизаветградѣ,** Г. А. Трестера наслѣд. и маг. П. Г. Контипалова. Въ **Казани,** магаз. Мурзаева. Въ **Кіевѣ,** магаз. Ф. Дютель и К°. Въ **Кременчугѣ,** магаз. Закъ. Въ **Курскѣ,** магаз. Сапрчевскаго. Въ **Новочеркаскѣ,** у З. Петрова. Въ **Одессѣ,** магаз. Гельдеръ и К°, Петрококино и Гумель и бр. Петрококино. Въ **Пензѣ,** магаз. Кликунова. **Въ Перми,** магаз. Н. Перетцъ. Въ **Полтавѣ,** магаз. Фердинандъ Трепке. Въ **Ревелѣ,** Христіана Келеръ, А. Линде. Въ **Ригѣ.** бр. Видеманъ, Купеческая ул., № 15. Въ **Ростовѣ-на-Дону, у А.** Эдельбергъ и Я. Рапепортъ. Въ **Самарѣ,** магаз. Ю. Б. Кристензена. Въ **Саратовѣ, магаз.** Матейзена и Р. Штроль. Въ **Ставрополѣ,** у парик. Курильченко. Въ **Таганрогѣ, магаз. Майкпаръ. Въ Тифлисѣ, у П. Ланко, въ домѣ ген. Лацарони. Въ Томскѣ, магаз. Некащева и К°. Въ Харьковѣ, Русское общество торговли аптекарскими товарами и В. Кухарева, Пассажъ, № 17. Въ Оренбургѣ и Уфѣ, галантерейный магазинъ Авенбюстеръ.**

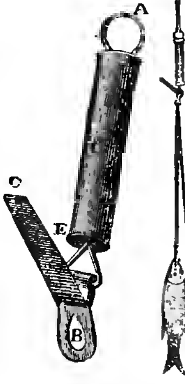
ТРАВОКОСИЛКИ
„Pennsylvania".

10" . . . . 30 р.
12" . . . . 35 „
14" . . . . 40 „
16" . . . . 45 „
18" . . . . 50 „

Легкій ходъ, чистая работа, простой механизмъ, большая прочность.

Ж. Блокъ,
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына. СПБ., Невскій 16.
Р № 1059 8—1

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземпляръ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Каратаева, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 5 семи-копѣечныхъ марокъ.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.: выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1055 1—1

НУЖНЫ
благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи для банкирской конторы **А. ЗИНГЕРЪ и К°**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18.
Р. № 1043 7—2

ЦЕЗАРЬ И МИНКА
Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.

Прейсъ-куранты на нѣм. и франц. яз. безплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. оригин. иллюстр. собачьихъ расъ, получившихъ всѣ I награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с. R. № 1015 4—4

---

10 коп. экземпляръ!

Поступила въ продажу новелла „**Адмирари**". Соч. Клейфа. Книгопрод. 25% скидки. Складъ изданія въ Николаевѣ (Херс. губ.), у издат. **С. М. Бота.** № 1068

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—7

RECOMMANDÉ
PRODUIT ROUME
MÉDAILLE D'ARGENT
Article recommandé par excellence
LA DIAMANTINE
La reine des poudres de riz, admirable comme adhérance et parfum. devient la plus demandée étant la plus saine
PARFUMERIE DU GRAND MONDE
MAISON DE CONFIANCE Mt. № 1064
16. Grande Morskaïa 16.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
произведенія
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1032 26—3

2 золотыя медали:
Брюссель 1880 Лондонъ 1834 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ ПЬЕРРЪ БУРСО
Домъ основанный въ 1807 г. **Сегень**, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

Генеральн. агентъ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ С. Петербургѣ: въ Техно-Химической Лабораторіи; въ магазинѣ A la Renomée: у А. Рузанова и Флейша, парфюмеривъ.

ИСКУССТВЕННЫЕ
БРИЛЛІАНТЫ
въ золотой, 14 каратн. оправѣ (ничѣмъ не различающіеся отъ настоящихъ, весьма эффектные). Пересылка послѣдуетъ **франко**, только по полученіи стоимости ассигнаціями.

8 рублей. Пара 7 рублей.

КАРЛЪ ГОЛЛЬ (Holl) ювелиръ
Штутгартъ (Германія) R. № 1007

С.Петербургская Химическая Лабораторія
Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С. Петербургская Химическая Лабораторія".
Съ разрѣшеніемъ С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ
для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ №32 Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ №66 у Аничкина моста,
3, Вознесенскій проспектъ, домъ №18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.

№ 1063

АРИСТОНЪ
съ 10 пьесами 25 руб.
НОВАГО ОБРАЗЦА,

самый усовершенствованный, отличается какъ мелодичнымъ звукомъ, такъ и прекрасной работой и вполнѣ служитъ домашнимъ развлеченіемъ; **весьма удобенъ на дачахъ.** Цѣна новому аристону съ 10-ю пьесами по выбору **25 руб.** Отдѣльныя пьесы, которыхъ около тысячи разныхъ номеровъ и состоящія преимущественно изъ лучшихъ танцевъ, оперъ, новѣйшихъ оперетокъ, русскихъ пѣсенъ и другихъ, по **60** коп.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо музыкальн. инструментовъ.
С.-Петербургъ: Б. Морская, домъ № 36.
Москва: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

Новый каталогъ пiесамъ для аристона на русск. и нѣм. яз. безплатно. За пересылку прошу прилагать за 40 фунт. Р. 1071 3—1

МѢСТО ДИРЕКТОРА

или главнаго техника значительнаго завода ищетъ инженеръ съ многолѣтнею практикою въ перворазрядныхъ англійскихъ и германскихъ заводахъ. Большая опытность въ сооруженіи новѣйшихъ машинъ для большихъ океанскихъ пароходовъ, броненосныхъ судовъ, легкихъ плоскодонныхъ рѣчныхъ пароходовъ и миноносокъ. Знаніе 4-хъ языковъ. Предлож. подъ лит. Z. A. доставить въ Центральную Контору Объявленій, Невскій № 8. Р. № 1030 3—3

Косметич. спермацетовые личные
УТИРАЛЬНИКИ
косметика № 1070
А. ЭНГЛУНДЪ

Средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, прыщей, угрей и пр. При употр. сперм. утир., кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжается. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ особенно лицо подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра: они — единственное вѣрное средство отъ веснушекъ: также служатъ освѣженіемъ раздраженной кожи дурнымъ воздухомъ въ театрахъ, салонахъ и пр. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждой пачкѣ подпись: „**А. Энглундъ**", красн. чернил. и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Пачка 60 к., съ перес. не менѣе 2 пач. 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Получать можно: во всѣхъ магазинахъ С.-Петербургской химич. лабораторіи, въ „Русск. обществѣ торг. аптек. тов.", Казанская ул., д. 12: у А. Рузанова, въ Гостин. дворѣ, по Зеркальной линіи, № 40, и во всѣхъ аптекахъ в парф. торговл. Всероссійской Имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургская Косметическая Лабораторія **А. Энглундъ**, въ С.-Петербургѣ, Литейная № 38.

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ
ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота!
Ручательство — 5 лѣтъ, что не почернѣютъ!
Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ**, Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница № 1020 **въ С.-Петербургѣ.** 10—3

МУЖСКІЯ ОДИНОЧН.
въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.
Двойныя
въ 4½ 5½, 7 и 8 руб.
ДАМСКІЯ СЪ КИСТЬЮ
въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.
КАРАНДАШИ
въ 1, 1¼, 1½ и 2 руб.
Ключики по 75 коп.
Пересылка 60 коп.
Торговцамъ скидка.

XVI годъ — годъ XVI

№ 18 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 Мая 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1885 г., съ 28 рисунками и отдѣльн. листомъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натуральную велич. и 35 рисунками рукод. работъ.

Поль Гейзе.

Въ ряду современныхъ германскихъ писателей Гейзе занимаетъ видное мѣсто. Онъ пріобрѣлъ уже обширную и почетную извѣстность. Образность языка и художественная законченность его произведеній отличаютъ его весьма замѣтно. Сынъ, внукъ и племянникъ извѣстныхъ филологовъ и профессоровъ, Поль Гейзе родился въ Берлинѣ 15 марта 1830 г. и подъ руководствомъ отца получилъ прекрасное образованіе. Уже ребенкомъ онъ проявлялъ поэтическій даръ. Въ Берлинѣ и Боннѣ Гейзе изучалъ впослѣдствіи филологію, а съ 1849 по 1852 годъ путешествовалъ по Италіи. Въ 1854 году появились его первыя выдающіяся стихотворенія „Гермы“. Еще будучи студентомъ, онъ написалъ трагедію „Франческа-да-Римини“ (1851) и маленькіе разсказы въ стихахъ „Урика и братья“ (1852). Дальнѣйшими поэтическими произведеніями были его точные, изящные переводы испанскихъ стихотвореній, которые онъ издалъ вмѣстѣ со своимъ умершимъ другомъ Эмануиломъ Гейбелемъ, подъ заглавіемъ „Испанскія пѣсни“. Король баварскій, Максимиліанъ, обратилъ вниманіе на юнаго поэта, призвалъ его въ Мюнхенъ въ 1854 году и далъ возможность всецѣло посвятить себя поэзіи и развить свой талантъ. Какъ плодъ его путешествія по Италіи, слѣдуетъ упомянуть еще объ „Итальянскихъ пѣсняхъ“ и о „Собраніи Итальянскихъ Новеллистовъ“. Гейзе сдѣлался извѣстенъ благодаря своимъ повѣстямъ, которыя онъ пишетъ съ рѣдкимъ искусствомъ, свѣжестью, изяществомъ и, если можно такъ выразиться, веселостью, которая освѣщаетъ самые трагическіе изъ его разсказовъ. Въ прошломъ году появился сборникъ его повѣстей „Книга дружбы“; въ числѣ многихъ выдаю-

Поль Гейзе. Рис. Кольбе, грав. Эртель.

щихся повѣстей, „Ля-Раббіата“ можетъ считаться классической повѣстью. Гейзе написалъ также два романа: „Дѣти міра“ и „Въ раю“. Кромѣ большихъ эпическихъ стихотвореній, какъ напримѣръ: „Кипрская невѣста“, „Текла“, „Мадонна Эльвальда“, „Сирита“ и пр., онъ написалъ цѣлый рядъ лирическихъ стиховъ („Книга эскизовъ“, „Юнгбрунненъ“, „Стихотворенія изъ Италіи“ и пр.) и драмъ, трагедію „Мелеагеръ“, „Сабинянки“ (удостоившуюся награды), „Людвигъ Баварскій“, „Елизавета Шарлотта“, „Марія Марони“, „Гансъ Ланге“, „Кильбергъ“, „Богиня Разума“, „Честь за честь“, „Графъ Кенигсмаркъ“, „Эльфрида“, „Право сильныхъ“, „Алкивіадъ“ и др. Наконецъ упомянемъ о его переводахъ драмъ Шекспира и объ изданіи повѣстей нѣмецкаго народа и повѣстей иностранныхъ.

Въ теченіе 16 лѣтъ изданія „Нивы“, было у насъ помѣщено въ переводахъ много повѣстей и разсказовъ Гейзе, какъ напр.: „Беатриса“, „Маркиза“, „Записки больной“, „Пино и Мазо“ и друг.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

I.

Все у него было такъ хорошо, даже слишкомъ хорошо для недорогой, меблированной комнатки. Лампа сіяла подъ цвѣтнымъ абажуромъ; стеариновыя свѣчи, снизу обрамленныя хрусталемъ, стройно бѣлѣлись въ двухъ бронзовыхъ подсвѣчникахъ; на письменномъ столѣ лежали бумаги, прикрытыя счетами, книги помѣщались на этажеркѣ, а за ширмами виднѣлась кровать, покрытая голубымъ, вязанымъ одѣяломъ, съ бѣлыми разводами.

Пріятному впечатлѣнію не мѣшала даже желѣзная, круглая печь, снизу нѣсколько закоптѣлая;—но въ какихъ же меблированныхъ комнатахъ, отдаваемыхъ за 15—17 рублей помѣсячно, не дымятъ печи и не трескаются обои? И не гораздо ли лучше, если печи дымятъ и все-таки грѣютъ, а обои, хоть и трескаются, но не мокнутъ и не покрываются плѣсенью?

Очевидно, что комната эта не была сыра и холодна,—иначе Валентинъ Петровичъ Аркашинъ никакъ бы не могъ прожить въ ней три года и три мѣсяца. Нанята она въ сентябрѣ 1864 года, а начало моего разсказа относится къ декабрю 1867 г.; стало быть ровно три года и три мѣсяца, какъ Валентинъ Петровичъ обитаетъ въ ней и... счастливъ настолько, насколько можетъ быть счастливъ россіянинъ 28 лѣтъ, получающій около 1000 рублей жалованья и наградныхъ въ качествѣ помощника столоначальника.

Въ какой канцеляріи, или въ какомъ департаментѣ служилъ Валентинъ Петровичъ,—я не скажу. Скажу только, что будь у него деньги, или протекція,—онъ бы пошелъ далеко. Ему даже и безъ всякой протекціи, не далѣе, какъ въ прошломъ году, за 6 лѣтъ „безпорочной“ службы дали Станислава третьей степени. Еслибы судьба ему улыбнулась и подарила ему 200,000, всѣ увидали бы, какъ онъ уменъ, честенъ и добросовѣстенъ. Умъ у него, конечно, не былъ изъ числа высшихъ, и въ характерѣ его не было ничего особеннаго; но онъ отлично понималъ всякое дѣло, которое попадалось ему подъ руку или ему поручалось. Не даромъ иногда въ департаментѣ, пробѣгая глазами написанное и подписанное, онъ улыбался: онъ видѣлъ ясно, что бумага эта ничего въ сущности измѣнить, или исправить не можетъ, не оставитъ по себѣ никакого слѣда, и все останется по прежнему, или думалъ: вотъ эту бумажку, изъ за которой мы три ночи не спали, изъ комитета министровъ намъ вернутъ назадъ и потребуютъ объясненій... а какія дадимъ мы ему объясненія?—никакихъ данныхъ, никакого резона!.. Но языкъ свой онъ держалъ за зубами, и если улыбался, то улыбка его была скорѣе меланхолическая, чѣмъ ядовитая и насмѣшливая... Валентинъ Петровичъ былъ далеко не изъ числа современныхъ людей, желчныхъ, себялюбиво-безпокойныхъ, склонныхъ къ отрицанію. Онъ понималъ не столько жизнь во всемъ ея объемѣ, сколько жизнь ограниченную сферой того министерства, или той сферой, гдѣ былъ онъ, какъ дома. Онъ, можетъ быть, не понималъ Бисмарка, но отлично понималъ начальника департамента, секретаря и другихъ политическихъ дѣятелей того времени...

Мысленно анализируя современныя идеи и событія, никогда ни съ кѣмъ не дѣлился онъ результатами думъ своихъ, и это дѣлало честь его такту, такъ какъ онъ понималъ, что до этихъ результатовъ никому никакого дѣла нѣтъ. О литературѣ и литераторахъ онъ говорилъ гораздо чаще и откровеннѣе, чѣмъ о своемъ департаментѣ или о политикѣ. Къ иностраннымъ языкамъ не чувствовалъ никакой склонности и только по изданіямъ Гербеля познакомился съ Байрономъ, Шекспиромъ и Шиллеромъ и, что всего удивительнѣе, ни разу не пожелалъ быть ни Байрономъ, ни Шекспиромъ, ни Шиллеромъ, а желалъ быть только честнымъ человѣкомъ, да хорошимъ столоначальникомъ, и получать пятью стами рублей въ годъ болѣе, чѣмъ получалъ.

У него было два-три дома знакомыхъ, куда онъ ходилъ иногда по вечерамъ въ большіе праздники, или въ имянины, по приглашенію, и гдѣ игралъ въ преферансъ, или винтилъ, если только игра была небольшая. Валентинъ Петровичъ не былъ волокитой, ни за кѣмъ не ухаживалъ, и все-таки былъ порядочнымъ сердцеѣдомъ. Барышнямъ въ особенности нравились его большіе задумчивые глаза, продолговатый, тонкій, отчеканенный носъ, мягкія губы и пушистая, раздвоившаяся бородка. Не разъ по городской почтѣ получалъ онъ признанія въ безумной любви, и... если случались съ нимъ разныя завидныя приключенія, то не потому, чтобы онъ искалъ ихъ, а просто потому, что избѣжать ихъ никакъ не могъ по добротѣ, или по слабости своего характера. Отказать какой нибудь дамѣ въ рандо-ву—онъ считалъ невѣжествомъ, недостойнымъ порядочнаго кавалера... Къ счастію для него, изъ числа страдающихъ по немъ, неопытныхъ дѣвицъ, не было ни одной, которая бы ему нравилась... Но Валентинъ Петровичъ, какъ человѣкъ добрый, былъ далеко человѣкъ не безчувственный: потребность любви жила въ немъ, но не жгла его и не томила. Чаще мечталъ онъ о тихой, семейной жизни, чѣмъ о сладостныхъ часахъ скоропроходящихъ восторговъ, смѣняемыхъ тревогой, и какъ воровство прикрываемыхъ тайной. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ Валентинъ Петровичъ былъ человѣкъ, такъ сказать, срединный, умѣренный, или уравновѣшенный: умный, но не мудрецъ, образованный, но не ученый, любящій, но не страстный, дѣятельный, но не общественный дѣятель, такъ какъ въ немъ ни на грошъ не было честолюбія, иногда увлекающійся, но при этомъ *разсудительно-мнительный*, какъ выразился Тургеневъ объ одномъ героѣ своей недоконченной сказочки, не больной, но и не здоровенный, такъ какъ частенько простужался, и его лихорадило. Конечно, въ природѣ нѣтъ абсолютнаго равновѣсія, и колебаться свойственно человѣческой природѣ, только честность его была непоколебима, за что, конечно, никто не хвалилъ его, такъ какъ для многихъ изъ числа его современниковъ, честь и глупость были синонимы.

II.

Валентинъ Петровичъ на обѣдъ свой тратилъ около 16 рублей въ мѣсяцъ. Онъ постоянно ходилъ обѣдать въ дешевый ресторанъ и оттуда, не спѣша, пѣшкомъ возвращался домой, на Обуховскій. Лѣтомъ, въ концѣ іюня, или въ іюлѣ, мѣстомъ его любимой прогулки была набережная Невы отъ Сенатской пристани до Лѣтняго сада. Съ папироской въ зубахъ, шагалъ онъ въ пальто

и цилиндрѣ, поглядывая на барки, пароходы и колыхающіеся между ними ялики. Даже походка его, ровные шаги и прямой станъ—выражали характеръ его, прямой и ровный. Иногда онъ садился на пристани, спрашивалъ себѣ чаю, или стаканъ пива и, облокотясь на деревянную балюстраду, до заката солнца провожалъ и встрѣчалъ глазами то ѣдущихъ на острова, то причаливающихъ къ пристани. Иногда въ толпѣ мелькали лица знакомыхъ ему сослуживцевъ, но никогда онъ не вскакивалъ съ мѣста и не бросался къ нимъ здороваться, или о чемъ нибудь разспрашивать. Иногда онъ замѣчалъ женское лицо, близко ему знакомое, подъ руку съ другимъ, и... при этомъ легкая краска покрывала его лобъ и щеки, ноздри расширялись и глаза презрительно съуживались. Ни въ чемъ онъ не раскаявался, но все-таки ему чего то было стыдно и совѣстно... Когда прозрачная, бѣлая ночь начинала сѣрѣть, онъ шелъ домой;—дома опускалъ шторы, зажигалъ свѣчи, садился работать, или принимался за чтеніе новой повѣсти Тургенева, или романа Достоевскаго... Иногда, читая, онъ про себя шепотомъ разговаривалъ: „неужели это правда?"—„Что если бы я былъ на его мѣстѣ?.."—„Ахъ, канальство!—какъ это хорошо, какъ это вѣрно!.." Затѣмъ, засучивъ рукава ночной рубашки, умывалъ на ночь пыльное лицо, раздѣвался, тушилъ свѣчу и при этомъ или набожно крестился, или иногда про себя философствовалъ, хотѣлъ понять, что такое безграничный Богъ, что такое природа, и есть ли личное безсмертіе,—и ни до чего собственнымъ умомъ не допытавшись, бранилъ себя за безплодныя мысли, читалъ: „Отче нашъ"—и засыпалъ.

Какъ видите, его не тянуло ни на острова, ни на дачи... хотя, встрѣтившись съ нимъ, вы могли бы уговорить его раззориться рубля на два, чтобы подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ... При этомъ, соглашаясь съ вами, онъ бы непремѣнно улыбнулся и сказалъ бы вамъ: „Знаемъ мы этотъ свѣжій воздухъ! Однажды съ Крестовскаго я привезъ жабу въ горлѣ и чуть не умеръ; но... такъ и быть—поѣдемте!"

Однажды, вернувшись съ прогулки домой, около полуночи, и всходя къ себѣ наверхъ по чугунной лѣстницѣ, онъ услыхалъ за собой шаги, шорохъ женскаго платья и пріостановился на площадкѣ, тускло освѣщенной широкимъ окномъ, выходящимъ на улицу. Желтоватый отблескъ зари, казалось, все еще лежалъ на чугунной рѣшеткѣ и никакъ не хотѣлъ разстаться съ мѣднымъ шарикомъ, который украшалъ одинъ изъ ея столбиковъ. Мимо Аркашина прошла женщина вся въ сѣромъ, какъ сѣрая тѣнь, повернула къ нему блѣдное лицо, и онъ увидѣлъ ясно, какъ пристально ему въ глаза заглянули ея свѣтлыя очи. Въ нихъ былъ тотъ же ночной блескъ, который отсвѣчивалъ и на мѣдномъ шарикѣ; но тихій, мечтательный блескъ этого взгляда поразилъ его—показался ему загадочнымъ.. Она позвонила въ ту же дверь, гдѣ жилъ Аркашинъ, и Аркашинъ, остановившись за ней, точно замеръ, сталъ поджидать, когда горничная Варвара смилуется, отопретъ имъ эту дверь и впуститъ ихъ. Дверь отворилась... Женщина прошла первая и потонула въ сумеркахъ длиннаго корридора

— Кто такая? спросилъ Аркашинъ.

— Новая жиличка, отвѣчала Варвара, желѣзной цѣпью замыкая жильцовъ, какъ острожниковъ, въ сущности же оберегая ихъ отъ незванныхъ гостей, не признающихъ собственности у людей спящихъ или мирно и сладко отдыхающихъ.

„Гм! новая жиличка! подумалъ Аркашинъ, входя въ свою комнату. Отчего такими испуганными, или удивленными глазами она на меня посмотрѣла? или я похожъ на кого нибудь изъ ея знакомыхъ, и ей показалось, что этотъ знакомый, пробравшись на лѣстницу, ждетъ ее. Встрѣчу другой разъ—погляжу, какая такая..."

На этомъ, разумѣется, и покончились всѣ его мечтанія. Закуривъ папироску, усѣлся онъ за письменный столъ и, засвѣтивши лампу, принялся писать экстрактъ изъ полученнаго имъ для доклада дѣла. Въ это же лѣто онъ исправлялъ должность отсутствующаго столоначальника и работалъ за двоихъ. Уже разсвѣло, когда онъ легъ и заснулъ. Спящій въ полусвѣтѣ, онъ походилъ на юнаго рыцаря, который, прижавъ къ ранѣ ладонь свою, находится въ забытьи и еле дышетъ, не чувствуя своего пораженія, и не слыша трубы, призывающей къ отступленію. Въ это время, какъ на картину можно было любоваться имъ,—такъ онъ былъ живописенъ и такъ много тишины и покоя лежало на лицѣ его съ раздвоившейся темной бородой и длинными рѣсницами.

III.

До сентября онъ всего раза два, или три, встрѣтилъ свою сосѣдку на лѣстницѣ, и всякій разъ она смотрѣла ему въ глаза, и, казалось, глаза эти ему говорили: „остановись и дай мнѣ на тебя полюбоваться!"

Онъ уже разглядѣлъ ее и не нашелъ ее хорошенькой. Лицо ея показалось ему увядшимъ, съ неправильными чертами, но привлекательнымъ и какъ бы загадочнымъ.

Отчего это случается, что лицо женщины, самое простое, кажется загадкой тому, кому суждено полюбить ее, и никому другому такимъ не кажется?..

Была уже поздняя осень, когда, проходя корридоромъ, онъ увидалъ ее въ дверяхъ ея комнаты.

— Валентинъ Петровичъ! сказала она,—если вы идете въ кухню, пожалуйста, попросите Варвару унести самоваръ: онъ чадитъ, и я могу угорѣть.

Это было такъ просто сказано, какъ будто они давно были знакомы, и ей нечего церемониться.

Аркашинъ изумился, поглядѣлъ на нее и тотчасъ пошелъ за Варварой, но вдругъ вернулся и сказалъ:

— Если угодно, позвольте я вынесу вашъ самоваръ. и въ кухню самъ снесу его. А вы отворите форточку, а на сквозномъ вѣтру не стойте!..

— Но, вѣдь я могу и сама снести его. Нѣтъ! или позовите Варвару, или я сама его вынесу... Благодарю васъ!

„Гм, гм! Это она не хочетъ, чтобы я вошелъ къ ней," подумалъ Аркашинъ, и пошелъ за Варварой.

И этотъ случайный разговоръ нисколько не познакомилъ ихъ. Дѣло въ томъ, что разсудительно мнительный Аркашинъ боялся съ ней познакомиться.

„Почему она знаетъ мое имя и отчество? что за странность!" думалъ Аркашинъ.

Никакой странности въ этомъ не было. Вѣдь зналъ же онъ черезъ прислугу, что она по фамиліи Лебедева,—почему же и ей отъ той же прислуги не узнать, что его зовутъ Валентиномъ Петровичемъ.

„Очень странно!" думалъ Валентинъ Петровичъ, точно и эта встрѣча, и этотъ разговоръ о самоварѣ были для него загадкой.

Само собой разумѣется, что всякая загадка, задаваемая судьбой, требуетъ отгадки, хочетъ, чтобы мы ее отгадали во что бы то ни стало, иначе—пойдутъ безсонныя ночи и начнутъ всякаго рода глупыя фантазіи залѣзать въ голову и тамъ плести всякій вздоръ или околесицу.

Разсудительному Валентину Петровичу показалось сначала, что эта жилица одна изъ тѣхъ, которыя держатся на бѣломъ свѣтѣ только потому, что какой нибудь пожилой человѣкъ снабжаетъ карманъ ихъ своими деньгами и, разумѣется, не даромъ.

„Эта Лебедева иногда поздно возвращается домой, думалъ Аркашинъ,—гдѣ ей быть?.. Впрочемъ, не такъ поздно, чтобы танцовать въ клубѣ, или на студенческомъ балѣ!.. Да неужели она еще танцуетъ?" произнесъ

Во времена римско-галльскихъ войнъ. Съ картины Люмине, гравир. Тришонъ.

онъ чуть не вслухъ. И всякій могъ бы спросить его: „а какое тебѣ дѣло, танцуетъ она, или не танцуетъ?!.“

Разъ вечеромъ, когда онъ пилъ у себя чай и, повидимому, былъ совершенно спокоенъ, онъ вдругъ поднялъ голову и спросилъ Варвару, которая пришла убрать постель его:

— А что, жиличка Лебедева дома?

— А нѣтъ еще, отвѣчала та.

— Бываетъ у ней кто нибудь?

— Не знаю. Мало ли тутъ народу шляется?

— Есть же у ней какіе нибудь родственники; вѣдь она, чай, здѣшняя?

— А не знаю... Вдова говорятъ. Можетъ быть, и есть какіе нибудь родственники. Ходитъ тутъ одна старушка... намедни съ лѣстницы подъ руку свела ее... Кто ее знаетъ?

И Варвара, загнувъ одѣяло и расправивъ простыню, отошла отъ кровати, спросила можно ли убрать самоваръ, и, подхвативъ его за уши, удалилась въ свою каморку.

Валентину Петровичу стало досадно, что на этотъ разъ нѣтъ у него подъ рукой канцелярскихъ бумагъ, и что нечего дѣлать. Онъ сталъ набивать папиросы и, окончивъ эту процедуру, вдругъ почему то снялъ халатъ, надѣлъ сюртукъ, подошелъ къ двери и сталъ прислушиваться. По лѣстницѣ, которая была въ 7 шагахъ отъ его номера, кто то шагалъ, но это были не женскіе — это были мужскіе, тяжелые шаги. Варвара, какъ вихрь, пробѣжала на звонокъ и впустила отставнаго капитана Кузнечикова, тоже одного изъ жильцовъ.

Аркашинъ выглянулъ въ корридоръ и окликнулъ Варвару.

— Что еще! разсердилась горничная, впрочемъ неизвѣстно на кого: на Аркашина, или на Кузнечикова, который побезпокоилъ ее.

— Я еще не скоро лягу, проговорилъ Аркашинъ,— коли кто позвонитъ, могу отворить дверь; вы же ложитесь спать и не безпокойтесь.

Варвара на это не сказала ни слова, потушила газовый рожокъ, толкнула въ спину Кузнечикова, который посвистывая отворялъ дверь въ номеръ свой, и убѣжала...

IV.

Когда Аркашину нечего было дѣлать и нечего было читать, онъ дремалъ. Ему хотѣлось спать, но онъ настойчиво ожидалъ Лебедеву. Облокотясь на столъ и опустивъ рѣсницы, онъ никакъ не могъ вообразить себѣ лица ея. Оно безпрестанно, какъ бы колыхаясь въ подвижномъ туманѣ, теряло свои очертанія. Изъ этого тумана сіяли одни глаза и эти глаза были, дѣйствительно,—ея глаза, и въ этихъ глазахъ была душа ея, т. е.—тайна...

„Шфу!“ говорилъ про себя Аркашинъ, и онъ бы непремѣнно легъ спать, еслибы не помнилъ обѣщанія, даннаго Варварѣ.

„Вѣдь если я познакомлюсь съ ней, вѣдь я и самъ увижу, что она вовсе не хороша, самое обыкновенное, простое лицо... только глаза не дурны... это надо отдать имъ справедливость, очень не дурны, такіе ласковые... вкрадчиво проницательные...“ бормоталъ онъ про себя, чувствуя ежеминутно, что онъ сейчасъ заснетъ и ничего не услышитъ.

„Всего только второй часъ ночи!.. Вѣдь еще не очень поздно! что же значитъ, что я совсѣмъ сплю... а свѣча догораетъ... Чу! никакъ мятель воетъ... или это телѣги ѣдутъ...“

Вдругъ, въ корридорѣ что то звякнуло. Онъ всталъ, взялъ свѣчу и вышелъ въ корридоръ. Опять зазвонилъ колокольчикъ. Онъ отворилъ дверь на лѣстницу и освѣтилъ, закутанное въ шерстяной, вязаный платокъ, лицо молодой женщины.

Это была *она*.

— Отчего вы не спите? спросила она, входя въ ту часть корридора, гдѣ по утрамъ ваксили сапоги, чистили платье и гдѣ стояла вѣшалка.

— Да, не спится... и не работается.

— А я заработалась... веселымъ голосомъ заговорила Лебедева. У Катерины Ивановны завтра маленькая дочка имянинница, и я помогала ей дошивать новое платьице.

— Дошили? спросилъ онъ, точно зналъ, кто такая Катерина Ивановна.

— Кончили, слава Богу... только зачѣмъ же вы не спите?

— Сказать по правдѣ, далъ слово горничной отворить дверь, когда вы вернетесь.

Но Варвара, какъ бы на зло ему, проснулась и, продирая глаза, босая, шла уже по корридору, накинувши на себя нѣчто въ родѣ кацавейки. Увидавши, что баринъ изъ втораго номера стоитъ со свѣчей и запираетъ дверь, а жиличка разматываетъ голову, она постояла, что то проворчала... и ушла.

— Я думалъ, что вы въ театрѣ, или въ клубѣ танцуете.

— Давно ужъ не была я въ театрѣ, а въ клубъ ѣздила съ покойнымъ мужемъ, когда молода была. Онъ игралъ въ карты, а я плясала. Но, прощайте, спасибо вамъ!

— А когда же мы съ вами познакомимся?

— А развѣ мы съ вами не знакомы? Не встрѣчаемся только потому, что оба заняты. Вамъ не до меня, а у меня работа. Заходите когда нибудь, вы мнѣ не помѣшаете.

— А если вамъ будетъ непріятно?

— Какая же тутъ можетъ быть непріятность? удивилась она, какъ бы раздумывая, или не довѣряя ушамъ своимъ.

Въ голосѣ ея послышалась иная нота, болѣе пѣвучая и сладкая, чѣмъ обыкновенно.

— Но пора спать—прощайте!

Улыбаясь, онъ поднялъ свѣчу и сталъ освѣщать ей дорогу до тѣхъ поръ, пока не щелкнулъ замокъ подъ ключемъ въ ея комнату.

Совершенно чѣмъ то довольный и счастливый, Аркашинъ легъ спать.

„А все же она не подала мнѣ руки... и подѣломъ! думалъ онъ, засыпая: она работала, а я... чортъ знаетъ, что приходило мнѣ въ голову!! Подѣломъ мнѣ, подѣломъ!“

V.

Аркашинъ вовсе не былъ букой, да и не могъ имъ быть, такъ какъ былъ когда то очень красивымъ мальчуганомъ, и съ 18 лѣтъ, не успѣлъ легкій пушокъ пробиться надъ губой его, былъ уже любимцемъ дамъ. Но это его нисколько не избаловало, не сдѣлало его ни ловеласомъ, ни искателемъ приключеній. Не было въ немъ ни той юркой назойливости, которая выводитъ въ люди, ни той предумышленной предупредительности, которая дурачитъ умныхъ. Когда то, по выходѣ изъ ** училища, онъ жилъ на квартирѣ у своей тетушки, полковницы Анцыперовой, Прасковьи Степановны, женщины хотя и не свѣтской, въ полномъ смыслѣ этого слова, но все-таки въ высшей степени сообщительной и сообразительной. У Анцыперовой была небольшая усадьба и около 600 десятинъ лѣсу и пахатной земли въ Новгородской губерніи. Весь уѣздъ зналъ ее... и она чуть не каждое лѣто пускалась странствовать по сосѣдямъ: у бѣдныхъ помѣщиковъ крестила дѣтей, у богатыхъ заживалась по цѣлымъ недѣлямъ, и всѣ были ею довольны. Она же умѣла казаться женщиной съ большими связями, и для нуждающихся въ протекціи — дамой хоть и не всегда пріятной, но зато полезной во всѣхъ отношеніяхъ.

Нечего и говорить, что Аркашина она и определила на службу Это было въ тотъ самый годъ, когда университетъ, куда онъ стремился, и куда готовился, оказался неблагонадежнымъ съ точки зрѣнія Прасковьи Степановны.

— Поступай на службу, говорила она своему племяннику, — очень тебѣ нуженъ твой университетъ! Я тебѣ по пальцамъ перечту такихъ людей, которые и не нюхали никакихъ лекцій. Очень нужно! Помни, за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, и нечего тебѣ больше знать... Глупости, глупости!

Аркашинъ не блисталъ никакими особенными способностями, не мучился никакой міровой скорбью. Читать и размышлять было его потребностью, но знать все, что доступно человѣческому уму, казалось ему свыше силъ его. Ему не давались языки, въ особенности древніе, и онъ поступилъ на службу въ качествѣ канцелярскаго служителя и принялся за переписку; а тамъ, у него открылись другія способности, пониманіе дѣлъ и сообразительность, что и придало ему нѣкоторый вѣсъ между сослуживцами.

Однажды, въ началѣ іюня, по обыкновенію, собираясь въ походъ па деревенскихъ сосѣдей, тетушка разсчиталась съ прислугой (такъ какъ даже честнѣйшая Матрена,—кухарка, ея любимица, которая десять лѣтъ служила ей, оказалась воровкой), поручила свою квартиру швейцару, а Валенѣ, или Валентину посовѣтовала перебраться въ меблированныя комнаты—и зажить самостоятельно

— Ибо, что ни говори, другъ мой любезный, урезонивала она племянника,—я тебя стѣсняю. И не возражай! чувствую, что стѣсняю. Ты—молодой человѣкъ, а я—старая, ворчливая, капризная женщина... Пожалуйста, не возражай! я капризная, и буду еще капризнѣе, потому что жизнь становится дорога и люди стали такая дрянь, такая мелюзга, что не дай Господи!

Аркашинъ нанялъ меблированную комнату и зажилъ въ ней.

„Давно бы мнѣ слѣдовало такъ поступить, думалъ онъ,—давно бы слѣдовало, такъ какъ въ сущности не она меня стѣсняла, а я ее. Ей самой нужна лишняя комната для пріѣзжающихъ изъ провинціи... Пока я былъ предметомъ ея заботливости, я былъ ей нуженъ; но не вѣчно же ей обо мнѣ заботиться! я, слава Богу, не маленькій!“

VI.

Много чего то женственнаго заключалось въ характерѣ Аркашина. Къ счастію для него, причудливыя вѣтренницы, удостоивавшія его своего вниманія, сегодня влюблялись въ него, а завтра зѣвали съ нимъ. Онъ былъ не достаточно уменъ для нихъ, иначе сказать, незанимателенъ. Сердце его еще было нетронуто, какъ уже здоровье расшатано Но разсудительно-мнительный Валентинъ Петровичъ не только сталъ казаться человѣкомъ солиднымъ, онъ въ самомъ дѣлѣ сталъ солиденъ до такой степени, что тетушка дала ему слово женить его.

— А что же, тетушка, шутя иногда говорилъ онъ ей, когда заходилъ къ ней по праздникамъ,—когда же вы меня жените?

— Погоди, погоди, другъ любезный, погоди! я и о тебѣ думаю... я вѣдь не глупа, знаю, какая нужна тебѣ, чтобы ты порядочнымъ человѣкомъ сталъ...

Подъ словомъ „порядочный человѣкъ“, тетушка несомнѣнно разумѣла „богатый, чиновный, вліятельный“.

— Ну хорошо, подождемъ, говорилъ, улыбаясь, добродушный Валентинъ Петровичъ.

Онъ, конечно, не вѣрилъ, чтобы тетушка когда нибудь могла женить его.

„Какая, чортъ возьми, состоятельная или богатая, пойдетъ за меня, думалъ Аркашинъ,—а она все только и вертится между генералами да богачами. Жениться, это я еще понимаю,—но какъ это дать себя женить! Это нелѣпость!.. Этого я даже не понимаю.“

Разсудительный человѣкъ былъ нашъ Валентинъ Петровичъ, часто бывалъ не въ духѣ... часто грустилъ, но скучать у него не было времени...

И знакомясь съ Марьей Ильинишной, онъ вовсе не думалъ о женитьбѣ, не подозрѣвалъ даже, что истинныя страсти мгновенны и безпричинны, и что уже первая его встрѣча съ этой женщиной заронила въ душу его (какъ бы въ почву, для любви давно готовую) одно едва замѣтное сѣмячко страсти. Это нѣсколько его безпокоило, но... „что за нелѣпость! думалъ онъ,—влюбиться въ женщину, да еще, Богъ ее знаетъ, какую, даже не красавицу! Но почему же не поволочиться, почему не разсѣяться?“

Словомъ, Аркашинъ былъ въ игривомъ настроеніи мыслей, когда подходилъ къ двери подъ № 7, гдѣ жила Марья Ильинишна. Но... вдругъ онъ чего то струсилъ, и покраснѣлъ какъ школьникъ, когда, постучавшись къ ней въ дверь, услыхалъ ея голосъ: „войдите!“

Онъ засталъ Лебедеву за шитьемъ, у окна. Она только что додѣлала женскую шляпку, самую въ то время модную. Матеріалъ, изъ котораго она была состряпана, безпорядочной, пестрой кучей, вмѣстѣ съ ножницами, лежалъ передъ ней на столикѣ.

Шляпка, которую Марья Ильинишна повертывала у себя на рукахъ, была, такъ сказать, художественное произведеніе, походила на прелестную, никѣмъ еще невиданную раковину, слѣпленную изъ бархата, блондъ, лентъ и цвѣтовъ. Она была такъ легка и изящна, что Валентинъ Петровичъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и умиленіе. Я даже думаю, что та барыня, для которой шляпка эта была заказана, не была въ такомъ восторгѣ, когда украсила ею свой шиньонъ и глядѣлась въ зеркало Дамы любятъ восхищать, но не восхищаться, особливо, вынужденныя платить по магазинному счету, никогда не восхищаются.

— И много вы заработываете? спросилъ Аркашинъ

Марья Ильинишна поглядѣла на потолокъ, на него поглядѣла подумала и сказала, что она и сама не знаетъ, много ли... Иногда достаточно, иногда плохо. магазины платятъ дешево, а съ знакомыхъ какъ то совѣстно брать, и что если она работаетъ, то потому только, что это доставляетъ ей большое удовольствіе.

— Отчего же вы сами такъ не наряжаетесь? спросилъ Аркашинъ.

Лебедева на это ничего не отвѣтила, только пожала плечами и подумала; подумавши, она опять заговорила

— Мой мужъ, царство ему небесное, заставлялъ меня надѣвать самое лучшее мое платье, когда тащилъ меня въ клубъ, или въ гости. Въ клубѣ я все-таки была бѣднѣе всѣхъ одѣта, и это нисколько меня не огорчало, потому что я никому не желала нравиться.

— Даже мужу?

— Мужу было не до меня: онъ любилъ карты и свою собственную компанію. Разъ я помню... это было на святкахъ—всѣ уже разъѣзжались; я пошла искать его, заблудилась и зашла въ какую то комнату, гдѣ кто то спалъ, сидя на стулѣ, съ разинутымъ ртомъ. Я такъ испугалась, что побѣжала назадъ безъ оглядки. Оказалось, мужъ мой игралъ не въ общей картежной комнатѣ, а гдѣ то наверху Я велѣла позвать его, а онъ велѣлъ сказать, чтобъ я ѣхала домой одна. Но, только что я вышла на улицу, не успѣла найти извощика... какъ пристали ко мнѣ двое какихъ-то (одинъ военный, другой статскій). Вѣрите ли, въ какомъ испугѣ я доѣхала до дому? За мной гнались до самаго нашего подъѣзда, и... даже, когда вбѣжала я на лѣстницу, они въ потемкахъ, ощупью карабкались за мной... Меня, слава Богу, выручила кухарка. Я, что есть силы, стала звонить, она вышла со свѣчой встрѣчать меня и

закричала на всю лѣстницу благимъ матомъ, такъ что у сосѣдей собаки залаяли. Тогда я была труслива... да и теперь еще не могу похвалиться храбростью... Впрочемъ, чему не научитъ нужда?—всему, чему хотите: и дурному, и хорошему!

Валентинъ Петровичъ былъ очень доволенъ, что зашелъ къ Марьѣ Ильинишнѣ. Все, что она говорила, казалось ему такъ просто, такъ хорошо и такъ мило. Онъ бесѣдовалъ съ нею до тѣхъ поръ, пока профиль ея на фонѣ потускнѣвшаго окна не превратился въ темный силуэтъ, и она не бросила своей работы, вздохнувъ, что такъ скоро наступили сумерки.

— Когда же вы опять? спросила она Валентина Петровича, прежде чѣмъ встала, чтобы проводить его.

— Когда позовете?

— Да ну хоть завтра... когда хотите!

— А завтра все утро, до обѣда, я буду на службѣ.

— Что вы, перекреститесь! какая завтра служба? 21 ноября, праздникъ Введенія во храмъ.

Аркашинъ припомнилъ, что, дѣйствительно, завтра какъ будто праздникъ, но сказалъ, что не хочетъ ей надоѣдать.

— Буду часто къ вамъ заходить—надоѣмъ.

— А вы попробуйте надоѣсть, можетъ быть, и не надоѣдите.

— Не „можетъ быть“, а навѣрное надоѣмъ. Прощайте!

И Аркашинъ, точно какая то теплая волна вынесла его въ корридоръ и внесла въ его комнату, былъ совершенно счастливъ и доволенъ судьбой своей. Ему казалось, что еще отъ роду онъ нигдѣ ни съ кѣмъ такъ тепло не бесѣдовалъ. Онъ нашелъ, что Марья Ильинишна очень тонкая женщина и такъ мила, что надо быть осторожнѣе.

VII.

Недѣли черезъ двѣ, казалось имъ, что они уже давно знакомы—давнымъ-давно. На его вопросъ: „Вы не кокетка?“ она сказала: „Да мнѣ самой кажется, что съ вами я кокетничаю“. А когда онъ схитрилъ и сказалъ, что онъ этого не замѣчаетъ, то и она схитрила, сказала, что еслибы онъ былъ не такъ разсѣянъ, то непремѣнно бы замѣтилъ.

Разъ засталъ онъ у ней старушку, сморщенную и полуглухую, улыбающуюся, и въ то же время на все и всѣхъ вопросительно поглядывающую, точно ей, Богъ знаетъ, что лѣзетъ въ голову, и ей хочется знать, дѣйствительно ли то, что ей лѣзетъ въ голову, похоже на правду, или же ей мерещится. Старушка эта, въ салопчикѣ и съ мѣшечкомъ, оказалась матерью Марьи Ильинишны.

Она жила во вдовьемъ домѣ и очень рѣдко навѣщала дочь свою. Отецъ Марьи Ильинишны былъ изъ простыхъ. Онъ былъ управляющимъ при домѣ купца Е.: говорятъ, втайнѣ принадлежалъ къ расколу, но дочь свою посылалъ учиться въ гимназію. Марья Ильинишна была уже въ шестомъ классѣ, когда отецъ ея умеръ. Ей было всего только 17 лѣтъ, когда она вышла замужъ за казначея Т—ой конторы. Когда то, во времена Каратыгина, казначей этотъ былъ актеромъ и исполнялъ на александринской сценѣ роли лакеевъ. Вышла она не по любви, а для того только, чтобы освободить мать свою: такъ какъ ни въ какую богадѣльню, ни въ какой вдовій домъ ее бы не приняли со взрослою дочерью. Что за личность былъ ея покойный мужъ, Аркашинъ уже могъ имѣть понятіе изъ небольшаго, вышеприведеннаго разсказа Марьи Ильинишны, и удивился, какъ при такомъ мужѣ она не свихнулась, не закутила и пр. и пр.

Марья Ильинишна уже вдовствовала слишкомъ два года, и Аркашинъ, при всемъ своемъ добродушіи, скептически относился къ двумъ годамъ вдовства одинокой, бѣдной, молодой женщины. Онъ не вѣрилъ, чтобы у нея не было кого нибудь, кто бы поддерживалъ ее своими средствами. Онъ не вѣрилъ, чтобы въ 25 лѣтъ, хорошенькая женщина въ Петербургѣ съумѣла сберечь себя, и ни разу не выйти изъ границъ благоразумія. „Вѣдь не мнѣ же первому она нравится!“ думалъ Аркашинъ; но всѣ эти мысли ни къ чему не вели; все больше и больше всей душой прилѣплялся онъ къ этой труженицѣ, которая постоянно была въ хорошемъ настроеніи духа, и никогда ни на что не жаловалась.

Долго не хотѣлъ онъ, чтобы она набивала ему его папиросы, долго не соглашался, чтобы она починяла ему бѣлье его и надвязывала шерстяные чулки; но вдругъ на все согласился, съ единственной цѣлью—наканунѣ Рождества отблагодарить ее какимъ нибудь подаркомъ. Больше всего нравилось Аркашину то, что Марья Ильинишна была очень религіозна, глубоко вѣрила въ загробную жизнь, даже сама собственными глазами своими видѣла, какъ одна изъ покойныхъ подругъ ея, ночью, не отворяя дверей, вошла къ ней въ комнату и сказала „Маня, приходи ко мнѣ на панихиду. Меня забыли“

VIII.

Передъ праздниками Валентинъ Петровичъ получилъ пособіе, т. е. около полутораста рублей депозитками, положилъ въ свой бумажникъ и почувствовалъ себя богачемъ. Такъ иногда голодный чувствуетъ, что онъ совершенно счастливъ потому, что ему дали перекусить...

Наканунѣ Рождества, выходя, онъ встрѣтился на лѣстницѣ съ Марьей Ильинишной. Она была въ своей бѣличьей шубкѣ и все въ томъ же атласномъ капорѣ, въ которомъ лицо ея казалось еще бѣлѣе, глаза еще голубѣе, улыбка еще розовѣе.

— Вы куда? спросила она Аркашина.

— А въ гостиный, по лавкамъ и магазинамъ...

— И я туда же.

— Значитъ, по дорогѣ...

— Пойдемте вмѣстѣ. Да не надо ли вамъ денегъ? возьмите у меня взаймы.

— Не надо. Но пойдемте вмѣстѣ пошляться, авось не соскучитесь.

Они сошли на тротуаръ и, пробираясь между возами съ замороженной живностью и толпой народа, въ саняхъ отправились въ гостиный дворъ.

Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ сопровождать барынь, кто бы онѣ ни были, по магазинамъ и лавкамъ, тупо глядѣть и слушать, какъ онѣ выбираютъ вещи, какъ онѣ бракуютъ ихъ, какъ торгуются, упрашиваютъ уступить имъ, лгутъ, что онѣ точно то же самое покупали гораздо дешевле, и ждать, скоро ли онѣ что нибудь купятъ. Я никогда не могъ равнодушно выносить этой медленной пытки, зѣвалъ на всю лавку и проклиналъ судьбу свою.

Но Аркашинъ никогда еще никого не сопровождалъ по гостиному двору, былъ очень доволенъ толкотней, тѣснотой покупателей и покупательницъ. Въ этой тѣснотѣ, подъ предлогомъ согрѣванія озябшихъ ручекъ Марьи Ильинишны, онъ могъ иногда жать и мять ихъ и ощущать, какъ мягкая теплота ихъ сообщается его, дѣйствительно, похолодѣвшимъ и жесткимъ пальцамъ. Она не отнимала отъ него руки своей, какъ предметъ, на этотъ разъ, ей совершенно ненужный, или такой, на который не стоитъ обращать никакого вниманія, и терпѣливо ждала своей очереди подойти къ осажденному прилавку, и просить прикащиковъ — измученныхъ, но все еще приторно любезныхъ, — показать ей то, что ей нужно. Могъ-ли скучать Аркашинъ, соображая что бы такое и ему купить для Марьи Ильинишны (вопросъ первостепенной важности!): портмоне, колечко, брошку или какую нибудь косынку, или рукавчики? Какъ знать, что ей будетъ пріятнѣе? и какъ такъ купить, чтобы она не замѣтила?

Весна. Ориг рис. И. Панова, гравир. Голевинский.

А что, если она не захочетъ принять отъ него? почемъ онъ знаетъ?

Марья Ильинишна, послѣ долгихъ блужданій по лавкамъ, передала, наконецъ, всѣ свои покупки ему на руки и сказала: „мамаша будетъ очень довольна мѣховымъ воротникомъ.“

— А эти игрушки для кого? спросилъ Аркашинъ, у котораго на рукахъ очутилась какая-то кукла и какіе-то изъ картона сдѣланные домики.

— А я это для дѣтей Катерины Ивановны.

Кто такая Катерина Ивановна—Аркашинъ не спрашивалъ.

Съ 6 до 9 часовъ вечера бродили они вдвоемъ мимо зеркальныхъ стеколъ, ярко освѣщенныхъ витринъ, сверкающихъ позолотой, фарфоромъ, зеркалами и бархатомъ, дорогими коврами съ налѣпленными на нихъ яркими цвѣтами, тяжелыми тканями и легкими, какъ пухъ, воздушными кружевами. Въ особенности выставленныя женскія шляпки обращали на себя вниманіе Марьи Ильинишны. Но всякому благополучію бываетъ конецъ,—и они поѣхали къ себѣ домой въ номера.

Аркашинъ хоть и сообразилъ, что лавки и магазины, по случаю завтрашняго праздника, будутъ отворены до полночи, и все таки успѣлъ какъ-то купить коробку съ изящнымъ женскимъ галстучкомъ, протканнымъ золотыми узорами, да съ полдюжины воротничковъ и рукавчиковъ, полотняныхъ, лоснящихся, какъ слоновая кость, и самыхъ модныхъ, только что полученныхъ не то изъ Парижа, не то съ Большой Морской.

Очутившись у себя въ корридорѣ, онъ сказалъ Марьѣ Ильинишнѣ: „сейчасъ я все это принесу къ вамъ,—вотъ только сниму калоши и шубу да на минуту зайду къ себѣ въ комнату“.

— Снимайте шубу и приходите!

(До слѣд. №).

Тайна съ переодѣваньемъ.

Разсказъ **Оттле.**

Натали Оттевилль было двадцать два года. Это одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ; брюнетка очаровательная. Черные большіе глаза ея имѣли какую-то особенную прелесть. Она обладала живостью итальянки, страстностью испанки и граціею француженки. Такимъ образомъ въ ней сосредоточивалось все, что только можетъ нравиться. Уже три года какъ она овдовѣла.

Выходя восемнадцати лѣтъ замужъ, за человѣка втрое старше ея, Натали, еще ребенокъ, думала только о нарядахъ, о свадебныхъ подаркахъ и т. п. вещахъ, доставляемыхъ брачною жизнью. Богатство ея мужа позволяло ему дѣлать всевозможные подарки и удовольствія женѣ. Такимъ образомъ прошелъ годъ какъ вдругъ непродолжительная болѣзнь мужа... и Натали овдовѣла. Она не долго оплакивала потерю своего друга и покровителя Вѣдь въ восемнадцать лѣтъ всякое горе мимолетно! Душа еще молода и постоянно жаждетъ испытать новыя чувства. Средства, которыми она располагала, позволяли ей посѣщать лучшее общество.

Не ошибаясь, можно было сказать, что ея присутствіе сдѣлалось необходимымъ на различныхъ вечерахъ и балахъ; но выѣзжать женщинѣ одной, особенно такой молодой и хорошенькой, какъ г-жа Оттевилль, было бы найдено неприличнымъ. Необходимо было имѣть при себѣ спутника. Поэтому она предложила своему дядѣ г-ну Аблейкуръ переселиться къ ней. Дядя ея былъ старый холостякъ и человѣкъ эгоистичный, но обладалъ хорошими манерами и считался за человѣка образованнаго. У него вездѣ на первомъ планѣ былъ собственный интересъ. Исполняя свое собственное желаніе, онъ любилъ дѣлать видъ будто бы жертвуетъ собою на пользу другихъ.

Въ довершеніе всего онъ любилъ комфортъ, который доставляется богатствомъ. Таковъ былъ г. Аблейкуръ, согласившійся поселиться у своей племянницы на томъ простомъ основаніи, что она съумѣетъ окружить его своими заботами.

Онъ охотно выѣзжалъ съ племянницею на вечера отчасти и оттого, что самъ до нихъ былъ большой любитель. Но какъ только получалось приглашеніе на такой вечеръ, гдѣ онъ не надѣялся провести весело время, то начиналъ всяческими манерами уговаривать Натали не ѣхать, обыкновенно говоря такъ:

— Я боюсь, что ты проскучаешь на этомъ вечерѣ. Ты не увидишь изящныхъ туалетовъ. Будутъ только играть. Что касается меня, то ты можешь быть вполнѣ увѣрена, что я готовъ исполнять всѣ твои прихоти, хотя я все-таки очень боюсь, что ты можешь умереть со скуки.

Подобными доводами ему удавалось убѣждать Натали, которая обыкновенно отвѣчала:

— Вы совершенно правы: мнѣ кажется самой, что лучше остаться дома.

Такъ было во всемъ. Дядя ея любилъ хорошо поѣсть и не былъ доволенъ кухаркой. Не разъ онъ говорилъ племянницѣ:

— Ты знаешь, мой милый другъ, что я вовсе не лакомка. Я не обращаю никакаго вниманія на сервировку стола и на то, что подаютъ. Но согласись съ тѣмъ, что твоя кухарка готовитъ очень грязно. Это вредно для тебя и наконецъ неприлично когда бываютъ у тебя гости. Помнишь, недавно, какъ она подала соусъ изъ шпината? Вѣдь есть люди, которые обращаютъ вниманіе на всякую бездѣлицу и будутъ потомъ говорить про тебя, что ты не умѣла устроиться. Все это само по себѣ пустяки, но они могутъ тебѣ сильно повредить.

— Это вѣрно, дядюшка, но какъ мнѣ быть? Откуда я достану хорошаго повара?

— Ты хорошо знаешь, моя милая, что для меня не составитъ большаго труда похлопотать насчетъ этого. Чтобъ сдѣлать тебѣ удовольствіе—я готовъ на все.

— О дядюшка! Вы не можете себѣ представить, какъ я счастлива имѣть васъ при себѣ. Вы избавляете меня отъ множества непріятностей, которыя такъ часто встрѣчаются въ жизни.

— Будь увѣрена, что я за всѣмъ присмотрю.

Натали горячо обняла своего дядю. Кухарку тотчасъ же отослали, а на ея мѣсто явился превосходный поваръ, въ совершенствѣ готовившій всевозможныя сладости, до которыхъ милый дядя былъ большой охотникъ. Въ другой разъ дѣло касалось сада. Дядя находилъ необходимымъ срубить нѣкоторыя деревья, которыя росли противъ его окна, въ виду того, что ихъ тѣнь вызывала сырость, весьма вредную для здоровья Натали. Или же нужно было изящную коляску замѣнить ландо, въ которомъ молодая женщина должна была себя чувствовать гораздо лучше. Вотъ тѣ способы, при помощи которыхъ дядя старался себѣ пріобрѣсти расположеніе племянницы.

Натали была кокетка, привыкшая плѣнять всѣхъ своимъ взглядомъ и обращеніемъ. Она обыкновенно смѣясь выслушивала всѣ объясненія и направляла всѣхъ искателей ея руки къ дядѣ, говоря:

— Прежде чѣмъ васъ обнадежить, я хочу знать понравитесь-ли вы моему дядѣ.

Конечно Натали отвѣтила бы иначе, еслибъ ей сердце коечто подсказало. Но такъ какъ ея сердце еще молчало, то она и находила гораздо пріятнѣе нравиться другимъ и сохранять свою свободу. Съ своей стороны дядя, хозяйничая у нея, не желалъ, чтобы она выходила замужъ. Очень возможно, что мужъ ея не подчинился бы его вліянію и вмѣстѣ съ этимъ и Натали вышла бы у него изъ повиновенія. Вотъ почему въ каждомъ претендентѣ на руку племянницы дядя находилъ постоянно какой нибудь недостатокъ. Этотъ черезчуръ строгъ и серьезенъ для Натали; другой увлекался игрой и могъ въ одинъ прекрасный день выкинуть какое нибудь сумасбродство; третій былъ любителемъ разнаго рода похожденій и по всему вѣроятію не вполнѣ еще исправился. Однимъ словомъ, дядя весьма искусно отклонялъ всѣ предложенія, выставляя всегда на видъ свой долгъ сдѣлать племянницу счастливою.

Кромѣ вышесказаннаго, милый дядя питалъ страсть къ игрѣ въ трикъ-тракъ. Эта игра ему нравилась болѣе всѣхъ остальныхъ. Онъ готовъ былъ за нею проводить все свое время. Но, къ сожалѣнію, эта игра мало извѣстна; прекрасный полъ терпѣть не можетъ шумъ, производимый ею; молодежь же предпочитаетъ различныя азартныя игры. Вслѣдствіе этого ему рѣдко приходилось встрѣчать партнера. Но разъ встрѣчался подобный, то дядюшка ужъ безъ церемоніи не отпускалъ его отъ себя, заставляя сыграть съ нимъ нескончаемое число партій. Такіе случаи бывали очень рѣдки, такъ что г. Аблейкуръ зачастую тяжело вздыхалъ по партнерѣ. Натали подмѣтила эту грусть и, чтобы сдѣлать удовольствіе старику, просила его научить ее играть. Но такой живой натурѣ рѣшительно не давалась игра. У нея не хватало терпѣнія и вниманія. Она плохо играла и постоянно ошибалась. Въ концѣ концовъ она рѣшительно отказалась когда бы то ни было выучиться играть. Дядя очень сожалѣлъ, но не хотѣлъ ей дѣлать непріятное, заставляя ее играть.

Въ такомъ положеніи находились дѣла. Однажды Натали, роскошно одѣтая и обаятельная болѣе чѣмъ когда нибудь, находилась на одномъ вечерѣ, гдѣ между приглашенными находился и капитанъ Апремонъ, молодой еще человѣкъ, хотя уже достигшій на коронной службѣ званія командира и репутаціи хорошаго моряка. Онъ чувствовалъ уже необходимость отдохнуть послѣ пятнадцатилѣтней скитальческой жизни по морямъ. Какъ средство для отдыха, ему совѣтовали жениться. Но на эти предложенія онъ обыкновенно отвѣчалъ смѣхомъ. До тѣхъ

поръ капитанъ избѣгалъ женскаго общества, а на ухаживанія и на любовныя интриги смотрѣлъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, какъ на занятіе недостойное истаго моряка. Но при видѣ Натали, граціозно танцующей, онъ незамѣтнымъ для себя образомъ перешелъ въ ту среду, о которой такъ недавно еще отзывался съ презрѣніемъ. Измѣнивъ своимъ традиціямъ, онъ только и думалъ о томъ, какъ бы познакомиться съ Натали.

— Кто эта дама? спросилъ онъ стоявшаго около кавалера.

— Это г-жа Оттевилль... Молодая вдова... Она вамъ нравится, капитанъ?

— Даже очень. Я-бы даже не прочь съ ней познакомиться.

— Это не трудно. Стоитъ ее только пригласить танцовать.

— Но я танцовать не умѣю.

И капитанъ можетъ быть въ первый разъ пожалѣлъ, что пренебрегалъ этимъ искусствомъ. Онъ вертѣлся кругомъ да около, стараясь обратить на себя вниманіе Натали. Но каждый разъ какъ онъ собирался съ духомъ обратиться къ ней съ комплиментомъ, какой нибудь кавалеръ, какъ бы предугадывая его намѣренія, подходилъ къ ней и уносился въ вихрѣ вальса. Эти неудачи сильно бѣсили капитана. Ему такимъ образомъ приходилось только издали восхищаться красавицей и онъ ни минуты не спускалъ съ нея глазъ.

Натали непремину ла замѣтить неудачные маневры капитана, которые ей казались тѣмъ болѣе забавными, что она знала репутацію его, такъ какъ про него говорили, что онъ не отличается особенною любезностью къ прекрасному полу и что впродолженіи всей своей жизни не сказалъ ни одного комплимента. И Натали находила крайне любопытнымъ посмотрѣть какъ капитанъ примется за свою первую любовную интригу. Между тѣмъ капитанъ началъ усердно посѣщать общество, въ которомъ онъ надѣялся встрѣчаться съ Натали, сгорая желаніемъ съ ней познакомиться. Эти энергическія дѣйствія вскорѣ увѣнчались заслуженнымъ успѣхомъ. Знакомые капитана увидѣли какъ онъ разсыпался въ комплиментахъ предъ Натали, не уступая въ этомъ отношеніи и самому пылкому юношѣ.

Нашлись какъ и всегда друзья, которые предостерегали его противъ новаго знакомства: чувства капитана, неопытнаго въ этихъ дѣлахъ, были вскорѣ замѣчены окружающими.

— Не совѣтуемъ вамъ слишкомъ увлекаться, говорили они, такъ какъ г-жа Оттевилль пользуется репутаціей кокетки, которая привыкла забавляться чувствами обожателей.

Не было недостатка въ такихъ же совѣтникахъ и около Натали. Ей говорили:

— Этотъ капитанъ—оригинальная личность, морской волкъ, имѣющій всѣ тѣ грубыя привычки, которыми отличаются моряки. Онъ человѣкъ сердитый и вспыльчивый; постоянно куритъ трубку и не прочь украшать свою рѣчь такъ называемыми крѣпкими словами. Вамъ никогда не отучить его отъ этихъ мерзкихъ привычекъ.

Всѣ эти добрые совѣты однако не мѣшали имъ быть въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Морякъ и кокетка сошлись вполнѣ и были крайне довольны, когда случай сталкивалъ ихъ въ посѣщаемомъ ими обществѣ. Когда Апремонъ слишкомъ увлекался и собирался употребить слишкомъ морское выраженіе, Натали во время останавливала его взглядомъ, и сконфуженный капитанъ нѣкоторое время не смѣлъ взглянуть даже въ лицо своей собесѣдницы—до такой степени онъ страшился на немъ встрѣтить выраженіе строгости. Вотъ какъ любовь измѣнила капитана, дотолѣ незнакомаго съ боязнію.

Слухи о новомъ поклонникѣ Натали вскорѣ дошли и до ея дяди. Этотъ послѣдній, первое время не обращалъ на это большаго вниманія, такъ какъ Натали довольно быстро мѣняла своихъ поклонниковъ. Однако ему вскорѣ пришлось перемѣнить мнѣніе и когда Натали объявила ему, что она пригласила капитана бывать у нихъ, это его даже раздражило.

— Ты нехорошо сдѣлала, Натали, сказалъ онъ. Надо было посовѣтоваться со мною. Говорятъ, что капитанъ человѣкъ характера грубаго и вспыльчиваго. Я его нѣсколько разъ видѣлъ съ тобою, но онъ даже никогда не позаботился освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Вообще онъ крайне невѣжливъ. Понятно, я говорю только въ твоихъ интересахъ. Но ты поступила необдуманно.

Огорченная этимъ отвѣтомъ, она уже хотѣла отказать капитану, но видя, что дядя не слишкомъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, рѣшилась на этотъ разъ сдѣлать по своему.

Въ послѣдующемъ читатель увидитъ какъ иногда маленькія причины порождаютъ великія послѣдствія. Наше счастіе зачастую зависитъ отъ самыхъ пустыхъ обстоятельствъ.

Въ жизни же капитана простое умѣніе играть въ трикътракъ имѣло громадное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь.

Узнавъ, что капитанъ играетъ въ трикъ-тракъ, дядя въ первый же вечеръ овладѣлъ имъ совершенно. Ни на шагъ не отпускалъ его отъ себя. Натали не правилось поведеніе капитана, и послѣ вечера она замѣтила дядѣ съ ироніей:

— Теперь я вполнѣ съ вами согласна, что моряки совсѣмъ не умѣютъ себя держать. Я сожалѣю, что пригласила его.

— Напротивъ, моя милая, это золотой человѣкъ. Я жестоко ошибался въ немъ и чтобъ загладить какъ-нибудь прошу его возможно чаще посѣщать насъ. Онъ будетъ ухаживать за тобой и по временамъ составлять мнѣ партію въ трикъ-тракъ.

Натали наконецъ поняла, что было причиной такъ быстро измѣнившагося мнѣнія. Она снисходительно отнеслась къ дѣйствію капитана, который и въ послѣдующіе вечера посвящалъ себя дядѣ. Мало-по-малу капитанъ сдѣлался желаннымъ гостемъ для дяди Натали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не терялъ времени на ухаживаніе за племянницей и сдѣлалъ уже ей предложеніе, такъ что Натали наконецъ обратилась къ дядѣ съ просьбой дать ей совѣтъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Дядя сразу не далъ ей отвѣта. Голова его въ это время усиленно работала. Онъ предчувствовалъ, что этимъ вопросомъ затрогивается и его благосостояніе. Если отказать, то прекратятся посѣщенія капитана и игра съ нимъ въ трикъ-тракъ; если же принять, то капитанъ будетъ въ домѣ и не придется ходить далеко за партнеромъ. Послѣднее размышленіе такъ ему пришлось по душѣ, что онъ даже забылъ совсѣмъ спросить Натали, нравится-ли ей самой капитанъ, а прямо объявилъ ей, что она поступитъ очень хорошо выйдя за него. Натали чрезвычайно обрадовалась такому отвѣту дяди, такъ какъ она сама успѣла полюбить Апремона. Но она не желала, чтобы капитанъ думалъ, что ее такъ легко побѣдить, и поэтому рѣшилась сдѣлать ему предварительныя условія.

— Если вы дѣйствительно меня любите, то...

— Ахъ, сударыня! Будь я проклятъ, если...

— Постойте же! Дайте мнѣ договорить: если вы дѣйствительно меня любите, то мнѣ нужны нѣкоторыя доказательства этой любви...

— Ей Богу, я...

— Но, капитанъ, когда вы перестанете прерывать меня? Прежде всего я прошу васъ болѣе не клясться, такъ какъ это очень дурная привычка. Кромѣ того я уже не прошу, а требую, чтобы вы бросили для меня свою отвратительную трубку. Я не желаю имѣть мужа, который куритъ.

Капитанъ тяжело вздохнулъ и сказалъ.

— Хорошо. Я на все готовъ, чтобы угодить вамъ. Я больше курить не буду.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ моя рука.

Вскорѣ послѣ этого разговора была сыграна свадьба. Капитанъ казался въ восхищеніи отъ своей жены. Натали тоже казалась вполнѣ счастлива. Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы прошли совершенно незамѣтнымъ образомъ и ничто не нарушало счастія новобрачныхъ. Однако посреди разнообразныхъ удовольствій своей новой жизни, иногда, даже въ присутствіи своей Натали, капитанъ по временамъ становился задумчивымъ. Лицо его принимало серьезный видъ. Въ глазахъ читалось какое-то безпокойство. Однако это облако скоро проходило обыкновенно незамѣченнымъ его молодой супругой. Впрочемъ чрезъ нѣкоторое время эти припадки мрачной задумчивости сдѣлались болѣе частыми и Натали не могла ихъ не замѣтить.

— Что съ тобой, мой другъ! говорила она, замѣтивши эту внезапную перемѣну въ его лицѣ. Не боленъ ли ты?

— Я! Нѣтъ, ничего... отвѣчалъ капитанъ, какъ будто стыдясь что не могъ скрыть свои ощущенія. Я вовсе не боленъ. Да чего и быть-то мнѣ больнымъ?

— Не знаю, мой другъ! Но вотъ уже не разъ какъ я замѣчала въ тебѣ какую-то перемѣну. Извини, если я ошиблась, но я ужъ начала безпокоиться о твоемъ здоровьи. Капитанъ поцѣловалъ нѣжно свою супругу, повторяя ей, что онъ совершенно здоровъ, и нѣсколько дней послѣ этого онъ оставался спокойнымъ. Но вскорѣ тоже мрачное безпокойство появлялось въ его глазахъ. Онъ не могъ иногда удерживаться отъ нетерпѣливыхъ движеній и жена его напрасно старалась угадать причины его безпокойства.

Натали сообщила о странномъ поведеніи своего мужа дядѣ, причемъ старый холостякъ воскликнулъ:

— Это совершенно вѣрно! Я тоже замѣтилъ въ капитанѣ какія-то странности. Даже играя со мною въ трикъ-тракъ, я видѣлъ какъ онъ безпокойно оглядывался, проводилъ рукою по лбу, какъ бы стараясь отогнать тяжелыя размышленія. И тогда онъ дѣлалъ ошибку за ошибкой.

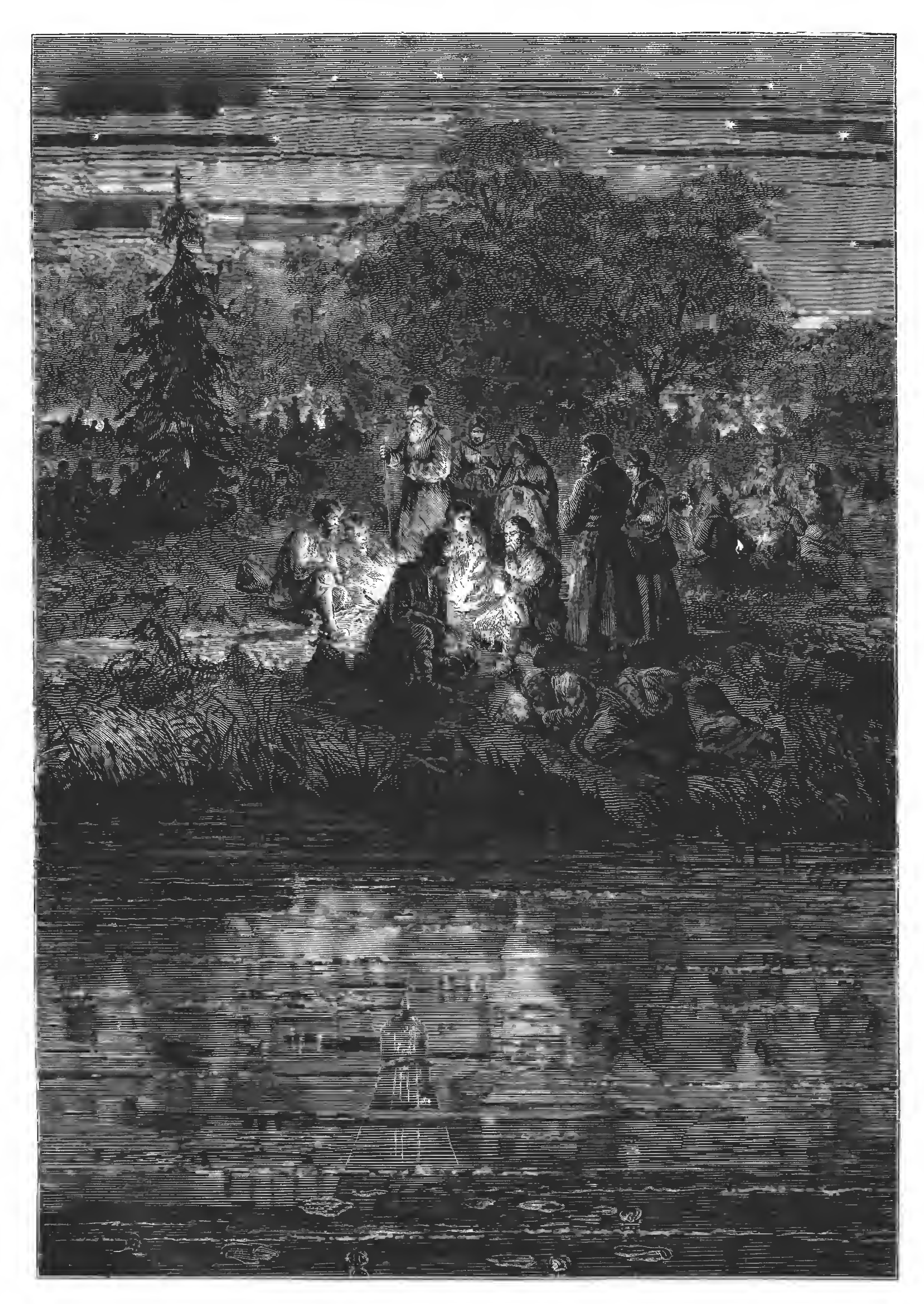
— Но дядя! Что это можетъ означать? У него есть какая нибудь страшная тайна, которая убиваетъ его Я увѣрена въ этомъ, и онъ даже не хочетъ довѣрить ее мнѣ.

— Это возможно! Есть вещи, которыя нельзя разсказывать своей супругѣ.

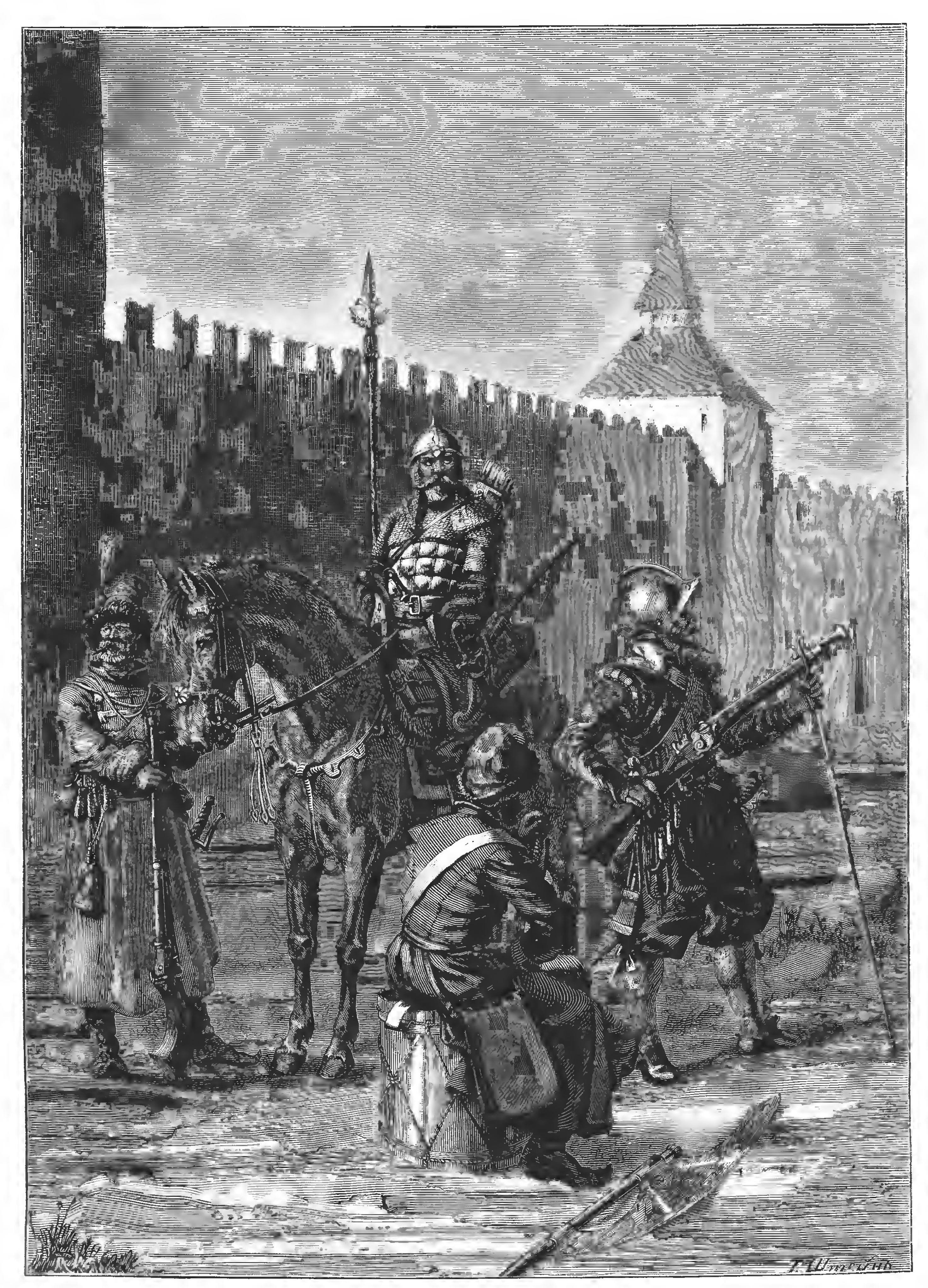
— Которыя нельзя разсказывать своей супругѣ! Но я не допускаю этого. Я желаю, чтобъ мой мужъ мнѣ говорилъ все; чтобы онъ не имѣлъ отъ меня секретовъ, какъ я не имѣю. Я не могу быть счастлива съ человѣкомъ, которому отдала сердце, если онъ скрываетъ отъ меня свои поступки.

Аблейкуръ обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы узнать причину безпокойства своего племянника; но онъ ограничился тѣмъ, что заставилъ несчастнаго капитана играть какъ можно болѣе съ нимъ въ трикъ-тракъ—средство, которое, по его мнѣнію, должно было поддерживать въ капитанѣ самое лучшее расположеніе духа.

Пришло лѣто и семейство покинуло Парижъ, чтобы поселиться въ помѣстьи капитана, которое находилось въ окрестностяхъ



Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ". Повѣсть П. И. Мельникова. (IV ч., гл. 2). „Невидимый градъ Китежъ".
Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.



Русскіе воины XVI в. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

Фонтэнбло. Апремонъ, казалось, любилъ свою жену по прежнему. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобъ ей нравиться, чтобы предупреждать всѣ ея желанія Однако, такъ какъ Натали не любила прогулокъ, а предпочитала проводить время дома, то мужъ просилъ у нея разрѣшенія дѣлать ежедневно послѣ обѣда небольшую прогулку въ окрестностяхъ своей дачи. Эта просьба не имѣла въ себѣ ничего неестественнаго и Натали не находила причинъ ему отказать. Съ этого дня ежедневно послѣ обѣда капитанъ удалялся для своей прогулки, причемъ ничто и никакая погода не могла его удержать. За то онъ возвращался всегда въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Его припадки мрачной задумчивости и нетерпѣливости совершенно исчезли.

Однако Натали не могла успокоиться. Ея подозрѣнія становились все сильнѣе и сильнѣе. Она говорила сама себѣ: „странная вещь! Съ тѣхъ поръ какъ мы переѣхали сюда, въ моемъ мужѣ произошла видимая перемѣна. Но это послѣ того, какъ начались его послѣобѣденныя прогулки. Онъ иногда отсутствуетъ цѣлые два часа. Гдѣ онъ проводитъ это время? Онъ предпочитаетъ ходить одинъ. Въ его поведеніи что-то странное. Я не буду счастлива, покуда не открою эту тайну."

Иногда у Натали являлась мысль послать кого нибудь прослѣдить прогулку ея мужа, но она не хотѣла посвящать въ свои сердечныя безпокойства постороннихъ людей. Поэтому она рѣшилась обратиться къ своему дядѣ, который ей отвѣчалъ:

— Правда, что твой мужъ теперь играетъ меньше въ трикътракъ, что меня начинаетъ безпокоить. Но я не могу слѣдовать за нимъ во время его прогулокъ, такъ какъ я старъ и догнать мнѣ его трудно: поэтому всѣ попытки мои будутъ напрасны.

Однажды, когда были гости у капитана, одинъ изъ приглашенныхъ сказалъ ему смѣясь:

— Скажите пожалуйста, любезный капитанъ, что это вы вчера дѣлали, переодѣтый крестьяниномъ, у окна избушки, съ полверсты отсюда? Если бы я не летѣлъ въ карьеръ мимо васъ, я бы непремѣнно остановилъ лошадь, чтобы узнать, не охраняете ли вы тамъ интересы какой нибудь пастушки?

— Мой мужъ, переодѣтый крестьяниномъ! воскликнула Натали, смотря съ удивленіемъ на своего супруга.

— Мой другъ, вы ошибаетесь, сказалъ капитанъ, тщетно стараясь скрыть свое замѣшательство. Вы не могли меня видѣть.

— Не могъ васъ видѣть? сказалъ молодой человѣкъ, смущенный впечатлѣніемъ, которое произвели его слова на присутствующихъ. Я можетъ быть ошибся.

— Но какъ былъ одѣтъ этотъ человѣкъ? спросила Натали. Гдѣ находится эта избушка?

— Признаться, мнѣ трудно было бы узнать это мѣсто, отвѣчалъ молодой человѣкъ, стараясь поправить свою ошибку. Что касается до человѣка, онъ былъ одѣтъ въ синюю блузу и на головѣ фуражка. Ужъ не знаю право какъ я могъ принять его за капитана. Теперь я припоминаю, что и сходства съ нимъ не было большаго.

Натали не продолжала своихъ разспросовъ, но однако осталась убѣжденною въ томъ, что мужъ ея замѣшанъ въ какую-то интригу, заставлявшую его мѣнять свой костюмъ на платье крестьянина.

Оставшись одна, она горько заплакала, восклицая: „какъ я несчастлива, что вышла замужъ за человѣка, который скрываетъ отъ меня какія-то страшныя тайны."

Вскорѣ въ сердцѣ ея пробудилась ревность. Она начала подозрѣвать, что капитанъ имѣетъ какія нибудь любовныя интриги и потребовала отъ капитана возвращенія съ нею въ городъ. Всегда безпрекословно исполняющій ея прихоти, капитанъ немедленно возвратился въ Парижъ. Вначалѣ Натали не замѣчала въ немъ никакой перемѣны, но вскорѣ прежніе припадки начали проявляться въ немъ съ той же силой. Наконецъ онъ сказалъ ей:

— Милая моя, мнѣ непремѣнно нужно дѣлать вечеромъ мои прогулки. Это необходимо для моего здоровья. Я старый морякъ и мнѣ необходимъ воздухъ, я не привыкъ сидѣть въ душной комнатѣ послѣ обѣда.

— Да, я хорошо понимаю, отвѣтила Натали, стараясь скрыть свое волненіе. Идите, идите, это крайне полезно для васъ.

— Но, милая моя, если ты этимъ недовольна...

— Нѣтъ, нѣтъ, я вамъ не препятствую.

Такимъ образомъ капитанъ возобновилъ свои послѣобѣденныя двухъ-часовыя прогулки. Къ нему опять вернулось хорошее расположеніе духа.

— Я увѣрена, что онъ завелъ какую нибудь интригу! Полюбилъ другую женщину и не имѣетъ силъ не видѣть ее, говорила Натали, рыдая втихомолку. Вотъ чѣмъ разъясняются его тайныя прогулки. Ахъ, Боже мой, какъ я несчастлива! Тѣмъ болѣе несчастлива, что онъ всегда такой милый, такой любезный, что всегда исполняетъ безпрекословно всѣ мои желанія, такъ что не даетъ мнѣ права назвать его чудовищемъ, обманщикомъ. Но я не могу этого ему не сказать, ужь это становится невыносимымъ. Но прежде я хочу достать доказательства его измѣны — и я ихъ достану!

Натали направляется къ своему дядѣ. Она взволнована, глаза ея наполнены слезами. Подходя къ нему она восклицаетъ:

— Ахъ, я самая несчастная изъ женщинъ!

— Въ чемъ дѣло? спокойно спрашиваетъ ее старый холостякъ, принимая болѣе удобную позу въ своемъ вольтеровскомъ креслѣ. Что случилось?

— Мой мужъ ходитъ каждый день гулять два часа послѣ обѣда. Это ужасно! Онъ возвращается всегда веселымъ, привѣтливымъ. Клянется, что обожаетъ меня какъ въ день свадьбы. Это не натурально Здѣсь кроется измѣна. Мой мужъ очевидно меня обманываетъ. У него какая-то интрига.

— Онъ играетъ со мной гораздо менѣе въ трикъ-тракъ, это правда, сказалъ глубокомысленно дядя. Однако...

— Ахъ дядя! если вы мнѣ не поможете открыть эту тайну, я умру съ горя. Я рѣшусь на что нибудь ужасное. Я разведусь съ мужемъ.

— Но, милая...

— Милый дядя, вы такъ добры, такъ любезны, сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе: узнайте гдѣ мой мужъ проводитъ вечера.

— Я дѣйствительно люблю служить другимъ. Я всю жизнь провелъ въ этомъ. Но я не понимаю, какъ...

— Повторяю вамъ, дядя, мнѣ нужно раскрыть эту тайну, или вы можете лишиться племянницы.

Аблейкуръ не хотѣлъ лишиться ни племянницы, ни племянника, онъ чувствовалъ, что ссора супруговъ нарушитъ беззаботную жизнь, которую онъ велъ въ ихъ обществѣ. Поэтому онъ рѣшился успокоить по возможности Натали. Онъ нѣсколько разъ дѣлалъ видъ, будто бы слѣдитъ за капитаномъ во время его прогулокъ; но такъ какъ онъ это находилъ крайне утомительнымъ, то, отошедши нѣсколько шаговъ отъ дому, предоставлялъ капитана самому себѣ, послѣ чего возвращался къ племянницѣ и говорилъ ей:

— Я слѣдилъ за твоимъ мужемъ нѣсколько разъ. Онъ преспокойно гуляетъ совершенно одинъ, такъ что твои подозрѣнія не имѣютъ никакого основанія.

Натали однако на этотъ разъ поняла продѣлку дяди. Она сдѣлала видъ будто ему вѣритъ. Но рѣшившись наконецъ узнать правду, приказала позвать къ себѣ коммиссіонера, котораго ей рекомендовали какъ человѣка хитраго и опытнаго, и поручила ему выслѣдить на слѣдующій же день — куда отправится ея мужъ вечеромъ.

На другой день, когда мужъ ея ушелъ, Натали нетерпѣливо ожидала возвращенія коммиссіонера, который чрезъ полчаса вернулся усталый и покрытый пылью.

— Ну что ты узналъ, сказала Натали задыхающимся отъ волненія голосомъ. Что ты узналъ? Говори все, ничего не пропуская.

— Сударыня, я послѣдовалъ за этимъ господиномъ, какъ вы мнѣ приказывали. Онъ шелъ очень скоро, пока не пришелъ въ переулокъ въ окрестностяхъ города. Тамъ онъ вошелъ въ какой-то домъ. Дворника тамъ не было, чтобы разспросить, но я самъ прослѣдилъ въ какую дверь онъ вошелъ.

— Въ какой-то переулокъ! и не было дворника? Это ужасно! Что-жъ дальше?

— Я вошелъ за нимъ въ домъ, поднялся по лѣстницѣ и увидѣлъ какъ онъ дошелъ до третьяго этажа, отворилъ дверь ключемъ, который былъ у него въ карманѣ и вошелъ.

— Ты говоришь, что онъ открылъ самъ. Ты увѣренъ въ этомъ?

— О да, сударыня.

— Ахъ я несчастная! Онъ даже имѣетъ ключъ. И мой дядя смѣлъ еще его защищать. Но что же дальше?

— Когда онъ заперъ за собой дверь, я осторожно подошелъ и, стараясь дѣлать какъ можно меньше шума, началъ наблюдать чрезъ замочную скважину.

— Хорошо. Ты за это получишь лишнихъ 20 франковъ. Чтожъ онъ дѣлалъ?

— Я увидалъ какъ онъ потащилъ на самую средину комнаты большой сундукъ. Потомъ онъ началъ раздѣваться.

— Началъ раздѣваться! Боже мой, какъ я несчастна! Потомъ что?

— Потомъ... Я потерялъ его на нѣкоторое время изъ виду. Наконецъ я его снова увидѣлъ, одѣтымъ въ блузу и съ феской на головѣ.

— Чтожъ послѣ этого?

— Послѣ этого, сударыня, я думалъ, что узналъ достаточно и поспѣшилъ возвратиться, чтобы передать вамъ объ этомъ.

— Хорошо. Ступай за каретой. Потомъ жди меня внизу. Сядешь около кучера, покажешь ему дорогу и скажешь гдѣ ему остановиться.

Коммиссіонеръ отправился за каретой. Натали наскоро одѣвается и входитъ къ дядѣ, восклицая:

— Мой мужъ обманщикъ! Я имѣю въ томъ доказательства. Онъ теперь у своей любовницы. Онъ въ синей блузѣ. Но это ему не поможетъ.. Я его уличу.

И прежде чѣмъ дядя могъ ее удержать, Натали бѣгомъ спустилась по лѣстницѣ, сѣла въ карету и уѣхала.

Наконецъ карета остановилась у маленькаго трехъ-этажнаго домика и Натали вышла блѣдная и взволнованная, едва держась на ногахъ.

— Не прикажете ли сопровождать васъ, сударыня, спросилъ коммиссіонеръ.

— Нѣтъ, не надо. Я пойду одна.

И молодая женщина, едва удерживаясь за перила, поднимается по узкой и темной лѣстницѣ наверхъ. Наконецъ она дошла до третьяго этажа; но тутъ силы ее совсѣмъ оставляютъ. Она ударяетъ въ дверь и шепчетъ едва внятнымъ голосомъ:

— Отворите, ради Бога! или я умру.

Дверь открывается капитаномъ, который бросается поддержать свою супругу. Натали обводитъ комнату глазами и видитъ своего мужа одного, въ синей блузѣ, въ фескѣ, курящаго роскошную турецкую трубку небывалыхъ размѣровъ.

— Какъ! Натали! воскликнулъ капитанъ, смотря на нее съ изумленіемъ.

— Да сударь... Натали, которая узнала, что вы ей измѣнили, что вы переодѣваетесь, и которая наконецъ хочетъ знать причину вашего таинственнаго поведенія.

— Неужели, Натали, ты могла подумать, что я дѣлаю что нибудь дурное. Ты хочешь знать тайну моегои оведенія? Вотъ она: и капитанъ указалъ на свою турецкую трубку. До нашей свадьбы ты запретила мнѣ курить и я далъ слово исполнить твое желаніе. Нѣкоторое время я свято сохранялъ свое обѣщаніе; но если бы ты знала какъ мнѣ это было трудно. Мнѣ постоянно казалось, что мнѣ чего то недостаетъ для полнаго счастія. Это была моя трубка. И при мысли о ней я не могъ удерживаться отъ тяжелаго вздоха. Наконецъ я не могъ болѣе переносить эту жертву и лѣтомъ я нашелъ избушку, гдѣ я могъ безпрепятственно предаться моей страсти. Но чтобы платье мое не сохраняло запахъ табаку, который могъ меня выдать, я рѣшилъ завести особенный костюмъ, который и одѣвалъ предъ своей операціей и въ которомъ ты видишь меня теперь. Вотъ въ чемъ состоитъ вся тайна, милая моя. Извини, если я не исполнилъ твоего желанія, но какъ видишь, я сдѣлалъ все возможное, чтобы ты этого не замѣтила.

Натали уже бросилась въ объятія своего супруга. Она нѣжно цѣлуетъ его, говоря:

— Неужели! Такъ твоя тайна состоитъ въ этомъ? Ахъ, какъ я счастлива! Съ этихъ поръ, мой милый, можешь курить дома сколько хочешь. Я тебѣ препятствовать не стану

Натали возвратилась къ дядѣ, вся сіяющія отъ счастія, и говоритъ ему:

— Онъ продолжаетъ любить меня, милый дядя. Онъ обожаетъ меня. Онъ только курилъ... больше ничего. Я теперь желаю, чтобы онъ курилъ здѣсь сколько ему хочется. Я такъ рада...

— Есть возможность поправить это дѣло, сказалъ дядя. Ты можешь разрѣшить твоему мужу курить въ то время какъ онъ играетъ со мной въ трикъ-тракъ. Такимъ образомъ, думалъ дядя, я буду увѣренъ, что онъ каждый вечеръ будетъ играть со мной нѣсколько партій.

— Милая Натали, я воспользуюсь твоимъ позволеніемъ, но сдѣлаю все возможное, чтобы не безпокоить тебя.

— Ты слишкомъ добръ. Я такъ счастлива! Право мнѣ кажется, что я начинаю любить запахъ табаку.

Къ рисункамъ.

Во времена римско-галльскихъ войнъ.

(Рис. на стр. 420 и 421).

Были грозныя и дикія времена. Среди лѣсовъ и полей благословенной Галліи не было мира и спокойной жизни. Грозные легіоны, ведомые знаменитымъ вождемъ своимъ, какъ буря надвинулись на страну. То было за полвѣка до величайшаго событія въ христіанскомъ мірѣ—рожденія Христа Спасителя на дальнемъ Востокѣ. Кромѣ римлянъ, и гельветы, обитатели нынѣшней Швейцаріи, залили какъ волны своими толпами несчастную страну. Легіоны Цезаря мужественно встрѣтились съ ними и принудили уйти въ горы изъ тѣхъ мѣстъ, которыя были уже отвоеваны желѣзною рукою Рима. Въ это то время крови и грозныхъ передвиженій народовъ тяжко приходилось мирнымъ жителямъ Галліи. Все, что способно было носить оружіе, всѣ рабочія руки были заняты защитой своей родины, „желѣзо все перековано на мечи, копи всѣ на кровавыхъ поляхъ битвы“, какъ поетъ древняя пѣсня. Дома одни старики, женщины да дѣти. И вотъ, молодыя, сильныя дѣвушки и женщины, чтобы прокормиться и прокормить семью, сами должны работать на полѣ, и онѣ тащутъ тяжелую корягу, глубоко взрыхляя землю этимъ импровизированнымъ плугомъ, у котораго идетъ преклонный старецъ. Лица трудящихся серьезны и мрачны—они не могутъ забыть своихъ милыхъ, близкихъ, своихъ родныхъ воиновъ, которые на дальнихъ, кровавыхъ поляхъ битвъ мужественно и отчаянно отстаиваютъ свою родину. Картина извѣстнаго французскаго художника Люмине весьма эффектно передаетъ данную тему.

Весна.

(Рис. на стр. 425).

Изъ портфеля имѣющихся у насъ рисунковъ покойнаго талантливаго художника Н. С. Панова, бывшаго нашимъ постояннымъ сотрудникомъ, помѣщали мы уже неоднократно нѣкоторыя весьма интересныя вещи. Какого прекраснаго рисовальщика лишилось наше искусство, видно между прочимъ и изъ помѣщаемаго здѣсь рисунка—аллегорическаго изображенія шествія весны. Удивительно легко и нѣжно выдѣляется образъ юной весны, а въ нижнихъ рисункахъ съ такимъ мастерствомъ выражена даль и эффекты освѣщенія. Граверъ также достойно выполнилъ свою задачу.

Невидимый градъ Китежъ.

(Рис. на стр. 428).

Не однажды появлялись у насъ рисунки, изображавшіе различные эпизоды изъ извѣстнаго романа П. И. Мельникова „Въ лѣсахъ“. Достоинства его такъ значительны и многія сцены его такъ картинны, что мы продолжаемъ помѣщеніе этихъ иллюстрацій.

Настоящій рисунокъ относится къ одной изъ поэтичнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ сценъ романа—преданію о невидимомъ градѣ Китежѣ. „Ночь. Въ углубленіи между холмовъ, подъ вѣтвистымъ дубомъ, у озера сидитъ кучка людей. Тихонько бесѣду ведутъ. Возлѣ небольшой костеръ сушника тускло курится и дымится. Разсказываетъ старикъ поэтическую легенду о градѣ Китежѣ. Когда Батый убилъ при взятіи Китежа благовѣрнаго князя Георгія, запустѣлъ городъ и лѣсомъ поросла вся земля Заузейская и невидимымъ сталъ городъ — Господь явилъ чудо. И теперь лишь вѣрующимъ и усерднымъ бываетъ видимъ Господнимъ изволеніемъ...

— Видишь-ли, таинственно шепталъ старичекъ, — на этомъ мѣстѣ, гдѣ мы сидимъ городскія ворота... Отселева, направо, вокругъ всего города рвы копаны и валы насыпаны, а на валахъ дубовыя стѣны съ башнями. Мы, грѣшные, слѣпыми-то очами не видимъ, а это все тутъ... На правомъ холму храмъ Воздвиженья, а рядомъ Благовѣщенія, а на лѣвомъ холму Успенскій соборъ—межь соборовъ все дома — у бояръ каменны, а иныхъ чиновъ людей кондоваго лѣса... Праведный, имѣя очи отверсты, все это видитъ: и градъ, и церкви, и палаты... И какъ они въ озерѣ отражаются...

— О, Господи, Господи! вздохнула одна старушка.—Хоть бы глазкомъ взглянуть!

— Иного Господь удостоитъ—ежели прилечь къ землѣ—тихій звонъ колоколовъ слышенъ...

Все затихло кругомъ. Всѣ приникли къ землѣ ухомъ. Ночь стояла звѣздная и чудная.

— Первое дѣло усердіе, говорилъ тихонько старикъ. Въ безмолвіи пребывая, молитесь православные. И егда пріидетъ часъ блаженнымъ узрѣть градъ, услышишь звонъ серебряныхъ колоколовъ. Густой звонъ, малиновый, — заслушаешься! Лежи безмолвно, ничто же земное въ себѣ помышляя. Заря въ небѣ заниматься зачнетъ — гляди на озеро: узришь золотые кресты, церковныя главы. И тогда въ озерѣ, ровно въ зеркалѣ, узришь невидимый градъ: церкви, монастыри, княжія палаты, высокіе терема... А по улицамъ птица райская ходитъ и дивные единороги, у градскихъ воротъ львы и драконы стрегутъ...

Все молчало, прилегши къ землѣ. Словно тѣни тѣснились странники кругомъ. Костеръ трещалъ. Ночь шла звѣздная и тихая...“

Русскіе воины XVI вѣка.

(Рис. на стр. 429).

До восемнадцатаго столѣтія русскія военныя силы состояли изъ двухъ элементовъ — войска временнаго и постояннаго. Первое собиралось только въ военное время, по миновавіи же надобности опять расходилось по домамъ. Постоянное же войско должно было служить опредѣленный срокъ и кромѣ того имѣть одежду и оружіе установленнаго, однообразнаго вида, большею частью получаемыя отъ казны. Какъ у временнаго, такъ и у постояннаго войска первое мѣсто въ вооруженіи занимали *брони* или *доспѣхи*. Грудь защищалась панцыремъ, кольчугой, бахтерцемъ, зерцаломъ или другой какой либо металлической кирасой, служившей достаточной защитой при рукопашномъ боѣ. Бѣдняки, которымъ не по силамъ было имѣть желѣзный панцырь, носили на груди такъ называемый тегиляй, который дѣлался изъ сукна, а также изъ другихъ шерстяныхъ или бумажныхъ матерій, плотно подбивался холстомъ или пенькою, иногда съ прибавленіемъ панцырныхъ или кольчужныхъ колецъ и былъ насквозь простеганъ. Въ такомъ видѣ тегиляй оказывался неуязвимѣе любаго доспѣха. Голова нашего старинпаго воина защищалась шлемомъ или шишакомъ или просто мѣховой шапкой. На нашемъ рисункѣ есть образцы и того и другаго убора. Шлемы дѣлались часто съ носомъ, т. е. продольною желѣзною полосою, которая съ успѣхомъ отражала сабельные удары врага, если они наносились по лицу; шея защищалась спускавшейся на нее со шлема сѣткою. До самаго начала

царствованія Петра, въ наибольшемъ употребленіи было почти одно холодное оружіе, хотя огнестрѣльное было извѣстно уже въ концѣ XIV вѣка. Первое ручное и огнестрѣльное оружіе, которое употреблялось русскимъ войскомъ, были пищали. По наружности эти пищали походили на нынѣшнія ружья и состояли изъ желѣзнаго ствола, прикрѣпленнаго къ деревянному станку съ прикладомъ. Зелье, т. е. порохъ насыпался въ пищаль черезъ такъ называвшееся устье. Пищали эти и затѣмъ ружья были очень тяжелы, такъ что и стрѣляли изъ нихъ не иначе какъ съ подпорокъ, какъ изображено на рисункѣ. Введеніе огнестрѣльнаго оружія мало по малу дало перевѣсъ въ русскомъ войскѣ пѣшему строю надъ коннымъ, тогда какъ прежде, съ XV столѣтія, русскіе употребляли почти исключительно одну конницу, подражая въ этомъ отношеніи монголамъ. Даже въ сухопутномъ походѣ всякій воинъ долженъ былъ быть на конѣ; кто же не имѣлъ коня, того наряжали въ городовую службу. Такихъ пѣхотинцевъ впрочемъ было немного и они употреблялись въ военномъ дѣлѣ исключительно для обложенія и осады крѣпостей.

Ксенія Ивановна Романова.

Ксенія Ивановна Романова, которой нѣсколько суровый образъ сохранился на стѣнахъ романовской галлереи, была одною изъ замѣчательныхъ историческихъ женщинъ до-петровскаго времени. Уже одно то, что она была матерью юнаго царя, перваго вѣнценосца изъ дома Романовыхъ, давшаго Россіи миръ и спокойствіе, послѣ тяжкихъ годовъ смуты и анархіи — уже одно то даетъ ей важное историческое значеніе; но и помимо этого факта, есть много еще другихъ, которые даютъ этой русской женщинѣ полное право на память потомства. Ксенія Ивановна была дочь дворянина Ивана Васильевича Шестова. Бракъ ея съ Өедоромъ Никитичемъ Романовымъ совершился около 1590 г., и молодые супруги безмятежно наслаждались жизнью и семейнымъ счастіемъ, пользуясь благоволеніемъ какъ царя Өеодора такъ и его преемника, царя Бориса. Но вотъ, не прошло и двухъ лѣтъ послѣ восшествія на престолъ Годунова, какъ обстоятельства измѣнились и бѣда обрушилась на всю семью Романовыхъ. Ихъ обвинили въ чародѣйствѣ и чтобы сдѣлать по возможности безопасными — разослали по монастырямъ. Өедоръ Никитичъ былъ постриженъ подъ именемъ Филарета и заточенъ въ Антоніевъ-Сійскій монастырь, а жена его, Ксенія Ивановна, пострижена подъ именемъ Мареы, и сослана въ одинъ изъ пустынныхъ заонежскихъ погостовъ. Дѣтей разлучили съ матерью; младшій вскорѣ умеръ, а двое старшихъ — Михаилъ и Татьяна, были отправлены съ теткою, княгинею Мареою Никитичною Черкасскою на Бѣлоозеро. Участь жены и дѣтей оставалась долго совершенно неизвѣстною для несчастнаго узника Өедора Никитича, и по донесенію приставленнаго къ нему пристава, онъ часто вспоминалъ объ нихъ со слезами: „А жена моя, бѣдная! говорилъ онъ, — жива ли она? Что она туда завезена, куда и слухъ никакой не дойдетъ? Мнѣ ужъ что надобно! Бѣда на меня жена да дѣти; какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиною въ сердце толкнетъ“. Но вотъ обстоятельства измѣняются: Борисъ Годуновъ лишается престола и погибаетъ; на тронѣ является Лжедимитрій, и Өедоръ Никитичъ получаетъ свободу и даже жалуютъ его бояриномъ. И послѣ паденія самозванца онъ не перестаетъ быть очень виднымъ лицомъ, въ числѣ дѣятелей послѣдняго акта смутной драмы лихолѣтія, пока поляки не берутъ его въ плѣнъ какъ заложника. Мало-по-малу оправившаяся Русь ищетъ себѣ царя и наконецъ находитъ его въ шестнадцатилѣтнемъ сынѣ Ксеніи Ивановны Романовой, мудрой старицы Мареы, которая уберегла и вскормила этого сына въ страшную пору лихолѣтія и жила съ нимъ тогда въ Ипатьевскомъ монастырѣ близъ Костромы. Сюда то явилось 14 марта 1612 г. русское посольство изъ Москвы, чтобы звать юнаго Михаила на царство. „Съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“ отвѣчалъ избранный царь, что не хочетъ быть государемъ надъ русскою землею, а мать его, Мареа, объявила, что не благословляетъ сына на этотъ великій подвигъ. Старица Мареа сказала посламъ: „У сына моего и въ мысляхъ нѣтъ на такихъ преславныхъ великихъ государствахъ быть государемъ, онъ не въ совершенныхъ лѣтахъ, а московскаго государства всѣхъ чиновъ люди по грѣхамъ измалодушествовались — давъ свои души, прежнимъ государямъ не прямо служили“. „Сѣсть на московскомъ престолѣ, говорила Ксенія Ивановна, — это идти на явную гибель.“ Она наконецъ напоминала выборнымъ, что мужъ ея въ Литвѣ, въ плѣну и что узнавши объ этомъ избраніи сына его на царство, король не пощадитъ старца Филарета въ отомщеніе за свои неудачи въ русской землѣ.

Ксенія Ивановна Романова, родительница царя Михаила Өеодоровича.
Съ портрета Романовской галлереи Зимняго дворца. По фотогр. грав. Гельштейнъ.

Долго, долго всѣ мольбы пословъ были напрасны и только когда они начали грозить Мареѣ гнѣвомъ Божіимъ въ наказаніе, что она даетъ погибать русской землѣ до конца — только тогда старица благословила сына на царство. За этимъ подвигомъ она какъ бы отходитъ на второй планъ, но вліятельная ея рука виднѣется иногда среди первоначальныхъ осторожныхъ и умныхъ мѣропріятій юнаго царя. 2 мая 1612 г. состоялся торжественный въѣздъ въ Москву царя Михаила Өеодоровича и матери его, Ксеніи Ивановны, старицы Мареы. По возвращеніи Филарета Никитича изъ плѣна, отецъ и сынъ уже правятъ вмѣстѣ русскою землею и о старицѣ Мареѣ съ этихъ поръ встрѣчаются лишь рѣдкія и неважныя упоминанія. Она, какъ кажется, всецѣло посвятила себя служенію Богу, дѣламъ благотворенія и особенно попеченію о судьбѣ нѣкоторыхъ насильственно-постриженныхъ знатныхъ инокинь, которыя напоминали ей ея собственную горькую участь. Кромѣ того, она заботилась о воспитаніи царевичей и царевенъ, а также о хозяйствѣ двора, входя во всѣ его подробности. До насъ дошли даже свѣдѣнія о нѣкоторыхъ домашнихъ развлеченіяхъ старицы Мареы. Умерла Мареа Ивановна 1631 года января 27-го и погребена была въ усыпальницѣ рода Романовыхъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

„Господи, спаси меня!“

(Рис. на стр. 433)

О хожденіи Іисуса Христа по морю повѣствуютъ многіе евангелисты, но подробнѣе всѣхъ разсказываетъ объ этомъ св. Матеей, въ главѣ четырнадцатой. Послѣ чудеснаго насыщенія пяти тысячъ, Христосъ, желая уйти отъ народа, понудилъ учениковъ своихъ отправиться прежде его на другую сторону въ лодкѣ. Когда, въ четвертую стражу ночи, Онъ пошелъ къ нимъ, лодка была уже на срединѣ моря и сильно колебалась волнами. Христосъ пошелъ къ лодкѣ по морю и ученики, увидя Его, приняли за призракъ и закричали отъ страха. Іисусъ успокоилъ ихъ, и Петръ рѣшился на просьбу — позволить и ему идти по водѣ. Просьба была исполнена и Петръ пошелъ на встрѣчу Іисусу, но испугавшись на пути сильныхъ волнъ, началъ тонуть и закричалъ: „Господи, спаси меня!“ Іисусъ простеръ руку, чтобы поддержать его, и сказалъ: „Маловѣрный, зачѣмъ ты усумнился?“ Они вошли въ лодку и вѣтеръ утихъ. Событіе это часто выбиралось художниками сюжетомъ для своихъ картинъ, но ни одинъ не умѣлъ передать его съ такою силою и

„Господи! Спаси меня!". Съ картины В. Плокгорста, грав. Кезебергъ и Эртель.

наглядностью, какъ Бернардъ Плокгорстъ, который неоднократно черпалъ вдохновеніе изъ Книги Книгъ. Удивительно выражено это божественное спокойствіе лика Спасителя среди мятущейся бури и кипящихъ волнъ, и какъ противуположность этому спокойствію—встревоженное и молящее выраженіе лица Апостола.

На днѣ океана.

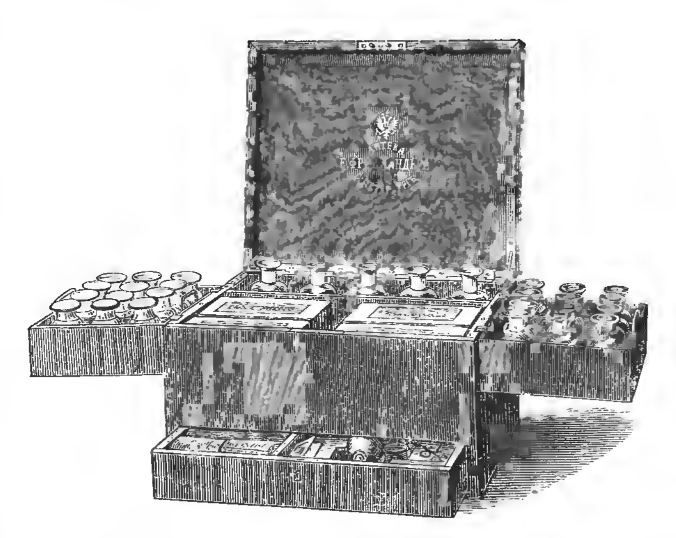
(Рис. на стр. 436 и 437).

Въ прошломъ году въ „Нивѣ" неоднократно помѣщались рисунки животныхъ, извлеченныхъ клиперомъ „Талисманъ" съ морскаго дна. Продолжаемъ знакомить читателей съ результатами этихъ любопытныхъ изслѣдованій. Рисунокъ на стр. 436 изображаетъ животныхъ подъ названіемъ криноиды, тѣло которыхъ имѣетъ форму чаши. Отъ края идутъ оконечности одиночныя, раздвоенныя, или развѣтвляющіяся, снабженныя по сторонамъ шипечками. Со спины выходитъ суставчатая вѣтвь, которая цѣпляется за окружающіе предметы. У этихъ видовъ антедонъ—актинометровъ, показанныхъ на рисункѣ, вѣтвь эта существуетъ только въ первое время жизни; въ извѣстную эпоху развитія тѣло освобождается отъ нея, между тѣмъ какъ у пентакринусовъ, демокринусовъ и батикринусовъ она во всю жизнь составляетъ часть тѣла животнаго. Криноиды всегда возбуждали живѣйшій интересъ натуралистовъ, какъ въ виду ихъ необыкновенной рѣдкости среди настоящей морской фауны, такъ и въ виду ихъ изобилія въ древнія геологическія эпохи. Дѣйствительно, животныя эти, часто встрѣчавшіяся въ періодъ силлурійскій, еще увеличились въ періодъ известковый, такъ что слои этого послѣдняго состоятъ преимущественно изъ остатковъ криноидъ. Затѣмъ, послѣ этого изобилія, криноиды, по словамъ Томпсона, погибли въ борьбѣ за существованіе; но мѣрѣ приближенія къ нашей эпохѣ, онѣ встрѣчаются все рѣже, такъ что одно время полагали, что теперь сохранились только однѣ антедоны. Благодаря однако подводнымъ изысканіямъ, мнѣніе это опровергнуто и стало извѣстнымъ. что пентакринусы, демокринусы и батикринусы во множествѣ водятся на днѣ морскомъ и образуютъ тамъ большія колоніи. Первые пентакринусы, встрѣчающіеся въ слояхъ чернаго мергеля и оолита, были привезены въ Парижъ въ 1755 г. съ Мартиники. Затѣмъ появлялись изрѣдка экземпляры, привозимые изъ Антильскаго моря. Въ 1870 г. былъ найденъ новый родъ пентакринуса, которому дано названіе пентакринусъ-Вивиль-Томпсони. Съ борта „Талисмана" два раза былъ спущенъ черпакъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ вышеупомянутый экземпляръ пентакринуса, первый разъ у береговъ Марокко, и второй напротивъ Рошфора. По извлеченнымъ экземплярамъ можно было удостовѣриться, что пентакринусы живутъ плотно прикрѣпившись къ грунту (какъ показано на рисункѣ), и чтобы отдѣлить ихъ, приходится сломать вѣтку, такъ какъ прицѣпки какъ бы припаяны къ грунту. На рисункѣ показанъ точный видъ морскаго дна на глубинѣ 3600 футовъ. Пентакринусы и свободно плавающая криноида-актинометра были прекраснаго зеленаго цвѣта, полипы—темнофіолетоваго, а крустацеи—бѣлаго.

Альціонныя, къ которымъ принадлежитъ группа кораллювъ, имѣютъ разнообразныхъ представителей на значительной глубинѣ. У Зеленаго мыса былъ выловленъ кораллъ, встрѣчающійся въ Средиземномъ морѣ, который въ большомъ количествѣ попадаетъ въ торговлю. Тутъ же, на глубинѣ 4500 футовъ были выловлены изисы и мопсеи, съ изящными вѣтками, составленными изъ серій известковыхъ цилиндровъ, на которыхъ, въ видѣ цвѣтовъ, помѣщались полипы, снабженные восемью двукрылыми щупальцами (рис. на стр. 437). Однимъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ коллекціи Талисмана являются губки. Самыя замѣчательныя изъ кремнеземныхъ губокъ, выловленныхъ „Талисманомъ"—это гольтеніи, имѣющія форму птичьихъ гнѣздъ. Въ своей окружности, или у основанія, онѣ состоятъ изъ тонкой кремнеземной ткани, дающей возможность прицѣпляться къ илу. Далѣе идутъ: эплектелла—въ формѣ длинныхъ, перевитыхъ трубокъ, гіалонема, кондрокладія, которая погружаетъ въ илъ бахрому изъ длинныхъ стрѣлокъ, кажущихся сплетенными изъ стекла. Въ числѣ кремнеземныхъ губокъ, у которыхъ стрѣлки спаиваются для образованія сѣтки, самыя замѣчательныя — это афрокалисты, прекрасный образчикъ которыхъ показанъ на стр. 437. Въ губкѣ этой иглы кремнезема соединяются между собою и образуютъ шестиугольныя петли. Продолженія, въ формѣ пальцевъ перчатки, идутъ отъ центральной части, и нѣкоторыя, встрѣчая плотное тѣло, скалу или кораллъ, прочно къ нимъ припаиваются. Верхняя часть губки заканчивается изящнымъ плетеніемъ изъ кремнезема. Внутренность афрокалисты вмѣщаетъ множество морскихъ животныхъ, такъ напр. кольчецовъ и особенно рода маленькихъ раковидныхъ животныхъ—галатей.

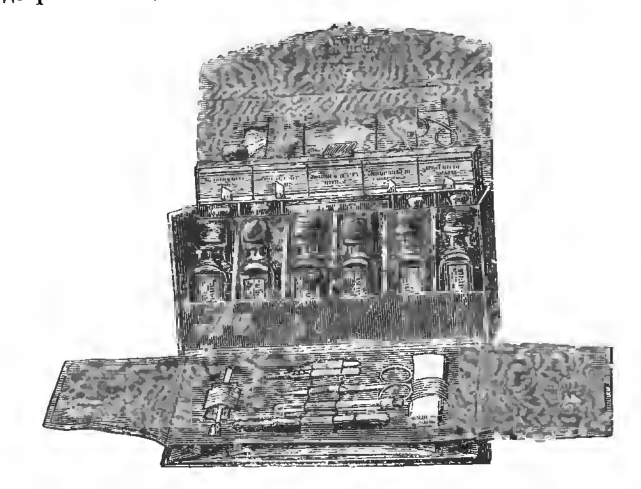
Домашнія аптеки.

Въ виду приближающагося лѣта мы считаемъ небезполезнымъ обратить вниманіе на то какъ въ деревнѣ и во время путешествія, а также иногда и въ городѣ, гдѣ не всегда можно воспользоваться немедленнымъ совѣтомъ врача, трудно оказать первую помощь въ случаяхъ внезапныхъ заболѣваній и поврежденій. А какъ много зависитъ отъ своевременной подачи первой помощи, особенно въ дѣтскихъ заболѣваніяхъ и при несчастныхъ случаяхъ, это излишне и разъяснять. Мы считаемъ весьма полезною въ такихъ случаяхъ домашнюю аптечку.



Такими домашними аптеками можно пользоваться до прибытія врача, такъ какъ онѣ содержатъ только такія средства, которыя могутъ быть употребляемы и безъ указанія врача. Врачу однако же слѣдуетъ объявить о существованіи въ домѣ подобной аптеки, чтобы дать ему возможность безотлагательно прибѣгнуть къ имѣющимся въ ней необходимымъ лекарствамъ и дополнить ихъ такими средствами, которыя безъ рецепта не отпускаются изъ аптекъ.

Мы имѣли случай ознакомиться съ разнаго рода домашними и дорожными аптеками, составленными аптекаремъ Е. Фридландеромъ (аптека его помѣщается на Гороховой ул. у Каменнаго моста) и желающіе могли бы напр. хоть у него воспользоваться такими аптечками, которыя составлены очень добросовѣстно.



Особенно практичны, по нашему мнѣнію, малые и большіе ящики, подъ названіемъ „Первая помощь при несчастныхъ случаяхъ". Они могутъ быть весьма полезны и даже необходимы не только для фабрикъ, но и вообще вездѣ, гдѣ скученно работаетъ значительное число людей.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Франція и Китай.—Турція. Италія.—Бельгія.

Въ „Правит. Вѣст." напечатано отъ 26 апрѣля оффиціальное сообщеніе, смыслъ котораго тотъ, что дѣйствія генерала Комарова вполнѣ согласовались съ данными ему приказаніями. „Предметомъ разногласія, говоритъ нашъ оффиціальный органъ, между императорскимъ и великобританскимъ правительствами могъ служить лишь вопросъ—которымъ изъ нихъ были правильнѣе истолкованы состоявшіяся между ними условія. Оба правительства согласились возобновить переговоры о пограничной чертѣ, на основаніи ранѣе состоявшихся предположеній, чтобы главные пункты границы были условлены между кабинетами, а точное опредѣленіе черты на мѣстѣ и постановка погра-

ничныхъ знаковъ предоставлены уполномоченнымъ для того съ каждой стороны лицамъ. Для облегченія работь по разграниченію, передовые посты будутъ передвигаемы по прибытіи коммиссіи на мѣсто, и по мѣрѣ опредѣленія направленія пограничной черты. Пункты будутъ занимаемы постами подлежащихъ сторонъ, на которыя падетъ за симъ обязанность поддерживать порядокъ и спокойствіе въ присвоенныхъ имъ территоріяхъ". Такъ заканчивается дѣло. Гладстонъ открыто заявилъ, что по его мнѣнію донесенія Ламсдена не отличались безпристрастіемъ; „я думаю, сказалъ премьеръ,—что онъ увѣдомлялъ насъ о происшедшемъ руководясь собственнымъ взглядомъ. Сдѣлано распоряженіе, чтобы онъ и Стюартъ немедленно прибыли въ Лондонъ", прибавилъ премьеръ въ заключеніе своей рѣчи.

Изъ Суакима сообщаютъ, что Османъ-Дигма сдѣлался снова чрезвычайно дѣятельнымъ и старается воодушевить своихъ сторонниковъ новою отвагою. Мелкія стычки почти не прекращаются; кромѣ того, недавно партія гадендовасовъ, при содѣйствіи бѣжлыхъ египетскихъ арестантовъ, перешедшихъ къ Осману-Дигмѣ, оборвала телеграфныя проволоки, повалила столбы и подложила порохъ подъ желѣзнодорожные рельсы. въ нѣсколькихъ мѣстахъ между Хондубомъ и Суакимомъ. Въ англійскомъ штабѣ господствуетъ мнѣніе о необходимости захвата Османа-Дигмы, живаго или мертваго, въ плѣнъ, и съ этою цѣлью, какъ слышно, состоится въ скоромъ времени новая экспедиція.

Замиреніе на крайнемъ востокѣ совершается до сихъ поръ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. На дняхъ генералъ Бріеръ де л'Иль донесъ своему правительству объ очищеніи Лангсона китайцами. Послѣдніе, повидимому, рѣшились на этотъ разъ честно выполнить всѣ предварительныя условія мира. По словамъ газеты „National", Фрейсинэ послалъ Патенотру, находящемуся теперь въ Тіенъ-Цзинѣ, подробныя инструкціи, относительно способа веденія переговоровъ, въ виду заключенія окончательнаго мирнаго трактата между Франціей и Китаемъ. Теперь опасаются лишь, что Китай, во избѣжаніе общей границы, потребуетъ, въ нѣкоторомъ родѣ нейтральной полосы. Предварительные переговоры, уже происходившіе въ Тіенъ-Цзинѣ, повидимому, несомнѣнно доказываютъ, что именно таково намѣреніе пекинскаго кабинета, и что французскіе агенты встрѣтятъ большія затрудненія для установленія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между югомъ Китая и Тонкиномъ.

Изъ Константинополя сообщаютъ, что по личному приказанію султана, адмиралъ Старке-паша и генералъ фонъ-деръ-Гольцъ-паша и Ристовъ-паша, всѣ трое нѣмцы, посѣтили вмѣстѣ съ Гуссейномъ-пашей Дарданеллы, съ цѣлью составить планъ защиты пролива съ моря и съ суши. Кромѣ того, адмиралтейство ведетъ переговоры съ средиземнымъ французскимъ кораблестроительнымъ заводомъ, относительно покупки новыхъ торпедныхъ судовъ.

Положеніе итальянцевъ на берегу Краснаго моря, по послѣднимъ извѣстіямъ, не особенно благопріятно, хотя слухи о пораженіи, нанесенномъ итальянскимъ войскамъ подъ Массовою и не подтвердились. Такъ въ Неаполѣ были получены письма изъ Массовы, сообщающія, что итальянскій уполномоченный Траверси, отправившійся въ Шоа черезъ Абиссинскія владѣнія, по приказанію короля Іоанна, былъ препровожденъ обратно за границу и уже вернулся теперь въ Массову. Въ тѣхъ же письмахъ говорится о необходимости движенія на Керанъ, чтобы этотъ важный пунктъ не достался въ руки мятежникамъ. Изъ Рима сообщаютъ, что коллегія кардиналовъ занята съ нѣкотораго времени весьма важнымъ вопросомъ о преемственности папской власти. Значительная группа кардиналовъ высказала тотъ взглядъ, что съ утратою свѣтской власти, папы перестали быть итальянскими государями, а потому и булла, устраняющая чужеземныхъ кардиналовъ отъ римскаго первосвятительскаго престола, должна быть отмѣнена. Другая группа держится противоположнаго мнѣнія, и утверждаетъ, что утрата свѣтскаго владычества не исключаетъ права римскаго первосвященника считать себя итальянскимъ государемъ, а потому и принципъ, устраняющій отъ первосвятительской тіары иноземныхъ кардиналовъ, долженъ сохраниться во всей своей силѣ. Левъ XIII рѣшилъ передать этотъ вопросъ на заключеніе конгрегаціи кардиналовъ.

Недавно бельгійская палата представителей разсматривала законопроектъ, разрѣшающій королю принять титулъ главы государства Конго. Бернертъ, глава кабинета, въ энергической рѣчи высказалъ многочисленныя причины, обязующія палату принять законопроектъ, и старался разсѣять опасенія, которыя могъ бы возбудить означенный проектъ. Онъ въ особенности указывалъ на торговый интересъ, который имѣетъ Бельгія, содѣйствуя успѣху африканскаго предпріятія. Принятіе проекта было встрѣчено рукоплесканіями и криками: „Да здравствуетъ Король!.."

Смѣсь.

О кладахъ и древностяхъ. Наступившая пора обширныхъ земляныхъ работъ по распашкѣ полей, прорытію канавъ, проведенію желѣзныхъ дорогъ и т. д. сулитъ по обыкновенію открытіе разныхъ зарытыхъ въ землѣ древностей, представляющихъ любопытный и нерѣдко единственный научный матеріалъ для разъясненія нашего древняго быта. Каждому понятна важность подобныхъ находокъ. Каждому слѣдовало бы принять участіе въ сохраненіи старинныхъ кладовъ, если объ открытіи такихъ приведется узнать въ своей мѣстности.

Самое простое проявленіе такого участія (въ случаѣ невозможности принять болѣе дѣятельныя мѣры) заключается въ краткомъ, но немедленномъ, извѣщеніи объ открытомъ кладѣ Императорской Археологической Коммиссіи, или ближайшей мѣстной власти, чтобы дать ей возможность по горячимъ слѣдамъ собрать о немъ необходимыя свѣдѣнія и устранить расхищеніе или пропажу клада. Такъ какъ большая часть подобныхъ находокъ дѣлается обыкновенно простолюдинами, которые въ избѣжаніе „дѣла" или стараются скрыть найденный кладъ, или нерѣдко сбываютъ его первому встрѣчному лицу за безцѣнокъ, тогда какъ онъ, помимо научной цѣнности, имѣетъ еще значительную матеріальную стоимость, то и находчикамъ и лицамъ, на землѣ которыхъ кладъ найденъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что за древности, представляемыя ими казнѣ и пріобрѣтаемыя послѣднею, выдается соотвѣтственное денежное вознагражденіе, а именно не только цѣна дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вещества, изъ котораго вещи сдѣланы, но и особая добавочная сумма, сообразная со степенью древности и рѣдкости найденныхъ предметовъ.

Древности, которыя находчикъ или владѣлецъ земли пожелаетъ оставить за собою, или Коммиссія почему-либо не признаетъ нужнымъ пріобрѣсти, будутъ возвращаемы по принадлежности, съ оплатою всѣхъ расходовъ.

Найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно въ Археологическую Коммиссію (въ С.-Петербургѣ, въ зданіи Императорскаго Эрмитажа), или чрезъ мѣстные Статистическіе Комитеты, съ которыми она, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

Чѣмъ скорѣе Коммиссіи будетъ доставленъ найденный кладъ и выражена готовность находчиковъ уступить его казнѣ, тѣмъ скорѣе и Коммиссія будетъ имѣть возможность удовлетворить лицо, заинтересованное въ полученіи причитающагося ему вознагражденія.

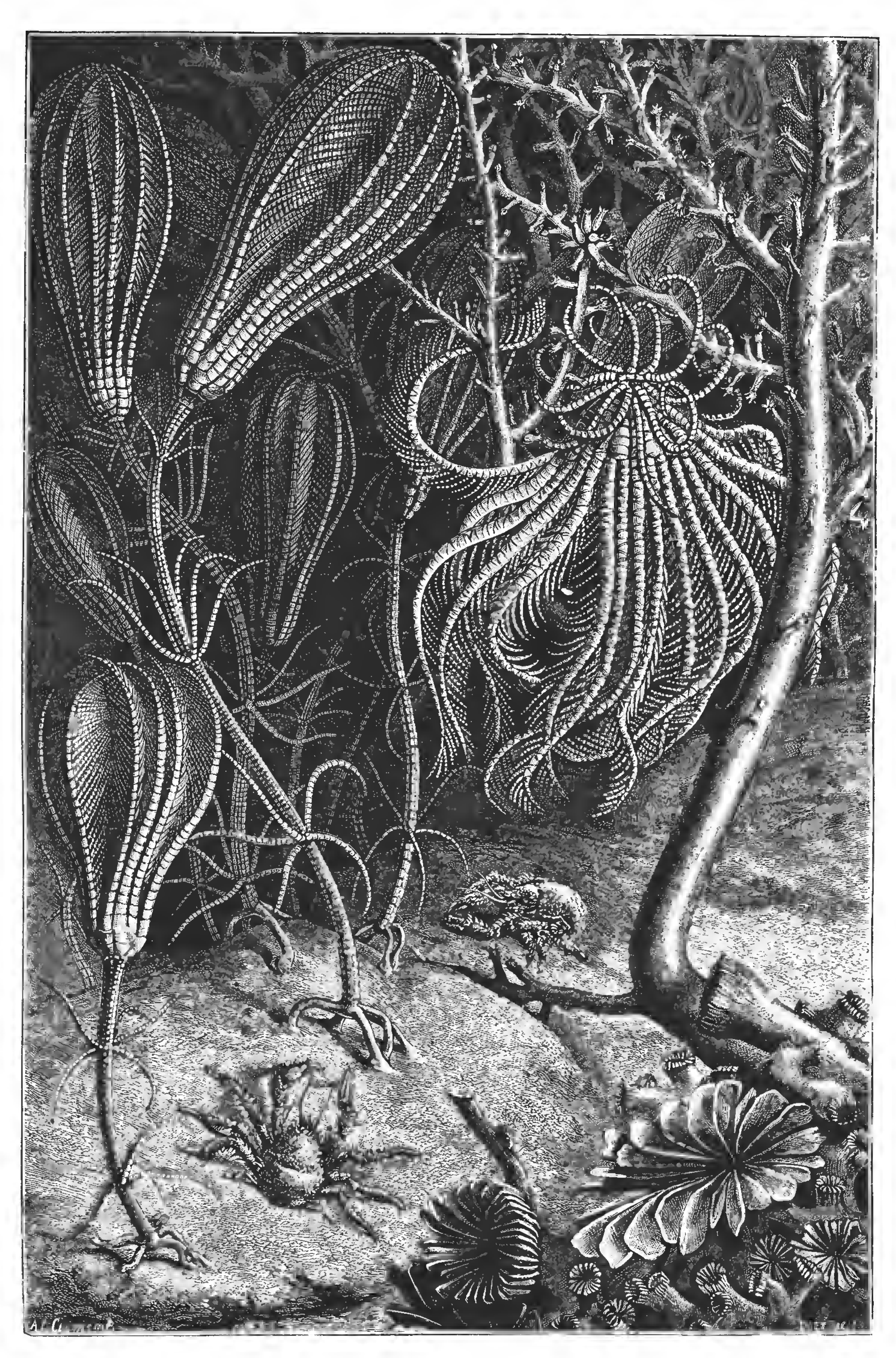
Всемірная выставка въ Антверпенѣ. Недавно послѣдовало открытіе выставки въ Антверпенѣ въ присутствіи короля Бельгіи, дипломатическаго корпуса, палаты представителей, сената и всѣхъ высшихъ чиновъ страны, пріѣхавшихъ для того въ спеціальныхъ поѣздахъ. На Восточномъ вокзалѣ король Леопольдъ II былъ горячо привѣтствованъ населеніемъ. Гражданская стража и войско образовали шпалеры вдоль аллей Кейзера, Художествъ, Промышленности и Южной, но только съ одной стороны, такъ какъ король выразилъ желаніе видѣть непосредственно антверпенцевъ проѣзжая по городу. Всѣ дома были прекрасно убраны. На выставкѣ король былъ встрѣченъ въ парадной залѣ исполнительнымъ комитетомъ во главѣ съ предсѣдателемъ Линеномъ, который въ краткой рѣчи пояснилъ цѣль выставки. Парадная зала, вмѣщающая 7000 человѣкъ, представляла неописуемое зрѣлище, когда оркестръ и хоры, составляющіе 1400 человѣкъ, исполнили торжественную пѣснь Петра Бенуа, который дирижировалъ этими инструментальными и вокальными массами. З: хораломъ, оканчивающимъ это грандіозное сочиненіе, началось пѣніе канона и всѣ собравшіеся восторженно стали аплодировать. Затѣмъ всѣ направились въ промышленный отдѣлъ, въ концѣ котораго находится монументальная лѣстница. Сверху этой лѣстницы, образующей террасу, открывается видъ на всю машинную галлерею. Тутъ министръ промышленности, земледѣлія и общественныхъ работъ просилъ короля объявить выставку открытой. По знаку Леопольда II громадное собраніе всѣхъ механизмовъ было пущено въ ходъ. Зрѣлище не поддается описанію. Нигдѣ не было ничего подобнаго этому четырехсторонику въ 2000 квадратныхъ метровъ, гдѣ дѣйствовала механика, паръ и электричество. Побывавъ въ различныхъ отдѣлахъ, король закончилъ осмотръ выставки отдѣломъ художественнымъ."

Цѣнность работы. Мы видимъ на желѣзѣ какую цѣнность и значеніе придаетъ отдѣлка и обработка предметамъ даже ничтожной стоимости. Указываютъ для сравненія насколько часовая пружина дороже цѣлаго фунта желѣза; слѣдующее перечисленіе различныхъ степеней обработки дастъ болѣе ясное понятіе о цѣнности самой „работы": центнеръ желѣзной руды въ рудникѣ стоитъ всего 30 пфениговъ, центнеръ необработаннаго желѣза уже стоитъ 3 марки, чугуна—9 марокъ, полосоваго желѣза—9,30 мар., жести—11,50 мар., проволоки—12 мар., литой стали—27 мар., ножевыхъ лезвій отъ 1.500 до 2,100 мар., а тончайшихъ часовыхъ пружинъ—шесть милліоновъ марокъ. Послѣдняя отдѣлка увеличиваетъ стоимость желѣза въ 20 милліоновъ разъ.

Реставрированіе серебра. Для приданія потускнѣвшимъ серебрянымъ вещамъ блестящаго и совершенно новаго вида, слѣдуетъ положить ихъ въ кострюлю съ водой и прокипятить, прибавивъ предварительно къ водѣ немного поваренной соли, квасцовъ и кремортартора, въ равныхъ частяхъ. Вынувъ вещи изъ воды, обтереть ихъ до суха мягкимъ полотенцемъ.

Не проходитъ недѣли безъ новаго открытія или усовершенствованія въ области электричества. Здѣсь рѣчь идетъ о телефонѣ, превосходящемъ звучностью и ясностью всѣ остальные звукопроводники. „Опыты съ телефономъ, произведенные недавно, дали удивительные

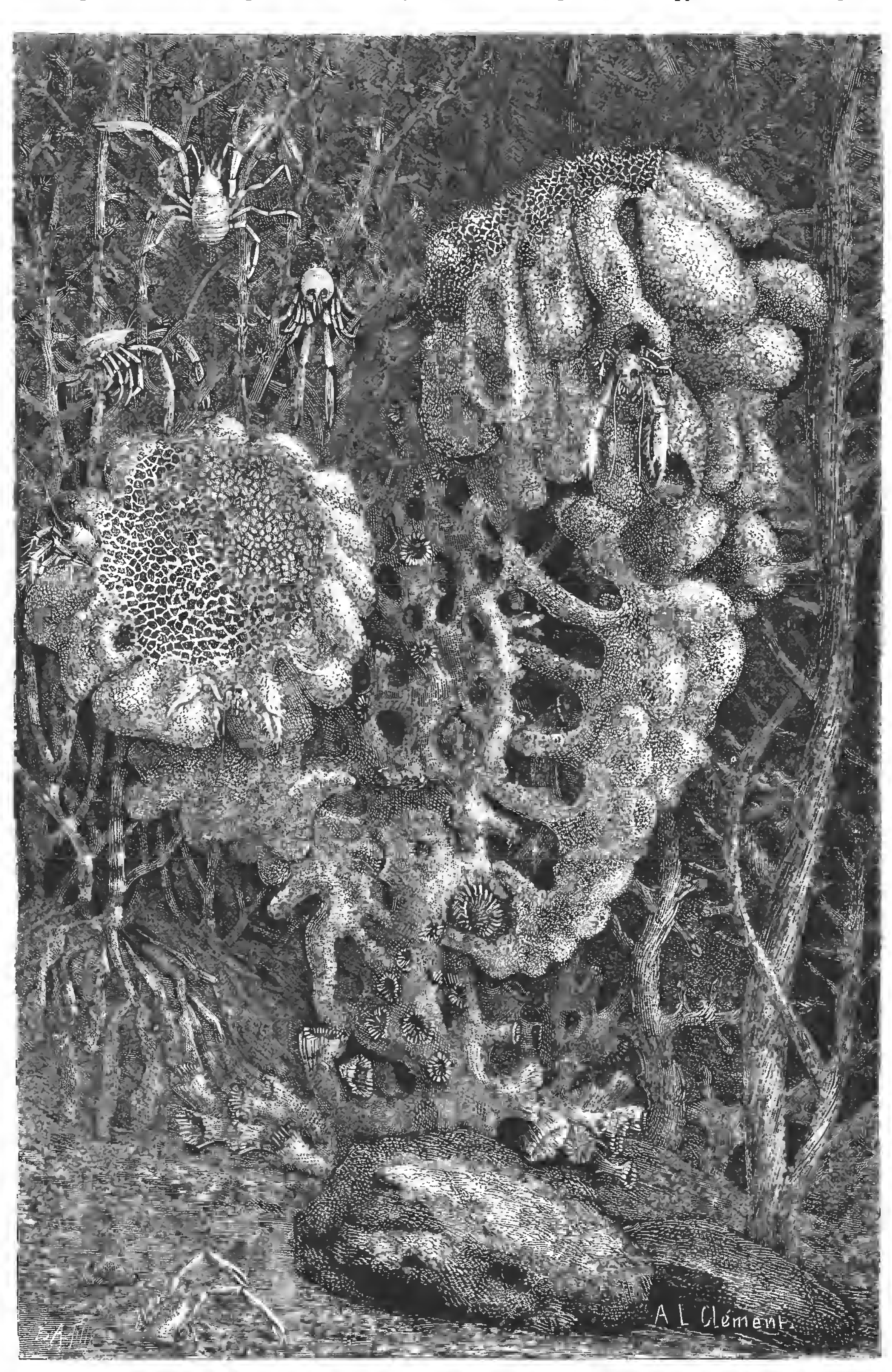
вительные результаты. Въ третьемъ этажѣ дома географическаго общества въ Парижѣ былъ помѣщенъ небольшой оркестръ (фортепіано, три скрипки и валторнъ) и два хориста, на разстояніи же нѣсколькихъ метровъ поставленъ звуковой проводникъ; звукопріемникъ находился въ нижнемъ этажѣ въ большой залѣ, вмѣщающей до 500 человѣкъ. Музыка ясно слышалась во всей залѣ, ни одна нота не про- еще не объясняетъ устройства своего усиливающаго звукъ телефона. Хотя звукопріемникъ и звукопроводникъ оба новой конструкціи, сила звука составляетъ особенность послѣдняго. Для полученія удачныхъ опытовъ аппаратъ предварительно нагрѣвается (отъ 13°—37° по Цельзію); докторъ Охоровичъ самъ назвалъ его „термомикрофонъ". Какъ у всѣхъ телефоновъ, звукопріемникъ можетъ служить и звуко-



На днѣ океана, на глубинѣ 3600 ф. Изслѣдованія клипера „Талисманъ". Криноиды чашеобразныя. Рис. Дитрихъ, грав. Клеменцъ.

падала, голоса хористовъ также хорошо выдѣлялись. Когда прочли стихи, каждое слово ясно и отчетливо доносилось до слушателей. Можно было присутствовать на первомъ представленіи „Риголетто" въ залѣ министерства почтъ и телеграфовъ, соединенной съ оперой посредствомъ новаго телефона. Изобрѣтатель д-ръ Охоровичъ—онъ проводникомъ, но не придаетъ звукамъ болѣе полноты, чѣмъ адеровскіе телефоны. Охоровичъ вѣроятно въ скоромъ времени подробнѣе разъяснить свой термомикрофонъ, особенно удобный для лицъ, которыя могли бы присутствовать на засѣданіяхъ парламента, оставаясь въ своемъ кабинетѣ.

Успѣхи пневматическихъ примѣненій во всѣхъ почти главныхъ городахъ Европы и Англіи, для отправленія писемъ и небольшихъ посылокъ, навели французскаго инженера Берлье на мысль установить пневматическое сообщеніе въ большихъ размѣрахъ между Парижемъ и Лондономъ. Берлье не видитъ никакихъ непреодолимыхъ техническихъ препятствій—весь вопросъ въ деньгахъ. Нужны будутъ двѣ чугунныхъ трубы сантиметровъ въ 300 въ поперечникѣ: одна для пути въ Англію, другая—обратно; эти трубы должны быть проложены на три главныя разстоянія: отъ Парижа до Калэ—297 километровъ, отъ Калэ до Дувра по дну канала—39 кил., отъ Дувра до Лондона—139 кил.; длина трубъ въ общемъ—475 кил. Трубы по проэкту должны быть проложены рядомъ съ полотномъ Сѣверной ж. д. Самая высокая точка—121—132 метра, самая глубокая въ каналѣ—56—70 метровъ. Принимая во вниманіе неровности почвы, треніе и прочія неудобства—для отправленія въ часъ времени изъ Парижа въ Лондонъ или обратно поѣзда вѣсомъ въ десять килограммовъ и съ грузомъ въ пять килограммовъ, достаточно машины въ 60 силъ. Давленіе воздуха въ трубахъ едва равняется двумъ атмосферамъ. Берлье считаетъ всѣхъ расходовъ 34 милліона; онъ надѣется дать компаніи 5% съ капитала и столько же дивидента, предполагая отправлять ежедневно 20 нагруженныхъ поѣздовъ, приносящихъ каждый 83 франка валоваго дохода въ день.



На днѣ океана, на глубинѣ 4500 футовъ. Изслѣдованія клипера „Талисманъ". Мопсеи съ галатеями и губки на кораллахъ.
Рис. Тилли, грав. Клеменъ.

Рѣшеніе ребуса № 14

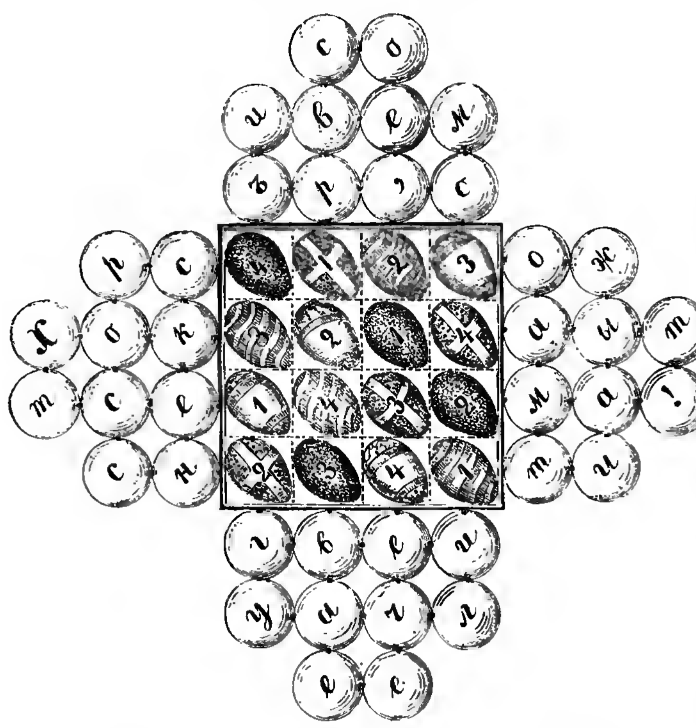
(помѣщеннаго въ № 12 „Нивы“).

„Одинъ въ полѣ—не воинъ.“

Рѣшенія этого ребуса присланы отъ 548 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ и не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 13

(помѣщенной въ № 12 „Нивы“).



„Христосъ Воскресе, многоуважаемые читатели!“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг: **СПб.**—Цаце, Сухоровскаго, Дитмана, **Бахчисарай**—Дремджи, **Болотиово**—Заиарзина, **Б. Коровиио**—В. К. Терскаго, **Елатьма**—А. П., **Кіевъ**—Шилохвастова, **Липецкъ**—Моссина, **Лубны**—Страдецкаго, **Тула**—Нейландъ, Струкова, **Чудово**—Ивановской

Рѣшеніе алгебраической задачи № 12

(помѣщенной въ „Нивѣ“ № 11).

1) j—p=i+b	a=14=н	10) k—d=½g	j=15=о
2) o:e=3:1	b=1=а	11) f—i=a—b	k=7=ж
3) h+l=e—b	c=25=ш	12) o+e+l=k—2	l=29=ь
4) f:e=p:4	d=1=а	13) a:k=2:1	m=33=я
5) f+p=n	e=5=д	14) b+l=h—n	n=3=в
6) g:n=4:1	f=15=о	15) q—n=√27000	o=15=о
7) o—n=√1728	g=12=л	16) a+d=g+n	p=12=л
8) c+j=m+k	h=33=я	17) q—a=g+k	q=33=я
9) c—f=2e	i=2=б		

Наша доля—Божья воля.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Аверьянова, Гуглинскаго, В. Д., В. С. Е., Кедроливанскаго, Боровина, Бубнова, Эфросъ, Шнейдеръ, Пермиловскаго, Лапшина, Перетерскаго, А. И. З., Черенъ-Спиридовича, Бромадтъ, Емельянова; **Мосива**—Якоби, Вильгельмъ, Галицкаго, Глинтерника, Мазаракій, Н. М., Захарова, Матвѣева, Биндлеръ, Путята, Соколова, Бруцкусъ, Протопопова, Ивакина; **Астрахань**—Коссовскаго, Черкасова; **Балахна**—Граціанова; **Бердичевъ**—Гольденбергъ; **Березна**—Бурнаго; **Бобруйскъ**—Попова; **Богородскъ**—Спиявина; **Болотиово**—Зельманъ; **Бутское**—Надежнаго; **Бѣжецкъ**—Успенскаго; **Варшава**—Бухъ, Наумова; **Велюнь**—Лѣнова; **Вильно**—Грейффенфельдъ; **Винница** Рабиновича; **Владикавказъ**—Куранева; **Владиміръ**—Гаврилова; **Вологда**—Маакъ; **Гельсингфорсъ**—Аиербургъ; **Городецъ**—Салова; **Елатьма** Шелоумова; **Житоміръ**—Вайнлудь; **Зарайскъ**—В. А. А.; **Иваново-Вознесенскъ**—Хлѣбникова, Мыльникова; **Калуга**—Соколова; **Каменка**—Барышева; **Камышинъ**—Волконскаго; **Керчь**—Зенцельскаго; **Кишиневъ**—Мазуръ, Яржембскаго; **Кіевъ**—Бѣляева, Торичнева, Днѣпровскаго, Черненкаго, Ковесникова, Шилохвастова; **Ковно**—А. В. С., Левинсонъ; **Когрсевъ**—Адамовичъ; **Коза**—Кузнецова; **Козельскъ**—Бесаренко; **Кострома**—Груздева; **Кронштадтъ** Никифорова, Асташевой; **Курскъ**—Сергѣевой, Рыжкова, Мазуръ; **Лебедянь**—Чуркина; **Липецкъ**—Моссинъ; **Лухъ**—Брызгалова; **Люблинъ** Приготъ; **Малмышъ** Гаврилова; **Медвѣдь**—Долли; **Моршанскъ**—Воскресенской; **Мценскъ**—Бобриковой; **Мѣна** Лифшицъ, Бергеръ; **Немировъ**—Кельберъ; **Николаевъ**—Гринбергъ; **Новый Бугъ** Гурѣева; **Новочеркасскъ** Мильштейнъ, Филиппова; **Одесса**—Савосиной, Гельфрейхъ; **Пенза**—Жанъ-Леппинъ; **Полтава**—Богдановскаго; **Ровно**—Водопьянова; **Родники**—Юшицкаго; **Рыльскъ**—Аристарховой; **Самара**—Медемъ; **Саратовъ**—Вадовской; **Севастополь**—Дремджи; **Симбирскъ**—Охотникова; **Симферополь**—Гринбергъ, Коганъ, Музлумова; **Слуцкъ**—М. Н.; **Сорочинская**—Романовскаго; **Софія**—Чеселіева; **Ставрополь**—Яньшина, Попова; **Старобѣльскъ**—М....скаго; **Тамбовъ**—Коржавина; **Ташкентъ**—Лифантьева; **Тверь**—Неприхина; **Тейково**—Авзманъ; **Тифлисъ**—Татевосянцъ; **Тотьма**—Харламова; **Трусовка**—Гофманъ; **Тула**—Т. Р., Оболенскаго, Сахарова; **Харьковъ**—Шимковича, Скворцова; **Цѣхановъ**—Ермолаева; **Черкассы**—Д. Береза; **Чугуевъ**—Краковецкаго; **Чудово**—Тимофѣева.

СОДЕРЖАНІЕ: **Поль Гейзе** (съ портр.).—**Искушеніе.** Повѣсть **Я. П. Полонскаго.**—**Тайна съ переодѣваньемъ.** Разсказъ **Оттле.**—**Во времена римско-галльскихъ войнъ** (съ рис.).—**Весна** (съ рис.).—**Невидимый градъ Китежъ** (съ рис.).—**Русскіе воины XVI вѣка** (съ рис.).—**Ксенія Ивановна Романова** (съ рис.).—**„Господи, спаси меня!“** (съ рис.).—**На днѣ океана** (съ 2 рис.).—**Домашнія аптеки** (съ 2 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Рѣшенія ребуса и задачъ.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1885 г., съ 28 рис. и отдѣльн. листомъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 35 рис. рукод. работъ.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—4

Цѣна за флаконъ **35** коп. Съ пересылкой 2 флак. **1** руб., 4 флак. **1** руб. **70** коп., 6 флак. **2** руб **10** коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА Ф. А. КЛИМА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій, 21 (прот. Бол. Конюшенной), предлагаетъ свои услуги по покупкѣ и продажѣ всѣхъ процентныхъ бумагъ, акцій желѣзныхъ дорогъ, страховыхъ, промышленныхъ, транспортныхъ и другихъ обществъ, а также частныхъ банковъ по покупкѣ и продажѣ иностранныхъ монетъ и векселей, по залогу и перезалогу цѣнныхъ бумагъ на срокъ или до востребованія („on call") и по всѣмъ другимъ, касающимся банковаго дѣла, порученіямъ, которыя исполняетъ съ совершенною аккуратностью за самое умѣренное вознагражденіе.

СТРАХОВАНІЕ

выигрышныхъ билетовъ отъ предстоящаго тиража погашенія по

СОРОКЪ КОП.

страховая квитанція высылается по почтѣ **на счетъ конторы**. безъ всякой доплаты.

ПРОДАЖА 5% БИЛЕТОВЪ

I и II Государственныхъ внутреннихъ съ выигрыш. займовъ съ разсрочкою платежей

производится конторою на слѣд. условіяхъ: задатокъ **15 руб.** на билетъ, остальная сумма уплачивается ежемѣсячными взносами, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБ. ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со дня внесенія задатка всякій выигрышъ, который падетъ на проданный билетъ, принадлежитъ вполнѣ покупателю. Р. № 3971

ПОЛУ-СУХОЕ. — РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. — РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ. — ОЧЕНЬ СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

извѣстной фабрики въ Россіи и заграницей

Н. П. ЛАНИНА,

въ Москвѣ. Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ", ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:	ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль . . . . . 1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль . . 1876 г.
3. Серебряная медаль . . . . . 1860 „	2. Филадел. выстав. медаль . . 1876 „
4. Похвальный отзывъ . . . . . 1864 „	3. Парижъ. выст. поч. отз. . . . 1878 „
5. Серебряная медаль . . . . . 1865 „	4. Амстердам. выст. медаль . 1883 „
6. Серебряная медаль . . . . . 1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл. 1883 „
7. Медаль . . . . 1870 „	**ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:**
8. Золотая медаль . . . . . . 1872 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.
9. Высочайшая благодарность 1875 „	2. Съ 1872 г. по 1882 г..
10. Золотая медаль . . . . 1882 „	

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ" приготовлено **изъ чистаго русскаго виноградного вина,** и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. **1 р. 50 к. за бутылку.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО":

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

по 2 р. за бут.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB. — **ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.**

Въ редакціи журнала „ПРИРОДА и ОХОТА" (Москва. Мясницкая, у Красныхъ воротъ) и во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОХОТНИЧІЙ КАЛЕНДАРЬ",

составленный редакторомъ журнала—**Л. П. Сабанѣевымъ.** 640 страницъ большаго формата, убористой печати и 382 рисунка (всѣ породы охотн. звѣрей и птицъ, собакъ, ружья охотн. принадлежности, снаряды для уженья рыбы и пр.).—Календарь содержитъ, въ календарномъ порядкѣ, указанія того: 1) что въ каждомъ мѣсяцѣ происходитъ (отдѣльно для сѣверной, средней и южной полосъ Россіи) съ дичью и рыбой, и гдѣ онѣ держатся; 2) какими способами охотиться на дичь и удить рыбу; 3) какъ когда содержать легавыхъ, гончихъ, борзыхъ, чѣмъ когда—и какъ кормить ихъ, когда и какъ обучать и т. д.: 4) какъ выбирать и содержать ружья и удилища, а равно охотн. и рыболовныя принадлежности—и т. п. практическія наставленія и совѣты охотникамъ съ ружьемъ, гончими, борзыми и съ удочкой. Въ приложеніи: а) породы собакъ, б) собачій лѣчебникъ и в) справочный отдѣлъ.—По своему объему, богатству содержанія и количеству рисунковъ, календарь представляетъ **самое полное руководство** къ охотѣ ружейной псовой, рыболовной—и съ ловчими птицами.

Цѣна 5 р., въ отличномъ переплетѣ 6 р. Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не прилагаютъ.

Продолжается подписка на журналъ. Новые подписчики получаютъ 4 вышедшія книги **и календарь, какъ премію.** Подписная цѣна 14 р. съ пересылкою. П. № 1075 1—1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ"

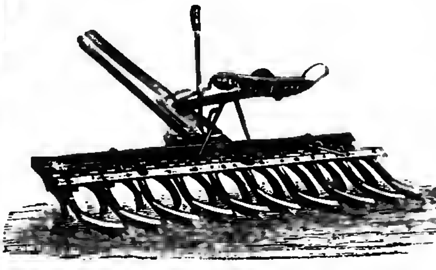
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—9

Единственная на югѣ Россіи спеціальная мастерская прачешныхъ машинъ. усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній Прошу не представлять чѣмъ либо въ родѣ американокъ. Катки давленіе до 40 пуд Цѣна и вѣсъ съ упак. 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковые половики 15 р. 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарные станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, высылая задатка 20%. **Харьковъ, Екатер. ул № 13. Николай Ивашёвъ** № 1046 10—2

УНИВЕРСАЛЬНАЯ АМЕРИКАНСКАЯ БОРОНА АКМЭ,



она же глыбодробъ, рыхлитель, уровнитель, катокъ и запашникъ —рекомендуется какъ лучшее орудіе для воздѣлки почвы.

Вся изъ желѣза и стали и поэтому прочна. **Новый роскошн: иллюстр. каталогъ новѣйшихъ земледѣльч. машинъ и орудій. насосовъ и пожарн. трубъ** высылается за 21 коп. марками.

Товарищество БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

СПБ. Вас. Остр. 1 линія № 10 и Москва, Мясницкая ул., д. Сытова.

Американскую борону рыхлитель Ла-доа съ 12-ю стальн. дисками въ 13 дюйм. предлагаемъ за 65 рублей. № 1069 3—2

СТУД. УНИВ. (зол. мед.) жел. имѣть урокъ въ отъѣздъ. Приготовл. во всѣ учебн. завед. за умѣр. вознагр. Солидн. рекомендаціи. СПБ., Петерб. сторона, Петровская ул., домъ 13, кв. 1. Д. Н. № 1081

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями. **Мак-Кормика,** сѣнокосилки, жнеи, и снопововязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. № 3991 13—4

Иллюстрированные каталоги безплатно

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ,** Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница № 1020 **въ С.-Петербургѣ.** 10—4

МУЖСКІЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.

Двойныя въ 4½ 5½, 7 и 8 руб.

ДАМСКІЯ СЪ КИСТЬЮ въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.

КАРАНДАШИ въ 1, 1¼, 1½ и 2 руб.

Ключики по 75 коп.

Пересылка 50 коп.

Торговцамъ скидка.

Успѣшное изученіе англійскаго языка безъ всякой помощи учителя.

Англійскій ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для русскаго юношества и дѣтей.

НАШИ ДѢТИ

OUR CHILDREN.

Сохраняя полную программу прошлаго года, редакція прибавила еще одинъ отдѣлъ подъ названіемъ **„САМОУЧИТЕЛЬ"**, дающій средства изучить произношеніе англійскаго языка. Въ послѣдней, дополненной и улучшенной, формѣ журналъ **„НАШИ ДѢТИ"** всегда окажетъ русскому юношѣ незамѣнимую услугу. Онъ даетъ ему вѣрныя средства успѣшно изучать англійскій языкъ съ наименьшею затратою силъ и времени и въ тоже время, совершенно устраняя надобность въ дорого стоющемъ учителѣ, не требуетъ отъ него никакихъ денежныхъ средствъ.

Всѣ подписчики 1885 года получаютъ безплатное приложеніе: **АНГЛО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ,** выходящій по частямъ при №№ журнала. 1084

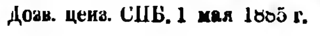
УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ безъ доставки **6** р., съ доставк. **7** р.

Подписка принимается: въ редакціи, С.-Петербургъ, Чернышевъ пер. зд. Коммерческаго Училища, кв. **№ 9 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.**

Все изданіе прошлаго года распродано.

Редакторъ-издатель В. В. БРЕЙ.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ **только** наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмерн. магазинахъ и торговыхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18—8


Дозв. ценз. СПБ. 1 мая 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса.
Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 19 — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 Мая 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Идиллія временъ Директоріи. Съ картины Цика, грав. Бонгъ.

Идиллія временъ „Директоріи".

Въ мрачную эпоху террора во Франціи нѣжное чувство, движеніе чувствительнаго сердца какъ то умышленно скрывались и считались какъ бы слабостью, недостойной истиннаго гражданина республики. Всѣ представляли изъ себя людей съ героическимъ характеромъ, стоящихъ выше мелкихъ страстей и увлеченій. Мужчины казались воскресшими Катонами и драпировались въ лохмотья античнаго стоицизма; женщины, всецѣло увлеченныя политикой, промѣняли мирный семейный очагъ на бурную дѣятельность революціонныхъ клубовъ и часто, очертя голову, принимали участіе въ отчаянной борьбѣ партій. Онѣ хладнокровно присутствовали при казняхъ, у эшафота, и безсердечно относились къ жертвамъ. Быть чувствительнымъ, сострадательнымъ, выражать горе и ужасъ—считалось неумѣстнымъ и женщины щеголяли напускною холодностью. Съ водвореніемъ Директоріи все измѣнилось и впечатлительные французы быстро впали въ другую крайность. Какая то неудержимая, страстная веселость овладѣла Парижемъ; недавній терроръ былъ забытъ и смѣнился балами и увлеченіемъ танцами. Революціонная грубость была замѣнена сентиментальностью, изысканною нѣжностью и женщины стали предметомъ восторженнаго культа. Французы по прежнему копировали античныхъ людей, но теперь образцами ихъ явились уже не Катоны и Діогены, а римляне временъ цезаризма. Женщины являлись публично въ прозрачной, откровенной одеждѣ Мессалины и какъ бы гордились легкостью и свободою своихъ нравовъ. Любовь снова вступила въ свои права; элегантныя парочки бесѣдовали теперь свободно о высокихъ чувствахъ любви и объ дѣлахъ своего сердца... Одно изъ такихъ нѣжныхъ свиданій и представлено на нашемъ рисункѣ: это идиллія временъ Директоріи, такъ прелестно изображенная художникомъ — эта парочка въ оригинальныхъ и нѣсколько странныхъ для насъ костюмахъ того времени.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

(Продолженіе).

IX.

Войдя съ покупками къ Марьѣ Ильинишнѣ, Аркашинъ засталъ ее въ углу, на сундукѣ, съ протянутыми руками: она зажигала лампадку передъ образомъ, и тѣнь отъ нея, колышась по всему полу, покрывала тотъ столъ, на который Аркашинъ выложилъ всѣ покупки, а въ томъ числѣ и свой рождественскій подарокъ. Сильно билось въ немъ сердце... Онъ улыбался какой-то блуждающей улыбкой и былъ блѣденъ, когда Марья Ильинишна, нѣсколько разъ перекрестившись на образъ, оперлась на его плечо и соскочила на полъ.

— Вы не замерзли, не заморозила я васъ? проговорила она, стоя передъ нимъ и, видимо, любуясь лицомъ его, озареннымъ однимъ только лампаднымъ, розовымъ сіяніемъ. Еслибы желѣзо могло сознавать, съ какою неодолимою силой потянуло его къ магниту, къ которому поднесли его, оно бы ощутило то-же самое, что ощущалъ нашъ скромный и благоразумный Валентинъ Петровичъ. Онъ поблѣднѣлъ...

— Поцѣ—луйте меня!.. проговорилъ онъ замирающимъ отъ волненія голосомъ. Но она поглядѣла ему въ глаза, также точно поблѣднѣла и отшатнулась.

Онъ хотѣлъ поймать ее за руку, но она, увернувшись, прошлась по комнатѣ, точно чего-то ища и ничего не видя, и затѣмъ, точно такимъ-же голосомъ проговорила:

— Нѣтъ... Уйдите... не могу, не могу...

И неизвѣстно, что больше, страхъ или мольбу изобразило въ эту минуту ея милое личико, освѣщенное тѣмъ-же лампаднымъ свѣтомъ... Глаза иконы смотрѣли на нихъ, строгіе и спокойные.

Почувствовалъ-ли на себѣ взглядъ этотъ Аркашинъ— не знаю. Знаю только, что онъ исчезъ, точно его и не было... Какъ онъ ушелъ—не замѣтила даже сама Марья Ильинишна. Она сѣла на сундукъ, опустила на ладони пылающее лицо свое и погрузилась въ тотъ хаосъ, который поднимался со дна души ея. Лихорадка страсти, любовь. Рождественскій праздникъ, воспоминанья, надежды, недовѣріе, радость торжества, испугъ за него, за всю его будущность, жажда жертвы и горькіе плоды, которые, быть можетъ, принесетъ эта жертва, — словомъ, отрывки всевозможныхъ неопредѣленныхъ чувствъ и неясныхъ мыслей—вотъ тотъ хаосъ, который заставилъ ее забыть и о покупкахъ, и о самоварѣ, и о томъ, что она намѣрена была пригласить Валентина Петровича напиться съ нею чаю и еще разъ поблагодарить его за хлопоты.

— Гм! рѣшила она, вставая: вѣдь я не дѣвочка! я вѣдь знала, да и какъ же было не знать, къ чему ведутъ такія близкія отношенія: пожиманія рукъ, услуги, намеки и пр. и пр.? — Ну, что-же? чего-жъ я испугалась? что мнѣ стоило поцѣловать его! Вѣдь онъ меня любитъ! Вѣдь я люблю его!.. Какъ это все глупо, непростительно глупо!.. Конечно, отъ меня зависѣло, ради праздника, подарить ему минуту счастья и не доводить ни его, ни себя до... до грѣха. Или ужъ я такая, что не могу за себя поручиться, не могу быть въ себѣ увѣренной!..

И она, то скорыми шагами ходила изъ угла въ уголъ и ломала руки, то вдругъ останавливалась, глядѣла на образъ, начинала молиться и опять принималась ходить.

Наконецъ, вздрогнула и подняла голову: кто-то постучался. Но это былъ не онъ, это была Варвара. Она отворила дверь, затѣмъ чтобы внести самоваръ.

— Что же вы свѣчи не зажигаете? спросила она.

— Сейчасъ зажгу, сходи за хлѣбомъ. Да поди, спроси Валентина Петровича, будетъ ли онъ со мной чай пить?

— Ихъ нѣтъ-съ. Сейчасъ надѣли шубу и вышли-съ.

— А калоши надѣлъ?

— Не замѣтила.

Заваривая чай, Марья Ильинишна нѣсколько успокоилась. Мысль, что Валентинъ Петровичъ теперь ходитъ на морозѣ и, можетъ быть, даже безъ калошъ — мысль эта только тѣмъ ее и успокоила, что одна тревога смѣнилась другой, волненіе крови и нервная возбужденность перешли въ безпокойство, что Валентинъ Петровичъ можетъ простудиться и заболѣть или Богъ знаетъ, куда зайдетъ, и его ограбятъ.

Выпивъ чашку чаю, она вышла въ корридоръ, еще освѣщенный маленькимъ пучкомъ пылающаго газа. Было уже 11 часовъ.

Она прошла мимо дверей его комнаты; постояла, послушала;—„нѣтъ еще, не вернулся!" подумала она и, на всякій случай, шаловливо стукнула въ его дверь сгибами пальцевъ. „Нѣтъ, еще не вернулся!" Она прошла еще нѣсколько шаговъ, нагнулась и стала разсматривать калоши, стоящіе у стѣнки около вѣшалки, не нашла его калошъ съ буквами В. А. и, успокоенная, вернулась въ свою комнату.

X.

Валентинъ же Петровичъ вышелъ на улицу въ томъ состояніи духа, когда человѣкъ и самъ не знаетъ, что онъ, куда и зачѣмъ. Никогда еще не случалось съ нимъ такого казуса. Въ немъ много было силы для пассивнаго сопротивленія; но никакой—для того, чтобы самому достигать чего нибудь, и вдругъ,—такъ выдти изъ колеи! поступить такъ опрометчиво на зло своей натурѣ и добро бы еще признаться въ любви, нѣтъ—промолчать и обнаружить свои поползновенія, и такъ не кстати, такъ дерзко, такъ неожиданно! Что она подумаетъ о немъ, если только она порядочная женщина, а не не-

тербургская грилетка или хоть не та дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, которая первая захотѣла научить его не церемониться съ дамами, когда онъ былъ еще ничто иное, какъ взрослый школьникъ! „Какой я дуракъ, какая скотина!“ думалъ Аркашинъ, шагая по тротуарамъ изъ улицы въ улицу. Сначала онъ не чувствовалъ холода; наконецъ, прозябъ и усталъ до изнеможенія. Онъ уже хотѣлъ кликнуть извощика, какъ вдругъ, увидалъ яркій свѣтъ въ окнѣ одного дома и, оглядѣвшись, догадался, что онъ на Гороховой, потому что идетъ мимо квартиры нѣкоего надворнаго совѣтника, Генриха Федоровича Бульке, и что самое лучшее, если онъ зайдетъ къ нему. Онъ уже зналъ, что Бульке — человѣкъ не церемонный, большой семьянинъ и, наконецъ, на столько русскій, что очень плохо говоритъ по нѣмецки, мало читаетъ по русски и выписываетъ французскую газету.

У Бульке онъ засталъ елку, всю въ огняхъ и бомбоньеркахъ съ конфектами, много дамъ и цѣлую кучу дѣтей, а въ дымномъ кабинетѣ самого хозяина, неизбѣжный карточный столъ и гостей со стаканами чая. Бульке принялъ его очень радушно, упрекнулъ, что онъ совсѣмъ забылъ ихъ, и Валентинъ Петровичъ самъ не помнилъ, какъ онъ очутился за ломбернымъ столомъ съ мѣлками и какъ очутились въ рукахъ его козыри.

Къ чести моего скромнаго героя я долженъ сказать, что въ эту рождественскую ночь онъ проигралъ около 8 рублей и выпилъ лишній стаканъ вина за ужиномъ; только это и намекало на ненормальное настроеніе его духа; наружно же онъ былъ совершенно такой же, какъ и всегда: немного блѣденъ, но также спокоенъ, также молчаливъ и солиденъ.

Поздно подъ утро вернулся онъ домой и еще позднѣе на другой день проснулся. Зимнее солнце уже стояло сажени на двѣ надъ горизонтомъ, и уже весь городъ топился: надъ его бѣлыми кровлями медленно поднимались столбы волнистаго дыма, расплывающагося въ верхнихъ слояхъ неподвижно застывшаго воздуха. Въ окно только этотъ дымъ и былъ виденъ съ того мѣста, на которомъ покоилась голова его. Только печь его не могла исполнять своей обязанности, такъ какъ дверь его была заперта, и была-бы заперта до 12 часовъ, еслибы не постучалась горничная и не принесла ему двухъ записокъ: одну съ городской маркой, другую безъ марки, но съ знакомымъ ему почеркомъ. Этотъ почеркъ нѣсколько смутилъ его. Записка эта, очевидно, была только что написана: чернила еще сохраняли слѣды посыпаннаго на нихъ песка. Но что-же мудренаго? записка эта пришла изъ того-же корридора, изъ 7-го номера. Марья Ильинишна письменно благодарила дорогаго Валентина Петровича за дорогой подарокъ, упрекала его за безсонную ночь и заканчивала слѣдующими словами: „я вѣрю Вамъ, но умоляю: не шутите съ огнемъ! или постарайтесь забыть Вашу М.“

Записка эта до такой степени поглотила его вниманіе, такъ его взволновала, такъ обрадовала и такъ испугала, что долго не замѣчалъ онъ другаго письма и только тогда догадался прочесть его, когда принесли самоваръ, и онъ долженъ былъ взять нераспечатанный конвертъ, чтобы дать мѣсто старому, на сей разъ превосходно вычищенному воркуну и заиѣвалѣ.

Такая разсѣянность тоже не была въ его характерѣ.

Письмо было отъ тетушки его Анцыперовой слѣдующаго содержанія:

„Любезный племянникъ! ты забылъ меня старуху — грѣхъ тебѣ! Пожалуйста, пріѣзжай завтра, т. е. 25-го декабря, такъ какъ въ этотъ день дѣлать визитовъ не принято, и ты свободенъ. У меня до тебя есть большое дѣло, нужно переговорить съ тобой. Буду ждать тебя къ завтраку. До свиданья. Твоя любящая тетка

Прасковья Анцыперова“.

„Надо сейчасъ ѣхать!“ подумалъ Валентинъ Петровичъ: не поспѣю я къ завтраку... Онъ закурилъ папиросу и сталъ одѣваться.

Одѣвшись, онъ спросилъ, дома ли Марья Ильинишна. Ему сказали, что ея дома нѣтъ.

XI.

Аркашинъ, не смотря на первый день рождественскаго праздника, засталъ старушку въ домашнемъ чепцѣ, въ ея будуарчикѣ, передъ столомъ, на которомъ она раскладывала гранъ-пасьянсъ, и до тѣхъ поръ не разговорилась съ нимъ, какъ слѣдуетъ, пока не смѣшала картъ:

— О тебѣ гадала, сказала она: ну, да что! карты постоянно врутъ! А ты похудѣлъ... Что ты такъ поздно? я ужь цѣлый часъ, какъ жду тебя. — Ну, другъ любезный, поклонись мнѣ въ ножки: я невѣсту нашла тебѣ. Завтра тебѣ нужно будетъ ѣхать...

— Какъ завтра? куда? испугался Аркашинъ.

— Ты поѣдешь отъ меня съ письмомъ къ Захару Олимпіевичу и отвезешь ему отъ меня маленькую посылочку, машинально тасуя карты, продолжала тетушка.

— Кто такой Захаръ Олимпіевичъ?

— Будто ты и не знаешь Варшавина, Захара Олимпіевича! Самаго близкаго друга твоего покойнаго папа, который и послѣ его смерти не разъ помогалъ твоей матери, когда она нуждалась. У Варшавиныхъ ты бывалъ, я это помню... ребенкомъ бывалъ у нихъ! Вотъ еще эдакій... въ курточкахъ ходилъ.

— Варшавиныхъ фамилію я хорошо помню, возразилъ все еще недоумѣвающій Валентинъ Петровичъ.— Вы бы такъ и сказали, что тотъ Варшавинъ, у котораго вы гостили.

— Гостила я у нихъ всю осень, и только что отъ нихъ пріѣхала. Прожила бы тамъ всѣ праздники, да вспомнила, что я тутъ нужнѣе... да и съ тобой переговорить нужно... О твоей судьбѣ позаботиться. Нарочно заняла у старика 200 рублей и обѣщалась въ декабрѣ расплатиться съ нимъ, но теперь лишнихъ денегъ у меня нѣтъ. Ты отвезешь извинительное письмо, да кстати и познакомишься съ его дочкой, Олимпіадой Захаровной. Она родилась отъ второй жены его, Людмилы Павловны, урожденной княжны Замятовой. Олимпочка — единственная наслѣдница своей покойной матери и уже совершеннолѣтняя: дѣвушка 22 лѣтъ, красоты неописанной, большая умница и съ большимъ состояніемъ.

— Да развѣ она теперь въ Петербургѣ?

— Ахъ, зачѣмъ ей быть въ Петербургѣ? Чего она здѣсь не видала? Она у себя въ имѣньи, въ Новгородской губерніи.

— И мнѣ ѣхать въ Новгородскую губернію!

— А почему же тебѣ не ѣхать? И въ Сибирь ѣздятъ, не то что въ Новгородскую.

— Да мнѣ вовсе не хочется жениться...

— Пожалуста... не ври... За тобой этого прежде не водилось. Самъ же приставалъ ко мнѣ...

— Да помилуйте! Неужели вы не понимаете, что я шутилъ...

— Шути съ шутихами, а я не шутиха! Обѣщала тебѣ высватать невѣсту и долго о тебѣ думала,—долго ты у меня вотъ тутъ сидѣлъ...

И Прасковья Степановна указательнымъ пальцемъ потрогала себѣ лобъ и поглядѣла на него строго и выразительно.

— Очень вамъ благодаренъ! но ѣхать въ Новгородскую деревню... этого, тетушка, я не ожидалъ. Этого... признаюсь... я даже и ожидать не могъ!.. Шутка сказать: ѣхать зимой въ Новгородскую губернію!

— И на край свѣта поѣзжай, если тамъ ждетъ тебя такое благополучіе... Экій ты мямля... стоишь-ли ты.

Молодая цвѣточница. Съ картины Ф. Бертье, грав. Брендамуръ.

чтобы я о тебѣ заботилась... Нарочно карточку твою ей показывала... и на фотографіи ты ей очень понравился... И если... ты ее не разочаруешь, будь увѣренъ—отецъ тоже не станетъ кобяниться: онъ давно ищетъ человѣка хорошаго; нуженъ ему хорошій дѣловой человѣкъ, до зарѣзу нуженъ! Тебя же давно онъ знаетъ по репутаціи. Денегъ имъ не нужно: человѣкъ нуженъ, который не промоталъ бы состояніе Олимпочки. А если ты не помнишь Захара Олимпьевича, то коротка у тебя память—жаль это. Онъ тебя помнитъ, и курточку твою, и панталончики,—и будетъ очень радъ съ тобой познакомиться, очень радъ. Ужъ такъ я всѣхъ тамъ настроила, что всѣ будутъ радехоньки.

— Тетушка! сказалъ Аркашинъ (онъ все еще протестовалъ и противился), я, конечно, готовъ повиноваться вамъ, по мѣрѣ силъ моихъ, но если они — и старикъ, и дочка—знаютъ, что я пріѣду къ нимъ съ намѣреньями, что я, такъ сказать, претендую, то, воля ваша,—мнѣ будетъ такъ неловко, что лучше не ѣхать.

— Да развѣ я дура! Стану я заранѣе что нибудь говорить? Вдругъ ты не понравишься или она тебѣ не понравится—а я буду, ни къ селу ни къ городу, языкъ чесать! Ожидайте, молъ, жениха. — жениха пришлю; точно у ней нѣтъ жениховъ? да у ней отъ нихъ отбою нѣтъ. Вся губернія влюблена! Что ты, опомнись!

— Дайте подумать!

— Пожалуй, думай! Кто тебѣ мѣшаетъ?

— А если я не изъявлю желанія?

— Ну, тогда ничего и не будетъ. Не насильно-же, связавши по рукамъ, по ногамъ, мы тебя къ вѣнцу потащимъ! И безъ тебя найдутся хорошіе люди!

— Значитъ, эта поѣздка ни къ чему меня не обязываетъ... Если — да, то... извольте, я исполню ваше порученіе, только когда-же? лѣтомъ?

— Лѣтомъ!.. Нѣтъ братъ... много воды утечетъ до того времени, зѣвать не совѣтую. Куй желѣзо — пока горячо... Завтра и поѣзжай съ Богомъ! Я уже писала, что ты ѣдешь въ мое имѣнье и заѣдешь къ нимъ. Завтра къ 9 часамъ вечера и лошади на станціи будутъ отъ нихъ ожидать тебя.

— Какъ-же я завтра поѣду? Сами разсудите: вѣдь не могу же я ѣхать безъ отпуска, а кто мнѣ теперь дастъ его?—канцелярія заперта, и не только начальства или чиновниковъ—сторожей съ собаками не найдешь!

— Очень тебѣ нужны сторожа или отпускъ! Вѣдь ѣздишь-же ты въ Царское Село или въ Павловскъ безъ всякаго отпуска. А тутъ на два или на три дня какихъ нибудь, въ праздники — и еще отпускъ! Пожалуйста, ужь ты не отлынивай! Или у тебя тутъ какая нибудь метреса завелась, не отпускаетъ, нужно будетъ у ней позволенья испрашивать,—а?

— Ничего подобнаго! покраснѣвъ, пробормоталъ Аркашинъ и потупился. Невольная, грубая мысль пришла ему въ голову: „свяжись-ка я съ Марьей Ильининой— и было-бы то, что говоритъ тетушка: и не могъ бы я ѣхать безъ ея позволенія, и не пустила-бы...“

— Ну, завтра—такъ завтра! въ которомъ-же часу?

— Да въ два или въ три пассажирскій поѣздъ идетъ— ты тамъ узнай хорошенько; я не помню... и пошли на Волховскую станцію телеграмму на имя Варшавина, Захара Олимпьевича, съ доставкой въ село Самородное. Напиши только: такой-то Аркашинъ выѣхалъ въ такомъ-то часу съ такимъ поѣздомъ—больше ничего.

Говоря это, старуха протянула руку къ колокольчику и позвонила.

Вошла горничная, шумя новымъ ситцевымъ платьемъ, низенькая, курносая, напомаженная и съ височками.

— Позовите Лизавету Карловну.

— Онѣ собираются куда-то, говорятъ... уходятъ...

— Позовите ее сюда, настойчиво повторила старуха. Уходитъ — какой вздоръ! обидѣлась — это отъ нея станется!..

И Прасковья Степановна, въ ожиданіи своей экономки, положила локти на столъ и опять стала тасовать карты, шевеля своими пухлыми, когда-то красивыми, пальцами.

Нѣмка вошла въ шляпкѣ съ заплаканными глазками.

— Лизавета Карловна! голубушка! куда вы?

Нѣмка потупилась и опустила рѣсницы.

— Говорятъ, будто я васъ обидѣла,—когда-же это? я не помню—совсѣмъ что-то не помню... Да и стану-ли я обижать въ такой праздникъ, когда все ликуетъ и веселится! А я позвала васъ... не сходите-ли вы въ мою спальную, тамъ у меня на кушеткѣ лежитъ вчерашняя покупка—вы ее видѣли... а потомъ, выдвиньте верхній ящикъ комода, что за ширмами, онъ не запертъ — и принесите мнѣ... тамъ вы найдете эдакую коробку, перевязанную розовой ленточкой. А комодъ не запирайте: у меня, слава Богу, все народъ честный, и никогда ничего не пропадало, слава Тебѣ Господи! хоть золото разсыпь!

Нѣмка вытерла глаза и побѣжала показать свое усердіе.

— Такъ-то иногда воруетъ!.. въ полголоса проговорила Прасковья Степановна: чай, сахаръ — все это у меня точно на огнѣ горитъ. А кто знаетъ? — съ другими людьми еще и хуже какую нибудь бѣду наживешь. Эти, по крайней мѣрѣ, чувствительны. Ишь вѣдь какъ расчувствовалась, не безъ удовольствія добавила старуха и затѣмъ стала уговаривать своего племянника, чтобы онъ взялъ отъ нея двадцать рублей на дорогу.

— Ни за что не возьму, упрямо отвѣчалъ Валентинъ Петровичъ,—дорога стоитъ пустяки: я могу и во 2-мъ и даже въ 3-мъ классѣ мѣсто взять.

— Непремѣнно возьми въ первомъ классѣ, — нельзя иначе... и непремѣнно не позабудь людямъ давать на чай. Кучеру ихнему рубль дай, съ него довольно, камердинеру, который сапоги тебѣ вычиститъ—ну, тому 2 рубля въ зубы сунь, горничной, швейцару, швейцарихѣ...

„Какіе такіе швейцары въ деревнѣ?“ подумалъ Аркашинъ.

— Ой, возьми отъ меня деньги — вѣдь я не взятку даю.

Но Аркашинъ ни за что не хотѣлъ взять денегъ, и даже разсердился.

— Ну ужь отъ этого-то, погляжу я, какъ ты откажешься, проговорила она, принимая изъ рукъ Лизаветы Карловны большой свертокъ въ сѣрой бумагѣ, перевязанной веревочкой, и тотчасъ передавая эту тяжесть на руки Аркашину.

— Что это такое?

— Рождественскій подарокъ съ елки — пледъ англійскій, мягкій, какъ шелкъ, и длинный: можно и спину, и ноги, и все закутать. Я точно предчувствовала, что ты поѣдешь въ дорогу.

— Да вѣдь у меня шуба?

— Не надѣвай шубу, надѣнь бекешу, старую твою бекешу съ мѣховымъ воротникомъ. Шуба — это такой mauvais genre!

— Не могу, тетушка.

— И вовсе не такъ холодно: вагоны натоплены. Только не садись около печки.

— Чудесный, бесподобный пледъ! сказалъ Аркашинъ, щупая ткань: отъ Рождественскаго подарка я не отказываюсь. Но за что же такое баловство?

— А вотъ, я вчера забыла вамъ отдать этотъ баульчикъ, уже, не слушая племянника, обратилась старуха къ Лизаветѣ Карловнѣ: тутъ зеркальцо, духи, мыло и всякая всячина. Возьмите, это для васъ было куплено, и я ужь не знаю, какъ это я забыла вамъ вчера отдать...

„Умѣетъ задобривать!“ подумалъ про себя Аркашинъ.

Нѣмка восторженно приложилась къ рукѣ ея, взяла свертокъ, подпрыгнула, точно молоденькая, и убѣжала.

— Ну, теперь я переодѣнусь. Подожди меня въ столовой...

XII.

Вернувшись отъ переговоровъ и завтрака съ тетушкой, онъ тотчасъ же отправился къ Марьѣ Ильинишнѣ поздравить ее съ праздникомъ. Но напрасно стучалъ онъ въ дверь 7-го номера, дверь была заперта. Варвара же сказала, что Марья Ильинишна взяла вещи и куда-то уѣхала.

И Марья Ильинишна пропала на всю ночь, и на другой день Аркашинъ до третьяго часу пополудни не дождался ея.

Страшное безпокойство мучило его душу: гдѣ бы могла быть Марья Ильинишна? Неужели у матери или у какой-то Катерины Ивановны? или нѣтъ ли у нея какой нибудь тайной зазнобы, тайнаго друга?

Неизвѣстность и нѣчто, похожее на ревность, сосало его за сердце. За 10 минутъ до отъѣзда на станцію, написалъ онъ ей, и велѣлъ передать слѣдующую записку: „Милая Марья Ильинишна! Мнѣ очень хотѣлось поздравить Васъ, но Вы пропали... Меня посылаетъ тетушка въ деревню, и я уѣзжаю дня на 2. Надѣюсь вернуться на четвертый день праздника. Но здоровы-ли Вы? Благодарю Васъ за письмо, за прощенье, за все благодарю Васъ! О, еслибы Вы знали, что у меня на сердцѣ! Но прощайте, до свиданья!

Вашъ В. А.“

Въ тотъ же день вечеромъ, около 9 часовъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ поѣздъ медленно подходилъ къ Волховской станціи. Мелькали красные огоньки, раздавался свистокъ и кондукторъ, проходя вагоны, говорилъ себѣ подъ носъ: „Волховская — 10 минутъ“. Онъ былъ увѣренъ, что скажи онъ это хоть шепотомъ—всѣ, кому слѣдуетъ услыхать, его услышатъ.

Аркашинъ, который чуть было не задремалъ отъ истомы душевной и физической, встрепенулся, снялъ свой чемоданчикъ, сложилъ пледъ, надѣлъ шубу въ рукава и ждалъ остановки.

Вчерашнія газеты, купленныя имъ въ Петербургѣ на станціи, лежали на полу, и онъ топталъ ихъ своими калошами.

Но прежде чѣмъ онъ выйдетъ изъ вагона, скажемъ въ короткихъ словахъ, о чемъ онъ думалъ дорогой.

Сначала онъ былъ какъ будто радъ, что судьба хочетъ отрезвить его, провѣтрить, такъ сказать, подвергнуть испытанію сердце,—сердце, которое несомнѣнно страдаетъ, потому что любитъ и—любитъ вопреки всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ, и не столько страхъ нужды его останавливаетъ, сколько совершенное невѣдѣнье, дѣйствительно ли Марья Ильинишна такова, какою она ему кажется. У нея столько природнаго ума, что ей съиграть роль недоступной или честной ничего не стоитъ. Что это за дѣти, которымъ она покупаетъ игрушки на свои трудовыя деньги? что, если это ея дѣти? Нельзя ли какъ нибудь постараться разлюбить ее или хоть быть хладнокровнѣе. Сама же она пишетъ, что съ огнемъ не шутятъ. Что это значитъ? Не ея ли это ультиматумъ: дескать, женись, или оставь меня въ покоѣ?

Но чѣмъ далѣе трясла его дорога, чѣмъ больше зябъ онъ, чѣмъ темнѣе становилась ночь, и ярче пролетавшія искры, относимыя вѣтромъ и огненными черточками мелькавшія за двойными стеклами оконъ, чѣмъ тоскливѣе и мрачнѣе становилось на душѣ его, тѣмъ все больше и больше сожалѣлъ онъ, что послушался тетушки: „Какъ бы я теперь былъ спокоенъ, думалъ онъ: какъ бы мы хорошо встрѣтились и стали бы пить чай, и стала бы она мнѣ разсказывать, гдѣ была и что видѣла. Вѣдь она все такъ хорошо и ясно умѣетъ разсказывать! И какъ я могу, какъ я смѣю, какое право я имѣю думать о ней дурно или осуждать ее! Вѣдь будь у ней кто нибудь, вѣдь это было бы видно: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вотъ, къ праздникамъ было у ней въ карманѣ не болѣе 20 рублей, которые мѣсяцами она копила и откладывала. Сколько же у ней останется на праздники, если 14 рублей она уже истратила на подарки?! Хватитъ ли это ей на обѣдъ до Новаго года? Что-же мудренаго, что она осталась ночевать у кого нибудь изъ своихъ подругъ или хоть у этой Катерины Ивановны, можетъ быть, добрѣйшей и честнѣйшей женщины! Такъ бы и полетѣлъ назадъ въ мой номеръ! но несетъ, несетъ меня чортова сила, и ничего не подѣлаешь!“

XIII.

Онъ вышелъ на деревянные подмостки, и тотчасъ-же на морозѣ легкій паръ обволокъ усы его и бороду.

— Вотъ не было печали... пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ и, не видя никого, кромѣ кондукторовъ да выскочившихъ изъ вагоновъ тѣхъ пассажировъ, которымъ не сидится на ихъ мѣстахъ или которые вѣчно голодны, — пожалѣлъ, что ѣхалъ, по совѣту тетушки, въ первомъ классѣ и заплатилъ за это лишнее.

— А что если даже и лошадей нѣтъ? Что я буду дѣлать всю ночь на станціи? Да тутъ, кажется, и буфета нѣтъ.

Кондукторъ далъ свистокъ, поѣздъ тронулся и, сверкая золотыми искрами, постепенно въ сумракѣ ночи ушелъ изъ глазъ Аркашина.

Аркашинъ прошелся по доскамъ. Онъ былъ въ своей старой купцевой шубѣ, несъ чемоданчикъ, и не зналъ, куда дѣвать ему тяжелый пледъ — подарокъ тетушки. Нѣчто, похожее на глухое отчаяніе, шевельнулось въ душѣ его.

„Пойду справляться: нѣтъ-ли лошадей...“ Но, не успѣлъ онъ это подумать, какъ передъ нимъ при свѣтѣ фонарей вырисовалась фигура въ тепломъ пальто, въ кашне и въ барашковой, сѣрой шапкѣ.

— Вы господинъ Аркашинъ? спросилъ его незнакомый, не особенно пріятный, писклявый голосъ.

— Я.

— А если вы, то лошади давно уже ждутъ васъ... Позвольте, я снесу ваши вещи. Имѣю честь рекомендоваться: родственникъ г. Варшавина, Самославскій.

Онъ такъ произнесъ свою фамилію, что въ ушахъ Аркашина что-то просвистало и не вышло никакой фамиліи.

— Телеграмма ваша пришла какъ разъ во время, и хорошо еще, что попала къ намъ въ руки. Мы только что встали изъ за стола, тотчасъ же распорядились и велѣли закладывать... Жаль вотъ только, что туманно, мѣсяца невидать, а то бы...

— А не знаете, сколько градусовъ?

— Да не очень холодно... а сколько градусовъ—не знаю-съ; но не очень холодно...

Такъ, перекидываясь словами, обошли они товарный поѣздъ и, перешагнувъ черезъ немалое количество пролегающихъ и мѣстами отъ огней лоснящихся рельсовъ, вышли на то самое мѣсто, гдѣ ожидали ихъ большія ковровыя сани съ высокимъ задкомъ и, жесткой отъ мороза, сукномъ крытой полостью.

Мѣшковато Аркашинъ влѣзъ въ эти сани, запахнулъ шубу, закуталъ ноги въ пледъ и надвинувъ на лобъ мѣховую шапку, мысленно перекрестился.

Съ нимъ рядомъ помѣстился Самославскій. Кучеръ подобралъ возжи, и тройка здоровыхъ, барскихъ коней, звеня бубенцами, двинулась сначала легкой рысью, и все шибче и шибче понеслась по лѣсной дорогѣ. Ночь не была темна, моросилъ снѣжокъ, лунный дискъ казался желтоватымъ пятномъ, и куда ни глядѣлъ Арка-

шинъ, все казалось бѣлесоватымъ, сѣрымъ, безжизненнымъ...

Лѣсъ былъ хвойный, невысокій, мѣстами вырубленный, заваленный грудами снѣга, и только изрѣдка надъ этими грудами бѣлѣлись изогнутые стволы березъ или чернѣли пни, принимая фантастическія очертанія то какой-то птицы, то звѣря, то черной мертвой руки съ растопыренными пальцами.

Аркашинъ, какъ истый петербуржецъ, отвыкъ не только отъ ухабовъ, которые безпрестанно подбрасывали сани, но и отъ этого унылаго простора и отъ этого вольнаго воздуха.

— Не слишкомъ-ли мы гонимъ? замѣтилъ онъ своему спутнику, который все больше поглядывалъ на задъ пристяжной и на неровные скачки ея, особенно когда она прижималась къ коренной и косилась, осыпанная инеемъ какого нибудь прилегающаго къ дорогѣ куста или дерева.

— Ничего-съ, сказалъ спутникъ: скорѣе доѣдемъ. Не хотите-ли водочки хлебнуть? у меня есть лядунка съ забористой...

— Благодарю покорно, я водки не пью.

— Какъ не пьете! можетъ ли это быть?! Что-же вы пьете?

— То-есть пью, пожалуй, въ экстренныхъ случаяхъ.— Впрочемъ, позвольте немного.

Спутникъ точно обрадовался, тотчасъ же вытащилъ изъ широкаго кармана своего пальто плетеную кубышечку, отвинтилъ крышку и поднесъ Аркашину.

Проглотивъ два-три глотка, Аркашинъ сказалъ, что водка, дѣйствительно, забористая—чистѣйшій спиртъ.

Самославскій немедленно послѣдовалъ его примѣру, приложилъ лядунку ко рту и сталъ тянуть, слегка запрокинувъ голову.

Тройка бѣжала тише, и спутники стали разговаривать. Родственникъ Варшавиныхъ сталъ разспрашивать Аркашина, какое вино любитъ онъ предпочтительно. и когда тотъ подумавши отвѣчалъ, что любитъ портеръ, обратился къ кучеру:

— А никакъ портерку-то у насъ и нѣтъ—а?

Кучеръ быстро оглянулся, пожалъ плечами и не отвѣчалъ ни слова. Аркашину только показалось, что одинъ глазъ изъ подъ шапки сверкнулъ какимъ-то сердитымъ, яркимъ блескомъ.

— Молодой еще должно быть?

— Кто-съ?

— Да кучеръ-то вашъ.

— Да-а-съ, еще очень молодой, изъ форейторовъ... очень еще молодой, но вы не безпокойтесь, правитъ лучше всякаго стараго, молодцомъ правитъ, и до лошадей большой охотникъ—изъ цыганъ должно быть: они всѣ до лошадей большіе охотники. Онъ у насъ и самого старика возитъ.

— Захара Олимпьевича?

— Да-а-съ...

— А онъ часто выѣзжаетъ?

— Бывало часто-съ, на охоту бывало... ну а теперь, какъ съ лошади разъ свалился, все больше кряхтитъ, должно быть, отшибли себѣ что нибудь... Ноги стали оченно измѣнять ему, да ужь и старъ-же онъ! Вотъ увидите! Вы никогда его не видали?

— Давно не видалъ, съ дѣтства.

— И Олимпіаду Захаровну никогда не видали?

— И ее не видалъ.

— Славная, я вамъ скажу, дѣвица... т. е., я вамъ скажу...

Кучеръ привсталъ, взмахнулъ возжами, и лошади помчались: такъ и полетѣли изъ подъ копытъ ихъ комья снѣгу во всѣ стороны.

Спутникъ прикусилъ языкъ и опять сталъ поглядывать, какъ скачетъ пристяжная.

„Быть намъ гдѣ нибудь въ оврагѣ!“ подумалъ не привыкшій къ такой поѣздкѣ Аркашинъ.

Воздухъ вылъ и свисталъ въ ушахъ его... Но вотъ дорога стала по-шире и глаже, лѣсъ разступился въ обѣ стороны и выше, въ млечную мглу поднялъ темные, неопредѣленно-острые верхи свои.

„Непремѣнно отморожу себѣ носъ,“ подумалъ Аркашинъ и спряталъ его въ приподнятый воротникъ своей шубенки. Ему казалось, что становилось все холоднѣе и холоднѣе и что этой дорогѣ, оглашаемой однообразнымъ побрякиваніемъ бубенчиковъ, конца нѣтъ.

Такъ ѣхали они слишкомъ часъ, который Аркашину казался цѣлой вѣчностью. Миновали двѣ какія то деревеньки, или выселка, съ запесенными снѣгомъ избами. Два раза собаки съ лаемъ сопровождали ихъ. Одинъ песъ бѣжалъ за ними чуть не цѣлую версту и охрипъ отъ слишкомъ усерднаго лая...

Наконецъ то вдали мелькнулъ рядъ огоньковъ... Аркашинъ освободилъ носъ свой, а его спутникъ опять вынулъ лядунку и такъ запрокинулъ свою голову, что вѣроятно вытянулъ все, что было въ ней.

— Ну, доѣхали! проговорилъ онъ довольнымъ голосомъ,—все обошлось благополучно, слава тебѣ Господи!

Тройка влетѣла въ отворенныя ворота и мимо ярко освѣщенныхъ оконъ дома подлетѣла къ крыльцу и остановилась.

Съ окоченѣлыми отъ стужи ногами, вышелъ Аркашинъ изъ саней, и пока проводникъ его дергалъ за рукоятку звонка, при свѣтѣ фонаря, увидалъ, что это былъ худенькій, невысокаго роста человѣчекъ съ маленькими глазками и рыжеватый.

Кто-то шелъ отворить имъ двери.

— Постойте! сказалъ Аркашинъ кучеру,—подождите!

— Что вамъ? торопливо спросилъ его спутникъ.

— Да вотъ, пожалуйста, отдайте ему на водку.

Аркашинъ отвернулся къ фонарю, сталъ вынимать деньги и услыхалъ за спиной своей, что кто то хихикнулъ.

Онъ обернулся.

Самославскій хохоталъ и топтался на одномъ мѣстѣ.

— Чему вы? спросилъ Аркашинъ.

„Не надо мной ли потѣшается?“ подумалъ онъ.

— Да такъ какъ то стало смѣшно...

Въ это время человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, въ ливрейномъ сюртукѣ, отворилъ двери сѣней, и показалась невысокая, ковромъ обитая лѣстница.

— Такъ вотъ, пожалуйста! сказалъ Аркашинъ и протянулъ руку съ рублевой депозиткой.

Кучеръ быстро оглянулся, и опять, какъ молнія, блеснули глаза его. Но Аркашинъ уже всходилъ на лѣстницу съ такимъ чувствомъ, какъ будто онъ сказочный герой и всходитъ въ какой то фантастическій замокъ.

XIV.

Не успѣлъ онъ скрыться за тяжелой дверью, какъ кучеръ соскочилъ съ облучка и далеко не мужицкимъ голосомъ проговорилъ все еще хохочущему Самославскому:

— Ну, гдѣ рубль? что же вы не даете? Вѣдь не вамъ дали на водку—мнѣ...

— Ха-ха-ха! нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ его у себя оставить; я вѣдь тоже не даромъ сопровождалъ его.

— Давайте!

— Да помилуйте, скажите ради Бога!

— Я вамъ сегодня же другой рубль вышлю, если хотите, серебромъ, а эту бумажку я спрячу на память.

И, высвободивъ одну свою руку изъ теплой варежки, кучеръ протянулъ ее. Рублевая, смятая депозитка перешла въ его полное распоряженіе.

Рука кучера вовсе не была похожа на кучерскую руку: она была такая бѣленькая, такая стройная.

— Ну, теперь садитесь на мое мѣсто и проводите

Ледовое побоище (1242 г.). Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Дзедзицъ.

лошадей, да спросите, отчего Кузьма не вышелъ къ воротамъ. Неужели спитъ? кажется, могъ бы слышать...

— Такъ за вами, значитъ, рубль? присаживаясь на облучекъ и забирая возжи, произнесъ Самославскій.

— Если вы не проболтаетесь...

— Будьте благонадежны...

— Ну, хорошо, ступайте!

— Постойте... ради Бога... что за человѣкъ этотъ Аркашинъ?

— А вамъ зачѣмъ?

— Женихъ?

— И это до васъ нисколько не касается, ступайте!

Тройка шагомъ отъѣхала къ фонарю, который одиноко свѣтился въ глубинѣ двора, у самыхъ конюшенъ, и издали, казалось, красный глазокъ его съ завистью поглядывалъ на бѣлый, зеркальный фонарь у главнаго подъѣзда.

А молоденькій кучеръ, похлестывая кнутикомъ по ногамъ своимъ, обутымъ въ мѣховые, сафьяномъ крытые сапожки, маленькими шажками пошелъ вокругъ дома на другое, заднее крыльцо, на которое уже выбѣжали горничныя, услыхавшія давно имъ знакомое звяканье збруи и бубенчиковъ. У крыльца подбѣжала къ нему черная собака, которую онъ погладилъ, затѣмъ, стуча каблучками, вбѣжалъ онъ по ступенькамъ лѣстницы и проговорилъ одной изъ горничныхъ:

— Переодѣваться... да зажги свѣчи!... поскорѣй причесать меня!

(До слѣд. №).

Капитанъ Гаспарини.

Разсказъ временъ Фронды. **Ф. Лилля.**

Въ срединѣ XVII столѣтія большія дороги во Франціи были далеко не безопасны. Высшее дворянство, духовенство и парламентъ, права которыхъ были сильно ограничены строгими мѣрами Мазарини, управлявшаго за королеву Анну и малолѣтняго Людовика XIV, открыто возстали противъ всемогущаго министра. Только общая выгода связывала эти разнородные элементы въ одинъ союзъ, извѣстный въ лѣтописяхъ исторіи подъ именемъ „Фронды“. Подъ знаменами недовольныхъ собрались многочисленные искатели приключеній, имѣвшіе цѣлью только грабежи и разбои, но которые подъ видомъ шпіоновъ и патруля выслѣживали непріятеля и дѣлали дороги опасными.

Это пришлось испытать на себѣ красивому сеньору, который, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ людей, ѣхалъ верхомъ по дорогѣ изъ Буржа въ Орлеанъ. Всадникъ, тонкія черты лица котораго изобличали высокій умъ, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ военной формѣ. Но по всему казалось, что ему чаще приходилось владѣть перомъ, чѣмъ мечомъ.

Былъ жаркій лѣтній полдень; дорога пустынная; по сторонамъ тянулась густая зарость. Все казалось спокойно, но вдругъ одинъ изъ слугъ воскликнулъ въ тревогѣ:

— Посмотрите, ваша милость! Изъ лѣсу выѣзжаютъ четыре замаскированныхъ всадника, они вооружены длинными шпагами и карабинами.

— Но можетъ быть они оставятъ насъ въ покоѣ. Въ порядкѣ-ли твои пистолеты?

— О да!

— А твои, Викторэнъ?

— Въ порядкѣ, ваша милость! отвѣтилъ тотъ спокойно.

— Послушайте, не зовите меня ваша милость передъ этими подозрительными молодцами и главное не говорите моего настоящаго имени. Я капитанъ Гаспарини, не забывайте! Если замаскированные задержатъ насъ, я постараюсь ихъ обмануть; если же это не удастся, будьте готовы, придется можетъ быть съ ними схватиться. Недалеко отсюда военный постъ—тамъ мы найдемъ защиту.

Между тѣмъ замаскированные подъѣхали ближе и одинъ изъ нихъ, повидимому начальникъ, повелительно закричалъ:

— Стой!

— Что вамъ угодно, господа? спросилъ всадникъ.

— Вы изъ партіи принца?

— Вамъ нужно знать это?

— Да! нужно!

— Ну что-же, если я и изъ партіи принца?

— Тогда васъ и вашихъ людей мы арестуемъ именемъ великаго Мазарини. При этомъ говорившій схватился за шпагу.

— О господа, при такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, мы приверженцы Мазарини.

Замаскированные разразились презрительнымъ смѣхомъ.

— Клянусь именемъ великаго Конде, сказалъ одинъ, насколько мы принадлежимъ принцу, вотъ этотъ принадлежитъ Мазарини; будь я проклятъ, если это неправда! Это вовсе не французъ, онъ и говоритъ съ итальянскимъ акцентомъ.

— Вѣрно, я капитанъ Гаспарини, неаполитанецъ. Но насколько мнѣ извѣстно, итальянцамъ не запрещено жить во Франціи.

— Въ такія времена, въ какія мы живемъ, этого нельзя! Сдавайтесь, итальянецъ!

— Вы можетъ быть имѣете въ виду мой кошелекъ?

— И кошелекъ, и также ваши бумаги. Давайте ихъ сюда скорѣе!

— Мои бумаги? Ну нѣтъ! воскликнулъ тотъ въ волненіи; насъ трое противъ четверыхъ, и все же вы не получите моихъ бумагъ. Карлино! Викторэнъ! стрѣляйте! За шпаги!

Завязалась схватка; Карлино и Викторэнъ выстрѣлили; пуля перваго пролетѣла мимо, выстрѣлъ втораго ранилъ одного изъ нападающихъ повидимому тяжело. Остальные яростно набросились на нихъ. Карлино былъ убитъ, Викторэнъ раненъ. Онъ упалъ съ лошади. Теперь капитану пришлось защищаться противъ трехъ.

— Я погибъ! простоналъ онъ.

Онъ однако искусно отражалъ нападеніе. Но въ самую критическую минуту появился новый всадникъ, молодой сеньоръ, который со шпагою въ рукѣ примчался бѣшенымъ карьеромъ на прекрасной лошади.

— Защищайтесь! крикнулъ онъ и ловко сверкая шпагой ринулся на замаскированныхъ. Одного изъ нихъ онъ ранилъ, другаго сшибъ съ лошади, третій уже самъ поспѣшно ускакалъ въ лѣсъ.

— Помощь подоспѣла во время, сказалъ итальянецъ. Сеньоръ, вы оказали мнѣ большую услугу.

— Вы ранены?

— Нѣтъ, вотъ только эта царапина на рукѣ. Но негодяи навѣрно убили бы меня или бы захватили. Это было бы несчастіемъ для страны; со мною важныя секретныя бумаги... но простите, позвольте узнать къ какой политической партіи принадлежите вы?

— Я? Клянусь честью, я дворянинъ и могу быть только за королеву, мою законную монархиню, пока юный король самъ не вступитъ въ управленіе.

— Въ такомъ случаѣ наши политическія мнѣнія сходны. Я капитанъ Гаспарини, преданный Мазарини.

— Да это великій государственный человѣкъ, что бы объ немъ ни говорили.

— Что же говорятъ объ немъ?

— Что онъ скряга, человѣкъ неблагодарный и стремится наполнить лишь свои карманы на счетъ государства.

— Per Dio, если современники такъ дурно говорятъ о немъ, ему слѣдуетъ утѣшаться мыслью, что хотя потомство будетъ иначе судить и признаетъ, что въ трудныя времена онъ твердо держитъ кормило правленія.

— Если вы довѣренное его лицо, вы конечно лучше меня можете знать его. Я никогда не былъ при дворѣ.

— Ваше имя, сеньоръ? Я хочу знать кому я обязанъ благодарностью.

— Виконтъ Филиппъ де Морвилье, бѣдный беррійскій дворянинъ.

— Будьте увѣрены, виконтъ, я никогда не забуду—вы спасли мнѣ жизнь.

— О не придавайте этому такого значенія! Я просто исполнилъ свой долгъ. Но однако что раненые?

Оказалось, что бѣдный Карлино былъ уже мертвъ, Викторэнъ еще дышалъ. Съ помощью виконта итальянецъ наложилъ повязки и остановилъ кровь. Затѣмъ они осмотрѣли раненыхъ разбойниковъ. Одинъ былъ также мертвъ, другой, тяжело раненый Викторэномъ, былъ при послѣднемъ издыханіи; третій, хотя и получилъ ударъ шпагой, но не потерялъ сознанія.

Капитанъ Гаспарини снялъ съ него и съ двухъ остальныхъ маски и сказалъ:

— Вы здѣшній, виконтъ, не знаете ли случайно кого изъ нихъ?

— Нѣтъ, по кажется, это разбойники, — подъ маской партизановъ они вышли на грабежъ.

— Послушай, дружище, сказалъ итальянецъ обращаясь къ раненому бандиту, ваше нападеніе было простой разбой или имѣло иное значеніе?

Тотъ молчалъ.

— Ты упрямъ, не хочешь отвѣчать. Хорошо, тебѣ пришлютъ хорошаго доктора, онъ тебя вылечитъ отъ нѣмоты. У насъ есть маленькіе снаряды, чтобы заставить тебя говорить.

— Вы думаете я могу выздоровѣть? спросилъ бандитъ въ ужасѣ, и потомъ меня будутъ пытать?

— Надо-же заставить тебя сознаться; придется прибѣгнуть къ этой крайности.

— А если я скажу все что знаю?

— Если ты будешь откровененъ, конечно зачѣмъ-же пытка? Тебѣ даруютъ жизнь.

— Въ такомъ случаѣ я готовъ сознаться. Прежде всего вамъ нужно знать, что я бѣдный браконьеръ. Меня зовутъ Бенуа. Я только потому принялъ участіе въ этой проклятой схваткѣ, что мнѣ пообѣщали двѣсти ливровъ.

— Кто пообѣщалъ?

— Предводитель нашъ, который убѣжалъ. Ваши деньги предназначались намъ, а депеши онъ хотѣлъ взять себѣ.

— И такъ вы поджидали посланнаго Мазарини, чтобы схватить его.

— Да, кажется такъ.

— Все, что ты говоришь, очень интересно, и если теперь ты назовешь мнѣ имя своего начальника, то можешь считать себя совсѣмъ прощеннымъ.

— Могу ли я этому вѣрить?

— Ручаюсь тебѣ въ томъ словомъ дворянина.

— Начальникъ нашъ де-Гриньонъ.

— А, любимецъ герцога Ларошфуко, проговорилъ капитанъ въ раздумьи.—Тутъ кроется измѣна. Всегда такъ, когда замѣшаются болтливыя женщины—онѣ мѣшаются въ государственныя дѣла и составляютъ заговоры. Принцесса вѣроятно проговорилась; одна изъ ея приближенныхъ передала это дальше, а я чуть было не погибъ.

— Изъ благодарности за то, что вы меня отпускаете, я дамъ вамъ еще добрый совѣтъ, капитанъ, проговорилъ раненый. Поспѣшите уйти; въ четырехъ миляхъ отсюда стоятъ военные посты фрондеровъ, откуда де-Гриньонъ получитъ подкрѣпленіе и еще разъ задержитъ васъ на пути.

— Diavolo, ты можетъ быть и правъ; но къ счастію въ двухъ миляхъ находятся наши военные посты.

— Около Фирцона, недалеко монастыря Урсулинокъ, сказалъ виконтъ.

— Да; тамъ я найду пристанище.

— Если желаете, я готовъ сопровождать васъ, капитанъ, я также ѣду туда.

— Тѣмъ лучше. Но что дѣлать съ этими ранеными? Жаль оставить ихъ здѣсь безъ помощи.

— Я вижу тамъ нѣсколькихъ человѣкъ, которые кажется боятся насъ.

Гаспарини посмотрѣлъ куда указывалъ виконтъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи стояли лѣсникъ и два дровосѣка. Они шептались между собою, но не рѣшались подойти ближе.

— Не бойтесь, добрые люди, подите сюда! закричалъ капитанъ. Тѣ приблизились.

— Я эмиссаръ королевы; на меня тутъ напали разбойники. Уберите въ сторону трупы и позаботьтесь о раненыхъ. Вотъ сорокъ луидоровъ; половина для васъ, половина для раненыхъ. Есть поблизости жилище?

— Вонъ та тропинка ведетъ къ моей хижинѣ, куда можно дойти въ десять минутъ, сказалъ лѣсникъ. Меня зовутъ Бертенъ—къ услугамъ вашей милости.

— Перенесите же туда раненыхъ и возьмите лошадей. Чрезъ сутки я пришлю за ними.

Щедрое вознагражденіе сдѣлало лѣсныхъ обитателей услужливыми. Позаботившись такимъ образомъ о раненыхъ, оба сеньора вскочили на лошадей и поѣхали сперва молча; Гаспарини погрузился повидимому въ раздумье, лицо же его спутника выражало грусть.

Но первый вскорѣ нарушилъ молчаніе почти весело.

— Дошли ли до Берри извѣстія о событіяхъ въ Гіеннѣ?

— Что касается меня, я не знаю ничего, отвѣтилъ молодой человѣкъ. На сколько знаю, Бордо во власти фрондеровъ.

— Нѣтъ, Бордо снова королевскій городъ. Въ субботу онъ сдѣлался.

— Это тяжелый ударъ для фронды.

— Она потеряла послѣднее укрѣпленіе.

— Держу пари, что Мазарини хитростью заставилъ городъ сдаться. Мазарини очень умный человѣкъ; въ немъ ума болѣе чѣмъ во всѣхъ недовольныхъ принцахъ и принцессахъ, стоящихъ во главѣ фронды.

— Недовольные эти принцы и дамы фронды вмѣсто того, чтобы дѣйствовать единодушно, только ссорятся. Самая ярая изъ нихъ была до сихъ поръ старуха принцесса Конде, но кажется и она стала смирнѣе. Если принцесса согласится на предложенія Мазарини,—и врядъ ли въ этомъ можно сомнѣваться,—въ странѣ скоро наступитъ миръ.

— А что станетъ съ главами фронды; ихъ вѣдь нельзя не считать возмутителями?

— Нужно дѣйствовать кротостью, это самое разумное.

— Но кардиналъ ихъ пошлетъ на эшафотъ или въ Бастилію?

— Нѣтъ, эти синьоры слишкомъ высоко поставлены. Онъ ихъ укротитъ добротою: одному дастъ провинцію, другому высокій постъ, третьему громкій титулъ, четвертому еще что нибудь. Конечно, при этомъ они перессорятся, изъ желанія захватить что лучше. Но, чѣмъ больше несогласій между недовольными, тѣмъ лучше.

— Эта политика слишкомъ для меня тонкая, я бы могъ сказать—слишкомъ итальянская.

— Это политика Мазарини. Дѣли и властвуй,—это его поговорка. Но, виконтъ, какъ это вышло? вы дворянинъ и не участвовали въ походѣ на Гіенну?

— Виноватъ все этотъ медлительный Эффіа, командующій королевской гвардіей.

— Какъ такъ?

— При посредствѣ моего дяди, друга его юности, уже два года тому, онъ обѣщалъ мнѣ патентъ, который далъ бы мнѣ право поступить въ гвардію. Началась война, и я обратился къ нему за патентомъ, но мнѣ отвѣтили заявленіемъ, что свободныхъ вакансій нѣтъ, и мнѣ придется ждать. Да еще меня задержала моя несчастная любовь.

— Ужели вы не нравитесь какой нибудь дѣвушкѣ?

— Напротивъ, она меня любитъ, но ее отдали въ монастырь Урсулинокъ, чтобы только отдалить отъ меня.

— А ее не заставляютъ постричься?

— Нѣтъ, но хотятъ чтобы она вышла замужъ за другаго, а того она вовсе не любитъ.

— Ну, пока она еще не замужемъ, нечего отчаяваться. Какъ фамилія дѣвушки?

— Генріетта де-Матиньонъ. Мы знаемъ другъ друга съ дѣтства. Мы сироты и любимъ другъ друга съ юныхъ лѣтъ. Но тетка ея, старая графиня, противъ этого.

— И что же вы намѣрены дѣлать?

— Стараюсь проникнуть къ Генріеттѣ, переговорить. Два раза въ недѣлю ѣзжу въ монастырь, прошу впустить, но всякій разъ мнѣ отказываютъ.

— Вотъ это непріятно, а все же не падайте духомъ. Если графиня не уступитъ добровольно, можно принудить ее къ этому. Будьте стойки—и Генріетта станетъ вашей женой.

Между тѣмъ, всадники доѣхали до конца лѣса, увидѣли стѣны монастыря и небольшой отрядъ всадниковъ, ѣдущихъ къ нимъ навстрѣчу, съ офицеромъ во главѣ.

Капитанъ подъѣхалъ къ офицеру, и тихо переговорилъ съ нимъ. Тотъ почтительно поклонился и повернулъ обратно.

— Капитанъ, сказалъ виконтъ,—если вы хотите добраться до военнаго поста, вамъ нужно ѣхать за поручикомъ. Аллея, въ которую мы въѣзжаемъ, ведетъ въ монастырь.

— Я туда и ѣду.

— Вы ѣдете въ монастырь? Но васъ не пустятъ.

— Ну, какъ нибудь войду, это не трудно, только вотъ какъ выйду оттуда? Къ счастію, мои военные друзья близко; они знаютъ что дѣлать, если я не вернусь черезъ часъ.

— Не понимаю...

— Но вы видѣли, виконтъ, я отдалъ приказаніе поручику.

— Да, но чего вы опасаетесь, капитанъ? Монахини не сдѣлаютъ вамъ вреда.

— Посмотримъ. Вотъ и монастырскія ворота. Постучите, виконтъ, попытайте счастія.

Де-Морвилье сошелъ съ коня и потянулъ шнурокъ. Отодвинулась оконная рама и показалось блѣдное лицо стараго монаха.

Филиппъ отступилъ въ удивленіи. Обыкновенно ему приходилось имѣть дѣло съ привратницей, монотонно говорившей: „Уйдите, синьоръ, впускъ не разрѣшенъ.“

Вѣроятно случилось что нибудь особенное. Кто былъ этотъ блѣдный человѣкъ? Быть можетъ посланный его соперника? Виконтъ смутился.

— Кто проситъ впуска? рѣзко спросилъ блѣдный монахъ, посматривая на сидящаго на конѣ капитана.

— Я виконтъ Филиппъ де-Морвилье.

— Вы знаете пароль?

— Какой пароль?

— Хорошо, сударь! Вы не тотъ, кого ожидаютъ. Проходите.

— А теперь попытаюсь я, сказалъ капитанъ съ улыбкой. Не безпокойтесь виконъ, я войду, и проведу васъ къ Генріеттѣ. Но отойдите подальше, вамъ не зачѣмъ слышать, что я буду говорить.

Онъ подошелъ къ воротамъ; блѣдный монахъ былъ еще у окна.

— Я изъ Буржа, прошепталъ капитанъ.

— Какой пароль? спросилъ тотъ также шопотомъ.

— Мазарини и Конде.

— Да. Вы капитанъ Гаспарини, тайный эмиссаръ ея величества королевы?

— Да, Лена. Кто кромѣ васъ сопровождаетъ принцессу Конде въ монастырь?

— Только одна камерфрау.

— И это правда?

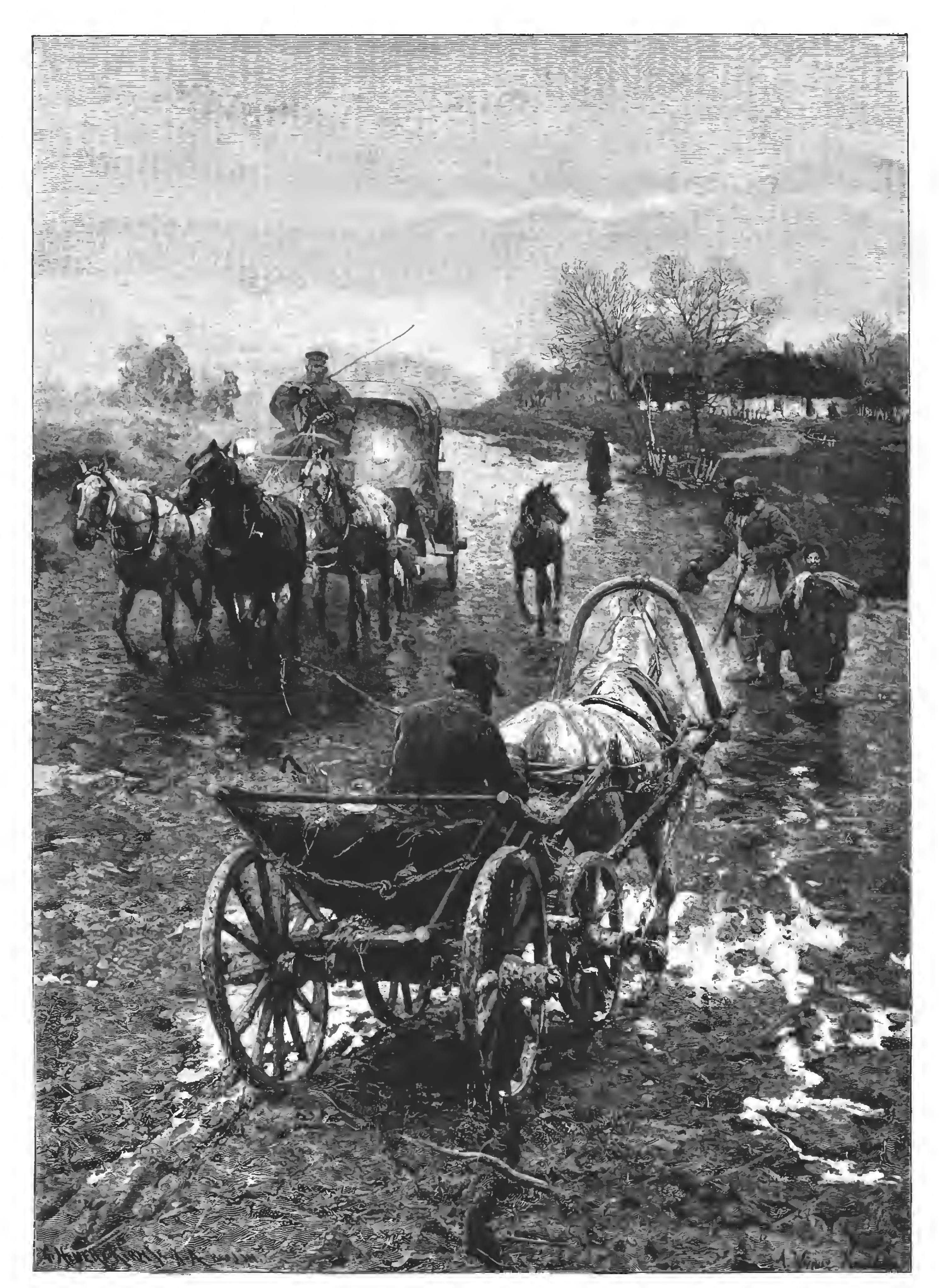
— Слово честнаго человѣка. Но почему это недовѣріе?

— Я долженъ сказать вамъ, Лена, что по дорогѣ на меня напали и чуть не убили. Де-Гриньонъ, приверженецъ герцога Ларошфуко, велъ убійцъ. Надѣюсь, что за стѣнами этого монастыря не кроется измѣна. Впрочемъ, неподалеку два отряда мушкетеровъ; имъ приказано перевернуть въ монастырѣ все верхъ дномъ, если я не вернусь черезъ часъ. Впустите меня.

— А другой сеньоръ?

— Это мой спаситель, у него частное дѣло въ монастырѣ. Будьте любезны, пропустите и его.

Точно во снѣ, едва вѣря своему счастію, шелъ Филиппъ за своимъ страннымъ покровителемъ. Лена приказалъ садовнику посмотрѣть за лошадьми, а самъ повелъ пришедшихъ по коридору въ залу, гдѣ въ обществѣ настоятельницы сидѣла знаменитая фрондерка, принцесса Конде.



Весеннее распутье. Улица въ польской деревенькѣ. Ориг. рис. А. Ковальскаго, грав. Гейеръ и Кирмсе.

Передъ праздникомъ. „Какой ты теперь чистенькій“! Рис. Иглера, грав. Эрике

Гаспарини поклонился и принцесса церемонно отвѣтила поклономъ.

Ловкій дипломатъ сказалъ:

— Ваше высочество понимаете, что необходимо удалить лишнихъ свидѣтелей ранѣе, чѣмъ приступить къ переговорамъ. Это виконтъ де-Морвилье, женихъ мадемуазель де-Матиньонъ, находящейся въ этомъ монастырѣ.

Принцесса удивленно посмотрѣла на настоятельницу и сказала:

— Я ничего объ этомъ не знаю.

Аббатиса шепнула ей нѣсколько словъ.

— Будьте любезны, обратился капитанъ повелительно къ настоятельницѣ,—проводить къ дѣвицѣ Матиньонъ виконта, намѣренія котораго вполнѣ честны.

— Повинуюсь приказаніямъ, отвѣтила та. Слѣдуйте за мною, виконтъ. Я проведу васъ въ пріемную.

И она пошла, шепнувъ нѣсколько словъ принцессѣ. Филиппъ, ранѣе чѣмъ уйти изъ зала, съ благодарностью посмотрѣлъ на своего покровителя. При этомъ онъ увидѣлъ, какъ Гаспарини положилъ передъ принцессой документъ. Лена обмакнулъ перо и, казалось, хотѣлъ передать его принцессѣ, чтобы та подписала документъ. Какъ ни былъ занятъ виконтъ своею любовью, онъ все же не могъ не понять, что дѣло идетъ о подписаніи мирнаго договора, который лишитъ фрондеровъ самой важной ихъ союзницы. Онъ молча послѣдовалъ за настоятельницей въ пріемную, куда вскорѣ пришла вся сіяющая счастіемъ Генріетта.

Спустя полтора часа, настоятельница вернулась, говоря, что пора прекратить посѣщеніе.

— Но, прибавила она, по просьбѣ капитана Гаспарини и принцессы, вамъ, виконтъ, разрѣшается пріѣзжать разъ въ недѣлю, повидаться съ дѣвицей Матиньонъ.

Филиппъ простился и изъ монастыря поѣхалъ къ военному посту, чтобы поблагодарить капитана Гаспарини. Но офицеръ сказалъ ему, что эмиссаръ королевы уже уѣхалъ неизвѣстно куда.

Въ теченіи слѣдующихъ недѣль виконтъ три раза посѣтилъ Генріетту. Въ четвертый его визитъ настоятельница улыбаясь сказала ему:

— Вашей дамы нѣтъ болѣе здѣсь. Васъ увѣдомятъ письменно гдѣ она находится. Возвращайтесь домой и ждите спокойно. У меня есть основаніе думать, что васъ ожидаетъ большое счастіе. Да хранитъ васъ Богъ, сударь.

Филиппъ старался разузнать все точнѣе, но или настоятельница не знала ничего болѣе, или не хотѣла ему говорить. По пріѣздѣ домой, онъ нашелъ письмо отъ маршала Эффіа, который извѣщалъ его, что онъ немедля можетъ поступить въ королевскую гвардію. При этомъ былъ приложенъ чекъ въ триста ливровъ, на его экипировку. Кромѣ того, въ письмѣ была еще сложенная записочка, которую онъ прочелъ съ большимъ изумленіемъ:

„Торопитесь пріѣздомъ въ Парижъ, гдѣ уже находится Генріетта де-Матиньонъ.

Вашъ другъ Гаспарини“.

На слѣдующій день молодой человѣкъ отправился въ столицу. Его дружески привѣтствовалъ Эффіа и сказалъ, что онъ, немедля, долженъ явиться къ королевѣ-регентшѣ.

Удивляясь чудесному перевороту въ своей судьбѣ, виконтъ отправился въ Лувръ. Его милостиво приняла Анна Австрійская, вдова Людовика XIII и мать Людовика XIV.

— Вы оказали большую услугу государству, сказала она ласково,—и заслуживаете награды.

Она вручила ему патентъ на званіе поручика королевской гвардіи.

Въ величайшемъ изумленіи Филиппъ благодарилъ королеву.

— Но это еще не все, продолжала регентша. Генріетта де-Матиньонъ, невѣста ваша, страдала отъ несправедливости своей тетки. Это дало мнѣ поводъ вступиться за нее и я даю за ней въ приданое сто тысячъ ливровъ. Вашему браку, виконтъ, теперь ничто не можетъ помѣшать. Ваша невѣста здѣсь, мы взяли ее къ себѣ.

Королева позвонила. Открылась дверь и появилась Генріетта, сіяя счастіемъ и радостью. Подъ впечатлѣніемъ благодарности, счастливая чета стала на колѣни передъ королевой.

Въ это время вошелъ служитель съ докладомъ о приходѣ Его Свѣтлости.

Великій государственный человѣкъ вошелъ въ комнату. Филиппъ взглянулъ на него и къ немалому изумленію узналъ капитана Гаспарини, одѣтаго теперь конечно нѣсколько иначе. И такъ, Гаспарини и Мазарини—это одно лицо!

— Ну, виконтъ, довольны ли вы мною? спросилъ онъ съ улыбкой. Дѣйствительно ли я такой скряга и неблагодарный, какъ вамъ про меня разсказывали?

— О Ваша Свѣтлость, простите? Могъ ли я предполагать...

— Однако все кончилось хорошо! не правда ли? Вы оказали мнѣ большую услугу—спасли жизнь, и я васъ отблагодарилъ. Мнѣ тогда необходимо было сохранить инкогнито, для заключенія договора съ принцессой Конде. Вы храбрый и честный дворянинъ, виконтъ, и я не сомнѣваюсь, скоро дослужитесь до полковника.

Послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ королевы, молодые люди были отпущены.

Виконтъ де-Морвилье достигъ высокихъ степеней. Онъ счастливо жилъ съ Генріеттой. Они никогда не забывали, чѣмъ обязаны были капитану Гаспарини.

Стихотвореніе.

Я помню садъ, я помню блескъ
Роскошно-сладострастной ночи,
Полночныхъ водъ чуть слышный плескъ
И образъ твой и эти очи....

***

Я помню пѣсню соловья:
Она лилась, не умолкая,
Она сулила намъ, звеня,
Блаженство жизни, счастье рая.

***

Но дни прошли... Бѣлѣетъ снѣгъ
Въ поляхъ, и въ рощахъ, и въ долинахъ,
Шумливой рѣчки скованъ бѣгъ,
Нѣтъ страстныхъ пѣсенъ соловьиныхъ,

***

И изумрудною листвой
Надъ нами стройныя березы
Уже не шепчутъ въ часъ ночной
Про нѣгу, радости и слезы.

***

Все сномъ оковано—и спитъ,
По часъ ударилъ пробужденья—
И снова пѣсня загремитъ
Въ тиши глухой уединенья,

***

И снова мы увидимъ блескъ
Спокойно-нѣжащейся ночи,
Полночныхъ волнъ чуть слышный плескъ
И звѣздъ мерцающія очи.

***

И снова, ласкою согрѣтъ,
Какъ ты, забуду я былое:
Живетъ лишь сердца сладкій бредъ,
Да чувство вѣчно-молодое!

К. Тронинъ.

Къ рисункамъ.

Молодая цвѣточница.

(Рис. на стр. 444 и 445).

На благословенномъ югѣ, въ странѣ солнца и цвѣтовъ, продавщица великолѣпныхъ гирляндъ и букетовъ не такое необыкновенное явленіе, какъ на нашемъ суровомъ сѣверѣ. У насъ не встрѣтите вы на гуляньяхъ и въ садахъ этого граціознаго явленія,—прелестной дѣвушки, которая сама кажется милымъ цвѣткомъ среди своего цвѣтущаго товара. Можно ли не купить букета у такой продавщицы? И всѣ наперерывъ покупаютъ у нея, любуясь ея личикомъ и граціозной фигурой. Торговля ея, навѣрное, идетъ бойко.

Ледовое побоище въ 1242 г.

(Рис. на стр. 449).

Въ первой половинѣ тринадцатаго вѣка наши сѣверныя народоправства, Новгородъ и Псковъ должны были вести почти постоянную борьбу съ сильными и безпокойными сосѣдями—шведами и рыцарями. Первое столкновеніе новгородцевъ со шведами произошло еще въ 1164 году, когда въ Неву, принадлежавшую еще безспорно Новгороду, вошли 55 шведскихъ шнекъ, и, пройдя въ Ладожское озеро, намѣрены были овладѣть ладожскимъ острогомъ, при устьѣ Волхова. Этотъ набѣгъ кончился пораженіемъ шведовъ; „овыхъ избиша и овыхъ изимаша“,

какъ говоритъ лѣтописецъ. Но этотъ урокъ былъ вскорѣ забытъ, и въ 1228 году множество шведскихъ лодокъ опять поплыли къ Ладогѣ. Этотъ набѣгъ опять дорого обошелся шведамъ, такъ какъ изъ нихъ погибло до 2000 человѣкъ, отъ меча и голода. Но вотъ, въ 1240 году шведы устроили настоящій походъ; Ярлъ Биргеръ былъ посланъ королемъ шведскимъ Эрикомъ обращать мечемъ въ католицизмъ непокорныхъ финновъ, по сю сторону Балтики. По словамъ нашего лѣтописца, мотивъ для войны будто бы заключался въ зависти шведскаго короля, до котораго дошелъ слухъ о высокихъ, какъ нравственныхъ, такъ и физическихъ свойствахъ князя Александра Ярославича, доблестнаго покровителя новгородцевъ. При извѣстіи о походѣ шведовъ, Александръ Ярославичъ принялъ благословеніе отъ архіепископа Спиридона и поспѣшилъ напасть на враговъ, стоявшихъ уже лагеремъ при устьѣ Ижоры. Отъ перваго же стремительнаго натиска новгородской дружины ряды шведовъ разстроились и вскорѣ обратились въ безпорядочное бѣгство. Самъ Александръ, увлеченный мужествомъ, съѣхался лицомъ къ лицу съ предводителемъ шведскимъ Биргеромъ, ударомъ меча раздробилъ ему шлемъ, а другимъ „возложи печать на лице его“. Побѣда была полная, и доблестный побѣдитель получилъ за нее прозваніе „Невскаго“. Но отразивъ шведовъ, Александру еще нужно было положить предѣлъ набѣгамъ рыцарей, уже давно безпокоившихъ предѣлы Пскова, и уже считавшихъ своимъ достояніемъ Водь, Ижору, берега Невы и Корелію. Въ 1242 году снова большая сила рыцарей двинулась на Псковъ. Магистръ Валкъ былъ увѣренъ заранѣе въ успѣхѣ, и двинулъ свои войска по льду, по Чудскому озеру, съ цѣлью дойти этимъ путемъ до самаго Пскова. Но Александръ предвидѣлъ направленіе врага и самъ выступилъ изъ Пскова по льду съ новгородцами и псковичами. Александръ установилъ свое войско въ боевой порядокъ, на озерѣ, у скалы „Вороній камень“, при поворотѣ изъ Псковскаго озера въ Чудское. Войско его образовало собою треугольникъ, обращенный острымъ концомъ къ непріятелю. Увидя приближающагося врага, Александръ громко молился. Была тогда суббота пятой недѣли великаго поста, день 5-го апрѣля. Солнце только что всходило. Когда непріятели приблизились, то Александръ стремительно двинулъ свое войско впередъ острымъ концемъ строя, и вражье войско было разрѣзано пополамъ. Тогда, какъ говоритъ лѣтописецъ, „поднялся трескъ отъ ломки копій и звукъ отъ мечнаго сѣченія. Казалось двинулось замерзшее море, и великая сталась сѣча. А льду не видно было; все покрылось кровію“. Разорванные, потерявшіе строй враги бѣжали; русскіе гнались за ними семь верстъ по льду и побили до 500 человѣкъ; чуди же погибло, по словамъ лѣтописца, великое множество. Со славой возвратился Александръ въ Псковъ. По приближеніи побѣдителя къ городу, на встрѣчу ему вышло духовенство и весь народъ изъявлялъ свою радость шумными криками. Впечатлѣніе, произведенное ледовымъ побоищемъ на современниковъ, было, по словамъ лѣтописца, чрезвычайно сильное. „Имя великаго князя Александра Ярославича, говоритъ онъ, прославилось отъ моря Варяжскаго до моря Понтійскаго.“

Весенняя распутица въ польской деревенькѣ.

(Рис. на стр. 452).

Картина эта кисти талантливаго Ковальскаго очень характеристична и отличается большими достоинствами. Теплый и мокрый дождь только что прекратился; широкая, немощеная улица деревеньки обратилась въ рядъ лужъ. Ночь спускается на землю—сыро и туманно. Ѣхать по размытой дорогѣ очень таки затруднительно. Дождливые дни—трудные дни для мѣстностей, лишенныхъ хорошихъ дорогъ. Но уже не долго ждать—солнце, весеннее, яркое солнце своими живительными лучами сдѣлаетъ свое благотворное дѣло и все кругомъ зацвѣтетъ и повеселѣетъ. Вотъ помѣщики ѣдутъ въ городъ въ грузномъ дормёзѣ, который усиленно вытаскиваетъ изъ грязи тройка бодрыхъ, сильныхъ коней. Зоркій взглядъ жида-торговца, ѣдущаго въ телѣгѣ, слѣдитъ за знакомымъ ему экипажемъ; крестьянинъ низко кланяется. Фонари ярко прорѣзаютъ своимъ свѣтомъ тусклый сумракъ набѣгающей ночи.

Передъ праздникомъ.

(Рис. на стр. 453).

Мальчуганъ плакалъ и не хотѣлъ принимать ванну — это такъ непріятно и не удобно, а ему такъ хочется играть и его веселая собачка ждетъ его бѣгать въ саду, а тутъ надо сидѣть въ водѣ и полоскаться; это такъ гадко и мыло щиплетъ ему глазки, и его стыдитъ няня, что онъ такой капризный и говоритъ что передъ праздникомъ непремѣнно надо сидѣть въ ваннѣ. Но вотъ все кончилось и няня показываетъ ему въ зеркалѣ его розовое, раскраснѣвшееся личико и онъ самъ себѣ улыбается при словахъ няни: „видишь какой ты теперь чистенькій!“

Передвиженіе большихъ массъ.

(Рис. на стр. 456).

Въ 1776 году неграмотный каменьщикъ переставилъ съ мѣста на другое цѣлую колокольню, которая находится и понынѣ въ Кресчентино, на лѣвомъ берегу По, между Туриномъ и Казалемъ. Вотъ протоколъ этой перестановки: „Въ 1776 году 2-го сентября былъ созванъ чрезвычайный совѣтъ, такъ какъ извѣстно, что 26-го минувшаго мая была совершена переноска колокольни вышиною въ 7 трабуко (около 33 арш.) церкви Мадонны дель Палаццо, въ присутствіи громаднаго населенія города и многихъ пріѣзжихъ, прибывшихъ чтобы быть свидѣтелями переноски колокольни съ ея основаніемъ, по способу нашего согражданина Серра, каменьщика, который обязался передвинуть помянутую колокольню на разстояніи 5 футовъ липрандо ($4^1/_2$ аршина) и такимъ образомъ соединить ее со строющейся церковью.

„Для этого прежде всего подрѣзали четыре стороны кирпичныхъ стѣнъ у основанія и въ сдѣланныя въ нихъ отверстія продѣли, съ сѣвера на югъ, т. е. по направленію, которое должно было принять зданіе, двѣ большія балки, параллельно которымъ сбоку колокольни было положено два ряда другихъ балокъ такой длины, какая требовалась для помѣщенія, переноски и установки колокольни на новомъ ея мѣстѣ, гдѣ заранѣе былъ приготовленъ кирпичный фундаментъ. Затѣмъ на балкахъ положили валики въ $3^1/_2$ дюйма въ діаметрѣ, а на нихъ второй рядъ балокъ такой же длины какъ и первый рядъ. Въ отверстія съ востока на западъ, въ видѣ креста, вложили двѣ балки покороче. Для того, чтобы колокольня не шаталась, ее поддерживали восемью брусьями, по два съ каждой стороны; брусья внизу поставлены были на каждую изъ четырехъ балокъ, а вверху упирались въ стѣны на высотѣ трехъ четвертей колокольни. Площадь, по которой предполагалось тащить колокольню, имѣла наклонъ въ одинъ дюймъ. Колокольню тащили тремя канатами, навернутыми на вороты, изъ которыхъ каждый приводился въ движеніе десятью человѣками. Передвиженіе колокольни совершилось менѣе чѣмъ въ часъ.

„При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что сынъ Серра, находившійся на колокольнѣ, звонилъ все время пока ее перетаскивали, такъ какъ колокола не были сняты.

„Писано въ Кресчентино въ день и годъ вышеобозначенные.“

Замѣтка, сообщенная академіи наукъ въ засѣданіи 9-го мая 1831 года, показываетъ, что у основанія колокольня имѣла по 3,30 метра съ каждой стороны, что даетъ возможность опредѣлить вѣсъ ея въ 9,000 пудовъ.

На фиг. 1 показанъ общій видъ колокольни съ ея подпорками, сдѣланный по рисунку, появившемуся 1844 году и принадлежавшему г. Грегори, который въ дѣтствѣ былъ самъ свидѣтелемъ перестановки и старался дополнить свѣдѣнія, данныя протоколомъ, не будучи однако въ состояніи объяснить болѣе понятно.

Въ 1854 году Викторъ Плясъ перевезъ изъ Ниневіи въ Моссулъ каменныхъ крылатыхъ быковъ, находящихся теперь въ ассирійскомъ музеѣ въ Луврѣ. Каждый изъ быковъ вѣситъ 1,920 пудовъ.

Упаковавъ ихъ старательно въ ящики для предохраненія отъ толчковъ, г. Плясъ, при помощи рычаговъ, упертыхъ въ земляную покатую насыпь, повернулъ ихъ на бокъ. Насыпи были потомъ разобраны. Затѣмъ онъ велѣлъ сдѣлать громадную телѣгу, оси которой имѣли 0,25 метра въ поперечникѣ, а колеса 0,80 метра (фиг. 2). Подъ срединой ящика вырытъ былъ отлогій ровъ, такой ширины и длины, чтобы въ него могла войти телѣга. Самый ящикъ поддерживался откосами, которые были разрыты, когда телѣга очутилась подъ ящикомъ, который вмѣстѣ съ грузомъ безъ сотрясенія легъ на нее. Потомъ въ телѣгу впряглось 600 человѣкъ, которые и вытащили ее наверхъ. Это количество людей требовалось почти на протяженіи всей дороги, почва которой была не очень плотная.

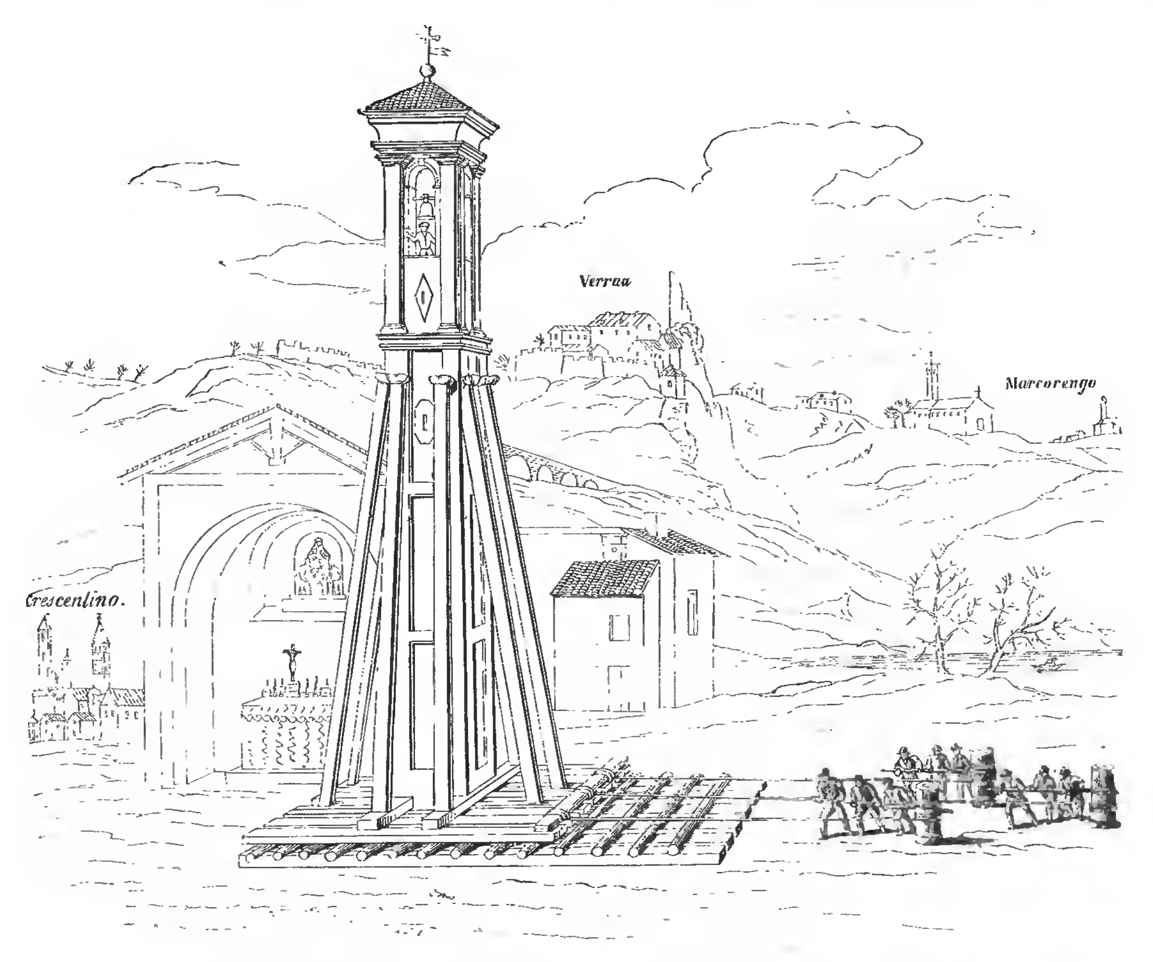
Отъ Хорсабада до Моссула почти 18 верстъ, включая сюда всѣ обходы, которые нужно было сдѣлать, съ цѣлью идти по болѣе плотному мѣсту. Перевозка перваго быка продолжалась четыре дня; втораго же—только полтора дня, такъ какъ дорога сдѣлалась болѣе гладкой отъ первой перевозки и люди болѣе опытны. 600 человѣкъ, которыми располагалъ г. Плясъ, цѣлыхъ три мѣсяца приготовляли путь, укрѣпляя его въ однихъ мѣстахъ фашинами и вымащивая въ другихъ плитами, взятыми изъ развалинъ Ниневіи.

Незваные гости.

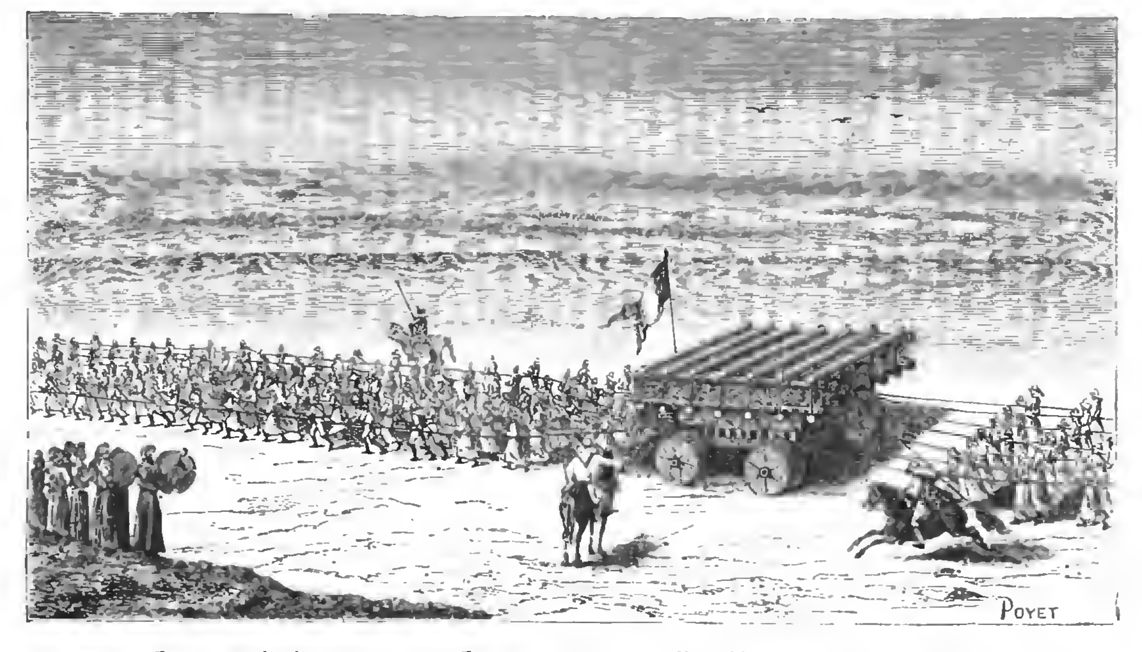
(Рис. на стр. 457).

Чудесный рисунокъ талантливаго Джіакомелли, такъ изучившаго маленькихъ животныхъ, изящно и мило изображаетъ маленькую драму, разыгрывающуюся въ глухомъ мѣстечкѣ цвѣтущаго зеленаго оврага, гдѣ такъ укромно пріютилось крохотное птичье гнѣздышко. Возвращаясь назадъ къ своимъ птенчикамъ съ кормомъ, крошечные родители въ отчаяніи видятъ, что покой ихъ птенчиковъ потревоженъ непрошенными, незваными, непріятными гостями — такими же крошечными, какъ птички—полевыми мышками. Одна изъ мышекъ, спокойно и твердо умостившись на краю гнѣзда, не безъ любопытства посматриваетъ на отчаянно пищащихъ птичекъ. Другая же мышка сердито поднялась на заднія лапки, скаля зубки и по-

шевеливая длинными усиками. Надо думать, что птички, постоянными нападеніями сверху, прогонятъ дерзкихъ посѣтителей-грызуновъ, ибо тѣ не могутъ съ ними бороться — у птичекъ большое преимущество: ударивъ клювомъ мышку, онѣ могутъ тотчасъ взлетѣть. Чѣмъ-то кончится маленькая драма?



Передвиженіе большихъ массъ. Перевозка колокольни въ Кресчентино, въ 1776 г.



Передвиженіе большихъ массъ. Перевозка крылатыхъ Ниневійскихъ быковъ. въ 1854 г.

Искусственные пейзажи.

(Рис. на стр. 460).

У Витрувія, римскаго писателя временъ Ю. Цезаря, есть разсказъ объ строителѣ Динократѣ, который предложилъ Александру Великому обдѣлать Аѳонскую гору такимъ образомъ, чтобы она уподоблялась великой фигурѣ человѣка, поддерживающаго одною рукою цѣлый городъ, а другою чашу, куда бы стекались всѣ воды горы, и изъ чаши изливались бы въ море. Александру очень понравилась эта мысль, но онъ спросилъ будетъ ли этотъ городъ окруженъ деревнями, которыя могли бы доставлять хлѣбъ, необходимый для его существованія. Узнавъ, что подвозъ припасовъ можетъ производиться только съ моря, Александръ сказалъ: „Динократъ, я сознаю величіе твоего проэкта: онъ огроменъ и многозначителенъ: но полагаю, что тотъ, кто рѣшится устроить колонію въ томъ мѣстѣ, въ которомъ ты предлагаешь, будетъ справедливо названъ опрометчивымъ, ибо какъ дитя не можетъ питаться и развиваться безъ молока кормилицы, такъ и городъ не можетъ держаться и развиваться безъ плодородныхъ окрестныхъ деревень, не можетъ имѣть значительнаго населенія безъ обильной пищи. Я не могу одобрить мѣста, которое ты выбралъ для при-

веденія великаго плана твоего въ исполненіе, но желаю, чтобы ты оставался при мнѣ; мнѣ нужны люди съ такими великими идеями".

Этотъ колоссальный проэктъ по всей вѣроятности былъ внушенъ македонскому архитектору тѣми странными и любопытными очертаніями, какія принимаютъ иногда горы. Дѣйствительно, нерѣдко можно видѣть ясно обрисовывающійся на небѣ, какъ бы человѣческій профиль. Явленіе это замѣчается наиболѣе въ тѣхъ странахъ, гдѣ известковыя выемки выламывались такимъ образомъ, что образовывали глубокія долины, перпендикулярныя направленію цѣпи. Если смотрѣть сбоку на края этихъ выемокъ, то ясно можно различить профиль лица, чему примѣромъ можетъ служить хотя гора Лапъ, если смотрѣть на нее отъ Гренобля.

Въ XVII вѣкѣ Кирхнеръ, интересовавшійся различными своеобразностями, задумалъ возстановить въ маломъ размѣрѣ гигантскій проэктъ Динократа и составилъ проэктъ пейзажа, показанный на фиг. 1. Рисунокъ этотъ, изваянный на мраморѣ, долгое время оставался вдѣланнымъ въ стѣну сада кардинала Монтальто въ Римѣ. Позднѣе художники совершенствовали и разнообразили этотъ проэктъ, что показываютъ фигуры 2 и 3. Смотря на рисунки сбоку, въ нихъ видны человѣческіе профили.

Незваные гости. Ориг. рис. Джіакомелли, грав. Руже.

Фигура 2 изображаетъ старуху, а фиг. 3 мужчину, волосы и борода котораго составлены изъ кустарника. Слѣдуетъ предположить, что такіе проэкты когда нибудь и осуществлялись. Геронъ и позднѣе его Скоттъ описываютъ снаряды, посредствомъ которыхъ производятъ извѣстныя выемки и насыпи съ цѣлью придать части мѣстности требуемую форму. Въ малыхъ размѣрахъ это постоянно производится въ садахъ и паркахъ, гдѣ устраиваются извѣстные красивые виды, располагая насыпные холмы и искусственныя выемки и насажденія для произведенія извѣстнаго впечатлѣнія, т. е. устраиваются „искусственные пейзажи“.

Новый аэростатъ.

(Рис. на стр. 461).

Извѣстно, что то, чего недостаетъ шарльерамъ (поднятія, или опусканія безъ выбрасыванія баласта, или выпусканія газа), имѣютъ монгольфьеры, и наоборотъ, чего не достаетъ монгольфьерамъ (достаточно подъемной силы и пр.), всѣми этими преимуществами обладаютъ шарльеры; совершенно естественнымъ представляется заключеніе: какимъ бы образомъ, соединивъ обѣ эти системы въ одну, воспользоваться преимуществами той и другой, безъ недостатковъ обоихъ, чтобы получить аппаратъ, который бы, безъ помощи всякихъ механическихъ силъ, могъ бы по произволу подниматься и опускаться на различныхъ атмосферическихъ высотахъ, не выпуская газа и не выбрасывая баласта.

Это именно и достигается „Апраксинъ-Кароло-Монгольфьеромъ“. Мы называемъ эту систему „Апраксинъ-Кароло-Монгольфьеръ“—изображеніе кольцеобразныхъ шаровъ фиг. C намъ представляетъ изобрѣтеніе графа Апраксина, получившее привиллегію, какъ для Европы, такъ и для Америки. Этимъ путемъ представляется единственная возможность осуществить на практикѣ соединеніе монгольфьера съ шарльеромъ, какъ показываетъ фиг. A, или фиг. B.

На рисункѣ фиг. A (равно какъ и фиг. B) показанъ весь аппаратъ цѣликомъ, а именно: монгольфьеръ, соединенный съ кольцеобразнымъ шаромъ, наполненнымъ газомъ; монгольфьеръ фиг. m служитъ для урегулированія высоты всего аппарата въ атмосферномъ воздухѣ, т. е. если мы нагрѣемъ въ немъ воздухъ чрезъ трубку l, посредствомъ соотвѣтствующей печки, или же черезъ отверстіе вентиляціоннаго клапана v^1v^2 проведемъ токъ холоднаго воздуха, то мы получимъ болѣе или менѣе значительную подъемную силу, посредствомъ которой мы по произволу можемъ подниматься или опускаться; кольцеобразный шаръ фиг. C наполненъ газомъ и предназначенъ для подъема всего аппарата, а именно: посредствомъ легкаго станка, или мачты, какъ показываетъ фиг. n, поддерживается вѣсъ регуляціоннаго шара (на фиг. B посредствомъ ниспадающихъ веревокъ); далѣе, сѣтью ниспадающихъ веревокъ кольцеобразный шаръ соединенъ съ гондолой, а потому онъ долженъ поднимать и весь грузъ людей, снаряженія и баласта, т. е. приводить въ равновѣсіе съ атмосфернымъ воздухомъ и тогда дальнѣйшее подниманіе, или опусканіе производится регуляціоннымъ шаромъ (монгольфьеромъ).

За температуру монгольфьера, которую не слѣдуетъ переступать, можно принять 100° Ц.; но совершенно безопаснымъ возвышеніемъ температуры воздуха можно считать около 80° Ц. противъ внѣшняго воздуха. Но такъ какъ регуляціонный шаръ, какъ уже объяснено, не предназначается для безпрерывнаго подниманія части вѣса всего аппарата; его задача — регулировать восхожденіе, или опусканіе судна въ надлежащій слой воздуха, то для этого достаточно (если вся машина хорошо уравновѣшена) лишь весьма незначительныхъ возвышеній температуры въ регуляціонномъ шарѣ отъ 8° и самое большее до 12° Ц.

Четыре небольшихъ цилиндра для амміака, содержащіе жидкій амміакъ, который употребляется сперва вмѣсто баласта, а потомъ для замѣны, постепенно уменьшающейся подъемной силы главнаго шара; s,s, — трубы, по которымъ проводится амміачный газъ въ главный шаръ изъ резервуаровъ для амміака.

Печка особаго устройства, помѣщенная въ гондолѣ, служитъ для нагрѣванія воздуха въ регуляціонномъ шарѣ; она устроена для регулированія источника теплоты и можетъ быть отапливаема керосиномъ, нефтянымъ коксомъ, или иными горючими веществами. *Изоляціонная труба* окружаетъ печь и закрываетъ ее герметически отъ доступа внѣшняго, атмосферическаго воздуха.

Проводящая труба l составляетъ продолженіе изоляціонной трубы; она проводитъ теплоту печи въ регуляціонный шаръ. На фиг. B она излишня, такъ какъ теплота по изоляціонной трубѣ проводится прямо въ регуляціонный шаръ.

Изоляціонная труба i^1 изолируетъ проводящую трубу l отъ стѣнокъ главнаго шара (на фиг. B она можетъ быть замѣнена ширмой).

Вентиляціонные клапаны v^1v^2 служатъ для пропусканія холоднаго тока воздуха чрезъ регуляціонный шаръ, если желательно болѣе быстрое охлажденіе его для болѣе быстраго опусканія всего аппарата.

Печка имѣетъ клапанъ для задерживанія въ печи тепла. Также изоляціонная труба имѣетъ клапанъ для задержанія перехода теплоты въ регуляціонный шаръ. (Перечисленныя приспособленія дѣлаются при коксовой печи, а при керосинной печкѣ клапанъ замѣняетъ машинка, подобная ламповой машинкѣ для поднимапія, или опусканія фитиля).

Одинъ автоматическій регуляторъ высоты служитъ для удержанія всего аппарата на одной желаемой высотѣ. Для этого служитъ ртутный барометръ, длинное колѣно котораго состоитъ изъ желѣза, придѣлано къ маленькому металлическому ящику; къ этому же ящику прикрѣплено короткое стеклянное колѣно, въ которое вводится металлическій винтъ. Если послѣдній коснется ртути, то замыкается маленькая батарея и приводится въ движеніе электромагнитная машина, которая закрываетъ печной клапанъ и клапанъ изоляціонной трубы и открываетъ вентиляторы v^1 и v^2 (при керосиновой печкѣ открывается фитильный вентиль). Если же винтъ и ртуть не соприкасаются, тогда машинка, подгоняемая пружиной, начинаетъ двигаться и клапаны снова открываются, а вентиляторъ закрывается.

Винтъ снабженъ указателемъ и дѣленіями, такъ что какая угодно высота до извѣстной степени можетъ быть отсчитана и затѣмъ по желанію винтъ можетъ быть переставленъ для удержанія всего аппарата на другой высотѣ.

NB. Всѣ упомянутые клапаны, въ случаѣ надобности, могутъ быть открываемы или закрываемы и рукою для регулированія всего аппарата.

Кромѣ того совокупный аппаратъ имѣетъ:

Вѣтровой компасъ (кружокъ съ дѣленіями), имѣющій цѣлью опредѣлять, какимъ образомъ достигнуть болѣе благопріятнаго для цѣли путешествія воздушнаго теченія, т. е. поднятіемъ или опусканіемъ. Это производится съ помощью малаго (индикаторнаго) шара O, который прикрѣпляется на шнурѣ, на глубинѣ приблизительно около 1,000 футовъ подъ гондолою и отклоненіе котораго отъ вертикальнаго положенія указываетъ на перемѣну воздушнаго теченія на всякой глубинѣ, на какую его опустятъ. Могущее произойти уклоненіе нижняго воздушнаго теченія означается на кружкѣ, который снабженъ соотвѣтствующими дѣленіями и чрезъ который проходитъ нитка индикаторнаго шара.

Аэронавтическій компасъ для показанія курса шара; онъ виситъ, подобно обыкновенному корабельному компасу, въ универсальномъ шарнирѣ; но только коробка компаса не прикрѣплена, какъ обыкновенный корабельный компасъ къ кораблю, а здѣсь слѣдовательно, къ гондолѣ шара; напротивъ, онъ совершенно независимъ отъ движеній гондолы шара.

Употреблявшійся донынѣ въ аэронавтикѣ обыкновенный морской компасъ можно было считать лишь излишнимъ баластомъ въ гондолѣ шара, такъ какъ съ нимъ, теряя землю изъ вида, абсолютно невозможно оріентироваться даже и приблизительно, потому что шаръ постоянно вращается около своей оси, а съ нимъ вмѣстѣ вращается и гондола и коробка компаса, помѣщенная въ этой гондолѣ или прикрѣпленная къ ней. Чтобы на компасѣ узнавать дѣйствительное отклоненіе, когда таковое случится, компасъ долженъ быть устроенъ, какъ описано выше, т. е. коробка компаса не должна дѣлать вращательныхъ движеній вмѣстѣ со всѣмъ аппаратомъ, а только при отклоненіи аппарата съ курсовой линіи, такъ какъ лишь тогда видна разность отклоненія отъ устойчиво стоящей магнитной стрѣлки.

Два предохранительныхъ клапана k^1k^2 открываются сами при болѣе значительномъ противъ нормальнаго давленіи, въ видахъ предохраненія главнаго шара отъ опаснаго напряженія газа. Кромѣ того два *ручные* (несамодѣйствующіе) клапаны, которые, смотря по надобности, можно открывать изъ гондолы.

Кромѣ перечисленныхъ снарядовъ изоляціонная труба, окружающая печку, снабжена термометромъ, показывающимъ температуру въ изоляціонной трубѣ около печки, и еще другимъ термометромъ, показывающимъ температуру вверху въ регуляціонномъ шарѣ. Кромѣ того, ко всему аппарату можно придать еще различные инструменты для астрономическихъ опредѣленій мѣстъ и метеорологическихъ наблюденій.

Гондола g построена въ видѣ каюты, весьма крѣпкой и чрезвычайно легкой, обставленной весьма удобно и роскошно отдѣланной.

Съ помощью такого аппарата, снабженнаго вышеозначенными инструментами, представляется возможность не только опредѣлять съ полною точностью и во всякое время измѣненія воздушныхъ теченій на различныхъ высотахъ надъ поверхностью земли, но и не исключается возможность приблизительнаго достиженія предноставленной себѣ цѣли, пользуясь для этого наиболѣе благопріятнымъ по желаемому направленію вѣтромъ. Извѣстно, что мы приблизительно на каждомъ разстояніи атмосферической высоты въ 1000 фут. имѣемъ другое направленіе воздушнаго теченія и при томъ эти направленія на разныхъ высотахъ вообще пропорціональны разности высоты барометра. Если напр. токъ воздуха при высотѣ баро-

метра въ 500 милиметровъ имѣетъ направленіе NO, а при высотѣ въ 460 милиметровъ направленіе NNO, то направленіе вѣтра будетъ:

при 410 милим. почти NNO ½ O
„ 480 „ „ NO къ N
„ 490 „ „ NO ½ N

Далѣе ясно, что въ этомъ случаѣ направленіе вѣтра будетъ:

при 510 милим. почти NO ½ O
„ 520 „ „ NO къ O и т. д.

Малѣйшее движеніе вѣтра передаетъ ту же скорость движенія этому аппарату, который легче воздуха, и онъ во всякое время можетъ найти благопріятное и довольно сильное воздушное теченіе, направленное къ желаемому направленію, а поэтому этотъ парусный воздушный корабль находится въ несравненно болѣе выгодныхъ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, нежели морское парусное судно на водѣ, которое не можетъ отыскивать по произволу благопріятное для своего плаванія воздушное теченіе, но вынуждено выжидать иногда по нѣскольку недѣль благопріятнаго ему, достаточно сильнаго вѣтра. Но и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ оно не можетъ достигнуть даже средней скорости паруснаго воздушнаго судна, движущаго равной скоростью съ вѣтромъ.

Аппаратъ этотъ, со всѣми вспомогательными приборами, исполненъ въ величину, приспособленную для подъема 10 человѣкъ, очень удачно, при небывалой легкости, весьма солидно и изящно, изобрѣтателемъ и строителемъ Костовичемъ, помимо постройки изобрѣтеннаго имъ, произвольно управляемаго и движущагося противъ вѣтра „воздушнаго корабля Россія". Эта послѣдняя громадная и небывалая постройка, не имѣющая ничего общаго съ вышеописаннымъ аппаратомъ „Апраксинъ-Кароло-Монгольфіеромъ", нынѣ удачно приближается къ окончанію.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Италія.—Бельгія.—Сербія.

Въ „Правит. Вѣстн." напечатанъ докладъ генерала Комарова о дѣлѣ при Кушкѣ, чрезвычайно интересный, въ которомъ подробно подтверждаются сообщенія о ходѣ боя, извѣстныя намъ изъ телеграммъ. Во главѣ афганской пограничной коммисіи будетъ состоять полковникъ Риджвей, къ которому будутъ прикомандированы капитаны Уэтъ и нѣсколько другихъ офицеровъ. Въ то же время лордъ Кимберлей заявилъ въ палатѣ лордовъ, что ошибочно предполагать, будто правительство намѣрено сохранить Афганистанъ какъ нейтральную полосу. Правительство присоединяется ко мнѣнію герцога Аргайля, что постъ, выдвинутый для защиты Индіи, долженъ находиться не слишкомъ далеко отъ базиса Англіи. Во время управленія лорда Рипона въ Индіи, выработаны тщательные планы обороны границы, и планы эти теперь одобрены. Лордъ Гренвиль сказалъ, что нынѣшнія пренія по афганскому вопросу онъ считаетъ очень умѣстными и цѣнными, потому что они доказываютъ индійцамъ, что вся Англія единодушно готова защищать ихъ отъ всякой опасности. Въ палатѣ общинъ Чайлдерсъ сообщилъ, что изъ 11 милліоновъ кредита 7¼ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ частью уже израсходованы, частью предназначены на покрытіе принятыхъ на себя Англіею обязательствъ; кромѣ того, вѣроятно, потребуется еще ¾ милліона на расходы въ Суакимѣ и на нильскую экспедицію. Гладстонъ прямо заявилъ, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что Россія ратификуетъ состоявшееся соглашеніе, и присовокупляетъ, что съ Россіей предполагается заключить договоръ, но желательно, чтобы его подписаніе не послѣдовало ранѣе обстоятельнаго установленія пограничной черты.

Изъ тѣхъ же послѣднихъ парламентскихъ сообщеній видно, что англичане окончательно очищаютъ Суданъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣшеніе принято будетъ съ восторгомъ англійскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ, такъ какъ положеніе послѣдняго дѣйствительно весьма тягостно. Изъ 8000 чел., расположенныхъ къ югу отъ Донголы, около одной трети можно смѣло отчислить въ инвалидныя команды, но и на остальныя двѣ трети нельзя много разсчитывать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ рядахъ войскъ укоренилось убѣжденіе, что планъ наступательнаго движенія на Хартумъ окончательно оставленъ, и что войска стоятъ въ пустынѣ лишь въ силу какихъ то политическихъ соображеній. По сообщенію въ палатѣ общинъ маркиза Гартингтона, правительство рѣшило вывести какъ можно скорѣе войска изъ Вадигальфъ и Ассуана. Отступательное движеніе начнется въ концѣ текущаго мѣсяца, а наступательное на Хартумъ совсѣмъ не состоится. Очищеніе такихъ позицій какъ Донгола требуетъ извѣстнаго времени. Относительно же Суакима, правительство еще не считаетъ возможнымъ представить окончательныя свѣдѣнія, а можетъ только сообщить, что очищеніе Суакима не послѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока не состоится соглашенія съ другою державою объ оккупаціи этого пункта. Продолженіе постройки желѣзной дороги на Берберъ не предполагается.

Въ Италіи, предпринятыя экспедиціи въ Красное море тоже уже не пользуются прежнимъ довѣріемъ и къ нимъ относятся даже съ нѣкоторымъ разочарованіемъ. „Наша колоніальная политика, говоритъ газета „Perseverenza" проявилась при обстоятельствахъ гораздо болѣе неблагопріятныхъ, чѣмъ даже можно было ожидать. Мы не успѣли прибыть въ Массову, какъ Хартумъ уже палъ, и англійскія войска должны были двинуться обратно изъ Судана. Улыбавшаяся многимъ итальянцамъ мысль о нашемъ наступательномъ движеніи въ глубь Судана, теперь уже нисколько не кажется имъ привлекательною. Весь вопросъ сводится нынѣ къ отысканію такой мѣстности для лѣтняго квартированія нашихъ войскъ, климатъ котораго былъ бы менѣе вреденъ климата Массовы. Но и на такой позиціи наше положеніе было бы сопряжено съ большимъ рискомъ. Война въ такомъ краѣ стоила бы много денегъ, поглотила бы много человѣческихъ жертвъ, безъ всякаго соотвѣтствующаго для насъ вознагражденія". Абиссинскій король тоже оказывается отнынѣ враждебнымъ итальянцамъ. Его войска заняли Керанъ и плоскогорья Богосовъ; это завладѣніе поставило итальянскіе гарнизоны въ Массовѣ и его окрестностяхъ въ крайне затруднительное положеніе. Въ Римѣ ходятъ слухи, что населеніе Богосовъ хотѣло воспротивиться вторженію абиссинцевъ и встрѣтило ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, но безуспѣшно. Во всякомъ случаѣ полковникъ Сакетта, командующій отрядомъ въ Массовѣ, не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи въ виду угрожающаго образа дѣйствій Абиссиніи и занялъ селеніе Аркико, весьма важный пунктъ, расположенный на югѣ Массовы, составляющей по прежнему центръ раіона дѣйствій Италіи.

По сообщенію брюссельскаго корреспондента газеты „Débats", 4-го мая лордъ-мэръ торжественно вручилъ королю Бельгійскому адресъ, касающійся Конго. Король сердечно благодарилъ его и присовокупилъ, что мысль о созданіи конгскаго государства возникла изъ за желанія уничтожить невольничество и послужить дѣлу цивилизаціи и торговли въ Африкѣ. Основой новаго государства служитъ свободный ввозъ товаровъ. Пороги составляютъ препятствія, которыя промышленность должна преодолѣть. Расходы же на постройку дорогъ по берегу Конго безъ сомнѣнія вознаградятся. Въ заключеніе король Бельгійскій сказалъ, что онъ, въ интересахъ цивилизаціи, надѣется, что означенное предпріятіе привлечетъ къ себѣ капиталистовъ.

Недавно умеръ въ Темашварѣ князь Александръ Карагеоргіевичъ, сынъ основателя сербской независимости и бывшій сербскій владѣтельный князь. Онъ родился въ 1806 году и такъ какъ послѣ смерти его отца власть перешла къ Обреновичамъ, то онъ вмѣстѣ съ матерью удалился въ Валахію. Въ 1842 г., послѣ паденія Михаила, втораго сына Милоша, которому онъ наслѣдовалъ послѣ его отреченія, онъ былъ провозглашенъ княземъ и царствовалъ до 1858 года. Свергнутый въ свою очередь, онъ былъ снова замѣненъ старикомъ Милошемъ Обреновичемъ. Когда же сынъ и наслѣдникъ послѣдняго былъ убитъ въ 1868 году, то князь Александръ былъ обвиненъ въ подстрекательствѣ и приговоренъ въ Пештѣ къ восьмилѣтнему тюремному заключенію. Князь Александръ оставилъ послѣ себя трехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Петръ, имѣетъ въ супружествѣ дочь князя Николая Черногорскаго.

Смѣсь.

Водопроводы въ Парижѣ. Въ столицѣ Франціи устроено два новыхъ водопровода ключевой воды. Первый, длиной въ 134 километра, изъ рѣки Авры близь Эврё, второй, въ 135 килом. изъ рѣки Бульсіи въ Провансѣ. Каждый водопроводъ ежедневно вводитъ въ Парижъ до 200000 ведеръ воды. Источники лежатъ на высотѣ 80 и 95 метровъ надъ уровнемъ моря, и имѣютъ достаточное давленіе, чтобъ доставлять воду въ городъ, расположенный лишь на 32—70 метровъ выше уровня моря. Прежній водопроводъ изъ рѣки Дюиссы доставляетъ Парижу 80000 ведеръ воды, а устроенный въ 1874 изъ рѣки Ваны 20000 ведеръ, онъ длиною въ 139 километровъ. Кромѣ того Парижъ издавна потребляетъ воду рѣчекъ Урка и Жибетты, но эта вода такъ грязна и дурна, что ее никакъ нельзя назвать ключевой водой; городскіе водопроводы, посредствомъ двухъ большихъ водоподъемныхъ машинъ, поставляютъ двѣ трети потребляемой въ Парижѣ воды изъ Сены и Марны. Прежней воды едва хватаетъ только для питья и домашняго обихода; для бань, прачешныхъ фабрикъ и поливки улицъ и садовъ требуется еще столько же сколько было. Два новыхъ водопровода восполнили этотъ недостатокъ и стоили городу 64 милл. франковъ.

Сбереженіе мѣховъ, сукна и шерстяной матеріи. Въ виду наступающаго теплаго времени, сообщаемъ нашимъ читательницамъ нѣсколько испытанныхъ способовъ—сберегать отъ моли мѣха и другія вещи; для сбереженія мѣховъ рекомендуются слѣдующіе способы: 1) вещи посыпаются истолченымъ желѣзнымъ купоросомъ; 2) употребляется смѣсь изъ 4-хъ ложекъ эфирнаго, полыннаго масла и 1-го лота скипидар ; эта смѣсь взбалтывается, а затѣмъ въ ней намачиваются полоски пропускной бумаги, которыя и кладутъ въ карманы или складки мѣховой одежды. Нѣжные мѣха должно держать въ холодной комнатѣ, такъ какъ теплая, сухая атмосфера дѣлаетъ мѣхъ жесткимъ, ломкимъ и уничтожаетъ въ немъ пышность и нѣжность. Когда мѣха лежатъ безъ употребленія въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то они принимаютъ старый, измятый видъ, который можно уничтожить слѣдующимъ образомъ: нагрѣть на противнѣ горсть отрубей, или мелкихъ опилокъ, но такъ, чтобы они не подгорѣли, потомъ обтереть ими мѣхъ раза 2—3 и хорошенько вытрясти и вычистить его.

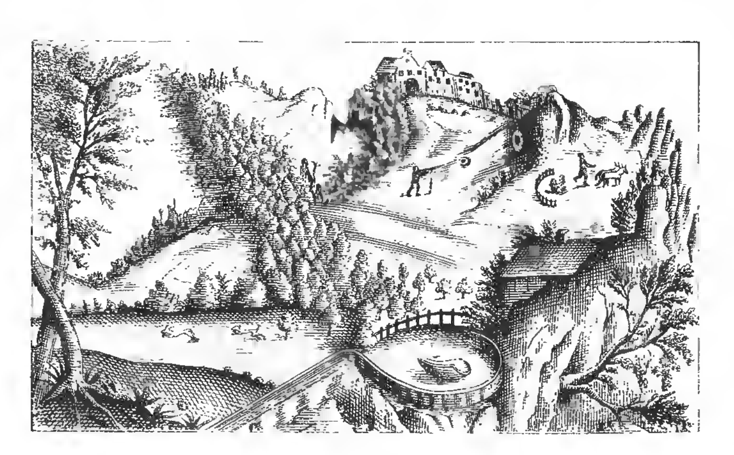
Отъ моли рекомендуются: обкуриваніе сундуковъ и шкаповъ нашатыремъ; обертываніе вещей въ чистыя, полотняныя простыни и узкіе мѣшки; пересыпаніе вещей табакомъ, камфарой, перцемъ, окурками отъ сигаръ, конопляннымъ цвѣтомъ. Необходимо также, прежде чѣмъ убирать мѣха и зимнія вещи, тщательно ихъ вычесать, выколотить и вычистить, такъ какъ пыль болѣе всего способствуетъ разведенію моли. Для предохраненія отъ моли мебели, обитой шерстяной матеріей, слѣдуетъ смѣшать волосъ со свѣжезасушенными цвѣтами конопли, запаха которыхъ моль не переноситъ.

Что городъ — то норовъ, что деревня — то обычай. Понятія о вѣжливости и приличіи въ сущности только относительны и основаны на обычаяхъ каждой націи. Вотъ, для примѣра, различныя формы привѣтствія, принятыя у разныхъ народовъ. Мексиканецъ, встрѣчаясь со знакомымъ, цѣлуетъ его руку и, въ тоже время, касается своей рукой земли. Бразиліанецъ, напротивъ, беретъ голову знакомаго и прижимаетъ ее къ груди. Мадагаскарецъ довольствуется прикладываніемъ своей ладони къ ладони другаго. Сіамецъ, при встрѣчѣ съ другимъ, снимаетъ свое верхнее платье и обвиваетъ имъ станъ встрѣчнаго, а эѳіопъ снимаетъ съ пріятеля поясъ и опоясывается имъ на минуту самъ. Арабъ говоритъ при встрѣчѣ: „Салемъ Алейкумъ“ (м ръ съ тобой), на что ему отвѣчаютъ: „Алейкумъ есалемъ“ (и съ тобою да будетъ миръ); въ Іеменѣ же, арабы, кромѣ этого привѣтствія, цѣлуютъ другъ у друга руку, но не сразу, а послѣ нѣкотораго сопротивленія и чѣмъ дольше человѣкъ не даетъ цѣловать руку, тѣмъ онъ благовоспитаннѣе. Кохинхинецъ снимаетъ свою тростниковую шляпу и кладетъ на землю, а обитатели острововъ Южнаго океана надѣваютъ свою корону изъ перьевъ на голову встрѣтившагося знакомаго. Персъ киваетъ головой и прикладываетъ палецъ ко рту. Японецъ вытягивается въ струнку и для выраженія особеннаго уваженія садится на землю. Жители Курильскихъ острововъ преклоняютъ при встрѣчѣ колѣно. Гренландцы лижутъ щеки другъ друга, а лапландцы прикладываются другъ къ другу кончиками носовъ.

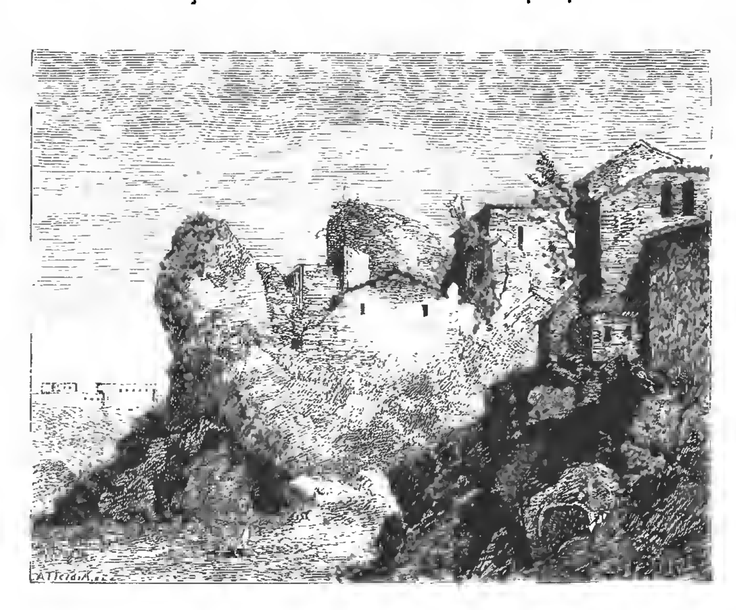
Значитъ, чтобы быть истинно вѣжливымъ и благовоспитаннымъ во всѣхъ уголкахъ міра, слѣдуетъ изучить всевозможные обычаи.

Сохраненіе хлѣба. Въ сельскихъ хозяйствахъ, гдѣ приходится разомъ печь много хлѣба, случается иногда, что хлѣбъ, вслѣдствіе сырости, покрывается плѣсенью. Какъ испытанное средство противъ этого, рекомендуется — свѣже испеченные хлѣбы, прямо изъ печки, положить въ мучной мѣшокъ, гдѣ имѣется еще немного муки и притомъ такъ, чтобы верхнія корки хлѣбовъ соприкасались. Затѣмъ, завязываютъ мѣшокъ и подвѣшиваютъ его на свѣжемъ воздухѣ. Такимъ образомъ хлѣбъ сохраняется мѣсяцъ или полтора, не сохнетъ и не покрывается плѣсенью. Вынимая хлѣбъ изъ мѣшка для употребленія въ пищу, его счищаютъ чистой щеткой и кладутъ на одну ночь въ погребъ, чтобы сдѣлать его снова мягкимъ.

Дешевая сила — вотъ лозунгъ мелкихъ производителей, желающихъ противустоять конкуренціи оптовыхъ промышленниковъ. Уже нѣсколько лѣтъ существуютъ такъ наз. „заведенія для найма силы“, которыя имѣютъ только то неудобство, что ремесленникъ долженъ устроить свою мастерскую въ самомъ зданіи или въ ближайшемъ отъ него разстояніи. Распространеніе подобнаго рода заведеній было бы дѣльнымъ и хорошимъ употребленіемъ „излишнихъ“ капиталовъ, обременяющихъ банки и сберегательныя кассы. Наемъ силы принялъ однако особую форму, которую слѣдовало бы ввести вездѣ. Въ Нью-Іоркѣ отдается извѣстное количество силъ пара посредствомъ крановъ. Въ Бирмингамѣ машины со сгущеннымъ, а въ Парижѣ разрѣженнымъ воздухомъ—на значительномъ даже разстояніи отъ источника силы. Парижское учрежденіе существуетъ всего два мѣсяца въ улицѣ Бобуръ — средоточіи мелкихъ промышленниковъ, щеточниковъ, гребенщиковъ, переплетчиковъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и др. и пріобрѣло уже значительное число абонентовъ. Теперь вполнѣ примѣнились къ новому приспособленію. Силу покупаютъ какъ газъ; пользуются ею или прекращаютъ ея дѣйствіе посредствомъ открыванія или замыканія крана. Все устройство заведенія состоитъ изъ паровой машины въ 84 лошадиныя силы, 250-ти метровъ проводныхъ трубъ и маленькихъ двигателей, отдаваемыхъ абонентамъ. Паровая машина приводитъ въ движеніе пневматическую машину, имѣющую въ главной и боковыхъ трубахъ пустоту въ 75%. Въ центральной станціи можно помѣстить еще три большихъ паровыхъ машины, въ случаѣ усиленія требованія силы. Главныя чугунныя трубы проложены въ уличныхъ каналахъ и имѣютъ при выходѣ изъ центра 25 центиметровъ въ поперечникѣ, въ каналахъ 15 цент., а въ концѣ провода 10 цент. Боковыя трубы вылиты изъ свинца, подобно газопроводнымъ. Двигатели, отдаваемые въ мастерскія, шести различныхъ размѣровъ, до 1 лошадиной



Искусственные пейзажи. 1. Пейзажъ Кирхнера.



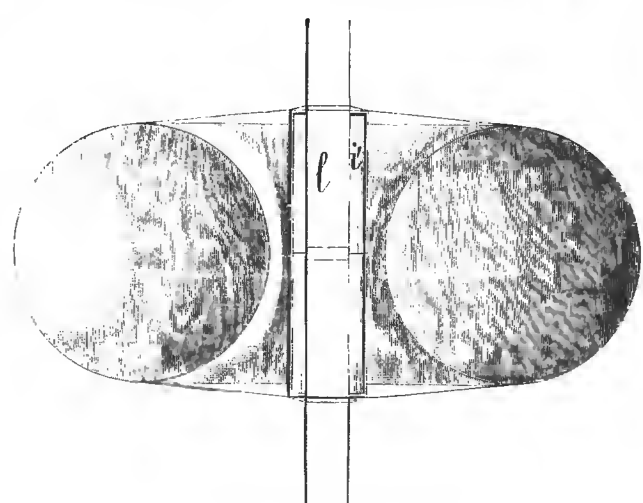
Искусственные пейзажи. 2 Очертаніе лица старухи.

Искусственные пейзажи. 3. Варіація того же пейзажа.

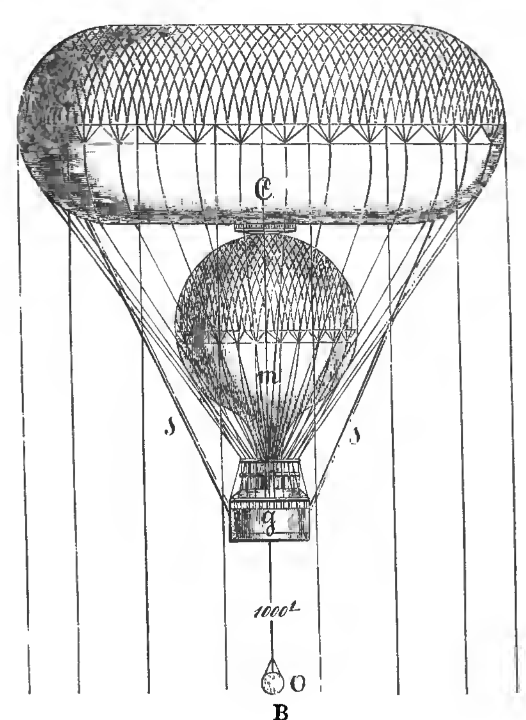
силы. Разсчетъ производится ежемѣсячно или послѣ каждыхъ десяти дней. Принимая во вниманіе дороговизну содержанія паровыхъ и газовыхъ машинъ, нанимаемая такимъ образомъ сила стоитъ не дорого. За одну лошадиную силу платятъ 4 франка въ день. Предприниматели получаютъ большую прибыль, такъ какъ одна лошадиная сила обходится имъ не болѣе 12—15 сантимовъ.

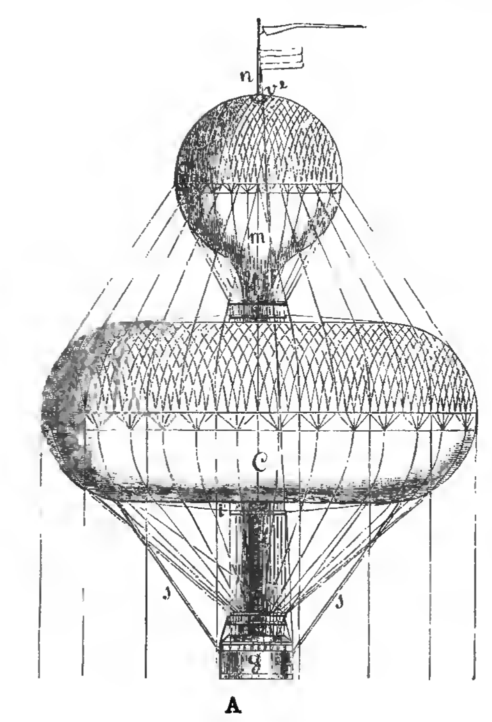
Ползаніе мухъ. Много самыхъ обыкновенныхъ явленій въ природѣ мы видимъ ежедневно, но затруднились бы объяснить ихъ тайну. Долгое время представляло такую тайну ползаніе мухи и другихъ насѣкомыхъ по отвѣснымъ стѣнамъ и гладкимъ поверхностямъ. Наконецъ напали на слѣдъ этой искусной гимнастики, умѣющей ходить даже по потолку. Сперва предполагали, что безчисленное количество волосковъ, которыми покрыты ноги мухи, даетъ ей возможность крѣпко держаться, входя въ поры стѣнъ; это предположеніе оказалось невѣрнымъ, такъ какъ мухи ползаютъ по стеклу, которое, какъ извѣстно, не имѣетъ поръ. Тогда составили глубокомысленную теорію, будто бы муха, садясь, поднимаетъ среднюю часть ступни, образуетъ безвоздушное пространство и виситъ на стѣнѣ, какъ держится у насъ на губѣ или языкѣ пузырекъ, изъ котораго мы высосемъ воздухъ. Это была теорія тоже ошибочная—микроскопъ показалъ, что нога мухи лишена мускуловъ, необходимыхъ для такого движенія. Наконецъ нашли, что ноги мухи выдѣляютъ жидкость, слѣды которой остаются на стеклѣ, и предположили, что это клейкое вещество быстро плотнѣетъ и удерживаетъ муху. Это остроумное объясненіе не понравилось ученымъ; иные справедливо замѣчали, что при такихъ условіяхъ муха, побывъ на одномъ мѣстѣ, несомнѣнно прилипла бы, а въ дѣйствительности она всегда легко перемѣщается. Теперь есть новая и самая правдоподобная теорія, что ноги мухъ выдѣляютъ только небольшое количество жира, смачивающее волоски и вполнѣ достаточное, чтобъ предотвратить паденіе. Это предположеніе подтверждается цифрами: нашли, что волосъ, длиной въ 16 центиметровъ, держится на стеклѣ съ помощью капли масла въ діаметрѣ самаго волоса. У мухи на каждой ногѣ не менѣе 1600—2000 волосковъ, которые, смоченные ничтожнымъ количествомъ этого масла, могутъ удержать на самой гладкой поверхности насѣкомое. Этимъ также объясняется, что муха не можетъ ползать и падаетъ на вспотѣвшемъ стеклѣ, такъ какъ жиръ ея ногъ не смѣшивается съ водяными каплями пара и не пристаетъ къ стеклу. На этомъ же основаніи муха очень неповоротлива на запыленной поверхности: промежутки между волосками наполняются пылью, останавливающей отдѣленіе маслянистой жидкости. Муха умѣетъ устранить это препятствіе—поднимаетъ ноги, третъ ихъ о покрытыя жесткими волосами крылья и, очистивъ ихъ такимъ образомъ отъ пыли, ползетъ дальше.

Ванъ-Зандтъ. Искреннія пожеланія ея поклонниковъ, чтобъ артистка своимъ пѣніемъ обезоружила всѣхъ своихъ противниковъ, не исполнилось; ее встрѣтили въ Парижѣ громкимъ протестомъ. Цѣлая толпа явилась въ театръ „комической оперы“, гдѣ давали „Лакмэ“. Когда въ кассѣ объявили, что всѣ билеты проданы, толпа разразилась страшными криками. Вышибли окна, сломали дверь, нѣсколько человѣкъ ворвались въ театръ, между тѣмъ какъ стоявшіе на улицѣ кричали: „Долой Кавальо!“, „Долой Ванъ-Зандтъ!“ Три полицейскихъ комиссара, во главѣ цѣлаго отряда, нѣсколько разъ оттѣсняли скандалистовъ и арестовали коноводовъ. Въ залѣ въ то же время происходила борьба приверженцевъ пѣвицы, большей частью американцевъ, и ея противниковъ. При каждомъ появленіи пѣвицы первые сильно аплодировали, а вторые шикали. Въ первыхъ дѣйствіяхъ аплодисменты брали верхъ, но подъ конецъ восторжествовало шиканье, къ которому примѣшалась суматоха въ коридорахъ и на улицѣ. Бѣдная Ванъ-Зандтъ въ антрактахъ рыдала; наконецъ послѣ спектакля ушла со своею матерью въ боковую дверцу, такъ какъ толпа ее ожидала у артистическаго подъѣзда и еще долго кричала: „Прочь Ванъ Зандтъ! Артистка отказалась отъ контракта и не выступитъ болѣе въ Парижѣ. Весь этотъ шумъ былъ вызванъ нѣсколькими шантажными листками.



Разрѣзъ фиг. С.





„Апраксинъ-Кароло-Монгольфіеръ“.

Изобрѣтеніе Ген.-Лейт. графа А. С. **Апраксина, конструкція Костовича,** чертежъ его же, грав. М. Рашевскій.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебникъ. Составленъ д-ромъ **Лунинымъ**. М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Складъ въ книжномъ магазинѣ **А. Карцева**, Москва, Фуркасовскій пер., д. Обидиной. № 1062 5—2

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТИВУХОЛЕРНЫЕ ПОЯСА,

сдѣланные по идеѣ извѣстнаго французскаго ученаго, Доктора Бюрка, продаются **съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта**. Депо: С.-Петербургъ, Аптека Трофимова, по Загородному просп., противъ Технологическаго Института. Также продаются у Рузанова, Гостиный дворъ, № 40. № 1161

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНІЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ ФИЗИКОЙ

ПОСРЕДСТВОМЪ ПРОСТЫХЪ ПРИБОРОВЪ. Мt. № 1099

Руководство для дѣтей средняго возраста, составленное **М. Герасимовымъ** и редактированное д-ромъ физики **О. Хвольсономъ**. Съ 96 рис. и 275 вопросами. **Цѣна 50 коп.**

Желѣзнод. станція **Оппенау** | **МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,** | Открытіе 15-го мая.

давно извѣстныя желѣзныя воды. 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной верхней Ренхской долинѣ. 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методѣ Шварца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ **Гершмидъ**. Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа безплатно.

К. № 1072 8—2 Владѣльцы **Schliedtke & Simon.**

С.Петербургская Химическая Лабораторія

Фабрика парфюмерныхъ издѣлій.

На каждомъ предметѣ требовать фабричное клеймо:

Обращать вниманіе при покупкѣ каждаго предмета на точность фирмы:

„С. Петербургская Химическая Лабораторія".

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія

ГЛИЦЕРИНОВОЕ МОЛОКО,

средство для смягченія и бѣлизны кожи.

ВЕСЕННЕЕ МОЛОКО

средство отъ загара, красноты, пятенъ.

ОГУРЕЧНОЕ МОЛОКО. ЧЕРЕМУХОВОЕ МОЛОКО.

ИРИСОВОЕ МОЛОКО

самаго высшаго качества. № 1097

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

ВЪ С.ПЕТЕРБУРГѢ: 1, Невскій проспектъ, домъ № 32 Католической церкви.
2, Невскій проспектъ, домъ № 66 у Аничкина моста.
3, Вознесенскій проспектъ, домъ № 18-54. Шредера.
ВЪ МОСКВѢ: 1, Кузнецкій мостъ, домъ Третьяковыхъ.

Контора и оптовый складъ въ зданіи фабрики въ С. Петербургѣ: Измайловскій проспектъ, 21.

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ"

◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆

употребляется для останавливанія выпаденія волосъ **и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.**

Продается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ косметическихъ магазинахъ, въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ**; цѣна флакону 1 руб. 50 коп. безъ пересылки.

Провизоръ КИНУНЕНЪ.

• БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3855 17 6

Иллюстрир. прейсъ-куранты по востреб. высыл. безвозмездно.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу $^1/_8$% коммиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе **15 рублей** и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода г.г. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—1

Банкирская контора Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—5

2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ ПЬЕРРЪ БУРСО

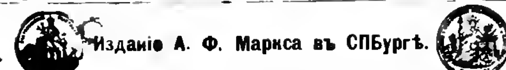
Домъ основанный въ 1807 г. **Сегень,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химической Лабор. Гостин. дворъ № 45, въ магазинѣ A la Renomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозв. ценз. СПБ. 8 мая 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ | № 20

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 Мая 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Графъ П. А. Шуваловъ.

Чрезвычайно важный дипломатическій постъ—русскаго посла при берлинскомъ дворѣ, оставшійся вакантнымъ послѣ смерти графа Орлова, теперь, какъ извѣстно, замѣщенъ генералъ-адъютантомъ, графомъ Павломъ Андреевичемъ Шуваловымъ, личностью пользующейся достаточною извѣстностью по своимъ высокимъ талантамъ и достоинствамъ. Гр Шуваловъ, по словамъ лицъ близко его знающихъ, обладаетъ особенно пріятными свойствами ума, обращенія и характера, въ соединеніи съ весьма тонкимъ, прикрытымъ веселымъ добродушіемъ, юморомъ. Столь важное искусство для дипломата — увлекать и очаровывать прямотою и честностью своихъ дѣйствій и умѣть привлечь симпатіи не только къ себѣ, но и къ своему дѣлу—всегда отличало П. А. Шувалова на всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть вполнѣ достойнымъ преемникомъ графа Орлова, оставившаго послѣ себя такія глубокія чувства симпатіи и признательности какъ въ Германіи, такъ и во Франціи Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ получилъ воспитаніе въ Пажескомъ корпусѣ, откуда и былъ выпущенъ въ 1849 году въ корнеты лейбъ-гвардіи коннаго полка. Пять лѣтъ спустя ему уже удалось отличиться и принять участіе въ восточной войнѣ; назначенный адъютантомъ къ его высочеству великому князю Николаю Николаевичу. онъ доблестно сражался при Инкерманѣ и принималъ дѣятельное содѣйствіе въ оборонѣ Севастополя По окончаніи войны, графъ Шуваловъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1859 году участвовалъ въ трудахъ коммиссіи по освобожденію крестьянъ, занимая въ то же время, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, должность директора департамента общихъ дѣлъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ нача-

Нашъ новый посолъ въ Берлинѣ, графъ П. А. Шуваловъ.
По фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

лѣ шестидесятыхъ годовъ графъ П А. снова посвятилъ себя исключительно военной дѣятельности; въ 1863 г. онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи стрѣлковаго Его Величества батальона, а въ 1864 г. командиромъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, съ производствомъ въ генералъ-маіоры и съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Въ 1866 г. графъ Шуваловъ занялъ видный постъ—начальника штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа, а въ 1871 г. пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Занявъ затѣмъ въ слѣдующемъ году мѣсто помощника его высочества великаго князя Николая Николаевича, предсѣдателя главнаго комитета по устройству и образованію войскъ, съ оставленіемъ въ должности начальника штаба, графъ П А. принималъ постоянное участіе въ разныхъ спеціальныхъ коммиссіяхъ, а также особенно много трудился въ главномъ военно-тюремномъ комитетѣ по устройству тюремъ военнаго вѣдомства. Разрывъ съ Турціей призвалъ его снова на поле битвъ, гдѣ онъ по прежнему выказалъ свои блестящія боевыя способности. Онъ особенно отличился при штурмѣ Горнаго Дубняка, а также при взятіи правецкой позиціи. Онъ же главнымъ образомъ содѣйствовалъ окончательному пораженію арміи Сулеймана-Паши при Дермендере и подъ Филиппополемъ. Кромѣ того, отрядъ графа Шувалова былъ дѣйствительно образцовый по строгой дисциплинѣ и чисто спартанской выносливости, которой примѣръ подавалъ самъ начальникъ. Постоянная заботливость о солдатѣ тоже была одной изъ характерныхъ чертъ П. А. въ военное время и благодаря ей онъ являлся однимъ изъ любимѣйшихъ командировъ, за которымъ солдаты шли куда угодно, съ полнымъ довѣріемъ и энтузіазмомъ. По окончаніи войны, до самаго своего назначенія посломъ въ Берлинѣ, графъ Павелъ Андреевичъ командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и не смотря на неуклонное и строгое требованіе отъ подчиненныхъ выполненія ихъ служебныхъ обязанностей, съумѣлъ заслужить ихъ любовь и уваженіе. Пожеланіе счастливаго пути и успѣха новому послу не ограничивалось военнымъ кружкомъ; все русское общество отнеслось сочувственно къ назначенію графа Павла Андреевича и сопровождало его отъѣздъ самыми искренними пожеланіями успѣха на этомъ новомъ и трудномъ поприщѣ.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

(Продолженіе)

XV.

Прошу теперь вообразить себѣ Аркашина въ той комнатѣ, куда старый лакей въ сѣромъ фракѣ привелъ его, молча зажегъ свѣчи, закрылъ растворенную форточку, оглядѣлъ, все ли на мѣстѣ, есть ли вода въ умывальникѣ, и пошелъ за его чемоданомъ въ переднюю.

Аркашину деревенскій домъ Варшавиныхъ показался большимъ, барскимъ домомъ, полнымъ жизни и движенія. Когда проходилъ онъ корридоромъ, въ отведенную ему комнату, онъ видѣлъ въ растворенныя двери зажженныя стѣнныя лампы, видѣлъ свѣчи. чей то профиль съ картами, и слышалъ звуки рояля: словомъ, ото всего дома вѣяло чѣмъ то праздничнымъ. Самая же комната, куда провели его, показалась ему мрачной, даже мрачнѣе той передней, гдѣ тоже какой то старикъ, въ такомъ же сѣромъ фракѣ, съ мѣдными пуговицами, снялъ съ него шубу и посовѣтовалъ ему свою шапочку отдать ему на сохраненіе.

„Ну, вотъ и заѣхалъ!“ Ему почему то было и жутко, и даже неуютно... Куда онъ пойдетъ? кого увидитъ? какъ отрекомендуется, и какъ его примутъ? не фантазія ли это тетушки, нелѣпая бабья фантазія?! Ну, что онъ скажетъ, если его спросятъ: какими судьбами вздумалось вамъ пріѣхать къ намъ?—„Бр! здѣсь даже не тепло.. А я долженъ еще переодѣваться!“

Онъ пощупалъ рукой, топлена ли изразцовая печь, прошелся по ковру, поглядѣлъ зачѣмъ то въ окошко и, когда вернулся лакей съ чемоданчикомъ, спросилъ, какъ его зовутъ.

— Федоръ! пожалуйста, почистите мой сюртукъ, да принесите сюда на ночь пледъ мой, я оставилъ его въ передней.

— А кушать чай, или закусить, вы пожалуете въ столовую, или прикажете вамъ сюда подать?

— Ужъ и самъ не знаю.

Федоръ поглядѣлъ на него своими умными, стариковскими, бѣлесоватыми глазками и произнесъ наставительно:

— Лучше, если вы пожалуете въ столовую: тамъ и закуска... и все-съ... да и вамъ, сударь, будетъ пріятнѣе.

— Что дѣлать—надо идти, подумалъ про себя Аркашинъ, засучивая рукава, чтобъ вымыть руки и все еще вздрагивая отъ холода.

— Надѣюсь, что въ столовой я найду Захара Олимпіевича. Мнѣ нужно его видѣть: я привезъ къ нему письмо отъ тетушки, Анцыперовой. Знаете вы мою тетушку?

— Гм! да-съ! Какъ не знать-съ госпожи Анцыперовой?

— Ну, такъ какъ-же? найду я тамъ Захара Олимпьевича, или вы проводите меня прямо въ кабинетъ его?

Лицо Федора слегка перекосилось и сдѣлалось какъ бы таинственнымъ.

— Нашего барина, сударь, не всегда можно видѣть, такъ какъ они уже не оченно молоды и часто изволятъ похварывать. Я, если прикажете, могу черезъ его камердинера доложить ему или спрошу у Олимпіады Захаровны?

— Пожалуйста!

Федоръ вышелъ и, какъ показалось Аркашину, вышелъ на цыпочкахъ и тихо притворилъ за собой дверь.

О такихъ камердинерахъ Аркашинъ, какъ петербургскій чиновникъ, не имѣлъ никакого понятія. Федоръ былъ человѣкъ, вскормленный и выполированный крѣпостничествомъ, и не столько гордился эмансипаціей или тѣмъ, что онъ человѣкъ свободный, сколько тѣмъ что онъ видалъ виды... и знаетъ себѣ цѣну Онъ былъ очень вѣжливъ своей особенной, лакейской вѣжливостью, и еслибы Аркашинъ далъ ему на водку двугривенный, онъ бы почелъ за невѣжество не взять его, но принялъ бы его, не говоря ни слова, не благодаря, даже глядя куда-то въ стѣну,—словомъ такъ, какъ старые крючки принимали взятку отъ просителей, т. е. прикидываясь, что и не замѣчаютъ такихъ пустяковъ,—замѣчать не стоитъ, а не принять совѣстно: товарищество можетъ обидѣться, ибо... всякое даяніе—благо, и курочка по крупочкѣ клюетъ и тѣмъ сыта бываетъ... Послѣ эмансипаціи ѣздилъ онъ въ Петербургъ, но скоро вернулся въ старое господское гнѣздо. Петербургъ ему не понравился „Съ семьей тамъ жить нельзя, говорилъ онъ. господа живутъ тѣсно, а на улицахъ, что ни шагъ, либо трактиръ, либо кабакъ, либо пивная. Соблазну много, а жить нельзя...“ Почему именно нельзя, Федоръ не пускался въ подробности: человѣкъ онъ былъ немолодой, трезвый и сдержанный.

Одѣвшись и повязавши новый галстукъ, Аркашинъ погрузился въ кресла и задумался... Мысль, что, уѣзжая, не успѣлъ онъ проститься съ Марьей Ильинишной, тяжелымъ камнемъ лежала у него на сердцѣ.

XVI.

Домъ не отдыхалъ, не смотря на поздній часъ вечера: безпрестанно слышались голоса, бѣготня дѣтей, шаги лакеевъ или горничныхъ, чей то шопотъ и позвякиванье тѣсно поставленныхъ на подносѣ стакановъ; но Аркашинъ сидѣлъ точно въ засадѣ и все ждалъ возвращенія Федора, все сидѣлъ и думалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ позовутъ его въ кабинетъ къ Захару Олимпьевичу. Онъ воображалъ его старымъ самодуромъ, сухимъ и гордымъ, избалованнымъ судьбою: но, по увѣренію его тетушки, человѣкомъ очень умнымъ, хотя немного и страннымъ.

Такъ прошло полчаса.

Вдругъ, шумно отворилась дверь и показалась человѣческая фигура, изъ за которой мелькала почтенная, хоть и лакейская физіономія Федора Эта фигура была ничто иное, какъ средняго роста большеголовый толстякъ, безусый и безбородый, очевидно, гладко выбритый, въ какомъ-то казакинѣ на распашку, въ шелковой, нѣсколько полинялой, желтой рубашкѣ съ косымъ воротомъ, и безъ галстука. Сѣдые, ровной щеткой выстриженные волосы сильнѣе выдѣляли смуглый, почти бронзовый цвѣтъ его кожи, красныя уши, темныя густыя брови и мутно-сѣрые глаза, тяжелый и проницательный взглядъ которыхъ почувствовалъ на себѣ Аркашинъ, привставшій съ мѣста и смутно догадавшійся, что онъ видитъ передъ собой самого Захара Варшавина, такъ какъ Федоръ, притворивши за нимъ дверь, остался стоять у порога.

Толстякъ съ полминуты оглядывалъ гостя,—причемъ голова его тряслась а морщины на лбу лежали суровыми складками.

Но пока гость молчалъ, соображая, что все это значитъ и въ какихъ выраженіяхъ ему отрекомендовать себя, у вошедшаго толстяка морщины сглаживались, взглядъ становился довѣрчивѣе, на губахъ появилось нѣчто похожее на улыбку.

— Похожъ! заговорилъ онъ хриповатымъ голосомъ.— Похожъ... только покрасивѣе отца... повыше... а похожъ, похожъ! Ну, нечего вамъ и рекомендоваться: самъ вижу, что вы ничего . молодецъ . Рыцарь, совсѣмъ рыцарь! Милости просимъ! чѣмъ богаты... Тетушка ваша— здорова-ли? кажется, она вамъ тетушка, эта Прасковья Степановна?

— Я имѣю отъ нея письмо къ вамъ, съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы...

— Ну, письмо, это — того.. это мы завтра.. Кой чортъ стану я теперь читать его? Идемъ чай пить— согрѣйся! Да... если хочешь пуншу хорошаго—выпей!

— Федька! обратился онъ къ старому лакею: служи ему: это сынъ Петра Валентиновича. Помнишь Петра Валентиновича—а?

И голова его затряслась еще сильнѣе. должно быть, подъ наплывомъ молодыхъ и горячихъ воспоминаній.

— Ну, веди меня!

Федоръ взялъ его подъ локоть, и старикъ вышелъ, не сказавши больше ни слова, не обернувшись даже на пріѣзжаго. только глаза его увлажнились...

— Веди въ столовую! и Петра Валентиновича приглашай!

— Какого Петра Валентиновича? изумился Федоръ

Старикъ пріостановился на порогѣ, точно тоже изумился, и съ укоризной поглядѣлъ на стараго Федора.

— Ну сына его! Сына...

— Ну, вотъ-съ! изволили видѣть? проговорилъ Федоръ, вернувшись къ Аркашину. — Теперь пожалуйте чай пить.

XVII.

Въ столовой, за длиннымъ столомъ, Аркашинъ засталъ большую кампанію — и все зарябило въ глазахъ его: дымящійся самоваръ, свѣчи и канделябры, блюда съ коклетами, соусники, бутылки, незнакомыя лица мужчинъ, какія-то дамы, дѣти, самъ Захаръ Олимпьевичъ, облокотившійся на столъ и какъ бы задремавшій.

Онъ поклонился, мужчины привстали и опять усѣлись Дамы оглядѣли его не безъ любопытства.

— Папа! пронесся голосъ одной изъ дамъ, и такъ звонко, что Захаръ Олимпьевичъ поднялъ голову.

— Что?

— Аркашинъ...

— А.. да... гдѣ? Садись тутъ... вотъ тебѣ мѣсто... очень радъ... Слава Богу... Ну что—какъ ты?.. Ешь и пей.—Будь какъ дома... А гдѣ Олимпія?!

— Не пришла еще...

— А?

— Переодѣвается еще, должно быть, не знаю.

— Это зачѣмъ? какой вздоръ! зачѣмъ ей переодѣваться? кажется, ей не въ диковину, что гости то и дѣло наѣзжаютъ къ намъ И отчего такъ поздно чай? неужели никто не пилъ?

— Это второй самоваръ ужъ . Ждали гостей . Олимпа еще не пила.

Старикъ что-то хотѣлъ возразить своей старшей дочери (такъ какъ щеголеватая дама въ кружевной наколкѣ и въ модныхъ воротничкахъ была никто иная, какъ Варвара Захаровна Плюшина, старшая замужняя дочь его), но страшно закашлялся... причемъ жилы напряглись на вискахъ его, и лицо побагровѣло.

Понемногу успокоившись, онъ обвелъ глазами присутствующихъ и спросилъ, гдѣ Юрка (т. е. Юрій Федоровичъ Плюсъ, мужъ его младшей дочери, Ольги Захаровны).

Ольга Захаровна, которая въ эту минуту занималась разрѣзываніемъ на кусочки холодной телятины, иначе сказать, трудилась надъ тарелкой своей маленькой трехлѣтней дочки, подняла свою голову съ подрѣзанными черными волосами, блѣдными, продолговатыми чертами лица и безпокойнымъ взглядомъ.

— Мужъ мой, отозвалась она, вкладывая вилку въ руку дѣвочки;—сейчасъ прійдетъ, у него голова болитъ Вамъ его нужно, папа? добавила она, привставая и какъ-бы собираясь выйти.

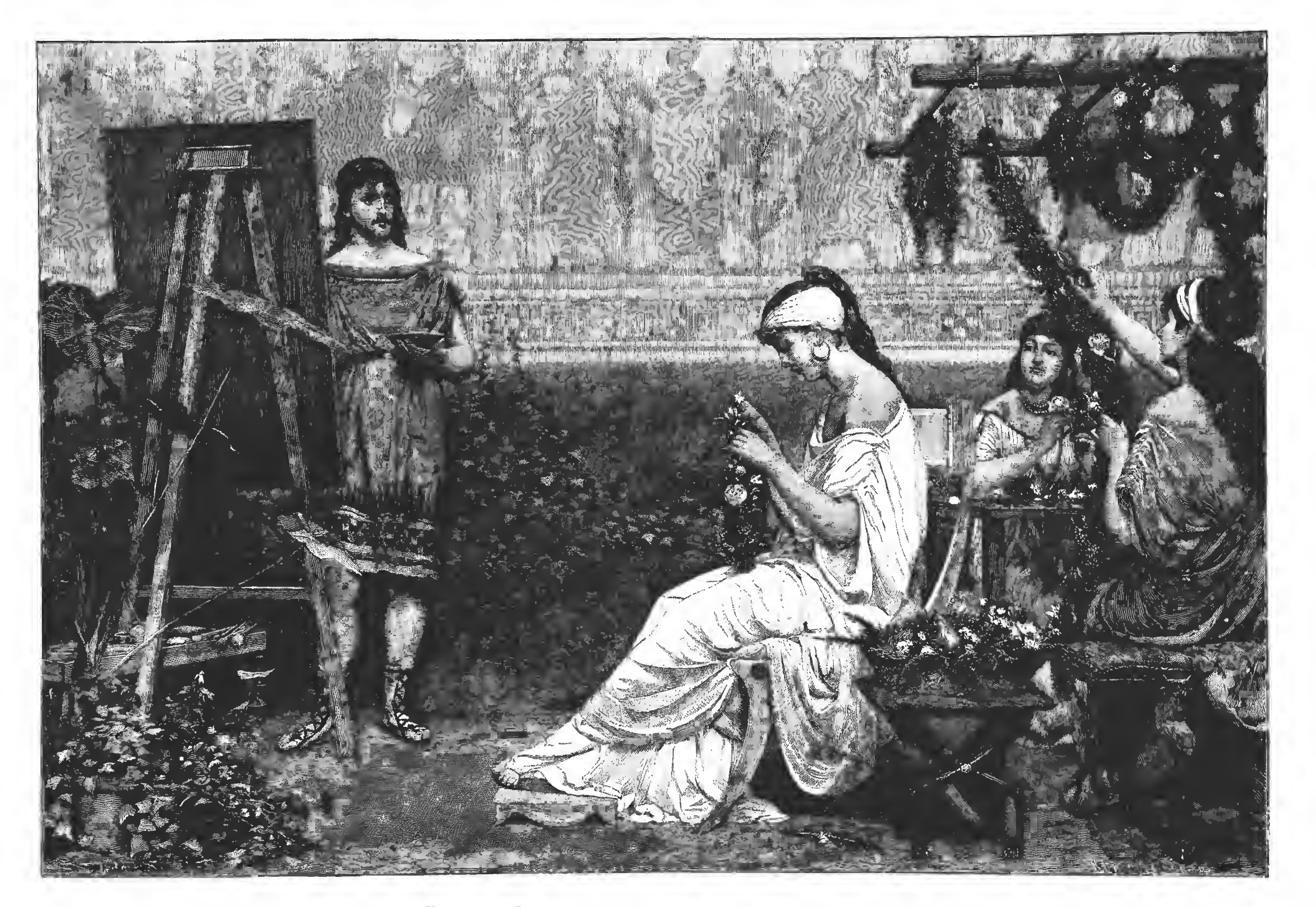
— Навѣрное дуется на кого нибудь, проворчалъ старикъ, поглядѣвши на Ольгу Захаровну. Та ничего на это не сказала и тотчасъ-же вышла.

Ей вслѣдъ, загнувъ назадъ голову, поглядѣлъ одинъ изъ присутствующихъ, который, повидимому, меньше всѣхъ обращалъ вниманія на Захара Олимпьевича и на неизвѣстное ему лицо Аркашина Сидѣлъ онъ нѣсколько развалясь, пилъ лафитъ изъ стакана, изрѣдка поднося его къ губамъ своимъ и моча въ немъ концы усовъ своихъ. Это былъ очень видный джентльменъ, нѣсколько беззаботной наружности, но въ превосходномъ бѣльѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Отъ его лица и углубленныхъ темно-сѣрыхъ глазъ вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и презрительнымъ, печать скуки лежала на этомъ пожиломъ лицѣ, не смотря на усмѣшку, какою сопровождалъ онъ свои короткія рѣчи, вполголоса поговаривая со своимъ сосѣдомъ, Самославскимъ, да еще съ какою-то дѣвушкой, круглолицей, съ голубыми блестящими отъ влаги глазками и пухленькимъ совершенно ребяческимъ ротикомъ. Сей джентльменъ былъ никто иной, какъ Плюшинъ, мужъ старшей дочери Варшавина. Дѣвица-же, которую онъ конфузилъ, была гувернанткой у Ольги Захаровны при той дѣвочкѣ, которую она кормила. У дѣтей же Плюшина (двухъ дѣвочекъ и одного 6-ти-лѣтняго мальчика, которые были тутъ-же за столомъ, сидѣли подвязанныя салфетками и все больше уплетали сыръ. икру и сардинки), находилась другая дѣвица—и, никому не отрекомендованный, Аркашинъ разомъ догадался, что она англичанка. такъ какъ у нея отъ ноздрей до верхней губы былъ по крайней мѣрѣ вершокъ разстоянія, а лицо было все таки довольно пріятно, т. е осмысленно, иначе сказать, въ головѣ ея русскаго ума было на копѣйку, а англійскаго ума по крайней мѣрѣ на 10 фунтовъ стерлинговъ.

— Степанъ Ильичъ! ты здѣсь? спросилъ Захаръ Олимпьевичъ, все еще почему то хмуря брови и недовольнымъ голосомъ.

— Что прикажете? встрепенулся сидящій за столомъ какой-то старичекъ очень смиреннаго вида, сутуловатый, съ длиннымъ, въ серединѣ толстымъ носомъ, рѣденькой козлиной бородкой и безволосый на впалыхъ щекахъ и выдающихся скулахъ.

— Много гостей къ тебѣ наѣзжало сегодня съ поздравленіемъ—а? Ты вѣдь имянинникъ—а?



Павзій и Гликерія. Съ картины Скифони, грав. Бренд'амуръ.

Вивисекторъ. Съ картины Габріэля Макса, грав. Крей.

— Былъ только батюшка, отецъ Илларіонъ, да дьяконица, да еще вотъ г. Самославскій завернулъ ко мнѣ пирога отвѣдать,—а то никто-съ...

— А что твои голуби?

— Ничего, воркуютъ

— А будешь ты сегодня пуншъ пить?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Ступай, наливай чай! Видно я никогда не дождусь.

Степанъ Ильичъ поднялся съ мѣста и кругомъ стола побрелъ къ самовару, Плюшинъ ткнулъ ему пальцемъ въ бокъ, на что тотъ засмѣялся, и въ полуоборотъ, скорчилъ мину.

— Шалунъ! выразила его нѣсколько сконфуженная физіономія.

Этотъ Степанъ Ильичъ давно уже, съ незапамятныхъ временъ, жилъ во флигелѣ, и былъ какъ бы нахлѣбникомъ при семьѣ Варшавина. Когда-то онъ былъ учителемъ у единственнаго сына Захара Олимпьевича, умершаго тому назадъ лѣтъ 20, уже при второй женѣ его.

Но не успѣлъ онъ снять съ самовара чайникъ и глазами опытнаго знатока по части разливанья оглядѣть стаканы и чашки, приняться за сахарницу и поглядѣть на склянку съ коньякомъ,—какъ въ дверяхъ изъ коридора появилась дѣвушка—младшая дочь Варшавина, Олимпіада Захаровна.

Она молча подошла къ отцу и поцѣловала его въ голову?

— Ты переодѣвалась? спросилъ онъ полу-шутя, полу-сердито.

Олимпія быстрымъ взглядомъ оглядѣла столъ и незнакомаго гостя, который всталъ при ея появленіи, и отвѣчала отцу:

— Извини папа, я выѣзжала и немного прокатилась... погода славная... тихо и не очень морозитъ.. А вы зачѣмъ не за свое дѣло? обратилась она къ носастому Степану Ильичу: кто васъ проситъ?

Степанъ Ильичъ поглядѣлъ на нее изподлобья, потрясъ головой, опустилъ руки и сказалъ:

— Такъ было угодно вотъ имъ...

И онъ подбородкомъ или, лучше сказать, кончикомъ бороды своей указалъ на Захара Олимпьевича.

— Эге братъ! видно того... не въ свои сани не садись! засмѣялся Захаръ Олимпьевичъ и опять чуть было не раскашлялся. — А ты, Олимпа, пожалуйста, сдѣлай мнѣ пуншику... да вотъ и гостю не мѣшаетъ съ дороги.

— Съ меня довольно и чаю, къ пуншу я не привыкъ, замѣтилъ Аркашинъ, садясь на свое мѣсто блѣднѣе и сконфуженнѣе, чѣмъ когда нибудь.

XVIII.

Онъ сконфузился потому, вопервыхъ, что Олимпіада сразу поразила его красотой своей: ему показалось, что сроду никогда еще не видалъ онъ такой блистательной красавицы; вовторыхъ, потому, что никто не догадался его ей представить, и что она не обратила на него почти что никакого вниманія, точно его не было; втретьихъ, потому, что общество, которое засталъ онъ за столомъ, показалось ему такимъ чужимъ ему, такимъ не симпатичнымъ, что онъ не зналъ, какъ ему вести себя. Подвыпившій и суровый на видъ Захаръ Олимпьевичъ больше всѣхъ ему правился. но и онъ, не смотря на то, что всѣ замѣтно его побаивались, казался какимъ-то несчастнымъ старикомъ, удрученнымъ тайною скорбью.

Аркашинъ еще вчера слышалъ отъ своей тетушки (когда оставался у ней завтракать), что къ Захару Олимпьевичу наѣхали его зятья, мужья дочерей его, да такъ и остались въ его усадьбѣ со всѣми своими чадами и домочадцами,—одинъ оттого, что прокутилъ все свое состояніе, другой потому, что выгнали его со службы за вспыльчивый нравъ, неукротимый и подозрительный

Самославскій тоже показался Аркашину какимъ-то шалопаемъ и будущимъ горькимъ пьяницей. Степанъ Ильичъ, котораго глазки точно мыши выглядывали изъ подъ выпуклостей, на которыхъ не было бровей, тоже не внушилъ большаго довѣрія: онъ показался ему іезуитомъ, смиреннымъ на видъ, но плутоватымъ и себѣ на умѣ. Ему даже казалось, что Плюшинъ волочится за молоденькой гувернанткой съ припухлыми губками и что жена его, Варвара Захаровна, на это не обращаетъ никакого вниманія, и глядитъ на него, Аркашина, такъ, какъ будто старается понять, къ какому обществу онъ принадлежитъ, и стоитъ-ли съ нимъ порядочной женщинѣ кокетничать.

Многое, можетъ быть, Валентинъ Петровичъ преувеличивалъ, но онъ былъ не въ духѣ—боялся, что простудился — и, что всего хуже, цѣлые полчаса сидѣлъ передъ самоваромъ, дожидался чаю, и изнывалъ отъ жажды, съ лихорадочнымъ ощущеніемъ въ спинѣ и холодными какъ ледъ ногами.

Ему было невесело; но когда увидалъ онъ Олимпіаду, онъ забылъ и свою жажду, и свои холодныя ноги. и весь превратился въ то вниманіе, которое не безъ усилія воли нужно было скрывать, не давать замѣчать его.

Олимпіада, дѣйствительно, была красивая, рослая и сильная дѣвушка съ правильными чертами лица, съ черными какъ уголь глазами, снизу — также какъ и сверху опушенными длинными рѣсницами, съ красивымъ ротикомъ, свѣжая, высокогрудая и тонкая. Вся она—какъ-то розовѣла, свѣтилась и лоснилась Лоснились ея темныя брови—лоснились ея волосы и лицо, тамъ, гдѣ кончались влажные и продолговатые углы глазъ ея, что было особенно замѣтно, когда она въ профиль поворачивала свою голову.

„И эта царица, эта богиня захочетъ стать женой моей? какой вздоръ! думалъ Аркашинъ на нее можно заглядѣться, но мечтать о ней, не обладая сотнями тысячъ, просто святотатство! Это то-же. что брилліантъ стараться обдѣлать въ орѣховую скорлупу. Да и любоваться на нее не слѣдуетъ слишкомъ.“

А между тѣмъ, онъ изподтишка любовался. какъ она бралась за серебряные щипчики, какъ клала сахаръ, какъ наливала чай, какъ дѣлала пуншъ своему отцу, какъ двигались красивые. восточные глаза ея и такъ поглядывали на отца, какъ будто ей было жаль его.

— Ты, папа, какъ будто не въ духѣ, сказала она, подавая ему стаканъ, благоухающій ананаснымъ ромомъ.

— Да вотъ стало грустно: напомнилъ мнѣ этотъ молодецъ—онъ указалъ на Аркашина,—и мое молодечество, и мою дружбу съ его отцомъ, и наши походы, и мало-ли что... Не люблю я всего этого припоминать себѣ,—страшно за себя, за человѣка страшно! Такъ, кажется, сказалъ Гамлетъ: за человѣка страшно!

— Пожалуйста не хандри!

— Э! что хандрить! Вѣришь-ли: я вѣдь не повѣрилъ, что пріѣхалъ Аркашинъ, сынъ моего голубя, Петра Валентиновича, пошелъ поглядѣть — ну... и похожъ и не похожъ. Тотъ какъ будто былъ немного посмѣлѣе и поразвязнѣе.

— Тотъ былъ съ друзьями, замѣтилъ Аркашинъ· а я—я здѣсь въ первый разъ, и никто меня не знаетъ Къ тому же я человѣкъ не свѣтскій, и не привыкъ..

Онъ это сказалъ такъ тихо, сидя вытянувшись въ струнку, какъ сидятъ мальчики передъ начальствомъ, такъ тихо, что Варвара Захаровнач ерезъ столъ услыхала только, что онъ не свѣтскій, и чему-то улыбнулась.

„Я такъ васъ и понимаю, говорили въ эту минуту глаза ея: такъ и понимаю, но, не смотря на это, вы все-таки очень недурной собою мужчина, и я готова съ вами познакомиться.“

— Къ тому же, продолжалъ Аркашинъ: я никому здѣсь не былъ представленъ и никого не знаю даже по имени.

Глаза Олимпіады остановились на лицѣ своего родителя, и румянецъ ярче заигралъ на щекахъ ея...

— Да и не нужно, ничего этого не нужно! Мнѣ сказали, что пріѣхалъ Аркашинъ, ну, и этого съ меня довольно, а что я тебя тутъ не познакомилъ ни съ кѣмъ, то вѣдь и меня здѣсь не знакомятъ съ тѣми, кто пріѣзжаетъ въ гости къ дочерямъ моимъ.

— Ахъ, папа! мы всегда, всегда тебя рекомендуемъ— какъ это можно! всплеснувъ руками, произнесла Варвара Захаровна.

— Гостей иногда полонъ домъ, а я и не знаю, половины не знаю. Намедни былъ какой-то уланъ, а кто онъ такой—Господь его знаетъ!

— Это былъ князь Плонскій изъ Старой Русы, гдѣ у него имѣнье. Мы думали, что ты знаешь, знакомъ съ нимъ — какъ это можно! Даже удивились мы всѣ, что ты не подалъ ему руки—какъ это можно!

— У меня въ домѣ республика! всякій дѣлаетъ что хочетъ, и ты дѣлай что хочешь — хоть на головѣ пляши!

Аркашинъ нисколько не удивился, что старикъ говоритъ ему „ты“: это даже ему понравилось. „Это, подумалъ онъ: невольное наслѣдіе отношеній его къ моему родителю.“

Выпивши стаканъ пуншу, старикъ на вопросъ дочери, не принести ли ему трубку, отвѣчалъ, что онъ уходитъ. Затѣмъ онъ протянулъ руку Аркашину, и далъ ему понять, какъ еще много силы въ рукѣ его.

— До завтра! сказалъ старикъ: а теперь я спать хочу.

Его подняли съ креселъ, и онъ ушелъ.

Аркашинъ сзади видѣлъ его широкую спину и голову, ушедшую въ плечи. Не успѣлъ онъ пройти въ коридоръ, какъ въ столовую вошелъ толстякъ совсѣмъ другаго сорта: рыжеватый, румяный, съ сѣрыми глазами на выкатѣ — типъ не русскій, но, очевидно, сѣверный.

XIX.

Это былъ Плюсъ, Юрій Федоровичъ. За нимъ вошла жена его и посадила его около себя, на пустопорожнее, для него накрытое, мѣсто.

Юрій Федоровичъ былъ гораздо симпатичнѣе другаго зятя, Плюшина, у него было открытое, широкое лицо, нѣсколько капризное, но доброе. Что онъ до крайности вспыльчивъ — это было видно и по розовымъ пятнамъ надъ его бровями, и по его глазамъ; что онъ былъ порядочный кутила—это тоже было видно по его фигурѣ, очевидно, требующей нѣкоторой траты силъ, чтобы не лопнуть отъ прилива крови и порядочной плотности.

Столъ замѣтно оживился, даже глазки Степана Ильича какъ-бы вылѣзли изъ подъ своихъ безбровныхъ выпуклостей, Самославскій крикнулъ Аркашину, не хочетъ ли онъ папироску, Варвара Захаровна повеселѣла, Ольга Захаровна палила своему мужу вина и шепнула ему: „не обращай вниманія, будь умникъ!“ Плюшинъ чему то громко засмѣялся.

— Вы къ намъ на долго? спросила Аркашина Варвара Захаровна.

— Я завтра утромъ передамъ письмо отъ тетушки и надѣюсь уѣхать, такъ какъ мое порученіе будетъ исполнено.

Олимпіада поглядѣла на него и сказала:

— Надѣюсь, вы не сердитесь на моего папу, что онъ никому васъ не рекомендовалъ?

— За что-же я буду сердиться? Вѣдь это не помѣшало вамъ заговорить со мной.

Олимпія опять на него поглядѣла и произнесла:

— Вы завтра еще не успѣете отдохнуть.

— Да я не усталъ.

— Ну, тѣмъ лучше, что не устали. А какъ здоровье Прасковьи Степановны?

— Она просила меня передать вамъ свой усердный поклонъ.

— И... начала Олимпіада, наклонивъ голову и поглядывая на ситечко, черезъ которое почему-то не проходилъ чай такъ, какъ слѣдуетъ: и—приказала вамъ на другой же день отъ насъ уѣхать?

— Нѣтъ, она мнѣ ничего не приказывала; но...

— Но, не чинясь, я скажу вамъ, что вы завтра отъ насъ не уѣдете. Завтра или всѣ лошади будутъ въ разгонѣ, или кучера будутъ такъ пьяны, что некому будетъ закладывать.

— Какъ! и тотъ молоденькій кучеръ, что везъ меня, и тотъ будетъ пьянъ?

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ Самославскій фыркнулъ отъ смѣха. Олимпіада вспыхнула и, сдвинувъ свои темныя, совершенно восточныя брови, поглядѣла въ его сторону.

— И онъ будетъ пьянъ, отрѣзала она, подавая Аркашину третій стаканъ чаю: не дай Богъ, какъ это пьянство у насъ распространено—горничныя и тѣ водку пьютъ.

„Это она выискиваетъ предлогъ, чтобы завтра не пускать меня, подумалъ про себя Аркашинъ: ну, что-же? можно будетъ и послѣ-завтра выѣхать. Вѣдь глупо, право глупо воображать себѣ, что... Да я буду дуракъ, если вообразу, что такая красавица, такая богачка, избалованная и гордая, захочетъ быть женой какого-то помощника столоначальника...“

И чувство одиночества въ чужомъ домѣ стало замѣтно въ немъ улетучиваться—ему самому стало веселѣе при мысли, что не успѣли его принять, какъ уже его стараются удержать.

— Вы какъ будто и не рады, что къ намъ заѣхали, проговорила Олимпія.

— И радъ и не радъ...

Но въ эту минуту на другомъ концѣ стола начался крупный разговоръ, зятья опять начали вздорить.

Гувернантки уводили дѣтей, матери цѣловали ихъ, Ольга крестила свою дѣвочку и въ то-же время трусила за вспыльчивость мужа.

— Господа! нельзя-ли потише! сказала Олимпіада, обратившись къ мужчинамъ вѣдь ничего не слыхать— такой шумъ!

Зятья отодвинули стулья, встали и вышли въ другую, лампами освѣщенную, комнату.

За ними поплелся носатый старичекъ и выбѣжала Ольга Захаровна. Самославскій остался: его бутылка еще не совсѣмъ была опорожнена.

— Отчего-же не рады? обратилась снова съ вопросомъ къ Аркашину молодая дѣвушка.

Задавшись задачей и виду не показывать, что онъ пріѣхалъ высматривать невѣсту, Аркашинъ отвѣчалъ заминаясь, что онъ не радъ, потому что не въ пору гость, да еще незваный...

— Хуже татарина... досказала Олимпіада: но татары, говорятъ, народъ очень честный, и я не вѣрю, чтобы вы были хуже ихъ.

И улыбка обнажила рядъ бѣлыхъ, блестящихъ зубовъ ея, тогда какъ брови ея все еще какъ будто хмурились.

XX.

Былъ уже первый часъ ночи, но ни одна лампа въ домѣ еще не потухала. Изъ дальнихъ комнатъ слышались голоса. Аркашинъ остался за чайнымъ столомъ, втроемъ съ Олимпіадой и Варварой, сестрой ея. Онъ сознавалъ, что, не смотря на все его желаніе казаться развязнымъ, разговоръ какъ то не особенно клеился: мысль, что эта красавица или знаетъ, или подозрѣ-

ваетъ, съ какимъ дерзновеннымъ умысломъ пріѣхалъ онъ, связывала языкъ его. Но съ нимъ не церемонились. Его заставили съѣсть кусокъ ветчины, причемъ сама Олимпіада подала ему горчицу, налила въ стаканъ его краснаго вина и, наливая, настойчиво увѣряла его, что онъ голоденъ, и что если онѣ будутъ плохо кормить его, то, чего добраго, онъ подастъ на нихъ жалобу Прасковьѣ Степановнѣ... Она сама подавала хорошій примѣръ и не безъ апетита кушала.

Варвара Захаровна разспрашивала его, съ кѣмъ въ Петербургѣ онъ чаще всего видится, гдѣ бываетъ, часто-ли танцуетъ и любитъ-ли музыку...

„Меня экзаменуютъ,“ думалъ про себя Аркашинъ и увѣрялъ, что онъ никого не видитъ, ничего хорошаго не слышитъ и никогда не танцуетъ...

— Вы ужь, кажется, очень солидны, или старастесь оправдать рекомендацію вашей тетушки, замѣтила Варвара, поглядывая на него, хоть и исподлобья, но привѣтливо.

— Никогда не вѣрьте тетушкамъ, отвѣчалъ Аркашинъ: онѣ пристрастны.

— Какое-же это пристрастіе! развѣ въ ваши лѣта позволительно быть солиднымъ? Это вовсе не добродѣтель... Вотъ, завтра мы устроимъ балъ и заставимъ васъ танцовать.

Олимпія, выпивъ рюмку вина, сидѣла облокотясь на столъ и молчаливо вглядываясь въ гостя, была отчасти довольна, что сестра такъ за нее старается... Ей самой говорить не хотѣлось, печать усталости лежала на лицѣ ея...

Закусивши и выпивши, Валентинъ Петровичъ сталъ прощаться.

Олимпіада, не вставая, протянула ему руку... Варвара отодвинула стулъ свой и, присѣдая, пожелала ему покойной ночи и пріятнаго сна

Въ эту минуту на дворѣ послышался глухой топотъ и легкій шумъ подъѣхавшихъ саней

— Это еще кто? съ досадой проговорила Олимпія, поворачивая голову, сдвинувъ свои соболиныя брови и прислушиваясь.

— Не Плонскій ли князь съ своей компаніей?

— Ну, если князекъ, скажите ему, что я пошла спать.

И Аркашинъ слышалъ, какъ Олимпія пошла вслѣдъ за нимъ и когда онъ отворялъ дверь ему отведенной комнаты, догнала его.

— Прощайте еще разъ! сказала она и во второй разъ, сильнѣе прежняго пожала его уже теплую и мягкую руку.—Вамъ давно ужь пора отдохнуть съ дороги. А знаете, я ваша сосѣдка: черезъ дверь направо — моя комната. Если случится пожаръ, приходите спасать меня... Прощайте!

Она пошла дальше. Ей навстрѣчу выскочили горничныя и она стала имъ что-то приказывать. Аркашинъ, войдя въ свою комнату, опять нашелъ форточку раскрытой и дышащей холодомъ: онъ тотчасъ же бросился закрывать ее; потомъ зажегъ свѣчу и, раздѣвшись, былъ очень доволенъ, что нашелъ свой пледъ у себя въ ногахъ постели.

Накрывшись всѣмъ, чѣмъ только можно было накрыться, не скоро онъ согрѣлся и сталъ дремать, но скоро заснуть мѣшали ему впечатлѣнія дня, мечты и воспоминанія.

Образъ Олимпіады, роскошной, дѣвственной красотой своей, казалось, затмилъ въ немъ блѣдный образъ бѣдной Марьи Ильинишны. То была полевая фіялка, это— цвѣтущая роза или лилія, та была звѣздочка, эта— солнце, при которомъ меркнутъ тысячи звѣздъ, та была огонекъ лампады, эта—сверкающее пламя на жертвенникѣ какого то невѣдомаго божества... „Неужели.. неужели возможно, чтобы такая дѣвушка вдругъ... очертя голову, согласилась быть женой моей!.. Невозможно!! Только у тетушекъ и могутъ возникать въ головѣ такіе фантастическіе планы и предположенія!... Тутъ и думать нечего.

„А что если я уѣду, завтра-же уѣду и скажу тетушку ну!.. я совсѣмъ одурѣлъ! дѣлайте со мной, что хотите! по крайней мѣрѣ я умываю руки... Я тутъ не причемъ.. Сватайте вы,—я же—слуга покорный! Надо имѣть 30,000 годоваго доходу, чтобы рисковать быть мужемъ такой пышной барыни...“

И Аркашинъ, въ глубинѣ души своей, былъ очень доволенъ, что ничѣмъ не связалъ себя съ Марьей Ильинишной. „Сама судьба спасла меня!“ подумалъ онъ.

И въ его воображеніи опять промелькнуло доброе, симпатичное личико той петербургской сосѣдки, у которой не далѣе, какъ третьяго дня, онъ такъ жалъ руки и такъ невольно, отъ всей души просилъ поцѣловать его. Но... это все промелькнуло какъ что-то далекое и неуловимое и опять закуталось въ какую-то блестящую фантасмагорію, и опять послышался новый, ему невѣдомый голосъ: „я ваша сосѣдка (опять сосѣдка!) и если будетъ пожаръ (не дай Господи!)—приходите спасать меня (Господи! какъ бы это было хорошо, если бы я спасъ ее!!..)“

Но передъ тѣмъ, чтобъ заснуть, онъ сталъ думать о своемъ департаментѣ, о томъ, послана-ли бумага, за которую ему сказали „спасибо“, о томъ, какъ не хотѣли ему дать и полутораста рублей къ празднику и вѣроятно бы дали какихъ нибудь 70, еслибы не Леонидъ Семенычъ (великое ему за то спасибо!.) О томъ, назначутъ-ли засѣданье раньше 1-го января, или до Новаго года на службу никто не придетъ... А что если его спросятъ или пошлютъ за нимъ по какому нибудь экстренному дѣлу!

Всѣ эти скучныя и уже нисколько не фантастическія мысли были переходомъ къ тому, чтобъ онъ легъ на спину, положилъ руку себѣ на сердце и заснулъ сномъ праведника.

XXI.

Было еще очень темно — темнѣе, чѣмъ было съ вечера. Аркашинъ услыхалъ за дверью чьи-то шаги и приподнялъ голову Ему показалось, что еще ночь или около четырехъ-пяти часовъ по полуночи. Прислушавшись, онъ зажегъ свѣчу, поглядѣлъ на свои часы и увидалъ что 8.

Не спѣша умывшись и одѣвшись передъ туалетомъ, онъ пріотворилъ дверь. въ коррпдорѣ трещала затопленная печь; алое зарево отъ пылающихъ дровъ играло на полурастворенной двери. Черезъ корридоръ прошелъ онъ въ одну, потомъ въ другую комнату, гдѣ на ломберномъ столѣ горѣла свѣча; тутъ увидалъ онъ неприбранные мѣлки, такъ сказать очевидные, свѣжіе слѣды ночи, проведенной за картами. Неподалеку, передъ простѣночнымъ зеркаломъ мелькалъ козырекъ военной фуражки, на полу валялись папиросные окурки.

Въ этой утренней, рождественской темнотѣ, въ этомъ ему незнакомомъ еще домѣ, среди новой обстановки, чувство, похожее на дѣтское, очень пріятное, и въ тоже время безотчетно жуткое, проникло въ него. Онъ закурилъ папироску, поглядѣлъ въ темныя окна и вошелъ въ залу. Тамъ топился каминъ; лакей, тощій, испитой и въ фартукѣ, подметалъ полъ и очень удивился, увидавши такъ рано въ дверяхъ фигуру какого-то барина.

Лицо лакея при свѣтѣ камина показалось Аркашину какимъ-то зеленымъ, лоснящимся.

— Можно здѣсь пройти въ корридоръ? спросилъ онъ.

— Пожалуйте черезъ столовую.

— Куда-же?..

— А вотъ.

— Всѣ еще спятъ? спросилъ Аркашинъ.

Новый инструментъ. Съ картины Фоглера, грав. Шульце.

Лакей оперся обѣими руками о рукоять щетки, молча поглядѣлъ на него и спросилъ:

— А вы ночевали здѣсь?

— Да, ночевалъ.

— Что-же вы ни свѣтъ ни заря?.

— Да ужъ 9 часовъ!

— Что-жь, что девять? гости у насъ обыкновенно къ завтраку просыпаются.

— А когда завтракъ?

— А во второмъ часу—начнутъ звонить.

— А Захаръ Олимпьевичъ когда просыпается?

— Да вы нѣчто никогда у насъ не бывали?

— Никогда.

— Во-отъ что! протянулъ лакей и, какъ бы вполнѣ удовлетворившись, опять принялся шаркать половой щеткой, передвигая съ мѣста на мѣсто столы и стулья.

Подходя къ столовой, Аркашинъ дрогнулъ: онъ увидѣлъ въ полуотворенную дверь буфетной свѣтъ огарка и два профиля: одинъ Олимпіады, облокотившейся на столъ съ распущенными волнистыми волосами и въ чемъ-то бѣломъ, и другой—человѣка въ фартукѣ, очевидно, повара, освѣщеннаго такъ, что низъ подбородка, кончикъ краснаго носа и часть свѣсившагося на лобъ колпака его казались свѣтлыми бликами на пасмурномъ фонѣ темной стѣны или шкафа. Олимпіада, очевидно, заказывала завтракъ или обѣдъ. — „Что-жь, можно и съ гарниромъ. Это какъ вамъ угодно-съ...“ отзывался ей глухо-басистый, спросонья охриплый голосъ хозяина кухни и баловня господскихъ желудковъ.

— Справься! Куплено было два пуда и 20 фунтовъ.. повысился голосокъ дѣвушки, образъ которой въ такомъ идеальномъ свѣтѣ всю ночь рисовался въ воображеніи Аркашина. Изъ боязни быть замѣченнымъ и сконфузить одѣтую въ шлафрокъ и непричесанную красавицу, Аркашинъ съ бьющимся сердцемъ повернулъ назадъ, тѣмъ же путемъ чрезъ залу, освѣщенную дровами, пылающими въ каминѣ, и черезъ другія комнаты. Только проходя мимо ломбернаго стола, пріостановился, оглянулъ стѣны, на которыхъ висѣли двѣ большихъ картины, писанныя масляными красками. Изъ рамъ ихъ или, лучше сказать, изъ тьмы тѣневыхъ частей, смутно въ натуральную величину вырисовывались глаза, бородатыя лица, и выступали бѣлыя плечи и ноги полуобнаженныхъ женщинъ. Аркашинъ при одной свѣчѣ не могъ разглядѣть, что значатъ эти изображенія, и прошелъ въ свою комнату.

(До слѣд. №).

Еще о дуэли Лермонтова.

По поводу возбудившихъ общій интересъ воспоминаній доктора Раевскаго, помѣщенныхъ въ „Нивѣ“ (№№ 7 и 8), мы получили отъ разныхъ лицъ нѣсколько сообщеній, изъ которыхъ считаемъ не излишнимъ для разъясненія дѣла помѣстить, не вдаваясь въ ихъ разборъ и оцѣнку, слѣдующія:

I.

Письмо доктора Пирожкова изъ Ярославля.

Прошло болѣе 40 лѣтъ со дня смерти М Ю. Лермонтова, а между тѣмъ до сихъ поръ печать не разъяснила поводовъ роковой дуэли. Все, что говорилось объ этомъ, ограничивается указаніемъ на какую-то пустую, вздорную ссору изъ за ничтожной остроты, какихъ-то насмѣшекъ и т. п. Но трудно допустить, чтобы два человѣка, принадлежащихъ къ лучшему обществу, близко стоявшихъ другъ къ другу по своему соціальному положенію и даже бывшихъ въ хорошихъ отношеніяхъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего, начали оскорблять одинъ другаго — и, наконецъ, пришли къ тому выводу, что приходится искать рѣшенія вопроса посредствомъ дуэли. Сколько извѣстно, поэтъ, будучи 26 лѣтъ отъ роду, обладалъ твердымъ и стойкимъ характеромъ, тонкимъ и глубокимъ умомъ; противникъ его также не юноша, а вполнѣ сложившійся, практическій человѣкъ, въ чинѣ маіора, человѣкъ лѣтъ уже 30-ти Это такіе годы, когда легкомысленные порывы уже труднѣе допустимы, когда воля крѣпче и строже подчиняется разсудку. Возможно ли предположить, чтобы такой человѣкъ за одну остроту своего хорошаго знакомаго или пріятеля, быть можетъ и неумѣстную, рѣшился на такой поступокъ, который на цѣлую жизнь его наложилъ какое-то неизгладимое впечатлѣніе? Тутъ очевидно были другія какія то причины. Ни самъ Мартыновъ, ни близко стоявшіе къ нему люди, ничего и никогда не разъясняли читающей публикѣ. Недавно напечатанный въ „Нивѣ“ прекрасный разсказъ Раевскаго, также однако поддерживаетъ мысль, что дуэль возникла изъ за остротъ поэта Мартыновъ будто-бы имѣлъ привычку носить большой кинжалъ и Лермонтовъ неоднократно называлъ его, смѣясь, Poignard'омъ. Вотъ по мнѣнію человѣка близко стоявшаго и къ Лермонтову и къ Мартынову, вся причина дуэли. Однако причины дуэли были не такъ маловажны.

Прошло почти 40 лѣтъ съ того времени какъ судьба столкнула меня въ жизни съ Н. С. Мартыновымъ, нынѣ уже умершимъ. Я былъ ему полезенъ въ одномъ весьма важномъ для него дѣлѣ и въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ велъ съ нимъ продолжительныя бесѣды. При первой возможности, разумѣется кстати, я навелъ разговоръ на поединокъ его съ Лермонтовымъ—и вотъ, что услышалъ отъ него по этому дѣлу. Предварительно я скажу нѣсколько словъ о томъ—какимъ показался мнѣ вообще Н. С. Мартыновъ. Видно было, что это человѣкъ съ силой и энергическимъ, замѣчательно твердымъ характеромъ. Образованъ онъ былъ весьма хорошо, манеры вполнѣ изящныя. Это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова. Я вполнѣ вѣрилъ и до сихъ поръ вѣрю искренности его словъ. Я видѣлъ какую во время разсказа онъ испытывалъ душевную борьбу. Я видѣлъ какъ тяжело ему было вызывать эти воспоминанія, но онъ говорилъ подъ вліяніемъ внутренняго движенія съ чувствомъ глубокой скорби о роковомъ событіи. По словамъ Мартынова, дѣло было такъ. Отецъ Мартынова съ двумя дочерьми постоянно жилъ въ Петербургѣ. Въ этой семьѣ Лермонтовъ былъ всегда хорошо принятъ. Случалось, что когда Мартыновъ былъ на Кавказѣ, Лермонтовъ также готовился туда отправиться. При послѣднемъ прощальномъ посѣщеніи Лермонтова, сестры Н. С. Мартынова поручили ему передать брату ихъ работы и дневники, а отецъ съ своей стороны вручаетъ ему пакетъ на имя сына, не говоря ничего о его содержимомъ. Является Лермонтовъ на Кавказъ и при свиданіи съ Мартыновымъ разсказываетъ, что съ нимъ въ дорогѣ случилась непріятность: его обокрали на одной станціи—и въ числѣ украденныхъ вещей, къ сожалѣнію его, находились также посылки и дневникъ сестеръ Мартынова и пакетъ отъ его отца—съ деньгами 300 руб. Деньги Лермонтовъ передалъ Мартынову. Какъ ни грустно было Мартынову услышать вѣсть о пропажѣ писемъ и дневника сестеръ, но что же дѣлать?

Это конечно не повредило ихъ хорошихъ отношеній. За тѣмъ Мартыновъ пишетъ къ отцу, что дневники сестеръ и пакетъ съ деньгами у Лермонтова украдены на дорогѣ. Почтовыя сообщенія въ тѣ времена съ Кавказомъ были очень медленны и потому отвѣтъ со стороны отца послѣдовалъ не такъ-то скоро. Но вотъ, получено письмо отъ отца Мартынова, который задаетъ въ немъ сыну довольно странный вопросъ: почему Лермонтовъ могъ знать, что въ пакетѣ были деньги? Вручая ему пакетъ, онъ ни слова не сказалъ объ нихъ? Вышелъ разговоръ и очевидно не пустыя остроты играютъ роль побудителей къ тяжелой развязкѣ. Мартынову было тяжело вообразить какъ дерзко, какъ, скажемъ, нагло было попрано довѣріе сестеръ, отца, оказанное товарищу... Что за несчастное побужденіе влекло Лермонтова къ такому просто непонятному поступку? Вѣдь онъ конечно понималъ, что рано или поздно, оно во всякомъ случаѣ должно было выйти наружу? Но такъ оно случилось .. Само собой, для Мартынова съ того момента пропажа представилась уже совершенно въ другомъ свѣтѣ. Это обстоятельство онъ быть можетъ рѣзко высказалъ Лермонтову и тогда уже роковое столкновеніе явилось само собой, какъ неизбѣжное послѣдствіе.

„Вотъ собственно причина, которая поставила насъ на барьеръ, заключилъ свой разсказъ покойный Мартыновъ,—и она даетъ мнѣ право считать себя вовсе не такъ виновнымъ, какъ представляютъ меня вообще“.

Выдумывать Мартынову предо мной было не для чего. мы въ жизни встрѣтились разъ на нѣсколько дней и затѣмъ уже больше не полагали видѣться и не видѣлись. Спустя лѣтъ 20 послѣ нашей первой встрѣчи мнѣ случилось видѣть его только на мгновеніе, въ одной гостинницѣ въ Ярославлѣ На подъѣздѣ я увидѣлъ сходящаго съ лѣстницы господина, солиднаго и красиваго, но уже совершенно сѣдаго, хотя весьма бодраго. Черты лица напомнили мнѣ Мартынова. Только потомъ, увидѣвъ въ швейцарской, на номерной доскѣ, фамилію Мартынова, я убѣдился, что это былъ онъ Меня онъ не узналъ. Въ молодости Мартыновъ былъ очень красивъ— онъ былъ высокаго роста, прекрасно сложенъ. Волосы на головѣ, темнорусые, всегда носилъ онъ коротко остриженными; большіе усы, спускавшіеся по угламъ рта, придавали физіономіи внушительный видъ. Церковное покаяніе, къ которому онъ былъ присужденъ за свою дуэль, посланный въ Кіевъ, къ нему не шло и онъ отбывалъ его не строго Богатый человѣкъ онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей Лавры, гдѣ была общая гостинница, и окружилъ себя комфортомъ.

Дамы кіевскаго общества были очень заинтересованы появленіемъ въ свѣтѣ сосланнаго красавца.

Впослѣдствіи, спустя 3—4 года, онъ влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принялъ на себя расходы развода и женился на ней. Затѣмъ онъ скромно жилъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ—и нѣсколько лѣтъ тому назадъ тамъ же и умеръ. Въ газетахъ я прочиталъ о его смерти. Вотъ въ короткихъ словахъ все, что я знаю о человѣкѣ, которому было суждено прервать такъ нежданно, въ полномъ развитіи, молодую жизнь нашего незабвеннаго поэта.

II.

Письмо г Бетлинга изъ Ардатова (Ниж. губ.).

Болѣе 25 лѣтъ назадъ, по непредвидѣнной случайности, встрѣтился я съ покойнымъ Н. С. Мартыновымъ на подмосковномъ бумажномъ заводѣ, у гостепріимнаго, почтеннаго хозяина завода, г. В. Ни прежде, ни потомъ я не видѣлъ Мартынова Мнѣ довелось ночевать съ нимъ въ одной комнатѣ, и мы познакомились и разговорились. Мартыновъ показался мнѣ не по лѣтамъ состарѣвшимся, но все еще красивымъ и очень милымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Я, признаюсь, нарочно навелъ бесѣду на его дуэль. Мартыновъ, съ неподдѣльной простотою и искренностью, разсказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее: онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ, но въ послѣднее время вышло нѣчто, вызвавшее крупное объясненіе. Пріятели таки раздули ссору. Состоялась несчастная дуэль. Секунданты условились о порядкѣ дуэли; были приготовлены пистолеты Кухенрейтера, крупнаго калибра и дальнобойные. Разумѣется, обѣ стороны согласились на условія поставленныя секундантами. Передъ дуэлью,—она не составляла для Мартынова шутки,—онъ заранѣе обдумалъ планъ своихъ дѣйствій. Онъ порѣшилъ, не поднимая на прицѣлъ пистолета, крупными шагами подойти къ указанному секундантами барьеру, и тогда, прицѣлясь—стрѣлять. Противникъ его, какъ оказалось на самой дуэли, принялъ методъ совершенно противуположный: онъ, обратясь къ Мартынову вполнѣ правымъ бокомъ, держа пистолетъ, съ мѣста, на полномъ прицѣлѣ, медлительно подвигался къ барьеру, такъ что Мартыновъ могъ ожидать выстрѣла ежемгновенно, даже съ перваго, подходнаго шага своего къ барьеру. Дойдя до пункта и начавъ наводить пистолетъ, Мартыновъ удивился, почему не стрѣляетъ Лермонтовъ, такъ какъ, наведя уже пистолетъ съ самаго начала дуэли, оставалось ему только нажать... Мартыновъ нѣсколько задержалъ выстрѣлъ... „На нашу общую бѣду, —я продолжаю почти словами Мартынова,—шелъ рѣзкій дождь и прямо билъ въ лицо секундантамъ... Лермонтовъ, пріостанавливаясь на ходу, продолжалъ тихо въ меня цѣлить... Я вспылилъ. Ни секундантами, ни дуэлью не шутятъ... и спустилъ курокъ. Лермонтовъ упалъ. Пуля прошла насквозь руку, заслонявшую бокъ, и въ грудь *). Ко мнѣ на гауптвахту приходили секунданты, и просили показать на слѣдствіи, что они принимали всѣ мѣры къ нашему примиренію. Я отвѣтилъ имъ, что для суда я покажу это; но для частныхъ лицъ буду говорить, какъ было на самомъ дѣлѣ, т. е., что ссору раздули. Впослѣдствіи, продолжалъ Мартыновъ,—я слышалъ, что Лермонтовъ медлилъ выстрѣломъ будто бы потому, что, находя меня правымъ, не желалъ стрѣлять. Я былъ разжалованъ въ солдаты и преданъ церковному покаянію. Мнѣ присовѣтовали, для снисканія милости Государя, перепроситься въ дѣйствовавшіе тогда на Кавказѣ передовые отряды, что и было мною исполнено при первой возможности“.

Н. С. Мартыновъ уже перешелъ въ тотъ міръ, гдѣ „нѣсть болѣзнь и печали“, и я почти какъ бы обязанъ передать его оправдательное слово.

III

Письмо г-жи А скои изъ Пятигорска.

Нахожу нужнымъ по поводу воспоминаній Раевскаго необходимое разъясненіе. Я все очень хорошо помню. Вотъ какъ это было: наканунѣ памятной, несчастной дуэли, вечеромъ пришелъ къ мужу моему г. Дороховъ, квартировавшій у насъ въ домѣ на бульварѣ, и просилъ верховую лошадь ѣхать за городъ не далеко; мой мужъ отказывалъ ему, думая не какое-ли нибудь здѣсь непріятное дѣло, зная его какъ человѣка уже участвовавшаго въ дуэляхъ, и не соглашался, желая прежде знать для чего нужна лошадь. Но тотъ убѣдительно просилъ, говоря, что лошадь не будетъ заморена, и скоро ее доставятъ сохранно, и непріятности никакой не будетъ; мужъ согласился, и дѣйствительно лошадь привели вечеромъ не заморенной.

На другой день часовъ въ 6—7 утра, я сидѣла въ залѣ противъ двери, которую отворилъ человѣкъ высокаго роста, тонкій и худой, согнувшись, потому что дверь была низка; это былъ князь Васильчиковъ, за нимъ еще трое. Я спросила, что имъ угодно; кто то изъ нихъ отвѣчалъ, что намъ нужно священника Я пригласила ихъ къ мужу, они взошли и затворили дверь; спустя довольно времени — они ушли, а мужъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „у меня было предчувствіе, я долго не рѣшался давать лошадь Дорохову Вчера вечеромъ у подошвы Машуки за кладбищемъ была дуэль; Лермонтова убилъ Мартыновъ, а Дороховъ спѣшилъ за городъ именно поэтому“, и опять задумавшись сказалъ: „чувствую невольно себя виновнымъ въ этомъ случаѣ, что далъ лошадь; безъ Дорохова это могло бы окончиться примиреніемъ, а онъ взялся за это дѣло и привелъ къ такому окончанію, не склоняя противниковъ на миръ“

Мужъ объяснилъ мнѣ, что были у него за молодые люди сейчасъ: секунданты—князь Васильчиковъ, Глѣбовъ и Раевскій и кажется Столыпинъ. Просили его убѣдительно предать тѣло Лермонтова землѣ по христіанскому обряду; но тогда взгляды были на это строгіе и мой мужъ, не ради интереса и не ради выговора отъ преосвященнаго, долго не соглашался, а потому, что это ему угрожало потерею священническаго сана за самовольное распоряженіе, безъ разрѣшенія архіерея, что было въ то время немыслимо.

Итакъ все, что было по этому поводу, истинно и вѣрно передала я здѣсь Остальныя подробности объ этомъ, что касается меня, не вѣрны. Будто бы *цѣловали мнѣ руки*, — но о чемъ было меня просить? Мужъ былъ на лицо и принялъ ихъ тотчасъ-же.

И еще болѣе странно сообщеніе, будто предложены были мнѣ *подарки, которые были приняты мною;* ничего этого не было. Г-ну Раевскому вѣроятно память измѣнила.

Потомъ и еще приходили къ мужу убѣждать его, чтобы онъ согласился исполнить обрядъ. Князь Васильчиковъ честью увѣрялъ, что мужъ за исполненіе отвѣчать не будетъ, что отецъ его испроситъ разрѣшеніе на этотъ случай; все это мужъ мнѣ передалъ, но больше этихъ господъ я у себя въ домѣ не видала. Однажды мужъ спросилъ моего совѣта: исполнить ихъ просьбу или нѣтъ? Я ему отвѣчала, что по неопытности и незнанію церковнаго положенія совѣта дать не могу а только скажу одно: „не забывай, что у тебя семейство“.

Вотъ все какъ было!..

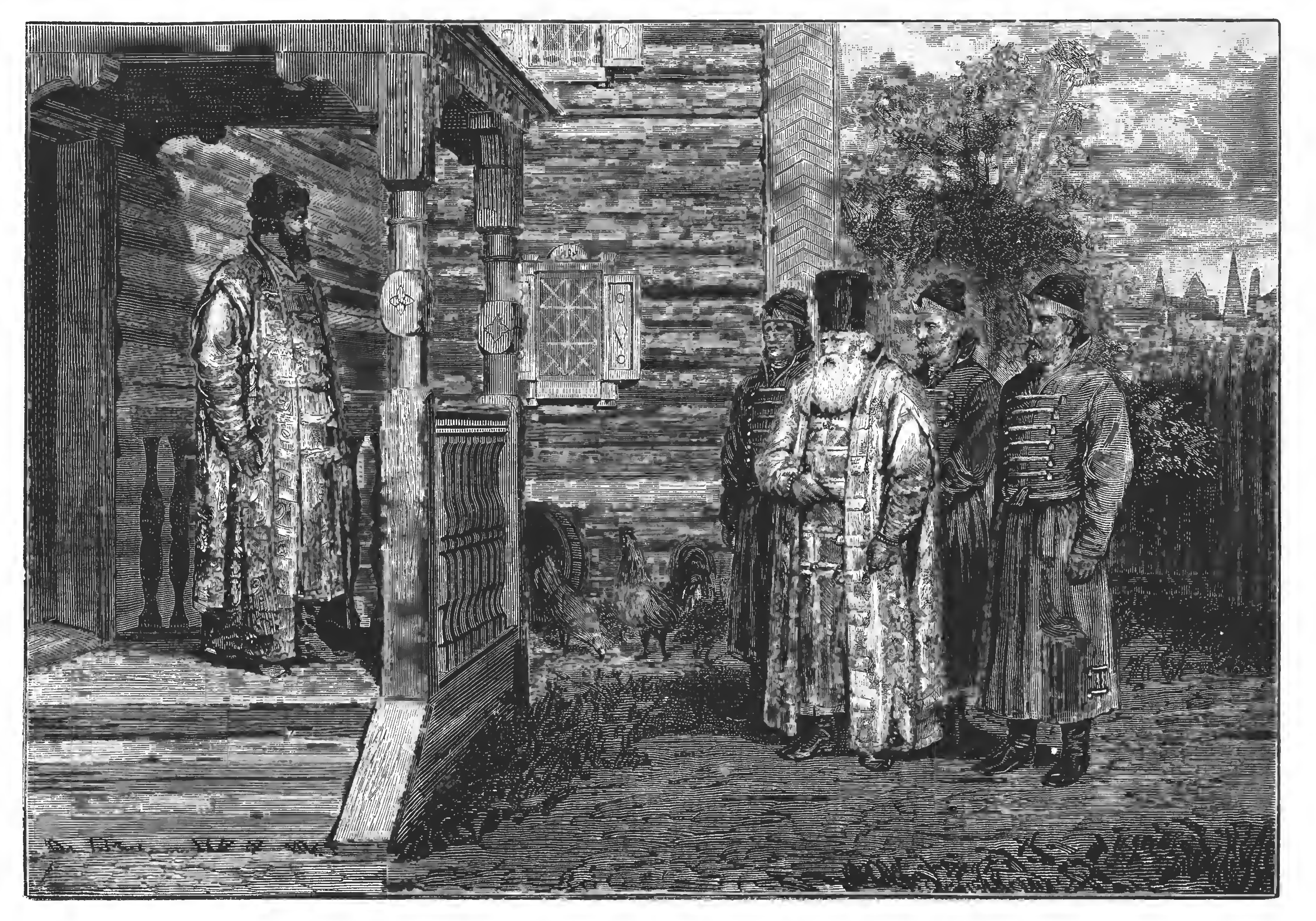
Пьеръ де-Бомарше.

Очеркъ.

Пьеръ де-Бомарше, французскій писатель временъ Людовика XV и первой революціи, какъ своей шумной, полной приключеній жизнью, такъ и характеромъ, наконецъ своими произведеніями какъ нельзя лучше характеризуетъ эпоху, въ которую жилъ. Только въ то бурное, полное рѣзкихъ перемѣнъ и крупныхъ противорѣчій время, къ которому относятся послѣдніе годы царствованія Людовика XV и начало революціи, могло случиться, что драматическій писатель имѣлъ такую разнообразную и разностороннюю дѣятельность, какъ Бомарше. Не смотря на то, что Бомарше, сообразно своему происхожденію, готовился сдѣлаться ремесленникомъ, жизнь его прошла въ самыхъ странныхъ противоположностяхъ; мы видимъ его занимающимъ должность при дворѣ, писателемъ, музыкантомъ, адвокатомъ, дѣловымъ и денежнымъ человѣкомъ, поставщикомъ, спекулянтомъ, типографщикомъ, книгопродавцемъ, тайнымъ агентомъ короля, комисаромъ республики и т. д. Такія же рѣзкія противоположности были и въ характерѣ Бомарше; съ одной стороны это человѣкъ любящій жизнь и наслаждающійся ею; съ другой—нѣжный сынъ и братъ, любящій отецъ и мужъ; онъ могъ очень зло смѣяться и быть добрымъ и любящимъ. Онъ, практическій человѣкъ, авантюристъ, бросалъ вызовъ современному ему обществу своими извѣстными комедіями. Нѣтъ дѣла, которымъ бы не занимался Бомарше, если къ этому еще прибавить, что онъ почти всю жизнь велъ процессы, которые почти всегда выигрывалъ, то вполнѣ понятно, что никто не имѣлъ больше права сказать, что „жизнь моя—вѣчная борьба“.

Пьеръ де-Бомарше родился 24 января 1732 года въ Парижѣ; отецъ его Шарль былъ честный гражданинъ, часовыхъ дѣлъ мастеръ. Только спустя двадцать пять лѣтъ, молодой часовщикъ Пьеръ сдѣлался всѣмъ извѣстнымъ де-Бомарше. Онъ росъ въ своей семьѣ среди пяти сестеръ, ни чему не учась и не бывая въ магазинѣ своего отца, не смотря на то, что родители его старались дать ему подходящее образованіе. Въ двадцать лѣтъ молодой Пьеръ довелъ себя до того, что его, какъ негодяя, выгнали изъ родительскаго дома. Не смотря на это, онъ и въ то время уже отличался смѣтливостью и сдѣлалъ важное усовершенствованіе въ области часоваго мастерства, изъ за котораго и началъ свой первый процессъ, доведенный имъ съ замѣчательнымъ искусствомъ до конца. Въ 1755 году мы встрѣчаемъ Пьера уже придворнымъ поставщикомъ. Этого онъ удостоился за то, что устроилъ часы, которые были вставлены вмѣсто камня въ перстень, понравившійся маркизѣ Помпадуръ. Дальнѣйшими успѣхами молодой часовщикъ былъ обязанъ расположенію, которымъ онъ пользовался у женщинъ. Стройный, красивый молодой человѣкъ съ свѣтлымъ взоромъ, самоувѣренный

*) Помнится, онъ говорилъ, что лѣвая рука Лермонтова тоже была поранена этой пулей, но утвердительно не говорю, опасаясь ошибиться.



Мѣстничество въ древней Россіи. Выдача головой. Ориг. рис. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

Литературный альбомъ. „Гроза“. Драма А. Н. Островскаго. „Катерина“. (Актъ V).
Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Флюгель.

всегда веселый, живой, остроумный, онъ нравился всѣмъ. Въ томъ же году Пьеръ добился уже придворной должности. Обязанность его заключалась въ томъ, что онъ, въ нарядномъ мундирѣ, со шпагою, стоялъ за королевскимъ столомъ. Мѣсто это тогда покупалось и Бомарше получилъ его отъ своего предшественника, обязавшись уплачивать ему свое ежегодное жалованье. Вскорѣ однако кредиторъ его умеръ и Пьеръ женился на красивой, богатой вдовѣ покойнаго. Спустя годъ Бомарше снова остался бѣднякомъ на 150 франкахъ жалованья; не принявъ никакихъ предосторожностей, онъ лишился всего достоянія жены, умершей скоропостижно отъ тифозной горячки. Полученное имъ черезъ женитьбу дворянство и прибавка къ фамиліи—де-Бомарше, которую онъ произвелъ отъ названія имѣнія своей жены, являлись теперь сомнительными. Ему приходилось искать новыхъ источниковъ доходовъ и озаботиться о болѣе прочномъ положеніи въ обществѣ; послѣдняго ему скоро удалось добиться, благодаря своимъ разнообразнымъ талантамъ. Онъ хорошо игралъ на флейтѣ и арфѣ, что въ то время пользовалось большимъ почетомъ во Франціи. Бомарше получилъ мѣсто учителя музыки у принцессъ, дочерей Людовика XV, и сдѣлался дирижеромъ интимныхъ королевскихъ концертовъ. Это принесло ему извѣстность и массу приглашеній. Самъ король не оставлялъ вниманіемъ молодаго учителя своихъ дочерей; между тѣмъ дворяне никакъ не хотѣли признать себѣ равнымъ выскочку, который еще недавно былъ часовымъ мастеромъ. При каждомъ случаѣ ему напоминали объ этомъ Бомарше старался отражать нападенія; вотъ два случая, которые указываютъ какимъ оружіемъ парировалъ онъ удары. Однажды рѣшились умѣрить его прыть и нанести ему оскорбленіе. Въ пріемной короля къ Бомарше подошелъ одинъ изъ придворныхъ и попросилъ его починить свои испортившіеся часы. Бомарше отвѣтилъ, что онъ давно не занимается этимъ мастерствомъ и почти совсѣмъ забылъ его; но, вслѣдствіе настоятельной просьбы вельможи, онъ не смущаясь сказалъ. „Повторяю, я сталъ очень плохимъ мастеромъ и не ручаюсь за успѣхъ!“ Съ этими словами онъ взялъ часы и сдѣлалъ видъ, что разсматриваетъ механизмъ, но въ тотъ же моментъ часы очутились на полу, разбитые въ дребезги. Обратясь съ поклономъ къ присутствовавшимъ онъ сказалъ: „Я говорилъ, что сталъ очень неумѣлымъ мастеромъ!“ Въ другой разъ молодой Бомарше доказалъ, что у него такъ же остеръ языкъ какъ и его шпага. Онъ вызвалъ на дуэль за оскорбленіе одного придворнаго и нанесъ ему смертельную рану. Кстати упомянуть еще объ одномъ рыцарско-романическомъ эпизодѣ изъ жизни Бомарше, который былъ впослѣдствіи увѣковѣченъ великимъ нѣмецкимъ поэтомъ Гёте въ его трагедіи „Клавиго“,—именно о трагической исторіи сестры Бомарше, Луизы Каро, съ испанцемъ донъ-Клавиго.

Луиза Каро съ сестрою своею Маріею и мужемъ ея, архитекторомъ Гильбертомъ отправились въ Мадритъ, гдѣ сестры открыли модный магазинъ. Здѣсь въ 1763 году онѣ познакомились съ Іосифомъ Клавиго, который сбѣщалъ жениться на Луизѣ. Но вдругъ, безъ всякой видимой причины, Клавиго отказался отъ брака и оставилъ несчастную невѣсту на жертву злословія. Глубокооскорбленная дѣвушка обратилась къ единственному своему защитнику—брату, прося у него совѣта и помощи Бомарше не былъ изъ тѣхъ, которые долго заставляютъ себя ждать въ такихъ случаяхъ Въ маѣ 1764 года, онъ поспѣшно поѣхалъ въ Мадритъ потребовать удовлетворенія отъ вѣроломнаго испанца за оскорбленную честь своей сестры. Клавиго былъ такъ пристыженъ, что сталъ просить у него извиненія, примирился съ невѣстой и назначилъ даже день свадьбы. Воспользовавшись своимъ положеніемъ, испанецъ выхлопоталъ приказъ объ арестованіи и высылкѣ изъ столицы всего семейства Бомарше. Но донъ-Клавиго ошибся въ своемъ противникѣ. Бомарше съумѣлъ добиться аудіенціи у короля; пылко и краснорѣчиво доказалъ онъ свою невинность и выставилъ поступокъ Клавиго въ такомъ свѣтѣ, что тому отказали отъ мѣста и воспретили пріѣздъ ко двору; а Бомарше сдѣлался любимцемъ столицы и въ теченіи цѣлаго года, пока оставался въ Мадритѣ, вращался въ салонахъ Луиза вышла вскорѣ замужъ за одного француза, а братъ ея отправился въ Парижъ, гдѣ за 85000 франковъ купилъ себѣ мѣсто королевскаго секретаря, которое дало ему дворянское достоинство.

Въ 1768 году Пьеръ де-Бомарше женился во второй разъ на красивой, богатой вдовѣ Мадленѣ Леве; но и этотъ бракъ не принесъ ему счастья. Черезъ два года молодая жена его умерла и вслѣдъ за ней умеръ и единственный ихъ ребенокъ. Это подѣйствовало на Бомарше и повліяло на его финансы, такъ какъ состояніе его покойной жены заключалось главнымъ образомъ въ пожизненныхъ доходахъ, которые и прекратились съ ея смертью. Наступила самая тяжелая пора въ жизни Бомарше. Смерть жены и потеря состоянія повлекли за собой и другія послѣдствія. Бомарше видѣлъ, что ему нѣтъ возможности вести далѣе дорогую придворную жизнь, и вотъ онъ, для изысканія новыхъ источниковъ, знакомится съ знаменитымъ въ то время финансовымъ тузомъ Парижа, Дюверне и дѣлается подъ его руководствомъ спекулянтомъ, пріобрѣтаетъ деньги и наживаетъ милліоны.

Въ 1770 году, когда покровитель и другъ Бомарше умеръ, онъ началъ процессъ со своимъ двоюроднымъ внукомъ, графомъ де-ла-Блокъ, который требовалъ съ него 139 тысячъ ливровъ и обвинялъ его въ подлогѣ; процессъ этотъ кончился не въ пользу Бомарше и тянулся почти восемь лѣтъ. Драматическія произведенія, которыя Бомарше написалъ во время процесса, были освистаны и авторъ ихъ подвергался злымъ насмѣшкамъ. Несчастья не оставляли затѣмъ преслѣдовать Бомарше. Въ 1773 году на него обрушился гнѣвъ герцога Шоленъ изъ ревности къ одной красавицѣ-актрисѣ. Бомарше въ то время имѣлъ уже опять должность главнаго начальника королевскихъ охотъ, что давало право прежнему часовщику возсѣдать въ длинной одеждѣ на креслѣ судей въ Луврѣ. Однажды, во время засѣданія, герцогъ Шоленъ, войдя на трибуну, началъ осыпать Бомарше порицаніями, насмѣшками и намѣревался даже нанести ему оскорбленіе. Долго боролся Бомарше между гнѣвомъ и благоразуміемъ, наконецъ не выдержалъ и оскорбилъ пэра Франціи. Поступокъ этотъ повлекъ за собою весьма печальныя послѣдствія для Бомарше; его арестовали и по повелѣнію короля посадили на два мѣсяца въ тюрьму. Онъ не потерялъ и это время даромъ; онъ выпустилъ въ свѣтъ четыре диссертаціи о судѣ. Диссертаціи эти явились слѣдствіемъ процесса его съ Гетцманомъ, представлявшаго собою одинъ изъ тѣмъ многочисленныхъ случаевъ подкупа, которые были тогда обыкновенны.

Во время процесса съ де-ла-Блокомъ, Бомарше рекомендовали обратиться къ совѣтнику парламента Гетцману или вѣрнѣе къ его молодой красивой женѣ, которая намекнула ему, что дѣло это будетъ стоить ему 200 луидоровъ. Бомарше сдѣлалъ ей подарокъ въ требуемую сумму, но съ него потребовали еще пятнадцать луидоровъ, будто-бы для секретаря совѣта, на самомъ же дѣлѣ и эти деньги пошли въ карманъ красавицы. Подарокъ былъ сдѣланъ съ условіемъ хорошаго исхода дѣла, и Бомарше послѣ окончанія процесса, рѣшеннаго не въ его пользу, получилъ подарокъ обратно. Выдать же остальные 15 луидоровъ госпожа Гетцманъ отказалась и заявила даже, что не получала этихъ денегъ. Самъ Гетцманъ подалъ жалобу на Бомарше за клевету. Дѣло окончилось въ пользу Гетцмана.

Тогда Бомарше выступилъ съ четырьмя своими диссертаціями, которыя привели къ тому, что дѣло это было разсмотрѣно вновь и въ 1774 году послѣдовалъ приговоръ, на основаніи котораго г-жа Гетцманъ должна была вернуть 15 луидоровъ Бомарше, а самъ Гетцманъ лишился мѣста. Виновнику процесса тоже было не легче; судъ порицалъ его за подкупъ, объявилъ его обезчещеннымъ и недостойнымъ къ занятію общественныхъ должностей. Этимъ рѣшеніемъ были однако иные недовольны.

Въ 1775 году, Бомарше въ первый разъ имѣлъ большой успѣхъ, какъ драматическій писатель. 23-го февраля былъ поставленъ въ первый разъ „Севильскій цирюльникъ“; новая пьеса привлекла массу публики, но не понравилась ей, такъ какъ осмѣивала нравы того времени и была освистана. Тѣмъ не менѣе черезъ два дня, немного передѣланная и сокращенная, она была поставлена вновь и на этотъ разъ имѣла громадный успѣхъ, который сразу сдѣлалъ Бомарше знаменитымъ драматическимъ писателемъ.

Осенью того же года, покрытый славою писатель находился уже на пути въ столицу Англіи, но на этотъ разъ уже въ качествѣ политическаго агента, только что вступившаго на престолъ, Людовика XV. Ранѣе, въ 1774 году, Бомарше былъ посланъ Людовикомъ XV по одному дѣлу въ Англію въ качествѣ тайнаго агента. Ему было поручено подробно развѣдать въ Лондонѣ, какъ на самомъ дѣлѣ Англія относится къ американскому вопросу Послѣдствіемъ этой миссіи было то, что Франція, сначала незамѣтнымъ образомъ, въ торговыхъ дѣлахъ стала помогать Америкѣ въ борьбѣ ея за независимость; а въ слѣдующемъ году, Франція, въ тайномъ союзѣ съ Испаніей, купила пароходы, снабдила ихъ орудіями, военными припасами и отправила въ Америку. Три милліона ливровъ, которые Бомарше истратилъ на это дѣло, онъ никакъ не могъ получить отъ американскаго конгресса. И только 36 лѣтъ спустя послѣ его смерти, наслѣдники Бомарше получили 800 тысячъ франковъ.

Бомарше получилъ большую сумму денегъ также и отъ Людовика XVI, при постановкѣ на сцену своей второй комедіи „Женитьба Фигаро“, которая намъ хорошо извѣстна благодаря Моцарту, передѣлавшему ее въ оперу. Нужно было имѣть энергію Бомарше, чтобы поставить комедію въ одно время съ тѣми сложными и трудными предпріятіями, какими былъ занятъ въ то время авторъ.

Въ 1779 г. Бомарше является уже книгопродавцемъ, съ большими затрудненіями издаетъ онъ часть запрещенныхъ во Франціи сочиненій Вольтера. Для этой цѣли онъ купилъ три писчебумажныя фабрики, устроилъ свою типографію и выписалъ изъ Англіи болѣе 150 т. буквъ. Кромѣ того онъ пріобрѣлъ за 160 т. фр. неизданныя еще сочиненія Вольтера. Спекуляція эта дала ему громадныя деньги, которыя онъ не стѣсняясь сыпалъ направо и налѣво, чтобы добиться постановки своей комедіи „Женитьба Фигаро“ (про которую Наполеонъ I сказалъ: „Революція уже поставлена на сцену“). Сначала Людовикъ XVI запретилъ ее, но въ 1784 году она была поставлена съ большимъ блескомъ. Публики на первыхъ представленіяхъ была такая масса, что нѣсколько человѣкъ было задавлено въ тѣснотѣ, а выраженіе восторговъ доходило до неистовства. Въ теченіи восьми мѣся-

цевъ пьеса была поставлена 68 разъ и дала 40,000 ливровъ сбору. Послѣ такого неслыханнаго успѣха, у Бомарше явилось довольно враговъ и недоброжелателей, которые старались вредить ему.

За дерзкія слова о королѣ, Бомарше попалъ въ тюрьму св. Лазаря Однако черезъ пять дней былъ освобожденъ и для искупленія наказанія приглашенъ въ самый интимный кружокъ двора, гдѣ онъ долженъ былъ присутствовать при представленіи „Севильскаго цирюльника", гдѣ главную женскую роль Розины играла сама королева Марія-Антуанета, а братъ короля, графъ Артуа, исполнялъ роль веселаго Фигаро. Итакъ, эта комедія проникла даже въ покои королевскаго дворца и тамъ добродушно была поставлена на сцену членами царствовавшей фамиліи.

Революція 1789 года застала Бомарше еще въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья. Какъ дѣловой и практичный спекулянтъ, онъ купилъ у города Парижа то пространство бульвара, которое лежало противъ Бастиліи и которое еще и теперь носитъ его имя. Здѣсь въ 1787 году построилъ онъ себѣ домъ, который обошелся ему со всѣмъ убранствомъ болѣе $1^{1}/_{2}$ милліона франковъ. Отсюда, изъ оконъ своего дома, онъ, спасшійся отъ ярости народной толпы, смотрѣлъ въ 1789 году на штурмъ Бастиліи. Онъ тогда не пожелалъ оставить Парижа, отправивъ только въ Гавръ свою третью жену и дочь, и предложилъ правительству свои услуги доставить изъ Голландіи 60 тысячъ ружей После паденія королевской власти, революціонеры напали на его домъ, надѣясь найти въ немъ большіе запасы оружія, но ошиблись въ разсчетѣ, такъ какъ оно еще не прибыло изъ Голландіи. Тѣмъ не менѣе Бомарше былъ арестованъ и отправленъ въ монастырь. Благодаря тогдашнему прокурору коммуны, Мануилу, Бомарше избѣжалъ гильотины и былъ освобожденъ.

Взятая на себя поставка оружія грозила сдѣлаться роковой для Бомарше; онъ употребилъ почти всѣ свои деньги на это дѣло, которое теперь требовало его личнаго присутствія въ Голландіи. Бомарше отправился въ Гагу и его за это объявили измѣнникомъ отечества. Прочитавъ объ этомъ въ газетахъ, онъ весною 1793 года вернулся въ Парижъ, чтобы оправдаться; въ письмѣ къ начальнику національной гвардіи онъ говоритъ: „Я пріѣхалъ подставить свою голову подъ мечъ правосудія, если не докажу, что оставался всегда честнымъ гражданиномъ". Бомарше дѣйствительно удалось избѣжать гильотины и онъ получилъ порученіе доставить для республики 60 тысячъ ружей, которыя между тѣмъ были конфискованы въ то время въ Голландіи англичанами. Подъ именемъ Пьера Каро отправился Бомарше въ Голландію, но на этотъ разъ уже какъ комисаръ республики, оттуда черезъ Гамбургъ направился онъ въ Лондонъ и, по тогдашнимъ порядкамъ, когда онъ хлопоталъ исполнить порученіе Комитета Народнаго Благосостоянія, Комитетъ Безопасности помѣстилъ его въ списки эмигрантовъ, конфисковалъ его имущество и посадилъ въ тюрьму его семейство. Самъ Бомарше, тогда уже семидесятилѣтній старикъ, жилъ на чердакѣ и терпѣлъ крайнюю нужду Только въ 1796 г онъ получилъ возможность вернуться на родину, гдѣ нашелъ еще живыми своихъ родныхъ, избѣжавшихъ смерти благодаря только частой перемѣнѣ правителей республики. Бомарше дожилъ еще до Наполеона-Бонапарте и провелъ еще три счастливыхъ года въ своей жизни Весною 1799 года прекратилась его жизнь, такая разнообразная, пестрая и бурная.

Къ рисункамъ.

Павзій и Гликерія.

(Рис. на стр. 468).

Павзій, жившій, въ срединѣ четвертаго столѣтія до Р. Х., въ Пелопонесскомъ городѣ Сикіонѣ, увѣковѣчилъ свое имя картиной „Цвѣточница". Онъ полюбилъ молодую дѣвушку, Гликерію, занимавшуюся плетеніемъ вѣнковъ и нарисовалъ се именно за этой работой. Кистью его водила любовь, и картина вышла такъ хороша, что онъ получилъ извѣстность. Спустя три столѣтія послѣ его смерти, богатый римлянинъ Лукуллъ за копію съ „Цвѣточницы" долженъ былъ заплатить два полныхъ таланта (бол. 2000 р., но по цѣнности денегъ въ то время это была огромная сумма). Ни древней картины, ни копіи ея болѣе не существуетъ, но художникъ Скифони знакомитъ насъ съ прелестной сикіонянкой Гликеріей, плѣнившей Павзія. На рисункѣ стр. 468 изображено жилище съ залитымъ солнцемъ дворикомъ, гдѣ растутъ тѣ цвѣты, изъ которыхъ дѣвушка плететъ свои вѣнки. Гликерія однако живетъ не одна. Ея ли это сестры работаютъ у стола, или это ея помощницы? Гликерія несравненно красивѣе ихъ обѣихъ. Какъ изящна ея фигура, какъ правильны черты лица. Она прикрѣпляетъ послѣдній цвѣтокъ къ вѣнку, съ улыбкой полуоткрывъ губки

Вивисекторъ.

(Рис. на стр. 469).

Картина знаменитаго Габріеля Макса затрогиваетъ вопросъ, неоднократно подпимаемый въ послѣднее время—вопросъ о вивисекціи. Прекрасная женская фигура, съ упрекомъ глядящая на стараго ученаго, сидящаго за столомъ,—это геній сострадательности. Правую руку, точно для защиты, она кладетъ на связанную, полузакрытую окровавленной перевязкой собачку, которую, повидимому, взяла у изслѣдователя; лѣвою рукою она подпимаетъ вѣсы. Одна чашка ихъ съ пылающимъ сердцемъ Сострадапія, которое должно распространяться на всѣ существа, опущена внизъ, другая же высоко поднялась, на ней лежитъ человѣческій мозгъ въ золотомъ лавровомъ вѣнкѣ. Этой аллегоріей художникъ желалъ выразить, что высшее торжество человѣческаго ума и науки, достигнутое нарушеніемъ закона сострадательности, не имѣетъ никакого значенія.

Картина написана съ рѣдкимъ талантомъ, но конечно для цѣлей науки вивисекція безусловно необходима и полезна, если она составляетъ занятіе истиннаго ученаго, а не профана.

Новый инструментъ.

(Рис. на стр 473).

Картина переноситъ насъ въ аристократическій салонъ XVII столѣтія. Двѣ сестры заняты осмотромъ только что привезеннаго новаго музыкальнаго инструмента Это родъ маленькаго фортепьяно,—изобрѣтеніе котораго совпадаетъ съ тѣмъ временемъ,—съ немногими клавишами для нѣсколькихъ аккордовъ. Возлѣ инструмента, который всецѣло поглотилъ вниманіе дѣвушекъ, лежитъ книга, по всей вѣроятности духовные гимны. Фигуры обѣихъ сестеръ прелестны; старшая—брюнетка, нагнувъ головку, прислушивается къ звукамъ, которые она извлекаетъ изъ клавишей своими изящными пальчиками; на личикѣ младшей ясно выражается радость по поводу новаго развлеченія.

Мѣстничество. Выдача головою.

(Рис. на стр. 476).

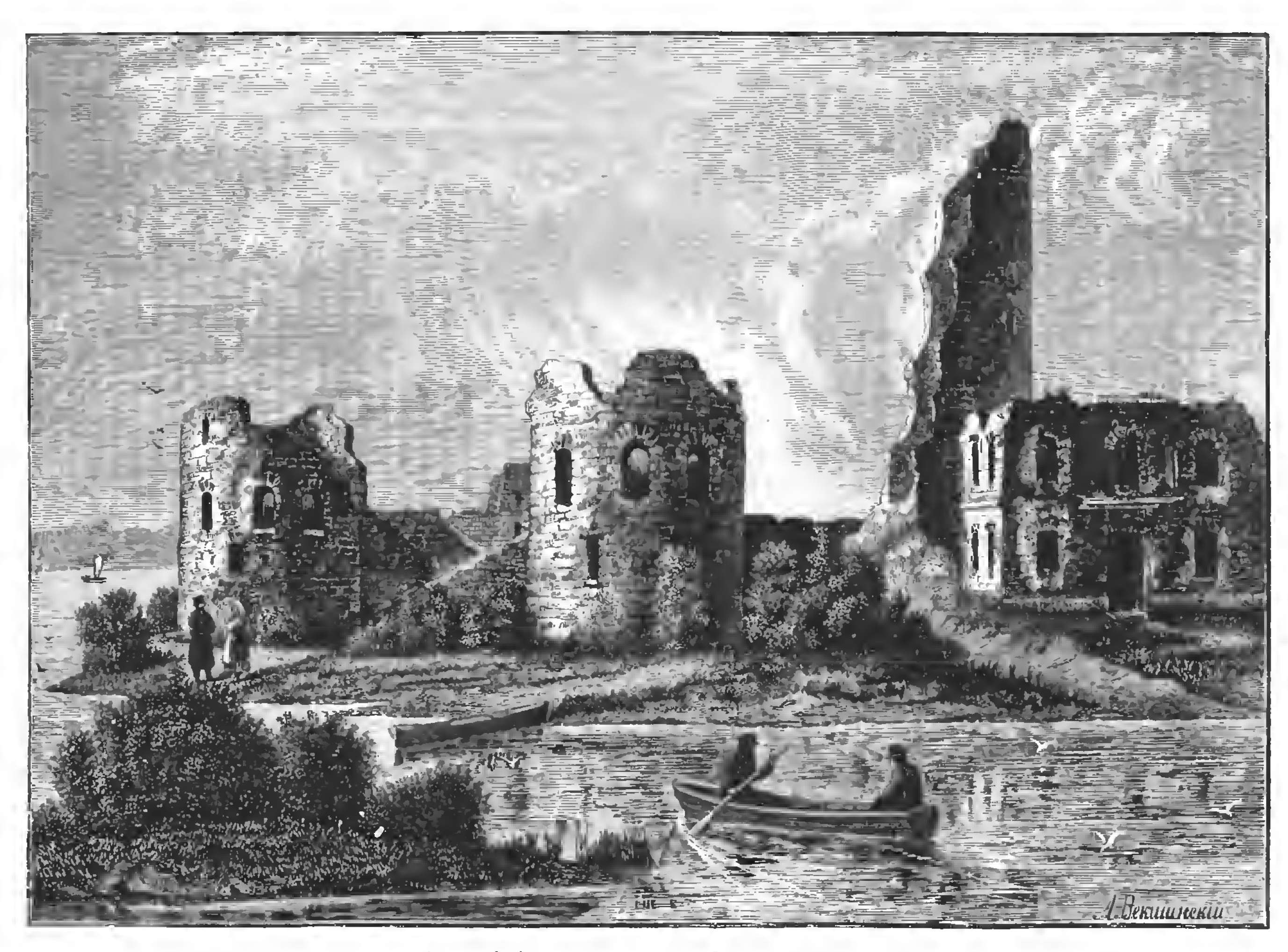
Мѣстничество нашихъ бояръ, т. е. притязаніе каждаго рода къ занятію извѣстныхъ мѣстъ въ государственной службѣ, получило начало на Руси еще въ періодъ дружиннаго устройства и такъ впослѣдствіи укрѣпилось въ нравахъ и обычаяхъ, и не смотря на постоянное стремленіе московскихъ царей противодѣйствовать этому, было такъ сильно, что государи должны были по неволѣ уступать ему. Даже самъ Грозный относился внимательно къ спорамъ мѣстниковъ: разбиралъ ихъ многочисленныя челобитья, самъ свѣрялъ старыя разрядныя книги и по нимъ постановлялъ свои рѣшенія. При царѣ Ѳеодорѣ и Годуновѣ уже стали строже относиться къ мѣстничеству, и уже не поощряли снисхожденіемъ споровъ бояръ о мѣстахъ, часто прямо вредившихъ интересамъ государства. Особенно мѣстничество отражалось на дѣлахъ въ военное время. Мѣста въ войскѣ не подлежали распредѣленію исполнительной власти; каждое мѣсто было уже напередъ опредѣлено за извѣстнымъ лицомъ, по извѣстнымъ обычнымъ отношеніямъ этихъ мѣстъ между собою, переходящимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Царь предоставлялъ самимъ воеводамъ заранѣе обсудить гдѣ кому съ кѣмъ быть *пригоже* или *не пригоже*. Случалось, войску нужно было уже двинуться, но начинался споръ о мѣстахъ и къ царю посылались челобитья объ обидахъ и безчестьяхъ. Одинъ жаловался, что ему зазорно служить подъ начальствомъ такого то, и даже часто уѣзжалъ съ мѣста, другой билъ челомъ за безчестье, что такой то не хочетъ служить подъ его началомъ. Легко представить какія затрудненія происходили въ рядахъ войска отъ этихъ споровъ и претензій, и какъ трудно было высшему правительству ихъ уладить и умиротворить. Въ придворныхъ собраніяхъ бояръ, это иногда доходило до крайностей; такъ за обѣденнымъ столомъ ихъ нужно было сажать тоже въ строго-мѣстническомъ порядкѣ, иначе обиженный громко заявлялъ свой протестъ и не садился за столъ. „Иногда, какъ разсказываетъ Котошихинъ, царь велитъ насильно посадить такого упрямаго боярина за столъ, но онъ не сидитъ". Съ упрямцами иногда по необходимости поступали строго такъ при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, Гвоздевъ, за свое, конечно несправедливое челобитье, безъ суда *выданъ головою* Одоевскому. Обрядъ выдачи головою самъ по себѣ очень любопытный и, по разсказу Котошихина, заключался въ слѣдующемъ. „Виноватаго, выданнаго боярину головою, приводили пѣшкомъ дьяки или подъячие на боярскій дворъ, гдѣ и ставили его на нижнемъ крыльцѣ; когда же выходилъ бояринъ, то дьякъ говорилъ рѣчь, что великій государь указалъ и бояре приговорили того человѣка, который съ нимъ быти не хотѣлъ, за его боярское безчестіе, отвесть къ нему, боярину, головою". Тогда бояринъ благодаритъ царя за милость, и бьетъ челомъ на царскомъ жалованьи, и велитъ отпустить домой супротивника, но не дозволяетъ ему при этомъ садиться на коня на своемъ дворѣ. Выданный головою при этомъ безнаказанно могъ, по словамъ Котошихина, ругать своего недруга. „А тотъ ему за злыя слова ничего не чинитъ, не смѣетъ потому, что того человѣка отсылаетъ царь къ тому человѣку за его безчестье любячи его, а не для того, чтобы тотъ человѣкъ учинилъ надъ нимъ убійство или увѣчье; а кто-бы что надъ такимъ отсылаемымъ человѣкомъ что учинилъ, какое злое безчестье и

увѣчье, и тому бы человѣку самому бы указъ былъ противъ того вдвое, потому что онъ безчеститъ не того, кого къ нему отошлютъ, истинно будетъ самого царя". Бояринъ, удовлетворенный въ безчестьи, долженъ былъ еще вознаградить дьяковъ или подьячихъ, приведшихъ къ нему на дворъ его соперника „не малыми подарками". Но зато чувство удовлетвореннаго самолюбія выкупало непріятности и расходы; бояринъ, удостоенный царскою милостью, на другое утро спѣшитъ во дворецъ и пріѣхавъ „бьетъ челомъ царю на его жалованье, что онъ къ нему велѣлъ за безчестье противника его отослать головою". Царь приказываетъ тогда опредѣлить къ мѣсту, подъ начало боярина, другаго служилаго человѣка, а провинившійся въ напрасной жалобѣ и выданный головою подвергается долгой опалѣ „и очей ему царскихъ не видѣти долгое время".

Развалины Трокскаго замка.

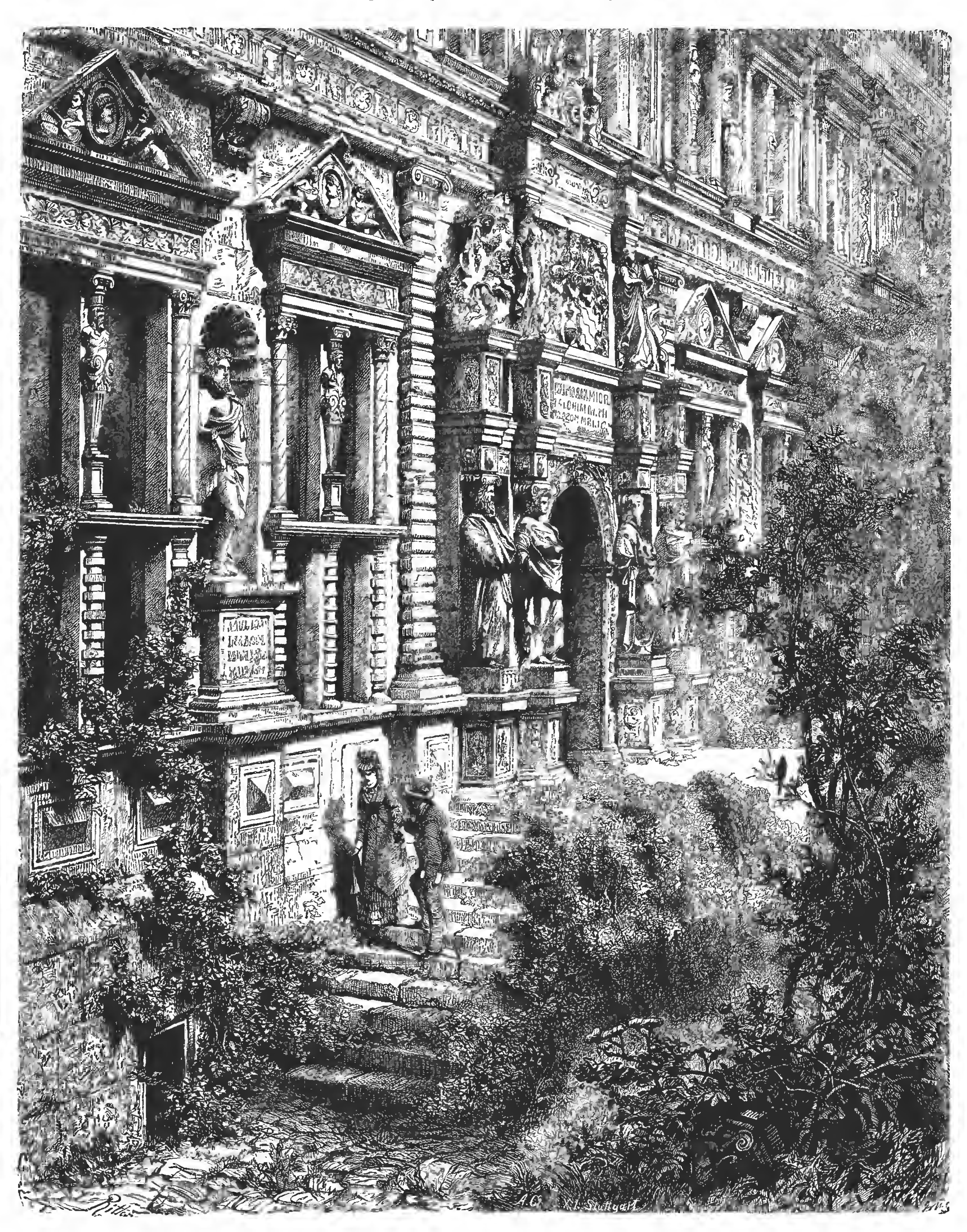
Извѣстно, что городъ Троки, лежащій въ 20 верстахъ отъ Вильны и бывшій когда-то столицею литовскихъ князей, играетъ видную роль въ исторіи Литвы. Политическія событія, которыя въ немъ происходили, его могущество въ эпоху постояннаго или временнаго пребыванія въ немъ литовскихъ князей, имѣю вліяніе на ходъ дѣлъ всего княжества. Городъ расположенъ на полуостровѣ, далеко выдающемся въ озеро, извѣстное подъ именемъ Гальве, разнообразные и прихотливые изгибы котораго, составляющіе какъ бы отдѣльныя озерки и острова—сообщаютъ всей мѣстности весьма живописный видъ. Есть преданіе, что озеро въ старину облегало городъ со всѣхъ сторонъ, но затѣмъ сдѣлана была насыпь, которая и соединила одну сторону острова съ матрикомъ въ мѣстѣ, гдѣ нынѣ проходитъ почтовая дорога до Вильны. Изъ сохранившихся старинныхъ построекъ города замѣчателенъ римско-католическій костелъ, построенный Витовтомъ въ 1409 году, остатки Гедиминова замка и развалины величественнаго Кейстутова замка, изображенные на рисункѣ, находящіяся на островѣ. Уже много лѣтъ прошло, какъ замокъ разрушился; миновали вѣка, какъ сошли съ исторической сцены его основатели. И жизнь острова, въ былыя времена бурная и полная движенія, затихла. Слышенъ здѣсь лишь крикъ чаекъ, носящихся надъ руинами Замокъ, построенный прямоугольникомъ, былъ великъ. Главный фасадъ занимаетъ до 40 саж., а боковой до 25 Еще и нынѣ можно видѣть остатки стѣнъ, которыми былъ обнесенъ замокъ, и два полуобрушившіеся массивные бастіона, другіе осыпались до основанія. Надъ этими развалинами гордо высится поврежденная временемъ башня. Въ жилыхъ комнатахъ, на оставшейся штукатуркѣ, сохранилась интересная стѣнная живопись. Въ одной изъ амбразуръ, въ неясныхъ очеркахъ, видны три фрески: одна представляетъ какого-то короля, сидящаго на тронѣ, другая—его же, держащаго въ одной рукѣ мечъ, въ другой хартію; въ 3-ей фрескѣ—князь и бьющій ему челомъ народъ.

Названіе *Троки* въ первый разъ встрѣчается у исландца Стурлезона, который, побывавъ здѣсь въ концѣ XII столѣтія, оставилъ воспоминаніе о Вильнѣ и Трокахъ (значитъ „расчищенное мѣсто") Подъ такимъ названіемъ существовало это мѣсто и спустя болѣе 100 лѣтъ со времени Стурлезона, когда въ 1321 году Гедиминъ перенесъ сюда свою столицу, и для защиты отъ непріятелей, а также для централизаціи населенія страны,—выстроилъ замокъ. Но Гедиминъ былъ здѣсь недолго. Преслѣдуемый новыми планами, онъ вблизи замка положилъ основаніе городу и вмѣстѣ съ тѣмъ—новому замку. Послѣ его смерти сыновья Ольгердъ и Кейстутъ раздѣлили между собою господство надъ отцовскими владѣніями: первый сѣлъ княжить въ Вильнѣ, а Кейстутъ взялъ въ удѣлъ Троки. Въ 1348 году, послѣ женитьбы на Бирутѣ, служившей жрицей при храмѣ богини Прауримы, Кейстутъ построилъ на одномъ изъ острововъ озера Гальве замокъ, о которомъ мы выше говорили и рисунокъ котораго прилагаемъ. Спустя 30 лѣтъ послѣ постройки замка, сюда былъ привезенъ схваченный подъ Инстербургомъ жестокій комтуръ (командоръ) ордена рыцарей Іоаннъ Сурбанъ и былъ осужденъ на принесеніе въ жертву богамъ. Великодушіе Кейстута спасло его, но въ слѣдующемъ же году крестоносцы сожгли городъ Троки и въ замкѣ былъ подписанъ трактатъ между Литвою и орденомъ. Послѣ смерти Кейстута, въ 1430 году, въ замкѣ поселился Витовтъ и на свою коронацію пригласилъ сюда князя московскаго Василія Темнаго, митрополита Фотія, князей Тверскаго, Рязанскаго, короля Ягелло и много другихъ высшихъ лицъ. Лѣтописцы говорятъ, что съѣздъ этотъ представлялъ рѣдкое зрѣлище. Гости поражали великолѣпіемъ своихъ одеждъ и многочисленностью свитъ, хозяинъ—роскошью пировъ, для которыхъ ежедневно отпускалось до 700 бочекъ меду, кромѣ вина, романеи, пива, и на кухню привозили по 700 быковъ, 1,400 барановъ, 100 зубровъ, столько же лосей и кабановъ. Праздновали около 7-ми недѣль и пиръ мрачно закончился болѣзнью и смертью Витовта. Послѣ смерти его на



Развалины Трокскаго замка (1320 г.) (20 в. отъ Вильны). Ориг. рис. Векшинскаго, грав. М Рашевскій.

престолъ вступилъ братъ Сигизмундъ Кейстутовичъ, правленіе котораго ознаменовалось жестокостью. Стараясь сломить сопротивленіе вельможъ, онъ иныхъ казнилъ и завладѣлъ достояніемъ ихъ. Въ замкѣ онъ окружилъ себя лишь вѣрными приближенными и стражею; онъ оттуда управлялъ страною. За одно подозрѣніе, люди гибли. Въ 1440 году на Пасху пригласилъ онъ къ себѣ нѣсколькихъ именитѣйшихъ вельможъ, намѣреваясь умертвить ихъ. Но тѣ узнали о замыслѣ и отказались отъ приглашенія. Князя Чарторыйскіе составили заговоръ. Въ вербное воскресенье, угромъ, въѣхало въ замокъ 300 вововъ съ сѣномъ, обыкновенно присылаемымъ изъ помѣстьевъ для замковыхъ конюшенъ. Въ каждомъ изъ вововъ было скрыто по 2 вооруженныхъ человѣка; везущіе же сѣно скрывали оружіе подъ одеждой. Такъ было введено въ замокъ 900 воиновъ. Сигизмун-



Гейдельбергскій замокъ. Рисов. Риттеръ, грав. Клоссъ.

да вызвали отъ обѣдни изъ часовни. Александръ Чарторыйскій кинулся на князя, который былъ тутъ же умерщвленъ. Тѣло Сигизмунда бросили въ озеро, въ прорубь. Изъ послѣдующихъ князей въ замкѣ жилъ только Казиміръ Ягеллоновичъ, послѣ же него Троки не были княжеской резиденціей, а обратились въ политическую тюрьму. Здѣсь, въ періодъ несогласій между польскимъ королемъ и Іоанномъ III, великимъ княземъ московскимъ, содержались въ 1503 году, его послы: Плещеевъ, Заболоцкій, окольничій Еропкинъ и дьякъ Маклаковъ; сюда былъ сосланъ на жительство Шахъ Ахметъ, ханъ кипчакской орды, который, потерявъ царство, искалъ помощи у Польши. Съ того времени Троки, лишенные важности географическаго положенія, устраненныя отъ дорогъ, соединяющихъ другіе города, которымъ судьба дала въ удѣлъ играть историческія роли, обращаютъ на себя вниманіе лишь своимъ прошлымъ, оставившимъ по себѣ эти развалины.

„Гроза". Драма А. Н. Островскаго.

(Рис. на стр. 477).

Въ „Грозѣ", извѣстной драмѣ нашего знаменитаго драматурга, представлена страшная, роковая борьба молодой женщины противъ увлекающей могучей страсти, передъ которой голосъ долга оказывается безсильнымъ и слабымъ. Жена Кабанова—главное дѣйствующее лицо драмы—юная, красивая женщина, взятая изъ бѣднаго семейства въ строгую купеческую семью одного изъ захолустныхъ городовъ Поволжья. Въ постоянныхъ тискахъ суровой свекрови, при безхарактерномъ, нелюбимомъ мужѣ, она ведетъ грустную, скучную жизнь, и поневолѣ мечтаетъ порой о возможности болѣе полнаго счастія. Но вотъ является *предметъ*, который неясныя мечты молодой женщины обращаетъ въ дѣйствительность. Въ городъ пріѣзжаетъ племянникъ купца Дикаго, Борисъ, и Катерина увлекается имъ, и нѣсколько времени, пользуясь отсутствіемъ мужа, выходитъ на свиданія, на берега Волги. Но вслѣдъ за увлеченіемъ начинается раскаяніе. Силой вѣковою встаетъ передъ молодой женщиной угрызеніе совѣсти, и обманутый мужъ, и страхъ, и стыдъ передъ строго нравственнымъ населеніемъ захолустнаго городка, и угрозы, и проклятія грѣшницамъ, знакомыя ей по стариннымъ книгамъ. А тутъ еще страшная гроза пугаетъ ее своими сильными раскатами; ей кажется, что надъ нею начинается уже послѣдній, Божій судъ, и она, внѣ себя отъ ужаса, во всемъ винится мужу. Но это признаніе не облегчило сердце Катерины; а когда любимаго человѣка услали по дѣламъ въ далекую Сибирь, то молодая женщина почувствовала себя совершенно одинокой—ей стали противны и городокъ, и семья, и самая жизнь, и она нашла успокоеніе въ Волгѣ... Инаго исхода, какъ ей казалось, для нея не было. И въ послѣднемъ монологѣ, когда она сидитъ въ раздумьи на скамьѣ, на берегу Волги (эта сцена представлена на нашемъ рисункѣ), Катерина высказываетъ всѣ тѣ доводы, которые ее роковымъ, безповоротнымъ образомъ заставляютъ покончить разсчеты съ жизнью:

„Куда теперь? говоритъ она. Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ могилу!.. Въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышкомъ ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе (задумывается) всякіе... Такъ тихо! такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче!.. А объ жизни думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ не пойду! Придешь къ нимъ, ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это? Ахъ, темно стало! И опять поютъ гдѣ то! Что поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поютъ? Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ на крестъ складываютъ въ гробу! Да, такъ... я вспомнила... А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ скорѣй, скорѣй! (Подходитъ къ берегу. Громко:) Другъ мой! радость моя! Прощай!" (Исчезаетъ въ темнотѣ).

Гейдельбергскій замокъ.

(Рис. на стр. 481).

Замокъ въ Гейдельбергѣ—одинъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ остатковъ древне-германской старины. Онъ не безъ нѣкотораго основанія носитъ гордое названіе нѣмецкой Альгамбры. Замокъ былъ начатъ постройкою въ концѣ тринадцатаго столѣтія и мало по малу достроенъ въ правленіе Руперта III, Оттона Генриха, Фридриха IV и Фридриха V, чешскаго короля (1610-1621); въ 1689 году часть замка взорвана на воздухъ французами, а нѣсколько позднѣе гейдельбергская твердыня подверглась еще большему разрушенію. Въ 1764 году зданіе было разбито страшной грозой, причемъ всѣ сгораемыя части были обращены въ пепелъ. Съ этихъ поръ Гейдельбергскій замокъ не болѣе какъ развалины, но развалины величественныя и въ высшей степени живописныя, по своему мѣстоположенію, своимъ размѣрамъ и богатству своего архитектурнаго стиля. Изъ оставшихся частей зданія, такъ называемая „взорванная башня" (Gesprengte Thurm) такой солидной постройки, что французы не могли взорвать ее цѣликомъ и половина ея еще уцѣлѣла до нашего времени, въ живописныхъ развалинахъ. На дворѣ замка находится фонтанъ, устроенный на гранитныхъ колоннахъ, когда то украшавшихъ дворецъ Карла Великаго въ Ингельгеймѣ. Часть зданія, построенная Отто-Гейнрихомъ, отличается богатствомъ и вкусомъ своихъ архитектурныхъ украшеній, въ итальянскомъ стилѣ эпохи возрожденія, и даже существуетъ преданіе, что эта постройка производилась по рисункамъ Рафаэля. Зданіе, возведенное Фридрихомъ, тоже достойно вниманія. Оно украшено статуями королей отъ Карла Великаго до Фридриха IV, а въ его подземномъ погребѣ хранится знаменитая гигантская бочка, которая можетъ вмѣстить 256,000 бутылокъ. Съ платформы, устроенной на крышѣ замка, съ ея двумя башенками, открывается восхитительный видъ какъ на окружающіе замокъ сады, такъ и на живописный Некаръ, прерываемый тамъ и сямъ водопадами и какъ бы сжатый со всѣхъ сторонъ непрерывною стѣною скалъ.

Водяная стрекоза.

(Рис. на стр. 484).

Это сѣтчатокрылыя насѣкомыя съ продолговатымъ тѣломъ, окрашеннымъ въ самые яркіе цвѣта, которые, къ сожалѣнію, исчезаютъ при сушеніи насѣкомаго. Это настоящіе хищники, постоянно подстерегающіе бабочекъ и мушекъ, которыхъ они схватываютъ на лету и разрываютъ на части своими сильными челюстями, похожими на ножницы. Первое время своего существованія стрекозы проводятъ подъ водою, почему и названы земноводными сѣтчатокрылыми. Удлиненныя, сѣро-желтоватыя личинки ихъ ползаютъ въ илѣ, питаясь водными насѣкомыми и моллюсками,—онѣ подстерегаютъ ихъ и схватываютъ помощью изогнутой губы, оканчивающейся защѣпкой, которую запускаютъ въ жертву. Личинки постепенно переходятъ въ куколокъ, пріобрѣтаютъ чехлы для крыльевъ, но сохраняютъ подвижность и хищническій характеръ личинокъ. Куколки выходятъ изъ воды и прицѣпляются къ тростнику, или другому растенію; кожица прорывается вдоль спины, и большія крылья, сложенныя и измятыя, выбиваются изъ подъ чехловъ, раскрываются и крѣпнутъ на воздухѣ. Затѣмъ насѣкомое начинаетъ летать, оставляя на растеніи пустую кожицу куколки. Есть нѣсколько видовъ стрекозъ, изъ нихъ по величинѣ замѣчательна стрекоза, живущая въ Америкѣ, рисунокъ которой помѣщенъ на стр. 484. Красивое это насѣкомое водится въ Колумбіи и въ Гондурасскомъ заливѣ, въ Мексикѣ. Видъ этотъ очень рѣдокъ, но давно извѣстенъ любителямъ подъ именемъ Megaloptera coerulatus Drury. Ширина распростертыхъ крыльевъ составляетъ 16 центиметровъ, а длина насѣкомаго—около 11 центиметровъ. Окраска по преимуществу бываетъ сине-фіолетовая, очень темная или черноватая. Голова снизу желтая, грудная полость фіолетовая съ продолговатыми желтыми полосами. Туловище очень тонко, крылья очень велики и широки, немного съужены и закруглены на концахъ, очень блестящи и прозрачны. На краяхъ крыльевъ находятся черныя четыреугольныя пятна, немного повыше широкія темнофіолетовыя полосы съ выемками, образующими острый уголъ. Туловище другихъ видовъ стрекозъ достигаетъ еще большей длины, такъ напр. Megistogaster lincaris, живущая въ Бразиліи, имѣетъ туловище въ 160 миллиметровъ длины. Показанная на рисункѣ стрекоза представлена сидящею на водяномъ растеніи жаркихъ странъ Америки, гдѣ насѣкомыя и цвѣты соперничаютъ яркостью красокъ и разнообразіемъ формъ.

Мгновенные снимки голубей.

(Рис. на стр. 485).

Фотографія и особенно моментальные снимки все болѣе совершенствуются. Въ послѣднее время сдѣлалось возможнымъ снимать не только скачущихъ лошадей, летающихъ птицъ, движущіяся группы, но даже мчащійся желѣзно-дорожный поѣздъ. Успѣхи эти зависятъ по преимуществу отъ изобрѣтенія такъ называемыхъ сухихъ пластинокъ, отличающихся необыкновенною чувствительностью и не подвергающихся порчѣ. Особенною отчетливостью отличаются моментальные снимки Освальда Аншюца въ Лиссѣ (въ Германіи). Никто не достигалъ еще такой ясности изображенія и такого краткаго времени освѣщенія. Наибольшій успѣхъ заключается въ фотографированіи летающихъ птицъ: получается не только одинъ силуэтъ, но совершенно полное, отчетливое изображеніе. Аншюцъ опредѣляетъ время для снятія въ 1/2000 секунды. Хотя время это нельзя съ точностью провѣрить, но будь это даже 1/1000 секунды, то и въ такомъ случаѣ быстрота снимка поразительна. На стр. 485 показаны моментальные снимки летящихъ голубей.

Вслѣдъ за этимъ мы представимъ образцы моментальныхъ снимковъ русскихъ мастеровъ этого дѣла.

Политическое обозрѣніе.

Англія и Россія.—Египетъ.—Италія.—Бельгія.—Китай.

Въ виду умѣренныхъ требованій Россіи, а также упрочивающагося все болѣе и болѣе въ общественномъ мнѣніи сознанія, что Англія сдѣлалась теперь несравненно болѣе сговорчивой, чѣмъ прежде, иностранная печать почти единодушно приходитъ къ заключенію, что грозовыя тучи почти совсѣмъ исчезли съ политическаго горизонта. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ послѣднее время, выразили опасеніе, какъ бы на исходъ переговоровъ не оказало неблагопріятнаго вліянія — полученіе генераломъ Комаровымъ Высочайшей награды. Иные говорятъ, что въ одномъ предшествовавшихъ фазисовъ англо-русскаго столкновенія, пожалованная генералу Комарову награда еще могла-бы, пожалуй, въ виду ея кажущейся демонстративной тенденціи, затруднить мирный исходъ его, но въ настоящее время въ немъ слѣдуетъ видѣть дальнѣйшее доказательство прочности положенія, которое исключаетъ всякое подозрѣніе въ томъ, будто отличіе, выпавшее на долю храброму полководцу, преслѣдуетъ еще другія цѣли, кромѣ должной награды за военныя заслуги. Относительно переговоровъ, теперь подтверждается извѣстіе, сообщенное нѣкоторыми берлинскими газетами, что Россія требуетъ только, чтобы сарыкъ-туркмены и ихъ пастбища не были предоставлены афганцамъ, т. е. чтобы пограничная черта была проведена подальше на югъ отъ Пендэ, чѣмъ указано въ проектѣ соглашенія. Есть очень интересное извѣстіе объ афганскомъ эмирѣ, о которомъ до сихъ поръ ничего не было слышно. По словамъ газеты, эмиръ сильно упалъ духомъ, вслѣдствіе русскихъ успѣховъ и неудачи усилій Англіи остановить наступательное движеніе Россіи. Не имѣя личнаго вліянія на западный Афганистанъ, онъ убѣжденъ въ своемъ безсиліи оказать сопротивленіе вторженію, и повидимому скорѣе склоненъ искать благорасположенія Россіи, чѣмъ возлагать надежды на обѣщаемое Англіей покровительство. По извѣстіямъ изъ Кабула, заслуживающимъ довѣрія, эмиръ, готовясь ко всякимъ случайностямъ, отправляетъ свои лучшія войска въ ввѣренный ему афганскій Туркестанъ, а казну свою — въ Файзабадъ.

Изъ Суакима телеграфируютъ, что Османъ-Дигма все еще находится въ Тамаи съ сотнею своихъ фанатическихъ приверженцевъ. Въ Отао продолжаютъ прибывать отряды арабовъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, и въ этомъ обстоятельствѣ, по мнѣнію корреспондента, слѣдуетъ видѣть несомнѣнный признакъ того, что громадное большинство суданскаго населенія готово изъявить покорность правительству хедива. Кассала все еще держится. Гарнизонъ выразилъ желаніе сдѣлать вылазку, чтобы пробиться сквозь ряды осаждающихъ, но губернаторъ не согласился, не получивъ приказанія оставить городъ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, нынѣшній Махди Магометъ-Ахметъ и его соперникъ Сидъ-Мулей-Ахметъ, выдающій себя за настоящаго пророка, отправили для разъясненія ихъ спора посольство къ знаменитому свѣтилѣ Ислама, извѣстному во всемъ мусульманскомъ мірѣ шейху Сенусси, проживающему въ Триполійскихъ владѣніяхъ. По извѣстіямъ изъ Бенгази, отправленное къ Сенусси посольство разъѣхалось съ нимъ, такъ какъ Сенусси объѣзжаетъ въ настоящее время основанные имъ монастыри; по его ближайшіе ученики полагаютъ, что нужно выждать рѣшительнаго сраженія между приверженцами обоихъ Махди, и затѣмъ, смотря по результату боя, ихъ глава скажетъ свое мнѣніе.

Итальянское правительство рѣшилось, съ согласія Англіи, будто бы занять Суакимъ. Правительство, которое до сихъ поръ хранитъ молчаніе, по этому поводу, поставлено въ крайне затруднительное положеніе. Если оно рѣшится занять Суакимъ, то его обвинятъ въ желаніи вовлечь страну въ опасное предпріятіе. Если же оно предоставитъ это сдѣлать Турціи, то его обвинятъ въ томъ, что оно подвергаетъ страну униженію. Ходитъ слухъ, что въ случаѣ если итальянское правительство откажется взять на себя эту задачу, Англія немедленно обратится къ Портѣ. Означенное извѣстіе произвело значительное безпокойство въ Римѣ. Присутствіе оттоманскихъ войскъ въ Суакимѣ нисколько не представляетъ серьезной гарантіи для безопасности берега. Всѣ спрашиваютъ, что будетъ, если Османъ-Дигма, освободившись отъ англичанъ, сосредоточитъ свои силы противъ Массовы? Онъ можетъ надѣлать не мало хлопотъ итальянцамъ, хотя они и прочно утвердились въ своихъ новыхъ колоніяхъ.

Изъ Брюсселя сообщаютъ, что король уже выбралъ министра финансовъ для ново-учрежденнаго свободнаго государства на Конго. Правительство послѣдняго будетъ состоять изъ пяти министровъ: внутреннихъ дѣлъ, военнаго, торговли, финансовъ и юстиціи. Военный интендантъ, полковникъ Штраухъ, присутствовавшій на конференціи въ Берлинѣ, въ качествѣ предсѣдателя африканской международной ассоціаціи, сосредоточитъ въ своихъ рукахъ управленіе внутренними и военными дѣлами и сдѣлается главою министерства. Портфель министра торговли будетъ предоставленъ Ванъ-Этвельду, бельгійскому генеральному консулу въ Бомбеѣ. Министры будутъ называться „администраторами“ Конгскаго государства и находиться въ Брюсселѣ. Стэнли будетъ назначенъ губернаторомъ Конго. Впрочемъ, у него явилось много соперниковъ, въ свою очередь, домогающихся губернаторскаго поста.

Согласно полученнымъ изъ Тянъ-Тзина депешамъ, недоразумѣніе, возникшее между Россіей и Китаемъ, по поводу манджурскаго пограничнаго вопроса, начинаетъ обостряться вслѣдствіе продолжительной отсрочки со стороны Россіи въ посылкѣ русскихъ членовъ назначенной смѣшанной коммиссіи и въ опредѣленіи мѣста, для встрѣчи ихъ съ китайскими делегатами, которые уже нѣсколько мѣсяцевъ ждутъ ихъ прибытія. Въ настоящее время, когда заключенъ миръ съ Франціей, и такимъ образомъ развязаны руки китайскому правительству, оно энергически потребовало скорѣйшаго разрѣшенія этого вопроса.

Смѣсь.

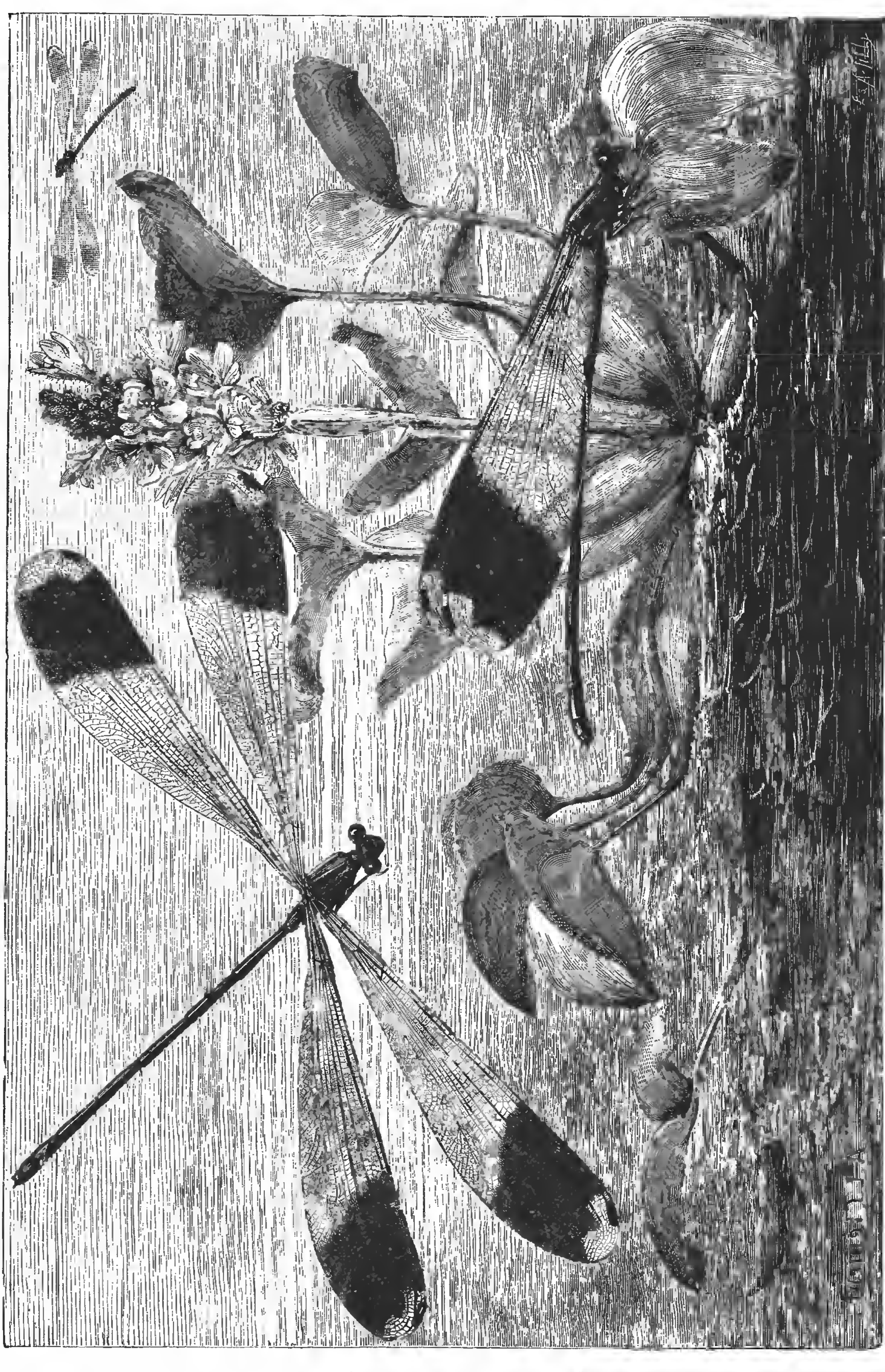
Леченіе электричествомъ отъ перемежающейся лихорадки. Трудность излеченія лихорадки, противъ которой иногда безсильны хининъ и мышьякъ, заставила искать новыхъ цѣлебныхъ средствъ. Припухлость селезенки—отличительное явленіе при перемежающейся лихорадкѣ—навела лекарокъ на мысль растирать спину у селезенки, и по временамъ результаты были поразительны. Тотъ же симптомъ подалъ двумъ военнымъ врачамъ мысль дѣйствовать на селезенку электричествомъ. Опыты производились въ военномъ госпиталѣ и токъ устанавливался такой, что его легко выносили по четверти часа. Въ результатѣ было сорокъ процентовъ выздоравливающихъ. При дальнѣйшихъ опытахъ не дѣйствовали электричествомъ на селезенку, но давали больнымъ проводники въ руки. И въ этомъ случаѣ результаты были одинаково хороши. Изъ двадцати больныхъ, у которыхъ пароксизмы длились по дню, по три и четыре дня, семь человѣкъ выздоровѣли исключительно отъ электричества. При первомъ способѣ леченія припухшая селезенка значительно уменьшалась, даже въ тѣхъ случаяхъ если выздоровленіе и не наступало; второй же способъ не оказывалъ дѣйствія на этотъ органъ.

Остановка жизненныхъ отправленій или мнимая смерть. Извѣстно, что въ зернахъ растеній жизнь можетъ долго находиться въ скрытомъ состояніи. Въ 1853 г. Рудольфи привезъ во Флоренцію колосъ, взятый изъ гробницы муміи, которому такимъ образомъ было около 3000 лѣтъ, но который не потерялъ способности пустить ростки. Воздухъ, которымъ мы теперь дышемъ, наполненъ безчисленными зародышами, ждущими иногда цѣлыя столѣтія необходимыхъ условій для проявленія жизни. Въ 1707 г. Спаланцони одиннадцать разъ прерывалъ жизнь коловратокъ, высушивая ихъ, и столько же разъ возвращалъ ихъ къ жизни, смачивая органическую пыль водою. Поднимаясь на высшую ступень органической жизни, мы находимъ однородныя явленія, но вызванныя другими причинами. Мухи, попавшія въ Мадерѣ въ винныя бочки, снова оживали въ Европѣ; хризалиды оставались цѣлые годы въ состояніи оцѣпенѣнія. Утонувшіе майскіе жуки, находившіеся въ водѣ день, два и даже пять, оживали на солнцѣ (Бальбіани). Лягушки и саламандры, отравленныя кураре или никотиномъ, возвращались къ жизни, послѣ мнимой смерти продолжавшейся 4—5 дней (Ванъ-Гессельтъ и Вульпіанъ). При подобныхъ опытахъ рѣзкія перемѣны температуры вызывали замѣчательныя явленія. Такъ напр. Спаланцони сохранялъ по два года лягушекъ въ снѣгу; онѣ дѣлались сухими, жесткими, почти ломкими и въ нихъ не замѣчалось ни малѣйшаго движенія, ни чувствительности. Послѣ того ихъ подвергали дѣйствію умѣренной, все возраставшей теплоты—и летаргія уступала мѣсто жизни. Извѣстны также случаи когда у людей прекращалась жизнь или тотъ рядъ явленій, который нераздѣленъ съ жизнью. Такъ д-ръ Бланде докладывалъ въ октябрѣ 1884 г. Парижской Академіи Наукъ, что одна первая женщина впала въ родъ летаргическаго сна, продолжавшагося нѣсколько недѣль; въ другой разъ подобное состояніе продолжалось почти 8 мѣсяцевъ. Д-ръ Левассеръ говоритъ, что одна его паціентка пролежала двѣ недѣли безъ явныхъ признаковъ дыханія. Въ заключеніе приведемъ еще два случая. Когда въ 1812 г. началось обратное выступленіе французовъ на родину, командиръ Ташеръ пожелалъ взять съ собою трупъ своего генерала, похороненнаго нѣсколько дней. Когда отрыли могилу и вскрыли гробъ съ цѣлью переложить трупъ въ соотвѣтствующій для путешествія ящикъ, оказалось, что генералъ дышалъ; онъ былъ возвращенъ къ жизни. Много лѣтъ спустя тотъ же генералъ, Маршалъ д'Орнано, провожалъ прахъ своего адъютанта. Въ 1826 г. молодой адъютантъ ожилъ во время отпѣванія его трупа. Спустя сорокъ лѣтъ, тотъ же адъютантъ, тогда уже генералъ, произнесъ сильную рѣчь объ опасности скораго погребенія.

Польза подсолнечника. Неграціозный, желтый цвѣтокъ подсолнечника—Helianthus annulus—одно изъ полезнѣйшихъ растеній для промышленныхъ цѣлей. Въ Англіи это признано ужь лѣтъ 15 тому назадъ. Во первыхъ, пчелы собираютъ много меду съ безчисленныхъ лепестковъ этого цвѣтка; изъ его зеренъ получается

большое количество масла, которое, кромѣ пищи, употребляется еще художниками для синей и зеленой краски; кромѣ того, мыло изъ масла подсолнечника—превосходное средство для кожи, дѣлающее ее мягкой и нѣжной. Фазаны, откормленные зернами подсолнечника, покрываются болѣе густыми и яркими перьями; полученная изъ зеренъ подсолнечника мука—превосходна для булокъ и пирожнаго и несравненно питательнѣе и удобоваримѣе всякой другой. Длинные стебли его даютъ тончайшія волокна, шелковистыя и блестящія. При большомъ количествѣ подсолнечниковъ, они могутъ составить большую статью дохода, и занимаютъ мало мѣста, такъ какъ ихъ можно выростить на картофельныхъ грядахъ, сажая сѣмена между грядъ.

Сообразительность серны. Когда у серны есть дѣтенышъ который не въ состояніи убѣжать отъ опасности, мать защищаетъ его съ поразительною храбростію и умомъ, что тѣмъ болѣе удивительно, что въ другое время серны не обладаютъ этими качествами. Если вблизи козочки внезапно появится лисица, то мать бросается на хищника и наноситъ ему передними ногами такіе чувствительные удары, что обращаетъ его въ бѣгство. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда лисица не замѣтила козочки, мать слегка ударяетъ малютку, которая тихонько ложится въ траву. Тогда серна начинаетъ разыгрывать предъ лисицой комедію; она представляется хромой и съ трудомъ идетъ впередъ. Этимъ она обманываетъ лисицу, хорошо зная, что та станетъ преслѣдовать добычу, которую не трудно будетъ захватить. Когда же серна отойдетъ довольно далеко отъ козочки, она быстро скрывается отъ обманутаго преслѣдователя и, сдѣлавъ боль-

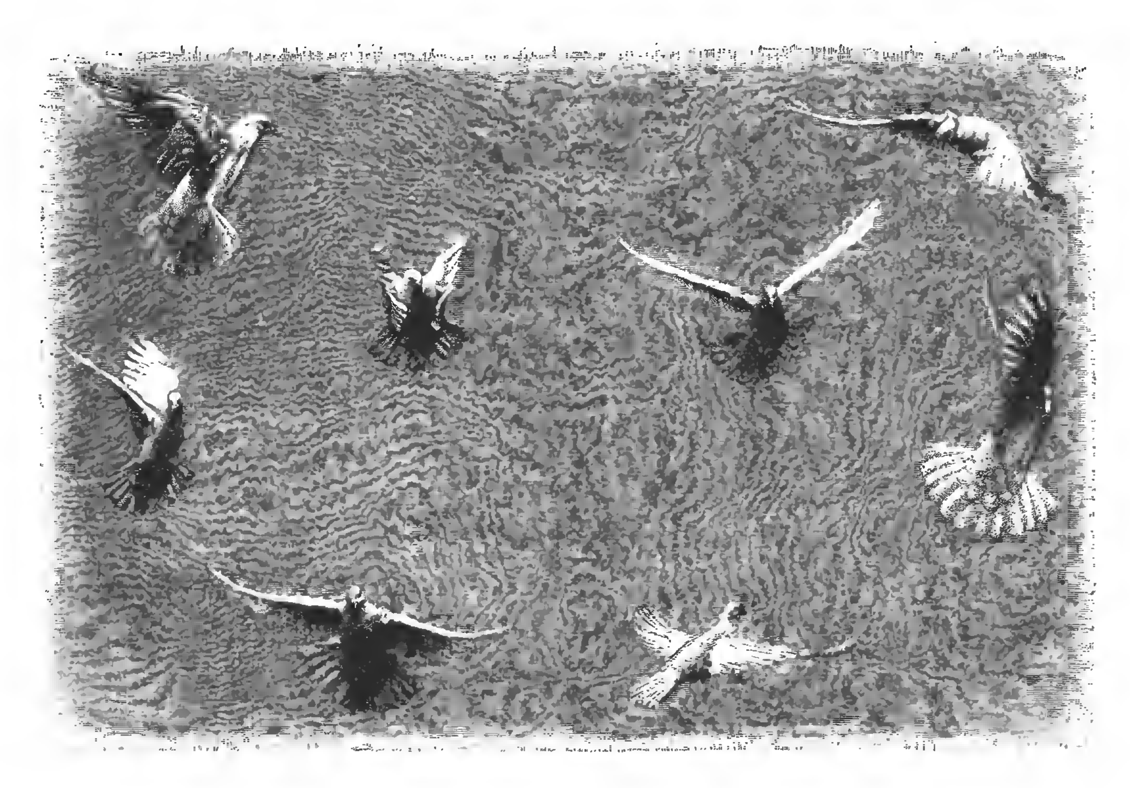


Водяная стрекоза. Рис. А. Клеманъ, грав. А. Тилли.

шой кругъ, торопится къ козочкѣ, которую находитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ оставила. Теперь она начинаетъ заботливо осматривать маленькое существо и успокоивается только тогда, когда находитъ его невредимымъ. Точно также поступаютъ дикія утки, куропатки и другія птицы, гнѣздящіяся на землѣ. Когда птенцы ихъ находятся въ опасности, онѣ, точно подстрѣленныя, низко летаютъ надъ землею или водою, желая отвлечь вниманіе отъ гнѣзда, отдаваясь, повидимому, сами непріятелю. Въ минуту сильной опасности онѣ даже бросаются на врага не щадя своей жизни.

Для курящихъ. Одно изъ главныхъ и вреднодѣйствующихъ началъ въ табакѣ есть никотинъ. Относительное содержаніе послѣдняго обусловливаетъ сортъ табака (высшіе сорта содержатъ его меньше нежели низшіе). Никотинъ представляетъ ядъ по преимуществу дѣйствующій на нервную систему: на головной, спинной мозгъ и на развѣтвленія нервовъ въ разныхъ органахъ и тканяхъ. Сначала онъ вызываетъ возбужденіе, а затѣмъ угнетеніе нервной системы, и часто кромѣ одышки вызываетъ болѣзни, какъ дыхательныхъ, такъ и пищеварительныхъ органовъ. Пригорѣлыя вещества, образующіяся при куреніи, поступая въ организмъ, бываютъ также нерѣдко причиной различныхъ болѣзней. Чтобы обезвредить куреніе, которое представляетъ уже чуть ли не насущную потребность большинства людей, были предпринимаемы различные способы, какъ то: длинные чубуки наргиле, гдѣ дымъ проходитъ черезъ воду и чубукъ. Но самымъ раціональнымъ способомъ обезвреживанія куренія табаку, является, находящаяся недавно въ продажѣ вата, такъ называемая — „гавана“. Свойство никотина быть поглощаемымъ нѣкоторыми веществами навело изобрѣтателя, г. Розенблата, на мысль пропитать этими послѣдними вату, такъ что заключающійся въ дымѣ никотинъ, проходя черезъ эту вату, вступаетъ въ химическое соединеніе съ веществами, содержащимися въ ней, которыя такимъ образомъ остаются на ватѣ. Вата „гавана“ имѣетъ еще одно несомнѣнное достоинство: табачный дымъ въ значительной степени теряетъ свою горечь, такъ непріятно дѣйствующую на горло.

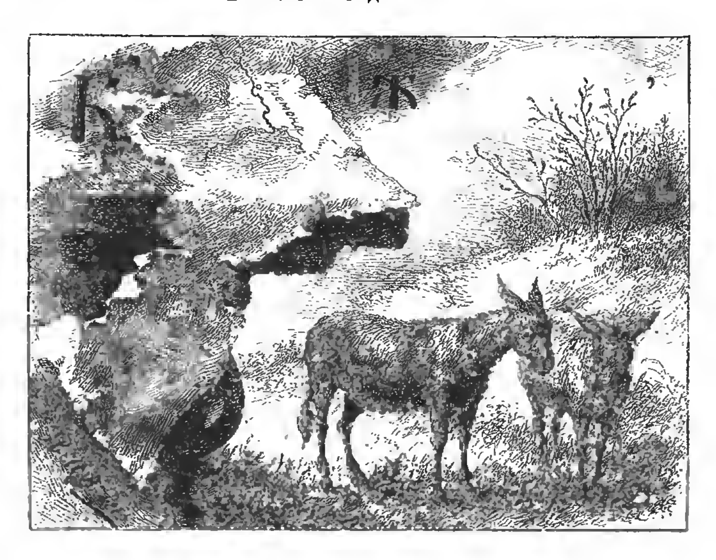
Температура солнца. Извѣстный своими изслѣдованіями о температурѣ солнца профессоръ Эриксонъ сдѣлалъ недавно цѣлый рядъ новыхъ изысканій по этому предмету, причемъ онъ пользовался такъ называемымъ солнечнымъ пирометромъ. Результатомъ его работъ было опредѣленіе температуры солнца въ 1,700,404 градуса по Цельсію.



Голуби во время полета. Моментальная фотографія съ натуры. Грав. Геслингъ.

Средство отъ ранъ. Раны и особенно ссадины хорошо залечиваются валеріановымъ корнемъ. Для этого пятнадцать граммъ корня слѣдуетъ сварить въ полъ-бутылкѣ воды и, охладивъ жидкость, прикладывать къ больному мѣсту полотняные компрессы. Валеріанъ ускоряетъ заживленіе и усмиряетъ боль. Послѣднее приписываютъ валеріановой кислотѣ, которая кромѣ того обладаетъ свойствомъ останавливать гніеніе. Такъ какъ валеріанъ входитъ въ составъ многихъ домашнихъ аптекъ, то средство это не трудно примѣнить въ случаѣ надобности.

РЕБУСЪ. Задача № 19.



Рѣшеніе шахматной задачи № 16.

(Помѣщенной въ № 14 „Нивы“).

Бѣлые.	Черные.
1) E 3—D 5	1) E 6—D 5
2) E 5 C 6+	2) D 7—C 6
3) C 3- E 5	3) Куда угодно.
4) E 5- C 7+	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПБ.**—Мурзалимова, **Брестъ**-Липшицъ, **Кіевъ**—Кри-кри, **Житоміръ**—Вайнлудъ, **Тифлисъ**—Гребенъ, **Харьковъ**—Янчукова.

Рѣшеніе ребуса № 15 (помѣщен. въ № 14 „Нивы“).

„Корень ученья горекъ, но плоды его вельми сладки“.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ Г. г.: **СПБ.**—Маныламъ, Косманъ, Шостаченко, Трофимова, Алферовой, Никитина, Клостерманъ, Эйландтъ, Чернова, Гольцанфель, Западова Конради, Голицинской, Жукова, Пермиловскаго. **Москва**—Фишеръ, Еремина, Всеволожской, Яковлева, Бояринова, Нежданова, Розанова, Нохитонова, Васильева, **Бабико**—Лавровой, **Баку**—Егорова, **Бахмачъ**—Дремлюги, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣжецкъ**—Вейцъ, **Бѣлевъ** Рождественской, **Варшава**—Наумова, **Владиміръ**—Долгова, **Гельсингфорсъ**—А. М. В., **Елецъ**—Козлова, **Калуга**—Гончарова, **Кишиневъ**—Долинской, Яржембскаго, **Кіевъ**—Воль, Бѣляева, Чернецкаго, Приднѣпровскаго, Костецкаго, Шилохвастова, Круглова, **Козловъ**—Тарабарина, **Кострома**—Готовцева, **Курскъ**—Рудневой, Рыжкова, Безсаренко, **Лабинская**—Демьяновичъ, **Лебедянь**—Чурилина. **Лебединъ**—Кондратченко, **Липецкъ**—Чихачева, **Лугъ**—Брызгалова, **Мелынь**—Алексѣева, **Мелитополь**—Деревянка, **Н. Новгородъ**—Уварова, Соловьева, Тичинова, В. Дун—ъ, **Николаевъ**—Языкова, **Новгородъ**—Букацинскаго, **Пенза**—Докучаева, **Рогачево**—Позняковой, **Ростовъ**—Юровой, **Самара**—Никитина, **Симферополь**—Брунсъ, **Слуцкъ**—Низяева, **Сумы**—Пискунова, **Тамбовъ**—Левищева, **Тверь**—Коняева, **Тулб**—Пущина, **Харьковъ**—Свитальскаго, **Царское село**—Казанскаго, **Дрезденъ**—Эми Блокъ.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Романъ-хроника XVIII вѣка.
ВС. С. СОЛОВЬЕВА.
Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ
свѣжаго розлива получены въ Старо-Никольской аптекѣ и въ магазинѣ аптекарскихъ матеріаловъ **Феррейна**, въ Москвѣ, на Никольской ул. Высылка во всѣ города Россіи. П. № 1053 3—3

ЭЛЕОПАТЪ

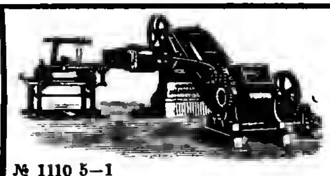
пров. **КИНУНЕНА.** Превосходное средство противъ перхоти, почему и прекращаетъ дѣйствительно выпаденіе волосъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. **КИНУНЕНА** къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ, какъ здѣсь, такъ и за границей. Способъ употребленія приложенъ къ каждому флакону. Иногородные покупатели выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ** только пров. **КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ себя аптекъ, но не менѣе двухъ флаконовъ. Почтовый расходъ и упаковка на счетъ покупателей.

Въ провинціи **ЭЛЕОПАТЪ** къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ. № 1107
Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.**

КНИГОПРОДАВЧЕСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
ГЕРМАНА ГОППЕ
(С.-Петербургъ, Большая Садовая ул., д. Коровина, № 16),
вслѣдствіе смерти основателя ея, издателя журналовъ: „Всемірная Иллюстрація“, „Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ“ и „Новый Русскій Базаръ“, считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія публики, что она
ПРОДОЛЖАЕТЪ СВОИ ДѢЙСТВІЯ ПО ПРЕЖНЕМУ.
Подписка на всѣ вышеупомянутые журналы продолжается и гг. подписавшіеся получатъ всѣ вышедшіе нумера, начиная съ № 1-го. № 1106



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ
Людвигъ Ѳеодоровичъ ШЛИКЭЙЗЕНЪ,
инженеръ. Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для печей: устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно
№ 1110 5—1

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,
развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ
ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.
П. № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—11

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
У КНИГОПРОДАВЦА ЗЕМСКАГО
въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Сѵнода, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ:

1) ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
россійскихъ законовъ уголовныхъ и гражданскихъ, всѣхъ 15-ти томовъ, съ указаніемъ о томъ, въ какомъ томѣ и въ какомъ отдѣлѣ, въ случаѣ надобности, всякому свое дѣло слѣдуетъ искать.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ
по судебнымъ уставамъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО.

ГРАЖДАНСКІЙ И УГОЛОВНЫЙ СУДЕБНИКЪ

необходимъ всякому, съ указаніемъ способовъ о томъ, какъ защищать самому себя, а также и начинать иски и преслѣдованіе безъ помощи адвоката или повѣреннаго въ уголовномъ и гражданскомъ СУДѢ. 3-е изданіе, съ новѣйшими дополненіями. Составленъ частнымъ повѣреннымъ Жемчужниковымъ, подъ редакціею юристовъ **Лунина и Сергѣева.**

Эта книга рекомендуется какъ руководительница и наставница къ самозащитѣ, необходимая всѣмъ лицамъ, судящимся и тяжущимся, съ указаніемъ въ законахъ статей и способовъ къ началу всякаго рода гражданскихъ исковыхъ дѣлъ и уголовныхъ преслѣдованій, а также къ опроверженію и отмѣненію приговоровъ и судебныхъ постановленій въ мировыхъ судахъ, ихъ съѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ. Съ указаніемъ статей въ законахъ, на которыхъ основаны поводы, какъ и въ какихъ случаяхъ должно подавать въ кассаціонный департаментъ Правительствующаго Сената кассаціонныя жалобы, просьбы и прошенія объ отмѣнѣ судебныхъ приговоровъ всѣхъ судебныхъ вѣдомствъ и судебныхъ постановленій въ мировыхъ судахъ, ихъ съѣздахъ, въ окружныхъ судахъ, судебныхъ палатахъ и судебныхъ постановленій коммерческихъ судовъ. Книга въ особенности необходима всему купеческому, мѣщанскому, ремесленному, крестьянскому, торговому міру и помѣщичьему сословію, земскимъ управамъ, уѣзднымъ и губернскимъ присутствіямъ, городскимъ думамъ, ратушамъ, волостнымъ правленіямъ, а также лицамъ судебнаго и полицейскаго вѣдомствъ, исправникамъ, становымъ приставамъ и урядникамъ. Книга имѣетъ въ себѣ особый приложенный отдѣлъ „Волостной и Сельскій Судъ“, который служитъ руководствомъ волостнымъ судьямъ и старшинамъ, а также деревенскимъ и сельскимъ старостамъ. Эта книга—необходимый, какъ полный, СУДЕБНИКЪ для всѣхъ, съ полнымъ указаніемъ, какъ всякія уголовныя судебныя дѣла, также всякаго рода тяжебныя гражданскія безъ помощи адвоката или повѣреннаго вести ихъ на всѣхъ судахъ.

КНИГА НЕОБХОДИМА ДЛЯ САМОЗАЩИТЫ всѣмъ сословіямъ, не исключая иностранцевъ, живущихъ въ Россіи подъ покровительствомъ русскихъ законовъ.

Также съ полнымъ указателемъ къ совершенію всякаго рода договоровъ, актовъ, формъ, законовъ гражданскихъ и уголовныхъ.

Руководитель и указатель для судящихся, необходимый всякому въ случаяхъ возникновенія какихъ либо судебныхъ и тяжебныхъ дѣлъ, по дѣламъ которыхъ по необходимости приходится судиться или тягаться, чтобы избѣжать тяжкихъ расходовъ, въ таковыхъ случаяхъ, по руководству и по указанію оной книги, можно вполнѣ обойтись безъ помощи адвоката или повѣреннаго.— Въ этой книгѣ имѣются всѣ необходимыя указанія и формы, какъ начинать дѣло, куда, въ какое судебное мѣсто слѣдуетъ подавать и какъ должно писать прошенія, апелляціи, кассаціи, отзывы и заявленія суду, съ указаніемъ сроковъ, относительно тѣхъ случаевъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ остается недовольна рѣшеніемъ суда, и чтобы не потерять права на продолженіе тяжбы или иска и переноса дѣла въ другой судъ, указаны сроки, какое полагается время по закону для подачи апелляціи, отзыва, кассаціи или жалобы на неправильное дѣйствіе суда, если такое имѣется въ виду, съ поясненіемъ, куда, въ какое судебное мѣсто или отдѣленіе и на какой бумагѣ, гербовой или простой, слѣдуетъ подавать.

Этотъ Судебникъ необходимъ всегда и каждому, въ особенности помѣщикамъ, арендаторамъ, купцамъ, мѣщанамъ и ремесленникамъ. Лицамъ этого многочисленнаго, общирнаго міра, по своимъ многосложнымъ дѣламъ, приходится постоянно сталкиваться со всевозможными различнаго рода спорными вопросами, откуда и вытекаютъ, хотя бы противъ воли, всякаго вида непредвидѣнныя претензіи и споры, а потомъ уже неизбѣжны враждебныя тяжбы и судбища. Лица купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго сословій, которыя въ большинствѣ случаевъ не знаютъ даже простыхъ формъ законовъ, въ таковыхъ обстоятельствахъ необходимо уже прибѣгаютъ за помощью къ адвокатамъ, повѣреннымъ и чаще всего, къ сожалѣнію нашему, къ частнымъ ходатаямъ, такъ-называемымъ „аблакатамъ“, не имѣющимъ надлежащихъ законныхъ дипломовъ, причемъ тяжущемуся лицу приходится платить не мало рублей за написаніе какого-либо незначущаго прошенія, заявленія, незначительную справку, подачи жалобы, или даже только за одно указаніе, въ каковой формѣ слѣдуетъ начать дѣло и куда подавать. Нами уже сказано, что въ этомъ Судебникѣ имѣются всѣ формы и указанія, по каждому дѣлу и какъ по немъ можно руководствоваться безъ помощи адвоката или повѣреннаго, а потому, всякій, имѣющій эту книгу, которая будетъ служить каждому тяжущемуся какъ бы руководителемъ въ судебныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и охранительницей отъ тяжкихъ затратъ, которыя бываютъ ничѣмъ неустранимы и весьма крупны въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится отдать свое дѣло адвокату-повѣренному; здѣсь же указана такса платы—сколько по закону повѣренный или адвокатъ не имѣетъ права больше брать за веденіе дѣла съ лица, ввѣрившаго ему свое тяжебное дѣло: въ книгѣ указаны и пошлины казенныя сколько слѣдуетъ платить за перенось дѣла въ другой судъ или кассацію.—Эта новая книга еще только что поступила въ продажу, а уже громадное количество ея распродано. Къ ней приложенъ новый законъ объ отмѣнѣ личнаго задержанія за долги. Съ приложеніемъ отдѣла для руководства чинамъ полиціи, полиціймейстерамъ, исправникамъ, становымъ приставамъ и урядникамъ. Составленъ частнымъ повѣреннымъ Жемчужниковымъ, подъ редакціею юристовъ Лунина и Сергѣева. М. 1885. Ц. 3 р. 75 к. Съ пересылкой во всѣ города. Въ французскомъ корешкѣ, съ золот. тисн. 4 руб.

2) КНИГА СЕКРЕТНЫХЪ АППАРАТОВЪ, ЛОВУШЕКЪ, ЗАПАДНЕЙ И КАПКАНОВЪ, КЪ СОХРАНЕНІЮ ИМУЩЕСТВЪ И ДЕНЕЖНЫХЪ КАПИТАЛОВЪ ОТЪ ВОРОВЪ И ГРАБИТЕЛЕЙ.

ДОМОВЫЕ И ДАЧНЫЕ, НОВОИЗОБРѢТЕННЫЕ САМОДѢЙСТВУЮЩІЕ СЕКРЕТНЫЕ АППАРАТЫ ДЛЯ ПОИМКИ ВОРОВЪ.

Книга къ устройству **тайныхъ механическихъ** проводниковъ и постановкѣ ихъ въ домахъ, квартирахъ, на дачахъ, въ кладовыхъ, казнохранилищахъ, торгово-коммерческихъ конторахъ и банкирскихъ домахъ, а также новоизобрѣтенныхъ **волшебныхъ аппаратовъ**, какъ-то: **западней, ловушекъ и капкановъ** для поимки **воровъ-форточниковъ, громилъ и грабителей** во время вторженія ихъ въ **дома, кладовыя, денежные сундуки** и кассы. Съ интересными рисунками механизмовъ; цѣна съ пересылкой 2 руб., безъ пересылки 1 р. 50 к. № 1109

М. ЯКРИНА.

Новѣйшій путеводитель для отправляющихся

на минеральныя воды

въ Россіи и заграницей съ маршрутами и цѣнами за проѣздъ. Изданье 3-ье—сезонъ 1885 г.

ЦѢНА 50 КОП.

ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Б. Московская, д. 3. Контора редакціи „Указатель Фрумъ“. Mt. № 1114 1—1

4711

СОСНОВЫЕ ДУХИ.

врачами признаны превосходными; особенно рекомендуются для очищенія комнатнаго воздуха. Можно имѣть во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. 3756. 17—8

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блоккъ** Невскій 51. № 1117 4—1

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТИВУХОЛЕРНЫЕ ПОЯСА

сдѣланные по идеѣ извѣстнаго французскаго ученаго, **Д-ра Бюрка**, продаются съ разрѣшенія **Медицинскаго Совѣта**. Продажа оптовая и розничная: С.-Петербургъ, **Александръ Венцель**, Казанская, № 3; Аптека **Трофимова**, Загородный просп.; въ розницу—Рузановъ, Гостиный дворъ, № 40. Цѣна 3—5 руб. № 111

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Давно извѣстныя теплыя алкалическія соляныя воды отъ 44—69° Ц.

Источникъ съ значительнымъ содержаніемъ хлористаго литія.

Новая Великокняжеская купальня „ФРИДРИХСБАДЪ“

открыта круглый годъ.

Образцовое заведеніе единственное въ своемъ родѣ, отличающееся совершенствомъ и изяществомъ. Минеральныя и медицинскія ванны всякаго рода. Заведеніе для врачебной механической гимнастики. Частныя лечебницы съ теплыми ваннами. Галлерея для минеральныхъ водъ всѣхъ извѣстныхъ источниковъ, пневматическое заведеніе съ 2 камерами для 4 лицъ. Леченіе молокомъ и сывороткою. Разсылка водъ главнаго источника съ богатѣйшимъ содержаніемъ литія черезъ Правленіе водъ.

Кургаузъ съ великолѣпными залами для концертовъ, баловъ, чтенія, ресторана и собраній открытъ круглый годъ.—Превосходный оркестръ.—Многочисленныя удовольствія всякаго рода.—Охота и рыбная ловля.—Большія скачки.—Высшія учебныя и воспитательныя заведенія.—Пансіонъ для дѣвицъ.—Очаровательныя прогулки и поѣздки.—Превосходный климатъ. Великолѣпная мѣстность. Средняя температура: 7, 4° R К. № 1016 3—3

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—6

2 золотыя медали:

Брюссель 1880 Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ ПЬЕРРЪ БУРСО

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегень**, въ Бордо, **ул.** Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химич. **Лабор.** Гостин. дворъ № 45, **у Штоль и Шмидта**; въ магаз A la Renomée: у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ.

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба, **лиственницы** и сосны для **ж. д.** и **пароходовъ.**

Письменно обращаться на Коптарскіе паровые, лѣсопильныя и столярно-паркетный заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: **„Коптарскіе заводы“.**

Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной. 1012 26—9

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ

ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! **Ручательство**—5 лѣтъ, что **не** почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ,** Больш. Морская, д. 17, кв. 6, паради. лѣстница № 1020 **въ С.-Петербургѣ.** 10

МУЖСКІЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3, 3½ и 4½ руб.

Двойныя въ 4½ 5½, 7 и 8 руб.

ДАМСКІЯ СЪ КИСТЬЮ въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб.

КАРАНДАШИ въ 1, 1¼, 1½ и 2 руб.

Ключики по 75 коп.

Пересылка 50 коп.

Торговцамъ скидка.

Съ разрѣшенія Врачебнаго Управленія.

„ОДОБРИНЪ“

уничтожаетъ мозоли и бородавки.

Продается: въ Русскомъ обществѣ торговли аптек. товар., Казанская, № 12, иногороднымъ съ перес. 2 коробки 1 р. 50 к., 4 кор. 2 р. 25 к., 6 кор. 3 р. Гл. депо „Одобрина“ для всей Россіи: Гороховая ул., № 53, кв. 24, М. В. Лебедевъ. № 1105

ПРОШУ ТРЕБОВАТЬ

„ОДОБРИНЪ“

ТОЛЬКО

М. В. ЛЕБЕДЕВЪ.

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи для банкирской конторы **А. ЗИНГЕРЪ и К°**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7—5

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу ⅛% коммиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе **15 рублей** и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногороднихъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода г.г. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—2

Банкирская контора Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ПОЛУ-СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА, № 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:	ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль . . . . . . 1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль . . 1876 г.
3. Серебряная медаль . . . . . . 1860 „	2. Филадел. выстав. медаль . . 1876 „
4. Похвальный отзывъ . . . . . 1864 „	3. Париж. выст. поч. отз. . . . 1878 „
5. Серебряная медаль . . . . . . 1865 „	4. Амстердам. выст. медаль . . 1883 „
6. Серебряная медаль . . . . . . 1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл. 1883 „
7. Медаль . . . . 1870 „	**ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:**
8. Золотая медаль . . . . 1872 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.
9. **Высочайшая благодарность** 1875 „	2. Съ 1872 г. по 1882 г.
10. Золотая медаль . . . . 1882 „	

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено **изъ чистаго русскаго винограднаго вина,** и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. **1 р. 50 к. за бутылку.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Koederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

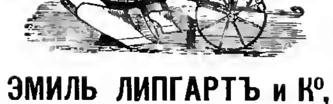
} **ПО 2 Р. ЗА БУТ.**

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и снопоьязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, быв. Бр. Бутеноиъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 3991 13—5

Иллюстрированные каталоги безплатно

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ
ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства № 1034 15—6

Цѣна за флаконъ **35** коп. Съ пересылкой 2 флак. **1** руб., 4 флак. **1** руб. **70** коп., 6 флак. **2** руб. **40** коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

Угли для элементовъ Бунзена, выпиленные изъ ретортнаго угля. **Элементы** Мейдингера и Лекланше. **Изолированная** проволока и **кабели** для освѣщенія, телефоновъ, телеграфовъ, звонковъ. **Телефоны и динамо-машины** разныхъ **системъ**. **Лампы:** Лодыгина, Сименса, Яблочкова, Свана и др. **Звонки и кнопки.**

Электротехническое Бюро А. А. Износковъ и К°. СПб. Мойка, 93. № 1116

Только подлинно съ этою фабрич. маркою.

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***).

Признанъ за **лучшее средство** противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди, начиная **съ простаго катарра до чахотки** и противъ блѣдной немочи. Мы имѣемъ оффиціальное благодарственное письмо отъ № 3840 10—10

Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста для вспомоществованія больнымъ и раненымъ воинамъ въ **С.-Петербургѣ.**

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо.

Имѣется во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ у В. Ауриха, В. Морск. 17.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ

И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ **В. С. СОЛОВЬЕВА**

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Въ 2-хъ частяхъ, съ 20-ю прекрасно выполненными рисунками художника **И. С. Панова** и множествомъ виньетокъ; напечатана на лучшей веленевой бумагѣ. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ главную контору журнала „Нива" **въ С.-Петербургѣ.**

Въ Москвѣ, въ отдѣленіе конторы „Нивы" у **Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи). Книгу эту также можно получить у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ОТЪ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ
МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА
ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

Главный складъ первосборныхъ чаевъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Торлецкаго.

Въ февралѣ и мартѣ сего года напечатано было почти во всѣхъ газетахъ отъ фирмы нашей заявленіе, въ которомъ мы извѣщали нашихъ покупателей, что по случаю **своевременно** сдѣланнаго нами **огромнаго запаса** высшихъ сортовъ первосборнаго чая, оплаченнаго **прежнею дешевою пошлиною**, мы нашли возможнымъ продавать изъ своихъ складовъ чай, по прежней умѣренной цѣнѣ и на прежнихъ условіяхъ, безъ малѣйшей прибавки,—впредь до полученія чаевъ новаго урожая—т. е. до Нижегородской ярмарки 1-го августа 1885 года.

Не смотря на такое категорическое заявленіе наше, къ намъ поступаютъ въ значительномъ множествѣ запросы со стороны иногородныхъ покупателей о томъ, не измѣнили ли мы своего обѣщанія и точно ли продолжаемъ продавать чай той же самой высокой доброты и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ прежде?—Долгомъ считаемъ **вновь подтвердить**, что какъ доброта чаевъ, такъ цѣны и условія продажи изъ нашихъ складовъ **останутся безъ всякаго измѣненія до 1-го августа 1885 года**. Какія же тогда состоятся цѣны чаямъ, мы не замедлимъ оповѣстить гг. покупателей.

Конечно, слѣдуя примѣру большинства чайныхъ торговцевъ, для насъ было бы несравненно прибыльнѣе, по возвышеніи пошлины, повысить на чай цѣны и продать имѣющійся у насъ огромный запасъ чаевъ по дорогой цѣнѣ, но принимая въ соображеніе не одну только свою личную выгоду, а также и интересы нашихъ покупателей, мы нашли болѣе правильнымъ продавать, пока есть возможность, той же самой высокой доброты чай и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ и прежде, безъ всякой надбавки.—Прейсъ-курантъ чаямъ отъ 1-го февраля 1885 года высылается желающимъ по требованію немедленно. П. № 1112 2—1

Единственная на югѣ Россіи спеціальная мастерская прачешныхъ машинъ. усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). Употребленіе ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прошу не представлять чѣмъ либо въ родѣ американокъ. Катки давленіе до 40 пуд. Цѣна и вѣсъ съ упак. 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковые половики 15 р. 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарные станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, высылая задатка 20%. **Харьковъ, Екатер. ул. № 13. Николай Ивашёвъ.** № 1046 10—3

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ **БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА**

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ **рамъ, а также** принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. № 3977

НАИЛУЧШІЙ
усовершенствованный
ВѢТРЯНОЙ ДВИГАТЕЛЬ
„ЭКЛИПСЪ"

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Ж. БЛОКЪ.

СПб. Невскій, № 16. Москва. Кузнецкій мостъ, д. Голицына. Р. № 1115 7—1

Механическіе крючки для рыбной ловли.

1378 ц. 85к · 1375 ц. 50 к. · 1376 ц. 20 к. · 1385 ц. 1 р. 25 к. · 1306 ц. 75 к. · 1379 ц. 60 к.

Разныхъ системъ и величинъ. За пересылку (кромѣ Азіатской Россіи) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп.

Точные размѣры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магазинъ высылаетъ за 1 семикопѣечн. марку.

С.-Петербургъ, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, магазинъ **П. Ф Каратаева.** № 1104

Съ 16 мая сего **1885** года, **въ ТОМСКѢ** будетъ выходить новая еженедѣльная газета:

СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Подписная цѣна съ 16 мая по 1 января 1886 года 5 р. с. съ доставкою и пересылкою.

Иногородные адресуютъ телеграммы, письма и деньги: **въ Томскъ въ редакцію „Сибирскаго Вѣстника".**

Программа будетъ объявлена особо.

Редакторъ-издатель

№ 1108 **В. П. Картамышевъ.**

Полное собраніе сочиненій

Ф. ШОПЕНА.

Изданіе пересмотрѣнное и исправленное профессоромъ **К. Клиндвортомъ.**

6 томовъ въ 8-ю д. л. **3 руб.**
тоже въ 4-ю д. л. **9 руб.**

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

С.-Петерб. у **І. Юргенсона**, Варшава, у **Г. Зенневальда.** П. № 1113 3—1

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ изъ Парижа. Спеціальность для портнихъ и модистокъ. Кружева, вышивки, настоящія, поддѣльныя, шерстяные костюмы, бисерные передники. Розничная и оптовая продажа: 9. И. Вакокъ, Гороховая, д. № 9, кв. 8, № 1111 въ С.-Петербургѣ. 2—1

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

Дозв. ценз. СПБ. 15 мая 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ | годъ XVI

№ 21 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 25 Мая 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

А. Т. Князевъ.

Здѣсь мы сообщаемъ краткія свѣдѣнія о замѣчательномъ человѣкѣ, участвовавшемъ въ предварительныхъ трудахъ по составленію жалованной дворянству Екатериною II грамоты, Анисимѣ Титовичѣ Князевѣ, который, кромѣ того, по свидѣтельству Болотова, сочинилъ „всѣ межевыя узаконенія и инструкціи“; а дѣло межеванія было въ то время „новое и многотрудное и для всего государства весьма полезное“.

Князевъ происходилъ изъ древнихъ дворянъ Костромской губерніи и началъ свою службу въ 1741 году, въ Вотчинной Коллегіи. Князевъ вскорѣ пріобрѣлъ замѣчательныя познанія въ вотчинныхъ и межевыхъ дѣлахъ, которыя и обратили на него вниманіе генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго.

Въ 1766 г. онъ былъ уже оберъ-секретаремъ сената. Въ это время была учреждена знаменитая коммиссія о сочиненіи новаго проекта Новаго Уложенія. А. Т.

А. Т. Князевъ. Рис. В. Князевъ, грав. Ю. Барановскій.

Князевъ имѣлъ счастіе быть участникомъ въ этомъ важнѣйшемъ дѣяніи Екатерины Великой. Дворяне Крапивинскаго уѣзда почтили его избраніемъ въ свои депутаты въ эту достопамятную Коммиссію. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого событія, мы видимъ Князева въ Москвѣ, занимающимъ должность втораго члена главной межевой канцеляріи. Въ это время познакомился съ нимъ извѣстный писатель прошлаго вѣка, Болотовъ, и послѣ, въ запискахъ, отмѣтилъ о немъ, что „когда Князевъ услыхалъ, что Болотовъ былъ тотъ самый, который писалъ экономическія статьи,—бросился его цѣловать, говорилъ ему, что давно знакомъ съ его сочиненіями, что такихъ людей, какъ онъ, мало очень въ Россіи, желалъ, чтобы ихъ было больше, находилъ множайшее удовольствіе бесѣдовать съ нимъ о книгахъ, наукахъ, литературѣ“ и проч. До насъ дошла любопытная переписка Князева съ княземъ Вяземскимъ (1776—1777), которою была

заинтересована Великая Екатерина и изъ которой мы узнаемъ объ участіи Князева въ составленіи Дворянской грамоты. О дальнѣйшемъ существованіи Князева знаемъ только, что въ 1788 году, въ Москвѣ, онъ познакомился съ Державинымъ и что последніе годы своей жизни онъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался. *). Портретъ А. Т. Князева и по-нынѣ сохранился въ присутственномъ залѣ московской межевой канцеляріи.

Сынъ Князева, Сергѣй Анисимовичъ Князевъ, еще при крещеніи бытъ, по повелѣнію Екатерины, зачисленъ въ измайловскій полкъ, въ которомъ и въ л.-гв. конномъ полку впослѣдствіи служилъ, а умеръ, въ отставкѣ, бригадиръ-комендантомъ, оставивъ послѣ себя сына Валеріана Сергѣевича Князева, служившаго въ веймарскомъ гусарскомъ и образцовомъ кавалерійскомъ полкахъ, участвовавшаго въ усмиреніи польскихъ мятежниковъ въ 1831 году и умершаго, въ отставкѣ, штабъ-ротмистромъ въ своемъ имѣніи въ Бѣлевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи.

Правнуковъ Князева Екатерининскихъ временъ — теперь въ живыхъ нѣсколько человѣкъ, которые всѣ служатъ въ министерствахъ, въ гвардіи и во флотѣ; изъ нихъ трое въ придворныхъ званіяхъ. У старшаго изъ нихъ сохранился портретъ ихъ прадѣда, копію съ коего здѣсь помѣщаемъ. Правнуки А. Т. Князева, Д. В. и С. В. Князевы, оставшіяся послѣ ихъ прадѣда бумаги принесли въ даръ Императорскому Обществу Древней Письменности.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

(Продолженіе).

XXII.

Разсвѣло, т. е. тусклое, осыпанное снѣгомъ, утро глянуло въ окна, а въ домѣ послѣ того, какъ, закрывая трубы, постучали вьюшками, опять все стало глухо и пусто.

Аркашину становилось скучно невыносимо. Онъ не зналъ, что ему дѣлать до тѣхъ поръ, какъ проснется домъ и его позовутъ завтракать. Читать было нечего. писать было не на чемъ, выручали папиросы, — и онъ курилъ ихъ безъ милосердія. Въ одиннадцатомъ часу зашелъ Федоръ и тоже удивился, что пріѣзжій баринъ успѣлъ уже умыться и сидитъ, одѣтый, въ табачномъ дыму, точно въ облакѣ.

— Чаю вамъ или кофе? Что прикажете...

— Чаю, если можно... но вѣдь всѣ спятъ, кто-же мнѣ сдѣлаетъ чай?

Федоръ движеніемъ руки показалъ ему, что не слѣдуетъ объ этомъ безпокоиться, что все это въ его волѣ и отъ него зависитъ.

— Тетушка моя вставала также поздно, когда гостила у васъ?. А?

— А ужъ не знаю, какъ вамъ сказать? глубокомысленно замѣтилъ Федоръ, какъ-бы намекая, что онъ при ней не состоялъ, и добавилъ: да вѣдь какъ-же иначе-съ? гости пріѣзжаютъ поздно... Ну-съ... надо опять чаю напиться или пуншику... ну-съ, а потомъ карты до утра, а иногда, какъ хороша погода, да барынь много понаѣдетъ—на тройкахъ кататься... когда же и спать-то?—сами посудите!

— А гости часто сюда наѣзжаютъ?

— А какъ случится; уѣздъ не за горами, изъ Новгорода, изъ Петербурга тоже наѣзжаютъ.

— И ночуютъ здѣсь?

— А то гдѣ-же? Наверху у насъ для гостей двѣ комнаты, да флигеля.

— Чай, не дешева такая жизнь?

Федоръ хотѣлъ что-то на это сказать, но промолчалъ.

— Я думалъ, что послѣ эмансипаціи, помѣщики стали экономнѣе.

— Послѣ какой манципаціи?! Ахъ, это вы на счетъ того, какъ крѣпостныхъ-то отняли... такъ вѣдь кто какъ: иной прожился, въ кулакъ себѣ свиститъ, а иной... не всѣмъ-же вдругъ прожиться, да на полку зубы класть?

— Ну, а затья—люди они тоже богатые!

— Кто-съ? зятья-то? Федоръ прищурился и поглядѣлъ на Аркашина, какъ бы соображая, на сколько онъ достоинъ его лакейскаго довѣрія.

Аркашинъ не сталъ больше разспрашивать почтеннаго старика, только повторилъ просьбу свою—подать ему чаю.

— Сію минуту-съ... Старый баринъ давно уже откушали.

— Ахъ да! постой! можно ли будетъ мнѣ войти къ нему въ кабинетъ и передать письмо Прасковьи Степановны?

— Не знаю-съ. Къ нему въ кабинетъ никто входить не можетъ безъ доклада, только барышня Олимпіада Захаровна. Ну, да и нельзя же иначе... все у ней на рукахъ: и ключи, и расходы.. Ею все хозяйство держится.

— Какъ же это она успѣваетъ?

— Ну, да ужъ такая уродилась, сударь; даромъ что барышня—нашего брата, мужчину, заткнетъ за поясъ.

— Какъ, въ какомъ это смыслѣ, заткнетъ за поясъ!

— А вотъ вздумала вечёръ, переодѣлась въ кучера, возжи въ руки и—маршъ! Покатила на станцію, привезла васъ—и какъ ни въ чемъ не бывало.

— Какъ!?

— А вы и не знали?!

— Не зналъ! Да быть этого не можетъ!

Аркашинъ даже поблѣднѣлъ отъ такой новости.

— Да какъ же этого не можетъ быть, когда это такъ? У нихъ и костюмъ есть такой кучерской: и шапка, и рукавицы, и кушачекъ, и все... Помилуйте! какъ же не можетъ быть! Только, добавилъ онъ, тревожно оглянувшись на дверь и подмигивая Аркашину,— если онѣ вамъ, сударь, сами этого не говорили—то и не сказывайте!

— Не сказывать?

— И не сказывайте! Еще чего добраго... нѣтъ! ужь вы лучше помолчите. Да что ей это?! это—пустяки! Она у насъ въ позапрошлое лѣто двухъ бѣглыхъ бродягъ словила и отправила къ становому. У насъ въ лѣсу стараго лѣсничаго изба—заброшенная; такъ они тамъ было вздумали ночевать. Барышня узнала, да ночью и нагрянула.

Аркашинъ просто остолбенѣлъ: ничего подобнаго ему даже не снилось.

— Какъ же они ея не убили?

— Да вотъ, пойдите же—не убили! такъ струсили, что хотѣли въ окно повыскакать,—ну, тутъ то и словили ихъ.

— И она сама вошла въ избу?

— Сама... и одна, какъ есть одна, съ фонарикомъ.

— И безъ всякаго оружія?

— Можетъ и было какое нибудь оружіе—пистолетикъ или кинжальчикъ—это я ужъ не могу вамъ сказать... Такъ что же ей стоитъ на станцію съѣздить? это намъ ни почемъ!

— Да вѣдь холодно чай—и руки можно отморозить. Вонъ, я слышалъ, въ Саратовской губерніи молодые люди поѣхали дамъ катать, руки себѣ отморозили.

— Ничего-съ... онѣ и спятъ, такъ форточку велятъ на ночь отворять. Коли ужъ очень морозно, такъ встанутъ, да сами ее и закроютъ.

— То-то вы и у меня на ночь отворили форточку... Гм!..

— Ахъ-да! вамъ чаю.. Извините, сударь!..

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ рѣчи, произнесенной Н. П. Барсуковымъ въ засѣданіи Императорскаго Общества Древней Письменности, 19 апрѣля.

И Федоръ, какъ бы спохватившись, приподнялъ плечи, повернулся и вышелъ.

Аркашинъ остался погруженный въ задумчивость. Въ иномъ свѣтѣ предстала умственнымъ очамъ его эта Олимпіада, эта поразительная, духъ захватывающая красавица. Что то робкое и смущенное прокралось ему въ душу, быть можетъ, тайное сознаніе своей собственной немощи передъ такой сильной и безстрашной дѣвушкой.

Вдругъ онъ вскочилъ и засмѣялся. - такъ, какъ давно не смѣялся.

— И я.. я ей далъ рубль на водку!..

XXIII.

Въ этотъ день Захаръ Олимпьевичъ такъ и не вышелъ ни къ завтраку, ни къ обѣду, такъ что самое письмо къ нему Аркашинъ передалъ Олимпіадѣ Захаровнѣ.

— Вы его извините, сказала ему Олимпіада, машинально прочитывая адресъ. Иногда онъ въ такомъ мрачномъ настроеніи духа, что не выноситъ общества, особенно шумнаго. Много въ жизни его было тяжелыхъ потерь и удручающаго горя; случается, онъ и выпьетъ что нибудь лишнее у себя въ комнатѣ, особливо, когда боленъ и его томитъ безсонница... Надо вамъ сказать, что новые порядки, новые люди... освобожденіе крестьянъ и, наконецъ, внезапная смерть моей матери... цѣлый рядъ потрясеній не могъ не надломить его, и онъ не только не хочетъ читать газетъ,- не хочетъ знать, что дѣлается у насъ въ домѣ: на все махнулъ рукой, и такъ во всѣхъ извѣрился, что пока довѣряетъ мнѣ одной... конечно мой долгъ—оберегать его...

— У кого такой сторожъ, тому, конечно, бояться нечего, улыбаясь проговорилъ Аркашинъ. Въ эту минуту онъ стоялъ въ залѣ, у этажерки для нотъ, заложа руку за-пазуху и радуясь, что говоръ гостей, наполняющихъ комнаты, позволяетъ имъ говорить искреннѣе, чѣмъ это было бы возможно, еслибы у всѣхъ были ушки на макушкѣ.

— Признайтесь, сказала Олимпіада, отходя отъ рояля, за который усаживалась Кити, гувернантка Ольги Захаровны, вглядываясь въ раскрытыя ноты своими сонливыми, черными глазками,—признайтесь, что говорила вамъ обо мнѣ ваша тетушка?

— Зачѣмъ же вамъ знать, что она объ васъ говорила?

— Скажите!

— Она говорила мнѣ, что вы красавица.

Олимпіада улыбнулась такъ, что глаза ея заискрились. а бѣлые зубы сверкнули изъ подъ верхней губы.

— И вы разочаровались, нарочно ѣхали, чтобы поглядѣть на красавицу, и—разочаровались!!

— Къ сожалѣнію,—нѣтъ..

— Почему же: къ сожалѣнію!? какъ бы про себя проговорила Олимпіада, и точно тѣнь прошла по ней—ни слѣда улыбки уже не осталось на лицѣ ея—она задумалась.

— Знаете ли вы, что я ждала васъ?

— Ждали?. меня!...

— Да, я ждала васъ. Глядя на вашу фотографію (она и до сихъ поръ у меня), мнѣ хотѣлось знать, дѣйствительно ли вы такой, какимъ вы мнѣ представлялись заочно, и такой ли у васъ милый характеръ, какимъ изображенъ онъ на вашей фотографической карточкѣ?

— Развѣ можно судить по карточкѣ о характерѣ.

— Я могу... я вѣдь колдунья въ нѣкоторомъ смыслѣ слова. Смотрю на васъ и читаю все, что у васъ на душѣ... Знаю, что вы не совсѣмъ рады, что пріѣхали... не нравится вамъ у насъ...

— Помилуйте!

Но тутъ раздались аккорды и просыпалась трель. Надо было замолчать и слушать. Да они и рады были замолчать, такъ какъ обоимъ имъ казалось, что разговоръ ихъ принимаетъ оборотъ весьма интимнаго свойства, и что каждый изъ нихъ невольно пококетничалъ другъ съ другомъ на столько, что есть уже о чемъ подумать.

XXIV

Кити (Аркашинъ такъ и не спросилъ ея фамиліи) играла недурно, даже очень недурно для деревенскаго, хотя бы и аристократическаго салона. Гости были очень довольны, что эта гувернантка напоминаетъ имъ то Шопэна, то Шуберта, то кого нибудь изъ нашихъ, концертами прославленныхъ, композиторовъ. Плюшинъ сидѣлъ около нея съ видомъ знатока, то одобрительно кивалъ головой, то облокотясь на спинку креселъ, закрывалъ рукой верхнюю часть лица, и изподлобья поглядывалъ на ея бѣлую шейку и покатыя плечики. Ольга Захаровна сидѣла въ углу и наблюдала за своимъ супругомъ, который нетерпѣливо ожидалъ вальса, собираясь провальсировать съ уѣздной предводительшей, дамочкой, очень похожей на ядреное, крымское яблочко (такая она была маленькая, гладенькая, кругленькая и на видъ вкусная). Ольга страстно любила своего рыжеватаго, вспыльчиваго и недалекаго по уму супруга. Будь онъ умнѣе—она бы не могла такъ любить его и такъ ревновать. Ревность и боязнь за мужа постоянно волновали грудь этой несчастной женщины. Ей все казалось, что не нынче—завтра онъ со всѣми въ домѣ перессорится, всѣмъ наговоритъ дерзостей, и его попросятъ уѣхать такъ же, какъ попросили оставить службу Для нея онъ былъ такой же ребенокъ, какъ и ея маленькая дочка, но ребенокъ этотъ—увы! былъ одинъ изъ самыхъ непослушныхъ и, откровенный по своей финской натурѣ, постоянно хитрилъ со своей дрожайшей половиной, такъ какъ эта половина висѣла на немъ, какъ тяжелая цѣпь. и не давала ему простора.

Нечего и говорить о томъ, что жены еще передъ завтракомъ представили Аркашина мужьямъ своимъ Плюшинъ пожалъ ему руку, пристально поглядѣлъ ему въ глаза, приторно улыбнулся и не сказалъ ни слова. Плюсъ, напротивъ, чему то разсмѣялся, оскалилъ зубы и, поглядывая на Аркашина поверхъ золотыхъ очковъ, воскликнулъ:

— А! мы съ вами встрѣчались. Помните, въ одномъ домѣ.. около Синяго моста.. я еще хотѣлъ угостить васъ шампанскимъ, а вы... вышли въ переднюю,—и слѣдъ вашъ простылъ... Я еще помню, какъ я васъ за это выругалъ... Ха-ха-ха!..

— Да у меня и знакомыхъ нѣтъ около Синяго моста.

— Да не у знакомыхъ,—такъ, въ одномъ семейномъ заведеніи ..

— Это былъ кто нибудь другой...

— Говорите, говорите!—другой! Нѣтъ, ужъ какъ вамъ угодно, а мы съ вами люди знакомые... Вѣдь вы въ карты играете?

— Играю.

— Ну, разумѣется! А въ штосъ не пробовали?

— Не пробовалъ.

— Попробуйте! штука славная: или проиграетесь, или ужъ того-съ.. кого нибудь облапошите наижесточайшимъ образомъ... Что вы смѣетесь? я вамъ дѣло говорю..

Аркашинъ перересталъ смѣяться.

— А давно знакомы вы съ Павломъ Павловичемъ Пусторыгинымъ?

— Не имѣю о немъ ни малѣйшаго понятія.

— Ну, слава Богу! а я подумалъ было, что вы съ нимъ знакомы. Онъ дурной человѣкъ, такой дурной, что вы представить себѣ не можете: распускаетъ слухъ, будто я проигрываю и не плачу, тогда какъ я

г

Хіосскія дѣвушки. Картина Ж. Беннера, грав. Кемпленъ.

одному ему столько переплатилъ, что онъ самъ и сотой доли того не стоитъ. Вы пожалуйста ему не вѣрьте.

— Да я... я его совсѣмъ не знаю.

— И не знайте! и хорошо дѣлаете, что не знаете.

И Плюсъ, дружески потрепавъ Аркашина по плечу, отошелъ.

Послѣ вальса съ уѣздной предводительшей, Ольга Захаровна пальцемъ стала подзывать своего супруга, но онъ притворился, что не замѣчаетъ этого подзыванья и, что то мурлыча себѣ подъ носъ, ушелъ въ другую комнату.

Олимпіада сидѣла въ залѣ у стѣны и, казалось, была въ мечтательномъ настроеніи духа. Около нея сидѣлъ уланъ, князь Плонскій; вытянулъ одну ногу и безучастно поглядывалъ на все, собравшееся въ залѣ, общество: вѣроятно, онъ мысленно дулся на Олимпіаду за ея рѣзкіе отвѣты на всѣ любезности, которыми онъ осыпалъ ее; но лицо его не выражало никакого неудовольствія: оно было настолько же молодо и красиво, насколько и деревянно. Впрочемъ, онъ глядѣлъ добрымъ малымъ и, вѣроятно, былъ совсѣмъ другой человѣкъ, балагуръ и повѣса—въ кругу своихъ полковыхъ товарищей.

Вечеромъ составились танцы подъ звуки пяти доморощеныхъ старенькихъ музыкантовъ, оставшихся при усадьбѣ не столько за старостію лѣтъ, сколько по привычкѣ Это былъ остатокъ большаго оркестра изъ крѣпостныхъ, о которомъ вспоминали иногда и Варвара Захаровна, и Ольга Захаровна, какъ о какой то невозвратной, но тѣмъ не менѣе, сердцу ихъ милой старинѣ.

Аркашинъ протанцовалъ двѣ кадрили съ сводными сестрами Олимпіады и затѣмъ вынужденъ былъ сѣсть за ломберный столъ и *повинтить* съ уланомъ, Плюшинымъ и Степаномъ Ильичемъ...

Позднѣе всѣхъ на этотъ импровизированный вечеръ явился Самославскій вмѣстѣ съ какимъ то молодымъ человѣкомъ, по фамиліи Орликовымъ. У Орликова былъ большой, бѣлый, закатистый лобъ, на затылокъ зачесанные волосы, глаза нѣсколько на выкатѣ, тонкій носъ и маленькіе усики. Войдя въ комнату, онъ поставилъ въ уголъ свою палку, пощипалъ свои усики, и со всѣми заговорилъ безъ церемоніи, какъ давнишній знакомый.

Самославскій подошелъ къ карточному столу поздоровался съ Аркашинымъ, и на вопросъ, отчего его не было видно весь день, отвѣчалъ.

— Гдѣ ужъ намъ! ѣздилъ на мельницу-съ и чуть не увязъ въ снѣгу,—столько его навалило, что проѣзду нѣтъ...

— То есть съ похмѣлья поѣхали провѣтривать чадъ, замѣтилъ Плюшинъ, неглядя на подошедшаго юношу...

Самославскій помолчалъ, потомъ проговорилъ себѣ въ носъ: „*обижаться не стоитъ!*“ и вернулся въ залу

XXV.

Аркашинъ освоился съ порядками дома, понялъ, съ какими людьми пришлось ему жить подъ одной кровлею и велъ себя, какъ человѣкъ осторожный и мнительный, съ большимъ тактомъ. Въ высшей степени ровный, ничемъ не выдающійся, спокойный характеръ и значительная доля самообладанія спасали его и отъ вспышекъ, часто неумѣстныхъ, Плюса, и отъ наглой самоувѣренности Плюшина, и отъ кокетливыхъ заигрываній Варвары Захаровны, и отъ хитрыхъ разспросовъ, прикинувшагося простякомъ, стараго гувернера, который раньше всѣхъ почуялъ, что изъ всѣхъ жениховъ, претендующихъ на руку Олимпіады, она выберетъ никого другаго, какъ Аркашина, и что свадьбѣ не миновать. „Вотъ, помяните мое слово!“ не разъ шепталъ онъ на ухо и Плюшину и Плюсу, и Ольгѣ Захаровнѣ, къ которой почему то онъ особенно благоволилъ, ибо всякій разъ отъ обѣдни ей одной привозилъ просфоры и покупалъ ея дочкѣ всякія сласти и мячики.

— А какое намъ дѣло, за кого Олимпія выйдетъ замужъ, хоть за чорта! говорили зятья. Имъ даже хотѣлось, чтобъ она скорѣе вышла замужъ, и чтобъ мужъ куда нибудь увезъ ее. Не такъ на это дѣло смотрѣли ея сестры. У каждой изъ нихъ былъ для нея женихъ изъ числа ихъ близкихъ знакомыхъ, которые, какъ казалось имъ, для Олимпіады могли бы составить самую приличную партію. Иныхъ онѣ сами обнадеживали, обѣщали имъ свою помощь, ручались въ успѣхѣ. Варвара Захаровна въ особенности хотѣла, чтобы Олимпія вышла за человѣка богатаго, чтобъ у ней въ Петербургѣ былъ свой салонъ, чтобы вся петербургская знать пріѣзжала къ ней, и чтобы она, пріѣзжая къ сестрѣ, могла возобновить свои прежнія связи съ бомондомъ. Ольгѣ Захаровнѣ хотѣлось, чтобы у Олимпіады былъ мужъ пожилой и чиновникъ: если не губернаторъ, то предсѣдатель или прокуроръ,—однимъ словомъ, ей хотѣлось замужествомъ Олимпіады дать случай когда нибудь помѣстить своего муженька на служебную должность съ приличнымъ содержаніемъ, хоть муженекъ этотъ не разъ говорилъ ей, что до смерти Захара Олимпьевича онъ никуда изъ усадьбы не уѣдетъ, такъ какъ негодяй Плюшинъ и его вертопрашная супруга непремѣнно, первымъ долгомъ своимъ, почтутъ ограбить весь домъ, увезти все серебро и, можетъ быть. даже подбросить фальшивое, въ ихъ пользу составленное, завѣщаніе.

Олимпіада все это понимала и часто чувствовала себя одинокой среди родныхъ и знакомыхъ; ей было тяжело подъ часъ; но она ни передъ кѣмъ не открывала души своей. Всѣ знали, что она одна пользуется особеннымъ довѣріемъ отца, и нехотя во всемъ уступали ей, боялись сердить ее.

Судя по всему, Олимпіада знала уже, что гость Аркашинъ съ тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы за нее посвататься, да и какъ-же могла бы она этого не знать, находя въ Прасковьѣ Степановнѣ, пріятельницѣ ея покойной матери, единственную старушку, передъ которой она иногда отводила свою душу; не она ли сама сказала ей, завладѣвъ фотографической карточкой Аркашина. „пришлите своего племянника подъ какимъ нибудь предлогомъ, и, если онъ мнѣ понравится, то пріѣзжайте свахой, я не откажу ему“. Затѣмъ много и долго разспрашивала она тетушку о характерѣ Валентина Петровича, о его воспитаніи, о занятіяхъ, и составила о немъ такое лестное мнѣніе, что не разъ думала про себя: „вотъ человѣкъ подходящій! такого-то мнѣ и надо!“ При этомъ боялась она одного—разочароваться. Но, познакомившись съ Аркашинымъ, не только не разочаровалась, напротивъ, прежде всего влюбилась въ его ростъ въ его бѣлое лицо, кротко-задумчивые большіе глаза и въ высшей степени почтенную шелковистую бороду; потомъ оцѣнила въ немъ его скромность, его добродушную улыбку и, что особенно ей понравилось,—это то, что никакого фатовства она въ немъ не замѣчала, онъ не корчилъ изъ себя ни великосвѣтскаго денди, ни покорителя женскихъ сердецъ, ни разочарованнаго, ни человѣка съ достаткомъ, ни чиновника, подающагс надежды быть со временемъ звѣздой первой величины, т. е. носить звѣзду, ни даже либерала съ революціоннымъ душкомъ, что было въ такой модѣ между столичной и провинціальной молодежью того времени.

Одно было досадно ей:

„Сотни людей, думала она, были влюблены въ меня, даже Самославскій, но, такъ или иначе, они вовсе этого не скрывали и не скрываютъ; что же значитъ. что Аркашинъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, что сердце его въ моихъ рукахъ. Что я ему нравлюсь, это я догадываюсь; но мнѣ этого мало: я выйду замужъ толь-

за такого человѣка, который радъ будетъ за меня въ огонь и въ воду, за человѣка, который страстно меня полюбитъ—беззавѣтно и безвозвратно!“

Такъ думала Олимпіада и, приписывая молчаливую скромность Аркашина его тайной робости, его боязни быть ею осмѣяннымъ, рѣшилась во что бы то ни стало ободрить его своимъ исключительнымъ къ нему вниманіемъ.

И дѣйствительно, оказывала ему такое вниманіе, такъ была съ нимъ ласкова и дружески откровенна, такъ любила оставаться съ нимъ наединѣ, что не только Аркашинъ понялъ, что онъ ей нравится, — весь домъ всѣ родные, даже прислуга, это поняли и стали смотрѣть на Аркашина какъ на жениха, на будущаго мужа Олимпіады Захаровны. Только пріѣзжіе гости, которые то и дѣло наполняли домъ Варшавиныхъ, не догадывались: Варвара и Ольга не хотѣли огорчать своихъ протеже; мужья ихъ смотрѣли на Олимпіаду, какъ на продувную, холодную кокетку, и думали про себя: „одурачитъ она его, такъ же какъ и многихъ уже одурачила!“ и молчали. Если бы Аркашинъ рѣшился на банкъ или штосъ, да проигралъ бы имъ—ну хоть тысячу рублей и тотчасъ же эту тысячу отсчиталъ имъ не поморщившись, ну тогда... тогда онъ-бы не только заслужилъ ихъ вниманіе, можетъ быть, они бы и повѣрили старику-гувернеру и своимъ щебетуньямъ-женамъ, что Аркашинъ—нареченный женихъ ихъ бель-сестрицы, какъ они называли Олимпіаду Вотъ почему сосѣди и гости ничего не знали, и даже князь Плонскій, уланъ,—не смотрѣлъ на Аркашина, какъ на своего соперника.

XXVI.

Двадцать девятаго декабря утромъ Олимпіада долго оставалась въ кабинетѣ отца, долго о чемъ-то съ нимъ бесѣдовала, вышла отъ него съ сіяющимъ лицомъ и тотчасъ же ушла въ свою комнату переодѣваться къ завтраку; но завтракъ на полчаса былъ ранѣе обыкновеннаго, и она запоздала, потому что съ полчаса сидѣла на одномъ мѣстѣ, погруженная въ задумчивость, и только тогда догадалась, что пора ей переодѣваться, когда въ домѣ раздался обычный звонокъ, призывающій въ столовую.

Аркашинъ въ первый разъ увидалъ ее одѣтой съ такой элегантной роскошью и въ такой коронѣ волосъ, что любой столичный франтъ побился бы объ закладъ, что это — шиньонъ, тогда какъ это были ея собственные волосы, могучая растительность которыхъ была тоже однимъ изъ признаковъ ея физической силы.

Когда она входила, зятья и нѣкоторые изъ гостей уже встали изъ за стола: они собирались на охоту, такъ какъ имъ дали знать, что крестьяне выслѣдили медвѣдя. Они были увѣрены, что Олимпіада по обыкновенію отправится вмѣстѣ съ ними, и очень удивились, что она облекла себя въ черный атласъ, въ дорогіе кружева и браслеты, а не въ сѣрое, фланелевое, короткое платье съ малиновыми пуговицами, надѣваемое ею поверхъ шароваръ, и не въ охотничьи мѣховые сапожки.

— Вы не съ нами? спросилъ ее Плюшинъ. Въ глазахъ его замелькалъ тотъ же вопросъ и они остановились на лицѣ ея съ оттѣнкомъ скрытой досады или неудовольствія.

— Куда съ вами? какъ бы удивилась Олимпіада.

— На медвѣдя. Можетъ быть, вамъ опять удастся пристрѣлить его — напрасно вы пренебрегаете нашимъ обществомъ.

— А вы собрались на охоту?

— Да вѣдь вамъ это было извѣстно: еще вчера говорили...

— Ничего я не слыхала... Да и не очень расположена,—не нахожусь въ кровожадномъ настроеніи духа.

„Знаемъ мы, въ какомъ ты расположеніи духа“, подумалъ про себя Яковъ Яковлевичъ, уткнувши въ тарелку носъ свой и поглядывая изподлобья на Ольгу Захаровну.

— Поѣдемъ, шепнула Варвара: вотъ и Валентинъ Петровичъ поѣдетъ...

— Валентинъ Петровичъ, вы ѣдете?

— Я ничего не знаю, отвѣчалъ Аркашинъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ: да и какой-же я охотникъ? развѣ изъ любопытства... да и то...

— Вижу, что вамъ не хочется, и не ѣздите!..

— Значитъ, по просту,—ты не хочешь пускать его. не безъ нѣкоторой язвительности замѣтила ей Варвара. Ольга ничего не говорила; она въ это время торопилась—кормила свою дочку, которая таращила на всѣхъ свои глазенки, и машинально раскрывала ротикъ; но Кити, которая тоже собиралась провожать охотниковъ до привала, поглядѣла на Олимпіаду съ такимъ выраженіемъ, какъ будто ея младенческія губки хотѣли сказать ей: „то-ли дѣло оставаться вдвоемъ съ милымъ дружкомъ, я бы и сама на твоемъ мѣстѣ не поѣхала.“

У этой Кити у самой было сердечко не совсѣмъ спокойно; слишкомъ уже настойчиво приставалъ къ ней Плюшинъ. Она все чего-то боялась, и все-таки ей было очень пріятно, что за ней ухаживаетъ такой столичный левъ и напѣваетъ ей, что она мила какъ ангелъ, играетъ, какъ серафимъ, и что никто въ свѣтѣ, кромѣ его, не способенъ такъ оцѣнить ея прелестей.

Скоро всѣ вышли въ залу. За окномъ слышалось побрякиванье бубенцевъ и топотъ подъѣзжающихъ троекъ. Въ комнатахъ раздавались голоса — бѣготня дѣтей и шаги спустившихся сверху и по корридору проходящихъ въ переднюю мужчинъ въ высокихъ сапогахъ съ ружьями и дамъ съ муфтами. Варвара и Ольга были въ теплыхъ шубкахъ, отороченныхъ мѣхомъ, съ башлыками поверхъ бобровыхъ, на лобъ надвинутыхъ, шапокъ. Одна только Кити была въ старенькомъ лисьемъ салопчикѣ и въ атласномъ капорѣ...

Олимпія подошла къ окну, и ослѣпительное зимнее солнце освѣтило всю величавую, нѣсколько суровую красоту ея. Аркашинъ невольно остановилъ глаза свои на ея бѣломъ но не блѣдномъ лицѣ, на профилѣ длинныхъ приподнятыхъ рѣсницъ и темныхъ глазъ ея, мерцающихъ въ ихъ тѣни какъ золотыя искры на черномъ бархатѣ.. Ему казалось, что вся душа ея рвется туда-же, на свѣжій, холодный воздухъ, навстрѣчу вѣтра и снѣжной пыли, туда, гдѣ просторъ и опасность... и что если-бы не онъ,—она бы непремѣнно поѣхала.

— Олимпіада Захаровна!

Она обернулась и сказала приподнимая указательный пальчикъ:

— Смотрите, какъ криво поставлена дуга, вонъ на той тройкѣ, и никто этого не замѣчаетъ! И зачѣмъ запрягли эту тройку, желала-бы я знать? Буланые были уже въ разгонѣ... сегодня утромъ на нихъ ѣздили за провизіей... Не берегутъ лошадей — что прикажете дѣлать? добавила она, пожавъ плечами.

— Олимпіада Захаровна! отчего вы не ѣдете? Вѣдь вы любите такія прогулки! неужели вы церемонитесь?

— Я это дѣлаю вовсе не изъ церемоніи. Неужели вы думаете, что я такая церемонная? Мнѣ пріятно остаться съ вами, и я осталась—вотъ и все!

И это проговорила она такъ, какъ будто ей даже досадно, зачѣмъ онъ самъ этого не понимаетъ и вынуждаетъ у ней такого рода объясненія.

У крыльца возлѣ саней показались верховые: старый доѣзжачій—и еще какой-то молодой человѣкъ съ винтовкой въ чехлѣ за плечомъ—и лядункою.

— Боже мой! сколько здѣсь всякаго народу! подумалъ Аркашинъ: и лакеи, и нахлѣбники, и музыканты, и охотники, — и чего тутъ нѣтъ? Видно еще не пришла пора класть зубы на полку!..

Какъ провелъ весь этотъ день Аркашинъ, этого бы и онъ самъ описать не могъ. Скажу только, что въ сумерки Олимпіада ѣздила съ нимъ вдвоемъ кататься въ лѣсъ и сама правила лошадью, да еще скажу, что когда, поздно вечеромъ, Аркашинъ вернулся въ свою комнату, онъ долго не могъ раздѣться, все ходилъ изъ угла въ уголъ, чего съ нимъ прежде никогда не случалось и что выдавало въ немъ въ высшей степени взбудораженное состояніе духа.

Онъ былъ и страстно влюбленъ, и въ то-же время какъ будто и не влюбленъ. Онъ глядѣлъ на Олимпіаду, какъ очарованный, но, какъ набожный монахъ передъ ликомъ мадонны, ни разу еще не пожелалъ всѣмъ сердцемъ ни ласкъ ея, ни поцѣлуя. Красота ея ничего, кромѣ восторженнаго эстетическаго обожанія, не возбуждала въ немъ, онъ и самъ еще не могъ понять, что съ нимъ такое къ тому-же—не могъ онъ и того незамѣчать, что и она благоволитъ къ нему и какъ бы снисходитъ — это паче всего дразнило молодыя мечты его.

Но вмѣсто того, чтобы умиляться и радоваться беззавѣтно и безотчетно, вмѣсто того, чтобы отдаться своему влеченію, онъ колебался, прислушивался къ тому, что говоритъ ему его щепетильная честность, его осторожный разсудокъ..

Совсѣмъ не то происходило въ душѣ Олимпіады. По нѣкоторымъ признакамъ какъ бы чутьемъ поняла она, какое сильное впечатлѣніе производитъ красота ея на этого желаннаго ею гостя Она заручилась согласьемъ отца и съ полной увѣренностью, что Валентинъ Петровичъ не минуетъ рукъ ея, была совершенно покойна. никакой внутренней борьбы не происходило въ ней; только, какъ бы сознавая себѣ цѣну, ей не хотѣлось выходить замужъ прежде чѣмъ претендентъ на ея руку не докажетъ ей всей готовности своей идти за нее въ огонь и воду, иначе сказать, если не выкажетъ всей силы не только своей страсти, но и своего характера.

Ей хотѣлось прежде, чѣмъ онъ уѣдетъ, испытать его

XXVII.

Зятья прислали сказать, что они переночевали у князя Плонскаго и поѣдутъ въ городъ, будутъ на вечерѣ, въ клубѣ, и вернутся только на другой день, 31-го декабря, къ завтраку, а потому и просили распорядиться, прислать за ними лошадей на станцію. Варварѣ Захаровнѣ было все равно, гдѣ будетъ пропадать ея мужъ, она считала себя великосвѣтской дамой и на такой вздоръ, какъ измѣна или амурныя шашни, не обращала никакого вниманія. Но Ольга была въ отчаяніи, Богъ знаетъ, какія картины рисовались ея ревнивому воображенію... Шампанское, карты, беспутныя женщины, драка — мужъ, взятый въ полицію — мужъ, вызванный на дуэль — мужъ, убитый изъ ревности къ какой нибудь потаскушкѣ... И всѣ эти, воображаемыя ею, трагедіи она носила въ груди своей, какъ дѣйствительное горе, какъ уже совершившееся на самомъ дѣлѣ событіе, и если не плакала, ходя изъ комнаты въ комнату, то только потому, что нѣкоторая доза разсудка все еще говорила ей авось вернется, и авось всѣ эти мысли опять окажутся сущимъ вздоромъ..

Вчерашніе гости, позавтракавши, разъѣхались Былъ уже шестой часъ, когда раздался звонокъ, призывающій къ обѣду. Въ той комнатѣ, гдѣ, освѣщаемый стѣнною лампою, виденъ былъ Лотъ (съ одной стороны, бѣгущій изъ Содома, а съ другой стороны — обнимающій дочерей своихъ), на широкой оттоманкѣ сидѣли вдвоемъ Олимпіада и Аркашинъ

— Или это вамъ не по силамъ? задумавшись проговорила красавица.

— Но... Что-же я тамъ найду? возразилъ тотъ, поглядывая на револьверъ, который былъ въ рукахъ его, какъ на вещь, совершенно ему незнакомую.. и какъ бы удивляясь, какъ эта вещь могла попасть къ нему.

— Можетъ быть, найдете то, чего не ожидаете. Потомъ.. приходите и раскажите мнѣ все, что вы увидите и услышите. А вѣдь теперь у насъ святочные дни Я буду гадать въ ваше отсутствіе.

— Не понимаю, и все таки повинуюсь вамъ, проговорилъ, болѣе чѣмъ когда нибудь блѣдный, Аркашинъ: или вы хотите испытать, смѣю-ли я, подобно вамъ, рисковать собой...

— Не спрашивайте, зачѣмъ и почему .. Смотрите на это, какъ на мою глупую фантазію и помните, вы дали мнѣ честное слово. — Ну, перестаньте серьезничать... Вѣдь не будь васъ со мной, я была бы на охотѣ, и, можетъ быть, медвѣдь своей лапой разодралъ бы мнѣ лицо или снялъ бы съ меня черепъ.

— Что-же тутъ хорошаго? это даже грѣшно такъ себя не жалѣть... проговорилъ смущенный Аркашинъ.

— Эхъ! заставьте меня жалѣть себя!.. Научите для чего и для кого я должна жалѣть себя...

Въ эту минуту вошелъ Федоръ съ салфеткой и почтительно пролепаталъ, что всѣ уже за столомъ сидятъ.

— Слышали, съ неудовольствіемъ возразила Олимпія, подала руку Аркашину и сказала: не оставляйте револьвера... дѣти...

Когдя Аркашинъ вошелъ съ ней въ столовую, онъ тотчасъ-же почувствовалъ, что глаза всѣхъ присутствующихъ, даже дѣвочекъ, дочерей Варвары, обратились на него и на Олимпіаду. Онъ покраснѣлъ и не зналъ, что ему дѣлать съ револьверомъ...

Оглянувшись, онъ положилъ его на мраморную доску потухшаго камина, возлѣ бронзовыхъ столовыхъ часовъ, старинной французской работы.

Это былъ револьверъ Олимпіады, и зачѣмъ онъ былъ данъ ему, мы это узнаемъ впослѣдствіи.

Варвара Захаровна съ тою-же стереотипной улыбочкой, которая никогда не покидала лица ея, указала ему мѣсто за столомъ между собой и Олимпіадой.

Совсѣмъ, совсѣмъ неловко было бѣдному Валентину Петровичу.

— Какъ здоровье вашего папа? спросилъ онъ Варвару Захаровну.

— Я не знаю, какъ его здоровье,—спросите Олимпіаду.

— Какъ его здоровье? спокойно отозвалась Олимпіада: сегодня только что разсвѣло, онъ прислалъ за мной, и мы съ нимъ гуляли, прошлись по всѣмъ комнатамъ.

— Какъ это выходятъ замужъ? спросила одна изъ дѣвочекъ, обращая вопросъ свой къ старому гувернеру.

— Я никогда замужъ не выходилъ, не знаю, отвѣчалъ тотъ, чего-то сконфузившись, и низко опустилъ носъ свой и лоснящуюся лысину.

Самославскій по обыкновенію фыркнулъ Онъ почти никогда въ обществѣ не подавалъ своего голоса; оставаясь-же съ кѣмъ нибудь вдвоемъ, имѣлъ даръ не только болтать, но и надоѣдать своими разговорами.

Ольга Захаровна поглядѣла на Степана Ильича и едва замѣтно покачала головой.

— Я тоже не могу тебѣ сказать, какъ выходятъ замужъ, отвѣчала ей черезъ столъ Олимпіада: жениха нѣтъ, некому научить Ты бы лучше спросила объ этомъ свою мамашу.

Варвара Захаровна, къ удивленію Аркашина, разсердилась.

— Вотъ! стоитъ обращать вниманіе на глупые вопросы глупой дѣвченки! Кто это внушаетъ ей?

— Никто не внушаетъ, сказала Олимпіада: слышала фразу, сто разъ при ней сказанную, и проситъ пояснить ее

— Мало-ли говорится фразъ, нельзя же все пояснять!.

Молящаяся старушка. Съ картины Горавскаго, грав. А. Творожниковъ.

И Варвара Захаровна заговорила по французски, въ увѣренности, что Аркашинъ ее не понимаетъ. Она уже пробовала съ нимъ говорить, пуская въ оборотъ свой парижскій выговоръ, но такъ какъ Аркашинъ тотчасъ-же признался ей, что по французски онъ говорить не мастеръ, заключила, что этотъ человѣкъ хоть нѣсколько и отесанъ, но никогда не былъ въ порядочномъ обществѣ и далекъ отъ того, что называется порядочнымъ воспитаніемъ.

Англичанка, оскаливъ свои рыбьи зубы, возражала ей тоже по-французски, но съ такимъ своеобразнымъ шамкающимъ акцентомъ, что только Машенька, ея воспитанница, и могла понимать ее.

Послѣ обѣда Аркашинъ, поклонившись всѣмъ, хотѣлъ удалиться въ свою комнату.

— Что это у васъ за оружіе? съ пугливой торопливостью обратилась къ нему Ольга: зачѣмъ вамъ револьверъ? надѣюсь, что вы настолько счастливы, что стрѣляться вамъ незачѣмъ?

— Не въ бровь, а прямо въ глазъ, подумалъ про себя Аркашинъ.

— Олимпіада Захаровна дала мнѣ разрядить его

— Пожалуйста, будьте осторожнѣе!

— Валентинъ Петровичъ не ребенокъ и при томъ осторожнѣе, чѣмъ кто нибудь, заступилась за него Олимпіада.

Аркашинъ прошелъ въ корридоръ.

(До слѣд. №)

Фельдфебель.

Разсказъ К. Тхоржевскаго.

I.

Ясный морозный день начинался. Не смотря на восьмой часъ утра свѣтъ только-только начиналъ еще брезжить, едва позволяя различать предметы въ нѣсколькихъ шагахъ

Въ казармахъ стрѣлковыхъ ротъ N-скаго пѣхотнаго полка, маленькомъ каменномъ зданіи было душно и полу-темно, догорающія керосиновыя лампочки, распространяя свой красноватый свѣтъ, боролись съ наступающимъ разсвѣтомъ и еле-еле освѣщали длинный рядъ наръ, сплошь покрытый спящими солдатами, завернувшимися въ свои сѣрыя шинели. Тогда, въ описываемый періодъ времени, изнѣженность еще не проникала въ ряды арміи и о байковыхъ одѣялахъ, которыми пользуются теперь почти всѣ войска,—и помину не было. Плохо ли это было, хорошо ли—судить не намъ, только врядъ ли представится возможность брать эти одѣяла съ собой на войну и если взять ихъ будетъ нельзя, то солдатикамъ, привыкшимъ къ этой роскоши, которой они и дома не видятъ,—будетъ вдвое труднѣе спать на голой, иногда сырой землѣ, употребляя шинель и за одѣяло, и за тюфякъ, и за подушку

Все спало мертвымъ сномъ, даже фигура дневальнаго, облокотившагося о притолку входной двери, казалась какой-то окаменѣвшей муміей—такъ была она неподвижна.

Вдругъ совершенно неожиданно гдѣ-то въ нижнемъ корридорѣ раздалась барабанная дробь утренней зори и, дѣлаясь постепенно все громче и громче, понеслась по воздуху, какъ бы расплываясь въ немъ. Фигура дневальнаго встрепенулась и отправилась вдоль наръ будить спящія сѣрыя шинели.

Не прошло и минуты, какъ ночная тишина смѣнилась тѣмъ смутнымъ шумомъ, который всегда несется изъ толпы людей. Солдаты, потягиваясь и зѣвая, вставали со своихъ наръ, обувались и, накинувъ шинели, бѣжали къ ротнымъ умывальникамъ Свѣта, проникнувшаго сквозь запотѣвшія окошки, было уже настолько достаточно, что дневальный счелъ возможнымъ пригасить лампы, которыя больше мѣшали, нежели приносили пользы:

— Фитьфебель проснулись? подошелъ бравый унтеръ, дежурившій по ротѣ, къ вытянувшемуся передъ нимъ дневальному.

— Не могу знать, Ондрей Ягорычъ! отвѣчалъ дневальный, молоденькій солдатикъ.

— А они съ вечера ничего тебѣ не приказывали?

— Никакъ нѣтъ, Ондрей Ягорычъ!

Унтеръ окинулъ его испытующимъ взглядомъ, одернулъ на себѣ портупею и, медленно, съ достоинствомъ повернувшись, пошелъ по направленію маленькой двери, ведущей повидимому въ какой-то чуланчикъ. Подойдя къ ней онъ остановился какъ бы въ нерѣшимости—входить или нѣтъ, снялъ кэпи, поправилъ волосы, еще разъ одернулъ портупею и тогда уже отворилъ дверь.

Онъ очутился въ маленькой, до нельзя чисто прибранной комнатѣ съ деревяннымъ, когда то крашеннымъ поломъ, но съ котораго вслѣдствіе частаго мытья краска вся слѣзла и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уцѣлѣла въ видѣ пятенъ неопредѣленнаго цвѣта. Единственное окно драпировалось ситцевой занавѣской и было украшено двумя банками съ традиціонной геранью; такого же ситца пологъ закрывалъ широкую кровать домашняго издѣлія; вдоль стѣнъ, сплошь покрытыхъ лубочными картинами, фотографическими карточками въ рамкахъ и картинками, выдранными изъ иллюстрацій,—стояли нѣсколько стульевъ, столъ и довольно объемистый сундукъ, обитый жестью и размалеванный фантастическими цвѣтами.

Это было помѣщеніе фельдфебеля 1-ой стрѣлковой роты Ивана Петровича Холодова. Этотъ Иванъ Петровичъ, кажется, родился въ полку и уже около тридцати лѣтъ служилъ въ званіи фельдфебеля. Почти всѣ офицеры полка перебывали при немъ юнкерами и поэтому по прежней привычкѣ и изъ уваженія къ старику звали его не иначе какъ „Иванъ Петровичъ,“ хотя и говорили „ты“, но это нисколько не заставляло забываться ветерана какъ бы фамильярно ни обращались съ нимъ,—онъ никогда не выходилъ изъ рамки нижняго чина, опредѣленной уставомъ.

Роста онъ былъ высокаго и имѣлъ такой бодрый видъ, особенно въ шапкѣ, что никто не далъ бы ему болѣе сорока двухъ, сорока трехъ лѣтъ, безъ шапки онъ казался гораздо старше; ибо вся голова его была совершенно лишена волосъ, которые остались только по окраинамъ въ видѣ бахромы.

Въ ротѣ его любили и звали за глаза дѣдушкой.

Дежурный унтеръ-офицеръ, войдя въ комнату, почтительно остановился у самой двери и кашлянулъ, приложивъ руку ко рту.

— Кто тамъ? послышался твердый голосъ изъ за полога

— Дежурный, Иванъ Петровичъ..

— Ты что?

— Зорю пробили, люди встаютъ....

— Ладно! Пошли ко мнѣ писаря. да чтобъ приказъ съ собой захватилъ... Пришелъ онъ что ли?..

— Такъ точно, вечеромъ еще часовъ въ одиннадцать пришли...

— Ладно!.. Вотъ и его отпою сейчасъ!.. Посылай скорѣй!..

Дежурный вышелъ, а Иванъ Петровичъ, ворочаясь на своемъ фельдфебельскомъ ложѣ, что то бормоталъ про себя

Ротный писарь тоже была рѣдкость своего рода, но рѣдкость незавидная, хотя обладалъ необыкновенными писарскими качествами, какъ то прекраснѣйшимъ почеркомъ и громадными свѣдѣніями по всевозможнымъ отчетностямъ, шнуровымъ книгамъ, спискамъ, вѣдомостямъ и т п. Въ ротѣ онъ находился, какъ и Иванъ Петровичъ, съ незапамятныхъ временъ и, благодаря своимъ способностямъ, зналъ и помнилъ рѣшительно все, что касалось ротной письменной части; это былъ ходячій архивъ, въ которомъ можно было получить какую угодно справку лѣтъ за двадцать.

Иванъ Петровичъ и Александръ Семеновичъ (такъ звали писаря) были немыслимы другъ безъ друга. одинъ дополнялъ другаго и вмѣстѣ выходило нѣчто цѣльное, стройное, безъ чего, казалось, рота и не могла бы существовать. Какъ въ Иванѣ Петровичѣ заключались всѣ строевыя качества, такъ въ Александрѣ Семеновичѣ совмѣщалось все, что касалось дѣлъ нестроевыхъ.

Отношенія между ними были самыя оригинальныя: какая-то смѣсь начальническихъ и дружественныхъ, при чемъ въ самыя интимныя минуты, напримѣръ за графинчикомъ водки (выпить любили оба) Иванъ Петровичъ не покидалъ до нѣкоторой степени покровительственнаго тона. Онъ говорилъ своему другу „ты“, а тотъ ему „вы“—и самой почтительной интонаціей Впрочемъ, и Иванъ Петровичъ въ особо важные моменты и въ то время когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа говорилъ ему и „вы“, но это такъ—между прочимъ и то больше при гостяхъ „для парада“

Иванъ Петровичъ, какъ мы уже сказали, любилъ пить и выпивалъ иногда здорово, но пилъ „по-фельдфебельски“, какъ у насъ говорится, т. е. въ свободное отъ службы время и ровно столько, чтобы не быть „вдребезги“ пьянымъ: онъ только краснѣлъ и если его спрашивалъ о чемъ нибудь начальникъ, то докладывалъ особенно подробно и обстоятельно, а въ кругу равныхъ пускался въ философію. Онъ хотя и пилъ, но никогда не забывалъ, что онъ военный и долженъ всегда сохранять бодрый видъ. Только въ случаѣ сильнаго огорченія Иванъ Петровичъ запивалъ мертвую до положенія ризъ и если не принималось никакихъ мѣръ, чтобы лишить его возможности доставать водку, то запой его продолжался дней 8—10; но это уже знали и въ такихъ случаяхъ (которые были чрезвычайно рѣдки) ротный командиръ отправлялъ старика обыкновенно въ лазаретъ, такъ какъ сажать его въ карцеръ было положительно нельзя съ его четырьмя георгіевскими крестами и цѣлой кучей медалей, изъ которыхъ двѣ были у него на шеѣ, одна золотая, другая серебряная.

Александръ Семеновичъ не обладалъ силой воли, что было ему извинительно какъ пестросвому, и вполнѣ предавался своей страсти: всѣ деньги, какія только попадали ему въ руки, пропивались въ тотъ же день, при чемъ онъ не брезгалъ и посторонними угощеніями пріятелей или людей, нуждавшихся въ немъ. Пилъ онъ безъ мѣры, хмѣлѣлъ очень быстро и пилъ все-таки, пока не лишался сознанія; въ такомъ видѣ онъ доставлялся обыкновенно въ роту и запирался въ цейгхаузъ впредь до окончательнаго вытрезвленія. Иногда, если у него долго не бывало денегъ, онъ продавалъ и закладывалъ рѣшительно все, что у него имѣлось. Одна только вещь оставалась неприкосновенной, это—мундиръ, которымъ онъ гордился и ни за что не рѣшался его продавать даже и тогда, когда онъ приходилъ въ полную ветхость. Въ этомъ случаѣ, получивъ новую одежду, Александръ Семеновичъ отправлялся въ ротную пекарню и собственноручно сжигалъ его въ хлѣбопекарной печи; въ концѣ этой церемоніи Александръ Семеновичъ непремѣнно прослезится и ужъ какъ ни какъ, а добьется денегъ и выпьетъ.

Если ему кто нибудь говорилъ:

— Зачѣмъ это вы, Александръ Семеновичъ, добро-то жгете? продали бы лучше: все копѣекъ сорокъ дадутъ....

Онъ принималъ гордый видъ,—что не шло къ его оплывшему, сизо-багровому и вѣчно небритому лицу, покрытому какъ бы щетиной,—окидывалъ спрашивавшаго презрительнымъ взглядомъ и изрекалъ, именно изрекалъ:

— Ахъ ты дубина, дубина!... Никакой тоись въ васъ, болванахъ, образованности нѣтъ!... Ну, подумай—что ты сказалъ, дурацкая твоя башка!.. Развѣ мундиръ можно продавать?... Отца съ матерью продаютъ? А? Икону продаютъ? Николу Чудотворца, небось, потащишь на базаръ?... А?

— Никакъ нѣтъ!... отвѣчалъ опѣшившій обыкновенно солдатъ.

— Ну такъ то-то же вотъ и есть!... Мундиръ—также! Понялъ?.. заключалъ онъ торжественно и, вздохнувъ, отходилъ въ сторону.

Слабость его къ спиртнымъ напиткамъ была извѣстна всѣмъ и къ ней такъ привыкли, что его никто даже и не наказывалъ за нее; только когда въ ротѣ случалась экстренная работа, то Иванъ Петровичъ дѣлалъ распоряженіе запереть его въ канцеляріи и не выпускать до тѣхъ поръ, пока все будетъ окончено.

. . . .

Вскорѣ дверь фельдфебельской комнаты снова растворилась и на порогѣ показался самъ Александръ Семеновичъ въ доверху застегнутомъ мундирѣ съ сверткомъ бумаги въ рукахъ.

— Писарь, ты? вопросилъ Иванъ Петровичъ изъ-за полога.

— Я, Иванъ Петровичъ, имѣю честь поздравить васъ съ добрымъ утромъ!... отвѣчалъ тотъ, раскланиваясь по направленію ситцеваго полога, за которымъ скрывался фельдфебель.

— Ладно, ладно!... Вотъ я тебя сейчасъ поздравлю!... послышалось оттуда, затѣмъ занавѣска колыхнулась и оттуда показался Иванъ Петровичъ въ полнѣйшемъ еще дезабилье, поверхъ котораго была только накинута шинель. Писаря передернуло, онъ даже вздрогнулъ и опять нѣсколько разъ поклонился, но, замѣтивъ, что Иванъ Петровичъ направляется не къ нему, а въ противоположную сторону—къ окошку, успокоился.

Иванъ Петровичъ опустился на стулъ и строго взглянулъ на Александра Семеновича.

— Опять зашлялся!... Безъ приказа вчера роту оставилъ! А?... Знаешь я этого не люблю!... Служить такъ служить!... Мало тебѣ времени нализываться то?!... Почему приказа вчера не принесъ?... А?

— Виноватъ, Иванъ Петровичъ!... Я приказъ то въ свое время выписалъ, да тутъ къ куму на минутку забѣжалъ.... тотъ водочки.... Ну, я и виноватъ, Иванъ Петровичъ....

— То-то—виноватъ, а ротному доложу, хочешь?...

— Не докладывайте, Иванъ Петровичъ!...

— Не докладывайте!!... Доложу вотъ!... Ты думаешь ротный то похвалитъ?

Писарь молчалъ.

— А ты отвѣчай, когда спрашиваютъ! Похвалитъ или нѣтъ?

— Извѣстно—нѣтъ, Иванъ Петровичъ!...

— Морду онъ велитъ побить, вотъ что!... И правильно—потому это свинство!... Время долженъ знать!...

— Виноватъ, Иванъ Петровичъ!... Простите великодушно первую вину!...

— Ну ладно,—нечего Лазаря то строить!... Знаемъ мы эту первую вину!... Читай приказъ коли ежели что касающее.

Александръ Семеновичъ, развернувъ свертокъ, который держалъ въ рукѣ, принялся читать.

„Караулъ отъ 2-го баталіона полковой, бригадный, дивизіонный и городовой. Дежурный по полку...."

— Чего ты тамъ зря то читаешь!? перебилъ его Иванъ Петровичъ. Сказано—читай что принадлежитъ.

Писарь пробѣжалъ нѣсколько параграфовъ и началъ снова: „Прапорщикъ 1-й стрѣлковой роты Силковъ командиромъ названной роты наряжается на два раза не въ очередь на службу за неприбытіе на занятія".

— И за дѣло!... Человѣкъ молодой, только еще офицерскіе погоны получилъ—служить бы да служить, а онъ въ лѣпость!... За дѣло!... одобрилъ Иванъ Петровичъ.

„Его превосходительство начальникъ штаба корпуса по приказанію его высокопревосходительства корпуснаго командира въ пятницу 16-го сего февраля изволитъ осматривать новобранцевъ ввѣреннаго мнѣ полка въ 10-ть часовъ утра. Для сего всѣмъ новобранцамъ въ мундирахъ перваго срока и въ полной боевой аммуниціи быть выстроенными къ 9-ти часамъ въ помѣщеніяхъ своихъ ротъ. Г. г. офицерамъ быть въ парадной формѣ".

— Вотъ это такъ!... воскликнулъ Иванъ Петровичъ; съ этого бы и начинать слѣдовало, а ты тамъ про караулы завелъ!.. Ну, ладно, читай дальше.

— Все, Иванъ Петровичъ, больше принадлежащаго нѣтъ

— Не врешь?

— Ей Богу нѣтъ!... запнулся тотъ, есть еще насчетъ доставленія списковъ на истребованіе жалованья.

— Какже ты говоришь—нѣту?

— Да это вѣдь еще къ пятницѣ, а это къ средѣ... успѣемъ еще....

— Нѣтъ не успѣемъ.... а ты вотъ садись сейчасъ да и пиши!... Пока всѣ списки не будутъ готовы,—я тебя на шагъ изъ казармы не пущу!...

— Иванъ Петровичъ!...

— Нечего, Иванъ Петровичъ,—садись!...

— Иванъ Петровичъ, мнѣ бы только на полъ-часика!... Къ куму тутъ... взмолился тотъ. строя умильное лицо.

— Знаю я эти полъ-часика—на полъ-минуты не выпущу!...

Писарь сокрушенно опустилъ голову и машинально перебиралъ листики приказа.

— И какъ это вамъ, право, не совѣстно, Александръ Семеновичъ, заговорилъ вдругъ Иванъ Петровичъ, перемѣняя начальническій тонъ на дружественный,—человѣкъ вы умный, а какое поведеніе? ужели не можете!...

Писарь молчалъ въ унылой позѣ.

— А вы садитесь-ка, да сами подумайте надъ собой!...

Писарь сѣлъ, неподнимая головы.

Вы хоть бы на себя то въ зеркало посмотрѣли... Срамъ просто, чисто пузырь надулись.... а вы опять проситесь!....

— Да мнѣ, Ей Богу, на полъ-часика....

— На полъ-часика!... Знаю я эти полъ-часика!... И давно-ли я съ васъ по приказанію ротнаго командира взыскивалъ.... Забыли?... Съ вѣдомостями то не управились тогда?

— Чтожъ, Иванъ Петровичъ, извѣстно—по положенію: я не обижаюсь!... За дѣло!

— За дѣло то, за дѣло,—а всетаки совѣсть должно имѣть... Вы человѣкъ образованный.... Вотъ теперича—доложу я ротному, что приказъ только утромъ выписали—чтожъ хорошаго то будетъ?!

— Вы ужъ не докладывайте!...

— Не доложу ужъ, не доложу!.... успокоилъ тотъ,—а только чтобъ этихъ неисправностевъ у меня больше не было: дружба—дружбой, а служба—службой!... Въ другой разъ безпремѣнно доложу! Однако и въ роту пора!... Крикните-ка ко мнѣ дежурнаго!...

Александръ Семеновичъ всталъ, растворилъ дверь и, крикнувъ дежурнаго, хотѣлъ было юркнуть въ роту, но Иванъ Петровичъ слѣдилъ за нимъ.

— Ты куда?... окликнулъ онъ.

— Я полагалъ—я вамъ больше не нуженъ, Иванъ Петровичъ!... смутился тотъ.

— Нѣтъ, подожди малость!... Сейчасъ отпущу.

Въ непритворенныхъ дверяхъ показался тотъ же бравый унтеръ, который приходилъ будить Ивана Петровича.

— Чего изволите?... произнесъ онъ.

— Возьми вотъ Александра Семеновича, указалъ онъ ему на писаря,—и запри ихъ въ канцеляріи, а ключъ принеси ко мнѣ.

— Слушаюсь, Иванъ Петровичъ!... Пойдемте!... добавилъ онъ, обращаясь къ писарю, и взялъ его подъ руку.

Писарь вздохнулъ, поклонился фельдфебелю и, проговоривъ не безъ ироніи: „имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе", покорно пошелъ за дежурнымъ.

Иванъ Петровичъ, оставшись одинъ, нетороиясь умылся, одѣлся, помолился Богу, посмотрѣлся въ маленькое складное зеркальце и, убѣдившись, что исправенъ, вышелъ въ роту.

Занятія начинались и шли своимъ порядкомъ; одинъ за другимъ пришли субалтернъ-офицеры, а самъ ротный командиръ, къ огорченію Ивана Петровича, не являлся.

„Что это за наказаніе, прости, Господи!.. думалъ съ досадой старикъ про себя;—смотрѣ на носу, онъ и ухомъ не ведетъ!... Какія времена пришли!... Бывало передъ смотромъ то ротный командиръ почуетъ въ ротѣ, а теперь и на занятія не идетъ!..."

Занятія окончились, ротный командиръ такъ и не показался. Иванъ Петровичъ рѣшился идти къ нему подъ предлогомъ получить распоряженія на счетъ предстоящаго смотра, на самомъ же дѣлѣ—чтобы узнать почему ротный не былъ: такая „нерадивость" больно задѣвала стараго служаку.

„Можетъ, они заболѣли", утѣшалъ онъ себя, но самъ же и понималъ, что наврядъ ли болѣзнь причиной.

Наскоро пообѣдавъ и заглянувъ въ канцелярію, гдѣ Александръ Семеновичъ оканчивалъ уже третій экземпляръ спи-

Литературный альбомъ. „Война и миръ“, Гр. Л. Н. Толстаго. Объѣздъ линій кн. Багратіономъ. (Шенграбенъ).
Ориг. рис. Р. Штейна, гравир. Флюгель.

Русскіе типы и сцены. Осмотръ лѣса покупщиками. Ориг. рис. Р Штейна, грав. М. Рашевскій.

сковъ, Иванъ Петровичъ вышелъ изъ казармъ, сказавъ дежурному, что отправляется къ ротному командиру за приказаніями.

II.

Командиръ 1-й стрѣлковой роты штабсъ-капитанъ Поливановъ былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ 30-ти, изъ „воспитанниковъ" Ивана Петровича. Юнкеромъ поступилъ онъ въ роту, когда Иванъ Петровичъ былъ уже въ ней фельдфебелемъ и подъ его руководствомъ и начальствомъ началъ свою службу. Теперь уже онъ самъ командуетъ этой ротой года три.

Иванъ Петровичъ повидимому относился къ своему ротному командиру съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ; но въ самой глубинѣ своей души (въ чемъ, впрочемъ, не сознавался даже самому себѣ) считалъ его за мальчика, оставлять котораго безъ надзора ни коимъ образомъ нельзя.

На самомъ дѣлѣ штабсъ-капитанъ Поливановъ былъ недурнымъ командиромъ,—знающимъ, и любящимъ свою службу, но, разумѣется по своему—не такъ какъ любилъ ее старикъ; но это то и не нравилось старику-служакѣ, считавшему манкировку за преступленіе.

Накапунѣ Поливановъ очень долго проигралъ въ карты, проспалъ часъ утреннихъ занятій и поэтому не пошелъ въ роту.

Проснувшись часу въ 12-мъ, т. е. въ то время, когда въ ротѣ занятія уже были окончены, онъ приказалъ открыть въ своей спальнѣ ставни и подать себѣ стаканъ чая, который обыкновенно пилъ въ постели.

Денщикъ, подавъ стаканъ съ горячимъ чаемъ и горячей же булкой, осадилъ шагъ назадъ и, одернувъ свою ситцевую рубашку надѣтую на выпускъ, доложилъ:

— Ваше бр-діе, фельдфебель пришли!..

Поливановъ поморщился, предчувствуя, что Иванъ Петровичъ будетъ говорить что нибудь неиріятное, но непринять его счелъ невозможнымъ. Нетерпѣливо повернувшись на кровати, онъ первно помѣшалъ ложечкой въ стаканѣ и послѣ этого уже произнесъ:

— Позови.

Черезъ минуту на порогѣ показался самъ Иванъ Петровичъ, по формѣ туго перетянутый сабельной портупеей.

— Здравствуй, Иванъ Петровичъ! привѣтствовалъ его Поливановъ, мелькомъ взглянувъ въ его серьезную физіономію.

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣтилъ тотъ, отчетливо произнося каждое слово, въ чемъ выражалась его солидность, такъ какъ обыкновенный смертный произнесъ бы это привѣтствіе съ особымъ шикомъ, невыговаривая словъ, вслѣдствіе чего вмѣсто слова „благородію", напримѣръ, получалось „бродію", вмѣсто „ваше высокоблагородіе"—„васкобродіе" и т. д.

— Что скажешь, Иванъ Петровичъ? спросилъ Поливановъ, стараясь придать своему тону непринужденность.

— Приказъ сегодняшній изволили читать, ваше б—діе?

— Читалъ, а что?

— Въ ротѣ то вы сегодня не изволили быть.... я и явился—не будетъ ли, молъ, какихъ нибудь приказаній на счетъ смотра... потому думаю: можетъ, они и завтра въ роту не пожалуютъ, а времени остается немного: кое что тоже приготовить надо будетъ.

— Да, да, да!... Какже!... Нѣтъ, я завтра непремѣнно приду,—тогда и прикажу что надо.... Да, вѣдь, ты и самъ, Иванъ Петровичъ, знаешь.... не въ первый разъ.... все по старому: чтобы на людяхъ чистое бѣлье надѣто было.... Да чтобы взводные сами все осмотрѣли...

— Слушаю, ваше благородіе.

Это *„слушаю"* Иванъ Петровичъ всегда произносилъ съ особенной, только ему свойственной интонаціей—какой-то успокоивающей и заставляющей быть увѣреннымъ, что приказаніе дѣйствительно будетъ исполнено со всею точностью

— Ну, потомъ,—чтобы все было въ порядкѣ прибрано, подметено....

— Слушаю, ваше благородіе.

Поливановъ подыскивалъ въ умѣ что бы приказать еще, но рѣшительно ничего не могъ придумать, какъ это часто бываетъ, когда у человѣка въ головѣ совершенно не то, о чемъ онъ говоритъ.

— Ну, вотъ и все! произнесъ, наконецъ, Поливановъ, убѣдясь, что больше не придумаетъ никакого приказанія.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ и на это все также успокоительно, но не повертывался „кругомъ", чтобы уходить, а оставался въ той-же неподвижной позѣ, какъ бы ожидая еще чего нибудь.

Поливановъ безпокойно заерзалъ на своей постели.

— Что, еще что нибудь есть? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—больше ничего.

— Ну такъ вотъ я сейчасъ тебя водкой попотчую и ступай себѣ съ Богомъ: завтра я самъ пріѣду. Эй! крикнулъ онъ денщика.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе, я не желаю...

— Вздоръ, вздоръ!.. Подай рюмку водки да закусить чего нибудь, живо! приказалъ онъ появившемуся денщику.

— Покорнѣйше благодарю, ваше благородіе,—не желаю, настойчиво повторилъ старикъ, что служило признакомъ, какъ это зналъ Поливановъ, что онъ имъ недоволенъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Въ древнемъ Вавилонѣ.

Изъ книги **Фр. Делича.**

Перенесемся въ дальнюю страну и въ еще болѣе отдаленное время. Страна эта—Вавилонія; знакомо имя это каждому изъ насъ съ дѣтства. Тамъ именно люди хотѣли возвести башню до небесъ, тамъ находился роскошный Вавилонъ съ чудными висячими садами. Конечно теперь страна представляетъ мало заманчиваго. Чудныя пальмы все еще окружаютъ Багдадъ и другіе города, но цѣлые пальмовые лѣса непрерывно тянулись вдоль великихъ рѣкъ, теперь же страна однообразна—это истинная пустыня. Кое гдѣ виднѣются груды развалинъ, водопроводы всѣ почти занесены пескомъ и только пастухи со своими стадами—единственные жители равнины.

Совсѣмъ не то было во времена отдаленной древности, между 2,000 и 500 годами до Р. Х. *„Вавилонія—садъ міра"*, говорили тогда. Омываемая Тигромъ и Евфратомъ, страна цвѣла и зеленѣла. Быстро изливаясь съ далекихъ горъ въ море, рѣки эти, впродолженіи многихъ столѣтій, нагромождали у своего первоначальнаго устья массы земли,—это и была Вавилонія. На этой наслоившейся, жирной и плодородной почвѣ развилась старѣйшая, извѣстная до сихъ поръ культура не только въ Азіи, но по всей вѣроятности старѣйшая вообще человѣческая культура. Но и тутъ было примѣнимо изреченіе: „Въ потѣ лица твоего будешь заработывать хлѣбъ". Ежегодно, во время таянія снѣга на горахъ, и быстрый Тигръ и медлительный Евфратъ переполнялись водою, выходили изъ береговъ, затопляли поля и уносили тысячи, десятки тысячъ человѣческихъ жизней. И въ этой странѣ потоповъ люди стремились оградить себя отъ наводненій и закрыли рѣки плотинами и каменными стѣнами. Задумали отводить воду изъ рѣкъ и не только дѣлать ихъ безопасными, но напротивъ, извлекать изъ нихъ пользу, сберегая воду на все время года. И вотъ, въ глубокой древности страна уже покрывается сѣтью большихъ и малыхъ каналовъ, которыхъ превосходно устроенная сѣть безпримѣрно увеличила и безъ того роскошную растительность страны. Геродотъ, говоря о плодородіи Вавилоніи, отказывается описывать—только очевидецъ, говоритъ онъ, могъ придать вѣру его словамъ. По обилію хлѣба и пальмъ страна была выше всѣхъ другихъ; тогда извѣстныя поля ея приносили больше чѣмъ поля Египта, образуя неисчерпаемую житницу. Сплошная пальмовая роща тянулась до морскаго берега. Плоды росли во множествѣ, пшеница и рожь родились самъ двѣсти и даже самъ триста. Поистинѣ благодатный край! Огромные, обнесенные каменными стѣнами города, безчисленные маленькіе городки и поселенія покрывали страну, не прорѣзанную ни одною возвышенностію, и глазъ, на сколько не скрывали мѣстность пальмы, видѣлъ вокругъ все на разстояніи нѣсколькихъ миль. Одинъ городъ проѣдетъ путникъ—а второй и третій открывался уже на горизонтѣ, выдѣляясь своими террасами и массивными башнями и храмами. Прекрасныя дороги, оживленныя обозами съ товаромъ, легкіе мосты перекидывались чрезъ каналы, и каналы, сперва назначенные для орошенія страны, стали путями сообщенія. А между городами и деревнями тянулись правильно разграниченныя поля и роскошные луга, гдѣ паслись многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ. Не было, однако, недостатка и въ болотахъ, особенно вблизи моря. Высокій тростникъ укрывалъ логовища хищныхъ звѣрей, волковъ, шакаловъ, гіенъ, лисицъ и львовъ. Левъ, не смотря на вѣковое преслѣдованіе и охоты, все же былъ настоящимъ бичемъ страны. Во множествѣ водились также и полезныя животныя; рѣки и каналы изобиловали рыбою.

Въ обширной Вавилоніи былъ настоящій маленькій рай. Извѣстно, что близъ нынѣшняго Багдада обѣ рѣки такъ сближаются, что отъ берега Тигра до берега Евфрата разстояніе всего шесть часовъ. На этомъ пространствѣ, которое въ древнія времена было еще уже на 1½ мили — Евфратъ измѣнилъ съ тѣхъ поръ свое русло, — началась канализація Вавилоніи. Отъ Евфрата до Тигра было проведено нѣсколько большихъ судоходныхъ каналовъ, которые въ свою очередь были раздѣлены сотнями малыхъ каналовъ, живительная влага была проведена чуть не ко всякому дереву. Это пространство между нынѣшними городами: Багдадомъ на Тигрѣ и Гиллою на Евфратѣ, которое можно проѣхать въ три дня, было въ древности застроено множествомъ городовъ. Одинъ большой городъ примыкалъ къ другому, раздѣляясь только пальмовыми рощами и полями. Тамъ былъ городъ Куригальцу, городъ Сефарваймъ, считающійся древнѣе самаго потопа: Сиппаръ бога солнца и Сиппаръ утренней зари. Греческіе и римскіе писатели съ восторгомъ говорили о поразительной красотѣ страны.

На югѣ этой райской страны лежалъ Вавилонъ — „Ворота Бога". Къ сѣверу шли дороги въ вышеназванные города и далѣе отъ Тигра въ Ассирію, Арменію и горные проходы Мидіи; на югъ дороги вели въ среднюю и южную Вавилонію, а также

въ не менѣе древніе города Нипуръ, Эрехъ и Ларсамъ. Къ этому присоединялось положеніе Вавилона на Евфратѣ. Вверхъ по теченію, городъ находился въ постоянномъ сообщеніи съ сирійскими городами, какъ Картемишъ, и съ Средиземнымъ моремъ; внизъ-же по теченію поддерживалось сообщеніе со всею Заевфратской областью, съ городомъ Уръ и берегами Персидскаго моря, откуда привозились произведенія Аравіи и даже Индіи. Кромѣ того былъ еще другой двойной способъ сообщенія: караванные пути, шедшіе изъ Вавилона въ Сирію и Аравію, и доступный для самыхъ большихъ судовъ каналъ Арахту, который, выходя на сѣверѣ Вавилона изъ Евфрата, большимъ полукругомъ протекалъ по всей средней Вавилоніи, въ то время какъ вѣтвь этого канала проведена была къ Тигру и способствовала сообщенію съ царствомъ Эламитскимъ. Такъ въ Вавилонъ шла вся торговля передней Азіи и приносила жителямъ гигантскаго города неисчислимыя богатства. Дѣйствительно Вавилонъ былъ гигантскимъ городомъ, особенно при Навуходоносорѣ и тогда какъ былъ зимней резиденціей царей персидскихъ до самаго завоеванія его Александромъ Великимъ. Торговля и промышленность питала много-милліонныя населенія. Однако не по многочисленности только населенія и богатству, но и по великолѣпію зданій Вавилонъ былъ первымъ городомъ тогдашней Азіи.

Географическое положеніе Вавилона имѣло одно неудобство только съ одной стороны онъ имѣлъ естественную защиту, именно съ запада — городъ лежалъ на лѣвомъ восточномъ берегу Евфрата — Евфратъ представлялъ защиту, тѣмъ болѣе надежную, что городъ Борсиппа, лежавшій по ту сторону Евфрата къ пустынѣ, былъ сильно укрѣпленъ. Но именно съ этой стороны Вавилонъ не могъ ожидать нападенія, кромѣ набѣговъ дикихъ арабскихъ племенъ, съ которыми вавилонскіе копьеносцы и его знаменитая конница справлялись очень легко. Къ сѣверу же, особенно къ югу и востоку городъ былъ совершенно открытъ. Къ сѣверу можно было еще задержать непріятеля, уничтоживъ мосты на каналахъ, но на востокѣ и на западѣ городъ былъ беззащитенъ. Вавилонскіе владѣтели во всѣ времена старались превратить городъ въ сильную крѣпость. Чтобы проникнуть въ древній Вавилонъ (за 568 лѣтъ до Р. Х., т. е. за восемь лѣтъ до смерти Навуходоносора), надо было пройти прежде всѣ его укрѣпленія.

Приближаясь къ городу съ сѣверо-востока, путникъ поражался великими массами могучихъ укрѣпленій. Цѣлое искусственное море (десять географическихъ миль въ окружности), открывалось взору. Копали глубоко, пока не встрѣтили воду, затѣмъ отвели сюда избытокъ воды изъ Евфрата и окружили это искусственное море высокой, обсаженной тростникомъ плотиной. Оставляя море по лѣвую руку, путникъ приближался къ каменной стѣнѣ въ 300 футовъ вышиною и 80 шириною, окруженной широкимъ и глубокимъ рвомъ. Стѣна возводилась изъ выкопанной изъ рва глины, которую обращали въ кирпичи. Асфальтъ служилъ цементомъ, а тростниковыя прослойки, положенныя чрезъ каждые тридцать кирпичей, придавали постройкѣ еще большую прочность. На верху стѣны, по наружнымъ краямъ высились дома; среднее же пространство образовывало широкую улицу. Сотни великолѣпныхъ, большихъ желѣзныхъ воротъ запирались въ этой высокой, какъ гора, стѣнѣ, превосходившей по величинѣ всѣ подобныя извѣстныя сооруженія на землѣ: ее строили не тысячи или десятки тысячъ работчихъ, но цѣлые народы, плѣнники Навуходоносора. Стѣна, чрезъ которую не могла достать ни одна стрѣла, скрывала Вавилонъ не только съ восточной стороны, но и съ сѣверной и южной; загибаясь обоими крыльями къ западу, она доходила до Евфрата. Но и за этой стѣною еще не начинался собственно городъ. Хотя вдали и видны его храмы и дворцы и плоскія крыши его домовъ, но пространство, начинающееся за наружнымъ укрѣпленіемъ, покрыто полями и садами. Минуя кирпичные заводы, черпающіе обильный матеріалъ изъ глинистой почвы, минуя овины, въ которыхъ вымолачивалось и просѣвалось зерно, мимо маленькихъ домиковъ, построенныхъ вдоль улицъ, ведущихъ къ воротамъ наружной стѣны, приближались постепенно къ необычайному, гигантскому городу, окруженному второю двойною стѣною. Это внутреннее древнѣйшее укрѣпленіе Вавилона, начатое Набополасаромъ и оконченное Навуходоносоромъ, не такъ велико какъ наружное, но также сильно. Это высокая насыпь, названная Нимити-Бель, т. е. стѣною Ваала; далѣе глубокій ровъ, высокіе откосы береговъ котораго выложены кирпичемъ и асфальтомъ. затѣмъ собственно стѣна, названная Имгуръ-Бель, т. е. „милость Ваала“. Двойные ворота поражаютъ великолѣпіемъ: бѣлые мраморные пилястры украшены сверху гигантской рѣзьбой изъ кедроваго дерева, кедровые створы воротъ покрыты мѣдными кованымм тяжелыми пластинами, пороги и засовы всѣ изъ мѣди, у входа колоссальные мѣдные быки и высоко воздымающіяся, извергающія пламя, мѣдныя змѣи. Чрезъ ворота, у южнаго угла стѣны, путникъ проходилъ Нимити-Бель и чрезъ ворота Имгуръ-Беля только вступалъ въ городъ. Слѣдуя широкой, прекрасно содержанной, пустынной улицей, пройдя великолѣпный мостъ на восточномъ каналѣ Вавилона, и поворачивая направо по направленію къ Евфрату, вступалъ онъ въ цѣлое море домовъ Вавилона. Множество улицъ и переулковъ—расположены они всѣ необыкновенно правильно, но самая правильность эта запутываетъ и лишь съ трудомъ дозволяетъ оріентироваться въ длинныхъ рядахъ трехъ- и четырехъ-этажныхъ домовъ. Эта часть города занята купцами, ремесленниками, торговцами все, чѣмъ издавна славится Вавилонъ, имѣетъ здѣсь представителей. Вотъ выставлена глиняная посуда, лампады и разная утварь, покрытая блестящею, прекрасною глазурью; тонкія пестрыя ткани, дорогіе ковры, мази и благовонныя воды; превосходныя золотыя украшенія, тонкой художественной рѣзьбы слоновая кость, печатки изъ серпентина, халцедона и яшмы. Улицы необыкновенно оживлены. Медленно двигается путникъ возлѣ мелочныхъ, желѣзныхъ и пр. лавокъ. Вотъ винные погреба, — здѣсь пьютъ финиковое вино цѣльное или смѣшанное съ водою Евфрата, славящеюся своимъ пріятнымъ вкусомъ и которая, налитая въ каменные кувшины, простоявъ нѣсколько часовъ, достигаетъ значительнаго охлажденія. Всѣ ходятъ съ палками, украшенными яблокомъ, розою, лиліею, орломъ или какимъ нибудь изображеніемъ въ этомъ родѣ. Носятъ палки всѣ. Она придаетъ пожилому почтенный, патріархальный видъ, этому не мало способствуетъ и платье—длинная полотняная одежда, поверхъ которой надѣтъ шерстяной хитонъ, а сверхъ его небольшой бѣлый плащъ. Волосы на головѣ длинны, расчесаны и перевязаны лентами. Все тѣло растерто благовонными маслами.

По мѣрѣ углубленія въ улицу движеніе все усиливается, а за мѣдными воротами, запирающими каждую улицу, минуя кирпичную стѣну вдоль рѣки, открывается Евфратъ и совершенно иная картина. Берега Евфрата плоски, но Навуходоносоръ возвелъ по обоимъ берегамъ его чудныя набережныя. На нихъ громоздятся массами товары Арменіи, Сиріи и Месопотаміи; особенно много пальмовыхъ бочекъ, наполненныхъ виномъ, тутъ же товары юга или идущіе на югъ. Финикійскіе и армянскіе матросы, купцы всѣхъ національностей и нарѣчій толпятся на берегу. Евфратъ покрытъ судами всевозможныхъ родовъ. Особенно интересны круглые кожаные корабли. Иногда значительныхъ размѣровъ суда эти дѣлаются въ Арменіи; изъ легкой вербы дѣлаютъ остовъ обтягиваютъ кожами, безъ кормы и носовой части; наполняютъ судно тростникомъ и нагружаютъ товаромъ. По прибытіи въ Вавилонъ, остовъ корабля и тростникъ продаются съ торговъ на дрова, а кожи нагружаются наословъ, которые отвозятъ ихъ обратно въ Арменію, гдѣ снова ихъ употребляютъ на устройство судовъ. На сѣверъ отъ Евфрата расположены величайшіе торговые дома, центръ ихъ—банкъ. Это дворецъ на широкихъ террасахъ. Тутъ сосредоточивается торговля, совершаются всѣ частныя торговыя сдѣлки. Внутри и внѣ дворовъ огромнаго зданія движется дѣловая толпа. Тутъ уплачиваются налоги за пользованіе улицами и каналами, устанавливается ввозная пошлина, дѣлаются займы на проценты, заключаются покупки зерна, финиковъ, дерева и кирпича, тутъ же нанимаются дома съ описями или безъ нихъ, продаются корабли и лодки, арендуются поля, подряжаются рабочіе и идетъ торговля рабами и рабынями. Условія покупки и договоры записываются сперва на папирусѣ, затѣмъ клинообразными письменами переводятся на глиняныя таблицы, на которыхъ обѣ стороны прикладываютъ печати, или за неимѣніемъ ихъ выдавливаютъ свой ноготь, послѣ чего таблицы обжигаются. Толпы писцовъ заняты переписываніемъ условій, счетовъ и квитанцій — писцы Вавилона считались лучшими въ странѣ.

Чѣмъ дальше мы отъ торговаго центра Вавилона, тѣмъ улицы тише и постройки грандіознѣе въ чудныхъ дворцахъ живетъ вавилонская знать, столько же извѣстная своимъ высокимъ образованіемъ, какъ и страстью къ роскоши и удовольствіямъ. Пройдя еще разъ восточный каналъ Вавилона, уже въ противоположномъ направленіи, попадали на громадную площадь, изрѣзанную маленькими каналами и прудами и обсаженную кустами и тѣнистыми деревьями. На юго-западномъ концѣ этой площади, или вѣрнѣе парка, высится на террасѣ, омываемой Евфратомъ, громадный храмъ „Неба и Земли“—„Эсагиль“, бывшій нѣсколько столѣтій высокочтимой святыней всей Вавилоніи.

(Окончаніе въ слѣд. №)

Къ рисункамъ

Хіосскія дѣвушки.

(Рис. на стр. 492 и 493).

Художникъ переноситъ насъ во времена древняго классическаго міра на островъ Хіосъ. Дѣвушки стоятъ, грустныя и задумчивыя, на скалистомъ берегу острова и печально смотрятъ вдаль, на волнующееся море. Одежды ихъ красивыми складками ниспадаютъ вокругъ стройныхъ членовъ. Онѣ ждутъ дорогаго, близкаго имъ путника, уплывшаго въ далекіе края на крутобокой триремѣ. Художникъ имѣлъ въ виду прекрасные стихи Андре Шенье:

О волны синія! Вернется ль снова онъ?
Иль смертью воина погибъ онъ въ краѣ дальнемъ?

Ему съ волнами шлемъ мы сердца горькій стонъ,
Рыдая трепетно на брегѣ семъ печальномъ.

Можно сказать, что художникъ достойно выполнилъ свою задачу, взявъ эту простую сценку изъ жизни древняго міра.

Молящаяся старушка.

(Рис. на стр. 497).

Прекрасная картина академика А. Г. Горавскаго „Молящаяся старушка“ была на вѣнской всемірной выставкѣ замѣчена, и критика въ то время отзывалась о ней съ тѣми похвалами, какихъ она заслуживаетъ. Копію съ этой картины исполнилъ прекрасно молодой граверъ г Творожниковъ, ученикъ школы Общества поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Исполненіе это дѣлаетъ честь школѣ и показываетъ насколько серьозно уже тамъ поставлены занятія. 31-го сего марта происходило ежегодно бывающее присужденіе премій за лучшія работы, представленныя на конкурсъ. Преміи эти бываютъ двоякаго рода: однѣ для общаго конкурса, т. е. открытаго для всѣхъ желающихъ и со стороны, а другія раздаются исключительно ученикамъ и ученицамъ школы Общества. Коммисія, между другими, присудила въ нынѣшнемъ году одну изъ премій г. Творожникову, именно за эту гравюру съ картины г. Горавскаго, которую мы здѣсь помѣщаемъ, и читатели могутъ сами судить въ какой полной степени заслужена эта премія.

„Война и миръ“. Гр. Л. Н. Толстаго.

(Рис. на стр. 500).

Съ прекрасными иллюстраціями г. Штейна къ великолѣпному произведенію гр. Л. Н. Толстаго наши читатели уже знакомы. Между прочимъ, въ концѣ прошлаго года былъ помѣщенъ рисунокъ, относящійся къ превосходному, грандіозному эпизоду „Ночь подъ Шенграбеномъ 16 ноября 1805 г.“. Князь Андрей Болконскій отыскиваетъ Багратіона.

„Не доѣхавъ еще до укрѣпленія, онъ увидѣлъ въ вечернемъ свѣтѣ пасмурнаго осенняго дня подвигавшихся ему на встрѣчу верховыхъ. Передовой, въ буркѣ и картузѣ со смушками, ѣхалъ на бѣлой лошади. Это былъ князь Багратіонъ. Онъ пріостановилъ свою лошадь и узнавъ князя Андрея, кивнулъ ему головой. Онъ продолжалъ смотрѣть впередъ. Выраженіе: „началось! вотъ оно!“ было и на крѣпкомъ, каремъ лицѣ его, съ полузакрытыми, какъ будто не выспавшимися глазами. Андрей, запыхавшись отъ быстроты ѣзды, говорилъ быстро. Князь Багратіонъ произносилъ слова особенно медленно, какъ бы внушая что торопиться некуда. Онъ тронулъ свою лошадь по направленію къ батареѣ Тушина. Андрей поѣхалъ вмѣстѣ со свитой за нимъ. Подъѣхавъ къ батареѣ, гдѣ разорвало бомбу, князь прищурившись оглянулся и остановилъ лошадь съ пріемомъ хорошаго ѣздока. Они подъѣхали къ самой батареѣ.

— Чья рота? спросилъ князь Багратіонъ у фейерверкера, стоявшаго у ящиковъ.

Онъ спрашивалъ „чья рота“, въ сущности спрашивая „не робѣете ли вы тутъ?“ И фейерверкеръ понялъ это.

— Капитана Тушина, ваше превосходительство, вытягиваясь, закричалъ веселымъ голосомъ фейерверкеръ.

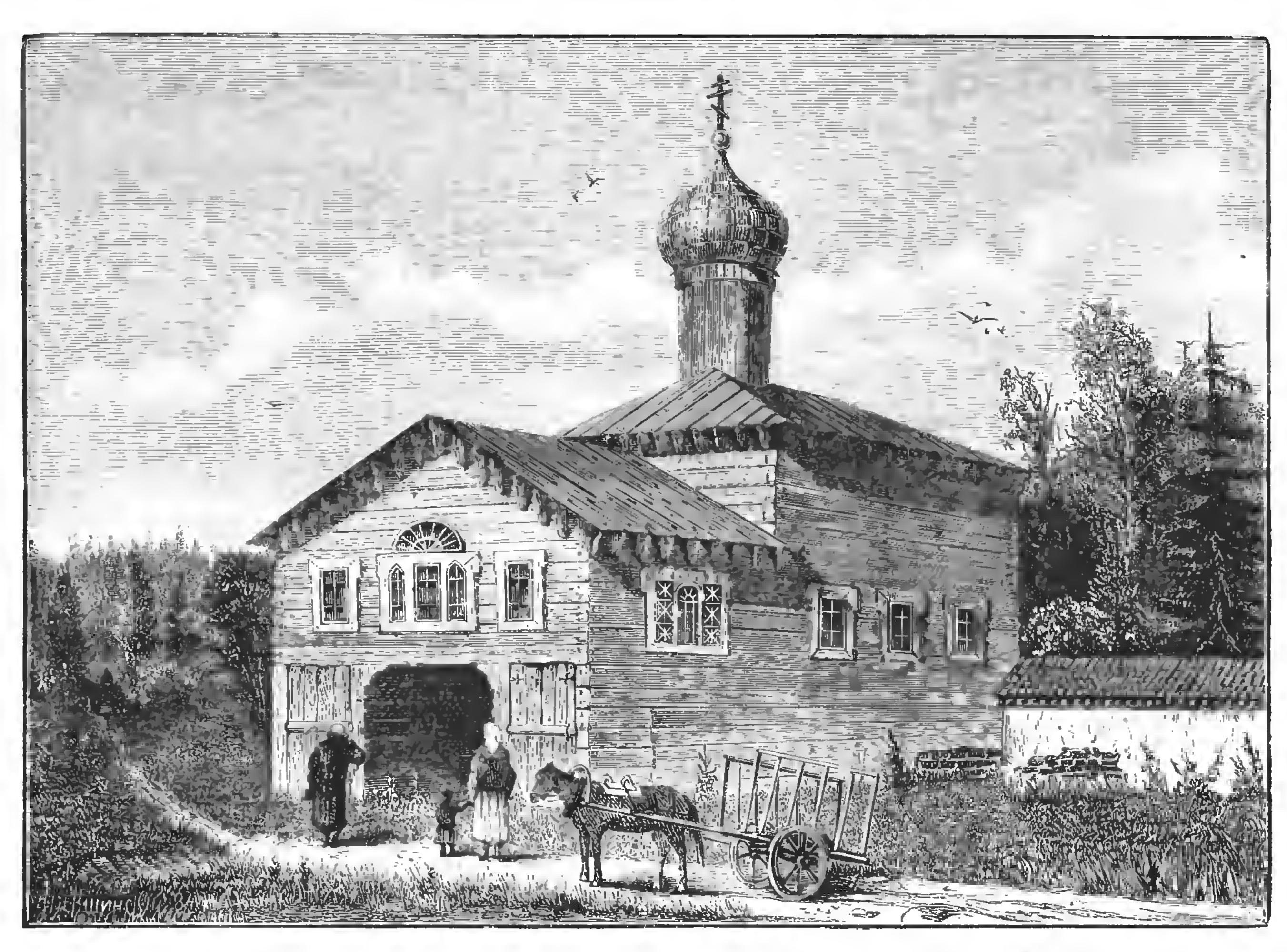
— Такъ, такъ! проговорилъ Багратіонъ, что то соображая...“

Эта сценка и изображена нашимъ художникомъ.

Чилійскій военный крейсеръ „Эсмеральда“.

(Рис. на стр. 505).

Недавно, во время толковъ о войнѣ, въ газетахъ появилось извѣстіе, что республика Чили уступаетъ свой крейсеръ „Эсмеральда“ Англіи, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій.



Церковь св. Трифона (Вятской губ., бл г. Слободскаго). Ориг. рис. съ натуры А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.

Чилійскій крейсеръ „Эсмеральда“, недавно построенный въ Англіи, въ докахъ Армстронга, Митчеля и компаніи, представляетъ совершенно новый типъ судна, при сооруженіи котораго были приняты во вниманіе всѣ условія современной морской войны и приложены къ дѣлу всѣ послѣднія усовершенствованія кораблестроительной науки. Этотъ типъ крейсера, крытый бронею, имѣющій большую скорость хода, сильныя средства обороны и наступленія, пригоденъ для самой разнообразной службы и безъ сомнѣнія займетъ ту же важную роль въ современномъ флотѣ, какую игралъ нѣкогда фрегатъ во флотахъ дней минувшихъ. Крейсеръ этотъ изображенъ на нашемъ рисункѣ.

„Эсмеральда“—судно умѣренныхъ размѣровъ. Длина его 270 фут., ширина 42 и водоизмѣщеніе 3,000 тоннъ. Стальная палуба простирается по всей длинѣ судна; кромѣ того защита всѣхъ важныхъ, можно сказать жизненныхъ частей крейсера, усилена угольными ящиками, расположенными подъ броневою палубою. Весь корпусъ судна тоже стальной и раздѣленъ на множество отдѣленій. Машина, состоящая изъ двухъ горизонтальныхъ механизмовъ, четыре паровыхъ котла, а равно всѣ паровыя трубы также помѣщаются подъ стальною палубою. Всѣ машины были изготовлены на заводѣ Гоуторна и дали на пробѣ самые удо-

Новый чилійской крейсеръ „Эсмеральда“. По фотогр. грав М. Рашевскій.

Новое 10-дюйм. орудіе крейсера „Эсмеральда“ на поворотномъ станѣ. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

влетворительные результаты. Артиллерія крейсера чрезвычайно тяжелая, принимая въ соображеніе малую величину судна. Такъ носовое погонное 10-ти-дюймовое орудіе завода Армстронга, изображенное на нашемъ рисункѣ, вѣситъ 25 тоннъ и пробиваетъ желѣзную броневую плиту въ 21 дюймъ толщины. Бортовыя шестидюймовыя орудія Армстронга, по три на каждой сторонѣ, стоятъ на особаго устройства поворотныхъ станкахъ, расположенныхъ на полукруглыхъ площадкахъ, выступающихъ за бортомъ. На передкахъ станковъ укрѣплены прочные стальные щиты для защиты какъ орудій, такъ и прислуги отъ огня штуцернаго и скорострѣльныхъ пушекъ. Эти щиты составляютъ совершенную новость въ дѣлѣ вооруженія военныхъ судовъ. Каждое орудіе поворачивается особымъ гидравлическимъ аппаратомъ. Рулевой приводъ тоже гидравлическій. На оконечностяхъ мостика поставлено по одной шестифунтовой скорострѣльной армстронговой пушкѣ, а на сѣткахъ утверждены пушки Гатлинга и Гочкиса. Мачтъ на крейсерѣ двѣ, съ боевыми марсами, съ которыхъ можно также дѣйствовать скорострѣльными пушками. При дѣйствіи изъ малокалиберныхъ пушекъ, прислуга защищена стальными рѣшетками. Надъ штурмовою рубкою поставлена башня съ цѣлымъ рядомъ скорострѣльныхъ пушекъ. Для освѣщенія горизонта устроенъ большой электрическій фонарь, кромѣ того всѣ внутреннія помѣщенія судна освѣщаются электричествомъ. Каюты для офицеровъ и команды отличаются просторомъ и превосходной вентиляціей. Вообще при постройкѣ крейсера „Эсмеральда“ преслѣдовалось какъ главная цѣль — уменьшить по возможности число команды и какъ можно менѣе подвергать ее дѣйствію непріятельскихъ выстрѣловъ.

Кромѣ того, можно смѣло сказать, что въ настоящее время „Эсмеральда“ самый быстроходный крейсеръ, превосходно слушающійся руля какъ при гидравлическомъ, такъ и при ручномъ приводѣ. Весь планъ его постройки во всѣхъ деталяхъ былъ выполненъ удачно и правительство Чилійской республики, пріобрѣтеніемъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ крейсера, дало новую силу своему и безъ того довольно значительному флоту, одному изъ сильнѣйшихъ на Тихомъ океанѣ.

Осмотръ лѣса.

(Рис. на стр. 501).

Какъ хорошъ лѣсъ, какъ привѣтлива мирная сѣнь его, какое чудное сочетаніе тѣней, оттѣнковъ! Кто не любовался осеннимъ или свѣжимъ весеннимъ видомъ чернолѣсья, могучими дубами, развѣсистыми кленами, величавыми, нѣсколько угрюмыми, хвойными и красными лѣсами! И этотъ лѣсъ, эту красу земли, прохладу въ зной, лѣсъ изъ котораго мы строимъ дома и отапливаемся, не бережемъ особенно мы, разсчитывая, что у насъ его еще слишкомъ довольно,—но это мотовство, которое можетъ довести до бѣдности, не говоря о томъ, что климатическія условія измѣняются къ худшему съ уничтоженіемъ лѣсовъ. Старыя вѣковыя, заповѣдныя рощи безпрестанно продаются на срубъ и безжалостно уничтожаются самымъ хищническимъ образомъ. Цѣлыя ватаги лѣсоистребителей-кулаковъ скупаютъ дѣдины и отчины и отъ лѣсовъ остаются только печально торчащіе пни. Одну изъ такихъ печальныхъ картинъ представляетъ нашъ художникъ. Тутъ дѣло очевидно происходитъ въ западныхъ лѣсахъ: евреи-факторы и лѣсопромышленники измѣряютъ уже деревья, осматриваютъ рощу, готовясь ее уничтожать и собравъ съ нея обильную безжалостную дань, ѣхать на новые подвиги хищническаго лѣсоистребленія.

Обыденная церковь св. Трифона въ Вятской губ.

(Рис. на стр. 504).

Принявъ въ 1565 году постриженіе въ Пыскорской обители, преподобный Трифонъ, знаменитый просвѣтитель вотяковъ и вогуловъ, спустился внизъ по Камѣ къ пустынному мѣсту, гдѣ нынѣ находится многолюдный городъ Пермь. Здѣсь въ густомъ лѣсу нашелъ онъ мольбища вотяковъ, — они приносили своимъ богамъ жертвы. Старшина Зевендукъ съ 70 вотяками пришелъ къ Трифону, спрашивая его кто онъ? Св. Трифонъ объяснилъ имъ весь ужасъ идолопоклонства, говорилъ о Богѣ, о сотвореніи міра, загробной жизни. На мольбищѣ стояла громадная ель, которая почиталась вотяками священною и которой они поклонялись. Трифонъ срубилъ ее и жертвы, которыя висѣли на вѣтвяхъ: золото, серебро, мѣха и другія вещи — сжегъ вмѣстѣ съ деревомъ. Когда узналъ объ этомъ вождь вотяковъ Амбала, то прибылъ къ Трифону и былъ пораженъ силою слова и одушевленіемъ проповѣдника. Вотяки начали сочувственно относиться къ св. Трифону и его ученію. Христіанство вскорѣ было принято сперва дочерью вотяцкаго вождя, а за ней и другими вотяками. Въ память этого выстроенъ былъ св. Трифономъ Никольскій храмъ и двѣ часовни, извѣстныя еще по писцовой книгѣ 1624 года. Побывавъ послѣ этого еще разъ въ Пыскорской обители и обративъ и тамъ многихъ въ христіанство, Трифонъ ушелъ на рѣку Чусовую, поставилъ часовню и, что нынѣ близъ Перми, монастырь Успенія Богоматери. Преподобный Трифонъ въ 1580 г. отправился въ Москву, гдѣ его посвятили въ іеромонахи и царь Иванъ IV далъ грамоту на землю новой обители. Придя въ Хлыновъ, Трифонъ и здѣсь соорудилъ монастырь, гдѣ и поселился съ 40 человѣками братіи. Въ Москвѣ Преподобный появился лишь при царѣ Өеодорѣ Іоанновичѣ, который далъ монастырю угодья, села, озера и рыбную ловлю, патріархъ же посвятилъ его въ санъ архимандрита и пожертвовалъ для обители много иконъ, богослужебныхъ книгъ и разной утвари. Въ монастырѣ Трифонъ по прежнему продолжалъ вести суровый, строгій образъ жизни. Своею подвижническою жизнію онъ сталъ получать уже извѣстность и, призвавъ ее суетною, передалъ управленіе своему ученику Іонѣ и опять отправился въ дальнія страны. Много часовенъ-избъ выстроилъ онъ въ это время по рѣкамъ Камѣ и Вяткѣ и всюду обращалъ язычниковъ ко Христу. Одна изъ такихъ церквей-избъ, называемая „Обыденная“, при которой преподобный Трифонъ жилъ нѣкоторое время—изображена на нашемъ рисункѣ. Она находится недалеко отъ города Слободскаго и построена уже при концѣ жизни Преподобнаго, во время его болѣзни. Церковка нынѣ пришла въ ветхость, и народъ чтитъ ее какъ великую святыню. Послѣ постройки этой церкви Трифонъ, желая окончить жизнь въ выстроенной имъ обители, на которую положилъ столько трудовъ, отправился къ Хлынову. Преподобный Трифонъ прожилъ въ обители не долго и скончался въ 1612 году, 70-ти лѣтъ отъ роду.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.—Италія.—Абиссинія.—Сѣверная Америка.

Обнародованіе „Синей книги“ по афганскому вопросу, произвело вообще непріятное впечатлѣніе въ англійской печати. Торійскія газеты прямо обвиняютъ правительство въ слабости, легковѣріи и безпредѣльной уступчивости. „Daily-News“ говоритъ, что разоблаченные дипломатическою перепиской факты оправдываютъ настойчивое обращеніе Гладстона къ суду цивилизаціи и придаютъ несомнѣнную важность рѣшенію британскаго правительства сдѣлать Индійскую имперію неприступною. По мнѣнію той же газеты, разногласія между Россіей и Англіей по афганскому вопросу имѣютъ лишь второстепенное значеніе и никоимъ образомъ не нарушаютъ вѣроятности удовлетворительнаго рѣшенія. Къ застою въ переговорахъ какъ общество такъ и печать относятся довольно спокойно. Оптимистическое настроеніе преобладаетъ повсюду, основанное главнымъ образомъ на томъ, что дипломатическое отступленіе Англіи по всѣмъ пунктамъ слѣдуетъ уже считать существующимъ фактомъ, равно какъ на томъ, что Россія, достигнувъ того чего добивалась, врядъ-ли рѣшится въ настоящее время предъявлять новыя требованія. На дняхъ въ Берлинѣ и Лондонѣ опять возникли слухи по вопросу о посредникѣ. Поводомъ къ этому послужилъ пріѣздъ въ Берлинъ графа Петра Андреевича Шувалова и лорда Розберри. Утверждаютъ, будто лорду поручено, не только узнать намѣренія германскаго правительства, но и предложить императору Вильгельму быть посредникомъ между Россіей и Англіей.

Вопросъ о престолонаслѣдіи въ Брауншвейгѣ снова выступаетъ на сцену. Въ засѣданіи германскаго союзнаго совѣта, 21-го мая должно было разбираться предложеніе Пруссіи относительно этого предмета. Прусское предложеніе основывается на одной изъ статей имперской конституціи, по смыслу которой всѣ споры между союзными правительствами должны быть разрѣшаемы союзнымъ совѣтомъ по апелляціи одной изъ сторонъ. Прусское предложеніе составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Благоволитъ союзный совѣтъ выразить убѣжденіе союзныхъ правительствъ въ томъ, что вступленіе на Брауншвейгскій престолъ герцога Кумберлэндскаго было бы несовмѣстно съ требованіями внутренняго спокойствія имперіи и увѣдомить о семъ брауншвейгское правительство“. Чтеніе предложенія сопровождалось единодушными рукоплесканіями и затѣмъ, вслѣдствіе заявленія государственнаго министра Герцъ-Врисберга о томъ, что сеймъ не можетъ принять пока никакихъ рѣшеній касательно прочтеннаго имъ предложенія, послѣднее было препровождено въ коммисію.

Переговоры между Франціей и Китаемъ въ видахъ заключенія окончательнаго мирнаго договора ведутся хотя и безъ особенныхъ затрудненій, на зато весьма медленно. Впрочемъ, это извѣстный пріемъ китайской дипломатіи. Главнѣйшія трудности, какъ сообщаютъ, касаются редакціи договора. Китайскій текстъ хотя и вполнѣ сходится съ французскимъ, но тѣмъ не менѣе необходимо зорко слѣдить, чтобы китайскіе дипломаты не ввернули въ договоръ какихъ либо двухсмысленныхъ словъ, съ цѣлью заручиться въ будущемъ какимъ либо предлогомъ для возбужденія новыхъ препирательствъ.

Въ Парижѣ произошли новыя столкновенія полиціи съ коммунарами. Такъ 12-го (24-го) мая, въ годовщину подавленія возстанія коммуны, произведена была манифестація на могилахъ коммунаровъ, на кладбищѣ Père Lachaise. Между участни-

ками манифестаціи и полиціей, которая недопускала выставлять возмутительныя эмблемы, произошло серьезное столкновеніе. Нѣсколько человѣкъ ранено; около сорока лицъ арестовано и наконецъ участники манифестаціи были разогнаны.

Изъ Рима телеграфируютъ, что министерства военное и морское сдѣлали необходимыя распоряженія для отправки трехъ новыхъ военныхъ экспедицій, которыя разомъ доведутъ численность итальянскихъ гарнизоновъ на нубійскомъ берегу до 10 тысячъ человѣкъ. По слухамъ, эти распоряженія находятся въ непосредственной связи съ выступленіемъ англичанъ изъ Судана. Что же касается до занятія Суакима, то едва ли оно состоится въ пользу итальянскихъ интересовъ. Недовольный колебаніями Манчини, Гладстонъ сдѣлалъ предложеніе Турціи. Полагаютъ, что Франція предпочтетъ видѣть въ Суакимѣ скорѣе турокъ, чѣмъ итальянцевъ. Въ средѣ итальянскаго кабинета разногласія все сильнѣе и сильнѣе обостряются. Какъ парламентъ, такъ и общественное мнѣніе очень недовольны результатами колоніальной политики Манчини. Не только исчезъ прежній энтузіазмъ къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ, но мѣсто его заступило даже полное разочарованіе, граничащее съ малодушіемъ, тѣмъ болѣе, что извѣстія, полученныя изъ Массовы и изъ другихъ пунктовъ Краснаго моря, имѣютъ довольно тревожный характеръ. Положеніе Манчини сдѣлалось, во всякомъ случаѣ, весьма шаткимъ, и вскорѣ кабинету придется принять какое нибудь серьезное рѣшеніе въ колоніальномъ вопросѣ.

Изъ Абиссиніи сообщаютъ, что абиссинскій король Іоаннъ, слѣдуя внушеніямъ своихъ полководцевъ, выставилъ между Массовою и Кереномъ наблюдательный корпусъ въ три тысячи человѣкъ, выслѣживающій малѣйшее движеніе итальянскихъ войскъ. Самъ король покинулъ свою резиденцію Адуа и отправился во внутренность страны, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ захвата итальянцами новыхъ территорій, или приближенія ихъ къ абиссинской границѣ, выставить противъ нихъ свою армію. Враждебное настроеніе негуса къ итальянцамъ, какъ говорятъ, особенно усилилось съ тѣхъ поръ, какъ неудачи англичанъ и особенно очищеніе Судана и Суакима поколебали въ Африкѣ престижъ европейскаго оружія.

Изъ Канады сообщаютъ, что возмущеніе канадскихъ метисовъ. грозившее такими важными затрудненіями для правительственныхъ войскъ, въ настоящую минуту окончилось. Послѣ нѣсколькихъ сраженій, маленькая армія Ріеля разсѣялась и самъ глава восстанія попался въ руки генерала Мидлетона. Такимъ образомъ, для военныхъ компанія противъ метисовъ можетъ считаться оконченною. Что же касается гражданской власти, то можно смѣло заявить, что затрудненія для нея только что начинаются. Плѣненіе Ріеля возбуждаетъ въ высшей степени щекотливый для канадскаго правительства вопросъ. Мѣстная британская печать энергически настаиваетъ на томъ, чтобы Ріелю и его сподвижникамъ былъ данъ жестокій урокъ; съ другой же стороны канадско-французскій элементъ, имѣющій столь важное значеніе, не скрываетъ своего сочувствія къ метисамъ. Приговорить Ріеля къ смертной казни—значитъ возбудить опасную агитацію въ Квебекѣ и Монреалѣ. Къ тому же, не подлежитъ сомнѣнію, что метисы предъявили вполнѣ основательныя жалобы, которыя истинно либеральное правительство не можетъ оставить безъ вниманія.

Смѣсь.

Нашъ путешественникъ и изслѣдователь Пржевальскій напечаталъ слѣдующее письмо, помѣченное изъ Лобъ-Нора отъ 29 января. На конвертѣ стоитъ почтовый штемпель Оша, Ферганской области, отъ 20 апрѣля. „Быстро прошло полтора года со дня моего отъѣзда изъ Петербурга. Въ это время мы выполнили двѣ трети нашей экспедиціи, т. е. мы прошли въ центральной Азіи 5,200 верстъ и съ успѣхомъ изслѣдовали мѣстности, вполнѣ неизвѣстныя до сихъ поръ. Мы получили богатую добычу въ географическомъ отношеніи; естественно-историческая наша добыча гораздо бѣднѣе, хотя все же значительна. Менѣе всего у насъ птицъ, хотя ихъ собрано болѣе 1000 штукъ; между ними только нѣсколько новыхъ видовъ, одинъ зябликъ, краснаго цвѣта. Коллекція млекопитающихся гораздо лучше; у насъ есть 33 экземпляра медвѣдей во всѣхъ возможныхъ возрастахъ. Далѣе идутъ новинки, такъ напр. 4 новыя кошачьи породы, 2 бобра, и двѣ рыси, затѣмъ новая серна, новая дикая овца, новая антилопа, наконецъ нѣсколько новыхъ породъ зайцевъ. Рыбъ и пресмыкающихся собрано достаточно, между ними есть новые виды. Прошлую осень и зиму мы провели въ западномъ Цайдамѣ и сѣверномъ Тибетѣ и сдѣлали тамъ много новыхъ географическихъ открытій. Вчера мы прибыли на Лобъ-Норъ, гдѣ проведемъ весь февраль съ цѣлью наблюденія за перелетомъ птицъ. Мартъ и апрѣль мы употребимъ на поѣздку въ городъ Киріа, лѣтомъ отправимся въ горы сѣвернаго Тибета и осенью будемъ въ Туркестанѣ. Во время лѣтней поѣздки въ Тибетъ, коллекціи наши останутся въ Киріи. Ими мы навьючиваемъ 10 верблюдовъ. Въ коллекціи имѣется прекрасно сохранившійся черепъ яка.

„Всѣ мы совершенно здоровы и живемъ дружно. Солдаты и казаки экспедиціи прекрасные люди; понятно, что у насъ существуетъ необыкновенно строгая дисциплина.

„Цѣлый годъ мы не имѣемъ извѣстій о событіяхъ въ Европѣ, даже въ послѣдніе три мѣсяца пути, мы не встрѣтили ни одного человѣка, находясь все въ пустынѣ".

Людвигъ Барнай, игрою котораго недавно наслаждалась петербургская публика—въ настоящее время съ обычнымъ успѣхомъ подвизается въ Гамбургѣ—въ теченіи своей двадцатипятилѣтней артистической дѣятельности (юбилей которой онъ недавно скромно отпраздновалъ) выказалъ небывалую дѣятельность. Въ теченіи этого времени онъ выступалъ 2,931 разъ, т. е. посвящалъ искусству каждый третій день. Число пьэсъ, въ которыхъ онъ игралъ, достигаетъ 348. Свидѣтелями его артистической дѣятельности былъ 81 городъ. Если бы сдѣлать карту и провести на ней всѣ дороги, совершенныя артистомъ, то она представляли бы запутанную сѣть, которая своими конечными пунктами соединяла бы столицу Россіи съ далекимъ западомъ сѣверной Америки. Въ Гамбургѣ Барнай игралъ 637 разъ, въ Берлинѣ 338, Франкфуртѣ 336, Бреславлѣ 86. Изъ ролей, наиболѣе его прославившихъ, онъ игралъ Уріель-Акосту 127 разъ. графа Вальдемара—126, Гамлета 98, Вильгельма Телля—96, Юлія Цезаря—81, графа Эссекса—77, Нарциса—71, Валенштейна 61, Отелло—59, Монжоэ—53, Кина 49. За двадцать пять лѣтъ, въ которыя люди въ нормальныхъ условіяхъ справляютъ только одну зеленую и одну серебряную свадьбы, Барнай женился на сценѣ 1042 раза, не считая тѣхъ ролей, въ которыхъ онъ появляется уже женатымъ человѣкомъ, напр. въ Вильгельмѣ Теллѣ, Юліѣ Цезарѣ, Валенштейнѣ и пр. На сценѣ же онъ умиралъ 874 раза, причемъ наибольшее число разъ, именно 205, кончалъ жизнь самоубійствомъ. Изъ другихъ родовъ смерти онъ отравлялся 118 разъ, топился—28 разъ; 143 раза былъ обезглавленъ, 53 разстрѣлянъ, 204 раза заколотъ. Остальные 123 раза обозначены „смертные случаи отъ различныхъ причинъ".

Собраніе акварелей. Въ извѣстномъ магазинѣ Фельтена (Невскій, 20), распродается великолѣпная коллекція акварелей (до 200) и рисунковъ разныхъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ. Коллекція эта пріобрѣтена отъ одного любителя и знатока, собиравшаго ихъ лѣтъ тридцать. Среднюю цѣну можно указать рублей въ 50 за экземпляръ. При недорогой цѣнѣ, нѣкоторыя отдѣльныя вещи весьма замѣчательны и хорошо выполнены. Здѣсь между прочимъ есть рисунки Вл. Маковскаго, Шишкина, Боголюбова, Гуна, Келлера, Говарта, Тенкате и другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ художниковъ. Коллекція весьма заслуживающая вниманія цѣнителей.

Жемчугъ и перламутръ. Исторія повѣствуетъ, что Клеопатра, желая ослѣпить Антонія блескомъ своего великолѣпія, послѣ одного роскошнаго пира, вынула изъ своихъ серегъ жемчужину, стоимостью въ полмилліона рублей, растворила ее въ винномъ уксусѣ и осушила содержимое кубка за здоровье Антонія. Вѣренъ ли этотъ разсказъ? Онъ считался, по крайней мѣрѣ, вѣрнымъ до тѣхъ поръ, пока одному ученому не пришла мысль повторить опытъ Клеопатры. Взятая имъ жемчужина, разумѣется, далеко уступала по стоимости жемчужинѣ египетской царицы. Опытъ показалъ, что жемчугъ не растворяется въ винномъ уксусѣ. Раковины, изъ которыхъ добывается перламутръ, водятся не у самаго острова Таити, а образуютъ поясъ вокругъ одного уединеннаго острова Таитскаго архипелага, населеннаго небольшимъ племенамъ Туамату, которое исключительно занимается ловлею жемчужныхъ раковинъ; въ послѣдней принимаютъ участіе не только мужчины, но также женщины и даже дѣти.

Извѣстный пловецъ Бойтонъ чуть было не сдѣлался жертвою пари. Онъ держалъ именно пари, что съумѣетъ заложить торпедо, конечно, безъ пороха, и, слѣдовательно, безвредное, подъ стоявшій на якорѣ въ нью-іоркской гавани англійскій броненосецъ „Garnet". Въ тотъ моментъ, когда Бойтонъ намѣревался уже привести свой планъ въ исполненіе, англійскіе часовые замѣтили его и, принявъ за динамитчика или фенія, дали по немъ залпъ. Раненый двумя пулями, Бойтонъ, вѣроятно, поплатился бы за свою шутку жизнью, еслибъ онъ не сдѣлалъ послѣдняго усилія и не крикнулъ своей фамиліи капитану броненосца. Тотчасъ смекнувъ въ чемъ дѣло, капитанъ приказалъ спустить катеръ, который доставилъ изнемогавшаго уже Бойтона на судно. Раны его довольно тяжелы, но жизнь, повидимому, не въ опасности.

Автографы Наполеона I.

Хотя графологія, т. е. умѣніе опредѣлять характеръ человѣка по особенностямъ его почерка, не нова, но только въ наше время она возведена на степень науки. Каждая черта, каждый изгибъ, разстояніе между буквами, острота ихъ и округленность служатъ для подробной характеристики пишущаго. Наиболѣе характеристическія черты обыкновенно заключаются въ подписяхъ, такъ что графологу не трудно по немногимъ словамъ имени и фамиліи опредѣлить выдающіяся черты характера замѣчательныхъ людей. Подписи Наполеона I, напр., необыкновенно своеобразны и интересны; помѣщаемъ образцы ихъ изъ всѣхъ періодовъ жизни французскаго императора. Начнемъ съ подписи 16-ти-лѣтняго Бонапарта, кадета военной школы въ Парижѣ въ 1785 году:

Онъ аккуратно прописываетъ еще всѣ свои отличія и званіе, чего не дѣлаетъ уже въ 1793 году, будучи батальоннымъ начальникомъ, обуреваемымъ самыми честолюбивыми планами:

Въ качествѣ генерала арміи онъ подписывалъ только:

Подпись Наполеона на островѣ Св. Елены была слѣдующая.

Она находится подъ прощальнымъ письмомъ къ Ласъ-Казасу добровольно послѣдовавшему за нимъ, но который не могъ тамъ оставаться.

Очень возможно, что проектъ итальянскаго похода, поданный Наполеономъ французскому военному министру 29-го Нивоза:

IV года, т. е. 19-го января 1796 года, и для выполненія котораго онъ былъ призванъ, съ умысломъ былъ подписанъ имъ:

Титулъ генерала долженъ былъ повидимому придать смѣлому, только 21-хъ-лѣтнему, прожектеру опытность. По достиженіи имъ званія главнокомандующаго, онъ въ угоду французамъ, сократилъ свою подпись на букву *u* и сталъ подписываться, или какъ значится подъ оригиналомъ его извѣстной прокламаціи, изданной имъ въ Миланѣ 20 мая 1796 года.

Какъ главнокомандующій экспедиціей въ Египетъ онъ подписывался:

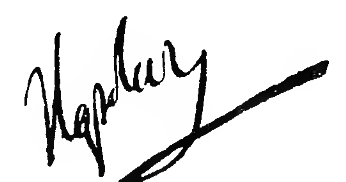
30-го іюля 1798 г. въ Каирѣ; какъ первый консулъ и консулъ пожизненный; наконецъ какъ императоръ 25-го мая 1804 года:

Очень изящно подписано письмо, адресованное свергнутымъ императоромъ 14-го ноября 1815 года принцу регенту, впослѣдствіи королю англійскому Георгу IV:

Подпись эта, одна изъ первѣйшихъ подписей его какъ императора, вполнѣ сохранилась до 1806 года. Вотъ инструкція, данная Массенѣ, командовавшему 50,000 человѣкъ въ 1805 году въ верхней Италіи:

„Je compte passer le Rhin le 5 Vendémiaire, je ne m'arrêterai pas que je ne sois sur l'Inn et plus loin. Je me confie à votre bravoure, à vos talents. Gagnez moi des victoires. Napoléon“. (Разсчитываю перейти Рейнъ 5 вандемьера; не остановлюсь пока не буду на Иннѣ и далѣе. Полагаюсь на вашу храбрость и таланты. Одержите побѣды. Наполеонъ). Сохранилось также полное имя императора; инструкція помѣчена 18-го сентября въ Ст. Клу:

Прокламація послѣ битвы подъ Аустерлицомъ 5-го декабря 1805 г. подписана еще:



По гъ похода въ 1806 году, заглавныя буквы заступали мѣсто подписи:

Въ Варшавѣ 27-го января 1807 года онъ подписался:

Далѣе въ Тильзитскомъ лагерѣ, въ іюнѣ 1807 года:

Такія полныя подписи встрѣчаются впослѣдствіи очень рѣдко: онѣ замѣнены обыкновенно первою буквою, напр. въ приказѣ изъ Мадрида 7-го декабря 1808 года:

и изъ Вальядолида 8-го января 1809 года:

Въ началѣ 1809 года императоръ писалъ Массенѣ изъ Донауверта: „Activité, activité, vitesse. Je me recommande à Vous. Napoléon“ (Дѣятельность, дѣятельность, скорость. Поручаю себя Вамъ Наполеонъ).

Прокламація изъ Регенсбурга отъ 24-го апрѣля 1809 года подписана

Декретъ изъ Шенбрунна, въ маѣ того же года:

Въ Москвѣ 21-го сентября 1812 г. императоръ подписался:

а 6-го октября, за нѣсколько дней до роковаго выхода:

Слѣдующая подпись 7-го октября 1813 года, сдѣланная въ Дрезденѣ, въ то время, когда императора тѣснили со всѣхъ сторонъ, съ цѣлью отодвинуть его къ Лейпцигу, свидѣтельствуетъ о его тогдашней нерѣшительности. Онъ два раза зачеркнулъ свое имя и наконецъ написалъ его въ третій:

Замѣчательна также подпись 22-го октября 1813 г., три дня спустя послѣ битвы подъ Лейпцигомъ:

Въ Фонтенебло, 4-го апрѣля 1814 г. онъ подписался:

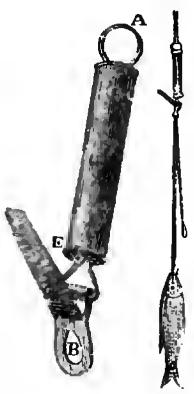
и на островѣ Эльбѣ въ сентябрѣ того же года.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. Единственный складъ у П. Ф. Каратаева, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейскурантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копѣечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к.; выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 1119 1—1

НОВОСТИ

полученныя изъ-за границы къ лѣтнему сезону, высылаются съ первой почтой:

ПО 4 РУБ. ВЕЩЬ:

1) **Американскій фильтръ** для очищенія воды, необходимый въ особенности весной для предупрежд. заразныхъ болѣзней.
2) **Газовая свѣча** (нов. изобрѣт.). Горитъ яркимъ пламенемъ въ 4 рожка; обходится не дороже стеариновой.
3) **Часы** карманные солнечные, съ комп.
4) **Англійскій приборъ для уженія рыбы** съ механическимъ подсѣкателемъ, нѣсколькими удочками и всѣми принадлежностями.
5) **Самоучитель рисованія.** Большой ящикъ красокъ, кисти и печати, руковод.

ПО 6 РУБ. ВЕЩЬ:

6) **Камеръ-Обскура,** съ помощью которой можно снимать портреты, виды и проч.
7) **Микроскопъ** большой, въ деревянномъ футлярѣ, увеличивающій въ 1,000 разъ.
8) **Полевая зрительная труба,** приближающая на нѣсколько верстъ.
9) **Волшебный фонарь** съ большимъ количествомъ картинъ.

ПО 7 РУБ. ВЕЩЬ:

10) **Барометръ** металлич., усовершен. конструкціи, предсказыв. всѣ перемѣны погоды: ясную погоду, сушь, дождь, бурю и проч., съ книгою о примѣн. къ сельск. хоз.
11) **Часы кабинетные** столовые, изъ никкеля, изящной работы, съ вѣрнымъ ходомъ.
12) **Пароходъ,** дѣйствующій паромъ.

ПО 10 РУБ. ВЕЩЬ:

13) **Аппаратъ** для приготовл. шипуч. водъ.
14) **Часы карманные американскіе,** чрезвычайно изящные, съ вѣрнымъ ходомъ.
15) **Паровая машина** (полная модель), дѣйствующая паромъ, безопасная.

ПО 12 РУБ. ВЕЩЬ:

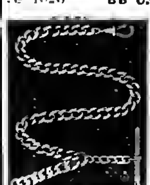
16) **Пара телефоновъ** съ принадлежн. Весьма примѣнимы въ сельск. хозяйствѣ.
17) **Электрическій двигатель** съ батареей и всѣми принадлежностями.
18) **Локомотивъ** (полная модель), дѣйствующій паромъ.

Всѣ 18 вещей высылаются за 115 р. Всѣ цѣны означены съ пересылкой, но за пересылку въ Азіатскую Россію и на Кавказъ прибавляется 10%.

Всѣ требованія адресуются: въ Москву, въ контору „Дѣтской Библіотеки“ (Петровка, д. Кредитнаго Общества). № 1134

ПАРИЖСКІЯ ЦѢПОЧКИ ДЛЯ ЧАСОВЪ.

Не отличить отъ настоящаго золота! Ручательство—5 лѣтъ, что не почернѣютъ! Предлагаетъ депо **Василія Аурихъ,** Больш. Морская, д. 17, кв. 6, парадн. лѣстница. № 1020 въ С.-Петербургѣ. 10—7



МУЖСКІЯ ОДИНОЧН. въ 2, 3½ и 4½ руб. Двойныя въ 4½, 5½, 7 и 8 руб. **ДАМСКІЯ СЪ КИСТЬЮ** въ 4, 5, 6, 6½, 8 и 9 руб. **КАРАНДАШИ** въ 1, 1½, 1½ и 2 руб. **Ключики** по 75 коп. **Пересылка 50 коп. Торговцамъ скидка.**

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи для банкирской конторы **А. ЗИНГЕРЪ и К°**, въ С.-Петербургѣ. Невскій пр. № 18. Р. № 1043 7

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

И. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ.

Только что поступилъ въ продажу 6-мъ, значительно измѣненнымъ и добавленнымъ изданіемъ „ЮЖНО-РУССКІЙ ОРНАМЕНТЪ“, собранный А. ЛИСЕНКО, съ прибавленіемъ узоровъ М. ХРУЩОВОЙ. Изданіе И. А. Розова. Роскошный альбомъ, вмѣщающій въ себѣ множество самыхъ красивыхъ и разнообразныхъ узоровъ для вышиванія мужскихъ и женскихъ рубахъ, фартуховъ, полотенецъ, скатертей, салфетокъ и проч., и алфавиты для мѣтки. Много цвѣтовъ, розъ и растеній, въ высшей степени красивыхъ въ вышивкахъ. **Къ 6-му изданію приложены прекрасные и чрезвычайно оригинальные узоры М. Хрущевой, отпечатанные отъ 5 до 11 цвѣтовъ: Кіево-Печерская Лавра и Пещеры съ окружающей мѣстностью; Памятникъ св. Владиміра и видъ на Днѣпръ, Послѣднее дѣйствіе комедіи „Горе отъ ума“. Демонъ и Тамара.** Изданіе это по своей роскоши и разнообразію рисунковъ превосходитъ первыя 5-ть изданій, а тѣмъ болѣе все существующее въ этомъ родѣ. Издатель не пощадилъ труда и средствъ, чтобы настоящій альбомъ орнаментовъ вышелъ дѣйствительно образцовымъ и служилъ бы настольною и необходимою вещью для дамъ и дѣвицъ. **Насколько альбомъ А. Лисенко образцовый, служило доказательствомъ его громаднѣйшее распространеніе въ Россіи и за границей, вышедшій 6-мъ изданіемъ,** что у насъ большая рѣдкость и получившій самые лестные отзывы въ газетахъ: **„Новое Время“. „Кіевлянинъ“, „Заря“ и друг.**

При всемъ улучшеніи какъ съ технической, такъ и съ художественной стороны, и значительными измѣненіями и добавленіями, цѣна назначена та же, что и на первыя пять изданій—**2 р. 50 к., съ пересылкою 3 р. Укупорка въ доскахъ.**

(Книжнымъ и моднымъ магазинамъ, покупающимъ въ большомъ количествѣ, дѣлается уступка).

Новыя книги, находящіяся на складѣ въ книжномъ магазинѣ И. А. РОЗОВА, въ Кіевѣ.

Минховскій А. Женственность (автора соч. „Типы душевнаго развитія“). **Содержаніе:** I. Женственность. II. Незначительность половыхъ отличій. III. Спеціализація женской природы. IV. Тѣлесныя особенности женщины. V. Душевныя способности женщины. VI. Кокетство. VII. Спеціальная дѣятельность женщины. VIII. Любовь. IX. Матеріальная зависимость половъ. X. Уваженіе силы. XI. Общій обзоръ. XII. Заключеніе. **Изданіе 2-е, исправлен.,** цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Под высоцкій В. Кефиръ. (Бродило и напитокъ изъ коровьяго молока), его исторія, приготовленіе, составъ, физіологическое и терапевтическое значеніе. **Изд. 4-е.** Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Коципиньскій А. Полный сборникъ малорусскихъ любимыхъ пѣсенъ, подъ названіемъ „Думки и шумки руського народа на Подоли, Украинѣ и въ Малороссіи“. Цѣна 50 к., съ пер. 65 к.

Якоби А. (проф. дѣтскихъ болѣзней въ Нью-Іоркѣ). **Уходъ за дѣтьми и выкармливаніе ихъ. Изд 2-е.** Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. **Примѣчаніе:** Въ этой книгѣ авторъ подробно и популярно знакомитъ съ діэтетикой дѣтей со дня рожденія и заканчиваетъ главой: „Время, когда слѣдуетъ начинать обученіе“.

Раевскій II. Сцены и разсказы изъ малорусснаго народнаго быта, 2 книги, цѣна каждой по 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. **Примѣчаніе:** Настоящія сцены вышли 4-мъ изданіемъ, и распроданы въ количествѣ 10,000 экз.; это объясняется ихъ содержательностью и величайшимъ юморомъ, и притомъ онѣ доступны пониманію каждаго читающаго.

Писаревъ Ф. Малороссійско-Червонно-русскій словарь живаго народнаго письменнаго и актоваго языка русскихъ южанъ, Россійской и Австрійско-Венгерской имперіи. **Изд. 2-е, исправленное и значительно пополненное.** Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Бѣлецкій-Носенко П. Приказни (на малорусскомъ языкѣ), въ 4 хъ частяхъ, 16-ти книжкахъ. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

Гуцинскій В. Голосъ Украины послѣ 1861 г. (на малорусскомъ языкѣ). Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Бѣлецкій-Носенко П. Гостинецъ землякамъ. Казки сліпого бандуриста, чи співи об різныхъ річахъ (на малорусскомъ языкѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Веберъ А. (проф. Страсбургскаго университета). **Исторія европейской философіи.** Переводъ со 2-го французскаго изданія II Линниченко и В. Подвысоцкаго, **подъ редакціей и съ предисловіемъ проф.** философіи при университетѣ св. Владиміра **А. А. Козлова.** Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 25 к.

Азбука русской семьи и школы (новая), для одновременнаго обученія дѣтей: закону Божію, русскому и церковно-славянскому, чтенію по звуковому методу, письму, грамматикѣ родного языка, ариѳметикѣ и церковному пѣнію по нотамъ, составлена свящ. **Даниломъ Аблазимымъ и Николаемъ Абламскимъ.** Прекрасная и содержательная книга. Все изложено въ высшей степени понятно. „Имѣя настоящую книгу, нѣтъ надобности пріобрѣтать дорого стоющія: грамматики, ариѳметики, хрестоматіи и др.“. Такой отзывъ объ этой книгѣ. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. При выпискѣ единовременно не менѣе 10 экз. пересылочные не высылаются.

Всѣ вышеозначенныя изданія высылаются въ день полученія денегъ (мелочь можно высылать марками). **Къ каждой посылкѣ прилагается безплатно только что вышедшій полный каталогъ книгъ, по всѣмъ отраслямъ знаній, книжнаго магазина И. А. РОЗОВА** (не такой какъ обыкновенно разсылаются при газетахъ, на одномъ листѣ, въ которомъ невозможно отыскать стоимости классическихъ сочиненій, учебниковъ и вообще нужныхъ и капитальныхъ произведеній, а наполненный, въ большинствѣ случаевъ, сочиненіями одностороннихми), **и каталогъ нотъ музыкальнаго магазина Болеслава Корейво. АДРЕСЪ: Кіевъ, къ книгопродавцу-издателю И. А. РОЗОВУ.** № 1121

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ.

№ 1130

Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 руб. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.**

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—7

2 золотыя медали:

Брюссель 1880 - Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у **Штоль и Шмидта;** въ магаз. A la Renommée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ТРЕТЬИМЪ ИЗДАНІЕМЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ

Вс. С. Соловьева

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Въ 2-хъ частяхъ, съ 20-ю прекрасно выполненными рисунками художника И. С. Панова и множествомъ виньетокъ. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Съ требованіями обращаться въ главную контору журнала „Нива“ въ С.-Петербургѣ.

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—7

Цѣна за флаконъ **35** коп. Съ пересылкой 2 флак. **1** руб., 4 флак. **1** руб. **70** коп., 6 флак. **2** руб. **40** коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

самаго высшаго качества, на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ награжденъ только наивысшими преміями; можно имѣть во всѣхъ больш. парфюмери. магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. С. № 3728 18—9

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ.

Рѣзецъ и аппаратъ для шитья петель на всякой матеріи и бѣльѣ. Цѣна 3 р. съ перес. Продажа оптомъ и въ розницу.

П. ВАКОНЬ

№ 9. Гороховая ул., д. Лембке, кв. № 8., въ С.-Петербургѣ.

№ 1129 1—1

ОПТОМЪ.

ВЪ РОЗНИЦУ.

Р. № 1123

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

НОВЫЙ СОРТЪ РУЧНАГО ОРГАНА:

АРИСТОНЪ-АНТИКЪ,

болѣе прочной и лучшей работы противъ бывшихъ въ продажѣ до сихъ поръ аристоновъ, съ болѣе пріятными и прочными голосами, и вслѣдствіе большаго спроса имѣю возможность продавать новый сортъ по прежней цѣнѣ, а именно:

съ 10-ю пьесами по выбору

25 р.

отдѣльныя пьесы, состоящія изъ лучшихъ танцевъ, оперъ, оперетокъ, русскихъ пѣсенъ и др. по 60 коп. Пьесы, пріобрѣтенныя къ прежде бывшимъ въ продажѣ аристонамъ, **подходятъ къ антикъ-аристонамъ.** Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно, на пересылку прошу прилагать за 40 фун. Каталогъ пьесъ для аристона высылается безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ

ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ, С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36. Отдѣленіе: Гороховая, д. № 32. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ПОЛУ-СУХОЕ. — РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. — РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ. — ОЧЕНЬ СУХОЕ

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ. Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1860 „	2. Филадел. выстав. медаль	1876 „
4. Похвальный отзывъ	1864 „	3. Париж. выст. поч. отз.	1878 „
5. Серебряная медаль	1865 „	4. Амстердам. выст. медаль	1883 „
6. Серебряная медаль	1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл.	1883 „
7. Медаль	1870 „	ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:	
8. Золотая медаль	1872 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.	
9. **Высочайшая благодарность**	1875 „	2. Съ 1872 г. по 1882 г.	
10. Золотая медаль	1882 „		

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено **изъ чистаго русскаго виноградняго вина**, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. **1 р. 50 к. за бутылку.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

ПО 2 Р. ЗА БУТ.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Произведенія разсмотрѣны и разрѣшены СПБ. Врачебнымъ Управленіемъ.

КРАСОТА И СОХРАНЕНІЕ КОЖИ.

Вода де Лисъ де Нинонъ придаетъ кожѣ бѣлизну и прозрачность, предохраняетъ ее отъ загара, краснопы, прыщей и проч. Необходима зимою противъ накожныхъ трещинъ и для освѣженія кожи, разгоряченной газомъ и дурнымъ воздухомъ, лѣтомъ оно лучшее средство отъ загара и воспаленія вызваннаго пылью и солнцемъ. Цѣна больш. флак. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Кремъ де Лисъ де Нинонъ имѣетъ тѣ же свойства какъ вода де Нинонъ и рекомендуется преимущественно лицамъ употребляющимъ Кольдъ Кремъ, котораго онъ превышаетъ качествомъ. Цѣна за банку 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Пудра де Нинонъ. Необходимое дополненіе къ Водѣ или Кремъ де Лисъ де Нинонъ и замѣняющая всѣ другія пудры.

Цѣна за коробку 75 к., съ пересылкою 1 р.
„ съ пуховкою 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ПРОДАЖѢ:

На Невскомъ просп., въ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, домъ Католической церкви. **№ 32,** и у **Аничкова моста,** домъ № 66.

На Вознесенскомъ проспектѣ, уголъ Казанской ул., № 18 м, домъ Шредера.

Оптовая продажа и отправка почтовая въ Конторѣ С.-Петерб. Химич. Лабораторіи, по Измайл. просп., № 21. Описаніе и способъ употребленія высылается по желанію безплатно. № 1128

ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ УТВЕРЖДЕННОЕ

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

„Н. ДОНИЧЪ“

МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.

ЗАЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТ. И ВЫДАЮТСЯ СПРАВКИ: О ПРОДАЖѢ, ЗАЛОГѢ, АРЕНДѢ, ПОКУПКѢ НЕДВИЖИМОСТИ И ДВИЖИМОСТИ; О КАПИТАЛАХЪ ПОДЪ ЗАЛОГЪ НЕДВИЖИМ. И ДВИЖИМОСТИ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВО ВСѢ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ; ПОСТОЯННЫМЪ КЛІЕНТАМЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ВСѢ ДѢЙСТВІЯ „СПРАВОЧНАГО БЮРО“ БЕЗЪ КОММИССІОНЕРСТВА.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу 1/8% коммиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе **15 рублей** и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно, кромѣ того прямая выгода г.г. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому, что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—3

Банкирская контора

Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Д. СКАВРОНСКАГО.

Бассейная улица, д. № 8. СПб.

Токарные станки для обработки дерева и металла, имѣются готовые и на заказъ отъ 40 р., съ супортомъ 55 р. № 1133

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.

Прейсъ-куранты на нѣм. и франц. яз. безплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. оригин. иллюстр. собачьихъ расъ, получившихъ всѣ I награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с. R. № 1127 3—1

НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА

№ 1131

въ 22-хъ верстахъ отъ г. Ялты, въ 58 верс. по шоссе отъ г. Севастополя, близъ Алупки, въ Лименѣ, на дачѣ г. Смѣлова, отдаются меблированныя комнаты съ полнымъ пансіономъ, т. е. утреннимъ и вечернимъ чаемъ, завтракомъ и обѣдомъ, а также съ постельнымъ бѣльемъ и прислугой, съ персоны, занимающей одну комнату, отъ 60 до 120 р. въ мѣсяцъ. Въ 4 верстахъ отъ дачи, на Кекенеизской почтовой станціи ежедневный пріемъ и выдача простой и денежной корреспонденціи и посылокъ. За особою плату можно получать молоко, верховыхъ лошадей и экипажъ; съ 15-го августа начало виноградного леченія. Адресъ: на Кекенеизскую почтовую станцію. Таврической губерн., въ Лимену, **Ивану Васильевичу Смѣлову.**

ШВЕДСКІЙ БАЛЬЗАМЪ

„ЭЛЕОПАТЪ“

◆ ПРОВИЗОРА КИНУНЕНА ◆

употребляется **для останавливанія выпаденія волосъ и противъ столь вредной для роста волосъ перхоти.**

Продается въ С.-Петербургѣ во всѣхъ косметическихъ магазинахъ, въ Москвѣ и провинціи—во всѣхъ большихъ аптекахъ и у **дрогистовъ**; цѣна флакону 1 руб. **50** коп. безъ пересылки.

Провизоръ КИНУНЕНЪ.

Въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ розыгрышъ

XI ЛОТЕРЕИ

въ пользу школъ СПБургскаго Женскаго Патріотическаго Общества

Всего 37,500 билетовъ, выигрышей 500, которые состоятъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей на 20,000 руб. № 1120

Главный выигрышъ въ 7,000 руб.

Цѣна билету 1 рубль

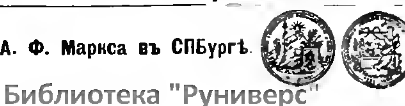
Билеты можно получать въ Канцеляріи Общества, по Казанской ул., д. № 5.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозв. ценз. СПБ. 22 мая 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.



XVI годъ | № 22

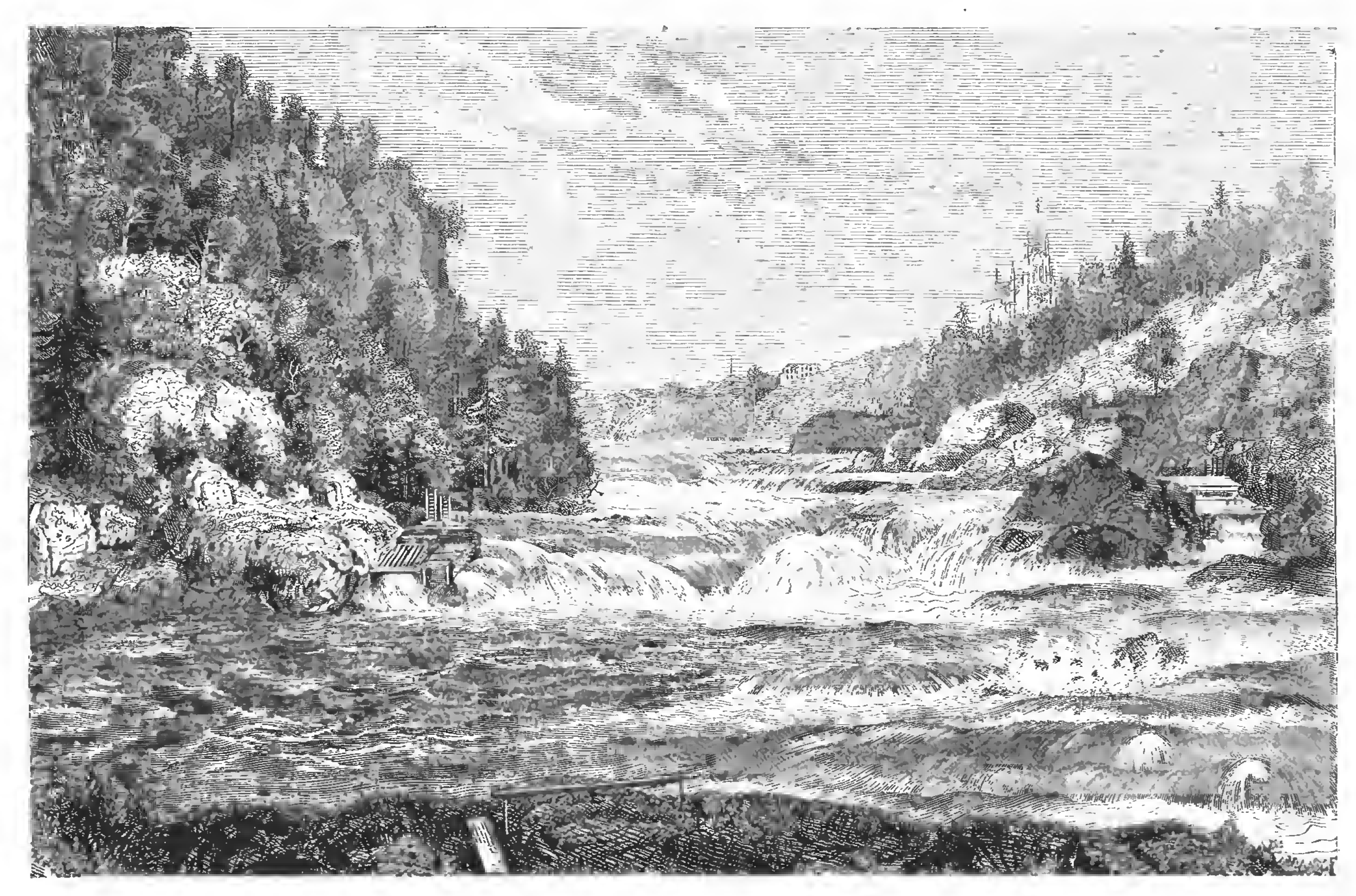
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 Іюня 1885 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1885 г., съ 24 гравюрами и отдѣльнымъ листомъ съ 33 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 27 рисунками вышивальныхъ работъ.



Гельветскій водопадъ (Трольгетта) въ Швеціи. Рис. Зонъ, грав. Рейхе.

Трольгетскіе водопады въ Швеціи.

Вся южная часть Швеціи прорѣзана многочисленными каналами, которые по справедливости обезсмертили имя ихъ строителя—инженера Эриксона. Эти каналы связываютъ между собою озера, соединяютъ рѣки и представляютъ какъ людямъ торговымъ, такъ и туристамъ, много удобствъ для быстраго и легкаго сообщенія. Такъ по Далсландскому каналу можно въ однѣ сутки добраться отъ Норвежской границы до озера Венернъ. Это озеро, огромный внутренній бассейнъ, самая обширность котораго значительно вредитъ его живописности. Берега здѣсь скрыты далью и кажутся лишь туманными силуэтами; только при лучахъ заходящаго солнца, на озерѣ Венернѣ, какъ и на другихъ озерахъ Швеціи, можно наблюдать очень эффектное явленіе: очаровательные призраки то плавучихъ островов, то грандіозныхъ фантастическихъ зданій, которые по приближеніи къ нимъ, безслѣдно исчезаютъ. На южной оконечности озера Венернъ лежитъ небольшой городокъ Венерсборгъ, который сообщается съ Готенбургомъ и Каттегатомъ посредствомъ Готскаго канала. Послѣдній идетъ постоянно по одному направленію съ теченіемъ Гота-Эльфъ, исключая лишь того мѣста, гдѣ эта рѣка, быстро измѣняя свой уровень, образуетъ цѣлый рядъ водопадовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Трольгетты. Самое названіе взято изъ народной легенды и буквально значитъ „шапка домоваго". По этой народной легендѣ, здѣсь, вблизи водопадовъ, произошелъ поединокъ сына Эльфова Старкодера Алудранга съ домовымъ Хергримеромъ, за обладаніе красавицей Оге. Сынъ Эльфовъ палъ въ бою, а прелестная Оге сама лишила себя жизни, бросившись въ страшную пучину водъ. Общій видъ Трольгетскихъ водопадовъ чрезвычайно живописенъ и, по мнѣнію путешественниковъ, производитъ гораздо болѣе впечатлѣнія чѣмъ знаменитые водопады на Рейнѣ и въ Норвегіи.

Здѣсь, на обширномъ пространствѣ быстрая Гота-Эльфъ, сжатая высокими, скалистыми берегами падаетъ по обрывамъ, съ одной скалы на другую; то она низвергается въ пропасти, то скользитъ по легкому склону, то бѣшено бьетъ въ встрѣчаемые на пути обломки скалъ, кипитъ какъ въ котлѣ, покрывается вся пѣной и наконецъ лишь двѣсти футовъ ниже, выйдя на просторъ, обрѣтаетъ прежній покой и прежнюю зеленую прозрачность водъ.

Маленькій городокъ Трольгетенъ (3000 жит.) имѣетъ нѣсколько заведеній и фабрикъ, и они всѣ пользуются силой водопадовъ, которую считаютъ въ 225000 лошадиныхъ силъ. Трольгетскихъ водопадовъ собственно шесть и нѣкоторые изъ нихъ очень живописны, какъ напр. изображенный здѣсь водопадъ Гельветскій. Вышина всѣхъ водопадовъ до 100 футовъ. Ни одинъ изъ шести водопадовъ не падаетъ прямо съ кручи, какъ напр. Рейнскій, но скатъ ихъ пологій, каждаго не менѣе какъ по 450 фут. длины. Главный водопадъ раздѣленъ островами. Такъ велика здѣсь стремящаяся водная масса, что въ Европѣ нѣтъ ничего ей подобнаго. По особенную достопримѣчательность, достойную удивленія, представляетъ упомянутый выше обходный Готскій каналъ, съ огромными шлюзами и мостами, проходящій озеро Экерсъ. Тутъ пропускаютъ суда и пароходы, ходящіе между Готенбургомъ и Стокгольмомъ. Чрезвычайная живописность мѣста привлекаетъ сюда много путешественниковъ.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

(Продолженіе).

— Зачѣмъ ты дала ему револьверъ? спросила Варвара съ тѣмъ же вѣчно улыбающимся насмѣшливымъ лицомъ.

— А не знаю, зачѣмъ онъ взялъ у меня револьверъ. Можетъ быть, хочетъ ночью въ лѣсу волковъ стрѣлять, можетъ быть, хочетъ застрѣлить меня, не безъ тайной насмѣшки надъ любопытствомъ сестры отвѣчала Олимпіада.

— Какой вздоръ!

— Будетъ очень интересное романическое событіе, если вдругъ я буду застрѣлена изъ ревности.

— Къ кому? спросилъ Самославскій. который только одинъ и вертѣлся около дамъ, пока лакеи убирали столъ.

— Къ вамъ.

— Я, кажется, не подалъ никакого повода.

— Еще бы! Но я проболталась, сказала. что вы когда-то признавались мнѣ въ своемъ особенномъ благорасположеніи.

Самославскій покраснѣлъ какъ ракъ, замигалъ и быстро исподлобья окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ.

— Если я начну пробалтываться, то всѣмъ будетъ не хорошо, проговорилъ онъ въ полголоса, очевидно задѣтый за живое.

— Надѣюсь. что вы никогда не проболтаетесь, какъ я выбросила васъ за дверь, когда вы вздумали ползать у ногъ моихъ.

— Олимпіада Захаровна! вспыхнулъ Самославскій и словно вдругъ выпрямился. Съ нимъ рѣдко случались такія вспышки, но эти вспышки такъ-же скоро потухали въ немъ, какъ и вспышки отсырѣвшаго ракетнаго пороха.

— Не горячитесь! спокойно замѣтила Олимпіада: вы пригрозили, что намъ будетъ плохо, если вы вздумаете пробалтываться, но развѣ на меня вы не сплетничали, не мстили мнѣ за равнодушіе къ вашимъ достоинствамъ—и, смѣю думать, не особенно повредили мнѣ вашимъ языкомъ. Но теперь я прямо объявляю вамъ: если вамъ вздумается, въ пьяномъ видѣ или въ трезвомъ, всуе упоминать мое имя: мой отецъ попроситъ васъ немедленно покинуть насъ.

— Я давно уже чувствую. что я здѣсь лишній, проговорилъ Самославскій уже замѣтно чего-то струсившій и какъ бы съежившись: но я никогда-съ... никогда, убей меня Богъ! не злоупотреблялъ вашимъ именемъ и не понимаю, за что вы мстите мнѣ.

— Я мщу вамъ?!.. Вотъ какого вы о себѣ мнѣнія! Мстить намъ?.. за кого же вы меня принимаете?

— Знаю, что вы великодушны, Олимпіада Захаровна... но изъ за того, что когда-то, я, по молодости лѣтъ и по неопытности моей, былъ глупъ и осмѣлился надѣяться ..

— Не по неопытности, а по развращенности вашей душенки,—вотъ почему вы надѣялись. Вамъ казалось, что если я съ вами проста и фамильярна, то вы можете себѣ позволить все, и не спросясь, входить въ мою комнату. Не по неопытности, вы говорите вашимъ пріятелямъ, такимъ-же, какъ вы, неучамъ, что вы пьете горькую только потому, что я была къ вамъ неравнодушна и измѣнила вамъ...

— Никогда!.. кто могъ сообщить вамъ такое... такое ни съ чѣмъ несообразное... путался Самославскій. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ и внутренно корчился отъ затаенной злости и трусости.

— Ну, такъ чтобъ никогда этого и не было! А что касается до Аркашина, то знайте—и вы знайте! обратилась она къ сестрамъ: мнѣ онъ очень нравится, и если ему вздумается за меня посвататься, то я пойду за него, хотя бы противъ этого брака возстали не только вы—всѣ земныя силы и вся преисподняя—вотъ и все!

— Значитъ, сказала Варвара: это уже рѣшено. Онъ тебѣ нравится, ты хороша собой и богата, ты тоже не можешь не нравиться... стало быть, дѣло это рѣшеное?

— Не знаю, какъ для васъ, а для меня это дѣло еще далеко не рѣшеное; но — думайте, какъ хотите! мнѣ все равно!

Олимпіада вышла изъ столовой и прошла въ свою комнату.

Варвара Захаровна обратилась къ Самославскому и протянула:

— Охота вамъ ввязываться въ разговоръ...

— Ахъ, Варвара Захаровна! если бы вы знали, какъ все это преувеличено. Я точно—года два тому назадъ, когда еще Захаръ Олимпьевичъ приняли во мнѣ участіе, немножко опалѣлъ и возгордился, такъ сказать,

родственнымъ со мной обращеніемъ. Но что же это за преступленье? Поцѣловать ручку, сказать комплиментъ— развѣ это преступленіе? И развѣ съ тѣхъ поръ далъ я какой нибудь поводъ... Боже мой! какое злопамятство, и какой я несчастный человѣкъ! Есть-ли на свѣтѣ кто нибудь меня несчастнѣе? И послѣ этого вы хотите, чтобъ я иногда не выпилъ лишнее! Ахъ, Варвара Захаровна! и вы. Ольга Захаровна! будьте хоть вы моими заступницами! Ну, куда я пойду? Я сирота, нищій, не знаю ни кто мой отецъ, ни гдѣ настоящее гнѣздо мое— куда же я дѣнусь, если меня выгонятъ?

Варвара Захаровна сказала на это:

— Только не пьянствуйте, и никто никогда васъ не выгонитъ.

Ольга-же Захаровна почему то потупилась, вздохнула и произнесла какъ бы про себя:

Ахъ! всюду страсти роковыя
И отъ судебъ защиты нѣтъ!

Быть можетъ, въ эту минуту она думала о страстяхъ своего вѣтреннаго супруга и въ глубинѣ души своей горько плакалась на его несвоевременное отсутствіе.

XXVIII.

Дверь отведенной Аркашину комнаты, отъ столовой была по корридору вторая; пріотворивъ дверь, онъ, конечно, могъ бы слышать тотъ разговоръ, который мы только что привели. Но Аркашину совѣстно было подслушивать; онъ понялъ, что идетъ какая то ссора. Онъ слышалъ и свое имя, произнесенное устами Олимпіады, ему показалось, что рѣчь шла о немъ и что она за него заступается. Услыхавъ шаги ея, онъ притворилъ дверь, сѣлъ на кресла и незамѣтно задремалъ... Ему хотѣлось отдохнуть душой, головой и сердцемъ, хотѣлось собраться съ новыми силами, чтобы исполнять причуду избалованной и, какъ ему казалось, изъ ряду вонъ выходящей барышни.

Но многое изъ того, что впродолженіи дня онъ отъ нея выслушивалъ, до такой степени занимало умъ его и наводило на разныя размышленія, что даже заснуть хорошенько ему не удавалось. Въ особенности слѣдующія слова Олимпіи врѣзались въ его памяти:

— Ахъ, говорила она ему,—какъ бы я была рада, еслибы были на свѣтѣ черти, вѣдьмы, лѣшіе, русалки, домовые и пр. и пр., легче бы мнѣ жилось, я бы любила ихъ больше, чѣмъ тѣхъ ничтожныхъ людишекъ, которые и любить то не умѣютъ, даже на зло неспособны. Будь я вѣдьма, съ какой бы радостью сѣла я верхомъ на помело и ринулась бы въ бездну морозной, звѣздной ночи и понеслась бы на какую то чортову, Лысую гору!..

Какъ связать это съ ея непреложнымъ намѣреніемъ не покидать больнаго отца, быть при немъ до конца его жизни и беречь покой его, какъ это связать съ ея явнымъ нежеланіемъ ѣхать въ Петербургъ и окунуться въ свѣтскія развлеченія... Какъ будто это не такой же шабашъ, на которомъ можно завертѣться и закружиться до одурѣнія.

„Чѣмъ больше я съ ней говорю, думалъ про себя Аркашинъ,—тѣмъ меньше ее понимаю. Хоть бы и эта затѣя, чортъ возьми! Иди я ночью, и непремѣнно къ Чубаровой избѣ... и непремѣнно одинъ... что за идея! Какъ связать сумасбродную мысль эту съ ея практическимъ умомъ, съ ея холодною расчетливостью, съ ея любовью къ тишинѣ и порядку“.

„Вотъ, продолжалъ онъ думать,—дала мнѣ свой револьверъ, сказала: „возьмите на непредвидѣнный случай...“ А если случится мятель, и я потеряю дорогу, если снѣгомъ занесетъ меня,—къ чему мнѣ пригодится револьверъ?!

„Ну, ужъ это дудки, чтобы я въ мятель пустился одинъ по лѣсу! Довольно и того, что могу встрѣтить волка, или пьяныхъ, которые меня ограбятъ и стянутъ шубу для того, чтобы пропить ее“.

Олимпіада, вернувшись въ свою комнату, гдѣ уже давно горѣла лампа, тотчасъ же позвонила, позвала свою любимую горничную, Ульяну, дѣвушку очень смѣтливую, бойкую и проворную, и, усѣвшись съ ногами на диванъ, стала отдавать ей свои распоряженія. Распоряженія эти, должно быть, были такъ необыкновенны, что Ульяна то и дѣло восклицала:

— Ахъ, барышня! что вы это! Да какъ же это! Хорошо-съ, хорошо-съ! слышу и все понимаю, но... какъ же вамъ не страшно, барышня моя милая! Ахъ, барышня!

— Надо же на святкахъ по святочному провести ночь! ступай и распорядись!

XXIX.

Весь вечеръ въ домѣ Варшавиныхъ прошелъ по святочному: въ кухнѣ собрались дворовые; старыя, пожилыя горничныя, вспоминая старину, напѣвали подблюдныя пѣсни, лакеи и кучера бражничали, молодыя ихъ сестры и дочери топили воскъ и вынимали его уже застывшимъ изъ заиндѣвшаго подъ нимъ снѣга, затѣмъ, не умѣя растолковать себѣ фигуры, которая выходила на тѣни отъ причудливыхъ формъ въ снѣгу отлившагося воска, бѣжали въ комнаты къ дѣвочкамъ, къ Кити и къ самой Олимпіадѣ Захаровнѣ, прося разсказать имъ, что означаетъ, что пророчитъ имъ эта тѣнь отъ воска на стѣнѣ, или на листѣ бумаги; разумѣется имъ никто не отказывалъ въ этомъ толкованіи, и каждый толковалъ по своему... Словомъ, старая жизнь большаго дворянскаго дома давала себя чувствовать—старина воочію совершалась. Только англичанка улыбалась, скалила зубы и думала про себя: „какія глупости!“ Аркашинъ тоже въ этихъ гаданьяхъ, а болѣе всего въ разсказахъ объ этихъ гаданьяхъ, принималъ невольно живое участіе, и на фантастическій тонъ настраивалась душа его... Незамѣтно за чайнымъ столомъ прошло около двухъ часовъ. Когда же на каминныхъ часахъ стрѣлка подвинулась на 30 минутъ двѣнадцатаго, Олимпія встала и сказала, что она пойдетъ къ себѣ въ комнату гадать въ зеркало, и при этомъ мелькомъ взглянула на Аркашина.

Тутъ только Аркашинъ что то вспомнилъ и проговорилъ, отходя къ окну:

— А какова то погода? пойду-ка и я послушать у амбаровъ, да окликну кстати какую нибудь прохожую, авось подскажетъ мнѣ имя моей суженой.

— Никто вамъ этого имени не подскажетъ, сказала Варвара,—сами должны его знать.

— Никто этого не знаетъ, тряхнувъ головою, сказалъ Аркашинъ и прошелъ въ свою комнату.

Тамъ онъ завернулъ въ платокъ пятиствольный револьверъ, перекрестился и, задувъ свѣчу, пробрался въ переднюю.

XXX.

Долго, въ высокихъ калошахъ, въ кашне, въ шубѣ, надѣтой въ рукава и съ револьверомъ въ ея карманѣ, стоялъ Аркашинъ на дворѣ, сзади освѣщенный фонаремъ, что горѣлъ у подъѣзда, спереди—полной луной, которая горѣла на чистомъ и звѣздномъ небѣ. Морозу было не больше 10 градусовъ, и было тихо. Къ нему подбѣжала черная собака, обнюхала его и повиляла хвостомъ; онъ ее погладилъ, пошелъ къ воротамъ и чуть не поскользнулся на льду, исчерченномъ подошвами мальчишекъ, которые съ разбѣга бѣгали по немъ, какъ на конькахъ, и образовали длинныя, на мѣсяцѣ отсвѣчивающія перламутровыя полосы.

У воротъ въ одномъ изъ флигелей еще горѣли огни и слышался хохотъ. Онъ опять остановился и поглядѣлъ назадъ, въ глубину двора. Тамъ, около самаго дальняго фонаря, у конюшенъ, кто то двигался.

Выставка въ Имп. Акад. Худ. „Деревенскіе охотники“. Картина Ковалевскаго.

По фотогр. Влад. Якобія, грав. М. Рашевскій.

Врачъ Антонъ Эренштейнъ у ложа больнаго татарскаго царевича Каракача, любимца Великаго Князя Ивана III.
Ориг. рис. Земцова, грав. Флюгель.

Но вотъ, изъ флигеля вышелъ какой то человѣкъ, въ пальто и ватной фуражкѣ, поглядѣлъ на Аркашина, снялъ передъ нимъ шапку и остановился, какъ солдатъ на смотру, вытянувшись и не двигаясь.

— Развѣ вы меня знаете? спросилъ Аркашинъ.

— Какъ же васъ не знать? Вы извѣстно-съ... кто же это васъ теперича не знаетъ—Валентинъ Петровичъ!

— Да почемъ же вы меня знаете?

— А я—Митрій, тотъ самый, что залъ и всѣ покои чищу и въ натуральный видъ привожу ежедневно... Какъ мнѣ не знать?

И Аркашинъ вспомнилъ это испитое, грубое лицо человѣка, который говорилъ съ нимъ, когда онъ въ первый разъ утромъ вздумалъ ходить по комнатамъ.

— Ну, Митрій, услужи мнѣ—на водку дамъ.

— Мы и безъ водки-съ...

— Вотъ что: какъ мнѣ ближе пройти на дорогу, что ведетъ къ Чуриловой избѣ?

— А вотъ, самое ближайшее, такъ сказать, направленіе, размахивая, какъ актеръ, руками, говорилъ Митрій, — мимо саду налѣво, потомъ направо, мимо гумна. Только зачѣмъ же вамъ къ Чуриловой избѣ?

— Да такъ... Не то, что къ Чуриловой избѣ, а такъ, въ лѣсу хочется пострѣлять немного, да проматься. Ночь-то, вишь ты, какая хорошая!

— Это точно-съ!.. ночь въ своемъ видѣ—настоящая рождественская...

— Ты до самой дороги проводи меня. Да къ тому же я и собакъ боюсь.

— Съ нашимъ большимъ удовольствіемъ. Только не ходите вы къ этой Чуриловой избѣ: тамъ не хорошо, не чисто...

— Да я не пойду далеко... а ты—надѣнь картузъ...

— А что я у вашей милости еще спросить хочу, подступилъ онъ,—правду ли говорятъ, будто бы вы женитесь?

— На комъ?

— Да ужъ извѣстно-съ... слухомъ земля полнится... ужъ вы меня извините, сдѣлайте такую вашу милость...

— Можетъ быть и женюсь, почемъ я знаю? Все отъ Бога... А ты все таки надѣнь картузъ.

— Точно, что все отъ Бога.

— Ну, такъ показывай же дорогу!

И Митрій, надѣвъ картузъ, пошелъ за нимъ, болтая и какъ бы задабривая его. Онъ хоть и отказался отъ водки, а все-таки ждалъ для себя подачки,—все-таки чего то ждалъ и усердствовалъ.

XXXI.

Проселокъ, по которому шагалъ Аркашинъ, шелъ до самой балки по ровному, лѣсистому мѣсту, шелъ онъ на какую то мельницу, и такъ какъ весной, по милости болотистой почвы, наводняемыхъ балокъ и сносимыхъ мостовъ, дорога эта оказалась не совсѣмъ удобною,—на мельницу нашлась другая дорога, которая и перетянула на свою сторону крестьянъ села Отраднаго, не столько потому, что была лучше, сколько потому, что кабакъ перешелъ на ту же, другую дорогу.

Зимой только господа, да семейство мельника и ѣздили по тому проселку, по которому шагалъ Аркашинъ.

Заблудиться ему было трудно, потому что кругомъ стоялъ лѣсъ, да и слѣды санныхъ полозьевъ были еще кое-гдѣ видны, при свѣтѣ полнаго, декабрскаго мѣсяца. Высоко стоялъ дискъ его на темномъ небѣ. Заиндевѣлый лѣсъ казался непроходимымъ; сѣрый мракъ, который наполнялъ его, мерцалъ серебряными искрами и бѣлыми пятнами, такъ какъ въ каждую прогалину между разрѣженными деревьями почти отвѣсно падали мѣсячные лучи и тамъ заводили фантастическую игру свою... Около дороги снѣгъ лежалъ валами, буграми и откосами, изъ подъ которыхъ, точно крестики на кладбищѣ, выглядывали побѣги молоденькихъ елокъ.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами Аркашина, какъ овесъ на зубахъ жующей лошади. Но... не ровны были шаги его... неувѣренной походкой шагалъ онъ, не такъ, какъ ходятъ деревенскіе люди, или богомольцы-странники; онъ безпрестанно то замедлялъ свою походку, то пріостанавливался, то запахивалъ свою шубу, то оглядывался.

Постоянный житель столицы, чиновникъ, привыкшій сидѣть за своимъ канцелярскимъ столомъ, не привыкъ онъ къ такимъ прогулкамъ. Ночь была удивительная, и, конечно, много поэтическихъ грезъ могло бы шевельнуться въ душѣ его, еслибы душа эта была спокойна, и еслибы онъ не трусилъ.

Не привыкъ онъ къ этимъ оптическимъ обманамъ, которые пугали его воображеніе; то казалось ему, что въ лѣсу, въ 20 шагахъ отъ него стоитъ женщина вся въ бѣломъ, точно въ саванѣ, то чудилось—изъ подъ куста выглядываетъ не то голова, не то черепъ, то раздается какой то тихій трескъ, то за нимъ кто то тихонько крадется.

Револьверъ въ карманѣ нисколько не утѣшалъ его. У него въ рукахъ никогда еще не было револьвера, и онъ положительно не зналъ даже, какъ и стрѣлять изъ него, да и руки, въ особенности пальцы, такъ зябли при 10 градусномъ морозѣ, что онъ пряталъ ихъ въ рукава, и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ все больше и больше паръ валилъ изъ ноздрей, и бѣлѣли его волосы, усы и борода.

„Чортъ возьми! очень мнѣ нужно было дать ей честное слово! отказался бы наотрѣзъ, да и только! Конечно, у меня было въ головѣ, что она не дура, и что безъ всякой цѣли, безъ всякой причины она не пошлетъ меня ночью отыскивать Чурилову избу!.. Чортъ ее возьми совсѣмъ!.. Шутка сказать—верста! Вѣдь это не Невскій проспектъ, для котораго одна верста—пустяки, и не замѣтишь, какъ пройдешь; а тутъ идешь, идешь—конца нѣтъ!.. Фу! Очень нужно совершать такіе подвиги!.. Вотъ выбѣжитъ изъ лѣсу стая волковъ—что я могу подѣлать съ однимъ револьверомъ? Если она меня любитъ, какъ могло придти ей въ голову подвергать меня... ну хоть опасности отморозить ухо, или простудиться? Да и шуба... развѣ легко идти въ шубѣ по такому вязкому и глубокому снѣгу?“

Вотъ что происходило въ головѣ Аркашина. Мѣсто, по которому проходилъ онъ, казалось ему глухимъ и пустыннымъ, только разъ послышалось ему, что кто то ѣдетъ. Топотъ лошади явно отозвался въ ушахъ его; но и тутъ онъ подумалъ: „встрѣтятся со мной какіе нибудь пьяные, что они подумаютъ обо мнѣ? Зачѣмъ, подумаютъ они, идетъ этотъ баринъ въ полночь по лѣсу, или примутъ меня за оборотня, или ограбятъ, снимутъ шубу... Этого еще недоставало!..“

Но топотъ и гулкій шорохъ пронеслись по лѣсу, какъ вѣтерокъ, и замерли, какъ эхо. Опять настала мертвая тишина.

XXXII.

„Право, думалъ Аркашинъ, спускаясь въ балку: будь ночь темна, не было бы такъ страшно! „Ему казалось, что при свѣтѣ мѣсяца, онъ слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ бѣлаго снѣга, двигается какъ черная тѣнь, и что, можетъ быть, глазища лѣсныхъ звѣрей давно уже слѣдятъ за нимъ. Слегка запыхавшись, вскарабкался онъ на ту сторону балки и побрелъ дальше.

„Ну, теперь я помню, теперь не далеко. Вотъ площадка... тутъ, непремѣнно тутъ должна быть эта проклятая Чурилова изба!

„А что, если и теперь забрались въ нее какіе нибудь бѣглые или грабители? Зарѣжутъ, зароютъ въ снѣгъ, и поминай, какъ звали! до весны и трупа не найдетъ никто“.

Но долго онъ оглядывался и не видалъ никакой избы.

Видно лѣсныя тѣни, да и мѣсяцъ, такъ искусно умѣли спрятать ея кровлю, крытую снѣгомъ, что трудно было и отличить ее отъ какого нибудь бугра, или группы кустовъ, занесенныхъ мятелями.

Долго на одномъ мѣстѣ стоялъ Аркашинъ.

„Что же дѣлать? думалъ онъ.—неужели идти дальше?.. но куда же?“

Вдругъ, шагахъ во ста отъ него, за деревьями, мелькнулъ огонекъ.

„Что за дьявольщина!..“

Присмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что свѣтъ огня выходилъ изъ небольшаго, квадратнаго окошечка.

„Да это Чурилова изба: та самая, на которую указала мнѣ Олимпіада, когда вчера мы проѣзжали здѣсь, и я намекнулъ ей на пойманныхъ ею бѣглыхъ. Ну, вотъ! что же теперь? Идти скорѣе назадъ и доложить ей, что въ избѣ я видѣлъ свѣтъ, и что...“

Но не успѣлъ онъ мысленно договорить этой фразы, какъ послышался лай, и на него бросилась черная собака. Онъ дрогнулъ и даже вынулъ изъ кармана револьверъ.

Но собака оказалась та самая, которую онъ приласкалъ, когда уходилъ со двора Варшавиныхъ. Онъ ее окликнулъ; она недовѣрчиво подошла къ нему, обнюхала, завиляла хвостомъ и лизнула языкомъ его руку, которая держала револьверъ.

„Э! подумалъ онъ, да тутъ кто нибудь изъ дворовыхъ Варшавиныхъ! можетъ быть, какой нибудь кучеръ въ избѣ ждетъ меня. Ба! вотъ и лошадь и сани! „Э, да какъ это хорошо! Значитъ распорядилась!“

Погладивъ собаку, онъ подошелъ къ привязанной лошади; но вороной, очевидно, господскій конь, захрапѣлъ и покосился на него такимъ злымъ и въ то же время такимъ пугливо-угрожающимъ взглядомъ, что Аркашинъ тотчасъ же отошелъ къ окошку покачнувшейся избы. Но окно было такъ запушено инеемъ, такіе шли по немъ узоры, что ничего не было видно.

Аркашинъ вошелъ въ темныя сѣни и, увидавши яркую щель отъ неплотно притворенной двери, тяжело дыша, нащупалъ желѣзную скобку и... остановился.

Мертвая тишина за этой дверью опять навела на него страхъ и сомнѣнье. „Что, если это ловушка?..“

Сердце его сильно билось, когда, прочитавши про себя молитву, онъ потянулъ за скобку, и дверь, скрыпя на ржавыхъ петляхъ, подалась и отворилась.

Въ первую секунду онъ ничего понять не могъ: избу наполнялъ не то туманъ, не то паръ; въ этомъ пару горѣли двѣ свѣчи, пламя которыхъ окружало мутно зеленоватое сіяніе, еще какая то свѣча, но уже не прямо стоящая, а какъ бы криво отраженная въ стеклѣ, и темный силуэтъ какой то, спиной къ нему сидящей, женщины.

„Кто здѣсь?“ крикнулъ Аркашинъ. Это былъ крикъ испуга, въ надеждѣ испугать то, что видятъ глаза.

Темный силуэтъ пошевелился, Аркашинъ увидѣлъ въ профиль блѣдное, закутанное въ платокъ личико.

— Олимпіада Захаровна!

— Суженый! произнесла она; и вдругъ встала, подошла къ нему, положила руки на его холодныя плечи, и... и долго какъ бы всматривалась, онъ ли это?

— Вы?.. ты пришелъ! заговорила она тихо прерывающимся голосомъ,—ты рѣшился... я уже съ полчаса здѣсь... и... уже думала—ты не дошелъ... вернулся... и одной... мнѣ становилось жутко. Но я хотѣла и себя испытать, рѣшусь ли я пріѣхать сюда одна, въ полночь, гадать черезъ зеркало... и... право... я какъ во снѣ... Но, садись, отдохни, мой милый... мой суженый!..

И онъ, тоже какъ во снѣ, поцѣловалъ ее въ блѣдный лобъ и, не говоря ни слова, присѣлъ на лавку.

Въ избѣ ничего не было, кромѣ лавки, табурета передъ столикомъ, разобранныхъ палатей и полуразрушенной, закоптѣлой печки съ отдушинами.

— Теперь прійди сюда хоть мертвецъ, я не испугаюсь. сказала Олимпіада, садясь съ нимъ рядомъ и держа его за руку.

Казалось, встрѣча эта такъ ихъ сблизила, что Олимпіада съ полной вѣрою, что только Аркашину суждено всю жизнь пройти съ ней подъ руку, и что никому, кромѣ его, не будетъ принадлежать она,—такъ увлеклась, что говорила ему „ты...“ сама того не замѣчая...

— Ахъ да... да... я думала, если ты придешь, если ты здѣсь найдешь меня, значитъ, я тебѣ нравлюсь, значитъ, ты... не такой холодный и равнодушный, какимъ ты казался мнѣ... Ахъ!.. еслибы ты зналъ, какъ все это время мнѣ было горько думать, что... ты совсѣмъ, совсѣмъ меня не любишь!.. Ты любишь, не правда-ли?.. не правда ли?.. Скажите, Валентинъ Петровичъ. скажите! опять, какъ бы очнувшись, перешла она на обычное „вы“, и подняла его руку къ губамъ своимъ для того, чтобы отогрѣть ее своимъ дыханіемъ.

— Да развѣ можно видѣть васъ и оставаться равнодушнымъ? проговорилъ Аркашинъ,—что же касается до чувствъ моихъ...

Но не успѣлъ онъ это проговорить, какъ дрожь прошла по спинѣ его. На потолкѣ избы послышался какой то стукъ. точно кто пробѣжалъ и уронилъ не то полѣно дровъ, не то камень.

— Стучите! какое мнѣ до васъ дѣло? проговорила Олимпіада,—черти, или крысы, или я ужъ не знаю, кто и что! мнѣ все равно...

— Да, вы сильнѣе меня, удивляюсь вашей смѣлости. Но, ради Бога, скажите, зачѣмъ она, такая смѣлость, такая невозмутимая храбрость въ женщинѣ? Что я передъ вами? Какимъ слабымъ и ничтожнымъ долженъ я казаться въ вашихъ глазахъ! („А что какъ обрушится потолокъ и задавитъ насъ?“ разговаривая думалъ про себя Аркашинъ). Вѣрите ли, Олимпіада Захаровна, мнѣ кажется, что... что я не долженъ, не могу, не смѣю любить васъ, что я вовсе не призванъ къ тому, чтобы сдѣлать васъ счастливой.

— Не можете, не смѣете, не должны?! Все это говоритъ въ васъ ваша необычайная, непонятная мнѣ, скромность... ваша готовность на всякое самоотреченіе, можетъ быть, ваша честность, но... не смѣйте такъ говорить! Вы можете, вы смѣете, вы должны! Видите, какъ я съ вами откровенна по милости этой избы, этого пустыннаго мѣста, этой мглы, которая окружаетъ насъ... Ахъ! право, мнѣ думалось, что никогда этого не будетъ... Но не считайте меня сантиментальной, романической дѣвой! тутъ дѣло не въ сантиментальности, а въ томъ, что вы у насъ не на-долго, что... въ присутствіи гостей или сестеръ мы все будемъ ходить кругомъ да около, никогда не выскажемся, ни до чего не договоримся.

Въ эту минуту, неподалеку отъ окна послышался протяжный, какъ бы уносящійся свистъ и глухой, зимній топотъ лошади.

Олимпіада замолкла; тѣнь тревоги прошла по лицу ея.

— Сюда ѣдутъ! кто бы это былъ?.. Нѣтъ, этого быть не можетъ! пойдемъ на встрѣчу, на крыльцо!

Олимпіада, поддерживаемая встревоженнымъ Аркашинымъ, перегнулась черезъ его колѣна и задула свѣчи.

Они остались въ совершенной темнотѣ, только въ одно окно просвѣчивалъ матовый лунный свѣтъ.

„Кажется, я брежу... или все это одна галлюцинація,“ подумалъ про себя Аркашинъ. Его била лихорадка...

— Держитесь за меня... лепетала дѣвушка,—идите... берегитесь притолки... осторожнѣе...

И переступивши довольно высокій порогъ, по шаткимъ, какъ клавиши, половицамъ сѣней, вышли они на чистый воздухъ.

— Никого нѣтъ! это кто нибудь по дорогѣ... Да и кто, кромѣ насъ съ вами рѣшится на такой подвигъ—

войти въ полночь въ избу, гдѣ, по слухамъ, является мертвецъ,—духъ когда то здѣсь зарѣзаннаго цѣловальника... А какая ночь!.. Какая ночь!..

— Лучшей декораціи ни въ какой оперѣ не увидишь! Чудесно! хорошо! проговорилъ Аркашинъ. Онъ поглядѣлъ на звѣзды—и это его успокоило.

— Ахъ, какъ я рада, что вы такъ говорите!.. Хороши итальянскія ночи! но... такой брилліантовой ночи тамъ и во снѣ никому не приснится!.. Ба! вскрикнула она и какъ бы остолбенѣла.

— Что? испуганно спросилъ ее Аркашинъ, заглядывая ей въ черныя очи, въ ея, мѣсячнымъ свѣтомъ обѣленное, лицо.

— Сани... мои сани! моя лошадь!.. гдѣ они?

Она сошла на крыльцо, еще разъ поглядѣла на то мѣсто, гдѣ была привязана лошадь, и сказала:

— Пойдемте на дорогу, скорѣй, скорѣй!.. Если она не отвязалась и не ушла... кто нибудь укралъ, или угналъ ее... Трезоръ... Трезоръ!.. И собаки нѣтъ! и она ушла!..

Выйдя на дорогу и даже поспѣшно подойдя къ спуску лѣсной балки,—какъ ни смотрѣли они вдаль, ничего не было видно: только вдали на одну минуту послышалось въ лѣсу протяжное ржаніе...

— О! если это съ умысломъ! произнесла Олимпіада, и Аркашинъ не могъ не почувствовать, какая злость въ эту минуту шевельнулась въ душѣ его спутницы: это слышалось въ ея восклицаніи, это видѣлось въ ея позѣ, это промелькнуло въ глазахъ ея, хотя эти глаза и были въ тѣни отъ вязаннаго мягкаго платка, который покрывалъ ей голову.

— Дѣлать нечего! пойдемте пѣшкомъ. Вы вѣдь слышали свистъ?.. И собака не лаяла!.. Вы слышали?..

— Слышалъ.

— Это сдѣлано съ умысломъ!..

— Если съ умысломъ, то кто же?

— Всякій, кому невыносимо думать, что я вамъ отдала предпочтеніе... О, какое несчастіе нравиться всякому пошляку, всякому негодяю! Одно мнѣ жаль: вы устали и должны идти пѣшкомъ. За меня же не бойтесь! я здѣсь ко всему привыкла...

— Но вамъ холодно, сказалъ Аркашинъ, такъ какъ ему самому было порядочно холодно. Не холодная же изба могла отогрѣть его!

— Вернемтесь назадъ—въ избу.

— Назадъ... зачѣмъ?

— Вы не хотите?

— Нѣтъ!

Молча прошли они шаговъ десять, каждый погруженный въ свои собственныя думы.

— У меня есть спички. Вернемтесь — подожгемъ избу... Пусть сгоритъ она... пусть послѣ насъ никто не войдетъ въ нее... пусть зарево разбудитъ крестьянъ. Насъ встрѣтятъ на дорогѣ, и мы поѣдемъ.

— Не дѣлайте этого! кротко замѣтилъ ей Аркашинъ. Развѣ вы не боитесь сплетней?

— Кто къ нимъ привыкъ, тотъ не боится ихъ. Такъ вы не совѣтуете?

— Нѣтъ, Олимпіада Захаровна!

— Можетъ быть, вы и правы! Пойдемте!

И она послушно опустила голову... и минуты двѣ молчала, какъ бы стараясь побороть въ себѣ то, что кипѣло въ ней...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Фельдфебель.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

(Окончаніе).

Но вотъ фельдфебель перешелъ на другой, не оффиціальный тонъ.

— А я, признаться сказать, испугался сегодня, ваше благородіе, началъ Иванъ Петровичъ.

— Чего это? вопросилъ Поливановъ, прихлебывая чай и дѣлая видъ, что удивляется, тогда какъ на самомъ дѣлѣ прекрасно понималъ къ чему клонится рѣчь.

— А вотъ—что вы въ ротѣ быть не изволили: я полагалъ не захворали ли какъ нибудь грѣхомъ; погода нынче стоитъ скверная...

— Нѣтъ я здоровъ, слава Богу. Вернулся вчера домой поздно, проснулся уже около одиннадцати часовъ, ну я и не пошелъ.... объяснилъ Поливановъ, смущаясь.

— То-то вотъ оно и есть, ваше благородіе, не хорошо это, позвольте доложить!... вздохнулъ Холодовъ, грустно глядя прямо въ глаза своему командиру. Поди, въ карты играли?

— Въ карты.

— Проиграли, небось? какъ то тревожно, съ несвойственной ему живостью, спросилъ старикъ и даже впередъ подался нѣсколько.

— Проигралъ!

— Много?

— Нѣтъ, пустяки!..

— Сколько, ваше благородіе?

— Пустяки... одиннадцать рублей, неохотно отвѣчалъ онъ наконецъ и принужденно разсмѣялся.

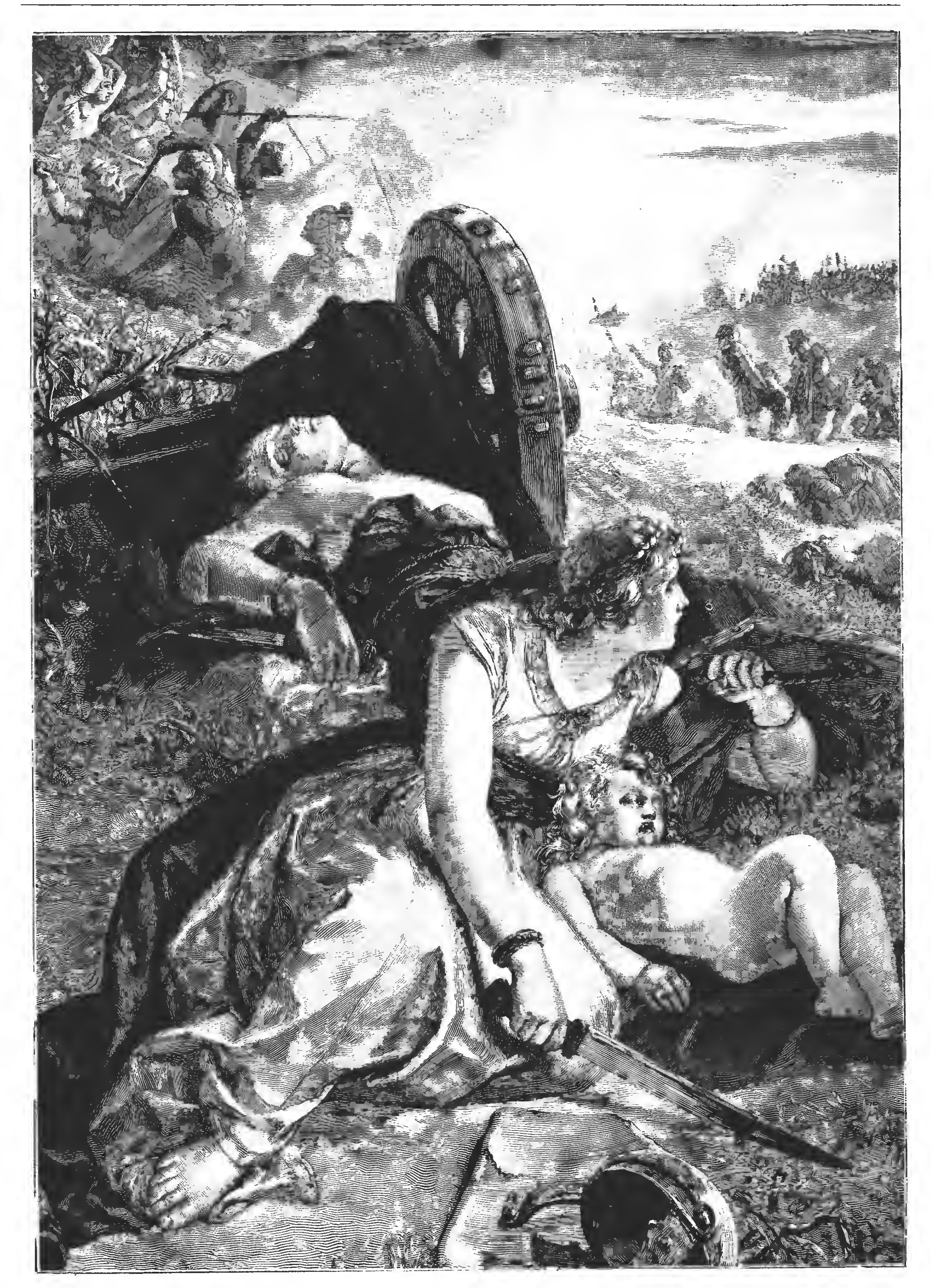
— Господи, Боже мой, этакое мѣсто денегъ проиграли да еще смѣются!.. Господи, батюшки, одиннадцать рублей—пустяки по ихнему!.. Да вы сколько жалованья то получаете? Семьдесятъ четыре рубля всего!.. Да это вы его въ недѣлю то все пропустить можете!.. Старикъ совсѣмъ уже взволновался: жилы на его шеѣ налились и даже лысина покраснѣла.

— Не все же проигрывать: сегодня проигралъ, завтра проигралъ, а тамъ и выиграю!.. попробовалъ было Поливановъ сбить его съ позиціи, но это не легко было сдѣлать.

— Да!!. Всегда такъ то говорите, продолжалъ Иванъ Петровичъ укоризненно, а я еще вотъ ни разу отъ васъ не слыхалъ, чтобы вы выиграли: какъ ни спросишь, все проигралъ, да проигралъ!.. И какъ это вамъ не жалко!?.. Ну добро бы еще на свое удовольствіе растратили, а то прямо отдали не знай за что! Подумаешь, у васъ имѣнія какія, а у васъ вѣдь ничего окромя жалованья!...

— Да будетъ тебѣ, Иванъ Петровичъ, ты точно баба старая всегда расхнычешься!..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я не хнычу, я дѣло говорю; потому, ежели я буду молчать—кто же вамъ скажетъ!? Не тѣ ли, кто съ васъ выигрываетъ? Тѣ не скажутъ, потому имъ съ васъ выигрывать лестно!.. Рады, что человѣкъ молодой—пользуются... Еще подбиваютъ, поди!.. Знаю я этихъ игроковъ то, не мало перевидалъ ихъ на своемъ вѣку,—насмотрѣлся!.. Вонъ въ 63 году командовалъ нашей ротой капитанъ Храмовъ, такъ они этими картами такъ занимались, просто бѣда!.. Бывало сутокъ по двое изъ-за стола не встаютъ, такъ имъ на столъ и чай подаютъ, и кушать... Придешь къ нимъ съ докладомъ, а они приказываютъ, приказываютъ да вдругъ и скажутъ: „короля бубенъ на часы поставить!“ И до тѣхъ поръ играли, покуда подъ судъ чуть не попали... Было это дѣло на Кавказѣ, играли они играли—всѣ свои деньги проиграли, играть больше не на что, а отыграться хочется; вотъ они, не долго думая, изъ ротнаго ящика, да въ одну ночь двѣ съ половиной тысячи и пробухали, а тутъ мы въ отдѣлъ ушли — одна наша рота: отыгрываться то и не на комъ. Ну, ничего однако—не унываютъ: отыграюсь, молъ, когда нибудь — вложу! А тутъ хвать—пріѣхалъ генералъ да и хватилъ смотръ: сегодня строй смотрѣли, а на другой день хозяйственную часть, и деньги, значитъ, повѣрять будутъ!.. Ну, нашъ ротный и закручинился, потому господъ офицеровъ, окромя одного субалтера, на двѣсти верстъ кругомъ никого, занять не у кого!.. Что тутъ будешь дѣлать?! Бѣда! А мы этого дѣла не знали: дивимся только съ чего это они такъ закручинились? А капралъ Степаненко, командиръ 1-го взвода—догадался и говоритъ мнѣ: „Не казенныя ли, говоритъ, нашъ ротный проиграли?.. вы бы, Иванъ Петровичъ, сходили да поразузнали.“ Я и пошелъ къ деньщику, тотъ мнѣ все и разсказалъ: такъ и такъ, говоритъ, проиграли казенныхъ двѣ съ половиной тысячи!.. Самъ, говоритъ, слышалъ какъ они объ этомъ прапорщику Максимову сказывали... Разсказываетъ мнѣ, а самъ плачетъ... Я пришелъ въ роту, собралъ унтеръ-офицеровъ—имъ разсказалъ, тѣ своимъ взводамъ. Такъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, согласились выручить командира: всѣ свои деньги повывалили—у кого что было; а деньжонки у насъ на Кавказѣ водились. Принесли мнѣ, просятъ, чтобы передать ихъ его благородію, да какъ нибудь такъ, чтобы не обидѣлись. Ну, я взялъ деньги, понесъ ихъ, а самъ боюсь: думаю—ну, осерчаютъ!.. Однако ничего—даже до слезъ



Германскія женщины во время боя съ римлянами. Карт. Линденшмидта, грав. Геданъ и Крессе.

тронулись! велѣли сейчасъ роту выставить и всѣхъ до единаго перецѣловали. „Спасибо, говорятъ, ребята, за вашу любовь: никогда не забуду это, до самой смерти, а деньги я вамъ черезъ два мѣсяца отдамъ“... и когда отдавали такъ каждому еще по рублю дали.

— Такъ вотъ до чего дойтить можно, ваше благородіе, съ этими картами, закончилъ Холодовъ, отирая ладонью выступившій у него на лбу потъ отъ длиннаго, непривычнаго повѣствованія.

— Не безпокойся: казенныхъ не проиграю.

— Вотъ вы всегда такъ,—почемъ вы знаете? До грѣха недалеко!.. Я вотъ вамъ нарочно это разсказалъ, а вы смѣетесь!..

— Ну ты, Иванъ Петровичъ, надоѣлъ мнѣ! Что я, малый ребенокъ, что ли?

— Воля ваша, какъ вамъ угодно будетъ, а только я правду говорю...

Въ эту минуту въ комнату вошелъ денщикъ съ подносикомъ въ рукахъ, на которомъ стояла большая рюмка водки и бутербродъ съ сыромъ.

— Ну, выпей, старый, и убирайся!.. Проси фельдфебеля выпить! шутливо приказалъ онъ денщику.

Денщикъ, лукаво улыбаясь, поклонился.

— Кушайте, господинъ фитьфебель!..

Иванъ Петровичъ покосился на рюмку, какъ бы раздумывая—пить или не пить, потомъ вдругъ взялъ ее.

— За ваше здравіе, ваше благородіе, проговорилъ онъ, залпомъ выпилъ ее, утеръ губы рукавомъ и добавилъ: покорнѣйше благодарю, ваше благородіе! продѣлавъ все это по всѣмъ правиламъ утонченной солдатской вѣжливости.

Денщикъ ушелъ.

— И что это, подумаю я... началъ опять Холодовъ.

— Опять затянулъ!..

— Сейчасъ кончу, ваше благородіе, дозвольте послѣднее слово сказать.

— Ну говори, только поскорѣе...

— Что это я говорю, вамъ эти карты дались, точно окромя нихъ вы себѣ никакихъ удовольствіевъ предоставить не можете!?..

— Да что же дѣлать то?

— Да ужь ежели надумать ничего не можете—пригласили бы кого изъ товарищей, поставили бы водочки, закусочки—выпили бы, побесѣдовали бы промежду себя, вотъ оно...

Здѣсь онъ былъ прерванъ внезапно растворившейся дверью, въ которую вошелъ молодой офицеръ—поручикъ Случинскій, пріятель Поливанова.

— А, Иванъ Петровичъ! воскликнулъ онъ весело, увидѣвъ Холодова, давно тебя не видалъ!.. Здорово, старина!

— Здравія желаю вашему благородію! отвѣчалъ тотъ, радостно улыбаясь и любовно, какъ мать на сына, посматривая на красавца-офицера, своего бывшаго ученика.

— Что, пробираетъ тебя за что нибудь? продолжалъ Случинскій, здороваясь съ хозяиномъ.

— Пробираетъ! усмѣхнулся тотъ.

— Ну что жь, это ничего!.. За карты, небось?

— За карты, за лѣность, за все!..

— Ты что же это своего ротнаго обижаешь? А? Видишь онъ на тебя жалуется!?..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я только...

— Ступай, Иванъ Петровичъ!.. Завтра въ ротѣ буду — не плачь! перебилъ его Поливановъ.

— Слушаю, ваше благородіе!.. Покорнѣйше благодарю!.. Счастливо оставаться! проговорилъ Иванъ Петровичъ и, молодецки повернувшись „кругомъ“, вышелъ изъ комнаты.

III.

Остававшіеся до смотра два дня прошли среди приготовленій незамѣтно. Ожиданіе смотра доставляетъ вообще массу хлопотъ и возни рѣшительно всѣмъ. Такъ взглянуть—кажется—и готовиться нечего: надѣлъ солдатъ чистое бѣлье, вылощилъ аммуницію—и готово! На самомъ дѣлѣ находится масса какого-то дѣла, которымъ заваленъ каждый человѣкъ съ утра до ночи въ теченіи двухъ, трехъ дней и въ концѣ концовъ всѣ сбиваются съ ногъ и тутъ нужно большое умѣнье и хладнокровіе командира, чтобы люди не потеряли голову *и не засуетились*, что на смотру самое опасное.

Если ожидается смотръ знакомаго лица, то заботъ бываетъ меньше, такъ какъ его привычки извѣстны, знаютъ на что онъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе—то и готовятъ. Если же ожидаютъ смотръ лица новаго, любимыхъ отдѣловъ котораго не знаютъ, то тутъ приходится готовить все и хлопотъ бываетъ несравненно больше, да и то, въ большинствѣ случаевъ, рѣдко удается угодить.

Иванъ Петровичъ, не смотря на всю свою опытность, исхлопотался до того за эти двое сутокъ, что похудѣлъ даже немного; теперь, когда въ девятомъ часу утра новобранцы, вымытые и вычищенные, были, наконецъ, выстроены, онъ въ послѣдній разъ обходилъ ихъ, обдергивая на одномъ мундиръ, на другомъ поправлялъ кэпи и мимоходомъ экзаменовалъ то изъ того, то изъ другаго.

— Окончивъ обходъ, онъ отошелъ на середину и еще разъ окинувъ всѣхъ взглядомъ, далъ послѣднее наставленіе:

— Ну, помни у меня—чтобы молодцами!.. Первое дѣло—смотри прямо въ глаза и спроситъ—отвѣчай громче!.. Ты солдатъ, такъ и будь солдатъ!.. Долженъ завсегда видъ имѣть, памятуя, что ты есть...

Иванъ Петровичъ, получивъ закваску воспитанія среди боевой кавказской обстановки и имѣя до сихъ поръ дѣло только съ такимъ же начальствомъ, и не подозрѣвалъ, что народились требованія новыя, созданныя наукой и теоріей, которыя хотятъ, чтобы солдатъ, проникнувшись солдатскимъ долгомъ, понималъ бы и премудрость „Уложенія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями“, и „сознательно“ изучилъ бы теорію своихъ правъ, свидѣтельскихъ показаній,—правъ слѣдователя, власть и обязанность всѣхъ и каждаго, начиная рядовымъ и командующимъ войсками включительно; зналъ бы форму судебнаго слѣдствія; теорію стрѣльбы; правила хлѣбопеченія; власть и значеніе прокурорскаго надзора и т. п. Онъ велъ дѣло по прежнему, училъ о послушаніи, долгѣ чести, знамени. Онъ во всемъ этомъ производилъ экзаменъ.

— Ротный командиръ пришли! шепнулъ на ухо Ивану Петровичу подбѣжавшій дежурный и бросился встрѣчать командира.

— Смирно!.. На плее-чо! скомандовалъ фельдфебель.

Вошелъ Поливановъ; поздоровался; осмотрѣлъ новобранцевъ. задалъ нѣкоторымъ изъ нихъ по нѣскольку вопросовъ и похвалилъ за отвѣты.

Затѣмъ началось томительное ожиданіе пріѣзда инспектора. Наконецъ, одинъ за другимъ, влетѣли „махальные“ и, запыхавшись доложили, что генералъ пріѣхалъ.

Поливановъ выровнялъ новобранцевъ; въ свою очередь скомандовалъ „на плечо“ и, вынувъ саблю, сталъ передъ ротой, ожидая появленія генерала. Черезъ минуту дверь распахнулась и въ ней, въ сопровожденіи свиты, появился ожидаемый генералъ, съ бѣлымъ аксельбантомъ черезъ плечо, чрезвычайно молодой, на видъ не старше Поливанова.

— Шай, на крра-улъ!.. скомандовалъ Поливановъ и, взявъ „подвысь“, пошелъ на встрѣчу съ рапортомъ.

Генералъ выслушалъ рапортъ и, ко всеобщему удивленію, подалъ Поливанову руку; Иванъ Петровичъ, увидѣвъ это, крайне неодобрительно изумился и сразу рѣшилъ въ умѣ, что генералъ „не изъ важныхъ“, — „ступить не умѣетъ!“ опредѣлилъ онъ.

Подойдя къ новобранцамъ и, не обративъ вниманія на стойку, инспектирующій поздоровался и пошелъ вдоль фронта. Невниманіе къ фронтовой выправкѣ тоже не понравилось Ивану Петровичу и онъ совсѣмъ уже сталъ втупикъ, ничего не понимая—такъ все это было для него ново.

— Какъ твоя фамилія? остановился генералъ около коричневаго, какъ голенище, татарчука, весело и бойко смотрѣвшаго прямо ему въ лицо своими искрящимися, узкими глазками.

— Амираджибандаловъ, вашимъ прысхадытэльства!.. крикнулъ тотъ, помня наставленіе отвѣчать молодецки.

Генералъ поморщился и зажалъ рукой ухо.

— Зачѣмъ такъ громко?.. Я не глухой!.. произнесъ онъ.

Татаринъ растерянно мигнулъ глазами, не найдясь сразу что слѣдуетъ отвѣчать на это, но нерѣшительность его длилась недолѣе секунды: онъ вспомнилъ, что „отвѣчай, и—чтоп и на есть громче...“

— Такъ точно, вашимъ прысхадытэльства!..

— Да не кричи такъ: я не глухой!.. повторилъ инспекторъ.

„Ладно!.. Не собьешь!..“ подумалъ Амираджибандаловъ и тѣмъ же голосомъ рявкнулъ:

— Слушаю, вашимъ прысхадытэльства!..

Начальникъ штаба махнулъ рукой и пошелъ дальше.

„Вотъ тебѣ и разъ!.. подумалъ чуть не вслухъ Иванъ Петровичъ, да что же—непотомъ что ли отвѣчать!?..“ и начальникъ штаба еще болѣе потерялъ въ глазахъ Ивана Петровича. Когда же онъ, проходя мимо него, остановился и, разсматривая его кресты, спросилъ что то, обращаясь къ нему на „вы“, то Иванъ Петровичъ просто обидѣлся и отвѣчалъ ему съ видимой неохотой.

Начальникъ штаба, проходя по фронту, всматривался въ лица людей; всѣ смотрѣли весело и бойко, „молодцовато провожая его глазами“. Подойдя къ лѣвому флангу, онъ остановился около другаго татарина, сверкавшаго своими бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами.

— Экіе зубы то!.. Просто смотрѣть завидно!.. весело пошутилъ онъ, обращаясь къ свитѣ: веселый видъ солдатъ дѣйствовалъ и на него и невольно сообщался.

— Рады стараться, вашимъ прысхадытэльства!.. загремѣлъ татаринъ, только и ожидавшій чего нибудь, чтобы гаркнуть во всю грудь.

Генералъ разсмѣялся.

— Я тебя и не хвалилъ, братецъ, вовсе; я зубы твои похвалилъ!.. Не болятъ они у тебя никогда?.. А?..

— Никакъ нѣтъ, ваш... пр...во.

„И нашелъ что спрашивать!..“ думалъ Иванъ Петровичъ, слѣдя изподтишка за каждымъ движеніемъ начальника;—„неладно, не слѣдуетъ такъ-то!“

— Ну-съ, наружный видъ очень удовлетворительный, продолжалъ между тѣмъ инспекторъ;—здоровы, сыты, бодры... Посмотримъ чему то вы ихъ выучили... Стоять вольно!.. крикнулъ онъ и началъ предлагать различные вопросы.

Новобранцы отвѣчали бойко и видимо понимали то, что говорили. Генералъ казался довольнымъ и не замѣчалъ больше что отвѣчаютъ слишкомъ громко; сердце Поливанова и Ивана Петровича начинало радоваться.

— Ну, а молитвы знаете?.. обратился инспектирующій ко всѣмъ вообще.

— Такъ точно, ваше превосходительство! загремѣли новобранцы.

— И заповѣди тоже?

— Такъ точно, ваше пр-ство!..

— Ну, прочти мнѣ первую заповѣдь! обратился онъ къ правофланговому.

— Азъ семь Господь Богъ твой! Да не будутъ тебѣ бози иніи развѣ Мене!

— А понимаешь ты эту заповѣдь?.. Можешь объяснить мнѣ ее своими словами?..

— Никакъ нѣтъ, ваше пр—ство! также бойко отвѣтилъ правофланговый, ни мало не смущаясь.

— Какъ же ты ее заучивалъ и не поинтересовался узнать что она означаетъ? Это, господа, стыдно вамъ, обратился онъ къ офицерамъ; тѣ взяли подъ козырекъ. Долго ли объяснить... пять минутъ какихъ нибудь!.. Да и не можетъ быть, чтобы онъ не понималъ!.. Что значитъ—Азъ?

Солдатъ молчалъ.

— Ну—я, значитъ!.. Я... понимаешь?

— Такъ точно, ваше пр—ство!

— Есмь—есть!.. понялъ?

— Такъ точно, ваше пр—ство!

— Господь Богъ твой?..

— Такъ и будетъ—Господь Богъ твой, ваше пр—ство!

— Ну, конечно!.. Понялъ теперь все?..

— Такъ точно, ваше пр—ство!

— Ну, вотъ видите, господа, какъ это легко!.. Пять минутъ— и солдатъ понимаетъ!..

Всѣ присутствующіе чувствовали себя не совсѣмъ ловко.

— Ну, вотъ же, братецъ, ты можешь это знать?!. Вѣдь ты же всѣ слова понялъ!.. Это ты врешь на себя!.. Ну, подумай хорошенько: Азъ—я, семь—есть, Господь Богъ твой—такъ и будетъ!.. Ну!.. Ну, какъ же?.. Ну?.. ободрилъ онъ, замѣтивъ по выраженію лица томившагося солдата, что тотъ хочетъ что то отвѣтить.

— Точно такъ, ваше превосходительство!.. выпалилъ онъ.

Онъ понималъ сердцемъ все это отлично, но не умѣлъ выразить, конечно.

Нѣсколько человѣкъ однако улыбнулись, и самъ генералъ добродушно разсмѣялся и отошелъ въ сторону.

Это испортило отчасти хорошее впечатлѣніе смотра, но генералъ, направляясь къ выходу, все-таки похвалилъ новобранцевъ, а Поливанову опять подалъ руку, и съ любезной улыбкой замѣтилъ только, что желательно было бы, чтобы люди отвѣчали болѣе естественными голосами, и отвѣты ихъ были „болѣе сознательны“.

Поливановъ, и вообще все начальство было довольно, но Иванъ Петровичъ сильно огорчился: въ его глазахъ смотръ вышелъ совсѣмъ неудачнымъ. Его неудовольствіе выразилось прежде всего въ томъ, что онъ ни за что, ни про что распекъ того татарина, котораго генералъ похвалилъ.

— Ты чему, дуракъ, обрадовался? подошелъ онъ къ нему, когда офицеры ушли изъ роты;—ты думаешь его превосходительство къ чему говорилъ?

— Не могу знать, Иванъ Петровичъ.

— То-то, не могу!.. его превосходительство по зубамъ узналъ, что ты дуракъ: чего скалилъ зубы? Вотъ что!.. А ты съ дуру радуешься!.. Мундиры снять, вычистить и сдать въ чихаузъ! продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ; разойтись!..

— Иванъ Петровичъ, ротный командиръ пять рублей пожаловали, приказали людямъ водки купить, доложилъ подошедшій дежурный унтеръ-офицеръ.

— Прикажи артельщику купить, и чтобы передъ обѣдомъ выдать по чаркѣ!

— Слушаю, Иванъ Петровичъ.

— А ко мнѣ Александра Семеновича пошли, да чтобы обѣдать мнѣ подавали, окончилъ Иванъ Петровичъ и направился въ свое помѣщеніе.

Полчаса спустя Иванъ Петровичъ и Александръ Семеновичъ сидѣли другъ противъ друга за столомъ, на которомъ красовались колбаса, соленые огурцы и до половины опорожненная четвертная бутыль. Иванъ Петровичъ засѣдалъ въ одной рубахѣ, а Александръ Семеновичъ въ доверху застегнутомъ мундирѣ; оба были уже на второмъ взводѣ.

— Какъ тутъ не выпить? философствовалъ Иванъ Петровичъ,— ежели съ эдакаго горя и не выпить—прямо руки на себя наложить!..

— Это вы справедливо, Иванъ Петровичъ, поддакивалъ Александръ Семеновичъ.

— Тридцать лѣтъ прослужилъ, а такой обиды не видалъ!.. Что я мусью что ли ему какой? „Вы, вы!“ Да!.. Это обидно солдатъ такъ выспрашивать—что онъ попъ что ли—объ такихъ дѣлахъ обсуждать?

— А вы, выкушайте еще стаканчикъ—поможетъ! Ей-Богу— поможетъ!.. Я завсегда!.. Первый сортъ!..

Иванъ Петровичъ методично наливалъ, выпивалъ съ достоинствомъ, и продолжалъ:

— А потомъ опять что спрашиваетъ?!. Ну, развѣ можетъ солдатъ говорить что̀ есть Богъ?!. Чувствовать онъ долженъ, а не изъяснять...

Старый служака былъ огорченъ...

Вечеромъ къ Поливанову явился дежурный и доложилъ, что Иванъ Петровичъ „*заболѣли*“.

И Поливановъ распорядился по обычаю отправить его въ лазаретъ.

Въ древнемъ Вавилонѣ.

Изъ книги **Фр. Делича.**

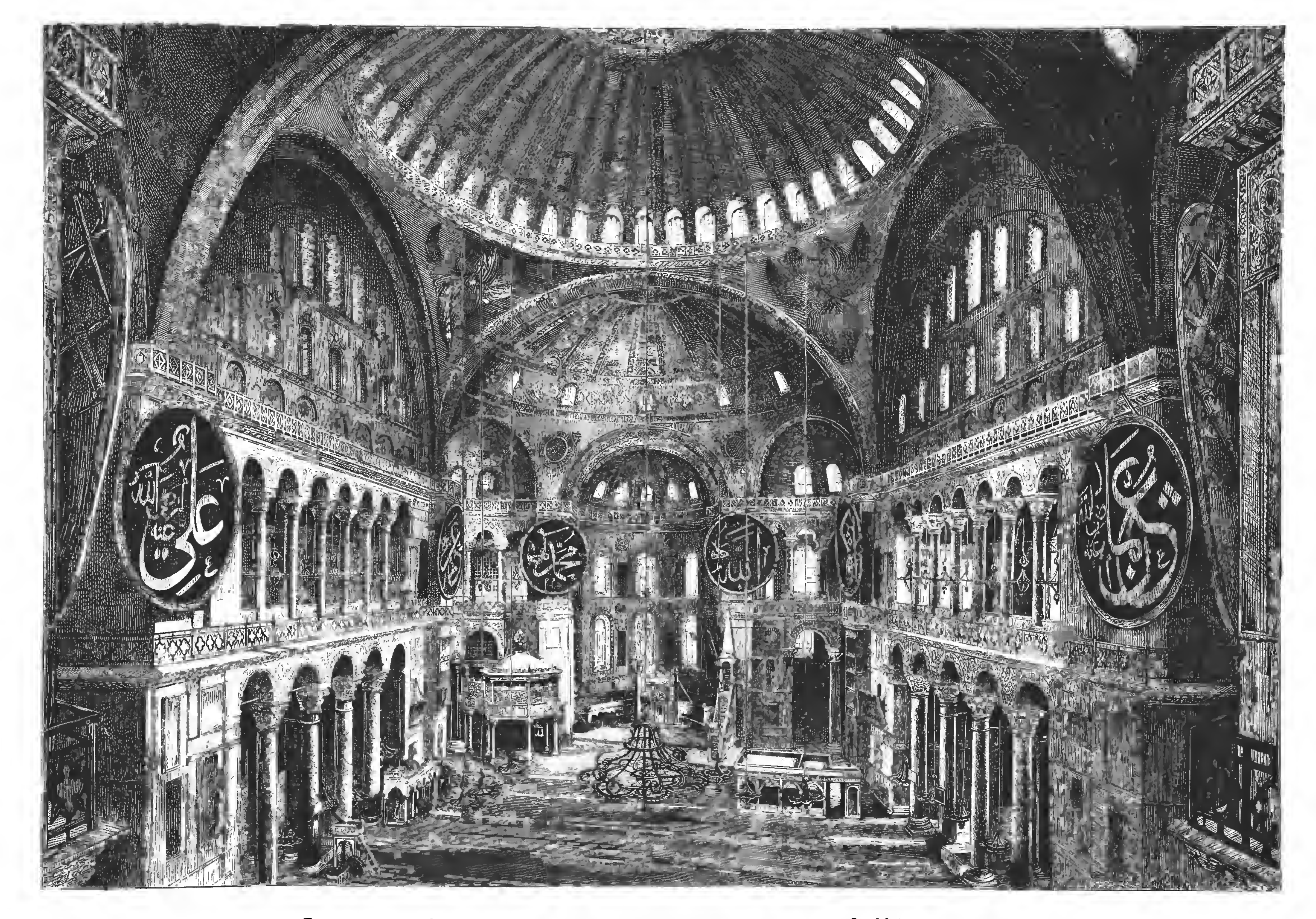
(Окончаніе).

Громадный храмъ „Эсагиль“ возведенъ былъ на могучемъ каменномъ фундаментѣ. Имѣя искусственныя террасы, зданія не только находились внѣ черты наводненія, но и поднимались надъ слоемъ воздуха сырого, а также надъ роями комаровъ, тучами носившихся на берегу рѣки. На вышинѣ террасъ, на которыя вели широкія лѣстницы, лучшій и болѣе прохладный воздухъ. На верху одной изъ такихъ террасъ стоялъ Эсагиль, храмъ Меродаха, бога Вавилона, и его супруги Цербаниты. Храмъ этотъ замѣчателенъ не только своею древностью, но и необыкновеннымъ внѣшнимъ великолѣпіемъ и драгоцѣнностями, скопленными въ его сокровищницахъ. Внутри обширнаго портика, съ большими золотыми алтарями, возвышается зданіе, поддерживаемое колоннами. Оба его входа, съ часовней бога Нэбо, сына Меродаха, сдѣланы изъ золота, стѣны храма сверкаютъ мраморомъ и алебастромъ. Но великолѣпнѣе всего была украшена Святая Святыхъ, собственно скинія самого Меродаха. Тутъ стѣны были чистаго золота, крыша ливанскаго кедра, потолокъ выложенъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Утварь храма Эсагиль также золотая, а богатства неизмѣримы—ихъ цари Вавилона и Ассиріи приносили въ даръ Меродаху. Дары эти тщательно оберегались жрецами Ваала. Навуходоносоръ особенно переполнилъ сокровищницы Эсагиля: серебро, золото, металлы, кедровое дерево, благовонныя масла, все это было въ изобиліи. Ежедневно въ жертву приносилось множество быковъ, овновъ, сернъ, вина, лившагося цѣлымъ потокомъ по ступенямъ жертвенника, и ежедневно изъ дворца Навуходоносора посылались въ храмъ дары: рыбы, птицы, молоко, медъ и масло, для Меродаха и его жрецовъ. Многочисленныя толпы жрецовъ воспѣвали въ Эсагилѣ хвалу Меродаху, милосердому богу Вавилона, прощающему грѣхи, покровителю страны.

Особенно торжественно проходили праздники; изъ нихъ первымъ считалось начало года; въ столицу стекались жители со всей Вавилоніи. Въ день этотъ, изображенія Меродаха и сына его Нэбо на великолѣпныхъ, сверкавшихъ *какъ звѣзды неба*, носилкахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, носили по празднично украшеннымъ улицамъ. Начались эти процессіи при Набополасарѣ. Ходъ начинался отъ святилища въ храмѣ Эсагиля, гдѣ, по вѣрованію вавилонянъ, 8 и 11 числа каждаго перваго мѣсяца въ году, боги судебъ собирались предъ Нэбо и выслушивали отъ него судьбу года, предсказаніе будущаго. Оттуда Набополасаръ продолжилъ праздничныя улицы до Ниневійскихъ воротъ, а Навуходоносоръ—далѣе, до воротъ Нана, и затѣмъ уже на широкій мостъ, чрезъ восточный каналъ, ходъ шелъ еще далѣе.

Вокругъ портика Эсагиля группируется цѣлый кварталъ различныхъ зданій, предназначенныхъ частью для многочисленнаго, распадающагося на многіе классы духовенства, частью для склада храмоваго архива на глиняныхъ пластинахъ и храмовыхъ сокровищъ. Здѣсь живутъ собственно жрецы Ваала, обязанность которыхъ совершать жертвоприношенія, надсматривать за храмомъ; далѣе пѣвчіе, затѣмъ ученыя корпораціи халдейцевъ,—у нихъ также отдѣльныя помѣщенія и они пользуются почетомъ и преимуществами касты жрецовъ. Тамъ астрономы, астрологи, составители календарей, историки, архиваріусы и, наконецъ, волхвы, обладавшіе тайнами заклинанія злыхъ духовъ, объяснявшіе сны и считавшіе себя священнослужителями Меродаха. Собственно врачей въ Вавилонѣ не было вовсе. Хотя волхвы знали нѣкоторыя цѣлебныя средства, напр. отъ глазныхъ болѣзней, но въ большинствѣ случаевъ, для изгнанія болѣзни, они прибѣгали къ заклинаніямъ, амулетамъ и разнымъ символическимъ, таинственнымъ обрядамъ. Не смотря на уваженіе, съ какимъ народъ относился къ волхвамъ,

Виды и зданія Москвы. Воспитательный домъ. По фотогр. М. Панова, грав. М. Рашевскій.



Видъ храма Софіи въ Константинополѣ (нынѣ мечеть Ая Софія). По фотогр. грав. Бонгъ.

чему доказательствомъ служитъ эпитетъ „высокочтимый", прибавлявшійся къ ихъ имени, народъ, конечно, имѣлъ родъ знахарей, которые занимались врачеваніемъ. Возлѣ Эсагиля были духовныя школы,—здѣсь молодежь, имѣвшая желаніе вступить въ касту жрецовъ, училась языку и письму халдейскому.

Сѣвернѣе Эсагиля, на площади, омываемой съ одной стороны Евфратомъ, находилось царское жилище, образуя центръ города. Дворецъ, построенный Набополасаромъ и обнесенный стѣною, во времена Навуходоносора требовалъ поправки. Фундаментъ былъ подмытъ водою. По Навуходоносоръ, болѣе прочихъ вавилонскихъ государей заботившійся о Вавилонѣ, не только возстановилъ заново дворецъ, поднявъ его какъ гору, но расширилъ его и наполнилъ военною добычею и сокровищами. Дворецъ построенъ на великолѣпной, широкой террасѣ. Эсагиль состоялъ изъ одного главнаго зданія, вокругъ котораго группировались жилища жрецовъ, дворецъ же образовалъ какъ бы цѣлый городъ, съ многочисленными дворами, переходами и галлереями. Стѣны всегда продолговатыхъ комнатъ и коридоры выложены были частью алебастромъ, частью глазированнымъ кирпичемъ, окрашеннымъ въ разные цвѣта, расписаннымъ арабесками, изображающими сцены военной, охотничьей и частной жизни царя. Внутри этого огромнаго дворца, или, какъ вѣрнѣе называлъ его народъ, *дворцоваго города*, живетъ окруженный многочисленнымъ, роскошнымъ дворомъ Навуходоносоръ, царь царей, царь Вавилона, великій, возлюбленный бога Меродаха, любимецъ Нэбо, могучій стражъ своего народа и пр., ему покорялась вся страна вплоть до Египта и границъ Эѳіопіи. Сюда являлись представители всѣхъ народовъ и входя чрезъ чудныя кедровыя, съ массивными бронзовыми украшеніями, ворота, оберегаемыя мѣдными гигантскими быками съ человѣчьими головами, и приносили тяжкую дань всемогущему владыкѣ. Во дворцѣ же жили и плѣнные цари, томясь въ заключеніи. Двое изъ нихъ намъ извѣстны: это іудейскіе цари Іоакимъ и Седекія, самый несчастный царь изъ дома Давида. Послѣднее, чему онъ былъ свидѣтелемъ на землѣ—избіеніе его дѣтей.

Замѣчательна характерная черта восточныхъ народовъ: наслѣдникъ никогда не продолжалъ предпріятія своего предшественника по начертанному плану, но начиналъ новое. И это вполнѣ понятно. Залы, стѣны и полы изображаютъ сцены изъ жизни того, кто строилъ дворецъ, и свидѣтельствують о его славѣ; въ такомъ дворцѣ наслѣднику неловко принимать подобострастныя почитанія иностранныхъ народовъ. Такимъ образомъ, Навуходоносоръ, для увѣковѣченія своего имени, рѣшилъ построить собственный дворецъ, но не желая, изъ чувства благоговѣнія, занимать площадь, которая принадлежала храму Эсагиля и жрецамъ, онъ задумалъ возвести немного дальше дворецъ, который, не отличаясь размѣрами, долженъ былъ поражать великолѣпіемъ и массивностью очертаній. Навуходоносоръ вполнѣ достигъ этого. Дворецъ его можно считать чудомъ искусства. Это было террасовидное мраморное зданіе, стоящее на самой вершинѣ многихъ террасъ, покрытое кедромъ и кипарисомъ. Двери изъ благовоннаго дерева украшены были слоновой костью и выложены золотомъ и серебромъ. На террасахъ, соединенныхъ между собою лѣстницами, насажены деревья и кусты. Пустые внутри, какъ башни широкіе столбы, наполненные землею, могли вмѣщать самые большіе корни деревьевъ, а гигантскіе насосы, соединенные съ Евфратомъ, доставляли воду для орошенія сада и для фонтановъ. Садъ этотъ Навуходоносоръ устроилъ для своей супруги, царевны мидійской, пожелавшей въ вавилонскихъ стѣнахъ имѣть нѣчто подобное горамъ и рощамъ своей родины.

Кто остановился бы на этой вышинѣ, предъ тѣмъ развернулся бы чудный видъ. Весь городъ, полный жизни и веселья, кипитъ внизу. Между тѣмъ, какіе ужасы совершались здѣсь еще незадолго! Это было тогда, когда Самассумукимъ, котораго братъ Асурбанипалъ сдѣлалъ правителемъ Вавилона, возсталъ противъ своего царственнаго брата и, пользуясь нелюбовью народовъ передней Азіи къ жестокому ниневійскому властителю, привлекъ на свою сторону вавилонянъ, также арабовъ, эламитовъ и арамейцевъ. Осада была въ разгарѣ. Ассирійское войско обложило города Сиппаръ, Куту, Борсиппу и Вавилонъ и хотя стѣны послѣдняго были неприступны, но въ городѣ вдругъ сталъ свирѣпствовать голодъ и моръ. Люди въ отчаяніи убивали дѣтей и питались ихъ мясомъ. Самассумукимъ сжегъ себя живымъ, остальные же, не имѣя духу послѣдовать его примѣру, сдались царю ассирійскому, который не пощадилъ никого, предалъ всѣхъ страшнымъ казнямъ и опустошилъ городъ. Еще ужаснѣе была судьба Вавилона за 42 года передъ этимъ. Царь ассирійскій Сангерибъ, возмущенный постоянными заговорами и неповиновеніемъ вавилонянъ, осадилъ городъ въ 690 году и сжегъ его до основанія. Храмы и башни были разрушены и сброшены въ каналъ Арахту, боги и богини, жившіе въ нихъ, переселились на небо... Въ развалинахъ Вавилона ассирійскій побѣдитель велѣлъ провести каналы и наполнить ихъ водою, чтобы не оставалось и признака города. Кто могъ тогда ожидать, что спустя сто лѣтъ городъ снова возникнетъ и достигнетъ еще большаго великолѣпія и блеска. Перенося мыслью за 500 лѣтъ до ассирійскаго завоеванія, предъ нами выступаетъ образъ мудрой царицы Семирамиды, извѣстной тѣмъ, что одна изъ всѣхъ вавилонскихъ государей съумѣла она покорить ассирійцевъ. Именемъ ея названы роскошные висячіе сады Вавилона.

Прежде чѣмъ покинуть великій Вавилонъ, путникъ долженъ заглянуть въ близлежащій городъ Борсиппу, иначе его впечатлѣніе было бы не полно. Оба города составляютъ одно цѣлое, такъ какъ двухверстное пространство, раздѣляющее эти города, сплошь занято домами, дворами и садами. Были интересные обычаи у вавилонянъ, въ особенности одинъ, который Геродотъ называетъ „мудрѣйшимъ и прекраснымъ закономъ". Это—воспрещеніе выдавать дочь замужъ за человѣка по ея выбору. Одинъ разъ въ году, дѣвушки въ деревняхъ и городахъ выводились на торговую площадь и тутъ продавались съ аукціона. Продажа начиналась съ самыхъ красивыхъ, и вырученныя деньги шли въ приданое дѣвушкамъ некрасивымъ. Замѣчательны были также отношенія дѣтей къ родителямъ. Сынъ ослушавшійся своего отца клеймился и считался рабомъ. ослушавшійся же матери также клеймился и изгонялся изъ дома и изъ города. Достигнувъ Борсиппы, не останавливаясь возлѣ многочисленныхъ ея большихъ и малыхъ храмовъ, путникъ пройдетъ прямо къ знаменитой святынѣ, храму Эцида, *Вѣчному Дому* бога Нэбо, который слѣдилъ за небомъ и землею, и записывалъ на своихъ вѣчныхъ скрижаляхъ все содѣянное тамъ. Въ портикѣ храма два алтаря: одинъ золотой, на которомъ приносятся въ жертву животныя, питающіяся еще молокомъ матери, и другой побольше, на которомъ приносятъ въ жертву уже большихъ животныхъ и курится оиміамъ.

Храмъ образуетъ квадратъ и построенъ съ такимъ же великолѣпіемъ какъ Эсагиль. Здѣсь большая сидячая статуя бога, изъ чистаго золота, рядомъ съ нею золотой столъ, стулъ и скамья. Но самое замѣчательное въ храмѣ—это въ срединѣ его башня, стоящая на громадномъ фундаментѣ изъ каменныхъ плитъ, имѣющая семь этажей, постепенно съуживающихся кверху террасами. Это храмъ семи сферъ неба и земли, т. е. семи планетъ, которымъ посвященъ каждый изъ этажей, выкрашенный въ краску, соотвѣтствующую цвѣту планеты. Верхніе этажи, посвященные лунѣ и солнцу, обложены серебряными и золотыми пластинками. Цѣлыя столѣтія зданіе это, представляющее и теперь одну изъ величественнѣйшихъ развалинъ страны, стояло неоконченнымъ. Навуходоносоръ довелъ постройку до конца. Поднимались по лѣстницѣ, проведенной чрезъ всѣ семь этажей и достигали верхняго изъ нихъ, гдѣ устроенъ храмъ безъ божества. Тутъ, возлѣ золотаго стола, стоитъ вѣчно чудное ложе, ожидая появленія бога.

И ото всего этого великолѣпія древняго Вавилона осталось только три громадныхъ холма развалинъ! По раскопкамъ, произведеннымъ англійскимъ археологомъ Рассамомъ, по клинообразнымъ письменамъ и свѣдѣніямъ, дошедшимъ отъ грековъ, оказывается, что и мы, европейцы, во многомъ испытали вліяніе вавилонянъ. Раздѣляя кругъ на 360 градусовъ, день на 24 часа, часъ на 60 минутъ, считая семь дней въ недѣлѣ, и называя ихъ именами планетъ, наконецъ, говоря о созвѣздіяхъ Вѣсовъ, Медвѣдицы и пр., мы только повторяемъ установленія вавилонянъ. Даже нѣкоторыя религіозныя идеи и преданія, которыя долгое время считались спеціально древне-еврейскаго происхожденія, находятся въ Вавилонѣ, на глиняныхъ таблицахъ. Празднованіе седьмаго дня въ недѣлѣ основано также на вавилонскомъ повѣрьи. Вавилоняне всегда выдѣляли седьмой день, называя его *субботой*. Въ этотъ день нельзя было приступать ни къ какому дѣлу, нельзя было ѣсть жареную говядину. Царь не долженъ былъ надѣвать новой одежды, не могъ садиться на колесницу, не могъ судить; въ этотъ день не позволялось подавать помощь даже больному. Цифра семь обозначала семь злыхъ духовъ и приносила несчастіе.

Къ рисункамъ.

Деревенскіе охотники.

(Рис. на стр. 516).

Очень выгодно выдѣлялись на послѣдней выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ небольшія картинки извѣстнаго нашего художника Ковалевскаго, такого знатока лошади и именно русскаго ея типа. На картинкѣ, здѣсь помѣщаемой, очень вѣрно и мѣтко схваченъ типъ деревенскаго охотника, на бѣговыхъ дрожкахъ, въ сопровожденіи какого нибудь опытнаго страстнаго стрѣлка изъ старыхъ дворовыхъ; они спѣшатъ на свои любимыя болота. Бойкая лошадка усердно семенитъ ногами, собака весело бѣжитъ съ хозяевами, и зеленымъ шатромъ обступаетъ ихъ рощица и вѣетъ въ загорѣлыя лица охотниковъ свѣжимъ вѣтромъ, запахомъ цвѣтовъ и скошенной травы. Нетерпѣливо ждутъ они когда доѣдутъ до мѣста.

Врачъ у ложа татарскаго царевича.

(Рис. на стр. 517).

Рисунокъ нашего художника представляетъ эпизодъ траги-

ческаго происшествія, имѣвшаго мѣсто въ царствованіе великаго князя Іоанна III, происшествія, бывшаго съ пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ другими иностранцами въ Москву „Антономъ-лекаремъ". Молодой врачъ Антонъ Эренштейнъ, какъ говоритъ лѣтопись „пріѣха къ великому князю (1485 г.) его же въ великой чести держитъ великій князь." Но конечно это возбуждало зависть и ненависть къ нему у многихъ при дворѣ и его извели, воспользовавшись случаемъ. Въ Москвѣ въ то время въ почетѣ и чести жилъ татарскій царевичъ Даньяръ, котораго князь очень цѣнилъ за вѣрность къ себѣ и за его заслуги. На одномъ изъ торжествъ упалъ съ взбѣсившагося коня молодой сынъ Даньяра, Каракачъ и расшибся. Великій князь уговорилъ царевича допустить лечить больнаго Антону-лекарю, взявъ съ него слово, что онъ отвѣчаетъ за больнаго головою. Врачъ пришелъ и, осмотрѣвъ, сдѣлалъ перевязки и очень помогъ больному, но надо думать, что или больной не исполнялъ, по совѣтамъ окружающихъ, предписаній лекаря или даже кто нибудь изъ окружающихъ и отравилъ питье царевича, но только онъ умеръ. Великій князь былъ разсерженъ и огорченъ до глубины души. „Врачева же Корокачу, царевича Даньярова да умори его смертнымъ зеліемъ за посмѣхъ. Князь же великій выдалъ его татарамъ... они же свели его на Москву рѣку подъ мостъ зимою и зарѣзали ножомъ..." На рисункѣ нашемъ изображено какъ несчастный Эренштейнъ, еще не зная ожидающей его участи, даетъ лекарство больному, окруженному своими соотечественниками-татарами, плачущими въ отчаяніи отъ болѣзни своего царевича.

Германскія женщины во время боя съ римлянами.

(Рис. на стр. 521).

Безпощадная борьба германцевъ съ римлянами, кончившаяся подъ конецъ паденіемъ римскаго колосса, была богата съ обѣихъ сторонъ примѣрами героизма и мужества; но у германцевъ героями являлись не одни мужчины; женщины тоже боролись у нихъ на поляхъ битвъ вмѣстѣ со своими мужьями и братьями и принимали вполнѣ активное участіе какъ въ побѣдахъ, такъ и въ пораженіяхъ своего племени. Кромѣ того взглядъ на женщину былъ совершенно другой у древнихъ германцевъ, нежели у римлянъ; германцы видѣли въ женщинѣ что то высшее, святое, вѣщее; они уважали совѣты женщинъ; повиновались ихъ рѣшеніямъ и даже имѣли изъ нихъ жрицъ и пророчицъ, какими были напримѣръ Ауринія и Веледа. Такъ у кимвровъ неожиданно среди боя появлялись женщины, сѣдыя отъ старости, босыя, облеченныя въ бѣлыя одежды, опоясанныя мѣдными поясами, съ обнаженными мечами въ рукахъ. Германская женщина являлась постоянной спутницей мужчины въ счастьи и несчастьи; дома она занималась простымъ полевымъ и домашнимъ хозяйствомъ и шла съ мужемъ въ походъ противъ врага; приносила ему на поле битвы пищу и питье и своими пламенными рѣчами возбуждала его боевую храбрость. При неудачѣ, женщины бросались на встрѣчу бѣгущимъ и своими мольбами и напоминаніями о позорномъ плѣнѣ, часто возстановляли порядокъ въ поколебавшихся рядахъ германскихъ воиновъ и заставляли ихъ одерживать побѣду. Слыша позади себя голоса женъ и дѣтей, германецъ бѣшено кидался на врага; грозный крикъ воиновъ служилъ сигналомъ, что пришла рѣшительная минута—побѣдить или умереть, и начиналась безпощадная, кровавая рѣзня. Въ своемъ разсказѣ о битвахъ съ Аріовистомъ, Цезарь очень живо описываетъ тотъ ужасъ, который чувствовали римляне при первомъ своемъ враждебномъ столкновеніи съ германцами. Эти дикія, обнаженныя толпы, прикрытыя лишь звѣриными шкурами, бросающіяся впередъ съ грознымъ крикомъ и тѣлодвиженіями, производили на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что ряды самыхъ храбрыхъ легіоновъ невольно разстраивались. Но при всей своей храбрости, при всей энергіи своихъ стремительныхъ натисковъ, германцы часто терпѣли пораженіе отъ недостатка общаго стратегическаго плана. Ихъ войско, все таки была безпорядочная толпа, которая шла въ битву безъ заранѣе опредѣленной цѣли и надѣялась исключительно на свою силу и многочисленность. Пораженіе одной какой нибудь части, вело за собою общую панику и тогда начиналась настоящая бойня побѣжденныхъ. Въ этотъ моментъ германскія женщины сами вступали въ ряды сражающихся и часто выказывали чудеса храбрости и самоотверженія. Когда Кай-Марій разбилъ кимвровъ и римляне, преслѣдуя бѣгущихъ, достигли обозовъ, то имъ представилось страшное зрѣлище. Жены германцевъ въ черныхъ одѣяніяхъ стояли на телѣгахъ и собственноручно умерщвляли бѣжавшихъ къ нимъ искать убѣжища, мужей и родственниковъ, бросали собственныхъ дѣтей подъ колеса и ноги вьючныхъ животныхъ и наконецъ умерщвляли самихъ себя, предпочитая смерть позорному рабству. На нашемъ рисункѣ изображена женщина съ мечемъ въ рукѣ, жадно слѣдящая за ходомъ битвы, въ которой, судя по окровавленному мечу, сама принимала дѣятельное участіе.

Воспитательный Домъ въ Москвѣ.

(Рис. на стр. 524).

На Солянкѣ, на самомъ берегу Москвы-рѣки, возвышается цѣлая масса зданій, что то въ родѣ отдѣльнаго квартала. Это самое знаменитое изъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій Москвы—Воспитательный Домъ, основанный въ 1764 году, по повелѣнію Императрицы Екатерины II и построенный Прокофіемъ Акинѳіевичемъ Демидовымъ. Говорятъ, что первую мысль объ учрежденіи дома подалъ Императрицѣ Бецкій, который и былъ его первымъ главнымъ попечителемъ до самой глубокой старости. При самомъ учрежденіи дома имѣлось въ виду основать его „общимъ подаяніемъ"; съ этою цѣлью было обнародовано воззваніе Святѣйшаго Синода къ сынамъ Православной Церкви, но потомъ эта мысль была оставлена.

По первоначальной мысли Бецкаго, питомцы Воспитательнаго Дома назначались къ „умноженію въ государствѣ средняго состоянія людей". Предполагалось воспитывать изъ питомцевъ будущихъ художниковъ и ремесленниковъ, и потому въ самомъ Домѣ были устроены разныя фабрики и мастерскія. Впослѣдствіи, при измѣнившемся взглядѣ, при Воспитательномъ Домѣ были учреждены для питомцевъ земледѣльческія колоніи. Но эти колоніи существовали не долго и по ихъ уничтоженіи Именнымъ Указомъ 1837 года питомцы Дома были обращены въ сельское сословіе. Особенно нѣжно и матерински заботливо относилась къ благосостоянію Дома Императрица Марія Ѳеодоровна, которой по смерти Екатерины II, по волѣ Императора Павла было ввѣрено высшее его управленіе. Подъ Ея Августѣйшимъ покровительствомъ даже въ самыя тяжелыя времена Воспитательный Домъ не прерывалъ своей плодотворной дѣятельности, какъ напр. въ эпоху занятія Москвы непріятелемъ въ 1812 году или во время опустошенія нашей древней столицы страшной холерной эпидеміей 1830 года.

Въ 1812 году, во время занятія Москвы французами, управленіе дома было ввѣрено старшему надзирателю Тутолмину, у котораго осталось на рукахъ до 350 питомцевъ обоего пола. Тутолминъ употребилъ всѣ усилія, чтобы охранить несчастныхъ дѣтей, и его заботы имѣли полный успѣхъ. Сами французы, съ императоромъ Наполеономъ во главѣ, отнеслись сочувственно къ учрежденію и съ самаго начала занятія Москвы Воспитательному Дому была назначена особая охрана изъ 12 рядовыхъ и одного офицера. Съ этого же дня начались пожары и вмѣстѣ съ ними убійства и грабежи; цѣлыя толпы мародеровъ и поджигателей бродили около Дома; кругомъ все было въ пламени, но Воспитательный Домъ остался цѣлъ и невредимъ и въ немъ сохранился тотъ же строгій и однообразный порядокъ, какъ и въ обыкновенное время; не прекращались ни классные уроки, ни занятія въ рукодѣльняхъ, и сами иностранцы находили учрежденіе образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

По кончинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Императоръ Николай, указомъ отъ 26-го октября 1828 года, принялъ Московскій Воспитательный Домъ подъ непосредственное и особенное свое покровительство и приказалъ представлять на свое усмотрѣніе всѣ дѣла, бывшія прежде въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Кромѣ того указомъ отъ 6-го декабря, по завѣщанію своей Августѣйшей матери, Императоръ повелѣлъ всѣмъ воспитательнымъ домамъ въ столицахъ состоять подъ покровительствомъ супруги своей Императрицы Александры Ѳеодоровны. Нынѣ въ составъ управленія Московскаго Воспитательнаго Дома входитъ 41 округъ, находящіеся въ Московской губерніи и ближайшихъ къ ней уѣздахъ шести смежныхъ съ нею губерній, а именно: Тульской, Рязанской, Владимірской, Тверской, Смоленской и Калужской, въ которыхъ въ деревняхъ размѣщены питомцы Дома. Независимо отъ этихъ округовъ, въ самой Москвѣ существуетъ особое столичное окружное управленіе, главная обязанность котораго заключается въ отдачѣ питомцевъ ремесленникамъ для обученія ремесламъ, въ надзорѣ за тѣми питомцами, которые временно находятся въ Москвѣ на заработкахъ, и въ разборѣ взаимныхъ жалобъ питомцевъ и ихъ хозяевъ. Кромѣ того при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ состоитъ, находящаяся на Гороховомъ полѣ, учительская семинарія для приготовленія питомцевъ къ обязанностямъ сельскихъ учителей. Въ послѣдніе годы, судя по оффиціальнымъ отчетамъ, число питомцевъ, состоявшихъ подъ призоромъ Московскаго Воспитательнаго Дома, простиралось до 32,000, при чемъ болѣе 31,000 приходилось на округа, а 1,000 или около того оставались постоянно въ Домѣ.

Храмъ св. Софіи въ Константинополѣ.

(Рис. на стр. 525).

Храмъ св. Софіи, нынѣ мечеть Ая-Софія, безспорно одно изъ чудесъ византійскаго зодчества, которое, не смотря на разныя безобразныя пристройки и уродливыя украшенія мусульманскихъ владыкъ, до сихъ поръ не утратило своей очаровательной красоты. Недаромъ основатель храма — императоръ Юстиніанъ собиралъ для своего созданія сокровища цѣлаго міра; онъ приказалъ повсюду отыскивать мраморы, колонны и скульптурныя украшенія и доставлять въ Константинополь все, что могло быть употреблено для украшенія новаго храма. Подъ руководствомъ двухъ главныхъ архитекторовъ Анфимія Трилесскаго и Исидора Милетскаго, сто другихъ архитекторовъ управляли работами и каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ по сту каменьщиковъ; 5,000 работниковъ

трудились на правой сторонѣ храма и столько же на лѣвой. Всѣ сословія внесли денежную дань на колоссальную постройку. Мраморъ всѣхъ цвѣтовъ: бѣлый, зеленый и голубой, граниты Египта и порфиры украшали его, а также драгоцѣнныя колонны, взятыя изъ разныхъ древнихъ языческихъ храмовъ. Вообще во всемъ зданіи преобладаетъ форма святилища храма Соломона; чтобы легче понять устройство собора св. Софіи, надо изобразить пространный четыреугольникъ, къ которому съ четырехъ его сторонъ примыкаютъ четыре меньшихъ квадрата и тѣмъ образуютъ внутри главныя части зданія и форму креста. По угламъ средняго большаго квадрата выстроены четыре массивные столба, вершины которыхъ соединены между собой полукруглыми арками и поверхъ всей этой аркады возвышается огромный куполъ, имѣющій 35 метровъ въ діаметрѣ. Этотъ куполъ, если на него смотрѣть внутри храма, производитъ необычайное впечатлѣніе по легкости и вмѣстѣ грандіозности своего стиля. Онъ сложенъ изъ глиняныхъ сосудовъ, которые до сихъ поръ удивляютъ своею крѣпостью. Стѣны сложены изъ кирпича и всѣ одѣты мраморными плитами. Съ сѣвера и юга главнаго квадрата, подъ арками, между каждыми большими растворами, помѣщаются по четыре колонны изъ прекраснѣйшаго гранита, поддерживающія хоры или галлереи для женщинъ, которыя у древнихъ христіанъ стояли во время богослуженія отдѣльно. Повсюду на стѣнахъ блистали прежде изображенія Богоматери, Апостоловъ, Евангелистовъ и греческихъ крестовъ. До сихъ поръ подъ куполомъ въ углахъ боковыхъ сводовъ стоятъ нетронутыми четыре серафима, у которыхъ одни лица закрыты золотыми розетами. Впереди же на тройномъ выгибѣ алтарной стѣны видны фигуры святыхъ и посреди ихъ колоссальный мозаичный образъ Премудрости. Всѣ лица таятся подъ золотыми надписями изъ Корана, но фигуры ясно выступаютъ въ таинственномъ полумракѣ. Вообще въ Ая-Софіи можно въ одинъ день уничтожить всѣ слѣды исламизма и возстановить храмъ въ его первобытной строго-христіанской красотѣ и величіи. Турки основались въ немъ, какъ бы на время, для кочевой молитвы; мозаики Юстиніана лишь слегка прикрыты золотою сѣтью текстовъ изъ Корана. На мѣстѣ алтаря вставленъ камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ, а надъ нимъ виситъ небольшой полинялый коверъ, на которомъ Магометъ когда то совершалъ свои молитвы. Подъ куполомъ развѣшаны большіе зеленые щиты съ узорчатыми вензелями первыхъ калифовъ, составленные изъ переплетеныхъ арабскихъ буквъ. У правой колоннады, недалеко отъ алтаря, стоитъ рѣзной деревянный *минбаръ* или каѳедра, увѣнчанная луной, откуда Шейхъ-Уль-Исламъ читаетъ Коранъ съ обнаженной саблей въ рукѣ. Со сводовъ по всему храму спускаются желѣзные пруты, поддерживающіе горизонтальные круги, уставленные стеклянными и фарфоровыми лампадами, а драгоцѣнный мраморный полъ покрытъ плетеными рогожами. Вотъ и вся мусульманская обстановка, какъ бы ошибкой, на время, попавшая подъ грандіозные своды роскошнаго христіанскаго храма Юстиніана.

Эдуардъ Іеннеръ.

(Портр. на этой стр.).

Эдуардъ Іеннеръ, родившійся 17-го мая 1749 г. въ Глочестерѣ, въ Англіи, и умершій тамъ-же 23-го января 1823 г., прославился своимъ изобрѣтеніемъ: привитіе людямъ коровьей лимфы, чѣмъ предохраняютъ отъ оспы. 14-го мая 1796 года Іеннеръ впервые привилъ оспу восьмилѣтнему Джэмсу Финсу, лимфу, снятую съ руки коровницы Сары Нельмесъ, зараженной коровьей оспой. Предположеніе, что коровья и человѣческая оспа, до нѣкоторой степени сродны, было и тогда уже не ново; извѣстно было также, по опыту, въ Глочестерѣ и Гольштейнѣ, что лица, имѣвшія коровью оспу, при наступленіи эпидеміи не заболѣвали. Исторически удостовѣрено, что гольштинскій фермеръ Іенсенъ и школьный учитель Плетъ въ Ракендорфѣ возлѣ Киля прививали дѣтямъ коровью оспу еще въ 1791 г. Но значеніе Іеннера не заключается единственно въ актѣ прививанія, а въ томъ, что на первомъ же примѣрѣ онъ доказалъ насколько прививка коровьей оспы предохраняетъ отъ оспы людской. Послѣ выздоровленія мальчика, послѣ прививки лимфы, онъ два раза прививалъ ему настоящую оспу и оба раза она не произвела никакого дѣйствія. Чтобы понять значеніе изобрѣтеннаго Іеннеромъ средства противъ оспы, нужно принять въ соображеніе, насколько она часто и сильно свирѣпствовала въ то время. Всѣ средніе вѣка и до конца прошлаго столѣтія оспа причислялась къ величайшимъ бѣдствіямъ рода человѣческаго. Эпидемія проявлялась изъ году въ годъ, унося множество жертвъ. Одинъ арабскій писатель (умершій въ 923 г. по Р. Х.) говоритъ, что среди всѣхъ людей почти ни одинъ не бываетъ пощаженъ оспой.

Въ XVIII в. оспой уносилась, по сообщенію современныхъ статистиковъ, двѣнадцатая часть людей. Среднее число умиравшихъ отъ оспы составляло ½ милліона населенія въ годъ. Со времени введенія прививанія оспенной лимфы, число смертныхъ случаевъ достигло сравнительно незначительной цифры. Практика докторовъ во всѣхъ странахъ привела къ выводу: что люди съ непривитой оспой болѣе подвергаются заболѣванію, нежели тѣ, которымъ оспа была привита; что у первыхъ болѣзнь проходитъ гораздо труднѣе, нежели у послѣднихъ, и что лица, подвергшіяся нѣсколько разъ прививкѣ, болѣе обезпечены отъ заболѣванія, нежели тѣ, которымъ оспа была привита одинъ разъ.

Докторъ Іеннеръ, первый оспопрививатель. Грав. О. Ротъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ однако привитая лимфа дѣйствуетъ не особенно долго. Такъ, въ Африкѣ—только два года, въ умѣренной полосѣ въ большинствѣ случаевъ—десять лѣтъ. Но говоря о хорошихъ сторонахъ прививанія оспенной лимфы, нельзя умолчать и о дурныхъ. Въ числѣ множества счастливыхъ случаевъ, бывали зараженія другими болѣзнями чрезъ прививку. Но это происходило или отъ неумѣнія прививающаго, или отъ его небрежности. Опасность зараженія золотухой, чахоткой и прочими болѣзнями очень возможна. Теперь уже рѣшаются вернуться къ первоначальному источнику—коровьей лимфѣ, и прекратить совершенно снятіе оспенной лимфы съ людей. Попытки замѣнить человѣческую лимфу телячьей не новы, но такая лимфа дорога для всеобщаго употребленія и сохраняется не долго.

Литературный альбомъ. „Тысяча душъ“. А. Θ. Писемскаго. (Клятва на могилѣ. Ч. I, гл. 15).
Ориг. рис. А. Земцова грав. Ю. Барановскій.

Измѣненіе системы прививанія оспы безъ сомнѣнія повлекло большіе расходы. Физикамъ и медицинскимъ властямъ пришлось имѣть дѣло съ коровниками; масса телятъ сдѣлались жертвою науки, такъ какъ послѣ снятія съ нихъ лимфы нхъ приходится убивать, чтобы удостовѣриться нѣтъ-ли въ нихъ зараженія, ибо тогда ихъ лимфа не можетъ быть употреблена въ дѣло.

Таблицы, составленныя въ германскомъ имперскомъ Обществѣ Здравія, свидѣтельствуютъ о необыкновенной пользѣ закона объ оспопрививаніи. До 1870 г. заболѣваніе оспою было довольно равномѣрно, усиливаясь чрезъ каждыя 10—15 лѣтъ эпидеміями. Съ 1871 и 1872 годами совпадаетъ сильная оспенная эпидемія, находившаяся въ зависимости отъ франко-прусской войны. Въ 1873 и 1874 гг. смертность уменьшается точно также, какъ это обыкновенно бывало послѣ сильныхъ оспенныхъ эпидемій. Съ 1875 г. уже обнаруживается вліяніе закона объ оспопрививаніи. Безъ послѣдняго смертность скоро стала бы снова увеличиваться, между тѣмъ она, вслѣдствіе обязательной системы оспопрививанія, падаетъ значительно ниже наименьшей цифры, какая была извѣстна отъ начала этого столѣтія. Доказательствомъ тому, что уменьшеніе это произошло отъ введенія закона объ обязательномъ оспопрививаніи, служатъ сравненія съ другими странами, въ которыхъ закона этого не существуетъ. Такъ, сравнивая смертность отъ оспы въ Пруссіи и Австріи послѣ 1874 г., приходится заключить, что значительное и прочное уменьшеніе смертныхъ случаевъ въ Пруссіи зависѣло единственно отъ дѣйствія закона объ оспопрививаніи, такъ какъ всѣ другія условія по отношенію къ оспенной болѣзни оставались въ обоихъ государствахъ одни и тѣже. Что касается правильности таблицъ, то при составленіи ихъ принимались въ разсчетъ только однородныя данныя, т. е. густота населенія города, арміи, между которыми и проводились параллели. Изъ общихъ сравненій можно сдѣлать слѣдующій выводъ: со времени вступленія въ Германіи въ силу закона объ оспопрививаніи, оспа уменьшилась до небывалыхъ раньше размѣровъ; въ сосѣднихъ же государствахъ, не установившихъ у себя подобнаго закона, оспа проявлялась въ сильной степени. Большіе германскіе города почти вовсе не страдаютъ отъ оспы, между тѣмъ она уноситъ много жертвъ въ большихъ городахъ другихъ государствъ. Германская армія, благодаря повторяемому оспопрививанію, почти не испытываетъ оспы; австрійская же и французская арміи страдаютъ много отъ этой болѣзни.

„Тысяча душъ", романъ А. Ѳ. Писемскаго.

(Рис. на стр. 529).

„Тысяча душъ", несомнѣнно лучшій романъ нашего замѣчательнаго писателя. Успѣхъ его въ свое время былъ очень значителенъ и вполнѣ заслуженъ. Въ этомъ романѣ именно съ особенною яркостью выказались всѣ достоинства автора- сила изображенія и жизненность лицъ, имъ выставленныхъ. Романъ начался печатаніемъ въ 1858 г., и нарождавшійся тогда новый типъ дѣльца и администратора выведенъ былъ съ большимъ искусствомъ и мѣткостью. Особенно хороша первая часть—изображеніе семьи Годневыхъ и вообще жизни тогдашняго захолустнаго города. Между прочимъ въ концѣ этой части есть прекрасная сцена, когда герой романа Калиновичъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ идетъ гулять со своей невѣстой, Настенькой Годневой, (которую онъ задумалъ бросить), и она приводитъ его на кладбище, на могилу своей матери.

— Куда же мы идемъ? спросилъ наконецъ Калиновичъ, поднимая голову и осматривая окрестность.

— На могилу къ матушкѣ. Я давно не была и хочу, чтобъ ты сходилъ поклониться ей,—отвѣчала Настенька.

Калиновича передернуло.

„Часъ отъ часу не легче!" подумалъ онъ и съ чувствомъ невольнаго отвращенія поглядѣлъ на видиѣвшееся невдалекѣ кладбище. Церковь его была деревянная, съ узенькими окнами, стекла которыхъ проржавѣли отъ времени и покрылись радужными отливами. Небольшая, приземистая колокольня покачнулась на-бокъ. Вся она обшита была узорно вырѣзаннымъ тесомъ, и на крышѣ, тоже узорной, росли уже трава и мохъ. Погостъ былъ сплошь покрытъ могилами, надъ которыми возвышались то бѣлые, то черные деревянные кресты. Настенька подвела Калиновича къ могилѣ матери, которую покрывала четвероугольная изъ дикаго камня плита, съ изсѣченнымъ на верхней сторонѣ изреченіемъ: „Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ". Слова эти начертать на вѣчномъ жилищѣ своей жены придумалъ самъ Петръ Михайловичъ.

— Помолимся! сказала Настенька, становясь на колѣни передъ могилой:—стань и ты,—прибавила она Калиновичу. Но тотъ остался неподвиженъ. Цѣлый адъ былъ у него въ душѣ; онъ желалъ въ эти минуты или себѣ смерти, или—чтобъ умерла Настенька. Но испытаніе еще тѣмъ не кончилось: намолившись и наплакавшись, бѣдная дѣвушка взяла его за руку и положила ее на гробницу.

— Поклянись мнѣ, Жакъ,—начала она, глотая слезы: поклянись надъ гробомъ матушки, что ты будешь любить меня вѣчно, что я буду твоей женой, другомъ. Иначе мать меня не проститъ.... Я третью ночь вижу ее во снѣ: она мучится за меня!

— Настенька!... къ чему всѣ эти мелодраматическія сцены?... Ей Богу, тяжело и безъ того! воскликнулъ Калиновичъ, немогшій болѣе владѣть собой.

— Нѣтъ, Жакъ, поклянись: это будетъ одно для меня утѣшеніе, когда ты уѣдешь,—отвѣчала настойчиво Настенька.

— Клянусь.... проговорилъ онъ.

И въ самый этотъ моментъ съ шумомъ выпорхнула изъ растущей около густой травы, какая то черная масса и понеслась по воздуху. Калиновичъ поблѣднѣлъ и немного отскочилъ. Настенька оставалась спокойною.

— Чего же ты испугался? Это воронъ,—проговорила она.

— Подобныя сцены хоть у кого разстроятъ нервы,—отвѣчалъ Калиновичъ". (Стр. 295).

Этотъ эпизодъ и изображенъ нашимъ художникомъ.

Рѣдкія морскія рыбы и животныя.

(Рис. на стр. 532).

Нѣкоторыя странныя формы морскихъ рыбъ невольно обращаютъ на себя вниманіе, особенно рыбы далекихъ морей Китая, Индіи, Австраліи; но и Европа представляетъ также много замѣчательныхъ образцовъ, сгруппированныхъ на нашемъ рисункѣ. Какіе бываютъ громадные омары (рис. 19), или морскіе раки, поражающіе своими странными формами—могучими клешнями и челюстями, и длиннымъ чешуйчатымъ хвостомъ! Это, очевидно, одно изъ самыхъ большихъ морскихъ чудовищъ, которому достойнымъ соперникомъ является осьминогъ. Осьминогъ (Octopus, рис. 21)—не рыба, а громадный молюскъ изъ разряда головоногихъ; онъ считается страшнымъ врагомъ омара, и нѣтъ сомнѣнія, что ему не представляетъ большаго труда умертвить послѣдняго, притянувъ его къ себѣ восемью длинными и крѣпкими ногами, снабженными множествомъ цѣпкихъ щупальцевъ, сжавъ его своими сильными, кривыми челюстями. Впрочемъ, въ послѣднее время, по многочисленнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ надъ этимъ животнымъ, оказалось, что народное представленіе объ его силѣ весьма преувеличено, и что онъ совсѣмъ не такъ страшенъ, какъ изображается въ знаменитомъ романѣ Виктора Гюго „Труженики моря". Но все-таки остается фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, что онъ можетъ быть опасенъ человѣку; такъ, въ 1879 г., близь Мельбурна, громадный осьминогъ чуть не умертвилъ одного пловца, и лишь послѣ отчаянной борьбы, продолжавшейся цѣлыя двадцать минутъ, былъ убитъ желѣзной рогатиной. Осьминогъ особенно изобилепъ при западныхъ берегахъ Франціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Средиземнаго моря. Изображенный на нашемъ рисункѣ златикъ (рис. 20), называемый въ Англіи „золотой Джонъ", въ сущности бываетъ болѣе темно-оливковаго, нежели золотистаго цвѣта, съ черными круглыми пятнами съ каждой стороны. Въ Англіи онъ очень распространенъ въ рыбной торговлѣ и считается очень лакомымъ блюдомъ. Его большая голова, широко раскрытыя челюсти и рядъ длинныхъ иглъ на спинѣ составляютъ его характеристичныя особенности. Другая странная, небольшихъ размѣровъ рыба, водящаяся около береговъ Англіи—это такъ называемая морская бабочка (рис. 13), у которой необыкновенно расширенный съ одного бока плавень, съ круглымъ чернымъ пятномъ, необыкновенно похожъ на пестрое крыло бабочки. Кромѣ того, эта рыба отличается короткой сплюснутой головой, украшенной надъ глазами двумя гребнями, а ея жабры снабжены иглами. Она живетъ на морскомъ днѣ, въ травѣ, ростущей около береговъ, и питается мелкими раками и молюсками. Красный морской лещъ (рис. 8) водится въ изобиліи около южныхъ береговъ Англіи; обыкновенно его цвѣтъ золотисто-сѣрый, и совершенно чернымъ онъ бываетъ лишь мертвый. Питчатая макрель (рис. 6) имѣетъ ту особенность, что при сплюснутомъ и короткомъ тѣлѣ, ея спина и брюхо покрыты темными нитеобразными полосами. Область ея распространенія—Индійскій океанъ и его заливы.

Меченосы (рис. 11) имѣютъ большое сходство съ тунцами; отличіе ихъ въ томъ, что верхняя челюсть вытянута въ длинный и крѣпкій отростокъ. Меченосъ обыкновенный—громадное животное, отъ 6 до 15 футовъ длины, причемъ его мечъ занимаетъ болѣе ¼ его тѣла. Онъ цвѣта голубаго, снизу же бѣлаго, свѣтлаго; вмѣсто чешуи покрытъ шероховатой шкурой. По разсказамъ старинныхъ естествоиспытателей, меченосъ нерѣдко въ Индійскомъ океанѣ пробивалъ и топилъ корабли, но теперь доказано, что меченосъ довольно боязливое и безвредное животное, хотя на него и находитъ иногда ни чѣмъ необъяснимое бѣшенство и страсть къ разрушенію. Каринксъ, или голый прямунъ (рис. 18) по формѣ похожъ на макрель; тѣло его веретенообразное, голова острая, хвостъ тонкій, съ сильнымъ плавникомъ. Рыба-попугай (рис. 15) принадлежитъ къ типу губастыхъ рыбъ. Кромѣ странной организаціи передней части головы, похожей на клювъ попугая, она отличается яркостью красокъ и чешуя ея блистаетъ всѣми цвѣтами радуги. Попугай-рыба преимущественно водится въ жаркомъ поясѣ; въ Европѣ же ее встрѣчаютъ въ Греческомъ архипелагѣ, гдѣ она ловилась еще въ древности, для стола римскихъ цезарей. Морской дикобразъ (рис. 7), или шаръ-рыба, очень оригинальная по формѣ, въ родѣ иглистаго шара, водится почти исключительно въ Китаѣ, который вообще отличается страшнымъ богатствомъ и разнообразіемъ формъ своихъ рыбъ. Совершенно круглая, усыпанная колючками, фигура шара-рыбы

довольно безобразна для непривычнаго европейскаго глаза, но эта рыба покажется еще красавицей въ сравненіи съ разными экземплярами индійскихъ рыбъ, какъ напр. гамалы (рис. 24) съ двумя рогами и пестрымъ, чешуйчатымъ панцыремъ, тессалалы (рис. 23), отвратительнаго индійскаго угря и лучіяны (рис. 17), отличающейся своею страшною головою и пастью.

Причудливыя формы и пестрота этихъ обитателей южныхъ морей невольно поражаютъ насъ, привыкшихъ къ болѣе простымъ формамъ и мало-яркимъ цвѣтамъ нашихъ рыбъ. Самыми громадными рыбами Индіи являются: хитапъ (рис. 2), безъимянка (рис. 14) и валлагоата (рис. 5), скромные по формѣ, но внушительные по размѣрамъ. Впрочемъ, причудливыми формами иногда отличаются и рыбы европейскихъ морей, какъ напр. тѣ, которыя изображены на нашихъ рисункахъ. Такъ, рашпиля (рис. 1) достигаетъ до 7 и даже 8 фут. длины и представляетъ довольно безобразную фигуру. Она распространена въ моряхъ: Средиземномъ, Нѣмецкомъ и Атлантическомъ океанѣ, и сообразно своему тѣлосложенію, держится непосредственно на днѣ и со смѣлостью, свойственною вообще семейству акулъ, охотится за различными камбалами, скатами и другими рыбами, составляющими ея обыкновенную пищу. Ловитъ ее довольно легко на удочку, но разрубленные куски ея тѣла бьются еще такъ сильно, что рыбаки должны быть осторожны, чтобы не получить отъ нихъ ушиба. Мясо рашпили жесткое и грубое, съ непріятнымъ вкусомъ; оно не имѣетъ никакой цѣны; кожа же идетъ на выдѣлку эфесовъ, ноженъ и т. п. *Спинорогъ* (рис. 3) тоже довольно оригиналенъ по формѣ; отечество его—Индійское море. Всѣ спинороги не особенно цѣнятся мореплавателями и прибрежными жителями, такъ какъ мясо ихъ чрезвычайно опасно употреблять въ пищу. Ядовитость его происходитъ отъ водорослей и мадрепоръ, которыми питаются спинороги. Собаки и кошки безнаказанно ѣдятъ мясо спинорога, но люди, поѣвшіе его, подвергаются страшнымъ мученіямъ и безъ медицинской помощи неминуемо погибаютъ. Свинья-рыба (рис. 4) водится въ Атлантическомъ океанѣ, и нѣкоторые представители этого семейства встрѣчаются даже въ Средиземномъ морѣ и у британскихъ береговъ. Мясо морской свиньи хотя и вкуснѣе мяса другихъ акулъ, но тѣмъ не менѣе не употребляется въ пищу. Ее ловятъ только ради жира ея печени, также ея кожи и плавниковъ. *Кособокія* рыбы (рис. 9) живутъ во всѣхъ моряхъ, но особенно богаты ими моря умѣреннаго пояса. На днѣ онѣ лежатъ болѣе или менѣе зарывшись въ песокъ по самые глаза, совершенно неподвижно, ворочая только глазами, пока не высмотрятъ добычи, или ихъ не прогонитъ хищная рыба. Всѣ виды имѣютъ вкусное, а большая часть даже прекрасное мясо, которое долго сохраняется, и потому можетъ пересылаться на большія разстоянія. Морской окунь (рис. 10) принадлежитъ къ тому семейству, многочисленными членами котораго наполнена большая часть рѣкъ и прѣсноводныхъ озеръ стараго и новаго свѣта. Всѣ виды его отличаются какъ силою, такъ подвижностью и хищничествомъ. Они питаются другими рыбами, не исключая и своихъ дѣтенышей, икрою, червями, суставчатыми животными, и сильно размножаются, не смотря на многочисленность своихъ враговъ, изъ которыхъ самые опасные—лосось и щука. Скаты (рис. 22) имѣютъ ромбоидное тѣло, клинообразно вытянутое. Эта группа распространена по всѣмъ морямъ и распадается на множество видовъ. Строеніе зубовъ не дозволяетъ скату нападать на большихъ рыбъ, и потому онъ довольствуется мелкими рыбами, камбалами и даже раками. Въ Лондонѣ мясо скатовъ очень цѣнится и находитъ себѣ очень много любителей. На нашемъ рисункѣ представленъ новый видъ индійскаго ската—пятнистый михракибъ (Myhrakib moculata). Рыба, извѣстная въ Америкѣ подъ именемъ Rabbit-fisch, т. е. кроликъ-рыба, принадлежитъ къ тому семейству, которое у ихтіологовъ называетъ общимъ именемъ тріодоновъ (рис. 12). Видъ, изображенный на нашемъ рисункѣ—это Triodon bursonias, отличающійся своею отвислою нижнею стороною, въ видѣ безобразнаго кошеля или мѣшка. Рыба водится въ Америкѣ, а также въ водахъ около Суматры.

Викторъ Гюго.

(Портр. на стр. 533).

Одиннадцатаго мая скончался Викторъ Гюго, одинъ изъ немногихъ истинныхъ поэтовъ нашего времени, который, не смотря на свои недостатки и слабости, могъ силою своей поэзіи составить себѣ всемірную славу. Гюго—поэтъ противорѣчій, носилъ на себѣ странныя противоположности. Родившись въ 1802 году отъ Наполеоновскаго генерала-графа и вандеянки, предназначавшійся первоначально въ военную службу, поэтъ, писавшій уже десятилѣтнимъ ребенкомъ звучные стихи и справедливо названный Шатобріаномъ „enfant sublime", Гюго впродолженіи своей 83-лѣтней жизни не выходилъ изъ противорѣчій и противоположностей. Въ своихъ первыхъ произведеніяхъ, геніальный юноша былъ еще вѣренъ переходнымъ классическимъ формамъ, тѣмъ не менѣе содержаніе „Одъ и балладъ" очень поэтично, и манера, которой Гюго оставался вѣренъ всю свою жизнь, сильно проявляется. Написавъ „Кромвеля" Гюго сразу сталъ во главѣ новой романтической школы. „Послѣдній день приговореннаго", явившійся въ 1829 году, останется всегда образцомъ психологическаго анализа среди произведеній поэта. „Маріонъ Делормъ", „Эрнани" (1830)—драма, которая спустя 37 лѣтъ доставила поэту новый тріумфъ, романъ „Соборъ Парижской Богоматери" пріобрѣли В. Гюго міровую извѣстность, а въ своихъ „Осеннихъ листьяхъ" онъ выказалъ себя глубокимъ лирикомъ. Принятый въ 1841 году въ академію, спустя два года, онъ былъ уже пэромъ Франціи. Что касается политики, то, не вредя однако своей популярности, Гюго былъ образцомъ непослѣдовательности. Роялистъ въ молодости, онъ боролся за Бурбоновъ; при Карлѣ X и Людовикѣ-Филиппѣ выдвинулъ Наполеоновскую партію и, въ качествѣ пэра Франціи, требовалъ въ палатѣ возвращенія Бонапарта. Въ учредительномъ собраніи послѣ февральской революціи 1848 года, онъ высказывалъ самыя рискованныя мнѣнія и наконецъ сдѣлался ораторомъ демократическо-соціальной партіи и проявилъ непримиримую ненависть къ „Наполеону Маленькому". Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года, имя Гюго стояло первымъ въ спискѣ ссыльныхъ. Онъ уѣхалъ въ Джерсей, но былъ изгнанъ и оттуда, такъ какъ не сдержалъ порывовъ, увлекавшихъ его до послѣднихъ дней, и написалъ королевѣ Викторіи непочтительное письмо изъ-за преступника, присужденнаго на каторгу. Изъ Джерсея Гюго переѣхалъ въ Гернсей, гдѣ, не смотря на двукратную амнистію, продолжалъ жить въ изгнаніи. Ѣдкіе памфлеты, затѣмъ „Созерцанія", знаменитый романъ „Несчастные" (10 томовъ), „Труженики моря", „Человѣкъ который смѣется"—поражающее впечатлѣніе которыхъ большинство изъ насъ испытало на себѣ—все это плоды изгнанія. Паденіе Наполеона вызвало поэта изъ этого добровольнаго изгнанія. Въ сентябрѣ 1870 года онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ до самой смерти не переставалъ пользоваться популярностью. Первымъ его дѣйствіемъ на родной землѣ было изданіе манифеста, написаннаго въ страстныхъ и сильныхъ выраженіяхъ, противъ германской арміи. Временно онъ участвовалъ въ крайней лѣвой партіи національнаго собранія—въ это же время Гюго испыталъ семейное горе: въ теченіи двухъ лѣтъ, онъ лишился своихъ двухъ сыновей. Онъ открыто сталъ защищать коммуну, тѣмъ не менѣе въ 1876 г., получилъ званіе сенатора. И въ послѣдніе годы плодовитость поэта не уменьшалась; онъ написалъ: „Страшный годъ", „Дѣла и слова"—мемуары, въ которыхъ онъ описываетъ свою жизнь съ 1841 года.

Состояніе В. Гюго равняется 4 милліонамъ франковъ. Онъ завѣщалъ построить пріютъ, который названъ былъ бы его именемъ. Оставшіяся рукописи онъ передалъ государству. Въ завѣщаніи говорится, что съ его смертными останками Франція можетъ поступить по своему желанію. Похороны поэта совершились съ чрезвычайною помпою.

Всѣ рукописи поэта, какъ уже изданныя, такъ и неизданныя, завѣщанныя національной библіотекѣ, находятся въ громадномъ шкафу въ спальнѣ покойнаго. Рукописи занимаютъ очень много мѣста и по количеству и потому, что Гюго писалъ крупнымъ почеркомъ, обыкновенно на толстой бумагѣ, такъ называемой голландской. Содержаніе неизданныхъ манускриптовъ слѣдующее: философское сочиненіе „Вліяніе сферической формы земли на соціальную жизнь"; различныя стихотворенія; продолженіе „Созерцаній", написанное до „Страшнаго года"; оно обнимаетъ время царствованія Наполеона III; драма „Бабушка" и феерія, гдѣ дѣйствуютъ животныя, растенія и пр.

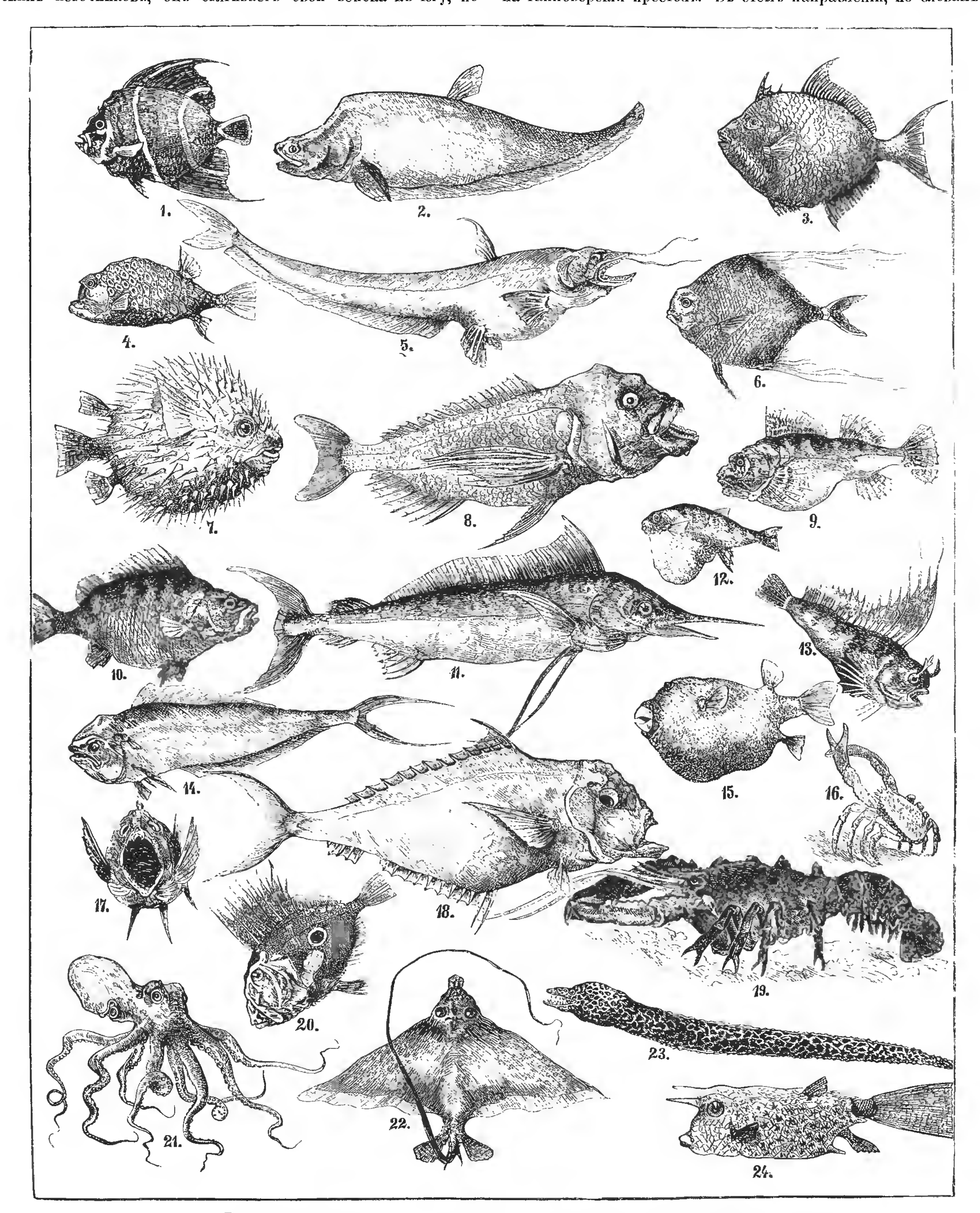
Политическое обозрѣніе.

Англія. — Египетъ. — Германія. — Боснія и Герцеговина. — Государство Конго. — Абиссинія.

Высадка въ Александріи англійскихъ гвардейскихъ войскъ, отозванныхъ изъ Судана, мало по малу теряетъ свой таинственный и загадочный характеръ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Александріи въ Вѣнѣ, на всемъ обширномъ пространствѣ, отдѣляющемъ Александрію отъ Тунисской границы и захватывающемъ прибрежье Триполи, въ настоящую минуту подготовляется движеніе враждебное англичанамъ и каирскому правительству и которое можетъ имѣть еще болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ суданское возстаніе, если только не будетъ подавлено въ самомъ началѣ. На самой границѣ, отдѣляющей Триполи отъ Египта, живутъ арабскія племена, которыя помогаютъ привозу военной контрабанды, не признавая надъ собою ни власти Египта, ни власти Турціи. Племена эти сильно подозрѣваются въ настоящее время въ приготовленіяхъ къ мятежу, тѣмъ болѣе опасному, что мятежникамъ открыта полная возможность двинуться прямо на Александрію. Помимо высадки войскъ у этого, главнымъ образомъ, опаснаго пункта, англичане, какъ ходятъ слухи, видя невозможность добиться отъ Порты, чтобы прибрежье Триполи не служило опорнымъ базисомъ для новаго возстанія, добиваются отъ Италіи занятія нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ въ этой турецкой области, подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что подвозъ военной контрабанды

суданскимъ инсургентамъ черезъ Триполи грозитъ серьезною опасностью положенію итальянскихъ войскъ на прибрежьи Чермнаго моря. Въ Суданѣ Англія покидаетъ всѣ отвоеванныя ею позиціи. Такъ недавно послѣдовало выступленіе британскихъ войскъ изъ Отао. Что же касается Махди, то, по свѣдѣніямъ изъ англійскихъ источниковъ, онъ стягиваетъ свои войска къ югу, по другимъ же свѣдѣніямъ, вооруженныя скопища лжепророка появились въ Донгольской провинціи, что означаетъ намѣреніе Махди подступить съ своею арміею къ самымъ границамъ Египта.

Въ Германіи вопросъ относительно брауншвейгскаго престоло-наслѣдія въ послѣднее время значительно усложняется. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ были употреблены всевозможныя старанія въ видахъ достиженія между прусскимъ правительствомъ и герцогомъ Кумберлэндскимъ соглашенія на основѣ безусловнаго отказа герцога отъ всякихъ притязаній на ганноверскій престолъ. Въ этомъ направленіи, по словамъ берлинскихъ газетъ, старались дѣйствовать главнымъ образомъ король Саксонскій и наслѣдный герцогъ Ольденбургскій; но дальнѣйшіе переговоры встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны герцога Кумберлэндскаго, не пожелавшаго отречься отъ



Рѣдкія морскія рыбы и животныя. По рис. Gr., грав. Флюгель.

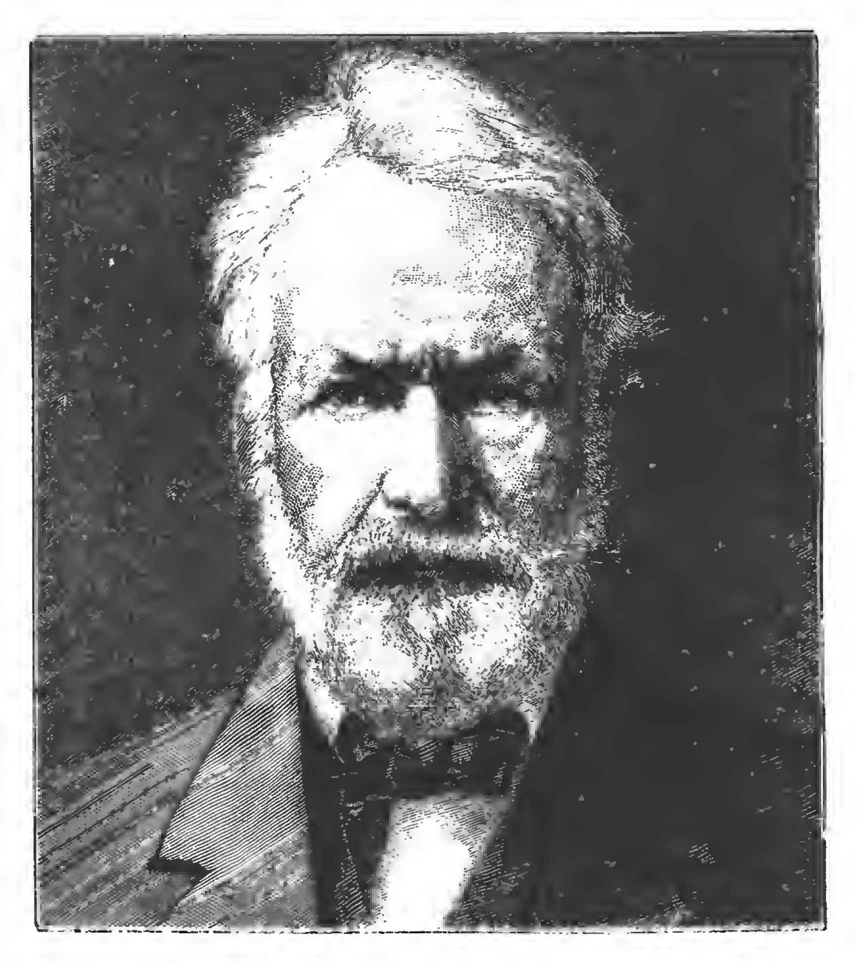
1) Рашпиля. 2) Хитанъ. 3) Спинорогъ. 4) Свинья-рыба. 5) Валлагоата. 6) Пятчатая макрель. 7) Морской дикобразъ. 8) Красный лещъ. 9) Пятнистая кособочка. 10) Морской окунь. 11) Меченосъ. 12) Тріодонъ. 13) Морская бабочка. 14) Безъимянка. 15) Попугай-рыба. 16) Кребсъ. 17) Лучіана. 18) Голый прямунъ. 19) Омаръ. 20) Златикъ. 21) Осьминогъ. 22) Скатъ индійскій. 23) Тессалала. 24) Гамала.

своихъ правъ на наслѣдіе ганноверской династіи. Относительно вопроса о томъ, на какихъ условіяхъ Брауншвейгское герцогство будетъ управляться послѣ формальнаго устраненія герцога Кумберлэндскаго отъ правъ наслѣдства, въ правительственныхъ кружкахъ соблюдается пока тайна. Герцогъ обратился къ европейскимъ дворамъ съ протестомъ противъ прусскаго предложенія, которое онъ считаетъ противузаконнымъ и несогласнымъ съ основными принципами международнаго права.

Изъ Бѣлграда сообщаютъ, что всѣ старшины арнаутовъ, собравшись на совѣщаніе въ Становичахъ, близъ Приштины, постановили отправить къ султану депутацію, съ ходатайствомъ принять мѣры къ скорѣйшему вытѣсненію австро-венгерскихъ войскъ, занимающихъ Боснію и Герцеговину. Въ то же время принято рѣшеніе оказать вооруженное сопротивленіе австрійцамъ, въ случаѣ движенія послѣднихъ на Салоники.

Фактъ вторженія могущественныхъ въ восточной Африкѣ негритянскихъ племенъ въ предѣлы новой конгской территоріи, неподлежащій болѣе сомнѣнію, причиняетъ не мало заботъ африканской международной ассоціаціи. По извѣстіямъ изъ Брюсселя, въ королевскомъ дворцѣ происходятъ ежедневныя совѣщанія насчетъ мѣръ, съ помощью которыхъ грозящая опасность могла бы быть устранена. Въ Брюсселѣ полагали, что Занзибаръ подходитъ подъ германскій протекторатъ, и что нѣмцы распространяютъ свое господство до самаго морскаго берега. Въ такомъ случаѣ, новое конгское государство было бы защищено съ востока отъ всякихъ внезапныхъ нападеній туземныхъ чернокожихъ рассъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается, что конгской территоріи суждено быть вѣчно подверженной опасности вторженія арабскихъ племенъ, густо населяющихъ неизслѣдованную часть Африки, между предѣльнымъ пунктомъ конгскаго бассейна и озерами, изъ которыхъ вытекаетъ Нилъ. На совѣщаніяхъ у короля была подана мысль объ учрежденіи на Конго стратегическихъ пунктовъ и образованіи рѣчной флотиліи. Во всякомъ случаѣ требуются самыя рѣшительныя мѣры, такъ какъ арабы явились на Конго во имя занзибарскаго султана, и угрожаютъ уничтожить тамъ зачатки европейскихъ колонизацій.

Абиссинія продолжаетъ относиться къ итальянцамъ съ полною враждебностью. Мѣстное населеніе смотритъ на нихъ какъ на враговъ, а по извѣстіямъ изъ Массовы, абиссинцы заняли всѣ горные проходы и, повидимому, твердо рѣшились воспротивиться движенію итальянскихъ войскъ во внутрь страны. Кромѣ того, вслѣдствіе недостатка въ итальянскихъ войскахъ годной для питья воды, солдаты заболѣваютъ тифомъ.



Викторъ Гюго. † 11 мая. По фотогр. грав. Флюгель.

Смѣсь.

Средство противъ укушенія змѣй. Въ Парамарибо, столицѣ голландской Гвіаны, одинъ обыватель открылъ радикальное средство противъ укушенія змѣй. Для удостовѣренія въ этомъ онъ предложилъ произвести опытъ надъ самимъ собою, и пригласилъ массу свидѣтелей. Для опыта онъ выбралъ гремучую змѣю, которую въ теченіи двухъ дней передъ тѣмъ мучили голодомъ. Присутствующіе стали протестовать и хотѣли удержать его отъ этого ужаснаго опыта, но человѣкъ этотъ смѣло утверждалъ, что бывалъ уже укушенъ не разъ и ничего отъ этого не чувствовалъ, и благодаря изобрѣтенному имъ средству вылечилъ многихъ особъ. Въ присутствіи губернатора и членовъ ученой коммиссіи отважный изобрѣтатель позволилъ затѣмъ гремучей змѣѣ укусить себя и укушеніе не сопровождалось никакими дурными послѣдствіями.

Отправленіе правосудія въ Андоррской республикѣ. Эта маленькая республика расположена въ самой гористой части Пиренеевъ: она не играетъ никакой роли во всемірныхъ событіяхъ и даже географы знаютъ очень мало о ея существованіи. Въ ея составъ входятъ 54 селенія съ 13,000 жителей. До 7-го ноября 1846 г., республика не имѣла письменныхъ законовъ. Судебное уложеніе, вошедшее съ того времени въ употребленіе, чрезвычайно интересно, такъ какъ оно вполнѣ соотвѣтствуетъ простому характеру пастушескаго народа и заключаетъ въ себѣ только 100 статей. Такъ какъ убійства происходятъ въ Андоррѣ крайне рѣдко, то осужденіе преступника на смерть обставлено особенными формальностями. Приговоръ долженъ быть утвержденъ старшинами всѣхъ 54 селеній; по утвержденіи приговора, преступника ведутъ (этотъ обычай практикуется и въ нѣкоторыхъ странахъ Гималая) къ глубокой пропасти, и самъ судья, въ присутствіи всѣхъ 54 старшинъ, или ихъ представителей, низвергаетъ осужденнаго въ пропасть.

Торпедный корабль. Въ Гаврѣ былъ недавно спущенъ съ доковъ торпедный корабль „Бомба“. Корабль сдѣланъ изъ стали, имѣетъ въ длину 60 метровъ сила его машинъ равняется 320 лошадинымъ силамъ, скорость 17 узловъ; онъ съ двумя винтами, и вмѣстимость его 323 тонны. Вооруженіе его состоитъ изъ двухъ пушекъ, трехъ митральезъ и 2 приборовъ для устанавливанія торпедъ.

Газеты въ Италіи. По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1884 г., въ Италіи издается 1.298 газетъ, что составляетъ одну газету на 22.358 жителей. Наибольшее число выходящихъ газетъ приходится на Ломбардію, именно 219. Между 1,298 газетами, клерикальныхъ оказывается 189, и число ихъ въ текущемъ и въ прошломъ году немного увеличилось. И такъ, въ католической Италіи, въ центрѣ католицизма, существуетъ столько газетъ, которыя враждебно относятся какъ къ католицизму, такъ и къ его главѣ—папѣ; число же газетъ стоящихъ за католицизмъ достигаетъ 200. Изъ этого можно видѣть насколько газеты выражаютъ общественное мнѣніе.

Вилла Тиверія. На островѣ Капри открыта вилла императора Тиверія, одна изъ двѣнадцати принадлежавшихъ этому императору, о которыхъ упоминаетъ Тацитъ. Комнаты и корридоры сохранились подъ землею въ цѣлости. Раскопки продолжаются.

Благотворительныя учрежденія въ Неаполѣ. Въ Неаполѣ извѣстна въ настоящее время своею благотворительностью г-жа Швабе, основавшая тамъ не мало благотворительныхъ заведеній. Такъ, ею недавно основанъ пріютъ для воспитанія бѣдныхъ дѣтей простолюдиновъ, изъ которыхъ бѣднѣйшіе, числомъ 120, содержатся вполнѣ на ея счетъ. Школы и пріюты, основанные ею, приготовляютъ учительницъ для фребелевскихъ школъ. Г-жа Швабе платитъ изъ своихъ средствъ 5,000 лиръ ежегодно на поддержаніе школы, остальные же расходы пополнялись на средства города; предки Швабе оставили большой участокъ земли, для устройства монастыря. Въ послѣднее время добрый примѣръ Швабе нашелъ себѣ подражателей, и пожертвованія въ общемъ доходятъ до 65,000 лиръ въ годъ.

Привиллегіи по электричеству, въ Америкѣ. На 18,799 привиллегій, взятыхъ въ Америкѣ за 1881 г., приходится 1,666 на электричество, причемъ для телефона взято ихъ 179, на электрическое освѣщеніе—177, на телеграфъ—120 и пр.

Англія. Англійскія военныя газеты сообщаютъ, что вслѣдствіе излишняго усердія корреспондентовъ газетъ, сообщающихъ часто извѣстія, вредящія интересамъ страны, правительство намѣревается существенно измѣнить законодательство о цензурѣ прессы во время войны, дабы воспрепятствовать полезнымъ лишь для непріятеля сообщеніямъ.

РЕБУСЪ. Задача № 20.

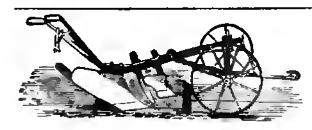
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородн. подписчик., при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками** (новаго образца) **на типографскіе расходы.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе,** поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.** Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена **съ № 27,** при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**



ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ** конныхъ **молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прэссовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.
Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноиъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 3991 13—6
Иллюстрированные каталоги безплатно

ТРАВОКОСИЛКИ
„Pennsylvania“.

10" . . . . 30 р.
12" . . . . 35 „
14" . . . . 40 „
16" . . . . 45 „
18" . . . . 50 „

Легкій ходъ, чистая работа, простой механизмъ, большая прочность.

Ж. Блокъ,
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Голицына. СПБ., Невскій 16.
Р. № 1059 8—2

МАГАЗИНЪ
А-ЛА РЕНОМЕ.

НЕВСКІЙ, № 3, БЛИЗЪ АДМИРАЛТЕЙСТВА.

Для **сохраненія бѣлизны, мягкости и нѣжности кожи** лица и **тѣла отъ вліянія лѣтней температуры** солнца, пыли, вѣтра, отъ **загара, веснушекъ, прыщей, красноты кожи** и т. п. употребляются съ пользою приготовленныя **съ разрѣшенія СПБ. врачебнаго управленія.**

Огуречная вода, фл. 35 коп., съ перес. 2 фл. 1 руб.
Глицеринозое молоко, фл. 60 коп., съ пересылк. 1 руб.

МОЛОКО НИМФЕЯ
Lait de Nymphéa,

Флк. 1 р. 25 коп., съ перес. 2 рубля.
Lait de Lys de Cachemire, фл. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 50 к.
Мыла: огуречное 10 к., лимонное 15 к., земляничное 25 коп., мыло альпійскихъ травъ 35 к., мыло фужеръ 85 к. и т. д.
Свѣжесть, гибкость и хорошій цвѣтъ лица достигаются при употребленіи

ЛЮФА или ГУБКИ ЮНОСТИ
шт. отъ 40 коп., съ пересылк. 2 шт. 1 р.

НОВОСТЬ! ЛЮФА-ПЕРЧАТКА,
весьма удобна для растиранія тѣла, шт. 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ОТЪ УЖАЛА КОМАРОВЪ
Сосновая жидкость фл. отъ 40 к.
Феноловый уксусъ фл. 45 к.
Китайское По-Хо, фл. 50 к.
Ментоловые карэндаши 50 к.
Р. № 1142 2—1

6 разъ удостоенныя первыхъ наградъ

СКРИПКИ
ВЫВОЗЪ — ОПТОМЪ

самыя лучшія и дешевыя, новѣйшихъ временъ, отъ 6—30 мар., знаменитыхъ мастеровъ 30—200 м. **Альты, віолончели** и **басы. Смычки** $1\frac{1}{2}$—50 м. **Футляры** $3\frac{1}{2}$ 40 м. **Цитры** 16—300 м. **Гитары** 6—50 м. **Всѣ духовые** инструменты. Превосходныя **струны** Патентованная **нѣмая скрипка** для упражненій (собственнаго изобрѣтенія). **Мастерская для починокъ.** Рекомендаціи отъ Вильгельми, Саразате, Зингеръ, Сорэ, Контскаго, Дэнгремона и пр. Ручательство. Продавцамъ скидка. Прейсъ-курантъ безплатно и франко.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ.
фабрика инструментовъ
въ **Крейцнахѣ.** (Пруссія). Р. № 1146 4—1

ОТЪ ЧАЙНОЙ ТОРГОВЛИ
МОСКОВСКАГО ТОРГОВАГО ДОМА
ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО.

Главный складъ первосборныхъ чаевъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Торлецкаго.

Въ февралѣ и мартѣ сего года напечатано было почти во **всѣхъ газетахъ** отъ фирмы нашей заявленіе, въ которомъ мы извѣщали **нашихъ покупателей, что по случаю своевременно** сдѣланнаго нами **огромнаго запаса** высшихъ сортовъ первосборнаго чая, оплаченнаго **прежнею дешевою пошлиною,** мы нашли возможнымъ продавать изъ своихъ складовъ чай, по прежней умѣренной цѣнѣ и на прежнихъ условіяхъ, безъ малѣйшей прибавки,—впредь до полученія чаевъ новаго урожая—т. е. до Нижегородской ярмарки 1-го августа 1885 года.

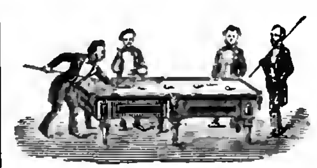
Не смотря на такое категорическое заявленіе наше, къ намъ поступаютъ въ значительномъ множествѣ запросы со стороны иногороднихъ покупателей о томъ, не измѣнили ли мы своего обѣщанія и точно ли продолжаемъ продавать чай той же самой высокой доброты и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ прежде?—Долгомъ считаемъ **вновь подтвердить,** что какъ доброта чаевъ, такъ цѣны и условія продажи изъ нашихъ складовъ **останутся безъ всякаго измѣненія до 1-го августа 1885 года.** Какія же тогда состоятся цѣны чаямъ, мы **не замедлимъ** оповѣстить гг. покупателей.

Конечно, слѣдуя примѣру большинства чайныхъ торговцевъ, для насъ было бы несравненно прибыльнѣе, по возвышеніи пошлины, повысить на чай цѣны и продать имѣющійся у насъ огромный запасъ чаевъ по дорогой цѣнѣ, но принимая въ соображеніе не одну только свою личную выгоду, а также и интересы нашихъ покупателей, мы нашли болѣе правильнымъ продавать, пока есть возможность, той же самой высокой доброты чай и по той же самой умѣренной цѣнѣ, какъ и прежде, безъ всякой надбавки.—Прейсъ-курантъ чаямъ отъ 1-го февраля 1885 года высылается желающимъ по требованію немедленно.
П. № 1112 2—2

№ 77.
МОЙКА, У КРАСНАГО МОСТА
К. И. ГОФЕ

ПАРОВОЕ ЗАГОТОВЛЕНІЕ. № 1141

Спеціальность твердо и скоро высыхающихъ масл., лаков., восковыхъ и всѣхъ прочихъ красокъ, на окраску всевозможныхъ предметовъ. Складъ сухихъ красокъ, маслъ, лаковъ и кистей. Прочность и доброкачественность признаны здѣшними спеціалистами. Заказы исполняются добросовѣстно и немедленно.



БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близъ Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3855 17—7
Иллюстрир. прейсъ-куранты по востреб. высыл. безвозмездно.

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ
ПРЕВОСХОДНОЕ
СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—8

Цѣна за флаконъ 35 коп. Съ пересылкой 2 флак. 1 руб., 4 флак. 1 руб. 70 коп., 6 флак. 2 руб. 40 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ.
Казанская ул., д. № 8, магазинъ № 1.

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

Всѣмъ извѣстно какъ самое обширное заведеніе въ Европѣ для разведенія собакъ, получившее золотыя и серебряныя государственныя и общественныя медали.

ЦАНА въ Прусской Саксоніи.

Прейсъ-куранты на нѣм. и франц. яз. безплатно и франко. Брошюра съ 50 разн. оригин. иллюстр. собачьихъ расъ, получившихъ всѣ 1 награду, руководство для заводчиковъ и любителей за 10 мар., 6 рублей, 6 гульд., 12 фр. 50 с. R. № 1127 3—2

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНА

ПРОТИВЪ ПЕРХОТИ

Къ услугамъ публики во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ всей Имперіи. Провинціальные жители выписываютъ **ЭЛЕОПАТЪ КИНУНЕНА** изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется аптекарскій или косметическій магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ за 4 руб.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона: **КИНУНЕНА ЭЛЕОПАТЪ.**

ЭЛЕОПАТЪ къ услугамъ публики **ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.**

№ 1145 *Пров. КИНУНЕНЪ.*

Дозв. ценз. СПБ. 29 мая 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ — № 23 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — годъ XVI — 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 Іюня 1885 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

К. Д. Кавелинъ.

3 мая, утромъ, въ Петербургѣ скончался извѣстный ученый, юристъ и профессоръ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

К. Д. родился въ Петербургѣ, въ 1818 г., 4-го ноября. Отецъ его, Д. С. Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Мать Кавелина была родомъ англичанка, пресвитеріанскаго вѣроисповѣданія. Дѣтство и юность свою Кавелинъ провелъ въ С.-Петербургѣ, Рязани и Москвѣ. До самаго вступленія своего въ московскій университетъ, онъ воспитывался дома и не находился ни въ частномъ, ни въ казенномъ учебномъ заведеніи. Въ 1835 г. Кавелинъ поступилъ по экзамену въ московскій университетъ по филологическому факультету; но вскорѣ, а именно въ ноябрѣ того же года, перешелъ на юридическій факультетъ, на которомъ и окончилъ курсъ въ 1839 году. При выпускѣ Кавелинъ былъ удостоенъ степени кандидата, получилъ золо-

Профессоръ К. Д. Кавелинъ. † 3 мая. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

тую медаль за разсужденіе на заданную тему: „о римскомъ владѣніи". Черезъ годъ по выходѣ изъ университета, въ 1840 г., Кавелинъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра гражданскаго законодательства, но защищалъ диссертацію гораздо позднѣе, а именно въ 1843 году. Въ промежутокъ времени отъ магистерскаго экзамена до защиты диссертаціи, онъ состоялъ на службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи. Въ 1844 году Кавелинъ удостоился чести быть принятымъ въ московскій университетъ, въ званіи адъюнкта по юридическому факультету. При самомъ вступленіи на каѳедру ему поручено было преподаваніе исторіи русскаго законодательства, а черезъ годъ и преподаваніе русскихъ государственныхъ и губернскихъ учрежденій и законовъ о состояніяхъ, студентамъ всѣхъ факультетовъ. Въ исторіи русскаго законодательства, главномъ предметѣ его занятій, онъ раскрывалъ студентамъ юридическаго факультета 1-го курса преиму-

щественно родовыя начала русскаго быта въ ихъ историческомъ развитіи. Кавелинъ посвятилъ много лекцій весьма подробному обозрѣнію первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учрежденій, причемъ пользовался данными изъ теперешняго быта славянскихъ племенъ и историческими письменными памятниками ихъ древнѣйшей исторіи, также чтенію и объясненію студентамъ древнихъ памятниковъ русскаго законодательства, начиная съ Русской правды. Кавелинъ предполагалъ такимъ образомъ пройти всю исторію русскаго законодательства и объяснить постепенно всѣ главнѣйшіе памятники нашей юридической жизни; планъ этотъ, разсчитанный на много лѣтъ, не могъ быть приведенъ въ исполненіе за выходомъ Кавелина, въ томъ-же 1848 г., изъ московскаго университета.

Всѣ дальнѣйшіе труды Кавелина по части русской исторіи и исторіи русскаго законодательства, во время служенія его при московскомъ университетѣ, состояли въ критическихъ статьяхъ о сочиненіяхъ и собраніяхъ источниковъ по этимъ предметамъ. Почти всѣ, вышедшія въ теченіе 1846, 1847 и 1848 гг., книги-брошюры по древней русской исторіи и древнему русскому законодательству были имъ разобраны.

Въ послѣдующее время К. Д. Кавелинъ былъ профессоромъ петербургскаго университета и затѣмъ военно-юридической академіи. Изъ сочиненій его, изданныхъ за послѣднее время, упомянемъ слѣдующія: „Задачи психологіи", „Крестьянскій вопросъ и его значеніе въ Россіи" и „Задачи этики". Покойный ученый состоялъ президентомъ Императорскаго вольно-экономическаго общества, откуда, какъ извѣстно, вслѣдствіе недоразумѣній, долженъ былъ выйдти.

Похороны К. Д. Кавелина происходили торжественно. Въ квартиру покойнаго собрались, кромѣ близкихъ товарищей и друзей почившаго, депутаціи отъ разныхъ учрежденій; въ церкви между присутствующими былъ министръ народнаго просвѣщенія и не мало представителей изъ міра ученаго и всѣ наиболѣе извѣстные профессора. Похороненъ К. Д. на Волковомъ кладбищѣ рядомъ съ И. С. Тургеневымъ.

Искушеніе.

Разсказъ **Я. П. Полонскаго.**

(Окончаніе).

XXXIII

Къ удивленію Аркашина, Олимпіада скоро успокоилась, даже стала весела, и, еслибы не усталость и озябнувшіе пальцы на рукахъ и ногахъ, онъ бы и самъ не замѣчалъ дороги. Олимпія была очень мила, увѣряя его, что онъ ее внутренно осуждаетъ,—что ей бы слѣдовало напередъ сказать ему, что она-де отправится одна гадать въ заброшенную, лѣсную хату и будетъ-де ждать, придетъ ли онъ, или не придетъ, хоть бы затѣмъ, чтобы за это разбранить ее, какъ слѣдуетъ. „Но, сказала она, это бы значило, назначать вамъ свиданіе, или, какъ говорятъ, *рандэ-ву*, въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ, или косвенно вынуждать васъ придти и тамъ застать меня—этого мнѣ не хотѣлось". Аркашинъ откровенно сознавался ей, что еслибы не ихъ собака и не сани, онъ ни за что бы не рѣшился войти въ избу и непремѣнно ушелъ бы по добру по здорову, но надежда, что въ избѣ найдетъ онъ, если не ее, то кого нибудь изъ людей, ею посланныхъ, затѣмъ, чтобы привезти его обратно, придала ему нѣкоторую храбрость, и онъ рѣшился.

— Какъ мнѣ нравится, что вы такъ откровенны, такъ правдивы. А все же я иногда подумываю, куда дѣвалась лошадь и чей это свистъ мы съ вами слышали. Конокрадъ не сталъ бы свистѣть, не правда ли?

Такъ разговаривая, прошли они три четверти пути, какъ вдругъ впереди ихъ что то зачернѣлось, точно закопошилось какое то темное пятно на бѣлой дорогѣ, затѣмъ что то стало мелькать,—еще минута—уже послышался топотъ, еще минута—и уже глаза ихъ ясно стали различать дугу и морду лошади.

— Это мои сани, моя лошадь! всплеснувъ руками, воскликнула Олимпіада. Но кто же это?

И они стали по обѣимъ сторонамъ дороги. Видятъ, на облучкѣ сидитъ кучеръ, въ нагольномъ тулупѣ, а въ саняхъ виднѣется что то очень широкое, косматое и черное.

Сразу не могли понять они, кто бы это былъ. Но сани остановились, и раздался хриплый голосъ:

— Это вы? что случилось?..

— Отецъ! вскрикнула она и бросилась къ санямъ.

— Что случилось?

— Ничего, папа; кто то лошадь угналъ, пока мы гуляли. Кто тебя такъ напугалъ? какъ тебѣ, папа, не совѣстно такъ себя безпокоить?

— И никакой мертвецъ васъ не задушилъ? и никто не нападалъ на васъ? А?

— Никто, папа! видишь мы идемъ и превесело другъ съ другомъ болтаемъ.

— Илья, домой!

Кучеръ повернулъ лошадь, и не прошло 10 минутъ, какъ сани и толстый сѣдокъ исчезли въ серебряной пыли и сумракѣ лунной ночи.

Какъ ни поздно вернулась домой Олимпіада и ея суженый, въ домѣ еще горѣли и лампы, и свѣчи. Сестры ея не спали. онѣ послѣ чаю усѣлись съ работой у круглаго столика въ диванной и передавали другъ другу разныя свои предположенія на счетъ заѣзжаго гостя и разбирали его по ниточкѣ, доставалось не только ему, но и ихъ младшей сестрицѣ, которой обѣ онѣ завидовали—не столько ея красотѣ и молодости, сколько ея наслѣдству. Мать Олимпіады была богаче ихъ матери, и все ея имѣніе, всѣ ея капиталы должны были, тотчасъ же послѣ замужества сводной сестры, перейти въ ея полное владѣніе. Онѣ не слишкомъ интересовались вопросомъ куда дѣвалась Олимпіада, знали только, что она куда то уѣхала, а *онъ* куда то ушелъ и пропалъ; посылали въ комнату Аркашина одну изъ своихъ горничныхъ поглядѣть со свѣчей, не лежитъ ли у него на столѣ револьверъ, и никакъ не могли понять, зачѣмъ Аркашину онъ понадобился, и зачѣмъ онъ его взялъ съ собой.

Въ томъ, что предполагала Варвара, не было ни послѣдовательности, ни логики, но иначе она разсуждать не умѣла.

Услыхавши, что лошадь Олимпіады прибѣжала съ санями одна, что объ этомъ тотчасъ узналъ ихъ отецъ, что онъ кричитъ и выходитъ изъ себя,—онѣ побросали работу: а мысль, что случилось что то необыкновенное, заставила ихъ поблѣднѣть и броситься въ дѣвичью съ разспросами. Тамъ узнали онѣ, что барышня поѣхала гадать въ зеркало въ Чурилову избу, что зеркало и табуретъ заранѣе были туда посланы, что поѣхала она одна одинехонька, и что навѣрное тамъ или ее убили, или она умерла со страху, и что лошадь, должно быть, тоже со страху оборвала поводъ и убѣжала.

— Чортъ знаетъ, что такое! ничего не понимаю! волновалась Варвара.

— Господи! что за странное приключеніе! что за дикая фантазія ѣхать гадать въ глухомъ лѣсу! Господи, Господи! вздыхала Ольга, и тоже не лишенная своего рода фантазіи, чувствовала, что у нея кружится голова, и что если завтра не пріѣдетъ мужъ, она съ ума сойдетъ.

Но вотъ въ передней послышались тяжелые шаги и затѣмъ мимо нихъ въ мѣховой шапкѣ и въ ватномъ шелковомъ халатѣ, отецъ ихъ, поддерживаемый камердинеромъ, молча прошелъ въ свою комнату.

Новые толки, догадки и предположенія, но черезъ четверть часа явилась Олимпіада и весело крикнула: „чаю!.."

XXXIV.

На другой, послѣдній, день стараго года Аркашинъ проспалъ тоже чуть не до завтрака. Онъ уже втягивался въ обычный круговоротъ этого шумнаго, многолюднаго дома, въ эту жизнь, которая совершенно опрокидывала всѣ его понятія о тихой, деревенской жизни, въ усадьбахъ, заваленныхъ снѣгомъ, и самъ онъ чувствовалъ, что... пора ему домой, *во-свояси*, что такъ долго жить нельзя—угоришь!

Въ столовой, куда только что, одѣвшись и причесавшись, явился онъ, вся семья уже была въ сборѣ зятья только что пріѣхали, привезли гостей и съ обвѣтренными, розовыми лицами прохаживались „по водочкѣ". Всѣ уже садились за столъ, какъ вдругъ, между всѣми произошло какъ бы нѣкоторое волненіе, всѣ оглянулись: въ столовую, въ сопровожденіи своего камердинера, вошелъ Захаръ Олимпьевичъ. Матери подмигнули дѣтямъ, и дѣти, какъ по командѣ, бросились цѣловать ручки своего дѣдушки; по... пока происходило это цѣлованіе, онъ поглядѣлъ на мужчинъ и спросилъ у нихъ:

— Ну что—убили медвѣдя? а?

— Какой тутъ медвѣдь! махнувъ рукой, отвѣчалъ Плюсъ, утираясь салфеткой и сквозь золотыя очки таращa глаза свои.

— Да не нашли и берлоги, оказалась пустая, отвѣчалъ Плюшинъ, выпятивъ грудь и заложивъ пальцы въ карманы своего жилета.

— Эхъ! Вы и искать то ихъ разучились! охотники!..

— Что дѣлать, что дѣлать! бормоталъ бывшій гувернеръ: былъ слѣдъ, мужики съ Верховья сами видѣли. Да и то сказать: видѣли недѣлю тому назадъ, а снѣгу съ тѣхъ поръ столько повыпало, что всѣ слѣды замело.

— Ну, ужъ охотники! чай и стрѣлять то разучились! проговорилъ еще разъ Варшавинъ. Видно, что на душѣ его кипѣла ревность и досада прежняго удалаго стрѣлка и охотника.

Всѣ заговорили какъ бы оправдываясь. Трудно было разобрать, что такое каждому приходило на умъ.

— А Олимпіаду зачѣмъ не взяли? спросилъ старикъ.

— Я сама, папа, не поѣхала; меня звали, но я не поѣхала, отозвалась дочь.

— Ну, я не мѣшаю вамъ — завтракайте! пробормоталъ старикъ, мотнулъ головой, повернулся и вышелъ.

Всѣ усѣлись за столъ и самымъ усерднѣйшимъ образомъ стали пить и ѣсть. Одинъ Самославскій долго крѣпился и не пилъ; онъ былъ какъ то особенно тихъ и какъ бы чѣмъ то озабоченъ, особливо съ тѣхъ поръ, какъ Олимпіада, проходя мимо, шепнула ему:

— Спасибо за пріятную прогулку!

Аркашинъ чувствовалъ небольшую ломоту въ членахъ и боялся захворать. Онъ былъ радъ, что за завтракомъ рядомъ съ нимъ сидѣлъ ему незнакомый мужчина, черноволосый, румяный, словомъ, одинъ изъ тѣхъ здоровяковъ, на которыхъ иногда смотрѣть противно; онъ немного сопѣлъ, глядѣлъ на всѣхъ съ оттѣнкомъ нѣкоторой холодной величавости, и ни единаго слова не сказалъ своему сосѣду послѣ того, какъ Олимпіада черезъ столъ ихъ другъ другу рекомендовала.

Къ обѣду наѣхало столько гостей, что столовая оказалась мала, и дѣти со своими гувернантками должны были обѣдать за особымъ столомъ въ сосѣдней комнатѣ.

Олимпіада была неузнаваема: она такъ была сдержанна, такъ холодна и такъ со всѣми одинакова, что Аркашинъ невольно подумалъ, что или ей совѣстно прошедшей ночи, или она положила себѣ не выказывать ему никакого передъ другими предпочтенія, или она недовольна имъ. „Такъ, должно быть, и слѣдуетъ", думалъ скучающій въ толпѣ Аркашинъ и рѣшилъ: завтра, въ Новый годъ, отправиться обратно въ Питеръ.

„Сегодня же, думалъ Аркашинъ: постараюсь повидаться съ самимъ Захаромъ Олимпіевичемъ и на что нибудь рѣшусь. Свататься, такъ свататься; ѣхать, такъ ѣхать".

Для Аркашина было уже несомнѣнно, что ему не откажутъ ни отецъ, ни дочь; ему даже казалось, что тетушку давно уже предупредила Олимпіада, и что не даромъ она вчера прямо назвала его суженымъ, нарочно придумала такую сцену, чтобъ такъ назвать его, иначе сказать ободрить—натолкнуть его на мысль, что сватовство его будетъ принято... Олимпіада ему очень нравилась. „Что за роскошь эта дѣвушка!" не разъ думалъ онъ, и странное дѣло, мысль о томъ, что эта роскошь будетъ его женою, его пугала, и всякій разъ, когда онъ думалъ, что онъ будетъ богатъ и не будетъ нуждаться въ службѣ, по милости жены, его коробило. Какъ человѣкъ, отъ природы своей благоразумно-мнительный, иногда онъ спрашивалъ себя, что бы сталъ онъ дѣлать, очутившись въ той же самой средѣ, въ той же обстановкѣ къ какой привыкла эта дѣвушка? Словомъ, хоть онъ и былъ чуть не влюбленъ въ красоту ея, чего то недоставало въ немъ, чтобы говорить ей смѣло и прямо о любви своей, или идти ей навстрѣчу, быть готовымъ на всякую борьбу и за минуты всѣмъ понятнаго счастья отдать въ жертву всю свою жизнь, не боясь никакихъ невзгодъ, никакой погибели.

XXXV.

Къ вечеру, наѣхало еще больше гостей изъ города, много дамъ, дѣвицъ, и общество распалось на играющихъ въ карты и танцующихъ. Старшія дѣвочки въ модныхъ, коротенькихъ платьицахъ, также танцовали, даже братишка ихъ, мальчуганъ, не пожелалъ спать— всѣ ожидали полночи, или первой минуты Новаго года.

Аркашинъ не игралъ въ карты и не танцовалъ. Черезъ Федора онъ испросилъ себѣ позволенія побывать у стараго барина и лично поблагодарить его за гостепріимство.

— Пожалуйте-съ! они сегодня въ духѣ... приказали просить васъ, проходя съ тяжелымъ, серебрянымъ подносомъ въ столовую и нагнувшись къ плечу Аркашина, проговорилъ Федоръ, — я сейчасъ вернусь и проведу васъ...

Онъ точно сейчасъ же вернулся и въ концѣ корридора налѣво, пройдя камердинерскую комнату, съ ширмочкой у постели и рукомойнымъ кувшиномъ на табуретѣ, постучался въ дверь къ барину.

— Войди! послышался откликъ.

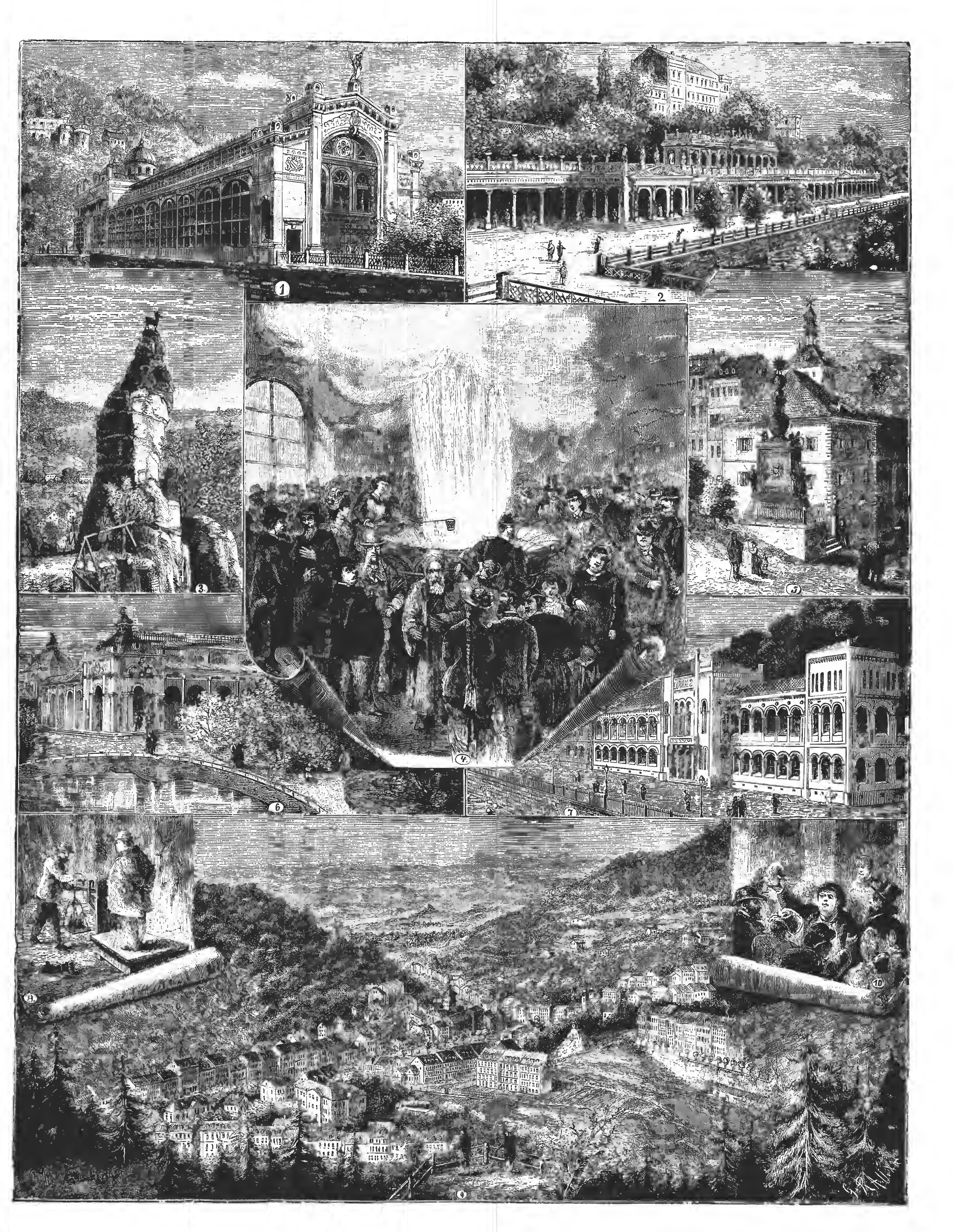
Въ кабинетъ старика вошелъ Аркашинъ. Онъ засталъ его въ креслѣ за столомъ, въ томъ же казакинѣ на распашку, въ какомъ онъ видѣлъ его за чаемъ, въ первый день своего пріѣзда: на немъ былъ даже галстукъ, и лицо его было гладко выбрито. Старикъ николаевскихъ временъ не хотѣлъ отпускать себѣ бороду и ограничивался одними только бакенбардами.

— А, наконецъ то вы зашли ко мнѣ! привставая съ трудомъ, проговорилъ старикъ.

— Какъ же бы я могъ безпокоить васъ...

— Садитесь!.. вотъ, противъ меня. Мнѣ хочется еще посмотрѣть на васъ. Да, пожалуйста, въ качествѣ сына моего стараго пріятеля, будьте откровенны... Ну-съ! будемъ бесѣдовать.

Старикъ на желудкѣ скрестилъ свои толстые пальцы и сталъ глядѣть на него—не то что ласково, а какъ то покойно: щеки его слегка отвисли, а брови нѣсколько приподнялись и, вмѣстѣ со складками на лбу, оставались неподвижными. Старикъ ожидалъ, что Аркашинъ начнетъ съ того, что будетъ просить руку Олимпіады, и онъ уже зналъ, что на это онъ будетъ отвѣчать ему.



Общій видъ Карлсбада и его окрестности. Ориг. рис. В. Вольшлегера и Ф. Колярца, грав. Рау.

1) Колоннада Шпруделя 2) Колоннада Мюльбрунна. 3) Гиршеншпрунгъ. 4) У Шпруделя. 5) Шлосбрунненъ. 6) Ресторанъ городскаго парка. 7) Кургаузъ. 8) Входной контроль. 9) Общій видъ Карлсбада. 10) Передъ булочной.

— Пришелъ поблагодарить васъ за вашъ воистину радушный пріемъ, и за все... за все, что я нашелъ въ вашемъ домѣ... въ вашей семьѣ... проговорилъ Аркашинъ.

Старикъ молчалъ и не двигался.

— Мнѣ, конечно, очень бы не хотѣлось уѣзжать, но я состою на службѣ, и уѣхалъ безъ отпуска, меня могутъ потребовать... Все это вынуждаетъ меня проститься съ вами и просить васъ приказать дать мнѣ лошадей до станціи.

Старикъ по прежнему глядѣлъ на него своими спокойными глазами и не двигался.

Аркашинъ замолкъ и потупился.

— Что прикажете сказать тетушкѣ?. началъ онъ, подумавши.

— Лошади и все, все это въ полномъ распоряженіи Олимпіады. сказалъ старикъ,—очень жаль, что вы уѣзжаете, добавилъ онъ, помолчавъ и пошевеля пальцами. Зачѣмъ вамъ уѣзжать? Подайте въ отставку и живите у насъ! Говорятъ, вы честный и аккуратный человѣкъ; это я и самъ вижу, да и дочь моя говоритъ тоже самое. Я бы сдалъ вамъ съ рукъ на руки всѣ свои бумаги и... все хозяйство. Олимпіада—недурная хозяйка, но въ житейскихъ дѣлахъ по гражданской части... неопытна... да... неопытна, очень, очень еще неопытна. Вотъ я умру, она будетъ богата, т. е. не очень чтобъ богата, а все-таки будетъ у пей кусокъ хлѣба, и если они выйдетъ замужъ, будетъ на что воспитывать дѣтей... 300,000 ея матери еще не тронуты и лежатъ въ государственномъ банкѣ.

„Зачѣмъ онъ заговорилъ о деньгахъ? подумалъ Аркашинъ,—ну повернется ли послѣ этого языкъ, чтобы просить руку его дочери, точно не она сама, а эти 300,000 меня соблазняютъ!“

— Есть еще имѣнье на Волгѣ—4000 десятинъ осталось отъ того, что выдѣлили крестьянамъ; тутъ тоже нужны глаза... а что за глаза сдѣлаешь?.. Какъ выгоднѣе: отдать ли въ аренду, или самому обработывать... лѣсу тоже не мало... управляющіе—плуты... мировые посредники стоятъ за крестьянъ—никакого толку! Въ безтолковое время, всякій толковый человѣкъ—золото. Да много ли у насъ толковыхъ то?..

— Вотъ тетушка моя тоже толковая женщина.

— Гм! толковая... но вѣдь она женщина, развѣ она можетъ. Вотъ какъ бы вы взялись... не та бы вышла пѣсня. Вы, кажется, человѣкъ съ характеромъ.

— Не думаю, чтобы у меня былъ большой характеръ, сказалъ Аркашинъ,—я мнителенъ...

— Мнительны? вы? Въ чемъ же вы мнительны?

— Боюсь ошибиться... а люди съ характеромъ ничего не боятся,—тѣмъ все нипочемъ.

Старикъ опять молча устремилъ взглядъ свой на блѣдное лицо Аркашина, и какъ бы соображалъ, какъ ему понять слово „мнительный“, и какихъ именно ошибокъ онъ боится и, какъ кажется, понялъ, что Аркашинъ правъ, что онъ точно мнителенъ, а, стало быть, и не рѣшителенъ.

— Гм! стало быть, если вамъ понравится дѣвушка—вы на ней не женитесь только потому, что заранѣе не будете вѣрить ей... а?

Аркашинъ догадался, о какой дѣвушкѣ идетъ рѣчь, и покраснѣлъ.

— Не ей... нѣтъ! себѣ буду не вполнѣ вѣрить. Составлю ли я счастье этой дѣвушки или... это мнѣ не дано, не въ моихъ это силахъ...

— Гм!.. старикъ опустилъ рѣсницы, точно закрылъ глаза, и проговорилъ, какъ бы самъ про себя:

— Да кто же это знаетъ напередъ? Эдакъ и я не женился бы на матери Олимпочки; этого никто не знаетъ...

Тутъ протянулъ онъ руку и позвонилъ. Вошелъ не Федоръ, а другой, старичекъ, его камердинеръ и пестунъ.

— Скажите Федору, чтобы онъ позвалъ ко мнѣ Олимпіаду Захаровну.

Аркашинъ почему то смутился и поглядѣлъ на старика; глаза ихъ встрѣтились.

Олимпіада танцовала и не могла скоро явиться.

Старикъ молчалъ, Аркашинъ не зналъ, что ему говорить.

Вошла Олимпіада въ бальномъ платьѣ, декольте, цвѣтущая и вся благоухающая красотой и молодостью. Полуобнаженныя руки и плечи какъ мраморъ сіяли и дышали какой то античной силой, тогда какъ брови, глаза и рѣсницы напоминали ночь, востокъ, жаркое солнце и жаркія страсти

И она, увидавши Аркашина, пріостановилась, поглядѣла на него, подошла къ отцу и... какъ бы слегка поблѣднѣла.

— Что тебѣ, папа?

— Можешь ли ты распорядиться на счетъ лошадей. Валентинъ Петровичъ хочетъ завтра отъ насъ уѣхать

— Когда? завтра!

— Въ которомъ часу вы хотите уѣхать? обратился старикъ къ Аркашину.

— Если можно, съ самымъ раннимъ поѣздомъ, такъ какъ я увѣренъ—тетушка пришлетъ за мной. Въ этотъ день я всегда у ней обѣдаю, а на другой день служба—дѣла не ждутъ.

— Есть поѣздъ и въ 6 часовъ 20 минутъ утра и въ 12 и въ 7 часовъ вечера, сказала Олимпіада спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

Бѣдная дѣвушка! въ эту минуту всякій, кто заглянулъ бы ей въ душу, невольно бы пожалѣлъ о ней. она шла къ отцу въ увѣренности, что этотъ, такъ полюбившійся ей, молодой человѣкъ наконецъ осмѣлился таки просить у отца руки ея. Она думала, что въ этотъ вечеръ участь ея будетъ рѣшена; но вышла отъ отца и пошла къ гостямъ, искусно маскируя свое горе и свои колебанья между надеждой и отчаяніемъ.

Аркашинъ рѣшилъ, что всего лучше ѣхать въ 6 часовъ утра, чтобы никого не безпокоить и уѣхать ни съ кѣмъ не прощаясь. Проститься же съ Олимпіадой одной онъ думалъ съ вечера, чтобы всю ночь остаться съ самимъ собой и постараться унять волненіе души своей. Соблазнъ былъ слишкомъ великъ. Случай на всю жизнь себя обезпечить—былъ однимъ изъ тѣхъ. которые въ жизни человѣка едва ли два раза повторяются. Вернувшись въ ярко освѣщенный залъ, гдѣ играли мужчины и шевелились нарадные гости, онъ думалъ, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ тотчасъ же отправится къ тетушкѣ и скажетъ ей: „сватайте!“ И всякій разъ, когда глядѣлъ онъ разгорѣвшимися глазами на Олимпіаду, онъ повторялъ самому себѣ: „поѣду къ тетушкѣ и скажу ей: тетушка! сватайте, или я съ ума сойду!“

Оттого-ли, что Олимпіада весь вечеръ была холодна къ нему, не подходила къ нему и не заговаривала. отвѣчала на слова его какъ-то разсѣянно, словно думала о другомъ, Аркашинъ никогда еще не былъ такъ влюбленъ въ нее, какъ въ этотъ послѣдній вечеръ.

Ровно въ 12 часовъ музыканты-скрипачи заиграли тушъ. Одинъ изъ гостей тотчасъ же сѣлъ за рояль съ приподнятой крышкой и такъ усердно, такъ торжественно ударилъ по клавишамъ, что одна струна лопнула. Лакеи въ парадной формѣ внесли серебряные подносы, уставленные бокалами съ шампанскимъ, а въ дверяхъ появился самъ хозяинъ, въ старомъ широкомъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ, отчего лицо его казалось еще темнѣе, суровѣе и грустнѣе... Онъ тоже взялъ бокалъ. Всѣ подошли къ нему чокаться; Олимпіада, подходя къ нему, дрогнула; ей показалось, что отецъ ея вотъ-вотъ сію минуту раскроетъ ротъ и скажетъ: „дочь моя, Олимпіада. помолвлена за Валентина Петровича Аркашина, а потому выпьемъ за здоровье жениха и невѣсты!“

Но отецъ, не говоря ни слова, даже не взглянувъ на нее, чокнулся и поцѣловалъ ее.

— Добраго пути на Новый годъ! сказала она, подходя къ Аркашину.

— Съ Новымъ годомъ — съ новымъ счастьемъ! Дай Богъ вамъ всего того, что вы желаете.

Олимпія хотѣла на это сказать: „отъ васъ зависить чтобы одно изъ самыхъ лучшихъ моихъ желаній было исполнено!“ но она промолчала, только вздохнула, подала ему руку, и когда онъ пожалъ ее,—отвернулась.

„Боже мой! подумалъ Аркашинъ та-ли это Олимпіада, которая была вчера въ шерстяномъ платкѣ, на морозѣ, та-ли, которая называла меня суженымъ, та-ли, которую я невольно поцѣловалъ въ голову, когда она чуть не обняла меня? Ничего, ничего, ничего похожаго! Вчера она была прелесть, сегодня—роскошь и божество!“

XXXVI.

Аркашинъ послѣ ужина не успѣлъ проститься съ Олимпіадой: она какъ бы стушевалась,—не то ушла къ отцу, не то въ свою комнату.

Поздно онъ—не заснулъ, а забылся на своей постели, съ такими мягкими матрасами на пружинахъ, съ такими мягкими большими подушками и подъ чужимъ одѣяломъ. Въ 5-мъ часу уже Федоръ постучался къ нему въ дверь и принесъ ему сапоги, потомъ принесъ ему чай, потомъ помогъ ему одѣться и сказалъ, что лошади готовы. „Въ часъ доѣдете, сказалъ Федоръ и спросилъ: скоро-ли, сударь, опять?..“

— Скоро, быть можетъ, скорѣе, чѣмъ вы ожидаете.

— Дай Богъ, дай Богъ, сударь! Радъ буду и вамъ послужить.

Въ три четверти пятаго Аркашинъ былъ уже въ передней, уже надѣвалъ теплые сапоги и свою старую медвѣжью шубу, крытую темно-сѣрымъ сукномъ съ мѣховыми лацканами на рукавахъ.

— Подали, сударь! сказалъ Федоръ, держа въ рукахъ небольшой фонарь, такъ какъ въ передней лампы были въ 4 часа потушены или сами догорѣли и погасли; пахло керосиномъ и гарью.

Вдругъ отворилась дверь, и въ переднюю вошла Олимпіада; она была вся съ головы закутана въ бѣлый съ полосами алжирскій плащъ или бедуинку; снизу виднѣлась коротенькая юбка не то темная, но то красная; лучше сказать, ничего не виднѣлось, такъ какъ Аркашинъ ничего не видѣлъ кромѣ лица ея, блѣднаго и какъ бы глубоко оскорбленнаго

— Вы и проститься со мной не хотите! сказала она голосомъ, въ которомъ дрожали слезы

Онъ губами горячо припалъ къ холодной какъ ледъ рукѣ ея и проговорилъ:

— Говорятъ, не надо прощаться для того, чтобы скорѣе увидаться.

— А если мы никогда не увидимся?

— Значитъ, такъ будетъ угодно Богу. Вы знаете, что я вѣрю въ Бога и въ его святую волю.

— И такъ, до свиданья! проговорила она и стиснула его руку какъ бы стараясь удержать его.

— До свиданья, Олимпіада...

— Не опоздайте! оборвала она его, выпустивъ его руку, и когда онъ уходилъ на крыльцо, хотѣла было идти за нимъ, но остановилась, подошла къ окну и, протеревъ платкомъ отпотѣвшее стекло, стала смотрѣть, какъ усаживается Аркашинъ, запряженъ ли возокъ— какъ она распорядилась, и горятъ ли фонари у козелъ.

— Ну, Богъ съ тобой! проговорила она, когда возокъ съ фонарями двинулся и ушелъ отъ крыльца, шурша своими полозьями.

„Еслибы онъ былъ корыстолюбивъ, онъ бы такъ не уѣхалъ, еслибы и не любилъ меня!“ думала она, въ темнотѣ пробираясь въ свою комнату

XXXVII.

„Если я опоздаю и поѣздъ уѣдетъ раньше, думалъ Аркашинъ, сидя въ возкѣ и закуривая папироску,— если я опоздаю, значитъ, такова судьба—я вернусь и сдѣлаю предложенье.“

Все время ныла душа его, все время болѣло сердце. Онъ видѣлъ, какъ онъ любимъ, и какъ, не смотря на всю свою гордость, Олимпіада не вытерпѣла и высказала ему всю свою преданность; быть можетъ, не спала всю ночь, чтобы успѣть проститься и проводить его.

Четверка лошадей быстро несла его по снѣжной дорогѣ, и онъ пріѣхалъ на станцію за четверть часа до прихода поѣзда.

Два рубля онъ далъ кучеру на водку, взялъ свой чемоданчикъ, свой пледъ и вышелъ на платформу. Ясный мѣсяцъ свѣтилъ по вчерашнему. Но... какимъ прозаическимъ казался онъ при свѣтѣ станціонныхъ фонарей и освѣщенныхъ знаковъ!

Черезъ полчаса, онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ, у него разболѣлась голова и онъ чувствовалъ холодъ, побирающійся по спинѣ, не смотря на горячую, желѣзную печь, противъ которой пришлось сидѣть ему. И чѣмъ дальше онъ ѣхалъ, тѣмъ все больше и больше его пребыванье въ усадьбѣ у Варшавиныхъ казалось ему пестрымъ сномъ, чѣмъ-то невѣроятнымъ и фантастическимъ. Самый образъ Олимпіады представлялся ему такимъ, какъ будто онъ гдѣ-то, въ какомъ то геніальномъ романѣ, читалъ его описаніе, и это описаніе врѣзалось въ его памяти. При мысли же о женитьбѣ, какъ бы сквозь сонъ представлялось ему, что молодая жена его въ морозную ночь въ спальной отворяетъ форточку и говоритъ ему: „мнѣ душно! мнѣ съ тобой недостаетъ свѣжаго воздуха!“ или такъ говоритъ ему: „мнѣ еще хочется спать, пойди и закажи за меня обѣдъ; будутъ гости, и поваръ въ буфетѣ ждетъ тебя!“ или она говоритъ ему: „ахъ, какой ты! зятья грубятъ тебѣ, а ты ни слова! они меня боялись, а тебя—нисколько! пожалуйста, не будь такимъ добрякомъ!..“ Словомъ, и сердце, и умъ, и воображенье Аркашина были сильно встревожены, и страшные сны стали сниться ему, когда онъ заснулъ за два часа до прибытія своего въ Петербургъ.

XXXVIII.

Взобравшись къ себѣ на верхъ, гдѣ ожидало Аркашина давно ему привычное гнѣздо, гдѣ такъ много тихихъ и безмятежныхъ, зимнихъ и лѣтнихъ дней за работой и за книгами провелъ онъ, —онъ почувствовалъ, что какое-то бремя свалилось съ плечъ его, что онъ дома, у себя, самъ себѣ господинъ... и съ непостижимой жгучестью, мысль о Марьѣ Ильинишнѣ— здорова-ли она, ждала-ли, или забыла о его существованіи, —пришла ему въ больную голову. Сердце сжалось, точно сильно чего-то струсило, и когда Варвара сняла съ него шубу и сказала: „Экъ вы пропали! думали, что и не вернетесь!“ —ему представилось, что онъ давно, очень давно не былъ уже въ этомъ корридорѣ и не видалъ своей двери. Видно на долгое время хватило бы тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ пережилъ съ 24-го декабря по 1-е января.

— Топили-ли вы печку? А? спросилъ Аркашинъ и, узнавши, что топили, вошелъ въ свой номеръ: оглядѣлъ, все ли на своемъ мѣстѣ (ключъ отъ его комнаты оставался у хозяина), велѣлъ подать самоваръ, потянулся, прошелся изъ угла въ уголъ, прилегъ, и когда внесли самоваръ, спросилъ:

— Ну, что, какъ здоровье Марьи Ильинишны?

— Онѣ-съ переѣзжаютъ—переѣзжать хотятъ, сказала Варвара.

— Зачѣмъ? удивился Аркашинъ, приподнимая голову.

— А почемъ я знаю? видно лучше нашли себѣ квартиру

— Когда же она переѣзжаетъ?
— Да должно быть сегодня.
Аркашинъ опять на задокъ дивана опустилъ затылокъ свой и закрылъ глаза... Самоваръ долго кипѣлъ, а онъ все еще не заваривалъ чая. Что-то тамъ, въ самой глубинѣ души его гнѣздилось и его мучило.
Вдругъ онъ вскочилъ и пошелъ въ номеръ къ Марьѣ Ильинишнѣ.
— Марья Ильинишна!
— Ахъ!.. вы... Она опустила руки, и узелъ, который она завязывала, накренился и мягко повалился со стула на полъ.—Вы пріѣхали!
— Зачѣмъ вы хотите съѣзжать? Вы съѣзжаете?
Марья Ильинишна оторопѣла; поглядѣла на него, на стѣны, на комодъ, и отвѣчала задыхающимся голосомъ:
— Переѣзжаю.
— Что это вамъ вздумалось?
— А что?..
— Да было бы лучше, еслибы вы остались.
— Лучше!? усумнилась она.
— Разумѣется лучше, милая Марья Ильинишна!
— Да почему же лучше?
Аркашинъ не зналъ, что ему отвѣчать, и спросилъ:
— Пили вы чай?
— Давно пила.
— А еще не хотите? Пойдемте ко мнѣ! я хочу съ дороги напиться чаю, мнѣ нездоровится.
— Да, у васъ лицо нехорошее... Пойдемте!
И она послушно пошла съ нимъ рядомъ въ его комнату.
— Да вы чая-то еще и не заваривали?
— Неужели? Ахъ, извините, пожалуйста! Вотъ что значитъ—голова болитъ.
— Съ похмѣлья?
— Ужь точно, что съ похмѣлья Вы представить себѣ не можете!.. Чуть было не женился!..
— Вотъ и новый пледъ у васъ... Зачѣмъ же дѣло стало?
— Да такъ... ну, да объ этомъ когда нибудь въ другое время... Дайте поцѣловать вашу ручку!.. Скажите по совѣсти, вы меня не ждали?
— Вы писали мнѣ, что пріѣдете на 4-й день праздника...
— А что прикажете дѣлать? никакъ не могъ.
— На четвертый день я васъ ждала, а потомъ думала, что вы еще не скоро пріѣдете...
— И не ждали?..
— Тутъ кто-то присылалъ спросить, вернулись-ли вы?
— Кто... кто присылалъ? встрепенулся Аркашинъ. Онъ уже вообразилъ себѣ, что за нимъ присылало начальство, но допросивши Варвару, которая принесла ему булки, догадался, что присылала тетушка, и нѣсколько успокоился.

XXXIX.

На другой день Аркашинъ почувствовалъ небольшой лихорадочный жаръ и рѣшился никуда не выходить изъ комнаты. На третій день жаръ усилился, и Марья Ильинишна, не спросясь его, привезла ему доктора.
Около недѣли прохворалъ Аркашинъ. Сильнѣйшая простуда, которая къ счастію нерешла въ гриппъ, и окончилась кашлемъ и насморкомъ. Все это время Марья Ильинишна была при немъ, какъ сестра милосердія: напоминала ему, когда принимать хининъ, поила его на ночь горячей малиной, укрывала его, закутывала на ночь, иногда читала ему что нибудь, пока онъ засыпалъ.
Разъ онъ спросилъ ее:
— Марья Ильинишна! отчего же вы не переѣзжаете?
— Отчего? — еще успѣю. А развѣ вамъ очень хочется, чтобы я переѣхала?
— Да вѣдь эдакъ, чего добраго, я такъ привыкну къ вамъ, что... и разстаться съ вами будетъ больно.
— Неужели?
— Да ужь такъ...
Долго, должно быть очень долго поджидала его къ себѣ тетушка; наконецъ не вытерпѣла и велѣла сказать ему, что она сама навѣститъ его.
И вотъ, въ одно прекрасное, воскресное утро она вошла къ нему, пожаловалась и на высокую лѣстницу, и на то, что онъ такъ дурно ведетъ себя: пріѣхалъ женихомъ и болѣетъ.
Онъ разсказалъ ей, какъ онъ проводилъ время у Варшавиныхъ, какъ ему полюбился чудной старикъ, какая красавица—Олимпіада — такая красавица, какой онъ съ роду не видывалъ—какъ онъ чуть было въ нее не влюбился, и на ея вопросъ, что же онъ? рѣшается-ли быть счастливѣйшимъ изъ счастливыхъ? и если *„да“*, то писать-ли ей самой Олимпіадѣ, или къ отцу ея, что онъ проситъ руки ея?
— Нѣтъ еще, не пишите! повремените немного, дайте еще собраться съ силами, дайте опомниться! я еще подумаю. Лучше подумать—не правда-ли, тетушка?
— Ой, куй желѣзо, пока горячо!
— Ну, а если оно скоро простынетъ, тѣмъ лучше!
— Какъ лучше?
— Значитъ, не судьба.
— Да вѣдь отъ тебя же зависитъ.
— Дайте подумать! Такъ и напишите, что я очень, очень за все благодаренъ, что я боленъ... Гм!.. докторъ увѣренъ, что я недалекъ былъ отъ воспаленія въ легкихъ.
— Ну, братъ, мало-ли что доктора говорятъ!
— Ну, и напишите, что я, можетъ быть, и посватался бы тотчасъ-же, еслибъ она была бѣдная дѣвушка.
— Что ты, съ ума сошелъ?
— Такъ и напишите! настойчиво и упрямо повторилъ Аркашинъ.
— Такъ ты—подумаешь?
— Подумаю.
Съ тѣмъ и уѣхала тетушка, сильно раздосадованная на своего племянника.

Прошло три или четыре мѣсяца. Аркашинъ получилъ мѣсто столоначальника, и жалованье его на треть увеличилось. Жениться на Марьѣ Ильинишнѣ онъ почелъ за священный долгъ, такъ какъ въ эти мѣсяцы, по какому-то непреодолимому къ ней влеченію, онъ на столько близко сошелся съ ней, что не могъ, какъ честный и благородный человѣкъ, поступить иначе.
На этотъ разъ у почтеннаго Валентина Петровича и вопроса не было о томъ, можетъ ли онъ составить счастіе жены своей, — нашелся и характеръ не испугаться предстоящей бѣдности.
— Моя нога никогда у тебя не будетъ! встрѣтившись съ нимъ въ гостинномъ дворѣ, сказала ему его тетушка: и наслѣдства тебѣ не оставлю! дуракомъ родился, и умирай дуракомъ!
— Ну, говорите! говорите! улыбаясь возразилъ ей Аркашинъ: еще и крестить дѣтей у меня будете!
— Никогда!
— Будете, непремѣнно будете!

Добавлю разсказъ мой слѣдующимъ. Незадолго до свадьбы тетушка прислала къ Валентину Петровичу письмо къ ней Олимпіады слѣдующаго содержанія: „Не знаю, вынесетъ-ли мое желѣзное здоровье то, что я переношу. Я писала и къ вашему племяннику, но или письмо пропало на почтѣ (дай Богъ чтобъ оно пропало!), или онъ получилъ его и не рѣшился отвѣчать, потому что отвѣчать ему нечего. Всѣ меня дразнятъ, что тотъ, кому я отдала явное передъ всѣми предпочтеніе, отъ меня отвернулся, забраковалъ

У окна. Карт. проф Загорскаго. грав. Рачекъ.

меня. Отецъ тоже насмуренъ, хоть и не говоритъ ни слова. Равнодушіе того, котораго онъ тоже полюбилъ, не можетъ глубоко не огорчать его, тѣмъ паче, что ему кажется, будто лучше меня и на свѣтѣ нѣтъ. И напрасно Вы меня утѣшаете! Попала въ душу заноза, и ее не скоро извлечешь, и не выйдетъ она сама, пока не загноится. Зачѣмъ Вы присылали его къ намъ, если сердце его уже было занято? Но что сдѣлано, то сдѣлано! Вы желали мнѣ добра, и я благодарю Васъ! Кланяйтесь *ему* и прощайте!“

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Аркашинъ счастливъ въ своей семейной жизни, т. е. искренне привязанъ къ женѣ и къ дѣтямъ, и они его любятъ. Но медленно подвигается его служба, и часто онъ бѣдствуетъ, беретъ непосильную работу, чтобы свести концы съ концами, и нерѣдко болѣетъ.

Но та рана, которую невольно нанесъ онъ сердцу полюбившей его дѣвушки, до сихъ поръ иногда глухой болью отзывается въ душѣ его. Онъ поступилъ честно, не насилуя своей природы и не погнавшись за деньгами, но все-же—утраченное—дразнило его, во дни его неудачъ — подъ бременемъ труда и заботъ. Успѣхъ цѣнятъ всѣ, честность—весьма немногіе.

Олимпіада, говорятъ, вышла замужъ за сосѣда князя Плонскаго Черезъ два года послѣ смерти отца, бросила мужа и уѣхала отъ него на Волгу въ степь—хозяйничать, стрѣлять волковъ и медвѣдей, говорятъ, будто бы каждый день выпивала она по двѣ рюмки вина—любила наливки и сводила съ ума холостыхъ сосѣдей, такъ какъ не скоро увяла красота ея.

Была-ли она счастлива, Богъ ее знаетъ: она не любила говорить о себѣ; но дѣлала много такого добра, какого не дѣлаютъ эгоисты, вполнѣ земной жизнью удовлетворенные, вполнѣ счастливые.

КОНЕЦЪ.

Ночной разговоръ.

Историческій разсказъ **Э. Унфельда.**

Ясное солнечное весеннее утро 1707 года. По широкой равнинѣ между Мерзебургомъ и Лейпцигомъ, гдѣ происходила Люценская битва, быстро ѣхалъ всадникъ къ деревенькѣ Альтранштедтъ. На этой мѣстности, едва до того знакомой и въ ближайшихъ окрестностяхъ, сосредоточивалось теперь вниманіе всей Европы. Осенью 1706 года, шведскій король Карлъ XII, послѣ войнъ въ Россіи и Польшѣ, пріѣхалъ вдругъ жить именно въ Альтранштедтъ, и всѣ съ напряженнымъ интересомъ ожидали дальнѣйшихъ дѣйствій грознаго героя. Не проходило недѣли чтобы здѣсь не появился какой нибудь иностранный посолъ, и только что прибылъ посолъ англійской королевы Анны, знаменитый герцогъ Мальборо, и былъ тотчасъ-же принятъ Карломъ XII. „Что бы это значило?“

Однако нашего всадника занимали не дипломатическія загадки, но нѣчто совсѣмъ другое, хотя бывшее также въ связи съ военнымъ положеніемъ. Молодецъ былъ уже вотъ нѣсколько лѣтъ тайно обрученъ съ хорошенькой Варварой, дочерью Ферхенбаха, содержателя гостинницы и питейнаго дома въ Альтранштедтѣ. Отецъ Варвары не только не противился браку, онъ зналъ Буркгарда за честнаго и дѣльнаго человѣка, и даже не разъ намеками изъявлялъ согласіе на ихъ бракъ, съ условіемъ, чтобъ Буркгардъ предварительно пріобрѣлъ обезпеченное положеніе. Молодой человѣкъ ревностно стремился къ этому, посвятивъ себя горному дѣлу, къ которому чувствовалъ особое влеченіе, и быстро пошелъ впередъ. Онъ уже былъ „шихтмейстеромъ“ въ Мансфельдскихъ рудникахъ, но награда за неусыпный трудъ, рука любимой дѣвушки, вдругъ словно почему то отстранилась отъ него. Вотъ уже болѣе года онъ не получалъ никакихъ извѣстій отъ Ферхенбаха, а въ письмахъ Варвары были признаки сильнаго душевнаго страданія, которое бѣдная дѣвушка какъ бы старалась скрыть. Не сватаетъ-ли ее кто изъ шведскихъ офицеровъ, квартировавшихъ въ Альтранштедтѣ, и Ферхенбахъ не надѣялся-ли на болѣе выгодную партію? По цѣлымъ недѣлямъ его мучили такія мысли и душевное состояніе его стало наконецъ невыносимо; онъ взялъ отпускъ и рѣшилъ самъ узнать, что тутъ дѣлается

Мучительное безпокойство овладѣвало имъ и сердце билось сильнѣе по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

Онъ уже подъѣзжалъ къ деревенскимъ садамъ, какъ вдругъ увидѣлъ идущаго на встрѣчу стараго пріятеля и остановилъ лошадь.

— Павелъ! радостно воскликнулъ шихтмейстеръ. Слава Богу, наконецъ-то знакомое лицо! Ну, говори, какъ поживаешь? Что подѣлываешь? Онъ слѣзъ съ лошади и протянулъ пріятелю руку.

— Наконецъ-то ты опять явился! отвѣтилъ тотъ, видимо тоже обрадованный.—Я за послѣднее время часто вспоминалъ о тебѣ, и, еслибъ не приходилось сидѣть дома по случаю военнаго времени, давно проѣхался-бы въ Мансфельдъ, чтобъ...

— Ты имѣешь сообщить мнѣ что нибудь важное? пытливо спросилъ Буркгардъ.

— Ну да, не знаю, какъ ты... отвѣтилъ нерѣшительно Павелъ.

— Что я? повторилъ удивленно Буркгардъ. — Я ничуть не измѣнился и наши отношенія также, надѣюсь; такъ говори прямо.

— Ну, я такъ и думалъ, что ты еще ничего не знаешь, возразилъ Павелъ.—Такъ однимъ словомъ — Ферхенбахъ подлецъ. Я ему это сказалъ прямо въ глаза въ прошлое воскресенье.

— Не мучь меня, Павелъ! воскликнулъ Буркгардъ. — Что такое?

— Да, подлецъ! повторилъ Павелъ, постепенно раздражаясь. Шведскій король здѣсь вотъ ужъ около года, такъ представь себѣ, что у насъ творится: день и ночь чистая ярмарка, изъ Англіи, Франціи, Италіи и другихъ странъ съѣзжаются знатные вельможи, шведскіе офицеры безпрестанно путаются взадъ и впередъ—все это, разумѣется, Ферхенбаху на руку. Онъ уже нанялъ шесть молодцовъ и двухъ дворниковъ, да и эти едва справляются; одной пивной стало давно уже мало, онъ для солдатъ, конюховъ и крестьянъ пристроилъ балаганъ, а чистая комната оставлена для знатныхъ господъ и офицеровъ. Понятно, карманы его славно набиваются рейхсталерами; онъ выручаетъ ежедневно цѣлые мѣшки денегъ и разъ въ недѣлю отвозитъ полную шкатулку въ Лейпцигскій банкъ. Это бы все хорошо, еслибъ онъ остался по прежнему простымъ, добрымъ малымъ; бѣда въ томъ, что онъ зазнался и перемѣнилъ намѣренія на счетъ дочери.

— А она? спросилъ Буркгардъ, сильно взволнованный.

— Да я старался разузнать, да ее нигдѣ не увидишь, она цѣлый день въ кухнѣ или кладовой, мнѣ даже кажется, что она нарочно скрывается.

— Павелъ! радостно воскликнулъ Буркгардъ,—она мнѣ вѣрна! я это чувствую, я долженъ видѣться съ ней, убѣдиться, что сердце меня не обманываетъ. Спасибо тебѣ, спасибо!

Вслѣдъ затѣмъ онъ вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ селу.

Здѣсь все было въ необычайномъ движеніи: вездѣ сидѣли или стояли группы солдатъ, передъ пивной была непроходимая толпа; путникъ направилъ лошадь во дворъ своего старика-родственника, оставилъ ее тамъ, а самъ снова вышелъ на улицу, чтобы пройти въ гостинницу поговорить съ Варварой. Но тщетно ждалъ онъ и уже думалъ нельзя ли устроить свиданье въ домѣ родственника, какъ вдругъ увидѣлъ Варвару; она шла изъ задней двери гостинницы и быстро прошла черезъ дворъ въ большой амбаръ. Онъ чуть не вскрикнулъ отъ радости, чего-же для него лучшаго? Онъ быстро подошелъ къ задней стѣнѣ амбара, который еще помнилъ съ дѣтства, постучалъ въ дверцу, выходящую прямо въ поле, и услышалъ знакомый звонкій голосъ:

— Что это; кто стучитъ?

— Варвара, это я! тихо отвѣтилъ Буркгардъ.

Послышался сдержанный крикъ, засовы заскрипѣли, и Варвара, рыдая, бросилась въ объятія Буркгарда.

— Дорогая моя, говорилъ онъ, покрывая ее поцѣлуями,—я зналъ, что ты не измѣнила мнѣ.

— Никогда, никогда! возразила та, утирая слезы. — Ахъ, Буркгардъ, сколько ужъ я перестрадала благодаря нашей любви! Мы теперь разбогатѣли и отецъ хочетъ отдать меня за богатаго; пріѣзжали ужъ изъ Лейпцига молодые люди, которые желали познакомиться со мной, посвататься.

— Не надо падать духомъ — терпи и жди, утѣшалъ ее Буркгардъ. Вѣдь ничего еще не потеряно!

— Отецъ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе. Онъ ужасно сердится, что я прячусь отъ знатныхъ людей, и вчера даже пригрозилъ мнѣ, что если еще разъ повторится такое глупое поведеніе, онъ со мной справится. Я ужъ боюсь этой ужасной минуты.

— Ты пожалуй, чего добраго, заболѣешь отъ страха и душевной муки! замѣтилъ Буркгардъ, — и мы должны сразу покончить. Я сейчасъ иду къ твоему отцу и потребую немедленнаго исполненія даннаго мнѣ обѣщанія. Богатства его мнѣ не надо, моя любовь касается тебя одной.

— Я ужасно боюсь! сказала дѣвушка, — хотя знаю, что это неизбѣжно. Я не могу жить безъ тебя, въ тебѣ одномъ все мое счастье.

Буркгардъ еще разъ крѣпко обнялъ любимую дѣвушку и по-

спѣшно удалился; Варвара возвратилась въ амбаръ, заперла дверь и рыдая опустилась молясь на колѣни, а тотъ между тѣмъ обошелъ дворъ, вошелъ въ широко растворенную дверь дома и вскорѣ стоялъ передъ хозяиномъ, который смотрѣлъ на него съ изумленіемъ и смущенно отвѣтилъ на поклонъ.

— Я бы желалъ поговорить съ вами, сказалъ Буркгардъ,— вы, вѣроятно, догадываетесь о чемъ.

Старикъ, уже успѣвшій придти въ себя, отвѣтилъ дѣловымъ тономъ:

— Конечно, конечно, сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Пройдите въ мою комнату.

Буркгардъ пошелъ, вскорѣ явился и хозяинъ и, съ видомъ занятаго человѣка, сталъ передъ Буркгардомъ, повидимому твердо рѣшившись настоять на своемъ.

— Я догадываюсь, что васъ сюда привело, сказалъ онъ,—и очень радъ, что мы наконецъ объяснимся. Въ каждомъ дѣлѣ главное—ясность. Теперь къ дѣлу, милѣйшій Буркгардъ, времена перемѣнились, обстоятельства также!

— Но честное слово всегда остается честнымъ словомъ, перебилъ его Буркгардъ.

— Не будемъ объ этомъ напрасно спорить, замѣтилъ Ферхенбахъ.—Словомъ, я кое что пріобрѣлъ и имѣю нынѣ планы насчетъ будущности дочери, за что, конечно, меня никто не обвинитъ. Теперь я могу за ней дать кое что, могу и требовать отъ зятя большаго,—это ясно и для васъ нисколько не оскорбительно

— Ваши слова были-бы справедливы, еслибъ дѣло касалось только личнаго интереса, но здѣсь вопросъ о сердечномъ влеченіи людей, котораго нельзя купить ни за какія деньги. Отнимая у меня вашу дочь, вы ее сдѣлаете на вѣки несчастной.

— О! пустяки, пустяки! Она со временемъ станетъ благоразумнѣе и утѣшится. Ну, а теперь, чтобъ вы дѣвочкѣ не вскружили голову, прошу васъ оставить мой домъ и не входить въ него.

Буркгардъ отступилъ назадъ.

— Вы выгоняете меня изъ дому? съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

— Я дѣлаю что считаю нужнымъ для счастья дочери, вотъ и все. Съ этими словами хозяинъ отвернулся и Буркгардъ видѣлъ, что далѣе говорить нечего.

— Хорошо-же! сказалъ онъ глухимъ голосомъ, едва сдерживаясь,—я уйду но ты отвѣтишь за разбитое счастье твоей дочери и мое также

Онъ не могъ болѣе говорить, голосъ измѣнялъ ему, онъ быстро повернулся и вышелъ. Возвратившись къ своему родственнику, онъ спѣшно осѣдлалъ лошадь, и ни съ кѣмъ не простившись, ускакалъ изъ деревни во избѣжаніе всякихъ тягостныхъ объясненій.

Онъ мчался безъ оглядки, не замѣчая кругомъ ничего, но вдругъ размышленія его были прерваны. Лошадь его вдругъ встала на дыбы, его окружило огненное море, затѣмъ опять стемнѣло и раздался оглушительный трескъ. Лошадь его такъ рѣзко кидалась въ стороны, что онъ ухватился за гриву, чтобы не упасть; наконецъ, еще ничего не понимая, онъ бросилъ поводья и пустился вскачь. Мало по малу онъ сталъ приходить въ себя и увидѣлъ, что попалъ подъ сильную грозу; тучи спускались чуть не до земли, молніи сверкали, сопровождаемыя безпрерывными раскатами грома, и дождь лилъ какъ изъ ведра; вѣроятно молнія упала недалеко отъ него, разбивъ какое нибудь дерево.

Онъ тяжело вздохнулъ и хотѣлъ остановить лошадь, но испуганное животное еще мчалось, пока силы не истощились, и едва умѣрило ходъ.

Буркгардъ старался успокоить коня лаской и голосомъ и оглядѣлъ мѣстность, но узнать ее было трудно: черныя тучи застилали небо, дождь лилъ еще сильнѣе, онъ видѣлъ на разстояніи трехъ или четырехъ сотъ шаговъ только поле и кустарникъ и поѣхалъ наугадъ къ западу, предполагая такимъ образомъ попасть въ Мерзебургъ, его первую станцію. Проѣхавъ нѣкоторое время, онъ все еще не узнавалъ мѣстности, покрытой болотами и лѣсомъ, и недоумѣвалъ, какъ это онъ сбился съ дороги?

День клонился къ вечеру, онъ счелъ неблагоразумнымъ заѣзжать въ лѣсъ и держался у опушки, надѣясь скорѣе выѣхать на дорогу. Проѣхавъ немного и завернувъ за широкій кустъ олешника, онъ очутился на большой дорогѣ противъ какой-то гостинницы. Не успѣлъ онъ подъѣхать къ дверямъ, какъ вышелъ хозяинъ и поклонился ему съ видимымъ удивленіемъ.

— Да, да, вы въ правѣ удивляться! сказалъ Буркгардъ, отвѣчая на поклонъ,—человѣкъ подъѣзжаетъ прямикомъ полемъ, по такой погодѣ. Скажите, гдѣ я теперь, и куда ведетъ эта дорога?

— Это дорога изъ Альтенбурга въ Лейпцигъ.

— А далеко отъ Лейпцига?

— Добрыхъ четыре часа.

— А какъ далеко отъ Мерзебурга?

— Да туда дорога трудная, возразилъ хозяинъ. По разстоянію то тоже не болѣе четырехъ часовъ ѣзды, только не по большой дорогѣ.

— Ахъ, чортъ возьми! меня застигла гроза. и я взялъ, значитъ, слишкомъ вправо. Остается переночевать у васъ, ужъ въ Мерзебургъ сегодня не поспѣть, да и конь совсѣмъ измучился.

Хозяинъ смущенно вертѣлъ въ рукахъ свою мохнатую шапку.

— Къ сожалѣнію, сказалъ онъ, не могу васъ принять: комнаты для пріѣзжихъ заняты.

— Вѣроятно у васъ найдется еще мѣстечко и для меня, мнѣ только уснуть, все равно гдѣ.

— Я бы вамъ совѣтовалъ доѣхать до слѣдующаго села, въ полутора часахъ ѣзды отсюда.

— Да я тогда еще болѣе отдалюсь отъ Мерзебурга, замѣтилъ Буркгардъ,—да и я промокъ до костей, страшно усталъ. Какъ хотите, а найдите мнѣ мѣстечко!

Онъ слѣзъ съ лошади и бросилъ хозяину поводья.

— Да право же нельзя! бормоталъ хозяинъ краснѣя, въ сильномъ замѣшательствѣ. У меня ночуютъ нѣсколько господъ, я не могу ихъ стѣснять.

— Успокойте ихъ, возразилъ Буркгардъ,—я имъ мѣшать не буду; только на кухнѣ посушу платье, а тамъ, пожалуй, пойду и на сѣновалъ. Я такъ усталъ, что вездѣ засну.

— Ладно, согласился наконецъ хозяинъ, передалъ лошадь подошедшему конюху и провелъ Буркгарда прямо въ кухню.

Онъ помогъ ему снять и развѣсить мокрое платье, хозяйка между тѣмъ накрыла ужинать.

— Я васъ положу въ маленькой комнаткѣ за гостиной, сказалъ хозяинъ, подходя къ Буркгарду,—только дайте мнѣ слово не шумѣть—комнатка отдѣлена отъ большой только перегородкой. У меня квартиранты какіе то особенные, запираются, занавѣшиваютъ окна и не допускаютъ никого. Я имъ скажу, что съ вами случилось, и что я васъ положилъ на сѣновалъ; они вѣроятно дозволятъ васъ пріютить.

— Да кто же они такіе, спросилъ Буркгардъ, что вы съ ними такъ церемонитесь?

Хозяинъ пожалъ плечами.

— Я самъ не знаю. Хотѣлъ полюбопытствовать, да они запретили и спрашивать, такъ я и не настаиваю. Платятъ хорошо, а мнѣ все равно!

— Часто они бываютъ?

— Ужъ разъ шесть были.

— Вы понятія не имѣете, что они дѣлаютъ?

— Ни малѣйшаго!

— Ну, такъ не стоитъ и головы ломать, заключилъ Буркгардъ и легъ на скамью у стѣны.

Хозяинъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Хозяйка подала простой ужинъ, но Буркгардъ ѣлъ мало, не смотря на продолжительную ѣзду, и просилъ провести его въ комнату; здѣсь была приготовлена чистая постель, но ему спать не хотѣлось,— хотѣлось только остаться одному. Мысль о Варварѣ не покидала его,—онъ слышалъ ея голосъ, видѣлъ ея милые глаза; наконецъ сѣлъ къ столу и опустилъ на руки горячую голову.

— Зачѣмъ молнія, упавшая такъ близко, не убила меня, думалъ онъ,—страданія прекратились бы, она со временемъ забыла бы меня.

Цѣлый рядъ печальныхъ картинъ носился передъ нимъ. Вдругъ онъ испуганно вскочилъ,—кто то въ сосѣдней комнатѣ такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что стаканы зазвенѣли. Вслѣдъ затѣмъ начался такой громкій говоръ, что Буркгардъ ясно слышалъ каждое слово; его сосѣди, повидимому, были въ сильномъ оживленіи.

— Браво, браво! кричалъ одинъ, теперь дѣло ясно. Да растерзаютъ меня волки, если этотъ планъ не удастся!

По сильному, рѣзкому акценту Буркгардъ узналъ поляка.

— Непремѣнно удастся, съ увѣренностью добавилъ другой, повидимому тоже полякъ. Сколько это надѣлаетъ шума! Кто кромѣ насъ осмѣлился бы подойти въ настоящее время къ этому дерзкому и всемогущему шведу?

Буркгардъ вздрогнулъ, тихо привсталъ и невольно подошелъ къ перегородкѣ.

— Остается курфюрстъ, замѣтилъ третій.

— Ты все трусишь, саксонецъ! засмѣялся первый.

— Не прогнѣвайтесь, графъ! Конечно, курфюрстъ Августъ потянется за польской короной, какъ только мы всадимъ пулю въ голову Карла, да графъ Синявскій ужъ будетъ на готовѣ. Какъ только онъ завидитъ нашего курьера—Варшава въ его рукахъ. Нѣтъ, господа, объ этомъ намъ безпокоиться нечего. И такъ, за здоровье графа Синявскаго, новаго польскаго короля!

— И за царскую награду, ожидающую насъ! прибавилъ второй.

Стаканы зазвенѣли; Буркгардъ держался за стѣну, такъ сильно билось его сердце; слѣдя за политикой, онъ сразу все понялъ. Ему было извѣстно имя Синявскаго, польскаго магната, неоднократно старавшагося свергнуть съ польскаго престола и занять мѣсто молодаго короля, Станислава Лещинскаго, посаженнаго Карломъ XII. Попытки его оставались безуспѣшными и онъ, очевидно, рѣшился очистить себѣ дорогу къ трону, убивъ своего главнаго противника, короля Карла, и подкупилъ исполнителей этого злодѣйства.

Буркгардъ тотчасъ рѣшилъ воротиться въ Альтранштедтъ и предупредить короля объ угрожающей опасности,—утромъ могло быть уже поздно. Онъ тихо вошелъ въ кухню, объявилъ хо-

Сиротка. Карт Лемоха. грав. Бабежъ

Урокъ пѣнія. Картина Г. Гросмана, грав. Крей.

зяину, что отдохнулъ, одумался и согласенъ съ его доводами, и рѣшилъ тотчасъ продолжать путь. Онъ заплатилъ по счету, и черезъ четверть часа уже ѣхалъ среди глубокой ночи по дорогѣ въ Лейпцигъ.

Самыя разнообразныя соображенія насчетъ исхода этой поѣздки осаждали его, но онъ не колебался въ своемъ намѣреніи; личные интересы уступали мѣсто, когда дѣло шло о предупрежденіи ужаснаго преступленія, могшаго имѣть неисчислимыя послѣдствія и для его отечества.

Проѣхавъ часа два, онъ узналъ знакомую мѣстность и повернулъ проселкомъ прямо въ Альтранштедтъ; при въѣздѣ въ село, его окликнулъ часовой и загородилъ дорогу ружьемъ, но, узнавъ, что онъ съ важными вѣстями, провелъ его къ фельдфебелю на сторожевой постъ. Отсюда Буркгарда провели къ королевскому караулу, непосредственно противъ квартиры Карла; здѣсь ему пришлось подождать, пока дежурный офицеръ передавалъ королю настоятельную просьбу незнакомца, желающаго его видѣть и говорить о важномъ дѣлѣ, не терпящемъ никакого отлагательства. Король еще не спалъ. Минутъ черезъ десять офицеръ вернулся и знакомъ велѣлъ Буркгарду слѣдовать за нимъ. Сильно билось сердце юноши, когда онъ очутился лицомъ къ лицу съ знаменитымъ побѣдителемъ и властелиномъ, внушавшимъ всѣмъ такой страхъ. Король былъ въ простомъ темно-синемъ мундирѣ и высокихъ сапогахъ и, но внѣшнему виду, ничѣмъ не отличался отъ простаго шведскаго солдата, только выраженіе силы и величія, и прекрасные, большие голубые, сверкающіе глаза, отличали царственнаго воина.

Буркгардъ передалъ въ краткихъ словахъ, какъ попалъ въ гостинницу, и что слышалъ. Король проницательно и пристально смотрѣлъ на него, какъ бы желая проникнуть въ глубину его души, затѣмъ провелъ рукою по своимъ, противъ тогдашней моды, коротко остриженнымъ волосамъ и подумалъ.

— Заговоръ Синявскаго! проговорилъ онъ наконецъ вполголоса,—это отчасти разстраиваетъ мои планы. Во-первыхъ, продолжалъ король уже громче,—надо арестовать заговорщиковъ. Благодарю васъ, молодой человѣкъ, обратился онъ къ Букгарду, протягивая ему руку,—что вы рѣшились извѣстить меня объ этомъ.

Онъ позвалъ офицера, приведшаго Буркгарда, далъ ему приказаніе арестовать заговорщиковъ и вышелъ, сухо сказавъ юношѣ „до свиданья!"

Эта простота и спокойствіе короля, когда дѣло шло о его жизни, поразили Буркгарда. Онъ вышелъ, но долго не могъ забыть яркихъ, свѣтящихся глазъ, устремленныхъ на него, и твердаго голоса, исполненнаго какой то особой прелести. Сильное движеніе въ селѣ прервало его думы, солдаты собирались, осѣдланные кони нетерпѣливо били копытами въ землю. Измученную лошадь Буркгарда замѣнила другая. Когда все было готово, раздалась команда, всадники сѣли на коней и крупной рысью двинулись среди угрюмой темноты ночи.

Въ маленькой гостинницѣ все было тихо; солдаты оцѣпили зданіе, приготовились, однимъ ударомъ выломали дверь и съ такой быстротой вошли въ комнату, что спавшіе заговорщики, вскочивъ, испуганные шумомъ, не успѣли захватить пистолетовъ со стульевъ. Ихъ связали еще полусонныхъ и, не смотря на сильное сопротивленіе, вывели и посадили на коней; найденныя вещи и бумаги были опечатаны. Офицеры успокоили прибѣжавшаго въ испугѣ хозяина, но велѣли ему быть готовымъ дать показанія, а за убытки въ домѣ отвѣчали именемъ короля.

Отрядъ воротился въ Альтранштедтъ уже къ разсвѣту, арестованныхъ посадили въ тюрьму, по одиночкѣ, а бумаги и вещи передали секретарю короля, докладъ же отложили до слѣдующаго дня, чтобъ дать отдохнуть офицерамъ и особенно Буркгарду, сильно утомленному и ѣздой, и волненіями этой ночи.

Между тѣмъ, Карлъ XII, нетерпѣливо ожидавшій исхода дѣла, велѣлъ своему секретарю разобрать и просмотрѣть бумаги арестованныхъ, и самъ прочелъ болѣе важные документы Обнаружился планъ,—убить короля выстрѣломъ изъ окна дома, мимо котораго онъ ѣздилъ на учебный плацъ,—домъ уже былъ пріобрѣтенъ барономъ фонъ Ветцдорфомъ, однимъ изъ участниковъ заговора. Предполагалось захватить пребывавшаго также въ Альтранштедтѣ Станислава Лещинскаго, между тѣмъ какъ графъ Синявскій разсчитывалъ занять престолъ съ помощью уже подготовленнаго возстанія. Большія награды ожидали исполнителей заговора.

Выяснивъ себѣ всѣ подробности дѣла, Карлъ подписалъ смертный приговоръ заговорщикамъ, но далъ имъ трехнедѣльный срокъ для личныхъ распоряженій и прощанія съ родными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послалъ короля Станислава и генерала Ринскильда съ войскомъ для усмиренія уже начавшихся смутъ. Синявскаго не удалось схватить—онъ успѣлъ бѣжать за границу.

При столькихъ важныхъ заботахъ Карлъ однако не забылъ человѣка, спасшаго его жизнь. Онъ далъ ему продолжительную аудиенцію и узнавъ, что Буркгардъ горный инженеръ, немедленно послалъ въ Мансфельдъ навести о немъ справки, у его начальства. Посланный привезъ самые выгодные для Буркгарда отзывы. Тогда король предложилъ ему мѣсто начальника управленія государственныхъ рудниковъ въ Швеціи близь Іонкепинга.

Буркгардъ съ радостью согласился на блестящее предложеніе, и тотчасъ же получилъ отъ самого Карла письменное удостовѣреніе въ назначеніи его на должность, и кромѣ того ассигновку на значительную сумму. Не помня себя отъ радости, Буркгардъ поспѣшилъ въ домъ Ферхенбаха и на порогѣ встрѣтилъ Варвару.

— Ну, теперь ты моя, воскликнулъ онъ, крѣпко обнявъ ее. На шумъ вышелъ Ферхенбахъ, предполагая несчастіе.

— Ради Бога, что случилось? вскрикнулъ онъ и отскочилъ назадъ, увидѣвъ вмѣстѣ молодыхъ людей.

— Все благополучно!

И молодой человѣкъ разсказалъ о своемъ приключеніи.

Препятствій на бракъ съ любимой дѣвушкой уже не было; Ферхенбахъ и не подумалъ отказаться отъ такого зятя. Онъ далъ согласіе и черезъ недѣлю молодые люди обвѣнчались очень скромно. Послѣ свадьбы молодые отправились на сѣверъ. Здѣсь молодой инженеръ значительно поднялъ горное производство въ Швеціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ получилъ въ управленіе и другіе горные округа, и постепенно достигъ высшихъ государственныхъ степеней. Имя Буркгарда, какъ преобразователя горнаго дѣла въ Швеціи, произносится до-нынѣ съ уваженіемъ и признательностью.

Самоубиваніе.

Очеркъ.

Одинъ физіологъ справедливо сказалъ, что „люди не умираютъ, а безсознательно убиваютъ себя..." Дѣйствительно, крайнее пренебреженіе правилами гигіены, общественной и частной, несомнѣнно, весьма значительно сокращаетъ продолжительность человѣческой жизни. Ненормальный, противорѣчащій основнымъ правиламъ науки о здоровьи, образъ жизни—скорѣе приводитъ человѣка къ могилѣ. Съ другой стороны, злоупотребленіе различными наркотическими средствами самымъ положительнымъ образомъ оправдываетъ упомянутое изрѣченіе. Потребность-же въ средствахъ, дѣйствующихъ на нервную систему, распространена повсемѣстно, и всюду эта потребность приводитъ, къ сожалѣнію, къ злоупотребленіямъ, чрезвычайно гибельно вліяющимъ на организмъ.

Такимъ образомъ, употребленіе морфія и опіума въ огромномъ большинствѣ случаевъ приняло форму злоупотребленія этими средствами и создало то, что называется морфеоманіей и опіофагіей. Подъ именемъ морфеоманіи собственно разумѣется подкожное впрыскиваніе морфія, рекомендуемое въ цѣляхъ леченія и дѣлающееся у нѣкоторыхъ больныхъ чрезмѣрнымъ, настоящей страстью, неудержимымъ порокомъ. Эта несчастная страсть начинаетъ распространяться на востокѣ и составляетъ уже здѣсь конкурренцію злоупотребленію опіумомъ, давно расшатывающему мусульманскій организмъ.

Большинство мусульманъ ежедневно принимаетъ въ пилюляхъ постепенно усиливаемыя дозы опіума. Люди, принадлежащіе къ высшимъ классамъ, каждый годъ запасаются значительными количествами этого вещества, получаемыми прямо изъ Кара-Гиссара, возлѣ Смирны. Представители класса улемовъ, то есть богослововъ и членовъ духовенства, принимаютъ каждый день совершенно правильно отъ 1 до 3 граммовъ опіума. Дѣйствіе-же этого средства такъ близко соотвѣтствуетъ восточной натурѣ, что врядъ-ли возможно когда либо устраненіе злоупотребленія имъ: человѣкъ испытываетъ безконечно пріятное ощущеніе общей нѣги и лѣни, овладѣвающей всѣми мускулами, всѣми частями тѣла, всѣми умственными отправленіями, и—все это въ соединеніи съ сладострастными картинами, возбуждаемыми въ наркотизированномъ воображеніи примѣшиваніемъ къ опіуму какого-либо возбуждающаго чувственность вещества...

Для того чтобы, однако, уменьшить усыпляющее дѣйствіе опіума, теріаки или опіофаги выпиваютъ черезъ четверть часа по принятіи опіума по одной или по двѣ чашки чернаго кофе, испытывая послѣ того лишь пріятное ощущеніе усталости, нѣчто въ родѣ сладострастной нѣги.

Но мусульмане предаются также и морфеоманіи. Докторъ Зомбако, изслѣдовавшій оба явленія эти на востокѣ, очень часто видалъ свѣтскихъ людей, которые постоянно имѣли при себѣ маленькіе инструменты для впрыскиванія и растворъ морфія, достаточный для отравленія. Элегантныя дамы нерѣдко носятъ драгоцѣнныя вещи, содержащія маленькіе шприцы и артистическіе флакончики съ волшебнымъ растворомъ. И въ театрѣ, въ свѣтѣ, онѣ улучаютъ минуты, для того чтобы сдѣлать себѣ подкожное впрыскиваніе морфія. Такимъ образомъ, доктору приходилось видѣть въ Константинополѣ морфеомановъ, которые постепенно доходили до поглощенія 70 сантиграммовъ морфія впродолженіи двадцати четырехъ часовъ, тогда какъ высшая доза морфія, рекомендуемая медиками для употребленія въ такой промежутокъ времени, не превосходитъ двухъ сантиграммовъ.

Злоупотребленіе опіумомъ весьма рѣдко наблюдается на западѣ.

Что же касается до патологическаго дѣйствія морфеоманіи и опіофагіи, то злоупотребленіе опіумомъ оказываетъ болѣе медленное вліяніе: энергія, силы злоупотребляющаго опіумомъ падаютъ постепенно; имъ овладѣваетъ желаніе проводить все свое время въ совершенномъ покоѣ; его исхудалые мускулы дѣлаются не въ силахъ противостоять усталости; постоянно сокращающіяся вѣки свидѣтельствуютъ о сонливомъ состояніи и совершенной неспособности мозга къ работѣ; впечатлительность ослабляется; веселыя и пріятныя мысли уступаютъ свое мѣсто мрачнымъ, ни на чемъ неосновывающимся представленіямъ. Хорошія наклонности постепенно исчезаютъ и эгоизмъ становится преобладающимъ чувствомъ. Характеръ опіофага дѣлается крайне тяжелымъ.

Таковы послѣдствія правильнаго злоупотребленія опіумомъ. Въ свою очередь, морфеоманія влечетъ за собою быстрое физическое и нравственное истощеніе, настоящее вырожденіе человѣческаго существа. Больные теряютъ свободную волю и, лишенные морфія въ обычные для впрыскиванія часы, бываютъ способны на все.

Непосредственное дѣйствіе впрыскиваній морфія бываетъ не одинаково: у однихъ морфій успокоиваетъ и умѣряетъ дѣятельность нервной системы, возбужденной недостаткомъ алкалоидовъ въ организмѣ; на другихъ, напротивъ, онъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ. При хроническомъ отравленіи морфіемъ смерть приближается обыкновенно медленно съ развитіемъ сухотки; иногда же она наступаетъ весьма быстро.

Морфеоманія имѣетъ сходство съ злоупотребленіемъ спиртными напитками—алкоголизмомъ. Различныя нервныя разстройства, въ родѣ галюцинацій, остраго сумасшествія и т. п., происходящія подъ вліяніемъ злоупотребленія морфіемъ, могутъ являться также результатомъ и неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ. Злоупотребленіе тѣмъ и другимъ средствомъ приводитъ иногда также къ соотвѣтствующимъ состояніямъ бреда. Злоупотребляющіе и морфіемъ и алкоголемъ, одинаково, не могутъ отказаться отъ своей страсти. Въ тоже время морфеоманъ, начавъ злоупотреблять спиртными напитками, легко можетъ сдѣлаться исключительно алкоголикомъ, и наоборотъ,—такъ что одна страсть переходитъ въ другую.

Въ видахъ леченія, нельзя никоимъ образомъ лишать больнаго сразу употребленія впрыскиваній. Такъ-же какъ и въ случаяхъ алкоголизма, слѣдуетъ заставлять больнаго постепенно оставлять опьяняющее вещество, во избѣжаніе сильныхъ потрясеній нервной системы. Впрочемъ, такой пріемъ имѣетъ мѣсто по отношенію ко всѣмъ ядамъ, къ употребленію которыхъ человѣкъ можетъ постепенно привыкнуть и дойти такимъ образомъ до большихъ дозъ. Оставлять ихъ онъ долженъ не иначе какъ постепенно, послѣдовательно уменьшая дозы.

Леченіе морфеоманіи требуетъ такимъ образомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Что же касается до предохранительныхъ средствъ природы морфеоманіи, то виновниками ея въ большинствѣ случаевъ являются врачи и аптекари, предоставляющіе лицамъ, которымъ они предписываютъ подкожныя впрыскиванія морфія, слишкомъ большія количества послѣдняго.

Вьюга.

(Посвящается — ъ).

Вѣтеръ, буря; снѣгъ летучій
Заметаетъ путь саней:
Все быстрѣе бѣгъ могучій
Застоявшихся коней.
Тьма кругомъ отъ вьюги снѣжной,
Гдѣ-то слышенъ волчій вой....
Ты дрожишь, я станъ твой нѣжный
Обнялъ крѣпкою рукой....

И уста къ устамъ припали,—
Насъ и вьюга не страшитъ;
Вьюга злится, сани стали,
Тройка фыркаетъ, хрипитъ!
Насъ заноситъ бурей снѣжной,
Кони сбились.... гдѣ-же мы?
Мы въ раю—въ странѣ безбрежной
Грёзъ серебряныхъ и тьмы!

М. Д.

Къ рисункамъ.

Карлсбадъ.

(Рис. на стр. 540 и 541).

Съ наступленіемъ весны и вмѣстѣ съ тѣмъ лечебнаго сезона на водахъ, бады быстро населяются страждущимъ человѣчествомъ, ищущимъ въ нихъ исцѣленія своимъ недугамъ; но особенно какъ среди врачей, такъ и больныхъ пользуются громкою извѣстностью источники Карлсбада въ Богеміи. Дѣйствительно Карлсбадъ, по самымъ условіямъ своего мѣстоположенія, представляетъ нѣчто исключительное среди всѣхъ другихъ минеральныхъ источниковъ. Его можно по справедливости назвать городомъ построеннымъ надъ крышею пароваго котла. Здѣсь, между гранитными массами тянется узенькая теплитская долина, бока которой поднимаются къ небу почти отвѣсно; дно долины усѣяно огромными гранитными глыбами, которыя падали одна на другую при древнихъ разрушительныхъ потрясеніяхъ почвы, оставляя между собою пустоты, образовавшія обширныя пещеры. Вода стремится въ пропасть, которая, вѣроятно, доходитъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ сильно дѣйствуетъ центральная теплота и потому нагрѣвается и электризуется въ низшихъ слояхъ, насыщаясь углекислотою, и въ такомъ преобразованномъ видѣ опять выходитъ на поверхность. Тутъ газъ освобождается, а известковое вещество образуетъ вездѣ осадки. Сначала эти осадки покрывали лишь стѣны пропасти, но впослѣдствіи, мало по малу, они закрыли ее совершенно. Часть города выстроена именно на этомъ фундаментѣ, и вотъ почему можно смѣло назвать Карлсбадъ городомъ стоящимъ на крышѣ пароваго котла. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ эта непрочная крыша наиболѣе угрожаетъ опасностью, напр. въ томъ мѣстѣ гдѣ течетъ безпрестанно ее подмывающая рѣка Тепла, принуждены были укрѣпить ее гранитными камнями и желѣзными болтами. Кромѣ того, чтобы источники не засорились и чтобы поддерживать правильное направленіе, ихъ буравятъ четыре раза въ годъ. При этихъ работахъ убѣдились, что въ котлѣ образовались изъ осадковъ нѣсколько отдѣльныхъ пещеръ, подъ которыми находится бездонная пропасть кипящей воды, идущая по направленію долины. По преданію, главный источникъ карлсбадскихъ водъ Шпрудель, открытъ въ половинѣ XIV вѣка совершенно случайно императоромъ Карломъ IV. Разсказываютъ, что во время охоты въ лѣсахъ покрывавшихъ тогда эту мѣстность, олень спасающійся отъ преслѣдованія, бросился переплывать рѣку; собаки погнались за нимъ и сильно обожглись. Тогда медики, бывшіе въ свитѣ императора, рѣшили, что источникъ долженъ имѣть цѣлебныя свойства и посовѣтовали Карлу, страдавшему отъ ранъ, испытать леченіе этою водою. Леченіе пошло такъ удачно, что императоръ построилъ тутъ замокъ, около котораго возникло впослѣдствіи поселеніе, которому и дано было въ честь Карла названіе Карлсбадъ.

Для насъ, русскихъ, Карлсбадъ представляетъ особенный историческій интересъ, связанный съ пребываніемъ Петра Великаго, который пользовался здѣшними водами съ 17-го сентября по 30-е октября 1711 года. Монархъ занимался здѣсь въ свободное время искусствами и ремеслами; работалъ въ мастерскихъ и между прочимъ собственноручно сковалъ подкову. Царь занималъ въ Карлсбадѣ очень скромный домикъ подъ вывѣскою „Краснаго орла“ и большую часть времени проводилъ въ сообществѣ съ великимъ ученымъ и глубокимъ мыслителемъ Лейбницемъ. До сихъ поръ въ помѣщеніи карлсбадскаго общества стрѣлковъ, хранится кружокъ пробитый пулею Петра, когда онъ на стрѣльбищѣ выигралъ призъ, впрочемъ очень скромный, такъ какъ онъ состоялъ изъ боченка вина.

Нынѣшній городъ раскинутъ въ трехъ долинахъ, и кромѣ того многочисленные дома и виллы разбросаны тамъ и сямъ среди зелени горъ, что придаетъ чрезвычайно живописный видъ общему ландшафту, особенно если смотрѣть на Карлсбадъ съ вершины Іосифовой горы, съ которой онъ снятъ на нашемъ рисункѣ (рис. 9). Городъ имѣетъ болѣе 10,000 жителей, которые большею частью живутъ содержаніемъ пріѣзжающихъ больныхъ; число же послѣднихъ достигаетъ ежегодно почти до 25,000. Всѣхъ горячихъ источниковъ въ Карлсбадѣ до четырнадцати, различной температуры, отъ 40—72° Ц., пользованіе которыми давно признано чрезвычайно полезнымъ во всѣхъ хроническихъ болѣзняхъ, основанныхъ на разслабленіи желудка и вообще тѣлеснаго организма. Главный источникъ Шпрудель находится на правомъ берегу Теплы, почти въ срединѣ города. Вода его чиста, безцвѣтна и на вкусъ слегка отзывается бульономъ. Одинъ изъ рукавовъ источника накрытъ длинной колоннадой, сооруженной изъ стекла и желѣза (рисунокъ 1). Видъ самаго водоема тоже представленъ на нашемъ рисункѣ, когда онъ въ утреннее время осаждается сотнями людей, жаждущихъ отъ него исцѣленія. Вода источника обладаетъ свойствомъ окаменѣвать предметы, которые туда попадаютъ, на рис. 3 виденъ олень, окаменѣвшій въ источникѣ и поставленный на горѣ, какъ изваяніе. Кромѣ Шпруделя, особенной популярностью пользуется еще источникъ Мюльбрунненъ, который также накрытъ роскошной гранитной колоннадой (рис. 2). Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ источниковъ: Бернгардсбрунненъ, Нейбрунненъ, Терезіенбрунненъ, Елизабет-

квелле и Фельзенквелле. Въ военномъ кургаузѣ бьетъ такъ называемый королевскій источникъ; на рынкѣ—Марктбруннень, а выше, на Замковой площади—Шлоесбруннень (рис. 5), который тоже усердно посѣщается больными. Въ кургаузѣ (рис. 7), выстроенномъ въ изящномъ стилѣ, находится до 80 отдѣльныхъ ваннъ и, кромѣ того, обширныя помѣщенія для празднествъ и общественныхъ собраній. Рисунокъ 8-й знакомитъ насъ съ одними изъ тѣхъ замысловатыхъ вѣсовъ, которые устроены для пріѣзжающихъ въ Карлебадъ при въѣздѣ въ городъ, чтобы потомъ имѣть возможность убѣдиться насколько у каждаго больнаго ожирѣніе уступило леченію водъ. Швейцарская булочная подъ вывѣскою „Маншель" представлена нами на рис. 10. Эта булочная помѣщается на старинномъ лугу, считающемся однимъ изъ главныхъ гульбищъ Карлебада. Здѣсь каждое утро собирается масса пріѣзжихъ, чтобы запастись печеньемъ, завернутымъ въ красивые розовые пакетики, и потомъ уединиться въ какой нибудь садикъ и пить тамъ кофе. Въ увеселеніяхъ и удовольствіяхъ въ Карлсбадѣ нѣтъ недостатка; здѣсь есть театръ, концертный залъ, превосходный городской паркъ съ изящнымъ ресторанъ (рис. 6) и, кромѣ того, живописныя окрестности, гдѣ мѣстная богатая природа является во всемъ своемъ блескѣ и прелести. Особенно посѣщается любителями прогулокъ дикая, но красивая мѣстность, извѣстная подъ именемъ „Оленьяго прыжка" (Гиршшпрунгъ, рис. 3). Это голый утесъ, съ котораго открывается великолѣпная панорама всей окружающей мѣстности. Особенно усердно Гиршшпрунгъ посѣщается русскими, такъ какъ на этотъ крутой и высокій утесъ, Петръ Великій, во время своего пребыванія въ Карлсбадѣ, въѣхалъ на деревенской лошади, безъ сѣдла, взятой прямо отъ сохи, и написалъ на стоявшемъ тамъ крестѣ „M. S. P. I." (т е. manu sua Petrus Imperator). Въ 1835 году, здѣсь былъ воздвигнутъ памятникъ На черной мраморной доскѣ начертана золотыми буквами надпись Петра „M. S. P. I." и затѣмъ идутъ имена всѣхъ Августѣйшихъ особъ нашей Императорской фамиліи, когда либо посѣтившихъ Карлебадъ.

У окна.

(Рис. на стр. 545).

Задумчиво и мечтательно смотритъ молодая дѣвушка въ окно замка, изъ котораго открывается великолѣпный, широкій видъ. Дѣвушка замечталась. Ждетъ ли она кого, глядя на вьющуюся вдали чуть видной змѣйкой около рощи дорогу, носятся ли передъ ней образы прошлаго, или счастливаго будущаго? Художникъ прекрасно выразилъ это молодое мечтательное настроеніе.

Сиротка.

(Рис. на стр. 548).

Простая, съ глубокимъ чувствомъ задуманная, прекрасная картинка нашего талантливаго жанриста, показываетъ, что вовсе не нужно крови, ужасовъ, раздирательныхъ сценъ, чтобы произвести глубокое, трогательное впечатлѣніе, и что это прибѣганіе къ кровавымъ эффектамъ какъ бы показываетъ что художникъ или не имѣетъ, или не надѣется на свои силы, найти впечатлѣніе въ простомъ и обыденномъ, что гораздо труднѣе. Напримѣръ, посмотрите эту маленькую человѣческую драму. Бѣдная крошка, какъ птичка осталась одна сироткой въ своемъ родимомъ гнѣздѣ—нѣтъ ея мамы! Она глубоко чувствуетъ это и въ дѣтскомъ отчаяніи стала въ уголокъ. Личика ея даже не видно, а между тѣмъ какъ трогательно, безпомощно, съ какимъ чувствомъ выражена самая поза бѣдняжки. Видны въ дверяхъ молящіеся, бѣдный гробъ очевидно выносятъ... Вотъ истинное, неподдѣльное искусство! Не нужно для него размазывать кровь по лицамъ и показывать какъ можно болѣе ужасныя, зіяющія раны...

Урокъ пѣнія.

(Рис. на стр. 549).

Пѣніе въ германскихъ школахъ давно уже занимаетъ весьма существенное мѣсто въ преподаваніи. Это нравится дѣтямъ, развиваетъ вкусъ къ музыкѣ, слухъ и вниманіе и служитъ для маленькихъ учащихся пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени. И въ нашихъ во многихъ школахъ принято правильное обученіе пѣнію, согласно съ традиціонными понятіями и симпатіями народными—пѣнію преимущественно духовному. Ничто не можетъ быть лучше и соотвѣтственнѣе для богослуженія какъ голоса человѣческіе. И отцы, молясь въ храмѣ, имѣютъ утѣшеніе слышать голоса своихъ дѣтей въ стройныхъ хорахъ.

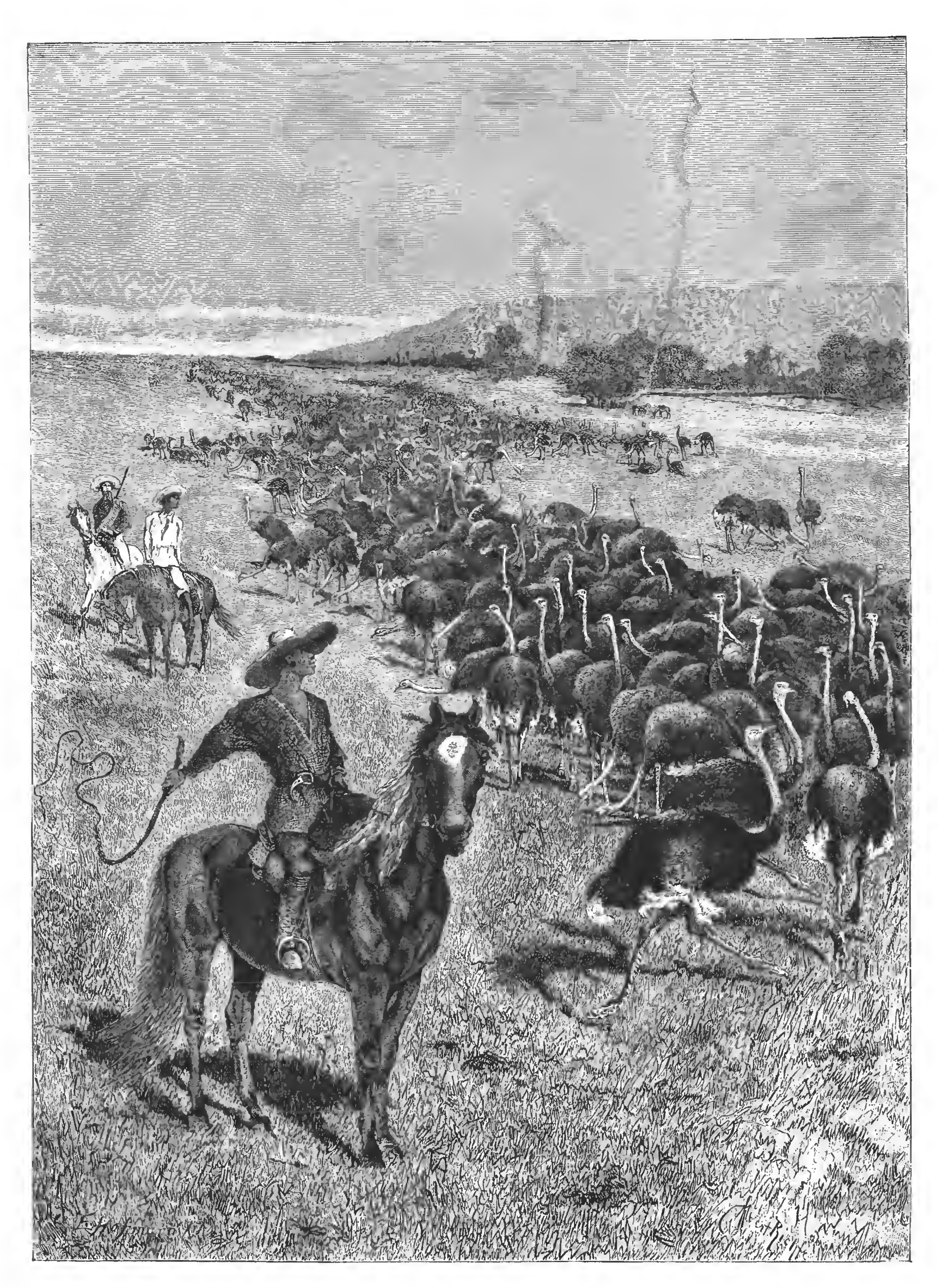
Прелестная картинка Гросмана представляетъ почтеннаго старичка-учителя, дирижирующаго хоромъ малютокъ, своихъ учениковъ. Чрезвычайно мило и изящно изображена эта группа миловидно-наивныхъ дѣтскихъ личикъ, при пѣніи имѣющихъ сообразное каждому изъ характеровъ дѣтей выраженіе. Какъ старается эта усердная крошка съ краю, глядя на учителя! Нахмурившись, подтягиваетъ шалунъ-мальчуганъ, котораго оторвали отъ его игры. Далѣе дѣвочка поетъ спокойно, внимательно и серьезно, а за ними выглядываетъ свѣжее личико дѣвочки уже постарше, съ веселою и милою улыбкою.

Парка Клото. Рис. Дилица, грав. Генкель.

Парка Клото.

(Рис. на этой стр.).

Древніе очень поэтично представляли каждую человѣческую жизнь отдѣльною нитью, при которой приставлены три особенныя богини—Парки. Каждая изъ этихъ Паркъ имѣла особую работу: Клото (изображенная на нашемъ рисункѣ), присутствуя при рожденіи дитяти, держала веретено; Лахезія пряла жизненную нить, а безжалостная старшая сестра Атропа перерѣзывала ее въ моментъ, указанный рокомъ. Парки, по представленію древнихъ—были божества страшныя и суровыя, родитель-



Стадо страусовъ. Рис. Рихтеръ, грав. Гофманъ.

ницей их состояло божество мрачной Ночи. Сам Зевес был подчинен Паркам, которых могущество было безгранично. Оне воплощали в себе судьбу и в образе суровых, неподвижных фигур стояли у трона Зевеса. Философы видели в этом мифе высоко-нравственную идею; народ же, напротив, придавал им реальную форму злых духов и в своем суеверии приписывал им ту же роль, какую играли в средние века злыя колдуньи. Изображения Парк художниками древней Греции дошли до нас в обломках Парфенона, сохраняемых теперь в Британском музее. На одном из этих фрагментов изображена группа трех прелестных женщин, из которых одна с веретеном. По тонкости драпировки фигур, по общему мнению знатоков, это одно из лучших произведений античной греческой скульптуры. Из новейших изображений мифа о Парках, наибольшей известностью пользуется знаменитая картина Микель-Анджело, находящаяся во дворце Питти во Флоренции. Гениальный художник представил трех Парк в виде трех старых женщин, из которых одна держит веретено, другая сучит нить, а третья уже готовится ее обрезать. В этом случае Микель-Анджело не следовал традициям древних, которые представляли страшных богинь юными и прелестными, как Грации. Он предпочел придать им жесткую суровость, и эти страшныя и мрачныя лица действительно производят на зрителя глубокое и сильное впечатление. На нашем рисунке художник держался в изображении традиций древних.

Разведение страусов в Капланде.

(Рис. на стр. 553).

Красивыя страусовыя перья с незапамятных времен составляли любимое украшение. Благодаря постоянно усиливающемуся спросу на них и трудной, не прибыльной охоте за пугливой птицей пустыни, цена на перья достигла высокой цены. Жители пустыни отыскивают страусовыя яйца и употребляют их в пищу, почему число птиц значительно уменьшилось, так что стали опасаться полнаго их исчезновения. Однако давно уже известно, что страус, пойманный маленьким, легко приручается; в Нубии его держат в числе домашних птиц; в виду этого, сорок лет тому назад, в Алжире, Испании, Франции, Италии, а также в Египте пытались искусственно выводить страусов в зоологических садах, и попытки эти были удачны. В 1857 году, англичанин Киннеар, в Капской колонии, задумал предпринять искусственное разведение страусов в больших размерах. С этой целью он приобрел несколько молодых птиц; попытка его была так удачна, что спустя несколько лет, у него было уже целое стадо, более чем в сто штук, дававших превосходныя перья. Из опыта оказалось, что ручные страусы дают более мягкия и красивыя перья, чем дикия птицы, и продаются в Африке от 500 до 600 рублей за килограмм (1 килогр. = $2^1/_2$ фунт.). Так как перья могут обрезаться каждые 8 — 9 месяцев, то разведение страусов оказывается очень прибыльным. Страусы требуют возможно большаго места для свободнаго движения, возможно больших пастбищ, засеянных люцерною, и в изобилии воды для питья. Поэтому Киннеар обносил проволочную изгородью место с таким расчетом, чтобы на каждаго взрослаго страуса приходилось около четверти десятины поля. Во время кладки яиц, страусам отводится меньше места. Яйца оставляются у птиц, или же вынимаются для искусственнаго выведения. В последнем случае птенцы требуют большаго ухода. Вообще-же молодыя птицы держатся особо от старых стад, но вскоре привыкают к людям, которые пасут их сидя верхами на лошадях, как показано на рисунке. Не смотря на удачу Киннеара, пример его имел так мало последователей, что в 1865 году в Капской колонии, кроме его стад, было только 80 ручных страусов. Но впоследствии разведение страусов сильно увеличилось и в 1875 году их поступило в продажу 28,000 штук; в настоящее время число их возрасло до 70,000 80,000 штук. За полугодоваго страуса платят 150 руб., а за пару взрослых птиц от 1,000 до 3,000 рублей. В Египте и в южно-американских пампасах приступлено также к разведению страусов.

Новый проэкт кладбищ.

(Рис. на стр. 556).

Погребение мертвых составляет для больших городов вопрос необыкновенной важности и разрешение его сопряжено с постоянно возрастающими трудностями, так как приходится принимать во внимание целый ряд нравственных, религиозных, санитарных, общественных, физических и финансовых условий. Теоретически вопрос этот уже разрешен; сожигание трупов соответствует и материальным, и гигиеническим условиям, но, к сожалению, натыкается на религиозные предразсудки, и вероятно пройдут еще десятки лет, пока оно будет введено повсеместно. Между тем необходимо придумать какой либо новый способ погребения мертвых, который представлял бы по возможности наименее опасности в гигиеническом отношении. Разрешением этого вопроса занялся венский художник Иосиф Гофман и пояснял недавно свой проэкт в венском художественном клубе, куда представил и рисунки проэкта. Мысль Гофмана безспорно своеобразна. Он предполагает хоронить мертвых не под землею, а напротив, в выстроенном на земле высоком мавзолее и класть покойников рядом, один над другим. По его плану каждый покойник лежит в каменной келье, которая с наружной стороны герметически закрывается и запаивается. Кельи эти в два ряда, соприкасаются внутри узкою стороною гробов. Десять келий одна над другою, образуют отделения с широкими ходами посредине и группируются в продолговатые четыреугольники. На нижнем этаже возводится второй этаж, меньших размеров; этажи кверху все суживаются таким образом, что все здание принимает вид пирамиды. На верхней площадке возведено архитектурное украшение. Каждый этаж оканчивается на наружной стороне узкою террасою и галлереей. Гигантския лестницы служат для сообщения этажей. Углы всех этажей украшены часовнями и башенками, в которых могут погребаться знаменитые люди. Весь мавзолей освещается электричеством или газом.

На основании опытов, произведенных в надземных кладбищах итальянских и испанских городов, оказывается, что процесс разложения в келиях Гофмана совершается почти незаметно. Полированныя глиняныя пластинки пола келий не пропускают гнойной материи, так что нечего бояться пропитывания стен ядовитыми веществами. При этом каждая келия обойдется так недорого, что даже беднейшие люди будут в состоянии иметь свою собственную могилу.

Гигантский олень.

(Рис. на стр. 557).

В палеонтологическом музее естественной истории в Париже находятся два скелета большаго ирландскаго оленя (Cervus megaceros). Скелеты эти принадлежат вполне развитым животным, которые величиною превосходили всех существующих ныне оленей. Самое замечательное в скелете самца—его громадные рога, имеющие в ширину около 4 метров. Вверху рога расширяются в громадныя весла, из краев которых выходят острые отростки, служившие по всей вероятности для защиты. Скелеты, находящиеся в музее, извлечены в Ирландии из-под торфа. Вследствие долгаго пребывания в болотистой почве кости приняли коричневатый оттенок. Предполагают, что существование гигантскаго оленя ограничивалось одним четвертичным периодом, в слоях котораго он только и находится. Взгляд на рога оленя показывает, что он мог жить только на открытых болотистых местах, с небольшою растительностию, иначе он не мог бы двигаться свободно. Судя по форме морды и вышине задних ног относительно передних, олень этот очень близко напоминал нынешних оленей. Самка очень редко попадается и долгое время была неизвестна. Кювье, видевший только головы с рогами, заключил, что оба пола имеют это украшение, подобно тому как это существует у северных оленей. Megaceros одно из позвоночных ископаемых животных, описанных уже давно. Голова его была изображена в 1697 году Томасом Молинэ, который нашел три экземпляра в Дардистоуне, в графстве Мэть, в Ирландии, и который уверял, что, на сколько ему известно, их найдено около тридцати в двадцать лет.

Причина исчезновения гигантских оленей неизвестна. Очень возможно, что дальнейшему развитию препятствовал их громадный рост, в особенности на таком ограниченном пространстве как Ирландия; но они также не сохранились и на материке. Или быть может эпоха довершила их исчезновение, или же это таинственный закон природы, по которому все типы, достигшие высшаго совершенства, погибают безвозвратно. Как бы ни было, но Megaceros был красивейшим оленем, благодаря величественным рогам, украшавшим его голову.

Политическое обозрение.

Англия.—Германия.—Франция.—Турция.—Испания.

Останется ли кабинет Гладстона, или придется распустить парламент и произвести новые выборы. Неутверждение бюджета и недоразумение по вопросу о возвышении акциза, разумеется, не могло бы стать острым вопросом, еслибы сам Гладстон не сделал его вопросом кабинетным. В его угрожающем тоне заметно только одно, что стоя среди тяжелых усложнений, которыми обставилась британская политика последняго времени, и которую сознавал Гладстон не менее Ферри, во время франко-китайскаго конфликта, ему ничего не оставалось более, как прибегнуть к парламентскому coup d'état. С другой стороны, нет сомнений, что и консервативная партия уже имела достаточную силу, чтобы выставить оппозицию такому представителю

правительства, которому еще такъ недавно парламентъ вотировалъ безъ голосованія расходъ на экстра-ординарныя государственныя надобности. Засѣданіе отложено на время, тѣмъ временемъ кабинетъ Гладстона представилъ королевѣ о своемъ увольненіи. Вопросъ теперь сводится къ тому, что приготовились ли консерваторы къ принятію власти въ столь трудное и запутанное время для страны? Предводители консервативной партіи уже приготовились принять на себя управленіе, и въ составѣ новаго кабинета обозначаютъ лорда Салисбери министромъ иностранныхъ дѣлъ, и членами кабинета лорда Рондольфа Черчилля и сэра Стаффорда Царскота. Какъ бы то ни было, но по отношенію къ русскимъ интересамъ и продолжающимся переговорамъ по афганскому вопросу, министерская перемѣна въ Англіи не можетъ имѣть большаго значенія, такъ какъ и принявшіе въ свои руки власть тори не будутъ имѣть возможности сдѣлать сомнительнымъ сохраненіе европейскаго мира. При этомъ, во всей этой министерской катастрофѣ является достойное вниманія qui pro quo: у ирландскихъ депутатовъ и у англійскихъ радикаловъ передъ этимъ вдругъ неожиданно явился союзникъ, въ лицѣ Черчилля. Давая тонъ консервативной оппозиціи въ нижней палатѣ, этотъ самый Черчилль, который не брезгаетъ никакимъ средствомъ, чтобы повредить министерству Гладстона, вдругъ неожиданно заявляетъ, что по его мнѣнію Ирландія уже настолько успокоилась, что не нуждается болѣе въ исключительныхъ мѣрахъ, для поддержанія порядка. Маневръ для Гладстона былъ слишкомъ очевиденъ, такъ что ему по необходимости пришлось утвержденіе бюджета поставить кабинетнымъ вопросомъ.

О степени участія Германіи въ англо-русскихъ переговорахъ объ афганской границѣ до настоящаго времени въ достаточной степени не выяснено. О характерѣ и результатахъ свиданій, происходившихъ въ Берлинѣ, между княземъ Бисмаркомъ и лордомъ Росберри, берлинскій корреспондентъ газеты „Standart“ между прочимъ передаетъ, что будто бы князю Бисмарку были очень непріятны обвиненія его въ антипатіи къ англичанамъ, и въ томъ, что будто бы онъ радъ былъ ихъ затрудненіямъ. Корреспондентъ передаетъ, что князь Бисмаркъ далекъ отъ мелочной политики, а руководствуется только практическими соображеніями, и не питаетъ ни къ какой націи коренной враждебности. Въ подтвержденіе этого, германскій канцлеръ, по словамъ того же корреспондента, будто бы высказалъ лорду Росберри, что хотя Россія очень сильно нападала на Германію, но онъ ни минуты не колебался протянуть ей руку, лишь только она обнаружила расположеніе встрѣтить его на полъ-пути. Не придавая большаго значенія словамъ берлинскаго корреспондента упомянутой газеты, не слѣдуетъ однако забывать, что нездоровье маститаго императора Германіи было встрѣчено съ такимъ же опасеніемъ у насъ, какъ и въ Берлинѣ. За послѣдніе дни однако въ состояніи здоровья императора Вильгельма послѣдовало замѣтное улучшеніе. Въ прошлую субботу императоръ совершилъ прогулку въ экипажѣ, въ сопровожденіи своей дочери, герцогини Баденской. Передъ дворцомъ и „Подъ Липами“ собралась многочисленная публика, которая привѣтствовала государя восторженными виватами.

Въ парламентской жизни республиканской Франціи появляется иной разъ явленіе достойное осужденія и сожалѣнія. Министерство Ферри свергнуто,— отчаянные и правой и лѣвой сторонъ восторжествовали. Казалось бы и дѣлу конецъ, но этимъ дѣло не кончилось. Тѣже крайніе задумали бывшее министерство предать суду. Изъ за чего, за что? спроситъ каждый, - подобное предложеніе возможно только во Франціи и не удивительно поэтому, что республиканскій парламентъ дѣлаетъ страну посмѣшищемъ Европы. Если бы тонкинская экспедиція была преступленіемъ, то первою мѣрою новаго министерства должно было бы быть очищеніе Тонкина, подобно тому какъ англичане оставили Суданъ; но было бы это патріотично и политично, когда Франція, послѣ заключеннаго теперь почетнаго мира съ Китаемъ, пріобрѣла богатую провинцію? Большинство палаты отвергло дикое предложеніе крайнихъ о преданіи кабинета Ферри суду, но недоставало только этого...

За послѣднюю недѣлю получается не мало свѣдѣній объ особой дипломатической дѣятельности въ Константинополѣ. Положимъ о послѣдовательности въ политикѣ восточныхъ народовъ не можетъ быть и рѣчи, но Турція въ этомъ отношеніи поставлена въ исключительное положеніе и всецѣло отражаетъ на себѣ всевозможныя дипломатическія комликаціи Европы. „Presse“, „Daily News“ и другія европейскія газеты упоминаютъ объ искательствахъ со стороны Порты союзовъ: то Франціи, то Германіи, то Россіи. Во Франціи Порта желаетъ найти поддержку противъ Италіи, на случай занятія итальянскими войсками Триполи; содѣйствіемъ Россіи Порта желаетъ будто бы заручиться на случай какихъ то серьезныхъ событій, готовящихся въ недалекомъ будущемъ. Переводя эти сенсаціонныя извѣстія на обще-доступный языкъ, получится, что Порта желаетъ востановить свои исторически-законныя отношенія къ Египту, столь безцеремонно покоренному англичанами послѣ безжалостнаго разграбленія Александріи. Въ одинаковой степени Порта хочетъ занять подобающее ей мѣсто въ охраненіи нейтрализаціи Суэзскаго канала и Дарданеллъ. Очевидно, что всѣ подобнаго рода пожеланія Турціи не идутъ въ разрѣзъ съ интересами Россіи и быть можетъ нынѣшнія наши отношенія къ Портѣ примутъ такой же дружественный характеръ, какой они приняли послѣ войны 1828 и 1829 годовъ.

Съ наступленіемъ лѣта холера снова начинаетъ странствовать по Европѣ. Уже получено извѣстіе о появленіи эпидеміи въ Валенціи и ея окрестностяхъ, а послѣдняя телеграмма говоритъ о появленіи ея и въ самомъ Мадритѣ. Иностранныя газеты утверждаютъ, что испанскій министръ внутреннихъ дѣлъ одобрилъ прививаніе холернаго яда и сверхъ того предписалъ, чтобы не благополучныя по холерѣ мѣстности оцѣплялись санитарнымъ кордономъ, а лица, прибывающія изъ этой мѣстности, подвергались дезинфекціи посредствомъ окуриванія. Само собою разумѣется, что и прочимъ иностраннымъ державамъ не мѣшаетъ приступить къ нѣкоторымъ предосторожностямъ.

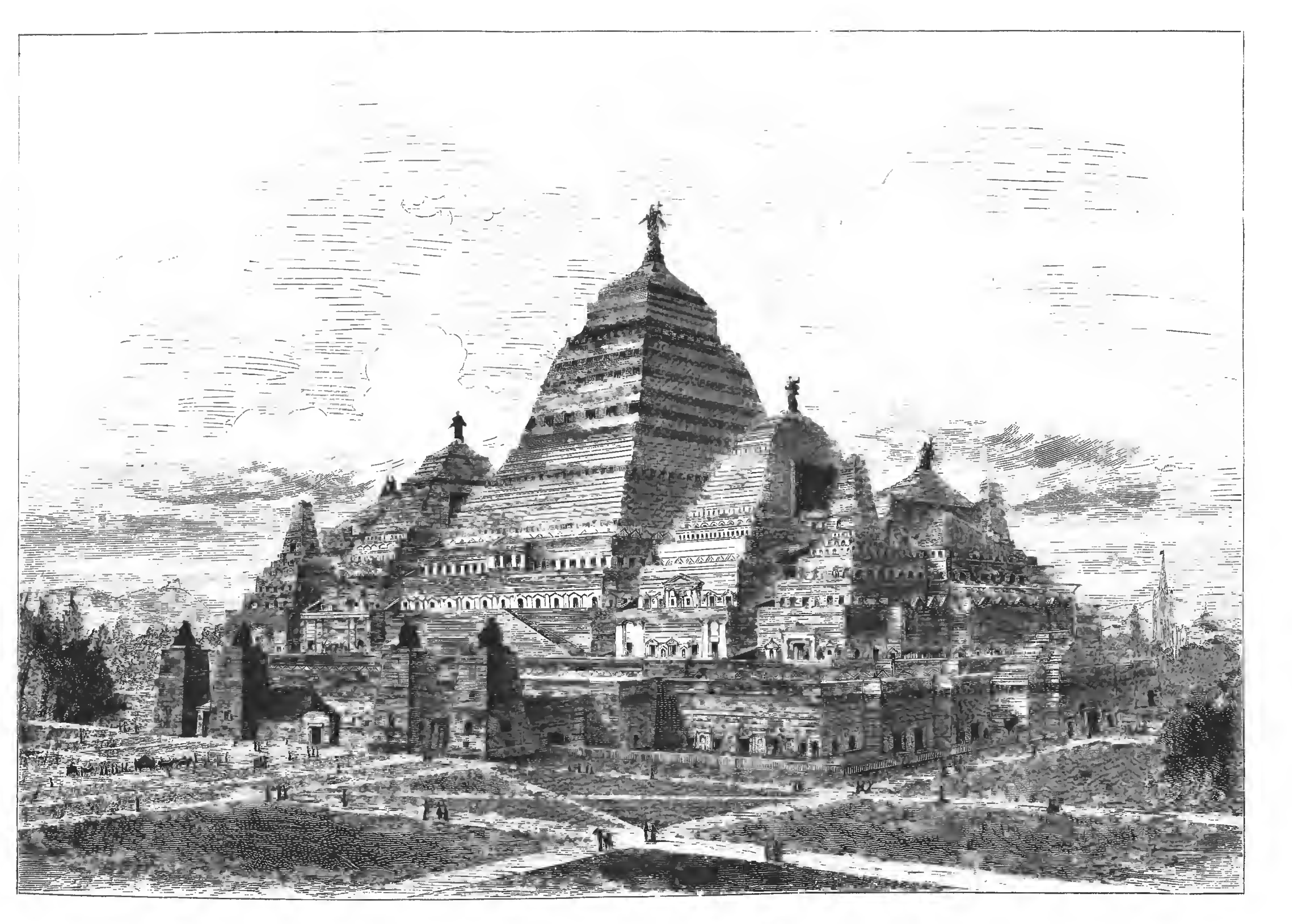
Смѣсь.

Рыбы-чудовища. Капитанъ ольденбургскаго судна „Палласъ“, Штеге, сообщаетъ, что когда судно его находилось близъ Писко, недалеко отъ Перуанскаго залива, онъ замѣтилъ на морѣ нѣсколько черныхъ предметовъ, возлѣ которыхъ, въ различныхъ мѣстахъ, вода поднималась въ видѣ фонтана на небольшую высоту. Когда же судно, идя подъ парусами со скоростью 8 узловъ въ часъ, приблизилось къ этимъ предметамъ, то эти тѣла съ необыкновенною быстротою подплыли прямо къ судну, и черезъ минуту оно было окружено почти дюжиною огромныхъ чудовищъ. Одно изъ нихъ прямо поплыло на корабль, но, наткнувшись на него, пошло ко дну; другое же подплыло къ кораблю настолько, что сдѣланный по немъ выстрѣлъ изъ револьвера сильно ранилъ его и вода на большое пространство окрасилась кровью. Оказалось, что чудовища эти были громадныхъ размѣровъ рыбы. Убитая рыба была измѣрена и оказалось, что она имѣла въ длину около 40 футовъ. Голова у нея большая, круглая и на спинѣ плавника нѣтъ. Эти ужасныя чудовища-рыбы скорѣе походили на акулъ. Въ Коллао капитанъ Штеге узналъ отъ мѣстныхъ рыбаковъ и жителей, что эти рыбы извѣстны у нихъ подъ названіемъ „Tintoreros“, и что ихъ очень опасаются. Такое-же точно сообщеніе передаетъ капитанъ одного гамбургскаго парохода.

Пьяный пароходъ. Пароходъ „Вермуда“, нагруженный сахаромъ, лимоннымъ сокомъ и ямайскимъ ромомъ, шелъ по направленію къ Нью Іорку. Экипажъ долго удерживался отъ соблазна; но наконецъ человѣческая слабость взяла верхъ и боченки съ ромомъ были початы. Напившись, весь корабельный штатъ,—и матросы, и юнги зашатались; зашатался и самъ пароходъ со своимъ грузомъ. Боченки съ лимоннымъ сокомъ покатились, разбиваясь другъ о друга. Сахаръ расплывался въ ромѣ, наполнившемъ всю нижнюю часть корабля. Въ скоромъ времени весь экипажъ валялся мертвецки пьяный. Пароходъ, никѣмъ не управляемый, носился тоже какъ пьяный по океану, бросаемый изъ стороны въ сторону и наконецъ тоже покачнулся на бокъ. Въ такомъ положеніи увидалъ его проходившій мимо пароходъ и на буксирѣ доставилъ въ нью-іоркскую гавань.

Изъ статистическаго отчета о пожарахъ, бывшихъ въ Нью Іоркѣ въ 1884 году, видно, что всѣхъ пожаровъ въ означенномъ году было 9,728. Наибольшее число пожаровъ было въ январѣ, наименьшее — въ августѣ. Чаще всего пожары происходили по субботамъ, рѣже всего по четвергамъ. Сумма убытковъ, причиненныхъ пожарами, опредѣлена въ 3,474,547 долларовъ (около 7 мил. руб.).

Докторъ Бирдслей сдѣлалъ интересное сообщеніе по вопросу о томъ, сопряжена ли смерть съ болью или страданіемъ. Страхъ смерти, говоритъ онъ, есть въ сущности одно изъ самыхъ обыкновенныхъ чувствъ человѣческой природы, тѣмъ болѣе, что между людьми распространено мнѣніе, что смерть сопровождается болью. По словамъ Бирдслея, смерть, въ большинствѣ случаевъ, если не во всѣхъ, есть процессъ произбанія, и если бы люди знали, какъ она мало мучительна, то они бы ее ждали если не съ радостью, то пожалуй съ любопытствомъ. Общее благосостояніе индивидуума нарушается только тогда, когда углекислота, образовавшаяся отъ разложенія крови, перестаетъ циркулировать и распадается на составныя атомическія части. Вслѣдствіе этого растраивается нервная система и наступаетъ смерть. Въ то же время, когда происходитъ растройство нервной системы, тѣло должно ощущать пріятное чувство, что доказывается засыпаніемъ или наркотическимъ опьяненіемъ. Затѣмъ, если еще принять во вниманіе галлюцинаціи, сопровождающія въ большинствѣ случаевъ предсмертныя минуты умирающаго, то послѣдній не долженъ испытывать никакой боли. Углекислота крови обращается въ медленно дѣйствующій ядъ, и въ то время, какъ нервная система прекращаетъ свое дѣйствіе, боль не можетъ имѣть мѣста. Люди, бывшіе при смерти или же въ состояніи летаргическаго сна, свидѣтельствуютъ, что смерть вообще не заключаетъ въ себѣ ощущенія боли; особенно же ясно объ этомъ говорятъ люди, имѣвшіе намѣреніе повѣситься и снятые съ петли, утопавшіе, замерзавшіе и другіе. И такъ, можно сказать, что разставаніе съ жизнью бываетъ у людей столь же мало мучительно, какъ и вступленіе въ нее.



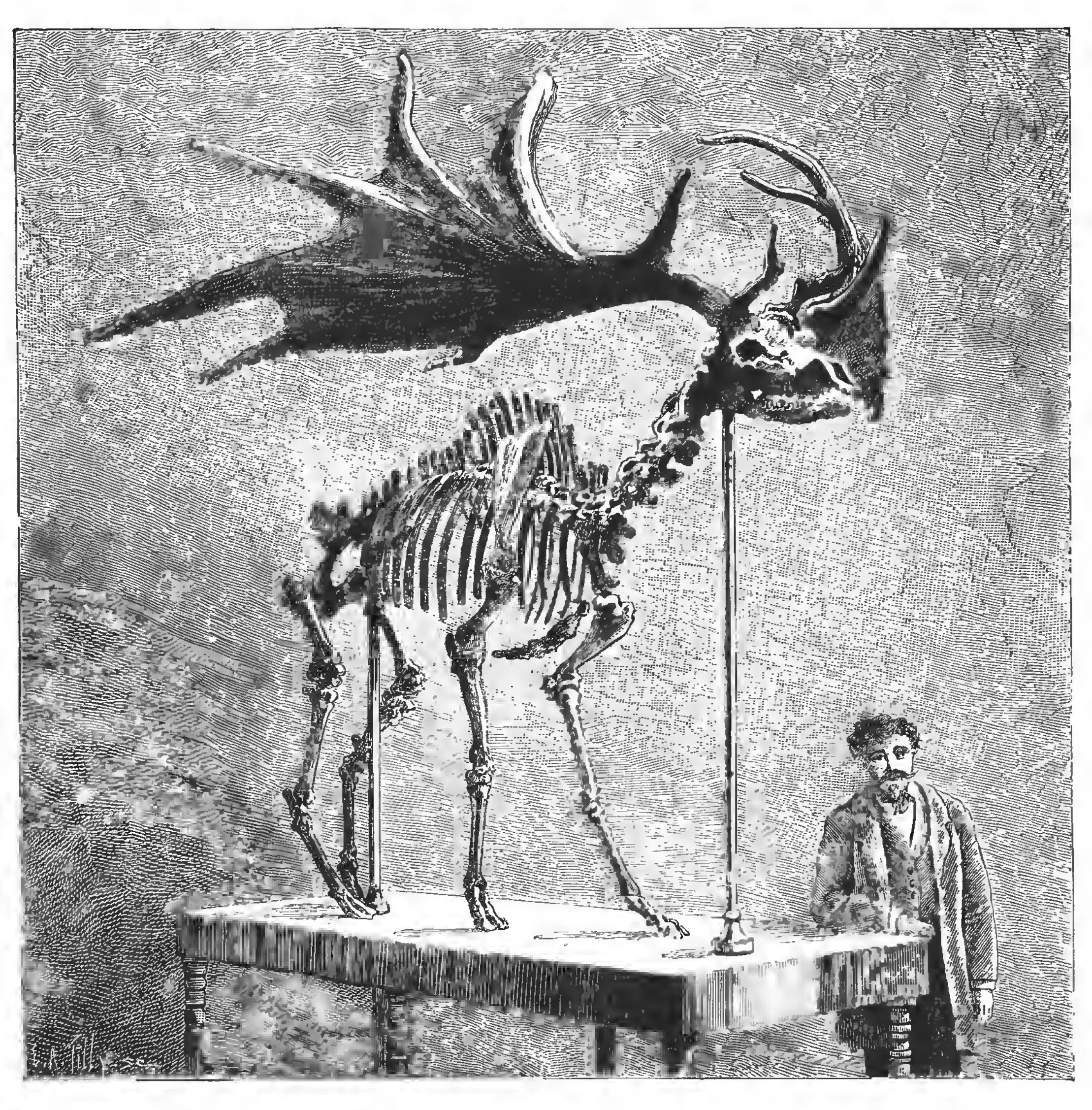
Проэктъ новыхъ кладбищъ въ видѣ пирамидъ. Проэктъ и рисунокъ Гофмана, грав. М. Рашевскій.

Воздушное путешествіе. Аэронавтъ Вольфъ, въ Берлинѣ, устроилъ недавно особаго рода воздушный шаръ, которымъ возможно управлять, смотря по надобности, въ какую угодно сторону. Первое путешествіе онъ намѣренъ былъ совершить на своемъ шарѣ въ праздникъ Троицы. Винтъ этого шара, имѣющій въ разрѣзѣ до 4 метровъ, расположенъ на самой оконечности шара, послѣдній же имѣетъ коническую форму 25 метровъ длины. Винтъ приводится въ вращательное движеніе посредствомъ паровой машины и дѣлаетъ до 100 оборотовъ въ минуту; при помощи же особаго рода каната достигается и поворотъ шара въ желаемую сторону. Сѣть соединена цѣлою системою поддерживательныхъ поясовъ на которыхъ и держится гондола; на послѣдней помѣщенъ паровой котелъ и, кромѣ того, она можетъ удержать еще двухъ человѣкъ. Вольфъ основалъ въ Берлинѣ международный клубъ воздухоплавателей, цѣль котораго — содѣйствовать и покровительствовать аэронавтикѣ.

Народные банки въ Италіи. Въ 1870 году ихъ было 50, въ концѣ же 1883 года число ихъ дошло до 250, причемъ на южныя провинціи ихъ приходилось 80. Капиталъ банковъ равнялся въ 1870 году 15 милліонамъ, въ настоящее же время доходитъ до 63 милліоновъ, причемъ частные вклады съ 32 милліоновъ увеличились до 261½ милліоновъ. Въ основаніи этихъ банковъ, предназначенныхъ для взаимной помощи, не принимаютъ участія ни купцы, ни интеллигенція, ни помѣщики. Акціи этихъ банковъ ходятъ на биржѣ отъ 5 до 250 лиръ и дѣла устроены такъ, что ихъ можно пріобрѣтать взносами по частямъ.

Наводненіе въ Алжирѣ. Многія мѣстности и селенія Алжира потерпѣли значительные убытки отъ бывшаго тамъ недавно наводненія. Во многихъ мѣстахъ уничтожены посѣвы, размыты дома, улицы и снесены мосты. Жители названныхъ мѣстъ находятся въ весьма затруднительномъ положеніи.

Ростъ фамиліи Бисмаркъ. На дверныхъ рамахъ кабинета князя Бисмарка въ Фридрихсруэ сдѣланы собственноручно канцлеромъ помѣтки о высотѣ роста членовъ своего семейства. Эта шкала даетъ слѣдующія цифры: во-первыхъ, сверху помѣченъ 1880 годъ, день Св. Сильверста, вечеръ. Князь Бисмаркъ—1 метръ 88 сантиметровъ, Гербертъ—1 метръ 86 сантиметровъ, Биль (графъ Вильгельмъ)—1 метръ 83 сантиметра, графъ Ранцау—1 метръ 78 сантиметровъ, княжна Іоганна—1 метръ 714 миллиметровъ (при чемъ внизу помѣтка „совсѣмъ вѣрно"), Марія, графиня Ранцау—1 метръ 716 миллиметровъ.



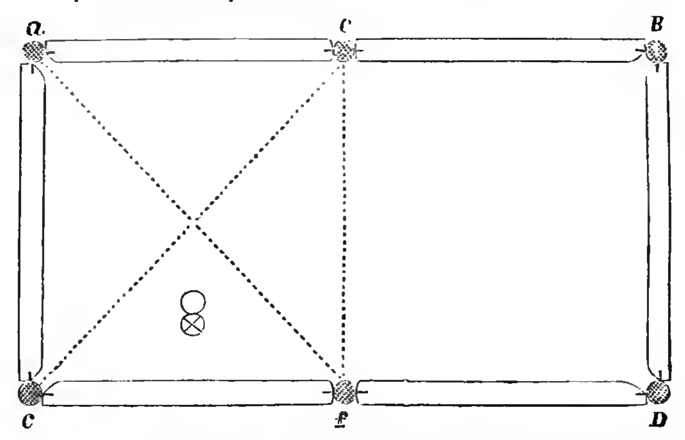
Гигантскій допотопный олень. Рис. Баре, грав. Тилли.

Бильярдная задача № 1.

Въ одинъ ударъ.

Требуется положить шаръ съ двумя черточками (игральный) послѣдовательно въ лузу А, Е, В, т. е. всякій разъ опредѣлить точку прицѣла на линіи АВ.

Шары тщательно уставить, какъ показано на чертежѣ.



Предлагаемыя бильярдныя задачи представляютъ совершенную новость въ области игръ. Составитель ихъ, А. Н. Леманъ, авторъ книги „Теорія бильярдной игры“. Бильярдная задача не фокусъ и не фортель. Она представляетъ такую комбинацію шаровъ, при которой требуемый результатъ можетъ быть достигнутъ не посредствомъ искусства и ловкости игрока, но только внимательнымъ, теоретическимъ обсужденіемъ задачи, причемъ практика отходитъ совершенно на задній планъ. Лучше всего это доказывается тѣмъ, что опытные маркеры безсильны въ рѣшеніи задачъ.

Такимъ образомъ задачу можетъ рѣшить всякій развитой человѣкъ. Это обстоятельство побудило насъ предложить нѣсколько такихъ задачъ своимъ читателямъ. Рѣшенія будутъ помѣщаться своевременно.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена **съ № 27**, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нивы“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, обязательно присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками (новаго образца) на типографскіе расходы.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ПОЛУ-СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ..

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:	ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:
2. Серебряная медаль . . . . . 1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль . . 1876 г.
3. Серебряная медаль . . . . . 1860 „	2. Филадел. выстав. медаль . . 1876 „
4. Похвальный отзывъ . . . . . 1864 „	3. Париж. выст. поч. отз. . . . 1878 „
5. Серебряная медаль . . . . . 1865 „	4. Амстердам. выст. медаль . . 1883 „
6. Серебряная медаль . . . . . 1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл. 1883 „
7. Медаль . . . . 1870 „	ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:
8. Золотая медаль . . . . 1872 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.
9. Высочайшая благодарность 1875 „	2. Съ 1872 г. по 1882 г..
10. Золотая медаль . . . . . . 1882 „	

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“
приготовлено изъ чистаго русскаго виноградпаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

1) ПОЛУ-СУХОЕ (Demi sec. «England» a la Cliquot)
2) ОЧЕНЬ СУХОЕ (Extra sec. à la Pommery)
3) РОЗОВОЕ ГУСТОЕ (Oeil de Perdrix a la Roederer).
4) РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ (à la Cliquot).

} по 2 р. за бут.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB. — ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ.

ОЧЕНЬ СУХОЕ.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу 1/8% коммиссіи. т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе 15 рублей и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка. всякій выигрышъ. который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ. принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ.

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора не лишнимъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то. что въ послѣднихъ дняхъ до тиража порученія поступаютъ въ большомъ количествѣ, а потому желательно, для точнаго исполненія иногородныхъ порученій, высылать таковыя по возможности заблаговременно. кромѣ того прямая выгода г.г. покупателей обращаться заблаговременно со своими порученіями въ контору уже потому. что биржевая цѣна билетамъ къ тиражу постоянно повышается. Р. № 1103 7—5

Банкирская контора **Ф. А. КЛИМА**
въ С.-Петербургѣ. Невскій проспектъ, № 21.

Желѣзнод. станція Оппенау. **МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,** Открытіе 15-го мая.

давно извѣстныя желѣзныя воды, 560 м. надъ уровнемъ моря. въ живописной верхней Рейнской долинѣ. 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методѣ Шварца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ Гегершмидъ. Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа безплатно
9 № 1072. 6—4 Владѣльцы Schliedtke & Simon.

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА
„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“
Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

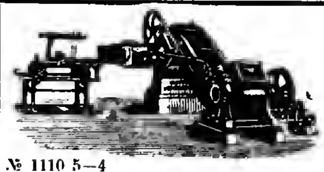
ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

11 № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—14

СЪ РАЗРѢШЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО НАЧАЛЬСТВА.

Персидскій зубной эликсиръ, цѣна 60 к. и 1 р.
Сибирскія зубныя капли, цѣна 75 коп.

Продаются во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ. — Главный складъ въ Москвѣ аптекарскій магазинъ Бруиса. № 1132 2—2



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ.
ручныя, конныя и паровыя;
машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ
Людвигъ Θеодоровичъ ШЛИКЭЙЗЕНЪ.
инженеръ. Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ.
Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно
№ 1110 5—4

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи, для банкирской конторы **А. Зингеръ и К°**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18.
Р. № 1152 10—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ коленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

У книгопродавца **Карбасникова**, СПБ. Литейный, № 48, поступила въ продажу новая книга: № 1155

ДЯДЯ ПАХОМЪ.

(Собраніе стихотвореній (прежнихъ и новыхъ): 1) Разныя стихотворенія. 2) Мотивы изъ провинціальной жизни. 3) Басни и аллегоріи. СПБ. Ц. 75 к. съ пересылкою.

ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ.

Общедоступный лечебникъ.

Составленъ д-ромъ **Лунинымъ**.

М. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **А. Карцева**, Москва, Фуркасовскій пер., д. Обидиной. № 1062 5—4

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Сулакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—9

2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ ПЬЕРРЪ БУРСО

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегень**, въ Бордо, ул. Гюгери. 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 - BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у **Штоль и Шмидта**; въ магаз. A la Renomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. Н. Кошкинъ, 19 Гостиный дворъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1885 г., НА ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ IV. НАБЛЮДАТЕЛЬ. ГОДЪ IV.

Въ вышедшихъ *пяти* книгахъ (январь—май) напечатаны: 1) *Похороны*, историч. романъ **Д. Л. Мордовцева**; 2) *По грядамъ и весямъ*, современ. романъ **Во огдина** (оконченъ); 3) *Кладъ*, разсказъ изъ народнаго быта. **Ф. Д. Нефедова**; 4) *Тѣни и пятна петербургской нравственности*, **В. О. Михневича** (двѣ статьи); 5) *Конгрессы и конференціи, какъ органы общенія между народами*, **проф. В. П. Даневскаго**; 6) *Забытое сословіе*, **Я. В. Абрамова**; 7) *Зимняя наемка*, **В. В.**; 8) *Джіоконда Леонардо*, критич. этюдъ **В. В. Чуйко**; 9) *А. В. Дружининъ* (изъ воспоминаній) **А. В. Старчевскаго**; 10) *Колонизація Кавказа*, **К. М. Бороздина**; 11) *Интересы народнаго здравія*, **И. Денисова**; 12) *Колонизація Южно-Уссурійскаго края*, **М. А. Гребенщикова**; 13) *Фельетоны* **И. Ф. Василевскаго** и **Ефима Простосердова**; 14) *Заграничныя письма*, **И. Денисова**; 15) *За Океаномъ*, **П. Попова**; 16) *Обзоръ иностр. литературы*, **В. Р. Зотова**; 17) *Обзоръ историческихъ журналовъ*, **П. М.**; 18) *Жерминаль*, романъ **Эмиля Золя**; 19) *Сержа Мортибой*, романъ **Вальтера Безанта и Джемса Райса** (оконч.); 20) *Пакинъ Парижа*, **Альберта Вольфа** (оконч.); 21) *Сцены изъ испанской народной жизни*, **де-Переда**; 22) *Филистеры*, романъ **Шульце-Делича**; 23) *Тайная полиція въ Пруссіи*, **Виктора Тиссо**; 24) **Разсказы Гюи-де-Мопассана**; 25) *Научная хроника* **И. Д.**

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) *Безъ воли*, романъ **П. Лѣтнева**; 2) *Потомокъ рода Ветрищевыхъ*, романъ **И. Д. Ахшарумова**; 3) *Чужая крыша*, повѣсть **А. В. Круглова**; 4) *Разсказы*, **Сибиряка**; 5) *Отъ сохи къ ружью*, разсказъ **Вологдина**; 6) *Разсказы*, **Г** (автора: „Мы побѣдили“); 7) *Быль молодцу не укоръ*, (разсказъ изъ тюремнаго быта) **В. Н. Никитина**; 8) *Тартюфъ* (Мольера) переводъ въ стихахъ **Г-скаго**; 9) *О вмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія*, академика **В. П. Безобразова**; 10) *Свобода совѣсти въ Америкѣ*, **проф. Л. Б. Котляревскаго**; 11) *Упадокъ нашего сельскаго хозяйства*, **М. В. Неручева**; 12) Рядъ критич. статей **В. В. Чуйко**: „Народники-беллетристы“, „Реалисты-фотографы“ и „Романисты-соціологи“; 13) *Больныя души* (по поводу сочиненій Θ. М. Достоевскаго) **А. П. Пятковскаго**; 14) *Изъ области крестьянскаго хозяйства*, **В. В.**; 15) *Изъ жизни захолустья*, очерки **В. Л. Маркова**; 16) *На переселенческомъ пароходѣ* (путевыя замѣтки), **М. А. Гребенщикова**. 17) *Положеніе рабочаго класса въ Италіи*, **К. Д.**; (8) *Общественныя и семейныя права итальянской женщины*, **Г-ча**; 19) *Монферранъ, строитель Исаакіевскаго собора*, **А. В. Старчевскаго**; 20) *Странисъ*, историч. романъ **Эберса**; 21) Новый романъ **Марлитта**; 22) *Надорванныя силы*, романъ **Эрнеста Додэ**; 23) *Утѣшитель въ скорбяхъ*, разсказъ **Пауля Гейзе**, и пр. и пр.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, *безъ предварительной цензуры*, книгами отъ 22—30 печатныхъ листовъ. Годов. цѣна: безъ доставки 12 р.; съ дост. 13 р.; съ перес. 14 р.; за гран. 16 р. За полгода: 8 р. съ перес. внутри Россіи. Подписка принимается: въ СПБ., въ конторѣ редакціи (Поварской пер., № 5).

Объемъ и форматъ журнала увеличены до размѣровъ самыхъ большихъ журналовъ.

№ 1140 3—2 Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Дозв. ценз. СПБ. 5 iюня 1885 г.

Тип. **А. Ф. Маркса.**
Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданiе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ № 24

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

годъ XVI 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выдано 15 Іюня 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Густавъ Нахтигаль.

Въ послѣднее время Германія понесла нѣсколько чувствительныхъ утратъ въ лицѣ своихъ изслѣдователей Африки. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ также извѣстный ученый, Густавъ Нахтигаль, скончавшійся 8 (20) апрѣля на бортѣ канонерки Мёвэ, отъ тропической лихорадки. Тѣло его предано землѣ 22 апрѣля, на мысѣ Пальма, на границѣ Либеріи.

Серьезно слѣдуя своему призванію, Нахтигаль принадлежалъ къ самымъ достойнымъ представителямъ нѣмецкой науки. Сынъ сельскаго священника, Нахтигаль родился въ 1834 году, близъ Стендаля. Окончивъ школу, онъ сталъ изучать медицину въ Боннѣ, Вюрцбургѣ, Грейфсвальдѣ и Берлинѣ. Сѣверный климатъ вредно отзывался на его здоровьи, и для поправленія его, онъ въ 1862 году, въ качествѣ военнаго врача, отправился въ Алжиръ и Тунисъ. Тутъ онъ поступилъ лейбъ-медикомъ къ бэю,

Густавъ Нахтигаль. † 8 (20) Апрѣля. По фотогр. грав. Флюгель.

сопровождалъ его въ походахъ противъ возставшихъ племенъ и заслужилъ его расположеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, ему представился случай отправиться внутрь Африки—цѣль, къ которой онъ давно стремился, имѣя наклонность къ географическимъ изслѣдованіямъ. Гергардъ Рольфсъ передалъ ему въ Триполи подарки короля Вильгельма, предназначенные для султана Борну, для врученія ему. Въ 1868 г. Нахтигаль предпринялъ путешествіе въ Суданъ, оказавшееся такимъ знаменательнымъ для науки. Послѣ счастливо оконченной миссіи въ Борну, правитель котораго согласился со всѣми его планами, Нахтигаль посѣтилъ страны Баргими и Вадаи, гдѣ до него не бывалъ еще ни одинъ европеецъ. Въ послѣдней былъ убитъ королемъ путешественникъ Фогель. Болѣзнь помѣшала предположенію Нахтигаля посѣтить другія страны Судана. Только въ Дарфурѣ онъ встрѣтилъ прекрасный пріемъ у чернаго принца, и имѣлъ возможность озна-

кемиться съ мѣстнымъ языкомъ и исторіей. Возникшая война принудила его покинуть страну Лѣтомъ 1874 г. разными обходами онъ достигъ Кордофана, отсюда онъ направился въ Хартумъ и затѣмъ вверхъ по Нилу—въ Каиръ. Цѣлыхъ пять лѣтъ Нахтигаль провелъ внутри африканскаго континента; ему всюду удавалось пріобрѣтать расположеніе иностранныхъ правителей и находить защитниковъ у самыхъ недружелюбныхъ племенъ. Всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого достопамятнаго путешествія, изложены Нахтигалемъ въ его научномъ сочиненіи „Сахара и Суданъ", составляющемъ драгоцѣнный матеріалъ для этнографическаго и географическаго ознакомленія со странами Судана. При своемъ возвращеніи въ Германію въ 1875 г., Нахтигаль былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Географическое общество въ Берлинѣ избрало его своимъ предсѣдателемъ, и когда въ 1882 г. потребовался германскій представитель въ Тунисѣ, Нахтигаль былъ посланъ туда въ качествѣ генеральнаго консула После двухлѣтней тамъ дѣятельности, ему открылось новое поприще. Въ маѣ 1884 г онъ получилъ порученіе осмотрѣть западные берега Африки, въ виду укрѣпленія развивающихся тамъ колоніальныхъ отношеній и съ цѣлью распространенія на нѣмецкихъ поселенцевъ германскаго владычества. Изъ этого путешествія, во время котораго Нахтигаль, какъ извѣстно, въ іюлѣ и августѣ прошлаго года водрузилъ германскій флагъ въ области Того и Камерунѣ, онъ уже не вернулся живымъ.

Радованская тайна.

Повѣсть **Петра Петрова.**

I.

Направо, налѣво, впереди, позади, уродливыя известковыя и кварцевыя наслоенія, мѣстами сѣрыя и бѣлесоватыя, мѣстами подернутыя черно-зеленою плесенью.

Видъ ужасный, подавляющій своею безжизненностью, своею безотрадностью, своимъ конечнымъ разрушеніемъ

Здѣсь царствуетъ хаосъ

Одни камни—ничего больше Вездѣ камни, размытые, источенные, разбитые, разорванные, расщепленные, мѣстами искрошенные въ песокъ, истертые въ пыль. То лежатъ они громадными, неуклюжими пластами, выставляя обнаженныя ребра, то лѣзутъ дико вверхъ, то выползаютъ бокомъ; то скучены они грудами, то разметаны розсыпями, то обвалились ямами, то безпорядочно валяются плитами вкривь, вкось, стоймя, плашмя, тѣсно, плотно одна къ другой, одна налѣзая на другую, какъ бы надгробныя плиты титаническаго кладбища, расшатаннаго и исковерканнаго землетрясеніемъ.

И дѣйствительно, это—кладбище. Громадное историческое кладбище.

Здѣсь неумолимое время, за неимѣніемъ уже ничего другаго, обратило угрюмую жажду разрушенія на послѣднее—на самые убогіе камни. Здѣсь природа довершаетъ дѣло человѣка. Она мститъ за то, что онъ надъ нею совершилъ.

А налегъ онъ здѣсь, человѣкъ, особенно усердно: разорялъ упорно, разорялъ съ любовью, со страстью, въ конецъ. Онъ косилъ необычайно, скосилъ людей, скосилъ лѣса, скосилъ жилища, скосилъ все живущее и все дарующее жизнь. Теперь остался одинъ остовъ, остались однѣ кости

Въ теченіи столѣтій, полновластно царствовало здѣсь одно изувѣрское неистовство. Люди были замучены, вырѣзаны, разсѣяны лѣса, оживлявшіе и оплодотворявшіе почву, прикрѣплявшіе ее къ каменному грунту, были выжжены, или пошли на висѣлицы и мученическіе колья; жилища были выжжены и срыты съ лица земли. И когда это мѣсто, нѣкогда плодородное, зеленѣющее, полное жизни, превратилось въ пустыню, природа принялась смывать остальное, смывать такъ, какъ она одна умѣетъ—все до послѣдней крошинки земли, до послѣдняго убогаго клочка травки..

И вотъ, отъ могучаго тѣла, нѣкогда полнаго жизни, остался лишь одинъ бѣлѣющійся скелетъ. Дожди, снѣга, потоки его размываютъ, горные вихри и вѣтры играютъ надъ нимъ и развѣваютъ прахъ его на всѣ четыре стороны.

Что же это за мѣстность, скорбная и прокаженная?

То—юго-западная часть Герцеговины, граничащая съ Черногоріей, а самое мѣсто, гдѣ мы стоимъ, прозывается Радованъ-корыто.

Занимается сумрачное утро. Сквозь туманъ начинаетъ брезжить смутный сизоватый свѣтъ. Совершенная тишь и безмолвіе.

Изъ-за рѣдѣющаго тумана, на однообразномъ фонѣ сѣроватаго камня начинаютъ неясно выдѣляться фигуры спящихъ людей

Ихъ около сотни Лежатъ они не по обычному, не тѣснымъ кружкомъ вокругъ тлѣющагося или потухшаго костра, а въ разбродъ, приткнувшись тамъ-сямъ между камнями; лежатъ закутанные по уши въ свои черныя *струки* (нѣчто въ родѣ плэда), изъ-за которыхъ торчатъ красныя и черныя *капы* (черногорскія шапки), нахлобученныя на глаза. Возлѣ каждаго человѣка лежитъ ружье.

Крѣпкимъ сномъ спятъ *гонаки* (молодцы). Наканунѣ они сдѣлали набѣгъ на мѣстечко Липникъ, заселенное родичами бега Дэдъ-ага-Ченгича, лютаго врага христіанъ. Не дешево далась имъ эта побѣда. Самъ Дэдъ-ага-Ченгичъ, извѣстный своею храбростью, управлялъ обороною. Каждую *кучу* (домъ) пришлось брать приступомъ. Рѣзня была страшная. Ни съ той, ни съ другой стороны не было пощады.

Подъ самый конецъ боя, когда съ турками почти совсѣмъ было покончено, послышалась вдругъ въ тылу частая стрѣльба и раздался тревожный крикъ:

— Аскеръ! (солдаты регулярнаго войска).

Усташей было слишкомъ мало, чтобы вслѣдъ за такимъ жаркимъ дѣломъ вступать въ бой съ регулярнымъ войскомъ. Пришлось бросить большинство добычи и поспѣшно отступать, подобравъ только своихъ раненыхъ.

Удобнѣе и безопаснѣе всего было имъ укрыться въ Вучьей Долѣ, но *словарь* (начальникъ), Лука Петковичъ, повелъ ихъ окольнымъ путемъ сюда, на Радованъ-корыто, и расположился тутъ на ночлегъ, къ немалому удивленію и неудовольствію измученныхъ и сильно проголодавшихся усташей.

И дѣйствительно, хуже мѣста, кажется, нарочно нельзя было избрать для ночлега. Во-первыхъ, оно отстояло не болѣе какъ верстахъ въ двухъ отъ только что разореннаго Липника, занятаго теперь цѣлымъ *таборомъ* турецкой пѣхоты, и опасность такого сосѣдства увеличивалась еще тѣмъ, что само мѣсто не представляло никакихъ выгодъ для защиты. Это была большая и глубокая, круглая котловина, имѣющая версты три въ поперечникѣ, съ невысокою скалистою возвышенностью посрединѣ. Находившіеся здѣсь могли быть захвачены какъ въ мышеловкѣ.

Во-вторыхъ,—и это было главное для усташей—здѣсь не было источника, иначе говоря, ни капли воды, а почва состояла сплошь изъ каменистыхъ глыбъ и обломковъ, отдыхать на которыхъ не представляло особенной прелести, даже для невзыскательныхъ усташей, сильно утомленныхъ жаркимъ боемъ.

Пришли они сюда подъ самый вечеръ, когда ужъ почти совсѣмъ стемнѣло, улеглись не разводя костровъ, чтобы не привлечь вниманіе турокъ, да и потому, что среди этого безжизненнаго каменнаго хаоса не было ни деревца, ни кусточка, ни даже клочка травки,—улеглись кто какъ могъ приткнуться на острыхъ камняхъ и заснули богатырскимъ сномъ.

И вотъ, всѣ они теперь спятъ..

Не всѣ впрочемъ.

Одна фигура, рѣзко отличающаяся отъ другихъ, сидитъ уставившись взоромъ въ землю. Сидитъ она на

склонѣ скалистой возвышенности, у подножія которой спятъ остальные.

У человѣка этого на ногахъ сапоги, а не горскія *опанки* (лапти изъ воловьей шкуры), и одѣтъ онъ въ европейское платье. Только на головѣ у него черногорская *капа*. Видъ его истомленный до крайности. Взглядъ мрачный и растерянный.

Давно сидитъ такъ, совершенно неподвижно этотъ человѣкъ, погруженный въ глубокую, тяжелую думу...

Вдругъ онъ встрепенулся.

По близости надъ нимъ что то хрустнуло. Онъ быстро вскинулъ взоръ въ ту сторону и увидѣлъ саженяхъ въ двухъ человѣка, отодвигавшаго камни, наваленные предъ небольшимъ пещернымъ отверстіемъ, столь незначительнымъ, что безъ этого случая его врядъ ли можно было замѣтить.

Вѣроятно, при своемъ невольномъ движеніи, сидѣвшій произвелъ нѣкоторый шумъ, потому что отодвигавшій камни человѣкъ быстро оглянулся.

Къ этому времени уже значительно разсвѣло.

На темномъ фонѣ пещернаго отверстія рѣзко выдѣлилось мужественное, страшно загорѣлое лицо, которому большіе сѣдые усы и широкій шрамъ на лѣвой щекѣ придавали особенную суровость.

— Лука Петковичъ! произнесъ сидѣвшій и тотчасъ всталъ.

На лицѣ стараго черногорца мелькнуло что то досадливое и тревожное. Но то было одно мгновеніе.

— Что скажешь, господине? откликнулся онъ выпрямившись.

— Имѣю просьбу.

Лука Петковичъ тотчасъ направился къ нему

Оба человѣка были одинаково высокаго роста, оба были, можно сказать, богатырскаго склада, лица обоихъ были украшены большими усами самаго воинственнаго вида, а между тѣмъ, не взирая на всѣ эти общія черты, какъ разнствовали между собою эти двѣ фигуры!

Лука Петковичъ, не смотря па свои шестьдесятъ лѣтъ, былъ бодръ, свѣжъ, держался прямо. Ни тѣни усталости, или истомы па лицѣ. Сила и мощь чувствовались въ каждомъ движеніи.

Вся фигура другаго человѣка, напротивъ, выражала крайнее изнеможеніе. Онъ едва плелъ за собою ноги, руки у него тряслись, станъ былъ сгорбленъ, лицо блѣдно, взглядъ потухшій и растерянный. На видъ ему было лѣтъ сорокъ.

— Что скажешь, господине? произнесъ Лука Петковичъ.

Взглядъ его, въ первую минуту испытующій, сталъ словно насмѣшливъ при видѣ несчастной фигуры собесѣдника.

— Дȍбро себя *чуешь?* прибавилъ онъ.

— Якъ же дȍбро!.. Я больше не могу... совсѣмъ ослабъ... Самъ видишь, сказалъ тотъ, мѣшая русскія, польскія и сербскія слова.

— Вижу. *Не валя ништо* (ничего не стоишь), проговорилъ Лука, накренивъ голову на бокъ и продолжая посматривать тѣмъ же, слегка насмѣшливымъ взглядомъ.

— Очень ужъ изморился...

— И отчего бы тебѣ, какъ я подумаю, измориться, когда ты съ *турчиномъ* не бился?

Слова эти, сказанныя, казалось, самымъ простодушнымъ тономъ, видимо не пришлись по вкусу собесѣднику, но онъ ничего не возразилъ.

— Я хотѣлъ тебя просить дать мнѣ проводника. Мнѣ сказали, что мы тутъ совсѣмъ близко отъ черногорской границы, сказалъ онъ.

— Ну и ступай себѣ съ Богомъ... Душановичъ, произнесъ помолчавъ съ минуту Лука, причемъ послѣднее слово онъ подчеркнулъ уже съ явною ироніею. Я тебѣ дамъ *момака* („малаго") моего Спасо. Онъ доведетъ тебя до Тупани, а тамъ воевода Петаръ дастъ тебѣ человѣка.

— А вы всѣ сами не пойдете теперь въ ту сторону? спросилъ съ принужденнымъ видомъ тотъ, кого черногорецъ называлъ Душановичемъ.

— Нѣтъ, не пойдемъ... Да ты не бойся — на этомъ пути не можетъ быть турчина, потому вы все время *брдой* (верхами горъ) пойдете.

— Я это спросилъ вѣдь только потому, что слабъ теперь очень...

— *Вѣдамъ, вѣдамъ*, что ты *юнакъ* (знаю, знаю, что ты молодецъ), отрѣзалъ Лука Петковичъ такимъ тономъ, который стоилъ десяти пощечинъ, и затѣмъ, почесавъ себѣ затылокъ, прибавилъ. Ну пойдемъ. Я тебя сейчасъ и отправлю. Къ полдню будешь въ Тупани...

Внизу уже подпимались отъ сна усташи. Нѣкоторые сидѣли, озираясь заспанными глазами по сторонамъ, потягивались и зѣвали; другіе шарили въ карманахъ, считали оставшіяся *фишеки* (патроны), или, накинувъ струку на одно плечо, переходили отъ одного товарища къ другому, въ чаяніи раздобыть щепотку *дувану* (табаку), или кусокъ хлѣба.

— Спасо! крикнулъ Лука Петковичъ.

На этотъ зовъ поднялся и подошелъ красивою, свободною горскою походкою молодой, рослый парень, въ возмутительно затасканной и дырявой *бѣлачь* (черногорскій армякъ).

— *Чуешь*, отведи господина на Тупань, сказалъ Лука Петковичъ.

— Этого? произнесъ Спасо, кивнувъ безцеремонно, чуть ли не презрительно, на Душановича; произнесъ такимъ тономъ, будто онъ считалъ этого человѣка за послѣднюю дрянь.

— Да, этого, и *отма* (сейчасъ)... Чуешь, чтобы все дȍбро было, наказалъ строгимъ голосомъ Лука, видя, что момакъ очень недоволенъ возложеннымъ на него порученіемъ

Спасо хотѣлъ было что то возразить, но Лука не далъ ему слова произнести.

— Гайдъ (иди)! прикрикнулъ онъ и сейчасъ затѣмъ спокойнымъ, но строгимъ голосомъ прибавилъ: Къ воеводѣ Петру его отведешь, а оттуда вернись на Вучій Долъ. Чуешь?

Спасо, не отвѣтивъ ни слова, взялъ свое ружье, накинулъ струку на лѣвое плечо, и подошелъ къ Душановичу.

— Гайдъ, господине, сказалъ онъ, не глядя на своего спутника.

Тотъ послѣдовалъ за Спасо, не бросивъ даже взгляда на пещерное отверстіе, приковавшее за нѣсколько времени передъ тѣмъ его вниманіе, не предчувствуя, что эта самая пещера будетъ играть страшную и роковую роль въ его жизни.

А еще говорятъ про предчувствія!

Едва Душановичъ и Спасо прошли нѣсколько шаговъ, какъ раздался гулкій выстрѣлъ... другой, третій и затрещала частая стрѣльба.

— Что это?! Турки?! испуганно проговорилъ Душановичъ.

— А кто же иной какъ не турчинъ? отрѣзалъ сухо Спасо.

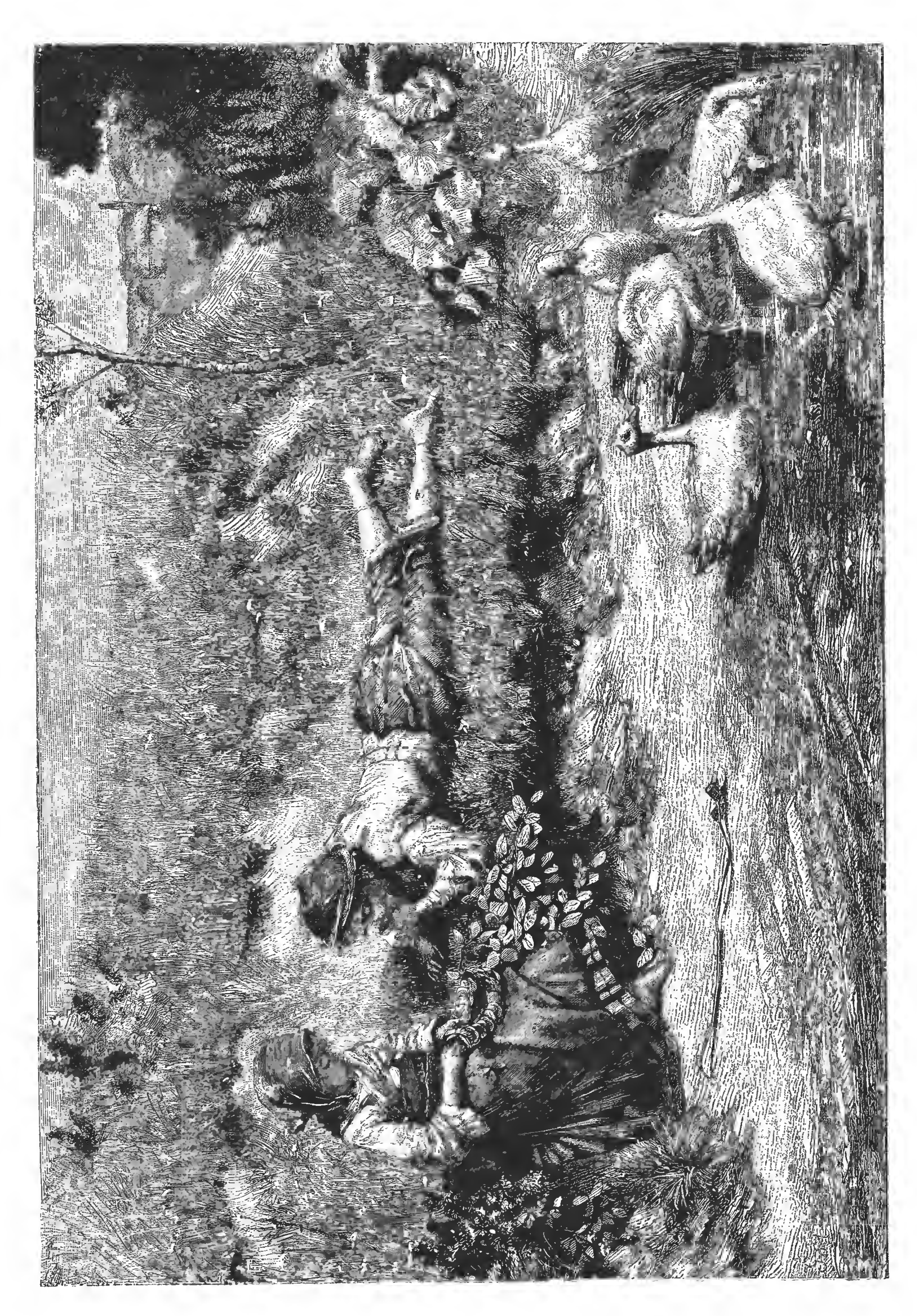
Усташи быстро вскочили и схватились за оружіе. Лука бросился къ нимъ, чтобы отдать на-скоро приказанія.

— Что-жъ намъ тутъ стоять? Ради Бога пойдемъ скорѣе! засуетился испуганно Душановичъ.

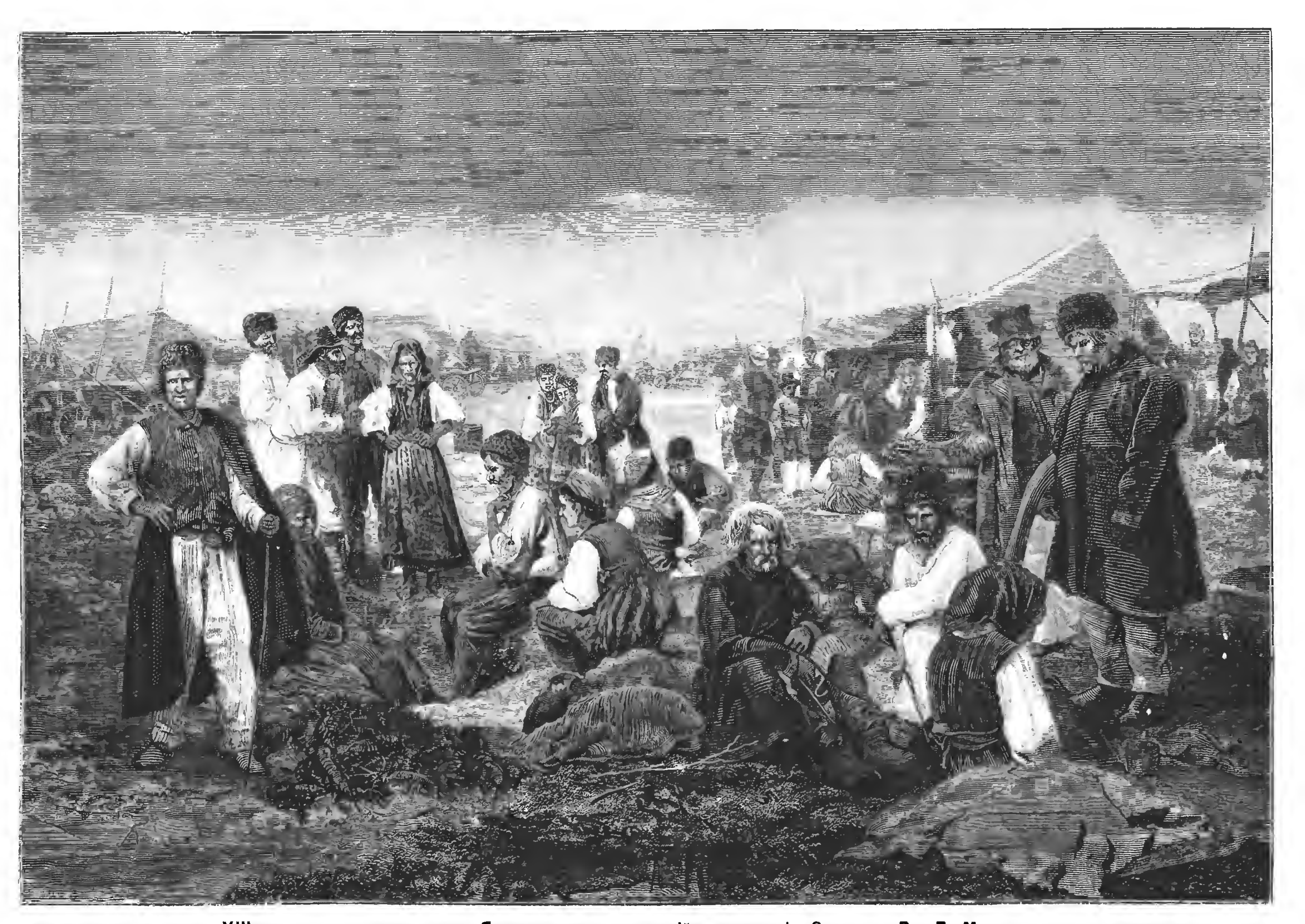
— Гайдъ! отрѣзалъ опять, чуть ли не съ омерзеніемъ, Спасо и, плюнувъ съ недвусмысленнымъ видомъ, пошелъ большими шагами.

Душановичъ слѣдовалъ за нимъ несравненно бодрѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ столь истомленнаго человѣка.

Сзади трещала жаркая перестрѣлка.



Пастушеская идиллія. Съ картины А. Д. Гольца, рис. на деревѣ самъ авторъ, грав. Пааръ.



XIII передвижная выставка. Ярмарка въ малороссійскомъ селѣ. Съ карт. Вл. Е. Маковскаго.
По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

II.

Настоящая фамилія этого человѣка была вовсе не Душановичъ.

Онъ былъ полякъ, Янъ, или Иванъ Бжитковичъ. Рослый, статный брюнетъ съ сѣрозелеными глазами и длинными, лихо закрученными усами; красивый, видный, тридцати трехъ лѣтъ, но котораго жизнь успѣла настолько укатать, что онъ выглядѣлъ годовъ на семь старше.

Есть натуры, внѣшняя оболочка которыхъ не только не гармонируетъ съ ихъ духовнымъ существомъ, но даже является въ отношеніи послѣдняго какимъ то кричащимъ, дикимъ анахронизмомъ.

Случалось вамъ встрѣчать людей богатырскаго склада, самаго геройскаго вида, которые на дѣлѣ оказывались отъявленными трусами, ничтожными тряпицами, не взирая на то, что, вслѣдствіе какого то непостижимаго недоразумѣнія съ самими собою, они посвятили себя военной, боевой службѣ?

Случалось вамъ, съ другой стороны, встрѣчать людей на видъ мизерныхъ, такихъ, что, кажется, однимъ щелчкомъ пришибить можно, предававшихся всю жизнь самымъ мирнымъ занятіямъ, и внезапно, при случаѣ, проявляющихъ силу воли невѣроятную, энергію изумительную, мужество и храбрость истинно геройскія,— проявляющихъ все это неожиданно не только для другихъ, но и для самихъ себя.

Бжитковичъ былъ одною изъ такихъ натуръ. Мужественная осанка, энергичное лицо, суровый взглядъ, что то воинственное во всей фигурѣ, значительная доза наглости, мгновенной смѣлости и рѣшимости, и при всемъ этомъ совершенное отсутствіе энергіи, силы воли, и трусость, такъ сказать, органическая, которую онъ никакъ не могъ побороть—мало того, въ которой онъ никакъ не хотѣлъ сознаться передъ самимъ собою.

Въ силу этого, вся жизнь его явилась какимъ то рядомъ недоразумѣній съ самимъ собою. Такіе авантюристы попадались иногда въ польской „справѣ“...

Его отецъ былъ мелкій землевладѣлецъ въ Минской губерніи. Въ 1863 году, Янъ Бжитковичъ, которому тогда было лѣтъ двадцать, примкнулъ къ возстанію. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ, изъ самыхъ отчаянныхъ повстанцевъ... до перваго столкновенія съ нашими войсками. Ему самому казалось, что онъ такъ прямо и полѣзетъ среди града пуль въ самое опасное мѣсто, и окажетъ чудеса храбрости. Паненки заглядывались на его красивую, мужественную фигуру, въ лихо заломленной на бокъ конфедераткѣ и расшитомъ кунтушѣ. Это былъ впередъ намѣченный герой... Но вотъ банда, въ которой находился Бжитковичъ, столкнулась съ нашими войсками. Раздался по лѣсу раскатистый гулъ выстрѣловъ, засвистѣли и зашипѣли пули, послышались тамъ-сямъ стоны и слабые вздохи... и вдругъ Бжитковичъ, за минуту передъ тѣмъ мнившій себя героемъ готовымъ на все, почувствовалъ такой испугъ, такой страхъ быть задѣтымъ, или пронизаннымъ одной изъ этихъ пуль, такой ужасъ опасности и смерти, что сразу совершенно ослабѣлъ, утратилъ всякую силу воли и, не имѣя возможности преодолѣть это неожиданное ощущеніе, омерзительное и болѣзненное, бросился бѣжать безъ оглядки. Вечеромъ, когда Бжитковичъ пришелъ въ себя и оправился, онъ объяснялъ самому себѣ позорное поведеніе свое лихорадкою и растерянностью, неизбѣжными при первомъ „крещеніи огнемъ“, и снова чувствовалъ себя готовымъ на всякіе воинскіе подвиги. Въ слѣдующихъ двухъ дѣлахъ повторилось, однако, то же самое явленіе, и даже съ бо́льшею быстротою и болѣзненностью.

Бжитковичу, съ тремя товарищами разбитой и разсѣянной банды, удалось благополучно перебраться за границу. При этомъ произошло довольно темное обстоятельство: одинъ изъ бѣглецовъ, богатый помѣщикъ, имѣвшій при себѣ порядочную сумму денегъ, оказался безъ нихъ... Какъ? — это такъ и осталось неразъясненнымъ, но подозрѣнія товарищей пали почему то на Бжитковича.

Правда, что послѣдующее поведеніе Бжитковича не шло въ разрѣзъ съ этими подозрѣніями. Онъ, не имѣвшій ни гроша за душою, явился въ Парижъ, зажилъ довольно широкою жизнью, давая волю своимъ чувственнымъ аппетитамъ и рисуясь въ тогѣ политическаго эмигранта и „бойца за свободу ойчизны“.

Благополучіе это длилось не долго. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Бжитковичъ оказался безъ всякихъ средствъ къ жизни и притомъ въ положеніи какого-то отверженнаго. „Свои“ его сторонились. Взяться за какое нибудь серьезное дѣло, искать исходъ въ трудѣ—на это, хотя человѣкъ былъ онъ способный и ловкій, у него не хватило ни энергіи, ни желанія, ни силы воли. Онъ предпочелъ пуститься въ мелкій аферизмъ.

Такъ прошло лѣтъ семь. Бжитковичу, за это время, жилось разно—то густо, то пусто, какъ говорится. Насталъ роковой для Франціи 1870 годъ. При первыхъ военныхъ кликахъ—курьезное и непостижимое дѣло!— этотъ человѣкъ воспылалъ боевымъ задоромъ и поспѣшилъ предложить свои услуги французскому правительству. Какъ человѣкъ съ „боевымъ прошлымъ“, онъ былъ немедленно принятъ на службу, и уже мечталъ о блестящихъ подвигахъ, объ отличіяхъ, военной славѣ, и смѣялся снисходительно надъ своимъ „дѣтскимъ“ поведеніемъ подъ русскими пулями, когда первое же дѣло, въ которомъ ему привелось участвовать, разбило въ прахъ эти героическія мечты. При зловѣщемъ свистѣ первыхъ нѣмецкихъ пуль, Бжитковича стала трепать та же лихорадка что за семь лѣтъ назадъ. Не имѣя возможности совладать съ собою, онъ, воспользовавшись боевою суматохою, скрылся съ поля битвы и вернулся въ Парижъ.

Здѣсь, вдали отъ непосредственной опасности, онъ снова воспрянулъ бойцомъ и „героемъ“. Громче всѣхъ кричалъ онъ противъ „несостоятельности“ тогдашней французской регулярной арміи, громилъ Наполеоновскій режимъ, ораторствовалъ въ клубахъ и предлагалъ навязчиво свои проэкты „народной обороны“, — ораторствовалъ рисуясь своею мужественною внушительною фигурою, выставляя грудь впередъ и молодецки закручивая длинные усы.

Прошли мѣсяцы осады. Бжитковичъ устроился такъ, что за все это время, какъ говорится, не понюхалъ даже пороху, хотя и „выходилъ изъ стѣнъ вмѣстѣ съ батальонами“, чуть не при каждой вылазкѣ. Разумѣется, послѣ каждой такой экспедиціи, никто громче и рѣзче его не порицалъ нераспорядительность начальниковъ и недостатокъ самоотверженія солдатъ.

Настали дни „коммуны“. Тутъ Бжитковичъ развернулся уже во всю. Легкомысленный, самообольщающійся, онъ повѣрилъ искренно торжеству этого минутнаго безобразнаго режима и возгорѣлъ надеждою посредствомъ его получить видное положеніе, средства, извѣстность, имя.

Недолго однако пришлось ему красоваться въ расшитомъ золотомъ мундирѣ. Какъ только ключъ Парижа, фортъ Валеріянъ, былъ взятъ версальскими войсками, Бжитковичъ понялъ, что все потеряно для коммунаровъ, и, не дожидаясь дальнѣйшаго окончательнаго разгрома, не теряя ни минуты, бѣжалъ раньше всѣхъ изъ Парижа, захвативъ съ собою казну заправляемаго имъ „отдѣла“, не превышавшую впрочемъ двухъ тысячъ франковъ.

И на этотъ разъ онъ успѣлъ пробраться благополучно за границу. Тутъ началось для него существованіе скввернѣйшее. Двумъ тысячамъ франковъ пришелъ скоро конецъ. Средствъ къ существованію не было никакихъ. Безъ всякаго вида, скрываясь подъ чужимъ

именемъ, изображая изъ себя какую то очень подозрительную личность, Бжитковичъ года четыре скитался въ южной Германии и Швейцарии бездомнымъ бродягою, не смѣя показаться па глаза даже своимъ бывшимъ сообщникамъ, которые считали его воромъ, измѣнникомъ и трусомъ.

Наступилъ 1875 годъ При первомъ извѣстии о возстании въ Герцеговинѣ, Бжитковичъ снова воспылалъ какими то радужными надеждами и военной славой! Да, именно военной, боевой славой воспылалъ снова этотъ человѣкъ, успѣвшій, кажется, достаточно хорошо ознакомиться на дѣлѣ съ самимъ собою и понять свою полнѣйшую непригодность по этой части.

Не имѣя никакого понятія о почвѣ, на которой приходилось дѣйствовать, основываясь на однихъ французскихъ и нѣмецкихъ газетныхъ извѣстіяхъ, большею частью невѣрныхъ и невѣжественныхъ, Бжитковичъ вообразилъ себѣ, что это возстаніе „такая-же революція какъ и всѣ революціи“, что съ простодушными, необразованными герцеговинцами можно будетъ все подѣлать ловкому человѣку, что первый кто тутъ явится „изъ интеллигенціи“, тотъ и будетъ дядькой. И вотъ, у него вскорѣ созрѣлъ цѣлый планъ въ головѣ; планъ, какъ и слѣдовало ожидать, столь же наглый сколько легкомысленный: онъ, Янъ Бжитковичъ, переименовываетъ себя въ Богумила Душановича, является подъ этимъ именемъ въ Герцеговину выдаетъ себя за потомка послѣдняго царя сербскаго Лазаря Душана, что доставляетъ ему немедленно огромную популярность, организуетъ „временное правительство“, ведетъ къ легкой побѣдѣ возставшихъ, забираетъ власть въ руки... „А тамъ что будетъ то будетъ. Хуже чѣмъ есть не можетъ быть“—а пули и боевыя опасности теперь, послѣ всего пережитаго, испытаннаго и претерпѣннаго имъ, не произведутъ уже болѣе на него парализующаго и разлагающаго дѣйствія.

Бжитковичъ находился тогда въ Саксонѣ, маленькомъ швейцарскомъ игорномъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ мотался при рулеткѣ, примазываясь къ пріѣзжающимъ то въ качествѣ „профессора“, т е совѣтника по понтировкѣ па рулеткѣ, то чичероне, то коммиссіонера.

Здѣсь ему удалось, какъ только планъ его созрѣлъ въ головѣ, обойти одного молодаго русскаго недоумка, которому онъ очень ловко „открылся“, т е. повѣдалъ, подъ величайшимъ секретомъ разумѣется, что подъ скромною личиною рулеточнаго профессора скрывается потомокъ знаменитаго царя Душана. Въ заключеніе пояснено было, что „минута настала“, что его „тамъ“ ждутъ не дождутся, но что, къ великому отчаянію своему, онъ прикованъ къ мѣсту въ силу совершеннаго отсутствія средствъ.

— Говорю вамъ все это какъ брату славянину, какъ человѣку, складъ мыслей котораго я успѣлъ оцѣнить, присовокупилъ самозванецъ голосомъ исполненнымъ благородства и достоинства.

Недоумокъ, принадлежавшій къ такъ называемымъ „саврасамъ“, никогда и не слыхалъ даже о знаменитомъ царѣ Душанѣ, о „славянской идеѣ“, о герцеговинцахъ; но тѣмъ не менѣе—по глупости своей конечно—счелъ долгомъ раскошелиться на полтораста франковъ.

— Я люблю платить свои долги, произнесъ при этомъ случаѣ Бжитковичъ, принявъ величавую осанку —Даю вамъ слово, что вы первымъ изъ всѣхъ получите большую звѣзду ордена „Герцеговинской Зари“, который немедленно по пріѣздѣ будетъ мною основанъ.

Ордена этого Бжитковичу однако не пришлось основать. Горькое разочарованіе ожидало его „на мѣстѣ“. Изобрѣтенное имъ имя, на которое онъ такъ расчитывалъ, не произвело рѣшительно никакого впечатлѣнія. Когда онъ заикнулся только о своей родословной—ему довольно легко было объясняться съ мѣстными славянами, благодаря знанію русскаго и польскаго языковъ—вмѣсто почета, эти „невѣжественные люди“, оказавшіеся очень твердыми и знающими въ генеалогіи своихъ именитыхъ родовъ, стали явно трунить надъ нимъ, а извѣстный Лука Петковичъ, такъ тотъ, безъ всякаго стѣсненія, сказалъ ему прямо:

— То глупство.

Отправившись сгоряча въ горы къ ближайшимъ *усташамъ*, онъ нашелъ бѣдность крайнюю, полное отсутствіе самыхъ насущныхъ потребностей „культурнаго человѣка“, чрезвычайно суровыя условія жизни, немыслимыя для его слабодушной, рыхлой натуры. Онъ надѣялся найти здѣсь средства, думалъ поживиться тутъ, а между тѣмъ у него же спрашивали *новаца*, т е денегъ.

Но послѣднимъ ударомъ было первое дѣло, въ которомъ ему привелось участвовать, или вѣрнѣе, присутствовать. Это дѣло было именно вчерашній бой при Липникѣ.

При зловѣщемъ свѣтѣ первыхъ турецкихъ пуль, съ Бжитковичемъ повторилось то же самое, что и прежде Хуже того. Воображеніе заработало разнузданно. онъ увидѣлъ себя оставленнымъ, брошеннымъ на произволъ судьбы, среди этихъ дикихъ горъ, раненымъ, настигнутымъ баши-бузуками и обезглавленнымъ... Поведеніе его было совершенно позорно. Онъ не могъ, по обыкновенію, бѣжать съ поля битвы, потому что кругомъ были невѣдомыя горы, дикія, мрачныя, безлюдныя, одинъ видъ которыхъ вселялъ въ немъ ужасъ... Онъ старался быть какъ можно далѣе отъ боя, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялся слишкомъ отстать, прятался, умаливалъ чтобы при немъ оставили какъ можно болѣе тѣлохранителей... Когда-же раздался крикъ „аскеръ!“ и началось поспѣшное отступленіе подъ пулями, несчастный совсѣмъ потерялъ голову и даже заплакалъ проклиная свое сумасбродство.

Понятно какое впечатлѣніе произвело подобное поведеніе на храбрыхъ усташей.

— *Яребица* (куропатка), а не человѣкъ, пробурчалъ послѣ дѣла Лука Петковичъ, указывая кивкомъ головы на тащившагося тутъ же Бжитковича.

— Душановичъ! *исто* (по истинѣ) Душановичъ! дополнилъ приговоръ кто-то изъ окружающихъ такимъ исполненнымъ насмѣшки и презрѣнія тономъ, что всѣ разсмѣялись.

Боевое испытаніе подѣйствовало такъ на Бжитковича, что онъ рѣшилъ бросить свою затѣю и тотчасъ-же уйти изъ этихъ дикихъ мѣстъ, столь-же страшныхъ, сколько и непроизводительныхъ. Совсѣмъ уйти, уѣхать отсюда.

Куда?—онъ самъ не могъ бы отвѣтить на это. Онъ былъ одинъ одинешенекъ на бѣломъ свѣтѣ, съ нѣсколькими флоринами въ карманѣ. Всею душою онъ рвался отсюда, хотя вездѣ его ожидало то же одиночество, та же безпомощность; но въ другомъ мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, его ожидала неизвѣстность, тогда какъ тутъ онъ теперь хорошо зналъ, на что онъ могъ надѣяться... И почти полное безденежье при этомъ! Всего какихъ нибудь флориновъ десять въ карманѣ.

Вотъ почему мы застали Бжитковича погруженнымъ въ мрачное раздумье.

Онъ ожидалъ только пробужденія усташей, чтобы просить Луку Петковича дать ему проводника до черногорской границы, когда Лука Петковичъ столь неожиданно и странно самъ появился предъ нимъ.

III.

Ризано — ничтожный австрійскій городокъ въ Боккѣ Каттарской, находящійся по близости черногорской границы.

У подножія горной громады очень мрачнаго вида, съ полсотни каменныхъ домиковъ, словно налѣпленныхъ другъ па другѣ и скученныхъ тѣсно, боязливо будто

страшась сосѣдства огромныхъ каменныхъ глыбъ, нависшихъ со всѣхъ сторонъ надъ маленькимъ городкомъ.

Ближайшие къ морю домики вылѣзаютъ совсѣмъ на воду, поставленные переднею частью на сваи и каменные устои. Миніатюрная набережная въ нѣсколько аршинъ шириной. Пять-шесть далматскихъ барокъ и нѣсколько лодокъ привязаны къ сваямъ, торчащимъ изъ воды вдоль набережной, а шагахъ въ пятидесяти отъ берега стоитъ только что пришедшій пароходъ австрійскаго Ллойда.

Кругомъ, куда ни взглянешь, виднѣется сплошная чернѣющая стѣна горъ, окаймляющихъ тихія воды Бокки-Каттарской.

Сумрачное утро Густыя облака лежатъ низко, гораздо ниже гребней окружающихъ горъ. Моросить мелкій дождь.

Городокъ уже давно проснулся.

На крошечной площади, составляющей нѣчто въ родѣ уступа у лѣваго конца набережной, происходило необычайное движеніе, не взирая на скверную погоду.

Нѣсколько десятковъ маленькихъ горскихъ лошаденокъ и *мазгъ* (муловъ), навьюченныхъ сѣрыми мѣшками, занимали часть площади. Вокругъ суетились, крича немилосердно и перебраниваясь, человѣкъ двадцать погонщиковъ изъ поморянъ. Тутъ-же, мѣрно и важно расхаживали нѣсколько черногорцевъ въ грязныхъ *бѣличахъ*, черныхъ *капахъ* и, противъ обыкновенія, безъ оружія.

Черногорцы не имѣютъ права появляться вооруженными на австрійской территоріи. Съ другой стороны, по своимъ обычаямъ, они ходятъ всегда при оружіи, а по существующему закону не могутъ отлучаться безоружными болѣе чѣмъ на часъ разстоянія отъ своего жилища. Поэтому они обыкновенно разстаются на самой границѣ и крайне неохотно со своими неразлучными друзьями. *пушкой* (ружьемъ) и кинжаломъ. Оружіе хранится до ихъ возвращенія или въ австрійскомъ таможенномъ домикѣ, или у кого нибудь изъ знакомыхъ пограничныхъ поселянъ.

Мирно разгуливавшіе черногорцы присматривали за навьючкой коней и мазгъ

Въ другомъ углу площади стояла толпа человѣкъ въ пятьдесятъ мужчинъ и женщинъ.

Мужчины, истощеннаго вида, страшно загорѣлые, почти черные, въ однѣхъ рубахахъ съ широко раскрытымъ воротомъ. Грудь ихъ черная, морщинистая, покрытая густо волосами, обнажена почти по поясъ. Широкія *гачи* (шаровары), доходящія до колѣнъ, изъ толстѣйшей парусины, нѣкогда бѣлой, ободраны и протерты. Красный широкій поясъ, дырявые невыразимо засаленные *чараны* (шерстяные чулки) и сбитыя, прокващенныя въ слякоти *опанки*. На головѣ, у однихъ грязнѣйшія красныя шапки въ родѣ турецкаго феса, у другихъ—красные пояса, скрученные и обмотанные чалмой.

Женщины въ не менѣе засаленныхъ парусинныхъ продранныхъ рубахахъ и такихъ-же юпкахъ. На головѣ у нихъ красныя шапки и черныя повязки въ родѣ платка.

Эта жалкая толпа, отъ которой вѣяло горестью, забитостью, ужасающею нищетой, страшною безпомощностью, молчаливо стояла, тупо поглядывая по сторонамъ и будто чего то ожидая. Несчастные, едва прикрытые своими лохмотьями, не обращали вниманія на непогоду и стояли по щиколку въ грязи.

То были герцеговинцы, укрывшіеся съ самаго начала возстанія въ Черногоріи и посланные въ Ризано за полученіемъ провіанта для своихъ семействъ.

По недостатку перевозочныхъ средствъ, черногорское правительство было вынуждено возложить доставку продовольствія на самихъ потребителей, вслѣдствіе чего, по два раза въ недѣлю въ Ризано являлись посланные отъ ближайшихъ герцеговинскихъ кочевокъ за *кукурузкой*.

Это тяжелое и прѣсное до приторности тѣсто, испеченное плоскими четырехфунтовыми хлѣбами, составляло единственную пищу бѣжавшихъ изъ Турціи герцеговинскихъ семействъ.

Изъ открытаго окна маленькаго одноэтажнаго дома, выходящаго угломъ на площадь, три человѣка, сидя „за кофеемъ“ смотрѣли на эту грустную картину

Плачевнаго вида маленькій домикъ этотъ изображалъ лучшую мѣстную, какъ гласила надпись, *гостіонницу*.

Надъ входомъ черная доска съ упомянутою надписью и полинявшимъ изображеніемъ какой-то страшно усатой головы въ черногорской шапкѣ. Полъ вровень съ улицей, вслѣдствіе чего высочайшій порогъ, нѣчто въ родѣ плотины отъ уличной грязи. Въ дверь виднѣлся мизерный прилавокъ съ графинами *сливовицы* (водки), бутылками пива и кувшинами вина. Въ другое открытое окно, справа отъ двери, выставлялъ на показъ свое убожество продранный и затасканный до невѣроятія билліардъ, за которымъ, не взирая на ранній часъ, упражнялись уже австрійскіе офицеры въ куцыхъ синихъ курткахъ.

Трое мужчинъ сидѣвшихъ у окна „за кофеемъ“ были русскіе Одинъ изъ нихъ наканунѣ вернулся изъ горъ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько дней въ отрядѣ Пейко Павловича.

То былъ пожилой уже человѣкъ изможденнаго вида, съ морщинистымъ, сильно загорѣлымъ лицомъ, обросшимъ рѣдкою русою съ просѣдью растительностью. Круглые мутные глаза его имѣли грустное и задумчивое выраженіе Голова была почти совсѣмъ лысая.

Одежда его представляла страшную смѣсь мѣстнаго костюма съ общеевропейскимъ: черный суконный сюртукъ, опоясанный краснымъ черногорскимъ поясомъ, черные суконные штаны, сверхъ которыхъ были натянуты до колѣнъ шерстяные чулки; на ногахъ опанки, черногорская капа на головѣ, разорванныя черныя перчатки, и на плечахъ невозможно истрепанная и продранная *инцерата* (клеенчатое пальто).

Двое другихъ только что прибыли съ пришедшаго парохода и только сидя въ лодкѣ, перевозившей ихъ на берегъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами, узнали что тотъ и другой русскіе.

Случилось это очень просто. Одинъ изъ нихъ плылъ изъ Тріеста и, истомленный качкою, послѣдніе два дня не выходилъ изъ своей каюты. Другой же сѣлъ на пароходъ только въ Рагузѣ, наканунѣ вечеромъ.

Тотъ, что сѣлъ въ Рагузѣ, былъ красивый молодой человѣкъ, блондинъ съ военною осанкою. Особенную прелесть его симпатичному открытому лицу придавали большіе сѣрые глаза съ мягкимъ бархатистымъ взоромъ

Одѣтъ онъ былъ въ щегольской полу-военный полустатскій костюмъ: темносиній короткій кафтанъ, отороченный черною мерлушкою, высокіе лакированные сапоги, черногорская капа на головѣ.

Третій имѣлъ очень характерную наружность.

Въ двухъ словахъ его можно было бы характеризовать такъ. господинъ съ нахальнымъ носомъ.

И дѣйствительно, въ этой фигурѣ прежде всего останавливалъ на себѣ вниманіе носъ, очень крупный, сильно вздернутый, съ очень большими ноздрями. Изъ тѣхъ ноздрей, которыя, какъ выражаются, смотрятъ въ облака.

Впечатлѣніе, производимое этимъ характернымъ носомъ, дополнялось остальными чертами. Самоувѣренный и тоже замѣчательно нахальный взглядъ, пытавшійся принимать подчасъ глубокомысленное и „фатальное“ выраженіе; большой ротъ непріятной и нѣсколько саркастической складки, съ тонкими безцвѣтными губами; худощавое угреватое лицо, лишенное растительности, исключая совсѣмъ убогаго клочка бѣлесоватыхъ волос-

Чтеніе. Съ картины Діаны Кумансъ, грав. Кемпленъ.

2

ковъ на подбородкѣ. Роста былъ онъ средняго, узкій въ плечахъ, очень жидкаго склада.

Этотъ былъ одѣтъ по европейски: жакетная „пара“ французскаго покроя, повязной галстухъ съ огромнымъ бантомъ и такъ называемый котелокъ на головѣ.

Всѣ три были русскіе помѣщики.

Первый—Степанъ Ильичъ Арзамасцевъ — казанскій помѣщикъ, пріѣхалъ сюда съ Волги, прямо изъ своего небольшаго имѣнія.

Второй—Андрей Сергѣевичъ Тагульскій — воронежскій помѣщикъ и штабсъ-ротмистръ армейскаго гусарскаго полка, пріѣхалъ сюда прямо изъ полка, взявъ четырехмѣсячный заграничный отпускъ.

(До слѣд. №).

Маранта.

Разсказъ **Л. Долина**.

Къ подъѣзду изящнаго маленькаго двухъ-этажнаго дома подъѣхалъ на парныхъ саняхъ пожилой господинъ. Войдя по мраморной лѣстницѣ въ переднюю, убранную роскошными тропическими растеніями, онъ обратился къ дремавшему на высокомъ стулѣ ливрейному лакею съ вопросомъ:

— Кто у васъ боленъ?

Лакей торопливо вскочилъ и почтительно отворяя дверь слѣдующей комнаты, произнесъ:

— Молодая барыня, хвораютъ, прикажете проводить къ нимъ?

— Да, проводи.

— Марья Кириловна, скажите Надеждѣ Александровнѣ, что господинъ докторъ пріѣхалъ, а я пойду доложить ея превосходительству.

Дѣвушка провела по узкой внутренней лѣстницѣ доктора къ больной. На мягкой сѣроватой, атласной кушеткѣ лежала въ голубомъ капотѣ, причудливо вышитомъ шелками, молодая женщина съ прекрасными темными глазами. Бѣлокурые волосы, высоко поднятые сзади, мелкими локонами вились на лбу, маленькій ротъ съ необыкновенно правильно очерченными губами судорожно подергивался, глаза смотрѣли уныло и каждую минуту казалось вотъ-вотъ польются слезы. Молодая женщина нервно вздрагивала кутаясь въ турецкую шаль. Черная собачка съ желтыми подпалинами прижималась къ ней, ласковымъ взглядомъ упорно смотрѣла въ лицо Надежды Александровны и слегка повизгивала, точно сочувствуя ея горю.

— Что милый, и тебѣ скучно? Я забыла тебя! говорила она, гладя собачку.—Ну, приди ко мнѣ, маленькій счастливецъ, всѣ тебя любятъ... онъ тоже любитъ тебя, маленькій Той!

Собачка радостно завиляла хвостомъ, лизнула молодую женщину въ руку и улеглась у нея на подушкѣ, а та снова задумалась и крупныя слезы потекли по ея молодому, полному жизни лицу. Горе не шло къ дѣтскому выраженію ея Казалось чего ей плакать? Роскошная обстановка маленькаго будуара въ китайскомъ вкусѣ, красивыя саксонскія статуэтки на изящныхъ этажеркахъ, растенія широкими перистыми листьями украшавшія углы комнаты, цвѣты въ затѣйливыхъ жардиньеркахъ, все свидѣтельствовало о достаткѣ молодой обитательницы хорошенькаго будуара. Что же вызывало слезы на эти дѣтскіе глаза?—Вѣроятно отказъ въ поѣздкѣ на балъ или неудавшееся платье! Кто могъ обидѣть этого ребенка? А между тѣмъ у него было горе и не даромъ плакали эти прекрасные черные глаза. Горе сломившее молодое, неопытное существо было не по лѣтамъ и не по силамъ! Оно уложило девятнадцати-лѣтнюю женщину, цвѣтущую здоровьемъ, въ постель.

Мѣсяца два тому назадъ, веселая, нарядная, напѣвая мотивъ Страусовскаго вальса, подъ звуки котораго наканунѣ танцовала съ любимымъ ею мужемъ, вошла она въ кабинетъ его, написать двѣ строчки подругѣ, какъ вдругъ ей попалось распечатанное письмо, написанное женскимъ почеркомъ, слѣдующаго содержанія:

„Два дня жду тебя, Миша, самъ не идешь и денегъ не присылаешь. Что это значитъ? Неужели до сихъ поръ ты не съумѣлъ вырвать у этихъ глупцовъ денегъ. Полно нѣжничать съ женой, припугни ее хорошенько чтобъ требовала у отца капиталъ. На проценты далеко не уѣдешь. Долги такъ и останутся незаплаченными. Во всякомъ случаѣ приходи завтра утромъ непремѣнно. Ужъ очень скучно безъ тебя, да и кромѣ того надо придумать какъ бы намъ съ тобой устроиться чтобъ забрать ихъ всѣхъ въ руки. Цѣлую тебя.

Твоя Глаша“.

Прочитавъ эту записку, молодая женщина въ первую минуту не поняла что это значитъ.

„Не можетъ быть чтобъ подобныя вещи были написаны ея мужу, думалось ей, вѣроятно кого нибудь изъ товарищей его зовутъ однимъ именемъ съ нимъ“.

Она бросилась искать конверта, но его не было, числа тоже не было. Сомнѣніе мучило ее. Торопливо одѣвшись, Надежда Александровна поѣхала къ своей пріятельницѣ-кузинѣ Марьѣ Петровнѣ Болтовской. Она была лѣтъ на пять старше, гораздо опытнѣе и посовѣтовала ей, чтобъ убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній, послѣдить за мужемъ и постараться вообще поискать объясненія загадки, а пока не показывать вида, что подозрѣваетъ что либо.

— Ты конечно не съумѣешь скрыть своей досады, говорила она, и потому лучше напиши ему записку, что ты будешь обѣдать у насъ, потомъ мы вмѣстѣ поѣдемъ въ театръ и я завезу тебя сама домой.

Надежда Александровна, вернувшись изъ театра, переодѣлась и сѣла въ темномъ углу кабинета на диванѣ. Мужа ея не было дома. Онъ вскорѣ вернулся, на цыпочкахъ пробираясь въ спальню, спрашивалъ преданнаго себѣ лакея Луку, знавшаго всѣ его секреты:

— Пріѣхала барыня?

— Пріѣхала.

Онъ подошелъ къ дверямъ спальни, постучалъ спрашивая:

— Надя спишь?

Отвѣта не было. Михаилъ Петровичъ вошелъ въ кабинетъ и не зажигая свѣчки тихо говорилъ Лукѣ:

— Чортъ знаетъ что! До сихъ поръ не могу получить денегъ. Двадцать тысячъ! Не думаютъ-ли на этомъ отъѣхать? Какъ-же. Нѣтъ, я тоже маху не дамъ. Не на таковскаго напали! Деньги нужны до зарѣзу и мнѣ и Глафирѣ Ивановнѣ, а достать негдѣ Сходи ты къ этому проклятому жиду, скажи, что готовъ ему заплатить какіе угодно проценты лишь бы далъ мнѣ рублей съ тысячу. На векселѣ поручится жена Хоть-бы Глашѣ то дать пока. Я какъ нибудь обернусь... Заложу женины брилліанты...

— Сходить то я схожу, да врядъ-ли дастъ.

— Попробуй, зажигая свѣчку сказалъ Михаилъ Петровичъ.

Неужели такъ говорилъ ея мужъ, ея милый Миша, всегда такой деликатный и вѣжливый—такія грубыя выраженія! Значитъ письмо было къ нему! Надежда Александровна, не слушая дальше, громко по дѣтски разрыдалась...

— Кто тутъ? испуганнымъ голосомъ спросилъ Михаилъ Петровичъ.—Надя? Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я все слышала, Михаилъ Петровичъ, больше я здѣсь не останусь, сейчасъ-же уѣду къ мамѣ, разскажу ей все, продолжая плакать говорила молодая женщина.

— Что такое, что такое ты ей разскажешь.

— Скажу, что вы хотите какой то Глашѣ везти деньги.

— Вотъ глупая! Какой Глашѣ? Слышала мелькомъ и не знаетъ о комъ и дѣло, принужденно смѣясь говорилъ Михаилъ Петровичъ.—Глафира Ивановна—просто женщина, которой я долженъ, закладчица.

— Полноте, не выдумывайте, закладчица не стала бы вамъ говорить ты и называть Мишей.

— Съ чего ты взяла, дурочка, она никогда мнѣ „ты“ не говорила.

— Уважайте себя больше, Михаилъ Петровичъ, не лгите, не придумывайте оправданій, я прочитала ея письмо къ вамъ, брошенное вами на столѣ.

Тонъ его вдругъ измѣнился, глаза налились кровью, лицо поблѣднѣло отъ бѣшенства, онъ съ пыломъ схватилъ жену за руку.

— Отдай сейчасъ письмо, негодная! Такъ ты по моимъ столамъ шныришь, отдай, или я тебя...

— Его у меня нѣтъ, стараясь высвободиться, говорила Надежда Александровна.—Оставьте меня... я отдала письмо Машѣ. Пустите... падая на стулъ прерывающимся отъ рыданій голосомъ прибавила Надежда Александровна.

Онъ бросилъ ея руку и отошелъ.

— Съ этой минуты ты мнѣ больше не жена, иди къ матери, или куда хочешь, мнѣ все равно.

И она проплакала всю ночь. На утро отправилась къ своимъ, разсказала сцену съ мужемъ, и порѣшила, что больше съ такимъ человѣкомъ жить не можетъ.

Мать ея, Ольга Николаевна Меснеръ, богатая, жизнью и мужемъ избалованная, женщина, не могла понять, чтобы ея Надю, ея гордость, ея любовь, могъ такъ жестоко оскорбить ненавистный ей зять. Ей въ голову не приходило чтобъ ея дочь, эту веселую, вѣчно улыбающуюся, добрую Надю могъ кто не любить. Она долго противилась ея браку, и только безграничная слабость къ дочери и неумѣнье ей возражать, заставили ее дать согласіе. Ей не нравился зять, инстинктомъ она чувствовала, что дочь ея не будетъ съ нимъ счастлива, но передъ желаніемъ дочери она была безсильна. Она постоянно со страхомъ ждала катастрофы. И вотъ она случилась, оставалось подчиниться и оставить дочь у себя. Надя, въ порывѣ горя, увѣряла Ольгу Николаевну, что больше никогда не вернется къ мужу, что она ненавидитъ его, что онъ ей противенъ и т. п. Молодая женщина, не отдавала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ въ то время, а теперь гордость мѣшала ей сознаться, что она

все еще любитъ такъ оскорбившаго ее человѣка. Между тѣмъ вернуться назадъ было поздно. Оставалось одно—забыть его.

Докторъ, Владиміръ Сергѣевичъ Штольцъ, вошелъ въ будуаръ къ больной, ласково взялъ ее за руку, послушалъ пульсъ и, не найдя ничего серьезнаго, прописалъ лавро-вишневыя капли. Потомъ присѣлъ на мягкое, обтянутое плюшемъ кресло, началъ съ нею бесѣду. Онъ зналъ уже печальный эпизодъ ея неудавшейся жизни, и находилъ, что для ея болѣзни нѣтъ лекарствъ въ аптекѣ, а есть во времени и трудѣ.

— Займитесь чѣмъ нибудь, говорилъ онъ полушутя, полусерьезно,—а пока по 10 капель принимайте черезъ четыре часа лекарство, которое я вамъ пропишу.

— Чѣмъ заняться? Право ничѣмъ не стоитъ, тоска такая.

— Музыкой, рисованіемъ, читайте, развейте въ себѣ пристрастіе, вкусъ къ чему нибудь... ну, хоть къ цвѣтамъ, замѣтивъ въ въ углу комнаты цѣлую клумбу растеній, договорилъ докторъ. Сперва можетъ быть вамъ это покажется скучно, а потомъ мало-по-малу вы получите интересъ, особенно когда на растеніи покажутся новые побѣги и оно, такъ сказать, отблагодаритъ васъ за заботы о немъ. Повѣрьте, Надежда Александровна, люди и лгутъ, и обманываютъ, одна природа—никогда! Она дастъ больше радостей, чѣмъ, повидимому, можно ожидать. Вообще сближеніе человѣка съ природой обновляетъ его. Полюбите растеніе, займитесь имъ, оно тоже живетъ, дышетъ и страдаетъ отъ небрежности человѣка.

Пока докторъ говорилъ, Надежда Александровна слушала его сначала разсѣянно, потомъ ея большіе черные глаза внимательно остановились на немъ, ротъ полуоткрылся, показывая бѣлые зубы, и, слегка опираясь на локоть, при словѣ „страдаетъ" она удивленно перебила его:

— Неужели? Страдаетъ? Никогда я объ этомъ прежде не думала.

— Да страдаетъ, листья отъ небрежной поливки желтѣютъ, падаютъ, растеніе сохнетъ и погибаетъ... Я не говорю вамъ, чтобы всю жизнь никого не любить, кромѣ цвѣтовъ, но временно, пока сердце не успокоилось, пока прошлое еще такъ живо, чтобъ забыть горечь обиды, отвлечь мысль, займитесь растеніями. Гуляйте, будьте больше на воздухѣ. Пройдетъ извѣстный срокъ, рану сердца затянетъ и снова, пожалуй, вы полюбите, и будете счастливы и веселы. Вы такъ молоды! Надо только пережить тяжелое время... Ну, однако я заболтался! До свиданія, сказалъ вставая докторъ.

— Заходите къ намъ, я люблю говорить съ вами, вы всегда что нибудь доброе, хорошее скажете, произнесла Надежда Александровна, протягивая руку.

Докторъ спустился внизъ. Его встрѣтила Ольга Николаевна, съ встревоженнымъ лицомъ.

— Что съ Надей? Какъ вы ее нашли?

— Пустяки, нервы, скучаетъ, вывозите больше на воздухъ, пусть развлекается, а главное, пусть придумаетъ себѣ какое нибудь интересующее ее занятіе.

— Ну, слава Богу! Вы не повѣрите какъ меня встревожила ея болѣзнь, пожимая руку доктора, произнесла Ольга Николаевна.

„Легко сказать,—займитесь чѣмъ нибудь, когда ничего на умъ нейдетъ" думала Надежда Александровна; однако, исполняя приказаніе доктора, встала съ кушетки, позвонила дѣвушку, и подошла въ раздумьи къ окну. „Чѣмъ же заняться? Вымыть развѣ растенія?" перебирая пальцами продолговатые листья съ пурпуровыми краями низкорослой музы африкана, сказала себѣ Надежда Александровна. Молодая женщина любила цвѣты и растенія, но ухода за ними не знала. Растенія привозились съ дачи, поливались садовникомъ, и имъ же увядшія увозились обратно.

Вошла горничная.

— Принеси мнѣ теплой воды, губку и полотенце, я хочу вымыть растенія.

— Что вы, барыня, позвольте я вымою, замѣтила она, удивленная фантазіей своей госпожи.

— Нѣтъ, не надо. Возьми также рецептъ и пошли въ аптеку за лекарствомъ.

Обмывая растенія, Надежда Александровна вдругъ замѣтила что прекрасная, высокая маранта, съ темно-зелеными, глянцовитыми листьями, точно подбитыми лиловатой, нѣжной подкладкой, покрылась бѣлою тлею и опустила внизъ свои красивые, на длинныхъ черешкахъ, листья. Видимо растеніе чахло. Оно своимъ видомъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало состоянію духа молодой женщины и потому привлекло ея вниманіе. Сердце ея также было изъѣдено горемъ, какъ стволъ и листья маранты тлею. Ей стало жаль бѣдное растеніе, недавно такъ нарядно раскидавшее свои красивые, блестящіе листья, теперь такъ печально поникнувшіе. Она обмыла ихъ, счистила тлю, полила, подвинула поближе къ свѣту, но все это не придало имъ жизни.

На слѣдующій день она снова повторила тоже самое, но растеніе все не поправлялось, снова появилась тля. Видя безуспѣшность своихъ трудовъ, Надежда Александровна купила по совѣту матери ботанику Григорьева, начала читать ее, изъ нея узнала, что ея больное растеніе, принадлежащее къ семейству Marantheceae, слѣдуетъ пересаживать въ концѣ марта, или началѣ апрѣля, и поливать его, когда пойдетъ въ ростъ, жидкимъ удобреніемъ. Все это она сдѣлала, пересадила и поставила въ затѣненное мѣсто на лѣто. Везти на дачу она его боялась, но зато черезъ каждые два дня ѣздила въ городъ посмотрѣть, что дѣлается съ нимъ. Домашніе не мѣшали ей, радуясь, что наконецъ то ихъ Надя хотя на время забыла свое горе. Она не распѣвала еще, какъ прежде, веселые мотивы, но пѣла романсы Шумана, читала Гейне, и въ особенности любила полную грусти поэзію Ламартина.

Наконецъ, къ осени, послѣ продолжительныхъ, усиленныхъ работъ Надежды Александровны, поникшіе, полуувядающіе листья маранты поднялись, приняли свѣжій, прелестный видъ, и паразиты поѣдавшіе ее исчезли.

Молодая женщина еще больше полюбила свою паціентку. Ѣхать въ городъ составляло для нея большое удовольствіе, по дорогѣ она разъ двадцать, радостно сжимая руки, говорила матери:

— Мама, я увижу маранту.

Та взглядывала на нее, довольная улучшеніемъ настроенія дочери, а она сидѣла и считала минуты приближенія поѣзда къ Петербургу, точно ѣхала на свиданіе съ любимымъ человѣкомъ.

Во время поѣздокъ Надежды Александровны въ городъ, она почти каждый разъ встрѣчалась на поѣздѣ Балтійской желѣзной дороги со своимъ стариннымъ знакомымъ, Владиміромъ Ивановичемъ Дельсономъ. Онъ ѣздилъ на службу въ Петербургъ. Надежда Александровна не обращала на него вниманія. Владиміръ Ивановичъ разговаривалъ съ Ольгой Николаевной, пока скучающимъ взглядомъ молодая женщина смотрѣла въ окно, на быстро пробѣгавшія поля, деревья и дачи. Изрѣдка она взглядывала на него, предлагала какой нибудь пустой вопросъ изъ приличія, и снова отвертывалась. Владиміру Ивановичу стало жаль видѣть постоянно грустной молодую женщину. Красота ея еще усиливала симпатію къ ней. Мало-по-малу, отъ сожалѣнія онъ перешелъ къ болѣе нѣжному чувству, но говорить съ ней все еще не рѣшался. Изъ разсказовъ Ольги Николаевны, онъ узналъ какъ Надежда Александровна усиленно занимается своимъ любимымъ растеніемъ. Онъ вздумалъ пошутить надъ ея страстью, но она такъ печально взглянула на него, что у него пропала охота шутить.

Надежда Александровна говорила о растеніи, называя его просто „моя маранта". Ей казалось, что всѣ должны знать, что маранта—растеніе, между тѣмъ, многіе этого не знали и выходили забавныя qui pro quo.

— Кто это Маранта? спросилъ Владиміръ Ивановичъ молодую женщину.

— Какъ, вы не знаете что такое маранта? чуть не съ презрительнымъ удивленіемъ сказала молодая женщина. Неужели не знаете? Маранта—растеніе.

— Вотъ никакъ не ожидалъ, вы говорите точно о человѣкѣ, съ такой любовью, покраснѣвъ отъ радости, произнесъ Владиміръ Ивановичъ.

Ревность уже начала закрадываться въ его сердце.

— Какая ты смѣшная Надя, давно ли ты сама узнала названіе, а теперь удивляешься что не всѣ знаютъ его, улыбаясь сказала Ольга Николаевна.

— Да, это правда.

Въ слѣдующій разъ встрѣчи. Дельсонъ обыкновенно начиналъ разговоръ съ Надеждой Александровной со словъ:

— Какъ здоровье маранты?

Теперь съ нимъ уже разговаривала молодая женщина; впрочемъ разговоры были только о растеніи. Онъ былъ посвященъ во всѣ тонкости ухода за нимъ.

„Какая однако энергія чувства у этой женщины, думалъ онъ, смотря какъ мило складываются ея губы, и счастливъ тотъ, кому отдастъ она свое сердце".

Въ началѣ осени, въ одинъ изъ самыхъ скучныхъ сентябрскихъ дней, одинъ изъ тѣхъ, когда солнце уже болѣе недѣли не показывалось на горизонтѣ, мелкій дождь то переставалъ, то снова начиналъ моросить, въ воздухѣ уже слышался поворотъ къ холоду, листья пожелтѣли, и мѣстами покрывали толстымъ слоемъ почву, только хвойный лѣсъ стоялъ все такой же пышный и зеленѣющій. Въ вагонъ перваго класса не вошла, а впорхнула веселая, радостная Надежда Александровна, не смотря на уныніе окружающей природы. Дельсонъ не могъ не замѣтить ея настроенія.

— Что съ вами, Надежда Александровна, вы такая веселая?

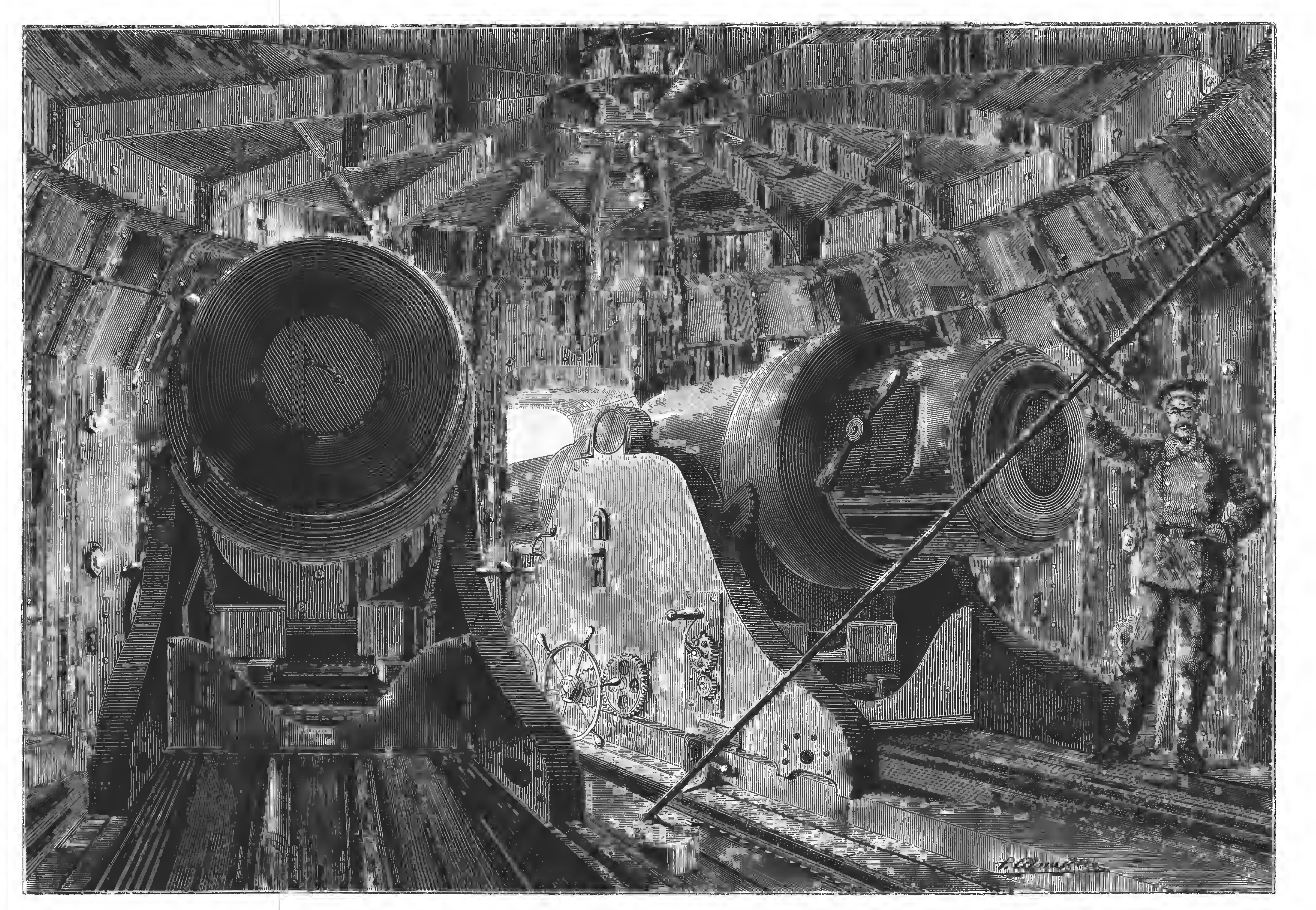
— Вы не знаете какая мнѣ радость, представьте, у моей маранты показались новые побѣги, листья поднялись, стали такіе блестящіе, здоровые.

— Ну, слава Богу, какъ я радъ, что вы снова веселы.

— Я такъ рада, такъ счастлива, что мнѣ всѣхъ хочется расцѣловать теперь, говорила она. Знаете, что я думаю? Мнѣ кажется, что доктора должны любить паціентовъ, которыхъ имъ удалось спасти отъ смерти. Я сужу по себѣ, я такъ люблю теперь мою маранту.

— Не просто любятъ, а нѣжно любятъ. Я имѣлъ такой примѣръ. Одинъ изъ нашихъ знаменитыхъ докторовъ дѣлалъ трудную операцію моей матери. Она необыкновенно удалась, докторъ такъ полюбилъ мою мать, что не зналъ чѣмъ и выказать

Русскій флотъ. Кронштадтскій пловучій докъ съ миноносками. Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна, грав. Флюгель.



Русскій флотъ. Внутренній видъ башни корабля „Петръ Великій“.
Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна. грав. М. Рашевскій.

свою привязанность, и ей, сравнительно съ нимъ, богатой женщинѣ, посылалъ primeur'а съ своей кухни. Правда, и моя мать чувствовала къ нему такую признательность, что когда первый разъ встала съ постели и прошла до кушетки, она въ порывѣ благодарности поцѣловала ему руку.

„Какая она однако славная, подумалъ Дельсонъ,—не только хорошенькая, сердечная, да еще и умная!"

— Послушайте, прибавилъ онъ вслухъ, вы сегодня счастливы, сдѣлайте еще одного счастливымъ.

— Какимъ образомъ?

— Позвольте васъ любить, я не смѣю требовать теперь взаимности, но можетъ быть со временемъ, когда вы меня больше узнаете, вы не отвергнете моей любви.

— Я васъ и теперь нахожу очень, очень симпатичнымъ, но это такъ неожиданно, что я право не могу еще придти въ себя, покраснѣвъ сказала молодая женщина.

Владимиръ Ивановичъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Лицо его сіяло радостью.

Растеніе вполнѣ вознаградило Надежду Александровну: зимой расцвѣло роскошнымъ пунцовымъ цвѣткомъ, что рѣдко случается съ нимъ въ Петербургѣ. По мѣрѣ того какъ поправлялась маранта, горе молодой женщины все болѣе и болѣе притуплялось, Шумана она больше не пѣла, а снова начала распѣвать свои прежніе веселые мотивы, домъ оживился, и маранту поставили на самое почетное мѣсто въ большой красивой залѣ, съ двухъ сторонъ освѣщаемой солнцемъ. Ботанику Григорьева отдали переплетчику, съ тѣмъ чтобъ онъ старую, изорванную, и мѣстами запачканную книгу переплелъ въ красный плюшевый переплетъ.

Молодая женщина, показывая роскошное растеніе своимъ друзьямъ, говоритъ: „Я вылечила ее, а она меня", и при этомъ съ радостной улыбкой взглядываетъ на Дельсона.

Суда русскаго флота.

(Рис. на стр 572, 573, 576 и 577).

Суда русскаго флота, по характеру своей боевой службы, дѣлятся на наступательныя и оборонительныя. Къ первымъ причислены такія суда, которыя могутъ развивать свои военно-морскія операціи въ иностранныхъ водахъ, открытыхъ моряхъ и океанахъ, а именно: морскіе тяжелые броненосцы (башенные корабли и фрегаты), полуброненосныя, быстроходныя, рангоутныя суда и океанскіе неброненосные крейсера, предназначаемые исключительно для нанесенія болѣе или менѣе тяжкаго удара морской коммерческой дѣятельности непріятельской страны. Оборонительный русскій флотъ, созданный для защиты роднаго прибрежья, состоитъ изъ башенныхъ броненосныхъ лодокъ, мониторовъ, канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ громадными одиннадцати-дюймовыми дальнобойными орудіями, и изъ множества (болѣе ста) миноносокъ или торпедныхъ судовъ. Миноноски (пловучій докъ съ миноносками изображенъ на нашемъ рисункѣ) представляютъ главную и самую опасную для непріятельскихъ судовъ часть оборонительнаго флота. Не смотря на свои незначительные размѣры (отъ 60 до 70 футъ длиной), онѣ въ состояніи вступить въ бой и уничтожить самый сильнѣйшій броненосецъ въ мірѣ. Сила ихъ удара, при извѣстной отвагѣ и мужествѣ команды, почти неотразима, не смотря на множество изобрѣтенныхъ средствъ противъ минныхъ аттакъ. Выстроенныя изъ лучшей стали, обладающія сильнымъ ходомъ (до 18 миль или до 32 верстъ въ часъ), едва видимыя изъ подъ воды, миноноски представляютъ въ рукахъ людей опытныхъ, смѣлыхъ и энергичныхъ, грозное, разрушительное оружіе. Неожиданныя ночныя ихъ нападенія положительно ужасны и почти всегда производятъ на непріятеля подавляющее, деморализующее впечатлѣніе. Невидимо, безшумно приближаются онѣ къ намѣченнымъ судамъ, стараясь скрыться отъ вниманія непріятельскихъ сторожевыхъ судовъ, обыкновенно разставляемыхъ вокругъ эскадры для предупрежденія неожиданнаго нападенія. Нерѣдко, пользуясь ночною тьмою, миноноски проскальзываютъ къ непріятельскимъ судамъ почти незамѣтно, и тогда гибель послѣднихъ трудно отвратима. Въ счастливомъ случаѣ, приближеніе миноносокъ выясняется своевременно, и тогда все моментально готовится къ отчаянному отраженію едва замѣтныхъ, быстро несущихся враговъ. Сторожевые паровые катера и шлюпки тщетно стараются преградить имъ дорогу. Со всѣхъ сторонъ раздается безпорядочная, торопливая стрѣльба изъ скорострѣльныхъ орудій и ружей. Миноноски несутся, словно движимыя какой-то сверхъестественною силою. На ихъ стальныхъ, выпуклыхъ полубокахъ не видно ни одного человѣка. Командиры миноносокъ управляютъ ими изъ небольшихъ, стальныхъ башенъ, съ узкими прорѣзями для глазъ. Такимъ образомъ вся команда почти неуязвима. Пули скользятъ по выпуклой новерхности миноносокъ, не причиняя имъ рѣшительно никакого новрежденія. Снаряды скорострѣльныхъ пушекъ пробиваютъ крѣпкій стальной бортъ только въ крайне исключительныхъ случаяхъ. Что касается до снарядовъ большихъ орудій, то они не дѣйствительны, въ виду положительной невозможности попасть изъ большихъ орудій въ быстро несущуюся, едва видимую миноноску. Въ большинствѣ случаевъ, нѣкоторыя изъ аттакующихъ миноносокъ успѣваютъ взорвать свои мины, и тогда гибель тѣхъ судовъ, подъ которыми мины взорваны, уже неотвратима и вполнѣ вознаграждаетъ аттаку, даже при уничтоженіи большинства нападающихъ миноносокъ. Дѣйствительно, стоимость каждой миноноски не превышаетъ 50 тыс. рублей. Команды на ней всего 9 человѣкъ. Если даже предположить, что изъ десяти нападающихъ миноносокъ только одна успѣетъ удачно взорвать свою мину, а остальныя будутъ потоплены непріятельскими выстрѣлами, то результатъ все таки на сторонѣ аттаки. Вспомнимъ только, что стоимость каждаго броненосца достигаетъ отъ 3 до 10 милліоновъ рублей; а съ нимъ погибаютъ отъ 400 до 600 человѣкъ команды. Не говоря о громадномъ матеріальномъ ущербѣ, уничтоженіе каждаго непріятельскаго броненосца производитъ глубокое моральное впечатлѣніе.

На рисункѣ (стр. 572) представлены миноноски, поднятыя на деревянномъ пловучемъ докѣ, для окраски подводной части. Миноноска, расположенная въ лѣвой части рисунка, принадлежитъ къ числу вооруженныхъ шестовыми минами; а остальныя имѣютъ аппараты для выбрасыванія минъ Уайтхеда. Первыя могутъ поразить непріятельское судно только на близкомъ разстояніи. Каждая такая миноноска вооружена двумя трубчатыми, длинными шестами (35 фут.), на концахъ которыхъ прикрѣплены мины, снаряженныя однимъ пудомъ пироксилина. Такія мины могутъ быть взорваны только при условіи прикосновенія шеста къ подводной части непріятельскаго судна. Дѣйствіе ихъ страшно разрушительно. Достаточно одной удачно взорванной мины, чтобы потопить самый сильный броненосецъ. Миноноски, снабженныя выбрасывающимъ аппаратомъ, могутъ дѣйствовать вполнѣ удачно съ разстоянія 600 футъ. Мина Уайтхеда выбрасывается изъ носовой пушки миноноски помощью сжатаго воздуха. Упавъ въ воду, она продолжаетъ свое движеніе, по намѣченной цѣли, съ громадною скоростью, достигающею до 25 миль въ часъ. Въ головной части мины помѣщенъ двухъ-пудовый зарядъ пироксилина, который взрывается при ударѣ мины о подводную часть судна. При помощи особаго регулятора, мина Уайтхеда можетъ быть пущена на желаемой глубинѣ. Такимъ образомъ она можетъ быть употребляема съ одинаковымъ успѣхомъ какъ противъ глубоко, такъ и противъ мелко сидящихъ судовъ.

Корабль „Петръ Великій", изображенный на нашемъ рисункѣ (стр. 576), принадлежитъ къ типу такъ называемыхъ бруствердныхъ мониторовъ. Имѣя относительно низкую подводную часть, башни его, а также другія жизненныя части судна, возвышающіяся надъ палубой, бронированы не каждая отдѣльно, какъ на обыкновенныхъ мониторахъ, но окружены покрытымъ бронею брустверомъ, возвышающимся на нѣсколько футъ надъ серединою верхней палубы. Корабль построенъ по проэкту адмирала Попова въ Петербургѣ и спущенъ на воду 22 августа 1872 года. Главныя размѣренія этого лучшаго, сильнѣйшаго броненосца Балтійскаго флота слѣдующія: длина по грузовой ватерлиніи 329 ф. 10 д., ширина съ броней и подкладкой—63 ф 3 д.; число тоннъ водоизмѣщенія—9665. Стоимость корпуса корабля достигла до 4½ милліоновъ рублей, механизма—болѣе двухъ милліоновъ. Такимъ образомъ, броненосецъ обошелся въ общемъ итогѣ правительству около семи милліоновъ рублей, не считая вооруженія и различныхъ боевыхъ приспособленій. Корпусъ судна построенъ изъ желѣза по усовершенствованной клѣтчатой системѣ, съ двойнымъ дномъ и внутренними непроницаемыми переборками и отдѣленіями. Какъ форштевенъ (носовая часть), такъ и ахтеръ-штевенъ (кормовая часть) отлиты изъ пушечнаго металла. Отъ обоихъ штевней до бруствера сдѣланы легкія желѣзныя надстройки, чтобы по возможности отстранить или ослабить дѣйствіе волнъ на палубу; а также онѣ служатъ для лучшаго помѣщенія командира, офицеровъ и команды. Надъ брустверомъ, заключающимъ въ себѣ обѣ башни, и надъ послѣдними устроенъ особой формы помостъ или командный мостикъ, на который поднимаются гребныя и паровыя шлюпки. На мостикѣ же поставлена штурманская рубка (будка) со штурваломъ и съ переговорными трубами въ башню, машину и другія части судна. Бортъ корабля надъ ватерлиніею и ниже ея на 5 футъ покрытъ броневыми плитами, толщиною отъ 8 до 12 дюймовъ, на тиковой подкладкѣ такой же толщины. На бруствѣрѣ и башняхъ толщина брони 14 дюймовъ. Верхняя палуба покрыта плитами въ три дюйма. Артиллерія корабля „Петръ Великій" состоитъ въ настоящее время изъ четырехъ громадныхъ 12-ти-дюймовыхъ сорока-тонныхъ нарѣзныхъ орудій, по два въ каждой вращающейся башнѣ, системы Кольза, внутренній видъ которой изображенъ на рисункѣ (стр. 573), и изъ нѣсколькихъ мелкихъ орудій для десанта и скорострѣльныхъ пушекъ для отраженія миноносокъ. Двигательная сила корабля состоитъ изъ двухъ независимыхъ машинъ, приводящихъ въ движеніе два отдѣльныхъ винта, сообщающихъ судну скорость до 13 миль въ часъ. Обѣ машины совокупной системы въ 1400 номинальныхъ силъ и съ двѣнадцатью паровыми

котлами. Кромѣ двухъ главныхъ судовыхъ машинъ, на кораблѣ имѣются вспомогательные механизмы: для вращенія башенъ, дѣйствія вентилятора, шпиля, эжектора, пожарныхъ и водоотливныхъ помпъ, отъ которыхъ проведена особая система трубъ съ клинкетами во всѣ внутреннія отдѣленія судна. Въ настоящее время корабль „Петръ Великій" уже совершенно готовъ къ выходу въ море. Онъ причисленъ къ босвой эскадрѣ вице-адмирала Пилкина I, состоящей изъ слѣдующихъ судовъ: трехъ башенныхъ броненосныхъ фрегатовъ—„Адмиралъ Грейгъ", „Адмиралъ Лазаревъ", „Адмиралъ Чичаговъ", „Адмиралъ Спиридовъ", казематированнаго фрегата „Князь Пожарскій", полуброненоснаго фрегата „Дмитрій Донской" и крейсера „Забіяка".

Фрегатъ „Мининъ" (рис. на стр 576) принадлежитъ къ типу океанскихъ полуброненосныхъ крейсеровъ. Вначалѣ онъ былъ выстроенъ (въ 1869 г.) на основаніяхъ одинаковыхъ съ англійскимъ фрегатомъ „Captain" и такимъ образомъ принадлежалъ къ совершенно новому типу башенныхъ рангоутныхъ броненосцевъ. Но въ ночь съ 6 на 7 сентября 1870 г., фрегатъ „Captain" постигла ужасная, неожиданная участь: онъ перевернулся отъ сильнаго порывистаго вѣтра и погибъ у испанскихъ береговъ со всѣмъ почти экипажемъ и изобрѣтателемъ вращающихся башенъ, капитаномъ Кользомъ. Такая страшная катастрофа заставила морское министерство приступить къ немедленной передѣлкѣ Минина изъ башеннаго рангоутнаго фрегата въ полуброненосный океанскій крейсеръ, что и было поручено Балтійскому заводу, окончившему эту работу только въ 1877 году. Въ настоящемъ своемъ видѣ фрегатъ „Мининъ" представляетъ изящный океанскій крейсеръ, съ броневымъ поясомъ только по ватерлиніи. Артиллерія его состоитъ, не считая небольшихъ пушекъ для салюта, десанта и дѣйствія противъ миноносокъ, изъ четырехъ 8-ми-дюймовыхъ нарѣзныхъ орудій, поставленныхъ въ особо устроенныхъ выступахъ, и двѣнадцати 6-ти-дюймовыхъ орудій по борту, на верхней палубѣ, съ круговымъ обстрѣломъ по всему горизонту. Двигательная сила фрегата состоитъ изъ машины совокупной системы въ 900 номинальныхъ силъ, съ тремя цилиндрами и двѣнадцатью паровыми котлами, развивающей скорость до 14 миль въ часъ. Главныя размѣренія фрегата слѣдующія: длина по ватерлиніи 299 футъ, ширина 49 футъ, водоизмѣщенія 5740 тоннъ. Онъ обошелся морскому министерству до трехъ милліоновъ рублей, не считая вооруженія и артиллеріи. По изготовленіи фрегата въ плаваніе, онъ былъ отправленъ въ 1878 году въ Средиземное море, при чемъ выказалъ свои превосходныя мореходныя качества. Въ февралѣ 1880 года Мининъ отправился на станцію въ Тихій океанъ и благополучно возвратился въ Кронштадтъ только 16 сентября 1881 года, сдѣлавъ въ теченіи почти трехъ-лѣтняго плаванія 22600 миль подъ парами и 13000 миль подъ парусами. Въ настоящее время фрегатъ „Мининъ" опять находится въ Тихомъ океанѣ, куда былъ отправленъ осенью 1883 г. Кромѣ Минина, въ русскомъ флотѣ имѣются еще четыре подобныхъ же полуброненосныхъ океанскихъ крейсера, а именно: фрегаты—„Генералъ-Адмиралъ", „Герцогъ Эдинбургскій", „Владиміръ Мономахъ" и „Дмитрій Донской" (рис. на стр. 577). Суда эти выразили своими чертежами и постройкой самостоятельный русскій взглядъ на ихъ служебное назначеніе и обратили на себя вниманіе иностранныхъ державъ. Въ англійскомъ парламентѣ было оффиціально заявлено, что „русскимъ *первымъ* удалось осуществить идею броненосныхъ крейсеровъ, съ броневымъ поясомъ по ватерлиніи". Наши суда въ данномъ случаѣ послужили за образецъ при постройкѣ въ Англіи подобныхъ же полуброненосныхъ крейсеровъ: „Shannon", „Nelson" и „Northampton" спущенныхъ въ 1875 и 1876 годахъ.

Въ Италіи.

Яркимъ солнцемъ залитой,
Весь въ фатѣ плюща сквозной,
Бѣлый замокъ надъ утесомъ,
Подъ платановъ тихій гулъ
Очарованный заснулъ,
Отраженъ спокойнымъ плесомъ.

* * *

Въ тѣнь прохладную воротъ
Торопливо конь идетъ,
Но безмолвенъ дворъ мощеный...
Только слышны крики птицъ
Изъ покинутыхъ бойницъ
Да ручей журчитъ студеный.

* * *

Изваянья на стѣнѣ:
Феодалъ въ своей бронѣ,
Позабытыхъ папъ тіары....
И корону и шеломъ
Одинаково кругомъ
Обвѣваютъ смерти чары.

* * *

Гербъ на мраморѣ колоннъ
Темнымъ лавромъ заслоненъ
И порою, полонъ лѣни,
Тихій вѣтеръ съ высоты
Всколыхнетъ его листы—
И бѣгутъ по плитамъ тѣни.

* * *

Оживаютъ мертвецы:
Ихъ и шлемы и вѣнцы
Словно перьями колышутъ,
И въ могильной тишинѣ
Чьи то вздохи слышны мнѣ:
Груди каменныя дышутъ....

Кастельвеккіо.

В. Немировичъ-Данченко.

Къ рисункамъ.

Пастушеская идиллія.

(Рис. на стр. 564).

Эта хорошенькая картинка Гольца произвела въ свое время впечатлѣніе на Мюнхенской международной выставкѣ. Двое маленькихъ дѣтей приставлены караулить стадо гусенятъ. Занятіе это не доставляетъ имъ много труда и они, мирно и дружески бесѣдуя, располагаются на холмикѣ. Они большіе друзья—дѣвочка плететъ вѣнокъ своему маленькому товарищу, а онъ, разлегшись въ самой спокойной позѣ, внимательно слѣдитъ за ея проворными ручками. Гольцъ одинаково хорошъ какъ въ жанрѣ, такъ и въ пейзажѣ, и въ данномъ случаѣ они въ совершенно равномъ достоинствѣ.

Ярмарка въ малороссійскомъ селѣ.

(Рис. на стр. 565).

Читатели наши видѣли уже много копій съ малороссійскихъ картинъ и эскизовъ нашего жанриста Вл. Е. Маковскаго. Объ отличительныхъ свойствахъ его таланта мы также неоднократно говорили. Ярмарки на югѣ, даже деревенскія, потеряли свою прежнюю оживленность; теперь онѣ гораздо болѣе скромны, но все же еще имѣютъ мирный и патріархальный характеръ и на нихъ лежитъ печать широкаго лѣниво-медлительнаго юга. И характеръ этотъ прекрасно переданъ въ ярмарочной толпѣ художникомъ.

Чтеніе.

(Рис. на стр. 569).

Красивая помпеянка внимательно читаетъ что то, раскинувъ передъ собою широкій листъ папируса, изъ котораго тогда приготовлялась бумага. Папирусъ, растеніе травянистое, густо растущее въ болотахъ Египта и Сициліи—изъ него дѣлалась бумага разныхъ сортовъ. Многочисленные папирусовые свертки находятъ при раскопкахъ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ. Чтеніе и письменность вообще были широко распространены въ древнемъ Римѣ. Библіотеки рукописей, свитковъ были во множествѣ у частныхъ лицъ и образованная женщина, интересовавшаяся литературой и произведеніями своихъ писателей, была далеко не рѣдкость. И эта любительница чтенія, очевидно, принадлежитъ къ такимъ интересующимся.

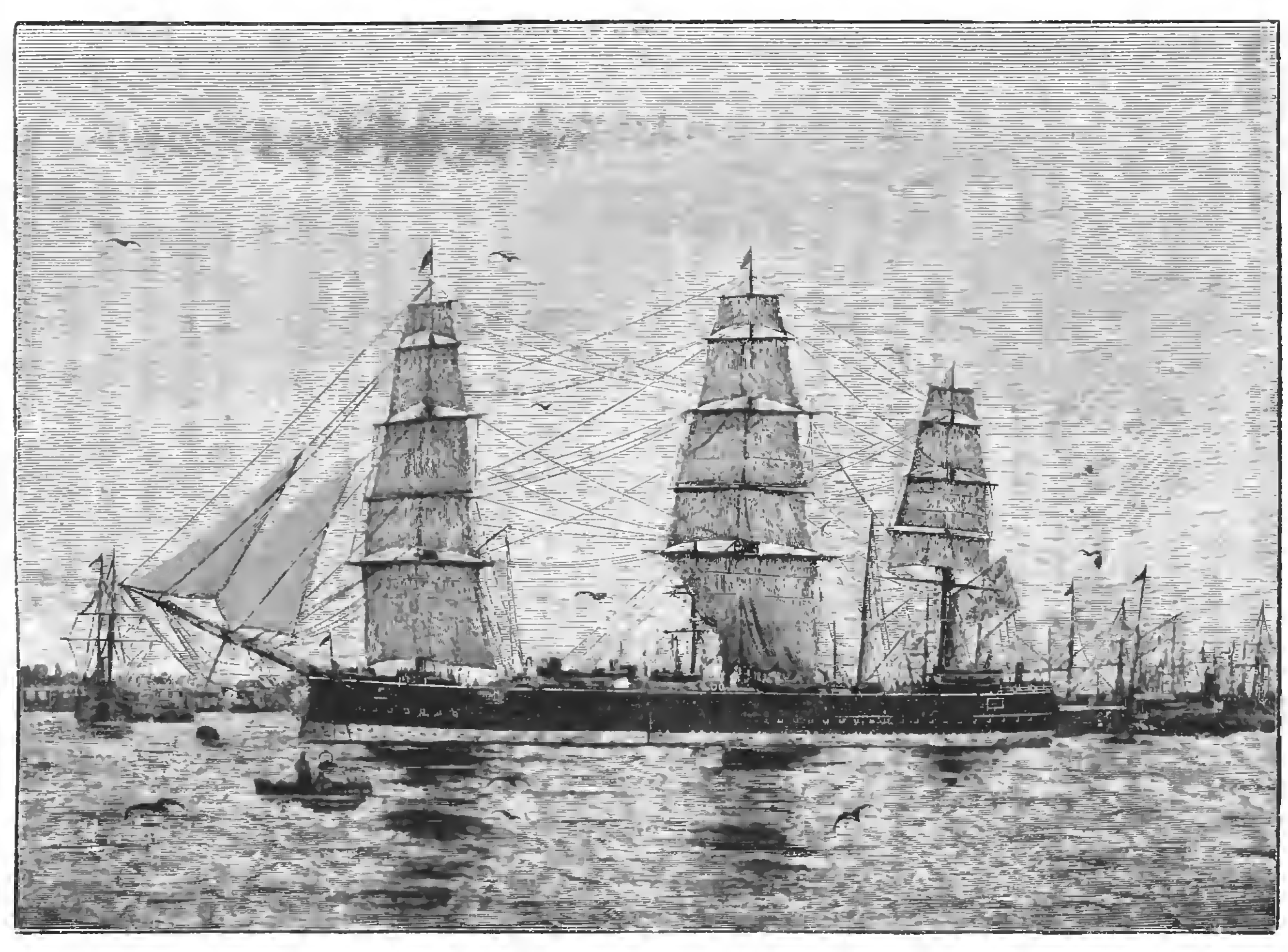
Со времени Августа считалось необходимымъ имѣть у себя въ домѣ богатое собраніе книгъ. Наружный видъ древнихъ книгъ не имѣлъ ничего общаго съ нынѣшнимъ. Античныя книги были родъ свертка тонкаго египетскаго папируса. Писали обыкновенно на одной сторонѣ бумаги—полосы были приклеены одна къ другой и послѣдняя полоса книги прикрѣплялась къ пустому внутри цилиндру изъ тростника, вокругъ котораго обертывалась и вся книга. Книги переписывались, конечно; переписчики пріобрѣтали огромный навыкъ и писали очень хорошо и быстро. Книгу разомъ диктовали многимъ переписчикамъ.

Открытіе памятника кн. Пожарскому, 2-го іюня.

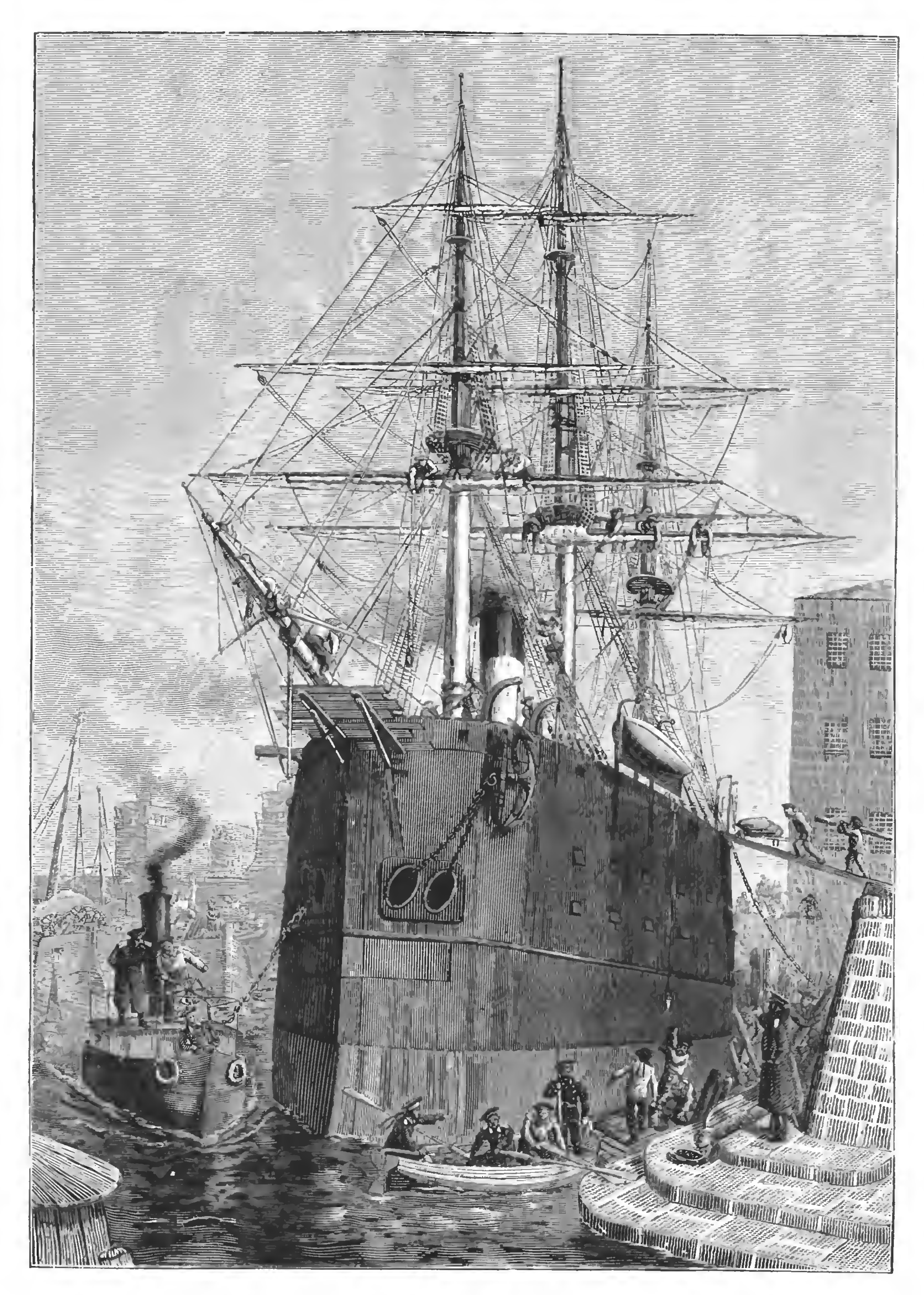
(Рис. на стр. 580 и 581).

Въ селѣ Пурехѣ, Нижегородской губерніи, видъ котораго изображенъ на нашемъ рисункѣ (стр. 580), родился князь Дмитрій Михайловичъ въ концѣ XVI столѣтія. Онъ былъ отдаленный потомокъ Всеволода III, отъ младшей линіи его,—удѣльныхъ князей Стародубскихъ. Ни изъ лѣтописей, ни изъ другихъ государственныхъ актовъ и бумагъ не видно какую именно службу отправлялъ родитель князя и когда онъ скончался, извѣстно только, что сыну его, т. е. Дмитрію Михайловичу Пожарскому, достались послѣ смерти отца два имѣнія-волости: Пурехская, въ 120 вер. отъ Нижняго-Новгорода, въ Балахнин-

Русскій флотъ. Мониторъ „Петръ Великій“ на ходу. Съ картины Г. Грицко, грав. М. Рашевскій.



Русскій флотъ. Полуброненосный фрегатъ „召Мининъ“. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.



Русскій флотъ. Полуброненосный фрегатъ „Дмитрій Донской“. Ориг. рис. съ натуры Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

скомъ уѣздѣ, и Лайдехская, состоящая въ Гороховскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи. Въ селѣ Пурехѣ находился Спасскій-Пурехскій монастырь, основанный кн. Пожарскимъ, нынѣ упраздненный; осталась одна каменная двухъ-этажная церковь Спаса, съ колокольнею и придѣломъ Успенія Богородицы, въ которомъ иконостасъ пожертвованъ кн. Д. М. Кромѣ того, въ эту обитель сдѣланы были разныя приношенія княземъ—напрестольный рѣзной крестъ, паникадило съ надписью, два образа: одинъ на дскѣ—Владимірской Божьей Матери, а другой, вышитый по атласу шелками—Казанскія Богородицы, работы супруги его, княгини Ѳеодоры Андреевны; стольникомъ кн. Петромъ Дмитріевичемъ, сыномъ Дмитрія Михайловича, напрестольное Евангеліе, съ собственною надписью, напрестольный серебряный вызолоченный крестъ и серебряное чеканное кадило, съ надписями—приношеніе внука князя Василія, — колоколъ его-же. Здѣсь хранилась хоругвь или знамя доблестнаго кн. Дмитрія Михайловича, сопровождавшая его въ побѣдахъ, съ изображеніемъ на немъ Христа Спасителя; съ 1826 года эта хоругвь находится въ Москвѣ для храненія, въ Оружейной палатѣ, вмѣстѣ съ государственными сокровищами.

Въ село Пурехъ именно, къ кн. Д. М. Пожарскому, лечившемуся отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ съ поляками, въ 1611 году прибыло знаменитое посольство изъ Нижняго Новгорода съ архимандритомъ во главѣ, просить князя принять начальство надъ великимъ ополченіемъ противъ врага. Здѣсь не разъ бывалъ и Козьма Мининъ—навѣщая больнаго князя. По изгнаніи поляковъ изъ Россіи и по вступленіи Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, кн. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій присутствовалъ при торжественномъ вѣнчаніи Михаила. Послѣ коронованія велѣно было возвратить князю его вотчину Лайдехъ, отнятую у него приговоромъ думы еще до вступленія Михаила Ѳеодоровича на царство.

Въ первой половинѣ 1614 года, кн. Д. М. упоминается въ званіи воеводы степнаго города Самары. Къ концу-же 1614 г., Д. М. Пожарскій вмѣстѣ съ другими боярами уже подписываетъ государственные акты; милость и довѣріе государя не покидало Д. М. до конца смерти. Въ мирное время кн. Пожарскій завѣдывалъ приказами Ямскимъ (почтовымъ) въ 1627 году и Суднымъ въ 1635 году. Посвятивши всю жизнь на служеніе отечеству, кн. Д. М. тихо сошелъ въ могилу. Кончина его послѣдовала въ 1640 году. Царь почтилъ его погребеніе своимъ присутствіемъ. Въ Суздальскомъ Евфиміевскомъ монастырѣ покоится прахъ избавителя Россіи.

На нашемъ рисункѣ изображены двѣ часовни: одна надъ могилою князя Д. М. Пожарскаго, другая надъ прахомъ Козьмы Минина въ Нижнемъ Новгородѣ.

2-го іюня произошло торжественное открытіе памятника знаменитому освободителю нашего отечества, князю Д. М. Пожарскому.

Князь Д. М. съ другими лицами своей семьи, какъ мы выше сказали, погребенъ въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ, въ уѣздномъ городѣ Суздалѣ, Владимірской губерніи, на берегу рѣки Каменки. Монастырь этотъ основанъ въ 1352 г., при В. К. Нижегородскомъ Борисѣ Константиновичѣ, преподобнымъ Евфиміемъ, который и былъ здѣсь первымъ архимандритомъ. Обитель эта прежде называлась *Преображенскою-Суздальскою*, по главной церкви. Спасо-Евфиміевскій монастырь извѣстенъ въ историческомъ отношеніи; здѣсь, подъ стѣнами его, въ 1445 г. было кровопролитное сраженіе русскихъ съ татарами и В. К. Василій III Темный взятъ былъ въ плѣнъ. Въ ризницѣ находятся богатые вклады—даръ князей Пожарскихъ, какъ-то: ризы, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, между прочими вещами хранится Евангеліе съ собственноручною подписью Д. М. и плащаница, шитая супругою князя, Ѳеодорою Андреевною. Часовня надъ могилою Д. М. Пожарскаго воздвигнута изъ бѣлаго мрамора, въ византійскомъ стилѣ и примыкаетъ одной стороной къ алтарной стѣнѣ монастыря.

Въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія неутомимыя изысканія покойнаго графа Уварова привели къ счастливымъ результатамъ: князь Д. М. Пожарскій оказался погребеннымъ въ родовой усыпальницѣ Хованскихъ и Пожарскихъ въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Когда наконецъ нашли это мѣсто, возникла мысль объ устройствѣ намогильнаго памятника. Рѣшили привлечь къ участію въ устройствѣ этого памятника всю Россію, отъ лица Русской земли человѣку, игравшему такую роль въ ея историческихъ судьбахъ. Памятникъ, какъ видно на рисункѣ, представляетъ собою часовню въ формѣ старинныхъ усыпальницъ; онъ строился долго, но былъ уже готовъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и открытіе его замедлялось только тѣмъ, что не были готовы мозаичныя иконы, изъ которыхъ одна, образъ Спасителя, назначена для постановки снаружи часовни, надъ входомъ, другая—снимокъ съ образа Казанской Божіей Матери, находившагося съ княземъ въ походахъ, должна стоять внутри часовни. Внутри же часовни и отчасти снаружи ея помѣщены доспѣхи князя, самая гробница котораго видна сквозь просвѣтъ, сдѣланный въ полу часовни при входѣ. Мозаичные образа готовы и установлены на мѣста, торжество освященія и открытія памятника, какъ сказано выше, произошло 2-го іюня нынѣшняго года.

Памятникъ-часовня надъ прахомъ Козьмы Минина находится въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ главной святынѣ края—Спасо-Преображенскомъ каѳедральномъ соборѣ и отличается весьма изящной работой — она построена по проэкту извѣстнаго покойнаго археолога — архитектора Даля. Часовня выдержана въ строго-русскомъ стилѣ.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.

Несомнѣнно одно, что въ чьи-бы руки ни попала правительственная власть въ Англіи, этому новому правительству должна встрѣтиться бездна затрудненій, какъ по вопросамъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ. Новому правительству нельзя даже будетъ принять роль „дѣловаго правительства“ съ послѣдовательнымъ выполненіемъ обыденно-текущихъ государственныхъ задачъ, такъ какъ ирландскій, афганскій и египетскій вопросы потребуютъ отъ него радикальнаго рѣшенія и взяться за нихъ безъ опредѣленно-намѣченной программы не представится возможности. Быть можетъ исключительные законы, понадобившіеся для Ирландіи, окажутся излишними, когда управленіе перейдетъ въ твердыя руки правительства, съ которымъ ирландцы еще не имѣли до сихъ поръ серьезныхъ счетовъ. Не менѣе того возможно, что колоніальная политика Германіи не встрѣтитъ въ Лондонѣ того содѣйствія, на которое оно быть можетъ разсчитываетъ. При Гладстонѣ между Германіею и Англіею были возможны соглашенія даже и на почвѣ практическихъ колоніальныхъ интересовъ; при новомъ-же правительствѣ внѣшняя сторона отношеній между Лондономъ и Берлиномъ можетъ казаться наилучшей, но съ практической точки зрѣнія нельзя себѣ представить какимъ образомъ новая колоніальная политика князя Бисмарка могла бы согласоваться съ воззрѣніями новаго англійскаго правительства. Съ другой стороны дѣла въ Египтѣ еще далеко не окончены и на чемъ остановиться британскому правительству по защитѣ и охраненію англійскихъ интересовъ въ Египтѣ—сказать трудно, такъ какъ у Франціи, послѣ заключенія мира съ Китаемъ, снова руки развязаны и заявленія Фрейсинэ ясно указываютъ, что въ Парижѣ болѣе чѣмъ когда либо склонны смотрѣть на египетскій вопросъ какъ на вопросъ международный, подлежащій разрѣшенію всей Европы, а не исключительно того или инаго великобританскаго премьера. Наконецъ и средне-азіятскія дѣла потребуютъ болѣе опредѣленнаго разрѣшенія чѣмъ эластичнаго свойства предварительно заготовленное съ Россіею соглашеніе по вопросу объ афгано-русской границѣ. Быть можетъ, представится практическая необходимость средне-азіятскую фикцію — независимое государство Афганистанъ, вовсе упразднить изъ англо-русскихъ переговоровъ по отношенію отграниченія интересовъ обоихъ государствъ.

Единодушное довольство нѣмецкой печати о паденіи министерства Гладстона какъ бы не раздѣляется личнымъ органомъ князя Бисмарка „Сѣверо-Германскою всеобщею газетою“. Газета не высказываетъ ни сожалѣнія, ни удовольствія; но если вспомнить, что до сихъ поръ она самымъ рѣшительнымъ образомъ и постоянно старалась дискридитировать павшее англійское министерство, то не трудно понять, что это молчаніе объясняется естественными со стороны оффиціознаго органа сдержанностію и осторожностію. Впрочемъ, нѣмецкое общественное мнѣніе увѣрено, что съ паденіемъ министерства Гладстона политика князя Бисмарка одержала новую блестящую побѣду, такъ какъ новое англійское правительство во всякомъ случаѣ будетъ болѣе склонно чѣмъ министерство Гладстона плыть на буксирѣ у Германіи и что теперь уже безъ всякихъ препятствій объединенная Германія можетъ осуществлять свои насущныя задачи помимо и не взирая на виды и интересы другихъ державъ. Тѣмъ не менѣе, политическіе виды и широкія предположенія могущественной Германіи ограничиваются въ настоящее время печальными напоминаніями судьбы, именно, потерею двухъ выдающихся полководцевъ,—племянника императора Вильгельма, принца Фридриха-Карла, скончавшагося на пятидесятомъ году жизни, и смертію престарѣлаго фельдмаршала Мантейфеля. Принцъ Фридрихъ-Карлъ былъ соединенъ родственными узами со многими германскими и иностранными царствующими домами, а у насъ, въ Россіи, смерть принца тѣмъ болѣе является печальнымъ событіемъ, что онъ былъ русскимъ фельдмаршаломъ и шефомъ двухъ русскихъ полковъ. Германскія газеты передаютъ, что неожиданная смерть Фридриха-Карла нанесла тяжелый ударъ маститому императору Вильгельму, едва успѣвшему оправиться отъ продолжительной болѣзни, и не менѣе принесла горя дочери покойнаго принца, герцогинѣ Коннаутской, только что возвратившейся въ Англію изъ путешествія по Индіи.

Мирный договоръ между Китаемъ и Франціею, заключенный французскимъ делегатомъ Билльо еще четвертаго апрѣля, наконецъ заключенъ безповоротно.

Смѣсь.

Англійское библейское общество. 6-го мая въ Лондонѣ происходило, подъ предсѣдательствомъ лорда Шефтсбери, годичное собраніе его. Доходъ общества въ истекшемъ году простирался, по свѣдѣніямъ отчета, до 144,970 фунтовъ стерлинговъ (1 фунтъ стерлинговъ составляетъ около 10 руб.). За продажу книгъ священнаго писанія въ Англіи и заграницей выручено 108,693 ф. с. Со времени основанія общества роздано не менѣе 104,196,965 библій.

Молнія звонитъ въ телефонъ. Во время послѣдней грозы въ Москвѣ, какъ намъ извѣстно, было нѣсколько случаевъ звона въ телефонную проволоку, слышаннаго нѣкоторыми абонентами, спустя секунду послѣ блеска молніи. Изъ того явленія, что блескъ молніи долетаетъ до глаза ранѣе, чѣмъ появляется звонъ въ телефонномъ аппаратѣ, надо заключить, что свѣтъ быстрѣе двигается, чѣмъ электричество по проволокѣ.

Наглядное количество добытаго въ 1883 г. Англіею угля. Въ 1883 году англичанами добыто каменнаго угля 164 милліона тоннъ. Количество каменнаго угля, добытое ими въ теченіе 30 лѣтъ, было бы достаточно для сооруженія стѣны вокругъ всего земнаго шара вышиной и толщиной въ 1.80 метра, или для сооруженія колонны имѣющей въ діаметрѣ 2,85 метра и вершина которой достигла бы луны.

Сила Ніагарскаго водопада, превращенная въ электричество. Вилліамъ Томсонъ уже давно предлагалъ правительству Соединенныхъ Штатовъ воспользоваться водяною силой Ніагарскаго водопада для полученія электричества какъ двигательной силы. Проэктъ этотъ въ настоящее время осуществленъ: одна динамо-электрическая машина, дающая 3,000 силъ, поставлена на берегу Ніагарскаго водопада.

Исторія зонтика. Употребленіе зонтиковъ восходитъ къ весьма глубокой древности. Три тысячи лѣтъ назадъ зонтикъ былъ извѣстенъ ассирійцамъ; это видно изъ открытія путешественникомъ Лайярдомъ въ развалинахъ бывшей ассирійской столицы Нинезіи барельефа, изображающаго царя, надъ головою котораго рабыня держитъ зонтикъ. Классическая древность тоже знала зонтики, которые были въ большомъ употребленіи у грековъ и римлянъ. Въ Индіи и въ Китаѣ зонтикъ играетъ важную роль. Бирманскій король носитъ титулъ „государя бѣлыхъ слоновъ и обладателя 24 бѣлыхъ зонтиковъ“. Ни одинъ изъ его подданныхъ не смѣетъ носить бѣлыхъ зонтиковъ; рангъ принцевъ опредѣляется размѣрами зонтиковъ, которые придворные чиновники должны держать надъ ихъ головами. Китайцы не разлучны съ зонтикомъ или съ вѣеромъ. Во время прогулокъ китайскаго императора, его священную особу охраняютъ отъ солнечныхъ лучей двадцатью четырьмя зонтиками, половина которыхъ сдѣлана изъ шелковой ткани, а половина изъ пестрой лакированной бумаги. Даже кафры употребляютъ нѣчто въ родѣ зонтиковъ изъ бамбука и пальмовыхъ листьевъ. Вождь каждаго племени имѣетъ своего зонтоносца и бѣда ему, если лучъ солнца упадетъ на лицо его повелителя: за такую небрежность онъ можетъ поплатиться тѣлеснымъ наказаніемъ, а иногда и жизнью. Въ Турціи зонтикъ составлялъ прежде исключительную прерогативу султана и его высшихъ сановниковъ, но съ проникновеніемъ въ Турцію европейской культуры, зонтикъ сдѣлался достояніемъ всѣхъ классовъ населенія. Въ западныхъ государствахъ употребленіе зонтика началось съ 1756 года. Основатель „Лондонскаго госпиталя“, Джонъ Ганвей первый рѣшился выдти на улицу съ дождевымъ зонтикомъ. Надъ нимъ сначала трунили, а потомъ и другіе послѣдовали его примѣру. Изъ Англіи употребленіе зонтика перешло во Францію, а потомъ въ Германію, Австрію и въ другія государства.

Животное-уродъ. Къ одному изъ варшавскихъ ветеринаровъ обыватель Мѣховскаго уѣзда доставилъ новорожденную телку, у которой нѣтъ совсѣмъ ушей, но за то она обладаетъ пятью ногами. Дополнительная нога занимаетъ мѣсто немного повыше лѣвой ноги и она короче остальныхъ ногъ. Изъ этого урода будетъ сдѣлано чучело.

Морскіе тираны. Въ Нортъ-Шильдеѣ началось судебное разбирательство по дѣлу о капитанѣ, первомъ офицерѣ и второмъ штурманѣ ново-шотландской бригантины „John Williams“, обвиняемыхъ въ умерщвленіи въ открытомъ морѣ, на пути изъ Вальмингтона въ Тейнъ, шведскаго юнги, Гуго Линнеберга. Какъ видно изъ свидѣтельскихъ показаній, несчастный мальчикъ подвергся съ ихъ стороны ужаснѣйшимъ истязаніямъ. Во время сильнаго града его принудили голымъ стоять у руля, послѣ чего изверги топтали его ногами. По временамъ его сбрасывали, совершенно нагаго, изъ койки въ люкъ, и еще за нѣсколько минутъ до его смерти, одинъ изъ подсудимыхъ окатилъ его изъ ведра морскою водою. Линнебергу было около двадцати лѣтъ отъ роду. Судебныя пренія въ первое засѣданіе были отсрочены, въ виду необходимости собрать дальнѣйшія свѣдѣнія.

Обращеніе язычниковъ въ католическую вѣру. Изъ обнародованнаго Ватиканомъ отчета видно, что въ двадцати пяти викаріатахъ, на которыя раздѣлена Китайская имперія съ родственнымъ ей Аннамскимъ королевствомъ, перешли въ минувшемъ году въ католическую вѣру 16,500 взрослыхъ язычниковъ и 130,000 дѣтей. Въ тѣхъ же странахъ и за тотъ же періодъ времени приняли католицизмъ 300 послѣдователей другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Число католиковъ въ Китаѣ и Аннамѣ простиралось въ концѣ 1884 года до 810,000 человѣкъ.

Рѣшеніе задачи—ходъ коня № 17.

(Помѣщ. въ № 16 „Нивы“).

					57	82					
				81	10	45	58				
			11	56	59	80	83	44			
		13	48	53	46	9	2	7	42		
	71	52	55	12	79	60	43	84	3	26	
51	14	49	78	47	54	1	8	61	6	41	4
72	77	70	15	68	33	22	29	42	27	62	25
	50	73	34	75	16	39	64	21	24	5	
		76	69	32	67	30	23	28	63		
			74	35	38	17	20	65			
				18	31	66	37				
					36	19					

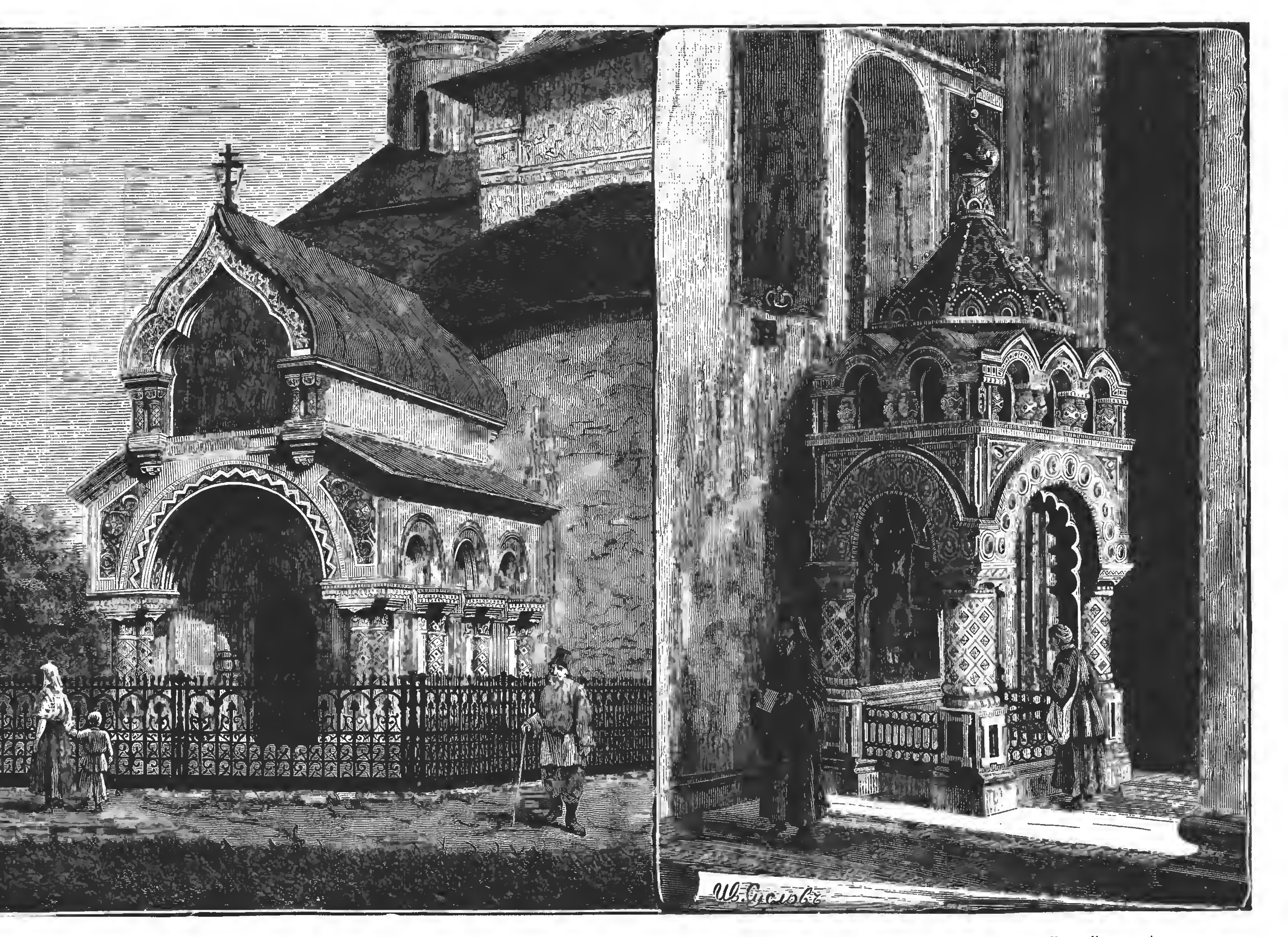
Я васъ любилъ—любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ,
Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

* * *

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ.
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Абрамскаго, Пистолькорсъ, Ануфріева, Комаръ, Рышкова, Головина, Е. Л. В., Степанова, Семеновской, Дитманъ, Григорьева, Моталева, В. С...а, Проценко, Итцигсонъ, Бѣлявскаго, Пермиловскаго, Охлабыстина, Павперовой, Надпорожской, Мальмгренъ; **Москва**—Волкова, Левитской, Ильина, Вокардъ, Языковыхъ, Никитина, Горяевей, Шредеръ, Шапошникова, Матвѣева; **Астрахань**—Черкасова, Николаева; **Бабино**—Лавровой; **Бахчисарай**—Дремджи; **Балта**—А. Ѳ.; **Большое Коровино**—В. К. Терскаго; **Борисоглѣбскъ**—Демина; **Бѣжецкъ**—Галунова, Рѣпина; **Варшава**—Шведеръ; **Владиміръ**—Совѣтовой; **Гжатскъ**—Глаголевой; **Гельсингфорсъ**—М. А. В.; **Екатеринбургъ**—Гадомскаго, **Елисаветградъ**—Лагунова; **Еремминская**—Жуковской; **Житоміръ**—Вайнлундъ; **Заболотье**—Птичкина; **Задонскъ**—Богомоловой; **Кагулъ**—Попова; **Калуга**—Перекалина; **Керенскъ**—Чубаровой; **Кіевъ**—№ 52164, Шилохвастова; **Ковно**—Савицкаго; **Коломна**—Введенскаго; **Кронштадтъ**—Соколовской; **Курскъ**—Введенскаго; Безсаренко; **Липецкъ**—Моссинъ; **Лухъ**—Брызгалова; **Муромъ**—Чванова; **Н.-Новгородъ**—Гутовскаго, Соловьева, Марышова, Nemo, **Новгородъ**—Добъ; **Нѣжинъ**—Дабіажъ, **Олонецъ**—Зиновьева; **Павловскъ**—Дибайлова; **Петергофъ**—Демина; **Рязань**—Вечесловой; **Самара**—Кузнецовой; **Серпуховъ**—Кузовлева; **Симферополь**—Блюменталь; **Слуцкъ**—Пизиева; **Сумы**—Стародубъ; **Тавастгустъ**—Шипмарева; **Тифлисъ**—Северина; **Узловая**—Петрухина; **Шайтанская**—Сосунова; **Ялта**—Горошкиной.

Открытіе памятника кн. Дм. Мих. Пожарскому, 2 Іюня. Видъ села Пуреха (Нижег. губ., Балахнинскаго уѣзда), мѣсто рожд. кн. Пожарскаго. Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.



1) Видъ памятника кн. Пожарскому въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ

2) Памятникъ-часовня надъ могилой Козьмы Минина въ Нижн.-Новгородѣ

Открытіе памятника кн. Дм. Мих. Пожарскому, 2 Іюня.

Ориг. рис. И. Суслова, грав. М. Рашевскій.

Редакторъ **Ф. Бергъ**. Издатель **А. Марнсъ.**

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА
А. ЗИНГЕРЪ и К°.

Невскій проспектъ, противъ Б. Морской, надъ Елисѣевымъ, д. 18.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

ТИРАЖИ

I Внутренняго 5% съ выигрышами Займа 1864 года производятся два раза въ годъ: 2-го Января и 1-го Іюля и въ каждомъ изъ нихъ выходятъ слѣдующіе выигрыши:

1	выигр.	въ	200000	р. с.
1	„	„	75000	„
1	„	„	40000	„
1	„	„	25000	„
3	„	„	10000	„
5	„	„	8000	„
8	„	„	5000	„
20	„	„	1000	„
260	„	„	500	„
300	выигр.	на	600000	р. с.

ТИРАЖИ

II-го Внутренняго 5% съ выигрышами Займа 1866 года производятся два раза въ годъ: 1-го Марта и 1-го Сентября и въ каждомъ изъ нихъ выходятъ слѣдующіе выигрыши:

1	выигр.	въ	200000	р. с.
1	„	„	75000	„
1	„	„	40000	„
1	„	„	25000	„
3	„	„	10000	„
5	„	„	8000	„
8	„	„	5000	„
20	„	„	1000	„
260	„	„	500	„
300	выигр.	на	600000	р. с.

Покупаетъ и продаетъ всѣ на здѣшней биржѣ котирующіяся процентныя бумаги по биржевому курсу.

Выдаетъ въ высшемъ размѣрѣ ссуды подъ процентныя бумаги.

Принимаетъ выкупъ въ другихъ учрежденіяхъ заложенныхъ бумагъ и увеличиваетъ подъ нихъ ссуды.

СТРАХОВАНІЕ БИЛЕТОВЪ

I-го и II-го внутреннихъ съ выигрышами займовъ по **35** коп. за билетъ.

Для иногородныхъ по **45** коп. за билетъ.

Контора охотно даетъ своимъ Гг. кліентамъ точныя свѣдѣнія о вышедшихъ въ тиражъ бумагахъ, равно какъ производитъ выдачу новыхъ купонныхъ листовъ.

Продажа билетовъ I-го и II-го съ выигрышами займовъ
СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖЕЙ.

Для облегченія покупателямъ, желающимъ пріобрѣсть вышеозначенные билеты посредствомъ ежемѣсячныхъ малыхъ взносовъ, Контора продаетъ билеты этихъ займовъ по дневному биржевому курсу, съ разсрочкою платежей,

съ задаткомъ отъ 15-ти руб.

Остальныя же деньги разсрочиваетъ на мѣсячные платежи, по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе 5 руб. въ мѣсяцъ. Покупатель при взносѣ задатка получаетъ изъ конторы подлинное удостовѣреніе, съ обозначеніемъ серіи и № купленнаго имъ 5% выигр. билета. Покупатели пользуются выигрышами купленныхъ билетовъ со дня внесенія задатка.

КЮПИТРЫ

СКЛАДНЫЕ ЖЕЛѢЗНЫЕ

черные лакированные 5 и 8 р., лучшіе полированные 12 р., двухсторонніе полированные 18 руб., столовые безъ ножки по 2 р., столовые деревянные по 75 коп., 1 р., 1 р. 50 к., 3 р.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ.

С.-Петербургъ, по Б. Морской, д. № 36. Пересылка въ провинцію на счетъ покупателя.

Депо въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, домъ Торлецкаго.

Р. № 1171 1—1

НАСОСЫ всѣхъ размѣровъ, отъ **8 рублей.** Всѣ принадлежности.

Ж. БЛОКЪ.

СПБ., Невскій, 16. Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.

Р. 1100 7—2

РУССКІЙ ОГНЕТУШИТЕЛЬ

для тушенія пожаровъ въ зачаткѣ и полиакв цвѣтовъ но 16 р. Упаковка 40 коп.

РУССКАЯ ПОЖАРНАЯ ТРУБА

10 разн. размѣровъ—наименьшая выбрасыв. 600 ведеръ воды въ часъ и стоющ. 115 р.

Нососы для всѣхъ возможныхъ цѣлей,

ПУЛЬЗОМЕТРЫ К. Г. ГОЛЛЯ

лучшій паровой насосъ настоящ. времени.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСК. МАШИНЫ ВСЯКАГО РОДА.

въ большомъ выборѣ на складѣ у

№ 1154 **ТОВАРИЩЕСТВА** 5—2

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.

Новый роскошно иллюстрированный каталогъ высылается за 21 коп. марками.

ТОЛЬКО ДЛЯ

ПЕРЕПРОДАВЦЕВЪ.

Самая дешевая оптовая продажа багетовъ золоченыхъ и черныхъ.

Прейсъ-куранты и образцы безплатно.

Р.№1147 **В. ФРИЦЪ.** 3—3

ФАБРИКА БАГЕТОВЪ.

С.-Петербургъ, Малая Морская, № 16.

ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ УТВЕРЖДЕННОЕ

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

„Н. ДОНИЧЪ"

МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.

ЗАЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТ. И ВЫДАЮТСЯ СПРАВКИ: О ПРОДАЖѢ, ЗАЛОГѢ, АРЕНДѢ, ПОКУПКѢ НЕДВИЖИМОСТИ И ДВИЖИМОСТИ; О КАПИТАЛАХЪ ПОДЪ ЗАЛОГЪ НЕДВИЖИМ. И ДВИЖИМОСТИ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВО ВСѢ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ; ПОСТОЯННЫМЪ КЛІЕНТАМЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ВСѢ ДѢЙСТВІЯ „СПРАВОЧНАГО БЮРО" БЕЗЪ КОММИССІОНЕРСТВА.

ПАРОХОДНОЕ ОБЩЕСТВО ПО ВОЛГѢ

учрежденное въ 1843 г.

Легкіе пассажирскіе пароходы Общества: Императоръ, Императрица, Государь, Государыня, Царь, Царица, Царевичъ, Царевна, Князь и Княгиня, содержатъ срочное сообщеніе между Нижнимъ-Новгородомъ и Астраханью и попутными пристанями.

Изъ Нижняго-Новгорода пароходы отходятъ: по Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Средамъ, Пятницамъ и Субботамъ въ 10½ час. утра.

Подробное росписаніе о времени отхода и прихода пароходовъ и таксу за проѣздъ пассажировъ и провозъ багажа можно получать въ Петербургѣ, въ Конторѣ Правленія Общества (Галерная ул., д. № 48, кв. № 1) и на Волгѣ на всѣхъ пристаняхъ Общества.

Такса за проѣздъ пассажировъ и провозъ багажа на пароходахъ одинакова съ таксою другихъ Обществъ, отдѣльныя семейныя каюты отдаются по числу мѣстъ, безъ повышенія таксы. Пассажиры **перваго класса** за проѣздъ не менѣе пяти пристаней, назначенныхъ на билетѣ, имѣютъ **уступки 20% противъ таксы.** № 1169 10—1

ПОЛУ-СУХОЕ. | РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. | РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ. | ОЧЕНЬ СУХОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ", ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одесской выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1860 „	2. Филадел. выстав. медаль	1876 „
4. Похвальный отзывъ	1864 „	3. Парижск. выст. поч. отз.	1878 „
5. Серебряная медаль	1865 „	4. Амстердам. выст. медаль	1883 „
6. Серебряная медаль	1869 „	5. Бостон. выст. почет. дипл.	1883 „
7. Медаль	1870 „		
8. Золотая медаль	1872 „		
9. Высочайшая благодарность	1875 „		
10. Золотая медаль	1882 „		

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:

1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ"

приготовлено изъ чистаго русскаго виноградпаго вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО":

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

} ПО 2 Р. ЗА БУТ.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—**ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.**

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. № 1052 26—10

2 золотыя медали:

Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.

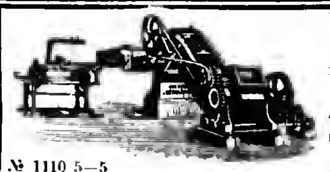
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Складъ въ СПБ. въ Техно-Химич. Лабор. Гостин. дворъ № 45, у **Штоль и Шмидта;** въ магаз. A la Renomée; у А. Рузанова и Флейша, парфюмеровъ, Г. И. Кошкинъ, 19 Гостиный дворъ.



ТОРФЯНЫЯ, КИРПИЧЕДѢЛАТЕЛЬНЫЯ МАШИНЫ И МѢШАЛКИ ДЛЯ РАСТВОРОВЪ,

ручныя, конныя и паровыя; машины для обработки фарфоровой массы, шамота, цемента и т. п. рекомендуетъ

Людвигъ Ѳеодоровичъ ШЛИКЭЙЗЕНЪ,

инженеръ, Москва, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. Изготовленіе плановъ для печей; устройство заводовъ. Иллюстр. каталоги безплатно.

№ 1110 5—5

Ж. БЛОКЪ

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ ВЫСЫЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО. СПЕЦІАЛЬН. ДЛЯ РУССКИХЪ ДОРОГЪ:

ВЕЛОСИПЕДЫ

„РУССКІЙ КЛУБЪ"

СКЛАДЫ: С. П.Б. НЕВСКІЙ № 16 МОСКВА КУЗН.М. Д. ГОЛИЦЫНА

Съ разрѣшенія СПб. Врачебнаго Управленія.

СВОБОДИНЪ

ПРЕВОСХОДНОЕ

СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ

уничтожаетъ въ нѣсколько дней безъ боли застарѣлыя мозоли и бородавки съ корнемъ.

Постоянно возрастающее употребленіе Свободина, вслѣдствіе рекомендаціи потребителей, доказываетъ отличное дѣйствіе этого средства. № 1034 15—10

Цѣна за флаконъ **35** коп. Съ пересылкой 2 флак. **1** руб., 4 флак. **1** руб. **70** коп., 6 флак. **2** руб. **40** коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ.

Казанская ул., д. № 3, магазинъ № 1.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика,** сѣнокосилки, жнеи, и споповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноиъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. № 3991 13—7

Иллюстрированные каталоги безплатно

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи, для банкирской конторы **А. Зингеръ и К°,** въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18.

Р. № 1152 10—2

ПАРКЕТЪ

дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба, **лиственницы** и сосны для ж. д. и **пароходовъ.**

Письменно обращаться на Коптарскіе паровые, лѣсопильный и столярно-паркетный, заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: **„Коптарскіе заводы".**

Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной. 1012 26—6

КОНТОРА ТОРГОВАГО ДОМА

ПАВЕЛЪ ВЫДРИНЪ и СЫНЪ

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, РЯД. СЪ Д. ГЕН.-ГУБЕРНАТОРА.

Продажа 5% выигрышныхъ билетовъ I и II внутреннихъ займовъ съ задаткомъ въ 15 руб. съ разсрочкой платежа изъ 8% годовыхъ безо всякой коммиссіи, и страхованіе отъ тиражей;

2 января, 1 марта, 1 іюля и 1 сентября.

УСЛОВІЯ ВЫСЫЛАЕТЪ БЕЗПЛАТНО.

П. № 3914 7—3

Дозв. ценз. СПБ. 12 іюня 1885 г.

Тип. **А. Ф. Маркса.** Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ

XVI годъ XVI
№ 25 1885
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 22 Іюня 1885 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Памятникъ Глинкѣ въ Смоленскѣ.

Смоленскъ — мѣсто родины нашего незабвеннаго композитора — безсмертнаго творца чисто русской, народной оперы, — теперь украсился достойнымъ его памятникомъ. Мысль о сооруженіи послѣдняго всецѣло принадлежитъ дворянству Смоленской губерніи, которое еще въ февралѣ 1870 года подало записку мѣстному губернатору объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на устройство памятника Глинкѣ въ Смоленскѣ. Государь Императоръ Александръ II тогда же повелѣлъ учредить для этой цѣли особый комитетъ, который въ томъ же году открылъ свои дѣйствія, объявивъ подписку по всей Россіи.

Для выполненія принятъ былъ проэктъ профессора А. фонъ-Бока, премированный Императорской Академіей Художествъ въ 1883 г., и въ томъ же году, 16 сентября, происходила закладка памятника въ Смоленскѣ, въ городскомъ саду, противъ дворянскаго дома. При объявленіи конкурса, стоимость сооруженія памятника опредѣлялась въ 25000 рублей и, кромѣ того, на выдачу премій художникамъ за лучшіе проэкты было ассигновано 1750 руб.; по совершеніи же закладки и выдачѣ премій, съ профессоромъ Бокомъ заключены были особыя условія, въ силу которыхъ за 14000 р. фонъ-Бокъ обязался изъ своего матеріала изготовить какъ статую, такъ и другія бронзовыя части памятника; мраморныхъ же дѣлъ мастеръ Кампіони взялся за 2500 р., изъ матеріала доставленнаго комитетомъ, отдѣлать и установить ступени изъ чернаго мѣстнаго гранита, а монолиты пьедестала изъ темно-зеленаго лабрадора. Стоимость же всего памятника можно опредѣлить со всѣми работами слишкомъ въ 27000 рублей.

Михаилъ Ивановичъ Глинка. Съ соврем. портр. по фотогр. грав. Мукаровскій.

Нашъ извѣстный скульпторъ фонъ-Бокъ выполнилъ свою задачу съ большимъ вкусомъ и талантомъ. Статуя, отлитая изъ бронзы (рис. на стр. 600)

на заводѣ Морана, представляетъ М. И. Глинку стоящимъ на колоссальномъ пьедесталѣ. (Статуя имѣетъ высоты $3^1/_2$ арш., а пьедесталъ со ступенями $4^1/_2$ арш.). Композиторъ изображенъ съ открытою головою, въ застегнутомъ сюртукѣ, стоящимъ у пюпитра: въ правой, нѣсколько согнутой, рукѣ онъ держитъ дирижерскій жезлъ, а лѣвую поднялъ, какъ бы прислушиваясь къ данному имъ тону. Шинель композитора, положенная на пюпитръ, падаетъ на пьедесталъ въ красивыхъ складкахъ. Вообще поза статуи естественна и всѣ детали выполнены изящно. Квадратный пьедесталъ изъ кіевскаго темнозеленаго лабрадора какъ бы раздѣляется на три яруса. Къ пьедесталу ведутъ три гранитныя ступеньки, а на лицевой сторонѣ его видна надпись: „Михаилъ Ивановичъ Глинка, родился 20 мая 1804 года, въ селѣ Новоспасскомъ, Ельнинскаго уѣзда. Скончался 3 февраля 1857 года въ Берлинѣ. Погребенъ въ С.-Петербургѣ, въ Александро-Невской Лаврѣ". По сторонамъ, въ вѣнкахъ, также красуются надписи, на лѣвой: „Русланъ и Людмила", „Камаринская", „Романсы и пѣсни"; на правой: „Жизнь за Царя", „Князь Холмскій", „Испанскія увертюры"; на задней сторонѣ: „Глинкѣ—Россія, 1885 года."

Открытіе памятника, состоявшееся 20-го мая сего года, было торжественное. Съ восьми часовъ утра уже толпы богомольцевъ направлялись къ древнему смоленскому собору, стоящему на вершинѣ крутаго берега Днѣпра, а въ 9 часовъ туда начался съѣздъ депутатовъ дворянства и представителей администраціи и земства. Во время обѣдни была прекрасно исполнена многочисленнымъ хоромъ пѣвчихъ очень эффектная „Херувимская", написанная Глинкой. По окончаніи божественной службы, всѣ направились къ дому дворянскаго собранія, гдѣ въ большой роскошной залѣ находился бюстъ Глинки, украшенный цвѣтами. Ровно въ часъ началось торжественное засѣданіе комитета, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго. Князь обратился съ рѣчью къ городскому головѣ Смоленска и просилъ беречь памятникъ, передаваемый въ вѣдѣніе города. Въ торжественный же моментъ открытія памятника оркестръ заигралъ сначала „Славься", а потомъ гимнъ „Боже Царя храни".

Напомнимъ здѣсь нѣкоторые факты изъ жизни нашего геніальнаго композитора.

М. И. Глинка родился 20 мая 1804 года въ селѣ Новоспасскомъ, Смоленской губерніи. Окончивъ курсъ ученія въ 1824 г., Глинка вступилъ въ статскую службу, а вскорѣ затѣмъ вышли изъ печати первыя его сочиненія—романсы, которыхъ до 1830 года онъ написалъ семнадцать нумеровъ.

Въ 1830 году Глинка предпринялъ путешествіе за границу, посѣтилъ Берлинъ и другіе нѣмецкіе города, долго жилъ въ Миланѣ, посѣщая тамошнюю консерваторію и учился пѣнію. Въ 1832 г. провелъ еще годъ въ Миланѣ, гдѣ было издано имъ еще нѣсколько романсовъ. Въ 1833 году Глинка пріѣхалъ въ Вѣну. Познакомясь здѣсь съ славянскою музыкою, онъ впервые напалъ на мысль о самостоятельной русской музыкѣ. Въ 1834 году вернулся въ Петербургъ. Зимою 1834 года принялся онъ за свою знаменитую оперу „Жизнь за Царя", которую и окончилъ въ 1836 г.

Опера эта (3 акта и эпилогъ въ двухъ картинахъ) составляетъ эпоху въ жизни Глинки и въ исторіи русской музыки. Ни до „Жизни за Царя", ни впослѣдствіи не являлось уже ничего подобнаго. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Глинкѣ брилліантовый перстень, а въ 1837 году назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ. Достигнувъ осуществленія своихъ замысловъ, Глинка не переставалъ работать, хотя новое положеніе и домашнія обстоятельства отнимали у него много времени. Промежутокъ 1836—44 годовъ составляетъ періодъ его наибольшей плодовитости.

Въ 1842 году явилась вторая опера его „Русланъ и Людмила" (въ 5 дѣйствіяхъ), замѣчательная не столько въ цѣломъ, сколько отдѣльными частями, какъ напримѣръ: маршъ Черномора, лезгинка, баллада Финна, арія Ратмира и проч. Музыкальная часть оперы мѣстами значительно превосходитъ „Жизнь за Царя". Въ 1843 году написаны Глинкою увертюры и сцены къ трагедіи Кукольника „Князь Холмскій", и много романсовъ, изъ которыхъ многіе извѣстны во всей Европѣ.

Въ 1844 году Глинка снова поѣхалъ за границу. Во время пребыванія своего въ Мадритѣ, къ концу 1847 года, написалъ онъ знаменитую „Аррагонскую Хоту", симфоническую фантазію на испанскіе мотивы. Возвратясь въ 1847 году въ Россію, онъ прожилъ нѣкоторое время на родинѣ своей, близь Смоленска, гдѣ написалъ нѣсколько романсовъ; а потомъ жилъ два года въ Варшавѣ, гдѣ, кромѣ увертюры „Воспоминаніе о Севильѣ", написалъ свое знаменитое скерцо на мотивъ русской пѣсни—„Камаринской". Съ 1848 Глинка жилъ попеременно то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ и Берлинѣ, занимаясь компонованіемъ, а въ 1856 году въ Берлинѣ у Дена и церковною музыкою. Но здоровье его было окончательно потрясено семейными несчастіемъ и 3 февраля 1857 года не стало великаго композитора—онъ умеръ въ Берлинѣ.

Радованская тайна.

Повѣсть **Петра Петрова.**

(Продолженіе).

Третій—Ардаліонъ Ардаліоновичъ Дрызгачъ-Дрызгачевъ—былъ псковскій помѣщикъ, въ отставкѣ, иначе говоря, помѣщикъ безъ помѣстья, и пріѣхалъ сюда... Но этотъ требуетъ болѣе обстоятельнаго предварительнаго представленія.

У него съ дѣтства были всяческія исторіи вслѣдствіе необычно наглаго характера: сперва съ папенькой, человѣкомъ довольно безпутнымъ, который, не вытерпѣвъ наконецъ, отправилъ „непочтительнаго Ардальонку" въ Петербургъ на воспитаніе: затѣмъ съ товарищами, которые прозвали его „ноздрею"; затѣмъ съ наставниками давшими ему кличку „наглый носъ". Въ Петербургѣ, къ величайшему своему прискорбію и негодованію, Ардальошка влачилъ очень убогое существованіе вопреки порывамъ и потребностямъ своей натуры, обуреваемой самыми несообразными и неукладывающимися мечтаніями о роли виднаго народнаго дѣятеля, демократическаго оратора, трибуна, и вмѣстѣ объ аристократизмѣ, о прелестяхъ предводительскаго житья-бытья съ почетною встрѣчею на выборахъ, покровительственными кивками головы, даваніемъ двухъ пальцевъ, гастрономическими обѣдами, содержанкой француженкой „полулежащей на голубой кушеткѣ въ розовомъ полумракѣ и бѣломъ неглиже" и т. п. Эти разнообразные аппетиты были отчасти удовлетворены, въ гомеопатической впрочемъ пропорціи, послѣ смерти папеньки Ардальошки, послѣдовавшей въ 1871 г. „Дрызгачевъ-носъ", какъ его называли тогда, вздохнулъ полною грудью, махнулъ имѣніе по боку, заказалъ три пары шикарнаго платья у Сарра, три дюжины рубашекъ у Флорапа, пять паръ лайковыхъ ботинокъ, громаднѣйшія золотыя запонки величиною въ блюдечко, съ „полнымъ" своимъ гербомъ, и сотню визитныхъ карточекъ слѣдующаго содержанія:

> Ardalion
> Drizgatch de Drizgatchew.
> Secrétaire du Gouvernement
> de toutes les Russies.

Инфузорный чинъ губернскаго секретаря превратился у него въ величественный титулъ „секретаря всероссійскаго правительства!"

Запасшись всѣмъ этимъ, Дрызгачевъ, плюнувъ на всѣ четыре стороны въ видѣ прощанья, умчался за границу. Выходить въ отставку или брать отпускъ не потребовалось, такъ какъ къ этому времени Ардальошка былъ уже уволенъ отъ службы за чрезмѣрную невоздержанность языка и столь же чрезмѣрное нерадѣніе.

Его одинаково манили французская политика и сладости парижской жизни. Онъ считалъ себя рожденнымъ для бурь парламентаризма, но шикарныя парижскія феи тянули его пожалуй еще неотразимѣе.

Парижъ! Гамбетта—и балъ Мабиль; палата депутатовъ—и шикарный будуаръ съ „розовымъ полумракомъ"; бурный потокъ разгромительнаго краснорѣчія—и игривый лепетъ съ любовными фіоритурками.

Рай!

Ардальошка такъ и нырнулъ въ этотъ рай. Очень скоро онъ сталъ „графомъ", то явнымъ, то скрывающимъ свой титулъ вслѣдствіе политическихъ причинъ.

то отвергающимъ его какъ истый сторонникъ и адептъ абсолютнаго равенства гражданъ. Въ разговорахъ онъ то и дѣло упоминалъ о своихъ имѣніяхъ, заводахъ, лѣсахъ, фабрикахъ. „Мои подмосковныя, мои пензенскія имѣнія, мои муромскіе лѣса" — все больше во множественномъ числѣ.

Осмотрѣвшись немного, его почему-то особенно прельстила роль политическаго эмигранта. Фантастическія визитныя карточки, привезенныя изъ Россіи, были тотчасъ-же уничтожены, и Дрызгачевъ, гдѣ могъ, сталъ выдавать себя за *эмигранта со средствами*.

Черезъ два года онъ вернулся въ Россію. Отцовское наслѣдство было все спущено до копейки самымъ безпутнымъ образомъ. Ардальошка очутился въ Парижѣ, въ очень скверномъ, даже безвыходномъ положеніи, когда, на его счастіе, умерла тетка, оставивъ ему тысячъ пятнадцать. Для полученія этого новаго наслѣдства онъ и вернулся въ отечество.

Здѣсь пошла хлестаковщина гомерическая, невообразимая. По его разсказамъ выходило, что онъ вездѣ и во всемъ участвовалъ—во всѣхъ, сколько нибудь выдающихся европейскихъ событіяхъ. Излишне присовокуплять, что Гамбетта, Кастеляръ, Жюль Фавръ, были совершенно свои люди, хотя, прибавлялъ Дрызгачевъ: „Во мнѣніяхъ мы далеко не сходились". На вопросъ почему, слѣдовалъ небрежный отвѣтъ: „Слишкомъ ужъ они отстали".

За этотъ наѣздъ, Ардальошка отличился вообще такими крутыми и крайними „убѣжденіями", что въ деревенскомъ околодкѣ, гдѣ ему пришлось устраивать дѣла по наслѣдству, онъ получилъ прозвище: „нашъ Робеспьеръ". Не обошлось, конечно, какъ и всегда у него, безъ исторій. Произошли „столкновенія" съ мѣстными властями и „консервативными фракціями". Часть мѣстныхъ обитателей относилась къ нему испуганно, другая пожимая плечами.

Ардальошки пришлась довольно по вкусу эта роль. Онъ, можетъ быть, такъ и застрялъ бы тутъ, не приключись съ нимъ очень плачевной исторіи, ничуть не политико-гражданской, но чисто бокаччіевскаго рода, съ извергомъ мужемъ, необтесаннѣйшаго и первобытнѣйшаго склада мыслей и мускуловъ.

Дрызгачевъ поспѣшилъ снова умчаться заграницу. Это было въ 1874 году. Съ тѣхъ поръ онъ проживалъ въ томъ же возлюбленномъ Парижѣ, но, проученный горькимъ опытомъ, спускалъ свое „второе наслѣдство" уже нѣсколько осторожнѣе, продолжая по прежнему *ломать* роль эмигранта со средствами и политическаго дѣятеля.

Сюда пріѣхалъ онъ изъ Парижа.

Таковы были тутъ три русскихъ человѣка, которыхъ судьба свела совершенно случайно вмѣстѣ.

IV.

— Что-жъ это вы такъ скоро вернулись, не побывавъ даже въ дѣлѣ? обратился Тагульскій къ Арзамасцеву.

— Да вѣдь я совсѣмъ не драться сюда пріѣхалъ-съ, отвѣтилъ казанскій помѣщикъ, и затѣмъ, добродушно улыбнувшись, прибавилъ: Это вовсе не по моей части... Сами видите, какой я могу быть боецъ.

— Такъ зачѣмъ же вы сюда пріѣхали? удивился Тагульскій.

— А вотъ-съ... Влекомый желаніемъ принести посильную лепту славянскому дѣлу... Проэктъ я составилъ-съ и привезъ на благоусмотрѣніе господъ вождей... Для благоустройства Герцеговины проэктъ... А теперь вотъ, съ согласія господъ вождей, я отправляюсь къ князю Черногорскому, дабы представить его свѣтлости мой посильный трудъ.

При этихъ словахъ Дрызгачевъ ухмыльнулся но ничего не сказалъ.

Арзамасцевъ говорилъ слегка заикаясь, пришепетывая, путаясь во фразахъ и перескакивая довольно безсвязно съ предмета на другой.

— Всѣмъ-съ я читалъ проэктъ, и достойнѣйшему Пеко Павловичу, и почтеннѣйшему Богдану Зимоничу, и отважному воеводѣ Лазарю Сочицѣ... всѣмъ-съ читалъ, и всѣ они меня выслушали.

— Что-жъ они вамъ сказали? спросилъ Тагульскій.

— А вотъ-съ... сказали они, если прямо говорить, мало. Достопочтеннѣйшій Пеко Павловичъ, тотъ даже ничего не сказалъ; курилъ все время и смотрѣлъ на меня, такъ, знаете, въ упоръ смотрѣлъ, пристально.

— Но онъ сказалъ же что нибудь? хоть слово?

— Они только сказали *дòбро*, и потомъ просили меня показать мой плащъ.

— Какъ плащъ? зачѣмъ? этотъ вашъ плащъ? удивился Тагульскій, указывая на разодранную *инцерату* Арзамасцева.

— О! нѣтъ-съ! отвѣтилъ этотъ, добродушно улыбаясь. Какой же это плащъ? это кожухъ... кожухъ достойнѣйшаго Пеко Павловича... Это мнѣ дорогое, драгоцѣнное воспоминаніе... Онъ съ собственныхъ плечъ снялъ его и передалъ мнѣ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ-съ... потому что я свой плащъ подарилъ воеводѣ.

— Пеко Павловичу?

— Да-съ, ему самому... Плащъ у меня былъ теплый, драповый, знаете, на ватѣ весь простеганъ. Да-съ... Спросилъ онъ плащъ. Я ему снялъ, показалъ. Онъ долго оглядывалъ, внимательно такъ, а потомъ-съ надѣлъ себѣ на плечи... „*Лѣпо*" (хорошо), говоритъ, и сѣлъ въ немъ, и куритъ... Долго сидитъ... Я подумалъ-подумалъ, вижу нравится мой плащъ достойнѣйшему воеводѣ, взялъ да и подарилъ ему-съ... А онъ мнѣ свой-съ... Ему, воеводѣ, надо теплое тамъ-съ, а для меня, вы не повѣрите, какъ дорогъ этотъ кожухъ.

— Да вѣдь вамъ должно быть страшно холодно въ этомъ рѣшетѣ? замѣтилъ Тагульскій.

— Холодновато-съ, правда, но что же дѣлать... Надо привыкать-съ... не на жуирство какое я вѣдь сюда пріѣхалъ-съ.

— Ну, а другіе, какъ вы ихъ тамъ называете, воеводы, что вамъ сказали на вашъ проэктъ? вставилъ вопросъ Дрызгачъ-Дрызгачевъ.

— А вотъ-съ... Почтеннѣйшій Богданъ Зимоничъ— величественная фигура-съ!—тотъ обратилъ вниманіе, только, какъ я могъ заключить, ему въ проэктѣ не все понравилось. Что именно, не умѣю сказать, а только по словамъ его вышло что не все... Онъ, знаете, говоритъ прямо, просто, по библейскому: „*Глупства много*". Такъ прямо и сказалъ-съ. „Тебѣ, говоритъ, это читать здѣсь нечего, а ступай куда слѣдуетъ..." Прямой, простой, знаете, человѣкъ. И обидѣться нельзя на такую рѣчь. Да и то возьмите, что говоритъ дѣло: какъ я подумалъ потомъ хорошенько самъ, такъ и вышло, что читать проэктъ слѣдуетъ не имъ.

— А кому же? оборвалъ разсказчика Дрызгачевъ.

— Самому князю.

— Чортъ знаетъ что такое! вспылилъ вдругъ Ардальошка.

— А что-же-съ? произнесъ растерянно Арзамасцевъ.

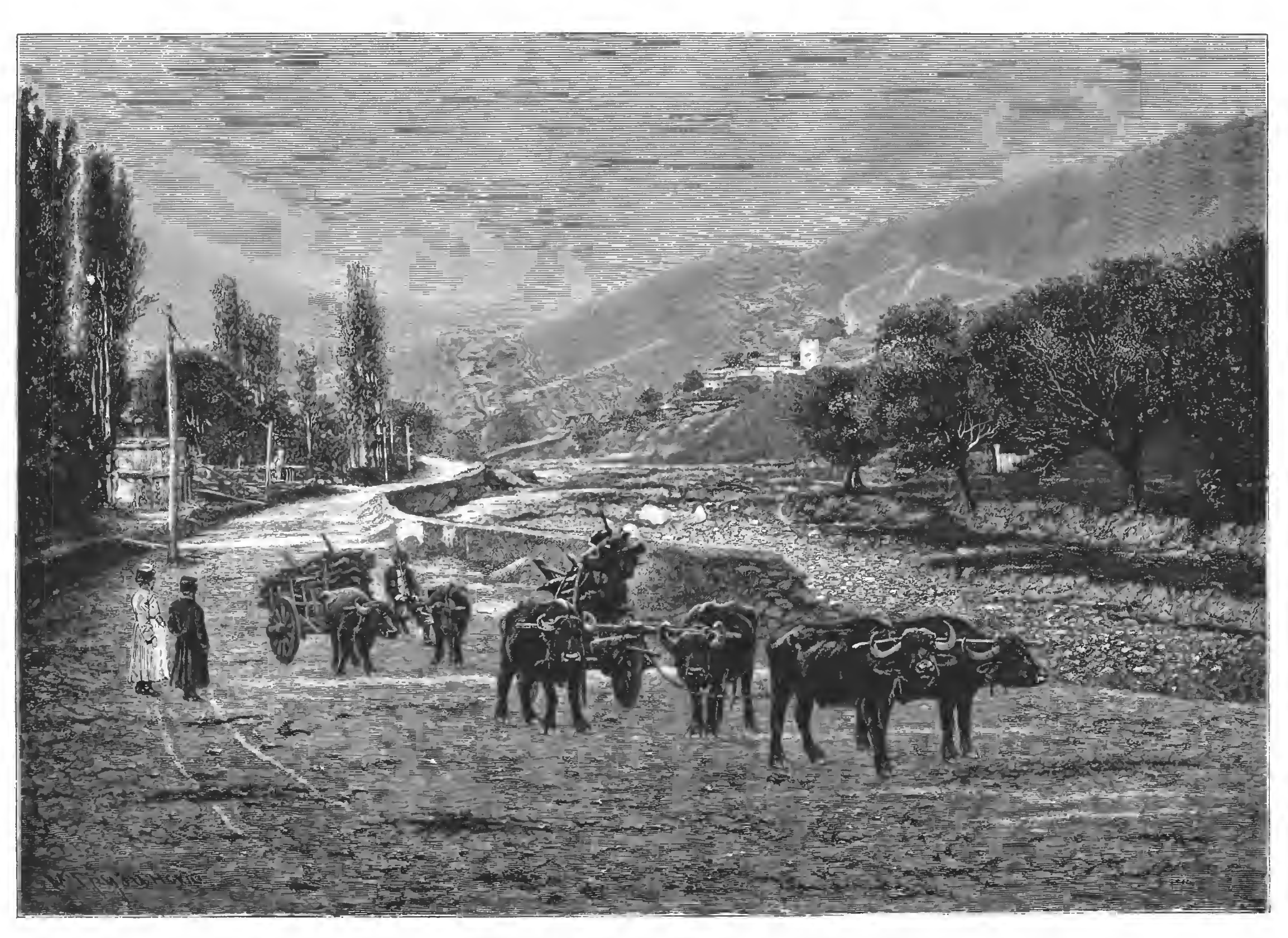
— Нѣтъ, ничего, продолжайте, послушаемъ! отрѣзалъ нахально Дрызгачевъ.

— Но если есть что нибудь такого въ моемъ намѣреніи, то прошу васъ не подумать что это...

— Да нѣтъ же. Это я только такъ. Продолжайте. Что вамъ сказалъ третій... воевода? произнесъ Дрызгачевъ.

— А вотъ-съ... Благороднѣйшій воевода Лазарь Сочица, такъ тотъ не весь проэктъ выслушалъ... Прочелъ я такъ около половины приблизительно, а онъ вдругъ

Лѣсная сказка. Съ карт Дифенбаха, грав. Шульце.



Военно-грузинская дорога бл. Тифлиса. Съ карт. проф. П. Грузинскаго, по фотогр. грав. М. Рашевскій.

вынулъ изъ кармана грецкіе орѣхи и подаетъ мнѣ горстью, и говоритъ: „Вижу, что хорошо. Послѣ когда нибудь дочитаешь, а теперь мнѣ некогда“.

Разсказано все это было просто, добродушно, очень наивно. Чувствовалась искренность и увлеченіе, дѣтское, правда, но не притворное.

— Ну, а проэктъ то, самъ проэктъ? спросилъ Дрызгачевъ, уставляясь безцеремонно на Арзамасцева, съ видомъ какого то презрительнаго состраданія.

— Вы желаете тоже знать-съ... ознакомиться? торопливо произнесъ съ нескрываемою радостью Арзамасцевъ, сейчасъ же досталъ изъ кармана тетрадку, очень засаленную, развернулъ и сталъ читать.

Проэктъ былъ озаглавленъ: *Проэктъ о преобразованіи управленія въ Герцеговинѣ и Босніи*, и состоялъ изъ какой то дѣтски-наивной маниловщины. Цѣль была „устроить все такъ, чтобы турки и славяне помирились между собою, и зажили бы душа въ душу“. Въ немъ говорилось, между прочимъ, о настоятеляхъ монастырей, предсѣдателяхъ акціонерныхъ обществъ, владѣльцахъ фабрикъ, старшинахъ артелей и т. д.

Словомъ, это была совершенная безсмыслица, добродушная, чистая, исполненная наилучшихъ намѣреній, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительно никуда не годная.

— И вы только для того и пріѣхали сюда, чтобы предложить этотъ проэктъ? воскликнулъ Тагульскій, смотря съ изумленіемъ, недоумѣніемъ и сожалѣніемъ на Арзамасцева.

— Только-съ, отвѣтилъ тотъ такимъ голосомъ, какъ будто дѣло шло о самой простой и естественной вещи.

И дѣйствительно, онъ только затѣмъ сюда и притащился изъ-за матушки изъ-за Волги.

„Влекомый“, какъ онъ выразился, единственнымъ желаніемъ принести частицу пользы дѣлу, этотъ человѣкъ бросилъ все,—домъ, скромную, но покойную обстановку, относительное довольство, родныхъ, чтобы пріѣхать сюда на тяжкую муку.

Тамъ, далеко, на Волгѣ, въ своемъ домикѣ, среди хозяйства, онъ тронулся горестною судьбою герцеговинцевъ, тронулся до глубины души, и сталъ придумывать, какъ бы имъ помочь. Думалъ онъ, думалъ, прочелъ кое что о нихъ, и взглянулъ на дѣло конечно по своему, дѣтски чисто... И вотъ, у него въ головѣ выработался проэктъ какого то идеальнаго благоустройства, чтобы всѣмъ было такъ хорошо и такъ ладно. Обдумалъ онъ его, разработалъ у себя на Волгѣ, написалъ сперва черновую, потомъ на-чисто, и повезъ въ Герцеговину.

— Да, ну я такъ не за тѣмъ сюда пріѣхалъ, произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Тагульскій, закуривая папироску.

— А за чѣмъ же именно? спросилъ Дрызгачевъ съ видомъ означавшимъ приблизительно слѣдующее: а ну ка, теперь этимъ полюбуемся.

— Драться, отвѣтилъ Тагульскій.

— Такъ-таки сразу и драться?

— Да... А что?

— Не посмотрѣвъ прежде, что все это именно за штука такая?

— Да тутъ и высматривать нечего! Посмотрите вонъ, что тамъ вредъ вашими глазами дѣется... Чего же вамъ еще нужно? кажется ясно! воскликнулъ Тагульскій, указывая на скученныхъ въ углу площади герцеговинцевъ, видъ которыхъ былъ дѣйствительно ужасенъ.

— Да ну, знаете, мы объ этомъ не будемъ теперь говорить. Это внѣшняя сторона дѣла. Детали. Частности. Скорлупа, такъ сказать... Я говорю о самой сути, замѣтилъ Дрызгачевъ наставительнымъ, дѣловито-сухимъ тономъ.

— Да вотъ она суть! горячился Тагульскій, опять указывая на ободранную толпу. За этихъ несчастныхъ мы и хотимъ...

— Скажите пожалуйста, вы здѣсь уже нѣкоторое время? перебилъ его безцеремонно Ардальошка тѣмъ же дѣловитымъ, даже нѣсколько прокурорскимъ тономъ.

— Съ недѣлю. Я пробылъ это время въ Рагузѣ.

— Успѣли, слѣдовательно, кое что разузнать... Скажите пожалуйста ваше мнѣніе объ этомъ возстаніи.

— Мнѣніе, въ какомъ отношеніи? серьезно ли это движеніе, или нѣтъ? вы это хотите сказать?

— Нѣтъ. Совсѣмъ нѣтъ. Такія движенія *дѣлаютъ серьезными* или не серьезными. Это зависитъ отъ рукъ, въ которыя они попадутъ, отрѣзалъ Дрызгачевъ докторальнымъ тономъ. Нѣтъ, я не то хочу сказать. Вы мнѣ отвѣтьте вотъ на что: запустилъ здѣсь кто нибудь лапу или нѣтъ? Я особенно интересуюсь этимъ капитальнымъ пунктомъ.

— Какую лапу? спросилъ уже нѣсколько нетерпѣливо Тагульскій.

— Я тутъ слишкомъ много вижу вездѣ этой Черногоріи... И тутъ вотъ она даже оказывается.

Дрызгачевъ указалъ на черногорцевъ, наблюдавшихъ за раздачею хлѣба герцеговинскимъ бѣглецамъ.

— Ну такъ что же? спросилъ сухо Тагульскій, на котораго собесѣдникъ начиналъ производить очень непріятное впечатлѣніе. Почему же это васъ такъ интересуетъ?

— А вотъ почему, отвѣтилъ Дрызгачевъ, и принялся „рѣзать“ отрывистыми фразами, отчеканивая каждое слово и возвышая голосъ:—Если дѣло тутъ настоящее; если люди эти поднялись, чувствуя сами въ себѣ пробужденіе свободной гражданственности — это хорошо. Прекрасно. Отлично. Моя работа упрощена на пятьдесятъ процентовъ...

— Какая ваша работа? спросилъ Тагульскій.

— Если же напротивъ, продолжалъ „рѣзать“ Ардальошка, не обративъ вниманія на вопросъ,—они тутъ поднялись просто по наказу, то придется учинить прежде надъ ними, такъ сказать, предварительную операцію... Я получилъ очень важныя, конечно секретныя, сообщенія относительно роли, которую во всемъ этомъ играетъ Черногорія, и самъ теперь замѣчаю вездѣ ея лапу. Это меня начинаетъ безпокоить. Серьезно безпокоить.

И въ голосѣ, и даже на лицѣ Ардальошки проявилась внезапно озабоченность.

— Да что же именно? недоумѣвалъ Тагульскій. То, что Черногорія помогаетъ герцеговинскимъ семействамъ? что она не перехватываетъ возставшихъ? Да какъ же вы хотите, чтобъ она оставалась равнодушною при видѣ страданій своихъ единокровныхъ?

Дрызгачевъ скорчилъ иронически сострадательную мину.

— „Оставались равнодушными“, „страданія“, „единокровные братья“, „спасеніе погибающихъ!“ Оставимъ, знаете, эти нѣжности. Это хорошо въ литературѣ, батенька мой... Будемъ говорить дѣло. Я, и та группа, которой я представитель, смотримъ на это дѣло такъ: первое, запросъ инсургентамъ: „Свободы хотите вы, или присоединенія?..“ Получается отвѣтъ: „Свободы! безусловной свободы!..“ Прекрасно. Мы и будемъ дѣйствовать сейчасъ же, немедленно же, въ этомъ смыслѣ: общее собраніе, выборное начало безъ ценза, на нормальныхъ правилахъ равноправности: провозглашеніе временнаго правительства: исполнительная коммисія: немедленное и радикальное разрѣшеніе соціальныхъ задачъ; провозглашеніе правъ человѣка; выясненіе нормальныхъ отношеній индивидуума къ обществу; увѣдомительныя ноты правительствамъ; тотчасъ же прямыя сношенія съ кабинетами, и проч., и проч., и проч.

Тагульскій, съ возростающимъ изумленіемъ, а бѣдный Арзамасцевъ съ нѣкоторымъ испугомъ, слушали Дрызгачева, который, видимо, упивался своимъ краснорѣчіемъ и производимымъ имъ эффектомъ.

— А отвѣтятъ герцеговинцы...

Онъ приподнялся, и низко, убого поклонился, состроивъ забитую, глупую улыбочку.

— А отвѣтятъ они: „присоединиться, батюшка, хотимъ къ этой самой Черногоріи...“ Ну, въ такомъ случаѣ дѣйствовать придется иначе. Планъ готовъ и для этого казуса: Черногорія здѣсь что? что она?—ретроградное начало, деспотизмъ, преграда, препятствіе, тормазъ!.. Слѣдовательно—прочь его съ дороги. Слѣдовательно—сбить его надо на сторону!.. Пропаганду тогда въ ходъ: разъяснить этому мужичью настоящее дѣло; открыть глаза этимъ темнымъ болванамъ: представить возможность немедленнаго освобожденія,—при этихъ событіяхъ это не будетъ стоить особеннаго труда,—а затѣмъ ужъ дѣло пойдетъ какъ по маслу: собрать немедля народъ въ избирательные комитеты... То, что у насъ во Франціи называется Comices électoraux... Сейчасъ почувствуется, что дѣло поставлено на серьезную ногу... Затѣмъ, заставить избрать семь или восемь—больше не нужно—членовъ, которыхъ тотчасъ же подъ сапогъ. Принимаемъ мѣры обороны—и заявляемъ. Сливаемся съ возстаніемъ—и заявляемъ. Провозглашаемъ временную диктатуру—и заявляемъ. Назначаемъ *свое* временное правительство—и заявляемъ... Тотчасъ же все, каждый крупный политическій ходъ—заявляемъ нотами.. Тогда посмотрятъ! Тогда поймутъ что...

— Господи! вбирая въ себя духъ, проговорилъ чуть ли не съ ужасомъ Арзамасцевъ, всплеснувъ руками.

— Тогда поймутъ, что не Черногоріи тутъ мѣсто! продолжалъ „рѣзать“, съ возростающею строгостью и горячностью, расходившійся Ардальошка. Тогда поймутъ, что прежде всего надо...

— Да, ну это вы одинъ себѣ и понимайте, а намъ нечего и слушать даже этотъ вздоръ, брякнулъ вдругъ совершенно неожиданно Тагульскій, въ которомъ только что изложенная „программа“ возбудила сильнѣйшее негодованіе.

Сказавъ это рѣзкимъ, твердымъ голосомъ, Тагульскій всталъ и вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ красовался прилавокъ съ бутылями. Арзамасцевъ, обрадовавшійся и сконфузившійся рѣзкой выходкѣ Тагульскаго, поспѣшно послѣдовалъ за нимъ, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ оплеваннымъ ораторомъ.

— Пойдемте, посмотримъ лучше, что тамъ дѣлается, сказалъ Тагульскій Арзамасцеву, указывая на площадь.

— Каковъ-съ, нѣтъ, каковъ-съ! шепталъ испуганно Арзамасцевъ.

— Дрянь какая-то, на которую не стоитъ обращать вниманія, отвѣтилъ пренебрежительно Тагульскій, и оба вышли на площадь.

— Нѣтъ, но проэктъ то его каковъ-съ! продолжалъ гвоздить Арзамасцевъ.

— Ну, ужъ насчетъ проэктовъ бросимъ говорить. Хорошъ тоже вѣдь и вашъ то проэктъ.

V.

Рѣзкая выходка Тагульскаго огорошила Дрызгачева; огорошила болѣе своею неожиданностью. Съ минуту онъ оставался въ какомъ-то осовѣніи, но затѣмъ нахальство взяло верхъ надъ природною трусостью.

— Послушайте! вы! крикнулъ онъ не вставая съ мѣста.

Отвѣта не послѣдовало потому, что въ это время Тагульскій съ Арзамасцевымъ выходили уже на площадь.

— Вотъ доморощенная скотина-то! И этотъ тоже болванъ съ своимъ идіотскимъ проэктомъ! Хороша парочка, нечего сказать! И тоже вѣдь туда же лѣзъ.....

Разсужденія эти были внезапно прерваны неожиданнымъ явленіемъ.

Въ темномъ углу комнаты что-то зашевелилось и вслѣдъ затѣмъ поднялась на ноги высокая фигура, присутствія которой ни Дрызгачевъ, ни бывшіе его собесѣдники и не подозрѣвали.

То былъ человѣкъ атлетическаго сложенія, очень изможденный на видъ. Короче говоря, то былъ Янъ Бжитковичъ, прибывшій только наканунѣ изъ своей злосчастной экспедиціи въ отрядѣ Луки Петковича.

Первая мысль Ардальошки—мысль непріятная—была, что проглоченная имъ обида имѣла еще одного свидѣтеля. Ему даже стало какъ будто неловко предъ этимъ незнакомцемъ, но такое состояніе духа было непродолжительно.

Къ немалому удивленію Дрызгачева, фигура подошла къ нему и протянула руку.

— Позвольте мнѣ крѣпко пожать вашу руку, произнесъ Бжитковичъ прочувствованнымъ голосомъ.

Дрызгачевъ, недоумѣвая и съ вопросительнымъ видомъ, протянулъ ему руку, окинувъ быстрымъ, испытующимъ взглядомъ видную фигуру поляка.

— Жму съ глубокою благодарностью руку человѣка, который трудится для блага моего отечества, повторилъ величаво Бжитковичъ.—Я все слышалъ, милостивый государь. Слышалъ безмозглыя разсужденія этихъ дикарей; слышалъ вашу, дѣйствительно блестящую и разумную программу... Но, впрочемъ, позвольте мнѣ прежде всего спросить съ кѣмъ я имѣю честь говорить и объявить вамъ кто я.

Сказано было это на французскомъ языкѣ.

Дрызгачевъ, продолжая недоумѣвать, но польщенный такимъ приступомъ, привсталъ и поклонившись тоже съ большимъ достоинствомъ, назвалъ себя.

— Алеко, произнесъ онъ.

— Странное имя для русскаго, замѣтилъ съ хитрою но пріятною улыбочкою Бжитковичъ.

— Собственно говоря это псевдонимъ. Своего настоящаго имени, скажу вамъ откровенно, мнѣ пока нельзя еще здѣсь объявить.

— Я такъ и думалъ... И, представьте себѣ, что и я нахожусь совершенно въ такомъ же положеніи. Я здѣсь тоже скрываю свое настоящее имя. Здѣсь я просто безвѣстный Душановичъ, а между тѣмъ мое настоящее имя, не сомнѣваюсь, вамъ очень и очень извѣстно...

Бжитковичъ улыбнулся съ оттѣнкомъ грусти.

— Но я не послѣдую вашему примѣру. Мысли и цѣли выраженныя вами, извините, слишкомъ может быть откровенно этимъ азіятамъ, убѣдили меня, что вы человѣкъ нашего закала и нашего лагеря. И потому, вамъ, я откроюсь... Я—Бжитковичъ.

И гордо закинувъ голову, онъ сдѣлалъ привѣтственный жестъ рукою.

Политика, и всяческаго рода западныя политическія „извѣстности“ производили на Ардальошку неотразимое обаяніе.

— Бывшій генералъ коммуны?! воскликнулъ онъ съ почтительнымъ и радостнымъ изумленіемъ.

— Онъ самый, отвѣтилъ съ благородною простотою „генералъ“, протянувъ снова руку Ардальошкѣ, который крѣпко сжалъ ее обѣими своими дланями.

Бжитковичъ, по подслушанному имъ разговору, сразу оцѣнилъ и разгадалъ натуришку Дрызгачева, и вѣрно разсчиталъ свой маневръ, рискнувъ объявленіемъ настоящаго своего имени.

Такое откровеніе—онъ успѣлъ прикинуть это въ умѣ—могло быть обоюдоострое. Собесѣдникъ могъ знать не только о расшитомъ галунами декоративномъ „генералѣ“ Бжитковичѣ, имя котораго, дѣйствительно, довольно часто встрѣчалось въ газетахъ того времени, но и о экс-коммунарѣ Бжитковичѣ, обвиняемомъ своими же товарищами въ трусости и воровствѣ. Но онъ сказалъ себѣ, что о второмъ говорилось въ печати несравненно менѣе чѣмъ о первомъ, а потому было много шансовъ что собесѣдникъ и не зналъ ничего объ этомъ.

Да наконецъ положеніе его было до того скверно и

безвыходно, что рѣшиться на что нибудь являлось настоятельною необходимостью.

Здѣсь, въ этомъ крошечномъ патріархальномъ бѣдномъ уголкѣ, гдѣ онъ никого не зналъ, съ двумя флоринами въ карманѣ, Бжитковичъ считалъ себя совершенно погибшимъ, и готовъ былъ на все чтобъ выбраться отсюда и добыть хоть сколько нибудь денегъ. И вотъ, совершенно нежданно-негаданно ему словно съ неба сваливается кладъ въ лицѣ Ардальошки.

Въ углу, гдѣ онъ сидѣлъ одинъ со своимъ отчаяніемъ, до него долетаютъ вздорныя рѣчи Дрызгачева. Обрадованный, окрыленный смутною надеждою, онъ прислушивается къ этому вздору, оцѣниваетъ человѣка, прикидываетъ на взглядъ, что тутъ должны быть кой какія деньги, и сообразивъ наскоро планъ подступа къ жертвѣ, приводитъ его довольно ловко въ исполненіе.

Нѣкоторая понятная сдержанность, проявленная Дрызгачевымъ въ началѣ разговора съ незнакомцемъ, мгновенно исчезла. Упоенный похвалою и вниманіемъ такого выдающагося собесѣдника, Ардальошка разошелся во всю. Ему захотѣлось показаться и порисоваться предъ „генераломъ“, показать, что „мы тоже съ усами“,—и потекли рѣчи неудержимымъ потокомъ.

Тутъ была и фантастическая автобіографія хлестаковскаго пошиба, и политическая profession de foi; тутъ было и гражданское негодованіе, оттѣненное мелодраматическими жестами, и скорбь, причемъ подвижное лицо Ардальошки выражало безграничную грусть, губы сдергивались трагически концами книзу, а взоръ страдальческій и мутный виталъ неопредѣленно въ пространствѣ.

Словомъ, Дрызгачевъ представился во всей своей красѣ собесѣднику и, какъ говорится, раздѣлся предъ нимъ до-гола. Собесѣдникъ очень внимательно слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію все, что требовалось по его соображеніямъ.

Нужно ли присовокуплять, что къ немалому удовольствію Ардальошки, „генералъ“ раздѣлялъ вполнѣ всѣ его мысли, мнѣнія, цѣли и программы, и оказался солидаренъ съ нимъ рѣшительно во всемъ и по всѣмъ пунктамъ.

Въ особенности же по отношенію къ герцеговинскому возстанію проявилась совершенно трогательная „безусловная тождественность воззрѣнія“.

— Я смотрю на это дѣло такъ, ораторствовалъ Ардальошка, дѣлая при этомъ различные образные жесты рукою.—Ничего расоваго, ничего враждебно-національнаго, ничего мелкаго, сепаратистскаго. Pas de politique de clocher *). И вы конечно, какъ я, какъ Викторъ Гюго, какъ всѣ мыслители, смотрите на это дѣло не съ какой нибудь славянской или сербской или другой куриной точки зрѣнія, а прямо съ общечеловѣческой, съ точки зрѣнія свободы и федераціи народовъ.

Вмѣсто отвѣта, „генералъ“ Бжитковичъ всталъ, подошелъ къ оратору, молча но съ глубокимъ чувствомъ крѣпко его обнялъ, и затѣмъ взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Побольше бы такихъ какъ вы!

Тутъ же было рѣшено дѣйствовать сообща, „не открывая никому картъ“, какъ выразился Бжитковичъ. На замѣчаніе пущенное мимоходомъ „генераломъ“, что для этого немедленно нужны деньги, которыхъ у него „въ эту минуту пока нѣтъ“, такъ какъ всѣ имѣвшіяся были израсходованы и розданы въ горахъ или пошли на... и т. д., Дрызгачевъ съ пренебреженіемъ отвѣтилъ. что „объ этомъ не стоитъ говорить“, что это его дѣло. что деньги и средства есть.

Какъ „звуки лиры чудные“ прозвучали эти отрадныя слова на сердцѣ Бжитковича.

— Ну, тогда я могу головою ручаться за успѣхъ! воскликнулъ онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ.

*) Не нужно мелкой политики.

Никакого опредѣленнаго плана дѣйствій—не для возстанія, а для „очистки“ Дрызгачева, разумѣется—у него еще не было. Все это надо было хорошенько и обстоятельно обдумать. Одно только сказалъ онъ пока себѣ съ твердою рѣшимостью:

— Этотъ болванъ не уйдетъ низачто отъ меня.

„Болванъ“ между тѣмъ распорядился насчетъ возможно приличнаго завтрака.

— Не знаю еще на сколько подтвердятся всѣ мои подозрѣнія относительно разлагающей работы черногорскихъ и сербскихъ эмиссаровъ, проговорилъ съ озабоченнымъ и строгимъ видомъ Ардальошка, входя, какъ истый Хлестаковъ, совершенно въ свою роль.—Но если они подтвердятся, надо будетъ круто повернуть дѣло... Придется объявить внѣ закона князей Николая и Милана.

— Ну чтожъ, и объявимъ! сказалъ съ большою твердостью „генералъ“, поспѣшно усаживаясь за столъ.

Тагульскій не хотѣлъ терять времени. Онъ жаждалъ очутиться среди дикой, еще невѣдомой для него горной природы, жаждалъ увидѣть *усташей*, о которыхъ столько слышалъ необычайнаго, жаждалъ попасть въ бой.

Человѣкъ былъ онъ съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ и не по лѣтамъ серьезный. Судя по грустному и задумчивому выраженію его красивыхъ глазъ, можно было подумать, что на сердцѣ у него лежало какое то затаенное горе.

Въ Рагузѣ ему сказано было обратиться въ Ризано къ купцу Ильѣ Радоничу, преданному всею душою славянскому дѣлу.

Раздавъ несчастнымъ герцеговинцамъ, находившимся на площади, нѣсколько серебряныхъ монетъ, онъ протянулъ руку Арзамасцеву, не отстававшему отъ него.

— Ну прощайте, сказалъ онъ.

— Куда же это вы изволите спѣшить-съ? спросилъ словно встревоженный этимъ прощаніемъ Арзамасцевъ.

Тагульскій отвѣтилъ, что намѣренъ, не теряя времени, собраться въ дальнѣйшій путь. Арзамасцевъ, крѣпко пожимая ему руку, произнесъ нѣсколько безсвязныхъ фразъ, выражавшихъ обычныя добрыя пожеланія.

Тагульскій хотѣлъ уже идти, когда Арзамасцевъ робко произнесъ:

— Еще одно только словечко-съ.

Тагульскій взглянулъ на него вопросительно.

— Не знаю почему, но хотя и малое еще у насъ знакомство-съ... я питаю большое довѣріе къ вамъ... Мнѣ показалось, что вы не одобряете мой проэктъ-съ, проговорилъ сконфуженно и запинаясь Арзамасцевъ.

— Вы хотите знать искреннее мое мнѣніе? Ну такъ вотъ вамъ оно въ двухъ словахъ, отвѣтилъ Тагульскій, которому хотѣлось отдѣлаться поскорѣе отъ докучливаго собесѣдника.—Вы слышали проэктъ этого негодяя? Что вы про него скажете?

— Безсмысленный вздоръ-съ... Это какая-то демагогія, а какая же тутъ можетъ быть демагогія... Видно-съ что онъ и понятія не имѣетъ... Совсѣмъ какъ есть вздоръ безсмысленный-съ.

— И прибавьте, мерзѣйшій.

— И это вѣрно-съ.—Совсѣмъ даже мерзѣйшій.

— Ну такъ вотъ видите. Разница между вашимъ и его проэктами только и есть та, что его проэктъ, какъ вы говорите, совсѣмъ мерзѣйшій, а вашъ нѣтъ... Извините меня за откровенность, но вы спросили мое мнѣніе—и я вамъ его прямо и высказываю.

Этотъ безпощадно рѣзкій отзывъ гораздо менѣе озадачилъ Арзамасцева чѣмъ можно было ожидать.

— Знаете-съ... Вотъ если бы всѣ-съ такъ прямо говорили, хорошо бы тогда было... А то вѣдь не знаешь... Мнѣ самому, какъ побывалъ-съ тамъ, показалось, что это не совсѣмъ у меня то что слѣдуетъ, а кругомъ, между тѣмъ хвалятъ-съ... Ну вотъ и не знаешь... А я

Пѣсня родины. Съ карт. I. Дефрегера, грав. Клоссъ.

вѣдь только блага одного хочу-съ имъ, бѣднымъ. Только затѣмъ-съ вѣдь и прибылъ чтобъ посильно быть полезнымъ... Такъ что же вы мнѣ посовѣтуете-съ?

— То есть посовѣтовать, что вамъ дѣлать?

— Да-съ, потому сами изволите видѣть, куда ужъ мнѣ биться... Негоденъ я вовсе для этого, въ особенности же супротивъ ихъ.

— Ну такъ вы сами видите, что вамъ всего разумнѣе оставить это неподходящее для васъ дѣло и вернуться домой.

— О, нѣтъ-съ! Это никогда-съ! возразилъ съ неожиданною рѣшительностью Арзамасцевъ.—Чтожъ это будетъ-съ? Помотался тутъ и назадъ? Я вѣдь не прощалыга какая, я пользу хочу людямъ принести. Вотъ это моя мечта-съ... Неужели же такъ-таки никакой пользы мнѣ принести тутъ нельзя?

Въ голосѣ Арзамасцева чувствовалась такая теплота и искренность, что Тагульскій взглянулъ внимательнѣе и очень сочувственно на эту курьозную фигуру.

— Знаете что, сказалъ онъ подумавъ немного.—Ужъ если вы такъ хотите, то и вамъ найдется тутъ дѣло. У возставшихъ нѣтъ ни лекарей, ни медицинскихъ пособій. Будьте братомъ милосердія. Этимъ вы можете оказать большую пользу дѣлу.

Часа черезъ два послѣ этого разговора, Тагульскій уже выѣзжалъ изъ Ризано. Онъ ѣхалъ верхомъ на маленькой горской лошади, за которою плелся мулъ съ вещами и проводникъ-поморянинъ.

(До слѣд. №).

Ошибка.

Разсказъ **Генриха Сенкевича.**

Случилось, десять-двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, что въ Калифорніи, въ графствѣ Морнроза открытъ былъ въ одной мѣстности источникъ нефти. Громадные доходы, какіе только такіе источники могутъ доставлять въ Невадѣ и въ другихъ Штатахъ, тотчасъ вызвали нѣсколькихъ промышленниковъ составить компанію для разработки ново-открытыхъ источниковъ. Выписаны машины, насосы, рычаги, лѣстницы, бочки и боченки, котлы и буравы; построены дома для рабочихъ, поселеніе названо „Струкъ-Ойль“, и въ короткое время въ мѣстности пустой и безлюдной, гдѣ годъ тому назадъ жили только сурки, возникъ городокъ въ нѣсколько десятковъ домовъ и поселилось нѣсколько сотъ рабочихъ.

Два года спустя „Струкъ-Ойль“ назывался уже „Струкъ-Ойль-Сити“, то есть городъ. Дѣйствительно то былъ уже городъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Были здѣсь и сапожникъ, и портной, и столяръ, кузнецъ, мясникъ, и докторъ-французъ, который хотя прежде въ Парижѣ только брилъ бороды, но во всякомъ случаѣ былъ человѣкъ „ученый“ и „не вредный“, что для американскаго доктора очень много.

Докторъ, какъ это часто бываетъ въ маленькихъ городкахъ, держалъ также аптеку и почту, а потому имѣлъ и тройную практику. Аптекаремъ онъ былъ такимъ же безвреднымъ, какъ и докторомъ, у него можно было получать только два лекарства: сахарный сиропъ и лероа. Тихій и спокойный старичекъ говорилъ всегда своимъ больнымъ:

— Не опасайтесь моихъ лекарствъ; я имѣю обыкновеніе, давая больному лекарство, самъ всегда предварительно принимать такую же дозу, я разсудилъ, если мнѣ, здоровому, не повредитъ, то и больному также не можетъ повредить. Развѣ неправда?

— Правда! отвѣчали успокоенные жители, которымъ однако не приходило въ голову, что обязанность доктора состоитъ не въ томъ, чтобы не вредить, но и помогать больному.

Дажовиль—такъ звали доктора—вѣрилъ однако больше всего въ чудесныя свойства лероа. Не разъ на митингахъ, модно снимая шляпу съ головы и обращаясь къ публикѣ, онъ говорилъ:

— Господа! и вы сударыни! убѣдитесь что такое лероа. Я, семидесятилѣтній человѣкъ, уже сорокъ лѣтъ ежедневно употребляю лероа и, смотрите, еще не посѣдѣлъ.

Могли бы замѣтить доктору что у него не было не только сѣдыхъ, но и никакихъ волосъ, такъ что его голову можно было сравнить съ арбузомъ, но такъ какъ такія замѣчанія нисколько бы не послужили къ величію или пользѣ города, то жители и не стремились ихъ дѣлать.

Между тѣмъ городъ все увеличивался да увеличивался. Спустя года два, уже была проведена желѣзная къ нему дорога. Городъ имѣлъ своихъ, имъ избираемыхъ, чиновниковъ. Докторъ, котораго любили, сдѣлался какъ представитель интеллигенціи—судьею; сапожникъ, пронырливый польскій еврей, мистеръ Девисъ (то есть Давидъ) былъ назначенъ шерифомъ — начальникомъ полиціи, состоявшей только изъ этого самаго шерифа и никого болѣе; построено было училище, которымъ управляла нарочно выписанная старая дѣва, вѣчно страдавшая зубною болью; наконецъ открыли гостинницу, подъ названіемъ „Гостинница Соединенныхъ Штатовъ“.

Торговая площадь оживилась также чрезвычайно. Продажа нефти доставляла большіе доходы. Сапожникъ-шерифъ Давидъ велѣлъ уже устроить около своего магазина стеклянную витрину, въ родѣ тѣхъ, что украшаютъ магазины С. Франциско. На слѣдующемъ митингѣ жители публично благодарили мистера Давида за это новое украшеніе города, на что мистеръ Девисъ, съ снисходительностью важнаго лица, отвѣтилъ:

— Благодарю васъ! Благодарю!

Гдѣ есть судья и шерифъ, тамъ есть и дѣла. Дѣла требуютъ писанія и бумаги, а потому на своей улицѣ Коджетъ Стритъ онъ открылъ магазинъ письменныхъ принадлежностей, въ которомъ продавали также и ежедневную политическую газету и разныя любопытныя картинки, напримѣръ представлявшія Гранта въ видѣ мальчика, доившаго корову. Полиція не могла запрещать продажу подобныхъ картинокъ, это до нея не касалось. Но это еще не все. Американскій городъ никакъ не можетъ быть безъ газеты, а потому, годъ спустя, начала выходить здѣсь и газета, подъ заглавіемъ „Субботнее Обозрѣніе“, которая имѣла столько подписчиковъ, сколько было жителей въ городѣ. Редакторъ этой газеты былъ также и ея издателемъ, типографщикомъ, администраторомъ и разнощикомъ. Послѣднюю обязанность исполнять ему было очень легко, онъ держалъ коровъ и утромъ разносилъ газету вмѣстѣ съ молокомъ. Газета была крайне рѣзкая и... невѣжественная. Свои политическія статьи редакторъ по обыкновенію начиналъ въ такомъ родѣ: „Если бы презрѣнный президентъ Штатовъ послушался совѣта, который мы ему дали въ прошломъ № и т. д.“

И такъ счастливый „Струкъ-Ойль“ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, ни въ чемъ не нуждался. Кромѣ того, рудокопы, трудившіеся надъ добываніемъ нефти, не отличались ни вспыльчивостью, ни грубыми нравами, которые обыкновенно господствуютъ среди искателей золота, а потому въ городѣ было совсѣмъ спокойно. Дракъ не случалось и о „Законѣ Линча“ не было и помину. Жизнь шла спокойно, дни протекали похожіе одинъ на другой какъ двѣ капли воды. Утромъ всѣ занимались торговлей, вечеромъ жители сожигали соръ на улицахъ и если не было митинга, отправлялись спать, на слѣдующій день имъ предстояли такія же занятія.

Единственная постоянная забота шерифа была въ томъ, что онъ не могъ отучить жителей стрѣлять по вечерамъ дикихъ гусей, которые пролетали обыкновенно въ эту пору надъ городомъ.

— Законъ запрещаетъ стрѣлять на улицахъ, говорилъ онъ. Если бы это былъ какой нибудь паршивый городишка, я бы молчалъ, но въ большомъ городѣ „пифъ, пафъ!“—это очень не хорошо!

Жители слушали его, покачивали головами, отвѣчали „о да!“ — но когда наступалъ вечеръ и на румяномъ небѣ они замѣчали бѣлыя и сѣрыя пятна стадъ дикихъ гусей, тянувшихся съ горъ къ океану, опять начиналась стрѣльба.

Девисъ могъ бы конечно привести виновнаго къ судьѣ, а судья могъ бы подвергнуть его законному штрафу или аресту; но охотники въ случаѣ болѣзни могутъ обратиться къ доктору, а въ случаѣ нужды въ сапогахъ они же гости шерифа; а такъ какъ своя рука руку моетъ, то само собой разумѣется, рука рукѣ не дѣлала вреда.

Въ „Струкъ-Ойлѣ“ было спокойно какъ на небѣ, но вдругъ, неожиданно, кончились безмятежные дни! Лавочникъ воспылалъ смертельной ненавистью къ лавочницѣ, а эта послѣдняя къ нему взаимно. Въ Америкѣ въ лавкѣ можно получить все. Въ одной и той же лавкѣ продаютъ: муку, шляпы, сигары, щетки, пуговицы, рисъ, селедки, рубашки, сало, жилетки, стекла, топоры, сухарики, тарелки, бумажные воротники, сухую рыбу. Сперва былъ здѣсь одинъ только магазинъ, содержалъ его какой то нѣмецъ Гансъ Кагне. Это былъ хладнокровный человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, съ глазами на выкатѣ, не очень жирный, но довольно плотный, ходилъ всегда безъ сюртука, и трубки никогда не выпускалъ изо рта, но англійски зналъ настолько, на сколько нужно было для торговли, но дѣла велъ хорошо, такъ что по истеченіи года говорили что онъ „стоилъ нѣсколько тысячъ доларовъ“.

Однако въ скоромъ времени появилась другая лавочка...

Странно, первую лавку держалъ иностранецъ, вторую—тоже иностранка! Между ними открылась война, поводомъ которой было то, что дѣвица Нейманъ пекла лепешки изъ муки съ содою и квасцами. Этимъ она повредила бы себѣ въ мнѣніи жителей, если бы не говорила и свидѣтелями не доказала, что ея мука была еще въ складѣ, а потому она на этотъ случай купила муку у Ганса Кагне.

Всѣ убѣдились, что Гансъ Кагне человѣкъ нехорошій и нечестный, задумавшій съ самаго начала испортить карьеру соперницы. Многіе предвидѣли что лавочники будутъ завидовать одинъ другому, но никто не могъ предвидѣть, что между ними возникнетъ такое соперничество. Оно въ скоромъ времени дошло до того, что Гансъ сжигалъ соръ только тогда, когда вѣтеръ заносилъ дымъ въ лавку его соперницы; она же не называла его иначе какъ „кляча“, что онъ счелъ величайшимъ оскорбленіемъ.

Сначала всѣ смѣялись надъ ними, тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другая не говорили по англійски, однако вскорѣ въ городѣ образовались двѣ партіи: Гансистовъ и Нейманистовъ, которые начали смотрѣть довольно недоброжелательно другъ на друга, что могло повредить благоденствію всего Струкъ-Ойль-Сити и довести въ будущемъ до грозныхъ послѣдствій.

Мудрый политикъ, мистеръ Девисъ, пытался ихъ примирить. Случалось, что онъ выходилъ на середину улицы и говаривалъ:

— Ну чего вы ссоритесь? Развѣ не у одного сапожника покупаете вы сапоги? У меня теперь есть такіе, что въ цѣломъ С.-Франциско лучшихъ никто не дѣлывалъ.

— Напрасно хвалить сапоги передъ человѣкомъ, который скоро будетъ совсѣмъ безъ сапогъ, говорила съ неудовольствіемъ дѣвица Нейманъ.

— Я себѣ не создаю положенія ногами, отвѣчалъ Гансъ.

Нужно замѣтить что Нейманъ имѣла таки красивыя ноги и потому такія замѣчанія наполняли ея сердце смертельною обидою. Въ городѣ, обѣ партіи начали уже и на митингахъ обсуждать дѣла Ганса и Нейманъ; а такъ какъ въ Америкѣ женщины всегда остаются правыми, то большинство перешло на сторону Нейманъ.

Въ скоромъ времени Гансъ замѣтилъ, что его лавочка была чуть не въ убыткѣ. Но и у Нейманъ торговля шла тоже далеко не блестящимъ образомъ, потому что женщины въ городѣ держали сторону Ганса; онѣ замѣтили, что ихъ мужья, подъ предлогомъ покупокъ, повадились что то частенько захаживать къ красивой лавочницѣ и не спѣшатъ возвращаться домой. Когда посѣтителей не было въ лавкахъ, Гансъ и Нейманъ стояли въ дверяхъ, одинъ противъ другаго, и бросали молніеносные взгляды другъ на друга. Нейманъ тогда начинала бранить его вполголоса.

Гансъ же смотрѣлъ на ея ноги, потомъ на ея бюстъ, потомъ на лицо съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ смотрѣлъ бы на убитаго мѣсяцъ тому назадъ зайца и, наконецъ, восклицалъ:

— Боже жь ты мой! Боже ты мой!

Вражда дошла до того, что если онъ утромъ подходилъ къ дверямъ, а дѣвицы Нейманъ не было, то онъ вертѣлся, какъ будто бы ему чего нибудь не хватало. Они давно бы прекратили эту вражду, если бы Ганса не удерживала увѣренность, что дѣла его идутъ все хуже, тѣмъ болѣе что Нейманъ была въ хорошихъ отношеніяхъ съ редакторомъ мѣстной газеты. Гансъ убѣдился въ этомъ, когда началъ разсказывать, что Нейманъ носитъ искуственный бюстъ. Это было даже правдоподобно и вообще въ Америкѣ практикуется нерѣдко. На слѣдующей недѣлѣ въ газеткѣ появилась статейка, въ которой редакторъ, говоря вообще о клеветахъ торговцевъ, окончилъ торжественнымъ увѣреніемъ: „онъ хорошо увѣдомленъ, что фигура извѣстной оклеветанной дамы вовсе не поддѣльная.“ Съ тѣхъ поръ Гансъ сталъ пить каждое утро черный кофе вмѣсто бѣлаго, не желая болѣе покупать молока у редактора газеты, но за то Нейманъ стала покупать двойную порцію. Кромѣ того велѣла портному сшить себѣ платье, форма лифа котораго убѣдила окончательно всѣхъ, что Гансъ клеветникъ. При такой уловкѣ, лавочникъ почувствовалъ, что не найдетъ защиты; а въ это время дѣвица, стоя напротивъ лавки Ганса, каждое утро пѣла все громче свою обычную пѣсню.

„Чтобы мнѣ съ ней сдѣлать? думалъ Гансъ. — Есть у меня отрава для крысъ, такъ не потравить-ли ея куръ? Нѣтъ! Велятъ уплатить! и только. Ну да я знаю что сдѣлаю!“

И вечеромъ дѣвица Нейманъ, къ великому своему удивленію, замѣтила, что Гансъ носитъ связки дикихъ подсолнечниковъ и сложилъ ихъ какъ будто на рѣшетку въ окошкѣ погреба.

„Любопытно, что это будетъ? думала она. Вѣрно что нибудь противъ меня!“

Уже темнѣло. Гансъ уложилъ подсолнечники въ два ряда, такъ что по серединѣ оставалась только свободная дорога къ окошку погреба, потомъ вынесъ какой-то предметъ, покрытый полотномъ, обернулся спиной къ дѣвицѣ Нейманъ, полотно съ таинственнаго предмета снялъ и покрылъ его листьями подсолнечника, и подойдя къ стѣнѣ началъ писать какія-то буквы.

Нейманъ умирала отъ любопытства.

„Пишетъ на меня что нибудь! думала она; но пусть только всѣ улягутся спать, я пойду и посмотрю, хоть бы это стоило мнѣ жизни“.

Гансъ окончилъ работу, пошелъ на верхъ и скоро потушилъ у себя огонь. Тогда дѣвица торопливо накинула на себя капотъ, надѣла на босыя ноги туфли и отправилась чрезъ улицу. Когда дошла до подсолнечниковъ, стала пробираться по тропинкѣ къ окошку, желая прочитать, что было написано на стѣнѣ. Вдругъ глаза ея расширились, она откинулась назадъ, вырвался болѣзненный стонъ:

— Ай! Ай! и затѣмъ отчаянный крикъ: Спасайте, спасайте!!! На верху окошко поднялось.

— Что это такое? раздался спокойный голосъ Ганса. — Кто тамъ?

— Ахъ ты проклятый торгашъ, кричала дѣвица, — погубилъ ты меня! Завтра-же тебя повѣсятъ. Спасайте! спасайте!

— Сейчасъ сойду, сказалъ Гансъ.

Минуту спустя онъ явился со свѣчкой въ рукѣ. Поглядѣлъ на Нейманъ, которая стояла какъ прикованная къ землѣ, потомъ взялъ ее подъ руки, и началъ смѣяться:

— Что это? Это г-жа Нейманъ? Ха! ха! ха! Добрый вечеръ барышня! Ха! ха! ха! Я поставилъ капканъ на лисицу, а поймалъ барышню! Зачѣмъ-же барышня ходитъ подглядывать въ мой погребъ? Я нарочно написалъ на стѣнѣ предостереженіе не приближаться... Кричите теперь, пускай люди соберутся: пускай всѣ видятъ, что по ночамъ вы приходите заглядывать въ мой домъ. Покричите-ка барышня, да постойте до утра. Покойной ночи, сударыня, желаю вамъ покойной ночи!

Положеніе Нейманъ было скверное. Кричать? люди сойдутся: неловко! Не кричать, стоять цѣлую ночь пойманною въ капканъ, а на другой день показать себя какъ чучело? А нога болитъ все больше. Въ головѣ у нея закружилось, звѣзды перемѣшались, мѣсяцъ смѣнился зловѣщимъ лицомъ Ганса; она упала въ обморокъ.

— Ай, ай! выкрикнулъ Гансъ, — если она умретъ, завтра не миновать мнѣ „Линча“ безъ всякаго суда.

И волосы поднялись у него дыбомъ отъ ужаса.

Нечего дѣлать. Гансъ поискалъ ключа отперетъ капканъ, но открыть его не очень то было легко, ему мѣшалъ капотъ. Нужно было немножко наклониться и... не смотря на всю ненависть и боязнь, Гансъ не могъ воздержаться, чтобы не взглянуть на красивыя, какъ изъ мрамора, ручки своего врага, освѣщенныя отблескомъ луны.

Могъ ли бы кто сказать, что къ его ненависти теперь примѣшалось и сожалѣніе. Онъ поспѣшно открылъ капканъ, а такъ какъ барышня еще не двигалась, то взялъ ее на руки и быстро отнесъ на ея квартиру. Въ дорогѣ опять чувствовалъ состраданіе. Возвратился къ себѣ и цѣлую ночь не могъ ни на минуту сомкнуть глазъ. На другое утро дѣвица не являлась въ своемъ магазинѣ. Можетъ ей было стыдно, а можетъ втихомолку обдумывала она мщеніе. Въ тотъ же день вечеромъ, редакторъ газетки вызвалъ Ганса на кулачный бой и въ самомъ началѣ драки подбилъ ему глазъ. Гансъ, въ свою очередь доведенный до отчаянія, побилъ его такъ, что послѣ краткаго и тщетнаго сопротивленія, редакторъ растянулся и началъ кричать: „довольно, довольно!“ — и слѣдующіе №№ газеты сильно запоздали.

Неизвѣстно, какъ—ибо Гансъ ничего не говорилъ,—цѣлый городъ узналъ о ночномъ приключеніи. Послѣ драки съ редакторомъ, въ сердцѣ Ганса, опять пропало сожалѣніе, а осталась только ненависть. Гансъ имѣлъ предчувствіе, что его встрѣтитъ какое нибудь неожиданное несчастіе, и не долго ему пришлось ждать. Хозяева магазиновъ налѣпляютъ часто на стѣнахъ своихъ заведеній объявленія о разныхъ товарахъ. Торговцы здѣсь продаютъ обыкновенно въ кабаки ледъ, безъ котораго ни одинъ американецъ не пьетъ ни виски, ни пива.

Вдругъ Гансъ замѣтилъ, что у него перестали покупать совсѣмъ ледъ. Громадныя льдины, привезенныя по желѣзной дорогѣ и сложенныя въ погребѣ, растаяли: убытка болѣе чѣмъ на десять доларовъ. Почему? Какъ? Что? Гансъ зналъ, что даже его сторонники покупали ледъ каждый день у Нейманъ; но не понималъ, что это значитъ, тѣмъ болѣе, что былъ въ дружбѣ со всѣми кабатчиками.

Онъ задумалъ выяснить дѣло.

— Почему вы не покупаете у меня льду? спросилъ онъ одного кабатчика, Петерса, который проходилъ мимо его лавки.

— Вы не держите.

— Какъ не держу?

— А почемъ я знаю.

— По вѣдь я держу ледъ.

— А это что? сказалъ кабатчикъ, показывая пальцемъ на объявленіе, налѣпленное на стѣнѣ дома.

Гансъ посмотрѣлъ и перемѣнился въ лицѣ. У него на объявленіи кто-то при словѣ „льду“ прибавилъ „не держу“. Гансъ закричалъ и, весь багровый и дрожащій, вскочилъ въ лавку Нейманъ.

— Это низость! кричалъ онъ яростно.—Что ты мнѣ нацарапала?

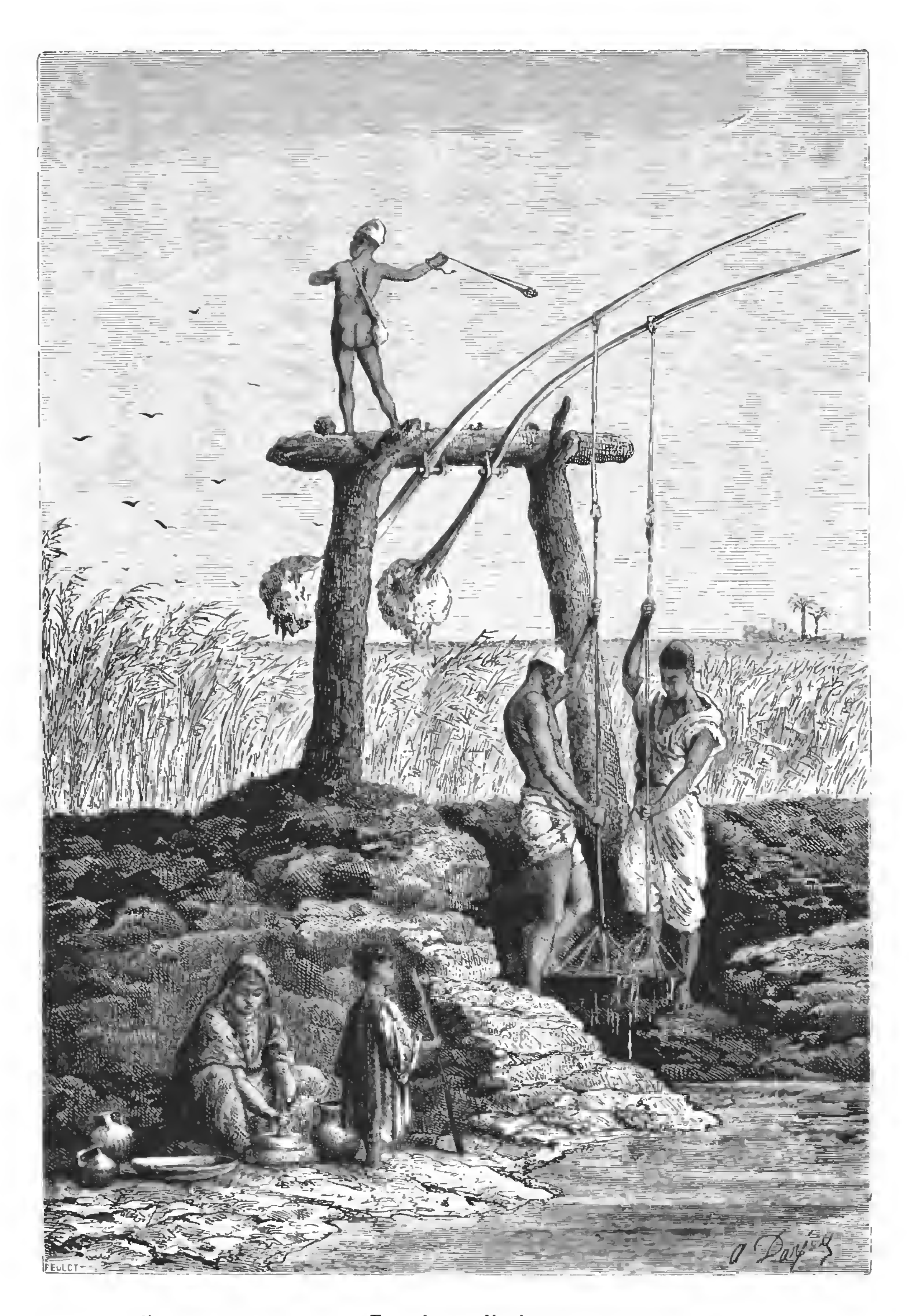
— Что я вамъ нацарапала? спросила плутовски простодушно дѣвица.

— Должна мнѣ уплатить за ледъ!

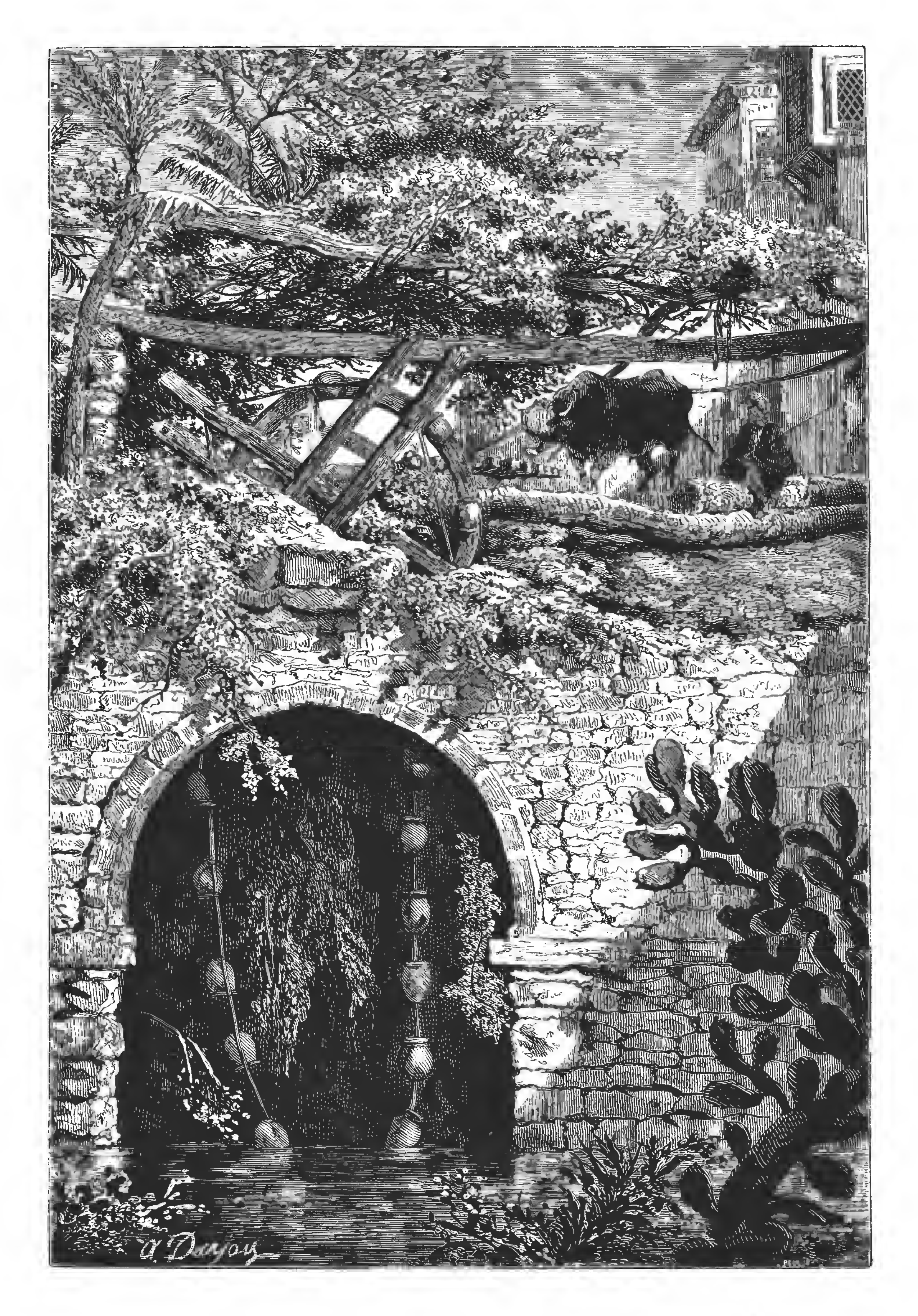
И потерявши хладнокровіе, началъ кричать какъ бѣшеный; дѣвица Нейманъ тоже принялась кричать, сбѣжались люди:

— Помогите! взывала Нейманъ. — Онъ съ ума сошелъ! говоритъ, что я ему что то нацарапала, а я ему ничего не нацарапала. Что я ему могла нацарапать? ничего ему не нацарапала. О! Господи! Я бы ему выцарапала глаза, еслибъ могла. Я бѣдная женщина, одна, онъ меня тутъ убьетъ! Она начала горько плакать.

Не поняли кругомъ о чемъ идетъ рѣчь, но такъ какъ здѣсь



Колодезный очепъ, въ Египтѣ, на Нилѣ. Рис. Пело, грав. Дауеръ.



Цѣпь колодезныхъ черпаковъ, въ Египтѣ, на Нилѣ. Рис. Пело. грав. Дауеръ.

не могутъ вообще видѣть женскихъ слезъ, то схватили Ганса за шиворотъ и вытолкнули за дверь. Хотѣлъ онъ сопротивляться: но куда тамъ! Вылетѣлъ какъ бомба, пробѣжалъ черезъ улицу, вскочилъ въ собственныя двери и упалъ въ растяжку.

Недѣлю спустя, надъ его магазиномъ красовалась громадная разрисованная вывѣска. Вывѣска представляла обезьяну, одѣтую въ полосатое платье, бѣлый передникъ съ нагрудникомъ, словомъ, въ костюмѣ дѣвицы Нейманъ. Внизу подписано большими золотыми буквами:

„Торговля подъ обезьяною".

Всѣ сбѣгались глазѣть. Хохотъ вызвалъ и дѣвицу къ дверямъ. Вышла, посмотрѣла, поблѣднѣла, но не потерявши присутствія духа, сейчасъ же воскликнула:

— Торговля подъ обезьяною? Ничего удивительнаго! Вѣдь Катне живетъ надъ магазиномъ. Ха! ха!

Ударъ однако попалъ ей въ сердце.

Въ полдень она слышала уже, какъ толпы ребятишекъ, проходя мимо магазиновъ, когда возвращались изъ училищъ, останавливались передъ вывѣскою и кричали:

О! точь-въ-точь Нейманъ! Ей-Богу!

Это было уже слишкомъ. Вечеромъ, когда зашелъ къ ней редакторъ, она сказала ему:

— Эта обезьяна—это я! знаю, что я, но ужъ возьму свое. Онъ долженъ будетъ снять и вылизать языкомъ при мнѣ свою обезьяну.

— Что вы хотите дѣлать?

— Иду сейчасъ къ судьѣ.

— Какъ это сейчасъ?

— Завтра.

Утромъ вышла и, приблизившись къ Гансу, сказала:

— Слушайте! знаю, что эта обезьяна—я. пойдемте со мною къ судьѣ. Увидимъ, что онъ на это скажетъ.

— Скажетъ, что я въ правѣ надъ своими дверьми рисовать что мнѣ угодно.

— Увидимъ.

Нейманъ едва могла дышать отъ досады.

— А откуда вы знаете, что эта обезьяна—вы сами?

— Это мое убѣжденіе, мнѣ это всѣ говорятъ. Идите же, идите къ судьѣ, а если не хотите, то шерифъ насильно поведетъ.

— Хорошо, иду, сказалъ Гансъ, который былъ увѣренъ, что останется правъ.

Заперли оба лавки и пошли, обдумывая дѣло по пути. Только уже около дверей судьи вспомнили, что оба не знаютъ по англійски, чтобы разсказать свою тяжбу. Что дѣлать? Шерифъ, какъ польскій жидъ, зналъ и по нѣмецки, и по англійски. Пошли къ шерифу.

Но шерифъ сидѣлъ на повозкѣ и собирался въ путь.

— Убирайтесь къ чорту! закричалъ онъ. Цѣлый городъ изъ за васъ не имѣетъ покоя! И по цѣлымъ годамъ вы носите одни и тѣ же сапоги! Я ѣду за товаромъ! И уѣхалъ.

Гансъ подбоченился.

— Придется ждать до завтра, сказалъ онъ хладнокровно.

— Я стану ждать? скорѣй умру. Развѣ только вы снимете обезьяну!

— Нѣтъ, не сниму обезьяны.

— Васъ повѣсятъ самого! ужъ повѣсятъ! Обойдусь и безъ шерифа. Судья и такъ знаетъ, о чемъ у насъ идетъ дѣло.

— Ну, такъ пойдемъ и безъ шерифа, сказалъ тотъ.

Г-жа Нейманъ однако ошиблась. Именно одинъ только судья въ цѣломъ городѣ и не зналъ объ ихъ спорѣ! Но онъ говорилъ только по англійски, и ихъ понималъ очень туго.

Ни въ чемъ неповинный, старичекъ приготовлялъ свое лероа.

Принялъ онъ ихъ, какъ обыкновенно всѣхъ принималъ, добродушно и привѣтливо.

— Покажите языки, дѣти мои! сказалъ онъ,—пропишу сейчасъ...

Оба начали показывать руками, что не хотятъ лекарства, а Нейманъ заговорила:

— Не это нужно, не это!

— Что же?

Говорили оба, одинъ перебивая другаго, то Гансъ слово, то та десять. Наконецъ ей пришла въ голову остроумная мысль, и она показала на сердце, въ знакъ того, что Гансъ поразилъ ее обидою смертельно.

— Понимаю! понимаю! сказалъ докторъ.

Потомъ открылъ книгу и началъ писать. Спросилъ Ганса: сколько ему лѣтъ?—Тридцать шесть. Спросилъ ее, она не помнила хорошо: такъ около двадцати пяти.—Прекрасно!—Какъ ихъ зовутъ?—Гансъ.—Лора.—Хорошо!—Занятіе?—Торговля.—Отлично. Еще какой то вопросъ. Оба не поняли, но отвѣтили „да..." Докторъ мотнулъ головою. „Все въ порядкѣ!"

Когда онъ окончилъ писать, то всталъ, и вдругъ, къ большому удивленію Лоры, обнялъ ее и поцѣловалъ отечески.

Она приняла это за хорошій исходъ дѣла и, полная надеждъ, отправилась домой.

По дорогѣ она сказала Гансу:

— Ужъ я вамъ покажу!

— Покажите кому нибудь другому! отвѣтилъ тотъ спокойно.

На другой день утромъ пришелъ шерифъ къ лавкамъ. Оба стояли въ дверяхъ. Гансъ курилъ трубку, а та пѣла по прежнему.

— Хотите идти къ судьѣ? спросилъ шерифъ.

— Мы уже ходили.

— Ну и что?

Мой милый, сказала барышня,—подите узнать. Мнѣ теперь нужны сапоги. Да замолвите за меня словечко у судьи. Вы видите, я бѣдная женщина... одинокая.

Шерифъ пошелъ и черезъ четверть часа возвратился. Но почему то возвратился окруженный толпою людей.

— Ну что? Ну какъ? начали его допрашивать оба.

— О! Все въ порядкѣ! сказалъ шерифъ.

— Но что судья сдѣлалъ?..

— Ну что могъ онъ дурнаго сдѣлать? Онъ васъ перевѣнчалъ.

— Какъ!!

Если бы громъ вдругъ грянулъ, Гансъ и Лора не испугались бы въ такой степени. Гансъ вытаращилъ глаза, открылъ ротъ, высунулъ языкъ и выглядѣлъ какъ дуракъ, а дѣвица Нейманъ вытаращила глаза, открыла ротъ и посматривала на Ганса. Остолбенѣли они, окаменѣли. Затѣмъ оба начали кричать:

— Я должна быть его женою!?

— Я ея мужемъ!?

— Помогите! помогите! Никогда! Сейчасъ разводъ! Я не хочу!

— Нѣтъ, это ужъ я не хочу теперь!

— Лучше умереть! Разводъ! разводъ! Что же это такое!

— Мои милые, сказалъ спокойно шерифъ,—чѣмъ крикъ тутъ поможетъ?.. Судья заключаетъ актъ супружества, но судья развода не можетъ дать. Что кричать? Развѣ вы милліонеры изъ С.-Франциско, чтобы начать хлопотать о разводѣ? Развѣ не знаете сколько это стоитъ? Ай, вай! Что тутъ кричать. У меня хорошіе дѣтскіе сапожки—дешево продамъ! Право!

Сказавши это, онъ отошелъ. Люди, смѣясь, тоже разошлись. Новобрачные остались одни.

— Вотъ такъ штука, крикнула она,—дѣвушка и замужняя. Да это онъ нарочно намъ такъ сдѣлалъ, потому что мы иностранцы!

— Хорошо! отвѣтилъ Гансъ.

— Будемъ искать развода!

— Я первый!

— Нѣтъ, я первая, вы меня ловили въ капканъ.

— Я не хочу такой жены!

— Я васъ ненавижу!

Разошлись и заперли они лавки. Она сидѣла цѣлый день дома и раздумывала, а онъ у себя. Наступила ночь. Ночь приноситъ спокойствіе. Однако обоимъ не удавалось заснуть. Легли, но глаза не смыкались. Она думала: „Тамъ спитъ мой мужъ!" Онъ: „Тамъ спитъ моя жена!" И какое то удивительное чувство бродило въ ихъ сердцахъ. Кромѣ того, Гансъ думалъ объ обезьянѣ, которая висѣла надъ его магазиномъ. Какъ ее оставить, когда это выходитъ уже карриккатура на его же жену? И показалось ему, что онъ поступилъ очень не хорошо заказывая обезьяну. Но опять эта дѣвица Нейманъ! Это она была причиной, что ледъ пропалъ. Онъ же ее поймалъ въ капканъ. Здѣсь опять ему пришло въ голову, что какая она хорошенькая, какъ онъ видѣлъ ее при лунѣ.

„А все-таки, правду сказать, она видная дѣвушка! думалось ему,—но она ненавидитъ меня, а я ее! Вотъ положеніе! Ахъ ты Господи! Женатъ! Но на комъ? на дѣвицѣ Нейманъ! А разводъ такъ дорого стоитъ, что цѣлой лавки не хватитъ".

„Я—жена этого Ганса, говорила про себя дѣвица Нейманъ. Я уже не дѣвушка... т. е., я хотѣла сказать, дѣвушка, но замужняя! За кѣмъ? За Гансомъ, который меня ловилъ въ капканъ. Правда и то... что взялъ онъ меня на руки и отнесъ наверхъ. Какой онъ однако сильный. Такъ таки и взялъ меня на руки... Что это такое? Я слышу какой то шумъ?"

Шуму никакого не было, но дѣвица Нейманъ начала его бояться, хотя прежде никогда не боялась.

„Еслибы онъ вдругъ осмѣлился теперь... Я бы его! Это не онъ!" прибавила она голосомъ, въ которомъ, однако, слышалось разочарованіе...

„Но онъ не осмѣлится. Онъ... Между тѣмъ страхъ ея увеличивался. Это такъ всегда бываетъ съ женщиной, когда она одна! думалось ей потомъ. Еслибы здѣсь былъ какой нибудь мужчина было бы спокойнѣе, и безопаснѣе. Я слышала о какомъ то убійствѣ въ окрестностяхъ (ни о какомъ убійствѣ дѣвица Нейманъ ничего не слыхала). Присягну, что меня здѣсь убьютъ. Ахъ этотъ Гансъ, этотъ Гансъ! связалъ мнѣ всю жизнь. А нужно однако посовѣтоваться о разводѣ съ адвокатомъ".

Такъ думая, ворочалась она, мучимая безсонницей, на широкой американской кровати, и дѣйствительно чувствовала, что очень одинока. Вдругъ она вскочила опять. Теперь ея страхъ имѣлъ основаніе. Въ ночной тишинѣ слышенъ былъ стукъ молотка.

„Господи! крикнула Нейманъ. Кто то добирается до моей лавки! Хочетъ ограбить!"

Въ испугѣ она спрыгнула съ кровати и побѣжала къ окну, но посмотрѣвши, сейчасъ же успокоилась. При лунѣ видна была лѣстница, а на ней бѣлая фигура Ганса, выколачивав-

шаго молоткомъ гвозди, которые поддерживали вывѣску съ обезьяной.

Дѣвица Нейманъ открыла тихонько окно.

„Однако снимаетъ обезьяну, это честно съ его стороны!“ подумала она.

И почувствовала моментально, что словно у нея что то слегка растаяло около сердца.

Гансъ вынулъ осторожно гвозди, жесть со звономъ упала на землю; тогда онъ слѣзъ, отбилъ раму, свернулъ жесть въ трубку своими жилистыми руками и началъ отставлять лѣстницу.

Дѣвица слѣдила за нимъ глазами... Ночь была тихая, теплая...

— Послушайте, Гансъ, сказала вдругъ тихо Нейманъ.

— Это вы, барышня? Вы не спите? отозвался также тихо Гансъ.

— Нѣтъ, добрый вечеръ, Гансъ.

— Добрый вечеръ, барышня.

— Что вы дѣлаете?

— Снимаю вывѣску.

— Благодарю васъ.

Наступила минута молчанія.

— Гансъ! послышался опять тихій голосъ.

— Что вамъ?

— Намъ бы надо посовѣтоваться насчетъ развода.

— Да, надо бы.

— Завтра?

— Завтра.

Опять минута молчанія. Луна ясная плыветъ въ синемъ небѣ. Тихо такъ, что слышно какъ чикаетъ кузнечикъ...

— Гансъ!

— Что вамъ?

— Мнѣ бы хотѣлось скорѣй выхлопотать разводъ.

Голосъ ея звучалъ какъ то меланхолически.

— И мнѣ тоже.

Голосъ Ганса былъ однако печаленъ.

— Видите, чтобы не медлить...

— Чѣмъ скорѣе посовѣтоваться, тѣмъ лучше.

— Тѣмъ лучше, конечно.

— Вотъ, можно бы сейчасъ поговорить...

— Если вы позволите...

— Вы придете ко мнѣ?

— Только одѣнусь.

— Что за церемоніи!..

Двери внизу открылись, Гансъ пропалъ въ темнотѣ и минуту спустя оказался въ комнатѣ дѣвушки, тихой, теплой, опрятной. „Жена“ его, одѣтая въ бѣлый капотъ, была просто восхитительна.

— Ну-съ, барышня, что скажете? началъ Гансъ, но очень слабымъ, прерывающимся голосомъ.

— Вотъ видите, я хотѣла бы выхлопотать разводъ, но... знаете, я боюсь, съ улицы видно... Могутъ подумать...

— Но вѣдь въ окнахъ темно...

— Да! правда! отвѣтила барышня...

Тогда началось совѣщаніе о разводѣ,—и пересказывать ихъ разговора мы не станемъ. Должно быть разводъ стоилъ слишкомъ дорого и супруги раздумали о немъ хлопотать. И спокойствіе возвратилось въ „Струкъ-Ойль-Сити“.

Стихи,

прочитанные при открытіи памятника М. И. Глинкѣ 20-го мая.

Потокъ несетъ въ стремленіи своемъ
И мощный дубъ и легкія пылинки...
Такъ въ томъ вѣнкѣ, что Русь сплетаетъ Глинкѣ,
Мой скромный стихъ пусть служитъ лепесткомъ.
Еще Смоленскъ ночной окуталъ тьмой.
Не спится мнѣ. На площади безлюдной
Иду туда, гдѣ встанешь предъ толпой
Заутра ты, о нашъ учитель чудный.
Кто это тамъ? Зоветъ меня къ себѣ?!
—„Передъ тобой волшебница Наина!
Но я съ добромъ изнемогла въ борьбѣ
Я поняла величье, доблесть финна.
Виновна я предъ Высшимъ Существомъ,
Но въ этотъ день, всей Руси ликованья,
Сонмъ свѣтлыхъ силъ молился и Творцомъ
Мнѣ прощены всѣ козни волхвованья.
Клянусь добру служить отъ этихъ поръ!
Взглянулъ—и прочь не могъ отвесть я взоръ:
Она красой чудесною блистала:
Спасенья вѣсть вновь младость даровала.

***

А тамъ чья тѣнь? Сусанинъ?! Передъ нимъ
Склонился я, смущенный дивной встрѣчей;
И молвилъ мнѣ: „Невзгоды тѣ далече...
Сіяетъ Русь—тотъ свѣтъ неугасимъ“.
„Старикъ-герой тамъ, въ дебряхъ Костромскихъ,
Не ты ли палъ замученъ и израненъ?“
—Пускай я палъ, но не умретъ Сусанинъ
Доколь въ сердцахъ есть капля чувствъ святыхъ.
Живетъ мой духъ, жива покуда Русь!
Придутъ войны тяжелыя годины
Мои слова: „Я страха не страшусь“
Всѣ повторятъ какъ человѣкъ единый.
Веду опять!... „Кого? Куда?“—„Гостей
Къ тому на пиръ, кого вся Русь почтила.
Награду Богъ нашелъ для Михаила:
Онъ будетъ днесь въ кругу своихъ дѣтей.
Изрекъ Творецъ: рабъ вѣрный, говорю—
Служилъ добру своимъ ты вдохновеньемъ,
За то, въ сей день, мечты твоей твореньямъ
Какъ людямъ, жить вблизи тебя даю.
Спѣшитъ къ нему съ Людмилою Русланъ,
Былой красой блеститъ чета младая.
Явился и молвятъ: „Нашъ баянъ!
Живемъ съ тобой, во вѣкъ не увядая.
И вновь на пиръ сзываетъ Свѣтозаръ,
Тамъ гусли всѣ покроетъ Глинки лира
И смолкнутъ тамъ, предъ силой дивныхъ чаръ,
Фарлафа злость и горести Ратмира.
Тамъ брата братъ лобзаньемъ подаритъ,
Сольется все, и „Польскій“ и „Лезгинка“,
Въ хвалу тебѣ, родной, безсмертный Глинка,
Смоленску въ честь тамъ „Славься“ загремитъ.

***

Живи во вѣкъ гармоній властелинъ,
Ты—Руси духъ въ великомъ воплощеньи.
Пройдутъ вѣка, въ далекомъ поколѣньи
Будь пѣснь твоя утѣхой въ дни кручинъ.
Онъ нашъ символъ крушенья злыхъ началъ
А можетъ быть и голосомъ пророка.
Не онъ ли намъ впервые указалъ
На всѣ красы далекаго востока?!
„И жаръ и зной“ и смерть въ глухомъ лѣсу,
И громъ войны и „пѣсня сиротинки“—
Къ чему бы жезлъ ни прикасался Глинки—
Онъ далъ всему мелодіи красу.
Пойдемъ за нимъ! Блаженъ, кто межь людей
Не весь живетъ, по чьей души частица
Покинувъ міръ, чиста какъ голубица,
Летитъ туда гдѣ ярче и свѣтлѣй.
Теперь вся Русь—гордящаяся мать—
Душою здѣсь у славнаго подножья!
Надъ той страной почіетъ милость Божья,
Которой могъ Онъ Глинку даровать.

Г. Лишинъ.

Къ рисункамъ.

Лѣсная сказка.

(Рис. на стр. 588).

Олицетвореніе Сказки у разныхъ народовъ весьма разнообразно. Милый и граціозный образъ, въ который воплотилъ Дифенбахъ Лѣсную Сказку на своей картинѣ, мы въ копіи представляемъ здѣсь. Широко, какъ бы испуганно, глядятъ въ таинственно-страшный міръ грезъ и волшебныхъ превращеній глаза юной лѣсной феи Сказки. Воображеніе ея полно то пугающихъ и мрачныхъ, то веселыхъ и пестрыхъ видѣній, ею вызываемыхъ.

Военно-грузинская дорога близь Тифлиса.

(Рис. на стр. 589).

Кавказскій хребетъ, идущій отъ устья Кубани до самаго Апшеронскаго полуострова, составляетъ естественную границу Россіи съ ея закавказскими провинціями и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ чрезвычайное неудобство къ переѣзду. Ущелья и рѣки, прорѣзывающія этотъ хребетъ въ разныхъ направленіяхъ, не могутъ служить путями сообщенія, такъ какъ первыя мѣстами чрезвычайно узки, а вторыя, по причинѣ быстрины своей, не судоходны. Единственный, хотя и чрезвычайно неудобный путь, указанный самою природою, пролегаетъ по узкому ущелью, называвшемуся въ древности Алсунскими воротами и идущему отъ крѣпости Владикавказа до главнаго города Закавказской области — Тифлиса. Главное неудобство этой дороги заключается въ высотѣ горъ и крутизнѣ подъемовъ и спусковъ, а также въ опасности отъ заваловъ. Послѣ каждаго большаго завала, на военно-грузинской дорогѣ идетъ страшная работа, требующая много людей и времени.

Около Тифлиса дорога идетъ довольно ровная и широкая, какъ видно на картинѣ профессора Грузинскаго, а

близь Мцхета, приходится переѣзжать черезъ древній мость, красиво перекинутый черезъ рѣку Арагву. Въ виду Душета начинаютъ уже выростать изъ земли кавказскіе исполины, образующіе ущелье, по которому пролегаетъ дорога до самаго Владикавказа. На почтовыхъ можно ѣхать лишь отъ Казбека. Отсюда до Дарьяла дорога довольно ровная, идущая по крутому берегу Терека, подъ нависшими надъ нею скалистыми утесами. Дарьяльское укрѣпленіе стоитъ у въѣзда въ чрезвычайно узкое ущелье, носящее съ нимъ одно названіе. Дорога отъ Дарьяльскаго укрѣпленія до аула Ларса продолжается тѣмъ же узкимъ ущельемъ, ограниченнымъ гигантскими гранитными скалами, подошвы которыхъ завалены грудами безпрестанно скатывающихся обломковъ гранита и дикаго мрамора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого ущелья солнце показывается впродолженіи цѣлаго дня только часа на два или на три, остальное время въ ущельи царствуетъ полумракъ.

Въ одиннадцати верстахъ отъ Ларса, стоитъ редутъ Балта, проѣхавъ который, утомленный путешественникъ достигаетъ наконецъ Владикавказа.

Пѣсня родины.

(Рис. на стр. 593).

Дефрегеръ — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ художниковъ. Вѣрный природѣ, владѣющій замѣчательнымъ колоритомъ, изображаетъ онъ жизнь роднаго Тироля въ высшей степени характерно и часто глубоко поэтически, какъ въ той картинѣ, напр., копію съ которой мы здѣсь помѣщаемъ. Игра и пѣніе молодаго охотника, поющаго пѣсню своихъ родныхъ горъ, производитъ глубокое и трогательное впечатлѣніе на его молодыхъ слушательницъ, задумчиво, мечтательно и жадно вникающихъ въ каждый звукъ съ дѣтства знакомой, прелестной пѣсни, исполненной такъ мастерски, съ такимъ очевидно чувствомъ и силой, что увлекаетъ молодыхъ дѣвушекъ.

Памятникъ М. И. Глинкѣ, въ Смоленскѣ, откр. 20 мая. Работа проф. фонъ-Бока, по фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Орошеніе на берегу Нила.

(Рис. на стр. 596 и 597).

Наука и путешественники не перестаютъ обращать вниманіе на древнюю страну Фараоновъ, которую роковая власть событій отдала нынѣ въ руки англичанъ. Здѣсь помѣщаемъ мы образцы первобытныхъ способовъ орошенія—колодцевъ на берегу Нила. Извѣстно удивительное плодородіе Нильскаго побережья, дающаго въ хорошіе годы прекрасные сборы, не смотря на сравнительно не упорный трудъ жителей. Колесо, вокругъ котораго навертывается длинная цѣпь ведеръ-черпаковъ, движимое воротомъ при помощи быка. составляетъ здѣсь уже послѣднее слово механическаго искусства. Что-же касается громадныхъ рычаговъ-очеповъ съ противовѣсомъ, черпающихъ воду, то это первобытное устройство представляетъ разительный контрастъ съ новѣйшими изобрѣтеніями. Рядомъ съ этими незамысловатыми выдумками египетскаго землепашца, высятся гранитныя колонны древнихъ сооруженій, перенесенныя или воздвигнутыя нѣкогда замѣчательно искусными способами: тутъ-же, на этихъ же мѣстахъ, были приводимы въ движеніе колоссальныя современныя машины, взрывавшія дно Суэцкаго канала, подымавшія воду и почву и устроившія путь кораблямъ всего міра. Въ такомъ здѣсь дружномъ сближеніи эти противуположности.

Памятникъ Рунебергу въ Гельсингфорсѣ.

(Рис. на стр. 601).

6-го мая Гельсингфорсъ и съ нимъ вся Финляндія торжественно отпраздновала открытіе памятника своему знаменитому поэту-патріоту Рунебергу. Это была вполнѣ достойная дань пѣвцу, который такъ сильно и горячо любилъ дикую и грандіозную природу своего отечества, ея пустынныя озера, окруженныя густыми сосновыми лѣсами, и умѣлъ эти родныя картины облекать въ обаятельную, поэтическую форму. Какъ истый патріотъ, онъ съ гордостью прославлялъ подвиги своихъ соотчичей, и когда онъ говоритъ объ ихъ храбрости, честности, или ихъ простыхъ, патріархальныхъ нравахъ, то становится дѣйствительно поэтомъ вдохновеннымъ и краснорѣчивымъ. Рунебергъ родился 5 февр. 1804 г., въ маленькомъ городкѣ Якобштадтѣ, на сѣверной оконечности Ботническаго залива. Отецъ его былъ морякъ, обладавшій самыми скромными средствами, и потому поэтъ ознакомился съ нуждой и лишеніями еще въ самомъ раннемъ возрастѣ. Восемнадцати лѣтъ онъ поступилъ студентомъ въ университетъ, въ Або, который былъ тогда столицей княжества. Здѣсь онъ перебивался уроками, усердно работалъ, и наконецъ въ 1827 году удостоенъ былъ сначала степени кандидата философіи, а потомъ доктора. Свои поэтическіе опыты Рунебергъ началъ еще студентомъ, и тогда еще обратилъ на себя общее вниманіе своей поэмой: „Къ солнцу“ (Till Solen). По выходѣ изъ университета молодой

Памятникъ Рунебергу въ Гельсингфорсѣ, откр. 6 мая. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

поэтъ поступилъ сельскимъ учителемъ въ приходъ Саріёрви, глухой и пустынный, но зато въ высшей степени живописный по своему мѣстоположенію. Здѣсь лежитъ громадное озеро, окруженное дремучимъ лѣсомъ, и Рунебергъ, подъ вліяніемъ мѣстности, вскорѣ сталъ страстнымъ рыболовомъ и охотникомъ. Въ то же время, при своихъ отдаленныхъ прогулкахъ, онъ изучалъ бытъ и нравы финскаго крестьянина, всею душою полюбилъ этихъ простыхъ людей, до которыхъ еще не коснулись пороки и недостатки современной цивилизаціи. Подъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго и перечувствованнаго въ Саріёрви, Рунебергъ оставилъ превосходное, поэтическое описаніе этого пустыннаго и дикаго уголка. Въ Саріёрви же поэтъ написалъ свои „лирическія стихотворенія“, свои „Идилліи“, и окончилъ переводъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1830 г. Рунебергъ переѣхалъ въ Гельсингфорсъ и получилъ мѣсто при тамошнемъ университетѣ, занявъ потомъ кафедру латинской словесности. Между тѣмъ извѣстность его какъ поэта все росла; такъ, громадный успѣхъ имѣлъ его драматическій разсказъ „Могила Перро“, за который онъ получилъ отъ стокгольмской академіи большую золотую медаль. Въ то же время, съ 1832 по 1837 г., Рунебергъ редактировалъ въ Гельсингфорсѣ „Morgonblad“, въ которомъ помѣщалъ множество самыхъ разнообразныхъ своихъ стихотвореній. Въ этотъ же періодъ появились его лучшія произведенія „Охотники“ и идиллія „Анна“, въ которой онъ въ обаятельной поэтической картинѣ представилъ брачные обычаи финновъ. Въ 1848 году появились „Разсказы Столя“, составившіе эпоху въ шведской литературѣ. Первая часть этого сборника патріотическихъ стихотвореній заключаетъ въ себѣ знаменитую пѣснь „Vårt Land“ (Нашъ край), которая послужила впослѣдствіи текстомъ для національнаго финскаго гимна. Изъ трагедій поэта пользуются извѣстностью „Цари Саламина“ и „Царь Фьяларъ“. Рунебергъ никогда не покидалъ родины, и только въ 1851 году посѣтилъ Швецію, гдѣ былъ въ Стокгольмѣ и Упсалѣ принятъ съ большимъ торжествомъ и почетомъ. Поэтъ скончался 6 мая 1877 года, и вскорѣ послѣ его смерти возникла мысль воздвигнуть ему памятникъ въ Гельсингфорсѣ, поручивъ эту работу его собственному сыну скульптору, пользующемуся большою извѣстностью. Памятникъ дѣйствительно вышелъ прекраснымъ. Скульпторъ изобразилъ своего отца стоя, во весь ростъ, въ длинномъ одѣяніи. Лѣвая рука поэта свободно опущена, правая держится за пуговицу на груди. Внизу помѣщена задумчивая фигура „Финляндіи“. На нее накинута медвѣжья шкура, а лѣвою рукою она держитъ щитъ, на которомъ вырѣзаны три стиха изъ патріотическаго гимна Рунеберга „Нашъ край“. На пьедесталѣ видна шведская и финская надпись, и цифра 1885—годъ открытія памятника.

Соборъ въ Шпейерѣ.

(Рис. на стр. 604).

Столица пфальцскаго правительственнаго округа въ Баваріи, нѣкогда вольный городъ, Шпейеръ, находящійся при впаденіи Шпейербаха въ Рейнъ, считается однимъ изъ старѣйшихъ городовъ по Рейну. Улицы его хотя широки, но неправильны, и не смотря на его древность, въ немъ мало сохранилось старыхъ построекъ. Самая интересная между ними—это замѣчательный по архитектурѣ соборъ, начатый при Конрадѣ II въ 1030 году и оконченный въ 1061 году при Генрихѣ IV, прибавившемъ еще въ 1064 году часовню св. Афры. Соборъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, возведенъ изъ песчаника на круглыхъ аркахъ, имѣетъ 153 метра въ длину, 60 метровъ въ ширину и 4 башни. На такъ называемыхъ королевскихъ хорахъ находятся гробницы восьми германскихъ королей, а также Беатрисы, второй супруги Фридриха I, и дочери ея Агнесы. Съ 1858 года статуи похороненныхъ здѣсь королей поставлены въ притворѣ собора. Внутри соборъ украшенъ великолѣпными фресками; нижняя церковь покоится на массивныхъ нижнихъ колоннахъ. Соборъ горѣлъ три раза; послѣдній разъ въ 1510 году, но спустя $1\frac{1}{2}$ года былъ снова отстроенъ. Болѣе всего однако онъ потерпѣлъ отъ французовъ въ 1689 году: огнемъ разрушены три западныя башни и наружныя стѣны; даже древнія королевскія гробницы были разломаны и кости разбросаны. Въ 1772—84 г. соборъ вновь отстроенъ, но уже въ 1794 году его снова разрушили французы и превратили въ сѣнной сарай. Послѣ возстановленія его въ прежнемъ видѣ королемъ Максимильяномъ I онъ былъ освященъ 19-го мая 1822 года.

Политическое обозрѣніе.

Англія.—Германія.—Франція.

Фактъ совершился. 12-го іюня, въ Виндзорѣ, въ засѣданіи тайнаго совѣта бывшіе министры Англіи сдали королевѣ печати, которыя и переданы ея величествомъ новымъ министрамъ. Паденіе министерства Гладстона и весьма долгіе переговоры бывшаго премьера съ новымъ маркизомъ Салисбэри, касательно поддержки политики консерваторовъ либеральными фракціями, ясно указываютъ, что настоящая внѣшняя политика Англіи лишена той стойкости и твердости, какія присущи правительствамъ съ твердо-опредѣленною и намѣченною программою. По составу новаго министерства не трудно предугадать, что консервативное правительство будетъ руководствоваться всевозможными компромисами по рецептамъ туземнаго философа—публициста Морли. Въ самомъ дѣлѣ, намѣстникъ сэра Стафорда Нордкота, сэръ Михаэль-Гиксъ-Бичъ является для консервативной партіи въ палатѣ общинъ не болѣе какъ краснорѣчивымъ ораторомъ, а не государственнымъ мужемъ съ надлежащими административными способностями. Протеже покойнаго Дизраэли и обладавшій при немъ портфелемъ министра колоній, Гиксъ-Бичъ съ паденіемъ министерства Бэконсфильда, совершенно стушевался и воспрянулъ только благодаря движенію „національнаго союза консервативныхъ обществъ“. Ждать отъ него твердой, послѣдовательной политики не представляется данныхъ, а потому сэръ Гиксъ-Бичъ будетъ или глашатаемъ лорда Рандольфа Черчилля, или уступчивымъ примирителемъ по наущенію маркиза Салисбэри. Не болѣе выдающеюся личностью представляется и сэръ Ричардъ Кроссъ, провинціальный адвокатъ, поднятый до портфеля министерства внутреннихъ дѣлъ при Дизраэли и нынѣ снова вернувшій этотъ порфель. Обстановка не перемѣнилась и онъ снова является все тѣмъ же parvenu съ головы до пятокъ. Почтенный джентльменъ, новый военный министръ, мистэръ Смиттъ никогда не признавался спеціалистомъ ни по военной, ни по морской части и извѣстенъ больше въ Лондонѣ какъ богачъ, умѣющій проживать свои достатки, нажитые при посредствѣ обширной библіотеки для чтенія и обладанія книжными ларями и кіосками на всѣхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ Соединеннаго королевства. Указывая только на нѣкоторыя черты и нѣкоторыхъ министровъ новаго министерства Англіи, вспоминая усиленное заискиваніе Салисбэри у Гладстона о поддержкѣ его либералами, а также оставаясь въ неизвѣстности относительно результатовъ предстоящихъ новыхъ выборовъ, не трудно предугадать, что на-скоро сформированное консервативное министерство будетъ продолжать начатое министерствомъ Гладстона и неминуемо должно довести до конца англо-русское соглашеніе.

Въ Берлинѣ, въ особенности въ органѣ князя Бисмарка, весьма трезво относятся къ министерской катастрофѣ въ Англіи и по отношенію къ англо-русскимъ недоразумѣніямъ прямо высказывается, что установленіе прежнихъ отношеній Англіи съ Германіей не мыслимо безъ предварительнаго улучшенія отношеній ея съ Россіей. Оффиціозный берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты“ прямо заявляетъ, что Германія хотя и рада вѣроятному сближенію съ Англіей, но во всякомъ случаѣ не откажется отъ принятаго ею положенія по отношенію къ Афганскому конфликту. Да и можетъ ли быть иначе послѣ того, какъ вся германская печать оповѣщаетъ о благосклонно-милостивомъ пріемѣ Императоромъ Вильгельмомъ на торжественной аудіенціи нашего новаго посла въ Берлинѣ, графа П. А. Шувалова. Что бы ни говорили и какія бы новыя политическія теченія ни создавались въ Европѣ, дружба и любовь маститаго германскаго Императора къ нашему Царствующему Дому и къ русскому народу вообще, является столь же непоколебимою, какъ непоколебимы могущества двухъ дружественныхъ Имперій.

Договоръ между Франціей и Китаемъ, заключенный послѣ войны, стоившей столько денегъ республикѣ, и послужившій поводомъ къ свержепію двухъ республиканскихъ министерствъ, оказывается выгоднымъ для Франціи только въ будущемъ, и то въ предположеніяхъ и мечтахъ, а не въ настоящемъ. Французскія газеты утѣшаютъ себя тѣмъ, что будто бы по договору Китай обязался приступить къ устройству у себя желѣзныхъ дорогъ, при содѣйствіи французской промышленности и при участіи французскихъ инженеровъ и всего желѣзнодорожнаго личнаго состава. Само собою разумѣется, что подобнаго рода чисто мирнаго характера результатовъ гораздо удобнѣе и выгоднѣе было бы достигнуть мирными переговорами, а не громкими и не особенно славными реляціями экспедиціи адмирала Курбэ.

Смѣсь.

Каменноугольныя копи и китайцы. Китайское правительство, оставивъ въ сторонѣ прежніе предразсудки, намѣрено приступить къ разработкѣ своихъ каменноугольныхъ копей при помощи европейскихъ рудокоповъ. Оно обратилось къ бельгійскому обществу Кокерилля, съ просьбою прислать ему опытныхъ рабочихъ, необходимыхъ для эксплуатаціи копей, найденныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ страны. 30 рудокоповъ приняли предложенныя имъ выгодныя условія; за ними послѣдуютъ 30 другихъ рабочихъ. Китайцы, какъ и японцы, легко усвоиваютъ преподаваемыя имъ познанія; такимъ образомъ они въ короткое время научатся разрабатывать

свои каменноугольныя копи и впослѣдствіи будутъ въ состояніи обходиться безъ помощи европейцевъ.

Употребленіе нефти въ садоводствѣ. Нефть нерѣдко рекомендуется какъ испытанное средство для уничтоженія всякаго рода насѣкомыхъ, въ особенности травяной вши. Но опыты показали иное. Каждая капля нефти, упавшая на стволъ или сукъ дерева, всасывается корою подобно тому, какъ чернила впитываются протечною бумагою. Если, поэтому, полить нефтью названныя части растенія, то она протекаетъ во всѣ его сосуды, препятствуетъ восхожденію соковъ и часто влечетъ за собою частичную или общую смерть растенія. При поливкѣ двухъ кустовъ смородины водою изъ лейки, заключавшей въ себѣ небольшое количество нефти, всѣ ягоды отвалились и многія листья засыхали. Всего вреднѣе дѣйствуетъ нефть на яблони и сливовыя деревья.

Новый подводный кабель. Португальская палата пэровъ утвердила на дняхъ законопроэктъ о подводномъ кабелѣ, который долженъ соединить Лиссабонъ со станціями, расположенными на западномъ берегу Африки. Новый кабель, въ расходахъ на который принимаютъ участіе Франція, Испанія и Португалія, будетъ проведенъ изъ Лиссабона, сухимъ путемъ, въ Кадиксъ, отсюда къ Большимъ Канарскимъ островамъ, а затѣмъ направится на Сенегаль, Гвинею, Конго, Сан-Паоло-де-Лоанда, до мыса Доброй Надежды.

Отравленіе сыромъ. Докторъ Бакеръ представилъ Мичиганской санитарной коммиссіи докладъ о 4-хъ случаяхъ отравленія сыромъ. Число лицъ, поѣвшихъ этихъ сыровъ, простиралось до 164: всѣ испытали одни и тѣ же симптомы отравленія: острую боль и чувство жженія въ желудкѣ, рвоту и сильный поносъ, сильное пониженіе пульса, охлажденіе конечностей. Всѣ выздоровѣли. Внѣшній видъ вреднаго сыра обыкновенный; при разрѣзѣ онъ давалъ много жидкости. Анализъ сыровъ не открылъ въ немъ мышьяку, свинца, мѣди и никакихъ другихъ минеральныхъ ядовъ. Въ обильной бѣловатой слезѣ сыровъ найдены микроскопическіе организмы; она оказалась сильно кислой, между тѣмъ какъ другіе сыры, изготовленные на тѣхъ-же сыроварняхъ, но не имѣвшіе ядовитыхъ свойствъ, содержали слезу только слабо кисловатую. Поэтому докторъ Воганъ, дѣлавшій изслѣдованія вредныхъ сыровъ, совѣтуетъ передъ употребленіемъ пробовать ихъ фіолетовой лакмусовой бумажкой; если она быстро и сильно окрасится въ красный цвѣтъ, то такого сыра слѣдуетъ избѣгать; если же бумажка сдѣлается только красноватой, то сыръ пригоденъ къ употребленію.

Продажа дѣтей въ Италіи. Въ Неаполѣ былъ на дняхъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму торговецъ, купившій въ Калабріи за десять лиръ и два мѣшка муки двухъ дѣтей. Онъ былъ арестованъ въ то время, когда садился съ ними на корабль, чтобы отплыть въ Америку.

Покупка лошадей для султана. Въ послѣднее время султанъ обратилъ особое вниманіе на свою главную конюшню и увеличилъ ее значительною покупкою лошадей. Недавно онъ послалъ своего оберъ-шталмейстера, Габе-пашу, въ Германію, поручивъ ему купить 12 паръ каретныхъ лошадей, свѣтлогнѣдыхъ и ростомъ отъ 9 до 10 вершковъ. Габе-паша исполнилъ данное ему порученіе и уже вернулся изъ Германіи; султанъ остался очень доволенъ лошадьми. Въ особенности ему понравились бѣлыя лошади, прекрасно выѣзженныя: одна изъ нихъ пріобрѣтена изъ конюшни принца Вильгельма, а другія двѣ—изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Въ глазахъ султана эти лошади отодвинули на второй планъ арабскихъ жеребцовъ, служившихъ до тѣхъ поръ украшеніемъ султанской конюшни; султанъ назначилъ новыхъ лошадей для личнаго своего употребленія.

Переписка черезъ ласточку. Прошедшею осенью, когда ласточки собрались уже улетать на югъ, переплетчикъ въ Раннебургѣ, Мейеръ, прикрѣпилъ къ крылу ласточки, свившей въ его домѣ гнѣздо, бумажку, пропитанную масломъ, на которой написалъ: „О, ласточка, ласточка! гдѣ проведешь ты зиму?“ Нынѣшнею весной ласточка вернулась въ свое старое гнѣздо, съ привязанной къ крылышку бумажкой, тоже пропитанной масломъ, и на ней было написано: „Флоренція, домъ Кастелляри. Я принесла съ собою много привѣтствій.“

Алмазныя копи въ Капской колоніи. Вотъ интересныя подробности объ этой промышленности, возникшей 1867 году, благодаря случайному открытію, сдѣланному одною маленькою дѣвочкою, которая нашла между корнями одного стараго дерева красивый камешекъ, оказавшійся впослѣдствіи алмазомъ. Въ теченіи 15 лѣтъ въ капскихъ алмазныхъ копяхъ было добыто алмазовъ на 40 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или 400 милліоновъ рублей (1 фунтъ стерлинговъ составляетъ, по курсу, около 10 руб.). Если присоединить сюда расходы по граненію, шлифовкѣ и т. д., то окончательная цѣнность добытыхъ на Капѣ драгоцѣнныхъ камней выразится вдвое большею цифрою. Само собою разумѣется, что столь громадное производство значительно понизило цѣну бриллiантовъ. Въ прежнее время на рынокъ доставлялось новыхъ бриллiантовъ на сумму, не превышавшую 50,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Теперь-же ихъ поставляется на 400,000 ф. с. Поэтому и средняя цѣна за каратъ понизилась съ 3 ф. с. до 15 шиллинговъ (съ 30 руб. до 7 руб. 50 коп.). Своимъ благосостояніемъ и даже своимъ существованіемъ городъ Кимберлей обязанъ открытію алмазныхъ копей.

Строители суакимской желѣзной дороги, въ Берберѣ, рѣшились производить ея сооруженіе лишь ночью, при электрическомъ освѣщеніи, чтобы ослабить вредное дѣйствіе, оказываемое на европейскихъ рабочихъ тропическимъ климатомъ, господствующимъ въ Суданѣ. Два полныхъ аппарата электрическаго освѣщенія доставлены фирмою Китсонъ и К°, въ Лидсѣ. Электрическія лампы повѣшены на треножникахъ, вышиною въ 9 метровъ (1 метръ=1,40 арш.) и отстоящихъ другъ отъ друга на 25 метровъ. Эти треножники состоятъ изъ легкихъ желѣзныхъ трубъ, которыя могутъ вкладываться одна въ другую, какъ трубы телескопа, благодаря чему ихъ легко разбирать и собирать. Лампы, каждая силою свѣта въ 200 свѣчей, могутъ быть свободно перемѣщаемы и независимы одна отъ другой: онѣ изолируются при помощи простого нажимательнаго механизма и могутъ горѣть въ теченіе 16-ти часовъ подъ рядъ.

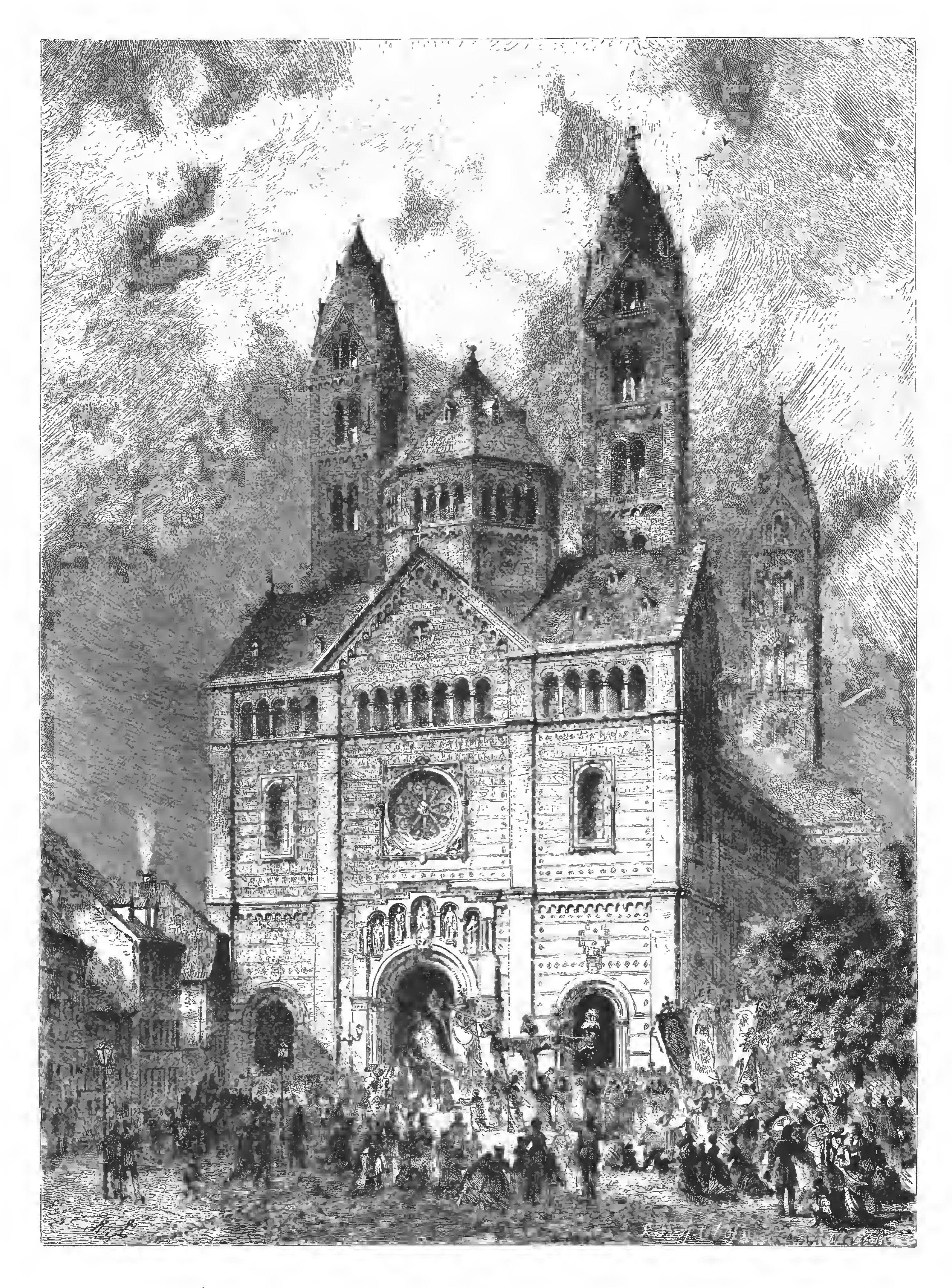
Д-ръ Вельфертъ произвелъ въ Килѣ два опыта съ изобрѣтеннымъ имъ управляемымъ шаромъ. Этотъ шаръ, подобно шару капитана Ренара, имѣетъ форму сигары; онъ вмѣстимостью въ 500 кубич. метровъ и можетъ поднимать тяжесть отъ 350—до 800 килограммовъ, смотря по тому, наполненъ ли онъ освѣтительнымъ газомъ, или водородомъ. Каждый изъ двухъ полетовъ, изъ коихъ одинъ продолжался два съ половиною часа, д-ру Вельфертъ удавалось летѣть противъ вѣтра. Изобрѣтатель заказалъ двигатель въ пять лошадиныхъ силъ, на заводѣ Шварца Копфа, въ Берлинѣ. Въ настоящее время Вельфертъ ведетъ переговоры съ начальникомъ адмиралтейства, въ видахъ основанія аэростатной мастерской въ Килѣ.

Желѣзныя дороги въ Японіи. Въ теченіе 1883 года желѣзнодорожное дѣло въ Японіи вступило въ новый фазисъ развитія. До того времени желѣзныя дороги въ Японіи ограничились короткими береговыми линіями. Лишь въ 1883 году сдѣланъ шагъ къ сооруженію большой линіи, которая должна соединить восточную и западную столицы, Токіо и Кіото. Постройка желѣзныхъ дорогъ, не считая большихъ мостовыхъ и туннельныхъ сооруженій, а также доставки подвижного состава, обходится въ Японіи въ такую же цѣну, какъ и въ Англіи, а именно стоитъ, среднимъ числомъ, миля (1 англ. миля=1.512 русск. версты) около 85,000 рублей: болѣе высокія цѣны на желѣзнодорожный матеріалъ, получаемый изъ Европы, уравновѣшиваются болѣе низкими цѣнами на рабочія руки.

Вода для питья и цинкъ. Вода растворяетъ, повидимому, большее количество цинка, чѣмъ полагали до послѣдняго времени. Къ такимъ результатамъ привели опыты, произведенные во Франціи и въ Америкѣ. Вода дождевая, ключевая, дистиллированная и вообще мягкая вода сильнѣе дѣйствуетъ на цинкъ, чѣмъ жесткая вода. Такъ, вода, прошедшая протяженіе въ 200 метровъ (около 100 саженъ) по цинковымъ трубамъ, заключаетъ въ себѣ десять сантиграммовъ углекислаго цинка на литръ (1 сантиграммъ = 0,22 русск. доли, а 1 литръ=0,810 кружки). Изъ этого слѣдуетъ, что лица, пьющія дождевую воду, стекающую по цинковымъ трубамъ и хранящуюся въ резервуарахъ изъ этого металла, пьютъ нездоровую воду, которая, въ концѣ концовъ, можетъ причинить вредъ ихъ здоровью.

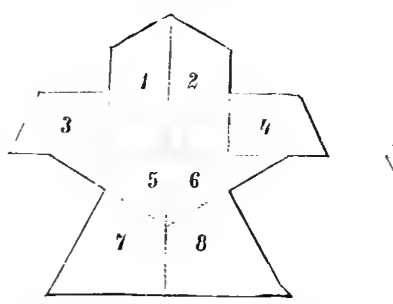
Барнумъ, знаменитый американскій предприниматель по части устройства различныхъ народныхъ зрѣлищъ, ведетъ доселѣ свое дѣло на самую широкую ногу. У него постоянно состоитъ на службѣ не менѣе 700 лицъ: акробатовъ, наѣздниковъ, великановъ, дикарей и т. д. Далѣе у него находятся 400 лошадей и 30 слоновъ. Въ его звѣринцѣ числится нѣсколько сотъ животныхъ, въ томъ числѣ 18 львовъ, 38 верблюдовъ и т. д. Зимою Барнумъ находится въ Нью-Іоркѣ, а лѣтомъ разъѣзжаетъ и даетъ представленія въ 150 городахъ. Какъ велики его обороты—показываютъ слѣдующія цифры. Въ прошломъ году онъ заработалъ въ Бостонѣ, въ одинъ день, 35,000 рублей, а въ десять дней—около 220,000 рублей. Во время разъѣздовъ, его ежедневные расходы составляютъ, среднимъ числомъ, около 9,000 рублей, а доходы—20,000 руб., такъ что его ежедневная прибыль простирается до 11,000 рублей.

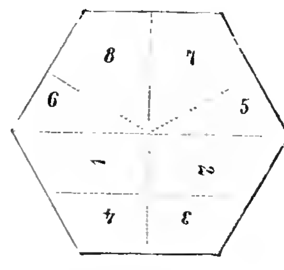
Измѣненія въ листьяхъ. Давно уже извѣстно, что ни одинъ листъ въ мірѣ не похожъ на другой, что между одинаковыми по виду листьями одного рода растеній наблюдательный глазъ откроетъ разницу, но новымъ для многихъ должно быть открытіе изслѣдователя Сакса, нашедшаго, что каждый листъ не остается ни одного часа въ одинаковомъ положеніи, что въ немъ происходитъ постоянный обмѣнъ веществъ, зависящій отъ хода солнца и колебаній температуры. Перемѣны эти важны не только съ научной точки зрѣнія, но онѣ представляютъ громадное практическое значеніе для тѣхъ кто сѣетъ и жнетъ, употребляетъ листья въ пищу человѣка и для корма животныхъ. При восходѣ солнца, лѣтомъ, отъ четырехъ до пяти часовъ утра, въ листьяхъ нѣтъ крахмала, новый запасъ котораго образуется только подъ вліяніемъ свѣта и тепла, достигаетъ вечеромъ своего максимума, затѣмъ ночью разлагается клѣточками листьевъ, превращается большею частью въ сахаръ и чрезъ корешки листьевъ переходитъ въ стволъ растенія. Такимъ образомъ растеніе работаетъ днемъ и ночью, и количество крахмала, которое въ немъ образуется, очень значительно. Площадь листьевъ въ квадратный метръ производитъ лѣтомъ 20 граммъ крахмала ежедневно, такъ что напр. тыква можетъ дать въ день 165 граммъ крахмала. Какъ велика должна быть производительность сильнаго вѣтвистаго дуба. Какъ сказано, работа листьевъ имѣетъ важное практическое значеніе. Принимая во вниманіе измѣненіе количества питательныхъ веществъ въ листьяхъ, возникаютъ вопросы: какими листьями должно кормить шелковичныхъ червей,—сорванными ли утромъ или вечеромъ? Одинаково ли достоинство табаку и чая, собранныхъ въ раннюю и вечернюю пору? и пр. Большое количество крахмала въ табакѣ можетъ быть непріятно для потребителей, между тѣмъ присутствіе его дѣлаетъ табакъ тяжелѣе и поэтому онъ становится не хуже, но напротивъ дороже. Уже по этимъ немногимъ примѣрамъ ясно, что значеніе внутреннихъ измѣненій въ листьяхъ составляетъ исходную точку важныхъ соображеній, но настоящее значеніе этого знанія еще не опредѣлено.



Соборъ въ г. Шпейерѣ (въ Баваріи). Рис. Науманъ, грав. Клоссъ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 18,
(помѣщенный въ № 16 „Нивы“).





Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ**—Өедорова, Кижскаго, Штанге, **Астрахань**—Матвѣева, **Бахчисарай**—Дремджи, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣжецкъ**—Дубовикова, **Гродно**—Сырейщикова, **Калуга**—Соколова, **Кіевъ**—Шалохвастова, **Курскъ**—Безсаренко, **Липецкъ**—Моссинъ, **Н. Новгородъ**—Бубнова, **Россіены**—Гроссманъ, **Ростовъ на Дону**—Данилова, **Ярославль**—Мартынова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородн. подписчик., при перемѣнѣ адреса изъ одного города въ другой, присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками** (новаго образца) **на типографскіе расходы.**

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе,** поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе.** Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена **съ № 27,** при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ.** При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Редакція и Главная Контора журнала „НИВА“

ПЕРЕВЕДЕНЫ

НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, д. № 6, куда и просимъ гг. подписчиковъ адресовать письма, посылки и пр.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.

ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 3977

№ 4711.

Von der Jury der Weltausstellung in New-Orleans wurde der

№ 4711 Eau de Cologne

wegen ihrer vorzüglichen Qualität der

einzige erste Preis

zuerkannt.

Es ist dies das fünfte Mal, dass die

№ 4711 Eau de Cologne

über die mitconcurrirenden Farina'schen Erzeugnisse den Sieg errungen hat, und zwar in **Cöln 1875, Philadelphia 1876, Sidney 1880, Amsterdam 1883, Neu-Orleans 1885.**

Die № 4711 Eau de Cologne

hat sich in der feinen Welt den ersten Platz erobert und ist ein Liebling der Damenwelt geworden.

Zu haben in allen grösseren Parfümerie- und Droguen-Handlungen.

FERD. MÜLHENS,

Eau de Cologne- und Parfümerie-Fabrik,

Glockengasse № 4711 in Cöln am Rhein. St. № 1179

ПОЛУ-СУХОЕ. — РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ. — ОЧЕНЬ СУХОЕ. — РОЗОВОЕ ГУСТОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. **НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА** на Одессной выставкѣ 1884 года: **ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ** съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:

2. Серебряная медаль . . . . . 1852 г.
3. Серебряная медаль . . . . . 1860 „
4. Похвальный отзывъ . . . . . 1864 „
5. Серебряная медаль . . . . . 1865 „
6. Серебряная медаль . . . . . 1869 „
7. Медаль . . . . 1870 „
8. Золотая медаль . . . . 1872 „
9. **Высочайшая благодарность** 1875 „
10. Золотая медаль . . . . 1882 „

ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:

1. Филадел. выстав. медаль . . 1876 г.
2. Филадел. выстав. медаль . . 1876 „
3. Париж. выст. поч. отз. . . . 1878 „
4. Амстердам. выст. медаль . . 1883 „
5. Бостон. выст. почет. дипл. 1883 „

ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:

1. Съ 1863 г. по 1873 г.
2. Съ 1872 г. по 1882 г..

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено **изъ чистаго русскаго винограднаго вина,** и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. **1 р. 60 к. за бутылку.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

} **ПО 2 Р. ЗА БУТ.**

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.

Пользующійся во всѣхъ европейскихъ государствахъ заслуженною славою, бывшій на выставкахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Мюнхенѣ,

АНГЛІЙСКІЙ ХОЛСТЪ ПРОТИВЪ РЕВМАТИЗМА.

Продается въ пакетахъ, съ описаніемъ употребленія, по 1 рублю; двойной силы, по 2 рубля.

☞ Знаменитый д-ръ Гуфеландъ говоритъ въ своихъ медицинск. сочиненіяхъ: „Есть двѣ болѣзни, противъ которыхъ медицина напрасно искала до сихъ поръ сильно-дѣйствующихъ лекарствъ: это — ревматическая головная боль и подагра“: это средство нашлось въ употребленіи вышеозначеннаго холста противъ ревматизма.

Продажа для всей Россіи настоящаго холста: въ С.-Петербургѣ, въ аптекарскомъ магазинѣ г. **Оскаръ Гертхенъ,** Казанская улица, д. № 37. На почтовые расходы прилагается 50 коп. Р. № 1175 2—2

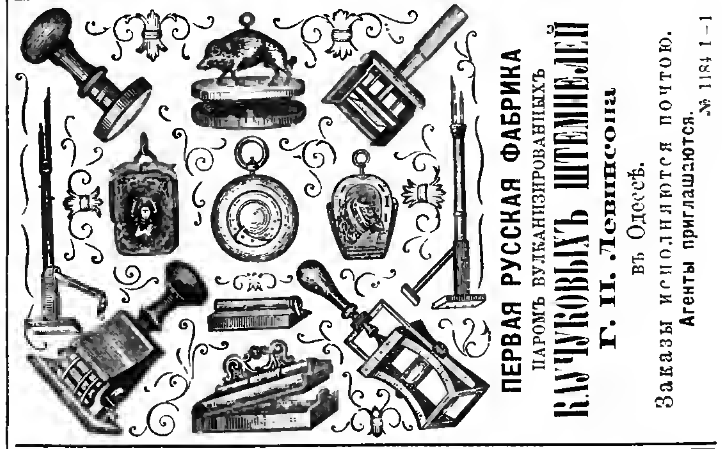
Желѣзнод. станція **Оппенау.**

МИНЕР. ВОДЫ ГРИСБАХЪ,

Открытіе 15-го мая.

давно извѣстныя желѣзныя воды, 560 м. надъ уровнемъ моря, въ живописной верхней Ренхской долинѣ. 8 желѣзныхъ источниковъ. Паровыя ванны по методѣ Шварца. 300 комнатъ, по желанію со столомъ. Мѣстный врачъ Д-ръ **Іегершмидъ.** Высочайшій комфортъ. Дешевыя цѣны. Программа безплатно

К № 1072. 6—5 Владѣльцы **Schliedtke & Simon.**



БИЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

БИЛЛІАРДЫ И КЪ БИЛЛІАРДНОЙ ИГРѢ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ.

Троицкій проспектъ, близь Египетскаго моста, д. № 13—2. № 3855 17—8

Иллюстрир. прейсъ-куранты по востреб. высыл. безвозмездно.

Предстоящій ТИРАЖЪ 1-го ІЮЛЯ 1885 г.

Нижеозначенная контора продаетъ

5% ГОСУД. ВЫИГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ

а) на наличныя деньги: по дневному биржевому курсу, взимая въ свою пользу $^1/_8$% коммиссіи, т. е. 27 коп. съ билета.

б) съ разсрочкою платежа: съ задаткомъ не менѣе **15 рублей** и мѣсячными платежами по опредѣленію самого покупателя, однакожъ не менѣе

ПЯТИ РУБЛЕЙ ВЪ МѢСЯЦЪ.

Со времени полученія конторою задатка, всякій выигрышъ, который падетъ на купленный и означенный въ свидѣтельствѣ билетъ, принадлежитъ покупателю и будетъ выплаченъ конторою безъ всякихъ въ свою пользу вычетовъ. Р. № 1103 7—7

Страхованіе выигрышныхъ билетовъ по 40 коп.

Порученія изъ провинціи исполняются конторою обратною почтою, причемъ контора необходимымъ считаетъ обратить вниманіе гг. покупателей на то, что всѣ порученія, поступающія въ послѣдніе дни передъ тиражами, могутъ быть исполнены конторою заблаговременно, хотя бы и поступили наканунѣ тиража, такъ какъ контора сообщаетъ по желанію покупателя серію и номеръ запроданнаго билета телеграммой, въ какомъ случаѣ покупатель имѣетъ выслать расходы по телеграммѣ вмѣстѣ задаточными деньгами.

Банкирская контора Ф. А. КЛИМА

въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 21.

ВЕНГРІЯ БУДАПЕШТЪ

ВЕНГЕРСКАЯ МѢСТНАЯ ВЫСТАВКА

подъ Высокимъ Покровительствомъ Его Импер. и Корол. Высоч. Наслѣднаго Принца Эрцгерцога Рудольфа.

Открытіе 1-го Мая 1885 года. Конецъ въ концѣ Октября 1885 г.

Выставляются: **Сельское хозяйство, Лѣсоводство, Горное производство, Промышленность, Гигіена, Народное просвѣщеніе, искусства.** Вмѣстѣ съ тѣмъ выставки **машинъ, сѣмянъ и животныхъ.**

ПРАЗДНЕСТВА **КАТАЛОГИ** на венгерскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а также **спеціальные каталоги для искусства, машинъ горнаго производства** и проч. Пріемъ объявленій.

РУДОЛЬФЪ МОССЕ, БЕРЛИНЪ—ВѢНА.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ДЛЯ УКАЗАНІЯ КВАРТИРЪ ВО ВСѢХЪ ВОКЗАЛАХЪ. R. № 3830 3—3

ВЫГОДНОЕ ЗАНЯТІЕ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ

Извѣстная банкирская контора ищетъ въ провинціи, во всѣхъ мѣстахъ Имперіи, благонадежныхъ лицъ всякаго званія для продажи 5% Государственныхъ I и II съ выигрышами займовъ съ разсрочкою платежа и для страхованія билетовъ тѣхъ-же займовъ отъ тиражей погашенія на выгодныхъ условіяхъ. Этимъ дается каждому возможность съ легкостью, безъ всякихъ расходовъ и купеческаго познанія, увеличить свой годовой приходъ.

Обращаться съ указаніями настоящихъ занятій въ С.-Петербургскую Центральную Контору Объявленій, Невскій пр., № 8, подъ лит. В. (письменно). Р. № 1057

ЦИНКОЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. ПОЛЬ и К°.

(H. POHL & C-IE, BERLIN).

Москва: Петровскія торговыя линіи.

1153 2—2

Фонтаны, фигуры для садовъ, надгробные и другіе памятники, канделябры, русскіе орлы и медали всѣхъ выставокъ, металлическія буквы, строительные орнаменты.

Никелированіе, серебреніе и золоченіе.

Таблицы со всевозможными надписями.

Перемѣна квартиры.

Къ 1-му сентября кабинетъ г. Берто, единственнаго французскаго зубного врача въ Москвѣ, помѣщающійся на Большой Дмитровкѣ, въ д. Нейдгардта, будетъ переведенъ на ту же улицу, уголъ Салтыковскаго пер., д. Живого. Пріемъ съ 10 до 5 ч. дня. Консультаціи и операціи для бѣдныхъ безплатно каждый понедѣльникъ по утрамъ. Ст. № 1166 2—1

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ черезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 11256—5

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.

Большой выборъ обыкнов. швейн. машинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

4711
ХРУСТАЛЬНОЕ РОЗОВОЕ МЫЛО

легко пѣнится, съ самымъ пріятнымъ запахомъ розъ, дѣйствуетъ на кожу весьма благодѣтельно вслѣдствіе большаго содержанія глицерина, что и гарантируется. Можно получать во всѣхъ большихъ парфюмерныхъ магазинахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. St. № 3739 17—10

НУЖНЫ

благонадежные агенты, имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ провинціи, для банкирской конторы **А. Зингеръ и К°.** въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., № 18. Р. № 1152 10—3

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ изъ Парижа. Спеціальность для портнихъ и модистокъ. Кружева, вышивки, настоящія, поддѣльныя, шерстяные костюмы, бисерные передники. Розничная и оптовая продажа: 9. И. Вакоиь, Гороховая, д. № 9, кв. 8, въ С.-Петербургѣ. № 1111 2—2

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блоккъ**, Невскій 51. № 1174 8—1

НОВЫЯ ТРИ КНИГИ ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

у ЗЕМСКАГО,

книгопродавца въ Россійскомъ Центральномъ книжномъ магазинѣ въ Москвѣ, въ домѣ типографіи Святѣйшаго Синода, въ зданіи Славянскаго базара, на Никольской улицѣ.

I.

НОВАЯ КНИГА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

СОБРАНІЕ ВСѢХЪ НОВЫХЪ КУПЛЕТОВЪ,

съ приложеніемъ весьма комичнаго и весьма оригинальнаго новаго куплета:

„А ВОТЪ И ОНА ВНОВЬ, ЖИВАЯ СТРУНА“,

въ которой помѣщены всѣ золотые куплеты ея:

„Тигренокъ“, „Нищій-студентъ“, „Корневильскіе колокола“, „Боккачіо“, „Илька Огай“, „Лукичъ идетъ“, „Синяя борода“ и множество другихъ. Пѣніе съ паузами, по образцамъ извѣстныхъ пѣвцовъ-артистовъ и пѣвицъ-артистокъ.

Изданіе еще небывалое, съ указаніемъ законовъ и отмѣтокъ для того, чтобы всякій могъ пѣть такъ, какъ поютъ артисты. Продается эта книга за 1 руб. 25 коп., та же цѣна для иногородныхъ.

II.

Крайне необходимая для всѣхъ безъ исключенія родителей, наставниковъ и воспитателей:

СОБРАНІЕ ВСѢХЪ ПРІЕМНЫХЪ ПРОГРАММЪ И ПРАВИЛЪ

къ поступленію въ различные классы во всѣ мужскія, казенныя и частныя, среднія учебныя заведенія, въ классическія гимназіи, прогимназіи, реальныя и коммерческія училища, кадетскіе корпуса и юнкерскія училища, съ указаніемъ правилъ, какія даются льготы по отбыванію воинской повинности окончившимъ образованіе по 2-му, 3-му и 4-му разряду,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОЛНАГО ОТДѢЛА

И

ЖЕНСКИХЪ ПРІЕМНЫХЪ ПРОГРАММЪ

къ поступленію во всѣ женскія гимназіи и вѣдомства Императрицы Маріи, училища ордена св. Екатерины и Александровское. Собраны по учебнымъ планамъ и программамъ означенныхъ гимназій, прогимназій и училищъ, съ приложеніемъ указанія какого возраста принимаются дѣти обоего пола, начиная съ 1-го класса и такъ далѣе, послѣдовательно, въ различныя гимназіи, также и въ другія учебныя заведенія, съ присоединеніемъ формъ прошеній о помѣщеніи дѣтей обоего пола въ учебныя заведенія, съ разъясненіемъ, какіе документы при подачѣ прошенія должны быть представлены.

Составлены *Н. Сидельниковымъ.* Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой.

III.

ЖЕНСКАЯ ДОМАШНЯЯ ШКОЛА ШИТЬЯ И КРОЙКИ.

КНИГА КАКЪ РУКОВОДСТВО

къ самоизученію портновскому женскому дѣлу,

или

САМОУЧИТЕЛЬ

ДЛЯ ВСѢХЪ СЕМЕЙНЫХЪ ЖЕНЩИНЪ И ДѢВИЦЪ

къ изученію кройки и шитью женскихъ нарядовъ

въ нѣсколько уроковъ, какъ-то: бальныхъ, праздничныхъ и другихъ роскошныхъ и простыхъ платьевъ, всевозможныхъ новомодныхъ, современныхъ фасоновъ, по всѣмъ предметамъ женскихъ нарядовъ, съ наставленіемъ, на какой ростъ и объемъ сколько требуется какой матеріи и другаго матеріала. Съ указаніемъ секретныхъ тайнъ, какъ слѣдуетъ шить платья на особъ, имѣющихъ природную уродливость и другіе физическіе недостатки въ тѣлѣ, какъ напримѣръ кособокость, горбоватость, плоскогрудость, сутуловатость и проч., для того чтобъ скрыть подъ платьемъ природную уродливость тѣла и придать ему красивую и стройную форму,—безъ помощи мастерицъ и мастеровъ.

Предлагается для всякой семьи, а также для ремесленныхъ школъ и пріютовъ.

Составлена московскою преподавательницею кройки и мастерицею Н. Н. ШАМОШИНОЮ. Со многими рисунками и образцами выкроекъ. Цѣна съ пересылкою, въ роскошномъ французскомъ переплетѣ 1 руб. № 1167

НАСТОЯЩІЙ КЯХТИНСКІЙ ЧАЙ,

развѣшенный безъ всякой сортировки прямо изъ китайскихъ цыбиковъ

ТОРГОВАГО ДОМА

„БРАТЬЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.

ПРОДАЖА ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

П. № 3947 Прейсъ-куранты высылаются безплатно. 16—16

СКЛАДЪ ПИСЧЕЙ БУМАГИ
АВГУСТЪ НАУМАНЪ

въ С.-Петербургѣ, Казанская ул. № 42.

Вышла новая коллекція образцовъ **почтовой, писчей, печатной, оберточной бумаги, переплетныхъ матеріаловъ** и т. п. и пересылается по полученіи 45 коп. почтовыми марками. Р. № 1170 2—2

ТЕЛЕФОНЪ № 55.

ПРОТИВЪ СѢДИНЫ.

№ 1178

Жидкость, возвращающая сѣдымъ волосамъ прежній ихъ цвѣтъ, не линяетъ. Флаконъ 3 р., пересылка 1 руб. Гороховая улица, д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ ОСНОВАННЫЙ въ 1865 г.

проситъ гг. виноторговцевъ обратить вниманіе на русскія виноградныя вина, которыя по ихъ качеству много дешевле противъ иностранныхъ винъ, выдержанныя и очищенныя имъ по усовершенствованному способу, вслѣдствіе чего это единственныя вина не подвергающіяся порчѣ и могутъ быть особенно рекомендуемы для отдаленныхъ мѣстностей Россіи. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Адресъ для писемъ и телеграммъ:

ДЖОНЪ ЛЮТЕРЪ, въ С.-Петербургѣ.

Р. 1168 2—2

Дозв. ценз. СПБ. 19 іюня 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяческая, д. № 1.

Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.

XVI годъ | № 26 | годъ XVI | 1885

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 29 Іюня 1885 г. Цѣна этого № „Нивы" 15 к., съ перес. 20 к.

Въ саду. Ориг. рис. Каро, грав. Геданъ

Въ саду.

Чудесный, жаркій лѣтній день. Дѣти бѣгаютъ и играютъ на песчаныхъ дорожкахъ парка съ своимъ веселымъ, рѣзвымъ пуделемъ, укрываясь въ прохладной тѣни развѣсистыхъ, душистыхъ липъ отъ горячихъ лучей солнца. Мальчуганъ хочетъ показать какъ онъ отлично умѣетъ прыгать черезъ веревку, но вотъ бѣда: кто будетъ держать другой конецъ веревки. И вдругъ этотъ другой конецъ схватываетъ въ зубы умный пудель, и мальчикъ въ восторгѣ - игра готова. Пудель стоитъ твердо, вѣрно исполняя принятую на себя обязанность, а маленькій шалунъ дѣлаетъ черезъ веревку отчаянный прыжокъ.

Радованская тайна.

Повѣсть **Петра Петрова.**

(Продолженіе).

VI.

Надежда Павловна Гроль только что прибыла въ Рагузу и уже успѣла устроиться уютно, комфортабельно, совершенно по домашнему, въ этомъ городкѣ лишенномъ всякихъ удобствъ, составляющихъ потребность богатыхъ и избалованныхъ европейцевъ.

Особенныхъ трудовъ ей это не стоило. Съ деньгами все можно сдѣлать, а Надежда Павловна имѣла ихъ достаточно. Она была вдова петербургскаго банкира Ансельма Густавовича Гроль, который умеръ года за полтора предъ тѣмъ, оставивъ молодой женѣ очень крупное состояніе.

Узнавъ еще на пути, что въ Рагузѣ нѣтъ ни приличнаго отеля, ни хотя бы сколько нибудь сносной гостинницы, она, не сходя съ парохода, который стоитъ въ рагузскомъ портѣ Гравозѣ нѣсколько часовъ, поручила своему „курьеру" Антоніо нанять „во что бы то ни стало" виллу или домъ и „все устроить какъ слѣдуетъ".

Антоніо, который, какъ говорится, собаку съѣлъ насчетъ „курьерства" — вѣрнѣе коммиссіонерства — при русскихъ барахъ, оказался на высотѣ своей миссіи.

Немедленно была собрана цѣлая свора мѣстныхъ коммиссіонеровъ. Почуявъ сразу „настоящую деньгу", коммиссіонеры заметались какъ угорѣлые и дѣйствительно совершили чудеса.

Въ какіе нибудь три часа былъ нанятъ на склонѣ горы небольшой домъ, съ террасою и великолѣпнѣйшимъ видомъ, выселенъ хозяинъ дома, все вычищено и приведено въ порядокъ, старая неуклюжая мебель замѣнена болѣе изящною, добытою, по выраженію старшаго коммиссіонера „только однимъ чудомъ", куплено все, что только можно было найти лучшаго по части ковровъ и матерій, которыми и были устланы полы, завѣшаны и задрапированы окна и двери, добыты цѣлый лѣсъ декоративныхъ растеній, цѣлый ворохъ посуды, домашней утвари, разныхъ мѣстныхъ бездѣлушекъ, и т. д. Въ довершеніе всего, былъ обольщенъ и похищенъ единственный въ городѣ поваръ германскаго консула, и пущены „для красы" на террасу великолѣпный павлинъ и нѣсколько штукъ черепахъ.

Часа еще за два до ухода парохода, торжествующій Антоніо явился и объявилъ „синьоры принчипессѣ", что все готово и лучшая въ городѣ *карроца* (коляска) ожидаетъ ее чтобы везти въ „свой домъ".

Утомленная четырехдневнымъ безпокойнымъ путешествіемъ на пароходѣ, Надежда Павловна не обратила никакого вниманія на „чудеса" Антоніо. Она тотчасъ же легла спать, сказавъ горничной своей Машѣ, чтобы ее не тревожили и не будили пока сама не проснется.

Но деньги даютъ возможность осуществить только „чудеса" въ родѣ тѣхъ, что совершилъ Антоніо. Сна-же, если сонъ отъ васъ бѣжитъ, нельзя купить ни за какія деньги.

Не взирая на большую усталость, не взирая на то, что улеглась она удобно и покойно на своей „петербургской постели", приготовленной привычною рукою Маши, Надежда Павловна не могла заснуть. Она оставалась въ какой то тревожной полудремотѣ, впадая по временамъ въ забытье лишь для того чтобъ почти тотчасъ же очнуться въ нервномъ волненіи.

Такъ прошло нѣсколько часовъ, долгихъ и томительныхъ.

Наконецъ, видя, что всѣ усилія добиться сна напрасны, Надежда Павловна встала, сама одѣлась, и вышла на террасу.

Тутъ она остановилась пораженная.

Терраса, на которой она стоитъ, окаймлена гигантскими кактусами и другими растеніями самыхъ причудливыхъ фантастическихъ формъ. Вправо, за глубокимъ обрывомъ, высоко взвивается крутая одинокая скала. На темной синевѣ неба, ярко освѣщенныя луною, рѣзко выдѣляются своею бѣлизною прямолинейныя очертанія австрійскаго форта, вѣнчающаго эту скалу. Влѣво, картинная, прелестная мѣстность, залитая роскошнѣйшею растительностью, украшенная какъ-бы рукою великаго художника живописными развалинами, старинными замками, средневѣковыми стѣнами, за которыми уютно гнѣздятся розовые и бѣлые домики и виллы съ бѣлѣющими террасами. Впереди, темносинее, величаво спокойное море, лобзающее съ тихимъ, нѣжнымъ шопотомъ подножіе этихъ великолѣпій.

Кругомъ, куда ни глянетъ взоръ, дивная, пышащая избыткомъ силъ, обильная до пресыщенія природа. Растительность бьетъ безумно роскошно, раздвигая, разбивая камни, и сладострастно разстилается подъ нѣжною ласкою луны и влажными дыханіями моря.

И вся эта благодать залита безконечно щедро и великолѣпно таинственнымъ серебромъ южной луны.

Надежда Павловна опустилась на скамейку, очарованная чудною картиною.

Долго смотрѣла она, упиваясь видомъ, упиваясь прохладнымъ, насыщеннымъ ароматами воздухомъ—смотрѣла и думала.

Тихое величіе и безъискусственная, неотразимая прелесть картины производили на нее глубокое, подавляющее дѣйствіе. Шире дышалось. Глубже, отвлеченнѣе чувствовалось. Трепетнѣе и сильнѣе отзывалось сердце.

И вотъ, подъ наплывомъ этихъ чувствъ и ощущеній, оглянулась она на свое прошлое.

Не длиненъ пройденный путь, но сколько уже разочарованій, сколько горя, тоски и разбитыхъ надеждъ...

Какъ звѣздочки, мерцаютъ дѣтскіе, юные годы. То было свѣтлое, тихое, безмятежное время... Затѣмъ, первый шагъ на жизненномъ пути и уже ошибка; непоправимая, роковая ошибка—и смута и сумракъ... Ей шестнадцать лѣтъ. Она царитъ. Ей шепчутъ, что она красавица, да и сама она это видитъ — всѣ засматриваются, любуются ею. Беззаботно порхаетъ блестящая бабочка, счастливая и довольная... Вдругъ... Вдругъ, среди однообразнаго гула свѣтскихъ похвалъ, признаній и восторговъ, раздается иной голосъ, страстный, сильный, смѣлый, и сразу этотъ голосъ проникъ ей въ душу... Она встрепенулась, взглянула и встрѣтила взоръ не такой какъ всѣ взоры. И взоръ запалъ ей въ душу. За этимъ взоромъ она нашла сердце не такое какъ другія—сердце предавшееся ей пламенно, безотчетно... И что-же! Всѣмъ этимъ она пренебрегла. Ее, легкомысленную, не вѣдающую еще жизни, угово-

рили не поддаваться охватившему ее чувству, убѣдили оттолкнуть этого человѣка потому, что онъ былъ недостаточно богатъ и знатенъ для нея. И она, безумная, поддалась этимъ совѣтамъ, подчинилась настойчивымъ требованіямъ и мольбамъ и вышла замужъ за пожилаго банкира, осыпавшаго ее золотомъ... Ей твердили, что въ богатствѣ и счастье будетъ. Она зажила полною чашей, а между тѣмъ счастье бѣжало ея... Старика мужа она не любила и не могла любить. Она надѣялась найти спасеніе отъ охватившей ее безотчетной тоски въ материнскомъ чувствѣ, но дѣтей у нея не было... Начинаются жадныя исканія, сумозбродныя метанія въ тщетныхъ поискахъ за чѣмъ-то ненаходимымъ... Вдругъ этотъ сумракъ ярко освѣщается. Случайно она встрѣчается съ тѣмъ кто заставилъ трепетать ея сердце, кого она два года назадъ оттолкнула, и сразу постигла причину своей безотчетной тоски, своихъ безотчетныхъ порывовъ и метаній. Она поняла, что этотъ человѣкъ приковалъ ея душу и сердце. Испуганная, она бѣжала отъ страстнаго искушенія, желая оставаться вѣрною женою. И онъ ее не преслѣдовалъ; напротивъ, онъ видимо избѣгалъ ее... Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ она становится вдовою. Она свободна! Молода, обворожительна, страшно богата и... свободна. Теперь уже счастье въ ея рукахъ... Нѣтъ! не дается ей счастье. Теперь онъ ее отталкиваетъ, не хочетъ ея любви, ея сердца, ея руки. Всѣ ея попытки привлечь его, заставить простить прошлое, остались тщетны и тѣмъ сильнѣе, пламеннѣе становилась ея страсть... Вдругъ она, слѣдившая за нимъ безустанно, узнаетъ, что онъ ѣдетъ куда то въ Герцеговину, къ возставшимъ славянамъ. Не задумываясь ни минуты, она рѣшаетъ слѣдовать за нимъ хоть на край свѣта. И вотъ она въ Рагузѣ.

Одна мысль, что обожаемый человѣкъ тутъ близко, не успокоиваетъ а еще болѣе волнуетъ ея наболѣвшее сердце. Окружающая чудная картина еще болѣе распаляетъ ея воображеніе. Это пѣснь любви всей природы...

Необычайно ярко и живуче предсталъ предъ нею образъ любимаго человѣка. На холодный песокъ террасы стали капать одна за другою крупныя, горькія слезинки...

Какъ-то рѣзко и порывисто встала Надежда Павловна со скамейки, отирая влажные глаза.

Она вошла въ домъ, направилась въ спальню, открыла большую богатѣйшую шкатулку, и вынула оттуда, такъ называемую, „кабинетную карточку“.

То былъ портретъ Андрея Сергѣевича Тагульскаго. Долго смотрѣла она задумчиво на милыя черты, то охватывая ихъ въ общемъ, то останавливаясь на каждой детали, а слезы такъ и навертывались, такъ и капали изъ глазъ, смотрѣвшихъ нѣжно и любовно на портретъ.

— Нѣтъ! этого не можетъ быть! Неужели для меня все, все кончено въ этой жизни? вырвалось какимъ-то воплемъ изъ ея груди.

Она схватила страстно портретъ обѣими руками.

— Я сама явлюсь къ нему, скажу ему все, буду молить, буду рыдать у его ногъ, проговорила она задыхаясь, и нервно, истерически зарыдала.

VII.

Почтенный Бжитковичъ пребывалъ въ великомъ раздумьѣ.

Прошло уже болѣе десяти дней съ тѣхъ поръ какъ онъ сошелся съ Дрызгачевымъ, а между тѣмъ, не взирая на ловчайшія увертки, на самые маккіавелическіе подходы, подобраться къ „жареному“ ему не удавалось.

„Эмигрантъ со средствами“ оказывался несравнено большимъ крѣпышемъ относительно денегъ, чѣмъ можно было предполагать судя по его пренебрежительно развязнымъ отзывамъ на счетъ „средствъ“.

„Генералъ“, на второй же день знакомства, высказалъ авторитетное мнѣніе, что безъ серьезнаго запаса хорошаго оружія и даже нѣсколькихъ пушекъ тутъ ничего не подѣлаешь.

Дрызгачевъ согласился съ этимъ и даже выразился, что одно появленіе „баттарейныхъ баттарей“ (его двоюродный братъ служилъ въ баттарейной баттареѣ) показало бы сразу въ какія руки попало дѣло.

Но когда, ободренный такимъ началомъ, „генералъ“ сталъ развивать далѣе свою мысль и любезно предложилъ свои услуги, чтобы пріобрѣсть оружіе и „баттарею съ зарядами“, то Ардальошка запѣлъ совсѣмъ на другой ладъ.

— Это теперь неудобно. Это слишкомъ обостритъ вопросъ, замѣтилъ онъ.

— Позволяю себѣ думать, что въ этомъ случаѣ, не взирая на всю вашу компетентность, вы, мой дорогой другъ, ошибаетесь. Это было бы, напротивъ, чрезвычайно полезно и выгодно для дѣла. Случай притомъ вамъ представляется, могу смѣло сказать, единственный въ своемъ родѣ. Я могу добыть ружья въ Парижѣ, пушки въ Штуттардѣ за баснословно дешевую цѣну для вашей арміи.

— А какъ напримѣръ? спросилъ Ардальошка, котораго пріятно пощекотало выраженіе: вашей арміи.

— Да тысячъ на пять, на семь франковъ возможно было бы очень прилично обзавестись, брякнулъ на удачу Бжитковичъ, но, замѣтивъ, что объявленная цифра не пришлась по вкусу „эмигранту со средствами“, поспѣшилъ прибавить: Впрочемъ, и съ тремя тысячами можно было-бы обойтись на первое время при моихъ связяхъ.

Дрызгачевъ отвѣтилъ, что „подумаетъ объ этомъ“, и затѣмъ видимо избѣгалъ возобновленія разговора о покупкѣ оружія.

„Генералъ“ вошелъ тогда съ другимъ предложеніемъ.

— Чтобъ нанести сразу серьезный ударъ, слѣдовало-бы начать энергичныя дѣйствія съ двухъ сторонъ одновременно—отсюда и со стороны Босніи. Оставайтесь сами тутъ, въ главномъ пунктѣ, а меня уполномочьте дѣйствовать въ Босніи.

Дрызгачеву очень было понравилась мысль о полномочіи, но когда Бжитковичъ выяснилъ, что предполагаемыя дѣйствія должны начаться съ набора и найма эмиссаровъ, съ раздачи денегъ жителямъ, словомъ опять съ крупныхъ затратъ, то Ардальошка снова отступилъ и рѣшительно высказался за „централизацію дѣйствій въ одномъ пунктѣ“.

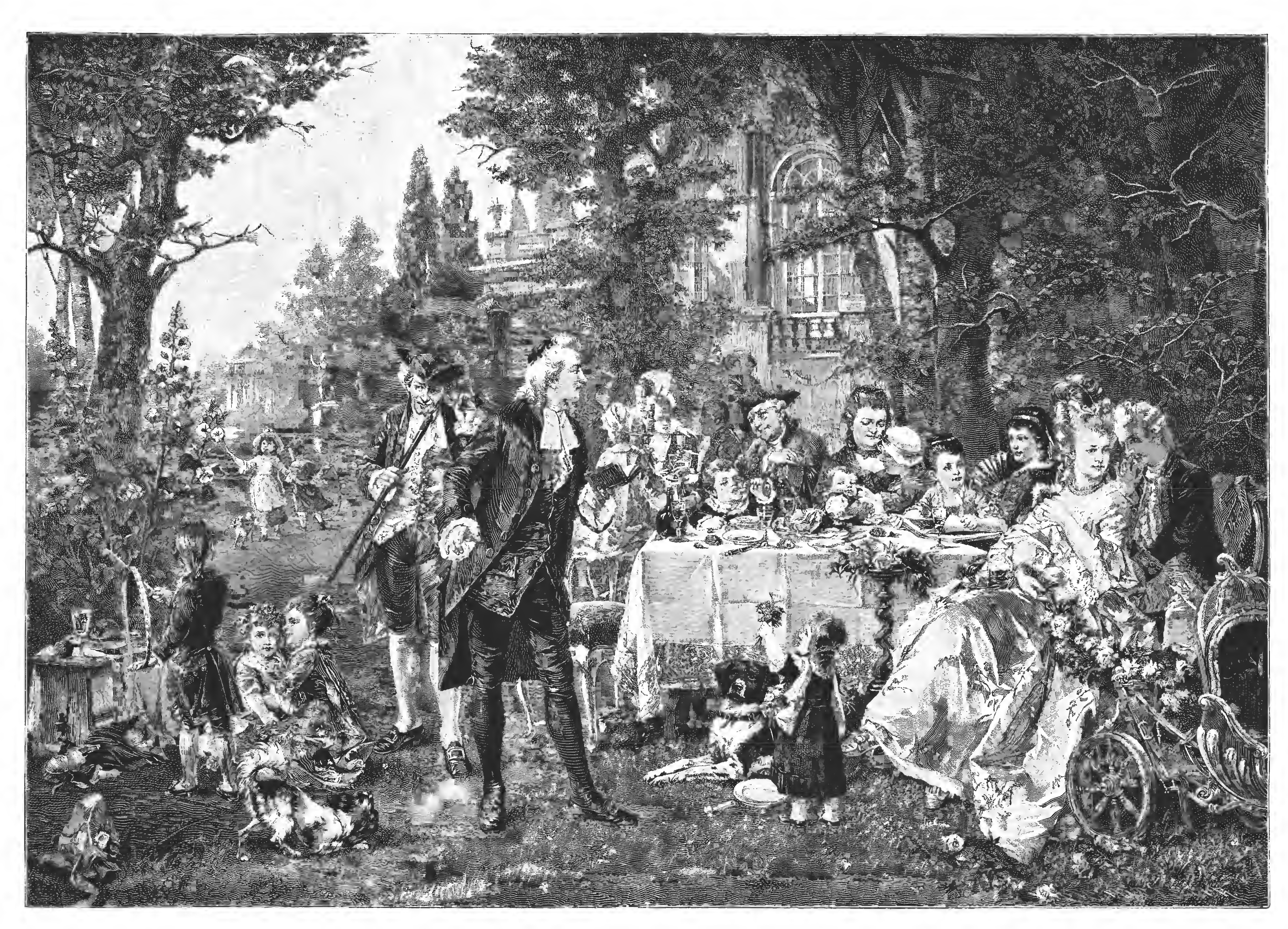
Произошло нѣкоторое разочарованіе и даже обоюдное, потому что Ардальошка, съ своей стороны, никакъ не могъ добиться чего нибудь опредѣлительнаго насчетъ „связей въ горахъ“, о которыхъ такъ много и такъ увѣренно заявилъ въ началѣ Бжитковичъ. Никакихъ сообщеній изъ горъ къ генералу не поступало, никто съ нимъ не переписывался, эмиссаровъ и гонцовъ не являлось.

Бжитковичъ объяснялъ это впрочемъ тѣмъ, что *тамъ* не знаютъ гдѣ онъ именно теперь находится.

— Это не только хорошо, но даже необходимо, потому что пока, мы должны оставаться совершенно въ тѣни, прибавилъ онъ при этомъ.

Относительно этой „тѣни“ генералъ дѣйствительно очень заботился. Онъ убѣдилъ Дрызгачева никому тутъ въ Ризано не говорить своего настоящаго имени и возможно меньше показываться. Онъ самъ подавалъ примѣръ этому и почти не выходилъ изъ гостинницы, гдѣ пріютился въ „померѣ“ занимаемомъ Дрызгачевымъ.

Дѣйствовалъ онъ такъ, съ умысломъ, „на всякій случай“, и все придумывалъ какъ бы половче и безопас-



Веселый банкетъ. Съ картины Гопфера, грав. Бренд'амуръ.

нѣе устроить этотъ случай. Не взирая на неуспѣхъ первыхъ попытокъ, онъ все еще не терялъ надежды обобрать намѣченную жертву „приличнымъ образомъ“, безъ скандала и безъ уголовщины. Однако, также „на всякій случай“, онъ, какъ говорится, снюхался съ однимъ мотавшимся тутъ добровольцемъ, нѣкимъ Мулановичемъ.

Дни однако проходили за днями. Безпутный Дрызгачевъ, который видимо начиналъ скучать, могъ вдругъ бросить свою затѣю и уѣхать. Что тогда? Съ другой стороны, являлся наконецъ еще такой вопросъ: стоила-ли игра свѣчъ?

— А какъ вдругъ у этой канальи ничего нѣтъ? А вдругъ онъ все вралъ относительно „средствъ“? говорилъ онъ себѣ.

Всѣ эти сомнѣнія внезапно исчезли на двѣнадцатый день ихъ знакомства.

Дрызгачевъ, ушедшій куда то съ утра, явился къ полудню очень раздраженный.

— Нѣтъ, каково это! зашумѣлъ онъ войдя въ номеръ и сердито сорвавъ съ головы шляпу.—Тысячная бумага превращается въ восемьсотъ пятьдесятъ рублей, а эти бумажные рубли превращаются въ семьсотъ настоящихъ рублей, а тутъ еще эти ракальи дерутъ безбожно за размѣнъ, наровятъ надуть на расчетѣ, запутывая свою дьявольскую ариометику... Ну совсѣмъ грабежъ!

Бжитковичъ навострилъ уши.

— Что такое съ вами, дорогой другъ? спросилъ онъ участливо.

— Что? а вотъ что!

Ардальошка быстро сунулъ руку въ боковой карманъ, досталъ большой бумажникъ, выхватилъ оттуда розовый банковый билетъ, развернулъ его нервно и приставилъ подъ носъ Бжитковичу.

— Четко, кажется, напечатано, ты-ся-ча ру-блей? Полуаршинными буквами выведено! а знаете сколько я получилъ вмѣсто этой обѣщанной гарантированной тысячи рублей? Шестисотъ пятидесяти рублей не получилъ! А?! То есть просто не бумага а тающій снѣгъ какой-то!

— То есть думали только получить, мой другъ, произнесъ нетвердымъ голосомъ Бжитковичъ, взявъ билетъ и разсматривая его, чтобы скрыть свое волненіе.

— Какъ, думалъ только?!

— Ну да, если билетъ тутъ.

— Да это другой! У меня ихъ тутъ вотъ еще нѣсколько, сказалъ Дрызгачевъ указывая на бумажникъ.— А тотъ я сейчасъ размѣнялъ... вотъ.

Дрызгачевъ снова вскрылъ бумажникъ, показалъ на пачку стофранковыхъ билетовъ, засунутую въ одно изъ отдѣленій, вложилъ тысячерублевый банковый билетъ обратно, и сунулъ въ карманъ бумажникъ.

„Генералъ“ даже растерялся отъ неожиданнаго открытія.

— Значитъ *здѣсь* не одна или двѣ какихъ нибудь тысченки франковъ, а по крайней мѣрѣ семь тысячъ, даже если онъ вретъ насчетъ своихъ нѣсколькихъ другихъ билетовъ... Семь тысячъ простыми готовыми деньгами!

И такъ это открытіе взволновало Бжитковича, что онъ взялся за шапку. Онъ хотѣлъ быть одинъ, чтобы свободнѣе собраться съ думами.

— Куда же вы, генералъ? спросилъ Ардальошка.

— Хочу пройти къ пограничному домику, чтобъ узнать нѣтъ ли мнѣ чего изъ горъ, отвѣтилъ тотъ дѣловито.

— Постойте, я вамъ прежде сообщу, что я узналъ. Сейчасъ я получилъ сообщенія первостепенной важности. Вожди и, главное, Лазарь Сочица, всѣ, какъ оказывается, ждутъ не дождутся случая чтобы окончательно отвернуться отъ Черногоріи. Они ею ужасно недовольны. Просто негодуютъ. Говорятъ прямо, что намъ достаточно будетъ появиться въ горахъ, чтобы при нашихъ средствахъ сейчасъ же собрать вокругъ себя всѣ главные элементы... Это — минута! Минута психологическая! И къ тому же, какъ оказывается, никакого риска тутъ нѣтъ, рѣшительно никакого.

Бжитковичъ просто не вѣрилъ ушамъ своимъ. Послѣ одной радости, другая радость. „Счастье“ само давалось въ руки.

— Кто же вамъ сообщилъ все это? спросилъ онъ.

— Я ихъ получилъ изъ нѣсколькихъ источниковъ. Во первыхъ, одинъ чехъ, только что вернувшійся изъ отряда Лазаря Сочицы, прямо заявилъ это. Мулановичъ, котораго вы видѣли и который, какъ оказывается, знаетъ горы какъ свои пять пальцевъ, не только подтверждаетъ эти слова, но клянется, что чехъ еще мало говоритъ. Наконецъ, и это главное, капитанъ Варби утверждаетъ то же самое и даже...

— Что это за капитанъ Варби?

— Я съ нимъ только что познакомился. Это французскій капитанъ. Онъ пробылъ двѣ недѣли у Лазаря Сочицы и у Богдана Зимонича, и говоритъ, что готовъ хоть сейчасъ съ нами отправиться. За успѣхъ ручается головою.

— Вы ему значитъ про меня говорили? встревожился Бжитковичъ.

— Говорилъ, но имени вашего не сказалъ... Да вы не тревожьтесь, это человѣкъ нашего лагеря.

— Смотрите, мой другъ! Богъ знаетъ что это...

— Я вамъ говорю, свой человѣкъ. Онъ теперь отправился въ Каттаро...

— Да вѣдь вы говорите, что онъ только что пріѣхалъ?

— Не пріѣхалъ а просто съѣхалъ здѣсь на берегъ только на время остановки парохода и опять отплылъ съ пароходомъ далѣе, въ Каттаро. Знаете зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Каттаро?

— Зачѣмъ?

— Потому, что тамъ его ожидаютъ гарибальдіецъ графъ Кандоло и... и... угадайте кто?

— Ну какъ же я могу угадать кто? отозвался тревожно Бжитковичъ.

— Гальяръ!

„Генералъ“ такъ и обмеръ услышавъ это имя.

— Какой Гальяръ! спросилъ онъ не своимъ голосомъ.

— Да вашъ-же, Боже мой! Андре Гальяръ, членъ коммуны! Завтра вы его увидите, потому что Варби далъ слово прибыть непремѣнно завтра сюда на возвратномъ пароходѣ съ Гальяромъ и графомъ Кандоло.

Бжитковичъ стоялъ какъ громомъ пораженный.

Гальяръ, который первый оповѣстилъ о позорномъ поведеніи „начальника седьмаго парижскаго сектора генерала Бжитковича“, который въ „Женевской Газетѣ“ подробно разсказалъ бѣгство, трусость и воровство учиненное имъ, Бжитковичемъ, озаглавивъ статью „Une brebis voleuse“ (Овца-воровка),—этотъ самый Гальяръ здѣсь! Онъ конечно сейчасъ же разскажетъ все; назоветъ его въ глаза воромъ, мошенникомъ, трусомъ; предупредитъ Дрызгачева... И все пропало! И опять еще болѣе ужасное, безвыходное положеніе!

Бжитковичъ дѣлалъ надъ собою страшныя усилія, чтобы хоть немного овладѣть охватившею его растерянностью. Онъ чувствовалъ, что ему необходимо отозваться, но мысли путались и слова замирали въ гортани. Каждая лишняя секунда молчанія усиливала затруднительность его положенія.

Однако онъ нашелся очень ловко.

— Что вы сдѣлали?! воскликнулъ онъ всплеснувъ руками.

— А что-же? Намъ-же лучше когда насъ будетъ больше. Такія пять именъ какъ наши, это вѣдь цѣлая политическая программа!

— Въ томъ-то именно и бѣда! Вы забыли, мой дорогой другъ, что я здѣсь не генералъ Бжитковичъ, а

просто Душановичъ, и что безумно мнѣ было бы явиться здѣсь дѣятелемъ коммуны, ненавистной всѣмъ правительствамъ. Вы забыли, что вы — русскій, а я — полякъ, мать котораго сербка. Слѣдовательно, мы оба имѣемъ логически здѣсь свое raison d'être. Но что же скажутъ и славяне и всѣ правительства, узнавъ, что дѣломъ герцеговинскаго возстанія орудуютъ чистокровный французъ коммунаръ и итальянскій гарибальдіецъ, которыхъ тоже очень недолюбливаютъ? Славяне отвернутся, а правительства нахмурятся и тогда что?.. Вы сами такъ резонно и дальновидно разсуждали, мой другъ, насчетъ того, что тотчасъ же завяжете прямыя сношенія съ кабинетами. А при этихъ условіяхъ, подумайте сами, какія-же могутъ быть сношенія? Прямо отвѣтятъ: намъ лучше Турцію чѣмъ васъ. А то, можетъ быть, и гадости еще съ нами сдѣлаютъ!... Словомъ, пріобщая къ намъ этихъ людей, мы прямо погубимъ наше дѣло, всю нашу работу, всѣ наши надежды...

Ардальошка слушалъ задумчиво, насупившись. Доводы Бжитковича, дѣйствительно резонные, поразили его. Онъ видѣлъ, что опростоволосился изъ суетнаго желанія имѣть политическими товарищами такихъ людей какъ Гальяръ и графъ Кандоло.

— Наконецъ, я вѣдь довольно, кажется, хорошо знаю Гальяра. Онъ захочетъ главенствовать, будетъ стараться затирать другихъ, чтобы самому выставиться.

Этотъ доводъ произвелъ наибольшее дѣйствіе на Дрызгачева.

— Я смотрѣлъ на дѣло шире, выше... Но съ болѣе узкой точки зрѣнія вы правы, произнесъ онъ съ достоинствомъ.

— Да кто-же лучше меня можетъ васъ понять, мой дорогой другъ! воскликнулъ ужасно обрадованный Бжитковичъ, крѣпко и съ чувствомъ сжимая руку Ардальошки. — Но что же дѣлать, когда поневолѣ, во имя самаго успѣха дѣла, приходится дѣйствовать иначе.

— Вначалѣ, замѣтилъ строго Дрызгачевъ.

— Конечно вначалѣ только! воскликнулъ экспансивно „генералъ“, и помолчавъ немного спросилъ: — Ну такъ какъ же вы думаете теперь сдѣлать?

— То есть что?

— А относительно ихъ?

— Гальяра, Кандоло и Варби?

Бжитковичъ только утвердительно кивнулъ головою.

— Да просто подъ какимъ нибудь предлогомъ уклонимся, отдѣлаемся; но посовѣтоваться и переговорить съ ними все таки не мѣшаетъ.

„Ну, братъ, нѣтъ, ты съ ними не переговоришь!“ сказалъ себѣ съ рѣшимостью Бжитковичъ и, объявивъ, что отправляется узнать нѣтъ-ли чего новаго „изъ горъ“, вышелъ.

VIII.

Сказать-то сказалъ себѣ это Бжитковичъ очень рѣшительно, но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ себя совершенно растеряннымъ.

„Что дѣлать? Надо рѣшиться на что нибудь не теряя ни минуты, потому что завтра Гальяръ будетъ тутъ... Надо найти исходъ... Надо всѣмъ рискнуть, потому что такой случай единственный... Тутъ вѣдь не гроши, а нѣсколько тысячъ франковъ. Съ этимъ можно устроиться, смѣло смотрѣть впередъ... И вдругъ лишиться всего этого?—Нѣтъ! никогда!.. Но что-же, что-же устроить?“

И вотъ въ этой головѣ созрѣваетъ планъ, сперва смутно, затѣмъ опредѣленнѣе, опредѣленнѣе и детальнѣе.

„*Его* надо удалить отсюда... удалить сегодня-же... такъ чтобы онъ не могъ встрѣтиться съ Гальяромъ... Куда удалить? Конечно въ горы — единственный путь... Ну а тамъ?... Тамъ обобрать его... Это легко. Онъ тщедушный, справиться съ нимъ будетъ не трудно... Но какъ-же сдѣлать съ проводниками? безъ проводниковъ нельзя... А Мулановичъ!.. Онъ въ горахъ какъ дома, всѣ пути знаетъ, и мыкаетъ горе... Онъ на все готовъ, онъ это даже намекнулъ, чуть не прямо высказалъ... уговориться съ нимъ будетъ легко... Ну хорошо, пусть такъ, пусть Мулановичъ, но вѣдь *этотъ* вернется, онъ знаетъ кто я, скажетъ, объявитъ... Гдѣ тутъ укроешься?.. На пароходѣ могутъ схватить... Ну а если... если *онъ* не вернется? Почему-же нельзя сдѣлать такъ, чтобы онъ никогда не сказалъ, никому не сказалъ?.. Здѣсь дѣло идетъ о двухъ жизняхъ: о его жизни, или о моей... Одною надо пожертвовать... непремѣнно вѣдь надо пожертвовать! И я еще буду раздумывать, которою изъ двухъ должно мнѣ пожертвовать?!“

Пульсъ бился все сильнѣе и сильнѣе, голова горѣла, руки судорожно подергивались, ноги дрожали, но мысль словно успокоивалась, остановившись, утвердившись на одной точкѣ.

Бжитковичъ почти бѣгомъ отправился розыскивать Мулановича.

„Генералъ“ не ошибся въ своей оцѣнкѣ. Этотъ Мулановичъ былъ, какъ говорится, послѣднее дѣло человѣкъ.

Откуда онъ именно, изъ какого города или села — не знали. Знали только, что онъ далматинецъ. Мотался онъ въ этихъ мѣстностяхъ задолго еще до возстанія. Нѣкоторыя фазы его предшествовавшей жизненной карьеры были почему то здѣсь извѣстны. Знали, что онъ служилъ лакеемъ у какого то консула: затѣмъ какъ-то попалъ въ алжирскій иностранный легіонъ, гдѣ прослужилъ года два-три; затѣмъ очутился „секретаремъ“ фокусника, и разъѣзжалъ съ послѣднимъ, потомъ его видѣли послѣдовательно секретаремъ у трехъ другихъ фокусниковъ или медіумовъ, послѣ чего, года два-три неизвѣстно что съ нимъ было и гдѣ онъ пребывалъ. Догадывались, что онъ *высидѣлъ* гдѣ нибудь это время въ тѣни за рѣшоткой. Молва о немъ шла очень скверная. Его считали способнымъ рѣшительно на все. Послѣднее время онъ разыгрывалъ добровольца, шляясь по прибрежнымъ городкамъ по сосѣдству Герцеговины.

На видъ это былъ человѣкъ небольшаго роста, брюнетъ, съ рѣзкими чертами лица и впалыми, слегка заплывшими, словно прищуренными глазами — ужасно юркими. При этомъ удивительно верткій и разгонистый въ движеніяхъ, будто весь онъ былъ на винтахъ и винты эти поослабли: руки, ноги, голова, станъ, безпрестанно выдѣлывали самыя размашистыя эволюціи. Онъ вѣроятно считалъ это верхомъ изящной развязности и цивилизованнаго шика.

Бжитковичъ засталъ Мулановича у *кафаны* на набережной. Далматинецъ игралъ въ *бириби* съ двумя какими то субъектами.

Для этой игры нужны только три карты. „Банкометъ“ беретъ ихъ въ правую руку, придерживая лишь среднимъ и большимъ пальцемъ, и затѣмъ разбрасываетъ. Понтирующіе должны услѣдить за намѣченной ими картой и указать ее между тремя разбросанными картами.

Мулановичъ бросилъ игру, забралъ нѣсколько выигранныхъ имъ крейцеровъ, и послѣдовалъ за Бжитковичемъ.

Много времени не потребовалось на объясненіе. Мыслей не нужно было развивать — онѣ схватывались на лету и дополнялись жестами и выразительными взглядами.

— Настоящаго имени никто здѣсь не знаетъ?

— Нѣтъ, я одинъ.

— Въ русскомъ консульствѣ въ Рагузѣ былъ?

— Нѣтъ.

— Родные?

— Никого.

— Ну такъ чтожъ и говорить!

— Сколько? поставилъ лаконическій вопросъ Мулановичъ.

— Пятьсотъ.

— Цесарскихъ (т. е. гульденовъ австрійскихъ)?

— Лиръ (т. е. франковъ).

— Конь дороже стоитъ.

— То конь!

— А то *мазга* (мулъ)?

— Ну семьсотъ.

— Не ну семьсотъ, а всю *гиляду* (тысячу).

На этомъ было покончено, и рѣшено, что Мулановичъ явится съ вѣстями необычайной важности все въ томъ же порядкѣ мыслей, т. е., что въ горахъ ждутъ не дождутся ихъ, что все готово, и что минута настала, потому что Лазарь Сочица съ отрядомъ уже вышелъ на встрѣчу и находится близъ границы, но можетъ дожидаться тамъ не болѣе пяти-шести сутокъ по недостатку продовольствія. Слѣдовательно, необходимо ни минуты не терять и выступить изъ Ризано сегодня-же ночью, подъ самую подъ зорьку, какъ можно ранѣе.

Придумалъ этотъ мотивъ для немедленнаго отправленія Мулановичъ, оказавшійся вообще сразу несравненно изобрѣтательнѣе, практичнѣе и хладнокровнѣе Бжитковича.

Четверть часа послѣ этого разбойническаго заговора, далматинецъ влетѣлъ какъ бомба къ Ардальошкѣ съ настойчивою просьбою сказать ему гдѣ можно найти сейчасъ-же генерала Душановича.

На вопросъ зачѣмъ такая поспѣшность, и что значитъ возбужденный и взволнованный видъ явившагося, Мулановичъ объяснилъ, что сейчасъ прибылъ „одинъ горскій человѣкъ" съ важнѣйшимъ, капитальнѣйшимъ извѣстіемъ, и затѣмъ, заставивъ Дрызгачева нѣсколько себя просить, сообщилъ условленную выдумку на счетъ Лазаря Сочицы.

Мулановичъ при этомъ прибавилъ, что сразу бы сказалъ все такому лицу какъ синьоръ Алеко, еслибы ему не было наказано сообщить это одному только генералу Душановичу.

— Да вѣдь мы же съ нимъ вмѣстѣ ѣдемъ! Онъ при мнѣ будетъ состоять, воскликнулъ и пояснилъ Дрызгачевъ, желая „поставить вещи на подобающее мѣсто".

Мулановичъ замѣчательно искусно изумился, порадовался такому сообщенію и столь же искусно изобразилъ глубокое благоговѣніе предъ фигурою Ардальошки.

Вскорѣ явился и самъ „генералъ", также сильно взволнованный и радостно возбужденный.

Онъ не напрасно порывался идти за извѣстіями. У него было словно предчувствіе чего то такого. Туда уже идя онъ чувствовалъ будто его толкала и торопила какая-то сила. Предчувствія оправдались. Тамъ его ожидало извѣстіе чрезвычайное, и т. д. Словомъ, та же басня на счетъ Лазаря Сочицы.

Штука удалась какъ нельзя лучше, тѣмъ болѣе, что являлось все это только подтвержденіемъ того, что самъ Дрызгачевъ слышалъ утромъ.

Ничего не подозрѣвая, несчастный Ардальошка всѣхъ усерднѣе принялся за сборы. Часа черезъ два, были куплены пара довольно порядочныхъ лошаденокъ для „дѣятелей" и очень плохая кляча для „далматинца". Обошлись эти покупки Дрызгачеву въ четыреста пятьдесятъ франковъ.

Ночью, немного предъ разсвѣтомъ, всѣ трое выступили въ путь.

IX.

Тагульскій, верхомъ на маленькой горской лошади, сопровождаемый двумя пѣшими черногорцами-проводниками, взбирался по чрезвычайно извилистому подъему, среди скопленій и грудъ камня, твердаго и отшлифованнаго временемъ какъ полированный мраморъ.

Тропинка — если только этотъ „*слѣдъ*" можно было назвать тропинкой — состояла изъ скользкихъ конусообразныхъ камней, по верхамъ которыхъ приходилось ставить ноги. Лошадь и люди поминутно спотыкались и застрѣвали въ этихъ волчьихъ ямахъ. Справа и слѣва обрывы, глыбы— непроходимая каменная дебрь.

Мѣстами приходилось карабкаться и перелѣзать черезъ выползающія скользскія плѣши большихъ каменныхъ глыбъ, глубоко сидящихъ и заграждающихъ путь.

— Дай волю коню, господине! кричали въ такихъ случаяхъ проводники.

Всадникъ бросалъ поводья, предоставляя самой лошади преодолѣть или миновать препятствіе. И нельзя было не дивиться изумительной сноровкѣ и ловкости животнаго, которое цѣплялось и карабкалось какъ коза, отыскивая обходы и огибая препятствія.

Подъемъ становился все круче, путь все ужаснѣе. Большіе камни, заграждающіе дорогу, появлялись чаще и чаще и образовали наконецъ сплошную цѣпь препятствій. Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ становилось холоднѣе. Появился снѣгъ, рыхлый, пушистый, едва прикрывающій камни.

Двигаться еще труднѣе. Здѣсь уже и горская лошадь не можетъ вывезти. На каждомъ шагу приходится ощупывать мѣсто куда ставить ногу, чтобы не попасть въ яму, или—что серьезнѣе—не оборваться съ крутизны, подступающей то справа, то слѣва, вплоть къ тропинкѣ занесенной снѣгомъ.

То былъ подъемъ на гору Утецъ по пути изъ Дубочки въ Смречно, гдѣ стоялъ нѣсколько дней уже отрядъ Лазаря Сочицы.

Тагульскій, за двухнедѣльное свое пребываніе въ горахъ, успѣлъ побывать уже въ двухъ отрядахъ *усташей*: у попа Богдана Зимонича и у Максима Бачевича.

Ни въ томъ, ни въ другомъ отрядѣ, къ большой его досадѣ, не предвидѣлось вскорѣ „дѣла". И вотъ, узнавъ, что впереди всѣхъ, всего ближе къ туркамъ, стоитъ Лазарь Сочица, и что у него теперь наиболѣе шансовъ столкнуться съ врагомъ, Тагульскій отправился къ Сочицѣ. По дорогѣ онъ узналъ отъ *войника*, посланнаго съ письмомъ къ воеводѣ Петру Вукотичу, что Лазарь готовится къ *биткѣ* (битвѣ), и потому очень спѣшилъ.

Было около трехъ часовъ дня, когда подъемъ вдругъ пересталъ и впереди показалась убогая лачужка, чернѣвшаяся среди снѣжной кочковатой плоскости.

Изъ входа, изъ-подъ крыши и сквозь солому крыши, словомъ изъ всѣхъ скважинъ и отверстій—только не изъ оконъ и не изъ трубъ, потому что ни того, ни другаго лачужка не имѣла,—пробивался дымъ.

Въ сравненіи съ этою коптилкою, наша курная изба показалась бы городскимъ домомъ.

Тагульскій очень обрадовался убогому пристанищу. Онъ продрогъ насквозь, окоченѣлъ, изнемогалъ отъ усталости.

Дверь, или скорѣе входное отверстіе, имѣла едва аршина два вышины, такъ что нужно было сильно наклониться, чтобы пролѣзть во внутрь.

Тагульскій, предшествуемый однимъ изъ проводниковъ, Іовицей, поспѣшилъ войти.

Первую минуту, благодаря дыму и темнотѣ, онъ ничего не могъ различить, кромѣ огонька, уныло мерцавшаго среди хаты; но это было для него главное. Тагульскій такъ и бросился къ огню.

— Вотъ сюда, господине, сюда, звалъ его Іовица, сгребая нѣсколько соломы у костра.

Тагульскій бросился на импровизированное сидѣнье, выставилъ ноги къ огню, сталъ осматриваться, и тутъ только замѣтилъ, что у костра лежало нѣсколько фигуръ.

— *Отма* (сейчасъ) добрый *ватръ* (огонь) сдѣлаемъ, господинъ *русъ*, сказалъ Іовица.

Ласточки. Съ карт. Рейшана, грав. Тиріа.

При словѣ *русъ*, одна изъ лежавшихъ личностей подняла голову и затѣмъ, издавъ какой то неопредѣленный возгласъ, медленно и съ трудомъ встала и пошатываясь подошла къ Тагульскому.

— Здравствуйте-съ, произнесла по русски хриплымъ голосомъ фигура, протягивая дрожащую руку.

Тагульскій недоумѣваючи взглянулъ на подошедшаго человѣка.

— Не узнаете-съ? продолжала покачиваясь фигура,— Арзамасцевъ.

Тутъ только Тагульскій узналъ казанскаго помѣщика.

„Пьянъ!“ подумалъ онъ съ удивленіемъ и отвращеніемъ.

Видъ Арзамасцева былъ плачевенъ до крайности. Онъ былъ въ томъ же смѣшанномъ костюмѣ, что и въ Ризано, только все это ободралось, обтрепалось и ужасно засалилось. Лицо ещё болѣе похудѣло и осунулось. Глаза впали.

— Какимъ это образомъ вы тутъ? спросилъ Тагульскій очень сухо.

— Изъ Смречно-съ, отъ воеводы Лазаря Сочицы-съ, прошамкалъ Арзамасцевъ, опускаясь на землю возлѣ Тагульскаго, причемъ чуть не свалился.

— Да какъ же вы въ такомъ видѣ рѣшаетесь здѣсь странствовать? воскликнулъ Тагульскій, вспоминая только что пройденный имъ ужасный путь.

— Что-жъ дѣлать-съ! взялся такъ надо. Обязанность.

— Какая обязанность?

Бесѣда была неожиданно прервана какимъ то нечеловѣческимъ возгласомъ, дикимъ, гробовымъ, какъ изъ бочки, чѣмъ то въ родѣ: *Гой...ой!* раздавшимся со стороны лежавшей фигуры, закутанной во что то синее.

Тагульскій вздрогнулъ.

— Не безпокойтесь, поспѣшно обратился къ нему Арзамасцевъ съ добродушною, нѣсколько принужденною улыбкою. Это ничего-съ; это мой спутникъ блажитъ. Бѣда мнѣ съ нимъ.

— Кто это такой?

— А Богъ его знаетъ... На дорогѣ попался. Сидитъ, вижу, на камушкѣ пьяный-распьяный.

„Не тебѣ бы объ этомъ говорить“, подумалъ Тагульскій.

— Мрачный такой сидитъ... Думаю: если онъ такъ пойдетъ дальше, никогда ему не дойти... Пропадетъ... И уговорилъ его идти вмѣстѣ.

— Да онъ что же, по русски говоритъ?

— Ой нѣтъ-съ! Ни на какомъ нарѣчіи съ нимъ не сговоришься. Бормочетъ что то по своему, а что—не знаю-съ... Долго уговаривалъ; бился съ нимъ, бился... ничего не слушаетъ... Только я смотрю: весь дрожитъ отъ холода и горло совсѣмъ голое... Жалко мнѣ его стало... Обмоталъ его шею шарфомъ и далъ глотнуть *ракіи* (водки)... Сосалъ, сосалъ, половину, пожалуй, высосалъ, утерся и пошелъ со мной, самъ по себѣ, вдругъ-съ, ни слова не говоря.

— И такъ вы съ нимъ и не говорите?

— Такъ и не говоримъ-съ между собою... Только *ракія* эта его ко мнѣ и привязываетъ... Я думалъ было не давать ему, такъ, знаете-съ, стонетъ, и ничкомъ въ землю... Лежитъ себѣ и стонетъ... Такъ это жалобно-съ, что я такъ и не могъ выдержать, и вотъ второй день его пою... Покупаю, гдѣ можно, ему этой поганой ракіи, потому самъ не потребляю этого-съ.

— Какъ не потребляете... а какъ же?..

Тагульскій хотѣлъ было сказать: „а какъ же вы теперь пьяны?“—но удержался и только замѣтилъ:

— Вы сами же сказали, что у васъ была съ собой водка!

— Это у меня для раненаго была, а не для себя-съ... Да, вы это напрасно изволите думать... Я вѣдь догадался... Чтобъ я это дѣлалъ здѣсь! Да я сроду не пью-съ... Никогда не пью-съ... Можете сами убѣдиться...

Глубокое огорченіе чувствовалось въ голосѣ Арзамасцева. Онъ наклонился къ Тагульскому и дохнулъ на него для вящаго убѣжденія.

— Да почему же тогда вы шатаетесь? воскликнулъ Тагульскій, пораженный и тономъ, которымъ были сказаны послѣднія слова, и тѣмъ, что, дѣйствительно, водкой не разило отъ Арзамасцева.

— Измучился-съ, знаете, очень со своимъ раненымъ, да и съ этимъ-съ... совсѣмъ измучился... И притомъ погода и путь-съ жестокій... Не тѣ года-съ... Просто уходился, а чтобъ на счетъ этого...

— Какой же это еще раненый?

— А вотъ-съ тутъ лежитъ... Черногорецъ раненый... Я послушался вашего совѣта... Я у нихъ теперь по этой части...

Арзамасцевъ указалъ на другую, неподвижно лежавшую, накрытую *струкою* фигуру, которую до того и не замѣчалъ Тагульскій.

— Два дня ужъ раненъ, и вотъ-съ я отвожу-съ его въ гошпиталь, въ Черногорію-съ... Въ плечо раненъ... И, представьте, самъ идетъ-съ. Второй день идетъ-съ. Удивительно совсѣмъ... Только вотъ отъ погоды сильно зябило его, такъ знобило, а какъ надѣлъ мое пальто, перестало знобить-съ.

— А вы то какъ же? Неужели такъ какъ есть и идете?

— Что же дѣлать-съ! Я вѣдь, слава Богу, здоровъ, а они страдальцы... Пальто ему спасенье, какъ и вотъ тому шарфъ-съ.

— А тому вы шарфъ свой отдали?

— Точно такъ-съ... Надо же!.. А только вы пожалуйста не думайте насчетъ того-съ. Я вѣдь совсѣмъ не пью, совсѣмъ нѣтъ, а что ноги у меня невѣрны, такъ это-съ отъ усталости, и потому ознобился.

На этотъ разъ увѣренія были излишни. Тагульскій наконецъ былъ убѣжденъ, что этотъ человѣкъ говорилъ правду.

(До слѣд. №).

Ядесъ*).

Восточный разсказъ **К. Н. Леонтьева.**

Подъ однимъ большимъ и торговымъ городомъ, въ своемъ собственномъ домѣ, жилъ богатый купецъ съ молодой, красивой и очень умной женою.

Они имѣли уже двухъ маленькихъ дѣтей, ни въ чемъ не нуждались и между собою жили очень согласно, такъ что и другимъ служили примѣромъ хорошей, пріятной и христіанской жизни. Но жена при красотѣ своей была еще и веселаго нрава и очень любила наряды, а мужъ былъ немного ревнивъ и очень разсчетливъ.

Когда жена покупала себѣ новое платье, или уборъ мужъ любовался на нее тайно, но ей всегда почти говорилъ, насупивши грозно брови:

— Конечно, это очень красиво и къ тебѣ пристало. Только на что это замужней женщинѣ такъ часто украшать себя? Постороннихъ мужчинъ искушать красотой своей тебѣ грѣхъ... Ты вѣдь добродѣтельна и вѣрна, на что же безпокоить ихъ напрасно; а мнѣ, мужу, ты и попросту хороша...

— Прости ужъ мнѣ, несчастной такой и глупой женщинѣ, отвѣчала ему красавица съ лукавой кротостью. Такая я дура. Для самой себя люблю наряжаться...

Мужъ вздыхалъ, глядѣлъ угрюмо; а наряды и самъ покупалъ, и деньги давалъ ей; хоть и неохотно и гнѣваясь, а все-таки давалъ, потому что, въ случаѣ отказа, она умѣла такое печальное и кроткое лицо сдѣлать, и глаза у нея были такіе прекрасные и сладкіе, что онъ покачаетъ головой, ногой даже топнетъ иногда, а деньги, хоть и не просто дастъ, а все-таки кинетъ передъ ней со звономъ отъ досады на столъ и скажетъ, махнувъ рукой:

Сказано—женщина! Одно слово, понимаешь ли ты,—*женщина!*

*) Такъ называется особаго рода игра, или пари. Берутъ косточку изъ груди курицы и двое играющихъ, или бьющихся объ закладъ, переламываютъ ее вмѣстѣ, для обозначенія начала игры, достаточно извѣстной и у насъ.

— Понимаю, очень даже понимаю, отвѣтитъ жена, и возьметъ и поцѣлуетъ.

А онъ ей:

— Ну, вотъ видишь, видишь, не правду ли я говорю сказано: женщина! И что это за волшебство такое?!. Отъ Бога это намъ утѣшеніе, или отъ сатаны погибель?—не знаю, и не постигнетъ никогда этого мой умъ!..

— Отъ Бога!.. отъ Бога!.. увѣряла жена, лаская его. Я знаю, что *я* отъ Бога; а если тебѣ другая понравится, и ты ей не только подарки сдѣлаешь, но только полюбуешься на нее—такъ это будетъ отъ дьявола... Право, ты мнѣ вѣрь, радость моя,—это такъ...

— Ну, а ты, когда ты взглянешь на молодца—это ничего?..

— Я гляжу только, у меня глаза есть—что-жъ дѣлать!.. Конечно—это ничего...

— Ну, а *они то* на тебя смотрятъ? Какъ ты скажешь...

— Пусть смотрятъ и тебѣ завидуютъ—вотъ и все... Я очень рада...

— Знаю, знаю что рада! Вы всѣ этому рады! укорялъ мужъ, и глаза его хотя и сверкали притворной на нее злобой, но она знала, что это все притворно, и что онъ не только самъ ее любитъ, но и вѣритъ ея къ себѣ любви.

Спорили они между собою иногда и о другомъ. Мужъ говорилъ, что у него „глаза такіе открытые“, что ни одна женщина его обмануть не можетъ; а жена говорила, что нѣтъ такого мужчины, котораго бы женщина умная не могла бы обмануть...

— Если жена у тебя хорошая и честная, и тебя любитъ, то надо ей вѣрить; а обмануть и тебя можно, хотя ты и очень умный...

Разъ такъ то они разсуждали и дружески спорили при постороннихъ людяхъ, которые пришли къ нимъ въ гости, и мужъ воскликнулъ:

— Не обманетъ меня женщина... Никогда!.. Даже ядесъ я всегда выиграю у нея, потому что я очень хитеръ и внимателенъ...

— Такъ давай сдѣлаемъ ядесъ! сказала жена.

— Давай!.. Принеси косточку.

Жена сходила въ кухню, принесла куриную косточку, и сказала:

— Вотъ теперь у насъ и свидѣтели есть... Если я выиграю ядесъ, чтобы мужъ мнѣ купилъ полосатой *хатымы* на одно платье, и голубаго атласа тоже на одно платье, и пару серегъ брилліантовыхъ, и далъ бы еще слово, что больше своимъ умомъ и хитростью противу женщинъ хвалиться впредь не будетъ... И еще...

— Довольно! Довольно! воскликнули гости.

— Пусть назначаетъ больше! сказалъ мужъ насмѣшливо. Я на все согласенъ. Даю слово, потому что проиграть не боюсь. Она проиграетъ...

Жена улыбнулась и не сказала ни слова. Одинъ изъ гостей тогда спросилъ:

— А что же вы, госпожа моя, обязываетесь сдѣлать, если вы проиграете. Мы свидѣтели, мы же и судьи между вами будемъ.

— Что прикажетъ тогда мой мужъ, то и сдѣлаю безпрекословно, и съ радостью... Пусть его на то воля будетъ... Назначать ему мнѣ, что бы то ни было едва-ли придется, потому что вѣдь я не боюсь проиграть. Только прошу, чтобы игра продолжалась до трехъ разъ, а не кончалась бы съ одного раза.

Всѣ, и мужъ, и свидѣтели изъявили на это согласіе. Тогда они переломили косточку и съ этой минуты игра началась.

Длилась она болѣе трехъ мѣсяцевъ, и все не кончалась.

Обоимъ было трудно. Необходимо было большое вниманіе. У мужа умъ былъ занятъ торговыми оборотами; у жены хозяйствомъ и дѣтьми. У каждаго были свои затрудненія и горести; мужъ безпокоился о двухъ корабляхъ съ пшеницей, которые были отправлены имъ далеко, и никакихъ извѣстій объ нихъ долго не было. У жены было отягощеніе по дому, потому что старая, вѣрная служанка, во многомъ ее замѣнявшая, въ это время заболѣла, и ей, съ новой и неопытной наемницей, было иногда очень трудно. Было и общее имъ обоимъ страданіе, когда заболѣлъ младшій ихъ мальчикъ, котораго они оба очень любили.

Но, не смотря на все это, они оба объ игрѣ своей не забывали, и между ними продолжалась упорная и безмолвная борьба. Приходилось цѣлый вечеръ, послѣ возвращенія мужа къ обѣду домой изъ города, гдѣ онъ торговалъ, обоимъ остерегаться ежеминутно. Жена привычна была, конечно, мужу служить; а мужъ привыкъ приказывать ей:

— Маріо! Подай мнѣ чубукъ!

Или:

— Кузумъ-Мариго, принеси мнѣ, жизнь ты моя, немножко винца хорошаго... Утомился я что то.

Черезъ это ему было труднѣе чѣмъ ей; она *подавала* ему въ руки, или молча, или нарочно отвлекая его разными разговорами... Ему приходилось безпрестанно *брать* у нея изъ рукъ и каждый разъ нужно было вспомнить и сказать: *ядесъ*...

Первые дни онъ былъ очень остороженъ; потомъ дѣловыя заботы взяли перевѣсъ надъ игрой, и онъ подъ рядъ проигралъ два раза; но послѣ этого снова такъ утвердился, что уже до третьяго и послѣдняго проигрыша жена никакими силами не могла его довести. Кстати же, онъ къ тому времени получилъ благопріятныя извѣстія о своихъ корабляхъ и очень много денегъ; сталъ веселѣе и покойнѣе, и ни на минуту объ *ядесъ* не забывалъ.

Однажды въ ясный лѣтній день, мужъ уѣхалъ съ утра въ городъ, а Мариго осталась дома и сидя у окна вышивала золотомъ по голубому шолку, какъ вдругъ какой-то путникъ на большомъ и хорошемъ мулѣ остановился у воротъ ихъ дома. Онъ подозвалъ служанку и умолялъ дать ему утолить жажду, которой онъ мучился, долго не встрѣчая на пути хорошаго ключа или фонтана.

Мариго слышала какъ онъ говорилъ служанкѣ: „Ахъ, я очень утомленъ и нездоровъ и не знаю какъ я доѣду до города и гдѣ я найду въ немъ покой себѣ и пристанище...“

Служанка спросила у путника:

— Развѣ у васъ нѣтъ въ нашемъ городѣ родныхъ и друзей.

— Нѣтъ у меня никого близкаго въ этомъ городѣ, отвѣчалъ онъ.

— Къ кому-же вы ѣдете? спросила служанка.

— Я ни къ кому въ гости не ѣду; я путешествую по различнымъ мѣстамъ и поучаюсь житейской мудрости. Ибо съ мудростью книжной я знакомъ вполнѣ, и хочу стать мудрецомъ совершеннымъ...

Мариго была очень гостепріимна и знала что и мужъ одобряетъ эту ея добродѣтель. Она вышла на порогъ дома и сама сказала молодому путнику такъ:

— Если вы, господинъ мой, устали и не совсѣмъ здоровы, то вмѣсто того, чтобы ѣхать въ жаркое время дня въ незнакомый вамъ городъ, милости просимъ отдохнуть у насъ въ домѣ. Мы сочтемъ это за честь и удовольствіе!..

Путешественникъ былъ доволенъ этимъ предложеніемъ и отвѣчалъ ей очень важно:

— Не нахожу, госпожа моя, выраженій, соотвѣтственныхъ той глубинѣ признательности, которую ощущаетъ сердце мое! Я непремѣнно и безотлагательно впишу въ книгу моихъ наблюденій замѣтку о необыкновенной добротѣ и гостепріимствѣ домохозяекъ въ этой благословенной Богомъ странѣ!.. Это будетъ для меня весьма утѣшительно, такъ какъ житейская мудрость, которую я, изучивши книжную мудрость до корня, теперь стараюсь постичь, научаетъ видѣть въ людяхъ, и особенно въ женщинахъ, больше пороковъ, чѣмъ добродѣтелей.

Послѣ этихъ словъ, путешественникъ сошелъ съ мула и вошелъ вслѣдъ за хозяйкой въ домъ.

Мариго отвела его въ большую и прохладную пріемную съ широкой софою вокругъ стѣнъ, съ высокими окнами, на которыхъ стекла были разноцвѣтныя, и подъ окномъ, вблизи немолчно стремился по камнямъ, сбѣгая съ высоты, прекрасный ручей, такъ что въ комнатѣ этой постоянно было слышно пріятное и веселое журчаніе.

Въ одно мгновеніе ока, служанка сняла съ путника пыльную обувь его, постелила ему на софѣ мягкій шелковый тюфякъ, положила подушки и покрыла все голубымъ шелковымъ одѣяломъ съ золотыми цвѣтами.

Сама хозяйка подала ему немедленно на серебряномъ подносѣ прекрасной ключевой воды и двухъ сортовъ варенья; а за нею молодой служитель арабъ поднесъ ему кофе на золоченыхъ *зарфикахъ*.

Путешественникъ принималъ все съ достоинствомъ высшаго сана и хозяйкѣ его надменное обращеніе казалось удивительнымъ и забавнымъ.

Потомъ она спросила его, что предпочитаетъ онъ: принять какую нибудь пищу или уснуть? И путникъ отвѣчалъ откровенно, что усталость и сонъ преодолѣваютъ въ немъ голодъ.

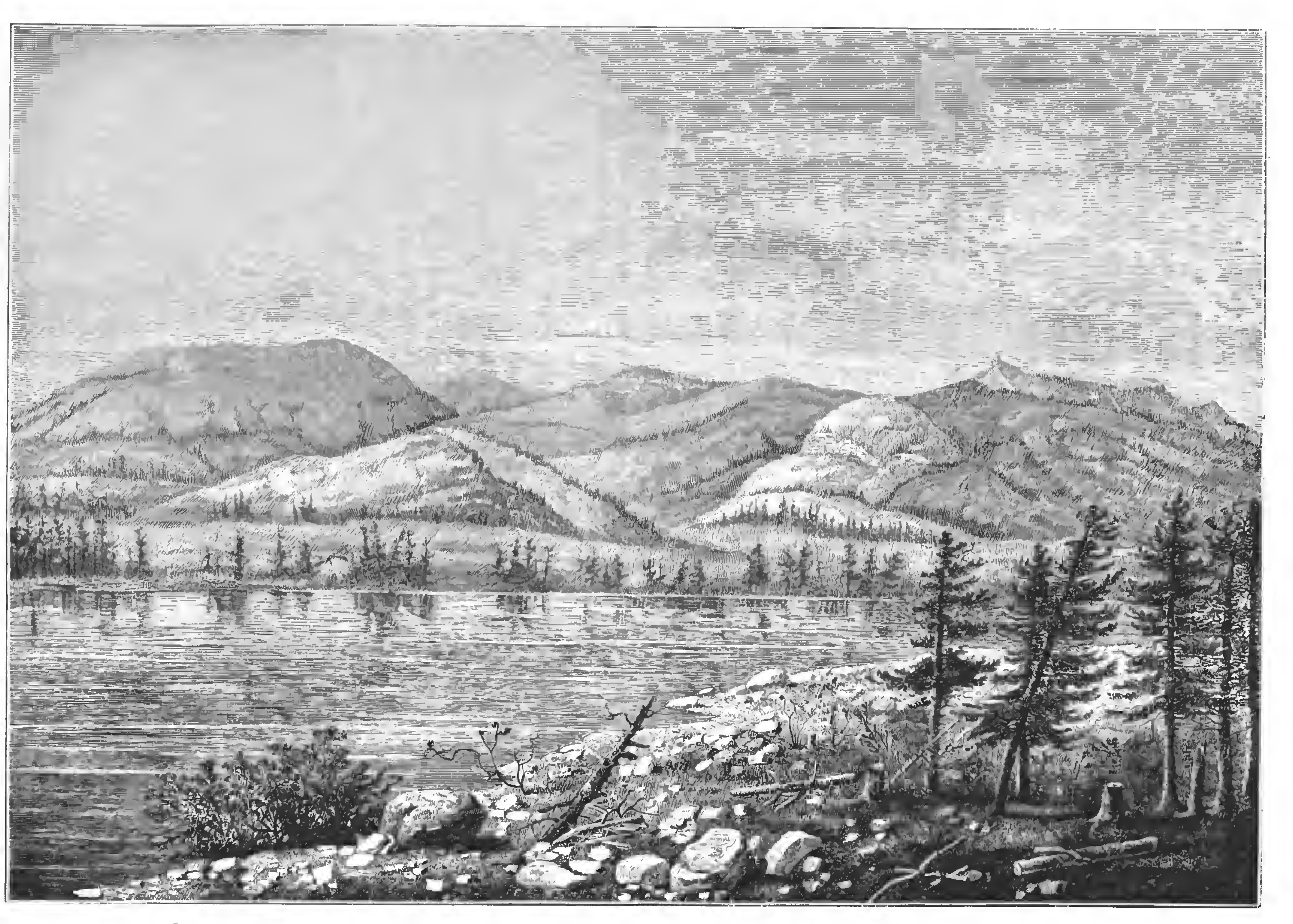
Тогда Мариго и слуга ея удалились, притворивъ за собою двери; а молодой путешественникъ раздѣлся и съ радостью опустившись на богатое и чистое ложе, уснулъ немедленно и глубоко.

Мариго между тѣмъ строго запретила людямъ шумѣть; сама сходила на конюшню и велѣла накормить мула ячменемъ, а потомъ занялась на кухнѣ приготовленіемъ самаго вкуснаго завтрака.

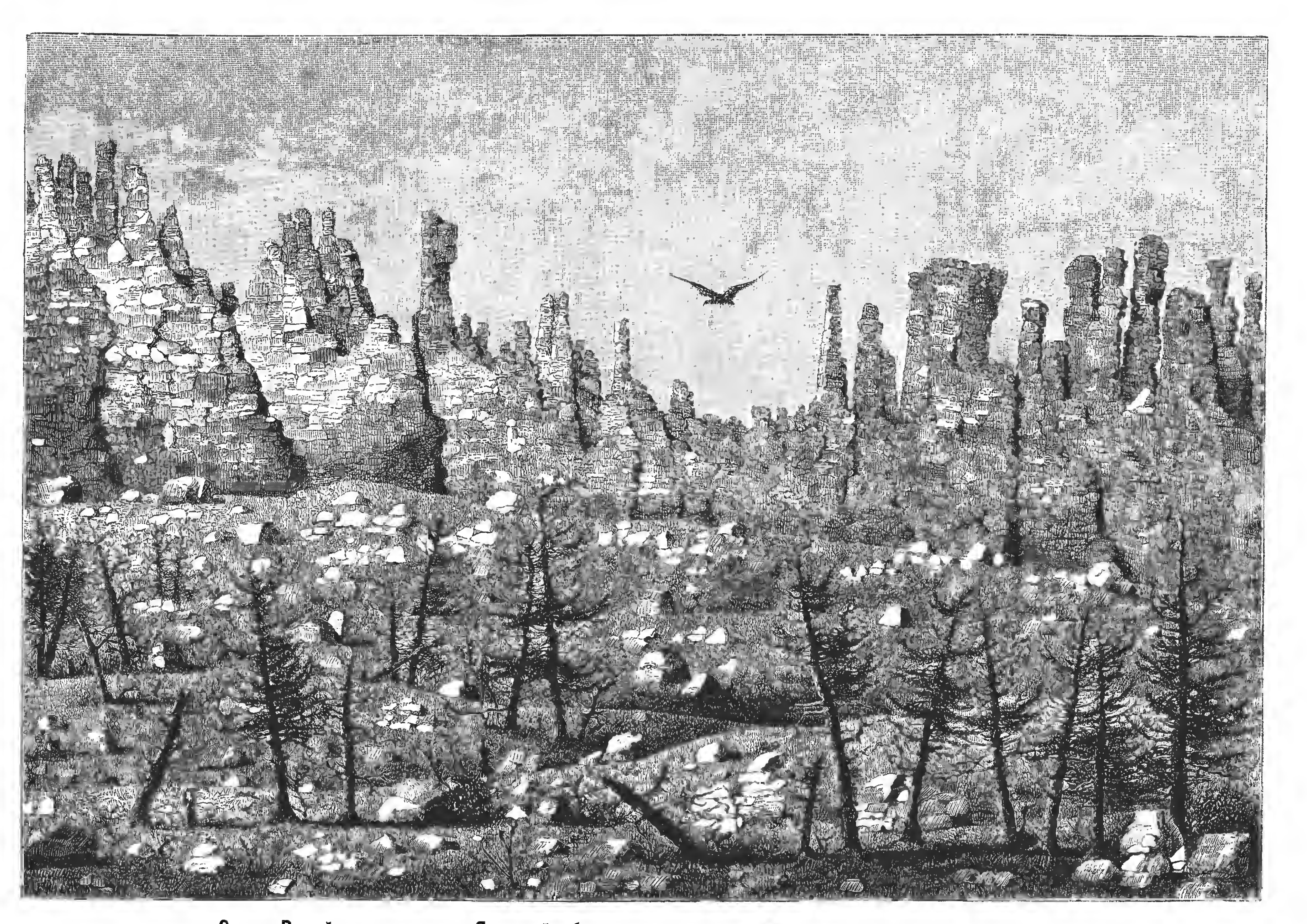
Ужъ солнце зашло далеко за полдень, когда сладко уснувшій путешественникъ проснулся. Онъ вышелъ изъ комнаты, умылся у фонтана, надѣлъ чистую одежду, досталъ изъ своей дорожной сумки книгу и сѣвши покойно на софѣ у окна, открытаго на немолчный ручей, сталъ читать. За этимъ занятіемъ застала его хозяйка дома; она пришла узнать хорошо-ли онъ отдохнулъ и каково его здоровье.

Войдя она примѣтила на лицѣ его недовольство и онъ видимо неохотно отвѣчалъ ей. Вообще хотя онъ и говорилъ ей по необходимости обычныя слова привѣтствій и признательности, но она еще съ той самой минуты какъ вышла на крыльцо, чтобы пригласить его, ни разу не видала улыбки на его мрачномъ лицѣ.

Годами замѣтно онъ былъ еще довольно молодъ; но безобразно худъ, блѣденъ, черезъ мѣру бородатъ и вовсе лицомъ не красивъ и не пріятенъ; а придавалъ всѣмъ движеніямъ, словамъ и даже взглядамъ своимъ великую степенность и санови-



Общій видъ Вилюйскаго хребта въ Якутской области. Изъ собранія Р. Маака, рис. Вронскій, грав. М. Рашевскій.



Скалы Вилюйскихъ горъ въ Якутской области. Изъ собранія Р. Маака, рис. Вронскій. грав. М. Рашевскій.

тость. Эти особенности возбуждали любопытство молодой хозяйки и ей очень захотѣлось побесѣдовать съ таинственнымъ и угрюмымъ странникомъ.

Поэтому, какъ будто-бы не обращая вниманія на его нахмуренныя брови, она почтительно сѣла поодаль на диванѣ и спросила его: „хорошо-ли онъ себя чувствуетъ?“

— Очень хорошо, госпожа моя; благодарю васъ, отвѣчалъ философъ, не оставляя книги своей.

— Облегчился-ли тотъ недугъ, на который вы утромъ жаловались, стоя у нашихъ воротъ? спросила еще Мариго.

— Облегчился.

— Хорошо-ли вы почивали?

— Хорошо, еще неохотнѣе отвѣтилъ онъ.

Но Мариго все притворялась, что не замѣчаетъ его досады.

— Вы должно быть вообще очень слабы здоровьемъ? Я замѣчаю это по вашей блѣдности и худобѣ, продолжала она.

Путешественникъ на это отвѣтилъ ей мрачно и грозно.

— Нѣтъ, госпожа моя, нѣтъ! и еще разъ нѣтъ! Я худъ и блѣденъ—это справедливо, но вовсе не отъ недуговъ, а отъ чрезмѣрной учености моей. Съ раннихъ лѣтъ я постигъ великую истину, что прежде чѣмъ вступить на путь жизни дѣятельной, мудрый юноша долженъ познать всю мудрость прошлыхъ вѣковъ, сохраняемую какъ въ сокровищницѣ въ этихъ книгахъ, всюду и всегда меня сопровождающихъ. Теперь, хотя, изучивши мудрость книжную вполнѣ, я путешествую для познанія мудрости житейской, но все таки паки и паки освѣжаю свой умъ живой водою древняго любомудрія, для сохраненія незыблемой ничѣмъ твердости духа. Да, госпожа моя, я еще юнъ годами, но умомъ и познаніемъ я богатъ, я очень богатъ!!

И онъ, кончая эту рѣчь, взглянулъ на нее еще сердитѣе.

— Что же пишутъ въ вашихъ книгахъ про женщинъ? спросила Мариго.

— Все худое, отвѣчалъ мудрецъ. — Въ этихъ книгахъ перечисляется все то зло, которое сдѣлали женщины отъ сотворенія міра и до нашего времени, и изображаются ихъ пороки.— Въ этомъ согласны мудрецы всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Не женою-ли грѣхъ первородный вошелъ въ міръ? Ева соблазнила Адама. Не за красивую-ли женщину пролито столько геройской крови подъ стѣнами Иліона? Далила погубила Самсона. Омфала унизила Иракла, павшаго у ея ногъ. Іезавель и Гоѳолія потрясали основанія еврейскаго царства. Ксантина отравляла жизнь Сократа. Жены-же совратили великаго царя и мудреца Соломона и заставили его поклоняться идоламъ. И всѣхъ золъ, причиненныхъ на свѣтѣ этомъ какъ привлекательностью женщинъ, такъ и пороками ихъ; не перечесть и до вечера.—Прекрасно уподобилъ одинъ изъ древнихъ разныхъ женщинъ разнымъ животнымъ: „Одна изъ нихъ, говоритъ онъ: горда и неукротима какъ дикая кобылица; другая лукава и жестока какъ лиса или кошка; третья неопрятна, сварлива и безстыдна какъ псица... И только одна изъ десяти быть можетъ заслуживаетъ сравненія съ трудолюбивой и полезной пчелою.“

Мариго почтительно дослушала его, а потомъ вздохнула печально, и вставая съ мѣста своего сказала:

— Хотя я не знаю къ какому изъ перечисленныхъ этимъ мудрецомъ животныхъ себя, бѣдную, приравнять,—къ пчелѣ не смѣю, а къ собакѣ, къ лошади и къ кошкѣ злой и хитрой—не желаю, однако, думаю, что хоть въ одномъ уподоблюсь пчелѣ—это въ томъ, что позаботилась какъ могла объ утоленіи голода вашего и прошу васъ сдѣлать мнѣ и мужу моему честь вкусить отъ трапезы нашей въ садовомъ кіоскѣ. Пожалуйте!

Она повела его въ кіоскъ, гдѣ уже былъ приготовленъ обильный и роскошный завтракъ. Кіоскъ былъ весь обвитъ виноградомъ, кромѣ передней стѣны, по которой стлался необычайно душистый жасминъ. Вокругъ цвѣли алыя и бѣлыя розы и другіе цвѣты. Колонны кіоска были ярко раскрашены, полъ его былъ мраморный; вокругъ широкій пунцовый диванъ, а посреди кіоска билъ фонтанъ обильнымъ снопомъ ключевой воды. Мариго нарочно приказала для гостя открыть его.

На дорогой скатерти, въ первый разъ вынутой изъ сундука, стояло множество разныхъ блюдъ и напитковъ и посреди всего превосходный ягненокъ, начиненный мелкими стафидами и кедровымъ орѣхомъ.

Фрукты также были различные и черешни бѣлыя съ темными вмѣстѣ, перемѣшанныя для красы, были связаны длинными гроздями на подобіе кистей винограда.

Молодой философъ и прекрасная хозяйка кушали вмѣстѣ съ большимъ удовольствіемъ и подъ конецъ обѣда, когда уже и старое вино, вынутое нарочно для этого особаго случая изъ погреба, развеселило суроваго гостя, Мариго возобновила прежній разговоръ:

— Однако, сказала она, — не все же объ однихъ порокахъ женскихъ передаетъ намъ исторія рода человѣческаго. Были и примѣры добродѣтелей... Неправда-ли?

Мудрецъ улыбнулся и сказалъ ей на это любезно:

— Вѣдь и тотъ женоненавистникъ, который сравнивалъ женщинъ съ разными животными, уподобилъ-же нѣкоторыхъ изъ нихъ пчелѣ.—Про васъ, кирія Мариго, можно сказать двояко: по трудолюбію, по домостроительству вашему вы именно та всеполезная и драгоцѣнная пчелка, которой сей древній мужъ воздавалъ хвалу; но красотѣ-же вашей и миловидности вы, напротивъ того, подобны одной изъ этихъ восхитительныхъ и пестрокрылыхъ бабочекъ, которыя порхаютъ въ эту минуту по цвѣтущему и благоухающему Эдему вашего сада! О! кирія Мариго, какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ!!..

Мариго поблагодарила его за похвалы, стыдливо опуская глаза и, вставши, вышла поспѣшно и приказала служанкамъ скорѣе убрать со стола. Онѣ убрали и подали гостю кофе на серебряномъ подносѣ и наргиле.

Онъ сталъ курить, внимая пріятному шуму фонтана, шелесту густыхъ деревьевъ сада и веселому, кроткому пѣнію птицъ.

Мариго возвратилась скоро и снова сѣла возлѣ него, только еще ближе прежняго. Гость, казалось, былъ упоенъ блаженствомъ и безпрестанно улыбаясь, глядѣлъ на нее молча.

— Да, да! Не всѣ, не всѣ порочны!.. повторялъ онъ и еще придвинувшись къ ней, взялъ ея руку.

Мариго не отняла руки.

— О, кирія Мариго! опять воскликнулъ онъ: какъ долженъ быть счастливъ вашъ мужъ и какъ я завидую ему!..

Мариго глубоко и печально вздохнула.

— Вы вздыхаете, царица красоты?!.. Вы несчастны!?.. спросилъ онъ съ жаромъ.

— Мужъ мой очень ревнивъ и недовѣрчивъ... и даже теперь...

— Что? что теперь?! съ испугомъ спросилъ мудрецъ.

— Даже и теперь, отвѣчала Мариго, — когда мнѣ такъ пріятно съ вами—я неспокойна... Я жду его съ минуты на минуту, изъ города...

Философъ испугался; наргиле выпалъ изъ руки его; онъ всталъ съ дивана и воскликнулъ:

— Зачѣмъ же вы мнѣ не сказали прежде, что онъ вамъ запрещаетъ даже самое законное гостепріимство!!

— Нѣтъ, отвѣтила Мариго,—онъ не запрещаетъ его; но онъ недовѣрчивъ и очень гнѣвенъ и я боюсь, чтобы онъ...

Она не кончила... На дворѣ раздался конскій топотъ и громкій мужской голосъ сердито сказалъ:

— Возьмите лошадь скорѣе и поводите ее... Эй! Гдѣ вы!?

— Это онъ! Это мужъ! съ притворнымъ испугомъ прошептала Мариго — идите, идите сюда!.. Скорѣй!! Я васъ запру въ шкапъ!.. Иного спасенья нѣтъ!..

И быстро увлекши за собой въ домъ философа, она втолкнула его въ шкапъ, заперла его на ключъ и вышла.

Онъ стоялъ въ темнотѣ среди женскихъ одеждъ, со страхомъ думая о томъ, что можетъ ему предстоять; каялся въ своемъ безуміи и въ томъ, что измѣнилъ такъ неожиданно и такъ глупо своей книжной премудрости.

Но страхъ его перешелъ въ истинный ужасъ и въ совершенное отчаяніе, когда онъ услыхалъ изъ шкапа, что Мариго вводитъ сама въ эту самую комнату мужа своего и говоритъ ему:

— Вотъ видишь-ли другъ мой, ты иногда какъ будто не довѣряешь мнѣ и ревнуешь; я этого больше не желаю; я хочу чтобы ты мнѣ всегда вѣрилъ... Сегодня пріѣхалъ откуда-то издалека одинъ молодой мудрецъ, и просилъ напиться и отдохнуть.—Я пригласила его, успокоила и угостила; но онъ, злоупотребивъ правами гостепріимства, началъ ухаживать за мной и объяснился мнѣ въ любви...

— Гдѣ онъ! гдѣ онъ!.. Я его убью... закричалъ въ изступленіи мужъ.

Мариго начала просить:

— За мою вѣрность и любовь, и за то, что я такъ съ тобой откровенна, я прошу и умоляю тебя, мой другъ, не обагряй рукъ твоихъ кровью. Мы сдѣлаемъ ему только наставленіе и отпустимъ его... Обѣщай мнѣ это, и я укажу тебѣ гдѣ онъ...

— Говори, говори гдѣ онъ? кричалъ мужъ. За твою любовь и вѣрность обѣщаю тебѣ отпустить его живымъ... Но я сокрушу ему ребра... Скажи только гдѣ онъ?!.

Голосъ хозяина былъ силенъ и грозенъ, и бѣдный философъ стоялъ въ шкапу ни живъ, ни мертвъ, и возсылалъ только къ небу страстныя и слезныя мольбы.

Мариго долго уговаривала мужа, наконецъ сказала ему:

— Онъ въ этомъ шкапу... Не убивай его только до-смерти... Вотъ тебѣ ключъ... Держи.

— А! а! радостно вскрикнулъ разъяренный супругъ.

А путешественникъ въ послѣдній разъ возвелъ очи къ небу, и мысленно сказалъ:

„Боже Праведный, спаси меня!“.

— Но въ ту же минуту, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ подойти къ шкапу, раздался громкій смѣхъ Мариго, и веселый возгласъ ея:

— *Ядесъ!! ядесъ!!* Я все выдумала и солгала—въ шкапу нѣтъ никого, а ты взялъ ключъ и не сказалъ мнѣ *ядесъ*!.. Садись же сейчасъ на коня и опять скачи въ городъ и привези подарки...

— Ахъ! дьявольская хитрость женщины!.. воскликнулъ мужъ. И бросивъ ключъ на землю, закричалъ изъ окна слугамъ:

— Эй! не разсѣдлывайте коня... Я сейчасъ ѣду опять въ городъ.

И съ этими словами вышелъ и поспѣшно ускакалъ.

Какъ только все утихло, Мариго отперла шкапъ, и, выпуская оттуда полумертваго гостя, сказала ему:

— Вотъ видите, вы еще не всѣ хитрости женскія знаете, и

васъ, какъ и всякаго, умная женщина можетъ обмануть, если захочетъ.

Философъ повинился, покаялся, благодарилъ ее, и хотѣлъ было поспѣшно уѣхать, но она остановила его, говоря такъ:

— Нѣтъ, останьтесь, ужинайте и ночуйте у насъ. Скоро ночь и куда вы скроетесь, и гдѣ хорошо отдохнете въ незнакомомъ городѣ? Вѣрьте мнѣ, что мужъ мой обойдется съ вами теперь очень хорошо. Я беру все на себя... И даже мула вашего я запретила сѣдлать и выводить изъ конюшни. Вы понимать должны, что мужъ мой отъ слугъ можетъ потомъ узнать, что все-таки кто то былъ у меня спрятанъ въ шкапу, и я его тайкомъ выпустила... И тогда я довѣріе утрачу невозвратно и мы будемъ несчастливы всю жизнь нашу. А когда онъ васъ увидитъ, и я поговорю съ нимъ, то онъ будетъ мною доволенъ и станетъ смѣяться...

Напуганный философъ умолялъ ее отпустить его, но Мариго была непреклонна и рѣшительно объявила ему, что онъ плѣнникъ,—и такъ, онъ остался поневолѣ въ домѣ ждать хозяина, и смиренно молился, все сокрушаясь, и все больше и больше робѣя.

Наконецъ, раздался снова по камнямъ двора конскій топотъ. Мариго тотчасъ же снова заперла въ шкапъ полумертваго отъ ужаса гостя, сказавши ему:

— Не бойтесь, я все устрою.

И сама пошла встрѣчать мужа. Подарки были прекрасные, и всѣ слуги и служанки собрались смотрѣть ихъ и восхищались ими. Тогда, при всѣхъ нихъ, Мариго взяла за руку мужа, и ласково глядя на него сказала:

— Милый мой! мнѣ довѣріе и любовь твоя драгоцѣннѣе всѣхъ этихъ подарковъ. Я утрудила тебя и заставила для моего удовольствія усталаго второй разъ проѣхаться въ городъ. Сейчасъ я буду сама служить тебѣ за столомъ, который ужъ совсѣмъ готовъ. Но прежде я должна признаться тебѣ, что я тебя вдвойнѣ обманула. Ты бросилъ ключъ на полъ и повѣрилъ что въ шкапу никого нѣтъ, но это неправда. Тамъ и теперь запертъ полумертвый отъ страха молодой человѣкъ—путникъ, который хвастался, что никакая женщина обмануть его не можетъ, до того онъ мудръ и проницателенъ. Я нарочно задержала его до твоего пріѣзда, чтобы выиграть здѣсь, и вмѣстѣ съ тѣмъ наказать и его за самохвальство и гордость.

Мужъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ смотрѣлъ на нее. Служанки и слуги всѣ улыбались, а старшая, и болѣе смѣлая изъ прислужницъ, вмѣшалась въ дѣло и воскликнула:

— И гордиться ему нечѣмъ,—хоть и молодой, да такой плохой, худой, бородатый и страшный, что Боже упаси!..

Тогда уже всѣ служителя и служанки засмѣялись громко, и нѣкоторые сказали:

— Правда, правда, что собой онъ дурной и скверный!

Послѣ этого успокоившійся мужъ сказалъ:

— Ну, отпирай и веди его скорѣй со мной ужинать. Я ему обиды не сдѣлаю, довольно съ него стыда и страха.

Философа отперли и вывели въ залу къ хозяину дома, который, увидавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ некрасивъ и очень напуганъ, протянулъ ему дружески руку и сказалъ съ улыбкой:

— Я радъ, господинъ мой, видѣть васъ у себя въ домѣ. Милости прошу поужинать со мною, чѣмъ Богъ послалъ, и выпьемъ вмѣстѣ за здоровье всѣхъ умныхъ и добродѣтельныхъ женщинъ на этомъ свѣтѣ существующихъ!

— Да, есть женщины, которыя много мудрѣе насъ! вздыхая замѣтилъ философъ.

Они пріятно поужинали. Мариго сама весело служила имъ; они выпили оба за ея здоровье, потомъ оба пошли каждый къ себѣ и уснули спокойно; а рано утромъ, пристыженный философъ уѣхалъ, обогащенный на этотъ разъ уже не одной книжной премудростью, но и настоящимъ житейскимъ опытомъ.

Два ключа.

„...И брызнулъ на него воронъ водою живою..“
Старая сказка.

Когда, склонясь на щитъ узорный,
Сраженный витязь умиралъ,
Живой водою воронъ черный
Его кропилъ и оживлялъ, —
И витязь, полный силы новой,
Вставалъ на бой съ своимъ врагомъ,
И надвигалъ на лобъ суровый
Стрѣлой увѣнчанный шеломъ;
И снова брань его манила,
И несъ онъ смерть въ своемъ мечѣ...

Но гдѣ-жъ таинственная сила,
Что билась въ сказочномъ ключѣ?..

Тотъ ключъ изсякъ!.. Змѣею черной
Межъ насъ роится ключъ иной, —
Онъ насъ поитъ волной тлетворной,
Поитъ насъ мертвою волной...
Ахъ, еслибъ воронъ тотъ волшебный
Изъ царства радужнаго грёзъ
Въ нашъ бѣдный край воды цѣлебной,
Воды живительной принесъ!..
Пусть брызнетъ онъ живою влагой
На насъ, истлѣвшихъ мертвецовъ, —
Быть можетъ мы, горя отвагой,
Тогда возстанемъ изъ гробовъ!..

П. Гнѣдичъ.

Къ рисункамъ.

Веселый банкетъ.

(Рис. на стр. 612 и 613).

Прелестная картина Гонфера съ чрезвычайною живостью переноситъ насъ въ одну изъ изящнѣйшихъ эпохъ въ мірѣ—вѣкъ Людовика XIV. Утонченность нравовъ, изящество, вѣжливость, блескъ развились въ это время во французскомъ обществѣ въ замѣчательныхъ формахъ. При томъ могуществѣ и силѣ, которыя пріобрѣтаются въ правленіе Ришелье и Мазарини, дворъ короля дѣлается средоточіемъ пышности и величія. Знатнѣйшіе роды, по благородству крови стоявшіе не ниже короля, превращаются въ сановниковъ-придворныхъ—привлекаетъ ихъ блескъ двора. Изящество воспитанія, строгія и высокія понятія о чести господствовали въ тогдашнемъ обществѣ. Изысканность одежды все больше входитъ въ права. Версаль кипитъ изящною толпою все утро, толпою тщательно озабочивающеюся своимъ туалетомъ. Но эти же франты-дворяне летѣли и на битву какъ на балъ. Всѣ льстивы, обходительны, вѣжливы. „Все это общество, говоритъ Тэнъ, было какъ бы прелестный садъ съ изящными растеніями и тонкимъ ароматомъ, и мы, въ нашъ сѣрый, все уравнивающій вѣкъ, съ трудомъ можемъ вызвать даже о томъ передъ собою представленіе“. Нравы отличались также легкостью и свободою.

Гонферъ изображаетъ передъ нами блестящее общество того времени, за веселымъ банкетомъ, въ чудный лѣтній день, въ великолѣпномъ паркѣ. Прелестныя женщины, красивые изящные юноши, нашептывающіе комплименты хорошенькимъ сосѣдкамъ—все элегантное общество только что кончило обѣдъ и юный красавецъ-аббатъ, такой же элегантный и изящный какъ его духовныя дѣти, читаетъ какое то поученіе, по очевидно не очень строгаго содержанія, судя по милой улыбкѣ его красиваго лица и довольному и спокойному, отнюдь не мрачному, выраженію лицъ его слушателей. Всѣ, и дѣти и взрослые, занимаются каждый своимъ, и лишь у ногъ аббата, миловидная крошка протягиваетъ маленькій букетъ краснорѣчивому проповѣднику.

Ласточки.

(Рис. на стр. 617).

Еще нашъ поэтъ Г. Р. Державинъ такъ воспѣвалъ эту вѣстницу весны:

О миловидная ласточка,
О черносизая птичка,
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья пѣвичка!

Это граціозная, миловидная, первая вѣстница весны, своимъ бойкимъ, звонкимъ голоскомъ возвѣщающая ея приближеніе. Хлопотливо начинаетъ она гдѣ нибудь у окна, подъ карнизомъ, вить себѣ гнѣздышко; съ легкимъ и короткимъ крикомъ, быстро и стремительно, то взвиваясь, то устремляясь къ землѣ, носится она въ голубомъ сіяньи лѣтняго дня. И олицетвореніе Весны, выпускающей какъ бы своихъ милыхъ вѣстниковъ, проворныхъ ласточекъ, очень граціозно задумано и выполнено художникомъ.

Виды Вилюйскихъ горъ.

(Рис. на стр. 620 и 621).

Помѣщаемые здѣсь рисунки представляютъ часть горнаго хребта, не имѣющаго пока географическаго названія и лежащаго въ Вилюйскомъ округѣ. Хребетъ, достигающій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высоты около полутора тысячъ футовъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ сопокъ и гребней, фантастически-причудливой формы, въ видѣ развалинъ замковъ, рядовъ колоннъ, обелисковъ, пирамидъ, какъ видно на рисункѣ стр. 621. На другомъ же рис. изображены на дальнихъ вершинахъ эти же скалы издали. Туземцы видятъ въ подобныхъ образованіяхъ, превратившихся — въ коней - гигантовъ, духовъ своихъ, давно-умершихъ, предковъ. Живописный выступъ, извѣстный подъ названіемъ Тунгусъ Янгы (или Джангы), т. е. скала тун-

гусъ (джангы, по якутски, обнаженная сопка), по представленію мѣстныхъ тунгусовъ, есть окаменѣвшій знаменитый богатырь. Въ зимнее время покрытыя снѣгомъ, вершины Тунгусъ-Янгы, любимое пристанище бѣлыхъ куропатокъ (Tetrao lagopus), которыхъ, впрочемъ, благодаря ихъ бѣлому цвѣту, можно замѣтить только случайно, спугнувъ усѣвшуюся стаю. Коренную породу хребта составляютъ известковые пласты верхнесилурійской эпохи, почти тождественные съ отложеніями лифляндской губерніи и весьма богатые разнообразными окаменѣлостями.

Вилюйскій округъ, находящійся въ сѣверо-западной части Якутской области—это самый большой изъ пяти ея округовъ. По картѣ, составленной въ 1825 г., вскорѣ послѣ образованія округа, восточная граница его начинается на берегу Ледовитаго океана, приблизительно подъ 75° с. ш. и 151° в. д.

Вилюйскій округъ простирается съ сѣвера на югъ на двѣнадцать и съ востока на западъ на двадцать девять градусовъ. По исчисленіямъ Стрѣльбицкаго, пространство округа (съ дельтою Лены) составляетъ 20,574 кв. мили=995,494 кв. верстамъ, такъ что на пространствѣ, занимаемомъ округомъ, могли бы умѣститься Архангельская губернія и великое княжество Финляндское, а изъ европейскихъ государствъ—Германія и Франція, взятыя вмѣстѣ.

Эта обширнѣйшая территорія до настоящаго времени почти совершенно неизвѣстна, хотя для изслѣдованія ея еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія была снаряжена особая—Вилюйская—экспедиція. По разнымъ обстоятельствамъ, главнымъ образомъ, по недостатку средствъ, послѣ выхода въ свѣтъ перваго тома отчета экспедиціи (о климатѣ округа), собранный съ неимовѣрнымъ трудомъ остальной матеріалъ, до самаго послѣдняго времени, не могъ быть изданъ. Только въ минувшемъ году, благодаря Высочайшему вниманію Государя Императора, соизволившаго на отпускъ изъ казны необходимой суммы, явилась возможность продолжать изданіе. Нынѣшнимъ лѣтомъ выйдетъ изъ печати второй томъ, содержащій, кромѣ описанія маршрутовъ экспедиціи, множество рисунковъ и картъ—собранный экспедиціею богатый естественно-историческій и географическій матеріалъ. Въ будущемъ году предполагается издать третій, послѣдній, томъ, въ который войдутъ этнографическія свѣдѣнія о мѣстномъ, по преимуществу якутскомъ и тунгусскомъ, населеніи, о его бытѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, прошломъ и т. п. Для послѣдняго тома приготовлена масса рисунковъ домашней утвари, туалетныхъ принадлежностей, предметовъ, найденныхъ въ старинныхъ гробницахъ, орудій производства и разныхъ промысловъ.

Вилюйскій округъ—край своеобразный во многихъ отношеніяхъ и, главное, почти неизученный. Между тѣмъ изученіе края представляло бы, кромѣ теоретическаго интереса, практическое значеніе по отношенію къ устройству быта населяющихъ округъ якутскаго и тунгусскаго племенъ. Не смотря на относительное богатство края, на присутствіе въ немъ желѣзныхъ рудъ, богатыхъ мѣсторожденій соли, обиліе рыбы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пушнаго звѣря, на возможность земледѣлія и обширнаго скотоводства, населеніе находится почти въ первобытномъ состояніи, будучи жертвою голодовокъ, эпидемій и всяческихъ стихійныхъ напастей.

Сеидъ-Назаръ-Юзбаши.

Жители присоединившагося добровольно къ нашимъ владѣніямъ 25 янв. 1884 г. Мервскаго оазиса дѣлятся на четыре рода. Въ составъ депутаціи, явившейся къ генералу Комарову съ изъявленіемъ покорности Русскому Царю, вошли ханы всѣхъ мѣстныхъ родовъ и 24 старшины. Всеподданнѣйшая просьба была написана на татарскомъ языкѣ, на большомъ пергаментномъ листѣ и скрѣплена подписями. Послѣдовало, какъ извѣстно, Высочайшее соизволеніе и присяга мервцевъ была принята. Въ числѣ депутатовъ былъ и лихой воинъ, еще молодой старшина, Сеидъ-Назаръ-Юзбаши, который, вмѣстѣ съ другими, участвовалъ въ славномъ дѣлѣ при Кушкѣ, уже произведенный въ прапорщики милиціи, и запечатлѣлъ преданность своему Царю и вѣрность данной имъ присягѣ своею кровью: онъ палъ въ дѣлѣ 18 марта 1885 года геройскою смертью.

Прапорщикъ милиціи Сеидъ-Назаръ-Юзбаши, мервскій старшина, русскій подданный. Убитъ въ дѣлѣ при Кушкѣ 18-го марта.
По фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Императ. охотничій дворецъ и павильонъ въ с. Лисинѣ.

(Рис. на стр. 628).

Покойный Императоръ Александръ II отдавалъ особенное предпочтеніе Лисину передъ другими мѣстностями, гдѣ производились высочайшія охоты. И дѣйствительно, лисинскій лѣсъ можетъ очаровать охотника своей дѣвственной прелестью. На протяженіи цѣлыхъ десятковъ верстъ тянутся прекрасныя, смѣшанныя насажденія. Хвойныя породы въ лѣсу преобладаютъ надъ лиственными, въ особенности часто встрѣчается ель, которая, плотно сомкнувшись, образуетъ такія темныя, непроходимыя чащи, что даже становится какъ то жутко человѣку, случайно забредшему въ эти лѣсныя дебри. Для медвѣдя лисинскій лѣсъ—чистая находка; только здѣсь онъ и пользуется нѣкоторымъ покровительствомъ закона, запрещающаго жителямъ окружныхъ деревень и селъ охотиться на медвѣдей въ казенномъ лѣсу. Не смотря на то, что высочайшія охоты на медвѣдей бываютъ почти ежегодно, ихъ все-таки не убываетъ въ лисинской дачѣ.

Въ царствованіе покойнаго Императора, въ селѣ Лисинѣ построенъ охотничій павильонъ, или дворецъ, какъ называютъ его въ Лисинѣ. Въ этомъ дворцѣ останавливался покойный Государь со свитою, во время своего пріѣзда въ Лисино. Въ настоящемъ № „Нивы“ помѣщенъ рисунокъ этого маленькаго дворца, а также и другой рисунокъ лѣтняго охотничьяго павильона, о которомъ скажемъ нѣсколько словъ ниже. Убранство комнатъ зимняго павильона, или дворца, чрезвычайно просто. На стѣнахъ висятъ картины, оленьи головы съ огромными вѣтвистыми рогами, барельефы, оружіе и проч. украшенія. Въ комнатахъ разставлены чучела разныхъ дикихъ звѣрей, убитыхъ на высочайшихъ охотахъ. Между этими чучелами особенно бросается въ глаза чучело большаго медвѣдя, убитаго покойнымъ Императоромъ близь ст. Бѣлой. Въ одной изъ комнатъ дворца находится небольшая оранжерейка, убранная, какъ и прочія комнаты, въ охотничьемъ вкусѣ. Вообще внутреннее убранство дворцовыхъ комнатъ не походитъ на роскошное убранство с.-петербургскихъ дворцовъ: въ лисинскомъ дворцѣ все дышетъ деревенскою простотою.

Съ главной стороны фасада, у парадныхъ дворцовыхъ дверей сдѣлана небольшая горка, на вершинѣ которой устроена деревянная площадка, оканчивающаяся маленькою террасою. Послѣ охоты, вечеромъ, при яркомъ освѣщеніи горящихъ костровъ, у подошвы горки рядами раскладываются убитые звѣри, охотники обыкновенно выходятъ на террасу полюбоваться на свою добычу.

Лѣтній охотничій павильонъ находится въ $2\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села Лисина. Прекрасная шоссейная дорога, прямая какъ струна, разсѣкая лѣсъ, прямо упирается въ павильонъ. Въ павильонѣ двухъ-свѣтовая комната съ бревенчатыми стѣнами служитъ для кратковременнаго отдохновенія охотниковъ. Посреди комнаты стоитъ большой некрашеный сосновый столъ, вдоль стѣнъ поставлены широкія сосновыя лавки,—вотъ и все убранство лѣтняго павильона. Большая комната соединяется стеклянною галлереей съ двумя другими небольшими комнатками и кухнею. Если подняться на крытую галлерею, которая идетъ вверху вокругъ павильона и взглянуть въ сторону охотничьяго звѣринца, то съ правой стороны виденъ кабанникъ, съ лѣвой же стороны видна та часть звѣринца, гдѣ помѣщаются лани. Этихъ граціозныхъ животныхъ почти всегда можно видѣть съ галлереи павильона. Онѣ выходятъ на небольшія лѣс-

Литературный альбомъ. „Тушино“. Драма А. Н. Островскаго. „Тушинцы у стѣнъ Троицкой лавры“. (Сц. VII).
Ориг рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановскій.

ныя прогалинки и, пользуясь полнѣйшей свободой, пасутся по нѣскольку штукъ вмѣстѣ. Кабаны же, наоборотъ, никогда почти не выходятъ на полянки и скрываются по большей части въ чащѣ лѣса. Кромѣ кабановъ и ланей, въ охотничьемъ звѣринцѣ есть еще другіе звѣри, какъ напр. олени, лисицы и зайцы. Пространство лѣса, занятое охотничьимъ звѣринцемъ, довольно велико; высокій, бревенчатый тынъ, окружающій звѣринецъ, тянется на нѣсколько верстъ.

„Тушино". Драма А. Н. Островскаго.

(Рис. на стр. 625).

Для рисунка своего художникъ взялъ темою седьмую сцену прекрасной пьесы нашего драматурга „Тушино". Сцена эта изображаетъ станъ Лисовскаго подъ Троицкой Лаврой (12 окт. 1608 г.) и относится къ одному изъ славнѣйшихъ дѣлъ того ужаснаго времени—геройству иноковъ и воиновъ, защитниковъ Лавры.

Сапѣга и Лисовскій именемъ новаго Тушинскаго Самозванца Димитрія шли противъ царя Василія Ивановича и думали скоро управиться съ Троицкимъ монастыремъ, но встрѣтили геройское сопротивленіе. Приступы ихъ были отбиты, осадныя работы уничтожены. Монахи ревностно работали: одни отправляли богослуженіе, другіе готовили въ пекарняхъ пищу для воиновъ, иные день и ночь бились сами какъ воины, дѣлали вылазки, даже начальствовали надъ отрядами. Кромѣ, конечно, геройства осажденныхъ, могло быть нѣкоторое смущеніе и среди полчищъ въ станѣ Лисовскаго: русскіе вѣрующіе люди его отряда все же въ душѣ ужасались и содрогались своего дѣла. Это превосходно и выражено въ словахъ одного изъ Тушинцевъ, собравшихся у костра въ эту холодную, сырую ночь, въ виду стѣнъ Лавры, какъ изображено на нашемъ рисункѣ.

Угодники Господни (говоритъ одинъ изъ казаковъ)
Монастырю даютъ святую помощь.
Мы съ музыкой идемъ, съ гудѣньемъ, съ вопленъ,
Да пьяные... А тамъ святые старцы
Молитвою укрѣплены, постомъ,
И ратники съ благословеньемъ Божьимъ
Отпоръ даютъ со звономъ колокольнымъ.
Я сунулся да убѣжалъ. Взглянулъ:
И помертвѣлъ! Въ сіяніи небесномъ
Угодники со стѣнъ на насъ грозятся,
Святой водой кропятъ. Объятый страхомъ
Скорѣй назадъ бѣгу...

Эта толпа Тушинскихъ воиновъ, разговаривающихъ у костра, и изображена нашимъ художникомъ.

Ревень.

(Рис. на стр. 629).

Интересное и необыкновенно полезное растеніе это разводится какъ украшеніе въ паркахъ, какъ овощь въ огородахъ и какъ лекарственный корень въ большомъ количествѣ на поляхъ. Оно принадлежитъ къ числу многолѣтнихъ, переносящихъ зиму; листья его довольно велики и корень сильный, содержащій желтое красящее вещество. Разныя породы ревеня растутъ на Гималаяхъ, въ Китаѣ, въ юго-восточной Европѣ и на сѣверномъ склонѣ Тибета, въ провинціи Канфу. Единственнымъ настоящимъ лекарственнымъ ревенемъ до послѣдняго времени считали ревень эмоди или непальскій, который вывозился изъ Китайской провинціи Ганфуль. Благодаря продолжительнымъ и труднымъ изысканіямъ, предпринятымъ по приказанію императрицы Екатерины II и особенно благодаря изслѣдованіямъ д-ра Валлиха, директора ботаническаго сада въ Калькуттѣ, дознано, что отъ этого сорта произошелъ настоящій лучшій русскій ревень (Radix rhei moscoviti), мѣсторожденіе котораго умышленно прежде скрывалось бухарцами. Корни четырехъ- и шестилѣтнихъ растеній выкапываютъ въ апрѣлѣ и маѣ, очищаютъ, разрѣзаютъ на куски толщиною въ кисть руки и развѣшиваютъ для просушки. Легкій на вѣсъ корень имѣетъ своеобразный запахъ, непріятный, горькій вяжущій вкусъ, хруститъ при жеваніи на зубахъ, отъ содержанія въ немъ щавелекислой извести, и окрашиваетъ слюну въ шафранный цвѣтъ. Наше правительство заключило съ китайскимъ договоръ на торговлю ревенемъ, — онъ доставляется моремъ изъ Кантона, или сухимъ путемъ, чрезъ Кяхту и Сибирь. Какъ цѣлебное средство, ревень давно былъ извѣстенъ арабамъ; въ европейскихъ же аптекахъ сталъ употребляться не болѣе трехъ столѣтій.

Нашъ извѣстный путешественникъ полковникъ Пржевальскій, десять лѣтъ тому назадъ, нашелъ въ провинціи Канфу настоящій ревень. Онъ собралъ сѣмена и доставилъ ихъ д-ру Регелю, директору ботаническаго сада въ Петербургѣ. Тутъ растеніе принялось очень хорошо и дало цвѣты, что доказываетъ, что ревень можетъ разводиться у насъ на поляхъ. Кромѣ цѣлебныхъ свойствъ ревень считается прекраснымъ овощемъ, изъ листьевъ котораго приготовляютъ салатъ, а изъ стеблей, содержащихъ яблочную кислоту — компотъ, желе и столовое вино. Наконецъ, какъ выше сказано, ревень служитъ прекраснымъ декоративнымъ растеніемъ въ садахъ; однако въ послѣднемъ случаѣ необходимо срѣзать цвѣты, не давая образоваться сѣменамъ, съ появленіемъ которыхъ листья на растеніи становятся меньше.

Политическое обозрѣніе.

Парламентаризмъ въ Европѣ.—Громкія слова маркиза Салисбери, остающіяся безъ послѣдствій. Предстоящіе выборы во Франціи.—Значеніе колоніальной политики въ Европѣ.

Парламентская жизнь Европы представляетъ за послѣднее время очевидные факты неповоротливости громоздскаго парламентскаго механизма для удовлетворенія нуждъ быстро текущей и скоро измѣняющейся политической жизни. Функціи государственнаго и политическаго отправленій задерживаются и осложняются значительно представительствомъ, въ то время когда требуется отъ государства быстрыхъ и безповоротныхъ рѣшеній. Мало того, въ самой парламентской сферѣ появляются разлагающіеся признаки и всѣ симптомы полной неустойчивости. Въ Англіи, въ странѣ болѣе крѣпкаго парламентаризма, въ которомъ уже вѣками сложились двѣ стойко сплоченныя политическія партіи торіевъ и виговъ, уже появляются новыя фракціи радикаловъ и нео-консерваторовъ, имѣющихъ играть большую роль на предстоящихъ нынѣшнею осенью общихъ выборахъ. Въ прежнее время правительственная власть, попадая въ руки торіевъ или виговъ, тѣмъ самымъ и опредѣляла программу своихъ будущихъ дѣйствій. Нынѣ совсѣмъ не то. Парламентъ разобьется на нѣсколько мелкихъ политическихъ группъ и правительственная дѣятельность будетъ поставлена въ зависимость отъ случайно составившагося парламентскаго большинства. Нынѣшній глава англійскаго министерства, маркизъ Салисбери на принесенное ему въ Карлстонъ-клубѣ сторонниками министерства поздравленіе, сказалъ: „прежде всего мы должны остерегаться трусливой политики, которая была бы не только неблагоразумна, но могла бы даже сопровождаться роковыми послѣдствіями". Слова громки, знаменательны, но не убѣдительны. Извѣстный руссофобъ и надѣлавшій столько хлопотъ Англіи сэръ Питеръ Лемсденъ, читая недавно на торжественномъ собраніи королевскаго географическаго общества, подъ президентствомъ зятя королевы Викторіи маркиза Де-Лорнъ, не стѣснился между прочимъ высказать передъ англійской аристократіей о благотворномъ вліяніи Россіи на земли, занимаемыя туркменами. Съ другой стороны такая руссофобская консервативная газета какъ „Morning Post" уже теперь, разсуждая объ англо-русскихъ отношеніяхъ при новомъ министерствѣ, въ концѣ концовъ замѣчаетъ, что-де русскому правительству гораздо легче будетъ достигнуть соглашенія съ лордомъ Салисбери, чѣмъ съ предшествующимъ министерствомъ. Ясно, что помянутыя слова англійскаго премьера, сказанныя имъ въ Карлстонъ-клубѣ—громки, но громъ ихъ раздается въ пустомъ пространствѣ. Консерваторы видятъ, что имъ придется бороться уже не съ одними либералами, а со многими политическими фракціями, а потому консервативное правительство уже заранѣе отрѣшается отъ прямолинейной твердости и склоняется на всякаго рода уступки и компромиссы.

О парламентской жизни республиканской Франціи и говорить нечего. Тамъ бушующее народное представительство, съ дикими возгласами одичалыхъ радикаловъ и „непримиримыхъ", представляетъ нѣчто такое измѣнчивое и неустойчивое, что еще нужно удивляться, какъ могутъ управлять страною быстро мѣняющіяся министерства и вести какую либо политику. Еще при жизни энергичнаго Гамбетты разношерстная республиканская партія группировалась около этого талантливаго адвоката и имѣла силы разбить замыслы противниковъ, умѣвшихъ отуманить бывшаго президента республики, маршала Макъ-Магона; но въ настоящее время эта партія, лишенная вождя, не имѣя талантовъ, разбивается на нѣсколько ничтожныхъ группъ, преслѣдующихъ еще болѣе ничтожныя политическія цѣли. Нынѣшнею осенью, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, предстоятъ общіе выборы. Любопытно будетъ знать какимъ языкомъ заговоритъ эта новая палата Франціи и изъ чего составится пресловутое „парламентское большинство". Хорошо если умѣренные республиканцы соединятся съ монархистами, но а что если крайнимъ республиканцамъ придется соединиться „съ непримиримыми", т. е. съ группою революціонеровъ—что тогда будетъ представлять изъ себя страна, руководимая такимъ парламентскимъ большинствомъ.

Чтобы еще болѣе видѣть признаки нынѣшняго парламентаризма, напомнимъ, что колоніальная политика почти одновременно сбила съ позиціи три министерства въ Европѣ: Ферри — во Франціи, Гладстона — въ Англіи и Депретиса — въ Италіи. Но колоніальная политика не есть результатъ кабинетнаго измышленія, а слѣдствіе безповоротной необходимости. Густо населенная Европа должна прокармливать населеніе фабричною и заводскою промышленностью, которая изъ года въ годъ растетъ и нуждается все въ большихъ и большихъ рынкахъ сбыта. Поиски за этими рынками въ дальнихъ колоніяхъ

ставляютъ необходимость не для одной только Англіи, какъ это было прежде, а для всѣхъ государствъ Европы. Необходимы они для Германіи, необходимы они и для насъ, хотя какъ въ Германіи, такъ и у насъ, колоніальная политика служитъ укрѣпленіемъ правительственной власти, а не ея расшатываніемъ, какъ это обнаружилось въ Англіи, Франціи и Италіи. Нашлись и въ Германіи близорукіе представители народа, неоднократно пытавшіеся тормозить колоніальную политику князя Бисмарка; но въ рукахъ государственнаго канцлера правительственная власть не очень то смущается парламентскою оппозиціею и ведетъ дѣла на пользу страны, помимо прихоти и капризовъ парламентскаго большинства.

Смѣсь.

Общественный денежный шкафъ. Между прочими приспособленіями для обезпеченія цѣнностей отъ воровъ, городъ Санъ-Франциско устроилъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ называемый общественный денежный шкафъ. Онъ сдѣланъ изъ 30 склепанныхъ стальныхъ пластинокъ и занимаетъ пространство въ 430 кубическихъ метровъ, которое раздѣлено на четыре тысячи маленькихъ шкафчиковъ, отдаваемыхъ въ наемъ благонадежнымъ жителямъ города. Гигантскій шкафъ помѣщается на землѣ въ большомъ зданіи, стѣны котораго состоятъ изъ гранита, кирпичей, цемента, желѣза и стекла. Стѣны самаго шкафа не могутъ быть взломаны, такъ какъ пробить ихъ можно только буравомъ съ алмазнымъ наконечникомъ, между тѣмъ инструментъ этотъ работаетъ очень медленно и производитъ шумъ, почему и не можетъ быть примѣнимъ. Общественный шкафъ имѣетъ два входа, каждый изъ которыхъ запирается тремя двойными желѣзными дверьми, каждыя въ 15 сантиметровъ толщины. Обѣ внутреннія двери имѣютъ потайные замки, для открытія которыхъ требуется всякій разъ присутствіе двухъ сторожей, изъ которыхъ каждый знаетъ слово, открывающее его замокъ. Сообщеніе слова товарищу строго запрещено. Но на случай внезапной смерти сторожа, что повлекло бы за собою невозможность открыть шкафъ, каждый изъ привратниковъ пишетъ свое слово и въ запечатанномъ конвертѣ передаетъ его въ банкъ. Въ случаѣ смерти сторожа конвертъ передается для вскрытія директору компаніи общественнаго шкафа. Четыре сторожа внутреннихъ дверей еще потому не могутъ войти ни въ какое преступное соглашеніе, что наружныя двери остаются закрытыми до тѣхъ поръ, пока засовы ихъ не ослабятся часовымъ механизмомъ, поставленнымъ внутри. Выпускъ же сторожей допускается только въ опредѣленные часы. Наконецъ преднамѣренное вскрытіе денежнаго шкафа не принесло бы никакой пользы ни четыремъ сторожамъ, ни директору, такъ какъ отдѣльные шкафики запираются нанимателями своими потайными замками. Замокъ же спрятанъ за желѣзной дверью, которая въ свою очередь можетъ быть открыта только однимъ изъ служащихъ въ обществѣ. Такой служащій сопровождаетъ нанимателя всякій разъ, когда тотъ вкладываетъ что либо въ свое отдѣленіе или вынимаетъ оттуда. Плата за отдѣленіе сообразна его величинѣ и колеблется между 40 и 400 руб. въ годъ.

Пепелъ Цезаря. Въ Римѣ недавно сдѣлана важная археологическая находка. При выкапываніи земли подъ новое зданіе внутри Порта Саларіа, рабочіе наткнулись на подземную гробницу, въ которой находилось семь мраморныхъ ящиковъ съ пепломъ. По надписямъ на ящикахъ оказалось, что это гробница семьи Лицинія. Рабочіе, проникшіе подъ своды, нашли бронзовую статую въ 2 фута вышины и это заставило ихъ умолчать о всей находкѣ, съ цѣлью продать статую, что имъ дѣйствительно и удалось. Она была куплена русскимъ собирателемъ древностей за 6000 франковъ, но стоитъ по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе. Когда наконецъ владѣлецъ земли, синьоръ Марэни узналъ о находкѣ гробницы и пришелъ осмотрѣть ее, онъ нашелъ всѣ ящики вскрытыми. Находившіяся въ нихъ урны, между которыми одна изъ восточнаго алебастра, также были всѣ вскрыты и исчезли. Гдѣ пепелъ, который находился въ этихъ памятникахъ? спросилъ г. Марэни. Рабочіе очень удивились вопросу и наконецъ одинъ изъ нихъ сознался, что въ урнахъ дѣйствительно былъ пепелъ, очень бѣлый, который онъ забралъ и отослалъ своей женѣ на щелокъ, не предполагая, чтобы пепелъ этотъ имѣлъ какую нибудь цѣнность. Такимъ образомъ пепелъ Цезаря, Луція, Кальпурнія, Пизо и другихъ римскихъ благороднѣйшихъ патриціевъ, пролежавъ въ землѣ болѣе восемнадцати столѣтій. употребленъ прачкой на щелокъ.

Интересныя свѣдѣнія доставлены о находящихся въ области тропиковъ бразильскихъ телеграфныхъ линіяхъ, длина которыхъ составляетъ около 14,000 километровъ. О трудностяхъ постройки и содержанія этихъ линій въ Европѣ не имѣютъ никакого понятія. Для большинства проводовъ приходилось пробивать путь въ первобытныхъ лѣсахъ, осушивать громадныя болота, протягивать ихъ надъ бурными рѣками и морскими заливами. Въ сырой тропической атмосферѣ гніютъ деревянные столбы и ржавѣютъ проволоки, или же вслѣдствіе 6—8 мѣсячной засухи столбы раскалываются. При быстромъ охлажденіи воздуха во время солнечнаго заката рвутся проволоки и лопаются фарфоровые изоляторы. Не смотря на всѣ усилія досмотрщиковъ, сильная тропическая растительность, разростаясь, покрываетъ проводы. Разныя животныя подкапываютъ столбы, которые падаютъ, если ихъ во время не исправить; многочисленныя породы обезьянъ постоянно путаютъ проволоки. Порча линій птицами двоякаго рода. Нѣкоторыя птицы любятъ устраивать гнѣзда наверху столбовъ и съ необыкновенною скоростію покрываютъ ихъ сырой глиной или гнѣздами, сдѣланными изъ прутиковъ, травы и перьевъ. При этомъ закрываются не только верхушки столбовъ, но также изоляторы и проволоки, отчего послѣднія въ сырую погоду приводятся во взаимное соприкосновеніе. Второй родъ поврежденія птицы наносятъ пролетая большими стаями вечеромъ послѣ солнечнаго заката, причемъ, не видя проволокъ, онѣ зацѣпляются въ нихъ, рвутъ и путаютъ. Массы насѣкомыхъ, какъ то: пчелы, осы, шершни и муравьи также причисляются къ врагамъ телеграфовъ въ Бразиліи. Многіе виды осъ строятъ свои гнѣзда внутри изоляторовъ, подобно тому какъ европейскія ласточки помѣщаютъ свои гнѣзда подъ крышами домовъ. Непримиримыми, постоянными врагами телеграфовъ считаются муравьи и термиты. Во время роенія миріады ихъ переходятъ съ одного мѣста на другое и покрываютъ цѣлыя мѣстности своими постройками, достигающими $1^1/_2$ арш. вышины. Гнѣзда эти соединяются съ сосѣдними гнѣздами и деревьями крытыми ходами или глиняными трубами, имѣющими 30 сантиметровъ въ поперечникѣ. Если на пути встрѣчаются телеграфные столбы, то эти трубы выводятся по столбамъ и покрываютъ ихъ и изоляторы родомъ кругловатыхъ глиняныхъ куполовъ въ одинъ метръ въ поперечникѣ. Чѣмъ гнѣзда старше, тѣмъ они крѣпче; иногда для разрушенія ихъ необходимо прибѣгнуть къ помощи топора. Между многочисленными породами пауковъ, большой черный крестовый паукъ съ рубиноваго цвѣта пятномъ на спинѣ, разбивающій паутину цѣлымъ обществомъ, наноситъ большой вредъ телеграфу. Толстыя какъ веревки паутины, соединяющія гнѣзда, покрываютъ зачастую проволоки и во время дождя или тумана отвлекаютъ электричество. Но наибольшій вредъ бразильскіе телеграфы испытываютъ во время тропическихъ бурь. Электрическое напряженіе и разряженіе бываютъ такъ сильны, что при этомъ лопаются изоляторы, проволоки и столбы, хотя на постройку этихъ линій берутъ самый лучшій матеріалъ.

Нѣсколько словъ о глицеринѣ. Присутствіе глицерина въ жирахъ вообще было обнаружено въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія (въ 1779 году) химикомъ Шелемъ, во время приготовленія свинцоваго пластыря. Прежде, глицеринъ имѣлся какъ рѣдкость въ лабораторіяхъ и коллекціяхъ химиковъ; теперь же. его добываютъ въ громадномъ количествѣ, отчасти на мыловаренныхъ и свѣчныхъ заводахъ, отчасти на особыхъ фабрикахъ, спеціально занимающихся вывариваніемъ глицерина изъ разныхъ жировъ, посредствомъ сильнаго нагрѣванія.

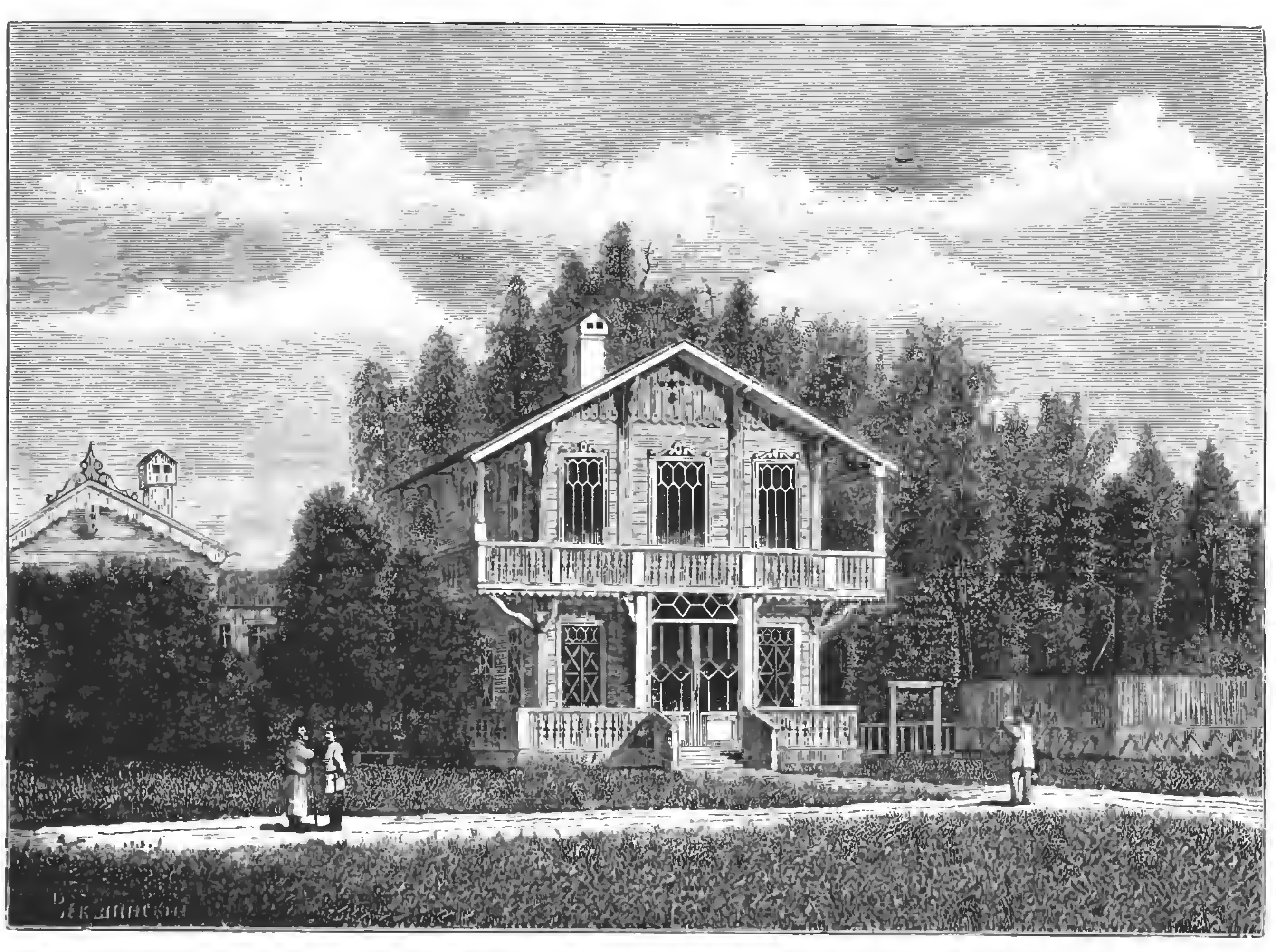
Въ продажѣ имѣется нѣсколько сортовъ глицерина: низшій сортъ—неочищенный, и высшіе—очищенные, посредствомъ одной или двухъ перегонокъ. Глицеринъ представляетъ безцвѣтную, сиропообразную жидкость, пріятнаго, сладкаго вкуса; составныя части его—водородъ, кислородъ и углеродъ; удѣльный вѣсъ—1,28. Глицеринъ обладаетъ свойствомъ растворять многія жидкости, не оказывая на нихъ при этомъ никакого инаго вліянія, а самъ растворяется въ водѣ и въ спирту; глицеринъ не испаряется ни при какихъ условіяхъ; кипитъ только при температурѣ свыше 200° и не замерзаетъ даже при 40° мороза; кромѣ того, находясь въ сыромъ мѣстѣ, онъ обладаетъ свойствомъ притягивать къ себѣ спиртъ; при сильномъ же нагрѣваніи его, образуется акреолинъ—летучее и весьма ѣдкое вещество съ тяжелымъ. сильнымъ запахомъ.

На основаніи перечисленныхъ качествъ, глицеринъ находитъ самое разнообразное примѣненіе въ различныхъ отрасляхъ промышленности, въ медицинѣ и хозяйствѣ. Фабриканты обоевъ, бумаги и матерій употребляютъ глицеринъ для смягченія красокъ и приданія имъ большей прочности. Дрогистъ извлекаетъ съ помощью глицерина пахучія вещества изъ смолы и растеній, а скульпторъ примѣшиваетъ его къ глинѣ, чтобы дольше сохранить ее въ сыромъ видѣ. Ткачи, работающіе кисею и тюль, смазываютъ нитки особымъ клеемъ, приготовленнымъ изъ глицерина, и никогда не засыхающимъ, что даетъ имъ возможность работать въ свѣтломъ и сухомъ помѣщеніи, тогда какъ прежде они обречены были на жизнь въ сырыхъ подвалахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта. Въ живописи, глицеринъ играетъ видную роль, растворяя анилиновыя краски и ализаринъ, добываемый изъ марены. Съ помощью глицерина приготовляется лучшій сортъ копировальныхъ чернилъ, а изъ смѣси его съ глиной получается каучуко-образная масса, съ успѣхомъ употребляемая для отпечатыванія клеймъ, штемпелей и т. п. Въ хозяйствѣ, глицеринъ оказываетъ пользу тѣмъ, что вопервыхъ предохраняетъ отъ порчи варенье, желе, сиропы и другіе домашніе запасы, а во вторыхъ сохраняетъ въ сыромъ видѣ: табакъ, горчицу, сыръ и другія вещества, которыя, высыхая, теряютъ свои достоинства.

Дворецъ Альберта въ Лондонѣ. Число роскошныхъ помѣщеній въ Лондонѣ, предназначенныхъ для развлеченій публики, увеличилось еще однимъ, а именно дворцомъ Альберта, расположеннымъ въ Баттерси. Онъ посвященъ, главнымъ образомъ, какъ и Хрустальный дворецъ въ Сиденгамѣ, музыкѣ и другимъ изящнымъ искусствамъ. Онъ заключаетъ въ себѣ концертную залу, длиною въ 157 и шириною въ 118 футовъ, снабженную однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ органовъ, картинную галлерею, нѣсколько художественныхъ коллекцій, и окруженъ большимъ, прекраснымъ садомъ.

Продажа виллы Сары Бернаръ. У Сары Бернаръ есть великолѣпная вилла въ Сентъ-Адресъ. Артистка не будетъ уже болѣе

Императорскій охотничій дворецъ въ с. Лисинѣ, бл. СПБурга. Ориг. рис. съ натуры А. Векшинскаго, грав. М. Рашевскій.



Лѣтній Императорскій павильонъ въ с. Лисинѣ, бл. СПБурга. Рис. съ натуры А. Векшинскій, грав. М. Рашевскій.

жить въ прелестномъ уголкѣ, который оставилъ въ ней много воспоминаній. Продажа его производится по собственной волѣ Сары Бернаръ, и на дняхъ въ Гаврѣ, въ аукціонной залѣ, будутъ продаваться картины, фарфоръ, статуи и другіе предметы рѣдкостей, украшавшіе прежде виллу.

Куриная эпидемія. Курица принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу самыхъ безвредныхъ созданій, а между тѣмъ, по наблюденіямъ профессора Нокара, она можетъ причинить даже смерть человѣку, заразивъ его чахоткою. На одной фермѣ во Франціи, въ окрестностяхъ Альфора, между курами появился родъ эпидеміи, отъ которой онѣ умирали одна за другою. Оказалось, что на фермѣ одинъ изъ работниковъ былъ чахоточный, а чахоточные, какъ извѣстно, часто плюютъ, куры прожорливы, и т. д. Конечно, куры въ свою очередь могли бы передать опять болѣзни человѣку, такъ какъ, если мясо рогатаго скота подвержено строгому санитарному осмотру, то мясо домашней птицы не подвергается никакому наблюденію, и это слѣдовало-бы принять къ свѣдѣнію.

Страсть къ морфію такъ распространилась между дамами, что парижскіе медики находятъ нужнымъ обратиться къ нимъ съ слѣдующимъ предостереженіемъ: частое употребленіе морфія ведетъ къ потерѣ волосъ, ногтей и зубовъ. Это констатировано теперь сотнями примѣровъ. Быть можетъ слѣдующія слова повліяютъ на женское кокетство. Мужчина можетъ влюбиться въ женщину, остающуюся нѣсколько похожею на ребенка; но никогда не видали, чтобы мужчина влюбился въ женщину, у которой, какъ у малаго ребенка, нѣтъ ни волосъ, ни зубовъ.

Ревень пальмовидный (Rheum palmatum). По фотогр. грав. Флюгель.

Могила Александра Великаго. Знаменитый археологъ Шлиманъ намѣренъ провести будущую зиму въ Египтѣ и заняться отысканіемъ могилы Александра Великаго. Трупъ великаго македонянина, умершаго въ маѣ или іюнѣ 323 до Р. Х. (день его смерти съ точностію не извѣстенъ) въ Вавилонѣ, былъ похороненъ Птоломеемъ, съ чрезвычайною торжественностію, въ золотомъ гробѣ, въ Александріи. Гробница Александра Великаго была весьма хорошо извѣстна еще въ концѣ римскаго владычества и неоднократно посѣщалась различными императорами, но со времени сельджуковъ она была предана забвенію. Шлиману предстоитъ теперь рѣшить— была ли она совершенно разрушена, или только разграблена.

Рѣдкостное писаніе. Въ Мюльгеймѣ написано настоящее изящное и рѣдкостное произведеніе стенографіи. Тамошній стенографъ на визитной карточкѣ въ 67 миллиметровъ вышины и 94 миллиметра ширины сумѣлъ написать 6.352 слова.

Жертвы трихинъ. Недавно былъ случай отравленія трихинами въ Веттфильдѣ, въ штатѣ Мичиганъ, въ Сѣверной Америкѣ. Проживающее тамъ семейство Тюра закололо свинью, которая одно время передъ этимъ была больна, но которую считали здоровою, когда ее собирались рѣзать. Восемь человѣкъ съѣли мясо этого животнаго и черезъ недѣлю всѣ заболѣли болѣзнью съ одними и тѣми же симптомами. Джонъ Тюра, 18 лѣтъ отъ роду, былъ первою жертвою отравленія, а за нимъ умерли и остальные четыре члена семейства: Теодоръ Тюра, отецъ и сестра его Мери съ дочерью. Свиное мясо было отослано къ врачамъ для изслѣдованія, послѣ котораго оказалось, что оно кишѣло трихинами.

Задача буквъ № 21.

				1	2	3				
			4	5	6	7	8			
	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
	18	19	20	21	22	23	24	25	26	
	27	28	29	30	31	32	33	34	35	
36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46
47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57
58	59	60	61	62	63	64	65	66	67	68
69	70	71	72	73	74	75	76	77	78	79
	80	81	82	83	84	85	86	87	88	
	89	90	91	92	93	94	95	96	97	
	98	99	100	101	102	103	104	105	106	
			107	108	109	110	111			

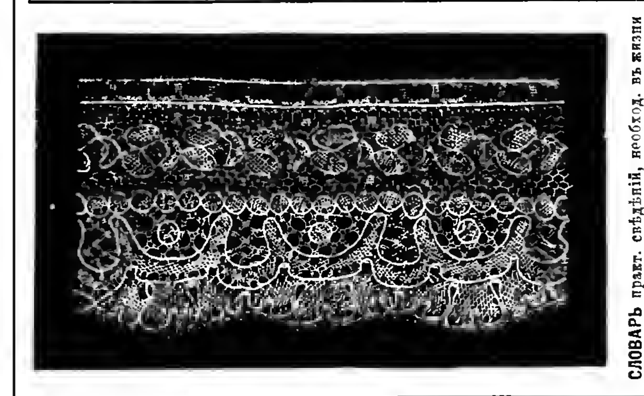
Найти 22 слова. Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, такъ чтобы получился отрывокъ произведенія извѣстнаго русскаго писателя.

1) Городъ въ Италіи—9, 34, 36, 84, 77.
2) Пресмыкающееся—31, 13, 105, 40.
3) Листв. дерево—38, 4, 50, 64.
4) Племя въ Африкѣ—78, 19, 7, 87, 54, 92.
5) Буква церк. слав. азбуки—49, 22, 58, 90.
6) Матерія—103, 95, 71, 18, 2.
7) Судоходная рѣка въ Европѣ—67, 43, 11, 70, 93.
8) Гаданіе—15, 111, 6, 53, 51, 29, 82, 99.
9) Женское имя—47, 32, 104, 55.
10) Дорожный знакъ—76, 45, 1, 12.
11) Нота—21, 30.
12) Полуостровъ Европы—44, 24, 16, 57, 83.
13) Сладкое вещество—73, 35, 23, 66.
14) Хвойное дерево—65, 26, 85, 56, 28.
15) Преступникъ—52, 59, 80, 81.
16) Птица—20, 79, 107, 62, 108, 100, 33, 72, 98, 74.
17) Лѣсное пространство—3, 10, 60, 27, 109.
18) Мѣра вѣса—101, 8, 94, 42.
19) Скопленіе воды—86, 5, 88, 102.
20) Славянинъ—75, 46, 96, 61, 48.
21) Часть лошади—63, 69, 17, 91, 97.
22) Миѳолог. герой—110, 37, 25, 41, 68, 89, 106, 39, 14.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городск. и иногородн. подписч., которые внесли деньги только за **первое полугодіе**, поторопиться возобновленіемъ подписки на **второе полугодіе**. Въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ прекращена **съ слѣдующ. №**, при чемъ гг. подписчики потеряютъ право на полученіе преміи, **большой картины Профессора В. И. Якобія „ВѢНКИ“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ**. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**



СЛОВАРЬ практ. свѣдѣній, необход. въ жизни всякому, съ рисунками (въ 4 и 5 вып. 112 рис.). Изданіе **Д-ра Симонова** (Милліонная, 28). Вышли 4-й и 5-й вып. **ПОДПИСКА 7 р.** (пересылка 1 р.). № 1189

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

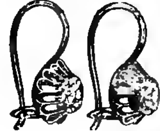
ИСКУССТВЕННЫЕ

БРИЛЛІАНТЫ

въ золотой, 14 каратн. оправѣ (ничѣмъ не различающіеся отъ настоящихъ, весьма эффектные). Пересылка послѣдуетъ **франко**, только по полученіи стоимости ассигнаціями.

8 рублей.

КАРЛЪ ГОЛЛЬ (Holl) ювелиръ
Штутгартъ (Германія). R. № 1007



Пара 7 рублей.

Единственная на югѣ Россіи спеціальная мастерская прачешныхъ машинъ, усовершенствованныхъ многолѣтнею практикою (мастерская сущ. съ 1875 г.). **Употребленіе** ихъ самое упрощенное, приспособлены для семействъ и большихъ прачешныхъ заведеній. Прошу не представлять чѣмъ либо въ родѣ американокъ. Катки давленіе до 40 пуд. Цѣна и вѣсъ съ упак. 20 р., 2 п. 10 ф. Мойки могутъ мыть даже кружева, тюль, газъ и пеньковые половики 15 р. 2 п., выжимки 10 р., 20 ф. Также имѣю всегда готовыми токарные станки въ 35, 45, 60 и 75 р. Конторскіе счеты 7 р., бухгалтерскіе 10 р. Иногор. могутъ выписывать съ налож. платежомъ, высылая задатка 20%. **Харьковъ, Екатер. ул. № 13. Николай Ивашёвъ.** № 1046 10—6

Покровская женская гимназія Министерства Народнаго Просвѣщенія

(съ восьмымъ педагогическимъ классомъ) симъ объявляетъ, что отъ желающихъ помѣстить пансіонерокъ принимаются заявленія въ Канцеляріи **Государыни Великой Княгини Александры Петровны** (Вас. Остр., 4 линія, домъ № 21). Приходящія платятъ по 60 руб. въ годъ; полныя пансіонерки по 220 руб. въ годъ и 30 руб. единовременно при поступленіи; желающія обучаться музыкѣ платятъ особо по 50 руб. въ годъ, считая въ этой суммѣ и учебныя пособія. Преподаваніе латинскаго языка безплатное. Дочери священно- и церковнослужителей пользуются уроками музыки безплатно. № 1194

Поступила въ продажу **седьмымъ** изданіемъ

АЗБУКА-КОПѢЙКА

Мt. № 1177 **Ф. Павленкова.** 3—2
112 стр. съ 100 рисунками. **Цѣна 1 коп.**

ЧАЙ ПАРАГВАЙСКІЙ „МАТЕ“

(JLEX PARUGUNIENSIS).

Составными частями превышающій чай китайскій и кофе. Отличнѣйшій напитокъ для ежедневнаго употребленія, пріятный, здоровый, питательный и нераздражающій организма,—а напротивъ успокаивающій его. Въ особенности незамѣнимый въ болѣзняхъ для слабонервныхъ и младшаго возраста.

Можно получить въ главныхъ складахъ: **въ Варшавѣ, по Маршалковской улицѣ, № 122,** въ винно-колоніальномъ магазинѣ **Вл. Новицкаго,—въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, № 100,** въ чайномъ магазинѣ **Петра Орлова и въ Москвѣ, на Большой Лубянкѣ, № 121,** въ чайномъ магазинѣ **Петра Орлова.** По цѣнамъ: за **№ 1-й, 1 р. 20 к.**; за **№ 2-ой 80 к.** и за **№ 3-й** (мелкій въ порошкѣ) **80 к.** за фунтъ.

Гг. иногородные, выписывающіе по почтѣ, на пересылку должны прилагать портовыя деньги по разстоянію и почтовому тарифу, но **въ двойномъ** размѣрѣ. № 1183 3—2

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆ПОЛУ-СУХОЕ.◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

РОЗОВОЕ ГУСТОЕ. РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

ИЗВѢСТНОЙ ФАБРИКИ ВЪ РОССІИ И ЗАГРАНИЦЕЙ

Н. П. ЛАНИНА,

№ 4000

въ Москвѣ, Софійская набережная, соб. домъ.

ЗА „РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ“, ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ Н. П. ЛАНИНУ БЫЛИ ПРИСУЖДЕНЫ СЛѢДУЮЩІЯ НАГРАДЫ:

1. НОВАЯ ВЫСШАЯ НАГРАДА на Одесской выставкѣ 1884 года: ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ съ правомъ ходатайства на награжденіе

ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ГЕРБОМЪ

ВСЕРОССІЙСКІЯ НАГРАДЫ:		ИНОСТРАННЫЯ НАГРАДЫ:	
2. Серебряная медаль	1852 г.	1. Филадел. выстав. медаль	1876 г.
3. Серебряная медаль	1860 „	2. Филадел. выстав. медаль	1876 „
4. Похвальный отзывъ	1864 „	3. Париж. выст. поч. отз.	1878 „
5. Серебряная медаль	1865 „	4. Амстердам. выст. медаль	1883 „
6. Серебряная медаль	1869 „	5. Бостов. выст. почет. дипл.	1883 „
7. Медаль	1870 „		
8. Золотая медаль	1872 „	ДВѢ ПРИВИЛЕГІИ:	
9. **Высочайшая благодарность**	1875 „	1. Съ 1863 г. по 1873 г.	
10. Золотая медаль	1882 „	2. Съ 1872 г. по 1882 г.	

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ „ИМПЕРАТОРСКОЕ“

приготовлено **изъ чистаго русскаго виноградного вина, и нисколько не уступаетъ лучшимъ французскимъ маркамъ. 1 р. 50 к. за бутылку.**

Кромѣ того поступили въ продажу еще новые четыре сорта РУССКАГО ШАМПАНСКАГО „ИМПЕРАТОРСКАГО“:

1) **ПОЛУ-СУХОЕ** (Demi sec. «England» à la Cliquot).
2) **ОЧЕНЬ СУХОЕ** (Extra sec. à la Pommery).
3) **РОЗОВОЕ ГУСТОЕ** (Oeil de Perdrix à la Roederer).
4) **РОЗОВОЕ СВѢТЛОЕ** (à la Cliquot).

ПО 2 Р. ЗА БУТ.

Всѣ вышеозначенные сорта можно имѣть ящиками въ 60, 30, 15, и 10 бут.

NB.—**ПРОСЯТЪ ИЗБѢГАТЬ ПОДДѢЛОКЪ.**

◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆ОЧЕНЬ СУХОЕ.◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆◆

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Романъ-хроника XVIII вѣка.
ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 коп.; въ каленк. переплетѣ 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПРИГЛАШАЮТЪ

для банковыхъ дѣлъ агентовъ въ провинціи на выгодныхъ условіяхъ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, **Генриху Блоикъ,** Невскій 51. № 1174 8—2

ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ УТВЕРЖДЕННОЕ

СПРАВОЧНОЕ БЮРО

„Н. ДОНИЧЪ“

МОСКВА, Софійка, прот. Лубян. пассажа.

ЗАЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТ. И ВЫДАЮТСЯ СПРАВКИ: О ПРОДАЖѢ, ЗАЛОГѢ, АРЕНДѢ, ПОКУПКѢ НЕДВИЖИМОСТИ И ДВИЖИМОСТИ; О КАПИТАЛАХЪ ПОДЪ ЗАЛОГЪ НЕДВИЖИМ. И ДВИЖИМОСТИ.

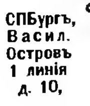
ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ВО ВСѢ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ПО ЦѢНАМЪ РЕДАКЦІЙ; ПОСТОЯННЫМЪ КЛІЕНТАМЪ ДѢЛАЕТСЯ УСТУПКА.

ВСѢ ДѢЙСТВІЯ „СПРАВОЧНАГО БЮРО“ БЕЗЪ КОММИССІОНЕРСТВА.

R. № 1193

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ

СПБургъ, Васил. Островъ 1 линія д. 10,



Москва, Мясницкая, д. Сытова,

сдѣлало большой запасъ: плуговъ, боронъ, сѣялокъ, жней, косилокъ, молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ, соломорѣзокъ, сѣнныхъ прессовъ и пр. **и доводитъ до всеобщ. свѣдѣнія, что оно, несмотря на вновь установлен. пошлину на земледѣльч. машины, продаетъ таковыя впродолженіи всего 1885 г. безъ повышенія цѣнъ**—такъ напр. знаменитую жнею Джонстона „Тріумфъ“ по 300 р., косилки по 200 р., кон. грабли Тигръ по 75 р. и т. д. Новый иллюстр. каталогъ земледѣльч. машинъ, насосовъ. и пожарн. трубъ высылается за 21 коп. марками. № 1166 4—2

С.-Петерб., Вас. Остр. 1 линія, № 10, Москва, Мясницкая, д. Сытова.

ПАРКЕТЪ дубовый и сосновый, шпунтовые полы, двери, оконныя рамы, полная столярная отдѣлка домовъ съ доставкою, установкою на мѣсто и отвѣтственностью за сухость и прочность.

ИЗДѢЛІЯ изъ дуба и сосны для ж. д.

Письменно обращаться въ Коптарскіе паровые, лѣсопильный и столярно-паркетный, заводы на Волгѣ, г. Чебоксары, Каз. губ.

Телеграммы: **„Коптарскіе заводы“.**

Контора и складъ въ Москвѣ: Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Зворыкиной.

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны, герцогини Эдинбургской,

БРОКАРЪ и К°.,

въ Москвѣ.

ИЗОБРѢТАТЕЛИ

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА.

ПРЕДПОЧИТАЕМОЕ ПУБЛИКОЮ

ГЛИЦЕРИНО

ВОЕ МЫЛО.

St. № 1185 **Прейсъ-куранты высылаются безплатно.** 3—1

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Ручн. и ножн. Зингеровскія швейныя машины, которыя кромѣ извѣстныхъ работъ **выметываютъ петли, вышиваютъ и шьютъ чрезъ край.** Подробный прейсъ-курантъ и пробныя петли высылаются безплатно. Р. № 1125 6—6

А. ШТЕЙНЪ

С.-Петербургъ, Большая Морская № 26.
Большой выборъ обыкнов. швейн. машинъ дешеваго и лучшаго достоинства.

Для провинцій и дачъ незамѣнимъ

ЕДИНСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМЪ,
ЗАМѢНЯЮЩІЙ ВАТЕРКЛОЗЕТЪ,
непортящійся отъ мороза.

Цѣна 12 рублей сер.

Иллюстрированныя объявленія высылаются безплатно.

П. БАРУЛИНЪ.

СПБ. Симеоновскій пер., д. № 3, кв. № 22. № 1180

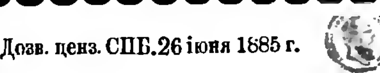
ПРИВИЛЛЕГИРОВАННЫЙ
№ 1191 РУССКО-УРАЛЬСКІЙ 10—1

КОПИРОВАЛЬНЫЙ ПРЕССЪ.

Для формата почтов. бумаги 2 р.
„ „ писчей „ „ 3 „

Пересылка за 3 ф.

И. Ф. ГАГАРИНЪ. Екатеринбургъ.
(Подробности см. 26 № „Нивы“.)


Дозв. ценз. СПБ. 26 іюня 1885 г.

Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяческая, д. № 1.
Изданіе А. Ф. Маркса въ СПБургѣ.